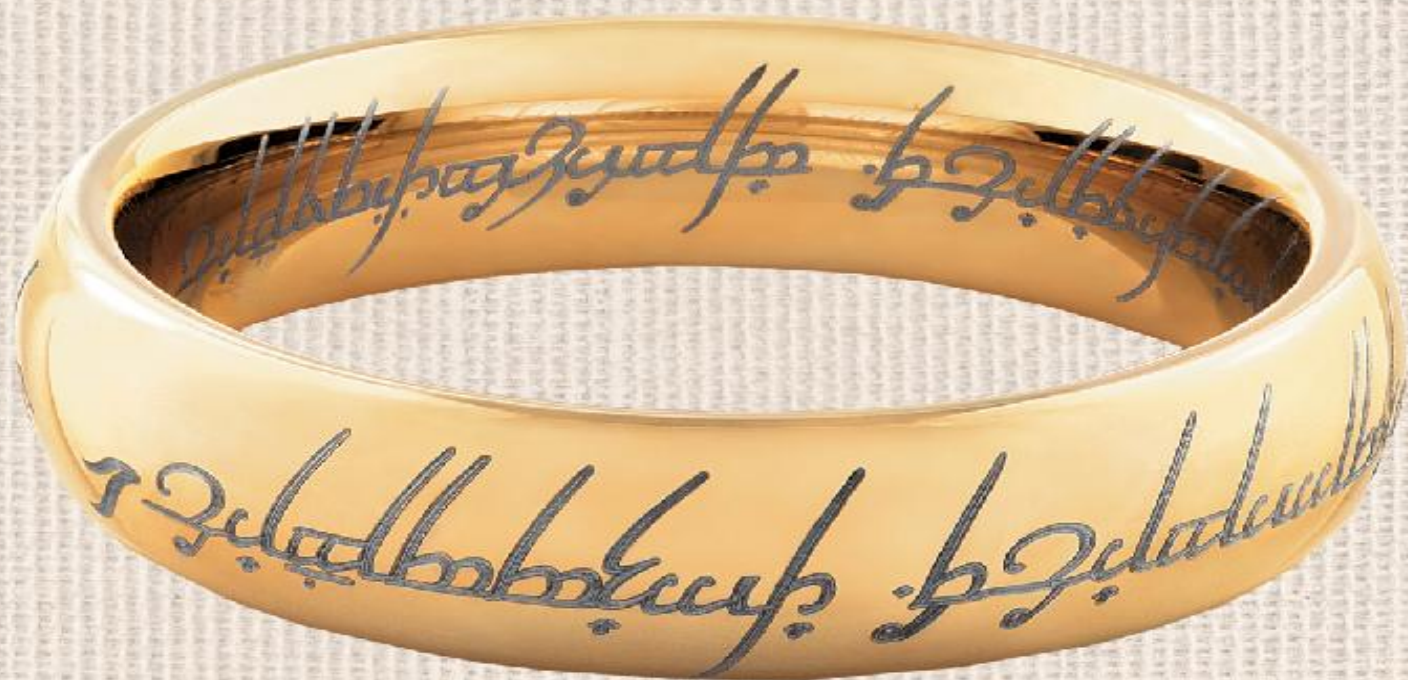


John R.R. Tolkien
The Lord of the Rings



Джон Р.Р. Толкин
Властелин Колец

в переводе
В. Каррика, М. Каменкович

Annotation

Джон Рональд Руэл Толкин (3.01.1892–2.09.1973) – писатель, поэт, филолог, профессор Оксфордского университета, родоначальник современной фэнтези. В 1937 году был написан «Хоббит», а в середине 1950-х годов увидели свет три книги «Властелина колец», повествующие о Средиземье – мире, населенном представителями волшебных рас со сложной культурой, историей и мифологией. Существует свыше десятка переводов трилогии на русский язык. В данное издание вошел перевод В. Каррика, М. Каменкович.

- [Джон Рональд Руэл Толкин](#)
 -
 - [Предисловие английского издателя](#)
 - [Предисловие переводчиков](#)
 - [Пролог](#)
 - [1. О хоббитах](#)
 - [2. О курительном зелье](#)
 - [3. О порядках в Заселье](#)
 - [4. О том, как было найдено кольцо](#)
 - [5. Заметки о засельских хрониках](#)
 - [Содружество кольца](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)

- [Часть вторая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
- [Две башни](#)
 -
 - [Часть третья](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Часть четвертая406](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
- [Возвращение Короля](#)

-
- [Часть пятая472](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
- [Часть шестая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
- [Приложения678](#)
 - [Приложение А](#)
 - [Приложение Б](#)
 - [Приложение В](#)
 - [Приложение Г](#)
 - [Приложение Д](#)
 - [Приложение Е](#)
 - [Список имен и названий](#)
 - [Слова и фразы на роханском и эльфийском языках, встречающиеся в тексте трилогии \(с диакритическими знаками\)](#)
 - [Лингвистические термины, встречающиеся в приложениях](#)
 - [Комментарии](#)
-

- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)

- [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
-

Джон Рональд Руэл Толкин

Властелин Колец

- © The Trustees of the J.R.R. Tolkien, 1967
Settlement 1955,1966
- © Перевод. В. Каррик, 2015
- © Перевод. М. Каменкович, 2015
- © Перевод стихов. М. Каменкович, 2015
- © Перевод стихов. С. Степанов, 2015
- © Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Предисловие английского издателя

Приятно узнать, что, после долгих лет ожидания, на русском языке наконец выходит полный перевод «Властелина Колец». Книгу эту часто разделяют на три части, но это, конечно, единая история. И какая история! Дж. Р. Р. Толкин, профессор древнеанглийского языка и литературы, написал ее в Оксфорде между 1938 и 1954 годами, когда внешний мир подвергся великим потрясениям. Но толкинское Средьземелье не было навеяно современными событиями, и напрасно искать в книге Толкина каких-либо аналогий с ними. Уже давно, задолго до «Властелина», Толкин задался честолюбивой, почти донкихотской идеей – в одиночку создать для Англии ее собственную мифологию. Этот замысел он осуществил, и с небывалым размахом: результатом стало одно из сложнейших и наиболее многоплановых – из всех, когда-либо предпринятых – созданий творческого воображения, вобравшее в себя историю, географию, космогонию, языки и общественное устройство вымышленного автором мира.

Поначалу «Властелин Колец» должен был послужить продолжением имевшей успех детской книжки Толкина «Хоббит», но постоянно расширявшаяся выдуманная вселенная (позже ставшая известной по «Сильмариллиону») быстро поглотила новую повесть, и она заняла в этой вселенной свое место, став длинным, подробным и триумфальным рассказом о Третьей Эпохе Средьземелья.

Гениальность этой книги стала очевидна не сразу. Дело в том, что ее нельзя было подвести ни под одну из существующих категорий. Прежде всего, книга казалась читателям чересчур длинной, и многие из них, наравне с критиками, предпочли отмахнуться от нее, кто сердито, кто снисходительно отказывая ей в праве называться серьезной литературой. Но отношение это постепенно изменилось (не в последнюю очередь благодаря энтузиазму молодых, непредубежденных читателей) – сперва в англоязычном мире, а затем и в других странах, когда книга была переведена на основные языки. Ежегодно с трилогией знакомятся многие миллионы людей, и ежегодно многие миллионы поддаются ее чарам. Эта книга рождает сильные чувства. По сию пору, однако, некоторым «Властелин» не по

нраву, но большинство попадает в плен к рассказанной Толкином повести и возвращается к ней снова и снова, чтобы оживить в памяти эту книгу, ставшую для них учебником жизни.

Это книга нравственная, но в ней нет поучений. Это рассказ о подвигах и приключениях, о добре и зле, битвах и опустошениях, о домашнем уюте и простых радостях. Но, среди всего прочего, стрелка ее огромного компаса прежде всего указывает на достоинство и глубинный смысл самой жизни.

Желаю удачи!

Райнер Анвин

Предисловие переводчиков

Судьбы всемирно известных литературных сказок в России сложны и неисповедимы. Редко устаиваются они перевода в собственном смысле этого слова; чаще всего они существуют в русском культурном пространстве в виде более или менее талантливых пересказов, в результате которых оригинал подчас изменяется до неузнаваемости. Так произошло с «Пиноккио», «Волшебником Страны Оз», «Алисой в Стране Чудес», «Винни-Пухом». Иногда в дело вмешивалась цензура, заставлявшая изменить смысловой стержень сказки, – подобная судьба постигла советские переводы книги «Удивительное путешествие Нильса с дикими гусями» и многих сказок Андерсена. Примеров так много, что поневоле возникает вопрос – нет ли на границе между европейской и русской словесностью какой-то странной преграды, преломляющей лучи света подобно воде? А может быть, разгадка этого феномена коренится глубже – в разнице характеров, в разнице ментальностей? Ведь еще Левша в свое время не удержался, чтобы не подковать аглицкую блоху...

Не избежали общей судьбы и книги Дж. Р. Р. Толкина, которые вышли в России сразу в нескольких переводах. Непростую жизнь им можно было предсказать загодя; так и получилось. Таинственная преграда, преломляющая лучи света и слова, породила сокращения, добавления, вольные пересказы, намеренные изменения и многое другое. Конечно, читатель все равно сказал переводчикам спасибо, и правильно сделал, – возможность познакомиться с Толкином хотя бы приблизительно уже многого стоит. Однако Толкин – автор непростой, и его трилогия «Властелин Колец», о которой здесь идет речь, является слишком сложным и тонким организмом, чтобы привнесение в него изменений позволило бы ему функционировать, как если бы ничего не случилось. Это не детская сказка, не фантастика и не развлекательное чтение, хотя при случае может притвориться и тем, и другим, и третьим. Книга эта стоит особняком в литературе двадцатого столетия и требует к себе отношения уважительного. Ведь не приходит же никому в голову сокращать или переделывать Шекспира! И если

шедевр мировой литературы принял обличье сказки, – обманываться не следует. Приступая к созданию цикла легенд, которые служат как бы фоном для эпической панорамы, развернутой во «Властелине Колец», Толкин планировал создать «мифологию для Англии», по образцу скандинавской; некоторые исследователи полагают, что вместо мифологии национальной Толкин создал «мифологию» для всего нашего столетия. «Властелин Колец» переведен на несколько десятков языков, и популярность его со временем только растет. Но возврата к языческому мифотворчеству для Толкина быть не могло, тем более что сам он всю жизнь оставался христианином в самом простом, церковно-традиционном смысле слова. В своем эссе «О волшебной сказке» он пишет, что человек, искупленный Христом от греха, способен создать новую, «искупленную» мифологию, «искупленную», христианскую сказку, свободную от темных сторон языческого мифа. Это и стало задачей его жизни – создание христианской сказки, свободной и самостоятельной, которая вобрала бы в себя материал языческих сказаний, но претворила бы его в нечто совершенно новое. Толкин считал, что человек, созданный по образу и подобию Творца, призван к свободному творчеству «малых» миров, хотя свободу эту человек может использовать и во зло: «создавая мифы, можно... натворить массу вреда, особенно если это входит в намерения автора», – писал он в письме к другу.

Как же создавалась эта «новая мифология»? Необычным способом – через посредство изобретенных Толкином языков. Лингвист, специалист по древнеанглийскому и древнеисландскому языкам, Толкин всю жизнь увлекался изобретением своих собственных языков, и, по его словам, настал момент, когда он почувствовал, что языки эти требуют для себя мира, в котором они могли бы существовать. Вселенная Толкина держится на этих языках, как земля на китах в представлении средневекового человека, – и, увы, именно языки в первую очередь и пострадали в русских переводах – значащие имена героев и названия мест превратились в простую игру звуков, стихи из связного текста на выдуманном языке стали благозвучной бессмыслицей... и так далее. Один переводчик обошелся с языками лучше, другой – хуже, но никто не был последовательно верен оригиналу. Между тем в мире существует множество трудов, посвященных не только философской и литературной, но и

лингвистической стороне «Властелина Колец»; в обществах исследователей Толкина, которых в мире немало, годами ведутся споры, как толковать ту или иную фразу, как перевести то или иное имя; издаются и учебники изобретенных языков... Да и помимо языков, сокращенные или измененные переводы исключают русского читателя из всемирного братства толкинистов – ведь у него перед глазами другой текст, зачастую и с другим подтекстом. Симптоматично, что вслед за первыми двумя переводами у нас широко распространилось неправильное произношение имени писателя – Толкие(э)н, хотя сам Толкин объяснял, что такое произношение этимологически некорректно, – фамилия это саксонская и происходит от старого немецкого слова «*tolkühn*», что означает «безрассудный смельчак». Между прочим, некоторые вольности и неточности, допущенные в прижизненных переводах «Властелина Колец» на языки, которые Толкин знал, вызвали у автора серьезные возражения и недовольство. Впоследствии он написал «Руководство к переводу имен», которое содержит подробные указания, как, что и почему следует в его книге переводить.

Именно эти причины и побудили нас к тому, чтобы создать перевод, который передавал бы оригинал по возможности более точно – не только по букве, но и по духу. Трудно сказать, насколько это нам удалось, – результат перед вами. Думается, что назрела необходимость познакомиться с Толкином «как он есть». Лет двадцать пять назад, когда вышел первый, вполнину сокращенный и неоконченный перевод А. Кистяковского и В. Муравьева, читатель не был избалован сегодняшним обилием литературы «фэнтези», выбор был невелик, многим хватало уже и того, что появилась возможность хотя бы глазком заглянуть в свободный и богатый, многоцветный и возвышенный мир Толкина, так непохожий на окружающую нас действительность. Сегодня ничто не мешает войти в этот мир и разобраться – что же автор хотел сказать на самом деле? Ведь чтение Толкина – это не просто «бегство от действительности» все равно куда; это способ взглянуть другими глазами на окружающий мир, увидеть в нем забытую красоту, сокровенную святость, глубинное благородство и отделить настоящее от поддельного. Это чтение дает силы для дела, к которому призван каждый, – выражаясь словами

волшебника Гэндальфа, мы посланы на землю для того, чтобы «вырвать корни зла на полях, по которым мы ходим»...

Предлагаемый читателю перевод снабжен относительно подробными комментариями, которые носят, конечно, лишь предварительный характер. Тем, кто знакомится с «Властелином Колец» впервые, мы советуем открыть комментарий не раньше, чем будет перевернута последняя страница последнего тома, поскольку комментарий может разрушить цельность впечатления; всякий комментарий вторичен по отношению к тексту, и, пожалуй, сам Толкин отнесся бы к идее постраничного комментария с иронией. Несмотря на тесную связь с древними сказаниями, языками, историей, литературой, философией и богословием, вселенная Толкина самостоятельна и несет свою ценность в себе самой. И древнеисландские саги, и поэзия средневекового Херфордшира, и писания короля Альфреда – лишь материал, которым пользуется автор, создавая свой собственный свободный мир, строя свою «башню», и, по словам Толкина, не так важны сами кирпичи, сколько то, что с вершины этой башни люди могут видеть далекое море...

В Англии, на родине Толкина, постраничного комментария к «Властелину Колец» не существует, ибо автору такого предприятия пришлось бы объединить в своей работе все последние достижения толкинистики, а это нелегко, да и не все материалы из архива Толкина к настоящему времени опубликованы, так что комментатор рисковал бы слишком быстро отстать от времени (научный комментарий издан отдельным томом: *The Lord of the Rings: A Reader's Companion* by Wayne G. Hammond, Christina Scull, 2005. – *Примеч. ред.*). Однако русскому читателю изданные на Западе материалы во многом недоступны и вряд ли будут доступны в ближайшее время, а познакомиться с ними хотя бы отчасти, право же, стоит, и в первую очередь с письмами Толкина, в которых содержится множество драгоценных замечаний по тексту «Властелина Колец» (издано в переводе С. Лихачевой, «Эксмо», 2004. – *Примеч. ред.*). Нельзя пройти мимо и основной книги английской толкинианы – книги профессора Т. Шиппи «Дорога в Средьземелье» (издано в переводе М. Каменкович, «Лимбус Пресс», 2003. – *Примеч. ред.*), написанной человеком, который, будучи, как и сам Толкин, лингвистом и специалистом по древнеанглийской литературе, смог прояснить многие загадки

трилогии. Кроме того, сыном Толкина Кристофером опубликован целый корпус томов, издаваемых на основе архива отца, – «Неоконченные сказания», «Потерянная дорога» и другие. Памятуя, что Толкин был глубоко верующим, «практикующим» католиком, мы позволяли себе привлекать в качестве философского комментария только тексты, принадлежащие христианской традиции. На Западе и у нас были предприняты попытки истолковать «Властелина Колец» в духе эзотерических учений, однако, как свидетельствует Кристофер Толкин, его отец никогда не интересовался ни теософией, ни оккультизмом, и в его библиотеке не было ни одной книги, посвященной этим предметам.

Мы приносим глубокую благодарность господину Кристоферу Толкину, оказавшему нам неоценимую помощь при разрешении некоторых лингвистических проблем, а также английскому издателю книг Толкина, господину Райнеру Анвину, предоставившему нам необходимые для работы материалы, в том числе «Руководство к переводу имен», и оказавшему нам поддержку в процессе подготовки перевода.

Мы приносим также благодарность И. Кучерову, сыгравшему для нас роль Радагаста – знатока трав, Р. Кабакову, исследователю творчества Толкина, а также Дэвиду Дагану, Кристине Скалл, Колину Дюрье, Лондонскому обществу толкинистов, Марку Хукеру, Л. Курбатовой, Н. Геда и всем остальным, кто волей судеб вошел в это «Содружество «Властелина Колец».

М. Каменкович

В. Каррик

Пролог

1. О хоббитах

Эта книга рассказывает в основном о хоббитах, и читатель может узнать из нее многое о характере этого народа и кое-что о его истории. Продолжить знакомство можно, заглянув в Алую Книгу Западных Окраин, выдержки из которой уже были опубликованы под заглавием «Хоббит». Эта повесть берет исток в первых главах Алой Книги, которую написал сам Бильбо (первый хоббит, прославившийся за пределами своей страны, Заселья¹); он назвал ее «Туда и Обратно», так как повествуется в ней о его путешествии на Восток и возвращении домой: в результате этого приключения хоббиты оказались вовлечены в ключевые события описываемой Эпохи.

Однако найдутся, наверное, и такие читатели, которые с самого начала захотят узнать об этом замечательном народе побольше (и при этом, быть может, вообще не читали «Хоббита»). Для таких читателей ниже приводятся некоторые наиболее важные сведения о хоббитах, почерпнутые из их Предания, а также вкратце пересказывается первое приключение Бильбо.

Хоббиты – народец не очень приметный, но весьма древний и некогда довольно многочисленный, не то что в наши дни, – дело в том, что они любят тишину, покой и тучные, хорошо разработанные земли, поэтому обычно выбирают для житья местность, где можно содержать сельское хозяйство в образцовом порядке и вести его по всем правилам. Хоббиты косо смотрят (и всегда косо смотрели!) на механизмы сложнее кузнечных мехов, водяной мельницы или примитивного ткацкого станка, хотя с инструментами обращаться умеют. И в прежние-то времена хоббиты, как правило, старались не попадаться на глаза Большим (так они называют нас с вами), а в наши дни и вовсе от нас прячутся – да так ловко, что обнаружить их становится все труднее и труднее. У хоббитов острый слух и прекрасное зрение, и, хотя они склонны к полноте и не любят торопиться без особой нужды, двигаются они легко и проворно. Они изначально владели искусством мгновенно и без лишнего шума скрываться из виду, когда, скажем, им не хочется встречаться с великаном, грузно топающим навстречу; это умение они со временем

довели до такого совершенства, что людям оно может показаться волшебным. Но на самом деле волшебством хоббиты никогда не занимались; просто они тесно связаны с природой и обычно достигают в своем искусстве высокого профессионализма, тем более что впитали его с молоком матери и шлифуют ежедневными упражнениями, так что другим народам, более громоздким и неуклюжим, за хоббитами в этом никогда не угнаться.

Ибо ростом хоббиты невелики – меньше гномов, хотя подчас уступают последним в росте совсем немного; к тому же они поплотней и не столь осанисты. Если мерить нашей меркой, то росту в хоббитах – от двух до четырех футов². Теперь они, правда, редко дотягивают и до трех: поговаривают, что, мол, вырождаются, а в прежние времена были-де повыше. Если верить Алой Книге, Бандобрас Тукк (Волынщик³), сын Исенгрима Второго, был ростом почти в пять футов и ездил верхом на лошади. Только два знаменитых хоббита на памяти хоббичьих хроник превзошли его, но об этом любопытном случае позже.

Что касается хоббитов Заселья, о которых у нас и пойдет речь, то следует сказать, что во времена своего процветания они были веселым народом. Носили яркую, цветную одежду⁴, предпочитая всем остальным цветам желтый и зеленый, а вот обувью пользовались редко, поскольку на ступнях кожа у них была как хорошие подметки, и на щиколотках у них росла густая вьющаяся шерстка – преимущественно темная, как и волосы на голове. Легко догадаться, что сапожное ремесло не пользовалось у хоббитов успехом. Не лишним будет отметить здесь, что пальцы у хоббитов длинные и ловкие, так что в Заселье процветали зато многие другие важные и весьма полезные ремесла. Лица у хоббитов были обычно не то чтобы красивые, но, как правило, довольно приятные: у них были ясные, широко посаженные глаза, румяные щеки – и большой рот, который годился не только для того, чтобы заразительно смеяться, но и для того, чтобы вволю есть и пить. А хоббиты смеялись, ели и пили часто и в свое удовольствие, поскольку всегда ценили добрую шутку, а за стол садиться имели обыкновение шесть раз на дню (если, разумеется, было что на этот стол поставить!). Они любили принимать гостей, умели весело провести время в компании и обожали подарки, преподнося их от всего сердца и принимая с неизменным восторгом.

Хотя в наши дни хоббиты и сторонятся нас, следует признать, что они – ближайшие наши родственники⁵, куда более близкие, нежели эльфы или, скажем, гномы. С незапамятных времен хоббиты говорят на языке людей (хотя несколько переиначили его на свой лад) – да и вообще смотрят на многие вещи точно так же, как мы с вами. Однако до истинных корней нашего родства не удалось докопаться и по сю пору⁶. Происхождение хоббитов скрыто где-то в глубинах Старшей Эпохи⁷, достоверных сведений о которой в наши дни практически не сохранилось. Лишь у эльфов еще остались кое-какие легенды о событиях тех далеких времен. Правда, предания эльфов касаются главным образом их собственной истории – даже люди в них упоминаются крайне редко, а о хоббитах и вовсе нет ни слова. Однако не подлежит сомнению, что хоббиты обосновались в Средьземелье⁸ задолго до того, как другие народы узнали об их существовании. В конце концов, мир полон таких странных и загадочных существ, что этот маленький народец никогда ни у кого не вызывал особого интереса. Однако во времена Бильбо и его наследника Фродо хоббиты, сами того не желая, неожиданно обрели и всеобщее уважение, и славу, так что даже Мудрым и Великим волей-неволей пришлось считаться с ними в своих замыслах.

Те времена (речь идет о Третьей Эпохе⁹ Средьземелья) давным-давно миновали, и белый свет с тех пор сильно изменился, но нет никаких сомнений в том, что хоббиты по-прежнему живут в облюбованном ими некогда крае – на северо-западе Старого Мира, к востоку от морских побережий. О своей прародине во времена Бильбо они уже не помнили. Тяга к знаниям у хоббитов выражена весьма незначительно, не считая горячего интереса к генеалогии, – правда, хоббиты из некоторых старых кланов, черпая сведения у эльфов, гномов и людей, все еще продолжают изучать древние хоббичьи хроники и собирать легенды о дальних странах и событиях давно минувших дней. Однако собственно хоббичьи хроники ведут свое начало лишь со времен колонизации Заселья, а древнейшие предания относятся самое раннее ко Дням Скитаний. Тем не менее предания эти, а также некоторые особенности языка и обычаи хоббитов неопровержимо свидетельствуют, что хоббиты, как и многие другие народы, пришли откуда-то с востока¹⁰. Их древнейшие предания

относятся, вероятно, к тем временам, когда хоббиты жили в долинах верхнего течения Андуина – где-то между Великой Зеленой Пущей и Туманными Горами. До сих пор неясно, что заставило их совершить тяжелый и опасный переход через горы в Эриадор. Правда, хоббичьи хроники говорят, что в прежних местах появилось слишком много людей, а на лес пала тень – и потемнел он, и получил новое название: Черная Пуща, или Чернолесье¹¹.

Еще до того, как хоббиты перешли через горы, они разделились на три основные ветви – Шерстоноги, Дубсы и Белоскоры¹². У Шерстоногов кожа была потемней, а сами они помельче; борода у них не росла, и обуви они, как правило, не носили. Руки у них были ловкими, ноги – проворными. Для своих нор они выбирали возвышенности и склоны холмов. Дубсы были пошире в плечах и покрепче; они предпочитали равнины и луга по берегам рек. У Белоскоров кожа была нежнее, а волосы – светлее; они отличались сравнительно высоким ростом и стройностью, любили деревья и селились в лесах.

В давние времена Шерстоногам, обитавшим тогда в предгорьях, часто приходилось иметь дело с гномами. Шерстоноги ушли на запад раньше других – они пересекли Эриадор и достигли Пасмурной Вершины, в то время как другие хоббиты всё еще оставались в Диких Землях. Шерстоноги – самые яркие представители хоббичьей расы, да и численностью они значительно превосходят всех прочих. А кроме того, они большей частью селятся кучно и дольше прочих сохранили обыкновение селиться в норах и туннелях.

Дубсы еще довольно долго оставались на берегах Великой Реки Андуин, поскольку люди их пугали несколько меньше. Однако вслед за Шерстоногами мало-помалу подались на запад и Дубсы; они откочевали к югу вниз по реке Шумливой¹³, и многие из них надолго осели между Тарбадом и границами Тусклоземья, или Дунланда¹⁴, откуда впоследствии вновь перебрались к северу.

Белоскоры, самая малочисленная ветвь, обосновались на севере. В отличие от прочих хоббитов Белоскоры водили дружбу с эльфами, в ремеслах были менее искусны, нежели в пении песен и языках, а земледелию предпочитали охоту. Белоскоры перешли горы севернее Ривенделла и ушли вниз по реке Хойре¹⁵. В Эриадоре они вскоре смешались с другими хоббитами, пришедшими сюда до них, – однако

впоследствии благодаря природному мужеству и врожденной любви к приключениям Белоскоры частенько становились во главе Шерстоногов, равно как и Дубсов. Даже во времена Бильбо кровь Белоскоров еще давала о себе знать в представителях таких известных кланов, как Тукки и Хозяева Бэкланда¹⁶.

В Западном Эриадоре, между Туманными Горами и Горами Льюн¹⁷, хоббиты повстречались и с эльфами, и с людьми. И действительно, тогда здесь еще жили последние дунаданы, потомки людей королевской крови, приплывших из-за Моря, из Закатного Края¹⁸, – однако число их быстро сокращалось: Северное Королевство к тому времени ослабло¹⁹ и повсеместно приходило в запустение. Так что для новых пришельцев места здесь было вполне достаточно, чем хоббиты и не замедлили воспользоваться, обустроиваясь в удобных для них местах целыми колониями. Большинство первых поселений исчезли с лица земли уже во времена Бильбо, да и памяти о них никакой не осталось, – правда, одно из самых старых все-таки сохранилось, хотя и заметно поубавилось в размерах; речь идет о Бри²⁰, что у Четского леса²¹, примерно в шестидесяти верстах²² к востоку от Заселья.

В те далекие времена хоббиты, по-видимому, и обрели письменность, переняв ее у дунаданов, а те еще раньше научились искусству письма у эльфов. Примерно тогда же хоббиты перестали говорить на своих старых языках и позабыли их окончательно, целиком перейдя на Общий Язык, который назывался также Западным²³ и имел хождение во всех землях, которыми правили арнорские и гондорские короли²⁴, а также на всех побережьях от Белфаласа до Льюна. Тем не менее кое-какие собственные словечки хоббиты сохранили и по сей день, равно как названия месяцев и дней недели, а также изрядное количество старинных хоббичьих имен.

Примерно в это же время хоббичьи легенды приняли обличие истории и нашли свое отображение в хрониках, где события уже датировались. Ибо случилось так, что в тысяча шестьсот первом году Третьей Эпохи два хоббита-Белоскора, братья Мархо и Бланко, ушли из Бри на выселки²⁵; получив высочайшее соизволение от Короля из Форноста^[1], они пересекли темноводную реку Барэндуин²⁶ и увели с собой множество других хоббитов. Перейдя Барэндуин по

Кривокаменному Мосту, построенному еще во времена, когда Северное Королевство находилось на вершине своего могущества, они поселились между рекой и Дальним Вскхольем. От хоббитов требовалось немного – содержать в порядке Большой Мост, а также прочие мосты и дороги, да снабжать всем необходимым посланцев Короля и признавать власть короны.

Отсюда и пошло Засельское Летосчисление, а тот год, когда хоббиты перешли Брендивин (так они переименовали название реки), считается Первым Годом Заселья. Все прочие даты отсчитываются от этой, знаменательной^[2]. Новая земля полюбилась западным хоббитам, и они остались на ней. Вскоре упоминания о хоббитах исчезли из хроник людей и эльфов. Хоббиты считались королевскими подданными, пока не пали короли, хотя на самом деле в Заселье было самоуправление, и хоббиты не имели никакого касательства к событиям, что происходили во внешнем мире. Правда, на последнюю битву при Форносте, против Ангмарского чародея²⁷, хоббиты выслали на помощь Королю небольшой отряд лучников (по крайней мере так они уверяют), но в легендах людей упоминаний об этом нет – а если и были, не сохранились. Как бы то ни было, в этой битве Северное Королевство потерпело поражение, после чего хоббиты земли перешли в полное распоряжение хоббитов. С тех пор хоббиты стали выбирать из своей среды Тана²⁸, дабы тот представлял власть ушедшего Короля. Целую тысячу лет после этого войны не тревожили хоббитов, так что после Черной Чумы (37 г. З. Л.) они безмятежно множились и процветали вплоть до губительной Лютной Стужи и последовавшего за ней голода. Погибли тогда тысячи, – но ко времени нашего повествования Голодные Годы (1158–1160) ушли далеко в прошлое и хоббиты вновь успели привыкнуть к достатку. Места в Заселье были богатые и приятные для жизни. Правда, когда поселенцы пришли сюда, тут уже долгие годы царило запустение, но в прежние времена здешние земли слыли житницей Северного Королевства: здесь было множество королевских ферм, пашни, виноградники и леса.

Земли эти простирались на шестьдесят верст от Дальнего Вскхолья до Брендивинского Моста и на семьдесят – от западных болот до южных топей. Хоббиты называли свой край Засельем, разумея под этим, что данный край заселен народом, умеющим организованно вести свои дела, и что на всю его территорию

распространяется власть избранного ими Тана. Привыкнув жить в этом благословенном уголке, хоббиты чем дальше, тем больше отгораживались от окружающего мира, где творились недобрые дела, и в конце концов пришли к твердому убеждению, что все народы Средьземелья живут в таком же покое и благополучии, как и они сами, и что все разумные существа имеют полное право на такой образ жизни. Хоббиты забыли – а может, просто не хотели помнить – даже то небольшое, что знали когда-то о Стражах и о тех силах, что так долго поддерживали мир в ничего не подозревающем Заселье. На самом-то деле, хоббитов бдительно охраняли, но те об этом больше не задумывались.

Воинственными хоббиты не были никогда. По крайней мере, между собой они не воевали. В стародавние времена им, конечно, не раз приходилось постоять за себя с оружием в руках, но во времена Бильбо все это уже отошло в область предания. Последняя битва на территории Заселья (она же, кстати, и единственная) давно стерлась из памяти живущих поколений²⁹. То была Битва при Зеленополье (114 г. З. Л.), когда Волынщик Тукк отразил вторжение орков. Даже климат с тех пор стал мягче, а о волках, которые суровыми снежными зимами некогда забредали сюда с севера, помнили разве что древние старики. Так что, хотя в Заселье и хранилось еще кое-какое оружие, использовали его по большей части в чисто декоративных целях, развешивая по стенам или над камином, а то и вовсе сдавали в музей – в Мичел Делвингский «матомушник». Так поступали хоббиты со всеми вещами, в которых не усматривали прямой пользы, но выбросить не решались. Именовались такие вещи *матомы*³⁰; отсюда и название музея. Жилища хоббитов были битком набиты всевозможными *матомами* – к их числу, кстати, относились и многочисленные подарки, по разным причинам кочевавшие из рук в руки.

Однако, несмотря на сравнительно спокойную жизнь, хоббиты продолжали оставаться на удивление крепким и выносливым племенем. Хоббита не так-то просто напугать, если, конечно, до этого дойдет, а убить и подавно. При необходимости они могут довольствоваться малым – и, наверное, поэтому никогда не устают радоваться простым земным благам, выпадающим на их долю. Кроме того, они стойко переносят боль, жестокость врага и превратности

погоды, чем нередко ставили в тупик тех, кто знал их не очень хорошо и за кругленькими животами да румяными лицами засельчан ничего больше не видел. Несмотря на то, что вывести хоббита из себя непросто и что ради забавы он никогда не станет никого убивать, в безвыходном положении хоббит действует самым решительным образом и, в случае нужды, знает, как держать оружие. Хоббиты отлично стреляют из лука, поскольку глаз у них острый и рука крепкая. Но и другим оружием они при случае не побрезгуют. Если хоббит нагибается за камнем, всякая проворовавшаяся собака знает – пора уносить ноги!

Все хоббиты (по их собственному убеждению) изначально жили в норах, поскольку ни в каких иных жилищах они не чувствуют себя так уютно; однако со временем они были вынуждены приспособиться к несколько иному. Во всяком случае, в Заселье времен Бильбо норами, по старинке, пользовались обычно лишь самые богатые и самые бедные хоббиты. Бедняки ютились в немудреных пещерках, которые порядочный хоббит и норой-то не назвал бы, с одним-единственным окошком, а то и вовсе без оногo. Ну а хоббиты зажиточные устраивали из своих жилищ более роскошные вариации на тему незамысловатого традиционного туннельчика. Однако подходящих мест для больших и разветвленных нор (хоббиты называли их *смайлами*³¹) в Заселье было не так уж и много, поэтому на равнинах да в низинах расплодившиеся хоббиты начали строить и наземные жилища. Но и в холмистых уголках, и в местах старых поселений, таких как Хоббитон и Туккборо, и даже в главном городе Заселья Мичел Делвинге³², что на Белом Всхолмье, – везде было множество деревянных, каменных и кирпичных построек. Такие дома предпочитали, как правило, мельники, кузнецы, шорники, каретники и прочие ремесленники; кстати, даже если хоббит жил в норе, он, по укоренившейся привычке, ставил неподалеку от входа в нее какой-нибудь деревянный сарайчик или мастерскую.

Говорят, что первыми ставить амбары и сараи начали хоббиты в Плавнях, что располагались ниже по Брендивину. Тамошние жители (Плавни относились к Восточному Пределу) были довольно крупными, большеногими и в слякоть носили гномьи башмаки. Как вы понимаете, в их жилах текла по большей части кровь Дубсов, о чем

недвусмысленно свидетельствовал довольно густой пушок на их подбородках. Лица Шерстоногов и Белоскоров не имели ни малейших следов какой бы то ни было растительности. И действительно – хоббиты Плавней и Бэккланда, расположенного к востоку от Реки и заселенного несколько позже, чем Четыре Предела, пришли в Заселье одними из последних. В языке у них, между прочим, сохранилось множество затейливых имен и заковыристых словечек, каких больше нигде в Заселье было не услышать.

Искусство строить дома, как и все остальные ремесла, хоббиты позаимствовали, видимо, у дунаданов, хотя не исключено, что и непосредственно у эльфов, минуя людей, – ведь люди в свое время тоже ходили в учениках у Старшего Племена. Следует отметить, что к тому времени не все еще Высшие эльфы покинули Средьземелье: они по-прежнему обитали на дальнем западе, в Серой Гавани, да и во многих других местах, не столь далеких от Заселья. Об этом свидетельствуют целых три эльфийские башни, которые еще с незапамятных времен высились по ту сторону западных болот. При ясной луне они были видны издалека. Самая высокая и самая дальняя башня одиноко стояла на зеленом холме. Хоббиты Западного Предела говорили, что с этой башни видно Море³³, однако подняться на нее никто из хоббитов так никогда и не отважился. И то сказать, редкий хоббит плавал по Морю или хотя бы видел его, а уж тех, кто вернулся оттуда и рассказал об увиденном, по пальцам можно было перечесть. Даже на реки и лодки хоббиты в большинстве своем посматривают с опаской, да и плавать-то почти никто из них не умеет. К тому же с течением времени засельские хоббиты все меньше и меньше общались с эльфами, мало-помалу стали их побаиваться и косо смотрели на всякого, кто с эльфами все-таки водился. Сло́ва «море» стали избегать, и оно превратилось наконец в символ смерти, так что хоббиты старались пореже оглядываться на западные холмы.

Эльфы ли научили хоббитов строить дома, люди ли – не важно; важно, что хоббиты строили их на свой лад. Башни им были ни к чему. Дома у них получались обычно длинные, низенькие и уютные. Первые, самые старые наземные жилища во всем походили на *смайлы*. Их крыли сеном или соломой, а то и просто дерном; с виду такой дом казался немного пузатым. Правда, расцвет подобного строительства пришелся на ранний период существования Заселья – впоследствии

хоббичьи дома сильно изменились. Этому немало помогли гномы, поделившиеся с хоббитами секретом-другим, и врожденная хоббичья изобретательность. Однако круглые окошки и круглые же двери неизменно оставались отличительной чертой хоббичьей архитектуры.

Дома и норы засельских хоббитов были, как правило, просторны, и жили там большими семьями (холостяки, вроде Бильбо и Фродо³⁴ Бэггинсов, являли собой весьма редкое исключение, – впрочем, исключением Бэггинсы были и во многом другом. Чего стоила одна только их дружба с эльфами!). Изредка, как, например, в случае с Тукками из Больших Смайлов или, скажем, Брендибэками из Брендивинских Палат, многочисленные поколения родственников жили в мире (насколько это вообще возможно) и дружбе (относительной) под общей крышей одного изобилующего туннелями жилища. Кстати говоря, все хоббиты делятся на кланы и к родственным связям относятся самым серьезным образом. Их генеалогические древа – длинные, с бесчисленными разветвлениями, ведутся весьма скрупулезно. Имея дело с хоббитами, никогда нельзя забывать, кто кому кем приходится и в каком колене. Однако представляется невозможным привести на страницах этой книги родовое древо, которое включало бы в себя родословные хотя бы наиболее знаменитых хоббитов из наиболее известных во времена описываемых событий хоббичьих кланов. Генеалогические древа, приведенные в конце Алой Книги Западных Окраин, уже сами по себе представляют небольшую книгу, но от чтения таких книг разве только у хоббитов не сводит скулы от скуки. Самим же хоббитам изучение подобных родословных доставляет истинное удовольствие – если, конечно, родословная составлена аккуратно и со вкусом. Они и вообще предпочитают книги про то, о чем уже знают, особенно если дело изложено ясно, просто и без экивоков.

2. О курительном зелье

О чем нельзя умолчать, так это об одном любопытном обыкновении, которое сохранилось у хоббитов с древнейших времен. Вооружившись глиняными или деревянными трубочками, они любят вдыхать через рот дым тлеющей травы, которую называют «курительным зельем» или просто «листом». Вероятно, это одна из разновидностей растения *nicotiana*. Происхождение этой их необыкновенной привычки, или, как предпочитают выражаться хоббиты, «искусства», до сих пор остается загадкой. Мериадок³⁵ Брендибэк (ставший впоследствии Хозяином Бэкланда) собрал воедино все, что могло пролить свет на эту тайну, а поскольку сам Мериадок и трубочное зелье, культивировавшееся в Южном Пределе, играют не последнюю роль в нашем повествовании, не будет лишним привести здесь небольшие выдержки из предисловия к «Травнику Заселья», составленному Мериадоком собственноручно.

«Курение зелья, – говорится в предисловии, – это единственный вид искусства, который мы с полным основанием можем объявить своим собственным изобретением. Когда хоббиты раскурили первую трубочку, неизвестно, однако все хроники и семейные предания упоминают об этой привычке как о чем-то само собой разумеющемся, так что можно смело утверждать, что в Заселье уже много веков курят разные травы – одни погорше, одни послаще. Но все сходятся на том, что во времена Исенгрима Второго, то есть в 1070 году по Засельскому Летосчислению, Тобольд Дудельщик из Долгодолы, что в Южном Пределе, первым вырастил на своем огороде настоящее курительное зелье. Самый лучший самосад до сих пор поставляется из тех мест – и особенно такие широко известные ныне сорта, как «Долгодольский Лист», «Старый Тоби» и «Южная Звезда».

К сожалению, не сохранилось никаких сведений о том, откуда у Старого Тоби взялись семена этого растения, – до самой своей смерти он так об этом и не проговорился. Конечно, знал он много, но ведь ни для кого не секрет, что Дудельщик никогда не путешествовал! Говорят, правда, что в юности он частенько хаживал в Бри, но совершенно точно известно, что никуда далее Бри Дудельщик и носа не казал.

Таким образом, вполне вероятно, что семена он достал в Бри, где, надо сказать, на южных склонах Брийской Горы³⁶ и поныне выращивают это растение. Брийские хоббиты бьют себя в грудь, уверяя, что именно они первыми начали курить зелье. Впрочем, они бьют себя в грудь не только по этому поводу, так как ко всему, что касается Заселья, относятся с показным пренебрежением, продолжая считать Заселье «выселками». И все же, если говорить о курительном зелье, думается, брийские хоббиты бьют себя в грудь не напрасно. Очевидно, именно из Бри искусство курения настоящего курительного зелья распространилось за последние несколько столетий среди гномов и других народов, равно как среди Стражей, волшебников и разных бродяг, которые и по сей день часто появляются на этом оживленном перекрестке древних трактов. Подлинным очагом этого искусства следует считать старый брийский трактир под вывеской «Пляшущий Пони», который с незапамятных времен содержит семейство Подсолнухов.

Как бы то ни было, наблюдения, сделанные мной во время путешествий на Юг, привели меня к твердому убеждению, что само по себе курительное зелье не местного происхождения. По-видимому, оно завезено на Север с нижнего течения Андуйна, и я почти уверен, что в Средьземелье оно попало из-за Моря благодаря переселенцам Закатного Края. В Гондоре его полным-полно, и растет оно там куда лучше, чем у нас на Севере, где в диком виде его не встретишь; да и приживается оно лишь в таких укромных, теплых долинах, как Долгодол. Люди Гондора называют его *душистым галенасом* и ценят исключительно за пахучие цветы. За века, минувшие от восшествия на престол Элендила до наших дней, курительное зелье, очевидно, перекочевало оттуда по Зеленому Тракту и к нам. Однако даже гондорские дунаданы признают, что именно хоббиты первыми набили зельем глиняные трубки. Даже волшебники до этого не додумались! Правда, один волшебник, с которым я был близко знаком, овладел нашим искусством и достиг в нем такого же совершенства, как и во всем, за что брался».

3. О порядках в Заселье

В те времена Заселье делилось на четыре основные части. Их называли, как уже было сказано выше, Пределами: Северный, Южный, Восточный и Западный. Те, в свою очередь, подразделялись на множество округов, а округа назывались по фамилии клана, который обосновался там раньше остальных, хотя к началу нашего повествования хоббиты стали помаленьку покидать родовые гнезда и рассеялись по всему Заселью. Правда, Тукки почти все по-прежнему сидели у себя в Туккланде, чего никак не скажешь о многих других кланах, в том числе о Бэггинсах и Боффинах. К Пределам примыкали соответственно Восточная и Западная Окраины, а также Бэкланд и Западные Плавни, которые отошли к Заселью лишь в 1462 г. З. Л.

Вряд ли можно сказать, что Заселье в те времена имело какое-либо «правительство»³⁷. Кланы были, как правило, предоставлены самим себе и занимались своими делами. Большая часть их времени уходила обычно на то, чтобы вырастить еду, а потом съесть ее. По характеру хоббиты народ тороватый, щедрый, не прижимистый; они уравновешенны и ведут вполне умеренный образ жизни, благодаря чему основные их занятия – домашнее хозяйство, работа на ферме или в мастерской, мелочная торговля – не менялись из поколения в поколение.

При всем при том жива была и древняя традиция, связанная с легендарным Королем из Форноста (хоббиты называли Форност на свой лад – Норбери), города, который был расположен к северу от Заселья. Вот уже почти тысячу лет хоббиты жили без короля, а развалины королевской столицы, Норбери, давно поросли бурьяном, – и тем не менее о разных дикарях и нехороших тварях (к примеру, о троллях) хоббиты говорили, что те «живут без короля в голове». Сами же хоббиты возводили ко временам Королей все свои древние законы и соблюдали их добровольно, поскольку считали Правила (то есть свод законов) столь же справедливыми, сколь и древними.

Следует отметить, что клан Тукков длительное время находился на особом положении, поскольку за несколько столетий до описываемых событий титул Тана (прежде принадлежавший

Старобэкам) перешел к Туккам и с тех пор оставался за главой клана. Тан был председателем Всеобщей Засельской Сходки, проводил смотр войск и набирал Ополчение, – но, поскольку и сходка, и смотр войск проводились лишь в случае непосредственной опасности, чего не случалось уже давным-давно, титул Тана оставался чисто парадным. И все-таки Тукки пользовались в Заселье особым уважением, ибо клан их оставался самым многочисленным, владел значительными богатствами, а кроме того – в каждом поколении Тукков находились хоббиты сильные духом, независимые и даже с ярко выраженной тягой к приключениям. Последнее, правда, окружающие скорее терпели (но только у богачей!), чем одобряли. И все же, несмотря ни на что, главу клана Тукков величали Большим Тукком, а к имени добавляли при случае, какой он по счету, – например, Исенгрим Второй.

В те времена в Заселье была лишь одна по-настоящему обязывающая официальная должность – Бургомистр Мичел Делвинга (или Бургомистр Заселья), которого избирали раз в семь лет на Вольной Ярмарке, проводившейся в день Лита³⁸ на празднике Преполовения (середины года), на Белых Холмах. Бургомистру вменялось в долг главным образом председательствовать на крупных общезасельских праздниках, которые, надо заметить, следовали один за другим с весьма небольшими промежутками. Кроме того, эта должность включала в себя совмещение постов Почтмейстера и Главного Шерифа³⁹, так что Бургомистр возглавлял сразу и Почтовую, и Сторожевую Службы (других в Заселье не было). Надо сказать, что больше всего хлопот выпадало на долю посыльных, хотя их всегда было больше, чем шерифов. Грамотность среди хоббитов была отнюдь не поголовной, но те, кто умел изложить свои мысли на бумаге, строчили послания непрерывно, не обходя вниманием ни одного из многочисленных друзей (а также некоторых родственников), даже если до адресата было не больше двух часов ходу. Шерифами хоббиты именовали тех, кого мы с вами после некоторых колебаний назвали бы, наверное, полицейскими. У них, разумеется, не было форменных мундиров (такого у хоббитов никогда не водилось) – лишь перо на шляпе, и службу они несли скорее охранительную, так как урезонивать непутевую скотину им приходилось гораздо чаще, чем какого-нибудь непутевого хоббита. Во всем Заселье насчитывалось всего двенадцать шерифов Внутренней Службы – по три на каждый Предел. Для

«досмотра границ» приходилось (по мере необходимости) отряжать куда бóльшие силы – надо было следить за разного рода чужаками и всевозможными проходимцами, большими и малыми, и не допускать, чтобы те составляли угрозу общественному порядку.

К тому времени, когда начинается наша история, штат Обходчиков, как их обычно называли, пришлось значительно расширить. Одно за другим с окраин поступали тревожные сообщения о подозрительных личностях и странного вида тварях, шастающих в приграничье, – первый признак того, что не все идет так, как следовало бы и как шло от века (если не принимать во внимание древних легенд и сказаний). Мало кто придавал значение этим зловещим предзнаменованиям. Даже Бильбо – и тот не углядел, что за всем этим крылось. Шестьдесят лет уже прошло с тех пор, как он отправился в свое достопамятное путешествие, и теперь он вполне мог считаться стариком даже по хоббичьим меркам, хотя среди хоббитов до ста лет доживали многие. Шестьдесят лет – большой срок, однако похоже было, что значительное состояние, с которым Бильбо вернулся из путешествия, далеко еще не иссякло. Но сколько еще золота оставалось в его сундуках, не знал никто – Бильбо не открывал своих секретов никому, даже Фродо, любимому «племянничку». А кроме того, Бильбо свято хранил тайну найденного им кольца.

4. О том, как было найдено кольцо

Как повествует книга «Хоббит», в один прекрасный день к Бильбо явился знаменитый волшебник Гэндальф Серый с тринадцатью гномами, причем среди гномов был ни много ни мало сам Торин Дубоцит, наследник гномьих Королей. Он привел с собой двенадцать товарищей по изгнанию. К своему несказанному удивлению, однажды теплым апрельским утром (а дело было в 1341 году по Засельскому Летосчислению) Бильбо отправился с ними в поход за несметными сокровищами, накопленными гномьими Королями-Под-Горой в недрах Одинокой Горы Эребор близ Дейла, далеко-далеко на востоке. Поход закончился успешно. Дракон, охранявший сокровища, был убит. Правда, окончательная победа далась ценой Битвы Пяти Воинств и гибели Торины, так что не один великий и славный подвиг совершен был ради желанной цели, но все эти события вряд ли существенно повлияли бы на дальнейший ход истории и, скорее всего, не заслужили бы большего, чем мимолетное упоминание в анналах Третьей Эпохи, если бы не одно «случайное» обстоятельство. Когда отряд, направляясь в Дикие Земли, шел через перевал в Туманных Горах, на гномов напали орки. Вышло так, что после многих злоключений Бильбо заблудился в глубоких подгорных пещерах, кишмя кишевших орками. Двигаясь в темноте, ощупью, Бильбо наткнулся на кольцо, лежавшее на полу туннеля. Не долго думая, он взял да и сунул его в карман. Тогда ему казалось, что это просто счастливая случайность.

Ища выхода, Бильбо дошел до самой нижней галереи – дальше пути уже не было. Здесь, вдали от света, дорогу ему преградило холодное озеро, посередине которого находился скалистый остров. На острове жил некто Голлум. Голлум был тварью небольшой, но довольно-таки противной. Пользуясь широкими, плоскими лапами вместо весел, он плавал по озеру в челноке, вглядывался бледно светящимися глазами в темноту, ловил длинными пальцами слепую рыбу и пожирал ее сырой. Вообще-то он ел все, что придется, даже орков, – если, конечно, ему удавалось схватить и задушить кого-нибудь из них без особой борьбы. Этот самый Голлум обладал одной тайной драгоценностью, которой он завладел еще в те времена, когда жил под

солнцем; это было золотое кольцо, которое делало невидимым всякого, кто наденет его на палец. Только это кольцо на всем белом свете и любил Голлум; он называл его своим «сокровищем» и беспрестанно разговаривал с ним – даже если кольца при себе у него не было. А брал он его с собой, только когда выходил на охоту – отслеживать орков. В остальное же время он хранил кольцо в укромном местечке на своем острове.

Если бы кольцо было тогда при нем, Голлум наверняка не задумываясь напал бы на Бильбо; но кольца-то он как раз и не захватил, а кроме того, в руке хоббита сверкал эльфийский кинжал, служивший ему мечом. Чтобы выиграть время, Голлум вызвал хоббита на состязание – давай, мол, отгадывать загадки, только с условием: если он загадает такую загадку, что Бильбо не сможет ее отгадать, Голлум убьет и съест его, а если победит Бильбо, Голлум выполнит просьбу хоббита – то есть выведет его из подземелий.

Поскольку Бильбо заблудился совершенно безнадежно и не имел ни малейшего представления о том, что делать дальше, он принял вызов Голлума – и они загадали друг другу изрядное количество загадок. В конце концов Бильбо вышел победителем, причем (как казалось тогда) по чистой случайности, а вовсе не благодаря собственной смекалке: пытаясь придумать очередную загадку, он замешкался и, сунув руку в карман, нащупал найденное им кольцо, о котором совсем было забыл. Удивившись, хоббит воскликнул: «Что у меня в кармане?» Этого Голлум так и не смог отгадать, хотя выторговал себе три попытки.

Некоторые авторитеты в области загадок – не будем этого скрывать – неоднократно высказывались в пользу того мнения, что, строго говоря, вопрос этот едва ли можно назвать загадкой. Но, наверное, все согласятся, что, взявшись отвечать и сделав три попытки, Голлум обязан был выполнить данное им обещание. Разумеется, Бильбо настаивал, чтобы Голлум сдержал свое слово, – хоббиту закралась в голову мысль, что такая скользкая тварь, как Голлум, вполне может обмануть его, хотя в подобных случаях, как известно, уговор считается священным и лишь самые бессовестные негодяи осмеливались на памяти поколений уклониться от выполнения обещанного. Но после долгих лет, проведенных во тьме, сердце Голлума почернело, и в черноте этой таилось предательство. Он

скользнул во мрак и поспешил на свой остров, который находился совсем недалеко от берега, – кстати, Бильбо об острове и понятия не имел. Голлум был уверен, что кольцо преспокойненько лежит на своем обычном месте. Он успел порядочно проголодаться, разозлился – ну а с «сокровищем» на пальце его не пугало никакое оружие!

Однако на острове кольца не оказалось. Голлум потерял его. «Сокровище» пропало! Из тьмы донесся такой вопль, что у Бильбо по спине побежали мурашки, но хоббит даже не мог взять в толк, что там такое случилось с Голлумом. Между тем Голлум-то как раз понял, что к чему, – правда, слишком поздно! «Что же все-таки у него в кармансах?!» – завопил он. В глазах у него вспыхнуло зеленое пламя, и он помчался обратно на берег, чтобы изничтожить хоббита и вернуть свое «сокровище». К счастью, Бильбо вовремя заметил опасность и опрометью бросился в первый попавшийся туннель – прочь от озера! И снова он спасся по чистой случайности: на бегу он нечаянно сунул руку в карман, и кольцо скользнуло ему на палец. Голлум пробежал мимо хоббита, так и не увидев его, – он мчался к выходу из туннеля, чтобы преградить путь вору. Бильбо незаметно последовал за Голлумом, а тот неслся вперед, сыпал на ходу проклятиями и взывал к своему «сокровищу». Хоббит слышал причитания Голлума, и до него наконец дошло, в чем дело. Во тьме ему забрезжил свет надежды: он нашел волшебное кольцо, а вместе с ним – путь к спасению от орков и от Голлума!

Наконец они остановились у невидимого входа в туннель, который вел к нижним воротам, выходившим на склон Туманных Гор. Голлум уселся на самом пороге, приняхиваясь и прислушиваясь. Бильбо едва поборол искушение вытащить меч и разделаться с этой тварью на месте. Однако жалость взяла верх. Правда, кольцо, в котором заключалась вся его надежда на спасение, Бильбо оставил себе – но не мог же он вдобавок воспользоваться им, чтобы убить негодяя, тем более безоружного! Наконец, собравшись с духом, Бильбо разбежался, перепрыгнул через Голлума и со всех ног бросился в темноту, а в спину ему полетели вопли, полные отчаяния, злобы и ненависти: «Вор! Бэггинс! Вор! Ненавидим! Ненавидим его на веки вечные!»

Тут стоит отметить одно любопытное обстоятельство: все вышеизложенное несколько отличается от того, что Бильбо поведал своим товарищам. Он рассказал им, что в случае проигрыша Голлум обещал сделать ему «подарочек», но, когда Голлум отправился за «подарочком» на остров, он обнаружил пропажу своего сокровища – волшебного кольца, которое сам много-много лет назад получил в подарок на день рождения. Бильбо догадался, что это и есть то самое кольцо, которое он нашел, – а поскольку он выиграл, то решил, что имеет на кольцо все права. Находясь в безвыходном положении, он умолчал о кольце и в уплату за проигрыш потребовал от Голлума вывести его из пещер. Точно так же Бильбо изложил эту историю и в своих воспоминаниях – и, несмотря ни на что, так и не исправил там ни строчки, даже после Совета Элронда. Очевидно, в оригинале Алой Книги эта история записана в том же виде, как и в большинстве ее списков и отдельно существующих фрагментов. Однако некоторые списки все же содержат изложение этих событий в их истинном виде (как варианты); появление их обусловлено, очевидно, пометками Фродо или Сэма – оба они знали истину, но, надо полагать, не хотели вымарывать ничего из написанного рукой старого хоббита.

Тем не менее Гэндальф, услышав рассказанную Бильбо историю, сразу же усомнился в ее правдивости – и с тех пор постоянно интересовался кольцом. В конце концов после настойчивых расспросов Гэндальфу удалось вытянуть из хоббита всю правду, хотя это и привело к серьезной размолвке между ними. На самом деле, хотя Гэндальф об этом хоббиту не сказал, мысли о кольце давно занимали волшебника, и его сильно беспокоило то обстоятельство, что Бильбо, честный в общем-то хоббит, не поведал правды сразу, – на него это было совсем не похоже. Версию о «подарочке» хоббит изобрел не сам. Бильбо признался, что она пришла ему в голову, когда он подслушал бормотание Голлума, – а тот и в самом деле неоднократно называл кольцо своим «деньрожденным подарочком». И это тоже показалось Гэндальфу весьма странным и подозрительным; однако в тот раз волшебник так и не узнал всей истины. Она открылась ему лишь много лет спустя, как будет видно из этой книги.

Нет необходимости рассказывать здесь о дальнейших приключениях Бильбо. Кольцо помогло ему обмануть охранявших

ворота орков, и он благополучно присоединился к товарищам. Еще много раз прибегал он к помощи кольца – главным образом для того, чтобы выручить друзей; но само кольцо он хранил в строжайшей тайне. Вернувшись домой, Бильбо никому о нем и словом не обмолвился – кроме Гэндальфа и Фродо; никто в Заселье даже не догадывался о существовании кольца – так, во всяком случае, полагал Бильбо. Одному лишь Фродо он показал записи о своем Путешествии.

Свой меч – Жало – Бильбо повесил над камином, а великолепную кольчугу из драконьего клада, подаренную ему гномами, передал на временное хранение в музей, то есть в «матомушник» Мичел Делвинга. Старый плащ и выцветший капюшон, служившие ему во время путешествия, Бильбо бережно хранил у себя в Котомке, в ящике комода, а к кольцу для спокойствия приделал тонкую цепочку и постоянно носил его в нагрудном кармане.

Бильбо вернулся в Котомку двадцать второго июня, на пятьдесят втором году жизни (1342 г. З. Л.), и с тех пор в Заселье ничего примечательного не происходило, пока почтенный Бэггинс не начал готовиться к празднованию своего стоодиннадцатилетия (1401 г. З. Л.). Тут-то и начинается наше Повествование.

5. Заметки о засельских хрониках

Выдающаяся роль, которую сыграли хоббиты в великих событиях, приведших к включению Заселья в Воссоединенное Королевство к концу Третьей Эпохи, пробудила в хоббитах живейший интерес к своей истории – множество преданий, существовавших до тех пор лишь в изустных вариантах, были наконец собраны воедино и записаны. А поскольку основные хоббичьи кланы не стояли в стороне от событий, имевших место в Большом Королевстве за пределами Заселья, то многие хоббиты занялись изучением древней истории и старинных преданий других народов. Уже к концу первого столетия Четвертой Эпохи в Заселье набралось несколько библиотек, битком набитых книгами по истории и всевозможными хрониками.

Крупнейшими из этих собраний следует, очевидно, признать библиотеки в Подбашенном, в Больших Смайлах и в Брендивинских Палатах. Наиболее подробным отчетом о событиях конца Третьей Эпохи мы обязаны главным образом Алой Книге Западных Окраин. Этот, самый ценный, источник сведений о Войне за Кольцо носит такое название потому, что долгие годы хранился в Подбашенном – родовом гнезде Светлов⁴⁰, Попечителей Границ Западных Окраин^[3]. Алая Книга является составной частью дневника Бильбо, который он взял с собой в Ривенделл. Фродо привез ее обратно в Заселье, а вместе с ней целый ворох прочих трудов старого хоббита; в течение 1420–1421 гг. З. Л. Фродо заполнил последние листы книги собственными заметками о Войне. Вместе с Алой Книгой сохранились приложенные к ней (и, видимо, помещенные все вместе в один красный футляр) три объемистых тома в красных кожаных переплетах, которые Бильбо подарил племяннику на прощание. К этим четырем томам в Подбашенном добавили пятый, содержащий различные комментарии, сведения по генеалогии и прочие материалы, относящиеся к хоббитам, входившим в Содружество.

К сожалению, оригинал Алой Книги утерян, но в свое время с него было сделано множество списков (особенно с первого тома) для многочисленных потомков достойнейшего Сэмуайза⁴¹. Однако самый ценный из этих списков имеет другое происхождение. Он хранился в

Больших Смайлах, но сделан был в Гондоре – вероятно, по заказу правнука Перегрин Тукка в 1592 г. З. Л. (172 г. Четвертой Эпохи). Гондорский переписчик добавил в конце несколько слов: «Писано королевским писцом Финдегилом. Труд сей закончен бысть IV. 172». Этот список в точности повторяет Книгу Тана из Минас Тирита, которая, в свою очередь, представляет собой список Алой Книги Ферианов⁴², сделанный по заказу Короля Элессара; вернувшись в Гондор (IV. 64), Тан Перегрин привез его с собой.

Таким образом, Книга Тана – это самый первый список Алой Книги, содержащий многие подробности, которые впоследствии были опущены либо утеряны. В Минас Тирите в него был внесен целый ряд пояснений и исправлений – в особенности это касается топонимики, различных названий, а также цитат на эльфийских языках; кроме того, к общему летописному своду была добавлена сокращенная версия «Сказания об Арагорне и Арвен» за исключением тех частей, где речь идет о Войне. Как известно, целиком эта история была записана Барахиром, внуком Наместника Фарамира, вскоре после смерти Короля. Но главная ценность Финдегилова списка заключается в том, что здесь полностью сохранились выполненные Бильбо «Переводы с эльфийского». Три тома этих переводов составлены с большим искусством и, надо признать, обнаруживают глубокое знание предмета; Бильбо работал над ними в Ривенделле с 1403 г. по 1418 г. и пользовался всеми доступными источниками, как письменными, так и устными. Однако Фродо переводами этими практически не пользовался, так как они связаны почти исключительно с событиями Старшей Эпохи, а потому не будем и мы говорить о них больше, чем уже сказано.

Поскольку Мериадок и Перегрин, встав каждый во главе своего клана, не порывали отношений с Роханом и Гондором, в библиотеках Бэкбери и Туккборо сохранились документы, которым не нашлось места в Алой Книге. В Брендивинских Палатах отыскалось, например, множество рукописей, касающихся Эриадора и истории Рохана⁴³. Кое-какие из них начаты самим Мериадоком, а то и целиком принадлежат его перу; однако в Заселье Мериадок известен главным образом своим «Травником Заселья», а также «Летосчислением», на страницах которого он рассматривает соответствие календарей Заселья и Бри календарям Ривенделла, Гондора и Рохана. Кроме того, им был

составлен небольшой трактат под заглавием «Старые засельские слова и названия», где собраны весьма любопытные замечания о языке Рохирримов⁴⁴ и показано происхождение таких исконно засельских словечек, как, скажем, *матом*, а также приведен целый ряд интересных исследований по засельской топонимике.

Книжное собрание Больших Смайлов содержит материалы не столько по истории Заселья, сколько по всеобщей истории. Там нет манускриптов, принадлежащих перу самого Перегринна, однако и сам он, и его наследники собрали множество рукописей, выполненных гондорскими переписчиками, – в основном своды различных легенд и преданий об Элэнди́ле и его потомках. Из засельских библиотек только в Больших Смайлах можно найти материалы по истории Нуменора и о возвышении Саурана. И пожалуй, только здесь имеется полный «Хронограф», дополненный документами, собранными Мериадоком. Несмотря на то что события там часто датируются весьма приблизительно, особенно когда речь идет о Второй Эпохе, рукопись эта заслуживает самого пристального внимания. Можно предположить, что Мериадок получил ряд сведений и подробные консультации непосредственно в Ривенделле, где бывал неоднократно: хотя Элронд к тому времени уже ушел из Ривенделла, там еще долго оставались его сыновья и кое-кто из Высших эльфов. Говорят, что после расставания с Галадриэлью там поселился и Кэлеборн⁴⁵; однако нет никаких сведений о том, когда именно он достиг Серой Гавани и когда Кэлеборн – этот последний свидетель Старших Дней – навсегда покинул Средьземелье.

Содружество кольца

Часть первая

Глава первая

Званные гости⁴⁶

Когда господин Бильбо Бэггинс из Котомки объявил, что намерен в скором времени отметить сто одиннадцатый день рождения и устроить по этому поводу особо пышное торжество, – Хоббитон загудел и заволновался.

Богач Бильбо удивлял Заселье своими чудачествами вот уже шестьдесят лет – с того самого времени, когда он однажды странным образом исчез и столь же неожиданно возвратился. Среди хоббитов ходили слухи о сокровищах, которых он якобы привез из дальних стран видимо-невидимо; никто не сомневался, что Холм под Котомкой просто ломится от золота. Одних этих рассказов хватило бы, чтобы сделать Бильбо знаменитым, но сокровищами дело не ограничивалось. Чем этот хоббит поражал соотечественников больше всего, так это неиссякаемой бодростью и здоровьем. Время шло, шло, а господину Бэггинсу – хоть бы хны. В девяносто он выглядел на пятьдесят. С девяноста девяти стали говорить, что он «хорошо сохранился». Но, по правде говоря, он не просто «сохранился» – он не изменился вообще. Находились такие, что качали головой, подозревая неладное. Разве справедливо, чтобы один хоббит заполучил одновременно и вечную молодость (как было в это не поверить, глядя на Бильбо!), и неистощимые богатства (в чем никто не сомневался)?

– За это придется расплачиваться, – предрекали недоброжелатели. – Это ни на что не похоже, а значит, беды не миновать!

Но беда приходить не спешила, а поскольку господин Бэггинс не слишком трясся над своими денежками, большинство хоббитов склонялось к тому, чтобы простить Бильбо и причуды, и его сказочное везение. Он поддерживал вежливые отношения с родственниками (исключая, разумеется, Саквилль-Бэггинсов⁴⁷); ну, а бедняки – те его чуть ли не на руках носили. Вот только близкими друзьями он не мог похвалиться, пока не подрос кое-кто из младших родственников.

Старший из этих младших – юный Фродо Бэггинс – ходил у Бильбо в любимчиках. Когда Бильбо стукнуло девяносто девять, он усыновил Фродо, взял его жить в Котомку и закрепил за ним все права наследования. Надежды Саквилль-Бэггинсов лопнули с треском.

Дни рождения Бильбо и Фродо совпадали – оба появились на свет двадцать второго сентября.

– Перебирался бы ты ко мне, Фродо, дружок, – сказал однажды Бильбо. – Сподручнее будет отмечать дни рождения.

В то время Фродо считался *вьюношей* – так именуют хоббиты тех, кто распрощался с детством и вступил в тот беззаботный и безответственный период, что длится до тридцати трех лет – до совершеннолетия.

Минуло еще двенадцать лет. Ежегодно, празднуя общий день рождения, Бэггинсы закатывали в Котомке веселую пирушку. Но на этот раз – это понимали все – затевалось что-то небывалое. Бильбо исполнялось сто одиннадцать лет – цифра довольно примечательная, не говоря уже о том, что для хоббита это возраст весьма почтенный (даже Старый Тукк дотянул только до ста тридцати), а Фродо достиг тридцати трех, то есть совершеннолетия.

Хоббитон и Приречье полнились слухами. Молва о надвигающемся событии распространилась по всему Заселью. Бильбо и его похождения снова оказались у всех на языке. Старожилы с их воспоминаниями шли нарасхват.

Самую большую и самую внимательную толпу слушателей собирал вокруг себя старый Хэм Гэмги, которого все звали попросту Старикином. Хэм окопался в «Плюще» – трактирчике, что у Приречного Тракта, и вещал с изрядным знанием дела, – как-никак он целых сорок лет ухаживал за садом в Котомке, да и прежде там подрабатывал в помощниках у старого Ямкинса. Теперь, когда Гэмги состарился и начал жаловаться на ломоту в суставах, основная работа легла на плечи его младшего сына, Сэма Гэмги. И отец, и сын крепко сдружились с Бильбо и Фродо. Кстати, жили они на том же Холме, третий номер по Отвальному Ряду, сразу под Котомкой.

– Господин Бильбо – хоббит любезный и обходительный, я всегда это говорил, – заявлял Старикин и ничуть не грешил против истины: Бильбо обращался с ним очень вежливо, называл его «господин

Хэмфаст»⁴⁸ и постоянно советовался с ним по поводу выращивания овощей – что касается разных «корешков» и, в особенности, картошки, то тут Старикан считался непревзойденным знатоком: это признавала вся округа (включая и его самого).

– А как насчет этого самого Фродо, ну, что живет-то с ним? – интересовался старый Ноукс⁴⁹ из Приречья. – По фамилии он вроде Бэггинс, но я слышал, он больше чем наполовину Брендибэк. Не возму в толк, чего это Бэггинсу из Хоббитона взбрело в голову искать жену в Бэкланде? Бэки, говорят, все с придурью...

– Ничего удивительного, – вмешался Папаша Двуног, чья нора была дверь в дверь с норой Старикана Гэмги. – Они ведь живут на том берегу Брендивина, прямо под Старым Лесом, а это место нечистое, темное, если не все врут про этот Лес.

– В самую точку, приятель, – подтвердил Старикан. – Нельзя, конечно, сказать, чтобы бэкландские Брендибэки жили внутри Старого Леса, но чудилы они изрядные, это верно. Взять хотя бы, как они носятся со своими лодками. Это ж надо было выдумать – плавать на каких-то скорлупках через реку, да еще такую широченную! Это что, нормально? Что ж тут удивляться, если несчастья так и сыплются? Но это их дело, а господин Фродо – юноша славный, лучше и желать нельзя. Вылитый господин Бильбо – и не только лицом. Отец-то у господина Фродо, как-никак, Бэггинс. Весьма уважаемый, добропорядочный хоббит был господин Дрого Бэггинс, ничем особенным не выделялся, да вот беда – утоп.

– Утоп?! – раздалось сразу несколько голосов.

Все, разумеется, знали эту историю и раньше. Слухи о смерти Дрого ходили темные, но хоббитов, известное дело, хлебом не корми, дай посудачить, так что никто не возражал послушать еще разок.

– За что купил, за то и продаю, – охотно откликнулся Старикан. – Вот как оно было. Господин Дрого женился на бедняжке Примуле Брендибэк. Так? Примула – двоюродная сестра Бильбо по материнской линии. Ее мамаша приходилась младшей дочерью Старому Тукку. А господин Дрого⁵⁰ – троюродный брат господина Бэггинса. Получается, стало быть, что Фродо господину Бэггинсу дважды племянник, по матери просто, а по отцу двоюродный, то есть куда ни кинь, все клин, уловили? Так вот, однажды господин Дрого гостил в Брендивинских Палатах у тестя, старого господина Горбадока⁵¹. Он частенько туда

наезжал, после свадьбы-то. Дело в чем? Господин Дрого не дурак был покушать, а у Горбадока стол, бывало, от еды так и ломится. Так вот, отправились они с супругой кататься на лодке – брр! – ну, и утопли, и бедный господин Фродо остался сиротой – а ведь он тогда был еще совсем ребенком.

– Говорят, они были только что поужинавши, а туда же! Понесло, видите ли, на речку лунным светом любоваться, – встрял старый Ноукс. – Вот Дрого ненароком и потопил лодчонку – одно брюхо сколько весило!

– Я слыхал – это жена его в воду столкнула, а он вцепись да и утяни ее за собой, – возразил Сэндиман⁵², хоббитонский мельник.

– А ты не слушай всех подряд, Сэндиман, – огрызнулся Старикан, недолюбливавший мельника. – Что толку болтать, будто кто-то кого-то толкнул или утянул? Лодка – штука ненадежная, даже если сидеть в ней не трепыхнувшись и не нарываться на неприятности. В общем, господин Фродо осиротел и, так сказать, застрял среди этих полоумных Брендибэков из Бэккланда, потому что воспитывать его решили в Брендивинских Палатах. Ох, и тарарам же там у них, говорят! Старому Горбадоку надо, чтобы вокруг него постоянно толпилось сотни две родственников, – а то бы он просто усох с тоски. Правильно сделал господин Бильбо, что забрал мальчишку: добрее поступка он в жизни не сделал. Пусть, дескать, малец узнает, что такое приличное общество! Ясно, для Саквилль-Бэггинсов это была плюха, и преувесистая. Было время, когда господин Бильбо где-то шастал, и они решили было, что Котомка достанется им. А он возьми да и вернись! Ну, и велел им оттуда убираться подобру-поздорову, а сам стал жить да поживать. И совсем не старится, вот ведь! А теперь – хлоп! – откуда ни возьмись, появляется наследник, и Бильбо честь по чести оформляет на него все бумаги. Не видать Саквилль-Бэггинсам Котомки как своих ушей! А нам остается только ладошки потирать.

– Говорят, в норе у Бэггинса деньжат закопано видимо-невидимо, – подал голос незнакомый хоббит, приехавший по торговым делам из Мичел Делвинга, что в Западном Пределе. – Весь Холм будто бы изрыт подземными ходами, и все доверху набито сундуками с золотом, серебром и всякими камушками. По крайней мере, так мне довелось слышать.

– Ну, так вам больше моего довелось слышать⁵³, – фыркнул Старикан Гэмги. – Я ни о каких камушках знать не знаю. Господин Бильбо не скупердай, и денежки у него вроде как водятся, но о подземных ходах, я хоть убей, не слыхал. Помню, как господин Бильбо возвратился домой лет эдак тому шестьдесят. Я тогда еще совсем мальчонкой был. Старик Ямкинс (он мне двоюродный дядя) как раз тогда взял меня в ученики, и, когда в Котомке устроили распродажу, я следил, чтоб народ не топал по грядкам и не ломился через кусты. Но не успели они раздухариться, как господин Бильбо возьми да и появись. Въезжает, значит, во двор, сам на пони, а по бокам этикие здоровенные выюки. И пара сундуков. Ясное дело, там у него были сокровища, которых он насобирает в чужих краях, но чтобы завалить этим добром весь дом – увольте! Сэм, сынишка-то мой, он лучше знает. Он в Котомке день-деньской околачивается. Любит, понимаете ли, послушать рассказов о прежних временах, а господина Бильбо за язык тянуть не приходится. Он моего сынишку и читать выучил – не со зла, заметьте! Я не думаю, чтобы из этого какой вред получился. Авось обойдется. «Ну что тебе эльфы? Что драконы? – говорю я Сэму. – Твоя забота – кочны да клубни, и не суй нос в господские дела, а то влипнешь – не обрадуешься». Я ему это день и ночь талдычу. Могу и здесь кой для кого повторить, если не ясно. – Тут Старикан покосился на чужака и на мельника Сэндимана.



Но Старикан не переубедил своих слушателей. Легенда о сокровищах Бильбо слишком прочно засела в умах молодого поколения хоббитов.

– Не надо заливать! С тех пор он наверняка добавил к своему запасу и денег, и золотишка, – хмыкнул мельник, выражая общее мнение. – Он то и дело в отлучке. Поглядите только на чужаков, которые у него бывают! Все эти гномы, которые стучатся к нему по ночам, и старый бродячий колдун Гэндалф, и мало ли еще кто! Так что трепись больше, Старикан. Мы-то знаем, что Котомка – место шальное, и хоббиты там все сдвинутые.

– Кто из нас треплется, еще вопрос, особенно если учесть, что ты в этом деле смыслишь не больше, чем в лодках, уважаемый Сэндиман, – отрезал Старикан, чувствуя приступ особого отвращения к мельнику, которого и так-то не жаловал. – Бэггинсы сдвинутые?! Да ты на других посмотри. У нас тут есть и вовсе ошалелые. Я знаю по

соседству таких, что кружки пива другу не поставят, даже если сами в золоте мало не купаются. Бэггинсы – совсем другое дело. У них все путем. Наш Сэм говорит, что на праздник пригласят всех до одного и всем будут подарки. Ждать недолго – праздник-то уже в этом месяце!

А месяц был сентябрь, и дни стояли погожие – лучше и желать нельзя. Вскоре по Заселью разнеслась весть (надо думать, не без участия всезнающего Сэма), что на празднике будет фейерверк, да такой, какого тут, почитай, лет сто не видели, – по крайней мере с тех пор, как умер Старый Тукк.

Время шло. Заветный день близился. Однажды вечером в Хоббитон въехала странная повозка, доверху набитая всякими диковинами, и с трудом вползла на Холм, направляясь прямо к усадьбе. Потрясенные хоббиты толпились в освещенных дверях своих домов, разинув рты. На козлах восседало несколько чужеземцев, распевавших незнакомые песни. Это были гномы – длиннородые, в низко надвинутых на глаза капюшонах. Некоторые из них задержались в Котомке. А в конце второй недели сентября через Приречье со стороны Брендивинского Моста среди бела дня прибыла крытая телега. Ею в полном одиночестве правил старик в высокой остроконечной шляпе синего цвета, в длинном сером плаще, а шарф у него был серебристый. Поверх шарфа белела длинная борода, а из-под шляпы топорщились косматые брови. Хоббитята бежали за телегой через весь Хоббитон и вверх по Холму. Как они и догадывались, оказалось, что телега нагружена ракетами для фейерверка. У парадного входа в усадьбу Бильбо старик начал разгружать привезенное – а были это увесистые связки всевозможных ракет, и на каждой связке красовались пометки – большая красная буква «Г» () и эльфийская руна – .

Конечно же, это «Г» могло быть только монограммой Гэндальфа, а старик был не кем иным, как самим волшебником Гэндальфом, который снискал себе в Заселье широкую известность как великий искусник по части огня, дыма и фейерверков. На самом деле он занимался делами куда более трудными и опасными, но засельчане о том и не подозревали. Для них появление Гэндальфа было просто лишним поводом развлечься, и только. Вот отчего ликовали хоббитята. «Г – Грохотун! Г – Громовик!» – кричали они наперебой, а старик

только улыбался в бороду. Узнали его сразу, хотя в Хоббитоне он показывался только изредка и никогда особо не задерживался, а в последний раз наведался так давно, что в теперешнем Заселье его фейерверков уже никто не помнил – ни малышня, ни древние старики, и знаменитые огненные представления, что любил когда-то устраивать Гэндальф, отошли в область предания.

Когда старик с помощью Бильбо и гномов разгрузил повозку, Бильбо оделил хоббитят мелкой монетой, но так и не запустил ни единой шутихи и не хлопнул ни одной хлопушкой, чем поверг маленьких зевак в полное разочарование.

– А теперь по домам! – приказал Гэндальф. – Придет время – будет вам хлопушек сколько душе угодно!

С этими словами он, потянув за собой Бильбо, исчез за дверью, и замок защелкнулся. Хоббитята потолклись еще немного у порога и в конце концов разбрелись, унося с собой чувство, что праздник, наверное, никогда не начнется!

Тем временем в Котомке происходило вот что. Бильбо с Гэндальфом расположились в маленькой комнатке, окна которой выходили на запад; ставенки были распахнуты в сад. Послеполуденное солнце струило мир и благодать. Цветы горели алым золотом. Львиный зев и подсолнухи заглядывали в круглые окошки; настурции густо обвивали дерновые стены.

– Славный у тебя садик! – заметил Гэндальф.

– Садик ничего себе, – согласился Бильбо. – Я его очень люблю. Как и все наше милое, дорогое Заселье. Но, сдаётся, старому Бильбо нужен отдых.

– Собираешься осуществить давний замысел?

– Вот именно! Все давным-давно решено, и перерешать поздно.

– Блестяще! Добавить нечего. В таком случае выполняй свое решение – только, смотри, до конца! Надеюсь, все выйдет как нельзя лучше и для тебя, и для всех нас.

– Хорошо бы! Но, как бы то ни было, в четверг я наконец отведу душу. Есть у меня в запасе одна шутка...

– Еще вопрос, кто будет смеяться, – вздохнул Гэндальф, качая головой.

– Посмотрим, – сказал Бильбо.

На следующий день к порогу Котомки подъехало еще несколько повозок, а за ними – еще и еще. Хоббиты начинали уже ворчать – куда это, мол, годится, надо же и местных торговцев уважить, – но в близлежащие лавки на той же неделе посыпались заказы на всевозможную снедь и всякую всячину, от обычных, обиходных вещей до предметов роскоши, – словом, на все, что только можно было достать в Хоббитоне, Приречье и окрестностях. Повсюду царило редкостное воодушевление. Хоббиты начали зачеркивать в календаре дни, оставшиеся до возжеленной даты, и высматривали почтальона, надеясь на приглашение.

Поток приглашений и впрямь не замедлил хлынуть. Хоббитонская почта буквально захлебнулась, а приреченская оказалась и вовсе погребена под грудой писем, так что пришлось звать на помощь добровольцев. Вверх по Холму текла сплошная река почтальонов с сотнями вежливых вариаций на тему: *«Спасибо, приду обязательно»*.

На воротах Котомки появилось объявление: *«Посетители принимаются только по делу касательно Праздника»*. Однако даже тех, кто приходил по поводу Праздника (или выдумывал такой повод), за порог допускали не всегда. Работы у Бильбо хватало и без визитеров. Он писал приглашения, отмечал, кто прислал ответ, заворачивал подарки, а также завершал некоторые тайные, одному ему известные приготовления. Со времени появления Гэндальфа никто будущего юбиляра так и не видел.

Однажды утром, протерев глаза, хоббиты обнаружили, что большая поляна к югу от парадного входа в Котомку сплошь утыкана кольшками и шестами для шатров и навесов; натягивались уже и веревки. В склоне, который спускался к дороге, прорубили особый проход с широкими ступенями и встроили туда большие белые ворота. Три хоббичьи семьи, что жили в Отвальном Ряду, у самой поляны, с утра до вечера могли наблюдать за всеми приготовлениями и нажили множество завистников. Что касается Старикана Гэмги, то он перестал даже делать вид, что копается у себя в огороде.

На поле стали подниматься шатры. Один из них был особенно большим – таким большим, что захватил даже дерево, которое росло посреди поляны. Теперь оно гордо возвышалось во главе стола. Все его ветви украсили фонариками. Самым же многообещающим сооружением казалась хоббитам чудовищных размеров поварня,

которую воздвигли в северном углу поляны. На помощь гномам и другим чужакам, разместившимся в Котомке, призвали поваров из всех окрестных трактиров. Общее воодушевление достигло высшей точки.

Тут небо заволокло тучами. Это случилось в среду, как раз накануне Праздника. Хоббитов охватило страшное беспокойство... А наутро наступил наконец Четверг, двадцать второе сентября. Солнце встало, тучи растаяли, флаги захлопали на ветру, – и пошло веселье!

Сам Бильбо Бэггинс скромно называл все это «праздничком», но вылился «праздничек» в нечто грандиозное, – пожалуй, он представлял собой скорее несколько отдельных праздников, объединенных общим названием. Приглашены были чуть ли не поголовно все, кто жил поблизости. Некоторых по ошибке обошли, но они все равно не преминули заявиться, так что никаких неприятностей не произошло. Позвали немало хоббитов и из других частей Заселья, некоторых даже из-за границы. Бильбо встречал гостей (званных и незванных) у новых белых ворот и каждому вручал подарок, сквозь пальцы глядя на тех, кто потихоньку выбирался через черный ход и жаловал к воротам во второй раз. Дело в том, что хоббиты, когда приходит их день рождения, дарят подарки, а не получают их. Подарки эти, как правило, недорогие, и дарить их приходится далеко не в таких неслыханных количествах, как делал на этот раз Бильбо, так что этот обычай не так уж и плох. По правде сказать, Хоббитон и Приречье каждый день праздновали чье-нибудь рождение, так что рядовому хоббиту хоть один раз в неделю что-нибудь да перепало. Тем не менее хоббитам подарки никогда не прискучивали.

Однако на этот раз подарки были просто выдающиеся. Хоббитята прыгали от восторга и даже чуть не позабыли о предстоящем угощении. Они разжились игрушками, каких раньше и в глаза не видели, – все до единой яркие, красивые, а некоторые, похоже, и вовсе волшебные! Бильбо заказал их еще год назад – иначе бы подаркам не успеть к сроку, ведь они должны были преодолеть длинный путь – от Одинокой Горы и Дейла; и работы они были не чьей-нибудь, а гномьей.

Когда последний гость переступил порог и оказался на поляне, настал наконец-то черед песням, музыке, играм – и, конечно же, угощению! Распорядок Праздника предполагал завтрак, полуденный чай и обед (переходящий в ужин), но и завтрак, и полдник, и ужин

выделялись только тем, что гости все до одного рассаживались за столы и ели все вместе. Ну, а в течение остального дня угощались кто во что горазд и когда вздумается.

Продолжалось это с одиннадцати до половины седьмого. А в половине седьмого начался фейерверк.

Фейерверком заправлял Гэндальф. Он не только привез все, что было нужно, но и сам смастерил все до последней ракеты. Он снаряжал потешные огни, он же устраивал всевозможные сюрпризы. Кроме того, любой хоббит мог получить что-нибудь от хозяйских щедрот – на празднике раздавали хлопушки, шутихи, пистоны, «эльфийские огни», петарды, «гномы свечи», «гоблинские погремушки», и все самого превосходного качества. С течением лет Гэндальф все больше преуспевал в своем искусстве.

Залп – и в небе щебечут огненные птицы! Залп – колышутся над черными дымными стволами кроны деревьев, и листья вспыхивают весенней зеленью, но тут же с ветвей на головы остолбеневшим хоббитам сыплются огненные цветы и, чуть-чуть не долетев до заброшенных лиц, исчезают, оставив дивное благоухание! Залп – и среди ветвей порхают искрящиеся бабочки, залп – вздымаются столбы цветного пламени, тут же превращаясь в орлов, корабли под парусами и стаи летящих лебедей; залп – над поляной разражается красная гроза и проливается желтым дождем! Невидимые воины с боевым кличем кидают в воздух серебряные копья, и копья, описав полукруг, с шипением тысячи разъяренных змей вонзаются в воду! Но под конец Гэндальф приберег – в честь Бильбо! – нечто совершенно особенное: он рассчитывал окончательно лишить хоббитов дара речи, и это удалось ему сполна. Огни погасли, внезапно в небо повалил густой дым. Клубы дыма приняли очертания далекой горы. Вершина налилась огнем и вдруг взорвалась, брызнув зеленым и алым пламенем, а из жерла вылетел красно-золотой дракон – если и не в натуральную величину, то, во всяком случае, очень натуральный: из пасти у него вырывался огонь, глаза таращились вниз и метали молнии. Поляну огласил рев, и чудище трижды пронеслось над самыми головами хоббитов. Толпа в панике отхлынула. Многие как стояли, так и попадали на землю. А дракон разогнался, что твой курьерский поезд, кувыркнулся и с оглушительным взрывом лопнул где-то над Приречьем.

– Это условный знак! Пора ужинать! – провозгласил Бильбо. Испуг и тревога вмиг улетучились. Распростертые на земле хоббиты повскакивали. На столах уже был накрыт великолепный ужин – для всех, кроме избранного общества: эти гости были приглашены в большой шатер – тот самый, с деревом.

Избранных насчитывалось двенадцать дюжин (это число – сто сорок четыре – называлось *куча мала*; правда, пользоваться им при счете хоббитов принято не было).

Среди гостей были представители всех семей, с которыми состояли в родстве Бильбо и Фродо, а также несколько близких друзей, в родстве не состоявших (например, Гэндальф). Не забыли и молодежь – с разрешения, конечно, родителей; впрочем, родителей в таких случаях уломать бывало нетрудно – они обычно разрешали детям веселиться допоздна, особенно если тех при этом бесплатно угощали: воспитание юных хоббитов требует немалых затрат на пропитание!

За столом восседало множество Бэггинсов, Боффинов, Тукков и Брендибэков; представлены были всевозможные Груббы (родичи бабушки Бильбо) и многообразные Куббы (родичи деда со стороны Тукков), а в дополнение к ним – широкий выбор Рытвингов, Булджеров⁵⁴, Перестегинсов⁵⁵, Барсукков, Дебеллингов, Дудельщиков и Большеступов. Некоторые родственники были так себе, седьмая вода на киселе, причем часть из них даже и в Хоббитон-то почти никогда не навещалась, сидючи по разным глухим медвежьим углам в отдаленных концах Заселья. Пригласил Бильбо и Саквилль-Бэггинсов. Ото и его жена Лобелия⁵⁶ не преминули явиться на пир. Они воротили нос от Бильбо и терпеть не могли Фродо, но приглашение, написанное золотыми чернилами, выглядело так заманчиво, что у них просто не достало сил отказаться. Кроме того, Бильбо – двоюродный братец Лобелии – с давних пор славился своим кулинарным искусством, и его праздничные обеды гремели по всей округе.

Все сто сорок четыре гостя рассчитывали попить на славу. Единственное, чего они боялись, – это как бы хозяин не учудил чего-нибудь в своей послеобеденной речи (обязательная часть программы). Бильбо всегда норовил вставить в свое выступление стишок-другой, именуя это «поэтическими украшениями»; кроме того, иногда, стаканчика этак после второго, он мог пуститься в

воспоминания о своих дурацких приключениях и таинственных странствиях. Как бы его не развезло и на этот раз!..

А пока настал черед угощения, и, надо сказать, разочарованы хоббиты не были. Пир удался на славу и стал поистине гвоздем праздника. Всего было вдосталь, выбор блюд – богатейший, кухня – самая изысканная, а главное, никто не торопил подниматься из-за стола. Кстати, в последующие недели торговля съестным в окрестных лавках шла не очень-то бойко. Но лавочники особой беды в этом не видели – ведь Бильбо, делая оптовые закупки для пира, опустошил хоббитонские склады, лавки и погреба чуть ли не подчистую!

Наконец пир подошел к концу (впрочем, это еще как сказать), и настал черед Речи. Собравшиеся к этому времени размякли и подобрели – они дошли до того состояния, которое у хоббитов называется «утрамбоваться под завязку». Они благодушно попивали любимые напитки, грызли излюбленные сласти и уже не помнили про недавние опасения. Теперь они готовы были выслушать все, что угодно, и кричать «ура» после каждой фразы.

– *Дорогие мои соотечественники!* – начал Бильбо, поднимаясь.

– Слушайте! Слушайте! – наперебой закричали хоббиты, не торопясь, однако, ни слушать, ни слушаться друг друга.

Бильбо выбрался из-за стола, прошествовал к увешанному фонариками дереву и вскарабкался на стул. На свету его лицо залоснилось, а на вышитом шелковом жилете сверкнули золотые пуговицы. Всем было прекрасно видно, как он стоит, помахивая правой рукой, левая спрятана в кармане брюк.

– *Дорогие Бэггинсы и Боффины!* – начал он снова. — *А также уважаемые Тукки и Брендибэки, Груббы, Куббы, Барсукки, Дудельщики, Булджеры, Перестегинсы, Дебеллинги и Большеступы!*

– *Большеступы!* – громогласно поправил пожилой хоббит с другого конца стола. Никому и в голову не пришло бы усомниться, что это самый настоящий Большеступ: ноги у него были соответствующего размера, на редкость косматые и обе возлежали на скатерти.

– *И Большеступы,* – повторил Бильбо как ни в чем не бывало. — *А также добрые, славные Саквилль-Бэггинсы, – наконец-то я вижу вас у себя! Добро пожаловать в Котомку! Сегодня я справляю сто*

одиннадцатый день своего рождения! Иными словами, мне стукнуло одиннадцать с хвостиком!

– Ур-ра! Ура! Поздравляем! Желаем счастья! Всего-всего! – загалдели хоббиты и с воодушевлением забарабанили по столам кулаками. Вот это речь! Лучше и не выдумать! Как раз в хоббичьем вкусе: коротко и не надо голову ломать.

– Надеюсь, вы развлекаетесь не меньше моего!

Оглушительный взрыв рукоплесканий. Выкрики «Еще бы!» (и «Еще чего!»). Трубы, рожки, волынки, флейты и прочая и прочая! Мы уже упоминали, что шатер кишел хоббичьим молодняком; теперь юное поколение заявило о своем присутствии взрывом доброй сотни музыкальных хлопушек с сюрпризом. В основном хлопушки были помечены меткой «Дейл»; большинству это слово ничего не говорило, но от хлопушек все были в восторге. Сюрприз состоял в том, что внутри оказались спрятаны музыкальные инструменты – небольшие, но искусно сработанные и звучащие прямо-таки волшебным. Обнаружив сюрприз, парочка-другая молодых Тукков и Брендибэков, решив, что дядя Бильбо выговорился (Что ж еще толковать-то? Все и так ясно!), вмиг соорудили в уголке оркестрик и принялись наяривать что-то веселенькое. Несовершеннолетний Эверард⁵⁷ Тукк и юная Мелисса Брендибэк вспрыгнули на стол с колокольчиками в руках и уже собирались станцевать «Прыг-скок» – танец довольно милый, но, пожалуй, чересчур буйный.

Но Бильбо еще не выговорился. Отобрав у какого-то хоббитенка рог, он трижды громко протрубил, призывая к тишине. Шум унялся.

– Подождите, я недолго! – крикнул Бильбо. Гром приветственных криков и рукоплесканий. — *Я не зря собрал вас за этим столом всех вместе! Я кое-что задумал!*

Что-то в его голосе заставило собравшихся смолкнуть. Наступила гробовая тишина. Один-два Тукка даже прислушались.

– *Если быть точнее, я задумал не одну вещь, а целых три! Первое – я хочу сказать вам, что люблю вас всей душой и что провести одиннадцать с хвостиком лет среди столь блистательных и достойных восхищения хоббитов недостаточно, чтобы пресытиться их обществом!*

Лавина одобрительных воплей и оглушительные хлопки.

– Я и с половиной из вас не успел сойтись так, как мне бы того наполовину хотелось, но, с другой стороны, я и половины из вас не люблю так, как она того, правда, вполровину не заслуживает!

Вот так так! Что-то чересчур заковыристо! Один или два хоббита захлопали; остальные морщили лбы, сисясь уяснить, что это было – любезность или хамство?

– Второе – я хочу отметить свой день рождения! – Снова аплодисменты. —То есть, простите, наш день рождения! Все вы прекрасно знаете, что этот праздник не только мой, но и Фродо – моего наследника и племянника! Сегодня он вступает в совершенный возраст и становится законным владельцем Котомки!

Снисходительные хлопки взрослых; громкие вопли хоббитов помоложе: «Фродо! Фродо! Ура старине Фродо!»

Саквилль-Бэггинсы скорчили мрачную гримасу: что бы это могло значить? Почему это вдруг хлоп – и «законным владельцем»? Что за шутки?

– Если сложить наши годы, выйдет ровно сто сорок четыре. Вас тут тоже сто сорок четыре, и это не случайно. Настоящая куча мала, если мне будет позволено так выразиться!

Неловкое молчание. Уж это ни в какие ворота не лезло! Многие из гостей, особенно Саквилль-Бэггинсы, глубоко оскорбились. Что же, выходит, их зазвали только для ровного счета, словно они ящики какие-нибудь? «Куча мала! Хорошенькое дело! Как плоско!»

– Если мне разрешат обратиться за вдохновением к давно минувшим временам, я напому вам, что сегодняшней день – это еще и годовщина моего прибытия в Эсгарот верхом на бочке. Правда, в тот раз я совсем было запаматовал про свой день рождения, но тогда мне стукнуло всего пятьдесят один, а когда ты молод, день рождения – не велика дата. Правда, пир мне закатили что надо, хотя сам я схватил ужасный насморк, и речь моя на пиру состояла всего из двух слов: «Бдагодадю богодно!» Позвольте мне сегодня сказать то же самое еще раз, но уже ясно и внятно: благодарю вас всех покорно за то, что посетили мое скромное торжество!

Упрямое молчание. Неужели он сейчас затянет песню или начнет декламировать стихи? Почему не откланяется и не даст спокойно выпить за его здоровье? Но Бильбо не стал петь и не заговорил стихами. Вместо этого он смолк, подождал немного и продолжил:

– Третье, и последнее. Я хочу сделать небольшое объявление. – Последнее слово неожиданно прозвучало так громко, что все, кто еще мог выпрямиться, выпрямились и навестили уши. —Хотя, как я уже сказал, *одинадцати с хвостиком лет мало, чтобы сполна насладиться вашим обществом*, – с глубоким прискорбием вынужден объявить: *всему настает конец. Я ухожу. Причем сию же минуту. Прямо сейчас. Прощайте!*

С этими словами он шагнул со стула и... исчез! Все на секунду ослепли от ярчайшей вспышки и зажмурились, а когда открыли глаза – Бильбо нигде не было. Сто и сорок четыре обманутых хоббита так и онемели. Старый Одо⁵⁸ Большеступ убрал ноги со стола и затопал. Затем воцарилось полное молчание. Наконец переводя как следует дух, все до единого Бэггинсы, Боффины, Тукки, Брендибэки, Куббы, Барсукки, Булджеры, Перестегинсы, Рывинги, Дебеллинги, Дудельщики и Большеступы разом загалдели.

Постепенно возмущенные гости сошлись на том, что шутка Бильбо – самого низкого пошиба, и теперь единственное средство прийти в себя – это поскорее что-нибудь съесть и выпить. В запальчивости итог подвели такой:

– Сбрэндил, право слово, сбрэндил старик! Но кто же не знал, что он чокнутый?

Даже Тукки (за малым исключением) осудили поступок Бильбо как нелепый и возмутительный. Дело в том, что поначалу большинство ни на миг не усомнилось в том, что исчезновение Бильбо – просто глупая выходка и ничего больше.

Неладное заподозрил только старый Рори⁵⁹ Брендибэк. Ни почтенный возраст, ни обилие умятой им на праздничном угощении снеди не притупили его природного ума, и Рори, наклонившись к уху своей невестки Эсмеральды, тихонько шепнул:

– Нет, дело тут нечисто, голубушка! Бэггинс, чудила, опять куда-то намылился! Ну и дурень! Но, с другой стороны, пусть его. Закуску он нам оставил, а это главное! – И он во весь голос окликнул Фродо, требуя еще вина.

Из всех, кто был в шатре, один Фродо не сказал ни слова. Он молча сидел по правую руку от пустого стула Бильбо и не отвечал ни на вопросы, ни на колкие замечания. Он знал о шутке заранее, но это не помешало ему вдоволь позабавиться. Фродо едва удерживался,

чтобы не прыснуть, глядя на обалдевшие физиономии гостей и слушая их возмущенные восклицания. Правда, это не заглушило грусти – Фродо только теперь понял, как сильно любит старого хоббита. Гости тем временем ели, пили и обсуждали странности Бильбо Бэггинса, прошлые и нынешние; правда, Саквилль-Бэггинсов уже не было – разгневанные, они покинули праздник. Фродо почувствовал, что ему делать здесь больше нечего. Он велел еще разик обнести гостей вином, встал, молча осушил свой бокал, произнес мысленно тост за здоровье Бильбо – и выскользнул из шатра.

Что касается Бильбо Бэггинса, то во все продолжение речи он теребил в кармане золотое кольцо – то самое волшебное кольцо, которое он так много лет хранил ото всех в тайне. Сделав шаг со стула, он надел кольцо на палец и – только его и видели!

Он поспешил к себе в норку и постоял с минуту на пороге, улыбаясь гвалту, доносившемуся из шатра, и веселому гомону пирующих на поляне. Войдя в дом, он снял нарядный костюм, сложил вышитый шелковый жилет, завернул его в бумагу и спрятал. Затем быстро переоделся в старое походное платье и защелкнул на поясе пряжку потертого кожаного ремня. К ремню он пристегнул короткий меч в выдавших виды черных кожаных ножнах. Отперев ящик (насквозь пропахший порошком от моли), он извлек оттуда старый плащ и капюшон. Судя по тому, что Бильбо держал их под замком, это были предметы особо ценные, хотя по виду понять этого было невозможно, – все латаное-перелатаное, выцветшее, так что какого они были прежде цвета, сразу и не скажешь, – скорее всего темно-зеленого. И плащ, и капюшон были явно с чужого плеча и висели на Бильбо мешком. Облачившись в них, он отправился в кабинет и из особого хранилища извлек какой-то завернутый в тряпье сверток, рукопись в кожаном переплете и плотный конверт. Книга и сверток полетели в тяжелый вещевой мешок, стоявший рядом и набитый уже почти до отказа. В конверт Бильбо опустил золотое кольцо и тонкую золотую цепочку к нему, запечатал и написал на конверте имя Фродо. Затем положил конверт на каминную полку – но внезапно передумал и сунул в карман. В этот миг дверь распахнулась и на пороге появился Гэндальф.

– Привет! – обернулся Бильбо. – А я вот гадаю – заглянешь ты ко мне или нет?

– Рад тебя видеть, – сказал волшебник, усаживаясь. – Мне срочно нужно было перемолвиться с тобой парой слов, чтобы покончить со всеми делами. Полагаю, шутка удалась на славу, все прошло как по писаному?

– Ну еще бы! – заулыбался Бильбо. – Только вот эта вспышка... Я и то удивился, а про других и говорить нечего. Решил добавить кое-что от себя?

– Угадал. Не обессудь! Все-таки ты столько лет осторожничал с кольцом, что я счел за лучшее направить твоих гостей на ложный след.

– И все мне испортить! Видать, без тебя ничего никогда не обойдется, старый ты проныра! – рассмеялся Бильбо. – Впрочем, ты, наверное, знал, что делаешь. Как и всегда.

– Ты прав. Когда я знаю что-нибудь наверняка, я и поступаю наверняка. Однако сейчас я кое в чем сомневаюсь... Впрочем, к делу! Значит, ты сыграл свою шутку. Кстати, твоих сородичей чуть удар не хватил, а кого не хватил – те страшно оскорбились. Теперь в Заселье ближайшие девять, а то и все девяносто девять дней ни о чем другом говорить не будут... Ну что ж! А как насчет остального?

– Все по-прежнему. Мне позарез нужен отдых, очень, очень долгий отдых. Я тебе уже говорил. Может быть, каникулы получатся и вовсе бессрочными. Не думаю, чтобы я вернулся. По чести говоря, я и не собираюсь возвращаться. Дела я все уладил, так чего ради?.. Постарел я, Гэндальф! Выгляжу я моложе своих лет, но где-то там, внутри, я чувствую, что это не так. «Хорошо сохранился»! Да уж! – Он фыркнул. – Я просто стал какой-то прозрачный и тонкий, словно меня размазали по бутерброду, как масло, понимаешь? Причем масла мало, а ломоть огромный... Не дело это. Надо сменить обстановку, надо что-то предпринять!..

Гэндальф поглядел на него пристально и с любопытством.

– Да, это не дело, – сказал он раздумчиво. – Пожалуй, ты хорошо придумал.

– Хорошо, плохо ли, а менять ничего не стану. Я хочу снова увидеть горы, Гэндальф. Горы. И найти местечко, где я смог бы отдохнуть. В тишине и спокойствии. Чтобы вокруг не рыскали толпы родственников и чтобы не обрывали дверной звонок назойливые

посетители. Может, я даже смогу закончить свою книгу. Я уже нашел неплохую фразу для концовки: «...и жил счастливо до конца дней своих».

Гэндальф рассмеялся:

– Так оно, скорее всего, и будет! Но книги твоей никто не прочитает, так что над концовкой можно не мучиться.

– Ну, почему же? Придет время – прочитают. Фродо, например. Он уже заглянул в нее и ждет продолжения. Ты ведь присмотришь за ним, правда? Одним глазком?

– Двумя, Бильбо, двумя, когда не надо будет смотреть в другую сторону!

– Позови я его, он бы, конечно, пошел со мной. Он ведь просился перед праздником. Но я-то знаю, что это пока одна блажь. Я хочу снова поглядеть на дальние страны перед смертью, а он ведь всю жизнь прожил тут, в Заселье, и сердце его со здешними лесами, полями и речушками. Хочу, чтобы малышу жилось привольно, а потому оставил ему почти все – кроме пары вещей. Надеюсь, он будет счастлив. Надо только привыкнуть к самостоятельности. Пора ему встать на ноги!

– Говоришь, все оставил? – усомнился Гэндальф. – А кольцо? Уговор дороже денег! Не забыл?

– А... ну... да, кажется, вроде не забыл... – смутился Бильбо.

– И где оно?

– В конверте, если тебе так уж надо знать! – вспыхнул Бильбо. – Там, на каминной полке!.. Нет! Гляди-ка! Вот оно – в кармане! – Тут он запнулся. – Чудно! – добавил он тихо, как бы обращаясь сам к себе. – Но, с другой стороны, почему бы и нет? Так даже лучше...

Гэндальф снова пристально посмотрел на Бильбо. Глаза его сверкнули.

– На твоём месте, Бильбо, я бы его все-таки оставил, – сказал он спокойно. – Вижу, тебе не хочется с ним расставаться?

– Ну... и да и нет. Раньше я об этом не думал, а теперь вот жалко. Не хочу его отдавать, и все тут. И зачем, главное? Не понимаю. Для чего тебе это понадобилось? – На этих словах голос его как-то странно изменился – зазвучал резко, раздраженно, с подозрением. – Далось тебе это кольцо! Остальные мои трофеи тебя почему-то не интересуют!

– До них мне и правда дела нет, а вот кольцо мне действительно «далось», как ты говоришь, – сказал Гэндальф спокойно. – Мне нужно знать правду. Это очень важно. Волшебные кольца – они... словом, они волшебные, и этим все сказано. Встречаются они редко, и ждать от них можно всякого. Твоим кольцом я заинтересовался, так скажем, по долгу службы, и интерес мой не угас до сих пор. Ты будешь скитаться по долам и лесам, невесть где. А я должен всегда твердо знать, где оно. Ну, и, кроме всего прочего, у тебя это колечко уже давно, пора бы и наиграться. Если я на верном пути и не во всем ошибаюсь, оно тебе уже не понадобится, Бильбо.

Лицо Бильбо налилось кровью, глаза сердито засверкали. Обычного добродушия как не бывало.

– Это почему же?! И какое тебе до этого дело, смею спросить? Нечего распоряжаться моими вещами! Это мое кольцо! Я сам его нашел, ясно?! Или оно меня!..

– Не спорю, не спорю, – сказал Гэндальф. – Зачем злиться?

– Если я злюсь, то виноват ты! Ты! Мое кольцо, и все тут! Слышишь? Мое, собственное! Мое сокровище! Да, мое сокровище!

Лицо волшебника оставалось серьезным и внимательным. Ничто не выдавало его изумления и даже тревоги, кроме внезапной вспышки в глубоко запавших глазах.

– Его уже так называли однажды, – заметил он. – Не ты. Другой.

– А теперь это делаю я. Ну и что? Подумаешь, Голлум разок обмолвился. Оно же теперь мое, не Голлумово. И останется моим. Я так решил!

Гэндальф поднялся.

– Ты будешь ослом, если не отдашь его, – сурово отчеканил он. – С каждым твоим словом мне это все яснее. Оно держит тебя слишком крепко. Оставь его! Тогда оно тоже тебя оставит, и ты сможешь уйти, и стать свободным.

– Как захочу, так и сделаю! Я и без того свободен, – набычился Бильбо.

– Тсс! Спокойнее, дружище! Мы ведь с тобой не первый день друзья, и ты мне кое-чем обязан. Решайся! Обещание есть обещание. Выполняй же его!

– Хочешь заграбастать, так прямо и говори! – закричал Бильбо срывающимся голосом. – Только не выйдет у тебя ничего! Не отдам я

своего сокровища! Ясно?! – И рука хоббита потянулась к рукоятке его маленького меча.

Глаза Гэндальфа засверкали нестерпимым огнем.

– Видно, настал мой черед разозлиться, – жестко сказал он. – Еще раз такое услышу – берегись! Или ты захотел посмотреть на Гэндальфа Серого в его истинном обличье?

Волшебник шагнул вперед. Казалось, он вырос. Не Гэндальф, а грозный и страшный великан воздвигся над хоббитом; тень его заполнила крошечную комнатку целиком.

Бильбо отшатнулся и, тяжело дыша, прижался к стене, схватившись за карман. С минуту они стояли, глядя друг на друга. Воздух звенел от напряжения. Гэндальф не отводил взгляда. Постепенно кулаки Бильбо разжались. Его начал бить озноб.

– Ты что, Гэндальф? Ты что? – пролепетал он. – Я тебя таким еще не видел. Что тут такого? Оно ведь и вправду мое. Ведь это я его нашел. Отдай я его Голлumu, он бы меня прикончил. Я никакой не вор, что бы он обо мне ни говорил...

– Я никогда и не называл тебя вором, – ответил Гэндальф. – Но и я тоже не вор. Я не собирался тебя обчистить. Я хочу только помочь тебе. Ты всегда верил мне. Хотелось бы, чтобы поверил и на этот раз.

Он отвернулся, и тень исчезла. Перед Бильбо снова стоял обыкновенный седой старик, сгорбленный и озабоченный.

Бильбо провел рукой по глазам.

– Прости, – сказал он. – Со мной что-то странное случилось. Пожалуй, так будет даже легче – отделаться и забыть, чтоб не морочило больше голову. В последние месяцы оно так и стоит все время передо мной. Иногда мне кажется, что оно смотрит на меня, будто глаз. И знаешь – мне почему-то все время хочется надеть его на палец и исчезнуть. А то вдруг как стукнет: все ли с ним в порядке? – и лезешь в карман убедиться, что – уф! – на месте... Я уж и на ключ его запираю, и все такое, но оказалось, что, когда оно не в кармане, я просто места себе не нахожу. Почему – не знаю. Никак не могу взять себя в руки и решиться!

– Тогда положишься на меня, – посоветовал Гэндальф. – У меня все решено. Иди, куда задумал, а кольцо оставь. Пусть оно перестанет быть твоим. Отдай его Фродо, а я пригляжу за ним.

Бильбо все еще стоял в нерешительности. Наконец из его груди вырвался вздох.

– Ладно, – проговорил он с усилием. – Оставлю. – Он пожал плечами и выдавил из себя довольно-таки скорбную улыбку. – На самом деле, ради этого я и день рождения-то затеял. Раздам, думал, побольше подарков – может, легче будет заодно и с кольцом разделаться? Легче не вышло, но все-таки жаль, если все мои труды пропадут даром. Это окончательно испортило бы шутку.

– Конечно. В этом была вся соль. Другого смысла я в твоей затее не нахожу, – подтвердил Гэндальф.

– Отлично, – решил Бильбо. – Откажу его Фродо вместе со всем остальным. – Он глубоко, всей грудью вздохнул. – Что ж, теперь мне и правда пора в путь, пока меня еще кто-нибудь не остановил! «До свидания» я уже сказал, а начинать все по второму кругу – для меня это слишком!

Он подхватил мешок и направился к двери.

– Кольцо все еще у тебя в кармане, – напомнил волшебник.

– Точно! – вскричал Бильбо. – И завещание, и все прочие бумаги. Может, возьмешь конверт и передашь от моего имени? Так будет надежнее.

– Нет, кольца я не возьму, – сказал Гэндальф. – Положи его на каминную полку. До прихода Фродо с ним ничего не сделается. Я пригляжу.

Бильбо вынул конверт и собирался уже положить его на полку рядом с часами, но рука вдруг отдернулась, и пакет полетел на пол. Подобрать его Бильбо не успел: быстро нагнувшись, волшебник опередил его и водворил конверт на камин.

Лицо хоббита снова свела судорога ярости; впрочем, оно тут же разгладилось, и Бильбо рассмеялся.

– Ну вот и все, – сказал он. – Я пошел!

Они вышли в прихожую. Бильбо выбрал из тростей на стойке любимую и свистнул. Из трех разных комнат выскочили трое гномов, хлопотавших по хозяйству.

– Ну как, все готово? – спросил Бильбо. – Все завернули? Все надписали?

– Все! – ответили гномы.

– Тогда в путь!

И он перешагнул через порог.

Ночь выдалась ясная. Небо усеяли точки звезд. Бильбо поднял голову и глубоко вздохнул:

– Здорово! Просто здорово! Снова из дому, снова в дорогу! Да еще с гномами! Вот о чем я мечтал все эти долгие годы! До свидания! – Он оглянулся на свой старый дом и поклонился порогу. – До свидания, Гэндальф!

– До скорого свидания, Бильбо! Смотри в оба! Ты уже в возрасте, и я надеюсь, что годы прибавили тебе ума!

– Смотри и ты в оба! А я ничего не боюсь. Я счастлив как всегда, и это не пустые слова. Но теперь пора! А то ноги убегут сами! – И Бильбо тихонько замурлыкал песенку:

*Бежит дорога вдаль и вдаль.
Но что я встречу по пути?
Забыв усталость и печаль,
Я ухожу, чтобы идти
Все дальше, не жалея ног, —
Пока не выйду на большак,
Где сотни сходятся дорог, —
А там посмотрим, что и как!*

Прервав себя, он постоял немного молча и вдруг, ничего больше не сказав, повернулся спиной к огням, голосам и раскинутым на поляне шатрам. Мгновение спустя он свернул в сад и бодро зашагал вниз по склону, а за ним – трое его спутников. В конце тропы он перепрыгнул через изгородь, где пониже, и углубился в ночные поля – ветерок прошуршал в траве, и все стихло.

Гэндальф постоял на пороге, провожая Бильбо взглядом, пока хоббит и его спутники не растворились в темноте.

– До свидания, дорогой Бильбо! До следующей встречи! – сказал он наконец негромко и возвратился в дом.

Фродо не заставил себя долго ждать. Когда он появился, Гэндальф сидел в кресле, не зажигая огня, погруженный в глубокую думу.

– Ну как, ушел? – спросил Фродо.

– Да, – откликнулся Гэндальф. – Все-таки ушел.

– Я думал – то есть нет, скорее надеялся, что это только шутка, – вздохнул Фродо. – Но в душе я знал, что он и правда решил уйти. Он ведь всегда шутил, когда речь заходила о чем-нибудь серьезном. Надо было прийти пораньше, чтобы застать его и попрощаться!

– Думаю, он хотел ускользнуть незаметно, не прощаясь, – возразил Гэндальф. – Не переживай. Теперь-то с ним все будет в порядке. Он оставил тебе конверт. Возьми!

Фродо взял с каминной полки конверт, взглянул, но открывать не стал.

– Здесь завещание и другие бумаги, как я полагаю, – сказал Гэндальф. – Теперь ты – хозяин Котомки. И еще у меня есть подозрение, что ты найдешь в этом конверте золотое кольцо.

– Кольцо?! – изумился Фродо. – Он оставил его мне?! Но почему?.. Впрочем, оно может пригодиться.

– А может и не пригодиться, – заметил Гэндальф. – На твоём месте я бы им не пользовался. Лучше всего положить его под замок и беречь пуще глаза. Ну, а теперь я иду спать!

Как хозяин Котомки Фродо вынужден был взять на себя тяжкий долг – проститься с гостями. Слух о странном происшествии расползся уже по всей поляне, но Фродо всем отвечал одно и то же: «Утро вечера мудренее, авось все разъяснится». Около полуночи за гостями поважнее прибыли экипажи и один за другим отъехали, нагруженные сытыми, но очень недовольными хоббитами. Затем пришли нанятые заранее садовники и увезли на тачках самых заядлых кутил, которые по вполне простительной причине несколько задержались на пиру.

Долго ли, коротко ли, – ночь минула. Встало солнце. Хоббиты тоже встали – правда, много позже солнца. Начинался день. Пришли рабочие и принялись (по распоряжению хозяина) снимать шатры, убирать столы, расставлять стулья по своим местам и подбирать ложки, ножи, бутылки, тарелки, фонарики, оберточную бумагу, крошки, обрывки хлопушек, забытые сумки, перчатки, носовые платки, а также остатки трапезы (каковых оказалось совсем мало). Вслед за рабочими пожаловали визитеры (хотя этим никто никаких распоряжений не давал): Бэггинсы, Боффины, Булджеры, Тукки и

прочие вчерашние гости – короче, все, кто жил или гостил поблизости. К полудню, когда даже самые завтраколюбивые хоббиты вышли наконец на улицу узнать, что слышно новенького, у Котомки снова собралась изрядная толпа – незваная, но нельзя сказать, чтобы неожиданная.

Фродо поджидал гостей на пороге, вежливо улыбаясь, но выглядел усталым и озабоченным. Он принимал всех, но добавить к уже сказанному накануне ничего не мог. На все вопросы ответ был один: «Господин Бильбо Бэггинс покинул эти места. Нет, насколько мне известно, возвращаться не собирается». Некоторые посетители получили приглашение зайти в дом: Бильбо оставил им «весточки».

В прихожей высилась куча всяческих пакетов, свертков и мелкой мебели. На каждой вещи красовался ярлычок с надписью. Надписи эти были иной раз довольно пространными – например, такая:

«Аделарду⁶⁰ Тукку – в личную собственность, от Бильбо» – на зонтике. Аделард вечно прихватывал с собой из гостей чей-нибудь зонтик, хотя на этих зонтиках далеко не всегда значилось, что они предназначены ему в подарок!

«Доре Бэггинс – в память о нашей продолжительной переписке, от Бильбо» – на вместительной корзине для бумаг. Дора, сестра Дрого, была в то время старшей из родственниц Бильбо и Фродо. Старушке минуло девяносто девять, и за последние полвека, а то и больше, она исписала горы бумаги, наставляя родню на путь истинный.

«Мило⁶¹ Барсукку – в надежде, что пригодится, от Б. Б.» – на ручке с золотым пером и чернильнице. Мило славился тем, что никогда не отвечал на письма.

«Анжелике – от дяди Бильбо, в личное пользование» – на круглом вогнутом зеркальце. Анжелика принадлежала к юному поколению Бэггинсов и, мягко выражаясь, не скрывала, что считает себя первой красавицей Заселья.

«Для библиотеки Гуго Перестегинса – от одного из внесших посильный вклад» – на пустом шкафчике для книг. Гуго охотно брал почитать чужие книги, но возвращал уж как-то особенно неохотно, если возвращал вообще.

«Лобелии Саквилль-Бэггинс – в подарок» – на шкатулке с серебряными ложечками. Бильбо подозревал, что за время его первой отлучки Лобелия позаимствовала из Котомки немало столового

серебра. И Лобелия знала о его подозрениях лучше кого бы то ни было. Когда старуха прибыла и прочитала надпись, она сразу взяла в толк, на что намекает Бильбо, – но ложки тем не менее взяла.

И подарков, и надписей было, конечно, гораздо больше. За долгую жизнь Бильбо в его жилище накопилась уйма вещей. В хоббичьих норах зачастую повернуться негде от всякой всячины – в основном из-за обычая задаривать гостей множеством подарков. Нельзя, правда, сказать, чтобы подарки дарились всегда новые. Было, например, несколько старых *матомов*, которые кочевали по всей округе, от владельца к владельцу. Но у Бильбо заведено было дарить всегда только новые подарки, а те, что получал он сам, – хранить. Теперь старая нора могла наконец избавиться хотя бы от толики хлама.

На каждом из прощальных подарков белело по ярлычку, снабженному собственноручной надписью Бильбо – иногда шутливой, иногда не без намека. Но конечно, большинство вещей попали туда, где в них особенно нуждались, и встречены были с радостью. Так, больше всех повезло хоббитами победнее, особенно тем, что жили в Отвальном Ряду⁶². Старики Гэмги получили два мешка картошки, новую лопату, шерстяной жилет и горшочек с мазью для больных суставов. Почтенный Рори Брендибэк отхватил, в благодарность за хлебосольство, дюжину бутылок «Старого Виноградника», крепкого красного вина из Южного Предела, как следует выдержанного, – еще бы, ведь эти бутылки в свое время закупоривал еще отец Бильбо! Едва распробовав вино из первой бутылки, Рори тут же даровал Бильбо полное прощение и с тех пор стоял за него горой, доказывая, что Бильбо всегда был хоббитом что надо.

Фродо получил кучу всякой всячины, не считая, конечно, основного добра: книг, картин, мебели, причем в итоге всего этого набралось даже больше, чем нужно для скромной, но безбедной жизни. Однако о деньгах и драгоценностях помину не было. Бильбо не завещал племяннику ни гроша, и среди подарков не отыскалось даже какой-нибудь завалящей стеклянной бусинки.

Этот день стал для Фродо настоящим испытанием. Словно лесной пожар, по окрестностям распространился слух, будто имущество Бильбо все до последней пуговицы будет роздано бесплатно. Вскоре

Котомка наполнилась хоббитами, у которых никакого дела к хозяину не было, – но и выставить их не удавалось. В прихожей царил тарарам. Ярлыки кто-то посдирал, подарки перепутались, там и сям вспыхивали перебранки. Некоторые не сходя с места предлагали меняться подарками и заключали сделки, другие норовили смыться с какой-нибудь мелочью, адресованной другому, или просто тащили, что казалось не востребуемым (или плохо лежало). От двери и до самых ворот выстроился ряд возков и тачек.

В разгар неразберихи заявили Саквилль-Бэггинсы. Фродо как раз отправился отдохнуть ненадолго, попросив своего друга Мерри Брендибэка⁶³ приглядывать за всем происходящим. Когда Ото⁶⁴, ввалившись, громогласно потребовал Фродо, Мерри вежливо поклонился в ответ:

– Приема нет. Хозяин отдыхает.

– Говори уж лучше сразу «прячется»! – не поверила Лобелия. – Мы пришли с ним поговорить, и нас никто не остановит. Иди и передай ему это!

Мерри заставил их долго ждать, так что у Саквиллей оказалось в запасе достаточно времени, чтобы обнаружить в общей груде прощальных подарков адресованную им шкатулку с ложками. Настроение у них от этого, прямо скажем, не улучшилось. Наконец их провели в кабинет. Фродо сидел за столом перед кучей бумаг. На его лице явственно читалось, что гостей он принимать не склонен, тем более если эти гости – Саквилль-Бэггинсы. Увидев их, он встал, теребя в кармане какую-то вещицу. Впрочем, правила учтивости он все же постарался соблюсти.

Саквилль-Бэггинсы, наоборот, с первого слова взяли тон самый оскорбительный. Начали они с того, что пожелали купить у Фродо некоторые ценные вещи, не отмеченные ярлыками, однако предложили за них смехотворно мало (какая меж своими торговля?). Когда Фродо ответил, что, кроме вещей, отобранных самим Бильбо, ничего продавать не собирается, Саквилли объявили, что вся эта история с подарками – сплошное надувательство и выглядит крайне подозрительно.

– Мне ясно только одно, – раздувался от ярости Ото. – Ты на этом деле неплохо поживился. Требую, чтобы мне показали завещание!

Если бы не вклинился (так некстати!) Фродо, Ото считался бы наследником старого Бэггинса. Изучив завещание вдоль и поперек, он разочарованно фыркнул. Увы, бумага не оставляла места кривотолкам и составлена была так, что не подкопаешься (хоббичьи законы требуют, кроме всего прочего, чтобы под ценным документом значились подписи семи свидетелей, причем красными чернилами).

– Опять нас обвели вокруг пальца! – бросил Ото жене. – А ведь мы целых шестьдесят лет ждали. Серебряные ложки! Тьфу!

Он щелкнул пальцами под самым носом у Фродо и, громко топая, направился к выходу. Выпроводить его супругу оказалось куда сложнее. Когда Фродо вышел наконец из кабинета посмотреть, что делается вокруг, первым делом он наткнулся на Лобелию: та внимательно исследовала ниши, осматривала углы и простукивала половицы. Он решительной рукой проводил Саквильшу к выходу, избавив попутно от нескольких довольно ценных вещей, неведомо как застрявших в ее зонтике. На лице Лобелии читались потуги сочинить на прощание какую-нибудь сокрушительную отповедь, но в итоге она не нашла ничего лучшего, кроме как прошипеть с порога:

– Ты об этом еще пожалеешь, юнец! Почему ты не ушел вместе с ним? Ты не здешний. Ты не Бэггинс. Ты... ты... Брендибэк, вот ты кто!

– Слышал, Мерри? Оказывается, это оскорбление, – сказал Фродо, захлопнув за нею дверь.

– Какое там оскорбление, – возразил Мерри Брендибэк. – Это грубая лесть. А следовательно, неправда.

Они обошли нору и выставили за дверь трех молодых хоббитов (двух Боффинов и Булджера), которые ковыряли дырки в стенах одной из кладовых. Кроме того, Фродо пришлось вступить в потасовку с несовершеннолетним Санхо⁶⁵ Большеступом (внуком старого Одо Большеступа), который устроил раскопки в главном чулане, – ему, видите ли, показалось, что там пол слишком гулкий. Легенды о золоте Бильбо давали пищу не только любопытству, но и надеждам, потому что золото, добытое таинственным, а то и вовсе неправым путем, принадлежит, как известно, тому, кто его найдет, – если только добытчику не помешают.

Сломив сопротивление Санхо и выпихнув его за дверь, Фродо без сил рухнул на стул у порога.

– Пора закрывать лавочку, Мерри, – воззвал он к другу. – Запирай дверь, и хватит на сегодня. Даже если они приволокут таран – не открывай никому!

С этими словами он встал и отправился подкрепить силы запоздалой чашкой чая.

Не успел он сесть за стол, как в дверь негромко постучали. «Даю голову на отсечение, опять Лобелия, – поморщился Фродо. – Наверное, придумала, как задеть меня побольнее, и вернулась. Ничего, обождет».

И он отхлебнул чай. Стук повторился – на этот раз гораздо громче. Но Фродо не двинулся с места. И тут в окне внезапно появилось лицо волшебника.

– Если ты мне не откроешь, Фродо, я напущу ураган и твою дверь сорвет с петель, да так, что она вылетит с другой стороны дома!

– Дорогой Гэндальф! Минуточку! – закричал Фродо, бросаясь в прихожую. – Входи! Входи! Я думал, это Лобелия.

– Тогда прощаю. Кстати, я недавно ее встретил. Она правила пони, запряженным в бричку, а бричка катила в Приречье. Лицо у твоей родственницы было – в пору молоку скиснуть!

– Я сам едва не скис, на нее глядячи. Честное слово, я чуть не надел на палец кольцо дяди Бильбо. Больше всего мне хотелось исчезнуть на месте...

– Ни в коем случае! – воскликнул Гэндальф, усаживаясь. – Осторожнее с этим кольцом, Фродо! Между прочим, о нем-то я и хотел с тобой поговорить на прощание.

– Но почему нельзя его надевать, скажи?

– Скажи сначала ты! Что тебе известно об этом кольце?

– Я о нем знаю только из рассказов Бильбо. Он открыл мне, как его отыскал, как им пользовался, – словом, всю историю. Я имею в виду дядино путешествие.

– Интересно, какую из историй он тебе рассказал, – заметил Гэндальф невинно.

– А! Ну, не ту, конечно, которую он сочинил для гномов и которую потом вставил в книгу, – заверил Фродо. – Он рассказал мне, как все было на самом деле. Сразу, как я сюда переехал. Он сказал, что ты его здорово донял и ему пришлось расколотся, а потому лучше, чтобы и я тоже знал правду. «У нас не должно быть тайн друг от друга, Фродо, –

говорит. – Но слов моих никому не передавай. Кольцо теперь все одно мое, так что и говорить не о чем».

– Любопытно, – сказал Гэндальф. – Ну и что ты обо всем этом думаешь?

– Если ты имеешь в виду байку про «подарочек», то – да, пожалуй, другая история гораздо больше похожа на правду, и мне невдомек, зачем было ее переиначивать. И вообще, за Бильбо такого никогда не водилось. Странное дело!

– Вот и мне так показалось. Но с теми, кто хранит золотые кольца или что-нибудь еще в том же роде, странности случаются сплошь и рядом – особенно если этими предметами пользоваться. Пусть это будет тебе предостережением. Держи ухо востро! У этого «кольца-невидимки» могут быть и другие свойства, которых мы не знаем.

– Не понимаю, – признался Фродо.

– Я тоже, – ответил волшебник. – Просто у меня возникло несколько вопросов. Случилось это не теперь, но вчера вечером мне пришлось особенно насторожиться. Поводов для тревоги нет. Но послушай моего совета: надевай его пореже, а лучше – и совсем оставь в покое. Ну, а не оставишь – не давай повода для пересудов и подозрений, очень тебя прошу! И повторяю: береги – и никому не показывай!

– Ты говоришь так таинственно! Чего же ты боишься?

– Точно пока не знаю, а потому ничего больше и не прибавлю. Вот вернусь – тогда, может, что-нибудь и выяснится. А ухожу я немедленно, так что на сей раз прощай! – И он встал со стула.

– Так быстро?! – вскричал Фродо. – Я думал, ты останешься ну хотя бы на недельку! Как же я без тебя?

– Я и намеревался остаться, но, как видишь, передумал. Меня может не быть довольно долго; однако, как только смогу, наведаюсь. Извещать не буду: проберусь незаметно. Появляться в Заселье открыто мне теперь не след. Меня стали сильно недолгоблывать. Я помеха работе и вечно подстрекаю к беспорядкам. Некоторые даже обвиняют меня в том, что я похитил беднягу Бильбо, если не сделал с ним чего похуже. Если желаешь знать, мы с тобой, оказывается, сговорились завладеть его богатством.

– Уж эти мне «некоторые»! – в сердцах воскликнул Фродо. – Небось, Ото с Лобелией! Какая гнусность! Да если бы я мог вернуть

Бильбо и отправиться с ним бродить по свету – забирай они эту Котомку хоть насовсем, и остальное добро в придачу! Я люблю Заселье. Но где-то в глубине души уже начинаю жалеть, что не пошел с Бильбо. Как знать, доведется ли мне еще с ним увидеться?

– Как знать! – ответил на это Гэндальф. – Впрочем, я хотел бы знать еще очень и очень многое. Как-то все оно сладится?.. Ну, а пока – прощай! Будь осторожен! И поглядывай на дорогу – особенно когда ждешь меня меньше всего. Прощай!

Фродо проводил его до порога. Гэндальф махнул на прощанье и пошел прочь – для его возраста, пожалуй, слишком быстрым шагом. Но Фродо почудилось, что старый волшебник как-то непривычно сгорбился, словно взвалил на плечи тяжелую ношу. Вечер уже превратился в ночь, и плащ Гэндальфа быстро слился с поздними сумерками. Прошло немало времени, прежде чем Фродо увидел волшебника снова.

Глава вторая

Тень былого⁶⁶

Кривотолки не стихли ни за девять, ни за все девяносто девять дней. Круглый год в Хоббитоне судили-рядили о втором исчезновении Бильбо Бэггинса, да что там в Хоббитоне – во всем, почитай, Заселье; ну, а помнили об этом еще дольше. История с Бильбо стала сказкой, какие рассказывают у камина хоббитятам. В конце концов Шалый Бэггинс, то и дело исчезающий среди огня и дыма и появлявшийся с мешком золота и алмазов, стал любимым сказочным героем и надолго пережил память о действительных событиях.

А пока все соседи Бильбо единодушно пришли к выводу: Бильбо и так-то был малость «того», а тут спятил окончательно, взбесился и, наверное, усвистал куда-нибудь в поля. Там он, должно быть, свалился в никому не известный пруд или речушку и нашел свой конец – печальный, но вряд ли безвременный. Винили во всем этом по большей части Гэндальфа.

– И что бы проклятому колдуну не оставить в покое молодого Фродо! – возмущались хоббиты. – Глядишь, прижился бы малый, пустил корни, остепенился помаленьку...

По-видимому, волшебник все-таки внял пожеланиям публики и оставил Фродо в покое. Молодой Бэггинс без помех «пустил корни» и зажил в мире и спокойствии, но... остепеняться не торопился. Напротив: за ним с первых дней закрепилась та же репутация, что и за Бильбо. Оплакивать Бильбо он отказался наотрез и на следующий год шумно отпраздновал день рождения дяди, назвав его «Стократным Пиром». Хотя какой там пир – всего двадцать приглашенных! Зато ели в несколько приемов, и снеди было – хоть заройся, а питья – хоть плавай (как гласит хоббичья поговорка).

Многие были неприятно поражены этим неуместным весельем, но Фродо продолжал из года в год отмечать День Рождения Бильбо – и в конце концов к этому привыкли. Фродо не уставал повторять, что Бильбо, скорее всего, жив. Но когда его спрашивали: «Так где же он?» – Фродо только пожимал плечами.

Как и Бильбо, Фродо не стал обзаводиться семьей, однако у него было немало приятелей – особенно среди хоббитов помоложе (по большей части из рода Старого Тукка). Как и Фродо, все они с детства обожали Бильбо и частенько навевывались к нему в Котомку. Тут были и Фолко⁶⁷ Боффин, и Фредегар⁶⁸ Булджер, но ближайшими друзьями Фродо слыли Перегрин Тукк (обычно его звали Пиппином⁶⁹) и Мерри Брендибэк (его полное имя звучало как Мериадок, но мало кто вспоминал об этом). Фродо часто гулял с друзьями по Заселью, но еще чаще – без них. К удивлению степенных, добропорядочных хоббитов, его иногда видели вдали от дома, в лесу, на холмах, под звездами. Мерри и Пиппин подозревали, что Фродо хаживает к эльфам – как и Бильбо в свое время.

С течением лет хоббиты стали замечать, что Фродо тоже как-то уж слишком «хорошо сохраняется». С виду он так и остался крепким, бодрым хоббитом лет этак тридцати. «Парень-то счастье обеими руками загребает», – говорили про него, но по-настоящему странным это стало казаться, только когда ему перевалило за пятьдесят, – возраст, в котором самые буйные головы начинают понемногу трезветь.

Сам же Фродо, оправившись от первого потрясения, нашел, что быть самому себе хозяином и зваться *господином* Бэггинсом из Котомки – довольно приятно. Несколько лет подряд он был вполне

доволен судьбой и не слишком беспокоился о будущем. Но втайне от себя он все больше жалел о том, что не ушел вместе с Бильбо. Иногда – особенно осенью – он подолгу бродил среди пустынных холмов, и ему все чаще снились горы, хотя он никогда гор не видел.

Порой он говорил себе: «Как знать, может, в один прекрасный день я тоже переправлюсь за Реку и уйду отсюда». На что сам же себе и возражал неизменно: «Еще не время».

Так все и шло, пока Фродо не разменял наконец четвертый десяток и не приблизился к пятидесятилетию. Число пятьдесят казалось Фродо знаменательным (или зловещим). Именно в этом возрасте на Бильбо свалилось Приключение. Фродо почувствовал, что ему не сидится на месте, но все засельские тропинки были хожены-перехожены вдоль и поперек. Он перелистывал карты, гадая, что может лежать за границами Заселья, – но на засельских картах все, что было за пределами хоббичьих земель, почти сплошь покрывали белые пятна. Мало-помалу Фродо пристрастился к дальним прогулкам и перестал брать с собой спутников. Мерри и остальные наблюдали за ним с беспокойством. Его часто видели беседующим с чужестранцами, которые как раз в то время стали появляться в Заселье.

Ходили слухи, что в мире за пределами Заселья творится неладное. Гэндальф не появлялся уже несколько лет, весточек от него не приходило, и Фродо старался разузнать как можно больше своими силами. Эльфов в Заселье раньше было не встретить, а теперь они появлялись то и дело. Правда, в здешних местах эльфы задерживались ненадолго: они спешили на запад и обратно уже не возвращались. Эльфы покидали Средьземелье⁷⁰, и его тревоги их больше не занимали. Прибавилось на дорогах и гномов. Через Заселье проходил древний Западно-Восточный Тракт, который вел в Серую Гавань, и гномы часто пользовались им на пути к своим копиям в Синих Горах. Именно гномы приносили хоббитах вести о том, что творится в далеких странах, – если, конечно, хоббиты давали себе труд слушать. Как правило, гномы не отличались разговорчивостью; ну, а хоббиты особо к ним и не приставали. Но теперь Фродо частенько встречал необычных гномов, бредших на запад издалека в поисках убежища. Они были явно обеспокоены, и некоторые из них, переходя на шепот, рассказывали о Враге и о стране, которая называется Мордор.

Название это хоббиты знали только из преданий глухой и мрачной старины. Для них оно было всего лишь тенью на задворках памяти, но, произнесенное вслух, звучало угрожающе и заставляло поежиться. Похоже было, что злая сила, долго таившаяся в Чернолесье и недавно изгнанная оттуда Белым Советом⁷¹, только выиграла от своего поражения: она объявилась вновь, на этот раз в крепостях Мордора, несравненно укрепившись. Ходили слухи, что отстроена заново Черная Башня. Зло расплзлось оттуда на все четыре стороны. На дальнем юге и востоке уже гремели войны, и в сердцах рос страх. В горах вновь расплодились орки. Вышли на охоту тролли – не дубинноголовые, как прежде, но хитрые и коварные, со смертоносным оружием в руках. А еще из уст в уста вполголоса передавались слухи о тварях куда более страшных, имени которым не было.

До ушей простых хоббитов из этого всего, конечно, мало что доходило. Но даже глухие ко всему упрямы и замшелые домоседы, как ни затыкай они уши, не могли не слышать странных новостей, а тем, кого дела заставляли бывать недалеко от границ Заселья, случалось иной раз видеть весьма необычные вещи. Разговор, происшедший однажды весенним вечером в «Зеленом Драконе», что в Приречье (Фродо шел тогда пятидесятый год), доказал, что даже в укрытом от непогод сердце Заселья пустили корни беспокойные слухи, – правда, большинство хоббитов пока над ними посмеивалось. Сэм Гэмги сидел в уголке у камина, напротив устроился Тэд Сэндиман, сын мельника; вокруг расположились другие хоббиты из окрестных деревень и вполуха слушали их беседу.

– Странных вещей нынче наслушаешься, что верно, то верно, – заявил Сэм.

– А, чепуха! – возразил Тэд. – Не слушай – вот и все дела. Мне за этими сказками да всякими там страшилками дальше своего порога ходить не надо.

– Кто ж спорит? – оскорбился Сэм. – Только в этих сказках иногда больше правды, чем ты думаешь. Ведь они откуда берутся, сказки-то? Возьми хотя бы драконов.

– Спасибо! Заплати – не возьму, – хмыкнул Тэд. – Когда я был желторотым юнцом, мне о них, положим, рассказывали, но теперь-то я

дурак буду, если поверю. В Приречье у нас только один дракон, да и тот «Зеленый».

Грохнул общий хохот.

– Это точно, – подтвердил Сэм, когда отсмеялся вместе с остальными. – Ладно, драконов нет. А как быть с Древолюдьми, то есть с великанами, словом, называй как нравится? Говорят, недавно за Северными Болотами видали одного, так он повыше любого дерева будет!

– Ну и кто это говорит, интересно?

– Да хотя бы братан мой двоюродный, Хэл. Он работает на господина Боффина, в Захолмье, и ходит в Северный Предел охотиться. Так вот, он сам видел.

– Это он заливает, что видел. Твой Хэл вечно плетет небылицы. А может, ему просто примерещилось.

– Да великан-то был что твой вяз, и не простой, а ходячий! Раз шагнет – семь локтей долой! Шагнет – еще семь!

– Спорим, не шагал он никуда! Это был просто вяз. И вся недолга!

– Говорю тебе, этот вяз шагал! Да в Северных Болотах вязы и вообще не растут!

– А коли не растут – значит, Хэл и не видел ничего, – припечатал Тэд.

Многие засмеялись. Послышались хлопки. Слушатели, по всей видимости, решили, что Тэд здорово уел молодого Гэмги.

– Подумаешь! – не сдавался Сэм. – Да у нас в округе кого ни ткни, все знают, что через Заселье ходят разные чужаки. Это я только о тех говорю, которые шастают напрямик через Заселье, а скольким от ворот поворот дают, и не сосчитаешь. Обходчики такого нашествия не упомнят. И потом, я слыхал, эльфы на запад подались. Говорят, они в гавань идут, за Белые Башни.

Сэм неопределенно помахал рукой в ту сторону. Ни он и никто из завсегдатаев трактира не знал в точности, далеко ли до Моря, – известно было только, что оно где-то там, за старыми башнями, маячащими на западе границ Заселья. Предания повествовали, что где-то там, вдали, должна быть Серая Гавань, откуда по временам уходят в плаванье эльфийские корабли, уходят и никогда не возвращаются.

– Они плывут, плывут, плывут под парусами за Море, уплывают на Запад и покидают нас навсегда, – нараспев закончил Сэм, печально

и торжественно покачивая головой.

Тэд только рассмеялся:

– Ну, брат, удивил! Что ж тут нового? Если верить старым сказкам, так всегда было. А нам-то с тобой что? Пусть себе плывут! Только я на что хочешь поспорю – не видал ты этих кораблей! Да и никто в Заселье не видал. Рассказни одни!

– Ну, не знаю, – задумчиво протянул Сэм. Он был уверен, что однажды встретил в лесу эльфа, и надеялся когда-нибудь повстречать еще. Из всех легенд, слышанных им на заре юности, больше всего его волновали те наполовину забытые сказки, где говорилось про эльфов. – А только даже и в наших краях некоторые часто видят Благородное Племя, и эльфы им сообщают разные новости, – перешел он снова в нападение. – Взять хоть господина Бэггинса, у которого я работаю. Он мне не раз говорил – уплывают, мол. Уж он-то в эльфах разбирается. А старый господин Бильбо и того лучше разбирался. Когда я пацаном был, он мне столько всяких историй нарасказывал!..

– Они же с приветом оба, – перебил его Тэд. – По крайней мере, Бильбо точно был спятимши, да и Фродо вот-вот спятит. Если твои новости оттуда, то у тебя, видать, тоже тараканы в голове. Пока, приятели! Я домой пошел. Ваше здоровьишко!

Он осушил кружку и, с шумом отодвинув стул, вышел.

Сэм замолчал и в общую беседу уже не вступал. Ему было о чем поразмыслить. Во-первых, в садике у Котомки полно работы, и завтра, ежели распогодится, придется попотеть. Трава растет быстро... Но Сэма одолевали и другие думы. Помозговав маленько, он вздохнул, встал и тоже вышел на улицу.

Стоял ранний апрель. Небо понемногу расчищалось после ливня. Солнце уже село, и бледный, прохладный вечер быстро превращался в ночь. Высыпали ранние звезды. Тихо и задумчиво насвистывая, Сэм отправился хоббитонскими улочками домой, на Холм.

Именно этим вечером в Заселье после долгого отсутствия снова объявился Гэндальф. После достопамятного Дня Рождения он пропал на целых три года. Потом забежал ненадолго, придиричиво оглядел Фродо – и снова исчез. В следующие год или два он навещался довольно часто, причем каждый раз пробирался в Котомку уже в сумерках и покидал ее до рассвета. Чем он занят и где странствует –

волшебник не рассказывал; казалось, больше всего на свете его интересуют всякие мелочи – как здоровье Фродо, что он поделывает и так далее.

Вдруг ни с того ни с сего посещения прекратились. Больше девяти лет Фродо не видел Гэндальфа, ничего о нем не слышал и уже не чаял услышать, уверившись в душе, что волшебник никогда не вернется и хоббиты его больше не занимают. Но в тот вечер, когда Сэм брел домой в сгущавшихся сумерках, Фродо вновь услышал знакомый стук в окно кабинета.

Фродо встретил старого приятеля с удивлением и большой радостью. Первым делом они внимательно оглядели друг друга.

– Надеюсь, у тебя все в порядке? – осведомился Гэндальф. – Я гляжу, ты такой же, как всегда, Фродо!

– И ты тоже не изменился, – ответил Фродо. Но про себя он отметил, что Гэндальф осунулся и постарел. Хоббит засыпал волшебника вопросами о его странствиях и о том, что творится в большом мире; постепенно они увлеклись беседой и просидели до петухов.

Утром, после позднего завтрака, Фродо и Гэндальф расположились в креслах у открытого окна кабинета. В камине пылал огонь, хотя особой нужды в этом не было – солнышко и так пригревало на славу, а ветер дул с юга. Все вокруг казалось удивительно свежим, в полях зеленела на солнце первая весенняя травка, на кончиках веток лопались почки...

Гэндальфу вспоминалась другая весна, почти восьмидесятилетней давности, когда Бильбо выбежал поутру из Котомки, не прихватив даже носового платка. С тех пор волшебник стал седым как лунь, борода и брови его еще сильнее закосматели, а лицо избороздили новые морщины, ясно говорившие о накопленной за эти годы мудрости и о многих заботах. Но глаза смотрели, как прежде, ясно, и колечки дыма Гэндальф пускал с той же неистощимой выдумкой и с тем же удовольствием.

Волшебник молча курил, а Фродо погрузился в глубокие размышления. Даже сейчас, при утреннем свете, он ощущал тень, омрачившую ясное утро; виной тому были вести, принесенные Гэндальфом. Наконец хоббит нарушил тишину.

– Этой ночью ты начал говорить что-то странное о моем кольце, Гэндальф, – напомнил он. – Но потом спохватился – мол, о таких вещах лучше рассказывать при свете дня. Может, сейчас потолкуем? Ты намекнул, что кольцо очень опасно. Дескать, я даже представить себе не могу, насколько оно опасно. В чем же эта опасность?

– Опасностей несколько, – ответил волшебник. – Кольцо гораздо могущественнее, чем я смел предполагать поначалу. Видишь ли, оно легко овладевает тем, кому принадлежит, поглощая своего хозяина без остатка, так, что тот сам начинает принадлежать ему⁷². Изготовлено оно было в глубокой древности в Эрегионе вместе с другими эльфийскими кольцами⁷³ – можешь называть эти кольца волшебными, это недалеко от истины. Но эрегионские кольца – очень разные. Одни весьма могущественны, другие попроще. На тех, что попроще, эльфийские мастера набивали руку, пока наконец не достигли совершенства в этом деле. Для них кольца были игрушкой, но смертному, на мой взгляд, такие игры могут выйти боком! Что же касается Великих Колец, или Колец Власти, то они несут прямую гибель. Смертный, у которого хранится одно из Великих Колец, не может умереть, не вырастет и не стареет, но зато и жизни в нем не прибавляется. Он просто влачит и влачит существование, покуда каждый миг не превратится для него в пытку усталостью. Если же он то и дело надевает Кольцо, чтобы сделаться невидимым, ему приходится и вовсе несладко: постепенно он как бы выцветает, становится невидимым бесповоротно, уже безо всякого Кольца, и переселяется в сумеречный мир, где не укрыться от ока темной силы⁷⁴, правящей волшебными Кольцами. Раньше ли, позже ли, а случится это обязательно. Позже в том случае, если владелец крепок духом и телом или не замышляет поначалу никакого зла; но ни сил, ни благих намерений надолго не хватит. Рано или поздно темная сила поглотит его без остатка.

– Какой ужас! – еле вымолвил Фродо.

Вновь наступило долгое молчание. Из сада доносилось пощелкивание садовых ножниц – это Сэм Гэмги подстригал лужайку.

– Ты давно это знаешь? – спросил наконец Фродо. – И что было известно Бильбо?

– Он знал не больше, чем рассказал тебе. В этом я уверен, – сказал Гэндальф. – Он никогда не завещал бы тебе ничего опасного, даже зная, что я буду о тебе заботиться. Он ценил кольцо за его красоту и при случае извлекал из него определенную пользу – вот и все. Если что и настораживало его, то не кольцо, а странности, которые он замечал в самом себе. Он сказал мне, что кольцо все больше его «донимает», и постоянно беспокоился о нем, но винить в этом само кольцо ему и в голову не приходило. Правда, от него не укрылось, что за этой штукой нужен глаз да глаз. «То оно легче, то тяжелее, то растянется, то сожмется, а иногда хлоп – и само соскользнет с пальца, хотя только что сидело как влитое...»

– Да, в прощальном письме он меня предупреждал об этом, – вспомнил Фродо. – Я решил повесить кольцо на цепочку и с тех пор отдельно не держу.

– Весьма благоразумно, – одобрил Гэндальф. – Но Бильбо нимало не догадывался, что именно кольцо продлило ему жизнь. Он считал, что просто крепок от природы, и очень этим гордился. Но в последнее время он потерял покой и почувствовал: что-то неладно. «Я стал прозрачный и тонкий», – так он выразился. А это верный знак, что кольцо уже начинало им овладевать.

– Так ты давно это знаешь? – повторил свой вопрос Фродо.

– Давно ли?.. Я знаю много такого, что ведомо только Мудрым, Фродо. Но если ты имеешь в виду именно это кольцо – пожалуй, я и сейчас еще не знаю ничего доподлинно. Осталось провести одно, последнее испытание. Но теперь я уверен в его исходе. Когда у меня впервые мелькнула эта догадка? – Волшебник задумался, припоминая. – Постой, постой... Бильбо нашел кольцо, когда Белый Совет изгнал из Чернолесья темную силу, перед самой Битвой Пяти Воинств. Сердце мое тогда омрачилось, хотя я и не понимал, почему мне так страшно. Я без конца задавался одним и тем же вопросом: каким образом к Голлуму попало одно из Великих Колец? То, что это Кольцо – Великое, я понял сразу. Впоследствии я услышал от Бильбо странную историю о том, как он якобы «выиграл» это колечко⁷⁵, но особого доверия эта история у меня не вызвала. Когда же мне удалось вытянуть из твоего дядюшки истину, стало ясно, что он изо всех сил пытается доказать свое право на это кольцо. Сомнений не было. Он вел себя точь-в-точь как Голлум с его «деньрожденным подарочком». И

Бильбо, и Голлум лгали, но лгали так похоже, что я не мог не встревожиться. Очевидно, кольцо обладает какой-то недоброй властью над своим владельцем и пускает ее в ход сразу, без проволочек. Это стало для меня первым серьезным предупреждением. «Дело неладно», – подумалось мне. Я не раз втолковывал Бильбо, что такими кольцами пользоваться опасно, но он каждый раз со мной спорил и страшно кипятился. Что я мог сделать? Отобрать кольцо? Но это принесло бы еще больше вреда, и к тому же никто мне такого права не давал. Оставалось ограничиться ролью наблюдателя – и выжидать. Стоило, наверное, посоветоваться с Саруманом Белым⁷⁶, но всякий раз что-то меня удерживало.

– А кто такой Саруман? – спросил Фродо. – Я о нем никогда не слышал.

– Ничего удивительного, – ответил Гэндальф. – Хоббиты его не занимают. По крайней мере до последнего времени не занимали. Среди Мудрых он считается одним из величайших. Он – глава нашего братства и старший в Совете⁷⁷. Знания его необъятны, но необъятна и гордыня, и он не терпит, когда вмешиваются в его дела. Эльфийские кольца, большие и малые, – та область Предания, которую он считает своей. Он долго изучал все, что касается колец, надеясь отыскать утерянный секрет ихковки. Когда вопрос о кольцах всплыл на Совете, Саруман немного поделился с нами своим знанием, но то, что он сказал тогда, скорее опровергало мои страхи, чем подогревало их. Поэтому подозрения мои улеглись – но не до конца. Я по-прежнему ждал и смотрел, что будет. Тем более что Бильбо на первый взгляд благоденствовал. Годы шли и шли себе... но его как будто не задевали. Он совсем не старился... И вот на сердце мне снова легла тень. Но я говорил себе: «Со стороны матери у него в роду одни долгожители. Время еще есть. Жди!» И я ждал. Ждал до той самой ночи, когда он ушел из дому. Той ночью он наговорил и сделал столько странного, что теперь никакой Саруман уже не мог бы меня убаюкать. Я удостоверился: от кольца исходят темные, гибельные чары... Минувшие с тех пор годы я потратил на поиски истины.

– Но ведь непоправимого не случилось? – в тревоге спросил Фродо. – Он когда-нибудь исцелится? Найдет покой, я хочу сказать?

– Ему полегчало сразу же, – заверил Гэндальф. – Но о Кольцах и о том, на что они способны, все знает только один на свете Кольцевед, а

о хоббитах, насколько мне известно, всей правды не знает никто. Из Мудрых в хоббичьем Предании сведущ только я один. Хоббитоведение – очень мало разработанная область знаний, но она сулит немало открытий. С виду они податливее масла, эти хоббиты, но, если копнуть поглубже, не уступят в твердости старому заскорузлому корню. Я-то думаю, что некоторые из них могут сопротивляться Кольцу гораздо дольше, чем полагают Мудрые. Словом, мой совет – не тревожься за Бильбо. Конечно, он держал у себя Кольцо очень долго и часто пользовался им, так что пройдет немало времени, прежде чем чары выветрятся, – например, он не скоро еще сможет спокойно смотреть на Кольцо. И все же ничто не мешает ему мирно и счастливо прожить еще много лет. Отдав Кольцо, он разорвал связующую нить и больше ему не подвластен. Ведь он оставил его сам, добровольно, а это главное. Короче, за нашего дорогого Бильбо можно больше не переживать. Теперь я отвечаю за тебя, Фродо. О тебе я думаю неотступно с тех самых пор, как ушел Бильбо, о тебе и обо всех твоих собратьях-хоббитах, таких славных, нелепых, беспомощных! Если Темная Сила поглотит Заселье, это будет для мира тяжким ударом. Он много потеряет, если добряки Булджеры, весельчаки Дудельщики, тугодумы Боффины, Перестегинсы и все прочие, не говоря уже о невообразимых чудаках Бэггинсах, превратятся в рабов.

Фродо содрогнулся.

– Но с какой стати? – пролепетал он. – И зачем тому, кто правит Темной Силой, такие рабы?

– Сказать по правде, я думаю, что до сей поры – до сей поры, повторяю, – он вас попросту не замечал. Скажи ему за это спасибо, но теперь покою конец. Как слуги вы ему не нужны, у него есть другие, не чета вам. А вот забыть про вас он теперь не забудет. Счастливые хоббиты, гуляющие на воле и делающие что им вздумается, ему не по нраву. Он предпочитает жалких рабов. Не забудь еще, что он зол на вас и жаждет отмщения!

– Отмщения? – удивился Фродо. – За что? Я и про нас-то с Бильбо да про кольцо это злополучное никак в толк не возьму, что к чему, а тут еще месть какая-то! При чем тут хоббиты, чем мы ему насолили?

– При том, – вздохнул Гэндальф. – Ты еще не знаешь главной опасности, но скоро узнаешь. В прошлый раз я сомневался, но теперь пора открыть тебе все. Дай-ка мне на минутку кольцо.

Потянув за цепочку, пристегнутую к ремню, Фродо добыл из кармана штанов кольцо, отцепил и медленно протянул волшебнику. Кольцо показалось непривычно тяжелым, словно кто-то из них – то ли оно само, то ли Фродо – не желал, чтобы Гэндальф брал его в руки.

Гэндальф взял кольцо и поднял повыше. Как на вид, так и на ощупь оно казалось обыкновенным кольцом из твердого чистого золота.

– Ты видишь на нем какие-нибудь знаки? – спросил волшебник.

– Нет, – пожал плечами Фродо. – Нету на нем никаких знаков. Оно совершенно гладкое. Царапай – не поцарапаешь. И от времени ему ничего не делается.

– Ну хорошо. Смотри! – И, к изумлению и ужасу Фродо, волшебник внезапно бросил кольцо в камин, прямо на пышущие жаром угли. Фродо вскрикнул и нагнулся за щипцами, но Гэндальф остановил его.

– Обожди! – велел он, бросив на Фродо из-под густых бровей быстрый взгляд.

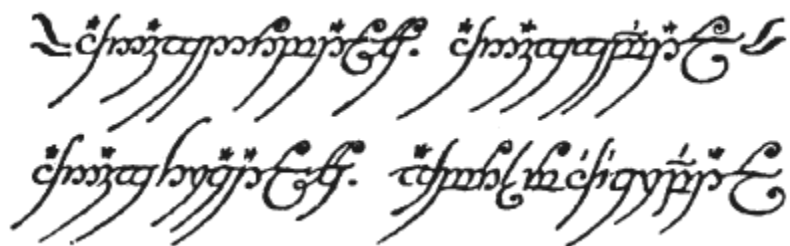
С кольцом как будто ничего не происходило. Через минуту-другую Гэндальф поднялся, закрыл наружные ставни и задернул занавески. В комнате стало темно и тихо; только из сада приглушенно доносилось щелканье ножниц – Сэм Гэмги, видимо, подобрался уже к самому окну. Волшебник подошел к камину, взглянул на огонь, нагнулся и щипцами сдвинул кольцо на каминную решетку. В следующее мгновение кольцо оказалось у него в ладони, и он выпрямился. Фродо так и ахнул.

– Холодное! Даже не согрелось, – успокоил его Гэндальф. – На, возьми!

Фродо принял кольцо в дрогнувшую ладонь. Ему почудилось, что оно стало еще толще и тяжелее.

– Подними повыше и присмотришь, – велел Гэндальф.

Фродо поднес кольцо к глазам и обнаружил, что золотая поверхность испещрена тончайшими штрихами. Никакое перо не смогло бы вывести такие линии. Штрихи, налитые огнем, бежали по всему ободу кольца, внутри и снаружи. Казалось, они складываются в летящую скоропись. Неведомые буквы сверкали ослепительно ярко, но откуда-то издалека, словно из призрачной глубины.



– Я не могу прочесть этих огненных букв, – сказал Фродо срывающимся голосом.

– Не удивительно, – откликнулся Гэндальф. – Зато я могу. Буквы эльфийские, старинного начертания, но слова – из мордорского наречия, и я их здесь произносить не стану. Но в переводе на Общий Язык – довольно точном – это звучит вот как:

*Отыскать их, собрать их, предать их Ему,
Воедино сковать их и ввергнуть во тьму...*

Это только две строчки. Целиком в эльфийском Предании заклинание звучит так:

*Три Кольца – высшим Эльфам под кровом светил,
Семь – властителям Гномов под кровом земли.
Девять – Смертным, чей жребий – молчанье могил,
И одно – Повелителю гибельных сил
В царстве Мордора мрачном, где тени легли⁷⁸.
Отыскать их, собрать их, предать их Ему,
Воедино сковать их и ввергнуть во тьму
В царстве Мордора мрачном, где тени легли^[4].*

Гэндальф смолк, помедлил – и внятно, торжественно произнес:

– Перед нами Главное Кольцо, то самое Единое Кольцо, которому подвластны все остальные: отыскать их, собрать их, воедино сковать их... Повелитель Темных Сил, Черный Властелин, уже много веков как утратил это Кольцо, а с ним – львиную долю своей прежней силы. Он алчет получить его назад. Но он не должен его получить.

Фродо застыл, не говоря ни слова. Страх, словно облако, набежавшее с востока, застлал все небо и протянул к Заселью исполинскую руку, грозя накрыть и поглотить его без остатка.

– Так вот что это за кольцо! – проговорил наконец хоббит, заикаясь. – Но почему, почему оно попало именно ко мне?

– Увы, – отозвался Гэндальф. – История эта очень длинная. Корни ее уходят далеко в прошлое, в Черные Годы, которые нынче помнят только те, кто искушен в Предании. Если начать с начала, мы с тобой и до зимы не управимся.

Вчера вечером я рассказал тебе о Сауроне Великом⁷⁹, которого называют Черным Властелином. Слухи, дошедшие до тебя, правдивы: он действительно вновь объявился в Средьземелье, покинул чернолесское логово и вернулся в свой древний замок – Черную Башню, что в Мордоре. Даже вам, хоббитам, имя Саурана неизвестно: смутной тенью оно проскальзывает во многих старинных засельских сказках. Каждый раз, потерпев поражение, Тень отступает, но спустя некоторое время принимает иное обличье и растет снова.

– Лучше бы это случилось не в мое время, – от души пожелал Фродо.

– Согласен. Все, кому доводится жить в такие эпохи, повторяют эти слова как заклинание. Но решать не им⁸⁰. Все, что нам дано, – это по-своему распорядиться отведенным нам временем. А наше с тобой время, Фродо, обещает стать по-настоящему мрачным. Силы Врага растут с каждым днем. Действовать он начнет нескоро, но план уже зреет. Несладко нам придется! Очень и очень несладко! А тут еще эта чудовищная случайность. Чтобы сломить всякое сопротивление, сокрушить последние заслоны и затопить мир тьмой во второй раз, Врагу недостает одной-единственной малости, которая дала бы ему необходимые силу и знание. Эта малость – Единое Кольцо.

Три Кольца – единственные, с помощью которых можно творить добро – эльфийские Владыки утаили от него, так что его рука не коснулась их и не осквернила. Семью Кольцами владели гномьи Короли, но три из этих Колец вернулись к Саурону, а остальные пожраны драконами. Девять Саурон пожаловал Смертным Людям, гордым и сильным, и с помощью Колец уловил их в свои сети. Вот уже

много веков, как они покорились власти Единого и стали Кольцепризраками, тенями, скитающимися под крылом Великой Тени, самыми страшными из слуг Саурона. Давно это было! Кто упомнит, когда Девятеро в последний раз открыто появлялись в мире? И все же – кто знает! Тень растет – может, вместе с нею выйдут на белый свет и они... Погоди, не пугайся! О таких вещах не стоит говорить даже здесь, ясным утром, в Заселье...

Итак, следи. Девять Колец Враг собрал при себе, равно как и Семь – по крайней мере те, что остались от Семи. Три пока спрятаны от него, но это его больше не тревожит. Он нуждается только в Едином. Дело в том, что он выковал его сам, оно принадлежит ему, и к тому же он вложил в него огромную часть своей прежней силы. Вернув Кольцо, он сможет управлять всеми остальными, где бы они ни были, даже Тремя эльфийскими, и тогда все, что сделали эльфы с помощью колец, откроется ему, а сам он станет сильнее, чем когда-либо прежде. То, что Кольцо у нас, – случайность поистине чудовищная, Фродо! Враг долго пребывал в уверенности, что Единое сгнуло, что эльфы давно его уничтожили, как им и следовало поступить. Но теперь он знает, что Кольцо *не* уничтожено, что оно отыскалось. С тех пор он ищет его непрестанно, ищет повсюду, и все его мысли направлены только на него. В Кольце – его великая надежда и наш великий страх.

– Почему же, почему его не уничтожили? – вскричал Фродо. – И как случилось, что Враг его потерял, если он такой сильный и так дорожит им? – И он судорожно сжал Кольцо в кулаке, словно уже видел черные пальцы, протянувшиеся, чтобы схватить драгоценную вещь.

– Кольцо у него отобрали, – сказал Гэндальф. – Когда-то давным-давно эльфы были гораздо сильнее и могли противостоять Владыке Тьмы. Да и людские племена еще не все отделились от эльфов. На помощь к эльфам тогда пришли Люди Запада. Эту главу древней истории я пересказал бы тебе охотно, ибо она тоже повествует о скорби и о том, как сгущалась тьма, но вместе с тем и о великой доблести, и великих деяниях, которые не прошли бесследно. В один прекрасный день я, может быть, и расскажу тебе все от начала до конца, а может, не я, а кто-нибудь другой, кто знает обо всем этом лучше меня. Но пока тебе надо знать главное: как вышло, что Кольцо оказалось у тебя? Это повесть достаточно длинная, так что придется

ею пока и ограничиться. Саурана низвергли Гил-галад, король эльфов, и Элендил⁸¹ – владыка Запада. Оба они погибли в бою. Исилдур, сын Элендила, отсек Сауруну палец с Кольцом и взял Кольцо себе. Это подсекло Саурана под корень: дух его отлетел и много долгих лет пребывал неведомо где, прежде чем тень его приняла новое обличье и поселилась в Чернолесье. Кольцо же пропало в волнах Великой Реки – Андуйна. Исилдур пробирался восточным берегом Реки на север, но недалеко от Сабельников⁸² столкнулся с горными орками. Спутники его почти все были убиты в стычке, сам же Исилдур бросился в воды Реки – но, пока он боролся с течением, Кольцо соскользнуло у него с пальца. Тут орки увидели пловца и застрелили из луков. – Помедлив, Гэндальф продолжил: – Скрывшись в темных омутах у Сабельников, Кольцо исчезло надолго. Много веков о нем ничего не было слышно, так что и легенды уже стали забываться. Даже то, что рассказал тебе я, известно теперь немногим, причем Совет Мудрых знает не больше. Но теперь, как мне кажется, я нашел продолжение этой истории.

Много лет спустя и все же очень, очень давно жил на берегу Великой Реки, там, где начинаются Дикие Земли, ловкий и скрытный маленький народец. Как я догадываюсь, они были близки хоббитам; возможно, это были чуть ли не дальние родичи Дубсов, не самих, конечно, а каких-нибудь их прапрапрадедов. Свидетельство тому – любовь этого народа к Реке: они умели плавать и мастерили маленькие камышовые лодочки. Был среди них один клан, занимавший довольно высокое положение, больше и зажиточнее других. Управляла кланом некая Праматерь, суровая и сведущая в древних преданиях – уж не знаю, какие там у них имелись предания, но какие-то имелись. Самый любопытный и непоседливый член клана звался Смеаголом. Ему не давали покоя корни и начала всего сущего⁸³: он нырял на дно глубоких озер, подкапывал деревья и растения, прорывал ходы в глубь зеленых курганов и наконец отучился поднимать глаза к вершинам, забыл, как выглядят листья, и перестал обращать внимание на цветы, раскрытые навстречу небу. Зато он привык смотреть вниз и прислушиваться к звукам, которые доносятся из-под земли.

Был у него друг по имени Деагол⁸⁴, во многом на него похожий и такой же зоркоглазый. Только в силе и ловкости уступал он Смеаголу. Однажды они снарядили лодочку и спустились по реке к Сабельникам,

на покрытые ирисами поляны, в чащи цветущих тростников. Смеагол отправился рыскать вдоль берега, а Деагол остался в лодке с удочками. Вдруг на крючок ему попала огромная рыбина – и не успел Деагол оглянуться, как оказался в воде, и его утянуло на дно. Тут он отпустил удочку: на дне, в иле, что-то сверкнуло. Задержав дыхание еще ненадолго, он схватил блестящую штуковину.

Разбрызгивая воду и отплеываясь, с водорослями в волосах и комком грязи в руке, он вынырнул и поплыл к берегу. И – диво! – когда он смыл грязь, на ладони у него засияло неопишуемой красоты золотое кольцо. На солнце оно сверкало и искрилось так, что глаз было не оторвать. Но Смеагол наблюдал за другом из-за дерева и, пока Деагол пожирал глазами находку, тихо подкрался и встал сзади.

– Дай-ка нам эту штучку, Деагол, любовь моя, – проворковал Смеагол другу через плечо.

– Почему это? – удивился Деагол.

– Потому, что у меня сегодня день рождения, любовь моя, и я хочу это колечко, – ответил Смеагол.

– А мне-то что? – пожал плечами Деагол. – Я уже сделал тебе подарок⁸⁵ и, между прочим, очень потратился. А это кольцо нашел я и отдавать никому не собираюсь.

– Да что ты, любовь моя, неужели? – задушевно удивился Смеагол и, схватив Деагола за глотку, задушил его – золото блестело так ярко! Ну а кольцо он надел на палец.

Никто так и не узнал, что случилось с Деаголом. Убит он был далеко от дома, а тело Смеагол запрятал надежно – ввек не найдешь. Сам он вернулся домой в одиночестве – и обнаружил, что, когда кольцо у него на пальце, никто из домашних его не видит. Открытие пришлось ему по нраву, но от близких он кольцо утаил и начал пользоваться им для того, чтобы разузнавать всевозможные тайны и пускать свои знания в ход, учиня пакости и строя всяческие козни, – одним словом, не на благо. Он высматривал, вынюхивал и запоминал все, что могло кого-нибудь ранить. Кольцо дало ему власть – маленькую, ровно по его мерке, но власть. Стоит ли удивляться, что родичи его вскоре возненавидели и, когда он бывал видим, гнали из норы в три шеи. Когда он попадался на дороге, его пинали, а он, не оставаясь в долгу, кусал обидчиков за ноги. Со временем он начал подворовывать и вечно бормотал что-то себе под нос, а в горле у него непрестанно голготало:

«голлм, голлм». В конце концов его прозвали Голлумом, проклинали и велели убираться на все четыре стороны, а Праматерь (приходившаяся Голлуму бабушкой), желая, чтобы в клане воцарился мир, объявила его изгоем и запретила казать нос в родную нору.

С тех пор он бродил в одиночестве, хныча и обвиняя мир в жестокости. Выше по течению Реки он набрел на стекавший с гор ручей и пошел вдоль него. В глубоких омуты ловил он невидимыми пальцами рыбу и ел ее сырой. Однажды в жаркий день, наклонившись над омутом, он почувствовал на затылке ожог, а слепящая рябь на воде хлестнула его по слезящимся глазам резкой болью⁸⁶. Голлум удивился – он почти позабыл о том, что в мире существует солнце. В последний раз поднял он взгляд вверх и погрозил светилу кулаком.

Тут он по нечаянности перевел взгляд на вершины Туманных Гор, откуда бежал ручей. И его осенило: «А там, наверное, тень и прохлада, под этими горами! Там солнце меня не выследит. А какие у этих гор, должно быть, корни – всем корням корни! Там, верно, погребены тайны, до которых с начала мира еще никто не докопался».

Когда настала ночь, он поднялся в горы, нашел пещерку, откуда вытекал темноводный ручей, и, как червь, проник в самое сердце каменных громад. Больше о нем никто ничего не слышал.

Вместе с ним пропало во мраке и Кольцо, так что даже создатель Кольца не смог проведать о судьбе своего детища, когда вновь начал набирать силу.

– Голлум! – закричал Фродо. – Неужели это был Голлум? Ты имеешь в виду то самое существо, с которым встретился Бильбо? Какая отвратительная история!

– Скорее печальная, – вздохнул волшебник. – Героем ее мог бы стать и кто-нибудь другой. Например, кто-нибудь из хоббитов...

– Не верю, что Голлум в родстве с хоббитами, хоть бы и в отдаленном! – с жаром запротестовал Фродо. – Что за безобразные выдумки!

– И все же это не выдумки, – возразил Гэндальф. – Уж о чем, о чем, а о хоббичьих прапрадедах я осведомлен получше вас, хоббитов. Даже из рассказа Бильбо можно догадаться, что Голлум сродни вам. У них двоих оказалось очень много общего – и в воспитании, и в самом образе мыслей. Они поняли друг друга с полуслова – по крайней мере,

куда быстрее, чем хоббит или Голлум поняли бы гнома, орка или эльфа. Даже загадки они знали одни и те же, если не ходить далеко за примерами.

– Загадки – да, – неохотно признал Фродо. – Но загадки загадывают не только хоббиты, много кто, и загадки у всех похожи. Зато хоббиты всегда играют честно. А Голлум сразу решил надуть Бильбо. Он надеялся усыпить его бдительность, чтобы потом взять голыми руками. Об заклад побьюсь, что он просто хотел потешиться: выиграет – добыча сама в руки идет, проиграет – разницы никакой.

– Боюсь, так оно и было, – согласился Гэндальф. – Но ты кое-что упустил. Даже в его душе оставались уголки, куда порча еще не добралась. Он оказался крепкого десятка. Чем не хоббит? Даже Мудрые не могли бы такого предположить. Голлум не окончательно подпал под власть Кольца, в глубине души у него оставался уголок, куда Кольцо еще не дотянулось, и сквозь эти глубинные отдушины в его сознание, как в темную пещеру, просачивался слабый свет – свет прошлого. Думаю, Голлуму было приятно снова услышать приветливый голос, разбудивший в нем память о ветре, деревьях, солнечных зайчиках на траве и прочих забытых радостях. От этого, конечно, другая, темная часть его существа под конец только сильнее разъярилась⁸⁷. И так будет всегда, если не взять над ней верх, если не вылечить эту болезнь окончательно. – Гэндальф тяжело вздохнул. – Увы! Уповать на это почти не приходится. Правда, я не зря сказал «почти». Конечно, он владел Кольцом так долго, что без него себя не мыслит, но проблеск надежды все-таки есть. Дело в том, что пользовался он своим «сокровищем» очень редко: среди черной подгорной тьмы необходимости в этом не было. Совершенно очевидно, что «выцвести» он не успел. Исхудал – да, но все-таки остался достаточно крепким. И все же Кольцо не теряло времени даром – оно грызло его разум день и ночь, и пытка стала под конец невыносимой. «Вековые тайны», якобы скрытые под корнями гор, обернулись черной пустотой: там нечего было разнюхивать, нечего искать – только и дел, что грызть схваченную исподтишка добычу и перебирать в памяти былые обиды. Голлум влачил жалкую, совершенно безрадостную жизнь. Тьму он ненавидел, света не переносил, а в итоге проклял все на свете, и Кольцо – в первую очередь.

– То есть как это? – не понял Фродо. – Оно ведь было его единственным сокровищем, он в нем души не чаял! Если он его так ненавидел, то почему не избавился от него, не бросил и не ушел?

– Пора бы тебе начать разбираться, что к чему, Фродо! Ты знаешь уже вполне достаточно! Он и ненавидел, и обожал Кольцо, точь-в-точь как самого себя. Он не мог от него избавиться. Его желания были здесь уже ни при чем. Кольцо Власти само о себе заботится, Фродо. Оно может предательски соскользнуть с пальца в самый неподходящий момент, но его обладатель с ним не расстанется ни за какие блага. Самое большее, на что он способен, – тешить себя мыслью, что препоручит его кому-нибудь на хранение, да и то поначалу, пока Кольцо еще только примеривается, как бы получше за него взяться. Насколько мне известно, Бильбо – единственный, кто пошел дальше благих намерений. Он сумел отдать Кольцо по-настоящему. Не без моей помощи, правда. Но чтобы просто выбросить его, оставить на произвол судьбы – нет! На это он не согласился бы... Кольцо само решило, что ему делать, понимаешь? Голлум оказался лишним. Кольцо покинуло его, покинуло по своей воле.

– Оно, наверное, спешило не опоздать на свидание с Бильбо, – усмехнулся Фродо. – Уж лучше бы какого-нибудь орка подцепило! Чем ему орки не потрафили?

– Тебе все шуточки, – строго оборвал его Гэндальф. – А тебе смеяться бы не следовало! За всю историю Кольца этот случай – самый странный. Подгадало же твоего дядюшку оказаться там именно в тот миг и вслепую нашарить в темноте Кольцо! Тут сработало сразу несколько сил, Фродо. Кольцо вознамерилось вернуться к прежнему владельцу, соскользнуло с руки Исилдура и предало его. Потом, когда представился случай, оно поймало несчастного Деагола, и тот поплатился за свою находку жизнью. Наконец, Голлум. Голлума оно проглотило с потрохами. Больше от несчастного нельзя было получить ничего – он слишком мелкая сошка, слишком жалок. Имея при себе Кольцо, Голлум ни за что не покинул бы своего темного озера. Поэтому стоило истинному хозяину пробудиться и мысленно позвать Кольцо из Чернолесья, как оно само покинуло Голлума. Покинуло, чтобы угодить в руки самого неподходящего владельца, нелепее и не придумаешь: Бильбо из Заселья! Нет, за всем этим стоит еще что-то, не входившее в расчеты Хозяина Кольца. Я могу сказать только, что

Бильбо было predeterminedено найти Кольцо⁸⁸, но создатель Кольца об этом не знал. Из этого следует, что тебе тоже predeterminedено стать владельцем Кольца. Это вселяет некоторую надежду.

– Не вселяет это никакой надежды, – отозвался Фродо. – Правда, я не уверен, что понял тебя правильно. Как тебе удалось проведать о Кольце и о Голлуме? Ты знаешь наверняка – или это одни догадки?

Гэндальф посмотрел на Фродо. Его глаза сверкнули.

– Я и прежде знал немало, а теперь узнал еще больше. Но тебе я отчета давать не собираюсь. История Элендила, Исилдура и Единого Кольца известна всем Мудрым. Огненная надпись на твоём кольце явственно гласит: вот оно – Единое! Других доказательств не требуется, хотя есть и другие...

– А когда ты узнал, что на нем есть эта надпись? – перебил Фродо.

– Сию минуту, в этой самой комнате, – резко ответил волшебник. – Но другого я и не ждал. Я вернулся сюда после долгих скитаний по темным землям и долгих поисков именно ради этого последнего испытания. Других не требуется – все ясно и так. Чтобы восстановить историю Голлума и заполнить пробел, мне, конечно, пришлось поломать голову. Начал я с догадок, но теперь гаданиям конец. Я не предполагаю – я знаю. Я видел его.

– Голлума?! – воскликнул пораженный Фродо.

– Вот именно. Это надо было сделать обязательно – по возможности, разумеется. Я давно искал с ним встречи и наконец добился своего.

– Что же с ним случилось после того, как Бильбо удалось убежать? Ты разузнал?

– Разузнал, но не все. То, что я тебе сказал, поведал мне сам Голлум, хотя, конечно, в его устах этот рассказ звучал совсем иначе. Голлум – лжец, и его слова надо тщательно просеивать. Например, он упорно называл Кольцо «деньрожденным подарочком». Он уверял, что получил его от бабушки, у которой водилось множество красивеньких вещичек вроде этой. Смех, да и только! У меня нет сомнений, что бабушка Смеагола была настоящим матриархом⁸⁹ и в своём роде личностью недюжинной, но чтобы у нее «водились» эльфийские кольца? Чушь! Тем более она не стала бы их раздавать просто так, направо и налево: это уже прямая ложь. Но в этой лжи таится зернышко правды. После убийства Деагола Голлума мучила совесть, и

он изобрел себе оправдание. Снова и снова повторял он своему «сокровищу», сидя в темноте и обгладывая кости, пока сам чуть не поверил собственной лжи: это был его день рождения. Деагол должен был отдать ему колечко по доброй воле. Каждому понятно, что кольцо появилось именно ради дня рождения, нарочно, чтобы сделать Смеаголу подарочек. Это был деньрожденный подарочек. И так далее, и так далее. Я терпел сколько мог, но мне срочно требовалась истина, и в конце концов пришлось поступить довольно жестоко. Я застращал его огнем и капля по капле вытянул из него истинную историю, как бы он ни корчился и ни огрызался. Ему, видишь ли, кажется, что его в свое время неправильно поняли и не оценили по заслугам... Наконец он добрался до игры в загадки, обругал Бильбо – и вдруг остановился. Кроме темных намеков, дальше добиться от него ничего нельзя было. Кто-то напугал его сильнее, чем я. Он беспрестанно бормотал, что, мол, еще вернет свое «сокровище»... Кое-кто еще увидит, потерпит ли Голлум, чтобы его пинали, не пускали в дом, а потом загоняли в подземелье и грабили! Теперь у Голлума есть хорошие друзья, хорошие и очень влиятельные. Они ему помогут. Теперь Бэггинс – воришка Бэггинс – заплатит за все! Эту угрозу Голлум повторял на многие лады. Он ненавидит Бильбо и проклинаяет его. Более того, Голлум знает, откуда Бильбо родом.

– Но как же он это выведал?! – ахнул Фродо.

– Что касается имени, то Бильбо сам по глупости открыл, как его зовут. А где имя, там и страна, тут у Голлума сложностей не было, сумей только выползти наружу. И он выполз. Тоска по Кольцу оказалась сильнее, чем страх перед орками, сильнее, чем нелюбовь к свету. Через год-два он покинул свое горное убежище. Видишь ли, тяга к Кольцу в Голлуме осталась, но самого Кольца при нем уже не было – оно перестало разъедать его, и он немного ожил. Он чувствовал себя глубоким, дряхлым стариком, отвык смотреть на свет, а, главное, смертельно проголодался. Света, то есть солнца и луны, он боялся все так же и так же ненавидел. Думаю, это уже неизлечимо. Но ему помогла хитрость. Он обнаружил, что от дневного света и лунных лучей можно спрятаться, и передвигался только глубокой ночью, в темноте, быстро и бесшумно, высматривая бесцветными, холодными глазами насмерть перепуганных или слишком беззаботных зверюшек.

Новая пища и свежий воздух придали ему силы и дерзости. Как и следовало ожидать, вскоре он оказался в Чернолесье.

– Там ты и отыскал его?

– Там я его впервые увидел, – ответил Гэндальф. – Но прежде, чем там очутиться, он успел проследить путь Бильбо довольно далеко. От него трудно было добиться чего-либо определенного, поскольку он то и дело прерывал сам себя, ругаясь и угрожая. «Что у него было в кармансах? – повторял он. – Не хотел признаться, не хотел сказать. Лгунишка! Это был нечестный вопрос! Он первый обманул нас, да, да. Он нарушил правила. Надо было сразу задушить его, да, Сокровище мое! И мы это еще сделаем!» Вот образец его речей. Надеюсь, достаточно? Я вынужден был выслушивать это много утомительных дней. Но из намеков, которые он ронял, я догадался, что он дошлепал до самого Эсгарота и побывал на улицах Дейла, всюду подслушивая и заглядывая в окна. Никуда не денешься – новости о великих событиях гремели по всем Диким Землям, так что имя Бильбо было знакомо многим. Знали и страну, откуда он явился. Мы не делали тайны из того, каким путем Бильбо вернулся домой, на запад, и Голлум с его чутким слухом в два счета разузнал, что хотел.

– Почему же он не выследил Бильбо до конца? Почему не объявился у нас в Заселье?

– Хороший вопрос! Я как раз подхожу к этому. Думаю, что он так и собирался поступить. Он покинул Дейл и направился к западу, к берегам Великой Реки. Но там он почему-то свернул в сторону. Уверен – расстояния его не пугали! Что-то заставило его отклониться. Так думают и мои друзья, охотившиеся за ним по моей просьбе.

Первыми его выследили Лесные эльфы. Им это было нетрудно, так как след еще не остыл. Он шел напрямик через все Чернолесье, а потом обратно. Правда, поймать Голлума эльфы не смогли. Лес полнился страшными слухами. Переполошились даже звери и птицы. Лесные жители говорили, что в лесу поселилось жуткое существо, по виду призрак, а на деле – упырь: он-де взбирается на деревья и разоряет гнезда, проникает в норы и крадет детенышей, а то юрк в окно – и выискивает, где колыбелька. Но настичь его не удалось – на западной окраине Пуци след ушел в сторону. Видимо, здесь Голлум свернул на юг, ушел из заповедных эльфийских обиталищ и... пропал. Здесь я совершил серьезную ошибку. Причем далеко не первую,

Фродо, хотя, боюсь, на этот раз роковую. Я оставил поиски. Дал ему уйти. Мне было чем заняться и о чем подумать в те дни. К тому же я все еще верил знаниям и опыту Сарумана.

С тех пор минуло немало лет. Я заплатил за свою ошибку многими черными, полными опасностей днями. Когда я вновь занялся поисками, было уже слишком поздно. Бильбо к тому времени ушел из Котомки. Поиски мои не привели бы ни к чему путному, если бы мне не помог друг – Арагорн, величайший следопыт и охотник нашей эпохи. Ни на что особенно не надеясь, мы прочесали с ним весь Дикий Край и ничего не нашли. Но в конце концов, когда я отказался от поисков и направился в другие земли, Голлум объявился. Пройдя через великие опасности, мой друг привел эту несчастную тварь ко мне. Чем Голлум занимался все это время – узнать было невозможно. Он лил слезы, клял нас за жестокость, через слово вставлял свое «*голлм, голлм!*» – а когда мы поднажали, поднял скулеж, скорчился и принялся тереть руки, то и дело облизывая длинные пальцы, словно они у него болели, – ни дать ни взять в прошлом кто-то подверг его пытке... Я сказал «кто-то», но боюсь, тут гадать нечего, все и так ясно. Медленно, крадучись, тишком, ползком, версту за верстой, к югу да к югу, добрался он наконец до самого Мордора⁹⁰.

В комнате повисло тяжелое молчание. Фродо слышал, как стучит его собственное сердце. Даже за окнами наступила тишина. Ножниц Сэма слышно уже не было.

– Да, именно до Мордора, – повторил Гэндальф. – Увы! Мордор притягивает все зло, какое ни есть на свете, и Темная Сила надеется когда-нибудь окончательно собрать его у себя. Должно быть, Кольцо Власти оставило на Голлуме свою мету, открыв его душу зову Мордора. К тому же о новой Тени, омрачившей Юг, и о ее ненависти к Западу шептались на всех углах. Вот где рассчитывал он найти новых, могущественных друзей, которые пособят отомстить! Несчастная, безмозглая тварь! В тех землях Голлум научился многому. Пожалуй, он предпочел бы узнать меньше! Видимо, сперва он рыскал вдоль границ, выведывая и вынюхивая, но в конце концов его схватили и отвели на допрос. Да, боюсь, именно так все и случилось. Когда мы его нашли, он пробыл там уже достаточно долго и теперь возвращался назад, то ли получив задание, то ли следуя собственному злему умыслу – неизвестно. Но теперь это уже не важно. Главное зло было сделано.

Увы! Через Голлума Врагу стало известно, что Единое отыскалось. Где погиб Исилдур – для Врага не тайна. Где Голлум нашел Кольцо – теперь не секрет. Враг знает, что это одно из Великих Колец, потому что оно продлевает жизнь. Он знает, что Три Кольца к этому, найденному, отношения не имеют, потому что они никогда не терялись и чужды злу. Он знает, что Кольцо это не принадлежит ни к Семи, ни к Девяти – судьба Семи и Девяти известна. Стало быть, это Кольцо – Единое. До его ушей дошли наконец слухи о хоббитах и о Заселье. Да, о Заселье, Фродо! В настоящее время он, скорее всего, доискивается, где эта страна находится, если еще не искался. Вот так-то! Боюсь, имя *Бэггинс*, долго никого не интересовавшее, обрело теперь в его глазах определенный вес!

– Но это просто ужасно! – вскричал Фродо. – Это в сто раз хуже, чем я представлял по твоим намекам да предостережениям. О Гэндальф, ты мой лучший друг – скажи, что мне делать? Вот теперь я по-настоящему испугался. Что мне делать? Как жаль, что Бильбо не убил мерзкую тварь. Ведь это было так просто!

– Жаль, говоришь? Верно! Именно жалость удержала его руку. Жалость и Милосердие. Не наноси удара без нужды. И он был вознагражден сторицей, Фродо. Будь уверен: Бильбо отделался так легко и сумел в конце концов освободиться только потому, что его история с Кольцом началась именно таким образом. С Жалости⁹¹.

– Прости, – понурился Фродо. – Просто я очень испугался. И потом, мне не жаль Голлума. Совершенно не жаль.

– Но ведь ты не видел его, – перебил Гэндальф.

– И не желаю, – твердо заявил Фродо. – Что-то не пойму я тебя! Если я не ослышался, ты и эльфы по очереди оставили его в живых – и это после всех преступлений, которые он совершил! Да он ничем не лучше орка, он такой же враг, вот и все! Он заслуживает смерти!

– Заслуживает смерти? Еще бы! Но смерти заслуживают многие – и тем не менее живут. Многие, наоборот, заслуживают жизни – и умирают. Ты можешь их воскресить? Нет? Тогда не торопись выносить смертный приговор именем справедливости, когда на самом деле ратуешь только за собственную безопасность. Даже мудрейшие из мудрых не могут всего предусмотреть. У меня почти нет надежды, что Голлум при жизни излечится, но исключить этого вовсе тоже нельзя. Кроме того, его судьба намертво сплетена с судьбой Кольца. Сердце

говорит мне, что он еще сыграет в этой истории свою роль, прежде чем все кончится, – не знаю только, добрую или злую... Когда настанет его черед выйти на сцену, давняя жалость Бильбо может решить судьбу многих – и твою не в последнюю очередь. Ну а мы с Арагорном и подавно не могли его убить: он слишком стар и слишком жалок. Сейчас Голлум у Лесных эльфов. Они держат его под стражей, но обращаются с ним мягко, призвав на помощь всю свою мудрость и доброту.

– И все-таки, – сказал Фродо, – все-таки, если уж Бильбо не смог убить Голлума – лучше бы он не брал себе этого Кольца! Лучше бы он его вообще не находил! Тогда оно и ко мне бы не угодило. Зачем ты не помешал мне его взять? Или заставил бы выкинуть, уничтожить – и дело с концом!

– Не помешал? Заставил бы? – переспросил волшебник. – Ты, выходит, ушами хлопаешь, а я-то тебе втолковываю! Подумай сперва, а потом уже говори. «Выбрасывать» Кольцо ни в коем случае нельзя, это ясно каждому. Такие Кольца умеют «находиться». В недобрых руках оно может принести немало бед. Но хуже всего, если оно попадет к Врагу. А избежать этого нельзя. Это Единое Кольцо, и Враг употребит всю свою мощь, чтобы найти его или приманить. Спору нет, дорогой Фродо, все это время ты был в опасности, что не на шутку меня тревожило. Но на карту поставлено столь многое, что я решился чуть-чуть рискнуть, – да будет тебе, кстати, известно, что, пока я был вдали от тебя, Заселье ни на день не оставалось без бдительного присмотра. А поскольку ты не пользовался Кольцом, не думаю, чтобы оно наложило на тебя заметную печать. Ничего худого пока не стряслось. Необратимого, по крайней мере. Вдобавок девять лет назад, когда я видел тебя в последний раз, я почти ничего не знал наверняка.

– Но почему не взять и не уничтожить его? Ты говоришь, это следовало сделать давным-давно! Что бы тебе меня предупредить или послать весточку – я бы уже давно с ним разделался!

– Право? И каким же образом? Ты уже пробовал?

– Нет пока, но его, наверное, можно сплющить молотком или расплавить...

– Попробуй! – предложил Гэндальф. – Прямо сейчас!

Фродо снова вытянул из кармана Кольцо и посмотрел на него. Теперь оно было совершенно гладким – ни знаков, ни букв. Золото казалось таким чистым, таким красивым! «Что за редкостный отлив, сколько оттенков, как ярко оно блестит на солнце! – подумалось Фродо. – И какая совершенная форма! Вот вещь, достойная всяческого восхищения, поистине настоящее сокровище!» Вынимая Кольцо, Фродо твердо намеревался швырнуть его в пламя, где пожарче. Теперь он понял, что не способен сделать этого сразу – надо было сначала перебороть себя. Он взвесил Кольцо на ладони и помедлил, с огромным трудом заставляя себя вспомнить все, что рассказал только что Гэндальф; наконец, сделав над собой невероятное усилие, он размахнулся, чтобы бросить Кольцо в огонь, но вместо этого сунул руку в карман и обнаружил Кольцо на прежнем месте.

Гэндальф невесело рассмеялся:

– Видишь? То-то же. Уже сейчас, Фродо, тебе трудно расстаться с ним, не то что причинить ему вред. «Заставить» я тебя не могу – разве что силой, подавив твою волю и покалечив разум. Но чтобы повредить Кольцу, грубой силы недостаточно. Обрушь на него самый тяжкий молот, на нем и вмятинки не останется. Ни тебе, ни мне его не уничтожить. Огонь у тебя в камине и обычного-то золота не расплавит. Кольцо уже побывало на углях – и вышло невредимым. Скажу тебе больше – ни в одной засельской кузнице с ним ничего сделать не удастся. Даже гномьи горны и наковальни тут бессильны. Говорят, Кольца Власти плавятся в огненном дыхании летучих змеев, но на земле повывелась прежняя порода драконов, а у нынешней пламя слабое и для такого дела не годится. Ко всему этому добавим, что не родился еще на свет тот дракон (включая Анкалагона Черного), что повредил бы Единому Кольцу, Кольцу Власти, сделанному самим Сауроном. Путь только один: добраться до Ородруина, Огненной Горы, отыскать Трещины Судьбы⁹² – и бросить Кольцо туда, если ты действительно хочешь от него избавиться и навеки лишить Врага возможности захватить его...

– Еще бы не хотеть! – воскликнул Фродо. – Я больше всего на свете хочу его уничтожить! Ну... то есть... чтобы его уничтожили. Разве я гожусь для опасных путешествий и приключений? А лучше бы мне этого Кольца совсем не видеть! Зачем оно пришло именно ко мне? Почему выбор пал на меня?

– На такие вопросы ответа не бывает. Но не воображай, будто дело в каких-то особых достоинствах, какими ты наделен, а другие нет. О мудрости и силе вообще речи нет. И все же выбор пал на тебя, а значит, тебе придется пустить в ход всю силу, какая у тебя есть, весь твой ум и всю доблесть!

– У меня этого такие крохи! Вот ты, Гэндальф, другое дело. Ты и мудр, и могуществен. Может, ты бы сам его взял?

– Нет! – Гэндальф в одно мгновение оказался на ногах. – Если наделить меня такой властью – в моих руках она сделается стократ могущественнее и страшнее!⁹³ Но власть Кольца надо мною будет еще более крепкой. Более губительной. – Глаза волшебника сверкнули, лицо озарилось внутренним огнем. – Не искушай меня! Я, конечно, не хочу уподобиться Черному Властелину. Но Кольцо знает путь к моему сердцу: оно будет действовать через жалость, жалость к слабым и желание обрести силу для благих дел. Не искушай меня. Я не смею взять его даже на хранение, даже если поклянусь никогда не пользоваться им. У меня не хватит сил сдержать обещание. Я буду в нем слишком нуждаться! Ведь впереди ждут такие тяжелые испытания...

Он подошел к окну, отдернул занавески и распахнул ставни. В комнату снова хлынул свет. Мимо окна, насвистывая, прошел Сэм.

– Решение за тобой, – сказал волшебник, поворачиваясь к Фродо. – Но на помощь мою можешь рассчитывать. – Он положил руку на плечо Фродо. – Я помогу тебе нести эту ношу, пока она будет у тебя. Но пора приступать к делу, и поскорее. Враг не сидит сложа руки.

Наступила долгая пауза. Гэндальф снова сел в кресло и закурил трубку, словно погрузившись в раздумье. Глаза он, казалось, закрыл, но из-под опущенных век внимательно наблюдал за Фродо. Тот не отрываясь глядел на багровеющие угли, пока не забыл обо всем остальном, поглощенный, казалось, видением бездонных пламенных расселин. Мыслями он был уже там – у края легендарных Трещин Судьбы, на ужасной Огненной Горе.

– Так как? – прервал наконец молчание Гэндальф. – О чем ты думаешь? Решил, как быть дальше?

– Нет еще, – отозвался Фродо, очнувшись и возвращаясь из Тьмы. К изумлению своему, он обнаружил, что в комнате вовсе не темно, а за

окном блещет залитый солнцем сад. – А может, и да... Насколько я понимаю тебя, мне, видимо, придется оставить Кольцо и охранять его, по крайней мере пока, какую бы штуку оно со мной ни выкинуло.

– Выкинуть оно с тобой ничего не выкинет. Оно может действовать только постепенно, склоняя тебя понемногу ко злу, но это если ты оставишь его у себя именно с такими намерениями.

– Твоими бы устами да мед пить, – вздохнул Фродо. – Поскорее бы ты подыскал ему владельца понадежнее! А до тех пор я, наверное, представляю собой опасность для всех, кто живет поблизости. За двумя зайцами не погонишься. Или Кольцо, или оставайся все как было... Придется, стало быть, бросить Котомку, бросить Заселье, бросить все – и уйти. – Он вздохнул. – Я бы рад был спасти Заселье, если у меня получится, хотя подчас тутошний народ кажется таким тупоголовым! Ничем их не проймешь! Вот и мелькала у меня мыслишка: шарахнуть бы их землетрясением, что ли, или драконов напустить для их же блага... Но теперь я так не думаю. Мне кажется, знай я, что где-то за спиной у меня родное Заселье, что опасность ему не угрожает и живет там по-прежнему привольно – скитаться мне будет хоть чуточку, да легче. Я буду знать, что где-то еще есть клочок твердой, надежной земли, пусть мне самому уже не суждено ступить на него... Я, конечно, подумывал о том, чтобы сорваться как-нибудь с места и уйти, но одно дело каникулы, веселые приключения, а в конце тихая пристань, вроде как у дяди Бильбо или еще лучше. А тут совсем другое – изгнание и вечное бегство от опасностей, которые следуют за тобой по пятам и во всем мире ищут именно тебя и никого другого... И, скорее всего, идти придется одному, если и вправду мне выпало спасти Заселье. Но я чувствую себя таким маленьким для этого подвига – мне не на что опереться, да и надеяться не на что. Враг слишком силен и страшен.

Об одном он не сказал Гэндальфу. Пока он говорил, в сердце у него вдруг загорелось желание пойти по следам Бильбо и, может, кто знает, повстречать старого хоббита! Фродо даже про страх позабыл и мог бы хоть сейчас опрометью броситься вон из дома, не надев шляпы, – как поступил когда-то давным-давно, в такое же точно утро, незабвенный Бильбо.

– Дорогой Фродо! – воскликнул Гэндальф. – Все-таки хоббиты и вправду поразительные создания. Я всегда это говорил. За месяц их

можно изучить до малейшей черточки и успокоиться на сто лет. А через сто лет они возьмут и отколют такую штуку, что останется только глазами хлопать. Я почти не ждал, что ты ответишь именно так. Нет, не ошибся Бильбо, когда выбирал наследника, хотя вряд ли догадывался, как много будет зависеть от его выбора! Боюсь, ты во всем прав, Фродо. В Заселье Кольцо на долгий срок спрятать не удастся. Тебе придется уйти – не только чтобы спастись самому, но и ради других тоже. Имени Бэггинс прихватить с собой тебе не удастся. С ним придется туго: за пределами Заселья и в Диких Землях оно успело кое-кому набить оскомину. Я дам тебе дорожное имя. Когда отправишься в путь, называйся господином Подхолминсом. И одному тебе идти негоже. Главное – найти кого-нибудь, кто пошел бы добровольно и кому ты доверяешь. Но помни: ты поведешь своего друга навстречу неведомым опасностям. Так что смотри, кого выбираешь! И следи за тем, что слетает у тебя с языка, даже когда рядом нет никого, кроме самых верных друзей! У Врага много лазутчиков, уши у него везде...

Вдруг Гэндальф резко оборвал сам себя и прислушался. Фродо только теперь заметил, какая вокруг тишина – и внутри, и снаружи. Крадучись вдоль стены, Гэндальф бесшумно подобрался к окну – и вдруг с быстротой молнии вспрыгнул на подоконник и запустил вниз длинную руку. Раздался писк, и в окне появилась кудрявая голова Сэма Гэмги – за ушко да на солнышко!

– Клянусь бородой, неплохо! – воскликнул Гэндальф. – Сэм Гэмги, если не ошибаюсь? Что ты здесь делаешь, позволь тебя спросить?

– Господин Гэндальф? Радость-то какая! – пропел Сэм. – Ничего не делаю, сударь, ничего! Подстригал лужайку под окошком, с вашего позволения, а так ничего! – И он протянул волшебнику ножницы, словно призывая их в свидетели.

– Позволения моего я тебе на это не давал, – сурово оборвал Гэндальф. – Ножницы щелкали, что правда, то правда, но давно перестали. Говори, сколько успел подслушать? Давно ты тут околачиваешься?

– Заколачиваю? Что-то не понимаю, простите. Я тут садовником, заколачивать – не по моей части, у меня и молотка-то нет...

– Не прикидывайся дурачком! Давно ли ты здесь торчишь и зачем подслушивал? – Гэндальф страшно сверкнул глазами, брови его встопорщились, как два снопа соломы.

– Господин Фродо! – заблажил Сэм. – Пусть он меня не трогает! Он меня сейчас в какую-нибудь пакость превратит! У меня папаша старик, у него сердце слабое! Я плохого не хотел! Честное слово, господин Фродо!

– Да не тронет он тебя, – Фродо еле сдерживался, чтоб не расхохотаться, хотя поступок Сэма его удивил и обескуражил. – И он, и я, мы оба верим, что ты ничего плохого не замышлял. Возьми себя в руки, встань и отвечай скорее господину Гэндальфу!

– Х-хорошо, господин Фродо, – пискнул Сэм. – Много я чего слышал, только вот не понял ничего. Что-то про Врага, и про кольца, и про господина Бильбо, и про драконов, и про огненную гору, и еще... еще про эльфов, господин Фродо! Я слушал просто потому, что не оторваться было, ну, вы понимаете! Страсть как люблю такие истории! Пусть Тэд мелет что хочет, а я в них верю, и все тут. Эльфы! Чего бы я не дал, только бы взглянуть, какие они! Возьмите меня на эльфов поглядеть, когда пойдете, а, господин Фродо?

Гэндальф неожиданно рассмеялся.

– Залезай-ка в дом! – пригласил он. Обхватив перепуганного Сэма, он втащил его в окно прямо с ножницами, тяткой и прочим снаряжением и поставил посреди комнаты. – На эльфов хочешь поглядеть? А? – спросил он, придиричиво осмотрев Сэма и пряча в бороде улыбку. – Стало быть, ты слышал, что господин Фродо уходит?

– Да, сударь. Я оттого и поперхнулся, а вы, стало быть, и слышали. Я старался, чтобы тихонечко, да где там! Очень уж я переполошился!

– Ничего не поделаешь, Сэм, – грустно сказал Фродо. Только теперь до него вдруг дошло, что «прости» придется сказать не только милому его душе уюту Котомки и что расставаться будет куда больнее, чем казалось на первый взгляд. – Уйти мне придется. Но если ты меня и вправду любишь... – тут он посмотрел Сэму прямо в глаза, – если ты меня любишь, заруби себе на носу: болтать об этом нельзя. Усвоил? Если проговоришься, если хотя бы слово повторишь, причем даже шепотом, одними губами, – Гэндальф превратит тебя в пятнистую жабу и напустит в сад ужей, и будет прав!

Сэм рухнул на колени, трясаясь от страха.

– Встань, Сэм! – велел Гэндальф. – Я придумал кое-что получше. Это и от болтовни тебя удержит, и без наказания не останешься. Вперед знай, как подслушивать! Ты пойдешь с Фродо!

– Я, сударь?! – завопил Сэм, вскакивая словно пес, которого позвали на прогулку. – Это чтобы я пошел и увидел эльфов и все прочее?! Ур-ра! – заорал он, – и вдруг разрыдался.

Глава третья

Трое – компания что надо⁹⁴

– Тебе лучше уйти незаметно и побыстрее, – сказал Гэндальф.

Прошло уже две или три недели, а Фродо все никак не мог собраться с духом.

– Знаю. Но и то и другое очень трудно, – возразил он. – Если я просто хлоп! – и пропаду с глаз долой, как Бильбо, об этом уже завтра будет болтать все Заселье.

– «Хлоп – и с глаз долой!» Только этого не хватало! – Гэндальф не был расположен шутить. – Я сказал – побыстрее, а не сию минуту. Если ты найдешь способ ускользнуть из Заселья, не привлекая всеобщего внимания, то ради этого можно и задержаться ненадолго. Подчеркиваю: ненадолго.

– Как насчет осени – скажем, после нашего Дня Рождения? – предложил Фродо. – К тому времени я, наверное, смогу кое-что придумать.

Если честно, теперь, когда дошло до дела, уходить ему совсем расхотелось. Котомка казалась желаннее, чем когда-либо; к тому же Фродо намеревался вкусить всю сладость последнего засельского лета. Он знал: когда нагрянет осень, душа не будет так противиться мысли о дальних странствиях. Сам с собою он тайно уговорился выйти в день своего пятидесятилетия (Бильбо исполнялось сто двадцать восемь). Почему-то Фродо казалось, что это самый правильный день, чтобы последовать за Бильбо. Мысль о том, что он пойдет по следам старого хоббита, несказанно волновала Фродо и примиряла с необходимостью ухода. О Кольце и о том, куда оно может завести, Фродо старался не думать, но Гэндальфу своих опасений до конца не поверял. О чем волшебник догадывался, о чем – нет, сказать было трудно.

Гэндальф посмотрел на Фродо и улыбнулся:

– Что ж, отлично. Думаю, срок подходящий. Но учти – ни днем позже! Я начинаю не на шутку беспокоиться. Пока время не настало, будь как можно осторожнее, и смотри – даже намеком не проговорись, куда идешь! И приглядывай за Сэмом Гэмги. Если он проболтается – клянусь, быть ему жабой!

– Насчет того, куда я пойду, проговориться будет трудно, – заметил Фродо. – Я и сам-то хорошенько не знаю куда!

– Что за глупости! Речь не о том, оставлять адрес на почте или нет. Ты покидаешь Заселье, и, пока не уйдешь достаточно далеко, знать об этом никто не должен. На север ли ты отправишься, на юг, на запад ли, на восток – не важно, свернешь куда по пути – тоже неважно, но направление надо утаить.

– Я так убиваюсь по Котомке и друзьям, что не подумал, в какую сторону идти, – признался Фродо. – Куда податься? Как выбрать дорогу? И что я должен буду совершить? Бильбо ездил за сокровищами туда и обратно, а я, сколько понимаю, еду, чтобы потерять свое сокровище и не вернуться вообще.

– Всего ты понять покуда не в силах, да и я тоже, – сказал Гэндальф. – Не исключено, что отыскивать Трещины придется именно тебе, но это еще вилами по воде писано, – может, найдутся и другие смельчаки. Как знать? Но в любом случае ты к такой дальней дороге еще не готов.

– Да уж! – пробормотал Фродо. – Но пока я не готов к ней, куда мне идти?

– Навстречу опасности! Но не очертя голову и не на авось. Хочешь моего совета? Вот он: отправляйся в Ривенделл, который некоторые называют еще Двоедолом. Путь туда не слишком опасен. В былые времена это вообще сошло бы за увеселительную прогулку, но теперь все меняется к худшему, а к концу года на дорогах будет и вовсе скверно.

– Ривенделл! Чудесно! Значит, я иду на восток – в Ривенделл! Покажу Сэму эльфов. Он, верно, будет рад-радешенек!

Говорил Фродо шутя, но в сердце у него вдруг шевельнулось горячее желание увидеть Дом Элронда Полуэльфа и вдохнуть воздуха горной долины, где и теперь еще в мире и покое обитали дети Благородного Племена.

Однажды летним вечером «Плющ» и «Зеленый Дракон» потрясла неслыханная новость. Великаны на окраинах Заселья и прочие зловещие знамения были позабыты и уступили место событию куда более важному: господин Фродо решил продать Котомку, более того – уже продал, и кому – Саквилль-Бэггинсам!

– Деньжат отвалили – ого-го! – завидовали одни.

– За бесценок отдал, – возражали другие. – Лобелия раскошелится! Жди!

(Долгая, но полная разочарований жизнь Ото⁹⁵ закончилась на сто втором году – за несколько лет до того.)

Но цена-то ладно, а вот зачем было господину Фродо расставаться со своей несравненной норой – вот что не давало покоя завсегдатаям обоих трактиров! Некоторые придерживались мнения, которое находило опору в намеках и подсказках самого господина Бэггинса: у Фродо, мол, опустела кошница, а посему он решил уехать из Хоббитона, обустроиться в Бэкланде и мирно жить-поживать там на вырученные денежки в окружении родичей – Брендибэков. «Чтоб Саквилль-Бэггинсов пореже видеть», – ехидничали сторонники этой точки зрения. Но в несметные богатства Бэггинсов из Котомки верили так прочно, что никто о разорении Фродо и слышать не хотел: все, что скажете, только не это! Многим угодно было видеть за новосельем Фродо исключительно козни Гэндальфа, темные и покуда необъяснимые. Волшебник гостил у Фродо тихомолком и днем на улицу не выходил, но о том, что он «укрылся в Котомке», знали все. Как именно переезд вписывается в его колдовские замыслы, никто пока не дознался, но от правды деться было некуда – Фродо Бэггинс действительно решил перебраться в Бэкланд.

– Да, прямо этой осенью, – подтверждал он. – Мерри Брендибэк присмотрит мне какую-нибудь славную маленькую норку или там домишко – и в путь!

На самом деле он с помощью Мерри уже облюбовал и приобрел маленький домик в так называемой Крикковой Лоцинке⁹⁶, что за Бэкбери. Для всех, кроме посвященного в суть дела Сэма, объявлялось, что он перебирается туда насовсем. Мысль переехать именно в Бэкланд подсказало ему направление будущего пути – на восток. Бэкланд лежал близ восточных границ Заселья. К тому же Фродо провел там детство, так что возвращение представлялось вполне естественным.

Гэндальф оставался в Заселье больше двух месяцев. Но в один прекрасный вечер ближе к концу июня, вскоре после того, как все

было расписано окончательно, волшебник неожиданно объявил, что утром ему пора в дорогу.

– Надеюсь, что еду ненадолго, – успокоил он Фродо. – Вот только наведуясь на южную границу, а может, и подальше – надо собрать кой-какие сведения, если удастся. Мне не следовало так долго сидеть сложа руки.

Говорил он весело, но Фродо показалось, что волшебник чем-то встревожен.

– Что-нибудь стряслось? – спросил он напрямую.

– Да нет, пожалуй. Просто до меня дошли кой-какие недобрые новости. Придется разобраться. Если я приду к выводу, что тебе надо срочно сниматься с места, то я тотчас явлюсь или пришлю весточку. А пока следуй своему плану, но удвой осторожность, особенно с Кольцом. Выжги это у себя в голове каленым железом: *пользоваться Кольцом нельзя!*

Он ушел на ранней заре.

– Вернуться могу в любой миг, – сказал он на прощание. – Самое позднее – ко Дню Рождения. Я все больше склоняюсь к мысли, что в пути моя помощь тебе крепко понадобится!

Поначалу Фродо порядком встревожился и долго гадал – что за новости такие дошли до Гэндальфа? Но со временем беспокойство улеглось, и Фродо, наслаждаясь солнышком, забыл до поры до времени о всех неурядицах. В Заселье давно не выдавалось такого редкостного лета и столь изобильной осени: яблони изнемогали под тяжестью яблок, соты так и сочились медом, тяжелые колосья клонились долу.

Осень уже окончательно вступила в свои права, когда Фродо снова забеспокоился. Шутка ли – середина сентября, а от Гэндальфа ни слуху ни духу! День Рождения, а с ним и отъезд приближались неотвратимо, а волшебника все не было; не было и весточки. В усадьбе началась предпраздничная кутерьма. К Фродо на время приехали друзья – помочь укладываться. Это были Фредегар Булджер, Фолко Боффин и, конечно же, закадычные приятели Фродо – Пиппин Тукк и Мерри Брендибэк. Объединив усилия, они устроили в Котомке неслыханный беспорядок.

Двадцатого сентября в Бэкланд, к новому дому Фродо, отправились через Брендивинский Мост две крытые повозки с

мебелью и тем добром, что Фродо решил не продавать.

На следующий день Фродо совсем потерял покой и беспрестанно выбегал посмотреть – не идет ли Гэндальф? Утро четверга, то есть Дня Рождения, выдалось ясное и погожее – точь-в-точь как тогда, много лет назад, в день прощального торжества Бильбо. А Гэндальф все не шел. Вечером Фродо устроил скромный прощальный ужин на пятерых, включая его самого и друзей, что ему пособляли. На душе у Фродо скребли кошки, и ему было не до праздника. Стоило подумать о грозящем расставании с друзьями, как на сердце наваливалась тяжесть. «Как же открыть им правду?» – терзался Фродо.

Четверка молодых хоббитов, наоборот, пребывала в самом жизнерадостном настроении, и за столом скоро стало куда как весело, даром что Гэндальф так до сих пор и не появился. Из столовой вынесли все, кроме стола и стульев, но хорошей еды хватало, как и доброго вина: Фродо не стал продавать его Саквилль-Бэггинсам.

– Что бы ни случилось с остальными моими вещичками в когтях Лобелии, винцо я, считай, пристроил! – объявил Фродо, осушив свой стакан до последней капли – действительно последней: «Старый Виноградник» друзья прикончили.

Спев множество песен и повспоминав прежнее житье-бытье, они выпили за здоровье Бильбо и Фродо – таков был обычай. Затем, подышав воздухом и поглядев на звезды, друзья отправились на боковую. Праздник закончился. Гэндальф не пришел.

Наутро в Котомке снова закипела работа: надо было нагрузить последнюю повозку остатками поклажи. Мерри вызвался отвечать за доставку и, прихватив Пончика (Фредегара Булджера), отправился вперед.

– Должен же кто-то затопить камин к твоему прибытию, – объяснил он. – До встречи! Если не заснете по дороге, послезавтра увидимся!

Фолко, позавтракав, откланялся. Пиппин остался с Фродо и Сэмом. Фродо не находил себе места и ловил каждый звук – не идет ли Гэндальф? Напрасные надежды! Но все же Фродо решил подождать до сумерек. А потом, если дело спешное, Гэндальф может найти его и в Крикковой Лощинке. Еще и вперед успеет. Сам Фродо решил идти пешком. Замысел его состоял в том, чтобы пройти от Хоббитона до

Бэкландского парома (не так уж и далеко, в сущности!), полюбоваться напоследок Засельем и сгладить боль разлуки.

– И размять косточки, – вслух добавил Фродо, стоя в опустевшей прихожей и разглядывая себя в пыльном зеркале. Он успел отвыкнуть от долгих прогулок и быстрой ходьбы, и отражение показалось ему толще, чем следует.

После завтрака пожаловали Саквилль-Бэггинсы – Лобелия и ее рыжий отпрыск Лотто, немало досадив Фродо своим визитом.

– Наконец-то мы завладели этой норой! – провозгласила Лобелия, переступая порог. Во-первых, это была вопиющая бестактность, а во-вторых, если подойти строго, неправда: во владение Котомкой они должны были вступить только после полуночи. Но Лобелию можно было, наверное, и простить: ей пришлось ждать этого мгновения на семьдесят семь лет дольше, чем она рассчитывала. Ведь ей стукнуло уже целых сто! Как бы то ни было, она не преминула тщательно проверить – не увез ли часом старый хозяин чего-нибудь из купленного? Кроме того, она потребовала ключи. Чтобы убоготворить ее, пришлось потратить немало времени: старая перечница принесла с собой подробную опись имущества и тщательно все сверила. Наконец Лобелию и Лотто удалось спровадить, вручив им запасной ключ и обещав оставить другой у Гэмги в Отвальном. Лобелия фыркнула, ясно дав понять, что знает этих Гэмги как облупленных и что они как пить дать этой же ночью обчистят нору самым бесстыдным образом. Фродо не стал даже предлагать ей чая.

Сам он, однако, чая напился – на кухоньке, в компании Пиппина и Сэма Гэмги. Объявлено было, что Сэм отправляется в Бэкланд «прислуживать господину Фродо и ухаживать за его садиком». Старики Гэмги, отец Сэма, одобрил такой поворот событий. Что говорить, местечко тепленькое! Но в главном его горе (ведь он получил в соседки Лобелию!) это было слабым утешением.

– Последняя трапеза в Котомке! – торжественно провозгласил Фродо, отодвигая стул.

Грязную посуду они оставили Лобелии – авось вымоет, руки не отсохнут. Пиппин и Сэм затащили дорожные мешки покрепче и вынесли их на крыльцо. Пиппин отправился в последний раз прогуляться по саду. Сэм куда-то исчез.

Солнце село. Неприбранная, наполовину опустошенная Котомка выглядела печально и мрачно. Фродо кружил по знакомым комнаткам, пока отсвет заката на стенах не померк и из углов не выползли тени. В усадьбе постепенно становилось темно. Фродо вышел за порог, спустился крутою тропкой к калитке и направился напрямик к ведущей на Холм дороге. Он не терял надежды увидеть там Гэндальфа, большими шагами спешащего в сумерках вверх по склону.

Небо оставалось ясным, звезды разгорались все ярче.

– Ночка будет – загляденье, – сказал Фродо вслух. – Для начала – то, что надо. Пройдусь с удовольствием. Наконец-то! А то живешь как подвешенный, ни то ни се. Сил больше нет! Все! Ухожу! Пусть Гэндальф догоняет!

Он решительно повернулся, чтобы идти назад, – и вдруг замер: в двух шагах, сразу за углом Отвального Ряда, послышались голоса. Один принадлежал, вне сомнений, Старикану Гэмги, другой показался Фродо незнакомым и звучал неприятно. Слов чужака Фродо не расслышал, зато ответ Старикана долетел отчетливо, благо тот чуть ли не срывался на крик: видно, неизвестный крепко его донял.

– Нет, говорю тебе! Уехал господин Бэггинс. В аккурат этим утром, да. И Сэм мой с ним за компанию. По крайности, добро все увезли уже. А что не увезли, продали и – поминай как звали. Зачем? А я не сую носа в чужие дела, да и тебе не советую, приятель. Куда? Ну, это не секрет. Не то в Бэкбери, не то еще куда. Вроде того, одним словом... А вот прямехонько этой дорогой. Нет, я в такую даль не езжу: они там все с вывихом, в этом Бэкланде. Порченный народ. Нет, передавать ничего не стану. Спокойной ночи!

Послышались удаляющиеся шаги. Фродо подивился – отчего на душе у него так полегчало, когда он понял, что чужак направился вниз, а не вверх? «Надо же, как опротивели мне все эти господа, что лезут с вопросами да выпытывают насчет чужих планов», – подумал он. Он чуть было не спросил у Старикана, кто это о нем допытывался, но – к добру ли, к худу – передумал и поспешил обратно в Котомку.

Пиппин сидел на дорожном мешке, возле двери. Сэма еще не было. Фродо шагнул в темноту прихожей.

– Сэм! – позвал он. – Пора!

– Бегу, хозяин! – послышался голос откуда-то издалека. Вскоре подоспел, на ходу вытирая губы, и обладатель голоса. Он прощался с

пивным бочонком в подполе.

– Ну как, надолго запасся? – поинтересовался Фродо.

– Угу! Авань теперь какое-то время продержжусь!

Фродо запер круглую дверцу и отдал Сэму ключ.

– Беги домой и отдай ключ, Сэм, – велел он. – Потом дойдешь до угла Отвального, ноги в руки – и вперед, за нами. Мы будем ждать тебя у дальней калитки, за лугом. Через деревню не пойдем. Что-то сегодня любопытных многовато.

Сэм припустил вниз по дороге.

– Наконец-то в путь! – воскликнул Фродо.

Они закинули за спину мешки, подхватили палки – и поспешили в западный угол сада.

– Прощайте! – сказал Фродо черным, ослепшим окнам, помахал им рукой, повернулся и направился за Перегрином вниз по тропинке. Сам того не зная, он выбрал тот же путь, что когда-то Бильбо. Они перепрыгнули через живую изгородь, где пониже, и углубились в поля, сразу растворившись в темноте, словно и не было никого, – только трава прошелестела.

Спустившись по западному склону Холма, они отыскали калитку; дальше начиналась узенькая тропа. Здесь друзья остановились и поудобнее завязали ремни на дорожных мешках. Вскоре подоспел и Сэм – он торопился изо всех сил и как следует запыхался. На плечах у него громоздился непомерно тяжелый мешок, а на голову он напялил высокий, бесформенный фетровый колпак, который гордо величал шляпой. В темноте Сэм мог бы вполне сойти за гнома.

– Спорим, вы нарочно понапихали мне в мешок всяких тяжестей, – отдувался Фродо. – Бедные улитки! Бедные все, кто таскает дом на своем горбу!

– Давайте, я у вас что-нибудь возьму, хозяин. У меня мешок легкий, – мужественно соврал Сэм.

– Нет уж! Дудки! – вмешался Пиппин. – Ему только на пользу! Что он сам сказал, то ему и положили. Просто в последнее время наш Фродо малость разленился. Вот сбросит жирок – сразу небось повеселеет!

– Сжальтесь над бедным старым хоббитом! – взмолился Фродо со смехом. – Так я у вас в былинку превращусь, не дойдя и до Бэкбери,

точно вам говорю!.. Впрочем, хватит болтать чепуху. Если серьезно, Сэм, я подозреваю, что ты набрал лишнего. На первом же привале займемся твоим мешком. – И он снова поднял с земли палку. – Итак, вперед! Бродить по ночам мы все любители, так что верста-другая перед сном нам не повредит!

Сперва они воспользовались тропкой, но вскоре свернули налево и снова бесшумно углубились в поля. Шли гуськом, вдоль межей, огибая рощицы. Вокруг сомкнулась черная ночь. Темные плащи делали их невидимыми, словно все трое обзавелись волшебными кольцами. Оставив болтовню и стараясь не переговариваться на ходу, они пробирались среди травы как истые хоббиты – совершенно бесшумно; даже свой брат и тот ничего не слышал бы. Да что свой брат – звери, лесные и полевые, и те остались в неведении об этой ночной вылазке.

Вскоре вся троица по узкому деревянному мостику переправилась через Реку к западу от Хоббитона. Собственно говоря, Река здесь похожа была скорее на ручей и черной лентой петляла среди склонившихся над водой ольшаников. Пройдя еще версту-другую, хоббиты, пригнувшись, перебежали через широкий тракт, ведущий к Брендивинскому Мосту, и оказались во владениях Тукков. Затем, свернув на юго-восток, они направились в сторону Зеленых Холмов. Взобравшись на первый склон, они обернулись на дальние хоббитонские огоньки, мерцавшие в мирной долине у воды. Вскоре Хоббитон скрылся за темнеющими холмами; вместо него показалось Приречье и тусклый Приреченский Пруд. Когда огонек последней фермы, приветно мигавший среди деревьев, остался позади, Фродо обернулся и помаhal на прощание рукой.

– Неужели я в последний раз гляжу на эту долину? – тихонько проговорил он.

После трех часов ходьбы они сделали привал. Ночь была ясная, холодная, звездная, но по склонам холмов уже ползли дымные перья тумана из речных русел и глубоких лощин. Бледное темное небо черной сетью заткали полуоблетевшие ветви берез, слегка раскачивавшиеся под ветром. Друзья поужинали (или, по хоббичьим понятиям, скорее слегка перекусили) и двинулись дальше. Вскоре они вышли на узкую тропу, что петляла по холмам и терялась в темноте: это был путь к Лесному Приюту, а оттуда – в Амбары и к парому.

Тропа начиналась у Главного Тракта, в долине Реки, и, огибая Зеленые Холмы, вела в Лесной Угол – самую безлюдную часть Восточного Предела.

Вскоре дорога нырнула в глубокую лощину, по обеим сторонам которой шелестели сухой листвой высокие деревья. Поначалу друзья переговаривались, мурлыкали себе под нос разные песенки, решив, что теперь-то уж их подслушивать некому, потом смолкли. Пиппин начал помаленьку отставать. Наконец после одного особенно крутого подъема он остановился и зевнул.

– Глаза так и закрываются, – сказал он сонно. – Скоро повалюсь прямо на дороге. А вы как – стоя спать будете? Уже скоро полночь.

– Я думал, тебя хлебом не корми – дай побродить в темноте, – притворно удивился Фродо. – Но спешить особенно некуда. Мерри будет ждать нас, только начиная с послезавтра, – значит, у нас еще почти два дня в запасе. Подыщем удобное местечко и заночуем.

– Ветер западный, – определил Сэм. – С подветренной стороны холма как раз то, что надо: и тихо, и уютно. Если я верно помню, сейчас пойдет сухой ельник...

На тридцать верст от Хоббитона Сэм знал каждый камешек, но этим его познания в географии ограничивались.

По ту сторону холма действительно начинался ельник. Свернув с тропы, они нырнули в смолистую темноту и первым делом набрали хвороста и шишек для костерка. Скоро под ветвями большой ели весело потрескивал огонь, а хоббиты сидели вокруг и грелись, пока не начали клевать носом. Тогда они завернулись в одеяла, пристроились между огромными, расходящимися во все стороны корнями старого дерева, каждый в своем отдельном углу, и вскоре уже спали как убитые. Часовых решили не выставлять. Даже Фродо отложил страхи на потом: какие могут быть опасности в самом сердце Заселья? Никто не видел путников; разве что несколько зверьков, когда погас костер, подобрались поближе – поглазеть. Случилось пробежать по своим делам лису; приметив чужаков, он остановился и понюхал воздух.

– Хоббиты! – изумился он. – К чему бы это? Много нынче странного творится, но чтобы хоббит спал не дома, а в лесу под деревом?! Нечасто такое увидишь. И не один, гляди-ка, а целых три! Неладно это, ох неладно!

Лис попал в самую точку, но смысл увиденного так навсегда и остался для него тайной за семью печатями.

Наступило утро, бледное и туманное. Фродо проснулся первым – и обнаружил, что корень оставил у него в спине изрядную вмятину, да и шея задеревенела.

«Ничего себе удовольствие! И зачем я пошел пешком? – подумалось ему, как всегда в начале долгого похода. – Как же это меня угораздило продать Саквилль-Бэггинсам мои великолепные перины? Лучше б я уступил им этот корень!»

Отгоняя неприятные мысли, он потянулся и позвал:

– Эй, хоббиты, поднимайтесь! Утро нынче просто замечательное!

– Ничего замечательного не вижу, – возразил Пиппин, кося одним глазом поверх одеяла. – Сэм! Подашь нам завтрак в половине десятого! Согрел воду для мытья?

Сэм вскочил, хлопая спросонья глазами:

– Нет еще! Но я мигом, сударь!

Фродо стянул с Пиппина одеяло, перекатил приятеля на другой бок и отправился на опушку ельника. На востоке из густой дымки, скрывавшей долину, вставало красное солнце. Кроны деревьев, тронутые багрянцем и позолотой, плавали в море тумана, словно оторвавшись от корней. Слева круто ныряла вниз и пропадала из виду вчерашняя тропка.

Когда он вернулся, оказалось, что Сэм и Пиппин уже успели развести костер.

– Давай воду! – набросился на Фродо Пиппин. – Где вода?

– Не в карманах, как видишь, – отмахнулся Фродо.

– Мы-то думали, ты за водой ходил, – рассердился Пиппин, доставая из мешка еду и кружки. – Может, сгоняешь все-таки?

– А почему не вместе? – весело отозвался Фродо. – Захвати фляги и айда!

У подножия холма пробивался ручеек. Они наполнили фляги и походный котелок у маленького водопада, где ручей переливался через большой серый валун. Вода оказалась ледяной, и хоббиты долго фыркали и отдувались, поливая лицо и руки.

Пока они закусывали, утрамбовывали мешки и собирались в путь, перевалило за десять. День намечался ясный и жаркий. Друзья

спустились с холма, перебрались через ручей неподалеку от родника – и пошло-поехало: вверх по склону, на гребень холма, вниз... Скоро плащи, одеяла, вода, пища и все прочее стало казаться невероятно тяжелым – что твои булыжники.

Дневной переход обещал быть жарким и утомительным. Правда, через версту-другую дорога перестала скакать вверх-вниз: изнуряющим зигзагом взобравшись по крутому обрыву, она приготовилась к последнему спуску. Внизу простиралась равнина с темными пятнами рощиц, вдали сливавшимся в бурую дымку, – там лежал Лесной Приют, а дальше угадывался Брендивин. Нить дороги вилась и петляла, убегая вдаль.

– Дороге прямо конца нет, – вздохнул Пиппин, – а вот мне, если я не отдохну, точно конец придет. По-моему, пора перекусить еще разок.

С этими словами он опустил на высокую обочину, приложил ко лбу ладони и всмотрелся из-под руки в дымку на горизонте – туда, где текла Большая Река, где кончалось Заселье, в котором он провел всю свою жизнь. Сэм стоял рядом, широко раскрыв круглые глаза: впереди лежали неизведанные земли, а за ними – новый, незнакомый горизонт.

– А эльфы в тех лесах водятся? – спросил он.

– Не слыхал что-то, – отозвался Пиппин.

Фродо не ответил. Он смотрел на убегающую вдаль дорогу, словно видел ее впервые. И вдруг продекламировал нараспев, громко, ни к кому не обращаясь:

*Бежит дорога вдаль и вдаль,
Но что я встречу по пути?
Труды, усталость и печаль.
Однако должен я идти
Все дальше, не жалея ног, —
Пока не выйду на большак,
Где сотни сходятся дорог, —
А там посмотрим, что и как!⁹⁷*

– Это же вроде бы старого Бильбо вирши, – припомнил Пиппин. – Или ты это сам написал на тот же манер? Звучит не слишком жизнерадостно.

– Не знаю, – пожал плечами Фродо. – Мне почему-то показалось, что я их вот прямо сейчас, на месте сочинил. Но вполне может стать, что когда-то давно я их от кого-нибудь слышал. Мне просто Бильбо вспомнился – каким он был в последние годы, перед Уходом. Он говаривал, что Дорога на самом деле одна, точь-в-точь большая река: у каждой двери начинается тропинка, ни дать ни взять ручей, что бежит от криницы, а тропинки все до одной впадают в Большую Дорогу. «Выходить за порог – дело рискованное, – повторял он. – Шагнешь – и ты уже на дороге. Не удержишь ног – пеняй на себя: никто не знает, куда тебя занесет. Понимаешь ли ты, что прямо здесь, за дверью, начинается дорога, которая ведет на ту сторону Чернолесья? Дашь ей волю – и глазом не успеешь моргнуть, как окажешься у Одинокой Горы или где-нибудь еще, так что и сам будешь не рад!» А ведь это он про ту самую тропинку говорил, что начинается у дверей Котомки. Придет, бывало, с прогулки и затеет разговор...

– Меня лично дорога пока что никуда не уведет. Дудки! По крайней мере с часок ей придется обождать, – зевнул Пиппин и скинул с плеч мешок. Остальные последовали его примеру и уселись на высокой обочине, побросав поклажу и свесив ноги. Отдохнув как следует, друзья плотно, не торопясь, подкрепились и покемарили еще немножко.

Когда они спустились с холма, солнце уже клонилось к западу и равнину заливал теплый послеполуденный свет. До сих пор на пути не встретилось ни единой живой души. Дорога слыла полузаброшенной – на повозке тут было не проехать, да и мало кто наведывался в Лесной Угол. С час или около того хоббиты без приключений шагали по тракту. Вдруг Сэм остановился и прислушался. Холмы остались позади, и дорога, вдоволь попетляв, бежала теперь прямо вперед среди лужаек, на которых то здесь, то там высились великаны-деревья – вестовые близкого леса.

– Нас нагоняет лошадь. Или пони, – сказал Сэм.

Все обернулись, но поворот дороги не позволял далеко видеть.

– Может, Гэндальф? – неуверенно предположил Фродо, но, не успев договорить, понял почему-то, что никакой это не Гэндальф. Его вдруг нестерпимо потянуло спрятаться от неизвестного всадника. – Может, это и не важно, – сказал он извиняющимся голосом, – но я бы

предпочел, чтобы меня здесь не видели. Чтобы вообще никто не видел. Хватит с меня любопытных! У них, можно подумать, только и дел, что тыкать в меня пальцем да судачить. А если это Гэндальф, выскочим и напугаем его, – добавил он, словно эта мысль посетила его внезапно. – Чтоб неповадно было опаздывать! Ну что? Прячемся?

Сэм и Пиппин бросились налево, скатились в небольшую ложбинку неподалеку от обочины и залегли там. Фродо все еще колебался: желанию немедленно спрятаться что-то мешало – не то любопытство, не то еще что. Цокот копыт все приближался. В последнюю секунду Фродо все-таки спохватился и юркнул в густую траву за деревом, распростершим над тропой ветви. Оказавшись в укрытии, он приподнялся и выглянул, таясь за одним из самых толстых корней.

Из-за поворота показалась черная лошадь – не хоббичий пони, нет, настоящая большая лошадь. В седле сидел человек; он был высок ростом, но ехал пригнувшись. Всадника окутывал черный плащ, так что видны были только сапоги в высоко поднятых стремянах; лица, затененного низким капюшоном, разглядеть было невозможно.

Когда всадник поравнялся с деревом, за которым хоронился Фродо, лошадь вдруг остановилась. Черный человек сидел в седле неподвижно, как влитой, лишь голова склонилась набок, словно всадник прислушивался. Из-под капюшона донеслось легкое сопение, – казалось, всадник пытается уловить какой-то ускользающий запах. Голова повернулась налево, потом направо...

Фродо охватил внезапный, безотчетный страх. Неужели заметит?.. У него мелькнула мысль о Кольце. Он и дышать-то боялся, но уж больно вдруг захотелось достать Кольцо – и рука сама потянулась к карману. Только продеть палец в дырочку – и вот оно, спасение! Наказ Гэндальфа представился вдруг нелепым. Ведь Бильбо пользовался Кольцом. «В конце концов, я пока что у себя дома, в Заселье», – решил наконец Фродо и дотронулся до цепочки, на которой висело Кольцо. Но всадник уже выпрямился и тронул поводья. Лошадь переступила с ноги на ногу и двинулась вперед – сперва медленно, потом рысью.

Фродо подполз к обочине и проводил всадника взглядом до ближайшего поворота. В последний момент хоббиту померещилось – хотя точно он сказать не мог, – что лошадь свернула в сторону и скрылась за стволами деревьев.

– Странно это все, вот что, странно и подозрительно, – сказал себе Фродо, направляясь к Сэму с Пиппином. Оба лежали в траве лицом вниз и ничего не видели, так что Фродо пришлось подробно описать странного всадника и его чудное поведение.

– Почему, мне и самому невдомек, но я точно знаю – меня он ищет. И не просто ищет, а вынюхивает. Но мне совершенно не хотелось, чтобы он меня нашел. Я в Заселье никогда ничего подобного не видал и ни о чем таком не слыхивал.

– Но что Большим тут надо? – недоумевал Пиппин. – Какая нелегкая его сюда занесла?

– Людей тут в последнее время много ошивается, – возразил Фродо. – Особенно в Южном Пределе. У тамошних хоббитов, кажется, были даже какие-то нелады с Большими. Но о таких всадниках я никогда не слыхал. Знать бы, откуда он!

– Простите, сударь, – вмешался неожиданно Сэм. – На самом деле я знаю, откуда он, этот черный всадник, если только он тут один. И куда он едет, я тоже знаю.

– Что ты хочешь этим сказать? – удивился Фродо и повернулся к Сэму. – Что же ты раньше молчал?

– Совсем запамятовал, хозяин! Дело вот как было: воротился я вчера вечером к себе в нору, чтобы ключ оставить, и Старикан мой, значит, говорит мне: «А, это ты, Сэм, – говорит, – а я-то думал, ты еще утром ушел, с господином Фродо. Тут какой-то чужак справлялся о господине Бэггинсе из Котомки. Вот только что, сию минуту. Я его сплавил в Бэкбери. Что-то мне его голос не понравился. Я ему когда сказал, что господин Бэггинс насовсем уехал, так ему это ох как не по душе пришлось! Аж зашипел на меня. Прямо мурашки по спине побежали». – «А он какой был, парень-то этот?» – спрашиваю. – «Да кто его разберет! Одно скажу, не хоббит. Ростом жердина, сам черный, так и навис надо мной. Сразу видно – не отсюда. Из Больших, наверное. Выговор у него еще такой потешный...» Мне, понимаете, некогда было уши развешивать, раз вы меня ждали, ну, я и не обратил особого внимания. Старикан у меня сдает с возрастом и подслеповат малость, да и, почитай, стемнело уже, когда этот тип поднялся на Холм и наткнулся на Старикана – тот подышать вышел, в конец Отвального. Мой старик ничего не напортил, а, хозяин? Или, может, я что не так сделал?

– Старикана винить не в чем, – вздохнул Фродо. – Если честно, то я слышал, как он разговаривает с каким-то чужаком, и чужак, похоже, спрашивал обо мне – я чуть было не подошел узнать, кто таков. Напрасно я передумал. И ты напрасно не сказал сразу. Я бы вел себя осторожнее.

– Может, всадник к тому чужаку вообще не имеет отношения, – предположил Пиппин. – Ушли-то мы тайком. Как же он нас выследил?

– Очень просто, – не растерялся Сэм. – Вынюхал. К тому же давешний чужак тоже был черный.

– Жаль, не дождался я Гэндальфа, – пробормотал Фродо себе под нос. – А может, только хуже бы вышло...

Пиппин вскинулся:

– Стало быть, ты знаешь, что это за всадник? Или, может, догадываешься?

– Знать я ничего не знаю, а догадок строить не хотелось бы, – уклонился от ответа Фродо.

– Добро же, братец Фродо! Твоя воля! Можешь покамест скрытничать, если тебе нравится. Но нам-то как быть? Я бы лично не прочь заморить червячка, но, похоже, надо убираться отсюда подобра-поздорову. Мне что-то не по себе от ваших разговорчиков. Ездят тут всякие и нюхают, да еще невидимыми носами...

– Да, наверное, нам не стоит задерживаться, – согласился Фродо. – Но и по дороге идти нельзя – вдруг он поедет обратно, или, чего доброго, второй всадник объявится? А нам сегодня надо пройти изрядный кусок – до Бэкланда еще топать и топать!

На траву уже легли тонкие, длинные тени деревьев, когда хоббиты снова двинулись в путь. Теперь они пробирались по левую сторону дороги, придерживаясь обочины, но не слишком близко, так чтобы по возможности оставаться незаметными для случайного путника. Правда, идти в итоге пришлось гораздо медленнее – трава росла густо, не проредешь, из-за бесчисленных кочек хоббиты постоянно спотыкались, а деревья смыкали ряд все теснее и теснее.

За спиной село в холмы красное солнце, опустился вечер. Только тогда хоббиты вернулись на проезжую дорогу. Устав бежать все прямо и прямо через плоскую равнину, она сворачивала налево и спускалась

в Йельскую низину, направляясь к Амбарам. Вправо от нее отходила узкая тропка и, петляя среди столетних дубов, шла к Лесному Приюту.

– Нам сюда, – объявил Фродо.

Неподалеку от развилки они наткнулись на останки полувысохшего дерева-великана: оно было еще живо, и на тонких побегах-пасынках, проклюнувшихся на поваленном стволе, листва пока не облетела, но внутри зияло большое дупло, куда можно было без труда проникнуть через огромную трещину, с тропы не заметную. Хоббиты заползли внутрь и усьелись на гряде старых листьев и гнилушек. Здесь они отдохнули, перекусили и тихо перекинулись одним-двумя словами, время от времени замолкая и прислушиваясь.

Когда они выбрались из дупла и прокрались обратно на тропу, уже почти смерклось. В кронах вздыхал западный ветер. Листья перешептывались. Вскоре тропа медленно, но неуклонно стала погружаться во мрак. Темное небо на востоке, за верхушками деревьев, зажглось первой звездой. Хоббиты шли в ногу, бодро, плечом к плечу – для храбрости. Но вскоре звезды густо усеяли небо, заблестели ярче – и друзья перестали беспокоиться. Они больше не прислушивались, не застучат ли копыта, и вскоре негромко запели, по обыкновению путешественников хоббитов – хоббиты любят петь, особенно когда стемнеет и дом не за горами. Большинство предпочитает песни про ужин и теплую постель, но эта была про дорогу (хотя про ужин и постель в ней тоже поминалось). Бильбо Бэггинс сочинил однажды слова этой песни на старый, как горы, мотив и научил ей Фродо, когда они бродили по тропкам Речной долины и беседовали о легендарном Приключении.

*Горит в камине связка дров.
Усталым в доме – хлеб и кров.
Но не успели мы устать,
А за углом нас могут ждать
Кусты, деревья, валуны,
Что лишь для нас припасены!*

*Дерево, цветок, трава —
Раздва! Раздва!
Поле, пашня, лес, овраг —*

Шире шаг! Шире шаг!

*Там, за углом, быть может, ждет
Незнамый путь, секретный ход.
Мы пропустили их вчера –
А завтра, может быть, с утра
Свернем на них и курс возьмем
В Луны и Солнца дальний дом.*

*Роща, чаща, пуща, брод —
Эй! Вперед! Вперед! Вперед!
Топи, скалы, степь, река —
До свидания! Пока!*

*Дом – позади, мир – впереди:
Сквозь тьму нависшую – иди,
Пока не вызвездит вокруг —
И вот опять замкнется круг,
И ты поймешь – устали ждать
Очаг, перина и кровать.*

*Тучи, тени, мрак и ночь —
Прочь! Прочь! Прочь! Прочь!
Лампа, мясо, хлеб, вода —
Спать айда! Спать айда!⁹⁸*

Песня кончилась.

– Спать айда! Спать айда! – пропел Пиппин во всю глотку.

– Тсс! – шикнул Фродо. – По-моему, там опять кто-то едет.

Все трое замерли и прислушались – теперь хоббитов трудно было бы отличить от лесных теней. Невдалеке действительно слышался стук копыт – неторопливый, отчетливый. Друзей с тропы как ветром сдуло – быстро и неслышно они перебежали в густую тень дубов. Фродо остановил их:

– Далеко не заходите! Я не хочу, чтобы меня увидели, но я должен убедиться, что это и вправду Черный Всадник.

– Ладно, иди, – шепнул Пиппин. – Только не забудь, что он может тебя унюхать!

Цокот приближался. Укрытия искать было некогда – пришлось довольствоваться темнотой, царившей под ветвями. Сэм и Пиппин скорчились за толстым стволом, а Фродо подкрался чуть ближе к тропинке. Она казалась серой и бледной, напоминая постепенно гаснущий луч света, протянувшийся сквозь лес. Темное небо над головой густо усыпали звезды; луны не было.

Цокот прекратился. Вглядываясь в сумерки, Фродо заметил, что в просвете меж двух стволов показался сгусток темноты и остановился. Больше всего сгусток этот напоминал призрачную лошадь, которую вела в поводу другая тень – поменьше, но тоже черная. Остановились обе тени у того самого места, где хоббиты сошли с тропинки. Тень, что поменьше, клонилась то туда, то сюда. Фродо показалось, что до него доносится негромкое сопение. Наконец призрак пригнулся к самой земле – и пополз прямо на него.

Желание надеть Кольцо вновь охватило хоббита, на этот раз сильнее, чем когда-либо в его жизни. Так властно прозвучал у него в голове этот призыв, что Фродо, не успев еще осознать, что делает, нащупал в кармане Кольцо... Но в тот же миг откуда-то донесся смех вперемежку с песней. Чистые голоса поющих взвились к звездам. Черная тень выпрямилась – и шаг за шагом стала отступать. Наконец, вскарабкавшись на призрачную лошадь, она растаяла во тьме по ту сторону тропы. Фродо перевел дыхание.

– Эльфы! – послышался сзади хриплый шепот Сэма. – Эльфы, хозяин! – И он рванулся было на голоса, но Фродо и Пиппин удержали его.

– И правда эльфы! – подтвердил Фродо. – В Лесном Приюте их можно изредка встретить. Но живут они не здесь, не в Заселье, а в наши края просто забредают по дороге, когда странствуют вдали от своих земель, что лежат за Башенными Холмами. Ну и повезло же нам! Вы просто не видели, что здесь было! Черный Всадник остановился возле нас, он уже полз на меня, а тут вдруг песня! Небось мигом убрался!

– Ну, а эльфы, эльфы? – волновался Сэм. Всадник его уже не интересовал. – Нельзя пойти на них посмотреть?

– Не спеши! Они идут сюда сами, – остановил его Фродо. – Подождем.

Пение звучало все ближе. Из хора выделился один голос, особенно чистый и звонкий. Пели на языке Высших, Благородных эльфов, поэтому Фродо мог разобрать только отдельные строчки, а Сэм с Пиппином и вовсе ничего не понимали. Но звук, слитый с мелодией, проникал глубоко в душу и сам собой складывался в слова, – правда, понять этих слов до конца хоббиты не могли, как ни старались. Вот как услышал эту песню Фродо:

*Гори, Жемчужина небес, —
Ты за Морем далеким
Нам освещаешь темный лес
Огнем своим высоким.*

*Гилтониэль! О Элберет!⁹⁹
Мы видим лик твой ясный
И внемлем твой жемчужный свет,
Далекий и прекрасный.*

*Ты звезды сеяла в ночи
Бессолнечные Лета —
И ныне ловим мы лучи
Серебряного света.*

*О Элберет! Гилтониэль!
Мы ожидаем срока,
Когда в золотую цитадель
Мы уплывем далеко!*

Песня смолкла.

– Это Высшие эльфы!¹⁰⁰ Они пели об Элберет! – воскликнул потрясенный Фродо. – В Заселье это благородное племя почти и не бывает никогда. К востоку от Великого Моря их осталось не так-то много. Странное совпадение!

Хоббиты уселись в густой тени рядом с тропкой и стали ждать. Вскоре на тропе показались эльфы – они спускались с холма в долину. Шествовали они медленно, и хоббиты разглядели, как мерцает у них в глазах и на волосах звездный свет. Факелов у них с собой не было, но у ног их разливалось бледное сияние, подобное свету, который окаймляет гребни гор перед восходом луны. Теперь эльфы шли молча. Последний эльф, почти уже миновав хоббитов, неожиданно повернулся к ним и со смехом воскликнул:

– Фродо! Приветствую тебя! Не поздновато ли для прогулок? Или ты заблудился?

Он позвал остальных, и эльфы, вернувшись, обступили Сэма, Пиппина и Фродо тесным кольцом.

– Вот так чудеса! – переговаривались между собой эльфы. – Три хоббита, в самой гуще леса, да еще ночью! С тех пор как ушел Бильбо, здесь такого еще не видели. Что же с вами случилось?

– А то, Благородное Племя, что нам, кажется, с вами по дороге, – ответил Фродо. – Я люблю бродить под звездами. И не отказался бы присоединиться к вам.

– Вот не было печали! С хоббитами так скучно! Какой в них прок? – рассмеялись эльфы. – Да и откуда тебе знать, что нам по дороге? Ведь ты, кажется, не спрашивал, куда мы идем?!

– А откуда вам известно мое имя? – вместо ответа спросил Фродо.

– Нам известно многое, – откликнулись эльфы. – Мы часто видели тебя с Бильбо, хотя нас ты мог и не заметить.

– Кто же вы и кто ваш предводитель?

– Я, Гилдор, – отозвался предводитель – тот самый эльф, что первым заметил Фродо. – Гилдор Инглорион¹⁰¹ из Дома Финрода. Мы – Изгнанники. Большинство из нас давно ушло, а мы ненадолго задержались – но скоро и нам пора за Великое Море. Правда, некоторые из наших соплеменников до сих пор тешатся миром и покоем в Доме Элронда. Начинай же свой рассказ, Фродо, поведай нам, что ты здесь делаешь! На твоём лице тень страха.

– О Мудрый Народ! – тут же вмешался Пиппин. – Скажите нам, кто такие Черные Всадники?

– Черные Всадники? – вполголоса зашумели эльфы. – Почему вы спрашиваете о Черных Всадниках?

– Да вот, искали нас сегодня двое каких-то черных всадников, а может, только один, но дважды, – пояснил Пиппин. – Он и сейчас крутился поблизости, но, когда вы появились, мигом смылся.

Эльфы ответили не сразу, сперва они негромко обменялись между собой несколькими фразами на своем языке. Наконец Гилдор повернулся к хоббитам.

– Здесь мы об этом говорить не будем, – сказал он. – Наверное, вам и впрямь лучше пойти с нами. Это у нас не в обычае, но так и быть – на этот раз мы вас проводим, и вы с нами переночуете, если, конечно, вы не против.

– О Благородное Племя! Мог ли я мечтать?! – не веря своим ушам, воскликнул Пиппин, а Сэм и вовсе лишился дара речи.

– Воистину, я благодарен тебе, о Гилдор Инглорион, – с поклоном ответил Фродо. — *Элен сиила луумен омэнтиэльво!* Звезда осияла час нашей встречи! – добавил он на языке Высших эльфов.

– Осторожнее, друзья! – с веселым ужасом воскликнул Гилдор. – Не выдайте ненароком какой-нибудь тайны! Вы имеете дело со знатоком Древнего Наречия!¹⁰² Видимо, Бильбо оказался хорошим наставником. Радуйся, Друг Эльфов! – И он отвесил Фродо низкий поклон. – Присоединяйтесь к нам! Только идите в середине цепочки, чтобы не заблудиться. Не ровен час – выбьетесь из сил: путь неблизкий!

– Почему выбьемся? Куда вы идете? – спросил Фродо.

– Сегодня ночью мы направляемся в холмы Лесного Приюта. До тамошних лесов еще несколько верст. Но в конце вас ждет отдых, и завтра вы окажетесь ближе к цели.

Путь они продолжали молча. Сторонний прохожий, наверное, принял бы их за ночные тени или блуждающие огни: в искусстве бесшумной ходьбы эльфы превосходят даже хоббитов и при желании могут ступать совершенно неслышно. Пиппин вскоре стал задремывать на ходу и даже раз или два споткнулся, но рослый эльф, шагавший рядом, неизменно подхватывал его под локоть и не давал упасть. Сэм держался ближе к Фродо и шел как во сне. На лице у него застыли изумление и восторг пополам со страхом.

Лес по сторонам тропинки стал гуще, деревья – тоньше. Молодые стволы стояли вокруг тесной стеной, тропинка все ниже спускалась в ложбину между холмами, а по сторонам все чаще чернели заросли

орешника. Наконец эльфы свернули с тропинки. Справа, в кустарниках, чуть виднелась поросшая травой тропка; следуя за ее изгибами, эльфы снова поднялись по лесистому склону и взошли на гребень отдельно стоящего холма, длинным мысом вдававшегося в речную долину.

Деревья внезапно кончились; впереди открылась широкая, поросшая травой поляна, смутно серевшая в ночной тьме. С трех сторон поляну вплотную обступал лес; с четвертой стороны она круто обрывалась. У самого края поляны, прямо под ногами, колыхались темные кроны деревьев, росших внизу, на склоне. Дальше туманилась под звездами плоская долина. У подножия холма мерцало несколько огоньков – в усадьбах Лесного Приюта еще не спали.

Эльфы опустились на траву и завели негромкий разговор. Про хоббитов, казалось, все забыли. Фродо и его спутники сидели, завернувшись в плащи и одеяла; постепенно ими овладела дремота. Ночь текла своим чередом. Огни в долине один за другим погасли. Пиппин притулился у кочки и, прижавшись к ней щекой, крепко заснул.

Высоко на востоке покачивалось в небе созвездие Реммират – Звездная Сеть, а над туманами медленно вставал красный Боргил, разгораясь, как огненный рубин. Подул ветер, развеялись последние остатки тумана, и взору открылся Небесный Воин, опирающийся мечом о край земли, – великан Менелвагор¹⁰³, опоясанный блистающим поясом. Эльфы, словно кто подал им условный знак, запели хором. Под ветвями внезапно взвилось к небу алое пламя костра.

– К нам! К нам! – позвали эльфы хоббитов. – Время беседам и веселью!

Пиппин сел и протер глаза. Он так озяб, что зубы у него выбивали дробь.

– В Лесном Приюте горит огонь и готова трапеза для голодных гостей! – провозгласил один из эльфов, подходя к продрогшему хоббиту.

На дальнем конце поляны в стене деревьев виднелся просвет. Там, за широкой травянистой прогалиной, открывалась под ветвистым сводом лужайка, окруженная колоннами стволов. В середине лужайки пылал костер, а вокруг ровно и ярко горели укрепленные на стволах

золотые и серебряные светильники. Эльфы окружили костер плотным кольцом. Кто устроился прямо на траве, кто – на низких чурбаках. Одни обносили сидящих кубками и наливали питье, другие потчевали гостей эльфийскими яствами.

– Угощение скромное, – извинялись они перед хоббитами. – Мы в лесу, далеко от своих чертогов. Если навестите нас как-нибудь дома – попотчуем вас побогаче.

– Куда уж богаче, и так, как на именинах, – возразил Фродо.

Пиппин не мог потом вспомнить, что он ел и пил. Память его целиком заполнилась светом прекрасных лиц и звуками голосов – таких разных, чистых и звонких, что весь вечер ему казалось, будто он грезит наяву. Хлеб, кажется, на столе был – но какой! Будь Пиппин на пороге голодной смерти и предложи ему кто белого ситного мякиша – и тот не показался бы вкуснее. А фрукты! Сладкие, как дикая малина. И на диво сочные – куда сочнее, чем обычные садовые плоды! А питье? Он только пригубил благоухающей влаги, холодной, как вода из родника, золотой, как летний полдень, – и уже не мог оторваться, пока не осушил чашу до дна.

Ну а Сэм и вовсе не смог бы подыскать никаких слов. Он и самому себе не сумел бы объяснить того, что передумал и перечувствовал в ту ночь, которую с тех пор всегда вспоминал как поворотную в своей жизни. Самое вразумительное, что он мог потом сказать, это: «Ну, сударь, если б у меня выросли такие яблоки, я был бы настоящий садовник! Но яблоки что! Вот песни у них – это да! Прямо за душу берут, если вы меня понимаете!»

Фродо сидел у костра вместе со всеми, ел, пил и с удовольствием беседовал, но мысли его заняты были не столько самой беседой, сколько эльфийской речью. Он знал немного по-эльфийски и жадно впитывал доносившийся со всех сторон чужой говор. Иногда он заговаривал с эльфами, прислуживавшими за трапезой, и благодарил их на эльфийском наречии. Они улыбались в ответ и, смеясь, хвалили Фродо:

– Не хоббит, а сокровище!

Наконец Пиппина сморил сон. Его подняли, перенесли под деревья, в беседку из ветвей, и уложили на мягкое ложе, где он и проспал остаток ночи. Сэм расставаться с хозяином отказался. Когда Пиппина устроили на ночлег, Сэм свернулся калачиком у ног Фродо –

и вскоре, уронив голову на грудь, задремал. Фродо, однако, его примеру не последовал: он держал совет с Гилдором.

Беседа их касалась как нынешнего, так и минувшего. Фродо немало расспрашивал Гилдора о том, что творится в большом мире за пределами Заселья. Новости оказывались по большей части зловещими или удручающими: всюду сгущалась тьма. Воевали меж собой люди, покидали Средьземелье эльфы. Наконец Фродо задал заветный вопрос:

– Скажи мне, Гилдор, не приходилось ли тебе видеть Бильбо с тех пор, как он ушел?

Гилдор улыбнулся:

– Приходилось. Два раза. Он простился с нами на этом самом месте. Это было давно. Но потом мы встретились еще раз – далеко-далеко отсюда.

Продолжать он не стал, а Фродо решил не выпытывать.

– Ты не спросил меня о том, что беспокоит тебя самого, и ничего не рассказал о себе, Фродо, – сказал Гилдор. – Но кое-что мне известно и так, а в твоих глазах легко прочесть остальное, не говоря уже о вопросах, которые ты мне задал, – они выдают тебя с головой. Ты покидаешь Заселье, не зная, найдешь ли то, ради чего пустился в путь, исполнишь ли задуманное и вернешься ли назад. Прав я?

– Прав, – ответил Фродо. – Но я думал, что мое решение – тайна. Для всех, кроме Гэндальфа и моего верного Сэма. – И он посмотрел на Сэма, мирно посапывающего у его ног.

– От нас Враг не узнает ничего, – успокоил хоббита Гилдор.

– Враг? Значит, тебе известно, почему я ухожу из Заселья?

– Я не знаю, зачем Врагу тебя преследовать, но вижу, что Он за тобой охотится – хотя мне это кажется весьма странным. Берегись, Фродо! Опасность и впереди, и за спиной, и со всех сторон.

– Ты имеешь в виду Всадников? Я и правда боялся, что они слуги Врага. Но кто они такие?

– Разве Гэндальф ничего не говорил тебе?

– О Всадниках – ничего.

– Тогда, думаю, и мне не стоит рассказывать тебе о них – иначе страх может остановить тебя на полпути. Ибо мне кажется, что ты едва не опоздал с уходом, – а может статься, и опоздал. Теперь тебе надо

спешить. Не задерживайся в пути и не оглядывайся назад: Заселье больше не защитит тебя.

– Лучше бы ты рассказал мне всю правду. Было бы не так страшно. От намеков и предостережений только хуже! – воскликнул Фродо. – Я, конечно, знал, что встречу с опасностью, но чтобы у себя дома, в Заселье?! Что же, хоббиту теперь от Реки до Брендивина, получается, не добраться?

– Заселье не твое, – строго сказал Гилдор. – Прежде хоббитов здесь жили другие племена, а когда хоббиты исчезнут – поселится кто-нибудь еще. Мир, который нас окружает, огромен. Ты можешь оградить себя стеной и запереться от этого мира, но самого мира тебе не запереть.

– Знаю, но Заселье всегда казалось мне таким безопасным, таким домашним! Что же мне теперь делать? Я надеялся тайно уйти из дому и податься в Ривенделл, но еще до Бэкленда не добрался, и вот пожалуйста – за мной уже погоня!

– Полагаю, менять ничего не надо. Не думаю, чтобы опасности поколебали твое мужество! Но более внятного совета проси у Гэндальфа. Я не знаю, почему ты бежишь из Заселья, а потому не могу сказать, какие силы направит против тебя Враг. Вот Гэндальф – тот, вероятно, тебе поможет. Наверное, ты его еще увидишь, прежде чем покинешь Заселье?

– Надеюсь. Но тут-то и заминка. Я его жду уже очень давно. Он должен был прийти ко мне в Хоббитон самое позднее позавчера ночью, но так и не появился. Не возьму в толк – что могло с ним случиться? Может, лучше подождать?

Гилдор смолк на мгновение.

– Не по сердцу мне эта весть, – молвил он наконец. – Гэндальф – и опаздывает? Недоброе предзнаменование! Но сказано: «В дела волшебников не вмешивайся – они народ капризный и на гнев скоры». Так что выбор за тобой: идти – или ждать.

– А еще сказано: «Не проси совета у эльфа: ни *да*, ни *нет* не скажет».

– Неужели? – рассмеялся Гилдор. – Что ж, тут есть зерно истины: эльфы не дают необдуманных советов. Совет – дар опасный, даже совет мудреца мудрецу. Все на свете может обернуться злом. Чего же ты хочешь от меня? Ведь ты так ничего и не рассказал. Почему же,

скажи на милость, мой совет должен быть лучше твоих собственных соображений? Но если ты все еще требуешь совета – изволь. Вот что я тебе посоветую: уходи сразу, не задерживаясь. Если Гэндальф не объявится, то вот тебе еще совет: один не ходи. Возьми с собой друзей, таких, чтобы верили в тебя и хотели следовать за тобой. А теперь говори спасибо, ибо я дал тебе совет неохотно. У эльфов свои тяготы и печали. Хоббиты нас волнуют мало, да и все другие средьземельские племена тоже. Наши пути пересекаются редко – не важно, случай тому причина или нет. Нашей встречей, думается мне, мы обязаны не только случаю, но истинная цель ее неясна мне, и я боюсь сказать слишком много.

– Я глубоко благодарен тебе, – сказал Фродо. – Но лучше бы ты без обиняков растолковал, кто такие Черные Всадники. Ведь если я приму твой совет, Гэндальфа я могу не увидеть очень долго, а мне надо знать, кто меня преследует.

– Разве мало знать, что они – слуги Врага? Беги от них! Не говори им ни слова! В них – гибель. И не спрашивай меня более ни о чем! Сердце говорит мне, что ты, Фродо, сын Дрого, вскоре будешь знать об этих страшных всадниках куда больше, чем Гилдор Инглорион. Да охранит тебя Элберет!

– Но где мне взять отваги? Вот чего мне недостает больше всего!

– Отвагу находят обычно там, где не чают найти. Не теряй надежды! А покамест лучше бы тебе отдохнуть. Утром нас здесь уже не будет, но мы разошлем весть о вас по всем землям. Все Странствующие эльфы узнают о твоём путешествии, и все, кто облечен властью творить добро, будут неусыпно охранять твой путь. Я нарекаю тебя Другом Эльфов. Да осенят звезды конец твоей дороги! Нам редко бывало так радостно от встречи с чужаком, а слова Древнего Наречия из уст других скитальцев всегда согревают нам сердце!

Фродо почувствовал, что сон одолевает его, и он едва смог дослушать Гилдора.

– Добро, пойду-ка я спать, – сказал он. Эльф отвел его в беседку, к Пиппину. Фродо упал на ложе и забылся сном без сновидений.

Глава четвертая

Напрямик по грибы¹⁰⁴

Утром Фродо проснулся бодрым и свежим. Он лежал под густым навесом живых ветвей, склонившихся до самой земли, — настоящая беседка. Под ним была постель из дерна и травы, мягкой, источавшей незнакомое благоухание. Сквозь трепещущие листья, еще не тронутые желтизной осени, пробивались солнечные лучи. Фродо вскочил на ноги и выбрался на поляну.

Сэм сидел на траве у края леса. Пиппин глядел на небо, гадая, какая будет погода. Эльфы исчезли бесследно.

— Они оставили нам фруктов, питья и хлеба, — обернулся Пиппин к Фродо. — Иди позавтракай! Хлеб совсем не зачерствел. Я бы его весь до крошки подобрал, но Сэм разве позволит? Все о тебе печется...

Фродо сел рядом с Сэмом и принялся уплетать завтрак.

— Какие у нас сегодня планы? — поинтересовался Пиппин.

— Главное — добраться до Бэкбери, и чем скорее, тем лучше, — отозвался Фродо, не отрываясь от еды.

— Как ты думаешь, мы сегодня повстречаем этих Всадников? — спросил Пиппин весело. Если бы сейчас ему посулили встречу с целой черной конницей — теперь, при свете утра, он и ухом бы не повел.

— Скорее всего, — неохотно ответил Фродо: напоминание пришлось ему не по вкусу. — Но я надеюсь переправиться через реку до того, как они нас отыщут.

— Ты узнал у Гилдора, кто они такие?

— У него, пожалуй, узнаешь! Одни намеки да загадки, — уклончиво ответил Фродо.

— А почему они сопят носом — ты спросил?

— Нет, об этом мы поговорить как-то забыли, — с набитым ртом отозвался Фродо.

— Эх ты! Я убежден, что это ключ ко всем тайнам!

— Если это и вправду ключ ко всем тайнам, я уверен, что Гилдор отказался бы объяснять, — резко бросил Фродо, не расположенный шутить. — А теперь, будь добр, оставь меня хоть на миг в покое! Почему я должен отвечать тебе на целую уйму вопросов вместо того, чтобы спокойно позавтракать? Дай, наконец, подумать!

– Силы небесные! – удивился Пиппин. – Это за едой-то?

И он отошел к обрыву.

Ясное утро («предательски ясное», – мелькнула мысль) не избавило Фродо от страха перед Всадниками. Из головы у него не шли слова Гилдора. С другого конца поляны долетел беспечный голос Пиппина – хоббит скакал по траве и распевал песни.

«Так нельзя, – сказал Фродо сам себе. – Одно дело – пригласить младших друзей прогуляться на денек-другой по Заселью: в пути можно, конечно, устать и проголодаться, но зато как хорошо потом бывает плотно поужинать и согреться в мягкой постели! А тянуть их за собой в изгнание, где от голода и усталости уже никуда не деться, – это совсем другое дело. Даже если сами попросятся, не возьму! Это наследство – для меня одного. Скорей всего, мне и Сэма не стоило бы брать...»

Он взглянул на Сэма Гэмги – и обнаружил, что тот давно уже на него смотрит.

– Так как, Сэм? – сказал Фродо. – Что ты обо всем этом думаешь? Я уйду из Заселья при первой же возможности. Сказать правду, я решил, что в Крикковой Лощинке не задержусь и дня – если, конечно, удастся.

– И отлично!

– Не передумал идти со мной?

– Еще чего!

– Но путешествие будет очень опасное, Сэм! Оно уже опасное! Скорей всего, ни ты, ни я из этого похода не вернемся.

– Уж если вы не вернетесь, так и я тоже, дело ясное, – согласился Сэм. – «Не оставляй его одного!» – сказали они мне. – «Оставить? Господина Фродо?! – это я им. – В жизни такого не сделаю! Залезь он хоть на Луну, я и то не отстану! А если на него нападут эти самые Черные Всадники, им придется сперва потолковать с Сэмом Гэмги!» А они смеются.

– Но кто это «они» и что ты такое несешь?

– Эльфы, хозяин! Мы тут с ними маленько поболтали этой ночью. Они, похоже, знали, что вы уходите, так что я не стал и отпираться. Дивный народ эти эльфы, хозяин! Дивный, право слово!

– Это верно, – согласился Фродо. – Значит, ты в них не разочаровался?

– Мне кажется, мое мнение не в счет, – задумчиво проговорил Сэм. – Понимаете, они вроде как выше моих «нравится – не нравится»... Я бы сказал – они другие, не такие, как я воображал. Они и старые, и молодые, и веселые, и печальные, всё одновременно.

Фродо поглядел на Сэма изумленно, словно ждал увидеть на его лице видимые признаки случившейся с ним, судя по речам, перемены. Что это он? Прежний Сэм Гэмги так никогда не сказал бы. Но с виду Сэм был все тот же, только необычно задумчивый.

– Тебе, наверное, уже не хочется уходить из Заселья. Ведь твоя мечта сбылась, – предположил Фродо.

– Ан нет, хочется, хозяин. Не знаю, как вам объяснить, но после этой ночи я другой стал. Я словно вперед вижу, если можно так выразиться. Я знаю, что дорога перед нами длинная и ведет она во тьму, но я не могу повернуть назад. Я уже не ради эльфов иду, и не ради драконов, и не чтобы горы посмотреть. На самом деле я не знаю, чего хочу, но я должен что-то совершить прежде, чем все это кончится, и это что-то меня ждет не в Заселье, а там, впереди. Мне надо пройти этот путь до конца – понимаете?

– Ничего не понимаю. Вижу только, что Гэндалф подыскал мне хорошего спутника. И я рад! Значит, пойдем вместе!

Остаток завтрака Фродо съел в молчании. Закончив, он встал, огляделся и кликнул Пиппина.

– Готовы? – спросил он, когда тот подбежал. – Надо немедленно уходить. Мы заспались, а впереди еще много верст.

– Если кто и заспался, так это ты, – беспечно откликнулся Пиппин. – Я еще когда встал! А потом мы оба ждали, когда ты кончишь есть и думать.

– Я уже поел и все обдумал. Теперь я собираюсь как можно быстрее добраться до парома в Бэкбери. Делать крюк и возвращаться на вчерашнюю дорогу я не намерен. Пойдем напрямик.

– Тогда придется отрастить крылышки, – фыркнул Пиппин. – Пешком тут не пробраться.

– Все равно, здесь короче, чем по дороге, – твердо сказал Фродо. – Паром, если смотреть от Лесного Приюта, считай, точнехонько на востоке находится, а дорога сворачивает влево – видишь там, вдаль, какую она делает петлю? Это чтобы обогнуть Плавни и встретиться с трактом, который идет от Моста. Помните перекресток? Это сразу за

Амбарами. Но перекресток еще очень далеко, нам придется сделать большой крюк. Мы могли бы срезать добрую четверть пути, если бы пошли отсюда прямо к парому.

– Напрямик направишься – в три дня не управишься, – напомнил Пиппин пословицу. – Земля там вся в рытвинах, а ближе к Плавням начнутся болота и прочие радости. Я эти края знаю. А если ты боишься Черных Всадников, то какая разница, где с ними повстречаться – на дороге ли, в поле, в лесу...

– В лесу и в поле им будет труднее нас отыскать, – возразил Фродо. – Потом, если ты едешь по дороге, тебя на дороге и подстерегать будут, а не в глухомани какой-нибудь.

– Идет! – сдался Пиппин. – Ладно. Я полезу с тобой в любое болото и в любую канаву. Но радости в этом мало. Я рассчитывал до заката наведаться в «Золотой Окунек», что в Амбарах. Тамошнее пиво славится на весь Восточный Предел. По крайней мере когда-то славилось. Давненько я не пробовал «окуньковского» пива!

– Тем более! Напрямик, может, и дольше, но и через трактир не быстрее! Надо любой ценой не допустить тебя до «Золотого Окунька». В Бэкбери мы должны быть еще затемно. Слово за тобой, Сэм!

– Я как вы, господин Фродо, – вздохнул Сэм, не без труда подавив свое предубеждение против шастанья по болотам и не без сожаления распроставшись с надеждой отведать знаменитого «окуньковского».

– Ну, если нырять в колючки, то сразу. Айда! – решил Пиппин.

Солнце припекало уже почти по-вчерашнему – с той лишь разницей, что с запада надвигались тучи. Похоже было, что может пойти дождь. Хоббиты кое-как спустились по зеленой круче и оказались в непролазных кустарниках. По их замыслу нужно было, оставив Лесной Приют слева, пересечь лес на правом склоне холма и выйти на равнину. Оттуда решили идти прямо к переправе – на открытом месте никаких препятствий не предвиделось, разве что одна-две канавы да кое-где плетень. Согласно подсчетам Фродо, это составило бы верст двадцать восемь, если нигде не сворачивать.

Но вскоре выяснилось, что кусты куда гуще и спутаннее, чем казалось сверху. Тропы здесь не было; пробираться приходилось вслепую и, увы, со скоростью улиток. Когда же наконец хоббиты раздвинули последние ветки и оказались у подножия холма, дорогу

преградил бежавший с вершины ручей с крутыми глинистыми берегами, поросшими по краям густыми колючками. Перепрыгнуть – не получится, перебраться – еще туда-сюда, но тогда пришлось бы насквозь вымокнуть, исцарапаться и вымазаться в глине. Друзья остановились, не зная, что делать.

– Первая задержка, – мрачно усмехнулся Пиппин.

Сэм Гэмги оглянулся. Высоко меж стволов виднелся зеленый обрыв, откуда они начали путь.

– Гляньте-ка! – вскрикнул он вдруг, схватив Фродо за руку.

Все посмотрели вверх – и увидели прямо над головой, на самом обрыве, неподвижно стоящую лошадь. Рядом с ней чернела согнувшаяся над обрывом фигура человека в плаще.

Если кто и подумывал вернуться, то немедленно отказался от этой мысли. Фродо, махнув остальным, нырнул в дремучий кустарник у ручья.

– Вот так-то! – бросил он Пиппину. – Мы оба правы! Прямой путь превратился в окружный, зато мы успели спрятаться! Сэм, ты у нас чуткий. Слышишь что-нибудь?

Они замерли, стараясь не дышать и напряженно прислушиваясь. Но все было тихо.

– Вряд ли он сунется сюда с конем, больно круто, – успокоил друзей Сэм. – Но он, похоже, догадался, где мы. Уж лучше пойдем отсюда.

Легко сказать, труднее сделать! За спинами болтались тяжелые котомки, колючие кусты упорно не желали пропускать незваных гостей. Обрыв, оставшийся позади, надежно защищал низину от ветра, и в душном воздухе не ощущалось никакого движения. Когда впереди показалась наконец первая прогалина, у хоббитов по лбу градом катился пот, они устали и в кровь исцарапались, но самое скверное – перестали понимать, куда идут. Берега ручья понизились; поток, выбежав на ровное место, разлился и стал мельче, готовясь влиться в плавненские болота, а оттуда – в Брендивин.

– Это же Амбарный Ручей! – догадался Пиппин. – Если мы хотим попасть к парому, надо перебраться на ту сторону и уходить вправо!

Они перешли ручей вброд и бегом пересекли широкую поляну, за которой опять начинался лес – высокие дубы, перемежающиеся ясенями и вязами. Бугры и рытвины кончились, подлесок больше идти

не мешал, но деревья росли слишком тесно, и впереди ничего нельзя было разглядеть. Внезапно палые листья взлетели, подхваченные порывом ветра; с неба, затянувшегося плотными тучами, упали первые капли дождя. Затем ветер так же внезапно стих и хлынул ливень. Хоббиты заторопились вперед, оскользаясь на мокрой траве и залежах прелой листвы; вокруг шумели и барабанили по листьям потоки дождя. Никто не осмеливался подать голос, но все трое беспокойно озирались по сторонам.

Через полчаса Пиппин не выдержал:

– От души надеюсь, что мы не слишком отклонились к югу. Сдается мне, правда, что мы идем вдоль опушки! Лес-то ведь узкий, самое большее в полторы версты шириной. Нам давно пора бы выйти из него!

– Что пользы попусту метаться? – возразил Фродо. – Идем покуда, как шли. Не очень-то меня тянет на открытое место...

Они прошли еще версты три лесом. Из рваных туч блеснуло солнце, и дождь стал реже. Перевалило за полдень. Хоббиты почувствовали настоящую потребность перекусить. Привал устроили под большим вязом. Листва на этом вязе пожелтела, но еще не осыпалась, так что у корней было почти сухо. Откупорив фляги, хоббиты обнаружили, что эльфы наполнили их прозрачным бледно-золотистым питьем, – пахло оно цветочным медом и удивительно освежало. Через минуту друзья весело смеялись и только пальцами щелкали, вспоминая про ливень и Черных Всадников. Еще каких-то несколько верст – и все позади!

Фродо откинулся к стволу и закрыл глаза. Сэм и Пиппин пристроились рядом и тихонечко запели:

*Хо-хо! И горе не беда,
Когда хлебну из фляги,
В которой вовсе не вода,
А эликсир отваги!
И, как водилось в старину,
Под деревом я лягу
И лишний раз не премину
Наведаться во флягу!*

– Хо-хо! – начали они снова, уже громче. И вдруг смолкли на полуслове. Фродо вскочил. С ветром долетел протяжный жуткий вой, неизбежно злобный и бесконечно одинокий. Вой взвился к небу и вдруг оборвался на высокой пронзительной ноте. Все трое оцепенели: кто стоял – замер на месте, кто сидел – так и остался сидеть, чувствуя, как стынет кровь в жилах¹⁰⁵.

Молчание длилось недолго: до ушей хоббитов донесся ответный вой – гораздо слабее и словно издалека, но такой же леденящий. Наступила тишина – только ветер шуршал листвой.

– И что это такое было, по-вашему? – спросил наконец Пиппин, бодрясь, но все еще слегка дрожа. – Если птица, то я о таких в Заселье еще не слыхивал.

– Это не птица и не зверь, – подал голос Фродо. – Кто-то кого-то звал. Или подавал условный сигнал. В этом крике были даже слова. Правда, я не разобрал какие. Но хоббит так кричать не может и не станет.

Больше они об этом не говорили. Все подумали о Всадниках, но язык у друзей словно присох к нёбу. Не хотелось ни идти дальше, ни оставаться, но рано или поздно открытого места было не миновать – причем лучше все-таки выходить на поляну днем, да поскорее. Не мешкая, хоббиты закинули мешки за спину и поспешили дальше.

Вскоре полоса леса резко оборвалась. Впереди простирались заросшие высокотравьем луга. Теперь хоббиты ясно видели, что и впрямь сильно уклонились к югу. За лугами виднелась пологая гора заречного Бэкбери – не впереди, как надо бы, а по левую руку. Осторожно выбравшись из леса, хоббиты со всех ног припустили через поле.

Поначалу сердце у них так и обмирало – ведь спасительный покров листвы остался позади. Вдали высился гребень холма, откуда они спустились утром. Оглядываясь, Фродо был почти уверен, что там, на обрыве, чернеет далекий силуэт Всадника; но гребень был пуст. Солнце садилось за холмы, откуда пришли хоббиты. Мало-помалу страх сошел на нет, хотя друзьям по-прежнему было сильно не по себе. Равнина вокруг приняла более домашний, возделанный вид: появились заботливо ухоженные поля, лужайки, изгороди с калитками и канавы для стока воды. Все казалось тихим и мирным: обычный захолустный

уголок старого доброго Заселья. Хоббиты веселели с каждым шагом. Река приближалась, и Черные Всадники казались теперь просто жуткими лесными призраками, которые остались далеко позади, в чаще, и не властны больше были причинить зло, коль скоро последнее дерево осталось за спиной.

Хоббиты прошли краем большого огороженного поля, где росла репа, и остановились перед крепко сколоченными воротами. Вглубь от ворот вела наезженная дорога, обнесенная низкой, но заботливо подстриженной изгородью, а невдалеке виднелась рощица.

Пиппин остановился.

– Я знаю эти поля, и ворота тоже! Это же Бобовая Делянка! Тут окопался фермер Мэггот¹⁰⁶. А там, за деревьями – его дом.

– Этого только не хватало! – ахнул Фродо. По лицу его можно было подумать, что дорога за калиткой ведет по меньшей мере к логову дракона. Друзья воззрились на Фродо в недоумении.

– Чем тебе не угодил старина Мэггот? – удивился Пиппин. – Он на дружеской ноге с Брендибэками. Правда, если забраться к нему в огород, может не поздоровиться. Собаки у него больно уж свирепые. Но понять его можно: граница-то в двух шагах, так что приходится быть начеку!

– Знаю, – вздохнул Фродо. – И все равно, – он смущенно усмехнулся, – все равно я ужасно боюсь и его, и этих псов. Сколько лет я обходил его ферму стороной! Когда я был мальчишкой и жил в Брендивинских Палатах, Мэггот несколько раз заставлял меня на своей грибной плантации. В последний раз мне крепко от него досталось. А потом он показал меня собакам. «Смотрите, ребята, – говорит. – Когда этому юному прохвосту снова вздумается прогуляться по моим грядкам, слопайте его, и дело с концом. А пока проводите до ворот!» И они гнались за мной по пятам до самого Парома. До сих пор не могу этого забыть! Хотя, наверное, собаки свое дело знали и в тот раз зубы в ход пускать не собирались...

Пиппин так и покатился со смеху.

– Значит, самое время избавиться от былых страхов! Особенно если ты собираешься обосноваться в Бэкланде. На папашу Мэггота можно положиться – не трогай только его грибов, и все будет в порядке! Предлагаю к нему заглянуть. Только войдем в ворота, а не через забор. Тогда он поймет, что мы гости благонамеренные. Если он

дома, я сам с ним поговорю. Мерри с ним накоротке, да и я одно время частенько сюда навещался.

Они пошли дальше. Деревья расступились и открыли взгляду высокие тростниковые крыши усадьбы и подсобных строений. Мэгготы, как и Плюхинсы из Амбаров, да и большинство жителей Плавней, жили в наземных домах. Что касается усадьбы Мэггота, то она была сложена из прочного кирпича и обнесена вдобавок высокой стеной с большими деревянными воротами, куда и вела дорожка.

Как только хоббиты подошли к воротам, из-за стены донеслись устрашающие лай и гавканье. Громкий голос окликнул:

– Тяп! Клык! Волк! Вперед, ребята!

Фродо и Сэм застыли как вкопанные, а Пиппин сделал еще пару шагов к воротам. Створки распахнулись, и оттуда на хоббитов вылетели, задыхаясь от лая, три здоровенных пса.

На Пиппина они не обратили никакого внимания, но Сэм вмиг оказался прижат к стене: две собаки, смахивавшие больше на волков, подозрительно обнюхивали его, рыча при малейшей попытке пошевелиться. Самый огромный и свирепый пес встал перед Фродо; шерсть у него на загривке встопорщилась, из глотки неслось ворчание.

В воротах появился плотно сбитый, широкоплечий хоббит с круглым красным лицом.

– Здорово, ребята! Кто вы такие и чего вам тут надо? – осведомился он.

– Добрый день, господин Мэггот! – подал голос Пиппин.

Фермер взгляделся получше:

– Кого я вижу! Это же Пиппин – я хотел сказать, господин Перегрин Тукк! – И гримаса недоверия на его лице сменилась широкой ухмылкой. – Давненько, давненько я вас не видывал! Однако повезло вам, что вы не чужаки! Я решил с сегодняшнего дня всех, кто ни забредет, без лишних разговоров травить собаками. Уж больно непонятные дела творятся. Сумасшедших тут разных, конечно, много шляется, как-никак у самой Реки живем. – И он сокрушенно покачал головой. – Но этот тип всех заткнет за пояс, провалиться мне на этом самом месте! Таких тут еще не бывало. И пока жив Мэггот, больше не побывает!

– Это вы о ком? – спросил Пиппин.

– Так вы его не встретили? Только что убрался. К насыпи поехал. Станный тип! И вопросы задавал какие-то дурацкие. Но может, вы зайдете? Внутри все-таки сподручнее. Кстати, есть хорошее пиво – если, конечно, желаете, господин Тукк!

Ясно было, что фермеру хочется что-то сказать, но не здесь и не сразу. Поэтому все трое охотно согласились зайти.

– А собаки?.. – заикнулся Фродо.

Фермер рассмеялся:

– Пока я им не велю, они вам вреда не причинят. Ко мне, Тяп, Клык! К ноге! К ноге, Волк!

К великому облегчению Сэма и Фродо, псы оставили их в покое и отошли к хозяину.

Пиппин представил фермеру своих друзей:

– Господин Фродо Бэггинс. Может, вы его и не помните, но он жил раньше в Брендивинских Палатах.

При имени «Бэггинс» фермер насторожился и бросил короткий взгляд на Фродо. Тот уже подумал было, что Мэгготу вспомнились краденые грибы и собакам сейчас велят «проводить» его за ворота. Но вместо этого Мэггот взял его за руку.

– Да уж! Страньше и не бывает! – пробормотал он. – Стало быть, это вы – господин Бэггинс? Заходите-ка в дом! Потолковать надо.

Они прошли на кухню и уселись у большого камина. Госпожа Мэггот принесла огромный кувшин с пивом и до краев наполнила четыре вместительные кружки. Пиво оказалось превосходным, так что Пиппин был сполна вознагражден за отказ от «Золотого Окунька». Сэм, однако, отхлебнул из своей кружки с явным недоверием. Он с детства не жаловал хоббитов из дальних деревень и вовсе не собирался вот так, с первого раза, фамиллярничать с чужаком, отлупившим когда-то господина Фродо, – пусть даже это случилось много лет назад.

Обменявшись с гостями парой слов о погоде и нынешнем урожае (а уродился он не хуже, чем всегда!), фермер Мэггот поставил кружку на стол и пристально посмотрел на всех по очереди.

– А теперь, господин Перегрин, – сказал он, – позвольте спросить, откуда вы свалились и куда направляетесь? Неужели меня решили навестить? А если так, почему я не видел вас у главных ворот?

– Мы тут, по правде говоря, случайно, – признался Пиппин. – Если уж вы обо всем догадались, скажу честно: мы подошли к усадьбе

с другого конца. Дело в том, что мы забрели на ваше поле... Но мы, честное слово, не нарочно! Просто мы пробирались к парому, а от Лесного Приюта решили срезать и заплутали в лесу.

– Если вы хотели поскорее попасть к парому, отчего не шли по дороге? – удивился фермер. – Впрочем, это дело ваше, а по моей земле можете ходить сколько душе угодно, господин Перегрин. И вы тоже, господин Бэггинс, – хотя грибочки, небось, не разлюбили, а? – И он усмехнулся. – Еще бы мне не помнить это имя! В свое время юный Фродо Бэггинс считался одним из самых отъявленных шалопаев во всем Бэкланде! Но я не о грибах толкую. В том-то и дело, что имя Бэггинса я сегодня уже слышал. В аккурат перед вашим приходом. Угадайте, о чем меня спросил тот заезжий тип?

Хоббиты вытянули шеи и наострили уши. Фермер помедлил, смакуя удовольствие, и продолжал:

– Значит, так. Въезжает он ко мне в ворота на громадной такой черной лошади – ворота, на беду, случились открыты – и прямо сюда. Черный весь, закутался в плащ с ног до головы и капюшон надвинул до подбородка – словно не хочет, чтобы его узнали. «И что ему только понадобилось у нас в Заселье?» – думаю. Большие через границу редко переходят, а о таких, как это черное страшилище, я и вообще никогда не слыхивал.

«Добрый день вам, – говорю, а сам иду к нему. – Дорога эта никуда не ведет, так что в какую бы вы сторону ни правили, лучше вертайте обратно». Шибко он мне не по сердцу пришелся, понимаете? Тяп выскочил было, приняхался разочек – да как взвоят! Точно оса его ужалила. Хвост поджал, заскулил и убрался. А черный сидит – не шелохнется. И говорит, как цедит:

«Я приехал оттуда, – и, понимаете ли, на мои поля кажет. – Ты Бэггинса видел?» – придушенно так спрашивает, а сам наклоняется ко мне ближе и ближе. Капюшон низко надвинул, лица не видно. Чую – по спине у меня мурашки побежали. Но я не собирался спускать ему с рук такую наглость. Слыханное ли дело – потоптал мои грядки и ухом не ведет!

«Проваливай! – говорю. – Тут Бэггинсов отродясь не было. Ты совсем не в тот конец заехал. Поворачивал бы ты лучше оглобли обратно в Хоббитон, только не через поля, понял?»

А он шепчет: «Бэггинс оттуда уехал. Он идет сюда. Он уже недалеко. Я хочу его найти. Скажешь, если он сюда зайдет? Я вернусь и привезу золота».

«Ничего ты не вернешься, – говорю я ему. – Вали, откуда пожаловал, да поторапливайся. Даю минуту на сборы и спускаю собак».

Он только зашипел в ответ. Может, это он так смеялся, а может, и нет. Потом как пришпорит коня – и прямо на меня. Не знаю, как я и отскочить-то успел. Кличу собак, а он уже развернулся и мчится прочь, как ураган, – через ворота, по дороге и в сторону насыпи... Только его и видели. Что вы об этом скажете?

Фродо, не отвечая, смотрел в огонь. Голова его была занята одной мыслью: как же добраться до парома?

– Не знаю, что и думать, – очнулся он наконец.

– Тогда я вам скажу, что думать, – заявил Мэггот. – Не стоило вам связываться с хоббитонским народом, господин Фродо. Порченые они там все!

Сэм зашевелился и бросил на фермера взгляд исподлобья.

– Впрочем, голова у вас всегда была горячая, – продолжал Мэггот. – Когда я узнал, что господин Фродо ушел от Брендибэков и переехал к старому господину Бильбо, я сразу сказал: как пить дать, нарвется он на неприятности! Помяните мое слово: это все из-за вывертов и чудачеств господина Бильбо. Денежки-то ему достались неведомо какими путями. Говорят – он их в дальних краях добыл. Сдается, кому-то захотелось узнать, что стало с золотом да алмазами, которые он закопал в хоббитонском Холме!

Фродо промолчал: фермер попал почти в яблочко. Поди знай, что на это ответить?

– Одним словом, – продолжал Мэггот, – одним словом, я рад, господин Фродо, что у вас хватило ума вернуться в Бэкланд. Мой совет простой: оставайтесь у нас, пускайте корни, живите мирно и не якшайтесь с чужеземцами. Без друзей вы тут не останетесь. А явятся опять эти черные страшилища – я с ними сам поговорю. Наплету, что вы умерли или вообще уехали из Заселья, словом, как прикажете. Даже врать особо не придется. Спорю, не вас они ищут, а старого господина Бильбо!

– Может быть, вы и правы, – уклонился от прямого ответа Фродо, избегая смотреть фермеру в глаза и продолжая глядеть в огонь.

Мэггот посмотрел на него задумчиво:

– Вижу, у вас на этот счет свое мнение. Да уж конечно! Не случайно вы появились тут сразу вслед за тем, черным. Мой рассказ, гляжу, вас ничуть не удивил. Не хотите откровенничать – добро, держите свои тайны при себе! Но видать, трудно вам приходится. На уме у вас небось одно – как бы теперь не попасться этому Черному на пути к парому!

– Верно, – признался Фродо. – Об этом я и думаю. Только что сидеть и зря ломать голову? Боюсь, нам надо идти. Спасибо вам огромное за добрый прием! Я ведь о вас и собаках ваших больше тридцати лет без дрожи вспомнить не мог, ей-ей, господин Мэггот, не смейтесь! А жаль! Было бы у меня одним надежным другом больше... Грустно, что приходится торопиться. Но я еще вернусь. По крайней мере буду надеяться, что вернусь. Если получится...

– Что ж, добро пожаловать, – кивнул Мэггот. – А пока у меня завелась одна мыслишка. Уже скоро закат. Мы вот-вот сядем за стол – у нас заведено ложиться вместе с солнышком. Если бы вы с господином Перегрином могли остаться и отужинать с нами, мы бы очень обрадовались.

– Мы тоже! – ответил Фродо. – Но боюсь, нам пора идти. До темноты мы к парому уже и теперь не поспеваем...

– Да обождите вы! Я как раз собирался предложить: если вы останетесь поужинать, я велю запрячь пони, и покатаем к парому вместе. И ноги целее будут, и других неприятностей избежите.

На этот раз Фродо, к облегчению Пиппина и Сэма, принял предложение с благодарностью. Солнце уже спряталось за холмами, и дневной свет начал гаснуть. Вернулись два сына и три дочери Мэггота, и на столе появился обильный ужин. На кухне зажгли свечи и пожарче раздули пламя в камине. Госпожа Мэггот принялась расставлять тарелки. Вошли еще несколько хоббитов, батрачивших на ферме. Вскоре все четырнадцать ртов оказались в сборе. Пива было в досталь; кроме того, посередине стола красовалось огромное блюдо грибов с копченой грудинкой, да и прочей добротной деревенской снеди было сколько душа пожелает. Собаки, улегшись у камина, грызли хрящи и сахарные косточки.

Наконец на тарелках ничего не осталось. Фермер с сыновьями взяли фонарь и отправились запрягать пони. Когда гости вышли во двор, уже стемнело. Забросив мешки в глубину фургона, хоббиты взобрались следом. Фермер уселся на козлы и хлестнул лошадок – это были два сильных, крепко сбитых пони. Супруга Мэггота стояла в освещенном дверном проеме.

– Смотри, будь осторожнее, Мэггот! – крикнула она. – Не затевай ссор с чужаками, и как отвезешь – сразу езжай домой!

– Добро! – отозвался фермер, выворачивая на дорогу.

Ночь стояла тихая – ни шороха, ни дуновения. Стена темноты встретила путников молчанием. Было сыро и зябко. Огней зажигать не стали и ехали не торопясь. Через версту-другую дорога уперлась в глубокий ров, пересекла его и взобралась на высокую насыпь, по которой шел довольно наезженный тракт.

Мэггот сошел с козел и как следует огляделся, но темнота стояла такая, что хоть глаз выколи, и в неподвижном воздухе не было слышно ни звука. Тонкие полосы речного тумана ползли вдоль оврагов и над полями.

– Темная, однако, ночка, – заметил Мэггот, – но фонарей я пока зажигать не буду, разве только на обратном пути. Если на дороге кто-нибудь появится – мы его издалека услышим.

От усадьбы Мэггота до парома оставалось верст семь или около того. Хоббиты закутались поплотнее и напряженно вслушивались – не донесется ли какой-нибудь посторонний звук, кроме скрипа колес и неспешного перестука копыт? Фродо казалось, что фургон ползет, как улитка. Пиппин, сидевший рядом, кивал головой, задремывая; Сэм не отрываясь таращился в поднимающийся туман.

Наконец впереди показался поворот на Паромную дорожку. Справа в тумане внезапно забелели два высоких столба. Фермер повернул лошадок; фургон качнулся, заскрипел и остановился. Хоббиты начали было вылезать – и вдруг услышали впереди, на дорожке, то, чего со страхом ждали услышать: стук копыт. Все ближе и ближе...

Мэггот прыгнул наземь и вгляделся в темноту, положив руки на холки обоих пони. *Цок-цок, цок-цок* – ближе, ближе...

В неподвижном тумане стук копыт разносился особенно четко.

– Вы бы лучше спрятались, господин Фродо, – забеспокоился Сэм. – Забейтесь в глубину и накройте одеялами, а мы пошлем этого всадника куда подальше!

Сам он вылез и встал рядом с фермером. «Только через мой труп», – говорил его вид.

Цок-цок, цок-цок. Всадник был уже рядом.

– Эгей! Кто там? – окликнул фермер Мэггот.

Цоканье смолкло. В тумане, совсем близко, смутно вырисовывалась темная фигура в плаще и капюшоне.

– А ну-ка! – Фермер решительно бросил поводья Сэму и двинулся вперед. – Стой, где стоишь, и ни шагу дальше! Чего тебе тут надо и куда ты направляешься?

– Мне нужен господин Бэггинс. Не встречали? – послышался приглушенный голос. Голос был знакомый, и принадлежал он не кому иному, как Мерри Брендибэку. Мерри откинул платок с занавешенного фонаря, и на ошарашенное лицо фермера упал свет.

– Господин Мерри! – вскричал фермер.

– Конечно. А вы думали кто? – рассмеялся Мерри, подъезжая ближе.

Выступив из тумана, всадник перестал казаться страшным и уменьшился до размеров обыкновенного хоббита. Конь превратился в пони. Выяснилось вдобавок, что Мерри до самого носа обвязан шарфом – от ночной сырости.

Фродо соскочил на землю, чтобы приветствовать друга.

– Вот и вы! – с облегчением воскликнул Мерри. – А я уже начал сомневаться, что вы сегодня объявитесь. Махнул было рукой и поехал назад – ужинать. Но тут все заволокло туманом, и я решил наведаться к Амбарам, посмотреть – не лежите ли вы, случаем, где-нибудь в канаве? Как ни ломаю голову, не понять мне: откуда вы взялись? Где вы их выловили, господин Мэггот? В утином пруду?

– Хуже! Они забрались в мой огород, – подмигнул фермер. – Чуть, понимаете, собак не спустил! Впрочем, ваши приятели и сами вам все расскажут. А теперь вы меня извините, господин Мерри, господин Фродо и все остальные: я, пожалуй, назад поверну. Госпожа Мэггот, должно быть, уже места себе не находит – туман-то все гуще.

Он вывел фургон обратно на дорогу и развернул лошадок.

– Что ж, спокойной вам всем ночи! – сказал он на прощание. – Чудной денек выдался, что верно, то верно! Но все хорошо, что хорошо кончается. Правда, надо сперва добраться до своего порога. Не стану зря хвалиться – рад буду, когда за мной закроется дверь!

Он зажег фонари и взобрался на козлы. Уже усевшись, он вдруг нагнулся и достал из-под сиденья вместительную корзину.

– Чуть не забыл! Госпожа Мэггот передала для господина Бэггинса вот это и желает ему всяческих успехов!

Он вручил Фродо корзину и тронул фургон в обратный путь. Вслед полетел хор благодарностей и пожеланий спокойной ночи. Бледные круги света вокруг фонарей Мэггота постепенно растворились в тумане. Четверо друзей долго смотрели вслед. И вдруг Фродо рассмеялся. Из-под платка, покрывавшего корзину, распространялся запах жареных грибов.

Глава пятая

Заговорщики сбрасывают маски

– Не худо бы и нам поскорее оказаться дома, – заметил Мерри. – Я уже понял: с вами творится что-то странное, но разговаривать некогда – расскажете потом.

Они свернули на Паромную дорожку – прямую, ухоженную, с большими белыми камнями вдоль обочин. Шагов через сотню дорожка выходила на берег реки, к широкому дощатому причалу. На волнах покачивался большой плоский паром. В свете фонарей, укрепленных на высоких столбах, белели у края воды две причальные тумбы. Изгороди на полях потонули в тумане, но вода оставалась темной, не считая двух-трех завитков пара, запутавшихся в прибрежных камышах. За рекой туман заметно редел.

Первым прошел по сходням Мерри, ведя своего пони, за ним – остальные. Взяв длинный шест, Мерри оттолкнулся от причала. Впереди неспешно катил воды широкий Брендивин. Напротив уходила вверх по круче извилистая тропка. На противоположном берегу, у пристани, горели фонари; за ними темнела Бэкландская Гора, светившаяся множеством круглых окошечек, желтых и красных. То были Брендивинские Палаты – древняя обитель Брендибэков.

Когда-то давным-давно Горхендад¹⁰⁷ Старобэк, старейшина рода Старобэков, одного из древнейших в Плавнях, а то и во всем Заселье, взял да и переправился на другой берег реки, то есть за границу, – прежде Брендивин считался естественной восточной границей страны. Горхендад построил (вернее сказать, выкопал) Брендивинские Палаты, сменил имя на Брендибэк и стал хозяином, почитай, настоящего маленького независимого государства. Семья его все росла и росла, как при жизни Горхендада, так и после. С течением лет внутри холма местечка свободного не осталось – изнутри он превратился в сплошной лабиринт с тремя парадными дверями, множеством черных ходов и доброй сотней окошек. Исчерпав возможности Горы, Брендибэки принялись за близлежащие склоны, а там приступили и к строительству домов. Так возник Бэкланд – густо населенная полоса земли между рекой и Старым Лесом. Засельская колония, так сказать. Главным поселком Бэкланда считался Бэкбери¹⁰⁸, раскинувшийся за Брендивинскими Палатами – на крутом берегу реки и прилегающих холмах.

Жители Плавней дружили с Бэками, и не было ни одного фермера от Амбаров до самого Бугорка, что не признавал бы над собой власти Хозяина Брендивинских Палат (Хозяином по традиции назывался глава семейства Брендибэков). Хоббиты из Старого Заселья считали Бэков чересчур большими оригиналами и чуть ли не иностранцами. Правда, если присмотреться, Бэки мало чем отличались от обитателей Четырех Пределов. За исключением, пожалуй, одной-единственной привычки: зареченские хоббиты обожали кататься на лодках, а некоторые так даже и плавать умели.

С востока Бэкланд поначалу ничто не защищало, но со временем переселенцы обнесли свои земли живой изгородью, назвав ее Защитным Заслоном. Высадили изгородь много поколений назад, так что она успела как следует вырасти и в вышину, и в толщину, – ведь ухаживали за ней постоянно. Начинался Заслон у Брендивинского Моста. Затем он отходил от реки, изгибался, описывал большую дугу и упирался в так называемую Осеку¹⁰⁹ (место, где река Ивий Вьюн¹¹⁰ выбегала из Леса и впадала в Брендивин). В общей сложности Заслон тянулся больше чем на тридцать верст. Защита, конечно, не ахти какая, но все-таки! Ведь в некоторых местах Лес подходил к изгороди

вплотную... После захода солнца Бэки запирали двери, – кстати, еще одно отличие от засельчан.

Паром медленно плыл вперед. Берег Бэккланда приближался. Из всех четверых хоббитов только Сэм ни разу не был за рекой. За кормой парома журчала, ускользя, неспешная вода Брендивина, и Сэма охватило странное чувство. Ему казалось, что река рассекла его жизнь надвое: позади, в тумане, осталось прошлое, впереди ждали неведомые страшные приключения. Он почесал в затылке, и ему на мгновение страшно захотелось, чтобы господин Фродо вернулся в Котомку, сидел бы там тише воды, ниже травы и никуда не ездил.

Наконец хоббиты сошли на берег. Пока Мерри швартовал паром, Пиппин взял под уздцы пони и направился вверх по тропе. Сэм обернулся попрощаться с родной сторонкой – и вдруг хриплым шепотом воскликнул:

– Поглядите-ка назад, господин Фродо! Видите что-нибудь?

На той стороне, в свете фонарей, на причале маячила тень. Казалось, кто-то обронил там черный узел с вещами. Но если смотреть долго, видно было, что «узел» движется, покачиваясь туда-сюда, словно разыскивая что-то на досках причала. Наконец тень припала к земле и поползла прочь, согнувшись в три погибели, пока не исчезла во мраке, куда не достигал свет фонарей.

– Вот так шутки! Это еще что такое? – остоленел Мерри.

– Я не знаю, что это, но оно за нами уже давно гонится, – ответил Фродо. – Лучше пока не спрашивай. Давай-ка поскорее сматываться!

Хоббиты поспешили вверх по тропе. Взобравшись на откос, они оглянулись – но дальний берег скрылся за пологом тумана, и причала было уже не разглядеть.

– Хорошо, что вы не держите лодок на западном берегу! – заметил Фродо. – Слушай, а лошади на эту сторону могут переправиться?

– С лошастью пришлось бы подняться верст на тридцать вверх по течению, к Брендивинскому Мосту, а нет, так вплавь, – ответил Мерри недоуменно. – Только не слыхал я, чтобы лошади когда-нибудь плавали через Брендивин. При чем тут лошади?

– Потом скажу. Надо поскорее попасть домой. Там поговорим.

– Ну, хорошо! Вы с Пиппином дорогу знаете, так что я поеду вперед и предупрежу Пончика Булджера. Надо похлопотать насчет

ужина и всего прочего.

– Вообще-то мы сегодня уже поужинали у фермера Мэггота, – скромно сказал Фродо. – Но и второй разик, пожалуй, не худо бы.

– Добро! Будет вам второй разик! Дай-ка мне твою корзинку! – И Мерри поскакал вперед, в темноту.

От Брендивина до нового домика Фродо в Крикковой Лощинке было не сказать чтоб далеко, но и не слишком близко. Бэкландская Гора и Брендивинские Палаты остались по левую руку. Потянулись окраины Бэкбери. Вскоре хоббиты вышли на главную Бэкландскую дорогу – она начиналась у Моста и бежала вдоль реки, на юг. Пройдя по ней немного, друзья свернули направо, на маленькую тропинку. До Крикковой Лощинки оставалось еще добрых три версты – сначала вверх на холм, потом вниз, в долину.

Наконец впереди показалась густая изгородь и в ней – узенькая калитка. Домика в темноте, сколько ни смотри, было не разглядеть – он стоял в стороне от дороги, в самом центре широкой лужайки, окруженной невысокими деревьями, что росли прямо за изгородью. Выбор Фродо пал на этот дом именно потому, что тот стоял на отшибе и по соседству почти никто не жил. Приезжай, уезжай – никто и ухом не поведет. Брендибэки построили эту уединенную усадьбу довольно давно. Иногда в ней размещали гостей, иногда здесь селился кто-нибудь из членов семьи, ища спасения от шумного житья-бытья в Брендивинских Палатах. Это был обычный старомодный домик, каких много в деревнях, построенный так, чтобы как можно больше напоминать хоббичью нору: длинный, низкий, в один этаж, с крышей из дерна, круглыми окошками и большой круглой дверью.

Пока хоббиты шли от калитки ко входу в дом, он казался нежилым – плотно прикрытые ставни создавали впечатление, что окна черны и пусты. Фродо постучал. Дверь открыл Пончик Булджер; изнутри вырвался сноп уютного света. Хоббиты торопливо проскользнули за порог и затворились в доме вместе со светом. Внутри оказалась широкая прихожая с дверями по обе стороны. В глубину дома убегал коридор.

– Ну как, нравится? – спросил Мерри, уже спешивший навстречу запоздалым путникам. – Времени у нас было в обрез, так что мы тут из

сил выбились, только бы ты чувствовал себя как дома. С последней-то партией мы с Пончиком только вчера управились.

Фродо огляделся. И впрямь как дома! Многие из его любимых вещей (некоторые из них принадлежали еще Бильбо и теперь остро напомнили о старике) расположились на новом месте в точности как в Котомке – насколько это было возможно, разумеется. Какой славный, уютный, гостеприимный уголок! Фродо поймал себя на мысли, что ему и впрямь хотелось бы обосноваться здесь попрочнее и зажить тишком-ладком, удалившись от дел. Друзья так старались – и все впустую! Как теперь признаться им, что он скоро уходит, и не просто скоро, а в прямом смысле слова завтра? А признаться, пожалуй, придется прямо сегодня, за ужином, не дожидаясь, пока все отправятся на боковую...

– Восхитительно! – сказал он вслух, сделав над собой усилие. – Будто и не переезжал никуда.

Хоббиты повесили плащи на вешалку и сложили на полу дорожные мешки. Мерри провел друзей в дальний конец коридора и распахнул одну из дверей. На стенах заплясали отблески пламени, в коридор вырвались клубы пара.

– Банька! – завопил Пиппин. – О благословенный Мериадок!

– Кто за кем моется? – осведомился Фродо. – Кто сначала – самый старший или самый шустрый? Ты в любом случае окажешься в хвосте, достойный Перегрин, не смотри на меня с такой надеждой!

– Не спорьте! Я обо всем позаботился, – перебил его Мерри. – Хороши мы будем, если новую жизнь в Крикковой Лощинке начнем со спора из-за шаек! Здесь три кадушки и полный чан кипятку! А также – сколько угодно полотенец, ковриков и мыла! Ныряйте! Да смотрите, особенно не копайтесь!..

Мерри и Пончик отправились на кухню, что располагалась дверью напротив, и занялись последними приготовлениями к позднему ужину. Из бани доносился страшный гомон, плеск, фыркание и веселые крики: трое хоббитов старались перепеть друг дружку. Вдруг голос Пиппина разом перекрыл весь шум, и Мерри с Пончиком услышали одну из любимых банных песенок Бильбо Бэггинса:

*Горячая вода, струясь,
Под вечер смоем с тела грязь!
Достойно только дурака
Не петь во славу кипятка!*

*Журчит ручей, и дождик льет,
Но для мытья не подойдет
Ни дождь, ни ледяной ручей —
Нужна вода погорячей!*

*Холодной можно сад полить
И можно жажду утолить,
Но, чтоб помыться, мне всегда
Нужна горячая вода!*

*Вот бьет фонтан, а что с того?
Ведь мало проку от него!
Стократ охотнее встаю
Я под горячую струю!*

Раздался оглушительный всплеск и торжествующий вопль Фродо. Похоже было, что вода у Пиппина в кадучке решила изобразить из себя фонтан и мощной струей ударила в потолок.

Мерри подошел к двери и крикнул в щелочку:

— Как насчет ужина и кружечки пивка — промочить горло?

Фродо, вытирая волосы, вышел навстречу.

— Там уже не разберешь, где вода, а где воздух, так что я решил досушиваться на кухне, — объявил он.

— Вот это да! — Мерри даже рот раскрыл, заглянув в приоткрытую дверь. На каменном полу баньки можно было плавать. — Тебе придется потерпеть эту лужу, Перегрин, а то останешься без ужина! И смотри поторапливайся: семеро одного не ждут!

Ужин накрыли в кухне, поближе к огню.

— Вы трое, наверное, грибов больше не хотите? — спросил Пончик без особой надежды.

– Еще чего! – возмутился Пиппин.

– Грибочки-то мои! Обжор просят не беспокоиться! – припечатал Фродо. – Госпожа Мэггот, королева засельских фермерш, послала их в дар не кому-нибудь, а лично мне, ясно? А если ясно, то лапы прочь! Я вам сам положу!

Надо сказать, что хоббиты просто обожают блюда из грибов, – самому отъявленному обжоре из числа Больших они по этой части дадут сто очков вперед. Это отчасти объясняет дальние странствия юного Фродо, которые тот предпринимал ради знаменитых грибов Бобовой Делянки; понятен, наверное, будет и справедливый гнев Мэггота. Но на этот раз грибов хватило всем, даже по хоббичьим меркам. Нашлось и чем заесть любимое кушанье, так что под конец даже Пончик Булджер испустил вздох удовлетворения. Покончив с ужином, друзья задвинули стол на место и переставили стулья поближе к камину.

– Посуду потом уберем, – разрешил Мерри. – Я сгораю от любопытства! У вас, как я понял, были приключения по дороге. А меня побоку?! С вашей стороны это просто свинство. Требую подробного отчета! А самое главное, какая муха укусила старину Мэггота и почему он со мной так разговаривал? Не знай я его – сказал бы, что голос у него был чуть ли не перепуганный!

– Мы все крепко струхнули, чего греха таить, – ответил, помолчав, Пиппин, видя, что Фродо устался в огонь и не отвечает. – Посмотрел бы я на тебя, если бы за тобой целых два дня охотились Черные Всадники!

– Это-то еще кто?

– Черные такие дылды на черных лошадях, – доходчиво объяснил Пиппин. – Фродо, как я погляжу, воды в рот набрал, так что придется мне самому рассказывать.

И Пиппин, ничего не упуская, поведал обо всем, что произошло с того часа, когда они покинули Хоббитон. Сэм кивал, поддакивал и вставлял междометия. Фродо не проронил ни слова.

– Я бы, честно говоря, подумал, что вы треплетесь, ребята, – сказал Мерри, когда они кончили, – не приметъ я давеча на причале той черной штуковины. Да и Мэггот странно себя вел. Что ты обо всем этом думаешь, Фродо?

– Кузен Фродо изволит скрытничать, – заметил Пиппин. – Но теперь ему, хочешь не хочешь, придется раскалываться. Пока что мы кормимся догадками Мэггота, а тот подозревает, что все это каким-то боком связано с сокровищами старины Бильбо.

– Это всего лишь догадки, – поспешно подчеркнул Фродо. – Мэггот только предположил, а знать он ничего не знает.

– Старина Мэггот не промах, – сказал Мерри. – За его круглой физиономией скрывается много такого, о чем он тебе никогда не скажет. Я слышал, что в прежние времена Мэггот хаживал в Старый Лес. Да и вообще, говорят, он за свою жизнь перевидал кучу всяких диких. Тебе, Фродо, достаточно только намекнуть, и мы пойдем. Подобрался Мэггот к истине или попал пальцем в небо?

– Я полагаю, – ответил Фродо, тщательно подбирая слова, – я полагаю, что он недалеко от истины... ну, в общем и целом что-то в его словах есть. Без Бильбо тут точно не обошлось. Всадники ищут кого-нибудь из нас двоих, все равно кого. Вернее, не просто ищут, а хотят схватить. Между прочим, если желаете знать, это вовсе не шутки и мне грозит серьезная опасность. От нее нигде не укроешься. Даже здесь.

Он оглядел окна и стены так, словно дом должен был вот-вот обрушиться. Остальные промолчали, обменявшись многозначительными взглядами.

– Сейчас начнется, – шепнул Пиппин на ухо Мерри. Мерри кивнул.

– Ну, хорошо! – объявил наконец Фродо и с решительным видом выпрямился. – Дальше тянуть нельзя. Я должен вам кое-что рассказать. Вот только не знаю, как к этому подступить.

– Может, я помогу? – с невинным видом предложил Мерри. – Начну вместо тебя, а ты продолжишь.

– То есть? – насторожился Фродо.

– Все очень просто, Фродо, дружище! Ты чувствуешь себя скверно только потому, что не знаешь, как сказать нам «до свидания»! Ты ведь давно уже решил покинуть Заселье. Но беда настигла тебя раньше, чем ты ожидал, и ты собираешься с духом, чтобы решиться и уйти сразу. А сам не прочь бы остаться... Мы тебе искренне сочувствуем!

Фродо открыл рот – и снова закрыл. Вид у него был такой потешный, что остальные покатались со смеху.

– Фродо, старина! – воскликнул, отсмеявшись, Пиппин. – Неужели ты и впрямь возомнил, что тебе удастся нас облапошить? Увы! Тебе на это не хватило ни ума, ни осторожности. Слепому видно было, что ты уже с апреля намыливаешься улепетнуть. Только и знал, что прощался с любимыми местами. Что ни час, вздыхал да бормотал себе под нос: «Знать бы, в последний раз я гляжу на эту долину или нет?..» – и все такое в том же роде. А чего стоит твоя сказочка о том, что у тебя, мол, деньги на исходе! Стал бы ты просто так продавать свою ненаглядную Котомку! И кому – Саквилль-Бэггинсам! А все эти тайные шуры-муры с Гэндальфом?!

– Силы небесные! – пролепетал Фродо. – А я был уверен, что и ума, и осторожности у меня хватило... Что скажет Гэндальф, боюсь и подумать! Выходит, о моем отъезде уже все Заселье болтает?

– О нет, нет, – поспешил успокоить его Мерри. – Об этом не тревожься. Шила, конечно, в мешке не утаишь, когда-нибудь тебя раскусят, но пока что, кажется, о твоих планах знаем только мы, заговорщики. В конце концов, грех удивляться – ведь мы знаем тебя как облупленного и проводим с тобой кучу времени! Как правило, твои мысли нетрудно угадать. Да и Бильбо я тоже изучил неплохо. Сказать честно, с тех пор, как он исчез, я с тебя глаз не спускаю. У меня никаких сомнений не было, что ты тоже когда-нибудь отправишься по его следам – признаться, я даже думал, что это случится гораздо раньше! В последнее время мы особенно беспокоились. Боялись, что ты ускользнешь в одиночку и никому ничего не скажешь – на манер твоего дядюшки. С весны мы все время были начеку и кое-что на твой счет обмозговали, сами, никого не спросясь. Так просто тебе сбежать не удастся!

– Но я должен идти, – растерялся Фродо. – Тут уж ничего не поделаешь, дорогие мои друзья! Никому не по душе разлука, но удерживать меня бесполезно. Если уж вы обо всем догадались, лучше помогите мне, а не мешайте!

– Ты ничего не понял, – возразил Пиппин. – Конечно, ты должен идти, но и мы в таком случае тоже должны! В общем, мы с Мерри отправляемся с тобой! Сэм – помощник что надо, он, чтобы тебя спасти, дракону в глотку прыгнет, если не споткнется по дороге. Но в таком опасном путешествии одного спутника мало.

– Дорогие, любимые, милые мои хоббиты! – воскликнул Фродо, глубоко растроганный. – Я ни за что не могу вам этого позволить! Я давно все решил и ничего менять не буду. Вы вот толкуете об опасности, но не знаете, о чем говорите! Это вовсе не прогулка за кладом, не «туда-и-обратно», как у Бильбо. Я бегу от одной опасности к другой, причем новая каждый раз страшнее...

– Мы все прекрасно знаем, – твердо сказал Мерри. – Именно поэтому мы и решили пойти. Кольцо – штука серьезная, тут не до смеха. Мы хотим помочь тебе бороться с Врагом.

– Кольцо?! – ахнул Фродо, вконец потрясенный.

– Вот именно что Кольцо, – кивнул Мерри. – Слушай, старина, ты зря думаешь, что у нас ни глаз, ни ушей нету. Лично я уже много лет как проведаль о Кольце – еще Бильбо не ушел, а я уже был в курсе дела. Но старик держал Кольцо в тайне, так что я о своем открытии болтать не стал – молчал как рыба, пока не присоединился к заговору. Я, конечно, знал Бильбо далеко не так хорошо, как тебя, я был тогда еще юнец, а он вел себя куда осмотрительней, чем ты, но промашки случались и у него. Если хочешь, могу рассказать, как я в первый раз узнал про Кольцо.

– Валяй, рассказывай, – упавшим голосом проговорил Фродо.

– Дядю Бильбо погубил не кто иной, как Саквилль-Бэггинсы, чему я лично не удивляюсь, – начал Мерри. – Как-то раз, примерно за год до Праздника, иду я себе по дороге и вижу – впереди Бильбо вышагивает. Ладно, думаю. И вдруг в отдалении неожиданно вырастают Саквилль-Бэггинсы и шествуют прямо ему навстречу! Бильбо этак приостановился и вдруг – хлоп! – нету его. Как сквозь землю ухнул. Я так удивился, что сам еле-еле успел спрятаться. Конечно, я избрал более скромный способ – пролез через дыру в изгороди и залег. Лежу, значит, а сам скосил глаз и вижу: Саквилль-Бэггинсы чинно удаляются, а передо мной внезапно прямо из воздуха возникает Бильбо. Смотрю – он что-то блестящее кладет в карман. Ничего себе, думаю! Золотое кольцо! После этого случая я держал ухо востро. Как ни стыдно в этом признаться, я повел за Бильбо настоящую слежку. Ты ведь не будешь спорить, что это страх как весело, а мне ведь еще и двадцати тогда не стукнуло. Во всем Заселье только я один, наверное, ну и ты, Фродо, видели тайные записки старика.

– Не может быть! – вскричал Фродо. – Спасите и помилуйте! Ты читал его книгу?! Неужели в этом мире ничего нельзя удержать в секрете?

– В разумных пределах – отчего же, – рассмеялся Мерри. – Да я и не читал эту книгу – так, заглянул разочек, и то едва не попался. Он ее прятал, как мог. Интересно, что с ней стало? Я бы не отказался еще разочек ее полистать. Она у тебя, Фродо?

– Нет. После ухода Бильбо я больше не видел его записок. Наверное, он забрал их с собой.

– Так вот, продолжим, – вернулся к своему рассказу Мерри. – Я держал язык за зубами до нынешней весны. Но весной дела приняли опасный оборот. Тогда-то мы и составили наш заговор. Мы тоже шутить не собирались. Нам важно было добиться своего, а потому мы не особенно церемонились в выборе средств. Ты – крепкий орешек, а Гэндальф и того крепче, вас мы не трогали. Но если хочешь, чтобы мы представили тебе нашего главного осведомителя, – изволь!

– Где же он? – Фродо привстал, оглядываясь, будто и впрямь ожидал, что из буфета вывалится зловещая фигура в маске.

– Шаг вперед, Сэм! – скомандовал Мерри, и Сэм встал, красный как помидор.

– Вот он – наш разведчик! Скажу не тая – он немало успел разведать, пока его не сцапали. Зато когда сцапали – шабаш, брат! Решил, видно, что его отпустили под честное слово, и наш источник сведений о тебе накрылся.

– Сэм! – ахнул Фродо, чувствуя, что больше его уже ничто не удивит. Он не мог понять – сердиться ему или смеяться. А он сам? В дураках он остался – или в выигрыше?

– Да, хозяин, все так и было! – потупился Сэм. – Вы уж простите, хозяин! Я вам зла не хотел, господин Фродо, ни вам, ни господину Гэндальфу. А господин Гэндальф? Он-то уж наверняка что-то смыслит в этом деле, правда? Так вот, когда вы сказали, что пойдете один, он ответил: «Нет! Возьми с собой кого-нибудь, кто пошел бы добровольно и кому ты доверяешь».

– Так-то оно так, да кому теперь доверять? – сказал Фродо.

Сэм посмотрел на него с несчастным видом.

– Это зависит от того, чего ты хочешь, – вмешался Мерри. – Если тебе нужны друзья, которые тебя ни в воде, ни в огне не бросят, –

можешь смело на нас положиться. И тайну ты нам можешь смело доверить – уж мы-то не проговоримся, даже если ты сам однажды не выдержишь и сломаешься. Но если ты ищешь таких, что предоставят тебе одному выпутываться, когда случится беда, а сами потихонечку смоются, – мы тебе не подходим. Понимаешь, мы твои друзья, Фродо. От этого никуда не денешься. Мы знаем почти все из того, что говорил тебе Гэндальф. О Кольце, например. Как подумаешь – душа уходит в пятки. Но мы все равно пойдем с тобой, а запретишь – побежим по следу, как гончие собаки.

– Вообще-то, хозяин, – подал голос Сэм, – надо бы вам, наверное, послушаться эльфов. Гилдор сказал, что вы должны взять с собой кого-нибудь из друзей, я сам слышал. Не будете же вы отпираться!

– Я и не отпираюсь, – сказал Фродо, с укором глядя на Сэма, расплывшегося в хитрой улыбке. – Только теперь сколько ни храпи, никогда не поверю, что ты спишь. Сперва дам хорошего пинка, чтобы убедиться! – Он обернулся к остальным: – Злодеи вы и обманщики, вот вы кто! Ну, да что там! – Он встал, махнул рукой и рассмеялся. – Сдаюсь! Последую совету Гилдора. Если бы меня ждал другой путь, хоть чуточку полегче, я бы, наверное, заплясал от радости. Но я все равно рад, и ничего не могу с собой поделаться. Давно уже мне не было так легко на душе. А я-то боялся этого вечера!

– Отлично! В таком случае трижды ура командиру Фродо и всей честной компании! – закричали хоббиты и пустились в пляс вокруг Фродо, а Мерри и Пиппин затянули песню, явно для этого случая сочиненную.

Слова были положены на мотив старой гномьей песенки, которая когда-то, в былые времена, вдохновила Бильбо пуститься в дорогу:

*Прощай, камин, прощай, ковер,
Клубится тьма в ущельях гор,
А нам с утра идти пора
За ближний холм, за дальний бор.*

*Вдаль, в Ривенделл, где Дивный Род
В долине потайной живет, —
Тропа, спеши в лесной глуши
За десять речек и болот!*

*По следу мрак, в засаде враг,
Скатерка – лист, постель – овраг.
Спешим, покуда не свершим,
Что не свершить нельзя никак!*

*Проверь мешок, поправь седло —
И в путь, пока не рассвело!*

– Прекрасно! – одобрил Фродо. – Но в таком случае нам надо управиться еще со множеством дел, прежде чем лечь. Подумать только, последняя ночь под крышей!

– Ты, кажется, слишком буквально понял песенку, – запротестовал Пиппин. – Не думаешь ли ты и впрямь выйти из дому, «пока не рассвело»?

– Не знаю, – пожал плечами Фродо. – Я боюсь этих Черных Всадников, и мне ясно как день, что сиднем сидеть нельзя, особенно когда враги знают, где меня искать. Гилдор тоже советовал не задерживаться. Эх! Гэндальфа бы дождаться! Я заметил, что даже Гилдор расстроился, услышав, что его до сих пор нет. Но тут уж ничего не поделаешь, а стало быть, нам осталось решить только два вопроса. Первый: когда Всадники смогут оказаться в Бэкбери? Второй: сколько нам надо времени на сборы? А то пока еще управимся!

– На второй вопрос отвечаю незамедлительно, – сказал Мерри. – Времени потребуется ровно час. У меня уже почти все готово. За полем – стойло, там шесть пони. Барахлишко и снедь мы уже упаковали. Осталось только положить кой-какую одежду и еду из ледника.

– Вижу, заговорщики даром времени не теряли! – поразился Фродо. – А что вы думаете о Всадниках? Подождем Гэндальфа еще денек или уже не стоит?

– Смотря что эти Всадники с тобой учинят, если нагрянут, – ответил Мерри. – Они, конечно, запросто могли бы и сейчас объявиться, но похоже, они все-таки застряли у Северных Ворот, ну, там, где Заслон подходит к реке, по эту сторону моста. Стражники ночью их не пропустят. Правда, этим Всадникам, наверное, ничего не

стоит прорваться. Днем, думаю, их тоже постараются остановить, по крайней мере прежде доложат о них Хозяину Палат – очень уж у них вид подозрительный, по вашим словам. Стражники, наверное, до смерти перепугаются. Но если Всадники решат брать Ворота силой, то Бэкланд, ясное дело, долго сопротивляться не сможет. Кроме того, если Черный Всадник подъедет к воротам не ночью, а в обычное время, и спросит господина Бэггинса, почему бы его и не пустить, даром что он страшный? Тут уже почти все знают, что ты решил обосноваться в Крикковой Лоцинке.

Фродо ненадолго задумался и наконец объявил:

– Решено! Выходим завтра, как только рассветет. Но трактом я не поеду – здесь дожидаться и то безопаснее. Если я выеду завтра через Северные Ворота, тамошние жители тут же развоняют, что меня в Бэкланде больше нет, а нам надо, чтобы о нас несколько дней вообще никто ничего не знал! Если даже Всадники решат не соваться в Бэкланд, за Мостом и Восточным Трактом они обязательно будут наблюдать, а мы даже не знаем, сколько их. Два точно есть, а вдруг больше? Остается одно: пойти в совершенно неожиданную сторону, туда, где нас никто не будет искать.

– В Старый Лес, что ли? – ужаснулся Фредегар. – Ты с ума сошел! О Лесе даже и не думай! Чем он лучше Черных Всадников?

– Ты, брат, преувеличиваешь, – возразил Мерри. – Это, конечно, шаг отчаянный, но, мне кажется, Фродо прав. Иным способом погони не отвадить. Если удача нам улыбнется, мы их здорово обскачем. Хотя, скорее всего, ненадолго...

– В Старом Лесу удачи вам не будет, – мрачно предрек Фредегар. – Там еще никому и никогда не было удачи. Заблудитесь вы, вот и весь сказ. Туда никто не ходит.

– Еще как ходят, – заверил Мерри. – Очень даже ходят. Брендибэки, например. Как взбрендит им – идут себе, и никто не остановит! У нас даже есть свой, отдельный вход. Фродо там тоже как-то побывал. Лет сто назад, правда. И я туда захоживаю – днем, конечно, когда деревья спят и все более-менее спокойно.

– Ваше дело, – махнул рукой Фредегар. – Я Старого Леса боюсь больше всего на свете. О нем такое рассказывают, что ночей спать не будешь. Но мой голос не в счет, я ведь с вами не еду! И не очень-то об

этом жалею – надо же кому-то остаться, чтобы рассказать Гэндальфу, куда вы подевались. А за ним дело не станет, в этом я твердо уверен.

Пончик Булджер любил Фродо, но не испытывал ни малейшего желания покидать Заселье. Ему не было любопытно посмотреть, что находится за пределами родного края, – ну вот ни капельки. Его семья переехала в Бэкланд из Восточного Предела, а если быть точным, то из Баджфорда¹¹¹, что в Замостье, но сам он дальше Брендивинского Моста никогда и носу не казал. Согласно планам заговорщиков, он должен был оставаться дома и отвечать на вопросы любопытных, а заодно создавать у соседей впечатление, будто господин Фродо из Крикковой Лощинки никуда не уезжал. Пончик нарочно припас кое-какую старую одежду Фродо, чтобы лучше войти в роль. Никто и не подумал, каким опасным может оказаться этот маскарад.

– Блестяще! – одобрил Фродо, уразумев план заговорщиков. – Иначе Гэндальфу не узнать, куда мы поехали. Мне неизвестно, умеют ли эти Всадники читать, но я в любом случае не стал бы оставлять никаких записок – а вдруг они сюда заявятся и обыщут дом? Впрочем, если Пончик согласен держать оборону и я могу быть спокоен за Гэндальфа, то и рассуждать больше нечего. Завтра на рассвете встаем, одеваемся – и в Старый Лес!

– Завтра так завтра, – покладисто согласился Пиппин. – Но если подумать, то я, конечно, с Пончиком не поменялся бы. Сидеть тут и дожидаться Черных Всадников? Слуга покорный!

– Завтра ты чего получше дождешься. Вот забредешь в самую чащу – увидишь что почем, – пообещал Фредегар. – Завтра к этому времени ты сто раз пожалеешь, что не остался дома, со мной.

– Хватит препираться, – остановил их Мерри. – Во-первых, нам еще прибраться на кухне надо, во-вторых – завязать котомки. Пока всего не сделаем, ложиться нельзя. А завтра я вас разбужу с петухами.

Когда Фродо наконец добрался до кровати, уснул он не сразу. Ноги он за день оттоптал как следует и был рад, что дальше можно будет ехать верхом. Под конец он все-таки задремал, и ему приснился сон: будто бы он смотрит из окна высокой башни на темное море сплетшихся ветвями деревьев¹¹², а внизу, у корней, копошатся и фыркают неведомые твари. Фродо знал, что рано или поздно эти твари нападут на след и отыщут его.

Потом он услышал вдали глухой шум. Сначала ему показалось, что это ветер колышет кроны бескрайнего леса, но вскоре он понял, что шумит не листва, а море. Наяву Фродо ни разу не слышал прибоя, но во сне эти звуки тревожили его часто...

И вдруг он оказался на вересковой пустоши. Деревья исчезли. Он стоял по колено в темном вереске, и воздух пах солью. Подняв глаза, он увидел высокую белую башню, одиноко вознесенную на гребне скалы. Его охватило неодолимое желание взобраться туда и увидеть Море. Он начал было с великим трудом карабкаться вверх – но небо внезапно озарилось, и послышался раскат грома.

Глава шестая

Старый Лес¹¹³

Фродо очнулся внезапно. В комнате было еще темно. У кровати стоял Мерри со свечой в руке; другой рукой он барабанил по двери.

– Тише, тише! Что стряслось? – Фродо ошарашенно сел, все еще под впечатлением сна.

– Он еще спрашивает! – возмутился Мерри. – Вставать пора, вот что! Уже полпятого, и туман такой, что ни зги не видно. Протирай глаза, да поскорее! Сэм уже стряпает завтрак. Пиппин, на что засоня, и то уже на ногах! Вставай, а я пошел седлать пони. Пятерых оставлю там, вьючного приведу сюда. Буди Пончика, соню этакого! Хочет он или не хочет, придется ему нас проводить, так что пусть встает!

К шести часам хоббиты были готовы. Пончик Булджер зевал вовсю. Бесшумно и незаметно выскользнули они за калитку. Мерри шел впереди с тяжело нагруженным пони в поводу. Тропинка нырнула в рощицу за домом, потом пошла полями. Листья на деревьях лоснились от влаги, на каждом сучке висело по капле. Трава поседела от холодной росы. Все застыло в неподвижности. Дальние звуки долетали на диво ясно и отчетливо: над самым ухом хлопала соседская дверь, в двух шагах кудахтали куры на чьем-то птичьем дворе...

Добравшись до стойла, хоббиты вывели оттуда оседланных пони. Это были крепкие, выносливые лошадки, каких ценят хоббиты: для скачек они не годятся, зато для долгой работы от зари до зари – лучше не найдешь. Хоббиты взобрались в седла и вскоре уже ехали дальше, в туман. Белая стена неохотно расступилась и сразу же плотно сомкнулась за ними, словно преграждая путь назад. С час езды, медленной, в полном молчании, – и наконец впереди вырос Заслон, высокий, сплошь затканый серебряными паутинками.

– И как же вы через него переберетесь? – поинтересовался Фредегар.

– За мной! – скомандовал Мерри. – Сейчас увидишь!

Он повернул налево и поехал вдоль Заслона. Наконец путь пересекла широкая лощина. Заслон повернул и отступил вглубь, огибая ее. В лощине начинался пологий желоб, по бокам обложенный

кирпичом. Кладка постепенно становилась выше и наконец смыкалась над головой: желоб уходил под Заслон и выныривал с противоположной стороны.

Пончик Булджер остановил свою лошадку.

– До свидания, Фродо, – сказал он. – Ей-же-ей, лучше бы ты в Лес не совался. Как бы не пришлось вас оттуда вызволять еще до вечера! Но желаю вам удачи – и сегодня, и завтра, и на каждый день!

– Если Старый Лес – самое худшее из всего, что я встречу, то я и правда буду считать, что в рубашке родился, – усмехнулся Фродо. – Передай Гэндальфу, чтобы догонял нас на Тракте: мы скоро туда вернемся и поспешим что будет сил.

В последний раз крикнув Пончику «До свидания!», они спустились в туннель и скрылись от взгляда Фредегара. Под сводом было темно и сыро. На дальнем конце путь преграждала частая железная решетка. Мерри спешил и отворил ворота своим ключом. Дав пройти последнему пони, он налег на створки и толкнул их обратно. Ворота с лязгом захлопнулись; звук получился зловещий.

– Ну вот, вы уже не в Заселье, – объявил Мерри. – Вы – на опушке Старого Леса!

– А все эти истории про Старый Лес – они как, выдуманные или нет? – поинтересовался Пиппин.

– Смотря какие истории, – пожал плечами Мерри. – Если ты имеешь в виду страшилки, которыми Пончика в детстве пугали нянюшки – ну, про гоблинов, волков и все такое прочее, – то, скорее всего, выдуманные. По крайней мере я в них не верю. Но в Лесу и правда нечисто. Здесь все какое-то чересчур живое, понимаешь? Как будто здешние деревья, и не только деревья, немножко больше обычных чувствуют, что делается вокруг. Причем чужаков они не жалуют. Ты идешь, а они за тобой наблюдают. Как правило, делать они ничего особо не делают, только наблюдают, и все. Ну разве что какое-нибудь, самое неприветливое, ветку на тебя сбросит, или подножку поставит, или зацепит тебя побегом плюща. Зато ночью, говорят, бывает гораздо хуже. В темноте я тут был всего раз или два, и то возле самой изгороди – так вот, полное было впечатление, что они шепчутся между собой и о чем-то уговариваются, только язык незнакомый. Ветки качаются, тянутся друг к другу, а ветра-то нет! Говорят, эти деревья и правда двигаются: окружают тебя, если зайдешь слишком

далеко в Лес, а могут и защемить. Когда-то давным-давно они по-настоящему напали на Заслон: подошли, выросли рядом с ним, перегнулись и вытянули ветви. Но хоббиты не растерялись: срубили сотню-другую стволов, устроили в лесу огромный костер и выжгли широкую полосу земли к востоку от Заслона. Деревья сдались, но относиться к нам после этого стали до крайности неприязненно. А там, где горел костер, до сих пор осталась прогалина – это здесь, рядом, только немножко вглубь пройти.

– А кроме деревьев, тут больше ничего нет опасного? – спросил Пиппин.

– Почему же? В чаще Леса, особенно на том конце, много водится разных странных тварей – по крайней мере мне так говорили. Сам-то я их никогда не видел. Понимаете, тут кто-то прокладывает тропы, вот в чем штука. Когда ни придешь, обязательно наткнешься на тропку. Только тропки эти почему-то каждый раз на новом месте и идут совсем не туда, куда прежде, вот что странно. В последний раз недалеко от этого туннеля начиналась довольно утоптанная тропа, которая вела прямо к Выжженной Поляне. Нам с ней более-менее по пути – на восток и чуточку к северу. Вот я и хочу ее отыскать.

Оставив ворота позади, хоббиты поехали вверх по склону расширившейся лощины. На противоположном склоне начиналась еле видная тропинка; шагах в ста от Заслона она подбегала к стене деревьев и обрывалась.

Войдя под полог леса и оглянувшись, хоббиты увидели за стволами, сразу как-то тесно сдвинувшимися, темную линию Заслона. Впереди не было видно ничего, кроме деревьев, бесконечно разных, непохожих друг на друга: одни стояли прямо, другие согнувшись в дугу, третьи прихотливо изгибались, четвертые клонились одно к другому – кряжистые, тонкоствольные, гладкие, складчатые, морщинистые, одни с высокой кроной, другие сплошь суковатые. Похожи они были в одном – все до единого обросли серыми бородами лишайника и зеленым, скользким, ворсистым мхом.

Из всей четверки один Мерри выглядел бодрым и беспечным.

– Ты бы, чем радоваться, лучше шел впереди и разыскивал тропу, – посоветовал ему Фродо и обратился к остальным: – Главное – не потеряться и не позабыть, в какой стороне Заслон!

Пони осторожно шли вперед, избегая ступать на извилистые, причудливо переплетенные корни. Кстати, кроме деревьев, здесь ничего больше не росло. Дорога, казалось, поднимается в гору, и чем дальше, тем выше и темнее становились деревья, тем теснее сдвигались мшистые стволы. Не было слышно ни звука – разве что упадет иногда капля воды с неподвижных листьев, и снова тишина. Ветви не перешептывались и не шевелились, но постепенно у хоббитов возникло малоприятное чувство, будто за ними следят – причем следят с неодобрением и даже враждебно. Чувство это становилось все острее, и вскоре хоббиты поймали себя на том, что беспрестанно поглядывают вверх и косятся через плечо, словно ожидая внезапного нападения.

Никаких признаков тропы не было по-прежнему, скорее наоборот, – казалось, деревья сдвигаются все теснее, стараясь загородить путь чужакам. Вдруг Пиппин не выдержал и закричал:

– Ой-ой-ой! Я ничего плохого не замышляю! Только пропустите меня, слышите, вы?

Остальные застыли как вкопанные. Но крик оборвался, будто заглушенный тяжелой плотной занавесью. Ни эха, ни отклика. Только следящих за ними невидимых глаз сразу как будто сделалось больше, а взгляд их стал пристальнее.

– На твоём месте я бы не кричал, – сказал Мерри. – Только хуже будет.

Фродо начинал задаваться вопросом: а выйдут ли они отсюда вообще? И какое он имел право тащить друзей в этот чудовищный лес? Мерри растерянно вертел головой: похоже, он уже не был уверен, что правильно выбрал дорогу. Это не укрылось от Пиппина.

– Быстро же ты сумел заблудиться! – съехидничал он.

Но Мерри внезапно с облегчением присвистнул и показал вперед:

– Наконец-то! Получается, деревья и впрямь ходят! Вон она – Выжженная Поляна! По крайней мере я надеюсь, что это она! А тропы нет и в помине!

Впереди становилось все светлее. Внезапно деревья кончились, и хоббиты оказались на большой круглой поляне. Над головой, к их удивлению, ярко засинело небо: под пологом Леса, в низине, они проморгали утро и не заметили, как поднялся туман. Правда, солнце взошло еще не так высоко, чтобы показаться в просвете над головой,

но верхушки деревьев уже золотились в его лучах. По краям прогалины листва была гуще и зеленее, чем в Лесу, и казалось, что Выжженная Поляна обнесена плотной зеленой стеной. На самой поляне деревьев не росло – только жесткая трава и высокие остистые сорняки: вялый гирчовник, жесткие стебли болиголова, буйные заросли кипрея, рассыпающего вокруг пепел созревших семян, густая крапива и бодяк. Тоскливое место! Но после душного леса оно показалось хоббитам цветущим садом.

Воспрянув духом, друзья с надеждой поглядели на все ярче разгоравшееся от солнечных лучей небо, которое обещало погожий день. На другом конце поляны в стене деревьев виднелся проход, за которым – никаких сомнений – начиналась обыкновенная тропа. Она просматривалась достаточно далеко – тропа как тропа, где уже, где шире, и зеленого потолка над ней не было, хотя иное дерево нет-нет да перекидывало на другую сторону темную ветку. По тропе хоббиты и направились. Ехать опять пришлось слегка в гору, но теперь можно было пустить пони быстрым шагом, и друзья повеселели – казалось, Лес сменил гнев на милость и теперь-то уж точно даст пройти беспрепятственно.

Но вскоре сделалось жарче, и путники стали задыхаться. Деревья столпились еще теснее, чем раньше, тропа сузилась, обзор опять исчез. Острее, чем прежде, хоббиты ощутили, как давит на них злая воля Леса. Вокруг сгустилась такая тишина, что шорох листьев под копытами пони да изредка легкий стук подковы о скрытый под слоем прошлогодней прели корень отдавались в ушах тяжело и гулко.

Фродо попробовал запеть, чтобы подбодрить остальных, но вместо пения получился хриплый шепот:

*Идущий по лесу во тьме,
Не унывай – держи в уме,
Что край имеет лес любой, —
И встанет солнце над тобой!
Восток иль запад выбирай —
Леса всегда имеют край!
Не вечно тянутся леса...*

Последнее слово – «леса» – растворилось в тишине. Воздух казался тяжелым, говорить было трудно. Позади, в полушаге от них, с треском обрушился большой сук. Деревья сомкнулись теснее.

– Не нравится им слышать, что лес имеет край. Я бы на твоём месте пока воздержался от пения. Вот выберемся на опушку, а потом повернемся к ним и покажем, что такое настоящий хор! – сказал Мерри весело.

Если его что и беспокоило, виду он не подал. Остальные промолчали – они чувствовали себя не в своей тарелке. На сердце Фродо все ощутимее наваливалась тяжесть, и с каждым шагом он все больше жалел, что ему пришла мысль бросить вызов этим грозным деревьям. Он уже вознамерился было остановиться и объявить о своем решении идти назад (если путь еще не отрезан), как вдруг события приняли иной оборот. Подъем почти прекратился, темная стена деревьев расступилась, и тропа пошла прямо. Впереди, невдалеке, но и не слишком близко, круглилась верхушка зеленого холма, выступавшая из окружающего ее леса, словно огромная лысая макушка из венчика волос. Тропа как будто вела именно туда.

Хоббиты снова прибавили шагу, обрадовавшись, что впереди замаячила возможность хоть ненадолго подняться над покровом Леса. Тропа нырнула вниз – и сразу снова пошла вверх, пока не привела их к подножию крутого холма. Здесь она вышла за круг деревьев и растворилась в дерне. Деревья окружали лысый холм со всех сторон – точь-в-точь нечесаная шевелюра вокруг бритой макушки.

Хоббиты повели своих пони наверх, обходя холм пологими кругами, пока не достигли вершины. Там они остановились и осмотрелись вокруг. Воздух был пронизан солнцем, но даль скрывалась в дымке, и хоббиты не смогли разглядеть ничего определенного. Вблизи туман почти исчез, задержавшись только в низинах, да на юге дымилась белая глубокая прорезь, пластающая лес на две половины.

– Ивий Вьюн, – показал Мерри. – Эта река течет от Курганов¹¹⁴ прямо на юго-запад, через самую чащу, и впадает в Брендивин неподалеку от Осеки. Туда нам не надо. Говорят, долина Вьюна – самое странное место во всем лесу. Точнее даже сказать, оттуда-то вся странность и расходится!

Хоббиты посмотрели туда, куда показывал палец Мерри, но ничего не увидели, кроме тумана над глубокой сырой долиной Вьюна, а за туманом уже и вовсе ничего было не разглядеть. На вершине начинало припекать. Время, должно быть, близилось к одиннадцати, но осенняя дымка по-прежнему застилала дали. На западе не было видно ни Заслона, ни долины Брендивина, а на севере друзья, как ни всматривались, не заметили ничего, что хоть отдаленно напоминало бы полосу Большого Западного Тракта, куда они хотели попасть. С юго-востока холм круто обрывался, и казалось, что за чертой деревьев он уходит в непредставимую глубину, точно склон подводной горы, лишь малой своей частью выступающей из пучины. Хоббиты сели на зеленую травку и, поглядывая на лесные просторы вокруг, пообедали. Когда солнце миновало полдень, на востоке за лесом проступили серо-зеленые волны Курганов. Это весьма обрадовало друзей – приятно увидеть, что Старый Лес все-таки имеет край! Но идти в ту сторону они, если, конечно, получится, не собирались – Курганы в хоббитских сказаниях окружала такая же зловещая слава, как и сам Лес.

Наконец друзья решились двинуться дальше. Тропа, которая привела их на холм, продолжалась и с другой стороны, но хоббиты очень скоро поняли, что она чересчур забирает вправо. К тому же сразу от подножия тропа пошла под уклон. Она явно уклонялась к долине Вьюна – то есть совсем в ином направлении, нежели было нужно. Хоббиты немного посоветовались и решили, сойдя с тропы, двинуться напрямик на север: все-таки Тракт лежал именно в той стороне, и не так уж далеко, хотя с холма они его увидеть не смогли. На глаз казалось, что слева от тропы суше, стволы стоят не так часто, и не дубы да ясени вперемежку с другими деревьями, странными и безымянными, которых справа было порядком, а в основном сосны да тощие ели.

Поначалу все складывалось удачно, хотя, когда сквозь кроны хоббитам удавалось увидеть солнце, становилось ясно, что они все-таки чрезмерно уклоняются к востоку. Вскоре, однако, стволы снова начали понемногу смыкаться, причем именно в тех местах, где лес издали казался чище и светлее. Земля вдруг пошла волнами, словно в давние времена ее взрыли великанские колеса каких-то чудовищных повозок, а теперь колеи расползлись, осели и заросли колючей

куманикой. Тянулись эти колеи, как нарочно, наперерез, так что приходилось каждый раз спускаться и снова подниматься наверх, а это было весьма затруднительно, особенно для пони. Спускаясь в очередной овраг, путники неизменно попадали в густой колючий кустарник, откуда можно было выбраться, лишь взяв правее и пройдя некоторое время по дну; взобравшись же наверх, они неизменно обнаруживали, что деревья сомкнулись еще гуще, вокруг стало еще темнее и влево, наверх, идти почти невозможно. Хоббиты вынуждены были сворачивать вправо и снова терять высоту.

Через пару часов хоббиты утратили всякое представление о том, куда идут. Одно только было понятно: отнюдь не на север. Шаги их как бы направляла чья-то воля, желавшая, чтобы они следовали на юго-восток и только на юго-восток – не прочь из Леса, а в самое его сердце.

Уже давно перевалило за полдень, когда они спустились, цепляясь за траву, в очередной овраг, оказавшийся шире и глубже всех предыдущих. Отвесные склоны так заросли колючками, что выбраться наверх, не бросив на дне всех пони вместе с поклажей, не представлялось никакой возможности. Оставалось только идти направо, по дну. Под ногами вскоре зачавкало, на склонах стали пробиваться родники – и вот уже по дну, журча и булькая среди зарослей, побежал ручей. Начался довольно крутой спуск. Ручей набрал силу и с шумом понесся вниз. Ветви над головами хоббитов сомкнулись, и они очутились в сумрачном туннеле.

Проспотыкавшись еще немного в полумраке, путники внезапно вышли из тени на свет, лившийся как бы из распахнутых впереди ворот. Проведя пони под ветвистой аркой, хоббиты оказались на берегу реки, оставив позади высокий скалистый обрыв с узкой расселиной, из которой они только что появились. Вдоль воды тянулась широкая полоса трав и камышей; другой берег тоже был крутым и обрывистым. Золотой свет послеполуденного солнца окутывал потаенную речную долину теплом и дремой. Посреди лениво виляла бурая полоска воды, окаймленная ивами; ивы перекидывали ветви через поток, упавшие стволы ив преграждали течение, и тысячи облетевших ивовых листьев скапливались в затоках. Воздух был весь запорошен этими желтоватыми узкими листьями, слетающими с

ветвей, – в долине дул теплый легкий ветерок, камыши на реке шуршали, ветви ив тихонько поскрипывали.

– Прекрасно! Теперь я хоть представляю, куда нас занесло! – бодро заявил Мерри. – Все вышло точно наоборот. Это же Ивий Вьюн! Пойдите-ка, я разведу.

Он выбежал в солнечный свет и пропал среди высокой травы. Вернувшись, он сообщил, что между подножием скалистого обрыва и рекой тянется полоска довольно твердой земли и дерн местами подходит к самой воде.

– Более того, – продолжал Мерри. – Вдоль реки проложено что-то вроде тропы. Если свернуть по ней налево, то в конце концов мы все-таки выйдем из Леса, правда, совсем с другой стороны – с восточной.

– Допустим, – сказал Пиппин. – Если только эта дорожка не оборвется в какой-нибудь трясине и не оставит нас на бобах. Кто ее протоптал, по-твоему, и для чего? Уверен, что никак не для нашей выгоды! Я вообще не доверяю ни этому лесу, ни тем, кто тут водится. Мне начинает казаться, что все рассказы о нем – правда. Ты представляешь хоть, сколько нам идти?

– Не-а, – беспечно ответил Мерри. – Не имею ни малейшего представления. И кто тут может ходить так часто, чтобы тропка получилась – тоже не представляю. Но больше я ничего не могу придумать.

Делать было нечего. Один за другим хоббиты выехали вслед за Мерри на прибрежную тропку. Камыши и осока на берегу росли так буйно, что местами скрывали друзей с головой, но, раз отыскав тропу, можно было не бояться ее потерять, как бы она ни вилась и ни петляла, выбирая среди луж и мочажинок клочок земли понадежнее. Время от времени путь пересекали ручейки, сбегавшие с лесных холмов по дну других оврагов и расселин, – и каждый раз через ручеек было услужливо перекинуто бревнышко или набросан хворост.

Парило так, что хоббиты помаленьку сомлели. В ушах настырно звенели рои всевозможной мошкары, а послеполуденное солнце жгло спины. Внезапно они вошли в пронизанную лучами тень – над тропой распростерлись толстые серые ветви. Каждый шаг давался хоббитам все с большим трудом. Дремота, казалось, выползала из самой земли, опутывала ноги, сочилась из воздуха, дурманя голову, заклепывая глаза.

Фродо начал клевать носом. Пиппин, шедший впереди, упал на колени. Фродо остановился. До его ушей донесся голос Мерри:

– Не дело это! Если я не отдохну, толку от меня не будет. Надо вздремнуть чуток. Пойду под ивы, там прохладно. И мух меньше.

Фродо это не понравилось.

– Да вы что! – воскликнул он. – Какое там «вздремнуть»! Надо сначала выйти из Леса!

Но остальные его уже не слышали – или не хотели слышать. Стоявший рядом Сэм зевал и тупо хлопал глазами.

Вдруг Фродо почувствовал, что сон и его одолевает, да так, что сопротивляться уже не в состоянии. В голове у него помутилось. Звуки вокруг стихли. Остался только еле слышимый нежный шелест, тихий лепет листьев над головой, колыбельная песня ветвей. Фродо поднял отяжелевшие веки – и увидел, что над ним склоняется огромная старая ива¹¹⁵, седая от мха и паутины. Извилистые, широко раскинувшиеся ветви тянулись к тропе, словно длиннопалые руки; узловатый, бугристый ствол, весь в широких трещинах, слегка поскрипывал, вторя движению ветвей. Подрагивавшие на солнце листья и яркое небо ослепили Фродо. Он опрокинулся на траву и остался лежать, где упал.

Мерри с Пиппином доволоклись до ствола и привалились к нему спинами. Трещины-дупла раскрылись еще шире, радушно их принимая, а дерево качнулось и закрипело. Сонные хоббиты подняли глаза к серо-желтой листве, трепетавшей на свету: им послышалось, что листва напевает тихую колыбельную песню. Закрыли глаза – и вдруг им показалось, что в песне есть слова, прохладные, едва различимые, лепечущие о свежести воды и сладкой дреме. Друзья поддались чарам и уснули у корней седой ивы-великанши.

Фродо лежал, борясь с побеждающим его сном; наконец он собрался с силами и встал на ноги. Его неодолимо потянуло к воде, прохладной воде.

– Обожди тут, Сэм, – пробормотал он. – Я только ноги окуну... Я быстро.

Засыпая на ходу, он поплелся на берег, туда, где спускались к воде мощные кривые корни большой ивы – точь-в-точь прилетевшие на водопой заскорузлые драконята. Хоббит оседлал одного из них, поболтал ногами в прохладной бурой воде – и внезапно заснул, привалившись спиной к стволу.

Сэм сел, почесал голову и зевнул, чуть не вывихнув челюсть. Ему было не по себе. Дело к вечеру, идти еще далеко, а они – спать!

– Нет, братцы, солнце и теплынь тут ни при чем, – пробормотал он себе под нос. – Не нравится мне это большое дерево. Не доверяю я ему. Только послушайте! Ишь ведь как распелось! Усни да усни... Негоже это!

Он заставил себя подняться и, шатаясь, побрел взглянуть, чем заняты лошадки. Оказалось, что две из них довольно далеко ушли вперед по тропе; он догнал их, вернул – и вдруг услышал два странных звука: один громкий, другой тихий, но очень отчетливый. Один – будто в воду плюхнулось что-то тяжелое, другой – как щелчок замка, когда закрывают дверь, стараясь не вызвать лишнего шума.

Сэм бросился к реке – и обнаружил Фродо в воде, у берега. Один из самых больших корней обвил его и, казалось, толкал под воду, но Фродо почему-то не сопротивлялся. Сэм схватил хозяина за куртку, дернул и, высвободив из объятий корня, с трудом выволок обратно на берег, подальше от реки. Фродо почти сразу же очнулся и закашлялся, отплеываясь.

– А ты знаешь, Сэм, – произнес он наконец, – это бессовестное дерево столкнуло меня, можешь себе представить? Я тебе точно говорю! Как обхватит меня корнем! И давай спихивать!

– Вам, должно быть, приснилось, господин Фродо, – не поверил Сэм. – Не надо было садиться у воды, если вы спать собирались, вот что.

– А остальные где? – встрепнулся Фродо. – Хотел бы я узнать, что за сны снятся им?

Они обогнули дерево – и тут до Сэма дошло, что за щелчок он слышал. Пиппин исчез бесследно! Дупло, возле которого он пристроился отдохнуть, пропало начисто – даже щелочки не осталось. Мерри тоже оказался в ловушке: его зажал в другом дупле – ноги наружу, сам в темном провале. Края дупла обхватили беднягу поперек туловища, как клещи.

Фродо и Сэм забарабанили кулаками по стволу там, где раньше лежал Пиппин. Видя, что ничто не помогает, они в отчаянии попытались раздвинуть руками челюсти дупла, которое зажал беднягу Мерри. Бесполезно.

– Это же просто ужас какой-то! – вне себя закричал Фродо. – И зачем мы только пришли в этот кошмарный Лес? Много бы я дал, чтобы снова оказаться сейчас в Крикковой Лощинке, всем вместе!

Он стал изо всех сил колотить по дереву ногами, не жалея пяток. По стволу пробежала едва заметная дрожь, ветви встрепенулись, листья зашелестели и зашептались – будто кто-то посмеивался далеким, еле слышным смехом.

– У нас в поклаже топора нет, а, господин Фродо? – отчаявшись окончательно, спросил Сэм.

– У меня есть с собой маленький топорик – рубить ветки для костра, – вздохнул Фродо. – От него толку не будет...

– Минуточку! – воскликнул Сэм – слова Фродо о костре подкинули ему новую мысль. – Может, пустить в дело огонь?

– Разве что, – неуверенно согласился Фродо. – Как бы нам только не поджарить Пиппина – ведь он внутри.

– А что мешает нам просто сделать этому дереву больно или хотя бы напугать его для начала? – зло бросил Сэм. – Если оно не отпустит Пиппина и Мерри, я его повалю, ей-же-ей, чего бы мне это ни стоило! Надо будет – ствол зубами перегрызу, а повалю!

Он бегом вернулся к лошадам и в два счета примчался обратно с двумя трутницами и огнем.

Вдвоем с Фродо они быстро собрали кучку сухой травы, листьев, наломали коры и сложили надо всем этим с другой стороны ствола, подальше от пленников, маленький костерок из обломанных сучков и щепок. С первой же высеченной Сэмом искры сухая трава занялась. Над костерком заплясали язычки пламени, пошел дым. Щепки затрещали. Тонкие пальцы огня коснулись сухой, морщинистой коры старого дерева и слегка обуглили ее. Ива содрогнулась от корней до верхушки. Листья яростно зашипели от боли. Мерри громко вскрикнул. Откуда-то из глубины ствола донесся приглушенный вопль Пиппина.

– Погасите! Погасите! – закричал Мерри. – Оно перекусит меня надвое, если вы не погасите огня! Оно само сказала!

– Кто сказал? Что ты такое говоришь? – бросился Фродо туда, откуда доносился голос.

– Огонь! Погасите огонь! – взмолился Мерри.

Ветви ивы начали яростно раскачиваться. Послышался как бы нарастающий шум ветра¹¹⁶; всколыхнулись кроны соседних деревьев, потом дальних – словно кто-то бросил камень в мирно дремлющий омут, и по Лесу побежали круги гнева. Сэм пнул костерок и затоптал угольки. Фродо, сам уже не зная, что делает и зачем, кинулся вперед по тропинке с криком: «Помогите! Помогите!» Собственный голос казался ему комариным писком – ветер в ивах срывал слова с губ, и они сразу же тонули в грозном шуме листвы. Фродо впал в отчаяние и окончательно потерял голову.

И вдруг он остановился. Кто-то ответил ему – сзади из Леса, оттуда, где тропа уходила в чащу. Фродо обернулся, прислушался – и вскоре сомнений у него не осталось: в Лесу звучала песня! Веселый басовитый голос беспечно и радостно разносился по Лесу, громко распевая какую-то околесицу:

*Хей-дол! Дили-бом! Ива да крапива!
Том-бом! Дол-бом! Нука, живо, живо!
Бомба-дили-дилиТом! Хорошо на диво!*

Что это – новая неизвестная опасность или спасение? Фродо и Сэм замерли не дыша. Но поток бессвязной чепухи (или это только поначалу показалось, что чепухи?) внезапно превратился в звонкую, громкую, настоящую песню:

*Дили-Том! Дили-бом! Лес-лесок-лесочек!
Ах как звонок у скворца голос-голосочек!
Сядет солнышко вотвот – и в лучах заката
Разольет вокруг ручьи серебра и злата!
Заждалась меня давно дома Златовика¹¹⁷ —
Дочь Реки, стройна, как ива, и прозрачнолика!
Златовике Том несет белые кувшинки —
Поворачивайтесь-ка, желтые ботинки!
Хей-дол! Дили-бом! Перышкоресничка!
Златовика-Златови-ягодка-брусничка!
Ива Старая, нишкни! Корни подберика!
Бомбадила заждалась дома Златовика!*

*Тому некогда сейчас, Том несет кувшинки,
И несет он чепуху на лесной тропинке!*

Фродо и Сэм стояли как зачарованные. Ветер дунул последний раз – и стих. Листья снова молча повисли на замерших ветвях. Песня зазвучала громче – и вдруг, подскакивая и приплясывая, над камышами появилась выдавшая виды мятая шляпа с высокой тульей и длинным голубым пером¹¹⁸, заткнутым за ленту. Шляпа еще разок подпрыгнула, вильнула – и на тропе показался человек... или человек только с виду. По крайней мере для хоббита он был явно великоват и тяжеловат, хотя на Большого, пожалуй, все же не тянул. Зато шум он поднял такой, что хватило бы на двух Больших: всюю топал толстыми ногами в огромных желтых башмаках и мял траву и камыши, как корова по дороге на водопой. На нем был синий балахон. Длинная каштановая борода доходила до пояса. Яркие синие глаза, лицо, похожее на спелое румяное яблоко, прорезанное сотней веселых морщинок... В руках неизвестный держал широкий лист, где, как на блюде, покоился ворох белых кувшинок.

– Помогите! – закричали Фродо и Сэм, бросаясь к нему с протянутыми руками.

– Тише, тише! Стойте здесь! – воскликнул незнакомец, поднимая ладонь, и хоббиты замерли на месте, словно кто-то внезапно превратил их в столбики. – Ишь как разлетелись! Что кузнечные мехи, оба распыхтелись! Знаете меня? Так знайте: я – Том Бомбадил. Рассказывайте, что там у вас случилось? Том сегодня торопится. Не поломайте моих кувшинок!

– Моих друзей защемила Старая Ива! – воскликнул Фродо, задыхаясь.

– Господина Мерри зажало в дупле! – подхватил Сэм.

– Что?! – подпрыгнул Том Бомбадил. – Старуха Ива? Только и всего-то? Ну, этому горю пособить несложно. Знаю я, чем ее пронять. Ну, старая карга! Да я ей все печенки заморожу, если опять баловать вздумает. Вот запою ей корни, будет знать! Такой ветер подниму – не то что листьев, ветвей недосчитается! Ох уж мне эта Старая Ива!

Он бережно опустил на траву кувшинки и поспешил к Иве. Из дупла торчали только пятки Мерри – дерево успело втянуть беднягу

еще глубже. Том приложил рот к дуплу и что-то запел вполголоса. Слов хоббиты разобрать не смогли, но Мерри явно приободрился и задрыгал ногами. Том отскочил в сторону, отломил одну из веток и ударил ею по стволу.

– Ну-ка, Старая Карга, выпускай добычу! И о чем только ты думаешь, голуба? Ты должна спать – и все! Вкапывайся глубже! Ешь землю! Пей воду! Спи крепче! Слушай Бомбадила!

Он ухватил Мерри за ноги, дернул – и рывком вытащил из внезапно раскрывшегося дупла.

Раздался оглушительный треск. Ствол расселся, и Пиппин вылетел на траву, словно ему дали хорошего тычка. Оба дупла, громко щелкнув, закрылись. Дерево содрогнулось от корней до верхушки – и наступила полная тишина.

– Спасибо! – один за другим пролепетали хоббиты.

Бомбадил покатился со смеху.

– Ладно, ладно, дружочки! – воскликнул он, отсмеявшись и заглядывая каждому в лицо, для чего ему пришлось наклониться. – Сегодня вы пойдете ко мне домой! Стол уже накрыт – желтые сливки, медовые соты, белый хлеб, масло! И Златовика дожидается. Ужин долгий – хватит времени на расспросы. Спешите за мной, да поторапливайтесь!

С этими словами он поднял свои кувшинки, махнул рукой, приглашая следовать за ним, и, приплясывая, поскакал вперед по тропе, распевая какую-то несусветицу.

Донельзя удивленные, не до конца еще веря в спасение, хоббиты не нашли, что сказать, и молча поспешили за Томом. Но угнаться за ним было непросто. Вскоре чудесный избавитель скрылся за камышами, а песня стала отдаляться и затихать – и вдруг голос долетел с удвоенной силой:

Не копайтесь, малыши! Ивий Вьюн ведет вас!

Том зажег для вас огни – дома подождет вас!

Темнота и камыши, бульканье в болоте:

Шаг за шагом топтоп – к Тому вы придете!

Нечего бояться ив с цепкими ветвями —

Том здесь только что прошел, прямо перед вами!

Дверь открыли мы давно и светло у Тома!

Не копайтесь! Дили-бом! Златовика дома!

Песня оборвалась. Почти сразу же позади, за деревьями, скрылось и солнце. Хоббитам вспомнился Брендивин в косых вечерних лучах, окошки родного Бэкбери, где в этот час зажигаются сотни огоньков... На тропу легли исполинские тени. Кривые стволы и темные ветви угрожающе нависли над тропой. От реки пополз белый туман, курясь тонкими завитками над водой, запутываясь в корнях прибрежных деревьев. От земли поднимался, смешиваясь с густеющими сумерками, таинственный пар.

Вскоре тропу стало едва видно в темноте, и хоббиты помаленьку выбились из сил. Ноги словно свинцом налились. Странные звуки доносились из кустов и камышей, как будто там таился кто-то невидимый; а когда друзьям случалось глянуть вверх, на постепенно бледневшее небо, то видно было, что с высокого берега, ухмыляясь, пялятся вниз корявые, перекошенные рожи¹¹⁹. Хоббитам начинало казаться, что Леса не существует, что они просто видят какой-то зловещий сон и пробуждение не наступит никогда.

Ноги уже почти не слушались их, когда тропа заметно пошла вверх. Река вдруг зажурчала, и в темноте мелькнула белая пена порога. Деревья внезапно кончились, остался позади и туман. Друзья вышли из Леса и оказались среди привольно колышущихся трав. Речка превратилась в быстрый ручеек, который, поблескивая в лучах звезд, высыпавших на небосвод, весело бежал по камням навстречу.

Трава под ногами стала короткой и шелковистой, словно здесь ее часто косили или подстригали. Кусты на окраине Леса больше напоминали живую изгородь. Дорожка – теперь ее снова было хорошо видно – шла дальше, ухоженная, выложенная по краям камнями. Петляя, она взобралась на покрытый травой холм, серый в звездном свете. За ним виднелся другой, еще выше; на склоне его стоял, светясь огнями, дом. Тропка сбегала вниз – и снова устремилась в горку по мягкому дерну, навстречу огням. Сноп яркого желтого света упал на траву – это растворилась дверь. Вот и дом Тома Бомбадила! Вверх, вниз, под гору, еще немного вверх – и цель достигнута!

Над крышей домика отвесно вставал серый безлесый гребень холма, а вдали уходили в ночь темные горбы Курганов.

Все прибавили шагу – и хоббиты, и пони. Половины усталости как не бывало, а страхи и вовсе остались за спиной.

– Хей-дол! Дили-бом! – покатила навстречу хоббитам песня.

*Дили-Том! Дили-бом! Гости дорогие!
Нынче хоббитов – хо-хо! – жду на пироги я!
Ведь на свете дома нет нашего чудесней!
И встречаем мы гостей радостною песней!*

Мелодию подхватил другой голос, чистый, юный и древний, как весна, как веселая вода горных рек, бегущих в ночь с осиянных солнцем вершин горного утра, плеща серебром навстречу путникам:

*О тумане и росе, о луне и звездах
И о том, как духовит на закате воздух,
О траве и камышах, о набухших почках,
О родившихся в лесу маленьких листочках,
О кувшинках, что кружат над болотным илом,
Златовика вам споет с Томом Бомбадилом!*

Под звуки этой песни хоббиты вступили на порог и с головой окунулись в золотой свет.

Глава седьмая

В доме Тома Бомбадила¹²⁰

Хоббиты перешагнули через широкий каменный порог и остановились в изумлении. Они попали в длинную низкую комнату, залитую светом фонарей, покачивавшихся на потолочных балках. На столе из темного, гладко отполированного дерева ярко пылали высокие желтые свечи.

В дальнем конце комнаты лицом к двери сидела хозяйка. Ее длинные золотые волосы струились по плечам, как речные волны, платье зеленело, как побеги тростника, и поблескивало серебром, как трава в росе, а пояс был из золота – цепочка ирисов с бледно-голубыми

глазками незабудок. У ее ног, в широких сосудах из зеленой и коричневой глины, плавали белые водяные лилии, отчего казалось, будто она восседает на троне посреди лесного пруда.

– Входите, гости дорогие! – воскликнула она звонко и чисто, и хоббиты узнали голос, что пел на холме.

Они робко шагнули в комнату и принялись низко кланяться, донельзя удивленные и смущенные, – словно постучались в деревянную хижину попросить воды, а дверь открыла юная и прекрасная эльфийская королева в одеждах из живых цветов... Но они не успели сказать и слова – хозяйка легко вскочила и, смеясь, побежала к ним, легко перепрыгивая через кувшинки. Платье ее прошелестело, словно ветерок в цветущих речных травах.

– Добро пожаловать, милые друзья! – И она взяла Фродо за руку. – Радуйтесь и веселитесь! Я – Златовика, Дочь Реки!

Танцующим шагом пробежала она мимо, закрыла дверь и прижалась к ней спиной, раскинув белоснежные руки.

– Закроемся от Ночи! – молвила она. – Наверное, страх еще не отпустил вас? Не бойтесь! Не бойтесь ни тумана, ни тени, ни глубоких омутов, ни диких зверей! Ничего не бойтесь! Сегодня вы в безопасности – сегодня вы под кровом Тома Бомбадила!

Хоббиты смотрели на нее и дивились, а она, улыбаясь, оглядела их всех по очереди.

– О прекрасная госпожа Златовика! – начал наконец Фродо, чувствуя в сердце необъяснимую радость; так же зачаровали его когда-то удивительные песни эльфов, но теперь чары были другими: в них не было того острого, возвышенного восторга, которым проникалась душа при звуках эльфийских песен. Волшебство этого дома проникало куда глубже, и в то же время смертному сердцу казалось родным и понятным. – Прекрасная госпожа Златовика! – повторил Фродо. – Радость, которая таилась в слышанных нами по дороге напевах, сполна открылась теперь моему сердцу. Увидев тебя, я познал ее истоки!

*О стройнейшая из ив! О из вод чистойшая!
О живые камыши! О из дев нежнейшая!
О весна! О летний день! О весна веснейшая!
О шумящая листва! Наизеленейшая!*

Он вдруг запнулся и пролепетал что-то невразумительное, не понимая, что заставило его заговорить стихами¹²¹. Но Златовика рассмеялась как ни в чем не бывало:

– Вот чудеса! Не знала я, что жители Заселья так сладкоречивы! Но вижу, ты – Друг Эльфов. Об этом говорит свет в твоих глазах, и голос твой звенит по-особенному. Славная встреча! А теперь садитесь и ждите Хозяина! Он скоро вернется. Вот только устроит ваших бедных лошадок!

Усталые гости не заставили себя упрашивать и уселись на низкие плетеные стулья, а Златовика принялась хлопотать у стола. Хоббиты не сводили с нее глаз: так хорошо было смотреть на ее легкие движения! Где-то за домом снова зазвучала песня. Иногда среди неизменных «том-бом», «динг-дон» и «ринг-а-динг-дилло» хоббитам удавалось разобрать припев:

*Славный малый Бомбадил – веселее нету!
В синежелтоголубом ходит он по свету!*

– Прекрасная госпожа! – снова обратился Фродо к Златовике. – Если ты не сочтешь мой вопрос глупым, скажи, пожалуйста, кто такой Том Бомбадил?

– Он просто есть, – с улыбкой откликнулась Златовика, приостанавливаясь.

Фродо посмотрел на нее, не понимая.

– Он просто есть. Он таков, каким кажется, вот и все, – пояснила Златовика, отвечая на его взгляд. – Он – Хозяин¹²² здешнего леса, вод и холмов.

– Значит, эти удивительные земли – его владения?

– О нет, – ответила Златовика. Ее улыбка погасла, и она тихо добавила, словно обращаясь только к себе: – Это было бы и впрямь тяжелое бремя! – и снова взглянула на Фродо. – Деревья и травы – все, что растет и бежит на этой земле, принадлежит только само себе. А Том Бомбадил здесь хозяин. Никто не поймает Тома, никто не запретит ему ходить по лесу, бродить по мелководью, прыгать по вершинам холмов – как днем, так и ночью. Страх ему неведом. Том Бомбадил – Хозяин.

Отворилась дверь, и вошел Том Бомбадил собственной персоной. На нем уже не было шляпы; теперь густые каштановые волосы Тома венчала корона из осенних листьев. Он рассмеялся и, подойдя к Златовике, взял ее за руки.

– А это моя милая хозяйюшка! – сказал он, кланяясь хоббитам. – Златовика – перед вами, в серебре и травах! А вокруг – цветы и листья! Что у нас на ужин? Сливки, медовые соты, белый хлеб и масло, молоко, и сыр, и зелень, и ягоды из леса! Хватит этого на всех? Трапеза готова?

– Трапеза – да, – сказала Златовика. – А вот гости, кажется, еще нет!

Том хлопнул в ладоши и вскричал:

– Как же так, Том?! Гости устали, а тебе и горя мало?! Ну-ка, милые друзья, следуйте за Томом! Смоем грязь с лица и рук, отряхнем усталость! Сбросьте пыльные плащи, расчешите кудри!

Он открыл дверь и углубился в небольшой коридор, откуда, свернув за угол, хоббиты вслед за ним попали в комнату с низким косым потолком (видимо, это была одна из северных пристроек). Стены здесь были каменные, но их закрывали зеленые ковры и желтые занавеси. Выложенный плитам пол устилали свежие камыши. Четыре мягких тюфяка, покрытые белыми перинами, лежали возле одной из стен. Напротив стояла длинная скамья с глиняными тазами и бурыми кувшинами, наполненными холодной водой и дымящимся кипятком. Перед каждым из тюфяков гостей дожидались мягкие зеленые туфли.

Вскоре, умытые и свежие, хоббиты сидели за столом, по двое с каждой стороны, а по торцам стола – друг напротив друга – Златовика и Хозяин. Это была долгая и веселая трапеза! Хоббиты уминали еду так, как уминают только голодные хоббиты, но угощения хватило на всех. Питье в кубках походило на чистую холодную воду, но согревало сердце не хуже вина, а главное – освобождало голос. Вскоре гости неожиданно для себя обнаружили, что распевают веселые песни, – словно петь было проще, чем разговаривать.

Наконец Том и Златовика поднялись и в мгновение ока убрали со стола. Гостям велели ни о чем не беспокоиться и усадили их в кресла, подставив скамеечки для усталых ног. В широком камине горел огонь, наполняя дом сладким запахом яблоневого дыма. Когда все было

приведено в порядок, в комнате погасили свет – за исключением одного из фонарей и пары свеч по углам каминной полки. Златовика подошла к гостям со свечой и пожелала им доброй ночи и безмятежного сна:

– Спите с миром! Спите до утра! Не обращайтесь внимания на ночные шорохи! Сквозь двери и окна этого дома проникают только лунный свет, лучи звезд да ветер с холма. Спокойной ночи!

Она вышла из комнаты, блеснув и прошуршав, и в звуках ее шагов хоббитам померещилось журчание ручейка, бегущего по камням в ночной тишине.

Том сел рядом с гостями и погрузился в молчание. У хоббитов на языке вертелось множество вопросов, которые они хотели задать еще во время ужина. Веки у них начинали уже понемногу тяжелеть. Наконец Фродо отважился:

– Скажи, Хозяин, ты пришел потому, что услышал, как я зову на помощь, или тебя привел случай?

Том встрепнулся, словно ему помешали досмотреть приятный сон.

– Что? – переспросил он. – Что? Спрашиваешь – слышал я крик или не слышал? Нет, не слышал ничего: я был занят песней. Случай ли меня привел? Называйте – случай, если так угодно вам¹²³. Случай, значит, случай. Я не думал повстречать вас – но не удивился. Вести донеслись до нас: хоббиты плутают! Но в Лесу как ни плутай – а Реки не минешь. Все тропинки у нас выведут к водице – прямо к Ивьему Вьюну, а значит, и к Старухе! Ива, старая карга, знает много песен – малышам, таким как вы, трудно с нею сладить. Ну, а Том туда пришел по важному делу – он обязан был спешить, хочешь не хочешь! – Том опустил голову, словно засыпая, но не заснул, а негромко запел:

*Я ходил не просто так, а собрать кувшинки,
Чтоб порадовать свою юную хозяйку.
Ибо близится зима – и пора сорвать их:
До весны им надлежит быть у Златовики.
Каждой осенью хожу я к заводи заветной
И кувшинки приношу, чтобы не пропали,
А весной несу назад – пусть растут на воле.
Как-то раз, давнымдавно, там, меж камышами,*

*Дочь Реки увидел я, деву Златовику —
Чист был голос у нее, и сердечко билось!*

Тут он поднял глаза и неожиданно сверкнул ими прямо на хоббитов:

*Так что крепко повезло вам на встречу с Томом —
До весны я не пойду больше в это место,
До весны не навещу хмурой Старой Ивы,
До весны, пока ручьи не заплещут снова,
И куда Дочь Реки танцами и пеньем
Не разбудит камыши в заводи заветной!*

Том снова смолк. Но Фродо не мог успокоиться и задал еще один вопрос, тревоживший его больше всего.

– Расскажи нам про Старую Иву, о Хозяин, – попросил он. – Кто она такая? Я никогда о ней не слышал.

– Нет! – закричали Мерри и Пиппин, разом выпрямившись. – Не сейчас! Подожди до утра!

– Справедливо, малыши, – согласился Том. – Ночь – для сна, вестимо. Кой о чем нельзя болтать, когда мир – под тенью. Позабудем обо всем! Отдыхайте с миром! Ну, а будет ночью шум – спите, не пугайтесь!

С этими словами он спустил с балки светильник, задул его, взял в руки по свече и проводил гостей в спальню.

Тюфяки и подушки показались хоббитам мягче пуха. Одеяла, как выяснилось, сотканы были из белой шерсти. Едва успев улечься, друзья крепко заснули.

Стояла глубокая ночь. Фродо погрузился в бездонную, беспросветную пропасть – и вдруг увидел встающий за горами молодой месяц. В прозрачном свете месяца впереди выросла черная скала, прорезанная темной аркой исполинских ворот. Хоббита подкинуло вверх, он перелетел через стену и понял, что парит над замкнутой в кольцо гор равниной. Посреди равнины высилась исполинская каменная игла. Мало-помалу Фродо догадался, что это не

скала, а башня, только какая-то странная, словно бы нерукотворная. На вершине башни маячила одинокая человеческая фигура. Поднявшись выше, месяц оказался над самой головой человека, осветив белые как снег волосы, которые слегка шевелил ветер. С темной равнины, окружавшей башню, долетали грубые, злобные, неразборчивые крики и вой множества волков. На мгновение месяц заслонила тень огромных крыльев. Человек воздел руки к небу, и жезл, который он держал в руке, ярко вспыхнул. С высоты камнем упал огромный орел – и унес незнакомца прочь. Долину огласили яростные вопли и вой. Раздался шум, будто от сильного ветра, и загремели копыта – сотни копыт, все громче, громче, громче... То мчались с востока кони. «Черные Всадники!» – понял Фродо, просыпаясь. Стук копыт все еще отдавался у него в висках. «Хватит ли у меня когда-нибудь смелости покинуть эти каменные стены?» – мелькнула у него мысль. Он вытянулся на перине, не двигаясь, напряженно вслушиваясь в ночные звуки, – но все было тихо. В конце концов он повернулся на бок, задремал и до зари странствовал среди сновидений, наутро стершихся из памяти.

Рядом умиротворенно посапывал Пиппин. Внезапно что-то переменялось в его снах; повернувшись, он невнятно застонал – и проснулся, а может, ему только пригрезилось, что проснулся: из-за стены по-прежнему отчетливо доносился звук, который его тревожил. «Тук-тук, тук-тук, кр-рак, кр-рак». Так поскрипывают на ветру сучья, так скребутся в окна и двери тонкие, ветвистые пальцы: «Кр-рик, крр-рак, кр-рак». «Растут ли возле дома ивы?» – подумал Пиппин. И вдруг ему почудилось, что вокруг не стены дома, а дупло, и что вдалеке снова посмеивается давешний иссохший, скрипучий, страшный голос. Он сел; мягкая перина податливо прогнулась под тяжестью тела, и он, успокоенный, снова откинулся на подушки. В ушах явственно зазвенело эхо прощального напутствия Златовики: «Не бойтесь! Спите с миром! Спите до утра! Не обращайтесь на ночные шорохи!»

И он заснул опять.

В тихие сны Мерри вторгся звук капающей воды. Постепенно капли слились воедино – и вот уже вода разлилась вокруг всего дома и окружила стены темным озером без берегов, продолжая с легким плеском прибывать – медленно, но неуклонно.

«Затопит, – подумал Мерри. – Ей-же-ей, затопит! Рано или поздно вода найдет щелку, зальет дом, и я утону». Ему показалось, что он лежит в болотном иле, и он резко вскочил. Босая нога коснулась твердой холодной плиты. Мерри вспомнил, где находится, и снова забрался в постель. Ему показалось, что он слышит голос, – а может, голоса и не было, может, он звучал лишь у него в памяти: «Сквозь двери и окна этого дома проникают только лунный свет, лучи звезд да ветер с холма». Занавеска всколыхнулась от легкого сквозняка. Мерри глубоко вздохнул – и уснул снова.

Сэм, сколько он мог потом вспомнить, ничего подозрительного не слышал и спал, что твое бревно, довольный всем и вся (если о бревне можно такое сказать).

Проснулись они все разом. В глаза им брызнул утренний свет. По комнате, насвистывая как скворец, расхаживал Том. Услышав, что гости зашевелились, он хлопнул в ладоши и воскликнул:

– Хей! Дон-динг-а-донн! Ринг-а-донн! Засони!

Он одним махом раздвинул желтые занавеси, и оказалось, что за ними, по обоим концам комнаты, скрывались окна – одно на восток, другое на запад.

Хоббиты вскочили на ноги, чувствуя себя свежими и отдохнувшими. Фродо подбежал к восточному окну – и обнаружил, что смотрит на огород, седой от росы. Он ожидал увидеть короткий дерн, изрытый десятками копыт, подступающий к самой стене. Но за увитыми фасолью высокими жердями ничего разглядеть нельзя было. Вдали, заслоняя горизонт, круглились в нимбах утренней зари верхушки холмов. Утро вставало бледное. Длинные тучи тянулись по небу, словно жгуты мокрой нечесаной шерсти, одним краем опущенной в красную краску, а между ними разверзались налитые янтарно-желтым огнем пропасти. Небо предвещало дождь, но свет разгорался быстро, и в мокрой зеленой листве фаселевых плетей понемногу вспыхивали красные огоньки цветов.

Пиппин глянул в западное окно и увидел далеко внизу разливанное море тумана. Лес пропал, словно его и не бывало. Казалось, прямо от порога начинается уходящая вдаль покатая крыша седых облаков. Среди клубов густого белого пара выделялась темная полоса, где сплошной покров тумана разрывался на перья и белые

лоскуты: то была долина Вьюна. Слева по склону холма сбегал, пропадая в непроницаемой белой пелене, маленький ручеек. Окно выходило в сад, обнесенный ровно подстриженной живой изгородью, сплошь увешанной серебряными паутинками, а за изгородью серела трава, бледная от росы. И ни одной ивы!

– Доброе утро, веселые друзья! – воскликнул Том, широко распахивая западное окно. В комнату ворвался прохладный воздух. Запахло дождем.

– Солнце сегодня лица не покажет. Том много думал. Он с утра на ногах – прыгал по вершинам, дышал дождем и ветром, прислушивался к погоде, мял мокрую мураву, смотрел на небо, разбудил Златовику песней под окошком, но хоббитов до времени будить бесполезно. Ночью просыпаются, с боку на бок вертятся, а как встанет утро – спят, как заколдованные! Просыпайтесь-ка, друзья! Ринг-а-динг-дилло! Все ночные страхи – прочь! Ринг-а-дилл, засони! Кто поднимется быстрее, тот получит завтрак. А копуши – не взыщите – травку да водицу!

Незачем говорить, что хоббиты, хотя и не приняли угрозы Тома всерьез, мигом оделись и мигом уселись за стол – зато вставать уже не торопились и поднялись со стульев, только когда тарелки со снедью порядком опустели. Ни Тома, ни Златовики с ними на этот раз не было, но хоббиты слышали, как Том звенит и брякает посудой на кухне, как одним духом взлетает и скатывается вниз по лестницам. Пение его слышалось постоянно – то дома, то во дворе. Столовая Бомбадила смотрела на запад, на затянутую туманом долину, и окно было широко распахнуто. С тростниковой крыши капало. Прежде чем гости успели покончить с завтраком, облака слились в одну сплошную, без единого просвета кровлю, и с неба отвесно полились тихие серые струи дождя, ровного, сильного, зарядившего надолго. Вскоре непроницаемая стена воды окончательно скрыла из вида Старый Лес.

Сидя за столом и глядя в окно, хоббиты слышали, что в шум дождя, словно падая из туч вместе с ливневыми потоками, вплетается песня Златовики, доносящаяся откуда-то сверху. Они почти не разбирали слов, но и без слов понятно было, что это – песня дождя, желанная и долгожданная, как влага сухим холмам, песня о реке, что рождается из горных ключей и бежит вниз – к далекому Морю. Хоббиты заслушались, и Фродо повеселел, благословляя милосердную погоду за отсрочку. Мысль о том, что надо трогаться в путь, с самого

пробуждения тяжело давила ему на сердце, но теперь он понял, что сегодня они уже никуда не поедут.

В поднебесье дул восточный ветер. Тучи погуще и потяжелее сгрудились над Курганами, чтобы пролиться на их голые вершины свинцовым дождем. Все вокруг затянула серая пелена. Фродо стоял возле открытой двери и смотрел, как белая меловая дорожка превращается в молочный ручеек, и ручеек этот, клокоча, бежит в долину. Из-за угла рысцой выкатился Том Бомбадил, размахивая руками над головой, словно разгоняя дождь, – и действительно, когда он перепрыгнул через порог, оказалось, что одежда на нем, кроме башмаков, совершенно сухая. Башмаки Том снял и поставил к камину, в уголок. Наконец, поудобнее усевшись в самое большое кресло, он подозвал хоббитов к себе.

– Сегодня у Златовики стирка, – сказал он, – стирка и большая осенняя уборка. Для хоббитов сыровато! Пусть отдыхают, пока можно! Нынче время для беседы, для вопросов и ответов – не сейчас, так когда же? Том начинает! Слушайте!

И он повел долгий, удивительный рассказ, иногда забывая о слушателях и обращаясь к одному себе, иногда вдруг пристально взглядывая на гостей ярко-синими глазами из-под густых бровей. Иногда он переходил на песню и, оставив кресло, принимался кружиться в танце. Том поведал хоббитам множество историй – о пчелах и цветах, о жизни и обычаях деревьев, о чудных обитателях Леса, о злых тварях и добрых, о друзьях и врагах, о жестоких созданиях и созданиях милосердных, о тайнах, скрытых в колючих зарослях куманики.

Слушая, хоббиты начинали мало-помалу понимать Лес и его жителей. Отрешившись от привычного взгляда на мир, они прониклись неуютным ощущением собственной неуместности – ведь их никто не звал сюда, и все, кроме них, были здесь у себя дома. В рассказах Тома то и дело мелькала Старая Ива, и Фродо узнал о ней все, что хотел знать, даже, пожалуй, больше, потому что все это было похоже скорее на чересчур страшную сказку, чем на правду. Слова Тома помогли хоббитам заглянуть в сердца деревьев и их помыслы, зачастую темные и непостижимые, полные ненависти ко всему, что свободно ходит по земле, что грызет, ломает, рубит и жжет – ко всем

убийцам и захватчикам. Этот Лес недаром носил прозвище Старого. Он и в самом деле был стар, этот последний сохранившийся уголок бескрайних лесов древности, о которых ныне совсем забыли. Здесь доживали свой век, старясь не быстрее холмов, праотцы праотцев теперешних деревьев, помнящие времена, когда они были единственными и единодержавными властителями Средьземелья. Бесчисленные годы, пролетевшие над ними, исполнили их гордыни; глубоко пустили корни их мудрость и злоба. Но во всем Лесу не сыскать было дерева опаснее Старой Ивы. Сердце ее прогнило, хотя ветви оставались по-весеннему зелеными. Хитра и коварна была Великая Ива. Даже ветрами она повелевала, а песни ее и мысли царствовали по всему Лесу, по обе стороны реки. Серый, вечно алчущий дух Ивы черпал силу из земли, расползаясь вширь и вглубь, словно крепкое корневище с тончайшими отростками, раскидывая в воздухе невидимые ветвистые пальцы, пока Ива не покорила почти все деревья Леса, от Заслона до самых Курганов...

Тут Том внезапно забыл о Лесе, и рассказ его, подпрыгивая, отправился вверх по течению молодой реки, мимо бурлящих порогов, по камушкам, по стершимся валунам, петляя среди малых цветов, скрытых густой травой, среди влажных промоин, – и наконец выбрался к Курганам. Хоббиты слышали повесть о Великих Могилах, о зеленых насыпях над ними, о каменных коронах, венчающих полые холмы. Блеяли стада овец. Вставали зеленые насыпи и белые стены. На вершинах созидались дозорные башни. Сражались плечом к плечу короли малых королевств, и юное Солнце огнем горело на красных клинках молодых, охочих до битвы мечей. И была победа, и было поражение; башни падали, крепости гибли в пламени пожаров, и огонь восходил до самых небес. В усыпальницы мертвых королей и королев сыпалось золото, каменные двери затворялись, и надо всем этим вырастала трава. И вновь овцы паслись на холмах, пощипывая могильную травку; но вскоре склоны вновь опустели. Издалека, из темных, зловещих стран явилась, потревожив кости усопших, мрачная тень. В пустотах усыпальниц поднялись Навьи¹²⁴. Звенели кольца на холодных пальцах, и бряцали золотые цепи на ветру, и каменные короны на холмах в лунном свете напоминали неровный оскал.

Хоббитам стало не по себе. В Заселье ходили слухи о Навьях из Курганов, что за Старым Лесом. Но легенды эти не принадлежали к

числу излюбленных хоббичьих баек, и засельчане избегали рассказывать об этих таинственных призраках, даже уютно расположившись у собственного камина. Все четверо внезапно вспомнили то, о чем, радуясь радостью этого гостеприимного дома, забыли начисто: ведь обитель Бомбадила приютилась прямо на границе страшных Курганов! Друзья потеряли нить рассказа и заерзали, беспокойно поглядывая друг на дружку.

Когда они прислушались снова, Том уже покинул Курганы ради неведомых земель, о которых хоббиты и слыхом не слыхивали, ради давних, давних времен, когда мир был больше, чем теперь, когда волны Моря катились от Запада к Востоку прямым путем¹²⁵ и били в западный берег Средьземелья; все дальше, дальше уходил Том, и с песней вступил он под древние звезды, светившие эльфийским владыкам¹²⁶, пока не проснулись остальные народы... Здесь он внезапно умолк и качнулся вперед, словно засыпая. Хоббиты сидели перед ним как околдованные; чудилось, что от волшебной песни Тома стих ветер, растаяли облака, день исчез бесследно – и осталось лишь небо, усыпанное яркими звездами.

Утро теперь или вечер, Фродо не знал. Не знал он и того, день минул или много дней. Ни голода, ни усталости больше не было – только безграничный восторг и изумление. В окна светили звезды, и дом со всех сторон окружало безмолвие небес. Наконец изумление и страх Фродо прорвались вопросом:

– Кто ты, о Хозяин?

– А? Что? – встрепнулся Том, выпрямляясь. Глаза его в полутьме заблестели. – Разве ты еще не слышал моего имени? Вот тебе и весь ответ! И другого нету! Скажи мне лучше, кто ты таков – одинокий, безымянный, сам по себе? Ты молод, а я стар. Я – Старейший. Запомните, друзья мои: Том был здесь прежде, чем потекла вода и выросли деревья. Том помнит первую каплю дождя и первый желудь. Он протоптал в этом лесу первую тропу задолго до того, как пришел Большой Народ, и он видел, как перебрались сюда первые поселенцы Народа Маленького. Он был здесь до Королей и до их усыпальниц, раньше Навий. Том был здесь, когда эльфы потянулись один за другим на запад, он помнит время, когда еще не закруглились море и небо. Он знал Звездную Первотьму, еще не омраченную страхом, он помнит

время, когда еще не явился в мир из Внешней Тьмы Черный Властелин.

В окнах мелькнула неясная тень, и взгляды хоббитов испуганно метнулись вслед за ней. Когда они повернулись, в дверях стояла Златовика в ореоле света. В руке у нее была свеча, которую она заслоняла от сквозняка ладонью, и свет сиял сквозь кожу, как луч солнца сквозь тонкостенную перламутровую раковину.

– Дождь кончился, – сказала она. – Новые ручьи бегут с холмов, и небо усеяно звездами. Давайте же смеяться и радоваться!

– А заодно есть и пить! – подхватил Том. – Долгие беседы сушат горло. Да и шутка ли, друзья, не проголодаться, если слушать целый день – утро, день и вечер!

Он прыжком вскочил с кресла, подхватил с каминной полки свечу и зажег ее от огня в руках у Златовики. Со свечой в руке он пустился в пляс вокруг стола. И вдруг, выскочив за порог, исчез, мигом обернулся и появился в дверях с большим блюдом, уставленным тарелками. Вместе со Златовикой они принялись накрывать на стол. Хоббиты глядели, открыв рот от восторга и в то же время готовые прыснуть в кулак, – так прекрасна была гибкая Златовика, а Том выделял такие потешные коленца! И все же казалось, что движения их сплетаются в единый танец, – так ловко двигались они из комнаты в комнату и вокруг стола, не сталкиваясь и не мешая друг другу. Еда, сосуды, подсвечники появились на столе в мгновение ока. Комната засияла свечами – белыми и желтыми. Том поклонился гостям.

– Ужин готов, – улыбнулась Златовика.

Хоббиты только теперь заметили, что хозяйка с головы до ног одета в серебро. Платье перехватывал белый пояс, а туфельки блестели, как рыба чешуя. Том тоже переоблачился – теперь он был весь в голубом, цвета омытых дождем незабудок, и в зеленых гетрах.

Ужин превзошел все мыслимые пиры – даже предыдущий. Завороженные речами Тома, хоббиты забыли об обеде и, наверное, еще долго могли бы слушать рассказы хозяина; но теперь, когда еда красовалась на столе перед ними, четверке друзей показалось, что у них целую неделю крошки во рту не было. Сосредоточившись на деле, они надолго забыли о песнях и даже говорить перестали. Но вскоре,

согревшись сердцем и воспрянув духом, хоббиты ожили, и над столом зазвенели их веселые голоса и смех.

После ужина Златовика спела много песен – песен, которые начинались высоко в горах и, весело журча, постепенно затихали в безмолвии. Перед глазами у хоббитов раскинулись бескрайние озера и никогда не виданные ими безбрежные воды; заглянув в них, можно было увидеть небо и бриллианты звезд, мерцавшие в бездонных глубинах. Наконец Златовика, как и накануне, пожелала каждому доброй ночи и ушла, покинув гостей и Тома у камина. Но Тома, как видно, ко сну больше не клонило, и он забросал гостей вопросами.

Казалось, он откуда-то знает и про них самих, и про их близких, не говоря уже о делах засельских и обо всем, что творится и творилось в Четырех Пределах, начиная с таких далеких времен, о каких и сами-то хоббиты уже не помнили. Никто из них этому уже не удивился бы, но Том не делал тайны из того, что о недавних событиях узнал от фермера Мэггота¹²⁷. О Мэгготе Том говорил с поразившим хоббитов торжественным уважением:

– Ноги его – в земле, пальцы его – в глине. Он особого замеса, этот мудрый хоббит, и глаза его открыты – Мэггот смотрит в оба!

Не было сомнений, что Том встречается и с эльфами. Видимо, именно через Гилдора до него дошла весть о бегстве Фродо.

Так много знал о них Бомбадил и так ловко сыпал вопросами, что Фродо вскоре поймал себя на том, что рассказал ему о Бильбо и о собственных надеждах и страхах больше, чем решался открыть самому Гэндальфу! Том покачивал головой, кивал, а когда услышал про Всадников – в глазах его сверкнул огонек.

– А ну-ка, покажи мне это драгоценное Кольцо! – вдруг потребовал он посреди разговора.

Фродо, к собственному удивлению, вынул из кармана цепочку и, сняв с нее Кольцо, не задумываясь протянул Тому.

Оказавшись в большой смуглой руке Бомбадила, Кольцо сразу словно выросло. Том приложил его к глазу и расхохотался. Вид получился презабавный и в то же время угрожающий – ярко-синий глаз в золотом ободке. Затем Бомбадил нацепил Кольцо на кончик мизинца и поднес к пламени свечи. Поначалу хоббиты не нашли в этом ничего странного – и вдруг ахнули: Бомбадил и не думал исчезать!

Том снова рассмеялся и подбросил Кольцо вверх. Сверкнув, оно исчезло. Фродо вскрикнул – а Том нагнулся к нему и, улыбаясь, протянул Кольцо обратно.

Фродо поднес Кольцо к глазам и недоверчиво осмотрел – так осматривают побрякушку, побывавшую в руках у фокусника. Кольцо не изменилось – по крайней мере с виду. И легче не стало (оно всегда казалось Фродо странно тяжелым, если взвесить в руке). И все же что-то толкало проверить, нет ли подмены. Втайне его несколько рассердила беспечность Тома – ведь даже Гэндальф считал Кольцо необыкновенно важной вещью и никогда по поводу Кольца не шутил! Фродо подождал подходящего момента; и вот, когда беседа возобновилась и Том завел какую-то несусветную болтовню о барсуках и об их странных повадках, он тихонько надел Кольцо на палец.

Мерри повернулся к нему что-то сказать, открыл рот от изумления и чуть не вскрикнул. На свой лад это было даже приятно. Значит, Кольцо не подменили! Вон как Мерри вытаращился на его стул – ясно, что никого на нем не видит... Фродо встал и на цыпочках направился к выходу.

– Эй, приятель! – окликнул его Том, провожая взглядом. Ясно было, что он отлично видит хоббита. – Эгей! Фродо! Ты куда собрался? Старый Том Бомбадил не настолько слепой, чтоб тебя не видеть. Ну-ка, ну-ка, сними с пальчика колечко! Без него твоя рука, право, много лучше. Возвращайся! Игры брось и садись поближе. Мы еще не обо всем переговорили. Надо с вами обсудить завтрашнее утро. Том научит вас, как ехать, чтоб не заблудиться!

Фродо рассмеялся (стараясь убедить себя, что совсем не раздосадован!) и, сняв Кольцо, вернулся на свое место. Том предсказал на завтрашний день солнце и ясное утро, так что начало путешествия обещало быть удачным. Но выйти он советовал пораньше: в этих краях даже Том не мог знать погоды на целый день вперед. Иногда он не успевал переодеть кафтан – так быстро она менялась!

– Я погоде не хозяин, – сказал Том. – Двуногих она не слушается.

По совету Бомбадила они решили отправиться напрямик на север, вдоль западного края Курганов, где холмы были пониже. Тогда хоббиты могли рассчитывать к вечеру добраться до Тракта и не

заблудиться при этом. Том успокоил их, сказав, что бояться вовсе не обязательно, но и отвлекаться по дороге тоже не советовал.

– Держитесь зеленой травки, да смотрите не балуйте со старыми камнями, не шутите с холодными Навьями, не рыскайте в их подземельях, если вы не богатыри и не великие герои, которым страх неведом!

Он повторил это не раз и не два и посоветовал хоббитам каждый новый курган обходить только слева. А на случай, если не повезет, если они попадут в беду или что-нибудь не заладится, – он научил их песенке:

*Том! Бом! Бомбадил! Желтые ботинки!
На холме и под холмом, на лесной тропинке,
На болоте, в камышах, дома на пороге —
Том, услышь нас и приди: просим о подмоге!*

Когда они наконец смогли пропеть эту песенку так, как он того хотел, Том со смехом похлопал каждого по плечу и, взяв с камина свечи, отвел хоббитов в спальню.

Глава восьмая

Туман над курганами

В эту ночь хоббиты ничего не слышали. Только до ушей Фродо – во сне или наяву, он и сам не мог бы сказать – донеслось нежное пение и проникло к нему в сердце, словно бледный свет из-за дождевой завесы. Пение звучало все громче и громче, завеса засверкала хрусталем и серебром, свернулась – и перед Фродо открылась дальняя зеленая страна в лучах быстро восходящего солнца.

Видение растаяло. Фродо очнулся. Том был уже в комнате и свистел, словно дерево, полное птиц. На холм и в открытое окно падали косые лучи солнца. Снаружи все зеленело и золотилось.

После завтрака, который хоббитам снова пришлось есть в одиночестве, гости приготовились прощаться, но на сердце у них лежал камень – если, конечно, это могло иметь какое-то значение в такое чудесное утро: прохладное, солнечное, озаренное умытой голубизной осеннего неба. С северо-запада дул свежий ветер. Пони, обычно такие тихие, чуть ли не били копытами, фыркая и нетерпеливо переступая с ноги на ногу. Том вышел на порог и, приплясывая, помахал шляпой, напоминая хоббитам, что пора садиться в седло и не мешкая пускаться в дорогу.

Из-за дома, петляя, выбегала тропка. Она поднималась по склону, пересекала холм наискосок и огибала его невдалеке от вершины. На повороте тропка пошла круто вверх, всадники спешили, взяли пони под уздцы – и вдруг Фродо остановился.

– А Златовика?! – ахнул он. – Как же наша прекрасная госпожа в серебре и травах? Почему же мы с ней не попрощались? Ведь мы с вечера ее не видели!

Он так расстроился, что начал уже заворачивать пони обратно к дому, но тут сверху послышался журчащий, плещущий оклик. Златовика стояла на холме, на самом гребне, и, танцуя, махала им рукой. Ее распущенные волосы развевались на ветру и сияли в солнечных лучах, а у туфельек сверкали золотые искры – так блестит утренняя роса на траве.

Хоббиты заторопились наверх, остановились перед нею, восхищенные и запыхавшиеся, поклонились – но Златовика сделала им

знак оглядеться вокруг, и с вершины холма их взорам открылся утренний мир. Воздух был чист и прозрачен – не то что тогда, в Старом Лесу, на вершине лысого бугра! А вон, кстати, и сам бугор, зеленый, блеклый и голый, окаймленный темными кронами! За ним дыбились лесистые волны – зеленые, желтые, рыже-бурые в лучах утреннего солнца; за ними пряталась долина реки Брендивин. Левее, далеко-далеко, за Ивьем Вьюном, что-то слюдяно поблескивало: там Брендивин, сделав широкую петлю в низинах, уходил в неведомые края, куда еще не ступала нога хоббита. С другой стороны, за постепенно понижавшимися холмами, лежала серо-буро-зеленая равнина, терявшаяся в дымке. На востоке гряда за грядой толпились Курганы, а у кромки неба, за пределами взгляда, что-то синело и мерцало – этого было достаточно, чтобы без слов напомнить о далеких горах, уходящих в самое поднебесье и знакомых хоббитам только по древним преданиям.

Хоббиты дышали всей грудью. Им казалось, что теперь они в два счета доберутся, куда захотят. Неужели непременно надо трястись на пони по складчатому краю Курганов, когда можно скакать по камням, хохоча и распевая, как Том? Раз прыжок, два прыжок – и ты в горах!

От мечтаний их отвлекла Златовика:

– А теперь – скорее в путь, дорогие гости! Спешите к цели и не зевайте по сторонам! На север! Да пребудет с вами благословение и западный ветер! Торопитесь успеть, пока светит солнце! – Поворотившись к Фродо, она добавила: – Прощай, Друг Эльфов! Славная была встреча!

Фродо не нашел достойных слов для ответа. Он поклонился до земли, вскочил в седло, и его пони засеменил вниз по отлогому склону, а остальные лошадки – за ним. Дом Тома Бомбадила, долина и Лес скрылись из виду. Воздух, остро и свежо пахнувший травой, уже начинал прогреваться, особенно в ложбинах между зелеными холмами. Спустившись в одну из таких ложбин, хоббиты обернулись и увидели наверху Златовику, маленькую и тоненькую, как озаренный солнцем цветок. Она все еще стояла и смотрела вслед, протягивая руки, – а увидев, что хоббиты обернулись, крикнула что-то ясно и звонко, взмахнула руками и скрылась за гребнем.

По дну ложбины тянулась извилистая тропа. Обогнув крутое подножие следующего холма, она нырнула в новую ложбину, уже более широкую и глубокую, затем опять взобралась на гребень, сбегала вниз по одному из длинных гладких отрогов – и так далее, без конца: склоны, подъемы, спуски... Деревья здесь не росли, ручьи не журчали: это было царство трав и упругого дерна, безмолвное царство – только ветер шуршал на окраинах этой холмистой страны да с вышины иногда доносились одинокие крики незнакомых птиц. Солнце поднималось все выше, и хоббитам стало жарко. Каждый раз, взойдя на холм, они замечали, что прохладный западный ветер понемногу стихает. С одной из вершин открылся вид на далекий Лес: темная полоса деревьев влажно курилась. Вчерашний дождь паром восходил вверх, листья, корни и перегной отдавали впитанную воду. Горизонт затянула мгла, на которой тяжело покоился синий купол горячего неба.

Около полудня хоббиты поднялись на плоскую и широкую вершину очередного холма, похожую на блюдце с высоким зеленым ободом. Ветер стих совершенно, а небо, казалось, опустилось прямо на голову. Хоббиты пересекли «блюдце» и выглянули за край. Увиденное заставило их приободриться: оказалось, они проехали гораздо больше, нежели им представлялось. В знойной дымке нетрудно было и обмануться, но в главном сомнений не было – Курганы вот-вот кончатся! Внизу, под холмом, начиналась извилистая долина, ведущая к узкому проходу меж двух крутолобых отрогов. Дальше, казалось, холмов уже не было. Вдали смутно чернела длинная полоса.

– Это деревья, которые идут вдоль Тракта, – догадался Мерри. – Значит, до Тракта рукой подать! Придорожная аллея начинается у самого Моста и тянется на много, много лиг. Говорят, высадили ее очень давно...

– Вот и славно! – сказал Фродо. – Если мы будем и дальше ехать так же бодро, то выберемся из Курганов задолго до заката и успеем подыскать ночлег.

Говоря это, он бросил взгляд направо – и вдруг заметил, что холм, на котором они стоят, куда как уступает по высоте соседним, и сверху на путников, тесно придвинувшись к холму, смотрят вершины Курганов; на каждой зеленело по могильной насыпи, а кое-где, словно сломанные зубы из зеленых челюстей, торчали из травы грозные камни.

У хоббитов по коже пробежал озноб. Они поскорее повернулись к Курганам спиной и направились к центру «блюдца». Там стоял только один камень, высокий, нацеленный прямо на солнце. Тени он в этот час не отбрасывал. Камень был необтесан, но выглядел очень внушительно – не то тебе вежа, не то указующий перст, не то предупреждение. Хоббиты проголодались, а времени, судя по солнцу, оставалось еще сколько угодно, и они не придумали ничего лучше, как расположиться прямо под камнем, прислонившись к нему спинами. Даже через куртки они почувствовали холод – словно солнце не имело власти над этим камнем и не могло согреть его. Но измученным жарой хоббитам прохлада показалась кстати. Они достали еду, питье – и устроили роскошный полдник под открытым небом, тем более роскошный, что еда была не откуда-нибудь, а «из-под Холма»: Том набил их сумки до отказа. Развьюченные пони разбрелись по траве.

Тряска в седле, набитый живот, теплое солнышко, запах травы, слишком долгий привал... Лежать на спине, вытянув ноги и глаза на небо, наверное, тоже не стоило... Всего этого вполне достаточно, чтобы объяснить случившееся дальше. Все четверо проснулись внезапно и с тяжестью на сердце: ведь спать-то не собирались! Камень стал совсем холодным на ощупь и отбрасывал через головы хоббитов длинную бледную тень. Солнце, поблекшее, водянисто-желтое, висело над самым краем вогнутого «блюдца», где расположились хоббиты, а справа, слева и впереди сгустился непроглядный туман, белый и холодный. Вокруг – тишина, промозглый воздух сочится влагой... Пони сгрудились табунком и стояли, опустив головы.

Хоббиты вскочили, в тревоге бросились к краю «блюдца» – и обнаружили, что отрезаны от мира: вокруг ничего не было видно. Они в отчаянии взглянули на солнце – но солнце на глазах опускалось в белое море тумана, а восток заволокла холодная серая дымка. Туман пополз через край «блюдца», сомкнулся – и они оказались в мглистой зале без окон и дверей с одиноким камнем вместо центрального столба.

Они почувствовали себя в западне, но духом падать пока не торопились. Еще не забылось, в каком направлении Тракт, да и виденная накануне темная линия деревьев по-прежнему вселяла надежду. Но даже если бы друзья не знали, куда ехать, здесь

оставаться они ни в коем случае не собирались – эта вогнутая лужайка внушала им теперь такое отвращение, что они решили не медлить ни минуты. Озябшими пальцами хоббиты торопливо завязали котомки.

Собравшись, они гуськом повели пони вниз по отлогому склону в море тумана. Чем ближе к подножию холма, тем зябче и промозглее становилось вокруг. Вскоре волосы прилипли ко лбу, а по лицу поползли холодные струйки. Внизу было так холодно, что пришлось достать плащи и капюшоны, которые сразу же покрылись круглыми, серыми, как роса, каплями. Усевшись в седла, хоббиты медленно двинулись вперед, определяя путь по уклону земли – вверх или вниз. Им казалось, что они правят к выходу из длинной долины, которую приметили с холма. Только бы пройти в эти ворота меж двух склонов – а там знай поезжай себе все прямо и прямо, пока не выедешь на Тракт! О том, что делать дальше, они не задумывались. Пока что их интересовал только один вопрос: кончается за Курганами туман или нет?

Пони ступали медленно и осторожно. Чтобы не отстать друг от друга и не разбрестись в разные стороны, всадники ехали цепочкой – Фродо, Сэм, Пиппин и, наконец, Мерри. А долина все не кончалась... Наконец Фродо увидел впереди что-то темное, и это окрылило его. Выход близок, – видимо, это и есть северные ворота Курганов! Пройти в них – и свобода!

– За мной! – крикнул он через плечо – и поспешил вперед.

Но вскоре надежда сменилась удивлением и тревогой. Темные сгустки впереди сделались еще темнее, сузились и внезапно выступили из тумана двумя исполинскими камнями, зловеще нависшими над дорогой. Они стояли, наклонясь друг к другу, словно дверь без притолоки. Ничего подобного Фродо не помнил, хотя смотрел с холма на долину вместе со всеми. Не успев прийти в себя, он с разгона проскочил между каменными столбами – и вдруг очутился в полной темноте. Пони встал на дыбы, зафыркал – и Фродо кубарем покатился на землю. Глянув назад, он обнаружил, что остался в одиночестве: остальные за ним почему-то не поехали.

– Сэм! – позвал он. – Пиппин! Мерри! Сюда! Что вы там застряли?

Ответа не последовало. Фродо не на шутку струхнул и побежал обратно, за каменные столбы, крича что есть мочи:

– Сэм! Сэм! Мерри! Пиппин!

Пони метнулся в сторону и исчез в тумане. Фродо почудилось, что издалека доносится голос: «Фродо! Эге-гей! Ау!» Кричали откуда-то слева. Фродо в растерянности стоял между накренившимися каменными колоннами, изо всех сил тараща глаза и прислушиваясь. Наконец он решился, повернул на голос – и сразу почувствовал под ногами крутой подъем.

Карабкаясь вверх, он снова позвал друзей и уже не переставал кричать, все громче и громче, – правда, ответа поначалу не было, но через некоторое время сверху послышался слабый отклик. «Эй! Фродо! Эй!» – звали из тумана тоненькие голоса. И вдруг – отчаянный далекий вопль, что-то вроде «На помощь! На помощь!», еще раз, еще – и под конец долгое: «На-а по-о-о-мощь!» Наступила тишина. Фродо прибавил ходу – но вокруг плотно сомкнулась ночная мгла, и Фродо отнюдь не был уверен, что выбрал верное направление. Знал он только одно – что все время карабкается вверх.

Вскоре, однако, земля под ногами выровнялась. Только благодаря этому он понял, что добрался наконец до вершины кургана, а может, курганного гребня. Он устал, взмок – и все-таки, сам того не замечая, трясся от холода. Тьма стояла – хоть глаз выколи.

– Ау! Где вы?! – жалобно крикнул он.

Ответа не было. Фродо стоял, тщетно вслушиваясь в тишину. Только теперь он наконец осознал, что замерзает. Над вершиной начинал дуть ветер – ледяной, пронизывающий. Погода быстро менялась. Туман поплыл клочьями. Дыхание вырывалось изо рта паром, тьма отступила и перестала быть беспросветной. Фродо поднял голову – и с удивлением увидел в разрывах спешащих по небу туч и лоскутьев тумана бледные звезды. Ветер перешел в шквал и засвистал над травой.

Внезапно совсем рядом кто-то сдавленно крикнул – или только померещилось? Хоббит бросился на крик и на бегу заметил, что туман окончательно рассеялся, и над головой открылось усыпанное звездами небо. Один взгляд – и стало ясно, что он бежит по гребню большого, отдельно стоящего холма, но не к Тракту, а от него. С востока дул

резкий ледяной ветер. Справа, под звездами, чернел другой холм, еще огромное, с большой могильной насыпью.

– Да где же вы, наконец! – закричал Фродо снова, сердясь и в то же время чувствуя, что сердце у него замирает от страха.

– *Здесь*, – ответил холодный, гулкий бас, исходивший, казалось, прямо из земли. — *Я жду тебя*.

– Нет! – пролепетал Фродо, но убежать не попытался: колени у него затряслись, ноги подкосились, и он упал. Воцарилась тишина. Трепеща, хоббит поднял глаза – и успел заметить высокую темную тень, заслонившую звезды. Тень нагнулась над ним, и хоббиту показалось, что у нее есть глаза – два холодных глаза, светящихся бледным, словно идущим откуда-то издалека светом. На плече у Фродо сомкнулись пальцы – крепкие и холодные, как железо. Ледяной холод пронизал плечо до кости, и хоббит потерял сознание.

Не успел Фродо очнуться, как его тут же охватил всепоглощающий страх, и он не сразу собрался с мыслями, а когда собрался, сразу понял, что надежды на вызволение нет. Он внутри Кургана, в усыпальнице, его схватили Навьи! Должно быть, они уже прочитали над ним свои страшные заклинания, о которых в Заселье шепотом рассказывали всевозможные ужасы! Фродо не смел пошевелиться и лежал как мертвый, навзничь, на холодном камне, скрестив на груди руки.

Страх, побеждающий все прочие чувства и неодолимый, казался частью окружающей темноты. И все же сквозь него постепенно просочилось воспоминание о Бильбо Бэггинсе и о его байках, о том, как они с Фродо труси́ли когда-то на своих пони по засельским тропкам и толковали о странствиях да приключениях. В самом толстом и робком хоббите дремлет (правда, надо признать, зачастую очень глубоко) зернышко отваги, прорастающее только в час последней, смертельной опасности, когда выхода уже нет. Фродо не отличался ни чрезмерной толщиной, ни робостью. Напротив – Бильбо (и Гэндальф) считал его лучшим хоббитом во всем Заселье, хотя сам он об этом не подозревал. И вот теперь, когда Фродо понял со всей очевидностью, что его приключениям настал конец, и конец страшный, – он пришел в себя и укрепился духом. Все в нем напряглось, словно перед

решительным прыжком. Слабость и дрожь исчезли. Он перестал быть беспомощной жертвой.

Пока он лежал, напряженно думая и собираясь с духом, тьма стала понемногу отступать. Вокруг забрезжил бледный зеленоватый свет. Фродо не сразу смог разглядеть комнату, где находился, – свет словно исходил из него самого и камней рядом с ним, не достигая ни стен, ни потолка. Фродо повернулся – и в этом холодном свечении увидел Сэма, Пиппина и Мерри. Они лежали на спине в таких же позах, как и он сам, облаченные в белые одежды, и лица их покрывала смертельная бледность. На полу громоздились цепи, кольца, браслеты – скорее всего, золотые, но в зеленоватом подземном свете золото казалось холодным и безобразным. Головы Сэма, Пиппина и Мерри охватывали обручи, на груди у них покоились золотые цепи, а пальцы были унизаны перстнями. Рядом с хоббитами лежали мечи, у ног – щиты. И длинный обнаженный меч, один на троих, – поперек шей.

Вдруг послышалось пение или, скорее, холодное, невнятное бормотание. Оно то усиливалось, то сходило на нет. Голос казался далеким и бесконечно заунывным. Доносился он то сверху – высоким и тонким плачем, то снизу – глухим подземным стоном. Сплошной поток печальных, но жутких звуков постепенно складывался в слова, мрачные, жестокие, холодные, не знающие милости, но полные отчаяния и жалобы¹²⁸. Ночь, навеки лишенная света, слала упреки утру, холод проклинал тепло, которого жаждал и не мог обрести. Фродо пробрал ледяной озноб. Вскоре песня стала чуть более внятной, и Фродо с ужасом понял, что над ним читают заклинание.

*Стыло, холодно в могиле:
Сном последним вы почили.
Ледяной померкнет свет —
Выхода отсюда нет.
Солнце сгинет и луна,
Море высохнет до дна,
Ляжет мир под мертвый спуд,
Звезды в бездну упадут.
Эти ж будут спать, пока
Не поднимет их рука*

*Властелина Черных Сил,
Что чернее тьмы могил.*

Сзади, за головой Фродо, слышались скрип и царапанье. Фродо приподнялся на локте и увидел, что лежат они не в комнате, а в каком-то подземном коридоре. Обернувшись, хоббит разглядел, что в нескольких шагах от них коридор поворачивает, а из-за поворота ползет, перебирая пальцами по камням пола, длинная рука. С краю лежал Сэм, и рука подкрадывалась все ближе к нему. Еще немного – и доберется до рукояти меча!..

В первый миг Фродо показалось, что заклятие и в самом деле превратило его в камень. Потом его обуяло желание бежать без оглядки. Может, если надеть Кольцо, удастся как-нибудь выбраться, не привлекая внимания Навий? Он представил, как бежит по траве, горько рыдая о Мерри, Пиппине и Сэме, но сам-то живой и свободный! Даже Гэндальф признал бы, что иного выхода не было...

Но проснувшееся в нем мужество все крепло. Фродо понял, что не может вот так, запросто, бросить своих друзей в беде. С минуту он, однако, еще колебался и даже полез было в карман, но вовремя спохватился и остановил себя. А рука подбиралась все ближе... Наконец Фродо решился. Схватив короткий меч, лежавший рядом, он быстро вскочил на колени, перегнулся через тела друзей, левой рукой уперся в пол, правой размахнулся – и ударил мечом по страшной ползучей руке, прямо по запястью. Отрубленная кисть покатилась по полу; меч разлетелся на мелкие кусочки. В руке у хоббита осталась только рукоять. Под сводами подземелья пронесся крик. Свет погас. В темноте зарычало и застонало.

Фродо не удержался и упал на Мерри. Лицо у того было холодным, как камень. И вдруг Фродо все вспомнил! Первый наплыв тумана начисто стер у него из памяти домик под кручей и песни Тома Бомбадила! В голове сам собой зазвучал стишок, которому их научил Том, – и Фродо слабым голосом, ни на что не надеясь, начал: «Том! Бом! Бомбадил!..» Но как только он произнес «Бомбадил», голос окреп, зазвучал смело, громко, а темные подземные покои загудели эхом, да так, словно голос Фродо подхватили трубы и барабаны.

*Том! Бом! Бомбадил! Желтые ботинки!
На холме и под холмом, на лесной тропинке,
На болоте, в камышах, дома на пороге —
Том, услышь нас и приди: просим о подмоге!*

Внезапно воцарилась полная тишина. Фродо слышал стук собственного сердца. Одно долгое, бесконечное мгновение – и вдруг издали донесся ясный, но слегка приглушенный ответ. Казалось, звук проникает через толстый слой земли или толстые стены:

*Славный малый Бомбадил – веселее нету!
В сине-желто-голубом ходит он по свету!
Тома носят башмаки из дому и к дому!
Песни Тома могут все, что угодно Тому!*

Послышался протяжный грохот, словно где-то в горах сошла лавина, – и вдруг в подземелье хлынул свет, обыкновенный дневной свет! В конце коридора открылось что-то вроде двери, и в проеме показалась голова Тома (то есть перо, потом шляпа, а потом уже все остальное!) в алом нимбе встающего за его спиной солнца. На каменный пол и на лица трех хоббитов, лежавших рядом с Фродо, упал розовый свет. Те не пошевелились, но мертвенная бледность сошла с их щек и больше не возвращалась. Теперь казалось, что они просто-напросто крепко спят.

Том пригнулся, снял шляпу и вошел в подземелье, распевая:

*Убирайся, Навье, прочь! Сгинь в лучах полудня!
Сизым облачком уйди с дуновеньем ветра!
Прочь, в бесплодные края, далеко за горы!
Уходи-ка подобру – и не возвращайся!
Тише тихого ты стань и чернее ночи
Там, где затворят врата за тобой навеки!*

Послышался вскрик – и внутренняя часть усыпальницы с грохотом обвалилась. Долгий жалобный вопль прокатился в

подземных коридорах и угас в неведомой дали. Все стихло.

– Поднимайся, Фродо, друг! – воскликнул Том. – Выйдем-ка на травку! Только прежде подсоби Тому с остальными!

Общими усилиями они вытащили Мерри, Пиппина и Сэма наружу. Покидая усыпальницу, Фродо обернулся – и ему почудилось, что на куче обвалившихся камней и пыли корчится, как раненый паук, отрубленная рука. Бомбадил нырнул в пролом; из глубины донеслось тяжелое буханье и топот. Затем он появился снова, на этот раз с грудой сокровищ в руках. Чего тут только не было! Золото, серебро, бронза, медь, ожерелья, цепи, резные украшения с драгоценными камнями... Взобравшись на вершину зеленой усыпальницы, Том разложил все это на траве, под солнцем.

Закончив работу, он встал, держа в руке шляпу. Ветер трепал ему волосы. Он посмотрел на хоббитов, без движения лежавших на траве возле усыпальницы, и, подняв правую руку, повелел, громко и отчетливо:

*Не лежите, малыши, на земле студеной!
Согревайтесь поскорей на траве зеленой!
Выходитека из тьмы! Глазки открывайте!
Мертвой больше нет руки! Ночь ушла! Вставайте!*

К великой радости Фродо, спящие зашевелились, стали потягиваться, протирать глаза – и вдруг вскочили. С изумлением оглядывались они вокруг – сначала на Фродо, потом на Тома, настоящего Тома, стоявшего над ними на верхушке усыпальницы, выпрямившись во весь рост, и, наконец, друг на друга, дивясь тонким белым тряпкам, напяленным на них вместо одежды, бледно-золотым обручам на головах, золотым поясам и звенящим побрякушкам.

– Это еще что за маскарад?! – начал было Мерри, ощупывая золотой обруч, сползший ему на бровь, и вдруг замер. По лицу его пробежала тень, и он закрыл глаза. – А, вспомнил, вспомнил! Сегодня ночью на нас напал Карн Дум!¹²⁹ Мы разбиты! А! Копье в моем сердце!¹³⁰ – Он схватился за грудь, но тут же открыл глаза. – Нет! Да нет же! Чепуха какая-то. Наверное, мне просто привиделось что-то, пока я спал. Уф! Куда же ты в тот раз подевался, Фродо?

– Наверное, сбился с пути, – пожал плечами Фродо. – Только у меня что-то нет охоты говорить об этом. Давайте лучше решим, что нам делать дальше! Надо ехать, наверное...

– В таком виде, хозяин? – удивился Сэм. – Отдайте мне сначала мои штаны!

Он швырнул обруч, пояс и кольца на траву и беспомощно огляделся, словно надеясь увидеть неподалеку свой старый плащ, куртку, штаны и прочую хоббичью одежду.

– Ищи-свищи, – рассмеялся Том, вприпрыжку спускаясь к ним с крыши усыпальницы и пританцовывая под ясным солнышком, как будто ничего особенного не случилось. Вскоре хоббиты и сами начали верить, что ничего не произошло: чем дольше они смотрели в полные веселых искорок глаза Тома, тем быстрее отступал страх.

– То есть как это – «ищи-свищи»? – удивился Пиппин, еще ничего не понимая, но уже улыбаясь. – Почему это?

Том только головой покачал:

– Из глубоких вод вы всплыли. Что жалеть о малом? Благо, сами не утопли, и на том спасибо! Так что радуйтесь и пойте! Сбросьте эти тряпки! Пусть вас солнышко прогреет, а вы бегом по травке! Ну а Том покуда сходит на охоту!

Он помчался вниз по холму, свистя в два пальца и аукая. Провожая его взглядом, Фродо заметил, что Том свернул налево, то есть на юг, и направился по дну зеленой лощины, протянувшейся меж двух холмов. На ходу он распевал:

*Эй вы, поники! Сюда! Где вас только носит?!
Раз-два-три-четыре-пять! Бомбадил вас просит!
Живо! Хвостик и Сверчок! Рыжик и Мизинчик!
Белоножка! Эгегей! Старый добрый Блинчик!*

Так он пел, подбрасывая и ловя шляпу, пока не скрылся за поворотом, – но ветер, который снова переменился и дул теперь с юга, долго еще доносил до хоббитов звонкие «Хей!», «Гей!» и «Сюда!».

Солнце, как и накануне, грело на славу. Хоббиты, выполняя приказ Тома, вволю набегались по траве и наконец разлеглись на

припеке понежиться – им казалось, что их внезапно перенесли из царства льдов в гостеприимный, теплый край. Так бывает, когда долго болеешь, прикованный к постели, и вдруг ни с того ни с сего, за одну ночь, полностью выздоровеешь, и впереди – новый день, который так много обещает!

Когда вернулся Том, они успели окончательно прийти в себя... и проголодаться – как же без этого? Сначала над косогором появилась шляпа, затем сам Бомбадил, а следом – послушно, цепочкой – шесть пони: пять хорошо знакомых и один совершенно незнакомый. Этот последний и был, по-видимому, «старый добрый Блинчик». По крайней мере, имя ему очень подходило. Он был крупнее, крепче и гораздо упитаннее остальных, да и годами постарше. Мерри, хозяин этих самых пятерых знакомых пони, особо с ними не церемонился и раньше никак не называл их, но Бомбадиловы клички прижились, и с тех пор лошадки всегда на них отзывались¹³¹.

Том выкликнул пони по очереди, и они, взобравшись на крутой курган, чинно встали в ряд, а Том отвесил хоббитам поклон.

– Вот и ваши поники! – объявил он. – А ведь кое в чем они, пожалуй, будут вас умнее, дорогие вы мои хоббиты-бродяжки! Только ум у них в носу, если разобраться. Нюхом чуют, где беда, и бегут оттуда, а вы лóмитесь вперед, вам и горя мало. Ну, а пони, если вдруг речь пойдет о шкуре, ввек оплошки не дадут и не заплутают. Есть чему учиться, а? Вы уж их простите. Верные сердечки, да, но любому ясно: Навьи – это не для них, так что не сердитесь! А теперь они пришли, и поклажа с ними!

Мерри, Сэм и Пиппин извлекли из мешков запасную одежду и оделись. Правда, вскоре им стало жарковато – в запасе-то они держали вещи поплотнее да потеплее, в расчете на близкую зиму.

– А старшая лошадка, Блинчик, – она откуда? – спросил Фродо.

– Это Бомбадилов пони, – ответил Том. – Добрый мой дружочек. Редко я его седлаю. Вот он здесь и бродит – на холмах пасется, гуляет, где захочет. У меня в гостях лошадки сразу подружились. Ну, а ночью был он близко – вот вам и разгадка! Блинчик присмотрел за ними, я не сомневаюсь. Уму-разуму учил их, отогнал все страхи – так я думаю! А нынче, славный толстый Блинчик, старый Том верхом поедет. Подставляй-ка спину! Том проводит вас до Тракта – значит, нужен

пони. А то что же это выйдет: хоббиты рысцою, ну а я беги за ними? Мало будет толку!

Хоббиты обрадовались и стали горячо благодарить Тома, но тот только рассмеялся. Больно горазды плутать эти хоббиты, сказал он, так что, пока Том не доведет их до границы, сердце у него будет не на месте!

– Много дел у Тома дома, – развел он руками. – Петь, гутарить, и работать, и бродить по Лесу, и присматривать за всеми. Бомбадил не может быть вечно на подхвате – тут Курган, там Лес, там Ива... У него забот по горло, да и Златовика скоро загрустит без Тома... Уж не обессудьте!

Судя по солнцу, было еще довольно рано, приблизительно между девятью и десятью. Мысли хоббитов обратились к еде. Последний раз они ели вчера около полудня, близ одинокого камня. Никто не возражал против того, чтобы подчистить остатки вчерашних запасов, сбереженные для ужина. Так и поступили – а на закуску пошло то, что принес с собой Том на этот раз. Обильной трапезы не получилось (особенно если учесть, что от сильных потрясений аппетит бывает просто волчий, а применительно к хоббитам это кое-что да значит!), и все же сил заметно прибавилось. Пока хоббиты жевали, Том еще раз поднялся на крышу усыпальницы и перебрал драгоценные трофеи. Бóльшую часть он искрящейся, блестящей грудой сложил на траве и сказал напоследок: «Что ж, лежите! И да набредет на вас добрый путник в добрый час: птица, зверь ли, человек, – чтобы зло прогнать навек!» – ибо лишь тогда чары Кургана могли развеяться окончательно, и Навьям был бы заказан путь обратно. Для себя Том из всей груды сокровищ выбрал одну-единственную брошь, усыпанную синими драгоценными камнями всех оттенков, от светлого до темного, как цветы льна или крылья голубых бабочек. Долго смотрел он на эту брошь, покачивая головой, словно вспомнив что-то давнее, и наконец молвил:

– Вот игрушка для моей милой Златовики! В память о хозяйке прежней, доброй и прекрасной, я возьму ее отсюда – так-то будет лучше!

Хоббитам досталось по кинжалу, каждый в виде узкого, длинного листа, – все четыре острые, сработанные на диво искусно. По лезвиям бежали вытравленные на стали красно-золотые змейки. Ах, как засверкали клинки, когда хоббиты вынули их из черных ножен, выкованных из какого-то неизвестного, легкого и прочного металла, сплошь усыпанных огненно-красными камнями! То ли в этих ножнах крылась некая тайная сила, то ли кинжалы хранило заклятие Кургана – но клинки, казалось, были неподвластны времени и блестели на солнце, как новые. На них не было ни следа ржавчины – словно сработали их вчера, а не много веков назад.

– Старый нож еще хорош! Чем не меч для малышей? – хитро прищурился Том. – Острый зуб не повредит, если путь далек лежит, где бы путь ни пролегал и куда б ни вел!

Он рассказал хоббитам, что кинжалы были выкованы в давние, очень давние времена, и выковали их люди, пришедшие из Закатного Края. Их короли враждовали с Черным Властелином, но не устояли под натиском страшного Чернокнижника из замка Карн Дум, что в Ангмаре.

– Мало кто теперь их помнит, – бормотал Том, – и никто не знает, что не все они погибли и не все пропали. Сыновья владык забытых и князей потомки – странствуют они по свету, по горам и весям, терпят горе и лишения, одиночество и холод, охраняя от напасти слабых и беспечных...

Хоббиты ничего не поняли, но их мысленному взору внезапно представилось видение: перед ними раскинулись бесконечные мгlistые равнины минувшего, а по равнинам этим шагали высокие и суровые мужи со сверкающими мечами. Они прошли – и появился еще один, последний, со звездой на челе. Но видение поблекло, и перед глазами опять засияло солнце. Пора было снова пускаться в путь. Хоббиты собрались, увязали котомки и навьючили лошадок, а новые мечи прикрепили к кожаным поясам, под куртки. С оружием хоббиты чувствовали себя неловко и втихомолку дивились – неужели пригодится? Им еще ни разу не приходило в голову, что среди множества приключений, которые сулило им бегство из Заселья, могут быть и настоящие сражения!

Наконец компания тронулась в путь. С холма хоббиты спустились, ведя пони в поводу, затем сели верхом, и пони резво потрусили вперед. Оглянувшись, приятели бросили последний взгляд на древнюю усыпальницу, зеленевшую на вершине кургана, и в глаза им, словно желтое пламя, сверкнул вонзившийся в грудь сокровищ солнечный луч. Но вскоре пони свернули за следующий холм, и блеск золота на вершине кургана скрылся из виду.

Фродо вертел головой во все стороны, но вчерашних каменных столбов, похожих на ворота, так и не увидел. Вскоре ложбина привела всадников к виденному ими давеча проходу между двумя холмами, и впереди открылась широкая покатая равнина. Путь получился веселым – разве с Томом Бомбадилом соскучишься? Блинчик частенько обгонял хоббичьих пони: несмотря на толщину, семенил он довольно резво. Ну а Том без конца напевал, только вот песни его все были на каком-то непонятном языке – наверное, самом древнем языке на свете, только и умевшем что дивиться да восторгаться¹³².

Теперь они держали путь прямо, никуда не сворачивая. Вскоре стало ясно, что расстояние до придорожной аллеи гораздо больше, чем казалось поначалу. Даже если бы накануне не было тумана, хоббиты ни за что не доехали бы до Тракта засветло, – слишком долго они спали после обеда! Темная линия, которую они приняли тогда за деревья, оказалась всего лишь длинной полосой кустарников, тянувшейся по краю глубокого рва. За рвом поднимался крутой вал. Том объяснил, что когда-то вал этот проходил по границе королевства, но очень уж давно это было! Тут он, казалось, вспомнил что-то печальное и больше говорить не захотел.

Они спустились в ров, вскарабкались на противоположный склон, отыскивали проход в земляном валу – и Том повернул прямо на север: к этому времени они успели изрядно уклониться влево.

Долина была открытая, ровная, ехать можно было быстро, но солнце уже опускалось, когда впереди замаячил ряд высоких деревьев и друзьям стало ясно, что, после всех треволнений, они все-таки добрались до Тракта. Последние полверсты хоббиты на радостях проскакали галопом и остановились, только когда путь пересекли удлинившиеся тени придорожных деревьев-исполинов, стоявших на краю пологой насыпи. Дорога, тусклая в надвигающихся сумерках, убегала вперед и видна была как на ладони: привольно петляя и

изгибаясь, она все-таки держала курс точно на северо-восток, постепенно спускаясь в обширную низину. В колеях и многочисленных рытвинах темнела вода. Кое-где поблескивали лужи, оставшиеся от недавнего ливня.

Сойдя вниз, к дороге, хоббиты на всякий случай огляделись. Никого.

– Ну вот, мы и добрались! – с облегчением вздохнул Фродо. – Из-за моего предложения срезать дорогу мы потеряли не меньше двух суток. Ничего себе срезали! Но может быть, это и к лучшему. Кажется, мы их все-таки сбили со следа!

Все разом обернулись и поглядели на него. Тень страха перед Черными Всадниками нависла над маленьким отрядом снова. В Старом Лесу хоббиты только и думали, как бы поскорее выбраться на Тракт, и лишь теперь, стоя на Тракте, вспомнили о погоне и о том, что засада может подстергать где угодно. Все четверо беспокойно оглянулись. Солнце уже садилось. Бурая дорога позади была совершенно безлюдна.

– Думаешь... думаешь, мы уже сегодня... уже сегодня можем с ними встретиться? – неуверенно подал голос Пиппин.

Ответил Том Бомбадил:

– Нет! Сегодня вам пока нечего бояться. Да и завтра не дрожите: так сдастся Тому! Но догадки есть догадки: точно я не знаю. На восток я не ходок, не мои там земли. Что там делается – Том издали не видит. Всадники из черных стран неподвластны Тому: это слишком далеко от его владений!

И все-таки хоббитам от всей души хотелось, чтобы Том поехал с ними. Если кто-нибудь на свете мог приструнить Черных Всадников, то это, конечно, был Том Бомбадил, и больше никто! Еще немного – и хоббиты затеряются в чужих, неведомых землях, о которых в Заселье ходили самые туманные и обрывочные легенды. В сумерках сильнее томит тоска по дому, и хоббиты почувствовали себя одинокими. Вспомнилось Заселье, и сердце заныло еще сильнее. Они стояли молча, оттягивая расставание, и не сразу услышали, что Том уже прощается с ними, наказывая не падать духом и ехать до самой темноты, не останавливаясь.

– Том даст совет, а там – дело за удачей. Через шесть с немногим верст – Бри-гора, под нею – окнами на запад – Бри, малое селение.

Слышали, небось, про Бри? Знаете такое? Есть там старая корчма – «Пляшущий Пони». А содержит ее Пивовар Подсолнух¹³³. Он достойный человек. Там и заночуйте. А с утра, не медля, прочь! Да смотрите в оба! И не смейте унывать! В путь – и будь что будет!

Хоббиты взмолились – не согласится ли Бомбадил проехаться с ними хотя бы до брийской корчмы и выпить на прощанье кружечку пивка? Но Том только рассмеялся и покачал головой:

*Всё! Я дальше ни ногой – там чужие земли.
Златовика Тома ждет. Том пошел обратно!*

Он повернулся, подбросил шляпу, поймал, вскочил на спину Блинчику – и, распевая что-то, поскакал назад, в сумерки.

Хоббиты взобрались на насыпь и смотрели ему вслед, пока он не скрылся из виду.

– Да, жалко, что господин Бомбадил не захотел с нами ехать, – высказал общее мнение Сэм. – Вот с кем порядок, и без дураков! Хоть сколько езди по белу свету, другого такого славного и странного ни за что не встретишь. Слушайте, а я уже загорелся посмотреть – что это за «Пляшущий Пони» такой? Небось что-нибудь вроде нашего «Зеленого Дракона»! Что там вообще за народ живет, в этом Бри?

– Ну, во-первых, хоббиты, – ответил Мерри. – Правда, и Большие тоже. Но по-моему, там почти как дома. У «Пони» добрая слава. Наши там иногда бывают.

– Может быть, там молочные реки и кисельные берега, но это все равно уже не Заселье, – сурово напомнил Фродо. – Не надо, пожалуйста, чувствовать себя там «как дома»! Усвоили? И запомните – все запомните! – что имени Бэггинс произносить *нельзя*. Если придется представиться, то я – Под-хол-минс.

Усевшись на пони, они молча поехали навстречу вечеру. Пока лошадки трусили вверх-вниз по горкам, спустилась темнота – и наконец вдали замерцали огоньки. Загораживая путь, поднялась впереди Брийская Гора – темный горб, заслонивший небо, полное туманных звезд. Под западным склоном горы приютилась большая деревня. Туда путники и поспешили, мечтая только об одном –

вытянуть ноги к огню, и чтобы между ними и ночью поскорее встала крепкая, надежная дверь.

Глава девятая

У «Пляшущего Пони»¹³⁴

Бри считался главным поселком Брийской Округи – маленького обжитого пятачка, затерявшегося среди безлюдных пустошей. Кроме Бри, в Округе насчитывалось еще три селения: Бут – по ту сторону горы, Комб – в глубокой долине, дальше к востоку, и Арчет¹³⁵ – на опушке Четского Леса. Брийскую Гору и деревни опоясывала узкая полоса полей и лесов, исправно соблюдаемых местными жителями в чистоте и порядке.

Брийцы, как правило, были русоволосы, широкоплечи, невысоки ростом, любили повеселиться и ценили независимость – Брийская Округа жила сама по себе и никого над собой не признавала. Как ни странно, брийцы привечали у себя хоббитов, гномов, эльфов и прочих обитателей Средьземелья охотнее, чем это обычно водится у Больших, и со многими из них были на короткой ноге. Местные легенды рассказывали, что жили здесь эти люди искони и произошли от первых появившихся в этих западных землях человеческих племен. Мало кому удалось пережить бури Старшей Эпохи, но, когда из-за Моря в Средьземелье снова пришли Короли¹³⁶, брийцев они застали на прежнем месте, и за минувшие с тех пор годы уклад брийской жизни ничуть не изменился, хотя Королей уже не было и память о них давно выветрилась и поросла быльем.

В те дни брийцы были единственными из людей, кто обитал так далеко на западе, и единственными людьми лиг на сто в округе от Заселья, за исключением таинственных скитальцев, которых можно было иногда встретить в пустынных землях за Бри. Брийцы называли их Следопытами, но кто они и откуда, никто ведать не ведал. Странники эти ростом превосходили брийцев, волосы у них были темнее, и среди местных жителей считалось, что Следопыты видят и слышат лучше обычных людей, а в придачу понимают языки зверей и птиц. Следопыты странствовали, где хотели, – то на юге, то на востоке, доходя иногда до самых Туманных Гор; но теперь их стало меньше, и

видели их уже не так часто. Появляясь в Бри, они приносили вести о том, что происходит в дальних странах, рассказывали странные забытые легенды, послушать которые находилось немало охотников; и все же брийцы на всякий случай старались не сходитьсь с ними особенно близко.

Кроме людей, в Брийской Округе жило немало хоббитов. Брийские хоббиты утверждали, что Бри – древнейшее из всех хоббичьих поселений: мы, дескать, жили здесь, еще когда за Брендивин и нога хоббичья не ступала, а Заселье еще и не думало заселяться. Главным хоббичьим гнездом в Округе считался Бут, но и самим Бри хоббиты не брезговали. Особенно много норок чернело на склоне Горы, над крышами человеческих домов. Большие и Крохи – так называли они друг друга – жили в мире и дружбе, каждый занимался своим делом, но и те и другие считали себя коренными брийцами. Нигде больше не встретить было такого своеобразного (но и на редкость плодотворного) соседства.

Брийцы – как Большие так и Крохи, – путешествовали мало. В основном их занимали дела близлежащих деревенок Округи. Правда, брийские хоббиты иногда еще добирались до Бэккланда, а иногда аж до Восточного Предела, но засельские хоббиты ездить в Бри к тому времени почти перестали, хотя до границ этой маленькой страны от Брендивинского Моста езды было всего день. Правда, иногда какой-нибудь бэккландец или охочий до приключений Тукк устраивал на один-два денька небольшую вылазку в здешнюю корчму, но и от этого брийцы начинали уже отвыкать. Настоящие же засельские хоббиты всех, кто жил за пределами их земель, включая брийцев, считали чужаками и не питали к ним никакого интереса, раз и навсегда объявив их невежами и деревенскими увальнями. Между прочим, «чужаков» на западе Средьземелья водилось в те дни гораздо больше, чем думали засельчане. Некоторые из заезжих путешественников, правда, были обыкновенными бродягами – такой зароется в любой склон и снимется оттуда, как только приспичит. Но в Бри обосновались исключительно хоббиты добропорядочные и процветающие. Невеж среди них было не больше, чем среди их дальних засельских родственников. К тому же брийские Крохи еще не забыли о временах, когда сношения между этими двумя областями были куда оживленнее. Поговаривали, между прочим, что в жилах Брендибэков течет изрядная доля брийской крови.

Бри насчитывал до сотни каменных домов, где жили по преимуществу Большие. В основном дома эти лепились к склону горы – окнами к западу, то есть лицом к дороге. С другой стороны дороги деревню большим полукружьем огораживал, начинаясь от склона и снова к нему возвращаясь, довольно глубокий ров. По внутренней стороне рва шла живая изгородь, густая и высокая. Дорога перебегала ров по нарочно устроенной насыпи и на уровне изгороди упиралась в большие ворота. На противоположной оконечности деревни точно такие же ворота преграждали выход. С наступлением ночи и те и другие ворота накрепко запирались. В промежутке между низкими двойными створками умещалась маленькая будочка, где сидел привратник.

Войдя в ворота и следуя дальше по Тракту, огибавшему гору, путник выходил к большой корчме. Корчму эту построили еще в давние времена, когда движение на дорогах было куда оживленнее. В старину Бри стоял на перекрестке двух путей: когда-то Восточный Тракт, выходя за ров с восточной стороны селения, встречался с другой почтенного возраста дорогой, по которой раньше тянулся сплошной поток путешественников – и людей, и много кого еще. В Восточном Пределе до сих пор сохранились присловья «загнуть по-брийски» и «больше ври о том, что в Бри!». Происходили оба эти выражения из давних времен, когда в корчме можно было услышать любые новости – с севера, юга, востока, словом, откуда ни пожелаешь. Засельские хоббиты нарочно ездили в Бри послушать, что творится в мире. Но северные страны давно опустели, и теперь Северным Трактом уже никто не пользовался; постепенно он так зарос травой, что брийцы стали называть его Зеленым.

Ну, а брийская корчма осталась на прежнем месте, и корчмарь по-прежнему считался среди брийцев важной особой. Дом его служил местом встреч для всех праздных гуляк из четырех деревень Округи. Любители почесать языком и узнать последние новости, с пылу да с жару, валили в корчму валом. Здесь находили приют и Следопыты, и другие странники – например, гномы, до сих пор частенько пользовавшиеся Восточным Трактом по пути в горы и обратно.

В ночной темноте, под сияющими ясными звездами, Фродо и его спутники миновали наконец Зеленое Перепутье и оказались у окраины поселка. Западные ворота они нашли закрытыми, но в будке сидел привратник из Больших. Он вскочил, поднял фонарь и с удивлением воззрился на пришельцев поверх ворот.

– Чего вам тут надо и откуда вы? – проворчал он неприветливо.

– Мы едем в здешнюю корчму, – ответил Фродо. – Нам надо где-то заночевать по пути на восток.

– Хоббиты! Четверо хоббитов! Но что самое, понимаешь, странное – хоббиты-то засельские, поговору видно! – пробормотал привратник себе под нос, словно позабыв о Фродо с друзьями.

Наконец, подозрительно оглядев путников, он не торопясь отпер ворота и дал друзьям проехать.

– Засельского хоббита на Тракте редко встретишь, особенно, понимаешь, ночью, – сказал он, когда они приостановились у его будки. – Простите, что сую нос не в свое дело, но что вам понадобилось на востоке от Бри?! И вообще, как ваши имена, позвольте узнать?

– Что нам понадобилось на востоке и как нас зовут – это и вправду не ваше дело, и вряд ли стоит здесь об этом толковать, – отрезал Фродо. Голос привратника ему сразу не понравился, да и выражение лица насторожило.

– Ну, нет так нет, – согласился привратник. – Но я должен знать, кто тут ездит по ночам, понимаешь. Такая у меня работа.

– Допустим, мы хоббиты из Бэкленда, – вмешался Мерри. – Нам, видите ли, вздумалось прогуляться и навестить вашу корчму. Моя, например, фамилия – Брендибэк. Годится? Вообще-то мне говорили, что брийцы народ гостеприимный!

– Ну, будет, ладно, ладно, – отступился привратник. – Обиделись, понимаешь! Не сердчайте на старика. Но учтите, к вам еще пристанут с расспросами, это я вам точно говорю. Просто старый привратник Харри первый оказался у вас на пути, вот вы на него и взъелись. А народ по дорогам, понимаешь, нынче всякий шляется. Если вы направляетесь к «Пони», скоро сами убедитесь. Гостей у нас нынче хоть отбавляй.

Он пожелал пришельцам доброй ночи, и хоббиты поспешили откланяться: в свете фонаря Фродо показалось, что привратник

смотрит на них как-то чересчур уж пристально. Поэтому Фродо испытал облегчение, когда за спиной лязгнул засов. Странно – почему четверка хоббитов вызвала у старика такое подозрение? Можно было подумать, кто-то уже справлялся насчет компании странствующих хоббитов. Не Гэндальф ли? Может, пока они пробирались через Лес и Курганы, он обогнал их и побывал в Бри? Было, однако, в тоне и глазах привратника что-то такое, отчего Фродо невольно поежился.

Привратник посмотрел вслед хоббитам – и повернулся к своей будке. В то же мгновение через ворота быстро перемахнула темная фигура – и растаяла во мраке деревенской улицы.

Хоббиты поднялись по склону пологой Брийской Горы, оставили позади несколько особняком стоявших домов и оказались у дверей корчмы. Домá в Бри показались им, честно говоря, великоватыми и довольно странными с виду. Когда Сэм, задрав голову, поглядел на корчму с ее тремя этажами и множеством окон, сердце у него ушло в пятки. Он всегда мечтал победить великана ростом с дерево или встретить какое-нибудь ужасное чудовище, но пока что ему с лихвой хватило и этого зрелища – особенно на ночь глядя, когда после целого дня пути едва на ногах стоишь! Он живо представил себе оседланных черных лошадей во дворе корчмы и Черных Всадников, высматривающих Фродо из темных окон третьего этажа.

– Мы ведь не собираемся тут оставаться на ночь, а, хозяин? – встревоженно шепнул он. – Если в этих краях есть хоббиты, то, может, лучше к ним попроситься? Авось пустят! По крайней мере переночуем как дома...

– А чем тебе корчма не угодила? – недоуменно спросил Фродо. – Даже Том Бомбадил, помнится, хвалил ее. Я уверен, что тут совершенно как дома!

Надо сказать, что, по мнению местных жителей, корчма и снаружи выглядела вполне уютно. Фасад выходил на дорогу, а два крыла поднимались на склон горы, так что последние окна второго этажа приходились как раз вровень с землей. За широкой аркой виднелся внутренний двор, а слева, под воротами, темнела дверь, к которой вело несколько широких, низких ступеней. Дверь была открыта; оттуда лился свет. Над аркой горел фонарь, а под фонарем покачивалась вывеска с изображением вставшего на дыбы

толстенького белого пони. Над дверью красовались белые буквы: «*Пляшущий Пони*, заведение Пивовара Подсолнуха». Во многих окнах первого этажа из-за плотных занавесок пробивался свет.

Пока хоббиты медлили в полумраке у дверей, внутри кто-то затянул веселую песню, и ее тут же громко подхватил дружный хор. Хоббиты с минуту послушали и, приободрившись, уверенно спешили. Песня кончилась. Раздался взрыв смеха и аплодисменты.

Друзья завели пони под арку и, оставив лошадок на внутреннем дворе, взобрались по ступенькам. Фродо шагнул вперед – и чуть не столкнулся с низеньким, лысым, краснолицым толстяком в белом переднике. Толстяк неся из одной двери в другую, балансируя подносом, уставленным налитыми до краев пивными кружками.

– Нельзя ли... – начал Фродо.

– Одну минутку, если у вас не пожар! – крикнул толстяк через плечо, исчезая в гомоне и клубах дыма.

Спустя мгновение он уже стоял на пороге, вытирая руки о передник.

– Добрый вечер, маленький господин! – произнес он, кланяясь. – Чего изволите?

– Ночлег на четверых и стойла для пяти пони, если можно. Это вы – господин Подсолнух?

– Он самый! А зовут – Пивовар. Пивовар Подсолнух, к вашим услугам! Вы ведь, наверное, из Заселья? А! – Он хлопнул себя по лбу, явно пытаясь что-то припомнить. – Хоббиты! – воскликнул он. – О чем же это мне напоминает? А? Извините, могу ли я спросить, как вас звать-величать?

– Господин Тукк, господин Брендибэк, – представил друзей Фродо. – Сэм Гэмги. А меня лично зовут Подхолминс.

– Ну вот, пожалуйста, – расстроился господин Подсолнух, щелкая пальцами. – Опять запамятовал. Но ничего, я обязательно вспомню, надо только сесть и спокойно подумать. Тут, понимаете ли, просто с ног валишься! Но о вас я позабочусь, ничего не упущу, будьте покойны. У нас нынче не каждый день гостят засельские путешественники, и мне зазорно не принять вас по первому разряду, как полагается. Правда, гостиница сегодня набита до отказа. Давненько такого не было! В Бри или засуха, или уж сразу ливень, а чтобы

грибной дождик, такого не дожدهшься! Это наше присловье, чтоб вы знали. Эй! Ноб! Ты где там застрял, улитка шерстолапая? Но-об!

– Я мигом, хозяин!

Из боковой двери выскочил жизнерадостный молодой хоббит. Увидев гостей, он замер и уставился на них с самым неподдельным интересом.

– Давай сюда Боба! И где его только носит?! – рявкнул корчмарь. – Не знаешь?! Так поищи! Одна нога здесь, другая там! За вами присматривать и шести глаз не хватит. Скажешь ему, что во дворе пять пони, пускай займется!

Ноб подмигнул, ухмыльнулся – и был таков.

– Уф! Ну вот. Что же я все-таки хотел вам сказать? – Господин Подсолнух снова потер лоб. – То одно, то другое – всего не упомнишь. Так иной раз забегаешься – голова кругом! Вот, например, вчера вечером к нам завалилась целая компания, причем пришли они по Зеленому Тракту, что само по себе уже подозрительно. Сегодня вечером явились гномы – идут на запад. А теперь вот вы. Были б вы люди – не знал бы, что и делать. Хорошо, у нас припасена парочка комнат, ну, там, в северном крыле – его строили нарочно для хоббитов. На первом этаже, как ваш брат любит. Там круглые окошки и все такое. Надеюсь, вам будет уютно! Ну, а насчет ужина даже и не спрашиваю. Это сию минуту! Сюда! Прощу!

Он провел их по коридору и распахнул дверь.

– Славная гостиная, правда? Буду рад, если понравится. А теперь простите. Страшно занят! Поверите ли, минутки свободной нет, поболтать – и то некогда: все бегом! Едва справляюсь. А худеть – не худею! Прямо наказание какое-то! Словом, попозже я к вам загляну всенепременнейше. А нужно будет что-нибудь – пожалуйста: вот колокольчик. Ноб тут же примчится, вы и глазом моргнуть не успеете. А если не примчится, звоните сильнее и кричите что есть мочи!

Наконец хозяин скрылся, и хоббиты перевели дух. Похоже, Подсолнух, дай ему волю, говорил бы день и ночь напролет без остановки. Комнатка оказалась маленькой и уютной. В камине пылал яркий огонь, перед камином стояли низкие, удобные кресла. Посередине – круглый стол, на столе – белая скатерть, на скатерти – большой колокольчик. Но хоббит Ноб, коридорный, примчался задолго

до того, как гостям пришло в голову позвонить. Он принес свечи и заставленный тарелками поднос.

– Что будем пить, господа хорошие? – поинтересовался он. – А может, спальни вам показать, пока ужин едет?

Когда Ноб и господин Подсолнух явились снова, хоббиты успели умыться и до половины осушить вместительные кружки с пивом. Стол был накрыт в мгновение ока. Хоббитам подали горячий суп, холодное мясо, ежевичный пирог, свежесдобитый хлеб, большой брусок масла и полголовы отличного зрелого сыра – простая, добрая еда, какой потчевали бы их и в Заселье, так что Сэм отбросил последние сомнения насчет брийской корчмы (кстати, превосходное пиво уже успело к тому времени изрядно эти сомнения поколебать).

Корчмарь с минутку побыл при гостях, а затем попросил позволения откланяться.

– Не знаю, право, пожелаете вы присоединиться к компании, когда откусаете, или нет, – сказал он напоследок, помедлив в дверях. – Может, сразу почивать пойдете? Но ежели у вас есть настроение зайти в общую залу, все будут вам очень рады. Чужаков – то есть, прошу меня простить, гостей из Заселья – мы у себя редко видим, так что неплохо бы послушать, что творится в мире. А может, расскажете что или споете? Словом, сами решайте. А понадобится что-нибудь – не забудьте про колокольчик!

Хоббиты приступили к ужину. Три четверти часа непрерывного жевания – и никаких лишних разговоров: делу время, потехе час! Под конец они так отдохнули и успокоились, что Фродо, Пиппин и Сэм порешили пойти в общую залу и присоединиться к компании. Мерри отговорился – дескать, в зале наверняка духотища.

– Я лучше посижу тихонько у камина, а потом, может быть, выйду подышать. А вы там смотрите не балуйте! По-моему, кое-кто бежит от погони и путешествует инкогнито. Словом, не забудьте, что тут проходит столбовая дорога. И до Заселья рукой подать!

– Ну, будет, будет, – отмахнулся Пиппин. – За собой смотри! Не заблудись! И учти, что в четырех стенах все-таки безопаснее!

Компания завсегдатаев «Пляшущего Пони» пировала в большой гостиной зале. Народу туда набилось видимо-невидимо. Когда глаза Фродо привыкли к полумраку, он увидел, что сборище довольно

разношерстное. В зале только и было огня что пылающие в камине большие поленья. Три фонаря, подвешенные к балкам, в счет не шли: свету в них было чуть, да и тот мерк в дыму, таком густом, что хоть топор вешай. Пивовар Подсолнух стоял у огня, беседуя с несколькими гномами и какими-то людьми довольно подозрительного вида. На лавках весело шумела самая пестрая публика: брийцы, местные хоббиты (эти сидели за общим хоббичьим столом и балагурили между собой), несколько гномов и, кажется, кто-то еще – при таком освещении в дальних углах да в тени всех рассмотреть было невозможно.

Когда на пороге появились засельские хоббиты, брийцы разразились громом приветствий. Постояльцы – особенно те, что пришли по Зеленому Тракту, – повернулись и уставились на новоприбывших с любопытством. Хозяин скороговоркой представил гостей обществу и наоборот, так что хоббиты, запомнив, правда, довольно много имен, так и не разобрались, кто есть кто. Складывалось впечатление, что брийские Большие носят в основном «растительные» фамилии (жителям Заселья это казалось непонятным чудачеством): Ситняк, Боярышник, Топчивереск, Бодяк, Дичок, Осина (ну, и Подсолнух, конечно!). Брийские хоббиты во многом поддерживали эту традицию – взять хотя бы многочисленных Полынников. Но большинство довольствовалось немудрящими, принятыми у всех хоббитов прозваниями – Кручч, Барсукк, Длиннонор, Пескарь, Туннелли... Нашлось даже несколько Подхолминсов из Бута. Эти почему-то были убеждены, что все однофамильцы – обязательно родственники, и приняли Фродо в объятия как родного ненаглядного брата, что пропал еще ребенком и вот наконец нашелся!

Брийские хоббиты оказались не только радушны, но и на редкость любопытны, так что Фродо сразу вынужден был дать пространные объяснения по поводу того, чего ради он, собственно говоря, осчастливил Бри своим посещением. Фродо заявил, что интересуется историей и краеведением (тут все с умным видом закивали головами, хотя в брийском диалекте слова «история» и «краеведение» были малоупотребительны). Затем он добавил, что хочет написать книгу (тут все удивились настолько, что замолчали) и что они с друзьями хотели

бы набрать побольше сведений о хоббитах, живущих за пределами Заселья, в основном на востоке.

Поднялся невообразимый галдеж. Если бы Фродо и впрямь решил написать книгу и если бы у него был десяток ушей, он за пару минут набрал бы целый короб разных историй, которых ему хватило бы на несколько глав. На случай, если этого окажется мало, местные называли множество имен, к кому можно было бы обратиться за продолжением: «Возьми вот хоть старину Пивовара да потряси как следует», – советовали они. Но Фродо не выказал охоты записывать сведения не сходя с места, а потому местные хоббиты несколько поостыли и вернулись к расспросам о засельском житье-бытье. Разговорить Фродо оказалось непросто, так что его наконец оставили в покое, и вскоре он обнаружил, что сидит один, в уголке, довольствуясь ролью наблюдателя и прислушиваясь к разговорам других.

Люди и гномы беседовали больше о дальних странах и пересказывали последние новости. Новости эти, к сожалению, все были одного толка, чему уже никто не удивлялся. Например, на юге собирались тучи, и люди, что пришли по Зеленому Тракту, очевидно, искали, куда бы перебраться, чтобы зажить поспокойнее. Брийцы ахали и охали, но явно не спешили принимать у себя на бессрочный постой такую прорву чужаков. Один из пришлых, препаскудного вида косоглазый верзила, предрек, что скоро на север повалят целые толпы беженцев.

– Если им покажется тесно, они попросят кой-кого подвинуться, – повысив голос, заявил он. – А чем они хуже других? Имеют право!

Местные жители от этого заявления, как показалось Фродо, в особый восторг не пришли.

Хоббиты на все эти толки не обращали особого внимания – их это пока ни с какого боку не затрагивало. Вряд ли Большие позарятся на тесные хоббичьи норки! Местным Полынникам и Круччам куда интереснее было поболтать с чудными засельчанами, тем более что Сэм с Пиппином уже окончательно освоились и травили байку за байкой. Особенно большой успех имела история Пиппина о том, как в норе Городской Управы, что в Мичел Делвинге, обвалилась крыша, и Бургомистра Уилла Белонога, самого толстого хоббита во всем Западном Пределе, засыпало с головой. И хорош же он был, когда выбрался из кучи известки: ну чисто клетка! Некоторые вопросы,

правда, смутили Фродо. Например, один из брийских хоббитов (ему приходилось бывать в Заселье) пристал к Фродо как банный лист и все расспрашивал – где да где живут засельские Подхолминсы, кто их самые близкие родичи, и так далее, и так далее.

Внезапно Фродо заметил, что к застольной беседе хоббитов прислушивается, и весьма внимательно, какой-то человек довольно странного вида, в потрепанной одежде; он сидел все время в тени, у самой стенки. Перед незнакомцем стояла высокая пивная кружка, в зубах торчала трубка – длинная, с причудливой резьбой. Сидел он вытянув ноги и выставив на всеобщее обозрение высокие сапоги из мягкой кожи, удобные и отлично сшитые, но изрядно поношенные и сплошь облепленные комьями грязи. На плечах у него был тяжелый выцветший плащ из темно-зеленого сукна, с капюшоном, надвинутым, несмотря на жару, по самые брови, а из тени капюшона поблескивали внимательные, изучающие глаза. Незнакомец не сводил взгляда с новоприбывших хоббитов.

– Кто это такой? – шепотом спросил Фродо у господина Подсолнуха, когда тот оказался поблизости. – По-моему, вы его нам не представили.

– Вон тот? – тоже шепотом уточнил корчмарь, скашивая глаз, но головы не поворачивая. – Уж извините, точно не доложу. Он из этих бродяг, ну, тех, кого мы зовем Следопытами. Почти всегда молчит, но, когда у него настроение, может рассказать историйку-другую, какие редко от кого услышишь. Исчезнет, бывает, на месяц или даже на год, а потом опять заявится и сидит курит. Этой весной, помнится, так и шастал, потом вдруг опять исчез надолго – и вот пожалте! Явился – не запылится! Настоящего его имени я никогда не слышал, но здесь его кличут Бродяга-Шире-Шаг. Очень уж длинные у него ножищи: раз шагнет – и уже за околицей. Торопится вечно куда-то, а куда – молчок. А нам, признаться, куда ни пойдешь, все едино, как у нас в Бри говорят – это о Следопытах и о Заселье, ох, вы уж простите, ненароком сорвалось! Чудно, однако, что вы о нем спросили...

Но тут господина Подсолнуха окликнули, требуя еще пива, и он оставил свои последние слова без разъяснения.

Фродо оглянулся и увидел, что Бродяга-Шире-Шаг смотрит на него в упор: наверное, подслушал их разговор с корчмарем и догадался, что речь шла о нем. Жестом и кивком Бродяга пригласил

Фродо сесть рядом. Когда Фродо подошел, таинственный постоялец откинул капюшон, обнажив густую, с проседью копну черных волос и открыв бледное, суровое лицо. Серые глаза его пристально глядели на Фродо.

– Меня называют Бродягой, – произнес незнакомец вполголоса. – Рад повстречаться с вами, достойный – м-м-м – господин Подхолминс, кажется, если старый корчмарь не перепутал.

– Не перепутал, – сказал Фродо сухо. Под острым взглядом незнакомца ему сделалось неудобно.

– Так вот, любезный господин Подхолминс, – продолжал Бродяга, – будь я на вашем месте, я приструнил бы своих юных приятелей и запретил им так расходиться. Пиво, огонь в камине, случайные встречи – все это замечательно, но тут, увы, не Заселье. Сюда заходят весьма странные личности... Хотя не мне, конечно, говорить, – добавил он, перехватив взгляд Фродо и улыбнувшись углом рта. – На днях, кстати, здесь побывали и вовсе необычные гости. – И он посмотрел хоббиту в глаза.

Фродо выдержал взгляд, но промолчал. Бродяга, однако, продолжать не стал. Его внимание привлек Пиппин. Фродо с тревогой услышал, что это посмешище людей и хоббитов, этот желторотый Тукк, окрыленный успехом байки о толстом Бургомистре из Мичел Делвинга, уже всю рассказывает о прощальном вечере Бильбо! Беспечный Пиппин препотешно изобразил торжественную речь старого хоббита и уже готовился огорошить слушателей рассказом о невероятном исчезновении юбилера.

Фродо не на шутку испугался. Местные хоббиты еще куда ни шло, тут ничего особо страшного нет – подумаешь, еще один потешный случай из жизни чудаков засельчан! Но что, если кто-нибудь уже слышал об исчезновении Бильбо (да вот хоть старый Подсолнух, например)? Что, если слухи о скандале дошли до Бри? Тогда всплывет и фамилия Бэггинс, а о Бэггинсе здесь могли на днях справляться.

Фродо заерзал как на иголках, лихорадочно соображая, что бы такое предпринять. Пиппину явно льстило общее внимание, и он начисто позабыл о грозящей им всем опасности. Фродо похолодел от внезапной мысли: чего доброго, этот мальчишка совсем потеряет голову и помянет Кольцо! Тогда конец всему!

– Скорее! Сделай что-нибудь! – шепнул Бродяга.

Фродо вскочил со стула, одним прыжком взлетел на общий стол и включился в беседу. Слушатели на миг позабыли о Пиппине, и часть из них повернулась к Фродо, хохоча и приветствуя его громкими хлопками, – видимо, они решили, что господин Подхолминс наконец-то «принял свое».

Фродо вдруг почувствовал себя крайне глупо и заметил, что тянется к карману (у него была привычка каждый раз, произнося какую-нибудь речь, теребить в кармане случайную вещицу). Пальцы нащупали Кольцо и цепочку. Фродо с трудом подавил желание, сунув палец в Кольцо, выпутаться из дурацкого положения. Как ни странно, одновременно ему показалось, что желание ему внушил кто-то или что-то извне, из зала. Но он решительно отверг искушение и крепко сжал Кольцо в кулаке, словно для пущей уверенности, что оно не сбежит и не наделает бед... Кольцо, однако, лежало смирно, хотя и выручать Фродо тоже не торопилось. Наконец, собравшись с духом, Фродо выдавил из себя несколько слов, «чтобы соблюсти приличия» (как сказали бы в Заселье):

– Мы, все четверо, польщены вашим вниманием и благодарны за гостеприимство, и я питаю скромную надежду на то, что этот краткий визит поможет обновить старинные дружеские связи между Бри и Засельем!

Он запнулся в поисках нужного слова и кашлянул. Главное, однако, свершилось – теперь он был в центре внимания!

– Песню! – потребовал кто-то из хоббитов.

– Песню! Песню! – подхватили остальные. – Спой-ка нам что-нибудь новенькое!

Фродо на миг растерялся, раскрыл рот – и с отчаяния затянул нелепую песенку, которую обожал в свое время Бильбо (и которой, добавим, гордился – ведь слова он сочинил сам!). Песенка была про корчму – потому, наверное, она и пришла Фродо на ум. Приводим ее целиком, так как в наше время из нее поют один-два куплета, не больше, – остальное позабылось.

*Под горой стоит корчма
У слиянья речек —
Раз свалился с чердака
Выпить доброго пивка*

Лунный Человечек.

*Был там подгулявший кот
С пятиструнной скрипкой —
Он по ней что было сил
Вжиквжиквжик смычком пилил
С пьяною улыбкой.*

*Там еще гулял щенок —
Не было с ним сладу:
Он пощеньи лопотал
И от пуза хохотал,
Просто до упаду!*

*И корова там была —
Сунься к недоτροге!
Но под музыку кота,
Позабыв свои лета,
Проплясала ноги!*

*Так надраена была
В кухне вся посуда,
Что, куда ни положи
Ложки, вилки и ножи —
Блещут, просто чудо!*

*Ну, веселье началось!
Все перемешалось —
И корова от щенка
Получила тумака,
И коту досталось!*

*Человечек окосел
Да и лег под лавку —
Но во сне он не молчал
И без удержу кричал,
Чтоб несли добавку!*

Стали тут его будить,
Хоть и неприятно —
Уж недолго до утра,
Значит, самая пора
На луну обратно!

Кот на скрипке заиграл,
Голося ужасно.
Тут бы и покойник встал, —
Ну а этот спал да спал.
Видно, все напрасно!

На гору его снесли —
Было ж «аху-оху»!
Хором крикнули: «А ну!» —
Зашвырнули на луну
Луновыпивоху!

Кот опять схватил смычок,
Снова запиликал —
И корова, хоть строга,
Встала прямо на рога,
А щенок хихикал!

«Дзынь!» — и струны порвались;
Ахнула компания!
А корова (чудеса!)
Ускакала в небеса —
Что же, до свидания!

Закатилася луна,
Брезжит свет во мраке:
Ну, дела! Пора вставать,
А они идут в кровать —
Экие гуляки!¹³⁷

Хлопали долго и оглушительно. Голос у Фродо был хороший, да и песня пришлась по нраву.

– Где старина Подсолнух? – слышались отдельные голоса. – Позовите его сюда, пусть послушает! Заставим Боба, пусть научит своего кота пиликать! А мы попляшем!

Засим хоббиты потребовали еще пива и дружно заорали:

– Еще разочек, приятель! Давай! Еще разок!

Они заставили Фродо осушить еще одну кружку, и ему волей-неволей пришлось начать песню сначала – а остальные подхватили: мотив был известный, а память на слова у хоббитов превосходная. Настал черед Фродо чувствовать себя польщенным. Он прошелся по столу чечеткой, а на словах «...ускакала в небеса» высоко подпрыгнул. И... пожалуй, слегка перестарался. *Дзынь!* Нога его угодила в поднос с пивными кружками, он поскользнулся и – *бах, тарарах, шмяк!* – полетел на пол. Все открыли рты, чтоб рассмеяться, – да так и замерли: певец-то исчез! Пропал – и все тут, все равно что в подпол провалился, только вот дырки не осталось!

Придя в себя, местные хоббиты повскакивали с мест и закричали, требуя Подсолнуха. От Пиппина и Сэма отодвинулись, и бедняги, всеми оставленные, жались в углу, не зная, куда спрятаться от недобрых, подозрительных взглядов недавних собутыльников. Было очевидно, что теперь их считают пособниками бродячего волшебника, – а кто знает, зачем он пожаловал и чего от него можно ожидать?! Один смуглый бриец, стоявший неподалеку, посматривал на них с такой издевкой и так понимающе, что бедолагам стало совсем неуютно. Вскоре этот бриец покинул гостиную. За ним подался и косоглазый южанин: эти двое весь вечер шептались между собой. Следом за ними выскользнул на улицу и привратник Харри.

Фродо чувствовал себя дурак дураком. Не зная, что предпринять, он прополз под столами в темный угол, где неподвижно сидел Бродяга, ничем не выдавший своего отношения к происшествию. Прислонившись к стене, Фродо снял Кольцо. Как оно очутилось на пальце, хоббит сказать не мог. Видимо, каким-то образом само наделось, когда он взмахнул рукой, пытаясь удержаться на ногах, – он наверняка по привычке перебирал содержимое кармана, а ведь там было и Кольцо! «Может, оно сыграло со мной злую шутку?» – мелькнуло у Фродо в голове. А что, если оно попробовало подать знак

о себе в ответ на чье-то пожелание или приказ? Взять хотя бы тех людей, которые минуту назад вышли из залы. Фродо они совсем не понравились...

– Что скажешь? – спросил Бродяга, когда перед ним появился Фродо. – Зачем тебе все это понадобилось? Ты один натворил куда больше бед, чем могли бы натворить все твои разговорчивые друзья, вместе взятые! Вляпался, можно сказать, обеими ногами! Или, может, пальцем?

– Не понимаю, что вы такое говорите, – притворился Фродо, встревожившись от этого вопроса и чувствуя приступ раздражения.

– Неправда, ты все отлично понимаешь, – возразил Бродяга. – Но подождем, пока тут станет потише. А тогда, господин *Бэггинс*, я хотел бы с вами, если позволите, переговорить с глазу на глаз.

– О чем бы это? – удивился Фродо, пропуская мимо ушей, что Бродяга назвал его настоящим именем.

– О делах довольно важных – важных и для тебя, и для меня, – ответил Бродяга, глядя Фродо в глаза. – Не исключено, что наш разговор немало послужит к твоей пользе.

– Ладно, – бросил Фродо, пытаясь изобразить безразличие. – Так и быть, попозже поговорим.

У камина тем временем разгорелся ожесточенный спор. Подоспевший к месту происшествия господин Подсолнух тщетно пытался что-либо понять из разноречивых выкриков столпившихся вокруг хоббитов.

– Я видел его собственными глазами, господин Подсолнух! – горячился один из них. – Вернее, *не* видел, понимаете? Собственными глазами не видел! Он просто растворился в воздухе, и все. Хлоп – и нету!

– Полно вам, господин Полынный, – сомневался корчмарь.

– Да говорю же вам! – настаивал Полынный. – Я за свои слова отвечаю!

– Статочное ли дело, – качал головой хозяин, – статочное ли дело, чтобы господин Подхолминс, такой плотный, дородный, осанистый, – вот так вот, запросто, взял да и растворился в воздухе! Тем паче, воздух тут такой, что и растворяться-то негде!

– Тогда скажите, где он! – потребовало несколько голосов.

– А мне почему знать? Я его за фалды не держу, пускай бродит, где хочет, только бы расплатился поутру. Например, вон там, в углу, сидит господин Тукк – он ведь не растворился, правда?

– Что я видел, то видел, а я видел своими глазами, как его стало не видно, – упорствовал Полынник.

– А я вам говорю – тут какая-то ошибка, – повторял корчмарь, поднимая с пола поднос и собирая битую посуду.

– Конечно, ошибка, – отозвался Фродо. – Никуда я не исчезал. Вот он я! Просто мне надо было перемолвиться парой словечек с Бродягой, вот я и отошел в угол.

Он вышел на свет и встал у камина, но толпа подалась назад, придя в еще большее смятение. Объяснение Фродо – якобы он просто тихонечко прополз под столами и никуда не исчезал – никого не убедило. Большинство хоббитов и людей-брийцев стали собираться домой, потеряв всякий интерес к застолью. Некоторые, выходя, смерили Фродо уничтожающим взглядом, отвернулись и вышли, вполголоса переговариваясь. Гномы и несколько припозднившихся чужеземцев поднялись и попрощались с корчмарем, даже не взглянув в сторону Фродо и его товарищей. Вскоре в гостиной остался только Следопыт, по-прежнему сидевший у стены. Никто не обращал на него ни малейшего внимания.

Как ни странно, господин Подсолнух не выглядел огорченным. По всей вероятности, он знал, что теперь народ будет несколько вечеров подряд валом валить в его заведение, пока не исчерпают себя разговоры о таинственном происшествии.

– Что же вы мне тут вытворяете, господин Подхолминс?! – укорил Фродо корчмарь. – Посетителей насмерть перепугали, посуду мне расколошматили... Что это вам вздумалось цирк устраивать?

– Я очень, очень сожалею, что причинил вам беспокойство, – извинился Фродо. – Я вовсе не хотел, уверяю вас. Это получилось нечаянно.

– Ну, хорошо, коли так, господин Подхолминс! Но если вы опять захотите покувыркаться или, чего доброго, заколдовать кого-нибудь, то предупредите, пожалуйста, всех заранее, а главное – меня. Мы, знаете, не ахти как жалуем фокусы да всякие странности – не любим мы, когда земля из-под ног уходит, ну, вы меня понимаете. Не по нраву нам, когда вот так вот, вдруг, ни к селу ни к городу...

– Больше ничего такого не случится, господин Подсолнух, даю честное слово! А теперь я, наверное, пойду в постель. Утром мы выходим рано. Присмотрите, пожалуйста, чтобы пони были готовы к восьми часам.

– Будет сделано! Но прежде, чем вы уйдете из Бри, я хотел бы потолковать с господином Подхолминсом без лишних свидетелей. Я кое-что вспомнил и должен обязательно с ним поделиться. Надеюсь, вас это не очень беспокоит? Закончу вот только кой-какие делишки и прямо к вам, если не возражаете.

– Ну что вы, какие возражения! – ответил Фродо, но сердце у него упало. Сколько же ему сегодня предстоит бесед с глазу на глаз и что за всем этим кроется? Может, все они в сговоре? Даже старого Подсолнуха с его толстой физиономией он уже начинал подозревать в двоедушии и коварстве.

Глава десятая

Бродяга

Фродо, Пиппин и Сэм вернулись к себе в гостиную. Света в комнате не было. Мерри все еще где-то разгуливал; дрова в камине еле тлели. Только как следует раздув угли и подкинув в огонь хвороста, хоббиты обнаружили, что Бродяга зашел в комнату вместе с ними. Сидит себе спокойненько в кресле у двери и хоть бы что!

– Здравствуйте! – оторопел Пиппин. – Ты кто такой и что тебе тут надо?!

– Меня называют Бродягой, – ответил гость. – Допускаю, что ваш друг забывчив, но он обещал мне разговор с глазу на глаз.

– А, ты обещал, что скажешь мне что-то важное, – вспомнил Фродо. – Так что же ты хотел сообщить?

– Мне действительно есть что сказать, – неторопливо ответил Бродяга. – Но, разумеется, не за спасибо.

– То есть? – вскинулся Фродо.

– Не волнуйся! Все очень просто: я рассказываю вам то, что знаю, и даю добрый совет – но взамен прошу вознаграждение.

– Какое же, смею спросить? – язвительно перебил Фродо. Надо же было так влипнуть! Вымогателя подцепил! Фродо с неприятным чувством подумал, что взял с собой не так уж много денег. Проходимец, наверное, потребует больше, чем вмещает кошелек, но Фродо и малого не мог уделить.

– Куш невелик, так что ты ничуть не обеднеешь. – Бродяга медленно улыбнулся, словно читая его мысли. – Просто дальше мы пойдем вместе, пока я сам не пожелаю с вами расстаться.

– Да что ты говоришь! – воскликнул Фродо, удивившись, но отнюдь не чувствуя облегчения – скорее наоборот. – Если бы я даже и нуждался в лишнем спутнике, я все равно никого не взял бы, пока не узнал, кто он такой и чем промышляет!

– Отлично! – воскликнул Бродяга, закидывая ногу на ногу и усаживаясь поудобнее. – Наконец-то ты приходишь в себя! Это к лучшему. До сих пор ты считал ворон. Ну что ж! Тем не менее я рискну и расскажу тебе то, что знаю, – а ты смотри сам. Может, все-

таки расщедришься? Когда дослушаешь до конца, не исключено, что ты сам с радостью отдашь мне то, что мне причитается.

– Слушаю, – сказал Фродо. – Выкладывай. Что ты там для меня припас? Что тебе известно?

– Мне известно много... много страшного, – сразу посуровев, ответил Бродяга. – Что же касается тебя...

Он встал, подошел к двери и, быстро распахнув ее, выглянул. Убедившись, что никого нет, он бесшумно прикрыл дверь и снова сел.

– Слух у меня хороший, – заметил он, понизив голос. – Исчезать бесследно я не умею, но мне приходилось охотиться на самых диких и самых чутких тварей, и, как правило, остаться незамеченным мне нетрудно. Итак, сегодня вечером я прятался у Тракта к западу от Бри и видел, как со стороны Курганов на дорогу выехало четверо хоббитов. Не буду пересказывать всего, что они говорили старому Бомбадилу и друг другу, но одна фраза меня особенно заинтересовала: «Запомните – все запомните! – что имени Бэггинс произносить *нельзя*. Если придется представиться, то я – Под-хол-минс». Любопытство мое было подогрето до такой степени, что я последовал за ними в Бри. Мне удалось проскользнуть в ворота вслед за ними. У господина Бэггинса, наверное, есть веские причины не называть своего настоящего имени, но тем более я советовал бы ему и его друзьям поостеречься.

– Право, не знаю, зачем брийцам мое имя, – сердито перебил Фродо, – и не понимаю, почему оно вызывает у тебя такой жгучий интерес. Господин Бродяга, наверное, имеет веские причины подглядывать и подслушивать, но в таком случае я тем более советовал бы ему изложить эти причины!

– Хороший ответ! – рассмеялся Бродяга. – А причины у меня простые. Дело в том, что я давно ищу хоббита по имени Фродо Бэггинс. Он мне нужен, и как можно скорее. Мне стало известно, что он везет из Заселья нечто... ну, скажем, нечто секретное, непосредственно касающееся меня и моих друзей. Постой, не спеши! – воскликнул он, увидев, что Фродо поднялся с кресла; вскочил и Сэм, грозно сдвинув брови. – Я сохраню вашу тайну лучше, чем вы сами. Будьте осторожны! – Он наклонился и, глядя прямо на них, добавил, понизив голос до еле слышного шепота: – Следите за каждой тенью! Черные Всадники уже посетили Бри. Мне сказали, что в понедельник

по Зеленому Тракту сюда явился первый – с севера, а позже – с юга – подъехал и второй.

Наступило молчание. Наконец Фродо повернулся к Пиппину и Сэму:

– Можно было и самим догадаться. Помните, как смотрел на нас привратник? И корчмарь тоже ведет себя так, словно что-то слышал. Почему он заставил нас присоединиться к общей компании? А мы-то, мы-то хороши: нет, чтобы сидеть тут тише воды, ниже травы и молчать в тряпочку!

– Да уж, остаться здесь было бы умнее, – согласился Бродяга. – Я хотел остановить вас, но корчмарь меня сюда не допустил и наотрез отказался даже передать записку.

– Ты думаешь, он...

– Нет, нет, старина Подсолнух ни в чем не замешан. Просто он терпеть не может таинственных бродяг без роду и племени, вроде меня.

Фродо посмотрел на него озадаченно.

– Выгляжу я, конечно, злодеем, – усмехнулся Бродяга, скривив рот и странно блеснув глазами. – Но надеюсь, вскоре мы узнаем друг друга получше. А когда это случится, ты объяснишь мне, что за муха тебя укусила сегодня вечером. Сплясал, ничего не скажешь!

– Это вышло нечаянно! – перебил Фродо.

– Надо же, – покачал головой Бродяга. – Нечаянно! Вы только подумайте! А ты знаешь, под какой удар тебя поставила эта нечаянность?

– Я и был под ударом, так что мне все едино, – пожал плечами Фродо. – Что ж я, не знал, по-твоему, что за мной гонятся эти всадники? Но теперь-то они, кажется, со мной разминулись и поехали дальше...

– На это нечего и рассчитывать! – оборвал его Бродяга. – Они еще вернутся. Причем будет их гораздо больше. Ведь на самом деле их больше! Я знаю точное число. Я знаю, кто они такие. – Он остановился на секунду, и взгляд его стал холоден и жесток. – В Бри есть люди, которым нельзя доверять. Взять хотя бы Билла Осину. О нем идет дурная слава, и в доме у него вечно на постое всякие проходимцы. Ты должен был обратить на него внимание: такой

смуглый, с вечной ухмылочкой. Он весь вечер шушукался с одним из пришлых южан. После твоей «нечаянности» они оба заспешили, собрались и ушли. Далеко не все эти южане прибыли сюда с добром, а что до Осины – то за деньги он продаст что угодно, кого угодно и кому угодно. Но надо учесть, что подчас он не прочь напакостить и так, задаром, для забавы.

– Но что именно он хочет продать и каким боком его касается моя оплошность? – сделав большие глаза, спросил Фродо, все еще прикидываясь, что не понимает намеков Бродяги.

– Не что, а кого, – ответил Бродяга. – А продаст он тебя, тут сомнений никаких нет. Рассказ о твоём «представлении» кое-кого весьма заинтересует. Разумеется, нужда дознаваться твоего настоящего имени сразу отпала. Я не очень удивлюсь, если твои враги услышат о тебе еще до рассвета. Тебе этого мало? Поступай, как считаешь нужным, – можешь брать меня в провожатые, можешь отказаться. Но учти, я все земли от Заселья до самых Туманных Гор знаю как свои пять пальцев – за долгие годы скитаний я исходил их вдоль и поперек. Я старше, чем кажется на первый взгляд, и мог бы тебе пригодиться. После сегодняшнего «случая» проезжие дороги тебе заказаны: Всадники будут следить за ними днем и ночью. Из Бри ты, возможно, уедешь, тебе дадут даже немного прогуляться, пока светит солнышко, но далеко ты не уйдешь. Они настигнут тебя среди пустошей, во тьме, где помощи ждать неоткуда. Или ты хочешь попасть им в руки? Они воистину страшны!

Хоббиты подняли на Бродягу глаза и с изумлением заметили, что лицо его напряглось, словно от затаенной боли, а руки крепко сжимают подлокотники кресла. В комнате стало очень тихо. Даже огонь в камине, казалось, пригас. Бродяга сидел без движения и глядел вдаль невидящими глазами, словно блуждая по дорогам давно минувших дней или прислушиваясь к звукам далекой ночи.

– Да, так вот! – воскликнул он спустя несколько секунд, проводя рукой по лбу. – Допустим, стало быть, что я знаю о твоих преследователях куда больше твоего. Я вижу, ты страшишься их, но еще не так, как следовало бы. Завтра тебе надо будет от них спастись – а как? Бродяга проведет тебя тайными тропами, куда редко ступает чья-либо нога. Только возьмешь ли ты его с собой?

Наступило тягостное молчание. Фродо не отвечал: он мучился сомнениями и страхом. Сэм все больше хмурился, все чаще поглядывал на своего хозяина – и наконец не выдержал:

– С вашего позволения, господин Фродо, я ответил бы – *нет* и еще раз *нет*! Этот Бродяга говорит, что, мол, держите ухо востро. Тут я согласен. Вот с него прямо и начнем! Он явился из Дикоземья, а я о тамошних ничего, кроме худого, не слышал. Потом, что-то он очень уж много знает, даже, на мой взгляд, чересчур много. Но я все равно не понимаю, почему мы должны брать его с собой и по собственному почину идти за ним куда-то в глушь, где, как он сам говорит, помощи ждать неоткуда, зови не зови!

Пиппин заерзал на месте, ему было явно не по себе. Бродяга ничего не ответил Сэму, повернулся к Фродо и пристально на него посмотрел. Фродо отвел взгляд.

– Нет, я не согласен с Сэмом, – сказал он медленно. – Мне кажется, ты не такой, каким представляешься с виду. Поначалу выговор у тебя был брийский, но потом изменился... И все же кое в чем Сэм прав. Почему ты призываешь нас к осторожности, а сам предлагаешь довериться первому встречному? Зачем этот маскарад? Кто ты? Что тебе известно о... ну, о деле, которое меня сюда привело, и откуда тебе это известно?

– Урок усвоен, – хмуро усмехнулся Бродяга. – Но осторожность – одно, а нерешительность – уже другое. В одиночку ты никогда не доберешься до Ривенделла, и у тебя нет другого выхода, кроме как довериться мне. На пару вопросов я отвечу, если, конечно, это тебе поможет. Только вот не знаю, что тебе в моих ответах, если ты мне не веришь? Впрочем...

Тут в дверь постучали. В дверях возник господин Подсолнух со свечами, а за ним – Ноб с дымящимися кувшинами. Бродяга отступил в тень.

– Пришел вот спокойной ночи вам пожелать, – сказал корчмарь, ставя на стол свечи. – Ноб! Воду отнеси в спальню!

Он затворил дверь и вернулся в комнату.

– Дело, значит, такое, – начал он, запинаясь и с довольно озабоченным видом. – Если выйдут какие неприятности, то простите великодушно. Но вы и сами знаете, как это бывает – одно, другое, а я

человек занятой. Тут, как говорится, всю память отшибет. Но может, еще не поздно. Понимаете, меня просили не прозевать, если вдруг поедут хоббиты из Заселья, а особенно спрашивали про одного, по фамилии Бэггинс...

– А мне-то что до этого? – перебил Фродо.

– Да уж вам лучше знать. – Корчмарь понимающе подмигнул ему. – Я вас не выдам, не бойтесь. Мне сказали, что этот самый Бэггинс, когда приедет, скажется Подхолминсом. И приметы сходятся – только не сердитесь.

– Да неужели?! И какие же это приметы? – снова перебил Фродо, забыв о правилах приличия и выдавая себя с головой.

– «Крепкий, плотный, краснощекий», – торжественно, нараспев процитировал господин Подсолнух. Пиппин хихикнул, а Сэм бросил на корчмаря сердитый взгляд. – «Этого тебе будет мало, Подсолнух, ведь хоббиты все такие, – говорит он мне. – И господин Подсолнух покосился на Пиппина. – Но господин Бэггинс ростом немного выше среднего, волосом посветлее и на подбородке ямочка, а сам такой самоуверенный, и глаза блестят». Простите, если что не так, но не мои это слова, это он так сказал.

– Он? Но кто?! – воскликнул Фродо, отбрасывая последнюю осторожность.

– А, он-то? Да Гэндальф, конечно, если вы с ним знакомы. Говорят, он волшебник. Сам я за это не поручусь, но мы с ним большие приятели. Правда, не знаю, что он мне устроит, когда опять наведается. Боюсь, наведет порчу на все мое пиво или превратит меня в какой-нибудь чурбан. Он ведь скор на руку. Но поправить уже ничего нельзя, что сделано, то сделано...

– Но что же ты такого сделал? – снова перебил Фродо, начиная терять терпение, – мысли в голове у Подсолнуха ворочались что-то уж чересчур медленно.

– Так бишь где я остановился-то? – спросил корчмарь и растерянно прищелкнул пальцами. – М-м... ах да! Старина Гэндальф! Заходит он, значит, месяца три назад ко мне в комнату, даже не постучавшись. «Подсолнух, – говорит, – утром меня здесь уже не будет. Не окажешь ли мне одну услугу?» – «Только назовите», – говорю. – «Я шибко спешу, братец, – продолжает он, – времени ни минутки, а тут письмецо одно, и мне бы позарез надо его доставить в

Заселье. Ты можешь кого-нибудь послать туда, только чтоб понадежнее?» – «А как же, – говорю, – вот хоть прямо завтра, ну, послезавтра в крайнем случае». – «Нет, – говорит, – лучше завтра». И дает мне, стало быть, конверт. Адрес ясный, все честь по чести.

Господин Подсолнух извлек из кармана конверт и по слогам, с гордостью (он весьма ценил свою репутацию грамотея) прочел:

ГНУ ФРОДО БЭГГИНСУ,
КОТОМКА,
ХОББИТОН, что в ЗАСЕЛЬЕ.

– Мне – письмо от Гэндальфа?! – вскричал Фродо.

– Ага! – поймал его Подсолнух. – Стало быть, вы все-таки Бэггинс!

– Вот именно! А потому отдайте мне сию минуту письмо и будьте любезны объяснить, почему вы его так и не отослали! Полагаю, вы с этим и пришли ко мне? Долго же вы ходили вокруг да около!

Несчастный господин Подсолнух не знал, куда деваться.

– Ваша правда, сударь, – вздохнул он. – Уж вы меня простите. Я страсть как боюсь Гэндальфа. Что он скажет, если я вам что-нибудь напортил? Но никакой задней мысли у меня не было. Я это письмо сразу в надежное местечко припрятал. На другой день никто в Заселье идти не собирался, а своих я послать тогда не мог. Ну, а там одно, другое – и выветрилось из головы. Я человек занятой. Скажите, чем можно делу помочь, я все сделаю! Но я и так обещал Гэндальфу, что позабочусь о вас, письмо здесь ни при чем. «Подсолнух, – говорит он мне, – не исключено, что этот мой друг из Заселья скоро здесь появится, и не один, а со слугой. Он будет путешествовать под именем Подхолминса. Запомни это! Но вопросов никаких не задавай. Если меня с ним не будет, значит, он, скорее всего, в беде и ему может понадобиться помощь. Сделай для него все, что в твоих силах, а я тебя щедро вознагражу», – вот что он сказал. И вот вы здесь. А за бедой, похоже, дело тоже не станет.

– То есть? – насторожился Фродо.

– Я об этих черных верзилах, – понизил голос корчмарь. – Они ищут Бэггинса, и быть мне хоббитом, ежели для доброго дела! Это было в понедельник. Собаки завыли, гуси загоготали. Что, думаю, за

жуть творится? Прибегает Ноб: у дверей, говорит, стоят два каких-то черных человека и спрашивают хоббита по имени Бэггинс. А у самого волосы дыбом. Я пошел и говорю этим черным: убирайтесь, мол, восвояси, и дверь у них захлопнул перед носом. Но, говорят, они до самого Арчета ко всем приставали с тем же вопросом. И Следопыт этот, Бродяга, все навязывался, выводывал, хотел к вам прорваться. Вы еще и поужинать не успели, а он уже на порог норовил. Но я его не пустил. Уж он бы вам устроил посиделки!

– Он и устроил, – внезапно подал голос Бродяга, выходя на свет. – Но посиделки были бы куда спокойнее, если бы ты пустил его сразу, Пивовар Подсолнух!

Корчмарь так и подскочил от удивления.

– Ты?! – вскрикнул он. – Вечно встрянет! Что тебе здесь надо? И в такой час?!

– Это с моего ведома, – поспешил объяснить Фродо. – Он пришел предложить помощь.

– Вам лучше знать, – вздохнул господин Подсолнух, косясь на Бродягу с подозрением. – Но если б я попал в такой переплет, я бы со Следопытом ни за что не стал связываться!

– А с кем бы ты стал связываться на их месте? – насмешливо спросил Бродяга. – С толстым кабатчиком, который давно позабыл бы собственное имя, не окликай его то и дело постояльцы? Уразумей наконец, Подсолнух, что этим хоббитах нельзя оставаться у тебя в «Пони», но и домой путь заказан. Перед ними дальняя дорога. Может, ты сам пойдешь с ними и отгонишь Черных?

– Чтоб я ушел из Бри? Да ни за какие деньги! – не на шутку перепугался господин Подсолнух. – Но почему бы вам не отсидеться здесь, господин Подхолминс? И вообще, что все это значит? Что понадобилось от вас этим Черным? И откуда они сами-то к нам понабежали, хотелось бы мне знать?

– Вы меня простите, но всего я объяснить не могу, – ответил Фродо. – Я очень устал, мне не по себе, а рассказ долгий. Но если вы и правда хотите мне помочь, я должен вас предупредить, что, пока я нахожусь в этих стенах, вы в опасности. А что касается Черных Всадников, точно сказать не могу, но боюсь, что они...

– Они из Мордора, – тихо сказал Бродяга. – Из Мордора. Тебе это что-нибудь говорит, Пивовар Подсолнух?

– Батюшки-светы! – ахнул, бледнея, Подсолнух. По всей видимости, слышать это слово ему приходилось. – За всю мою жизнь в Бри не случилось ничего ужаснее!

– Вот так, – сказал Фродо. – Вы еще не передумали помогать мне?

– Никоим образом, – не замедлил с ответом Подсолнух. – Помогу вам даже охотнее, чем раньше. Хотя много ли могут такие, как я, супротив этих... этой...

– Против Тени, что встает на востоке, – спокойно закончил за него Бродяга. – Такие, как ты, много не сделают, но нам пригодится любая помощь. Для начала забудь фамилию Бэггинс: пока господин Подхолминс тут, он останется Подхолминсом.

– Договорились, – с готовностью кивнул Подсолнух. – Только они и без моей помощи допытаются, где он. Незадача нынче вечером вышла: господин Бэггинс привлек к себе всеобщее внимание, и это еще мягко сказано. А про то, как исчез господин Бильбо, у нас давно прослышали. Так что сегодня даже Ноб начал кой о чем догадываться, а он тугодум, каких поискать. Но в Бри у нас есть господа и посмекалистей!

– Остается надеяться, что Всадники сегодня не нагрянут, – поежился Фродо.

– Будем надеяться, – вздохнул Подсолнух. – Но даже если они привидения, так просто в «Пони» им не прорваться. До утра можете спать спокойно. Ноб будет нем как рыба. Пока я держусь на ногах, ни один Черный сюда не пролезет! Я и мои люди будем караулить всю ночь напролет. А вот вам лучше бы поспать, если получится.

– Что бы ни случилось, разбудите нас на рассвете, – сказал Фродо. – Нам надо выйти как можно раньше. И пожалуйста, завтрак в полседьмого!

– Понял, все понял, – закивал корчмарь. – Распоряжусь и лично за всем прослежу. Доброй ночи, господин Бэггинс – то есть, простите, Подхолминс! Доброй ночи! Ох! Пойдите-ка! А где же господин Брендибэк?

– Понятия не имею, – ответил Фродо, встревожившись. Про Мерри они позабыли начисто, а час был уже поздний. – Боюсь, он на улице. Он, кажется, собирался выйти подышать.

– Да за вами глаз да глаз нужен! – рассердился Подсолнух. – Вы как на прогулку отправились, честное слово! Пойду задвину засовы и

велю, чтобы, кроме вашего приятеля, никого в дом не пускали. Или нет: пошлю Ноба на розыски. Ну, доброй ночи вам всем!

Наконец господин Подсолнух вышел, бросив на Бродягу еще один косой взгляд и с сомнением покачивая головой. Послышался звук удаляющихся шагов, и все стихло.

– Ну как? – спросил Бродяга. – Когда ты собираешься распечатать конверт?

Фродо придирчиво осмотрел печать и сломал ее. Все говорило за то, что письмо действительно от Гэндальфа. На листке размашистым, но изящным почерком волшебника было выведено:

«ПЛЯШУЩИЙ ПОНИ», БРИ.
Преполование, г. 1418 (З. Л.)

Дорогой Фродо!

До меня дошли плохие вести. Я вынужден немедленно покинуть эти края. Тебе лучше уйти из Котомки как можно скорее, а из Заселья – не позднее конца июля. Я вернусь по возможности скоро, но если ко времени моего возвращения тебя уже не будет – поспешу следом. Если заночуешь в Бри, оставь для меня весточку. Корчмарю (его зовут Подсолнух) доверять можно. По дороге тебе может повстречаться мой друг. Это человек; он художав, волосы темные, высокий. Некоторые зовут его Бродяга-Шире-Шаг. Он знает о нашем деле и поможет вам. Держи путь к Ривенделлу. Надеюсь, там мы встретимся. Если я не появлюсь, ищи совета у Элронда.

Спешу!

Твой Гэндальф. ♡

Р. С. Ни за что не надевай его, ни под каким предлогом!¹³⁸ Не иди ночью! ♡

Р. Р. С. Удостоверься, что это настоящий Бродяга. Темного люду на дорогах предостаточно. Имя моего друга – Арагорн. ♡

*Во тьме земля сады растит:
Не всяко золото блестит.
Тем крепче сила, чем древней,
И стуже не убить корней.*

*Огонь проснется из золы,
Воспрянет свет из долгой мглы,
Меч откуют, – и наконец
Безвестный обретет венец!¹³⁹*

*Надеюсь, Подсолнух не затянет с отправкой письма.
Это достойный человек, но память у него – что старая
кладовка: то, что нужно, всегда в самом низу. Если он
забудет про письмо, поджарю негодяя вместе со всеми его
семечками, пусть так и знает!*

Доброго пути! ♡

Фродо молча прочел письмо и передал Пиппину с Сэмом.

– Да, устроил старина Подсолнух заварушку, нечего сказать! – сказал он, когда те закончили чтение. – Поджарить его и правда не мешало бы. Получи я это письмо сразу, мы сейчас преспокойненько сидели бы в Ривенделле. Но что могло статься с Гэндальфом? Почитать письмо, так он чуть ли не жизнью рискует!

– Он уже много лет как постоянно рискует жизнью, – сказал Бродяга.

Фродо повернулся и поглядел на него в задумчивости, размышляя, что бы мог значить второй постскрипtum Гэндальфа?

– Отчего ты сразу не сказался другом Гэндальфа? – спросил он. – Мы потратили бы куда меньше времени.

– Право? По-моему, до сих пор вы не очень-то верили моим словам! Кстати, я о письме не знал. Вам пришлось бы поверить мне на слово – иначе я не смог бы ничем помочь. Впрочем, я не собирался открываться с первой минуты. Сначала я должен был посмотреть на тебя, Фродо, и увериться, что ты – не подсадная утка. Враг уже не раз ставил мне подобные капканы. Когда я уяснил все, что хотел, я решил, что, так и быть, отвечу на все твои вопросы. Должен признаться, –

добавил он, странно усмехнувшись, – должен признаться, я рассчитывал, что вы мне поверите. Бесприютный странник иногда устает от недоверия и подозрительности и тоскует по дружбе. Правда, моя внешность вряд ли располагает к откровенности...

– Да, не больно-то! Во всяком случае, поначалу, – рассмеялся Пиппин. Когда он прочитал письмо, у него словно гора с плеч свалилась. – Но это не беда. «Встречают по одежке – провожают по делам» – так у нас говорят. Полежи мы этак с неделю по канавам да под изгородами – небось, еще похлеще стали бы выглядеть.

– Чтобы стать похожим на Следопыта, пришлось бы бродить по Дикоземью не неделю и даже не месяц, а годы и годы, – покачал головой Бродяга. – Вряд ли вас на это хватило бы – если, конечно, судить по виду.

Пиппин сдался. Но Сэм еще не был повержен и продолжал мерить Бродягу полным сомнения взглядом.

– А почему мы должны думать, что ты тот самый Бродяга-Шире-Шаг, о котором говорится в письме? – спросил он сурово. – Пока не выплыло письмо, ты о Гэндальфе и не упомянул. Может, ты просто разыгрываешь роль, а на самом деле соглядатай – очень похоже, кстати! – и хочешь нас увести по ложному пути? А может, ты разделался с настоящим Бродягой и переоделся в его вещи? Ну, что скажешь?

– Скажу, что тебя, видно, ничем не проймешь, – ответил Бродяга. – Боюсь, что могу сказать только одно, Сэм Гэмги: если бы я убил настоящего Бродягу, я бы и с тобой не стал церемониться. Если бы я охотился за Кольцом, я мог бы завладеть им прямо сейчас – вот так!

Он встал – и как будто вырос. Глаза его властно сверкнули. Отбросив плащ, он положил руку на рукоять меча, которого дотоле никто не заметил. Хоббиты замерли, не смея шевельнуться. Сэм уставился на Бродягу, широко раскрыв рот.

– На ваше счастье, я – настоящий Бродяга, – молвил Следопыт, глядя на хоббитов сверху вниз. Внезапно лицо его смягчила улыбка. – Я – Арагорн¹⁴⁰, сын Араторна, и если я могу спасти вас, хотя бы мне пришлось заплатить за это жизнью, – я вас спасу.

Воцарилась долгая тишина. Наконец Фродо с запинкой произнес:

– Вообще-то, я еще до письма поверил, что ты друг. По крайней мере мне очень хотелось в это поверить. За вечер ты меня успел несколько раз как следует напугать, но не так, как слуги Врага, иначе. Понимаешь? Я думаю, вражеский соглядатай был бы на вид приятнее, а на дух страшнее, понимаешь?

– Понимаю, – рассмеялся Бродяга. – Я, стало быть, на вид страшный, а на дух ничего? Так? Но *«Не всяко золото блестит. Тем крепче сила, чем древней!»*.

– Значит, эти слова относятся к тебе? – осенило Фродо. – А я все в толк не могу взять – о чем они? Но скажи, как ты догадался, что написано в письме, если ты его не читал?

– Мне не было нужды догадываться, – был ответ. – Просто я – Арагорн, а эти слова связаны со мной.

Он достал из ножен меч – и все увидели, что в полуаршине от рукояти клинок сломан.

– От этого меча немного пользы, правда, Сэм? Но уже близко время, когда его откуют заново.

Сэм промолчал.

– С разрешения Сэма, – продолжал Бродяга, – предлагаю считать дело улаженным. Отныне Бродяга – ваш проводник. Завтра нам предстоит нелегкая дорога. Хорошо, если нам вообще дадут выйти из Бри. Но так или иначе, незамеченными нам ускользнуть не удастся. Правда, я приложу все усилия, чтобы мы поскорее исчезли с глаз долой. Кроме главной дороги я знаю и другие. Если мы отделаемся от погони – направимся прямо к Пасмурнику¹⁴¹.

– К Пасмурнику? – переспросил Сэм. – А что это такое?

– Пасмурник, иначе Пасмурная Вершина – это гора к северу отсюда, примерно в половине пути от Бри до Ривенделла. С Пасмурной Вершины хороший обзор – на всю округу, и мы сможем как следует осмотреться. Если Гэндальф идет по нашим следам, он направится именно туда. За Пасмурником нам придется гораздо солонее: там нам предстоит выбирать из нескольких зол.

– А когда ты в последний раз видел Гэндальфа? – спросил Фродо. – Тебе известно, где он и что с ним?

Лицо Бродяги помрачнело.

– Нет, неизвестно, – ответил он. – Весной мы вместе вернулись из восточных земель. В последние годы я часто подменял его у границ

Заселя, поскольку его отвлекали другие заботы. Он редко оставлял ваши земли без охраны. Последний раз мы встретились первого мая у брода Сарн Форд, в нижнем течении Брендивина. Он сказал мне, что с тобой все улажено и ты отправляешься в Ривенделл не позднее последней недели сентября. Я знал, что он не теряет тебя из виду, и ушел странствовать, ни о чем не тревожась. Моя беспечность вышла мне боком: видимо, он получил неожиданное известие и нуждался в помощи, а меня рядом не оказалось. Теперь – впервые за все время нашей дружбы – я встревожен. Допустим, он не смог прийти. Но почему не дал знать о себе? Когда я вернулся, а это было много дней назад, до меня дошли недобрые вести. По Средьземелью поползли слухи – дескать, Гэндальфа нигде не могут найти, зато на дорогах появились какие-то странные всадники. Сказали мне об этом эльфы Гилдора, а позже они же передали мне, что ты ушел из дома. Но покинул ты в итоге Бэкланд или нет – не знал никто. Я не спускал глаз с Восточного Тракта и серьезно беспокоился.

– Ты думаешь, это из-за Черных Всадников? Ну... что Гэндальф из-за них не приехал? – испугался Фродо.

– Кто, кроме них, мог бы его задержать? Разве что сам Враг... Однако не будем терять надежды. Гэндальф куда могущественнее, чем вы, засельчане, думаете. Для вас он шутник и затейник. Но история, в которой мы с вами принимаем участие, обещает быть величайшим из его дел здесь, на земле¹⁴².

Пиппин зевнул.

– Прошу прощения, – извинился он, – но я смерть как устал. Беды, опасности! Все так, никуда от них не денешься, но я должен срочно лечь, не то, чего доброго, засну прямо в кресле. Где этот оболтус Мерри? Если придется тащиться на двор и искать его, да еще в такой темнотище – это будет последняя капля!

Тут хлопнула входная дверь, и в коридоре громко затопали. В комнату влетел Мерри, следом за ним – Ноб. Мерри торопливо затворил дверь и, тяжело дыша, прислонился к ней спиной. Все повернулись к нему. Наконец Мерри справился с собой и выпалил, задыхаясь:

– Я их видел, Фродо! Я их видел! Черных Всадников!

– Черных Всадников?! – вскрикнул Фродо. – Где?!

– Здесь. В деревне! Я посидел с часик у камина, вы не возвращались, и я решил подышать свежим воздухом. Немного прогулялся, пошел назад, стою себе у входа, под фонарем, смотрю на звезды. И вдруг чую – мороз по спине. Будто ко мне приближается что-то страшное. Оглянулся и вижу: за дорогой, в темноте, притаилась какая-то тень – только чересчур уж темная и почему-то как раз там, где кончается свет от фонаря. Но не успел я взглядеться, как она – фьюить! – скользнула прочь. Совершенно бесшумно. Вот только лошади я на этот раз не заметил.

– Куда направилась эта тень? – Голос Бродяги прозвучал внезапно и резко.

Мерри вздрогнул, только теперь заметив, что в комнате чужой.

– Продолжай! – успокоил его Фродо. – Это друг Гэндальфа. Потом я тебе все объясню.

– Мне показалось, что тень поползла на восток, по Тракту, – сказал Мерри. – Ну, я и попробовал последить за ней. Она, конечно, тут же куда-то исчезла, но я все равно завернул за угол, пошел по улице и дошел аж до самого последнего дома.

Бродяга посмотрел на Мерри с изумлением и уважением.

– Ты, я погляжу, смельчак, – сказал он. – Но ты сделал изрядную глупость.

– Не знаю, – сказал Мерри. – По-моему, ни то ни другое. Я просто не мог с собой справиться. Меня словно кто за руку тянул, а почему я послушался – и сам не знаю. Словом, пошел я, и вдруг, у самой изгороди, слышу – разговаривают. Один голос бормочет «бу-бу-бу», а второй что-то шепчет в ответ или, может, просто шипит – по крайней мере, ни слова не разобрать. Но ближе я подходить уже не стал – так меня всего заколотило от страха, что просто ужас. Я испугался и уже повернулся было, чтобы дать деру. И вдруг что-то на меня сзади как прыгнет! Ну... я и упал.

– А я его подобрал, сударь, – высунулся Ноб. – Господин Подсолнух дал мне фонарь и послал искать господина Брендибэка. Сначала я пошел к Западным воротам, потом к Южным. Вдруг, прямо у дома Билла Осины, вижу – на дороге что-то чернеется. Побожиться не могу, но мне почудилось, что на земле кто-то лежит, а над ним нагнулись два человека и поднимают. Я как заору – и бегом туда, а подбежал, глядь – никого нет, только господин Мерри, один, на

обочине. Поначалу я было подумал, что он спит, ну и давай его трясти, а он знай бормочет: «Я упал в реку, в глубокую реку». В общем, он явно был не в себе. Насилу я его на ноги поставил. А он как вскинется – и бежать, одно слово – заяц. И прямо сюда.

– Боюсь, так оно и было, – подтвердил Мерри. – Правда, я не соображал, что говорил. Мне приснился какой-то мерзкий сон, но поди теперь вспомни. Я просто рассыпался на кусочки, и все. А что это было – не знаю.

– Зато я знаю, – молвил Бродяга. – Это не что иное, как дыхание Тьмы! Надо полагать, Всадники оставили коней снаружи, а сами тайно проникли в Бри через Южные ворота. Что ж, если они успели наведаться к Биллу Осине, новости им уже известны. Скорее всего, тот южанин – тоже лазутчик Врага. Значит, что-то может случиться уже сегодня ночью, еще до того, как мы покинем Бри.

– Но что? – недоумевал Мерри. – Они нападут на корчму?

– Вряд ли, – сказал Бродяга. – Всадники пока еще не собрались все вместе. Да и не в их это обычае. В темноте, на пустоши они сильны, но на дом с освещенными окнами, битком набитый народом, напасть они осмелятся, только если у них не будет иного выхода. Пока впереди просторы Эриадора, спешить им некуда. Но страх для них – испытанное оружие, и кое-кто из брийцев уже в когтях страха. Осина, чужаки-южане, а с ними, возможно, и привратник: руками таких вот слабодушных негодяев Всадники и творят свои черные дела. С привратником они успели побеседовать в понедельник, у Западных ворот. Я их подслушивал. Когда они наконец оставили его в покое, Харри был блее мела и дрожал как осиновый лист.

– Похоже, враги кругом, куда ни повернись, – подытожил Фродо. – Что же нам делать?

– Оставайтесь тут! Не расходитесь по своим спальням! Узнать, где чья комната, им труда не составит. Хоббичьи номера в «Пони» смотрят на север, и окна у них над самой землей. Устроимся здесь, забаррикадируем окна и двери – авось как-нибудь переночуем. Но сперва мы с Нобом сходим и принесем ваши вещи.

Бродяга пошел за вещами, а Фродо вкратце рассказал Мерри о том, что произошло за вечер. Пока Мерри читал и перечитывал письмо Гэндальфа, размышляя, что бы все это значило, Бродяга и Ноб вернулись.

– Значит, так, – зачастил Ноб. – Все готово! Я взбил одеяла и в каждую кровать, в самую серединку, сунул по валику. А вам, господин Бэ... Подхолминс то бишь, – он широко ухмыльнулся, – вам я так даже голову смастерил из бурой овечьей шкурки, которая там вместо коврика была!

Пиппин расхохотался:

– Для его шевелюры в самый раз! То-то мы их надуем! Но что будет, когда они обнаружат подлог?

– Посмотрим, – сказал Бродяга. – Надо надеяться, до утра мы осаду выдержим, а там будет видно.

– Доброй вам ночи! – пожелал Ноб и отправился сторожить вход в корчму.

Хоббиты и Бродяга приступили к делу. Для начала они свалили на полу гостиной мешки и одежду, потом приперли дверь скамьей и закрыли окно. Выглянув напоследок во двор, Фродо увидел, что ночь по-прежнему ясная. Над покатыми склонами Брийской Горы висел яркий Серп^[5]. Фродо закрыл тяжелые внутренние ставни, задвинул засов и плотно задернул занавески. Бродяга подкинул дров в камин и задул все свечи.

Хоббиты расстелили одеяла и улеглись на пол ногами к огню; Бродяга ложиться не стал и уселся в кресло у дверей. Перед сном хоббиты еще некоторое время пошептались – у Мерри осталось несколько неразрешенных вопросов.

– «Ускакала в небеса!» – фыркнул наконец Мерри, поплотнее заворачиваясь в одеяло. – Насмешил ты меня, Фродо, ничего не скажешь! Эх, жаль, меня там не было! Брийские краснобаи теперь лет сто не угомонятся.

– От души надеюсь, – подал голос из своего кресла Бродяга. Все замолчали – и вскоре один за другим крепко заснули.

Глава одиннадцатая

Кинжал во мраке

Пока хоббиты готовились ко сну в брийской корчме, над Бэкландом сгустилась тьма. В лощинах и по берегам реки клубился туман. В Крикковой Лощинке царило безмолвие. Пончик Булджер осторожно приоткрыл дверь и выглянул. Неизвестно почему, ему весь

день было не по себе, а к ночи стало и вовсе страшно. На месте ему не сиделось. Лечь и уснуть он тем более не мог. В неподвижном ночном воздухе повисла угроза. Пончик напряг зрение – и вдруг увидел: под деревьями шевельнулось что-то черное. Калитка сама собой отворилась и бесшумно затворилась вновь. Хоббита обуял ужас. Он отпрянул и с мгновение постоял в прихожей, дрожа с головы до ног. Справившись с собой, он захлопнул дверь и задвинул засовы.

Тьма обступила дом. На тропинке послышался мягкий стук копыт: кто-то вел в поводу лошадей. У ворот перестук замер. Три черных силуэта, три сгустка ночи проникли во двор и поползли к порогу. Один подобрался к двери, два замерли по бокам, близ углов дома, неподвижные, как тени от невидимых валунов. Ночь тянулась своим чередом. Дом и притихшие деревья ждали, затаив дыхание.

Листья чуть встрепенулись. Где-то далеко пропел петух. Знобкий предрассветный час кончался. Темное пятно у двери пошевелилось. Во тьме, безлунной и беззвездной, лучом ледяного света блеснул выхваченный из ножен клинок. В дверь ударили – глухо, но сильно. Дверь задрожала.

– Именем Мордора, откройте! – приказал высокий голос, полный угрозы.

От второго удара дверь подалась и рухнула внутрь; косяк лопнул, засов переломился. Черные тени скользнули в дом.

И вдруг рядом, в ближней роще, громко затрубил рожок. Сигнал разорвал ночь, словно вспышка пламени на вершине горы:

ВСТАВАЙ! БЕДА! ПОЖАР! ВРАГИ! ВСТАВАЙ!

Пончик Булджер не сидел сложа руки. Еще только приметив черные силуэты у ворот, он тут же смекнул, что ему остается одно из двух – или брать ноги в руки, или пропадать во цвете лет. И он, выбрав первое, кинулся наутек – черным ходом, огородами, а там – и полями. Пробежав чуть ли не с полверсты до ближайшей усадьбы, он без сил упал на пороге с воплем: «Нет, нет, нет! Не у меня оно! Нет! У меня его нету!»

Что лопочет Пончик, разобрали не сразу. Наконец удалось уловить главное – в Бэкланде враги! Какие – не важно. Мало ли что могло

случиться – Старый Лес-то рядом! Поэтому хоббиты сразу перешли к делу.

БЕДА! ПОЖАР! ВРАГИ!

Брендибэки подняли всю округу, протрубив Бэкландский Клич, которого здесь уже лет сто как не слышали, – с тех самых пор, как по замерзшему в год Лютой Стужи Брендивину в Бэкланд пришли по льду белые волки.

ВСТАВАЙ! ВСТАВАЙ!

Издали ответили другие рожки и трубы. Тревога распространялась.

Черные тени обратились в бегство. Одна из них выронила на бегу хоббиций плащ; плащ упал на пороге дома. На тропинке застучали копыта, перешли на галоп – и скрылись в ночи. Окрестности Крикковой Лощинки наполнились звуками рогов; повсюду перекликались голоса, доносился топот бегущих ног. Но Черные Всадники ураганом неслись к Северным Воротам. Пусть шумит маленький народец! Саурон еще доберется до них. А пока у его слуг есть другие дела, поважнее. Теперь они знали, что дом пуст и Кольца здесь нет. Они сшибли привратников и покинули Заселье.

Еще до полуночи Фродо внезапно очнулся, хотя спал крепко, – ему показалось, что в комнату проник кто-то чужой. Но увидел он только Бродягу – тот сидел в кресле прямо и напряженно; глаза его так и сверкали в отблесках ярко разгоревшегося пламени, – по всей видимости, в камин исправно подкладывали дрова. Бродяга не пошевелился и не обратил на Фродо никакого внимания.

Вскоре Фродо заснул снова, но теперь в его сны ворвался шум ветра и галопом скачущие всадники. Казалось, ветер воронкой закручивается вокруг корчмы, раскачивая и сотрясая стены. Вдали неистово трубил рог. Фродо открыл глаза – и услышал на заднем дворе веселый крик петуха. Бродяга откинул занавески и громыхнул ставнями. В комнату проник серый утренний свет, и в открытое окно потянуло холодом.

Подняв хоббитов, Бродяга вместе с ними отправился посмотреть, что делается в спальнях. Вот когда хоббиты не пожалели, что вняли доброму совету! Окна были распахнуты, выломанные рамы висели на одних петлях, занавески хлопали на ветру. Все кровати были разворочены, валики искромсаны в лоскутья и сброшены на пол, от коричневой овечьей шкурки остались одни клочья.

Бродяга незамедлительно послал за корчмарем. Бедный господин Подсолнух прибежал, протирая глаза, насмерть перепуганный. Он не переставая уверял, что не спал ни минуты, но по его словам выходило, что он не слышал никаких звуков.

– Первый раз такое вижу! – причитал он, в ужасе воздевая руки. – Чтобы гости не могли спокойно почивать у себя в постелях! Чтобы какие-то негодяи кромсали мне на части славные, добротные валики! До чего же мы этак докатимся?

– До черных времен, – посулил Бродяга. – Но до поры до времени тебя, наверное, оставят в покое, как только ты от нас избавишься. А мы уезжаем немедленно. О завтраке не хлопочи: дай нам только промочить горло и перекусить не присаживаясь, остальное не твоя забота. Через несколько минут вещи будут собраны.

Господин Подсолнух побежал приглядеть за лошадами и распорядиться насчет «промочить горло» и «перекусить». Но не прошло и двух минут, как он возвратился, – судя по его лицу, в полном отчаянии. Пони исчезли! Ночью кто-то открыл все стойла, и теперь конюшни стояли пустые. Пропали не только пони Мерри Брендибэка; на дворе не осталось ни единой животины – свели всех лошадей, всех, какие были в стойлах!

Новость убила Фродо на месте. Это ли не курам на смех – пробираться в Ривенделл на своих двоих, надеясь уйти от конной погони! С таким же успехом можно было бы отправиться на Луну. Бродяга молчал; он вдумчиво глядел на хоббитов, словно прикидывал, хватит ли у них мужества и отваги для грядущих испытаний.

– Пони нас от Всадников не спасли бы, – произнес он наконец задумчиво, словно догадавшись, о чем печалится Фродо. – Но если мы пойдем тропами, о которых я говорил, получится не намного медленнее, чем верхом по Тракту. А сам я в любом случае собирался идти пешком. Единственное, что меня тревожит, – еда и вещи. Отсюда и до самого Ривенделла по пути ничего съестного не добудешь, так что

полагаться приходится только на собственные припасы. А запастись едой мы должны как следует – нас могут заставить идти в обход, круглыми путями. Сколько вы можете нести?

– Сколько потребуется, – упавшим голосом ответил Пиппин, храбрясь и чувствуя себя, как никогда, маленьким и слабым.

– Я могу нести за двоих, – хвастливо заявил Сэм.

– Неужели ничего нельзя сделать, господин Подсолнух? – взмолился Фродо. – Неужели в поселке не достать хотя бы парочки лошадок, ну, на худой конец, одной, вьючной? Вряд ли нам удастся взять тут пони внаем, но, может, кто-нибудь продаст?

Он отнюдь не был уверен, что у него хватит денег на такую покупку, и твердости своему голосу придать не смог.

– Сильно сомневаюсь, – сказал корчмарь, еще больше расстроившись. – Все верховые пони Бри стояли у меня в конюшне, но о них речи теперь нет. Что касается прочей скотинки – ну, лошадей там, вьючных пони, или не знаю, кого еще – в Бри ее не держат, а кто держит – не продаст. Но я сделаю все, что можно. Сейчас растолкаю Боба и пошлю по домам – пусть разведает.

– Да, пожалуй, послать стоит, – без особого воодушевления согласился Бродяга. – Пусть сходит. Хорошо бы раздобыть хоть одного пони, это верно... Но тогда прощай ранний выход! Ускользнуть потихоньку нам уже не удастся. С тем же успехом мы могли бы протрубить в рог и объявить на все Бри – уходим, дескать! Нет сомнений: это часть вражеского замысла.

– Зато есть и утешение, правда, маленькое, – весело сказал Мерри. – А может, и не очень маленькое. Сейчас мы сядем и, в ожидании новостей, спокойно позавтракаем! Подать-ка сюда Ноба!

Увы, задержаться пришлось больше чем на три часа. Боб доложил, что брийцы не отдадут чужакам своих лошадок ни за какие деньги. Исключение составил Билл Осина, предложивший своего пони.

– Это не пони, а мешок с костями, – сообщил Боб. – Но или я не знаю Билла Осину, или он, видя, как вас заклинило, запросит по меньшей мере втрое.

– Билл Осина? – усомнился Фродо. – А это не ловушка? Может, это животное через день сбежит к нему со всем нашим скарбом, или наведет на наш след Всадников, или еще что-нибудь выкинет?

– Все может быть, – сказал Бродяга. – Но с трудом верится, чтобы животное, избавившись от такого хозяина, ни с того ни с сего кинулось к нему обратно. Скорее, любезный господин Осина решил, на свой страх и риск, выжать из этого случая все до последней капли. Опасаться надо только одного – бедная кляча, неровен час, околеет! Но выбора, похоже, нет. Сколько он хочет за пони?

Билл Осина затребовал аж двенадцать серебряных монет – раза в три больше ходовой цены за среднего пони по тем временам. Пони оказался костлявой, заморенной и довольно понурой скотинкой, но, кажется, околевать пока не собирался. Господин Подсолнух заплатил за него самолично и вдобавок предложил Мерри восемнадцать монет за пропавших лошадок. Человек он был порядочный, и, по брийским меркам, денежки у него водились, но раскошелиться на тридцать монет было разорительно даже для него. А досаднее всего ему было, что в итоге не кто-нибудь, а именно Билл Осина обвел его вокруг пальца.

Правда, в конце концов корчмарь внакладе не остался. Позже выяснилось, что свели на самом деле только одну лошадь. Остальных просто выгнали из стойл в чисто поле, а может быть, они сами, обезумев от ужаса, порвали привязь и бежали прочь. Позднее лошадки отыскились – они бродили на воле в пределах Брийской Округи. Ну, а пони Мериадока ускакали дальше всех и в итоге (здорового смысла им было не занимать!) подались в Курганы – искать Блинчика. Том Бомбадил принял их как родных, и они прекрасно у него прижились. Ну, а когда Том прознал о переполохе в Бри, он послал лошадок к господину Подсолнуху, и тот в итоге заполучил пять отличных пони, причем за вполне разумную цену. В Бри им, конечно, пришлось работать до седьмого пота, но Боб их ласкал, холил и старался не обижать, так что, пожалуй, в целом им повезло – они избежали тяжелого и полного опасностей путешествия. Но зато и в Ривенделле не побывали!..

Ну, а пока господин Подсолнух видел одно: плакали его денежки. Увы – на этом его заботы не кончились. Мало-помалу в корчме началось настоящее светопреставление: проснулись остальные гости, и вскоре о ночном нападении знали уже все.

Южане, у которых пропало несколько лошадей, костили корчмаря на чем свет стоит, пока не выплыло на поверхность, что они и сами

кое-кого недосчитываются – причем не кого-нибудь, а того самого косоглазого приятеля Билла Осины. Подозрение тут же пало на него.

– Подбирают, понимаете, на большой дороге всяких конокрадов, приводят их ко мне в корчму, а потом шумят как скаженные, – возмущался Подсолнух. – Да с вас самих надо деньги содрать за весь этот погром, а они, видите ли, еще кричат на меня! Шли бы лучше спросили Билла Осину, где хоронится этот ваш распрекрасный приятель!

Но никто его за приятеля так и не признал. Более того, южане не смогли даже припомнить, когда он присоединился к их компании.

После завтрака хоббитам пришлось укладывать вещи заново и закупать съестное на предстоящую долгую дорогу – добраться быстро они уже не чаяли. Когда компания наконец двинулась в путь, было уже около десяти. К этому часу Бри гудел, как растревоженный улей. Выходка Фродо и его исчезновение, нашествие черных конников, ограбление конюшни – и последняя, но не менее потрясающая новость: к загадочным хоббитам присоединился Бродяга-Шире-Шаг, Следопыт! Тут было о чем поговорить, и с избытком. Пересудов должно было хватить на много последующих, небогатых событиями лет. Сбежались целые толпы, в основном из Бри и Бута, но арчетцы и жители Комба тоже не пожелали пропустить редкое зрелище. Из окон корчмы гроздьями свисали зеваки. Многие сбежали вниз и теснились у дверей.

Бродяга передумал пробираться огородами и решил выйти из Бри по главному Тракту. Иначе толпа непременно увязалась бы за ними: посмотреть, что они еще затеяли и не утянут ли по дороге чего чужого?

Хоббиты попрощались с Нобом и Бобом и рассыпались в благодарностях перед господином Подсолнухом.

– Надеюсь, когда настанут времена повеселее, мы еще встретимся, – сказал напоследок Фродо. – Как бы я хотел погостить у вас недельку-другую в мире и покое!

И они побрели по дороге с тревогой и унынием в душе, провожаемые неотвязной толпой. Далеко не все глядели на них приветливо; далеко не все крики, летевшие вдогонку, были пожеланиями доброго пути. Но к Бродяге брийцы, похоже, относились

с некоторым уважением, и те, на кого он смотрел в упор, тут же бочком-бочком, прикусив язык, ныряли в толпу. Шел он впереди, рядом с Фродо. Следом шагали Мерри с Пиппином, а замыкал шествие Сэм, который вел под уздцы пони, нагруженного, сколько хватило совести у новых хозяев. Однако животное казалось повеселевшим, – похоже, пони одобрял перемены, которые произошли в его судьбе. Сэм задумчиво жевал яблоко. Их у него был полный карман – прощальный дар Ноба и Боба.

– Гулять – так с яблочком, сидеть – так с трубочкой, – приговаривал он, шагая. – Только, боюсь, и с яблочком, и с трубочкой скоро придется распрощаться!

Хоббиты не обращали внимания на любопытных, выглядывавших из каждой двери и висевших на заборах. Но у дальних ворот взгляд Фродо привлек темный, с виду заброшенный дом за густо разросшейся изгородью. Этот дом стоял на самом краю деревни. В одном из окон Фродо приметил желтое лицо с хитрыми, косящими глазами; но лицо тут же пропало.

«Так вот где скрывается тот южанин! – подумал Фродо. – Да это просто гoblin какой-то. Ну и рожа...»

Из-за изгороди на хоббитов нагло пялился человек с короткой черной трубкой в зубах. Когда шествие приблизилось, человек вынул трубку изо рта и сплюнул.

– Здорово, Ходуля! – крикнул он. – Что это ты сегодня в путь ни свет ни заря? Смотрю, дружков себе нашел?

Бродяга кивнул, но ничего не ответил.

– Привет, ребятишки! – продолжал человек. – Вы, наверное, и понятия не имеете, с кем снюхались! Это же Бродяга, по прозвищу Ни-Кола-Ни-Двора! Я слышал, его еще и по-другому кличут, не так нежно. Ночью ушами не хлопайте! А ты, Сэмми, смотри не замори моего бедного старенького пони! Тьфу! – И он снова сплюнул.

Сэм быстро обернулся.

– Спрячь-ка свою гнусную рожу, Осина, – крикнул он. – А то ей не поздоровится!

И яблоко, которое он только что грыз, полетело Биллу прямо в нос. Осина, правда, пригнулся – но слишком поздно. Из-за изгороди посыпались проклятия.

– Эх, загубил яблоко, – посетовал Сэм и зашагал вперед.

Наконец деревня осталась за спиной. Детвора и прочие любители развлечься, увязавшиеся было следом, вскоре заскучали и повернули назад, решив не выходить за Южные ворота. Ну, а путники, оставив ворота позади, еще несколько верст шли по Тракту, никуда не сворачивая. Сначала Тракт изогнулся влево, огибая подножье горы, потом выпрямился и быстро побежал вниз, по направлению к лесу. По левую руку темнели на пологих склонах холмов дома и хоббичьи норки Бута; дальше к северу из глубокой долины поднимались дымки – надо думать, комбские; Арчет прятался за рощей.

Когда дорога пошла вниз и высокая бурая Брийская Гора осталась за спиной, они свернули влево, на узенькую тропку.

– Пора уходить с дороги. Дальше пойдем лесом, – сказал Бродяга.

– Надеюсь, не «напрямки», как в прошлый раз, – засмеялся Пиппин. – А то мы тогда как пошли напрямки, так едва живы остались!

– С вами не было меня, – улыбнулся Бродяга. – Если я срезаю дорогу, то в обход, напрямик ли, – попадем куда надо.

Он осмотрелся. Тракт был пуст, и они быстро начали спуск вниз, в лесистую долину.

Насколько могли догадываться не знавшие этих мест хоббиты, их проводник двинулся сначала в сторону Арчета, но потом взял вправо, чтобы обогнуть село и как можно быстрее выйти на пустоши, окружающие Пасмурную Вершину. Если бы этот замысел осуществился, дорогу удалось бы значительно сократить: Тракт огибал Мошкарные Болота довольно широкой петлей. Правда, при этом Болот было не миновать, а, если верить Бродяге, место это было не из приятных.

Ну, а пока прогулка всех вполне устраивала. Без ущерба для истины можно сказать, что, если бы не ночное происшествие, это утро показалось бы хоббитам просто расчудесным. Солнце ярко лучилось, но не припекало. Лес еще не обронил многоцветной листвы, долина выглядела мирно и с виду не таила никаких угроз и ужасов. Бродяга уверенно находил дорогу среди множества разбегавшихся троп. Не будь его, хоббиты в два счета заблудились бы. Путь он выбирал поизвилистее, то и дело петляя и возвращаясь к уже пройденным вехам, – так он надеялся сбить с толку погоню, если она будет.

– Билл Осина непременно постарается вызнать, в каком месте мы свернули с дороги, – сказал он. – Хотя не думаю, чтобы он пошел по следу. Места эти он знает сносно, но еще он знает, что в лесу со мной соперничать бесполезно. Правда, он может навести на наш след кое-кого еще – вот чего я боюсь. А эти «кое-кто» наверняка поблизости. Пусть считают, что мы направляемся к Арчету, – нам это на руку.

То ли Бродяга был и впрямь мастер своего дела, то ли по какой другой причине, но за весь день путешественники не видели ни единого двуногого существа, кроме птиц, и не слышали никаких подозрительных звуков. Четвероногих им тоже не повстречалось, если не брать в расчет лисицы и нескольких белок. На следующий день компания взяла твердый курс на восток. Вокруг по-прежнему царили тишь да гладь. На третий день Четский Лес кончился. Начиная от самого Тракта земля неуклонно понижалась; теперь хоббиты вышли на обширную плоскую пустошь, и легкой прогулке настал конец. Границы брийских земель остались далеко позади. Началось бездорожье: приближались Мошкарные Болота.

Под ногами захлюпало, кочки заходили ходуном, заблестели оконца, а в зарослях болотных трав и камышей засвиристели невидимые птицы. Приходилось думать, куда ступаешь, и постоянно выискивать, где посуше; к тому же нужно было исхитриться не только не промочить ноги, но и не уклониться от курса. Разогнавшись, хоббиты и Бродяга шли поначалу довольно бодро, но постепенно двигаться стало труднее, да и опаснее. Мошкарные Болота слыли коварными, заплутать в них было нетрудно, а постоянной тропы сквозь трясины, то и дело менявшую очертания, не знали даже Следопыты. Добавилась и еще одна напасть – мошकारа: она тучами висела в воздухе, набивалась в волосы, забиралась под штанины и в рукава.

– Съели! Ну чисто съели живьем! – восклицал Пиппин. – Мошкарные Болота называется! Да тут больше мошकारы, чем болот!

– И чем они только питаются, когда поблизости нет хоббитов? – интересовался Сэм, изо всех сил расчесывая шею.

Они провели в этом пустынном, неприятном краю поистине ужасный день. Ночевать на болотах было сыро, зябко и неудобно, а кусачая мошकारа явно поставила себе целью не дать путникам ни минуты сна. В довершение всего, среди кочек и зарослей камышей

кишели какие-то отвратительные скрипуны, – видимо, дальние родственники сверчков, только уж больно злобные. Их были мириады, и все они, точно сговорившись, дружно пилили свое «скррып-скррап, скррып-скррап», ни на миг не останавливаясь, так что к рассвету хоббиты почувствовали, что попросту звереют.

Следующий, четвертый день пути не принес большого облегчения, а ночь выдалась почти такая же беспокойная. «Скрыпсы», как прозвал их Сэм, остались позади, но мошкара не отставала и по-прежнему тучей стояла над головой.

Фродо лежал без сил, но глаза у него никак не закрывались. И вдруг ему почудилось, что вдали, на востоке, что-то вспыхнуло чуть ли не на полнеба, а потом еще и еще. Так повторилось много раз. К рассвету зарницы никакого отношения иметь не могли – до утра оставалось еще несколько часов.

– Что это за отблески? – спросил Фродо Бродягу, который поднялся и стоял, всматриваясь в ночь.

– Не знаю, – ответил Бродяга. – Слишком далеко, чтобы сказать наверняка. Похоже на молнию, только бьет она вверх, с холмов, а не наоборот, вот что странно!

Хоббит снова лег, но долго еще смотрел на белые вспышки, озарявшие далекое небо, и долго еще маячил на светлом фоне зарниц высокий темный силуэт Бродяги, молча стоявшего на страже. Наконец Фродо забылся беспокойным сном.

На пятый день, пройдя совсем немного, путники выбрались из Болот и оставили опасные топи и заросли камыша позади. Начался пологий подъем. Вдали, на востоке, протянулась линия холмов. Самый высокий стоял немного справа, особняком. Верхушка у него была коническая, слегка приплюснутая.

– Вот и Пасмурная Вершина, – показал туда Бродяга. – Старый Тракт, который мы оставили далеко справа, огибает ее с юга, почти у самого подножья. Мы должны оказаться там завтра около полудня, если пойдем прямо. И лучше бы нам так и поступить.

– Что ты хочешь сказать? – спросил Фродо.

– Я хочу сказать, что никто не знает, что мы там найдем, когда доберемся. Пасмурник стоит у самого Тракта.

– Но ведь мы, кажется, думали повстречать там Гэндальфа?

– Это так, но надежды на это почти нет. Если Гэндальф пойдет этой дорогой, он вполне может обойти Бри стороной и не узнает, что мы предприняли. Но в любом случае мы встретимся, только если нам повезет и мы подойдем туда одновременно. Долго ждать друг друга и нам, и ему небезопасно. Всадники не смогли настичь нас на пустоши, значит, вероятнее всего, они тоже отправятся к Пасмурнику. С его вершины отлично виден почти весь Тракт. Кстати, в здешних местах не оберешься птиц и зверей, которые могут нас оттуда заметить. А птицы бывают всякие. Но кроме них, есть и другие соглядатаи, гораздо опаснее.

Хоббиты посмотрели на дальние холмы с тревогой. Сэм запрокинул голову, изучая блеклое небо, словно опасался увидеть там целую стаю ястребов и орлов – зорких и злобных.

– От твоих слов, Бродяга, всегда такая тоска нападает, что места себе потом не найдешь! – расстроенно сказал он.

– Что же ты советуешь делать? – спросил Фродо.

– Я думаю, – медленно и словно бы не совсем уверенно начал Бродяга, – я думаю, что самое лучшее – это пойти отсюда к холмам, но не прямо к Пасмурнику. Возьмем чуть левее: тогда мы выйдем на тропку, которую я хорошо знаю – она подходит к Пасмурнику с севера и поможет нам на некоторое время скрыться от посторонних глаз. Ну, а там увидим.

До самого вечера, раннего и зябкого, они брели вперед. Земля под ногами стала суше, трав поубавилось. Позади, на Болотах, белели туманы. Монотонно и жалобно кричали какие-то печальные птицы. Наконец круглое красное солнце медленно погрузилось в тень и наступила пустая, мертвая тишина. Хоббитам припомнились ласковые, неяркие закаты, озарявшие окна далекой Котомки...

В конце дня дорогу пересек ручей, сбегавший с холмов и терявшийся в гнилых болотах. Путники пошли вдоль берега и, когда свет стал меркнуть, устроили привал в низкорослом ольшанике, возле воды. На сумеречном небе впереди вырисовывались тусклые, безлесые склоны холмов.

В эту ночь они решили по очереди стоять на страже. Бродяга, как показалось хоббитам, не спал совсем. Луна заметно прибыла, и всю первую половину ночи холмы и долину заливал холодный, серый свет.

С восходом двинулись в путь. За ночь подморозило, и небо голубело бледно, по-зимнему. Хоббиты чувствовали себя свежими и выспавшимися, словно и не приходилось просыпаться среди ночи, чтобы стеречь спящих. Они уже привыкли целый день шагать и обходиться самым скудным рационом, хотя в Заселье всякий сказал бы, что так и ноги недолго протянуть. Пиппин однажды довольно замысловато сострил, что, мол, прежний Фродо – это только половинка нынешнего: так-де он возмужал и вырос за эти дни.

– Чепуха, – сказал Фродо, затягивая пояс. – На самом деле все наоборот: нынешний – половинка прежнего! Если я не прекращу худеть, то и вовсе стану привидением!

– Не надо так говорить! – быстро остановил его Бродяга, и хоббиты удивились его серьезности.

Холмы приближались. Неровной грядою, порой в высоту до тысячи локтей, тянулись они впереди, сходя иногда на нет и открывая путь на восток. Иногда казалось, что вдоль вершин тянутся заросшие травой стены, а в разрывах гряды то там, то здесь отчетливо вырисовываются каменные развалины. Когда стемнело, путники добрались до подножия западных склонов, где и разбили лагерь. Шла ночь на пятое октября; минуло почти шесть суток со дня выхода из Бри.

Утром – впервые с тех пор, как они вышли из Четского Леса, – путешественники наткнулись на тропу. Повернув направо, они пошли по ней. Тропа затейливо петляла, словно старалась по возможности скрыть идущих по ней от любопытных глаз. Откуда ни смотри – с вершины ли, снизу ли, – ни за что не заметишь! Тропа то ныряла в овраги, то вплотную прижималась к склонам, выбирая какие покруче, а если приходилось, хочешь не хочешь, выйти на открытое место – по обе стороны обязательно вырастали крупные валуны и тесаные обломки скал, скрывавшие случайного пешехода не хуже доброй изгороди.

– Интересно, кто проложил эту тропу и, главное, зачем? – подивился Мерри, когда они шли по одному из таких коридоров. Камни здесь были особенно крупными и стояли вплотную друг к другу. – Что-то мне тут не очень нравится. Жутковато, я бы сказал. Навьями отдает. На Пасмурной Вершине есть могильник?

– Нет. Ни там, ни на соседних холмах никаких могил нет, – ответил Бродяга. – Люди Запада здесь не жили – просто в последние годы перед падением Северного Королевства им приходилось оборонять эти холмы от зла, которое угрожало из Ангмара. Тропу эту они проложили, чтобы обеспечить незаметный подход к укреплениям на вершинах. Но еще задолго до того Северные Короли построили на Пасмурнике высокую сторожевую башню и нарекли ее Амон Сул. Впоследствии она была сожжена и разрушена, да так, что осталось только разбитое каменное кольцо наподобие короны, венчающей чело старой горы. Но когда-то эта башня была высокой и прекрасной. Говорят, в дни Последнего Союза сам Элендил стоял на этой башне, глядя на запад в ожидании Гил-галада...

Хоббиты смотрели на Бродягу во все глаза. Выходит, он разбирается в древних легендах не хуже, чем в тайных тропах через дикие пустоши?!

– А кто это – Гил-галад? – спросил Мерри.

Но Бродяга не ответил – он погрузился в свои думы. И вдруг кто-то тихо продекламировал:

*Гил-галад был, – поют о нем, —
Последним славным Королем:
Державу эльфов он простер
От Моря до Туманных Гор,*

*И ярче тысячи зеркал
Его разящий меч сверкал,
И на серебряном щите
Мерцали звезды в темноте.*

*Но помнят давние года —
Ушла с небес его звезда:
Скатилась и изнемогла
Во мгле, что Мордор облегла¹⁴³.*

Все удивленно обернулись: голос был Сэма.
– Еще! – попросил Мерри.

– Я дальше не знаю, – сконфуженно пробормотал Сэм. – Я запомнил это у господина Бильбо, мальчишкой еще. Он частенько рассказывал мне всякие истории. Старик знал, что если заходит речь про эльфов, то я тут как тут! Старый добрый господин Бильбо, он и читать меня выучил. А сам как много книг перелопатил! И стихи писал. Это я не чей-нибудь, а его стишок вспомнил!

– Нет, это не его стихи, – возразил Бродяга. – Это часть старинной баллады, которая называется «Падение Гил-галада». Баллада эта первоначально была сложена на одном из древних языков. Видимо, Бильбо перевел ее. Я об этом не знал.

– Да, это длинный стих, – сказал Сэм. – Но там дальше все про Мордор. Я потому и не стал учить, что боялся. Бр-р-р! Вот уж никогда не думал, что мне самому выпадет туда отправиться!

– В Мордор?! – в ужасе воскликнул Пиппин. – Этого еще не хватало!

– Поосторожнее с этим словом! – остановил их Бродяга.

Был уже полдень, когда они наконец добрались до конца тропы, и в бледном, чистом свете октябрьского солнца перед ними вырос серо-зеленый вал – что-то вроде моста, ведущего на северный склон Пасмурника. Решено было, пока солнце еще высоко, взобраться на вершину. Скрыться теперь было негде; оставалось уповать, что ни враги, ни вражеские соглядатаи за ними пока не следят. На вершине было мертво и пусто. Если Гэндальф и бродил где-нибудь в окрестностях, о его присутствии пока ничто не говорило.

На западном склоне Пасмурника нашлась укромная лощина, а на дне ее – чашеобразная яма с поросшими травой склонами. Оставив Сэма, Пиппина, пони и поклажу в лощине, Бродяга, Мерри и Фродо отправились наверх. После тяжелого получасового восхождения Бродяга первым ступил на вершину холма; усталые Фродо и Мерри, тяжело дыша, вскарабкались следом. Последний участок подъема, крутой и скалистый, дался им нелегко.

Вершину, как и предсказывал Бродяга, венчало огромное выщербленное кольцо древней каменной кладки. Камни сильно раскрошились и потонули в разросшейся за многие века траве. В середине круга высилась груда битого камня с черными следами ожогов. Трава вокруг выгорела до корней, да и внутри всего кольца

полегла и казалась опаленной, будто над горой пронеслась огненная буря. Никаких следов жизни на вершине заметно не было.

Взобравшись на развалины, Бродяга и хоббиты увидели широко раскинувшиеся равнины, голые и однообразные; только на юге темнели заплатки леса, да кое-где вдали поблескивала вода.

Южное подножие Пасмурника огибала лента Старого Тракта; петляя, ныряя и снова взлетая на склоны, она исчезала за темной полоской леса на горизонте. Тракт был пуст. Следуя за ним взглядом, хоббиты увидели вдали бурые и мрачные предгорья, за ними – серые волнистые громады, а еще дальше – белые пики, мерцавшие вровень с облаками.

– Вот мы и пришли! – вздохнул Мерри. – Как безрадостно, неприветливо, ну просто слов не найду! Тоска! Ни воды тебе, ни защиты. И никакого Гэндальфа. Но я не стану его винить, если он нас не дождался, хотя неизвестно, приходил ли он сюда вообще...

– Не знаю, – сказал Бродяга, внимательно осматриваясь. – Даже если он заехал в Бри только через день или два после нас, на Пасмурник он попал бы гораздо раньше. Когда требуется, торопиться он умеет.

Он наклонился к обожженной груде камней и поднял верхний обломок. Он был площе остальных, светлее, и огонь его не коснулся. Взяв камень в руки, Бродяга тщательнейшим образом изучил его, вертя и так и сяк.

– Этот камень кто-то сюда принес, и совсем недавно, – сказал он. – Как ты думаешь, что это за знаки?

На плоской нижней стороне камня Фродо различил какие-то царапины, выглядевшие примерно следующим образом:

Ŧ. III.

– Штрих, точка и еще три штриха, – сказал он.

– Левый штрих может оказаться руническим «Г», особенно если судить по двум тонким черточкам справа, – предположил Арагорн. – Вполне может быть, что этот знак оставил Гэндальф, хотя уверенности у меня в этом нет. Царапины тонкие и выглядят совсем свежими. Но не исключено, что они означают что-нибудь совершенно иное, и до нас

никакого касательства не имеют. Например, у Следопытов тоже в ходу руны, а Следопыты здесь бывают.

– А что могут означать эти знаки, если их оставил Гэндальф? – спросил Мерри.

– Я бы сказал, – ответил Бродяга, – я бы сказал, что здесь написано «Г-три». Это значит, что Гэндальф побывал здесь третьего октября, то есть три дня назад. Это говорит также о том, что он спешил, уходя от какой-то опасности, из-за чего не успел или не решился написать больше или хотя бы понятнее. Если так, то и нам надо быть настороже.

– Я хотел бы точно знать, Гэндальф оставил эти штрихи или нет, какой бы смысл они в себе ни несли, – сказал Фродо. – Как хорошо было бы увериться, что он уже в пути – не важно, обогнал он нас или еще только догоняет!

– Все может быть, – сказал Бродяга. – Но я думаю, что он действительно побывал здесь и опасность следует за ним по пятам. Эту вершину обожгло лютое пламя. Припоминаете вспышки, которые полыхали три ночи назад на горизонте, в стороне Пасмурника? Видно, здесь, на вершине, на него кто-то напал, но чем дело кончилось – точно не скажешь. Как бы то ни было, его здесь уже нет, а нам надо не зевать по сторонам и пробираться в Ривенделл самостоятельно.

– А далеко Ривенделл? – спросил Мерри, устало глядя вниз, в долину. С вершины Пасмурника мир казался бескрайним и пустынным.

– Между Ривенделлом и «Покинутой Корчмой», которая находится в дне пути от Бри, верст, насколько я знаю, никто не мерил, – отозвался Бродяга. – Одни говорят так, другие – иначе. Это странная дорога, и все, кому доводится по ней идти, рады поскорее достичь цели, не важно, требует их дело спешки или нет. Но я знаю, сколько дней потребовалось бы, например, мне, иди я один, в хорошую погоду, и не встретить я на пути никаких препятствий. До Бруиненского Брода я шел бы двенадцать дней. Там Тракт пересекает реку под названием Шумливая – она течет из долины Ривенделл. От Брода уже рукой подать до цели. Но теперь нам понадобится не меньше двух недель, потому что идти по Тракту нам, похоже, заказано.

– Две недели! – вздохнул Фродо. – За это время много что может случиться.

– Не спорю, – сказал Бродяга.

Они подошли поближе к южному краю и молча остановились. Только здесь, в этом безлюдном и диком месте, Фродо наконец вполне ощутил, каков на пробу жребий бездомного странника, и осознал подлинные размеры опасности, которая ему грозила. Ну почему, почему судьба оказалась к нему так жестока и не позволила мирно скоротать отпущенные ему деньки в любимом, тихом Заселье? Он перевел взгляд на ненавистный Тракт, так беспечно бежавший обратно к дому. И вдруг в глаза ему бросились две черные точки. Обе они медленно ползли по Тракту на запад. Фродо вгляделся – и заметил еще три точно такие же; эти ползли навстречу первым. Он сдавленно вскрикнул и вцепился в руку Бродяги:

– Смотри!

Бродяга, мгновенно оценив обстановку, бросился наземь, прячась за камни, и потянул за собой Фродо. Мерри упал рядом.

– Что это? – шепнул Мерри.

– Не знаю, но боюсь, что дело плохо, – ответил Бродяга.

Они осторожно подползли к разрушенной стене и выглянули в щель меж двух изъеденных непогодой камней.

Ясное утро сменилось хмурым днем; тучи, постепенно наползавшие с востока, скрыли солнце, как только оно начало свой путь к закату. Все трое ясно видели теперь, что по дороге действительно движется несколько черных пятнышек. Фродо и Мерри не могли сказать точно, что это такое, но сердце подсказывало им: там, далеко внизу, на дороге, у подножия горы, собираются Черные Всадники.

– Это они, – подтвердил Бродяга, чьи глаза были зорче хоббичьих. – Враг здесь!

Они торопливо отползли прочь и спустились к друзьям.

Сэм и Перегрин не сидели сложа руки. Прежде всего они придирчиво осмотрели яму на дне лощины и все окрестные склоны. Неподалеку нашелся родник, а рядом – следы, свежие, не более чем одно-двухдневной давности. В лощине обнаружили остатки костра и другие приметы чьего-то краткого пребывания на Пасмурнике. На краю лощины, ближе к склону, лежало несколько скатившихся с

вершины валунов. За валунами Сэм обнаружил небольшой запас аккуратно сложенного хвороста.

– Уж не побывал ли тут старина Гэндальф? – сказал он Пиппину. – Впрочем, кто бы тут ни побывал, он, наверное, собирался вернуться, иначе зачем дровишки?

Бродяга очень заинтересовался этими открытиями.

– Напрасно я пошел наверх – надо было сперва осмотреть лощину, – пожалел он и быстро направился к роднику, чтобы изучить следы. – Этого я и боялся, – сказал он, вернувшись. – Земля мягкая, Сэм с Пиппином как следует на ней потоптались, и вот результат – все следы спутаны. Наверняка можно сказать только одно: недавно здесь побывали Следопыты. Дрова заготовили именно они. Но я нашел и другие, более свежие следы: они говорят о том, что гостили тут не только Следопыты. Человек, который наведлся в лощину день или два назад, был обут в тяжелые сапоги. Возможно, он приходил не один, хотя точно не скажу. Однако мне кажется, что гостей было несколько.

Он замолчал и задумался, озабоченно нахмурившись.

Перед мысленным взором хоббитов возникли Всадники, одетые в черные плащи и сапоги... Если Всадники знают об этой лощине, то чем скорее Бродяга снимется с места, тем лучше!

Сэм, услышав о том, что на Тракте, всего в нескольких верстах от них, собираются враги, с неприязнью поглядел на окрестные склоны.

– Не пора ли смываться, господин Бродяга? – спросил он нетерпеливо. – Скоро вечер, а мне эта яма что-то не по нутру, честно скажу. Посмотрю вокруг – и сердце в пятки.

– Ты прав, решать надо быстро, – отозвался Бродяга, взглянув на небо и прикидывая, сколько еще до заката и какой можно ожидать погоды. Наконец он повернулся к Сэму: – Мне это место тоже не нравится. Но, видишь ли, Сэм, ничего лучше я придумать не могу. Пока что нас по крайней мере не обнаружили, а будем отсюда перебираться – сразу себя выдадим. Можно, правда, свернуть и пойти на север, вдоль холмов, но там везде все то же самое. Укрыться в кустарниках? Для этого пришлось бы пересечь Тракт, а за Трактом следят. А за холмами на многие версты сплошные пустоши...

– А Всадники могут видеть? – поинтересовался Мерри. – Мне показалось, что они не смотрят, а нюхают. Ищут нас, так сказать, по запаху... Но когда ты их заметил, то сразу велел нам лечь и головы не

поднимать, да и теперь уверяешь, что, дескать, высунемся – костей не соберем...

– На вершине я повел себя непростительно беспечно, – вздохнул Бродяга. – Я хотел найти следы Гэндальфа и позабыл обо всем остальном – так меня увлекли поиски. Стоять во весь рост, да еще втроем, да еще на самой вершине, было большой ошибкой. Черные кони – вот кто видит, и притом прекрасно. К тому же у Всадников служат в соглядатаях самые разные твари. Да и люди им иногда подсобляют – мы столкнулись с этим в Бри. Всадникам мир света, каким его видим мы, недоступен, но мы отбрасываем в их сознании что-то наподобие теней, и только лучи полудня уничтожают эти тени совершенно. Ну, а в темноте Всадники видят разные тайные знаки и приметы, от нас, как правило, скрытые. Вот тогда-то их и надо опасаться больше всего. Кроме того, их притягивает запах живой крови. Ее они чувят в любое время дня и ночи. Они алчут ее – и в то же время ненавидят лютой ненавистью. Но помимо обычных чувств у них есть еще и другие. Ведь и мы ощущаем их присутствие не по внешним признакам. Мы едва успели прийти сюда, как в сердце к нам закралась тревога, а ведь увидели мы их далеко не сразу. Всадники чувствуют наше присутствие еще острее. Но главное, – Бродяга перешел на шепот, – главное – зов Кольца!

– Значит, бежать некуда! – воскликнул Фродо, озираясь, как загнанный зверек. – Если я выйду отсюда – меня увидят и догонят. Останусь – Кольцо само их позовет...

Бродяга положил руку ему на плечо.

– Надежда еще есть, – сказал он. – Ты не одинок. Будем считать этот хворост, который кто-то приберег для нас, добрым знаком. Здесь нет укрытия и нет защиты от врага, но огонь послужит нам и укрытием, и защитой. Саурон может принудить огонь – как, впрочем, и все в мире – служить ему, но Всадники не любят огня и боятся тех, кто им владеет. Огонь – наш союзник в этих безлюдных землях.

– Может, оно и так, – пробормотал Сэм. – Но и лучшего способа показать Всадникам, где мы, тоже нету. Разве что прокричать: «Ау! Мы тут!» – да погромче!

Выбрав самый глубокий и защищенный от ветра уголок ямы, они разожгли костер и приготовили еду. Вечер занавесил лощину

сумерками, стало холодать. Хоббиты вдруг поняли, что страшно проголодались, – не ели они с самого утра. Но стряпать настоящий ужин теперь было не с руки. Впереди простирались пустынные земли, где обитали одни птицы да зверье, – неприветливый, мрачный край, давно покинутый всеми средьземельскими племенами. Следопыты здесь иногда бывали, но Следопытов было мало, и подолгу они в этих местах не задерживались. Другие гости забредали сюда редко, причем, как правило, гости такие, что встретишь – не обрадуешься: например, с северных отрогов Туманных Гор к Пасмурнику наведывались тролли... Обычные же путешественники пользовались исключительно Трактом. Это были в основном гномы, вечно спешившие по своим делам; но гномы были скупы и на слова, и на помощь.

– Не представляю, как мы сумеем растянуть наши запасы, – сказал Фродо. – Последние дни мы тряслись над каждым куском, да и сегодняшнюю трапезу пиром не назовешь, но мы все равно истратили больше, чем следовало. А впереди еще две недели пути, да и то если повезет.

– Еда под ногами, – сказал Бродяга. – Ягоды, коренья, травы. Надо будет – и поохочусь. Не бойтесь! До зимы от голода не погибнем. Но собирать коренья и охотиться – дело долгое и отнимает много сил, а мы спешим. Поэтому лучше затяните потуже пояса и утешайте себя надеждой на трапезы в Доме Элронда!

С наступлением темноты стало еще холоднее. Выглядывая из лощины, хоббиты не видели ничего, кроме серых равнин, быстро погружавшихся во мрак. Небо снова расчистилось и постепенно заполнилось перемигивающимися звездами. Фродо и его друзья подвинулись ближе к костру и тесно прижались друг к другу, натянув на себя все тряпки и одеяла, какие только отыскились в мешках. Бродяга довольствовался обычным плащом и сидел в стороне от огня, задумчиво посасывая трубку.

Когда стемнело и костер разгорелся ярче, Бродяга, пытаясь отвлечь хоббитов от мыслей о страшном, начал рассказывать разные истории. Он знал множество легенд о древних временах, об эльфах и людях, о светлых и черных деяниях Старшей Эпохи. Сколько же ему лет, гадали хоббиты, и откуда он все это знает?

– Расскажи нам о Гил-галаде, – неожиданно попросил Мерри, когда Бродяга закончил повествование об эльфийских королевствах. –

Ты знаешь конец той старой баллады, про которую мы говорили?

– Как не знать, – ответил Бродяга. – И Фродо знает. Как-никак, эта история имеет к нам самое прямое отношение.

Мерри и Пиппин посмотрели на Фродо. Тот сидел, уставившись в огонь.

– Я знаю только то, что рассказал мне Гэндальф, – медленно произнес он. – Гил-галад был последним из великих эльфийских королей Средьземелья. На их языке «Гил-галад» означает «звездный свет». Элендил Друг Эльфов и Гил-галад отправились в...

– Нет! – перебил Бродяга. – О том, куда они отправились, лучше пока не рассказывать – особенно теперь, когда рядом рыщут слуги Врага. Вот удастся нам прорваться к Дому Элронда, там и услышите эту историю целиком.

– Тогда расскажи про что-нибудь другое, – попросил Сэм. – Хотя бы про эльфов. Как они жили в прежние времена? Мне ужасно хочется послушать про эльфов, а то темнота что-то уж слишком близко подобралась.

– Я расскажу вам о Тинувиэли, – согласился Бродяга. – Только вкратце, ибо это длинная легенда и конец ее неизвестен. Мало кто помнит теперь, как рассказывали ее в старину, – разве что сам Элронд. Это удивительная история – правда, печальная, как и все легенды Средьземелья, но посмотрим – может, выслушав ее, вы чуть-чуть воспрянете духом.

Он немного помолчал и неожиданно, вместо того чтобы начать рассказ, тихо запел:

*Был долог лист и зелен луг,
Высок болиголов,
И звездный пробивался луч
Сквозь лиственный покров;
И тень, и свет, и сушь, и прель,
И музыка в тиши —
Так танцевала Тинувиэль,
Как луч в лесной глуши.*

*А Берен шел с полночных гор
И заплутал, устав,*

*И рек услышал разговор,
Когда кончался день.
Раздвинул он заслоны трав —
И видит золотой узор,
И видит блещущий рукав
И кос ночную тень.*

*От злой истомы исцелен,
Забыв свой прежний путь,
Спешит ее коснуться он,
Но ловит лунный свет:
Лес Тинувизли – словно дом,
Скользнет, порхнет – и не вернуть.
И камень лег ему на грудь,
И лес молчит вослед.*

*Но поступь слышится, легка,
И мнится шум шагов,
И, словно под землей река,
Поет сокрытый звук,
Пусть сник, увял болиголов,
И осень коротка,
И листья устилают ров,
И блекнут лес и луг.*

*Все гуще лет и листьев слой.
Он бродит, как во сне,
Под небом непогоды злой,
В лучах застывших звезд.
Она – на холмах, при луне,
Сорит серебряной золой,
Танцует в стылой вышине,
Блестит плащом волос...*

*Когда же минула зима,
С холмов сошла Она —
Грозна, как вешние грома,*

Нежна, как пенье вод.
Цветы проснулись ото сна –
И видит Берен, что сама,
Волшбой весны озарена,
К нему она идет.

«Тинувиэль!» – и дева вспять
Глядит, удивлена:
Откуда смертный мог прознать,
Как Тинувиэль зовут?
Лишь миг помедлила она, —
И тысячью незримых пут
Дала любви себя связать,
Судьбой побеждена.

И смотрит Берен в тень волос,
В сияние очес,
И видит в них мерцанье звезд
И зеркало небес.
И, краше всех земных принцесс,
Шатер своих волос
Она раскинула вокруг них –
И мир, сияя, стих.

Судьба их повлекла, строга,
За страшный горный круг,
В железные дворцы Врага,
В бессолнечную муть.
Катили вал Моря Разлук, —
Но там, у неземных излук,
Где не метет пурга,
Дано им было мрак потряхнуть
И с песнею пуститься в путь,
Не разнимая рук¹⁴⁴.

Бродяга вздохнул и смолк. Заговорил он не сразу.

– Эта песня сложена по образцу, который у эльфов называется анн-теннат. Ее трудно перевести на наш, Общий Язык. Поэтому то, что вы слышали, – всего лишь грубое, невнятное эхо подлинной песни. В ней поется о встрече Берена, сына Барахира, с Лутиэн Тинувиэль. Берен был смертным человеком, а Лутиэн – дочерью Тингола, Короля всех эльфов Средьземелья. Случилось это в дни, когда мир был еще молод. Никогда еще не рождалось в этом мире девы прекраснее Лутиэн. Словно звезды над туманами севера, сияла ее красота, и лицо ее было как луч света. Великий Враг¹⁴⁵, коему Саурон из Мордора был не более чем слугой, властвовал в те времена в Ангбанде на севере, и западные эльфы объявили ему войну, как только вернулись в Средьземелье, – они хотели силой отнять украденные им Сильмарилы¹⁴⁶. Праотцы нынешних людей сражались вместе с эльфами. Но Враг одержал победу, Барахир был убит, а Берен, претерпев страшные испытания, перешел через Горы Ужаса и оказался в тайном Королевстве Тингола¹⁴⁷, в лесах Нелдорета. Здесь он встретил Лутиэн – она пела и танцевала на поляне у зачарованной реки Эсгалдуин – и нарек ее Тинувиэль, что на старинном наречии значит «соловей». Много скорбей пришлось им претерпеть, и разлука их оказалась долгой. Тинувиэль вызволила Берена из подземелий Саурона, и они преодолели много грозных опасностей, но в конце концов им удалось сбросить с престола самого Великого Врага и вынуть из его Железной Короны один из трех Сильмариллов, самый яркий. Он должен был стать свадебным выкупом, который Тингол, отец Лутиэн, просил за свою дочь. Но Берена загрыз волк, вышедший из врат Ангбанда, и Берен умер на руках у Тинувиэль. Тогда она по собственной воле выбрала удел Смертных и решила уйти из мира, чтобы последовать за Береном. В песне поется, что за Морями Разлук¹⁴⁸ они встретились вновь – и было им дано ненадолго вернуться живыми в зеленые леса Средьземелья. Лишь потом, рука в руке, ушли они за грань этого мира – теперь уже навсегда. Из всех эльфов одна только Лутиэн Тинувиэль умерла по-настоящему и покинула мир, и эльфы потеряли ту, кого любили больше всех на свете. Но именно от Лутиэн идет род древних эльфийских властителей. Те, кому Лутиэн приходится праmaterью, живы до сих пор, и предсказано, что нить ее рода никогда не прервется. Элронд из Ривенделла тоже происходит от Лутиэн. От Берена и Лутиэн родился Диор, наследник

Тингола. Дочь Диора, Элвинг Белая¹⁴⁹, обручилась с Эарендилом¹⁵⁰, тем самым Эарендилом, что навсегда покинул земные туманы и с Сильмарилом на челе направил свой корабль в небесные моря. А от Эарендила происходят Властители Нуменора, или Закатного Края.

Бродяга рассказывал, а хоббиты не отрываясь смотрели на его лицо – вдохновенное, озаренное красными сполохами костра. Глаза его светились, голос был глубок и звучен, а над головой чернело звездное небо. Вдруг вершину Пасмурника осияло бледное свечение. Из-за горы, скрывавшей их в своей тени, медленно поднималась луна. Звезды над вершиной померкли.

Рассказ кончился. Хоббиты зашевелились, потягиваясь.

– Смотрите-ка! – зевнул Мерри. – Луна встает! Наверное, уже очень поздно!

Остальные посмотрели вверх. На вершине, на фоне освещенного луной неба, что-то чернело. Может, просто большой камень или острая скала, высвеченная бледным лунным светом?

Сэм и Мерри поднялись и отошли от костра размять ноги. Фродо и Пиппин остались молча сидеть у огня. Бродяга не отрываясь вглядывался в лунный ореол над вершиной. Казалось, повсюду разлит мир и покой, но теперь, когда беседа смолкла, Фродо почувствовал, что в сердце к нему закрадывается ледяной страх. Зябко ежась, он придвинулся поближе к огню. Тут прибежал Сэм, ходивший на разведку к краю лощины.

– Не знаю, что там такое, – сообщил он, – но мне вдруг почему-то сделалось не по себе. Ни за какие блага на свете отсюда не высунусь. Кажется, там, по склону, кто-то пробирается.

– Ты видел что-нибудь? – спросил Фродо, вскакивая.

– Нет, хозяин. Видеть ничего не видел, но я, честно признаться, не стал даже и глядеть.

– Зато я видел, – вмешался Мерри. – Если мне не показалось. Там, на западе, за тенью от холмов, на освещенной равнине. Мне почудилось, что там движутся две или три черные точки. Причем, если я не ошибся, они направляются именно сюда.

– Все спиной к огню! Не отходите от костра! – крикнул Бродяга. – Выберите себе ветки подлиннее!

Некоторое время все сидели насторожившись, молча, спиной к огню и напряженно вглядывались в сомкнувшийся вокруг мрак.

Ничего не происходило. Нигде не слышалось ни шороха. Фродо пошевелился, чувствуя, что долго не выдержит и вот-вот закричит что есть мочи.

– Тсс! – прошептал Бродяга.

– Что это? – ахнул Пиппин.

Над нижним краем лощины появилась едва заметная тень – одна, а может, и несколько: хоббиты скорее почувствовали их, чем увидели. Друзья изо всех сил напрягли зрение – и им показалось, что тени растут. Вскоре уже никто не сомневался: на склоне, глядя на хоббитов и Арагорна сверху вниз, чернело три или четыре высоких расплывчатых силуэта. Так черны были эти зловещие тени, что даже во тьме ночи они казались черными дырами на серой ткани неба. Фродо показалось, что он слышит тихое, но ядовитое шипение. Хоббита пронизали острые, тонкие иглы холода. Тени медленно двинулись к костру¹⁵¹.

Не помня себя от страха, Пиппин и Мерри упали ничком. Сэм прижался к Фродо. Фродо испугался не меньше них и трясся, как от лютого холода, но страх был ничто перед внезапно нахлынувшим искушением надеть Кольцо. Желание это захватило Фродо без остатка. Все его помыслы обратились к карману, где лежала цепочка. Он не забыл ни Курганов, ни предостережений Гэндальфа, но что-то властно склоняло его пренебречь всеми доводами рассудка. Он жаждал уступить – не потому, что надеялся скрыться от Всадников или чувствовал: надо срочно что-то сделать, не важно, хорошее или плохое. Нет, он просто знал, что во что бы то ни стало должен достать из кармана Кольцо и надеть на палец, вот и все. Он не мог вымолвить ни слова, но чувствовал, что Сэм смотрит на него с тревогой, будто догадываясь, что хозяин борется с собой и вот-вот поддастся искушению. Но повернуться к Сэму Фродо не мог. Закрыв глаза и сделав над собой последнее отчаянное усилие, он понял, что больше не в силах сопротивляться. Тогда он медленно вытащил цепочку и так же медленно надел Кольцо на указательный палец левой руки.

Внезапно смутные черные силуэты на краю лощины обрели пронзительную ясность, хотя все остальное, как и прежде, скрывала тьма. Взор Фродо проник сквозь черные плащи врагов. Их было пятеро, высоких, страшных; двое стояли неподвижно, трое приближались к хоббитам. На мертвенно-бледных лицах горели

холодные, беспощадные глаза; ниспадали до земли скрытые прежде черными мантиями длинные серые одежды; на седых волосах поблескивали серебряные шлемы, иссохшие руки крепко сжимали рукояти стальных мечей. Вперяясь во Фродо пронизывающим взглядом, они бросились прямо к нему. Видя, что надежды нет, Фродо выхватил меч, и ему почудилось, что клинок вспыхнул багровым светом, как тлеющая ветка. Двое призрачных воинов остановились, третий – нет. Он был выше остальных; его длинные волосы фосфорически светились, шлем венчала корона. В одной руке он держал длинный меч, в другой – кинжал; кинжал и рука, державшая его, тоже светились тусклым, бледным светом. Король-Призрак шагнул еще раз – и кинулся на Фродо.

Фродо в ужасе бросился на землю и услышал свой собственный крик: «*О Элберет! Гилтониэль!*» Одновременно он с силой вонзил меч в ногу своего врага. Ночь разорвал душераздирающий вопль, и левое плечо хоббита пронизала боль, словно в него ударил отравленный ледяной дротик. Теряя сознание, Фродо сквозь клубы какого-то тумана увидел Бродягу, метнувшегося к нему из темноты с двумя горящими ветками в руках. Последним усилием воли, уже выронив меч, Фродо стянул Кольцо с пальца и крепко зажал в правом кулаке.

Глава двенадцатая

Бегство к Броду

Когда Фродо очнулся, Кольцо было по-прежнему зажато у него в руке. Он лежал у огня. В костер навалили целую гору сучьев, и пламя горело высоко и ярко. Над Фродо склонились лица хоббитов.

– Что случилось? Где бледный король? – встрепенулся Фродо, диковато оглядываясь.

Друзья так обрадовались, услышав его голос, что не вникли в смысл вопроса, и Фродо пришлось повторить его. Наконец из слов Сэма Фродо уяснил: никто, кроме него, страшного короля не видел. Просто из темноты надвинулись какие-то тени – вот и все. Сэм оглянулся на хозяина – и вдруг, к своему ужасу, обнаружил, что того и след простыл! Мимо него проскользнула черная тень, он потерял равновесие и упал навзничь. Откуда-то издалека, если не прямо из-под земли, донесся голос Фродо, крикнувшего что-то непонятное. Больше

ни Сэм, ни остальные ничего не видели и не слышали. Кто-то наткнулся на Фродо – он лежал ничком, неподвижно, как мертвый, а меч – плашмя – под ним. Бродяга приказал поднять Фродо и перенести к огню, а сам куда-то исчез, и с тех пор прошло уже довольно много времени.

Ясно было, что Сэм опять заподозрил неладное. Но едва он кончил свой рассказ, как из мрака внезапно вынырнул Бродяга. Все вздрогнули от неожиданности, а Сэм выхватил меч и приготовился защищать Фродо до последней капли крови. Не обращая на него никакого внимания, Бродяга опустился на колени подле раненого.

– Я не Черный Всадник, Сэм, – устало сказал он, – и союза с ними не заключал. Я просто хотел узнать, куда они направились, но ничего выяснить не смог. Почему они отступили, почему не напали еще раз? Нигде поблизости я их не чувствую. Кажется, они и впрямь ушли.

Выслушав рассказ Фродо, Бродяга сочувственно поглядел на него, покачал головой и, вздохнув, велел Пиппину налить воды во все котелки, вскипятить ее и промыть рану.

– Поддерживайте огонь! Пусть ему будет тепло! – велел напоследок Бродяга и, отойдя, подозвал Сэма. – Кажется, теперь я понимаю, в чем дело, – сказал он, понизив голос. – По-видимому, их было пятеро. Почему только пятеро, я не знаю. Но в любом случае сопротивление жертвы в их планы не входило. Сейчас они отступили – но, боюсь, ненадолго. Если нам не удастся уйти отсюда, завтра ночью они явятся опять. Им остается только выжидать, так как они полагают, что цель почти достигнута и теперь Кольцо далеко не уйдет. Боюсь, они уверены, что рана твоего хозяина смертельна, Сэм, и думают, что теперь им легко удастся подчинить себе его волю. Но мы еще поглядим, кто кого!

Сэм захлебнулся слезами.

– Не отчаивайся! – утешил его Бродяга. – Поверь мне, твой хозяин – крепкий орешек, гораздо крепче, чем я думал поначалу. Гэндальф намекал, что от хоббитов можно ждать чего угодно, и был прав. Фродо жив и, судя по всему, будет сопротивляться ране дольше, чем рассчитывают враги. Я сделаю все, что в моих силах. Охраняйте его получше и ждите меня.

Он поспешил прочь и снова скрылся в темноте.

Фродо задремал, хотя боль стала усиливаться, и от плеча к ноге постепенно распространялся зловещий холод. Друзья не отходили от него, без конца согревая и промывая рану. Ночь тянулась изнуряюще долго. Уже забрезжила заря и очертания лощины проступили из серых сумерек, когда вернулся Бродяга.

– Смотрите! – воскликнул он и, нагнувшись, поднял с земли черный плащ, который они в темноте не заметили. В полуаршине от нижнего края на нем зияла рваная дыра.

– Это след от меча Фродо, – сказал он. – Значит, тебе не удалось ранить своего врага. Видишь – меч цел, а клинок, коснувшийся страшного Короля, не может остаться невредимым. Видимо, они устрешили не столько меча, сколько имени Элберет. А вот и кинжал, который ранил Фродо!

Бродяга снова нагнулся и поднял с земли длинный тонкий клинок. Лезвие холодно светилось. Недалеко от острия виднелась маленькая зазубрина, а самый кончик обломился. Но пока они рассматривали кинжал, тот, к общему изумлению, начал мало-помалу плавиться и таять. Еще мгновение – и он развеялся как дым, оставив в руке Бродяги только черен¹⁵².

– Увы! – воскликнул Следопыт. – Надо же такому случиться, что рану нанес именно этот клинок! В наши дни подобные раны умеют исцелять немногие. Постараюсь сделать все возможное...

Он сел на землю, положил черен на колени и пропел над ним на непонятном хоббитам языке что-то заунывное. Потом, отложив черен в сторону, повернулся к Фродо и негромко произнес несколько слов, которых остальные расслышать не смогли. Затем из маленькой сумки, прикрепленной к поясу, вынул горсть длинных, неизвестных хоббитам листьев.

– За этими листьями, – сказал он, – мне пришлось ходить довольно далеко. Это растение на голых холмах не растет. Пришлось перейти Тракт, и там, к югу, среди кустарников, я нашел его по запаху.

Он растер пальцами один из листков, и вокруг распространился острый, сильный аромат.

– Мне повезло, что я нашел его, – продолжал он. – В этом растении заключена целебная сила. В Средьземелье его завезли люди Запада. *Ателас*¹⁵³ – так звалось оно на их языке. Теперь его редко встретишь. Растет оно только близ мест, где прежде жили эти люди,

или на их временных стоянках. На севере этой травы не знает почти никто, исключая тех, кто часто странствует в Диких Землях. Она обладает великими достоинствами, но перед такой раной даже это снадобье может оказаться бессильным.

Он опустил несколько листьев в бурлящую воду и обтер плечо Фродо горячим отваром. Благоухание *ателас* освежило всех. На сердце стало спокойнее, мысли прояснились. Фродо трава тоже помогла. Онемение прошло, он ощутил боль, и бок начал понемногу согреваться. Но рука по-прежнему висела плетью – Фродо не мог ни поднять ее, ни пошевелить пальцами. Он корил себя на чем свет стоит за непроходимую глупость и упрекал в безволии. Теперь он понял, что желание надеть Кольцо исходило не от него, а от врагов. Неужели придется теперь остаться калекой на всю жизнь? И как идти дальше? Ведь он, должно быть, и двух шагов не сделает...

Остальные как раз обсуждали этот вопрос. Для начала решено было поскорее уйти от Пасмурника.

– Видимо, враги уже несколько дней следят за этой горой, – сказал Бродяга. – Если Гэндальф и приходил, его принудили это место покинуть, и он сюда больше не вернется. В любом случае с наступлением темноты мы снова окажемся под ударом, особенно теперь, после ночного происшествия. Куда бы мы ни пошли, опаснее, чем здесь, не будет.

Когда рассвело окончательно, они наспех перекусили и быстро собрались в дорогу. Фродо идти не мог, так что большую часть поклажи пришлось поделить на четверых, а Фродо посадили верхом на развьюченного пони. Кстати, за последние несколько дней бедное животное заметно приободрилось: пони успел растолстеть, сил у него явно прибавилось, и он начал выказывать заметное расположение к новым хозяевам, особенно к Сэму. Надо полагать, Билл Осина обращался со своим пони из рук вон плохо, если даже переход через Болота показался бедолаге приятной прогулкой!

От Пасмурника двинулись прямо на юг. Это означало, что придется пересечь Тракт, – иначе с открытого места было не уйти. Кроме того, нужен был хворост для костра: Бродяга не устал повторять, что Фродо ни в коем случае нельзя мерзнуть, особенно ночью. Остальным костер обещал хоть какую-то защиту. Вдобавок

Бродяга намеревался таким образом сократить путь: Тракт к востоку от Пасмурника менял направление и делал большую петлю к северу.

Хоббиты и Бродяга медленно, со всяческими предосторожностями обогнули гору слева и вскоре оказались у Тракта. Всадников нигде не было видно. Однако, пока хоббиты перебежали Тракт, до их ушей донеслись два крика: первый голос, ледяной и далекий, позвал, а другой откликнулся. Вздвогнув, путники прибавили шагу и поспешили нырнуть в заросли. Земля постепенно понижалась, места пошли глухие, троп больше не было; вокруг темнели пятна густых кустарников и чахлых рощиц, между которыми открывались широкие пустоши. Ноги колола жухлая, жесткая трава, листья на кустах совсем увяли и уже начали осыпаться. Безрадостен был этот край; медленно и невесело тянулось путешествие. Разговаривали в пути мало. Фродо больно было смотреть на друзей, понурых, согнувшихся под тяжестью ноши. Даже Бродяга выглядел усталым и озабоченным.

Еще не кончился первый день, как плечо у Фродо прихватило снова, – но он решил терпеть и долго никому не говорил ни слова. Прошло четыре дня; вокруг почти ничего не изменилось – только Пасмурная Вершина постепенно уходила за горизонт, а дальние горы впереди чуть-чуть приблизились. Правда, после того далекого крика ничто больше не говорило о погоне. Знают Всадники об их бегстве или нет? Этого не мог сказать никто. Страшась темноты, ночью караулили по двое, всякий миг ожидая, что на серой траве, тускло озаренной затуманенной луной, возникнут черные тени. Но все было тихо – только сухие листья на деревьях негромко вздыхали во тьме. У хоббитов ни разу не захолонуло сердце от близости зла, как там, в лощине, перед нападением. И все же смешно было бы надеяться, что Всадники опять сбились со следа. Скорее всего, они просто выжидали, готовя засаду где поуже да потеснее...

В конце пятого дня начался подъем. Обширная плоская низина, куда они так долго спускались, осталась позади. Бродяга снова взял курс на северо-восток, и на шестой день, поднявшись по длинному пологому склону, они увидели вдали лесистые холмы и огибающий их Тракт. Справа поблескивали в прозрачном солнечном свете стальные

воды реки. Вдали, в каменистой долине, угадывалась еще одна река, наполовину скрытая в дымке.

– Боюсь, придется снова ненадолго выйти на Тракт, – объявил Бродяга. – Это река Хойра. Эльфы называют ее Митейтель. Она течет с Плато Огров¹⁵⁴ – ограми раньше называли троллей, а это плато – самое их злачное место. Плато лежит к северу от Ривенделла. Южнее Хойра впадает в другую реку – Шумливую. Некоторые называют их после слияния Сероводьем. Перед тем как впасть в море, Сероводье разливается особенно широко... Если не подниматься к истокам, через Хойру можно переправиться, только выйдя на Последний Мост, а это значит, что Тракта нам не миновать.

– А вдали что за река? – спросил Мерри.

– Это и есть Шумливая. Она течет через Ривенделл, где зовется Бруинен. Ну, а Тракт огибает холмы и бежит от Моста к Бруиненскому Броду. Путь это неблизкий. Загадывать вперед не будем – пока нам вполне хватит Митейтеля. Как перейти Бруинен, я еще не думал. Если на Последнем Мосту нет засады, можно считать, что мы родились в рубашке!

На следующий день, рано утром, они снова спустились вниз и вышли на обочину Тракта. Сэм и Бродяга отправились на разведку. Тракт был пуст – ни пешего, ни конного. Здесь, на холмах, недавно пролился дождь – как определил Бродяга, два дня назад. Все следы, конечно, смыло. Но по крайней мере с тех пор ни один Всадник здесь не появлялся.

Они, как могли, поспешили вперед и версты через три завидели в конце короткого крутого спуска Последний Мост. Все со страхом ждали увидеть на мосту черные силуэты – но нет, дорога была свободна. Бродяга велел хоббитам схорониться в придорожном кустарнике, а сам отправился вперед посмотреть, что и как. Вскоре он быстро, чуть ли не бегом, вернулся.

– Врагов ни слуху ни духу, – бросил он. – Остается ломать голову: что бы это значило? Но зато я нашел нечто очень и очень странное.

Он разжал кулак и показал хоббитам бледно-зеленый драгоценный камень.

– Он лежал в грязи, на самой середине Моста, – сказал он. – Это берилл, а берилл – эльфийский камень. Нарочно его сюда положили

или оброну без всякой задней мысли, не знаю, но находка обнадеживает. Для меня это знак, что путь свободен, но все же по Тракту я идти не дерзнул бы. Для этого надо получить более ясное указание.

Останавливаться не стали. Мост преодолели без помех. Ниоткуда не доносилось ни звука – только бурлила под тремя громадными арками быстрая вода. Версты через полторы начинался узкий овраг, уходивший влево от дороги, в холмы. Здесь Бродяга свернул, и вскоре путники затерялись в сумраке леса, у подножия угрюмых горных склонов.

Хоббиты поначалу обрадовались, что унылая равнина и опасный Тракт остались позади, но эти холмистые земли тоже выглядели неприветливо, если не сказать угрожающе. Кручи вздымались все выше и выше. На вершинах и гребнях темнели порою древние каменные стены и руины башен. Выглядели эти развалины мрачно и зловеще. У Фродо, по-прежнему ехавшего верхом, было предостаточно времени, чтобы смотреть по сторонам и размышлять. Ему вспомнился рассказ Бильбо о давнем Путешествии и о грозных башнях, что, по словам старика, высились на холмах к северу от Тракта, неподалеку от Леса Троллей, где Бильбо пережил свое первое серьезное приключение. Фродо догадывался, что тот Лес где-то рядом, и задавался вопросом: не приведет ли их случай в те же самые края?

– Кто здесь живет? – спросил он. – И кто построил все эти башни? Наверное, это страна троллей?

– Нет! – разуверил его Бродяга. – Тролли никогда ничего не строят. Эти края совершенно безлюдны. Когда-то, много веков назад, здешние холмы были обитаемы¹⁵⁵, но теперь тут никого не осталось. Легенды говорят, что местные обитатели добровольно перешли на службу Злу, когда на них пала тень Ангмара. Но в войне, которая погубила и Северное Королевство, все они были уничтожены. Это произошло так давно, что даже холмы успели позабыть о том народе. И все же тень на этой земле лежит до сих пор.

– Откуда же ты знаешь все эти сказания, если даже холмы теперь совершенно необитаемы и обо всем позабыли? – усомнился Перегрин. – Ведь не могли же тебе рассказать об этом птицы и звери!

– Наследники Элэндила помнят прошлое, – ответил Бродяга. – В Ривенделле вам расскажут даже больше моего.

– А ты часто бываешь в Ривенделле? – поинтересовался Фродо.

– Пожалуй, – кивнул Бродяга. – Когда-то я там жил, и теперь стараюсь возвращаться к Элронду всегда, как только представится случай. Там оставил я свое сердце. Но пока что мне нигде не дано вкушать мир и покой – даже в дивном Доме Элронда.

Горы сомкнулись вокруг плотной стеной. Тракт, не отклоняясь, бежал к реке, но видеть его путники теперь не могли. Впереди лежало длинное ущелье, сумрачное, узкое и молчаливое, глубоко врезавшееся в горы. С обрывов свешивались перекрученные столетние корни; по склонам темнели хмурые сосны.

Хоббиты невероятно устали. Брели они медленно – троп здесь не было, пробираться приходилось на свой страх и риск, перешагивая через упавшие стволы и огибая каменные россыпи. Ради Фродо решили идти понизу, – впрочем, взобраться наверх по камням и бурелому все равно было бы трудно. После двух дней пути погода окончательно испортилась. Задул западный ветер; с далекого Моря приплыли набухшие влагой тучи, и над темными макушками гор заморосил мелкий, безостановочный дождик. К вечеру все вымокли до нитки. Ночлег получился безрадостным: разжечь костер так и не удалось. Утром горы стали еще выше и круче, а ущелье повернуло к северу. Бродяга выглядел озабоченным: прошло уже десять дней с той ночи на Пасмурнике, и запас еды быстро таял. К тому же дождь зарядил, по-видимому, надолго и лил не переставая.

Заночевали на каменном уступе под отвесной стеной, приметив в скале небольшую пещерку, – не пещерку даже, а так, углубление. Фродо не мог спать. От зябкой сырости плечо разнылось, как никогда. Нестихающая боль и ощущение смертельного холода напрочь отогнали сон. Хоббит без конца вертелся с боку на бок и со страхом вслушивался в ночные звуки – свист ветра в распадах, звон капающей воды, треск внезапно рассеявшегося валуна, шуршание сползающих камней... Иногда он кожей чувствовал, что его медленно окружают черные тени с мечами, но, резко садясь и оглядываясь, он не видел рядом никого, кроме Бродяги, который сидел спиной к нему и, горбясь, курил свою трубку. Наконец Фродо погрузился в беспокойную дрему,

и его посетил странный сон – будто он гуляет по траве у себя в саду, в Заселье, но сад какой-то бледный, размытый, ненастоящий, и только высокие черные тени, наклонившиеся над изгородью, резки и отчетливы.

Когда Фродо проснулся, дождь уже не моросил. Небо по-прежнему затягивала серая пелена, но в разрывах виднелись бледные полосы лазури. Ветер снова поменялся. В это утро торопиться с выходом не стали. После завтрака, который пришлось жевать неразогретым, Бродяга отправился на разведку, велел хоббитам обождать его под защитой скалы. Он собирался подняться наверх – если, конечно, получится – и как следует осмотреться.

Вернувшись, он не стал обнадеживать спутников.

– Мы слишком отклонились к северу, – сказал он. – Надо попытаться исправить оплошность. Иначе мы окажемся на Плато Огров, далеко к северу от Ривенделла. Там обитают тролли, и я почти не знаю тех краев. Может, мы в конце концов унесем оттуда ноги и проберемся в Ривенделл, но потеряем слишком много времени, поскольку путь мне незнаком, да и еды нам не хватит. Словом, выход один – надо пробираться к Бруиненскому Броду.

Весь день они шли вверх по каменистому ущелью. Наконец справа, меж двух гор, отыскался проход в соседнюю долину, которая вела как раз в нужном направлении. К вечеру, однако, на пути встала высокая темная гора; ее безлесый гребень походил на пилу с раскрошившимися зубьями. Выбирать нужно было быстро – или назад, или в гору, третьего пути не было.

Решили взбираться, но на поверку это оказалось весьма и весьма непросто. Вскоре Фродо пришлось спешиться. Хоббиты не раз теряли последнюю надежду затащить пони на очередную кручу, а порой и сами не могли протиснуться среди скал – шутка ли, с такими-то мешками! Когда, вконец измученные, они взобрались на гребень, уже почти стемнело. От узкой седловины между двумя вершинами, где они очутились, почти сразу же начинался крутой спуск. Фродо бросился на землю, дрожа всем телом. Левая рука висела плетью, в плечо словно вонзились ледяные когти. Деревья и скалы маячили перед глазами неясными, размытыми пятнами.

– Дальше нам сегодня не уйти, – сказал Мерри Бродяге. – Фродо и этого хватило. Я страшно за него беспокоюсь. Что будем делать? Думаешь, в Ривенделле его смогут вылечить, если мы туда доберемся?

– Увидим, – ответил Бродяга. – Но здесь, в глуши, я ничем больше не могу ему помочь. Торопиться я вас понуждаю именно из-за Фродо. Но сейчас я с тобой согласен – на сегодня хватит.

– Что с хозяином? – шепотом спросил Сэм, заглядывая в лицо Бродяге. – Рана-то была всего ничего. Да она ведь и зарубцевалась уже! Только белый шрамик остался. Странно только, что шрамик такой холодный на ощупь!

– Фродо имел дело с оружием Врага, – покачал головой Бродяга. – В рану проник яд или какое-то иное тайное зло. Здесь я бессилен. Но не вешай носа, Сэм! Надо надеяться на лучшее!

На высоте ночевать было особенно зябко. В небольшой яме, под узловатыми корнями старой сосны развели небольшой костерок. Похоже было, что в этих местах когда-то добывали камень. Хоббиты сидели у огня, сбившись в кучку. На перевале дул холодный ветер, деревья внизу стонали и вздыхали. Фродо лежал в полудреме. Ему мерещилось, что над головой у него хлопают бесчисленные черные крылья и преследователи кружат над горами, высматривая его с высоты в каждом ущелье и каждой трещине, – только его, и никого больше.

Утро встало яркое, безоблачное. Воздух очистился от дымки, умытое небо залил бледный прозрачный свет. Хоббиты встряхнулись, повеселели и с нетерпением ждали восхода, мечтая согреть заочевенные руки и ноги. Скорее бы солнышко! Когда совсем рассвело, Бродяга взял с собой Мерри и отправился разведать дорогу на восток от перевала. Когда они вернулись – на этот раз с обнадеживающими новостями, – солнце уже встало и сияло вовсю. Оказалось, что направление на этот раз выбрано более-менее правильно. Если удастся спуститься на ту сторону, горы останутся слева... Впереди снова блеснула Шумливая; теперь Бродяга знал, что, хотя дороги к Броду сверху не видно, до Бруинена уже рукой подать.

– Придется еще раз выйти на Тракт, – сказал он. – Пробираться к реке через горы – чистое безумие. Какая бы опасность нас ни подстерегала, путь один: вперед, по Тракту!

Позавтракав, они сразу снялись с места. Спускались медленно и осторожно, но, вопреки опасениям, без особых трудностей: склон с этой стороны был довольно пологим. Вскоре Фродо снова смог сесть в седло. Тощий пони Билла Осины обнаружил недюжинный талант по части отыскивания ровной дороги среди камней и, как мог, старался не растрясти всадника. Компания снова воспрянула духом. Даже Фродо почувствовал себя на утреннем пригреве немного лучше, хотя время от времени глаза его по-прежнему застилал странный туман, и он проводил рукой по лбу, пытаясь его стряхнуть.

Пиппин шел, немного обгоняя остальных. Вдруг, обернувшись, он крикнул товарищам:

– Смотрите! Тропа!

Догнав его, друзья убедились, что он не ошибся: под ногами явственно обозначилось начало тропы – петляя, она поднималась из раскинувшихся внизу лесов и пропадала на вершине горы. Местами она совершенно исчезала в зарослях, кое-где ее загромождали камни и поваленные деревья – но видно было, что когда-то тропа была торной. Похоже, расчистили ее на редкость сильные руки, а протоптали на диво тяжелые ножищи. То и дело по сторонам попадались срубленные, а то и просто обломанные старые деревья и огромные куски скал, расколотые или сдвинутые в сторону, чтобы дать дорогу идущему.

Решено было, пока все вокруг спокойно, держаться тропы – все-таки так идти было гораздо легче! Но осторожность тоже не мешала, да и на душе становилось все тревожнее – особенно когда тропа вошла под темный покров еловых ветвей, где сразу сделалась утоптаннее и шире. Через некоторое время, выбежав из ельничка, она круто нырнула вниз и резко ушла влево, огибая скалистый выступ. Дойдя до поворота, путники огляделись. Впереди они заметили узкую полянку под низким утесом, скрытым кронами деревьев. В каменной стене утеса на одном-единственном ржавом навесе висела тяжелая дверь.

Подойдя ближе, они остановились. За дверью темнела пещера, а может, вырубленное в скале жилище, – но там было так темно, что ничего разглядеть не удалось. Бродяга, Сэм и Мерри налегли на дверь, та приоткрылась, и Бродяга с Мерри заглянули внутрь. В глубину заходить не стали: на полу во множестве валялись обглоданные кости, а больше ничего особенного в пещере не было – разве что в стороне

стоял громадный пустой жбан, а вокруг лежало несколько вдребезги расколошмаченных глиняных горшков.

– Это же самое что ни на есть логово троллей! – внезапно догадался Пиппин. – Вы, там, вылезайте и айда отсюда! Теперь понятно, чья эта тропа. Чем скорее мы уберемся с нее, тем лучше!

– Нет нужды, по-моему, – возразил Бродяга, выходя на свет. – Это действительно логово троллей, но, похоже, они его давно покинули. Так что, на мой взгляд, бояться нечего. Но давайте все-таки держаться настороже, а там увидим.

У входа в логово тропа не кончалась; снова свернув направо, у края полянки она резко ныряла вниз – в густой лес, росший на склоне. Пиппин, не желая показывать Бродяге, что по-прежнему трусит, отправился вперед, прихватив с собой Мерри. Бродяга и Сэм шли следом, по обе стороны от пони, на котором покачивался Фродо, – тропа так раздалась, что теперь по ней вполне могли бы идти под ручку четверо, а то и пятеро хоббитов.

Не успели они отойти от полянки, как навстречу вылетел Пиппин, а за ним и Мерри, – оба запыхавшиеся и насмерть перепуганные.

– Там и правда тролли!.. – задыхался Пиппин. – Внизу, недалеко отсюда, на прогалинке! Мы их из-за деревьев углядели! Такие громадины – ого-го!

– Ну что ж, пойдем посмотрим, – решил Бродяга, поднимая с земли палку.

Фродо не произнес ни слова, но Сэм, судя по выражению его лица, изрядно струхнул.

Солнце поднялось уже довольно высоко и сквозь полуобнажившиеся кроны бросало на прогалину яркие полосы света. Друзья замерли на краю леса, стараясь не дышать, и осторожно выглянули из-за стволов. На поляне стояли тролли – три громадных, всамделишных тролля! Один шарил по земле, остальные на него глазели.

Бродяга, ничуть не смутившись, шагнул вперед.

– А ну, вставай, истуканище! – велел он и огрел наклонившегося великана палкой. Палка с треском сломалась.

Ничего не случилось. Хоббиты ахнули от удивления – но через мгновение все, даже Фродо, разразились хохотом.

– Вот это да! – проговорил наконец Фродо. – Как же это мы так оплошали? Нехорошо забывать семейные предания! Похоже, это та самая троица, которую Гэндальф поймал за спором – как лучше приготовить на ужин тринадцать гномов и одного хоббита!

– Но я и понятия не имел, что мы идем той же дорогой! – оправдывался Пиппин.

Он прекрасно знал эту историю. Бильбо и Фродо никогда не упускали случая рассказать ее лишней разок. Но Пиппин и вполтину не верил их «байкам». Он и теперь еще никак не мог отбросить сомнения и краем глаза поглядывал на каменных троллей: а вдруг они, по какому-нибудь волшебству, возьмут да и оживут?

– Ты забыл не только семейное предание, – упрекнул его Бродяга. – У тебя выветрилось из головы все, что тебе говорили про троллей. День в разгаре, солнце сияет, а ты кричишь благим матом и рассказываешь мне сказки о трех настоящих, живых троллях, которые якобы поджидают нас на самом солнцепеке! И потом, как же ты просмотрел, что у одного из них за ухом старое птичье гнездо? Нечего сказать, отменное украшение для старого, матерого тролля! Позор!

Все так и покатались со смеху.

Фродо почувствовал себя гораздо лучше. Напоминание о первом приключении Бильбо, что закончилось так удачно, придало ему бодрости – да и солнышко грело на славу, так что туман у него перед глазами наконец немного рассеялся. Расположившись прямо на тролличьей прогалинке, они отдохнули и пообедали у ног самого большого тролля, в тенечке.

– А не споет ли кто-нибудь песню, пока солнце еще высоко? – предложил Мерри, дожевав. – Мы уже сто лет как обходимся без песен и сказок!

– С той самой ночи на Пасмурнике, – подтвердил Фродо. Все обернулись к нему. – Да вы не беспокойтесь! – поспешил он добавить, увидев их встревоженные лица. – Мне гораздо лучше. Но петъ я – не обессудьте – пока не горазд. Может, Сэм что вспомнит? Уж он-то всегда рад случаю отличиться!

– Давай, Сэм! – охотно подхватил Мерри. – У тебя в голове целые клады хранятся, а ты прибедняешься!

– Скажете тоже – клады! – запротестовал Сэм. – Но попробую что-нибудь подыскать... Разве что эта песенка сойдет? Тут, конечно, не

стихи, так – чепуховина. Смотрел, смотрел я на эти старые каменюки, да и вспомнил ее.

Встав, он заложил руки за спину, как ученик, и запел на старый, хорошо знакомый мотив:

*Троль, зол и гол, худой, как кол,
Сто лет сосал пустой мосол.
Уж сколько лет, как мяса нет,
Поскольку место дико, —
Поди-ка! Найди-ка!
И мяса ни куска на стол —
А это както дико!*

*Но к Тролю в дом явился Том:
«Ты что сосеешь, сопя при том?!
Ага! То дядина нога!
Но дядя же в могиле!
Закрыли! Зарыли!
Давно уж он на свете том,
И прах лежит в могиле».*

*Троль прорычал: «Да! Я украл!
Но ведь проступок мой так мал!
Зачем она ему нужна —
Ведь умер старикашка!
Не ляжка! Костяшка!
Ну разве Тролю б отказал
Покойный старикашка?!»*

*«Ну и позор! Ты просто вор!
С каких это ведется пор,
Что можно брать останки дядь?!
Верни назад, ворюга!
Бандюга! Хапуга!
Отдай! И кончен разговор!
Гони мосол, ворюга!»*

Но, зол и бел, Троль прошипел:
«Давненько я мясца не ел!
А свежий гость – не то что кость!
Тебя я съем, пожалуй!
Эй, малый! Пожалуй!
И час обеда подоспел —
Тебя я съем, пожалуй!»

Но Том наш не был дураком
И Троля угостил пинком:
Уж он вломил, что было сил, —
Давно нога зудела!
За дело! За дело!
Досталось Тролю поделом
По заднице за дело!

Хотя гола, но, как скала,
У Троля задница была.
Не ждал притом такого Том
И закричал невольно:
«Ой, больно! Довольно!»
А Троля шутка развлекла —
Нисколечки не больно!

Вернулся Том, уныл и хром,
Домой с огромным синяком!
А Троль с ухмылкой – хоть бы хны! —
Залез в свою берлогу —
И ногу, ей-богу,
Не бросит нипочем!
Ей-богу!

– Надо принять к сведению! – расхохотался Мерри. – Вовремя ты сообразил, Бродяга, что его надо именно палкой огреть. А то, чего доброго, отбил бы себе кулак!

– Откуда ты выудил эту песенку, Сэм? – спросил, отсмеявшись, Пиппин. – Что-то я таких слов на этот мотив не помню.

Сэм промямлил что-то неразборчивое.

– Из головы, наверное, взял, – догадался Фродо. – Про Сэма Гэмги я теперь каждый день узнаю что-нибудь новенькое! То он заговорщик, то заправский шутник... Надо думать, кончит он свою жизнь тем, что станет волшебником – или, может, героем?

– Вот не было печали! – запротестовал Сэм. – Не хочу я быть волшебником! И героем – тоже! Спасибочки!

День клонился к вечеру, когда они покинули поляну и углубились в лес. По-видимому, они шли тем же путем, что Гэндальф, Бильбо и гномы много лет назад, и через несколько верст оказались на высоком обрыве. Внизу лежал Тракт. Оставив Шумливую и ее узкую долину далеко позади, Тракт, тесно прижимаясь к подножию гор, бежал к Броду, петляя среди лесов и заросших вереском склонов. По дороге вниз Бродяга показал хоббитам прятавшийся в траве камень. На нем виднелись полустертые, грубо высеченные гномьи руны и еще какие-то непонятные значки.

– Ба! – воскликнул Мерри. – Да это ж, верно, тот самый камень, что указывал, где закопано троллево золотишко! Признавайся, Фродо, Бильбо свою долю всю растранижил или осталось что-нибудь?

Фродо посмотрел на камень и пожалел в душе, что Бильбо не догадался привезти из похода сокровище поскромнее – что-нибудь обычное, в меру опасное и в меру соблазнительное: золото троллей, например. Угораздило же его!..

– Не осталось ничегошеньки, – ответил он. – Бильбо все роздал, все подчистую. Он говорил, не было у него ощущения, что это доброе золото. Тролли-то его, небось, награбили.

На Тракт легли длинные тени раннего вечера; вокруг царил тишина. Ничто не говорило о том, чтобы здесь в последнее время проезжали верхом... Что ж, выбора не было. Хоббиты и Бродяга спустились с кручи, вышли на Тракт и поспешили вперед что было сил. Вскоре солнце скрылось за вершинами холмов. С дальних гор навстречу путникам подул холодный ветер.

Они уже принялись было подыскивать в стороне от дороги местечко для ночлега, как вдруг сзади донесся звук, от которого по спине побежали мурашки: цок-цок, цок-цок... Всадник! Все похолодели от страха и разом оглянулись, но дорога то и дело петляла, и за ближайшим поворотом ничего нельзя было разглядеть. Быстро вскарабкавшись по комковатому склону, заросшему вереском и брусникой, хоббиты и Бродяга залегли в густом орешнике. Тракт, локтях в тридцати внизу, под обрывом, виден был как на ладони – серый, размытый сумерками. Стук подков приближался. Невидимый конь скакал во весь опор, легко касаясь земли копытами, — цок-цок, цок-цок... Словно принесенный ветерком, снизу донесся негромкий перезвон – казалось, кто-то потряхивал маленькими колокольчиками.

– На Черного Всадника не похоже, – удивился Фродо, напряженно вслушиваясь.

Остальные хоббиты, немного воспрянув духом, согласились, что да, пожалуй, не похоже, – но подозрений не оставили. Так долго преследовал их страх погони, что теперь любой шорох за спиной казался враждебным. Но лицо Бродяги, припавшего ухом к земле, постепенно светлело.

День померк. Листья на кустах негромко зашелестели. Перезвон колокольчиков приближался. Цок-цок-цок – перебирал копытами конь. И вдруг хоббиты увидели его воочию – огромного белого скакуна, неярко светящегося во мгле сумерек. Уздечка искрилась и мерцала, словно усыпанная живыми звездами вместо камней, за спиной всадника развевался плащ, капюшон был откинут, сияющие золотые волосы летели по ветру. Фродо показалось, что всадника окружает ореол света, пробивающегося сквозь одеяние, словно оно было полупрозрачным.

Бродяга бросился вон из укрытия и помчался к Тракту, прыгая через вереск и что-то крича; но всадник уже поднял голову и натянул поводья. Он глядел вверх, на кусты орешника. Увидев Бродягу, всадник спешил и побежал ему навстречу, восклицая:

– *Аи на вэдуи дуунадан! Маэ гаэваннен!*¹⁵⁶

Речь и чистый, звонкий голос незнакомца не оставляли сомнений: это был эльф. Разве голос эльфа можно спутать с чьим-нибудь еще? Но в возгласе слышалась и тревога, словно всадник спешил по важному и

срочному делу. Хоббиты видели, как быстро и озабоченно он говорит с Бродягой.

Вскоре Следопыт махнул хоббитам рукой, и те, выдравшись из кустов, кубарем скатились вниз.

– Это Глорфиндэл¹⁵⁷ из Дома Элронда, – представил эльфа Бродяга.

– Привет тебе, Фродо! Добрая встреча! Наконец-то! – обратился к Фродо эльфийский князь. – Я послан за тобой из Ривенделла. Мы боялись за тебя. Тебя подстерегала страшная опасность¹⁵⁸.

– Значит, Гэндальф уже в Ривенделле?! – возликовал Фродо.

– Увы, нет. Когда я пустился в путь, Гэндальфа еще не было. Сегодня уже девять дней, как я покинул Дом Элронда. Видишь ли, Элронд получил тревожные вести о тебе. Мои родичи, странствующие за Барэндуином^[6], проведали, что не все у тебя ладится, и сразу прислали нам весточку. Они передали, что Девятеро снова в дороге, что ты, возложив на себя непосильное бремя, решился покинуть Заселье, но провожатого у тебя нет, ибо Гэндальф до сих пор не вернулся. Даже среди нас, обитателей Ривенделла, немного таких, кто способен открыто выступить против Девятерых, – но делать было нечего, и Элронд выслал на север, юг и запад своих гонцов. Мы не исключали, что ты мог, пытаясь уйти от погони, свернуть с Тракта, заплутать в Глуши и сбиться с прямой дороги. Мне выпало искать тебя на Тракте. Около семи дней тому назад я побывал на Мосту через Митейтель и оставил там знак для вас. На мосту я застал трех приспешников Саурона; завидев меня, они отступили. Я погнался за ними и видел, что они направились на запад. Позже я встретил еще двоих, те свернули на юг. Тогда я стал искать ваши следы и напал на них два дня тому назад, перед самым мостом. Ну, а сегодня я отыскал место, где вы спустились с холмов, и вот мы вместе! Однако не будем медлить! На рассказы времени нет. Раз уж мы встретились, придется рискнуть и ехать по Тракту. За спиной у нас пятеро Всадников. Учувя след, они помчатся за нами быстрее ветра. Но пять – еще не девять. Где могут скрываться остальные четверо? Боюсь, они поджидают у брода...

Пока Глорфиндэл говорил, незаметно сгустились сумерки. На Фродо снова навалилась усталость. Когда солнце еще только начинало клониться к закату, ему уже мерещилось, что наступил вечер. Лица

друзей скрыла неясная тень. Теперь ко всему этому добавился внезапный приступ боли и холод в плече. Фродо пошатнулся и схватил Сэма за руку.

– Моему хозяину плохо, он ранен, – сердито заявил Сэм. – Ему нельзя сидеть в седле после захода солнца. Он должен отдохнуть!

Глорфиндэл подхватил Фродо, заботливо взял на руки и, нахмурившись, посмотрел ему в лицо.

Бродяга коротко рассказал, как на их лагерь у Пасмурника напали враги, и поведал о страшном вражеском кинжале. Достав черен, который он на всякий случай сохранил, Следопыт протянул его эльфу. Тот содрогнулся, но взял черен в руки и внимательно осмотрел.

– Здесь начертаны черные, гибельные заклятия, – сказал он. – Правда, вашим глазам они, скорее всего, недоступны. Сбереги его, Арагорн, до Обители Элронда! Но будь осмотрителен и старайся пореже до него дотрагиваться! Должен сказать вам – увы! Я не могу исцелить раны, нанесенной подобным оружием. Попытаюсь разве что облегчить боль... Но тем более прошу вас: не будем терять времени!

Он ощупал плечо Фродо и сдвинул брови, словно не был рад тому, что увидел. Но Фродо почувствовал, что холод отпускает. От плеча к ладони поползло тепло, боль почти унялась. Даже вечерние тени немного посветлели – так бывает, когда небо внезапно очистится от туч. Из тумана проступили лица друзей. К Фродо вернулись силы и слабая надежда.

– Поедешь вместо меня, – сказал Глорфиндэл. – Я подтяну стремяна к самому седлу, а ты садись на коня и смотри держись крепче. Бояться не надо: если я замолвлю словечко за тебя, мой конь ни за что не даст тебе упасть. Шаг у него плавный, нетряский, а в миг опасности он помчится так, что даже черные кони наших врагов не смогут с ним потягаться.

– Никуда он не помчится, – насупился Фродо. – Я ни за что не сяду на него, даже и не просите. Чтобы я поскакал на коне в Ривенделл или куда там еще, а друзей оставил в беде? Нет уж! Не выйдет!

Глорфиндэл улыбнулся.

– Сомневаюсь, что твои друзья попадут в беду, если ты бросишь их и поскачешь один, – сказал он. – Враги гонятся именно за тобой, Фродо. Мы их не интересуем¹⁵⁹. Так мне думается. Нам грозит опасность, только пока с нами ты, Фродо, – ты и твоя ноша.

Фродо не нашел, что ответить, и дал посадить себя на белого эльфийского коня. На пони навьючили прежний груз, и мешки путников стали значительно легче. Компания двинулась в путь. Хоббиты с трудом поспевали за не знавшим усталости быстроногим эльфом, а тот уверенно вел их все вперед и вперед – в самую пасть ночи, в глубь обложенной тучами темноты. Ни звезд, ни луны в эту ночь не было. Остановиться Глорфиндэл разрешил, только когда забрезжили первые серые лучи рассвета. К этому времени Пиппин, Мерри и Сэм уже всю спотыкались и, можно сказать, спали на ходу. Устал даже Бродяга – он ссутулил плечи и шагал, горбясь. Фродо забылся темным сном прямо в седле.

Когда объявили привал, хоббиты бросились в вереск в нескольких шагах от дороги и тут же заснули. Глорфиндэл остался стоять на страже. Когда он разбудил хоббитов, беднягам показалось, что они не успели еще и глаз сомкнуть. Но солнце прошло уже больше половины своего утреннего пути, и от ночи с ее туманами не осталось и следа.

– Выпейте вот этого! – сказал Глорфиндэл, наливая каждому питья из кожаной фляги, окованной серебром. Питье, прозрачное, как родниковая вода, не грело и не холодило, на вкус тоже казалось водой, но стоило глотнуть его, как по телу сразу разливались сила и бодрость. Кусок зачерствелого хлеба и сушеные фрукты (все, что осталось от былых припасов) после такого напитка утолили хоббичий голод лучше, чем самый сытный засельский завтрак.

Отдых занял едва ли больше пяти часов, и вскоре хоббиты, Глорфиндэл и Бродяга снова были в дороге. Глорфиндэл, как и прежде, немилосердно подгонял хоббитов и позволил им всего-то два коротеньких привала за целый день пути. Зато до ночи они одолели почти тридцать верст и оказались у последнего поворота. Справа открывался спуск в лощину, куда и сбегала дорога, устремляясь прямо к Бруинену. До сих пор погони за спиной слышно не было, но Глорфиндэл не раз останавливался и прислушивался, поджидая тащившихся позади хоббитов; в такие минуты лицо его туманила озабоченность. Раз или два он заговаривал с Бродягой по-эльфийски.

Но, какие бы тревоги ни одолевали проводников, к вечеру стало ясно, что хоббиты дальше идти не могут. Они брели из последних сил,

пошатываясь на ходу, не в силах думать ни о чем, кроме своих стертых ног. Что касается Фродо, его рана болела вдвое сильнее, чем прежде, а перед глазами расплывалось сплошное призрачно-серое марево. Фродо почти рад был наступлению ночи – ночью мир не казался таким блеклым и пустынным.

Хоббиты еще не оправились как следует от усталости, когда ранним утром отряд снова пустился в путь. Между ними и Бродом лежало еще много верст, и хоббиты, смирясь с неизбежным, ковыляли изо всех сил.

– Главная опасность – у реки, – повторял Глорфиндэл. – Сердце говорит мне, что враги уже близко. Но у Брода нас может ожидать еще и засада.

Дорога по-прежнему бежала под уклон. По сторонам то и дело попадались полосы густой травы; хоббиты несказанно рады были пройти по ней и дать отдых натруженным ногам. Ближе к вечеру Тракт внезапно нырнул в сумрак, под кроны высоких сосен. Чуть дальше он исчезал в глубоком ущелье с влажными отвесными стенами из красного камня. Ускорив шаг, беглецы заторопились вперед, а за ними по ущелью покатилося неумолкающее эхо, словно по пятам спешило множество ног. Затем, неожиданно ринувшись в сияющие ворота, Тракт вырвался на волю. Впереди, за крутым спуском и луговиной версты в полторы шириной лежал Бруиненский Брод. За рекой вздымалась бурая крутизна, надвое разделенная вьющейся дорогой; дальше одна выше другой темнели на фоне тускнеющего неба горы-великаны – склон за склоном, вершина за вершиной, пик за пиком.

Эхо в ущелье еще не смолкло, и беглецам по-прежнему казалось, что следом спешат тысячи ног. Но теперь к эху добавился и еще какой-то шум – словно в сосновую рощу за ущельем ворвался ураганный ветер. Глорфиндэл обернулся, прислушался – и с громким восклицанием кинулся к реке.

– Спасайся! – крикнул он Фродо. – Скорее! Погоня!

Белый конь прынул вперед. Хоббиты что есть мочи бросились бежать вниз по склону. Глорфиндэл и Бродяга поспешили за ними, прикрывая их сзади. Но они не успели еще выбежать на луговину, когда за спиной послышался грохот копыт. Из темной рощицы,

закрывавшей вход в ущелье, галопом вылетел Черный Всадник. Он осадил коня и остановился, слегка покачиваясь в седле. Следом появился другой, третий – и, наконец, еще двое.

– Скачи! Скачи! – кричал Глорфиндэл Фродо.

Фродо послушался не сразу: ему словно мешало что-то. Он заставил коня перейти на шаг, обернулся и взглянул назад. Конные фигуры высились на круче, как зловещие статуи, темные и отчетливые, а лес и холмы вокруг тонули в непроглядном тумане. Внезапно Фродо понял, – сердцем, а не разумом понял: враги приказывают ему стоять! У него захватило дух от страха и ненависти. Поводья выпали у Фродо из рук, он потянулся к мечу – и выхваченный из ножен клинок вспыхнул алой молнией.

– Скачи! Да скачи же! – еще раз крикнул Глорфиндэл и громко, ясно приказал коню по-эльфийски: – *Норо лим, норо лим, Асфалот!*

Белый скакун сорвался с места и как ветер понесся вперед. До Брода оставалось совсем чуть-чуть. Мгновение – и черные кони уже мчались вниз по круче, почти настигая Фродо. Раздался леденящий крик – именно такой огласил когда-то впервые леса и доли Восточного Предела, наполнив их нездешним ужасом. На крик ответили – и, к отчаянию Фродо и его друзей, слева, из-за деревьев и скал, галопом вылетели еще четыре Всадника. Двое понеслись прямо на Фродо, двое – к Броду, стремясь отрезать белому коню путь к реке. Чудилось, они мчатся на крыльях урагана. Фигуры Всадников быстро увеличивались и становились все темнее.

Фродо мельком глянул через плечо. Друзей нигде не было видно. Но и погоня отстала: даже рослые кони Всадников не могли тягаться с белым скакуном Глорфиндэла. Хоббит перевел взгляд на реку. Надежда в сердце погасла. Успеть к Броду прежде Черных Всадников было невозможно: враги уже скакали наперерез. Теперь Фродо мог разглядеть их во всех подробностях. Капюшоны и черные плащи куда-то исчезли; вместо них на всадниках развевались длинные серо-белые одежды. В бледных руках сверкали обнаженные мечи, на головах поблескивали шлемы. Глаза врагов холодно светились, глухие замогильные голоса зывали к Фродо, приказывая остановиться.

Страх захлестнул Фродо без остатка. О мече он больше не помышлял. Кричать было бесполезно – он только закрыл глаза и

прижался к шее коня, крепко вцепившись в гриву. В ушах свистел ветер, колокольчики на сбруе бренчали дико и пронзительно. Вдруг на Фродо пахнуло могильным холодом, и ему показалось, что в него вонзилась ледяная пика, – эльфийский конь белой молнией промчался перед самым носом у ближнего Всадника.

Плеск! Брызги! У ног Фродо забурила белая пена. Вскоре его с силой подбросило и откинуло назад – конь вылетел из воды и начал взбираться по каменистой дороге на крутизну. Брод остался позади.

Но преследователи не сдались. Одолев кручу, Асфалот повернулся и исступленно заржал: внизу, на противоположном берегу, выстроились в ряд все Девять Всадников. Взоры их были обращены вверх. Фродо сник окончательно. Что может помешать им переправиться? И что защитит его на долгой, неизвестной дороге к Ривенделлу? Стоит Всадникам оказаться по эту сторону – и все потеряно! Он чувствовал, что Девятеро властно повелевают ему остановиться. В сердце у него снова вскипела ненависть, но сил противостоять приказу уже не было.

Вдруг первый Всадник пришпорил коня. Тот ступил в воду и, заартачившись, встал на дыбы. Собрав последние силы, Фродо выпрямился и обнажил меч.

– Убирайтесь! – крикнул он. – Убирайтесь к себе в Мордор! Ни шагу дальше!

Собственный голос показался ему непривычно тонким и пронзительным. Всадники приостановились. Но Фродо не обладал властью Тома Бомбадила. Враги хрипло, страшно расхохотались.

– Иди сюда! К нам! К нам! В Мордор! Мы возьмем тебя с собой в Мордор!

– Прочь! – прошептал Фродо.

– Кольцо! Кольцо! – вскричали Всадники грозно и пронзительно.

Предводитель ударил коня каблуками по бокам и въехал в реку. За ним двинулись еще двое.

– Именем Элберет и прекрасной Лутиэн! – с трудом выговорил Фродо на последнем дыхании и высоко поднял меч. – Не видать вам веки ни Кольца, ни меня!

Предводитель, находившийся уже на середине Брода, угрожающе приподнялся в стремени и воздел руку. Фродо похолодел. Язык у него прилип к нёбу, сердце бешено заколотилось. Меч раскололся надвое и

выпал из дрожащей руки. Эльфийский конь встал на дыбы и захрапел. Черный Всадник, первым вошедший в воду, готовился уже ступить на берег.

И вдруг оглушительный грохот и рев сотрясли речную долину – так ревет вода в горных реках, легко ворочая огромные валуны. Смутно, сквозь застывшую глаза пелену, Фродо увидел, что река под кручей внезапно вздыбилась, словно на выручку ему ринулась целая кавалерия с белыми конскими хвостами на шлемах. Ему почудилось, что по гребням волн перебегает белый огонь, а воображение – если видение и впрямь было только плодом его собственного воображения – дорисовало среди валов белых рыцарей на белых конях с развевающимися гривами. Черные Всадники, собиравшиеся уже ступить на берег, в мгновение ока были опрокинуты и сгинули в разъяренной пене; остальные в смятении подались назад.

Хотя сознание уже покидало Фродо, он успел услышать доносившиеся с противоположного берега крики, и ему почудилось, что за Всадниками, натянувшими поводья и остановившимися у самого берега, выросла сияющая фигура, сотканная из белого пламени¹⁶⁰; за ней маячили невзрачные темные силуэты, размахивая маленькими огоньками, тускло рдевшими среди серого тумана, в котором быстро исчезало и все остальное.

Черные кони обезумели и, ринувшись вперед, увлекли своих хозяев в ревущую воду. Пронзительные вопли Всадников потонули в шуме потока: волны опрокинули врагов и повлекли прочь. Фродо почувствовал, что не может больше держаться в седле. Ему чудилось, что беснующаяся вода поднялась, захлестнула его и повлекла следом за Всадниками. Наступила темнота.

Часть вторая

Глава первая Встречи и обретения

Фродо проснулся и обнаружил, что лежит в постели. Сначала он просто подумал, что слишком долго спал. Длинный, неприятный сон еще смутно помнился ему. Или, может, все дело в какой-то хвори, может, он был болен? Что сразу показалось странным, так это потолок над головой: плоский, с темными балками, украшенными богатой резьбой. Фродо полежал еще, разглядывая солнечные полосы на стене и прислушиваясь к звону каплюющей воды.

– Где я? Который час? – вслух спросил Фродо у потолка.

– Ты в Доме Элронда¹⁶¹, а час уже одиннадцатый, – последовал ответ. – Сегодня утро двадцать четвертого октября, если желаешь знать!

– Гэндальф! – закричал Фродо и сел. Старый волшебник улыбался ему из кресла, придвинутого к распахнутому окну.

– Он самый! Я здесь, рядом с тобой. И ты, к счастью, тоже здесь – после всех глупостей, что натворил по дороге.

Фродо снова откинулся на подушки. Ему было слишком хорошо и покойно, чтобы спорить, да и вряд ли удалось бы найти доводы сильнее, чем у Гэндальфа. Теперь он проснулся окончательно, и память о пройденном пути постепенно возвращалась: неудачная попытка «пройти напрямки» через Старый Лес, «случайность» в «Пляшущем Пони», лощина под Пасмурником, где он в помрачении ума надел на палец Кольцо... Пока он вспоминал все это и пытался – правда, тщетно – понять, как очутился в Ривенделле, тишину нарушало только попыхивание трубки Гэндальфа, который пускал в окно белые кольца дыма.

– А где Сэм? – спросил наконец Фродо. – И где все остальные? С ними все в порядке?

– Теперь они в полной безопасности, – успокоил его Гэндальф. – Сэм был при тебе неотлучно, пока я не услад его спать – с полчаса назад.

– Что стряслось у Брода? – поспешил спросить хоббит. – У меня тогда в глазах все как-то странно расплывалось... Да и сейчас еще немножко расплывается.

– Все правильно, – отозвался Гэндальф. – Ты начал выцветать, истончаться. Рана уже брала свое. Еще несколько часов – и мы не смогли бы тебя спасти. Но в тебе дремлет недюжинная сила, дорогой мой хоббит! Ты это показал еще в Кургане. Вот когда был по-настоящему опасный момент! Самый опасный из всех, может быть. Если бы тебе еще у Пасмурника устоять...

– Да ты все обо мне знаешь, – изумился Фродо. – Но про Курган я, между прочим, никому не рассказывал. Сначала и вспомнить было жутко, а потом столько всего случилось... Откуда же ты проведал?

– Ты говорил во сне, Фродо, – ласково сказал Гэндальф. – И мне нетрудно было читать в твоих мыслях и памяти. Не беспокойся! Я сказал, что ты натворил глупостей, но на самом деле я так не думаю. Ты молодец, да и остальные тоже. Так далеко уйти, преодолеть такие опасности, да еще с Кольцом! Это был настоящий подвиг.

– Без Бродяги мы ничего бы не сделали, – возразил Фродо. – И еще нам не хватало тебя. Я без тебя совсем не знал, как быть.

– Меня задержали. И это могло погубить нас всех. Но теперь я думаю, что, скорее всего, мое промедление пошло нам только на благо.

– А можно узнать, что с тобой приключилось?

– Всему свой час! Сегодня решено не беспокоить тебя разговорами – так велел Элронд!

– Разговоры отвлекают меня от мыслей, а ведь от мыслей устаешь не меньше, – запротестовал Фродо. – Я проснулся и спать больше не собираюсь, а знаешь, сколько мне вспоминается такого, чего я не могу понять? Почему, например, тебя кто-то задержал? Об этом-то ты мне уж точно должен рассказать!

– Потерпи и все услышишь, – уклонился от ответа Гэндальф. – Как только ты восстановишь силы, соберется Совет. А пока скажу только, что я был в плену.

– Ты? В плену? – ошеломленно переспросил Фродо.

– Да, в плену – я, Гэндальф Серый, – подтвердил Гэндальф. – В мире много сил, добрых и злых. Некоторые из них могущественнее меня. А с иными я еще не мерился... Но мое время близко. Князь

Моргула и его Черные Всадники уже скачут по Средьземелью. Войны не миновать!

– Так ты знал про Всадников раньше? До того, как я их встретил?

– Да, знал. Я тебе даже рассказывал о них – ибо это Кольценосные Призраки, Девятеро Слуг Властелина Колец. От меня было скрыто лишь то, что они снова вышли в мир. Иначе я прихватил бы тебя с собой сразу, и мы бежали бы без оглядки. Вести о Кольцепризраках дошли до меня только после нашего расставания, в июне. Но об этом после. Пока что мы спасены от гибели – благодаря Арагорну.

– Спасибо ему, – подтвердил Фродо. – Кто бы нас выручил, не подвернись на пути Бродяга? Я, признаться, сперва его боялся. А Сэм – тот, кажется, до самого конца не больно-то ему доверял, пока нам не встретился Глорфиндэл.

Гэндальф улыбнулся.

– Про Сэма я уже слышан, – сказал он. – Теперь он больше не сомневается.

– Вот и отлично, – кивнул Фродо. – Я-то сам к Бродяге ужасно привязался. То есть «привязался» – не то слово. Лучше сказать – полюбил его, хотя он такой странный, чужой, а иногда и угрюмый. Если по правде, он мне частенько тебя напоминал. Я вообще не знал до этого, что Большие такие бывают. Я думал... ну, что они просто большие и в основном так себе, глупые. То есть, знаешь, одни – добрые и глупые, вроде Подсолнуха, а другие – по-настоящему безмозглые, да еще и вредные впридачу, вроде Билла Осины. Но где нам, засельчанам, разбираться в людях? Мы, кроме брийцев, никого и не видим.

– Ты и в брийцах-то не очень разбираешься, если думаешь, что Подсолнух глуп, – возразил Гэндальф. – На своем месте он по-своему очень даже умен. Он думает меньше, чем говорит, и мысли у него в голове ворочаются туго, но, как сказали бы в Бри, свое он и сквозь каменную стену углядит... И все же мало осталось в Средьземелье людей, подобных Арагорну, сыну Араторна. Род Королей, пришедших из-за Моря, почти угас. Может случиться, что Война за Кольцо станет их последней войной.

– Так это правда, что Бродяга имеет какое-то отношение к древним Королям? – поразился Фродо. – Я думал, Королей уже давным-давно нет на свете. Я думал, он просто Следопыт!

– Просто Следопыт! – воскликнул Гэндальф. – Фродо, радость ты моя! Да кто же такие, по-твоему, Следопыты? Ведь они как раз и есть Люди Запада, последние сыновья великого народа, укрывшиеся в северных землях. Они и раньше мне помогали, и помощь их еще потребуется в грядущие дни, ибо мы дошли до Ривенделла, но Кольцо здесь не останется.

– Похоже на то, – вздохнул Фродо. – Но пока у меня было только одно желание: поскорее попасть сюда. И надеюсь, никуда мне больше идти не придется. Как приятно лежать и отдыхать! Я месяц провел в бегах и всякого натерпелся, но теперь все! Хватит с меня злоключений! – Он замолк и прикрыл глаза, но через минуту заговорил снова: – Я пытался прикинуть, но у меня что-то ничего не выходит – как это получилось, что сегодня двадцать четвертое октября? Двадцать первое – еще туда-сюда. К Броду мы, по моим подсчетам, подошли двадцатого...

– Ты бы меньше говорил да «прикидывал», тебе это не на пользу, – посоветовал Гэндальф. – Как твои плечо и бок?

– Не знаю, – честно признался Фродо. – Я их совсем не чувствую. Это, конечно, в своем роде достижение. Но... – Он сделал усилие. – Я, пожалуй, могу шевельнуть рукой. Да, да, она понемногу оживает. И теплая, – добавил он, потрогав левую руку правой.

– Вот и хорошо, – сказал Гэндальф. – Значит, идешь на поправку. Скоро будешь совсем здоров. Это Элронд исцелил тебя: он целыми днями сидел у твоей постели.

– Целыми днями? – не сразу понял Фродо.

– Ну, если быть точным, то четыре дня и три ночи. В ночь на двадцатое эльфы привезли тебя от Брода. У тебя, видимо, провал в памяти. Мы серьезно тревожились за тебя, а Сэм – тот и вовсе не отходил от твоей постели, даже ночью – только если с поручением. Элронд – искусный целитель, но оружие Врага несет смерть... Сказать правду, я уже терял надежду. Я подозревал, что, хотя рана и затянулась, внутри остался обломок клинка. Так и оказалось, но мы до последнего дня не могли его обнаружить. И все-таки Элронд извлек этот обломок. Он засел довольно глубоко, а главное – и это страшнее всего – не стоял на месте, а двигался по направлению к сердцу.

Фродо содрогнулся, вспомнив страшный клинок с зазубренным лезвием, который истаял в руке Бродяги.

– Не тревожься! – поспешил успокоить его Гэндальф. – Обломка уже не существует. Он испарился. К тому же, судя по всему, хоббиты весьма неохотно «выцветают». Я знал могучих воинов из племени Людей, которые сдались бы намного быстрее. А ты носил в себе этот гибельный обломок целых семнадцать дней!

– Но что они думали со мной сделать? – робко спросил Фродо. – Чего они добивались, Черные Всадники?

– Они хотели поразить тебя в сердце моргульским кинжалом, остающимся в ране даже после того, как он вынут. Если бы они добились своего, ты стал бы совсем как они, только гораздо слабее, и подпал бы под их начало. Ты превратился бы в призрака, подвластного Черному Властелину, и он подверг бы тебя страшным мукам за то, что ты пытался удержать у себя Кольцо, – если только можно измыслить муку страшнее, чем лишиться Кольца и видеть его на пальце у Князя Мордора.

– Спасибо еще, что я не знал, какой мне грозит ужас! – только и смог выговорить Фродо. – Я и без того был еле жив от страха. Если бы ты мне все это раньше объяснил – я бы окаменел на месте, и все тут. Каким же я чудом спасся? Скажи!

– Тебя спасло счастье... или судьба, – сказал Гэндальф. – И отвага. Сердце оказалось не затронуто, удар пришелся в плечо. Если бы ты не сражался до последнего, тебе бы так просто не отделаться. Твоя жизнь – страшно сказать – висела на волоске. Но ближе всего к гибели ты был, когда надел на палец Кольцо, ибо тогда ты сам наполовину оказался в мире призраков, и Всадникам ничего не стоило тебя схватить, потому что в том мире ты видел их, а они – тебя.

– Знаю, – поежился Фродо. – Это было очень страшно! Но почему же черных коней видели все?

– Потому что это обычные кони. И черные плащи – обычные плащи: Всадники набрасывают их, когда хотят придать форму своей пустоте¹⁶². Это нужно, когда приходится иметь дело с живущими.

– Но почему черные кони терпят таких всадников? Все остальные животные при их приближении просто шалеют от страха – даже эльфийский конь Глорфиндэла и тот испугался. Собаки воют, гуси шипят...

– Этих коней вывели и воспитали специально для Черного Властелина. Ведь ему служат не только призраки! Среди его слуг и

прихвостней – орки и тролли, варги и оборотни, и не только они: множество людей, воины и царственные властители – живые, ходящие под солнцем этого мира, – творили и ныне творят волю Черного Властелина. И таких людей день ото дня все больше.

– А Ривенделл? А эльфы? Ривенделл в безопасности?

– В безопасности, пока Враг не захватил все остальное. Эльфы могут страшиться Черного Властелина, могут бежать от его лица, но никогда уже больше не склонят слуха к его обещаниям и не станут служить ему. А здесь, в Ривенделле, обитают некоторые из его злейших врагов – эльфийские мудрецы, Властители-Элдары¹⁶³ из краев, что лежат за дальним, дальним Морем. Они не боятся Кольценосных Призраков: те, кто пришел из Благословенной Земли, живут в обоих мирах одновременно и способны сражаться не только против видимого, но и против невидимого Зла.

– По-моему, в последний момент у Брода появилась какая-то белая фигура – она сверкала и не расплывалась, как все остальное. Значит, это был Глорфиндэл?

– Он самый. Именно его ты и увидел по ту сторону реки. Он – один из могущественнейших Перворожденных. Эльфийский принц королевского рода – вот кто такой Глорфиндэл! Да, в Ривенделле есть сила, которая могла бы какое-то время противостоять армиям Мордора. Есть подобные силы и в других местах. И в Заселье тоже, – правда, совсем другого рода... Но все эти последние крепости скоро станут островками в море зла, если, конечно, дела не пойдут по-иному. Черный Властелин собирает воедино все свои армии... И все же, – Гэндальф поднялся с кресла и резко выставил вперед подбородок, так что его борода встала стоймя, как проволока, – все же мы должны держаться! Скоро ты будешь здоров – если я не заговорю тебя до смерти. Ты в Ривенделле, и не тревожься пока ни о чем!

– Откуда у меня мужество, чтобы «держаться»? – махнул рукой Фродо. – Впрочем, я пока не тревожусь. Мне бы только узнать, как дела друзей и чем кончилась история у Брода. Я все пытаюсь у тебя это выведать, и все без толку. Уважь мою просьбу, я и успокоюсь. Я даже, пожалуй, еще немного посплю, но, если ты не закончишь рассказ, уснуть мне ни за что не удастся!

Гэндальф придвинул кресло поближе и внимательно взгляделся в лицо Фродо. Со щек хоббита сошла бледность, глаза смотрели ясно и

трезво, сна как не бывало. Фродо улыбался – и, казалось, беспокоиться уже не о чем. Но от острого взгляда волшебника не укрылось, что с хоббитом произошли кое-какие перемены – так, самую малость, а все-таки! Кожа у Фродо стала как бы прозрачнее – особенно если смотреть на левую руку, вытянутую поверх одеяла.

«Этого следовало ожидать, – сказал сам себе Гэндальф. – А ведь он не прошел еще и половины дороги, и даже Элронд не может сказать, куда эта дорога приведет его... Но не думаю, чтобы он кончил плохо. Скорее всего, в конце пути он станет как стеклянный сосуд с чистым светом внутри – для тех, кто умеет видеть».

– Выглядишь ты отлично, – произнес он вслух. – Рискну, пожалуй, не спросясь Элронда, в двух словах рассказать тебе о событиях у Брода. Но учти, только в двух словах! А потом ты снова должен поспать. Так вот. Собрав воедино все услышанное, я примерно восстановил канву событий. Произошло вот что. Когда белый конь рванулся вперед, Всадники сразу же бросились в погоню. Им уже не приходилось полагаться только на своих коней: ты стал для них видим – ведь ты вступил на порог их мира. Кроме того, их притягивало Кольцо. Твои товарищи кинулись врассыпную, прочь с дороги – иначе их просто растоптали бы. Они знали: если белый конь не спасет тебя, то не спасет никто. Догнать Всадников было невозможно – они скачут как ветер; вступить с ними в схватку – немыслимо: их было слишком много. Даже Глорфиндэл с Арагорном не могут противостоять Девяти Конникам – тем более что те на лошадях, а у твоих друзей лошадей не было. Итак, Кольценосные Призраки промчались. Остальные кинулись вслед за ними. Невдалеке от Брода, у дороги, есть маленькая лощина, скрытая редкими деревцами. Там спешно разожгли огонь. Глорфиндэлу было известно, что, если Всадники ступят в реку, река взбурлит; он собирался взять на себя тех врагов, которые останутся по эту сторону. Когда поток хлынул, Глорфиндэл бросился в атаку, а за ним – Арагорн и все остальные с горящими ветками в руках. Оказавшись между огнем и водой, лицом к лицу с разгневанным эльфийским князем, представшим им во всей своей силе, Всадники потеряли уверенность в себе, а черных лошадей охватило безумие. Трех смели первые волны бурлящего потока, остальные сами бросились в реку – и были поглощены водой, как и первые.

– Значит, Черным Всадникам пришел конец? – Фродо даже приподнялся.

– Увы, нет, – ответил Гэндальф. – Лошади – те, наверное, погибли, а без лошадей Всадникам далеко не уйти. Но Кольценосных Призраков так просто не уничтожишь. Правда, теперь какое-то время их можно не опасаться... А твои товарищи дождались, пока река войдет в берега, переправились – и обнаружили тебя на берегу, лицом вниз, а под тобой – сломанный меч. Конь стоял рядом, на страже. Твое лицо было холодным и белым как мел. Друзья испугались, что ты мертв, а то и еще хуже... Тут подоспели посланники Элронда и со всеми предосторожностями перенесли тебя в Ривенделл.

– А кто приказал реке взбунтоваться? – все еще не понимал Фродо.

– Элронд, – отозвался Гэндальф. – Река находится в его власти, и, если приспевает нужда закрыть Брод, вода разъяряется. Как только предводитель Призраков направил коня в реку, вода хлынула неукротимым потоком и сшибла их обоих. Открою тебе тайну – для пущего устрашения я добавил кое-что и от себя: ты, наверное, заметил, что гребни волн выглядели как огромные белые кони со сверкающими всадниками в белом? А ты видел, что поток катил с собой множество валунов, которые то и дело сшибались? Я на мгновение даже испугался – как бы водяное войско и вас не смыло! Слишком страшен был гнев, который выпустили мы на свободу, и сдержать его было трудно. Велика сила потоков, берущих начало в ледниках Туманных Гор!

– Да, теперь припоминаю, – кивнул Фродо. – Рев! Грохот! Я уже подумал – конец, тону! А со мной – конец моим друзьям, врагам и вообще всему на свете... Но теперь это позади!

Гэндальф кинул на Фродо быстрый взгляд, но глаза у того были закрыты.

– Да, пока что страхи позади. Скоро ожидается пир и веселье в честь победы у Бруиненского Брода, и вы будете сидеть на почетных местах, – сказал он.

– Вот это да! Только странно, что Элронд, Глорфиндэл и другие благородные князья, не говоря уже о Бродяге, так со мной возятся и так ко мне добры!

– Ну, тому есть много причин, – улыбнулся Гэндальф. – Первая, весьма немаловажная, – это я. Кольцо – вторая: ты – Хранитель Кольца. И ты – наследник Бильбо, Нашедшего Кольцо.

– Бильбо! Дорогой Бильбо! – сонно проговорил Фродо. – Где-то он сейчас? Вот бы его сюда, чтобы рассказать ему про все эти дела! Вот кто посмеялся бы! «Ускакала в небеса...» А тролль, бедняга!.. – И с этими словами Фродо заснул окончательно.

Под кровом Последней Гостеприимной Обители к востоку от Моря Фродо был в полной безопасности. Этот дом, по давнему слову Бильбо, был «поистине Дом: там можно есть, пить, слушать истории, петь, просто сидеть и думать, а можно заниматься и тем, и другим, и третьим понемножку, в свое удовольствие». Провести хоть несколько дней в Доме Элронда значило исцелиться от усталости, страха и печали.

К вечеру Фродо снова проснулся и обнаружил, что не хочет больше ни спать, ни даже просто отдыхать, – зато вот съесть и выпить чего-нибудь не помешало бы, а там, глядишь, приспееет охота и послушать о чем-нибудь интересном, и песню спеть...

Он поднялся с постели и обнаружил, что может шевелить рукой почти так же свободно, как и раньше. Рядом с постелью дожидалась чистая одежда из зеленого сукна, которая пришлась точно впору. Посмотрев мельком в зеркало, Фродо пораился своему отражению – оказалось, он сильно исхудал по сравнению с тем хоббитом, каким помнил себя в последнее время. Теперь он был прежний желторотый племянник дядюшки Бильбо, времен их совместных прогулок по засельским холмам! Но глаза смотрели из зеркала по-взрослому и задумчиво.

– Да, брат, ты кое-что повидал с тех пор, как в последний раз смотрел на меня из этой штуки, – сказал Фродо отражению. – А теперь вперед! Веселее!

Он сладко потянулся и засвистел какую-то песенку.

Тут в дверь постучали, и на пороге возник Сэм. Он бросился к Фродо и схватил его за левую руку, но тут же смутился своей дерзости, тихонько погладил ладонь Фродо, покраснел и поспешно отвел взгляд.

– Привет, Сэм! – весело воскликнул Фродо.

– Теплая! – просиял в ответ Сэм. – То есть рука теплая, господин Фродо! А такая холодная была все эти длиннющие ночи! Ура! Ура! Победа! – И он завертелся на месте, ликуя и приплясывая. – Красота, что вы встали и что вы – это опять вы! Гэндальф велел узнать, готовы ли вы спуститься вниз, а я-то решил, что он шутит!

– Я готов! – сказал Фродо. – Идем поищем остальных!

– Я вас сейчас отведу к ним, хозяин, – заверил Сэм. – Вообще, дом тут громадный и совершенно ни на что не похожий. То и дело попадается что-то новенькое, и никогда не знаешь, с чем повстречаешься за углом. А эльфы, хозяин! Куда ни повернись – везде эльфы! Одни – как короли, величественные, грозные, а другие – веселые, как дети. И музыка, и пение! Мне, правда, не до того было, да и откуда бы я взял время? Но все-таки я помаленьку разузнал, что тут к чему!

– Я знаю, чем ты был занят, Сэм, – сказал Фродо и взял его за руку. – Но сегодня ты и повеселишься, и песен наслушаешься, сколько твоя душа пожелает. Идем! Посмотрим, что встретится нам за углом!

Они прошли по каким-то коридорам, спустились вниз и оказались в саду над крутым берегом реки. Друзья ждали Фродо на террасе, с восточной стороны дома. Долина внизу уже потонула в сумерках, но на склонах гор, ближе к вершинам, еще медлил вечерний свет. Бурля, шумел поток, падавший с отвесных скал; теплый вечер был напоен слабым ароматом цветов и листьев. Казалось, лето не спешит покидать садов Элронда.

– Ур-ра! – закричал Пиппин, вскакивая. – Идет наш благородный кузен! Дорогу Фродо, Властелину Кольца!

– Ш-ш! – остановил его Гэндальф, выходя из тени, скрывавшей дальний угол широкой террасы. – Злые твари не навешиваются в эту долину, но это не значит, что здесь можно говорить о таких вещах!¹⁶⁴ Фродо не Властелин Кольца. Властелин Кольца обитает в Черной Башне Мордора, и в наши дни его тень вновь простирает крыла над миром. Мы с вами – в крепости. Но снаружи темнеет...

– Гэндальф только и делает, что веселит нас прибаутками вроде этой, – пожаловался Пиппин. – Он считает, что меня надо постоянно призывать к порядку. Но ведь тут просто невозможно кукситься! Эх, найдись песенка к случаю – так, кажется, и запел бы сейчас!

– Меня и самого все время подмывает запеть, – рассмеялся Фродо. – Хотя сейчас я предпочел бы закусить и чего-нибудь выпить!

– Ну, твоему горю помочь нетрудно, – обнадежил его Пиппин. – Ты, как всегда, оказался хитрее всех: встал прямо к ужину!

– К ужину! Ничего себе «к ужину»! К пиру! – возмутился Мерри. – Как только Гэндальф доложил, что ты пришел в себя, все вокруг так и закипело!

Он не успел договорить, как зазвенело множество колокольчиков: звали к столу.

Парадный зал Дома был полон. Среди гостей преобладали эльфы, но встречалась публика и другого сорта. Элронд, по своему обыкновению, восседал в большом кресле во главе длинного стола, на возвышении; по одну руку от него сидел Глорфиндэл, по другую – Гэндальф. Фродо весьма дивился, глядя на них, – он никогда еще не видел Элронда, о котором говорилось в стольких легендах. Сидевшие рядом с ним Глорфиндэл и Гэндальф – а Фродо-то думал, что знает волшебника как облупленного! – предстали перед ним в новом, непривычном обличье могущественных властителей.

Гэндальф уступал Элронду и Глорфиндэлу в росте, но его длинные, убеленные сединой волосы, струящаяся по груди серебряная борода, широкие плечи делали его похожим на мудрого короля из древних легенд. Темные глаза под густыми оснеженными бровями горели на изрезанном временем лице, словно угли, готовые в любую минуту вспыхнуть испепеляющим огнем.

Глорфиндэл был высок и строен; волосы – сияющее золото, лицо – сама молодость, сама радость; глаза его сверкали, взгляд был исполнен пронизательности, голос казался воплощенной музыкой; мудрость читалась на его лице, в руке чувствовалась сила. Лицо Элронда не носило примет возраста; его нельзя было назвать ни молодым, ни старым, хотя память о многих событиях, и радостных, и скорбных, наложила на него неизгладимую печать. Темные, как сумерки, волосы охватывал серебряный обруч; глаза были серыми, как ясный вечер, и сияли светом, подобным свету звезд. Исполненным достоинства показался хоббиту Элронд, а еще показался похожим на величественного короля, за плечами у которого много зим, – и могучим, как испытанный воин в самом расцвете зрелости. Ибо

Элронд был Властителем Ривенделла и слыл меж эльфов и людей Мудрейшим.

В середине стола стояло кресло под балдахином, а за креслом натянута была плотная узорчатая ткань; в кресле сидела прекрасная дева, столь схожая с Элрондом, что невольно напрашивалась мысль – будь Элронд женщиной, они были бы неотличимы. Фродо понял, что Элронд в близком родстве с нею. Она была молода – и в то же время нет. Снег еще не коснулся ее темных волос; прозрачные руки и чистое лицо излучали свежесть, и звездным светом сияли глаза, серые, как безоблачное вечернее небо. Однако осанкою она была королева, и в ее взгляде читалась мудрость, какую дарит только опыт долгих, долгих лет жизни. Серебряная сетка, покрывавшая ее голову, мерцала мелкими бриллиантами; мягкое серое платье не было украшено ничем, кроме пояска из серебряных листьев.

Так Фродо увидел ту, кого до сей поры удостаивались лицезреть лишь немногие из смертных. Это была Арвен, дочь Элронда, с которой, как говаривали эльфы, вернулась на землю красота самой Лутиэн. Дочь Элронда звалась Ундомиэль, ибо слыла Вечерней Звездой своего народа¹⁶⁵. Долго жила она в Лориэне, стране своей матери, за далекими горами, и лишь недавно возвратилась в Ривенделл, в дом отца. Братьев ее, Элладана и Элрохира¹⁶⁶, на пиру не было: они отправились в очередной поход, ибо часто вместе со Следопытами Севера странствовали в далеких землях, мстя оркам за мать¹⁶⁷, которую те долго мучили когда-то в своих пещерах.

Никогда еще Фродо не видел такой красоты и совершенства, да и представить себе не мог бы. Он был удивлен и ошеломлен тем, что сидит за столом Элронда наравне со столь высокими и достойными гостями. Кресло у него было вполне удобное, особенно благодаря нескольким добавочным подушкам, – но хоббит все равно поначалу чувствовал себя маленьким и лишним. Впрочем, неловкость быстро исчезла. Веселый пир разгорался, а на столе стояло все, чего только мог пожелать голодный хоббит, – и Фродо далеко не сразу поднял голову от тарелки, чтобы оглядеться по сторонам и посмотреть на соседей по столу.

Наконец он оторвался от еды и поискал взглядом друзей. Сэм умолял, чтобы ему разрешили прислуживать хозяину, но получил отказ – на этом пиру он был почетным гостем, как и остальные. Фродо мог

видеть его, не вставая с места. Сэм сидел рядом с Мерри и Пиппином, в конце одного из боковых столов. А вот Бродяги в зале, похоже, не было.

Справа от Фродо восседал важный, богато одетый гном. Его длинная раздвоенная борода соперничала белизной с белым цветом его одежд. Пояс у гнома был серебряный, а с шеи свисала серебряная с бриллиантами цепь. Фродо на минутку даже перестал есть, чтобы разглядеть соседа получше.

– Примите мои приветствия! – молвил гном, поворачиваясь к Фродо, и встал (не приподнялся, а по-настоящему встал и даже отвесил поклон). – Глоин¹⁶⁸, к вашим услугам! – И он отвесил новый поклон, еще ниже.

– Фродо Бэггинс, к услугам твоим и твоего семейства! – как полагалось, ответил Фродо, от удивления вскакивая и роняя подушки на пол. – Ошибусь ли я в своей догадке, если предположу, что ты – тот самый Глоин, один из двенадцати спутников достославного Торина Дубоцита?

– Истинно так, – подтвердил гном, собирая подушки и вежливо помогая Фродо взобраться на место. – Не удивляйся, что я не задаю ответного вопроса! Я уже извещен о том, что ты – родич и законный наследник нашего друга, уважаемого Бильбо Бэггинса. Позволь мне поздравить тебя с выздоровлением!

– Большое спасибо, – отозвался Фродо.

– До меня дошло, что ты пережил довольно странные приключения, – продолжал Глоин. – Могу только удивляться: что вынудило хоббитов, да не одного, а сразу четверых, пуститься в столь далекое путешествие? С тех пор как Бильбо решился пойти с нами, свет ничего подобного не видел! Но может, мне не следует столь подробно выпрашивать о причине похода, раз Элронд и Гэндальф не расположены пока говорить о ней?

– Я тоже думаю, что лучше об этом не распространяться, по крайней мере сегодня, – вежливо обошел опасное место Фродо.

Он догадывался, что даже в Доме Элронда не следует превращать Кольцо в предмет обычной светской беседы; да ему и самому хотелось на время забыть о бедах и тревогах.

– Но и мне, – добавил он, – интересно узнать, что привело сюда, в такую даль – от самой Одинокой Горы! – столь почтенного гнома?

Глоин поглядел на Фродо внимательно:

– Если ты еще не слышал, то пока лучше воздержимся говорить об этом! Как я полагаю, достойный Элронд в скором времени соберет нас вместе, и мы многое узнаем друг о друге. А пока нетрудно выбрать и другой предмет для беседы, не правда ли?

И они провели в разговорах весь вечер до окончания трапезы – с тем только различием, что Фродо больше слушал, чем рассказывал: те из засельских новостей, что не касались Кольца, казались незначительными и к тому же остались далеко позади. Зато Глоину было что порассказать о северных окраинах Диких Земель и о том, какие там произошли изменения.

Фродо узнал, что Гримбеорн Старый, сын Беорна, собрал под своим началом много сильных и крепких людей, и в их земли, что меж Горами и Чернолесьем, ни орки, ни волки носа не кажут.

– Все знают, – рассказывал Глоин, – что, если бы не Беорнинги, путь из Дейла в Ривенделл давно был бы заказан. Беорнинги – доблестные люди. Благодаря им для нас по-прежнему открыты Высокий Перевал и брод у Каррока... К сожалению, они берут высокие пошлины, – добавил он, покачав головой, – и, как предок их Беорн, не очень-то любят гномов! Впрочем, доверять им можно, а в наши дни это уже немало. Зато люди из Дейла относятся к нам воистину по-дружески! Бардинги – добрый народ! Правит ими внук Барда Лучника – Бранд, сын Баина, сына Барда. Он могущественный король, и земли его простираются далеко на юг и восток от Эсгарота.

– А ваш народ? – спросил Фродо.

– У нас произошло много событий, как плохих, так и хороших, – вздохнул Глоин. – Но хорошего все-таки больше: удача нам до сей поры сопутствовала неизменно, хотя тень, омрачившая нынешние времена, коснулась и нас. Если твой интерес искренен, я охотно поделюсь новостями. Только прерви меня, если утомишься! Наше присловье гласит: гном хвалится – как рудник долбит, не остановишь...

И Глоин углубился в длинное повествование о гномьем королевстве. Он был немало польщен, встретив неподдельное внимание к своим рассказам, – а Фродо не выказывал ни малейших признаков усталости и не делал попыток переменить тему, хотя, по чести сказать, довольно скоро запутался в странных именах и

названиях, которых прежде никогда не слышал. Ему, правда, интересно было узнать от гнома, что Даин до сих пор правит Королевством-Под-Горой; теперь Король-Под-Горой состарился (ему минуло двести пятьдесят), убелен почтенными сединами и баснословно богат. Узнал он и то, что из десяти товарищей Бильбо, уцелевших в Битве Пяти Воинств¹⁶⁹, семеро до сих пор живут при дворе Даина: Двалин, Глоин, Дори, Нори, Бифур, Бофур и Бомбур, причем Бомбур так растолстел, что не может сам добраться от своего ложа до трапезной, и требуется не менее шести молодых гномов, чтобы препроводить его туда.

– А что случилось с Балином, Ори и Оином? – спросил Фродо.

По лицу Глоина прошла тень.

– Этого мы не знаем. Собственно говоря, судьба Балина и есть одна из главных загадок, которые я надеюсь разгадать с помощью хозяев Ривенделла. Но сегодня лучше поговорить о чем-нибудь веселом!

Переведя речь на извечные труды и заботы своего народа, он поведал Фродо о великих творениях гномьих рук в Дейле и под Горой.

– Мы потрудились на совесть, – хвалился он. – Но в работе по металлу нам уже не тягаться с нашими отцами – многие из прежних секретов утеряны. Оружие мы куем прекрасное, мечи нашей работы по-прежнему остры, но кольчуги да и клинки уже не те, что были до прилета дракона. Только в рудничном деле да строительстве мы превзошли старых мастеров. Хотел бы я, чтобы ты увидел дейлский водопровод, Фродо, и наши горы, и водоемы! А дороги, мощенные разноцветным камнем! А залы в пещерах, а подземные улицы с арками наподобие деревьев, а террасы и башни по склонам Горы! Ты убедился бы, что гномы не сидели сложа руки!

– Если смогу, обязательно приеду и посмотрю, – обещал Фродо. – Вот удивился бы дядя Бильбо всем этим переменам! Он часто рассказывал, какой погром учинил там Смауг!

Глоин скосил на хоббита глаз и улыбнулся.

– Ты ведь любил Бильбо, не так ли? – спросил он.

– Любил, – просто ответил Фродо. – Был бы мой выбор, что повидать, его или все дворцы и башни мира, я выбрал бы его.

Наконец пир подошел к концу. Элронд и Арвен встали и прошествовали к выходу, а за ними, соблюдая заведенный здесь

порядок, последовали остальные. Двери были распахнуты; по широкому коридору гости прошли в следующий зал. Там не было столов, но зато меж резных колонн пылал огромный камин.

Фродо обнаружил, что идет рядом с Гэндальфом.

– Это – Зал Пылающего Огня, – объяснил волшебник. – Здесь ты услышишь множество песен и историй – если не заснешь. Зал этот, кроме торжественных дней, всегда пуст и тих: сюда приходят те, кто ищет спокойного места для раздумий. Огонь в камине горит постоянно, круглый год, но другой свет вносят редко.

Когда Элронд переступил порог и направился к приготовленному для него креслу, раздалась нежная музыка – то заиграли эльфийские менестрели. Зал постепенно наполнялся, и Фродо с восхищением глядел на прекрасные лица эльфов: на щеках у тех играли золотые отблески пламени, волосы мерцали... И вдруг Фродо заметил с другой стороны камина, недалеко от огня, маленькую темную фигурку, притулившуюся на табуреточке у одной из колонн. На полу у табуреточки стояла чашка и лежал кусочек хлеба. Фродо подивился, решив, что это больной, которому недуг помешал быть на пиру. Неужели в Ривенделле болеют? Голова у бедняги склонилась на грудь; казалось, он спал. Лица не было видно из-за складок темного плаща.

Элронд подошел к камину и остановился перед сидящим.

– Проснись, мой уважаемый маленький друг, – с улыбкой проговорил он и, обернувшись к Фродо, сделал ему знак подойти поближе. – Вот и настал час, которого ты ждал, Фродо! Твой друг, по которому ты так долго скучал, перед тобой!

Сидевший поднял голову и отвел от лица плащ.

– Бильбо! – вскричал Фродо: он только теперь узнал старика – и кинулся обнимать его.

– Привет, Фродо, дружок! – отозвался Бильбо. – Ну, вот ты наконец и здесь! Я знал, что это когда-нибудь случится. Ну-ну! Я слышал, нынешний пир затеян в твою честь. И как, весело тебе тут?

– Но где же ты был до этого? – спросил Фродо. – И почему мне не дали увидеть тебя раньше?

– Ты спал, малыш. Я-то уже успел вдоволь на тебя насмотреться. Что ни день, сидел у твоей постели вместе с Сэмом. Ну а пир... я теперь не очень-то часто хожу на пиры. У меня и без пиров есть чем заняться.

– Что же ты делал?

– А сидел, думал. Я этим частенько занимаюсь. Тут для этого самое подходящее место. «Проснись», видите ли! – добавил он, скосив глаз на Элронда. Фродо заметил в этом глазу яркую искорку – и никаких признаков сна. – «Проснись!» Я не спал, уважаемый Элронд! Если хотите знать, вы слишком рано закончили свой пир и не дали мне дописать новую песню! Я не дошел и до половины. Застопорился на одной строчке – и ни туда ни сюда. Но теперь, кажется, придется бросить это занятие. Как начнут петь да играть – в голове ни одной мысли не удержится. Придется искать моего друга, Дунадана, – авось поможет! Где он, кстати?

Элронд рассмеялся:

– Найдется. Думаю, вы с ним обязательно отыщете тихий уголок и завершите песню, а потом мы послушаем ее и оценим. Праздник долгий.

На поиски Дунадана отправились посланцы Элронда – никто не знал, где его искать, и никто не мог ответить, почему он не присутствовал на пиру.

Тем временем Фродо и Бильбо устроились рядышком, а там и Сэм подоспел. Они долго беседовали, позабыв про царившее вокруг веселье и музыку. О себе Бильбо рассказывать было почти нечего. Уйдя из Хоббитона, он блуждал сначала без особой цели вдоль Тракта и по обе стороны от него, но вскоре понял, что ноги сами ведут его в Ривенделл.

– Я дошел без особых приключений, – повествовал Бильбо. – Отдохнул – и отправился в Дейл, с гномами: это было мое последнее путешествие. Больше я туда уже не выберусь. Старина Балин оттуда ушел, и вообще все уже не то... Ну, а потом я вернулся и с тех пор живу здесь. Занимаюсь тем-сем. Книгу продолжаю... Ну, и песни пишу, конечно. Эльфы поют их время от времени – подозреваю, что не для себя, а так, чтобы меня порадовать. Разве мои песни годятся для Ривенделла? А я все слушаю и размышляю. Время здесь будто остановилось. Никаких было и будет, только *есть*. Удивительное место, что и говорить! Новости все в моем распоряжении – что из-за Гор, что с Юга, только вот из Заселья ничего нет. О Кольце я, конечно, тоже наслышан. Гэндальф сюда часто заходит. Но он никогда не был настроен откровенничать, а в последнее время стал и вовсе

скрытным. Дунадан рассказал мне больше. Надо же, сколько хлопот с этим моим Кольцом! Жаль, что Гэндальф так поздно докопался до сути. Я бы давным-давно принес сюда Кольцо, сам принес, и беспокойства бы никакого не было. Я иногда думал, не вернуться ли за ним в Хоббитон, – но я старею, да и они меня не пускали. Гэндальф с Элрондом, я имею в виду. Они, кажется, воображают, будто Враг только и делает, что рыщет повсюду и высматривает меня, а если застукать где-нибудь в глуши, то сделает из меня лепешку. «Кольцо уже не твое, Бильбо, – это мне Гэндальф. – Сунешь снова нос в эту историю – добра не жди, и себе навредишь, и другим». А почему – непонятно... Ну, да это в его духе. За тобой он обещал присмотреть, так что я махнул на все рукой и успокоился. Страшно рад, что ты добрался живым и здоровым! – Тут он запнулся, посмотрел на Фродо с некоторым сомнением и шепотом спросил: – Оно с тобой? После всего, что я наслушался, меня так и разбирает – ничего не могу с собой поделаться. Хочется взглянуть на него еще разок...

– Кольцо со мной, – с запинкой отозвался Фродо, сам себе удивляясь. – Но оно такое же, как всегда. Ничего интересного.

– Да я только гляну, – не сдавался Бильбо.

Еще когда Фродо одевался на пир, он обнаружил, что Кольцо висит у него на груди – на легкой, но прочной цепочке. Теперь он медленно полез за пазуху. Бильбо подставил ладонь... И вдруг Фродо рывком отдернул руку. К собственному удивлению и ужасу, он увидел, что перед ним вовсе не Бильбо! Между ними словно пала тень, а по ту сторону тени кривлялся маленький, сморщенный уродец с жадной гримасой на лице и протягивал к Фродо костлявые, скрюченные пальцы. Фродо захотелось его ударить.

Музыка и песни отдалились и куда-то пропали. Стало тихо. Бильбо быстро глянул на племянника и провел рукой по глазам.

– Я все понял, – вздохнул он. – Ладно! Убери его! И прости! Прости, что из-за меня тебе пришлось взвалить на плечи эту ношу. За все прости. Неужели приключения никогда не заканчиваются? Похоже, что так! Кому-то приходится продолжать начатую историю. С этим ничего не поделаешь. Не знаю даже, есть ли смысл заканчивать книгу... Но давай забудем пока об этом. Займемся настоящими новостями. Расскажи-ка мне, что делается у нас в Заселье!

Фродо спрятал Кольцо, и тень исчезла, словно не бывало. Свет и музыка Ривенделла воскресли. Слушая рассказы племянника, Бильбо улыбался и нередко разражался смехом. Любые мелочи, какие приходили на ум Фродо, – а Сэм, разумеется, тут же добавлял к ним от себя кучу всякой всячины! – интересовали старика самым непосредственным образом, будь то распоследнее срубленное деревце или очередная шалость какого-нибудь хоббитенка. Трое хоббитов так углубились в засельское жите-бытие, что не заметили, как к ним приблизился человек в темно-зеленой одежде. Человек остановился над хоббитами, глядя на них сверху вниз и улыбаясь. Прошло несколько минут...

Вдруг Бильбо поднял глаза.

– А, Дунадан! Наконец-то! – воскликнул он.

– Бродяга! – ахнул Фродо. – Много же у тебя имен!

– Этого имени я лично еще не слышал, – удивился Бильбо. – За что вы его так обозвали?

– Так меня именуют в Бри, – смеясь, разъяснил Бродяга. – Под этим-то именем я и был представлен твоим приятелям.

– А ты почему зовешь его «Дунадан»? – спросил в свою очередь Фродо.

– Я его зову не «Дунадан» – я зову его *Дунаданом*, потому что он один из *дунаданов*, – поправил Бильбо. – Здесь его часто так называют. Но я думал, настолько-то ты знаешь эльфийский, чтобы понять: *дун-адан* значит «человек запада», нуменорец¹⁷⁰. Впрочем, сейчас не время для уроков эльфийского! – Он повернулся к Бродяге. – Где же ты был, друг мой? Почему не на пиру? Сегодня там изволила быть и госпожа Арвен...

Бродяга, нахмурившись, глядел на Бильбо с высоты своего роста.

– Знаю, – кивнул он. – Но мне часто приходится откладывать веселье до более подходящего часа. Элладан и Элрохир вернулись из Дикоземья, хотя сегодня их еще не ждали. Они принесли новости, которые я должен был узнать как можно скорее.

– Прекрасно, друг мой, – благодушно отозвался Бильбо. – Прекрасно! Надеюсь, ты услышал свои новости. Так не уделишь ли теперь минуточку и мне? Мне требуется твоя помощь по срочному делу. Элронд потребовал, чтобы я закончил эту песню до конца

праздника, а я, как видишь, застрял – и ни с места. Отойдем куда-нибудь в уголок и отшлифуем ее как следует! Ты мне поможешь.

Бродяга улыбнулся.

– Что ж! – согласился он. – Пойдем послушаем!

Фродо оказался ненадолго предоставлен самому себе, так как Сэма одолела дремота. Хоббит сидел один в своем углу и чувствовал себя покинутым, хотя Зал Пылающего Огня был полон народу. К сожалению, те, кто сидел поближе, не были расположены общаться; замороженные музыкой голосов и струн, они ничего кругом не слышали и не видели. Фродо оставалось только слушать со всеми вместе.

Красота напевов и вплетенные в мелодию эльфийские слова – хотя понимал он только некоторые – околдовали его. Казалось, слова сами собой обретают плоть образов; перед глазами открывались видения дальних стран и чудеса, которых раньше Фродо не смог бы даже вообразить. Зал в отблесках пламени превратился в облако золотого тумана над пенным морем, вздыхающим у края мира. Явь уступала место волшебству¹⁷¹. Фродо почувствовал, что над ним плещутся волны бесконечной реки, золотой и серебряной, и он уже не может вместить в себя эту реку; волны слились с воздухом, гулко бьющим в уши, сердце наполнилось до краев и под сияющим бременем музыки быстро пошло ко дну, погружаясь в глубинное королевство снов.

Долго бродил он там, и в снах его звучала дивная музыка, превратившаяся постепенно в шум воды – и вдруг ставшая голосом. Голос принадлежал как будто Бильбо, который нараспев декламировал стихи. Сначала слабо, потом все отчетливее и отчетливее до Фродо донеслось:

*Эарендил¹⁷² был мореход;
он для далеких плаваний
ладью построил верную
в Арверниэнской гавани¹⁷³.
Серебряными нитями
огнистый парус вышел он,
и белогрудым лебедем*

бесстрашно в море вышел он.

*Кольчугу он надежную
надел для дела бранного,
свой щит покрыл он рунами¹⁷⁴,
чтобы хранил от ран его;
на лук он взял драконий рог,
эбен – на стрелы черные;
привесил ножны к поясу,
из оникса точенные;
булатный меч вложил он в них,
плащ заколол смарагдом¹⁷⁵ он,
шлем выбрал адамантовый,
пером орла украшенный...*

*При свете звезд, в лучах луны
в волнах он плыл бушующих —
так далеко от Смертных стран¹⁷⁶
не правил путь никто еще.
Треща, сдвигался Вечный Лед,
крутились бури снежные;
кругом просторы темные,
огромные, безбрежные...*

*Ладью встречает Ночь Ничто¹⁷⁷,
кипит пучина водная —
и не находит взглядом он
лампаду путеводную.
Поднялся ветер западный
внезапно – щепкой легкою
ладью он поднял до неба
и к дому вновь повлек ее.
Валы ярятся и шумят,
и пеной застит взор ему,
и весла из уключин рвут,
грозя бесславной гибелью...*

Тут Элвинг чайкою с высот¹⁷⁸
слетела на корму из туч,
со светочем, что ярче звезд, —
и тьму пронзил небесный луч.
Взяв светозарный Сильмарил¹⁷⁹,
венчает он чело свое —
и вновь за руль берется он,
и вновь берет весло свое.

Путь начинает заново —
и вновь подхвачен вихрем он,
примчавшимся из-за моря
немеряных иных времен.
И окунались в Ночь Ничто
и парус, и весло его —
над сушей затонувшею¹⁸⁰,
во тьме ладью несло его.
И вот музыку слышит он —
волшебную, высокую;
и вот валы последние
выносят на песок его.
Играя самородками,
камнями драгоценными,
в жемчужный берег бьет прибой¹⁸¹
волнами белопенными.
Венчая древний Валинор¹⁸²,
увенчанная тучами,
Гора с главой серебряной¹⁸³
там высится могучая.
Стучатся волны в Элдамар¹⁸⁴,
в селенья небывалые;
туда повел Эарендил
ладью свою усталую.
Эльфийский дом, блаженный край!
Там воздух пеньем напоен,
там к Илмаринову холму¹⁸⁵

приник пресветлый Тирион¹⁸⁶;
в зеркале вод отражены,
в лучах луны, в огнях лампад,
как драгоценные ларцы,
дворцы эльфийские стоят.

Там принят был Эарендил,
и арфы лад освоил он;
он слышал сказы мудрецов
и слышал пенье стройное;
его одели в белый лен,
семь свечей¹⁸⁷ зажгли ему —
и через Калакириан¹⁸⁸
послали в край неведомый,
в страну, сокрытую от всех,
в чертоги безвременные,
где лет сияющий поток
не считан и не вымерен.
Там, в Илмарине, на горе,
где горний сокровенный Трон¹⁸⁹,
перед Владыкой древних стран
колени преклоняет он;
и слышит слово вечное,
реченное ему с высот,
про Смертных, чей сокрыт удел,
про Благородный Старший Род¹⁹⁰.
И как во сне невиданном,
виденья неотмирные,
заказанные тем, кто жив,
за мороженый, видит он.

Тем временем его ладья
преобразилась в гавани;
зажглась эльфийским хрусталем
и серебром украсилась;
И был на мачте водружен
живой огонь пылающий —

то Сильмарил немеркнущий,
в кромешной тьме сверкающий.
И подарила Элберет
бессмертные крыла ему,
стезю присновысокую
навек она дала ему,
дабы ладья не по морю,
а по небу бессветному
меж солнцем и луной плыла,
лия лучи бессмертные.
От Вечносумеречных Гор
лампадой ясноликою
крыла несут его корабль
прочь за Стену Великую.
Он края мира достигнул
и развернул ладью свою —
домой звездою ясною
направил он стезю свою.
Шел над морями темными,
невиданным горя огнем,
над темнотой кромешною,
меж солнцем и грядущим днем.

Над Средьземельем путь верша,
он слышит плач эльфийских жен
и видит слезы смертных дев,
но к ним сойти не может он:
не может — ибо дал обет
забыть о дольней гавани,
и до скончанья Вечных Дней
ладья пребудет в плаванье.
Поныне светит в небесах
лампада светозарная,
сияя в сумерках земли
над утренними росами;
поныне путь вершит ладья
над Средьземельем горестным,

*глядясь в морские зеркала,
будя надежду новую.
Гори же, о Эарендил,
о Светоносец Запада!¹⁹¹
Гори над сущими во мгле
и возвещай грядущее!*

Песня кончилась. Фродо открыл глаза и увидел Бильбо: тот сидел на своей табуреточке, окруженный слушателями, которые улыбались и хлопали в ладоши.

– А теперь сначала, – потребовал один из эльфов.

Бильбо встал и поклонился.

– Я польщен, Линдир, – сказал он, – но повторить все целиком – уволь! Я устал.

– Ты-то? – засмеялись эльфы. – Ты свои стихи читать никогда не устаешь. А что до твоей загадки, то мы не можем вот так, сразу, отличить, где твои стихи, а где – Дунадана. Ты задал слишком сложный вопрос!

– Что?! – вскричал Бильбо. – Не можете отличить, где я, а где – Дунадан?

– Не так-то просто понять, в чем разница между двумя смертными, – развел руками эльф.

– Чепуха, Линдир, – разгорячился Бильбо. – Если тебе человека от хоббита не отличить, то я, видно, тебя переоценивал. Да это все равно что бобы путать с яблоками!

– Может, и так. Овцы тоже друг другу кажутся разными, – засмеялся Линдир, – и пастухам удается их как-то различать. Но мы, эльфы, в смертных не разбираемся. У нас другие дела.

– Ну ладно, не стану спорить, – махнул рукой Бильбо. – Сегодня столько музыки и песен, что меня совсем разморило. Хочешь – отгадывай мою загадку, хочешь – нет, а я пошел.

Он встал и направился к Фродо.

– Ну, вот и все, – поделился он, понизив голос. – Вышло даже лучше, чем я ожидал. Не так-то часто меня просят спеть еще раз! А ты понял, где мои стихи, а где – его?

– Я и пытаться не стану. Мне ни за что не отличить, кто где, – улыбнулся Фродо.

– И не надо, – горделиво заявил Бильбо. – Если честно, песня вся моя. Арагорн только настоял, чтобы я вставил про изумруд, то есть смарагд, – у меня-то в первой строфе был просто яхонт. Ему, похоже, это казалось очень важным. Кто знает почему? Но вообще он сказал, что на этот раз я решил прыгнуть выше головы и что если у меня хватает нахальства в доме Элронда кропать вирши про самого Эарендила, то он умывает руки. И он, наверное, прав!

– Не знаю, – сказал Фродо. – Мне казалось, твоя песня пришлась очень кстати, хотя я не мог бы объяснить почему. Я немного задремал, когда ты начал декламировать, и мне почудилось, что твои стихи – о том же, что мне снилось. Я даже не догадывался, кстати, что они твои, пока ты не кончил.

– Да уж, от здешних песен трудно не заснуть, пока не привыкнешь, – посочувствовал Бильбо. – Хоббитами эльфийских appetitов не перенять. Мне иногда кажется, что для них песни почти как еда, если не главнее! Они еще долго будут петь. Как ты насчет того, чтобы улизнуть и поболтать где-нибудь в тишине?

– А разве можно? – усомнился Фродо.

– Конечно! Это же веселье, а не работа. Хочешь – сиди, хочешь – нет. Лишь бы шуму от тебя не было.

Хоббиты встали и, отступив за колонны, где потемнее, тихо прокрались к выходу. Сэма пришлось оставить: он крепко спал, и по его лицу блуждала улыбка. Фродо мечтал побыть вдвоем с Бильбо, но в глубине души немножко жалел, что приходится покидать Зал Пылающего Огня. Уже переступая через порог, он услышал, как один, особенно чистый голос поднялся над остальными:

*А Элберет Гилтониэль,
силиврэн пэнна мириэль
о менел аглар эленат!
На-хаэрэд палан-дириэль
о галадреммин эннорат,
Фануилос, ле линнатон*

*нэф азар, си нэф азарон!*¹⁹²

Фродо приостановился и поглядел назад. Элронд восседал в кресле, и отблески огня играли на его лице, как лучи летнего солнца в лиственной кроне. Подле него сидела Арвен. Фродо удивился, увидев рядом с ней Арагорна: темный плащ Бродяги был откинут, под ним что-то поблескивало – может, эльфийская кольчуга? – а на груди сияла звезда. Они тихо беседовали друг с другом – и вдруг хоббиту почудилось, что Арвен, повернув голову, взглянула прямо на него, и луч ее взгляда издалека достиг его и пронзил ему сердце.

Он стоял, очарованный, а мягкие звуки эльфийской песни все звенели, сплавляя слова и музыку в единый сверкающий бриллиант.

– В этой песне поется про Элберет, – пояснил Бильбо. – Они сегодня еще не раз споют ее, а заодно и многие другие песни Благословенного Королевства. А нам пора!

Он отвел Фродо к себе в каморку. Окна ее выходили в сад и смотрели на противоположный берег глубокой долины Бруинена. Хоббиты сели у окна, глядя на яркие звезды над крутым лесистым холмом, и завели негромкий разговор. О делах засельских речь уже не заходила; да и о тенях, об опасностях, подстерегавших Фродо на пути, вспоминать не стали. Они говорили о тех прекрасных и удивительных вещах, которые им довелось повстречать в мире: об эльфах, звездах, деревьях, о ласковом склоне года в осенних лесах...

Наконец в дверь кто-то постучал.

– Простите великодушно! – В комнату просунулась голова Сэма. – Я только узнать – не нужно ли чего?

– Это ты нас прости великодушно, Сэм Гэмги, – всполохнулся Бильбо. – Должно быть, ты намекаешь, что твоему хозяину пора на бочок?

– Да, господин Бильбо, выходит, что так. Завтра рано утром собирают Совет, а господин Фродо сегодня, почитай, в первый раз на ноги встал.

– Твоя правда, Сэм! – рассмеялся Бильбо. – Беги поскорее и доложи Гэндальфу, что Фродо пошел спать. Спокойной ночи, Фродо! Ну, не приятно ли было свидеться? Все-таки по-настоящему

поговорить можно только с хоббитом! Я старею, Фродо, и начинаю сомневаться – прочту ли я главы, написанные твоей рукой?.. Покойной ночи тебе! А я, пожалуй, еще прогуляюсь по саду, полюбуюсь на звезды Элберет. Добрых снов!

Глава вторая

Совет Элронда

На следующий день Фродо проснулся рано, ощущая себя свежим и здоровым. Он почувствовал, что не прочь прогуляться, и отправился пройти вдоль обрыва над громко шумящим Бруином. За дальними горами всходило бледное, негреющее солнце, пронизывая тонкий серебристый туман косыми лучами; роса на желтых листьях посверкивала, на каждом кусте радугой переливались хитро сотканые паутинки. Сэм молча вышагивал рядом, вдыхая благодатный воздух и с восторгом глядя на величественные горы на востоке. Снег на их вершинах сиял белизной.

Невдалеке от поворота они наткнулись на Гэндальфа и Бильбо, сидевших на высеченной в камне скамейке и увлеченных разговором.

– Привет! С добрым утречком! – помахал рукой Бильбо. – Ну что, готов к Совету?

– Я готов ко всему, – рассмеялся Фродо. – Но больше всего мне сейчас хочется погулять и посмотреть долину. Вот хотя бы на тот сосновый лес наверху... – И он показал вперед, на склон раздвоенной долины Ривенделл.

– Может, чуть позже это тебе и удастся, – сказал Гэндальф. – Впрочем, планы пока строить рано. Сегодня нам предстоит много услышать и многое решить.

Вдруг, прервав разговор, в воздухе разнесся чистый звон колокольчика.

– Зовут на Совет, – заметил Гэндальф. – Идем! На Совете должны быть и ты, и Бильбо, вы оба.

Фродо и Бильбо поспешили за волшебником по извилистой тропе обратно к Дому. Сзади трусил Сэм, не получивший приглашения и всеми позабытый.

Гэндальф привел хоббитов к той самой террасе, где Фродо вчера вечером повстречал друзей. Свет ясного осеннего утра уже разливался в долине; внизу шумела и бурлила невидимая пенная река. Пели птицы, и над Ривенделлом разливался целительный покой. Опасное путешествие, слухи о тьме, постепенно заполняющей внешний мир, –

все это казалось теперь Фродо страшным сном; но лица, повернувшиеся к ним, когда они вошли, были суровы.

Элронд ждал их; рядом с ним в молчании расположились еще несколько приглашенных. Фродо сразу узнал Глорфиндэла и Глоина; кроме них в углу отдельно от всех сидел Бродяга – на нем опять было прежнее выцветшее походное платье. Элронд усадил Фродо рядом с собой и представил остальным.

– Перед вами, друзья мои, хоббит Фродо, сын Дрого, – сказал он. – Мало кто приходил в Ривенделл с делом столь неотложным, преодолев столь суровые опасности!

Затем он поименовал Фродо тех, кого тот прежде не видел. Рядом с Глоином сидел молодой гном – Гимли, сын Глоина. Глорфиндэла сопровождали эльфы из числа приближенных Элронда, во главе с Эрестором; прибыл на Совет и посланец Кирдана Корабела¹⁹³ – Галдор¹⁹⁴, эльф из Серой Гавани. Присутствовал здесь и еще один эльф, явно нездешний, – Леголас, сын Трандуила, короля эльфов Северного Чернолесья. Чуть в стороне сидел высокий темноволосый человек с открытым и благородным лицом, державшийся гордо и настороженно; взгляд его серых глаз показался Фродо жестким и суровым. Незнакомец был одет и обут по-дорожному; одежды его были богато украшены, а плащ оторочен мехом, но по всему видно было, что гость проделал неблизкий путь. На шее у него блестело серебряное ожерелье с одним-единственным белым камнем; пряди вьющихся темных волос ниспадали на плечи. В глаза сразу бросался висевший у незнакомца на перевязи большой рог, окованный серебром; сейчас этот рог лежал у него на коленях, и неизвестный то брал его в руки, то клал обратно. Гость глядел на Фродо и Бильбо во все глаза, явно пораженный появлением хоббитов до глубины души.

– Это Боромир¹⁹⁵, гость с юга, – произнес Элронд, обращаясь к Гэндальфу. – Он прибыл сегодня на заре и просит помочь ему в разрешении одной загадки. Я пригласил его на Совет, поскольку здесь он найдет ответ на свой вопрос.

Не стоит пересказывать всего, о чем шла речь на Совете. Немало говорилось о событиях, тревоживших большой мир; особенно беспокойно было на юге и к востоку от Гор. Фродо кое-что уже слышал обо всем этом, однако то, что поведал на Совете Глоин, было

для него новостью. Когда тот заговорил, Фродо наострил уши и постарался не пропустить ни слова. Выходило, что гномам из Одинокой Горы, несмотря на богатство и баснословную удачу, было о чем тревожиться.

– Тень добралась до нас уже давно, много лет назад, – говорил Глоин. – Трудно сказать доподлинно, когда именно это произошло; скажу только, что мы заметили это не сразу. Среди гномов пробежал шепоток: жить, мол, стало тесно, пора бы выйти в мир на поиски большей славы и большего богатства. Все чаще стали мы вспоминать Морию, созданную трудами наших легендарных пращуров, – на гномьем языке Мория именуется Казад-дум. Наконец некоторые стали открыто заявлять, что, дескать, теперь нас много и мы достаточно сильны, чтобы вернуться туда. – Глоин вздохнул. – Мория! Мория! Диво северного края! Слишком глубоко мы копали, слишком упорно долбили камень – и пробудили безымянный страх. Долго пустовали подземные залы: дети Дьюрина покинули их и обратились в бегство. Теперь мы заговорили о них снова, заговорили с тоской и любовью, но и со страхом, ибо за все истекшие века ни один гном не дерзал переступить порог Казад-дума, кроме Трора. Но Трор погиб. И вот Балин, склонив ухо к нашептываниям, решился идти. Даин не хотел пускать его, но Балин был непреклонен – он взял с собой Ори, Оина и многих других, и они пошли на юг.

Это случилось почти тридцать лет тому назад. Сначала к нам доходили вести от Балина, и вести эти казались добрыми: нам стало известно, что Балин проник в Морию и что там начались большие работы по ее восстановлению. Потом наступило молчание, которое длится и по сию пору.

Около года назад к Даину явился посланец, но не из Мории – из Мордора; посланец был конный – он прискакал ночью и потребовал, чтобы Даин вышел к воротам для переговоров. «Саурон Великий, – сказал он, – ищет твоей дружбы. А за дружбу он, как и встарь, оплатит кольцами». Посланец потребовал, чтобы мы немедленно рассказали ему все, что знаем о хоббитах: каковы-де они, и кто такие, и где обитают. «Ибо Саурону известно, – заявил он, – что в свое время одного из них вы привечали у себя как гостя».

Эта просьба крайне встревожила нас, и мы не дали ответа. Посланец понизил голос – а голос у него был такой, что у нас мурашки

пробежали по коже, – и попытался уластить свою речь лестью и посулами. «В залог дружбы Саурон просит у вас только одного, – произнес он. – Помогите Саурону отыскать некоего вора, – я не ошибся, он так и сказал: «вора»! – и отберите у него, добром или силой, маленькое колечко, которое он когда-то украл, самое маленькое и нестоящее из всех Великих Колец. Для Саурона это всего лишь прихоть, а для вас – хороший предлог доказать свою добрую волю. Найдите это колечко – только-то! – и Три Кольца, которыми владели некогда гномьи Короли¹⁹⁶, вновь будут вашими, и Мория вернется к вам на вечные времена. Узнайте только, где искать вора, и даже за такую малость Саурон щедро вознаградит вас и осчастливит вечной дружбой. Если же ответом будет отказ, как бы вам об этом не пожалеть! Ну?»

Он зашипел, как змея, и мы, все, кто стоял рядом, вздрогнули, но Даин молвил: «Я не скажу ни *да*, ни *нет*. Мне нужно время, чтобы обдумать твоё предложение и понять, что стоит за красивыми словами». – «Думай, но побыстрее», – сказал посланец. «Я сам распоряжаюсь своим временем», – последовал ответ. «До некоторых пор», – молвил тот – и ускакал во тьму.

С той ночи на сердца наших властителей легла тяжесть. Не только по голосу посланца догадались мы о том, что за его предложениями кроются обман и угроза: мы уже знали, что Сила, вернувшаяся в Мордор, ничуть не изменилась, а в прошлом мы не раз бывали обмануты и преданы ею. Дважды возвращался посланец, но уходил ни с чем. Третий раз, по его словам, будет последним. Мы ждем его посещения не позже конца года.

Поэтому Даин решил послать меня сюда, чтобы предупредить Бильбо о том, что его ищет Враг, и, быть может, узнать, зачем Врагу понадобилось это Кольцо, если это и вправду самое нестоящее из всех Великих Колец. Мы ищем у Элронда совета. Тень разрастается и подползает все ближе. Нам стало известно, что посланцы навещали не только нас, но и короля Бранда, и тот испуган. Мы опасаемся, что он не устоит. На восточных границах его страны вот-вот разразится война. Если мы не дадим ответа, Враг может натравить на короля Бранда своих людей, – а тогда не миновать войны и Даину.

– Ты поступил мудро, явившись сюда, – кивнул Элронд. – Сегодня ты услышишь все, что требуется, и замыслы Врага откроются тебе во

всей полноте. Гномам остается только стоять насмерть и надеяться на лучшее, хотя надежда эта будет слабой. Правда, вы не одиноки. Ты скоро поймешь, что ваша беда – лишь часть общей беды, беды, которая нависла над всем Западом. Итак, Кольцо! Что же мы будем делать с этим Кольцом, «самым нестоящим» из всех Великих Колец, с этой прихотью Саурана? Вот о чем сегодня все наши думы. Ради этого вы и званы сюда. Я говорю – «званы», хотя я не звал вас, о чужеземцы из дальних стран. Волею случая вы пришли сюда, пришли сами и встретились в нужный час. По крайней мере, это может показаться случайностью – но на самом деле это далеко не случайность и не совпадение. Похоже скорее, что вас призвали – призвали для того, чтобы мы с вами – мы и никто другой – отыскиали путь к спасению Средьземелья. Поэтому я открою вам то, что до сих пор было ведомо лишь немногим. И прежде всего – дабы все могли уразуметь, в чем опасность – досточтимым гостям будет изложена история Кольца от начала ее до нынешнего времени. Я начну рассказ, другие его закончат.

И Элронд, чеканя слова, поведал слушавшим о Сауроне, о Кольцах Власти и о том, как они были выкованы, – а случилось это в давние времена, когда над миром текла Вторая Эпоха. Некоторые из собравшихся отчасти уже знали эту историю, но целиком она не была известна никому, и все взгляды были неотрывно прикованы к Элронду, а на лицах попеременно отражались то страх, то изумление. Владыка Ривенделла рассказал об эльфийских кузнецах Эрегиона, об их дружбе с Морией, об их страсти к знаниям, через которую Саурон и уловил их в свои сети. Тогда он не был еще так уродлив и страшен, как ныне, говорил Элронд, и эльфы приняли его помощь, благодаря чему стали воистину великими умельцами, а Саурон сумел проникнуть во все тайны кузнецов, и предал эльфов, и тайно выковал на Огненной Горе Единое Кольцо, с помощью которого надеялся поработить их. Эльфов спасло лишь то, что Кэлебримбор¹⁹⁷ на расстоянии почувствовал появление Единого Кольца и вовремя скрыл те Три, что сделал сам. Тогда разразилась война¹⁹⁸, страна подверглась опустошению, и врата Мории закрылись.

Через многие годы, прошедшие с тех времен, проследил Элронд судьбу Кольца; но эта история рассказана и в других источниках, не говоря уже о Книгах Предания, куда она внесена рукой самого

Элронда, а потому здесь она опускается. Ибо это длинная повесть, повесть о делах великих и страшных, и, хотя Элронд изложил ее кратко, солнце успело высоко взобраться на небосклон и наступил день.

О Нуменоре поведал Элронд¹⁹⁹, о его славе и падении, и о том, как спасенных из морских бездн Королей Запада принесло на крыльях бури к берегам Средьземелья. Вспомнил он и об Элендиле Высоком, и о том, как Элендил и его сыновья, Исилдур и Анарион, стали великими властителями, основав Северное Королевство – Арнор и Южное – Гондор, что раскинулось вокруг дельты Андуйна. Но Саурон, окопавшийся в Мордоре, напал на них; тогда властители заключили Последний Союз²⁰⁰, союз людей и эльфов, и полки Гил-галада и Элендила собрались на смотр в Арноре.

Здесь Элронд умолк ненадолго и вздохнул.

– Я, как сейчас, вижу перед собой блеск и славу их знамен, – молвил он. – Мне вспоминалось тогда величие Старших Дней и армии Белерианда²⁰¹ – такое множество могущественных князей и военачальников съехалось на этот смотр! И все же они уступали в числе и благородстве тем, кто участвовал в свержении власти Тангородрима, когда эльфы надеялись, что злу положен конец, но ошиблись...

– Тебе это вспоминалось?! – не выдержал Фродо от удивления и, увидев, что Элронд обернулся к нему, начал поспешно оправдываться: – Я думал, что гибель Гил-галада... ну, что это было когда-то давно, в прежние Эпохи!

– Верно, – без улыбки ответил Элронд. – Я действительно помню прежние Эпохи – в том числе Старшую. Моим отцом был Эарендил – а он родился в Гондолине еще до падения этого королевства. Матерью же моей была Элвинг, дочь Диора, сына Лутиэн из Дориата. Я был свидетелем трех Эпох, отшумевших над Западом, видел много поражений и много бесплодных побед. Я был герольдом Гил-галада и шагал в рядах его войска. Я сражался в битве при Дагорладе, у Черных Ворот Мордора, и мы одолели Врага, ибо никто не мог противустать копьё Гил-галада – Айглосу и мечу Элендила – Нарсилу²⁰². Мне довелось видеть и последний бой на склонах Ородруина, где кончил свой земной путь Гил-галад и пал Элендил, и где преломился меч Элендила. Но и Саурон был повергнут, а Исилдур, схватив рукоять

отцовского меча с обломанным клинком, отсек Врагу палец с Кольцом и взял Кольцо себе.

Здесь вмешался чужеземец Боромир.

– Так вот что стало с Кольцом! – вскричал он. – Если на юге об этом и знали когда-нибудь, то давно забыли. Я много слышал о Великом Кольце Того, чье имя называть не принято, но мы считали, что Кольцо навсегда исчезло из мира вместе с Первой державой Врага. Значит, это не так и Кольцо оказалось в руках Исилдура! Это воистину неожиданная новость.

– Увы! – подтвердил Элронд. – Исилдур взял Кольцо себе. Но он не должен был этого делать. Надо было бросить Кольцо в огонь Ородруина, в котором оно и выковано, – для этого не требовалось никуда идти, Трещина была рядом. Но Исилдур поступил иначе, и немногие обратили на это внимание. Он один до конца стоял бок о бок с отцом в последней, смертельной схватке, рядом же с Гил-галадом сражались только Кирдан да я. Но Исилдур вменил наш совет ни во что.

«Я беру это как верегилд, выкуп за отца и брата», – сказал он и, не слушая наших увещеваний, взял Кольцо себе. Но Кольцо вскоре изменило Исилдуру и убило его. С тех пор на Севере это Кольцо называют Погибелью Исилдура. Однако как знать – возможно, смерть была для Исилдура лучшим из возможных исходов...

Весть о том, как именно погиб Исилдур, дошла только до Севера, и то лишь до нескольких. Нечего удивляться, что ты об этом ничего не слышал, Боромир! После разгрома дружин Исилдура при Сабельниках, когда сгинул и сам Исилдур, домой после долгих блужданий вернулось только трое воинов. Среди них был Охтар, оруженосец Исилдура. Он сберег обломки Элендилова меча и передал их Валандилу, наследнику Исилдура, который с детства воспитывался здесь, в Ривенделле. Нарсил был сломан, и свет его угас, и меч этот доселе никем не перекован.

Я назвал победу Последнего Союза бесплодной? Это не совсем так. Но правда и то, что конечной цели эта победа не достигла. Саурон умалился, но уничтожен не был, Кольцо исчезло, но осталось невредимым. Черную Башню снесли с лица земли, но основания ее не поколебались – ведь они заложены с помощью Кольца и будут стоять до тех пор, пока оно не расплавится в огне. Много эльфов и славных

мужей из человеческого племени полегло в той войне. Анарион пал, Исилдур тоже; не стало Гил-галада и Элендила. Никогда более не вступят эльфы и люди в подобный Союз – люди плодятся и умножаются, а Перворожденных становится все меньше, и между двумя племенами растет отчуждение. Со дня той битвы пошел отсчет умалению нуменорцев, и дни их жизни стали сокращаться.

После войны и побоища при Сабельниках число людей Запада в северных землях уменьшилось. Их город у Сумеречного Озера, Аннуминас²⁰³, остался лежать в руинах. Наследники Валандила покинули обжитые места и ушли в Форност²⁰⁴, на высоты Северных Холмов, – но сейчас и этот город пришел в запустение. Люди зовут его Крепостью Мертвецов²⁰⁵ и страшатся бывать в его окрестностях. Арнорцев осталось ничтожно мало – их род истребили враги, и владычество северян кончилось, оставив после себя только зеленые курганы на склонах холмов.

Иное дело – королевство Гондор, что на юге. Оно выдержало невзгоды. Было время, когда блеск и могущество его напоминали Нуменор накануне падения. Гондорцы возвели башни, укрепили высоты, выстроили богатые гавани, и разноязычные окрестные народы с благоговением чтили крылатую корону Королей. Главным их городом был Осгилиат, Звездная Цитадель. Река рассекала его на две половины. Кроме того, к востоку от города, на отроге Мрачных Гор, гондорцы построили Минас Итиль – Башню Восходящей Луны, а на западе, у подножия Белых Гор, вознеслась Минас Анор, Башня Закатного Солнца. Там, при дворе Королей, гондорцы пестовали Белое Древо, выросшее от семени, принесенного из-за морских просторов еще Исилдуром. Семя это пришло из Эрессей²⁰⁶, куда прибыло из самого Закатного Края, – в незапамятные времена, когда мир был еще юн.

Но годы идут, сила иссякает – и род Менелдила, сына Анариона, прервался. Древо иссохло, и кровь нуменорцев смешалась с кровью меньших людей. Под конец стражники на границах Мордора предались сну, и темные твари стали вновь проникать на плато Горгорот. Выбрав удобный час, вражеские силы нанесли удар, захватили Минас Итиль и поселились там, превратив это место в обиталище страха. Теперь башня эта носит имя Минас Моргул – Крепость Чернокнижий. Новое имя получила и башня Минас Анор – она стала башней Минас Тирит, или Сторожевой Башней. С тех пор

эти две крепости вечно воюют друг с другом. А Осгилиат опустел: он лежит в руинах меж двух враждующих станов и среди его камней скитаются тени.

С тех пор сменилось много поколений. Но все остается по-прежнему. Властители Минас Тирита не сдаются и противостоят Врагу с оружием в руках, то и дело нанося поражение злым силам и охраняя речной путь от моря и до самого Аргоната²⁰⁷. На этом та часть истории, которую собирался рассказать вам я, кончается: в дни Исилдура Кольцо Власти исчезло с глаз живущих, и Три Кольца освободились из-под его влияния. Но теперь они вновь под угрозой: к общему нашему прискорбию, Единое Кольцо отыскалось. О том, как это случилось, вам расскажут другие, ибо я мало участвовал в последних событиях.

Он замолчал, и тут же пред ним встал Боромир, статный и гордый.

– Позволь мне, о достойный Элронд, добавить сперва кое-что о Гондоре, поскольку именно оттуда я и прибыл! Думается, всем присутствующим стоило бы чуть лучше знать, что там происходит. Мало кто ведаёт о наших великих трудах, и немногие догадываются, какая опасность угрожает Средьземелью, если мы не устоим.

Не верьте тем, кто говорит, будто в Гондоре нет более людей нуменорской крови и что сила и достоинство Гондора остались в прошлом! Это наша доблесть удерживает дикарей, наступающих с востока, и не даёт ужасу Моргула выплеснуться в мир. Только благодаря нам земли, лежащие к северу от Гондора, ещё наслаждаются миром и свободой. Но если мы потеряем броды через Андуин, что тогда?

А ведь этот час, может статься, недалек. Неназываемый Враг вновь поднял голову. Вновь поднялся дым над Ородруином, который мы зовём Горой Судьбы. Сила Черной Страны возрастает. Мы – в тяжелой осаде. Когда Враг вернулся, гондорцы вынуждены были бежать из Итилиэна, прекрасного края к востоку от Реки, бывшего когда-то нашим, – правда, мы до сих пор держим там тайное укрепление и воинские отряды. Но уже в этом году, в июне, Мордор внезапно напал на нас и мы были разбиты. Мы не могли равняться с ними, потому что Мордор нашел союзников в жестоких Харадримах и диких племенах Востока, но дело было не только в нашей

малочисленности. Враг выставил против нас силу, о которой мы прежде ничего не слышали.

Некоторые говорят, что сила эта имеет облик огромного черного всадника, темной тени, которая показывается только лунной ночью. При виде этого всадника врагов охватывает безумие и бешенство, а друзей – ужас, против которого не могут устоять даже храбрейшие. Конь и человек – все бегут с поля боя. Только малый остаток восточного гарнизона вернулся назад, успев уничтожить за собой последний мост, чудом уцелевший среди руин Осгилиата. Я был в отряде, оборонявшем один из мостов. Мы бились, пока мост не рухнул. Лишь четверо из нас спаслись, бросившись вплавь, – мой брат, я и еще двое. Но гондорцы не собираются сдаваться и все еще удерживают западный берег Андуина, а те, кого мы охраняем, при каждом удобном случае возносят нам хвалу. Да, похвал мы слышим достаточно, но помощи почти не видим! Только в роханцах мы уверены: они прискачут к нам на подмогу по первому зову.

В этот черный для нас час я и отправился к Элронду, хотя на пути меня подстерегали многие опасности. Сто и десять дней был я в пути, один, без спутников. Но не союзников прибыл я искать. Элронд известен своей мудростью, и говорят, что сила его – не в оружии. Я пришел просить совета и разгадки неких суровых и грозных слов, явленных во сне. Накануне внезапного нападения мордорских сил моему брату привиделся необычный, тревожный сон. Впоследствии ему еще не единожды являлось по ночам нечто похожее. Один раз этот сон приснился и мне. Вот что я увидел: небо на востоке потемнело и огласилось нарастающим раскатом грома, но на западе брезжил бледный свет, и из этого света зазвучал голос, далекий, но отчетливый:

*За Мечом, Что Был Сломан,
Мчи в Имладрис чуть свет:
Тот, что мудростью славен,
Даст тебе там совет.*

*Пусть невелик посланник
И неказист на вид —
Исилдурову снова
Он Погибель явит.*

*Мчи через все заслоны —
Моргул, как встарь, силен,
Но, невеличком посрамлен,
Не превозможет он²⁰⁸.*

Ни я, ни брат не могли понять смысла этих слов и обратились к Дэнетору, Правителю Минас Тирита, так как он весьма искушен в гондорском Предании. Но одно лишь смог он сказать нам: Имладрисом эльфы в древности называли далекую северную долину, где живет Элронд Полуэльф, величайший из знатоков Предания. Тогда брат мой, видя, что наше положение отчаянно, решился последовать сну и отправиться на поиски Имладриса. Но дорога сюда гондорцам неведома и опасна. Поэтому я пустился в путь вместо него²⁰⁹. Отец был против, но я настоял — и долго блуждал по забытым дорогам в поисках Дома Элронда, о коем слыхали столь многие; однако мало кто мог указать дорогу туда.

— Но теперь ты в Доме Элронда и тебе многое станет ясно, — молвил Арагорн, вставая. Он бросил меч на стол перед Элрондом, и все увидели, что клинок сломан.

— Вот он — Меч, Что Был Сломан! — воскликнул Арагорн.

— Но кто ты и какое отношение имеешь к Минас Тириту? — поразился Боромир, в недоумении глядя на исхудалое лицо Следопыта и его линиялый плащ.

— Пред тобой Арагорн, сын Араторна, — ответил Элронд. — Род его отцов восходит к Исилдуру, сыну Элендила из Минас Итиль. Он — вождь дунаданов Севера. Мало их осталось в Средьземелье и все же они еще живы!

— Значит, оно твое по праву, а я тут ни при чем! — закричал потрясенный Фродо, вскакивая с места, словно у него уже потребовали возвратить Кольцо законному владельцу.

— Оно не принадлежит ни мне, ни тебе, — остановил его Арагорн. — Но тебе выпало стать его Хранителем — пусть на время.

— Покажи Кольцо, Фродо! — торжественно проговорил Гэндальф. — Пробил час. Подними его повыше, и Боромир поймет, как разгадывается пророчество.

Все смолкли и обернулись к Фродо. Он же, ослабев от внезапного смущения и страха, стоял неподвижно и чувствовал крайнее нежелание доставать Кольцо: ему почему-то было неприятно даже дотрагиваться до него. «Оказаться бы где-нибудь подальше», – мелькнула у него мысль. Наконец он дрожащей рукой поднял Кольцо над головой; оно блеснуло и заискрилось.

– Узрите же: вот Погибель Исилдура! – провозгласил Элронд.

– Невеличек! – пробормотал про себя Боромир и впился взглядом в Кольцо. Глаза его сверкнули. – Значит, Минас Тириту суждена погибель? Но зачем тогда было искать Меч, Что Был Сломан?

– В пророчестве не говорится, что Минас Тириту суждена погибель, – возразил Арагорн. – Но роковой час и в самом деле близок, а с ним – время подвигов и свершений. Сломанный Меч – тот самый меч, что выпал из руки Элендила в час его гибели и раскололся надвое. Потеряв все, в том числе и королевство, потомки Элендила, несмотря ни на что, продолжали хранить этот меч, ибо сказано, что он будет откован вновь, когда отыщется Кольцо, ставшее Погибелью Исилдура. Ты видишь меч, ради которого пустился в дорогу. О чем же спрашивать? Хочешь ли ты, чтобы династия Элендила вновь воцарилась в Гондоре?

– Не за подачкой шел я сюда, а только за разгадкой пророчества, – гордо отвечивал Боромир. – Но мы в тисках, и если меч Элендила окажет нам помощь, на которую мы, правда, уже отчаялись и надеяться, мы примем ее, особенно если этот меч и вправду вернулся из тьмы былого! – Он еще раз бросил взгляд на Арагорна. В глазах гондорца читалось сомнение.

Фродо уже давно чувствовал, что Бильбо, сидевший рядом с ним, беспокойно ерзает. Старый хоббит явно оскорбился за своего друга. И вдруг, вскочив на ноги, Бильбо выпалил:

*Во тьме земля сады растит:
Не всяко золото блестит.
Клинок тем тверже, чем древней,
И стуже не убить корней!*

*Огонь воспрянет из золы,
Пробьется свет из мутной мглы,*

*Меч откуют, – и наконец
Безвестный обретет венец!*

– Это, может, и не ахти какие стихи, но зато в самую точку, если тебе мало слов Элронда! Ты провел в пути сто и десять дней, так слушай повнимательнее, а то незачем было сюда и ехать! – добавил он и сел, кипя от возмущения, успев шепнуть на ухо Фродо: – Я написал это для Дунадана много лет назад, когда он впервые рассказал мне, кто он такой на самом деле. По чести сказать, я почти жалею, что с приключениями покончено и мне нельзя будет пойти с ним, когда придет день его славы!

Арагорн улыбнулся старому хоббиту и повернулся к Боромиру.

– Я прощаю тебе минутное сомнение, – сказал он. – И правда – что общего у меня с державными каменными ликами Элендила и Исилдура, которые ты каждый день видишь у себя во дворце? Я не Исилдур, я – лишь наследник Исилдура. Я прошел долгий и трудный путь. Расстояние между Ривенделлом и Гондором не составило бы и малой части дорог, что исходил я за свою жизнь. Я перевалил через множество горных хребтов, переправился через множество рек, пересек не одну равнину. Даже в дальних странах Руна и Харада побывал я, под иными созвездиями. Но мой дом – если можно сказать, что у меня есть дом – здесь, на Севере. Здесь издавна обитают наследники Валандила, вот уже много поколений передавая от отца к сыну право на трон. Мы ушли в тень, и нас осталось мало, но Мечу неизменно находился владелец. И вот что скажу я тебе, Боромир, прежде чем кончить свою речь: мы, Следопыты пустынных земель, охотимся поодиночке, но охотимся лишь на слуг Врага, ибо найти их можно не только в Мордоре. Гондор – не единственный оплот добра на земле, Боромир. Мы тоже боремся со злом. В мире много злых сил, с которыми вашим крепким стенам и острым мечам дела иметь не приходится. Ты сказал, что Север наслаждается покоем и свободой. Но что знали бы о покое и свободе народы Севера, если бы не мы? Один страх перед Тенью уже сломил бы их. Но когда с пустынных холмов и из бессолнечных чащоб в долины являются темные твари – мы изгоняем их прочь. Кто осмелился бы путешествовать по дорогам, кто чувствовал бы себя в безопасности дома или в поле, кто мог бы

спокойно спать у себя в постели, если бы дунаданы предавались сну или сошли в могилы? И все же мы слышим слова благодарности реже, чем вы. Путешественники провожают нас хмурыми взглядами, крестьяне наделяют презрительными кличками. Для одного толстяка, что живет в дне пути от чудищ²¹⁰, единственно от вида которых у него остановилось бы сердце и которые с легкостью сотрут его селение с лица земли, стоит только нам ненадолго снять стражу, – так вот, для этого толстяка я – подозрительный проходимец, «Бродяга-Шире-Шаг»... Но мы не хотим ничего менять. Когда простой народ беззаботен, когда ему нечего бояться, он остается свободным, а это главное. Мы скрываем свое истинное лицо, чтобы не нарушать хода вещей. К этому мы призваны, и следуем этому призыванию неуклонно, хотя за эти долгие годы многое поросло травой. Но мир снова меняет лицо. Бьет новый час. Отыскалась Погибель Исилдура, и битвы не избежать. Меч будет перекован, а я приду в Минас Тирит.

– Ты говоришь, отыскалась Погибель Исилдура, – проговорил Боромир. – Что ж, я действительно видел в руке невеличка какое-то блестящее кольцо. Но Исилдур погиб еще до начала нашей Эпохи. Откуда Мудрым известно, что кольцо, которым мы располагаем, – то самое? И какой была судьба этого кольца, пока его не доставил сюда столь странный посланник?

– Об этом речь впереди, – сказал Элронд.

– Только не сейчас, достойнейший Элронд! – беспокоился Бильбо. – Время уже близится к полудню и мне необходимо подкрепить свои слабые силы!

– Я не представил тебя собранию, – повернулся к нему Элронд. – Но я сделаю это сейчас. Поведай же нам о себе! Если ты еще не переложил историю своих приключений в стихи, даю тебе позволение не заботиться о слоге. Чем короче будет твой рассказ, тем быстрее ты сможешь отдохнуть и усесться за трапезу.

– Меня это устраивает, – важно кивнул Бильбо. – Я сделаю, как ты просишь. Сегодня мой рассказ будет правдивым, и если кто-нибудь слышал его иначе, – Бильбо покосился на Глоина, – я попрошу их забыть об этом и простить меня. Ничего мудреного тут нет, просто я хотел тогда сберечь Кольцо для себя и отвязаться от прозвища «вор», которое ко мне приклеилось. Но сейчас я, кажется, лучше понимаю, что к чему... В общем, вот что со мной приключилось.

Для некоторых из приглашенных рассказ Бильбо был в новинку, и они изумленно слушали, как старый хоббит, на самом деле очень довольный случаем проявить свое красноречие, в подробностях расписывал свою встречу с Голлумом. Он не пропустил ни одной загадки и собирался уже дать полный отчет о Дне Рождения и о том, как он исчез из Заселья, – но тут Элронд поднял руку.

– Рассказ прекрасный, друг мой, – молвил он, – но пока остановимся на этом. Сейчас нам достаточно того, что Кольцо перешло к Фродо, твоему наследнику. Пусть теперь рассказывает он!

У Фродо, в отличие от старика Бильбо, совсем не было настроения говорить, но все же он продолжил рассказ и описал все свои приключения, начиная с того дня, как он стал обладателем Кольца. Его много расспрашивали, и каждый шаг пути от Хоббитона к Бруиненскому Броду подвергся самому подробному обсуждению. Фродо пришлось припомнить о Черных Всадниках все, что только было возможно. Наконец ему разрешили сесть.

– Неплохо, – толкнул его локтем Бильбо. – Если бы тебя не перебивали, рассказ получился бы просто на славу. Я пытался записывать, да где там! Мы с тобой, впрочем, еще к этому вернемся, если я не раздумаю писать свою книгу. Ты еще только-только добрался до Ривенделла, а уже, считай, привез несколько глав!

– Да, история получилась длинная, – согласился Фродо. – Но в ней, мне кажется, страницы-другой не хватает. Остается еще многое узнать, особенно про Гэндальфа.

Галдор из Гавани, сидевший рядом, услышал последние слова Фродо.

– Присоединяюсь! – воскликнул он и, повернувшись к Элронду, молвил: – Мудрые, возможно, имеют веские причины полагать, что невеличек действительно нашел в пещерах то самое Великое Кольцо, за которое веками велись битвы. Но те, кто знает меньше, склонны пока сомневаться. Почему мы не слышим доказательств? И еще один вопрос. Где Саруман?²¹¹ Он изучил историю Колец, как никто другой, но среди нас его почему-то нет. Что советует делать Саруман – если, конечно, он извещен о том, что произошло?

– Твои вопросы тесно связаны между собой, Галдор, – ответил Элронд. – Я запомнил их, и вскоре ты получишь ответ на них. Но не от

меня – от Гэндальфа. Я обращаюсь к нему только сейчас, ибо говорить последним – почетно, а он воистину сыграл в этой истории главную роль.

– Не правда ли, Галдор, – начал Гэндальф, – новостей, которые принес Глоин, и рассказа Фродо вполне достаточно, чтобы удостовериться: находка невеличка представляет для Врага немалую ценность? Продолжаю. Невеличек нашел в пещерах не что-нибудь, а кольцо. Давайте подсчитаем. Девять Колец – у Назгулов²¹². Семь – вернулись к Врагу или уничтожены.

При этих словах Глоин беспокойно пошевелился, но смолчал.

– Судьба Трех нам известна. О каком же кольце так печется Враг? – Он помолчал и продолжил: – Большая пропасть во времени пролегла от Реки до Горы, от потери до находки. Но Мудрые заполнили эту пропасть неизвестности, хотя это заняло у нас слишком много лет. Враг шел почти вровень с нами, и мои страхи не были преувеличенными – скорее наоборот: даже я не ждал, что он так преуспеет в своих поисках. Хорошо, что до полной истины он докопался только в этом году – и, похоже, не раньше лета.

Некоторые из присутствующих без труда вспомнят, что я дерзнул когда-то проникнуть в замок Дол Гулдур, тайно проследил за обитавшим там Некромантом и понял, что страхи мои не напрасны: это был не кто иной, как Саурон, наш давний враг, облекшийся по прошествии лет в новую плоть и неуклонно набиравший силу. А некоторые вспомнят и о том, что в свое время Саруман отговорил нас открыто выступить против Некроманта, и мы ограничились наблюдением. Но когда Тень стала расти, Саруман уступил большинству, и Совет изгнал зло из Черной Пущи – как раз в тот год, когда Бильбо нашел Кольцо. Странное совпадение – если, конечно, совпадение.

Как и предвидел Элронд, мы опоздали. Саурон тоже наблюдал за нами и готовился к удару, постепенно прибирая к рукам свою прежнюю вотчину – Мордор. В этом ему немало помогла башня Минас Моргул, где обитали Девятеро – его верные слуги. Когда все было готово, он уступил нашему натиску, сделал вид, что бежит, а сам вскоре объявился в Черной Башне и открыто провозгласил себя Властелином Мордора. Тогда Мудрые созвали последний Совет, поскольку к этому времени мы уже знали, что Враг настойчиво ищет

Единое. Мы опасались, что он располагает ключом к поиску, а у нас такого ключа еще не было. Но Саруман успокоил нас и повторил прежние слова: Единое-де никогда более не объявится в Средьземелье. «Плохо только одно, – сказал он. – Враг знает, что Кольцо не у нас, что оно пока не найдено. Но он думает, что потерянное можно отыскать, в то время как вы можете быть спокойны: его надежда не оправдается никогда. Я ли не изучил это дело? В Андуйн Великий упало Единое, и течение унесло его в Море, пока Саурон спал вековым сном. И да останется оно там до скончания времен!»

Гэндальф замолчал, глядя на восток, на дальние вершины Туманных Гор, в глубинах которых так долго таилась гибель мира.

– Вина моя, – вздохнул он. – Речи Сарумана Мудрого ублажали меня. Мне следовало во что бы то ни стало доискаться правды с самого начала. Тогда сейчас опасность была бы меньше.

– Вина общая, – возразил Элронд. – Если бы не твои труды и не твоя бдительность, Тьма, возможно, уже накрыла бы нас. Но продолжай!

– Сердце мое не доверяло никаким разумным доводам, – вернулся Гэндальф к своему рассказу, – и мне захотелось узнать, как попала эта вещь к Голлуму и как долго он обладал ею. Поэтому я установил за ним наблюдение – я догадывался, что он не усидит в подземелье и отправится на поиски своего сокровища. Так и случилось, но Голлум ускользнул от меня, и я не смог его отыскать. Тогда я – увы! – оставил все как есть: снова принялся выжидать и наблюдать, что, к сожалению, вошло у нас в привычку.

Шли дни, каждый заботился о своем – но вот сомнения вернулись ко мне, а с ними и страх. Откуда оно – это хоббичье кольцо? И – если мои страхи не плод воображения – что с ним теперь делать? Мне предстояло найти ответ на это. Но я никому не говорил о своих опасениях, зная, что распускать несвоевременные слухи всегда опасно – они могут попасть не по адресу. Во всех долгих войнах с Черной Башней измена всегда была нашим главным врагом.

То, о чем я рассказываю, произошло семнадцать лет назад. Вскоре после того я узнал, что вокруг Заселья собираются лазутчики Врага; даже птицы и звери выполняли иногда роль соглядатаев. Мои страхи усилились. Я призвал на помощь дунаданов, и они удвоили стражу,

которую несли на границах. Тогда же я открыл свои сомнения Арагорну, наследнику Исилдура.

– Я посоветовал Гэндальфу немедленно поймать Голлума, – вставил Арагорн. – А поскольку я считал, что именно наследник Исилдура должен искупить Исилдурову вину, я пустился в эти долгие, безнадежные поиски вместе с Гэндальфом.

Затем Гэндальф поведал о том, как они с Арагорном пядь за пядью прочесали все Дикие Земли и в итоге добрались до Гор Мрака, ограждающих Мордор.

– Там до нас впервые дошел слух о Голлуме, – говорил волшебник, – и мы поняли, что он долго рыскал по тамошним темным холмам, – но мы так и не нашли его, и я потерял всякую надежду. Вконец отчаявшись, я набрел на мысль: нельзя ли испытать Кольцо самим, без Голлума? Может, оно само поведает нам, Единое оно или нет? Я вспомнил слова, сказанные на Совете, слова Сарумана, на которые раньше я едва обратил внимание. Но теперь они ясно прозвучали в моем сердце: «Девять, Семь и Три украшены каждое своим камнем. Иное дело Единое. Оно совершенно гладкое, без украшений и как будто уступает остальным по красоте, но его создатель оставил на нем знаки, которые посвященный, возможно, смог бы не только увидеть, но и прочитать». О том, что это за знаки, Саруман умолчал. Кто же может раскрыть эту тайну, кроме самого Создателя Кольца? А Саруман? Как ни велики его знания, они не явились к нему сами собой или по некоему внушению. Чьи же глаза видели эту вещь, кроме глаз Саурона? Только Исилдур мог видеть ее!

С этим я прервал поиски и поспешил в Гондор. В прежние дни членов нашего Ордена там привечали – особенно Сарумана. Он нередко наезжал туда, и Властители города всегда принимали его как дорогого гостя. Но на этот раз Наместник Дэнетор не выказал обычного радушия и с великой неохотой дал мне доступ в сокровищницу, где хранятся свитки и старинные рукописи.

«Если тебе нужны только древние летописи и анналы первых лет Города, читай в охоту, – сказал он. – Для меня прошлое не так темно, как будущее... Впрочем, это моя забота. Но если ты не мудрее Сарумана, который провел здесь немало времени, ты не найдешь ничего, что не было бы известно мне, ибо я – Хранитель гондорского Предания».

Так сказал мне Дэнетор. И все же в его сокровищнице я нашел множество рукописей, которые сегодня мало кто может прочесть, будь он хоть трижды Хранитель Предания: языки, на которых они написаны, уже забыты, письмо, которым пользовались древние люди, – тем более. Те, кто пришел в этот мир позже, пренебрегают ими, но знай, Боромир, что в Минас Тирите до сей поры хранится свиток, не читанный, как я догадываюсь, никем, кроме меня и Сарумана. Свиток этот писан рукой самого Исилдур. Ибо Исилдур не ушел в смерть прямо с поля боя, на пути из Мордора, как полагают некоторые.

– Некоторые северяне, ты хочешь сказать, – вмешался Боромир. – В Гондоре ни для кого не тайна, что он отправился сперва в Минас Анор и оставался там некоторое время, наставляя своего племянника Менелдила, прежде чем передать ему бразды управления Южным Королевством. Тогда-то он и посадил последний отросток Белого Древа – в память о брате.

– И еще он оставил свиток, исписанный его собственной рукой, – добавил Гэндальф. – Вот об этом в Гондоре, как видно, уже не помнят. Речь в этом свитке идет о Кольце, и вот что пишет Исилдур:

«Великое Кольцо отныне принадлежит Королям Северного Королевства и будет передаваться по наследству; но и в Гондоре должна сохраниться запись о нем, ибо здесь также правят потомки Элендила. Этот свиток будет храниться в Башне Минас Анор, дабы память о великих событиях наших дней вовеки не стерлась и не замутилась».

Сделав это вступление, Исилдур приступает к описанию Кольца:

«Оно было горячим, когда я впервые дотронулся до него, горячим, как уголь, и таким сильным был ожог, который я получил, что я уже не надеюсь когда-либо исцелиться полностью. Сейчас, когда я пишу сии строки, оно немного остыло и еще остывает – и, мнится мне, уменьшается в размере, однако не потеряло ни красоты, ни прежнего своего вида. Надпись, что была сначала четкой, как бы ало-огненной, выцветает и уже трудна для чтения.

Выгравирована она в эльфийских рунах Эрегиона, ибо нет в Мордоре букв, которые годились бы для такой тонкой работы, но язык мне неизвестен. Мыслю, что это язык Черной Страны, ибо нет в нем ни благозвучия, ни вежества, но какое зло заключено в сих словах, мне неизвестно; однако я намерен переписать их, ибо опасаясь, что руны померкнут и не появятся более. Полагаю, Кольцу недостает жара Саурановой длани, которая была черна и все же обжигала как огонь, почему и убит был Гил-галад. Если нагреть золото, надпись, возможно, станет ярче, но я не хочу рисковать этой вещью, ибо не желаю причинить ей даже малейшего вреда. Это единственное из творений Саурана, которое можно назвать воистину прекрасным. Сие Кольцо – настоящее сокровище. Мое сокровище. Я дорожу им, хотя и стоило оно мне немало».

Когда я прочел это, то понял, что мои поиски закончены. Надпись, перерисованная рукой Исилдура, действительно была сделана на языке Мордора и слуг Башни. Что касается содержания, то оказалось, что оно уже известно мне. В день, когда Саурон впервые надел Кольцо на палец, Кэлебримбор, создатель Трех, понял, что происходит, и услышал, как Саурон произносит вслух это заклинание. Так открылись эльфам злые помыслы Врага.

Я сразу же покинул Дэнетора, но еще по дороге на север получил весть из Лориэна: Арагорн-де побывал там и просил передать, что он отыскал существо, именуемое Голлумом. Я немедленно поспешил им навстречу, чтобы узнать, как ему это удалось. Мне страшно было даже гадать, через какие опасности прошел Арагорн, чтобы поймать Голлума.

– Об этом нет нужды рассказывать, – молвил Арагорн. – Когда человеку приходится идти мимо Черных Ворот или ступать среди мертвых цветов Долины Моргул, смертельные опасности стерегут его за каждым камнем. Поначалу я тоже потерял надежду и повернул к дому, но по дороге случайно набрел на то, что искал: следы ног в грязной луже. След был свежий, но вел он не в Мордор, а из Мордора. Я пошел по следу вдоль Мертвых болот и наконец настиг добычу. Голлум рыскал по берегу зловонного озерца, вглядываясь в воду. Там-

то, когда опустился темный вечер, я и схватил его. Мерзкое создание было сплошь покрыто зеленой слизью. Думаю, он уже никогда не вспыхнет ко мне любовью. Он укусил меня, но и я, признаться, не был с ним особо ласков. Все, чего я смог от него добиться, – это след зубов. Дорога домой оказалась необычайно тяжелой. Приходилось не спускать с него глаз ни днем ни ночью, гнать впереди себя на веревке с кляпом во рту, укрощать голодом и жаждой – и понемногу продвигаться к Черной Пуще... Но все же я наконец доставил его туда и сдал эльфам, как уговорился с ними раньше. Не могу описать, как я рад был от него избавиться – к тому же смрад от него шел невыносимый... Что до меня, я надеюсь никогда больше его не видеть. Гэндальф с ним впоследствии долго беседовал, хотя как он выдержал – не знаю.

– Да, я беседовал с ним долго, до изнеможения, – подтвердил Гэндальф. – И не могу сказать, чтобы зря. Например, его рассказ о пропаже Кольца полностью совпал с той историей, что Бильбо нам сегодня впервые поведал открыто. Впрочем, это мне никак не помогло; я и раньше догадывался, где правда. Но я узнал и кое-что новое: оказывается, Голлум нашел свое кольцо на дне Великой Реки, у долины Сабельников. И еще я понял, что владел он им долго. Его родичи – существа некрупные и отнюдь не долгожители. Сила Кольца непомерно продлила Голлуму жизнь. Такой силой обладают только Великие Кольца. Если тебе мало этого, Галдор, то вот и другое доказательство – о нем я уже говорил. Кольцо, которое вы видели в руке невеличка, с виду гладкое, но буквы, о которых говорил Исилдур, никуда не исчезли, и тот, у кого хватит духа подержать эту вещь в пламени, прочтет их. Я сделал это – и вот что я прочел на ободке Кольца:

*Аш назг дурбатулук, аш назг гимбатул, аш назг
тхракатулук агх бурзум – ышы кримпатул!*²¹³

Голос волшебника изменился. В нем зазвучали угроза и сила – грубая, как необработанный камень. По солнцу, стоявшему в зените, прошла тень, и на террасе на мгновение сделалось темно. Все содрогнулись; эльфы зажали уши ладонями.

– До сей поры еще никто не осмеливался произнести даже слóва на этом языке здесь, в Имладрисе²¹⁴, знаешь ли ты это, Гэндальф Серый? – сурово спросил Элронд, едва только тень минула и все перевели дыхание.

– Будем надеяться, что этого не случится и впредь, – отвечал Гэндальф. – И все же я не прошу у тебя прощения, о досточтимый Элронд. Когда язык этот зазвучит на Западе повсюду, сомнения отпадут сами собой: перед нами – по слову Мудрых – действительно великое сокровище Врага, вобравшее в себя всю его злобу, хранящее бóльшую часть древней Вражьей силы. Из Черных Лет донеслись до нас эти слова. Такими услышали их некогда кузнецы Эрегиона и поняли, что преданы.

*Отыскать их, собрать их, предать их Ему,
Воедино сковать их и ввергнуть во тьму...*

Знайте также, друзья мои, что я выведал у Голлума не только это. Из него пришлось вытягивать слово за словом, и он так мямлил, что трудно было что-нибудь понять – но вскоре сомнения отпали: он был в Мордоре, и там его заставили выложить все, что он знал. Теперь Врагу известно, что Единое нашлось и долго хранилось в Заселье, а поскольку его слуги проследили Кольцо чуть ли не до нашего порога, он скоро узнает – если уже не узнал – что оно здесь.

Некоторое время все молчали; наконец Боромир нарушил тишину:

– Ты сказал, этот Голлум – тварь мелкая, но способная на крупные злодеяния? Я правильно понял? И что с ним стало? К какой смерти его приговорили?

– Он под стражей, только и всего, – ответил Арагорн. – Он много страдал. Очевидно, его пытали, и ужас перед Сауроном черной тенью запал ему в сердце. Я рад, что он под надежной охраной бдительных чернолесских эльфов. Его злоба слишком велика. Она придает ему силу, какую трудно предположить в таком щуплом, высохшем существе. Голлум может натворить еще много зла, если дать ему свободу. И я не сомневаюсь: из Мордора его отпустили не просто так, а с каким-то поручением.

– Увы! Увы! – воскликнул Леголас, и на его прекрасном эльфийском лице выразилось горе. – Настало время сообщить Совету новости, с которыми я был послан сюда. Это новости дурные, но только сейчас я вижу, какими черными они вам покажутся. Смеагол, носящий ныне имя Голлум, бежал.

– Бежал?! – вскричал Арагорн. – Да, это и впрямь скверно! Боюсь, мы еще не раз оплачем его побег. Но как могли не выполнить своего долга эльфы Трандуила?

– Это произошло не потому, что стражи презрели свою обязанность, – возразил Леголас. – Просто они были слишком добры к узнику и переусердствовали. Кроме того, мы боимся, что он получил помощь извне, а это значит, что наши действия известны кому-то лучше, чем нам хотелось бы. Мы стерегли это существо днем и ночью, как и просил нас Гэндальф, хотя задача была тяжелой. Но Гэндальф уверял, что надежда на его исцеление есть, и у нас не хватило духу запретить узника в подземельях, где он предался бы своим прежним черным мыслям.

– Со мной вы не были так любвеобильны, – заметил Глоин, сверкнув очами. Его кольнуло воспоминание о том, как он сам томился в подземельях эльфийского короля.

– Не стоит об этом, – вмешался Гэндальф. – Прошу тебя, не перебивай, мой добрый Глоин! Тогда произошло досадное недоразумение, но оно давно улажено. Если заняться распутыванием старинных распрей меж гномами и эльфами, Совет придется распустить – ты сам это понимаешь.

Глоин поднялся, отвесил поклон, и Леголас продолжил:

– В хорошую погоду мы водили Голлума в лес. Там было одно высокое дерево, стоящее особняком, и он полюбил на него забираться. Мы часто разрешали ему сидеть на верхних ветках, на вольном ветерке. Стража оставалась внизу. Однажды он отказался спускаться. Но стражи не решились лезть за ним на дерево – Голлум наловчился так крепко цепляться за сучья, что отодрать его было невозможно. В итоге эльфы остались под деревом за полночь. Но в эту самую летнюю ночь, безлунную и беззвездную, на нас неожиданно напали орки. Мы сумели их отбросить; их было много, и дрались они яростно, но, по видимому, злодеи пришли из-за гор, и видно было, что к лесу у них привычки нет. Когда битва кончилась, мы обнаружили, что Голлум

исчез, а стражи убиты или взяты в плен. У нас не осталось сомнений: вылазка орков была предпринята нарочно, чтобы освободить пленника, и он знал об этом наперед. Как его известили, мы понятия не имеем, но Голлум хитер, а у Врага нет недостатка в лазутчиках. Тем более, темные твари, изгнанные из Пуши в год гибели дракона, вернулись, и Чернолесье кишит ими, как и прежде. За пределами нашего королевства Пуца снова стала недобрым местом, хотя мы по-прежнему ограждены от зла...

Мы не сумели поймать Голлума. След его, правда, отыскался: он вел в глубь леса, на юг, вместе с орочьими следами. Но мы так и не смогли узнать, куда Голлум направился: след стал неразличим, а мы подошли чересчур близко к Дол Гулдуру, где все еще гнездится зло, и отступили – эльфы теми дорогами не ходят.

– Что ж, бежал так бежал, – вздохнул Гэндальф. – Искать его нам некогда. Пусть идет куда хочет! Но он может еще сыграть свою роль в этой истории, и никто не знает, какой она будет – ни сам Голлум, ни Саурон. А теперь я отвечу на остальные вопросы Галдора. Что думает Саруман? Что он советует делать? Об этом я должен рассказать подробнее, ибо никто еще, кроме Элронда, не слышал о том, что я вам поведаю, да и Элронд лишь вкратце. Между тем от этого зависит наше окончательное решение. Итак, последняя глава Сказания о Кольце. Пока последняя.

В конце июня я посетил Заселье, но в моей душе росла тревога, и я двинулся к южным границам этой небольшой страны, поскольку предчувствовал опасность, которая была скрыта от глаз, но, судя по всему, росла. У границ до меня дошли слухи о том, что гондорцы потерпели поражение, а когда я услышал про Черную Тень, мне показалось, что меня ударили в сердце клинком из холодной стали. Я не встретил по дороге никого, кроме нескольких беглецов с Юга. Мне показалось, что они напуганы чем-то, о чем не хотят говорить. Я повернул на северо-восток и двинулся вдоль Зеленого Тракта. Неподалеку от Бри мне повстречался путник, сидевший на обочине. Рядом паслась лошадь. Это был Радагаст Бурый²¹⁵, живший одно время в Росгобеле, неподалеку от Черной Пуши. Он принадлежит к моему Ордену²¹⁶, но я много лет не видел его.

– Гэндальф! – воскликнул он. – А я как раз тебя ищу! Но я совершенно не знаю здешних мест! Мне сказали только, что ты обретаешься в каком-то диком краю с довольно неуклюжим названием – Заселье, кажется?

– Твои сведения правильны, – сказал я. – Но если встретишься с обитателями этого края, диким его лучше не называй. Ты уже почти в Заселье! Что тебе нужно от меня? Видимо, дело срочное? Не помню, чтобы у тебя в обычае было срываться с места по пустякам!

– Дело срочное, – кивнул он. – Дурные вести!

Тут он оглянулся, словно у кустов могли быть уши.

– Назгулы, – шепнул он. – Девятеро снова вышли в мир! Они тайно переправились через Реку и движутся на запад. Они приняли облик всадников, одетых в черное!

Я сразу понял: сердце именно об этом и предупреждало меня!

– Или Враг что-то задумал, или его заставила нужда, – продолжал Радагаст. – Но что ему понадобилось в этих далеких, пустынных землях?

– То есть? – не понял я.

– Мне говорили, что Всадники повсюду спрашивают про это самое Заселье.

– Не «это самое», а просто Заселье, – поправил я, но сердце у меня совсем упало. Ибо даже Мудрые страшатся Девятерых, когда те собираются вместе под предводительством своего страшного вожака. В прошлом он был великим королем и могущественным чародеем, а сейчас обращает против своих врагов оружие нестерпимого страха.

– Кто сказал тебе об этом и кто послал тебя? – спросил я.

– Саруман Белый, – ответил Радагаст. – И еще он просил передать, что, если тебе нужна помощь, он ее окажет. Только поспеши, а то будет поздно.

Это меня обнадежило. Саруман Белый – глава нашего Ордена. Радагаст, конечно, тоже достойный волшебник. Он мастер форм и меняющихся оттенков, он знаток трав и зверей, очень дружен с птицами. Но дело в том, что Саруман долго изучал именно обычаи и хитрости Врага, так что благодаря ему мы часто успевали предвосхитить действия Черной Силы. Именно благодаря прозорливости Сарумана удалось нам изгнать Врага из Дол Гулдура. Может, он нашел оружие против Девятерых?

– Я отправляюсь к Саруману, – сказал я.

– Тогда поспеши, – повторил Радагаст. – Я и так слишком долго тебя искал, а дни убегают быстро. Саруман просил найти тебя до Преполовления, а Преполовление – вот оно. Даже если ты поскачешь прямо сейчас, ты вряд ли успеешь опередить Девятерых – они к тому времени уже доберутся до страны, в которую направляются. А я тороплюсь в обратный путь.

С этими словами он вскочил в седло и тронул поводья.

– Постой! – опомнился я. – Нам нужна твоя помощь, да и не только твоя – любая. Сообщи о нашем деле всем зверям и птицам, которые с тобой дружат. Скажи им – пусть передают Саруману и Гэндальфу обо всем, что случается. Где нас искать, ты знаешь – в Орфанке²¹⁷!

– Договорились, – ответил он и помчался так, словно Девятеро уже гнались за ним.

За Радагастом я последовать не мог: я понимал, что сейчас для этого не время. К вечеру я был уже далеко от места нашей встречи и устал не меньше своего коня. Надо было остановиться и все обдумать. Ту ночь я провел в Бри и решил, что в Заселье завернуть не успею. Никогда еще я не совершал большей ошибки!

Правда, я написал Фродо записку и поручил своему другу, тамошнему корчмарю, при случае ее доставить. Сам же я на заре отправился дальше – и, долго ли, коротко ли, добрался до Саруманова обиталища. Это далеко отсюда, на юге, в Исенгарде²¹⁸, что лежит в конце Туманных Гор, неподалеку от Роханской Щели. Боромир может сказать вам, что такое Роханская Щель: это – обширная долина, разделяющая Туманные Горы и северные отроги Эред Нимраис, Белых Гор его родины. Сам же Исенгард – это стена отвесных скал, окружающих внутреннюю долину, в центре которой стоит каменная башня Орфанк. Эту башню построил не Саруман, а нуменорцы, причем очень и очень давно. Она высока, хранит множество тайн и мало похожа на рукотворную. Вход в долину – только один, через кольцо скал, окружающих Исенгард, и этот единственный вход закрыт воротами.

Я подъехал к этим воротам – к огромной арке посреди каменной стены, охраняемой многочисленной стражей – поздно вечером. Привратники ждали моего появления и сказали, что Саруман готов

принять меня. Я въехал в арку. Ворота за мной беззвучно захлопнулись, и я внезапно ощутил страх – хотя и не понял его причины.

И все же я подъехал к Орфанку и поднялся по ступеням. Саруман встретил меня и проводил наверх, в свои покои. На пальце у него поблескивало кольцо.

– Значит, ты все же пришел, Гэндальф, – сказал он без улыбки.

Мне показалось, что глаза его сверкнули белым огнем, словно в душе он холодно насмеялся надо мной.

– Да, – ответил я. – Я пришел к тебе за помощью, Саруман Белый. Этот титул, казалось, рассердил его.

– Право, Гэндальф *Серый*? – воскликнул он с издевкой. – За помощью? Нечасто Гэндальф Серый просит помощи у других! Гэндальф Серый, столь искусный, столь многомудрый! Он бродит по всему Средьземелью, он вмешивается во все дела, даже если они его не касаются, – и вот пожалуйста: просит помощи!

Я смотрел на него и удивлялся.

– Если я не обманываюсь, – сказал я, когда он кончил, – то, что надвигается, потребует, чтобы мы объединили наши силы.

– Возможно, – согласился Саруман. – Поздно же ты об этом догадался! Сколько лет ты скрывал от меня, главы Совета, некое дело чрезвычайной важности? Вот что я хотел бы знать! И что заставило тебя покинуть свое засельское логово?

– Девятеро вышли в мир, – сказал я. – Они уже переправились через Реку. Так сказал мне Радагаст.

– Радагаст Бурый! – усмехнулся Саруман. Он больше не скрывал презрения. – Радагаст Укротитель Птиц! Радагаст Простец! Радагаст Осел! Хорошо еще, что ему хватило ума сыграть роль, которую я ему назначил. Ты здесь, а больше от него ничего и не требовалось. И ты останешься здесь, Гэндальф Серый. Пора тебе отдохнуть от путешествий! Я – Саруман Мудрый, Саруман Кольцетворец, Саруман Многоцветный!

Я поглядел на него и увидел, что его одежды, показавшиеся мне поначалу белыми, сотканы из нитей всех цветов радуги. Когда он двигался, ткань переливалась и меняла цвет, так что глаз уставал удивляться множеству оттенков.

– Белый мне больше по душе, – сказал я.

– Белый! – фыркнул Саруман. – Белый хорош только в самом начале. Белое полотно можно выкрасить. Белую бумагу можно покрыть письменами. Белый луч преломляется и становится радугой даже в обыкновенной капле воды!

– Но он перестает быть белым, – пожал я плечами. – А кто ломает вещь, чтобы узнать, что она из себя представляет, тот сошел с пути Мудрых.

– Тебе нет нужды изъясняться со мной на языке, которым ты изъясняешься со своими олухами-приятелями, – прервал он меня. – Я призвал тебя не для того, чтобы выслушивать наставления, а для того, чтобы предложить выбор.

Он встал и заговорил нараспев, словно речь была приготовлена заранее:

– Старшая Эпоха миновала, Средняя – на исходе. Занимается заря Младших Дней. Время эльфов кончилось. Близится наше время, точнее, время людей, коими мы призваны править. Но нам нужна власть, дабы устроить все по нашей воле во имя того блага, которое ведомо одним лишь Мудрым. Внемли мне, Гэндальф, мой давний друг и помощник! – Он приблизился ко мне, понизил голос и продолжал: – Я сказал – «нам», ибо, если ты присоединишься ко мне, мы будем вместе. Новая сила нарождается в мире. Наши прежние союзники, наша прежняя стратегия бессильны перед ней. У эльфов не осталось надежды. Не осталось ее и у вымирающих наследников Нуменора. А это значит, что выбор у нас, точнее, у тебя, только один. Еще не поздно объединиться с этой Силой! Это будет мудрый шаг, Гэндальф. Здесь вся наша надежда. Победа новой Силы не замедлит, и те, кто встанет на ее сторону, будут щедро вознаграждены. По мере того как Сила эта будет возрастать, возрастет и могущество ее клевретов, а Мудрым, таким как ты и я, останется только запастись терпением и научиться со временем направлять эту Силу и руководить ею. Мы не будем спешить. Мы скроем наши замыслы в глубине сердца, оплакивая, быть может, зло, совершаемое попутно, но твердо придерживаясь высших, конечных целей – Знания, Закона, Порядка: всего того, что мы до сей поры тщетно пытались насадить в этом мире, покуда наши слабые и праздные друзья не столько помогали нам, сколько мешали. Цели и планы наши не изменятся. Изменятся только средства²¹⁹.

– Саруман, – сказал я, – такие речи я слышал и прежде, но, как правило, из уст посланцев Мордора. Они любят кружить головы невеждам. Неужели ты зазвал меня в такую даль только для того, чтобы зря утомлять мой слух этой чепухой?

Саруман посмотрел на меня искоса и помолчал, обдумывая мои слова.

– Что ж, вижу, я не смог убедить тебя. Истинная мудрость тебе не по плечу, – вздохнул он. – Надеюсь, ты еще передумаешь. Но что, если я предложу тебе нечто лучшее?

Он подошел ко мне вплотную и положил свою длинную ладонь мне на плечо.

– Почему бы и нет, Гэндальф? – зашептал он. – Почему бы и нет? Как насчет Кольца Власти? Если бы мы смогли им завладеть, новая Сила подчинилась бы нам беспрекословно. Вот почему я зазвал тебя сюда! У меня на службе много зорких глаз. От меня не укрылось, что ты знаешь, где Сокровище. Разве я не прав? А если не прав, зачем Девятеро ищут Заселье и почему *ты* там околачиваешься? – При этих словах в его глазах сверкнула алчность, которой он скрыть не смог.

– Саруман, – сказал я, отступая на шаг, – Кольцо нельзя надеть на две руки сразу, и ты это знаешь не хуже моего, а потому забудь про слово «мы». Но я не выдам тебе Кольца, не надейся. Я вообще ничего не скажу тебе о нем, потому что теперь я знаю, что у тебя на уме. Ты долго был главой Совета, но теперь сбросил маску. Мне, как я понимаю, предлагается выбрать, кому подчиниться: Саурону или тебе. Я не подчинюсь никому. Что еще ты можешь мне предложить на выбор?

Взгляд Сарумана был теперь холоден и беспощаден.

– Что ж, – молвил он. – Я и не ждал от тебя мудрого ответа. Ты даже о себе не способен позаботиться. Жалея тебя, я все же дал тебе возможность помочь мне по доброй воле: это спасло бы тебя от многих бед и забот. Теперь ты останешься здесь, пока все не кончится. Это и есть твой выбор.

– Что значит – «пока все не кончится»?

– Это значит, что ты останешься здесь, пока не откроешь мне, где Единое. Уж я найду, как тебя убедить! А если Кольцо отыщется без твоей помощи, настанет время, когда Властелин Кольца сможет отвлечься от дел государственной важности и заняться делами

помельче. Тогда он подыщет достойную награду упрямству и козням Гэндальфа Серого.

– Это может оказаться задачей не из легких, – сказал я последнее, что мог сказать. Он рассмеялся мне в лицо, ибо знал, что за моими словами ничего не стоит.

Меня взяли под стражу и отвели на крышу Орфанка, откуда Саруман обычно наблюдал за звездами. Спуск оттуда только один – по узкой лесенке во много тысяч ступеней. Долина сверху кажется с воробьиное яйцо. Я присмотрелся и увидел: там, где раньше зеленела трава, теперь зияли шахты и дымились горны. Саруман населил свою крепость волчьими стаями и отрядами орков. Соперничая с Черной Башней, он собрал под свое начало поистине огромное войско! Похоже, он не спешил переходить в подчинение к Саурону... Так вот, из долины поднимался темный дым и окутывал стены Орфанка. Я стоял один среди туч, словно на маленьком островке. Бежать я не мог, и плен мой был горек. Я сильно мерз: площадка на вершине Орфанка крошечная, в несколько шагов, так что даже ходьбой трудно согреться. Так я и шагал взад-вперед по этому тесному пятаку, думая о Всадниках, мчащихся к северу.

Я был уверен, что это те самые Девятеро, но не потому, что поверил Саруману. Еще по дороге в Исенгард я получил известия, в которых никак не мог сомневаться. Сердце мое терзал страх за друзей, оставшихся в Заселье, – и все же я не терял надежды. Может быть, Фродо все-таки поспешил уйти из Хоббитона раньше намеченного срока, как я убеждал его в письме, и достиг Ривенделла прежде, чем началась погоня? Но ни мой страх, ни надежда не оправдались. Надежда зижделась на забывчивом брийском толстяке, а страх – на предположении, что Саурон хитрее, чем он есть на самом деле. У толстого корчмаря и без моего письма хватало забот, а Саурон пока еще не столь всемогущ, как рисует нам воображение! Но тогда, замкнутый в кольцо скал, один, в ловушке, я не мог тешить себя надеждой на то, что охотники, перед которыми бежит и гибнет все живое, потерпят неудачу в крошечном Заселье.

– Я тебя видел! – вдруг закричал Фродо. – Ты шагал туда-сюда, а над тобой светила луна.

Гэндальф смолк и с удивлением посмотрел на Фродо.

– Это был сон, – пояснил тот. – Но я его почему-то вспомнил только сейчас. Он мне приснился, когда я уже выехал из Заселья, но в какую ночь – сказать не могу.

– Тогда твой сон опоздал, – сказал Гэндальф. – Сейчас ты узнаешь, как все было на самом деле. Итак, я попал в скверную переделку. Те, кто меня знает, согласятся, что мне редко доводилось бывать в таком отчаянном положении, а потому я очень тяжело переживал свой плен. Гэндальф Серый – муха в паучьей сети! Подумать только! И все же самый искусный паук допускает слабинку в своей паутине.

Сперва я подумал было, что Радагаст – тоже изменник. Саруману на руку было, чтобы я заподозрил Радагаста, я в этом уверен. Но я не заметил ни в голосе Радагаста, ни в его взгляде ровным счетом ничего странного. Почувствуй я, что он лжет, – я ни за что не отправился бы в Исенгард. По крайней мере, вел бы себя осмотрительнее. Саруман хорошо знает меня и потому, скрыв от Радагаста свои истинные замыслы, ввел его в заблуждение. Да он и не смог бы склонить Радагаста к предательству – тот слишком прям и открыт. Радагаст искал меня, будучи убежден, что делает доброе дело, – вот почему я так легко поверил ему.

Это и подвело Сарумана. У Радагаста не было причины не выполнить данное мне обещание. От меня он поскакал напрямик в Черную Пущу, где у него еще со старых времен осталось множество друзей. Во все концы полетели дозором горные орлы, и глазам их предстало многое: они увидели, что на равнинах собираются стаи волков, что отряды орков проходят военный смотр, что по дорогам рыщут Девятеро. Даже побег Голлума не укрылся от взгляда этих зорких птиц. И орлы послали ко мне гонца, чтобы рассказать обо всем этом.

Лето уже кончилось, и вот как-то раз лунной ночью Гвайир Князь Ветра, самый быстрый из всех горных орлов, незамеченным подлетел к Орфанку – и увидел на крыше башни меня. Я поговорил с ним, и он унес меня прочь прежде, нежели Саруман понял, что происходит. Когда волки с орками высыпали из ворот и погнались за нами, я был уже далеко от Исенгарда.

– Далеко ли ты сможешь меня унести? – спросил я Гвайира.

– За много лиг, – отвечал тот, – но не поручусь, что до края света. Я – Орел-Посланник, а не Орел-Носильщик.

– Значит, мне нужен конь, который скачет по земле, – сказал я, – но не обычный, а неслыханно быстрый, ибо никогда еще не приходилось мне так спешить!

– Тогда я отнесу тебя в Эдорас²²⁰, где восседает в своих палатах Повелитель Рохана, – решил орел. – Это не слишком далеко.

Я обрадовался: в Риддермарке, иначе Рохане²²¹, обитает народ Рохирримов, правящий лошадьми, и нет в Средьземелье коней, подобных тем, что пасутся на бескрайних лугах меж Туманными и Белыми Горами.

– Как ты думаешь, роханцам по-прежнему можно верить? – спросил я у Гвайира: теперь, после предательства Сарумана, я во всем готов был усомниться.

– Поговаривают, что они платят Мордору дань лошадьми, – отвечал орел, – и отсылают их туда ежегодно чуть ли не целыми табунами. И все же роханцы еще не склонили голову под ярмо Саурана. Правда, если Саруман, как ты говоришь, перешел на службу злу, их час близок.

Он опустил меня на землю Рохана еще до рассвета... Впрочем, мой рассказ затянулся. Теперь я буду краток. Зло действительно начинает проникать в Рохан: ложь Сарумана дала там свои плоды, и король этой страны не захотел слушать моих предупреждений. Он предложил мне выбрать коня по своему усмотрению и покинуть Рохан, но мой выбор – а я взял себе того коня, какого хотел – пришелся королю не по нраву, так как я выбрал лучшего скакуна степей Марки²²², подобного которому не видывал еще никто.

– Должно быть, это и вправду благородный скакун, – вставил Арагорн. – Но меня печалит, что роханцы вынуждены платить такую дань – и кому?! Когда я покидал Рохан, об этом не было и речи.

– Готов поклясться, что они не платят никакой дани, – вступился за роханцев Боромир. – Это вражьи домыслы. Мне ли не знать людей Рохана? Они правдивы и доблестны, они – наши союзники и живут на наших землях, подаренных им прежними властителями Гондора.

– Тень Мордора уже покрыла дальние страны и движется на запад, – возразил Арагорн. – Вот уже и Саруман в ее власти. А это

значит, что Рохан осажден. Кто знает, что увидишь ты в степях Марки, если тебе суждено будет вернуться?

– Все может случиться, но роханцы на службу Злу не перейдут! – запальчиво воскликнул Боромир. – Они не станут покупать себе жизнь ценой табунов. Роханцы считают лошадей чуть ли не за родню. И этому есть своя причина. Дело в том, что лошади Марки ведут свое происхождение от скакунов Севера, из земель, куда Тень не достигала даже в древности, и предки этих коней, как и предки самих роханцев, жили на свободной земле.

– Истинная правда, – подтвердил Гэндальф. – Так вот, среди этих благородных скакунов есть один, который словно перенесся в наш мир из тех благословенных времен или родился на самом утре мира. Кони Девятерых ни в чем не могут с ним состязаться. Он быстр, как буйный ветер, и так же неутомим. Имя его – Скадуфакс²²³. Днем шерсть его блестит, как серебро, а ночью он подобен тени, и увидеть его в сумраке невозможно. Как легки его шаги! Никто до меня не ездил на нем, но я укротил его, и он помчал меня так быстро, что я достиг Заселья не позднее, чем Фродо – Курганов, хотя выехал я из Рохана примерно тогда же, когда он – из Хоббитона.

Страх мой все рос. Чем дальше на север, тем чаще до меня доходили слухи о Всадниках – но, хотя расстояние меж нами сокращалось, я все никак не мог настичь их. Вскоре я понял, что их отряд разделился: часть осталась на восточной границе, неподалеку от Зеленого Тракта, а остальные вторглись в Заселье, объехав его с юга. Я поспешил в Хоббитон и, конечно, Фродо там уже не застал, но зато успел перекинуться словечком со стариком Гэмги. Если быть точным, слов мы потратили много, но узнать я почти ничего не смог. Старик был не в духе и без конца ругал новых хозяев Котомки.

«Перемены не по мне, – повторял он. – В мои годы – увольте! Особенно если эти перемены к худшему. – И приговаривал: – К худшему, да, да, к худшему!» – «К худшему? – переспросил я. – Нет уж! Надеюсь, на твоём веку это худшее ещё не настанет!»

Из разговора я вынес одно: Фродо уехал из Хоббитона всего с неделю назад, но тем же вечером на Холм наведалься чёрный человек на коне. В страхе я поскакал по следу Фродо. В Бэккланде царил переполох. Гора кипела, как муравейник, куда сунули палку. Дом в Крикковой Лощинке был взломан и пуст, на пороге валялся плащ. Я

узнал его: это был плащ Фродо. В отчаянии я не стал расспрашивать местных жителей, а сразу помчался по следу Всадников. Держаться его было трудно: следы шли в разных направлениях, и поначалу я растерялся. Но один или двое Всадников, как мне показалось, направились в Бри, и я поскакал туда, чтобы заодно потолковать по душам с растяпой корчмарем.

«Его зовут Подсолнух, – думал я по дороге. – Если Фродо задержался по его вине, пусть готовится: я выжму из него добрую бочку подсолнечного масла, а жмых поджарю на медленном огне!»

Он меньшего и не ждал. Увидев меня, бедолага рухнул наземь и затрясся так, словно я уже разводил под ним огонь.

– Что ты с ним сделал? – встревожился Фродо. – Он был с нами очень добр и так помог нам!

Гэндальф рассмеялся.

– Не бойся! – успокоил он Фродо. – Я его не укусил и даже почти не облял. Когда он смог пролепетать первые несколько слов, я был так рад тому, что услышал, что тут же расцеловал его в обе щеки. Оказалось, ты ночевал в Бри и утром вышел в путь вместе с Бродягой, хотя я никак не мог взять в толк, как тебе удалось дойти до Бри живым и невредимым.

– Так значит, с Бродягой! – заорал я вне себя от радости.

– Да, господин Гэндальф, боюсь, что так, – промямлил Подсолнух, который понял меня наоборот. – Он к ним так приставал, что у меня прямо руки опустились. Ну, они его и взяли с собой. Они, надо сказать, тоже странно себя вели: что хотели, то и делали, не слушали никого...

– Ах ты осел! Ах ты дурень! Дражайший мой и возлюбленный господин Пивовар! – расхохотался я. – Да это лучшее, что я слышал с самого Преполовления! За такие новости платят золотом! Я заколдую твоё пиво на семь лет вперед и оно превзойдет все, что ты когда-либо пробовал! А сам пойду и выплюсь – уж не помню, когда мне в последний-то раз удавалось это сделать!

Так я и поступил – остался в корчме на ночь, размышляя, куда подевались Всадники? В Бри побывали только один или два. А остальные?..²²⁴ Ночью, однако, эта загадка разрешилась. Пятеро, а может, и больше Черных Всадников ворвались в Бри с запада, опрокинули ворота и ураганом промчались по улицам. Брийцы до сих

пор трясутся и ждут конца света. Ну а я поднялся до зари и бросился в погоню.

Не скажу точно, но мне кажется, события разворачивались так. Предводитель Девятерых скрывался где-то к югу от Бри, в то время как двое Всадников отправились в поселок, а четверо вторглись в Заселье. Когда же в Бри и Крикковой Лощинке и тех и других обвели вокруг пальца, они вернулись к своему предводителю с донесением, а Тракт на какое-то время оказался свободен – мелкие соглядатаи не в счет. Предводитель отправил нескольких Назгулов на восток, по бездорожью, а сам, прихватив остальных, в великом гневе помчался по Тракту.

Помчался и я туда же – к Пасмурной Вершине, и достиг ее перед закатом, на второй день по выходе из Бри. Всадники были уже там. Я заставил их отступить – во мне закипала ярость, и они, чувствуя это, боялись встретиться со мной при свете солнца. Но к ночи они окружили кольцо древней Амон Сул, где я укрылся. Тут мне пришлось крепко потрудиться. Столько огня и света над Пасмурником не видывали, наверное, со времен древних сигнальных костров!

На рассвете я вырвался из осады и поскакал на север. Больше я ничего не мог сделать. Найти Фродо в этой глухомани было невозможно, да я и не пошел бы на такое безумие, когда Девятеро гнались за мной по пятам. Оставалось возложить надежду на Арагорна. Я рассчитывал, что отвлеку на себя хотя бы нескольких Всадников, а сам поскачу в Ривенделл и вышлю помощь. Четверо действительно последовали за мной, но вскоре прекратили погоню и, как мне кажется, отправились к Броду. Так что, как видите, мой маневр помог: на ваш лагерь напало только пятеро Назгулов вместо девяти.

В Ривенделл я добирался долго и непросто: сперва – вверх по течению Шумливой, потом – через Плато Огров, потом – обратно к югу. Это заняло у меня почти четырнадцать дней, так как мой конь не мог идти по каменным нагромождениям страны троллей, и я отпустил его, послав к прежнему хозяину. Но мы успели крепко сдружиться с ним, и он прискачет по первому же моему зову. Вот почему я опередил Кольцо только на три дня. В Ривенделле уже знали, какая опасность грозит Фродо, и поспешили на помощь.

На этом, Фродо, я закончу свой рассказ – да простят мне Элронд и все остальные, что он получился таким долгим! Однако не бывало

еще, чтобы Гэндальф нарушил слово и не пришел к назначенному часу. Хранитель Кольца должен был услышать о причинах столь небывалого опоздания.

Теперь вы знаете все, от первого дня до последнего. Мы вместе, и Кольцо у нас. Но к цели мы еще не приблизились ни на шаг. Что мы сделаем с Кольцом? Вот вопрос!

Воцарилось молчание. Наконец заговорил Элронд.

– Все мы скорбим о том, что произошло с Саруманом, – молвил он. – Мы верили ему, и он посвящен в наши дела, как никто другой. Опасно целиком погружаться в изучение хитростей Врага и его деяний, какой бы доброй ни была твоя цель! Но подобные падения и предательства, как это ни печально, случались и прежде. Дивиться меня заставило не это. История Фродо – вот что оказалось новым для моего слуха. Кроме Бильбо, ныне живущего в Ривенделле, я почти не встречал хоббитов. Теперь мне понятно, что Бильбо – не исключение: он отличается от своих соплеменников не так сильно, как мне представлялось. С тех пор как я в последний раз был на Западе, мир во многом изменился.

Навий мы знаем под многими именами, и о Старом Лесе у нас рассказывают немало легенд. Но сегодняшний Лес – всего лишь северный край вчерашнего, куда более могучего и обширного. Было время, когда белка могла, не спускаясь на землю, по деревьям добраться из теперешнего Заселья до самого Тусклоземья, что к западу от Исенгарда... Я бывал там в свое время и повидал много странностей и диковин... Но я совсем забыл о Бомбадиле – если это тот самый Бомбадил, что гулял по лесам и холмам в прежние времена и тогда уже слыл старейшим из старых. Однако звали его тогда по-другому. Иарваинном Бен-Адаром величали мы его, древнейшего из всех жителей Средьземелья, никого не зовущего своим отцом. С тех пор прошло много времени, и новые эпохи прозвали его по-своему. Форном именовали его гномы, Оральдом²²⁵ – люди Севера. Были и другие имена. Иарваин – странное создание! И все же я, надо полагать, напрасно не позвал его на Совет.

– Он не пришел бы, – заметил Гэндальф.

– И все же, может, не поздно отправить к нему гонца с просьбой о помощи? – спросил Эрестор. – Как я понял, ему дана некая власть над Кольцом...

– Я бы сказал иначе, – покачал головой Гэндальф. – Скорее, Кольцу не дано овладеть им. Он сам себе хозяин. Но он не может изменить природу Кольца и не может лишиться его власти над другими. Сейчас он укрылся в своем краю, в границах, которые сам установил и которые не видны никому, кроме него – и, должно быть, ждет, пока мир переменится, а до тех пор за них не переступит, что бы ни случилось.

– Но в этих границах его, как видно, никто не беспокоит, – снова вступил в беседу Эрестор. – Почему бы ему в таком случае не взять Кольцо и не хранить у себя в Лесу, где оно никому не сможет причинить вреда?

– Нет, – ответил Гэндальф. – По своей воле Иарваин его не взял бы. Он мог бы, конечно, уступить, если бы его попросили об этом все свободные племена, но он даже не поинтересовался бы, зачем нам это нужно. И потом, если дать ему Кольцо, он на второй день запомнит, куда его сунул, а на третий и вовсе потеряет. Такие вещи не кажутся ему важными. Более ненадежного хранителя сыскать трудно. Вот тебе и весь ответ.

– Даже если Гэндальф ошибается, – подхватил Глорфиндэл, – отдав Кольцо Иарваину, мы бы только отсрочили страшный день. Иарваин живет далеко отсюда. Мы не сможем пробраться к нему незамеченными, не сможем укрыться от соглядатаев. Но даже если бы нас и проглядели, рано или поздно Властелин Колец все равно узнает, где скрывается Единое, и обрушит против Иарваина всю свою мощь. Сможет ли Бомбадил в одиночку выстоять против такой силы? Думаю, нет. Если Враг завоюет все Средьземелье, Бомбадил, мне кажется, тоже падет – тот, кто был Первым, станет на этот раз Последним, и наступит Ночь.

– Об Иарваине я, кроме имени, ничего не знаю, но Глорфиндэл, мне думается, прав, – поддержал его Галдор. – Иарваин не обладает силой, способной дать отпор Врагу, если этой силы нет в земле, по которой мы ходим. А мы видим, что Саурон способен уродовать и уничтожать все, даже горы. Только мы можем еще противостоять Врагу – Имладрис, Кирдан из Гавани да Лориэн. Но долго ли мы сможем продержаться, если Саурон грянет на нас войной, сокрушив все остальное?

– Я не выдержу битвы, – склонил голову Элронд. – И никто не выдержит.

– Но если мы не можем оставить Кольцо у себя и защитить его в оружейборстве, нам остается одно из двух: либо послать Кольцо за Море, либо уничтожить, – подвел итог Эрестор.

– Гэндальф уже сказал нам, что уничтожить это Кольцо подручными средствами нам не по силам, – возразил Элронд. – А те, кто обитает за Морем, его не примут: на счастье, на беду ли – оно принадлежит Средьземелью, и нам, а не кому-нибудь другому, решать судьбу Кольца. Нам, все еще живущим здесь.

– Тогда бросим Кольцо в морские бездны, и ложь Сарумана станет правдой, – предложил Глорфиндэл. – Теперь нам ясно, что уже тогда, на Совете, Саруман кривил душой. Он знал, что Кольцо не потеряно для Средьземелья, но хотел, чтобы мы в это поверили. Значит, в сердце его уже тогда поселилось желание завладеть им. Что ж, и во лжи часто кроется зерно правды! Море будет надежным хранилищем.

– Надежным, но не вечным, – покачал головой Гэндальф. – Морские глубины обитаемы. И потом, что, если море и суша поменяются местами? Неужели мы будем думать только о себе, о кратком отрезке нашей истории длиной в несколько поколений, пусть даже в целую эпоху, преходящую, как и все в мире? Нет, мы должны положить конец угрозе или хотя бы поставить себе такую цель, если у нас нет надежды на удачу.

– Хочу добавить, что на дорогах к Морю удачи ждать нечего, – молвил Галдор. – Здесь говорилось, что возвращаться к Иарваину опасно. Сколь же гибельным может оказаться прорыв к Морю! Сердце говорит мне, что Саурон, прознав о случившемся, будет ждать нас именно на западе. А прознает он скоро. Девятеро лишились коней, но это только отсрочка. Скоро они найдут себе новых, куда более быстрых. Только теряющий силы Гондор мешает Врагу теперь же выступить со всем своим войском на Север и перекрыть дороги к Морю. Если это случится, если Саурон нападет на Гавань и Белые Башни, эльфы навеки останутся среди удлиняющихся теней Средьземелья.

– Врагу придется надолго отложить свой поход, – горделиво проговорил Боромир. – Ты сказал, что сила Гондора на исходе. Но

Гондор стоит, как прежде, и он все еще могуч, хотя мощь его уже не та, что в былые времена.

– Мужество Гондора – не преграда Девятерым, – возразил Галдор. – Кроме того, есть иные дороги, в обход Гондора...

– Пред нами два пути, – молвил Эрестор. – Те самые два пути, о которых сказал Глорфиндэл. Один – спрятать Кольцо так, чтобы оно снова исчезло на веки вечные, другой – вернуть его в небытие. Ни того, ни другого мы сделать не можем. Кто разрешит эту головоломку?

– Никто, – сказал Элронд, сдвинув брови. – Никто не знает заранее, чем обернется тот или иной шаг. Но мне представляется, что выбор ясен. Путь на запад на первый взгляд легче. Именно поэтому нам придется отказаться от него. Враг не спускает глаз с этого пути: эльфы слишком часто пользовались им, покидая Средьземелье, и Саурону это хорошо известно. Надо пойти той дорогой, на которой нас никто не ждет, хотя она и трудна. В этом наше спасение – если у нас есть надежда на спасение. Надо идти навстречу опасности – в Мордор. Кольцо должно вернуться в Огонь.

Вновь воцарилось молчание. Даже здесь, на террасе, в прекрасном Доме Элронда, глядя на освещенную солнцем долину и слушая шум чистой воды, Фродо почувствовал в сердце мертвую тьму. Боромир пошевелился. Хоббит глянул в его сторону. Гондорец вертел в руках окованный серебром рог и хмурился. Наконец он прервал молчание:

– Ничего не понимаю! Допустим, Саруман – предатель. Но ведь он не мог в одночасье поглупеть! Почему Кольцо непременно надо спрятать или уничтожить? Разве не приходит вам в голову мысль, что Кольцо пришло к нам, чтобы помочь в борьбе? С его помощью мы могли бы одолеть напасть. Обладая им, Свободные Властители Свободных племен без труда одержат победу над Врагом. Не этого ли он и боится? Люди Гондора – доблестные воины, они не станут никому кланяться. Но их можно одолеть в бою, поскольку доблесть – ничто без могучей армии и оружия. Пусть же Кольцо послужит вам оружием, если оно действительно наделено такой силой, как вы говорите! Возьмите его себе – и победа ваша!

– Увы, этот путь нам заказан, – сурово молвил Элронд. – Мы не можем воспользоваться Кольцом Власти. Этот урок мы усвоили

хорошо. Кольцо принадлежит Саурону. Он сделал его сам, в одиночку, и вложил в него все зло, какое носил в себе, не оставив места ни для чего другого. Сила Кольца, Боромир, так велика, что не всякий может управлять ею, а тот, кто решится попробовать, сам должен обладать великой силой. Но для сильных мира сего Кольцо еще губительнее, чем для всех остальных. Стоит один раз пожелать его, и ты уже подверг свое сердце необратимому растлению²²⁶. Вспомни Сарумана! Если кто-нибудь из Мудрых овладеет Кольцом и поразит Властелина Мордора с помощью его же искусства – не миновать ему Сауринова трона. Он займет место поверженного врага и станет новым Черным Властелином. Вот почему Кольцо должно исчезнуть: пока оно в мире, опасности подвержены все – даже Мудрые. Ничто не бывает злым изначально²²⁷, и сердце Саурона не всегда было черным. Я страшусь брать Кольцо даже на сохранение. А использовать его – тем более.

– Я тоже, – сказал Гэндальф.

Боромир поглядел на них с сомнением, но наклонил голову, соглашаясь.

– Да будет так, – сказал он. – Стало быть, нам, гондорцам, придется обходиться тем, что есть. Мудрые будут охранять Кольцо, мы – сражаться, если только Сломанный Меч не заградит готовый хлынуть поток – и если рука, которая его держит, унаследовала от Королей не только оружие, но и силу!

– Кто знает? – молвил Арагорн. – Настанет день, когда мы сможем испытать это в бою²²⁸.

– Пусть же этот день поторопится! – отозвался Боромир. – Я не прошу о помощи, но мы в ней нуждаемся. Если мы будем знать, что Гондор не одинок и кто-то в меру своих сил тоже сражается с Врагом, – это придаст нам мужества.

– Гондор не одинок, – ответил Элронд. – Есть в Средьземелье силы, о которых ты не знаешь, ибо от тебя их скрывает завеса тайны. Андуин Великий многое видит на пути, прежде чем достигает Аргоната – Врат Гондора.

– Не лучше было бы собрать все эти силы воедино и действовать сообща? – вмешался гном Глоин. – Ну, а что до колец, то не все они предательские. Мы вполне можем использовать и другие. У гномов было целых семь! Правда, они утеряны – если только Балин не отыскал в Мории последнего Кольца, некогда принадлежавшего

Трору, – но с тех пор, как Мория взяла Трора, об этом Кольце ничего неизвестно. Открою вам, что Балин надеялся найти это Кольцо, и это было одной из причин его ухода.

– Балин не найдет в Мории ничего, – сказал Гэндальф. – Трор передал это Кольцо Траину, своему сыну, но Торин от Траина уже не получил его. Кольцо отняли у Траина в подземельях Дол Гулдура под пыткой. Я пришел туда слишком поздно.

– Горе нам! – вскричал Глоин. – Наступит ли день отмщения? Но есть еще Три Кольца. Какова их судьба? Говорят, это были весьма могущественные Кольца. Разве они не сохранились? Разве эльфийские владыки не берегут их у себя? А ведь эти Кольца тоже выкованы Сауроном. Что с ними случилось? Неужели они бездействуют? Среди нас есть эльфийские князья. Что они на это скажут?

Эльфы не отвечали. Вместо них заговорил Элронд:

– Разве ты не слышал меня, Глоин? Саурон непричастен к созданию Трех Колец. Его рука к ним не притрагивалась. Но говорить о них не разрешено. Это все, что я могу открыть тебе сегодня, в час сомнения. Кольца эльфов не лежат праздно. Но они изначально замыслились не как оружие и не для того, чтобы вести войну. В них такой силы нет. Те, кто их выковал, не стремились ни к власти, ни к могуществу, ни к обладанию сокровищами. Творцы этих Колец хотели созидать, исцелять, постигать суть вещей и ограждать мир от порчи²²⁹. И в какой-то мере эльфы Средьземелья этого добились, хотя и дорогой ценой – ценой знакомства с печалью. К тому же все, созданное творцами Трех, обратится в ничто, если Саурон вернет себе Единое: он в тот же миг узнает наши помыслы и проникнет в сердца. Тогда лучше, если бы Трех не было и никогда не бывало! Вот чего доискивается Саурон.

– Но что, если Кольцо Власти по твоему совету будет уничтожено? Что тогда? – не унимался Глоин.

– Точно сказать невозможно, – ответил Элронд с грустью. – Некоторые лелеют надежду, что Три Кольца, которых рука Саурана никогда не касалась, освободятся, и те, кто ими владеет, смогут заживить раны, нанесенные Врагом этому миру. Но может случиться иначе: когда Единое стинет, Три потеряют силу, и тогда много прекрасного покинет мир и сотрется из памяти поколений. Сам я думаю, что именно так и будет.

– И все же эльфы пойдут на то, чтобы испытать судьбу, – твердо сказал Глорфиндэл. – Только бы сломить мощь Саурана! Мы должны навсегда освободиться от страха подпасть под его владычество!

– Вот мы и вернулись к тому, с чего начали, – заметил Эрестор. – А начали мы с того, что Кольцо должно быть уничтожено. Но что дальше? Пока мы и на шаг не продвинулись. Можем ли мы добраться до Огня, где оно было выковано? Ведь это путь в безнадежность. Я сказал бы, что это безумие, не чти я вековую мудрость Элронда.

– Так безнадежность или безумие? – переспросил Гэндальф. – О безнадежности речи нет: отчаиваются и теряют надежду только те, чей конец уже предрешен. А наш – нет. В чем истинная мудрость²³⁰? В том, чтобы, взвесив все возможные пути, выбрать среди них единственный. Может быть, тем, кто тешит себя ложными надеждами, это и впрямь покажется безумием. Что же, прекрасно! Безумие станет нам покровом, оно застелет глаза Врагу – ибо он мудр, он весьма мудр и взвешивает все с точностью до грана на весах своей злобы, но мерой ему служит только одно – жажда власти. Ею он мерит всех без исключения. Никогда не придет ему на ум, что, завладев Кольцом, мы попытаемся его уничтожить. Но если мы все же попытаемся, его расчеты пойдут прахом.

– Видимо, на малое время нам действительно удастся ввести его в заблуждение, – подтвердил Элронд. – Мы должны вступить на этот путь. Но он будет трудным. Ни сила, ни ум нам не помогут. Кто из нас вступит на него, не важно – у слабого будет ровно столько же надежды, сколько у сильного. Жернова истории нередко приводят в движение слабыми мира сего, помнящими свой долг, а глаза сильных смотрят тем временем совсем в другую сторону.

– Отлично сказано, досточтимый Элронд! Отлично! – подал вдруг голос Бильбо. – Дальше можешь не продолжать! Всем давно ясно, куда ты метишь. Глупый хоббит Бильбо заварил кашу, пусть Бильбо ее и расхлебывает, а если, не расхлебав, потонет в ней – так ему и надо! Право же, я здесь пригрелся, и мне так уютно было работать над своей книгой! Я даже конец успел придумать: «И жил он счастливо до конца дней своих». Это хорошая концовка. Ничего страшного, что она затерлась от частого употребления! Но теперь придется ее убрать: не похоже, чтобы она обернулась правдой. Да и глав, как я понимаю,

добавится, если только я останусь жив, чтобы все записать. Когда в дорогу?

Боромир удивленно обернулся к Бильбо, но смех замер у него на устах, когда он увидел, что все остальные слушают старого хоббита без улыбки и с уважением. Только Глоин слегка улыбнулся, но улыбка не была насмешливой – просто он вспомнил прошлое.

– Да уж, конечно, дорогой Бильбо, – молвил Гэндальф. – Если бы ты и вправду заварил эту кашу, тебе и пришлось бы ее расхлебывать, спору нет. Но ты отлично знаешь, что притязать на такую честь – дело для тебя слишком серьезное! Кроме того, ты здесь ни при чем. Даже героям вроде тебя в таких великих событиях отводится роль совсем крохотная. И не кланяйся! Я не шучу, называя тебя героем, и никто здесь не сомневается, что ты тоже не шутишь, вызываясь идти в Мордор. Мы оценили твоё мужество. Но ты отваживаешься на подвиг, который тебе уже не под силу, Бильбо. Тебе нельзя брать Кольцо. Оно ушло от тебя навсегда. Спроси ты у меня совета, я бы сказал, что тебе осталась скромная роль летописца. Заканчивай свою книгу и не меняй концовки! Может, она еще оправдывает себя. Но будь готов приняться за продолжение, когда вернутся посланцы!

Бильбо рассмеялся.

– Впервые слышу от тебя совет, которому приятно последовать, – сказал он. – Но если вспомнить, что твои неприятные советы всегда шли на благо, то как бы теперь не получилось иначе! Впрочем, деваться некуда. Здоровье у меня уже не то, да и удачу я всю растратил, а у Кольца сил, наоборот, прибавилось... Но кто же эти посланцы, которые принесут продолжение?

– Те, кто возьмет Кольцо, кто же еще?

– Это ясно! Речь о другом. Кто они будут – вот в чем штука! Я понимаю так, что эту загадку вы и должны сегодня разрешить. Для этого Совет и собрался! Эльфы питаются словесами, с ними все понятно, гномы выносливы, как мулы, тут я тоже молчу, но я – всего лишь старый хоббит, давно опоздавший ко второму завтраку. Можете вы назвать имена, не откладывая дело в долгий ящик? Или займемся этим после обеда?

Никто не ответил. Колокол прозвонил полдень, и снова стало тихо. Фродо оглядел собравшихся и понял, что на него никто не

смотрит. Все члены Совета сидели опустив глаза, словно размышляя. Фродо почувствовал страх, словно в ожидании давно предрешенного приговора. И все-таки – вдруг отменят? Его охватило неодолимое желание – остаться в Ривенделле, с Бильбо, и отдохнуть от всех забот. Он с трудом разлепил губы и молвил, удивляясь своему голосу, словно говорил не он, а кто-то другой:

– Давайте я возьму Кольцо. Только я не знаю, куда идти.

Элронд поднял глаза и посмотрел на Фродо. Хоббиту показалось, что этот взгляд вонзился ему прямо в сердце. Таким он Элронда еще не видел.

– Если я не ошибаюсь, это действительно твое дело, Фродо, – молвил он. – Если ты не найдешь дороги, ее не найдет никто. Бьет час твоей страны и твоих соплеменников. Пришла им пора оставить свои мирные поля и сады, дабы поколебать основания Башен и замыслы Великих. Кто из Мудрых мог это предвидеть? Но, с другой стороны, истинно Мудрые никогда не стремятся узнать о том, что еще не дождалось своего часа... Знай – это тяжелое бремя, Фродо. Столь тяжелое, что никто не имеет права возложить его на плечи другого. И я тоже не могу этого сделать. Но если ты выбрал сам, по доброй воле, я скажу, что ты выбрал правильно. Если собрать вместе всех великих друзей нашего народа, прославившихся в былые времена, – Хадора, Хьюрина, Тьюрина и даже самого Берена²³¹, – твое место было бы среди них.

– Но вы же не пошлете его в одиночку, господин Элронд? – крикнул Сэм, не утерпев. Весь Совет он просидел, незамеченный, в уголке на полу.

– Да уж какое там, – усмехнулся Элронд. – Без тебя, видно, дело не обойдется. Да и разве вас разлучишь? Если уж ты ухитрился пробраться за ним на секретный Совет, куда тебя, между прочим, не звали, то, наверное, тебя ничто не удержит!

Сэм сел, весь красный, что-то бормоча²³².

– Ну и влипли мы с вами в историю, господин Фродо! – вздохнул он и покачал головой.

Глава третья

Кольцо отправляется на юг

Вечером того же дня хоббиты собрались в каморке Бильбо на свой собственный совет. Мерри и Пиппин негодовали: кто дал Сэму право, возмущались они, пробираться на Совет и кланчить разрешение пойти с Фродо?

— Какая несправедливость! — кипел Пиппин. — Его надо было вышвырнуть вон и заковать в цепи за такую наглость, а Элронд его наградил!

— Да уж, наградил, нечего сказать! — усмехнулся Фродо. — Да ведь это хуже всякого наказания! Брести неизвестно куда, без надежды на удачу... Хорошенькая награда! Ты бы думал, прежде чем говорить! А я-то размечтался: цель достигнута, останусь тут, отдохну...

— Дело понятное, — посочувствовал Мерри. — Я бы лично очень хотел, чтобы ты отдохнул. Но мы не тебе завидуем, а Сэму. Если тебе выпало идти, для нас нет наказания хуже, чем остаться в Ривенделле. После стольких верст пути! И после всех передрыг! Нет, мы хотим идти дальше.

— Вот-вот, и я об этом же, — подхватил Пиппин. — Мы, хоббиты, должны держаться вместе, и так оно и будет. Я лично иду, и все тут, если только меня на цепь не посадят. В походе нужна светлая голова.

— Если так, то тебя уж точно не возьмут, Перегрин Тукк! — раздался внезапно голос Гэндальфа. Волшебник заглядывал в комнату через низкое окно. — Только вы напрасно беспокоитесь. Еще ничего не решено.

— Не решено?! — вскричал Пиппин. — Чем же вы занимались там за семью замками? Вас же добрых несколько часов не было!

— Мы разговаривали, — объяснил Бильбо. — Там было о чем поговорить. И каждый сообщал что-нибудь такое, что все только рот открывали. Даже старине Гэндальфу настал черед удивиться. Думаю, Леголасова история про Голлума просто вышибла его из седла, хотя он и притворялся, что спокоен.

— Напрасно ты так думаешь, — возразил Гэндальф. — Ты был невнимателен. Я узнал обо всем этом еще от Гвайира. Если кто на

Совете и сидел разинув рот от удивления, то это были вы с Фродо. Я же как раз ничему не удивлялся.

– Ну, ладно, ладно, – махнул рукой Бильбо. – Все равно мы ничего не решили, только выбрали бедных Фродо и Сэма. Я с самого начала боялся, что этим все и кончится, если меня остановят. Но я уверен, что вдвоем их Элронд не пошлет ни за что, а приставит целую кучу провожатых – вот только получит сначала сведения о том, что происходит. Разведчики уже в пути, Гэндальф?

– Да, – кивнул волшебник. – А завтра Элронд вышлет еще. Его эльфы свяжутся со Следопытами – и, наверное, с эльфами Трандуила из Черной Пущи. Арагорн тоже ушел – вместе с сыновьями Элронда. Надо прочесать все земли в округе на много, много лиг, прежде чем на что-то решиться. Так что выше нос, Фродо! Ты здесь еще поживешь, и немало.

– Чего хорошего-то? – мрачно буркнул Сэм. – Проторчим тут до зимы, а потом?

– Придется торчать, – наставительно сказал Бильбо. – В общем-то это ты виноват, Фродо, мальчик мой. Зачем ты ждал моего дня рождения? Станный способ отмечать праздники, право слово! Надо же было выбрать денек, когда запускать в Котомку Саквилль-Бэггинсов! Но что сделано, того не переделаешь. Весны ждать нельзя, но и в дорогу нельзя пускаться, пока нет вестей от разведчиков.

*Когда зима в лицо дохнет,
И по утрам на лужах лед,
И осыпается листва,
И в белом инее трава —
Тогда едва ль когонибудь
В неведомый потянет путь...*²³³

Но боюсь, раньше зимы вам не выйти.

– И я боюсь того же, – сказал Гэндальф. – Пока не станет ясно, что случилось со Всадниками, о походе не может быть и речи.

– Я думал, они утонули, когда разлилась река, – удивился Мерри.

– Кольценосных Призраков так просто не уничтожить, – вздохнул Гэндальф. – В них живет сила их господина: с ним они стоят, с ним

падут, и не иначе. Мы надеемся, что они лишились лошадей и обличий, а значит, на время будут не так опасны, но одних догадок нам мало. А ты пока забудь о своих тревогах, Фродо. Не знаю, могу ли я чем-нибудь тебе помочь – но вот что я шепну тебе на ушко. Тут кто-то говорил, что в пути Хранителю ох как пригодился бы мудрый, сведущий наставник. Это верно. А потому я думаю отправиться вместе с тобой!

От этого заявления Фродо пришел в такой восторг, что Гэндальф прыгнул с подоконника, на котором успел устроиться, и с глубоким поклоном снял шляпу.

– Но учти, я не сказал – отправлюсь. Я сказал – думаю отправиться. Так что особо пока на меня не рассчитывай. К тому же надо послушать, что скажут Элронд и твой друг – Бродяга. Кстати, об Элронде: я собираюсь его повидать, так что прощайте!

– Сколько мне еще жить в Ривенделле? Ты понял? – спросил Фродо у своего дядюшки, когда Гэндальф ушел.

– О-о, ну откуда же мне знать? В Ривенделле так трудно считать дни! Но думаю, тебе тут еще долго куковать. Наговоримся всласть! Как насчет того, чтобы помочь мне с книгой? И не пора ли начинать новую? Ты еще не придумал концовки?

– Целых несколько! Но все какие-то мрачные и неутешительные.

– Не пойдет! – рассердился Бильбо. – Книги должны кончаться хорошо. Вот я предложу, смотри: «И тогда все они поселились под одной крышей и зажили в мире и достатке».

– Если это обернется правдой, я согласен, – невесело улыбнулся Фродо.

– Ах! – зачарованно вздохнул Сэм. – Вот только где они поселились? В этом, по-моему, вся загвоздка!

Хоббиты еще не раз вспоминали о бегстве от Всадников, не раз ужасались предстоящим опасностям, но в Ривенделле невозможно было долго страшиться и тревожиться. Они не перестали думать о будущем и о том, чем оно для них обернется, но печали и невзгоды потеряли власть над настоящим. Хоббиты окрепли, воспрянули духом и радовались каждому дню, каждой трапезе, каждому слову, не говоря уже о песнях.

Так бежали дни за днями; за солнечными прозрачными утрами следовали холодные, ясные вечера. Но осень быстро шла к концу. Золото уступало место бледному серебру, и последние запоздалые листья слетали с обнажившихся деревьев. С востока, с Туманных Гор, подули холодные ветры. Округлившаяся Охотничья Луна²³⁴ прогнала с неба звезды помельче; только на юге рдела одна, последняя. Фродо видел ее из своего окна – она горела в безднах небес как немигающий глаз, багровея над верхушками окаймлявших долину деревьев.

Почти два месяца пробыли хоббиты в Доме Элронда. Минул ноябрь, а с ним и осень, но разведчики начали возвращаться только к середине декабря. Одни побывали на севере, у истоков реки Хойры, на Плато Огров; другие отправились на запад и там, с помощью Арагорна и других Следопытов, обследовали Хойру до самого Тарбада, где, минуя развалины древнего города, проходил старинный Северный Тракт. Третьих послали на юг и восток; некоторые даже пересекли Горы и заглянули в Черную Пущу, а иные преодолели перевал у истоков Сабельницы, спустились с гор и, пройдя Долину Сабельников, углубились в Дикие Земли и достигли Росгобела – старинной обители волшебника Радагаста, но хозяина не застали и, повернув назад, возвратились в Ривенделл через перевал, именуемый Темноводным Каскадом или Ступенями Димрилла. Сыновья Элронда, Элладан и Элрохир, вернулись последними; они проделали большой путь вдоль реки Серебряной и проникли в совсем уже дальние и неизведанные края, но о том, что увидели, не рассказали никому, кроме Элронда.

Посланцы Ривенделла нигде не обнаружили Черных Всадников, следов Черных Всадников или слухов о них, да и других слуг Врага не встретили. Даже орлы с Туманных Гор не рассказали ничего нового. Не слышал никто и о Голлуме; только на севере по-прежнему собирались стаи волков, вышедших в верховья Великой Реки на поиски добычи. Из черных коней три утонули у самого брода. На перекатах, ниже по течению, обнаружилось еще пять лошадиных трупов, и там же – длинный черный плащ, вернее, оставшиеся от него мокрые черные лохмотья. И больше – ничего. Присутствия Всадников нигде не чувствовалось. Похоже было, что на Севере их нет.

– С восемью из девяти все ясно, – заключил Гэндальф. – Точно утверждать нельзя, но, думаю, ошибки нет: Кольцепризрак растеряли

друг друга, рассеялись и вынуждены были, кто как может, возвращаться обратно в Мордор, к своему господину, потеряв прежнее обличье и с пустыми руками. Если я прав, они не сразу смогут начать новую охоту. У Врага, конечно, есть и другие слуги, но путь до границ Ривенделла неблизкий, а на след они могут выйти только здесь. Если же мы вдобавок будем осторожны, то им придется крепко потрудиться, чтобы отыскать его. Но откладывать с выходом больше нельзя.

Элронд призвал хоббитов к себе. Взгляд его, на этот раз особенно серьезный, остановился на Фродо.

– Время настало. Если Кольцу суждено покинуть эти стены, это произойдет очень скоро. Но те, кто решится сопровождать его, не должны рассчитывать на армии и оружие. Идти придется в глубь Вражьего Края, где помощи ждать неоткуда. Ты не изменил своего решения, Фродо? Ты по-прежнему не отказываешься стать Хранителем Кольца?

– Нет, – проговорил Фродо. – Я пойду. И Сэм тоже.

– Я мало чем могу помочь тебе. Даже совет мой вряд ли тебе пригодится, – сказал Элронд. – Мне трудно предвидеть, чем кончится твой путь, и я не знаю, как тебе лучше исполнить свою задачу. Тень уже придвинулась к подножию Туманных Гор и приближается к берегам Хойры. Земли, которые она охватила, закрыты для моего взора. Запомни одно: ты встретишь в пути много врагов, как явных, так и с лаской на устах, друзей же, может статься, найдешь там, где меньше всего ждешь с ними встречи. Всюду, куда только смогу, я разошлю вести о тебе, но кругом столько опасностей, что иные вестники могут не дойти, а иные достигнут цели позже тебя. Я выберу тебе спутников. Они будут сопровождать тебя, пока у них достанет сил и желания. Их не должно быть слишком много: вся твоя надежда – в быстроте и скрытности. Пошли я с тобой эльфийский отряд в полном вооружении Старших Дней, он ничего не смог бы сделать, кроме как разъярить Врага. В Отряд Кольца войдут Девятеро: Девятеро Пеших против Девяти Всадников²³⁵, несущих зло. С тобой и твоим преданным слугой пойдет, прежде всего, Гэндальф: Кольцо – его великая забота и с разрешением ее, возможно, его труды и подвиги завершатся. Остальные будут представлять прочие Свободные народы Средьземелья²³⁶ – эльфов, гномов и людей. От эльфов с тобой

отправится Леголас, от гномов – Гимли, сын Глоина²³⁷. Они сами вызвались сопровождать вас до горных перевалов, но, может быть, пойдут и дальше. От людей в ваш Отряд войдет Арагорн, сын Араторна: Кольцо Исилдура имеет к нему самое непосредственное отношение.

– Бродяга! – воскликнул Фродо.

– Он самый, – отозвался Арагорн, улыбаясь. – Видишь, я снова навязываюсь тебе в попутчики, Фродо.

– Да я бы тебя на коленях умолял пойти с нами, если бы не думал, что ты идешь в Минас Тирит, с Боромиром!

– Я туда и направляюсь, – кивнул Арагорн. – Сломанный Меч будет перекован и вступит в бой. Но наши дороги во многом совпадают. А значит, Боромир тоже войдет в Отряд. Он доблестный воин.

– Не хватает только двоих, – продолжал Элронд. – Я подумаю над этим. Среди моих домочадцев найдутся достойные.

– А мы как же?! – вскричал в отчаянии Пиппин. – Мы не хотим оставаться. Мы пойдем с Фродо!

– Ты не понимаешь, о чем просишь, более того – даже представить не можешь, что ждет вас на этом пути, – остановил его Элронд. – Иначе ты так не говорил бы.

– А Фродо – может? – вмешался Гэндальф, неожиданно став на сторону Пиппина. – А кто-нибудь из нас? Да если бы эти хоббиты ясно видели, какие их ждут опасности, они бы из дому побоялись высунуться! Но им все равно хотелось бы пойти с Фродо, и они сгорали бы со стыда, что им не достало храбрости. Это оставило бы в их сердце след на всю жизнь. Я думаю, Элронд, здесь лучше полагаться на их дружбу, чем на мудрость, пусть даже великую. Ну, скажем, ты пошлешь Глорфиндэла. И что с того? Он все равно не сможет штурмом взять Черную Башню и не пробьет Фродо дорогу к Огню. Такой силы нет ни у него, ни у кого-либо другого.

– Это серьезный довод, – помедлил Элронд, – но сам по себе он меня не убеждает. Сердцем я вижу, что в Заселье уже проникло зло. Я собирался послать этих двоих обратно и предупредить хоббитов об опасности. Они могли бы кое-что сделать – ведь они знают, как говорить со своим народом. В любом случае я считаю, что младший, Перегрин Тукк, должен остаться. Сердце мое противится его уходу.

– Тогда, досточтимый Элронд, тебе придется запрятать меня в темницу или завязать в мешок и так отправить домой, – запротестовал Пиппин. – А не сделаешь этого – пойду с Отрядом, и все!

– Что ж, быть по сему. – Элронд тяжело вздохнул. – Будем считать, что Девятеро у нас есть. Через семь дней Отряд должен выступить.

Меч Элендила был откован заново; эльфы-кузнецы украсили его клинок насечкой, изображавшей семь звезд между полумесяцем и лучащимся солнцем²³⁸, а вокруг вырезали множество рун, ибо Арагорн, сын Араторна, отправлялся на войну к границам Мордора. Ярко сверкал этот Меч, Перекованный Заново; багряными бликами сияло на нем солнце, холодом отливала луна, острие было твердо и отточено. Арагорн дал ему новое имя; теперь его меч звался Андарил²³⁹ – Пламень Запада.

Арагорна и Гэндальфа в эти дни постоянно видели вместе: они то прохаживались, то сидели рядом, обсуждая дорогу и подстерегающие на пути опасности, то изучали замысловатые линии старинных карт и своды преданий, хранившиеся в Доме Элронда. Иногда Фродо присоединялся к ним, но, уверенный, что опытные друзья и так доведут его куда положено, предпочитал коротать время в обществе Бильбо.

По вечерам хоббиты переходили в Зал Пылающего Огня; там, среди множества других легенд, они слышали наконец историю о Берене, Лутиэн и спасении Великого Камня из рук Врага, слышали целиком, от начала и до конца. Но днем, когда Мерри с Пиппином разгуливали в саду, Фродо и Сэм неизменно удалялись к Бильбо, в его каморку. Там Бильбо читал им главы из книги (которая, судя по всему, была еще ох как далека от завершения!) или декламировал свои стихи, а то заставлял Фродо еще раз пересказать свои приключения и делал в тетради какие-то заметки.

Утром последнего дня Фродо пришел к Бильбо один. Старый хоббит выдвинул из-под кровати деревянный сундук и, подняв крышку, принялся рыться на дне.

– Вот твой меч, – сказал он наконец, поднимая голову. – Правда, как ты знаешь, он сломался. Я взял его на хранение, но забыл сходить к кузнецам, чтобы они его починили. А теперь поздно. Может, этот

возьмешь? – И он извлек из сундука короткий меч в потертых кожаных ножнах, покрытых густой пылью. Но клинок, остро отточенный и тщательно отполированный, блеснул неожиданно холодно и ярко.

– Жало! – объявил Бильбо и почти без усилия глубоко всадил меч в деревянную балку. – Хочешь – бери. Мне оно больше, как я понимаю, не понадобится...

Фродо рассыпался в благодарностях.

– Еще не все! – остановил его Бильбо, вынимая из сундука не по размеру тяжелый сверток. Развернув многочисленные тряпки, он достал из них маленькую кольчугу. Кольца прилегали друг к другу тесно-тесно, так что кольчужка казалась мягкой и тонкой, как полотно, но одновременно холодила кожу, как лед, и была на первый взгляд прочнее стали. Усыпанная бриллиантами, она переливалась, точно серебро в лунную ночь. Был в свертке и пояс – из хрусталя и перламутра.

– Миленькая, правда? – спросил Бильбо, встряхивая кольчугу и поднося к свету. – А какая полезная! Это гномья кольчуга. Подарок Торина. Когда я уходил, то забрал ее из Мичел Делвинга и взял с собой. Я вообще унес все, что у меня оставалось на память от того Путешествия, кроме Кольца. Надевать я ее больше не стану, так что она мне ни к чему. Так только, изредка полюбоваться... А ты надень, попробуй! Ты ее и не почувствуешь.

– Да я боюсь... боюсь, глупо она будет на мне выглядеть, – усомнился Фродо.

– Вот и я когда-то испугался, – весело сказал Бильбо. – Но мало ли кто как выглядит! Ты вполне можешь носить ее под одеждой. Ну-ка! Это будет наша общая тайна. Смотри, никому ни слова! А мне будет спокойнее, если я буду знать, что она на тебе. Думаю, она даже кинжалы Черных Всадников могла бы отразить, – закончил он шепотом.

– Ладно, беру, – согласился Фродо.

Бильбо облачил его в кольчугу и пристегнул к сверкающему поясу Жало; затем Фродо натянул поверх своей новой амуниции старые штаны, рубашку и куртку.

– С виду хоббит как хоббит, – сказал Бильбо. – Но теперь ты уже не таков, каким кажешься!.. Н-да!.. В общем, все. Удачи! – Он отвернулся к окну и попытался изобразить беспечное насвистывание.

– Прямо не знаю, как тебя и благодарить. Спасибо тебе, Бильбо, спасибо и за подарки, и за всю твою прежнюю доброту, – сказал Фродо, тронутый до глубины души.

– Никаких благодарностей не надо. – И старый хоббит похлопал его по спине. – Ого! Да тебя теперь опасно трогать! Только сунься – все руки отобьешь!.. О чем я бишь?.. Ах да. Так вот, хоббиты должны держаться вместе. А Бэггинсы – в особенности. Взамен я у тебя потребую только одного: береги себя! И запоминай все новое, что услышишь: всякие разности, диковины, старые песни и особенно легенды. А я к твоему возвращению постараюсь дописать книгу. Я бы и еще одну не отказался накропать – хватило бы только времени...

Он оборвал себя и снова отвернулся к окну, тихонечко напевая:

*Когда сижусь у очага
И думаю при этом
Про лес и пышные луга,
Что зеленели летом,*

*И про осеннюю листву
С летящей паутинкой,
Про пожелтевшую траву
И лужицу со льдинкой,*

*Когда сижусь у очага —
Мне както грустновато,
Что скоро выпадут снега
И нет к весне возврата.*

*Как мало видеть вышло мне!
Теперь я понимаю,
Что в каждой роще по весне
Листва уже иная.*

*И вот сижусь и пью вино,
И хочется умчаться
За теми, что ушли давно,*

И к тем, что постучатся.

*Так день за днем я провожу —
И заедает скука:
Воспоминаний ход слезу
И ожидаю стука.*

*Одни и те же вижу сны —
И не могу очнуться;
Когда ж из дальней стороны
Ко мне друзья вернутся?²⁴⁰*

Был холодный и хмурый день конца декабря. Восточный ветер гнул голые ветви и раскачивал черные сосны на склонах холмов. Рваные темные тучи неслись прямо над головой. Когда засерели безрадостные тени раннего вечера, Отряд стал готовиться к выходу. Выступить решили в сумерках: Элронд посоветовал по возможности идти под покровом ночи до тех пор, пока Ривенделл не останется далеко позади.

– Бойтесь слуг Саурона, – сказал он. – У них зоркие очи. Вести о поражении Всадников наверняка уже достигли Черного Властелина, и он, должно быть, вне себя от ярости. Скоро северные земли наполнятся соглядатаями – и пешими, и крылатыми. Даже небу вы не должны верить.

Отправляющиеся в путь не стали вооружаться до зубов: они полагались на тайну, а не на удачу в бою. Арагорн взял с собой только Андарил, облачился же в обычную одежду странствующего Следопыта – потрепанную, коричнево-зеленую. У Боромира тоже был при себе меч, очень напоминавший Андарил, но не столь прославленный, а кроме меча – щит и боевой рог.

– Звук у него чистый, громкий и далеко разносится по горным долинам. Заслышав его, враги Гондора сразу обращаются в бегство, – похвалил свой рог Боромир и, поднеся его к губам, протрубил в него²⁴¹. Над долиной, от скалы к скале, заметалось эхо, да такое, что все обитатели Ривенделла, где они в этот миг ни находились, побросали свои дела и вскочили на ноги.

– Остерегайся трубить в рог понапрасну, Боромир, – молвил Элронд. – Не подноси его к устам, пока не окажешься у границ своей страны и пока великая нужда не заставит тебя²⁴²!

– Может, я и послушаю твоего совета, – ответил Боромир. – Но доныне я всегда трубил в него перед тем, как отправиться в поход, протрубил и теперь. Дорога нас ожидает темная, и все же я вступлю на нее как воин, а не как вор!

Только гном Гимли открыто облачился в кольчугу, короткую, из стальных колец: гномы не замечают тяжести. Вместо меча он был вооружен топориком с небольшим широким лезвием.

У Леголаса за спиной висел лук с колчаном, а у пояса – длинный серебристый кинжал. Молодые хоббиты взяли с собой мечи, найденные в древнем Кургане, а Фродо – только Жало; кольчугу, как и советовал Бильбо, он спрятал под одеждой. Гэндальф, как всегда, был при посохе; но на этот раз его снаряжение дополнил эльфийский меч Гламдринг, близнец Оркрита, оставшегося лежать на груди Торина в могиле под Одинокой Горой.

Элронд снабдил всех девятерых теплой одеждой, куртками и плотными плащами с меховой оторочкой. Запасы – еду, одежду, одеяла и прочее – погрузили на пони, того самого несчастного пони, которым хоббиты обзавелись еще в Бри.

Жизнь в Ривенделле сотворила с ним чудо: шерсть на пони прямо-таки блестела, да и задору прибавилось. На том, чтобы выбрать именно его, настоял Сэм: он объявил, что, если Билла (такую он дал кличку своей скотинке) не взять с собой, бедное животное зачахнет с горя.

– Он ведь уже почти говорить научился, – доказывал Сэм. – И заговорил бы, побудь он тут подольше! Так на меня давеча посмотрел, что я сразу все понял. Даже господин Пиппин не смог бы растолковать понятней. «Если ты меня бросишь, Сэм, я пойду один» – вот что это значило!

Итак, Билла взяли за вьючную скотинку. В отличие от остальных участников похода он не выглядел подавленным и, казалось, совсем не тяготился мыслями о предстоящем нелегком пути, хотя имел на это все законные основания.

Прощание произошло в Зале Пылающего Огня; ждали только Гэндальфа, который задерживался в Доме. Из открытых дверей падал свет, в окнах горели неяркие огни. Бильбо, закутанный в плащ, молча стоял на пороге рядом с Фродо. Арагорн сидел тут же, опустив голову на колени, – один Элронд знал, что значит для него расставание с Ривенделлом, особенно на этот раз! Остальные серыми силуэтами маячили в густеющей мгле.

Сэм стоял возле пони, сжав зубы, и мрачно таращился в темноту, откуда доносился грохот ревущей на камнях воды. Жажды приключений он на этот раз совсем не чувствовал.

– Эх, Билл, дружище, – вздохнул он, – нечего тебе было соглашаться на этот поход. Оставался бы здесь, жевал себе сенцо, а там, глядишь, и травка бы проклюнулась...

Билл махал хвостом и помалкивал. Сэм поправил на плечах мешок и, уже в который раз, встревожился – не забыл ли чего? Главное добро – котелки – вроде бы на месте; коробочка с солью, с которой он не расставался и при случае пополнял, там же; добрый запасец курительного зелья (все равно на весь путь не хватит!), трут с огнивом, шерстяные носки, белье, разная мелочишка, оброненная Фродо, – тот, растяпа, хватится, а у Сэма все наготове! Словом, Сэм мысленно перебрал свое добро и успокоился – но тут же подскочил:

– Веревка! Веревка-то! А ведь только вчера вечером думал! «Сэм, – говорю себе, – как насчет моточка бечевки? Придет время, вспомнишь про него, а взять негде!» И вот нате вам! Вспомнить вспомнил, а взять негде, поздно уже!

В дверях появились Элронд с Гэндальфом. Элронд собрал Отряд вокруг себя.

– Вот мое напутственное слово, – негромко произнес он. – Хранитель отправляется в Поход к Горе Судьбы. Бремя Долга лежит на нем одном. Он не имеет права ни выбросить Кольцо, ни передать его кому-либо из слуг Врага, да и никому другому. Никто не должен прикасаться к Кольцу – только членам Отряда и членам Совета это разрешено, да и то лишь в случае суровой необходимости. Спутники Хранителя идут с ним по доброй воле. Ваш долг – помогать Фродо. Каждый из вас может остановиться, вернуться назад, выбрать другую дорогу – это его право: решают обстоятельства. Чем дальше вы уйдете, тем труднее будет вам оставить Отряд, и все же клятвой никто из вас

не связан, равно как и каким-либо обетом. Каждый сам вправе положить предел своему путешествию, ибо никто не знает, где граница его мужества и какие напасти подстерегают на пути.

– Только вероломный говорит «прощай», завидев тьму впереди, – проронил Гимли.

– Может быть, – сказал Элронд. – Но пусть не клянется выстоять во тьме тот, кто еще никогда не видел ночи²⁴³!

– Слово обета может укрепить колеблющегося, – не согласился Гимли.

– Или сломить его, – молвил Элронд. – Не заглядывайте далеко вперед! Идите с легким сердцем. Прощайте! Да будет с вами благословение эльфов, людей и всех Свободных народов! Пусть звезда озарит ваш путь!

– Доброго... доброго пути! – крикнул Бильбо, стуча зубами от холода. – Я не жду от тебя, чтобы ты вел дневник, Фродо, мой мальчик, – это будет не так-то просто! Но с тебя рассказ обо всем, что увидишь, помни! И не слишком задерживайся! Прощай!

Много эльфов из Дома Элронда толпилось неподалеку – они пришли поглядеть на отправление; из сумерек донеслись негромкие голоса, вразнобой напутствовавшие Отряд в дорогу. Никто не смеялся; не было и музыки с песнями. Наконец Девятеро повернулись спинами к порогу, зашагали прочь и быстро растворились во тьме.

Они пересекли мост и медленно, по крутым тропам, поднялись из раздвоенной Ривендельской долины на высокое вересковое плоскогорье, над которым гулял ветер. Бросив прощальный взгляд на Последний Гостеприимный Дом, уютно светившийся в глубине долины, они зашагали в ночь.

У Бруиненского Брода Отряд сошел с Тракта. Друзья решили пробираться на юг узкими тропинками, вдоль гор, от холма к холму – а холмам не было ни конца, ни края. Отряд рассчитывал держаться этого направления много дней и много долгих верст. Суровы были эти места – куда суровее и пустынное, чем по другую сторону хребта, где зеленела долина бегущей через Дикие Земли Великой Реки. Путь обещал быть долгим, зато давал надежду укрыться от недружественных глаз. Соглядатаи Саурана до сей поры нечасто

встречались в этих безлюдных местах, да и троп здешних, кроме обитателей Раздвоенной Долины, почти никто не знал.

Гэндальф шел впереди, рядом с Арагорном. Даже в темноте Следопыт с легкостью находил дорогу среди холмов. Остальные цепочкой растянулись позади; Леголас, как самый зоркий, шел последним. Первые дни не принесли ничего, кроме трудностей и скуки. Фродо запомнил только ветер – ветер да пасмурное небо: солнце так ни разу и не выглянуло. Ледяное дыхание гор пронизывало до костей, от него никакая одежда не спасала. Согреться не удавалось ни в дороге, ни на привале. Спали днем, отыскав какую-нибудь укрытую лощину или забравшись под спутанные ветви терновника, густо росшего по окрестным склонам. Ближе к вечеру часовой будил их, и они обедали – но от этих трапез было мало радости: редко когда друзья решались разжечь костер и отведать горячего. А пообедав, снова пускались в путь, стараясь, сколько позволяла тропа, держаться южного направления.

Поначалу хоббитам – несмотря на то, что они каждый день буквально падали от изнеможения в конце перехода, – казалось, что улитки и те легко обогнали бы их. «Так мы никуда не доберемся», – думали бедняги...

День походил на день как две капли воды. И все же горы стали чуть ближе. Цепь вершин, выгибавшаяся немного к западу, постепенно повышалась; начались предгорья, сухие и голые, прорезанные глубокими долинами, на дне которых бурлили потоки. Отыскать тропу становилось непросто; а те немногие тропки, что попадались на пути, без конца петляли и часто кончались у края крутого обрыва или тонули в коварной трясине.

В начале третьей недели погода переменилась. Ветер внезапно прекратился и через какое-то время задул с севера. Легкие, быстрые облака поднялись выше и растаяли; засияло солнце, бледное и ясное. После изнурительного ночного перехода наступил чистый, холодный рассвет. Путники остановились у невысокого, но длинного гребня, увенчанного остролистами; древние серо-зеленые стволы казались вытесанными из того же камня, что и горы. Темные листья блестели, алые плоды ярко рдели в лучах восходящего солнца.

Далеко впереди Фродо различил в небе туманные громады гор. Левее гигантского хребта поднимались три пика-великана: ближний – он же и самый высокий, в снегах и во льду, – напоминал клык; голый скальный склон оставался еще почти весь в тени, но там, куда падали лучи, камни казались багряными.

Гэндальф, стоявший рядом с Фродо, из-под руки вглядывался в даль.

– Мы сделали хороший переход, – заключил он. – Перед нами – граница страны, которую люди называют Остролистия. В более счастливые времена здесь жил многочисленный эльфийский народ, называвший этот край Эрегион²⁴⁴. Мы преодолели, если считать по прямой, сорок четыре лиги, но на самом деле – гораздо больше. Теперь и земля под ногами будет мягче, и воздух потеплеет. Но думаю, и опасностей прибавится!..

– Прибавится или нет, а настоящий восход – это здорово! – молвил Фродо, откидывая капюшон и подставляя лицо утреннему свету.

– А почему горы вдруг оказались впереди? – растерянно спросил Пиппин. – Мы, наверное, за ночь взяли к востоку?

– Нет, мы идем, как шли, – сказал Гэндальф. – Просто сегодня, при свете дня, видно гораздо дальше. За этими тремя пиками хребет выгибается к юго-западу. В Доме Элронда столько карт – неужели ты ни в одну так и не заглянул?

– Ну почему же, заглянул, – смутился Пиппин. – Заглянул разок-другой. А вот помнить – ничего не помню. У Фродо для таких вещей голова лучше приспособлена.

– А мне карты ни к чему, – подал голос Гимли, который как раз подошел к хоббитам вместе с Леголасом и теперь глядел вперед со странным огнем в глубоко запавших глазах. – Мы в стране, где трудились некогда мои отцы. Очертания этих гор сохранены в камне и металле, в песнях и легендах – как же мне их не узнать? Не первое столетие снятся гномам эти три вершины – Бараз, Зирак и Шатур! Лишь раз в жизни довелось мне взглянуть на них, да и то издали, – но я хорошо знаю эти горы и знаю их имена, ибо под ними раскинулся Казад-дум, Гномьи Рудники, ныне именуемые Черной Бездной. По-эльфийски они зовутся Мория. Самый высокий – Баразинбар Краснорог, он же – свирепый Карадрас; за ним – два пика –

Серебряный и Заоблачный, они же Кэлебдил Белый и Фануидол Серый, по-гномы – Зирак-Зигил и Бундушатур. Дальше Туманные Горы раздваиваются. Меж двух отрогов скрыта глубокая бессолнечная долина, навеки запечатленная в нашей памяти: Азанулбизар, Долина Темных Вод, или Димрилл. Эльфы называют ее Нандуирион.

– Мы как раз туда и направляемся, – сказал Гэндальф. – Если мы поднимемся на перевал, который называется Ворота Краснорога, то с другой стороны сможем спуститься по Ступеням Димрилла в глубокую гномью долину. Там лежит Зеркалье, там бьют ледяные ключи реки Серебряной.

– Темна вода Келед-зарама, и холодны ключи Кибил-налы, – продекламировал Гимли. – Сердце у меня замирает при мысли, что я могу их скоро увидеть!

– Желаю тебе их увидеть, мой добрый гном! – молвил Гэндальф. – Но прости – задержаться там мы не сможем. Нам придется поспешить вниз по течению Серебряной, в потайные леса, а оттуда – к Великой Реке. Ну, а потом... – Волшебник замолк.

– А потом? – потребовал продолжения Мерри.

– А потом – к цели! – провозгласил Гэндальф. – Далеко мы загадывать не можем. Радуйтесь уже тому, что первая часть пути позади! Думаю, сегодня мы отдохнем не только до вечера, но и ночь прихватим. В Остролинии до сих пор целебный воздух. Большое зло должно прийти в эльфийскую землю, чтобы она забыла прежних хозяев!

– Это правда, – подтвердил Леголас. – Но здешние эльфы для нас, лесных жителей, казались чужими. Деревья и трава их не помнят... Правда, я слышу плач камней: *«Из глубины они добыли нас, искусной рукой ограничили нас, в дворцах своих высоко вознесли нас – и ушли навек»*. Они ушли отсюда. Они ушли в Гавань много-много лет назад.

В этот раз Отряд укрылся в глубокой лощине, заросшей остролистом. Разожгли костер, и ужин – или завтрак – получился чуть веселее, чем предыдущие. Никто не спешил укладываться: для сна впереди была еще целая ночь, а в путь собирались тронуться не раньше вечера следующего дня. Только Арагорн молчал и казался озабоченным. Он отошел от костра, взобрался на гребень и долго стоял там в тени дерева, глядя то на юг, то на запад, словно к чему-то

прислушиваясь. Наконец он повернулся, подошел к обрыву и посмотрел вниз, на своих спутников, увлеченных веселой беседой.

– Что там такое, Бродяга? – окликнул его Мерри. – Что ты ищешь? Скучаешь по восточному ветру?

– Никоим образом, – ответил тот сверху. – Но кое-чего мне и в самом деле недостает. Я бывал в Остролинии не раз, и зимой, и летом. Здесь давно никто не селится, но живности, особенно птиц, всегда было сколько угодно. А теперь все мертво, все молчит, кроме нас. На много верст вокруг царит тишина. Доносится только эхо ваших голосов, да и то какое-то необычно гулкое. Не могу понять – что произошло?

Гэндальф поднял глаза, неожиданно заинтересовавшись.

– А что ты сам об этом думаешь? – спросил он. – Может, увидев хоббитов, да еще сразу четверых, здешние твари просто не могут прийти в себя от удивления? Обо всех нас уже не говорю – ведь тут почти никто не бывает! Или за этим, по-твоему, кроется что-нибудь еще?

– Хотелось бы думать, что нет, – покачал головой Арагорн. – Но я чувствую во всем настороженность и страх, а такого раньше за этой землей не водилось.

– Что ж, будем осторожнее, – сказал Гэндальф. – Если берешь с собой Следопыта, не вредно к нему иногда прислушиваться, особенно если этот Следопыт – Арагорн. Давайте-ка кончать громкие разговоры. Старайтесь не шуметь. И выставим на всякий случай часового.

Первая стража выпала Сэму. Арагорн к нему присоединился. Все остальные легли.

Постепенно стало так тихо, что неладное почувствовал и Сэм. Дыхание спящих разносилось небывало отчетливо. Если пони махал хвостом или переступал с ноги на ногу, звук получался неожиданно громким. Прохаживаясь, Сэм слышал, как хрустят его собственные суставы. Мертвая тишина установилась вокруг; чистое синее небо довершало картину. Солнце поднималось все выше. Вдруг далеко на юге голубизну нарушило темное пятнышко; оно двигалось к северу и постепенно росло, напоминая летящий по ветру дымок.

– Что это, а, Бродяга? Сдается мне, таких туч не бывает, – шепнул Сэм на ухо Арагорну.

Тот не ответил: он пристально вглядывался в небо. Но Сэм вскоре и сам понял, что это. По небу, делая широкие круги и зигзаги, с огромной скоростью летели птицы, что-то выискивая на земле. Стая неслась прямо к лагерю.

– Ложись и не двигайся! – шепнул Арагорн, толкая Сэма в тень остролиста.

От птичьей армии вдруг отделился целый полк и, резко снизившись, промчался над самым гребнем. Сэму показалось, что это вороны, только очень большие. Летели они так плотно, что по земле за ними черным пятном неслась тень, а голоса сливались в сплошное хриплое карканье.

Арагорн дождался, пока птицы разделились на две стаи и скрылись на севере и западе, а небо очистилось. Только тогда он вскочил на ноги и поспешил разбудить Гэндальфа.

– Меж горами и Хойрой летают стаи черных ворон, – сказал он ему встревоженно. – Мы видели их – здесь, над Остролистной. Но это не здешние птицы. Это кребаин. Они гнездятся где-то в Фангорне и Тусклоземье. Что им тут понадобилось – я не знаю. Может, конечно, на юге что-то случилось и они спешат покинуть место бедствия, но мне кажется – это соглядатаи. Вдобавок сегодня я видел еще и ястребов... Видимо, отдыхать нам нельзя. Воздух Остролистной перестал быть целебным. За этими краями следят.

– Но тогда и перевал не безопасен, – нахмурился Гэндальф. – Как сделать, чтобы нас не заметили? Понятия не имею... Впрочем, об этом подумаем в свое время. А пока ты прав: уходить надо, и немедленно. Вот толькождемся темноты.

– Наше счастье, что костер не дымил и успел прогореть, когда они налетели, – сказал Арагорн. – Придется его загасить окончательно. С кострами теперь покончено.

– Вот горе, так уж горе! – причитал Пиппин. Новости – отмена костров и новый ночной переход – свалились на него как снег на голову, он даже глаз не успел протереть. – И все из-за десятка ворон! А я-то думал – вечером горяченького дадут! Так надеялся!

– Не теряй надежды, – сказал Гэндальф. – Тебе еще предстоит много неожиданных пиршеств. Разочарование постигло не только тебя!

Я, например, мечтал спокойно покурить и отогреть ноги... Но на юге будет гораздо теплее. Этого у нас никто не отнимет.

– Знаем мы это «теплее», – проворчал Сэм на ухо Фродо. – Вот что дальше нам жарко придется – это точно. Кстати, не пора ли нам уже увидеть эту Огненную Гору? И где конец дороги? Вы меня понимаете? Я думал про этот самый Краснорог, или как его там, что это уже она и есть, но Гимли сказал, что он называется как-то иначе, не Огненная Гора. Ну и язык у гномов! Челюсть можно свернуть!

Простодушному Сэму карты не говорили ничего, а расстояния в этих чужих землях казались ему такими огромными, что он совершенно запутался.

Отряд оставался в укрытии до захода солнца. Черные птицы не раз еще пролетали над ложиной, но стоило диску солнца налиться багрянцем, как они скрылись за южным горизонтом и больше не появлялись. В сумерках Отряд выступил. Повернув на юго-восток, Девятеро Пеших направились к подножию Карадраса, вершина которого еще отсвечивала тускло-красным в свете исчезнувшего солнца. Небо теряло синеву, одна за другой загорались белые звезды.

Под предводительством Арагорна путники выбрали на вполне сносную дорогу. Фродо догадывался, что здесь в древности пролегал широкий, искусно вымощенный тракт, ведущий когда-то на перевал. Луна, теперь уже совсем полная, выплыла из-за гор, бросая на дорогу бледный свет; от камней протянулись черные тени. Многие из этих камней побывали, казалось, в руках мастера-каменотеса, но теперь они были как попало разбросаны по голой, бесплодной земле, разбитые и потерявшие прежний облик.

Был зябкий, студеный час перед рассветом, и луна уже садилась, когда Фродо, взглянув на небо, вдруг увидел – или, скорее, почувствовал, – что звезды над головой на мгновение исчезли – хотя, правда, тут же замерцали вновь. У хоббита по коже пробежал озноб.

– Ты видел что-нибудь? – шепнул он Гэндальфу, шедшему впереди.

– Нет, ничего не видел, но что-то, кажется, почувствовал, – отозвался тот. – Впрочем, может, это было просто облачко.

– Что-то быстро оно летело, это облачко, – пробормотал Арагорн. – И к тому же против ветра.

В ту ночь ничего больше не произошло. Утро встало еще более ослепительное, чем вчера, но воздух был холоден; ветер вернулся и дул, как прежде, на восток. Минули еще две ночи пути; дорога неуклонно шла вверх, огибая холмы, и Отряд продвигался медленно. И все же горы постепенно росли. На третье утро прямо перед путниками встал Карадрас – могучий, посеребренный снегом, с гладкими отвесными стенами, тускло-красными, словно запекшаяся кровь.

Небо хмурилось; солнце пропало. Ветер задул с северо-востока. Гэндальф принялся к ветру и огляделся.

– За нами идет зима, – сказал он негромко Арагорну. – На северных вершинах сегодня еще больше снега, чем вчера: посмотри туда – у них уже и плечи побелели. Сегодня мы начнем подниматься к Воротам. Тропа узкая, нас могут заметить, и нам придется несладко. Но самый грозный враг – погода. Что ты теперь скажешь о выбранном тобой пути, Арагорн?

Фродо услышал эти слова и понял, что Гэндальф с Арагорном продолжают какой-то спор, начатый явно не сегодня. Он напряг слух, чтобы разобрать ответ Арагорна.

– Наш путь с самого начала ничего хорошего не обещал, – отозвался тот. – Чем дальше, тем больше будет у нас на пути опасностей, в том числе непредсказуемых. Тебе ли этого не знать, Гэндальф? Но мы должны идти вперед, должны перебраться через горы, и нет смысла оттягивать. А на юг, до самой Роханской Щели, перевалов больше не будет. Кроме того, после твоего рассказа о Сарумане я этой дороге больше не доверяю. Как знать, кому сегодня служат Повелители Лошадей?

– И впрямь – как знать? – отозвался Гэндальф. – Но есть еще один путь, не через перевал: тайный, темный путь. Мы с тобой о нем уже вспоминали.

– Вспоминали, но пока больше не будем. Подожди! И прошу тебя: ничего не говори остальным, пока мы сами не убедимся, что другой дороги нет.

– Но если мы не примем решения, как идти дальше? – возразил Гэндальф.

– Будем думать и взвешивать. Пока остальные спят, время еще есть, – ответил Арагорн.

Ранним вечером, пока семеро остальных участников похода заканчивали завтрак, Гэндальф с Арагорном отошли в сторону и остановились, глядя на Карадрас. Скалы потемнели и насупились; вершина скрылась в сером облаке. Фродо наблюдал за Гэндальфом и Арагорном, пытаясь понять, кто из них кого убедил. Когда они вернулись и Гэндальф объявил, что решено вступить в борьбу с непогодой и перевалом, у Фродо отлегло от сердца. Он не знал, что это за тайный, темный путь, о котором говорил Гэндальф, но Арагорн избегал даже упоминать о нем, и Фродо был рад, что идти туда пока не надо.

– Многое говорит за то, что перевал под наблюдением, – сказал Гэндальф спутникам. – Кроме того, мне не по душе погода. Нас может догнать снег. Идти мы должны быстро, но раньше, чем через две ночи, до перевала нам не добраться. Сегодня стемнеет рано. Как только все будут готовы – сразу выходим.

– Если мне позволят, я добавлю пару слов от себя, – сказал Боромир. – Я родился в тени Белых Гор и кое-что знаю о том, как взбираться на перевалы. Наверху нас ждет сильнейший холод, если не мороз, а пока мы не спустимся на ту сторону, согреться будет негде. Как бы нам не перегнуть палку и не замерзнуть до смерти! Послушайте мое предложение. Вокруг еще попадают деревья и кусты. Пусть каждый из нас наберет по вязанке хвороста – кто сколько унесет!

– А Билл возьмет самую большую, правда, дружок? – И Сэм потрепал скотинку по морде. Пони посмотрел на него скорбно.

– Отлично, – одобрил Гэндальф. – Но костер будем жечь, только если окажемся перед выбором – огонь или смерть.

Отряд двинулся дальше – сначала быстро, потом все медленнее: дорога становилась круче, петляла, а часто и вовсе пропадала под нагромождениями камней. Ночь выдалась – хоть глаз выколи. Небо обложили плотные тучи. Меж скал свистал ветер. К полуночи путники одолели около четверти подъема. Дорога, превратившаяся в узкую тропу, жалась к отвесным скалам, за которыми угадывалась во тьме мрачная громада Карадраса; справа зияла черная пропасть.

С трудом вскарабкавшись на очередную кручу, путники ненадолго остановились. Вдруг Фродо почувствовал на лице легкое

прикосновение. Он поднял руку и увидел у себя на рукаве тускло-белые хлопья.

Отряд двинулся дальше, но вскоре снег повалил так, что Фродо едва различал темные сутулые спины Гэндальфа и Арагорна, шедших всего в нескольких шагах перед ним.

– Не по нраву мне вся эта затея, – ворчал за спиной запыхавшийся Сэм. – Снег хорош утром, особенно когда смотришь на снежинки в окно, из постели. Эх, эти бы тучи – да в Хоббитон! Вот наши бы порадовались!

В Заселье сильные снегопады были редкостью, если не считать возвышенностей Северного Предела; но если снег все же выпадал, это становилось настоящим событием, а кстати, и поводом для веселья. Из теперешних хоббитов никто уже (кроме Бильбо) не помнил Лютой Зимы 1311 года, когда в Заселье через замерзший Брендивин вторглись белые волки.

Гэндальф остановился. Снег целыми сугробами лежал у него на плечах и капюшоне и по щиколотку закрывал сапоги.

– Этого я и боялся, – сказал он. – Что скажешь, Арагорн?

– Скажу, что я тоже этого боялся, но меньше, чем других напастей. В горах бывают снегопады, хотя тут, на юге, такие сильные – редкость, разве что ближе к вершинам. Но нам до вершины еще далеко, и тропы здесь обычно открыты всю зиму.

– Не Вражьи ли это чары? – предположил Боромир. – У нас говорят, что Враг умеет управлять ветрами и рассылает по свету черные бури, что рождаются в Горах Мрака, которые стоят на границе Мордора. У него в подчинении неведомые силы, и у него нет недостатка в союзниках.

– Тогда у него выросли длинные руки, – сказал Гимли. – Иначе он не смог бы перегнуть с севера на юг целую снежную тучу только для того, чтобы досадить каким-то путникам за триста лиг от его замка!

– Да, у него выросли длинные руки, – отозвался Гэндальф.

Пока они стояли, ветер утих, а снег почти прекратился. Путники побрели дальше, но не одолели и полуверсты, когда метель забушевала с новой яростью. Дико завыл ветер, снег полетел прямо в глаза. Вскоре даже Боромиру стало трудно передвигать ноги. Хоббиты шли, согнувшись в три погибели; они еще худо-бедно поспевали за людьми, но было ясно, что далеко они не уйдут. Ноги у Фродо налились

свинцом. Пиппин начал отставать. Даже Гимли, крепкий, как все гномы, что-то ворчал на ходу.

Отряд остановился внезапно и не сговариваясь, словно по команде. Тьма вокруг исступленно завывала. Ветер? Но в ушах звучал не ветер, а пронзительные вопли и взрывы дикого заунывного хохота. Со склона посыпались камни; одни проносились над головой, другие грохались на тропу в двух шагах от идущих. То и дело с невидимой высоты доносился глухой рокот, словно сверху катилась оторвавшаяся от скалы огромная глыба.

– Пора останавливаться, – сказал Боромир. – Пусть, кто хочет, называет это ветром, но я слышу голоса, а камни целят не куда-нибудь, а в нас.

– Я все-таки считаю, что это ветер, – сказал Арагорн. – Но и ты можешь оказаться прав. В мире много злых и далеко не дружелюбных сил, которые не больно-то жалуют двуногих, хотя эти силы не обязательно в союзе с Сауроном. У них свои цели. Многие из них поселились в Средьземелье задолго до него.

– О Карадрасе всегда шла дурная слава, – вспомнил Гимли. – Он слыл свирепым еще в те времена, когда в этих землях о Сауроне и не слыхивали.

– Не все ли нам равно, с кем мы сражаемся, если враг нас одолевает? – вздохнул Гэндальф.

– Что же делать? – жалобно пискнул Пиппин. Он стоял, держась за Мерри и Фродо, и весь дрожал.

– Остаться, где стоим, или вернуться, – сказал Гэндальф. – Идти вперед нельзя. Чуть выше, если я верно помню, тропа отойдет от утеса, и мы окажемся в широком распадке, а там начнется долгий и трудный подъем. Там не укрыться ни от снега, ни от камней, ни от чего-нибудь похуже.

– Возвращаться в такую бурю тоже непросто, – добавил Арагорн. – К тому же лучшего укрытия, чем этот утес над нами, по пути не попадалось.

– Хорошенькое укрытие! – пробурчал Сэм себе под нос. – Если стена без крыши – уже дом, то это, конечно, отличное укрытие, что и говорить!

Все сгрудились, прижимаясь к утесу. Скала смотрела на юг и чуть-чуть наклонялась вперед, особенно внизу, у дороги; худо-бедно, а какую-то защиту от северного ветра и камней это давало. Но вихрь налетал со всех сторон сразу, и снежные смерчи закручивались все гуще. Путники придвинулись друг к другу как можно ближе, стараясь согреться. Пони Билл терпеливо, но с крайне подавленным видом стоял перед хоббитами, отчасти заслоняя их от ветра; снег доходил ему уже до колен и поднимался все выше. Не будь с ними таких великанов, как Боромир и Арагорн, хоббиты уже давно оказались бы погребены под снегом.

На Фродо напала страшная сонливость. Он почувствовал, что его обволакивает теплая туманная дрема. Он грел ноги у камина – и вдруг из темного угла зазвучал голос Бильбо. «Не ахти у тебя дневник, прямо скажем! *«Двенадцатое января – снегопад»*. И ты вернулся только для того, чтобы рассказать об этом? Ну, знаешь, игра не стоила свеч!»

– Я хотел отдохнуть и немного поспать, Бильбо, – с усилием ответил Фродо, но вдруг почувствовал, что его трясут, и очнулся. Переход к яви был мучительным. Оказалось, он прикорнул в сугробе, как в снежном гнездышке, и задремал – но Боромир вовремя заметил это.

– Невеличкам тут смерть, Гэндальф, – сказал Боромир. – Что толку сидеть и ждать, пока снег завалит нас с головой? Надо что-то делать, иначе нам отсюда не выбраться.

– Дай им по глотку вот этого, – откликнулся Гэндальф. Он порылся у себя в мешке и достал кожаную флягу. – Это очень ценный напиток – *мирувор*, укрепляющий эликсир из Имладриса. Его подарил мне при расставании Элронд. Пусти по кругу!

Хлебнув теплого, ароматного бальзама, Фродо почувствовал в себе новые силы. Дрема, ватная и тяжелая, исчезла бесследно. Остальные тоже приободрились; вернулись надежда и сила. Но снег от этого не прекратился. Метель бесновалась еще пуще, и рев ветра усилился.

– Как насчет костра? – вдруг предложил Боромир. – Вопрос, кажется, именно так и стоит, как ты говорил, Гэндальф: огонь – или смерть. Конечно, под сугробами враги нас навряд ли заметят, но нам-то это уже не поможет!

– Что ж, разжигай, если сумеешь, – согласился Гэндальф. – Если есть у Врага соглядатаи, способные выдержать такую бурю, они нас видят и безо всякого костра!

Но хотя, как советовал Боромир, они взяли с собой дрова и растопку, ни эльфу, ни даже гному не удавалось сохранить выкресанную искру: вихрь тут же задувал ее, да и дерево отсырело. Наконец Гэндальф, с большой, правда, неохотой, взялся за дело сам. Подняв одну из вязанок, он подержал ее на весу и с возгласом «*Наур ан эдраит аммэн!*» вонзил в нее посох. Из вязанки вырвалось голубое и зеленое пламя. Хворост вспыхнул и затрещал.

– Если кто-нибудь за нами наблюдает, для него больше не секрет, что я тоже участвую в походе, – вздохнул волшебник. – Это было все равно что начертать в облаках огненными буквами: «Здесь был Гэндальф». От Ривенделла до устья Андуина эти буквы прочтет любой невежда.

Но Отряду было не до соглядатаев. Все радовались огню. Дрова горели весело; метель завывала по-прежнему, под ногами путников образовалась лужа, но они, не обращая внимания, сгрудились вокруг костра и с наслаждением грели руки над маленькими пляшущими язычками. На усталых, озабоченных лицах играло красное пламя; за спинами черной стеной сомкнулась ночь.

Но дрова прогорали быстро, а снег все падал и падал.

Пламя едва перебегало по золе. Догорала последняя ветка.

– Ночь на исходе, – сказал Арагорн. – До рассвета недолго.

– Если только рассвет пробьется сквозь эти тучи, – возразил Гимли.

Боромир шагнул в сторону от костра и взгляделся в черноту.

– Метель успокаивается, – сказал он. – И ветер уже не тот.

Фродо устало глядел на снежинки: они все летели и летели в круг света, на миг вспыхивая над умирающим костром и пропадая. Непохоже было, чтобы что-то менялось... И вдруг, стряхнув сонное оцепенение, хоббит понял, что ветер прекратился, а хлопья стали крупнее и падают гораздо реже. Медленно, очень медленно среди камней разливался тусклый свет утра. Наконец снегопад прекратился.

Ночь отступила, и глазам предстал молчаливый, укутанный в снега мир. Внизу, над бесформенными провалами, бугрились белые

холмы и купола. Тропа исчезла. Вершины скрылись в тучах, которые по-прежнему таили угрозу.

Гимли взглянул вверх и покачал головой.

– Карадрас не простил нас, – сказал он. – У него еще много снега в закромах. Если мы пойдем дальше, он за этим добром не постоит. Чем скорее мы вернемся вниз, тем лучше.

Все согласились с этим, но отступление обещало новые трудности. Вполне могло оказаться, что дорога вниз закрыта. Уже в двух шагах от кострища высились нетронутые сугробы в несколько локтей вышиной, такие, что хоббиты провалились бы в них с головой. Кое-где вздымались целые горы свеженанесенного снега.

– Пусть Гэндальф пойдет впереди с огнем и расчистит для вас тропу, – предложил Леголас. Он один сохранял спокойствие: что буря, что снег – эльфам стихии нипочем.

– Пусть лучше эльфы слетают за горы и подбросят нам солнышка, – откликнулся Гэндальф. – Я могу поджечь хворост, но снег – извините!

– Ничего страшного, – вмешался Боромир. – Когда ум сдается, очередь за телом – так говорят в Гондоре. Пусть самые сильные идут впереди и прокладывают дорогу. Смотрите: сейчас все под снегом, но я помню, что дорога ведет вон туда, к тому утесу, а там поворачивает. Снег усилился до того, как мы повернули. Может, там, за утесом, сугробы не такие высокие? Если прикинуть, до поворота всего с полверсты, не больше.

– Ну что ж, попробуем пойти вместе, ты и я, – молвил Арагорн.

Арагорн был в Отряде самым высоким, но Боромир казался крепче и шире в плечах. Он пошел впереди, Арагорн – за ним. Это была тяжелая, изнурительная работа. Местами снег доходил до груди, и Боромиру приходилось разгребать его руками; казалось, что он не то плывет по белым волнам, не то роет туннель.

Леголас смотрел на них с улыбкой на губах и наконец обернулся к товарищам:

– Значит, дело за тем, кто сильнее? А я скажу так: оставьте пашню – пахарю, воду – выдре, а листья, траву и снег – эльфу!

И он легко, не проваливаясь, побежал вперед. Фродо словно впервые заметил – хотя знал об этом и раньше, – что на ногах у эльфа

не сапоги, а туфли на тонкой подошве, почти не оставляющие следов на снегу.

– Счастливо! – прокричал Леголас Гэндальфу. – Я пошел за солнышком!

Эльф помчался вперед, словно под ногами у него был не снег, а утоптаный песок. Он быстро перегнал Боромира с Арагорном, с великим трудом разгребавших сугробы, помахал им рукой и вскоре пропал за поворотом.

Остальные глядели вслед Боромиру с Арагорном, пока их головы не превратились в две черные точки на снегу. Вскоре и точки пропали из виду. Время шло. Тучи снова опустились, к ногам порхнуло несколько снежинок.

Прошло около часа (хотя хоббитам этот час показался вечностью), прежде чем вдали замаячил силуэт Леголаса. Следом за эльфом из-за утеса показались Боромир с Арагорном, с трудом бредущие вслед.

– Вот и я! – воскликнул, подбегая, эльф. – Увы! Солнышка я не раздобыл. Оно пасется на голубых пажитях Юга, и снежный венчик, которым вздумала себя украсить гора по прозванию Краснорог, его совершенно не волнует. Но есть надежда и для тех, кто обречен ходить по земле! За поворотом наносы самые высокие. Там наши силачи едва не утонули. У них уже опустились руки, но тут вернулся я и сказал им, что главный сугроб не толще стенки. Там, по другую сторону, снега почему-то меньше, а ниже по тропе и говорить не о чем – так, белый коврик, чтобы остудить нашим хоббитам пятки, и больше ничего.

– Что я говорил?! – торжествовал Гимли. – Это был не просто буран! Карадрас желает нам зла. Он не жалуется гномов и эльфов, и сугроб этот он навалил для того, чтобы отрезать нам путь назад!

– Твой Карадрас, на наше счастье, забыл, что, кроме гномов и эльфов, в Отряде есть люди, – усмехнулся Боромир, который был уже так близко, что смог расслышать последние слова гнома. – И не слабого десятка, если мне позволено будет сказать так о нас с Арагорном – хотя пара обычных людей с лопатами была бы тут гораздо полезней! И все же дорогу сквозь наносы мы проторили. Кто не умеет бегать по снегу, как Леголас, – пусть благодарит нас!

– Ну, хорошо, вы прорыли себе тропинку через сугробы, но мы-то как сквозь них проберемся? – спросил Пиппин, выразив тайные

опасения всех хоббитов.

– Прoberетесь! – успокоил Боромир. – Я устал, но силы у меня еще есть, и у Арагорна тоже. Тех, кто поменьше, мы отнесем. Остальные пойдут следом – тропа уже будет достаточно утоптана. А ну-ка, достойный Перегрин, пожалуйста сюда! Начнем с вас.

Он взял хоббита на закорки.

– Держись покрепче! Руки мне понадобятся, – велел он и зашагал вперед. Арагорн, посадив на плечи Мерри, последовал за ним. Пиппин поразился мощи гондорца, видя, какую тропу Боромир проложил в снегу, – а ведь, кроме собственных рук, у него не было никакого, даже самого завалящего орудия! Даже теперь, с грузом на плечах, Боромир продолжал походя расчищать дорогу для тех, кто шел позади, утаптывая и разгребая снег.

Наконец перед ними вырос исполинский сугроб. Это была настоящая стена, отвесная и грозная. Обращенная к путникам сторона сугроба, гладкая, словно ее срезали ножом, была чуть ли не вдвое выше Боромира, но посреди снежного бастиона уже был сделан проход. Сначала вверх, потом вниз, как по мостику, – и Пиппин с Мерри очутились по ту сторону.

Там их опустили на землю, и они, в компании с Леголасом, остались поджидать остальных.

Через некоторое время Боромир вернулся, неся на плечах Сэма. За ним по узкой, но уже основательно утоптанной тропе следовал Гэндальф, ведя за собой Билла, на спине которого среди вьюков и кулей уместился Гимли. Последним спустился Арагорн, на плечах у него сидел Фродо; они благополучно миновали мостик, но не успел Фродо коснуться ногой тропы, как сверху с оглушительным гулом покатались камни вперемешку со снегом. Полуослепших путников откинуло к скале. Когда снежная пыль осела, все увидели, что проход исчез.

– Хватит, хватит! – закричал Гимли. – Мы уходим! Мы не можем быстрее!

Но с этим последним ударом гора, похоже, исчерпала свою злобу; Карадрас, казалось, удовлетворился тем, что пришельцы побеждены и обратно сунуться не посмеют. Тучи, угрожавшие новым снегопадом, слегка поднялись; стало светлее.

Как и говорил Леголас, слой снега постепенно сошел на нет; теперь даже хоббиты шагали без помех. Вскоре Отряд уже стоял на той самой площадке над крутизной, где прошлым вечером они почувствовали на лицах первые снежинки.

Начинался день. Путешественники смотрели вниз, на запад: с площадки открывался хороший обзор. Там, за каменными нагромождениями, скрывавшими подножия горы, лежала долина, откуда вчера они начали свое восхождение.

Ноги у Фродо ныли от усталости. Он промерз до костей и проголодался, при одной мысли о предстоящем трудном спуске у него кружилась голова. Перед глазами плыли черные точки. Он протер один глаз, другой... Точки не исчезали. Внизу, в пропасти, но все же довольно высоко над землей, в воздухе кружились какие-то темные крапинки.

— Опять птицы! — молвил Арагорн, показывая вниз.

— Теперь делу уже не поможешь, — отозвался Гэндальф. — Враги нам эти птицы, или они нам друзья, или им нет до нас никакого дела — нам нужно поскорее спуститься, вот и все. Что бы там ни было, следующую ночь мы должны встретить подальше от Карадраса.

Холодный ветер толкнул их в спину. Отвернувшись от перевала, путники устало побрели вниз. В этой битве Карадрас вышел победителем.

Глава четвертая

Путь во тьме

Вечерело: серый дневной свет быстро мерк. Отряд остановился на ночлег. Все смертельно устали. Вскоре сумерки скрыли от глаз хмурую громаду горы. Ветер пробирал до костей. Гэндальф выделил каждому еще по глотку *мирувора* и после ужина созвал всех вместе.

– Сегодня ночью мы, конечно, уже никуда не пойдем, – сказал он. – Штурм Карадраса отобрал у нас все силы. Нужно отдохнуть.

– А потом? – спросил Фродо.

– Наш Поход еще не кончился. Мы должны выполнить свою задачу, – ответил Гэндальф. – У нас нет выбора – разве что вернуться в Ривенделл.

При словах «вернуться в Ривенделл» лицо Пиппина заметно просветлело, а Мерри и Сэм с надеждой подняли глаза. Арагорн и Боромир не шелохнулись. Фродо встревожился.

– Я бы хотел, конечно, опять там оказаться, – признался он. – Но ведь мне, наверное, будет стыдно? Или другой дороги и правда нет? Неужели мы проиграли – вот так, сразу?

– Ты прав, Фродо, – подтвердил Гэндальф. – Вернуться – значит признать поражение и ждать следующего, окончательного, которое будет куда страшнее. Если мы вернемся, Кольцо уже не уйдет из Ривенделла. Второй раз выйти мы не сможем. А потом, рано или поздно, Ривенделл будет осажден и через малое число дней, которые будут горькими и трудными, падет. Кольцепризраки – страшные враги, но, если Кольцо Власти снова окажется на руке их хозяина, они возымеют силу поистине чудовищную...

– Значит, надо идти, если найдется дорога, – вздохнув, сказал Фродо, а Сэм снова впал в самое мрачное расположение духа, на какое был способен.

– Я знаю одну дорогу, на которой мы можем попытать удачи, – сказал Гэндальф. – Я помнил о ней с самого начала. Но это прогулка не из увеселительных, и я не стал говорить о ней никому, кроме Арагорна. Однако Арагорн сразу воспротивился и настоял, чтобы мы попробовали подступиться к перевалу, – хотя бы попробовали...

– Если твоя дорога еще хуже, могу себе представить, чем все это пахнет, – поежился Мерри. – Говори уж! Про самое страшное лучше знать сразу.

– Речь идет о Морийских Копях, – сказал Гэндальф.

При этих словах Гимли – один из всех – поднял голову; глаза его вспыхнули затаенным огнем. Остальные понурились, не скрывая страха. Даже в Заселье с этим именем связывались какие-то смутные и ужасные сказания.

– Хорошо, допустим, мы найдем дорогу в Морию. Но кто может быть уверен, что мы найдем дорогу из Мории? – спросил наконец Арагорн, темнея лицом.

– Мория – мрачное имя! – покачал головой Боромир. – Но я не понимаю, почему мы обязательно должны идти именно туда? Если путь через горы нам заказан, отправимся на юг, к Роханской Щели; там живет народ, с которым дружен Гондор, через земли которого я скакал в Имладрис. А можно спуститься вдоль Исены, переправиться через нее и попасть в Гондор с юга, через Приморье – Длиннобережье и Лебеннин.

– С тех пор как ты пересек Роханские степи, многое изменилось, Боромир, – возразил Гэндальф. – Разве ты не слышал моего рассказа о Сарумане? Я еще, возможно, найду случай с ним побеседовать. Но Кольцо не должно показываться вблизи Исенгарда, и наш долг – предотвратить это. Пока мы сопровождаем Хранителя, Роханская Щель для нас закрыта. Что же до второго пути, более длинного, то у нас просто нет времени идти круговой дорогой. Мы можем потерять на этом целый год. И хотя путь наш ляжет через пустынные и бесприютные земли, это вовсе не значит, что нас там не выследят. На тех землях скрещиваются взгляды обоих наших врагов. Когда ты спешил на север, Боромир, ты не волновал Саурона – что для него случайный странник-южанин, когда идет охота за Кольцом? Но теперь ты – член Отряда, сопровождающего Кольцо. Пока ты с нами, ты в опасности, и опасность растет с каждым шагом. Не забудь, что мы в открытую пытались подняться на перевал! После этого наш поход стал, боюсь, еще безнадежнее. Как нам спастись? Способ, думается мне, только один: исчезнуть, спутать следы! Вот почему я предлагаю идти не через горы и не в обход их, а под ними! По крайней мере это будет шаг, которого Враг от нас никак не ожидает.

– Откуда нам знать, чего он ожидает? – Боромира слова Гэндальфа убедили не до конца. – А вдруг он следит за всеми дорогами, даже за теми, на которых не думает с нами встретиться? Тогда Мория станет для нас ловушкой. Уж лучше пойти и прямо постучаться в двери Черного Замка. Темное это имя – Мория!

– Морию с крепостью Саурана нечего даже и сравнивать, – возразил Гэндальф. – Ты не знаешь, о чем говоришь. Из вас только я один побывал в подземельях Черного Властелина, да и то в Дол Гулдуре, старом его логове, которое по сравнению с Мордором – просто ничто. Тот, кто вошел в ворота Барад-дура, назад не возвращается, но я не звал бы вас в Морию, если бы не надеялся вывести наружу. Если там расплодились орки, это может выйти нам боком – что правда, то правда. Но большинство морийских орков рассеялось по Средьземелью или погибло в Битве Пяти Воинств. Орлы, правда, говорили мне, что орочьи племена снова стягиваются к Туманным Горам, но есть надежда, что до Мории они еще не добрались. Зато мы можем найти там гномов! Что, если там, в глубинных залах своих отцов, Гимли встретит Балина, сына Фундина? А если даже и нет – раз нужда гонит нас на этот путь, придется вступить на него!

– Я вступлю на него вместе с тобой, Гэндальф, – сказал Гимли. – Я хочу увидеть чертоги Дьюрина, что бы меня там ни ожидало – если только ты отыщешь закрытые Ворота.

– Прекрасно, Гимли! – воскликнул Гэндальф. – Спасибо за поддержку! Мы пойдем вместе и отыщем Ворота. И мы выйдем из Мории! В развалинах гномьего царства гном скорее сохранит самообладание, чем эльф, человек или хоббит. К тому же я не впервые иду в Морию. Я был там, когда разыскивал пропавшего Траина, сына Трора, – разыскивал долго и безуспешно. И, как видите, остался жив!

– Я тоже прошел однажды воротами Димрилла, – сказал Арагорн негромко. – Мне тоже удалось остаться в живых, но я сохранил о Мории недобрую память. Я не хочу идти туда во второй раз.

– А меня и в первый не тянет, – вставил Пиппин.

– Меня тем более, – пробормотал Сэм.

– В этом нет ничего странного, – сказал Гэндальф. – Туда никого не тянет. Но я ставлю вопрос иначе: кто пойдет за мной, если я позову вас в Морию?

– Я! – не раздумывая отозвался Гимли.

– И я, – тяжело проговорил Арагорн. – Ты последовал за мной на Краснорог и, хотя в итоге мы чуть было не погибли в снегу, не сказал мне ни слова упрека. Если ты меня не слушаешь, я последую за тобой в Морию. Но я предупреждаю тебя в последний раз. Я боюсь не за Кольцо, Гэндальф, и не за Отряд, а за тебя. И я говорю тебе: если ты переступишь порог Мории – берегись!

– Я против, – сказал Боромир. – Я пойду только в том случае, если пойдут все. Слово за Леголасом и за теми, кто меньше ростом и слабее. Надо думать, мы услышим и голос Хранителя Кольца?

– Я не хочу идти в Морию, – просто сказал Леголас.

Хоббиты молчали. Сэм глядел на Фродо. Наконец тот проговорил:

– Я тоже не хочу туда идти, но совет Гэндальфа отвергать негоже. Давайте отложим этот разговор до утра. Гэндальфу легче будет нас уговорить при свете солнца, чем сейчас, когда так темно и холодно. Один ветер чего стоит! Прямо вой какой-то.

Разговор смолк, все задумались. В деревьях и скалах свистел ураган, ночные просторы выли и стонали.

Вдруг Арагорн вскочил:

– Если это ветер, то этот ветер воет волчьими голосами! Варги! На запад проникли варги!

– Ну так как, будем дожидаться рассвета? – откликнулся Гэндальф. – Все идет, как я говорил. Охота началась! Если мы и доживем до утра, далеко ли мы уйдем завтрашней ночью?

– Сколько лиг отсюда до Мории? – спросил встревоженный Боромир.

– Если говорить о том входе, что к юго-западу от Карадраса, то в прежние времена до него было вороньего лету верст двадцать, а волчьего скоку – и все тридцать, – мрачно ответил Гэндальф.

– Тогда с рассветом – в путь, если повезет, – молвил Боромир. – Кто в пасти у волка, тому не до орка!

– Воистину, – отозвался Арагорн, высвобождая меч, но не вынимая его из ножен. – Но есть и другая пословица: если рядом воет волк, значит, близко рыщет орк!

– Надо было слушать Элронда, – прошептал Пиппин Сэму. – В итоге от меня получается мало толку. Похоже, мне от Бандобраса

Волынщика совсем ничего не перепало. У меня от этого воя прямо кровь стынет в жилах. В жизни мне не было так плохо!

– У меня сердце как ушло в пятки, так там и сидит, – тоже шепотом ответил Сэм. – Но если подумать, господин Пиппин, нас ведь еще не сожрали, и тут есть кое-кто, кого им так просто не слопать. Что бы судьба ни припасла для старины Гэндальфа, спору, что волчьему брюху он не достанется!

Для лучшей защиты Отряд обосновался на верхушке небольшого холма, под склоном которого они укрывались от ветра. На холме тесно стояло несколько деревьев, старых, с искривленными стволами, окруженных кольцом растрескавшихся камней. В середине этого круга разожгли костер – теперь уже нечего было надеяться, что мрак и тишина помогут укрыться от волчьих стай, вышедших на охоту.

Все расселись вокруг огня. Кому не выпало стоять на часах, тот дремал, изредка просыпаясь. Бедняга Билл дрожал мелкой дрожью и весь обливался потом. Волки были теперь со всех сторон – одни ближе, другие дальше. В глухой тьме светилось множество глаз, некоторые приблизились уже к самому каменному кольцу. У бреши в камнях возник силуэт огромного волка. Зверь стоял, вперив взгляд в сидящих, – и вдруг издал леденящий душу короткий вой, словно давая стае сигнал к нападению.

Гэндальф встал и шагнул вперед, подняв перед собой посох.

– Слушай меня, пес Саурана! – крикнул он. – Я – Гэндальф! Убирайся прочь, если дорожишь своей поганой шкурой! Шагнешь за это кольцо – и я спалю тебя на месте!

Волк зарычал и одним громадным прыжком перемахнул через камни. В тот же миг резко зазвенела тетива: Леголас выстрелил. Раздался жуткий вопль, и вожак рухнул: эльфийская стрела вонзилась ему прямо в горло. Глаза, следившие за холмом, внезапно погасли. Гэндальф с Арагорном шагнули вперед, но холм был уже пуст: стая волков-охотников покинула место несостоявшегося боя. Вокруг наступила мертвая тишина; ветер не доносил ни звука.

Ночь шла к концу – на западе, сверкая в разрывах облаков, садилась убывающая луна. Фродо проснулся внезапно. Со всех сторон разом взвыли волки. Видимо, варги – целое полчище варгов –

бесшумно окружили холм и теперь перешли в нападение сразу со всех сторон.

– Все дрова в костер! – крикнул Гэндальф хоббитам. – Мечи наголо! Встать спина к спине!

Костер вспыхнул с удвоенной силой, и в свете пламени, озарившем лагерь, Фродо увидел, что через камни одна за другой перелетают серые тени. Арагорн с силой вонзил меч в глотку одного из вожаков, чудовищного, свирепого зверя; Боромир мощным ударом снес голову другому. Рядом, расставив крепкие ноги, стоял Гимли, орудуя гномьим топором. Лук Леголаса пел не переставая. Гэндальф в мечущихся отсветах пламени сделался словно бы выше и стоял, величавый и грозный, будто на холме воздвиглась каменная статуя какого-то древнего короля. Гигантская тень наклонилась над костром, в руке у нее оказалась пылающая ветвь – и Гэндальф шагнул навстречу волкам. Те подались назад. Огненная ветка вознеслась вверх и вдруг, как молния, брызнула ослепительно белым светом. Над холмом раскатился громовой голос:

– *Наур ан эдраит аммен! Наур дан и нгаурот!*²⁴⁵

Раздался рев и оглушительный треск; дерево над головой волшебника словно взорвалось огненными цветами. Огонь охватил ствол от корней до вершины. Над холмом запылал нестерпимо яркий свет. Мечи и кинжалы обороняющихся засверкали, рассыпая искры. Последняя стрела Леголаса загорелась прямо в воздухе и, пылая, вонзилась в сердце огромного предводителя стаи. Остальные волки бежали. Огонь медленно гас; наконец от небывалого костра не осталось ничего, кроме пепла и перебегающих язычков пламени. От обгоревших пней валил едкий дым, с первым светом серого утра ветер развеял его темные клочья по всей долине. Варги больше не вернулись.

– Что я вам говорил, господин Пиппин? – торжествовал Сэм, засовывая в ножны свой меч. – Не по зубам добыча! Ну и потеху он им устроил! На мне чуть волосы не загорелись!

Когда рассвело, все с изумлением увидели, что от волков не осталось и следа – не только от живых, но и от убитых. Кроме обугленных пней и разбросанных по холму стрел, о сражении ничто больше не напоминало. Стрелы были как новые – кроме одной, от которой отыскался только наконечник.

– Этого я и боялся, – сказал Гэндальф. – На нас охотились не просто голодные волки, что рыщут в поисках добычи. Скорее завтракать – и в дорогу!

В этот день погода снова переменилась, словно по велению неведомой силы. Казалось, метель ей теперь ни к чему: ведь пришельцы отступились от перевала. Теперь на руку этой силе был чистый, ясный свет, такой, чтобы все, что движется по земле, было видно как на ладони. Ветер еще ночью задул с востока, а к утру и вовсе стих. Облака ушли к югу; открылось небо, голубое и высокое. Отряд стоял на холме, готовый тронуться в путь; вершины гор заливал бледный солнечный свет.

– К закату мы должны быть уже у Ворот, – озабоченно сказал Гэндальф. – Иначе мы никогда до них не доберемся. Путь недалек, но нам вряд ли удастся сразу отыскать прямую дорогу – Арагорн пути не знает: он редко навещает эти места, а я побывал у западной стены Мории только раз – да и то много лет назад. Дверь где-то там. – И он показал на юго-восток, на отвесные стены гор, чьи подножия тонули в глубокой тени. Вдали различались смутные очертания голых утесов; посредине, выделяясь над их ровной цепью, высилась мощная серая скала.

– Когда мы вернулись, я повел вас прямо на юг, а не к тому месту, откуда мы начали восхождение, – продолжал Гэндальф. – Некоторые, наверное, заметили это. Я рад, что теперь впереди несколькими верстами меньше, а нам нужно торопиться. В путь!

– Не знаю, чего и желать, – мрачно заметил Боромир. – То ли чтобы Гэндальф нашел то, что ищет, то ли чтобы Ворота эти навеки сгинули и мы уткнулись в голую стену. Но, похоже, и то и другое для нас гибель, а вернее всего, что мы окажемся в ловушке: впереди скалы, сзади – волки... Что ж, веда, Гэндальф!

Гимли шел теперь впереди, рядом с Гэндальфом. Он горел теперь одной страстью – попасть в Морию! Путь Отряда лежал обратно, к подножию гор. С этой стороны хребта в Морию вела только одна дорога, проложенная вдоль реки Сиранноны, что выбегала из-под скал неподалеку от Ворот. Но то ли Гэндальф сбился с пути, то ли край этот за последние годы сильно изменился – реки все не было, хотя волшебник рассчитывал выйти на нее почти сразу.

Утро перешло в полдень, а кругом краснели все те же голые камни. Ни блеска воды, хотя бы вдалеке, ни журчанья. Вокруг по-прежнему было сухо и безотраднo. Приуныли и путники. В этой пустыне не было видно ни единого живого существа, в небе не кружилось ни одной птицы. О том, что будет, если ночь застигнет их в этих заброшенных землях, никто не решался даже подумать.

Вдруг Гимли, ушедший вперед, обернулся и позвал остальных. Он стоял на большом камне и показывал направо. Поспешив в направлении, указанном его вытянутой рукой, путники внезапно оказались на краю глубокого и узкого каньона. Кругом царило пустынное молчание – только на самом дне, среди искрасна-бурых камней бывшего русла, сочилась жалкая струйка воды. По ближнему берегу шла тропа – еле видная, заваленная щебнем, но все же тропа; она прихотливо вилась среди разрушенных ограждений и гладких булыжников, оставшихся от древней мощеной дороги.

– А, ну вот и она! – с облегчением воскликнул Гэндальф. – Сираннона-Стражница! Ибо ее называли когда-то Стражницей Ворот... Но где же вода? Река была шумная и довольно быстрая... Однако идемте! Надо спешить. Мы опаздываем!

Они устали и сбили ноги, но упорно шагали вперед по неровной, петляющей тропе, оставляя позади версту за верстой. Солнце начало клониться к западу. Наскоро перекусив, после короткого привала Отряд снова заторопился в дорогу. Впереди хмурились горы, но тропа шла по склону каньона, так что путникам видны были только самые высокие склоны да отдаленные восточные вершины.

Наконец тропа резко свернула. До сих пор она постепенно уклонялась к югу, прокладывая себе путь между краем каньона и обрывом, но теперь взяла направление точно на восток. Впереди показалась низкая, не выше пяти саженей, скала с расколотой, иззубренной вершиной. По ложу водопада, бывшего, видимо, когда-то шумным и многоводным, позванивая, стекали капли воды.

– Воистину, здесь все изменилось! – подивился Гэндальф. – Но ошибки быть не может, место то самое. Вот, значит, что осталось от Каскадов! Если память меня не подводит, сбоку в скале когда-то были ступени. Но дорога идет к вершине скалы кругами, а от вершины к Морийской Стене поднимается пологая неглубокая долина. Раньше

Сираннона текла к водопаду по дну этой долины, рядом с дорогой. Идем посмотрим, как обстоит дело теперь!

Каменные ступени отыскиались без труда. Гимли легко взбежал наверх, за ним – Гэндальф и Фродо. И тут стало видно, что дальше ходу нет. Неспроста пересохла Стражница! Солнце, уходя за горизонт, заливало золотом холодно светящееся небо позади. Впереди чернело неподвижное озеро, не отражавшее ни бледного купола неба вверху, ни золотого закатного блеска. Сираннона, как видно запруженная чем-то, растеклась по всей долине. По ту сторону зловещей водной глади высились огромные утесы, бледно отсвечивавшие в предвечернем свете. Путь был закрыт! К тому же Фродо не удалось высмотреть на отвесных скальных стенах ни трещинки, не говоря уже о каких-то там воротах или дверях. Хмурые камни казались неприступными.

– Вот она, Морийская Стена, – молвил Гэндальф, показывая на противоположный берег. – Когда-то там была дверь – иначе говоря, Эльфийские Ворота, которыми заканчивалась дорога из Остролистии. Этой дорогой мы сюда и пришли. Но путь закрыт. Никто из вас, смею полагать, не рвется вплавь – особенно сейчас, когда день уже на исходе... Да, мрачновато здесь! И вода, похоже, не очень-то чистая...

– Попробуем обойти озеро по северной стороне, – предложил Гимли. – А первым делом взберемся наверх по тропе и посмотрим, куда она нас выведет. Даже если бы озера не было, мы все равно не смогли бы подняться сюда вместе с пони.

– Бедной скотинке в любом случае не место в Мории, – покачал головой Гэндальф. – Под горами для него чересчур темно. Кроме того, кое-где он просто не сможет протиснуться!

– Бедный старина Билл! – ахнул Фродо. – Я об этом и не подумал. Вот не повезло Сэму! Что-то он скажет?

– Весьма сожалею, – развел руками Гэндальф. – Несчастный Билл очень помог нам в дороге... У меня тоже болит сердце, когда я думаю, что мы бросим его одного, на произвол судьбы. Лучше было бы взять меньше вещей и обойтись вовсе без пони или хотя бы выбрать какое-нибудь другое животное, не Сэмова любимца! Была б моя воля, я бы так и сделал. С самого начала я опасался, что нам придется пойти этой дорогой.

День близился к концу, высоко над золотом заката в небе загорались первые холодные звезды. По кружной дороге путники как

могли быстро добрались до вершины и вышли к берегу озера. В самой широкой части оно разливалось не шире, чем на версту. Как далеко оно тянулось на юг, в сумерках было не разглядеть, но до ближнего края было рукой подать. Вдоль скал тянулась узенькая полоска суши. Они поспешили туда – до Ворот, по словам Гэндальфа, оставалось еще около трех верст, а ведь предстояло, кроме всего прочего, еще и найти эти самые Ворота!

У северного берега дорогу Отряду вскоре преградила узкая затока. Зеленая и зловонная, она тянулась к замыкающим долину скалам, как скользкая рука. Гимли шагнул вперед; остановить его никто не успел. Затока оказалась мелкой, едва по щиколотку – по крайней мере у берега. За гномом по одному, опасливо ступая по склизким, тинистым камням, скрытым под цветущей водой, двинулись и все остальные, каждую минуту рискуя оступиться и плюхнуться в зеленую жижу. Фродо передернуло от отвращения, когда темная, гнилая вода коснулась его голой ступни.

Наконец Сэм, шедший последним, вывел пони на сухую землю. И вдруг послышался мягкий урчащий звук и сразу же – бульканье, будто из воды выпрыгнула рыба. Быстро обернувшись, они увидели, что поверхность воды пошла блестяще-черной рябью и по озеру расходятся большие круги. Раздался клокочущий звук, и все стихло. Сумерки сомкнулись плотнее, и последний проблеск заката исчез в надвинувшейся туче.

Гэндальф шел быстрым шагом и торопил остальных, поспевавших за ним кто как мог. Меж озером и утесами тянулась полоска сухой земли. Местами не шире семи сажений, она была сплошь загромождена камнями и обломками скал, но Отряд упорно пробирался между ними, держась утеса, – к темной воде на всякий случай старались не подходить. Пройдя примерно полторы версты, путники увидели впереди деревья. Видимо, в прошлом тут росла целая роща остролистов – а может, это была придорожная аллея; во всяком случае, из воды торчало несколько полусгнивших пней и мертвых веток. Уцелело только два дерева: это были остролисты, огромные и все еще зеленые, – таких Фродо никогда не видел, да и представить бы себе не мог. Они росли у самой скалы, но мощные корни пили воду из озера. С вершины Скалы-Каскада деревья-великаны казались Фродо небольшими кустиками, скромно приютившимися у подножия

нависающих над озером утесов; теперь исполинские остролисты высились у путников над головами, как две величественные башни, – темные, неподвижно застывшие, молчаливые стражи, встречающие у порога званых и незваных гостей.

– Ну вот, мы и у цели! – воскликнул Гэндальф. – Эльфийская дорога кончилась. Остролист был символом здешних мест, поэтому эльфы посадили у Ворот именно остролисты: всякому должно было быть ясно – дальше владения эльфов не простираются. Западные Ворота Мории служили торговым связям эльфов и морийских владык. Это был золотой век народов Средьземелья: они жили в таком мире и согласии, как никогда больше. Даже гномы и эльфы слыли друзьями.

– Гномов винить не в чем, – бросил Гимли.

– А эльфов, сколько я слышал, тем более, – поднял брови Леголас.

– А я слышал и так и этак, – вмешался Гэндальф. – Но здесь я не собираюсь говорить на эту тему. Лучше помогите мне, Леголас и Гимли, и не ссорьтесь хотя бы сейчас! Мне нужны вы оба, и эльф, и гном. Ворота закрыты, к тому же их надо еще отыскать, и чем скорей, тем лучше. Вот-вот наступит ночь! – Повернувшись к остальным, он добавил: – Пока я ищу вход, приготовьтесь к спуску в Копи! И боюсь, что нам придется проститься с нашим славным пони. Теплые вещи отложите в сторону – внутри они нам не понадобятся, а потом, надеюсь, и тем более. Мы в любом случае окажемся южнее, чем теперь. Все остальное распределите между собой. Главное для нас – еда и мехи с водой.

– Бросить беднягу Билла?! – сердито запротестовал Сэм. – Это как же, господин Гэндальф?! Я не согласен, и все тут! Он столько вытерпел!

– Мне его очень жаль, Сэм, – мягко отозвался волшебник. – Но когда дверь откроется, ты Билла в пещеру и силой не затащишь. Бескрайняя морийская темнота не для него. Тебе придется выбирать между Биллом и Фродо.

– Да Билл за господином Фродо в драконье логово пойдет, если я ему скажу, – убежденно возразил Сэм. – Это же просто убийство! Там волки!

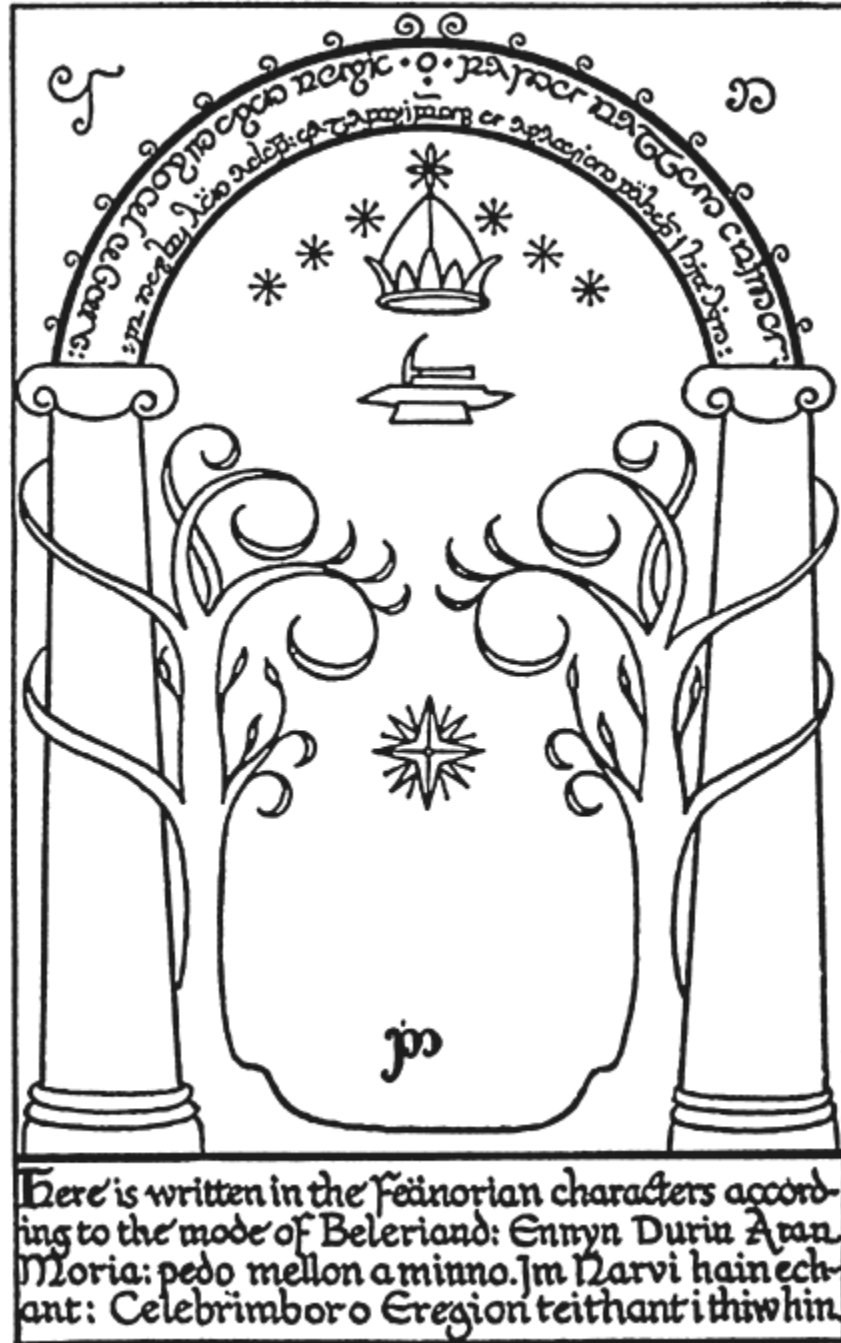
– Он не погибнет, Сэм, я очень на это надеюсь, – сказал Гэндальф. Положив руку на голову пони, он тихонько проговорил: – Да будет с тобой охранное слово и да укажет оно тебе дорогу! Ты мудрое

животное и в Ривенделле многому научился. Старайся выбирать, где побольше травы, и спеши к Элронду – или куда пожелаешь! А ты не горюй, Сэм. Еще неизвестно, кому придется солонее!

Сэм, надувшись, стоял рядом с пони и не отвечал. Билл, казалось, прекрасно понимал, о чем речь: он потерся о Сэма мордой и ткнулся губами ему в ухо. Сэм вдруг разрыдался и принялся возиться с веревками, отвязывая вьюки и швыряя их на землю. Прочие занялись вещами, складывая ненужное в одну кучу и рассовывая по мешкам остальное.

Разобравшись с вещами, люди и хоббиты обернулись посмотреть, как идут дела у Гэндальфа. На первый взгляд волшебник бездействовал. Он стоял меж двух деревьев, неотрывно глядя на гладкую скалу перед собой, словно пытался взглядом просверлить в ней дыру. Гимли простукивал стену обухом топорика. Леголас, будто прислушиваясь, приник ухом к стене и не шевелился.

– Эй! – нарушил молчание Мерри. – У нас все готово! Где же ваши Ворота? Что-то я их не вижу.



– Когда гномьи двери закрыты, их никто не может видеть, – наставительно сказал Гимли. – Если позабыт секрет, даже сами хозяева дверей не могут их подчас отыскать, а открыть – и тем более.

– Но секрет этих дверей знали не только гномы. – Гэндальф вдруг ожил и повернулся. – Если здесь еще не все изменилось, глаза, которые знают, куда смотреть, непременно увидят знак.

Он подошел к скале. Кусок стены, скрытый в тени деревьев, казался особенно гладким. Гэндальф провел по нему ладонями, беззвучно проговорил какие-то слова и отступил.

– Смотрите! – позвал он. – Видите что-нибудь?

На серый камень упал свет луны. Поначалу ничего не изменилось. Затем на стене, там, где ее коснулись ладони Гэндальфа, стал проступать рисунок – сначала в виде серебряных прожилок, тонких, как бледная паутина, мерцавших так слабо, что в сумерках их едва можно было различить, и то лишь там, куда падал лунный свет. Но рисунок становился все ясней и отчетливей, на камне проступали все новые линии, и наконец они обрели смысл.

Наверху – по крайней мере выше Гэндальф достать не мог – обрисовалась арка с узором из переплетенных букв, по виду эльфийских. Ниже, хотя линии местами расплывались или пропадали вовсе, можно было различить молот и наковальню, а над ними – корону, окруженную семью звездами. Чуть ниже, по обе стороны от наковальни, изображены были два дерева, унизанные полумесяцами. Ярче всего светилась лучистая звезда в самой середине арки.

– Эмблема Дьюрина! – вскричал Гимли.

– Дерево Высших эльфов! – эхом отозвался Леголас.

– И Звезда Феанора²⁴⁶ впридачу, – добавил Гэндальф. – Эти линии вычеканены из *утильдина*²⁴⁷ – он отражает только звездный и лунный свет, но и в лучах ночных светил просыпается лишь под рукой того, кто произнесет слова, давно забытые в Средьземелье. Много лет минуло с тех пор, как я слышал их в последний раз, и мне пришлось глубоко проникнуть в хранилище памяти, чтобы вызвать их оттуда.

– А что здесь написано? – спросил Фродо, пытавшийся расшифровать надпись. – Я думал, что могу читать по-эльфийски, но этих букв я, кажется, не знаю.

– Это язык, на котором говорили в Старшую Эпоху эльфы Западного Средьземелья, – сказал Гэндальф. – Но здесь ничего особенного не говорится. «Двери Дьюрина, Властителя Мории. Скажи слово, друг, и входи». А внизу – буквами помельче: «Я, Нарви, сделал эти двери, а Кэлебримбор из Остролисии начертал эти знаки».

– А что значит «Скажи слово, друг, и входи»? – не понял Мерри.

– Что ж тут неясного? – удивился Гимли. – Если ты друг, скажи заветное слово, двери откроются, и ты войдешь.

– Да, по-видимому, эти двери открываются только на заветное слово, – задумчиво проговорил Гэндальф. – Гномьи ворота бывают разные – одни открываются по часам и только для избранных, другие снабжены замками, и тогда мало сказать все необходимое – нужно еще обладать ключом. Но нам ключ не понадобится. В дни Дьюрина эти двери не считались потайными. Они всегда были открыты, и у порога сидел привратник. Но когда они закрыты, их все равно нетрудно отворить: стоит только произнести нужное слово. Так гласят летописи. Прав я, Гимли?

– Все верно, – подтвердил Гимли. – Но самого слова летописи не сохранили. Нарви сгинул, а с ним – все тайны его ремесла и весь его род.

– Но ты, конечно, знаешь это слово, Гэндальф? – полуутвердительно спросил Боромир.

– Нет, – ответил тот.

Все заметно встревожились. Только Арагорн, хорошо знавший Гэндальфа, промолчал и не пошевелился.

– Тогда зачем же ты привел нас в это треклятое место?! – выйдя из себя, крикнул Боромир и с содроганием оглянулся на темную гладь воды. – Ты же твердишь, что бывал в Копях. Значит, это неправда?! Как же ты мог там быть, если не знаешь, как войти?

– На первый твой вопрос, Боромир, я отвечу так: слова я пока не знаю, но посмотрим – может, что и получится. Тогда ты не станешь спрашивать, зачем я вас сюда привел. Если у меня ничего не получится – тогда ты будешь волен задать этот вопрос, но не раньше! – Гэндальф сдвинул густые брови, и его глаза метнули огонь. – Что до второго вопроса, то и я спрошу тебя: ты сомневаешься в моих словах, Боромир? Наверное, ты разучился думать. Неужели трудно догадаться, что я проник в Морию другим путем, с востока? Если ты согласишься выслушать, я объясню тебе, в чем дело. Эти двери открываются наружу. Когда ты находишься внутри, достаточно толкнуть их рукой. Но, стоя здесь, мы обязаны произнести заветное слово или повеление. А ломиться в Ворота просто так бесполезно.

– Так что же ты будешь делать? – спросил Пиппин, несколько не испугавшись грозно встопорщившихся бровей волшебника.

– Я постучу в Ворота твоей головой, Перегрин Тукк, – резко повернулся к нему Гэндальф. – Может, это их разжалобит! А если нет,

постараюсь припомнить слово – но только при условии, что ко мне перестанут приставать с глупыми вопросами! Когда-то я знал все заклинания – эльфийские, человеческие, орочьи, словом, все, какими пользовались в таких случаях. Сотню-другую я и сейчас припомню без особого труда. Но думаю, хватит и двух-трех попыток. До тайного гномьего языка, которому гномы никогда никого не учат, дело не дойдет, так что не бойся, Гимли. Заветное слово – эльфийское, как и надпись. Иначе и быть не может.

Он снова шагнул к стене, тронул посохом серебряную звезду под наковальней и приказал:

Аннос эд эленн, эдро хи аммен!

*Фэннас ноготрим, ласто бет ламмен!*²⁴⁸

Серебряные паутинки слегка померкли, но серая скала осталась безучастной.

Гэндальф еще и еще раз повторял заклинание, меняя порядок слов и вставляя новые; никакого результата. Тогда он принялся за другие, произнося их то громко и быстро, то мягко и неторопливо; потом перешел на отдельные эльфийские слова; но скала все так же неприступно уходила во мрак ночи. В небе белели бесчисленные звезды, ветер леденил лица и руки, а дверь все не поддавалась.

Снова Гэндальф подошел к стене, снова поднял посох и гневно повелел Воротам:

– Эдро, эдро!

Он ударил посохом по камню и повелел еще раз, теперь уже на Общем Языке:

– Отворись!

На всех языках Западного Средьземелья повторил он это повеление, затем отбросил посох и молча опустился на камень.

В то же мгновение до слуха насторожившихся друзей донесся волчий вой. Пони Билл, испугавшись, рванул было бежать, но Сэм бросился к нему и что-то тихо зашептал на ухо.

– Не дай ему убежать, – предостерег Боромир. – Похоже, он нам еще понадобится, если нас не съедят волки. Пропади оно пропадом,

это гнилое болото!

С этими словами он поднял большой булыжник и в сердцах швырнул его далеко в озеро.

Темная вода мягко приняла камень; послышался всплеск и бульканье. От места, куда он упал, медленно начали расходиться большие круги.

– Зачем ты так, Боромир? – вздрогнул Фродо. – Мне тоже не нравится это место, но я его еще и боюсь, а почему – сам не знаю. Не волков, не темноты за дверьми, нет. Тут что-то другое. Наверное, я этого озера боюсь. Лучше оставим его в покое!

– Смываться отсюда надо! – высказался Мерри.

– Почему Гэндальф тянет? – подхватил Пиппин.

Гэндальф не обратил на них внимания. Он сидел, опустив голову, не то вконец отчаявшись, не то размышляя. Издалека снова донесся унылый вой. Круги все расширялись, берег лизнула первая волна.

Вдруг волшебник вскочил на ноги, да так стремительно, что все отпрянули. Он смеялся!

– Есть! – кричал он. – Это же просто, как булыжник! Какими простыми кажутся загадки, когда их разгадаешь!

Он поднял посох, встал напротив Ворот и отчетливо произнес:

– *Мэллон!*

Звезда вспыхнула и погасла. В скале внезапно и беззвучно очертилась огромная дверь, хотя прежде, сколько ни смотри, камень казался цельным. Дверь медленно разделилась надвое, створки не спеша распахнулись наружу до отказа и застыли. В проеме виднелась лестница; ее ступени круто уходили вверх, в непроглядную тьму, казавшуюся чернее самой ночи. Никто из Отряда от изумления не мог пошевелиться.

– Я ошибся в самом начале, – торжествовал Гэндальф. – И Гимли ошибся. Из всех нас один Мерри был на верном пути. Заветное слово было написано на арке! Мы просто этого не поняли. Вот истинный перевод: «Скажи слово «друг» – и входи!» Следовало только сказать «друг», по-эльфийски, разумеется, и двери сразу открылись бы. Как просто! Но для ученого знатока преданий, да еще в наше время, когда все друг друга подозревают, простота может оказаться сложнее всякой сложности! Да, предшественники наши жили счастливее нас. Ну что ж – в путь!

Гэндальф перешагнул через порог и поставил ногу на первую ступеньку. Но тут произошло сразу несколько событий. Фродо схватили сзади за лодыжку, он с криком упал и поехал назад, обдирая лицо о камни; пони Билл дико заржал от ужаса и, махнув хвостом, помчался вдоль озера обратно, в темноту. Сэм бросился было за ним, но, услышав крик Фродо, развернулся и побежал назад, рыдая и кляня все на свете. Остальные, обернувшись, увидели, что вода в озере буквально кипит. Казалось, с южной стороны к берегу плывет целое полчище змей. Одно щупальце, длинное, сильное, уже выползло из воды на берег. Бледно-зеленая влажная кожа слабо светилась, на конце щупальца шевелились пальцы. Крепко ухватив Фродо за ногу, чудовище тянуло его в воду. Сэм, стоя на коленях, что было силы рубил щупальце мечом.

Наконец пальцы разжались, Сэм потащил хозяина прочь от берега, взывая о помощи. Из бурлящей воды ползло еще десятка два змеевидных отростков; темная поверхность озера клокотала, в ноздри било невыносимое зловоние.

– В ворота! Наверх! Быстрее! – закричал Гэндальф, одним прыжком возвращаясь к порогу. Все остальные, кроме Сэма, стояли, не в силах двинуться от ужаса. Крик Гэндальфа привел их в чувство, и, подталкиваемые волшебником, друзья кинулись в дверь.

Еще миг – и было бы поздно. Сэм с Фродо взбежали всего на несколько ступенек, а Гэндальф только переступил порог, когда алчные щупальца, кишевшие уже по всему берегу, добрались до дверей. Одно из них, извиваясь, поползло за Гэндальфом; скользкая кожа блестела в звездном свете. Гэндальф повернулся и остановился. Но если он прикидывал, каким словом закрыть Ворота, в этом уже не было нужды. Десятки извивающихся щупалец схватились за створки и со страшной силой дернули их на себя. Двери с оглушительным треском захлопнулись, по Морийским переходам замечалось эхо. Свет был отрезан. Сквозь толщу камня донесся шум падающих камней, на дверь обрушились гулкие удары.

Сэм, цеплявшийся за Фродо, рухнул на ступеньку.

– Бедняга Билл! – задыхаясь, проговорил он. – То волки, то змеи! Змеи его доконали, и он не выдержал. А мне пришлось выбирать,

господин Фродо, так уж получилось, и я выбрал. Я должен идти с вами.

По звуку шагов они поняли, что Гэндальф спустился к Воротам. Волшебник ударил по ним посохом; камень дрогнул, дрогнула и лестница под ногами, но дверь не отворилась!

– Ну что ж! – заключил Гэндальф. – Дорога назад нам заказана. Остался только один путь – через Морию. Судя по звуку, дверь завалили камнями, а деревья вырвали с корнем и бросили поперек. Жаль! Какие были красавцы! И сколько простояли!

– Я сразу почувствовал, что здесь притаилось что-то ужасное, когда ступил в воду, – припомнил Фродо. – Что это было? Оно или они?

– Не знаю, – сказал Гэндальф. – Но действовали эти щупальца на диво согласно. Видимо, в озере поселилось какое-то чудовище из подгорных бездн. А может, оно было изгнано из глубин... В глубинах земли таятся существа куда более древние и отвратительные, чем орки!

Он умолчал о том, что беспокоило его больше всего: чем бы ни было змееподобное нечто, из всего Отряда оно выбрало именно Фродо...

Боромир пробормотал про себя несколько слов, не думая быть услышанным, но эхо усилило его голос до хриплого шепота, который разобрали все:

– В глубинах земли! Но мы как раз туда и направляемся, хотя я не хотел этого. Кто же поведет нас сквозь эту могильную темень?

– Я, – ответил Гэндальф. – Я – и Гимли. Следуйте за Посохом!

Волшебник зашагал вверх по большим ступеням, подняв над головой посох; конец посоха слабо засветился. Лестница оказалась крепкой и нимало не поврежденной. Путники насчитали в ней двести низких широких ступеней; за ними обнаружился сводчатый коридор с ровным полом, уводивший во тьму.

– Может, все-таки отдохнем и перекусим? – взмолился Фродо. – Корчмы, похоже, не предвидится, так давайте прямо тут, на площадке!

Он только теперь начинал понемногу приходить в себя после приключения со щупальцем, и его внезапно обуял невероятный голод.

Предложение всеми было принято с радостью, и путники расселись на верхних ступенях – смутные силуэты в едва отступившем мраке.

После трапезы Гэндальф дал каждому по третьему глотку Ривенделльского *мирувора*.

– Боюсь, надолго нам этого питья не хватит, – посетовал он. – Но после страха, который мы пережили у Ворот, придется позволить себе глоточек. Думаю, по выходе отсюда у нас его уже не останется, если только нам не будет сопутствовать исключительное везение. И не тратьте понапрасну воду! В Мории есть и ручьи, и колодцы, но к морийской воде даже притрагиваться нельзя. Боюсь, нам удастся пополнить мехи и фляги только в темноводной долине Димрилл!

– А долго туда добираться? – спросил Фродо.

– Не могу сказать, – ответил волшебник. – Это зависит от многого. Но если не плутать и не мешкать, понадобится, наверное, перехода три-четыре. От Западных Ворот до Восточных не меньше шестидесяти верст, но дорога может сделать большой крюк...

После короткого привала Отряд двинулся дальше. Все горели одним желанием – как можно скорее выйти на свет, поэтому решено было, несмотря на усталость, идти как можно быстрее и не останавливаться еще хотя бы несколько часов. Гэндальф, как и прежде, возглавлял шествие. В левой руке он держал посох, освещавший землю у него под ногами, в правой – меч Гламдринг. Сразу за волшебником вышагивал Гимли; когда он поворачивал голову, глаза его в слабом полусвете посоха вспыхивали упрямым пламенем. За гномом шел Фродо с обнаженным коротким мечом – Жалом. Клинки Жала и Гламдринга не светились, и это всех немного успокаивало, так как мечи, выкованные искусными эльфийскими мастерами в Старшие Дни, при близости орков начинали обычно светиться холодным огнем. За Фродо следовал Сэм, дальше – Леголас, молодые хоббиты и Боромир. Позади всех, в полной темноте, шествовал Арагорн, суровый и безмолвный.

Несколько раз повернув, коридор пошел под уклон. Спуск продолжался довольно долго; наконец пол снова выровнялся. Воздух стал душным и горячим; но это был здоровый, чистый воздух, и путники время от времени ощущали на лицах дуновение прохладного

ветерка, исходившее из угадывавшихся под потолком отдушин. Чувствовалось, что этих отдушин великое множество. В бледном сиянии посоха Фродо мельком различал ступени, арки, боковые ходы, то бегущие вверх, то резко уходящие вниз, а зачастую такие темные, что разобрать, куда они ведут, не удавалось. Все это было так удивительно, странно и сложно, что запоминать дорогу Фродо даже и не пытался.

Гимли мало чем помогал Гэндальфу – разве что своей упрямой решимостью. Во всяком случае, тьма его не так угнетала, как остальных. Гэндальф часто советовался с ним, если появлялись сомнения, но последнее слово всегда оставлял за собой. Лабиринт Мории раскинулся так широко, что даже Гимли, сын Глоина, гном из племени горных гномов, не подозревал раньше о его истинных размерах. Что же касается Гэндальфа, то, хотя он и мало сохранил в памяти от своего давнего путешествия, он твердо знал, куда хочет попасть, и шел не сбиваясь, несмотря на мрак и бесконечные повороты, – шел, пока была впереди хоть одна дорога, которая вела к намеченной цели.

– Не бойтесь! – успокоил товарищей Арагорн, когда на одном из поворотов Гэндальф и Гимли шептались особенно долго. – Не бойтесь! Я не раз бывал с ним в походах, хотя и не таких мрачных. В Ривенделле о его деяниях ходят легенды. Я был свидетелем лишь малой части его подвигов. Он не собьется с пути, пока этот путь есть. Несмотря на все наши страхи, он привел нас сюда – и выведет, чего бы это ни стоило ему самому. Отыскивать верную тропу в ночном мраке он умеет не хуже кошек королевы Берутиэль!²⁴⁹

Отряду и в самом деле повезло с проводником. Факел смастерить было не из чего: в панике многое было позабыто на берегу. А без света пришлось бы туго – и не только из-за бесконечных развилок: на пути часто разверзались ямы и отверстия штолен, а по сторонам дороги чернели колодцы, в которых эхом отдавался каждый шаг. А трещины, а провалы, зиявшие в полу и по обе стороны коридора? Самая опасная расселина оказалась больше семи локтей в ширину, и Пиппин долго не мог набраться мужества и перепрыгнуть. Далеко внизу раздавался плеск, словно там, в глубинах, вращалось огромное мельничное колесо.

– Веревка! – пробормотал Сэм. – Я знал, что мне еще придется из-за нее кусать локти! И как это меня угораздило забыть веревку?

Поскольку опасные места встречались все чаще, пришлось убавить шаг. Всем казалось, что поход бесконечен, а подземные коридоры ведут напрямик к основанию Туманных Гор. Ноги еле держали путников, но о привале даже и думать не хотелось. Фродо было повеселел от глотка эльфийского бальзама, доброго ужина и мысли о том, как счастливо он избежал страшных щупалец чудища, но теперь его снова начало одолевать подспудное беспокойство, которое постепенно перерастало в страх. Рану от кинжала ему в Ривенделле залечили, но мрачные последствия этой раны еще давали себя знать. Обострились чувства; он стал ощущать невидимое. Кроме того, Фродо заметил, что видит в темноте лучше остальных, – за исключением, быть может, Гэндальфа. К тому же он нес Кольцо, чувствуя по временам, что оно становится тяжелее и пригибает его шею к земле. Хоббит был уверен, что и впереди, и позади таится беда, но говорить об этом ни с кем не стал. Сжав покрепче рукоять меча, он устало передвигал ноги – и молчал.

Друзья, шедшие следом, переговаривались редко, быстрым шепотом. Кроме их шагов, ниоткуда не доносилось ни звука. Глухо топали сапоги гнома; тяжело ступал Боромир; легко шелестели туфли Леголаса; мягко семенили босые ноги хоббитов; редко, но твердо падал звук широких шагов Арагорна, замыкавшего цепочку. Если Отряд останавливался, наступала тишина – разве что упадет где-то невидимая капля. Но Фродо все время чудилось, что он слышит еще какой-то звук, похожий на осторожное шлепанье босых ступней по каменному полу. Шлепанье это никогда не приближалось, но и не отдалялось, и Фродо не мог с уверенностью сказать, что слух его не обманывает, – но странный звук не прекращался, во всяком случае, пока Отряд двигался вперед. Но это было не эхо: когда идущие останавливались, звуки какое-то время продолжались сами по себе и только потом замирали.

Отряд вошел в Копи с началом ночи. После нескольких часов ходьбы (привалов почти не делали) Гэндальфу встретилось первое серьезное препятствие. Впереди темнела широкая арка, а за ней

открывались три коридора; все они, казалось, шли в одном и том же направлении, но левый уходил вниз, правый круто поднимался вверх, а средний, тесный, с гладким полом, шел прямо.

– Этого места я не помню совсем, – озадачился Гэндальф, останавливаясь. Он поднял посох в надежде отыскать какую-нибудь надпись или знак себе в помощь, но ничего не увидел.

– Я слишком устал, чтобы решать, – покачал он головой. – Да и вы, наверное, устали – хорошо, если не больше моего! Давайте остановимся и проведем здесь остаток ночи. Объяснять вам, что я имею в виду под «ночью», надеюсь, не надо. Здесь всегда темно. Но наверху сейчас далеко за полночь и луна клонится к западу.

– Бедный старина Билл! – вздохнул Сэм. – Где-то он сейчас? Только бы не у волка в брюхе!

Слева от большой арки обнаружилась полупритворенная каменная дверь, которая открылась от легкого толчка. За ней угадывалось обширное помещение, выдолбленное в скале.

– Куда?! – одернул Гэндальф Мерри и Пиппина, наперегонки бросившихся в комнату: наконец-то нашлось местечко, да еще чуть ли не целая спальня – а они-то боялись, что придется коротать ночь прямо в коридоре! – Куда? Откуда вы знаете, что внутри? Первым иду я.

Он осторожно перешагнул порог, остальные – за ним.

– Видите? – Гэндальф вытянул посох к середине комнаты. Там зияла большая круглая дыра, по виду – отверстие колодца. С края свешивались ржавые обрывки цепей, чуть поодаль валялись обломки плоского камня.

– Любой из вас мог свалиться туда и сейчас еще гадал бы, скоро ли дно, – сказал Арагорн. – Когда с вами проводник, никогда не бегите вперед него!

– Здесь, должно быть, когда-то была караульня, откуда наблюдали за развилкой, – определил тем временем Гимли. – А это – колодец для стражников. Видите каменную крышку? Но она разбита, так что в темноте придется поберечься.

У Пиппина колодец почему-то возбудил любопытство, и его потянуло заглянуть туда. Пока остальные разворачивали одеяла и устраивали постели, он подполз к краю дыры и вытянул шею. В лицо ему ударил поток холодного воздуха из невидимых глубин. И вдруг, словно что его подтолкнуло, он нашарил камешек, подержал его над

колодцем и разжал пальцы. Сердце у хоббита билось; он устал считать удары, а снизу все еще не доносилось никакого звука. Наконец послышался всплеск – далекий, гулко усиленный пустым жерлом колодца.

– Что там? – вскинулся Гэндальф.

Признание Пиппина его немного успокоило, но гнева не смягчило. Глаза волшебника пылали и метали молнии.

– Ты, безмозглый тупица, Тукк! – отчитал он провинившегося хоббита. – Это тебе не засельские прогулочки, а серьезный поход! В следующий раз прыгай уж лучше сам! Освободишь нас и от себя, и от неприятностей! А ну, в угол – и сидеть тихо!

На несколько минут воцарилась тишина; и вдруг – *тум-тум, тум-тум* – из глубины донеслось слабое постукивание²⁵⁰, которое, впрочем, скоро смолкло; стихло и эхо, но звук тут же возобновился – *тум-тум, там-тум, там-там, тум*. Это постукивание так напоминало сигнал, что все не на шутку встревожились, – но звук продолжался недолго, вскоре замер и уже не повторялся.

– Это молот, или я не гном, – молвил Гимли.

– Да, это молот, – подтвердил Гэндальф. – И мне это весьма не по душе. Может, злосчастный камень Перегрин тут ни при чем, а может, мы потревожили там, внизу, что-то такое, чего лучше бы не трогать. Уж будьте добры, впредь от таких шуток воздержитесь! Будем, однако, надеяться, что отдохнем без приключений. Тебе, Пиппин, в награду первая стража. – Он лег и завернулся в одеяло.

Пиппин, совершенно уничтоженный, уселся у двери. Тьма – хоть глаза выколи! И все же он не мог сидеть смирно и непрестанно вертел головой – как бы не выползла какая страшная тварь из этого злополучного колодца. Ему ужасно хотелось чем-нибудь закрыть дыру, хотя бы одеяло на нее накинуть – но он не смел даже пошевелиться, не то что подойти к отверстию, хотя Гэндальф, казалось, крепко спал.

На самом деле он не спал; просто лежал – тихо и неподвижно. Он размышлял и сопоставлял, припоминая каждый шаг своего первого путешествия в Морию. Какой выбрать путь? Ошибка может оказаться гибельной...

Через час он встал и подошел к Пиппину.

– Иди ложись, малыш, – проговорил он ласково. – Ты, наверное, уже вовсю клуешь носом. А на меня вот бессонница напала, так что я

за тебя покараулю.

Усаживаясь вместо Пиппина у двери, он пробормотал:

– Кажется, я понял, в чем дело. Надо бы раскурить трубочку! Давно я этого не делал – с того самого утра перед бураном!

Последним, что увидел Пиппин, засыпая, был темный профиль волшебника, наклонившегося к зажатому в узловатых руках огниву. Вспыхнувший огонь на мгновение осветил длинный нос, лоб и темные впадины глаз; пыхнуло облачко дыма.

Гэндальф их и разбудил. Он просидел в карауле около шести часов, не позвав никого на смену.

– Я принял решение, – объявил он. – Средний проход мне не нравится сам по себе. В левом не тот запах – или внизу воздух никуда не годится, или я не гожусь в проводники! Я бы выбрал правый. Да нам и в любом случае пора подниматься.

Целых восемь беспросветных часов, исключая два коротеньких привала, Отряд шел вперед. По дороге не встретилось ничего подозрительного; все было тихо, и впереди по-прежнему, прыгая и колеблясь, как болотный блуждающий огонек, маячила бледная звездочка посоха. Извилистый коридор неуклонно вел вверх, становясь все шире и просторнее. Боковые двери исчезли, пол был крепкий и ровный. Очевидно, им повезло – они выбрались на дорогу, которая когда-то считалась главной; теперь можно было идти гораздо быстрее.

Так они прошли, если считать по прямой, добрых верст двадцать пять, хотя на деле – все тридцать. Дорога шла вверх, и Фродо слегка повеселел, но до конца успокоиться не мог: странные шаги, которые не могли быть эхом, по-прежнему его тревожили, хотя он и не взялся бы сказать наверняка, слышит он их или они ему только чудятся.

Когда хоббиты стали потихоньку сдавать, да и все остальные уже подумывали о ночлеге, – стены коридора внезапно исчезли. Пройдя под чем-то вроде арки, Отряд оказался в черной пустоте. Сзади, из коридора, шел теплый воздух; тьма впереди обдавала холодом. Все остановились и обеспокоенно сгруппировались под аркой.

Гэндальф казался довольным.

– Я выбрал верный путь, – сказал он. – Мы вышли в обитаемую часть Мории. Теперь уже недалеко. Но мы забрались в верхние ярусы,

а ворота Димрилла, если я не ошибаюсь, лежат значительно ниже. Судя по тому, какой тут воздух, зал большой. Придется рискнуть и посветить по-настоящему.

Он поднял посох, и тот вспыхнул, как молния. Шарахнулись гигантские тени; по высокому потолку, опиравшемуся на каменные капители мощных колонн, метнулся свет. Зал был пуст и огромен; черные стены, полированные, гладкие, как стекло, блеснули, отражая вспышку. Из зала вело три выхода: один прямо и по одному с каждой из двух сторон. Все это показалось только на миг и тут же скрылось; свет погас.

– На большее пока не осмелюсь, – сказал Гэндальф. – Но в склоне горы были когда-то прорезаны окна, из которых свет по световодам попадал в верхние ярусы Копей. Думаю, в этих ярусах мы сейчас и находимся. Но снаружи ночь, и до утра нам остается только предполагать и сомневаться. Если я прав, завтра сюда заглянет утро... А пока что лучше остаться здесь и отдохнуть, если получится. До сих пор все шло удачно, и бóльшая часть дороги уже позади. Но радоваться рано. Нам предстоит долгий спуск к Воротам, в мир.

Они провели ночь, сгрудившись вместе на полу огромного пещерного зала, в углу, где было меньше сквозняков. Спереди тянуло холодом. Вокруг царила безграничная, пустая темнота; все были подавлены огромностью высеченных в скале чертогов и бесконечностью разветвляющихся лестниц и переходов Мории. Самые невероятные рассказы, которые доносила до хоббитов смутная молва, меркли перед истинной Морией, страшной и дивной.

– Здесь, должно быть, работала прорва народу, – шепнул Сэм. – Если бы меня убедили, что гномы рыли землю быстро, как барсуки, и ухлопали на это лет так пятьсот – тогда я поверил бы. Но это же не земля, это твердый камень! И главное, зачем им эта затея в голову втемяшилась? Не надо только мне рассказывать, что они тут жили, в этих темных норицах!

– Это не норы, – строго поправил Гимли. – Это великое королевство, или город, называй, как хочешь. Это Гномьи Копи! Не думай, что тут всегда было темно. Мория блистала светом и роскошью. Наши песни хранят память об этом.

Он встал, выпрямился и запел низким голосом, не обращая внимания на эхо, гулко отдававшееся под сводами темного зала:

*Был молод мир и зелен холм,
И с незапятнанным челом
Взирала с высоты Луна²⁵¹
На то, как Дьюрин²⁵² встал от сна.*

*Он пил из девственных ключей;
На безымянный мир вещей
Он наложил узду имен;
Стал холм – холмом, огонь – огнем.
Он наклонился наконец
К Зеркальной Глади – и венец
Из горних звезд, как из камней,
Над отраженьем вспыхнул в ней.*

*Был ясен мир и холм высок,
И день был роковой далек
От нарготрондских Королей²⁵³;
Как жемчуг Западных Морей,
Блистал, не чая злых годин,
Благословенный Гондолин²⁵⁴;
Мир юн, и мир прекрасен был,
Когда час Дьюрина пробил.*

*Он стал могучим королем
В чертоге каменном своем,
Где пол, из серебра литой,
Блистал под кровлей золотой;
В покаях с тысячью колонн
С резного трона правил он;
Он свет изменчивых светил
В шары хрустальные впустил;
Ни ночь, ни хмарь, ни сумрак бед
Не затмевали этот свет.*

*По наковальне молот бил;
Удар кирки скалу рубил;
Кто в камне руны высекал,
Кто в злато оправлял опал;
Строитель ладил и крепил,
Ключарь сокровища копил —
Кольчуги, чешуи звончей,
Клинки сверкающих мечей,
Щит в жемчугах, копье, топор
Ложились в кладовые гор.*

*Не год, не два, не три, — века
Стучала под горой кирка;
Но наступал веселью срок —
И слышал Дьюринов чертог,
Запрятанный в глубинах гор,
То арфы струнный перебор,
То менестреля, в свой черед,
И трубы пели у ворот.*

*Мир одряхлел, он стар и сед.
Огня в плавильне больше нет;
Не слышно молота давно,
В чертоге вымершем темно,
И Дьюрин спит без слов, без дум
В Морийском царстве Казад-дум.
Но все недвижна гладь воды,
И затонувший свет звезды,
Что Дьюрину из вод сверкал,
Все светит из глуби зеркал,
Чтоб вновь венчать его на трон,
Когда от сна очнется он.*

— Мне нравится, — сказал притихший Сэм. — Я бы это выучил. «В Морийском царстве Казад-дум!» Как подумаешь, сколько тут горело

светильников, так тьма кажется еще постылее. А все эти кучи золота и драгоценных камней – где они теперь?

Гимли не ответил. Закончив петь, он погрузился в молчание и не произнес более ни слова.

– Кучи золота? – переспросил Гэндальф. – Ничего здесь, конечно, нет. Орки разграбили Морию дотла. В верхних ярусах не осталось ничего. А в нижние, в шахты и сокровищницы, даже орк не осмелится сунуть носа. С тех пор как гномы ушли отсюда, там никто не бывал. Кладовые затоплены – одни водой, другие страхом.

– За каким же добром гномы рвутся в Морию? – недоуменно спросил Сэм.

– За *мифрилом*, – сказал Гэндальф. – Главное богатство Мории не в золоте и не в бриллиантах: для гномов драгоценности были забавой, а железо – просто послушным слугой. Здесь всего этого было сколько угодно, особенно железа, но не ради железа гномы долбили свои шахты. А золота хватало и в других местах. *Истинное серебро*, или Морийское серебро, добывалось только в Мории. *Мифрил* – эльфийское название. У гномов есть и свое, но они держат его в тайне. *Мифрил* ценился в десять раз дороже золота, а сейчас он и вовсе не имеет цены, ибо на поверхности земли его осталось мало, а промышлять в Мории боятся даже орки. Мифриловая жила идет на север, к Карадрасу, а дальше – во тьму неизвестности. Гномы никому не рассказывают о том, что произошло, однако именно *мифрил*, сказочно обогатив гномье королевство, привел его к гибели: не желая умерять свою алчность, гномы без конца углубляли шахты и в конце концов потревожили дремавший в глубине ужас, названный впоследствии Погибелью Дьюрина. И гномам пришлось бежать из Мории. Теми крупницами, что им удалось унести с собой, завладели орки, а от них истинное серебро попало к Саурону, который жаждал собрать его у себя все до последней чешуйки и требовал от орков, чтобы те платили ему дань не чем иным, как *мифрилом*. *Мифрил!*.. Кто не желал его? Его можно чеканить, как медь, и полировать, как стекло. Гномы знали секрет, как выплавить из него легкий, прочный металл, далеко превосходящий по крепости закаленную сталь. По красоте он был равен серебру, с той лишь разницей, что не чернел и не покрывался патиной. Эльфы обожали *мифрил*. Из него делали *утильдин*, иначе «луносвет», которым нанесен рисунок на дверях

Мории. Между прочим, у Бильбо дома валялась когда-то мифриловая кольчужка. Интересно, что с ней стало? Наверное, пылится среди Мичел Делвингских *матомов*.

– Что?! – вскочил дотоле молчавший Гимли. – Кольчуга из Морийского серебра?! Это же дар, достойный великих королей!!!

– Твоя правда, – кивнул Гэндальф. – Я не стал говорить этого старому хоббиту, но его кольчуга стоит больше, чем все Заселье со всем, что в нем есть.

Фродо промолчал, но не удержался, просунул руку под рубашку и потрогал твердые колечки. Мысль о том, что он носит на себе вещь, равную по цене всему Заселью, поразила его. Неужели Бильбо об этом не знал? Знал, наверное, еще как знал! Вот уж поистине – королевский подарок! Фродо забыл, что он жмет к стене в темных, страшных Копях, и унесся душой в Ривенделл, к Бильбо, а там и в Котомку. Ему вспомнились дни, когда они жили в ней вдвоем с Бильбо, и он понял, что всем сердцем желает одного – вернуться в то время, бродить среди цветов, подстригать лужайки – и никогда, никогда ничего не знать ни о Мории, ни о *мифриле*, ни о Кольце.

Наступило молчание. Усталые путешественники один за другим уснули. Очередь сторожить выпала Фродо. Тьма дышала страхом; он полз из невидимых глубин, проникал сквозь невидимые двери, покрывал лоб хоббита испариной и заставлял его руки коченеть. Фродо напряженно вслушивался, ни о чем больше не думая, но часы ползли, все было тихо, и до ушей Фродо не доносилось ни звука. Смолкли и воображаемые шаги.

Стража уже кончалась, когда Фродо вдруг почудилось: там, где должен был находиться западный выход, мелькнули две бледные светящиеся точки, если не сказать два глаза. Фродо вздрогнул, но тут же невольно уронил голову на руки, чувствуя, что дрема окончательно его одолевает. «Это на часах-то! – ужаснулся он. – Наверное, мне уже снится сон». Он заставил себя подняться, протер глаза и остался стоять, всматриваясь в темноту, пока его не сменил Леголас.

Улегшись, Фродо сразу же уснул, но сон ему приснился тот же – по углам зала слышались шорохи, шепоты, и в дальнем конце разгорались, приближаясь, два бледных огня. Вдруг он пробудился: рядом переговаривались, и на лицо ему падал тусклый свет.

Фродо сел.

– Доброе утро! – приветствовал своих спутников Гэндальф. – Как видите, утро наступило, и самое настоящее! Я был прав. Мы в верхних ярусах Мории, на восточной половине. Сегодня мы должны отыскать Главные Ворота и выйти к Зеркалью, в долину Димрилл.

– Я был бы рад этому, – отозвался Гимли. – Ибо я увидел Морию, и она воистину величественна – но в ней поселились мрак и ужас, и моих соплеменников мы не встретили. Мне начинает казаться, что Балин здесь так и не побывал.

После завтрака Гэндальф решил сразу же трогаться в путь.

– Мы устали, – сказал он, – но отдыхать лучше на воле. Никому, наверное, не улыбается провести здесь еще одну ночь.

– Что верно, то верно, – поддержал Боромир. – Но куда мы пойдем? Какой проход выберем? Восточный?

– Может, и восточный, – уклончиво ответил Гэндальф. – Я еще не могу сказать, где мы. Если я не сбился с пути окончательно, мы сейчас должны быть левее и выше Главных Ворот. Спуститься к ним может оказаться не так-то просто. Восточный проход мне кажется подходящим, но, прежде чем решать, надо осмотреться. Свет идет из северных дверей – видите? Давайте туда подойдем. Если там окно, нам повезло, хотя, боюсь, свет проникает по световодам, и много мы не увидим.

Следуя за проводником, Отряд вошел под северную арку и оказался в широком коридоре. Света стало больше; вскоре выяснилось, что он льется справа, через какой-то боковой проход, отгороженный каменной дверью. Высокая, прямоугольно обтесанная дверь, к общему удивлению, крепко держалась на петлях. Она была полуотворена; за ней обнаружилась большая квадратная зала. Внутри было довольно темно, однако глазам путников, привыкшим к полному мраку, свет показался ослепительно ярким, так что все поневоле зажмурились.

Из-под ног облаком поднялась густая пыль. Порог был загроможден какими-то непонятными угловатыми предметами. Свет проходил через высокое, наискось пробитое в противоположной стороне отверстие; через него, далеко вверху, виднелся крошечный лоскуток синего неба. Луч падал прямо на возвышение, одиноко стоявшее в центре, – цельный продолговатый камень в два локтя от пола, покрытый белой плитой.

– Гробница какая-то, – пробормотал Фродо и со странным предчувствием в душе наклонился над плитой. Гэндальф подошел к нему. На белом камне были высечены руны:



– Это руны Даэрона, – определил Гэндальф. – Такими пользовались жители древней Мории. Первая надпись на гномьем языке, вторая – на языке людей, но обе гласят одно и то же:

БАЛИН, СЫН ФУНДИНА
ВЛАДЫКА МОРИИ

– Значит, он умер, – проговорил Фродо. – Я так и знал.
Гимли закрыл лицо капюшоном.

Глава пятая

Мост Казад-дума

Они молча стояли вокруг гробницы. Фродо подумал о старике Бильбо – Балин был его закадычным другом и даже один раз навестил хоббита в Заселье. Здесь, в пыльном каменном чертоге, затерянном в лабиринте горных переходов, все это сразу куда-то отступило, точно прошла тысяча лет и мир стал другим.

Постепенно все разбрелись по углам в поисках чего-нибудь, что пролило бы свет на судьбу Балина и его соратников. Под окном, напротив входа, нашлась еще дверь, поменьше. У обоих выходов громоздились черепа и кости, а среди них – сломанные мечи, топоры без топорищ, расколотые щиты и шлемы. Среди мечей попадалось много орочьих ятаганов с воронеными клинками.

В нишах, которых было множество, стояли массивные деревянные сундуки, окованные железом. Все они были опустошены и разбиты, но возле сбитой с петель крышки одного из них на полу лежала книга – вернее, груда листов, которые были когда-то книгой. Обгоревшие по краям листы были взлохмачены, во многих местах как бы проколоты кинжалом и залиты чем-то черным – не то кровью, не то чернилами. Прочесть эти остатки было трудно. Гэндальф бережно поднял книгу и перенес на плиту; листы с шорохом по ней рассыпались. Ничего не говоря, волшебник принялся их рассматривать; Фродо и Гимли, стоявшие рядом, видели, как бережно он перекладывает страницы, исписанные множеством почерков. Здесь встречались и морийские, и дейлские руны, а иногда – эльфийская скоропись.

Наконец Гэндальф поднял глаза.

– Судя по всему, это летопись деяний Балина и его соратников, – проговорил он. – Записи были начаты около тридцати лет назад, когда Балин прибыл в долину Димрилл. Страницы пронумерованы, и перед каждым номером указан год, считая от прибытия. На верхней значится «один-три», следовательно, недостает по меньшей мере двух листов. Послушайте, что здесь написано: *«Мы отбросили орков от главных ворот и освободили Караул...»* – я думаю, караульню. Конец слова прожжен. *«Утром, при ярком...»* солнце, надо полагать, *«мы положили в долине множество врагов. Флои пронзила орочья стрела. Он успел*

убить огромного...» Дальше пятно, а затем: «...Флои под травянистым холмом, у Зеркалья». Строка или две неразборчиво, и дальше: «Нами отбит двадцать первый зал в северном крыле; мы намерены здесь поселиться. Здесь...» – не могу понять следующего слова. Чуть дальше идет «окно» и потом: «Балин воссел в Зале Мазарбул».

– В Летописном Зале, – перевел Гимли. – Это, наверное, здесь, где мы сейчас стоим.

– Дальше нечитаемо, и довольно долго, – продолжал Гэндальф. – Я могу разобрать только несколько слов: «золото», «топор Дьюрина» и еще что-то вроде «шлема». А потом: «Отныне над Морией властвует державный владыка Балин». Это, по-видимому, конец главы. Потом звездочки и уже другим почерком: «Мы нашли истинное серебро». Потом что-то вроде «отлично сработано», а потом... подождите... а, ну, это просто: «мифрил»! И наконец, последние две строки: «Он отправился на розыски в верхние оружейни третьей бездны». Потом словно бы «пошел на запад», клякса, «к воротам Остролисии».

Гэндальф замолчал и перевернул несколько страниц.

– Дальше все в том же роде, – сказал он. – Писано в спешке и сильно повреждено. При этом освещении я много не разберу. Потом, похоже, не хватает нескольких листов, так как тут сразу идут страницы под номером пять, то есть год пятый, как я понимаю. Давайте посмотрим... Нет! Ничего не выйдет. Тут все изрезано и залито. Может, когда выйдем на солнце... Погодите! Вот новая рука: почерк смелый, крупный, часто встречаются эльфийские буквы.

– Это, должно быть, Ори, – определил Гимли, заглядывая через руку Гэндальфа. – У него хороший почерк. Вставлять эльфийские буквы – это его привычка.

– Боюсь, этим почерком ему довелось вписать сюда не самые радостные строки, – покачал головой волшебник. – Первое понятное слово «увы». Конца строки не восстановить – только последние четыре буквы: «...нуне». «Накануне», наверное. Дальше читаю: «Десятого ноября Балин, державный владыка Мории, погиб. Он в одиночку вышел в долину Димрилл, дабы спуститься к Зеркалью, но был убит спрятавшимся за камнем лучником. Мы подстрелили орка, но множество других... вверх по Серебряной». Дальше все расплывается,

так что, боюсь, у меня ничего не выйдет... хотя вот, если не ошибаюсь: *«Мы заложили ворота и сможем их удержать, если...»* – а дальше, кажется, *«страшный»* и *«претерпеть»*. Бедный Балин! Он правил Морией недолго – пять лет, и то неполных. Что же произошло? Но у нас нет времени ломать голову над этими загадками. Я прочитаю только последнюю страницу. – Он остановился и вздохнул. – Тяжко читать об этом, ибо всех их, боюсь, постиг жестокий конец. Но слушайте: *«Нам отсюда не выйти. Нам отсюда не выйти. Они захватили мост и второй зал. Убиты Трар, Лони и Нали»*. Четыре строки долой. Дальше: *«Ушли пять дней назад»*. Последние строчки: *«Вода уже у самых ворот. Глубинный Страж²⁵⁵ взял Оина. Нам не выйти. Это конец»*. И еще: *«Снизу слышны барабаны, барабаны»*. Что бы это могло означать? Последние слова для быстроты черкнуты по-эльфийски: *«Идут! Идут!»* На этом записи кончаются. – Гэндальф замолк и погрузился в думу.

Ужас внезапно сжал сердца всем девятерым путникам. Они поняли, что произошло в тронном зале Балина.

– *«Нам не выйти»*, – пробормотал Гимли. – Хорошо, вода чуть-чуть отступила и Страж нас не заметил. Спал, должно быть, в дальнем конце озера...

Гэндальф поднял голову и огляделся.

– Здесь они держали последнюю оборону, – молвил он. – Но к тому времени их уже оставалось мало. Вот, значит, чем кончилась попытка гномов вернуть Морию! Это была отважная, но, увы, безумная затея. Время для этого еще не настало... А теперь, боюсь, пора нам проститься с Балином, сыном Фундина. Пусть он покоится в мире. Это его древняя вотчина – его и его предков. Книгу Зала Мазарбул мы возьмем с собой и позже изучим повнимательнее. Пусть она хранится у тебя, Гимли. Отнесешь ее Даину, если когда-нибудь представится случай. Он захочет ее прочитать, хотя и опечалится. А теперь идем! Утро уже почти миновало.

– Но куда идти? – спросил Боромир.

– Вернемся обратно, – ответил Гэндальф. – Не будем сетовать, что потратили утро на чтение. Теперь я знаю, где мы. По словам Гимли, это – Зал Мазарбул, а большой зал – тот самый Двадцать Первый, о котором упоминается в записях. Мы в северном крыле. Значит, идти надо на восток, но держаться при этом правой, южной стороны. Нам

придется спускаться: Двадцать Первый зал – на седьмом уровне, а Ворота – на первом. Возвращаемся!

Вдруг стены потряс громовой раскат. *Бумм!* – донеслось из глубин. Камни под ногами задрожали. Все в тревоге бросились к дверям. *Думм, думм*²⁵⁶, – прокатилось вниз, словно какой-то гигант бил в стены Мории, как в исполинский барабан. В большом зале оглушительно протрубил рог, ему ответили другие. Послышались хриплые крики. По коридорам рассыпался топот множества бегущих ног.

– Идут! – закричал Леголас.

– Нам не выйти, – проговорил Гимли.

– Ловушка! – воскликнул Гэндальф. – И зачем я только медлил? Мы пойманы точно так же, как они! Но с ними не было меня. Мы еще посмотрим...

Думм, думм, – грохотал, сотрясая стены, барабан.

– Закрывайте двери! Приприте их чем-нибудь! – кричал Арагорн. – Котомок с плеч не снимать! Может, мы еще прорвемся!

– Нет! – остановил его Гэндальф. – Совсем закрывать нельзя! Наоборот – пусть восточная дверь останется распахнутой! Если удастся, будем отходить через нее!

Хрипло проревел рог; ему ответили пронзительные вопли. По коридору застучали ноги бегущих. Зазвенел металл. Отряд обнажил мечи. Гламдринг бледно светился, мерцало по краям Жало. Боромир налег плечом на западную дверь.

– Постой! Подожди закрывать! – Гэндальф оказался рядом с Боромиром и выпрямился во весь рост.

– Кто дерзнул нарушить покой Балина, державного Владыки Мории? – крикнул он громовым голосом.

В ответ словно лавина камней обрушилась в шахту: грянул хриплый хохот, но его тут же перекрыл густой бас, отдававший команды.

Думм, думм, думм! – рокотали глубины.

Гэндальф быстро шагнул к порогу и резко выбросил вперед руку с посохом. Зал и коридор озарила ослепительная вспышка. Волшебник на мгновение выглянул и тут же отпрянул; по коридору засвистели стрелы.

– Орки! Тьмы и тьмы орков! – бросил он. – Причем некоторые особо злобные и сильные: черные Урук-хаи из Мордора. Вспышка их отпугнула, но с ними есть кто-то еще. Надо полагать, пещерный тролль, и хорошо, если один! Мы не пробьемся. Об этом нечего и думать.

– Если они нападут и с другой стороны, мы не пробьемся вообще, – сказал Боромир.

– Пока все тихо, – откликнулся Арагорн, отбежавший к восточной двери – послушать. – Там лестница. Она ведет не в зал, за это я могу поручиться. Но бежать вслепую, с погоней за спиной, нет никакого смысла. Двери нам не запереть: ключа нет, замок сломан, да и отворяется она внутрь. Надо остановить их. Они еще вспомнят Зал Мазарбул! – И Арагорн, сдвинув брови, проверил лезвие Андарила.

Коридор сотрясли тяжелые шаги. Боромир поспешил захлопнуть дверь и заклинить ее осколками мечей и досками. Отряд отступил к противоположной стене, но уходить было еще рано. Снаружи грянул сокрушительный удар; дверь дрогнула и начала медленно приоткрываться. Клинья сдвинулись; в расширившуюся щель до плеча просунулась великанская рука, темная, с зеленоватой чешуей. Внизу показалась огромная, плоская беспалая ступня. За дверью наступила мертвая тишина.

Боромир бросился вперед и обрушил на страшную руку свой меч; но тот, зазвенев, отскочил и выпал из руки удивленного гондорца. На лезвии осталась легкая зарубина.

Тут Фродо, сам себе поражаясь, ощутил прилив боевой ярости. «Да здравствует Заселье!» – завопил он и, кинувшись вперед, со всей силы ткнул Жалом в уродливую ступню. Чудовище взвыло; нога отдернулась так быстро, что хоббит упал вперед, еле успев выдернуть меч. С клинка потекли черные дымящиеся капли. Боромир снова всей тяжестью налег на дверь, и та захлопнулась.

– Один есть! Да здравствует Заселье! – воскликнул Арагорн. – Больно же кусаются эти хоббиты! Хороший у тебя клинок, Фродо, сын Дрого!

Но дверь уже шаталась под новыми ударами дубин и молотов. Что-то треснуло; каменная громада подалась, и зазор между ней и стеной сразу увеличился. В открывшуюся щель со свистом полетели

стрелы; все они тыкались в северную стену и, не причиняя вреда, сыпались на пол. Снова протрубил рог; коридор заполнился топотом, и орки один за другим стали протискиваться в щель между стеной и дверью. Защитники Зала не успевали считать врагов. Атака была мощной, но даже орков ошеломил такой яростный отпор. Леголас уложил двоих, пронзив им горло стрелами; Гимли обрубил ноги наглецу, вспрыгнувшему на могилу Балина; много орков пало от мечей Боромира и Арагорна. Когда рухнул тринадцатый, нападавшие с визгом и воплями отступили, так и не ранив ни одного из защитников Зала, если не считать Сэма, которому орк чуть не снес голову, – но хоббит вовремя пригнулся и, отделавшись царапиной, ловко уложил своего противника достоправным клинком, добытым из Курганов. В карих глазах Сэма полыхал такой огонь, что Тэд Сэндиман не на шутку оробел бы, окажись он в эту минуту поблизости.

– Пора! – позвал Гэндальф. – Не ждите, пока вернется тролль! Бежим!

Но не успели Пиппин и Мерри прыгнуть на первую ступеньку, как в зал ворвался огромный орк – видимо, предводитель племени: громадный, ростом почти с человека, с головы до ног в черной железной чешуе. Лицо у него было плоское, глаза – как угли, язык – ярко-красный; в руке он сжимал огромное копье. Ловко выбросив вперед крепкий кожаный щит, он отразил удар Боромирова меча, со страшной силой оттолкнул гондорца, нырнул под руку Арагорна и, молниеносно, как атакующая змея, ринувшись в гущу Отряда, со всей силы метнул копье прямо в Хранителя. Удар пришелся в правый бок. Фродо отбросило в сторону; наконечник копья пригвоздил его к стене. Сэм с воплем бросился к хозяину, повис на копье, и древко обломилось. Орк выхватил ятаган и кинулся к жертве, но тут ему на шлем обрушился Андарил. Брызнули белые искры, шлем раскололся. Орк упал с разрубленной головой. Остальные, взыв, бежали от разъяренных Арагорна и Боромира.

Дум-м, дум-м, – загрохотали барабаны из бездны.

– Бежим! – кричал Гэндальф. – Сейчас или никогда! Вперед!

Арагорн подхватил Фродо, сползшего по стене, и одним прыжком оказался у двери, толкая перед собой Мерри и Пиппина. Остальные последовали за ним; только Гимли, несмотря на опасность, медлил –

он стоял у могилы Балина, низко склонив голову. Леголасу пришлось схватить его за руку и оттащить силой. Боромир задержался у порога и в последний раз оглядел дверь. С обеих сторон на ней висели большие железные кольца, но замка для них не было.

– Я в порядке, – задыхаясь, проговорил Фродо. – Я пойду сам. Пусти меня.

Арагорн от удивления чуть не уронил его на пол.

– Я думал, ты уже мертв! – воскликнул он.

– Пока вроде нет, – проговорил Гэндальф, внимательно взглянув на Фродо. – Но идем! Удивляться некогда. Все вниз! Когда спуститесь – подождите, но недолго. Если я задержусь – не мешкайте! Помните: вниз и направо!

– Мы не можем тебя оставить, – заспорил Арагорн.

– Делай, что я говорю! – сердито крикнул волшебник. – Ваши мечи здесь бесполезны. Ну же!

На ступени не проникало ни единого лучика; бежать пришлось в совершенной темноте. На ощупь спустившись по темной лестнице, они остановились и глянули назад, но ничего, кроме слабого мерцания Гэндальфова посоха далеко вверху, видно не было. Видимо, волшебник все еще стоял на страже у прикрытой двери. Фродо тяжело дышал и опирался на Сэма, обнимавшего его обеими руками. И вдруг Фродо почудилось, что сверху, негромким эхом отразившись от наклонного свода, донесся голос Гэндальфа, но слов было не разобрать. Стены дрожали; внизу не переставая грохотали барабаны – думм, думм, думм.

Вдруг вспыхнула белая молния; прокатился глухой гром, и наверху что-то тяжело рухнуло. Барабаны загремели, словно обезумев, — думм-бумм, думм-бумм! – и вдруг стихли. Слетев по лестнице, Гэндальф упал к ногам друзей.

– Отлично! Дело сделано! – выдохнул он, с трудом поднимаясь на ноги. – Что мог, я совершил. Но я встретил достойного соперника и чуть не погиб. Что вы тут стоите? Скорей! На свет пока не рассчитывайте – я выбит из седла. Вперед! Ты где, Гимли? Пойдешь со мной! А вы не отставайте – слышите?

Спотыкаясь и гадая, что же могло произойти, остальные поспешили следом.

Думм, думм, – очнулись барабаны. Рокот стал глуше и словно отдалился, но следовал за Отрядом не отставая. Пока о погоне ничто не говорило. За спиной не слышалось ни топота, ни голосов. Гэндальф шел вперед не сворачивая, и коридор, похоже, вел как раз туда, куда требовалось. Время от времени приходилось спускаться на ярус ниже. В каждой лестнице было ступеней пятьдесят, а иногда и больше; лестницы эти были опаснее всего – в темноте не мудрено было пропустить ступеньку и шагнуть в пустоту. Гэндальф простукивал пол посохом, как слепой – тростью.

Через час, пройдя версты с полторы или чуть больше, преодолев не одну лестницу и все еще не слыша за собой погони, беглецы начали надеяться на спасение. После седьмой лестницы Гэндальф внезапно остановился.

– Жарковато становится! – сказал он. Ему явно не хватало дыхания – он говорил с трудом. – Скорее всего, мы на уровне Ворот. Скоро придется повернуть налево, к востоку – было бы только, куда повернуть! Однако надеюсь, что долго искать не придется. Я выдохся. На секунду нужно остановиться. Пусть нам на голову валятся все орки, сколько их есть на свете, – мне нет дела!

Гимли, взяв волшебника за руку, помог ему сесть на ступеньку.

– Что случилось у двери? – спросил он. – Явился тот, кто бьет в барабан?

– Не знаю. – Гэндальф тяжело вздохнул. – Я встретил нечто такое, чего доселе не встречал никогда. Все, что я мог сделать, – это наложить на дверь заклятие, чтобы она не могла открыться. Я знаю много таких заклятий, но все они, если работать на совесть, требуют времени, и все ненадежны: заклятую дверь не откроешь, это правда, но зато ее можно выломать. Я слышал, как галдят орки по ту сторону, и ждал, что они вот-вот разнесут дверь по камешку. О чем они гомонили, я не понял – я не знаю их отвратительного языка. Но одно слово я различил: *гхаш*. Это значит – «огонь». И вдруг в зале появился еще некто или нечто. Я почувствовал его через дверь. Орки притихли – похоже, сами перепугались. Оно взялось за железное кольцо – и тут заметило меня и мое заклятие. Что это было, я даже не догадываюсь, но такой угрозы, какая исходила от этого нового чудища, я не

чувствовал еще никогда. Заклятие, которым оно мне ответило, было ужасно и чуть не сломило меня. Дверь даже перестала на мгновение мне повиноваться и приотворилась! Я вынужден был произнести Повеление. Напряжение превысило все пределы, и дверь рассыпалась в прах. За ней поднялось что-то черное, как туча, и закрыло свет. Меня отбросило на лестницу. Но вместе с дверью рухнула стена, а с ней, должно быть, и крыша Летописного Зала. Боюсь, Балин теперь погребен воистину глубоко. Но, возможно, с ним нашло могилу и еще нечто... Точно, правда, сказать не могу, но проход завален надежно. Никогда еще я так не уставал! Но мне уже лучше. А теперь – что с тобой, Фродо? Некогда было сказать, но я ничему еще в жизни так не радовался, как твоему голосу, когда ты заговорил! Я всерьез думал, что Арагорн несет хотя и очень храброго, но мертвого хоббита.

– Что со мной? – переспросил Фродо. – Я жив и, по-моему, цел. Бок у меня, конечно, болит, меня придавило крепко, но терпеть могу.

– Ну, знаете, – развел руками Арагорн. – Крепче вас, хоббитов, я никого не встречал. Из чего только вас делают? Знать бы раньше! Может, в брийской корчме я вел бы себя учтивее! Такого удара копьем хватило бы и дикому кабану. Тебя могло прошить насквозь!

– Не прошило, как видишь, – слабо улыбнулся Фродо. – Но между молотом и наковальней я побывал.

Он замолчал: дышать было больно.

– Ты весь пошел в Бильбо, – покачал головой Гэндальф. – Я ли ему не твердил, что он большой мастер прятать свои достоинства? Никогда, бывало, не знаешь, что у него за пазухой на этот раз!

Догадался Гэндальф о кольчуге или нет – Фродо так и не понял.

Беглецы двинулись дальше. Вскоре Гимли заговорил: он видел в темноте, и неплохо.

– Мне кажется, впереди что-то светится, – сказал он. – Но это не дневной свет, а с каким-то красноватым оттенком. Что это может быть?

– *Гхаш!* – пробормотал волшебник. – Уж не тот ли это огонь, про который толковали орки? Может, в нижних ярусах пожар? Все равно, пути назад нет.

Вскоре свет увидели все. На стенах заиграли багровые сполохи. Теперь можно было кое-что различить. Коридор круто понижался,

кончаясь низкой аркой; свет, все разгоравшийся, шел именно оттуда. Навстречу дохнуло жаром.

У арки Гэндальф сделал остальным знак подождать, а сам шагнул вперед и остановился. На его лице заплясали красные отсветы. Он отступил.

– Что-то новенькое, – произнес он. – Видно, нам хотят устроить достойную встречу. Но я знаю, где мы, вот что важно! Это Первое Подземелье, ярусом ниже Ворот. Мы вступили во Второй Зал Старой Мории, а это значит, что Ворота уже близко: надо только повернуть налево и преодолеть последние полверсты. Через Мост, по лестнице, а там в Первый Зал – и мы спасены! Но идите сюда, взгляните сами.

Они выглянули из арочного проема. Перед ними лежал подземный зал, выше и гораздо длиннее того, где они ночевали. Они находились ближе к его левой, восточной оконечности, в то время как правая терялась в темноте. Через зал тянулись два ряда гигантских, как башни, колонн, изваянных в виде могучих деревьев; потолок покоился на каменных хитросплетениях капителей, изображавших кроны. В черных гладких стволах тускло отражалось красное зарево. Через пол, минуя подножия двух ближайших колонн, пролегла трещина; в ней бушевало красное пламя – языки огня бесновались у краев трещины и лизали подножия колонн. В накаленном воздухе плавал черный дым.

– Если бы мы пришли по главной дороге, мы оказались бы в западне, – с облегчением заметил Гэндальф. – Будем надеяться, что огонь отрежет нас от погони... Вперед! Времени мало.

Он не успел еще договорить, как неотступные барабаны громыхнули снова – думм, думм, думм. Справа, из сумрака, донеслись вопли и сигналы рожков. Думм, думм! Колонны – и те, казалось, дрожали от грохота, и потревоженные языки пламени высоко взвивались над трещиной.

– Последний рывок! – ободрил Гэндальф. – Если снаружи солнце, мы, может, еще и спасемся. За мной!

Свернув налево, он побежал по гладкому полу зала. Расстояние, однако, оказалось больше, чем представлялось на первый взгляд. За спиной загремел усиленный эхом топот погони. Враги взревели: они увидели беглецов. Зазвенела сталь; над головой Фродо просвистела стрела.

Боромир расхохотался.

– Этого они не ждали! – крикнул он на бегу. – Через огонь им не пройти! Мы по разные стороны!

– Смотрите вперед! – предостерег Гэндальф. – Мы у Моста. Он узок и опасен.

Вдруг у ног Фродо разверзлась черная пропасть. Пол провалился в неведомую глубину. К выходу из зала можно было попасть только по узкому каменному мосту без всяких перил и без ограждений; мост пересекал бездну низкой дугой длиной саженой в семь. Этот мост в древности служил гномам защитой от врагов, на тот случай, если тем удастся занять Первый Зал и внешние выходы. По мосту можно было пройти только вытянувшись в цепочку. Гэндальф остановился; остальные, подбежав, столпились возле него.

– Гимли, вперед! – приказал волшебник. – Пиппин и Мерри – за ним! И сразу – в дверь и на лестницу!

Беглецов засыпали стрелы. Одна попала Фродо в спину, но отскочила; другая застряла в шляпе у Гэндальфа, как черное перо. Фродо оглянулся. За огненной полосой суетились черные фигурки; похоже, орков там собралась не одна сотня. Они потрясали копьями и ятаганами, кроваво-красными в багровых отблесках пламени. *Думм, думм!* – рокотали барабаны все громче и громче. *Думм! Думм!*

Леголас обернулся и положил стрелу на тетиву, хотя враги были слишком далеко. Тем не менее он прицелился – и вдруг рука его дрогнула, стрела упала на камень, а с уст слетел крик ужаса и отчаяния. У огня показались два огромных тролля с каменными плитами в руках: они собирались перекинуть плиты через огонь наподобие мостов. Но не тролли уstraшили Леголаса, и смотрел он не на них. Черные фигурки внезапно расступились, отпрянули и сбились в кучу, словно чем-то напуганные, а в образовавшемся проходе показалось *Нечто*. *Нечто* – другого названия этому существу подобрать было нельзя. К трещине приближалась гигантская тень, а внутри тени угадывалась темная фигура, похожая на человеческую, но гораздо больше. Власть и сила исходили от нее, и перед ней катилась волна ужаса.

Нечто приблизилось к огненной расселине, и пламя опало, словно приглашенное накрывшим его темным облаком. Чудовище одним рывком перенеслось на другую сторону, и огненные языки взвились, словно приветствуя его. В воздухе за клубился черный дым, и

Нечто, объятые пламенем, шагнуло вперед, влача за собой горящий шлейф. В правой руке существа пламенел меч, словно выкованный из огня; в левой извивалась хвостатая плеть.

– А-а! – закричал Леголас. – Балрог! Балрог!²⁵⁷

Глаза Гимли широко раскрылись.

– Погибель Дьюрина! – вскричал он. Топор выпал из его руки, и он закрыл лицо.

– Балрог, – пробормотал Гэндальф. – Вот оно что! – Он пошатнулся и тяжело оперся на посох. – Что за невезение! А я устал, как никогда в жизни!

Темная фигура, струящаяся огнем, стремительно приближалась. Орки с воплями повалили через каменный мост, наведенный троллями. Боромир поднес к губам рог, и под сводами раздался трубный, тысячекратно усиленный призыв. Это на миг внесло смятение в ряды орков. Приостановилась и огненная тень – но лишь на миг. Эхо замерло внезапно, как пламя, задутое черным ветром, и враги снова перешли в наступление.

– Бегите! Быстрее! – крикнул Гэндальф, собирая оставшиеся силы. – Бегите! Этот противник вам не по силам. Я прикрою вас. Бегите!

Арагорн и Боромир не подчинились приказу и встали плечом к плечу на краю пропасти, за спиной волшебника. Остальные остановились у выхода из зала и обернулись – бросить Гэндальфа один на один с врагом не решался никто.

Балрог достиг моста. Гэндальф стоял уже на середине каменной дуги, опираясь левой рукой на посох; в правой холодным белым огнем сверкал Гламдринг. Балрог снова приостановился, словно разглядывая противника. Внезапно тень за спиной чудища взметнулась двумя исполинскими крыльями. Темная фигура занесла плеть, хвосты свистнули и щелкнули. Из ноздрей Балрога вырвалось пламя.

Гэндальф не двинулся.

– Ты не пройдешь, – сказал он.

Орки замерли; наступила мертвая тишина, и голос Гэндальфа зазвучал отчетливее:

– Я – слуга Тайного Огня, и оружие мое – пламя Анора²⁵⁸. Ты не пройдешь. Темное пламя Удуна²⁵⁹ не поможет тебе. Назад, во Мрак!

Ты не пройдешь.

Балрог не ответил. Огонь в нем, казалось, почти угас, зато тьма вокруг него разрослась и сгустилась. Фигура медленно ступила на мост – и вдруг во мгновение ока выросла до чудовищных размеров. Темные крылья распростерлись от стены до стены и нависли над Гэндальфом, но скрыть его не смогли. Маленькая, одинокая фигурка волшебника словно светилась во тьме, и тьма не могла объять его – седой, сгорбленный, он стоял крепко, как столетнее дерево под напором шквала.

Над тенью взвился пылающий багровый меч.

Гламдринг засиял в ответ ослепительной белизной.

Клинки со звоном скрестились, вспыхнуло белое пламя. Балрог отшатнулся, меч его разлетелся на оплавленные осколки. Волшебник закачался, отступил на шаг, но удержал равновесие и снова твердо встал на мосту, преграждая путь врагу.

– Ты не пройдешь! – повторил он.

Одним прыжком Балрог взлетел на мост; плетъ взметнулась и свистнула.

– Мы не можем оставить его одного! – крикнул внезапно Арагорн и бросился на мост. – Элендил! – разнесся по залу боевой клич. – Я здесь, Гэндальф!

– Гондор! – отозвался Боромир и кинулся вперед.

В этот момент Гэндальф поднял посох и, что-то громко крикнув, ударил им по мосту. Посох преломился и выпал из его руки. Все на мгновение ослепли: на мосту словно вспыхнуло белое солнце. Камень затрепал. Прямо под ногами у Балрога зазмеилась трещина; плита, на которой тот стоял, раскололась, остаток моста, дрожа и раскачиваясь, повис над бездной, как язык разинувшей пасть змеи.

Балрог с душераздирающим воплем рухнул с моста и пропал из виду; исполинская тень исчезла в бездне. Но, падая, он успел взмахнуть плетью, и хвосты обвились вокруг коленей Гэндальфа. Тот упал, схватился за камень, тщетно попытался удержаться – и соскользнул в бездну вслед за Балрогом.

– Бегите, олухи! – успел он крикнуть – и исчез.

Огненное зарево погасло, все погрузилось в непроницаемый мрак. Все стояли не двигаясь и не могли оторвать взгляда от бездны,

намертво скованные страхом. Едва успели Арагорн с Боромиром отпрыгнуть на твердый камень, как остаток моста с треском рухнул в пропасть.

– Вперед! – крикнул Арагорн, выводя остальных из оцепенения. – Мы должны выполнить его последний приказ. За мной!

Ничего не видя перед собой, они со всех ног кинулись бежать к выходу из зала, откуда шла вверх большая лестница. Арагорн бежал впереди, Боромир – последним. Лестница заканчивалась широкой, гулкой галереей, и шаги бегущих отдавались вдоль стен протяжным эхом. Фродо слышал, как всхлипывает спотыкающийся рядом Сэм, – и вдруг понял, что сам глотает слезы.

Думм, думм, думм, – рокотали позади барабаны. Теперь удары звучали как погребальный колокол – скорбно и замедленно: *думм, думм...*

Впереди разгорался свет; в потолке прорезались огромные отверстия световодов. Беглецы прибавили ходу и вскоре оказались в просторном чертоге, куда через высокие окна проникал яркий дневной свет. За массивной разбитой дверью в дальней стене, слепя глаза, внезапно засияла солнечная арка Главных Ворот.

За громадными косяками прятался небольшой отряд орков; сами Ворота были сбиты с петель и опрокинуты. Арагорн одним ударом разрубил вставшего на его пути вожака. Остальные стражники в ужасе перед гневом Следопыта разбежались в разные стороны. Отряд миновал уstraшенных врагов, не обращая на них никакого внимания: впереди были Ворота! Наконец беглецы вырвались на волю и что было духу помчались вниз по высоким, обветренным, выщербленным от старости ступеням все дальше и дальше от порога Мории.

Так вопреки всему они снова оказались под небом Средьземелья и ощутили на лицах ветер.

Остановились они только на расстоянии выстрела из лука от Морийских скал. Внизу расстилалась долина Димрилл; луга ее тонули в тени Туманных Гор, но на востоке земля ясно золотилась – шел всего лишь первый час после полудня. В голубом небе плыли высокие белые облака.

За спиной, в полумраке, чернел зев Мории. Земля все еще вздрагивала от размеренных ударов. *Думм! Думм!* В воздухе курился черный дымок. Но долина была пуста. *Думм.* Лишь теперь беглецы

безраздельно отдались своему горю: одни, рыдая, бросились на землю, другие плакали стоя, беззвучно, и никто не считал времени. *Думм, думм.* Барабанный рокот уходил в глубины. *Думм.* Наступила тишина.

Глава шестая

Лотлориэн²⁶⁰

– Здесь оставаться нельзя, – сказал Арагорн, обернувшись и подняв меч. – Прощай, Гэндальф! – крикнул он. – Я предупреждал тебя: *берегись Мории!* Увы! Мои слова оказались пророческими. На что нам теперь надеяться? – Он повернулся к Отряду: – Что ж! Оставим надежду за спиной – и в путь! За нас еще отомстят. Затяните пояса! Вытрите слезы! Впереди долгая дорога и тяжкий труд!

Долина, зажатая меж двух горных отрогов, лежала в глубокой тени. В вышине сверкали три белоснежных пика: Кэлебдил, Фануидол и Карадрас – Горы Мории. Из ущелья в долину по бесчисленным уступам каскадом белых нитей низвергался водопад; у подножия клубилось облако брызг.

– Ступени Димрилла, – показал туда Арагорн. – Они вырублены в скале у водопада. Окажись судьба чуточку милостивее, мы спустились бы по ним, и все было бы иначе.

– Судьба – или Карадрас, – вздохнул Гимли. – Он еще и улыбается! Посмотрите-ка!

Гном погрозил кулаком самому дальнему из заснеженных великанов и отвернулся.

На востоке отрог обрывался; за ним, в дымке, угадывались далекие равнины. Сама же горная цепь тянулась на юг сколько хватало взгляда. В полутора верстах ниже по склону лежало озеро – длинное, овальное, похожее на огромный наконечник копья, с размаху вонзенного в темную глубь северного ущелья. Тень покрывала не все озеро, и дальний его берег лежал среди залитых солнцем лугов, но вода не отражала солнца: она оставалась темно-синей, как чистое вечернее небо, когда смотришь на него из комнаты, где зажжена лампа. Ни рябь, ни волна не нарушали безупречной глади. К четкому, словно вычерченному пером овалу озера террасами спускались луга.

– Вот оно, Зеркалье, глубокий Келед-зарам! – печально молвил Гимли. – Помните, что он говорил? «Желаю тебе его увидеть, но мы должны будем спешить...» Много лиг отшагают мои ноги, прежде чем я снова смогу радоваться! И вот я здесь – и должен спешить. Но ему уже не придется больше никуда торопиться.

Отряд решил идти по дороге, которая начиналась прямо у Ворот. Она была неровной, ухабистой и вскоре превратилась в извилистый проселок, едва приметный в зарослях вереска и дрока, проросшего сквозь трещины в камнях. И все же многое говорило о былой славе прекрасного мощеного тракта, который вел когда-то из равнинных владений гномов к воротам Мории. То и дело у дороги вырастали разрушенные изваяния или зеленые курганы, поросшие тонкими березами и скорбно вздыхающими елями. Вскоре тракт свернул влево; снизу на путников глянула темная синева Зеркалья, а на берегу его, чуть поодаль от дороги, показалась одинокая колонна с отбитой верхушкой.

– Столп Дьюрина! – вскричал Гимли. – Неужели я пройду мимо и не гляну на это диво?

– Только не задерживайся! – разрешил Арагорн, оглядываясь на Ворота. – Солнце садится рано. Орки будут тянуть с погоней до глубоких сумерек. К этому времени мы должны быть уже далеко отсюда. А ночь будет темной. От луны остался узенький серпик, да и тот скоро скроется.

– Идем со мной, Фродо! – крикнул на бегу гном. – Не хочу, чтобы ты ушел из долины Димрилл, не посмотрев на Келед-зарам! – И он поспешил вниз по зеленому склону.

Фродо, прихрамывая, последовал за ним; он устал, бок у него ломило, но темно-синяя неподвижная вода словно притягивала его к себе, и устоять он не смог. Сэм увязался следом.

У колонны Гимли остановился и запрокинул голову. Камень выветрился и пошел трещинами; руны, испещрявшие Столп, стерлись. Даже Гимли не мог разобрать древних надписей.

– Эта колонна установлена в том месте, откуда Дьюрин впервые заглянул в Зеркалье, – сказал он. – Заглянем и мы, пока не ушли отсюда!

Они наклонились над темной водой, но отражений своих не увидели: синь оставалась пустой и бездонно-ясной. Постепенно в прозрачной лазури проступили очертания гор; перьями белого пламени взметнулись снежные вершины. На глади озера отразилось опрокинутое небо, и в нем, словно упавшие в глубину драгоценные камни, сверкнули звезды, хотя с небосвода лился солнечный свет. Но отражений гнома и хоббитов, склонившихся над водой, так и не появилось.

– О дивный и многочисудный Келед-зарам! – прошептал Гимли. – Воды его хранят Корону Дьюрина и будут хранить ее, пока он не очнется от векового сна. Прощай, о дивный и многочисудный!

Он поклонился озеру и поспешил по зеленому ступенчатому лугу обратно к товарищам.

– Ну, и что ты там увидел? – спросил Пиппин у Сэма. Но тот был погружен в свои мысли и не ответил.

Дорога свернула направо – к выходу из долины. Миновав озеро, путники повстречали у обочины глубокий родник, полный хрустально-чистой воды; через каменный край родникового озера перекачивался ручеек и, журча и сверкая, бежал вниз по крутому каменистому ложу.

– Здесь начинается река Серебряная, – сказал Гимли. – Не пейте отсюда! Эта вода – все равно что лед.

– В горах бьет много ключей, так что скоро Серебряная превратится в быстрый поток, – добавил Арагорн. – Нам долго будет с ней по пути, ибо я пойду, как завещал нам Гэндальф, а это значит, что, если повезет, мы доберемся до лесов, где Серебряная впадает в Великую Реку. Видите? – И он показал вперед.

Все посмотрели вслед за его рукой и набирающим силу потоком, но долина тонула в золотой дымке.

– Значит, мы попадем в леса Лотлориэна! – просветлел лицом Леголас. – Нет и не было у эльфов на этой земле пристанища прекраснее, чем Лотлориэн! Даже деревья там растут особые – не те, что в обычных лесах! Осенью листва на них становится золотой, но не опадает, пока не раскроются по весне новые почки. Тогда ветви покрываются желтым цветом, и ты ступаешь по золоту, и глядишь на золотую кровлю над головой, и касаешься колонн из серебра – ибо у

этих деревьев кора гладкая и серая. Так поется в чернолесских песнях. Эльфы Черной Пущи не забыли Лотлориэна. Если бы только сейчас была весна и я мог ступить под лиственную кровлю Золотого Леса! Как я был бы счастлив!

– Я был бы счастлив там и теперь, зимой, – отозвался Арагорн негромко. – Но Лотлориэн еще далеко. Нам надо спешить.

Поначалу Фродо и Сэму удавалось поспевать за остальными, но Арагорн не щадил никого, и хоббиты стали понемногу сдавать. С раннего утра у них и маковой росинки во рту не было. Рана Сэма горела как огонь, голова кружилась. Несмотря на солнце, после теплой Морийской тьмы снаружи казалось знобко, и Сэм понемногу начал стучать зубами. О Фродо и говорить нечего: каждый шаг давался ему все с бóльшим трудом, хоббит хватал ртом воздух и понемногу отставал.

Наконец Леголас оглянулся и, увидев, что хоббиты плетутся далеко позади, сказал об этом Арагорну. Все остановились; Арагорн бегом вернулся к Фродо и Сэму и позвал Боромира.

– Прости, Фродо! – воскликнул он. – Столько событий, спешка – я совсем забыл, что ты ранен! И ты, Сэм! Что же вы молчали? Надо было помочь вам сразу, даже если бы за нами гнались все орки Мории! Скоро вам станет полегче. Неподалеку есть место, где мы сможем немного отдохнуть. Там я вами займусь – посмотрим, что можно сделать. Боромир! Нам придется их понести.

Вскоре путь пересек другой ручеек, бегущий с гор; его говорливые воды вливались в стремительно несущуюся Серебряную и вместе с ней, шумя и пенясь на зеленоватых камнях, низвергались в лощину, затененную низкими, искривленными елями. Крутые склоны лощины густо поросли папоротником-листовиком и черникой. Внизу, у воды, нашлось ровное местечко – здесь река, звонко журча, разливалась по блестящим камушкам широкой отмели. Решено было сделать привал. Минуло уже три часа пополудни, солнце начинало клониться к западу, а они отошли от Ворот всего на несколько верст.

Пока Гимли и младшие хоббиты разжигали костер из еловых веток, Арагорн осмотрел Фродо и Сэма. Рана Сэма была неглубокой, но выглядела угрожающе. Арагорн исследовал ее, сдвинув брови, но вскоре озабоченность с его лица сошла.

– Тебе повезло, Сэм! – сказал он. – Это не рана! Многие за первого убитого орка заплатили куда дороже. В ссадине нет яда, а орочьи клинки часто бывают отравлены. Я ее перевяжу, и она прекрасно заживет. Возьми у Гимли воды, когда согреется, и промой как следует.

Он развязал мешок и достал оттуда несколько сухих листьев.

– Они уже не так чудодейственны, как раньше, – сказал он. – Но все-таки это *ателас* – та самая трава, что я собрал у Пасмурника. Раскроши один листик, положи в воду и смочи этой водой рану, а потом приходи на перевязку. Ну, а теперь ты, Фродо!

– Да я что, я в порядке, – поспешно ответил тот, не очень-то желая раздеваться. – Мне бы поесть и отдохнуть, а больше ничего и не надо.

– Нет, голубчик, – строго сказал Арагорн. – Надо посмотреть, каково это – попасть между молотом и наковальней. Как ты остался жив – до сих пор не понимаю!

Он осторожно, стараясь не причинить боли, снял с Фродо старую куртку и поношенную рубашку – да так и ахнул, но тут же рассмеялся. Серебряная кольчуга заблестела, как морская рябь на солнце, заставив Арагорна сощуриться. Он осторожно снял с Фродо драгоценную вещь и высоко поднял ее; камни засияли, как звезды, а потревоженные кольца зазвенели, будто дождик над озером.

– Смотрите-ка, друзья! – позвал он. – Как вам нравится эта хоббичья шкурка? По-моему, такая и эльфийскому принцу сгодится!²⁶¹ Да если б охотники до мифрила об этом прознали, они все Заселье перевернули бы вверх дном!

– Такой шкурки ни одному охотнику не прострелить, – возразил Гимли, обретая дар речи. – Это же мифриловая кольчуга! Мифриловая! Я никогда такой не видел – да что не видел, и слышать-то не слыхивал! Эта та самая, о которой говорил Гэндальф? Должен сказать, он оценил ее слишком низко. И как удачно, что она была на Фродо!

– А я-то все думал: интересно, о чем они с Бильбо секретничают? – припомнил Мерри. – Старик просто молодчина! Кажется, теперь я люблю его еще больше! Надеюсь, мы ему расскажем, как кстати пришелся его подарок!

Правый бок и вся грудь у Фродо заплыли сплошным синяком. Рубаха из мягкой кожи, надетая под кольчугу, лопнула, и мифриловые кольца впились в кожу. Другой бок тоже был порядком изукрашен –

хоббит сильно ударился, когда отлетел к стене. Пока остальные возились с едой, Арагорн промыл кожу Фродо настоем *ателас*. Лощина наполнилась острым запахом целебной травы. Вдохнув ароматного пара над котелком, все сразу почувствовали прилив сил и бодрости. Фродо ощутил, что боль уходит, и вздохнул полной грудью, – правда, к синякам он еще долго не мог прикоснуться. Арагорн обмотал ему грудь мягкой тканью.

– Кольчуга на диво легкая, – сказал он. – Ты должен носить ее и впредь. Я рад, что у тебя она есть. Не снимай ее, даже когда спишь, пока судьба не приведет тебя в такое место, где можно ничего не бояться. Но в Походе тебе не часто будет выпадать такая удача.

Когда все поели, Отряд собрался идти дальше. Костер загасили и забросали травой, чтобы скрыть следы стоянки; потом, взобравшись по склону, вернулись на дорогу, но вскоре солнце село за горные вершины, и путников накрыла тень, сошедшая со склонов. Подножия гор окутал сумрак; в низинах забелел туман, хотя дальние леса и равнины впереди еще озарял неяркий вечерний свет. Сэм и Фродо пришли в себя, ожили и могли теперь идти, как все, – быстрым шагом. Арагорн вел Отряд еще целых три часа, с одним коротким привалом.

Стемнело, наступила черная ночь. Небо было усеяно звездами, но тонкого серпика луны ждать было еще рано – луна вставала только после полуночи. На этот раз позади шли Гимли и Фродо; они ступали молча, беззвучно, прислушиваясь к каждому шороху за спиной. Наконец Гимли нарушил молчание.

– Ни звука, только ветер, – сказал он уверенно. – Если рядом прячется хоть один гоблин, то у меня не уши, а деревянные колобашки. Будем надеяться, что они выгнали нас из Мории и на том успокоились. Может, им только этого и надо было, а мы сами – то есть мы и Кольцо – их вовсе не интересуем? Правда, если убить вожака, то орки по многу лиг гонятся за обидчиком, чтобы отомстить.

Фродо не ответил. Он взглянул на Жало: клинок не светился. И все же его слух улавливал какие-то подозрительные звуки – или ему только казалось? Когда сумерки вокруг загустели и дорога позади стала неразличимой, за спиной послышался отзвук торопливых шагов. Чудился он ему и теперь. Фродо резко обернулся. В темноте мелькнули

две светящиеся точки. Но в следующую секунду хоббит уже не был уверен, что видел их, – дорога была пуста.

– Что случилось? – обеспокоился гном.

– Не знаю, – пробормотал Фродо. – Мне слышались шаги, а потом я увидел у обочины огоньки, очень похожие на глаза... Правда, я не уверен. В Мории мне тоже все время казалось, что сзади кто-то крадется.

Гимли остановился и нагнулся к земле.

– Ничего не слышу, – пожал он плечами. – Только трава да камни перешептываются между собой – но это их обычное занятие по ночам. Идем быстрее, догоним наших! Смотри – их уже не видно.

Из долины пахнуло холодом. Подул ночной ветер. Впереди замаячила огромная серая тень; слышался нескончаемый шелест листвы – так шумят тополя.

– Лотлориэн! – вскричал Леголас. – Лотлориэн! Мы дошли до окраин Золотого Леса! Какая жалость, что теперь зима!

Над дорогой, словно арка, сомкнулись высокие деревья; ручей нырял под навес распростертых сучьев и пропадал во мгле. В бледном звездном свете стволы казались серыми, а мелко трепещущие листья отливали темным золотом.

– Лотлориэн! – вздохнул Арагорн. – Ветер в кронах! Радость и утешение сердца! Мы всего в пяти лигах от Ворот Мории. Это мало, но дальше нам сегодня не уйти. Будем надеяться, что эльфийский лес и эльфы защитят нас от погони.

– Времена сейчас темные. Может быть, эльфы давно ушли отсюда, – усомнился Гимли.

– Мы давно не бывали в Лориэне, земле наших предков, но, говорят, Лориэн еще не опустел, – возразил Леголас. – Эту землю хранит тайная сила, которая не допускает в Лес никакого зла. Но обитатели Лориэна никому не показываются. Может статься, они ушли в глубь лесов, и у северных границ мы их не встретим.

– Они действительно живут в глубь лесов, – кивнул Арагорн, и по лицу его прошла тень воспоминания. – Сегодня нам придется рассчитывать только на себя. Пройдем чуть подальше, а там свернем и поищем, где заночевать.

Он шагнул вперед, но Боромир медлил. Он явно пребывал в нерешительности.

– Разве это единственная дорога? – спросил он.

– А какую бы предпочел ты? – обернулся к нему Арагорн.

– Прямую, всем понятную, даже если она утыкана мечами! – вырвалось у Боромира. – По чужим и странным тропам ведут нас наши вожатаи, и мы терпим неудачу за неудачей! Разве я не протестовал, когда Гэндальф повел нас в Морию? И разве мы не были наказаны? Теперь ты говоришь, что надо идти в Золотой Лес. Мы, гондорцы, много слышали об этом гибельном крае²⁶², откуда почти никто не возвращается, а если возвращается, то неузнаваемым.

– Неузнаваемым? Это верно: в Лориэне люди меняются и никто не возвращается прежним, – сказал Арагорн, потемнев лицом. – Поистине не осталось в Гондоре прежней мудрости, если в былом Городе Мудрецов говорят о Лотлориэне такие слова! Верь, чему хочешь, но другой дороги для нас нет, разве что вернуться к Воротам Мории или попытать счастья в диких горах, – а можно в одиночку переплыть Великую Реку и посмотреть, что получится.

– Тогда веди! – смирился Боромир. – И все же этот Лес грозит гибелью.

– Это правда, – согласился Арагорн. – Он прекрасен и гибелен, но погибель в нем грозит только тому, кто задумал злое дело. Тем же, кто не таит за пазухой камня, бояться нечего. За мной!

Путники углубились в Лес, но уже через версту путь внезапно преградила быстрая река, бегущая с лесистых холмов, которые уступами поднимались к оставшемуся слева горному кряжу. Слышно было, как во мгле шумит водопад. Темный поток стремительно неся меж высоких берегов и, бурля водоворотами, соединялся среди свисающих в него корней с водами Серебряной.

– Вот и Нимродэль!²⁶³ – возликовал Леголас. – Лесные эльфы сложили о ней немало песен, и мы, северяне, их не забыли. Радуга над водопадами, золотые цветы, которые плывут по течению вместе с пеной... Но сейчас темно, и мост через Нимродэль разрушен... Пойду омочу ноги: говорят, Нимродэль исцеляет от усталости.

Он спустился по крутому берегу и ступил в воду.

– Сюда! – позвал он. – Тут неглубоко. Давайте перейдем на ту сторону! На том берегу самое место для ночлега. Шум воды поможет нам уснуть и забыть о нашем горе.

Друг за другом они спустились к реке и вслед за Леголасом перешли ее вброд. Ступив в воду, Фродо ненадолго остановился и дал воде свободно омыть усталые ноги. Вода Нимродэли холодила, но прикосновение ее было удивительно чистым и приятным, и, когда волны дошли до колен, Фродо почувствовал, что вся дорожная грязь и усталость смыты бесследно и больше не вернутся.

Когда Отряд собрался на другом берегу, Арагорн дал своим спутникам разрешение отдохнуть и поесть. Все устроились поудобнее, и Леголас рассказал множество сбереженных эльфами Чернолесья легенд о Лотлориэне и о том, как ярок был солнечный и лунный блеск на полянах у Великой Реки, пока мир не стал серым и бесцветным, как теперь.

Наконец наступило молчание; только нежный плеск и музыка водопада доносились из полутьмы. Фродо прислушался – и ему померещилось, будто в журчанье воды вплетается голос, поющий песню.

– Слышите? Это поет Нимродэль, – отвечая его мыслям, проговорил Леголас. – Хотите послушать песню о ней? Нимродэль – имя эльфийской девы. Она звалась так же, как и река, на берегах которой она когда-то жила. На нашем, лесном наречии эта песня звучит очень красиво, но в Ривенделле ее сейчас многие поют на Западном Языке. Вот послушайте. – И тихо, так, что шелест листьев по временам почти заглушал его, Леголас начал:

*Эльфийской девою она
Прекрасною была —
Как искорка росы, ясна,
Как серебро, светла.*

*Как солнце на златых ветвях
Лотлориэнским днем,
Алмаз горел в ее кудрях
Немеркнувшим огнем.*

И голос был у девы чист,
И поступью – легка:
Так мчится золотистый лист
По воле ветерка.

Глаза прозрачней, чем слюда,
Певучие уста...
У Нимродэли, где вода
Прохладна и чиста,

Она любила напевать
О всем и ни о чем —
И лился в блещущую гладь
Серебряным ручьем,

И плыл по волнам, как листок,
Плыл и не мог уплыть
Тот голос, коего поток
Так и не смог забыть.

Но путь, что ей пришлось избрать,
Увел ее во тьму...
Ее следов не отыскать
Нигде и никому.

А в Серой Гавани стоял
Корабль золотой —
И долго-долго деву ждал
У пристани морской,

Покуда буря не пришла
Изда могучих гор
И тот корабль не унесла
В бушующий простор.

Исчезла из виду земля,

*Трещит бушприт и грот —
Летит, не слушаясь руля,
Корабль над бездной вод.*

*И к небу Амрот длань вознес,
В глазах его печаль —
И проклял он корабль, что нес
Его от милой вдаль.*

*Он был эльфийским королем
В краю лесных полян —
И был Лотлориэн при нем
Прекраснейшей из стран.*

*Стихии сжалиться моля,
Стоял он, горя полн, —
И прыгнул в бездну с корабля,
В пучину черных волн.*

*Валы вздымались, ветер выл,
И пена до небес —
Но Амрот лебедем поплыл
И среди волн исчез.*

*С тех пор не слышали о нем
Ни Запад, ни Восток.
Что случилось дальше с королем —
Узнать никто не смог.*

Голос Леголаса чуть дрогнул, песня оборвалась.

— Дальше я петь не могу, — сказал он. — Это только начало — я многое позабыл. Песня длинная и печальная — в ней говорится о том, как в Лотлориэн, Лориэн Цветущий, впервые пришло горе, а случилось это оттого, что гномы разбудили зло, дремавшее под корнями гор.

— Гномы не сотворили зла, они только потревожили его, — насупился Гимли.

– Я и не говорил, что гномы сотворили зло. Важно, что оно пришло, – печально вздохнул Леголас. – Когда это случилось, эльфы из рода Нимродэли почти все покинули свои дома и ушли. Ушла и Нимродэль, но на дальнем Юге, на перевалах через Белые Горы, след ее потерялся, и Амрот, ее возлюбленный, так и не дождался Нимродэли, хотя их корабль был готов к отплытию. И теперь по весне, когда ветер шумит молодой листвой, в голос водопада, названного ее именем, вплетается и голос Нимродэли, а когда дует южный ветер, с моря доносится зов Амрота, ибо Нимродэль соединяется с рекой Серебряной, по-эльфийски Кэлебрантом, а Кэлебрант впадает в Великий Андуин, несущий свои воды в залив Белфалас. Там стояли корабли лориэнских эльфов. Но ни Амрота, ни Нимродэли никто и никогда больше не видел.

Говорят, Нимродэль построила себе дом в ветвях дерева, растущего над водопадом. Когда-то у эльфов Лориэна это было в обычае. Может, они и по сей день живут на деревьях. За это их прозвали Галадримами – Древесным Народом. Если зайти в глубь леса, там можно встретить очень большие деревья. Пока не явилась Тень, Лесной Народ не селился под землей и не строил каменных твердынь.

– Времена были благословенные, но, как я понял, спать на деревьях уже тогда казалось спокойней, чем на земле, – угрюмо заметил Гимли и выразительно поглядел сперва назад, на долину Димрилл, а потом – вверх, на темную кровлю сплетенных сучьев.

– А не поступить ли нам по твоему слову, Гимли? – приподнялся с места Арагорн. – Дом нам не построить, но все же мы, по примеру Галадримов, вполне можем поискать убежища наверху, если получится. Мы и так сидим здесь, у дороги, дольше, чем следовало бы.

Они свернули с обочины и углубились в лесную темень, решив идти наверх по течению горной реки. Серебряная осталась за спиной. Неподалеку от уступов водопада росли деревья с особенно могучими серыми стволами; о высоте судить было трудно, но эти великаны легко перекидывали ветви на другую сторону потока.

– Я, пожалуй, попробую забраться, – сказал Леголас. – Деревья – мой дом, от корней до сучьев. Таких я, правда, никогда не видел, хотя слышал о них не одну песню. Они зовутся по-эльфийски *мэллирн*²⁶⁴ и

цветут желтыми цветами... Да, да, это они! Но взбираться на них мне не доводилось. Посмотрим, каковы они и как растут у них ветви!

– Каковы бы они ни были, это чудо небывалое, а не деревья, если на них может устроиться на ночь не только птица, но и хоббит! На шестке я спать не умею, предупреждаю сразу! – заявил Пиппин.

– Тогда советую тебе вырыть норку, – засмеялся Леголас. – Тем более что вашему брату это не в новинку. Но если ты надеешься спрятаться в этой норе от орков, тебе придется попотеть!

Он легко подпрыгнул и ухватился за нижнюю ветку, росшую прямо у него над головой. Он еще качался на вытянутых руках, ища опоры ногами, как вдруг сверху, из мрака кроны, раздался повелительный окрик:

– Даро!

Леголас, пораженный, отпустил ветку и в страхе отпрянул к стволу.

– Стойте и не шевелитесь! – шепнул он остальным. – Тихо!

Наверху негромко рассмеялись; другой голос, такой же чистый и звонкий, как первый, сказал что-то по-эльфийски. Фродо почти ничего не понял: язык Лесных эльфов к востоку от гор разнился от языка их западных собратьев. Леголас поднял голову и ответил на том же языке.

– Кто они? Что они сказали? – шепотом осведомился Мерри.

– Да эльфы же! – сердито зашипел Сэм. – Ты что, не слышишь?

– Да, это эльфы, – развеял сомнения Леголас. – Они сказали, что уж тебя-то ничего не стоит подстрелить даже в темноте: ты так сопишь, что промахнуться трудно.

Сэм поспешил зажать рот ладонью.

– Но они говорят, что тебе нечего бояться, – добавил Леголас. – Они уже давно за нами следят – с тех пор, как услышали мой голос за Нимродэлью и поняли, что я их собрат с севера. Поэтому они позволили нам перейти реку, ну, а потом услышали, как я пою, и окончательно уверились, что мы не враги. А сейчас они хотят, чтобы я и Фродо поднялись к ним. Похоже, им что-то известно о нашем походе. Остальных просят немного обождать и посторожить под деревом, пока они не решат, что делать дальше.

Из мглы наверху спустилась веревочная лестница, серебристо-серая, чуть светящаяся в темноте. Веревки казались тонкими, но вскоре выяснилось, что они могут выдержать несколько человек (или

эльфов) сразу. Леголас легко взбежал наверх; за ним поднялся Фродо, а сзади, стараясь не пыхтеть, вскарабкался Сэм. Ветви отходили от ствола почти под прямым углом, а затем устремлялись вверх; на высоте ствол разделялся, образуя как бы корону из ветвей, и в середине этой короны эльфы укрепляли деревянный настил, *флет*. Сами эльфы называли его *талан*. Попасть на этот помост можно было через круглое отверстие в центре, откуда и спускали лестницу.

Фродо застал Леголаса уже беседующим с тремя другими эльфами. Одеты они были во что-то сумеречно-серое, так что увидеть их было почти невозможно – разве что при резком движении. Эльфы встали; один из них освободил от покрова маленький светильник и направил на Фродо и Сэма тонкий серебряный луч. Вглядевшись в их лица, он спрятал свет и произнес эльфийское приветствие. Фродо запнулся, но подобрал слова и ответил.

– Добро пожаловать! – повторил эльф, теперь уже медленнее и на Общем Языке. – Мы редко говорим по-чужеземному, поскольку живем в глуши лесов и встреч избегаем. Мы не видимся даже со своими северными братьями. И все же есть среди нас такие, кто бывает за пределами края, чтобы узнавать, что творится в мире, и следить за происками врагов – а это требует знания языков, так что переводчики найдутся, и я – первый. Мое имя – Халдир, а это мои братья – Румил и Орофин, но они по-вашему почти не говорят. До нас дошел слух о вашем походе – разведчики Элронда, возвращаясь в Ривенделл через долину Димрилл, зашли и в Лориэн. О хоббитах, или невеличках, мы много лет ничего не слышали и думали, что вас уже нет в Средьземелье. С виду вы не злые создания. Кроме того, с вами эльф, он нашего рода. Даже только ради него мы охотно приветили бы вас у себя, тем более что нас просил об этом Элронд. Но вы должны знать, что мы неохотно пускаем чужеземцев. И еще: сегодня вам придется переночевать прямо здесь, на дереве. Сколько вас?

– Восемь, – ответил Леголас. – Я, четыре хоббита и двое людей. Одного из них вы знаете – это Арагорн. Он Друг Эльфов и потомок людей Запада.

– Имя Арагорна, сына Араторна, в Лориэне знают, – отозвался эльф. – Владычица благоволит ему. Но ты назвал только семерых?..

– Восьмой – гном, – сказал Леголас, помедлив.

– Гном?! – удивился Халдир. – Это уже сложнее! С гномами мы не имеем никаких сношений с самых Черных Лет. И в Лориэн мы их не допускаем. Я не могу позволить ему пройти.

– Но он из Одинокой Горы, и он – приближенный самого Даина, – вмешался встревоженный Фродо. – Это Элронд выбрал его нам в спутники. Он показал себя смелым и преданным другом.

Эльфы тихо поговорили между собой и о чем-то по-эльфийски спросили у Леголаса.

– Ну что ж, хорошо, – решил наконец Халдир. – Пусть идет, хотя это нам не по душе. Отвечают за него Арагорн и Леголас. Но ваш гном пойдет с завязанными глазами. А теперь довольно споров! Вашим спутникам нельзя оставаться внизу. Мы следим за всеми реками и видели, что вдоль гор в Морию с юга двигалось большое орочье войско. С тех пор прошло уже довольно много времени. А на границах нашего леса воют волки. Если вы и впрямь пришли из Мории, как говорите, то погони вам не миновать. Завтра на рассвете вам надо будет отсюда уходить. Хоббиты останутся с нами – мы их не боимся, они совсем не страшные! Остальные переночуют на соседнем дереве – там тоже есть *талан*. Отвечать за них будешь ты, Леголас. Если что-нибудь заметишь, зови нас. А за гномом следи, да получше!

Леголас скрылся в круглом отверстии и быстро спустился вниз передать остальным слова Халдира. Вскоре Мерри и Пиппин уже взбирались на высокий *флет*. Оба запыхались и явно трусили.

– Вот и мы! – отдуваясь, произнес Мерри. – Мы захватили ваши одеяла. Остальное Бродяга закопал в листьях.

– Вы напрасно старались, – улыбнулся Халдир. – Зимой на верхушках деревьев холодно, это правда, даже если ветер с юга, как сегодня. Но еда и питье у нас такие, что согреют без всяких одеял, а если нет – у нас хватит и шкур, и плащей.

Ко второму ужину (который, надо сказать, оказался гораздо плотнее первого) хоббиты отнеслись с единодушным одобрением. Поев, они потеплее укутались в эльфийские меховые плащи, сверху набросили собственные одеяла, подоткнули их – и попытались уснуть; но, несмотря на усталость, никому это не удалось так легко, как Сэму. Остальные ворочались и кричали: хоббиты не любят высоты и никогда не спят наверху, даже если у них в доме этот «верх» есть. А

флет был самой никудышной спальней из всех возможных: ни стен, ни перил! Только с одной стороны эльфы поставили легкий плетеный заслон, который предназначался для защиты от меняющегося ветра.

Пиппин не прочь был немного поболтать перед сном.

– Как бы мне отсюда не скатиться, – беспокоился он.

– Уж если я засну, так я буду спать, – сонно отозвался Сэм. – Ухну отсюда, и то не проснусь, будьте покойны. И чем меньше разговоров, тем быстрее мы все провалимся... то есть завалимся... то есть спать завалимся... ну, вы меня понимаете... – И Сэм провалился в сон.

Фродо лежал и смотрел на звезды, блестевшие среди светлых, слегка подрагивающих листьев. Рядом похрапывал Сэм. На дальнем конце *флета* в сумраке различались серые фигуры эльфов: они сидели неподвижно, обхватив руками колени, и тихо переговаривались. Их было двое; третий спустился на нижние ветви – была его стража. Наконец, убаюканный шелестом листвы над головой и нежным плеском Нимродэли, Фродо заснул – все еще с песней Леголаса в ушах.

За полночь он вдруг открыл глаза. Хоббиты спали, эльфов видно не было. Сквозь ветви тускло просвечивал тонкий серпик луны. Ветер стих. Неподалеку слышался хриплый смех и топот. Звякал металл. Звуки постепенно удалялись и наконец стихли в глубине леса.

В отверстии *флета* внезапно показалась чья-то голова. Фродо в тревоге сел, но тут же понял, что перед ним серый капюшон эльфа. Эльф поглядел на хоббитов.

– Что это было? – спросил Фродо.

– *Ирч!* – свистящим шепотом отозвался эльф, забрасывая на помост свернутую веревочную лестницу.

– Орки! – понял Фродо. – Куда это они собрались?

Но эльфа рядом уже не было.

Все стихло. Листья замерли, даже шум водопада доносился как-то приглушенно. Фродо, дрожа, сел и покрепче завернулся в одеяло. Он благодарил судьбу, что орки не застали их внизу, но догадывался, что деревья тоже не ахти какая защита: спрятаться тут можно, а дальше? Нюх у орков, как у гончих собак, – так по крайней мере говорили; но Фродо знал, что они и по деревьям лазают вполне сносно. Он вытащил Жало; клинок вспыхнул голубым пламенем, но тут же начал тускнеть и

наконец погас совсем. И все-таки чувство опасности его не покидало – скорее наоборот. Он подполз к отверстию и заглянул вниз. Сомнений почти не оставалось: внизу к дереву кто-то подкрадывался.

Не эльф, это точно: под эльфом веточка не хрустнет, травинка не прошуршит. Кто же? Фродо расслышал легкое сопение; затем – царапанье когтей о кору. Стараясь не дышать, он наклонился над отверстием.

Кто-то полз вверх по стволу. Фродо слышал тихое шипение – словно кто-то втягивал и выпускал воздух сквозь сжатые зубы. Вдруг почти у самого настила зажглись два бледных глаза, замерли и, не мигая, уставились вверх – но тут же скрылись; по стволу скользнула какая-то тень, и все исчезло. В следующее мгновение на *флет* легко вскарабкался Халдир.

– Тут кто-то был, но кто – не знаю, – шепнул он. – Я таких тварей еще никогда не видел. Но это был не орк. Я дотронулся до ствола, и он сразу метнулся прочь. Я было подумал, что это кто-то из вас, хоббитов, но вам до него далеко: слишком ловок и лазает, как белка. Я не стрелял: он мог бы подать голос, а нам нельзя рисковать. Орки еще близко. Только что здесь прошел довольно большой отряд. Они переправились через Нимродэль – да будут прокляты их поганые ноги, осмелившиеся осквернить ее! – и двинулись вниз по течению: там есть старая дорога. Видимо, они шли по запаху – мы видели, как они рыщут у берега там, где вы останавливались. Втроем мы не могли вступить с ними в бой, а потому зашли вперед, изменили голоса и направили их по ложному пути, в глубь леса. Орофин поспешил к нашим – предупредить. Из Лориэна ни один орк живым не выйдет. Завтра, еще до вечера, мы выставим у северных границ большой отряд. Вы же, как только рассветет, отправитесь на юг.

На востоке занимался неяркий день. Сквозь желтую листву маллорна просочились первые лучи рассвета, и хоббитам показалось, что к ним на *флет* заглянуло прохладное летнее утро. В просветах качающихся ветвей виднелось бледное голубое небо. Раздвинув листья, Фродо выглянул и увидел внизу долину Кэлебранта: она лежала перед ним как на ладони – светло-золотой лиственный залив, слегка волнующийся на ветру.

Совсем еще ранним, зябким утром Отряд тронулся в путь, возглавляемый теперь Халдиром и его братом, Румилом.

– Прощай, милая Нимродэль! – воскликнул Леголас.

Фродо оглянулся. За серыми стволами мелькнула белая пена водопада.

– Прощай, – повторил он за Леголасом.

Ему вдруг показалось, что нигде и никогда больше он не услышит такого дивного пения бегущей воды. А она все струилась и звенела, и многоголосье ее сплеталось в бесконечно изменчивую, неповторимо прекрасную музыку.

Они вернулись на дорогу, идущую вдоль Серебряной, и некоторое время шли на юг вслед за быстрым потоком. На тропе ясно читались следы орочьих ног. Вскоре Халдир свернул и остановился на берегу, в тени деревьев.

– Там, за рекой, выставлены посты, – сказал он. – Напрасно вглядываетесь! Все равно не увидите.

Он свистнул по-птичьи – и из кустов, густо закрывавших противоположный берег, выступил одетый в серое эльф; капюшон его был откинут, и волосы в лучах утреннего солнца отливали золотом. Халдир умело перебросил через реку моток серой веревки. На том берегу моток был пойман, и конец веревки закрепили вокруг большого дерева, росшего у самой воды.

– Кэлебрант набрал силу – видите? – обернулся к Отряду Халдир. – Тут глубоко для такого быстрого течения, а вода холодная. Здесь, на окраине леса, мы в реку не входим – только если нет иного выбора. Но и мостов сейчас в Лориэне не строят: времена такие, что надо быть настороже. Приходится переправляться иначе. Смотрите!

Халдир закрепил свой конец веревки и легко, как по тропинке, перебежал на тот берег и обратно.

– Меня такой способ устроит, – сказал Леголас. – Но остальные этим искусством не владеют. Им придется плыть?

– Зачем же? – откликнулся Халдир. – У нас есть еще два мотка. Одну веревку мы натянем на уровне плеч, другую – на уровне пояса, и чужеземцы легко перейдут – если, конечно, будут соблюдать осторожность.

Когда переправа была наведена, все один за другим перешли на тот берег – одни медленно, с опаской, другие – более смело. Из

хоббитов отличился Пиппин: он прошествовал по веревке увереннее всех и придерживался только одной рукой – но и он не мог смотреть вниз и шел, впившись глазами в противоположный берег. Сэм, наоборот, судорожно вцепился в ненадежные перила и еле полз, не отрывая подошв от веревки и поглядывая на стремительно несущуюся прозрачную воду, так, словно внизу разверзлась горная пропасть.

Спрыгнув на землю, он облегченно вздохнул:

– Век живи – век учись! Верно говорил мой Старикан. Он, правда, имел в виду садоводство, а не что другое. Чего он не подозревал – так это что мне придется спать в гнездах и бегать по веревкам, словно я не хоббит, а паук! Таких штук даже мой дядя Энди не откалывал!

Когда весь Отряд переправился, эльфы отвязали веревки и две из них смотали. Румил, оставшийся на том берегу, забрал третью, махнул рукой на прощание и, с мотком на плече, отправился назад, на свой пост у Нимродэли.

– Вы ступили на землю Наита Лориэнского, друзья, – объявил Халдир. – Мы иногда называем ее Клин, так как она подобна острому клину, вбитому между Великим Андуйном и Серебряной. А некоторые любят сравнивать ее с наконечником копья... Чужестранцам тайны заповедного Наита заказаны. Поистине, мало кто удостоивался чести ступить на этот берег! А теперь, по нашему уговору, я завяжу глаза гному Гимли. Остальные пока могут идти так – во всяком случае до Эгладыла, древесного города у слияния рек. Там наши жилища.

Гимли принял слова Халдира без восторга.

– Со мной уговора не было, – сказал он мрачно. – Я не случайный бродяга и не пленник, чтобы идти с повязкой на глазах. И я не согладатай. Мое племя никогда не имело дела ни с кем из Вражьих слуг. Мы не сотворили никакого зла эльфам. Я такой же предатель, как Леголас или любой другой из нашего Отряда!

– Не сомневаюсь, – осторожно сказал Халдир. – Но таков закон, а я над законом не властен. Я и так много на себя взял, дав тебе переправиться!

Но гнома было не так-то просто переупрямить. Он расставил ноги, встал поустойчивее и положил ладонь на рукоять топора.

– Я пойду вперед только с открытыми глазами, – заявил он. – А если мне не разрешат, я вернусь к себе, в свою страну, хотя бы мне и

грозила гибель на пути. В Королевстве Даина никто не заподозрит меня в двуличии!

Халдир посуровел.

– Вернуться ты уже не можешь²⁶⁵, – сказал он, сдвинув брови. – Всякий, кто ступил на эту землю, должен предстать перед Владыкой и Владычицей. Отпустить пришельца или задержать его – решают они. А если ты все же попробуешь переправиться – знай, что вдоль реки расставлены часовые. Они пристрелят тебя прежде, чем ты их заметишь.

Гимли выхватил топорик. Халдир и его спутники натянули луки.

– Ох уж эта мне гномья жестоковейность! – пробормотал Леголас.

– Ну, ну, полегче, – вмешался Арагорн. – Пока я – ваш вожатый, вы будете делать то, что скажу я. Разве справедливо выделять гнома из остальных членов Отряда? Да еще так грубо? Мы все завяжем себе глаза, и Леголас в том числе. Вряд ли это скрасит нам дорогу, но так будет лучше.

Гимли внезапно расхохотался.

– Хороши же мы будем! И что? Халдир поведет нас на веревочке, как собаки водят слепых? Послушайте, мне для полного счастья хватит и одного Леголаса! Завяжите глаза мне и ему – и дело с концом!

– Я – эльф, а мы в эльфийском лесу! – вскипел в свой черед Леголас.

– «Ох уж эта мне эльфийская жестоковейность!» Так, Леголас? – нахмурился Арагорн. – Нет уж! Пусть между нами не делают никаких различий. Завязывай нам глаза, Халдир!

– Я потребую возмещения за каждую шишку и каждый сбитый палец, – провозгласил Гимли, когда ему надевали повязку.

– Тебе не придется требовать возмещения, – возразил Халдир. – Вы останетесь довольны. Тропы у нас прямые и ровные.

– Увы безумию наших дней! – поморщился Леголас. – Все мы – враги одного Врага, но я почему-то должен идти по эльфийскому лесу с повязкой на глазах! А в лесу этом светит веселое солнышко и листья блестят, как золото!

– Может, ты и прав, – сказал Халдир печально. – Видно, воля Черного Властелина действует и в нас самих! Ни в чем она так не заметна, как в отчуждении, когда оно проникает в ряды его врагов! Но

в мире за пределами Лориэна почти не осталось ни веры, ни чести – нигде, кроме Ривенделла. Мы не можем на свой страх подвергать наш край опасности. Лориэн – остров среди моря напастей. Наши руки отвыкли от лютен и сдружились с тетивой. Реки долго были нам защитой, но теперь надеяться на них нельзя, ибо Тень продвинулась слишком далеко на север. Мы окружены. Некоторые поговаривают о том, чтобы уйти, но, кажется, мы уже опоздали. Горные перевалы на западе заволокло мглистыми туманами зла, пустынные земли к востоку от нас кишат слугами Саурана. Ходят слухи, что и южный путь, через Рохан, стал теперь небезопасен. А устье Андуина стережет Враг... Даже доберись мы до Моря – нам нет убежища на берегу. Правда, говорят, что Гавани Высших эльфов еще существуют, но они слишком далеко, на северо-западе, за страной Невеличков. Наши Владыки, может, и знают, где это, но я – нет.

– Ты же видишь нас, а остальное несложно и додумать, – сказал Мерри. – Между прочим, к западу от моей страны, Заселья, вроде были какие-то Гавани.

– О счастливый народ! – вскричал Халдир. – Жить близ Моря! Много лет уткло с тех пор, как мои соплеменники в последний раз вдыхали морской ветер, хотя память о нем жива в наших песнях. Расскажи мне о Гаванях! У нас еще есть время – дорога неблизкая.

– Я там не был, – смутился Мерри. – Я до этого раза вообще никогда из дому не уходил. А если бы я знал, что творится в мире, я бы, наверное, так дома и остался – просто духу не хватило бы.

– Неужели ты не пожелал бы увидеть дивный Лотлориэн? Мир и вправду полон опасностей, и в нем много темного, но много и прекрасного. Нет такого места, где любовь не была бы омрачена горем, но не становится ли она от этого только сильнее? Некоторые из нас поют в песнях, что Тень отступит и в Средьземелье вновь воцарится покой. Но я не верю, что мир когда-нибудь станет прежним и что солнце засияет по-старому. Для эльфов покой может стать в лучшем случае передышкой, которая даст им возможность без помех достичь Моря и покинуть Средьземелье. Увы! Я так люблю Лотлориэн! Как жить, если вокруг не растут маллорны? И есть ли они за Великим Морем? Об этом никто не знает...

Разговаривая так, они вместе с остальными осторожно пробирались по лесным тропам. Халдир вел, второй эльф замыкал

цепочку. Земля мягко ложилась под ноги, спотыкаться было не обо что; вскоре, привыкнув, гости Лориэна пошли увереннее, уже не боясь ушибиться или упасть. Фродо ощутил, что, как только ему завязали глаза, слух и все другие чувства резко обострились. Он различал в смешанном лесном аромате запах деревьев и примятой травы; на разные голоса переговаривались листья; справа шумела река, с неба доносилось тоненькое пересвистывание птиц. Иногда на лицо и руки падали теплые солнечные лучи – это значило, что тропа проходила через поляну.

Надо сказать, что, едва ступив на другой берег Серебряной, Фродо ощутил странную уверенность в том, что переправился не через реку, а через время²⁶⁶ и попал в один из уголков Старших Дней. Ему казалось, что он ступает по земле мира, которого больше нет. И уверенность эта крепла с каждым шагом, приближавшим их к сердцу Наита. В Ривенделле было совсем иначе – правда, там жила Память о прежних днях, о древних эпохах, но и только; в Лориэне же прежние времена смешивались с нынешними, и живущие здесь воочию лицезрели давно ушедшие дни. Обитатели Лориэна видели Зло и были о нем наслышаны; они познали печаль и с тех пор боялись внешнего мира и не доверяли ему. На границах Леса были волки... Но в сам Лориэн Тень не могла проникнуть: доступ туда был ей закрыт.

Отряд шел весь день, пока в лицо не повеяло холодком и не зашептались над головой листья под первым порывом ночного ветра. Тогда путники остановились на ночлег – и в эту ночь спали прямо на земле, ничего не опасаясь; к тому же проводники не разрешили им снять повязки даже на ночь, а с завязанными глазами на дерево было не взобраться. Утром они снова двинулись в путь, никуда не спеша и не суется. В полдень сделали привал; Фродо почувствовал, что деревья кончились и вокруг раскинулась залитая солнцем поляна. Внезапно со всех сторон послышались голоса.

Оказалось, что навстречу двигался большой отряд эльфов. Эльфы шли совершенно бесшумно – вот почему Фродо слышал их, только когда они приблизились. Они спешили к северным границам – отразить возможное нападение из Мории; кроме того, они сообщили Халдиру кое-какие новости, часть которых тот пересказал. Орки, перешедшие за Нимродэль, были схвачены и почти все уничтожены;

остатки бежали на запад, в горы, но эльфы выслали за ними погоню. Кроме того, в лесу было замечено странное существо: оно передвигалось согнувшись, касаясь руками земли, как зверь, и в то же время на зверя было не похоже. Схватить его не удалось, а стрелять в него разведчики не стали, не зная, добрая это тварь или злая. Существо шмыгнуло вдоль берега Серебряной и пропало ниже по течению.

– Это еще не все, – продолжал Халдир. – Владыка и Владычица Галадримов велели мне снять с ваших глаз повязки. Да, да! Это относится и к гному Гимли! Такое впечатление, что Владычица знает каждого из вас по имени и знает, куда и зачем вы идете! Должно быть, прибыли свежие вести из Ривенделла...

Первым он снял повязку с Гимли и, низко поклонившись, произнес:

– Не гневайся! Смотри на нас отныне глазами друга, и да радуется твое сердце, ибо со времен Дьюрина ты – первый гном, который увидел деревья Наита Лоризэнского!

Когда дошла очередь до Фродо и повязка упала с его глаз, он огляделся – и замер, не дыша. Они стояли на просторной поляне; слева круглился холм, покрытый травой, и трава на нем зеленела так, как могли зеленеть только весенние луга Старших Дней. Холм венчала двойная корона деревьев. Внешнее кольцо составляли белоснежные, безлистые и прекрасные в своей наготе неизвестные великаны; внутреннее – гигантские маллорны, одетые в светло-золотой убор. В середине, возвышаясь над остальными подобно могучей башне, стояло одно-единственное дерево; высоко среди его ветвей белел *флет*. Зеленые склоны холма и трава у подножия деревьев были усеяны маленькими звездчатыми цветками, золотившимися на солнце. Среди них на тонких стебельках покачивались другие – белые, светло-зеленого оттенка; они искрились в густой траве, словно капли росы. Над холмом синело небо, послеполуденное солнце обливало кроны яркими лучами, и деревья отбрасывали длинные зеленые тени.

– Вот он, Керин Амрот²⁶⁷! – торжественно проговорил Халдир. – Некогда это было сердце древнего эльфийского государства. Перед вами – курган Амрота, где в прежние, счастливые времена был его дом. Здесь, в невянущей траве, вечно цветут зимние цветы – желтый *эланор* и белый *нифредил*²⁶⁸. Здесь мы ненадолго задержимся, а к вечеру будем в городе Галадримов.

Все бросились в благоухающую траву; но Фродо остался стоять, не в силах прийти в себя от восхищения. Ему казалось, что он сделал шаг в окно, распахнутое в давно исчезнувший мир. Он видел, что на этом мире почиет свет, для которого в его языке слов не находилось. Все, на что падал взгляд, было четким и словно очерченным одной линией, как будто каждую вещь задумали и создали только что, прямо на глазах; и вместе с тем каждая травинка казалась неизмеримо древней. Цвета были знакомые – золотой, белый, синий, зеленый; но все они были такими свежими, так золотились, белели, синели и зеленели, что Фродо казалось, будто он видит их впервые и только сейчас придумывает им названия – новые и достойные удивления. Зимой здесь невозможно было бы оплакивать весну или лето. Ни в чем, растущем на этой земле, не было ни болезни, ни уродства, ни изъяна: на землю Лориэна порча не проникала²⁶⁹.

Фродо обернулся и увидел, что рядом стоит Сэм; верный слуга ошеломленно оглядывался и всюду тер глаза, словно надеялся проснуться.

– И это все днем! При солнце! – пробормотал он. – Я думал, эльфам полагаются луна и звезды, а тут день, и тоже эльфийский! Я о таком никогда не слышал. Знаете, какое у меня чувство? Будто я внутри песни – понимаете?

Халдир посмотрел на них и, похоже, понял все – и высказанное и невысказанное.

– Вы ощутили власть Владычицы Галадриэль, – улыбнулся он. – Не хотите ли подняться со мной на Керин Амрот?

Легким шагом он направился к холму. Фродо с Сэмом последовали за ним. Фродо шел и глубоко дышал; прохладный ветерок колыхал живые цветы, овеивал лицо, и хоббиту казалось, что он попал в мир, где нет времени, где ничто не увядает, не меняется и не становится уделом забвения. И когда он, Фродо, странник из далекого Заселья, покинет эту страну и уйдет своим путем, ничто не изменится – он останется здесь, на траве, среди эланоров и нифредилов дивного Лотлориэна, и вечно будет подниматься на вечный холм.

Они ступили в кольцо белых деревьев; тотчас же подул южный ветер, и ветви вздохнули. Фродо остановился – с ветром до его слуха донеслось дыхание Великих Морей, шум прибоя у давным-давно

исчезнувших берегов и крик морских птиц, каких нет больше в Средьземелье.

Халдир ушел вперед; он уже взбирался на *флет*. Фродо хотел последовать за ним, случайно коснулся ствола рядом с лестницей – и подивился: никогда еще он так не чувствовал дерева, не замечал, как шершава и упруга кора, не ощущал, что в глубине ствола таится жизнь. Прикосновение показалось ему удивительно приятным – но он любовался деревом совсем не как лесничий и уж конечно не как плотник: это была радость от общения с мыслящим, живым, чувствующим существом – таким же, как и он сам.

Когда Фродо взобрался на обширный настил, Халдир взял его за руку и повернул лицом к югу.

– Взгляни сперва туда! – предложил он.

Фродо посмотрел – и увидел в отдалении еще один холм, а может, и не холм, а могучую рощу невиданно высоких деревьев, целый город, состоящий только из зеленых башен; но что это было на самом деле, холм или роща, хоббит сказать не мог. От этого холма – или рощи – исходил почти неразличимый для глаза свет и какая-то невидимая сила – та самая, что властвовала над всем Лориэном. Фродо внезапно понял, что ему хочется превратиться в птицу и полететь в этот зеленый город, обещавший сердцу мир и покой. Он перевел глаза на восток и увидел лориэнские леса, а за ними – светло блестящую ленту Андуина. Но за рекой свет мерк; там лежали обычные, знакомые земли – плоская пустынная равнина, подернутая туманом, бесформенные холмы и пугающая черная стена вдали. Казалось, солнце, светившее над Лотлориэном, не имело власти рассеять тьму, скопившуюся за мрачным всхолмьем.

– Это форпосты южного Чернолесья, – заметив, куда он смотрит, сказал Халдир. – Холмы, покрытые черным ельником. Деревья там душат одно другое, и ветви у них постепенно гниют и отсыхают. В глубине этих ельников, на скале, возвышается Дол Гулдур. Одно время там скрывался Враг, и его долго никто не мог опознать. Мы боимся, что сейчас крепость вновь стала обитаемой. Мощь ее возросла семикратно. В последнее время над ней часто висит низкая черная туча. Отсюда, сверху, хорошо видно противостояние двух сил. Невидимая брань ведется уже и теперь, но свет проникает в сердце

тьмы, а тайна света Врагу не ведома – пока не ведома. – Он повернулся и быстро спустился вниз; Фродо и Сэм последовали за ним.

У подножья холма Фродо увидел Арагорна; тот стоял молча и неподвижно, словно сам превратился в дерево. В руке он держал маленький золотистый эланор. Глаза Бродяги светились. Казалось, он погрузился в какое-то светлое воспоминание; Фродо посмотрел на него и понял, что тот заново переживает событие, случившееся здесь раньше, в давние годы, и навеки удержанное вечно длящейся памятью Лориэна. Арагорн и сам, казалось, перенесся в то мгновение. Суровых лет, оставивших на его лице неизгладимый отпечаток, как не бывало: он вновь был юн, высок и светел ликом. Внезапно Фродо почудилось, что он облачен в белое. «Сын короля», – подумалось Фродо. И вдруг с уст Арагорна слетели слова на эльфийском языке – но того, с кем он говорил, Фродо не видел.

– *Арвен ванимелда, намариэ²⁷⁰!* – произнес Арагорн, вздохнул и, очнувшись от забытья, с улыбкой посмотрел на Фродо. – Мы – в сокровенном святилище эльфийских владений, – молвил он. – Здесь когда-то осталось мое сердце, и здесь оно пребудет, если в конце темных дорог, на которые мы с тобой ступили, не воссияет свет. Идем!

Взяв хоббита за руку, он вместе с ним пошел прочь от холма Керин Амрот – чтобы в этой жизни больше уже сюда не вернуться.

Глава седьмая

Зеркало Галадриэли

Солнце уходило за горный кряж; в лесах сгущались тени. Отряд продолжал путь. Вокруг плотной стеной сомкнулись сумерки: там, в чаще леса, день уже кончился. Из-за стволов на тропу выступила ночь, и эльфы зажгли свои серебряные светильники.

Вдруг впереди открылась новая поляна, и над головой раскинулось бледное вечернее небо, проколотое ранними звездами. Широкая полоса травы, на которой не росло ни единого деревца, полумесяцем охватывала глубокий ров, погруженный в мягкую вечернюю тень; но край рва еще зеленел, словно отсвечивая памятью о только что скрывшемся солнце. На дальней стороне поднималась огромная зеленая стена, окружавшая высокий зеленый холм, а на холме высились маллорны – таких великанов путешественники еще не

видели даже здесь, в Лориэне. В сумерках они высились над зеленой стеной, как живые башни. На ярусах ветвей, среди непрестанно трепещущих листьев, мерцали бесчисленные огоньки – зеленые, золотые, серебряные. Халдир повернулся к Отряду.

– Добро пожаловать в Карас Галадон²⁷¹! – провозгласил он. – Перед вами – город Галадримов! Здесь живут Владыка Кэлеборн и Галадриэль²⁷², Владычица Лориэна. Но с этой стороны входа нет. Придется обогнуть стену, а это путь неблизкий, поскольку город велик.

По ближнему краю рва шла дорога, мощенная белым камнем. Огибая стену, путники замечали, что зеленое облако крон слева от них уходит все выше в небо, – пока глазам наконец не открылся весь холм целиком, усыпанный звездами огней. Впереди показался белый мост, перекинутый к большим воротам, выходящим на юго-запад. Концы стены далеко заходили друг за друга; внешний виток спирали кончался воротами. На створках, высоких и мощных, сияло множество светильников.

Халдир несколько раз стукнул в ворота и произнес какое-то слово; ворота бесшумно отворились, и путники вошли. Фродо искал глазами привратников, но никого не увидел. По коридору между внешней и внутренней стеной спирали шла тропа; пройдя по ней, пришельцы вступили в древесный город. Улицы этого города казались пустынными, не было слышно и шагов – но воздух звенел от доносившихся сверху голосов, а со склонов холма лилась песня, звеня, как ласковый дождь в густой листве.

Много тропинок и много лестниц пришлось им оставить позади, прежде чем они добрались до верхних ярусов холма и оказались посреди широкой лужайки, у мягко шумящего фонтана, подсвеченного серебряными светильниками. Светильники висели на ветвях деревьев, окружавших серебряный бассейн с бьющей вверх белоснежной струей. На дальнем конце лужайки стояло дерево – великан из великанов, самый огромный маллорн среди всех маллорнов Карас Галадона. Гладкий, словно обтянутый серым шелком ствол воздвигся над головами пришельцев, как замок. Чтобы увидеть нижние ветви, приходилось запрокидывать голову. Крепкие, могучие сучья высоко распростерлись над поляной; вверху клубились темные гроззовые облака листьев. К стволу была приставлена широкая белая лестница, а рядом на траве сидели три эльфа. Завидев пришельцев, эльфы

вскочили; Фродо заметил, что все трое отличаются высоким ростом и облачены в серые кольчуги. С плеч стражников ниспадали белые плащи.

– Здесь живут Кэлеборн и Галадриэль, – благоговейно произнес Халдир. – Они желают, чтобы вы взошли наверх для беседы с ними.

Один из стражников протрубил в маленький рог; на чистый звонкий призыв сверху ответило еще три рога.

– Я поднимусь первым, – сказал Халдир. – За мной пусть идет Фродо, а следом Леголас. Остальные – как им угодно. С непривычки путь может показаться долгим, но по дороге можно отдохнуть.

Много *флетов* насчитал по пути Фродо: одни возникали справа, другие слева, третьи лепились к стволу так, что лестница проходила насквозь. Медленное, долгое восхождение закончилось на головокружительной высоте, у обширного *талана*, напоминавшего палубу корабля. На *талане* был выстроен дом – такой и на земле, у людей, почитался бы дворцом. Вслед за Халдиром хоббит переступил порог и оказался в овальном чертоге; ствол маллорна, сузившийся к вершине, пронизывал зал посередине, словно мощная колонна.

Чертог был залит мягким светом; стены отливали зеленью и серебром, потолок – золотом. Множество эльфов собралось в высоком зале Лориэна, ожидая прибывших. У ствола на двух тронах, под пологом живых ветвей, восседали Кэлеборн и Галадриэль. Приветствуя гостей, они встали, как заведено было у всех эльфов, даже у могущественнейших властителей и королей; оба были очень высокого роста, причем Галадриэль не уступала Кэлеборну. Облачены они были в белое. Прекрасными и суровыми показались гостям Владыки Лориэна. Волосы Галадриэли струились по плечам, как темное золото, волосы Кэлеборна сияли, как серебро. Оба, и Владыка, и Владычица, казались бы юными, если бы не их очи, сверкавшие, как звездные лучи, глубокие, как бездонный родник, хранившие память бесчисленных лет, оставленных позади.

Халдир вывел Фродо вперед, и Владыка Кэлеборн приветствовал его по-эльфийски. Галадриэль не произнесла ни слова, но взгляд ее остановился на Фродо и долго не отпускал его.

– Сядь рядом со мной, Фродо из Заселья! – пригласил Кэлеборн. – Беседа начнется, когда подойдут остальные.

Кэлеборн учтиво приветствовал входящих, каждого называя по имени:

– Привет тебе, Арагорн, сын Араторна! Тридцать и восемь лет минуло за пределами нашей страны с тех пор, как мы приветствовали тебя здесь впервые. Вижу, что годы эти легли тяжким бременем на твои плечи. Но конец близок, каким бы он ни был. Отложи заботы и отдохни!

Дай тебя обнять, о сын Трандуила! Наши северные братья – редкие гости в Лориэнских лесах!

Здравствуй, Гимли, сын Глоина! Много воды утекло с тех пор, как дети Дьюрина в последний раз приняты были в Карас Галадоне. Но сегодня закон, столь долго тяготевший над нами, нарушен. Да будет это знаком, что мир помрачился не навечно, что лучшие дни не за горами и что дружба наша возобновится!

Гимли поклонился в пояс.

Когда гости сели, Кэлеборн еще раз оглядел их всех по очереди.

– Вас восемь, – поднял он брови. – В посланиях, которые мы получили, говорилось, что в поход выступило девятеро. Но может, Совет изменил свое решение и нам не успели сообщить об этом? Дом Элронда далеко, меж нами сгущается тьма, а в этом году тени стали еще длиннее.

– Нет, Совет не менял своего решения, – проговорила Владычица. Голос ее был ясным и мелодичным, хотя и необычно низким. – Девятым вышел Гэндальф Серый, но наших границ он не пересек. Скажите же нам, где он, ибо я желала говорить с ним. Доколе он не пересечет пределов моей страны, мне не дано видеть, что с ним случилось: его окружает серый туман, и пути его, как и пути его мыслей, от меня скрыты.

– Увы! Гэндальф Серый рухнул в бездну, и его взяла Тень, – опустив голову, сказал Арагорн. – Он остался в Мории: судьба не позволила ему выйти наружу.

Изо всех углов зала послышались горестные и недоуменные восклицания.

– Злые вести! – молвил Кэлеборн, и лицо его затуманилось печалью. – Таких горестных известий мы не получали еще ни разу за все долгие годы, хотя и они полны были скорбей и разочарований.

Он повернулся к Халдиру и спросил у того по-эльфийски:

– Почему мне об этом ничего не сказали?

– Мы не говорили с Халдиром о наших делах, – ответил за него Леголас. – В первую ночь мы слишком устали и к тому же спасались от погони, а потом, на дивных лориэнских полянах, память о нашем горе на время притупилась – и нам не хотелось ее тревожить.

– И все же горе наше велико, и утраты нам ничто не возместит, – опустил голову Фродо. – Гэндальф был нашим проводником, провел нас через Морию и спас от неминуемой смерти, а сам упал в подземную пропасть и погиб.

– Поведайте нам об этом! – молвил Кэлеборн.

Тогда Арагорн заговорил и рассказал обо всем, что приключилось на перевале через Карадрас и в последующие дни; он поведал о Балине и о найденной книге, о битве в Зале Мазарбул, об огненной расселине и узком мосте через бездну и, наконец, о явлении Неведомого Ужаса.

– То была некая злая сила, пришедшая из Древнего Мира, я в этом уверен, ибо прежде ничего подобного не видел, – развел он руками. – В этом существе соединились мрак и огонь – страшный, неведомый огонь!

– Это был один из Балрогов Моргота, – молвил Леголас. – После Того, кто восседает на троне в Черной Башне, Балроги – самые страшные враги эльфийского рода!

– Воистину, я узрел на мосту в Мории того, кто является нам лишь в самых черных кошмарах и кого мы зовем Погибелью Дьюрина, – тихо проговорил Гимли. Его глаза были полны ужаса.

– Увы! – воскликнул Кэлеборн. – Мы давно подозревали, что под Карадрасом дремлет Ужас. Если бы я знал, что гномы вновь растревожили Морийское Зло, я и тебе, и всем, кто с тобой идет, запретил бы пересекать наши северные границы²⁷³. Не знай я Гэндальфа, я заподозрил бы, что ему после долгих лет впервые изменила мудрость, ибо только безумец без крайней нужды направит свой шаг прямо в ловушку Мории!..

– Такое суждение было бы чересчур поспешным, – сурово возразила Галадриэль. – За всю свою жизнь Гэндальф не совершил ни одного случайного или необдуманного поступка. Те, чьим вожатаем он был, не знали его мыслей и не могут отвечать за него. Ведомых винить не за что. Не раскаивайся, о мудрейший, что допустил в Лориэн гнома! Если бы наш народ скитался в изгнании вдали от Лотлориэна – кто из

Галадримов, будь он сам Кэлеборн Мудрый, оказавшись вблизи, удержался бы, чтобы не бросить взгляд на свою древнюю вотчину, даже если бы она превратилась в логовище драконов? Темна вода Келед-зарама, и холодны ключи Кибил-налы, и что могло быть прекрасней многоколонных залов Казад-дума в дни Старшей Эпохи, прежде чем пали могучие властители каменных чертогов?

Она посмотрела на Гимли, стоявшего насупившись, с потемневшим лицом, и улыбнулась. Услышав имена, произнесенные на гномьем наречии, гном поднял глаза и встретился взглядом с Галадриэлью, и ему почудилось, что он проник в самое сердце давнего врага – и обнаружил там любовь и понимание. На лице гнома отразилось изумление; и вдруг он улыбнулся в ответ, неуклюже встал и, поклонившись по-гномьи, торжественно проговорил:

– Но еще прекрасней живая трава Лоризна, а Владычица Золотого Леса затмевает красотой все бриллианты подземелий!

Наступило молчание. Наконец Кэлеборн заговорил снова:

– Я не знал, какие тяготы выпали вам на долю. Пусть Гимли забудет резкие слова, которые я произнес в скорби и сердечной тревоге. Я сделаю для вас все, что в моих силах, все, чего бы вы ни пожелали, и дам все, в чем бы вы ни нуждались. Особо я хотел бы помочь одному из невеличков – тому, на кого возложено главное бремя.

– Мы знаем, что это за бремя, – молвила Галадриэль, глядя на Фродо. – Но говорить об этом открыто не будем. Может статься, вы не напрасно пришли к нам за помощью – как я теперь понимаю, Гэндальф хотел этого. Владыку Галадримов считают мудрейшим из эльфов Средьземелья, и даров, какими он одарит вас, не властны дать никакие короли и властители. Еще не встала первая заря, когда он поселился здесь, на Западе, и все эти бесчисленные годы я была с ним рядом. Ибо мы пришли сюда из-за гор, когда пал Нарготронд, или Гондолин, и вот уже многие века ведем борьбу, обреченную на поражение²⁷⁴. Это я собрала первый Белый Совет, и, не пойдя мои замыслы прахом, его возглавил бы Гэндальф Серый. Может, тогда все сложилось бы иначе... Но и теперь у нас остается надежда. Не стану вам ничего советовать – ибо моя сила не в содействии и не в противодействии, и не в том, чтобы указать вам тот или иной путь. Но я знаю прошлое и настоящее, и – отчасти – будущее. Скажу вам только одно: вы идете по лезвию ножа. Стоит потерять равновесие – и дело

обречено на неудачу, а это будет значить, что все мы погибнем. Но, пока Содружество ваше не распалось, надежда еще есть. – С этими словами она устремила на них взор и испытующе оглядела каждого по отдельности.

Никто не смел пошевелиться под ее взглядом, и, кроме Леголаса с Арагорном, никто не смог выдержать его до конца. Сэм, совершенно пунцовый, опустил голову.

Наконец Владычица Галадриэль, отведя глаза, дала гостям волю и улыбнулась.

– Да не смущается сердце ваше! – произнесла она ласково. – Сегодня вы будете спать в мире.

Все перевели дыхание и вдруг почувствовали, что устали, – устали так, словно их долго и сурово допрашивали, хотя слов произнесено не было.

– Теперь ступайте! – молвил Кэлеборн. – Труды и скорбь утомили вас. Если бы даже ваш Поход нас не касался, мы все равно дали бы вам приют в нашем городе, пока вы полностью не исцелитесь и не восстановите силы. Отдыхайте, и забудем на время о том, что вас ожидает!

В ту ночь, к большому удовольствию хоббитов, Отряд снова спал на земле. Эльфы раскинули шатер у фонтана, приготовили мягкие лежа и удалились, чистыми голосами пожелав гостям доброй ночи. Путешественники еще немного поговорили перед сном – о дневном переходе, о вечерней беседе в высоком доме Лориэнских Владык и самих Владыках, – но и только; того, что случилось в Мории, коснуться не решился никто.

– Сэм, открой мне тайну: почему ты покраснел? – допытывался Пиппин. – И главное, сразу шмыг – и глаза в пол. Можно подумать, совесть у тебя ого-го как нечиста! Надеюсь, твои порочные замыслы не простираются дальше того, чтобы стащить у меня сегодня одно из одеял?

– Больно нужно мне твое одеяло, – запротестовал Сэм, шутить не расположенный. – Я перед ней стоял, как будто на мне ничего нет, понимаете? Ну скажите, кому это будет приятно? Она словно прямо в душу мне посмотрела и спрашивает: что, если перенестись в Заселье,

вот прямо сейчас, а там тебя ждет уютная норка и... собственный садик?

– Забавно, – прищелкнул языком Мерри. – Между прочим, я тоже что-то почти такое же почувствовал. Только... хотя нет, ладно, не буду об этом, – осекшись, закончил он.

Впрочем, похоже было, что всем пришлось испытать нечто подобное: каждому предложили выбор – с одной стороны, тьма и страх, с другой – самое заветное желание. Как ясно оно предстало перед глазами! И так просто было его достичь! Только сверни с дороги и предоставь все другим – Поход, войну с Сауроном... А там останется протянуть руку – и вот оно...

– Я тоже сохраню свой выбор в тайне. – Гимли не улыбался. – Мне кажется, так правильней.

– Мне все это показалось крайне странным, – нахмурился Боромир. – Хорошо, если она просто испытывала нас, если она хотела прочесть наши мысли для каких-то благих целей! Но я подозреваю, что это было искушение. Она пыталась сбить нас с пути, намекая, что может исполнить то, что предлагает! Нечего и говорить, что я отказался ее слушать. Люди Минас Тирита верны слову.

Но что предлагала ему Владычица, Боромир не сказал.

Фродо не хотел говорить, но Боромир засыпал его вопросами.

– Долго же она на тебя смотрела, Хранитель Кольца! – повторял он.

– Долго, – сказал Фродо. – Но то, что вошло в меня с ее взглядом, во мне и останется.

– А все-таки ты поостерегись, – не отставал Боромир. – Не очень-то я ей доверяю, этой эльфийской госпоже. Мало ли что у нее на уме!

– Не говори так о Владычице Галадриэли, – сурово оборвал его Арагорн. – Ты сам не ведаешь, что слетает с твоих уст! Здесь нет зла – ни в ней, ни во всей этой стране, если только человек не принесет его в себе самом! Но тогда лучше ему и правда поостеречься! Ну, а я сегодня впервые усну спокойным сном с тех самых пор, как мы вышли из Ривенделла. Как я хочу уснуть и забыть про наше горе! Я смертельно устал – и душой, и телом.

Он бросился на свое ложе и тут же заснул крепким сном.

Остальные последовали его примеру. Ни звуки извне, ни темные сновидения в эту ночь их не тревожили, а когда они проснулись,

лужайка перед шатром уже была залита солнцем и фонтан, поднимаясь и опадая, весело сверкал в его лучах.

На несколько дней – по крайней мере так им запомнилось – путники задержались в Лотлориэне. Все это время над деревьями светило ясное, чистое солнце – ну, разве что иногда прольется ласковый дождик, после которого все делается только чище и свежей. Нежный воздух дышал прохладой ранней весны, но повсюду был уже разлит глубокий, задумчивый зимний покой. Гости пили, ели, отдыхали, гуляли под деревьями, предавались ничегонеделанию – и не желали иного.

Владыки их больше не призывали, да и с эльфами они общались мало: Галадримы или не знали Западного Языка, или не желали на нем объясняться. Халдир, попрощавшись, ушел обратно к северной границе – с тех пор, как Отряд принес вести из Мории, там установили неусыпную стражу. Леголас пропадал у эльфов; только первую ночь он провел с Отрядом, хотя иногда возвращался к трапезе или просто перекинуться словечком. Отправляясь на прогулку, он частенько брал с собой Гимли, и все немало дивились этому.

Бродя под деревьями или сидя в тени шатра, друзья почти всегда вспоминали Гэндальфа, и в памяти у них с новой ясностью вставало все, что каждый из них знал о нем, каким его видел за свою жизнь. Раны и усталость излечивались, но боль утраты росла. До поляны часто долетали песни эльфов, и друзья знали: Галадримы слагают песни скорби, оплакивая гибель старого друга, ибо среди нежных и грустных слов на непонятном языке слышалось имя Гэндальфа.

– *Митрандир, Митрандир!* – пели эльфы. – О Серый Странник! – Ибо так они любили называть Гэндальфа. Но Леголас, если он находился неподалеку, отказывался переводить, отговариваясь тем, что это ему не по силам, – да и горе еще слишком свежо: плакать – да, а петь – еще рано.

Фродо первый попытался вложить свою печаль в слова, пусть робкие и не слишком искусные. Он нечасто решался сочинить песню или стихотворение. Даже в Ривенделле он только слушал и никогда не пел сам, хотя знал наизусть много песен, сложенных другими. Но здесь, в Лориэне, у фонтана, пока он внимал голосам эльфов, в голове у него невольно сложилась песня, и она показалась ему красивой;

правда, при попытке пересказать ее Сэму от красоты осталось немного – сухая горсточка увядших листьев, и ничего больше.

*Придя в Заселье ввечеру,
На Холм он заходил всегда
И тихо исчезал к утру,
Ни слова не сказав куда.*

*Не ведая его дорог,
Куда он шел, не знали мы —
На север, запад, на восток,
А может, к югу, за холмы.*

*Будь хоббит перед ним иль гном,
Иль эльф, иль птица, иль зверек —
Он на наречье потайном
Со всяким объясниться мог.*

*О славный меч! О трубный глас!
О длань, целящая недуг!
О неусыпный острый глаз!
О трудный путь! О верный друг!*

*Он мудро обо всем судил,
И Зло страшилось встречи с ним;
В потертой шляпе он ходил
Повсюду с посохом своим.*

*Один на каменном мосту
Огню он противостоял,
Но треснул мост – и в пустоту
Бездонных Копей он упал.*

– Еще немножко, и вы перецеголяете господина Бильбо! – восхитился Сэм.

– Ох, боюсь, что нет, – вздохнул Фродо. – Это пока все, на что я способен.

– Знаете, господин Фродо, о чем я хотел вас попросить? Когда будете писать другую песню, вставьте словечко про фейерверки! Что-нибудь вроде:

*Ракеты – «трах!» – над головой!
Зеленый, синий, голубой!
И в довершение чудес
Цветочный дождь идет с небес!*

Хотя тут, конечно, нужны не мои стихи, а что-нибудь этакое, вровень с фейерверком!

– Нет, Сэм. Это я оставлю тебе. Или Бильбо. Но впрочем... хотя нет, знаешь, я о Гэндальфе больше говорить не могу. Подумать страшно! Как мы расскажем старику?..

Однажды в прохладных сумерках Фродо и Сэм прогуливались в роще у фонтана. Оба не находили себе места. Фродо чувствовал, что на сердце ему пала тень разлуки: неизвестно почему, но он вдруг понял, что очень скоро настанет время покинуть Лотлориэн.

– Ну, что ты теперь думаешь об эльфах, Сэм? – дружески подтолкнул он локтем своего верного слугу. – Я уже задавал тебе этот вопрос. Но это было так давно! Полагаю, с тех пор ты узнал их поближе?

– Еще бы! – Сэм обрадовался вопросу. – И скажу теперь, что эльфы бывают разные. Они все ведут себя по-эльфийски, но одинаковых среди них нет. Возьмем лориэнских эльфов. Вроде бы они не странствуют по свету, и дом у них есть – все как положено. Получается, они нам как бы и сродни. Они с этим местом срослись, понимаете? Даже крепче срослись, чем хоббиты с Засельем. То ли здешний лес тому виной, то ли, наоборот, это они его таким сделали – сразу и не скажешь. А как тут спокойно! Можно подумать, что здесь ничего не происходит! Да так оно, в общем-то, и есть. И никто не хочет, чтобы что-нибудь происходило. Если это по волшебству, то волшебство это так запрятано, что не докопаешься, понимаете?

– Но оно везде и во всем, – кивнул Фродо.

– Так-то оно так, да не видно, чтобы им занимались в открытую! Тут даже никаких фейерверков нету! Вот бедный старина Гэндальф – тот устраивал волшебство, вот это я понимаю... Странно, что Владыка и Владычица ни разу так нигде и не показались за эти дни. Она точно могла бы делать чудеса, если бы захотела! Вот бы глянуть на эльфийское волшебство²⁷⁵, а, господин Фродо? Так тянет посмотреть, просто ужас!..

– А меня нет, – пожал плечами Фродо. – Мне и так неплохо. И я не по фейерверкам Гэндальфа скучаю, а по его густым бровищам и по выволочкам, которые он нам устраивал...

– Это вы точно сказали, – вздохнул Сэм. – Но вы не думайте, что я недоволен, нет! Мне всегда хотелось глянуть на волшебство – такое, как в сказках. Лучшей страны, чем эта, не найти. Здесь сразу и дом, и праздник, понимаете? Уходить отсюда не хочется, но что-то будто подсказывает: если мы не передумали, то пора бы и в путь. «Дольше всех то дело делается, которое начать лень» – так говорил мой старик. И я понимаю, что здешний народ нам особо не поможет, как бы они ни старались с этим своим волшебством. Эх! Когда уйдем отсюда, заскучаем, небось, по Гэндальфу. Как мы дальше-то без него?

– Боюсь, заскучаем, Сэм, – сказал Фродо. – Но я все равно надеюсь повидать Владычицу эльфов, прежде чем мы уйдем.

Он еще не договорил, когда, словно в ответ на их слова, из-за стволов появилась Галадриэль – высокая и прекрасная, вся в белом. Не произнеся ни слова, Владычица поманила их за собой и, повернувшись, повела к южному склону Карас Галадона. Пройдя за высокую зеленую изгородь, они очутились в небольшом саду. Деревья здесь не росли, и над головой открывалось чистое небо. Взошла вечерняя звезда, белым огнем полыхнув над западными лесами. Вслед за Владычицей хоббиты по длинной лестнице спустились в глубокую зеленую лощину, по дну которой, журча, бежал серебряный ручей, – тот самый, что начинался у фонтана, на холме. У берега, на низком постаменте в виде ветвистого дерева, стояла серебряная чаша, большая и плоская, а рядом – серебряный кувшин.

Галадриэль до краев наполнила чашу водой из ручья,дохнула на нее – и, когда вода успокоилась, проговорила:

– Перед вами – Зеркало Галадриэли. Я привела вас сюда, чтобы вы в него заглянули – если, конечно, пожелаете.

Воздух был неподвижен и тих, овраг темен; высокая фигура эльфийской Владычицы бледно обрисовывалась в сумерках.

– Но зачем это нужно и что мы увидим? – с трепетом спросил Фродо.

– Многое может открыть Зеркало, если я ему повелю, – улыbnулась Галадриэль. – Некоторым я могу показать и то, что они сами желают увидеть. А иногда вода являет непрошенные образы. Зачастую они весьма неожиданны, но могут оказаться полезнее, чем те, что покажут вам по заказу. Что увидите вы, если дать Зеркалу свободу, я сказать не могу. Ибо в нем можно узреть и прошлое, и настоящее, и еще не бывшее – причем последнее сбывается не всегда. Но даже мудрейшие часто встают в тупик и не могут истолковать того, что им открыло Зеркало. Хотите попробовать?

Фродо не ответил.

– А ты? – повернулась она к Сэму. – Ведь это и есть то, что называют волшебством, – так, кажется? Я, правда, слышала, что Вражьи обманные чары величают так же. Но это – чары Галадриэли, сравнивать их нельзя... Впрочем, величай как хочешь! Но разве ты не мечтал посмотреть на эльфийское волшебство?

– Хотел, – откликнулся Сэм, слегка дрожа от страха и любопытства. – Я бы разочек заглянул, если можно. – Он повернулся к Фродо: – Я не прочь узнать, как там дома, все ли на месте? Мне кажется, я уже сто лет как ушел! Но даю руку на отсечение, что я увижу одни звезды или такое, чего вообще не пойму.

– Вполне может стать. – Владычица негромко рассмеялась. – Иди же к Зеркалу! Что увидишь, то и увидишь. Только не касайся воды!

Сэм взобрался на возвышение и наклонился над чашей. Темная вода казалась твердой как камень. В ней отражались звезды.

– Звезды! Я так и думал... – начал было Сэм, но вдруг тихо ахнул: звезды пропали. С воды словно сдернули темное покрывало. Зеркало посерело и прояснилось. Светило солнце, буйно раскачивались на ветру ветви деревьев. Но прежде, чем Сэм успел разобраться, что это такое, свет померк; теперь ему предстало бледное лицо Фродо – тот лежал под огромной темной скалой и крепко спал. Потом Сэм понял, что видит самого себя, – он бежал по какому-то темному туннелю, взбирался по бесконечной винтовой лестнице... Он понял, что ищет

кого-то или что-то, а время поджигает. Но что ему втемяшилось искать?.. Тут, как это бывает во сне, видение переменялось, и Чаша снова показала деревья – на этот раз словно бы издалека. Теперь Сэм понял, что происходит. Они не под ветром раскачивались: они, вздрагивая, падали на землю.

– Что?! – вскричал Сэм, придя в неопиcуемый гнев. – Тэд Сэндиман рубит деревья?! Кто ему разрешил?! Их же нельзя валить! Это же дорога от Мельницы к Приречью! Там теперь совсем тенечка не останется! Попадись мне этот Тэд, я его так отделаю, что он костей не соберет!

Тут Сэм заметил, что Старой-то Мельницы как раз и нет; вместо нее громоздилось какое-то краснокирпичное сооружение, уже почти достроенное. Вокруг копошилась уйма народу. Тут же торчала высокая красная труба. Поверхность Зеркала заволокло черным дымом.

– Колдовство какое-то! – пробормотал Сэм, протирая глаза. – Не зря Элронд хотел отослать господина Мерри домой. Нелады в Заселье...

Вдруг он вскрикнул и спрыгнул на землю, готовый бежать.

– Все! Я пошел домой! – одичало заявил он. – Они перекопали Отвальный Ряд! Мой Старикан тащится куда-то с Холма и катит перед собой тачку со своим барахлишком! Я пошел!

– Один ты не доберешься, – остановила его Владычица. – Ты же не собирался идти домой, пока не посмотрел в Зеркало, – а ведь ты и без Зеркала знал, что твое Заселье могут ждать неприятности. И помни, что Зеркало показывает многое, в том числе и такое, чего еще нет. Нет, а может, и не будет никогда – разве что тот, кто увидел это в Зеркале, оставит свой настоящий путь и помчится предотвращать да исправлять. Зеркало – опасный подсказчик!

Сэм опустилcя на землю и закрыл лицо руками.

– Лучше бы мне сюда не приходить. Не хочу больше никакого волшебства, – сказал он и замолк, но через минуту заговорил снова, натужно, словно стараясь подавить слезы: – Я вернусь домой длинной дорогой и вместе с господином Фродо или вообще не вернусь. Но я все-таки надеюсь, что еще окажусь там. И если то, что я видел, – правда, кое-кто крепко об этом пожалеет!

– Ты еще не надумал, Фродо? – спросила Владычица. – Тебе, как я поняла, неплохо и так, без эльфийских чар?

– А ты мне советуешь посмотреть? – спросил Фродо.

– Нет, – молвила Галадриэль. – Советовать я тебе ничего не буду. Я не советчик. Возможно, ты кое-что узнаешь. Может, видение будет прекрасным, а может – ужасным. Это может тебе пригодиться, а может, и нет. Видеть – хорошо, но в даре видения таится своя опасность. Впрочем, думаю, у тебя хватит отваги и мудрости, чтобы дерзнуть, иначе я тебя сюда не привела бы. Решай сам!

– Я погляжу в Зеркало, – решил Фродо и, взобравшись на возвышение, склонился над темной водой.

Зеркало немедленно прояснилось. Фродо увидел равнину, погруженную в сумерки. Вдали, на бледном небе, проступали горы; от них шла, петляя, длинная серая дорога. По дороге медленно двигалась фигурка путника – маленькая, еле различимая. Она приближалась, вырастала, становилась отчетливее – и вдруг Фродо понял, что путник напоминает Гэндальфа. Он чуть было не позвал его по имени, но вовремя разглядел, что путник одет не в серое, а в белое, и белые одежды излучают в сумерках слабое сияние. В руке у неизвестного светился белый посох. Лица Фродо разглядеть не мог – путник шел склонив голову; вскоре он свернул, и Зеркало за ним не последовало. Фродо терялся в догадках. Что это было? Одно из давних путешествий Гэндальфа? Или это Саруман?

Видение сменилось. Он успел узнать Бильбо – тот беспокойно шагал взад-вперед по комнате. Картинка была крошечной, но удивительно живой. Фродо заметил, что стол завален раскиданными бумагами, а в окна хлещет дождь.

После короткого перерыва перед Фродо промелькнуло много быстрых видений, но он был почему-то уверен, что это отрывки той самой Великой Истории, в которую втянула его судьба. Туман прояснился, и ему открылось Море – он никогда его не видел, но узнал сразу. Надвинулась тьма, море вздыбилось; разыгралась невиданная буря. Кроваво-красный солнечный диск в лохмотьях туч коснулся горизонта, и на его фоне обрисовался черный силуэт большого корабля с порванными парусами²⁷⁶; корабль плыл навстречу Фродо. В следующее мгновение все исчезло и вместо моря появилась широкая река, текущая через многолюдный город; потом на месте реки выросла

белая крепость о семи башнях. Вскоре исчезла и она, и снова плыл по волнам корабль с черными парусами, но теперь в Зеркале сияло утро, глаза слепило от солнечной ряби, и на флаге ясно виднелась эмблема – сверкающее на солнце белое дерево. Поднялся дым, как бы над полем боя или над пожарищем; солнце село вновь, алея на пламенно-красном небосклоне, и погасло, потонув в сером тумане; в туман, мигая огнями, устремился маленький кораблик – и скрылся из виду. Фродо вздохнул и решил, что можно отойти от чаши.

Вдруг Зеркало стало черным – таким черным, словно в ткани мира вдруг разверзлась дыра. Фродо увидел, что стоит над пустотой. В черной бездне показался Глаз; он медленно рос – и наконец заполнил почти всю чашу. Так страшно было это единственное Око, что Фродо замер, как пригвожденный, – он не мог ни крикнуть, ни отвести взгляда. Глаз был обрамлен пламенем; влажно блестящий, желтый, как у кошки, он с напряженным вниманием вперивался в невидимую жертву, а черный кружок зрачка зиял, как окно в ничто.

Глаз повернулся сначала в одну, потом в другую сторону, словно что-то выискивая... Фродо с ужасом понял, что, помимо прочего, Глаз ищет и его тоже. Но он понял еще, что невидим для него – пока невидим... если сам не захочет открыться. Кольцо, висевшее на цепочке, вдруг налилось тяжестью, словно превратившись в камень, и потянуло его шею вниз. Зеркало словно раскалилось. От воды стали подниматься струйки пара. Фродо наклонялся все ниже.

– Смотри не коснись воды, – негромко напомнила Галадриэль. Видение померкло, и Фродо обнаружил, что смотрит на прохладные звезды: в серебряной чаше вновь отразилось небо. Дрожа с головы до ног, он отступил и посмотрел на Владычицу.

– Я знаю, что ты видел, – произнесла она в ответ на его немой взгляд. – Мне это хорошо известно. Не бойся! И не думай, что страна Лотлориэн защищена от Врага только лесными песнями да тонкими стрелами эльфийских луков. Я могу открыть тебе, Фродо, что даже сейчас, говоря с тобой, чувствую Черного Властелина и читаю в его мыслях все, что прямо касается эльфов. Он же денно и нощно тцится увидеть меня и проникнуть в мои думы. Но эта дверь пока еще для него закрыта.

Она подняла белые руки и отстранилась от Востока. С высоты ясно сияла Вечерняя Звезда – любимая звезда эльфов, Эарендил, и так

ярок был ее свет, что фигура эльфийской Владычицы отбросила на землю бледную тень. Звездный луч высветил на пальце у Галадриэли кольцо; оно блеснуло посеребренным светом звезды, и на золоте сверкнул белый камень – да так, словно сама Вечерняя Звезда сошла на землю и засияла на руке Владычицы. Фродо смотрел на кольцо с благоговением и трепетом: ему вдруг показалось, что он понял.

– Ты прав, – сказала она, угадав его мысли. – Мы храним это в тайне – и потому Элронд промолчал. Но от Хранителя Кольца нельзя ничего скрывать – тем более что ты видел Глаз. Да! В стране Лориэн, на пальце у Галадриэли нашло прибежище одно из Трех. Ты видел Нению, Адамантовое Кольцо. Я – его Хранительница. Враг подозревает это, но точно ничего не знает – пока не знает. Теперь ты видишь, что от тебя зависит и наша судьба? Если ты потерпишь поражение, заслоны падут и мы будем открыты Врагу. Если же преуспеешь – наша власть умалится, Лотлориэн придет в упадок и волны Времени сметут его. Нам придется уйти на Запад – или превратиться в простой, невеликий народец, скрыться в пещеры и лощины, понемногу обо всем забыть – и быть забытыми.

Фродо склонил голову.

– А чего желаешь ты сама? – спросил он, помолчав.

– Пусть будет то, чему должно сбыться, – легко ответила она. – Любовь эльфов к их земле и к тому, что сделано их руками, глубже, чем бездны Моря. Они вечно будут оплакивать потерю, и горе их никогда полностью не исцелится. Но они скорее откажутся от всего, что имеют, чем предадутся Саурону, ибо теперь они его знают. Ты не в ответе за судьбу Лотлориэна. Ты должен думать только о том, что тебе поручено. Но если бы от моего желания была какая-нибудь польза, я желала бы только одного: чтобы Единое никогда не было создано или чтобы оно навсегда пропало из Средьземелья.

– Ты мудра, бесстрашна и справедлива, Владычица Галадриэль, – проговорил Фродо с робостью. – Я отдам тебе Единое Кольцо, если ты попросишь. Слишком много мне чести в такой ноше!

Галадриэль рассмеялась внезапным, звонким смехом.

– Может, Владычица Галадриэль и мудрее многих, – сказала она, смеясь, – но по учтивости она встретила себе равного. Вот ты и отомстил мне за то, что я подвергла тебя испытанию при первой нашей встрече! Ты становишься зорким. Не отрицаю – сердце мое горячо

желает того, что ты мне предлагаешь. Сколько долгих лет я размышляла о том, как поступлю, если Великое Кольцо попадет ко мне, – и вот, пожалуйста! Стоит только протянуть руку – и оно мое! Древле созданное зло идет многими путями и действует независимо от того, в силе Саурон или нет. Разве нельзя было бы записать на счет Кольца мой поступок, отними я Кольцо у гостя с помощью силы или страха? И вот оно само идет ко мне в руки. Ты отдаешь Кольцо по доброй воле! Вместо Черного Властелина ты возводишь на трон Властительницу. Но я не буду Черной – о нет! Я буду дивной и грозной, как Утро и Ночь! Прекрасной, как Море и Солнце, и снег на вершинах! Страшной, как буря и молния! Я стану сильнее оснований земли. Все будут любить меня и все лягут прахом у моих ног!

Она подняла руку – и из ее Кольца внезапно вырвался сноп ярчайшего света, осветив ее одну и оставив все прочее в темноте. Она стояла перед Фродо – неизмеримо высокая, недостижимо прекрасная, неизъяснимо грозная и величавая. Однако... рука ее вдруг упала, свет померк, и Владычица снова рассмеялась. Что это? Она стала как будто меньше ростом. Перед Фродо стояла простая, хрупкая эльфийская девушка в обыкновенном белом платье, и ее голос снова был тих и нежен.

– Я прошла испытание²⁷⁷, – сказала она. – Я умалюсь, уйду на Запад и останусь Галадриэлью.

Они долго стояли молча. Наконец Владычица заговорила.

– Вернемся! – сказала она. – Утром тебе надо будет уходить: выбор сделан и реки судьбы текут дальше.

– Я хотел бы спросить об одном, пока мы не ушли, – сказал Фродо. – Я об этом собирался узнать еще у Гэндальфа, в Ривенделле. Мне позволили нести Единое Кольцо. Почему же я не вижу остальных Колец и не читаю мыслей тех, кто их носит?

– Ты просто не пытался, – улыбнулась Галадриэль. – С тех пор как ты узнал, чем обладаешь, ты лишь трижды надевал свое Кольцо на палец. Но и не пытайся! Это тебя подточит и разрушит. Разве Гэндальф не говорил тебе, что Кольца дают власть по мерке их обладателя? Прежде чем воспользоваться этой властью, ты сам должен был бы стать много сильнее и приучить свою волю господствовать над волей других. Но твой взгляд и без того обострился – ведь ты

Хранитель, ты уже надевал Кольцо и видел сокровище. Ты прочитал мои мысли яснее, чем многие из тех, что считаются мудрыми. Ты узрел Глаз Того, кто держит при себе Семь и Девять. А на моем пальце разве ты не увидел кольца²⁷⁸ и разве не понял, что это за кольцо? Ты что-нибудь заметил, Сэм? – спросила она, повернувшись к Сэму.

– Нет, Госпожа, – честно ответил Сэм. – Сказать правду, я не очень-то и понял, о чем вы говорите. Я видел только звезду, что светила сквозь твои пальцы. Но если вы простите, что я встречаю, то я скажу, что мой хозяин предложил правильно. Я бы, например, очень хотел, чтобы ты взяла у него это Кольцо. Ты поставила бы все на свои места. Ты бы показала им, как перекапывать нашу норку и вышвыривать моего Старикана на улицу. Они бы заплатили тебе за все свои грязные делишки!

– Заплатили бы, это верно, – задумчиво сказала Галадриэль. – С этого бы я начала... Ах! Если бы этим все и кончилось! Увы! Давайте не будем больше об этом говорить. Идемте!

Глава восьмая

Прощание с Лориэном

Этим вечером Кэлеборн снова призвал Отряд к себе. Владыка и Владычица милостиво приветствовали гостей, и Кэлеборн заговорил о расставании:

– Тем, кто хочет продолжать Поход, настало время укрепить сердце и покинуть этот край. Те же, кто не хочет идти дальше, могут пока остаться в Лориэне. Но ни тем ни другим покой не обещан. Мы подошли к роковой черте. Кто пожелает – может ждать своего часа здесь. В конце концов пути мира снова откроются перед ним, а если нет – мы призовем его на последний бой за Лориэн. А потом он сможет вернуться к себе домой – или уйдет в вечные обители павших.

Наступило молчание.

– Они решили продолжать путь, – молвила Галадриэль, глядя в глаза членам Отряда.

– Что до меня, – пожал плечами Боромир, – то мой дом – впереди, а не за спиной.

– Это так, – кивнул Кэлеборн. – Но разве остальные тоже идут за тобой в Минас Тирит?

– Мы еще не выбрали дороги, – ответил за него Арагорн. – Куда собирался идти Гэндальф после Лотлориэна, я не знаю. Но не думаю, чтобы цель была ему ясна. Даже ему...

– Возможно, – сказал Кэлеборн. – Но когда вы покинете наш край, вам в любом случае не миновать Великой Реки. Некоторым из вас прекрасно известно, что пешеходу с грузом на плечах без лодки через нее не переправиться, – от Лориэна до самого Гондора нет ни одного моста. А в Оспиляте мосты разрушены, и все причалы в руках Врага – верно, Боромир? А если так – каким берегом вы пойдете? Если вы решите держать путь в Минас Тирит, переправляться незачем, но прямая дорога лежит к востоку от Реки, по темным и опасным землям. Так как же?

– Если бы моего совета послушали, я выбрал бы этот берег и дорогу в Минас Тирит, – быстро ответил Боромир. – Но Отрядом команду не я.

Остальные промолчали. Арагорн казался озабоченным; видно было, что он колеблется.

– Вижу, вы не знаете, как поступить, – заметил Кэлеборн. – Не мне делать выбор за вас, но я помогу вам, насколько это в моих силах. Среди вас есть такие, кто умеет править лодкой, например Леголас, чей народ хорошо знаком с быстрой Лесной Речкой, Боромир из Гондора, Арагорн, испытанный путешественник...

– И один хоббит! – обрадовался Мерри. – Не все у нас в Заселье думают, что лодка – вроде дикой лошади. Мой народ живет на берегах Брендивина!

– Это хорошо, – одобрил Кэлеборн. – Тогда я снабжу вас лодками. Они должны быть маленькие и легкие – если вам предстоит долгий путь по воде, то по дороге встретятся и волоки. Вам придется миновать перекаты Сарн Гебир²⁷⁹, а может, и великий водопад Раурос²⁸⁰, низвергающийся с уступа Нэн Хитоэль²⁸¹. Встретятся на пути и другие опасности. Лодки на время облегчат ваше путешествие, но с выбором пути не помогут: в конце концов вам придется оставить и лодки, и Реку, и свернуть к западу – или к востоку.

Арагорн горячо поблагодарил Кэлеборна. Этот дар – лодки – очень обрадовал его, и не в последнюю очередь потому, что теперь решение можно было на несколько дней отложить. Прибавилось надежд и у остальных. Какие бы опасности ни ожидали впереди – лучше плыть к ним по могучим волнам Андуина, чем брести, сгорбив спину, по берегу! Сомневался один Сэм: что бы там ни было, он продолжал считать, что лодка – та же дикая лошадь, если не хуже. Даже пережитые испытания не могли заставить его сменить гнев на милость.

– Все будет готово завтра, еще до полудня. Лодки будут дожидаться вас у причала, – обещал Кэлеборн. – Утром я пошлю вам на помощь эльфов. А теперь – доброй ночи и бестревожного сна!

– Спокойной ночи, друзья! – улыбнулась Галадриэль. – Спите в мире! Не утруждайте себя излишне, не думайте о завтрашнем дне. Может статься, каждому из вас уже уготована своя дорога, хотя вы и не видите этого. Спокойной ночи!

Владыки отпустили гостей, и те вернулись в шатер. Вопреки обыкновению, Леголас остался ночевать с Отрядом, – это была

последняя ночь, которую им предстояло провести в Лотлориэне, и они, не вняв пожеланиям спокойной ночи, все-таки решили обсудить, как быть дальше.

Они долго спорили, что делать и как лучше всего подступиться к цели, о которой напоминало Кольцо на шее у Фродо, но в итоге так ни к чему и не пришли. Ясно было, что большинству хотелось бы пойти в Минас Тирит, чтобы хоть ненадолго отсрочить страшный поход в логово Врага. Никто, правда, не стал бы роптать вслух, поведи их Арагорн за Реку, в тень Мордорского Хребта, но Фродо отмалчивался, а сам Арагорн по-прежнему разрывался между двумя решениями.

Пока с ними был Гэндальф, Арагорн собирался идти с Боромиром и предложить свой меч в помощь Гондору. Он верил, что весть, поданная братьям во сне, была призывом к действию и что настал час, когда наследник Элендила должен явиться миру и вступить в открытую борьбу с Сауроном. Но в Мории на плечи Арагорна легло бремя, которое раньше нес Гэндальф, и он знал, что теперь уже не имеет права бросить Кольцо на произвол судьбы, если Фродо откажется идти с Боромиром. Но чем он – или любой из них – может помочь Фродо, кроме как разделить с ним слепой путь во тьму?

– Я пойду в Минас Тирит, и, если придется, пойду один. Это мой долг, – повторял Боромир. Потом он замолчал и вперил взгляд в лицо Фродо, словно пытаясь прочесть мысли невеличка. Вскоре он заговорил снова, негромко, будто споря сам с собой: – Если ты хочешь уничтожить Кольцо и ничего больше, то война и оружие тут бессильны и люди Минас Тирита тебе не помогут. Но если надо разгромить военную мощь Черного Властелина, то разве не безумие – идти в его владения безоружным? И разве не безумие – жертвовать... – тут он внезапно осекся, словно только сейчас заметил, что говорит вслух, – ... жертвовать жизнями, хочу я сказать? Выбор простой – защищаться, оборонять последний оплот свободы или же открыто пойти навстречу смерти. Во всяком случае, так я вижу.

Фродо заметил во взгляде Боромира что-то новое, чужое. Ясно было, что гондорец хотел сказать не то, что сказал. Разве не безумие жертвовать – чем? Кольцом Власти? На Совете он тоже усомнился в необходимости такой жертвы, но Элронд его поправил, и он вроде бы согласился... Фродо посмотрел на Арагорна, но Следопыт, казалось, думал о своем и ничем не показал, что обратил внимание на слова

Боромира. Совет кончился. Мерри и Пиппин уже спали, Сэм клевал носом. Ночь перевалила за половину.

Наутро, когда они начали укладывать свой нехитрый скарб, пришли эльфы, умеющие говорить на Западном Языке, и принесли гостям множество даров, в том числе – запас еды и дорожной одежды. Запасы еды состояли в основном из тонких хлебцев, снаружи запеченных до светло-коричневой корочки, а внутри – беловатых. Гимли взял один и с недоверием осмотрел.

– *Крам*, – процедил он, отламывая кусочек и пробуя его на зуб. Но выражение лица у него тут же изменилось, и он с охотой доел остальное.

– Остановись! – смеясь, закричали эльфы. – Ты съел дневную порцию. Этого тебе хватит надолго!

– Я думал, это *крам*, такой же, как делают в Дейле, – оправдывался гном.

– Почти что, – подтвердили эльфы. – Но мы эти хлебцы называем *лембас*²⁸², или подорожники. Они питательнее, чем любая другая пища, и при этом, как ни крути, повкуснее твоего *крама*!

– И вправду, – не спорил Гимли. – Да что *крам*! Они лучше медовых лепешек Беорнингов, а высшей похвалы быть не может – ведь таких пекарей, как Беорнинги, еще поискать! Правда, теперь они не спешат делиться своими лепешками с каждым встречным и поперечным. Вы куда любезнее!

– А все-таки берегите их, – наставляли эльфы. – Не съедайте сразу помногу, а без крайней нужды лучше не ешьте эти хлебцы совсем. Мы даем вам *лембас* на тот случай, если вы останетесь без пищи. Если их не крошить и не развертывать листья, в которые они обернуты, они останутся съедобными надолго. Одного такого «подорожника» хватит путнику на день долгой и трудной ходьбы – даже если это богатырь из Минас Тирита.

Затем эльфы развернули и вручили каждому принесенную одежду. Это были плащи с капюшонами, пригнанные точно по мерке, из легкой, но теплой шелковистой ткани – такую ткут только Галадримы. Какого она цвета, сказать было трудно. Сначала Фродо показалось, что серого, с оттенком лесного сумрака; но когда складки меняли расположение или если менялось освещение вокруг, ткань

превращалась в зеленую, как листья в гуще тенистого леса, или бурую, как сжатое поле к ночи, или тускло-серебряную, как вода в звездном свете. У шеи каждый плащ скрепляла застежка в виде зеленого листа с серебряными прожилками.

– Они волшебные? – спросил Пиппин, с восхищением разглядывая плащи.

– Смотря что ты разумеешь под словом «волшебные», – ответил старший из эльфов, пожав плечами. – Это красивая одежда, из добротной домотканой материи, – ведь и ткали, и шили эти плащи у нас, в Лориэне²⁸³. Но одежда эта эльфийская, и этого у нее не отнимешь – если я правильно тебя понял. Они вобрали в себя всю красоту Лориэна и все оттенки лесных сумерек, все, что мы любим, ибо в то, что мы создаем, мы всегда вкладываем память о том, что любим. Но это одежда, а не доспехи. Она не отведет удара меча или кинжала, хотя сослужит другую службу. Когда надо, эти легкие плащи теплы, когда надо – прохладны. А главное, вы увидите, как они пригодятся, когда потребуются укрыться от недобрых глаз – будь то среди камней или меж деревьев. Воистину, вы снискали благоволение Владычицы! Ибо она сама со своими служанками ткала эту ткань, и никогда еще не облекали мы чужеземцев в подобное одеяние!

После утренней трапезы Отряд попрощался с поляной и серебряным фонтаном. Уходили с тяжестью в сердце: это удивительное место стало им домом, хотя они не могли бы сосчитать, сколько дней и ночей здесь провели. Друзья остановились поглядеть на чистую воду в блеске солнца; в это время по зеленой траве поляны к ним приблизился Халдир. Фродо радостно его приветствовал.

– Я вернулся от Северных Заград, – сказал эльф. – Меня снова назначили вашим проводником. Долина Димрилл полна пара и дыма, горы содрогаются, в глубинах земли слышны раскаты. Если бы кто-нибудь из вас думал вернуться домой, на север, вам пришлось бы с этой мыслью расстаться. Но ваш путь – на юг! Идемте!

Зеленые тропинки Карас Галадона были пусты, но в кронах,верху, переговаривалось и пело множество голосов. Гости шли молча. Халдир повел их вниз по южным склонам холма; они вышли к большим воротам со светильниками, затем к белому мосту, миновали ров и покинули город эльфов. Там они свернули с мощеной дороги и

углубились в густую рощу маллорнов, а оттуда, через серебряные лесные тени, отправились вниз – к берегам Великой Реки.

Они прошли уже около пятнадцати верст и полдень был не за горами, когда впереди выросла высокая зеленая стена. За стеной деревья внезапно кончились; перед глазами лежала длинная поляна со сверкающей травой, усыпанная искорками эланоров. Поляна узким языком – словно клювом – врезалась в воду; справа, играя на солнце, бежала Серебряная, слева катила могучие волны Великая Река, глубокая и темноводная. За водой, сколько видел глаз, продолжались леса, но совсем другие – блеклые, облетевшие. Ни один маллорн не простирали своих золотых ветвей за пределы Лориэна.

На берегу, недалеко от слияния двух рек, из белого камня и белого дерева был сооружен причал. На воде покачивалось множество лодок и барок. Одни, ярко раскрашенные, сверкали серебром, золотом и зеленью; другие – и таких было большинство – были просто белыми или серебристыми. Путешественников ожидали три маленькие серые лодочки; эльфы уже трудились возле этих лодочек, укладывая вещи.

Впридачу к уже завязанным мешкам в лодках лежало по три мотка веревки. Веревка оказалась тонкой, но крепкой, шелковистой на ощупь и, наподобие эльфийских плащей, серого цвета.

– Что это? – спросил Сэм, приподняв один из мотков.

– Да веревка же! – рассмеялся эльф, стоявший в лодке. – А ты думал – что? Никогда не пускайся в дальний путь без веревки! И не какой-нибудь, а длинной, крепкой и легкой – вот как эта, например. Пригодится не раз!

– Не учи ученого, – отозвался Сэм. – Я вот на этот раз забыл веревку, так всю дорогу душа не на месте. Речь о том – из чего она сделана? Я в этом кое-что смыслю. Семейное ремесло, так сказать!

– Из хитлайна²⁸⁴, – ответил эльф. – Но сейчас некогда учить тебя искусству плести веревки. Если бы мы раньше знали, что ты любишь канатное ремесло, мы бы тебя многому научили! Но теперь – увы! – если ты не приедешь сюда еще раз, тебе придется довольствоваться нашим подарком. Пусть он послужит тебе верой и правдой!

– Идите сюда! – позвал Халдир. – Все готово. Садитесь! Только будьте поначалу осторожнее!

– Как можно осторожнее! – поддержали другие эльфы. – Наши лодки легкие, на волнах так и пляшут. Таких больше ни у кого нет!

Нагружать их можно сколько угодно – они не осядут, но, если управлять ими неумело, наживешь неприятности. Лучше вам сперва поучиться садиться и вылезать из них прямо здесь, у причала, а потом проверить, как они держатся на плаву.

Отряд занял места в лодках: Арагорн, Фродо, Сэм – в одной, Боромир и Мерри с Пиппином – в другой, в третьей – Леголас и Гимли, которые за это время успели крепко сдружиться. В их лодку сложили основной запас вещей и большинство мешков. К каждой лодке полагались весла с короткими рукоятями и широкими лопастями в форме листьев; они же заменяли руль. Когда все было готово, Арагорн решил для пробы проплыть немного вверх по Серебряной. Течение оказалось быстрым, лодки продвигались с трудом. Сэм, вцепившись в борта, сидел на носу и с тоской глядел на берег. Сверкающая на солнце вода так и слепила. Лодка миновала зеленую полосу луговины; у берега столпились деревья. Золотые листья, кружась, слетали на воду и уносились рябящим на солнце потоком. Пронизанный светом воздух был неподвижен; стояла тишина – только где-то вдали, высоко, звенели жаворонки.

Река сделала крутой поворот – и стало видно, что навстречу, по течению, гордо плывет огромный лебедь. От белой груди под изогнутой шеей расходились две волны, клюв горел как золото, глаза светились янтарем, крылья были приподняты. Над рекой послышалась музыка. Лебедь приближался, и вдруг стало понятно, что это не лебедь, а ладья, которой искусники-эльфы придали вид горделивой птицы. Два эльфа, одетых в белое, умело управлялись с черными веслами. В середине ладьи сидел Кэлеборн; за ним стояла Галадриэль, высокая, вся в белом. На голове у нее был венок из золотых цветов, рукой она касалась струн арфы – и пела. Печально и мягко звучал ее голос в чистом, прохладном воздухе:

*О золотой листве пою – и плещется листва,
О древнем ветре – и, шумя, колышется трава.
И вновь – ни Солнца, ни Луны²⁸⁵, лишь рев морских равнин,
И вновь лелеет Деревя блаженный Илмарин²⁸⁶.*

Благословенный Элдамар!²⁸⁷ Велик твой Древний Трон.

*Там висит крепости свои Эльфийский Тирион²⁸⁸.
В течение долгих-долгих лет на Древе лист растет,
А эльф на Берегу Разлук поныне слезы льет.
О Лориэн! Придет зима – начнется листопад,
И листья в реку упадут – их не вернешь назад.
О Лориэн! О Лориэн! Века прошли с тех пор,
Как я живу здесь – и в венце двулистник-эланор.
Но если петь о кораблях, то где корабль тот,
Что, на борт взяв Галадриэль, за Море унесет?..*

Когда Ладья-Лебедь поравнялась с ними, Арагорн остановил свою лодку, и Владычица ласково приветствовала их.

– Мы пришли проститься с вами, – сказала она, – и благословить вас благословением нашей страны. Да исчезнут с вашего пути все преграды!

– Вы были нашими гостями, но мы ни разу не сели за совместную трапезу, – добавил Кэлеборн. – А посему просим вас разделить с нами прощальный пир – здесь, у быстротекущих вод, что вскоре унесут вас далеко от Лориэна.

Лебедь медленно поплыл к причалу; развернув лодки, гости последовали за ним. Там, на острие Эгладила, на зеленой траве, устроен был прощальный пир, но Фродо почти ничего не пил и не ел – только глядел на Владычицу и слушал ее голос. Она не казалась больше грозной и страшной, и скрытой силы в ней теперь не чувствовалось. Но она неуловимо изменилась – словно, оставаясь рядом, одновременно отдалилась и стала недостижимой, превратилась в живое видение далекой, давно прошедшей эпохи, что осталась позади, за волнами вечнотекущего Времени. Такими и по сей день кажутся эльфы людям поздних веков, пришедших на смену былым эпохам.

Когда яства были съедены, а питье – выпито, но вставать еще никто не торопился, Кэлеборн снова заговорил о путешествии и, подняв руку, указал на юг, на леса за луговиной.

– Ниже по течению, – сказал он, – леса редют и вскоре кончаются. Дальше лежит бесплодная равнина. Река течет среди каменистых пустошей и плоскогорий, и пройдет много времени,

прежде чем поток вынесет вас к высокому острову под названием Каменец, или, по-эльфийски, Тол Брандир. Река, разделяясь надвое, омывает его отвесные берега и с великим шумом и грохотом, поднимая облако водяных брызг, обрушивается в Ниндальф, или, на вашем наречии, Низкодолье. Это обширная и топкая, заболоченная низина, где Река петляет и разделяется на множество рукавов. Там в Андуин впадает разветвленная дельта реки Энтвейи²⁸⁹; эта река течет с запада, из Фангорнского леса²⁹⁰. Берега Энтвейи принадлежат Рохану. Земли роханцев – по эту сторону Великой Реки. С другой стороны – голые скалы Эмин Муйла. Там дует восточный ветер: нагорье выходит к Мертвым Болотам и Номанским Степям²⁹¹, за которыми лежит Кирит Горгор и Черные Врата Мордора. Боромир и те из вас, кто пойдет с ним в Минас Тирит, должны будут оставить Великую Реку, не доходя Раурса, и пересечь Энтвейю выше ее болотистого устья. Но слишком далеко вверх по течению Энтвейи лучше не заходить, и тем более не стоит углубляться в Фангорнский лес, а то как бы вам не заплутать! Это край вам чуждый, и о нем мало что известно – особенно теперь. Но Боромир с Арагорном знают это и сами.

– Действительно, в Минас Тирите ходят странные легенды о Фангорне, – согласился Боромир. – Но все это по большей части выдумки старых кумушек. Такое мы рассказываем ребятишкам. Все, что лежит к северу от Рохана, сегодня так отдалилось от нас, что воображение населяет эти земли кем и чем вздумается. Древний Фангорн лежит на границе нашего королевства, но вот уже много поколений, как гондорцы там не бывали, так что опровергнуть пришедших из глубины времени легенд некому – но некому и подтвердить их. Я бывал наездом в Рохане, но к северным его окраинам не приближался. Когда меня послали гонцом в Имладрис, я выбрал путь через Щель и, оставив позади Белые Горы, Исену и Хойру, оказался на северных равнинах. Это была долгая, изнурительная скачка. Я преодолел не меньше четырехсот лиг и добирался не один месяц, ибо в Тарбаде, при переправе через Хойру, потерял коня. Но теперь, проделав этот путь и тот, что я прошел вместе с Отрядом, я легко найду дорогу через Рохан – а если понадобится, и через Фангорн.

– Тогда мне нечего добавить, – проговорил Кэлеборн. – Но не стоит так легко пренебрегать легендами былых времен. Старые

кумушки нередко хранят в памяти отголоски истины, которая когда-то была уделом Мудрейших.

Галадриэль поднялась с травы, взяла у одной из служивших ей девушек кубок, наполнила его белым медом и протянула Кэлеборну.

– Пора пригубить прощальную чашу, – молвила она. – Испей, о Повелитель Галадримов! Да не печалится твое сердце о том, что за полуднем настает черед ночного мрака и вечер наш уже близок!

Затем она поднесла кубок всем гостям по очереди, приглашая их глотнуть меда и прощаясь с каждым отдельно. Когда обряд был завершен, она вновь пригласила их сесть на траву; ей и Кэлеборну принесли кресла. Девы-прислужницы молча окружили ее; Владычица тоже молчала, глядя на гостей, – и наконец произнесла:

– Мы выпили прощальную чашу, и между нами пролегла тень расставания. Но прежде, чем вы нас покинете, я хочу предложить вам в память о Лотлориэне дары Владыки и Владычицы Галадримов. Они – в ладье, на которой мы приплыли сюда.

Вручая дары, она обратилась к каждому по очереди.

– Этот дар Кэлеборн и Галадриэль вручают предводителю Отряда, – сказала она Арагорну, передавая ему ножны, сделанные точно по его мечу. Их покрывало хитросплетение серебряно-золотых цветов и листьев, а меж листьями вкраплены были эльфийские руны из драгоценных камней; вместе они образовывали имя меча – Андарила – и рассказывали его историю.

– Меч, хранимый в этих ножнах, не потускнеет и не сломается, даже если потерпит поражение, – сказала Галадриэль. – Не желаешь ли попросить меня еще о чем-нибудь на прощание? Меж нами ляжет тьма, и может случиться, мы уже не встретимся – разве что далеко отсюда, на дороге, с которой нет возврата.

И Арагорн ответил ей:

– О госпожа, мое желание тебе известно. Ты долго хранила у себя то единственное сокровище, коего я взыскую. Но не в твоей власти дать мне его, даже если бы ты того пожелала. Лишь пройдя сквозь тьму, я обрету его.

– Что ж, может, то, что я дам тебе взамен, послужит тебе утешением, – молвила Галадриэль. – Эта вещь была оставлена мне на

хранение, дабы я передала ее тебе, если ты пройдешь через нашу землю.

Она взяла с колен крупный прозрачно-зеленый камень, оправленный в серебро²⁹². Брошь имела вид орла, распростершего крылья. Галадриэль подняла камень – и он вспыхнул, как луч солнца в свежей листве.

– В свое время я дала этот камень Кэлебриан²⁹³, своей дочери, – продолжала Владычица, – а та подарила его своей. Теперь он переходит к тебе как знак и символ надежды. Прими же ныне предреченное тебе имя: Элессар, Эльфийский Камень из рода Элендила!

Арагорн приколот брошь к груди – и всем показалось, что он стал выше и обрел поистине царственное величие. Бремя многолетних трудов и забот, отягощавшее его плечи, бесследно исчезло. Он выпрямился и произнес:

– Благодарю тебя за дары, о Владычица Лориэна, что привела в этот мир Кэлебриан и Арвен Вечернюю Звезду! Может ли быть похвала выше этой?

В ответ Галадриэль наклонила голову и обратилась к Боромиру. Ему она подарила широкий золотой пояс, Мерри и Пиппину – маленькие серебряные пояски с золотыми пряжками в виде цветка, Леголасу вручила лук, какими пользуются Галадримы, – он был длиннее и крепче чернолесских, а тетива его сплетена была из волос эльфов. К луку прилагался полный колчан стрел.

– А для тебя, маленький садовник, любящий деревья, – сказала она Сэму, – у меня совсем крошечный подарок.

Она вложила ему в руку небольшую шкатулку из простого серого дерева, ничем не украшенную, кроме одной-единственной серебряной руны на крышке.

– Это «Г», что означает «Галадриэль», – ответила она на вопрошающий взгляд Сэма. – Но на твоём языке это может значить и другое – например, «грядка» или «гроздь». В этой шкатулке – земля из моего сада, а с ней – самое могущественное благословение, какое может дать Галадриэль. Оно не защитит тебя в пути, не спасет от опасности, но, если ты сохранишь эту землю и вернешься в конце концов домой, она вознаградит тебя за все. Если твой край будет разорен и опустошен – разбросай эту землю у своего дома, и во всем

Средьземелье не будет сада, который сравнился бы с твоим! Когда твой сад расцветет, ты вспомнишь Галадриэль, и тебе покажется, что вдали блеснул свет Лориэна, хотя повстречался ты с нами в дни нашей зимы. Весна и лето миновали и не вернутся уже на землю – разве что как воспоминание!

Сэм покраснел до ушей, пробормотал что-то невразумительное и, крепко сжав коробочку, как можно изысканнее поклонился.

– Какого же дара испросит у эльфов гном? – И Галадриэль перевела взгляд на Гимли.

– Никакого, госпожа, – смиренно ответил Гимли. – С меня довольно и того, что я видел Владычицу Галадримов и внимал ее милостивой речи.

– Слышите, эльфы?! – воскликнула Галадриэль, оборачиваясь к своим подданным. – Пусть никто из вас не говорит больше, что гномы алчны и неблагодарны! Но все же, Гимли, сын Глоина, у тебя наверняка есть заветное желание, и, возможно, я могла бы его исполнить. Назови же его! Я не хочу, чтобы ты, один из всех, ушел без подарка!

– У меня нет заветного желания, о Владычица Галадриэль, – молвил Гимли, низко поклонившись, и вдруг запнулся. – Разве что... разве что если бы мне позволено было просить об одной милости – впрочем, просить о ней я не дерзаю, но твоя благосклонность внушает мне отвагу назвать свою просьбу. Так вот, я просил бы о пряди твоих волос²⁹⁴, что превосходят блеском все золото земли, как свет звезд превосходит сияние гномьих алмазов. Ты сама велела мне назвать свое заветное желание, о Владычица!

Эльфы зашевелились, по их рядам пробежал потрясенный шепот. Кэлеборн глядел на Гимли с удивлением, но Владычица улыбнулась:

– Говорят, у гномов руки золотые, а язык деревянный. Но гном Гимли красноречив! Никто еще не обращался ко мне с просьбой столь дерзкой и вместе с тем столь учтивой! И как я могу отказать, если сама велела ему держать речь? Но скажи мне, что бы ты сделал с таким даром?

– Сохранил бы как сокровище, госпожа, в память о словах, которые ты произнесла при нашей первой встрече, – отвечивал Гимли. – И если когда-нибудь я вернусь в родные кузницы, то заключу твой дар в кристалл, который никто не сможет расколоть, и завещаю

своим потомкам в знак вечного обета дружбы между народами Гор и Леса.

Тогда Владычица расплела одну из длинных кос, отрезала три золотых волоска и вложила в руку Гимли, молвив:

– С этим даром прими от меня вот какое слово. Я не предрекаю – предрекать сейчас нет смысла: по одну сторону – тьма, по другую – единственная надежда. Но если надежда наша оправдается, говорю тебе, Гимли, сын Глоина: золото будет само течь тебе в руки, но власти над тобой не возымеет.

– А теперь твоя очередь, Хранитель Кольца. – Она повернулась к Фродо. – К тебе я обращаюсь последним, хотя ты далеко не последний в череде моих дум. Для тебя я приготовила вот это.

Она подняла маленький хрустальный сосуд; тот брызнул лучами белого света.

– В этой склянице, – сказала она, – заключен свет звезды Эарендила, растворенный в воде из моего источника. Чем чернее будет ночь вокруг тебя, тем ярче он загорится. Пусть он укажет тебе дорогу во тьме, когда погаснут остальные огни! Помни Галадриэль и ее Зеркало!

Фродо взял скляницу, и в ее свете Владычица на мгновение вновь предстала ему в королевском облики. Однако величие и красота ее уже не казались грозными. Фродо поклонился, но слов для ответа не нашел.

Владычица поднялась; Кэлеборн повел гостей обратно к причалу. На зеленом лугу сиял золотистый полдень, и вода блестела, как серебро. Все было готово. Отряд занял прежние места в лодках. Звонко прощаясь, эльфы Лориэна длинными серыми шестами оттолкнули их от берега. Лодки вышли на быстрину – и журчащая у бортов вода понесла суденышки вперед. На зеленом берегу, на остром конце Клюва, одиноко стояла Владычица; она молчала – как и те, кто покидал Лориэн. Проплывая мимо, они обернулись к ней и долго смотрели, как мало-помалу уплывает вдаль белое пятно ее платья. Ибо им внезапно пригрезилось, что это Лориэн, словно сверкающий корабль с зачарованными деревьями вместо мачт, удаляется, держа курс к забытым берегам, а они беспомощно и неподвижно покачиваются в лодках на окраине серого, безлистого мира.

Они все еще смотрели назад, когда струи Серебряной влились в быстрые воды Великой Реки и лодки, повернув, устремились к югу. Вскоре белая фигурка Галадриэли превратилась в маленькую блестку – словно окно на дальнем холме, в которое нечаянно ударил луч заходящего солнца, словно дальнейшее озеро, увиденное с горной вершины, – хрустальная искра на необъятном земном лоне. Фродо показалось, что Галадриэль подняла руки в последнем прощании, и попутный ветер донес слова ее песни – далекой, но внятной и отчетливой. Песня была на древнеэльфийском языке, на котором говорили эльфы, жившие за Морем, и Фродо не понимал слов – понимал только, что прекрасная мелодия не несет утешения.

И все же – так всегда бывает с эльфийскими песнями – слова навеки запечатлелись у него в памяти, и много, много времени спустя он перевел их, как мог; это была эльфийская песня, и жителю Средьземелья трудно было понять, о чем в ней поется.

*Аи! лауриэ лантар ласси сурунен,
Йени унотимэ вэ рамар альдарон!
Йени вэ линтэ йулдар аваниэр
ми оромарди лиссэ-мируворэва
Андунэ пэлла, Вардо теллумар
ну луини йассэн тинтилар и элени
омарйо аиретари-лирунен.*

Си ман и йулма нин энквантува?

*Ан си Тинталлэ Варда Ойолоссэо
ве фанйар марйат Элентари ортанэ
ар илйэ тиер ундулавэ лумбулэ;
ар синданориэлло каита морниэ
и фалмалиннар имбэ мэт, ар хисиэ
унтупа Калакирио мири ойалэ.
Си вануа на, Ромелло вануа Валимар!*

*Намариэ! Наи хирувалиэ Валимар
Наи элиэ хирова. Намариэ!²⁹⁵*

«Ах! Листья сыплются, как золото – длинные годы бесчисленны, словно крыла у деревьев! Долгие годы прошли, протекли, опустели, словно чаши сладкого меда в обширных чертогах за гранью Заката, за синим пологом Варды, где звезды трепещут, внемля песне ее, святой и державной. Кто же наполнит мой опустевший кубок? Возжигательница Варда, Королева Звездного Неба, словно тучи, руки свои подняла над Вечнобелой Горою, и пути погрузились в тень, а из серой земли, словно пенные волны, вздымается тьма, и сокрылись навеки в тумане алмазы Калакирии. Плачьте, живущие на востоке: Валимар уже не обрести вам. Прощай! Но может, ты отыщешь его в тумане? Может, хотя бы ты? Прощай!»

Варда – имя Владычицы звезд, которую эльфы-изгнанники зовут Элберет.

Река внезапно повернула; берега круто ушли ввысь – и Лориэн скрылся. Никогда больше Фродо не довелось ступить на землю этого благословенного края.

Все перевели взгляд вперед. Солнце ударило прямо в лицо, и путники на какой-то миг ослепли: глаза у них были полны слез. Гимли плакал, не таясь.

– Ничто не затмит в моих очах красоты эльфийской Владычицы, – сказал он Леголасу, сидевшему с ним в одной лодке. – Отныне я смогу называть прекрасным только то, что исходит от нее. – Он приложил ладонь к груди и воскликнул: – Зачем я только пустился в этот Поход? Скажи, Леголас! Что мог я знать о главной опасности, подстерегавшей меня на пути? Прав был Элронд: нам не дано было предугадать, что нам повстречается. Я боялся тьмы, боялся пытки, и этот страх не остановил меня – а оказалось, что опаснее всего свет и радость. Если бы я о том ведал, я никогда не отважился бы покинуть Ривенделл. Прощание с нею нанесло мне такую рану, что куда там Черному Властелину, даже если бы я прямо сегодня попал к нему в руки! Горе Гимли, сыну Глоина!

– Нет! – откликнулся Леголас. – Вернее, да! Горе всем нам! Горе всем, кто живет в эти закатные дни, сменившие дни прежние! Таков закон: те, чью ладью несет быстрый поток, обречены находить и терять. Но я считаю, что отныне ты благословен, Гимли, сын Глоина: ты отрекся от того, что тебе дорого, по доброй воле – ведь твой выбор мог бы быть иным. Но ты не оставил друзей, и самое меньшее, что ты

обрел в награду, — память о Лотлориэне, навеки чистая и незамутненная; она не увянет и не пожелтеет.

— Может быть, — вздохнул Гимли. — Благодарю тебя. Слова твои, без сомнения, истинны. Но увы — они не согревают сердца. Не память нужна ему. Память — лишь зеркало, пусть чистое, как Келед-зарам, но все же зеркало — по крайней мере так говорит сердце гнома Гимли. Эльфы, должно быть, видят мир иначе. Я слышал, что для них память скорее похожа на явь, чем на сон. У гномов не так. Но не будем больше говорить об этом! Посмотри лучше на лодку! Не слишком ли у нас низкая осадка? Груза много, а течение у Великой Реки быстрое. Я пока что не собираюсь топить свое горе в ледяной воде!

Он взялся за весло и, следуя за головной лодкой Арагорна, направил суденышко к правому берегу, в более спокойную струю.

Так начался этот долгий путь вниз по реке, широкой и стремительной, — к югу, к югу, к югу. Горные леса тянулись по берегам, скрывая приречные земли. Ветер стих, воды неслись беззвучно. Ни одна птица не нарушала тишины. Солнце к концу дня затуманилось и белело на бесцветном небе, словно бледная жемчужина. Вскоре оно исчезло во мгле; наступили ранние сумерки, а за ними — серая беззвездная ночь. Много темных, тихих часов миновало, а лодки все плыли, держась у правого берега, в нависающей тени ветвей. Огромные деревья проносились как призраки, протягивая к туманной воде узловатые, изжаждавшиеся корни. Всем правили холод и скука. Фродо долго прислушивался к журчанью и хлюпанью воды среди корней и упавших стволов, что покачивались у берега; наконец голова его склонилась на грудь, и он заснул беспокойным сном.

Глава девятая

Великая река

Фродо проснулся оттого, что Сэм тряс его за плечо, и обнаружил, что лежит под высокими деревьями с серой корой, заботливо укутанный, в тихом лесном уголке на западном берегу Великой Реки Андуйн. Ночь уже минула; за голыми ветвями брезжило тусклое серое утро. Неподалеку Гимли хлопотал над маленьким костерком.

Еще до того как начался настоящий день, снова пустились в путь. Нельзя сказать, чтобы членам Отряда не терпелось поскорее попасть на юг, наоборот – всех устраивало, что окончательное решение можно на несколько дней отложить – по крайней мере до Раурса, до острова Каменец, а туда еще было плыть и плыть. Река несла их, и они покорились ей. Никто не горел желанием поскорее встретиться с опасностью, которая ожидала, впрочем, на любом из путей. Арагорн решил ввериться течению, а силы приберечь на потом – тем более что к этому склонялись и остальные. Тем не менее он настоял на ранних подъемах и следил за тем, чтобы лодки плыли до самого позднего вечера: сердцем он чувствовал, что времени мало, и догадывался, что, пока они прохладжались в Лориэне, Враг не сидел сложа руки.

Но ни в этот, ни в следующий день они не заметили никаких признаков слежки. Томительные серые часы ползли без происшествий. На третий день земли вокруг стали меняться. Лес поредел и вскоре исчез совсем. Слева, на восточном берегу, вздыбились длинные, бесформенные холмы, уходившие вдаль, к горизонту, – бурые, бесплодные, словно опаленные пожаром, который не пощадил ни травинки. Это была неприветливая пустошь без единого дерева, хотя бы и сломанного, без единого камня, который дерзнул бы оживить эту унылую картину. То были Бурые Увалы – обширный, безжизненный край, лежащий между Южным Чернолесьем и скалами Эмин Муйла²⁹⁶. Какое бедствие выжгло эту страну – война или какое-то иное, неведомое злодеяние Врага, – не знал даже Арагорн.

Направо тянулись равнины, такие же безлесные, но покрытые зелеными пятнами травы; иногда берег исчезал в зарослях высоких тростников, и маленькие лодочки, проплывая, шуршали боками о качающиеся стебли. Темные сухие метелки колыхались на холодном ветру, тихо и печально перешептываясь. Когда стена тростников редела, Фродо успевал увидеть за ней убегающие вдаль луга, а за ними – холмы в закатном свете, отороченные темной линией последних отрогов Туманных Гор.

На берегах не видно было ни одной живой твари, кроме птиц; зато птиц здесь водилось множество. В тростниках без конца посвистывали и щебетали мелкие птахи, которых, впрочем, редко удавалось увидеть. Раз или два путешественники слышали шум и плеск лебединых крыльев и, подняв головы, замечали в небе летящую клином стаю.

– Лебеди! – воскликнул Сэм, когда это случилось впервые. – И большущие какие!

– Лебеди, – подтвердил Арагорн. – Только черные.

– Какая огромная, пустая и мрачная страна! – вздохнул Фродо. – Я всегда думал, что к югу обычно становится все теплее и радостнее, пока зима совсем не кончится...

– Мы еще не так далеко на юге, – возразил Арагорн. – Ведь зима сейчас в разгаре, а море далеко. Весна здесь приходит внезапно, а до тех пор можно ждать и снега. А вот подальше отсюда, в заливе Белфалас, куда впадает Андуин, действительно тепло и радостно – вернее, было бы радостно, если бы не Враг. Но сейчас мы едва в шестидесяти лигах от южных границ Заселья, и до побережья отсюда еще сотни долгих верст. Там, куда ты смотришь, на юго-западе, простираются Роханские луга – там живут Владыки Табунов. Вскоре мы увидим устье Ясного Лима²⁹⁷ – реки, текущей из Фангорна. По этой реке как раз и проходит северная граница Рохана. В прежние времена народу Рохирримов принадлежали все земли от Ясного Лима до Белых Гор. Это щедрая, богатая земля. Здешним пастбищам нет равных в Средьземелье. Но в наши темные дни люди перестали селиться у берегов Реки. Они избегают даже приближаться к ней. От берега до берега далеко, но орочьи стрелы летят еще дальше, а в последнее время, по слухам, орки так осмелели, что переправляются через реку и угоняют целые табуны.

Сэм беспокойно огляделся по сторонам. Раньше он страшился деревьев – ему казалось, что за каждым стволом скрываются опасности и отовсюду смотрят недобрые глаза; теперь он от души пожелал, чтобы по берегам снова вырос лес. Он почувствовал, что Отряд слишком открыт недружелюбным взглядам, слишком беспомощен: какой защиты можно искать у этих голых земель, когда плывешь в крошечной лодочке по реке, ставшей линией фронта?

В последующие день или два, по мере того как они плыли все дальше на юг, опасность стали ощущать все. Решено было взяться за весла и поспешить. Берега скользили мимо. Вскоре Андуин стал шире и мельче; слева потянулись длинные каменистые отмели, стали попадаться перекаты; требовалось искусно управляться с веслами, чтобы обходить мели. Бурые Увалы сменились плоской, бесцветной равниной, над которой свистел холодный восточный ветер. Поля на

правом берегу взбугрились, уступив место сухотравью и кочковатым болотам. Фродо зяб и вспоминал Лотлориэн – поляны и ключи, ясное солнце и ласковые дожди эльфийского заповедного леса. В лодках почти не слышно было разговоров, никто не смеялся. Каждый погрузился в свои собственные думы.

Леголас уносился душой на север, в буковые леса, под летние звезды; Гимли мысленно перебирал в руках золотые слитки и прикидывал, уместно ли будет сделать ларец для драгоценного дара из золота; Мерри и Пиппин в средней лодке чувствовали себя неловко – Боромир беспрестанно бормотал что-то и кусал ногти, словно его грызла какая-то неотступная мысль или сомнение. Иногда он хватался за весла и подгребал поближе к Арагорну. Тогда Пиппин, сидевший на носу, замечал в глазах гондорца странный блеск – особенно когда Боромир смотрел на Фродо. Что касается Сэма, то он давно составил о лодках окончательное мнение. Теперь он признавал, что они, пожалуй, не так опасны, как приучили его думать с юных лет, но зато гораздо неудобнее, чем он – даже он! – мог себе представить. Хоббит сидел скорчившись, с несчастным видом, не имея другого занятия, кроме как глазеть на ползущие мимо зимние земли да на серую воду по обе стороны лодки. Ему не доверяли даже весел, когда приходилось грести.

Кончился четвертый день. Сэм, как и прежде, сидел, уставившись на воду поверх склоненных голов Фродо и Арагорна; он клевал носом и не мог дождаться, когда же наконец объявят привал и можно будет встать ногами на твердую землю. Неожиданно в воде что-то мелькнуло; сначала он отнесся к этому безразлично, но вдруг подпрыгнул и стал протирать глаза. Впрочем, сколько он их ни тер, увидеть больше ничего не удалось.

На ночь расположились на маленьком островке недалеко от западного берега. Сэм, завернувшись в одеяла, лег рядом с Фродо.

– Мне сегодня такой смешной сон привиделся, господин Фродо, – зашептал Сэм. – Часа за два до того, как мы остановились. А может, это был и не сон вовсе? Но все равно – смешной.

– И что ты увидел? – спросил Фродо, по опыту зная, что Сэм не успокоится, пока всего не выскажет, что бы это ни было. – Расскажи, а то я с самого Лотлориэна не улыбался.

– На самом деле, смешной – не смешной, а вот чудной – это точно. А если это был не сон, то дело неладно. Уж вы послушайте. Одним словом, я видел бревно с глазами!

– Насчет бревна – охотно верю, – усмехнулся Фродо. – Бревен тут предостаточно. А глаза – это ты загнул.

– Так вот нет же, – обиделся Сэм. – Из-за них-то я и подскочил, из-за глаз этих. Сижу, гляжу: плывет бревно. Прямо за лодкой Гимли. Ну, думаю, и пусть себе! Вдруг смотрю – оно догоняет. Мы ведь плыли по течению, и мы, и оно, с чего бы это ему нас догонять? И вдруг вижу – глаза! Бледные такие, и светятся. На ближнем конце. И вообще, не бревно это было: у него лапы, вроде как у лебедя, только больше, и знай загребает! Тут я сел и давай глаза тереть, чтобы проснуться. Думаю, если оно еще здесь – закричу. Что бы это ни было, а оно к нам подбиралось и плыло уже почти рядом с Гимли. Но то ли эти фонари заметили, что я на них пялюсь, то ли я просто вконец проснулся – короче, глаз уже не было. Мне показалось, будто что-то темное нырнуло в тень у берега, но я видел это только краешком глаза. И все. «Опять спишь, Сэм Гэмги!» – сказал я себе. Тем дело и кончилось. Но с тех пор я все думаю и теперь не уверен, что это был сон. Что вы скажете на это, господин Фродо?

– Сказал бы, что ничего не было, только бревно, сумерки да твоя сонная голова, Сэм, – ответил Фродо. – Сказал бы, если бы сам не видел раньше этих глаз. Но я их видел – на севере, когда мы шли в Лориэн. И еще я видел какое-то странное существо с такими же глазами – оно ползло на *флет*, когда мы ночевали у Нимродэли. Халдир тоже его заметил. А помнишь, что рассказывали эльфы, которые гнались за орочьим отрядом?

– А, – отозвался Сэм. – Еще бы. Я много чего помню. Не нравится мне об этом думать, но если все сопоставить, да еще вспомнить истории господина Бильбо, то получается, что я догадываюсь, как величают эту тварь. Имечко, надо сказать, скверное. Голлум! Вдруг это он?

– Вот именно. Этого я и боюсь в последнее время, – признался Фродо. – С той самой ночи на *флете*. Подозреваю, что он рыскал по Мории и напал там на наш след. Я надеялся, что, пока мы в Лориэне, он нас потеряет. Но эта несчастная тварь, видимо, сидела в лесу у Серебряной и дожидалась.

– Точно, – сказал Сэм. – Нам надо смотреть в оба, а то однажды ночью проснемся – а его мерзкие пальцы уже у нас на горле. Если вообще проснемся. Вот к чему я веду! Бродягу и остальных сегодня беспокоить не стоит. Я посторожу. Завтра отосплюсь. Я ведь в лодке вроде мешка, толку от меня все равно никакого.

– Довольно глазастый мешок, однако! – рассмеялся Фродо. – Посторожи, я согласен. Но только с условием, что в середине ночи ты меня разбудишь – я имею в виду, если до тех пор все будет спокойно.

Была глухая ночь, когда Фродо очнулся от глубокого, темного сна и понял, что Сэм трясет его за плечо.

– Не хочется вас будить, но вы сами так велели. Ничего не случилось – ничего особенного, хочу сказать. Недавно у берега что-то плеснуло, и кто-то вроде бы сопел неподалеку, но у реки ночью чего не услышишь!

Сэм лег, а Фродо завернулся в одеяло и сел, борясь со сном. Минуты медленно складывались в часы; ничего не происходило. Фродо уже решил было поддаться искушению и улечься, как вдруг у одной из покачивающихся на воде лодок показалась темная, еле различимая тень. За планшир ухватилась белесая рука; в лодку заглянули два бледных, холодно светящихся глаза и уставились прямо на Фродо. Глаза были всего в какой-нибудь сажени от него. Хоббит услышал придушенный свист. Быстро вскочив, он выхватил из ножен Жало и встретил взгляд бледных глаз. Те мгновенно погасли. Раздалось шипение, всплеск – и вниз по течению, в ночь, шмыгнуло что-то темное, похожее на бревно. Арагорн пошевелился, повернулся на другой бок и сел. В следующее мгновение он уже стоял рядом с Фродо.

– Что случилось? – спросил он шепотом. – Я что-то почувствовал. Почему у тебя в руке меч?

– Голлум, – отрывисто бросил Фродо. – По крайней мере, мне кажется, что это именно он.

– А! Так ты знаешь, что он идет по нашему следу? Он брел за нами через всю Морию и дошел до самой Нимродэли, а когда мы поплыли, оседлал бревно и приноровился грести руками и ногами. Раза два я пытался его изловить, пока вы спали, но он хитер, как лиса, и скользок, как угорь. Оставалось надеяться, что он не выдержит

плавания, но негодяй освоился, – видимо, пловец он опытный. Попробуем завтра плыть быстрее. Ложись! Я посторожу. Может, удастся все-таки поймать его – он нам весьма пригодился бы. А если ничего не выйдет – попробуем от него оторваться. Это опасный преследователь! Ночью он вполне может прикончить кого-нибудь. А главное – как бы он не навел на наш след врагов. Их в округе хватает!

Ночь прошла спокойно. Судя по звукам, Голлум рыскал где-то поблизости, но на глаза больше не показывался. С этого утра Отряд удвоил бдительность, но Голлума никто больше не видел до самого конца плавания. Если он и продолжал преследовать Отряд, то стал еще хитрее и осторожнее, чем раньше. По просьбе Арагорна гребли теперь подолгу, и берега стремительно уплывали прочь. Но земель, лежавших вокруг, никто уже не разглядывал – плыли теперь в основном ночью или в сумерках, а днем отдыхали в каком-нибудь укрытии, насколько позволял берег. Так, без особых приключений, прошло еще несколько суток; наступил седьмой день пути.

Серые облака по-прежнему закрывали все небо, ветер по-прежнему дул с востока. Но к вечеру тучи на западе разошлись, и в серых облачных берегах появились озера блеклого света, желтоватого и бледно-зеленого. В дальних небесных заводах замерцал белый серп молодого месяца. Сэм поглядел на него и наморщил лоб.

На следующий день все резко изменилось: берега внезапно поднялись и оцетинились камнями. Река привела Отряд в скалистую, исхолмленную страну. По обе стороны встали крутые обрывы, скрытые густыми зарослями дикой сливы и боярышника, запутавшихся в хитросплетениях каких-то ползучих стеблей и куманики. Над растительностью нависали низкие, крошащиеся утесы и выветренные серые столбы, темные от плюща; выше поднимались скальные гребни, заросшие скрюченными от ветра елями. Приближались серые скалы нагорья Эмин Муйл, южной окраины Дикоземья.

На утесах и каменных столбах во множестве гнездились птицы, и весь день, черные на бледном небе, над головой кружились птичьи стаи. Во время дневной стоянки Арагорн долго и с недоверием наблюдал за их мельтешением, подозревая, что Голлум успел натворить бед и вести об их путешествии уже разносятся по всей

округе. Позднее, когда солнце уже садилось и Отряд готовился к отплытию, Следопыт вдруг заметил вдаль, на фоне меркнувшего неба, черное пятнышко. Это была огромная птица – она летела очень высоко, то кружа на месте, то медленно двигаясь к югу.

– Что это за птица, Леголас? – спросил Арагорн, показывая на север. – Орел, наверное?

– Да. Орел-охотник, – ответил Леголас. – Что бы это значило? Горы еще далеко.

– Пока не стемнеет окончательно, трогаться с места не будем, – решил Арагорн.

Наступила восьмая ночь пути, тихая и безветренная; серый восточный ветер наконец унялся. Тонкий месяц закатился рано, померкнув в бледном зареве отгоревшего заката; небо расчистилось, и, хотя на юге все еще громоздились розоватые облачные хребты, на западе уже ярко сверкали звезды.

– В путь! – позвал Арагорн. – Отважimsя еще на один переход! Эти места мне знакомы хуже, водой мне здесь путешествовать не доводилось – во всяком случае, к Сарн Гебиру я в лодке еще не спускался. До этих перекатов, правда, еще далеко, если верны мои расчеты. Но опасные места – камни, скалистые островки – могут встретиться и раньше. Смотрите внимательней и не гребите слишком быстро!

Сэму, сидевшему на носу, в передней лодке, досталась роль вперёдсмотрящего. Он облокотился о борт, вглядываясь в темноту. Ночь выдалась черная, но звезды горели до странного ярко, и вода слегка поблескивала в их свете. Близилась полночь. Лодки плыли по воле течения – путешественники почти не брались за весла. Вдруг Сэм закричал. Всего в нескольких саженьях впереди выросло что-то темное; послышалось клокотание стремительно несущейся воды. Течение, убыстряясь, потащило лодки влево, а справа, у самого борта, забелела пена – Река бурлила у острых камней, протянувшихся от берега до берега, точно ряд клыков. Лодки сбились в кучу.

– Эй, Арагорн! – перекрывая шум воды, закричал Боромир, когда его лодка с разбегу ударилась о головную. – Это же безумие! Ночью нам Порогов не пройти! Да и днем тоже – через Сарн Гебир ни одна лодка не пройдет!

– Назад! Назад! – скомандовал Арагорн. – Поворачивайте! Поворачивайте, если можете! – И он изо всех сил заработал веслом, пытаясь остановить и развернуть лодку.

– Я ошибся, – бросил он через плечо, обращаясь к Фродо. – Я не ожидал, что мы так далеко уплыли! Андуин течет быстрее, чем я думал. Перед нами Сарн Гебир!

С огромным трудом остановив лодки, гребцы принялись их разворачивать, но с течением справиться было непросто: их неуклонно сносило к восточному берегу, нависшему над лодками угрожающей черной стеной.

– А ну-ка, все вместе! Наддай! – кричал Боромир. – Наддай! Нас несет на камни!

Не успел он кончить фразы, как Фродо почувствовал, что днище его лодки скребется обо что-то твердое.

Вдруг наверху зазвенела тетива, за ней – еще и еще; над головой просвистели стрелы. Несколько угодило в цель. Одна клюнула Фродо между лопаток; тот вскрикнул и выпустил весло, но стрела отскочила от спрятанной под одеждой кольчуги. Другая прошла капюшон Арагорна, третья застряла в планшире второй лодки, рядом с пальцами Мерри. Сэму показалось, что он различает, как по длинному галечному пляжу под высоким обрывом мечутся в темноте черные фигурки. Берег был совсем близко – протяни руку, и достанешь.

– *Ирч!* – воскликнул Леголас, переходя на свой язык.

– Орки! – закричал Гимли.

– Это нам Голлум подстроил, вот ей-же-ей, – успел шепнуть Сэм на ухо Фродо. – Главное, место удобное! А Река, похоже, задалась целью доставить нас прямехонько к ним в лапы!

Они гребли изо всех сил. Помогал даже Сэм. Каждый ежесекундно ожидал укуса черноперой стрелы; но, хотя стрелы то и дело свистели над головой и сыпались в воду у борта, попаданий больше не было. Ночь выдалась темная, но оркам с их кошачьим зрением темнота была нипочем, и в звездном свете члены Отряда были бы для своих врагов прекрасной мишенью, если бы не серые плащи Лоризна и серая обшивка лоризэнских лодок. Эльфийское искусство превозмогло злобу мордорских лучников.

Медленно, гребок за гребком, лодки продвигались назад. В темноте трудно было поручиться, что они не стоят на месте; но вот течение ослабло, и тень восточного берега растворилась в ночи. Сколько можно было судить, лодки вновь оказались на середине реки, и вскоре оскаленные камни переката отдалились на безопасное расстояние. Тогда, повернув поперек течения, гребцы вложили в весла всю силу своих мускулов, чтобы поскорее оказаться на западном берегу. Там, в тени нависавших над водой кустов, они смогли наконец остановиться и перевести дух.

Леголас положил весло, взял лук, подаренный ему в Лориэне, и, выпрыгнув на берег, поднялся по камням чуть повыше. Там он не торопясь наладил стрелу и повернулся, вглядываясь в темноту за Рекой. С того берега доносились вопли, но разглядеть что-либо было невозможно.

Фродо поднял голову, глядя на высокую фигуру эльфа; тот все еще смотрел за реку, надеясь наметить себе цель. Темный силуэт головы Леголаса нимбом окружали пронзительно-яркие белые звезды, сверкавшие в черных небесных лагунах за его спиной. С юга, вырастая на глазах, приближались огромные облака, высылая перед собой на звездные поля темных гонцов. Внезапно всех охватил ужас.

– *Элберет Гилтониэль!* – почти беззвучно прошептал Леголас, глядя на небо. От черноты, клубившейся на юге, отделилась тень. По виду это было облако – и в то же время не облако: неслоь оно быстрее ветра и направлялось прямо к ним, пожирая на пути звездный свет. Вскоре стало видно, что это какая-то крылатая тварь, черная, как провал подземной шахты, если не чернее. За рекой заорали, буйно приветствуя подмогу. Сердце у Фродо налилось тяжестью, по телу пробежал внезапный озноб, плечо пронзил смертельный холод, напомнив о давней ране. Хоббит скорчился на дне лодки, пытаясь спрятаться.

Запел большой лориэнский лук; с эльфийской тетивы со свистом сорвалась стрела. Фродо глянул вверх. Крылатая тень, уже было нависшая над лодкой, метнулась прочь. Раздался хриплый каркающий крик; падая, тень пронеслась к восточному берегу и скрылась из виду. Небо вновь очистилось. Вдали поднялся многоголосый гам, проклятия и стоны – и вдруг все стихло. Больше этой ночью оттуда не доносилось ни свиста стрел, ни гомона голосов.

Выждав, Арагорн снова повел лодки вверх по течению. Они продвигались вдоль самого берега, пока на пути не встретился небольшой залив. У воды теснилось несколько деревьев; за ними круто поднимался каменный берег. Здесь решили дожидаться зари, так как идти в темноте было бесполезно. Лагеря разбивать не стали, не стали и разводить костров; спать легли в лодках, тесно прижавшись друг к другу.

– Хвала луку Галадриэли, твердой руке Леголаса и его зоркому глазу! – воскликнул Гимли, жуя кусок *лембаса*. – В темноте, мой друг, и такой выстрел!

– Вы поняли, в кого я стрелял? – спросил Леголас.

– Я – нет, – ответил Гимли. – Но я рад, что оно не долетело до нас. Очень уж было не по себе. Честно сказать, мне вспомнилась та, морийская Тень. Тень Балрога, – закончил он шепотом.

– Это был не Балрог, – покачал головой Фродо, дрожа от холода, – он до сих пор не мог согреться. – Это было что-то холодное. Я думаю... – Но тут он осекся и замолчал.

– Что ты думаешь? – подхватил Боромир, перегибаясь через борт лодки и заглядывая в лицо Фродо, словно пытаясь угадать, что у того на уме.

– Мне кажется... Нет, я, пожалуй, не стану ничего говорить. Но что бы это ни было, враги, похоже, сильно на него рассчитывали.

– Похоже, что так, – подал голос Арагорн. – Но где они теперь, сколько их и что они еще предпримут, мы не знаем. Этой ночью нам спать нельзя! Сейчас нас прикрывает тьма. Но что будет утром? Как знать! Держите на всякий случай оружие поближе!

Сэм сидел, барабанил пальцами по рукояти меча, словно что-то отсчитывая, и поглядывал на небо.

– Странно, – высказался он наконец. – Луна в Заселье и в Диких Землях одна и та же. Или должна быть одна и та же... Но – или это луна все перепутала, или я со счету сбился. Помните, господин Фродо, как мы лежали на *флете*, наверху? Луна тогда убывала. По моим подсчетам, тогда как раз минула неделя с полнолуния. В пути мы неделю. И вдруг нате вам – является новый месяц, тоненький, как обрезок ногтя, словно мы у эльфов и не гостили вовсе! Я точно помню,

что уж три-то ночи мы там провели самое малое. Но не месяц же! Тут я головой поручусь. Что же, получается, время там не в счет?

– А может, там и правда время остановилось? – предположил Фродо. – Может, когда ты в Лориэне, ты попадаешь во время, которое давно прошло? А когда Серебряная вынесла нас в Андуйн, мы вернулись в наше, обыкновенное время, которое через земли Смертных течет в Великое Море. Кстати, в Карас Галадоне я вообще не помню луны – только звезды, а днем – солнце.

Леголас пошевелился в своей лодке.

– Время там как везде, – слышался его голос. – Просто вещи этого мира в разных местах растут, стареют и меняются по-разному. Для эльфов мир движется так же, как для всех, с той только разницей, что для нас он одновременно мчится сломя голову и ползет, как улитка. Нам кажется, что он мчится оттого, что сами эльфы почти не меняются, а все остальное безудержно уплывает мимо, и мы не можем не грустить об этом. А ползет оттого, что эльфы не считают бегущих лет: им этот счет не нужен. Мелькание времен года – только легкая рябь, играющая на водах длинной, длинной реки. И все же под солнцем в свой черед стареет все.

– Но в Лориэне все стареет гораздо медленнее, – сказал Фродо. – Там действует сила Владычицы. В Карас Галадоне, где правит Галадриэль с эльфийским кольцом на пальце, каждый час полон, хотя часы летят, как мгновения.

– Об этом вне Лориэна нельзя говорить ни с кем – даже со мной и Леголасом, – строго оборвал его Арагорн. – Хватит об этом. А тебе, Сэм, придется смириться: ты и вправду сбился со счета, пока гостил в Лориэне. Время там бежало для нас так же, как для эльфов. Во внешнем мире старый месяц истончился, родился вновь, прошел через полнолуние и сгинул в свой черед, а мы все еще оставались в Лориэне. Вчера вечером на небе снова появился молодой месяц. Зима на исходе. Дело к весне – к весне, несущей нам так мало надежды.

Тянулась безмолвная ночь. Из-за реки не доносилось ни звука. Путешественники, сгрудившиеся в лодках, чувствовали, что погода меняется. Под тяжелыми влажными облаками, напоздавшими с юга, воздух потеплел, ветер прекратился. Шум Реки на скалах переката стал

явственнее и как будто ближе. С ветвей на головы путешественникам стали падать редкие капли.

Настал день; во всем, казалось, притаилась тихая печаль. Утро разлило по берегам бледный, рассеянный свет, не дававший тени. Над Рекой стоял туман; ближний берег окутался белым паром, дальнего не было видно вовсе.

– Не выношу тумана, – признался Сэм. – Но этот нам, похоже, на руку. Теперь можно надеяться, что проклятые гоблины нас не увидят!

– Может быть, – ответил Арагорн. – Но если туман не поднимется, трудно будет отыскать тропу наверх. А мы должны ее найти, если хотим миновать Сарн Гебир и выйти к нагорью Эмин Муйл.

– Не понимаю, зачем нам обходить Перекаты, и вообще, зачем держаться Реки? – пожал плечами Боромир. – Если впереди Эмин Муйл, мы можем бросить эти скорлупки и отправиться на юго-запад, к Энтвейе. За ней – моя страна.

– Если бы мы шли в Минас Тирит, мы так и поступили бы, – сказал Арагорн. – Но ничего еще не решено. К тому же путь может оказаться опасней, чем мы себе представляем. Долина Энтвейи – низкая, болотистая, а туман – смертельный враг для тех, кто пеш и обременен грузом. Я бы не бросал лодок до тех пор, пока это будет возможно. По крайней мере на Реке мы не заблудимся.

– Но восточный берег – в руках врагов, – возразил Боромир. – Даже если ты пройдешь Врата Аргоната²⁹⁸ и невредимым достигнешь Каменца – что потом? Прыгнуть с водопадом вниз и плюхнуться в болото?

– Нет! – ответил Арагорн. – У Раурса существует древний волок. Мы спустимся по нему – и поплывем дальше. Разве ты не знаешь о Северной Лестнице, Боромир? Или не хочешь помнить, что она существует? А трон на Амон Хене, высеченный в дни великих королей? Я хочу постоять там, наверху, прежде чем решать, куда идти дальше. Может, сверху мы увидим какой-нибудь знак, подсказку?

Боромир еще долго спорил – но, когда стало ясно, что Фродо пойдет за Арагорном, какой бы тот путь ни выбрал, сдался.

– Люди Минас Тирита не бросают друзей в беде, – сказал он гордо. – Если вы хотите добраться до Каменца, моя сила вам еще понадобится. Так и быть, я доплыву с вами до этого скалистого

острова – но не дальше. Оттуда я поверну к дому – и если моя помощь не заслуживает того, чтобы ее вознаградили дружбой, пойду один.

День шел к полудню; туман немного поднялся. Решено было, что Арагорн с Леголасом пойдут вперед, вдоль берега, а остальные подождут у лодок. Арагорн надеялся найти тропу, по которой можно было бы перенести и лодки, и груз на более спокойную воду за Перекатами.

– Эльфийские лодки, возможно, и не опрокинутся, – сказал он, – но это не значит, что мы тоже пройдем Сарн Гебир благополучно. До сих пор это еще никому не удавалось. Люди Гондора не проложили здесь дороги даже во времена наибольшей своей славы. Южное Королевство не простиралось за Эмин Муил, но все же волок здесь был. Не знаю только, смогу ли я его найти? Исчезнуть он не мог: легкие лодки часто ходили из Дикоземья в Осгилиат. Сообщение прекратилось только несколько лет назад, когда умножились армии мордорских орков.

– На моей памяти лодки с севера к нам уже не ходили, а по восточному берегу рыщут враги, – упорствовал Боромир. – Чем дальше, тем опаснее, даже если тропа и отыщется.

– Безопасных дорог нет, – ответил Арагорн. – Ждите нас ровно день. Если к тому времени мы не вернемся – считайте, что нас настигла гибель. Тогда вам останется выбрать нового предводителя и следовать за ним по мере сил.

Фродо проводил взглядом Арагорна и Леголаса; они взобрались по крутому берегу и пропали в тумане. На сердце у хоббита было беспокойно. Но страхи не оправдались: всего два или три часа спустя, сразу после полудня, в тумане снова показались фигуры разведчиков.

– Все в порядке, – бросил Арагорн, спускаясь вниз. – Тропа есть. Она ведет к причалу, который вполне может послужить и нам. Это недалеко. Перекаты начинаются примерно за версту отсюда и тянутся версты на полторы, не больше. Потом Река успокаивается, и русло свободно от камней, хотя течение там по-прежнему быстрое. Тропа пролегает довольно далеко от берега, у самого подножия скалы, так что до нее наберется с полверсты. Выше по течению причала не видно; надо думать, мы его проскочили вчера ночью. Неплохо было бы вернуться обратно и поискать, но в тумане мы можем опять его не

заметить. Боюсь, придется уходить от воды. Попытаемся добраться до волока отсюда.

– Будь мы все людьми, нам и то пришлось бы нелегко, – проворчал Боромир.

– Какие ни есть, а попробуем, – ответил Арагорн.

– Согласен, – сказал Гимли. – На камнях и люди, бывает, спотыкаются, а гномы никогда, если даже несут груз вдвое тяжелее их самих. Слышишь ли ты меня, достойный Боромир?

Задача действительно оказалась трудной, но выполнимой. Лодки разгрузили; вещи перенесли наверх, на ровное место. Туда же втащили лодки. Они оказались далеко не такими тяжелыми, как можно было предположить. Из какого дерева они были сделаны, не знал даже Леголас; древесина была крепкая и все же до странного легкая. По ровному месту даже Мерри с Пиппином без труда могли нести такую лодку. Но то по ровному месту – на бездорожье с этим делом едва управлялись два человека. Склон – беспорядочное нагромождение серых известняковых глыб – круто шел вверх; нога то и дело норовила провалиться в яму, замаскированную жесткой травой и кустарником; приходилось продираться сквозь заросли куманики, обходить глубокие лощины и смотреть в оба, чтобы не увязнуть в топкой грязи, питаемой сочащейся сверху водой.

Одну за другой Арагорн с Боромиром перенесли лодки; остальные члены Отряда, затратив немало сил, перетаскивали мешки. Все это сложили у волока, а затем двинулись вперед все вместе, уже без особых помех – если не считать колючек и скатившихся сверху камней, то и дело попадавших под ноги. К каменной стене, над которой не одно столетие трудились ветер и дождь, льнули лохмотья тумана; Река тонула в белом мареве. Слышно было, как невидимый поток грохочет и ярится на каменных зубьях и перепадах Сарн Гебира. Отряд проделал путь к причалу дважды. Наконец вся поклажа была перенесена.

Поворачивая к воде, волок полого сбегал к низкому бережку небольшой затоки. Образовалась она, по всей видимости, без участия человека: немного ниже течение преграждал огромный плоский валун, и вода, отброшенная назад, с силой била в берег, постепенно подтачивая его и образуя бухту. За валуном поднимались отвесные серые скалы. Пешему путнику дальше дороги не было.

Короткий день кончился; наступили тусклые, туманные сумерки. Путники сели у воды, слушая приглушенный рев и грохот спрятанных в тумане перекатов. Все устали; глаза у всех слипались, и на сердце было так же сумрачно, как и на берегу Реки в тумане угасающего дня.

– Ну вот мы и пришли. Видимо, здесь придется и заночевать, – сказал Боромир. – Хорошо бы вдобавок и выспаться. Может, Арагорн собирался уже сегодня ночью штурмовать Ворота Аргоната, но мы выбились из сил – все, кроме нашего неустоимого гнома. Он, наверное, рвется к новым подвигам!

Гимли не ответил: голова у него клонилась, глаза были закрыты.

– Надо отдохнуть как следует, – согласился Арагорн. – Завтра нам снова придется идти при свете дня. Если погода не переменится еще раз и не подведет, у нас будет возможность проскочить незамеченными. Но в ночные часы сторожить все равно придется. Сегодня разделимся на пары. Три часа на сон, час – на бдение.

Короткий дождь за час до зари – вот и все неприятности, происшедшие за эту ночь. Как только рассвело, Отряд спустил лодки на воду и двинулся дальше. Туман редел. Путники старались держаться ближе к западному берегу, начиная мало-помалу различать над водой смутные очертания низких утесов, поднимавшихся постепенно все выше и выше. Темные тени скалистых склонов вырастали прямо из воды. К началу дня облака спустились ниже, хлынул ливень. Путешественники накрылись кожами, чтобы лодки не залило водой, и плыли без весел, отдавшись течению; впереди почти ничего не было видно – только серая завеса падающей воды.

Дождь, однако, шел недолго. Небо медленно посветлело – и вдруг облака разорвались; обтрепанная серая бахрома, влекомая ветром, поползла на север. Туман рассеялся. Впереди открылось широкое ущелье меж высоких скал, к которым лепились, чудом удерживаясь на выступах и в узких расселинах, неизвестно как забравшиеся туда деревья. Скалы сдвигались все ближе, и наконец Река на огромной скорости понеслась в теснину. Путешественников стремительно несло вперед; они не могли уже ни остановиться, ни повернуть назад, что бы ни ожидало впереди. Узкой полосой бледнело вверху голубое небо; вокруг, в тени скал, ревела темная вода; впереди, закрывая солнце, чернели горы Эмин Муйл, сдвинувшиеся непроницаемой стеной.

Фродо, не отрываясь глядевший вперед, увидел, что лодки быстро приближаются к двум большим скалам, похожим на гигантские каменные колонны или обелиски. Высокие, отвесные, они угрожающе воздвиглись по обе стороны потока; меж ними внезапно открылась щель, и Река вместе с лодками устремилась в нее.

– Смотрите! Вот он – Аргонат, Королевские Столбы! – крикнул Арагорн, перекрывая рев воды. – Сейчас! Уже близко! Держитесь в одну линию и подальше друг от друга! Ловите быстрину!

Огромные, как башни, колонны выросли прямо перед Фродо, и ему внезапно показалось, что это не скалы, а два серых великана – молчаливые, но грозные. И в то же мгновение он понял, что колонны действительно извели резец и кирку. Здесь поработали искусные руки могучего древнего ваятеля-каменотеса, и ни солнце, ни дожди, пролившиеся над этими скалами за все бесчисленные, ушедшие в забвение годы, не стерли сходства с прообразом. На исполинских постаментах, погруженных в глубокие воды, высились два каменных короля-гиганта. Выщербленные брови королей все еще были сурово сдвинуты, искрошившиеся глазницы хмуρο взирали на стремнину. Левые руки изваяний протянулись ладонью наружу в жесте запрета или предупреждения; в правых еще можно было различить боевые топоры, на головах – треснувшие шлемы, а поверх них – короны. Непокоебимое величие и торжественная сила заключены были в безмолвных великанах, стоявших на страже давно исчезнувшего королевства. Фродо охватили страх и благоговение; он бросился на дно лодки, пряча лицо и не смея поднять глаз на приближающиеся фигуры. Даже Боромир склонил голову, когда лодки, несущиеся по течению, словно горстка хрупких листьев, накрыла вечная тень Нуменорских Часовых. Пред путниками раскрылась темная, зияющая щель Ворот.

Отвесные, страшные утесы уходили ввысь, чуть ли не смыкаясь над головой; где-то далеко вверху брезжила тусклая полоска света. Черная вода ревела, гулко ревело в ответ эхо, в ушах пронзительно выл ветер. Фродо, упавший на колени, слышал, как бормочет и стонет Сэм:

– Ну и местечко! Ну и жуть! Дайте только мне выйти на берег! Обещаю, что я и к луже больше не подойду, не то что к реке!

– Не бойтесь! – прозвучал над ними странно незнакомый голос.

Фродо повернулся – и увидел Бродягу. Это был он – и не он. Усталый Следопыт с обветренным лицом исчез. На корме, уверенно

правя веслом, гордо и прямо восседал Арагорн, сын Араторна. Его капюшон был откинут; темные волосы развевались по ветру, глаза светились. Король возвращался из изгнания в свою страну.

– Не бойтесь! – повторил он. – Давно мечтал я увидеть лики Исилдура и Анариона – моих предков. В их тени Элессару, Эльфийскому Камню, сыну Араторна из Дома Валандила, сына Исилдура²⁹⁹, наследовавшего Элендилу, бояться нечего! – Свет в его глазах погас, и он сказал уже тише, обращаясь к самому себе: – Если бы с нами был Гэндальф! Как жаждет мое сердце увидеть Минас Анор и стены моего города! Куда же я направлю свой шаг?

Сумрачное, длинное ущелье стонало от ветра и грохота воды, эхом отдававшегося в скалах. Река слегка изгибалась, и поначалу впереди было темно; но вот вдалеке блеснула высокая полоса света, стала шириться, приблизилась – и вдруг лодки вынесло наружу, на ясный, широкий простор.

На небе, расчищенном ветром, светило, постепенно клонясь к закату, яркое солнце. Вспененные воды Реки растекались в большое овальное озеро – светлый Нэн Хитоэль, обрамленный крутыми, скалистыми берегами, густо заросшими лесом. Голые каменные вершины холодно поблескивали на солнце. На дальнем конце озера выделялось три горы. Средняя немного выдавалась вперед и стояла особняком. Это был остров: Река с обеих сторон обнимала его светло блестящими, бледными рукавами. С ветром доносился глухой рев – приглушенный расстоянием, но мощный и басовитый.

– Видите? Вот он – Тол Брандир! – Арагорн показал на отдельно стоящую гору. – Слева – Амон Лау, справа – Амон Хен³⁰⁰: Слышащая Гора и Зрячая Гора. В дни великих королей на этих вершинах стояли каменные скамьи, где день и ночь восседали недремлющие стражники. Но говорят, что на остров Тол Брандир не ступала еще ничья нога – ни зверя, ни человека. Мы подплывем к ним еще до заката. Я слышу нескончаемый зов Раурса.

Отряд оставил весла и, отдыхая, дал лодкам свободно плыть к середине озера. Путешественники поели, а затем снова принялись грести. Скалы на правом берегу погрузились в тень, солнце превратилось в багровый диск у самого горизонта. То там, то здесь загоралась отуманенная звезда. Три горы, темнея с наступлением

сумерек, надвигались; Раурос ревел все оглушительнее. Когда путники наконец погрузили весла в тень трех гор, над волнами лежала ночь. Так закончился десятый день путешествия. Дикие Земли остались позади. Чтобы продолжить путь, требовалось решить, какой дорогой идти – на восток или на запад? Начиналась последняя часть Похода.

Глава десятая

Содружество распадается

Арагорн повел лодки в правую протоку. Здесь, на западной стороне, в тени Тол Брандира, у подножия горы Амон Хен, раскинулся зеленый луг, наклонно сбегавший к воде. За ним поднимались первые пологие склоны, густо поросшие лесом; леса тянулись и вдоль изогнутого берега озера. Траву поил маленький ручеек, сбегавший с горы.

– Здесь мы и остановимся, – сказал Арагорн. – Этот луг называется Парт Гален³⁰¹. В давние дни мира и покоя это было доброе место. Будем надеяться, что зло сюда еще не проникло.

Они вытащили лодки на зеленый берег и разбили неподалеку лагерь. На всякий случай выставили часового, но враги о себе не заявляли. Что до Голлума, то, если ему и удалось не сбиться со следа, сейчас его было не видно и не слышно. И все же Арагорн спал беспокойно, часто ворочаясь с боку на бок и просыпаясь. Перед рассветом он встал и подошел к Фродо, стоявшему на часах.

– Что случилось? – удивился Фродо. – Очередь не твоя.

– Не знаю, – ответил Арагорн. – В мои сны вошли тень и угроза. Хорошо бы посмотреть на твой меч.

– Зачем? – испугался Фродо. – Рядом враг?

– Посмотрим, что покажет Жало, – сказал Арагорн.

Фродо вытащил из ножен эльфийский клинок. К его испугу, края лезвия тускло поблескивали.

– Орки! – пробормотал он. – Не очень близко, но, сдастся мне, не так уж и далеко...

– Я этого боялся, – кивнул Арагорн. – Но может, они идут по другому берегу? Жало светится совсем слабо. Может, это просто орочий рейд по склонам Амон Лау? Что-то пока не слышно было, чтобы орки забирались на Амон Хен. Но кто знает? Всякое может

случиться в такое злое время, как наше, когда Минас Тирит не охраняет больше берегов Андуйна! Завтра придется утратить осторожность.

Новый день заволок небо огнем и дымом. На востоке слоились тяжелые, черные как сажа тучи. Восходящее солнце окрасило их снизу в темно-багровый цвет, но вскоре, преодолев слой облаков, выбралось на чистое небо. Вершина Тол Брандира зазолотилась, Фродо смотрел на остров во все глаза. Отвесной стеной поднимались из воды берега; выше, над огромными утесами, начинался крутой склон, по которому карабкались деревья; еще выше серели неприступные голые скалы; все это венчал гигантский каменный шпиль. Вокруг острова вилось множество птиц; других обитателей, если они и существовали, видно не было.

Когда окончился завтрак, Арагорн собрал всех вместе и сказал:

– Настало наконец время выбора, который мы так долго откладывали. Что станет с нашим Отрядом, с нашим содружеством, которое продлилось так долго? Пойдем ли мы на запад, с Боромиром, дабы принять участие в гондорских войнах, или отправимся на восток, где залегли Страх и Тьма? Или, может, разделимся и разбредемся, кто куда вздумает? Что бы мы ни выбрали, выбирать надо сейчас. Здесь нельзя долго оставаться. Мы с вами знаем, что по восточному берегу рыщет враг, но я боюсь, что орки перебрались уже и на эту сторону.

Все долго молчали, никто не шевелился.

– Что ж, Фродо, – снова заговорил Арагорн. – Боюсь, бремя выбора ляжет на тебя. Ты – Хранитель, тебя назначил Совет. Только ты сам можешь решить, куда тебе идти. Здесь я тебе не советчик. Я не Гэндальф. Я пытался его заменить, но что он приберегал для этого часа, на что надеялся – я не знаю. Очень может быть, что он тоже оставил бы окончательное решение за тобой. Такая уж у тебя судьба.

Фродо ответил не сразу.

– Я знаю, что надо спешить, но пока не могу сказать, как поступлю, – медленно проговорил он. – Это тяжелое бремя. Дай мне час на раздумье, и я решу. Я должен побыть один.

Арагорн посмотрел на него с добротой и жалостью.

– Быть по сему, Фродо, сын Дрого, – согласился он. – Ты получишь свой час и побудешь один. Мы останемся здесь. Но не уходи

слишком далеко: надо, чтобы мы могли слышать, если ты нас позовешь.

Фродо сидел понурившись и не торопился уходить. Сэм, который не спускал глаз со своего хозяина, покачал головой и пробормотал:

– Дело-то простое. Проще некуда. Только негоже Сэму Гэмги вмешиваться, да еще в такую минуту!

Наконец Фродо встал и пошел прочь. Сэм заметил, что все отвели глаза и намеренно смотрят в другую сторону, – все, кроме Боромира: тот не отрываясь следил глазами за Фродо, пока он не скрылся за деревьями у подножия Амон Хена.

Побродив без цели по лесу, Фродо заметил, что ноги несут его к склону горы. Он обнаружил тропу, – вернее, почти исчезнувшие остатки тропы. На крутых участках еще различались вырубленные в скале ступени, теперь, правда, выветрившиеся, растрескавшиеся, а местами и расколовшиеся под нажимом напористого корня. Некоторое время Фродо взбирался по тропе, не заботясь о том, куда она его приведет, пока не оказался на небольшой полянке. Вокруг росли рябины, посередине лежал широкий, плоский валун. С востока горная полянка была открыта лучам раннего утра. Фродо задержался и глянул на реку, поблескивавшую далеко внизу, на Тол Брандир и кружащиеся между Амон Хеном и неприступным островом стаи птиц. В голосе Раурса смешивались мощный рев и плещущий басовитый грохот.

Фродо сел на камень и подпер руками подбородок. Он по-прежнему глядел на восток, но мало что видел. Его внутренний взор скользил по событиям, происшедшим с того дня, как Бильбо покинул Заселье. Фродо припоминал и заново обдумывал каждое слово, сказанное Гэндальфом. Время шло, но решение все никак не приходило.

Вдруг он очнулся: его охватило странное чувство – будто сзади кто-то есть. Он явственно ощущал на себе враждебный взгляд. Фродо вскочил и обернулся – но, к своему удивлению, увидел всего-то навсего Боромира. Гондорец улыбался широкой, доброй улыбкой.

– Я за тебя боялся, Фродо, – сказал он, приближаясь. – Если Арагорн прав и поблизости рыщут орки, никому нельзя уходить в лес поодиночке, а тебе – тем более: от тебя так много зависит! У меня тоже тяжело на сердце. Можно, я останусь и мы поговорим, если уж я тебя

нашел? Меня бы это утешило. Когда собирается слишком много народу, любой разговор оборачивается бесконечным спором. Но двое, наверное, могли бы найти истинно мудрое решение.

– Ты очень добр ко мне, – ответил Фродо. – Но мне, я думаю, разговоры не помогут. Я знаю, что я должен делать, но я боюсь, Боромир. Попросту боюсь.

Боромир молчал. Беспрестанно ревел Раурос, в ветвях шелестел ветер. Фродо пробрала дрожь.

Вдруг Боромир сделал шаг вперед и сел рядом с хоббитом.

– Ты уверен, что мучаешься не зря? – спросил он. – Я хочу тебе помочь. Ты стоишь перед трудным выбором. Тебе нужен совет. Прислушаешься ли ты к моему?

– Я, наверное, знаю, какой совет ты мне хочешь дать, Боромир, – сказал Фродо. – С виду-то он мудрый, но сердце говорит мне, что здесь что-то не так.

– Не так? Что же? – резко спросил Боромир.

– Он означает задержку. Ты предлагаешь мне путь, который с виду кажется легче, а в этом уже что-то не то. Принять его – значит отказаться от бремени, которое на меня возложили. И еще – об этом, пожалуй, тоже надо сказать – я боюсь довериться человеческой силе и человеческому слову.

– Но эта сила много лет защищала твою далекую крохотную страну, а ты даже не знал об этом!

– Я не сомневаюсь, что твой народ доблестен. Но мир меняется. Стены Минас Тирита крепки, но этого мало. Что, если они падут?

– Тогда и мы падем на поле боя. Но есть надежда, что наши стены все-таки выстоят!

– Пока существует Кольцо, такой надежды нет, – возразил Фродо.

– Ах! Это Кольцо! – воскликнул Боромир. Глаза его зажглись. – Кольцо! Вот странная судьба! Столько страха и сомнений, и все из-за какого-то пустяка! Крохотного пустячка! Я его в Доме Элронда и не разглядел толком – показали, да тут же и спрятали. Нельзя ли на него взглянуть еще раз?

Фродо поднял голову. Сердце у него вдруг захолонуло. В глазах Боромира мелькал странный огонек; впрочем, лицо гондорца оставалось добрым и участливым.

– Лучше, чтобы его никто не видел, – сказал Фродо.

– Как хочешь. Мне это не так уж и важно, – легко сдался Боромир. – Но хоть поговорить-то о нем можно – или тоже нет? Ты, похоже, думаешь только о том, какую силу оно обретет в руках Врага, о том, сколько зла оно может сотворить. Именно зла, а не добра! Мир меняется, говоришь ты, и если Кольцо не уничтожено, Минас Тирит падет. Но почему? Если Кольцом завладеет Враг, то, конечно, так оно и случится. Но если оно будет у нас, зачем нам терпеть поражение?

– Разве ты не был на Совете? – осторожно спросил Фродо. – Мы ведь не можем использовать Кольцо. То, что сделано с его помощью, служит злу.

Боромир встал и нетерпеливо зашагал взад и вперед.

– Значит, ты идешь на восток! – Он сорвался на крик. – Гэндальф, Элронд – это они подучили тебя так говорить! Может, они и правы, но только для себя. Все эти эльфы, полуэльфы, волшебники – они, наверное, и вправду бы плохо кончили, получи они Кольцо. И то я часто сомневаюсь: впрямь ли они говорили так уж мудро? Может, ими руководит робость? Но каждому свое. Другое дело – истинно твердый человек: его не совратишь с прямого пути!.. Мы, люди Минас Тирита, за долгие годы испытаний сделались тверже стали. Нам не нужна волшебная власть кудесников! Все, чего мы хотим, – это сила, сила, чтобы защитить себя, сила выстоять в справедливой войне. И вот происходит чудо: случай извлекает из-под спуда забытое Кольцо Власти как раз тогда, когда мы больше всего нуждаемся в поддержке! Я говорю тебе – это настоящий дар! Дар, предназначенный тому, кто борется с Мордором! Это же безумие – не использовать его, не обратить силу Врага против него самого! Только бесстрашные и беспощадные стяжают победу. Разве истинный богатырь, великий вождь своего народа, имеет право в такой час отступить перед пустяками? Разве Арагорн отступил бы? А если он отказывается – почему не Боромир? Кольцо дало бы мне такую власть! Как погнал бы я мордорские полчища! Все люди стеклись бы под мои знамена!..

Боромир шагал по полянке и говорил все громче. Живописуя крепкие стены, оружие и людей, послушных мановению его руки, он, казалось, забыл, что Фродо еще здесь. Он заключал великие союзы и одерживал славные победы; он сокрушил Мордор и наконец, воссев на трон, стал могущественным королем, мудрым и исполненным благой воли. Вдруг он остановился и взмахнул руками.

– А они хотят его выбросить! Я не говорю – уничтожить! Да если бы существовала хоть искорка надежды на то, что его удастся уничтожить, я бы не спорил. Но на это надежды нет! Они способны предложить только одно – послать в Мордор невеличка! Вслепую, с подарком Врагу! Какая глупость! Ведь ты, конечно, понимаешь это, друг мой? – Он вдруг снова повернулся к Фродо. – Ты сказал, что боишься. Что ж, тут и храбрейший простит тебя. Но может, в тебе заговорил здравый смысл, только и всего?

– Нет, я именно боюсь, – покачал головой Фродо. – Просто боюсь, и все. Я рад, что ты так откровенно высказался. Теперь у меня в голове кое-что прояснилось.

– Значит, ты идешь в Минас Тирит! – вскричал Боромир. Глаза его сверкали, лицо сияло.

– Ты меня не так понял, – начал Фродо.

– Но ты, по крайней мере, побудешь там? – не дал ему договорить Боромир. – Мой город уже недалеко. До Мордора оттуда не намного дальше, чем от этих мест. Мы долго блуждали в глуши, и тебе обязательно нужно узнать, что происходит во вражьем стане, прежде чем идти. Пошли вместе, Фродо! – Он дружески положил руку на плечо хоббиту, но Фродо почувствовал, что рука гондорца дрожит от скрытого возбуждения. Фродо быстро отступил, тревожно глядя на стоявшего перед ним человека – высокого, чуть ли не в два раза выше его и во много раз сильнее.

– Почему ты со мной так неласков? – взмолился Боромир. – Я – человек честный, не вор, не разбойник. Да, мне нужно твое Кольцо, теперь ты это знаешь. Но я даю тебе слово, что я не собираюсь забирать его насовсем! Неужели ты не дашь мне хотя бы попробовать? Одолжи мне Кольцо!

– Нет! Нет! – вскрикнул Фродо. – Совет возложил ношу на меня!

– Враг победит нас нашей же глупостью! – взревел Боромир. – Ох, как меня все это бесит! Ты просто осел! Упрямый осел! Идти на добровольную смерть, и зачем? Чтобы погубить все дело! Если кто из Смертных имеет право на Кольцо, так это люди Нуменора, а не какие-то там невелички. Оно твое, спору нет. Но виной тому несчастная случайность. Оно могло быть и моим. Дай его мне!

Фродо, не отвечая, пятился, пока большой плоский камень не оказался прямо между ними.

– Право, друг мой! – Боромир немного смягчил голос. – Почему бы тебе от него не избавиться? Ты освободишься от страха и сомнений. А винить можешь меня. Скажешь, что я отнял его силой. Ведь я намного сильнее тебя, невеличек!

Выкрикнув последние слова, Боромир внезапно прыгнул через камень прямо на Фродо. Доброе, благородное лицо гондорца безобразно исказилось; в глазах горел дикий огонь.

Фродо отскочил в сторону; камень снова оказался между ними. Оставалось только одно. Дрожа, хоббит вытянул из-за пазухи цепочку и быстро просунул палец в Кольцо. Как нельзя вовремя: Боромир снова прыгнул – но вдруг, ахнув, замер и ошарашенно уставился на место, где только что стоял Фродо. Очнувшись, он яростно заметался по площадке, шаря среди скал и деревьев.

– Жалкий фокусник! – ревел он. – Попадись мне только! Теперь я тебя насквозь вижу. Ты решил отнести Кольцо Саурону и продать нас! Ты просто ждал удобного случая, чтобы сбежать! Будь ты проклят, и все невелички с тобой заодно! Чтоб вас всех поглотила тьма! Смерть вам! Смерть!..

Тут, споткнувшись о камень, он не удержался, упал ничком и замер, уткнувшись лицом в землю. Какое-то время он лежал неподвижно, словно настигнутый собственным проклятием, – и вдруг заплакал.

Встав, он провел рукой по глазам, смахивая слезы.

– Что я сказал?! – воскликнул он. – Что я наделал? Фродо! Фродо! Вернись! Я сошел с ума. Но это уже позади! Вернись!

Ответа не было. Фродо не слышал его криков. Он был уже далеко и очертя голову мчался по тропе к вершине горы, дрожа от горя и ужаса: перед ним стояло безумное лицо Боромира и его горящие глаза.

Вскоре он оказался на пустынной вершине Амон Хена и остановился, хватая ртом воздух. Словно сквозь туман, увидел он перед собой широкую площадку, выложенную мощными каменными плитами и окруженную полуосыпавшимся парапетом. В середине, на четырех резных столбах, водружена была высокая скамья, к которой вела лестница во много ступеней. Хоббит взобрался по ней и сел на древнюю каменную скамью, чувствуя себя заблудившимся ребенком, который, шаля, забрался на трон горных королей.

Сначала он увидел не так уж много. Вокруг простирался туманный мир колеблющихся теней – ведь Кольцо все еще оставалось у него на пальце. Но туман постепенно раздвинулся, и перед Фродо стали возникать отдельные картины, много картин – маленьких и четких, словно разложенных на столе у него перед глазами, и в то же время далеких. Звуков слышно не было – только яркие, живые образы. Мир отступил и погрузился в тишину. Фродо сидел на Обзорной Скамье горы Амон Хен, которую нуменорцы звали Зрячая Гора. Он посмотрел на восток – там простирались бескрайние непаханные земли, безымянные равнины и неизведанные леса; посмотрел на север – и увидел, как лентой вьется внизу Великая Река, а вдали тянутся Туманные Горы, мелкие и острые, как ряд обломанных зубов. Он посмотрел на запад – и перед его взором легли обширные Роханские пастбища и черная игла Орфанка в кольце гор Исенгарда. Посмотрел он и на юг – там, прямо под ним, Река внезапно загибалась вниз, как опрокинутая волна, и обрушивалась в кипящую пенную бездну – то был водопад Раурос. В дыме брызг горела радуга. Увидел он и Этир Андуйн, могучее устье Реки, и мириады морских птиц, белой пылью кружащихся на солнце, а за ними – серебряное и зеленое море в мягкой ряби бесконечных волн.

Но куда ни обращал он свой взор – всюду кипела война. Туманные Горы шевелились, как муравейник: из тысяч пещер и щелей ползли на свет орки. Под пологом Черной Пущи шла смертельная схватка людей и эльфов с нечистым зверьем. Страна Беорна горела, над Морией клубилась туча, от границ Лориэна поднимался дым³⁰².

По травмам Рохана галопом скакали всадники; из ворот Исенгарда мчались им навстречу стаи волков. Из Харадских гаваней выплывали военные корабли; с востока надвигались бесчисленные полчища людей – с мечами, копьями, луками, на конях, а с ними – колесницы вождей и тяжело нагруженные обозы... Все силы Черного Властелина пришли в движение. Фродо снова повернулся к югу и увидел Минас Тирит. Далекой и прекрасной показалась ему легендарная крепость: белостенная, многобашенная, гордая и величественная на своем горном престоле. Укрепления ее сверкали сталью, на шпилях развевались яркие флаги. В сердце Фродо заиграла надежда. Но напротив Минас Тирита высилась другая крепость – много больше и сильнее. Туда, на восток, против воли устремились глаза Фродо.

Взгляд его миновал руины осгилиатских мостов и скалящиеся ворота башни Минас Моргул, перелетел за страшные Горы – и упал на плато Горгорот, в долину Ужаса, в Мордор. Солнце не могло рассеять Тени, лежавшей над этой страной. Сквозь мгlistые завесы пробивалось пламя. Гора Судьбы пылала, к небу поднимались едкие черные клубы дыма. И вдруг взгляд Фродо замер, наткнувшись на преграду. Стены, укрепления, бастионы предстали глазам Хранителя – черные и немыслимо крепкие: железная гора, стальные ворота, адамантовая башня... Так вот он какой – Барад-дур, Твердыня Саурона! Надежда в сердце Хранителя погасла.

Внезапно хоббит почувствовал: страшный Глаз – там, внутри. В Черной Башне не спали. Каким-то образом от Фродо не укрылось – Глаз почуял, что на него смотрят. Злая, яростная воля, таившаяся в стенах крепости, прыгнула наружу и – Фродо ясно ощущал это – словно длинным пальцем принялась ощупывать окрестности³⁰³. Сейчас этот палец дотянется до него и пригвоздит к месту! Враг узнает, где прячется Кольцо! Вот палец коснулся Амон Лау. Вот он уперся в Тол Брандир... Фродо бросился наземь и сжался в комок, натягивая на голову серый капюшон.

«Нет! Никогда!» – услышал он свой голос. А может, наоборот – «Иду к тебе! Жди!»? Фродо сам не мог разобрать, что бормочет. И вдруг в его голову проникла какая-то новая, чужая мысль, зазвучавшая совсем по-иному: «Сними! Сними его³⁰⁴! Кольцо сними, осел ты этакий! Скорее!»

Две силы встретились. Какое-то время Фродо балансировал между ними, как на скрещении двух клинков; он забился в судороге, не выдерживая пытки, – и вдруг вновь стал самим собой. Он был не Голосом и не Глазом, а хоббитом Фродо. Он был свободен в выборе, и у него оставалось еще мгновение, чтобы выбрать. И он снял Кольцо с пальца.

Оказалось, что в небе светит яркое солнце, а сам он стоит на коленях перед каменной скамьей. Ему почудилось, что над его головой пронеслась черная тень, длинная, словно рука призрачного исполина; не коснувшись Амон Хена, она протянулась на запад и пропала. Небо очистилось, засинело, и на деревьях запели птицы.

Фродо поднялся. Он чувствовал страшную усталость, но воля его окрепла, на сердце было легко, и он громко сказал себе:

– Теперь я сделаю то, что должен. Ясно одно: зло, заключенное в Кольце, действует уже и среди нас. Кольцо должно покинуть Отряд, пока оно не натворило горших бед. Я пойду сам. Одним я не могу больше доверять, другие – кому доверяю – слишком мне дороги: бедный старина Сэм, и Мерри с Пиппином. И Бродяга. Сердце тянет его в Минас Тирит, и он там будет очень кстати, особенно теперь, когда Боромир подчинился Злу. Я пойду сам. И немедленно.

Он торопливо спустился обратно на полянку, где Боромир пытался отобрать у него Кольцо. Здесь он остановился и прислушался. Ему показалось, что снизу, из леса и с берегов, доносятся крики. Похоже, его звали.

– Они будут меня искать, – вспомнил он. – Интересно, меня долго не было? Не один час, наверное! – Он заколебался, бормоча: – Что же делать?

И сам себе ответил:

– Или я иду прямо сейчас, или не иду вообще. Другого случая не будет. Плохо, конечно, что приходится бросать их, да еще ничего не объяснив. Но они, конечно, поймут. Сэм точно поймет. А что мне остается?

Он медленно вытащил Кольцо и снова надел его. Хоббит исчез, и вниз по склону прошуршало что-то вроде легкого ветерка, только еще тише и незаметней.

Остальные долго сидели у реки. Сначала все молчали, только изредка кто-нибудь вставал и принимался беспокойно бродить вдоль берега. Наконец все собрались в круг и заговорили. Вспоминать старались о чем-нибудь постороннем – о пройденной дороге, о пережитых приключениях. Арагорна расспрашивали о Гондоре, о его древней истории и о том, что осталось от великих творений гондорских мастеров на земле пограничного нагорья Эмин Муйл, – о каменных королях и тронах на Амон Лау и Амон Хене. Спрашивали и о великих Ступенях, спускающихся вдоль Раурса. Но все мысли и все разговоры неизменно возвращались к Фродо и Кольцу. Какой выбор сделает Хранитель? Почему он медлит?

– Раздумывает, наверное, какой из двух безнадежных путей безнадежнее, – предположил Арагорн. – Очень может быть, что так. Идти на восток всем вместе, теперь, когда нас выследил Голлум, когда

не исключено, что наша тайна уже всем известна, – затея куда более безнадежная, чем раньше. Но Минас Тирит тоже далеко от Огня, далеко от нашей цели – уничтожить Ношу. Мы можем там ненадолго остаться и показать, на что мы способны, но ни Повелитель Дэнетор, ни все его люди, вместе взятые, не в силах сделать того, что не под силу даже Элронду, – сохранить Ношу в тайне или выстоять, если на Гондор обрушится вся мощь Врага, а это случится непременно, выследи он Кольцо. Что выбрали бы мы, каждый из нас, будь мы на месте Фродо? Я не знаю. Сейчас нам, как никогда, не хватает Гэндальфа.

– Утрата наша горька, – подтвердил Леголас. – Но решать мы должны без него. Почему бы нам не сделать этого самим, чтобы помочь Фродо? Давайте позовем его и проголосуем! Я бы голосовал за Минас Тирит.

– Я тоже, – сказал Гимли. – И все же скажу вот что. Нас послали только для того, чтобы мы в меру сил помогали Хранителю, и мы не обязаны сопровождать его дальше, чем захотим. Никто из нас не давал обета дойти до Огненной Горы. Тяжко мне было расставаться с Лотлориэном! Но я здесь, и теперь, когда мы встали перед окончательным выбором, я знаю, что не могу оставить Фродо. Я бы выбрал Минас Тирит, но если Фродо решит иначе – последую за ним.

– Я тоже пойду с ним, – поспешил сказать Леголас. – Распрощаться с ним сейчас было бы бесчестно.

– Это и правда было бы предательством, брось мы его сейчас все разом, – подтвердил Арагорн. – Но если он пойдет на восток, нет нужды, чтобы шли все. Более того, этого делать, наверное, не следует. Затея обречена на провал, и не важно, сколько нас будет – восемь, трое, двое или даже один. Если бы мне дали право выбирать, я назначил бы троих: Сэма – он на другое не согласится, – Гимли и себя. Боромир вернется в свой город, где он нужен отцу и своему народу. С ним отправятся остальные – по крайней мере Перегрин и Мериадок, если Леголас не захочет нас оставить.

– Нет уж! Не пойдет! – возмутился Мерри. – Мы не можем бросить Фродо! Мы с Пиппином условились – куда он, туда и мы. И передумывать не собираемся. Мы, правда, не знали, чем это обернется. Издалека, в Заселье да в Ривенделле, все казалось другим. Но

посылать Фродо в Мордор жестоко. Для этого надо быть сумасшедшим! Это же верная гибель! Почему мы его не остановим?

– Мы должны его остановить, – поддержал Пиппин. – Это его, наверное, и беспокоит. Он знает, что мы его на восток не пустим. А с собой он, бедняга, никого тащить не хочет. Подумать только! Одному в Мордор... – Пиппина передернуло. – Бедный, глупый, бестолковый хоббит! Он мог бы догадаться, что никого насильно тащить не придется. Если мы его не остановим, то ведь и не бросим же!

– Прошу прощения, – подал голос Сэм. – Я думаю, вы моего хозяина не понимаете. Он вовсе не сомневается, он знает, куда ему пойти. Что пользы в этом Минас Тирите? Я имею в виду, для него, вы уж простите, господин Боромир, – добавил он и обернулся. Тут обнаружилось, что Боромир, поначалу молча сидевший невдалеке, пропал.

– Он-то куда подевался?! – забеспокоился Сэм. – Честно говоря, в последнее время он вообще какой-то странный. Это все, конечно, не его дело. Оно и понятно. Он всегда говорил, что пойдет домой. Кто же его за это винит? Но господин Фродо – он знает, что ему нужно отыскать эти самые Трещины Судьбы, и все тут. Если он, конечно, управится. Но он боится. Вот в чем дело-то! Ему просто страшно, и все тут. Тут вся его беда и есть. Он, конечно, как и мы все, прошел – так скажем – хорошую школу с тех пор, как ушел из дома, иначе он бы так испугался, что сразу бросил бы Кольцо в Реку и удрал. Начать – вот что самое страшное! Пойдем мы с ним или нет – этот вопрос его не беспокоит. Он знает, что пойдем. Это его и тревожит! Если он себя скрутит и решит идти, то он пойдет один, попомните мое слово! Мы еще с ним намаемся. Потому что он себя скрутит, не будь он Бэггинс.

– Похоже, ты оказался умнее нас, Сэм, – признал Арагорн. – Но если ты прав – что нам делать?

– Остановить его! Не пускать! – крикнул Пиппин.

– Как это – не пускать? – охладил его пыл Арагорн. – Он Хранитель, судьба Ноши в его руках. Не думаю, чтобы мы имели право решать за него. Да нам это и не удастся, даже если мы попытаемся. В это дело вовлечены такие силы, с которыми не потягаешься.

– Ну ладно – тогда пускай он скорее себя «скрутит» и возвращается, и кончим с этим, – сдался Пиппин. – Сидеть вот так и

ждать – это просто ужасно! Ведь ему уже наверняка пора вернуться!

– Да, пора, – подтвердил Арагорн. – Час давно прошел. Утро тоже на исходе. Надо его позвать.

В этот миг появился Боромир. Он вышел из-за деревьев и, не говоря ни слова, направился к лагерю. Лицо его было хмуро и печально. Подойдя ближе, он приостановился, словно пересчитывая тех, кто был перед ним, и сел поодаль, глядя в землю.

– Откуда ты, Боромир? – спросил Арагорн. – Ты видел Фродо?

Боромир помедлил с ответом.

– И да и нет, – произнес он медленно. – Я встретил его на склоне и говорил с ним. Я убеждал его пойти в Минас Тирит, а не на восток. Он не соглашался, меня охватил гнев, и он ушел. Точнее, не просто ушел, а исчез. Я такого никогда не видел. Это как в сказках. Наверное, он надел Кольцо. Найти его я не смог и подумал, что он вернулся сюда.

– Это все, что ты хочешь сказать? – спросил Арагорн, глядя на Боромира сурово и не слишком приветливо.

– Да, – ответил тот. – Пока все.

– Плохо дело! – вскричал Сэм, вскакивая. – Чего этот человек хотел от хозяина? И зачем господин Фродо надел Кольцо? Этого нельзя было делать! Если он и правда его надел, может такое произойти!..

– Но он же его снимет, – пожал плечами Мерри. – Поймет, что избавился от непрошеного гостя, и снимет – как Бильбо.

– Куда же он мог пойти? Где он? – взволновался Пиппин. – Его уже целую вечность как нет!

– Когда ты его в последний раз видел, Боромир? – допрашивал Арагорн.

– С полчаса назад, – отозвался тот. – Или с час. Я долго бродил по лесу... В общем, не знаю! Не знаю!

Он обхватил голову руками и поник, словно убитый горем.

– Целый час как исчез! – завопил Сэм. – Его надо немедленно найти! Бежим!

– Постой! – остановил его Арагорн. – Разделимся на пары и договоримся... Да стойте же вы! Подождите!

Все было напрасно. Никто его не слушал. Сэм сорвался с места первым. Мерри и Пиппин бросились за ним и уже почти скрылись в лесу у берега, крича звонкими, тоненькими хоббичьими голосами:

«Фродо! Фродо!» Леголас и Гимли тоже бежали прочь. Отряд охватило что-то вроде внезапной паники или безумия.

– Мы разбредемся и потеряемся, – простонал Арагорн. – Боромир! Не знаю, какой была твоя роль в этом несчастье, но сейчас прошу тебя: встань и помоги! Догони двух младших хоббитов и охраняй их – не важно, найдете вы Фродо или нет. А найдете – хотя бы даже не его самого, а какой-нибудь след, – возвращайтесь сюда. Я скоро буду здесь.

Арагорн сорвался с места и помчался за Сэмом. Он догнал его у полянки, где росли рябины, совершенно запыхавшегося. Хоббит полз из последних сил и вопил: «Фродо!»

– Идем со мной, Сэм! – окликнул его Арагорн. – В одиночку уходить нельзя! Опасность близко. Я ее чувствую. Я хочу подняться наверх, на трон Амон Хена, посмотреть. А ну-ка, а ну-ка... Все верно! Фродо был здесь! Иди за мной и смотри в оба!

И Арагорн поспешил вверх по тропе.

Сэм старался, как мог, но где ему было тягаться с Бродягой! Вскоре он окончательно отстал. Потеряв из виду Арагорна, он сделал еще несколько шагов, остановился, тяжело отдуваясь, – и вдруг хлопнул себя по лбу.

– Послушай-ка, Сэм Гэмги! – вслух сказал он. – Ноги у тебя коротковаты, а значит, надо работать не ногами, а головой! Дайте-ка сообразить! Боромир не соврал, этого за ним не водится. Но всего он тоже не сказал. Господина Фродо что-то здорово перепугало. И он сразу себя скрутил. Он понял, что ему делать, и решил идти. Куда? На восток! На восток?! Не может быть!!! Без Сэма?! Получается, что без Сэма. Вот это тяжело вынести! Ужасно тяжело!

Сэм провел рукой по глазам, смахивая слезы.

– Спокойствие, Сэм Гэмги! Думай, думай! Через реки хозяин летать не умеет, прыгать через водопады – тоже. И вещей у него с собой нет. Придется ему, как ни верти, вернуться к лодкам. К лодкам?.. К лодкам, Сэм, а ну, быстро! Одна нога здесь, другая там!

Сэм развернулся и помчался вниз по тропе. По дороге он упал и ободрал колени, но тут же вскочил и кинулся дальше. Наконец он выбежал на луг Парт Гален, где лежали лодки. Никого не было. Сзади, в лесу, слышались крики, но Сэма они не интересовали. Широко раскрыв рот и замерев на месте, он таращился на лодки. Одна из них

постепенно сползала в воду – сама, без чьей-либо помощи. Сэм с воплем бросился к ней. Лодка закачалась на волнах.

– Иду, господин Фродо! Иду! – закричал Сэм и бросился в реку, пытаясь ухватиться за борт отплывающего суденышка. Ему не хватило какой-то пяди. С воплем и плеском он рухнул лицом вниз прямо в быструю, глубокую воду и, булькнув, пошел ко дну. Его кудрявая голова тут же скрылась из виду.

Из пустой лодки послышалось досадливое восклицание. Весла погрузились в воду, лодка развернулась. Фродо едва успел схватить Сэма за волосы, когда тот всплыл, пуская пузыри и колотя руками по воде. В его круглых глазах стоял ужас.

– Сюда, Сэм, малыш! – позвал Фродо. – Хватайся за мою руку!

– Спасите, господин Фродо! – захлебывался Сэм. – Тону! Утонул! Не вижу никакой руки!

– Вот она! Ай, полегче, щипаться-то зачем?! Я тебя держу. Работай ногами и не бултыхайся – перевернемся! Держись за борт! Я буду грести.

Взмахнув несколько раз веслом, Фродо вернул лодку назад, и Сэм, мокрый, как водяная крыса, выкарабкался на берег. Фродо снял Кольцо и вылез из лодки.

– Куда ты суешься?! Мало мне других бед, что ли?! – обрушился он на Сэма.

– Но это жестоко, господин Фродо! – защищался дрожащий от холода Сэм. – Уходить без меня, и все такое. Это просто жестоко! Не догадайся я, что вы уходите, где б вы теперь были?

– Плыл бы себе спокойненько по течению...

– Спокойненько?! – вскипел Сэм. – Один, без меня?! А кто бы вам помогал? Да я бы этого просто не вынес, мне бы тут же конец настал!

– Со мной тебе конец настанет гораздо скорее, – возразил Фродо. – И тогда уже я этого не вынесу.

– Там еще бабушка надвое сказала, а тут я точно помру, – не сдавался Сэм.

– Но я иду в Мордор!

– Знаю, господин Фродо! Куда ж вам еще идти? Вот я с вами и пойду.

– Слушай, Сэм, – потерял терпение Фродо, – хватит меня задерживать! Сейчас вернутся остальные. Если они меня застанут,

надо будет спорить и объясняться, и у меня просто духу не хватит решиться еще раз. Мне надо уходить немедленно! Иначе никак!

– Еще бы, – согласился Сэм. – Но не одному же! Или я иду с вами, или не идет никто, и вы в том числе. Да я сейчас все лодки расколошмачу!

Фродо не выдержал и рассмеялся. Ему вдруг стало тепло и весело на сердце.

– Оставь хоть одну! Она нам еще пригодится. А вещи и еду ты собираешься брать? Или так пойдешь?

– Сейчас, сейчас, минуточку! – просиял Сэм. – Мое барахлишко давно готово! Я так и думал, что мы сегодня же и снимемся!

Он в мгновение ока подскочил к вещам, выудил из общей кучи свою котомку – Фродо свалил ее туда, когда освобождал лодку от чужого добра, – схватил валявшееся рядом одеяло, пару добавочных мешков с едой – и в два прыжка вернулся обратно.

– Ты сорвал мне все планы, – вздохнул Фродо. – От тебя отвяжись попробуй! Но знаешь, Сэм, я рад. Не могу передать тебе, как я рад! Нам суждено идти вместе до конца. Теперь мне это ясно. А остальным пожелаем безопасного пути! Авось Бродяга за ними присмотрит. Не думаю, чтоб мы их еще когда-нибудь увидели.

– А вдруг, хозяин? – возразил Сэм. – А вдруг?

Так Фродо и Сэм вступили в завершающую часть Похода. Фродо отгреб от берега, и Река понесла их вниз по западной протоке, мимо хмурых скал Тол Брандира. Рев водопада стал слышнее. Сэм помогал, как мог, но все же Фродо пришлось потрудиться, чтобы пересечь стремнину у южной оконечности острова и направить лодку на восток, к противоположному берегу.

В конце концов они снова причалили – на этот раз у южных склонов Амон Лау. Отыскав подходящее место, они затащили лодку повыше и, как могли, спрятали за большим валуном, а потом, приторочив мешки за плечами, отправились вперед – на поиски тропы, которая вывела бы их за серые скалы нагорья Эмин Муйл, в страну Тьмы.

На этом оканчивается первая книга истории войны за Кольцо.

Вторая книга именуется «Две Башни», ибо события, описываемые в ней, вращаются вокруг Орфанка – твердыни Сарумана и крепости Минас Моргул, охраняющей тайные подступы к Мордору. Рассказывается в ней о деяниях членов распавшегося Содружества и о встреченных ими опасностях. Повествование заканчивается приходом Великой Тьмы.

Третья книга – «Возвращение Короля» – повествует о последней битве против сил мрака и об исходе Миссии, возложенной на Хранителя Кольца.

Две башни

Перед вами – вторая книга трилогии «Властелин Колец».

В книге первой, «Содружество Кольца», рассказывалось о том, как Гэндальф Серый обнаружил, что кольцо, принадлежащее хоббиту Фродо, – то самое Единое Кольцо, которому подчинены все Кольца Власти. Повествует книга первая также и о том, как Фродо и его друзья бежали из тихого Заселья, преследуемые ужасными Черными Всадниками из Мордора. С помощью Арагорна, эриадорского Следопыта, хоббиты, избежав множества грозных опасностей, попадают наконец в Дом Элронда, что в Ривенделле.

Элронд созывает большой Совет, на котором принимается решение уничтожить Кольцо или хотя бы попытаться сделать это. Хранителем Кольца назначается Фродо. Затем избирается Содружество Кольца, призванное помогать Хранителю. Фродо предстоит пробраться в Мордор, к Огненной Горе, в пылающем чреве которой только и может погибнуть Кольцо. В Содружество входят: от людей – Следопыт Арагорн и сын Наместника Гондора – Боромир; от эльфов – Леголас, сын Чернолесского короля Трандуила; от гномов – Гимли, сын Глоина из Одинокой Горы; хоббитов представляют Фродо со своим слугой Сэмуайзом и юные родичи Фродо – Перегрин с Мериадоком. К Отряду присоединяется и Гэндальф Серый.

Отряд тайно покидает Ривенделл и некоторое время беспрепятственно продвигается по северным землям, но терпит неудачу при попытке одолеть перевал у горы Карадрас, в зимнее время оказавшийся неприступным. Отыскав потайные Ворота, Гэндальф ведет Отряд в легендарные Морийские Копи, рассчитывая выйти по другую сторону горного хребта. Однако сам он по дороге гибнет в битве со страшным духом, обитателем подземного мира, и падает в черную бездонную пропасть. Тогда Арагорн, наследник гондорского престола и потомок Древних Королей Запада (истинное его происхождение открылось на Совете Мудрых, у Элронда), ведет Отряд через Восточные Ворота Мории в страну эльфов Лориэн, а потом вниз по течению Великой Реки Андуин до водопада Раурос; там путники замечают, что им не удалось укрыться от вражеских

соглядатаев. К тому же по их следу неотступно идет Голлум – существо, некогда владевшее Кольцом и жаждущее заполучить его снова.

Отряду приходится решать – свернуть ли на восток, в Мордор, отправиться ли с Боромиром в столицу Гондора Минас Тирит, чтобы помочь Гондору в войне с Врагом, или разделиться. Когда становится ясно, что Хранитель не отступится и намерен продолжить безнадежное путешествие, Боромир пытается отобрать у него Кольцо силой. Книга первая оканчивается падением Боромира, поддавшегося чарам Кольца, бегством Фродо и его слуги Сэмуайза и рассеянием Отряда после нападения орков, исполняющих волю Черного Властелина и предателя Сарумана из Исенгарда. Дело Хранителя оказывается на грани провала.

Во второй книге трилогии, озаглавленной «Две Башни», мы узнаем о том, что произошло с членами Содружества после того, как рассеялся Отряд. Заканчивается вторая книга приходом Великой Тьмы, провозвестившей начало Войны за Кольцо, о которой расскажет книга третья и последняя.

Часть третья

Глава первая Уход Боромира

Арагорн бежал вверх по тропе, то и дело останавливаясь и наклоняясь в поисках хоть какого-нибудь следа. Обычно даже Следопыту непросто бывает идти по хоббичьему следу, так как ступают хоббиты очень легко. Но ближе к вершине дорогу пересекал ручей, и на влажной земле рядом с берегом Арагорн увидел наконец то, что искал.

– Значит, я на верном пути, – проговорил он вслух. – Фродо направился к вершине. Хотел бы я знать, что он там увидел? Впрочем, что бы он там ни увидел, спускаться ему пришлось бы той же дорогой!

Следопыт заколебался. Его потянуло подняться на вершину Амон Хена – может, оттуда, с каменной скамьи, его взору откроется нечто важное и все сомнения развеются? Времени было в обрез, и все-таки он решился – рванулся вперед и в несколько прыжков взбежал по каменным плитам. Преодолев ступени, он сел на скамью и осмотрелся. Но солнце успело затуманиться, мир казался сумрачным и далеким. От края до края оглядел Арагорн Средьземелье, но не увидел ничего, кроме пологих холмов на горизонте, а высоко в небе – все той же большой птицы, похожей на орла. Птица медленно, широкими кругами снижалась к равнинам.

И тут чуткий слух Следопыта уловил какой-то непонятный шум. Доносился он снизу, из леса, раскинувшегося на западном берегу Реки. Арагорн замер. Снизу слышались какие-то выкрики; к своему ужасу, он различил голоса орков. И вдруг прозвучал низкий, могучий зов рога; ударив в склоны гор и эхом отдавшись в ущельях, зов перекрыл шум водопада и далеко разнесся по округе.

– Рог Боромира! Он зовет на помощь³⁰⁵! – воскликнул Арагорн, вскочил и помчался вниз по ступеням, к тропе. – Увы мне! – повторял он на ходу. – Злой рок преследует меня. Все, что я ни делаю сегодня, обращается во зло!.. А Сэм? Он-то куда подевался?

Тем временем крики и шум нарастали, а зов рога слабел, словно трубивший отчаялся дозваться на помощь. Яростно и пронзительно завопили орки, и рог внезапно смолк. Арагорну оставалось бежать совсем немного, но, когда он достиг подножия, шум уже стих. Свернув влево, туда, где слышны были голоса, Арагорн понял, что шум удаляется. Вскоре все смолкло. Выхватив блеснувший на солнце меч, Арагорн с кличем «Элендил! Элендил!» бросился вперед, с треском ломая ветви.

В полутора верстах от Парт Галена, на небольшой полянке, он нашел Боромира. Тот сидел, прислонившись к огромному дереву, и, казалось, отдыхал. Но Арагорну сразу бросились в глаза стрелы с черным оперением, торчавшие из груди воина. В руке Боромир все еще сжимал рукоять сломанного меча. Рядом лежал расколотый надвое рог, а вокруг валялись тела убитых орков.

Арагорн опустился на колени рядом с Боромиром. Тот открыл глаза и сделал усилие, пытаясь что-то сказать. Наконец уста его разжались.

– Я пытался отобрать у Фродо Кольцо, – с трудом произнес он. – Я признаю свою вину. Я заплатил за это. – Боромир перевел взгляд на поверженных врагов: от его меча пало не меньше двадцати орков. – Орки забрали невеличков с собой. Но невелички живы, хотя и связаны. – Он смолк, и глаза его устало закрылись. Через мгновение он заговорил снова: – Прощай, Арагорн! Иди в Минас Тирит, спаси мой народ! Я проиграл сражение.

– Нет! – с жаром возразил Арагорн, схватив руку гондорца и касаясь губами его лба. – Нет, Боромир! Ты выиграл! Немногим доводилось одержать такую победу. Усни с миром! Минас Тирит выстоит!

Уста Боромира тронула слабая улыбка.

– Ответь, куда они пошли? И что Фродо? Фродо тоже с ними? – спросил Арагорн.

Но Боромир молчал.

– Увы нам, – промолвил Арагорн, потрясенный до глубины души. – Наследник Дэнетора, Князь Сторожевой Крепости, покинул мир живых! Какой горький конец! Содружество распалось. Это и мое поражение! Напрасно Гэндальф доверил мне судьбу Отряда – я не оправдал надежд. Что же мне теперь делать? Боромир наказал мне

идти в Минас Тирит, и сердце мое желает того же – но где Кольцо, где Хранитель? Как искать их, как спасти Дело?

Он стоял на коленях, ссутулившись и не выпуская руки Боромира; плечи его сотрясались от рыданий. Так и застали его Гимли с Леголасом. Спустившись с западного склона, они неслышно подкрались к месту битвы, пробираясь среди деревьев с осторожностью охотников, которые выслеживают дикого зверя. Гимли сжимал в руке топор, Леголас – длинный кинжал (стрелы у него кончились). Выйдя на поляну, оба замерли от неожиданности, но в следующее мгновение все поняли и, охваченные скорбью, низко склонили головы. Леголас приблизился к Арагорну.

– Увы нам! – воскликнул он. – В лесу мы выследили и уничтожили немало орков, но, по всему судя, здесь мы были бы нужнее! Нас позвал голос рога. Мы поспешили на зов – но опоздали... Боромир смертельно ранен? Как я боялся этого! А ты?

– Он мертв, – молвил Арагорн. – А у меня нет и царапины. Я, как и вы, пришел слишком поздно. Боромир пал, защищая хоббитов, пока я был на вершине.

– Хоббитов?! – вскричал Гимли. – Где же они? Где Фродо?!

– Не знаю, – устало отозвался Арагорн. – Перед смертью Боромир сказал, что орки связали их, но жизни не лишили. Правда, я посылал его вслед Мерри и Пиппину, и он не успел ответить мне, были с ними Фродо и Сэм или нет. Поистине, все, что я ни делаю сегодня, обращается во зло! Как нам теперь быть?

– Прежде всего надо похоронить павшего³⁰⁶, – сказал Леголас. – Не оставлять же Боромира среди этой поганой падали!

– Надо, однако, торопиться, – заметил Гимли. – Боромиру промедление пришлось бы не по душе. Если наши друзья живы, мы должны отбить их у врагов!

– Но мы не знаем, с ними ли Хранитель, – напомнил Арагорн. – Неужели мы оставим его одного? Разве мы не обязаны прежде всего найти Фродо? Страшный перед нами выбор!

– Если так, давайте сначала исполним свой главный долг, – снова предложил Леголас. – Могилы, достойной Боромира, мы выкопать не можем – некогда и нечем. Может, насыпать курган из камней?

– Это долгая и тяжелая работа, – возразил Гимли. – Камни пришлось бы носить от самой Реки – ближе мы ничего не найдем.

– Мы положим Боромира в лодку вместе с его оружием и оружием сраженных им врагов, – решил Арагорн. – А лодку направим к водопаду. Пусть Андуйн примет павшего воина. Великая Река Гондора сама позаботится, чтобы никто не надругался над останками гондорского воина.

Они быстро обошли мертвых орков, собирая сабли, треснувшие орочьи шлемы и щиты в одну кучу.

– Смотрите! – воскликнул вдруг Арагорн.

Он вытащил из груды безобразного оружия два кинжала в виде длинных листьев, испещренных красными и золотыми надписями. Вскоре отыскались и ножны – черные, усеянные мелкими красными камнями.

– Эти кинжалы не орочьи! – торжествовал Арагорн. – Они принадлежали хоббитам! Все ясно: орки обезоружили пленников, но взять кинжалы себе побоялись – ведь эти клинки сработаны в Закатном Крае, на них начертаны заклятия, несущие гибель слугам Мордора. Значит, наши друзья безоружны – если, конечно, вообще живы. Я возьму кинжалы с собой, – может, еще удастся вернуть их хозяевам, хотя надежды мало.

– А я, – сказал Леголас, – запасусь стрелами. Мой колчан совсем пуст.

Порывшись в груды оружия, он набрал немало добротных, неповрежденных стрел, оказавшихся длиннее, чем обычные орочьи, и внимательно осмотрел их.

Арагорн, взглянув на мертвых врагов, заметил:

– Не все эти орки пришли сюда из Мордора! Если я хоть немного разбираюсь в орочьих породах, то здесь есть несколько северных гоблинов с Туманных Гор. Но есть и другие, о каких я не слышал. Они даже вооружены иначе...

Он показал на трупы четырех смуглых косоглазых гоблинов – это были настоящие великаны, большерукие, с крепкими, мускулистыми ногами. Вместо обычных ятаганов на поясах у них висели короткие мечи с широкими клинками, а их тисовые луки по форме и длине ничем не отличались от тех, что носят обычно люди. На щитах красовался незнакомый герб – маленькая белая рука на черном поле, а

железные шлемы были отмечены руной «С» из какого-то светлого металла.

– Я еще не встречал такого герба, – недоумевал Арагорн. – Хотел бы я понять, что означают эти знаки!

– «С» – Саурон! – предположил Гимли. – Догадаться нетрудно.

– Нет! – отверг его догадку Леголас. – Саурон не терпит эльфийских рун.

– К тому же он никогда не употребляет своего настоящего имени и не позволяет ни писать его, ни произносить, – добавил Арагорн. – Да и белый – не его цвет. Герб орков, что служат крепости Барад-дур, – Красный Глаз. – Он задумался и наконец произнес: – Скорее всего, «С» означает Саруман. В Исенгарде неладно, и через западные страны больше нет безопасных дорог. Этого Гэндальф и боялся: предатель Саруман каким-то образом проведал о нашем походе. Наверное, его ушей достигли и слухи о гибели нашего проводника. Может, оркам из Мории, которые гнались за нами, удалось обмануть бдительность Лоризна, а может, они обошли Лоризн стороной и пробрались в Исенгард иными тропами? Орки – ходоки неплохие. Впрочем, у Сарумана много способов добывать новости... Помните птиц?

– Ладно, ладно, некогда ломать голову над загадками, – торопил Гимли. – Идемте, перенесем Боромира к Реке!

– Когда-нибудь разгадывать загадки придется, если мы хотим выбрать верную дорогу, – возразил Арагорн.

– А есть ли она, эта верная дорога? – усомнился гном.

Гимли срубил своим топором несколько веток, Арагорн и Леголас связали их тетивами, разостлали сверху плащи и на этом самодельном погребальном одре отнесли павшего к Реке вместе с избранными трофеями, которые должны были сопровождать Боромира в последний путь. Река была близко, но такого богатыря, как Боромир, даже втроем нести оказалось непросто. Арагорн остался у воды – сторожить тело, а Леголас и Гимли поспешили вверх по течению, к Парт Галену. До лагеря было версты две, и минуло довольно много времени, прежде чем послышался плеск весел и гном с эльфом, стараясь держаться поближе к берегу, подгребли к Арагорну.

– Странное дело, – сказал Леголас. – На берегу только две лодки. Третьей мы не доискались.

– Орки и туда наведались? – насторожился Арагорн.

– Орочьих следов там нет, – ответил Гимли. – Да и то сказать, побывай там враги – они наверняка забрали бы все три лодки и поклажу в придачу.

– Вернемся, и я посмотрю, в чем дело, – решил Арагорн.

Боромира положили на дно лодки, которая должна была стать погребальной ладьей. Изголовьем служил туго свернутый эльфийский плащ с серым капюшоном; длинные черные волосы гондорца закрывали ему плечи. Дар владычицы Лориэна – золотой пояс – ярко блестел на солнце. Шлем положили рядом с телом, разбитый рог, рукоять и сломанный меч – на грудь, в ноги – оружие убитых врагов. Друзья сели в свободную лодку, привязали к ее корме нос погребальной ладьи и поплыли по течению. Гребли молча, стараясь держаться ближе к берегу, но вскоре быстрый поток подхватил суденышко, и зеленый луг Парт Галена остался далеко позади. Солнце, начинавшее уже клониться к западу, ярко освещало крутой склон Тол Брандира. Друзья плыли на юг, пока на горизонте не показался золотой нимб водопада Раурос – облако водяных брызг, клубящееся над пропастью. Безветренный воздух задрожал от шума и грохота.

Здесь погребальную ладью отвязали. Лицо Боромира было исполнено мира и покоя; ладья безмятежно покачивалась на лоне бегущих вод. Течение подхватило ее и понесло; друзьям пришлось грести изо всех сил, чтобы справиться с волнами и не последовать за Боромиром. Ладья с телом удалялась. Наконец она превратилась в черную точку на золотом фоне – и вдруг пропала. Раурос ревел не смолкая. Река взяла Боромира, сына Дэнетора, и Минас Тирит потерял его навеки. Ни разу больше не поднялся он с восходом на стены Белой Башни. Но в Гондоре долго еще рассказывали, будто эльфийская ладья невредимой прошла пучину водопада и пенящуюся круговерть у его подножия, миновала Осгилиат – и Андуин, приняв ее в свои неисчислимые рукава, ночью, под звездами, унес ладью в Великое Море.

Трое друзей молча глядели вслед Боромиру. Наконец Арагорн молвил:

– С Белой Башни долго еще будут смотреть вдаль, надеясь увидеть его на дороге, ведущей к дому, но Боромир уже не вернется – ни с гор, ни от берегов морских.

И он запел, медленно и протяжно:

*По бескрайним равнинам Ветер гнет ковыли³⁰⁷.
Западный Ветер воет у пределов земли.
«Ветер-Странник, поведай, Ветер-Странник, ответь —
Долго ли скорбной Башне³⁰⁸ в закатную даль смотреть?
Боромира Могучего помоги найти.
Все ли еще месяц светит ему в пути?» —
«За семь потоков он правил, реки пересекал,
В северной мгле сокрылся; больше я его не видал.
Может быть, Северный Ветер слышал, как рог трубит?..»
—
«С башни смотрю на запад, и сердце мое скорбит.
Он пересек пустыни, пропал в неизвестной глуши.
На западных дорогах не вижу я ни души».*

Сменив Арагорна, запел Леголас:

*Ветер Полудня свищет, соль в нем и песок.
Он у ворот стенает, и голос его высок.
«Что происходит в мире, при солнце и при луне?
Где Боромир Справедливый? Он медлит, и горько мне». —
«Не вопрошай у ветра о смертном и о людском:
Мало ли белых ребер занесено песком
Белых и черных взморий, в бурях небес и вод?
Мало ль по рекам смертных к Морю, на юг, плывет?
Спрашивай Северный Ветер – может быть, знает тот?..»
—
«О Боромир! Дорога к Морю, на юг, ведет.
В хлопанье белых крыльев, в крике чаек у врат
Ждал о тебе вестей я – но ты не пришел назад».*

Снова запел Арагорн:

*Северный Ветер стучится в створ Королевских Врат,
Голос его зычен, шумен, как водопад.
«Ветер, Стекляющий Воды! Прощу тебя – дай ответ:
Где Боромир Бесстрашный? Как долго его нет!» —
«Рог прогремел над лесом, откликнулся Тол Брандир.
Много в той битве пало – последним пал Боромир.
Щит пополам раскололся, и преломился меч,
Но не склонил главы он, не сгорбил могучих плеч.
Тело в ладью положили, коснулись устами чела —
И Золотая Бездна на лоно его приняла». —
«Башня отныне взора от Бездны не отвратит,
Покуда мир не сгинет, и золото не догорит».*

Погребальная песнь отзвучала. Друзья повернули лодку и, налегая изо всех сил на весла, поплыли обратно – к Парт Галену.

– Вы оставили мне Восточный Ветер, – сказал Гимли, – но о нем я не стану петь.

– Ты прав, – ответил Арагорн. – Когда в Минас Тирите дует восточный ветер, его поневоле терпят, но о вестях у него не спрашивают. Довольно об этом! Боромир ушел в свой путь, поспешим и мы с выбором своего!

Как только лодка ткнулась в берег, Арагорн выскочил из нее и быстро, но тщательно обследовал поляну, часто наклоняясь к самой земле.

– Орки сюда не заглядывали, – проговорил он. – Об остальном с уверенностью сказать нельзя. Наши следы, старые и новые, слишком перепутались. Но я не поручусь, что с тех пор, как исчез Фродо, здесь не побывало ни одного хоббита.

Он вернулся к берегу и осмотрел землю неподалеку от устья журчащего ручейка.

– Тут есть довольно отчетливые следы, – заметил он. – Сюда наведывался кто-то из хоббитов. Он вошел в воду, а потом вернулся на берег, но давно ли это было, не знаю.

– Как же ты думаешь разгадать эту загадку? – спросил Гимли.

Арагорн ответил не сразу. Сперва он вернулся к лагерю и осмотрел вещи.

– Не хватает двух хоббитчих котомок, в том числе самой большой и тяжелой, – сказал он наконец. – А самую тяжелую нес Сэм. Вот вам и ответ: Фродо забрал лодку и уплыл вместе со своим слугой. Видимо, он вернулся сюда в наше отсутствие. Сэма я в последний раз видел на тропе, что вела наверх. Я позвал его с собой, но он, очевидно, не послушался. Догадался, что на уме у Фродо, и бегом назад, пока тот спускал лодку на воду. От Сэма не так-то просто отделаться!

– Но почему он попытался отделаться от нас, почему не предупредил? – спросил Гимли растерянно. – Странный поступок!

– Странный, но мужественный, – возразил Арагорн. – Сэм был прав. Фродо не хотел вести друзей на смерть, в Мордор, хотя знал, что сам-то всяко должен идти. За то время, что он был один, случилось нечто неожиданное. Это и помогло ему победить страх и неуверенность.

– Может, он встретил орков и бежал? – предположил Леголас.

– Да, бежал, – ответил Арагорн. – Но вряд ли от орков.

Он не стал делиться своими собственными мыслями на этот счет. Последнее признание Боромира он долго хранил в тайне.

– Похоже, кое-что проясняется, – заметил Леголас. – Фродо на этом берегу нет. Лодку мог взять только он, и никто больше. Ну а Сэм отправился с ним! Иначе куда могла деваться его котомка?

– Значит, остается одно из двух, – подытожил Гимли. – Или мы садимся в оставшуюся лодку и пытаемся догнать Фродо, или на своих двоих отправляемся по следу орков. В обоих случаях уповать особо не на что. Драгоценное время упущено.

– Дайте подумать, – сказал Арагорн. – Да будет мой выбор верным и да положит он конец несчастьям, которые нас сегодня преследуют! – Он постоял немного молча – и наконец решил: – Я отправляюсь в погоню за орками! Обернись все иначе, я повел бы Фродо в Мордор и остался бы с ним до самого конца. Но если я брошусь на его поиски теперь, неведомо куда, в глушь и безлюдье, – Пиппина и Мерри ожидают неминуемые муки и смерть. Сердце внятно говорит мне, что судьба Хранителя уже не в моих руках. Отряд сыграл свою роль. А нам, оставшимся, негоже бросать товарищей в беде, пока у нас есть

еще силы бороться за их спасение. В путь! Не берите с собой ничего лишнего. Мы будем гнаться за ними день и ночь, пока не настигнем!

Они вытащили из воды последнюю лодку и перенесли ее в лес. Ненужное добро упрятали под днище лодки – и покинули Парт Гален. Когда они вернулись на поляну, где пал Боромир, уже вечерело. Арагорн быстро отыскал след: особого искусства тут не требовалось.

– Только орки топчут траву так бесцеремонно, – сердился Леголас. – Можно подумать, им в радость давить и крушить своими сапожищами все, что растет и тянется к солнцу, даже если для этого надо сойти с дороги!

– Но ходят они от этого ничуть не медленнее, – напомнил Арагорн, – и, кстати, никогда не устают. А мы, видимо, скоро выйдем на голую, каменистую землю. Там мне придется как следует потрудиться, чтобы не потерять след!

– Ну что ж! В погоню! – воскликнул Гимли. – Гномы тоже отличные ходоки и устают не скорее орков. Но погоня будет долгой: мы позволили им уйти слишком далеко.

– Это так, – подтвердил Арагорн. – Нам всем сегодня не мешало бы занять выносливости у гномов. Но вперед! Есть надежда или нет – мы не отступим и не свернем с дороги. И горе им, если мы их настигнем! Погоня эта войдет в легенду у Трех Племен – эльфов, людей и гномов. В путь, Трое Охотников!

И он, словно олень, рванулся в чащу. Отбросив сомнения, не зная устали, он вел свой маленький отряд все вперед и вперед. Лес и озеро остались позади. На красном закатном небе очертились холмы, к реке протянулись длинные пологие склоны. Смеркалось. Три серые тени исчезли среди камней.

Глава вторая

Всадники Рохана

Надвигалась ночь. Позади, в низине, сгустилась вечерняя дымка, туман окутал стволы деревьев, облег тусклые берега Андуина. Но небо оставалось чистым. Зажигались звезды. На западе плыл месяц, уже на прибыли; под камнями залегали черные тени. Трое Охотников вышли к подножию скал, где шаг пришлось убавить: отыскивать след стало

труднее. Нагорье Эмин Муйл тянулось с севера на юг двумя неровными грядами. Западные, неприступные склоны обоих каменных хребтов обрывались в пропасть; восточные, прорезанные ущельями и узкими расселинами, сбегали вниз более полого. Всю ночь пробирались по камням трое преследователей. Путь их лежал вверх, на крутой перевал, а оттуда – снова вниз, в темноту, в глубокую, извилистую долину между хребтами.

Здесь, в долине, в тихий и холодный предрассветный час, Охотники ненадолго остановились. Месяц, светивший поначалу прямо в лицо, давно закатился³⁰⁹, вверху мерцали звезды; первые лучи нового дня в долину еще не проникли – их заслоняли высокие горы, замыкавшие долину позади. Арагорн встал в тупик: следы орков спускались со склона и пропадали.

– Куда же они свернули, как ты думаешь? – спрашивал Леголас. – На север, чтобы короткой дорогой попасть в Исенгард или Фангорн, если ты угадал и они метят именно туда? Или на юг, к переправе через Энтвейю?

– Какой бы ни была их цель, к Реке они не пойдут, – ответил Арагорн. – Я думаю, наши враги не рискнут долго разгуливать по роханским степям и выберут кратчайший путь через них, если только в Рохане все по-прежнему и могущество Сарумана не слишком возросло. Будем искать на севере!

Долина каменным желобом врезалась в скалистое, зубчатое взгорье; по дну, журча среди валунов, бежал ручей. Справа хмурились мрачные утесы; слева вздымались покатые серые склоны, смутно темневшие в сумраке поздней ночи. Охотники прошли еще версты с полторы на север. Арагорн то и дело нагибался, внимательно осматривая входы в каждое ущелье и каждый овраг на западном склоне. Леголас шел чуть впереди. Вдруг он вскрикнул, и все бросились к нему.

– Мы уже кое-кого настигли, – обернулся к друзьям эльф. – Смотрите!

Вглядевшись в полутьму, Арагорн и Гимли поняли, что валуны, грудой черневшие на склоне, – на самом деле не валуны, а сваленные в кучу тела пяти орков. Трупы были жестоко изрублены, а два еще и обезглавлены. По земле растеклась темная орочья кровь.

– Вот вам и еще загадка, – помрачнел Гимли. – Поди пойми, что тут произошло! В темноте не разберешь. Но не ждать же утра!

– Как бы то ни было, для нас это знак надежды, – сказал Леголас. – Враги орков, скорее всего, окажутся нашими союзниками. В этих горах кто-нибудь живет?

– Нет, никто, – ответил Арагорн. – Рохирримы сюда редко заглядывают, а до Минас Тирита далеко. Разве что кто-нибудь решил поохотиться... Но на кого здесь охотиться и зачем?.. Нет, думаю, это не охотники.

– Как же ты все это объясняешь? – спросил Гимли.

– Наши враги привели своих врагов с собой, – сказал Арагорн. – Все убитые орки – с севера, издалека. Среди них нет ни одного великана с тем незнакомым гербом на шлеме. Похоже, у них вышла драка: у этого поганого отродья ссоры – дело обычное. А повздорить они могли из-за чего угодно. Например, из-за выбора дороги.

– Или из-за пленников, – добавил Гимли. – Хочется думать, хоббиты вышли из этой переделки живыми!

Арагорн тщательно обследовал все вокруг, но больше никаких следов не обнаружил. Погоня продолжалась. Небо на востоке побледнело, звезды одна за другой гасли; занимался серый рассвет. Пройдя еще чуть-чуть, Отряд Охотников остановился у оврага, по дну которого пробил себе в камне извилистое ступенчатое русло маленький ручеек. У ручейка росли кусты, по берегам топорщилась травка.

– Наконец-то! – воскликнул Арагорн. – Вот они, следы, которые мы ищем! Они идут вверх по ручью. Сюда орки и двинулись, когда кончили выяснять отношения!

Они свернули вправо и поспешили вдоль ручья, перепрыгивая с камня на камень так легко, словно не было за плечами бессонной ночи. Наконец овраг вывел их на гребень, где налетевший ветер – сильный, холодный предутренний бриз – взъерошил им волосы и взметнул полы плащей.

Охотники оглянулись: вдали, за Рекой, холмов уже коснулись первые лучи рассвета. Из-за темных вершин показался алый край солнца. Впереди, на западе, лежали серые, расплывающиеся в дымке степи, но готовая пробудиться земля на глазах обретала краски:

широкие луга Рохана зазеленели, над речными долинами забелели туманы, а слева, далеко-далеко, лигах в тридцати, а может, и больше, сверкнули в розовых лучах солнца блистающие ледники остроконечных Белых Гор Гондора, облаченных в синежь и багряницу.

– О Гондор, Гондор! – воскликнул Арагорн. – Увижу ли я тебя в более счастливый час? Если бы я мог повернуть на юг, к твоим сияющим рекам! Но пока что путь мой лежит в другую сторону...

*О Гондор, Гондор!
От гор до моря ты простер
благословенные пределы —
от моря и до гордых гор
твои владения, о Гондор!*

*Там Древо свет струит с ветвей,
священным серебром заката
кропя пороги Королей...
Ты — сила башен, ты оплот, — и трон, что ярче злата!
Ты — коронованный крылом³¹⁰,
глядящий в Край Заката!*

*Скажи о Древе³¹¹, — суждено ль ему расцвести?
Пошлет ли нам Закатный Край благую весть?*

– А теперь идем! – произнес он, отвернувшись и устремил взор на запад, куда лежала его дорога.

Прямо из-под ног склон уходил вниз. Ниже, в двенадцати саженях или даже больше, начинался широкий, выветренный карниз, обрывающийся отвесной скалой; то была так называемая Восточная Роханская Стена. Нагорье Эмин Муйл осталось позади; впереди, сколько хватало взгляда, простирались широкие равнины Рохирримов³¹².

– Смотрите! – Леголас указал в бледное небо. – Опять орел! Только на этот раз очень высоко. Похоже, он возвращается назад — на север. И летит очень быстро. Видите?

– Нет, мой добрый Леголас, даже мои глаза его не видят, – ответил Арагорн. – Наверное, он и впрямь летит очень высоко. Хотел бы я знать, с каким он послан поручением, если это та же самая птица, что я видел прежде! Но взгляни, на равнине тоже кое-что движется, и гораздо ближе. Кажется, к нам это имеет самое прямое отношение!

– Действительно, – подтвердил Леголас. – Это большой пеший отряд. Но что за отряд – сказать не могу. Он далеко, примерно лигах в двенадцати отсюда, но на равнине я могу ошибиться в расстоянии.

– Мне кажется, нам больше не придется искать след. Теперь мы уже не собьемся, – приободрился Гимли. – Давайте поскорее отыщем спуск, только не самый длинный!

– Орки отыскиали его прежде нас, – молвил Арагорн.

И Отряд продолжил погоню – теперь уже при свете дня. Все говорило за то, что орки спешили изо всех сил. То и дело на пути попадались оброненные впопыхах или брошенные предметы: мешки из-под еды, черствые серые корки, иногда – черный плащ, изодранный в клочья, а то и тяжелый, подбитый гвоздями сапог, стертый от ходьбы по камням... След повел Охотников налево, вдоль обрыва; наконец справа показалась глубокая расселина, пробитая в скале шумно бегущим потоком. Вдоль берега шла грубая тропа, напоминавшая крутую лестницу с неровными ступенями.

Сделав шаг с последней ступеньки, преследователи внезапно – да так внезапно, что вздрогнули, – очутились по колено в траве Рохана. У подножия Эмин Муйла колыхалось зеленое море. Ручей пропадал в густых лопухах и зарослях осоки; слышно было, как он приглушенно журчит в зеленых протоках, начиная свой долгий путь пологими склонами Рохана к заболоченной долине Энтвейи.

Охотникам показалось, что зима осталась за спиной, среди скал и камней. Воздух здесь был мягче и теплее, ветер доносил слабые ароматы трав – как будто на равнине уже просыпалась весна и живой сок снова струился по стеблям и листьям... Леголас вздохнул всей грудью. У него был вид путника, приникшего к краю ковша после многих дней пути по бесплодной пустыне.

– Ах! Запах зеленых лугов! – восхитился он. – Вдохнешь – и забудешь, что не спал ночь. Вперед!

– Мы налегке, и бежать сможем быстро, – сказал Арагорн. – Быстрее, чем подкованные железом орки. Может, нам и удастся

сократить разрыв.

И они помчались дальше, друг за другом, как гончие по свежему следу, и в глазах их горел огонь. Орки оставили за собой широкую вытопанную полосу, ведущую почти точно на запад: и везде, где ступила их нога, благоуханные травы Рохана поникли и почернели.

Вдруг Арагорн крикнул:

– Стойте! Не ходите пока за мной! – и свернул направо, в сторону от главной тропы: туда вел слабый одиночный след маленьких босых ног. Вскоре, правда, след пересекли отпечатки орочьих сапог, а маленькие следы резко свернули и затерялись на вытопанной земле. Здесь Арагорн нагнулся, что-то поднял и бегом вернулся к товарищам.

– Я был прав, – сообщил он. – Это следы хоббита! Скорее всего, оставил их Пиппин: ростом он ниже, чем Мерри. Глядите!

И он протянул друзьям блестящий на солнце березовый листок; казалось, он только-только распустился. Странно и дивно было видеть его в степи, где не росло ни единого дерева.

– Брошка с эльфийского плаща! – воскликнули Леголас и Гимли одновременно.

– Лориэнские листья без причины не облетают, – сказал Арагорн. – Застежку оставили умышленно – подать знак тем, кто будет идти следом. Думаю, Пиппин затем и отбежал в сторону.

– Выходит, он жив и голова у него на месте, да и ноги тоже! – возликовал Гимли. – Вести хорошие. Не зря мы затеяли погоню!

– Надо надеяться, ему не пришлось слишком дорого заплатить за свою дерзость, – покачал головой Леголас. – Бежим! У меня горит сердце, когда я думаю, что наших веселых малышей гонят неизвестно куда, как ягнят на убой...

Солнце прошло зенит и стало медленно клониться к западу. С дальнего юга, с моря, приплыли легкие облака; степной ветер подхватил их и повлек дальше. Солнце коснулось горизонта. За бегущими протянулись на восток длинные тени. Но преследователи не останавливались. Прошло уже больше суток после гибели Боромира, а орки по-прежнему были далеко впереди. Плоская равнина казалась пустынной.

Когда стало темнеть, Арагорн остановился. Только дважды отдыхали они за этот день, и то понемногу; теперь гребень хребта, где

они встречали рассвет, отстоял от них на целых двенадцать лиг.

– Нам предстоит трудный выбор, – сказал Арагорн. – Переждем ночь или будем бежать, пока достанет сил и воли?

– Если враги не остановятся на ночлег, они уйдут слишком далеко, – сказал эльф.

– Разве оркам не нужен отдых? – удивился гном.

– Редкий орк не побоится открытого места, да еще днем, под солнцем, – возразил Леголас, – а эти не побоялись. Тем более не станут они останавливаться ночью.

– Но мы в темноте можем сбиться с пути, – заметил Гимли.

– До сих пор след шел прямо, не отклоняясь ни влево, ни вправо, – сказал Леголас. – Сколько видят мои глаза, тропа не меняет направления.

– Может, мне и удастся не потерять тропу, – вмешался Арагорн, – но если мы все-таки собьемся со следа или орки свернут куда-нибудь, нам придется возвращаться, а это займет много времени.

– И потом, – добавил Гимли, – что, если мы проглядим какой-нибудь след, отходящий вбок? Если пленникам удастся бежать или если их утащат в другую сторону – к Реке, например, или на восток, в Мордор, – мы можем проглядеть поворот и никогда не узнаем о том, что с ними случилось.

– Ты прав, – сказал Арагорн. – Но если до сих пор я читал следы правильно, орки с гербом Белой Руки взяли верх. Видимо, теперь злодеи всем скопом держат путь в Исенгард. Все говорит именно за это.

– На ороczyи решения полагаться нельзя, – возразил гном. – И потом, хоббиты могут под шумок улизнуть. Разве впопыхах нашли бы мы эльфийскую брошку?

– После выходки Пиппина орки наверняка удвоили бдительность, а пленники, должно быть, на ногах не стоят от усталости, – заспорил Леголас. – Если мы им не поможем, далеко они не убегут. Правда, как именно мы им поможем, загадывать трудно. Главное пока – настичь орков.

– Я привык к далеким путешествиям и считаюсь гномом довольно крепким, но даже я не могу без отдыха бежать до самого Исенгарда, – вздохнул Гимли. – У меня тоже горит сердце, и будь это возможно – я пустился бы в погоню сразу, по теплomu следу. Но теперь я должен

немного отдохнуть – иначе толку от меня будет мало. А когда же и отдыхать, если не ночью, когда не видно следа?

– Я предупреждал, что выбор будет трудным, – напомнил Арагорн. – Что же мы решим?

– Слово за тобой, – сказал Гимли. – Ты – опытный охотник. Решай – а мы подчинимся твоему выбору.

– Мое сердце рвется вперед, – сказал Леголас. – Но мы должны держаться вместе. Я смирюсь с решением Арагорна.

– Напрасно вы доверили этот выбор мне, – вздохнул Арагорн. – С тех пор как мы прошли Аргонат, я совершаю ошибку за ошибкой³¹³.

Он смолк, всматриваясь в сгущающуюся на северо-западе тьму.

– Нет, ночью идти нельзя, – сказал он наконец. – Из двух зол большее все-таки – пропустить боковой след или какой-нибудь важный знак. Свети месяц ярче, разговор был бы другой, но месяц, к сожалению, садится рано, и до полнолуния еще далеко.

– Небо все равно затянуто тучами, – пробормотал Гимли. – Вот если бы Владычица дала нам светильник, как Фродо!

– Дар Владычицы пригодится Фродо куда больше, – ответил Арагорн. – Истинное Дело вершится там, где сейчас Хранитель. Нам поручено лишь малое звено в цепи деяний, из которых складывается эпоха. Не исключено, что мы с самого начала гонимся за тенью, и от моего слова ничего не зависит. Тем не менее выбор сделан. Времени мало, так пусть каждый использует его как можно лучше!

Он лег на землю и сразу же заснул, ибо не смыкал глаз с той самой ночи, что Отряд провел в тени Тол Брандира. Но еще до рассвета он вновь был на ногах. Гимли пока не просыпался; Леголас стоял, глядя на север, во тьму, молчаливый и задумчивый, словно молодое деревце в безветренную ночь.

– Они ушли очень, очень далеко, – печально молвил он, поворачиваясь к Арагорну. – Сердце говорит мне, что ночью они шли без передышки. Теперь догнать их мог бы только орел.

– И все же мы будем идти по следу, пока хватит сил, – отозвался Арагорн и, нагнувшись, потряс гнома за плечо. – Вставай, Гимли! Нам пора! След стынет!

– Но еще темно. – Гном сел, протирая глаза. – До восхода их даже Леголас не увидит, взберись он хоть на гору!

– Боюсь, мне их уже ниоткуда не увидеть, ни с горы, ни отсюда, ни в лунном свете, ни в солнечном, – вздохнул Леголас.

– Когда подводит зрение, могут помочь уши, – возразил Арагорн. – Или не стонет земля под погаными сапогами наших врагов?

Он лег на траву и прижался ухом к земле. Так долго лежал он без движения, что Гимли подумал: уж не заснул ли Следопыт? Или, может быть, потерял сознание? Небо за это время посветлело, и над равниной разлился серый полусвет. Наконец Арагорн поднялся; лицо его было бледным и усталым, взгляд выдавал тревогу.

– Гул неясный и смешанный, – сказал он. – Несомненно одно: на много верст впереди равнина пустынна. Топот наших врагов доносится слабо и еле слышен. Они очень, очень далеко. Зато все отчетливее стук копыт. Мне кажется, я слышал его еще во сне... Мне привиделись кони, галопом несшиеся на запад. Но теперь они повернули к северу и стремительно удаляются от нас. Хотел бы я знать, что творится в этих землях!

– Идем же! – воскликнул Леголас.

Так начался третий день погони. Снова они шли и бежали, бежали и шли – то под лучами проглядывавшего иногда сквозь тучи солнца, то в тени облаков, и никакая усталость не могла погасить сжигавшего их огня. Разговаривали редко. Кругом простирались бескрайние необитаемые равнины. Эльфийские плащи поблекли, посерели, позеленели, слились с травой, так что теперь даже в прохладном свете здешнего полдня их могли бы заметить только зоркие глаза какого-нибудь эльфа, да и то вблизи. Много раз друзья в душе благодарили Владычицу Лориэна за эти плащи и еще за *лембас*, который можно было есть прямо на бегу, каждый раз ощущая прилив свежих сил.

Весь день след вел на северо-запад, никуда не сворачивая и не разветвляясь. Когда приблизился вечер, потянулись длинные, пологие безлесые склоны, волнами уходившие к низким горбатым холмам. Орочий след, забиравший к северу, временами почти терялся: земля стала твердой, а трава – короткой и жесткой. Далеко слева серебряной нитью на зеленом ковре поблескивала извилистая Энтвейя. Все казалось мертвым и неподвижным. Арагорн не переставал удивляться, что до сей поры на пути не встретилось ни человека, ни зверя. Правда, роханцы обитали южнее, ближе к лесистым предгорьям Эред

Нимраис, Белых Гор, скрытых теперь облаками и туманами, – но ведь Хозяева Табунов пасли когда-то коней в степях Восточного Эмнета³¹⁴, окраинной провинции Роханского королевства, и раскидывали здесь свои шатры и палатки, оставаясь иной раз даже на зиму. Теперь эта земля была пуста, но тишина, объявшая равнины, отнюдь не казалась ни мирной, ни благостной.

С наступлением сумерек Охотники снова остановились. Дважды по двенадцать лиг оставили они за спиной. Стена Эмин Муйла давно скрылась из виду среди мглы, обложившей горизонт. Молодая луна едва мерцала на туманном небе, почти не давая света, а звезды подернулись дымкой.

– Чем дальше, тем больше печалюсь я о времени, потерянном на отдых, – горько молвил Леголас. – Орки так спешат, будто их нахлестывают бичи самого Саурона! Боюсь, они уже добрались до темных лесистых холмов и входят под сень деревьев.

Гимли скрипнул зубами.

– Конец всем нашим трудам и надеждам! – пробормотал он.

– Надеждам – возможно, но трудам – нет! – откликнулся Арагорн. – Назад мы не повернем. Но как я устал!.. – Он посмотрел назад, где сгущалась ночная тьма, и добавил: – Здесь происходит что-то странное. Не верю я этой тишине. И этой бледной луне тоже не верю. Звезды светят слабо, и на меня навалилась небывалая усталость. Следопыту, идущему по следу, так уставать не положено. Кто-то помогает нашим врагам, придавая им сил, а перед нами воздвигает невидимую преграду. Честно говоря, ногам моим не так тяжело, как сердцу!

– Поистине так, – сказал Леголас. – Я почувствовал эту тяжесть, едва мы покинули Эмин Муйл. Но враждебная воля гнездится не за спиной у нас, а впереди. – И эльф показал на запад, на темные поля Рохана, освещенные месяцем.

– Саруман, – вполголоса произнес Арагорн. – Ну, он не заставит нас повернуть обратно! Но остановиться на ночь все же придется. Видите? Месяц и тот прячется в тучи. А путь наш лежит по-прежнему на север, между холмами и низиной. Дождемся рассвета – и вперед!

Как и прежде, Леголас оказался на ногах первым, если спал вообще.

– Поднимайтесь! Быстрее! – торопил он остальных. – Край неба уже алеет. Вставайте! На опушке нас ждут странные встречи. К добру, к беде ли – не знаю, но день зовет нас. Вставайте!

Арагорн и Гимли вскочили на ноги, и, не тратя времени даром, отряд пустился в путь. Холмы понемногу приближались. До полудня оставался почти целый час, когда Охотники достигли первых зеленых склонов, постепенно переходивших в голые хребты. Сухая земля под ногами едва щетинилась коротким быльем, но между склонами и рекой, скрытой в густых зарослях тростников и камышей, тянулся заливной луг верст в пятнадцать шириной. У крайнего холма на зелени резко выделялось темное пятно вытоптанной травы. Орочья стоянка! От этого места следы орков сворачивали влево, к реке, и шли вдоль нее, ближе к подножию холмов, где луг был суше. Арагорн остановился и внимательно осмотрел темное пятно, а заодно и землю вокруг него.

– Здесь они устроили небольшой привал, – сказал он. – Но даже тот след, что ведет отсюда, давно остыл. Похоже, сердце тебя не обмануло, Леголас: с тех пор как они тут останавливались, минуло уже трижды по двенадцать часов. Если они не сбавили скорости, то вчера на заходе солнца были уже на границе Фангорна.

– Ни на севере, ни на западе ничего не видно, кроме травы, уходящей в туман, – сказал Гимли. – Хоть с холмов-то мы лес увидим?

– Лес еще далеко, – ответил Арагорн. – Если я верно помню, холмы тянутся на север еще лиг на восемь, а потом надо будет отклониться к западу. До места, где река вытекает из леса, останется еще добрых лиг пятнадцать степью.

– Ну что ж, вперед! – вздохнув, сказал гном. – Ногам лучше не знать, сколько верст впереди. Правда, будь на сердце полегче – и ногам шагалось бы веселей...

До последнего холма Охотники добрались, когда солнце уже садилось. Долгие часы бежали они без отдыха и теперь все чаще переходили на шаг. Гимли горбился от усталости. Обычно гномы и в пути, и в работе крепки как скалы, но эта бесконечная погоня тяжело сказывалась на Гимли, поскольку в сердце у него уже не оставалось

никакой надежды на удачу. Арагорн шел за ним, хмурый и молчаливый, время от времени нагибаясь к земле – не отыщется ли на тропе какой-нибудь знак или неожиданный след? Только Леголас ступал так же легко, как прежде, – казалось, ноги его почти не касаются травы; по крайней мере следов он не оставлял. Из пищи он довольствовался одними эльфийскими подорожниками, а спать мог прямо на ходу – если можно было назвать это сном. Дух его блуждал странными тропами эльфийских грез, а разум оставался на земле, с товарищами, в ярком дне земного мира.

– Давайте поднимемся вон на тот зеленый холм! – предложил эльф и побежал вверх по склону.

Арагорн и Гимли устало последовали за ним. Это был круглый лысый холм, крайний в цепи; он стоял немного особняком. Пока они поднимались, солнце село и на землю упал занавес вечернего полумрака. Охотники стояли посреди серого, расплывшегося мира, над однообразной плоской равниной; все вокруг смешалось в сплошную мглу без конца и края. Только далеко на северо-западе что-то смутно темнело в умирающем свете: это начиналась гряда Туманных Гор, у подножия которых раскинулся лес.

– Ничего не видно, – сказал Гимли. – Пора делать привал и как-нибудь коротать ночь. А холодает, однако!

– Ветер с севера, от снежных вершин, – сказал Арагорн.

– К утру ветер переменится и подует с востока, – пообещал Леголас. – Отдохнем, если вы устали. Не теряйте надежды! Неизвестно, что нас ждет утром. Рассвет часто приносит неожиданные вести.

– С тех пор как мы пустились в погоню, солнце восходило уже трижды, и что толку? – пожал плечами Гимли.

Ночь выдалась холодная. Арагорн и Гимли спали урывками; просыпаясь, они видели, что Леголас стоит рядом или расхаживает из стороны в сторону, тихонько напевая что-то на своем родном языке, а на черном, глухом небосклоне в ответ его песне одна за другой загораются звезды. Так прошла ночь; поутру все трое вместе смотрели, как занимается заря, ясная и безоблачная. Наконец взошло бледное солнце. Восточный ветер прогнал туманы, и яркий безрадостный свет озарил блеклые степи.

На восток, сколько видит глаз, тянулись продуваемые сильными ветрами высокие пастбища роханской области Волд – те самые пастбища, которые они видели много дней назад из лодок. На северо-западе темнел Фангорнский лес, но до его тенистой опушки оставался еще добрый десяток лиг. Предгорья таяли в голубой дали. За лесистыми склонами, словно возлежа на сером облаке, мерцала белая глава великана Метедраса³¹⁵, последнего пика Туманных Гор. Из леса навстречу Охотникам вилась Энтвейя, узкая, сжатая высокими берегами; теперь это был стремительный, водоворотистый поток. След вел прямо к нему.

Вдалеке, на зеленой равнине, Арагорн заметил темную, быстро движущуюся точку. Он припал ухом к земле и прислушался. Леголас – он стоял рядом – прикрыл глаза длинной, узкой ладонью, и его зоркий эльфийский взор различил вдали большой отряд всадников. В свете утреннего солнца кончики их копий сияли, как дальние звезды, недоступные взору смертных. Еще дальше, на горизонте, к небу клубами поднимался черный дым.

В пустынных полях стояла такая тишина, что Гимли слышал, как шелестит трава.

– Всадники! – воскликнул Арагорн, вскакивая. – Сюда скачет большой отряд всадников на быстрых лошадях!

– Верно, – подтвердил Леголас. – Их сто и еще пять. У них светлые волосы, а копыта сверкают на солнце. Предводитель всадников очень высок ростом.

Арагорн улыбнулся:

– Зоркие же глаза у эльфов!

– Что же тут особенного? – пожал плечами Леголас. – Всадники всего в пяти лигах отсюда.

– В пяти или в одной, – махнул рукой Гимли, – какая разница? Здесь, в голой степи, встречи не миновать. Будем ждать их тут или пойдем дальше?

– Подождем, – решил Арагорн. – Мои силы на исходе, и погоня кончилась ничем. А может, нас опередили? Эти всадники тоже скачут по орочьему следу, только в обратную сторону. Скорее всего, нас ждут свежие новости.

– Или острые копыта, – невесело усмехнулся Гимли.

– Три коня без седоков, – продолжал Леголас. – Но хоббитов с ними что-то не видно.

– Я не говорил, что новости непременно будут добрыми, – сказал Арагорн. – Но какими бы они ни были – мы останемся здесь и будем ждать.

Друзья покинули вершину, где на фоне бледного неба их силуэты слишком бросались в глаза, и не спеша спустились. Немного не дойдя до подножия холма, они сели в траву и завернулись в серые плащи. Время тянулось медленно, тяжесть на сердце росла. Пронизывающий ветер обшаривал полы запахнутых плащей. Гимли было не по себе, и молча он сидеть не мог.

– Что тебе известно об этих всадниках, Арагорн³¹⁶? – допытывался он. – Не смерти ли мы ждем, тут сидючи?

– Я бывал у них, – ответил Арагорн. – Они горды и своевольны, но сердце у них открытое, щедрое и благородное. Они храбры, но не жестоки; не слишком учены, но ум их остер; книг не пишут, зато поют песни, как певали в давние дни, до наступления Темной Годины³¹⁷, все дети человеческого племени. Но я не знаю, что творилось тут в последнее время и какой выбор сделали роханцы. С севера их искушает предатель Саруман, а с востока грозит Саурон... Роханцы издавна водили дружбу с гондорцами, хотя в их жилах течет разная кровь. Когда-то давно, в забытые годы, роханцев привел сюда с севера Эорл Юный³¹⁸. Ближе всего к ним по крови племя Бардингов из Дейла и Беорнингов из Пуци, среди которых много высоких светловолосых мужей, с виду очень похожих на всадников Рохана. Во всяком случае, орков роханцы не жалуют.

– Но Гэндальф говорил, будто роханцы, по слухам, платят дань Мордору, – вспомнил Гимли.

– Боромир этому не верил, не верю и я, – сказал Арагорн.

– Скоро мы узнаем правду, – остановил их Леголас. – Они уже близко.

Наконец даже Гимли услышал вдали топот копыт. Всадники, держась орочьего следа, свернули от реки к холмам. Неслись они как ветер.

Над степью зазвенели резкие звонкие голоса. Всадники внезапно прищипорили коней и с громовым топотом понеслись вперед.

Предводитель повернул на юг и повел отряд в объезд холма. Ряд за рядом скакали они мимо – сильные, опьяненные скачкой, облаченные в кольчуги.

Серые бока статных, выносливых роханских коней лоснились, гривы на гордых шеях были заплетены в косицы, длинные хвосты развевались по ветру. Всадники – высокие, крепкие, длинноногие – не уступали своим коням. Из-под легких шлемов струились светлые, как лен, волосы, заплетенные в длинные косы; лица были умны и суровы. В руках у роханцев покачивались длинные копья с ясеневыми древками, за плечами красовались цветные щиты, у пояса висели мечи, блестящие кольчуги доставали до колен.

Галопом, по два в ряд, мчались они мимо холма – и, хотя время от времени то один, то другой всадник приподнимался в стремях и оглядывался по сторонам, никто, казалось, не замечал чужаков, молча сидевших на траве. Отряд уже почти миновал холм, когда Арагорн внезапно выпрямился во весь рост и громко крикнул:

– Что нового на севере, всадники Рохана?

С достойным изумления искусством и быстротой всадники осадили коней, развернулись и окружили незнакомцев. Друзья оказались в широком, медленно сжимавшемся кольце роханцев. Арагорн стоял не двигаясь; Гимли и Леголас остались сидеть, гадая, какой оборот примут события.

Неожиданно всадники безо всякой команды остановились. Копья их были направлены на чужестранцев. Некоторые из воинов натянули луки. Предводитель, на голову выше всех остальных, в шлеме с белым конским хвостом³¹⁹, выехал вперед; конец его копья почти коснулся груди Арагорна. Арагорн не шелохнулся.

– Кто вы и зачем здесь? – грозно спросил всадник на Общем Языке. Выговор и мелодия речи сразу напомнили эльфу и гному о гондорце Боромире.

– Меня зовут Бродяга-Шире-Шаг, – ответил Арагорн. – Я прибыл с дальнего севера и охочусь на орков.

Предводитель соскочил с седла. Перебросив копье одному из воинов, который тут же подъехал ближе и спешил след за ним, он выхватил меч и встал перед Арагорном, пристально и не без удивления его разглядывая. Наконец он заговорил снова:

– Сперва я подумал, что вы сами орочьей породы, но теперь вижу, что ошибся. Однако ты, должно быть, не знаешь орков! Кто же охотится на них с таким отрядом? Они ловки в бою, хорошо вооружены, а кроме того, на этот раз их было много. Если бы ты с ними повстречался, то превратился бы из охотника в дичь! Право же, в тебе есть что-то странное, Бродяга! – Он устремил на Следопыта пронзительный светлый взгляд. – Бродяга – разве это имя?.. И одежда на тебе странная. Может, ты вырос из-под земли? Как могли мы вас не заметить? Или вы из эльфов³²⁰?

– Нет, – ответил Арагорн. – Только один из нас эльф – Леголас из далекой Черной Пущи. Но мы все побывали в Лотлориэне и получили дары от Владычицы Золотого Леса в знак ее благосклонности.

Роханец посмотрел на друзей с еще большим удивлением, но взгляд его стал жестче.

– Значит, в Золотых Лесах и вправду живет Владычица, о которой говорится в старых сказках! – воскликнул он. – Я слышал, мало кому удастся вырваться из ее сетей! Поистине мы живем в странное время. Но если вы снискали благоволение эльфийской Владычицы, то, должно быть, и сами сплетаете обманные чары и не чужды волшбе! – Внезапно он холодно и в упор взглянул на Леголаса и Гимли. – А вы почему молчите, чужеземцы? Или у вас нет языка?

Гимли встал и широко расставил ноги; рука его крепко сжала рукоять боевого топора, темные глаза сверкнули.

– Назови сперва свое имя, всадник! Тогда я открою тебе свое и скажу еще кое-что в придачу, – гордо молвил он.

– Чужестранцу следовало бы представиться первым, – молвил роханец, глядя на гнома сверху вниз. – Но будь по-твоему. Я – Эомер, сын Эомунда, Третий Маршал Марки³²¹.

– Тогда, Эомер, сын Эомунда, Третий Маршал Марки, послушай гнома Гимли, сына Глоина, и впредь остерегись сорить безумными словами. Ты клеветашь на ту, чья красота и благородство далеко превосходят твое жалкое разумение, и тебя извиняют лишь молодость и незрелость ума!

Глаза Эомера вспыхнули; кольцо воинов сомкнулось вокруг чужеземцев теснее, а роханские копья почти коснулись лориэнских плащей.

– Я снес бы тебе голову вместе с бородой, господин гном, будь ты чуть-чуть повыше! – воскликнул Эомер в ярости.

– Он не один здесь! – тут же отозвался Леголас, мгновенно натянув лук. – Ты умрешь прежде, чем нанесешь удар!

Эомер занес меч, и дело закончилось бы кровопролитием, если бы Арагорн не встал между Эомером и Гимли с поднятой рукой.

– Прости нас, Эомер! – проговорил он. – Когда ты узнаешь о нас немного больше, ты поймешь, почему разгневались мои спутники. Мы не хотим зла ни Рохану, ни его народу, ни всадникам, ни лошадям. Выслушаешь ли ты нас, прежде чем нанести удар?

– Хорошо, – ответил Эомер, опуская меч. – Но учти, в наше смутное время незванным гостям заносчивость не к лицу. Я требую, чтобы ты назвал свое настоящее имя!

– Прежде скажи, кому ты повинешься, – молвил Арагорн. – Друг ты или враг Саурону, Черному Повелителю Мордора?

– Я служу своему господину – королю Рохирримов Теодену, сыну Тенгела, – ответил Эомер. – Мы не подчиняемся далекому Черному Властелину, но и не вступили пока в войну с ним. Однако если вы бежите от него, лучше вам покинуть эти земли. На границах наших беспокойно, нам угрожают, но мы хотим только одного – свободы. Мы желаем жить, как жили всегда, владеть, чем владели, и не хотим гнуть спины перед чужеземным властителем, не важно, добрым или злым. В лучшие времена мы были гостеприимнее, но теперь чужаки должны быть готовы к тому, что разговор с ними будет коротким и неласковым. Говори! Кто ты? Кому служишь? Кто послал тебя в наши степи охотиться на орков?

– Я не служу никому из смертных, – ответил Арагорн, – но слуг Саурана преследую везде, где ни встречу. Орков я знаю, как мало кто из людей, и, будь у меня выбор, я охотился бы на них иначе. Орки, по следу которых мы идем, взяли в плен двоих наших друзей. В таких случаях человек, если у него нет коня, отправляется в погоню на своих двоих и не спрашивает ни у кого разрешения. Не считает он и врагов – разве что лезвием меча. Ибо я не безоружен!

Он отбросил плащ. Блеснули эльфийские ножны, и в руке у Арагорна огнем засверкал Андарил.

– *Элендил!* – громовым голосом воскликнул Арагорн. – Я – Арагорн, сын Араторна, по прозванию Элессар, или Эльфийский

Камень; по рождению своему я – дунадан, наследник Исилдура, сына Элэндила, древнего владыки Гондора. Перед тобой Меч, Что Был Сломан И Выкован Заново! Выбирай же – поможешь ты мне или помешаешь?

Гимли и Леголас в изумлении смотрели на своего друга. Таким они его еще не видели. Казалось, Арагорн внезапно вырос, а Эомер съежился. В лице Арагорна на мгновение явились такие власть и величие, что гному с эльфом невольно вспомнились лики древних каменных королей, стоящих на границе Гондора. На миг Леголасу почудилось даже, что на челе Арагорна белыми искрами засверкал королевский венец.

Эомер отступил. Недоверие в его взгляде сменилось благоговением. Он склонил гордую голову.

– Воистину, непонятные настали времена, – пробормотал он. – Живые сны и легенды вырастают на пути прямо из травы!.. Но скажи мне, о господин, что привело тебя в наши земли? Что означали темные слова пророчества? Боромир, сын Дэнетора, вот уже много дней как ушел искать ответа на этот вопрос, но конь, которого мы одолжили ему, вернулся без седока. Какие вести принес ты нам из северных земель?

– Я принес вам выбор, – ответил Арагорн. – Передай Теодену, сыну Тенгела, что рано или поздно ему придется вступить в открытый бой – либо на стороне Саурона, либо против него. Никто больше не сможет жить по-прежнему, и мало кому удастся сохранить то, чем он владеет. Но об этом мы поговорим после. Если ничто не помешает мне, я сам явлюсь к Королю. А сейчас предо мной трудная дорога и я нуждаюсь в твоей помощи. Ты уже слышал, что я охочусь за орками, похитившими наших друзей. Что можешь ты сказать мне об этом?

– Погоня потеряла смысл, – сказал Эомер. – Орки уничтожены.

– А что стало с нашими друзьями?

– Мы видели только орков.

– Но это и впрямь странно! – воскликнул Арагорн. – А вы обыскивали убитых? Неужели там были одни орки? Наши друзья маленького роста – вам они показались бы детьми. Ноги у них босые, на плечах – серые плащи...

– Там не было ни детей, ни гномов, – сказал Эомер. – Мы сочли убитых, забрали у них оружие, свалили тела в кучу и, по нашему

обычаю, развели под ними огонь. Угли еще дымятся.

– Наши друзья – не гномы и не дети, – возразил Гимли. – Наши друзья – хоббиты.

– Хоббиты? – удивился Эомер. – Что это за племя? Какое странное название!

– И название странное, и само племя тоже, – согласился гном. – Эти двое нам очень дороги. Как я понял, до Рохана тоже дошли слова пророчества, которое потревожило Минас Тирит. В этом пророчестве говорится о Невеличке. Так вот, хоббиты и есть те самые невелички.

– Невелички! – усмехнулся роханец, стоявший рядом с Эомером. – Чего только не услышишь нынче! Невелички – маленькие человечки из старых северных песен и нянюшкиных сказок. Но мы-то не в сказке! Мы стоим на зеленой траве, под ярким солнцем!

– Одно другому не мешает, – отозвался Арагорн. – Те, что придут после нас, сложат легенды и о нашем времени. Мы стоим на зеленой траве, сказал ты. Но разве о зеленой траве не поется в песнях? А ведь ты ходишь по ней наяву, в ярком свете солнца!

– Время не ждет, господин мой, – нетерпеливо проговорил роханец, не слушая Арагорна. – Надо спешить на юг. Оставим этих безумцев с их бреднями! Или прикажешь связать их и отвезти к Королю?

– Тише, Эотайн³²²! – остановил его Эомер по-рохански. – Обожди несколько минут. Пусть зоред³²³ соберется у тропы. Приготовьтесь. Едем к Энтфорду³²⁴.

Эотайн, проворчав что-то невразумительное, отошел и передал отряду приказ командира. Всадники отъехали. Эомер остался с тремя чужеземцами один.

– Странные вещи ты говоришь, Арагорн, – сказал он. – Но я вижу, что ты не покривил душой. Рохирримы никогда не лгут, а потому и обмануть их трудно. И все-таки ты открыл мне не все. Расскажешь ли ты мне правду о вашем походе? Я должен решить, что мне делать.

– Я начал путь из Имладриса – того самого, о котором говорится в пророчестве. С тех пор минуло уже много недель, – ответил Арагорн. – В нашем Отряде был и Боромир, сын Дэнетора, воин из Минас Тирита. Я должен был идти в Минас Тирит вместе с Боромиром, чтобы помочь гондорцам в войне против Саурона. Сам же Отряд преследовал иную

цель. О ней говорить я теперь не могу. Добавлю только, что вожатым нашим был Гэндальф Серый.

– Гэндальф! – воскликнул Эомер. – Гэндальфа Серого в Марке знают хорошо. Но предупреждаю тебя: имя его не поможет тебе снискать благосклонности в очах Короля. Гэндальф часто гостил в нашей стране на памяти нынешнего поколения. Он приходил когда хотел – иногда по два раза в год, иногда пропадал на несколько лет, и за его появлением всегда следовали странные и необычные события. Некоторые стали даже поговаривать, что он приносит несчастье. Действительно, после того как он побывал у нас этим летом, покоя мы уже не видели. Именно тогда начались нелады с Саруманом. Прежде мы считали Сарумана другом, но Гэндальф предупредил нас, что в Исенгарде готовятся к внезапному нападению на Рохан. Он сказал, что долго был пленником Орфанка, что ему с трудом удалось бежать, и попросил помощи. Но Теоден не пожелал слушать его, и Гэндальфу пришлось откланяться. Остерегись произносить его имя перед Теоденом! Король гневается на Гэндальфа. Он забрал из наших табунов жеребца по имени Скадуфакс, лучшего из коней, жоака королевских *меарасов*³²⁵, на которых могут садиться только владыки Рохирримов. Скадуфакс происходит от прославленного коня, что принадлежал королю Эорлу, а конь Эорла, как известно, понимал человеческую речь. Семь ночей назад Скадуфакс вернулся, но гнев Короля еще не остыл: конь одичал и никого к себе не подпускает.

– Значит, Скадуфакс отыскал дорогу домой с далекого севера, – сказал Арагорн. – Именно там расстались они с Гэндальфом. Но – увы! – Гэндальф никогда больше не оседлает коня. Он рухнул во тьму Морийских Копей и покинул мир.

– Горе нам! – воскликнул Эомер. – Тяжко мне слышать эти вести, и не только мне, но и многим из нас, хотя есть в Рохане и такие, кто ничуть не опечалится. Ты и сам убедишься в этом, явившись пред королевские очи.

– Эти новости гораздо горше, чем вы, роханцы, в состоянии представить себе, хотя последствия этой потери отзовутся и у вас – причем еще до конца года, – проговорил Арагорн. – Но когда гибнет старший, бразды приходится брать младшему. После Мории во главе Отряда встал я. Мы прошли через Лориэн – чтобы судить об этом заповедном крае, нужно знать о нем больше, нежели знаешь ты! – а

потом по Великой Реке спустились к водопаду Раурос. Там нашел свою смерть Боромир, пронзенный стрелами тех самых орков, которых вы только что уничтожили.

– Ты возвещаешь нам только горе! – вскричал Эомер, потрясенный до глубины души. – Смерть Боромира – великий урон для Минас Тирита и для всех нас! Это был воистину достойный муж. Слава его гремела повсюду! В Рохане он бывал редко – его вечно требовали к себе войны, гремевшие на восточных границах Гондора. Но мне доводилось встречаться с ним. Он напоминал скорее быстрых в брани сынов Эорла, нежели гондорцев, строгих и суровых. Он стал бы великим вождем своего народа, но, видно, судьба распорядилась иначе... Почему же нет вестей из Гондора? Когда случилась эта беда?

– Скоро уже четыре дня, – ответил Арагорн. – В тот же вечер мы тронулись в путь от Тол Брандира – и вот, стоим перед вами.

– Вы прошли этот путь пешком?! – не поверил Эомер.

– Да, как видишь.

Эомер широко раскрыл глаза от удивления.

– Бродяга-Шире-Шаг – слишком скромное прозвище для тебя, сын Араторна! Я назвал бы тебя Крылоходом! Об этом Походе Трех долго будут петь менестрели. Сорок лиг и еще пять в придачу, и все пешком – а ведь и четырех дней не прошло, как вы в пути! Крепок же род Элендила! Но скажи, господин мой, чего ты хочешь от меня? Мне надо спешить обратно к Теодену. Пока мои люди были рядом, мне приходилось блюсти осторожность в речах. Мы действительно не воюем еще с Черной Страной, и при дворе есть такие, кто нашептывает Королю на ухо трусливые советы, но войной пахнет, и пахнет крепко. Мы по-прежнему в союзе с гондорцами и не нарушим данного слова – прийти на помощь по первому зову: так говорю я и те, кто за меня. Третий Маршал отвечает за покой восточных провинций, и я отослал отсюда все табуны вместе с табунщиками, велел им не переходить Энтвейи. Здесь остались только стражи да разведчики на быстрых лошадях...

– Так вы не платите дани Саурону? – перебил Гимли.

– Нет, и никогда не будем! – глаза Эомера сверкнули. – До меня тоже дошли эти лживые слухи. Несколько лет назад Властелин Черной Страны хотел купить у нас лошадей и много давал за них, но мы отказались, так как он использует коней для злых дел. Тогда он стал

засылать в Рохан орков-конокрадов, и те свели у нас немало жеребцов, предпочитая вороных, так что вороной масти у нас почти не осталось. Вот почему с орками у нас вражда без пощады и милости. Но в последнее время больше всего обид мы терпим от Сарумана. Он провозгласил себя властелином этих земель, и вот уже много месяцев, как между нами идет война. Он набрал себе на службу орков, волков и горцев-головорезов, он закрыл для нас Роханскую Щель, и мы того и гляди окажемся в тисках – враги на западе, враги на востоке... Тяжело воевать с таким противником! Саруман – волшебник, он хитер и весьма искусен; к тому же он умеет менять облик. Говорят, он появляется в образе старика, закутанного в плащ с капюшоном, и с виду этот старик точь-в-точь Гэндальф. Соглядатаи Сарумана пробираются через все заслоны, а его птицы, вестники несчастья, кружат в нашем небе день и ночь. Не знаю, чем это закончится, но сердцем я чувствую недоброе. Мне кажется, у Сарумана друзья не только дома, в Исенгарде. Побываешь при дворе – увидишь сам. Или ты откажешь мне в просьбе и не явишься к Королю? Может быть, я напрасно надеюсь, что ты послан помочь мне в минуту сомнения и тревоги?

– Я приду в Эдорас, как только смогу, – обещал Арагорн.

– Но почему не сейчас? В нынешнее время испытаний наследник Элендила одним своим появлением оказал бы нам неоценимую помощь. На полях Западного Эмнета идет битва, и я боюсь, что победы нам не вырвать. Я повел свой *эored* на север, не испросив на то соизволения Короля, и дворец остался почти без охраны. Но я не мог поступить иначе: разведчики донесли, что три ночи назад с Восточной Стены спустился большой отряд орков, и на щитах у некоторых из них – белый герб Сарумана. Неужели Орфанк заключил союз с Черным Замком? Это было бы страшнее всего! Заподозрив чудовищный сговор между Саруманом и Мордором, я собрал свой *эored* и выступил. Два дня назад на закате мы нагнали орков близ окраин Энтвуда³²⁶. Там мы окружили их и вчера на рассвете дали бой. Пятнадцать человек потерял я в этом бою, пятнадцать человек и двенадцать лошадей – орков оказалось больше, чем мы думали. Видимо, с востока, из-за реки, пришло пополнение. Об этом говорит и след, на который мы наткнулись немного севернее. Под самый конец на помощь к нашим врагам подоспел еще один отряд – из леса. Это были настоящие

великаны, тоже с Белой Рукой Исенгарда на шлемах: самое сильное и яростное племя! Но мы покончили и с ними, – правда, это отняло у нас слишком много времени. Мы нужны и на юге, и на западе. Не хотите ли присоединиться к нам? Кони, как видите, найдутся, найдется и работа для твоего меча. Топор гнома и лук эльфа тоже найдут себе дело – если только эльф и гном простят мне необдуманные слова о Владычице Золотого Леса! Я просто повторил то, что говорят в наших краях, и рад буду послушать, если кто знает больше моего.

– Твоя речь благородна, – отозвался Арагорн. – Спасибо тебе. Сердце мое рвется сойти с предуказанного пути и последовать за тобой, но я не могу бросить друзей, пока остается надежда, что они отыщутся.

– Надежды не осталось, – сказал Эомер. – На северной границе ты их не найдешь.

– Но их нет и там, откуда мы пришли! А в наших руках верный знак, который говорит о том, что неподалеку от Восточной Стены по крайней мере один из них был еще жив. От Стены и до самых холмов мы не видели больше ничего особенного. Тропа шла прямо, не разветвляясь, и никто в сторону не свернул – если только мое искусство мне не изменило и я не ошибся, читая следы.

– Что же могло с ними случиться?

– Не знаю. Я подумал было, что они погибли, а тела сгорели вместе с орочьями. Но ты уверяешь меня, что этого не может быть. Остается поверить тебе. Могу предположить только одно – перед сражением их успели уволочь в лес. Видимо, это произошло прежде, чем твои всадники окружили орков... Ты поклялся бы, что никто не ускользнул в чащобу?

– Клянусь, что с минуты, когда мы их заметили, ни один орк не ускользнул, – воскликнул Эомер. – На подходе к лесу мы их опередили, а потому если кто и прорвался через кольцо осады, то по меньшей мере какой-нибудь эльфийский колдун!

– Наши друзья одеты так же, как мы, – заметил Арагорн. – А нас вы проглядели. И это днем, не ночью!

– Да, верно, об этом я забыл, – согласился Эомер. – И потом – сегодня случилось так много чудес, что я уже ни в чем не уверен. Чего только не творится на свете! Гномы разгуливают по Рохану под руку с эльфами, люди остаются живы после беседы с Лесной Владычицей – и

в придачу ко всему в Рохан возвращается меч, сломанный еще до того, как отцы отцов наших вступили на землю Страны Всадников, причем возвращается перекованным! В такие времена мудрено разобраться, где твое место и в чем твой долг!

– Не более, чем в любые другие, – сказал Арагорн. – Добро и зло всегда остаются добром и злом – как для людей, так и для эльфов с гномами. Надо только уметь отличить одно от другого – будь то у себя дома или в Золотом Лесу.

– Поистине так, – согласился Эомер. – Я верю тебе, и сердце мое знает, как надо поступить. Беда в том, что я не могу следовать зову сердца! Наши законы запрещают чужеземцам странствовать в пределах Марки без соизволения Короля. Время теперь смутное, и закон стал еще строже. Я просил вас: поезжайте с нами по доброй воле! Но вы отказываетесь. Не биться же нам! Сто против троих – это не в моем обычае!

– Думаю, ваш закон писан для других случаев, – возразил Арагорн. – Такой ли уж я чужестранец? Я не раз бывал в ваших краях и даже сражался в рядах роханских воинов – только под другим именем. Тебя я прежде не видел, так как ты молод, но мне приходилось беседовать и с твоим отцом Эомундом, и с Теоденом, сыном Тенгела. В прежние времена благородный роханский военачальник не остановил бы человека, спешащего на выручку друзьям! Впрочем, мой долг – идти вперед. А ты, сын Эомунда, выбирай! Либо помоги нам, либо отпусти, если не хочешь помочь. А нет – поступай согласно закону. Но тогда к твоему Королю вернется не сто воинов, а намного меньше.

Эомер на минуту смолк и наконец принял решение:

– Мы оба спешим. Мой *зоред* с нетерпением ждет команды, стремясь поскорее выступить в путь, а твоя надежда с каждым часом становится все призрачней. Я сделал выбор. Идите своим путем! Более того, я дам вам коней. Об одном только прошу: когда выполните свой долг или убедитесь, что поиски тщетны, – верни коней в Метузельд³²⁷, в Эдорас, к престолу Теодена. Этим ты покажешь Королю, что я рассудил верно. От этого будет зависеть моя честь и, может быть, самая жизнь! Не подведи!

– Не подведу, – молвил Арагорн.

Велико было удивление воинов Эомера, когда они услышали приказ отдать свободных коней чужестранцам. Много было брошено мрачных и сомневающихся взглядов на предводителя эореда, но только Эотайн осмелился открыто возвысить голос:

– Может, и стоит ссудить коня этому воину, который принадлежит к роду властителей Гондора, если верить ему на слово, – но слыханное ли дело, чтобы скакуна Роханской Марки оседлал гном?!

– Успокойся – никто не слышал о таком, никто и не услышит, – откликнулся Гимли. – Я лучше пойду пешком, чем взберусь на этакую зверюгу, даже если меня будут заставлять силой!

– Придется тебе, однако, уступить. Нам некогда дожидаться пешего, – заметил Арагорн.

– Не волнуйся, друг мой Гимли, – успокоил гнома Леголас. – Мы с тобой поедem на одном коне. Тогда тебе нечего будет бояться. Коня оседлаешь не ты, а я, и править им тебе тоже не придется.

Арагорну подвели крупного темно-серого жеребца.

– Его зовут Хасуфэл, – сказал Эомер. – Пусть он послужит тебе верой и правдой и пусть тебе повезет больше, нежели его прежнему хозяину, Гарульф!

Конь Леголаса был не такой крупный, зато норовистый и горячий. Его имя было Арод³²⁸. Леголас попросил роханцев снять седло и уздечку.

– Обойдусь и так, – сказал он и легко вскочил на спину коня.

Ко всеобщему удивлению, Арод изъявил готовность повиноваться и, казалось, понимал нового седока без слов – эльфы легко находят общий язык со всеми добрыми животными. Когда к Леголасу посадили Гимли, гном обхватил эльфа так крепко, что впору было вспомнить, как вцепился когда-то в борт эльфийской лодки Сэм Гэмги.

– Доброго пути! Желаю вам найти то, что вы ищете! – напутствовал их Эомер. – Возвращайтесь как можно скорее и пусть наши мечи засверкают рядом!

– Я вернусь, – молвил Арагорн.

– Я тоже, – обещал Гимли. – Нам с тобой надобно побеседовать о Владычице Галадриэли. Придется поучить тебя любезности!

– Посмотрим, – отвечал Эомер. – Сегодня произошло столько странных событий, что я не удивлюсь, если мне придется после всего этого поступить в обучение к гному и его топор навсегда

вобьет мне в голову вселюбезнейшее почтение к его Прекрасной Даме³²⁹. Прощай!

На этом они расстались. Быстро, как ветер, помчались кони роханцев, и когда спустя некоторое время Гимли оглянулся, зоред Эомера превратился уже в едва заметное пятнышко на горизонте. Арагорн не обернулся ни разу: он ехал низко нагнувшись, почти касаясь щекой шеи Хасуфэла, и вглядывался в следы. Вскоре они поехали вдоль берега Энтвейи. Здесь к орочьей тропе присоединилась вторая такая же, идущая с востока, из Волда. Судя по всему, о ней и упоминал Эомер.

Арагорн спешил и тщательно осмотрел землю, затем, снова сев на коня, проехал немного вдоль боковой тропы, стараясь не затоптать следов. Вскоре он снова спрыгнул на траву и прошелся взад-вперед, внимательно глядя под ноги.

– Много здесь не вычитаешь, – сказал он, вернувшись к друзьям. – Основной след изрядно попорчен лошадьми роханцев: на обратном пути всадники, видимо, держались ближе к реке. Что до второй тропы, то там следы сохранились лучше, но среди них нет ни одного, который вел бы назад, к Андуину. Надо бы ехать помедленнее и убедиться, что никто не свернул в сторону. На этом месте орки наверняка уже заметили погоню и вполне могли оттащить пленников куда-нибудь в сторону или хотя бы попытаться это сделать.

Погода менялась к худшему. С Волда пришли низкие серые тучи, солнце затуманилось. Лесистые склоны Фангорна медленно приближались, темнея по мере того, как день клонился к вечеру. Охотники так и не обнаружили следов, которые вели бы в сторону от дороги, зато стали наткаться на орков, застигнутых внезапной смертью: у одних из спины, у других из шеи торчали стрелы с серым оперением.

Наконец, когда дневной свет уже мерк, друзья добрались до опушки леса и на поляне, среди первых деревьев, обнаружили огромное кострище. Угли еще не остыли и дымились. Поодаль кучей громоздились шлемы, расколотые щиты, сломанные мечи, копья, луки, стрелы, дротики, доспехи и прочее орочье снаряжение. Посреди поляны скалилась насаженная на палку голова огромного гоблина, на

его расколотом шлеме все еще виднелся белый герб. Чуть в стороне, недалеко от реки, высился курган, насыпанный, видимо, совсем недавно: земля на нем еще не подсохла. В свежесрезанный дерн, покрывавший склоны, было воткнуто пятнадцать копий.

Арагорн и его товарищи наскоро обследовали землю на поляне и далеко вокруг, но дневной свет погас – и наступил вечер, тусклый и туманный. За ним спустилась ночь, а следов Мерри и Пиппина найти так и не удалось.

– Мы сделали все, что могли, – печально подытожил Гимли. – От самого Тол Брандира мы только тем и занимаемся, что разгадываем загадки, но эта будет потруднее прочих. Боюсь, кости хоббитов сгорели вместе с орочьими. Тяжело будет Фродо узнать об этом – если он, конечно, когда-нибудь узнает! А старый хоббит, который ждет их в Ривенделле?.. Элронд был против того, чтобы они шли с нами.

– А Гэндальф – за, – напомнил Леголас.

– Гэндальф тоже вызвался идти и погиб первым, – отозвался Гимли. – Дар предвидения изменил ему.

– Гэндальф вызвался идти отнюдь не потому, что предвидел для себя и других благополучный исход, – сурово напомнил Арагорн. – Есть дела, отказываться от которых бесчестно, хотя исход их темен и неясен. Пожалуй, я останусь пока тут и посмотрю еще. Тем более что до рассвета трогаться с места мы не собираемся.

Они расположились на ночлег под раскидистым деревом, напоминавшим каштан, что росло неподалеку от места, где разыгрался бой. На ветвях дерева сохранилось множество прошлогодних листьев – широких, бурых, похожих на иссохшие ладони с длинными растопыренными пальцами. При каждом дуновении ночного ветра листья сухо и печально шелестели.

Гимли стучал зубами от холода. С собой у каждого было только по одному одеялу.

– Давайте разведем костер, – предложил гном. – Я уже ничего не боюсь. Пусть орки летят на огонь, как мотыльки на свечу, мне все равно!

– Если хоббиты блуждают по лесу, огонь мог бы выманить их на поляну, – добавил Леголас.

– Огонь может приманить не только орков и хоббитов, а и еще неведомо каких тварей, – предостерег Арагорн. – Мы в двух лигах от гор, оцепляющих владения предателя Сарумана. Кроме того, мы на краю Фангорна, а, говорят, здешние деревья трогать опасно!

– Но Рохирримы разожгли вчера на поляне огромный костер, – возразил Гимли. – Они повалили не одно дерево, это видно сразу. Однако ночь после боя у них прошла без приключений.

– Всадников было много, – напомнил Арагорн. – Да им и нет дела до Фангорна – они заглядывают сюда редко, а в чащу не забредают никогда. Ну а наш путь может увести нас в самое сердце леса. Будьте осторожны! Не рубите живых деревьев!

– Нет нужды, – заметил Гимли. – Роханцы оставили достаточно дров и хворосту, да и сухих веток на земле полно.

Он отправился за растопкой и вскоре уже возился с костром. Арагорн сел под деревом, прислонился спиной к стволу и погрузился в глубокое раздумье. Леголас вышел на поляну, встал лицом к непроглядной стене леса и слегка наклонился, словно прислушиваясь к чему-то.

Когда гном разжег наконец небольшой, но яркий костерок, все трое обступили огонь, загораясь свет плащами. Леголас ненароком поднял глаза на дерево, распростершее над ними длинные ветви.

– Смотрите! – воскликнул он с удивлением. – Дерево радо огню!

Танцующие тени могли обмануть глаз, но всем троим одновременно показалось, что сучья, изогнувшись, тянутся к костру. Верхние ветви старались нагнуться пониже, бурые листья трепетали, напрягались и чуть слышно терлись друг о друга, как избывшие шершавые ладони.

Наступила тишина; все неожиданно почувствовали на себе взгляд темного, неведомого, погруженного во мрак леса³³⁰. Лес неслышно дышал в темноте и, казалось, таил про себя неведомые, никем не разгаданные мысли.

Леголас проговорил:

– Кэлеборн предупреждал нас, чтобы мы не заходили в глубь Фангорна. Почему бы это, скажи, Арагорн? И что говорится в тех легендах, о которых упоминал Боромир?

– Легенд в Гондоре, да и не только в Гондоре, достаточно, – ответил Арагорн. – Но если бы не слова Кэлеборна, я считал бы эти

легенды обыкновенными байками, что расползаются по свету, когда утрачено подлинное знание. Я сам хотел спросить тебя, Леголас, много ли в них правды? Но если даже Лесной эльф не знает этого, что взять с человека?

– Ты много путешествовал, – возразил Леголас. – А что мог слышать о Фангорне я, кроме нескольких песен? В них поется, что прежде здесь обитало племя Онодримов. Люди называли их энтами. Лес этот очень и очень стар, даже по эльфийским меркам...

– Как и тот лес, что за Курганами, – подтвердил Арагорн. – Но Элронд говорил, что эти два леса в чем-то сродни. Это последние бастионы древних лесов, что владели землей в Старшие Времена, когда Перворожденные скитались по Средьземелью, а людское племя еще не очнулось ото сна... Но у Фангорна есть и свой, особый секрет. А вот что это за секрет – я не знаю.

– А я так и знать не желаю, – заявил Гимли. – Кто бы тут ни обитал, я приложу все усилия, чтобы с ним не встретиться!

Друзья бросили жребий, собираясь бодрствовать по очереди. Первая стража досталась Гимли; Арагорн и Леголас легли отдыхать. Прежде чем заснуть, Арагорн обернулся и уже сонным голосом произнес:

– Помни, Гимли, от фангорнского дерева не то что ветку – сучок опасно отломить! И не ходи в лес за хворостом, даже если пламя начнет гаснуть! В крайнем случае растолкай меня.

С этими словами он повернулся на бок и вскоре уже спал мертвым сном. Леголас лежал без движения, скрестив на груди длинные, узкие ладони. Глаза его были открыты. Глубокий сон и ночь мира живых смешались в них воедино: так спят все эльфы. Гимли уселся поближе к огню, задумчиво водя пальцем по лезвию топорика. Листья над головой по-прежнему шелестели, но вокруг все было тихо.

Вдруг Гимли случайно поднял глаза – и остолбенел. На самой границе освещенного круга стоял, опершись на палку, согбенный старец в длинном плаще. Глаза его скрывала низко надвинутая широкополая шляпа. Гимли вскочил, от изумления не догадавшись даже крикнуть, хотя его сразу же осенило: это Саруман! Они в ловушке! Арагорн с Леголасом, потревоженные резким движением гнома, приподнялись – и тоже увидели незнакомца. Тот не пошевелился и не издал ни звука.

– Что тебе нужно, отче? – спросил Арагорн, резко встав и выпрямившись. – Может, ты озяб? Тогда подходи и грейся!

Он шагнул вперед, но старика на краю освещенного круга уже не было. Следов поблизости отыскать не удалось, а отходить от костра друзья не решились: месяц давно закатился и тьма вокруг стояла такая, что хоть глаз выколи.

Вдруг Леголас вскрикнул:

– Кони! Кони!

Кони пропали бесследно. Они вырвали из земли колья, к которым были привязаны, и унеслись прочь. Удрученные новым ударом судьбы, трое друзей долго стояли не двигаясь и молчали. Они были на краю Фангорна. Много, много долгих лиг простиралось меж ними и селениями роханцев – а больше в этом краю, полном опасностей, помощи ждать было неоткуда. На миг им почудилось, что откуда-то доносится далекое фырканье и ржанье. Затем все опять стихло – только листья холодно шелестели на ветру.

– Итак, с конями придется распрощаться, – молвил наконец Арагорн. – Ни догнать, ни поймать их мы не сможем. Что ж, если они не пожелают вернуться – попробуем обойтись без них. Когда мы пустились в погоню, у нас были только ноги – по счастью, они и теперь при нас...

– Ноги? – переспросил Гимли. – Ноги годятся для ходьбы, но, увы, накормить не могут.

Он подкинул дров в огонь и, сгорбившись, сел подле.

– А ведь еще недавно ты ни за что не желал садиться на коня! – рассмеялся Леголас. – Если так пойдет и дальше, скоро из тебя выйдет заправский наездник!

– Похоже, случая уже не представится, – усмехнулся Гимли.

Спустя некоторое время он заговорил снова:

– Если хотите знать мое мнение, то я думаю, что это был Саруман! Кому тут еще шастать? Помните, что говорил Эомер? «Он появляется в образе старика, закутанного в плащ с капюшоном...» Так вот, Саруман и увел наших лошадей, а может, просто спугнул их, и мы остались ни с чем! Помяните мое слово, на этом наши беды не кончатся!

– Я приму твое слово к сведению, – сказал Арагорн. – Но я принял к сведению и то, что старик был в шляпе, а вовсе не в капюшоне.

Правда, это, скорее всего, не имеет никакого значения. Видимо, твоя догадка верна. Здесь мы в опасности – и днем и ночью. Сейчас же нам остается только лечь и отдохнуть, пока есть возможность. Дай-ка я посторожу вместо тебя, Гимли. Мне сейчас важнее поразмыслить, чем выспаться.

Ночь тянулась медленно. Арагорна сменил Леголас, Леголаса – Гимли, а там уже и рассвело. Ничего особенного не случилось. Старик больше не появлялся. Но и кони не возвратились.

Глава третья

Урук-хаи

Пиппину снился мрачный, беспокойный сон. Он слышал собственный зов, гулким эхом отдающийся в подземных коридорах: «Фродо! Фродо!» Но вместо Фродо его окружили сотни оскаленных орочьих морд, и сотни отвратительных лап потянулись к нему со всех сторон. Где же Мерри?..

Он очнулся и обнаружил, что лежит на спине. В лицо дул холодный ветер. Смеркалось, и небо над головой быстро темнело. Пиппин повернулся на бок – и обнаружил, что сон был ненамного хуже яви. Запястья, колени и лодыжки хоббита были туго перетянуты веревками. Рядом лежал Мерри, мертвенно-бледный, с головой, обвязанной каким-то грязным тряпьем. Вокруг, куда ни обернись, сидели и стояли орки – целая свора.

Голова у Пиппина раскалывалась от боли, но постепенно обрывки воспоминаний связались воедино, и он смог наконец разобраться, где сон, а где явь. События восстановились в истинной последовательности. Сперва они с Мерри зачем-то бросились в лес. Что на них нашло? Почему они очертя голову сорвались с места, даже не дослушав Бродягу? Куда там! И ведь довольно далеко убежали, а главное, вопили не переставая, пока не напоролись прямо на орков! Те стояли на цыпочках – прислушивались, и, если бы хоббиты вовремя опомнились, орки могли бы их и не заметить. Но они с Мерри, можно сказать, кинулись им прямехонько в объятья. Орки взвыли, из-за кустов выскочили еще десятка три – и пошла драка. Пиппин и Мерри схватились за мечи, но орки явно не желали биться – только гонялись за ними, пытаясь изловить, хотя Мерри шутить не собирался – отсек злодеям две-три лапы по самый локоть. Молодчина Мерри!

Тут из-за деревьев появился Боромир. Уж он-то заставил орков драться по-настоящему! Одних он убил на месте, другие кинулись врассыпную. Хоббиты бросились к лагерю, но далеко уйти им не удалось – навстречу уже бежали новые орки, не меньше сотни, причем некоторые на редкость здоровенные. На Боромира посыпался град стрел. Гондорец схватил рог и протрубил в него, да так, что загудело по всему лесу и орки, сробев, отступили, – но на зов ответило только

эхо, и враги бросились в атаку еще яростнее. Больше Пиппин почти ничего не помнил. Последним, что он видел, был Боромир: гондорец сидел, прислонившись к дереву, и пытался вытащить из груди стрелу. Потом наступила темнота.

«Надо полагать, меня хряснули чем-нибудь тяжелым по голове, – догадался хоббит. – Как там, интересно, Мерри? Сильно ему досталось или не очень? Что с Боромиром? Почему орки нас не прикончили? Где мы и куда нас тащат?»

Ни на один из этих вопросов ответа не было. Пиппин сильно озяб, его подташнивало. «И зачем только Гэндальф за нас вступился перед Элрондом? – подумал он. – Толку от меня все равно никакого. Так, попутчик, если не просто лишний мешок с тряпьем. И вот меня украли, и теперь этот мешок волокут орки. Хорошо бы Бродяга или еще кто-нибудь отбил этот мешок обратно! Только на это и надеяться нечего. У Отряда совсем другие планы. Сбежать, что ли?»

Он попробовал ослабить путы, но безуспешно. Один из сидевших рядом орков расхохотался и прокаркал что-то своему соседу на отвратительном гоблинском наречии.

– Отдыхай, пока дают, паря, – повернулся он затем к Пиппину, переходя на Общий Язык, который в его устах звучал почти так же омерзительно, как грубый орочий клетот. – И не рыпайся! Учти, в дороге разлеживаться не позволят. Еще успеешь пожалеть, что у тебя есть ноги!

– Дали бы мне волю, ты пожалел бы, что вообще на свет родился, – подхватил второй орк. – Ух и попищал бы ты у меня, крысенок! – Он низко наклонился над Пиппином и ощерил желтые клыки. – Нишкни-ка, а не то пощекочу вот этим! – И он повертел у хоббита перед глазами длинным зазубренным кинжалом с черной рукоятью. – Прикуси язык и лежи тихо, а то ведь я могу нечаянно и забыть о приказе. Будь они прокляты, эти исенгардцы! *Углук у багронкша пушдуг Саруман-глоб бубхош скай!..*³³¹

И он долго еще крыл кого-то на чем свет стоит, постепенно затихая и переходя на фырканье и бормотанье.

Напуганный Пиппин притих, хотя запястья и лодыжки у него затекли, а в спину впивались острые камни. Чтобы не думать о себе, он вслушался в звуки, раздававшиеся поблизости. Вокруг гудело множество голосов, и хотя орочья речь всегда дышит злобой и

ненавистью, на этот раз орки, похоже, повздорили серьезно, и ссора разгоралась все жарче.

К своему удивлению, Пиппин обнаружил, что понимает почти все: большинство орков говорило на Общем Языке. Видимо, в отряд входили представители разноразных племен, так что им приходилось как-то выкручиваться. Сейчас орки ожесточенно спорили, какой дорогой идти дальше и что делать с пленниками.

– Нет времени прикончить их по всем правилам, – сетовал кто-то. – Сейчас не до баловства.

– Ничего не поделаешь! – возразил другой орк. – Но что мешает нам прихлопнуть их просто так? Раз-два – и готово. Цацкайся тут с ними! Нам спешить надо. Вечер на носу, а мы все еще валандаемся!

– Приказ есть приказ³³², – басом прорычал третий. – Забыли, что ли? «Всех убивай, а невеличков не трожь. Этих доставить на место живыми и как можно скорее». Вот так-то!

– Да кому они нужны, эти задохлики?! – закричало сразу несколько недовольных. – И почему живьем? С ними что, особенно хорошо баловаться?

– Да нет же! Просто у одного из них есть при себе какая-то ценная штука, которая пригодится на войне, эльфийская, что ль, ну словом, не знаю. И потом, их будут допрашивать.

– И всего-то?! Так что бы нам их не обыскать? Может, эта штука нам и самим сгодится?

– Ах как интересно! – нараспев протянул голос, которого до сих пор слышно не было; он был не такой хриплый, как у остальных, но зато гадкий донельзя. – Надо бы о твоих словах доложить кому следует. Пленников запрещено обыскивать. А грабить – и тем более. Так велели мои начальники.

– И мои тоже, – отозвался бас. – Мне так прямо и сказано: «Доставишь пленников живыми, как взял, да смотри ничего не трогай!»

– Так мы и подчинились вашим приказам, – не сдавался первый орк. – Мы от самых Копей топаем, чтобы их прикончить и отомстить за своих корешей, ясно? Кончай их, ребята, и айда к себе, на север!

– Заткнись, – оборвал его бас. – Я – Углук, понял? Начальник тут я! И я тебе говорю, что мы идем в Исенгард, причем кратчайшей дорогой!

– Что-то я не пойму, с каких пор Саруман сделался главнее Большого Глаза? – притворно удивился прежний гадкий голос. – Идем в Лугбурц, мальчики. Нечего ерепениться.

– Если бы мы могли переправиться через Великую Реку, то, может, Лугбурц и сгодился бы, – вклинился новый голос. – Но нас мало, а значит, мосты для нас заказаны.

– Я же как-то переправился, правда? – уговаривал гадкий голос. – К северу отсюда, на восточном берегу Реки, нас дожидается Крылатый Назгул!

– Ах, вот оно что?! Ты, значит, берешь пленников и – фьюить! Все похвалы и награды – тебе, а мы топай через лошадиные земли с пустыми руками? Держи карман шире! Нет, идти, так всем вместе. Здесь чересчур опасно! Куда ни плюнь – в бунтовщика попадешь или разбойника.

– Точно! Держаться надо вместе, – поддержал Углук. – Я ведь вам ни на грош не верю, поросятки. Вы только у себя в хлеву храбрецы. Если бы не мы, вы бы давно уже дали деру. Мы – Урук-хаи! Мы – настоящие бойцы, а вы – мусор. Это мы застрелили большого воина. Это мы взяли пленников. Мы, слуги Сарумана Мудрого, Белой Руки, которая кормит нас человеческим мясом! Думаете, зачем мы сюда посланы? Чтобы отвести вас в Исенгард, вот зачем! И мы вас туда отведем, причем той дорогой, которую выберу я, Углук! Я сказал!

– Сказал, да больше, чем надо, Углук, – не унимался гадкий голос. – Смотри, в Лугбурце твои слова могут кое-кому прийтись весьма не по вкусу. Там могут подумать, что у тебя выросла слишком большая голова. Не снести ли ее долой? Все плечам полегче будет! Тебя могут спросить, откуда в этой голове такие мысли! Уж не Саруман ли их тебе втемяшил? Кем он себя вообще мнит, этот Саруман с его поганой белой лапой? Ко мне, доверенному посланнику Грышнаху, в Лугбурце прислушаются скорее, а я им прямо скажу, что Саруман осёл и грязный изменник. Но Большой Глаз и без меня знает, что на уме у Сарумана. И ты смеешь называть честных орков «поросятками»? Парни! Что вы терпите? Эти верзилы, которые служат мусорщиками у поганого чародеишки, обзывают вас свиньями! Знаю я, каким мясом кормит их Белая Рука³³³! Орочьим, вот каким!

Орки завопили кто во что горазд, каждый по-своему, и загремели оружием. Пиппин осторожненько перекатился на бок, чтобы видеть

получше. Охранники бросили его на произвол судьбы и присоединились к галдящей толпе. Несмотря на сумерки, Пиппин разглядел в середине бучи рослого черного орка и догадался, что это Углук: верзила угрожающе наступал на приземистого, кривоногого гоблина с длинными, ниже колен, руками – надо понимать, это был Грышнах. Вокруг бесновалась сошка помельче. Оставалось предположить, что это северяне. Они орали и размахивали саблями, но перед Углуком явно слегка робели.

Углук громко крикнул, и рядом с ним сразу выросло несколько верзил ему под стать. Сам он внезапно, без предупреждения, ринулся в толпу и дважды взмахнул саблей. На землю полетели две головы. Грышнах отступил и тут же растворился в сумерках; остальные дрогнули и попятились. Один из спорщиков, отступая, споткнулся об лежащего без сознания Мерри и покатился по земле. Это, однако, спасло орку жизнь: сторонники Углука перешагнули через него и головы лишился другой бунтовщик. Им оказался тот самый охранник, что скалил на Пиппина желтые клыки. Обезглавленное тело рухнуло прямо на хоббита. В руке охранника все еще зажат был длинный зазубренный кинжал.

– Убрать оружие! – рявкнул Углук. – Баста! Хватит валять дурака! Поворачиваем на запад, спускаемся по Ступеням – и прямо к холмам, а там вдоль реки – и в лес. Идти будем и ночью и днем. Усвоили?

«Надо действовать, – подумал Пиппин. – Пока еще этот громила утихомирит свою шайку!»

И тут ему блеснула искра надежды. Лезвие черного кинжала, поцарапав хоббиту локоть, соскользнуло к запястью. По руке стекали капли крови. Сталь холодила кожу. Пиппин не видел лезвия, зато чувствовал его прекрасно.

Орки готовились двинуться дальше. Кое-кто из северян не хотел сдаться сразу, так что исенгардцам пришлось зарубить еще нескольких, прежде чем остальные смирились со своей участью. Снова поднялся шум и переполох. Пленников на какое-то мгновение оставили без всякого присмотра. Ноги у Пиппина были связаны крепче некуда, зато руками он при желании мог даже пошевелить, хотя веревка при малейшем движении так и впивалась в тело. Орки скрутили ему только запястья, и то не за спиной, а спереди. Приноровившись, Пиппин подтолкнул труп так, что тот перевалился

на бок. Не дыша, хоббит стал водить узлом веревки вверх-вниз по лезвию. Клинок оказался заточенным на совесть, мертвая рука крепко сжимала рукоять – и вскоре веревка была перерезана! Пиппин быстро соорудил из обрезков что-то вроде парного браслета из двух не слишком тугих петель, просунул в этот браслет руки и застыл без движения.

– Пленных ко мне! – потребовал Углук. – Баловство отставить! Если мы не приведем их живыми, кое-кто поплатится за это башкой – ясно?

Один из солдат поднял Пиппина и взвалил на спину, просунув голову меж связанных рук хоббита. Таким же манером поступили и с Мерри. Лицо Пиппина вжалось в орочий загривок, орочьи когти вонзились ему в кожу не хуже стальных клещей. Пиппин закрыл глаза и снова провалился в кошмарные сны.

Через какое-то время его опять швырнули на каменистую землю. Было еще рано, около полуночи, но месяц уже садился. Орки стояли на краю обрыва, глядя вниз на неподвижное море бледного тумана. Откуда-то доносилось журчание. Орки негромко переговаривались.

– Разведчики вернулись, начальник, – доложил один.

– Говорите, что видели? – прохрипел Углук.

– Ничего особенного – только всадника, но он был один и сразу ускорился на запад. Дорога свободна!

– Это она теперь свободна, а потом? Остолопы! Не догадались пристрелить его?! Он поднимет тревогу, и к утру проклятые лошадики нагрянут сюда всей оравой. Придется поторопиться!

Над Пиппином нависла большая тень. Это был Углук.

– А ну сядь! – приказал он. – Мои ребята выдохлись. Хватит им тебя таскать, пусть отдохнут. Дальше ковыляй на своих двоих – дорога идет под горку, так что побежишь как миленький! Удрать не пытайся и молчи в тряпочку, а то я быстро отучу тебя вякать, понял? Мы тебя так обработаем, что хозяин ничего и не заметит. Урук-хаи свое дело знают!

Углук развязал Пиппину лодыжки, дернул его за волосы и поставил стоймя. Хоббит не устоял на ногах и упал. Углук снова вздернул его за волосы. Орки весело загоготали. Пиппин почувствовал, что ему раздвигают зубы, и в рот ему влилось несколько капель какой-то жидкости, которая обожгла небо и жарким огнем

разлилась по телу. Боль в лодыжках мгновенно прошла, и Пиппин смог худо-бедно удержаться на ногах.

– Второго! – потребовал Углук.

Приволокли Мерри. Углук шагнул к нему и дал хорошего пинка. Мерри застонал. Углук грубо потрянул его, так, что тот сел, содрал у него с головы повязку и мазнул по ране какой-то темной пакостью из деревянной коробочки. Мерри вскрикнул и отчаянно забился в руках охранников.

Орки захлопали в ладоши и радостно заржали.

– Не по нему лекарство! – веселились они. – Не просек, дуралей, что это ему же на пользу! Ну и потеха будет, когда нам дадут с ним побаловаться!

Углуку, однако, было не до баловства. Главарь торопился – времени в обрез, а тут еще с несогласными возись. Он лечил Мерри без церемоний, по-орочьи, зато действительно. В зубы хоббиту ткнулась фляга, и ему тоже насильно влили в рот пару глотков огненного зелья; затем путы у него на лодыжках перерезали, и вскоре Мерри уже стоял рядом с Пиппином, бледный, угрюмый, но живой – еще как живой! – и в полном сознании. О ране он больше и не вспоминал, хотя бурый шрам остался у него на лбу на всю жизнь.

– Привет, Пиппин! – бодро окликнул друга Мерри. – Так ты, значит, тоже участвуешь в этой веселенькой прогулке? Где сегодня ночуем? И что на завтрак?

– Молчать! – рявкнул Углук. – Придержи язык! Нечего тут разводить тары-бары. О каждой твоей выходке будет сказано хозяину, ясно? Уж он-то вам все припомнит. Будет вам и ночлег, и завтрак, только как бы у вас от этого завтрака животики не заболели!

Орки начали спускаться по тесному ущелью, ведущему к затопленной туманом равнине. Мерри и Пиппин, отделенные друг от друга дюжиной-другой Урук-хаев, шагали вместе со всеми. Когда ущелье наконец кончилось и босых хоббичьих ног коснулась трава, оба пленника воспряли духом.

– Теперь вперед! – приказал Углук. – На запад и немного к северу! Впереди пойдет Лугдуш. Держитесь его!

– А на рассвете?.. – заикнулся кто-то из северян.

– Плевать на рассвет, – отрезал Углук. – Видали неженку? Он думает, мы сядем рядом на траву и будем ждать, пока Белокожие

пожалуют к нам на завтрак!

– Но мы не сможем бежать после восхода!

– Сможете! За милую душу сможете, если на пятки вам буду наступать я, – оборвал Углук. – Марш! А то не видать вам больше своих разлюбезных норок, клянусь Белой Рукой! И кому только взбрело в голову посылать на дело этих горных червяков? Тоже вояки! А ну, бегом! Бегом, паршивцы! Скоро восход!

И толпа орков помчалась вперед, по-орочьи, длинными скачками. Порядка никакого не соблюдалось: одни забежали вперед, другие отставали, все без исключения отчаянно ругались, пихались и кляли все на свете – но, как ни странно, бежали быстро. К каждому хоббиту приставили по три надсмотрщика, причем у одного из троих был бич. Пиппин ковылял в хвосте. Он гадал, долго ли выдержит, – ведь он не ел с прошлого утра. Но огонь орочьего питья еще горел в крови, и голова лихорадочно работала.

Перед его внутренним взором то и дело возникал Бродяга, его внимательное, сосредоточенное лицо. Он видел, как тот наклоняется к земле, отыскивая смутный след, и бежит, бежит, бежит... Но кто сможет разобрать отпечатки хоббичьих ног на тропе, по которой прогрохотала добрая сотня кованых орочьих сапог?

Примерно в полутора верстах от скалы дорога полого пошла под уклон. Стало сыро. В низине, слабо мерцая в последних лучах месяца, лежал туман. Темные силуэты орков, бегущих впереди, расплылись и исчезли.

– Эй, там, впереди, не так шибко! – гаркнул Углук, замыкавший нестройную колонну.

В голове у Пиппина блеснула внезапная мысль. Он метнулся в сторону, нырнул под руку ближайшего стражника, бросился в туман головой вперед и упал, распростершись на траве.

– Стой! – завопил Углук.

Поднялась суeta и неразбериха. Пиппин вскочил и что было силы помчался прочь. Но орки были проворнее: они кинулись наперерез и вскоре выросли из тумана прямо у него на пути.

«Бежать не удастся, – подумал Пиппин. – Зато на мокрой земле наверняка останутся мои следы».

Поднеся к горлу связанные руки, он нашарил на шее застёжку и отстегнул ее. Как только к нему протянулись длинные орочьи пальцы и

в тело вонзились твердые когти, он дал застежке упасть на землю.

«Лежать ей тут до скончания века, – вздохнул он про себя. – И зачем только я это сделал? Если наши целы, то, наверное, все ушли с Фродо».

Вокруг его ног обвился бич, и Пиппин еле сдержался, чтобы не крикнуть.

– Хватит с него! – скомандовал подоспевший Углук. – Паршивцу еще бежать и бежать. Заставьте-ка этих двоих прибавить ходу! А ты не воображай, что отделался, – повернулся он к хоббиту. – Я ничего не забываю. За расплатой дело не станет! Марш вперед!

Пиппин и Мерри мало что запомнили из этого перехода. Страшные сны сменялись страшной явью и смешивались с ней воедино в длинном туннеле мучений, а огонек надежды, брезживший далеко позади, светил все слабее. Они бежали, бежали и бежали, думая только об одном – как бы не отстать от орков; если же они отставали, ноги им охлестывал хитро скрученный бич, а если останавливались или спотыкались, орки хватали их за руки и волокли по траве.

Тепло орочьего питья улетучилось. Пиппина снова стало подташнивать, по телу пробегал озноб. Наконец хоббит споткнулся и упал лицом в траву. Тут же в плечи ему вонзились безжалостные когти: его подняли и взвалили на плечи. Он снова превратился в дорожный мешок. Вокруг сгустился мрак, но была ли то ночь или просто глаза ему застлала тьма – он сказать не мог.

Откуда-то издалека послышался нестройный гул и гомон. По отдельным выкрикам Пиппин догадался, что орки требуют отдыха. Углук надрывал глотку. Пиппина сбросили на землю, и он остался лежать без движения, пока не провалился в черный сон. Передышка, однако, была недолгой: вскоре его снова охватили стальные тиски орочьих лап – и снова пошла бесконечная тряска. Наконец тьма стала постепенно редеть. Пиппин открыл глаза и увидел, что наступило утро. Прозвучал приказ остановиться, и хоббита грубо швырнули на траву.

Он лежал, борясь с отчаянием. Перед глазами у него все плыло. По жару, разливавшемуся в теле, хоббит понял, что ему опять плеснули в рот огненного зелья. Один из орков бросил пленнику ломоть хлеба и кусок вяленого мяса. Затхлый серый хлеб хоббит

проглотил с жадностью, но к мясу не притронулся. Есть хотелось отчаянно, но еще не настолько, чтобы принимать мясо из лап орка. Страшно было даже подумать, чье это могло быть мясо!

Дожевав корку, Пиппин сел и огляделся. Мерри лежал неподалеку. Орки стали лагерем на берегу неширокой быстрой реки. Впереди маячили горы, и самый высокий пик уже розовел в первых лучах солнца.

Орки ожесточенно спорили: похоже было, что между северянами и исенгардцами вот-вот вспыхнет новая потасовка. Одни показывали назад, на юг, другие – на восток.

– Хорошо, – говорил Углук. – Оставьте их мне, раз на то пошло. Убивать их нельзя, я вам давно это вдалбливаю. Если вам охота бросать добычу, за которой мы перлись в такую даль, – бросайте! Я за ними сам присмотрю. Боевые Урук-хаи сделают всю работу сами, как всегда и бывает. Белокожих небось испугались? Что же не улепетьваете? Вон он – лес! – На этих словах он перешел на крик и ткнул пальцем вперед. – Метьте прямо туда! Иначе вам крышка. Валяйте! Да поживее, пока я добрый. А то, может, еще с кого башку снять? Сразу очухаетесь!

Северяне поворчали, повозмущались – и наконец всей оравой в сотню, а то и больше голов со всех ног пустились бежать по берегу в направлении гор. Хоббиты остались с исенгардцами – мрачной, дикой сворой из семи дюжин огромных, смуглых, косоглазых головорезов с большими луками и короткими мечами в широких ножнах. Несколько самых рослых и самых отчаянных северян тоже решили остаться с Углуком.

– Ну а теперь разберемся с Грышнахом, и будет полный порядок, – заверил Углук.

Но даже его собственные солдаты маялись, переминались с ноги на ногу и украдкой бросали на юг беспокойные взгляды.

– Знаю, знаю, – проворчал Углук. – Проклятые лошадаики! Учюали все-таки! Это твоя промашка, Снага! Тебе и твоим подчиненным уши надо пообрывать, чтоб неповадно было! Но мы – боевые Уруки. Мы с вами еще полакомимся завтра кониной, а может, чем-нибудь и похлеще!

Пиппин наконец понял, почему некоторые из орков показывали на восток. Издалека донеслись хриплые крики: это приближался

Грышнах, а с ним – еще десятка три головорезов, таких же кривоногих и длинноруких, как и он сам. На щитах у них красовался багровый глаз.

Углук шагнул им навстречу.

– Чего приперлись? – рявкнул он. – Передумали, что ли?

– Я вернулся проследить за выполнением приказа. Доложите: живы ли пленники? – не растерялся Грышнах.

– Вот оно что! – фыркнул главарь Урук-хаев. – Ну так вы зря силы тратили! Тут команду я, а стало быть, приказы выполняются в точности. Может, ты что-нибудь забыл? Давеча, помнится, уж больно торопился!

– Осла мы тут безмозглого забыли, – оскалил клыки Грышнах. – Но с ним осталась парочка крепких ребят, которых жалко отпускать на верную гибель. Я давно понял, к чему идет дело, и вернулся их спасти.

– Ух ты! – расхохотался Углук. – Молодец! Только ты все перепутал! Если у тебя кишка тонка драться, надо было брать ноги в руки и драпать в Лугбурц. Там таким, как ты, самое место. Белокожие-то уже на подходе! Видать, бросил тебя твой драгоценный Назгул? Или под ним опять лошадку подстрелили? Нет? Что ж ты его не привел? Он бы тебе сейчас ох как пригодился! Или зря об этих Назгулах такой трезвон идет? Тоже небось дутые пузыри, как и все прочее!

– Назгулы! Назгулы! – повторил Грышнах, вздрагивая и быстро облизывая губы, как будто это слово обожгло ему рот. – Ты болтаешь о том, чего и в снах-то своих паршивых не видал! Назгулы! Это Назгулы-то пузыри? Ты еще крепко, крепко пожалеешь о том, что сказал, да поздно будет! Обезьяна безмозглая! – И он гневно фыркнул. – Тебе следовало бы знать, что Назгулы – зеница Большого Ока! Крылатые Назгулы себя еще покажут. Но их время пока не пришло. Пока Властелин не хочет, чтобы они показывались на этом берегу Великой Реки. Не так скоро! Час еще не пробил. Их приберегают для Войны и еще кое для чего.

– Что-то ты больно много знаешь, – ощерился Углук. – Думаешь, за это по головке погладят? В Лугбурце могут любопытствовать, где ты всего этого набрался и зачем тебе было вызнавать да вынюхивать. Вот так всегда: одни бездельничают и суют нос куда не надо, а другие делай за них черную работу!.. Короче, нечего мне глаза мозолить. Собирай манатки, бери свою сволочь и канай к лесу, во-он за теми

свиньями. Да пошевеливайся! До Реки ты живым уже не дотрюхаешь. Пошел! А ежели что – мои парни враз оттопчут вам пятки, понятно?

Пиппин с Мерри снова повисли на хребтах исенгардцев. Отряд снялся с места. Час проходил за часом, а орки все бежали, останавливаясь только изредка, чтобы сменить хоббитам «лошадок». То ли Урук-хаи действительно были быстрее и выносливее, то ли Грышнах нарочно не торопился – но исенгардцы постепенно опередили мордорцев. Вскоре показались вдаль и северяне. До леса оставалось не так уж далеко.

На Пиппине живого места не было. Голова у него болела, лицо беспрестанно терлось о грязные загривки орков, об их заросшие волосами уши, а перед глазами мелькали одинаковые сторбленные плечи и крепкие, толстые ноги, будто сделанные из перевитого жилами рога, мерно, без устали отбивающие счет бесконечным секундам бесконечного кошмара...

После полудня отряд Углука нагнал северян. Те вконец размякли от яркого света – даже зимнее солнце, так некстати рассиявшееся на бледном, холодном небе, было для них чересчур жарким. Головы северян свесились на грудь, языки вывалились.

– Во червяки! – гоготали исенгардцы. – Тюхряки несчастные! Ну что, сварились? Ух, слопают вас лошадаики! У-у! Они уже тут!

Тут Грышнах что-то крикнул, орки оглянулись – и стало ясно, что и в насмешках исенгардцев чересчур много правды. Пожалуй, смеяться оркам не следовало. Отставшие действительно заприметили всадников. Кони мчались во весь опор, стремительно нагоняя мордорцев, – так волна прилива настигает зазевавшихся гуляк, увязших в зыбучих песках.

К удивлению Пиппина, исенгардцы надали ходу. А он-то думал, что те вот-вот выдохнутся! Только теперь он заметил, что солнце уже садится за Туманные Горы и тени бегущих протянулись через всю степь. Мордорцы приободрились и тоже прибавили шагу. До леса было рукой подать – на пути нет-нет да попадалось отдельно стоящее дерево. Склон становился все круче, но орки скорости не сбавляли. Угрук и Грышнах орали как полоумные, призывая своих солдат к решительному броску.

«А ведь успеют! – подумал Пиппин. – Ей-же-ей, успеют!» Он исхитрился глянуть через плечо и увидел, что всадники, взяв к востоку, уже поравнялись с орками и скачут рядом. Закат позолотил их копья, шлемы и развевающиеся на ветру светлые волосы. Хоббит понял, что всадники, надеясь окружить орков, не дают им разбежаться по сторонам и теснят черную ораву ближе к реке.

Пиппин принялся гадать: что они за люди, эти всадники? Как он сокрушался теперь, что в Ривенделле мало интересовался Большим Миром и почти не разглядывал карт! Тогда это казалось ни к чему. В Отряде были головы и посветлее – зачем зря суесться? Могло ли ему тогда прийти на ум, что настанет миг – и рядом не окажется ни Гэндальфа, ни Бродяги, ни даже Фродо?! В мыслях у Пиппина застряло только одно – что конь Гэндальфа вроде бы родом именно с роханских пастбищ. Это вселяло надежду. А что дальше?

«Кстати, откуда им знать, что мы не орки? – вдруг испугался он. – Не думаю, чтобы здешние жители были накоротке с хоббитами! Если наших с Мерри дружков-приятелей накроют, я плакать не буду, но сам я не прочь бы и уцелеть, вот в чем штука!»

Рассчитывать на это, однако, не приходилось. Все шло к тому, что пленников постигнет та же участь, что и похитителей, причем гораздо раньше, чем роханцы разберутся, что к чему, и заметят, что они не орки.

Между тем всадники сокращали разрыв, и уже можно было различить среди них лучников. Натянув тетиву, лучники выезжали вперед, прицеливались и стреляли; два-три поотставших орка падали мертвыми, а лучники возвращались в общий строй – ответный дождь стрел не причинял им никакого вреда, так как всадники держались на безопасном расстоянии, да и прицеливаться получше оркам было некогда. Этот маневр всадники повторяли несколько раз; хоббит заметил, что добрались уже и до исенгардцев – орк, бежавший перед «лошадкой» Пиппина, вдруг пошатнулся, рухнул и остался лежать без движения.

Наступила ночь, а всадники так и не начали открытого боя. Много орков полегло от их стрел, но все же добрых две сотни остались целы и невредимы. В сумерках поредевшие орочьи отряды дотянулись до предгорий. Лес чернел всего в каких-нибудь трех-четырёх верстах впереди, но пути туда уже не было: кольцо всадников замкнулось, и

орки оказались в окружении. Вопреки приказу Углука небольшая группа орков попыталась прорваться к лесу. Из этой затеи не вышло ничего хорошего – уцелело только трое, да и тем пришлось вернуться.

– Достукались! – глумился Грышнах, щерясь. – Да, вожак у нас что надо, ничего не скажешь! Как же Великий Углук собирается вызволять своих подданных?

– Пленников на землю, – скомандовал Углук, словно не слыша издевок Грышнаха. – Лугдуш! Бери себе еще двоих парней и стереги добычу. Убивать не надо – разве что Белокожие прорвут оборону и все будет потеряно. В общем, пока я жив, оба должны быть целы. Вздумают пищать – заткнете им рот. Да, и еще: кровь из носу, но к лошадиникам они попасть не должны. Все! И не забудьте связать им ноги!

Последняя часть приказа была приведена в исполнение немедленно и самым безжалостным образом. Но нет худа без добра: Пиппин впервые оказался рядом с Мерри. Орки громко кричали, пререкались, лязгали оружием, и друзья смогли немного пошептаться.

– Похоже, дело плохо, – шепнул Мерри. – Я выдохся. Все, конец. Даже если орки нас выпустят, далеко мне не уползти.

– А хлебцы? – вспомнил Пиппин. – Хлебцы-то! У меня еще несколько штук осталось. А у тебя? Кажется, они отобрали у нас только мечи.

– Вообще-то у меня в кармане тоже оставалась парочка, – отозвался Мерри. – Но они, наверное, совсем раскрошились. Да и что проку – ртом до кармана не достанешь.

– Зачем же ртом? Послушай-ка, что я тебе скажу...

Но тут свирепый пинок довел до его сведения, что перебранка улеглась и стражники не намерены давать пленникам никаких поблажек.

Ночь выдалась холодная, но безветренная. Холм, на котором сгруппировались орки, оцепили маленькие золотисто-красные сторожевые костерки, образовавшие замкнутый круг. До костерков легко было достать из лука, но роханцы на свету не показывались, и орки только без толку тратили стрелы, пока Углук не запретил зря опустошать колчаны. В лагере роханцев стояла мертвая тишина. Позднее, когда проглянул месяц, внизу удавалось иногда увидеть смутные тени, на

миг появлявшиеся в белесоватом свете и вновь исчезающие, – это обходили дозором осажденный орочий лагерь недремлющие роханские патрули.

– Солнца дожидаются, гады вонючие! – выругался один из орков, охранявших Мерри и Пиппина. – А мы что сидим? Почему бы не собраться всем вместе и не ударить по ним? Старина Углук что – совсем ума решился? Хотел бы я знать, о чем он думает?

– Сейчас узнаешь, – рявкнул Углук из-за его плеча. – По-твоему, значит, Углук дурака валяет и ни о чем не думает? Ишь ты! Какой герой выискался! Вы, смотрю, не лучше этих голодранцев-северян и макак из Лугбурца! С таким отребьем в драку нечего и соваться, понятно? Они мигом разбегутся, а лошадиников тут столько, что от нас ото всех пшик останется. Северное быдло, правда, в темноте хорошо видит – что твои дикие коты. Да зато и про Белокожих толкуют, будто они зорче прочих человечешек. А кони? Они замечают даже, как ночной ветер дует, ясно? Так что куда нам до них! Зато эти красавчики не знают самого главного. В лесу-то засел Маухур со своими парнями! Еще немного, и наши ударят с тыла. Усек?

Исенгардцев это убедило, хотя прочие орки остались недовольны и роптали. Углук расставил вокруг холма посты, но часовые по большей части махнули на все рукой и разлеглись на травке, отдыхая и наслаждаясь желанной темнотой. А темноты было вдосталь – месяц, клонясь к западу, спрятался в густых облаках, и Пиппин уже в двух шагах не видел ну ничегошеньки. Холм, несмотря на костры роханцев, потонул во мраке.

И все же отдохнуть оркам не удалось: всадники не собирались мирно дожидаться рассвета. С восточной оконечности лагеря внезапно донесся вопль, который всех заставил вскочить на ноги. Несколько роханцев тихо подъехало к подножию холма; спешившись, они ползком поднялись вверх по склону, уложили на самом краю лагеря парочку орков и бесследно исчезли. Углук бросился унимать переполох.

Пиппин и Мерри приподнялись. Исенгардцы-охранники увязались за Углуком, рядом никого не было. Но если хоббиты и подумали о побеге – с этой мыслью тут же пришлось распротиститься. Длинные волосатые руки схватили их за шиворот и подняли в воздух. В темноте возникла омерзительная физиономия Грышнаха, и в лицо

хоббитам пахнуло смрадом. Орк принялся щупать их и шарить под одеждой. Когда холодные, безжалостные пальцы пробежали по спине Пиппина, хоббита всего так и передернуло.

– Ну, мои малявочки, – ласково шептал Грышнах, – как вам тут отдыхается? Не слишком-то здесь удобно, правда? С одного бока – бичи да кинжалы, с другого – гадкие копья... Напрасно вы сунулись в это дело: большие передряги не для таких крошек, как вы!

Он продолжал обшаривать хоббитов, и в глубине его глаз горел бледный огонь. Но это был не азарт и не злоба, а что-то иное.

И вдруг Пиппина осенило. Ему показалось даже, что он подслушал мысли сладкоречивого орка. «Грышнах знает о Кольце! Он хочет отобрать его у нас, пока Углука нет поблизости. Может, он задумал взять Кольцо себе?» Он похолодел от страха и стал лихорадочно соображать, как бы повернуть дело себе на пользу.

– Так его не найти, – невинно заметил он. — Оно очень хорошо запрятано.

– Оно? Что еще за оно? – переспросил Грышнах. Пальцы его перестали шарить и впились хоббиту в плечо. – О чем это ты говоришь, малявочка?

Пиппин на миг задумался – и вдруг, два раза сдавленно глотнув – голлм, голлм, – добавил:

– Да так, ничего особенного, сокровище мое!

Пальцы Грышнаха свело словно судорогой.

– Ого! – почти беззвучно зашипел он. – Вон ты куда загнул! Эвана! Опасные шутки, малявочки мои, оч-чень опасные!

– Возможно, – отозвался Мерри, мигом смекнув, что на уме у друга. – Очень опасные! И не только для нас. Впрочем, это твоя забота. Значит, ты хочешь его заполучить, так ведь? А что ты нам за него дашь?

– Заполучить? Что? – наигранно удивился Грышнах. Руки у него затряслись. – Что я за него дам? О чем это ты?

– О том самом, – ответил Пиппин и, тщательно выбирая слова, продолжал: – Только в темноте у тебя ничего не выйдет, если мы тебе не поможем. Хочешь сберечь силы и время? Тогда развяжи нам ноги. Иначе мы тебе ничего не скажем и не покажем.

– Глупые, мяконькие крошки, – хрипло засипел Грышнах. – Мы вытянем из вас все, что вы знаете, и все, что имеете, дайте только срок.

Все до последнего клочка, ясно? Вы еще пожалеете, что мало знали. Тому, кто будет вас допрашивать, не так-то легко угодить! Вот увидите! А спешить вам будет некуда, совершенно некуда. Как вы думаете, что это с вами так носятся? Уж не из доброты, мои дорогие карапузики, поверьте мне. Таких глупостей даже за Углуком не водится.

– Охотно верим, – сказал Мерри. – Но до твоего дома еще далеко. И похоже, что этой штуке с тобой не по пути. Если нас уволокнут в Исенгард, Большому Грышнаху достанется дуля с маком. Саруман присвоит все, что найдет, уж это как пить дать. Если не хочешь остаться с носом, надо поторапливаться.

Терпению Грышнаха наступал конец. Имя Сарумана окончательно вывело его из себя. Время уходило, галдеж вдалеке постепенно стихал. Вот-вот подоспеет Углук со своими ражими молодцами...

– Так оно у вас? У которого? – прохрипел орк.

– *Голлм-голлм*, – булькнул Пиппин.

– Ноги, ноги развяжи, – сказал Мерри.

Руки у орка заходили ходуном.

– Грязные, подлые козявки, – зашипел он. – Ноги им развяжи! Да я из вас все жилы вытяну! По косточкам разберу, а найду! На клочья разнесу! Зачем мне ваши ноги? Что, я сам вас не уволоку? В два счета! Тут-то уж мне никто не помешает!

Он сунул хоббитов под мышки и прижал к бокам. Руки у него были невероятно сильными. Как следует придавив пленников, Грыснах заткнул им рты, да так, что они чуть не задохнулись. Затем, согнувшись в три погибели, орк прыгнул в темноту и поспешил прочь из лагеря. Выбрав местечко, где удобнее было проскользнуть между часовыми, он черной тенью скатился вниз и, оказавшись у подножия холма, сразу повернул на запад, к лесу, туда, где из чащи вытекала река. Казалось, там охраны почти нет – в пустынной темноте светился один-единственный костерок.

Пройдя несколько шагов, Грыснах остановился, огляделся по сторонам и прислушался. Все было тихо. Пригнувшись чуть ли не к самой земле, он осторожно двинулся дальше, вновь замер, прислушался – и поднялся во весь рост, словно для решающего рывка. В тот же миг впереди вырос темный силуэт всадника. Конь поднялся на дыбы и зафыркал. Человек что-то громко крикнул.

Грышнах бросился на землю, подмяв хоббитов под себя, и выхватил меч. Видимо, он решил, что лучше уж заколоть пленников, чем допустить, чтобы они убежали или попали в руки к роханцам. Но осуществить свое намерение ему не удалось. Меч звякнул о ножны, лезвие блеснуло в пламени ближайшего костра, и в темноте тут же раздался звук спускаемой тетивы. То ли роханец-лучник на редкость хорошо знал свое дело, то ли сама судьба направила полет стрелы, но она вонзилась орку прямо в правую руку. Тот выпустил меч и завизжал. В темноте послышался стук копыт. Грышнах вскочил и кинулся наутек, но тут же упал снова, сбитый возникшим из мрака конем. В следующий миг роханское копье прошло орка насквозь. Грышнах испустил леденящий душу вопль и остался лежать без движения.

Пленники сочли за лучшее не шевелиться – как бросил их Грышнах, так они и лежали. На помощь всаднику подоспел еще один. Не то увидев хоббитов – а для этого требовалась особая зоркость! – не то почуяв, конь легко перескочил через них, но сам всадник не заметил вжавшихся в землю невеличков в эльфийских плащах – а те под впечатлением пережитого ужаса боялись даже вздохнуть.

Наконец Мерри пошевелился и тихонько прошептал:

– Пока все складывается отлично. Только как бы нас с тобой самих не проткнули тем же манером! Как быть-то?

Ответ пришел мгновенно. Со стороны холма донесся шум. Исступленный вопль Грышнаха поднял на ноги всех орков до единого. Вскоре по крикам и ругани, долетавшим из лагеря, хоббиты догадались, что пропажа обнаружена. Видимо, Углук опять снимал головы с плеч. Внезапно справа, из-за костров, со стороны гор и из леса, донеслись ответные крики. Похоже, Маухур все-таки подоспел на помощь и решил не долго думая напасть на осаждающих. Послышался топот конских копыт. Часть всадников теснее сомкнула кольцо осады, чтобы не дать окруженным оркам соединиться с подкреплением, а часть поскакала навстречу новоприбывшим. Мерри и Пиппин неожиданно поняли, что, не сделав и шагу, оказались вне круга осады: теперь ничто не мешало им бежать куда вздумается.

– Будь у нас ноги-руки свободны, можно было бы дать стрекача, – вздохнул Мерри, – но мне до узлов ни за что не дотянуться. Даже зубами.

– Не трать сил, – рассмеялся Пиппин. – Я уже давно собираюсь тебе сказать, что мне удалось развязать руки. Эти веревки только для виду. Но ты лучше сначала погрызи *лембас*!

Пиппин стряхнул с рук веревку и добыл из кармана хлебцы. *Лембасы* раскрошились, но листья, в которые они были завернуты, остались целы. Хоббиты съели по несколько кусочков; вкус *лембаса* напомнил им милые лица друзей, смех и настоящую еду. Все это было когда-то и минуло – вместе с тишиной и покоем. Хоббиты жевали вдумчиво, не обращая внимания на вопли и лязг оружия, – битва разыгрывалась совсем неподалеку. Пиппин вернулся к действительности первым.

– Пора сматываться, – сказал он. – Минуточку!

Меч Грышнаха лежал поблизости, но – увы – Пиппину он оказался не по плечу: тяжеловат, да и неудобен. Хоббит подполз к трупу и, отыскав на поясе у орка ножны, вытащил оттуда длинный острый кинжал. Теперь он без труда мог перерезать веревки.

– А теперь в путь, – сказал он, покончив с этим делом. – Мы подкрепились, так что, надеюсь, ноги не подведут, но я предлагаю для начала попробовать другой способ – по-пластунски!

Мерри не спорил, и они поползли. Земля была мягкая, упругая, и это помогало хоббитам, но все же продвигались они медленно и с трудом, а путь пришлось проделать порядочный. Только обогнув как можно дальше сторожевой костер и выбравшись к реке, бурлившей в черной глубине под обрывом, хоббиты наконец оглянулись.

Шум смолк. Видно, «парней» Маухура в конце концов перебили, а нет – так обратили в бегство. Осада продолжалась, но развязка была уже близка: ночь минула, близился рассвет, и небо на востоке постепенно бледнело.

– Надо бы куда-нибудь спрятаться, – сказал Пиппин. – Как бы нас не заметили! Всадники, конечно, догадаются, что мы не орки, когда разглядят наши трупы поближе, но вряд ли нас это сильно утешит. – Он поднялся и слегка притопнул. – Ну и веревки – все равно что сталь! Но все-таки ноги уже согреваются. А ты как?

Мерри встал.

– Вроде не падаю, – объявил он. — *Лембас* меня прямо воскресил. Надо сказать, я ему больше доверяю, чем этому орочьему кипятку. Интересно, из чего они его делают? Хотя лучше, наверное, не знать!..

Давай-ка спустимся и выпьем воды, чтобы забыть этот вкус и не вспоминать больше!

– Только не здесь, – предостерег Пиппин. – Здесь чересчур крутой берег. Айда за мной!

И они побрели вдоль реки к лесу. Небо на востоке становилось все светлее. Пиппин и Мерри весело обменивались впечатлениями, на всегдашний хоббитий лад болтая легко и беззаботно. Если бы кто-нибудь в эту минуту подслушал их, то, наверное, ни за что не догадался бы, что они только что перенесли жестокие испытания и подвергались смертельной опасности. Кстати сказать, им и теперь не больно-то светило найти помощь, участие или хотя бы убежище, что оба отлично понимали.

– А вы неплохо провернули это дельце, уважаемый господин Тукк! – говорил Мерри. – Если мне повезет и я смогу отчитаться перед стариком Бильбо, то вам, уважаемый, выделяют в книге никак не меньше отдельной главы, это уж как пить дать! Отличная работа! Как ловко тебе удалось расколоть этого волосатого бандюгу, а? Просто блеск! И подыграл ты ему славно. Только бы вот узнать, наткнулся ли кто-нибудь на твой след и что стало с брошкой. Потеряй я свою, я бы ужасно расстроился, а твоя-то, боюсь, пропала с концами! Эх! Чтобы с тобой сравняться, надо будет изрядно попотеть. Впрочем, теперь наступает черед твоего кузена Брендибэка! Ты, верно, понятия не имеешь, где мы очутились, а я, в отличие от тебя, в Ривенделле времени даром не терял и знаю, что мы находимся не где-нибудь, а на берегу Энтвейи, а впереди – последний отрог Туманных Гор и Фангорнский лес.

Как бы в подтверждение его слов прямо перед ними вдруг выросла темная стена деревьев. Ночь словно искала укрытия под раскидистыми великанами, отступая перед рассветом.

– Что ж, вперед, господин Брендибэк! – согласился Пиппин. – А может, лучше назад? Нас предупреждали, что в этом лесу не очень-то погуляешь. Хотя что я говорю! Столь ученый хоббит не мог позабыть такой важной подробности!

– Да уж как-нибудь, – ответил Мерри. – Но сейчас, по-моему, лучше схорониться в лесу, чем соваться обратно, в гущу драки!

И он шагнул вперед, в тень могучих крон. Деревья в этом лесу казались такими старыми, что невозможно было догадаться, сколько

же им лет. С ветвей, развеваясь и покачиваясь на ветру, свисали длинные бороды лишайников. Прежде чем углубиться в чащу, хоббиты в последний раз боязливо выглянули из лесной мглы. В тусклом полумраке они напоминали малышей-эльфов – вот так же выглядывали когда-то из-за стволов Дикого Леса дети Старшего Племени, дивясь первому Восходу...

Далеко-далеко, за Великой Рекой, за Бурыми Увалами, за серыми степными верстами, разгоралась заря, алая как пламя. Звучно затрубили роханские рога, приветствуя солнце. Лагерь всадников ожил. Рога, переключаясь, вторили друг другу.

В холодном, чистом воздухе отчетливо разнеслось ржание боевых коней. Грянула песня. Край солнца – огненная дуга – медленно выступил из-за края мира³³⁴, и роханские всадники с громким кличем ринулись в атаку. Алым засверкали на солнце кольчуги и копья. Орки завопили, заревели – и в одну минуту выпустили по всадникам все стрелы, какие у них только оставались. Несколько человек упали с коней, но строй роханцев не сломался: всадники накатили на холм, схлынули – и развернулись для новой атаки. Уцелевшие орки бросились врассыпную, но всадники гнались за ними, настигали и убивали. Внезапно из общей сумятицы выделился сплоченный орочий отряд и черным клином двинулся к лесу, прямо навстречу Мерри и Пиппину. Трое всадников, попытавшихся преградить оркам дорогу, уже лежали мертвые, порубленные саблями.

– Довольно глазеть, – решил Мерри. – Это же Углук! Что-то меня не тянет встретиться с ним еще раз!

Хоббиты повернулись и кинулись прочь, в темную, тенистую глубину леса.

Они так и не увидели развязки. У самого края Фангорна Углук оказался в тесном кольце всадников. Там он и был наконец убит Эомером, Третьим Маршалом Рохирримов; для этого Эомеру пришлось спешиться и вступить с главарем Урук-хаев в единоборство. Покончив с Углуком, всадники настигли в степи остальных орков – всех, у кого были еще силы бежать, – и уничтожили.

Затем, насыпав курган над телами павших товарищей и пропев им хвалу, роханцы развели огромный костер и развеяли прах врагов над полем сражения. Так закончился поход Урук-хаев к Андуину. Ни в Мордоре, ни в Исенгарде так никогда и не узнали, что произошло с

орочьим отрядом. И все же дым от костра, поднявшийся высоко в небо, видели многие зоркие глаза.

Глава четвертая

Древобород

Тем временем хоббиты с немалым трудом продирались через густую темную чащу, поспешая вверх по течению Энтвейи, на запад, к склонам гор, и все дальше углубляясь в Фангорнский лес. Страх оставался все дальше за спиной, и беглецы вскоре убавили шаг. Дышать отчего-то стало трудно, не хватало воздуха, но почему – хоббитам было невдомек.

Наконец Мерри остановился.

– Так мы далеко не уйдем, – сказал он, задыхаясь. – Ветерка бы!

– Или, на худой конец, водицы, – согласился Пиппин. – В горле пересохло!

Он забрался на большой корень, нависавший над потоком, и, наклонившись, зачерпнул горстью немного воды. Вода была чистая, холодная, и хоббит напился вдосталь. Не захотел отставать и Мерри. Вода освежила, на душе у друзей стало веселее. Они уселись на берегу, болтая в воде сбитыми в кровь ногами и оглядываясь на деревья, которые молча стояли вокруг, ряд за рядом уходя в серый полумрак.

– Ну как, не заплутал еще? – поинтересовался Пиппин, откидываясь к огромному, в несколько обхватов, стволу. – Вообще-то мы можем просто идти вдоль реки – Энтвейя, кажется, или как там ее называют? В случае чего вернемся той же дорогой.

– Если ноги не подкачают, – сказал Мерри, – и если не задохнемся.

– Да, уж больно тут душно, – признал Пиппин. – И темно. Прямо как в Большом Доме Тукков, что в Смайлах, близ Туккборо, в Старом Зале. В этом зале уже много поколений не переставляют мебель и вообще ничего не меняют. Когда-то там жил Старый Тукк, и жил так долго, что вместе с ним успел состариться и сам зал. Как он умер сотню лет назад, так там никто ничего и не трогал. А старина Геронтиус был моим прапрапрадедом. Стало быть, это история давняя... Но для этого леса, я чувствую, наши сто лет – чепуха. Что-то

он уж больно древний. Ты только глянь на эти хвосты, усы и бороды! А листья? Сухие лохмотья какие-то. И почти не облетели. Не очень-то здесь опрятно... Интересно, какая в этом лесу бывает весна, если вообще бывает?

– И все-таки солнышко сюда заглядывает, – сказал Мерри уверенно. – Не то что в Черной Пуще, если не врет Бильбо. В Черной Пуще тьма непроглядная, чернота непролазная, и там водятся черные жуткие твари. А здесь просто темно. И какой-то он... ужасно древесный, этот лес. Вряд ли здесь живут звери. Разве забредет кто ненароком, но чтобы обосноваться надолго – нет, быть того не может.

– Хоббиты со зверями вполне согласились бы, – вставил Пиппин. – Не хочется мне идти через этот лес. Что мы тут забыли? Здесь хоть сотню верст пройди – ничего пожевать не встретишь, я уверен. Как наши запасы?

– Какие там запасы, – отозвался Мерри. – Никаких запасов у нас нет, кроме пары *лембасов*. Все осталось у лодок.

Они еще раз проверили карманы. Эльфийских хлебцев могло хватить разве что дней на пять, да и то если впроголодь.

– Одежд нет, завернуться не во что, – продолжал Мерри. – В какую сторону ни подайся, ночью будем стучать зубами.

– Ну ладно, по дороге что-нибудь придумаем, – махнул рукой Пиппин. – Утро-то, наверное, уже на исходе.

И вдруг они заметили в глубине леса пятно света, – видимо, солнечным лучам удалось пробить густую лесную кровлю.

– Глянь-ка! – восхитился Мерри. – Пока мы тут стояли, солнце, наверное, спряталось в облака, а теперь опять выглянуло. А может, просто поднялось повыше и нашло просвет в листьях? Это недалеко – идем посмотрим!

Идти, однако, пришлось дольше, чем представлялось. Начался крутой подъем, под ноги попадалось все больше камней. Просвет впереди постепенно расширялся, и наконец перед хоббитами выросла каменная стена – не то обнаженный кусок скалистого склона, не то кончающийся обрывом отрог далекого хребта. На скале деревья не росли, и солнце освещало ее целиком, а ветви рябин, берез и буков, стоявших у подножия, напряженно тянулись к залитому лучами солнца камню, словно пытаясь согреться. Стволы, в глубине леса такие серые

и замшелые, здесь были ярко-коричневыми или блестели всеми оттенками исчерна-серого цвета и казались гладкими, как хорошо выделанная кожа, а пни зеленели, покрытые мхом, мягким и пушистым, как молоденькая травка: сюда уже пришла весна – а может, здесь обитал ее мимолетный призрак...

В камне виднелись уступы, которые вполне можно было принять за ступени, – но, скорее всего, здесь просто потрудились ветер, вода и время, уж больно грубая получалась «лестница», да и по высоте ступени разнились. Высоко вверху, примерно на одном уровне с кронами деревьев, хоббиты заметили карниз. По краям его росло немало травы и колючек, а посередине застыл огромный сухой ствол, на котором осталось всего две ветви, да и те склонились к земле, так что дерево удивительно напоминало кряжистого старикана, щурящегося на утреннее солнышко.

– Полезли наверх! – бодро предложил Мерри. – Глотнем воздуха, а заодно и осмотримся.

Сказано – сделано. Вскоре они уже карабкались вверх по скале. Если каменные ступени и были рукотворными, то высекали их явно не для хоббитов! Оба друга были слишком воодушевлены и слишком поглощены трудным подъемом, чтобы спросить себя, почему перестали болеть синяки и ссадины, полученные в плену, и откуда столько сил³³⁵. Но как бы то ни было, вскоре они оказались на краю площадки у корней старого дерева, преодолели последнюю ступеньку, вскочили и, повернувшись лицом к лесу, перевели дух. Достаточно было бросить один взгляд с вышины, чтобы убедиться: ушли они недалеко – верст на пять-шесть от опушки, не больше. Деревья рядами спускались к долине, а у самого края леса к небу поднимались густые клубы черного дыма. Дым относил в сторону Фангорна.

– Ветер меняется, – заметил Мерри. – Снова с востока задувает. Холодновато здесь, наверху!

– Да, прохладненько, – отозвался Пиппин. – Боюсь, хорошая погода только подразнила и небо опять затянет тучами. А зря! Этот лохматый лес в лучах солнца совсем другой. Он мне даже начинает нравиться.

– Начинает нравиться? Поди-ка! Недурно, недурно, – слышался вдруг у них за спиной незнакомый голос. – Право же, вы очень

любезны! Повернитесь-ка, повернитесь, дайте на вас поглядеть. Вот вы мне давно уже не нравитесь, но не будем спешить! Поворачивайтесь, поворачивайтесь!

Огромные узловатые руки опустились на плечи хоббитам, мягко, но властно повернули их кругом и подняли в воздух.

Хоббиты увидели перед собой удивительнейшее лицо, принадлежавшее не менее удивительному существу. Это был не то человек, не то тролль, великанского – не меньше четырнадцати футов – роста, и при этом крепкий и кряжистый. Голова у него была большая, несколько продолговатая и переходила прямо в туловище. Была на нем какая-нибудь одежда или нет, понять было трудно – серовато-зеленые складки на его груди и бедрах могли оказаться не тканью, а кожей или даже, если угодно, корой. По крайней мере руки великана были обнажены и покрыты настоящей кожей – гладкой и смуглой. На ногах у существа было по семи пальцев, нижняя часть лица заросла длинной седой бородой, у корней жесткой, как прутья, а у кончиков пушистой, вроде мха. Но поначалу потрясенные Пиппин и Мерри не могли отвести взгляда от глаз древочеловека. Глаза эти внимательно и не торопясь изучали хоббитов. Карие, с зеленым огоньком в глубине, они, казалось, проникали в самые сокровенные уголки души. Пиппин не раз пытался описать свое первое впечатление от них, и вот что примерно у него получалось: «Глаза у него словно бездонные колодцы, а в колодцах – память целых тысячелетий и длинные, медленные мысли. Как будто все, что происходит здесь и сейчас, для него только искорки на поверхности, вроде как блески солнца на листьях огромного дерева или рябь на воде очень, очень глубокого озера. Мне показалось, будто мы с Мерри нечаянно разбудили дерево, веками росшее и росшее себе из земли. Ну, не разбудили, наверное, потому что оно не совсем спало – оно, если хотите, просто жило само в себе, между кончиками своих корней и кончиками веток, между глубинами земными и небом, и вдруг проснулось – и смотрит на вас так же медленно и внимательно, как все эти бесконечные годы вглядывалось само в себя».

– Грумм, гумм... – проворчал низкий бас, напоминающий звук какого-то деревянного инструмента. – Странно, очень странно! Главное – не спешить. Но этого за мной и не водится. Не услышь я ваших голосов... Голоса мне пришились по душе. Славные, славные

голосочки. Они мне что-то напомнили – только вот не припомню что... Приметь я вас раньше, чем вы заговорили, – растоптал бы, не раздумывая. Решил бы, что вы – орки, просто ростом не вышли. И ошибку заметил бы не сразу. Диковинные вы создания, право же, диковинные! Корень и крона! Ничего не понимаю!

Пиппин по-прежнему ничего не понимал, но бояться уже не боялся. Под взглядом этих глаз он чувствовал себя как-то чудно, это да, но страха совсем не испытывал, и любопытство не замедлило взять верх.

– Я тебя очень-очень прошу, – сказал он, – ответь, пожалуйста, кто ты такой? И что ты тут делаешь?

В глазах великана появилось непонятное, чуть-чуть уклончивое выражение; колодцы захлопнулись.

– Грумм! Нда, – прогудел низкий голос. – Ну что ж! Я – Энт³³⁶, по крайней мере так меня многие называют. Да, да, именно Энт. С большой буквы. Но в то же время некоторые именуют меня Фангорн³³⁷, а некоторые – Древобород. Древобородом меня и зовите.

– Энт? – удивился Мерри. – А что такое энт? Ты-то сам как себя называешь? Какое у тебя настоящее имя?

– Гу-у! – ответил Древобород. – Так им прямо возьми да сразу все и выложи! Не так скоро. И потом, сейчас вопросы задаю я, а вы извольте отвечать. Это вы явились ко мне, а не я к вам. Кто же вы такие? Что-то я не могу вас ни к кому причислить. В старых списках, которые я заучивал в юности, таких нет. Но то было очень, очень давно, и списки могли обновиться. Погодите-ка, дайте вспомнить...

*Крепко запомни Список Живущих!
Сначала – четыре вольных народа:
Эльфы, что всех народов древнее;
Гномы-умельцы из копей глубоких;
Энты-старейшины, землерожденные;
Смертные люди, коней оседлавшие...*

Хм, хм, хм.

*Бобры-строители, козлы-попрыгунчики,
Вепри клыкастые, медведи-пчелятники,*

Псы голодные, зайцы трусливые...

Хм, хм...

*Орлы на вершинах, тельцы на пастве,
Олени ветвисторогие, соколы быстрокрылые,
Лебеди белоснежные, гады холоднокровные...*

Гу-ум... гум... гу-ум, гу-ум, гу-ум... Как бишь там? Рум-тум-тум, рум-тум-тум, румти-та-там... Да, это был очень длинный список! Но вас там нет.

– Похоже, старые списки взяли себе за правило о нас умалчивать! И в старых легендах нас нет, – посетовал Мерри. – И все же мы существуем довольно давно. А называемся мы *хоббиты*.

– Может, вставить в список еще строчечку? – предложил Пиппин.

Малые хоббиты, в норах живущие...

Допиши нас после первых четырех, после Больших, то есть после людей, и список исправлен!

– Хм! Ну что ж, годится, – прикинул Древобород. – Это можно. Значит, вы обитаете в норах? Это весьма мудро и благопристойно. Но кто называет вас хоббитами? По-моему, это звучит не по-эльфийски. А старые слова все идут от эльфов: с них зачиналась речь в Средьземелье.

– Никто нас хоббитами не называет. Это мы сами себя так зовем, – пожал плечами Пиппин.

– Гу-умм! Гм!.. Тише, тише! Зачем такая спешка? Сами?! Да разве можно выбалтывать такие вещи кому ни попадя? Так, чего доброго, невзначай проговоришься и назовешь свое настоящее имя!

– Но мы своих имен вовсе не скрываем, – удивился Мерри. – Я, например, Брендибэк, Мериадок Брендибэк, но меня часто называют просто Мерри.

– А я – Тукк, Перегрин Тукк, а попросту – Пиппин, или Пип.

– Гм-гм... Да вы, я гляжу, торопливый народ, – озадачился Древобород. – Ваше доверие, конечно, делает мне большую честь, но нельзя же держать душу нараспашку! Энт энту рознь, учтите! Кроме того, бывают существа, которые похожи на энтов, но на самом деле вовсе не энты... Значит, мне можно называть вас Мерри и Пиппин, верно я понимаю? Славные, славные имена. Но я вам своего настоящего имени открывать не стану³³⁸ – во всяком случае, с этим мы еще подождем! – И в его глазах, прищуренных не то с хитрецей, не то с усмешкой, сверкнул зеленый огонек. – Во-первых, это отнимет слишком много времени: мое имя постоянно растет, а я живу на свете уже очень давно, так что оно успело вырасти в целую историю. На моем языке, на староэнтийском, так сказать, настоящее имя всегда рассказывает историю того, кто на него откликается. Это прекрасный язык, но, чтобы обменяться на нем словечком-другим, надо очень, очень много времени. Мы-то сами говорим только о вещах, которые стоят того, чтобы долго рассказывать, и того, чтобы долго слушать. Ну а теперь, – глаза его вдруг сделались яркими, совсем «здешними», сузились и остро посмотрели на хоббитов, – расскажите-ка мне: что творится в мире? И чем занимаетесь вы сами? Я ведь многое вижу, многое слышу, многое чую и узнаю по запаху. Все это а-лалла-лалла-румба-каманда-линд-ор-бурумэ... Прошу прощения: мое название гораздо длиннее, но я не знаю, как его перевести... Ну, словом, речь идет о том, что происходит, когда я стою здесь ясным утром и размышляю о солнце, о траве, что растет за лесом, о лошадях и облаках, словом, обо всем, что отсюда видно. Что творится в мире? Чем занят Гэндальф? А эти, как их – *бурарум*! – в груди у него глухо зарокотало, будто кто-то вразнобой нажал несколько клавиш на огромном органе, – эти, орки, и тот, из молодых, Саруман в своем Исенгарде? Иной раз я люблю послушать, что в мире нового. Только не слишком спешите!

– В мире много что творится, – начал Мерри. – Но даже если мы будем спешить изо всех сил, рассказ выйдет длинный. А ты просишь помедленнее. Может, не будем торопиться? И не сочтешь ли ты за бестактность, если мы спросим, что ты с нами собираешься делать, и за кого ты сражаешься, и вправду ли ты знавал Гэндальфа?

– Знавал, знавал, да и теперь знаю. Из волшебников только он и любит деревья по-настоящему, – отвечал Древобород. – Так вы его

тоже знаете?

– Знали, – грустно поправил Пиппин. – Мы вообще были с ним большие друзья. Он был нашим проводником.

– Тогда я могу вам ответить и на другие вопросы, – сказал Древобород удовлетворенно. – Делать «с вами» я ничего не собираюсь, если это в ваших устах означает «делать вам», не спросившись вас самих. А вот вместе мы вполне могли бы кое-что сделать. За кого я сражаюсь? Вот уж не знаю! Я иду своей дорогой, хотя не исключено, что какое-то время нам с вами будет по пути. Но почему вы говорите про достойнейшего Гэндальфа так, будто его история закончилась?

– Увы, – печально вздохнул Пиппин. – История-то продолжается, да Гэндальф, похоже, в ней больше не участвует.

– Гу-умм!.. Хм... – прогудел Древобород. – Хм-хм... Нда... – Он смолк и долго глядел на хоббитов. – Гу-ум... Ну не знаю, не знаю, что и сказать на это. Продолжайте!

– Если хочешь узнать побольше, – сказал Мерри, – мы охотно расскажем. Но на это нужно время. Не мог бы ты поставить нас на землю? Почему бы нам не посидеть здесь, на солнышке, пока оно не ушло, и не побеседовать? Ты, наверное, устал держать нас на весу!

– Хм! Устал?.. Да нет, не устал. Не так-то я легко устаю! А сидеть я и вовсе никогда не сижу. Не очень-то я – как бы это сказать? – не очень-то я «сгибчивый». А солнце вот-вот скроется. Давайте лучше уйдем с этой... с этого... как там оно у вас называется?

– Гора? – подсказал Пиппин.

– Карниз? Площадка? – предложил Мерри.

– Гора? Карниз? – задумчиво повторил за ними Древобород. – А да, припоминаю. Гора. Ну не короткое ли это имя для того, что стоит здесь искони, с тех самых пор, как мир обрел свой нынешний облик? Впрочем, гора так гора. Спустимся вниз – и в дорогу.

– А куда мы пойдем? – спросил Мерри.

– Ко мне домой, точнее, в один из моих домов, – ответил Древобород.

– Это далеко?

– Не знаю. Вы, наверное, сочтете путь далеким. Но разве это важно?

– Видишь ли, мы остались без вещей, – объяснил Мерри. – И еды у нас тоже почти никакой нету.

– О! Гм! Ну об этом не тужите, – успокоил его Древобород. – У меня есть такое питье, что вы подрастаете на славу и долго еще будете зеленеть, как молодые листочки. А когда вы пожелаете меня покинуть, я отнесу вас вниз, за пределы моей земли, или куда вам заблагорассудится. Идемте!

Посадив хоббитов на согнутые в локтях руки и бережно, но крепко придерживая, Древобород поднял одну ногу, поставил, поднял другую, снова поставил – и оказался на краю карниза. Корнеобразные пальцы его ног крепко держались за камни. Старый энт начал осторожно и торжественно спускаться вниз по ступеням, к подножию.

Оказавшись на земле, он, не мешкая, уверенным и свободным шагом двинулся в глубь леса, держась берега ручья. Путь его лежал наверх, к склонам гор. Большинство деревьев, похоже, спало крепким сном; Древобород был им совершенно безразличен, как, собственно, и все остальное – только бы шло своей дорогой. Но некоторые вздрагивали, когда энт приближался к ним, а иные высоко вздымали ветви, давая ему пройти. Древобород же шагал и шагал, бормоча что-то и напевая себе под нос бесконечную гулкую песню.

Поначалу хоббиты помалкивали. Странно, но они чувствовали себя мирно и уютно; к тому же им было о чем подумать и чему подивиться. Однако спустя некоторое время Пиппин, осмелев, подал голос:

– Древобород, скажи, пожалуйста, почему Кэлеборн советовал нам не ходить в Фангорн? Смотрите, дескать, как бы вам не заплутать!

– Гм... Правда? – рокотнул Древобород. – Ну, если бы вы шли туда, я бы, наверное, тоже не советовал вам попусту соваться в тамошние леса. Не ходите, дескать, в *Лаурелиндоренан*! Как есть заплутаете! *Лаурелиндоренан* – так именовали когда-то этот край эльфы. Но имя с тех пор укоротилось и стало звучать просто: *Лотлориэн*. Может, они и правы по-своему. Те леса больше не растут, только увядают. Когда-то Долиной Поющего Золота называли мы ту страну! А теперь она – только Цветок Сновиденный. Да! Леса это непростые, и не всякому дано туда проникнуть. Дивлюсь, что вы оттуда выбрались, но еще больше удивляет меня, что вы вообще туда попали. Что-то я не слыхал, чтобы в последнее время туда впускали странников... Да, край это непростой! Но сейчас туда пришла печаль,

да, да. Радость Лотлоризна увядает. *Лаурелиндоренан линделорендон малинорнелион орнемалин...*³³⁹ – нараспев прогудел он. – Я слышал, они совсем перестали выходить в мир, – продолжал он. – Теперь и Золотой Лес, и остальные леса и страны уже не те, что во времена молодости Кэлеборна. Хотя – *Таурелиломэа-тумбалеморна Тумбалетарэа Ломэанор*^{[7]340}, как говаривали в старину эльфы! Все меняется, но кое-где еще сохранились островки настоящего.

– То есть? – не понял Пиппин. – Что же ты называешь настоящим? Что не изменилось?

– Деревья и энты, – ответил Древобород. – Я не до конца понимаю, что творится в мире, поэтому и объяснить вам всего не могу. Среди нас еще остались настоящие энты, и – как бы это лучше сказать? – они еще по-своему полны жизни, но есть и такие, что понемногу засыпают и становятся с виду просто деревьями, понимаете? В лесу, конечно, и обыкновенных деревьев много. Зато среди обыкновенных есть такие, что спят только вполглаза. Случается, что дерево и совсем проснется, а некоторые из деревьев даже становятся – как бы это объяснить – ну... немножко энтами. Такие вещи происходят постоянно. И вот, когда дерево просыпается, то выясняется иногда, что у него плохое сердце! Не сердцевина, нет, именно сердце! Я знавал несколько добрых старых ив над Энтвейей – их давно уже нет на свете, увы! Внутри у них было одно сплошное дупло, они разваливались на глазах, но по-прежнему были тихи и ласковы, как молодые листочки. А в долинах, у подножия гор, встречаются деревья здоровые, крепкие, стукни по ним – загудят как колокол, а сердца у них насквозь прогнили. И эта болезнь постепенно распространяется. В этом лесу одно время были очень опасные места. Да и теперь есть.

– Это, наверное, как Старый Лес, там, на севере? – уточнил Мерри.

– Да, да, вроде того, только гораздо хуже. Я уверен, что там, на севере, задержалась тень Великой Тьмы и память о тех злых временах передается по наследству. Но в моем лесу есть и такие урочища, где Тьма пребывает доселе. Деревья там даже старше, чем я... Впрочем, мы делаем все, что можем, – например, не допускаем в лес чужаков и праздных гуляк, воспитываем, учим, ходим дозором, удаляем недобрые всходы. Мы – пастухи древесных стад. Правда, нас, старых

энтов, осталось немного. Обычно с годами овцы уподобляются своим пастухам, а пастухи – пастве, только перемены происходят медленно, а овцы, да и люди, в мире долго не задерживаются. Деревья и энты уподобляются друг другу быстрее, ведь они неразлучны веками. Энты похожи скорее на эльфов, чем на людей: они не так заняты собой, как люди, и глубже вникают в чужие души. Но, с другой стороны, и с людьми энты схожи: эльфы не так быстро меняются, не так быстро приспособливаются к переменам, не так легко меняют цвет. Но кое в чем мы превосходим оба этих племени. Мы постояннее, и ум наш задерживается на вещах дольше. Некоторые из моих родичей совсем уподобились деревьям: чтобы заставить этих сонь встрепетаться, потребовалось бы нечто из ряда вон выходящее. Говорят они теперь не иначе как шепотом. Зато у многих деревьев из моего стада ветви постепенно становятся гибкими, как руки. Многие из этих деревьев научились говорить. Начали это дело, конечно, эльфы: это они будили деревья, это они наставляли их в искусстве речи и сами перенимали у них язык леса. Прежние эльфы пытались заговаривать со всеми, кто жил тогда в Средьземелье. Но пришла Великая Тьма, и эльфы уплыли за Море или укрылись в тайные долины, слагая песни о безвозвратном. Когда-то лес простирался до самых Льюнских Гор. Фангорн был не более чем его восточной окраиной... Что это были за времена! Я мог шагать весь день, петь песни и слышать в ответ лишь свой собственный голос, возвращенный полыми холмами. Все леса были тогда похожи на леса Лотлоризна, только гуще, крепче, моложе. А воздух как благоухал! Иногда я по целым неделям предавался праздности, дышал, наслаждался и ни о чем не думал.

Древобород смолк. Он шел не останавливаясь, и хоббиты дивились тому, как неслышно он шагает. Старый энт снова что-то забормотал – сначала себе под нос, потом все громче и распевнее. Постепенно хоббиты поняли, что на этот раз Древобород поет для них.

*По заливным лугам Тасаринана я бродил весной³⁴¹.
Ах! Запах пробуждающегося Нан-тасариона!
И говорил я – это хорошо!*

*Под вязами Оссирианда³⁴² отдыхал я летом.
Ах! Плеск и музыка Семи Ручьев Оссира!*

И думал я – куда же лучше?

*Но осенью я шел под клены Нелдорета³⁴³.
Ах! Злато и багрец Тор-на-Нелдора!
И то был верх желаний.*

*Зимой же я ходил к дортонионским³⁴⁴ соснам.
Ах! Черно-белая зима Ород-на-Тона!
И я не мог не петь под небом.*

*Ныне земли сии под волнами —
И я обхожу свой Фангорн:
Амбаронэ, Тауреморнэ, Алдаломэ³⁴⁵,
Где корни глубоко ушли под землю,
Где лет облетело не меньше, чем листьев
В Тауреморналомэ...*

Древобород кончил петь и замолчал. В лесу стояла мертвая тишина – ни звука, ни шороха, ни вблизи, ни вдалеке.

День постепенно гас, и среди деревьев сгущались тени. Наконец впереди замаячили крутые темные склоны: то были подножия Туманных Гор, зеленая подошва уходящего в поднебесье Метедраса. Река Энтвейя – или, вернее сказать, пока еще не река, а всего лишь ручеек – с шумом и плеском бежала навстречу, прыгая с камня на камень, а справа поднимался пологий склон, поросший травой, серый в слабом свете сумерек. Деревья на склоне не росли, и взгляду открывалось небо – а там, в озерах меж белыми краями облаков, уже плавали звезды.

Почти не замедляя шага, Древобород направился в гору, и перед хоббитами внезапно открылся вход в его жилище. По обе стороны от входа, как часовые у ворот, стояли два огромных дерева. Створок у «ворот» не было, но деревья тесно сплелись ветвями, преграждая путь. Старый энт подошел ближе. Деревья немедленно разняли ветви и вскинули их кверху. Листья встрепенулись и зашелестели – деревья были вечнозеленые и стояли в полном облачении, темном, чуть

посверкивающим в сумерках. За порогом открылось широкое ровное пространство, служившее полом огромному залу без крыши, уходящему в склон горы. Стены зала чуть отлого поднимались вверх локтей на пятьдесят, а вдоль них тянулся ряд деревьев – чем дальше от ворот, тем выше.

Зал замыкала отвесная скала с небольшим полукруглым гротом у основания. Это была единственная «крыша», если не считать ветвей деревьев, которые в дальнем конце зала почти смыкались над головой, оставляя посередине лишь узкую полоску открытого неба. Над входом в грот, заслоняя его прозрачной водяной занавесью, падал с отвесной каменной стены серебряный ручеек, отделившийся от горного потока. Вода собиралась в большую каменную чашу у корней деревьев, переливалась через край и бежала вдоль тропинки обратно к Энтвейе, начинавшей отсюда свой долгий путь через Фангорнский лес.

– Гумм!.. Пришли! – объявил Древобород. – Мы примерно в семидесяти тысячах энтийских шагов от места, где встретились, но сколько это будет по меркам вашей страны, сказать не могу. Мой дом находится здесь, у подножия Последней Горы. Если перевести название – вернее, самое начало названия, – оно будет звучать как «Родниковый Зал»³⁴⁶. Мне по душе это место. Тут мы сегодня и заночуем.

Перед сторожевыми деревьями Древобород поставил хоббитов на траву, и они вслед за ним прошли в арку ворот. Только теперь друзья заметили, что Древобород при ходьбе почти не сгибает колен, зато шаги у него получаются огромные. Ступая, он сначала зацеплял землю большими пальцами, действительно необычайно длинными и толстыми, а затем опускал ступню.

Древобород постоял немного под брызгами водопада, глубоко вздохнул, довольно рассмеялся и вошел в пещеру. Посреди нее стоял широкий каменный стол, – правда, ни кресел, ни стульев тут явно предусмотрено не было. В глубине ниши было совсем темно. Древобород поставил на стол два больших кувшина. Казалось, в них простая вода, но энт протянул над сосудами руки – и вода заискрилась: в одном – золотым, в другом – ясно-зеленым светом. В гроте стало светлее, и хоббитам показалось, что они сидят под кронами деревьев и сквозь пышную зеленую листву проникает солнце. Оглянувшись,

Пиппин и Мерри увидели, что деревья, стоявшие вдоль отлогих стен зала, тоже стали светиться – сначала едва заметно, потом все ярче, пока наконец каждый лист не окаймила полоса света – зеленого, золотого, медно-красного, а стволы превратились в колонны, словно высеченные из какого-то фосфоресцирующего камня.

– Ну что ж, продолжим беседу, – сказал Древобород. – Наверное, вы хотите пить? Устали? Тогда отведайте вот этого!

В глубине пещеры стояло несколько высоких каменных жбанов с тяжелыми крышками. Одну из них энт поднял, вместительным черпаком зачерпнул какого-то напитка и наполнил три чаши – одну огромную и две поменьше.

– Это энтийское жилище, – сказал он, разводя руками. – Боюсь только, сидеть тут не на чем. Разве что на столе?

Он поднял хоббитов и усадил на каменную плиту на высоте футов шести над полом, где они довольно удобно расположились, болтая ногами и потягивая энтийский напиток. Он напоминал обычную воду, ту самую, что они пили недавно из реки. Но теперь в ней чувствовался незнакомый привкус. Казалось, в нише повеяло напоенным запахами леса ночным ветром.

Напиток не замедлил оказать свое действие. Сначала Пиппин и Мерри ощутили тепло в пальцах ног. Потом жар стал медленно разливаться по всему телу, наполняя усталые мышцы силой и свежестью. Волосы на макушке чуть-чуть приподнялись и тут же стали расти, свиваясь в пышные кудри. Тем временем хозяин грота омочил ноги в каменном бассейне у входа, вернулся и выпил свою чашу одним глотком, зато таким долгим, что, казалось, ему не будет конца.

– Ах-ха, – вздохнул наконец энт, ставя пустую чашу на стол. – Гум! Гм! Ну, теперь можно и поговорить. Садитесь на пол, а я лягу – не то питье ударит мне в голову и нагонит дрему.

Справа, у стены, в нише стояло широкое ложе на низких – не больше двух локтей от земли – ножках, щедро устланное сухой травой и папоротником. Древобород, слегка согнувшись в поясе, медленно склонился на ложе и вытянулся в полный рост, закинув руки за голову и глядя в потолок, на котором играли зеленые и золотые блики –

словно лучи в солнечной листве. Мерри и Пиппин пристроились рядом, на подушках, набитых душистым сеном.

– А теперь рассказывайте, только помедленнее, – сказал Древобород.

Хоббиты не заставили себя упрашивать и повели рассказ с самого начала – а именно с того памятного дня, когда они покинули Хоббитон. История получилась довольно путаная – уж больно они горячились, перебивая друг друга и забегая вперед, так что Древобороду то и дело приходилось останавливать их и просить немного вернуться; а иногда он сам забегал вперед, пытаясь уяснить, что произошло в последние несколько дней. О Кольце хоббиты и словом не обмолвились, равно как и о том, что именно заставило их пуститься в путь и чего ради все было затеяно. Впрочем, Древобород как будто и не проявлял к этому особого интереса.

Зато его необычайно занимало все остальное, будь то Черные Всадники, Элронд, Ривенделл, Старый Лес, Бомбадил, Морийские Копи, Лотлориэн или Галадриэль. Древобород заставил хоббитов подробнейшим образом описать Заселье и все соседние с ним земли. При этом он внезапно задал странный вопрос:

– А энтов вы там, у себя, не встречали? Нет? Вы уверены? Ну... гм... не энтов, а... хм... энтийских жен?

– Жен? – переспросил удивленный Пиппин. – А как они выглядят? Похожи на тебя, наверное?

– Гм... Пожалуй, не очень... Впрочем, теперь я уже и сам не знаю, – признался Древобород, подумав. – Но ваш край, наверное, пришелся бы им по сердцу. Вот я и спросил.

Древобород много расспрашивал о Гэндальфе, да и на деяниях Сарумана заставил остановиться подробнее. Хоббитам пришлось крепко пожалеть, что они знают так мало: Сэм, правда, пересказал им все, что говорилось на Совете Элронда, но память у них оказалась никудышная. Но главное – оба прекрасно помнили, что Углук и его головорезы направлялись не куда-нибудь, а в Исенгард, и о Сарумане говорили не иначе как о своем хозяине и повелителе.

– Гм, гумм! – подивился Древобород, когда рассказ, описав круг, вернулся к битве роханских всадников с орками. – Вот так-так! Сколько новостей разом – и каких новостей! Вы мне, конечно, не все открыли, но так уж, видно, наказывал вам Гэндальф. Вижу, грядут

большие перемены, но злом они для меня обернутся или добром – я в свое время узнаю. Корень и крона! Удивительное дело! Из неведомых глубин времени ни с того ни с сего всплывает маленький народец, о котором и в Списке-то не говорится, – и вот уже в мире объявляются Девятеро Забытых и выходят на охоту за этими малышами, Гэндальф берет маленьких незнакомцев с собой в поход, Галадриэль принимает их в Карас Галадоне как дорогих гостей, а орки гонятся за ними через все Дикоземье... Похоже, большая буря подхватила на свои крылья этих невеличков! Надо надеяться, она не выворотит их из земли!..

– А тебя? – спросил Мерри.

– Хм! Гу-ум... Великие войны никогда не задевали меня, это забота людей и эльфов. Пусть этим занимаются волшебники: будущее – их дело. А я не люблю думать о будущем. Я не сражаюсь ни на чьей стороне, ведь никто не сражается на моей – если вы понимаете, что я имею в виду. Никто не заботится о лесах так, как забочусь о них я. Даже эльфы нынче отошли от этого. Правда, эльфы до сих пор ближе моему сердцу, чем остальные: это они исцелили нас когда-то от немоты, а такого дара забыть нельзя, хотя потом наши дороги и разошлись. Но, конечно, есть в мире и такие твари, на чью сторону я никогда не встану. Что бы ни случилось – им я враг. *Бурарум...* – Древобород глухо, с отвращением рокотнул. – ...Как их там? Ах да, орки – орки да их хозяева. Я, конечно, встревожился, когда на Черную Пущу пала тень, но потом эта тень перебралась в Мордор, и я надолго успокоился – до Мордора далеко, авось и обойдется как-нибудь. Но сейчас, похоже, подул восточный ветер. Как бы не настало то самое предреченное время, когда увянут и засохнут все леса!.. Старому энту не остановить бури. Ему остается только одно – выстоять или погибнуть. Но вот Саруман... Саруман – мой сосед, на его дела нельзя смотреть сквозь пальцы. Наверное, придется что-то предпринять. В последнее время я часто размышляю – как быть с Саруманом?

– А кто он, этот Саруман? – вмешался Пиппин. – Ты о нем что-нибудь знаешь?

– Саруман – волшебник. К этому трудно что-либо добавить. Откуда волшебники взялись и кто они такие – мне неизвестно. Они появились вскоре после прибытия Больших Кораблей из-за Моря, но Корабли их привезли или они пришли своим путем – как знать? Кажется, Саруман был среди них не последним. Спустя некоторое

время – а по вашим понятиям, это случилось очень, очень давно – он бросил странствовать, перестал вмешиваться в дела людей и эльфов и поселился в Ангреносте, или Исенгарде, как называют этот замок роханцы. Поначалу Саруман держался тише воды, ниже травы. Но постепенно о нем заговорили. Говорят, он был избран главой Белого Совета, но доброго сделал мало. Может быть, сердце его уже тогда начинало склоняться ко злу? Впрочем, тогда он еще не причинял беспокойства своим соседям. Мне приходилось с ним беседовать. Одно время он частенько захаживал в мой лес. В те дни он был вежлив, всегда испрашивал у меня разрешения (по крайней мере, если мы с ним сталкивались) и всегда с охотой слушал мои речи. Я поведал ему много такого, до чего сам он никогда не докопался бы. Но откровенностью за откровенность он не платил, нет. Не припомню, чтобы он мне о чем-нибудь рассказывал. Шли годы, и он замыкался в себе все больше и больше. У меня и сейчас перед глазами стоит его лицо, хотя я уже много лет его не видел. Не лицо, а окно в каменной стене, изнутри наглухо закрытое ставнями... Но мне кажется, я догадываюсь, что он затеял. Он ищет Власти. На уме у него только и есть что железки, колеса и тому подобное, а все, что растет и дышит, ему безразлично, если, конечно, не может сослужить ему какую-нибудь временную службу. Но теперь ясно, что он к тому же еще и низкий предатель! Он связался с орками – с поганым орочьим племенем! Бррм, гу-ум! Мало того, он сотворил с ними что-то нехорошее, что-то страшное. Исенгардцы похожи скорее на людей, чем на орков. Злые твари, которые явились в Средьземелье во время Великой Тьмы, не переносят солнца, а питомцы Сарумана солнца не боятся – только скрежещут зубами. Хотел бы я знать, что он с ними сделал? Может, это искалеченные им люди? А может, он каким-то образом скрестил орков с людьми? Великое это зло, коли так!

В горле Древоборода глухо зарокотало, словно он проклинал Сарумана каким-то древним, неведомым проклятием, добытым из земных глубин.

– А я-то все дивлюсь – с чего это орки так осмелели и шныряют по моему лесу, когда им вздумается? – продолжал он, немного успокоившись. – Не сразу я догадался, что это проделки Сарумана! Он долго изучал потайные тропы в моем лесу, долго выводывал мои тайны – и вот творит теперь здесь бесчинства со своими головорезами.

На опушках торчит множество пней – а ведь недавно это были совсем еще здоровые деревья! А то еще повалят ствол – и оставляют гнить. Обычные орочьи шутки! Но бóльшую часть деревьев распиливают на дрова, а дрова идут в печи Орфанка. Над Исенгардом теперь день и ночь поднимается столб дыма. Будь же он проклят, этот Саруман! Корень и крона! Я дружил со многими из тех деревьев³⁴⁷, что погибли безвременной смертью от руки его слуг. Пестовал их с желудя, с орешка. Каждое из них шумело на свой, особый лад. Теперь их голосов уже не слышно... На месте поющих рощ остались только пни да колючки. Я молчал, терпел – и упустил время. Теперь все! Хватит!

Древобород внезапно поднялся и тяжело ударил кулаком по столу. Светящиеся чаши подпрыгнули, сдвинулись с места и полыхнули ярким огнем. Глаза энта метали зеленые искры, борода встопорщилась, как огромная метла.

– Я положу этому конец! – прогремел он. – А вы пойдете со мной. Не исключено, что вы мне поможете. Мне, а заодно и своим друзьям – ведь если не обезвредить Сарумана, Рохан и Гондор окажутся меж двух огней. У нас с вами общая дорога – на Исенгард!

– А что, пошли, – сказал Мерри. – Глядишь, и мы пригодимся.

– Ну конечно! – подхватил Пиппин. – Я бы рад был посмотреть, как низложат Белую Руку. Даже если от меня не будет пользы, все равно мне страсть как хотелось бы на это взглянуть! Углука я Саруману ни за что не забуду, уж будьте покойны! И прогулочки нашей по Рохану – тоже!

– Хорошо! Отлично! – одобрил Древобород, постепенно успокаиваясь. – Но я поспешил, а спешить нельзя. Не след мне было так горячиться. Надобно остыть и раскинуть мозгами. Крикнуть «хватит» всегда легче, чем приступить к делу!

Старый энт медленно двинулся к выходу и замер под струями водопада. Не прошло и нескольких минут, как он рассмеялся и, отряхиваясь, возвратился. Падая на землю, брызги вспыхивали красным и зеленым пламенем. Затем великан снова улегся на ложе из трав и надолго замолк.

Спустя некоторое время хоббиты услышали бормотание. Казалось, Древобород считает по пальцам:

– Фангорн, Финглас, Фладриф, так, так... Ох! Вся беда в том, что нас – раз-два и обчелся. – Тяжело вздохнув, он повернулся к хоббитам. – Нас, энтов-старожилов, бродивших по лесам еще до наступления Великой Тьмы, осталось всего трое: я – Фангорн, потом Финглас, да еще Фладриф, как нас величали эльфы. На вашем языке Фингласа и Фладрифа, наверное, звали бы Кудролист и Живокор. Но Кудролист и Живокор для нашего дела не годятся. Кудролист в последнее время спит без просыпу и с виду стал совсем как дерево. Он привык целыми днями дремать на краю леса в одиночестве, по колено в траве, и за целое лето, бывает, так и не стронется с места. Зарос листьями, опустился... Раньше он хоть на зиму просыпался, но теперь его и зимой не расшевелишь на дальнейшее путешествие... Живокор? Когда-то он жил на горных склонах к западу от Исенгарда. Тамошним деревьям пришлось хуже всего. Сам Живокор был тяжело ранен, а большинство его подопечных – убито и предано огню. Погибли и деревья, и пастухи... Тогда Живокор ушел к вершинам, туда, где растут милые его сердцу березы, и спуститься его не заставит уже ничто. Попытаюсь уговорить молодежь, если только удастся объяснить им, как все это важно. Нашего брата не так-то легко растолкать: мы спешить не любим. Как жаль, как жаль, что нас так непростительно мало!

– Но почему же вас мало, если вы так давно живете в этом лесу? – удивился Пиппин. – Неужели столько умерло?

– Ох! Да нет же, – прогудел Древобород. – От хвори, сам по себе, у нас за все века никто еще не умер. Погибали – это да, было: за столько веков чего не случится! Многие погрузились в спячку... Впрочем, энтов никогда не было слишком много. Но главное – нас не прибывает. Нету молодых побегов, нету детишек, как сказали бы вы. Вот уже много, много веков, как у нас никто не рождается. Видите ли, мы потеряли своих жен.

– Вот беда-то! – огорчился Пиппин. – Отчего же они все поумирали?

– Они не умерли, – поправил Древобород. – Разве я сказал, что они умерли? Я сказал, что мы их потеряли, только и всего. Потеряли и с тех пор никак не найдем. – Он вздохнул. – Я думал, об этом знают все. Когда-то от Чернолесья до Гондора на всех языках слагали песни

про энтов, которые обошли все Средьземелье в поисках своих жен. Не может быть, чтобы этих песен больше никто не пел!

– Боюсь, эти песни поют только по эту сторону Туманных Гор, потому что до Заселья не дошла ни одна, – развел руками Мерри. – Может, ты сам об этом расскажешь или споешь?

– Что ж, с превеликой охотой, – согласился Древобород, явно довольный просьбой. – Настоящего рассказа, конечно, не получится, но вкратце попробую, а потом – спать. Завтра мы держим совет, будет много работы, и, может статься, уже к вечеру энты выступят в поход.

– Это довольно странная и печальная история, – начал он, помолчав. – Когда мир был юным, а леса – дикими и бескрайними, энты, энтийские жены и энтийские девы жили вместе. О прекрасная Фимбретиль³⁴⁸, о легконогая Ветвейя³⁴⁹! О годы, когда мы были молодыми!.. Но сердца наши росли по-разному. Энты привечали все, что видели. Иное дело – жены энтов. Энтам нравились деревья-великаны, дремучие леса, высокие горы. Они пили из горных рек, а ели только то, что деревья роняли им прямо под ноги. Эльфы выучили энтов разговаривать, и мы подолгу беседовали с нашими деревьями. А женам нашим больше пришлось по вкусу солнечные поляны и деревца, растущие по опушкам. Они сразу примечали в кустах спелую ягоду ежевики, а в ветвях – дикое яблоко. Весной они бродили среди цветущих вишен, летом – по зеленым травам на заливных лугах, а осенью – меж роняющих зерна колосьев. Но подружки наши даже не пытались разговаривать со своими любимцами. Они хотели только одного – чтобы те слушались и повиновались. Энтийские жены приказывали своим подопечным расти так, а не иначе, цвести так, а не иначе. И листья должны были зеленеть по указке энтийских жен, и плоды вызревать, когда угодно было господам, а не в иное время... Им были по душе порядок, изобилие и покой; под этим они разумели, что все должно держаться своих мест, а уж места они сами подберут. Мало-помалу энтийские жены насадили сады и переселились туда. Мы же, энты, по-прежнему бродили по лесам, а в сады если и забредали, то изредка. Когда на северные страны пала Великая Тьма³⁵⁰, энтийские жены переправились через Великую Реку, заложили там, на другом берегу, новые сады, возделали новые поля – и мы стали видеть наших подруг еще реже. Когда же Тьма потерпела поражение, сады энтийских

жен расцвели пышным цветом, а колосья на нивах пригнулись к земле под тяжестью зерен... И вот люди мало-помалу переняли их искусство, и наши жены стали пользоваться у них великим почетом и уважением. А мы остались для людей легендой, тайной лесных чащоб... Но мы до сих пор живем на прежнем месте, а сады наших жен разорены и преданы запустению. Эти земли теперь зовутся у людей Бурными Увалами. Помню, во времена, когда Саурон воевал с людьми Запада, меня охватило желание еще раз взглянуть на Фимбретиль. Когда мы виделись с ней в последний раз, она показалась мне по-прежнему прекрасной, хотя мало осталось в ней от юной девы, с которой бродил я по лесам в прежние времена. Тяжкие труды согнули стройные спины энтийских жен, солнце обожгло их щеки, волосы выгорели и стали цвета спелой пшеницы, а щеки сделались красными, как яблоки. Но глаза остались прежними, энтийскими... И вот мы переправились через Андуин, пришли в землю наших жен – и не увидели ничего, кроме пустырей и пожарищ, ибо ту землю опалила война. Жен своих мы там не нашли. Долго звали мы их, долго искали, расспрашивая всех и каждого: где они? В какую сторону направились? Одни пожимали плечами, говоря, что никогда не встречали их, другие уверяли, будто видели, как они снялись с места и двинулись к востоку, третьи указывали на запад, четвертые – на юг. Поиски наши были тщетны. Как мы горевали! Но Дикий Лес позвал нас обратно – и мы вернулись. Много лет не могли мы смириться с утратой, выходили в мир, искали, бродили по дальним странам, побывали и там, и здесь, и все звали наших жен, звали по именам – а какие прекрасные у них были имена! Но время шло, и мы все реже покидали Лес, а если и покидали – то уже не уходили далеко от него. У нас не осталось ничего, кроме воспоминаний, а бороды наши выросли и поседели... Эльфы сложили о наших Великих Поисках не одну песню. Некоторые из этих песен певали когда-то и люди. Но мы, энты, не слагаем песен о своих женах, мы просто поем их имена, и нам этого достаточно. Мы верим, что еще повстречаем их, и тогда, быть может, нам удастся разыскать страну, где мы сможем жить вместе, не тоскуя по другим краям, страну, где будет хорошо и нам, и им. Есть древнее пророчество, где говорится, что энты встретят своих жен только тогда, когда и мы, и они утратим все, что имели... Что ж! Может статься, это время не за горами. Вчера Саурон сжег сады наших жен, завтра, быть может, дохнет смертью на наши

леса... У эльфов есть песня об этом. По крайней мере я понимаю ее именно так. Когда-то эту песню пели по всей Великой Реке. Но сложили ее не мы – на нашем языке она получилась бы куда длиннее! И все же мы знаем ее и частенько мурлычем себе под нос. Вот как звучит она на вашем наречии:

ОН:

*Когда весною зелен лист и весел в жилках сок,
И шаг широк, и вдох глубок, и нежен ветерок,
И оглашает ручеек округу звонкой песней —
Вернись ко мне! Скажи, что нет земли, моей чудесней!*

ОНА:

*Когда весна гудит в полях и злаки в рост идут,
И белой пеною цветы в садах моих цветут,
И дождик будит все окрест своей веселой песней —
Я не вернусь, поскольку нет земли, моей чудесней!*

ОН:

*Когда приходит лето в лес и золотит листву,
И славно встать под сенью крон и грезить наяву,
И ветер с запада поет над лесом сладкогласно —
Вернись ко мне, скажи мне: «Да! Земля твоя прекрасна!»*

ОНА:

*Когда лелеет лето плод и ягоды горят,
И колос гнется до земли, и медом налит сад,
Пусть ветер с запада зовет и кличет сладкогласно —
Я не вернусь в твои леса: земля моя прекрасна!*

ОН:

*Когда зима дохнет в лицо и оголится лес,
И не дождешься ни луча с померкнувших небес,
И вихрь черный, ледяной, нагонит мглу с востока —
Я разыщу тебя, мой друг: разлука так жестока!*

ОНА:

*Когда зима придет в поля и черным станет луг,
И мрак холодной пеленой покроет все вокруг —
Я позову тебя, мой друг! Как вьюге ни стараться —
Мы встретимся, чтобы навек друг с дружкой обняться!*

ОБА:

*В далекий край с тобою мы пойдем одним путем —
И то, чего искали врозь, мы вместе обретем!*

— Вот так, — сказал Древобород, кончив песню и немного помолчав. — Эльфийская песня, что и говорить: несерьезная, быстрая на слова и слишком скоро кончается. Но суть передана правильно. Правда, энты могли бы сказать в свою защиту гораздо больше, будь у них время!.. Ну ладно. Теперь пора встать и вздремнуть немного. Вы где будете стоять?

— Хоббиты спят лежа, — сказал Мерри. — Так что лучше этой постели нам тут ничего не найти.

— Лежа? — удивился Древобород. — Ах, ну конечно! Гм! Гумм! Песня унесла меня в далекие времена, и мне показалось, будто я говорю с ребятами, с маленькими энтийскими побегами. Вот как! Ну ладно, коли так, ложитесь, а я, пожалуй, пойду постою под дождиком. Спокойной ночи!

Взобравшись на каменное ложе, Мерри и Пиппин свернулись калачиком и натянули на себя листья папоротника. Подстилка была свежей, душистой и теплой. Свет постепенно гас, деревья мерцали совсем слабо. За порогом смутно виднелся силуэт Древоборода — он стоял совершенно неподвижно, высоко подняв руки над головой. С

неба глядели яркие звезды; пронизанные лучами капли воды, льющейся на руки и голову великана, падали и падали к ногам энта беспрестанным серебряным водопадом. Так, под звон капель, хоббиты и уснули.

Когда они снова открыли глаза, широкий зал озаряли лучи прохладного солнца, добравшиеся уже до самого порога ниши. Высоко в небе неслись обрывки облаков, подгоняемые сильным восточным ветром. Древоборода поблизости не было, но, не успев еще толком умыться водой из каменной чаши, Мерри с Пиппином услышали гудение и бормотание – и на дорожке между деревьями, что-то напевая, появился хозяин дома.

– Хо-о! Хо! Доброе утро, Мерри и Пиппин! Долго же вы спите! Я успел сделать уже не одну сотню шагов. Хлебнем-ка водицы – и на Собор!

Он налил хоббитам две полные чаши энтийского питья – на этот раз из другого жбана. На вкус питье тоже показалось другим: гуще, сытнее. Пока хоббиты, болтая ногами, потягивали водицу и отщипывали по маленькому кусочку от эльфийских хлебцев (не потому, что им хотелось есть, а просто – какой же завтрак без еды?), Древобород стоял рядом, мурлыча себе под нос какую-то энтийскую, а может, эльфийскую песенку на неизвестном хоббитам языке, и глядел в небо.

– А где это – Собор энтов? – осмелев, спросил Пиппин.

– Гу-у! Что? Собор? – обернулся Древобород. – Вопрос не совсем правильный. Собор – это не «где», это не гора и не поляна, это – совещание, совет, и случается этот совет энтов, по нынешним временам, не часто. Но сегодня мне удалось у многих заручиться обещанием, что они придут. Встретимся мы там же, где и всегда, – в Заколдованной Балке, как прозвали это место люди. Это к югу отсюда. Мы с вами должны быть там еще до полудня.

Быстро собравшись, они отправились в путь. Древобород, как и в прошлый раз, нес хоббитов на руках. У выхода из дома он повернул направо, перешагнул через поток и двинулся к югу вдоль высоких, почти безлесых, увалистых склонов. Выше белели березовые и темнели рябиновые рощицы, а ближе к вершинам начинался черный высокогорный сосняк. Вскоре Древобород свернул в лес, и хоббиты

поразились: таких высоченных деревьев – причем каждое в несколько обхватов – они, пожалуй, еще никогда не видывали. Под сенью этих великанов дышать снова стало трудновато; впрочем, хоббиты вскоре привыкли и перестали замечать духоту. Древобород не затевал разговора – только беспрестанно гудел и что-то напевал низким, глубоким басом: «Бум, бум, румбум, бурарбум, бум, дарар-бум, бум, дарар-бум», то и дело меняя ритм и высоту тона. Время от времени хоббитам казалось, что из глубины леса слышится ответное бормотание и гулкое, странное эхо, которое доносилось то из-под земли, то из густо переплетенных крон, то прямо из глубины стволов. Но Древобород не останавливался и не поворачивал головы.

Идти пришлось долго. Пиппин попробовал было считать «энтийские шаги», но сбился на третьей тысяче. Как раз в это время Древобород начал замедлять шаг. Наконец он остановился совсем, поставил хоббитов на землю и, рупором поднеся ко рту ладони, протрубил в них: «Гу-умм! Гомм!» По лесу разнесся гул, отозвавшийся бесконечно повторяющимся эхом. Издалека послышалось такое же «Гумм, гум, гу-умм!». Но это было уже не эхо – это был ответ.

Древобород снова взял хоббитов на руки и пошел дальше; теперь он то и дело останавливался, чтобы послать в глубину леса новый призыв, – и с каждым разом ответный гул становился все ближе и громче. Наконец впереди выросла непроницаемая стена темных вечнозеленых деревьев, незнакомых хоббитам. Ветви начинались прямо от корней и были густо усажены темными, глянцевыми, как у остролиста, листочками – только без колючек. Соцветия с крупными лоснящимися бутонами оливкового оттенка упруго торчали кверху.

Древобород свернул влево, на утоптанную тропинку, ведущую к узкому проходу в этой великанской живой изгороди. За изгородью сразу начинался крутой спуск на дно большой балки, круглой, как чаша, широкой и очень глубокой, окаймленной темной стеной деревьев. Склоны и дно балки поросли травой; деревьев за изгородью уже не росло – только на самом дне чаши стояли три очень высокие и очень красивые серебристые березы. В балку спускались еще две тропы: одна – с востока, другая – с запада.

Несколько участников Совета прибыли чуть раньше. По двум другим тропам шагали новые. Два-три энта нагнали Древоборода по дороге. Хоббиты смотрели на энтов во все глаза. Они ожидали увидеть

существ, как две капли воды похожих на Древоборода, думая, что энт от энта отличается не больше, чем хоббит от хоббита (во всяком случае, на взгляд чужака), и страшно удивились, обнаружив, что это совсем не так. Энты походили друг на друга не больше, чем деревья. Некоторые, казалось, были одной породы, но даже деревья одной породы растут каждое по-своему и претерпевают разные превратности судьбы; похоже было, что и с энтами происходило то же самое. Были здесь и энты разных древесных пород, не более схожие между собой, чем, например, бук с березой или дуб с елью. Явилось на Собор и несколько совсем древних энтов, бородатых и сторбленных. Это были крепкие, матерые патриархи, но Древобород все равно выглядел старше всех. Много было высоких, могучих энтов, статных, одетых в превосходную, гладкую кору, похожих на лесные деревья в расцвете зрелости; но юношей и подростков не было вовсе, не говоря уже о детях. На широком травянистом дне балки собралось уже около двадцати обитателей Фангорна, и примерно столько же шествовало вниз по трем тропинкам.

В первую минуту Мерри и Пиппина поразила прежде всего разномастность собравшихся. У каждого кожа-кора была своего особого цвета, и друг от друга энты разнились необычайно. Они отличались обликом, пропорциями, ростом, толщиной, длиной рук и ног и даже количеством пальцев (от трех до девяти!). Только двое немного смахивали на Древоборода и были, по-видимому, сродни дубам или букам. Прочие энты напоминали другие деревья. Были тут и каштаны (смуглые, на коротких, могучих ногах, с растопыренными пальцами), и ясени (высокие, серые, многопалые и длинноногие), и ели (эти были выше всех), не говоря уже о березах, рябинах, липах... Но когда энты, окружив Древоборода, слегка наклонили головы и, пристально глядя на чужестранных гостей, тихо и мелодично загудели, между ними сразу же обнаружилось внутреннее родство. Главное, что объединяло их, – глаза: не такие, может быть, глубокие, не так много повидавшие, как у старого Древоборода, но одинаково вдумчивые, неторопливые, спокойные, и в глубине зрачков у них мерцали такие же зеленые искорки.

Когда все явились, участники Собора широким кругом обступили Древоборода – и завели разговор, странный и невразумительный. Энты принялись согласно гудеть и рокотать: один начинал, другой вторил, за

ним вступали остальные – и вот уже хор загремел в полную мощь. Голоса то возвышались, то опадали в едином монотонном ритме. Иногда одна сторона круга смолкала; тогда нарастали голоса с другой стороны, накатываясь и откатываясь, словно морские волны, и постепенно стихая. Затем снова вступала противоположная сторона. Пиппин не мог разобрать ни слова. Ничего удивительного – ведь энты, скорее всего, держали совет на своем, энтийском языке. И все же их торжественное пение нравилось хоббиту, и поначалу он слушал во все уши; вскоре, правда, внимание его отвлеклось, и Пиппин начал всерьез побаиваться, что энты не успели еще пожелать друг другу доброго утра, – они ведь любят обстоятельность. Время шло, песня не смолкала... А что будет, если Древобород вздумает провести переключку? Интересно, сколько дней это займет?

«Хотел бы я знать, как по-энтийски *да* и *нет*», – подумал он и широко зевнул.

Древобород не преминул это заметить.

– Хм! Хо, хэй, Пиппин! – пробасил он. Энты смолкли. – Я совсем забыл, что вы народ торопливый. Да и кому не наскучит слушать непонятные речи? Идите прогуляйтесь. Я вас представил, энты на вас посмотрели, согласились, что вы не орки, и порешили добавить в Список еще одну строчку. Больше мы пока ничего сделать не успели, но для Собора энтов и это едва ли не спешка. А вы, если желаете, пройдитесь по балке. Вон на том склоне есть родник – вода там хорошая, чистая, так что попейте, освежитесь. А нам надо еще кое о чем переговорить, прежде чем начнется главная работа. Я буду время от времени навещать вас и рассказывать, как идут дела.

Он поставил хоббитов на землю. Прежде чем отойти, Мерри и Пиппин низко поклонились энтам. Похоже, тех неслыханная гибкость незнакомцев весьма позабавила, если судить по общему гулу и вспыхнувшим в глазах энтов искрам; но вскоре все повернулись к пришельцам спиной и вновь завели свою нескончаемую песню, а хоббиты побрели по одной из тропинок вверх, к изгороди. Добравшись до выхода, они выглянули наружу и осмотрелись. Немного поодаль начинался заросший деревьями склон; вдаль, над низкими лесистыми вершинами, светился снежно-белый горный пик. Обернувшись в другую сторону, хоббиты увидели уходящие в серую

даль ряды деревьев. Там, на горизонте, светлела зеленая полоска, и Мерри догадался, что это начинаются роханские равнины.

– Интересно, в какой стороне Исенгард? – любопытствовал Пиппин.

– Знать бы, где мы, тогда я, может, и сказал бы, – вздохнул в ответ Мерри. – Гора – это, надо думать, Метедрас. А Исенгард, если я правильно помню, лежит по ту сторону хребта. Последний отрог Туманных Гор раздваивается на манер вилки. Между зубьями этой вилки как раз и прячется Исенгард. Видишь там, за хребтом, темную дымку? Может, это не дымка, а настоящий дым?

– А как он выглядит, этот Исенгард? – спросил Пиппин. – Смогут энты к нему подступиться или, может, нечего и пытаться?

– Не знаю, – сказал Мерри. – Исенгард – это что-то вроде площадки, окруженной не то скалами, не то холмами, а посередине стоит не то утес, не то столб, не то каменный остров, который называется Орфанк. На этом острове и выстроена Саруманова башня. Проникнуть в Исенгард можно только через ворота, – правда, я не знаю, одни они там или несколько, а из ворот, кажется, вытекает река – она течет откуда-то с гор в сторону Роханской Щели. Похоже, энтам этот орешек будет не по зубам... Но я тебе скажу, эти энты не так просты, как кажутся. С виду они вроде как безобидные, даже немного потешные – но это только с виду! Они, конечно, чудаки и увальни, и слишком долго терпят, если случается какая-нибудь неприятность, – так что неудивительно, что они такие грустные. Но их все-таки можно расшевелить. И если это случится – не хотел бы я оказаться в стане их врагов!

– Пожалуй, – кивнул Пиппин. – Я понимаю, что ты хочешь сказать. Одно дело – степенный, задумчивый старый бык, который лежит себе на траве и жует жвачку. И другое дело, если его раздражить: тут уж уноси ноги! Причем перемена может произойти в одно мгновение. Интересно, удастся ли Древобороду их расшевелить? Он наверняка попытается. Только, боюсь, нелегко это, ох как нелегко! Возьми хотя бы самого Древоборода: как он вскинулся вчера вечером! И тут же спохватился...

Хоббиты постояли и повернули назад. Голоса энтов по-прежнему согласно возносились и опадали: совет шел своим чередом. Солнце

поднялось выше и заглянуло в котловину, осветив верхушки трех берез и окатив противоположный склон прохладным золотым светом. Там, на склоне, хоббиты заметили в траве блеск родника и направились к ней, огибая балку по краю. Ох, и приятно же было ступать по мягкой прохладной траве, тем более что торопиться было решительно некуда! Вскоре они добрались до бьющего из земли ключа, глотнули чистой, холодной, ломающей зубы воды и усадились на замшелый камень рядом с родником, глядя на солнечные пятна и тени облаков, скользящие по дну котловины. Гул голосов по-прежнему стоял над Заколдованной Балкой. Хоббитам казалось, что они попали в какой-то иной мир, безмерно чуждый всему, что доводилось им видеть в прежней жизни. Сердце кольнула тоска по родным лицам, по привычным, знакомым голосам друзей. Как там они – Сэм, Фродо, Бродяга?

Наконец энты смолкли. Хоббиты увидели Древоборода: он шел к ним в сопровождении еще одного энта.

– Гм! Гумм!.. Я к вам, – произнес Древобород. – Соскучились небось? Устали, не стоит на месте, хм? Боюсь, придется потерпеть еще немного. Точнее, еще столько же, а может, и больше. Надо еще раз растолковать дело тем, кто живет далеко отсюда и далеко от Исенгарда, а заодно – всем, кого я не успел предупредить сегодня утром, перед Собором: они подошли только теперь. А там уж мы решим, что делать. Впрочем, время нужно только на то, чтобы пересказать суть. Решаем-то мы быстро... Так что готовьтесь: сегодня Собор не кончится. Скорее всего, мы будем беседовать еще добрых два дня. В утешение я привел вам товарища. Он живет поблизости. По-эльфийски его зовут Брегалад. Он заявляет, что решение уже принял и обсуждать ему нечего. Хм! Хм! Если кого из энтов и можно назвать торопливым, так это его! Уверен, что вы подружитесь... Ну, до свидания! – И Древобород пошел прочь.

Брегалад торжественно и серьезно разглядывал хоббитов, а те в свою очередь смотрели на него, гадая, когда же он выкажет свою «торопливость». Их новый товарищ был высок ростом и, видимо, принадлежал к младшему поколению. Кожа на руках и ногах у него была гладкой и блестела, губы алели, а волосы – отливали всеми оттенками серо-зеленого. Он легко гнулся в любую сторону, как тонкое деревце на ветру. Помолчав, энт наконец заговорил звучным, как у Древоборода, но не таким низким и без рокочущих ноток голосом.

– Ха, хм! Друзья мои! Не прогуляться ли нам? – предложил он. – Я – Брегалад, или, по-вашему, Стремглав³⁵¹. Это, конечно, прозвище, не имя. Так меня зовут с тех пор, как я однажды ответил «Да!» одному из старших, не успев дослушать вопроса. Но я и пью быстрее, чем остальные. Бывает, они еще усов не обмочили, а я уже ставлю на стол кубок и – поминай как звали... Ну как, пойдём?

И он протянул хоббитам красивые длиннопалые руки.

Целый день они гуляли с ним по лесу, распевали песни и смеялись; а смеялся Стремглав часто. Солнце выглядывало из-за туч – и он смеялся от радости, встречался по пути ручей или родник – Стремглав, смеясь, наклонялся над ним и плескал водой себе на голову и ноги. Он смеялся, услышав непонятный хоббитам шорох в чаще, смеялся шелесту листвы. Увидев рябину, он непременно останавливался, протягивал к ней руки и заводил долгую песню, покачиваясь, словно на ветру.

К ночи он привел хоббитов к себе домой – если, конечно, можно было назвать домом замшелый камень в густой траве под зеленым склоном. Вокруг росли рябины, под боком журчала вода (какой же энтийский дом без воды!): на сей раз это был родник на склоне холма. Брегалад и хоббиты сумерничали, тихо беседуя, пока на лес не спустилась темная ночь. Из Балки доносился гул энтийских голосов, но теперь они звучали глуше, грознее и решительнее, чем утром. Иногда какой-нибудь голос выделялся из общего хора и взмывал над остальными взволнованной скороговоркой; тогда все прочие энты стихали, словно прислушиваясь. Но Брегалад не обращал внимания и тихонько шептался с хоббитами на Общем Языке. Они узнали, что энт принадлежит к роду Живоко́ров. Край, где обитали его родичи, был разорен дотла. Теперь хоббиты поняли, почему Брегалад так «поторопился», – любить орков ему было не за что.

– У меня на родине росло столько рябин! – шептал Брегалад печально. – Некоторые из них поднялись над землей, еще когда я был совсем молодым побегом. Это было много лет назад, когда повсюду царили мир и тишина. Самые старые из моих рябин были посажены еще энтами – они хотели угодить своим женам, но те только улыбнулись³⁵² и возразили, что знают места, где и цвет на деревьях белее, и плоды слаще. Но для меня рябины затмевают красотой даже племя Розовых Кустов! Кроны у моих рябин были что зеленые купола,

а осенью ветви их пригибались к земле под тяжестью красных ягод, так что любо было смотреть! К ним слетались целые стаи птиц. Я люблю птиц, даже самых горластых, а у моих рябин всем находилось угощение. Только в один прекрасный день с птицами что-то случилось – они стали жадными и недобрыми: повадились ощипывать листья, а ягоды бросать на землю, не склевывая... Ну а вслед за птицами явились орки с топорами в руках и срубили мои деревья. Я звал моих друзей, я пел их длинные имена одно за другим, но ни один листик не дрогнул в ответ. Они не слышали, не отвечали. Они умерли, мои рябины.

*О, Орофарнэ, Лассемиста, Карнемириэ³⁵³!
Брат мой Рябина! Кровный мой брат!
Где твой наряд? Где твой наряд?
О, почему и растрескан, и гол
Глянцевый ствол, глянцевый ствол?
В ласковом свете лунных лучей,
Длинных ночей – ты пел, как ручей;
Пышною пеной соцветья белели,
Алые гроздья ярко горели —
Срублены, сгублены кроткие кроны!
Втоптаны в угли рубины короны...
О, Орофарнэ, Лассемиста, Карнемириэ!*

Хоббитов стало постепенно клонить ко сну, и они наконец задремали под тихое пение Брегалада, на всех языках оплакивавшего своих любимых.

Весь следующий день Пиппин и Мерри провели с Брегаладом, но далеко от его «дома» уже не уходили. По большей части они сидели под кручей, не разговаривая; ветер стал холоднее, посвинцовевшие тучи опустились ниже, солнце выглядывало редко. Собор продолжался, и по-прежнему доносились из Балки голоса энтов, возвышаясь и опадая, – то звучные и мощные, то тихие и печальные; песня то неслась вскачь, то замедляла шаг и звучала торжественно, как на тризне.

Наступила вторая ночь, а энты все пели и пели под несущимися рваными облаками, и в разрывах вспыхивали звезды.

И вот настало третье утро, бледное и ветренное. На рассвете песнь внезапно сменилась согласным оглушительным гулом – и голоса вновь опали. Приближался полдень; ветер улегся, и в воздухе повисло тяжелое, напряженное ожидание. Пиппин и Мерри заметили, что Брегалад замер и прислушивается, хотя в лоцинку, где находился дом энта, звуки доносились смутно и невнятно.

В полдень трещины и разломы в облаках налились золотом, на землю веером брызнули солнечные лучи. И вдруг хоббиты заметили, что наступила непривычная тишина. Весь лес напряженно затих, словно прислушиваясь. Пиппин и Мерри не сразу осознали, что песнь энтов оборвалась. Брегалад стоял вытянувшись и смотрел в сторону Заколдованной Балки.

И вдруг тишина взорвалась мощным колокольным гулом: «*Рр-а-гу-умм-ра!*» Деревья затрепетали и пригнулись к земле, словно по ним хлестнул шквал. Еще мгновение тишины – и вот послышалась гулкая, торжественная барабанная дробь, а за ней – могучий хор:

*Идем, идем под барабан!
Та-ранда-ранда-ранда-ран!*

Энты приближались, и все громче раздавалась песня:

*Мы на таран под барабан
Идем та-рана-рана-ран!*

Брегалад подхватил Пиппина с Мерри на руки и шагнул навстречу барабанному бою.

Наконец хоббиты увидели и самих энтов: выстроившись в колонну, они огромными шагами спускались навстречу. Вел их Древобород, за ним следовало около полусотни лесных великанов. Шли они по два, держа шаг, и отбивали ритм, хлопая ладонями по бокам. Вблизи стало видно, что глаза их сверкают.

– Гумм! Гумм! Вот и мы – с барабанным боем! – воскликнул Древобород, завидев хоббитов и Брегалада. – Сюда! Сюда!

Присоединяйтесь к Собору энтов! Мы выступаем! Мы идем на Исенгард!

– На Исенгард! – загремели в ответ голоса. – На Исенгард!

*На Исенгард! Вперед! Вперед!
До самых каменных ворот!
Мы штурмом Исенгард возьмем —
Под барабан идем, идем!
Нам пепел братьев в грудь стучит —
И песнь военная звучит:
Война! Война! Под барабан!
Та-ранда-ранда-ранда-ран!
На Исенгард! Идем! Идем!
По камню крепость разнесем!*

Так пели энты, шагая на юг.

Брегалад – глаза у него так и сияли – не мешкая встал в строй и зашагал бок о бок с Древобородом. Старый энт взял у него хоббитов и снова посадил их себе на согнутые руки. Перегрин и Мерри оказались во главе войска. Сердце у них колотилось, но голову они держали высоко. Они знали и прежде, что энты рано или поздно решатся, но внезапное преображение, свидетелями которому они стали, поразило хоббитов до глубины души. Так бывает, когда река прорвет шлюз и вода устремится в брешь, сметая и опрокидывая все, что встретится ей на пути...

– Энты, похоже, довольно быстро решили, что им делать, да? – осмелев, спросил Пиппин, когда песня смолкла, – слышался только мерный грохот шагов да стук отбивающих такт ладоней.

– Быстро? – переспросил Древобород. – Гумм!.. Правда твоя! Гораздо быстрее, чем можно было ожидать! Уже много веков я не видел их в таком гневе. Мы, энты, не любим гневаться. Мы никогда не выходим из себя, пока не станет ясно, что нашим деревьям и нашей жизни угрожает серьезная опасность. Но нам давно уже никто и ничто не угрожало – по крайней мере со времен войны Саурана и людей Запада. И вот являются орки, крушат деревья налево и направо –

рарум! – и добро бы пускали их на дрова, хотя и это преступление, но у них нет даже этого оправдания. Вот что нас разъярило! Кроме того, Саруман – наш сосед, ему бы помочь нам, а тут черная измена!.. С волшебников спрос особый. На то они и волшебники. Нет для такого предательства достойных проклятий ни у эльфов, ни у энтов, ни у людей! Смерть Саруману!

– А вы и вправду можете расколошматить исенгардские ворота? – усомнился Мерри.

– Гумм... Почему бы и нет? Ты, наверное, не знаешь, как мы сильны. Слышал про троллей? Так вот, тролли необычайно сильны. Враг сделал их во времена Великой Тьмы, по нашему образу и подобию, в насмешку над нами – так же, как орков он сделал по образу и подобию эльфов. Но мы сильнее троллей. Мы созданы из костей земли. Мы умеем раскалывать камень, как раскалывают его корни деревьев, только быстрее, намного быстрее, особенно если нас как следует разгневать! Коли нас не порубят топорами, не сожгут огнем и не заколдуют, мы разнесем Исенгард на мелкие осколки и превратим его стены в прах.

– Но ведь Саруман наверняка попытается вас остановить! Разве нет?

– Хм! А, ну, наверное. Конечно. Скажу честно, я долго размышлял об этом. Но, видите ли, большинство энтов моложе меня, моложе на много древесных поколений. Все они горят гневом и думают только об одном – поскорее разнести Исенгард по камешку. Они скоро сами поостынут и призадумаются, но это будет не раньше, чем наступит час вечернего кубка. Много потребуется питья, чтобы утолить нашу жажду! А пока пускай себе идут вперед и поют. Путь далек, времени на размышление еще много. Главное – начать!

И Древобород присоединился к хору. Но вскоре песня его перешла в бормотание, а там он и вовсе смолк. Пиппин видел, что лоб старого энта прорезали морщины, брови сдвинулись. Когда Древобород поднял опущенные веки, хоббит увидел, что глаза энта затуманены печалью. Но в этой печали не было уныния: зеленое пламя не погасло – просто ушло в глубину, в темные колодцы раздумий.

– Конечно, все может случиться, друзья, – снова заговорил Древобород. – Может статья, мы идем навстречу судьбе. Как бы этот поход не стал для нас последним! Но если бы мы остались дома и

предались безделью, гибель все равно рано или поздно настигла бы нас. Мысль об отмщении зрела в наших сердцах давно, потому-то мы и двинулись на Исенгард, не откладывая. Решение было принято далеко не спрехвала! Если это последний поход энтов, пусть он по крайней мере будет достоин песни! Почему бы не пособить другим племенам, прежде чем исчезнуть? Я бы, конечно, предпочел идти своей дорогой и ждать того дня, когда исполнится предсказание и отыщутся наши жены. Я был бы рад, очень рад увидеть Фимбретиль! Но не будем забывать, что песни, как и деревья, приносят плоды лишь в назначенное время, и никто не может сказать, как именно это свершится. А бывает и так, что песни увядают раньше срока...

Энты шли и шли вперед. Миновав узкую, длинную долину, тянувшуюся вдоль подножия, они начали долгое восхождение на высокий западный отрог Туманных Гор. Лес отстал, сменившись березовыми рощицами. Потянулись голые склоны, где не росло ничего, кроме редких, чахлых сосенок. Впереди, уходя за черную спину горы, садилось солнце. Наступили серые сумерки.

Пиппин оглянулся. Что это? Энтов как будто стало больше. Как это понимать? Вместо тусклых, голых осыпей внизу темнели островки леса. Но что удивительнее всего – эти островки двигались! Неужели деревья Фангорна проснулись от вечной спячки? Неужели на войну отправился весь лес? Пиппин протер глаза, уверенный, что это обман зрения, прихоть горных сумерек. Но высокие серые силуэты деревьев позади действительно двигались! Они следовали за энтами! До ушей доносился странный шум, похожий на шум ветра в кронах... Энты тем временем приблизились к вершине. Все песни смолкли. Наступила ночь. В горах воцарилась тишина; только земля дрожала под тяжелыми шагами энтов, да сзади что-то потрескивало и шелестело, словно листва на ветру. На вершине лесное войско остановилось, и хоббиты глянули вниз, в черную пропасть. Там, внизу, лежала в кольце скал долина Сарумана – Нан Курунир.

– Над Исенгардом ночь, – молвил Древобород.

Глава пятая

Белый всадник

– Промерз до костей, – пожаловался Гимли, хлопая в ладоши и притопывая, чтобы согреться.

Рассвело; на заре друзья, как могли, приготовили себе завтрак и решили еще раз осмотреть место битвы, благо день обещал быть ясным. Они все еще надеялись отыскать следы хоббитов.

– Не забудьте про вчерашнего старика! – напомнил Гимли. – Право, мне было бы спокойнее, если бы я увидел на земле его следы!

– Что же в этом успокоительного? – пожал плечами Леголас.

– Тогда стало бы ясно, что это был просто старик, чьи ноги оставляют обыкновенные следы, – пояснил Гимли, – а не кто-нибудь иной.

– Может быть, ты и прав, – согласился эльф, – но тут и тяжелые сапоги следов не оставят. Слишком высокая и упругая здесь трава.

– Следопыта этим с толку не собьешь, – возразил Гимли. – Арагорну примятого стебелька хватит. Только, боюсь, ничего он не найдет. Даже теперь, когда стало светло. Это был призрак Сарумана. Я в этом совершенно уверен. А вдруг он и сейчас еще следит за нами из Фангорна?

– Вполне может быть, – сказал Арагорн. – И все же я в этом не уверен. Мне не дают покоя кони. Ты, Гимли, говоришь, что их кто-то спугнул и они умчались. А мне кажется, тут совсем другое. Ты слышал, Леголас, как они ржали? Разве похоже было, что они обезумели от страха?

– Ничуть. Я прекрасно их слышал. Если бы не темнота и не наш собственный испуг, я подумал бы, что кони ошалели от неожиданной радости, словно встретили друга, по которому давно тосковали!

– Вот именно, – сказал Арагорн. – Но мне не разрешить этой загадки, если они не вернутся. А пока к делу! Скоро взойдет солнце. Оставим догадки на потом! Начнем прямо отсюда, с нашего лагеря, а потом как можно тщательнее обследуем округу и будем подниматься к лесу. Что бы мы ни думали о ночном госте, наша задача – найти хоббитов. Если им каким-то образом удалось бежать от орков, то спрятаться они могли только в лесу. Иначе бы их сразу увидели. Если

отсюда и до самой опушки следов не отыщется – вернемся и еще раз осмотрим поле боя, а потом разворошим пепел. Правда, среди пепла мы вряд ли что-нибудь найдем: роханцы слишком хорошо знают свое дело.

Друзья принялись исследовать землю, ползая на коленях и ощупывая каждую былинку. Дерево печально смотрело на их старания. Листья его безжизненно повисли, чуть шурша на холодном ветру; ветер дул с востока. Наконец Арагорн начал постепенно отходить в сторону. Он миновал черные головешки маленького сторожевого костерка, который был ближе к реке, и двинулся по направлению к холму, где разыгралась битва. Внезапно он остановился, нагнулся еще ниже, почти зарывшись лицом в траву, и громко окликнул друзей. Леголас и Гимли поспешили к нему.

– Наконец-то! – воскликнул Следопыт, поднимая с земли измятый древесный лист, уже начинавший буреть, большой, светлый, золотистого оттенка, слегка подсохший. – Это лист лориэнского маллорна! К нему прилипло несколько крошек – видите? И в траве тоже крошки. А это что? Смотрите! Обрывки перерезанной веревки!

– И кинжал, которым ее перерезали, – добавил Гимли, вытаскивая из ближайшей кочки по рукоять втоптанной в землю короткий зазубренный кинжал. Отыскались и ножны.

– Орочий, – определил гном, с омерзением поднимая кинжал за рукоять, вырезанную в виде отвратительной головы с косящими глазами и глумливо оскаленным ртом.

– Вот загадка так загадка! – воскликнул Леголас. – Итак, связанный по рукам и ногам пленник спокойно уходит от своих похитителей, проникает через роханское окружение, усаживается среди чиста поля у всех на виду и перерезает путы орочьим кинжалом. Но как он все это проделал и почему? Если у него были связаны ноги, разве он смог бы убежать, да еще так далеко? А если руки – то каким образом веревка оказалась перерезанной? Если же он вообще не был связан, то зачем ему понадобилось перерезать веревку? Ладно. Допустим, он все это проделал. Что же дальше? Дальше он, довольный собой, усаживается на кочку и не торопясь разворачивает *лембас*! Как же не хоббит?! Тут и лориэнского листика не надо, чтобы догадаться. Ну а покушав, он, я полагаю, выпростал крылышки, зачирикал и

полетел в лес. Найти его будет проще простого – надо только выучиться летать!

– Колдовство! – решил Гимли. – А то зачем бы тут околачиваться этому старику? Что скажешь, Арагорн? Может, ты что-нибудь добавишь?

– Может, и добавлю, – улыбнулся Следопыт. – Дело в том, что тут есть и другие следы. Вы просто не обратили на них внимания. Согласен: хоббит тут побывал, причем либо руки, либо ноги были у него свободны. Я думаю, руки: это сразу упрощает мою задачу. Дело в том, что его сюда принесли. Тут неподалеку пролилась кровь – орочья кровь. Земля вокруг изрыта копытами, и, кроме того, отсюда волокли по земле что-то тяжелое. Всадники, видимо, настигли здесь какого-то орка, убили, а тело бросили в общий костер. Ну, а хоббита они просмотрели по самой простой причине – все это происходило ночью, а на беглеце был эльфийский плащ. Разумеется, бедняга до смерти устал и проголодался. Нет ничего удивительного в том, что, перерезав путы кинжалом убитого врага, он решил малость передохнуть, а заодно заморить червячка, прежде чем подобру-поздорову убраться с опасного места. Большое утешение знать, что у него в кармане завалялся кусочек *лембаса*. Это по-хоббичьи! Ведь он не успел взять с собой котомку... Я говорю «хоббит» и «он»; однако их вполне могло быть двое, и я на это крепко надеюсь. Прямых тому доказательств у меня, правда, нет...

– Как же ему или им удалось освободить руки? – недоумевал Гимли.

– Этого я сказать не могу, – признал Арагорн. – И еще: хотелось бы понять, куда и зачем тащил их этот орк? Ручаюсь, не затем, чтобы помочь им улизнуть! Впрочем, дело постепенно проясняется. Я давно задаюсь вопросом: почему орки, убив Боромира, пощадили Пиппина и Мерри? И почему они ограничились хоббитами? Они вполне могли напасть на лагерь, но предпочли поскорее рвануть восвояси, в Исенгард. Может, они полагали, что взяли в плен Хранителя Кольца и его верного слугу? Хотя навряд ли... Хозяева не решились бы дать им столь недвусмысленные указания, даже если сами и знали, что к чему. Орки – народ не очень-то надежный. Думаю, что им приказано было попросту нахватать побольше хоббитов, причем любой ценой и обязательно живыми. Но кто-то из орков попытался ускользнуть с

драгоценной добычей, пока не началась битва. Здесь, как всегда у орков, объяснение надо искать в предательстве. Наверное, какой-нибудь сильный и дерзкий орк собирался загрести себе всю награду, а может, у него были еще какие-нибудь цели... Так мне видится. Можно, конечно, повернуть все как-нибудь по-другому... И все же мы теперь знаем твердо: кому-то из наших друзей, а может и обоим, удалось бежать. Наша задача – найти их и помочь. Роханцам придется подождать. Если один из наших друзей поневоле оказался в этом темном и странном лесу, нам тем более негоже робеть.

– Не знаю даже, перед чем я робею больше: перед Фангорнским лесом или перед пешим походом обратно через Рохан! – поежился Гимли.

– Стало быть – в Лес! – заключил Арагорн.

Не успели они дойти и до опушки, как Арагорн обнаружил новые следы: на берегу Энтвейи виднелись отпечатки хоббичьих ног – правда, слишком слабые, чтобы прояснить дело. Под огромным деревом на самом краю леса нашлись еще следы. Но земля была сухой, и по нескольким едва заметным вмятинкам ничего нельзя было сказать наверняка.

– Тут были хоббиты, по крайней мере один хоббит: он постоял, посмотрел назад, повернулся и отправился в глубь леса, – определил Арагорн.

– Стало быть, и нам туда же, – сказал Гимли. – Только не по сердцу мне что-то этот Фангорн. Помнится, нас отговаривали ходить сюда. Лучше бы следы вели куда-нибудь в другое место!

– Как бы меня ни пугали сказками про здешний лес, я не думаю, чтобы тут обитало зло, – возразил Леголас.

Он наклонился вперед, напряженно прислушиваясь и широко открытыми глазами вглядываясь в сумрак.

– Нет, этот лес не злой, – уверенно сказал он наконец. – Если в нем и обитает зло, то далеко отсюда. До меня доносится еле слышное эхо темных урочищ, где растут деревья с черным сердцем. А здесь я не чувствую злобы – только настороженность и гнев.

– Ну, на меня им гневаться не за что, – повеселел Гимли. – Я твоему лесу пока еще никакого вреда не причинил.

– Не хватало еще, чтобы ты причинил ему вред! И все же лес затаил на кого-то жестокую обиду. Там, в глубине, что-то созревает и

вот-вот вырвется наружу. Чувствуете, какое во всем напряжение? Мне даже дышать трудно.

– Да, пожалуй, душновато, – согласился гном. – Тут посветлее, чем в Черной Пуще, но все-таки больно уж затхло и пыльно!

– Фангорн стар, очень стар, – вздохнул эльф. – Здесь даже я чувствую себя чуть ли не юным – впервые за все время, что путешествую с вами: ведь вы совсем еще дети. Он стар и полон памяти о минувшем. В мирное время я мог бы быть счастлив тут.

– Вот уж в чем не сомневаюсь! – фыркнул Гимли. – Ты же как-никак Лесной эльф! Впрочем, эльфы все не без странностей... А знаешь, ты меня немного утешил. Если Леголас решил идти – я иду тем более! Только держи наготове лук, а я достану из-за пояса топорик. Деревьев я не трону, нет, – поспешно добавил он, опасливо поглядев на дерево, под которым они стояли. – Но если нам опять встретится вчерашний старик, на этот раз он меня врасплох не застанет. Вперед!

И они шагнули в сумрак Фангорнского леса. Арагорну предоставили искать след и выбирать дорогу. Но следов видно не было: землю под ногами устилал толстый сухой ковер прошлогодних листьев. Приходилось надеяться, что беглецы догадались не отходить от ручья, и в конце концов Арагорн, то и дело возвращавшийся к воде, действительно набрел на след. Это было то самое место, где Пиппин и Мерри остановились напиться и поболтать ногами в воде. Сомнения развеялись: хоббитов было двое, причем один покрупнее, потяжелее, а второй – поменьше.

– Хорошие новости! – сказал Арагорн. – Но этим следам уже два дня. К тому же отсюда хоббиты, судя по всему, свернули в чащу.

– Что же нам делать? – помрачнел Гимли. – Не гнаться же за ними через весь Фангорн! Припасов у нас почти нет. Если мы будем искать их слишком долго, то и помочь уже ничем не сможем – разве что сядем с ними рядышком и все вместе помрем с голоду, чем и выкажем свою дружбу...

– Если мы не сможем сделать ничего другого – что ж, значит, так и будет, – твердо сказал Арагорн. – Идемте!

Вскоре они стояли перед отвесной Скалой Древоборода и смотрели на грубые каменные ступени, ведущие наверх, на обзорную площадку. Сквозь бегущие облака проглянуло солнце, и Лес на миг показался друзьям уже не таким серым и безотрадным.

– Давайте заберемся наверх и оглядимся по сторонам, – предложил Леголас. – Здесь нечем дышать. Хорошо бы глотнуть свежего воздуха!

Сказано – сделано, и вскоре гном с эльфом оказались наверху. Арагорн задержался: он изучал ступени.

– Почти уверен, что наши друзья здесь побывали, – проговорил он наконец. – Но тут есть еще какие-то следы, – правда, очень уж странные. Я их прочитать не могу. Может, с этого выступа мы увидим какую-нибудь подсказку и поймем, куда пошли хоббиты?

Взойдя на площадку, он выпрямился и огляделся, но ничего особенного не увидел. Карниз выходил на юг и восток, но вид на юг загораживала скала, а на востоке взору представляли однообразные ряды деревьев, спускающиеся к равнине, – и больше ничего.

– Мы сделали изрядный крюк, – сказал Леголас. – А могли бы сейчас стоять здесь всем Отрядом и вне опасности. Стоило только на второй или третий день пути по Реке свернуть к западу... Верно говорят, что никто не знает, куда заведет его дорога!

– Мы не хотели идти в Фангорн, – заметил Гимли.

– Не хотели, да забрели... и забрели в ловушку, – вдруг оборвал себя Леголас. – Глядите!

– Куда? – удивился Гимли.

– Вниз, под деревья!

– Ничего не вижу! Не у всех такое острое зрение, как у эльфов!

– Тсс! Тише! Глядите! – Леголас показал вниз. – Внизу, откуда мы пришли! Это он! Разве ты его не видишь? Вон там, под деревьями!

– Теперь вижу! – шепотом отозвался Гимли. – Смотри, Арагорн! Что я говорил?! Вчерашний старик! Ну и тряпки на нем – грязные, серые... Не сразу и разглядишь!

Арагорн присмотрелся. Действительно – к скале, сгорбившись, медленно приближался человек. Он брел, устало опираясь на корявую палку, и больше всего походил на старого нищего³⁵⁴. Шел он, опустив голову и не глядя на скалу. Если бы такой нищий встретился им в другом месте, они не задумываясь приветили бы его добрым словом, но теперь все трое молчали и ждали, сами не зная чего. Ощущение было странное: в человеке, который шел к ним, угадывались недюжинная власть и сила – и, скорее всего, сила враждебная.

Неизвестный подходил все ближе. Гимли смотрел на него широко открытыми глазами – и вдруг, потеряв терпение, взорвался:

– Где же твой лук, Леголас? Бери скорее стрелу! Готовься! Это Саруман! Если он заговорит, мы пропали. От чар нам не спастись. Стреляй же!

Леголас снял с плеча лук, медленно натянул тетиву – и отпустил снова; казалось, его удерживает какая-то сторонняя сила. Вкладывать стрелу во второй раз он почему-то не спешил. Арагорн стоял молча, лицо его было напряжено.

– Чего ты ждешь? Что с тобой? – спрашивал Гимли свистящим шепотом.

– Леголас прав, – спокойно ответил Арагорн. – Мы можем бояться и сомневаться – это наше право, но стрелять в неизвестного старика, вот так, не поговорив с ним, без предупреждения, права у нас нет. Смотрите и ждите!

В это мгновение старик ускорил шаг и на удивление быстро оказался у подножия скалы. Остановившись, он неожиданно вскинул голову. Охотники глядели на него сверху не двигаясь. Все молчали.

Лица неизвестного видно не было – на глаза его был надвинут капюшон, а поверх капюшона красовалась шляпа с широкими полями, так что щеки и подбородок скрывала густая тень – выглядывал только кончик носа да седая борода. Но Арагорну показалось, что из-под скрытых капюшоном бровей сверкнул острый и зоркий взгляд.

Наконец старик нарушил молчание.

– Вот так встреча, друзья мои! Весьма удачно! – спокойно сказал он. – Давайте поговорим! Вы сойдете ко мне? Или, может, мне самому к вам подняться? – И, не дожидаясь ответа, он быстро зашагал вверх по ступеням.

– Да что же это?! – вскричал Гимли. – Леголас, останови его!

– Я, кажется, сказал, что хочу поговорить с вами, и ничего больше, – произнес старик, не останавливаясь. – Брось-ка свой лук, господин эльф!

Леголас выронил лук и стрелы, руки его бессильно повисли.

– А ты, достойный гном, будь так добр – убери руку с топорика, дай мне подняться к вам. И впредь к таким сильным доводам лучше не прибегай!

Гимли вздрогнул и замер, уставившись на старика. А тот легко, как горный козел, прыгал вверх по грубым ступеням. Куда только подевалась его усталость? Когда он ступил на карниз, под серыми тряпками на миг сверкнуло что-то белое, словно под дорожной одеждой незнакомца скрывалось другое одеяние, – но в следующий миг никто уже не был уверен, показалось это или нет. Гимли судорожно глотнул воздуха. В тишине это прозвучало как громкий свист.

– Повторяю – весьма удачная встреча! – молвил старик, подходя ближе.

В двух шагах от друзей он остановился, оперся на посох и нагнулся вперед, пристально глядя на них из-под низко надвинутого капюшона.

– Что же вы делаете в здешних краях? Эльф, гном, человек – и все одеты по-эльфийски! Несомненно, вы могли бы рассказать много интересного. Таковую компанию здесь редко увидишь!

– Похоже, ты хорошо знаешь Фангорн, – сказал Арагорн. – Я не ошибся?

– Не то чтоб очень хорошо, – ответил старик. – Чтобы узнать Фангорн по-настоящему, пришлось бы изучать его несколько жизней подряд. Но я иногда захоживаю сюда. Что верно, то верно.

– Нельзя ли узнать, как твое имя и что ты хочешь нам сказать? – продолжал Арагорн. – Утро уже почти минуло, а наше дело не терпит отсрочки.

– Я уже сказал все, что хотел, – усмехнулся старик. – А именно – спросил, что вы тут делаете и что вас сюда привело. Что же до моего имени... – Он прервал себя на полуслове и засмеялся долгим тихим смехом.

У Арагорна пробежал по спине странный озноб, но не от страха – так бывает, когда налетит внезапный порыв свежего ветра или когда спишь под открытым небом – и вдруг хлынет ледяной дождь.

– Мое имя!.. – повторил старик, отсмеявшись. – Неужто до сих пор не угадали? А ведь оно вам знакомо. Да, да, думаю, что знакомо... Итак, говорите! Как вы тут очутились?

Друзья стояли неподвижно и молчали.

– Другой на моем месте мог бы истолковать это молчание далеко не в вашу пользу, – покачал головой старик. – К счастью, я уже кое-что знаю. Как я полагаю, вы идете по следу двух юных хоббитов. Подчеркиваю – хоббитов. И не надо смотреть на меня так, словно вы никогда не слышали этого странного слова. Слышали, и не раз! Как, впрочем, и я. Так вот, позавчера они посетили эту скалу и здесь у них произошла некая неожиданная встреча. По-видимому, вы желали бы узнать, куда увели ваших подопечных? Что ж, не исключено, что я мог бы вам подсказать. Кстати, почему мы разговариваем стоя? Как видите, спешить вам пока некуда, так что давайте сядем и побеседуем спокойно!

Старик повернулся и направился к подножию утеса – там лежала груда камней и щебня. Остальные тут же пришли в себя и обрели способность двигаться, словно с них спали чары. Гимли немедленно схватился за топор, Арагорн зазвенел мечом, Леголас вскинул лук.

Не обращая на них ни малейшего внимания, старик оперся рукой о низкий, плоский камень и сел. Пола серого плаща откинулась, и все ясно увидели, что незнакомец с головы до ног одет в белое.

– Саруман! – крикнул Гимли и бросился вперед с топором в руке. – Отвечай! Куда ты дел наших друзей? Что с ними сделал? Отвечай немедленно, а не то я прорублю в твоей шляпе такую прореху, что и волшебнику не заштопать!

Но старик оказался проворнее. Он тут же вскочил и ловко вспрыгнул на высокий обломок скалы. Всем почудилось, что он внезапно стал гораздо выше ростом. Капюшон и серые лохмотья полетели на землю. Сверкнули белые одежды. Незнакомец поднял посох, и топор Гимли, выпав, звякнул о камень. Меч в застывшей руке Арагорна засверкал, как огненный, Леголас с громким возгласом пустил стрелу в воздух, и та, вспыхнув, бесследно исчезла.

– Митрандир! – воскликнул он. – Митрандир!

– Я же говорил, Леголас, что это весьма удачная встреча, – откликнулся старик.

Все трое смотрели на него, потеряв дар речи³⁵⁵. Волосы старца были белы как снег на солнце, одежды сияли белизной, глаза из-под густых бровей сверкали, как солнечные лучи. От него исходила неодолимая и неоспоримая сила. Друзья стояли, окаменев, не зная – дивиться? радоваться? страшиться?

Наконец Арагорн очнулся.

– Гэндальф! – выдохнул он. – Паче всякого чаяния возвратился ты к нам в этот роковой час! Что за пелена заслоняла мне глаза? Гэндальф!

Гимли промолчал – только опустил на колени и прикрыл глаза ладонью.

– Гэндальф... – повторил старец, словно вызывая из памяти что-то давно позабытое. – Да, так было. Когда-то меня звали Гэндальфом.

Он сошел с камня, подобрал свой серый плащ и снова завернулся в него, и всем почудилось, что в небе только что сияло солнце – и вдруг скрылось в тучах.

– Можете по-прежнему называть меня Гэндальфом, – сказал волшебник, и это снова был голос их старого друга и проводника. – Встань, мой добрый Гимли! Я цел, а ты невиновен. На самом деле, друзья мои, ваше оружие не способно мне повредить. Смотри веселей, Гимли! Мы снова вместе. История принимает иной оборот. Отлив сменился приливом. Надвигается великая буря, но ветер уже сменил направление!

Он положил руку на голову Гимли. Гном поднял глаза – и вдруг засмеялся от радости.

– Это и вправду ты, Гэндальф! – воскликнул он. – Но почему ты одет в белое?

– Теперь мой цвет – белый, – ответил Гэндальф. – Я, можно сказать, и вправду Саруман – Саруман, каким он призван был быть! Но расскажите мне наконец о себе! С тех пор как мы расстались, я прошел через огонь и глубокие, глубокие воды. Я забыл многое из того, что мнил знать, и вновь научился многому из того, что забыл. Мне видны самые далекие дали – и в то же время зачастую я не могу рассмотреть того, что лежит под ногами... Рассказывайте же!

– Но что ты хочешь знать о нас? – спросил Арагорн. – Всего, что приключилось после нашей разлуки на мосту, быстро не опишешь – тут и дня не хватит. Может, ты для начала все-таки скажешь, что с хоббитами? Ты видел их? У них все в порядке?

– Нет, мы не виделись, – ответил Гэндальф. – Над ущельями Эмин Муйла лежала тьма, и я не скоро узнал бы, что Пиппин и Мерри попали в плен, если бы мне не сказал об этом орел.

– Орел?! – воскликнул Леголас. – Я видел орла над Эмин Муйлом три дня тому назад высоко в небе!

– Совершенно верно, – подтвердил Гэндальф. – Это был Гвайир, Князь Ветра, тот самый, что когда-то спас меня из Орфанка. Я выслал его вперед, чтобы он пролетел над Великой Рекой и сообщил мне, что делается в мире. Гвайир зорек, но даже ему не дано видеть всего, что творится в тени холмов и под сенью деревьев. Кое-что удалось увидеть ему, об остальном я узнал сам. Кольцу я помочь уже не могу – и никто из Отряда не может. Оно было в опасности и едва не открылось Врагу. Но в последний момент дело удалось спасти, и не без моего участия. Я сидел тогда высоко, высоко над миром – и сражался с Черным Замком. Тень миновала, а я смертельно устал, и долго томили меня черные думы.

– Стало быть, ты знаешь, что случилось с Фродо?! – воскликнул Гимли. – Как у него дела?

– Этого я не могу сказать. Он спасся от большой опасности, но на его пути таких будет еще много. Доподлинно мне известно лишь то, что он решил идти в Мордор один и уже выступил в дорогу.

– Он пошел не один, – поправил Леголас. – Сэм увязался тоже. Так мне кажется.

– Да ну?! – воскликнул Гэндальф. В глазах у него на миг блеснул огонек, и он улыбнулся. – Неужто? Это для меня новость! Хотя чему тут удивляться?.. Что ж, хорошо! Очень хорошо! У меня стало куда легче на сердце. А теперь вы должны рассказать мне все по порядку. Садитесь поближе и поведайте мне о вашем путешествии!

Друзья устроились на земле у ног Гэндальфа, и Арагорн начал рассказ. Гэндальф долго не перебивал его и не задавал никаких вопросов. Руки волшебника лежали на коленях, глаза были закрыты. Когда наконец Арагорн заговорил о гибели Боромира и рассказал, как Великая Река унесла гондорца в последнее странствие, Гэндальф печально вздохнул.

– Ты рассказал не все, что знаешь и о чем догадываешься, друг мой, – сказал он негромко. – Увы Боромиру! Я не слышал о его гибели. Для такого человека – властителя и могучего воина – это было тяжелое испытание. Галадриэль открыла мне, что Боромиру грозит страшная опасность. Значит, он все-таки избежал ее! Я рад этому. Не напрасно взяли мы в поход двух младших хоббитов! Хотя бы только из-за

Боромира... Но им предстоит сыграть и другую роль. Они оказались в Фангорне, и грозы уже не миновать: знаете, как иногда маленький камушек будит лавину в горах? Вот то-то же. Мы с вами сидим и мирно беседуем, но я уже слышу первые раскаты. Будь я Саруман – не хотел бы я оказаться вне стен своего замка, когда рухнет плотина!

– В чем, в чем, а в этом ты ничуть не изменился, дорогой Гэндальф, – заметил Арагорн. – Как всегда, говоришь сплошными загадками!

– Загадками? – переспросил Гэндальф. – Да нет, нет, что ты. Я просто разговариваю сам с собой. Так поступали когда-то древние: обращались к самому мудрому в собрании, минуя остальных. Молодым пока еще растолкуешь!

Он рассмеялся, но теперь его смех показался теплым и ласковым, как луч солнца.

– Даже долгожители Древнего Запада не назвали бы меня молодым, – заметил Арагорн. – Может, ты все-таки приоткроешь мне завесу над всеми этими тайнами?

– Что ж вам сказать? – промолвил Гэндальф и задумался. – Ладно, так уж и быть: если хотите, чтобы я с вами, по возможности, поделился своими мыслями, то вот они. Враг, разумеется, давно уже знает, что Кольцо покинуло свое убежище и что оно у хоббита. Он знает, сколько Пеших вышло с этим хоббитом из Ривенделла, знает, какого мы рода и племени. Но он еще не совсем понимает, что у нас на уме. Он считает, что мы, по всей видимости, стремимся поскорее попасть в Минас Тирит, поскольку так поступил бы на нашем месте он. По его понятиям, мы представляем для него серьезную угрозу. Он трепещет при мысли, что среди нас может объявиться какой-нибудь богатырь с Кольцом на пальце, который отважится пойти войной на Мордор, чтобы сокрушить мощь Барад-дура и самому воссесть на черный трон. Ему и в голову не приходит, что, сокрушив мощь Барад-дура, мы никого не захотим возводить на трон Саурана. Даже в самых черных снах ему не грезилось, что мы пытаемся попросту уничтожить Кольцо! В этом можно усмотреть дар судьбы и единственную надежду на успех. Опасаясь нападения, он решил сам развязать войну, зная, что времени ему терять нельзя. Ибо если нанести удар раньше всех и если удар этот будет достаточно сильным – второго может и не понадобится. Поэтому Враг собирается пустить в ход все свои армии,

собранные с таким трудом и тщанием, и намерен сделать это раньше, чем замышлял. Но на всякого мудреца довольно простоты. Брось он все силы на защиту Мордора, направь он на охоту за Кольцом все свое черное искусство – в Мордор и мышь не проскользнула бы, а у нас не осталось бы никакой надежды. Ни Кольцу, ни Хранителю не удалось бы долго скрываться от Врага. Но Глаз обращен вовне, а не вовнутрь. Чаще всего взгляд его устремляется на Минас Тирит. Скоро черные армии обрушатся на этот город. Ибо Враг уже знает, что посланцы, которые должны были преградить путь Отряду, снова остались ни с чем. Кольца они так и не отыскали, хоббитов-заложников не привели. Если бы оркам удалось доставить в Мордор хоть одного хоббита – это был бы для нас тяжкий удар. Возможно, роковой. Но не омрачайте сердца мыслью об испытаниях, которым подверглись бы в Черном Замке верность и мужество наших малышей! Ибо Враг потерпел неудачу – по крайней мере, на этот раз. Спасибо Саруману!

– Разве Саруман не предатель? – удивился Гимли.

– Конечно, предатель, – сказал Гэндальф. – Причем дважды. Есть в этом некая странность. Из всего, что случилось за последнее время, измена Исенгарда – беда самая горькая, настоящий нож в спину. Саруман стал нынче весьма силен – и не только как волшебник: он теперь и властитель, и военачальник. Он угрожает роханцам войной, лишая Минас Тирит поддержки как раз в то время, когда Гондор ждет удара с востока... Но оружие измены всегда опасно в первую очередь тому, у кого оно в руках. Саруман тоже намерен завладеть Кольцом или по крайней мере добыть себе парочку хоббитов для каких-то темных целей. Но, объединив усилия, наши враги добились только одного: Мерри и Пиппин с невероятной скоростью перенесли в Фангорн, куда иначе им ни за что не попасть бы, – и успели как раз вовремя. Теперь Саурана и Сарумана обоих точат сомнения, и планы их спутались. В Мордоре не знают о происшедшем сражении – спасибо Всадникам Рохана! Но Черному Властелину доложили, что у Эмин Муйла были схвачены какие-то два хоббита. Знает он и то, что пленников, вопреки настояниям его слуг, повели в Исенгард. Значит, теперь ему надо бояться не только Минас Тирита, но и Орфанка! Если Минас Тирит падет, Саруману не поздоровится...

– Жаль только, что между этими двумя властолюбивыми злодеями лежат земли наших друзей, – вздохнул Гимли. – Не будь меж

Исенгардом и Мордором других стран – что бы им не повоевать друг с дружкой? А мы бы на них смотрели да ждали, чем это кончится.

– Победитель стал бы сильнее, чем оба они, вместе взятые, а главное, перестал бы тратить время на сомнения, – возразил Гэндальф. – Но Исенгард не может воевать против Мордора, пока Саруман не заполучит Кольца. А этого уже не случится. Он еще не знает, что ему грозит! Впрочем, он многого не знает. Он так спешил наложить лапу на драгоценную добычу, что не мог усидеть дома и сам вышел навстречу – проследить за своими слугами. Но он пришел слишком поздно: битва закончилась без него и он уже ничего не мог изменить. Надолго он здесь не задержался. Его мысли открыты мне, и я вижу, что он колеблется. В лесу он чувствует себя неуверенно. Кроме того, он думает, что роханцы убили и сожгли всех, кого нашли на поле боя, а удалось ли его слугам захватить пленников, он не знает. Не знает он и того, что его орки умудрились поссориться с мордорскими. Да и о Крылатом Посланце он еще не слышал.

– О Крылатом Посланце?! – вскричал Леголас. – У переката Сарн Гебир я подстрелил из лука Галадриэли какое-то летающее чудовище, и оно рухнуло за реку. Какой нас тогда охватил ужас! Что это было?

– Стрелы ему не страшны, – вздохнул Гэндальф. – Ты попал в его крылатую лошадку, только и всего. Это был славный выстрел. Но Всадник уже обзавелся новой. Ибо это был Назгул, один из Девятерых – да, да! Теперь кони Черных Всадников летают. Скоро тень их крыльев падет на последние армии наших друзей и закроет солнце... Но им еще не дано разрешения показываться за Великой Рекой, и Саруман ничего не знает о том, что Кольценосные Призраки приняли новый облик. Он думает только о Кольце. Побывало ли оно на месте битвы? А если побывало – кто его подобрал? Что произойдет, если оно попадет к Теодену, правителю Марки? Это опасность, и немалая! Вот почему он спешил обратно в Исенгард, чтобы удвоить, а лучше – утроить армию, которая воюет с Роханом. Между тем ему грозит другая опасность, которой он не видит, сжигаемый своими мечтами, хотя она у него под боком. Он забыл о Древобороде.

– Ты опять говоришь сам с собой, – посетовал Арагорн. – Растолкуй, кто такой Древобород? Я, правда, начинаю понимать, почему ты сказал, что Саруман дважды предатель, но никак не могу взять в толк, что проку, если двое хоббитов случайно забрели в

Фангорнский лес? Что мы выгадали, кроме долгой и безуспешной погони?

– Минуточку! – воскликнул Гимли. – Первым делом я хочу прояснить один вопрос. Тебя или Сарумана мы видели вчера вечером, Гэндальф?

– Уж никак не меня, – заверил Гэндальф. – Видимо, это и впрямь был Саруман. Неужели мы с ним так похожи? Вот почему ты покушался на мою шляпу! Раз так – прощаю!

– Ладно, ладно! – смутился Гимли. – Хорошо, что это был не ты, и хватит об этом!

– О да, мой добрый гном! – снова рассмеялся Гэндальф. – Приятно бывает узнать, что ошибался не во всем! Я знаю это по себе. Но я ничуть не в обиде за прохладную встречу, о нет! Как я могу тебя винить, я, Гэндальф, без конца твердивший всем и каждому: когда имеешь дело с Врагом, не доверяй никому и ничему, даже собственным рукам! Мир тебе, Гимли, сын Глоина! Может быть, тебе еще доведется увидеть нас с Саруманом одновременно. Тогда у тебя будет случай сравнить.

– Но что же хоббиты? – вмешался Леголас. – Мы положили столько сил на поиски, а ты, похоже, знаешь, где Мерри с Пиппином, и молчишь!

– Они гостят у энтов, у Древоборода.

– У энтов?! – воскликнул Арагорн. – Так что же, получается, не лгут легенды о великанах, которые обитают в глуби лесов и пасут деревья? Значит, энты существуют до сих пор? Я был уверен, что они жили в Старшую Эпоху, если жили вообще и их не выдумали роханцы!

– Роханцы? Выдумали?! Что ты! – возмутился Леголас. – Нет! Любой эльф из Черной Пущи споет тебе с добрый десяток песен про древний народ Онодримов и про их вековое печалование. Но для нас они тоже только память о былом. Право, доведись мне повстречать хотя бы одного энта, я бы решил, что снова молод! Древобород! Подумать только! Да ведь это и значит *Фангорн*, если перевести на эльфийский. А ты, Гэндальф, говоришь о нем как о существе из плоти и крови. Кто же он?

– Ты, дружок, слишком прыток, – сказал Гэндальф. – Фангорн прожил долгую, неторопливую жизнь. Я знаю о нем совсем немного, но даже из этого немного получится очень и очень длинная история,

а у нас нет времени. Древобород – это действительно Фангорн, хранитель Фангорнского леса, старейший из энтийских патриархов, да и не только из них: старше его среди обитателей нынешнего Средьземелья вообще никого не сыщешь. Очень надеюсь, что ты с ним повстречаешься, Леголас! Мерри и Пиппину крепко повезло: они столкнулись с ним нос к носу, вот на этом самом месте, где мы с вами теперь сидим. Это было два дня назад. Древобород взял их с собой на дальний конец леса, к самому подножию гор, – там у него дом. Захаживает он на эту поляну, как правило, если чем-нибудь встревожен или когда из внешнего мира долетают беспокойные слухи. Четыре дня назад я его встретил – он шагал по лесу и, видимо, заметил меня, ибо приостановился, – но я не стал его окликать: меня одолевали тяжелые думы. Это было сразу после поединка с Вражьим Глазом, и я не смог преодолеть усталость. Древобород тоже не заговорил со мной и не позвал меня по имени.

– Может, он тоже принял тебя за Сарумана? – предположил Гимли. – И потом, ты говоришь о Фангорне как о старом друге. А я думал, что Фангорн опасен и шутки с ним плохи!

– Опасен? Еще бы! – воскликнул Гэндальф. – Я тоже опасен и шутить со мной тоже не советую! Опаснее меня вы на своем пути никого не встретите, если только вас не схватят и не приведут живьем к престолу Черного Властелина. Или вот Арагорн. С ним тоже шутки плохи. Не говорю уже о Леголасе! Ты со всех сторон окружен опасными и грозными воинами и волшебниками, Гимли, сын Глоина! Но ты и сам ни в чем им не уступаешь, я не поручусь за голову того, кто станет шутить с тобой! Фангорнский лес очень опасен, это верно – особенно для тех, кто чуть что хватается за топор. Опасен и сам Древобород, хотя в то же время он – мудрый и добрый хозяин своего Леса. Он долго не давал воли гневу, долго копил обиду – и вот она взбурлила, перелилась через край и затопила весь Лес. Появление хоббитов и то, что они рассказали, оказалось той каплей, что переполнила чашу. Река вышла из берегов и теперь катит свои могучие воды на твердыню Сарумана и на его дровосеков. Произойдет такое, о чем в Средьземелье не слыхивали со времен Старшей Эпохи: энты проснулись от векового сна и собираются показать, на что они способны.

– Что же они хотят сделать? – спросил пораженный Леголас.

– Не знаю. Думаю, они и сами не знают пока хорошенько, на что способны. Как-то еще обернется дело? – Гэндальф опустил голову и глубоко задумался.

Остальные молча смотрели на него. Луч солнца, пробившийся сквозь бегущие облака, упал на руки волшебника, лежавшие на коленях ладонями кверху. Казалось, пригоршни его полны света, как две чаши с лучащейся водой. Наконец Гэндальф поднял голову и взглянул прямо на солнце.

– Утро кончается, – молвил он. – Пора в дорогу.

– Будем ли мы разыскивать хоббитов и Древоборода? – спросил Арагорн.

– Нет, – ответил Гэндальф. – Твой путь лежит в другую сторону. Я постарался вселить в вас надежду. Но надеяться – еще не значит победить. Нас и всех наших друзей ждет битва, такая битва, где уверенность в победе может дать только Кольцо. В сердце моем – великая печаль и великий страх, ибо многое будет уничтожено, и, может статься, мы потеряем все, что имеем. Я – Гэндальф, Гэндальф Белый, но Черное все еще сильнее меня.

Он встал и устремил взгляд на восток, заслонив глаза от солнца: казалось, он видит нечто такое, чего остальным видеть не дано. Покачав головой, он негромко молвил:

– Нет, изменить что-либо уже не в нашей власти. Кольцо ушло. По крайней мере у нас нет больше искушения им воспользоваться. Придется встречать опасность лицом к лицу. Вряд ли мы выстоим, но давайте радоваться, что избежали еще большей опасности, против которой мы были бы бессильны! – Он обернулся. – Ну что ж, Арагорн, сын Араторна! Не жалею о выборе, который ты сделал у стен Эмин Муйла! Погоня была не напрасной. Ты преодолел сомнения, внял голосу совести – и сделал правильный выбор. Вот и награда: наша встреча состоялась вовремя. Еще немного, и было бы поздно. Твои спутники исполнили свой долг. Теперь тебя зовет слово, которое ты дал Эомеру. Иди в Эдорас, иди к Теодену, в Золотые Палаты! Ты нужен Рохану. Пора Андарилу испытать себя в битве: он давно ее ждет. Пусть свет его вспыхнет для всех! Рохан воюет и терпит поражение за поражением. Но едва ли не хуже обстоят дела с самим Теоденом.

– Значит, мы так и не свидимся с нашими веселыми хоббитами? – спросил Леголас.

– Я этого не говорил, – возразил Гэндальф. – Кто может знать наперед? Имейте терпение. Идите, куда зовет вас долг, и не теряйте надежды. В Эдорас! Мне по пути с вами.

– Далека дорога до Эдораса, и пешему нелегко одолеть ее, старец он или юноша, – покачал головой Арагорн. – Боюсь, что, пока мы доберемся туда, все битвы уже отгремят.

– Посмотрим, посмотрим, – сказал Гэндальф. – Так вы идете со мной?

– Выйдем-то мы вместе, – ответил Арагорн. – Но подозреваю, что ты будешь там прежде меня, – стоит тебе только захотеть...

Встав, он посмотрел Гэндальфу в глаза. Долго оставались они в неподвижности, а Леголас и Гимли в молчании глядели на них. Арагорн, сын Араторна, высокий и суровый, как скала, стоял, положив руку на меч, словно древний король, что ступил некогда из морских туманов на берег Средьземелья, чтобы владычествовать над меньшими человеческими племенами. Но стоявший перед ним, опираясь на посох, согбенный старец в белом обладал властью, пред которой блекла власть земных королей, и фигуру его окружал ореол света.

– Разве я ошибаюсь, Гэндальф? Ты доберешься быстрее меня, куда ни пожелаешь, – стоит тебе только захотеть, – повторил Арагорн. – Но вот что я еще скажу тебе: ты – наш проводник и наше знамя. У Черного Властелина есть Девятеро. У нас – Один, Белый Всадник, но он сильнее Девятерых. Он прошел огонь и бездну. Девятеро не могут не страшиться его. Мы пойдем за ним всюду.

– Так и будет, – сказал Леголас. – Но сперва разреши мое недоумение и Расскажи, что случилось с тобой в Мории! Неужели ты так ничего и не откроешь? Неужели нельзя уделить нам еще минуту и объяснить, как же ты все-таки спасся?

– Я уделил вам уже столько драгоценных минут, что, право, не знаю... – вздохнул Гэндальф. – Но будь у меня и год в запасе, я не стал бы рассказывать всего.

– Расскажи хотя бы то, что можно, хотя бы вкратце, – присоединился к Леголасу Гимли. – Ну же, Гэндальф! Как тебе удалось отделаться от Балрога?

– Не называй этого имени вслух! – одернул его волшебник. По лицу его пробежала тень боли, и он смолк, сразу ссутулившись и постарев; теперь он казался дряхлым, как сама смерть. – Долго я падал, – произнес он наконец медленно и неохотно, как будто ему требовалось усилие, чтобы вспомнить. – Очень долго. Мы падали вместе. Его огонь нещадно палил меня, и я в конце концов сгорел бы – но мы упали в воду, и нас окружила тьма. Вода была холодна, как смерть, и сердце у меня едва не заledenело навеки.

– Глубока бездна под мостом Дьюрина, и кто измерил ее? – проговорил Гимли благоговейно.

– Но и у этой бездны есть дно за пределами света и за пределами ведения, – продолжал Гэндальф. – Там, у каменных Оснований Мира, я и оказался. Он все еще был со мною. Огонь потух, и мой враг покрылся холодной слизью, сразу став скользким, как удав, и обнаружив чудовищную силу. Мы продолжали бороться – глубоко, глубоко под землей живущих, там, где нет счета времени. То он сжимал меня в кольцах, то я наносил ему удары, пока он наконец не бежал прочь и не попытался скрыться от меня в темных переходах. Знай, Гимли, сын Глоина, что не дети Дьюрина высекли в горе эти ходы и лазы!.. Глубоко, глубоко, глубже самых глубоких гномьих пещер, живут под землею безымянные твари, исподволь грызущие Основания Мира. Даже Саурон ничего не знает о них. Они гораздо старше его... Я был там, но говорить о них не стану, ибо не хочу, чтобы вести из того мира омрачали солнечный свет. Мой враг был моей единственной надеждой, и я преследовал его по пятам, пока он не вывел меня к тайным подземным переходам Казад-дума, которые он знал, как никто. Мы поднимались все выше и выше – и наконец достигли Бесконечных Ступеней.

– Они уже много веков бесследно утеряны, – взволновался гном. – Есть такие, что говорят, будто их никогда и не было: легендам, дескать, веры нет. А другие считают, что они все-таки существовали, но давно разрушены...

– Так вот, они существуют. Из глубочайших подземелий и пещер поднимаются эти Ступени и восходят на неописуемую высоту. Нигде не обрываясь, эта винтовая лестница в много тысяч ступеней ведет к Башне Дьюрина, вырубленной в живом камне Зирак-Зигила, на вершине Серебряного Пика, в Туманных Горах. Там, на Кэлебдиле,

открылось перед нами затерянное в снегах одинокое окно, а перед ним – узкий карниз на головокружительной высоте, орлиное гнездо, вознесенное над всеми облаками и туманами мира. Солнце безжалостно жгло снега, но долины были затянуты облаками. Мой враг ринулся в оконный проем, я – за ним. И тут он снова вспыхнул всесожигающим пламенем. Если бы кто-нибудь видел нашу великую битву, песни о ней пелись бы веками!.. – Гэндальф неожиданно рассмеялся. – Хотя что можно сказать в песне? Да и кто бы ее сложил? Найдись свидетель, он подумал бы, что в горах бушует буря, – вот и все. Он услышал бы гром, он сказал бы, что видел, как молнии бьют прямо в скалы, как пляшут на склонах огненные языки... Вокруг нас все заволгло дымом и горячим паром. С неба падал лед... Наконец я сбросил своего противника вниз. Падая, он пробил склон горы и скрылся из виду. А меня взяла тьма, и я долго блуждал вне мысли и вне времени по дорогам, о которых не буду говорить ничего. Нагим я был послан обратно³⁵⁶ – на краткое время, только чтобы довершить свое дело, – и нагим лежал на вершине горы. Я был одинок и забыт всеми. Пути вниз, с этого высокого каменного рога земли, мне не было. Башня позади меня обратилась в прах, окно исчезло, а разрушенную лестницу завалило обгоревшими осколками камней. Так я лежал, глядя в небо, и звезды вершили надо мной круговорот, и каждый день был как целая жизнь. До ушей моих слабо доносились звуки со всех концов земли – стоны рожениц и умирающих, песнь и плач, вечная тягучая жалоба камня, изнемогающего под тяжестью лежащего на нем бремени... Наконец Гвайир, Князь Ветра, нашел меня и унес прочь.

– Видно, судьба тебе век носить эту тяжкую ношу, о друг-избавитель! – сказал я ему.

– В первый раз ты и впрямь был тяжелой ношей, – ответил он. – Но сейчас ты меня совсем не утрудил. Ты легче лебединого перышка. Сквозь тебя просвечивает солнце. Я тебе, пожалуй, и вовсе не нужен: если я разожму когти, ты не упадешь, а полетишь по ветру.

– Нет уж, не разжимай когтей! – испугался я: в меня снова входила жизнь. – Лучше отнеси меня в Лотлориэн!

– Так и приказала мне Владычица Галадриэль. Это она послала меня на поиски, – сказал орел.

Вскоре мы приземлились в Карас Галадоне. Оказалось, что вы ушли из Лориэна незадолго до моего появления. Там, в нестареющей стране, где время не тлит, но исцеляет, я провел не один день, обрел исцеление и был облачен в белые одежды. Я дал много советов и сам выслушал не один совет, прежде чем вступить на тайные, неведомые тропы, которые привели меня сюда. Некоторым из вас я принес весточку. Вот что меня просили сказать Арагорну:

*Давно уже в дальние доли и горы
Послал Элессар дунаданов дозоры.
Час пробил пропавшему выйти опять:
Пора Следопытам на битву скакать.
А путь твой неведом, и тяжек твой труд,
И Мертвые к Морю тропу стерегут.*

А Леголасу Владычица передала такие слова:

*Рожденный в Зеленом Лесу Леголас!
Ты жил беспечно, но бойся хоть раз
Крик чайки услышать над пеной морской —
Навеки забудешь дорогу домой³⁵⁷.*

Гэндальф замолчал и закрыл глаза.

— Значит, мне она ничего не велела передать? — спросил Гимли, опуская голову.

— Ее слова темны, — сказал Леголас, — и тем, кто их удостоился, трудно постичь их смысл.

— Мне от этого мало радости, — вздохнул Гимли.

— Чего же ты хочешь? — сказал Леголас. — Может, ты ждешь, чтобы тебе сказали, какая тебя ждет смерть?

— Если это все, что Она может сказать мне, — да!

— О чем вы? — открыл глаза Гэндальф. — А! Ну, думаю, вы не совсем правы — я, например, догадываюсь, что значат эти строки. Прости меня, Гимли! Я просто задумался над ними еще раз. Для тебя тоже кое-что есть! Только ни загадок, ни мрачных пророчеств не жди. Вот что просила сказать тебе Владычица:

«Гимли, сыну Глоина, передай привет от Госпожи его. Где бы ты ни был, Хранитель Локона, мои мысли с тобой. Но не забывай посмотреть на дерево, прежде чем замахнуться на него топором!»

– Воистину благословен час нашей встречи, Гэндальф! – Гимли вскочил на ноги, подпрыгнул – и вдруг запел что-то на странном гномьем языке, размахивая топориком и восклицая: – Вперед! Вперед! Голова Гэндальфа отныне священна – так поищем другую, которую не грех будет расколоть!

– За этим далеко ходить не придется, – сказал, вставая, Гэндальф. – В путь, друзья! Время, отведенное для разговоров, истекло. Надо спешить.

Он снова накинул на плечи потрепанный серый плащ и первым спустился по ступеням каменной лестницы. Остальные последовали за ним. Дальше путь их лежал вниз по склону, к берегу Энтвейи. Пока они не оказались на траве Рохана, за опушкой, никто не проронил ни слова.

– Не вернулись кони, – вздохнул Леголас. – Нелегко нам придется!

– Нет! Пешком я не пойду. Время не терпит, – решительно сказал Гэндальф, выпрямился и свистнул, да так пронзительно, что остальные переглянулись, пораженные: трудно было ожидать такого от седобородого старца! Три раза свистнул Гэндальф – и вдруг всем показалось, будто с ветром донеслось далекое ржание. Арагорн припал ухом к земле, но не прошло и нескольких минут, как все явственно услышали топот копыт.

– Там не одна лошадь, – сказал Арагорн.

– Разумеется, не одна, одной четверых не снести, – невозмутимо подтвердил Гэндальф.

– Их три, – молвил Леголас, всматриваясь в степь. – Смотрите! Вон скачет Хасуфэл, а за ним и мой друг Арод! Но впереди еще один конь. Вот это скакун! Такого я еще не видел!

– И не увидишь, – подтвердил Гэндальф. – Это Скадуфакс. Он – старший в династии *меарасов*, благородных лошадей-властителей. Даже Теоден, Король Рохана, не видывал другого такого скакуна. Смотрите! Шерсть у него блестит, как серебряная, а скачет он – что ручеек бежит. Конь Белого Всадника явился на зов! В бою мы будем неразлучны!

Старый волшебник еще не кончил говорить, а огромный конь уже поднимался по склону крупной рысью. Бока его лоснились, грива развевалась на ветру. Немного позади следовали еще два скакуна. Завидев Гэндальфа, Скадуфакс перешел на шаг, громко заржал и, приблизившись к хозяину, коснулся ноздрями его плеча. Тот погладил коня по щеке.

– Далеко отсюда Ривенделл, друг мой! – сказал он. – Но ты не только быстр – ты еще и мудр, и поэтому успел вовремя. Теперь мы поедем вместе и в этом мире нас уже не разлучит ничто!

Вскоре подоспели еще два коня; они остановились чуть поодаль, как бы ожидая приказаний.

– Мы отправляемся в Метузельд, ко двору вашего хозяина, Теодена, – очень серьезно сказал им Гэндальф. Кони склонили головы. – У нас мало времени, а потому, друзья, мы, с вашего позволения, поедем верхом. Скачите что есть сил! Хасуфэл понесет Арагорна, Арод – Леголаса. Гимли я посажу с собой – если, конечно, Скадуфакс согласится нести двоих. Хотите напиться воды? Мы подождем, пока вы пьете, но смотрите торопитесь!

– Я начинаю догадываться, что случилось ночью, – сказал Леголас, легко вспрыгнув на спину Арода. – Если наших коней кто и спугнул, ржали они все-таки от радости – они встретили в поле своего жоака, Скадуфакса. Ты знал, что он где-то поблизости, Гэндальф?

– Да, – ответил волшебник. – Я мысленно позвал его и просил прибыть сюда как можно скорее – ведь еще вчера он был далеко на юге Роханских степей. Пусть же теперь, не мешкая, несет меня обратно!

Гэндальф что-то шепнул Скадуфаксу, и тот сразу взял в галоп – следя, правда, чтобы его товарищи не слишком отставали. Вскоре он резко свернул, отыскал пологий спуск к реке, перешел ее вброд – и помчался на юг, по ровной, безлесной, бескрайней равнине. Ветер колыхал неоглядное море серой травы. Дороги через степь не было, но Скадуфакс ни разу не замедлил шага и не остановился.

– Это кратчайший путь ко дворцу, который стоит у подножия Белых Гор, – объяснил Гэндальф. – В Восточном Эмнете, где пролегает главный северный тракт, земля гораздо тверже, зато в этих краях Скадуфакс знает каждое болотце и каждую ложбинку и поведет нас напрямик.

Много часов скакали они по степям и прибрежным лугам Энтвейи. Часто трава хлестала всадников по коленям, и не раз им чудилось, что лошади плывут по волнующемуся серо-зеленому морю. Иногда впереди блестело укрытое в траве озерцо, иногда путь преграждали целые заросли камышей, шумящих над предательской топью, – но Скадуфакс хорошо знал дорогу, а два других коня следовали точно за ним. Солнце постепенно клонилось к западу, и наконец в глаза всадникам сверкнуло алое пламя закатного диска, тонущего в море травы между двух далеких горных отрогов, облитых последними лучами зари, – казалось, горы расступились и разняли руки только для того, чтобы пропустить огненное светило. Из-за горизонта поднимался к небу столб дыма, обращая алый шар в кровь, – будто, опускаясь за край земли, солнце задело степную траву и подожгло ее.

– Вот она – Роханская Щель! – указал в ту сторону Гэндальф. – Взгляните на запад! За горами – Исенгард.

– Я вижу дым, – сказал Леголас. – Что бы это значило?

– Война, – бросил Гэндальф. – Скорее!

Глава шестая

Король Золотых палат

Солнце зашло, а Скадуфакс все неся вперед. Кончились долгие сумерки, наступила ночь. Когда всадники наконец остановились и спешили, даже у Арагорна спина затекла и онемела. Гэндальф дал своим спутникам всего несколько часов на отдых. Гимли и Леголас заснули; Арагорн лежал без сна, распростершись на земле лицом к небу, а Гэндальф так и простоял все это время, опершись на посох и глядя в темноту, окутавшую горизонт. Вокруг царила тишина, ничто не нарушало безмолвия. Степь словно вымерла. Когда волшебник поднял остальных, по ночному небу протянулись длинные облака, подгоняемые ночным ветром. В темноте, под холодными лучами луны, всадники помчались дальше – так же быстро, как и при свете дня.

Час уходил за часом, а кони все мчались и мчались по степи. Гимли клевал носом и один раз чуть было не упал, но Гэндальф вовремя успел подхватить его и растолкать. Арод и Хасуфэл, усталые, но гордые, не отставали от своего вожака, легкой тенью мчавшегося впереди. Версты уносились прочь. Горбушка луны медленно опускалась в тучи, затянувшие западный горизонт.

Внезапно потянуло пронизывающим холодом. Тьма на востоке сменилась холодным серым рассветом, и наконец из-за далеких черных стен Эмин Муйла сверкнули алые лучи солнца. Встала прозрачная, светлая заря. В склоненных травах зашумел ветер, словно спеша наперерез всадникам. Внезапно Скадуфакс остановился как вкопанный и громко заржал. Гэндальф указал рукой вперед.

– Смотрите! – воскликнул он, и его друзья подняли усталые глаза.

Впереди высились горы Юга – снежноверхие, изрезанные черными линиями ущелий. К предгорьям поднимались луга, длинными зелеными языками уходя вверх и пропадая в узких, мрачных теснинах, проложивших себе путь к самому сердцу гор, где утро еще не заступило место ночи. Среди них открывалась широкая долина, которая вдавалась в горы, как морской залив. На дальнем конце ее высилась огромная выветренная скала с острой вершиной, а у входа в долину, как часовой, стоял одинокий холм. У подножия холма

вилась серебристая нить реки, а верхушки уже коснулись рассветные лучи. В глаза путникам блеснула золотая искра.

– Говори, Леголас! – велел Гэндальф. – Скажи нам, что ты видишь?

Леголас заслонил глаза от низких лучей рассветного солнца.

– С ледников катится вниз белый поток, – начал он. – Там, где он выбегает из сумрака долины, стоит зеленый холм. Холм обнесен мощной стеной, рвом и колючей изгородью. За изгородью видны крыши домов, а посередине, на зеленой поляне, высятся палаты, построенные, по-моему, не кем-нибудь, а людьми. Кажется, эти палаты крыты золотом³⁵⁸. Блеск их виден издали...³⁵⁹ Столбы у дверей тоже золотые. У порога стоят воины в блестящих кольчугах, но вокруг пусто, – должно быть, роханцы еще спят.

– Город называется Эдорас, – сказал Гэндальф. – А золотые палаты зовутся Метузельд. В них живет Теоден, сын Тенгела³⁶⁰, король Роханской Марки. Мы прибыли сюда на рассвете. Вот он, Эдорас, – дорога открыта! И все же будьте осторожны! У границ Рохана идет война, и Рохирримы, Хозяева Табунов, не спят, что бы нам издали ни казалось. Мой совет: не вынимайте оружия и не будьте слишком высокомерны. Иначе не стоять нам перед троном короля Теодена!

Утро, чистое и звонкое, еще только разгоралось и в вышине пели птицы, когда всадники подъехали к берегу реки. Поток спускался на равнину с холмов и, описав широкую петлю, перерезал дорогу, а потом бежал дальше, к востоку, чтобы там, вдали, соединиться с Энтвейей, лениво текущей в своих камышовых берегах. Все вокруг зеленело. По влажным луговинам и травянистым берегам потока росли ивы. Здесь, в этой южной стране, кончики их ветвей уже по-весеннему малиновели. Через реку, судя по всему, переправлялись вброд: низкие берега испещрены были следами конских копыт. Всадники вступили в воду, переправились на другой берег и оказались на широкой наезженной дороге, поднимавшейся в гору.

Невдалеке от подножия обнесенного стеной холма дорога вошла в тень высоких зеленых курганов. Западные склоны их были словно запорошены снегом: трава цвела бесчисленными крошечными цветами, похожими на звезды.

– Взгляните! – показал на цветы Гэндальф. – Какие ясные глаза у этой травы! Они зовутся *вечно-помни* или *симбэльминэ*, как их именуют здешние люди. Цветы эти цветут круглый год, но встречаются только на могилах. Сейчас мы с вами едем вдоль курганов, где спят великие предки Теодена.

– Семь курганов слева и девять справа, – сосчитал Арагорн.

– Много же поколений минуло в мире с тех пор, как были построены Золотые Палаты!

– Пятсот раз успели облететь багряные листья в Черной Пуще, у меня дома, – молвил Леголас. – Но нам это не кажется таким уж большим сроком.

– По роханским меркам, первый король воцарился в Рохане очень и очень давно, – возразил Арагорн. – От времен, когда строили эти Палаты, остались только песни, а годы ушли и канули в туманы прошлого. Теперь жители этого края называют его своей родиной и землей отцов, а язык их так изменился, что, пожалуй, они уже не поняли бы своих северных сородичей. – И он негромко запел на языке, которого ни эльф, ни гном не знали, но музыка незнакомых слов заставила их прислушаться внимательнее.

– Кажется, я догадался: это язык роханцев, – сказал Леголас. – Он сродни этой земле – то вольный и раскатистый, то твердый и суровый, как горы. Но о чем песня, я понять не могу, – правда, в ней слышна печаль, свойственная племени смертных...

– Попробую перевести ее для вас на Общий Язык, – согласился Арагорн. – Не знаю только, получится ли?

Где всадник, степями на бой проскакавший?

Где плуг, благодатную землю вспахавший?

Где жаркое пламя и голос струны?

Где шлем, и кольчуга, и эхо войны?

Как дождь над холмами и ветер над степью,

Те годы исчезли за горною цепью.

Кто дым от пожара в суму соберет?

Кто годы назад из-за Моря вернет³⁶¹?

Так пел когда-то давным-давно один забытый ныне роханский певец. Дальше в этой песне поется о том, как высок и прекрасен был Эорл Юный, прискакавший сюда с севера. Говорят, у его скакуна по имени Фелароф – Отец Коней – на ногах были крылья. Люди до сих пор поют эту песню – даже теперь, на закате славной эпохи.

Безмолвные курганы остались позади. Извилистая дорога вела дальше, вверх, по зеленым холмам, к мощному обветренному валу и воротам Эдораса.

У ворот сидело множество людей, облаченных в блестящие кольчуги. Завидев пришельцев, они вскочили и скрестили свои копья, преграждая им путь.

– Стойте, чужеземцы, ибо мы не знаем вас³⁶²! – крикнули они на своем языке и потребовали от непрошенных гостей, чтобы те назвали свои имена и открыли, зачем пожаловали в Эдорас. В глазах стражников читалось скорее удивление, чем радушие, а на Гэндальфа они смотрели и вовсе неприязненно.

– Я хорошо понимаю ваш язык, – ответил им по-рохански Гэндальф. – Но мало кто из чужеземцев владеет роханским наречием. Почему вы не говорите на Общем Языке, если хотите, чтобы вам ответили?

– Так повелел король Теоден. Чужеземцам, не говорящим по-рохански, возбраняется переступить этот порог, – отвечал один из часовых. – В дни войны мы не принимаем у себя никого, кроме единоплеменников и гондорцев из Мундбурга. Кто вы такие и почему никто не остановил вас по дороге? Почему вы так странно одеты? И почему ваши кони похожи на роханских? Мы давно стоим на страже и заметили вас издалека. Никогда еще здесь не видели таких всадников! А твой конь? Если ты не заколдовал мои глаза, то я скажу, что он из породы *меарасов*! Уж не волшебник ли ты? А может, соглядатай Сарумана? Или все вы – только призраки, созданные его волшбой? Отвечайте и не медлите!

– Мы не призраки, – сказал Арагорн. – И глаза не обманывают тебя. Это действительно ваши кони, и ты знал это еще до того, как задал вопрос. Разве конокрады приводят коней обратно в стойло? Перед тобой Хасуфэл и Арод, скакуны, которых одолжил нам два дня назад Эомер, Третий Маршал Рохирримов. Мы обещали привести их назад и привели. Разве Эомер еще не вернулся и не предупредил вас?

В глазах часового мелькнуло беспокойство.

– Об Эомере я не могу сказать ничего, – запнувшись, проговорил он. – Но если вы говорите правду, то, без сомнения, Теоден слышал о вас. Может, ваше прибытие и не будет для него неожиданностью. Два дня назад под вечер сюда наведалься Червеуст³⁶³ и объявил нам волю Короля: отныне вход в Эдорас чужеземцам заказан.

– Червеуст? – переспросил Гэндальф, испытующе глядя на стражника. – Ни слова больше о Червеусте! Я приехал не к нему, а к Властителю Марки. Мое дело не терпит отсрочки. Доложи обо мне поскорее Королю или пошли кого-нибудь. Что же ты медлишь? – Глаза Гэндальфа сверкнули из-под густых бровей, и он пристально поглядел в лицо роханцу.

– Хорошо, я доложу о вас, – медленно, словно против воли, произнес тот. – Но кто вы такие? И как представить вас Теодену? По виду ты усталый старец, но от меня не укрылось, что под этой личиной ты прячешь бесстрашие и решимость.

– Что ж, глаз у тебя верный, – сказал волшебник. – Так вот, я – Гэндальф! Я вернулся и привел назад вашего коня. Смотри! Перед тобою не кто иной, как сам великий Скадуфакс! Но он не повинуетя никому, кроме меня. По правую руку от меня – Арагорн, сын Араторна, наследник Королей Гондора. Он держит путь в Мундбург. По левую – эльф Леголас и гном Гимли, наши друзья. Иди и скажи Королю, что мы стоим у его ворот и хотим с ним говорить, если он допустит нас пред свои очи.

– Поистине имена ваши странны для слуха! Но если вы настаиваете, я доложу о вас и узнаю волю моего повелителя, – уступил стражник. – Подождите у ворот, пока я принесу ответ Короля. Он поступит, как сочтет нужным. Не буду вас обнадеживать: времена нынче темные...

И он отправился вверх, оставив чужеземцев под бдительной охраной своих товарищей.

Вскоре он вернулся.

– Следуйте за мной, – сказал он. – Теоден разрешает вам войти. Но оружие, включая посох, придется оставить у порога под присмотром привратников.

Темные створки ворот распахнулись, и гости один за другим переступили порог. От ворот начиналась широкая улица, вымощенная тесаным камнем. То полого петляя, то поднимаясь круто вверх короткими лестничными переходами из добротного камня, взбиралась она на холм, минуя деревянные дома с темными дверными проемами. Вдоль дороги журчал в каменном русле прозрачный искрящийся ручей. Наконец показалась вершина. Там, на зеленом лугу, возвышалась обширная насыпь, у основания которой из каменной лошадиной головы бил источник. Вода хлестала в большую каменную чашу, а оттуда – в желоб, проложенный обок дороги. К насыпи вели каменные ступени, высокие и широкие. По обеим сторонам последней ступени стояли вырубленные из камня скамьи, на которых восседали стражники с обнаженными мечами на коленях. Золотые волосы воинов были заплетены в косы, зеленые щиты горели на солнце, доходившие до колен стальные латы сверкали. Когда стражники поднялись со своих мест, гостям показалось, что ростом они выше, чем простые смертные.

– Дворец перед вами, – сказал проводник. – А я должен вернуться на свой пост. Удачи! Да осыплет вас Король своими милостями!

Стражник повернулся и быстро зашагал прочь, а пришельцы взошли по ступеням. Королевские стражи молча взирали на них сверху вниз. Наконец Гэндалф ступил на плиты верхней ступени; тогда стражи приветствовали гостей по всем правилам учтивости, дружно воскликнув по-рохански:

– Мир вам, пришельцы из дальних стран!

Они повернули мечи рукоятями к гостям в знак мира, и рукояти сверкнули зелеными камнями. Один из стражников выступил вперед и произнес на Общем Языке:

– Я – Гама³⁶⁴, привратник Теодена. Я вынужден нижайше просить вас оставить свое оружие³⁶⁵ за пределами королевских Палат.

Леголас отдал ему кинжал с серебряной рукоятью, колчан и лук.

– Стереги их получше! – молвил он. – Это оружие из Золотого Леса: оно досталось мне от Владычицы Лотлориэна.

Глаза привратника расширились от изумления. Поспешно нагнувшись, он положил оружие эльфа под стеной и сразу же отступил, будто боясь обжечься.

– Никто к нему не прикоснется, – заверил он.

Арагорн медлил.

– Нет на то моей воли, – промолвил он, – чтобы расстаться с Андарилом и передать его в чужие руки.

– Но такова воля Теодена, – возразил Гама.

– Я не уверен, что воле Теодена, сына Тенгела, дано возобладать над волей Арагорна, сына Араторна, наследника Элендила, Владыки Гондора, хотя Теоден и правит Рохирримами, – молвил Арагорн.

– Но здесь дом Теодена, а не Арагорна, даже если бы этот самый Арагорн правил в Гондоре вместо Дэнетора, – отрезал Гама, в одно мгновение загородив дорогу и обратив меч острием к пришельцам.

– Праздный спор, – заметил Гэндальф. – Теодену нечего опасаться, но возражать против здешних правил нам не след. Король – хозяин у себя во дворце, и, какими бы нам ни казались его повеления, мудрыми или опрометчивыми, нам остается повиноваться.

– Верно, – сказал Арагорн. – Я подчинился бы приказу хозяина даже в шалаше у лесника, будь это не Андарил, а какой-нибудь другой меч...

– Как бы твой меч ни назывался, он останется здесь, – твердо сказал Гама. – Или ты собираешься в одиночку сражаться против всех воинов Эдораса?

– Почему же в одиночку? – запротестовал Гимли, пробуя пальцем лезвие топорика и поглядывая на привратника, словно на молодое деревце, которое задумал срубить. – Не в одиночку!

– Ну, будет, будет, – остановил его Гэндальф. – Здесь нет врагов, одни друзья. Во всяком случае, нам следует быть друзьями. Если мы начнем ссориться, единственной наградой нам будет смех Мордора. Хороши же мы окажемся! Ну а мне некогда препираться из-за пустяков. Вот тебе мой меч, добрый Гама. Стереги его получше. Он зовется Гламдринг и выкован эльфами еще в Старшую Эпоху... Пропусти же меня! Не отставай, Арагорн! Ну же!

Арагорн медленно отстегнул пояс с ножнами и прислонил Андарил к стене.

– Я ставлю его здесь, – сдвинув брови, проговорил он, – но запрещаю дотрагиваться до него. Смотри, чтобы никто не дерзнул его коснуться! В этих эльфийских ножнах спрятан Клинок, Который Был Сломан И Выкован Заново. Сделан он в Старшую Эпоху, и не кем-

нибудь, а самим Телхаром. Если кто-нибудь, кроме наследника Элендила, осмелится взять в руку этот меч, его постигнет смерть.

– Поневоле подумаешь, что вы прибыли сюда на крыльях древней песни из давно минувших дней, – вымолвил пораженный привратник, отступив на шаг и глядя на Арагорна с нескрываемым благоговением. – Все будет, как ты велел, достойный повелитель!

– Ну что ж, – смягчился Гимли. – Не оставлять же Андарила в одиночестве! С таким соседом и моему топорнику не зазорно будет постоять у стенок. – И он поставил своего любимца рядом с мечом Арагорна. – Ну что ж, мы выполнили требование. Веди нас к своему хозяину!

Но стражник медлил.

– Твой посох, – сказал он Гэндальфу. – Прости, но его тоже придется оставить.

– Что за чепуха! – отмахнулся Гэндальф. – Одно дело – благоразумие, другое – неучтивость! Я стар. Если мне запретят опираться на посох, я, пожалуй, сяду у порога и подожду, пока Теоден сам не соизволит выйти ко мне.

Арагорн рассмеялся:

– Каждому из нас чего-нибудь да жаль отдать в чужие руки! Но послушай, неужели ты хочешь лишить согбенного старца его единственной опоры? Пропусти же нас, наконец!

– Посох в руке волшебника может оказаться не просто посохом, – возразил Гама, с подозрением присматриваясь к ясеновому посоху, на который опирался Гэндальф. – Но в сомнительных случаях истинно доблестный муж и воин должен поступать по своему разумению³⁶⁶, а не ждать приказа. Я верю, что вы пришли с добром, верю, что вы – люди чести, и не жду от вас подвоха³⁶⁷. Можете войти.

Стражники отодвинули тяжелые засовы, толкнули двери – и створки, скрипя на огромных петлях, медленно открылись. Гости вступили на порог. Жарким и сумрачным показался им дворец после свежего ветра, обдувавшего вершину холма. В длинной, широкой зале, уходящей в темноту, царили тень и сумрак – лишь из узких окон, из-под самого потолка, падали яркие лучи солнца. Потолок покоился на мощных столбах. К отверстию в крыше³⁶⁸ от пола поднимались тонкие струйки дыма, сквозь них виднелось бледно-голубое небо. Когда глаза

привыкли к сумраку, стало видно, что пол выложен цветными камнями³⁶⁹, а под ногами ветвятся руны и переплетаются непонятные узоры. Богато украшенные резьбой колонны тускло поблескивали золотом и пестрели еле угадываемыми красками. Стены скрывались за огромными коврами, на которых вытканы были изображения древних героев и их подвигов. Некоторые потемнели от времени, некоторые скрывала тень, и только на одну из фигур падал яркий солнечный свет. Это был молодой всадник на белом коне. Всадник трубил в огромный рог, его светлые волосы развевались по ветру. Конь поднял голову, раздувая алые ноздри в предвкушении битвы. У копыт скакуна бурлили зеленые волны и белая пена.

– Видите? Это Эорл Юный спешит из северных земель на битву при Кэлебранте, – показал Арагорн.

Четверо друзей миновали открытый очаг посередине залы и остановились. В дальнем конце, напротив дверей, виднелось возвышение, к которому вели три ступени, а на возвышении стоял большой позолоченный трон. На троне восседал согбенный старец, от дряхлости казавшийся чуть ли не гномом. Из-под тонкого золотого обруча с одним-единственным белым алмазом на плечи Короля ниспадали толстые седые косы, колени покрывала снежно-белая борода, но в глазах Короля горел неугашенный годами огонь, который при виде пришельцев вспыхнул еще ярче. За троном стояла молодая женщина в белом одеянии. У ног Короля на ступенях расположился худощавый человек с бледным умным лицом; глаза его были полуприкрыты тяжелыми веками.

Некоторое время длилась тишина, никто не спешил говорить первым. Старец не двигался.

Наконец Гэндальф нарушил молчание:

– Мир тебе, Теоден, сын Тенгела! Как видишь, я вернулся. Грядет буря, а перед угрозой войны друзья должны держаться вместе. Поодиночке нас ожидает гибель!

Старец медленно встал, тяжело опираясь на короткую черную трость с белым костяным набалдашником. Эльф и гном с удивлением заметили, что Король, несмотря на сутулость, очень высок; нетрудно было догадаться, что в молодости он отличался гордой и благородной осанкой.

– Мир и тебе, Гэндальф, – сказал он. – Видимо, ты ждешь, что я заключу тебя в объятия? Сказать правду, твое появление в этом доме – не такая уж и радость! Ты был и остаешься вестником несчастий. Беды следуют за тобою, как воронье, и чем чаще ты объявляешься в Марке, тем горшие нас постигают несчастья. Не солгу: когда я услышал, что Скадуфакс вернулся без седока, я не так рад был возвращению коня, как тому, что он вернулся один. Эомер сообщил, что ты отошел наконец в вечные обители, и я не стал тебя оплакивать. Но слухи редко бывают правдивы. Ты снова здесь, а за спиной у тебя толпятся новые беды – как всегда, еще более тяжкие, чем те, что мы переживаем сейчас. Почему же я должен раскрывать тебе объятия, Гэндальф – Провозвестник Бури? Объясни!

И он медленно, с трудом опустил на золоченое сиденье.

– Справедливо сказано, о господин мой! – подал голос бледный человек, сидевший на ступенях. – Не прошло еще и пяти дней с того времени, как до нас дошла скорбная весть о гибели на западных окраинах страны твоего сына Теодреда³⁷⁰, Второго Маршала Рохирримов. А Эомеру едва ли можно довериться. Дай ему волю, и Золотые Палаты сразу останутся без охраны! К тому же из Гондора только что дошло известие о том, что Черный Властелин тоже готовится к войне. Вот какой темный час выбрал этот бездомный бродяга, чтобы предстать пред твои светлые очи! И впрямь – почему мы должны привечать тебя, Гэндальф – Провозвестник Бури? Истинное твое имя – *Латспелл*, Зловозвестник! Как говорят в Марке: «Суди о госте по вестям!» – Он мрачно засмеялся и, приподняв тяжелые веки, взглянул на чужеземцев; глаза его были глубоки и темны.

– Ты считаешься мудрецом, друг мой Червеуст, и, без сомнения, Король находит в тебе достойную опору, – негромко промолвил Гэндальф. – Но зло можно возвещать по-разному. Одни сеют зло сами, другие – истинные друзья – в дни мира и благополучия странствуют в далеких странах, а в черный день являются, чтобы протянуть руку помощи.

– Это так, – отозвался Червеуст. – Но бывают и такие друзья, что приходят рыться в объедках и вечно суют нос в чужие дела. Такие друзья ничем не лучше стервятников, что кормятся мертвечиной. Разве мы видели от тебя помощь, Ворон-Зловозвестник? Разве не ты

накликал на нас бурю? С чем же ты явился на этот раз? В прошлое свое посещение ты сам нуждался в помощи, и Король разрешил тебе выбрать коня, чтобы ты убрался восвояси. К общему удивлению, ты дерзнул выбрать Скадуфакса. Этим ты причинил Королю немалое горе. Но, подумав, многие рассудили, что не жалко заплатить любую цену, только бы сбыть тебя с рук. И вот ты вновь принялся за свое! Бьюсь об заклад, сейчас повторится то же самое: ты опять будешь кланяться помощи, но от тебя мы ее вряд ли дождемся. Что-то я не вижу твоего войска! Сколько у тебя коней, мечей, копий? Войско – вот что я называю помощью! От такой подмоги мы не отказались бы. Но что за сброд ты приволок во дворец? Трое обносившихся бродяг в серых плащах – и все! Впрочем, сам ты смахиваешь на нищего еще больше, чем они...

– Вижу, учтивости при твоём дворе за последнее время не прибавилось, о Теоден, сын Тенгела, – молвил Гэндальф. – Разве стражник не представил тебе моих друзей? Владыкам Рохирримов не часто выпадает честь принимать у себя столь высоких гостей. Оружие, оставленное нами за порогом твоего дома, достойно самых благородных и могущественных владык всех эпох и всех народов. Мои друзья облачены в серое – но таков цвет одежд, в которые одели их эльфы, дабы они невредимыми прошли через серую мглу опасностей, что подстерегали их на пути к твоему дому.

– Значит, Эомер не лгал и вы действительно в сговоре с Колдуньей из Золотого Леса? – приподнялся Червеуст. – Вот оно что! Ничего удивительного! В Двимордене³⁷¹ всегда плелись сети обмана!

Гимли шагнул вперед, но рука Гэндальфа сжала ему плечо, и он остановился.

*Двиморден, Лориэн
Не имеет толстых стен —
Но сокрыт сей дивный Лес
От непрошенных очес.
Там не меркнет никогда
Потаенная звезда;
Непорочен, свеж и чист,
Золотой не вянет лист;
Там не сякнет чистый ключ,*

*Небеса не знают туч,
И не гаснет светлый свет
Много-много долгих лет... —*

тихо пропел Гэндальф — и вдруг преобразился. Отбросив ветхий плащ, он выпрямился, перестал опираться на посох и отчеканил — холодно и ясно: — Мудрый избегает говорить о том, чего не знает, Грима, сын Галмода! Ты превратился в скудоумного червя, в змею, что шипит по делу и без дела! Замолкни же и спрячь свой раздвоенный язык! Не затем я прошел через огонь и смерть, чтобы оправдываться перед лживым слугою³⁷², пока не грянет гром!

Он поднял посох. Послышался раскат грома. Солнце в боковых окнах померкло, зала погрузилась в кромешную тьму. Огонь в очаге начал быстро гаснуть, наконец от него остались только мрачные угли. Все ушло в темноту, кроме фигуры Гэндальфа, высокой и белой. За ней багровел подернувшийся пеплом очаг.

В темноте послышался шипящий голос Червеуста:

— Разве я не говорил тебе, о повелитель, что у него нужно отобрать посох? Этот баран, Гама, предал тебя!

Сверкнула вспышка; всем показалось, что крышу расколола молния. Все смолкло. Червеуст лежал на полу лицом вниз.

— Так как, Теоден, сын Тенгела? Будешь ли ты говорить со мной? — спросил Гэндальф. — Попросишь ли моей помощи? — Он поднял посох и указал им на отверстие в крыше. Тьма начинала рассеиваться, и высоко вверху показался сияющий лоскут неба. — Тень еще не всесильна. Мужайся, Владыка Рохирримов! Открой свой слух! Внемли моей речи! Лучшей помощи тебе не предложит никто. Отчаявшемуся мои советы не нужны. Но мне есть что посоветовать тебе! Готов ли ты слушать? Однако я должен говорить с тобой наедине. Выйди за порог и посмотри вокруг! Слишком долго ты оставался во мгле, внимая лживым речам, которыми тебя пытались совратить с прямого пути!

Теоден медленно поднялся. В зале постепенно светлело. Молодая женщина поспешила к Королю, взяла его под локоть, и старец, опираясь на ее руку, неверным шагом сошел со ступеней; хромя, побрел он к выходу. Червеуст лежал без движения. Подойдя к дверям, Гэндальф громко постучал.

– Отворите! – крикнул он. – Идет Повелитель Рохирримов!

Двери распахнулись, и в залу со свистом влетел холодный ветер.

– Вели стражникам сойти вниз, – обратился к Теодену Гэндальф. – Оставь нас ненадолго и ты, о госпожа. Я позабочусь о Короле.

– Иди, Эовейн³⁷³, дочь сестры моей! – кивнул ей Король. – Время страхов миновало.

Молодая женщина медленно направилась во дворец. Ступив за порог, она обернулась. Взгляд ее был строг, задумчив и полон жалости к Теодену, но жалости отстраненной, словно чуждающейся. Хрупкой казалась эта дочь королей, стройная и высокая, в белом платье, схваченном серебряным поясом, – и в то же время сильной и твердой духом, тверже стали, как и подобает наследнице древнего державного рода воинов. Так Арагорн впервые увидел королевну Рохана Эовейн в свете дня, и показалось ему, что она прекрасна – прекрасна и холодна, как раннее весеннее утро, еще не успевшее расцвести зрелой красотой полдня. Увидела и она Арагорна – статного, умудренного тяготами многих суровых зим наследника великих королей. Простой серый плащ не скрыл от нее ни власти, которой облечен был странный гость, ни силы, которой он обладал. На мгновение Эовейн замерла – но тут же отвернулась и скрылась во дворце.

– А теперь, Повелитель, – сказал Гэндальф, – посмотри вокруг, посмотри на свою страну! Вдохни свежего воздуха!

С высокой вершины холма взору открывались зеленые роханские степи, начинавшиеся сразу за рекой и уходившие в серую даль. Ветер подгонял косые занавеси далеких дождей. На западе еще клубились грозовые тучи, прорезанные молниями, но ветер уже сменился на северный, и буря, пришедшая с востока, постепенно уходила на юг, к Морю. Внезапно в землю, проткнув облака, вонзился солнечный луч. Нити дождя засверкали серебром, а река вдали заблестала, как хрустальная лента.

– Здесь гораздо светлее, – молвил Теоден.

– Ты прав, – сказал Гэндальф. – И годы еще не так отяготили твои плечи, как внушают тебе некоторые доброхоты. Брось же эту палку!

Черная трость со стуком выпала из рук Короля и покатилась по камням. Теоден медленно выпрямил спину, задеревенелую, словно от тяжелой ноши, перевел взгляд на небо – и глаза его засинели.

– В последнее время мне снились темные сны, – сказал он. – Но теперь я проснулся. Жаль, что ты не пришел раньше, Гэндальф! А нынче, боюсь, уже поздно. Род мой доживает последние дни. Недолго осталось стоять этим Палатам, построенным Брего, сыном Эорла! Трон роханских королей сгинет в огне пожара³⁷⁴. Что мне делать?

– Ты можешь сделать еще очень многое, – ответил Гэндальф. – Но прежде всего пошли за Эомером! Ты держишь его под стражей, ибо таков был совет Гримы, коего все, кроме тебя, зовут Червеустом. Прав я или нет?

– Прав, – ответил Теоден. – Но Эомер взбунтовался против моих повелений и угрожал Гриму смертью у моего трона.

– Можно любить тебя и не любить Червеуста, а тем более – его советов, – возразил Гэндальф.

– Может быть... Добро же! Я поступлю по твоему слову. Позови ко мне Гаму! Привратником он оказался ненадежным – что ж, пусть побудет на посылках! Пусть один виноватый приведет другого на мой суд!

Он произнес это сурово, но, взглянув на Гэндальфа, улыбнулся; морщины, оставленные на его лице заботами и тревогой, разгладились – и более уже не появлялись.

Гама отправился выполнять приказ, а Гэндальф отвел Теодена к скамье и сел у его ног на верхней ступеньке. Арагорн и остальные встали рядом.

– У меня нет времени поведать тебе все, что ты должен услышать, – начал Гэндальф. – Но если не посрамится моя надежда, вскоре я смогу поведать тебе всю правду от начала и до конца. Знай, о Король, что стране угрожает опасность, какая не снилась тебе даже в черных снах, насланных Червеустом. Но ты уже не спишь более. Ты жив, о Король! Гондор и Рохан не одиноки. Враг сильнее, чем мы способны себе представить, но у нас есть надежда – надежда, о которой он не подозревает.

Гэндальф заговорил быстро, но тихо: никто, кроме Короля, не мог расслышать его слов. Глаза Теодена светились все ярче – и наконец он встал, выпрямился во весь рост и обернулся к востоку. Гэндальф тоже поднялся, встал рядом – и они вместе посмотрели вдаль с высоты холма.

– Воистину, – произнес Гэндальф ясно и громко. – Воистину, и страх наш, и надежда наша – там! Все висит на волоске. И все-таки, если мы продержимся еще немного, спасение может прийти к нам.

Вслед за Гэндальфом и Теоденом повернули головы на восток и остальные. Тревога и надежда читались в глазах: что происходит там, за чертой горизонта, за черными горами, окружающими Страну Мрака? Где теперь Хранитель Кольца? И впрямь, тонка ниточка, на которой держится спасение! Леголас напряг зрение, и его эльфийские глаза различили в дальнем далеке яркий блик солнца на шпиле Сторожевой Башни, а за Башней, в совсем уже невообразимой дали, еле заметный язык пламени, то вспыхивавший, то гасший – далекую, но ни на миг не ослабевающую угрозу.

Теоден тяжело опустился на скамью, словно его прежняя усталость снова взяла верх над волей Гэндальфа.

– Увы! – проговорил он. – Лихие дни выпали мне на долю, и не в зрелости, а на закате моей жизни; прощай же, покой, столь желанный и заслуженный долгими трудами! Увы отважному Боромиру! Молодые гибнут, а старцы влачат свои дни понапрасну и дряхлеют! – И он тяжело уперся руками в колени.

– Руки твои еще обретут былую силу – дай им только сжать рукоять меча, – сказал Гэндальф.

Теоден приподнялся, и рука его потянулась к бедру, но вместо меча нащупала пустоту.

– Где же Грима держит мой меч? – пробормотал Король.

– Возьми этот, о Повелитель! – послышался снизу громкий голос. – Он всегда служил тебе верой и правдой!

Два воина взбежали по ступеням и остановились на одной из последних, чуть ниже Теодена. Один из воинов был Эомер. Голова его была обнажена, лат на груди не было; но в руке он держал меч без ножен и, преклонив колени, протягивал его Королю рукоятью вперед.

– Что это значит? – сурово спросил Теоден, повернувшись к Эомеру.

Оба воина остолбенели. В первое мгновение они не узнали своего Короля. Перед ними стоял седобородый богатырь, статный и величественный; куда же делся сгорбленный старец, которого они в последние месяцы видели только сидящим или опирающимся на трость?

– Вели казнить или миловать, Повелитель, – ответил, трепеща, Гама. – Я решил, что Эомер освобожден из-под стражи, и сердце мое так возрадовалось, что я, должно быть, согрешил и поступил против твоей воли. Я подумал, что Эомер снова Маршал Страны Всадников, и поэтому надлежит исполнить его просьбу – вернуть ему меч.

– Я просил меч лишь затем, чтобы положить его у твоих ног, Повелитель! – воскликнул Эомер.

Наступило молчание. Теоден сверху вниз смотрел на коленопреклоненного Эомера. Тот протягивал ему меч, но Король медлил.

– Так возьмет Король меч или нет? – нарушил тишину Гэндальф.

Теоден медленно протянул руку, и, когда пальцы его коснулись рукояти, всем почудилось, что истончившаяся рука старца на глазах наливается силой. Вдруг Теоден поднял меч и, со свистом рассекая воздух сверкающим клинком, очертил им несколько быстрых кругов над головой. Возвысив голос, он громко воззвал к своим воинам порохански:

*Вставай! Вставай, народ Теодена!
Подвиги ждут нас; тьма сгустилась.
Седлайте коней, трубите в горны!
Вперед, племя Эорла!*

Стражники, решив, что Король зовет их, бросились вверх по лестнице. Увидев своего владыку, они изумленно остановились и в едином порыве протянули мечи к его ногам, восклицая:

– Повелевай, о Король!

– *Уэсту Теоден хал!*³⁷⁵ – вскричал Эомер. – Мы все рады видеть тебя полным сил, о Повелитель! Попробуйте теперь сказать, что Гэндальф приносит одни только невзгоды!

– Возьми свой меч назад, Эомер, сын сестры моей! – повелел Король. – А ты, Гама, отыщи мой! Он взят на сохранение Гримой. Грима тоже пусть предстанет передо мной. Так как, Гэндальф? Ты обещал мне дать совет, если я соглашусь внимать тебе. Что же это за совет?

– Ты уже не нуждаешься в нем, – улыбнулся Гэндальф. – Мой совет был – довериться Эомеру и отстранить от себя лжеца советника с его коварными речами, а еще – отбросить страх и сожаления. Пора взяться за самое насущное дело. Все, кто может сидеть в седле, пусть немедленно выступают в поход на запад, как и предлагал Эомер! Прежде всего мы должны разобраться с Саруманом, пока есть время для этого. Если мы не одолеем Сарумана, мы погибнем³⁷⁶. Если одолеем – нас будут ждать новые дела. Все, кто остается здесь – дети, женщины, старики, – должны укрыться в горах, в старинном убежище Рохирримов. Разве не для таких дней существует эта крепость? Пусть люди возьмут с собой еды, но не разрешай им медлить и нагружать телеги сокровищами – ни великими, ни малыми. Речь идет о жизни и смерти.

– Твой совет по душе мне, – согласился Теоден. – Пусть роханцы готовятся к походу! А вы, друзья мои? Правду ты сказал, Гэндальф, – мы стали неучтивы. Вы скакали всю ночь напролет, а время к полудню. Вам не предложили ни отдыха, ни трапезы. Приготовьте гостям покои – им надо выспаться! Но сначала накормите их.

– О нет, Повелитель! – возразил Арагорн. – Усталым путникам еще рано искать покоя. Воины Рохана должны оседлать коней сегодня же, а наши меч, лук и топор отправятся с ними. Не за тем принесли мы их к твоему порогу, чтобы они празднично лежали под стеной Золотых Палат, о Властитель Марки! Я обещал Эомеру, что буду сражаться с ним бок о бок!

– Тогда у нас воистину есть надежда на скорую победу! – воскликнул Эомер.

– Надежда есть, – подтвердил Гэндальф. – Но Исенгард крепок. Кроме того, близятся иные невзгоды... Не мешкай, Теоден! Как только мы выступим в поход, уводи свой народ в Дунхаргскую Крепость³⁷⁷, в горы!

– Нет, Гэндальф, – возразил Король. – Ты, должно быть, сам не ведаешь силы своего волшебства! С той минуты, как ты исцелил меня, все изменилось. Я сам встану во главе войска – и, если так решит судьба, паду одним из первых. Тогда сон мой будет спокойным.

– В таком случае даже поражение Рохирримов будет славным и достойным песни! – воскликнул Арагорн.

Воины, стоявшие вокруг, зазвенели оружием и возликовали:

– Да здравствует Король! Король отправляется на битву! Вперед, Эорлинги!

– Но твой народ нельзя оставить без пастыря и защитника, – напомнил Гэндальф. – Кто же будет управлять им в твоё отсутствие?

– Я подумаю об этом, – кивнул Теоден. – Смотрите! Идет мой вития!

В дверях появился Гама, а за ним под конвоем двух воинов – Червеуст: он шел, хромя и скособочившись. Лицо его было смертельно бледно. Глаза слепо моргали на солнце. Приблизившись, Гама преклонил колени и подал Теодену длинный меч в золотых ножнах, усыпанных зелеными камнями.

– Вот твой древний меч Эругрим³⁷⁸, о Король! – почтительно молвил он. – Его обнаружили у Гримы в сундуке. Долго не хотел он отдавать ключей! И немудрено: там нашлись вещи, которых многие из нас давно уже не могут доискаться!

– Ложь! – воскликнул Червеуст. – Повелитель сам отдал мне меч на хранение!

– А нынче берет его обратно, – сказал Теоден. – Тебе это не по сердцу?

– Как можно, Повелитель! – поспешно ответил Червеуст. – Я пекусь о тебе и твоём имуществе, как только могу! Но не перетруждай себя, не полагайся на свои силы безоглядно! Пусть кто-нибудь другой побеседует с этими докучливыми гостями! Скоро трапеза. Не изволишь ли откусать?

– Изволю, – кивнул Теоден. – Накройте стол для меня и моих гостей! Я разделю с ними трапезу. Войско выступает сегодня же. Велите трубить сбор! Созовите всех, кто живет поблизости! Все мужи и юноши, владеющие оружием, способные держаться в седле, пусть оседлают лошадей и к двум часам пополудни выстроятся у ворот.

– О государь! – вскрикнул Червеуст. – Этого-то я и страшился! Волшебник околдовал тебя! Неужели ты никого не оставишь охранять Золотые Палаты твоих отцов и твои наследные сокровища? Неужто некому будет защитить Короля?

Теоден ответил, по-прежнему оставаясь невозмутимым:

– Если это и волшебство, оно кажется мне полезнее твоих нашептываний. От твоего лечения я чуть было не встал на

четвереньки, как скот! Знай: здесь не останется никого, и Грима не будет исключением. Грима поскачет с войском, как и все. Поспеши! Ты еще успеешь отчистить ржавчину со своего меча!

– Смилуйся, государь! – простонал Червеуст, припадая к земле. – Сжался над несчастным Гримой, который отдал тебе все, что имел, который надорвал здоровье на твоей службе! Не отсылай меня, дай остаться с тобою! Я буду оберегать тебя до конца. Не гони своего верного Гриму!

– Король сжалился над тобою, – сказал Теоден, – и не отсылает тебя прочь. Я иду на войну вместе с моими всадниками. Дозволяю тебе сопровождать меня, дабы ты мог доказать свою преданность.

Червеуст в отчаянии оглядел стоявших вокруг, как загнанный зверь, который напрасно ищет брешь в плотном строе взявших его в кольцо охотников. Высунув длинный бледный язык, Червеуст судорожно облизнул трясущиеся губы.

– Такого решения следовало ожидать от наследника Эорла, даже и преклонного летами, – проговорил он наконец. – Но если бы новые друзья Короля любили его по-настоящему, они пощадили бы его седины. Я вижу, что опоздал. Нашлись другие советчики, которых, видимо, смерть Короля не так опечалит, как Гриму. Вижу, что переубедить тебя, о Повелитель, мне уже не удастся. Так выслушай последнюю мою просьбу! В Эдорасе нужен человек, который был бы посвящен в твои помыслы и считал твои повеления священными. Назначь верного и мудрого наместника. Доверь правление своему испытанному советнику Гриму! Тогда ты сможешь быть спокоен за свой народ и свое добро до самого возвращения – хотелось бы, чтобы оно было скорым, вопреки доводам мудрости, не оставляющим на это никакой надежды!

Эомер засмеялся:

– Ну а что, если на твою просьбу ответят отказом, почтеннейший? До какой работы ты согласен унизиться, чтобы не идти в поход? Может, наймешься носильщиком, таскать в горы мешки с едой? Сомневаюсь, правда, чтобы их тебе доверили!

– Нет, Эомер! Ты, видно, не до конца постиг, на что замахнулся наш любезный Грима, – молвил Гэндальф, внимательно и жестко глядя на королевского советника. – Он смел и коварен. Он играет с огнем и даже теперь пытается спасти проигранную партию. Сколько

драгоценного времени я на него трачу!.. Ниц, жалкий змей! – воскликнул он вдруг страшным голосом. – В прах лицом! Говори, давно ли ты продан Саруману? Что он тебе обещал в награду? Полагаю, когда все погибнут, ты получишь свою долю королевских сокровищ, а в придачу женщину, которую желал, – не так ли? Долго ты следил за нею из-под полуприкрытых век, наблюдая за каждым ее шагом...

Эомер схватился за меч.

– Я знал это! – процедил он в ярости. – За это я и хотел его убить, презрев законы двора! Но, оказывается, я знал не все!

Он шагнул вперед, но Гэндальф протянул руку и удержал его.

– Успокойся! Эовейн вне опасности, – сказал он. – А ты, Червеуст, тоже можешь быть спокоен: ты славно послужил своему хозяину и сделал все, что было в твоих силах. Право же, тебя никак нельзя оставить без награды. Но Саруман не всегда щепетилен с выплатой долгов, так что советую поспешить к нему и напомнить о своих заслугах, а то он, чего доброго, позабудет, как самоотверженно ты служил Орфанку!

– Ложь! – прервал Червеуст.

– Опять «ложь», – поморщился Гэндальф. – Слишком легко это слово слетает у тебя с уст! Мне незачем лгать. Посмотри на этого ядовитого червя, Теоден! И с собой его взять опасно, и оставить нельзя. По справедливости, его следовало бы казнить. Но он не родился предателем. Был и он когда-то одним из твоих подданных и служил тебе в меру своих сил. Дай ему коня, и пусть убирается, куда пожелает! Суди его по тому, какую он выберет дорогу!

– Слышишь, Червеуст? – обратился Теоден к Гриму. – Выбирай! Или ты отправляешься со мной на войну и доказываешь свою верность на деле, или ступай куда хочешь, но если снова попадешься на моем пути – пеняй на себя!

Червеуст медленно поднялся с колен и еще раз оглядел всех по очереди, полуприкрыв глаза. Наконец он посмотрел в лицо Теодену, приоткрыл рот, будто собираясь что-то сказать, – и вдруг все его тело страшно напряглось. Руки конвульсивно задергались, глаза засверкали, а в лице отразилась такая злоба, что все невольно отступили. Червеуст оскалился, со свистом втянул воздух – и неожиданно плюнул под ноги

Королю, а сам метнулся в сторону и опрометью помчался вниз по ступеням.

– За ним! – велел Теоден. – Как бы он не причинил кому-нибудь вреда! Только смотрите не покалечьте его и не препятствуйте ему покинуть Эдорас! Если он захочет взять коня – дайте.

– Найдется ли конь, что согласится его нести? – усомнился Эомер.

Один из стражников бросился вслед изменнику, другой побежал к фонтану, бившему у подножия террасы, вернулся с шлемом, полным воды, и омыл оскверненные Червеустом камни.

– А теперь идемте, гости мои! – пригласил Теоден. – Подкрепимся, насколько позволит нам спешка!

Вслед за ним гости направились во дворец. Снизу уже доносились голоса герольдов и звуки боевых рогов: Король повелел выступать, как только соберутся и вооружатся все всадники из города и ближайших селений.

За королевский стол, кроме Теодена, сели Эомер и четверо гостей. Эовейн прислуживала Королю. Трапеза была недолгой. Теоден расспрашивал Гэндальфа о Сарумане; остальные хранили молчание.

– Когда он стал изменником, не знает никто, – говорил Гэндальф. – Саруман не всегда был черен душой. Я не сомневаюсь, что некогда он питал самую искреннюю дружбу к Рохану. Даже когда сердце его стало понемногу стынуть, он продолжал считать вас полезными соседями. И все же знай, о Король: не вчера замыслил он погубить тебя. Маска дружбы, правда, была сброшена не сразу. В те годы Червеуст жил припеваючи – он легко справлялся со своей задачей, и в Исенгарде мгновенно узнавали обо всем, что ты говорил и делал. Ибо границы тогда были открыты, и чужеземцы бродили по вашим краям, как и где им вздумается. А Червеуст все шептал и шептал, отравляя ядом своих речей все твои помыслы, остужая сердце, вливая немощь в твои члены... Твои близкие видели это, но сделать ничего не могли – он завладел тобой всецело. Помнишь, как предостерегал я тебя против Сарумана, когда явился к тебе, бежав из Орфанка? Предатель лишился маски, – во всяком случае, так оно было для тех, кто не пожелал закрыть на это глаза. С тех пор игра Червеуста стала куда опаснее. Он делал ставку на промедление, на бездействие, не позволял войску собраться воедино. Надо отдать ему должное: он

умел усыпить тебя – или, смотря по обстоятельствам, подогреть твои страхи. Помнишь, как настаивал он на том, чтобы все непременно ехали к северным границам охотиться на диких гусей, в то время как с запада вам грозила серьезная опасность? Это он потребовал, чтобы ты запретил Эомеру преследовать орочий отряд. И если бы тот не послушался Червеуста, говорившего твоими устами, драгоценная добыча этих орков была бы уже в Исенгарде. Не этой добычи взыскует Саруман и не на нее возлагает свои упования. Но орки похитили не кого-нибудь, а двух членов нашего Отряда, посвященных в тайну нашей надежды, о которой даже с тобой, о Король, я не могу пока говорить открыто. Страшно подумать, каким пыткам подверглись бы пленники и что мог бы выведать у них Саруман, на нашу общую гибель!

– Я должник Эомера, – признал Теоден. – За горячими и дерзкими речами нередко кроется преданное сердце.

– Добавь, о Король, что, если в глаз попадет соринка, иной раз и правда покажется кривдой, – заметил Гэндальф.

– Мои глаза были поражены слепотой, – молвил Теоден. – Но больше всего я обязан тебе, о гость мой. Ты снова явился вовремя. Я хочу по-королевски одарить тебя, прежде чем мы выступим в поход. Выбирай, что пожелаешь! Мои сокровища – твои сокровища. Одного только не проси у меня – моего меча.

– Вовремя ли я сюда явился, покажет будущее, – ответил Гэндальф. – А что касается подарка, Повелитель, то я выберу то, без чего мне теперь просто не обойтись, – быстроту и надежность. Отдай мне Скадуфакса! Я брал его в долг, если можно так выразиться. Но теперь я отправляюсь навстречу смертельной опасности и ставлю серебро против черного. Я не хочу рисковать тем, что принадлежит не мне. Кроме того, мы связаны со Скадуфаксом узами верной и крепкой дружбы.

– Добрый выбор, – кивнул Теоден. – На этот раз я с охотой уступаю тебе то, о чем ты просишь. Но знай – это неслыханно ценный дар! Другого такого коня в мире нет. В нем возродились могучие скакуны прошлого, но таких, как он, более уже не будет. А вас, мои дорогие гости, прошу выбрать из моей оружейни, что приглянется! Мечи у вас есть, но мы снабдим вас шлемами и кольчугами самой искусной работы – мои предки получили их в дар от гондорцев.

Выбирайте, пока у нас есть время, и пусть роханские доспехи послужат вам верой и правдой!

Из королевской сокровищницы принесли груду доспехов, и слуги помогли Арагорну с Леголасом облачиться в сверкающие кольчуги. В придачу оба получили по шлему и круглому щиту, украшенному зелеными, красными и белыми камнями, с золотым умбоном. Гэндальф от кольчуги отказался, а Гимли она была ни к чему – даже если бы в Эдорасе и нашлось что-нибудь на его рост, напрасно искали бы люди в своих оружейнях латы прочнее короткого панциря, выкованного в подземельях Одинокой Горы далеко на севере. Гимли взял себе только подбитый кожей шлем с железными пластинами, который пришелся как раз по его круглой голове, и небольшой щит, на котором красовался белый на зеленом поле конь – герб Дома Эорла.

– Пусть охранит он тебя в битве! – сказал Теоден. – Этот щит сделан был для меня в дни короля Тенгела, когда я был еще отроком.

Гимли поклонился.

– Я горд оказанной мне честью, о Повелитель Марки, и постараюсь не посрамить твоего герба, – сказал он церемонно. – Воистину, лучше я буду носить коня на щите, нежели он меня – на спине! Я предпочитаю свои две ноги четырем лошадиным! Но, может, когда-нибудь я пригожусь и пешим?

– Не исключено, – сказал Теоден.

Он встал, и к нему приблизилась Эовейн с кубком вина.

– *Фэрту Теоден хал!*³⁷⁹ – воскликнула она. – Пригубь от этого кубка, о Король! В добрый час! Удачи тебе в пути! Возвращайся невредимым!

Теоден пригубил вина, и Эовейн по очереди поднесла кубок остальным. Перед Арагорном она внезапно остановилась и подняла на него сияющие очи. Арагорн взглянул в ее прекрасное лицо и ответил улыбкой, но, принимая кубок, случайно коснулся ее руки – и почувствовал, как дрогнули пальцы дочери Эомунда.

– Радуйся, Арагорн, сын Араторна! – молвила Эовейн.

– Радуйся и ты, королевна Рохана! – ответил Арагорн, но лицо его потемнело, и улыбка погасла.

Когда кубок обошел полный круг, Король направился к выходу. Дружина уже дожидалась его; у дверей столпились герольды,

роханские князья, полководцы – все, кто оказался в этот день в Эдорасе или жил поблизости.

– Внемлите, дети Эорла! – воззвал Теоден. – Я выступаю в поход, и, может статься, он будет для меня последним. У меня нет наследника, ибо единственный сын мой Теодред убит в бою. Сим провозглашаю своим наследником Эомера, сына моей сестры. Если же и Эомер не вернется – выберите нового короля по своему желанию. Но кому вверю я свой народ, пока меня не будет? Кто из вас останется охранять город?

Никто не проронил ни звука.

– Неужели никто не назовет мне имени наместника? Кому больше всех доверяет народ?

– Роду Эорла, – молвил Гама.

– Я не могу расстаться с Эомером, да и он не пожелает со мной разлучиться, – возразил Король. – А он – последний в роде Эорла.

– Я говорю не об Эомере, – возразил Гама. – К тому же Эомер не последний. У Эомера есть сестра – Эовейн, дочь Эомунда. Она отважна и благородна. Ее любят все. Пусть Эовейн возглавит народ Эорла на время похода!

– Да будет так, – постановил Теоден. – Пусть же герольды возвестят людям, что отныне ими правит Эовейн, королевна из рода Эорла!

Король воссел на каменный трон у входа в Золотые Палаты, Эовейн преклонила пред ним колени и приняла из его рук меч и блестящий панцирь.

– Прощай, дочь сестры моей! – сказал ей Теоден. – Час нашего расставания черен, но, может, мы еще вернемся в Золотые Палаты. Помни: в Дунхаргской Крепости оборону можно держать долго, и если мы потерпим поражение, оставшиеся переберутся туда.

– Не говори так, о Король! – горячо возразила Эовейн. – Я буду считать дни до твоего возвращения, и каждый из них будет казаться мне годом.

Но глаза ее обращены были не на Короля, а на Арагорна, стоявшего рядом.

– Король вернется, – сказал Арагорн. – Не страшись! Наши судьбы вершатся на Востоке, не на Западе.

Теоден поднялся и вместе с Гэндальфом сошел вниз по ступеням. Остальные последовали за ними. У ворот Арагорн обернулся в последний раз. На верхней ступеньке, перед входом в Золотые Палаты, одиноко стояла Эвейн, положив руки на рукоять меча. Облаченная в сверкающую кольчугу, она казалась статуей из серебра.

Гимли шел рядом с Леголасом, положив топор на плечо.

– Наконец-то! – говорил он. – Люди всегда тратят уйму слов, прежде чем заняться делом. Моему топорику не терпится в драку! Впрочем, я верю, что эти роханцы сражаются не щадя живота, вот только биться на лошадях – не по мне это. Как я буду воевать? Хорошо бы на своих двоих! Не вечно же трястись мешком на луке Гэндальфова седла!

– Местечко из безопасных, – рассмеялся Леголас. – Но не грусти – Гэндальф охотно поставит тебя на землю, когда начнется битва, да и Скадуфакс, думаю, возражать не будет. Топор – оружие не для всадников.

– Да какие из нас, гномов, всадники? Мое дело – рубить головы оркам, а не брить на скаку человечьи макушки, – проворчал Гимли, пробуя лезвие топорика.

У ворот собралось великое войско. Были там и старые, и молодые, но все до одного на конях – больше тысячи всадников. Копья стояли стеной, как молодой лес. Теодена приветствовали громкими радостными кликами и подвели ему королевского коня. Подвели коней и Арагорну с Леголасом. Гимли чувствовал себя неловко и хмурился, – впрочем, Эомер уже шел к нему с конем в поводу.

– Радуйся, Гимли, сын Глоина! – еще издалека крикнул он. – Прости, что у меня не нашлось пока времени взять у тебя урок вежливости! Но, может быть, отложим нашу тяжбу? Обещаю, что недоброго слова о Владычице Леса ты от меня больше не услышишь!

– Считай, что до поры до времени я забыл о нашем споре, сын Эомунда, – поклонился Гимли. – Но если тебе доведется увидеть госпожу Галадриэль своими глазами, ты должен будешь признать, что она прекраснее всех на свете, – а не то конец нашей дружбе!

– Да будет так! – сказал Эомер. – А до тех пор прости меня и в знак прощения садись со мной в седло! Гэндальф поедет впереди, с Государем Рохана. Огнегрив согласен нести двоих. Дело только за тобой!

– Спасибо, Эомер! – Гимли был тронут и обрадован. – С великой охотой! Но позволь в таком случае моему другу, Леголасу, ехать рядом!

– Согласен, – кивнул Эомер. – Леголас поедет слева, Арагорн справа – и посмотрел бы я на того, кто захочет нас остановить!

– Где Скадуфакс? – спрашивал тем временем Гэндальф.

– Пасется на воле! – ответили ему. – Никто не мог совладать с ним. Видит ли досточтимый Гэндальф серую тень среди ив, у брода? Это он.

Гэндальф свистнул и позвал коня по имени. Скадуфакс встряхнул гривой, заржал – и как стрела понесся к хозяину.

– Если бы западный ветер обрел плоть, он был бы подобен этому скакуну, – восхищенно молвил Эомер, когда огромный конь склонил голову перед волшебником.

– Кажется, дар уже давно принадлежит тебе, – заметил Теоден, пряча в бороде улыбку. – Слушайте все! Сим провозглашаю моего друга, Гэндальфа Грейхейма³⁸⁰, мудрейшего из советников и желаннейшего из гостей, Князем Марки и вождем Эорлингов. Так будет, покуда не прервется мой род. В дар Гэндальфу Король жалует высокородного Скадуфакса, князя роханских табунов!

– Благодарю тебя, о король Теоден! – отозвался Гэндальф.

Он скинул с плеч серый плащ, отбросил шляпу и одним прыжком вскочил на спину Скадуфаксу. На волшебнике не было ни шлема, ни кольчуги. Снежно-белые волосы развевались по ветру, белые одежды сияли на солнце, слепя глаза.

– Белый Всадник! – воскликнул Арагорн, и все подхватили:

– Да здравствуют Король и Белый Всадник! Вперед, Эорлинги!

Пропели трубы. Кони заржали и встали на дыбы. Копья ударили о щиты. Наконец Король поднял руку – и последнее войско Рохирримов, словно степной шквал, помчалось на запад.

Долго следила Эовейн за отблесками солнца на кончиках копий, недвижно стоя у порога смолкших Золотых Палат.

Глава седьмая

Хельмова Теснина

Когда всадники выехали из Эдораса, солнце уже клонилось к западу и светило им прямо в очи, заливая убегающие вдаль роханские

степи расплавленным золотом. Вдоль подножия Белых Гор тянулась утоптанная дорога; по ней-то и повел Теоден свое войско, то в гору, то под уклон, то вброд через быстрые горные ручьи. Далеко справа, приближаясь и вырастая с каждой лигой, тянулась цепь Туманных Гор.

Войско мчалось вперед во весь опор, ибо времени оставалось мало. Страшась опоздать, всадники ехали почти без остановок. Роханские скакуны славились выносливостью и быстротой, но и путь был неблизкий: от брода через Исену, где Теоден надеялся соединиться с войском, что сдерживало напор армии Сарумана, Эдорас отделяло не меньше сорока лиг по прямой.

Над степью сомкнулась ночь. Наконец Король дал приказ остановиться. Прошло пять часов с тех пор, как они выступили, и за спиной осталось немало лиг, но впереди лежала еще добрая половина пути. Роханцы расположились широким кругом под звездами в бледном свете прибывающей луны. Костров решили не жечь – ожидать можно было всего. Вокруг лагеря выставили кольцо конной стражи, в степь послали разведчиков. Но тягучие ночные часы прошли спокойно. На рассвете протрубили рога; не минуло и часа, как войско снова тронулось в путь.

Небо оставалось чистым, но воздух налился тяжестью. Для этой поры года было что-то уж чересчур жарко. Восходящее солнце тускло просвечивало сквозь дымку, а у горизонта клубилась тьма; казалось, с востока надвигается буря. Вдали, на северо-западе от Туманных Гор, из Чародеевой Долины, расплзалась по степи волна мглы.

Гэндальф повернулся к Леголасу с Эомером, ехавшим бок о бок.

– Мне нужны эльфийские глаза. Взгляни-ка туда, Леголас! Ты за лигу отличишь воробья от зяблика. Что творится у стен Исенгарда?

– До Исенгарда еще много верст, – ответил Леголас, приставляя ладонь ко лбу и вглядываясь. – На окрестных склонах залегла плотная мгла. В ней что-то движется, но что – непонятно. Странная мгла! Это не туман и не облако. Это скорее похоже на густую тень, но каково ее происхождение – не знаю. Такое чувство, что ее кто-то или что-то наводит... Можно подумать, что долину окружил сумрак бескрайнего леса. Но тень не стоит на месте, а медленно ползет вниз по склонам, вдоль реки...

– А по пятам за нами гонится мордорская буря, – сказал Гэндальф. – Ночь будет темная...

Пошел второй день похода. Духота усиливалась. В полдень войско стали нагонять черные тучи: на небо стремительно напозало мрачное покрывало с ослепительным клубящимся краем. Диск солнца, налившись темной кровью, погрузился в сгустившееся марево. Последние лучи, огненно блеснув на остриях копий, озарили крутые склоны Тригирна³⁸¹ – горы о трех вершинах. Эти три зазубренных рога, глядящие в закат, говорили всадникам о том, что они вплотную приблизились к последнему, самому северному отрогу Белых Гор. Закат уже догорал, когда на горизонте показалась черная точка – навстречу войску спешил всадник. Передовой отряд остановился.

Всадник подъехал ближе; стало видно, что это усталый воин в помятом шлеме, с треснувшим щитом. Он медленно спешился, остановился и, отдышавшись, хрипло проговорил:

– Эомер с вами? Наконец-то! Но ты опоздал, Эомер, и вас слишком мало. С тех пор как пал Теодред, удача повернулась к нам спиной. Вчера нас заставили отступить за Исену, и мы понесли большие потери: многие погибли на переправе. Ночью к неприятелю пришло свежее подкрепление, да такое, что в Исенгарде, наверное, не осталось ни одного солдата. Вдобавок Саруман вооружил против нас диких горцев и заречные пастушеские племена из Дунланда. Они тоже были брошены в наступление. Враг взял не столько силой, сколько числом. Стена щитов дала трещину. Эркенбранд³⁸² из Западной Лощины, собрав, кого мог, укрылся в крепости, в Теснине Хельма. Остальные рассеялись по степи. Где Эомер? Скажите ему, что надежды нет. Пусть возвращается в Эдорас, пока сюда не добрались исенгардские волки!

До сих пор Теоден молчал, скрываясь за спинами своих телохранителей, но тут понудил коня выступить вперед.

– Подойди ко мне, Кеорл³⁸³! – молвил он. – Как видишь, войско возглавляю я. В поход выступили последние всадники племени Эорла. И без битвы они не возвратятся.

Лицо воина просветлело от удивления и радости. Он вскинул голову – и тут же, спохватившись, преклонил колено, протягивая Королю обнаженный меч.

– Приказывай, Государь! – воскликнул он. – И прости меня! Я думал...

– Ты думал, что я сижу на своем троне в Метузельде, сторбленный, как дерево под бременем снегов? Так было, когда ты покинул город. Но западный ветер встряхнул крону и сбросил сугробы. Дать этому человеку свежего коня! Вперед, на помощь Эркинбранду!

Все это время Гэндальф, выехав немного вперед, смотрел в сторону Исенгарда, оглядываясь изредка на красную полосу заката. Теперь он повернул коня и подъехал к Теодену.

– Вперед, в Хельмскую Теснину, Теоден! – крикнул он. – Не приближайся к броду и не задерживайся в степи! Я должен ненадолго тебя оставить. Скадуфакс помчит меня вперед – меня ждет срочное дело. – Он повернулся к Эомеру, Арагорну и свите Теодена: – Берегите Короля! Встретимся у Хельмских Ворот! Удачи!

Он шепнул что-то на ухо Скадуфаксу – и конь-великан, прянув как стрела из лука, скрылся из виду, сверкнув на прощание в лучах заходящего солнца серебряной искрой, словно его и не было, – просто ветер дунул или, может, мелькнула по траве тень от облачка... Королевский конь, Снежногрив, захрапел и встал на дыбы, готовый мчаться вперед, – но кто, кроме самой быстrokрылой птицы, мог угнаться за Скадуфаксом?

– Что бы это значило? – спросил Гаму один из дружинников Короля.

– Гэндальф Серый спешит, – ответил Гама. – Он всегда появляется и исчезает неожиданно.

– Червеуст нашел бы, как объяснить это исчезновение, – сказал дружинник.

– Не сомневаюсь, – проговорил Гама. – Но я подожду, пока вернется Гэндальф.

– Не слишком ли долго придется ждать? – проговорил дружинник.

Войско повернуло и, покинув ведущую к Броду утопанную дорогу, направилось на юг. Наступала ночь, но роханцы не остановились. Горы приближались. Вершины Тригирна уже погасли, и небо за ними потускнело. Впереди, в десятке верст, на противоположном конце Западной Долины в горы зеленым заливом

вдавался луг, постепенно сужавшийся к ущелью. Местные обитатели называли это ущелье Тесниной Хельма в честь древнего богатыря, который некогда нашел здесь убежище от врагов. Ущелье уходило наверх, в тень Тригирна, постепенно становясь все уже, пока с обеих сторон не сдвигались, загораживая солнце, могучие башни утесов, где в каменных складках скал гнездились воронье.

У входа в Теснину, возле Хельмских Ворот, в долину вдавался скалистый утес, который соединяла с правым отрогом Туманных Гор каменная перемычка. На утесе высилась башня, окруженная могучими крепостными стенами. Говорили, что в далекие времена своего могущества заморские короли выстроили ее руками легендарных великанов. Крепость называлась Хорнбург³⁸⁴, ибо стоило в Теснине заиграть рог, как эхо подхватывало призыв – и казалось, что вот-вот из горных пещер хлынет на битву позабытое древнее воинство... С противоположным отрогом крепость соединяла стена, тоже построенная в древности и загораживающая вход в Теснину. Под ней пролежала каменная труба, через которую тек в долину Хельмский ручей. Он разрезал пологий зеленый язык луговины надвое и бежал к Хельмскому Валу, а оттуда – вниз, к холмам Западной Долины. Именно здесь, в Хорнбурге, над Хельмскими Воротами, укрылись последние воины Эркенбранда, правителя Западного Фолда³⁸⁵, приграничной провинции Рохана. Когда надвинулись тучи, этот мудрый воин заново укрепил крепостные стены, и Хорнбург снова стал грозной твердыней.

Роханцы еще не успели доскакать до входа в Лощину, когда до их ушей донеслись какие-то крики и звуки рога – разведчики, высланные в степь, подняли тревогу. В темноте просвистело несколько стрел. Один из разведчиков осадил своего коня рядом с Королем и сообщил, что по долине рыщут всадники на волках, а через Исену переправилось целое войско орков и диких горцев, которые направляются, по-видимому, к Теснине Хельма.

– Мы наткнулись на тела наших воинов, погибших при отступлении, – доложил разведчик. – Кроме того, по степи бродят разрозненные отряды, которые никто пока не возглавляет. От Эркенбранда вестей нет. Скорее всего, он погиб, а если и не погиб – до Хельмских Ворот ему не добраться.

– Что Гэндалф? – спросил Теоден.

– Старца в белом на огромном коне, который мчался подобно вихрю, видели многие. Некоторые приняли его за Сарумана. Он неся к Исенгарду. Говорят, Червеуст тоже не исчез бесследно – за день до того он в сопровождении орков проследовал на север.

– Не поздоровится Червеусту, если Гэндальф его догонит! – усмехнулся Теоден. – Итак, меня покинули оба моих советника – и прежний, и новый. Но путь наш ясен: надо идти, как и советовал Гэндальф, к Хельмским Воротам, вернулся Эркинбренд или нет. Известно, какими силами располагает враг?

– Их тьмы и тьмы, – вздохнул разведчик. – Когда отступаешь, каждого вражеского воина считаешь за двух. Но я говорил с людьми мужественными, а они уверяют: силы противника во много раз превосходят наши.

– Тогда поспешим, – решил Эомер. – Если между нами и Хорнбургом вражеские заслоны – мы должны сквозь них пробиться. В Теснине Хельма есть пещеры, где могут укрыться сотни воинов, а из этих пещер можно тайными ходами пробраться в горы.

– Доверяться тайным тропам нельзя, – возразил Король. – Саруман слишком давно следит за этими землями. Но в крепости и правда можно продержаться долго. Вперед!

Арагорн, Леголас и Эомер скакали теперь во главе войска. Путь лежал вверх, сквозь ночь – и чем непроницаемее становилась тьма, тем медленнее ехали всадники и круче вздымались темные складки холмов. По пути встречались мелкие отряды орков, но при виде роханцев они тут же обращались в бегство, так что ни пристрелить, ни захватить кого-либо в плен не удавалось.

– Боюсь, вести о том, что сам Король ведет сюда войска, скоро дойдут до Сарумана, или кого он там послал вместо себя, – заметил Эомер.

За спиной нарастал гул. Ветер донес издалека невнятное хриплое пение. Поднявшись уже довольно высоко по ущелью, всадники остановились, оглянулись – и увидели факелы. Внизу, в долине, мигали бесчисленные огненные точки. Одни в беспорядке рассыпались по степи, словно та в одночасье расцвела красными цветами, другие, мерцая, извилистыми цепочками ползли вверх. Иногда во мгле что-то вспыхивало.

– За нами по пятам идет немалое войско, – сказал Арагорн.

– У них огонь, – молвил Теоден, – и они жгут все, что попадает им на пути: стога сена, хижины, деревья. Это была богатая долина, и здесь жило множество людей. Увы моему народу!

– Был бы сейчас день! – воскликнул Арагорн. – Мы бы ринулись на них с гор подобно лавине. Как больно, что приходится бежать!

– Далеко бежать не придется, – заметил Эомер. – Хельмский Вал уже близко. Там старый ров и большая насыпь, которые тянутся через все ущелье. Оттуда до Хельмских Ворот не больше полуверсты. Доберемся до Вала, развернемся – и в бой!

– Нет, – сказал Теоден, – защищать Вал мы не можем: нас слишком мало. Он тянется версты на полторы, и проход в нем чересчур широк.

– Тогда, если дела обстоят так скверно, оставим там только арьергард, – предложил Эомер.

На небе не было ни звезд, ни месяца, когда всадники наконец добрались до Вала. Через широкий проход в долину устремлялся ручей, а вдоль него тянулась дорога, выходящая из Хорнбурга. Вал – гигантская тень над черным провалом рва – вырос на пути внезапно. У самой насыпи послышался оклик стражника.

– Встречайте Короля Теодена! – отвечивал Эомер. – С вами говорит Эомер, сын Эомунда!

– Добрые вести! – возликовал стражник. – Мы не смели и надеяться на такое! Скорее! Враг настигает!

Всадники миновали вал и задержались на склоне. К общей радости, теперь они узнали, что Эркенбранд оставил для защиты Хельмских Ворот достаточно воинов. Кроме того, в крепость успели подтянуться многие из рассеявшихся по степи всадников.

– В Хорнбурге наберется около тысячи пеших воинов, способных держать оружие, – сообщил Гамлинг, пожилой командир отряда, охранявшего Вал. – Но у большинства, как и у меня, за плечами слишком много зим. А у других, наоборот, слишком мало – вот как у моего внука, например. Что с Эркенбрандом? Вчера до нас дошли вести, что он отступает в крепость с отрядом лучших всадников Западного Фолда. Но он так и не явился.

– Боюсь, он уже не явится, – покачал головой Эомер. – Разведчики его не видели, враг заполонил всю долину.

– И все же надеюсь, что Эркинбранду удастся спастись, – покачал головой Теоден. – Он – истинный герой. В его обличье землю снова посетил Хельм Железная Рука...³⁸⁶ Но здесь мы его дожидаться не можем. Всем необходимо собраться в крепости. Вы запаслись едой? Мы к осаде не готовились и почти ничего не взяли, думая, что скачем на битву.

– В здешних пещерах укрылось три четверти жителей Западной Долины – старики, женщины, дети, – ответил Гамлинг. – Но запасов тоже много. Есть даже скот и корм для него.

– Весьма благоразумно! – одобрил Эомер. – Ведь враги жгут и разоряют все, что встречают на пути!

– Если они посягнут на добро, спрятанное за Хельмскими Воротами, они дорого за это заплатят! – твердо сказал Гамлинг.

Король и всадники двинулись дальше. Перед насыпью воины спешили и длинной цепочкой, ведя коней в поводу, пересекли реку и вошли в ворота Хорнбурга. Здесь их снова встретило всеобщее ликование. В крепость возвращалась надежда! Теперь в Хорнбурге было достаточно людей, чтобы оборонять крепость и крепостную стену.

Эомер быстро подготовил свои отряды к бою. Король со свитой расположился в Хорнбурге; там же собралось большинство фолжан. Эомер расставил большую часть своих людей на Стене, пересекающей ущелье, у башни, которой завершалась Стена, и на крепостном дворе. Здесь при особо сильной и решительной атаке врагам легче всего было бы прорвать оборону. Коней отвели далеко в глубь Теснины, оставив при них лишь немногочисленную охрану, – на стенах каждый человек был на счету.

Стена, имевшая в высоту около двадцати локтей, была так широка, что на ней умещались плечом к плечу четыре воина. Из-за ее зубцов мог выглянуть разве что только очень рослый человек. В камне ограды там и сям темнели бойницы, а изнутри к стене лепилась лестница, по которой можно было попасть во внутренний двор. Три марша такой же лестницы спускались вниз, в Теснину. Однако с внешней стороны стена была безукоризненно гладкой, и столь искусно

подогнаны были друг к другу огромные камни кладки, что ни один ловкач не сыскал бы между ними малой щербинки, куда поставить ногу; кроме того, стена слегка нависала над ущельем – ни дать ни взять подточенный волнами утес.

Гимли стоял, прислонившись к зубцу стены. Леголас устроился чуть выше, между зубцами, осматривая лук и поглядывая в темноту.

– Это место мне по нраву, – сказал гном, топая ногой о камень. – Как ближе к горам – так сразу легче на сердце. Хорошая скала! У этой земли крепкий костяк. Я почувствовал это, еще когда мы шли вверх от Вала. Мне бы годик сроку да сотню моих сородичей – и мы сделали бы из этой крепости такую твердыню, что армии разбивались бы о нее, как волны об утес!

– Не сомневаюсь, – откликнулся эльф. – И не удивляюсь. Вы, гномы, странный народ. А мне, говоря по совести, это место совсем не нравится. Даже рассвет меня в этом не разубедит. Но ты со мной, Гимли, и это самое утешительное. Я рад, что ты рядом, что ты твердо стоишь на ногах и как всегда крепко сжимаешь топор. Жаль, что ты один и с нами нет никого из твоих сородичей! А еще больше я дал бы за сотню хороших лучников из Черной Пущи. Нам будет сильно не хватать их. Среди Рохирримов есть по-своему неплохие стрелки, но слишком мало, увы, слишком мало!

– Для стрельбы из лука теперь темновато, – сказал Гимли. – В такое время надо спать! Эх! Наверное, никогда еще ни одного гнома не клонило в сон так, как меня! Верхом ездить – работа нелегкая... Но мой топорик просится в бой. Дайте мне десяток орков, да чтоб можно было развернуться – от усталости и следа не останется!

Время ползло медленно. Внизу, в долине, все еще светились разрозненные огни. Теперь войско Исенгарда приближалось бесшумно. Вверх по изгибам долины тянулось множество огненных нитей.

Вдруг со стороны Вала донеслись вопли, крики и яростный боевой клич роханцев. У прохода на миг сгрудились пылающие факелы – но тут же рассыпались по сторонам и пропали. Через поле в сторону Хорнбурга галопом помчались всадники: арьергард отступил за Ворота.

– Враг на подходе! – кричали они. – Мы истратили все стрелы и наполнили Ров трупами орков. Но это их не остановит. Они карабкаются на Вал сразу по всей его длине, все равно что муравьи. Правда, мы задали им такого жару, что теперь они поостерегутся размахивать факелами!

Полночь миновала. С неба глядела слепая чернота. Неподвижный, душный воздух предвещал грозу. Вдруг облака озарила слепящая вспышка и на востоке в холмы вонзилась исполинская ветвистая молния. На мгновение все, кто был на стене, увидели, что на Валу кишмя кишат черные фигурки: одни – широкоплечие и приземистые, другие – высокие, мрачного вида, с угольно-черными щитами, в высоких шлемах. Враги сотнями перекатывались через Вал и черной рекой текли в проход. Темная волна прилива заливала уступы ущелья. Над долиной прогремело. Хлестнули плети ливня.

Другой ливень – из стрел – обрушился на укрепления; стрелы отскакивали от камня, звеня и высекая искры. Некоторые попали в цель. Штурм Хельмской Теснины начался, но крепость не приняла вызова, и в ответ не просвистело ни единой стрелы.

Нападающие, растерявшись перед грозным молчанием стен и утесов, замешкались. То и дело темноту разрывала молния, и каждый раз орки, вопя, размахивая мечами и копьями, выпускали по людям, стоявшим на стенах, целую тучу стрел. Роханцы смотрели в долину с изумлением: казалось, там колышутся под порывами ветра бескрайние черные хлеба. Буря войны возвестила час жатвы, и каждый колос сверкал зазубренным клинком смерти.

Протрубили медные трубы. Орки перешли в атаку. Одни хлынули на стену, другие, самые рослые, вместе с дикарями из горного Дунланда побежали направо, к воротам Хорнбурга. Вот они на мгновение приостановились – и снова ринулись вперед. Сверкнула молния; в ответ ей на всех щитах и шлемах блеснула мертвенно-белая рука Исенгарда. Враги достигли вершины и обрушились на ворота.

На этот раз крепость ответила. Ливень стрел и град камней встретили нападающих. Ряды врагов сломались и отпрянули, но тут же снова хлынули на ворота; снова отпрянули, снова хлынули; но черная волна атакующих, точь-в-точь как морская волна во время прилива, с каждым разом поднималась все выше. Трубы протрубили снова, и

дунландцы с ревом двинулись на штурм. Над головой они держали огромные щиты, защищавшие их от камней, как добрая крыша, а в гуще толпы плыли два обхватистых ствола. Орки-лучники, прячась за стволами и за спинами людей, сыпали стрелами. Вот уже и Ворота! Стволы, умело раскачанные, с оглушительным грохотом ударили в брусья. Если кто-нибудь из врагов падал, сбитый с ног тяжелым камнем, – его место тут же заступали два новых, и вновь мощные тараны с налета ударяли в створки.

Эомер и Арагорн стояли на Стене. До их ушей, все нарастая, доносился рев множества глоток и глухие удары таранов. Но только в свете очередной молнии увидели они, какая опасность грозит Воротам.

– Вперед! – крикнул Арагорн. – Настал час вместе обнажить мечи, Эомер!

Они кинулись вниз по ступеням, во внешний двор крепости, по пути собрав еще несколько храбрецов. У западного угла крепостной стены, там, где стена Хорнбурга смыкалась с выдававшимся ей навстречу утесом, открывалась маленькая боковая дверца; от этой дверцы к главным Воротам тянулась, лепясь к стене над самой пропастью, узкая тропа. Эомер и Арагорн нырнули в эту дверцу, остальные – за ними. Два меча, разом выхваченные из ножен, сверкнули как один.

– Гутвин³⁸⁷! – воскликнул Эомер. – Гутвин Роханских Всадников!

– Андарил! – отозвался Арагорн. – Андарил дунаданов!

И они врубились в толпу дикарей. Андарил взлетал и опускался, пылая белым пламенем.

– Андарил! Андарил вступил в бой! Да здравствует Клинок, Что Был Сломан! Это его белое пламя! – кричали со стен.

Не ожидавшие нападения дикари бросили тараны и повернулись, чтобы вступить в бой, но черная стена щитов раскололась, как под ударом молнии, и враги были сметены в одно мгновение – одни бежали, другие легли на месте, третьих сбросили с обрыва на камни, в горный поток. Орки-лучники в спешке выпустили куда попало последние стрелы и обратились в бегство.

Эомер и Арагорн на мгновение задержались у Ворот. Гроза еще продолжалась, и молнии озаряли небо не реже прежнего, но гром гремел теперь в отдалении, за южным хребтом. С севера снова подул

холодный ветер. От мчащихся над головой туч остались одни клочья, и в разрывах уже проглядывали звезды, а над склонами Теснины, среди остатков бурекрушения, показалась желтая луна, катящаяся к западу.

– Нельзя сказать, чтобы мы поторопились, – сказал Арагорн, осматривая ворота. Огромные железные брусья погнулись, засовы сдвинулись в сторону; некоторые из брусьев треснули.

– Нельзя оставаться под стеной, – заметил Эомер. – Смотрите!

Он указал в сторону насыпи. На том берегу потока снова собиралась толпа людей и орков. Засвистели стрелы, и некоторые из них вонзились меж камней прямо у ног защитников.

– Скорее! Вернемся и посмотрим, нельзя ли завалить ворота камнями и чем-нибудь подпереть створки. Идемте!

Они кинулись обратно. Десятка два орков, затаившихся между телами своих сородичей, бесшумно поднялись и последовали за ними. Двое орков схватили Эомера за ноги, повалили – и через мгновение уже сидели на нем верхом. Но тут какая-то маленькая темная фигурка, никем поначалу не замеченная, вынырнула из мглы и с хриплым возгласом «*Барук Казад! Казад ай-мену!*»³⁸⁸ взмахнула топором. Два орка упали обезглавленными, остальные бежали.

Когда Арагорн подоспел к Эомеру на помощь, тот был уже на ногах.

Дверцу заперли, железные ворота крепости завалили изнутри камнями. Когда работа была окончена, Эомер повернулся к своему спасителю:

– Благодарю тебя, Гимли, сын Глоина! Я не знал, что ты пошел с нами! Правду говорят, что незванный гость подчас двух званых стоит! Как ты здесь очутился?

– Я пошел за вами, просто чтобы не заснуть, – ответил гном скромно, – а потом увидел горцев – и они мне показались что-то чересчур уж рослыми. Дай, думаю, притаюсь за камнем и посмотрю, как работают ваши мечи...

– Нелегко мне будет вернуть тебе этот долг, – сказал Эомер.

– До рассвета еще, наверное, выпадет не один случай рассчитаться, – рассмеялся гном. – Но я и без того доволен. От самой Мории мой топорик не рубил ничего, кроме сучьев!

– Уже два! – объявил Гимли, поглаживая топорик. Он вернулся на стену, где его ждал Леголас.

– Всего-то? – переспросил эльф. – У меня куда больше. Пойду поищу стрел: в колчане ничего не осталось. На моем счету два десятка убитых. Но это все листочки, а лес еще стоит...

Небо расчищалось на глазах. Заходящая луна светила ярко, но свет не принес роханцам надежды. Врагов, казалось, становилось не меньше, а больше: через проход в Хельмском Валу текли все новые и новые отряды. Вылазка к Воротам дала лишь короткую передышку; вскоре враги пошли на штурм с удвоенной яростью. Исенгардские полки под Стеной ревели и волновались, как бурное море. Вдоль всего ее подножия кишели орки и дикие горцы. На зубцы летели веревки с крюками – роханцы не успевали обрубать их. На Стену упали сотни длинных лестниц; большинство сразу рухнуло и разбилось о камни, но на их месте тут же вырастали другие. Орки карабкались по ним, как обезьяны из сумрачных южных лесов. Под стеной, словно наносы гальки в бурю, громоздились горы трупов и раненых. Страшные дюны росли, но врагов по-прежнему все прибывало и прибывало.

Роханцы чувствовали, что силы их на исходе. Колчаны опустели, дротиков не осталось, мечи зазубрились, щиты пошли трещинами. Трижды Эомер и Арагорн поднимали смельчаков на вылазку, трижды вспыхивал Андарил над головами сражающихся, трижды откатывался враг от Хельмских Ворот...

Вдруг в Теснине, за спиной у защитников, раздались шум и крики. Орки ловко, как крысы, проползли по узкому каменному желобу, откуда хлестал поток, отсиделись в тени утесов, пока битва не разгорелась особенно жарко и не отвлекла на стены большинство воинов, – и выскочили из засады. Первые из них уже проникли в глубину Теснины, к лошадям, и стражники приняли бой.

Гимли в несколько скачков сбежал со стены, и отчаянный клич «*Казад! Казад!*» эхом раскатился среди утесов. Вскоре гном уже вовсю работал топориком.

– Айя-ой! – кричал он. – За Стену проникли орки! Айя-ой! Сюда, Леголас! Тут на всех хватит! *Казад ай-мену!*

Гамлинг Старый, следивший за боем с Башни, услышал громовой клич гнома, перекрывший шум, и понял, что дело плохо.

– В Теснине орки! – крикнул он. – Хельм! Хельм! Вперед, племя Хельма! – С этим возгласом он помчался вниз по ступеням, собирая по дороге фолжан.

Отряд Гамлинга напал на орков так яростно и внезапно, что те не устояли. Вскоре врагов загнали в узкую горловину ущелья; многие из них нашли там смерть, а уцелевшие с воплями бросились в глубину Теснины, где их встретили мечи стражников, охранявших потайные пещеры.

– Двадцать первый! – крикнул Гимли.

Размахнувшись обеими руками, он опустил топор, и последний орк рухнул ему под ноги.

– Ты отстал, достойный эльф!

– Надо заделать этот крысиный ход, – проворчал Гамлинг. – Мне говорили – когда приходится иметь дело с камнем, зови гнома. Окажи услугу, любезный Гимли!

– Не в нашем обычае тесать камень боевыми топорами, да и ногтями тоже, – почесал в затылке Гимли. – Но так и быть – сделаю, что смогу!

Набрав небольших валунов и каменных осколков, воины из Западной Лощины, по совету Гимли, быстро завалили отверстие, оставив для воды лишь узенькую щель. Вздувшийся после дождя поток забесновался у входа и начал постепенно разливаться холодными озерцами от утеса к утесу.

– Наверху-то оно суше, – сказал Гимли. – Идем, Гамлинг, посмотрим, как там дела на стенах!

На Стене гном застал Леголаса с Арагорном и Эомером. Эльф вытирал длинное лезвие своего кинжала. В битве наступило краткое затишье: после неудачного прорыва штурм ненадолго приостановился.

– Двадцать один! – объявил Гимли.

– Неплохо, – одобрил Леголас. – Но ты опять отстал: у меня уже две дюжины. Пришлось, как видишь, пустить в дело кинжал!

Эомер и Арагорн стояли, устало опершись на мечи. Слева, под стеной, вновь послышались крики: на скале возобновилась битва. Но Хорнбург стоял по-прежнему нерушимо, как остров посреди бурного моря. От Ворот осталась груда железа, но за нагромождение камней и бревен, закрывавшее вход, враги еще не проникли.

Арагорн глянул на бледные звезды, на луну, скользившую за холмы, и произнес:

– Эта ночь длится годы. Каким же будет день?

– Рассвет близок, – сказал Гамлинг, стоявший рядом с ним. – Но, боюсь, облегчения нам он не принесет.

– Заря для человека всегда означает надежду, – возразил Арагорн.

– Солдаты Исенгарда, все эти орколуди и полугоблины, которых Саруман вывел с помощью своего поганого искусства, не дрогнут перед солнцем, – покачал головой Гамлинг. – А дикие горцы – тем более. Слышите, что они кричат?

– Еще бы, – сказал Эомер. – Но для моих ушей их крики все равно что звериный рык и птичий клекот.

– Горцы кричат по-дунландски, – сказал Гамлинг. – Я знаю этот язык. Он очень стар. Когда-то на нем говорили во всех западных долинах Марки. Прислушайтесь! Они ненавидят нас самой лютой ненавистью, и они рады: им кажется, что наше поражение уже предрешено. «Короля сюда! – орут они. – Короля! Мы возьмем в плен вашего Короля! Смерть Форгойлам³⁸⁹! Смерть Соломенноголовым! Смерть северным захватчикам!» Видите, какими именами они нас наделяют? Дунландцы помнят старую обиду, ведь полтысячи лет тому назад Гондор отдал роханские степи именно Эорлу Юному, а не им, и заключил союз с ним, а не с дунландцами. Саруман подогрел эту старинную обиду, а в ярости горцы ужасны. Они не отступят ни ночью ни днем, пока не возьмут в плен Теодена или не погибнут сами.

– И все же день несет надежду, – сказал Арагорн. – Разве не говорят в народе, что эта крепость никогда еще не сдавалась врагу, если в ней оставался хоть один защитник?

– Так поют менестрели, – подтвердил Эомер.

– Будем же защищать ее и не будем терять надежды, – молвил Арагорн.

Он еще не кончил говорить, как вновь прогремели трубы. По долине раскатился грохот, внизу блеснул огонь, и поднялось облако дыма. Плотина была разрушена, и освобожденная вода, шипя и пенясь, ринулась в огромный пролом, у которого уже теснилась черная толпа орков.

– Это волшба Сарумана! – закричал Арагорн. – Пока мы здесь беседуем, они снова пробрались к проходу и зажгли у нас под ногами огонь Орфанка. Элендил! Элендил! – И он кинулся вниз.

В то же мгновение на Стену упали сотни лестниц. Последний штурм перекатился через зубцы, как черная волна через дюны, и смел всех, кто еще оставался наверху. Одних теснили в глубь ущелья, и они отступали к пещерам, сражаясь и погибая. Другие пытались пробиться к Башне.

К задним воротам Хорнбурга вела из Теснины широкая лестница. Арагорн занял оборону на нижних ступенях. В его руке по-прежнему блистал Андарил, и враги, замороженные страхом, не решались подойти ближе. Роханцы по одному пробивались к Башне и бегом поднимались к воротам. На верхней ступеньке, опустившись на одно колено, стоял Леголас. Он натянул лук – но у него осталась только одна стрела, и он зорко всматривался в толпу орков, готовый выпустить ее в первого, кто осмелится поставить ногу на ступеньку.

– Все уже в безопасности, Арагорн! – позвал он. – Подымайся!

Арагорн повернулся и побежал наверх, но усталость дала себя знать, и он споткнулся. Орки, взревев, бросились за ним, протягивая длинные руки. Самый нетерпеливый упал мертвым – последняя стрела Леголаса вонзилась ему в горло. Остальные перепрыгнули через труп и ринулись наверх. Но тут со стены упал огромный камень, неизвестно кем сброшенный, и орки в панике отпрянули. Через миг Арагорн был уже за порогом, и двери с лязгом захлопнулись.

– Дела идут скверно, друзья мои, – сказал Следопыт, отирая пот со лба.

– Ты прав. Но ты с нами – а значит, еще не все потеряно, – отозвался Леголас. – Вот только где Гимли?

– Не знаю, – ответил Арагорн. – В последний раз я видел его за Стеной – он сражался во дворе. Однако я потерял его из виду.

– Плохие новости! – воскликнул Леголас.

– Гимли храбр и силен, – успокоил его Арагорн. – Будем надеяться, ему удалось отступить к пещерам. Там он на время окажется в безопасности. Нам остается только позавидовать ему. К тому же гному такое убежище должно прийтись по вкусу!

– Будем надеяться, – вздохнул Леголас. – Но я предпочел бы видеть его здесь, с нами. Я бы сказал достойному Гимли, что на моем

счета уже тридцать девять.

– Если он прорубит себе дорогу к пещерам, тебе за ним будет не угнаться, – рассмеялся Арагорн. – Я никогда не думал, что топором можно орудовать так ловко!

– Пойду поищу стрел, – повернулся Леголас. – Скорее бы кончилась эта ночь! Мне нужен свет, чтобы лучше целиться.

Арагорн прошел в Башню. Там его ждала тревожная новость: Эомера в Крепости не было.

– Нет, на Скалу он не возвращался, – ответил Арагорну один из воинов Западного Фолда. – В последний раз я видел его у входа в Теснину. С ним была горстка бойцов, Гамлинг и гном. Но пробиться к ним я не смог.

Арагорн пересек внутренний двор и поднялся в верхние покои. В проеме узкого окна темнел силуэт Короля. Теоден смотрел вниз, в долину.

– Как идут дела, Арагорн? – спросил он.

– Поперечная Стена в руках врагов, Повелитель. Защитники сметены. Но многим удалось пробиться сюда, на Скалу.

– Эомер среди них?

– Нет, мой Король, его здесь нет. Но многие отступили к пещерам, и Эомер был с ними. Там, где Теснина сужается, они вполне могли отбросить врага и, возможно, успели укрыться в пещерах. Но долго ли они там продержатся, не знаю.

– Во всяком случае, дольше нас. Мне докладывали, что в пещерах запаслись едой надолго. И воздух там свежий: в скалах пробиты отдушины. Если вход будут защищать, туда не проникнет ни один враг. Так что они смогут продержаться достаточно долго!

– Орки принесли из Орфанка колдовское оружие, – сказал Арагорн. – Это огонь; вспыхнув, он разрушает все вокруг. С его-то помощью они и взяли Стену. Если врагам не удастся проникнуть в пещеры, они могут завалить входы и запереть тех, кто находится внутри... Впрочем, сейчас нам остается только одно – сосредоточиться на защите Крепости.

– Я задыхаюсь в этой тюрьме, – в сердцах бросил Король. – Если бы я мог выехать в поле с копьем наперевес и повести за собой воинов,

может, я снова испытал бы радость битвы и обрел достойный конец. А здесь я бессилен.

– Ты под защитой крепчайшей твердыни Рохана, – напомнил Арагорн. – Здесь мы скорее сможем защитить тебя, чем в Эдорасе или даже в горах близ Дунхаргской Крепости.

– Говорят, Хорнбург еще никогда не сдавался врагу, – сказал Теоден. – Но теперь меня одолевают сомнения. Мир не стоит на месте. То, что гордилось когда-то своей неприступностью, вполне могло сделаться уязвимым. Разве возможно выстоять против столь многочисленного войска, и тем паче – против такой безоглядной ненависти? Если бы я ведал, как выросла сила Исенгарда, я, может, не так спешил бы навстречу Саруману, как бы слепо ни верил я волхвованиям Гэндальфа. Сейчас его советы уже не кажутся такими мудрыми, как тогда, дома, в свете утреннего солнца.

– Не суди о советах Гэндальфа, о Король, покуда не знаешь исхода, – возразил Арагорн.

– Исход близок, – произнес Теоден. – Но я не останусь ждать смерти здесь, в этой башне, как старый барсук в ловушке. Снежногрив, Хасуфэл и скакуны моих гвардейцев дожидаются на внутреннем дворе. С рассветом я протрублю в Рог Хельма и поскачу навстречу врагу. Поедешь ли ты со мной, Арагорн, сын Араторна? Может быть, мы еще пробьемся! А нет – такая смерть будет достойна песни, если еще будет кому петь о нас...

– Я не оставлю тебя, Король, – проговорил Арагорн.

Расставшись с Теоденом, он вернулся на стены и обошел их, успокаивая воинов и помогая им, когда враг допекал особенно крепко. Леголас повсюду следовал за ним. Внизу, сотрясая скалы, то и дело с оглушительным треском вспыхивало пламя. Орки снова и снова закидывали на стену крючья с веревками и приставляли лестницы, снова и снова карабкались наверх, роханцы снова сбрасывали их – и так без конца...

Оказавшись над главными Воротами, Арагорн, не обращая внимания на дождь стрел и дротиков, остановился и взглянул вдаль. Небо на востоке слегка побледнело в преддверии рассвета.

Арагорн поднял руку ладонью вперед в знак того, что желает говорить.

Орки завывали, глумясь.

– Слезай! Прыгай вниз! – кричали они. – Если хочешь поговорить – валяй, спускайся к нам! Да не забудь прихватить своего Короля! Мы – боевое племя, Урук-хаи. Уж мы выкурим твоего государишку из норы! Пусть лучше сам выходит! Давай, веди Короля, нечего ему прятаться!

– Король сам решает, выходить ему или оставаться, – проговорил Арагорн.

– А коли так, чего тебе-то надо? Чего высунулся? Посмотреть, много ли нас осталось? Да нас – тьма! Мы – Урук-хаи!

– Я вышел взглянуть, не идет ли утро, – все так же спокойно отвечал Арагорн.

– А на что оно тебе сдалось, утро? Мы – Урук-хаи, мы солнца не боимся. Мы воюем когда хотим: днем и ночью, в штиль и в бурю. Мы пришли убивать. Нам не важно, что пялится с неба – солнце или луна. Зачем тебе рассвет?

– Как знать, что принесет с собой новый день? – ответил Арагорн загадочно. – Уходите-ка лучше отсюда подобру-поздорову. Как бы судьба не обернулась против вас!

– Слезай! Не ровен час – подстрелим! – не слушали орки. – Тоже нам переговоры! Тебе нечего сказать! Долой!

– И все же кое-что я вам скажу, – медленно проговорил Арагорн. – А именно: никому еще не удавалось взять штурмом эту крепость. Уходите! Пощады вам не будет. Ни один из вас не выберется отсюда живым, ни один не вернется на север рассказать о том, что случилось. Вам и невдомек, какая страшная вам грозит гибель!

Арагорн стоял над разбитыми вдребезги Воротами, один перед великим множеством врагов – и все же столько в нем было власти, силы и величия, что многие горцы прикусили язык и беспокойно заозирались по сторонам. Некоторые с тревогой бросали взгляды на небо. Однако орки только расхохотались, и на стену обрушился град стрел и дротиков. Арагорна, впрочем, над аркой уже не было – он прыгнул вниз.

Раздался рев и грохот. Взметнулось пламя. Арка Ворот, на которой только что стоял Арагорн, рухнула и рассыпалась. К небу поднялось облако дыма и пыли. Баррикаду разбросало по сторонам. Арагорн кинулся в Башню, к Королю.

Но не успели еще рухнуть Ворота, не успели первые орки ворваться в образовавшийся проем, как по всей долине за спинами нападающих внезапно пронесся ропот, похожий на шум надвигающейся бури. Ропот усиливался – и наконец в задних рядах сотни голосов закричали о том, что рассвет и вправду принес с собой нечто странное. Орки, собиравшиеся уже ринуться на штурм Скалы, заколебались и стали оглядываться. Тогда-то и загремел с Башни трубный зов, внезапный и устрашающий. Трубил Большой Рог Хельма.

Враги дрогнули. Многие орки упали на землю, затыкая уши когтистыми лапами. Из Теснины ответило громовое эхо; казалось, на каждом утесе, на каждой вершине стоит по герольду-богатырю с боевым рогом у губ. И тут настал черед удивляться осажденным. Люди, стоявшие на стенах, изумленно подняли головы. Эхо не умолкало! Зов рога все множился и множился, раскатываясь далеко по окрестным горам, и ему отвечали голоса других рогов – грозные и вольные.

– Хельм! Хельм! – кричали всадники. – Хельм восстал ото сна и пришел воевать за нас! Хельм за короля Теодена!

И тут изумленному войску явился сам Король! Конь его был бел как снег, щит блистал золотом, копье сверкало серебром. По правую руку от Короля гарцевал конь Арагорна, наследника Элендила, а сзади выступали князья из рода Эорла Юного. Вспыхнула заря. Ночь кончилась.

– Вперед, Эорлинги!

С этим кличем, в грохоте и шуме, всадники лавиной обрушились на врага. Смерчем пронеслись они от ворот к реке, сминая на пути полки Исенгарда, как ветер траву. Со стороны ущелья послышались громкие возгласы: это, тесня противника, вышли из пещер остальные защитники Крепости. Все, кто мог держать оружие, покинули Скалу и вступили в бой. А рога все трубили, и эхо все множилось.

Король и его свита мчались вперед. Лучшие вражеские бойцы и военачальники падали мертвыми – или бежали прочь. Никто не мог противостоять всадникам. Повернувшись спиной к мечам и копьям, враги разбегались, крича и воя, ибо заря нового дня повергла их в ужас и великое недоумение.

Так выехал из Хельмских Ворот король Теоден, так прорубил он себе дорогу к Большому Валу. У Вала всадники остановились. Разгорался день; вершины восточных гор и кончики копий озарило солнце. Но люди Теодена не смотрели вверх. Их взгляды были прикованы к долине, ибо она изменилась до неузнаваемости.

Там, где вчера, омывая подножия гор, простирались зеленые волны холмов, темнел дремучий лес³⁹⁰. Деревья-великаны, нагие и безмолвные, стояли рядами, переплетя ветви и сомкнув серые кроны; корни их прятались в высокой зеленой траве. Под деревьями залегла тьма. От этого безымянного леса Вал отделяло всего каких-нибудь полверсты открытого поля. Там-то и сгрудились гордые полки Сарумана. С одной стороны – грозный Король, с другой – грозный Лес: солдаты Исенгарда оказались меж двух огней. У Хельмских Ворот в мгновение ока не осталось ни одного врага; как черные мухи, суетились они на узкой полосе травы, отделявшей Вал от леса. Напрасно орки пытались взобраться на склоны, окружающие долину: с востока горы были слишком круты, а с запада надвигалась окончательная, последняя гибель.

На гребне внезапно появился всадник, облаченный в белое, сияющий, как звезда в лучах восходящего солнца. Над пологими вершинами гор, не смолкая, трубили рога. Вслед за Белым Всадником на гребне выросли пешие воины с обнаженными мечами, и вскоре по склону рассыпалось тысячное войско. Среди воинов шагал высокий, богатырского сложения человек с алым щитом в руке. И вот он поднес к губам большой черный рог и еще раз протрубил в него.

– Эркенбранд! – закричали всадники. – Эркенбранд!

– Смотрите! Белый Всадник! – перекрыл их голоса могучий голос Арагорна. – Гэндальф снова с нами!

– Митрандир! Митрандир! – воскликнул Леголас. – Вот это волшебство так волшебство! Скорее! Я хочу взглянуть на этот лес, пока не рассеялись чары!

Полки Исенгарда взревели. Орки заметались, кидаясь от одной напасти к другой. С Башни снова затрубил рог, и гвардейцы Короля галопом ринулись вниз, через проход в Хельмском Валу. С холмов спускался со своими воинами Эркенбранд, правитель Западного Фолда, а со стороны Роханской Щели вниз по склону легко, как олень, который чувствует себя в горах как дома, летел Скадуфакс... При виде

Белого Всадника войско Сарумана вконец обезумело. Горцы падали ниц; орки бросали на землю мечи и копья, визжали, спотыкались и сломя голову неслись прочь, словно черный дым, гонимый ураганом. Один за другим, стеная и воя, скрылись они в выжидающей мгле леса, но выйти оттуда не довелось уже никому.

Глава восьмая

Путь в Исенгард

Так ясным утром снова встретились на зеленой траве у Хельмского ручья король Теоден и Белый Всадник Гэндальф. С ними были Арагорн, сын Араторна, эльф Леголас, Эркенбранд из Западного Фолда и князя Золотого Двора. Вокруг собрались Рохирримы – Всадники Рохана. Но удивление было сильнее радости, и все взгляды невольно поворачивались в сторону леса.

Внезапно раздались победные крики: из Хельмской Теснины выходили воины, которых прежде орки вынудили отойти в ущелье. Там были и Гамлинг Старый, и Эомер, сын Эомунда, и гном Гимли. Гимли лишился шлема, голова его была повязана льняной тряпицей, пропитавшейся кровью, но голос звучал громко и бодро.

– У меня сорок два, достойный Леголас! – закричал он еще издали. – Увы! Мой топорик зазубрился – у сорок второго на шее оказался железный обруч... А как твои дела?

– Ты обогнал меня, – отозвался Леголас. – У меня на одного меньше. Но я не огорчаюсь. Главное – ты жив и держишься на ногах!

– Привет тебе, Эомер, сын сестры моей! – молвил Теоден. – Я рад видеть тебя невредимым!

– Радуйся, Король Рохирримов! – поклонился Эомер. – Ночь миновала, наступил день. Но он принес с собой много странного!

Он обернулся и еще раз окинул изумленным взглядом лес и Белого Всадника.

– Ты вновь являешься, когда нужен больше всего и когда тебя уже никто не ждет! – воскликнул он.

– Как это – не ждет? – поднял брови Гэндальф. – Я же сказал, что вернусь, и назначил вам встречу у Хельмского Вала.

– Но ты не назвал часа и не сказал, как это произойдет!.. Необычное ты привел нам подкрепление! Воистину, ты – великий кудесник, о Гэндальф Белый!

– Может быть, может быть... Но если и так, кудесничать я еще не начинал. Что я сделал? Дал добрый совет, видя, что вы в опасности, да воспользовался быстротой Скадуфакса – вот и все! Победой вы

обязаны собственной доблести да еще выносливости воинов из Западного Фолда – они шли всю ночь.

Но на Гэндальфа смотрели с прежним, если не бóльшим удивлением. Все чаще люди с подозрением оглядывались на лес и проводили рукой по глазам. Неужели Гэндальф ничего не видит?

Гэндальф рассмеялся долгим и веселым смехом.

– Вы говорите о деревьях? Не пугайтесь, я вижу их не хуже вашего. Но я тут ни при чем. Даже Мудрые не могут приказывать Лесу. Просто все обернулось гораздо удачнее, чем я замышлял, и удачнее, чем я мог надеяться!

– Чьи же это чары, если не твои? – не поверил Теоден. – Не Сарумановы же! Неужели тут замешан какой-нибудь третий волшебник, о котором нам еще предстоит узнать?

– Это не чары. Здесь сила куда более древняя, – покачал головой Гэндальф. – Она явилась на землю раньше, чем раздалась первая песня эльфа, раньше, чем первый гном взял в руки первый молот.

*Еще не выкован был топор,
И юны были вершины гор,
И спали Кольца в глухой руде,
И зла не знали еще нигде,
И безмятежными были дни,
Когда по лесу брели Они...*

– И какой же ответ у твоей загадки? – спросил Теоден.

– Если хочешь узнать ответ, тебе придется поехать со мной в Исенгард, – ответил Гэндальф.

– В Исенгард? – поразились стоявшие вокруг.

– В Исенгард, – повторил Гэндальф. – Во всяком случае, я еду в Исенгард, и никому не возбраняется ко мне присоединиться. Там мы увидим кое-что любопытное.

– Даже собери ты воедино всех воинов Марки, даже исцели их от ран и усталости – и то не наберешь ты войска, с которым мы могли бы напасть на твердыню Сарумана, – нахмурился Теоден.

– И все же я еду в Исенгард, – невозмутимо повторил Гэндальф. – Правда, ненадолго. Мой путь лежит на восток. Жди меня в Эдорасе,

Король! Еще не сменится месяц, как я буду там.

– Нет! – возразил Теоден. – В черный час перед самой зарей я усомнился в тебе, но теперь мы уже не расстанемся. Если таков твой совет – я поеду с тобой!

– Мне надо потолковать с Саруманом, и как можно скорее, – сказал Гэндальф. – Саруман причинил тебе много зла, о Король, и я хочу, чтобы ты присутствовал при нашем разговоре. Когда вы сможете выступить в поход и быстро ли поскачут ваши кони?

– Мои люди устали в бою, – ответил Король. – Устал и я. Мы долго были в пути и давно не смыкали глаз. Увы! Мой преклонный возраст – не наговор Червеуста. Это – болезнь, которой не вылечить даже Гэндальфу.

– Тогда скажи всем, кто отправится с нами, что они могут пока отдохнуть, – согласился Гэндальф. – Мы поедем под покровом сумерек. Это тоже неплохо: наш поход должен оставаться в тайне, если, конечно, это возможно. Но не бери большого отряда, Теоден! Мы едем вести переговоры, а не биться!

Король выбрал несколько быстрых всадников, оставшихся невредимыми в бою, и приказал им скакать во все концы Рохана с вестью о победе. Всем, молодым и старым, велено было спешить в Эдорас: на второй день после полнолуния туда должны были явиться все роханцы, способные владеть оружием. В Исенгард Король пригласил Эомера и десятка два всадников из свиты. Вызвался ехать с Гэндальфом и Арагорн, а с ним – Леголас и Гимли. Несмотря на рану, гном не пожелал оставаться в крепости.

– Удар был так себе, – сказал он. – И не забывайте про шлем. Можно сказать, что я отделался легким испугом. Нет, шалишь, орочья царапина меня не остановит!

– Пока мы отдыхаем, я займусь твоей раной, – сказал Арагорн.

Король вернулся в Хорнбург и заснул мирным сном, какого не знал уже много лет. Воины, избранные в свиту Короля, тоже отправились отдыхать. Всем остальным – за исключением раненых – пришлось взяться за нелегкий труд похорон, ибо на поле брани осталось много павших – как у стен крепости, так и в глубине Теснины.

Из орков не уцелел ни один, и орочьих трупов на поле битвы валялось бесчисленное множество. Из горцев многие сдались в плен – они были напуганы до полусмерти и молили о пощаде.

Роханцы отобрали у них оружие и отправили работать.

– Помогите исправить зло, совершенное с вашим участием, – сказал им Эркиенбренд, – и дайте клятву, что никогда больше не подойдете к броду через Исену с оружием в руках и не окажете поддержки врагам рода человеческого. А потом отправляйтесь к себе домой. Саруман застлал вам глаза пеленой обмана. Многие из вас поплатились жизнью за то, что поверили его обещаниям. Но если бы вы победили, плата была бы немногим дешевле.

Горцы были бесконечно изумлены оказанной им милостью: Саруман убеждал их, что роханцы жестоки и сжигают пленников живьем.

Посреди поля перед Хорнбургом поднялись два кургана: под одним нашли покой останки всадников из восточных долин, под другим – воинов Западного Фолда. Гаму, начальника королевской стражи, похоронили отдельно, в тени Хорнбурга. Он пал, защищая Ворота.

Тела орков свалили в огромные кучи подальше от курганов, неподалеку от края леса. Роханцы беспокоились: такое количество трупов нельзя было ни закопать, ни предать огню. Для костра не хватало дров, а на странные деревья никто не дерзнул бы поднять топор, даже если бы Гэндальф не предупредил, что отломи с этих деревьев хоть веточку – и дело кончится плохо.

– Оставьте все как есть, – сказал Гэндальф. – Утро вечера мудренее. Что-нибудь да придумаем.

Ближе к вечеру отряд Короля собрался в дорогу. Погребение еще только началось. Король оплакал Гаму и сам бросил первую горсть земли в его могилу.

– Поистине, великое горе причинил Саруман мне и моему народу, – сказал он. – Я не забуду об этом, когда встречу с ним лицом к лицу!

Солнце уже приближалось к вершинам гор на западе от Лоцины, когда наконец Теоден с Гэндальфом и свитой выехал за Хельмский Вал. Проводить их собралось великое множество людей: всадники и

жители Западного Фолда, стар и млад, женщины и дети – все, кто сражался и кто во время боя прятался в пещерах. Чистые, звонкие голоса пропели гимн победе – и все смолкли, гадая, что-то будет дальше. Ибо все взоры со страхом устремлялись к деревьям.

Отряд подъехал к лесу и остановился: ни люди, ни кони не решались вступить под сень загадочного леса. Стволы стояли перед ними грозной серой стеной, повитые не то густой, осязаемой тенью, не то сумрачным туманом; длинные, метущие землю ветви, казалось, шарили в траве длинными пальцами сучьев. Обнаженные корни походили на щупальца неведомых чудовищ, а под корнями зияли темные ямы. Но Гэндальф без колебаний двинулся вперед, а за ним последовали и остальные: там, где дорога, ведущая из Хорнбурга, ныряла в лес, стал заметен просвет под аркой из могучих сучьев. Туда-то и въехал Гэндальф, а следом – и весь отряд. Вскоре всадники с удивлением обнаружили, что дорога вьется дальше, а вдоль нее, как и прежде, журчит Хельмский ручей. Над головами виднелась полоска неба, залитого золотым светом. Но деревья по сторонам дороги окутывала мгла, уже в нескольких шагах сгущавшаяся до непроглядной черноты, и в черноте этой что-то скрипело и стонало. Издали доносились приглушенные крики, слышался гневный бессловесный ропот, невнятные голоса... Но ни орков, ни других тварей на пути отряда не встретилось.

Леголас и Гимли ехали теперь вместе, держась рядом с Гэндальфом, – гном побаивался леса.

– Тут жарко, – сказал Леголас Гэндальфу. – Я кожей чувствую, как велики гнев и ярость этого леса. Неужели у тебя не стучит в ушах?

– Еще как, – ответил Гэндальф.

– Что случилось с этими злосчастными орками? – спросил Леголас.

– Этого, наверное, никто никогда не узнает, – ответил Гэндальф.

Некоторое время королевский отряд ехал в молчании. Правда, Леголас вертел головой и один раз хотел было остановить коня, чтобы послушать лесные шорохи, но Гимли этому воспротивился.

– Таких странных деревьев я еще не видел, – удивлялся эльф. – А ведь я знавал много могучих дубов и наблюдал за ними от желудя до глубокой старости! Хорошо бы побродить здесь без помех! Эти

деревья умеют переговариваться по-своему, и со временем я научился бы понимать их язык.

– Только не это! – испугался Гимли. – Давай лучше оставим деревья в покое! Я и так прекрасно их понимаю. Они горят ненавистью ко всем двуногим, вот и все. А разговоры у них об одном: давить! душисть! ломать!

– Не всех же подряд, – возразил Леголас. – Тут, я думаю, ты не прав. Счеты у них только с орками. Дело в том, что эти деревья не отсюда. Об эльфах и людях они знают мало. Они из глухих Фангорнских урочищ, Гимли, – вот откуда! Так мне кажется.

– Значит, Фангорн – самый опасный из всех лесов Средьземелья, – подхватил Гимли. – Они много сделали для нас, эти деревья, и я вроде бы должен быть им благодарен, но полюбить их – увольте. Восхищайся ими сколько хочешь, но я нашел в этих краях куда большее диво! Я отдал бы за него все роци и все леса всех времен. Я полон им до краев! Люди – странные существа, Леголас! Они владеют чудом из чудес, какого нет на всем Севере, и как они его называют? «Пещеры»! Пещеры, которые в дни войны служат им убежищем, а в дни мира – хранилищем зерна! Дорогой Леголас, известно ли тебе, что подземные чертоги Хельмской Теснины обширны и прекрасны? Да если бы гномы о них прознали, они бы потянулись сюда бесконечной чередой, чтобы только взглянуть на них, да, да, и платили бы за это чистым золотом!

– Лично я не пожалею золота, только бы меня избавили от лицемерия твоих пещер, – сказал Леголас, – а если бы я ненароком забрел туда, то дал бы вдвое, только чтобы меня выпустили на волю!

– Ты не видел подземных чертогов Хельмской Теснины, а потому я прощаю тебе эту неуместную шутку, – милостиво согласился Гимли. – Но ты пошутил неумно. Разве не прекрасен дворец под горой, в котором живет король Чернолесских эльфов и выстроить который вам помогли гномы? А ведь тот дворец попросту жалкая хижина в сравнении со здешними пещерами! Чего стоят одни только эти огромные залы, где вечно звенит музыка воды, капающей в озера, прекрасные, как Келед-зарам в звездном свете?.. А когда зажигаются факелы, Леголас, и люди вступают на песок под высокими гулкими куполами – о! – тогда в гладких стенах загораются вкрапленные в гранит самоцветы, кристаллы горного хрусталя и прожилки

драгоценной руды. Тогда свет согревает мраморные складки, и они светятся, как раковины на солнце, как руки Владычицы Галадриэли! А своды покоятся на колоннах, Леголас, белых, и шафранных, и розовых, как заря, а сами колонны, витые, причудливые, словно пришли из снов, растут из разноцветных полов навстречу блистающим сталактитам – о, эти крылья и вервие, оледеневшие облака и грозящие вонзиться копья, хоругви парадных покоев и филигранные башенки опрокинутых дворцов, отразившиеся в недвижных озерах, покрытых тонким льдом!.. А из ледяных зеркал проступают очертания городов, какие и самому Дьюрину не снились. Улицы, галереи, целые колоннады, тянущиеся вдаль, уходящие в глубины, куда уже не достигает свет... Вдруг – динь! – падает серебряная капля, воду морщат разбегающиеся круги, башни гнутся и колеблются, как водоросли и кораллы в морских гротах. Но тут наступает вечер, все погружается во тьму, а факелы перемещаются в следующий чертог, и начинается следующий сон. Чертог сменяется чертогом, Леголас, зала перетекает в залу, над куполами взмывают купола, бегут лестницы и галереи, выводящие к вьющимся тропам, по которым можно добраться до самого сердца гор... Пещеры! Подземные дворцы Хельмской Теснины! Благословенна стезя, что привела меня в эти чертоги! Я плакал, когда покидал их...

– Могу тебя утешить, друг мой Гимли, – улыбнулся Леголас. – Если ты останешься цел, никто не помешает тебе вернуться сюда! Только не спеши сообщать об этих пещерах всему гномьему племени! Ты говорил, что на прежних местах гномам уже почти нечего делать. Может быть, здешние люди поступают мудро, помалкивая об этих пещерах: наверное, одного трудолюбивого гномьего семейства с молотками в руках хватило бы, чтобы напортить столько, что потом никаким гномам не поправить!

– Ты не прав, – возразил Гимли. – Сердце гнома не может остаться равнодушным к такой красоте. Дети Дьюрина не стали бы добывать тут камень. Даже золото и алмазы нас не соблазнили бы. Разве ты срубил бы на дрова цветущую весеннюю рощу? Мы бы сохранили эти цветущие камни, мы бы не причинили им даже самого малого вреда. Вся наша работа заключалась бы в том, чтобы стучать потихоньку молотком, откалывая иной раз по крошечному кусочку камня за целый день, и так из года в год, чтобы в конце концов открыть доступ к

новым галереям и новым залам, которые сейчас погружены во тьму и о которых догадываешься, только заметив пустоту за трещиной в скале. А лампы, Леголас! Мы зажгли бы там такие же светильники, какие горели некогда в Казад-думе. Мы бы изгнали ночь, которая залегла там со времени, когда созданы были эти горы. А когда нам потребуется отдых, мы позволим ей вернуться...

– Твои слова трогают меня, Гимли, – признался Леголас. – Я еще никогда не слышал, чтобы ты говорил так красноречиво. Ты почти заставил меня пожалеть, что я не видел пещер Хельмской Теснины! Знаешь что? Давай заключим договор. Если мы оба уцелеем вопреки всем опасностям, что ждут впереди, – давай постраниствуем с тобой по Средьземелью! Ты посетишь со мной Фангорн, а я спущусь с тобой в пещеры Хельмской Теснины. По рукам?

– Я бы предпочел вернуться другой дорогой, – вздохнул Гимли. – Впрочем, будь по-твоему! Фангорн так Фангорн. Но ты должен пообещать мне, что после Фангорна мы с тобой отправимся в пещеры, и ты поделишь мое восхищение!

– Решено! – заверил его Леголас. – Но – увы! – пока что нам придется забыть и о пещерах, и о Лесе. Смотри! Деревья кончаются. Гэндальф! Скажи, далеко ли отсюда до Исенгарда?

– Для Сарумановых воронов – около пятнадцати лиг лету, – ответил Гэндальф. – Пять от устья Теснины до Брода, десять – от Брода до ворот Исенгарда. Но ехать всю ночь нет никакой нужды.

– А что мы увидим в конце пути? – спросил Гимли. – Ты, может, уже знаешь, а я так даже не догадываюсь!

– Я и сам ничего не знаю, – уклонился от ответа волшебник. – Я побывал там вчера после заката, а за это время многое могло случиться. Но я все же думаю, что мы едем не напрасно, хотя тебе и пришлось ради этого расстаться с Блισταющими Пещерами Агларонда!

Наконец лес остался позади, и все увидели, что находятся у выхода из Лоцины, близ развилки дорог: одна вела на восток, в Эдорас, другая – на север, к Броду. Оказавшись на краю леса, Леголас, придержав коня, с сожалением оглянулся и вдруг вскрикнул:

– Глаза! Смотрите! На нас кто-то смотрит из-под ветвей! Таких глаз я еще никогда не видел!

Остальные, удивленные его возгласом, приостановились и тоже обернулись. Леголас уже поворачивал коня, чтобы скакать обратно.

– Стой! – закричал Гимли. – Если ты сошел с ума, это твое дело, но дай мне сперва слезть! Я никаких глаз видеть не желаю!

– Не спеши, Леголас Зеленолист! – удержал эльфа Гэндальф. – Возвращаться в лес еще рано! Твое время пока не наступило.

Не успел он договорить, как из леса выступили три странных существа. Высокие, как тролли, не меньше двенадцати локтей ростом, крепкие и сильные, они напоминали молодые деревья, а облачены были в какое-то плотно облегающее одеяние серо-коричневого цвета – а может, это была не одежда, а кора? Ноги и руки у них были длинные, многопалые, волосы жесткие, а бороды – серо-зеленые, наподобие мха. Странные создания спокойно и серьезно осмотрелись, взглянули через головы всадников на север, приложили ко рту сложенные рупором ладони – и с их уст слетели гулкие, звенящие звуки, чистые, как зов рога, но куда более сложные, похожие скорее на музыку. На зов ответили; всадники снова обернулись к равнине – и увидели, что оттуда к лесу приближаются еще несколько точно таких же существ. Они ступали как болотные цапли, но шаги делали гораздо больше и к тому же ступали очень быстро – даже цапля не так часто машет крыльями. Всадники не могли сдержать возгласов удивления; некоторые даже схватились за мечи.

– Оружие вам не понадобится, – остановил их Гэндальф. – Это всего лишь пастухи. Они не враги нам. Более того – им до нас нет ровным счетом никакого дела.

По-видимому, он знал, что говорил. Великаны, не удостоив людей даже взглядом, вошли в лес и исчезли в нем.

– Пастухи? – недоумевал Теоден. – Где же их стада? И кто они, Гэндальф? Похоже, ты о них что-то знаешь.

– Они пасут деревья, – ответил волшебник. – Неужели ты забыл сказки, что рассказывают у вас по вечерам у зажженного очага? Спроси детей! Они легко извлекут нужный ответ из перепутанных нитей древних легенд. Ты видишь перед собой энтов из Фангорнского леса, о Король, леса, который по-вашему так и зовется – Энтвуд. Для энтов вы, роханцы, – скоропреходящая тень, только и всего. Годы, протекшие со времени Эорла Юного до Теодена Старого, для них

ничто, а все деяния и подвиги твоих славных предков – малозначащее мельтешение.

Король долго молчал.

– Энты! – проговорил он наконец. – Поистине, если заглянуть во мглу легенд, чудо с деревьями станет чуть-чуть понятнее. В странные времена довелось мне жить! Мы веками разводили скот, пахали землю, строили дома, мастерили орудия, помогали гондорцам в битвах за Минас Тирит. Все это мы называли обычной человеческой жизнью, и нам казалось, что таким путем идет весь мир. Нас мало беспокоило, что происходит за пределами нашей страны. Об этом пелось в песнях, но мы забывали эти песни или пели их только детям, просто так, бездумно, по привычке. И вот эти песни напомнили о себе, отыскиали нас в самом неожиданном месте и обрели видимое обличье!

– Разве ты этому не рад, о король Теоден? – спросил Гэндальф. – Видишь ли, в опасности оказалась не только короткая человеческая жизнь, но и жизнь существ, которых вы почитали сказочными. Вы не одиноки, хотя и не знаете своих союзников.

– Я рад, но и опечален тоже, – ответил Теоден. – Остается надеяться, что война, в чью бы пользу она ни закончилась, не лишит Средьземелья всех его тайн, красот и чудес!

– Будем надеяться, – кивнул Гэндальф. – Но Саурановой скверны до конца выкорчевать не удастся никогда. Не удастся и вернуться к тому, что было прежде... Однако нам выпало жить именно в эти дни. Вперед же – в путь, который мы избрали!

Оставив Лощину и лес в стороне, отряд повернул к Броду. Поборов себя, Леголас последовал за остальными. Солнце уже скрылось за краем земли, но, когда они выехали из тени гор и повернули на запад, к Роханской Щели, небо все еще алело и нижний край облаков горел огнем. На фоне багряного зарева кружили черные птицы. Некоторые из них, испуская унылые крики, пролетели прямо над головами всадников: они возвращались в свои горные гнезда.

– Стервятники попиروвали на славу, – заметил Эомер.

Кони перешли на неспешную рысь. Стемнело. Округлившаяся луна медленно взбиралась вверх по небосводу, и залитые холодным серебристым светом холмы вздымались и опадали, как волны огромного серого моря. Через четыре часа всадники подъехали к

Броду. Река растекалась здесь по галечным отмелям посреди высоких, поросших травой террас. Ветер донес до слуха вой волков. Сердца у всех защемило – здесь нашли свою смерть многие роханские воины.

Дорога нырнула в лощину, выбежала к берегу реки и ушла в воду, чтобы вновь появиться на противоположном берегу. Поперек течения тянулось три ряда плоских камней. Между камнями пролегали броды для лошадей, а посередине реки высился небольшой голый островок – привычная для роханцев картина; но когда всадники взглянули с кручи на знакомое место, они не узнали его. Обычно Брод шумом и плеском воды у камней переправы давал о себе знать издалека; теперь здесь царила тишина. Русло почти пересохло, обнажив россыпи гальки и серые песчаные отмели.

– Какой странный вид, – недоумевал Эомер. – Чем же заболела река, что с ней приключилось? Много прекрасного уничтожил Саруман. Неужели он не пощадил и самой Исены?

– Похоже, что так, – ответил Гэндальф.

– Увы! – молвил Теоден. – Неужели мы поедем той самой дорогой, где дикие звери пожирают тела доблестных всадников Марки?

– Да, мы поедем той самой дорогой, – ответил Гэндальф. – Гибель твоих людей принесла скорбь Рохану, но ты сейчас увидишь, о Король, что горные волки до них не добрались. Хищники угощаются телами своих приятелей-орков. Такая уж у них дружба! Едем!

Отряд спустился к реке. Завидев всадников, волки перестали выть и убрались прочь: при виде Гэндальфа и Скадуфакса, светившегося в лунном свете, как серебро, на них напал страх. Всадники миновали островок, где обосновались хищники. С берега отряд провожали тускло поблескивавшие глаза.

– Смотрите! – сказал Гэндальф. – Наши друзья неплохо поработали!

Посреди островка высился курган, увенчанный короной из камней и вонзенными в землю копьями.

– Здесь лежат роханские воины, павшие в битве у Брода, – сказал Гэндальф.

– Да будет им земля пухом! – воскликнул Эомер. – Копья рассыпаются в прах, мечи ржавеют, но пусть этот курган вечно охраняет брод через Исену!

– Верно, и здесь не обошлось без тебя, друг мой Гэндальф? – заметил Теоден. – Много же ты успел за один вечер и одну ночь!

– С помощью Скадуфакса... и еще кое-кого, – ответил Гэндальф. – Я мчался быстро и много где побывал. А пока не скрылся из глаз курган, хочу вас утешить: много воинов пало в битвах у Брода, но слухи преувеличили число погибших. Большинство рассеялось по степи. Я собрал всех, кого смог найти. Часть из них, под началом Гримбольда из Западного Фолда, я послал к Эркенбранду, часть отрядил совершить погребение – а когда они закончили работу, отослал их к маршалу Эльфхельму. Его всадники уже спешат в Эдорас. Саруман, как стало мне известно, обрушил против тебя все свои силы. Его слугам пришлось бросить обычные дела и двинуться к Хельмской Теснине, так что похоже было, что край очистился от врагов. Я опасался, что орки верхом на волках и случайные разбойники все-таки попытаются навестить Метузельд, оставшийся без охраны. Но теперь я уверен: тебе нечего бояться. Твой дом встретит тебя миром.

– Я буду рад вернуться, – сказал Теоден. – Но скорее всего, оставаться в отчих стенах мне уже недолго.

Отряд попрощался с островом и курганом, кони перешли реку и поднялись на другой берег. Всадники двинулись дальше, спеша оставить скорбный Брод позади. Когда отряд отъехал, за рекой снова послышался волчий вой.

От Брода к Исенгарду вела древняя дорога. Сначала она следовала за рекой, вместе с ней поворачивая сперва на восток, а потом на север, но вскоре отошла от берега и устремилась прямо к воротам Исенгарда, к подножию гор, замыкавших долину верстах в двадцати четырех от устья. Всадники ехали вдоль дороги, по обочине: земля здесь была твердая и ровная, на много верст вперед тянулся короткий упругий дерн. Отряд перешел на быструю рысь – и к полуночи Брод остался уже лигах в пяти позади. Здесь ночное путешествие пришлось прервать: Король почувствовал усталость. До подножия Туманных Гор было совсем недалеко, и долина Нан Курунир³⁹¹ уже тянула навстречу отряду длинные руки-отроги. Впереди сгустилась зловещая темнота – луна ушла на запад и скрылась за горами. Но ее последние лучи все еще высвечивали поднимающийся из непроглядной мглы огромный столб дыма, а по звездному небу растекались черно-серебряные сверкающие кольца.

– Что бы это могло быть, Гэндальф? – спросил Арагорн. – Поневоле подумаешь, что Чародеева Долина в огне!

– В последнее время над Долиной всегда курится дым, – откликнулся Эомер. – Но подобного я еще никогда не видел. Это, пожалуй, больше похоже на пар, чем на дым. Саруман затеял к нашему появлению что-то новое. Уж не вскипятил ли он Исену? И не потому ли она пересохла?

– Все может быть, – сказал Гэндальф. – Завтра мы узнаем, что подельывает Саруман. А пока попробуем отдохнуть!

Всадники разбили лагерь на берегу безмолвного, пустого русла Исены. Кто мог спать – заснул. Но поздней ночью крик часовых разбудил всех. Луна села. Над головой светили звезды, а по обеим сторонам реки от Брода ползло по земле черное, чернее самой ночи облако, медленно приближаясь к лагерю.

– Стойте, где стоите! – крикнул Гэндальф. – Не доставайте оружия! Ждите! Оно пройдет мимо!

Лагерь погрузился в густой туман. Наверху еще мерцало несколько звезд, но по сторонам сгустилась непроглядная тьма, как если бы отряд оказался меж черных движущихся стен. Люди слышали голоса – шепот, стоны, непрерывные шелестящие вздохи. Земля дрожала. Это длилось, казалось, чуть ли не вечность, но в конце концов и тьма, и странные звуки миновали лагерь и устремились в Чародееву Долину.

На юге, в Хорнбурге, люди Хельмской Теснины в полночь услышали великий шум, как будто в долине внезапно поднялся ветер. Земля загудела. Пока не рассвело, никто не отважился выйти из крепости, но утром смельчаки отыскались – и поразились увиденному: убитые орки исчезли! Исчезли и деревья. Трава в ущелье была где смята, где втоптана в землю и сплошь побурела, будто какие-то великаны прогнали ночью через долину свои стада. Примерно в полутора верстах от Вала, внизу, чернела свежезасыпанная яма, а поверх нее громоздилась груда камней. Люди решили, что в этой яме закопаны убитые орки. Но куда девались те из врагов, что бежали в лес? Это так и осталось неизвестным. На гору камней, наваленную над нечистой могилой, никто не осмеливался ступить. Впоследствии это место прозвали Мертвым Курганом. Трава на нем так и не выросла, а

странных деревьев в Лощине больше никогда не видели: ночью они ушли назад, в темные урочища Фангорна. Так Лес отомстил оркам.

Этой ночью ни Король, ни его свита уже не спали. Но ничего особенного больше не произошло, если не считать одного: к утру внезапно пробудилась Исена. Вдоль русла хлынула волна – и река зашумела, бурля и пенясь, как прежде.

На заре отправились дальше. Занимался день, серый и блеклый. Восхода всадники не увидели: воздух отяжелел от тумана. Пахло гарью. Ехали медленно, на сей раз по дороге – здесь она была широкая, твердая и отлично ухоженная. Слева сквозь туман смутно вырисовывалась длинная горная цепь. Наконец отряд въехал в Нан Курунир – Чародееву Долину. Нан Курунир глубоко вдавалась в горы, и выход из нее был только один – на юг. Когда-то долина слыла зеленой и прекрасной. Через нее текла Исена, глубокая и полноводная, вобравшая в себя все горные источники и ручейки, которых на этих омытых дождями склонах было великое множество. По берегам Исены когда-то лежали цветущие, плодородные земли.

Теперь все изменилось. Под самым Исенгардом оставались еще лоскутки полей, возделываемых рабами Сарумана, но бóльшая часть долины превратилась в пустырь, заросший сорняками да колючками. По земле, обвивая каждый склон и каждый куст, тянулись побеги куманики, и в ее зарослях селились мелкие зверьки. Деревьев тут больше не росло, но в зарослях жестких трав еще виднелись обгорелые следы порубок на месте старинных рощ. Это был печальный, молчаливый край. Тишину нарушал только плеск бегущей по холодным камням воды. Над землей плыл угрюмый пар, серыми тучами залегая в окрестных лощинах. Всадники ехали молча. Многим в сердце закрадывалось сомнение, и многие спрашивали себя: каким будет конец этого унылого пути?

Через несколько верст проселочная дорога сменилась мощеной. Большие плоские камни, обтесанные по углам, были пригнаны друг к другу так тесно, что между ними не пробивалось ни единой былинки. По обе стороны дороги тянулись глубокие канавы, до краев наполненные журчащей водой. Наконец впереди, в тумане, неожиданно замаячила высокая черная колонна. Венчала ее большая каменная рука, выкрашенная в белый цвет³⁹². Указательный палец

показывал на север. Стало ясно: ворота Исенгарда уже недалеко. Всем на сердце легла тяжесть, хотя за туманами, заставшими путь к Воротам, еще ничего не было видно.

Бессчетные годы стоял в Чародеевой Долине, за горным отрогом, древний город-крепость, названный людьми Исенгардом. Он возник тогда же, когда и сами горы, но мастера Закатного Края потратили немало сил, чтобы довести его до совершенства, да и Саруман, поселившийся здесь в незапамятные времена, не сидел сложа руки.

Вот как выглядел Исенгард, когда его владелец, став признанным главой всех волшебников и чародеев, достиг вершин своего могущества. Высокая стена, подобная гряде отвесных утесов, отходила от горной цепи, обегала крепость и снова упиралась в горы. В стене был прорублен только один выход с южной стороны – огромные полукруглые ворота: черную скалу насквозь прорезал длинный туннель, с обеих сторон закрытый мощными коваными дверьми. Массивные створки крепились на заклиненных в живом теле скалы стальных косяках и ходили в петлях так легко, что ворота без труда можно было открыть легким толчком руки, и главное – совершенно бесшумно. За гулким туннелем открывалась огромная котловина в виде плоской чаши версты в полторы шириной. Некогда котловина эта зеленела фруктовыми садами и края ее соединяли аллеи, а сады пили воду из ручьев, стекавших с гор в голубевшее посередине озеро. Но в поздние годы Саруманова владычества зелень здесь повывелась. Хозяин котловины вымостил дороги темными каменными плитами, а вдоль бывших аллей вместо фруктовых деревьев поставил ряды мраморных, медных и железных столбов, соединив их между собой тяжелыми цепями.

Стены Исенгарда превратились в жилые дома. С внутренней стороны в них было выдолблено множество комнат, залов и переходов, так что оголившаяся котловина оказалась под надзором бесчисленных окон и темных дверных проемов. В этом скальном городе могли обитать тысячи. Там жили рабочие, слуги, рабы и воины, в чьем распоряжении были набитые до отказа оружейни. В глубоких подвалах под стеной держали волков. Котловина тоже была сплошь перерыта, избуравлена, вскопана. Подземные ходы, то пологие, то прикрытые сверху низкими насыпями или небольшими каменными куполами,

уходили глубоко в землю. В лунном свете Исенгард напоминал громадное кладбище, в гробах которого пробудились мертвецы, ибо земля котловины постоянно гудела и вздрагивала. Штольни с винтовыми лестницами и наклонными коридорами вели в глубокие подземелья, где помещались сокровищницы, склады, арсеналы, кузницы и огромные печи. Там без остановки вертелись железные колеса³⁹³ и громыхали молоты. По ночам из-под земли тянулся дым, подсвеченный снизу красным, синим или ядовито-зеленым светом.

Закованные в цепи дороги сходились к центру котловины, где высилась башня весьма необычного вида. Ее воздвигли те же самые строители, что обтесали скалы вокруг Исенгарда, но все-таки трудно было поверить, что эта башня – творение рук человеческих. Казалось, в глубокой древности сами горы породили ее в муках – плоть от плоти своей, кость от костей своих. Походила она на остроконечный утес или скалу – черная, жестко поблескивающая, составленная из четырех мощных колонн-многогранников. Наверху эти колонны расходились четырьмя острыми, словно копыя или рога, вершинами с отточенными, как ножи, лезвиями граней. Между рогами оставалось узкое пространство, где на высоте пятисот футов над равниной, на гладком каменном полу, покрытом странными знаками, мог свободно поместиться человек. Так выглядел Орфанк – крепость Сарумана. Название это – может, умышленно, а может, и нет – имело двойной смысл: на языке эльфов слово *орфанк* означало «гора-клык», а на роханском – «коварный ум».

Исенгард был воистину мощной крепостью, но когда-то он был еще и прекрасен. В нем жили благородные князья и властители, несшие стражу на западных окраинах Гондора, и мудрецы, наблюдавшие за звездами. Но Саруман постепенно приспособил башню для своих меняющихся планов и, как ему казалось, немало ее усовершенствовал, без конца оснащая все новыми и новыми приспособлениями и искренне думая, что честь их создания принадлежит ему одному. Но он ошибался: все искусные выдумки и многосложные изобретения, ради которых он оставил свою прежнюю мудрость, исходили из Мордора, и только из Мордора. Саруман достиг лишь одного – он создал уменьшенную копию, детскую игрушку, с рабской лезтью повторявшую исполинский Барад-дур, Черный Замок, соединивший в себе и оружейню, и застенок, и чудовищный огненный

котел. Там, в этом замке, гордом, неуязвимом и неприступном, защищенном мощью несметных армий, не терпели соперников, смеялись над лестью и спокойно ждали своего часа.

Так описывала молва твердыню Сарумана. Молва – ибо на памяти последнего поколения живущих ни один роханец не побывал за воротами Исенгарда, исключая разве что Червеуста и ему подобных. Но такие проникали туда под покровом тайны и о том, что видели, не сообщали никому.

Гэндальф первым миновал каменный столб с Белой Рукой. Только тогда всадники, к великому своему удивлению, заметили, что Рука не сплошь белая, как показалось вначале, но испачкана как бы запекшейся кровью. Присмотревшись, они различили, что ногти на Руке выкрашены в красный цвет. Но Гэндальф все так же спокойно ехал вперед, и наконец остальные скрепя сердце последовали за ним, начиная поневоле подозревать, что в долине случилось наводнение: у дороги мутно отсвечивали лужи и среди камней бесчисленными ручейками сочилась вода.

Наконец Гэндальф остановился и дал своим спутникам знак подъехать ближе. Стало видно, что туман впереди постепенно рассеивается. Из дымки выступило бледное солнце. Полдень миновал. Ворота Исенгарда были перед ними.

Вернее, ворот-то как раз и не было. Створки лежали на земле, треснувшие, искореженные, а вокруг валялось множество камней, разбитых на бесчисленные острые осколки. Арка ворот еще стояла, но за нею зияла пустота: крыша туннеля была снесена начисто, а стены-утесы по обе стороны прорезаны огромными трещинами и наполовину обвалились. Привратные башни стали пылью. Если бы само Великое Море обрушило свой гнев на Исенгард, и оно не оставило бы после себя большего опустошения!

Котловину до краев заливала дымящаяся вода. В этом горячем чане, покачиваясь, плавали балки, бревна, сундуки, шлемы и еще какие-то покореженные обломки. Погнутые, накренившиеся столбы – многие из них треснули, а иные и раскололись – еще торчали над водой, но все мостовые были затоплены. Вдали, обвитый дымом, возвышался одинокий скалистый остров – башня Орфанк, по-прежнему высокая и черная. Буря не причинила ей никакого вреда³⁹⁴. Подножие башни лизали бледные волны.

Король и его свита молча сидели в седлах, дивясь увиденному. Было ясно, что владычеству Сарумана пришел конец; но как это могло случиться, никто не понимал. Обведя взглядом развалины, роханцы подняли глаза на разрушенные ворота – и увидели, что на огромной грудке щебня рядом с покореженными створками лежат, удобно устроившись, два маленьких человечка. Оба были одеты в серое, благодаря чему различить их среди камней было почти невозможно. Рядом стояли бутылки, кубки и блюда – похоже было, что странные привратники только что как следует закусили и теперь отдыхают. Один, судя по всему, дремал, другой развалился, положив ногу на ногу и откинувшись на камни. Из рта у него вылетали струйки и маленькие колечки прозрачного сизого дыма.

Теоден, Эомер и остальные смотрели на маленьких незнакомцев с нескрываемым изумлением. Странные привратники поразили роханцев едва ли не больше, чем опустошение Исенгарда. Но прежде чем Король обрел дар речи, человечек, пускавший дым из рта, увидел застывших на границе тумана всадников. Миг – и он был уже на ногах. Он мог бы сойти за обычного молодого человека, только вот ростом не удался – всадники были каждый раза в два выше. Буйные каштановые кудри юноши были непокрыты. Всем сразу бросилось в глаза, что на плечах у него потрепанный плащ такого же цвета и покроя, как те, что были на друзьях Гэндальфа, когда те явились в Эдорас. Маленький юноша поклонился до земли, приложив к груди руку, и, словно не замечая волшебника и его друзей, обратился к Эомеру и Королю.

– Добро пожаловать в Исенгард, Ваше Величество и Ваше Высочество! – воскликнул он. – Перед вами здешние привратники. Я – Мериадок, сын Сарадок, а сей покорный слуга ваш, который – увы! – побежден усталостью, – тут он дал своему приятелю легкого пинка, – носит имя Перегрин; он сын Паладина из рода Тукков. Наш дом далеко отсюда, на севере. Владетельный Саруман пребывает у себя в покоях. В данный момент он имеет секретное совещание с неким Червеустом и весьма сожалеет, что лишен возможности приветствовать столь высокородных гостей лично.

– Еще бы! – рассмеялся Гэндальф. – Так это Саруман велел вам охранять разбитые ворота и высматривать гостей? Как я погляжу, застолью это не помешало!

– Увы, досточтимый господин, владетельный Саруман слишком занят, чтобы отвлекаться на такие мелочи, – сохраняя строгое лицо, ответил Мерри. – В последнее время государственные дела отняли у него даже те краткие часы досуга, которыми он располагал раньше. Мы подчиняемся непосредственно Древобороду, который принял на себя управление всеми домашними делами Сарумана. Он поручил мне встретить Повелителя Рохана приличествующей случаю речью, что я и постарался исполнить сообразно своим скромным способностям.

– А друзья?! А мы с Леголасом?! – вскричал Гимли, не в силах больше сдерживаться. – Ах вы мошенники! Ах вы лентяи шерстоногие! Ну и устроили вы нам гонку! Мы двести лиг отмахали по лесам, степям да болотам, прошли через войну и смерть, чтобы спасти вас, а вы, оказывается, и в ус не дуετε?! Пируют себе тут, баклуши бьют да трубочки посасывают! Ей-ей, настоящие трубочки! Где же вы раздобыли зелье, негодяи? Клянусь молотом и клещами! Уж и не знаю, злиться мне или радоваться! Надо выбрать что-нибудь одно, а то, чего доброго, разорвусь пополам!

– Все верно, Гимли! – рассмеялся Леголас. – Только я бы прежде всего попытался дознаться, откуда у них вино!

– Чего-чего, а ума вы в своих странствиях, как видно, не нажили! – отозвался Пиппин, приоткрывая один глаз. – Победители, понимаешь, сидят у ворот отвоеванной крепости, среди военных трофеев, а вы удивляетесь, откуда у них эти скромные, но честно заработанные предметы роскоши!

– Честно заработанные? – усомнился Гимли. – Никогда не поверю!

Всадники слушали их со смехом.

– Похоже, мы стали свидетелями встречи старых друзей, – молвил Теоден. – Значит, это и есть твои пропавшие товарищи, Гэндальф? Видно, так уж велит нам судьба – на каждом шагу встречать новое чудо! С тех пор как я покинул свой дом, мне что ни день приходится удивляться – и вот передо мною еще один сказочный народ! Видимо, вы – невелички, или, как говорят у нас, *хольбитланы*³⁹⁵?

– Хоббиты, если угодно Вашей Милости, – поклонился Пиппин.

– Хоббиты, – повторил Теоден. – Как странно изменилось роханское слово у вас на устах! Впрочем, и в таком виде оно

достаточно благозвучно. Стало быть, хоббиты! Надо сказать, легенды весьма уступают действительности!

Мерри поклонился. Пиппин встал и поклонился еще ниже.

– Ты воистину великодушен, о Король! – сказал он. – По крайней мере я надеюсь, что твои слова можно истолковать как знак милости! Однако ты тоже весьма удивил нас. Мы побывали во многих странах, но ты первый, кто знает о хоббитах!

– Видимо, дело в том, что мой народ пришел в эти края с севера, – ответил Теоден. – Но не стану вас обманывать. Мы ничего не знаем о хоббитах. Сказки, правда, упоминают о племени невеличков, которое обитает где-то на краю света, за горами и реками, в песчаных дюнах. Но о деяниях невеличков легенды умалчивают: невелички, как говорит предание, не стремятся к подвигам, избегают людей и к тому же умеют исчезать так быстро, что их и не заметишь. Кроме того, они могут щебетать по-птичьи. Но, судя по всему, о вас можно было бы рассказать гораздо больше!

– Воистину, Повелитель, – подтвердил Мерри.

– Например, – продолжал Теоден, – я никогда не слышал, что у хоббитов изо рта идет дым.

– В этом нет ничего удивительного, – охотно пустился в объяснения Мерри. – Искусству пускать дым изо рта хоббиты выучились всего несколько поколений назад. Первым вырастил у себя на огороде зелье для курения некий Тобольд Дудельщик из Долгодолы, что в Южном Пределе. Было это примерно в одна тысяча семидесятом году по нашему летосчислению. А набрел старина Тоби на это зелье...

– Будь осторожен, Король, – вмешался Гэндальф. – Даже сидя среди развалин, хоббиты могут часами обсуждать какие-нибудь застольные радости или рассказывать мелкие случаи из жизни своих отцов, дедов, прапрапрадедов и дальних родственников вплоть до девятого колена. Дайте им волю – и вы пропали, если только их воодушевит ваш терпеливый вид. Так что рассказ о курительном зелье лучше отложим на потом! Где Древобород, Мерри?

– Наверное, на той стороне котловины, – ответил Мерри. – Пошел напиться воды – чистой воды. Энты почти все там – они еще доделывают кое-какие мелочи.

Мерри показал на дымящееся озеро. Только теперь все услышали доносящийся издалека гул и глухой рокот, напоминавший шум лавины.

Гумм, гумм – доносилось с дальнего берега. Казалось, там торжествующе гудят боевые рога.

– Что же, Орфанк остался без охраны? – осведомился Гэндальф.

– А вода на что? – отозвался Мерри. – Кроме того, за башней следят Стремглав и еще пара энтов. Если присмотреться, можно увидеть, что не все столбы и колонны, которые торчат из воды, Сарумановы! Кажется, Стремглав стоит во-он там, под башней, у самой лестницы.

– Да, верно: я вижу там высокого серого энта, – пригляделся Леголас. – Руки у него прижаты к бокам, и стоит он неподвижно; его можно принять за обычное дерево.

– Между прочим, уже минул полдень, а у нас с утра еще и крошки во рту не было, – заметил Гэндальф. – Кроме того, мне бы надо перемолвиться парой словечек с Древобородом. Неужели он не велел ничего передать мне? Или вы обо всем позабыли, увлекшись едой?

– Отчего же, – сказал Мерри. – Я уже совсем было подобрался к нашему поручению, но меня отвлекли посторонними разговорами. Древобород велел передать вам, что, если Повелитель Рохана и Гэндальф благоволят проехаться к северной стене, им не составит труда его отыскать, а Древобород окажет им достойный прием. От себя могу добавить, что гости найдут там не только Древоборода. Вас ожидают изысканнейшие яства Исенгарда, обнаруженные среди руин не кем иным, как вашими смиреннейшими слугами. – И он снова поклонился.

– Это уже лучше! – воскликнул Гэндальф со смехом. – Ну что, король Теоден, поедешь ли ты со мной к Древобороду? Придется, правда, обогнуть озеро, но это недалеко. Когда ты увидишь Древоборода, тебе многое станет ясно. Ибо Древобород – это и есть Фангорн, старший из живущих энтов и глава энтийского племени. Из его уст ты услышишь речь древнейших обитателей Средьземелья.

– Добро же, – ответил Теоден. – До свидания, господа хоббиты! Надеюсь видеть вас у себя во дворце! Я посажу вас рядом с собой, и вы расскажете мне обо всем, о чем ни пожелаете, – например, о своих предках хоть от самого утра дней и о Тобольде Старом с его зельем! Прощайте!

Хоббиты отвесили низкий поклон.

– Так вот он каков, король Рохана! – понизив голос, шепнул Пиппин Мериадоку. – Ничего себе старичок. Вежливый!

Глава девятая

Обломки крушения

Гэндальф и королевская свита отправились в обход развалин Исенгарда. Гимли, Арагорн и Леголас с ними не поехали. Арода и Хасуфэла они отпустили на травку, а сами уселись на камни рядом с хоббитами.

– Что ж! Погоня кончилась, и мы снова в сборе, причем в таком месте, где никто из нас не думал очутиться!

– Пока великие мира сего обсуждают великие дела, – заметил Леголас, – неплохо бы нам, Охотникам, получить ответ на несколько второстепенных вопросов!.. Мы шли по вашему следу до самого Фангорнского леса. Но осталось еще много непонятного, и мы хотели бы знать, как все обстояло на самом деле!

– Нам бы тоже не помешало кое-что выяснить, – парировал Мерри. – Древобород рассказал нам о некоторых вещах, но этого ох как мало!

– Всему свое время, – сказал Леголас. – Охотники – мы, а вы – дичь, вам и говорить первыми.

– Первыми, но во-вторых, – возразил Гимли. – Разговоры лучше отложить до послеобеденного отдыха. Я ранен в голову, а солнце уже перешло на другую сторону неба. Эй вы, лодыри! Хотите загладить свою вину – так поделитесь с нами толикой добычи, на которую столь прозрачно намекаете. Угощение скостило бы вам часть долга!

– Все тебе будет, – заверил Пиппин. – Здесь желаешь обедать или хочешь расположиться поудобнее, в развалинах Сарумановой караульни? Она там, за аркой. Нам-то пришлось устроить пикник на свежем воздухе, но у нас не было выбора – нам приказали ждать вас. Ну, мы и ждали. Во все глаза глядели, только б не пропустить...

– Не во все глаза, а в четверть глаза, – поправил Гимли. – А что до этой орочьей норы, то я туда соваться не желаю. И к пище орочьей не притронусь.

– Никто тебя не просит притрагиваться к орочьей пище, – рассмеялся Мерри. – Мы с орками, спасибо, и сами пообщались! До конца жизни больше не захотим! Но в Исенгарде ошивалась прорва разного народу. Видишь ли, у Сарумана хватало ума не доверять

оркам. Для охраны ворот он набирал только людей – и, как я догадываюсь, самых верных. По крайней мере они явно пользовались его благосклонностью, и кормил он их хорошо.

– И курительное зелье выдавал – так, что ли? – спросил Гимли.

– Ну, уж это вряд ли! – рассмеялся Мерри. – Зелье – совсем другая история. Но она подождет, пока ты отобедаешь.

– Ну так пошли обедать! – вскочил гном.

Хоббиты провели друзей под аркой, повернули налево и поднялись по уцелевшей от разрушения лестнице к двери караульни. За дверью обнаружилась большая комната; напротив входа чернело еще несколько дверей, поменьше. Сбоку был устроен камин. Комната, высеченная прямо в скале, по всей видимости, была когда-то темной, так как все окна выходили в туннель, но теперь через разрушенную крышу свободно проникал свет. В камине пылал огонь.

– Я решил, что немножко огоньку не помешает, – сказал Пиппин. – Только камин нас и утешал среди всех этих туманов. Мы нашли тут хворосту, но не очень много, а сухих дров в округе, сами понимаете, не сыщешь. Но здесь отличная тяга. Наверное, труба выходит куда-то высоко в горы. Хорошо, что ее не завалило! Словом, огонь, как видите, горит. Хотите, поджарю вам гренокв? А то хлеб, к сожалению, черствый – ему, наверное, уже дня три-четыре, не меньше.

Арагорн, Леголас и Гимли расположились на конце длинного стола, а хоббиты исчезли за одной из внутренних дверей.

– Тут у них была кладовая. К нашему счастью, вода до нее не добралась, – поведал Пиппин, когда они с Мерри вернулись, нагруженные блюдами, чашами, кубками, ножами и разнообразной снедью.

– Можешь не крутить носом, достойный Гимли! – Мерри весело хлопнул гнома по плечу. – Это не орочь харчи, это настоящая человеческая пища, как сказал бы Древобород! Что будешь пить – вино или пиво? Тут есть бочонок вполне сносного пивка. А вот и солонина – высшего сорта! Или, может, лучше отрезать тебе пару ломтиков бекона и подрумянить на огоньке? Вот только зелени, к сожалению, нет: в последние дни еду подвозят с перебоями. А на сладкое мне и вовсе нечего предложить, кроме хлеба с маслом и медом. Ну как, ты доволен?

– Еще бы! – воскликнул Гимли. – Считаю, что твой должок сильно поубавился!

Вскоре трое вновь прибывших занялись едой, а оба хоббита, ничуть не смущаясь, уселись рядом и последовали их примеру.

– Надо же составить гостям компанию, – объяснили они.

– Вы сегодня исключительно любезны, – рассмеялся Леголас. – Но я подозреваю, что, не явись мы, вы и сами составили бы друг другу превосходную компанию, даром что уже пообедали!

– И составили бы... А что? – скромно отозвался Пиппин. – Орки нас кормили, прямо скажем, не ахти. Да и перед тем наши трапезы были не слишком обильны. Давненько мы не едали в свое удовольствие!

– Что-то не похоже, чтобы недоедание вам повредило, – заметил Арагорн. – Вид у вас прямо цветущий.

– Вот и я говорю, – согласился Гимли, поглядывая на хоббитов поверх своего кубка. – Начать с того, что кудри у вас вдвое пышней, чем в день нашего расставания! Сдается даже, вы немного подросли, если хоббиты в ваши лета еще растут... Видать, у Древоборода вы не очень-то голодали!

– Да, пожалуй, не голодали, – не моргнув глазом согласился Мерри. – Но, увы, энты ничего не едят, они только пьют, а питьем не наешься. Спору нет, напитки у Древоборода сытные, но порой хочется все-таки чего-нибудь поосновательнее. Да и эльфийские хлебцы приятно бывает чем-нибудь заменить!

– Так вы пили Воду Энтов?! – воскликнул Леголас. – Значит, Гимли прав и глаза его не обманывают! У нас есть немало песен про чудесные фангорнские напитки!

– Про этот лес рассказывают много удивительного, – подтвердил Арагорн. – Но я никогда не был в его глубинах. Расскажите нам про Фангорн и про энтов!

– Про энтов? – задумчиво протянул Пиппин. – Энты... Ну, во-первых, энты бывают разные. А главное, у них очень странные глаза. Такие глаза!..

Он промычал еще что-то неопределенное и смолк.

– Словом, – начал он опять, поразмыслив, – словом, вы уже и сами их видели. Правда, издалека. По крайней мере они вас точно

видели и сообщили Древобороду. Вы их и еще повидаете, никуда не денетесь. Вот тогда и решайте, что о них думать!

– Постойте! – вмешался Гимли. – Мы начали с середины. А мне бы хотелось услышать все по порядку. Давайте начнем с того странного дня, когда распалось наше Содружество!

– Услышишь, услышишь, только бы времени хватило, – заверил Мерри. – Но сначала – если вы сыты – набейте-ка свои трубочки, а я поднесу огоньку. Тогда мы сможем на минутку вообразить, будто мы снова в Бри – или, на худой конец, в Ривенделле!

Он достал из кармана кожаный мешочек, набитый табаком.

– Зелья у нас гóры, – сказал он. – Запасайтесь! Берите, сколько сможете унести! Сегодня утром мы с Пиппином вели спасательные работы и повывтаскивали уйму всяких штук. Сколько их тут плавает – страшное дело! Вот Пиппин, среди прочего, и выловил эти два бочонка. Наверное, их вынесло из какого-нибудь склада или подземного хранилища. Ну, мы не постеснялись, открыли, а там – первоклассное курительное зелье, и ничуть не попорченное!

Гимли взял щепотку зелья, растер ее на ладони и понюхал.

– И на ощупь ничего, и пахнет приятно, – оценил он.

– Приятно?! Да это же превосходный сбор! – возмутился Мерри. – Дорогой мой Гимли, листья-то долгодольские! Ведь на этих бочонках стоял фамильный знак самих Дудельщиков! Как сюда занесло долгодольское зелье – не представляю. Наверное, Саруман держал его для себя. Не знал я, что наше зелье возят в такую даль! Ну как, попробуем?

– Я бы с радостью, будь у меня трубка, – загрустил Гимли. – Я обронил ее еще в Мории, если не раньше. У вас, часом, трофейной трубочки нигде не завалилось?

– Нет, боюсь, что нет, – расстроился Мерри. – Чего-чего, а трубок нам не попало даже здесь, в караульне. Саруман, как видно, баловался зельем в одиночку. Но не пойдем же мы стучаться в двери Орфанка и клянуть трубочку! Не грусти – мы с тобой раскурим одну на двоих, по-братски.

– Постой, постой, – остановил его Пиппин. Сунув руку за пазуху, он вытащил оттуда мешочек из мягкой кожи, висевший на шнурке. – У меня есть несколько драгоценностей, которые я держу поближе к сердцу. Для меня они дороже самого Кольца. Вот одно: моя старая

деревянная трубка. А вот и другое: трубка новая. Полсвета со мной обошли, а я все думал: и зачем только я их с собой таскаю? Мне и не мечталось найти в дальних краях курительное зелье! А мои запасы давно кончились. Но оказалось, что я был прав! – И он протянул гному маленькую толстую трубку с коротеньким чубуком. – Ну, как мой долг?

– Долг?! – завопил Гимли. – О благороднейший из хоббитов! Теперь я сам у тебя в неоплатном долгу!

– Вы как хотите, а я пойду подышу воздухом, – сказал терпеливо слушавший Леголас. – Посмотрю, как там ветер и небо.

– Мы с тобой, – поднялся Арагорн.

Они вышли из караульни и расположились на гряде камней перед воротами. Отсюда открывался вид на раскинувшуюся внизу долину: туман постепенно рассеивался и легкий ветерок гнал его прочь.

– Теперь мы можем спокойно отдохнуть. Торопиться некуда, – сказал Арагорн. – Сядем среди развалин и обсудим все в подробностях, как говаривал Гэндальф, который сейчас – увы! – не может к нам присоединиться. А я уже и не помню, когда в последний раз так уставал!

Он завернулся в серый плащ, прикрыл кольчугу, вытянул длинные ноги, откинулся на спину и выпустил в небо тонкую струйку дыма.

– Глядите! – закричал Пиппин. – Бродяга Следопыт вернулся!

– Он никуда и не отлучался, – сказал Арагорн. – Я – Бродяга и Дунадан, и Северу принадлежу в той же мере, что и Гондору.

Они замолчали, дымя трубками. Над западным хребтом плыли высокие белые облака, и солнце, проглядывая сквозь них, бросало в долину косые лучи. Леголас лежал неподвижно и, не моргая, смотрел на солнце, что-то вполголоса напевая. Через некоторое время он поднялся и сел.

– Довольно! – сказал он. – Время уходит, туман давно рассеялся, – вернее, рассеялся бы, не подбавляй вы дыма! Станный народ, право слово! Но как насчет рассказа?

– Мой рассказ начинается в темноте, – не заставил себя уговаривать Пиппин. – Просыпаюсь и вижу: лежу я, скрученный веревками, а кругом орки... Постойте-ка, что у нас нынче за день?

– По Засельскому Календарю пятое марта, – отозвался Арагорн.

Пиппин посчитал по пальцам:

– Всего девять дней тому назад!^[8] А кажется – уже год минул, как нас с Мерри схватили, и, хотя половина этого времени была как страшный сон, первые три дня я хорошо помню. Мерри вот не даст соврать. Только простите, не буду вдаваться в подробности – бичи, грязь, вонь и тому подобное: это как раз лучше не вспоминать!

И Пиппин поведал друзьям о последнем бое Боромира и о походе от Эмин Муйла к Фангорнскому лесу, сделанном ими в компании орков. Всякий раз, когда подтверждалась очередная догадка, остальные кивали.

– А вот сокровища, которые вы обрели, – сказал Арагорн. – Можете радоваться!

Он расстегнул пояс под плащом и снял с него два кинжала в ножнах.

– Вот это да! – возликовал Мерри. – Не думал, что мы их еще увидим! Между прочим, мой кинжал успел тогда кое-кого поцарапать. Но потом вмешался Угрук и поотбирал у нас оружие. Как он вытаращился на эти кинжалы! Я уже было подумал, что тут-то мне и конец, но он только отшвырнул оба кинжала прочь, будто обжегся.

– А это твоя застежка, Пиппин, – продолжал Арагорн. – Я берег ее пуще глаза: это очень ценная вещь!

– Знаю, – не спорил Пиппин. – Ух как жаль было ее бросать! Но что я мог сделать? У меня не было другого выхода.

– Ты прав, – сказал Арагорн. – Но кто не умеет в час нужды расстаться со своими сокровищами, тот несвободен. Ты поступил мудро.

– А перерезанные веревки? Чистая работа! – заметил Гимли. – Тебе, конечно, повезло, но ты и сам оказался не промах. Вцепился, так сказать, в удачу обеими руками и не выпустил. Молодец!

– Зато и задали же вы нам задачу! – добавил Леголас. – Я уже было подумал, что у вас выросли крылья!

– Увы, нет! – вздохнул Пиппин. – Просто вы не знали о Грышнахе... – Его пробрала дрожь, и он смолк: лапы, шарящие под одеждой, жаркое дыхание Грышнаха, железная хватка его мохнатых пальцев – рассказ об этих страшных мгновениях Пиппин предпочел оставить другу.

– Меня серьезно беспокоят эти самые орки из Мордора, или, как они сами говорят, из Лугбурца, – заметил Арагорн. – По их словам выходит, что Черный Властелин и его прислужники к тому времени знали уже очень много. К тому же Грышнах, судя по вашему рассказу, после драки успел кое-что передать за Великую Реку. Красный Глаз будет следить за Исенгардом. Но Саруман и без того оказался в западне, которую, кстати, сам же и приготовил.

– Да, кто бы ни победил, Сарумана не ждет ничего хорошего, – подвел итог Мерри. – Не ладятся у него дела с тех пор, как он пустил орков на роханские земли!

– Между прочим, мы видели старого негодяя на опушке леса, – вспомнил Гимли. – По крайней мере Гэндальф намекает, что это мог быть только Саруман.

– Когда это случилось? – насторожился Пиппин.

– Пять дней назад, – ответил Арагорн.

– Погодите-ка... Пять дней?.. Вот тут мы подходим к тому, о чем вы еще не знаете. Древоборода мы встретили утром, после битвы. Мы переночевали у него в Родниковом Зале – это один из его домов, – а на следующий день пошли на Собор энтов, ну, на совет ихний, и скажу честно – ничего удивительнее я в жизни не видывал! Собор продолжался целый день, а потом еще день. Ночевали мы у другого энта, у Стремглава. А в конце третьего дня их прорвало... Вот это было зрелище! В лесу все вытянулось по струнке и встало на цыпочки. Будто лес ждал грозы – и вдруг как бабахнет! Вот бы вам послушать, что они пели на марше!

– Если бы эта песня дошла до ушей Сарумана, он бы сейчас был за сто верст отсюда, даже если бы ему пришлось бежать всю дорогу на своих двоих, – добавил Пиппин.

*На Исенгард! Вперед! Вперед!
До самых каменных ворот!
Мы штурмом Исенгард возьмем —
Под барабан идем, идем!*

Это, конечно, только начало! Песня длинная, но большей частью это было просто что-то вроде пения рогов и грома барабанов. Здорово

у них это получалось! Правда, поначалу я думал, что это так, похвальба, песенка для храбрости. Теперь-то я знаю, что ошибался.

– В Нан Курунир мы спустились уже ночью, – продолжал Мерри. – Тут-то я и почувствовал, что за нами идет Лес. Поначалу я подумал, что это мне сон такой снится, «с энтинкой», но Пиппин тоже заметил. Мы оба перепугались, но узнали мы, что это за напасть, гораздо позже. А были это хьорны³⁹⁶. Так их называют энты, когда говорят на нашем, «быстром», языке. Из Древоборода ничего про них не вытянешь. Я подозреваю, что это бывшие энты, которые стали так похожи на деревья, что не отличишь, во всяком случае, с виду. Их можно встретить где угодно, даже на опушке. Стоят себе, молчат и наблюдают за деревьями. А в чаще, в самых темных урочищах, их, наверное, сотни и сотни. Сильны они необыкновенно и, как нам показалось, умеют окутывать себя какой-то странной мглой, поэтому-то никто и не видит, как они ходят. А ходят они очень быстро – особенно если их хорошенько рассердить. Стоишь себе эдак, разглядываешь небо, слушаешь ветер, и вдруг – хлоп! – ты уже в лесу, и к тебе со всех сторон тянутся огромные ветки... У них, кстати, есть голоса, и с энтами они говорить могут, поэтому, как сказал мне Древобород, их и называют «хьорнами», но вообще-то они странные и дикие. Я бы, например, не хотел с ними повстречаться один на один, без настоящих энтов под боком... Ну вот, стало быть, спускаемся мы под вечер с горы в Чародееву Долину. Энты впереди, за нами топают толпа хьорнов, одним словом, все как полагается. Видеть мы хьорнов, конечно, не видели, но вокруг стоял такой скрип и треск, что хоть уши затыкай. Ночь была темная, облачная. Хьорны в тому времени уже как следует разогнались и шумели, как лес под сильным ветром. Луна из-за туч так и не выглянула, и вскоре после полуночи северный склон долины зарос густым высоким лесом. Врагов поблизости не было, и никто на нас не напал. Только на башне светилось верхнее окно, и все. Древобород взял с собой парочку энтов, прошел вперед и затаился неподалеку отсюда так, чтобы видеть ворота. Мы с Пиппином сидели у него на плечах и чувствовали, что он чуть-чуть подрагивает от напряжения. Но энты, даже если их «разбудить», очень осторожны и терпеливы. Они стояли, словно каменные истуканы, – только дышали и прислушивались. И тут вдруг все как оживет! Затрубили сразу все трубы, да так, что по стенам аж гул пошел. Мы уже было думали, что

нас засекли и сейчас начнется битва. Ничего подобного! Это просто армия Сарумана отправлялась на войну. Я почти ничего не знаю ни об этой войне, ни о роханских всадниках, но было полное впечатление, что Саруман решил на этот раз окончательно разделаться с Королем и со всем его войском. Он буквально опустошил свою крепость! Я сидел и смотрел, а мимо шли полки. Сначала шеренги пеших орков, одна за другой, без числа, потом – отряды верхом на больших волках. Были там и люди. Многие из них несли факелы, и я хорошо разглядел их. Большинство так себе, люди как люди, ну, сильные такие, рослые, с темными волосами. Лица их мне показались мрачными, но не особенно злыми. Зато вот другие были пострашнее! По росту – люди, а рожи – как у гоблинов. Глаза косят, пасть ощерена, сами злющие!.. Знаете что? Мне сразу пришел на ум тот южанин из Бри. Только он все-таки не так явно смахивал на орка, как эти!

– Я тоже о нем вспомнил, – кивнул Арагорн. – В Хельмской Теснине мы видели множество таких полуорков. Теперь понятно: тот южанин был лазутчиком Сарумана! Вот только трудно сказать: был он в сговоре с Черными Всадниками или работал только на своего хозяина? С этим отребьем никогда не скажешь наверняка, сговорились они между собой или, наоборот, водят друг друга за нос...

– Ну так вот, всех вместе их было самое малое тысяч десять, – продолжал Мерри. – Чтобы выйти из ворот, им и целого часу не хватило. Одни двинулись к броду, другие повернули на восток: в полутора верстах от крепости, где река уходит в глубокое ущелье, через нее перекинут мост. Если вы встанете в полный рост, его будет видно. Так вот, войско разделилось и все повалили каждый в свою сторону, хрипло распевая и гогоча. «Туго же придется роханцам!» – подумал я. Но Древобород не двинулся с места. «Сегодня ночью мое место в Исенгарде. Попробуем, крепки ли здешние камни!» – сказал он. В темноте ничего нельзя было разглядеть, но, кажется, как только ворота закрылись, хьорны двинулись вслед за войском. У них забота была одна – орки. К утру хьорны были уже далеко. Только у выхода из долины еще маячило что-то вроде темного облака, за которым ничего нельзя было разглядеть... Ну а когда Саруманова армия наконец ушла, настала наша очередь. Древобород поставил нас на землю, приблизился к воротам и давай в них стучать – а ну, мол, Саруман, выходи! Ответа не было – только град камней и стрел сверху. Но в

энтов стрелять нет никакого смысла. Стрелы их лишь покалывают слегка и выводят из себя, как кусачие мухи, но даже если энта утыкать отравленными стрелами на манер игольной подушечки, вреда это ему никакого не причинит. Яд на энтов не действует, а кожа у них, по моему, толстая, как древесная кора, но гораздо тверже коры. Чтобы нанести энту серьезную рану, нужно как следует стукнуть по нему топором. Топоров они не любят, это да. Но чтобы поранить энта топором, надо выставить против него целую толпу здоровенных дровосеков, потому что, если кто раз ударит энта топором, второй раз ему уже этого не сделать. Руки у энтов такие сильные, что сталь гнут, как тонкий прутик. Так вот, когда в Древоборода вонзились первые стрелы, старик осерчал и стал, его же словами выражаясь, действовать несколько «поспешно». Он выкликнул свое оглушительное «Гумм, гумм!», и к нему сразу шагнула дюжина других энтов. Ух и страшное же это зрелище – рассерженный энт! Они набросились на скалу, ввинтились в нее пальцами и давай отдирать от нее слой за слоем, будто корки от каравая. Обычно корни деревьев тратят на такую работу века, а тут мы и глазом моргнуть не успели, как все было кончено. Энты толкали, тянули, рвали, сотрясали, колотили, и через пять минут – бах! трах! – обе здоровенные створки рухнули на землю. Грохоту было!.. Остальные энты помаленьку вгрызались в стены – им это все равно что кролику рыть норку в песке. Не знаю, что обо всем этом подумал Саруман, но скорее всего, он не знал, как быть. За последнее время его волшебная сила, как я понял, порядком ослабла, да еще, подозреваю, на этот раз он просто струхнул. Тут у любого поджилки затрясутся! Бежать некуда, рабов не осталось, машинами управлять некому – а он без этого всего как без рук... Да, старина Гэндальф совсем другой! И почему о Сарумане идет такая слава? Просто у него хватило в свое время хитрости окопаться в Исенгарде, пока другие его не заняли, – вот все и решили, что он страшно умный.

– Это не так, – возразил Арагорн. – Когда-то Саруман действительно был велик, и слава о нем шла не зря. Знания у него глубочайшие, ум тонкий, руки искусные, как ни у кого другого. А главное – у него была власть над умами. Он умел убедить даже самых мудрых, а обычных людей мог без труда запугать. Должно быть, этот дар и теперь при нем. Даже сейчас, когда он потерпел поражение. Мало кто в Средьземелье устоит перед его речами, если останется с

ним наедине. Гэндалф, Элронд, Галадриэль, конечно, не стали бы его слушать, особенно теперь, когда его злые дела видны всем. Но таких, как они, в Средьземелье мало.

— За энтов можно не волноваться, — махнул рукой Пиппин. — Однажды Саруману удалось обвести их вокруг пальца, но больше ему это не удастся. Саруман вообще плохо разобрался в энтах и допустил большую ошибку, когда не учел их в своих планах. Он не потрудился привлечь их на свою сторону или обезопасить, а когда они взялись за дело, было уже поздно... Когда мы напали на Исенгард, Сарумановы крысы, оставшиеся в крепости, попытались удрать через бреши в стене. Людей энты, предварительно допросив, отпустили — их и было всего дюжины две или три, по крайней мере мы больше никого не видели. А из орков навряд ли кто унес ноги. Во всяком случае, если кто и унес, то не дальше войска хьорнов: к тому времени по склонам шумел настоящий лес, хотя большинство ушло к выходу из долины. Когда большая часть южной стены превратилась в каменный мусор, разбежались последние остатки гарнизона и Саруман остался в одиночестве. Тогда он и сам решил дать деру. Наверное, все это время он стоял у ворот — вышел полюбоваться своей ненаглядной армией. Когда энты проникли за ворота, ему пришлось брать ноги в руки. Поначалу его просто не заметили, но небо уже прояснилось, засияли звезды, а энтам звездного света вполне хватает. Стремглав увидел его и как закричит: «Убийца! Убийца деревьев!» Он вообще-то добряк, но тем яростнее ненавидит Сарумана — тот загубил орочьими топорами многих его соплеменников. Так вот, Стремглав кинулся за Саруманом — а бежит он быстрее ветра, его надо только расшевелить как следует. Тут и я увидел вдали бледную фигурку: она пряталась в тени и перебегала от столба к столбу. Надо сказать, Саруман еле успел добежать до ступеней башни. Еще миг — и Стремглав его задушил бы. Энту не хватило какого-нибудь шага или двух, но Саруман все-таки успел проскользнуть в дверь. Запершись в Орфанке, он чуть-чуть поколдовал и запустил свои ненаглядные машины. К этому времени в Исенгарде было уже полно энтов. Одни последовали за Стремглавом, другие ворвались с севера и с востока, круша все подряд. И вдруг из люков и подвалов вырвалось пламя и едкий дым. Некоторые энты сильно обожглись и даже обуглились, а один из них — Буковей, если не ошибаюсь, высокий такой, красивый энт — попал под струю какого-то

жидкого огня и запылал, как факел. Вот ужас был! Тут энты просто обезумели. Я-то, простак, думал, что они расшевелились дальше некуда! Теперь мне стало ясно, что это было так себе, разминка. Котловина прямо-таки вскипела. Энты ревели, гудели и трубили, да так, что камни начали трескаться. Мы с Мерри лежали пластом, натянув плащи на головы и заткнув уши, а эти «увальни» метались вокруг Орфанка, что твои смерчи. А что творили – ух! Столбы ломались как спички, шахты в один миг наполнились валунами, словно попали под горную лавину, а каменные плиты летали по воздуху, как листья в бурю. Орфанк стоял словно посреди водоворота. По окнам башни барабанили железные бруссы и обломки скал. Древобород, впрочем, головы не терял. К счастью, сам он совсем не обжегся. Он не хотел, чтобы энты забыли об осторожности и покалечились, да и опасался к тому же, что под шумок Саруман ускользнет через какой-нибудь потайной ход. Энты бились о стены Орфанка изо всех сил, но Башня оказалась им не по зубам. Уж очень она гладкая и твердая! Может, она заговоренная, а? Тогда чары, наложенные на нее, постарше и помогущественнее Сарумановых! Словом, энтам не удалось даже трещинки по ней пустить. Только наставили себе шишек, и все. Тогда Древобород вышел на середину, и как крикнет! Голос у него такой, что сразу перекрыл общий гвалт. Наступила мертвая тишина. И тут из верхнего окна Башни стал слышен тонкий, ехидный смех. На энтов этот смех подействовал очень странно: только что бурлили как кипяток – и вдруг в один миг остыли, сделались мрачными, как ледяные скалы, и успокоились. Вернулись к воротам, окружили Древоборода и замерли. Тот начал что-то говорить на своем языке – я так понимаю, он излагал план, который, скорее всего, сложился в его старой голове задолго до штурма. Энты выслушали его, а потом молча растворились в серых сумерках. Уже светало. Наверное, у Башни оставили часовых, но те, должно быть, затаились в тени и не двигались, так что я их и разглядеть-то не смог. Остальные отправились на дальний конец долины. Больше мы их в тот день не видели: они были чем-то заняты, а чем – неизвестно. Мы остались в одиночестве. Это был долгий и, надо сказать, тоскливый день. Мы немного побродили по котловине, стараясь держаться в стороне от окон Орфанка – уж очень грозно они смотрели! – а потом угробили кучу времени, разыскивая чего-нибудь поесть. Ну а еще мы

сидели и от нечего делать болтали друг с дружкой, гадая, как идут дела в Рохане и что стало с Отрядом. Иногда вдали, в горах, раздавался грохот, падали камни, что-то глухо ухало, и каждый раз по долине прокатывалось эхо. После полудня мы обошли стену – поглядеть, что делается. У входа в долину, на склоне, стоял большой сумрачный лес хьорнов. У северной стены мы тоже на них наткнулись, но войти в тень самого леса побоялись. Оттуда, из сумрака, доносился какой-то хруст и скрежет. Потом оказалось, что энты с хьорнами рыли огромные рвы, копали ямы, устраивали пруды и плотины: им нужно было отвести в новое русло воды Исены вместе со всеми ручьями и ручеечками, какие нашлись поблизости. Мы оставили их за этим занятием и вернулись к воротам, а в сумерки нас навел Древобород. Он что-то гудел себе под нос и казался весьма довольным. Подойдя к нам, он потянулся, раскинул свои длинные руки и вздохнул полной грудью. Я спросил, не устал ли он. «Устал?.. – переспросил Древобород. – Пожалуй, немного есть... Задеревенел немного. Сейчас бы добрый глоток энтвейской водицы! Мы на славу поработали: камнераскалывания и землекопания у нас сегодня было больше, чем за все прожитые годы, вместе взятые! Но теперь уже почти все закончено. Когда настанет ночь, не подходите к Воротам, не бродите по старому туннелю! По нему может хлынуть вода, причем поначалу очень грязная – будем отмывать Саруманову пакость. А потом отпустим Исену обратно – пусть течет, как прежде». Походя он, как бы забавляясь, выломал из стены еще пару камней. Мы с Мерри стали думать да гадать, где бы нам устроиться на ночлег, чтобы и от беды подальше, и поспать можно было. Тут-то и случилось самое удивительное. На дороге послышался цокот копыт. К воротам несли всадник! Мы притаились за камнем, а Древобород отошел в тень, под арку. И тут к воротам подлетает огромный конь, не конь прямо, а какая-то серебряная вспышка. Уже стемнело, но лицо всадника мы разглядели хорошо: оно словно лучилось. Одежды на всаднике были белые. Я разинул рот – да так и сел на землю. Хочу крикнуть, а не могу. Впрочем, кричать и не понадобилось. Всадник остановился прямо рядом с нами и посмотрел на нас сверху вниз. Тут я наконец выдавил: «Гэндальф!» И что же он ответил? Думаете, «Привет, Пиппин! Какая приятная неожиданность!»? Держи карман шире. Как

рявкнет на меня: «Вставай, Тукк, балбес несчастный! Гром и молния! Где Древобород? Подать его сюда, и немедленно! Живо!»

Древобород услышал его голос и шагнул вперед. Это была странная встреча! Казалось, ни тот ни другой ничуть не удивились, и это поразило меня чуть ли не больше всего. Гэндальф явно знал, что застанет тут Древоборода, а Древобород, видимо, того ради и прохладился в тени ворот, чтобы встретить Гэндальфа. А ведь мы ему рассказывали, что произошло в Мории! Мне сразу вспомнилось, как странно он на нас тогда посмотрел. Надо полагать, к тому времени он уже успел повидаться с Гэндальфом или что-то о нем проведал, но нам об этом рассказывать не захотел. Такой уж у него девиз – «Не спеши!» Кстати, ни у кого, даже у эльфов, не принято распространяться о Гэндальфе и его делах, когда его самого нет поблизости.

«Гумм! Гэндальф! Я рад, что ты приехал. С водой, лесом, корнями да камнями я сам управлюсь. Но как быть с Чародеем?» – «Древобород, – говорит Гэндальф, – мне нужна помощь. Ты успел сделать очень много, но надо сделать еще больше. Не знаешь ли ты, как мне поступить с тысячами этак десятию орков?»

И они отошли в сторонку – держать совет. Древобород, должно быть, нашел все это уж больно «быстрым», но Гэндальф и вправду страшно спешил. Он начал говорить еще на ходу, и вскоре их уже не было слышно. Беседовали они какие-то минуты, самое большее – четверть часа. Потом Гэндальф возвратился к нам. Похоже было, что на душе у него полегчало, – он слегка повеселел и даже сказал, что рад нас видеть. «Но подожди, Гэндальф! – закричал я. – Где ты пропадал? Не видел ли остальных?» – «Там, где я был, меня уже нет! Кое-кого я, пожалуй, и видел, – ответил он в своей обычной манере, – но сейчас не до рассказов. Ночь будет непростая, так что мне надо спешить. Может быть, утро окажется чуть радостнее. Тогда мы встретимся еще раз. А пока берегите себя и держитесь подальше от Орфанка! До свидания!»

Когда он исчез, Древобород погрузился в глубокую задумчивость. Должно быть, Гэндальф высыпал на него столько всякой всячины, что сразу и не переваришь. Наконец Древобород взглянул на нас и произнес: «М-да! Гм! Вижу, не такие вы торопливые, как я думал! Вы рассказали мне куда меньше, чем знали, и не больше, чем следовало. Да, новости, новости, такие не каждый день услышишь! Ну а теперь

Древобороду пора за работу!» Но прежде чем он ушел, мы из него все-таки кое-что вытянули, – правда, нельзя сказать, чтобы эти вести нас развеселили. Мы позабыли и о Фродо, и о Сэме, и о несчастном Боромире. С той минуты мы только о вас троих и думали. Теперь мы знали, что вам предстоит великая битва. А может, она уже вовсю шла, и неизвестно было, вернетесь ли вы из нее живыми! «Ничего, авось хьорны помогут», – бросил на прощание Древобород – и до утра мы его уже не видели...

Ночь выдалась темная. Мы лежали на куче камней и щебня, на самой верхушке, и ничего не могли разглядеть вокруг – словно нас укутало плотным одеялом не то мглы, не то какого-то тумана. Воздух был горячий, душный, все вокруг шелестело, похрустывало, бормотало... Должно быть, мимо шли сотни и сотни хьорнов – спешили к вам на помощь. Ближе к полуночи на юге загремело, над Роханом засверкали зарницы. Во мраке то и дело показывались выхваченные молнией черно-белые острия гор – и тут же исчезали. За нашей спиной тоже гремело, но по-другому. Иногда долина отзывалась стоном. К полуночи энты разрушили свои плотины, и скопившаяся вода через брешь в северной стене хлынула на Исенгард. Темень и шорох миновали: хьорны ушли, гроза окончилась. Луна клонилась к западному хребту.

Исенгард начал постепенно наполняться водой, которая черными ручейками растекалась по котловине и собиралась в озера, поблескивавшие в лунном свете. Вода то и дело находила на своем пути какой-нибудь люк или шахту, и оттуда с оглушительным сипом начинал валить белый пар. Иногда в глубине что-то грохало и навстречу воде вырывалось пламя. Наконец из земли поднялся гигантский столб дыма и обвил Орфанк, так что тот сделался похож на высокий облачный утес, озаряемый у подножия огненными сполохами, а вверху – лунным светом... А вода все текла и текла в пролом. Вскоре Исенгард превратился в огромную дымящуюся и клокочущую сковородку.

– Вчера ночью, когда мы подъезжали к долине Нан Курунир, над Исенгардом и правда клубилось облако дыма и пара, – вставил Арагорн. – Мы уже начинали опасаться, что Саруман готовит к нашему прибытию какое-то чародейское варево!

– Готовил, да только не он! – рассмеялся Пиппин. – Он сидел у себя и задышался в дыму. Тут уж ему стало не до смеха! К утру – это было вчера – вода залила последние ямы и над котловиной сгустился плотный туман. Мы прятались в караульне и, признаться, маленько струхнули, особенно когда вода начала переливаться через край. Она затопила старый туннель и быстро подбиралась к порогу нашей комнатенки. Мы уже было решили, что дело плохо, – попались, понимаете, что твои орки в норке!.. Но, по счастью, в кладовой отыскалась еще одна дверь, а за ней – винтовая лестница. Она вела вверх, прямо на арку ворот. Не знаю, каким чудом мы туда протиснулись: все переходы обрушились и лестницу доверху завалило камнями. Но мы все-таки добрались до верха и уселись на арке – сверху открывался отличный вид на наводнение. Энты нагнетали воду – им нужно было затопить все подземелья и погасить огни. Пар таким зонтиком поднялся на целую версту и висел там, как огромная туча. К вечеру над восточным хребтом встала радуга и на склонах гор заморосило, так что заката нам увидеть не довелось. Вся работа была проделана без особого шума – только вдалеке печальненько этак завывало несколько волков. Ну а ночью энты остановили воду и вернули Исену в прежнее русло. Тем все и закончилось.

Вода стала постепенно спадать, – наверное, под землей, в подвалах, есть какие-нибудь стоки. Если Саруман смотрит сейчас в окошко, он видит оттуда месиво жидкой грязи... Честно сказать, нам было очень одиноко. Ни одного энта поблизости, чтобы поболтать, никаких вестей ниоткуда, кругом – сплошное разорение... Мы всю ночь просидели на арке. Там было так холодно и сыро, что нам даже глаз сомкнуть не удалось. У нас было чувство, что вот-вот что-то случится. Ведь Саруман все еще сидел в своей башне!.. Ночью послышался шум, будто в долине подул сильный ветер. Это, наверное, вернулись те энты и хьорны, что ходили на юг. Но они не задержались, а пошли дальше, куда – не знаю. Утро настало туманное и промозглое. Мы слезли вниз, побродили – нигде никого... Ну вот и весь сказ. Теперь-то все улеглось, и нынче здесь, можно сказать, мир и покой. А главное, тут почти безопасно, коль скоро Гэндальф опять с нами. Я, наверное, даже смог бы заснуть!

С минутой все молчали. Гимли снова набил себе трубочку.

– Одно для меня загадка, – сказал он, высекая искру и прикуривая. – Насчет Червеуста. Ты сказал Теодену, что Червеуст у Сарумана. Как он там оказался?

– Ах да, совсем запамятовал, – спохватился Пиппин. – Они нынче утром прибыть изволили. Мы только и успели, что огонь разжечь да наспех позавтракать, как вдруг появляется Древобород. Сидим в караульне и слышим, как он гудит у ворот и окликает нас по именам. «Я пришел разведать, что вы тут поделяваете, а заодно принес кое-какие новости. Хьорны вернулись. Все кончилось хорошо. Да, да, просто замечательно! – И он, смеясь, хлопнул себя по бокам. – Нет больше орков в Исенгарде! Конец орочьим топорам! Сразу после полудня мы ждем гостей с юга. Некоторым из них вы особенно обрадуетесь».

Не успел он закончить, как на дороге зацокали копыта. Мы бросились к воротам и вытаращились в туман. Я подумал, это уже Гэндальф и Бродяга со своей армией. Но из тумана показался незнакомец на старой, заезженной кляче. И сам он был хорош. Увидев поломанные ворота и все прочее, он разинул рот и прямо-таки позеленел. Так потрясен был, что сначала не обратил на нас никакого внимания. Когда же его взгляд все-таки упал на нас, он вскрикнул, начал заворачивать лошадь и хотел уже пуститься наутек. Но не тут-то было: Древобород шагнул раза три, протянул свою длинную руку и вынул его из седла. Лошадь перепугалась и метнулась в сторону, а незнакомец от страха чуть языка не лишился. «Я Грима, – лопочет, – друг и советник короля Теодена». По его словам выходило, что Теоден прислал его к Саруману с каким-то важным донесением. «Никто не осмеливался ехать через степь в одиночку, там ведь кишмя кишат эти ужасные орки, – сообщил он. – Вот меня и послали. Я едва ушел от опасности, устал и проголодался, а вдобавок проделал лишний путь – волки отогнали меня далеко к северу». Но я видел, какие взгляды он бросает на Древоборода, и сказал себе: «Этот человек – лжец». Древобород смолчал и посмотрел на него этак долго-долго и пристально, как только он один умеет. Этот злосчастный не знал, куда деваться. А Древобород и говорит: «Ха, хм! Я давно тебя поджидаю, любезный Червеуст!» Тот так и вытаращился. «Гэндальф тут уже побывал, так что я знаю о тебе все, что нужно, и знаю, как с тобой поступить. «Собери всех крыс в одной крысоловке», – сказал

Гэндальф. Так я и сделаю. Хозяин в Исенгарде сейчас я. Саруман заперт в своей башне. Можешь отправляться туда – там и передашь ему свои донесения». – «Пусти меня! Я сам пойду! – говорит Червеуст. – Я знаю дорогу». – «Не сомневаюсь, что когда-то ты хорошо знал ее, – отвечает Древобород. – Но теперь тут кое-что изменилось. Иди-ка посмотри!»

Он поставил гостя на землю, и тот, хромая, заспешил к воротам, а мы – за ним. Но когда этот самый советник оказался у края котловины и увидел, что между ним и Орфанком плещется озеро, он пошел на попятный. «Дай мне отсюда уехать! – взмолился он. – Дай мне уехать! Все мои донесения теперь ни к чему!» – «Полагаю, что так, – согласился Древобород. – Тебе, однако, придется выбирать: или ты остаешься со мной и мы ждем Короля с Гэндальфом, или ты бредешь к Орфанку. Выбирай!»

Червеуста при упоминании о Короле так и передернуло от страха. Он ступил было в воду – но тут же отпрянул. «Я не умею плавать», – сказал он.

«Тут неглубоко, – успокоил его Древобород. – Вот только грязновато чуть-чуть, но вреда это тебе не причинит, любезный Червеуст!»

Делать нечего – пришлось ему лезть в озеро. Скоро вода дошла ему до подбородка, а потом мы увидели, что он плывет, вцепившись в какое-то полено или бочонок. Древобород шел следом, наблюдая за его успехами.

«Ну вот, он и на месте, – сообщил энт, вернувшись. – Я видел, как он выполз на ступени. Мокрая крыса, и больше ничего! Зато мы теперь знаем, что внутри все еще кто-то есть: из двери высунулась рука и втянула его в Башню. Так что Червеуст уже в Орфанке. Надеюсь, прием был теплым! А мне пора пойти и хорошенько умыться – я весь в иле. Если кто меня спросит – я у северного склона. Здешняя вода энтам не подходит. Никуда не отлучайтесь, сторожите ворота и ждите гостей. Среди них будет Государь Роханских Пастбищ, учтите! Его надо встретить как можно лучше: роханцы только что одержали победу в большой битве с орками. Мне думается, вы сумеете найти подходящие слова скорее, чем энты. Сколько живу на свете, не озаботился выучить ни языка, ни имен государей зеленой степи. Их на моем веку сменилось слишком много... Этих гостей надо накормить

человеческой пищей. В этом вы тоже разбираетесь лучше меня. Постарайтесь найти угощение, достойное Короля, если только это возможно». Ну вот и вся история. Но мне хотелось бы узнать, кто такой этот Червеуст. Он и вправду был королевским советником?

– Был, – ответил Арагорн. – Но вместе с тем он был еще и соглядатаем Сарумана, его слугой. Судьба обошлась с ним не мягче, чем он того заслуживал. Увидеть в руинах то, что всегда считал могущественным и непобедимым, – само по себе тяжелое наказание. Но, боюсь, худшее у него еще впереди.

– Да уж, вряд ли Древобород отправил его в Орфанк просто по доброте, – заметил Мерри. – Старик был хмур, но весьма доволен собой. И когда пошел назад, умываться да пить, то знай посмеивался про себя... Ну а мы принялись за работу. Надо было обшарить кладовые и выловить из воды все, что годилось в пищу. Мы напали на два или три склада – вода, к счастью, до них не добралась. Древобород прислал энтов на подмогу, и они унесли с собой кучу снеди, сказав, что им надо набрать «человеческой пищи» на двадцать пять персон. Они каким-то образом успели вас посчитать, пока вы были в дороге. Вас троих, видно, тоже причислили к свите Короля. Но не расстраивайтесь – вы ничего не потеряли. Мы себя не обидели. Даже наоборот. Вина и пива, например, на королевском столе нету. «Как насчет питья?» – спрашиваем мы энтов. А они отвечают: в Исене, мол, полно воды, и энтам хватит, и людям. Я, правда, надеюсь, что энты успели наготовить своего особого питья, набрав воды в каких-нибудь горных ключах. Вот увидите, какая кудрявая у Гэндальфа будет борода, когда он вернется! Ну а когда энты ушли, мы почувствовали, что устали и страшно проголодались. Но жаловаться было бы глупо: труды наши были щедро вознаграждены. Пока мы рыскали в поисках «человеческой пищи», Пиппин набрел на подлинное сокровище – бочонки с долгодольским клеймом! «Курительное зелье – это даже лучше, чем еда», – заявил он. Вот как!

– Ну, теперь все понятно, – успокоился Гимли.

– Кроме одного, – возразил Арагорн. – Откуда здесь южнопредельское курительное зелье? Чем больше я об этом думаю, тем любопытнее мне узнать, в чем же причина. В Исенгарде я впервые, но не раз бродил по здешней округе и хорошо знаю пустынные земли между Роханом и Засельем. Вот уже много лет, как

по этим землям не проходит ни торговых, ни обычных пеших путей. Боюсь, Саруман поддерживает с кем-то в Заселье тайные связи. Червеустов можно встретить не только во дворце короля Теодена... На бочонках значилась какая-нибудь дата?

– Значилась, – припомнил Пиппин. – Это сбор 1417 года, прошлогодний... то есть нет, что это я – позапрошлогодний! Хороший, кстати, был год!

– Значит, какое бы зло тут ни было замешано, все уже отошло в прошлое, а если нет – мы все равно слишком далеко, чтобы помочь беде, – сказал Арагорн. – Надо только не забыть сказать об этом Гэндальфу, хотя по сравнению с великими делами это на первый взгляд может показаться пустяком...

– Интересно, какие великие дела его так задерживают? – вмешался Мерри. – Скоро, глядишь, и день кончится!.. Пойти, что ли, прогуляться? Хочешь посмотреть Исенгард, а, Бродяга? Только предупреждаю – вид у него нынче неприглядный!

Глава десятая

Голос Сарумана

Они прошли разрушенный туннель и остановились на груде камней, глядя на темную скалу Орфанка. Ее многочисленные окна все еще таили в себе угрозу, несмотря на царившее вокруг опустошение. Воды в долине почти не осталось. Кое-где стояли темные лужи, покрытые пеной и мусором, но бóльшая часть огромной котловины уже обнажилась – вся в иле, чернеющая дырами люков, утыканная пьяно накренившимися в разные стороны столбами. По краям намыло целые горы каких-то обломков – точь-в-точь груды морской гальки, нанесенной штормом. От края замкнутой чаши поднималась, уходя к длинному ущелью между двумя темными отрогами, зеленая, густо заросшая долина. На той стороне котловины друзья заметили всадников: к Орфанку направлялся конный отряд.

– Это Гэндальф и Теоден со свитой! – воскликнул Леголас. – Идемте к ним навстречу!

– Осторожнее! – предостерег Мерри. – Смотрите под ноги! Не ровен час, попадется какая-нибудь плита с секретом, опрокинется – и полетишь в колодец...

Друзья направились вперед, держась дороги, что вела от ворот к Башне, – вернее, того, что от этой дороги осталось. Идти приходилось медленно: плиты потрескались, ноги скользили по илу. Всадники остановились в тени скалы, поджидая их. Гэндальф двинулся навстречу.

– Мы с Древобородом имели довольно интересную беседу и обсудили кое-какие планы на будущее, – сказал он, подъехав. – Кроме того, мы смогли наконец немного отдохнуть. Пора снова собираться в путь. Надеюсь, друзья мои, вы тоже не преминули поесть и набраться сил?

– А как же, – ответил Мерри. – Между прочим, наша беседа началась и закончилась трубочкой. Мы даже почувствовали некоторое расположение к Саруману.

– Право? – переспросил Гэндальф. – Про себя я бы этого не сказал... Кстати, прежде чем уйти, я должен сделать еще одно, последнее дело – повидаться с Саруманом. Это опасно и, возможно, бесполезно; но без этого не обойтись. Кто хочет, может пойти со мной, но не забывайте об осторожности. С Саруманом шутки плохи. Приберегите веселье на другое время.

– Я пойду с тобой, – сказал Гимли. – Хочу поглядеть на Сарумана и проверить, действительно ли он похож на тебя!

– Как же ты это проверишь, достойный гном? – вздохнул Гэндальф. – Захоти Саруман, он с легкостью предстанет в образе моего двойника, если ему будет это выгодно. Ты думаешь, что сможешь разгадать все его уловки? Впрочем, там видно будет. Может, скромность не позволит ему показаться сразу столь многим и столь непохожим друг на друга гостям? Энтам я, правда, велел отойти в сторонку, так что, надеюсь, мы уговорим его выглянуть.

– А что тут опасного? – удивился Пиппин. – Он что, выстрелит? Или огнем будет плевать? А может, он умеет околдовывать на расстоянии?

– Последнее всего вероятнее, – молвил Гэндальф. – Особенно если не остеречься, когда подъезжаешь к его порогу. Никто не знает, какое оружие осталось у него в запасе, какие силы он пожелает пустить в ход. Загнанный зверь всегда опасен. А Саруман наделен могуществом, о каком вы и не подозреваете. Берегитесь его голоса!

Так они приблизились к подножию Орфанка. Башня была совершенно черной и чуть поблескивала, словно камень после дождя. Ребра ее казались острыми, словно их нарочно оттачивали. Несколько царапин да кучка осыпавшихся чешуек у подножия – вот и все, к чему привели усилия разгневанных энтов.

Справа, между контрфорсами, обнаружилась большая дверь; над дверью нависал балкон с железной решеткой, а за ним хмурились запертые ставни. К порогу вело двадцать семь широких ступеней, вырубленных каким-то неведомым способом в том же черном камне, из которого была сделана сама Башня. Другого доступа в нее не было, если не считать окон, высоких и узких, спрятанных в глубоких нишах. Даже рога Башни были испещрены окнами, напоминавшими маленькие зоркие глазки.

Подъехав к ступеням, Гэндальф и Король спешили.

– Я поднимусь по этой лестнице, – объявил Гэндальф. – Я бывал в Орфанке и знаю, что делаю. Чем это может мне грозить – я тоже знаю.

– Я поднимусь вместе с тобой, – сказал Король. – Я стар, и меня уже ничто не страшит. Я хочу говорить с врагом, что причинил мне столько зла. Эомер отправится со мной – он поддержит меня, если мои старые ноги вдруг откажутся служить своему хозяину.

– На то твоя воля, – ответил Гэндальф. – Со мной пойдет Арагорн. Остальные пусть остаются внизу. Они увидят и услышат все, что потребуется, если, конечно, будет на что смотреть и что слушать.

– Нет! – возразил Гимли. – Мы с Леголасом не согласны оставаться просто наблюдателями. Мы – единственные представители своих племен в этом отряде. Мы тоже поднимаемся вверх.

– Что ж, идемте! – кивнул Гэндальф и начал подниматься по ступеням. Король шел рядом с ним.

Роханские всадники, собравшиеся по обе стороны лестницы, сидели в седлах беспокойно и бросали на гигантскую Башню мрачные взгляды, тревожась за своего Владыку. Мерри и Пиппин уселись на нижней ступеньке. И тот и другой чувствовали себя весьма неудобно: они казались себе лишними да и, что греха таить, побаивались.

– До Ворот отсюда, наверное, с версту ковылять, и все по слякоти, – пробормотал Пиппин. – Хорошо бы потихонечку улизнуть – и назад, в караульню. Зачем мы только сюда притащились? Кому мы тут нужны?

Гэндальф подошел к двери Орфанка и постучал в нее посохом. Дверь ответила звоном и гулом.

– Саруман! – крикнул Гэндальф громко и повелительно. – Выходи!

Несколько мгновений все было тихо. Наконец ставни над дверью отворились, но черный проем был пуст.

– Кто вы? – прозвучал откуда-то сверху голос. – Чего вы хотите?

Теоден вздрогнул и поднял глаза.

– Я знаю этот голос, – произнес он. – Будь проклят тот день, когда я впервые прислушался к нему!

– Приведи Сарумана, если ты теперь у него в лакеях, Грима Червеуст, – потребовал Гэндальф. – И не заставляй нас тратить время попусту.

Окно захлопнулось. Парламентеры ждали. И тут из Башни внезапно послышался другой голос, низкий, мелодичный и с первых же звуков завораживающий. Те, кто слушал этот голос без должной осторожности, не могли впоследствии повторить ничего из услышанного, а если кто и мог, то дивился потом, как мало силы оставалось в тех же самых словах, произнесенных другим человеком. В памяти обычно сохранялось только неизъяснимое наслаждение самими звуками его голоса, а все, что говорил этот голос, казалось настолько мудрым и неоспоримым, что в сердце слушавшего рождалось желание согласиться с этим голосом не раздумывая, дабы показаться столь же мудрым. Речи же тех, кто стоял поблизости, звучали плоско и неуклюже, а если вдобавок шли вразрез со словами Сарумана, то зачарованного охватывала ярость. На некоторых колдовство действовало, только когда голос обращался именно к ним: стоило Саруману обратиться к кому-нибудь еще, как они приходили в себя и начинали посмеиваться. Так человек, постигший секрет фокуса, улыбается, наблюдая за доверчивыми жертвами обманщика-иллюзиониста. Однако многих околдовывал не смысл речей, а самый звук голоса, и для таких людей не имело значения, к кому обращена речь: они оставались под действием чар навеки. Где бы они ни находились, в ушах у них звучал этот вкрадчивый шепот, указуя, наставляя, подстрекая. Равнодушно Сарумана не мог слушать никто, и никто не мог отказать ему в просьбе или ослушаться его повелений, не

призвав на помощь все свои разум и волю, – если, конечно, разум и воля ему еще принадлежали³⁹⁷.

– Так что же? – спросил голос кротко и безгневно. – Почему вы нарушили мой отдых? Почему не даете мне покоя ни днем ни ночью?

Это был голос добросердечного, мирного человека, искренне опечаленного обидой, которой он никак не заслужил.

Все, вздрогнув, подняли глаза. Никто не слышал, как Саруман появился на балконе. У решетки, взирая сверху на парламентаров, стоял старец; он был закутан в широкий плащ, цвет которого определить было непросто, – стоило перевести взгляд, как оттенки менялись. Лицо у старика было длинное, лоб высокий, глаза глубоко посаженные, темные, бездонные. Взгляд их был суров, но благостен и слегка утомлен. В белых волосах и бороде еще пробивались черные пряди – особенно на висках и возле рта.

– Похож, да не совсем, – пробормотал Гимли.

– Ну что ж, давайте поговорим, – мягко продолжал голос. – По крайней мере двоих из вас я знаю по имени. С Гэндальфом я знаком хорошо и не тешу себя надеждой, что он явился ко мне искать помощи или совета. Но ты, Теоден, Владетель Роханских Степей, благородный отпрыск славного племени Эорла, достойный сын трижды прославленного Тенгела! Почему ты не пришел с миром? Давно желал я увидеть тебя, о могущественнейший из западных Королей, и никогда не искал встречи с тобой так усердно, как в последние годы. Я надеялся предостеречь тебя от неразумных, опрометчивых советов, которым ты следовал так слепо. Неужели я опоздал? Невзирая на обиды, которым я подвергся и в коих – увы! – повинны и роханцы, я предлагаю тебе помощь, ибо в конце пути, на который ты вступил, о Король, тебя ждет неминуемая гибель. Воистину, один только я могу протянуть тебе руку спасения!

Теоден открыл рот, словно собираясь ответить, но промолчал – только поднял глаза на Сарумана, стоявшего, слегка перегнувшись через решетку и устремив на Короля проникновенные черные очи. Затем Теоден перевел взгляд на Гэндальфа. Казалось, Король в замешательстве. Гэндальф стоял молча, словно отстранясь от происходящего, – ни дать ни взять каменное изваяние. Можно было подумать, что он ожидает какого-то сигнала, которого еще нет. Всадники заерзали в седлах, зашептались, одобряя слова Сарумана, и

снова смолкли, зачарованные. Никогда Гэндальф не говорил с их Королем так учтиво и возвышенно! Как смел этот заезжий волшебник вести себя с Владыкой Рохана так своевольно, не оказывая ему должного почтения? Сердца этих простых людей внезапно омрачила тень великого страха: а вдруг Гэндальф действительно ведет Рохан во тьму, к бесславному концу, в ничто? Саруман же, казалось, манил Короля на порог, за которым брезжило избавление, и в полуотворенную дверь за его спиной проникал луч света.

Наступило тягостное молчание.

Гном Гимли не выдержал.

– В словах этого чародея все перевернуто с ног на голову, – воскликнул он, крепко сжав рукоять топорика. – На языке Орфанка помощь означает смерть, а спасти – значит убить, это понятно всем. Но мы пришли сюда не за подачками!

– Тише, друг мой, – остановил его Саруман, и голос его на мгновение потерял сладость, а глаза сверкнули, но тут же вновь пригасли. – Я еще не говорю с тобой, о Гимли, сын Глоина! Твой дом далеко от здешних мест, и тебя мало затрагивают беды и тревоги этой страны. Однако мне известно, что не по своей воле втянулся ты в дела Рохана, и я не осуждаю тебя за ту роль, которую ты сыграл, – не сомневаюсь, кстати, что сражался ты доблестно! Но прошу тебя, позволь мне сперва побеседовать с королем Рохана, моим соседом и некогда другом! Что же ты хочешь сказать мне, о король Теоден? Хочешь ли ты жить со мною в мире? Примешь ли помощь, основанную на вековой мудрости? Объединимся ли мы с тобой перед лицом черной години, поможем ли друг другу исправить зло, которое принесла с собой война? Что мы сделаем, дабы наши державы стали прекраснее, чем когда бы то ни было?

Теоден молчал. Глядя на его лицо, никто не смог бы сказать, сомнения его одолевают или гнев. На этот раз не выдержал Эомер.

– Выслушай, о Повелитель! – вскричал он. – Вот она – опасность, о которой предупреждал нас Гэндальф! Неужели кони домчали нас к победе только затем, чтобы мы, хлопая глазами, внимали речам этого старого лиса, помазавшего свой раздвоенный язык сладким медом? Так заговорил бы волк, окруженный сворой собак, обрети он дар речи. Ну чем, чем он может помочь тебе? Ему надо любой ценой вывернуться, вот и все. Неужели ты вступишь в переговоры с этим

предателем и убийцей? Вспомни Теодреда, вспомни Брод, вспомни могилу Гамы, что в Хельмской Теснине!

– Если говорить о раздвоенных языках, то что сказать про твой, змееныш? – повернулся к нему Саруман, и на этот раз в его глазах явственно полыхнул гнев. – Впрочем, не будем ссориться, Эомер, сын Эомунда. – И его голос смягчился снова. – Каждому свое. Тебе – бранная доблесть, шум сражений; ты заслужил на этом поприще высшую честь и славу. Убивай тех, кого укажет тебе твой повелитель, и не посягай на большее. Не вмешивайся в государственные дела, в которых еще так мало смыслишь. Может, когда-нибудь ты сам сделаешься королем и поймешь, что державный владыка должен быть вдвойне благоразумен, выбирая себе друзей. Дружба Сарумана и могущество Орфанка – не такая уж мелочь. От них нельзя отмахнуться, даже если в прошлом между нами и были недоразумения, не важно, заправдашные или надуманные. Вам удалось выиграть битву, но не войну, да и то с помощью весьма сомнительного союзника, рассчитывать на которого больше не приходится. Как знать – быть может, завтра ваш черед и, встав поутру, вы застанете Тень Леса у собственного порога? Лес своеволен, беспощаден и людей не жалует. Неужели, о король Рохана, я заслужил имя убийцы лишь за то, что пали твои доблестные воины, хотя пали они в честном бою? Раз уж началась война – напрасная война, и я пытался избежать ее, – жертвы были неизбежны. Если ты по-прежнему назовешь меня убийцей, я отвечу тебе, что в таком случае род Эорла запятнан кровью с головы до пят, ибо счет войнам, которые вели вы, давно потерян, и не раз случалось, что вы первыми нападали на послушных и дерзких соседей. А победив, разве не заключали вы с ними мира и разве когда-нибудь жалели об этом мире? Ответь же мне, король Теоден: будем мы с тобой жить в мире и дружбе или нет? Решать нам с тобой, и никому другому!

– Воистину, мы хотим мира, – проговорил Теоден с явным усилием, хрипло и сдавленно. Среди всадников раздались радостные восклицания, но Король поднял руку и уже другим, ясным голосом продолжал: – Мы хотим мира, и у нас будет мир – но не прежде, чем мы уничтожим все, что создали ты и Черный Властелин, которому ты служишь и в руки которого ты хотел предать нас. Ты лжец, Саруман, и совратитель людских сердец. Ты протягиваешь мне руку, но вместо

руки я вижу коготь Мордора. Он холоден и беспощаден. Даже будь та война, что ты развязал, справедливой – а она не была справедливой, ибо вся твоя мудрость не дает тебе права помыкать мной и моим народом ради собственной выгоды! – чем оправдал бы ты факелы, спалившие хижины жителей Западного Фолда, что скажешь об убитых детях, которые остались на пепелище? Зачем твои зверолюди изрубили на куски мертвое тело Гамы, когда он пал у ворот Хорнбурга? Нет, я заключу мир с тобой и Орфанком не раньше, чем ты повиснешь на веревке в окне этой Башни на потеху своему воронью! Род Эорла на меньшее не согласится. Я всего только младший потомок великих владык прошлого, но я не собираюсь лизать тебе руку. Poiщи кого-нибудь другого. Боюсь только, что твой голос потерял прежнюю силу!

Всадники смотрели на Теодена, будто пробудившись ото сна. После музыки Сарумановых речей голос Короля показался им карканьем охрипшего старого ворона. Но Саруман утратил власть над собой, не сдержал ярости и резко перегнулся через решетку балкона, словно хотел ударить Короля посохом по голове. Многим даже показалось, что чародей на миг превратился в змею, готовую к прыжку.

– Это я повисну на веревке на потеху воронью?! – зашипел он, да так, что все вздрогнули, – столь внезапной и безобразной была происшедшая с ним перемена. – Да ты, я гляжу, впал в детство! Что такое двор Эорла? Душная лачуга, крытая соломой, где твои головорезы, напившись до скотского состояния, горланят грубые песни, а их отпрыски ползают под столом и обнимаются с вонючими псами! Вот по тебе – да, по тебе действительно плачет веревка! Но ничего, петля уже затягивается. Тот, у кого она в руках, не будет спешить, но в конце концов сдавит тебе горло так, что ты уже не вздохнешь. Болтайся же в этой петле, если на то твоя воля! – Голос Сарумана изменился: чародей постепенно овладевал собой. – Не знаю, право, зачем я трачу слова, откуда у меня столько терпения? Не нужен мне ни ты, Теоден-табунщик, ни твоя горе-армия, которая бежит с поля боя так же резво, как и наступает. Много воды утекло с тех пор, как я впервые предложил тебе стать моим союзником, хотя ты не заслуживал этой чести ни умом, ни доблестью. Сегодня я повторил свое предложение, чтобы те, кого ты ведешь на верную гибель, увидели наконец, на каком перепутье они стоят. Ты предпочел

самохвальство и грубую брань. Да будет так! Возвращайтесь в свои стойла!

Но ты, Гэндальф! О тебе одном я скорблю теперь по-настоящему. Мне поистине стыдно за тебя. Как можешь ты якшаться с этой чернью? Ведь ты горд, Гэндальф, и ты имеешь право на гордость: мысли твои благородны, взгляд зорек, а ум проницателен. Прислушаешься ли ты к моему совету?

Гэндальф пошевелился и посмотрел наверх.

– Разве ты не все сказал при нашей последней встрече? – спросил он Сарумана. – Или ты хочешь взять свои слова обратно?

Саруман помолчал.

– Взять обратно? – повторил он в раздумье. Казалось, он очень удивлен. – Взять обратно? Ради твоего же блага хотел я дать тебе тогда добрый совет, но ты слушал меня вполуха. Ты горд и не любишь, когда тебе дают советы. Осудить тебя за это трудно: ведь ты так мудр! Но в тот раз, думается мне, ты все-таки ошибся. Ты не пожелал меня понять. Я хотел совсем другого! Боюсь, я тогда утратил терпение – так желал я обратить тебя в свою веру... Поверь, я глубоко сожалею о случившемся. Право же, я не питаю к тебе вражды. Даже теперь я готов обнять тебя, хотя ты явился к моему порогу с толпой невеж и насильников. Да разве я мог бы держать на тебя зло? Разве мы не принадлежим к одному высокому древнему братству, к избранному кругу Мудрейших Средьземелья? Дружба нам выгодна, выгодна взаимно. Мы еще могли бы кое-что сделать вместе – например, внести в этот мир немного порядка. Постараемся же понять друг друга, не кивая на тех, кто стоит ниже нас. Пусть они ждут наших решений! Во имя общего блага я готов забыть прошлое и принять тебя. Будешь ли ты держать со мной совет? Поднимись ко мне!

Саруман вложил в эту последнюю попытку столько сил, что потрясены и сокрушены были все до единого. На этот раз чары подействовали совершенно иначе. Добрый, великодушный король устало выговаривал оступившемуся, но все еще любимому вельможе, и самые упреки в устах милостивого самодержца казались лаской. Не к ним, не к свидетелям обращены были эти ласковые речи. Все остальные просто подслушивали под дверью, как невоспитанные дети, как столпившиеся у запертых ворот туповатые слуги, чей удел – выхватывать из разговора высших немногие понятные слова и

силиться угадать по обрывкам беседы, как отразятся на их маленьких судьбах дела великих мира сего. А эти двое – Саруман и Гэндальф – вылеплены были из более благородной глины, чем все короли на свете. Оба были бесконечно мудры, оба внушали благоговение и трепет. Отныне они объединятся. А как же иначе? Гэндальф поднимется в Башню, и в покоях Орфанка состоится совет. Они будут обсуждать вещи, которых черни не понять никогда... Дверь затворится, а всем прочим останется смиренно дожидаться внизу и гадать: накажут их или повелят работать? Даже Теодена посетила на миг тень сомнения, тут же облекшаяся в отчетливую мысль: «Он предаст нас. Он войдет, и мы пропали».

Но Гэндальф только рассмеялся. Наваждение рассеялось, как облачко дыма.

– Саруман, Саруман! – заговорил Гэндальф, все еще не кончив смеяться. – Ты выбрал не ту дорогу в жизни, а жаль! Тебе бы шутком стать, уважаемый! Ты отлично зарабатывал бы на хлеб, да и на тряпки, передразнивая королевских советников. И вошел бы в большую милость при дворе, готов об заклад биться! – Он остановился, давая себе волю досмеяться, и продолжал: – Значит, ты говоришь, что мы с тобой легко пойдем друг друга? Боюсь, ты ошибаешься. Тебе меня уже не понять. А вот тебя, Саруман, я понимаю, и слишком даже хорошо понимаю. Я помню твои речи, не говоря уже о делах, гораздо лучше, чем ты думаешь! Когда я посетил тебя в последний раз, ты был тюремщиком на службе у Мордора, куда и собирался меня переправить. Нет уж! Гость, который однажды бежал из твоего дома через крышу, в следующий раз дважды подумает, прежде чем возвратиться в него через дверь. Пожалуй, я не стану подниматься. Но послушай и ты меня в последний раз, Саруман: сойди ко мне сам! Что ты скажешь на это предложение? Исенгард оказался не так неприступен, как ты уповал, как рисовало тебе воображение. Не ждет ли та же судьба и остальные твои надежды? Может, лучше пока оставить их? Обратиться к чему-нибудь иному? Подумай хорошенько, Саруман! Неужели ты не спустишься?

По лицу Сарумана прошла тень, он смертельно побледнел. Прежде, нежели чародей снова принял бесстрастный вид, всем стало видно, что он мучается сомнениями: казалось, ему тяжело было оставаться в Башне, однако и покидать ее он не хотел. Какое-то

мгновение Саруман медлил; все затаили дыхание. Наконец чародей заговорил, но голос его звучал отрывисто и холодно. Гордость и ненависть победили.

– Спуститься? Мне? – спросил он с насмешкой. – Разве безоружный станет выходить за порог на переговоры с разбойниками? Я и отсюда неплохо слышу, благодарю вас!.. О нет, нет, я не так глуп, чтобы поверить тебе, Гэндальф. Диких лесных демонов вы с собой не взяли, но я знаю, где они прячутся! Стоит тебе приказать...

– Предатели всегда недоверчивы, – устало отвечал Гэндальф. – Но тебе незачем бояться за свою шкуру. Я не собираюсь убивать тебя. Более того, никто тебя и пальцем не тронет, и если бы ты меня и впрямь понимал, как хвалишься, ты бы нас не боялся. Я велю оставить тебя в покое. А пока – тебе дается последняя возможность. Ты волен уйти из Орфанка, куда захочешь. Соглашайся!

– Звучит неплохо, – с ехидцей сказал Саруман. – Узнаю Гэндальфа Серого! Как всегда учтив, как всегда снисходителен! Конечно, Орфанк – удобное, тепленькое местечко, только бы удалось спровадить оттуда Сарумана! Но зачем бы это мне ни с того ни с сего уходить из собственного дома? И что значит – «волен»? Я полагаю, ты поставишь мне определенные условия?

– По-моему, вид из твоих окон не очень-то располагает остаться, – ответил Гэндальф. – Но, если ты подумаешь хорошенько, найдутся и другие причины для ухода. Рабов у тебя больше нет – одни погибли, другие разбежались. Соседям ты отныне – заклятый враг. Ну а новому хозяину ты попытался натянуть нос – и не очень-то преуспел в этом. Учти: когда Глаз повернется в твою сторону, он будет багровым от ярости. Говоря «ты волен идти куда хочешь», я имею в виду – волен по-настоящему: без надзора, без оков, без обязательств. Ступай куда угодно, Саруман, хоть в Мордор, если пожелаешь! Но прежде ты отдашь мне ключ от Орфанка и посох волшебника. Я приму их как залог твоего исправления, а позже, если заслужишь, возвращу обратно.

Лицо Сарумана исказилось яростью и позеленело, глаза вспыхнули красным огнем. Он расхохотался, как безумец.

– Позже?! – крикнул он и, не удержавшись, перешел на визг: – Позже? Это когда же? Когда ты получишь ключи от Барад-дура, короны семи королей и посохи всех Пяти Волшебников³⁹⁸? Когда купишь себе сапоги на десяток размеров больше, чем носишь теперь?

Каков скромник! Вряд ли тебе в таком случае понадобится моя помощь! Нет! У меня есть дела поважнее. Не будь глупцом! Если хочешь заключить со мной договор – иди проспись, а потом будем разговаривать! Время еще есть. Только не тащи больше к моему порогу всю эту свору головорезов и прочей мелкой шушеры, что висит у тебя на хвосте и цепляется за твой плащ! До встречи!

Он повернулся и скрылся в темном проеме балконной двери.

– А ну-ка, вернись! – приказал Гэндальф.

К всеобщему удивлению, Саруман повернулся назад и медленно, как бы против воли, шагнул на балкон. Тяжело и неровно дыша, он оперся о железную решетку. Правая рука его цепко, как клешня, сжимала массивный черный посох.

– Тебя никто не отпускал, – сурово произнес Гэндальф. – Я еще не кончил переговоры! Как погляжу, ты крепко сдал, Саруман. Прежнего ума в тебе уже не видно. Глупец! И все же мне жаль тебя. Ты мог бы еще порвать с обуявшим тебя злом, расстаться с безумными планами и послужить добру. Но ты предпочел остаться в Башне и до скончания века глотать высосанные кости своих неудавшихся замыслов. Что ж!.. Но предупреждаю: теперь выйти тебе отсюда будет непросто – если только за тобой не протянется черная рука с востока!.. Слушай, Саруман! – Он повысил голос и вдруг заговорил необыкновенно жестко и властно: – Слушай и внимли! Я больше не Гэндальф Серый, которого ты когда-то предал. Перед тобой Гэндальф Белый, который прошел через смерть и возвратился. Отныне у тебя нет цвета. Я изгоняю тебя из Ордена и лишаю места на Совете Мудрых. – Он поднял руку и медленно, ясным, холодным голосом произнес: – Саруман, твой посох сломан!

Раздался треск; посох в руках Сарумана переломился надвое. Набалдашник упал под ноги Гэндальфу.

– Ступай! – повелел Гэндальф.

Саруман вскрикнул, отшатнулся, упал – и пополз прочь, в темноту.

В это же мгновение о железную решетку балкона, на которую только что опирался Саруман, ударился тяжелый блестящий предмет, брошенный откуда-то сверху. Отскочив от решетки, он пролетел совсем близко от головы Гэндальфа и врезался в ступеньку. Балконная решетка от удара загудела и прогнулась; ступенька, пустив сноп искр,

пошла трещинами. Сам предмет остался невредим и покатился вниз. С виду это был стеклянный шар с налитой огнем сердцевиной. Пиппин бросился за ним и успел поймать на самом краю одной из луж.

– Подлец! Убийца! – закричал Эомер.

Гэндальф не пошевелился.

– Саруман здесь ни при чем, – сказал он. – Я думаю, он ничего не бросал и не отдавал такого приказа. Шар упал из верхнего окна. Видимо, это прощальный подарок Червеуста – вот только целиться он не умеет.

– Он не смог решить, кого ненавидит больше – тебя или Сарумана, – предположил Арагорн. – Вот рука у него и дрогнула.

– Может быть, – согласился Гэндальф. – Эти двое вряд ли будут друг для друга большим подспорьем и утешением в несчастье. Боюсь, кончится тем, что они просто загрызут друг друга. Наказание, однако, справедливое. Если Червеуст выйдет из Орфанка живым – пусть считает, что ему повезло: он не заслуживает и этого... Постой, дружок! Дай-ка мне эту штуку! Кто тебя просил ее трогать? – вдруг воскликнул он, резко обернувшись и увидев Пиппина. Тот медленно поднимался по ступенькам; казалось, в руках у него что-то очень тяжелое.

Гэндальф быстро сбежал к нему, выхватил из рук хоббита темный шар и поспешно завернул в полу своего плаща.

– Об этой вещице я позабочусь сам, – сказал он. – По-моему, Саруман предпочел бы бросить в меня чем-нибудь другим!

– Кстати, у него вполне могло завалиться еще что-нибудь не менее увесистое, – заметил Гимли. – Если ваш разговор окончен, давайте отойдем хоть на бросок камня! Не надо стоять под ударом...

– Разговор с Саруманом окончен, – кивнул Гэндальф. – Идем!

Они повернулись спиной к дверям Орфанка и спустились вниз по ступеням. Всадники встретили Короля ликующими возгласами и салютовали Гэндальфу. Чары Сарумана потеряли силу: все видели, как чародей по слову Гэндальфа вернулся на балкон и с позором уполз обратно.

– Ну что ж, с этим покончено, – сказал Гэндальф. – Теперь хорошо бы разыскать Древоборода и рассказать о нашей беседе с хозяином Орфанка.

– Можно подумать, Древобород не догадывается, чем все это обернулось, – пожал плечами Мерри. – Разве ты ожидал чего-то другого?

– Пожалуй, не ожидал, – согласился волшебник. – Хотя было мгновение, когда Саруман дрогнул... Я обязательно должен был попытаться. Причины тому разные: и долг милосердия, и кое-что еще. Во-первых, Саруману ясно было показано, что его голос утратил прежнюю власть над душами. Нельзя быть и тираном и советчиком одновременно. Когда замысел созрел, его уже не скроешь. Саруман угодил в западню: он попытался изловить свои жертвы по отдельности на глазах у них самих! А потом ему был дан выбор, и выбор честный – я предложил Саруману порвать с Мордором, отречься от прежних замыслов и взяться за исправление содеянного. В чем у нас нужда, он знает лучше, чем кто-либо, и мог бы сослужить нам хорошую службу. Но он выбрал иное. Он не желает никому помогать, он хочет оставить Орфанк себе. Он не привык служить, он привык повелевать. Над ним уже нависла страшная тень Мордора – а он все лелеет надежду оседлать бурю. Несчастный глупец! Ведь если силы Мордора хлынут на Исенгард, он будет проглочен в одно мгновение. Это мы не можем подступить к Орфанку, а Саурон? Кто знает, что для него возможно, а что нет?..

– А если Саурон потерпит поражение? Что ты сделаешь с Саруманом? – спросил Пиппин.

– Я? Да ничего, – пожал плечами Гэндальф. – Мне власть над ним ни к чему. Что с ним станется? Не знаю. Горько, конечно, что в этой Башне пропадает и понапрасну выдыхается сила, в прошлом такая могучая и благородная... Ну, а наши дела складываются неплохо. Странные бывают причуды у судьбы! И как часто ненависть уязвляет сама себя! Наверное, даже проникни мы в Орфанк, мы не отыскали бы там сокровища ценнее, чем шар, которым запустил в нас Червеуст!

В этот момент сверху, из окна Башни, донесся отчаянный вопль и тут же резко оборвался.

– Похоже, Саруман с этим согласен, – подытожил Гэндальф. – Оставим их. Пусть разбираются сами!

Они двинулись к разрушенным воротам. Как только арка осталась позади, из тени камней, нагроможденных большими кучами, выступил

Древобород, а за ним еще дюжина энтов. Арагорн, Леголас и Гимли смотрели на них и дивились.

– Позволь представить тебе моих друзей, Древобород, – сказал Гэндальф. – Я рассказывал тебе о них, помнишь? Теперь они перед тобой. – И он назвал имена своих спутников.

Древобород осмотрел Арагорна, Гимли и Леголаса долгим, изучающим взглядом, а затем по очереди обратился к каждому с приветствием. Особое благоволение он выказал Леголасу.

– Говорят, ты прибыл издалека, из самой Черной Пущи, мой добрый эльф? Некогда это был очень большой лес!

– Черная Пуща и сейчас велика, – ответил Леголас. – Но не настолько, чтобы мы, ее обитатели, устали от общения с деревьями! Я мечтаю побродить по Фангорну. Ведь я успел пока побывать только на опушке. И мне жаль было покидать ваш лес так скоро.

Глаза Древоборода засветились от удовольствия.

– Надеюсь, твое желание исполнится раньше, нежели состарятся эти горы, – торжественно произнес он.

– Я бы хотел, чтобы оно исполнилось побыстрее! – воскликнул, поклонившись в ответ, Леголас. – Я заключил с моим другом договор: если все сложится удачно, мы навестим Фангорн вместе – с твоего соизволения, конечно!

– Эльфы для нас всегда желанные гости, – кивнул Древобород.

– Речь не об эльфе, – сказал Леголас. – Речь о Гимли, сыне Глоина.

Гимли поклонился энту в пояс, отчего топорик выскользнул у него из-за пояса и со звоном покатился по камням.

– Гумм! Гм! Гном, да еще с топором?! – прогудел Древобород, с подозрением глядя на Гимли. – Эльфам я мирволю, но ты просишь от меня слишком многого, любезный Леголас! Гу-умм! Что за странная дружба!

– Может быть, она и покажется кому-то странной, – возразил Леголас, – но, пока Гимли жив, без него я в Фангорн не пойду. Знай, о Фангорн, владыка Фангорнского леса, что топор моего друга предназначен не для стволов, а для орочьих шей. В битве за Хорнбург он обезглавил целых сорок орков и еще двоих в придачу!

– Гумм... Ну что ж, – смягчился Древобород. – Это мне по душе. Добро же! Что будет, то будет – не надо спешить и бежать событиям навстречу. Тем более сейчас все равно время расстаться. День

клонится к вечеру, а Гэндальф говорил, что хочет выехать до наступления темноты. Да и король Рохана спешит к себе домой.

– Да, мы должны ехать, и немедленно, – подтвердил Гэндальф. – Кстати, боюсь, привратников нам придется забрать с собой! Вы отлично справитесь и без них.

– Справиться-то я справлюсь, – вздохнул Древобород. – Но мне будет их не хватать. Мы знакомы без году неделя, а уже подружились. Похоже, с возрастом я становлюсь не в меру тороплив! Под старость время иногда оборачивается вспять... Но в мире так давно не появлялось ничего нового – ни под солнцем, ни под луной... И вот – поди ж ты! Ну, теперь я их не забуду. Они уже нашли свое место в Длинном Списке. Энты выучат две новые строчки:

*Энты-старейшины, землерожденные,
Скороходы и водохлебы;
Милые, вечно голодные хоббиты,
Малый и незлобивый народец...*

Эти два племени будут отныне дружны между собой, и дружба эта продлится до тех пор, пока обновляются листья по весне. Доброго пути! Узнаете что-нибудь там, у себя, – не забудьте послать мне весточку. Вы, надеюсь, понимаете, о чем я говорю! Вдруг вы и правда повстречаете наших жен или что о них услышите? Да и просто так заезжайте!

– Непременно! – в один голос ответили Мерри и Пиппин и тут же поспешно отвернулись.

Древобород долго смотрел на них, в задумчивости покачивая головой. Наконец он повернулся к Гэндальфу:

– Значит, Саруман не спустился к вам? Так я и думал. Сердце у него как у черного хьорна – насквозь прогнило. С другой стороны, если бы я сам потерпел поражение и все мои деревья были порублены, а я остался один, я бы тоже не вышел к врагам, покуда у меня оставалось бы убежище.

– Так-то так, но ведь ты не замышлял наводнить весь мир деревьями, а все остальное уничтожить, – возразил Гэндальф. – Саруман заперся в своей башне, чтобы и дальше нянчить в душе

ненависть ко всем и вся. Он еще начнет плести новые сети, вот увидишь... Ключ от Орфанка у него. Но выйти из Башни Саруман не должен.

– Мы ему не позволим. Уж энты об этом позаботятся, – пообещал Древобород. – Без моего разрешения Саруман за порог и шагу не ступит. Мы будем сторожить его денно и ночью.

– Об этом я и хотел тебя просить, – сказал Гэндальф. – Теперь я могу уехать и заняться другими делами. Одним камнем на душе меньше! Только будьте внимательны! Вода спáла, а значит, недостаточно поставить у Башни часовых и успокоиться. В крепости наверняка есть подземные ходы. Саруман обязательно постарается их использовать. Стоило бы еще разок запрудить Исену – если вы, конечно, возьметесь за этот труд. Пусть Исенгард останется озером, пока вы не разведаете все тайные ходы. Все подземелья должны быть затоплены, все норы – закупорены... Тогда Саруман вынужден будет смириться со своей участью. Пусть сидит в Башне и смотрит на белый свет через окно.

– Предоставь дело энтам! – усмехнулся Древобород. – Мы перетряхнем всю долину и заглянем под каждый камушек. А потом сюда вернутся деревья – вековые деревья из глухих чащоб Фангорна. Мы назовем это место Сторожевым Лесом. Без нашего ведома тут ни зверь не прорыщет, ни птица не пролетит – можете быть спокойны! Пока не минет семь раз по столько лет, сколько он нас мучил, энты будут стеречь его и не устанут!

Глава одиннадцатая

Палантир³⁹⁹

Солнце уже садилось за длинный западный отрог, когда Гэндальф, его друзья и Король со своими всадниками выехали из Исенгарда. Гэндальф посадил за собой в седло Мерри, Арагорн – Пиппина. Двое всадников из королевской свиты сразу пустили коней в галоп и вскоре скрылись из виду. Остальные поехали не торопясь.

У ворот выстроились энты; они стояли вдоль всего пути торжественным рядом, как статуи с поднятыми руками. Когда отряд миновал эту безмолвную аллею и двинулся вниз по вьющейся дороге,

Мерри и Пиппин оглянулись. Небо еще светилось, но на Исенгард уже надвинулась тень горных склонов, и серые руины медленно погружались во тьму. Энты ушли, у стен остался только Древобород. Издали он казался старым деревом с обломанной верхушкой, и хоббитам вспомнилось, как они встретили его впервые – на солнечной скале у границ Фангорна.

Впереди показался столб. Он стоял на прежнем месте, но Белая Рука лежала на земле, расколотая на мелкие кусочки. Прямо посреди дороги белел в сумерках длинный указательный палец. Теперь ноготь на пальце казался черным.

– Энты ничего не упустили, – заметил Гэндальф.

Отряд двинул коней дальше. В долине сгустился вечер.

– Нам еще долго ехать, а, Гэндальф? – подал голос Мерри после долгого молчания. – Не знаю, что ты думаешь о мелкой шушере, которая «висит у тебя на хвосте» и «цепляется за твой плащ», только должен сообщить, что «шушера» немного устала и подумывает отцепиться. Кроме того, она не прочь соснуть.

– Значит, ты слышал? – нахмурился Гэндальф. – Забудь и не бреди больше этой раны! Скажи спасибо, что Саруман не стал продолжать и занялся другими. Ведь он косился на вас все время, пока мы беседовали! Если это утешит ваше самолюбие, могу сказать, что о вас с Пиппином он думал больше, чем обо всех остальных, вместе взятых! Кто вы? Как очутились в Исенгарде? Что вас сюда привело? Много ли успели узнать? Побывали в орочьих лапах или нет? А если были, то как вам удалось бежать от орков – ведь отряд, высланный за вами, был уничтожен? Вот какие безделицы терзают великий ум Сарумана! Услышать издевку из его уст – это в каком-то смысле даже почетно, Мериадок! Ну как, ты польщен?

– Спасибо, – отозвался Мерри. – Но по мне, цепляться за твой плащ и висеть у тебя на хвосте – честь куда бóльшая. Вот так-то, Гэндальф! К тому же это очень удобно: всегда можно дернуть тебя за полу и спросить еще раз: мы что, всю ночь будем ехать?

Гэндальф рассмеялся:

– Нет на тебя угомона! Воистину, каждый мудрец должен возить за собой в седле парочку хоббитов. Вот кто отучил бы нас подменять одни слова другими и витать в облаках! Прошу прощения! Впрочем, я

подумал и об этих низменных вопросах. Мы не будем особенно торопиться и через несколько часов подыдем к выходу из долины. Там и остановимся. А вот завтра придется спешить. Поначалу мы собирались отправиться из крепости прямо в Эдорас, во дворец Короля, что отняло бы у нас несколько дней. Но, подумав, мы изменили планы. В Хельмскую Теснину высланы гонцы. Они предупредят людей, что к утру Король вернется в Хорнбург, а оттуда, умножив свиту, двинется горными тропами в Дунхаргскую Крепость. В открытую ехать теперь опасно даже ночью. Двое-трое – еще куда ни шло...

– Вечно у тебя то ничего, то сразу всего невпроворот! – рассмеялся Мерри. – Все мои мысли были только о ночлеге. Боюсь, о завтрашнем дне я и думать забыл. Где она, эта Хельмская Теснина, и с чем ее едят, не говоря уже обо всем прочем? Я же тут ничего не знаю.

– Неплохо бы в таком случае поинтересоваться, если хочешь разбираться в том, что происходит! Только будь добр, повремени, а лучше – расспроси кого-нибудь другого. Я должен о многом подумать.

– Так и быть! Вот разожгут костер – пойду и пристану к Бродяге. Он покладистее. Одно мне только скажи: зачем такие сложности да предосторожности? Я думал, мы выиграли битву!

– Выиграть-то мы ее выиграли, но это только начало. К тому же благодаря победе мы подвергаемся теперь большей опасности, чем прежде. Исенгард и Мордор как-то связаны между собой, хотя я до сих пор еще не дознался, как удастся им так быстро обмениваться новостями. У меня нет уверенности, что мои догадки правильны... Но как бы то ни было, Глаз Барад-дура будет теперь с удвоенным нетерпением обращаться в сторону Чародеевой Долины, а заодно – и к Роханским степям. Чем меньше он разглядит, тем лучше.

Извилистая дорога неторопливо приближалась к выходу из долины. Шум Исены, бурлившей в каменном русле, то приближался, то отдалялся. С гор спустилась ночь. Туман рассеялся без остатка. Подул свежий ветер. Округлившаяся луна заливала восточную половину неба холодным бледным сиянием. Справа горы плавно перешли в голые холмы. Впереди раскинулись бескрайние серые степи.

Наконец всадники приостановились. Отряд свернул вправо, на мягкую горную траву. В полутора верстах от дороги отыскалась удобная лощина, упиравшаяся в обращенный к Исенгарду склон Дол Барэна, горы, замыкавшей цепь северных вершин. Подножие Дол Барэна зеленело, вершина была темной от вереска. По склонам лощины лохматились буйные заросли прошлогоднего папоротника, из остро и приятно пахнувшей земли уже торчали туго скрученные весенние побеги. Всадники разбили лагерь под колючими терновыми кустами, густо росшими понизу. До полуночи оставалось еще часа два. Костер разожгли у корней огромного, раскидистого, как дерево, шиповника, заскорузлого от старости, но крепкого: на кончиках его ветвей уже набухали почки.

Роханцы выставили часовых – по два на смену. Остальные, поужинав, завернулись в плащи да одеяла и заснули. Хоббиты улеглись в сторонке, на куче прошлогоднего папоротника. Мерри клонило в сон. Пиппину, наоборот, словно соли на хвост насыпали. Он ворочался с боку на бок и все никак не мог устроиться. Листья папоротника под ним шуршали и потрескивали.

Наконец Мерри не выдержал.

– Ты что там ерзаешь? – шепотом спросил он. – На муравейник, что ли, улегся?

– Да нет, – отозвался Пиппин. – Не очень-то здесь удобно, понимаешь? Я все пытаюсь вспомнить, когда я в последний раз на кровати спал.

Мерри зевнул.

– Посчитай на пальцах, – посоветовал он. – Но вообще ты и без меня должен помнить, когда мы уплыли из Лориэна...

– Это не то, – возразил Пиппин. – Я имел в виду настоящую кровать, в настоящей спальне!

– Значит, надо считать от Ривенделла, – проворчал Мерри. – Но лично я сегодня где угодно заснул бы.

– Везучий ты, Мерри, – снова начал Пиппин некоторое время спустя. – С Гэндальфом ехал!

– Ну и что с того?

– Наслушался небось всякого разного, узнал что-нибудь новенькое...

– Конечно. Даже много новенького! Старик сегодня был на редкость разговорчивым. Будто ты сам не слышал! Ты же ехал в двух шагах от нас, а мы и не думали секретничать. Если вознамерился из него еще что-нибудь вытянуть – садись к нему завтра вместо меня. При условии, конечно, что он согласится.

– Правда?! Чудесно! Только из него, наверное, ничего толком не вытянешь. Ведь он совсем не переменялся, правда?

– Вообще-то переменялся, – проговорил Мерри, у которого даже сон начал понемногу проходить: он не мог взять в толк, что за муха укусила его друга. – Я бы сказал, он как-то вырос. И подобрел. Зато теперь я его немного побаиваюсь. Он чаще смеется, зато чаще и в себя уходит. Да, здорово он переменялся! Но по-моему, мы еще и малой доли не видели. Взять хотя бы, как он отчитал Сарумана. Раньше как было? Саруман стоял выше Гэндальфа, он даже возглавлял Совет – кто бы мне, кстати, толком объяснил, что это за Совет такой? Величали Сарумана не иначе как Саруман Белый. А теперь Гэндальф сам Белый. Он заставил Сарумана выйти на балкон и сломал его посох. А потом сказал одно только словечко, и тот убрался как миленький.

– Если Гэндальф переменялся, то тем более будет скрывать, – вздохнул Пиппин. – Возьми, к примеру, этот стеклянный шар. Что, разве не видно было, как старина Гэндальф обрадовался? То-то же! Он что-то знает про этот шар, как пить дать знает!.. Или догадывается. А нам не говорит. Хоть бы намекнул. Так нет же! Между прочим, штуку-то эту не он, а я подобрал. Если бы не я, она потонула бы в луже. А Гэндальф, конечно, тут как тут: «Дай-ка сюда, малыш!» И молчок. Что же это за шар, а? Вот бы проведать! Тяжеленный такой... – Последние слова Пиппин пробормотал еле слышно, – казалось, он забыл о Мерри и разговаривает сам с собой.

– А, так вот что тебя донимает! – удивился Мерри. – Вспомни Гилдора, Пиппин, радость ты моя! Сэм, бывало, все повторял за ним: «В дела волшебников не вмешивайся: они народ капризный и на гнев скоры».

– Мы вот уже полгода только и делаем, что вмешиваемся в дела волшебников, – не унимался Пиппин. – Как опасности – так пожалте, а чтобы объяснить толком, что происходит, – так нет! Мне вот охота на этот шар посмотреть, к примеру. Что тут такого?

– Ты бы лучше поспал, – посоветовал Мерри. – Узнаешь ты про свой шар, никуда он не денется. Не было еще случая, чтобы Тукк оказался любопытнее Брендибэка, но, боюсь, сегодня ты меня переплюнешь! Время вот только ты выбрал неподходящее.

– Положим, но что тут плохого? Ну хочется мне посмотреть на этот шар, ну и что? Я же знаю, что это невозможно. Еще бы! Старина Гэндальф сидит на нем, как курица на яйце. Но мне-то от этого не легче! Да и от твоего «шиш-ты-его-получишь-а-потому-дрыхни» тоже.

– А что я еще могу тебе сказать? – хмыкнул Мерри. – Ты уж не сердись, голубчик, но до утра придется потерпеть. Вот встанем, позавтракаем – тогда увидишь, какой я на самом деле любопытный! Почисти тебя! Может, кстати, завтра я и помогу тебе умаслить Гэндальфа. Но теперь баста! Спать пора. Еще один зевок, и рот у меня разорвется до ушей. Спокойной ночи!

Пиппин не ответил. Он перестал ворочаться, но сна у него по-прежнему не было ни в одном глазу. Пример мирно посапывающего Мерри – тот уснул, едва успев договорить «спокойной ночи», – не вдохновил его. Теперь, когда все стихло, мысли о темном шаре одолевали его еще назойливее. Он снова и снова ощущал на ладони странную тяжесть, а перед глазами все стояли таинственные багровые глубины, куда он успел на мгновение заглянуть. Пиппин снова заерзал, повернулся на другой бок и попытался думать о чем-нибудь другом.

В конце концов терпение у него лопнуло. Он встал и осмотрелся. Было зябко, пришлось поплотнее закутаться в плащ. Холодная белая луна смотрела прямо в лощину. Под кустами заострились четкие черные тени. Вокруг вповалку лежали спящие. Часовых нигде не было видно, – должно быть, они несли дозор на холме, повыше, а может, прятались в зарослях папоротников. Движимый непонятным ему самому побуждением, Пиппин крадучись подобрался к месту, где лежал Гэндальф. Казалось, волшебник спит крепко. Правда, веки у него были прикрыты не до конца: из-под длинных ресниц поблескивали белки. Пиппин поспешно отступил. Гэндальф не шевелился. Хоббита снова потянуло вперед – и он, словно кто его подталкивал, опять стал подкрадываться к волшебнику, на этот раз сзади. Гэндальф спал, укрывшись одеялом и накинув сверху плащ. Между его согнутой в локте рукой и правым боком, круглился какой-то

предмет, завернутый в черное. Рука спящего, похоже было, только что соскользнула с этого черного бугорка и теперь лежала на траве.

Почти не дыша, Пиппин осторожно приблизился, опустил на колени и, воровато протянув руку, поднял сверток. Тот оказался гораздо легче, нежели можно было ожидать. «Тряпки какие-нибудь», – решил Пиппин. От этой мысли ему почему-то стало спокойнее. На место он добычу, однако, не положил, а продолжал стоять со свертком в руках. Тут в голове у него мелькнула новая мысль. На цыпочках отбежав подальше от Гэндальфа, он нагнулся, пошарил в траве, отыскал подходящий булыжник и, подобрав его, вернулся обратно.

Теперь он действовал быстро: сдернул темную ткань, завернул в нее булыжник и сунул подмененный сверток на прежнее место. Только тогда он наконец бросил взгляд на то, что осталось у него в руках. Желание исполнилось: у его коленей на земле лежал тот самый гладкий хрустальный шар, только теперь он был мертв и черен. Пиппин поднял его, торопливо прикрыл полой плаща и уже собирался уходить, как вдруг Гэндальф пошевелился и во сне пробормотал несколько слов – хоббиту показалось, что языка он не знает. Рука волшебника нащупала обернутый тканью булыжник, пальцы сжались, он вздохнул и затих.

«Осел несчастный, – обругал себя Пиппин. – Ты нарвешься на жуткие неприятности, Перегрин Тукк, точно тебе говорю. А ну, положи шар, откуда взял!»

Но недавней отваги как не бывало: колени дрожали мелкой дрожью и он просто не мог подойти к волшебнику еще раз, тем более – вытащить у него из-под руки камень. «Ничего не выйдет, – подумал хоббит. – Как пить дать разбужу! Надо сначала немного успокоиться. А заодно и глянуть, что это за шар такой. Только вот сперва отойду отсюда...»

Он крадучись отбежал подальше и устроился на поросшей травой кочке неподалеку от спящего Мерри. Из-за края ложбины выглядывала луна.

...Пиппин сидел, широко раздвинув колени и низко нагнувшись над шаром, – ни дать ни взять жадный мальчуган с миской еды, что скрылся со своей добычей в самом дальнем уголке дома, только бы ни с кем не делиться! Плащ лежал в стороне. Взгляд хоббита вперился в хрустальную сферу. Все кругом застыло. Воздух чуть не звенел от

напряжения. Сначала шар оставался черным, как агат, – разве что чуть поблескивал в лунном свете. Но вот наконец в глубине хрусталя что-то дрогнуло и засветилось. Теперь Пиппин уже не смог бы оторвать взгляда от странного шара, даже если бы и захотел. А тот все наливался и наливался пламенем. Казалось, он стремительно крутится в руках у хоббита, – а может, это вращался огонь, который горел внутри шара? И вдруг все погасло. Хоббит ахнул, попытался вскочить – но было поздно: он не мог уже ни выпрямиться, ни разжать рук, только склонялся над шаром все ниже и ниже – и вдруг окаменел, впившись в него глазами. Губы хоббита беззвучно зашевелились. Мгновение спустя он сдавленно вскрикнул, опрокинулся на спину и остался лежать без движения.

Его отчаянный вопль разбудил всех. По склону уже спешили часовые. Вскоре весь лагерь был на ногах.

– Значит, вот кто у нас ночной вор! – молвил Гэндальф, быстро покрывая кристалл плащом. – Пиппин! Подумать только! Весьма неприятный поворот событий!

Он опустилсся на колени рядом с хоббитом. Пиппин лежал на спине, словно одеревенев; невидящие глаза смотрели в небо.

– Ну и наваждение! Что же он над собой учинил? И чем это обернется для нас?

Лицо волшебника казалось изможденным и усталым. Взяв Пиппина за руку, он наклонился, прислушался к его дыханию и приложил ладони к его лбу. Хоббит содрогнулся, закрыл глаза и снова вскрикнул – но тут же сел и дико уставился на бледные в лунном свете лица обступивших его людей.

– Этот кусок не про тебя, Саруман! – пронзительно закричал он без всякого выражения, отпрянув от Гэндальфа. – Я пришлю за ним сей же час. Ты понял меня? Повтори, что я сказал!

С этими словами хоббит внезапно вскочил и рванулся было бежать, но Гэндальф ласково и твердо остановил его.

– Перегрин Тукк! – позвал он. – Вернись!

Хоббит обмяк и откинулся назад, крепко уцепившись за руку волшебника.

– Гэндальф! – воскликнул он. – Гэндальф! Прости меня!

– Простить? – Гэндальф прикинулся удивленным. – Скажи сперва, за что?

– Я стащил у тебя шар и посмотрел в него, – запинаясь, пробормотал Пиппин. – А там, в шаре, я увидел такое, что перепугался насмерть и хотел его бросить, но у меня не получилось. А потом пришел... Ну, этот. И стал меня допрашивать. Как посмотрит на меня! И... и... ну, словом, вот.

– Так дело не пойдет, – сказал Гэндальф, посуровев. – Что именно ты видел? Что ты успел сказать?

Хоббит закрыл глаза и мелко задрожал, не отвечая. Все молча смотрели на него; один Мерри отвернулся в сторону. Гэндальф сдвинул брови.

– Говори! – велел он.

Пиппин заговорил – сперва еле-еле, с запинкой, то и дело останавливаясь, но мало-помалу голос его зазвучал громче и свободнее.

– Я увидел черное небо и высокие крепостные стены, а наверху – крошечные звезды. Мне показалось, что я попал в какие-то далекие края и что все это было не сейчас, а когда-то давно. Но все было очень яркое и отчетливое. И вдруг звезды начали гаснуть и снова загораться. Я понял, что их то и дело заслоняют какие-то крылатые твари. Должно быть, на самом деле они преогромные, хотя в шаре казались не больше летучих мышей. Они летали вокруг крепостной башни. По-моему, их было девять. И вдруг одна понеслась прямо на меня и стала увеличиваться. Ох какой у нее был ужасный... нет, нет, не заставляйте меня об этом рассказывать!.. Я попытался бросить шар и убежать, потому что мне показалось, что это чудище сейчас вылетит из шара и бросится на меня. Но оно просто заслонило все небо и пропало. А вместо него появился Он. Он не произносил ни слова, просто смотрел на меня, и я все понимал. Он проговорил: «Стало быть, ты вернулся! Почему опаздываешь с донесениями?» Я ничего на это не ответил. Тогда он спросил снова: «Кто ты такой?» Я опять промолчал. Тогда он сделал мне ужасно больно и стал на меня давить. Наконец я не выдержал и говорю: «Я – хоббит». По-моему, это помогло ему меня увидеть. Он посмотрел на меня – и давай надо мной смеяться. Это было просто невыносимо! В меня будто вонзилось несколько кинжалов. Я попытался вырваться, но он меня не пустил. «Погоди! – говорит. – Мы с тобой еще повстречаемся, за этим дело не станет. А пока скажи Саруману, что этот кусок не про него. Я пошлю за ним сей

же час. Ты понял? Повтори, что я сказал». И как вопьется в меня глазами! Мне показалось, что я разлетаюсь на мелкие кусочки... Нет! Нет! Не могу больше! Я ничего больше не помню!

– Погляди на меня, – приказал Гэндальф.

Пиппин повиновался и посмотрел ему в глаза. Волшебник удержал его взгляд и некоторое время молча изучал хоббита. Наконец лицо Гэндальфа смягчилось, и на нем появилась тень улыбки. Он ласково положил ладонь хоббиту на голову.

– Все обошлось! Ничего больше говорить не надо. С тобой не случилось ничего страшного. Твои глаза не лгут, а лжи я боялся больше всего. Он не стал долго с тобой разговаривать, и это тебя спасло. Ты, конечно, осёл, но осёл честный, Перегрин Тукк, и честности покуда не утратил. Иной мудрец на твоём месте напортил бы куда больше... Но учти: ты и твои друзья были спасены по чистой случайности – если это можно назвать случайностью. Не рассчитывай, что тебе и дальше все будет сходиться с рук! Начни он выпрашивать тебя по-настоящему – ты бы почти наверняка выложил все, что знаешь, на свою и нашу погибель. Но он, к счастью, поторопился. Видишь ли, ему не так нужны сведения, как ты сам собственной персоной, а с тобой он надеется поговорить на месте, в Черном Замке. Там у него будет на это много времени. Что же ты задрожал? Вмешался в дела волшебников – будь готов ко всему!.. Ну, ну, полно. Я тебя прощаю. Выше нос! Все обернулось не так уж и скверно!

Он бережно поднял хоббита и отнес обратно к папоротникам. Мерри побрел за ними и, когда Пиппина уложили, сел рядом.

– Ляг и отдохни, а лучше поспи, дружок, если, конечно, можешь, – посоветовал Гэндальф Пиппину. – Верь мне во всем. А если у тебя снова появится зуд в руках, скажи сразу. Этой болезни помочь нетрудно. Только булыжников мне под руку, чур, больше не подкладывать! А покамест побудьте вдвоем.

И Гэндальф зашагал к остальным, которые все еще толпились вокруг шара в тревоге и недоумении.

– Опасность часто настигает ночью, когда ее ждешь меньше всего, – сказал волшебник. – Мы спаслись чудом.

– Как хоббит? – спросил Арагорн.

– Думаю, все будет хорошо, – успокоил его Гэндальф. – С ним говорили недолго. К тому же хоббиты поразительно быстро приходят в

себя. А память об этом случае, – вернее, страх перед этой памятью, – думаю, скоро сотрется. Даже, может быть, чересчур скоро! Арагорн! Возьмешь ли ты на сохранение Камень Орфанка? Только помни – это очень опасно!

– Воистину опасно! Но не для всех, – возразил Арагорн. – Для того, кто имеет право владеть этим шаром, опасность не так велика. Ибо теперь ясно, что к нам в руки попал *палантир* Орфанка из сокровищницы Элендила. Короли Гондора хранили его в Исенгарде. Мой час близок. Я возьму этот Камень.

Гэндальф поглядел на Арагорна – и вдруг, к удивлению собравшихся, торжественно поднял с земли покрытый плащом шар и с поклоном подал его Следопыту.

– Прими, о сиятельный повелитель, – произнес он. – Прими от меня сей Камень как залог остальных сокровищ, которые будут возвращены тебе в будущем. И не прогневайся, если я дам тебе совет: ты волен распоряжаться своим достоянием, как тебе угодно, но не пользуйся Камнем раньше времени! Будь осторожен!

– Разве можно упрекнуть меня в чрезмерной поспешности или неосторожности? Меня, который ждал и готовился столько долгих лет? – спросил Арагорн бесстрастно.

– В поспешности тебя не упрекнешь, – согласился Гэндальф. – Так не преткнись же и в конце дороги! И главное – храни эту вещь в тайне от остальных. Это касается и вас – всех, кто здесь собрался. Никто, и прежде всего хоббит Перегрин Тукк, не должен знать, где находится Шар. Наваждение может прийти снова. Беда Перегринна в том, что он держал этот Камень в руках и заглянул в него⁴⁰⁰, а этого нельзя было допускать ни в коем случае. Следовало предотвратить это еще в Исенгарде. Я корю себя, что не опередил Перегринна и не поднял Шар сам. Но я думал только о Сарумане и не сразу понял, что за Камень нам достался. А потом я поддался усталости и, размышляя, что бы это могло такое быть, незаметно для себя заснул. Но теперь мне ясно все.

– Сомнений быть не может, – подтвердил Арагорн. – Теперь мы знаем, как переговаривались Исенгард и Мордор. Одной тайной меньше!

– Странное у наших врагов оружие! Но и слабости их весьма странны, – молвил Теоден. – Сегодня еще раз оправдалась древняя

поговорка: «Злая воля рушит себя сама».

– Так бывает сплошь и рядом, – сказал Гэндальф. – Но на этот раз нам что-то уж слишком повезло! Как знать, может, хоббит уберег меня от какой-нибудь страшной ошибки! Ведь я уже думал, не проверить ли Шар на самом себе, не посмотреть ли, на что он годен? Сделай я это, я открылся бы Черному Властелину – а я не готов к такому испытанию, да и буду ли когда-нибудь готов? Но даже если бы мне хватило сил не отвечать ему на вопросы, он меня увидел бы, а для нас это гибель. Обо мне он знать не должен – по крайней мере до тех пор, пока это возможно.

– Я полагаю, час уже пробил, – сказал Арагорн.

– Нет, – отозвался Гэндальф. – Теперь Враг некоторое время будет теряться в догадках, и мы должны этим воспользоваться. Он уверен, что Камень сейчас в Орфанке, – а почему бы, собственно, и нет? Следовательно, хоббит – узник Сарумана и тот, истязая своего пленника, заставил его посмотреть в Шар, вот и все. Лицо и голос хоббита занимают сейчас все мысли Врага, и он с нетерпением ждет, чтобы пленника доставили в Черный Замок. Пока еще он догадается о своей ошибке! Нельзя упустить этого времени. Мы и так позволили себе слишком долгую передышку. Надо спешить. Окрестности Исенгарда сейчас не такое место, чтобы тут задерживаться. Я скачу вперед, и немедленно. Перегрин Тукк отправится со мной. Это будет для него полезнее, чем лежать без сна, думать и ждать рассвета.

– Я оставлю при себе Эомера и десяток всадников, – решил Король. – На утренней заре мы двинемся дальше. Остальные могут остаться с Арагорном и выступать, когда им покажется удобнее.

– Твоя воля, Повелитель, – согласился Гэндальф. – Но торопись под защиту гор! Тебя ждут в Теснине Хельма!

Не успел он закончить, как на лица стоявших, заслонив яркий лунный свет, пала тень. Несколько всадников, громко вскрикнув, пригнулись и закрыли головы руками, словно защищаясь от удара. На всех напал слепой ужас и смертный озноб. Глянув наверх, перепуганные люди увидели, что луну на мгновение закрыло крылатое черное облако. Сделав круг, оно понеслось к северу и сгнуло, глотая на пути звезды. Никакой ветер Средьземелья не смог бы поспеть за ним.

Все окаменели. Гэндальф стоял, напряженно стиснув кулаки, и смотрел вверх.

– Назгул! – воскликнул он наконец. – Посланец Мордора! Близится буря! Назгул пересек Великую Реку! Скорее! По коням! По коням! Не ждите зари! Не дожидайтесь тех, кто медлит! Скорее!

Он бросился к Пиппину, подзывая на бегу Скадуфакса. Арагорн поспешил за ним. Подбежав к хоббитам, Гэндальф без объяснений поднял Пиппина на руки.

– На этот раз поедешь со мной, – сказал он. – Посмотришь, как скачет Скадуфакс!

Он бегом вернулся к своему ложу, перекинул через плечо небольшую сумку, в которой носил все свое немудреное имущество, и одним махом вскочил на подоспевшего Скадуфакса. Арагорн передал ему Пиппина, закутанного в плащ и одеяло.

– Прощайте! Следуйте за мной! – крикнул Гэндальф. – Скачи, Скадуфакс!

Огромный конь встряхнул головой. Развевающийся хвост заискрился в лунном свете – и Скадуфакс, разбрасывая комья земли, рванулся вперед, словно северный ветер с Туманных Гор.

– Прекрасная ночка! Отдохнули на славу! – сердито сказал Мерри Арагорну. – Удивляюсь я на некоторых счастливцев! Они, видите ли, не желают спать, а желают ехать с Гэндальфом – и вот, нате вам, все их желания тут же исполняются! И это, когда его стоило бы обратить в камень и оставить здесь навечно, в назидание грядущим поколениям!

– А что, если бы не Пиппин, а ты первым взял в руки этот Камень? – осадил его Арагорн. – Ты мог бы показать себя еще и хуже. Кто может сказать наверняка? Но, боюсь, сегодня твой удел – ехать со мной. И немедленно. Иди приготовься, а заодно посмотри, не забыл ли чего Пиппин. Да поживее!

Скадуфакс летел вперед через равнины. Ни понукать, ни править им не было нужды. Часа не прошло, а Гэндальф с Пиппином уже пересекли брод через Исену. Серая тень Кургана Погибших Всадников и холодный лес копий остались позади.

Пиппин мало-помалу приходил в себя. Ему было тепло, хотя лицо освежал резкий, холодный ветер. А главное – Гэндальф рядом! Ужасный Камень и чудовищная тень, скользнувшая по лицу луны,

остались далеко за спиной, в горных туманах, превратились в сон, который отоснился. Страх постепенно таял. Пиппин глубоко-глубоко вздохнул.

– А я и не знал, что ты едешь без седла, Гэндальф, – высунул он голову из одеяла. – И уздечки, я смотрю, нету.

– Вообще-то я по-эльфийски не езжу, – ответил Гэндальф. – Но Скадуфакс не терпит сбруи. На нем, знаешь ли, не «ездят», не такой это конь. Либо он согласен тебя нести, либо нет, вот и все. Если согласен, тебе ничего не потребуется – ни седла, ни узды. Он позаботится, чтобы ты не упал. И не упадешь – разве что сам захочешь.

– А Скадуфакс быстро скачет? – спросил Пиппин. – Судя по ветру, кажется, что очень быстро, но тряски почему-то совсем не чувствуешь. А как легко он мчится!

– Он летит так, что никакому коню не угнаться, – подтвердил Гэндальф. – Но для Скадуфакса это не предел. Просто пока что мы поднимаемся в гору, да и кочек здесь многовато, не то что за рекой. А вот и Белые Горы! Смотри, как четко они вырисовываются под звездным небом! Видишь три вершины, похожие на три черных копыа? Это пики Тригирна. Скоро будет развилка, и ты увидишь Западную Лощину, где две ночи назад разыгралась битва.

Пиппин снова умолк, слушая Гэндальфа. Тот тихо напевал что-то себе под нос, а иногда бормотал обрывки каких-то стихов – по-видимому, на всех языках Средьземелья. Версты убегали вдаль из-под конских копыт. Один раз хоббит смог разобрать слова песни. Сквозь шум встречного ветра до него донеслась целая строфа:

*Трижды три королей,
Трижды три кораблей
Из-за моря явились давно.
Из погибшей земли
Корабли привезли
Семь звезд, семь камней
И белое древо одно...⁴⁰¹*

– О чем это ты поешь, Гэндальф? – спросил хоббит.

– Да так, – отозвался тот. – Вспоминаю кое-что. В этих песнях хранится древнее Предание. Подозреваю, что хоббиты давно забыли их – даже те немногие строфы, которые знали...

– Ну почему, кое-что мы помним, – смутился Пиппин. – У нас, между прочим, есть и собственные песни... только вряд ли они тебя заинтересуют. Эту, правда, я никогда не слышал. О чем в ней поется? Семь звезд, семь камней...

– Эта песня о *палантирах* древних королей, – отвечал Гэндальф.

– *Палантиры*? А что такое *палантир*?

– Это значит «далеко видящий». Шар Орфанка – один из нескольких.

– Так его... – Пиппин запнулся, – его, получается, не Враг сделал?

– Нет, – успокоил его Гэндальф. – Саруман таких делать не умеет, да и Саурону это не по плечу. *Палантиры* привезены в Средьземелье из дальнего Элдамара, страны, лежащей на Западе Солнца. Их изготовили Нолдоры, а возможно, и сам Феанор⁴⁰² – как знать? Возраст их в годах не исчисляется... Но нет такой вещи, которую Саурон не мог бы использовать для своих черных целей. Увы Саруману! *Палантир* погубил его. Пользоваться вещью, в которую вложена мудрость, много превосходящая твою собственную, всегда губительно. Но вина остается на нем. Глупец! Держать этот Шар в тайне, пользоваться им ради собственной корысти! Какое безумие! На Совете он о *палантирах* никогда и словечком не обмолвился. А нам было недосуг думать о *палантирах* Гондора и о том, какие судьбы постигли их за время пронесшихся над этим королевством разрушительных войн. Сами же люди просто-напросто позабыли о Волшебных Камнях. Даже в Гондоре о тайне *палантиров* знали разве что немногие, а в Арноре, у дунаданов, сохранилась о них одна-единственная песня – и все.

– А как люди прошлых времен использовали эти самые *палантиры*? – подкинул новый вопрос Пиппин, дивясь, что получает ответ за ответом, и гадая, долго ли у Гэндальфа продлится такое настроение.

– С их помощью они видели, что происходит вдали, и могли мысленно беседовать друг с другом. Именно благодаря *палантирам* им так долго удавалось сохранять Гондор единым и успешно защищать

его границы. *Палантиры* были и в Минас Аноре, и в Минас Итиле, и в Орфанке – везде по одному. Главный гондорский *палантир*, которому подвластны были все остальные, находился под Звездным Куполом в Осгилиате, пока город не подвергся разрушению. Остальные три хранились далеко на севере. В Доме Элронда рассказывают, что один из них обрелся в Аннуминасе, другой – на Амон Суле, а третий – Кристалл Элендила – среди Башенных Холмов, что смотрят на реку Митлонд и серые корабли, выстроившиеся в заливе Льюн. *Палантиры* могли свободно общаться друг с другом, причем Осгилиату гондорские Камни были открыты постоянно. Скала Орфанка выдержала все бури – и, видимо, исенгардский Камень никогда не покидал своей Башни. Но что мог дать своему хозяину *палантир*, лишенный связи с остальными? Он мог только показывать разрозненные картинки, наугад выхваченные из давнего прошлого или дальнего далека, вот и все. Конечно, Саруману и это было как нельзя кстати, но он желал большего. Он искал, он вглядывался, и наконец взгляд его упал на Барад-дур. Тут-то он и попался. Кто знает, где нынче Камни Гондора и Арнора, земля их скрывает или толщи морских вод? Но по крайней мере одним из них, по всей видимости, удалось завладеть Саурону. Я думаю, что это Камень Итиля, ибо Минас Итиль уже много лет как принадлежит Черному Властелину. Он сделал крепость обителью зла и превратил в Минас Моргул. Нетрудно представить, как, один раз глянув не туда, куда следует, пытливый взгляд Сарумана оказался в ловушке и уже не смог выбраться из нее. А оттуда, издалека, начали потихоньку управлять им. С того времени Саурон действовал непрерывно – то убеждением, то, если не помогало, угрозами. Хищник оказался в пасти у другого хищника, сокол угодил в орлиные когти, паук запутался в стальной сети... Хотел бы я знать, сколько лет он вынужден был вот так являться перед Камнем, чтобы доказать свою благонадежность и услышать очередные приказы? Должно быть, немало – иначе как могло получиться, что любой, кто ни посмотрит в этот *палантир*, немедленно переносится именно в Черную Крепость, если только воля его не тверже адаманта? А как тянет заглянуть в этот Шар! Я тоже это почувствовал. Разве не заманчиво было бы попытаться счастья и освободить кристалл из-под власти Саурона? Тогда я мог бы послать взор, куда пожелаю. Почему бы, например, не к Тириону Прекрасному⁴⁰³, за волны моря и

времени? Как знать, может, кристалл дал бы мне познать неизведанное искусство Феанора и проникнуть в его неисследимые мысли, может, я даже увидел бы его за работой в дни, когда Белое и Золотое Деревья были усыпаны цветами!..⁴⁰⁴ – Гэндальф вздохнул и смолк.

– Ну почему, почему я не знал об этом раньше? – посетовал Пиппин. – Я понятия не имел, что делаю...

– Право? А мне кажется, имел, – строго оборвал его Гэндальф. – Ты знал, что поступаешь скверно и неумно. Более того, ты пытался сам себя предостеречь, но не захотел слушать внутреннего голоса. Что до меня, то раньше я не мог рассказать тебе ничего – только теперь, в дороге, поразмыслив хорошенько, я наконец понял, с чем мы столкнулись. Но предположим, я предостерег бы тебя. И что? Думаешь, ты устоял бы? Отдернул бы руку? Напротив!.. Ибо трудно поверить, что огонь обжигает, пока не прикоснешься к нему. Зато потом все, что тебе скажут об огне, упадет в самое сердце.

– Оно таки запало, – признался Пиппин. – Теперь передо мной хоть все семь Камней выложи – я только глаза зажмурю, а руки засуну в карманы.

– Вот и хорошо, – кивнул Гэндальф. – На это я и надеялся.

– И все же хотелось бы узнать... – начал Пиппин.

– Смилуйся! – со смехом воскликнул Гэндальф. – Впрочем, если бы мои рассказы могли излечить тебя от любопытства, я бы, пожалуй, немедленно забросил все дела и посвятил остаток дней ответам на твои вопросы. Ну, что еще ты хочешь у меня выведать?

– Как что?! Имена всех звезд и всех земных тварей, историю Средьземелья со дня его основания, историю стран, куда уходят корабли из Гаваней, и стран, что лежат за Морями Разлук⁴⁰⁵, – рассмеялся Пиппин. – На меньшее я не согласен! Впрочем, спешить не обязательно, а потому сегодня я ограничусь одним маленьким вопросиком: что это была за черная тень в небе? Я слышал, как ты кричал остальным: «Посланник Мордора! Посланник Мордора!» Что это было? Что ему нужно в Исенгарде?

– Это был крылатый Черный Всадник, Назгул, – ответил Гэндальф. – Он вполне мог забрать тебя с собой в Черный Замок...

– Так уж прямо за мной он и прилетал, – оробел Пиппин. – Он ведь не мог знать, что я смотрел в...

– Конечно, не мог, – подтвердил Гэндальф. – От Барад-дура до Орфанка двести лиг птичьего полета, если не больше. Даже Назгулу на это потребовалось бы по крайней мере несколько часов. Но в последние дни, выслав за Рохан орочий отряд, Саруман вполне мог парочку разиков заглянуть в Шар – поглядеть, как идут дела, и Враг, наверное, прочитал в его мыслях больше, чем того хотелось бы Саруману. Посланник летел посмотреть, чем занимается Саруман. Это не значит, что за тобой уже не прилетят, – прилетят, не сомневайся, причем очень скоро. Саруман окажется в капкане. Пленника он предъявить не может, Камня у него больше нет, – стало быть, он отрезан от мира, а главное – вызовы Саурана останутся без ответа... Саурон, естественно, решит, что мятежный вассал не выдает пленника, дерзит и нарочно не смотрит в Камень. А оправдываться перед Назгулом – дело пустое. Что с того, что крепость в руинах? Хозяин-то жив, невредим и по-прежнему сидит у себя в Орфанке! Желает того Саруман или нет, в глазах Саурана он бунтовщик и послушник... И все же он отверг нашу помощь, а ведь мог в один миг избавиться от всех неприятностей. Как-то он будет выкручиваться? Думаю, однако, что, покуда он остается в Орфанке, его не взять даже Девятерым. Должно быть, он надеется выстоять. Он мог бы даже захватить Назгула в плен или хотя бы убить крылатую тварь, которая его носит... Следите тогда получше за своими лошадьми, Рохирримы! Но чем обернется все это для нас, я не ведаю. Не исключено, что гнев смешает планы Врага или заставит его повременить с их осуществлением. Саурон может узнать от Сарумана, что я побывал в крепости и стоял на ступенях Орфанка, а за мой плащ цеплялись небезынтересные ему хоббиты... Может, ему станет известно и то, что в мире объявился живой наследник Элэндила, что он тоже навестил Исенгард и стоял рядом со мной... Если Червеуста не ввели в заблуждение роханские доспехи, он вспомнит Арагорна, вспомнит и титул, на который тот предъявляет права... Этого я боюсь больше всего. Вот мы и бежим с тобой от опасности, – правда, навстречу другой опасности, еще более грозной! Каждый шаг Скадуфакса приближает тебя к Стране Тьмы, Перегрин Тукк!

Пиппин не ответил – только плотнее запахнул плащ, словно его пробрал внезапный озноб. Вокруг от края до края тянулись бесконечные серые степи.

– Видишь? – показал Гэндальф. – Мы приближаемся к обжитым долинам Западного Фолда. Скадуфакс вернулся на дорогу и скачет теперь прямо на восток. Вон то темное пятно вдали – вход в Западную Лощину. Свернув туда, мы с тобой могли бы навестить Агларонд – Блистающие Пещеры. Но меня о Пещерах расспрашивать бесполезно. Спроси у Гимли, когда тебе вновь доведется его встретить, но учти – ответ будет длиннее, чем тебе хотелось бы, а это, боюсь, для тебя в новинку! Но самих Пещер тебе еще долго не увидеть – у нашего с тобой путешествия цель другая. Скоро мы их минуем.

– Я думал, мы едем в Хельмскую Теснину! – удивился Пиппин. – Куда же ты меня везешь?

– В Минас Тирит! Мы должны успеть туда, пока крепость не захлестнули волны сражений!

– Ого! А далеко это?

– О да, – ответил Гэндальф. – Десятки лиг. В три раза дальше, чем до Палат короля Теодена, а до них посланцу Мордора даже по прямой верст сто пятьдесят лету. Скадуфаксу же придется преодолеть и того больше. Кто доберется первым? Мы будем скакать до самого рассвета, а потом еще несколько часов. К полудню даже Скадуфаксу понадобится передышка. Мы остановимся в каком-нибудь горном ущелье – впрочем, надеюсь, нам удастся добраться до самого Эдораса. Поспи немного, коли получится! Если тебе повезет, завтра ты увидишь блеск первых солнечных лучей на золотой кровле Дома Эорла. А еще через два дня нас покроет фиолетовая тень Миндоллуина и мы встретим утро у белых стен башни Дэнетора. Скачи, Скадуфакс! Лети, мой верный товарищ, спеши, как еще никогда не спешил! По этим лугам ты бродил еще жеребенком, тебе знаком здесь каждый камень. Вперед! На тебя – вся наша надежда!

Скадуфакс тряхнул головой, громко заржал, словно в ответ трубе, зовущей к бою, и помчался вперед – да так, что из-под копыт у него полетели искры и сама тьма ночная расступилась перед ним. Пиппин уже наполовину провалился в сон, когда странное чувство овладело им: ему показалось, будто конь неподвижен, как каменное изваяние, а мир в шуме и реве урагана проносится мимо них.

Часть четвертая⁴⁰⁶

Глава первая Укрощение Смеагола

– Похоже, тупик, хозяин, – сказал Сэм Гэмги.

Он стоял безнадежно сторбившись и широко открытыми глазами смотрел в темноту.

Шел третий вечер со дня их бегства – если только они не сбились со счета, без конца карабкаясь по скалам и пробираясь среди каменных нагромождений нагорья Эмин Муйл. Подчас они утыкались в стену и вынуждены были возвращаться по собственным следам, а порой обнаруживали, что, сделав круг, вышли туда, где были несколько часов назад. И все же Сэм и Фродо неуклонно продвигались на восток, держась как можно ближе к внешнему краю этой странной, причудливой мешанины исковерканных скал и камней. Горы, хмурой неприступной стеной тянувшиеся над равниной, повсюду отвесно обрывались вниз. У подножия, за нагромождениями валунов и щебня, застыли лилово-зеленые тусклые болота, мертвые и недвижные. Здесь не было даже птиц.

Хоббиты стояли на краю высокого утеса, голого и унылого. Подножие терялось в тумане, а за спинами путников громоздился хаос выветренных скал, унизанных тучами. С востока дул холодный ветер. Над расплывшейся равниной собиралась ночь, тусклая зелень побурела. Далеко справа залегла непроглядная тень – днем, когда случалось показаться солнышку, там поблескивала лента Андуина.

Но хоббиты смотрели не за Реку и не в сторону Гондора, где остались друзья, где жили люди. Взгляд Сэма и Фродо был обращен совсем в другую сторону – туда, где на рубеже наступающей ночи тянулась темная полоса дальних гор, застывших недвижными сгустками дыма. Время от времени там, на границе земли и неба, вспыхивал, озаряя тучи, багровый сполох.

– Тупик, – вздохнул Сэм. – Эта страна там, впереди, – единственная, куда меня ну совершенно не тянет. А нам, как назло,

именно туда и надо! И при этом туда еще и не попасть никак! По-моему, мы пошли совершенно не той дорогой. Здесь нам не сойти, а если и сойдем – готов биться об заклад, что под этой зеленой полянкой притаилось поганое болотище. Ух! Чуете, какой запах? – И он потянул носом воздух.

– Пожалуй, – ответил Фродо, но не пошевелился. Взгляд его был прикован к темной зубчатой полосе на горизонте и дальнему огню, то исчезающему, то вновь загоравшемуся.

– Мордор! – пробормотал он вполголоса. – Если уж я непременно должен туда идти, зачем оттягивать? Лучше кончить поскорее!

Он содрогнулся. Ветер пронизывал до костей, но свежести в нем не было – только тяжелый запах холодной гнили.

– Ну что ж, – сказал Фродо, отводя наконец глаза. – Даже если мы в тупике, оставаться здесь на ночь нельзя. Давай найдем удобное местечко, где не так ветрено, и заночуем. Может, завтрашний день укажет нам дорогу.

– Завтрашний, послезавтрашний, а то еще и послепослезавтрашний, – пробурчал Сэм. – Может, и вовсе никакой. Не той дорогой мы пошли, вот что.

– Может, ты и прав, – отозвался Фродо. – Но я думаю, что мне все равно суждено попасть во владения Тени, как бы дело ни обернулось, так что и дорога найдется. А какой случай укажет мне дорогу – злой или добрый, – я не знаю. Вся надежда – в скорости. Задержки играют на руку Врагу. И вот пожалуйста – опять мы мешкаем! Может быть, нам противодействует воля Черной Крепости? Да и сам я хорош – что ни сделаю, все насмарку. Отряд надо было бросить давным-давно. Мы оставили бы Реку и Эмин Муйл по правую руку – и напрямик по твердой равнине, через Поле Битвы⁴⁰⁷, а там и Мордор недалеко... Но сейчас дороги назад нам уже не найти, и к тому же вдоль Реки рыщут орки. Каждый день на счету, а мы тут крутимся... Знаешь, Сэм, я устал. Устал и не знаю, как быть дальше. Скажи, сколько у нас еды?

– Только эти, как их там, *лембасы*, господин Фродо. Запасец, правда, добрый. Все лучше, чем впроголодь! Когда я в первый раз их попробовал, не думал, что после них захочу чего-нибудь другого. А теперь хочу. Мне бы, на худой конец, кусок обыкновенного хлеба и кружечку, ну, полкружечки пива, – вот это было бы самое то. Я

захватил свои котелки, да что пользы? Тут костра не разжечь, да и стряпать не из чего. Травы и той общешься!

Они отошли от обрыва и спустились в каменную лощинку. Заходящее солнце исчезло в тучах, и ночь настала быстро. Хоббиты скоротали ее как могли. Холод не давал уснуть, и они беспрестанно ворочались с боку на бок в маленьком углублении между огромных камней, иссеченных непогодой и изъеденных временем. Но от восточного ветра камни защищали хорошо.

– Вы их больше не видели, господин Фродо? – осведомился Сэм, когда, продрогшие донельзя, они жевали в холодной полутьме раннего утра эльфийские хлебцы.

– Нет, – отозвался Фродо. – Я уже две ночи ничего не видел и не слышал.

– И я тоже, – сказал Сэм. – Брр! Ну и напугали меня тогда эти глаза! Может, мерзкий прилипала от нас наконец отстал? «Голлм-голлм...» Добраться бы только до его горла, уж я бы ему показал «голлм»!

– Надеюсь, до этого дело не дойдет, – сказал Фродо. – Не знаю, как он нас выследил, но теперь мы, похоже, от него оторвались. На сухих камнях следов не остается, а по запаху нас найти мудрено. Нюх у него, правда, собачий...

– Здорово было бы, если он нас потерял, – вздохнул Сэм. – Но лучше всего от него совсем избавиться!

– Конечно, – сказал Фродо. – Но меня сейчас беспокоит другое. Поскорей бы выбраться из этих гор, вот что! Ненавижу их! Мне кажется, что я стою на этом обрыве голый, а между мной и Тенью, которая залегла там, на востоке, – ничего, никакой преграды. Только мертвые равнины, а за ними – Глаз... Идем скорее! Сегодня мы обязательно должны спуститься!

Но день прошел, настали ранние сумерки, а хоббиты по-прежнему карабкались вдоль гребня, не видя никакого выхода. Иногда в тиши каменной пустыни им мерещилось, что за спиной все-таки нет-нет да послышится легкий шелест – не то камень ползет по осыпи, не то шлепают по камням босые ноги... Путники останавливались и напрягали слух, но все было тихо – разве что ветер свистел над

скалами. Но и свист ветра они готовы были принять за сиплое дыхание, вырывающееся сквозь крепко сжатые зубы...

Внешний гребень, по которому они шли весь день, постепенно заворачивал на север. Вдоль края тянулась исцербленная, выветренная, но недостаточно широкая площадка, прорезанная неглубокими трещинами, переходящими в отвесные расселины. Чтобы обойти эти трещины, попадавшие все чаще и становившиеся все глубже, Фродо и Сэм вынуждены были забирать влево, то есть в глубь нагорья, и не сразу заметили, что гребень медленно, но неуклонно понижается.

Наконец пришлось остановиться. Хребет резко уходил назад, к Реке, а впереди зияла новая расселина, глубже всех предыдущих. По ту сторону расселины скалы крутым уступом возносились на прежнюю высоту, сразу на много саженей: серая неприступная стена впереди была совершенно отвесной, словно ее обрубили одним ударом гигантского тесака. Вперед пути не было. Оставалось выбирать – налево пойти или направо. Путь налево обещал изнурительный подъем и, главное, задержку – он вел назад, в сердце нагорья. Путь направо выводил прямиком к обрыву.

– Делать нечего, Сэм. Придется спускаться вниз и сворачивать вправо, – сказал Фродо. – Посмотрим, куда выведет нас это ущелье!

– Спорим, что к пропасти, – отозвался Сэм.

Расселина оказалась длиннее и глубже, чем выглядела поначалу. Вскоре – впервые за несколько дней – хоббиты наткнулись на кучку худосочных, кривых деревьев; в основном это были карликовые березы и елки – по большей части сухие, мертвые, изглоданные восточными ветрами. Видно, в былые дни, когда климат был помягче, тут шумела целая роща – разохшиеся пни торчали до самого обрыва. Дно ущелья, тянувшееся вдоль разлома и усыпанное битыми камнями, круто шло вниз. Когда наконец Сэм и Фродо добрались до обрыва, Фродо лег грудью на край и выглянул.

– Посмотри-ка! – обернулся он к Сэму, вставая. – Мы с тобой, кажется, порядочно спустились! А может, скалы стали ниже? Помоему, тут запросто можно слезть!

Сэм встал рядом с Фродо на четвереньки и неохотно глянул вниз. Потом он поднял глаза на утес, высившийся по левую руку.

– Ничего себе проще! – проворчал он. – Вестимо, вниз проще, чем вверх! Не умеешь летать – прыгай!

– Прыгать высокогато. – Фродо измерил взглядом расстояние. – Саженой шестнадцать тут будет. Не больше, правда.

– Нам хватит, – заверил Сэм. – Ух! Терпеть не могу смотреть вниз с такой вышотищи! Но смотреть все-таки лучше, чем лезть.

– И все же, – решил Фродо, – я думаю, тут спуститься можно. Во всяком случае, попробовать стоит. Смотри! Скалы тут совсем другие. Расползлись, как тесто, и растрескались.

Действительно, стена была уже не такой отвесной. Теперь она больше всего напоминала гигантский вал или волнорез с осевшим фундаментом. Во все стороны по ней тянулись трещины и складки, широкие, как ступени.

– Если мы хотим спуститься, мешкать нельзя, – продолжал Фродо. – Смеркается рано. И кажется, скоро будет гроза.

Смутная дымка, закрывшая дальние горы, сгустилась в плотную тьму и протянула к западу длинные руки. С усилившимся ветром долетело ворчание грома. Понюхав воздух и в нерешительности посмотрев на небо, Фродо застегнул пояс поверх плаща, покрепче приторочил легкий мешок и шагнул к краю обрыва.

– Попробую, пожалуй.

– Ладно уж, – мрачно отозвался Сэм. – Только первый полезу я.

– Ты? – поразился Фродо. – Какая муха тебя укусила? Тебя же минуту назад не уговорить было! Быстро ты меняешь свои взгляды!

– Ничего я не меняю, – возразил Сэм. – Но не кажется ли вам, хозяин, что первым должен спускаться тот, кто скорее полетит вверх тормашками? Я вовсе не хочу сверзиться вам на голову. Сам убьюсь, да еще и вас за компанию уколошу.

И прежде чем Фродо успел остановить его, Сэм сел, свесил ноги, перевернулся на живот – и поехал вниз, пытаясь нащупать какую-нибудь опору. На трезвую голову он, наверное, в жизни еще не совершал такого бесшабашно смелого поступка – а главное, такого дурацкого.

– Стой! Стой, ослиное ты ухо! Сэм! Убьешься! – закричал Фродо. – Надо же посмотреть сперва!

Он обхватил Сэма под мышки и вытянул вверх.

– Подожди чуток и не пори горячку! – велел он, свесил голову с обрыва и посмотрел вниз, но мало что разглядел: свет быстро шел на убыль, хотя солнце еще не село.

– Кажется, справимся, – решил он. – По крайней мере, я берусь. А ты ничего не бойся и полезай следом, только не валяй больше дурака и спускайся прямо за мной.

– Что-то больно смело, – не сдавался Сэм. – Внизу уже и сейчас ничего не видать. А если там будет не за что зацепиться?

– Тогда я, наверное, вернусь, – предположил Фродо.

– Легко сказать! – возразил Сэм. – По-моему, лучше до утра обождать. Все светлее будет.

– Ни в коем случае! – неожиданно взорвался Фродо. – Мне дорог каждый час, каждая минута! Я решил – и попробую. А ты сиди тут, пока я не вернусь или не позову!

Вцепившись пальцами в каменный карниз, он начал осторожно сползать по стене и наконец повис на руках; только тогда ему удалось нащупать выступ.

– Первый шаг сделан, – сообщил он. – Тут полочка. Она идет вправо и расширяется. Я могу стоять, не держась руками. Сейчас... – Но тут его голос оборвался.

С востока, в одно мгновение охватив все небо, налетела тьма. Прямо над головой послышался сухой, трескучий раскат грома; в скалы вонзилась ослепительная молния. Одновременно порыв разъяренного ветра донес до ушей высокий, пронзительный крик. Точно такой же крик когда-то давным-давно слышали хоббиты в Плавнях, пробираясь из Хоббитона к паромной пристани. Даже там, в лесах Заселья, кровь застыла тогда у них в жилах; а здесь, вдали от дома, в пустынных горах, крик этот показался куда страшнее и насквозь пронзил душу холодным клинком ужаса и отчаяния. Дыхание у обоих хоббитов захлебнулось, перестало биться сердце. Сэм упал ничком, Фродо невольно разжал пальцы и, обхватив голову руками, заткнул уши – но от резкого движения покачнулся, поскользнулся и с жалобным стоном поехал вниз.

Сэм, услышав стон Фродо, пересилил себя и пополз к обрыву.

– Хозяин! Хозяин! – закричал он. – Хозяин!

Ответом было молчание. Сэм заметил, что дрожит всем телом. Справившись с дрожью, он набрал в легкие воздух и снова крикнул.

Налетевший порыв ветра швырнул крик обратно в лицо, пронесся дальше по ущелью и с ревом разбился об утесы. Но тут до ушей Сэма донесся наконец слабый ответный возглас:

– Все хорошо! Я здесь! Но я ничего не вижу!

Сэм еле смог расслышать слова, но Фродо, как вскоре выяснилось, съехал не слишком далеко. Он не сорвался, только слегка сполз и, отделавшись легкой встряской, исхитрился встать на более широкий выступ несколькими локтями ниже. К счастью, стена оказалась довольно пологой, и хоббит, прижатый к ней ветром, удержался. Сердце у него бешено колотилось; он встал поустойчивее и прижался лицом к холодному камню. Но тьма ли стала совсем непроницаемой, глаза ли перестали видеть – вокруг было черным-черно. «Уж не ослеп ли я?» – испугался Фродо и вздохнул поглубже.

– Возвращайтесь! Возвращайтесь! – донесся до него из темноты возбужденный вопль Сэма.

– Не могу! – отозвался Фродо. – Я ничего не вижу! Тут совсем не за что ухватиться. Мне и пошевелиться-то не вмоготу!

– Как же быть, господин Фродо? Как быть? – заорал Сэм, перегибаясь через край с риском покатиться вниз.

Что с хозяином? Почему он ничего не видит? Стемнело, конечно, изрядно, но ведь не настолько же! Сам он вполне сносно различал внизу фигурку Фродо – серую, одинокую, распластанную на скале. Но добраться до него было невозможно.

Над головой снова прогремело; хлынул дождь. По утесу, слепя хоббитам глаза, ударили ледяные струи, смешанные с градом.

– Сейчас я спущусь к вам! – крикнул Сэм, хотя понятия не имел, чем он поможет хозяину, если спустится.

– Нет, нет! Обожди! – откликнулся Фродо уже громче. – Я скоро приду в себя. Мне уже немного лучше. Не спеши! Все равно без веревки ничего не выйдет.

– Веревка! – ахнул Сэм и вне себя от радости и возбуждения завопил: – Ах я балда! Да меня повесить надо на этой веревке, чтоб другим неповадно было! Голова ты садовая, Сэм Гэмги, как говорил мой Старикан, и это подлинные его слова! Веревка!..

– Перестань болтать чепуху, – крикнул Фродо, не зная, смеяться или сердиться. – При чем тут твой Старикан? Или ты хочешь сказать, что у тебя в кармане завалялся кусок веревки? Так давай тогда его мне!

– Точно, господин Фродо! В мешке она у меня. Сотни верст волоку на горбу, а тут забыл начисто!

– Ну так кончай болтать и кидай сюда конец!

Сэм в один миг развязал мешок и учинил там обыск. На дне и впрямь отыскался моток шелковистой серой веревки, сплетенной лориэнскими эльфами. Сэм бросил один конец хозяину. Завеса тьмы немного поднялась. А может, зрение начало возвращаться? Он ясно увидел конец веревки, брошенный ему Сэмом; веревка покачивалась на ветру, и Фродо почудилось, что от нее исходит слабое серебристое сияние. Взгляд нашел наконец опору, и головокружение прекратилось. Поймав конец, хоббит обвязал себя веревкой и обеими руками крепко ухватился за нее.

Сэм отступил и уперся ногами в пенёк, торчавший локтях в двух от обрыва. То подтягиваясь, то переступая ногами по склону, Фродо выбрался наверх и без сил рухнул на камни.

Вдали по-прежнему ворчало и гроыхало. Ливень и не думал кончаться. Хоббиты отползли в глубь ущелья, но это не помогло. По дну уже бежали тоненькие струйки; вскоре они собрались в бурный поток, плескавший и пенившийся на камнях. С обрыва хлестало, как из водосточной трубы на великаньем доме.

– Меня бы там затопило или, чего доброго, смыло вниз, – поежился Фродо. – Счастье, что нашлась веревка!

– Счастье было бы,образи я чуть раньше, – раскаивался Сэм. – Помните, хозяин, как мы уходили из эльфийской страны? Они в каждую лодку положили по мотку. Мне эта веревка сразу приглянулась. Так что я взял один моток и упаковал к себе. Теперь кажется, что это много лет назад было! «Пригодится не раз» – так сказал мне об этой веревке Халдир. А может, кто другой, не помню. И он был прав.

– Жаль, что я сам об этом не подумал, – посетовал Фродо. – Слишком я спешил, когда уходил от наших. Все летело кувырком. Эх, будь у нас побольше веревки, мы запросто могли бы спуститься! Посмотри, Сэм, сколько в твоём мотке локтей?

Сэм принялся медленно наматывать веревку себе на локоть.

– Пять, десять, сорок... Не меньше восьмидесяти, господин Фродо!

– Кто бы мог подумать?! – обрадовался Фродо.

– Вот то-то же! – подхватил Сэм. – Удивительный народ эльфы! С виду веревочка вроде тонкая, а на самом деле поди разорви! Зато мягкая как пух и места почти не занимает. А уж легкая!.. Удивительный народ, право слово!

– Восемьдесят локтей... – прикинул Фродо. – Должно хватить! Если до ночи гроза кончится, попробую спуститься!

– Дождь уже на убыль идет, – заметил Сэм. – Но все-таки стоит ли рисковать в такую темень, господин Фродо? Вы, может, уже забыли тот крик из тучи, а у меня он до сих пор в ушах стоит. Ну чисто Черный Всадник! Только в небе... Видно, они и летать мастаки! Давайте-ка заляжем в этой расселине да и переждем до утра – вот что я подумал!

– А я думаю, мне здесь и минуты лишней нельзя оставаться! Из-за болот смотрит Черная Страна, а я тут, на самом виду!

С этими словами Фродо вскочил и решительно направился к выходу из ущелья. На востоке небо постепенно расчищалось. Лохматые, набухшие влагой тучи поднялись выше. Буря простерла крыла над Эмин Муйлом. Там темная мысль Саурона задержалась чуть дольше, а потом, повернув на запад, градом и молниями обрушилась на долину Андуина, заволакивая Минас Тирит мраком и грозя войной. Затем, снизившись над горной цепью и склубившись одной огромной тучей, гроза медленно двинулась за Гондор, к границам Рохана, и роханские всадники, скакавшие в этот час на юг, увидели на горизонте ее черные бастиины, ползущие вслед заходящему солнцу. Но здесь, над зловонными болотами и каменной пустыней, снова открылось темно-синее небо, и вскоре в нем замерцало несколько бледных звездочек – словно крохотные белые дырочки в наброшенном на половинку луны покрывале.

– Как хорошо снова быть зрячим! – воскликнул Фродо, дыша полной грудью. – Поверишь ли, мне на минуту показалось, что я ослеп. От молнии, наверное, или от чего-нибудь похуже. Я ничего не видел, ну вот ни на столечко, пока у меня перед глазами не закачалась эта серая веревка. Мне даже померещилось, что она светится.

– В темноте она словно из серебра, – подтвердил Сэм. – В первый раз я даже и не заметил. Правда, не помню, чтобы я ее хоть раз доставал из мешка, – как положил, так она и лежала. Если уж вы так настаиваете, чтоб мы сегодня слезли, то скажите мне, что вы будете

делать с веревкой. Восемьдесят локтей... Вроде должно хватить, если вы правильно прикинули.

Фродо задумался.

– Обвяжи ее вокруг этого пня, да покрепче, – велел он. – На этот раз я, наверное, дам тебе волю – лезь первым. Я буду тебя спускать, а ты знай отталкивайся от скалы. Если ты разок-другой позволишь мне отдохнуть и удержишься на каком-нибудь выступе, это делу только поможет. А когда окажешься внизу, я спущусь следом. По-моему, я уже в полном порядке.

– Хорошо, – ответил Сэм без особой радости. – Раз надо, значит, полезу.

Он обвязал веревку вокруг пенька, закрепил другой конец у пояса и неохотно повернулся к обрыву, готовясь ко второй попытке.

Спускаться оказалось далеко не так страшно, как он ожидал. Вережка внушала какое-то особенное доверие, – правда, Сэм все равно предпочитал зажмуриваться, если его взгляд нечаянно падал вниз. Один раз стена сделалась совсем гладкой и куда-то ушла; Сэм потерял опору и всей тяжестью повис на серебряном шнуре. Но Фродо опускал его медленно и равномерно, так что все обошлось. Больше всего Сэм боялся, что веревка кончится, а прыгать будет еще высоко. Но когда он встал на ноги и крикнул «Готово!», у Фродо в руках оставался еще изрядный кусок веревки. Голос своего спутника Фродо слышал отлично, но самого Сэма разглядеть не мог – серый эльфийский плащ растворился в сумерках.

Фродо потратил на спуск гораздо больше времени. Он обвязал веревку вокруг пояса, укоротив ее так, чтобы она не дала ему расшибиться об землю, и начал спускаться. Рисковать он не хотел и старался использовать каждый выступ – в отличие от Сэма, Фродо не очень-то доверял этой тонкой серой веревочке. Правда, раза два ему все же пришлось ей довериться – подчас на гладкой стене даже его ловким хоббитским пальцам не находилось за что зацепиться. Но все прошло благополучно, и вскоре Фродо уже стоял рядом с Сэмом.

– Ура! – воскликнул он с облегчением. – Победа! Мы одолели Эмин Муйл! Что же теперь? Ох, помянем мы еще добрым словом эти камни, когда под ногами захлюпает!

Сэм не отвечал; он смотрел на обрыв, откуда они спустились.

– Ах я, обалдуй! Ах, растяпа! Моя веревочка! – внезапно запричитал он. – Она же там привязана к пеньку, а мы стоим тут, внизу! Славную мы припасли лестницу для Голлума, слизняка поганого! Не хватает только указателя: «Хоббиты пошли вон туда». Так я и знал – что-нибудь выйдет боком! Уж больно мы легко выкрутились!

– Ну, если ты знаешь, как спуститься по веревке с горы, а потом унести ее с собой, то я забираю себе и «голову садовую», и все остальные прозвища, – как там тебя еще честил твой Старикан? Лезь наверх, отвязывай и спускайся. Я мешать не буду.

Сэм поскреб в затылке.

– Нет, не знаю я, как это обстригать, уж вы меня простите, – признался он. – Жалко мне веревку, и все тут. – Он слегка подергал ее. – Нелегко расставаться с вещью, когда она из эльфийской страны! А вдруг ее сама Галадриэль плела? Эх! Галадриэль!..

Сэм удрученно покачал головой, замолк и, бросив взгляд наверх, на прощание в последний раз хорошенько дернул за конец веревки.

К несказанному удивлению обоих хоббитов, та послушалась. От неожиданности Сэм плюхнулся на спину, и веревка петля за петлей бесшумно свернулась у него на животе. Фродо не мог сдержать смеха.

– А ну-ка, покажите мне мастера, который прилаживал эту веревку! Хорошо еще, что она раньше не отвязалась! Подумать только! А я-то ей доверился...

Сэм не был расположен к шуткам.

– Я, конечно, лазать не мастер, – обиженно заявил он, – но в веревках и узлах кое-что смыслю. Это у нас, так сказать, в роду. Взять моего прадеда: он, а потом еще дядюшка Энди, ну, Старикана моего старший брат, много лет держали канатную мастерскую в Лычагах. И ни в Заселье, и нигде на свете не найдете вы хоббита, который бы лучше меня вязал узлы!

– Тогда она, наверное, оборвалась? Перетерлась о край скалы, должно быть?..

– Поспорим, что ничего подобного! – совсем разобиделся Сэм. Наклонившись, он обследовал концы веревки. – Не оборвалась она! Гляньте – ни одно волоконец не разлохмачено!

– Тогда, боюсь, дело все-таки в узле!..

Сэм помотал головой, задумчиво пропуская веревку сквозь пальцы, и ничего не ответил.

– Думайте что хотите, господин Фродо, – вымолвил он наконец, – но она сама вернулась. Услышала имя Галадриэли и вернулась.

С этими словами Сэм смотал веревку и заботливо уложил в мешок.

– Пусть будет так, – миролюбиво отозвался Фродо. – Самое главное – мы снова при веревке! Давай теперь решим, как быть дальше. Скоро ночь. Звезды какие! А про луну и не говорю!

– С ними веселее, – согласился Сэм, глянув на небо. – Совершенно эльфийские! Звезды то есть. А луна порядком выросла за те два дня, что мы ее не видели за облаками. Эх, блеску сколько!

– Да, но до полнолуния еще несколько дней. Думаю, не стоит соваться в трясину, пока луна не даст полного света...

Так, под покровом ранней ночи, начали хоббиты новый этап своего путешествия. Пройдя немного, Сэм оглянулся. На тусклом краю обрыва чернело устье расселины, откуда они спустились.

– Хорошо, что веревка с нами, – еще раз порадовался Сэм. – Задали мы этому прилипале задачку!.. Посмотрел бы я, как он поползет вниз на своих мерзких лягушечьих лапах!

Они шли прочь от скал по дикой пустоши, обходя валуны и обломки камней, пробираясь по скользким после проливного дождя камням, все вниз и вниз. Не успели они, однако, как следует отойти от горы, как путь пересекла зияющая черная трещина – неширокая, но и не узкая: в потемках не перепрыгнешь. В глубине журчала вода. Слева щель поворачивала назад, к скалам, так что путь был отрезан. До утра нечего было и пытаться идти дальше.

– Пойти, что ли, вдоль скал, направо, – предложил Сэм. – Может, найдем какую-нибудь норку, пещерку или я уж не знаю что...

– Давай, – согласился Фродо. – Я устал. Сил больше нет брести по этим камням, хотя я совсем не хочу задерживаться. Хорошо бы набрести на тропку! Тогда бы я шел не останавливаясь, пока ноги не откажут...

Пробираться вдоль заваленного камнями подножия Эмин Муйла оказалось ничуть не проще, чем поверху. Сэм так и не встретил ни

норки, ни пещерки, где можно было бы спрятаться, – только голые каменные стены, увенчанные мрачными утесами один другого выше и отвеснее. Наконец, совсем обессилев, хоббиты опустились на землю у большого обломка скалы неподалеку от подножия и привалились к нему спинами. Так сидели они, прижавшись поплотнее друг к другу, одни в холодной каменной ночи, и сон потихоньку одолевал их, как они с ним ни боролись. Высоко над головой плыла ясная луна; ее прозрачный белый свет падал на обращенные к ней грани скал и затоплял холодные, суровые утесы ровным сиянием, творя из расплывшейся мглы бледный, стылый хаос серых скал, прочерченных черными тенями.

Фродо встряхнулся.

– Вот что, – сказал он, вставая и запахивая плащ поплотнее. – Ты берешь мое одеяло и ложишься спать, а я останусь на страже. Поброжу туда-сюда...

Вдруг он замер и, быстро пригнувшись, схватил Сэма за руку.

– Это еще что такое? – он перешел на шепот. – Смотри! Вон там, на обрыве!

Сэм посмотрел и тихо свистнул сквозь зубы:

– Псст! Вот так так! Это же Голлум! Закусай его гадюка! А я-то, дурак, радовался – не спустишься, дескать! Ему, негодяю, хоть бы хны. Вы только гляньте. Что твой паук на стенке!

По отвесной и, как мерещилось в бледном свете луны, почти гладкой стене ползла, распластав по скале тонкие конечности, какая-то маленькая черная тень. Видимо, гибкие, цепкие пальцы этой твари отыскивали в стене какие-то выступы и щербинки, которых хоббит не смог бы и приметить, не то что уцепиться за них, – но издали казалось, что тварь ползет по стене на присосках, словно гигантское насекомое, вышедшее на охоту. Двигалось оно головой вниз, словно обнюхивая перед собой дорогу. Время от времени голова его медленно приподнималась, поворачивалась на длинной, жилистой шее и во тьме двумя бледными огоньками вспыхивали глаза. Тварь подслеповато пялилась на луну и тотчас снова торопливо жмурилась.

– Как по-вашему, он нас видит? – шепнул Сэм.

– Не знаю, – тихо отозвался Фродо. – Но думаю, вряд ли. Когда темно, даже друг может тебя не заметить, если ты в эльфийском

плаще. Я тебя, например, в тени и с двух шагов не вижу. К тому же он, я слышал, не любит света – ни солнечного, ни лунного⁴⁰⁸.

– Так что же за нелегкая его сюда несет?

– Тише, – предостерег Фродо. – А вдруг он нас чует? Да и слух у него, по-моему, хороший, прямо как у эльфов. Может, он что-то слышал? Например, наши голоса. Мы ведь всю орали, когда спускались. Да и минуту назад тоже не шепотом переговаривались.

– Осточертел он мне, вот что, – заявил Сэм. – Это уже через край! Ох, не миновать ему разговора по душам. На этот раз мы его не упустим!

И Сэм, поглубже натянув капюшон, на цыпочках направился к утесу.

– Осторожней! – шепнул Фродо, следуя за ним. – Главное – не спугнуть! Он гораздо опаснее, чем кажется!

Черная фигурка одолела уже больше трех четвертей спуска и находилась всего саженьях в семи от подножия. Затаившись за большим валуном, хоббиты наблюдали за Голлумом. По-видимому, тот встал в тупик, – а может, что-то его встревожило? Хоббиты явственно слышали сопение, то и дело перемежавшееся резким свистящим выдохом, который звучал как ругательство. Голлум снова поднял голову, и Сэму с Фродо показалось, что он плюнул. Затем Голлум пополз дальше. Теперь слышен был и голос, присвистывающий и скрипучий:

– Ах! Ш-ш-ш! Осторожно, С-сокровище мое! Тиш-ше едешь – дальше будешь. Нам нельзя рисковать ш-ш-шеей, нет, мое С-сокровище! *Голлм-голлм!* – Он опять поднял голову, поморгал на месяц и быстро прикрыл глаза: – Ненавидим! Мерзкий, поганый свет! От него мураш-шсы по коже. Ш-ш-ш... Он следит за нами. У нас болят глазки...

Он подползал все ближе, и шипение становилось отчетливей:

– Где оно, где оно, С-сокровище, С-сокровище мое? Это наш-ше Сокровище, наш-ш-ше, мы хотим его назад. Воры, воры, грязные вориш-ш-шсы. Где они? Где наше Сокровище? Чтоб их! Мы их ненавидим!

– Похоже, он не знает, что мы здесь, а? – шепнул Сэм беззвучно. – Но что он называет своим «с-сокровищем»? Наверное...

– Тсс! – таким же шепотом предостерег Фродо. – Он приближается. Лучше пока помолчать!

Голлум и впрямь снова резко остановился. Его большая, на жилистой шее голова склонилась набок, словно он к чему-то прислушивался.

Сэм сдержался, хотя кулаки у него сжимались сами собой; кипя гневом, он с отвращением вглядывался в злосчастную тварь. Голлум тем временем снова пополз, шепча что-то себе под нос и беспрестанно выпуская шипение.

Наконец он оказался примерно в дюжине локтей от подножия, прямо у хоббитов над головами. Скала здесь нависала над землей, и Голлум не смог найти, за что уцепиться. Он попытался извернуться и прыгнуть ногами вниз, но не удержался и с пронзительным визгом опрокинулся на спину, поджав лапы, как паук, когда оборвешь над ним паутинку.

Сэм, выскочив из укрытия, в два прыжка подлетел к Голлуму и, прежде чем тот опомнился, сел на него верхом. Но даже и застигнутый врасплох, Голлум оказался более опасным противником, чем рассчитывал Сэм. Не успел хоббит как следует прижать врага к земле, как тот обхватил его длинными ногами, обвил руками и зажал мертвой хваткой, не давая шевельнуться и постепенно сдавливая объятия, словно веревочные петли. Липкие пальцы нащупали горло. Острые зубы впились в плечо. Сэм смог сделать только одно – изо всех сил боднуть Голлума в лицо своей круглой крепкой головой. Голлум зашипел и плюнул, но лап не разжал.

Несдобровать бы Сэму, будь он один. Но Фродо, выхватив из ножен Жало, бросился на помощь. Левой рукой он поймал Голлума за жидкие волосы и запрокинул ему голову так, что белесые, ненавидящие глаза уставились в небо.

– А ну пусти, Голлум, – приказал Фродо. – Это не что-нибудь, а Жало. Оно тебе знакомо. Давай, давай, иначе испробуешь его на себе! Перережу глотку и не задумаюсь, ясно?

Голлум тут же сдался и обмяк, как мокрая веревка. Сэм, ощупывая плечо, поднялся на ноги. Глаза его горели гневом, но отомстить немедленно просто рука не поднималась – противник валялся на камнях у ног и хныкал самым жалким образом:

– Не делай нам больно! Запрети им делать нам больно, мое С-сокровище! Хоббитсы хорош-шие, добрые, они не сделают нам больно, правда? Мы ничего плохого не замышляли. Хоббит бросился на нас, как кот на бедную мышку. Нам так одиноко, голлм! Если хоббитсы будут добрые, то и мы будем хорош-шие, о да, о да!

– Что с ним делать? – спросил Сэм растерянно. – Мое мнение – связать покрепче, чтобы больше за нами не таскался, и вся недолга!

– Хоббитсы хотят нас-с убить, убить! – взвизгнул Голлум. – Жестокие маленькие хоббитсы! Они хотят нас связать и брос-сить здесь, на холодных, твердых камнях, голлм-голлм!.. – И в горле у него заклокотали рыдания.

– Нет, – сказал Фродо. – Если убивать, то уж сразу. Но сейчас мы просто не можем этого сделать. Несчастный уродец! Он действительно не причинил нам пока никакого зла!

– Как это не причинил? – изумился Сэм, потирая плечо. – Ну, не причинил, так замышлял! И теперь замышляет, помяните мое слово! Его заветнейшая мечта – придушить нас во сне, тепленьких. Точно вам говорю!

– Боюсь, ты прав, – признал Фродо. – Но одно дело – замышлять, другое – исполнить...

Он надолго задумался. Голлум лежал неподвижно. Хныканье стихло. Сэм стоял над поверженным врагом, сверля его сердитым взглядом.

Фродо вдруг почудилось, что в ушах у него звучат слабые, но отчетливые голоса из прошлого:

«Жаль, что Бильбо не убил эту мерзкую тварь. Ведь это было так просто!»

«Жаль, говоришь? Верно! Именно жалость удержала его руку. Жалость и милосердие. У Бильбо не было нужды убивать, и он сжалился».

«А мне не жаль Голлума. Совершенно не жаль. Он заслуживает смерти!»

«Заслуживает смерти? Еще бы! Но смерти заслуживают многие – а живут, несмотря ни на что. Многие, наоборот, заслуживают жизни и умирают. Ты можешь их воскресить? Нет? Тогда не торопись выносить

смертный приговор именем справедливости, когда на самом деле ратуешь только за собственную безопасность. Даже мудрейшие из мудрых не могут всего предусмотреть».

– Быть по сему, – вслух ответил хоббит, опуская меч. – Правда, я еще боюсь. И все же, как видишь, я решил не трогать его. Ибо я повстречался с ним лицом к лицу, и мне стало его жалко.

Сэм удивленно уставился на хозяина, который, казалось, разговаривал с кем-то невидимым. Голлум приподнял голову.

– Да-да, мы так нещ-щ-щас-сны, С-сокровище мое, – заскулил он. – Бедные мы, нещасные! Хоббитсы нас-с-с не убьют, хоббитсы хорошие.

– Не убьют, – сказал Фродо, – но и не отпустят. Ты полон злобы и коварства, Голлум. Тебе придется пойти с нами, а уж мы за тобой присмотрим. Но ты должен будешь помогать нам по мере сил. За добро платят добром!

– С-само с-собой, с-само с-собой! – воскликнул Голлум и сел. – Хоббитсы хорошие! Мы пойдем с ними. Мы отыщем для них в темноте надежные тропки, да. Но куда они торопятся, куда спешат по холодным, твердым камням, хотелось бы нам знать? Оч-чень, оч-чень хотелось бы!

Он поднял взгляд на хоббитов, и в его бледных, подслеповатых глазках мелькнул хитрый, заговорщический огонек.

Сэм нахмурился и скрипнул зубами. Он видел, что хозяин настроен как-то чудно и спорить с ним толку не будет, – и все же ответа, который последовал, Сэм ждал менее всего.

Фродо посмотрел Голлumu прямо в глаза, те забегали и скользнули в сторону.

– Ты и сам знаешь, а не знаешь, так догадываешься, Смеагол, – спокойно и сурово произнес Фродо. – Мы идем в Мордор. Это ясно и так. Полагаю, ты знаешь дорогу?

– А! Ш-ш-ш, – зашипел Голлум, затыкая уши, словно откровенность Фродо сделала ему больно и он не мог слышать слова «Мордор», произнесенного вот так вот, вслух, без обиняков. – Мы догадывались, да. Мы догадывались. Мы не хотим, чтобы хоббитсы туда ходили, так ведь? Нет, С-сокровище мое, только не они, только не

эти добрые, славные хоббитсы! Там пыль и жажда, там копи, рудники и шахты, там орки, тыс-сячи орков. Хоббитсы славные, им туда идти не надо!

– Выходит, ты там был? – резко спросил Фродо. – И как, обратно тянет?

– Да-да... Нет! – спохватился Голлум. – Только один раз, да, один раз мы там были, и то по с-случайности! Правда, С-сокровище мое? По чис-стой с-случайности! Мы туда больше не пойдём! Нет! – Вдруг голос и речь его изменились, и он, давясь рыданиями, забормотал, обращаясь неизвестно к кому: – Оставьте меня, *голлум-голлум!* Больно!.. Ой, мои бедные ручки! *Голлум!* Я, мы, я не хочу обратно! Я не смогу его найти! Я очень устал! Я, мы его не найдем, *голлум-голлум!* Его нигде нет. Они никогда не спят. Гномы, люди, эльфы, страшные зоркие эльфы с горящими глазами, они так далеко видят! Я не смогу найти его. А-а!

Он вскочил и вдруг погрозил кому-то тощим, костлявым кулаком, оборотившись на восток.

– Не пойдём, и все! Не получишь! – крикнул он и вдруг снова обмяк. — *Голлум-голлум!* – захныкал он, уткнувшись лицом в землю. – Не гляди на нас! Уйди! Уходи спать!

– Он не уйдет и не заснет по твоему повелению, Смеагол, – вмешался Фродо. – Но если ты и вправду хочешь от него освободиться, ты должен мне помочь. Боюсь только, для этого придется показать нам дорогу к нему. Впрочем, я не прошу тебя идти до конца. За ворота его страны можешь не делать ни шагу.

Голлум снова уселся и, прищурившись, посмотрел на Фродо.

– Он там, – проскрипел он. – Он всегда там. Орки могут проводить. Орков к востоку от Реки полным-полно. Не проси Смеагола. Бедный, бедный Смеагол! Он давно, давно ушел! У него отобрали С-сокровище, и Смеагол потерялся⁴⁰⁹. Теперь его не найти.

– Может, если ты пойдешь с нами, он и отыщется, – сказал Фродо.

– Нет, нет, никогда! – скорбно отозвался Голлум. – Он потерял свое Сокровище.

– Встань! – велел Фродо.

Голлум встал и прижался спиной к утесу.

– Отвечай! Как тебе легче искать дорогу – днем или ночью? Мы устали, но если ты выберешь ночь, изволь – пойдём хоть сейчас.

– Большой с-с-свет делает больно глазкам, – пожаловался Голлум. – Под Белым Лицом мы не пойдём, нет. Надо ждать. С-скоро оно уйдёт за хребет, да. Отдохните пока немножко, добрые хоббитсы!

– Тогда садись, – приказал Фродо. – И не вздумай шевелиться!

Хоббиты посадили Голлума посередке, прислонились к стене и вытянули ноги. Сэму и Фродо улавливать было незачем: они отлично понимали, что спать ещё не время.

Луна медленно плыла своим путем. От скал в долину протянулись тени, вокруг стало темнее. Звезды над головой высыпали гуще и засияли ярче. Никто не шевелился. Голлум сидел, подтянув колени к подбородку, распластав по земле плоские ступни и ладони; глаза его были закрыты, но в теле чувствовалось напряжение, словно он к чему-то прислушивался – а может, размышлял.

Фродо украдкой глянул на Сэма. Глаза их встретились, они поняли друг друга без слов. Оба одновременно расслабились, запрокинули головы и прикрыли глаза. В тишине слышно было, как ровно они дышат. У Голлума дрогнули руки. Голова его едва заметно повернулась налево, потом направо; сначала приоткрылся один глаз, за ним – другой. Хоббиты не подали и виду, что наблюдают.

Вдруг с поразительной ловкостью и быстротой Голлум взвился с места и прыгнул в темноту, что твой кузнечик или лягушка. Но Фродо и Сэм только этого и ждали. Приземлившись, Голлум и двух шагов не сделал, когда Сэм навалился на него сзади, а Фродо, подоспев, схватил за ногу и повалил.

– Похоже, твоя веревка сослужит нам ещё одну службу, Сэм, – проговорил Фродо сквозь зубы.

Расторопный Сэм добыл из мешка заветный моток.

– Куда же вы, почтенный господин Голлум, намылились, по таким холодным, таким твердым камням? – любопытствовал он, разматывая веревку. – Хотели бы мы знать, да, хотели бы знать! Не приятелей ли своих орков проведать надумал?.. Мерзкий предатель, вот ты кто! Этой бы веревкой не ноги, а шею тебе обвязать, да сдавить покрепче!

Голлум лежал тихо и не пытался вырваться. Сэму он не ответил – только метнул в его сторону ненавидящий взгляд.

– Нужно только, чтобы он не смог больше убежать, и все, – вмешался Фродо. – Он должен идти, поэтому нельзя связывать ему ни ног, ни рук, – кажется, он при ходьбе пользуется руками через каждый шаг. Привяжи один конец ему к щиколотке, а другой держи, да покрепче.

Пока Сэм возился с узлом, Фродо сторожил Голлума. Итог оказался неожиданным: Голлум запищал, тоненько и душераздирающе. Жутко было даже слышать этот писк. Голлум выгибался, пытаясь достать зубами до щиколотки и перегрызть узел, и был не переставая.

В конце концов пришлось поверить, что Голлуму и правда больно, но узел здесь был явно ни при чем. Фродо проверил его и убедился, что петля затянута не так уж и туго. Сэм оказался милосерднее, чем его речи.

– Что с тобой? – спросил Фродо у Голлума. – Ты хотел убежать, и мы тебя связали, но делать тебе больно мы вовсе не собирались.

– Больно, больно! – шипел Голлум. – Оно морозит, оно кусает!⁴¹⁰ Его сплели проклятые эльфы – чтоб их разорвало! Злые, жестокие хоббитсы! Вот почему мы хотели убежать, мое Сокровище, вот почему! Мы догадались, что это жестокие хоббитсы. Они водятся с эльфами, ужасными зоркими эльфами! Развяжите нас! Нам больно!

– Нет, – ответил Фродо. – Веврки мы с тебя не снимем. Разве что... – он на мгновение задумался, – разве что ты дашь такое обещание, чтобы я мог поверить.

– Мы поклянемся, поклянемся, мы будем делать все, что они нам скажут, да! – подхватил Голлум, по-прежнему корчась и хватаясь за лодыжку. – Веврка делает нам больно!

– Поклянeшьcя? – переспросил Фродо.

– Смеагол, да, – сказал вдруг отчетливо Голлум и широко открыл глаза, в которых зажегся странный огонь. – Смеагол поклянется. На Сокровище.

Фродо выпрямился – и Сэма вновь поразили его суровый тон и слова:

– На Сокровище? И у тебя хватает дерзости? Подумай хорошенько!

Воедино сковать их и ввергнуть во тьму...

Неужели ты осмелишься верить ему свою судьбу? Знай, эта клятва свяжет тебя крепко. Но Сокровище коварнее тебя. Оно может исказить твои слова и представить их в ином свете. Берегись!

Голлум съежился, повторяя:

– На Сокровище, на Сокровище!

– В чем же ты поклянешься? – спросил Фродо.

– Что Смеагол будет хорошим, очень хорошим! – решительно заявил Голлум. И вдруг, подползая к Фродо, хрипло зашептал, ластясь к его ногам и дрожа, будто в смертельном страхе от собственных речей. – Смеагол поклянется, что никогда, никогда не предаст Сокровища Ему. Он его не получит. Никогда. Смеагол спасет Сокровище. Но он должен поклясться на Сокровище.

– Нет! На Сокровище ты клясться не будешь, – отрезал Фродо, с жалостью, но сурово глядя вниз, на юлящего перед ним Голлума. – Ты надеешься увидеть *Его* и потрогать, но ты отлично знаешь, что от одного вида Сокровища потеряешь над собой всякую власть. *Им*, а не *на Нем* – если твердо решил клясться! Где *Оно*, ты знаешь. Да, прекрасно знаешь, Смеагол! *Оно* – перед тобой.

На мгновение Сэму померещилось, что хозяин внезапно вырос, а Голлум, наоборот, уменьшился. Там, где только что стоял Фродо, высилась суровая тень – тень могучего властителя, который ослепил бы мир своим сиянием, если бы не окутавшее его серое облако. У ног грозной тени скулила какая-то жалкая собачонка. И вместе с тем в чем-то эти двое были, как ни странно, сродни – и понимали друг друга без слов. Внезапно Голлум вскочил и принялся прыгать около Фродо, то ластясь к его коленям, то пытаясь, как собака, встать передними лапами ему на грудь.

– Прекрати! – велел Фродо. – Клянись!

– Мы клянемся, да, да. Клянусь! – отозвался Голлум. – Я буду теперь служить Хозяину Сокровища. Хозяин хороший. Смеагол тоже хороший, *голлм-голлм!* – И вдруг он снова разрыдался и потянулся к веревке, пытаясь ее перекусить.

– Сними веревку, Сэм, – приказал Фродо.

Сэм нехотя подчинился. Голлум сразу вскинулся и принялся скакать вокруг хоббитов, словно побитая дворняжка, которую хозяин, сменив гнев на милость, потрепал за ухом. С этой минуты в Голлуме наметилась перемена, к которой хоббиты вскоре привыкли. Почти

исчезла всегдашняя шепелявость, прекратился скулеж; Голлум перестал обращаться только к себе и удостоил наконец этой чести и хоббитов. Если те делали к нему шаг или просто неожиданно резко поворачивались, он съеживался и отскакивал; эльфийских плащей старался не касаться, но в общем вел себя дружелюбно. Жалко было смотреть, как он из кожи вон лезет, чтобы услужить и подольститься. Услышав шутку или даже просто ласковое слово, Голлум заливался кудахчущим смехом и выкидывал какое-нибудь коленце, а если Фродо его упрекал, хотя бы и легонько, – немедленно пускался хныкать. Сэм старался говорить с ним поменьше. Новый Голлум, Смеагол, вызывал в нем еще больше подозрений, чем прежний, а нравился он Сэму меньше – если только это было возможно.

– Ну, Голлум, или как там тебя теперь зовут, – подтолкнул он пленника, – пошли! Луна закатилась, ночь скоро минет. Пора идти.

– Да, да, еще бы! – со всей охотой отозвался Голлум. – Через болото только одна дорога. Это я, я ее нашел. Орки по ней не ходят. Орки не знают этой дороги. Орки боятся болот, они обходят их за много верст. Повезло вам, ох повезло, что вы сюда забрели! Большая удача, что встретили Смеагола, да, да! Идите за Смеаголом!

Он отбежал на несколько шагов и вопросительно посмотрел на хоббитов, как пес, который приглашает хозяев на прогулку.

– Подожди! – крикнул Сэм. – Далеко вперед не уходи. Понял? Я буду идти за тобой по пятам, и учти – веревка у меня наготове.

– Не надо, нет! – испугался Голлум. – Смеагол дал клятву!

Была глубокая ночь, когда, при свете пронзительно ясных звезд, они наконец выступили. Сначала Голлум повернул на север и вел их какое-то время тем самым путем, которым они пришли, но вскоре круто взял вправо и, оставив позади отвесные стены Эмин Муйла, каменными осыпями направился вниз, прямо к большим болотам. Три тени быстро и бесшумно растворились в ночи. На всем огромном безлюдном пространстве до самых врат Мордора воцарилось черное безмолвие.

Глава вторая

По болотам⁴¹¹

Голлум шел быстро, вытянув шею и часто опускаясь на все четыре лапы. Сэму и Фродо приходилось спешить изо всех сил, чтобы не отстать. Впрочем, видно было, что Голлум больше не думает о побеге: если хоббиты отставали, он неизменно оборачивался и поджидал их. Наконец компания достигла расщелины, которая уже однажды преградила путь Фродо и Сэму; теперь они, правда, подошли к ней в другом месте, гораздо ближе к болотам.

– Сюда! – позвал Голлум. – Здесь, внизу, дорога – да, да! По ней мы пойдем вон туда, далеко-далеко! – И он показал в сторону болот.

В ноздри, споря со свежим ночным ветерком, ударил болотный смрад, гнилой и тяжелый. Голлум порыскал вдоль края расщелины и наконец позвал хоббитов:

– Сюда! Здесь можно сойти. Смеагол один раз уже шел этой дорогой. Да, да! Я тут ходил, когда прятался от орков.

Он первым сполз вниз, в сумрак. Сэм и Фродо последовали за ним. Спускаться было довольно просто – в этом месте овраг оказался мелким, всего локтей пятнадцать в глубину, а в ширину – не больше дюжины. По дну струилась вода: видимо, овраг был руслом одной из многих малых речек, которые текли с гор, питая зловонные болота и топи. Голлум, повернув направо, побрел прямо по каменистому дну ручейка, с явным удовольствием шлепая ногами по воде. Он тихонько хихикал и даже один раз проквакал что-то вроде песенки:

*Земля тверда,
Как глыба льда.
Увы! Увы! Увы!
Гол костяной оскал
У скал —
Ни мяса, ни травы!
Зато вода
Мокра всегда.
Ура! Ура! Ура!*

Вот кабы да...

– Вот кабы да... О чем это мы? А? – спросил он, искоса взглянув на хоббитов. – Сейчас ответим. Он отгадал, да, отгадал! Много лет назад. Бэггинс, он отгадал!

Глаза Голлума сверкнули в темноте, и это не утаилось от Сэма. Надо сказать, в восторг от увиденного Сэм не пришел. Отнюдь.

А Голлум продолжал:

*Не дышит воздухом она,
Как могила холодна,
Дом ее водой залит,
Вся в броне – а не звенит!
Разинет рот – и ни гу-гу!
Ко дну идет – на берегу.
Остров для нее – «гора».
Лужа для нее – «дыра».
Речка – «струйка ветерка».
А сама – стройна, гибка!
Вот кабы да – ее сюда!
Красотка, право, хоть куда,
И было б вовсе не во вред
Ее откусать на обед!
Не угадали, простаки,
Кого?..
Да рыбку из реки!*

Песенка Голлума только настойчивее напомнила Сэму о том, что стало беспокоить его сразу, как только он понял намерение хозяина взять Голлума в проводники: чем, спрашивается, того кормить? Сэм подозревал, что хозяин об этом не позаботился. Впрочем, неужели Голлум сам за собой не присмотрит? Что он ел, пока блуждал в одиночку? «Что – не знаю, а только питался злодей не досыта, – решил Сэм. – Не думаю, однако, чтобы Голлум отказался попробовать, каков на вкус хоббит, – особенно если не повезет с рыбой. Придушит нас во

сне, и вся недолга. Только шиш! Не видать ему этого как своих ушей! Сэм Гэмги не дремлет!»

Долго спотыкались они в сумраке извилистого оврага, – во всяком случае, усталым ногам Сэма и Фродо казалось, что до болот они не доберутся никогда. Овраг тем временем повернул на восток, постепенно становясь шире и мельче. Наконец небо над головой побледнело и приобрело сероватый оттенок. Голлум не выказывал признаков усталости, но тем не менее поднял голову и остановился.

– Скоро день, – шепнул он беззвучно, будто день мог подслушать и броситься на него из засады. – Смеагол останется здесь. Я останусь. Желтое Лицо меня не увидит, нет.

– А мы были бы рады посмотреть на солнышко, – вздохнул Фродо. – Но мы тоже никуда больше идти не хотим. Мы слишком устали.

– Это неумно – радоваться Желтому Лицу, – рассердился Голлум. – Оно вас выдаст! Умные, добрые хоббиты, они останутся со Смеаголом. Вокруг орки и другие гадкие твари. Они видят очень далеко. Оставайтесь и прячьтесь, как я!

И они все втроем расположились под обрывом, который здесь был ненамного выше человеческого роста. Вдоль дна тянулись плоские каменные уступы, куда вода не доплескивала, – ручей тек ближе к противоположному берегу. Фродо и Сэм уселись на одном из таких уступов и привалились к склону. Голлум, шлепая ногами, бродил по воде.

– Надо что-нибудь съесть, – сказал Фродо. – Ты голоден, Смеагол? Нам почти нечем поделиться, но чем богаты, тем и рады. Милости просим!

При слове «голоден» глаза Голлума на исхудалом, болезненном лице вытаращились еще больше обычного и сверкнули зеленоватым огнем. На минуту он даже вернулся к прежней голлумовской манере пришепetyвать и зашепелявил:

– Мы отощали, ох-х как отощали, мое С-сокровище! Что они едят? Есть ли у них рыбка, вкусная, вкусная рыбка? – И его язык, высунувшись из-за острых желтых зубов, беспокойно задвигался, облизывая бесцветные губы.

– Нет, рыбы у нас нету, – развел руками Фродо. – Только вот это. – Он показал кусочек *лембаса*. – И вода – если только она питьевая.

– Вода хорошая, да, да, – ответил Голлум. – Пейте, пейте, пока можно. Но что это у них, мое Сокровище? Что-то хрустящее? Что-то вкусное?

Фродо отломил кусочек хлебца и подал Голлуму на листке, в который хлебец был завернут. Голлум понюхал листок; по его лицу пробежала судорога отвращения, и он злобно окрысился, точь-в-точь как раньше, до своего чудесного превращения.

– Смеагол знает этот запах! – заныл он. – Это листья из эльфийской страны! Фу! Гадость! Смеагол влезал на те деревья, так он потом не мог смыть этот гадкий запах со своих бедных ручек, с моих любимых рученок!..

Бросив лист на землю, он откусил кусочек *лембаса* и пожевал немного, но тут же выплюнул и, сотрясаясь всем телом, закашлялся.

– А! Нет! Нет! – выкрикивал он сквозь кашель. – Вы хотите, чтобы несчастный Смеагол подавился и умер?! Пыль и пепел! Он не может есть пыль и пепел⁴¹²! Смеаголу придется голодать. Но он не обидится. Хоббиты добрые. Смеагол обещал. Он поголодает. Он не ест того, что едят хоббиты. Но ничего, он поголодает. Бедный, бедный Смеагол! В чем только у него душа держится!

– Извини, – сказал Фродо, – но, боюсь, я ничем не смогу помочь тебе. Я думаю, что хлебцы пошли бы тебе только на пользу, если бы ты все-таки попытался. Но наверное, ты и попытаться не сможешь, во всяком случае, сейчас.

Хоббиты съели свои *лембасы* в молчании. Сэму в это утро эльфийские хлебцы пришлись особенно по душе: отвращение Голлума помогло ему распробовать их заново. И все же ему было неудобно. Голлум провожал взглядом каждый кусочек, словно пес, ждущий подачки. Лишь когда они кончили есть и стали устраиваться на отдых, Голлум, по всей видимости, убедился, что никаких вкусов от него не прячут и ждать больше нечего. Тогда он отошел, уселся в сторонке и немного похныкал.

– Вот что я вам скажу, – довольно громко зашептал Сэм – слышит Голлум или нет, ему было все равно. – Нам бы надо поспать, но только не обоим сразу! Пока тут шастает этот голодный разбойник, покою не

будет. Он, может, и поклялся, да голод ведь не тетка. Спорю, хотя он и величает себя Смеаголом вместо Голлума, привычки у него поменяются не скоро. Идите спать, господин Фродо, а когда глаза у меня совсем закроются, я вас разбужу. Пока он у нас под боком и руки у него свободны, будем спать по очереди, как раньше.

– Может, ты и прав, Сэм, – ответил Фродо, не понижая голоса. – Он вправду переменился, но как и насколько – мы не знаем. И все-таки, думаю, нам пока нечего бояться. Хотя, если хочешь, давай отдыхать по очереди, так и быть. Я посплю часа два, не больше. А потом буди меня.

Фродо так вымотался, что с последними словами сразу уронил голову на грудь и уснул. Ну а Голлум, казалось, забыл про все свои страхи. Он свернулся в клубок и вскоре тоже заснул как ни в чем не бывало. Сквозь зубы у него вырывалось негромкое шипение, но лежал он неподвижно, как камень. Сэм, немного посидев рядом, вдруг испугался, что, слушая ровное дыхание спящих, уснет и сам. Он встал и легонько пнул Голлума в бок. Руки у того разжались и конвульсивно дернулись, но этим все и ограничилось. Сэм нагнулся и шепнул ему на ухо: «Рыбка!» – но Голлум не пошевелился и дышал все так же безмятежно.

Сэм поскреб в затылке.

– Похоже, и вправду спит, – пробормотал он. – Был бы я вроде него, этот слизень у меня больше не проснулся бы...

Он отогнал пронесшиеся было в голове мысли о мече и веревке, вернулся к хозяину и сел рядом.

Когда он открыл глаза, небо над головой показалось ему что-то уж чересчур тусклым. Во время завтрака было заметно светлее. Сэм одним прыжком вскочил на ноги. До него внезапно дошло, что он не зря чувствует себя таким голодным и отдохнувшим: они проспали весь день напролет, никак не меньше девяти часов! Фродо еще не просыпался; лежал он на боку, вытянувшись во весь рост. Голлума поблизости не было. Сэм разразился было упреками в свой адрес, не жалея хлестких словечек из обширного лексикона старого Гэмги, но тут же сообразил, что Фродо оказался прав: во-первых, сторожить было не от кого – Голлум исчез, а во-вторых, оба они были живы, никто их во сне не задушил.

– Где же этот бедокур? – вслух спросил Сэм, чувствуя некоторые угрызения совести. – Куда он мог запропасться?

– Я туточки, – ответил сверху знакомый голос.

Сэм посмотрел наверх. На фоне вечернего неба вырисовывалась большая лопаухая голова.

– Эй, что ты там делаешь? – всполошился Сэм. При виде знакомого силуэта все его подозрения вернулись.

– Смеагол голоден, – сказал Голлум. – Скоро придет.

– А ну, слезай! – прикрикнул Сэм. – Эй! Спускайся, ты! Слышишь?

Но Голлума уже не было. От воплей Сэма Фродо проснулся и, протирая глаза, сел.

– Привет! В чем дело? – спросил он. – Случилось что-нибудь? Который час?

– А кто его знает! Кажется, солнце уже село. Голлума нет, между прочим. Смылся. Говорит, что голоден.

– Не беспокойся, – сказал Фродо. – Это неизбежно. Он вернется, увидишь сам. На какое-то время клятва его удержит. Да и не захочет он бросить свое Сокровище.

Теперь у Фродо сомнений не осталось. Сколько часов спали они как убитые рядом с Голлумом, причем Голлумом очень голодным и вольным делать все, что ни захочет, – и обошлось!

– Только прошу тебя, на этот раз не обзывай себя ни «садовой головой», ни другими словечками из тех, что в ходу у Старикана Гэмги! – попросил Фродо. – Ты ведь так вымотался! Согласись, все кончилось хорошо, а главное, мы оба как следует отдохнули! Впереди нелегкая дорога – такая, что хуже, наверное, и не бывает.

– Теперь еще вот о еде, – почесал в затылке Сэм. – Сколько у нас уйдет времени, чтобы кончить дело? А кончим – что тогда? Подорожники, конечно, здорово помогают, но, грубо говоря, брюха ими не набьешь, по крайней мере я так чувствую – пусть те, кто пек, не обижаются! Кроме того, мы их все-таки едим, хоть и помаленьку, и вряд ли их от этого прибавится. Я думаю, их достанет в лучшем случае недели на три, – и то если потуже затянуть пояса. Мы таки дали себе волю в последнее время. А напрасно!

– Я не знаю, сколько нам надо, чтобы... ну, чтобы закончить, – вздохнул Фродо. – Мы слишком долго плутали в горах. Но, дорогой

мой и лучший друг, драгоценный мой Сэмуайз Гэмги – да что там драгоценный, бесценный, – послушай меня! Не думаю, что нам стоит загадывать на потом. Мы должны, как ты выражаешься, «кончить дело». Но можем ли мы надеяться на успех? А если нам повезет, кто знает, что за этим последует? Представь себе, что Единое погибнет в пламени, в двух шагах от нас. На что это будет похоже? Знаешь, я сомневаюсь, что нам после этого понадобится еда! Сильно сомневаюсь. Да и нас с тобой хватит только на то, чтобы дотянуть до Горы Судьбы. Причем, похоже, мне и это будет не под силу.

Сэм молча кивнул, взял руку хозяина и наклонился над ней, но не поцеловал – только уронил несколько слезинок. Потом он отвернулся, провел по носу рукавом, встал и принялся прохаживаться взад-вперед, пытаясь насвистывать какую-то мелодию и повторяя:

– Так куда же этот урод проклятый подевался?! В конце-то концов!

Голлум, впрочем, скоро вернулся, но подкрался так тихо, что Сэм и Фродо заметили его, только когда он неожиданно появился прямо перед ними. Пальцы и губы у него были перепачканы черной грязью. Он пускал слюни и что-то жевал. Что именно – хоббиты спрашивать не стали. Об этом даже думать не хотелось.

«Черви, жуки или еще какая-нибудь склизкая пакость, – решил Сэм. – Брр! Смотреть тошно! Бедный уродец!»

Голлум не проронил ни слова, пока не напился вдоволь и не умылся в ручье. Закончив, он наконец соизволил подойти к хоббитам, облизывая на ходу губы.

– Теперь еще куда ни шло, – объявил он. – Ну как? Выспались мы? Готовы в дорогу? Хорошие хоббиты. Как они сладко спали! Молодцы! Верят теперь Смеаголу? Очень, очень хорошо!

Следующий переход почти ничем не отличался от предыдущего. Стены оврага становились все ниже, превращаясь в обыкновенные берега, а дно делалось все более пологим и ровным. Русло ручья запетляло. Ночь кончалась, но луну и звезды закрывали тучи, и приближение дня можно было угадать только по тусклому серому свету, постепенно разливавшемуся в воздухе.

Был зябкий предутренний час, когда путники подошли к устью ручья. Берега сошли на нет, превратившись в низкие, замшелые

взгорбия; ручей, журча, перекачивался через последний камень, источенный водой, и пропадал в буром болоте. Сухие тростники шелестели и потрескивали, хотя ветра не ощущалось.

Впереди в тусклом полумраке простирались бескрайние топи. Над темными, гнилыми болотными окнами вился и клубился туман. В стоячем воздухе висело удушливое зловоние. А там, далеко, почти на юге, маячили горные бастионы Мордора – черная гряда лохматых туч, кочующих над туманным, сулящим неведомые опасности морем.

Теперь Голлум мог делать с хоббитами все что угодно. Они не знали, да в таком тумане не смогли бы и определить, что, по сути, находятся всего лишь у северной оконечности болот. Настоящая трясина начиналась правее. Знай хоббиты эти края получше, они могли бы, пожертвовав парой дней, вернуться назад, обогнуть болота с севера и по твердым, хорошим дорогам дойти до каменистой пустоши Дагорлад, где пред Вратами Мордора в древности разразилось знаменитое сражение. Впрочем, толку в этом путешествии было бы немного. Бесплодная пустошь не обещала никакого укрытия, к тому же Дагорлад был изрезан дорогами, которыми постоянно пользовались орки и другие слуги Врага. Даже лориэнские плащи не спасли бы хоббитов на тех путях.

– Куда пойдем, Смеагол? – спросил Фродо. – Неужели надо непременно брести через эти зловонные болота?

– Вовсе нет, – отвечал Голлум. – Вовсе нет! Особенно если хоббитам не терпится поскорее добраться до темных гор и засвидетельствовать Ему свое почтение. Чуть-чуть назад, чуть-чуть вбок, – он вытянул тощую руку, показывая на северо-восток, – и хоббиты выйдут на твердые, холодные дороги, а дороги приведут их к воротам Его страны. Там Его слуги, много-много. Они нарочно высматривают гостей и очень им радуются, да, да. Берут под руки и ведут прямо к Нему, о да. Его Глаз днем и ночью на тех дорогах. Когда-то он приметил там Смеагола, и его схватили. – Голлума передернуло. – Но с тех пор Смеагол многое узнал, о да, о да! У него есть глаза, у него есть ноги и нос тоже. Теперь я знаю другие пути. Трудные, да, не такие короткие, да. Но гораздо лучше. Там он вас не увидит. Слушайте Смеагола! Он может провести вас через трясину. Там вас укроет туман. Хороший, густой туман. Идите за Смеаголом,

только осторожно, след в след! И тогда, может быть, вы успеете уйти довольно далеко, прежде чем Он вас поймает, – да, да, очень может быть!..

Уже наступил день – угрюмый и безветренный. Над топиями лежали тяжелые, зловонные толщи тумана. Сквозь низкую, сплошную пелену туч не пробивалось ни лучика. Голлум, по всей видимости, хотел сразу идти дальше, не теряя ни минуты, так что после краткой передышки они вновь пустились в дорогу и вскоре оказались отрезаны от всего мира. Горы – и те, с которых они спустились, и те, куда они держали путь, – скрылись из виду. Путники брели медленно, друг за другом: Голлум, Сэм, Фродо.

Было впечатление, что усталость одолевает Фродо больше, чем остальных, и, хотя шли они медленно, Фродо то и дело отставал. Вскоре обнаружилось, что трясина тянется не сплошь. Болото состояло из прерывистой цепи широко разлившихся луж, влажных мшаников, блестящих окóнец и извилистых полузаросших ручьев, среди которых наметанный взгляд искушенного проводника вполне мог отыскать вихляющую, но надежную тропку. Голлум был искушен достаточно, однако здесь требовалось все его умение. Принюхиваясь, он вертел головой на длинной шее и беспрестанно что-то бормотал. Иногда он поднимал руку, веля хоббитам стоять на месте, а сам на четвереньках проползал немного вперед, проверяя, не слишком ли там топко, а иногда припадал ухом к земле, точно прислушиваясь.

Вокруг все было однообразно до тошноты. В этом заброшенном краю все еще царила промозглая зима. Здесь не встречалось никакой зелени – только накипь лиловых водорослей колыхалась на мутных, угрюмых водах. Кое-где в тумане вырисовывались ости сухих колосков травы и гниющие стебли тростника – тощие призраки давнего, позабытого лета.

К полудню слегка прояснилось. Туман поднялся, поредел и стал прозрачнее. Где-то там, над плотными испарениями земли, в торжественно-ясных странах, над белой облачной твердью свершало свой извечный путь солнце, но здесь, внизу, только бледный помутневший призрак дневного светила угадывался сквозь толщи пара. Он не грел, не вызывал к жизни красок, но Голлум корчился и ежился даже от такого слабого напоминания о Желтом Лице. Наконец он остановил отряд, и путники примостились у края густых

камышовых зарослей, как маленькие затравленные зверьки. Стояла глубокая тишина; только иногда пустые соцветья слабо скреблись об ее поверхность, не нарушая глубины безмолвия, да сухие стебли почти неслышно шелестели от неощутимых движений воздуха.

– Ни одной птички! – скорбно молвил Сэм.

– Ни одной птички! – повторил Голлум. – Птички хорошие. – Он облизнул губы. – Тут птичек нету. Гадючки, червячки – это да. Много всяких тварей, таких, что живут в воде... Много, много разных гадких тварей. А птичек – ни-ни, – уныло закончил он.

Сэм покосился на него с отвращением.

Так прошел третий день их путешествия с Голлумом. Еще до того, как в более счастливых странах удлинились вечерние тени, путники двинулись дальше, останавливаясь разве что на минуту – но не ради отдыха: чем дальше, тем тщательнее выбирал Голлум дорогу и часто подолгу стоял в замешательстве. Они проникли в самое сердце Мертвых Болот, и было оно мрачно.

Идти приходилось медленно, внаклонку, след в след, не сводя глаз с проводника. Лужи превратились в озера, мшаники раскисли. Слева и справа мутно поблескивала стоячая вода, и все труднее было отыскать место potvrжде, чтобы нога не ушла по колено в булькающую грязь. Но путники, к счастью, весили немного, иначе ни один из них, наверное, не вышел бы из трясины живым.

Вскоре совсем стемнело – да так, что сам воздух, казалось, почернел и сгустился, а дышать стало совсем тяжело. Когда появились огни, Сэм протер глаза, решив, что ему померещилось. Первый огонек он увидел случайно, уголком глаза – так, бледная светящаяся точка, сразу пропавшая из виду. Но вскоре на смену ей зажглись другие. Одни напоминали тусклые, рдеющие изнутри дымки, другие горели неспешным туманным пламенем, колеблясь, как язычки огня над невидимыми свечами. Одни стояли на месте, другие медленно плыли по воздуху, третьи металась из стороны в сторону и трепетали, будто невидимые руки пытались набросить на них призрачный саван. Но почему молчат Фродо и Голлум? Наконец Сэм не выдержал.

– Что все это значит, а, Голлум? – спросил он шепотом. – Что это за огоньки? Смотри, они нас совсем окружили! Мы не в ловушке, часом? Что это такое?

Голлум поднял голову и посмотрел на него. Впереди темнела вода, и он ползал вдоль края лужи, ища обход.

– Да, да, совсем окружили, – ответил он шепотом. – Обманные огни. Свечки, которые горят над мертвыми, заупокойные огни, да, да. Не обращайтесь внимания! Не смотрите на них! Не вздумайте пойти за ними! Где хозяин?

Сэм оглянулся и обнаружил, что Фродо опять отстал. Сэм вернулся на несколько шагов назад в темноту, не смея отходить слишком далеко и не решаясь позвать в полный голос. Неожиданно он наткнулся на Фродо: тот стоял, погрузившись в забытие, и не отводил глаз от бледных огней. С безвольно опущенных рук капала вода и жидкая грязь.

– Идемте, господин Фродо! – дотронулся до него Сэм. – Не смотрите на них! Голлум говорит, нельзя этого делать. Давайте лучше не будем отставать. Надо поскорее выйти из этого проклятого места... Если только отсюда можно выйти!

– Хорошо, – ответил Фродо, словно очнувшись от сна. – Идем.

Сэм повернулся и бросился было догонять Голлума, но сделал неловкое движение, споткнулся, зацепился не то за какой-то скользкий корень, не то за кочку – и тяжело упал, едва успев выставить перед собой руки, которые сразу же глубоко ушли в жидкую грязь, и едва-едва не ткнувшись лицом в темную болотную воду. Послышалось еле различимое шипение; в ноздри Сэму ударил запах гнили, огоньки мигнули, метнулись, потревоженно заплясали. На мгновение поверхность воды показалась Сэму черным окном в глубину. Он заглянул в это окно – и, выхватив руки из грязи, с криком вскочил на ноги.

– Под водой покойники! – в ужасе заорал он. – Там лица! Мертвые лица!

Голлум ухмыльнулся.

– Да, да, Мертвые Болота, так их и называют, – прокрипел он. – Когда горят свечи, в воду смотреть не надо.

– Кто это? – Сэм обернулся к Фродо, все еще дрожа от страха. – И что это такое?

– Не знаю. – Фродо, казалось, еще грезил. – Но я тоже их видел. Они появились, когда зажгли свечи⁴¹³. Они везде, везде, глубоко-глубоко под темной водой. Я видел их лица. Одни – угрюмые и

злобные, другие – печальные и благородные. Многие из мертвецов горды и красивы с виду, с серебряными волосами, а в волосах водоросли... Но это все трупы, они все тронуты тлением, все мертвы. И еще они светятся, но свет у них зловещий. – Фродо прикрыл глаза рукой. – Я не знаю, кто они. Но мне показалось, я видел и людей, и эльфов. И тут же, рядом с ними – орков.

– Верно, верно, – подхватил Голлум. – Они все мертвые, все сгнили. Эльфы, люди, орки. Мертвые Болота! Еще бы! Когда-то давно тут была большая битва, да. Смеаголу об этом рассказывали, когда он был молоденьким. Еще до того, как пришло Сокровище. Великая была битва! Высокие люди с большими мечами, страшные эльфы, орки-горлодеры. Они сражались на этой равнине много дней и много месяцев, у самых Черных Ворот. Потом появились болота. Они разрослись и поглотили убитых воинов, да так с тех пор и не остановились – все расползаются и расползаются.

– Но со времен той битвы прошли века, – не поверил Сэм. – От мертвых остались бы одни кости. Не может того быть, чтобы мы видели их лица! Что же это такое? Наваждение Черной Страны?

– Кто знает? Смеагол не знает, – пожал плечами Голлум. – Их не достать, не потрогать, нет. Мы однажды попробовали, мое Сокровище, да, я когда-то попробовал. Но до них не дотянуться. Это, наверное, одна только видимость, больше ничего. Для глаз, не для рук. Их не потрогать. Нет, мое Сокровище! Они мертвые, мертвые.

Сэм посмотрел на Голлума мрачно и с отвращением. Ему сдавалось, он догадывается, зачем Голлум пытался «потрогать» мертвецов.

– Я не хочу их больше видеть, – пробормотал он. – Как бы нам отсюда убраться, да поскорее?

– Да-да, пора уходить, пора! – закивал Голлум. – Но спешить нельзя. Надо идти медленно, иначе хоббиты попадут прямехонько к Упокойникам и зажгут свои собственные маленькие свечечки. Следуйте за Смеаголом! Не оглядывайтесь на огни!

Голлум пополз вправо, отыскивая тропу в обход озера. Хоббиты последовали за ним, пригнувшись чуть ли не до земли и помогая себе руками точь-в-точь как и сам Голлум. «Еще немного, – подумал Сэм, – и мы с Фродо превратимся в расчудесненьких маленьких голлумов –

да, мое Сокровище!» Так они добрей наконец до края черной воды и не без труда перебрались через топкое место – где ползком, где перепрыгивая с одной предательски уходящей из-под ног кочки на другую. Не раз они оступались, не раз летели руками вперед в жижу, вонючую, как выгребная яма; вскоре все трое по шею вымазались в скользком, отвратительном иле и пахли так, что впору нос зажимать.

Поздней ночью, ближе к рассвету, они наконец ощутили под ногами более твердую почву. Голлум шипел и непрерывно бормотал себе под нос, но выглядел довольным. По каким-то таинственным, ему одному известным знакам, то ли на ощупь, то ли по запаху, то ли благодаря сверхъестественной памяти он, похоже, распознал безопасное место и снова был уверен в себе.

– Теперь вперед! – скомандовал он. – Славные хоббиты! Храбрые! Они, вестимо, притомились, но делать нечего. Мы тоже притомились – да, мое Сокровище! Но надо увести хозяина от злых, плохих огней, да, да! Надо его увести!

С этими словами он чуть ли не рысцой припустил вперед по длинной полосе земли, похожей на тропу и разделявшей надвое камышовые заросли. Хоббиты, как могли, поспевали следом. Но Голлум вдруг опять остановился и, встревоженно шипя, принялся, – похоже, ему опять что-то не нравилось.

– Что случилось? – заворчал Сэм, неверно истолковав беспокойство Голлума. – Что ты там нюхаешь? Я от этой вони, даже зажав нос, просто с ног валюсь. От тебя, например, разит, как из выгребной ямы! И от хозяина тоже. Тут от любой травинки разит!

– О да, о да! И Сэм пахнет ничуть не лучше, да-да! Несчастный Смеагол чует этот запах, но Смеагол хороший, он терпит! Он хочет помочь доброму хозяину. Не в этом дело! Что-то в воздухе не то. Что-то меняется. Смеагол думает: странно! Смеагол этому не рад.

Он снова двинулся вперед, хотя волновался все больше; через каждые два шага он вставал во весь рост, вытягивал шею и вертел головой. Поначалу хоббитам было невдомек, что могло так насторожить Голлума. Но вдруг все трое вздрогнули и замерли как вкопанные. Фродо и Сэму показалось, что до их слуха донесся протяжный рыдающий вопль – тонкий, высокий и беспощадный. Хоббитов пробрала дрожь. В этот же момент в воздухе наконец

почувствовалось какое-то движение. Стало очень холодно. Они замерли, насторожившись. Вдали нарастал непонятный шум, как от приближающегося шквала. Болотные огоньки замерцали, заколебались, побледнели – и сгинули.

Голлум будто прирос к месту. Мелко трясаясь и что-то бормоча себе под нос, он стоял неподвижно, пока наконец шквал не обрушился на них, бешено засвистав и завыв над болотами. Мрак ночи перестал быть непроницаемым, и во мгле начали угадываться бесформенные клубы тумана. Ветер погнал их на северо-запад над головами хоббитов, по дороге разрывая в клочья и развеивая без следа. Вместе с тучами неслись по небу черные разрывы и зияния; на юге, выкатившись из облачных лохмотьев, сверкнула луна.

У Сэма и Фродо при виде луны на мгновение отлегло от сердца; Голлум, наоборот, пригнулся к самой земле, на все лады кляня ненавистное ему Белое Лицо. И вдруг хоббиты, глаза на небо и с жадностью вдыхая свежий воздух, увидели то, чего боялся Голлум, – маленькое облачко, несомое ветром от проклятых гор; черный лоскут, оторвавшийся от Мордорской тьмы; гигантскую, наводящую ужас крылатую тень. Она мелькнула на белом полукруге луны и, огласив болота мертвящим, пронзительным стоном, с неестественной, колдовской скоростью понеслась к западу, в бешеном полете обгоняя ураган.

Хоббиты упали ничком и беспомощно прижались к холодной земле. Чудовищная тень уже возвращалась. Теперь она пролетела ниже, прямо у них над головой, разметава зловонные туманы взмахами страшных крыл, – и унеслась обратно в Мордор, гонимая гневом Саурона. Ветер с шумом и ревом устремился за нею, и через минуту над обнажившимися Мертвыми Болотами воцарилась тишина. Сколько хватало взгляда, голую пустошь заливал неверный лунный свет; вдали неподвижной угрозой высились Горы Мрака.

Сэм и Фродо встали, растерянно протирая глаза. Они чувствовали себя, как дети, которые проснулись от страшного сна и с удивлением обнаружили, что вокруг по-прежнему мирная, безмятежная ночь. Голлум лежал неподвижно, словно оглушенный. Хоббиты, хотя и с трудом, подняли его, но он никак не хотел глядеть наверх и снова упал на колени, прикрывая затылок большими плоскими ладонями.

– Призраки! – стenal он. – Крылатые призраки! Это слуги Сокровища. Они все видят, все, все видят! Никто не спрячется от них. Будь проклято это Белое Лицо! Они расскажут Ему. Он видит. Он знает. *Голлм, голлм, голлм!*

Лишь когда луна стала клониться за дальний Тол Брандир, Голлум согласился наконец встать и двинуться дальше.

С этого времени Сэму стало казаться, что в Голлуме снова произошла перемена. Он еще больше ластился к хоббитам, выказывая им обоим всецелую преданность, но Сэма смущали странные взгляды, которые тот украдкой бросал на них – особенно на Фродо. И еще: Голлум все чаще и чаще возвращался к прежней манере пришепetyвать. Впрочем, Сэма беспокоило не только это. Главная беда была в том, что Фродо выглядел безмерно усталым, усталым до изнеможения. Сам он об этом не заговаривал; впрочем, он вообще в последнее время почти ничего не говорил и ни на что не жаловался – просто брел согнувшись, словно ноша давила на него тяжелее и тяжелее. Он все больше замедлял шаг, и Сэму часто приходилось упрашивать Голлума обождать и не оставлять Фродо слишком далеко позади.

И действительно, с каждым шагом, приближавшим путников к Вратам Мордора, Кольцо, которое Фродо прятал на груди, все больше обременяло его. Он начинал ощущать его как тяжесть, настоящую тяжесть, по-настоящему пригибающую к земле. Но еще больше беспокоил его Глаз (так называл он про себя неусыпную силу, бдящую в Мордоре). Не столько Кольцо, сколько взгляд Глаза, тяготеющий над этими пустынными краями, заставлял Фродо сутулиться и спотыкаться на каждом шагу. Глаз Врага! Это было невыносимо – с каждым часом все острее сознавать, что тебя днем и ночью разыскивает враждебная, непомерно могучая воля, пронизывающая все покровы – туман, облака, землю и даже самую плоть! Чего стоило постоянно помнить, что она день и ночь жаждет только одного – добраться до тебя и мертвящим взором пригвоздить к земле, нагого и недвижимого!.. Так тонки, так тонки и хрупки стали преграды, которые защищали Фродо! Он в любое время дня и ночи мог безошибочно показать, где, в какой стороне таится источник и средоточие враждебной воли. Человек и с закрытыми глазами легко определяет, откуда светит солнце, ибо лучи

проникают сквозь веки и опаляют лоб; так и Фродо стоял лицом к Врагу и грудью встречал напор Зла и Мрака.

Голлум, судя по всему, тоже переживал нечто подобное. Но хоббиты не могли даже догадываться, что творилось в его изуродованном сердце и как разрывали его на части давящий Взгляд, вожделение (Кольцо было так близко!) и, наконец, та униженная клятва, которую он дал Фродо не столько по собственной воле, сколько из страха, трепеща перед «холодным железом». Фродо о Голлуме думать было недосуг, а что касается Сэма, то он тревожился за хозяина и почти не обращал внимания на тень, вошедшую в его собственное сердце. Он следил теперь, чтобы Фродо все время шел впереди него, и не выпускал хозяина из виду: стоило тому споткнуться, как Сэм оказывался рядом, поддерживая его и неуклюже ободряя.

Когда настал день, хоббиты испытали настоящее потрясение. Как выросли зловещие горы, к которым они стремились! В чистом, прозрачном воздухе стены Мордора явились их взорам совсем иными, нежели раньше. Это была уже не просто дальняя облачная гряда на горизонте, таящая в себе неясную угрозу, но исполинские черные башни, хмуро взирающие на пустыню у своего подножия. Болота кончились, хотя вокруг еще бурели пятна торфяников и обширные острова сухой растрескавшейся грязи. Впереди начинались длинные, пологие склоны, голые и безотрадные, а выше, у Врат Мордора, раскинулся бескрайний пустырь.

Пока брезжил серый свет тусклого дня, хоббиты и Голлум, как черви, прятались под большим камнем, боясь, как бы их не выследили жестокие очи Крылатого Ужаса. Остаток пути прошел под знаком все надвигающейся тени страха, и, кроме страха, в памяти у хоббитов ничего не осталось. Две ночи продолжался этот изнурительный путь по бездорожью. Воздух стал по-особому жестким и горьким, дыхание пресекалось, гортань сохла.

На пятое утро после встречи с Голлумом путники снова остановились. Впереди, темнея на фоне зари, высились огромные горы; вершины их скрывались в дыму и клубящихся тучах. От гор тянулись мощные контрфорсы отрогов и длинные цепи выветренных холмов, до подножия первого из которых оставалось не больше двадцати верст. Фродо озирался с ужасом. Страхом и тоской наполняли душу Мертвые Болота и безводные Ничьи Пустоши, но земля, которую

занимающийся день обнажил перед оробевшими хоббитами, казалась еще страшнее и тоскливее. Как ни безрадостны были Топи Мертвецов, и туда в свое время проникали приметы весны, пусть бледные и вялые; но в эти края и весне и лету путь был заказан навсегда. Тут не было никаких признаков жизни – даже грибков плесени, питающихся гнилью, здесь не водилось. Всюду дымились ямы, полузасыпанные пеплом или заполненные тяжелой полужидкой грязью какого-то нездорового бело-серого оттенка, словно горы извергли к собственному подножию скверну своего чудовищного чрева. Дневной свет нехотя и постепенно открывал взору хоббитов бесчисленные ряды высоких курганов щебня, каменной пыли и обожженной, в ядовитых потеках земли – словно здесь простерлось древнее кладбище великанов.

Таким предстало взору путников запустение, вот уже много веков царившее у Врат Мордора⁴¹⁴ вечным памятником трудам его рабов, памятником, который пребудет и тогда, когда все ухищрения Зла пойдут прахом. Исцелить этот оскверненный край не в силах было уже ничто. Только великое Море могло бы дать забвение этой земле в своих пучинах.

– Меня тошнит, – сказал Сэм.

Фродо промолчал.

Они все еще стояли – так люди иногда медлят погружаться в сон, где их поджидают кошмары, хотя через тьму страшных видений лежит единственный путь к утру. Между тем становилось все светлее. Зияющие ямы и ядовитые груды шлака стали видны до малейшего камушка. Среди облаков и длинных полос дыма пылало солнце, но здесь даже солнечный свет был осквернен. Хоббитов на этот раз наступление дня не утешило: свет не был им в помощь, – наоборот, он обнажал путников перед взором Врага во всей их роковой незащищенности. Кто они были перед лицом Тени, маленькие, писклявые призраки, затерянные среди дымящихся пепельных гор в стране Черного Властелина?

Выбившись из сил, хоббиты стали подыскивать место для отдыха. Сперва они молча опустились на землю в тени шлаковой горы, но из шлака тянулся удушливый дымок, и не прошло пяти минут, как дышать стало трудно, а в горле запершило. Голлум не вытерпел

первым. Плюясь и бормоча проклятия, он встал на четвереньки и пополз в сторону, не глядя на хоббитов. Сэм и Фродо побрели за ним. Наконец они наткнулись на широкую, почти безукоризненно круглую яму. Ближняя к Мордору сторона ямы прилегала к мощному валу, тянувшемуся вдоль горного хребта. Внутри было мертво и холодно, а на дне собралась густая, дурно пахнущая маслянистая жижа в радужных разводах. В этой отвратительной яме они вынужденно решили укрыться на день в надежде, что здесь, в тени вала, Глазу будет не так легко заметить их.

День тянулся медленно. Хоббиты изнемогали от жажды, но позволили себе только слегка смочить губы – фляги они в последний раз наполнили еще в овраге. Теперь, отсюда, овраг казался желанным островком мира и покоя. Спать решили по очереди. Сначала, впрочем, ни Сэм, ни Фродо, несмотря на усталость, заснуть не могли, но, когда солнце стало постепенно опускаться навстречу медленно наползавшей туче, Сэм все-таки задремал. Фродо заступил на стражу. Он лег и откинулся на спину – но бремя не сделалось легче. Так он лежал, глядя в небо, расчерченное длинными полосами дыма, и перед его глазами проходили странные, призрачные образы: скакали, не двигаясь, темные всадники, наплывали знакомые лица из далекого прошлого... Фродо потерял счет времени и не знал, спит он или бодрствует. Наконец его охватило глубокое забытие.

Сэм очнулся внезапно и решил, что, по-видимому, его звал хозяин. Был уже вечер. Фродо, однако, Сэма звать не мог – он спал так крепко, что во сне съехал чуть ли не на самое дно ямы. Рядом с хозяином сидел Голлум. В первое мгновение Сэму показалось, что тот зачем-то пытается растолкать Фродо, – но это было не так. Голлум будить Фродо не собирался. Он вел разговор с самим собой, споря, по всей очевидности, с какой-то назойливой, потаенной мыслью. У этой мысли был и голос, очень похожий на голос Голлума-Смеагола, только разве что чересчур надтреснутый и шипящий. В глазах у Голлума попеременно загорался то белый, то зеленый огонь.

– Смеагол обещал, – говорил первый голос.

– Да, да, Сокровище мое, – соглашался второй. – Мы обещали, да. Обещали спасти Сокровище. Обещали беречь, чтобы оно не попало к Нему. Но ведь Сокровище идет прямо к Нему, да, да, приближается с

каждым шагом! Что с-собирается сделать этот хоббит с нашим Сокровищем? Хотелось бы знать, да, хотелось бы знать!

– Я не знаю. Ничего не могу поделать. Оно у хозяина. Смеагол обещал помогать хозяину.

– Да, да, ещ-ще бы! Оно ведь у него – да, да! Ну а если бы Оно было у нас? Тогда мы могли бы помогать с-сами себе, о да, и все равно сдержали бы слово.

– Но Смеагол сказал, что будет хорошим, очень, очень хорошим! Хороший хоббит! Он снял злую веревку. Он ласково говорит со мной.

– Смеагол сказал, что будет очень, очень хорош-шим, а, Сокровище мое? Давай, давай будем хорошими, совсем как рыбка, сладкий мой, давай, но только не с хоббитами, а с нами! А доброму хоббитсу мы ничего плохого не сделаем, нет, конечно же, нет!

– Но Сокровище слышало нашу клятву. Оно следит за нами, – сопротивлялся Смеагол.

– Значит, надо взять Его себе, и тогда мы сами будем за ним следить, – не смутился второй голос. – Тогда хозяином будем мы, голлм, голлм! А тот, другой хоббитс, противный, который нас все время подозревает, еще поползает перед нами в грязи на брюхе, голлм!

– А как же хороший хоббит?

– О нет! Если мы не захотим, можем не заставлять его ползать. Но с другой стороны, он Бэггинс, мое Сокровище, да, Бэггинс! Это Бэггинс Его украл! Он нашел Сокровище и не сказал, да, ничего не сказал. Ненавидим Бэггинсов!

– Нет! Не всех! Другого Бэггинса!

– Нет, нет, вс-сех Бэггинсов! Всех, у кого Сокровище! Оно должно быть нашим!

– Но Он увидит! Он узнает! Он отберет у нас Сокровище!

– Он уже и так видит. Он знает. Он слышал, как мы давали глупые обещания. Это было против Его приказа, да, да! Надо отобрать Сокровище. Призраки так и рыщут. Надо отобрать!

– Только не для Него!

– Конечно нет, с-сладкий мой! Ты же сам видишь, Сокровище мое: если Оно будет у нас, мы сможем убежать даже от Него, – мм? Может, мы станем сильными, очень сильными, с-сильнее, чем Призраки! Властелин Смеагол? Голлум Великий! Голлум Первый! Каждый день рыба, три раза в день, с-свежая, прямо из моря! Голлум

Преславный и Достохвальный! Надо взять Сокровище. Мы хотим *Его*, хотим, хотим!

– Но их двое. Они успеют проснуться и убьют нас, – проскулил Смеагол, собрав последние силы. – Не сейчас! Потом!

– Мы *Его* хотим! Хотим! Но... – Тут последовала долгая пауза, как будто вмешался кто-то третий, кого Сэм слышать не мог. – Потом, говоришь? А? Пожалуй... Может, Она подсобит? Вполне могла бы. Да-да. Вполне.

– Нет! Нет! Только не это! – взвыл Смеагол.

– Да-да! Мы хотим *Его*! Хотим!

Каждый раз, когда слово брал второй голос, длинная рука Голлума медленно протягивалась к Фродо, но стоило раздаться голосу Смеагола, как она снова резко отдергивалась. С последними словами обе руки, дрожа и судорожно сжимаясь, потянулись к горлу хоббита.

Сэм лежал неподвижно, замороженный подслушанным спором, но из-под полуопущенных век следил за каждым движением Голлума. Надо же! А ему-то, простаку, всегда казалось, что от вечно голодного Голлума можно ждать самое большее коварной попытки позавтракать свеженьким хоббитом! Теперь он понял, что это не так. Видимо, в душе Голлум постоянно внимал страшному зову Кольца. «Он» – это, конечно, Черный Властелин; но кто такая «Она»? Спознался, наверное, с какой-нибудь гадиной, пока рыскал по свету... Но Сэм недолго над этим раздумывал, ибо дело зашло слишком далеко и явно принимало опасный оборот. Он чувствовал, что руки и ноги у него будто свинцом налились, – и все же, собравшись с силами, поднялся и сел. Что-то подсказывало ему: нельзя идти напролом, нельзя показывать, что он, Сэм, подслушал спор. Поэтому он только вздохнул погромче, зевнул и спросил сонным голосом:

– Эй, там! Который час?

Голлум протяжно зашипел и вскочил. Какой-то миг он стоял на двух ногах, застыв в угрожающей позе, но тут же обмяк, упал на четвереньки и пополз вверх, на край ямы.

– Добрые хоббиты! Славный, добрый Сэм, – объявил он оттуда. – Засони вы этакие, да, засони! Заставили доброго Смеагола сторожить! Но теперь уже вечер. Скоро сумерки. Пора идти.

«Вот именно что пора, – подумал Сэм. – Расставаться нам с тобой пора, вот что!» Но тут его осенило: безопаснее, наверное, держать Голлума при себе, а то на свободе он натворит и не таких дел. «Чтоб его! – выругался Сэм себе под нос. – Лучше бы он в тот раз подавился лембасом». С этим он сполз вниз по склону и разбудил Фродо.

Странно, но Фродо проснулся отдохнувшим. Ему приснился добрый сон. Черная тень ненадолго отступила, и – удивительно! – здесь, в этой больной, обезображенной стране, его посетило некое светлое видение. В памяти ничего не удержалось, но от сердца отлегло, и на душе сделалось веселее, а Ноша перестала так угнетать. Голлум обрадовался Фродо, как собака хозяину. Он квакал, кудахтал, прищелкивал пальцами и гладил колени Фродо. Тот улыбнулся ему.

– Послушай, Смеагол! – сказал он. – Ты сослужил нам добрую и верную службу. Нам остался один, последний шаг. Покажи нам Ворота – и больше от тебя ничего не требуется. Покажи Ворота – и можешь идти куда глаза глядят, только не к врагам.

– Ворота? – заскрипел Голлум с видом удивленным и перепуганным. – Что?! Ворота, говорит хозяин? Да, да, так прямо и говорит! Смеагол добрый, Смеагол сделает все, что скажут, о да. Но хотели бы мы знать, как заговорит хозяин, когда мы подойдем ближе? Ворота не такие красивые, как он думает, о нет!

– Идем-ка, – резко оборвал его Сэм. – И кончим с этим.

Опускались сумерки. Путники выбрались из ямы и медленно побрели вперед по мертвой земле. Но не успели они пройти и нескольких шагов, как на них нахлынул тот же страх, что и раньше, когда крылатая тень с бурей пронеслась над болотами. Они замерли, упав на зловонные камни, но на этот раз в сумрачном вечернем небе ничего разглядеть не удалось. Угроза миновала быстро – крылатый всадник летел высоко в поднебесье, спеша, видимо, из Барад-дура с каким-то срочным поручением. Выждав, Голлум встал и крадучись двинулся дальше, дрожа всем телом и что-то бормоча.

Примерно через час после полуночи паника накатила на хоббитов в третий раз, но теперь источник страха был еще дальше, еще слабее, словно Всадник летел выше облаков. Теперь он неслился на запад. На этот раз Голлум почему-то просто обезумел от ужаса. Он трясся и причитал: всему конец! Выследили! Теперь Враг все о них знает!

– Три раза! – рыдал он. – Три! Это угроза! Это уже прямая угроза! Они чувствуют, где мы, они чуют Сокровище. Они слуги Сокровища. Дальше идти нельзя! Туда нельзя! Незачем! Уже незачем!

Уговоры и ласковые слова не помогали. Фродо вынужден был положить руку на меч и сердито прикрикнуть – только тогда Голлум, огрызнувшись, поднялся и поплелся впереди, как побитая собака.

Так, спотыкаясь и чуть не падая, брели они сквозь усталость идущей на убыль ночи, молча, не поднимая головы, навстречу новому, полному страхов дню, ничего не видя перед собой и ничего не слыша, кроме свиста ветра в ушах.

Глава третья

Черные Ворота закрыты

Прежде чем занялась заря, путешествие в Мордор закончилось. Болота и пустыни остались позади; впереди, на бледном небе, угрожающе подняли головы черные горы.

С запада Мордор был огражден темным хребтом Эфел Дуат⁴¹⁵, или Горами Мрака; с севера изломанной линией тянулись острые вершины и голые склоны Эред Литуи⁴¹⁶, серые, как пепел. Два хребта сближались, образуя, по сути дела, единую гряду, за которой лежали угрюмые плато Литлад и Горгорот, а между ними горькие воды внутреннего моря – моря Нурнен⁴¹⁷. Хребты тянули друг к другу длинные, похожие на руки отроги, оставляя посередине глубокое и узкое ущелье – Кирит Горгор, или Заклятый Проход, ворота во владения Врага. По обе стороны прохода нависали высокие утесы; у самого входа в ущелье, справа и слева, возвышались две отвесные скалы, голые и черные. На этих скалах были воздвигнуты крепкие, высокие башни, прозванные Зубами Мордора. В давние времена построили их люди Гондора, гордые своей силой. Произошло это после поражения Саурона и его бегства; башни решено было возвести для того, чтобы он не пытался искать возврата в свои старые владения. Но могущество Гондора ослабло, люди стали беспечнее, и башни на долгое время опустели. И тогда Саурон вернулся. Сторожевые бастионы, пришедшие было в полное запустение, ожили вновь: Саурон начинил их солдатами, чтобы те несли на границе неусыпную стражу.

Из каменных стен на север, восток и запад смотрели черные отверстия окон, и из каждого окна день и ночь взирали на пустыню не ведающие сна глаза.

Проход между утесами Черный Властелин перегородил каменной стеной, в которой были устроены стальные ворота. По стене безостановочно расхаживали дозорные. Скалы у подножия гор испещрены были сотнями пещер и переходов, словно выеденных гигантскими личинками; в этих пещерах таились орочьи отряды, готовые высыпать оттуда по первому сигналу, как воинственные черные муравьи. Никто не мог миновать Зубов Мордора, избежав их укуса, – разве что те, кого призывал к себе сам Саурон, или те, кто знал тайные пароли, открывающие вход в Мораннон – Черные Ворота в страну Черного Властелина.

Фродо и Сэм смотрели на башни и на стену в полном отчаянии. Даже издали, в слабом утреннем свете, видно было, как расхаживают по стене черные часовые. Перед Воротами несли службу патрули. Хоббиты выглядывали из ямы, скрытые в тени северного контрфорса исполинской стены Эфел Дуата; отсюда до черной вершины ближайшей башни было меньше чем с полверсты вороньего лету. Над башней курился дымок, словно там, внутри горы, тлел огонь.

Настал день. Над безжизненными скалами Эред Литуи показалось подслеповатое бледно-желтое солнце. И вдруг с башен зазвучали многоголосые трубы. Издалека, из потайных казематов и горных сторожевых постов, ответили – и уже из самой дальней дали эхом отозвались в горных полостях за ущельем мощные рога и барабаны Барад-дура⁴¹⁸. Новый жуткий день, полный страха и тяжких трудов, начинался в Мордоре. Ночные стражи были отозваны в подземелья; на их место заступили новые – страшные с виду, со свирепым взглядом. Огромные Ворота отливали тусклым стальным блеском.

– Ну вот и пришли, – подытожил Сэм. – Ворота – вот они! Только, похоже, дальше мы и шагу не ступим. Уж тут бы мой Старикан нашел что сказать. Все-то он талдычил: «Помни, Сэм, кончишь ты плохо! Говорю тебе добром: не суй нос, куда не просят!» Сомневаюсь я, правда, что еще хоть раз в жизни услышу его голос. Эх... Уж он бы не преминул вставить: «Говорил я тебе...» А жаль. Я бы выслушал с

удовольствием! Пусть отчитывает, покуда не осипнет! Мне бы только посмотреть еще разок на его морщинистую физиономию!.. Правда, пришлось бы сначала выкупаться, а то он меня, чего доброго, и не признал бы... Ну что? Думаю, нечего даже и спрашивать: «Куда теперь?». Идти-то ведь некуда. Разве что к оркам на поклон... Может, они нас подсадят маленько? А то Ворота уж больно высоки!..

– Нет, нет! Не надо! – испугался Голлум. – Дальше идти некуда. Смеагол сразу сказал. Дойдем до Ворот, сказал Смеагол, и посмотрим. Вот и посмотрели. Да, да, Сокровище мое, посмотрели! Смеагол давно знал, что хоббитам тут не пройти. Смеагол знал, о да!

– Так что же ты нас сюда притащил, лихоманка тебя разбери?! – осердился Сэм, забыв или не желая помнить, что Голлум ни в чем не виноват.

– Хозяин сказал – надо! Хозяин сказал: «Веди нас к Воротам». Вот послушный Смеагол и привел его к Воротам. Хозяин мудрый, это он так сказал.

– Да, все верно, – подтвердил Фродо. Лицо его, суровое и застывшее, выражало решимость. Весь в грязи, с ввалившимися щеками, придавленный усталостью, он больше не горбился и смотрел на спутников ясно и твердо. – Именно так я и сказал. Я должен попасть в Мордор, и другой дороги не знаю. Поэтому я иду через Ворота – и никого не прошу меня сопровождать.

– Нет, нельзя, нельзя, хозяин! – взвыл Голлум, прыгая Фродо на грудь, как собака. – Ничего не выйдет! Ничего! Не носи Ему Сокровища! Он нас всех съест, Он весь мир съест, если получит наше Сокровище! Оставь Сокровище себе, добрый, добрый хозяин, сжался над Смеаголом! Не отдавай Ему Сокровища. А лучше – уходи отсюда совсем, возвращайся в приятные, веселые места, а Сокровище верни Смеагольчику, а? Да, да, хозяин! Отдай нам *Его*, а? У Смеагола Оно будет в безопасности. Он сделает много, много добра, особенно для добрых хоббитов. А хоббиты пойдут домой. Не надо к Воротам!

– Мне велено идти в страну под названием Мордор. Значит, я должен идти, – повторил Фродо. – Если другой дороги нет, мой путь лежит через Ворота. А там будь что будет.

Сэм промолчал. Ему достаточно было взглянуть на Фродо, чтобы понять: слова бесполезны. По совести говоря, в глубине души он

никогда не надеялся на удачу. Впрочем, Сэм был хоббит жизнерадостный и, пока с отчаянием можно было малость погодить, не торопился падать духом. На этот раз выхода вроде бы не предвиделось. Но Сэм всю дорогу держался рядом с хозяином, он и пошел-то с ним ради этого, и вовсе не собирался оставлять Фродо. Нет! Хозяину не придется идти в Мордор одному. Сэм отправится с ним! К тому же нет худа без добра: по крайней мере можно будет отделаться от Голлума!

Но тот явно не хотел, чтобы от него отделялись, – во всяком случае, пока. Он упал перед Фродо на колени и заломил руки.

– Нельзя этой дорогой, хозяин! – скрипуче взмолился он. – Есть еще одна дорога! Правда, правда! Есть еще одна, да, да! Темнее, чем эта, и найти ее гораздо труднее. Тайная дорога. Но Смеагол знает. Смеагол покажет.

– Другая дорога?! – с сомнением переспросил Фродо и пристально посмотрел в глаза съезжившемуся у его ног Голлуму.

– Да-да! Была еще дорога! Смеагол нашел дорогу! Идемте посмотрим, там она или уже нету!

– Но ты не говорил о ней!

– Не говорил! Хозяин не спрашивал. Хозяин не сказал, что он хочет делать. Он ничего не сказал несчастному Смеаголу. Он сказал: Смеагол, веди меня к Воротам – и до свидания! Смеагол мог бы сейчас уйти, и ему было бы хорошо. Но теперь хозяин говорит: я решил идти в Мордор через Ворота. Смеагол боится. Он не хочет терять такого доброго хозяина. И он поклялся. Хозяин приказал мне, и я поклялся спасти Сокровище. Но хозяин несет Сокровище прямо к Нему, прямо в Черную Руку. Смеагол должен спасти и хозяина, и Сокровище, вот он и подумал про другую дорогу. Была такая дорога. Была когда-то. Хозяин добрый! Смеагол хороший, очень хороший, всегда выручает!

Сэм нахмурился. Если бы он мог просверлить взглядом дыру в Голлуме, тот давно стал бы похож на решето. Верного слугу одолевали сомнения. С виду Голлум-Смеагол вроде не притворялся и действительно изо всех сил старался помочь Фродо, но Сэм хорошо помнил подслушанный разговор и не мог поверить, чтобы старый добрый Смеагол, многие годы не смевший и пикнуть, вот так, сразу, одержал победу. Как бы то ни было, последнее слово в споре осталось

за Голлумом, а не за Смеаголом. Сэм догадывался, что две половинки злосчастливого создания, Смеагол и Голлум (про себя он их называл Ползучкой и Вонючкой) – подписали перемирие и заключили временный союз. Оба готовы были на все, чтобы Кольцо не попало к Врагу; оба хотели уберечь Фродо от плена и присматривать за ним как можно дольше – во всяком случае, пока у Вонючки остается надежда наложить лапы на «Сокровище». В другую дорогу Сэм, признаться, не очень-то верил.

«Одно хорошо – ни та ни другая половина старого негодяя не подозревают, какой подвох мы им готовим, – думал Сэм. – Догадайся он, что господин Фродо собирается покончить с его Сокровищем, беды не пришлось бы дожидаться. Наш приятель Вонючка трясется от одного упоминания о Враге, а ведь он у Врага как бы на службе – или был на службе. Он заложит нас, не сморгнув, – только бы Враг не прознал, что его бывший пленник нам помогает! А если Вонючка дознается, что мы хотим пустить его Сокровище в переплавку, он ни перед чем не остановится. По крайней мере мне так кажется. Надеюсь, хозяин хорошенько подумает! Ума у него палата, это верно, да вот сердце чересчур уж доброе. Ни один Гэмги на свете не смог бы сказать, как он теперь поступит».

Фродо ответил Голлуму не сразу. Покуда Сэм-тугодум – он же Сэм-мудрый – прикидывал и сомневался, Фродо не отводил глаз от черных утесов Кирит Горгора. Лощина, в которой они прятались, уходила в склон невысокого холма, нависавшего над глубокой, вроде рва, ложбиной, которая отделяла путников от ближайших скал. По ложбине можно было выйти прямо к черному основанию западной сторожевой башни. В свете утра пыльные и блеклые дороги, сходящиеся у Ворот Мордора, видны были особенно четко. Одна сворачивала к северу, другая шла на восток и терялась в тумане, скрывавшем подножия Эред Литуи, третья бежала прямо навстречу хоббитам. Круто обогнув западную сторожевую башню, дорога эта ныряла в узкое русло ложбины и проходила совсем рядом с убежищем хоббитов – сверху Фродо видел ее прекрасно. Миновав яму, она сворачивала к подножиям и уходила в густую тень, сплошь окутывавшую склоны Мрачных Гор; дальше она вела на юг, пробираясь по узкой полосе холмистых равнин между хребтом и Великой Рекой.

Вглядевшись, Фродо внезапно заметил вдали, на равнине, необычайное оживление. Казалось, там, скрытая расстоянием и дымным туманом, тянувшимся от болот и пустошей, движется огромная армия. Во мгле то и дело поблескивали копья и шлемы, вдоль дорог, пыля, шли конные полки. Фродо вспомнил видение, посланное ему на вершине Амон Хена всего несколько дней назад. Ему казалось, что с тех пор прошло несколько лет. И вдруг он понял, что безумная надежда, на миг взыгравшая в его сердце, напрасна. Трубы этой армии звали не на битву – они трубили приветствие. То не гондорцы шли на штурм твердынь Черного Властелина, не призраки, восстав из покрытых славой древних могил, явились к Воротам требовать отмщения. Это были люди иной расы, пришедшие с бескрайних просторов Востока по зову своего Владыки. Ночь они простояли лагерем у его Ворот и теперь торопились влиться в могучую, непрестанно растущую армию Мордора. Только тут Фродо наконец осознал, какому они подвергаются риску, устроившись на отдых в двух шагах от Врага, между тем как день все разгорался. Он поскорее надвинул на голову единственную свою защиту – тонкий серый капюшон – и быстро спустился вниз, в лощину. Там он повернулся к Голлumu:

– Смеагол! Я поверю тебе еще раз. Кажется, это мой долг. Такая уж выпала мне судьба – получить помощь именно от тебя, найти ее там, где меньше всего ожидал, а тебе выпало помогать мне, хотя ты столько времени преследовал меня со злым умыслом! Пока что ты заслуживаешь только благодарности и до сей поры держал слово твердо. И действительно, – добавил он, посмотрев на Сэма, – дважды мы были полностью в твоих руках, и ты не причинил нам никакого зла. Ты не сделал попытки отнять у меня то, ради чего шел за нами. Что ж, послужи мне и в третий раз! Но учти, Смеагол: ты в опасности.

– Да, да, хозяин! – охотно закивал Голлум. – В страшной опасности! Смеагол и сам весь дрожит от страха, но он и не думает бежать. Он должен помочь доброму хозяину.

– Я имею в виду другую опасность, а вовсе не ту, что угрожает нам всем без различия, – оборвал его Фродо. – Есть еще одна, для тебя одного. Ты поклялся на вещи, которую зовешь Сокровищем. Помни это! Сокровище запомнит твою клятву. Но в то же время оно постарается коварно извратить твои мысли, чтобы ты нарушил слово, а

сам думал, что свято блюдешь его! Ты сам только что по глупости разоблачил себя. Ты сказал: «Верни Сокровище Смеаголу». Никогда не повторяй этого! Не позволяй этим мыслям укорениться у тебя в голове! Ты никогда не получишь его назад. А если будешь тайно желать этого, плохо кончишь. Запомни накрепко: твоим оно уже никогда не будет! Когда дойдет до дела, я просто-напросто надену его – вот и все. Сокровище давно уже безраздельно тобой распоряжается. Если оно будет у меня на пальце и я велю тебе броситься с обрыва или в огонь – ты подчинишься мне без разговоров. А другого приказа и не жди. Так что берегись, Смеагол!

Сэм посмотрел на Фродо с одобрением, но и несколько ошарашенно: таким он его еще не видел, да и таким тоном Фродо еще никогда не разговаривал. Сэм всегда считал, что славный, милый господин Фродо по слепоте душевной чересчур мягок и снисходителен. Это, правда, не мешало Сэму свято верить, что господин Фродо все равно умнее всех на свете (за исключением разве что старого господина Бильбо и Гэндальфа). Ошибался по-своему и Голлум, – правда, ему это было извинительней: он все-таки знал Фродо всего без году неделю. Он тоже принимал доброту Фродо за слепоту. Речь Фродо явилась для него полной неожиданностью и привела в неопикуемый ужас. Он рухнул к ногам Фродо, не в силах выговорить ничего внятного, кроме: «Добрый хозяин! Добрый хозяин!»

Фродо терпеливо выждал, а потом, уже не так строго, продолжал:
– Встань, Голлум, или Смеагол, если тебе так больше нравится! Расскажи, что это за другая дорога, и убеди меня, если сможешь, что есть смысл свернуть ради нее с прямого пути! Я спешу.

Но Голлум был совершенно раздавлен: угроза привела его в самое плачевное состояние. Вытянуть из него что-либо дельное оказалось почти невозможным – он без конца мямлил, скрипел что-то невразумительное и вдруг на полуслове бросался хоббитам в ноги, слезно моля их «пожалеть несчастного Смеагольчика». Наконец он начал успокаиваться, и Фродо постепенно удалось понять следующее: если идти по южной дороге, вдоль Эфел Дуата, рано или поздно выйдешь на перекресток, окруженный кольцом темных деревьев. Направо пойдешь – придешь к Оспиляту и мосту через Андуин, прямо – попадешь в южные страны.

– Все вперед, и вперед, и вперед, – говорил Голлум. – Мы туда не ходили, но говорят, что через сто лиг по этой дороге можно прийти к Большой Воде, которая никогда не стоит спокойно. Там много, очень много рыбы и большие птицы, которые едят рыбу. Хорошие птицы! Но мы туда никогда не ходили. Очень жаль! Все никак не удавалось... Но это еще не все. Потом, говорят, начинаются другие страны, но Желтое Лицо там очень горячее. Там редко бывают облака, а люди там злые и лица у них черные. Туда мы не хотим.

– И не надо, – торопил Фродо. – Ближе к делу! Куда ведет третья дорога?

– О да, о да, третья! – очнулся Голлум. – Та, что налево! Она сразу идет в гору, все выше и выше, то прямо, то кругами, в страну длинных теней. Когда она обогнет большую черную скалу, вы сразу ее увидите: она появится прямо перед вами, да! И вы сразу захотите куда-нибудь спрятаться, о да, еще бы!

– Кто это – она? Кто появится?

– Старая крепость. Очень старая, а теперь очень страшная. Мы слышали о ней сказки, сказки с юга, да, когда Смеагол был еще молодым. О да, вечерами мы рассказывали много, много сказок, мы сидели под ивами на берегу Великой Реки и рассказывали сказки. Река тогда тоже была молодая, *голлум, голлум!*

Голлум перешел на скулеж и бормотание. Хоббиты терпеливо ждали.

– Да, так вот, сказки, которые приходили с юга, – продолжал Голлум, немного успокоившись. – Сказки про людей-великанов со светящимися глазами, про дома из камня, большие, как горы, про короля в серебряной короне и про его Белое Дерево. Замечательные сказки! Эти люди построили башни, очень высокие. Одна была серебряно-белая, и в ней хранился камень, белый, как Луна, и вокруг были высокие белые стены. О да, о Лунной Башне рассказывали много, очень много сказок!

– Скорее всего, это Минас Итиль, одна из двух крепостей, которые построил Исилдур, сын Элендила, – догадался Фродо. – Это он отсек Врагу палец!

– Да, на Черной Руке только четыре пальца, но Ему и четырех вполне достаточно, – подтвердил Голлум, содрогнувшись. – Он стал ненавидеть город Исилдура.

– Хотел бы я знать, что он любит, – вздохнул Фродо. – Но какое нам дело до Лунной Башни?

– Крепость, хозяин, как стояла, так и стоит. Высокая башня, белые дома и крепость с белыми стенами. Но уже не хорошая, не красивая, нет. Он завоевал ее много лет назад. Сейчас там очень, очень страшно. Путники дрожат, когда ее видят, и стараются, чтобы их оттуда не заметили. Даже тени ее боятся. Но хозяин должен будет пойти туда. Больше дороги нет. Горы там не такие высокие. По ним идет старая дорога, все вверх и вверх, на темный перевал, а потом все вниз и вниз, на Горгорот. – Последние слова Голлум произнес шепотом, дрожа мелкой дрожью.

– Нам-то от этого что за польза? – вмешался Сэм. – Враг, уж конечно, знает свои горы и стережет ту дорогу точно так же, как и эту. Ведь башня эта не пустая, наверное?

– О нет, о нет, не пустая! – все так же шепотом ответил Голлум. – Она кажется пустой, но она не пустая, о нет! Там живут страшные, очень страшные твари! Орки, да, орки, конечно, но еще и другие живут, гораздо хуже⁴¹⁹. Дорога поднимается прямо к стенам и входит в ворота. Кто бы ни прошел по дороге – они сразу об этом узнают. Те, кто сидит внутри, все знают. Это Молчаливые Стражи.

– Хорошенькое дельце! Что же ты, советуешь нам отмахать еще невесть сколько верст и угодить в такой же тупик, если не хуже? – с подозрением спросил Сэм. – И это еще если мы туда вообще дойдем!

– Нет, нет! – запротестовал Голлум. – Хоббиты должны понять, должны постараться и понять. Он не ждет нападения с той стороны. Его глаз всюду проникает, но он смотрит в одну сторону чаще, а в другую – реже. Он не может везде поспеть. Он подчинил себе целую страну к западу от Гор Мрака до самой Великой Реки и держит под охраной мосты. Он думает, что к Лунной Башне без большой битвы на мостах или без лодок никто не пробьется, а уж о лодках он сразу узнает.

– Откуда же ты знаешь, что на уме у Врага? – подкапывался Сэм. – Видать, имел недавно с ним беседу? Или с орками успел перемолвиться?

– Злой хоббит, непонятливый, – оскорбился Голлум и, бросив на Сэма сердитый взгляд, повернулся к Фродо. – Смеагол говорил с орками, говорил, конечно, но тогда он еще не встретил хозяина. Он

много с кем говорил. И ходил очень далеко. То, что вам говорит Смеагол, много от кого можно услышать. Он ждет опасности с севера, значит, и нам с севера опаснее. И сам Он выступит через Черные Ворота, Он в любой день может оттуда выступить, и скоро. Большая армия может выйти только через Ворота. А там, на западе, Ему нечего бояться. И потом, там Молчаливые Стражи.

– Вот здорово-то! – опять перебил Сэм, во всем видя подвох. – Стало быть, мы подойдем, постучимся и спросим: скажите, пожалуйста, мы в Мордор правильно идем? Хотя, может, если они Молчаливые, то не ответят... Какой во всем этом смысл? Уж лучше попытать счастья прямо тут. По крайней мере далеко ходить не придется.

– Не надо шутить, – зашипел Голлум. – Ничего смешного тут нет. В Мордор вообще нет смысла ходить, да, нет смысла. Но раз уж хозяин говорит «Я должен идти» или «Я пойду», то ему надо что-то делать, как-то пытаться. Но в страшный город идти не надо. О нет, совсем не надо. Тут как раз и нужен Смеагол, добрый, хороший Смеагол, хотя ему никто не говорит, для чего хозяин это затеял. Смеагол поможет еще разок. Он нашел ее. Он знает, где она.

– О чем ты? – спросил Фродо.

Голлум скорчился в три погибели и зашептал:

– О тропке, которая ведет наверх, в горы. Там есть тропка, а потом лестница, узкая, узкая лестница. О да, очень длинная и узкая. А потом еще лестница. А потом, – он зашевелил губами почти беззвучно, – потом туннель, темный туннель, а потом маленькое ущелье и тропинка через перевал. По ней Смеагол когда-то выбрался из тьмы. Но это было много лет назад. Тропинка, наверное, давно пропала. А может, и нет, может, и нет...

– Не по душе мне все это, – решил Сэм. – Что-то больно просто. Если эта тропка еще там, ее наверняка тоже стерегут. Разве тогда ее не стерегли?

Сэму показалось, что в глазах у Голлума сверкнул зеленый огонь. Голлум что-то пробормотал, но что – было не разобрать.

– Разве тропу не стерегут? – спросил Фродо сурово. – И правда ли, что ты, Смеагол, именно бежал из страны Мрака? Может, тебя просто отпустили, да еще и поручение дали? По крайней мере

Арагорн, который нашел тебя у Мертвых Болот несколько лет назад, именно так и думал.

– Лож-ж-жь! – зашипел Голлум. При упоминании об Арагорне в глазах у него вспыхнула злоба. – Он оклеветал меня, да! Оклеветал! Я сам бежал. Сам, один! Мне и правда велели искать Сокровище, и я *Его* искал. Конечно, а как же? Но не для Черного. Нет! Сокровище было нашим, да, Оно было моим. Говорю вам, я бежал, да, бежал!

Фродо почему-то был уверен, что Голлум на сей раз говорит почти правду. Может, он действительно отыскал выход из Мордора, – по крайней мере сам нашел дорогу, о которой говорит? Между прочим, от Фродо не укрылось, что Голлум сказал не «мы», а «я»: это был верный, хотя и редкий знак, что в Голлуме на миг проснулись остатки какой-то былой искренности. Но все равно нельзя было недооценивать коварство Врага. Что, если Саурон сам устроил ему этот побег – или намеренно посмотрел на него сквозь пальцы? Да и Голлум наверняка что-то скрывал.

– Еще раз спрашиваю – охраняют эту потайную дорогу или нет? – допытывался Фродо.

Но упоминание об Арагорне повергло Голлума в самое мрачное расположение духа. Он принял оскорбленный вид завязтого лгуна, которого заподозрили во лжи именно тогда, когда он единственный раз сказал правду, – ну, не всю, ну, часть правды, ну, и что с того?

– Так стерегут твою тропу или не стерегут? – еще раз спросил Фродо.

– Может быть, и стерегут, все может быть. В этой стране везде опасно, – угрюмо буркнул Голлум. – Везде! Везде! Хозяин должен попробовать ту дорогу или сразу идти домой. Нету других дорог.

Больше от него ничего нельзя было добиться. Названия опасной башни и перевала он не знал – а может, просто не захотел сказать.

А назывался перевал Кирит Унгол⁴²⁰, и название это было окружено ореолом ужаса. Арагорн, наверное, сразу растолковал бы хоббитам, что оно означает, а Гэндальф смог бы вовремя предостеречь их. Но хоббиты были предоставлены сами себе. На совет Гэндальфа или Арагорна рассчитывать не приходилось – Арагорн был далеко, а Гэндальф стоял среди развалин Исенгарда и сражался с Саруманом. Предательство задержало его в пути. Но даже в час вынесения

приговора, даже когда на ступени Орфанка, брызнув пламенем, упал *палантир*, Гэндальф помнил про Фродо и Сэма и через все разделяющее их огромное пространство искал их мысленным взором – с надеждой и состраданием.

Может быть, Фродо, сам того не зная, почувствовал это – точь-в-точь как прежде на Амон Хене, хотя ни капельки не сомневался, что тень Морийской бездны поглотила Гэндальфа навеки. Он опустился на землю и долго сидел, понурившись и припоминая все, что слышал от Гэндальфа. Однако на сей случай волшебник никаких советов, кажется, не давал. Вот уж поистине, не вовремя лишила их судьба наставника и советчика! Они остались одни слишком рано. Черная Страна была тогда еще так далеко! Как туда проникнуть, Гэндальф никогда не говорил. А может, он и сам не знал дороги?

В северной твердыне Врага, Дол Гулдуре, Гэндальф побывал. А Мордор, Огненная Гора и Барад-дур? Пробирался ли он туда хоть раз с тех пор, как Черный Властелин, вновь обретя силу, вернулся в свои прежние владения? Фродо подозревал, что нет. Значит, он, невеличек из Заселья, обычный хоббит из далекой, тихой деревушки, должен каким-то образом найти дорогу, по которой не смогли или не осмелились пройти даже Великие! Злой ему выпал жребий! Но он выбрал свою судьбу сам, сидя у собственного камина, выбрал той достопамятной весной прошлого года, далекой и странной весной, которая казалась теперь главой из книги о юности мира, о временах, когда цвели Золотое и Серебряное Деревья... Выбор предстоял тяжкий. Какой дорогой идти? А если обе дороги ведут к ужасной гибели – тогда, спрашивается, что толку выбирать?

День все не кончался. Над серой ямой, где притаились трое путников, стояла глубокая тишина. Молчание было почти осязаемым – казалось, оно, как плотное покрывало, окутывает и отделяет их от остального мира. Вверху круглился бледный купол неба, прочерченный дымными полосами, неизмеримо и безнадежно далекий. Неподвижные толщи воздуха меж землею и небом, казалось, насыщены были тяжелой, давящей думой.

Орел, парящий в вышине, и тот вряд ли заметил бы хоббитов; угнетенные тяжестью своего жребия, они сидели, молча закутавшись в

тонкие серые плащи, и не шевелились. Может, взгляд зоркой птицы и задержался бы на Голлуме, который лежал, распростершись на склоне ямы: ни дать ни взять человек. Правда, уж очень он напоминал детский скелет. Руки и ноги у него исхудали так, что от них остались кожа да кости, а лохмотья одежды почти истлели... «Ради такого доходяги не стоит и утруждаться», – решил бы, наверное, орел.

Фродо сидел, уперев подбородок в колени, а Сэм откинулся на спину, заложил руки за голову и блуждал взглядом в пустынных небесах. Капюшон он на всякий случай надвинул поглубже.

Вдруг Сэму показалось, что в небе описывает круги какая-то тень – не то птица, не то неведомая крылатая тварь. Вот она покружилась, на мгновение зависла над ямой – и пропала. Следом появились еще две, а потом и третья. Сэм видел только крошечные черные пятнышки, но почему-то знал, что на самом деле это исполинские чудища с огромными крыльями. Он пригнулся, пряча лицо. Его обуял тот же страх, который он всегда чувствовал с приближением Черных Всадников и который предупреждал об их появлении – обезоруживающий, обессиливающий страх, прилетающий на крыльях ветра вместе с леденящим душу криком, и черная тень, на лице луны. На этот раз, правда, ужас не сокрушил воли хоббитов и не завладел всей душой, как прежде. Опасность была дальше, чем обычно. Но она все же была, и Фродо ее тоже почувствовал. Ход его мысли нарушился. Он пошевелился и вздрогнул, но головы не поднял. Что касается Голлума, тот мигом свернулся, словно испуганный паук. Но крылатые чудища сделали всего пару кругов и, резко снижаясь, стремительно скрылись за горами, в Мордоре. Сэм перевел дыхание.

– Опять Всадники, и опять в небе, – хрипло прошептал он. – На этот раз я их ясно видел! Интересно, а они могут нас увидеть? Они кружили так высоко! Если это Черные Всадники, ну, те, что раньше, то ведь они днем не очень хорошо видят?

– Наверное, не очень, – предположил Фродо. – Но кони у них раньше были зрячие... А эти крылатые твари, верно, зорче орлов. Они вообще-то похожи на стервятников, только слишком большие. Что же они ищут? Мне кажется, Враг насторожился. Но почему?

Ощущение ужаса прошло, но защитный купол тишины нарушился. Только что хоббиты были отрезаны от всего мира, словно укрывшись на невидимом островке безопасности, а теперь они

чувствовали, что снова уязвимы, снова открыты всему и вся. Чувство тревоги вернулось, а Фродо так до сих пор ничего и не сказал Голлуму и ни на что не решился. Глаза его были закрыты – он не то грезил, не то смотрел куда-то в себя, глубоко-глубоко, в самые сокровенные тайники сердца и памяти.

Наконец он пошевелился и встал. Казалось, он собирается объявить свое решение, но вырвались у него совсем другие слова:

– А ну-ка, послушайте! Что это?

Новая напасть! Хоббиты явственно услышали пение и хриплые выкрики – сначала в отдалении, потом все ближе и ближе. Всем пришла в голову одна и та же мысль: Черные Крылья заметили их и успели отрядить за ними вооруженных солдат! Правда, что-то чересчур уж быстро подросли солдаты, но это никого не удивило: для страшных слуг Саурона, казалось, нет ничего невозможного. Хоббиты и Голлум вжались в склон лощины и прислушались. Бряцание оружия, голоса, звон упряжи раздавались уже прямо над головой. Сэм и Фродо выхватили свои маленькие мечи. Отступать было некуда.

Голлум медленно привстал и по-тараканьи подполз к краю лощины. С великой осторожностью приподнявшись, он заглянул в щелку между двумя треснувшими камнями. Некоторое время он лежал затаясь и наблюдал. Тем временем голоса стали удаляться, затихать и постепенно стихли совсем. На стенах Мораннона запел горн.

Голлум неслышно сполз обратно на дно лощины.

– В Мордор опять идут люди, – тихо сообщил он. – Люди с темными лицами. Мы таких людей еще не видели, нет. Смеагол таких не видел. Очень свирепые люди. Черные глаза, длинные черные волосы, в ушах золотые серьги. Да, да, много красивого золота! У некоторых красная краска на щеках. Плащи красные. Флаги красные⁴²¹. Наконечники копий тоже. Щиты круглые, желтые и черные, с большими острыми шипами. Нехорошие люди. Жестокие и очень злые. Почти как орки, только гораздо выше ростом. Смеагол думает, что они с юга, из стран, которые за устьем Великой Реки. Они пришли той дорогой. Они уже прошли в Черные Ворота, но могут появиться и новые отряды. В Мордор все время приходят люди, все больше и больше. Когда-нибудь они все там окажутся.

– А олифанов⁴²² ты там не видел? – спросил Сэм, от любопытства позабыв про страх, – так ему хотелось побольше услышать о дальних странах.

– Нет, нет там никаких олифанов... Кто такие олифаны? – недовольно спросил Голлум.

Сэм встал, заложил руки за спину (он всегда так делал, когда собирался «говорить стихи») и начал:

*Я Олифан – меня не трожь!
Не мышка я, не кошка:
На башню я слегка похож
И на гору немножко.
Передвигаю на ходу
Свои колонны-ноги —
И если я куда иду,
Не стойте на дороге!
Еще никто не смерил вес
Моей огромной туши,
И с головой накроют вас
Мои большие уши.*

*Два желтых бивня я несу —
Они несут охрану,
И потому никто в лесу
Не страшен Олифану!
Да! Я хожу при свете дня,
И про меня не врут – но
Тому, кто не встречал меня,
В меня поверить трудно.
А я-то есть! Водичку пью,
Люблю покушать славно...
Но спать я только стоя сплю,
А ем и пью – подавно.
Не веришь – так спроси южан:
Врак не выносит Олифан!⁴²³*

– Это наш, засельский стишок, – сказал Сэм, декламировав последнюю строчку. – Может, это чепуха, про олифанов, а может, и нет. Но мы тоже часто рассказываем сказки, и про Юг в том числе. В прежние времена хоббитам приходилось иногда путешествовать. Правда, возвращался мало кто, да и верили далеко не всему, что они рассказывали. Как в пословице: «Больше ври про то, что в Бри!» Но я часто слышал истории про Больших, которые живут на юге. В сказках они зовутся Смуглами. Говорят, они сражаются на олифанах. Привязывают на спину олифанам башни и дома, а олифаны бросают друг в друга деревья и скалы. Ты сказал, что видел людей с юга в золоте и красной краске, вот я и спросил: «А как насчет олифанов?» Если бы ты сказал: «Да, есть олифаны», я бы рискнул и высунулся, чтобы взглянуть на них. Наверное, я никогда олифанов не увижу. Может быть, таких зверей и вовсе нет на свете... – Сэм вздохнул.

– Нету, нету олифанов, – подтвердил Голлум. – Смеагол ничего про них не слышал. Он не хочет их видеть. Он не хочет, чтобы они были. Смеагол хочет уйти и спрятаться, где побезопаснее. Смеагол хочет, чтобы хозяин ушел отсюда. Хозяин добрый, он пойдет за Смеаголом, правда?

Фродо поднялся. Он не смог сдержать смех, когда Сэм пустился декламировать старый детский стишок про Олифана, и смех помог ему стряхнуть сомнения.

– Эх, сюда бы тысячу-другую олифанов и Гэндальфа на белом олифане во главе войска, – воскликнул он. – Тогда бы мы, наверное, легко проложили себе путь в эту мрачную страну. Но у нас нет ничего, кроме наших ног, которые и так уже сбиты в кровь... Ладно, Смеагол! Мы уже в третий раз меняем дорогу. Что ж, может, на третий раз что-нибудь и получится. Я иду за тобой.

– Добрый, мудрый, славный хозяин! – вскричал обрадованный Голлум, прыгая Фродо на грудь. – Хороший хозяин! Теперь отдыхайте, добрые, хорошие хоббиты, ложитесь вот сюда, в тень от камня. Отдыхайте и ждите, пока не уйдет Желтое Лицо. А когда оно уйдет, отправимся в дорогу. Пойдем быстро и тихо. Как тени!

Глава четвертая

О травах и тушеном кролике⁴²⁴

Часы, оставшиеся до наступления сумерек, хоббиты посвятили отдыху. Они постепенно переползали по склону вслед за тенью, пока наконец тень восточного склона не удлинилась и тьма не заполнила ложбину до краев. Тогда хоббиты разделили между собой скудный ужин и пригубили воды. Голлум есть не стал, но воды выпил с охотой.

– Скоро будет что пить, – обнадежил он, облизывая губы. – К Великой Реке течет много ручьев, там вода хорошая. Да, в тех странах, куда мы идем, вода вкусная. Может быть, Смеагол достанет и еды. Он очень проголодался, да, очень, очень. *Голлум!* – Он прижал к впалому животу большие плоские ладони, и в глазах у него загорелся бледно-зеленый огонек.

Когда они переползли через край лощины и пустились наконец в дорогу, сумерки уже сгустились. Три неясные тени мелькнули у края ямы и, как привидения, растворились среди камней на обочине. До полнолуния оставалось всего три дня, но луна пряталась за горами почти до полуночи, так что идти пришлось в полной темноте. Только на одном из Зубов Мордора горел в вышине красный огонь, но ничто больше не напоминало о неусыпной страже у Ворот Мораннона.

Этот красный глаз неотрывно глядел в спину путникам, пока они спешили прочь, пробираясь среди камней. Выйти на дорогу они не осмеливались и старались, как могли, держаться обочины. Наконец, когда ночь перевалила за половину и путники утомились (ведь привал они устроили только раз, и то ненадолго!), глаз превратился в огненную точку и вскоре исчез вовсе; это означало, что они обогнули крайние северные утесы предгорий и повернули к югу.

Чувствуя непонятное облегчение, путники сделали еще один привал – совсем короткий. Голлум торопил и понукал их. По его расчетам, от Мораннона до перекрестка близ Осгилиата оставалось около тридцати лиг, и он хотел одолеть их за четыре перехода. Поэтому вскоре хоббиты, преодолевая усталость, снова двинулись в путь и шли до тех пор, пока над бескрайней серой пустыней не начал медленно разливаться свет зари. Лиг восемь, пожалуй, позади осталось, но дальше хоббиты идти не могли, даже если бы отважились.

Рассвет открыл глазам путников, что земля вокруг уже не так истерзана и пустынна. Слева по-прежнему угрожающе и

величественно темнели горы, но дорога – теперь, в свете утра, ее было хорошо видно – все больше уклонялась от черных подножий, отгораживаясь от них пологими склонами, которые, словно темным обволоком туч, сплошь были покрыты угрюмым лесом. По другую сторону дороги, там, где шли хоббиты, простиралась бугристая вересковая пустошь, где топорщились кизил, раkitник и еще какие-то неизвестные кустарники. Кое-где роcицами, по две и по три, высились корабельные сосны. Почти забыв про усталость, хоббиты снова воспряли духом: всей грудью они вдыхали свежий, смолистый воздух, напоминавший о холмах далекого Северного Предела. Как хорошо было получить отсрочку и оказаться в этой земле, которая досталась Черному Властелину всего несколько лет назад и не успела еще полностью прийти в запустение! Но они помнили и об опасности, о Черных Воротах, которые все еще были рядом, хотя мрачные громады гор скрыли их от взгляда. Нужно было отыскать надежное укрытие, где путники могли бы спрятаться от недобрых глаз и дожидаться темноты.

День прошел беспокойно. Хоббиты поглубже зарылись в вереск и считали томительные часы, похожие друг на друга как две капли воды. Тень гор еще падала на них, да и солнце пряталось в дымке. Правда, несколько раз Фродо удалось заснуть настоящим, глубоким и мирным сном – теперь он полностью доверял Голлуму, а может, слишком устал, чтобы следить за ним. Иное дело – Сэм. Даже убедившись, что Голлум спит как убитый, правда, постанывая и вздрагивая (ему снились какие-то свои, голлумовские, потайные сны), верный слуга почти не решался задремать. Впрочем, причиной бессонницы мог быть и голод: Сэм начинал не на шутку тосковать по домашней пище, из печи, с пылу да с жару...

Когда тени смешались и слились в одну сплошную серую мглу, хоббиты и Голлум снова выступили в путь. Вскоре Голлум решил вывести хоббитов на дорогу. Теперь они пошли быстрее, но возросла и опасность. Слух чутко ловил шорохи: в любую минуту впереди или сзади можно было ждать цоканья копыт или грохота сапог. Но за ночь ни пеших, ни конных на пути не встретилось.

Дорога была проложена во времена давно забытые⁴²⁵. Вблизи Мораннона ее, видимо, подновляли, но уже верстах в сорока от Ворот

дикая природа брала свое. Впрочем, следы трудов человеческих еще не исчезли, и старые камни мостовой лежали на прежних местах, образуя, как и раньше, прямую, точно стрела, линию, вытянутую строго на юго-запад. Когда на пути вставал невысокий холм, дорога прорезала его насквозь, если же приходилось пересекать ручей или овраг – взбегала на каменный виадук древней работы, широкий и изящный. Но мощный участок вскоре кончился. В кустах еще белел изредка обломок колонны, под ногами нет-нет да попадалась растрескавшаяся, покрытая мхом плита, но буйно разросшийся вереск, пышный подлесок и папоротник-орляк так густо заткали обочины, не брезгуя и самой дорогой, что в конце концов она превратилась в обыкновенный заброшенный проселок. Однако и проселок по-прежнему никуда не сворачивал и вел к цели наикратчайшим путем.

Вверившись дороге, путники вскоре достигли северной границы края, который люди называли Итилиэном⁴²⁶, – благословенной страны взбирающихся по кручам лесов и стремительных водопадов. Ночь стояла дивная, с полной луной и звездами; хоббитам казалось, что воздух становится все благоуханнее. По недовольному сопению и бормотанию Голлума нетрудно было догадаться, что он тоже чувствует это, но радости отнюдь не испытывает. С первыми признаками рассвета маленький отряд снова остановился.

Дорога, прорезая скальный выступ, проходила по глубокой и длинной расселине, склоны которой ближе к середине становились совершенно отвесными. Неподалеку от выхода из расселины хоббиты нашли удобный подъем, вскарабкались на западный склон и осмотрелись.

Когда рассвело окончательно, хоббиты увидели, что горы широкой дугой отступили к востоку. По другую сторону уходили вниз пологие склоны, терявшиеся в смутной дымке. Всюду были рассыпаны небольшие рощицы, отделенные друг от друга привольными полянами. Среди источающих смолу елей, кедров и кипарисов красовались еще какие-то хвойные деревья, о которых в Заселье и не слыхивали, а залитые светом лужайки изобиловали душистыми травами и кустарниками. Ривенделл и родное Заселье уже много дней как остались далеко на севере, но только теперь, в этом краю, защищенном горным хребтом от холодных ветров, хоббиты

почувствовали, как изменился климат. Здесь уже царила весна: пласты мха и дерна зазеленели молодыми побегами, лиственницы выпустили светлые, нежные пальчики. Птицы пели, и трава пестрела мелкими цветами. Итилиэн, обезлюдевший сад Гондора, даже одичав, хранил старинное очарование, словно растрепанная, но по-прежнему прекрасная дриада.

К югу и западу от Итилиэна простиралась теплая, солнечная долина Андуина. От восточных ветров этот край заслоняла, не закрывая солнца, горная цепь Эфел Дуат, с севера защищали скалы Эмин Муйла, но с юга Итилиэн целиком открыт был теплым, влажным морским ветрам. Здесь во множестве сохранились деревья-великаны, посаженные еще в незапамятные времена. За этими патриархами давно уже никто не ухаживал, и они медленно дряхлели в окружении буйного, многочисленного и беспечного потомства. Тесной стеной стояли тамариски и остро благоухающие камедью мастиковые деревья, оттененные темной глянцевой зеленью маслин и лавров; кое-где можно было набрести на куст можжевельника или на целую миртовую рощицу; выстреливали из земли жесткие стебли чабера, густой, ползучий тимьян опутывал камни плотным ковром; голубыми, красными, бледно-зелеными звездочками цвел в траве шалфей, кудрявилась свежепроклюнувшаяся дикая петрушка, пускал первые побеги пахучий майоран. Сэм примечал среди пестрого многотравья немало диковин: некоторых запахов он не знал, а некоторых трав не видывал. По обрывам уже расползались камнеломка и очиток, на полянах проснулись первоцветы, у корней деревьев белели целые россыпи нарциссов, и бесчисленные лилии кивали полураскрывшимися головками из густой темной травы по берегам горных речек, что приостанавливали свой бег к Андуину в разлившихся по прохладным ложбинам озерцах.

Путники сошли с дороги и спустились немного вниз по горному откосу. Они путались в густой, высокой траве, продирались сквозь заросли, и в ноздри им бил острый, пряный запах. Голлум кашлял и вполголоса бранился; что касается хоббитов, то они дышали полной грудью, всласть. Один раз Сэм даже рассмеялся – просто так, от радости. Шли они вдоль быстрого ручейка, что вскоре привел их к озерцу, заполнившему неглубокую ложину среди камней. В древности здесь был каменный бассейн; теперь его разрушенные стены заткал

мох и увили побеги шиповника. Вокруг бассейна стройными рядами взвились из перегноя сабли ирисов, а на темной, блестящей от мелкой ряби воде раскинулись листья кувшинок; озерцо было глубоким, чистым, и через дальний край каменного овала, еле слышно журча, сочилась вода.

Хоббиты умылись и напились свежей воды из ручья там, где он стекал в озерцо. Утолив жажду, они отправились на поиски укромного местечка – отдохнуть и скрыться от посторонних глаз: как ни прекрасен казался этот край, ныне им владел Враг. От дороги они отошли всего на каких-нибудь несколько шагов, а уже успели наткнуться на шрамы древних сражений и свежие раны, нанесенные лесу руками орков и других гнусных приспешников Черного Властелина: тут среди кустов зияла ничем не прикрытая яма с мусором и объедками, там медленно умирало неизвестно зачем срубленное дерево, сверху донизу изрезанное ножом. Среди зловещих рун можно было разглядеть грубое изображение глаза.

Сэм, углубившийся в заросли на дальнем берегу озерца, так увлекся, разглядывая незнакомые травы и деревья, что позабыл о Мордоре – но тут же получил напоминание о том, что опасность никуда не исчезала. Он наткнулся на черный круг выжженной травы, посередине которого громоздилась целая груда обугленных костей и черепов. Зелень уже успела набросить на них свое покрывало, и быстро ветвящиеся побеги вереска, ломоноса и шиповника постепенно подбирались к этим жутким свидетелям чудовищного пира. Однако следы огня были свежими... Сэм поспешил возвратиться к остальным, но ничего не сказал им о находке: кости лучше было оставить в покое – не хватало, чтобы Голлум полез копать в них!

– Надо где-нибудь залечь, – объявил Сэм. – Только не здесь, не внизу. По мне, лучше подняться немного повыше.

Немного выше по склону они наткнулись на густые заросли побуревших прошлогодних папоротников. За полосой папоротников начиналась роща темнолистых лавров, что взбирались вверх по склону, увенчанному рядом старых кедров. Здесь и решили провести день, который, кстати, обещал быть ясным и теплым. Как славно было бы шагать в такой вот денек среди рощ и полян Итилиэна! Но хотя орки и бегут от солнечного света, в лесу с лихвой хватало укромных

мест, откуда можно было тайно вести наблюдение. Да что орки – недобрых глаз тут наверняка было хоть отбавляй, ведь слуг у Саурона без счета! И Голлум ни за что не двинется с места, пока на небе светит Желтое Лицо. Оно вот-вот должно было появиться из-за темных хребтов Эфел Дуата; тогда Голлум наверняка разом ослабеет и свернется в клубок, прячась от света и горячих лучей.

Всю дорогу Сэм прилежно обдумывал вопрос о еде. Теперь, когда непреодолимые Ворота остались позади и на горизонте вновь забрезжила надежда, Сэм отнюдь не был расположен предоставлять заботу о пропитании судьбе и случаю, к чему, по всей видимости, склонялся Фродо. Что с ними будет, если дело удастся довести до конца? Эльфийские хлебцы в любом случае лучше приберечь на черный день – это казалось Сэму очевидным. Однажды он подсчитал, что подорожники удастся растянуть не больше чем на три недели. С тех пор прошло уже дней шесть, а то и семь. «Вряд ли мы за это время успеем добраться до Огня, разве что уж очень повезет, – думал Сэм. – Но мы, возможно, еще и вернуться захотим! Почему бы нет?»

Как бы в ответ этим мыслям, не успел Сэм умыться и утолить жажду, на него напал прямо-таки волчий голод. Утолить его мог бы только ужин или, если угодно, завтрак на кухне старого дома в Отвальном Ряду, у огонька... Вдруг его осенило, и он посмотрел на Голлума, который как раз опустился на четвереньки и собирался уползти куда-то в папоротники по своим делам.

– Эй, Голлум! – окликнул Сэм. – Ты куда собрался? На охоту? Послушай-ка, старина! Тебе наша пища не по нраву, но, знаешь, и я не прочь пожевать чего-нибудь посытнее. Насколько я помню, твой последний девиз – «Всегда готов к услугам». Так, может, поищешь какой-нибудь еды для голодного хоббита?

– Может быть, может быть, и поищу, – оглянулся Голлум. – Смеагол всегда помогает, когда его просят... Когда хорошо просят.

– Пожалуй, ты прав, – согласился Сэм. – Что ж! Сэм очень, очень хорошо тебя просит. А если этого мало, то Сэм покорно тебя просит!

Голлум исчез. Фродо отломил пару кусочков *лембаса*, зарылся поглубже в бурый папоротник и уснул. Сэм посмотрел на него. Свет раннего дня еще только начинал проникать в тень деревьев, но лицо хозяина Сэм видел хорошо – лицо и руки, покоившиеся на земле.

Внезапно Сэму вспомнилось, как он смотрел на спящего Фродо в Доме Элронда. Дежуря тогда у постели раненого, Сэм заметил, что по временам Фродо словно светится изнутри. Теперь, почудилось Сэму, свет стал чище и ярче. Лицо Фродо разгладилось, забота и страх покинули его. Однако оно все же казалось постаревшим – постаревшим, но прекрасным, словно резец времени долго и умело трудился над ним, и вот итог работы открылся, хотя черты Фродо не изменились. Сэм Гэмги, правда, такими мудреными словами не мыслил – только покачал головой и пробормотал:

– Что тут говорить – люблю я его, и все. Он такой вот как раз и есть. Вот-вот, точно... Даже как-то светится изнутри. Я его люблю, вот и весь сказ.

Незаметно подкравшийся Голлум заглянул Сэму через плечо, но, увидев лицо Фродо, зажмурился и молча отполз в сторону. Сэм повернулся к нему. Голлум что-то жевал и невнятно приговаривал себе под нос. Перед ним лежали два крольчонка, и он поглядывал на них не без жадности.

– Смеагол всегда выручает, – сказал он. – Смеагол принес кроликов, хороших, славных кроликов. Но хозяин пошел спать. Сэм, наверное, тоже хочет спать. Может, он уже не хочет кроликов? Смеагол очень старается помочь, но за одну минуту ему трудно было управиться!

Сэм, однако, против кроликов не возражал, по крайней мере против кроликов тушеных, и доходчиво объяснил это Голлumu. Разумеется, все хоббиты умеют стряпать – родители учат их этому гораздо раньше, чем чтению (до чтения, кстати, дело доходит не всегда). Но Сэм даже среди хоббитов слыл по этой части мастером. Когда выдавался случай, он неизменно хлопотал у костра с котелками и кормил Отряд. Теперь Отряд распался, но, надеясь на лучшее, Сэм не расставался с главным своим достоянием: кремнем, огнивом и двумя мелкими котелочками, один из которых помещался в другом, причем в меньшем котелке хранились деревянная ложка, короткая двузубая вилка и несколько вертелов. Главным своим сокровищем – увы, грозящим вскоре иссякнуть – Сэм считал соль в деревянной коробочке, спрятанной на самом дне котомки. Оставалось только развести огонь и кое-что раздобыть. Сэм помозговал над этим, пока

достаивал нож, чистил его, вытирал и затачивал, собираясь свежевать кроликов. Оставлять спящего Фродо одного он не хотел.

– Эй, Голлум, – окликнул он наконец. – У меня есть для тебя работенка. Сходи-ка набери в эти котелки воды и принеси сюда.

– Хорошо, Смеагол принесет воды, ладно, – согласился Голлум. – Но зачем хоббиту столько воды? Он уже напился, он уже помылся.

– Не беспокойся, – сказал Сэм. – Не можешь догадаться, так увидишь. И чем скорее принесешь воды, тем скорее увидишь. Только не повреди котелков, а то я из тебя сделаю отбивную!

Голлум повиновался. Пока он ходил, Сэм снова подошел к Фродо и посмотрел на него. Тот спал все так же мирно, но теперь Сэму бросилось в глаза, как исхудали руки и лицо хозяина. «Какой он тонкий стал! Одни кости, – подумал Сэм. – Не дело для хоббита! Если удастся как следует приготовить этих кроликов, сразу разбужу его!»

Сэм набрал папоротника посуше и полез на склон за сучьями и хворостом. Наверху ему повезло – он отыскал на земле сломанную кедровую ветку. Запасшись дровами, он вырыл в склоне, сразу над папоротниками, ямку, сложил туда хворост и с привычной ловкостью развел огонь. Дыма костерок почти не давал, зато распространял сладкий кедровый аромат. Когда вернулся Голлум, балансируя котелками и что-то ворча себе под нос, Сэм уже всю хлопотал над огнем, укрывая его от ветра и подкладывая палочки потолще.

Поставив котелки на землю, Голлум внезапно увидел, чем занят хоббит. Раздался тонкий свистящий вскрик. Голлум, похоже, рассердился и в то же время перепугался насмерть.

– Ах, ах! Ш-ш-ш! Нет! Нет! Глупые хоббиты, безмозглые, да, безмозглые! Они не должны этого делать!

– Чего делать? – поднял голову удивленный Сэм.

– Нельзя кормить эти гадкие крас-ные язычки! – зашипел Голлум. – Огонь! Огонь! Это опас-с-сно, да, да! Он жжет, он убивает! Он привлечет врагов, да-да, врагов!

– Ну, это навряд ли, – отмахнулся Сэм. – Если костер не задымит, ничего не случится, а если не класть в него сырых дров, он и не задымит. Но если дым все-таки пойдет, тоже ничего страшного. Авось обойдется. Надо сварить этих кроликов, понимаешь?

– Сварить?! – взвизгнул Голлум в отчаянии. – Испортить мясо, прекрасное мясо, которое Смеагол принес глупому хоббиту, бедный,

голодный Смеагол?! Зачем? Зачем, глупый, безмозглый хоббит?! Кролики молоденькие, кролики мягкие, кролики вкусные. Съешь их, съешь прямо так!

И Голлум вцепился в одного из кроликов, уже освежеванных и лежащих возле огня.

– Ну, ну, тише, – остановил его Сэм. – Каждому свое. Ты давишься нашим хлебом, а меня тошнит от сырой крольчатины. Ты принес мне кроликов, значит, они мои, ясно? А если они мои, то я сделаю с ними, что захочу: захочу – приготовлю, захочу – оставлю так. Но я хочу их именно приготовить. Не желаешь – не смотри. Поймай себе еще и поступай, как тебе нравится, только чтоб я тебя не видел. Тебе не будет видно костра, а мне не будет видно тебя, и обоим будет хорошо. А за дымом я пригляжу, не беспокойся. Устраивает?

Голлум, ворча, отступил и заполз в папоротники, а Сэм занялся котелками.

«Чтобы приготовить кролика, – сказал он себе, – хоббиту нужна пряная травка и какие-нибудь корешки да овощи, но лучше всего картошка! А о хлебе лучше и не вспоминать. Зелень, кажется, раздобыть нетрудно...»

– Голлум! – тихонько позвал он. Тот высунулся из папоротников. Вид у него был далеко не дружелюбный и отнюдь не услужливый. – Потрудились бы ты еще разок для ровного счета! Притащи парочку лавровых листочков, щепотку чабреца и пучок шалфея! Только шевелись, а то скоро закипит! Давай, действуй!

– Нет, – отрезал Голлум. – Смеагол не рад. Смеагол не любит пахучей травы. Смеагол не ест корни и траву, нет, Сокровище мое, он их ест, только если совсем изголодается или если очень заболит, бедный, бедный Смеагол!

– Вот я его самого брошу в котелок, если он не будет делать, что просят, – рассердился Сэм. – Сэм устроит Смеаголу такую головомойку, что Смеагол станет как шелковый, да, да, Сокровище мое! Будь сейчас другое время года, я послал бы Смеагола за брюквой и морковкой, и за картошкой, да! Спорю, здесь навалом разных диких корнеплодов. Эх, дорого бы я сейчас заплатил за полдюжины клубеньков!

– Смеагол не пойдет, нет, не пойдет, Сокровище мое! Смеагол больше никуда не пойдет, – просвистел Голлум. – Смеаголу страшно,

он очень устал, да, а хоббит плохой, хоббит совсем, совсем нехороший. Смеагол не будет копать брюксу и морковсу, нет. И картошту – нет, и картошту не будет. Что такое «картошта»? Что это такое, а, Сокровище мое?

– Кар-то-шка, – поправил Сэм. – Картошка – это главная отрада моего Старикана и отличное лекарство от пустого желудка. Но сейчас ее все равно днем с огнем не сыщешь, так что не беспокойся. Будь добрым, хорошим Смеагольчиком и принеси мне травки, чтобы я лучше о тебе думал. А если ты меня слушаешь и начнешь новую жизнь, я когда-нибудь приготовлю тебе настоящую картошку. За мной не заржавеет. Жареная картошка с рыбой⁴²⁷, приготовленная самим С. Гэмги! Небось от такого даже ты не отказался бы!

– Конечно, отказался бы. Вот еще! Зачем портить вкусную, хорошую рыбку, зачем ее жечь? Дай мне лучше сырой рыбки, дай сейчас, а противную жареную картошку оставь себе!

– С тобой разговаривать – все равно что в ступе воду толочь, – махнул рукой Сэм. – Иди-ка ты спать!

Пришлось раздобывать траву самому – благо далеко ходить не понадобилось, и Сэм запасся всем необходимым, не выпуская спящего Фродо из виду. Вернувшись, он сел и принялся задумчиво подбрасывать в огонь веточки, дожидаясь, пока закипит вода. День разгорался. Стало теплее. Роса на траве и листьях высохла. Вскоре разделанные кролики, сдобренные травами, переместились в котелки. Вариво шипело и скворчало, время тянулось медленно, и Сэм едва не заснул. Не меньше часа провел он у котелка, то и дело проверяя вилкой, не сварилось ли мясо, и пробуя бульон.

Когда все было готово, Сэм снял котелки с огня, а сам тихонько подобрался к хозяину. Фродо приоткрыл глаза, увидел над собой Сэма и проснулся окончательно, тщетно припоминая последний из приснившихся ему снов – такой же мирный и ласковый, как и все предыдущие.

– Привет, Сэм! – сказал он. – Ты почему не отдыхаешь? Что-нибудь не так? Сколько времени?

– Да уже часа два как рассвело! По засельскому счету, наверное, этак полдевятого. Все в порядке, но не совсем, потому что у меня нет заправки – ни картошки, ни лука. Я приготовил горячего мясца с

бульоном. Это вас подкрепит, господин Фродо. Только пить придется из кружки или прямо из котелка, когда остынет. Такая жалость – не захватил тарелок!

Фродо зевнул и потянулся.

– Ты должен был поспать, Сэм, – сказал он укоризненно. – И костер здесь жечь опасно. Хотя проголодался я, конечно, изрядно... Мм! Это твоя стряпня так вкусно пахнет? Что это ты такое измыслил?

– Это подарочек от Смеагола, – объяснил Сэм. – Пара крольчат. Только, кажется, Смеагол уже раскаивается, что отдал их нам. И заправить было нечем – так, щепотка травок, и больше ничего.

Сэм и его хозяин уселись рядышком в гуще папоротников и принялись хлебать варево прямо из котелков, одалживая друг другу издававшие виды ложку и вилку. Кроме того, хоббиты поделили между собой кусочек эльфийского хлебца. Давненько не приходилось им так пировать!

– Эй, Голлум, – позвал Сэм, негромко свистнув. – Иди к нам! Еще есть время передумать! Здесь осталось немного косточек. Хочешь тушеной крольчатинки?

Молчание.

– Ну что ж, промышляет, наверное, на свою долю, – догадался Сэм. – И пусть его. Нам больше достанется.

– А потом тебе надо будет немного поспать, – напомнил Фродо.

– Только вы, пожалуйста, не засните, хозяин, – озабоченно попросил Сэм. – Все-таки я ему не доверяю! В нем до сих пор многовато от Вонючки – я имею в виду того, второго Голлума, который хуже. И этот второй набирает силу, помяните мое слово. Если бы он мог, он задушил бы меня не сходя с места. Не уживемся мы с ним, вот что. Не нравится Смеаголу Сэм, Сокровище мое, ох, не нравится!

Они доели варево, и Сэм спустился к ручью почистить котелки. Закончив работу, он встал и оглянулся на склон. В этот момент солнце, вынырнув из мглы, покрывавшей горные склоны – неизвестно, была ли то тень, дым или туман, – зажгло золотыми лучами деревья и поляны вокруг. Тут-то Сэм и заметил, что в небо поднимается тонкая, но очень хорошо заметная серо-голубая струйка дыма, пронизанная солнечными лучами. Дым шел из кустов выше по склону. Сэм с

ужасом осознал, что дымит его костерок, который он позабыл загасить.

– Непорядок! Никогда бы не подумал, что будет так далеко видно! – пробормотал он и поспешил было назад, но по дороге остановился и прислушался. Почудилось или вправду кто-то свистнул? Может, незнакомая птица? Но если и впрямь свистели, то не оттуда, где оставался Фродо. Вот, опять! Но уже совсем с другой стороны! Сэм бросился наверх.

Оказалось, одна из маленьких веточек, догорев, подожгла папоротник, а от папоротника затлела трава на склоне. Хоббит в два счета затоптал остатки костра, разбросал угли, прикрыл кострище дерном и тишком пробрался обратно к Фродо.

– Слыхали? – озабоченно задышал он ему в ухо. – С одной стороны кто-то свистнул, а с другой, похоже, ответили. С минуту назад. Я, конечно, надеюсь, что это была птица, но больше похоже, что кто-то нарочно подражал птице! Боюсь и говорить, но мой костерок страшно раздымился! Если он кого привлек на нашу голову – никогда себе не прощу! Хотя, может, уже и прощать-то будет некому!

– Тс-с! – шепнул Фродо. – По-моему, там разговаривают.

Хоббиты мигом увязали котомки, готовясь, если понадобится, спастись бегством, заползли поглубже в папоротник и замерли, прислушиваясь. Вне всяких сомнений, рядом переговаривались: вполголоса, украдкой, но совсем близко, более того – все ближе и ближе:

– Вот оно! Дым шел отсюда. Мы у цели! Верно, он скрылся в папоротниках. Возьмем его, как кролика из западни. Посмотрим, кто он таков и откуда!

– И вызнаем все, что можно!

С четырех сторон папоротниковых зарослей выросло по человеку. Бежать – некуда, прятаться дальше – бессмысленно. Фродо и Сэм вскочили, прижались друг к другу спинами и выхватили свои маленькие мечи.

То, что они увидели, несказанно их поразило, а люди удивились и того больше. Это были высокие, стройные воины. Двое из них держали в руках копья с широкими блестящими наконечниками, двое – луки размером почти в человеческий рост; за плечами у лучников

были длинные колчаны, туго набитые стрелами со светло-зеленым оперением. У всех к поясу были пристегнуты мечи. Одеты люди были в зеленое и коричневое разнообразных оттенков, – должно быть, эти цвета помогали им оставаться незамеченными на лужайках Итилиэна. Руки были обтянуты зелеными перчатками, лица прятались под капюшонами и зелеными масками, глаза смотрели из прорезей зорко и ясно. Фродо сразу подумал о Боромире: статью, речь и повадкой эти люди очень походили на гондорца.

– Мы не нашли того, что искали, – сказал один из них разочарованно. – Но что же мы в таком случае нашли?

– Это не орки, – отвечивал другой, снимая руку с рукояти меча, – он схватился было за меч, когда в руке Фродо блеснуло Жало.

– Эльфы?.. – с сомнением предположил третий.

– Нет, не эльфы, – отверг его догадку четвертый, самый высокий и, по всей видимости, главный из четверых. – Эльфы нынче обходят Итилиэн стороной. К тому же, рассказывают⁴²⁸, эльфы прекрасны видом...

– Ты хочешь сказать, что мы, в отличие от них, изрядные уродцы, – перебил его Сэм. – Благодарим покорно! Но когда вы кончите обсуждать нашу внешность, не будете ли вы любезны представиться и объяснить, почему вы нарушаете отдых двух усталых путников?

Самый высокий из зеленых мрачно рассмеялся.

– Я – Фарамир⁴²⁹, полководец Гондора, – молвил он. – Что же до вас, то в сих землях обычных путников не бывает. Тут всяк кому-нибудь да служит – кто Черной, кто Белой Башне.

– Мы никому не служим, – возразил Фродо. – Что бы ни говорил полководец Фарамир, мы – обычные путники, и больше ничего.

– Тогда отвечайте, как зоветесь и куда путь держите, да поскорее, – велел Фарамир. – Нас ждут вседневные дела. Не время и не место загадывать загадки и вести переговоры. Отвечайте! Где ваш третий товарищ?

– Третий?

– Он рыскал там, внизу, у водоема. Видом он не весьма приятен. Что-то вроде орка-лазутчика, а может, орочий приспешник? Но он хитер как лиса, и ему удалось ускользнуть от нас.

– Где он, я сказать не могу, – пожал плечами Фродо. – Он с нами случайно – так, подобрали по дороге. Я за него не в ответе. Но если он вам попадется, пощадите его! Приведите сюда или скажите ему, что мы его ищем. Это – жалкая, исковерканная судьбою тварь. Добра от него не жди, но он под моей опекой – так уж вышло. Ну а мы – хоббиты из Заселья, что лежит далеко отсюда, на северо-западе, за горами и быстрыми реками. Меня зовут Фродо, сын Дрого, а это – Сэмуайз, сын Хэмфаста, весьма достойный хоббит, состоит у меня в услужении. Мы проделали долгий путь от Ривенделла, известного еще под названием Имладрис.

Фарамир насторожился и стал слушать внимательнее.

Фродо продолжал:

– Семеро спутников сопровождало нас от Имладриса. Одного мы потеряли в Мории, других оставили на лугу, именуемом Парт Гален, близ Раурса. Среди этих шести были два моих сородича, а также гном, эльф и два человека. Имена их – Арагорн и Боромир. Боромир утверждал, что родом он из города Минас Тирит, что на юге.

– Боромир! – воскликнули все четверо одновременно.

– Боромир! Сын Властителя Дэнетора? – переспросил Фарамир, и лицо его странно посуровело. – Значит, вы странствовали вместе с Боромиром? Это весьма важная новость, если, конечно, вы не лжете. Знайте, о маленькие чужеземцы, что Боромир, сын Дэнетора, был Верховным Стражем Белой Башни, нашим главным полководцем. Мы горько его оплакиваем. Кто же вы сами? Что объединяло вас и Боромира? Поторопитесь: солнце восходит все выше.

– Знаете ли вы о загадочных словах, которые Боромир привез в Ривенделл?

*За Мечом, Что Был Сломан,
Мчи в Имладрис чуть свет...*

– Воистину, эти слова нам известны, – признал пораженный Фарамир. – Это знак, что ты не солгал.

– Арагорн, имя которого я назвал тебе, владеет Мечом, Что Был Сломан, – продолжал Фродо, – а мы – невелички, о которых говорит пророческий стих.

– Что вы невелички, я вижу, – кивнул Фарамир задумчиво. – По крайней мере весьма на то похоже. Но что такое «Погибель Исилдура»?

– Это пока скрыто, – ответил хоббит. – Но в свое время тайна выйдет на свет.

– Мы должны узнать об этом как можно больше, – сказал Фарамир. – Мы должны знать, что заставило тебя проделать такой путь и забрести в края, над которыми нависла Тень. – Движением головы он показал на горы. – Но не сейчас. Сегодня нам предстоит нелегкий труд! Знаете ли вы, что подвергались смертельной опасности? Сегодня вы не ушли бы далеко – ни по дороге, ни лесом, ни полем. Еще не наступит полдень, как здесь завяжется смертельная схватка. В итоге смерть – или спешное бегство к Андуину... Я оставлю вас под охраной двух воинов. Так будет лучше и для вас, и для меня. Мудрый не вернется первому встречному – особенно в этих краях. Если я вернусь, мы продолжим нашу беседу.

– Прощай! Удачи тебе! – Фродо низко поклонился. – Думай обо мне, что хочешь, но я друг всем, кто борется против Единого Врага. Мы пошли бы с тобой, но вряд ли таким могучим, крепким воинам из человеческого племени пригодились бы в бою невелички вроде нас. И потом, боюсь, долг мой не позволяет мне рисковать напрасно. Да блеснет солнце на ваших мечах!

– Невелички воистину учтивы, хотя о прочем судить рано, – отозвался Фарамир. – Прощайте!

Хоббиты снова молча опустились на листья папоротников, не став делиться друг с другом мыслями и сомнениями. Неподалеку, в рябщей солнечными пятнами тени лавра, остались два стражника. Они изредка снимали маски, чтобы охладить лица, разгоряченные дневным жаром, – и тогда Фродо мог разглядеть их получше. Это были красивые люди, бледнокожие и темноволосые, с серыми глазами; лица у них были гордые и печальные. Воины негромко переговаривались – поначалу на Общем Языке, употребляя, правда, несколько старомодные слова и выражения, потом – на своем. Слушая их, Фродо вдруг с удивлением понял, что говорят они по-эльфийски, – по крайней мере на языке, очень похожем на эльфийский. Он разглядывал воинов

во все глаза – ведь это были, судя по всему, самые настоящие дунаданы с Юга, из племени Западных Властителей!

Спустя некоторое время Фродо заговорил с воинами, но те отвечали без особой охоты, подбирая слова с большой осторожностью. Представились они как Маблунг и Дамрод⁴³⁰, воины Гондора, итилиэнские следопыты; происхождение свое они вели от коренных жителей Итилиэна, обитавших здесь до того, как край оказался под пятой Врага. Из таких людей Властитель Гондора Дэнетор и отбирал разведчиков, которые тайно переправлялись на другой берег Андуина (как и где, воины говорить не стали): отряды эти призваны были держать в страхе орков и прочих врагов, рыщущих меж Рекой и Черными Горами.

– До восточного берега Великой Реки около десяти лиг, – сказал Маблунг. – Мы редко совершаем столь дальние вылазки. Но сегодня у нас необычная задача. Мы устраиваем засаду пришельцам из Харада, будь они прокляты!

– Будь они прокляты, злосчастные! – эхом отозвался Дамрод. – Сказывают, что некогда Гондор имел сношения с королевствами Харада, лежащими далеко на юге. Дружбы особой, однако, между нами никогда не было. В те дни пределы Гондора простирались далеко за устье Андуина, и Умбар, ближайшее к нам государство южан, признавал наше господство. Много воды утекло и много сменилось поколений с тех пор, как последний гонец прискакал из Гондора в Харад и последний – из Харада в Гондор. Наконец не так давно мы узнали, что Враг посетил их и они перешли на его сторону, – точнее сказать, вернулись на его сторону, ибо они всегда с готовностью повиновались ему, как и многие другие племена Востока. Я не сомневаюсь, что дни Гондора сочтены и стены Минас Тирита не устоят, ибо велики мощь и злоба Врага.

– Однако мы не предаемся праздности и не оставляем его злодеяния безнаказанными, – добавил Маблунг. – Проклятые южане топчут наши древние дороги, спеша влиться в армии Черной Башни. Нам стало известно, что с каждым шагом они все больше забывают об осторожности, уверенные, что их новый хозяин силен беспредельно и тени Его гор вполне достаточно, чтобы защитить их. Но мы проучим наглецов! Несколько дней назад мы узнали, что южане двинули на север крупные силы. Один из полков, по нашим подсчетам, около

полудня пройдет прямо над тем местом, где мы с вами сейчас обретаемся. Дорога идет через расселину... Дорога-то идет, но они не пройдут ни за что! Пока нас ведет в бой не кто-нибудь, а Фарамир, врагам удачи не будет! Даже в самых опасных вылазках Фарамир всегда впереди. Но то ли жизнь его заколдована, то ли судьба щадит его для иного жребия – он неизменно остается цел...

Постепенно беседа смолкла, уступив место напряженному молчанию. Все замерло, словно прислушиваясь. Сэм, устроившийся на краю папоротниковых зарослей, выглянул наружу. От его зоркого хоббичьего взгляда не укрылось, что среди деревьев мелькают воины – много воинов. По одному, друг за другом, длинными цепочками крались они вверх по склону, держась в тени кустов и деревьев, иногда ползком, иногда бегом, почти неразличимые в хитросплетениях веток благодаря зелено-коричневым одеяниям. Все они были в капюшонах, масках и перчатках и вооружены в точности как Фарамир и его спутники. Наконец воины исчезли за гребнем. Солнце поднялось еще выше и перекатилось на юг. Тени съежились.

«Знать бы, куда запропастился этот треклятый Голлум, – думал Сэм, заползая обратно в густую тень папоротников. – Как бы его, случаем, с орком не спутали! Да и Желтое Лицо, того гляди, испечет бедолагу заживо... Впрочем, он сам о себе позаботится».

Сэм улегся рядом с Фродо и задремал.

Во сне ему почудилось, что трубят рога. Он очнулся и сел. День был в разгаре. Охранники стояли в тени деревьев, напряженно вытянувшись. Вдруг рога заиграли громче. Ошибки быть не могло – звук шел сверху. Сэму казалось, что со звуком горнов смешался боевой клич и дикие вопли, но все это доносилось до ушей глухо, словно из далекой и глубокой пещеры. И вдруг шум битвы грянул прямо над головой. Звонко заскрежетала сталь, послышались гулкие удары мечей о железные шлемы, копья застучали о щиты так, что Сэм едва не оглох. Громкий, чистый голос перекрывал все крики, визг и улюлюканье.

– Гондор! Гондор!

– Словно сотня кузнецов разом колотит по своим наковальням, – пробормотал Сэм, обращаясь к Фродо. – Надо бы им сказать, чтобы ближе не подходили. Мне и так очень хорошо слышно, спасибо!

Но шум приближался.

– Идут! – закричал Дамрод. – Глядите! Некоторым удалось прорваться! Они бегут! Смотрите! Наши гонятся за ними по пятам! И Командир впереди!

Сэм, сгорая от любопытства, присоединился к охранникам. Он взобрался на нижний сук большого лавра и успел увидеть смуглых, одетых в красное людей, бежавших вниз по склону; их настигали воины в зеленом, поражая мечами прямо на бегу. В воздухе засвистели стрелы. И вдруг с обрыва, под которым укрывались хоббиты и охранники, чуть ли не прямо им на голову рухнул, ломая на пути ветки, человек. Перекатившись по склону и подмяв под себя папоротники, он замер лицом вниз. Под золотым ошейником торчало несколько стрел с зеленым оперением. Красные одежды изодрались, панцирь из перекрывающихся медных чешуй кое-где глубоко вдавился в тело, кое-где был разрублен. Черные косы, перевитые золотом, намокли от крови. Коричневая рука все еще сжимала рукоять сломанного меча.

Сэму впервые довелось стать свидетелем того, как бьются между собой люди, и зрелище это его отнюдь не воодушевило. Он был рад, что не видит лица убитого. Как звали этого человека, задавался вопросом хоббит, откуда он явился и точно ли сердце его было черно от злобы? Может, его опутали ложью или запугали, чтобы он вместе со всеми послушно отправился на север? Кто знает, может, сам он предпочел бы остаться дома и вести мирную жизнь? Мысли эти промелькнули у Сэма в голове, но не задержались, а Маблунг не успел сделать и шага к телу убитого, как вдруг послышался новый, куда более страшный шум, крики и оглушительные вопли ужаса. В следующий миг все перекрыл странный трубный звук или скорее рев, а следом послышались чудовищный топот и буханье, будто кто-то вбивал в землю тяжелые сваи. Все кругом задрожало и загудело.

– Берегись! Берегись! – крикнул Дамрод товарищу. – Да охранят нас Валары⁴³¹! Муумак! Муумак!

К изумлению, ужасу и неописуемому восторгу Сэма, из-за деревьев, круша их и раскидывая, появился огромный зверь. Разметав преграду, он помчался вниз по склону. Чудище было величиной с дом, если не больше, – настоящая гора, серая, живая! Конечно, у страха

глаза велики, но муумак из Харада⁴³² поистине был зверем-великаном, какого ныне в Средьземелье уже не встретишь. Правда, его потомки еще бродят по земле, но куда им до своих величественных предшественников! Исполин мчался вперед, прямо на хоббитов и Маблунга с Дамродом – но в последний миг его шатнуло в сторону, и он, сотрясая землю, пронесся мимо, да так близко, что протяни руку – достанешь. Ноги у него были что деревья, уши развевались, как великанские паруса, хобот раскачивался, словно змея перед прыжком, а маленькие красные глазки горели ненавистью. По изогнутым кверху рогоподобным бивням, украшенным золотыми лентами, стекала кровь; алая с золотом попона изодралась в клочья. На горбатой спине виднелись остатки башенки, – видимо, диковина опрокинулась, когда великан ломился через чащу. За шеей чудовищного зверя из последних сил цеплялся человек. Снизу он казался совсем маленьким, а среди соплеменников считался, должно быть, великаном!

Зверь в слепой ярости мчался вперед и вперед, расплескивая встречающиеся по дороге озерца и круша заросли. Стрелы только царапали его толстую шкуру и соскальзывали вниз, не причиняя вреда. Перед ним разбегались и свои, и чужие, но все же многих настиг он и втоптал в землю, прежде чем исчез из виду, трубя и оглушительно топая. Что стало с ним дальше – Сэм так никогда и не узнал. Долго ли он блуждал на свободе, прежде чем сгинуть вдали от родины? А может, на пути его подстерегла какая-нибудь глубокая яма или он сам в бешенстве, не разбирая пути, ринулся в Великую Реку, чтобы навсегда исчезнуть в ее волнах?

Сэм с шумом перевел дыхание.

– Олифан! – воскликнул он. – Стало быть, есть они, олифаны, и я только что одного видел! Вот здорово! Но дома ни за что не поверят!.. Ладно, бой, кажется, кончился, так что я пойду вздремну.

– Спите, пока спится, – сказал Маблунг, – только, если Командира не ранили, он скоро будет здесь, и мы сразу снимемся с места. Когда весть о нашей победе достигнет ушей Врага, за нами отрядят погоню. Долго ждать не придется.

– Только не шумите, когда будете уходить, – сонно буркнул Сэм. – Охота наконец поспать спокойно. Я всю ночь был в пути!

Маблунг рассмеялся.

– Не думаю, чтобы Командир позволил вам остаться, господин Сэмуайз, – сказал он. – Впрочем, увидите сами.

Глава пятая

Окно на запад

Сэму показалось, что ему не дали поспать и двух минут, когда он открыл глаза и обнаружил, что солнце давно перевалило за полдень, а Фарамир уже вернулся. Он привел с собой много воинов: собрались все оставшиеся в живых после вылазки, общим счетом две или три сотни. Воины расположились широким полукругом. В центре на земле сидел Фарамир, а Фродо поставили перед ним. Все это как-то подозрительно напоминало допрос пленника.

Сэм вылез из папоротников, но никто не обращал на него внимания, и он устроился с краю, чтобы получше видеть и слышать. Навострив уши, он напряженно переводил взгляд с Фродо на Фарамира, готовый в любую минуту броситься на выручку хозяину. Теперь он мог наконец рассмотреть лицо Фарамира без маски, и оно показалось Сэму властным и суровым. За испытующим взглядом Командира угадывался недюжинный ум. Серые глаза смотрели на хоббитов пристально и недоверчиво.

Вскоре Сэму стало ясно, что рассказ Фродо не во всем удовлетворил Командира. Фарамир желал знать: какую роль играл в Отряде Фродо, почему он бросил Боромира, куда держит путь? В особенности беспокоила Фарамира «Погибель Исилдура». Он часто возвращался к этой загадке. От него не утаилось, что Фродо скрывает что-то особенно важное.

– Погибель Исилдура принесет в Гондор именно невеличек, по крайней мере так мы поняли слова предсказания, – еще раз повторил Фарамир. – Если ты Невеличек из пророчества, ты, без сомнения, несешь эту Погибель с собой – хотя как может выглядеть сия вещь, мне неизвестно – и на Совете, о котором ты говоришь, она была при тебе. Боромир был там и видел ее – или ты это отрицаешь?

Фродо промолчал.

– Стало быть, я прав, – сделал вывод Фарамир. – Тогда я должен узнать от тебя об этой вещи как можно больше. Все, что касается Боромира, в той же мере касается и меня! Согласно древним легендам, Исилдур нашел смерть от орочьей стрелы. Но таких стрел тысячи, и Боромир только посмеялся бы, если бы ему показали простую стрелу и

объявили, что в ней скрыта Погибель Исилдура. Что же это за вещь? Она по-прежнему при тебе? Ты говоришь, что она до времени скрыта, но не по собственному ли почину ты ее скрываешь?

– Нет, не по собственному, – ответил Фродо. – Эта вещь не принадлежит мне. И никому из смертных, великих и малых, она не принадлежит. Если кто-то в целом мире и мог бы заявить права на нее, это Арагорн, сын Араторна, о котором я уже говорил. От Мории до Раурса он был вождем нашего Отряда.

– Но почему именно он? Почему не Боромир, князь Города, который основали сыновья Элендила?

– Потому, что Арагорн происходит от Исилдура, сына Элендила, по прямой линии. Элендилу принадлежал и меч, который он сейчас носит.

По рядам воинов пробежал удивленный ропот.

– Меч Элендила?! – слышались возгласы. – В Минас Тирит грядет Элендилов меч! Поистине великое известие!

На лице Фарамира не дрогнул ни один мускул.

– Может статься, это и правда, – молвил он, – но если этот самый Арагорн доберется до Минас Тирита, он должен будет представить неоспоримое подтверждение своих прав. Пока что в Минас Тирит он не прибыл. Не видели там и остальных твоих спутников – а мы покинули Город всего шесть дней тому назад.

– Боромир признал права Арагорна, а значит, у него были на то веские основания, – сказал Фродо. – Честно сказать, лучше бы ты спросил обо всем этом самого Боромира – он ответил бы тебе на все вопросы гораздо подробнее моего. Несколько дней назад он вместе с нами достиг Раурса и намеревался оттуда идти в Минас Тирит, так что, возвратившись домой, ты быстро узнаешь все, что захочешь узнать. Боромиру, как и всем моим спутникам, мое место в Отряде было хорошо известно, потому что определил его сам Элронд, владыка Имладриса, причем перед лицом всего Совета. Поручение Элронда и привело меня в эти края, но мне возбраняется говорить о нем с кем бы то ни было, кроме членов Отряда. Остальные же, если они утверждают, что борются с Врагом, не должны чинить мне препятствий.

Что бы Фродо ни чувствовал, говорил он с достоинством, и Сэм в душе одобрил своего хозяина. Но Фарамир остался неудовлетворен.

– Вот как! – молвил он. – Значит, ты велишь мне заниматься своим делом, сиречь возвращаться домой, а тебя отпустить на все четыре стороны? Боромир, дескать, все разъяснит – надо только дожждаться его возвращения! Итак, мы должны дожждаться Боромира... Отвечай, был ли ты ему другом?

Фродо живейшим образом припомнилось, как свирепо оскалился Боромир, прежде чем прыгнуть на него через камень, – и он на мгновение задержался с ответом. Фарамир, пристально наблюдавший за ним, посуровел.

– Боромир был достойным членом Отряда, – сказал наконец Фродо. – Если говорить обо мне, то – да, я был ему другом.

Фарамир невесело улыбнулся:

– Стало быть, услышав о его гибели, ты горевал бы о нем?

– Да, конечно, еще бы, – ответил Фродо в замешательстве, но тут поймал взгляд Фарамира, понял и вскинулся: – Гибели?! Как это? Хочешь ли ты сказать, что Боромир мертв и ты знал об этом с самого начала? Или ты хитришь, чтобы сбить меня с толку? Неужели ты лжешь, пытаясь поймать меня на слове?

– Я не стал бы лгать даже орку, – ответил Фарамир, сдвинув брови.

– Но как, как он погиб? И откуда ты об этом знаешь? Ты же только что сказал, что никто из Отряда в вашем городе не был!

– О том, какая смерть его постигла, я надеялся узнать у его ближайшего друга и спутника.

– Но когда мы расстались, он был жив и полон сил! По моим понятиям, он должен быть жив и посейчас. В мире, конечно, много опасностей...

– Воистину! И одна из них – предательство.

Сэм все больше терял терпение и злился. Последних слов Фарамира он снести не смог и, сорвавшись с места, выскочил на середину полукруга.

– Вы уж меня простите, господин Фродо, – начал он сердито, – но сколько можно терпеть все это безобразие?! У него нету никакого права так с вами разговаривать, нету, и точка! После всего, что вы перенесли! Разве вы не для них же стараетесь? Для них, для

распрекрасных Больших! И вообще, между прочим, для всех! Послушай-ка меня, Фарамир!

Сэм упер руки в боки и состроил такую свирепую физиономию, словно перед ним был хоббитенок, затруднявшийся подыскать достойное объяснение своему пребыванию в чужом саду. Послышался возмущенный ропот. Правда, многие из воинов не смогли сдержать улыбки – не каждый день увидишь, как на Командира насакивают свирепые маленькие хоббиты! Сэм стоял посреди поляны, широко расставив ноги, глядел прямо в глаза сидевшему на земле Фарамиру и кипел от гнева.

– Послушай, Командир! – продолжал он. – Говори сразу и не тяни! К чему ты ведешь? Мы еще дождемся, что орки накроют нас как миленьких, пока ты тут канителишься! Коли ты считаешь, что мой хозяин уколошил вашего Боромира и смылся, то соображения у тебя, прямо скажем, на грош. Но по крайней мере говори тогда прямо: уколошил, мол, и дело с концом! Выкладывай, что ты собираешься с нами делать! Обидно, когда люди, которые только и твердят, что они-де сражаются против общего Врага, мешают остальным бороться с Ним по-своему, – им, видите ли, обязательно надо вмешаться, неймется им! Вот бы Он пораздовался, если бы нас теперь увидел! Решил бы, что заимел нового друга, не иначе!

– Успокойся! – не выказывая гнева, остановил его Фарамир. – Помолчи. Пусть прежде говорит твой хозяин – он умнее. И не нужно учить меня – я сам знаю, какая и когда нам грозит опасность. Времени и впрямь мало, но мне не жаль потратить его на поиск справедливого решения, тем более что дело трудное. Действуй я столь же поспешно, как ты, я бы давно велел убить вас. Ибо мне приказано убивать всех, кто бродит в этом краю, не имея на то дозволения гондорского Правителя. Но без нужды я не убью ни одно живое существо, да и в крайней нужде прибегаю к убийству весьма неохотно. Я не трачу слов понапрасну, а потому утешься, сядь рядом со своим господином и храни молчание!

Сэм, красный как рак, тяжело опустился на землю. Фарамир тем временем опять повернулся к Фродо:

– Ты спросил, откуда мне известно, что сын Дэнетора мертв. Но вести о смерти летят быстро. Да и поговорка гласит: «Ночь – брат от брата жди вестей». А Боромир приходился мне братом. – По лицу

Фарамира пробежала тень грусти, и он продолжал: – Отвечай: была ли у Боромира какая-нибудь примета, что сразу бросалась бы в глаза? Какая-нибудь особенная вещь или, может быть, украшение?

Фродо опять помедлил с ответом – он боялся новой ловушки и гадал: к чему клонится этот разговор? От Боромира, обуянного жадностью и высокомерием, Кольцо спасти удалось – но что мог противопоставить Фродо целой толпе сильных и хорошо вооруженных людей? Фарамир был так похож на своего брата! Правда, Фродо чувствовал, что младший сын Дэнетора не так самолюбив. Кроме того, он казался мудрее и сдержаннее.

– Я помню, что Боромир носил у пояса большой рог, – собрался наконец с духом хоббит.

– Верно, – кивнул Фарамир. – Значит, ты действительно встречал моего брата. Тогда попробуй увидеть этот рог очами разума – большой рог, добытый на востоке, рог дикого буйвола, окованный в серебро и украшенный вязью древних письмен. Этот рог по традиции нашего рода, насчитывающей не одно столетие, отец препоручал старшему сыну. Предание гласит, что в пределах древних границ Гондора зов этого рога о помощи будет услышан повсюду. Так вот, за пять дней до того, как выступить в поход, а считая от этого часа – ровно одиннадцать дней тому назад, я услышал голос этого рога. Он донесся с севера. Правда, трубил он едва различимо: это был не столько звук, сколько мысленное эхо звука. Недобрым знамением показалось это нам с отцом, ибо с тех пор, как Боромир отправился в путь, вестей от него не было и стражи границ не видели его. А через три дня после того, как я услышал рог, со мною случилось нечто еще более странное. Поздно вечером, в сером полумраке, под бледным молодым месяцем сидел я над Андуином, следя за вечным бегом речных волн. Печально шелестели камыши. Надо сказать, что мы несем постоянную стражу на берегах близ Осгилиата, ибо часть берега удерживают враги и совершают оттуда разбойничьи набеги на нашу землю. Настал мой черед стоять в дозоре. Но в тот полночный час весь мир крепко спал. И вдруг я увидел – если мне не пригрезилось – серо мерцающую лодочку⁴³³, плывущую по волнам Реки, маленькую, странного вида, с высокой кормою, но не было в ней ни гребца, ни кормчего. Меня охватил трепет, ибо лодку окружало бледное сияние. И все же я поднялся, и пошел к берегу, и вошел в воду – меня словно тянуло к

этой лодке. Между тем она повернула ко мне, приблизилась, замедлила ход и прошла на расстоянии вытянутой руки – но я не осмелился коснуться ее. Казалось, лодка была тяжело нагружена, и, когда она проплывала мимо, мне почудилось, что она чуть ли не до краев налита прозрачной светящейся водою. На дне, погруженный в воду, покоился спящий воин. Поперек колен у него лежал сломанный меч. На теле зияли раны. То был мой брат Боромир, и он был мертв. Мне ли было не узнать его доспехов, не узнать любимого лица? Одного лишь не доставало – того самого рога, и одна лишь вещь на нем была новой для меня – дивной красоты пояс, сплетенный из золотых листьев. «Боромир! – вскричал я. – Где рог твой? Куда плывешь ты? О Боромир!» – но было уже поздно. Лодка вернулась на середину реки и поплыла прочь, окруженная бледным мерцанием. Это походило на сон, но сном не было, ибо пробуждения не последовало. С тех пор я более не сомневаюсь, что брат мой погиб и Река взяла его с собой – в Море.

– Увы! – сказал Фродо. – Таким и я помню Боромира. Золотой пояс подарила ему Владычица Лотлориэна Галадриэль. Это она одела нас в серые эльфийские одежды, которые ты видишь. А вот эльфийская застежка той же работы, что и пояс.

Хоббит показал Фарамиру серебристо-зеленый лист, скреплявший ворот его плаща. Фарамир взял застежку и внимательно рассмотрел ее.

– Вещь удивительная, – сказал он. – Воистину, эта брошь сработана тем же мастером, что и пояс. Стало быть, вам довелось идти через Лориэн? Когда-то давным-давно край этот называли Лаурелиндоренан, но вот уже много поколений, как он канул в неизвестность. – Голос Командира немного смягчился, и он разглядывал Фродо с новым удивлением. – Теперь я начинаю понимать многое из того, что казалось мне поначалу странным. Не расскажешь ли ты нам еще что-нибудь? Ибо горька мысль о том, что Боромир погиб, едва ступив на землю своего отечества!

– К тому, что я уже сказал, мне добавить нечего, – ответил Фродо. – Но твой рассказ меня встревожил. Думается, не к добру это. Наверное, лодка была не настоящая! Только непонятно – предвестие это или «послевестие»? А может быть, это всего лишь обманные Вражьи чары? Я видел образы благородных воинов древности под водой Мертвых Болот, но это, наверное, темное колдовство Врага...

– О нет, отнюдь, – возразил Фарамир. – Чары Врага исполняют сердце отвращением, а я ощутил лишь скорбь и жалость.

– Но как могло такое случиться? – недоуменно спросил Фродо. – Никакая лодка не прошла бы водопада за Тол Брандиром. К тому же Боромир намеревался идти на родину через реку Энтвейю и степи Рохана. Разве челнок может пройти через пену великого водопада и не затонуть, не разбиться в кипящей круговерти, а только наполниться водой?

– Не знаю, – вздохнул Фарамир. – Но что это была за лодка? Откуда она?

– Из Лориэна, – ответил Фродо. – В трех таких лодках мы спустились по Андуйну до водопада. Лодки тоже сделаны эльфами.

– Ты прошел через Потаенный Край, но, похоже, так и не понял, сколь могущественны эльфийские чары, – вздохнул Фарамир. – Те, кому пришлось иметь дело с госпожой волшебницей из Золотого Леса, вправе ждать, что за этим последуют странные вещи! Смертным опасно покидать мир, над которым светит привычное солнце, и в давние времена мало кто возвращался от эльфов, не переменившись, – так рассказывают предания. О Боромир! Что она сказала тебе – госпожа, над которой смерть не властна? Что она прочитала в твоих глазах? Что разбудила в твоём сердце? Зачем ты свернул в Лаурелиндоренан? Зачем не пошел прямой дорогой, не проскакал через поля Рохана, не вступил поутру на порог родительского дома? – Он снова повернулся к Фродо: – Догадываюсь, что ты мог бы ответить мне на эти вопросы, Фродо, сын Дрого. Но наверное, не здесь и не сейчас. А чтобы ты не думал, что я поведал тебе просто сон или видение – вот что я тебе скажу в добавление к своей истории. Рог Боромира вернулся в Минас Тирит, вернулся не во сне, а наяву. Вернулся – но рассеченный на две половины, словно бы мечом или топором. Половинки отыскились порознь. Первую нашли в камышах на северной границе пониже устья Энтвейи – там стоит гондорский сторожевой пост; вторая плыла по волнам – ее подобрали с лодки. Странные случайности! Но, говорят, злодеяние всегда раскрывается и тайное становится явным. Теперь обе половины рога, принадлежавшие старшему из братьев, лежат на коленях Дэнетора: восседая на своем державном кресле у трона, ждет он вестей о сыне. Можешь ли ты сказать мне, почему раскололся рог?

– Нет, я ничего об этом не знаю, – удивился Фродо. – Но если твои расчеты правильны, зов рога достиг твоих ушей в тот самый день, когда мы – я и мой слуга – покинули Отряд. Рассказ твой наполнил мое сердце страхом. Судя по всему, в тот день Боромир встретился с опасностью и был убит. А прочие? Я боюсь и за них – ведь они могли разделить участь Боромира, а все они мои друзья, некоторые даже родственники! Но скажи, может, ты оставишь подозрения и дашь мне идти своей дорогой? Я устал, пережил немало горя и боюсь. Однако у меня есть дело, которое я должен сделать, по крайней мере попытаться сделать, прежде чем погибну, как они. Если от нашего Содружества остались только мы, двое невеличков, – мне тем более надо спешить изо всех сил. Возвращайся обратно, Фарамир, доблестный полководец Гондора, защищай свой город – а меня отпусти навстречу моей судьбе!

– Беседа наша не принесла мне утешения, – произнес Фарамир. – Но вряд ли ты прав, поддаваясь унынию и страху! Это лишнее. Если все твои спутники погибли, кто же тогда снарядил Боромира в последний путь? Уж не лориэнские ли жители? Орки или другие слуги Неназываемого этого делать бы не стали. Стало быть, погибли не все... Но что бы ни произошло там, на нашей северной границе, в тебе, Фродо, я более не сомневаюсь. Годы испытаний научили меня верно судить о людях по их речам и лицам, так что, думаю, не ошибусь я и с невеличками. Правда, – тут он впервые улыбнулся, – в тебе проглядывает что-то нездешнее, Фродо, может быть, даже эльфийское. За нашей с тобой беседой кроется нечто более важное, чем казалось мне поначалу. По уставу мне положено отвести вас в Минас Тирит и представить пред лицо Дэнетора. Если решение, которое я приму, обернется во вред моему городу, – я по справедливости заплачусь за это жизнью. Поэтому спешить я не хочу. Но отсюда мы должны уходить немедленно.

Фарамир легко вскочил на ноги и отдал несколько приказаний. Воины окружили его плотным кольцом, а в следующее мгновение, разделившись на маленькие отряды, разбежались по сторонам и быстро затерялись в тени скал и деревьев. Еще немного – и рядом с Фарамиром остались только Маблунг и Дамрод.

– Вы, Фродо и Сэмуайз, пойдете со мной и моими телохранителями, – сказал Фарамир. – Идти дальше на юг этой дорогой вам нельзя – если, конечно, вы намеревались ее держаться.

Теперь какое-то время она будет особенно опасна. Отныне Враг не оставит ее без охраны. Но вы и без того далеко сегодня не ушли бы – вы слишком утомлены. Устали и мы. Сейчас мы направляемся в наше тайное убежище – это не так далеко, около лиги отсюда. Орки и лазутчики Врага еще не проводали о нем, но случись это – мы легко выдержим долгую осаду, пусть даже против нас бросят целое полчище. В убежище мы сможем отдохнуть, а с нами – и вы. Когда рассветет, я решу, как поступить и что лучше послужит вашему и моему благу.

Фродо ничего не оставалось, кроме как согласиться с предложением – а по сути, приказом Фарамира. Впрочем, это был, пожалуй, лучший выход – дерзкая вылазка гондорцев сделала и без того опасную прогулку по Итилиэну опасной вдвойне.

Они не мешкая отправились в путь: Маблунг с Дамродом – немного впереди, Фродо, Сэм и Фарамир – следом. Обойдя озеро там, где хоббиты недавно умывались, они пересекли ручеек, взобрались на крутой берег и оказались в зеленой тени лесов, полого спускавшихся к западу. Фарамир шел быстро, примеряясь, однако, к хоббичьему шагу. По дороге он вполголоса продолжал разговор:

– Я прервал нашу беседу не только потому, что, как изволил напомнить Сэм Гэмги, времени у нас в обрез, но и потому, что мы приблизились к самому главному, о чем не следовало говорить открыто пред столькими людьми. Вот почему я стал расспрашивать тебя о брате и «забыл» на время о Погибели Исилдура. Ты не был до конца искренен со мной, Фродо!

– Солгать я не солгал, а правды сказал, сколько мне разрешено, – ответил Фродо.

– Я не виню тебя, – отозвался Фарамир. – Ты оказался в трудном положении, но говорил умело и, как мне представляется, достаточно мудро. Однако из твоих речей я узнал, вернее, угадал больше, чем было сказано на словах. Ты и Боромир не были близкими друзьями – по крайней мере, расстались вы недругами. И ты, и достойный Сэмуайз, мнится мне, держите обиду на него. Я горячо любил брата и рад был бы за него отомстить, но я и знал его, как никто. Погибель Исилдура... Я готов поспорить, что именно Исилдурова Погибель нарушила мир в вашем Отряде. Это, как я понимаю, драгоценная

наследная древность, а такие вещи и сподвижников часто делают врагами, как ведомо нам из старых притч. Ну что, попал я в цель?

– Почти, – ответил Фродо. – Но не в яблочко. Мир среди нас сохранялся до конца. Были только сомнения – какой путь избрать от Эмин Муйла? Но старые притчи учат нас еще и тому, что опасно спешить и вести необдуманные речи о таких вещах, как, например, наследные древности...

– Так я и думал: ты повздорил только с Боромиром. Верно, он хотел, чтобы эта вещь попала в Минас Тирит? Увы! Сколь превратна судьба! Она запечатала твои уста – уста того, кто видел моего брата в день гибели, и не позволяет мне узнать то, что я так жажду узнать: что было у него на сердце и в мыслях в последние часы его жизни? Но даже если он в чем и прегрешил, я верю: умер он как герой и совершил перед смертью великий подвиг. Его лицо в эльфийской лодке было даже прекраснее, чем при жизни.

Я начал с того, что слишком настойчиво пытался выведать у тебя о Погибели Исилдура. Прости меня! В тот миг и в том месте это было с моей стороны немудро. Я не успел как следует размыслить. Бой был жестоким и в тот миг еще занимал мои мысли. Однако, еще не кончив разговора, я одумался и, уже вплотную приблизившись к цели, намеренно ушел в сторону. Знай, что Правители нашего города хранят старинные предания, которых за пределами Гондора не знает никто. Мы не принадлежим к Дому Элендила, хотя в наших жилах тоже течет нуменорская кровь. Мы ведем наш род от достойного Наместника Мардила. В прежние времена Наместники правили страной, когда Король уходил на войну. Королем в те времена был Эарнур, последний в линии Анариона⁴³⁴; он не имел наследников и однажды не вернулся из похода. С тех пор городом управляют Наместники, и традиция эта длится вот уже много поколений. Когда Боромир был, как и я, мальчуганом, мы вместе изучали историю нашего города и наших предков, и Боромир всегда досадовал, что его отца не называют Королем. «Сколько же должно пройти столетий, чтобы наместника сделали Королем, если Король все никак не возвращается?» – спрашивал он, бывало. «В странах, где род королей не столь высок, нескольких лет вполне хватило бы⁴³⁵, – отвечал ему на это отец. – Но в Гондоре и десяти тысяч лет недостаточно». Увы Боромиру! Не правда ли, это говорит о многом?

– Согласен, – сказал Фродо. – Но он всегда оказывал Арагорну должное почтение.

– Без сомнения, – кивнул Фарамир. – Если он признал права Арагорна, он наверняка искренне подчинился ему. До самого трудного испытания просто не дошло дело. Вот если бы они вернулись в Минас Тирит или оказались соперниками в битве... Впрочем, речь не об этом. Наш род, род Дэнетора, сохранил множество старинных преданий, а в наших сокровищницах лежит множество свитков, писанных на съезжившемся от древности пергаменте, немало глиняных и каменных таблиц, золотых и серебряных пластин, испещренных самыми диковинными письменами. Некоторых уже никто не может прочесть, а что касается остальных, то в них заглядывали немногие. Но я учился и кое-что разобрать могу. Так вот, именно манускрипты привлекали к нам Серого Странника. Первый раз я видел его, когда был еще ребенком, но с тех пор он навещал нас еще дважды или трижды.

– Серый Странник? – перебил Фродо. – Его звали как-нибудь?

– Мы вслед за эльфами называли его Митрандиром. Его это устраивало. «Сколько стран, столько у меня и имен, – говорил он. – Митрандир – у эльфов, Таркун – у гномов. В забытых западных землях, в дни моей далекой молодости, меня звали Олорин, на юге зовут Инканус⁴³⁶, на севере – Гэндальф. А на востоке я не бываю никогда».

– Гэндальф! – воскликнул Фродо. – Значит, я верно догадался! Гэндальф Серый был нашим вождем и бесценным советчиком. Но в Мории мы потеряли его навеки.

– Что я слышу?! – вскричал Фарамир. – Поистине вы странствовали под злою звездой! Но я не в силах поверить, чтобы такой могущественный мудрец, как Митрандир, – а среди нас он творил истинные чудеса! – мог так просто погибнуть! Невероятно и странно! Сколько знаний он унес с собою! Но уверен ли ты, что Митрандир действительно погиб? Не мог ли он просто вас покинуть?

– Увы! – горько вздохнул Фродо. – Я сам видел, как он упал в пропасть.

– Велико и ужасно то, что свершилось, равно как и то, что стоит за всем этим, – покачал головой Фарамир. – Может, ввечеру ты поговоришь со мною обстоятельнее? Я начинаю подозревать, что Митрандир был не только хранителем Предания. Видимо, не без его

участия вершились великие подвиги и деяния нашего времени. Будь он в Гондоре, когда мы размышляли над странным пророчеством, он нам растолковал бы его. Тогда не пришлось бы посылать гонца за разгадкой... А может, он отказался бы нам помочь? Может, поход Боромира был предрешен? Митрандир никогда не говорил с нами о делах грядущих и не открывал своих замыслов... Так вот, он каким-то образом получил у Дэнетора позволение бросить взгляд на его сокровища. Там, среди рукописей, он кое-что преподал мне, хотя уроки наши были редкими. Сам же он рылся в древних манускриптах и о многом нас выпрашивал – прежде всего о Великой Битве на полях Дагорлада, случившейся во времена младенчества Гондора, когда был повержен Тот, чьего имени мы не произносим. Митрандира интересовало все, что касалось Исилдура, хотя нам ведомо о нем не так уж и много. Никто не может сказать точно, как он погиб. – Фарамир понизил голос до шепота. – Я, однако, узнал еще кое-что и кое о чем догадываюсь, хотя догадку свою храню в глубокой тайне. Прежде чем покинуть Гондор, Исилдур взял из руки Неназываемого некую вещь. После этого среди смертных его более не видели. Должно быть, здесь и кроется ответ на расспросы Митрандира. Но в то время мне казалось, что тайна Исилдура влечет к себе лишь тех, кто любит древности. Даже когда мы с братом спорили о таинственных словах, явленных нам во сне, мне в голову не закралось подозрения, что Исилдурова Погибель и та роковая вещь – одно и то же. Одна из легенд рассказывает, что Исилдур попал в засаду и погиб от орочьей стрелы, но больше Митрандир ни о чем мне не говорил. Не в моей власти сказать, что это была за вещь. Но, судя по всему, она могущественна и опасна. Может, это – некое зловещее оружие, детище Черного Властелина? Если в ней залог победы, легко поверить, что Боромир – гордый, бесстрашный, зачастую безрассудный воин, день и ночь грезивший о победе Минас Тирита и о собственной славе – мог пожелать эту вещь для себя и соблазниться о ней. Увы! Зачем он отправился на север? Выбор отца и старейшин пал на меня, но идти вызвался он, под тем предлогом, что он старше и сильнее, – это, кстати, сущая правда. Он так и не дал себя отговорить... Но не бойся меня, Фродо! Найди я эту вещь на дороге, я не стал бы за нею нагибаться, даже если бы Минас Тириту грозила гибель и я один мог спасти его. Оружие Черного Властелина я не взял бы в руки ни ради

блага моей страны, ни ради собственной славы. Нет! Я не хочу такой победы, Фродо, сын Дрого!

– Совет тоже не хочет такой победы, – вставил Фродо. – И я не хочу. Будь моя воля, я вообще держался бы в стороне.

– Что до меня, – продолжал Фарамир, – то я бы, конечно, мечтал, чтобы на Королевском дворе вновь расцвело Белое Древо и чтобы вернулась в Минас Тирит Серебряная Корона, а с ней – мир и покой. Я желал бы видеть крепость Минас Анор такой, какой была она в древние времена, – светлой, высокой и прекрасной, истинной Верховной Королевой, которая затмевает собою всех королей мира. Но я не хочу, чтобы она имела рабов и повелевала ими, – даже если рабы наденут оковы добровольно, прославляя доброту своей госпожи! Войны не миновать: на карту поставлены наши жизни, ибо Враг стремится поглотить всех и вся. Но я не могу сказать, что люблю остроту сверкающего меча, стремительный полет стрелы ради них самих, не могу сказать, что в войне ценю прежде всего воина, а потом уже человека. Я люблю только то, что защищают эти мечи, стрелы и воины, – город нуменорцев. Пусть мою страну чтят за ее прошлое, за ее древние обычаи, красоту и мудрость! Я хочу, чтобы ее боялись только тем страхом, какой подобает юноше, когда он стоит перед лицом умудренного годами старца. Не бойся же и ты меня! Я не буду требовать, чтобы ты поведал мне все, что знаешь. Я даже не пытаюсь узнать, близок ли я к правде. Но если ты доверишь мне свою тайну, я постараюсь помочь тебе советом, во что бы это мне ни стало, – а может, и не только советом.

Фродо промолчал. Ему так хотелось открыться этому суровому, хотя и молодому еще воину, речь которого казалась такой мудрой и благородной! Он едва не уступил искушению. Совет и помощь так пригодились бы! Но что-то его все-таки удержало. На сердце у него лежали печаль и тревога. Если из Девяти Пеших живы только они с Сэмом, чего нельзя было исключить, то они последние, кому известна тайна Похода. Можно обидеть Фарамира незаслуженным недоверием – но это лучше, чем поспешить и выдать секрет. Память о Боромире и о его страшном преображении под влиянием Кольца была еще свежа – особенно когда Фродо взглядывал на Фарамира и слышал его голос. Братья были так непохожи – и все же так похожи!

Дальше хоббиты и Фарамир шли молча, бесшумно, почти неразличимые в серо-зеленой тени старых деревьев. В кронах пело множество птиц, и гладкие листья вечнозеленых лесов Итилиэна блестели в лучах солнца.

Сэм в разговоре не участвовал, но старался не пропустить ни слова, хотя в то же время его чуткий хоббичий слух ловил каждый лесной шорох. От него не ускользнуло, что о Голлуме так никто больше и не упомянул. Сэма это устраивало, хотя он, честно сказать, надеялся, что никогда больше не услышит этого имени. Вскоре он заметил, что они в лесу не одни: кроме Дамрода и Маблунга, мелькавших среди теней, вокруг было много воинов. Быстро и бесшумно скользя меж стволов, они спешили к какой-то неведомой общей цели.

Один раз Сэм резко обернулся, словно что-то кольнуло его в спину: ему показалось, что сзади на него смотрят. За одним из деревьев мелькнуло нечто маленькое и темное. Сэм уже открыл было рот, чтобы сообщить остальным, но, подумав, рассудил иначе: «Кто его знает, может, и почудилось. Надо ли напоминать об этом негодяе, если господа предпочитают позабыть о нем? Эх, много бы я дал, чтобы забыть о нем совсем!»

Так они шли, пока лес не поредел и спуск не стал круче. Фарамир снова свернул, на этот раз в другую сторону, и вскоре впереди зажурчала речушка, пробивающаяся по дну расщелины. Это был тот самый ручеек, который хоббиты видели, когда умывались. Теперь он превратился в быстрый поток, скачущий по камням глубокого узкого русла, затененного ветвями горных дубов и окаймленного темнолистым самшитом. Глянув на запад, путники увидели светлую дымку над долинами и широкими лугами, а вдали – поблескивающие в лучах вечернего солнца широкие воды Андуина.

– А теперь, увы, я должен погрешить против гостеприимства, – сказал Фарамир. – Но, надеюсь, вы простите меня. Я уже и так пошел вам навстречу – не убил на месте и не связал. Закон для всех один: никому, даже роханцам, нашим союзникам, не позволено видеть тропу, по которой я вас поведу. Придется на время лишиться вас зрения.

– Поступай как знаешь, – молвил Фродо. – Эльфы тоже завязывают чужакам глаза, когда того требует необходимость. Мы

пересекли границы прекрасного Лотлоризна с повязкой на глазах. Гному Гимли это пришлось не по душе, но хоббиты особенно не возражали.

– Место, куда я вас веду, по красоте уступает Лориэну, – развел руками Фарамир. – И все же я рад, что вы дали согласие: мне не хотелось бы принуждать вас.

Он тихонько окликнул охранников – и Дамрод с Маблунгом в то же мгновение оказались рядом.

– Наденьте нашим гостям повязки, – распорядился Фарамир. – Только постарайтесь, чтобы это не причинило им неудобства. Рук связывать не надо. Гости дадут слово, что не попытаются словчить и подглядеть. Я верю им и мог бы просто попросить их зажмуриться, но, если они споткнутся, глаза их могут по нечаянности открыться, так что без повязки не обойтись. Ведите их бережно...

Достав зеленые шарфы, стражники завязали хоббитам глаза и надвинули им капюшоны чуть ли не до подбородка. Один из воинов взял под руку Фродо, другой – Сэма, и хоббитов повели. У Сэма и Фродо осталось об этом последнем, слепом участке пути самое смутное представление. Вскоре тропа круто пошла вниз, стала уже, пришлось идти по одному, касаясь локтями каменных стен; охранники шли сзади, слегка надавив руками на плечи хоббитам, и направляли их, если тропа отклонялась в сторону. Кое-где идти становилось трудно; тогда хоббитов поднимали на руки, несли, а потом вновь ставили на ноги. Справа, постепенно нарастая и приближаясь, доносился шум воды. Через некоторое время процессия остановилась. Маблунг и Дамрод несколько раз повернули хоббитов – и те окончательно перестали понимать, где юг, где север. Начался последний, короткий подъем. Стало холоднее, шум воды отдалился. Хоббитов снова подняли и понесли вниз по длинной-длинной лестнице, которая вскоре свернула за угол. Внезапно их оглушил шум воды. Казалось, вода окружает их теперь со всех сторон, плеща и грохоча о камни, орошая щеки и ладони тысячами брызг. Хоббитов вновь поставили на ноги, и несколько мгновений они стояли, побежденные робостью, по-прежнему ничего не видя. Гондорцы хранили молчание. Вдруг за спиной, совсем рядом, послышался голос Фарамира:

– Снимите повязки!

Шарфы были развязаны, капюшоны откинута – и хоббиты, зажмурившиеся было от неожиданности, так и ахнули.

Под ногами скользили влажные полированные камни, за спиной чернела грубо вырубленная в скале арка. Впереди, так близко, что Фродо мог бы погрузить туда руку, блистала тонкая водяная завеса. Арка выходила на запад. Низкое закатное солнце било прямо в прозрачные струи, и красные лучи, дробясь об эту стену из хрусталя, вспыхивали мириадами радужных искр. Сэму и Фродо показалось, что они очутились в эльфийском замке и стоят у окна, занавешенного тканью из драгоценных камней, оправленных в серебро и золото – рубинов, сапфиров, аметистов, – и все это горит, не сгорая, странным багряным огнем.

– Вот и награда за ваше терпение. Счастливый случай привел нас сюда в этот час, – сказал Фарамир. – Перед вами – Окно в Закат и Эннет Аннун⁴³⁷, прекраснейший из водопадов Итилиэна, страны прозрачных ключей. Немногим чужеземцам доводилось созерцать Эннет Аннун. Но, увы, дворца, достойного Окна в Закат, здесь нет. Идемте! Увидите сами.

Не успел он произнести последние слова, как солнце ушло за край земли и огонь в хрустальных водяных занавесах погас. Люди повернули обратно и прошли под угрожающе нависшим сводом. За сводом открылся вырубленный в скале зал, обширный и необустроенный, с бугристым наклонным потолком. Тусклый свет нескольких факелов падал на поблескивающие стены. Людей в зале набралось много, но через темный узкий проход в боковой стене, нагибаясь, входили все новые и новые, по двое и по трое. Когда глаза привыкли к полумраку, хоббиты разглядели, что пещера гораздо больше, чем показалось вначале, и что в ней собраны внушительные запасы оружия и продовольствия.

– Вот и наше убежище, – повел рукой Фарамир. – Уютным назвать его трудно, зато ночь здесь можно провести в безопасности. По крайней мере тут сухо и еды в достатке, что возмещает нехватку огня. Когда-то река текла через арку, но древние мастера отвели русло вверх, и водопад стал вдвое выше. Потом мастера обезопасили этот грот от воды и непрошенных гостей, оставив только один вход. Теперь выйти отсюда можно лишь двумя путями: тем, что пришли сюда вы с

повязками на глазах, и сквозь Оконную Завесу, вниз, в озеро, на камни, острые как ножи... А теперь отдохните немного! Скоро подадут вечернюю трапезу.

Хоббитов отвели в угол пещеры и показали им низкое ложе, чтобы они могли при желании немного отдохнуть. Люди тем временем быстро и слаженно двигались по залу, готовя трапезу. Выставленные на середину зала деревянные козлы покрыли стоявшими у стен легкими столешницами. На них в мгновение ока появилась посуда – по большей части простая, без вычур, но добротная и красивая: круглые тарелки, чаши, блюда – одни глиняные в коричневой глазури, другие – из отполированного самшита, гладкие и чистые. Кое-где по блеску можно было угадать металлический сосуд или большой, как следует начищенный бронзовый чан, а перед Командиром, в середине центрального стола, поставили простого литья серебряный кубок.

Фарамир ходил среди воинов, негромко расспрашивая каждого вновь пришедшего. Большинство вернулось из погони за уцелевшими южанами. Некоторые, появившиеся позже всех, посланы были узнать, что творится на дороге. С южанами разделились подчистую. В живых остался только гигант муумак, но что с ним случилось – никто сказать не мог. На дорогах воцарилась тишина; даже орки-лазутчики куда-то попрятались.

– Ты ничего не видел и не слышал, Анборн? – спросил Фарамир у последнего воина.

– Пожалуй, нет, господин, – ответил тот. – По крайней мере орков я не заметил. Правда, если мне не примерещилось, я наткнулся на что-то довольно странное. Были уже глубокие сумерки, а в сумерках все кажется крупнее, чем на самом деле. Скорее всего, это была просто белка.

Сэм наострил уши.

– Правда, если белка, то черная и без хвоста, – говорил Анборн. – Метнулась по земле, как тень, и спряталась за ствол. Потом смотрю – карабкается вверх, как белке и полагается. Вы, господин, не одобряете, когда стреляют в зверей без особой нужды, и я не стал налаживать стрелы. Кроме того, в темноте я не был уверен, что попаду. Ну и тварь дожидаться не стала: прыгнула – и в самые ветви, в темноту. Я еще, правда, постоял немного под деревом, потому что все это мне

показалось странным, а когда заторопился наконец уходить, мне почудилось, что сверху доносится шипение. Но может, это и вправду была белка, только очень большая? Или под покровом тени, которую отбрасывает Неназываемый, в наши леса перекочевали звери из Черной Пущи? Говорят, там есть черные белки...

– Не исключено, – сказал Фарамир. – Но, если ты прав, это зловещее предзнаменование. Гостей из Черной Пущи нам здесь не надо. Отнюдь!

Сэму почудилось, что Фарамир, отвечая Анборну, глянул на них с Фродо, – но хоббит счел за лучшее промолчать. Они вытянулись на своих ложах, глядя на сновавших по залу людей и отсветы факелов. Наконец Фродо незаметно для себя заснул.

Сэм боролся с подозрениями. «Может, он хороший человек, а может, и нет, – думал он. – Бывает и так: уста медовые, а сердце черное. – Он зевнул. – Эх! Поспать бы с недельку! А может, и правда на боковую? Все равно этих великанов тут без счета. Если что, я один их не одолею... Но нет, шалишь, Сэм Гэмги! Нельзя спать, значит, нельзя, и дело с концом».

Он поднапрягся и прогнал дремоту. Под сводом арки смерклось, и серая завеса воды, постепенно тускнея, слилась наконец с темнотой, но шум водопада, немолчный и неизменный, был все тот же – день ли, вечер, ночь ли, он не слабел и не усиливался. Сэм изо всех сил протер глаза, чтобы не поддаться колыбельной песне воды.

Зажглось еще несколько факелов. Прикатили бочонок вина. Открыли ящики с едой. Кто носил воду от водопада, кто мыл руки. Перед Фарамиром поставили большой медный таз, подали белое полотенце, и он умылся.

– Разбудите гостей, – велел он, – и подайте им воды. Время приступать к трапезе!

Фродо сел, зевнул и потянулся; Сэм, не привыкший, чтобы ему прислуживали, недоуменно вытаращился на высокого воина, который согнулся перед ним в учтивом поклоне; в руках у воина был таз с водой.

– Поставьте его, пожалуйста, на землю, сударь, – обрел наконец дар речи хоббит. – Так и вам, и мне будет сподручнее.

К удивлению и немалому удовольствию людей, стоявших вокруг, он окунул голову в холодную воду и стал поливать шею и уши.

– Видимо, таков обычай вашей страны – мыть голову перед ужином? – спросил воин, прислуживавший хоббитами.

– Нет, мы это делаем, как правило, перед завтраком, – откликнулся Сэм. – Но если спишь на ходу, то холодный душ для головы – все равно что дождь для привядшей грядки салата. Уф! Теперь-то мне хватит сил не заснуть прямо за столом!

Хоббитов отвели к столу Фарамира и усадили на покрытые шкурами бочонки, достаточно высокие, чтобы Сэм и Фродо могли дотянуться до стола.

Прежде чем сесть за трапезу, Фарамир и все его воины встали, обернулись лицами к западу и на минуту смолкли. Фарамир дал Фродо и Сэму знак, что они должны поступить так же.

– Таков наш обычай, – сказал он, когда все сели. – Мы обращаем взор в сторону исчезнувшего Нуменора⁴³⁸, в сторону отчизны эльфов, которая пребывает, и к той стране, которая пребудет вечно. Вы тоже так поступаете?

– Нет, – ответил Фродо, вдруг почувствовав себя неотесанным невежей и деревенщиной. – Но когда мы в гостях, то сперва кланяемся хозяину, а потом, когда встаем из-за стола, благодарим его.

– Мы тоже, – сказал Фарамир.

После долгих странствий и ночлегов под звездами, после несчетных дней в безлюдной глуши вечерняя трапеза гондорцев показалась хоббитами самым настоящим пиром. Подумать только: холодное, ароматное, бледно-золотистое вино, хлеб с маслом, солонина, сушеные фрукты, превосходный сыр, – и, что самое главное, брать все это можно было чисто вымытыми руками, чистыми ножами, с чистых тарелок! Фродо и Сэм не отказывались ни от чего, успешно справившись и со второй, и даже с третьей порцией. Усталое тело согрелось вином. Хоббиты отошли душой и развеселились. Так хорошо и спокойно им не было с самого Лориэна! Когда же трапеза закончилась, Фарамир отвел их к наполовину занавешенной нише в глубине пещеры, куда поставили кресло и два табурета. В нише горела маленькая глиняная лампа.

– Скоро вы, должно быть, захотите спать, – сказал Фарамир. – В особенности достойный Сэмуайз, который не пожелал сомкнуть глаз перед трапезой, – то ли из боязни притупить сном благородный голод, то ли из страха передо мной. Но сразу после еды спать нездорово –

особенно если перед этим долго постился. Поговорим же теперь! По дороге из Ривенделла вы, должно быть, видели много такого, что достойно рассказа. Полагаю, и вам интересно услышать о нас и о тех краях, где мы с вами встретились. Расскажите мне о брате моем Боромире, о старом кудеснике Гэндальфе и о прекрасных жителях Лотлориэна!

Фродо больше не хотелось спать, и он охотно согласился. Но, хотя еда и вино придали ему смелости, он все еще был настороже. Сэм сидел, расплывшись в улыбке и что-то бормоча про себя, но ограничивался ролью слушателя и только изредка кивал или издавал одобрительные возгласы.

Фродо поведал Фарамиру множество разных историй, тщательно обходя Кольцо и подлинную цель Похода, – зато он, как мог, живописал доблесть Боромира и все его подвиги. Он подробно изобразил схватку с волками, выдержку и мужество Боромира в снегах под Карадрасом, битву в Копях Мории, где погиб Гэндальф. Рассказ о сражении у моста потряс Фарамира.

– Как, наверное, досадовал Боромир, что пришлось отступить перед орками! – воскликнул он. – Его не остановил бы и огненный призрак, которого вы называете Балрогом! Я уверен: даже уйди он с поля боя последним, он был бы страшно разгневан исходом битвы!

– Он и ушел последним, – подтвердил Фродо. – Арагорн обязан был вести нас вперед. Он не мог остаться у моста. После гибели Гэндальфа дорогу знал только он один. Если бы не надо было охранять нас, невеличков, ни Боромир, ни Арагорн ни за что не отступили бы.

– Может, лучше было бы моему брату сгинуть вместе с Митрандиром, чем встретить свою судьбу у Раурса, – вздохнул Фарамир.

– Как знать?.. – осторожно ответил Фродо и переменял тему: – А теперь я с радостью послушал бы тебя. Меня тянет узнать о Минас Итиле, об Осгилиате и о долготерпении Минас Тирита. Чем кончится долгая война? Есть ли у вас надежда?

– Надежда? – переспросил Фарамир. – Надежду мы утратили давно. Разжечь ее вновь мог бы разве что меч Элендила, но не думаю, чтобы этот славный меч был способен на многое – разве что оттянуть черный день поражения! А день этот наступит скоро, если только мы не получим неожиданной помощи от людей или эльфов. Силы врага

растут, наши – слабеют. Мы идем к упадку. В Гондоре наступила осень, за которой весны уже не будет. Когда-то нуменорцы населяли все бескрайние побережья Большой Земли, но большинство из них посвятили себя порокам и злу. Многие склонились к делам Мрака и увлеклись чернокнижием, а некоторые предались праздности, перессорились и, вконец обессилев, стали терпеть поражения от дикарей. Но предание ничего не говорит о том, чтобы в Гондоре когда-либо занимались чернокнижием или с почтением произносили имя Неназываемого. Мудрость и красота древнего Запада сохранялись в королевстве потомков Элендила долгие века и живут в нем до сих пор, – правда, Гондор сам навлек на себя упадок, постепенно потеряв трезвость духа и решив, что Враг спит, в то время как тот был всего лишь изгнан, но не уничтожен. Смерть всегда стояла у нас перед глазами: нуменорцы, как и в те далекие времена, когда они потеряли свое древнее королевство, жаждали вечной жизни, в которой все пребывало бы неизменным. Могилы королей были пышнее, чем дома живущих, и Властители с большей торжественностью произносили имена предков, записанные в старых свитках, нежели имена своих сыновей. Бездетные владыки восседали в ветшающих дворцах, размышляя над тайнами древних гербов; увядшие старцы приготавливали в тайных покоях чудодейственные эликсиры и, поднимаясь на высокие холодные башни, задавали вопросы звездам. Наконец последний король из рода Анариона умер, не оставив по себе наследника. Наместники оказались мудрее и удачливее. Мудрость их сказалась прежде всего в том, что им удалось укрепить наш народ, сблизив его с прибрежными племенами и выносливыми горцами с гор Эред Нимраис⁴³⁹. Кроме того, они заключили союз с гордыми северянами⁴⁴⁰, что прежде беспокоили нас набегами. Люди эти свирепы и воинственны, но состоят с нами в дальнем родстве, в отличие от диких кочевников с востока и жестоких харадцев. В дни Кириона, двенадцатого Наместника Гондора (мой отец по счету двадцать шестой), они пришли к нам на выручку в битве при Кэлебранте и разбили врагов, напавших на наши северные провинции. За это мы отдали им степи Каленардона, которые теперь называются Роханскими и в те времена были почти безлюдны. Имя этого народа – Рохирримы, Хозяева Табунов. Они стали нашими союзниками и доказали свою верность, неизменно приходя на помощь в трудную

минуту и охраняя наши северные границы до самой Роханской Щели. Они переняли много наших преданий, познакомились с нашими обычаями и научились у нас всему, чему пожелали. При надобности их властители говорят по-гондорски, но в главном Рохирримы сохраняют традиции предков. Мы любим это племя высоких мужей и не уступающих им в храбрости прекрасных жен, золотоволосых, светлоглазых и сильных. Они напоминают нам о Старших Днях – эпохе, когда человечество было еще юным. И действительно, хранители Предания говорят, что мы связаны с ними древним родством, восходящим именно к тому времени. Происходят они от тех же Трех Людских Родов, что и нуменорцы, – может, и не от самого Хадора Златовласого, Друга Эльфов, но, видимо, от его сыновей и тех, кто среди иных не послушал призыва и отказался снарядить корабли на Запад⁴⁴¹. Наше Предание делит людей на Западный, или Горный, Народ – нуменорцев и Обитателей Сумерек⁴⁴², или Народ Средний, к которым относятся роханцы и дальние их родичи, живущие на севере. Все остальные – Дикие Племена; у нас они издревле зовутся Народами Тьмы⁴⁴³. Теперь, правда, роханцы стали нам ближе, ибо возросли в искусствах и усвоили благородную учтивость манер, но и мы, в свою очередь, стали на них похожи и вряд ли вправе теперь притязать на имя Горного Народа. Мы сравнялись со Средними людьми, стали Обитателями Сумерек, хотя и храним память о высоком... Как и роханцы, мы полюбили войны ради войн и отвагу ради отваги; правда, у нас все еще считается, что воин должен многому учиться, помимо искусства убивать, – но все-таки с некоторых пор и мы поставили воинское ремесло выше всех прочих. Этого требует время. Поэтому Боромир за свою доблесть был признан одним из славнейших мужей Гондора. Он был поистине доблестен. Много, много веков не было у владыки Минас Тирита такого наследника – неутомимого в трудах, отважного и безоглядного в бою. Никто не мог протрубить в Большой Рог так, как Боромир!.. – С этими словами Фарамир вздохнул и умолк.

– Вы почти ничего не сказали про эльфов, сударь, – набравшись храбрости, подал голос Сэм. Он заметил, что Фарамир вроде говорил об эльфах вполне уважительно. Это завоевало гондорцу Сэмово доверие и усыпило все Сэмовы страхи надежнее, чем учтивость Командира, чем его хлеб и вино.

– Поистине так, – сказал Фарамир. – Но я не сведущ в эльфийском Предании. Впрочем, ты, сам того не зная, коснулся одной из черт характера, которые сильно изменились в нас с нашим превращением из нуменорцев в жителей Средьземелья. Если ты был спутником Митрандира и беседовал с Элрондом, ты, должно быть, знаешь, что праотцы нуменорцев, Эдаины⁴⁴⁴, в первых войнах сражались бок о бок с эльфами. В награду им было дано королевство среди Моря, откуда видны были берега Эльфийского Острова⁴⁴⁵. Средьземельские же люди и эльфы за годы Тьмы размежевались – виной тому Вражьи чары и неизбежные в потоке времен изменения, постигшие и тех и других, так что оба племени, расставшись, успели далеко уйти каждое по своей дороге. Теперь люди страшатся эльфов и не доверяют им, хотя мало что знают о Старшем Народе. Мы, гондорцы, с некоторых пор уподобились в этом людям Рохана и всем прочим племенам, ибо хотя роханцы и враги Черному Властелину, эльфов они избегают и о Золотом Лесе говорят со страхом. Но меж нас еще встречаются смельчаки, которые общаются с эльфами. Некоторые из них тайно покидают Гондор и уходят в Лориэн; правда, обратно они возвращаются редко... Что до меня, то я не ищу встреч с жителями Лориэна. Мнится мне, в наше время смертному опасно по своему почину отправляться на поиски Старшего Народа. И все же вам, говорившим с Белой Госпожой, я завидую.

– Владычица Лориэна! Галадриэль! – мечтательно воскликнул Сэм. – Вам бы непременно надо повидать ее, сударь! Я самый обыкновенный хоббит, по ремеслу садовник, в стихах дуб дубом и сочинять не умею – так, смешное что-нибудь иногда, а чтобы настоящие стихи – этого нету. А потому я не могу вам передать, какая она. Тут нужна песня! Вот Бродягу бы сюда, Арагорна то бишь, или старого господина Бильбо – они бы справились. Но я бы и сам с радостью сложил про нее песню. Она такая красивая! Такая чудесная! Иногда она похожа на высокое дерево в цвету, а иногда на белый нарцисс, маленький и хрупкий. Тверже алмаза и мягче лунного света – вот она какая. Теплая, как солнечный луч, и холодная, как звездный мороз. Гордая и далекая, как ледник в горах, и веселая, как обыкновенная девчонка, у которой по весне маргаритки в косах... Видите, сколько я наболтал чепухи, а все без толку!

– Видимо, она поистине прекрасна, – сказал Фарамир. – Губительно прекрасна!

– Ну, насчет губительно – не знаю, – возразил Сэм. – Думаю, люди сами приносят в Лориэн свою беду – и, конечно, натываются на нее, на беду эту, раз уж она пришла туда вместе с ними. Владычицу, конечно, очень даже можно назвать опасной, хотя бы потому, что в ней столько силы, столько силы! Иной об эту силу разобьется, как корабль о скалу, иной утонет, как хоббит, если его бросить в реку. Но скалу и реку винить глупо⁴⁴⁶. А Боро...

Сэм вдруг запнулся и покраснел.

– Ну же! «А Боромир»?.. Ты это хотел сказать? – прищурился Фарамир. – Что ты имеешь в мыслях? Он тоже принес в Лориэн свою беду?

– Да, сударь, уж вы меня простите, принес, хотя брат ваш был человек очень замечательный, если, конечно, мне дозволено о нем судить. Но вы с самого начала обо всем верно догадались. Я за ним наблюдал с первой минуты, от самого Ривенделла, наблюдал и слушал. Только не подумайте, что я ему не доверял или зла ему хотел! С ним все было в порядке, но вы же понимаете, мое дело – беречь хозяина. И вот вам мой сказ: именно в Лориэне Боромир в первый раз окончательно понял сам себя, а я и раньше догадывался. То есть Боромир понял, чего он хочет, давно хочет, с тех самых пор, как увидел: Вражье Кольцо!

– Сэм! – вскричал Фродо, отшатнувшись. Он погружен был в свои думы и очнулся только теперь – но поздно.

– Мамочки! – охнул Сэм, побелев как мел и тут же снова побагровев до корней волос. – Опять я опозорился! Говорил мне мой Старикан: «Каждый раз, когда у тебя случайно откроется рот, суй туда поскорее пятку!» Мамочки мои! Что же я наделал! – Собрав всю смелость, он обратился к Фарамиру, глядя ему прямо в глаза: – Послушай, господин! Не обращай этой моей оговорки против хозяина! Он не виноват, что у него такой глупый слуга! Ты так хорошо говорил об эльфах и обо всем остальном, так правильно! Вот я и разинул рот шире, чем надо. Мы в Заселье говорим: «Тот хорош, кто хорош на деле». Так покажи, каков ты на деле! Когда же, как не теперь?

– По всему так, – медленно и очень тихо проговорил Фарамир со странной улыбкой на губах. – Вот, значит, о чем речь! Единое Кольцо,

которое считали сгинувшим! Значит, Боромир хотел отобрать его силой? А вы ускользнули? И прибежали прямо ко мне в руки? Неплохо! Здесь, на безлюдье, вам деться некуда. Двое невеличков – и целый отряд воинов, над которыми я командир, а в придачу – Кольцо, которое правит всеми Кольцами! Какой поворот судьбы! Наконец-то Фарамир, полководец Гондорского войска, покажет себя на деле. Когда же, как не теперь? Ха!

Высокий и суровый, он встал; серые глаза его сверкнули. Фродо и Сэм вскочили с табуретов и, схватившись за мечи, прижались спинами к стене. Воцарилась полная тишина. Все, кто был в пещере, удивленно обернулись. Но Фарамир вдруг опустил обратно в кресло, негромко рассмеялся, и лицо его снова стало серьезным.

– Увы Боромиру! Это испытание было для него чрезмерно жестоким, – молвил он. – По вашей вине печаль моя сделалась еще горше, чудные невелички, несущие с собой погибель человеческую! Но вы людей знаете хуже, чем я – хоббитов! Мы, гондорцы, всегда говорим лишь правду. Бахвалов среди нас нет. Мы или выполняем клятву, или гибнем, пытаюсь ее выполнить. Я сказал: «Найди я эту вещь на дороге, я не стал бы за ней нагибаться». Так что если бы я и пожелал теперь эту вещь – сказанное для меня равносильно обету. Ему я и последую, хотя не знал в точности, о чем идет речь, когда давал его. Но я совсем не жажду завладеть Им! Может быть, потому, что знаю: есть опасности, на которые человеку лучше не напрашиваться. Сядьте и отбросьте тревоги! Утешься, Сэмуайз! Со стороны может показаться, что ты оступился, но, видно, этого хотела судьба. Сердце у тебя не просто слепо предано хозяину – оно зорче твоих глаз. Это покажется странным, но мне действительно можно было верить вашу тайну. Не исключено, что ты на самом деле крепко помог своему хозяину, которого так любишь. Насколько это зависит от меня, твой промах обернется ему на пользу, так что не огорчайся. Но никогда более не говори о Нем вслух. Пусть сегодняшняя оговорка окажется первой и последней!

Хоббиты опустили на свои табуреты и притихли. Воины вернулись к вину и беседе, решив, что командир просто сыграл с маленькими гостями какую-то веселую шутку и все уже позади.

– Наконец-то мы понимаем друг друга, Фродо! – сказал Фарамир. – Если ты взял эту вещь по просьбе других, не желая ее сам, – ты заслуживаешь сочувствия и великих почестей. Я дивлюсь тебе: носить такое оружие и даже не пытаться применить его! Вы для меня – существа новые, из мира, о котором я ничего не знал. Если все невелички подобны вам двоим, то в вашей стране, верно, царят покой и довольство. Надо думать, садовники там в большом почете!

– У нас далеко не все так хорошо, как ты говоришь, – ответил Фродо. – Но садовников мы и правда чтим – а как же иначе?

– И все же, полагаю, даже там, под сенью своих садов, вы иногда устаете, как все, на кого светит солнце этого мира! Теперь вы вдали от дома и утомлены долгой дорогой. На сегодня достаточно! Спите с миром – если можете. Не бойтесь ничего! Я не хочу ни видеть этой вещи, ни касаться ее, ни выпрашивать о ней больше, чем знаю, – а я знаю достаточно! Опасность слишком велика. Новое искушение может оказаться мне не под силу, и я выкажу себя более слабым, чем Фродо, сын Дрого. Идите отдыхать! Только скажите, если будет на то ваша воля, куда вы направляетесь и что собираетесь делать? Ибо сегодня я буду бодрствовать и размышлять. Время идет. Поутру всех нас ждет назначенный путь и всем придется торопиться.

От пережитых потрясений и страха Фродо дрожал всем телом. Усталость навалилась на него, как туча. Ни хитрить, ни сопротивляться он больше не мог.

– Я ищу дорогу в Мордор, – произнес он еле слышно. – На плато Горгорот. Мне надо отыскать Огненную Гору и бросить эту вещь в Пропась Судьбы. Так говорил Гэндальф. Но мне кажется, я туда никогда не дойду.

Фарамир смотрел на хоббита в молчании, строго и удивленно. Вдруг Фродо пошатнулся. Фарамир подхватил его, поднял на руки и бережно вынес из ниши. Сэм поспешил за ними и увидел, что Фарамир заботливо опустил Фродо на ложе и укутал теплее, – а Фродо сразу провалился в глубокий сон.

Рядом поставили другое ложе, для слуги Фродо. Сэм с минуту подумал и, поклонившись до земли, обратился к Фарамиру:

– Спокойной ночи, Командир и повелитель! Ты справился с испытанием!

– Так ли? – спросил Фарамир.

– Да, мой господин! Ты показал, какой ты пробы. Самой что ни на есть высшей!

Фарамир улыбнулся.

– Ты – отважный слуга, достойный Сэмуайз, – сказал он. – Благодарю: похвала из уст того, кто сам достоин похвалы, – высшая награда. Но я пока еще не заслужил ее. Настоящего испытания не было. Я намеревался так поступить с самого начала.

– Кстати, господин мой, – сказал Сэм, – ты сказал, что в моем хозяине есть что-то эльфийское. Точно – немного есть. Но я могу к этому добавить, что в тебе тоже есть что-то такое, только не от эльфов – да, так от кого же? Пожалуй... Пожалуй, от Гэндальфа и волшебников!

– Возможно, – молвил Фарамир. – Наверное, ты почувствовал на своем лице дыхание Нуменора. Спокойной ночи!

Глава шестая

Запретное озеро

Открыв глаза, Фродо увидел, что над ним склонился Фарамир. На миг его охватил прежний страх, он сел и резко отшатнулся.

– Страшиться нечего, – сказал Фарамир.

– Уже утро? – пробормотал Фродо, зевая.

– Еще нет, хотя ночь близится к концу и луна вот-вот сядет. Не хочешь ли взглянуть? Кроме того, я спешно нуждаюсь в твоём совете. Прости, что приходится будить тебя, но не мог бы ты встать и пойти со мною?

– Иду, – отозвался Фродо, вылезая из-под теплого одеяла и шкур и дрожа от холода, – в каменном зале огня не жгли.

Все спало; водопад, казалось, шумел громче обычного. Фродо накинул плащ и последовал за Фарамиром.

Чуткий Сэм тут же проснулся, обнаружил, что хозяина нет, и вскочил на ноги. Заметив на фоне арки, залитой бледным сиянием, два темных силуэта – один маленький, другой высокий, – верный слуга бросился вдогонку. Он миновал воинов, спящих на разложенных вдоль стен подстилках, выскочил к арке и увидел, что водяная завеса превратилась в слепящий шелк, вышитый серебром и жемчугом, унизанный тающими сосульками лунного света... Но любоваться Сэму

было некогда; он отвернулся и побежал вслед за хозяином, который только что исчез в черной щели бокового прохода.

За темным туннелем начались мокрые каменные ступени; поднявшись по ним, Сэм оказался на маленьком ровном уступе. Сквозь длинную, узкую щель сверху падал свет – там бледно мерцало небо. Ступени раздваивались: одна лестница вела, по-видимому, на скалу, к берегу потока, другая, напоминающая винтовую, поворачивала влево. Туда и свернул Фарамир. Ступени круто шли вверх.

Наконец каменная тьма кончилась. Фарамир, Сэм и Фродо оказались на широкой, плоской площадке, не огороженной ни перилами, ни парапетом. Справа с оглушительным грохотом низвергался с террасы на террасу горный поток, бурлящей струей вливаясь в гладко вытесанный желоб. Крутясь и пенясь, темная вода, стиснутая узкими рукотворными берегами, неслась мимо площадки к устью желоба – и обрушивалась в пропасть. Там, на самом краю скалы, стоял, глядя вниз, часовой. Фродо с трудом оторвал глаза от скользких волн, скачущих и крутящихся у самых ног, и взглянул налево. Мир вокруг был холоден и спокоен, как бывает в предрассветные часы. На западе клонилась к горизонту луна, белая и безукоризненно круглая. Внизу, над огромной долиной, мерцали, как серебряный залив неведомого моря, бескрайние бледные туманы. Где-то там, внизу, катил холодные воды великий Андуин. За Рекой высилась горная стена, а над ней, острые и холодные, словно зубы призраков, отчужденно белели вершины Эред Нимраиса, Белых Гор Гондора, покрытые вечными снегами. Озноб пробежал у Фродо по спине, когда он, стоя на каменной скале, подумал о бескрайности ночных пространств и вспомнил о старых товарищах. Где-то они сейчас? Где преклонили голову? Или, может, не спят они, а бредут неведомым путем – если только не лежат мертвые, похороненные в туманах? Зачем его привели сюда, зачем пробудили от милосердного забытья?

Сэм искал ответа на тот же самый вопрос – для чего их сюда притащили? – и не сдержался, чтобы не проворчать на ухо Фродо, уверенный, что никто не услышит:

– Редкостный вид, хозяин, что верно, то верно. Но холодина – ужас! У меня все нутро смерзлось. Что происходит?

Фарамир услышал и ответил:

– Над Гондором садится луна. Покидая Средьземелье, прекрасная Итиль бросает последний взгляд на белые кудри седого Миндоллуина. Ради этого зрелища стоит и померзнуть! Но я привел вас сюда с другой целью. А тебя, Сэм Гэмги, я, правду говоря, не звал, так что ты наказан по заслугам – бдительность хороша в меру. Но ничего – глоток вина поправит дело, когда вернемся. Посмотрите-ка вниз!

Он шагнул к безмолвному часовому и встал на краю скалы. Фродо последовал за ним. Сэм попятился: он и без того чувствовал себя неуютно на скользких от брызг камнях, да еще на такой высоте.

Фарамир и Фродо заглянули в пропасть. Далеко внизу белые от пены струи водопада обрушивались в кипящую чашу, откуда вода, крутясь темными водоворотами, растекалась по глубокому овальному озеру и далее, бурля и плеща, устремлялась через узкий сток в пологую долину, где постепенно успокаивалась. Луна еще бросала косые лучи к подножию водопада и поблескивала на беспокойной глади озера. Вдруг Фродо заметил на ближнем берегу что-то маленькое, темное. Но не успел он понять, что это такое, как оно нырнуло в черную воду, рассекло ее с уверенностью стрелы или с силой брошенного острого камня и скрылось в бешено бурлящем водопаде⁴⁴⁷.

Фарамир спросил часового:

– Что ты теперь скажешь, Анборн? Кто это – белка или, может быть, зимородок? Можно ли на озерах Пущи повстречать черного зимородка, и притом ночью?

– Не знаю, кто сия тварь, но это не птица, – отвечал Анборн. – У нее четыре лапы, а ныряет она по-человечески и с немалым искусством. Чего она ищет? Дороги через Завесу, к нашему укрытию? Кажется, нас в конце концов обнаружили! У меня с собой лук. По берегам я поставил других лучников. В меткости они мне не уступят. Ждем только твоего приказа, Командир!

– Ну что, стрелять? – спросил Фарамир, быстро повернувшись к Фродо.

Фродо на мгновение замялся.

– Нет, – сказал он. – Не надо! Прошу вас – не стреляйте!

Сэм хотел было опередить хозяина и громко крикнуть «Да!», но не осмелился. Он не видел, о ком шла речь, но понял сразу.

– Стало быть, тебе знакома эта тварь? – спросил Фарамир. – Тогда объясни мне, почему должен я щадить ее? За всю нашу беседу ты ни разу не упомянул о своем странном спутнике. Решил воздержаться и я. Дело вполне могло обождать, пока твоего товарища не схватят и не приведут ко мне. Я послал на поиски лучших своих охотников, но он ускользнул от них, да так ловко, что его никто толком не разглядел, кроме стоящего рядом с нами Анборна, – он видел его вчера, в сумерках. Но сейчас ваш спутник совершил прегрешение более тяжкое, чем ловля кроликов на горах Итилиэна. Он осмелился приблизиться к убежищу Эннет Аннун, а за это мы караем смертью. Право же, я дивлюсь на него. Он скрытен и сообразителен, а плавает под самым Окном! Может, он считает, что люди спят и почивают, не выставив стражи? Как объяснить его поведение?

– На твой вопрос, думается мне, два ответа, – сказал Фродо. – Во-первых, о людях он знает мало и, несмотря на всю свою хитрость, может не догадываться, что поблизости прячется сразу столько воинов, тем более что ваше укрытие заметить трудно. Во-вторых, его тянет сюда некое всепоглощающее желание, а оно в нем гораздо сильнее осмотрительности.

– Значит, его сюда что-то тянет? – спросил Фарамир, понизив голос. – Это правда? Он знает о твоей ноше?

– Ну конечно! Он долгие годы владел этой вещью.

– Он? – Фарамир с трудом подавил возглас удивления. – Новые загадки! Стало быть, он пришел сюда ради нее?

– Может быть. Она для него – все. Но сейчас я говорю о другом.

– Что же он в таком случае ищет?

– Рыбу, – ответил Фродо. – Смотрите-ка!

Они снова перевели взгляд вниз, на темное озеро. У дальнего берега, куда падала тень от скалы, вынырнула черная голова. Что-то серебристо блеснуло, по воде побежали круги. Существо подплыло к берегу и с лягушечьим проворством выбралось на камни.

На берегу оно уселось поудобнее и вонзило зубы во что-то маленькое, серебряно поблескивающее в последних лучах луны, заходящей за скалу.

Фарамир негромко рассмеялся:

– Действительно, рыба! Ну, это не так страшно. Впрочем, рыба из озера Эннет Аннун может стоить ему дороже, чем он предполагает.

– Я держу его на прицеле, – подал голос Анборн. – Спускать тетиву, Командир? По закону смертная кара ожидает каждого, кто проберется сюда непрошеным гостем.

– Подожди, Анборн, – остановил его Фарамир. – Это не так просто, как кажется. Что скажешь, Фродо? К чему щадить его?

– Он голоден и несчастен, – ответил Фродо. – К тому же он ведать не ведает, что ему грозит. Даже из-за одного этого Гэндальф, Митрандир по-вашему, попросил бы тебя не стрелять. Но у него были и другие причины возиться с этим существом. Эльфам, например, он тоже запретил его убивать. Почему, точно не знаю. Догадываюсь, правда, но говорить пока не буду. Главное – он имеет к моей задаче самое непосредственное отношение. Пока мы не встретились с тобой, он был нашим проводником.

– Проводником?! – поразился Фарамир. – Вот так новость! Дело становится еще запутаннее! Я готов пойти для тебя на многое, но всему есть предел. Позволить этому скользкому созданию спокойно уйти? Никогда! Если ему вздумается, он присоединится к вам, – тогда хорошо, но что, если он угодит к оркам и под угрозой пытки выложит все, что знает? Его надо убить или изловить, причем немедленно. Но как же достать этого скользкого оборотня, если не стрелой из лука?

– Разрешите, я спущусь и попробую тихонечко к нему подкрасться, – предложил Фродо. – А вы натяните луки. Если он скроется, можете стрелять в меня. Я обещаю, что никуда не убегу.

– Иди, но поторопись! – разрешил Фарамир. – Если он останется сегодня в живых, то должен будет служить тебе верой и правдой до конца своей злосчастной жизни. Анборн, проводи Фродо на берег озера, да ступай потише. У этой твари есть нос и уши. А лук свой оставь мне.

Анборн проворчал что-то, но повиновался и отправился вместе с хоббитом по винтовой лестнице на нижнюю площадку, а оттуда – другими ступеньками – снова вверх; наконец они оказались возле узкого выхода из горы, скрытого густо разросшимся кустарником. Фродо осторожно раздвинул ветви и очутился прямо на берегу, над озером. Овал озера был тускл и черен; померкли и струи водопада – они отражали теперь только бледное свечение неба на западе, там, куда

скрылась луна. Голлума нигде не было видно. Фродо прошел немного вперед. Анборн бесшумно следовал за ним.

– Дальше! – шепнул он на ухо хоббиту. – Только смотри – справа обрыв. Если оступишься – разве что твой приятель-рыбак сможет тебя вытащить. И не забудь, что вокруг расставлены лучники, хотя ты их и не видишь.

Фродо двинулся вперед, опустившись для пущей уверенности на четвереньки, по-голлумовски. Камни были по большей части с гладкой поверхностью, плоские, но влажные; под ногами скользило. Фродо остановился, прислушиваясь. Поначалу до его ушей доносился только нескончаемый шум водопада. Вскоре, однако, из темноты неподалеку послышалось свистящее бормотание:

– Рыбуля, рыбка, вкус-с-ная рыбка. Белое Лицо исчезло, да, Сокровище мое, исчезло наконец. Можно спокойно съесть нашу рыбку. Ах нет, нет, Сокровище мое, нельзя спокойно, нет! Пропало, пропало наше Сокровище, да, пропало! С-скверные, гнус-сные хоббитсы! Ушли, брос-с-сили нас, брос-сили! *Голлм!* С-сокровище ушло с ними. Бедный Смеагол остался один-одинеш-шенек. Нет С-сокровища. С-скверные люди! Они отберут мое Сокровище, они украдут его! Мы ненавидим их, да! Рыбуля, рыбка, вкусная, хорошая. Рыбка сделает нас сильными. Глазки будут далеко видеть, пальчики станут цепкими, да. Мы их вс-сех задушим, Сокровище мое. Да, да, задушим, если выйдет по-нашему. Рыбонька! Вкусная рыбка!..

Бормотание казалось бы нескончаемым, как шум водопада, если бы не бульканье и чавканье, прерывавшие излияния Голлума. Слушая, Фродо содрогался от жалости и омерзения. Покончить бы с ним навеки и никогда больше не слышать этого голоса! В двух шагах за спиной замер Анборн; достаточно было чуть-чуть отползти, шепнуть, чтобы он отдал приказ, – и лучники, наверное, не промахнулись бы: Голлум, с жадностью поглощавший рыбу, об осторожности и не помышлял. Один меткий выстрел – и Фродо навсегда избавится от этого плаксивого хныканья! Но Голлум имел право на заступничество Фродо. Слуга всегда имеет право на заступничество хозяина, даже если служит из одного страха. Если бы не Голлум, хоббиты давно лежали бы на дне Мертвых Болот. Кроме того, Фродо почему-то был уверен, что Гэндальф не одобрил бы этого убийства.

– Смеагол! – позвал он негромко.

– Рыбка, вкусная рыбка... – бормотал голос из темноты.

– Смеагол! – повторил Фродо уже чуть громче.

Голос смолк.

– Смеагол, хозяин вернулся, он думает о тебе. Хозяин здесь. Иди сюда, Смеагол!

Вместо ответа послышалось сдавленное посапывание, будто Голлум старался дышать потише.

– Иди ко мне, Смеагол, – повторил Фродо. – Мы в опасности. Если тебя найдут здесь, тебе конец. Иди быстрее, если не хочешь, чтобы тебя убили. Иди к хозяину.

– Не пойдет Смеагол, – неожиданно заявил Голлум. – Хозяин плохой. Покинул бедного, несчастного Смеагола и ушел с новыми друзьями. Хозяин потерпит. Смеагол занят.

– У нас нет времени, – настаивал Фродо. – Возьмешь рыбу с собой. Идем!

– Нет! Смеагол должен доесть рыбку.

– Смеагол! – в отчаянии вскричал Фродо. – Сокровище рассердится на тебя! Вот возьму сейчас и скажу: сделай, чтобы Смеагол проглотил кость и подавился! Смеагол подавится и никогда больше не попробует рыбки. Поди сюда! Сокровище ждет!

Послышалось злое шипение. Из темноты на четвереньках выполз Голлум – точь-в-точь нашкодившая собака, когда ее позовет хозяин. Одну рыбу, полуобглоданную, он держал во рту, другую – целую – в руке. Подойдя к Фродо поближе, он обнюхал его. Бледные глаза Голлума горели. Вдруг он вынул рыбу изо рта и встал на ноги.

– Хороший, славный хозяин! – зашепелявил он. – Хороший хоббит! Вернулся к несчастному Смеаголу! Смеагол хороший, он пришел сам. Идем отсюда быстро-быстро, идем, да? Спрячемся под деревьями. Лица ушли. Идем! Идем!

– Хорошо, скоро пойдем, – заверил Фродо. – Только не сразу. Я обещал пойти и пойду, только позже. И снова обещаю. Но ты в опасности. Я спасу тебя, но ты должен мне поверить.

– Поверить? – с сомнением переспросил Голлум. – Как это? Почему не пойти сразу? А где другой, тот, грубый, нехороший хоббит? Где он?

– Там, наверху, – ответил Фродо, показывая на водопад. – Я без него не пойду. Надо за ним вернуться.

Сердце у него упало. Не слишком ли коварно он заманивает беднягу? Фродо, конечно, не боялся, что Фарамир велит убить Голлума, но догадывался, что несчастного свяжут и будут обращаться с ним как с пленником. Фродо не хотел предавать Голлума, тем более что сам Голлум имел слишком большой опыт предательства. Он никогда не поймет и не поверит, что Фродо спас ему жизнь и что другого выхода не было. Хорошо бы сохранить доверие обеих сторон, только как это сделать?

– Давай же, Смеагол, – снова позвал он. – Сокровище разгневается на тебя за непослушание. Мы пойдем вверх по реке. Давай, давай! Ты пойдешь впереди, я – сзади.

Голлум пополз вперед, вдоль самого обрыва, недоверчиво пригнувшись. Вдруг он остановился и поднял голову, заподозрив неладное:

– Здесь кто-то есть! Не хоббит, кто-то другой!

Он повернулся назад. В его выпученных глазах вспыхнул зеленый огонь.

– Хозяин лжет! Злой хозяин! Обманул Смеагола!

Он плюнул на Фродо и протянул к нему длинные руки с бледными шевелящимися пальцами.

В этот миг за спиной у Голлума выросла черная тень – Анборн – и кинулась на него. На шею злосчастному рыболову легла сильная рука и пригнула его вниз. Голлум извернулся, мокрый и скользкий, словно угорь, и попытался вырваться, по-кошачьи царапаясь и кусаясь. Из мрака выскочило еще двое людей.

– А ну-ка, стоять! – приказал один из них. – Иначе мы утыкаем тебя стрелами, да так, что превратишься в ежа!

Голлум сразу обмяк, заскулил и захныкал. Люди ловко и бесцеремонно связали его.

– Не так туго! – суетился вокруг Фродо. – Он вам не ровня, где ему до вас! Не причиняйте ему боли, если можете! Он сразу успокоится. Смеагол! Тебе не будут делать больно. Я пойду с тобой. Ничего страшного с тобой не случится. Если только они меня самого не убьют. Верь своему хозяину и все будет хорошо!

Голлум обернулся и плюнул в него. Тут люди подняли незадачливого рыболова, накинули ему на голову мешок и понесли. Фродо побрел следом, чувствуя себя последним подлецом. Воины

прошли прежним путем – кусты, вход в пещеру, вниз, вверх – и наконец все очутились в каменном зале, где уже горели два или три факела. Сэм встретил Фродо на пороге, поглядел на мешок, на воинов и спросил понимающе:

– Поймали?

– Да. То есть поймали, но без меня. Он пошел ко мне сам, потому что поверил моим словам. Я не хотел, чтобы его связывали, да еще так грубо. Надеюсь, все кончится хорошо. Только не по мне все это.

– Мне это тоже не нравится, – вздохнул Сэм. – Но там, где замешан этот мазурик, все всегда шиворот-навыворот.

Тут к ним подошел один из воинов и позвал их в нишу, к Фарамиру. Фарамир сидел на прежнем месте; светильник, прикрепленный у него над головой, вновь был зажжен. Командир указал хоббитам на табуреты.

– Вина для гостей, – приказал он. – Пленного ко мне.

Подали вино, явился Анборн с Голлумом на руках. Он открыл пленнику лицо, поставил Голлума на землю и встал чуть позади, придерживая того за плечи. Тот стоял, моргая и пряча злобный взгляд под бледными, тяжелыми веками. Выглядел он жалко. С пальцев у него капала вода, изо рта несло рыбой (одну он все еще сжимал в кулаке). Редкие пряди волос свисали с костистого лба, как подсохшие водоросли. Из носу у него текло.

– Развяжите нас! Развяжите! – потребовал он. – Нам больно от веревки, да, больно, а мы не сделали ничего плохого!

– Ничего плохого? – переспросил Фарамир, пристально глядя на стоявшее перед ним жалкое существо. Лицо Командира оставалось бесстрастным – ни гнева, ни жалости, ни удивления. – Ты уверен? Неужели ты никогда не сделал ничего, за что тебя следовало бы связать или наказать еще более сурово? Впрочем, об этом, по счастью, судить не мне. Но оттуда, где ты пойман сегодня ночью, живыми не уходят. Рыба из этого пруда стоит дорого.

Голлум уронил рыбу.

– Не хотим рыбы, – сказал он.

– Платить придется не за саму рыбу, – сказал Фарамир. – Кара настигает тех, кто имел дерзость проникнуть сюда и увидеть запретное озеро. Я пощадил тебя только из-за Фродо, так как он утверждает, что ему, по крайней мере, ты сделал добро. Но ты должен оправдаться и

передо мной. Как твое имя? Откуда ты? Куда держишь путь? Чего ищешь?

– Мы заблудились, – ответил Голлум. – Заблудились. У нас нет имени. Ничего мы не ищем. Сокровища тоже нет. Ничего нет. Кругом пусто. Пусто и голодно. Мы очень голодны, да, да. За парочку рыбок, за пару скверных, мелких, костлявых рыбок они грозят смертью голодному, несчастному путнику. Они мудры, они справедливы, очень справедливы. О да!

– Может, мудрости нам и недостает, – молвил Фарамир. – Но, в меру нашей скромной мудрости, справедливость мы чтим. Развяжи его, Фродо!

Фарамир достал из-за пояса маленький нож и протянул его хоббиту. Голлум, неправильно поняв этот жест, взвизгнул и рухнул наземь.

– Ну, ну, что ты, Смеагол! – воскликнул Фродо. – Доверься мне. Я тебя не брошу. Говори правду. От этого тебе будет только лучше.

Он перерезал веревку на запястьях и лодыжках Голлума и помог ему встать.

– Подойди сюда! – велел Фарамир. – Смотри прямо на меня! Ведомо ли тебе название этого места? Ты бывал здесь раньше?

Голлум медленно приподнял голову и против воли взглянул на Фарамира. Блеск в его глазах потух. Бесцветные, мутные, они подслеповато уставились в твердые, ясные очи гондорского воина. Фарамир не отводил взгляда. Наступила тишина. Наконец Голлум опустил голову, сгорбился, съежился и сел на пол, дрожа с головы до ног.

– Мы ничего не знаем и знать не хотим! Никогда здесь не были! Никогда сюда не вернемся!

– В душе твоей много запертых на замок дверей и закрытых окон, а за ними – темные, темные каморки, – проговорил Фарамир. – Но, кажется, на мой вопрос ты ответил искренне. Тем лучше для тебя. Чем ты можешь поклясться, что никогда сюда не вернешься и никогда ни словом, ни знаком ни одному живому существу не укажешь пути сюда?

– Хозяин знает, – ответил Голлум, искоса глянув на Фродо. – Да, да, знает. Мы поклянемся хозяину, если он нам поможет. Мы поклянемся Сокровищу, да, да!

Он подполз к ногам Фродо и заскулил:

– Спаси нас, добрый, добрый хозяин! Смеагол честно клянется, клянется Сокровищу. Он никогда, никогда больше сюда не придет! Он ничего не расскажет, нет, Сокровище мое! Нет! Никогда!

– Ты удовлетворен этой клятвой, Фродо? – спросил Фарамир.

– Вполне, – сказал Фродо. – Другой не будет, так что либо прими ее, либо поступай по закону. Большого ты не добьешься. Но я обещал ему, что, если он подойдет ко мне, с ним ничего плохого не случится. Я не хочу обмануть его доверие.

Фарамир на мгновение задумался.

– Что ж, хорошо, – сказал он наконец. – Предаю тебя на волю твоего господина Фродо, сына Дрого. Пусть упомянутый Фродо объявит, как он намерен поступить с тобою.

– Скажи сначала, о достойный Фарамир, как ты сам поступишь с упомянутым Фродо! – отозвался хоббит с поклоном. – Пока ты не примешь окончательного решения, Фродо не может строить планов ни за себя, ни за своих спутников. Ты назначил вынесение приговора на утро, но рассвет уже близок...

– В таком случае объявляю свой суд, – молвил Фарамир. – Что до тебя, Фродо, то властью, мне данной, я дарую тебе свободу в пределах древних границ Гондора. Иди куда захочешь – за единственным исключением: ни ты, ни кто-либо из твоих спутников не должны являться в то место, где стоите сейчас, без особого приглашения. Привилегии эти даются тебе ровно на один год и один день, после чего ты их лишаешься; возобновить их ты сможешь, только если до истечения названного срока прибудешь в Минас Тирит, пред лицо Правителя и Наместника. Тогда я смогу предстательствовать за тебя и просить о подтверждении твоих прав, дабы сделать их пожизненными. До тех пор любой, кого ты возьмешь под свою опеку, может рассчитывать на мое покровительство, и щит Гондора будет ему охраной. Получил ли ты ответ на свой вопрос?

Фродо поклонился до земли:

– Получил, господин мой, и готов служить тебе, если только служба моя имеет какую-либо ценность в глазах столь высокородного и доблестного властителя.

– Она поистине неоценима, – ответил Фарамир. – А теперь отвечай: берешь ли ты под свою опеку это существо, носящее имя Смеагол?

– Да, я беру вышеназванного Смеагола под свою опеку, – подтвердил Фродо.

Сэм шумно вздохнул. Не потому, конечно, что ему наскучил долгий обмен любезностями; Сэм, как и всякий хоббит, одобрял такого рода церемонии. По правде сказать, в Заселье подобная беседа потребовала бы втрое больше слов, поклонов и расшаркиваний.

– Теперь я обращаюсь к тебе, – сказал Фарамир Голлуму. – Над тобой тяготеет смертный приговор, но, пока ты будешь сопровождать Фродо, можешь ничего не опасаться. Если же гондорцы обнаружат тебя в наших землях без Фродо, приговор будет приведен в исполнение. И да не замедлит смерть отыскать тебя, будь то в Гондоре или за его пределами, если ты погресишь против своего хозяина! А теперь отвечай мне: куда ты собираешься идти? Фродо говорит, что ты был его проводником. Куда ты вел его?

Голлум не ответил.

– Утаить этого я тебе не дам, – нахмурился Фарамир. – Отвечай или я лишу тебя своей милости!

Голлум молчал по-прежнему.

– Я могу сказать за него, – вмешался Фродо. – Сначала он по моей просьбе привел меня к Черным Воротам, но оказалось, что через них не пройти.

– В Неназываемую Страну торных путей нет, – заметил Фарамир.

– Удостоверившись в неудаче, мы свернули и вышли на южную дорогу, – продолжал Фродо. – Голлум говорит, что есть еще одна тропка – где-то неподалеку от Минас Итиля.

– Минас Моргула, – поправил Фарамир.

– Я понял только одно, – сказал Фродо. – Тропа, кажется, начинается на левом склоне долины, где стоит древний город, и уходит в горы. По этой тропе можно прийти к перевалу, а оттуда – спуститься вниз... ну... словом, на ту сторону.

– Ты знаешь, как называется этот перевал? – спросил Фарамир.

– Нет, – ответил Фродо.

– Так узнай. Имя его – Кирит Унгол.

Голлум резко зашипел и пробормотал что-то невнятное.

– Разве я не прав? – спросил Фарамир, поворачиваясь к нему.

– Нет! – крикнул Голлум и вдруг, коротко взвизгнув, как будто его что-то укололо, зачастил: – Да, да, мы когда-то слышали это название. Но что нам за дело до названия? Хозяин сказал, что ему надо попасть внутрь. Значит, надо попробовать. Но другой тропы нет, пробовать негде. Нету другой тропы!

– Нету? – спросил Фарамир. – Откуда ты знаешь? Разве изучил кто-нибудь все границы этого мрачного государства?

Взгляд Командира, долгий и задумчивый, остановился на Голлуме. Наконец Командир произнес:

– Уведи это создание, Анборн. Обращайся с ним мягко, но следи в оба. А ты, Смеагол, не пытайся прыгнуть в озеро! Там, внизу, зубы у скал, как сабли, и ты погибнешь, не дождавшись своего часа. А теперь оставь нас и заberi свою рыбу!

Анборн вышел. Голлум, согнувшись в три погибели, ковылял перед ним. Занавеси в нише задернулись.

– Твое решение, Фродо, кажется мне опрометчивым, – сказал Фарамир. – Лучше тебе расстаться с этой тварью. Твой проводник – существо злобное и порочное.

– Не до конца, – возразил Фродо.

– Может быть, ты и прав, – уступил гондорец. – Но зло проело его, как ржавчина, и с каждым днем въедается все глубже. Дорога в его сопровождении не доведет до добра. Если бы ты с ним расстался, я дал бы ему охрану и провожатых до любого места на границах Гондора – выбрать он может сам.

– Он не согласится, – покачал головой Фродо. – Он отправится по моим следам: ведь он давно уже меня преследует. Наконец, я обещал ему покровительство и неоднократно повторял, что не брошу его: ведь мы договорились идти вместе, какую бы дорогу он ни выбрал. Неужели ты советуешь мне встать на путь вероломства?

– Нет, – вздохнул Фарамир, – но сердце мое не хочет, чтобы ты шел с ним. Одно дело – самому обмануть чье-то доверие. Советовать другу, чтобы он разорвал погибельный союз, куда легче... Но – ты прав! Если он пойдет с тобой по доброй воле, ты и впрямь должен будешь терпеть его. Скажу только одно: я не уверен, что тебе надо

идти именно через Кирит Унгол. Твой проводник не открыл всего, что знает. Я прочел это в его глазах. Избегай перевала Кирит Унгол!

– Куда же мне податься? – растерянно спросил Фродо. – Разве что вернуться к Черным Воротам и сдаться на милость стражей! Что тебе известно об этом перевале? Почему его имя рождает такой страх?

– Доподлинно ничего не известно, – ответил Фарамир. – Мы, люди Гондора, давно уже не бываем за Южным Трактом, не говоря уже о Горах Мрака. Мы знаем о них только из древних легенд и сказок, переданных нам стариками. Но все легенды сходятся на том, что на перевале над Минас Моргулом обитает неведомый ужас. При имени Кирит Унгол старцы и знатоки преданий бледнеют и умолкают. Долина возле крепости Минас Моргул давно уже перешла к злым силам. Даже когда Враг пребывал в изгнании далеко отсюда, а Итилиэн принадлежал нам почти весь, из долины Моргула исходили страх и угроза. Как тебе известно, страшный город в долине был когда-то могучей крепостью Минас Итиль, гордой и прекрасной, и крепость эта считалась родной сестрой Минас Тирита; но ею завладели злые люди, коих Враг покорил под свою руку еще во времена своего прежнего могущества. После его падения они долго скитались без земли и без властителя. Говорят, вождями этих людей были нуменорцы, безвозвратно погрязшие когда-то в черном пороке. Враг наделил их Кольцами Власти, и Кольца поглотили их, сделав живыми призраками, страшными и полными злобы. Когда Враг покинул Средьземелье, они захватили Минас Итиль и поселились там, наполнив крепость и долину вокруг нее духом тления и распада. Город казался пустым, но пустым не был. Там поселился страх, не имеющий обличья. Девятеро их было, Властителей и Призраков. И вот, когда возвращение их Повелителя, которое они тайно готовили, стало явью, сила их возросла. Врата Ужаса отворились, Девятеро Всадников вышли в мир – и мы не смогли остановить их. Не приближайся к их гнезду! Тебя выследят. Там обитает Недремлющее Зло, там бдят безвекие очи. Не ходи той дорогой!

– Куда же мне идти? – спросил Фродо. – Ведь ты сказал, что не можешь сам отвести меня в горы, тем более – перенести за хребет! Но я должен перебраться на ту сторону, ибо дал слово перед всем Советом, что сделаю это – или погибну. Если, завидев конец дороги и устранившись его, я поверну обратно – куда я пойду, как покажусь на

глаза эльфам и людям? Неужели ты хочешь, чтобы я отправился в Гондор и принес туда с собою эту Вещь, желание обладать которой свело с ума даже твоего брата? Какими чарами околдует она Минас Тирит? Неужели дело кончится тем, что у нас будет не один, а два Минас Моргула? И будут они скалиться друг на друга через реку, а между ними ляжет мертвая земля, полная тлена и распада...

– Только не это! – воскликнул Фарамир.

– Что же ты мне посоветуешь? – еще раз спросил Фродо.

– Не знаю. Но на смерть и муки отпускать тебя не хочу. И не думаю, что Митрандир избрал бы именно эту дорогу.

– Но его со мной нет, и я вынужден решать сам. Да и времени на поиски другой дороги у меня нет...

– Тяжел твой жребий, и безнадежно твое дело, – сдался Фарамир. – Что ж, быть по сему! Но все же не презри моих слов и опасайся своего проводника, Смеагола! На его совести уже есть убийство. Я прочел это в его глазах. – Он глубоко вздохнул, помолчал и продолжил: – Мы встретились и расстаемся, Фродо, сын Дрого. Я не собираюсь тебя утешать – ты в утешении не нуждаешься. Под этим солнцем я уже не надеюсь тебя увидеть. Но да будет с тобой и всем твоим племенем мое благословение! А теперь отдохни немного, пока мы приготовим тебе еды в дорогу. Желал бы я знать, как вышло, что эта скользкая, ползучая тварь много лет обладала Вещью, о которой мы говорили, и почему лишилась ее... Но не буду тебе докучать более. Если ты, вопреки всему, вернешься в земли живых, мы сядем с тобой у крепостной стены, на солнышке, вспомним наши приключения, посмеемся над прошлыми горестями – и ты поведаешь мне обо всем. А дотоле – или до неведомого, неизреченного дня, коего не увидеть даже в Зрячих Камнях Нуменора, – дотоле прощай!

Фарамир встал, поклонился Фродо до земли – и, отведя занавесь, вышел.

Глава седьмая

Дорога к перепутью⁴⁴⁸

Фродо и Сэм возвратились в свой угол и легли отдохнуть. Люди просыпались, вставали; начинались дневные заботы. Вскоре принесли

воду для умывания, и хоббитов отвели к столу, накрытому на троих. За утреннюю трапезу они сели с Фарамиром. После вчерашнего боя он так и не сомкнул глаз, но усталым не выглядел.

– Да не постигнет вас голод в пути! – пожелал он хоббитам. – Еды у вас не так много, а посему я велел уложить в ваши мешки небольшой добавочный запас. В Итилиэне страдать от жажды вам не придется, но опасайтесь ручьев, текущих из Имлад Моргул, из Долины Живой Смерти! Кроме того, я хочу сказать вам вот что. К этому часу все мои разведчики уже вернулись. Некоторые из них побывали у самого Мораннона. По их словам, повсюду творится нечто странное. Край опустел. Дороги безлюдны. Не слышно шагов, никто не трубит в рог, никто не натягивает тетивы. Над Страной, Которую Не Называют, нависло молчание; все вокруг словно ожидает чего-то. Что может крыться за этим молчанием, я не ведаю, но, думаю, разгадка прийти не замедлит. Вот-вот разразится буря. Пока можете – спешите! Если вы готовы, пора в путь. Скоро над горной мглой поднимется солнце.

Хоббитам вернули несколько потяжелевшие котомки и вручили им два крепких посоха из полированного дерева с железными наконечниками; сквозь резные набалдашники продеты были кожаные петли.

– У меня не нашлось более достойных даров, – сказал Фарамир. – Возьмите эти посохи! В краю гор и пустошей они незаменимы. У жителей Белых Гор такие в большом почете, – правда, ваши короче обычных. Их подпилили и оковали заново. Выточены эти посохи из благородной древесины, *лебетрона*, любимого нашими резчиками. В них заложена способность находить и возвращать. Да сохранится их чудесная сила в той Мгле, куда лежит ваша дорога!

Хоббиты низко поклонились.

– О высокочтимый и щедрый хозяин! – молвил Фродо. – Элронд Полуэльф предрекал мне, что на пути я обрету друга там, где не ожидал. Воистину, я не ждал встретить в дороге такой дружбы и радушия! Наша встреча – из тех, что даже зло обращают в великое благо!

Приготовления к отбытию закончились.

Из какого-то угла или потайной норы привели Голлума; выглядел он весьма самодовольным, не то что накануне, однако старался держаться ближе к Фродо и на Фарамира смотреть избегал.

– Твоему проводнику мы завяжем глаза, – сказал Фарамир, – а тебя и твоего слугу Сэмуайза, если хотите, я могу провести так.

Но когда подошли солдаты с повязкой, Голлум завизжал, запричитал и так уцепился за Фродо, что тот решил:

– Наденьте повязки всем троим, и мне первому. Может, он хоть тогда поймет, что вреда ему чинить никто не собирается.

Его просьбу уважили; затем охранники повели их прочь из пещеры Эннет Аннун. Коридоры и лестницы остались позади, и вскоре хоббиты вдохнули утренний воздух – свежий, прохладный и благоуханный. Все так же, с завязанными глазами, их повели дальше – сперва немного в гору, потом вниз. Наконец голос Фарамира повелел снять повязки.

Они вновь стояли под пологом леса. Шум воды сюда не доносился: водопад и ущелье, по которому бежала река, прятались за длинным, отлогим склоном. На западе меж стволов брезжил свет, словно земля в той стороне внезапно обрывалась и начиналось небо.

– Здесь наши пути расходятся окончательно, – молвил Фарамир. – Но если вы не захотите пренебречь моим советом – не сворачивайте пока на восток! Идите прямо, тогда лес еще долго будет служить вам укрытием. Справа начинается спуск в долину – иногда отвесный, иногда длинными, пологими складками. Вам нужно держаться этого спуска, однако из леса не выходите! Думаю, первое время вы сможете идти и при дневном свете. Теперь всюду воцарился ложный покой, так что вам ничто пока не угрожает. А теперь прощайте – и берегите себя!

Обняв хоббитов, он наклонился и, по обыкновению своей страны, поцеловал каждого в лоб, положив им руки на плечи.

– Да сопутствует вам благословение всех, в ком живет добрая воля! – молвил он на прощание.

Хоббиты в ответ поклонились до земли. Фарамир повернулся и, не оглядываясь, пошел прочь, туда, где его ожидали неизменные двое стражей; и тут Сэму и Фродо снова представился случай подивиться быстроте и ловкости людей в зеленом. Не успели хоббиты и глазом моргнуть, как те исчезли за деревьями. Там, где за мгновение до того стоял Фарамир, уже никого не было – лес был пуст и сумрачен, видение исчезло.

Фродо вздохнул и повернулся к югу – он был готов идти. Голлум, подчеркивая свое презрение ко всяческим прощальным церемониям, ковырялся в грязи под корнями.

«Опять голоден, – подумал Сэм. – Ну вот, все сначала!»

– Ушли наконец? – спросил Голлум. – Скверные, нехорошие люди! У Смеагола до сих пор болит шея, да, да! Идем отсюда!

– Идти-то мы идем, – вздохнул Фродо. – Но если это все, что ты можешь сказать о людях, которые тебя помиловали, то лучше придержи язык!

– Хозяин добрый, – оглянулся Голлум. – Смеагол пошутил. Смеагол всегда прощает, о да, о да. Он не держит зла на хозяина за его маленькие проказы. Хозяин добрый, и Смеагол добрый, о да!

Фродо и Сэм не ответили. Закинув котомки за спину и взяв посохи, они зашагали вперед, в чащу итилиэнского леса.

За день они останавливались всего дважды, каждый раз закусывая тем, чем снабдил их Фарамир: сухими фруктами и солониной. Этих припасов должно было хватить надолго. Обнаружили хоббиты в мешках и хлеб – как раз столько, чтобы съесть, пока не зачерствеет. Голлум к этой пище даже и притронуться отказался.

Солнце, оставаясь невидимым, поднялось выше, перекатилось за полдень и стало клониться к закату. Лучи, косо легшие на траву, позолотели. Вокруг царили все те же прохладная зеленая полумгла и тишь. Не было слышно даже птиц: казалось, все они улетели или потеряли голос. Безмолвные леса рано погрузились во мрак, и путники остановились, не дожидаясь ночи, почти выбившись из сил, – от Эннет Аннуна их отделяло теперь не менее семи лиг. Фродо сразу лег и спал всю ночь не просыпаясь на мягком перегное у корней старого дерева. Сэм, прикорнувший рядом, не мог спать так безмятежно – он то и дело поднимался и прислушивался, но Голлума поблизости видно не было. Как только хоббиты расположились на ночлег, он исчез и больше не появлялся. Спал ли он где-нибудь неподалеку в укромной ямке или, не сомкнув глаз, промышлял себе на пропитание – хоббиты так никогда и не узнали; впрочем, с первыми признаками рассвета он вернулся и поднял спящих.

– Хоббитам надо вставать, да, им пора вставать! Идти еще далеко, на юг, на восток, да! Надо спешить!

Второй день почти ничем не отличался от первого – только тишина казалась еще глубже. Воздух под деревьями отяжелел, становилось душно. Похоже было, что надвигается гроза. Голлум то и дело останавливался, нюхал воздух и, бормоча что-то, заставлял хоббитов ускорить шаг.

К вечеру, вскоре после второго привала, лес поредел. Деревья стали больше и росли дальше друг от друга. Огромные падубы со стволами в два обхвата, с только-только распустившимися бурозимрудными почками возвышались, темные и торжественные, посреди широких лужаек. На зеленых полянах уже закрылись на ночь белые и голубые цветки чистотела и ветреницы, лесные прогалины сплошь были покрыты листьями пролески, уже готовившейся зацвести. Вокруг не было заметно ничего живого – ни птиц, ни зверей, но Голлум боялся открытых мест, и каждый раз, пересекая очередную поляну, хоббиты двигались короткими перебежками среди длинных теней, отбрасываемых одинокими деревьями-великанами.

Свет быстро мерк. В наступающих сумерках путники оказались наконец на краю леса, где и уселись под старым горбатым дубом, бугристые корни которого, извиваясь, как змеи, ползли по крутому осыпающемуся откосу. Внизу лежала глубокая, подернутая мрачной дымкой долина. За ней продолжались, уходя на юг, леса, серо-синие в тусклом вечернем свете. Справа, далеко-далеко под огневевшим небом, ало светились пики Гор Гондора. По левую руку сгущалась тьма – там, как ряд чудовищных башен, высились стены Мордора. Во тьме начиналась долина, которая, все более расширяясь, пологими ступенями спускалась к Андуйну. По дну ее катился быстрый поток. Сквозь толщу тишины до ушей Фродо донесся шум воды, плещущей о камни. Вдоль потока по ближнему его берегу вилась бледная лента дороги, теряющаяся в холодной серой дымке, куда отблеск заката не проникал. Фродо показалось, что там, вдали, из тени вырастают смутно различимые очертания древнего города – гигантские полуразрушенные башни, сломанные, полузатопленные туманом шпили...

Он повернулся к Голлуму:

– Ты знаешь, где мы?

– О да, господин. Опасные места. Это дорога, которая ведет из Лунной Башни, господин. Она спускается к разрушенному городу на

берегу Реки. Да, да! К разрушенному городу. Скверное место! Очень скверное! Врагов столько, что не сосчитаешь. Зря мы послушали того человека! Хоббиты ушли от правильной дороги, далеко ушли. Теперь они должны идти налево, в гору, вон туда, – Голлум махнул тощей рукой в сторону темного горного хребта. – Но по дороге идти нельзя. О нет! По этой дороге ходят злые, жестокие твари. Оттуда, из Башни.

Фродо посмотрел вниз, на дорогу. В этот час она была пустынна; ничто по ней не двигалось. Она казалась давным-давно заброшенной – тем более что вела к пустующим руинам города, во мглу. Но в самом воздухе над дорогой уже чувствовалось недоброе, как будто по ней и впрямь сновали взад и вперед какие-то существа, недоступные взору. Оглянувшись еще раз на дальние шпили, погружающиеся в ночь, Фродо содрогнулся. Плеск Моргулдуина, отравленного потока, текущего из Долины Призраков, показался ему холодным и безжалостным.

– Как поступить теперь? – спросил он. – Сегодня мы прошли очень много. Надо бы поискать в лесу место, где можно спрятаться...

– Ночью прятаться незачем, ночью и так темно, – откликнулся Голлум. – Теперь хоббитам днем надо прятаться, да, да, только днем.

– Прямо! – рассердился Сэм. – Что же нам теперь, не отдыхать? Подумаешь! До полуночи отлежимся, а там можно и дальше. Рассвет еще знаешь когда? У тебя будет еще полно времени, чтобы завести нас в какую угодно даль, если, конечно, ты знаешь, куда идти!

Голлум неохотно согласился, и они двинулись вверх по склону, ища, где бы прикорнуть. На земле Голлум расположиться не захотел – слишком близко была страшная дорога; после недолгих пререканий порешили влезть на большой каменный дуб, где нетрудно было уместиться среди могучих ветвей, ближе к стволу особенно толстых. На этом дубу заметить путников снизу было невозможно. С наступлением ночи под пологом ветвей сгустилась непроницаемая чернота. Фродо и Сэм поели сухих фруктов и хлеба, запили их водой, а Голлум сразу свернулся в клубок и уснул. Но хоббиты глаз так и не сомкнули.

Когда Голлум проснулся, должно быть, уже перевалило за полночь. Первым, что хоббиты увидели, придя в себя, были его широко раскрытые глазищи, горевшие бледным огнем. Он сидел

наострив уши и принюхивался; хоббиты давно заметили, что так он поступает, когда хочет узнать, который час, особенно ночью.

– Ну как, отдохнули? Выспались? – бросил он наконец. – Идем!

– Ничуть не отдохнули и совершенно не выспались, – проворчал Сэм. – Но если надо, значит, надо!

Не успели они и глазом моргнуть, как Голлум очутился внизу, приземлившись на все четыре лапы. Хоббиты кое-как слезли вслед за ним.

Оказавшись на земле, они сразу же, не мешкая, двинулись за Голлумом вверх по темному склону. Ночь выдалась такая черная, что хоббиты ничего не видели перед собой и порой с размаху натыкались на стволы. Пошли ямы, кочки, бугры, идти стало труднее, но Голлуму все было нипочем. Он уверенно вел хоббитов через кусты и заросли куманики, то обходя глубокие темные ямы и овраги, то скатываясь в заросшую лощину, причем каждый раз, когда приходилось спускаться вниз, противоположный склон оказывался выше и круче. В итоге они все время поднимались в гору. Остановившись в первый раз и оглянувшись, они различили внизу кроны леса, колыхавшегося на уровне ног словно густая, темная, расплывчатая тень – средоточие ночного мрака под черным, беззвездным небом. На западе еще мерцало несколько тусклых, подернутых туманом звезд, но с востока, глотая все на своем пути, надвигалась непроницаемая тьма. Правда, луна, прежде чем закатиться, все же вынырнула ненадолго из настигающего ее мрака – но в каком же зловещем, грязно-желтом ореоле предстала она взгляду!

Так шли они, пока Голлум наконец не обернулся.

– День скоро, – сказал он. – Хоббитам надо торопиться. Здесь нельзя спать на открытом месте. Быстрее!

Он прибавил шаг. Хоббиты, собрав последние силы, заковыляли следом. Вскоре они уже карабкались на следующий гребень, заросший непролазным дреком, ежевикой и низким, упрямым терновником, хотя кое-где попадались и проплешины – следы недавних пожаров. Чем ближе к вершине, тем сильнее разрастался дрек. Старые высокие кусты с голыми, как нога цапли, стволами вверху густо ветвились. На ветвях уже распускались желтые цветы, словно светящиеся в темноте; от них исходило слабое благоухание. Колючки начинались так высоко,

что хоббиты шли как по длинным сухим галереям, выпрямившись во весь рост и утопая в колючем ковре перегноя.

Пройдя по верху широкого гребня, они остановились и, выбрав место, где переплетенные стволы дрека нагибались к самой земле, заползли под эту низкую крышу. Между стволами переплелись ветви сухого шиповника, образуя что-то вроде беседки, где балками служили сухие ветви дрека, оплетенные куманикой, а крышей – молодые побеги и первые весенние листья. Оказавшись внутри этой «беседки», путники вытянулись на земле, от усталости не в силах думать даже о еде. Сквозь просветы в стволах дрека было видно, что ночь малопомалу отступает.

Но мертвые, бурые сумерки так и не перешли в день. На востоке под низкими тучами стояло тусклое красное зарево, которое при всем желании трудно было назвать утренней зарей. Из-за широкой каменистой долины хмуро смотрели скалы Эфел Дуата; ночь, не желавшая рассеиваться с наступлением дня, черной бесформенной дымкой заволокла подножия гор, но зазубренные вершины, острые и грозные, отчетливо вырисовывались на фоне огненного зари. По правую руку тянулся к западу длинный горный отрог, черный и мрачный, погруженный в тень.

– Куда теперь? – спросил Фродо. – Вон там, за той черной глыбой, – что это? Вход в Долину Моргула?

– По-моему, гадать рано, – пожал плечами Сэм. – Надеюсь, до конца дня – если только это день – мы уже отсюда не стронемся.

– Может быть, может быть, – отозвался Голлум. – Но разлеживаться нельзя. Надо спешить к Перепутью. Да, да, к Перепутью. Хозяин прав, он видит, куда надо идти! О да, он разглядел!

Красное зарево над Мордором померкло. Сумерки сгустились. С востока, заволакивая долину, ползли туманы. Сэм и Фродо немного подкрепились и легли, но Голлум все никак не мог уняться. Он снова отказался от хоббичьей пищи, снизойдя только до глотка воды, и отправился ползать среди кустов, приносясь и что-то бормоча. Вскоре он скрылся из глаз.

– Наверное, охотиться пошел, – зевнул Сэм.

На этот раз ему выпало спать первым, и он немедленно этим воспользовался. И приснилось Сэму, что ходит он будто бы по Котомке, по саду, и что-то разыскивает, а за плечами у него мешок, да

такой тяжелый, что не разогнуться. В саду сорняки разрослись, а на клумбах, что у нижней изгороди, – одни колючки да папоротники.

«Работы просто уйма. А я так устал!» – повторял он себе под нос – и вдруг вспомнил, что, собственно, ищет. «Трубка!» – сказал он вслух и проснулся.

– Совсем ты, брат, из ума выжил, – упрекнул он себя, открывая глаза и удивляясь, почему это он лежит под изгородью. – Она же в мешке, трубка-то!

Тут он наконец пришел в себя и вспомнил, что трубка, может, и правда в мешке, но, во-первых, нет курительного зелья, а во-вторых, между ними и Котомкой – сотни верст. Сэм сел. Почему хозяин его не разбудил? Никак уже вечер?

– Вы что, не спали, господин Фродо? – спросил он испуганно. – Который час? Я смотрю, уже поздно!

– Нет, не поздно, – ответил Фродо. – Просто сегодня отчего-то не рассветает, а, наоборот, все темнеет и темнеет. Как я понимаю, нет еще и полудня. Ты спал всего часа три.

– Интересно, к чему бы это, – подивился Сэм. – К буре, может? Тогда нам придется скверно, как никогда. Лучше бы найти какую-нибудь нору поглубже, а то устроились, как под изгородью, – смех один! – Он прислушался. – Что это там? Гром, барабаны или что это может быть?

– Не знаю, – ответил Фродо. – Грохочет уже давно. Иногда так ахнет, что земля задрожит. А иногда кажется – это просто воздух звенит в ушах...

Сэм огляделся.

– А где Голлум? – удивился он. – Не пришел еще?

– Нет, – пожал плечами Фродо. – Не видно и не слышно.

– Смоется – тосковать по нем не буду, – в сердцах бросил Сэм. – Наоборот, никогда еще я не брал с собой в дорогу ничего, что потерял бы охотнее! На него это похоже – пройти с нами столько верст, а потом взять да и смыться, когда от него все зависит... если только от него что-нибудь зависит. Я лично думаю, что пользы в нем никакой.

– Ты забыл про Мертвые Болота, – упрекнул Фродо. – Надеюсь, он не попал в беду!

– Надеюсь, он не замышляет какой-нибудь гадости, – ворчливо отозвался Сэм. – Или хотя бы не угодил в чужие руки. А то нам

придется несладко.

В этот момент снова послышался странный рокот, на этот раз ближе и громче. Земля под ногами задрожала.

– Нам уже несладко, – отметил Фродо. – Боюсь, наше путешествие близится к концу.

– Как знать, – не то возразил, не то согласился Сэм. – Но, как говаривал мой Старикан, пока живешь, надейся! А еще обычно прибавлял: и питайся! А потому – подкрепитесь немного, хозяин, и попробуйте соснуть!

День – Сэм все-таки предпочитал называть это днем – постепенно клонился к вечеру. Когда хоббит выглядывал из укрытия, его глазам представал все тот же сумрачный, без единой тени мир. Окружающие предметы глубже и глубже погружались во мглу, скрадывавшую все цвета и очертания. Было душно и в то же время зябко. Фродо спал беспокойно, ворочался, метался и бормотал во сне. Дважды Сэму почудилось, что хозяин зовет Гэндальфа. Время растянулось до бесконечности... И вдруг позади раздалось шипение. Среди стволов дрека на четвереньках стоял Голлум; его глаза, вперившиеся в хоббитов, так и горели.

– Подъем! Вставайте, лентяи! – обругал он их шепотом. – Вставайте! Мешкать некогда! Надо идти, да, идти, прямо сейчас! Мешкать некогда!

Сэм уставился на него с недоверием. Голлум весь дрожал – не то с перепугу, не то от возбуждения.

– Идти? Прямо сейчас? Что это ты выдумал? Еще рано. Еще даже время ужина не подошло – в приличных странах, разумеется, где ужинают вовремя...

– Глупый, безмозглый хоббит! – зашипел Голлум. – Приличные страны далеко, а ты здесь. Время бежит быстро, скоро его совсем не останется. Мешкать нельзя! Надо спешить! Проснись, хозяин, проснись!

И он вцепился Фродо в плечо, да так, что тот, вскочив, невольно схватил Голлума за руку, спросонок не разобравшись, что к чему. Тот резко вырвался и отпрянул.

– Хоббиты не должны быть такими глупыми, – зашипел он. – Надо идти. Мешкать нельзя.

Больше из него вытянуть ничего не удалось. Где он был и почему надо спешить – осталось загадкой. Сэма переполняли самые мрачные подозрения, и он не скрывал этого, но что думал хозяин – угадать было невозможно. Фродо только вздохнул, закинул за спину котомку и вслед за Голлумом заковылял в сгущающуюся темноту.

Голлум уверенно трусил вниз по склону, стараясь, где только возможно, держаться в тени, а открытые места пересекал бегом, пластаясь по земле. Но тьма стояла такая, что самый зоркий зверь и тот проглядел бы их даже с нескольких шагов, тем более в серых плащах и с надвинутыми на лицо капюшонами; да зверь и не услышал бы ничего, поскольку ступали они совершенно бесшумно, призвав на помощь знаменитое хоббитье искусство. Так они прошли и растворились среди теней – ни веточка под ними не хрустнула, ни лист не прошелестел.

Около часа шли они вперед, молча, гуськом, подавленные мраком и полной тишиной, иногда нарушаемой смутным рокотом, похожим на далекий гром или на грохот подземных барабанов. Спустившись немного, они свернули и пошли вдоль гребня на юг, не отклоняясь ни вправо, ни влево, насколько позволял изрытый, бугристый склон, постепенно поднимавшийся навстречу горам. Наконец вдалеке показалась крохотная темная рощица. Подойдя ближе, хоббиты начали понимать, что расстояние обмануло их: на самом деле деревья в «рощице» были на редкость старыми и огромными. Стволы их казались настоящими башнями, но верхушки были мертвы – не то разворочены бурей, не то опалены молнией. Но буря не смогла ни выкорчевать, ни потревожить могучих корней, уходящих в самые недра земли.

– Перепутье, да, да. Перепутье, – прошептал Голлум. Это было первое слово, которое они от него услышали за этот переход. – Нам туда.

Повернув налево, он повел их вверх по склону – и путники неожиданно для себя оказались на дороге. Это был все тот же Южный Тракт; обогнув подножия гор, он вел теперь прямо к Перепутью и исчезал в кольце гигантских деревьев.

– Другой дороги нет, – шепнул Голлум. – Стороной здесь не пройти. Только дорога. Надо идти к Перепутью. Скорее! Не разговаривайте!

С оглядкой, словно лазутчики в тылу врага, они выбрались на Тракт и поспешили вперед вдоль каменистой обочины, серые, под цвет камня, и бесшумные, как дикие коты на охоте. Наконец они достигли деревьев, которые образовывали нечто вроде огромной разрушенной залы с обвалившейся крышей, открытой навстречу мрачному небу. Ветви их переплетались, как огромные арочные своды. В центре круга сходились четыре дороги. Мораннонская, проводив странников к Перепутью, продолжала свой долгий путь на юг; та, что пришла из древнего Осгилиата, пересекала Перепутье и, вынырнув из кольца деревьев, пропадала во тьме, которая заволокла земли на Востоке. Туда-то и лежал их путь.

В страхе оглядываясь вокруг, Фродо, на миг задержавшийся в кольце деревьев, неожиданно вздрогнул – во тьме ему блеснул свет. Лицо Сэма, остановившегося рядом, внезапно озарилось. Быстро повернувшись на вспышку, Фродо обнаружил, что смотрит на дорогу, ведущую в Осгилиат: прямая, как натянутая лента, бежала она вниз по склону и терялась вдали. Там, на западе, за скрытым в тени скорбным Гондором, вечернее солнце достигло края завесы, медленно опускавшейся на мир, и, пылая грозным огнем, садилось за Море, которого Тьма еще не коснулась. Луч на миг осветил водруженную в центре Перепутья огромную сидящую фигуру, спокойную и торжественную. При виде ее Фродо невольно вспомнились Аргонат и каменные изваяния древних королей. Памятник изгрызло время, изувечили руки вандалов. Головы не было. Вместо нее кто-то взгромоздил на плечи статуи круглый камень и грубо намалевал на нем глумливую рожу с одним непомерно большим красным глазом посреди лба. Колени статуи, величественный трон и постамент покрывали бессмысленные каракули и отвратительные символы, которыми пользовались рабы Мордора.

Последний луч успел выхватить из мглы голову каменного короля, откатившуюся к обочине.

– Смотри, Сэм! – крикнул Фродо, от удивления позабыв об осторожности. – Смотри! Король опять обрел корону!

Пустые глазницы зияли, резная каменная борода наполовину искрошилась, но высокое суровое чело короля по-прежнему охватывала серебряная с золотом корона: его оплели, словно в знак

почтения к падшему королю, мелкие белые звездочки неизвестных цветов, а в каменных кудрях желтели яркие чашечки очитка.

– Не будет им вечной победы! – воскликнул Фродо.

В это мгновение свет погас. Солнце скрылось, будто кто-то задул над миром светильник, и на Перепутье пала черная ночь.

Глава восьмая

Ступени Кирит Унгола⁴⁴⁹

Голлум повис на плаще Фродо, шипя от страха и нетерпения.

– Надо идти, – требовал он. – Тут нельзя стоять. Скорее!

Фродо нехотя повернулся спиной к западу и последовал за своим проводником вперед, во мрак. Покинув круг деревьев-великанов, они, пробираясь вдоль обочины, направились в сторону гор. Дорога шла прямо, но вскоре стала отклоняться к югу и наконец прильнула к подножию того самого отрога, который весь день маячил впереди. Непроницаемая тьма, залегавшая у скал, побеждала своей чернотой даже тьму неба. Дорога нырнула в эту тьму, обогнула ее с запада – и, снова резко свернув к востоку, круто пошла вверх.

Фродо и Сэм брели вперед с тяжестью на сердце. Думать о грядущих опасностях они были не в силах. Фродо шел понурившись; бремя, которое он нес, снова дало о себе знать и пригнуло его к земле. В Итилиэне Фродо почти забыл о нем, но стоило миновать Перепутье – и ноша сразу стала гораздо тяжелее. Идти становилось труднее с каждым шагом... Осознав, что дорога пошла на подъем, Фродо устало поднял глаза – и вдруг увидел то, о чем предупреждал их когда-то Голлум: Обитель Кольцепризраков. Хоббит вздрогнул и отпрянул за валун, лежавший на обочине.

Внизу туманился длинный, узкий, далеко вдающийся в горы темный каньон. На дальнем конце каньона, меж двух обрывистых берегов фиорда, на скальном престоле, воздвигнутом на черных раменах Эфел Дуата, белели стены и башни крепости Минас Моргул. Все вокруг, и небо, и землю, поглотила глухая тьма – однако крепость светилась. Но не лунным светом, плененным некогда в мраморных стенах Минас Итиля – Лунной Башни, прекрасной лампы, возжженной гондорцами в сумраке этих гор. Нет; это был другой свет. Башня была бледна, но не той бледностью, что покрывает лицо луны, когда она, больная и тусклая, медленно уходит в тень в преддверии надвигающегося затмения. Неверное мерцание этих стен скорее напоминало фосфоресцирование гнилушки или болотный огонек над утопленником, огонек, который горит, но не дает света. Стены

крепости и саму башню испещряло множество окон, но все эти бесчисленные дыры глядели, казалось, не наружу, а внутрь, в черную пустоту. Вершина башни медленно вращалась – сперва в одну, потом в другую сторону, словно голова чудовищного призрака с ощеренной пастью. У путников подкосились ноги, и они на мгновение застыли на месте. Башня поневоле приковала их взоры. Голлум очнулся первым. Он снова вцепился хоббитам в плащи и поволок их вперед – на этот раз молча. Каждый шаг давался с трудом, время словно замедлило ход. Пока нога, оторвавшись от земли, опускалась снова, проходили, как казалось хоббитам, не мгновения, а минуты – томительные и нескончаемые.

Так, шаг за шагом, продвигались они вперед, пока в некотором отдалении не забелела дуга моста. Ближе к мосту дорога начала тускло светиться, перебегала через поток и устремлялась к чернеющим, как разинутая пасть, воротам крепости. По берегам потока раскинулись широкие луговины, погруженные во мглу и сплошь поросшие бледными светящимися цветами – дивно прекрасными и в то же время отталкивающими, настоящими порождениями кошмара. От них исходил слабый, но до тошноты явственный запах падали. Воздух был напоен тленом. От луговины к луговине изгибом перекинулся мост. Вход на него охраняли искусно вырубленные из камня изваяния неведомых уродов – полуживотных, полулюдей, жутких в своей противоестественности. Вода струилась бесшумно, окутывая мост белым паром, – но пар не обжигал, а, наоборот, обдавал мертвенным холодом.

Земля ушла у Фродо из-под ног, разум застлала тьма. Вдруг, словно кто толкнул его, он бросился к мосту, хватая руками воздух. Голова Фродо бессильно моталась. Сэм и Голлум кинулись за ним. Сэм обхватил Фродо сзади как раз в тот миг, когда тот споткнулся и чуть не упал у самого моста.

– Не туда! Не туда! – засипел Голлум, но его голос разодрал тишину резче, чем свист в два пальца. Голлум в ужасе упал на землю и скорчился.

– Господин Фродо! – задышал Сэм хозяину в самое ухо. – Вернитесь! Туда нельзя. Голлум говорит, что нам в другую сторону. На этот раз даже я с ним согласен!

Фродо провел ладонью по лбу и медленно отвел взгляд от крепости на скале. Светящаяся башня тянула его к себе, и он с трудом поборол желание броситься по тускло мерцающей дороге вперед, к воротам. Наконец, сделав последнее усилие, он отвернулся – и Кольцо в тот же миг воспротивилось, тяжело натянув свисавшую с шеи Фродо цепочку, а сам он на мгновение точно ослеп: глаза ему застлала непроницаемая тьма.

Голлум уже крался прочь, в темноту, припадая к земле, как перепуганный зверь. Сэм, поддерживая и направляя спотыкающегося Фродо, как мог, поспешил за ним. Выше по течению реки в скале чернела расщелина; Голлум нырнул в нее, и Сэм увидел тропу – ближе к дороге тропа эта тоже слегка светилась, но, поднявшись над мертвыми луговинами, померкла и крупными извивами повела хоббитов прочь от башни.

Хоббиты карабкались по тропе, держась рядом и поминутно теряя Голлума из виду, – а тот возвращался только изредка, чтобы поторопить их. Глаза его горели бело-зеленым пламенем: то ли в них отражалось трупное свечение Минас Моргула, то ли в ответ Моргулу в глазах Голлума зажегся собственный, незаемный огонь...

Фродо и Сэм постоянно ощущали себя как бы под двойным прицелом: с одной стороны жутковатый взгляд Голлума, с другой – пустые окна башни, что, казалось, неотрывно следили за ними – оглядывались ли они боязливо через плечо или, напрягая зрение, всматривались во мглу впереди, стараясь не сбиться с тропы.

Так, медленно и с трудом, поднялись они наконец над облаками гнили. Клубящиеся пары отравленного ручья остались далеко внизу. Путники вздохнули свободней, да и в голове прояснилось; зато теперь руки и ноги свела неодолимая усталость, словно всю ночь хоббиты шли, согнувшись под тяжелой ношей, или долго гребли против течения. Двигаться дальше не было сил – пришлось остановиться и передохнуть.

Фродо опустился на камни первым. К тому времени тропа вывела их на вершину голой скалы. Долина слегка вдавалась в горы, а тропа переходила в узкий карниз над пропастью, который огибал долину и, лепясь к отвесному склону, терялся в черноте наверху.

– Я должен немного отдохнуть, – еле слышно прошептал Фродо. – Не могу передать, Сэм, дружище, какое Оно тяжелое! Уж и не знаю,

смогу ли я нести *Его* дальше? А сейчас надо отдохнуть, иначе мне там ни за что не пройти! – И он показал на узкую ленточку скальной тропы.

– Тс-с! Тс-с! – зашипел Голлум, быстро подползая к хоббитам. – Тс-с!

Он прижал к губам палец и яростно замотал головой, вцепившись Фродо в рукав. Голлум показывал на тропу, знаками умоляя хоббитов спешить изо всех сил, но Фродо не мог даже пошевелиться.

– Еще немного, – повторял он. – Подожди! Сейчас!

Усталость навалилась на него, как камень, но это была не просто усталость; тело и дух его изнемогали, словно под властью неведомых чар.

– Я должен отдохнуть, – повторил он еще раз.

Ответ Фродо привел Голлума в исступление. От страха он перестал изъясняться знаками и, заслоня рот рукой, словно боясь, что в воздухе полно невидимых ушей, просипел:

– Не здесь, нет, нет! Здесь нельзя отдыхать, дуралеи! Нас отсюда видят. Сейчас они выйдут на мост и заметят нас. Идем отсюда! Скорее! Наверх!

– Идемте, господин Фродо, – упрашивал Сэм. – Он опять верно говорит. Здесь нельзя оставаться!

– Ладно, – отозвался Фродо глухо, словно в полусне. – Постараюсь.

Он с трудом поднялся на ноги.

Поздно! Скала, на которой они стояли, затряслась мелкой дрожью. Мощный рокот, во много раз громче, нежели слышанный ими прежде, прокатился в подземных глубинах и эхом отдался в горах. С ослепительной внезапностью сверкнула алая вспышка, на миг окрасив низкие тучи в темно-красный цвет. В этой долине теней, залитой холодным, мертвенным светом, вспышка показалась чудовищным, непереносимым насилием над извечным порядком вещей. Каменные горные пики и зазубренные хребты черными ножами врезались в окровавленное небо над плато Горгорот. Грянул гром.

Крепость Минас Моргул не осталась в долгу. С башни и окрестных холмов ударили в мрачное небо мертвенно-зеленые молнии и раздвоенные копыа синего пламени. Земля издала стон – и тут,

словно отвечая грому, из крепости донесся крик. Смешиваясь с хриплым, резким звуком, похожим на клекот потревоженных стервятников, и пронзительным ржанием коней, ополоумевших от ярости и страха, крик разрывал перепонки и замораживал кровь, становясь все надрывней и надрывней, пока не достиг высочайшей, запредельной ноты. Хоббитов скрутило, как судорогой. Они упали и заткнули уши, а крик все длился и длился. Наконец он перешел в протяжный, жуткий вой – и вдруг оборвался. Фродо медленно приподнял голову. За узкой долиной почти вровень с глазами белели стены зловещей крепости, но теперь ее ворота – чудовищная пасть с фосфоресцирующими зубами – были широко распахнуты. Из ворот хлынула армия.

Воины все до одного были облачены в черные, как сама ночь, доспехи. На фоне тускло мерцающих стен и светящейся дороги Фродо прекрасно различал маленькие черные фигурки, которые ряд за рядом быстро и беззвучно текли из ворот, – казалось, конца им не будет никогда. Впереди безмолвных полков выступала кавалерия, но чудилось, что это всего-навсего выстроенные рядами тени. Возглавлял конницу всадник, одетый в черное; он был заметно выше остальных. На голове его, скрытой капюшоном, мерцал гибельным огнем шлем, похожий на корону. Вот всадник приблизился к мосту... Фродо смотрел как зачарованный, не в силах ни моргнуть, ни отвести взгляда. Это же Предводитель Девяти Всадников! Неужели он вернулся на землю, дабы повести в бой свое призрачное войско? Воистину, это был он – страшный, иссохший, мертвый король, чья ледяная рука вонзила когда-то в плечо Хранителя гибельный кинжал. Старый шрам запульсировал болью, сердце сжал непереносимый холод.

Пока Фродо стоял, околдованный страхом, оцепеневший, Всадник внезапно остановил коня перед самым мостом. Остановилось и войско. Воцарилась мертвая тишина. Не зов ли Кольца послышался Королю Призраков? Не потому ли он заколебался, что ощутил в долине чье-то присутствие? Черная голова, венчанная страхом⁴⁵⁰, поворачивалась из стороны в сторону, пронизывая тьму невидящими очами. Фродо ждал не двигаясь – точь-в-точь птица, замороженная взглядом подползающей змеи. Настойчивее, чем когда-либо, в ушах звучал беззвучный приказ – надеть Кольцо! Но на этот раз Фродо не испытывал ни малейшего желания подчиниться. Он знал, что Кольцо

только предаст его. Еще он знал, что, даже если и наденет Кольцо на палец, – сил, чтобы вступить в единоборство с Королем Моргула, взять неоткуда; пока неоткуда. Страх сковал волю Фродо – и все же она не отозвалась на властное повеление призрака. Хранитель чувствовал только, что извне на него давит могучая, чуждая сила. Она завладела его рукой, и Фродо, оцепенев, словно все это происходило не с ним, а с кем-то другим, не глядя видел, как его рука, ведомая извне, медленно подбирается к цепочке, на которой висит Кольцо. Но тут ожила его собственная воля – и заставила руку отклониться. Вместо Кольца пальцы схватили и сжали что-то твердое и холодное – скляницу Галадриэли, которую он все это время хранил на груди и почти успел позабыть о ней... Как только рука его коснулась скляницы, желание надеть Кольцо мгновенно улетучилось, словно его и не было. Фродо перевел дыхание и бессильно уронил голову на грудь.

В тот же миг Король-Призрак повернулся, пришпорил коня и вступил на мост. Армия двинулась следом. Эльфийский ли плащ укрыл Хранителя от невидящего взора, или дух его, получив неведомую поддержку, сумел отклонить мысль Назгула – осталось неизвестным. Как бы то ни было, Всадник спешил. Час пробил, и, следуя приказу своего могущественного Владыки, Предводитель Назгулов вел войско на запад.

Вскоре, сам не более чем тень, он скрылся среди теней, окутавших уходящую вдаль дорогу, – а черные шеренги все шли и шли через мост. Со времен могущества Исилдура не выходила еще из этой долины столь огромная армия, никогда еще не переправлялись через Андуин полки столь страшные и грозные – и все же это была всего-навсего одна из многих армий Мордора, и даже не самая многочисленная.

Фродо пришел в себя и пошевелился. Сердце внезапно напомнило ему о Фарамире.

«Значит, буря наконец разразилась, – подумалось ему. – Все эти мечи и копья идут к Осгилиату. Успеет ли Фарамир вовремя переправиться? Он догадывался, что роковой час не за горами, но не застал ли этот час Фарамира врасплох? И сумеют ли гондорцы защитить переправу через Андуин, когда к ней приблизится Король-Призрак? Ведь это не единственное мордорское войско. За ним и

другие последуют... Значит, я опоздал! Все потеряно. Напрасно я медлил!⁴⁵¹ Даже если удастся свершить то, ради чего меня сюда послали, все равно радоваться будет некому. Все напрасно».

Побежденный слабостью, он сидел, и по лицу его текли слезы – а мордорские полчища все шли и шли через мост.

Вдруг откуда-то издалека, чуть ли не из самого Заселья, донесся до него голос Сэма, как весть о раннем солнечном утре, когда начинают хлопать двери в хоббичьих норах:

– Господин Фродо! Проснитесь!

Добавь он «Завтрак стынет!», Фродо, наверное, не удивился бы. Но Сэм, трясший его за плечо, хотел сказать совсем другое.

– Вставайте, господин Фродо! Они уже скрылись!

Тупо лязгнули засовы. Ворота Минас Моргула затворились. Исчезли во мгле последние копыя. Башня по-прежнему зловеще скалилась над темной долиной, но свет в ней постепенно гас. Город снова погружался в тяжелую тьму, нависшую над всем остальным миром, – тьму и безмолвие. Но и самое молчание, казалось, исполнено было настороженности.

– Проснитесь, господин Фродо! Они уже скрылись, и нам бы тоже лучше двинуться дальше. Там, в крепости, еще что-то осталось, что-то живое, с глазами, если только оно глазами смотрит, – понимаете? Чем дольше мы тут проторчим, тем скорее оно нас застукает. Пойдемте, господин Фродо, пойдемте от беды подальше!

Фродо поднял на Сэма глаза и встал. Надежда не вернулась, но слабость уже миновала. Он мрачно улыбнулся, чувствуя в себе решимость, ничего общего не имевшую с прежними сомнениями. Надо выполнить свой долг, если получится, а узнают об этом Фарамир, Арагорн, Элронд, Галадриэль, Гэндальф, кто бы то ни было или останутся в неведении – это его уже не касалось. Фродо взял посох в одну руку и скляницу в другую. Заметив, что сквозь пальцы просачивается свет, он снова спрятал скляницу на груди и повернулся спиной к крепости Моргул, еле-еле тлевшей, серо и тускло, над черным ущельем. Фродо был готов идти дальше.

Голлум, увидев, что ворота Минас Моргула открылись, мигом отполз в темноту за тропой, бросив хоббитов на произвол судьбы. Теперь он крадучись вернулся; руки у него тряслись, зуб не попадал на зуб.

– Ослы! Дурачье! – шипел он. – Поворачивайтесь! Пусть хоббиты не думают, что выкрутились! Тут еще опасно! Скорее!

Хоббиты, не отвечая, последовали за ним по крутой тропке над пропастью. Даже после всех перенесенных трудностей этот подъем показался им чудовищно сложным, – но, к счастью, он был недолог. Тропа обогнула впадину, и в скале внезапно открылась новая расщелина. Так они добрались до подножия первой из лестниц, о которых говорил Голлум. Тьма была такая, что хоть глаз выколи, и хоббиты еле могли различить пальцы на вытянутой руке, – только несколькими саженьями выше горели бледные глаза Голлума.

– Осторожно! – донесся сверху его шепот. – Тут ступеньки. Много, очень много ступенек! Надо быть осторожнее!

Об осторожности и впрямь следовало позаботиться. С обеих сторон тянулись каменные стены, и хоббиты вздохнули было с облегчением; но ступени шли вверх почти отвесно, и чем выше, тем труднее было позабыть о стерегущей за спиной черной пропасти. Сами же ступени оказались на поверку узкими и неровными, а иногда таили подвох – у одних так стерся край, что ноге трудно было не соскользнуть, другие крошились, стоило до них дотронуться, третьи давно рассыпались. Хоббиты упорно карабкались вверх, отчаянно цепляясь и подтягиваясь на руках, из последних сил заставляя сгибаться и разгибаться натруженные колени. А лестница вгрызалась в гору все глубже и глубже, и все выше поднимались над головой каменные стены...

Наконец, когда силы иссякли окончательно и хоббиты готовы были сдаться, впереди снова засветились бледные глаза.

– Мы наверху, – зашептал Голлум. – С первой лестницей все. Умницы хоббиты, как они высоко залезли! Разумники мои! Еще немного – и конец. О да!

Спотыкаясь, в полном изнеможении, Сэм, а за ним и Фродо ползком выбрались наверх и уселись на последнюю ступеньку, растирая руками икры и колени. Впереди тянулся темный проход; он по-прежнему шел вверх, но более полого. Ступени кончились.

Долго отдыхать Голлум хоббитам не позволил.

– Еще не все, – сказал он. – Следующая лестница длиннее. Хоббиты отдохнут, когда будут наверху. Потом. Не сейчас.

Сэм даже застонал от этих слов.

– Еще длиннее, говоришь?

– Да, да, длиннее. Но попроще. Хоббиты взобрались на Прямую лестницу. А теперь будет Круглая.

– А потом? – спросил Сэм.

– Увидим, – негромко отозвался Голлум. – О да, увидим!

– Кажется, ты поминал какой-то туннель, – не отставал Сэм. – Как насчет туннеля? Надо будет идти сквозь гору, да?

– О да, туннель, – сказал Голлум. – Но до туннеля можно будет и отдохнуть. Когда хоббиты пройдут через туннель, они увидят перевал прямо перед собой. Там уже близко. Совсем близко, да! Если только они пройдут, конечно. О да!

Фродо весь дрожал. На ступенях он вспотел, теперь ему стало холодно, одежда липла к телу, а по темной щели тянуло сквозняком от невидимых вершин. Он встал и размял ноги.

– Хорошо! Идем! – сказал он. – Нечего здесь расслаживаться!

Щель казалась бесконечной. Лицо непрерывно студил холодный сквозняк, который вскоре перешел в ураганный ветер. Мерещилось, что горы пытаются сломить волю хоббитов своим погибельным дыханием, что они вознамерились любой ценой преградить им путь к своим тайнам, заставить вернуться, – а если те запрямятся, сдуть их в пропасть, разверзшуюся за спиной. Сэм и Фродо поняли, что щель осталась позади, только когда вместо стены справа от себя нащупали пустоту. Разглядеть почти ничего не удавалось. То там, то здесь выплывали из тьмы безликие черные громады, маячили неясные серые тени. То и дело низкие облака озарялись тусклым багряным отсветом, и тогда впереди и по правую руку проступали высокие остроконечные скалы – ни дать ни взять колонны, подпирающие гигантскую просевшую крышу. Видимо, хоббиты и Голлум успели взобраться уже очень и очень высоко – на много сотен саженей. Слева был утес, справа – пропасть.

Голлум двинулся дальше, держась как можно ближе к утесу. Подъем кончился. Но разбитая тропа, по которой они пробирались в темноте, по-прежнему оставалась опасной; к тому же дорогу то и дело заграждали осыпи и обломки камней. Идти приходилось медленно и крайне осторожно. Счет времени хоббиты потеряли окончательно: сколько часов прошло с того мгновения, когда перед ними открылась

Долина Моргула, никто из них даже не догадывался. Казалось, ночь будет тянуться вечно.

Наконец глазам снова предстала уходящая в тучи каменная стена, и началась новая лестница. Вновь короткий привал, и вновь восхождение – долгое, изнурительное. На этот раз, правда, ступени в глубь скалы не уходили. Гора поднималась вверх слегка отлого, и тропа взбиралась по ней, по-змеиному петляя вправо и влево. Один раз, когда тропа особенно далеко забежала вправо, путники оказались на краю утеса и под ногами у них бездонной ямой разверзлось ущелье Моргула. Там, на дне, словно вымощенная светляками, мерцала призрачная дорога, та самая, что вела от мертвого города к Безымянному Перевалу. Фродо поспешно отвел взгляд.

Лестница все ползла вверх, петляя и выгибаясь, пока последний пролет, прямой и короткий, не вывел путников на новый уровень. Здесь тропа окончательно покидала главное ущелье и, следуя своим собственным опасным путем, уходила к вершинам Эфел Дуата по дну узкой боковой расщелины. Хоббиты смутно различали по сторонам высокие каменные столбы и выветренные обелиски, рассеченные черными, чернее самой ночи, разломами и трещинами, где забытые зимы веками грызли и крошили никогда не видевшие солнца камни. Красное зарево разгоралось все ярче. Нельзя было понять одного – то ли над Страной Мрака брезжит новый безотрадный рассвет, то ли это отсвет пожаров, зажженных Сауроном на страшном плато Горгорот? Глядя наверх, Фродо, как ему казалось, различал, – правда, все еще слишком далеко и высоко, – цель, которая должна была увенчать их тяжкий безрадостный труд. Открывая тусклый багрец неба, в дальнем, самом высоком гребне вырезан был клин узкой расщелины. По сторонам высились два скальных рога.

Тут Фродо остановился и присмотрелся повнимательнее. Левый рог показался ему выше и тоньше правого – и, что самое странное, там мерцал красный огонек. А может, это багряное зарево неба просвечивало сквозь какую-нибудь трещину? Но нет. Просто-напросто это была башня, черная башня, поставленная сторожить ущелье. Фродо тронул Сэма за руку и показал вверх.

– Ого! Не по нраву мне это! – присвистнул Сэм. – Получается, твою потайную тропу все-таки охраняют! – сердито обратился он к

Голлуму. – А ну-ка признавайся, знал ты об этом или нет?

– Все пути кто-нибудь да охраняет, – как ни в чем не бывало ответил Голлум. – Как же без этого? Но хоббиты все равно хотят попробовать, значит, надо идти. Вдруг эту дорогу не так охраняют, как другие? Может, все ушли на большую войну? Да, вполне могли, вполне могли уйти!

– Могли, могли... – мрачно передразнил Сэм. – Впрочем, ладно, перевал еще далеко. Еще карабкаться и карабкаться. И туннель какой-то непонятный... Надо бы вам отдохнуть, господин Фродо. День теперь или ночь, не знаю, но мы уже невесть сколько тащимся без передышки...

– Да, отдохнуть надо, – согласился Фродо. – Давайте только спрячемся от ветра. Надо набраться сил для последнего рывка.

Фродо не оговорился – ему и правда казалось, что путь почти пройден. Ужасы, поджидавшие за хребтом, дело, которое надо было сделать, – все это казалось слишком далеким и пока не занимало его. Он думал только, как бы обмануть стражу и одолеть неприступный перевал.

Главное – совершить этот невероятный прорыв, а там все как-нибудь да устроится! – по крайней мере так думалось ему в тот черный час, когда, в поисках ночлега, они из последних сил брели меж каменных теней, преграждавших путь к перевалу Кирит Унгол.

Они отыскивали сносное местечко в темном проеме меж двух острых скал. Фродо и Сэм забрались поглубже, Голлум свернулся на земле у входа. Устроившись, хоббиты поужинали. Это был, по всей видимости, последний ужин перед спуском в Неназываемую Страну. Как знать, может быть, они в последний раз едят вместе... Хоббиты подкрепились гондорским хлебом, отломали по кусочку от эльфийских подорожников и выпили воды. Но воду приходилось беречь, и хоббиты лишь смочили пересохший рот.

– Не представляю, где мы найдем питье? – беспокоился Сэм. – Хотя орки, наверное, пьют?

– Пить-то они пьют, – вздохнул Фродо. – Но не надо об этом даже и говорить. Их поила нам в рот лучше не брать.

– Значит, надо обязательно набрать воды во фляги, – сделал вывод Сэм. – Пока, правда, нигде ничего не журчит и не каплет. Кстати,

Фарамир говорил, что в Долине Моргула вроде как вся вода отравлена и пить ее нельзя.

– Он сказал: «Не пейте воду, текущую из Имлад Моргул», – возразил Фродо. – Но мы уже поднялись над Имлад Моргул. Здесь ручьи текут туда, а не оттуда.

– Найдись такой ручей, я бы все равно не решился пить из него, – поежился Сэм. – Разве что буду умирать от жажды. Не по мне это место. – Он понюхал воздух и добавил: – Станный тут запах, однако. Чувствуете? Жирный какой-то, плотный. Меня так просто воротит.

– Мне здесь ничто не нравится, – отозвался Фродо. – Ни скалы, ни земля, ни вода, ни воздух. В этом краю все тронуто порчей, на всем проклятие. Но так лег наш путь.

– Это верно, – кивнул Сэм. – И все же, знай мы заранее, куда угодим, мы бы тут сейчас не сидели. Так, наверное, часто бывает. Взять все эти великие дела, господин Фродо, о которых говорится в старых песнях и сказках, ну, приключения, так я их называю. Я всегда думал, что знаменитые герои и прочие храбрецы просто ехали себе и смотрели – нет ли какого приключеньца? Они ведь были необыкновенные, а жизнь, признаться, зачастую скучновата. Вот они и пускались в путь – просто так, чтобы кровь разогнать. Но я перебрал все легенды и понял, что в тех, которые самые лучшие, ну, которые по-настоящему западают в душу, дела обстоят не так. Героев забрасывали в приключение, не спросившись у них самих, – так уж лежал их путь, если говорить вашими словами. Думаю, правда, им представлялось сколько угодно случаев махнуть на все рукой и податься домой, как и нам с вами, но никто на попятный не шел. А если кто-нибудь и пошел, мы про это никогда не узнаем, потому что про него забыли. Рассказывают только про тех, кто шел себе все вперед и вперед... Хотя, надо заметить, не все они кончили счастливо. По крайней мере, те, кто внутри легенды, и те, кто снаружи, могут еще поспорить, считать тот или иной конец счастливым или нет. Взять, например, старого господина Бильбо. Возвращаешься домой, дома все вроде бы хорошо – а в то же время все переменилось, все уже не то, понимаете? Но лучше всего, конечно, попадать в истории именно с таким концом, как у господина Бильбо, хотя они, может быть, и не самые интересные. Хотел бы я знать, в какую попали мы с вами?

– Да уж, – сказал Фродо. – Но я этого не знаю. В настоящих историях так, наверное, всегда и бывает. Вспомни какую-нибудь из твоих заветных! Тебе, может, сразу известно, хорошо или плохо она кончится, да и смекнуть по ходу дела недолго, а герои того ведать не ведают. И тебе вовсе не хочется, чтобы они прознали!

– Еще бы! Взять, например, Берена⁴⁵²: вот кто не думал не гадал, что ему суждено достать Сильмарил из Железной Короны в Тангородрине, а все-таки достал! А ведь там было хуже, чем здесь, и гораздо страшнее. Но это очень длинная история. Сперва она вроде бы радостная, потом печальная, а потом, глядишь, – ни то ни другое, бери выше... А Сильмарил в конце концов попал к Эрендилу⁴⁵³. А потом... Ох, хозяин, а я ведь об этом раньше не думал! Ведь у нас с собой есть частичка того же самого света, ну, в этой стеклянной звездочке, которую вам дала Владычица! Значит, если разобраться, мы из той же самой истории и она продолжается! Неужели все великие истории – бесконечные?

– Да, Сэм, такие истории не кончаются, – ответил Фродо. – А вот герои приходят и уходят, когда закончат свое дело. Рано или поздно кончится и наша история.

– И тогда мы сможем отдохнуть и выспаться, – сказал Сэм и мрачно рассмеялся. – Что до меня, то мне больше ничего и не надо. Отдохнуть, выспаться, а потом встать и покопаться в саду. Боюсь, это с самого начала было моим единственным заветным желанием. Не про моего брата всякие важные и великие дела! Но все-таки интересно, попадем мы в песню или нет? Мы уже там, внутри, в легенде, это ясно, но вот какой она будет потом? Может, ее будут рассказывать по вечерам у камина, а может, много-много лет спустя запишут в толстую, большую книгу с красными и черными буквами? «А теперь послушаем-ка сказание о Фродо-Хранителе и о Кольце!» И хоббитята обрадуются: «Ой, мы так любим эту сказку! Фродо был ужасно храбрый, правда, папа?» – «Конечно, сынок! Фродо был самый-самый знаменитый хоббит за всю историю Заселья, а это кое-что да значит!»

– Ну, это уж чересчур! – весело и громко, от всего сердца рассмеялся Фродо⁴⁵⁴.

Такого звука не слышали в этих местах очень и очень давно, по крайней мере с тех пор, как Саурон появился в Средьземелье. Сэму вдруг померещилось, что камни внимательно прислушиваются, а

скалы, сдвигаясь, наклоняются над ними. Но Фродо ничего не заметил и продолжал смеяться.

– Ну, Сэм, – сказал он, вытирая слезы, – послушаешь тебя – и весело становится, словно про нас уже написали в книге. Только ты забыл одного из главных героев – Сэмуайза Несгибаемого! «Папочка, я хочу послушать про Сэма! Почему про него в книжке так мало написано? Мне нравятся его разговоры, они такие смешные... Фродо без Сэма далеко не ушел бы, правда?»

– Зачем вы надо мной смеетесь, господин Фродо? – обиделся Сэм. – Я говорил серьезно.

– Я тоже, – ответил Фродо. – Я и теперь серьезно говорю. Мы с тобой, Сэм, дошли до самой мрачной главы. Скорее всего, твои хоббитята на этом месте скажут: «Закрой, папа, книжку, мы дальше не хотим слушать!»

– Может быть, – сказал Сэм. – Но я на их месте этого не сказал бы. Когда все сделано, когда твоя история уже написана и включена в большую, она уже другая. Кто знает, может быть, в книжке даже Голлум покажется кому-нибудь хорошим⁴⁵⁵, – ведь это у нас он вечно под боком, а не у них... Поверить Голлуму, так он сам когда-то любил сказки. Интересно, кем он себя считает – героем или злодеем? Эй, Голлум! – позвал он. – Хочешь быть героем?.. Куда это он опять запропастился?

Ни у выхода из расщелины, ни поблизости Голлума не было. В трапезе он не участвовал – только выпил, по своему обыкновению, немного воды и свернулся в клубок, якобы укладываясь на ночлег. Накануне он тоже где-то шастал, но хоббиты не особо тревожились, решив, что по крайней мере одна из причин тому – голод. Скорее всего, Голлум ходил добывать себе пищу по вкусу. И вот он опять ускользнул, но теперь-то куда?!

– Не по душе мне, когда он вот так вот пропадает, не сказав ни слова, – помрачнел Сэм. – По-воровски как-то. Особенно теперь. Тут еды не найти. Разве что он камнями питается... Нет, серьезно, тут ведь даже мох не растет!

– Какая нам теперь разница? – пожал плечами Фродо. – Одни мы так далеко не ушли бы, и перевала этого нам ни за что бы не увидеть. А поэтому придется принимать Голлума, какой он есть. Если он ведет двойную игру – мы против этого бессильны.

– И все-таки я бы его из виду не упускал, – не успокаивался Сэм. – Тем более если он ведет двойную игру. Вспомните, ведь он отказался отвечать, охраняется перевал или нет! И вот пожалуйста – башня. Может, она пустая, а может, и нет. Может, он сейчас за ними пошел, ну, за теми, кто сидит в башне, – за орками или не знаю за кем...

– Нет, не думаю, – ответил Фродо. – Даже если у него на уме недоброе, а мне сдается, что не без того, – ты все равно не угадал. Ни орков, ни других слуг Врага он не позовет. Зачем ему для этого было так долго ждать, потеть с нами на ступенях, зачем подводить к самой границе страны, которой он так страшится? С тех пор как мы его встретили, он, наверное, много раз мог выдать нас оркам... Нет! Если он что-то и задумал, то сам, на свой страх и риск, и держит про себя.

– Ну что ж, вы, должно быть, правы, господин Фродо, – сказал Сэм. – Но коли так, утешения в этом мало. Я не сомневаюсь, что меня бы он оркам выдал за милую душу... Но я чуть не забыл о Сокровище! А ведь руку даю на отсечение, что у него застряла в голове одна-единственная мыслишка: «Сокровище – Смеаголу, бедному, несчастному Смеаголу». Все его помыслы вертятся вокруг этого, если, конечно, у него и вправду есть что-то на уме. Но зачем он нас сюда привел? Что это ему даст? Вот что ставит меня в тупик!

– Может, его самого это ставит в тупик, – сказал Фродо. – У него в голове такая каша, что вряд ли там мог сложиться какой-нибудь ясный план. Скорее всего, он занят в основном «спасением Сокровища» от Врага, пока только можно. Если Враг заполучит Кольцо, для Голлума все будет кончено. С другой стороны, он тянет время и ждет случая.

– Ползучка и Вонючка, – кивнул Сэм. – Я уже говорил вам об этом. Чем ближе к вражьему стану, тем больше тот, второй, становится похож на первого. Помяните мое слово: если мы и доберемся до перевала, так просто он свое Сокровище дальше не пустит, обязательно что-нибудь придумает.

– До перевала еще дойти надо, – напомнил Фродо.

– Пусть, ладно, но теперь-то как раз и надо быть начеку! Если мы заедемся или оба заснем, Вонючка быстро одержит верх. Но это не значит, что вы не можете спокойно вздремнуть, хозяин. Я здесь, так что бояться нечего. Я буду очень рад, если вы поспите. Насчет

посторожить не беспокойтесь. Ложитесь поближе, я вас обниму – и никто не посмеет вас лапать без ведома вашего верного Сэма!

– Спать! – вздохнул Фродо, словно путник при виде зеленого, прохладного миража в пустыне. – Да, пожалуй, я поспал бы... Даже здесь!

– Спите, хозяин! Положите мне голову на колени и спите!

Так и застал хоббитов Голлум, вернувшийся к ним через несколько часов; он выполз из тьмы, сгустившейся впереди, и попластунски подкрался к спящим. Сэм сидел, привалившись к скале, мотая головой и тяжело дыша во сне. На коленях у него покоилась голова Фродо. На бледном лбу Фродо лежала Сэмова смуглая ладонь, другую руку Сэм положил хозяину на грудь. Лица у обоих были мирные и безмятежные.

Голлум посмотрел на них. На его худом, голодном лице появилось странное выражение. Огонь в его глазах погас, они потускнели, посерели и теперь казались старыми и усталыми. Внезапно его передернуло, как от боли, и он, отвернувшись, поглядел вверх, на перевал, трясая головой, словно мучимый каким-то внутренним спором. Затем он медленно протянул дрожащую руку и осторожно коснулся коленей Фродо⁴⁵⁶ – скорее даже не коснулся, а слегка погладил.

Проснись теперь кто-нибудь из спящих, он увидел бы рядом с собой незнакомого хоббита – безнадежно дряхлого, изможденного хоббита, ссохшегося от старости, унесенного потоком времени далеко за пределы отпущенного ему срока, навеки лишенного и друзей, и родных, навсегда разлученного с полями и реками своей юности, превратившегося в жалкую, голодную развалину...

От прикосновения Голлума Фродо пошевелился, негромко вскрикнул во сне – и Сэм в тот же миг открыл глаза. Не успев как следует проснуться, он увидел Голлума и понял только одно – что тот «лапает» хозяина.

– Эй, ты! – рявкнул он. – Ты что делаешь?

– Ничего, ничего, – ответил Голлум тихо. – Хозяин добрый!

– Это я и без тебя знаю! Скажи лучше, где ты шлендаешь? Не доносить, случаем, бегал? Вся-то повадка у тебя предательская, у старого проныры!

Голлум отпрянул, и под тяжелыми веками сверкнули зеленые огоньки. Теперь он напоминал уже не хоббита, а скорее паука – ноги согнуты и раскорячены, глаза почти вылезли из орбит. Тихое мгновение кануло безвозвратно.

– Предательская?! – зашипел он. – Хоббиты такие вежливые, о да, о да! Славные, добрые хоббиты! Смеагол ведет их тайными тропами, которых никто, кроме него, не знает, он один их отыскал. Он устал, хочет пить, да, хочет пить! Но он ведет хоббитов, он ищет, где им лучше пройти, а они за это обзывают его доносчиком и предателем! Славные друзья, да, Сокровище мое! Славные!

Сэм почувствовал что-то вроде раскаяния, но Голлумовым словам все равно не поверил ни на грош.

– Ну прости, – сказал он неохотно. – Прости. Ладно тебе. Ты меня разбудил, понимаешь? А я не должен был спать, вот и полез ругаться. Господин Фродо очень устал. Еле уговорил его вздремнуть. А тут ты... Словом, прости, и хватит. А где ты был на самом деле?

– Старый проныра ходил доносить, – прошипел Голлум. Зеленые огни в его глазах не гасли.

– Не хочешь – не говори, – пожал плечами Сэм. – Твое дело. Все равно это, наверное, недалеко от правды! Но не пора ли и нам с Фродо, двум старым пронырам, отправиться по следам третьего? Который час? Еще сегодня или уже завтра?

– Завтра, – бросил Голлум. – Завтра было, еще когда хоббиты пошли спать. Очень глупо! Очень опасно! Если бы несчастный Смеагол, если бы этот предатель и проныра не сторожил их, им пришлось бы очень, очень плохо!

– Вот заладил! Учти, скоро мне это надоест, – пригрозил Сэм. – Впрочем, забудем. Давай-ка я лучше разбужу хозяина.

Он ласково откинул волосы со лба Фродо и, наклонившись, тихонько проговорил:

– Вставайте, господин Фродо! Просыпайтесь!

Фродо пошевелился, открыл глаза и, увидев склонившееся над ним лицо Сэма, улыбнулся.

– Что-то рано ты меня будишь, Сэм! Еще темно!

– Да тут всегда темно, – развел руками Сэм. – Понимаете, вернулся Голлум и говорит, что уже завтра. Значит, пора в путь-дорогу. Последний бросок.

Фродо глубоко вздохнул и сел.

– Последний бросок, значит? Ну что ж! Привет, Смеагол! Как, нашел себе еды? Отдохнул?

– Ни еды, ни отдыха, ничего Смеаголу не полагается, – скорбно ответил Голлум. – Смеагол доносчик, предатель и проныра.

– Зачем ты себя обзываешь, Смеагол? – с укором спросил Фродо. – За дело или нет, все равно это не больно-то умно!

– Смеагол себя не обозвал, другие обозвали, – съябедничал Голлум. – Так его называет добрый господин Сэм, умный хоббит, который так много знает.

Фродо посмотрел на Сэма.

– Да, это так, хозяин, – сознался Сэм. – У меня и правда сорвались с языка эти слова, но понимаете, просыпаюсь я – а он к вам лезет! Я попросил прощения, но скоро он у меня его обратно попросит, честное слово!

– Давайте тогда помиримся и забудем об этом, – сказал Фродо беспечно. – Но я тебе вот что хотел сказать, Смеагол. Кажется, настал час, о котором мы уговаривались, так ведь? Вполне вероятно, что теперь мы найдем дорогу и без проводника. Как ты думаешь? Перевал отсюда уже видно. Тут, почитай, до него рукой подать. Может, дальше мы как-нибудь и одни управимся? Тогда уговор выполнен – я так полагаю. Ты сделал все, что обещал, и волен возвратиться назад, туда, где можно спокойно есть и спать, где слуги Врага тебя не схватят. Настанет день, и я вознагражу тебя – я или кто-нибудь, кто будет помнить обо мне.

– Нет, нет, нет! Еще рано! – вскинулся в испуге Голлум. – О нет! Хоббиты не смогут найти дорогу, нет! Правда ведь? О, еще бы! Впереди туннель. Смеагол должен пойти с ними. Он не будет спать. Он не будет есть. До поры до времени...

Глава девятая

Логово Шелоб⁴⁵⁷

Если, как уверял Голлум, день и наступил, для хоббитов он мало чем разнился от ночи, разве что тяжелое небо над головой не казалось уже таким беспросветно черным. Теперь оно скорее напоминало

низкую кровлю, сотканную из густого дыма. Вместо сплошной тьмы, которая еще таилась в трещинах и расщелинах, каменную страну заволок серый туманный полумрак. Они двинулись в путь: Голлум – впереди, хоббиты – за ним, держась за руки, вверх по длинной, узкой впадине, мимо выветренных, потрескавшихся столбов и колонн, стоявших по обе стороны, как огромные, грубо вытесанные статуи. Все кругом молчало. Немного впереди, в полутора верстах или около того, вырисовывалась огромная серая стена – последняя каменная громада, которую выставили горы у них на пути. Все темнее и выше вздымалась она впереди, пока наконец не заслонила собой весь мир. Глубокая тень скрывала ее подножие. Сэм понюхал воздух и поморщился.

– Брр! Тот самый запах! – воскликнул он. – Ух как шибает!

Тень горы уже скрыла их. Впереди, в самом средоточии тени, открывалось устье пещеры.

– Это вход, – сказал Голлум тихо. – Вход в туннель.

Он не сказал, как называется этот пещерный ход. Имя его было Торех Унгол⁴⁵⁸, или Логово Шелоб. Смрадный запах исходил именно оттуда. Он был совсем иного рода, нежели дурманящий запах тлена, что стлался над луговинами Моргула. Это была настоящая, крепкая вонь, словно внутри громоздились целые кучи такой дряни, какой и названия-то нет.

– Это единственная дорога, Смеагол? – неуверенно спросил Фродо.

– Да, да, – ответил тот. – Теперь нам сюда.

– Ты хочешь сказать, что уже был в этой дыре? – спросил Сэм. – Ффу! Хотя что я – тебе, наверное, запах не помеха...

Глаза Голлума сверкнули.

– Хоббит не знает, что нам помеха, а что нет, Сокровище мое, правда ведь? Он не знает, о нет. Просто Смеагол терпеливый, да, да. Он здесь был. Он прошел насквозь. Другой дороги нет.

– Да что же там так пахнет? – в сердцах вскричал Сэм. – Поневоле подумаешь, что... Ох нет, лучше не говорить. Это небось какая-нибудь мерзкая орочья дыра, куда лет сто сваливали всякое дерьмо...

– Делать нечего, – сказал Фродо. – Орки орками, но если другой дороги нет, надо идти.

Задержав дыхание, они переступили порог. Несколько шагов – и вокруг сгустилась крошечная, непроницаемая тьма. Хоббиты не попадали в такую темень со времени путешествия по мрачным Морийским пещерам, хотя здесь мрак казался, если только такое было возможно, еще гуще и беспросветнее.

В Мории веяли сквозняки, шаги сопровождало эхо и создавалось ощущение пространства вокруг; здесь не было ничего, кроме неподвижного, напоенного смрадом тяжелого мрака, в котором гложет любой звук. Они шли медленно, в густом черном пару, словно порожденном самым Тьмою; один-единственный вдох лишал зрения не только глаза, но и душу, стирая в ней всякую память о красках, очертаниях вещей и свете. Ночь была всегда, и ночь продлится вечно, и нет ничего, кроме ночи.

Одного они не потеряли – осязания: пальцы рук и ступни обрели почти болезненную чувствительность. Стены, к удивлению хоббитов, оказались гладкими, а пол, за исключением редких ступенек, был ровным и неуклонно поднимался. Сам туннель был широким, с высокими сводами. Сэм и Фродо шли рядом, раскинув руки в стороны, стараясь касаться стен, но друг до друга дотянуться уже не могли: между ними пролегла темнота.

Голлум вошел в туннель первым и, казалось, все время держался несколькими шагами впереди. Пока хоббиты еще способны были что-то замечать, они ясно слышали перед собой его свистящее, прерывистое дыхание. Но через некоторое время все чувства, даже осязание и слух, притупились. Хоббиты передвигали ноги только невероятным усилием воли, той самой, что привела их в этот туннель и толкала к выходу из него, наверх.

Довольно скоро – впрочем, скоро или нет, сказать трудно, потому что время и расстояние перестали существовать – Сэм, ощупывая правой рукой стену, угодил в пустоту и понял, что от главного хода ответвился боковой. На мгновение оттуда повеяло менее тяжелым воздухом, но они миновали ответвление и пошли дальше.

– Здесь какие-то перекрестки, – шепнул Сэм. Это далось ему нелегко – голос напрочь отказывался повиноваться. – Оркам тут, верно, раздолье...

Вскоре боковые ходы стали попадаться чаще – сперва по правую руку, потом по левую, где шел Фродо. Всего ходов встретилось три или

четыре, одни шире, другие уже, но отдать им предпочтение соблазна не возникало – главный коридор шел прямо, неукоснительно поднимался и никуда не сворачивал. Но далеко ли еще до выхода и смогут ли они вынести этот путь? Чем выше, тем труднее становилось дышать; казалось иногда, что приходится разгребать какой-то густой, осязаемый студень, заменивший воздух. С трудом бредя вперед, они то и дело задевали что-то головой и руками – то ли какие-то щупальца, то ли свисающие с потолка растения. А смрад все усиливался. Хоббитами казалось, что из всех пяти чувств у них осталось только обоняние, но оно же превратилось в источник нестерпимых мучений. Час, два, три – сколько времени провели они в этой черной норе? Может, несколько дней? Недель? Сэм оторвал руку от стены и прижался к Фродо; их пальцы встретились, сплелись – и они пошли вместе.

Вдруг Фродо, все еще державшийся за левую стену, наткнулся на пустоту и едва не упал. На этот раз ответвление оказалось необычайно широким. Оттуда исходила такая вонь и так сильно было ощущение, что там, во мраке, притаился кто-то чудовищный и злобный, что у Фродо закружилась голова. Сэм тоже не выдержал, споткнулся и упал руками вперед.

Борясь с тошнотой и страхом, Фродо схватил Сэма за руку.

– Вставай! – выдохнул он хрипло, без голоса. – И запах, и опасность – все идет именно отсюда. Быстрее!

Призвав на помощь остаток сил и воли, он встряхнул Сэма, поставил на ноги и заставил его и себя идти вперед. Сэм, спотыкаясь, брел рядом. Один шаг, второй, третий, шестой... Должно быть, страшный невидимый ход остался позади – двигаться вдруг стало легче, будто неведомая враждебная воля на миг отпустила их. Все еще держась за руки, хоббиты заковыляли дальше.

Но не успели они сделать и десятка шагов, как встретили новое затруднение. Туннель раздваивался: в темноте невозможно было определить, какое ответвление шире, какое сворачивает, а какое идет прямо. Куда же податься – вправо или влево? Подсказок не было, но оба понимали, что ошибка почти наверняка означает гибель.

– Куда подевался Голлум? – задыхаясь, шепнул Сэм. – Почему он нас не дождался?

– Смеагол! – попробовал крикнуть Фродо. – Смеагол!

Но оклика не получилось – только хрип. Произнесенное имя замерло у Фродо на устах. Ответа не было. Воздух не дрогнул, не отозвалось и эхо.

– По-моему, теперь он с концами слинял, – догадался Сэм. – Вот куда он нас вел, оказывается! Ну, Голлум! Смотри не попадайся теперь – пожалеешь!

Наконец на ощупь удалось установить, что налево хода нет: не то он был завален большим камнем, не то кончался тупиком.

– Там не пройти, – сказал Фродо. – Значит, придется идти направо, что бы нас там ни ожидало.

– Только быстрее, – взмолился Сэм. – Тут живет кто-то страшный, похуже Голлума. Я спиной чувствую, что он на нас смотрит!

Но не прошли они и нескольких шагов, как за спиной раздался булькающий звук, внезапный и ужасный, особенно среди тяжелой, войлочной тишины подземелья. Бульканье и клекот закончились длинным ядовитым свистом. Хоббиты обернулись, но увидеть ничего не увидели. Замерев, они вглядывались во тьму и ждали сами не ведая чего.

– Ловушка! – шепнул Сэм, кладя руку на рукоять клинка.

Ему вспомнилось, что в кургане, откуда пришел к нему этот меч, тоже было темно.

«Эх, сюда бы старину Тома!» – подумал он.

Тьма окружала его со всех сторон, сердце черной волной захлестнули отчаяние и гнев, – и вдруг ему почудилось, что он видит свет⁴⁵⁹, только не наяву, а каким-то внутренним зрением. Свет казался непереносимо ярким – как солнечный луч глазам того, кто долго сидел в подземелье без окон и дверей. Вдруг луч заискрился зеленью, золотом, серебром, ослепил белым блеском... Где-то вдали, будто на эльфийской картинке, Сэм увидел Владычицу Галадриэль, стоящую на траве Лориэна с дарами в руках. «А теперь твоя очередь, Хранитель Кольца, – услышал он далекий, но ясный голос. – Вот что я тебе приготовила».

Клокочущий свист становился громче, перемежаясь скрипом и щелканьем, словно к хоббитам, не торопясь, но и не уклоняясь от цели, приближалось огромное членистоногое насекомое. Перед ним катилась волна зловония.

– Хозяин, хозяин! – закричал Сэм, вдруг обретя голос и волю. – Подарок Владычицы! Стеклянная звездочка! «Чем чернее ночь вокруг, тем ярче загорится этот свет». Стеклянная звездочка!

– Звездочка? – переспросил Фродо, как во сне, не понимая. – А ведь верно! Что же это я про нее запамятовал? «Этот свет укажет тебе дорогу во тьме, когда погаснут все остальные огни!» И правда – теперь нас может спасти только свет!

Рука Фродо медленно потянулась к груди, и, все так же медленно, он вынул скляницу Галадриэли. Сперва она едва мерцала, как восходящая звезда, пробивающаяся сквозь тяжелые земные туманы, но вместе с надеждой, росшей в сердце Фродо, разгорался и свет – и наконец скляница вспыхнула серебряным пламенем, как ослепительное крохотное сердечко. Можно было подумать, что сам Эарендил спустился в туннель из небесных стран Заката с последним Сильмарилом на челе! Тьма отпрянула к стенам туннеля, и теперь скляница, казалось, сверкала в середине прозрачной хрустальной сферы. По руке Фродо побежали белые искорки.

Фродо потрясенно смотрел на чудесный дар, который так долго носил на груди, не догадываясь о его могуществе и не зная ему настоящей цены. Он почти не вспоминал о нем, пока не оказался в Долине Моргула, – и ни разу не воспользовался, боясь подать сигнал врагам.

– *Айя Эарендил Эленион Анкалима!*⁴⁶⁰ – закричал он, сам не зная, что за слова сорвались у него с уст: казалось, эти слова произнес другой, звонкий голос, не сдавленный смрадным воздухом пещеры.

Но в Средьземелье есть и другие силы, силы ночи, древние и могущественные. Та, Во Тьме Ходящая, что приближалась к хоббитам, уже слышала в безднах времен этот клич от самих эльфов⁴⁶¹ и не остановилась перед ним; что же могло помешать ей теперь? Еще не закрыв рта, Фродо почувствовал тяжелую, смертельную злобу, катящуюся из тьмы, и ощутил на себе беспощадный изучающий взгляд. Внизу, в туннеле, совсем недалеко, возле бокового хода, где у них обоих закружилась голова и подкосились ноги, постепенно обрисовались глаза, – точнее, два скопления мелких глаз, каждый о нескольких зрачках. Угроза обрела видимое обличье.

Лучи стеклянной звезды отразились от фасеток чудовища и разбились на тысячу искр, а там, в злобной, мыслящей глубине тысячи зрачков, уже разгорался свой, бледный, гибельный огонь. Чудовищны и отвратительны были эти глаза. Они принадлежали животному – но тем страшнее было читать в них разум и мерзкое ликование при виде добычи, попавшей в ловушку, откуда нет выхода.

Фродо и Сэм попятились, холодея от ужаса и не отрывая взгляда от немигающих, несущих гибель глаз. Те медленно приближались: хоббиты делали шаг – на шаг приближались и глаза. Рука Фродо, державшая скляницу, дрогнула и медленно опустилась... И вдруг наступило облегчение, словно чары, удерживавшие хоббитов, на миг ослабли. Фродо и Сэм в слепой панике отбежали немного, но только к вящему развлечению глаз – на бегу Фродо оглянулся и с ужасом увидел, что они большими скачками догоняют их. Фродо чувствовал, что его все плотнее окутывает нестерпимый запах смерти.

– Стой! Стой, Сэм! – крикнул отчаявшийся Фродо. – Бежать бессмысленно!

Глаза неторопливо приближались.

– Галадриэль! – воззвал хоббит и, собрав последнее мужество, снова поднял скляницу. Глаза приостановились. На мгновение взгляд их ушел в сторону, будто они в чем-то усомнились. Сердце Фродо загорелось. Не ведая, что творит, исполняясь то ли отваги, то ли отчаяния, то ли безумия, он перехватил скляницу в левую руку, а правой выхватил меч. Жало так и вспыхнуло. Острая эльфийская сталь заискрилась в серебряном свечении стеклянной звездочки, блеснув по краям голубым пламенем. Со звездой в одной руке и мечом в другой Фродо, хоббит из Заселья, не колеблясь шагнул навстречу страшным глазам.

Те дрогнули. Чем ближе надвигался свет, тем явственнее читалось в них замешательство. Один за другим они потускнели – и отступили. Ни разу еще не жгло их такое страшное сияние! Толща земли надежно укрывала их от солнца, луны и звезд, но на этот раз звезда сама сошла в глубины... А Фродо все шел вперед. И глаза дрогнули! Один за другим они погасли – и пропали. Там, куда не доставал свет, послышалось движение – и между хоббитами и страшными глазами заворочалось что-то огромное. Глаза сгинули.

– Хозяин! Хозяин! – вопил Сэм.

Он шел за Фродо шаг в шаг, держа меч наготове.

– Да здравствуют звезды! Узнай эльфы, они сложили бы об этом песню! Хорошо бы все-таки выжить и обо всем рассказать эльфам, а потом послушать, как они про нас поют! Только не ходите дальше, хозяин! Не спускайтесь в логово. Теперь – или никогда! Бежим скорее из этой поганой норы!

Они повернули обратно и пошли, а потом и побежали вверх: туннель круто поднимался, и облако застоявшегося смрада, наполнявшего незримое логово, с каждым шагом редело. Но ярость Стерегающей туннель Стражницы не отставала. На миг, возможно, ослепленная, но еще не побежденная, Стражница не собиралась отпускать хоббитов живыми... Но вот и ветерок подул навстречу – холодный, слабый. Выход! Конец туннеля! Добрались! Задыхаясь, хоббиты бросились вперед, мечтая увидеть небо над головой, – и, неожиданно ударившись обо что-то, отлетели назад. Проход закрывала какая-то преграда, – правда, не каменная. Она казалась мягкой, даже немного подавалась вперед, но ни прорвать, ни растянуть ее не было никакой возможности. Воздух через нее просачивался, лучи света – нет. Хоббиты еще раз попробовали прорваться – и снова были отброшены.

Подняв скляницу, Фродо присмотрелся и увидел перед собой гладкую серую завесу. Сияние звездной скляницы тонуло в ней, не освещая ее, словно это была просто тень в чистом виде, тень сама по себе, существующая независимо от света, а потому и свет был бессилён рассеять ее. Приглядевшись, хоббиты поняли, что это ткань, плетением напоминающая гигантскую паутину, – только паутина была гораздо плотнее и толще обычной: каждая нить – что веревка.

Сэм мрачно рассмеялся.

– Паутина! – воскликнул он. – Всего-то? Паутина, вы только подумайте! Каков же тогда паучище?! Вперед, скорей, справимся с этой мерзостью!

Он в ярости нанес по завесе размашистый удар, но нить, по которой прошелся клинок, осталась невредимой, только чуть-чуть подалась и тут же, как тетива лука, вернулась в прежнее положение, отбросив руку Сэма. Три раза обрушивал Сэм на паутину свой меч.

Наконец из бесчисленного множества нитей одна лопнула, взлетела в воздух, завившись в тугие колечки, и хлестко, как кончик бича, стегнула Сэма по руке. Сэм вскрикнул, отскочил и сунул ужаленную руку в рот.

– Так мы потратим несколько дней, – сказал он удрученно. – Что же делать? Глаза не вернулись?

– Пока не видно, – ответил Фродо, – но я чувствую, что они на меня все еще смотрят, по крайней мере думают обо мне. Наверное, что-то затевают. Если опустить скляницу или если она вдруг погаснет, они на нас опять бросятся.

– Надо же было так попасться! Под самый конец! – в сердцах воскликнул Сэм, снова закипая гневом и забыв про усталость и отчаяние. – Как мошки в паутине! От души желаю Голлуму, чтобы проклятие Фарамира как следует хлобыстнуло его по башке, да поскорее!

– Нам это сейчас не поможет, – ответил Фродо. – погоди! Посмотрим, на что способно Жало. Это эльфийский меч. В темных недрах Белерианда⁴⁶², где его выковали, тоже плелись паутины ужаса. Следи за Глазами и не подпускай их. Держи скляницу. Не бойся. Подними ее повыше и будь начеку!

Фродо шагнул к огромной серой паутине, изо всех сил ударил по ней, и острое лезвие легко перерубило одну из паутинных лесенок; сам Фродо тут же отскочил в сторону. Светящееся голубым светом лезвие рассекло серые нити, как коса траву. Они взвились, закрутились пружинами – и бессильно повисли. Образовалась длинная прореха.

Удар за ударом наносил Фродо, пока не обрубил все нити, до которых мог дотянуться. Верх паутины заколыхался, словно обыкновенная занавеска на ветру. Западни больше не существовало.

– Скорее! – крикнул Фродо. – Вперед! Вперед!

Они побывали в зубах у самой смерти – и вырвались! Фродо обуяла такая радость, что он позабыл про все на свете. Голова у него закружилась, как от доброго вина. Он выпрыгнул наружу, во все горло крича что-то невразумительное.

Глазам его, припоровившимся к тьме, царившей в логове ночи, сумрачный край за выходом из пещеры показался только что не солнечным. Но кровавое зарево над Мордором уже померкло и

сменилось тусклой чернотой – на исходе были последние часы этого хмурого дня. И все же Фродо почудилось, что над хребтом встает рассвет негаданной надежды. До вершины было рукой подать. Еще чуть-чуть – и победа! Вот она – расщелина Кирит Унгол, вот она – тусклая прорезь в черном гребне горы, вот они – два острых черных рога по сторонам перевала, две скалы! Короткая пробежка, рывок – и они на той стороне!

– Перевал, Сэм! – закричал Фродо, не обращая внимания на то, как пронзительно зазвучал его голос, освободившись от удушающих паров туннеля. – Перевал! Бежим! Две-три минуты – и мы там! Попробуй-ка останови!

Сэм поспешил за хозяином, как только позволяли ему усталые ноги, – но, хотя он и рад был оказаться на воле, тревога не покинула его, и он то и дело оглядывался на черную дыру туннеля, опасаясь, как бы Глаза – или их невообразимый обладатель – не выскочили оттуда и не бросились в погоню. Но ни он, ни его хозяин не подозревали, как хитра Шелоб. Из ее логова было много выходов.

Многие века обитала она в этой пещере – темное существо в облики паука, преисполненное злобы и ненависти. Некогда подобные ей твари жили на Западе, в стране эльфов, которую поглотили волны Моря. С одним из ее собратьев сражался Берен в Горах Ужаса в Дориате⁴⁶³. Благодаря этой битве встретился он с Лутиэн, танцевавшей в лунном сиянии среди цветов болиголова на лесной лужайке. Как Шелоб⁴⁶⁴ попала сюда, в пещеру, не говорит ни одна легенда, ибо немногие предания Черных Лет дошли до нашего времени. Но с тех пор она, та, что была здесь прежде Саурона и прежде того, как заложен был первый камень Барад-дура, неизменно пребывала здесь. Не признавая над собой повелителя, она питалась кровью людей и эльфов, беспрестанно раздуваясь и набухая. Предаваясь мрачным размышлениям во время своих кровавых пиршеств, сплетала она паутину мрака; все живое служило ей пищей, а извергала она тьму. Ее потомство, отпрыски жалких самцов, которых она сама порождала и сама же потом убивала, распространялось от одной долины к другой, от Эфел Дуата до восточных холмов Дол Гулдура и твердынь Чернолесья. Но никто не мог соперничать с ней, Шелоб Великой,

последней из детей Унголиант⁴⁶⁵, потревоживших этот несчастливый мир.

Много лет назад повстречал ее Голлум-Смеагол, сующий нос во все темные ямы. Уже тогда, в минувшие дни, он склонился перед ней и признал ее своей госпожой. С тех пор мрачная тень ее злобы шествовала рядом с ним во всех его скитаниях, надежно отрезая его от света и раскаяния. Он дал обещание поставлять ей пищу. Но он и она жаждали разного. Мало что знала она о башнях, кольцах и прочих вещах, сотворенных руками и мыслью. Она желала всему живому только смерти, а сама стремилась лишь к одному – в одиночку насыщаться жизнью, раздуваясь все больше и больше, до тех пор, пока горы не откажутся держать ее, пока самое тьма не перестанет ее вмещать.

Но до исполнения этого желания было еще далеко. Вот уже многие годы она была голодна и томила в своем логове, в то время как мощь Саурана росла. Свет и живые существа избегали ее владений, город в долине лежал в руинах, и к ее логову давно уже не приближались ни человек, ни эльф – только незадачливые орки, пища скверная и очень осторожная. Но Шелоб нуждалась в еде, и, сколь усердно ни рыли орки все новые и новые извилистые коридоры, ведущие к башне и перевалу, она всегда исхитрялась кого-нибудь изловить. Впрочем, она жаждала более сладкого мяса. И вот наконец Голлум добыл его.

– Увидим, да, да, мы еще увидим, – частенько говаривал он себе во время долгого и опасного пути от Эмин Муйла до Моргульской Долины, когда им овладевали злобные мысли. – Очень может быть, о да, очень может быть! Кости и пустую одежду она выбрасывает, значит, мы найдем *Его*, мы получим *Его*, наше Сокровище, и это будет наградой для бедного, несчастного Смеагола, который принес ей такую вкусную еду! И мы спасем Сокровище, о да, спасем, как и обещали. А когда Оно будет у нас, в безопасности, тогда Она узнает, о да! Тогда мы отплатим Ей, мое Сокровище. Тогда мы всем за все отплатим!

Такой план вынашивал он в дальних уголках своих мыслей, надеясь скрыть задуманное даже от Нее; с этим-то он и явился к Ней и склонился перед Нею в низком поклоне⁴⁶⁶, пока хоббиты спали.

Что до Саурана, он знал про Шелоб и знал про ее гнездилище. Ему нравилось, что на границе его страны обитает эта тварь, голодная, исполненная никогда не ослабевавшей злобы. Она стерегла этот древний путь в его страну лучше, чем самая надежная стража. Орки, конечно, рабы полезные, но их у него было великое множество. Время от времени Шелоб отлавливала одного-другого, чтобы заморить червячка, – ну так и что же? Иногда он сам посылал ей какого-нибудь пленника, если терял в нем нужду, – так хозяин балует кошку лакомыми объедками («моя кисанька» – называет он ее, но ей до него нет никакого дела). Пленника волокли к ее логову, смотрели, что будет, и доставляли в Барад-дур подробный отчет о том, в какую игру сыграла Шелоб со своей жертвой на этот раз. Шелоб и Саурон жили каждый сам по себе, находя удовольствие каждый в своих занятиях; они не опасались ничьего гнева, не страшились никаких врагов – и злоба их не оскудевала. Не было случая, чтобы кто-нибудь, пусть даже муха, избежал сетей паучихи. Но тем сильнее разъярилась она на этот раз, и тем острее разыграл в ней старинный голод.

Бедный Сэм не имел ни малейшего представления о том, сколь могущественные злые силы вооружились на этот раз против него и Фродо, но с каждым шагом ему становилось все страшнее – хотя он и не мог понять, чего, собственно, боится. Наконец страх так навалился на плечи хоббиту, что Сэм перешел на шаг. Ноги у него внезапно стали как чугунные.

Ужас подстерегал везде – сзади, спереди, сбоку. Взять хотя бы перевал! Ведь там враги, а хозяин про все позабыл и бежит, не таясь, прямо им в лапы! Что это на него нашло? Оторвав взгляд от мглы позади и бездонной черной пропасти по левую руку, Сэм снова посмотрел вперед – и впал в настоящую панику. Во-первых, меч Фродо, все еще обнаженный, горел ярким голубым пламенем, во-вторых, несмотря на то, что небо над перевалом давно потемнело, в окне башни светился красный огонек.

– Орки, – пробормотал Сэм. – Так просто мы не прорвемся. Да тут полным-полно орков, а может, и еще кого похуже!

Вспомнив об осторожности, ставшей за время пути его второй натурой, он крепче сжал драгоценную скляницу, которую все еще держал в руке. Рука засветилась алым светом живой крови. Но свет мог выдать их, и Сэм, спрятав скляницу в нагрудный карман,

поплотнее запахнул эльфийский плащ. Затем он прибавил шаг, намереваясь догнать хозяина, – но тот бежал быстрее. Их разделяло уже не меньше двадцати шагов, а Фродо по-прежнему со всех ног мчался вперед – вот-вот растворится среди серой мглы, как тень среди теней...

И тут – не успел Сэм спрятать на груди звездную скляницу – впереди него откуда ни возьмись появилась Она. Из черной дыры, скрытой чуть левее, в тени утеса, внезапно вынырнуло отвратительное чудовище. Такое не могло бы пригрезиться и в самом жутком кошмаре. По виду это была, пожалуй, паучиха, но какая! Больше любого хищника и, главное, много страшнее, ибо глаза ее смотрели осмысленно, злобно и беспощадно. Это были те самые чудовищные глаза – вернее, множество глаз на вытянутой вперед голове, – которые хоббиты думали напугать и торжествовали уже победу; теперь глаза снова горели страшным огнем. Увенчанная огромными рогами голова качалась на короткой неподвижной шее, торчавшей из огромного, непомерно разбухшего тулова, которое болталось на бегу и билось о длинные ноги. Черную спину паучихи покрывали лиловые, мертвенного оттенка пятна, белесое брюхо бледно фосфоресцировало: от него-то и исходил смрад. Ноги чудовища по-паучьи переламывались в коленях высоко над туловом и щетинились жесткими волосинками, похожими на стальные иглы; каждая нога кончалась острым когтем.

Протащив огромный мягкий живот и сложенные вдвое конечности через узкий запасной выход, Шелоб припустила вперед на диво шибко, то поспешно переставляя скрипучие ноги, то внезапно делая большой прыжок. Сэм оказался сзади, Фродо – впереди, Шелоб – посередине. То ли она не видела Сэма, то ли, заметив, что свет у него, решила пока не трогать, но все ее внимание сосредоточилось на Фродо, который очертя голову мчался вперед – а ведь у него не было скляницы! – и не подозревал о грозящей ему опасности. Он бежал быстро, но Шелоб была проворнее. Еще пара скачков – и она его настигнет!

Сэм набрал воздуха и завопил что было мочи:

– Оглянитесь, хозяин! Сзади! Я...

Тут его крик оборвался. Рот ему зажала длинная липкая рука. Другая такая же обхватила шею, вокруг ноги тоже что-то обвилось.

Сэм потерял равновесие и опрокинулся прямо в объятия противника.

– Попался! – зашипел Голлум ему в ухо. – Наконец-то мы его схватили, С-сокровище мое! Да! Наконец-то этот гадкий, скверный хоббитс у нас-с в ручках! Мы позаботимся о нем, о да, о да. А Она займется вторым. Да, да, его заполучила Шелоб. Смеагол тут ни при чем. Смеагол обещал. Он не тронет хозяина, о нет, о нет. Зато Сэма он тронет, и еще как! Попался, попался, злой доносчик, предатель и проныра! – И Смеагол плюнул Сэму в затылок.

Вся ярость, все отчаяние, на какие только Сэм был способен, вскипели и ударили ему в голову. Хозяин в смертельной опасности – а тут еще предательство! Такая неистовая сила вдруг обнаружилась в руках у хоббита, что Голлум несколько опешил. Он никак не ожидал такой прыти от Сэма, которого считал медлительным и глуповатым. Даже сам он не смог бы вырваться из подобного захвата так быстро и ловко. От неожиданности ладонь, зажимавшая Сэму рот, соскользнула, и хоббит рванулся сначала назад, потом вперед, пытаясь освободиться от второй руки, обхватившей его за шею. Меч все еще был у хоббита в правой руке, а в левой, на ременной петле, висел посох Фарамира. Сэм предпринял отчаянную попытку повернуться и ударить врага мечом, но Голлум оказался проворнее: он быстро выбросил вперед правую руку и вцепился Сэму в запястье. Пальцы у Голлума были как клешни. Он медленно, но неуклонно начал пригибать руку Сэма к себе и вниз, пока тот, вскрикнув от боли, не выронил меч. Тем временем другая рука Голлума все крепче сжимала хоббиту горло...

Тогда Сэм пустил в ход последний прием. Он что было сил рванулся вперед, прочно встал на ноги – и внезапно опрокинулся на спину.

Прием был самый простой, но от Сэма Голлум не ожидал даже такого и с размаху брякнулся оземь. Крепкий, плотный хоббит всем весом рухнул сверху ему на живот. Голлум резко зашипел, и на мгновение хватка на горле Сэма ослабла, хотя запястье правой руки хоббита так и осталось в цепких клещах Голлумовых пальцев. Сэм резко дернулся вперед и вбок, вскочил, крутанулся вправо, через захваченную руку, – и тут же, ухватив левой рукой посох, с хрустом обрушил его на лапу предателя чуть пониже локтя.

Голлум взвыл и отпустил руку Сэма. Хоббит перешел в наступление. Чтобы получилось быстрее, он не стал перехватывать

посох из руки в руку, а нанес еще один сокрушительный удар левой. Голлум с быстротой змеи метнулся прочь, посох вместо головы пришелся поперек хребта – и с треском переломился. Этого Голлуму вполне хватило. Он издавна привык нападать сзади и редко терпел неудачу. Но на этот раз он слишком увлекся злобной радостью победы – и решил посмаковать удовольствие, дразня Сэма и разглагольствуя, вместо того чтобы наброситься и задушить врага сразу. План Голлума, такой складный, такой замечательный, пошел вкривь и вкось с того самого момента, когда во тьме внезапно вспыхнул ужасный свет. Теперь Голлум столкнулся с противником, который почти ни в чем не уступал ему. А в открытый бой он и без этого вступать не собирался. Отнюдь!

Сэм подхватил меч и замахнулся. Голлум взвизгнул, отпрянул – и, упав на четвереньки, прямо с места по-лягушечьи прыгнул прочь. Удар пришелся в пустоту: враг уже мчался назад к туннелю с достойной удивления скоростью.

Сэм с мечом в руке бросился за ним. На мгновение он забыл обо всем на свете, кроме кипучей ярости, застилавшей ему глаза, и желания навеки покончить с Голлумом. Но догнать его Сэм не успел. Миг – и тот скрылся. Перед хоббитом зияла черная дыра туннеля, в лицо пахло знакомым зловонием. И тут Сэма словно громом ударило. Он совсем забыл про Фродо и чудовище! Резко повернувшись, он как сумасшедший опрометью помчался вверх по тропе, снова и снова клича Фродо. Но было уже поздно. Кое в чем план Голлума все-таки удался.

Глава десятая

Выбор Сэма Гэмги⁴⁶⁷

Фродо лежал на спине, и паучиха, склонившаяся над ним, так занята была своей жертвой, что не замечала второго хоббита и не слышала его криков, пока тот не подбежал совсем близко. Сэм увидел, что хозяин с ног до головы опутан паутиной, а чудовище уже приподнимает его огромными передними лапами, собираясь уволочь в логово.

Рядом с Фродо на земле светился эльфийский клинок: хоббит так и не успел пустить его в дело. Не доискиваясь причин, которые им двигали – храбрость, верность или просто бешеная ярость, – Сэм ничтоже сумняшеся пошел напролом. Он с воплем прыгнул вперед и, схватив меч Фродо в левую руку, бросился в атаку. Такой ярости и натиску удивились бы, наверное, даже дикие звери, которым не в диковинку видеть, как отчаявшийся зверек, у которого всего-то и оружия, что зубы, не щадя жизни, отстаивает раненую подругу, над которой нависла какая-нибудь рогатая толстокожая уродина или кто похуже...

Потревоженная тоненьким голоском Сэма, Шелоб, словно пробудившись от сладких видений, медленно перевела на хоббита взгляд, полный лютой злобы. Но прежде чем она поняла, что на нее нападают, да еще с такой яростью, какой она за бесчисленные годы своей жизни не встречала ни разу, блестящее лезвие вонзилось ей в ногу и отсекло один из когтей. Сэм ринулся вперед, нырнул под паучье брюхо, проскользнул меж расставленных ног и, повернувшись, молниеносно ткнул другим мечом в первую попавшуюся глазную гроздь – благо Шелоб, на свою беду, довольно низко нагнула голову. Один из самых больших глаз потух.

Теперь жалкое, маленькое создание оказалось под брюхом паучихи, и она никак не могла достать до него – ни жалом, ни когтями. Огромное брюхо качалось прямо над головой хоббита, испуская такой страшный смрад, что Сэма чуть не сбило с ног. Но ярости Сэма еще хватило на последний удар: спеша успеть, пока паучиха не опустилась и не расплющила в лепешку и его самого, и всю его дерзкую, крохотную отвагу, Сэм отчаянно резанул ярко горящим эльфийским мечом по брюху чудовища.

Но у Шелоб не было, как у драконов, уязвимых мест на теле – разве что глаза. За многие века кожа ее сморщилась и нарастила изнутри множество безобразных слоев и утолщений. Меч Сэма оставил у нее на брюхе страшную рану, но чудовищных складок ее шкуры не мог бы проколоть никакой удар, даже нанесенный рукой Берена или Тьюрина, мечом, кованным в гномьих или эльфийских кузницах. Шелоб вздрогнула и конвульсивно дернулась; громадный живот приподнялся. В царапине забулькал и запузырился яд. Раскорячившись, паучиха снова стала опускаться, чтобы раздавить

наглеца. Слишком рано! Сэм еще стоял на ногах и, отбросив меч, обеими руками сжимал эльфийский клинок хозяина, уставив его острием вверх и пытаясь оттолкнуть снижающуюся над ним жуткую крышу. Шелоб резко, мощным толчком опустила брюхо – и со всего размаха, со всей силой своей жестокой воли и со злобой, какой не могло быть ни в человеке, будь он хоть трижды богатырь, ни тем более в хоббите, – напоролась на острый клинок. Стальной гвоздь вонзался все глубже и глубже; Сэма постепенно придавливало к земле.

Такой жестокой боли Шелоб не испытывала еще ни разу в жизни. Она и представить была неспособна, что ее могут постигнуть такие муки. Самому храброму воину древнего Гондора, самому дикому и неукротимому из попадавших в ее сети орков не удавалось еще так долго сопротивляться ей, и никто еще никогда не ранил мечом ее плоти, столь нежно ею лелеемой. Дрожь прошла по телу паучихи. Рванувшись вверх, чтобы положить конец боли, она подобрала трясущиеся ноги и конвульсивно отскочила назад.

Сэм упал на колени возле Фродо, теряя сознание от страшного смрада, но руки его все еще сжимали рукоять меча. Как сквозь туман увидел он лицо хозяина и напрягал все силы, чтобы взять себя в руки и не потерять сознания. Медленно подняв голову, он увидел паучиху в нескольких шагах от себя – она разглядывала его, быстро втягивая и вытягивая ядовитую иглу жала. Из раненого глаза сочилась зеленая жидкость. Вот Шелоб припала к земле содрогающимся брюхом; трясущиеся колени согнулись; она готовилась к последнему прыжку. На этот раз она была полна решимости уничтожить противника, поразить его насмерть. Не просто влить малую каплю яда, чтобы мясо перестало сопротивляться, нет – убить и разорвать на куски!..

Сэм, съжившийся на земле, читал в ее глазах неминуемую гибель. И вдруг словно кто-то незримый подсказал ему, что делать. Он пошарил левой рукой на груди и достал то, что хотел, – холодную, твердую и такую надежную посреди этого призрачного мира скляницу Галадриэли.

– Галадриэль! – проговорил он слабым голосом и услышал далекие, ясные голоса. Эльфы шли по ночным лесам милого Заселья, перекликаясь и повторяя те самые слова, которые Сэм слышал некогда сквозь сон и музыку в Зале Пылающего Огня, у Элронда: *Гилтониэль А Элберет!*⁴⁶⁸

И вдруг с его уст сами собой слетели непонятные ему слова:

*А Элберет Гилтониэль
о менел палан-дириэль
ле наллон си ди'нгурутос!
А тиро нин, Фануилос!⁴⁶⁹*

С этими словами он, шатаясь, встал и снова стал самим собой – хоббитом Сэмуайзом, сыном Хэмфаста.

– А ну, подходи, подходи, гадина! – закричал он. – Ты укусила моего хозяина, скотина этакая, и получишь за это сполна! Мы с ним сейчас пойдем дальше, но сперва я с тобой посчитаюсь. Иди, иди сюда! Еще захотела?

Внезапно скляница вспыхнула в его руках белым факелом, как будто неукротенный дух Сэма передал ей свою силу. Так падающая звезда рассекает на мгновение тьму ночи, ослепив небесную твердь нестерпимо яркой вспышкой. Никогда еще такой грозный небесный ужас не палил глаза Шелоб. Лучи скляницы, проникая в раненый глаз, невыносимо жгли; страшная зараза света поджигала зрачок за зрачком. Шелоб отпрянула, присев на задние лапы и замахав передними. Глаза ей жег внутренний пожар, мысли путались в агонии. Наконец, пряча искалеченную голову, она повернулась боком и шаг за шагом попятилась к черной дыре в стене утеса.

Сэм шел следом. Он пошатывался, как пьяный, но шел. Укрощенная Шелоб, трясаясь от страха, дергалась и неловко подпрыгивала, стараясь поскорее ускользнуть от врага. Наконец она добралась до норы и втиснула тяжелое тело внутрь, оставляя на камнях желто-зеленую слизь. Сэм успел еще разок рубануть мечом по ее волочащимся задним лапам – и упал без сил.

Шелоб исчезла. Что случилось с ней потом? Отлежалась ли она в своем логове, нянча злобу и обиду, залечила ли за долгие годы свои раны, зажглись ли когда-нибудь вновь ее глаза-грозди, раскинула ли она вновь свои сети в ущельях Мрачных Гор, ненасытная, как сама смерть? Об этом летописи умалчивают...

Сэм остался один. Сумерки Неназываемой Страны уже сгущались над местом битвы, когда он, смертельно усталый, добрел наконец до неподвижно лежавшего на земле Фродо.

– Хозяин, дорогой мой хозяин! – позвал он, но Фродо не ответил.

Когда Фродо мчался вперед, радуясь свободе, Шелоб настигла его и одним быстрым ударом жала поразила в шею. Теперь он лежал без движения, мертвенно-бледный, ничего не слыша.

– Хозяин! Дорогой мой хозяин!.. – повторил Сэм еще раз и долго ждал ответа.

Все напрасно.

Тогда он торопливо разрезал опутавшие Фродо нити паутины и приложил ухо к груди и губам хозяина, но, сколько ни вслушивался, не услышал никаких признаков жизни – даже сердце, похоже, не билось. Хоть бы трепыхнулось разок – но нет!.. Он без конца растирал ноги и руки Фродо, согревал ему лоб – но и лоб, и ступни, и ладони оставались холодными.

– Фродо! Господин Фродо! – взмолился Сэм. – Не бросайте меня здесь одного! Это я, ваш Сэм! Не надо туда уходить! Я не могу пойти с вами! Проснитесь, господин Фродо! Фродо, Фродо, дорогой Фродо! Проснись!

Гнев, кипевший в сердце Сэма, перелился через край, и он вскочил на ноги, бешено рубя мечом воздух, молотя по камням и бросая вызов всем врагам на свете. Наконец он утих, снова нагнулся, посмотрел в бледное лицо Фродо, лежащего в пыли на тропе, – и вдруг понял, что находится внутри картинки, которую ему когда-то показало в Лориэне Зеркало Галадриэли. Он увидел тогда в Зеркале бледного как мел Фродо, спящего под огромной темной скалой. По крайней мере тогда ему показалось, что Фродо спит. «Он умер! – сказал сам себе Сэм. – Он не спал, тогда, в Зеркале. Он был мертв!» Слова эти словно добавили яда в кровь лежащего Фродо: Сэму почудилось, что лицо хозяина постепенно зеленеет.

На Сэма накатило черное отчаяние. Он ткнулся лбом в землю, натянул на голову серый капюшон, в сердце его вошла ночь, и больше он ничего не видел.

Когда мрак наконец отхлынул, Сэм поднял голову и увидел, что вокруг по-прежнему ночь. Но сколько прошло минут или часов, пока

он лежал на камнях, а события влачили своим чередом, он не знал. Очнулся он на том же самом месте. Хозяин по-прежнему лежал рядом – мертвый. Горы не обрушились, земля не рассыпалась в прах, камни остались на своих местах.

– Что же теперь делать? Что делать?! – воскликнул Сэм. – Неужели весь этот путь мы с хозяином проделали напрасно?

И вдруг ему ясно припомнилось, как он сам когда-то сказал в начале путешествия, не понимая еще, о чем говорит: «Что-то я должен совершить, прежде чем все это кончится, и это что-то ждет меня не в Заселье, а там, впереди. Мне надо пройти этот путь до конца – понимаете?..»

– Но что же делать? Не оставлять же господина Фродо без погребения⁴⁷⁰, тут, на вершине горы? Не домой же возвращаться? А может, пойти дальше? Вперед?..

Страх и неуверенность чуть не оглушили его.

– Неужели я должен идти дальше? – пробормотал он. – А Фродо? Покинуть его тут?

Только теперь Сэм наконец заплакал. Со слезами на щеках он склонился над Фродо, сложил на груди холодные руки хозяина, завернул тело в плащ и положил справа меч из Курганов, а слева – посох, подаренный Фарамиром.

– Если я должен идти дальше, – сказал он вслух, – мне придется взять у вас меч, господин Фродо, уж не обессудьте! Зато у вас останется мой, вот здесь, рядышком: пусть господин Фродо спит, как тот древний король в кургане, где мы этот меч нашли! А еще на вас надета красивая кольчуга из *мифрила*, подарок старого господина Бильбо... Кроме того, господин Фродо, я одолжу у вас стеклянную звездочку, которую вы мне сами дали: она мне очень кстати придется, ведь теперь я все время буду идти в темноте. Я такого подарка не заслуживаю. Владычица Галадриэль дала его вам, но, может быть, она поймет. А вы-то, вы меня понимаете, господин Фродо? Я должен идти дальше!..

Но уйти вот так вот, сразу, было выше его сил. Он встал на колени, взял Фродо за руку – да так и не смог выпустить ее. Время шло, а он все медлил, держа хозяина за руку и мучаясь сомнениями.

Сначала он попытался собраться с силами и настроиться на месть. Надо найти Голлума и поквитаться с ним! Он гнался бы за ним в одиночку по всем дорогам мира и в конце концов настиг бы! Тогда Голлум, загнанный в угол, нашел бы свою смерть. Но ведь Поход был предпринят не для этого, и ради такой ничтожной цели покидать хозяина не стоило! Разве этим вернешь ему жизнь? Нет, воскресить Фродо не может ничто. Лучше бы тогда им умереть вместе!.. Но по дорогам смерти тоже странствуют в одиночку...

Сэм посмотрел на светящееся острие меча. Подумал о горных пропастях, о провалах в бездонное Ничто, мимо которых они пробирались на пути сюда... Нет! Это не выход. Это значило бы не сделать вообще ничего, сделать даже меньше, чем ничего: Фродо остался бы лежать здесь, никем не оплаканный, и что дальше? Нет, не за этим Сэм ушел из дому.

– Что же делать? – крикнул он снова и вдруг понял, что и сам знает суровый ответ: идти до конца. И тоже в одиночку! Но эта дорога обещала быть страшнее всех остальных.

«Как?! Мне, да еще одному, идти к Трещинам Судьбы, и все такое? – ужаснулся он, но решимость его уже крепла. – Но ведь тогда мне придется взять Кольцо! Мне?! У него?? Но ведь Совет назначил Хранителем Фродо...»

Ответ не замедлил явиться:

«Совет назначил не только Хранителя Кольца, но и его спутников, чтобы дело было сделано, несмотря на все препятствия. Кроме тебя, из Отряда никого не осталось. Дело надо довести до конца».

– Лучше бы не я остался, лучше бы кто-нибудь другой, – простонал Сэм. – Например, Гэндальф или там еще кто... Почему я должен все решать сам? Я наверняка что-нибудь напутаю! Не тот я хоббит, чтобы брать Кольцо и лезть на рожон!

«Но ведь ты никуда и не лезешь, тебя просто вытолкнули в первый ряд, и все. Ты, конечно, особа не самая подходящая, но если посмотреть правде в глаза, Фродо и Бильбо тоже на эту роль не очень-то годились. И, между прочим, не напрашивались!»

«Ну ладно, значит, я должен решить все сам. Хорошо. Но предупреждаю, что обязательно что-нибудь перепутаю! У Сэма Гэмги иначе не бывает... Постойте-ка! Дайте подумать. Если нас тут найдут, или не нас, а хотя бы господина Фродо и при нем эту Вещь, то она

угодит прямиком к Врагу и всем приключится конец: и Лориэну, и Ривенделлу, и Заселью, и вообще всем. Кроме того, если потерять много времени, Враг и без Кольца всех задушит. Уже началась война, и очень похоже, что все идет по Вражьему плану. Вернуться с *Ним* назад и просить разрешения или там совета уже не получится. Выходит, я должен либо сидеть здесь и ждать, пока сюда не придут и не убьют меня прямо над телом моего хозяина, а Кольцо, естественно, прикарманят, – либо взять Кольцо и уйти».

Сэм глубоко вздохнул:

– Значит, решено: беру!

Он наклонился. Бережно расстегнул он брошь на вороте у Фродо и просунул руку ему под рубашку; другой рукой он поднял голову хозяина, поцеловал стылый лоб и осторожно снял цепочку. Затем он тихо опустил голову Фродо обратно на землю. Бледное лицо Фродо не изменилось, и это сильнее всего прочего убедило Сэма, что Фродо действительно умер и не тревожится больше о Деле.

– До свидания, дорогой хозяин! – пробормотал Сэм. – Вы уж простите своего Сэма! Он вернется сюда, когда выполнит наказ... если только управится. Тогда он вас больше уже не покинет. Спите в мире и ждите меня. Вот только не заявись бы сюда какая-нибудь дрянь! Если бы Владычица меня слышала и могла исполнить мое желание, то я пожелал бы только одного – вернуться и найти вас на том же месте. До свидания!

Наклонившись, Сэм надел цепочку – и Кольцо тут же пригнуло его голову к земле, будто не золотой ободок висел у него на шее, а увесистый булыжник. Но Сэм постепенно выпрямился, – может, тяжесть уменьшилась, а может, в нем проснулись какие-то новые силы? – с огромным трудом встал на ноги и обнаружил, что все-таки может нести эту ношу. На короткий миг он поднял скляницу и взглянул на хозяина. Дар Владычицы эльфов излучал теперь мягкое сияние вечерней звезды в час летних сумерек, и в этом свете с лица Фродо как будто сошел мертвенный оттенок – оно стало просто бледным, но в то же время и прекрасным отрешенной, эльфийской красотой, которая дается только тем, кто долго скитался во мгле. С этим последним горьким утешением Сэм отвернулся, скрыл свет у себя на груди и побрел в сгущающийся мрак.

Идти было недалеко. Туннель остался позади. До Прорези оставалось всего каких-нибудь несколько сот шагов. Несмотря на сумерки, Сэм все еще неплохо видел тропу: это была узкая, изрядно истоптанная за многие века ложбина меж двух утесов, полого поднимавшаяся вверх. Стены утесов быстро сближались, и вскоре Сэм оказался у длинного ряда широких низких ступеней. Орочья башня нависала теперь прямо над ним, хмурая, черная, с одним-единственным красным оком. Тень ее скрыла хоббита. Он благополучно поднялся по ступеням и наконец оказался в самой Прорези.

«Я решил – и все тут», – повторял он про себя.

Но это было неправдой. И так и этак раскидывая мозгами, он не находил никакого другого выхода, но то, что он делал сейчас, было слишком уж против всей его сути.

– Вдруг я что-то напутал? – бормотал он. – Но что я еще мог сделать?

Отвесные стены Прорези тесно окружили его, но, прежде чем подняться к вершине и бросить первый взгляд на дорогу, ведущую в Неназываемый Край, хоббит обернулся еще раз. Выход из туннеля был еще различим и в темнеющих сумерках казался отсюда маленьким черным пятнышком. Сэму показалось, что он видит или, скорее, угадывает место, где оставил Фродо; ему показалось даже, что там, на земле, что-то светится, – но, возможно, это слезы сыграли с ним злую шутку, потому что, когда он посмотрел на горную каменную площадку, где потерпела крушение вся его жизнь, глаза его наполнились слезами.

– Если бы у меня были силы чего-нибудь желать, – вздохнул он, – то я желал бы только одного – вернуться и найти Фродо там, где я его оставил!

Наконец он повернулся лицом к перевалу и, с трудом преодолев растущее нежелание, сделал несколько шагов вперед – самых трудных за всю его жизнь.

Шаг, еще шаг... Сейчас дорога пойдет вниз, и он никогда больше не увидит эту площадку над обрывом... И вдруг тишину разорвали голоса и крики. Сэм застыл на месте, как камень. Орки! Голоса доносились отовсюду – и сзади, и спереди. Топот! Крики! В Прорезь

валом валили орки, – очевидно, сверху, из башни. А сзади? Тоже топот и крики! Сэм быстро обернулся. Внизу мелькали огоньки: из туннеля тек ручеек мерцающих факелов. Охота наконец началась. Значит, не зря горело окно на башне! Сэм оказался в ловушке.

Мигающий свет факелов и лязганье стали, доносившееся сверху, были уже близко. Сейчас его увидят! Слишком долго он решал – и что пользы теперь было в его решении? Как же теперь убежать, как спастись? Или, на худой конец, как спасти Кольцо? Да, действительно, Кольцо! Времени на размышление не было. Не успев сообразить, что делает, Сэм вытащил цепочку, снял ее с шеи и взял в руку Кольцо. В Прорези, прямо перед Сэмом, вырос первый орк. Тогда Сэм надел Кольцо на палец.

Мир изменился, и каждое мгновение наполнилось мыслями, которых раньше было бы не передумать и за целый час. Слух обострился, а зрение притупилось – но не так, как в логове Шелоб. Окружающие предметы не погрузились во тьму, однако контуры их расплылись и смазались. Сэм стоял посреди серой мглы, словно черный, твердый камень, а Кольцо, оттягивавшее левую руку, горело раскаленным золотом. Сэм не чувствовал себя невидимым – скорее наоборот: он был видим и уязвим, как никогда, и знал, что где-то не дремлет ищущий его Глаз.

Он слышал, как потрескивают камни в горах, как журчит вода в далекой Долине Моргула, как скулит и пускает пузыри злосчастная Шелоб, тычась в стены своей пещеры. До него долетали голоса из башенных подземелий и крики орков, выходящих из туннеля, – а главное, оглушительный грохот и нестерпимый гомон тех, что валили навстречу. Сэм вжался в скалу. Орки маршировали мимо, как войско призраков, – серые, искаженные туманом тени с бледными развевающимися факелами в руках. Сэм тщетно искал щели, куда бы забиться, и напряженно вслушивался.

Отряд, идущий из туннеля, и тот, что шел сверху, встретились. Орки с воплями бросились друг другу навстречу. Сэм прекрасно слышал каждое слово, а главное, все понимал. Должно быть, Кольцо наделяло своего обладателя даром разуместь чужие языки или просто помогало понимать всех и всякого, в особенности слуг Саурана, Создателя Кольца; как бы то ни было, Сэм обнаружил, что стоит ему

захотеть – и он прекрасно понимает речь орков. Оказавшись неподалеку от кузни, где его выковали, Кольцо, по-видимому, стало еще могущественнее. Одного только дать оно не могло – мужества. Сэм думал только о том, как бы получше спрятаться и переждать, пока не станет тихо, и, дрожа, напрягал слух. Сказать, далеко голоса или близко, он не мог – ему казалось, что они звучат прямо в ушах.

– Вот так-так! Горбаг! Ты-то что здесь делаешь? Война, что ли, надоела?

– У меня приказ, дурачина! А вот ты, Шаграт, куда прешься? Надоело отсиживаться? В драку захотелось?..

– Мы несем вам распоряжение сверху. Так что заткнись! И вообще здесь, на перевале, командую я, а ты придержи язык! С докладом небось явился? Валяй!

– С докладом! Держи карман шире!

– Хей! Хей! Гой!

Обмен любезностями прервали возбужденные крики: орки, сошедшие с перевала, что-то заметили и заторопились вперед. Остальные увязались за ними.

– Хей! Ого! Ух! Да тут что-то есть!.. У-лю-лю! Лазутчик! Лазутчик!

Заревели хриплые рога, орки завопили и заулюлюкали.

Сэм сразу позабыл про все свои страхи – так оглушила его эта новость. Ему сразу расхотелось прятаться. Орки заметили хозяина! Что они с ним сделают? Ему приходилось слыхивать об орках такое, что кровь стыла в жилах. Ну нет, такого допустить нельзя! Сэм вскочил. Он мгновенно выбросил из головы и Дело, и все, что намогловал в одиночку, а заодно – сомнения и страхи. Он знал теперь, где его истинное место, – рядом с хозяином, хотя, как помочь ему, он не имел ни малейшего представления. Назад, по ступеням – и вниз по тропе, к Фродо!

«Сколько их? – думал он. – По меньшей мере тридцать-сорок спустилось из башни, снизу пришло гораздо больше. Скольких я уложу, прежде чем они меня схватят? Вытащи я меч, они сразу увидят его блеск и, рано ли, поздно ли, меня поймают. Знать бы только, попаду я когда-нибудь в песню или нет? Песнь о Сэмуайзе, что пал в бою на горном перевале, окружив своего хозяина стеной из мертвых тел! Впрочем, что это я? Какая песня? Не будет никакой песни. Ведь

они завладеют Кольцом, а значит, песен больше вообще никогда не будет. Но выхода у меня нет. Мое место – возле господина Фродо. Они должны будут понять – Элронд, и Совет, и все на свете мудрые Властители и Владычицы. Их замыслы не удались. Не гожусь я в ихние Хранители Кольца. Без господина Фродо – извините, не получается!»

Но орки уже пропали из его поля зрения. У Сэма давно не было времени подумать о себе, но тут он вдруг почувствовал, что страшно устал и что силы его на исходе. Ноги отказывались повиноваться. Он шел слишком медленно. Казалось, тропа растянулась на много верст. Да где же они все и почему вокруг один туман?

Ага! Вот они! Далековато, правда... На земле что-то лежит, вокруг толпятся темные фигуры. Несколько орков рыщут поблизости, наклонившись к земле, как собаки, вынюхивающие след... Сэм постарался прибавить ходу.

«Давай, Сэм, ну же, давай, – понукал он сам себя. – Опять опоздаешь!»

Он потянул из ножен рукоять меча.

«Сейчас достану меч, и тогда...»

Дикий вой, смех и улюлюканье усилились. Орки поднимали с земли что-то тяжелое.

– Йа-хой! Йа-хорри-хой! А ну-ка, взяли!

Раздался приказ:

– Вперед! Идем короткой дорогой. Назад, к Нижним Воротам! Шелоб на сегодня, кажется, заткнулась. Можно не дергаться!

Орки всем скопом повалили в туннель. Четверо из них в самой гуще толпы несли на плечах тело.

– Йа-хой!

Они забрали Фродо! Они ушли! Слишком поздно! И все же Сэм, чуть не падая, бежал и бежал следом. Орки один за другим исчезали в туннеле. Четверо с телом прошли вперед, остальные – за ними, бесцеремонно толкаясь и пихая друг друга. Сэм мчался что было сил. Он выхватил меч, и тот блеснул в дрожащей руке хоббита голубым пламенем, но никто в его сторону так и не посмотрел. Когда, хватая ртом воздух, Сэм оказался наконец у туннеля, последний орк уже исчез в черной дыре.

Сэм остановился, задыхаясь и хватаясь рукой за сердце. Затем провел по лицу рукавом, чтобы стереть грязь, пот и слезы.

– Чтоб вас разорвало, гады несчастные! – высказался он наконец и ринулся в темноту.

На этот раз ему показалось, что в туннеле не так уж и темно. Он попал в чуть более густой туман – только и всего. Силы уходили с каждой минутой, но крепла и воля. Факелы, казалось, колыхались совсем близко, но Сэм, как ни старался, догнать их не мог. В подземельях орки ходят очень быстро, а этот туннель они знали как свои пять пальцев – несмотря на Шелоб, они частенько принуждены были им пользоваться как кратчайшей дорогой из Мертвого Города в страну за горами. Они и слыхом не слыхивали о том, в какие времена были пробиты в скале главный туннель и обширная круглая яма, которую на много веков избрала своим обиталищем Шелоб. Немало ходов они прорыли и сами, чтобы, спеша туда-сюда по приказам начальства, обходить по возможности логово паучихи. Но сейчас орки не собирались углубляться в гору. Они спешили в боковой ход, который вел к сторожевой башне на скале. Большинство радовалось находке и ликовало, выражая свое удовольствие на обычный орочий манер – гоготом и воплями. Сэм хорошо слышал грубые голоса, приглушенные мертвым воздухом подземелья, но два из них различал особенно ясно – они звучали громче и, как ему показалось, обладатели их находились к нему ближе всех. Видимо, командиры отрядов шли позади подчиненных, подбадривая тылы и на ходу перебрасываясь словечком.

– Заткни глотку своему сброду, Шаграт! – ворчал первый голос. – Не хватало нам Шелоб!

– Но, брось, Горбаг! От твоих шуму еще больше, – отвечал другой. – Пускай парни потешатся. Шелоб на сегодня выдохлась. Похоже, она села брюхом на гвоздь. Ну, да мы не будем плакать! Ты что, не видал? Возле ее распроклятой норы все загажено той склизкой пакостью, которая из нее вытекла. Не дашь ребятам волю – потом сто раз пожалеешь. Пусть веселятся. Кроме того, нам подвалила удача. Мы нашли то, что запрашивал Лугбурц!

– А на что он им сдался, в Лугбурце-то? Что это вообще за птица? На эльфа похож, да мал больно. Что его бояться?

– Не знаю. Надо посмотреть получше!

– Ого! Тебе, видать, даже не объяснили, кого ищут! Никогда нам всего не скажут! Точно ведь? Мы и половины не знаем. Но они тоже иногда дают маху. Между нами, даже самые большие Шишки и те...

– Ш-ш, Горбаг! – Шаграт понизил голос так, что Сэм даже своим до странности обостренным слухом еле смог разобрать, что тот шепчет. – Иногда им и правда случается разик-другой промахнуться, зато глаза и уши у них везде. Голову даю на отсечение, что среди моих парней тоже кое-кто на них работает. Но Шишки чем-то озабочены, тут никаких сомнений нету. Ты вот говоришь – Назгулы в долине стойку сделали. А я знаю, что и в Лугбурце тоже забегали! Кто-то, похоже, чуть было не просочился за хребет!..

– Чуть было, говоришь, не просочился?.. – озадаченно повторил Горбаг.

– Да, но об этом потом, – оборвал Шаграт. – Подожди! Вот выйдем в Нижний Коридор, там и потолкуем. Я знаю там один укромный уголок. А парни пускай топают вперед.

Вскоре факелы скрылись из виду. В туннеле загрохотало. Сэм бросился следом. Впереди послышался глухой удар.

Сэм догадался, что орки свернули в тот самый проход, где они с Фродо, обследуя развилку, наткнулись на преграду. Он поспешил туда – и обнаружил, что ход по-прежнему закрыт.

На пути, похоже, стоял огромный камень, но орки как-то за него перебрались: голоса доносились теперь с другой стороны. Все так же рысью ороczy отряды удалялись в глубь горы, к своей башне. Было от чего прийти в отчаяние! Ведь они уносили с собой тело хозяина, причем страшно и подумать, что у них было при этом на уме, – а верный слуга не мог их догнать. Он толкнул камень, потом бросился на него грудью, но сдвинуть не смог. И вдруг с другой стороны у самой перегородки (так показалось Сэму) зазвучали голоса командиров, продолжавших беседу. Сэм замер и прислушался, надеясь узнать что-нибудь важное. А вдруг Горбаг, если он из Минас Моргула, пойдет обратно? Тогда, может, удастся проскользнуть за перегородку?

– Понятия не имею, – говорил Горбаг. – Вообще-то, как правило, вести до нас долетают, что твои птицы. Но я никогда не интересовался, как это получается. Молчать спокойнее. Брр! У меня все поджилки трясутся от этих Назгулов! Когда Назгул на тебя вытаращится,

кажется, что он с тебя тело сдирает, как кожу. Раз – и остаешься один в темноте по ту сторону, голый и холодный... Но Он в них души не чаёт. Это Его любимчики. Так что жалуйся не жалуйся – толку не добьешься. Служба в Нижней Крепости – не сахар, можешь мне поверить.

– Попробовал бы ты пожить у нас наверху, с милашкой Шелоб в обнимку, – возразил Шаграт.

– Будь моя воля, я бы вообще держался от всех от них подальше. Может быть, после войны полегчает?

– Говорят, перевес на нашей стороне.

– Мало ли чего болтают, – проворчал Горбаг. – Увидим. Во всяком случае, если дела пойдут хорошо, на земле будет попросторнее. Что бы нам с тобой тогда смотать отсюда с десятком-другим надежных парней и осесть на воле? В каком-нибудь теплом местечке, где полно легкой добычи и начальники не донимают, а?

– Ух! – сказал Шаграт. – Вспомнили бы старину!

– Вот и я о том. Только рассчитывать на это не приходится. Мне вот, к примеру, давно уже не по себе. Я уже говорил: даже самые большие Шишки, – Горбаг опять снизил голос почти до шепота, – да что там, Сам и тот порой дает маху! Ты вот говоришь – кто-то чуть было не просочился за хребет. А я тебе толкую, что кто-то не чуть было, а и впрямь просочился! Теперь нам надо смотреть в оба. Бедными Уруками затыкают все дырки, а благодарности – ни на грош... Но враги нас любят ненамного больше, чем Его, и если они одолеют – нам крышка, заруби это себе на носу! А теперь примечай. Когда тебе отдали приказ выходить?

– Да около часу назад. Незадолго до того, как мы на вас наткнулись. Сообщение было такое: «Назгул подозревает неладное. На ступенях возможны лазутчики. Удвоить бдительность. Патруль на Лестницу». Вот я сразу и отправился.

– Что-то тут не так. – Горбаг был мрачен. – Смотри! Наши Молчаливые Стражи, насколько я знаю, забеспокоились уже дня два тому назад. Но меня и парней послали на Ступени только через день, так что в Лугбурц от нас не поступило никаких донесений: тут хватало дел с Великим Сигналом, и походом Верховного Назгула, и прочее, и прочее. Да и все равно – мне говорили, что до Лугбурца сейчас ни за что не достучишься.

– Видно, Глаз был занят чем-нибудь другим, – предположил Шаграт. – Говорят, там, на западе, такое творится, что будь здоров!

– А ты думал? – прохрипел Горбаг. – Вот враги под шумок и пробрались на Лестницу. Куда же ты глядел? Зачем тебе особые приказы? Ты обязан нести стражу, что бы ни случилось. Разве нет? А иначе зачем ты нужен? Дрыхнешь небось с утра до вечера!

– Хватит! Не тебе меня учить! Как же, станешь дрыхнуть, когда такое творится под самыми окнами! Ну, потеха была!

– Потеха?

– Еще какая! Вспышки, крики и все такое. Но делом заправляла Шелоб. Мои парни застукали ее с дружкой. С Пронырой.

– Пронырой? А кто это такой?

– Будто не знаешь! Брось, ты его видел. Тощий такой, черный, тоже немного смахивает на паука. А может, на голодную лягушку. Он к нам много лет назад уже наведывался, но его выпустили из Лугбурца – точно тебе говорю, выпустили! – и к нам поступил приказ с Самого Верха, чтобы дать ему пройти. Потом его еще разок или два видели на Ступенях, но мы его не трогали: похоже было, что он договорился с Ее Высочеством и у них свои дела. Невкусный, видно. На приказы-то ей плевать... Но, я скажу, у вас в долине стража – закачаешься. Проныра здесь появился еще раз за день до того, как поднялся весь этот шум. А потом мы его опять видели, вчера поздно вечером. Потом парни сообщили, что Ее Высочество забавляется. Ну, мы на том и успокоились. А тут сообщение. Я думал, Проныра припас ей игрушечку или, может, от вас прислали какого-нибудь военнопленного – от щедрот в подарок. Ну, что-то в этом роде. Я в ее игры не вмешиваюсь. Если Шелоб вышла на охоту – от нее никто не уйдет.

– Никто?! У тебя что – глаз нет?! Я тебе говорю, а ты свое талдычишь. Этот тип, что поднялся на Ступени, ушел от твоей Шелоб как нечего делать, сечешь? Перерезал паутину и вышел целехонек. Вот и пораскинь мозгами.

– Но в итоге-то она его сцапала!

– Сцапала? Кого? Ты про этого кроху, что ли? Ну отмочил! Да если бы он был один, она бы его давно уволокла в свою кладовую. Там бы он и лежал сейчас как миленький. А если бы он потребовался в Лугбурце, тебе пришлось бы его вытаскивать. Приятная работка – ух! Но не один он был, вот что!

Тут Сэм стал слушать внимательнее и прижался ухом к камню.

– Кто перерезал веревку, которой Шелоб его обмотала, а, Шаграт? Тот же, кто перерезал паутину на входе. Непонятно? А кто насадил Ее Высочество на булавку? Я думаю так, что он же! Ну, и где он теперь? А, Шаграт?

Шаграт не отвечал.

– Ну, ну, давай, шевели мозгами! Есть они у тебя или нету? Тут не до шуток! Еще никому – никому! – не удавалось вот так вот пырнуть в животик нашу милашку. Ты это знаешь не хуже меня. А этому удалось! Большого горя тут, конечно, нет, но вообще-то дело дрянь. Где-то неподалеку бродит здоровенный бунтовщик, самый опасный из всех, что появлялись у наших границ со времен Великой Осады, будь они прокляты! Мы кого-то упустили!

– Но кто же он? – простонал Шаграт.

– Судя по всему, командир Шаграт, это могучий богатырь, скорее всего, эльф – по крайности, меч у него эльфийский, а может, и топор есть. Он преспокойно разгуливает по участку, который ты охраняешь, а тебе и горя мало. Действительно, потеха!

Горбаг сплюнул, а Сэм только мрачно усмехнулся, представив себя эльфийским богатырем.

– Ну, брось, ладно, вечно тебе мерещится самое худшее, – умиротворяюще заговорил Шаграт. – Это дело можно и так повернуть, и эдак. Караулы у меня стоят, участок в порядке. Не могу же я думать обо всем сразу! Сначала надо разобраться с тем, которого уже взяли, а потом займемся остальными делами.

– Сдается мне, от этого малявки ты немного узнаешь, – хмыкнул Горбаг. – Может, он и вовсе мелкая сошка. Тому здоровяку с мечом, видать, не очень-то дорог был этот парень, что он оставил его валяться под скалой. Эльфа видно по полету!⁴⁷¹

– Ладно! Там посмотрим! А сейчас пошли! Хватит болтать. Надо посмотреть пленника.

– А что ты с ним будешь делать? Не забудь, что я его первым увидел! Если пойдет забава, мы с ребятами тоже хотим.

– Иди попрыгай, – отмахнулся Шаграт. – У меня приказы. Если их нарушить – ни моей, ни твоей шкуры не хватит, чтобы расплатиться. Каждого чужака, схваченного часовыми, полагается доставить в башню и снять все, что на нем надето. Потом надо составить

подробное описание всех его вещей – одежды, оружия, письменных документов, колец, побрякушек и так далее, а опись срочно отправить в Лугбурц, и никуда больше. Особа пленника неприкосновенна, то есть забав никаких. Если с ним что стрясется – всей охране пытка и смерть. Караулить положено, пока Он сам за ним не пришлет или не прибудет лично. Тут все просто. Так я и сделаю.

– Снять все, что на нем, говоришь? А? – допытывался Горбаг. – Зубы там, ногти, волосы?

– Нет! Не пори глупостей. Пленника забирает Лугбурц. Значит, он должен быть доставлен целым и невредимым.

– Задача не из легких! – Горбаг хохотнул. – Это же обыкновенная пададь. Что за интерес Лугбурцу в таком добре? У них что – своих выгребных ям мало?

– Дурень! – рявкнул Шаграт. – Строит из себя умника, а не знает того, что всем известно! Ты сам скоро угодишь в яму, а то и к Шелоб в брюхо, если будешь и дальше глазами хлопать! Пададь? Мало же ты знаешь про Ее Высочество! Когда она обматывает тебя паутиной, это значит, что она собирается отведать твоего мяса. А мертвечины она не ест и холодной кровью брезгует. Так что твой мозгляк жив-живехонек!

Сэм покачнулся и ухватился за стену, чтобы не упасть. Темнота, окружавшая его, перевернулась с ног на голову. Он был так потрясен, что едва не потерял сознание. Пока он приходил в себя, внутренний голос выговаривал ему: «Эх ты, дурачина! Он жив, тебе же сердце подсказывало, что он жив. Не доверяй своей голове, Сэмуайз, это далеко не лучшее, что у тебя есть! Твоя беда в том, что ты сразу потерял надежду... Но что же теперь делать?»

Делать было нечего. Оставалось только покрепче опереться о надежный камень и снова прислушаться к постылым орочьим голосам.

– То-то же, – продолжал Шаграт. – У Шелоб несколько ядов. Обычно она клюнет тебя в шею, и ты сразу весь обмякнешь, как рыба без костей. Тогда Ее Высочество может делать с тобой все, что хочет. Помнишь старину Уфтака? Раз он сгинул куда-то – и нету. Много дней прошло. И вот однажды видим: болтается он в углу пещеры, подвешенный к потолку, а сам живехонек – и пялится вовсю. Мы чуть животы со смеху не надорвали! Видать, она про него запомнила. Но

мы все равно на всякий случай не стали его трогать: лучше не совать носа в ее дела. Короче, этот маленький паршивец-лазутчик скоро проснется – так, скажем, через несколько часов. Ну потешнит его немного, и будет он в полном порядке, пока Лугбурц им не займется. Не сразу, наверно, дотумкает этот задохлик, куда попал и что с ним приключилось!

– А главное, что его ожидает! – загоготал Горбаг. – Но мы можем рассказать ему об этом несколько хороших историй, если все остальное запрещено. Не думаю, что ему приходилось бывать в нашем славном Лугбурце, так что пускай послушает, что ему там готовят! Из этого тоже может получиться неплохое развлечение. Как я сразу не подумал!

– Вбей себе в башку: никаких развлечений, – не слушал Шаграт. – Пленник должен быть целехонек. Иначе можешь считать, что мы уже окочурились.

– Заметано! Но я на твоём месте все-таки сначала изловил бы того, большого, который на свободе, а потом уже похвалялся перед Лугбурцем. Котенка ты поймал, да что толку? Кошка-то еще гуляет!

Голоса стали удаляться. Грохот сапог затихал. Сэм наконец пришел в себя от потрясения. Теперь его обуял бешеный гнев.

– Я все перепутал! – заорал он во весь голос. – Я знал, что перепутаю! Теперь Фродо у них! Сволочи проклятые! У меня ведь было правило: не бросай хозяина, никогда, никогда не бросай! Вот и не надо было бросать! А ведь я знал, знал! Только бы хозяин простил меня! Уж теперь-то я должен любой ценой его найти. Как, не знаю, а должен!

Сэм снова выхватил меч и стал колотить рукоятью о камень; тот глухо отзывался на удары – и только. Но меч светился так ярко, что Сэм начал кое-что различать вокруг себя. К своему удивлению, он заметил, что камень вытесан в виде тяжелой двери и дверь эта лишь немногим выше его, Сэмова, роста. Между верхним краем камня и низкой аркой потолка зиял широкий темный зазор. Дверь, очевидно, нужна была только для того, чтобы отгородиться от Шелоб, и запиралась изнутри на засов или щеколду, до которых паучиха, как она ни исхитряйся, дотянуться не могла. Собрав остатки сил, Сэм подпрыгнул, уцепился за верх каменной двери, подтянулся,

протиснулся между камнем двери и потолком, спрыгнул и со сверкающим мечом в руке очертя голову помчался по извилистому коридору.

Фродо жив! Это известие придало Сэму такой силы, что он перестал думать об усталости. Впереди ничего не было видно, коридор то и дело поворачивал – и все же Сэму казалось, что он вот-вот догонит тех двоих. Голоса их раздавались совсем рядом.

– Вот что я сделаю, – говорил Шаграт сердито. – Отведу его в нашу верхнюю камеру и запру.

– Зачем? – ворчал Горбаг. – У тебя что, подвальных камер мало?

– Говорю тебе, с него волоска не должно упасть, – растолковывал Шаграт. – Уразумеешь ты или нет? Это же драгоценный пленник, дурья твоя башка! А я не верю ни своим парням, ни тем более твоим, даже тебе не верю – уж больно ты охоч до развлечений. Он отправится, куда я скажу, а если будешь хамить, ты туда хрен попадешь. Накоса, выкуси! На самый верх, и баста! Там его никто не достанет.

– Ой ли? – усомнился Сэм. – А как же великий и сильный эльфийский богатырь, который рыщет неподалеку?

С этими словами он обогнул последний угол, но обнаружил, что неправильно оценил расстояние. То ли туннель был так хитро устроен, то ли обострившийся слух обманул его – теперь гадать было поздно.

Горбаг и Шаграт все еще оставались далеко впереди. Теперь, правда, Сэм хорошо видел их черные приземистые силуэты на фоне красноватого зарева. Коридор перестал петлять и полого пошел вниз, не сворачивая. В конце подъема виднелись ворота – двухстворчатые, широко распахнутые. Видимо, они вели в подземелья той самой башни, что одиноким рогом возвышалась над Прорезью. Носилки с добычей уже скрылись в воротах. Горбаг и Шаграт вот-вот должны были последовать за ними.

Сэм слышал, как хриплые голоса затянули песню. Заиграли рога, гулко ударил гонг; поднялся невообразимый гам. Вот уже Горбаг и Шаграт переступили порог...

Сэм орал во всю мочь и размахивал Жалом, но его слабый голос потонул в шуме. На хоббита никто даже не посмотрел.

Ворота с грохотом захлопнулись. Бум-м-м! Железные засовы встали на свое место. Клац! Путь был закрыт. Сэм с разбега ударился о

запертую медную дверь, упал – да так и остался лежать без сознания.
Вокруг сомкнулась ночь.

Фродо был жив, но в руках Врага!

Здесь кончается книга вторая истории Войны за Кольцо. Третья книга – «Возвращение Короля» – повествует о последнем противостоянии Мгле и об исходе Миссии, возложенной на Хранителя Кольца.

Возвращение Короля

В книге первой, «Содружество Кольца», рассказывалось о том, как Гэндальф Серый обнаружил, что кольцо, принадлежащее хоббиту Фродо, – то самое Единое Кольцо, которому подчинены все прочие Кольца Власти. Повествует книга первая также и о том, как Фродо и его друзья бежали из тихого Заселья, преследуемые ужасными Черными Всадниками из Мордора. С помощью Арагорна, эриадорского Следопыта, хоббиты, избежав множества грозных опасностей, попадают наконец в Дом Элронда, что в Ривенделле.

Элронд созывает большой Совет, на котором принимается решение уничтожить Кольцо или хотя бы попытаться сделать это. Хранителем Кольца назначается Фродо. Затем избирается Содружество Кольца, призванное помогать Хранителю. Фродо предстоит пробраться в Мордор, к Огненной Горе, в пылающем чреве которой только и может погибнуть Кольцо. В Содружество входят: от людей – Следопыт Арагорн и сын Наместника Гондора – Боромир; от эльфов – Леголас, сын Чернолесского короля Трандуила; от гномов – Гимли, сын Глоина из Одинокой Горы; хоббитов представляют Фродо со своим слугой Сэмуайзом и его юные сородичи – Перегрин с Мериадоком; к Отряду присоединяется и Гэндальф Серый.

Отряд тайно покидает Ривенделл и некоторое время беспрепятственно продвигается по северным землям, но терпит неудачу при попытке одолеть перевал у горы Карадрас, в зимнее время оказавшийся неприступным. Отыскав потайные Ворота, Гэндальф ведет Отряд в легендарные Морийские Копи, рассчитывая выйти по другую сторону горного хребта. Однако сам он по дороге гибнет в битве со страшным духом – обитателем подземного мира – и падает в черную бездонную пропасть. Тогда Арагорн, наследник гондорского престола и потомок Древних Королей Запада (истинное его происхождение открылось на Совете Мудрых у Элронда), ведет Отряд через Восточные Ворота Мории в страну эльфов Лориэн, а потом вниз по течению великой реки Андуин до водопада Раурос. Там путники замечают, что им не удалось укрыться от вражеских соглядатаев. К тому же по их следу неотступно идет Голлум –

существо, некогда владевшее Кольцом и жаждущее заполучить его снова.

Отряду приходится решать – свернуть ли на восток, в Мордор, отправиться ли с Боромиром в столицу Гондора Минас Тирит, чтобы помочь Гондору в войне с Врагом, или разделиться на несколько частей. Когда становится ясно, что Хранитель не отступится и намерен продолжить свое безнадежное путешествие, Боромир пытается отобрать у него Кольцо силой. Книга первая оканчивается падением Боромира, поддавшегося чарам Кольца, бегством Фродо и его слуги Сэмуайза и рассеянием Отряда после нападения орков, служащих Черному Властелину и предателю Саруману из Исенгарда. Дело Хранителя оказывается на грани провала.

Вторая книга трилогии, «Две Башни», состоит из двух частей – третьей и четвертой – и повествует о том, что произошло с членами Содружества после того, как рассеялся Отряд.

Часть третья рассказывает о гибели Боромира и его предсмертном раскаянии, о том, как друзья совершили над ним погребальный обряд, предав ладью с его телом во власть Великой Реки, о том, как Мериадок и Пиппин попали в плен к оркам, намеревавшимся пересечь роханские степи и доставить пленников в Исенгард, а также о том, что вышло из попытки Арагорна, Леголаса и Гимли настичь похитителей и отбить своих друзей, когда в ход событий вмешались роханские всадники. Их отряд, возглавляемый Маршалом Эомером, окружает орков на опушке Фангорна и уничтожает их. Хоббитам удается скрыться в лесу, где они встречают энта Древоборода – неведомого миру владыку Фангорнского леса – и, став свидетелями гнева Лесного Народа, вместе с энтами отправляются войной на Исенгард – твердыню изменника Сарумана.

Тем временем Арагорн и его спутники встречаются с Эомером, возвращающимся с места битвы. Получив от него лошадей, они едут к Фангорнскому лесу. Тщетно разыскивая хоббитов в чаще Фангорна, они сталкиваются с Гэндальфом, вернувшимся от врат смерти. Теперь он – Белый Всадник, хотя белые одежды до поры до времени скрыты под серым плащом. Гэндальф исцеляет от усталостиотягченного годами роханского короля Теодена и освобождает его от чар придворного советника Червеуста, который оказывается слугой

Сарумана. У крепости Хорнбург разыгрывается жестокая битва, завершающаяся неожиданной победой роханцев. Затем Гэндальф вместе с победителями отправляется в Исенгард, который они находят в руинах. Крепость охраняет Лесной Народ, в то время как Саруман и Червеуст прячутся в башне Орфанк, устоявшей перед натиском энтов.

В итоге переговоров у дверей Орфанка Гэндальф низлагает Сарумана, отказавшегося раскаяться в содеянном, и лишает его жезла, после чего оставляет Сарумана под присмотром энтов. Червеуст, покушаясь на жизнь Гэндальфа, бросает в него из окна некий предмет, который на поверку оказывается палантиром – одним из ясновидящих кристаллов Нуменора. Хоббит Пиппин подбирает кристалл и, поднав под власть тайно действующей через палантир Вражьей Силы, выкрадывает его у Гэндальфа, пока тот спит. Заглянув в ясновидящий кристалл, он помимо своей воли открывается Саурону.

Часть третья заканчивается появлением в небесах Рохана одного из Назгулов-Кольцепризраков, что знаменует близость грозной войны. Гэндальф передает палантир Арагорну и, взяв с собой Пиппина, скачет в Минас Тирит.

Часть четвертая возвращает читателя к Фродо и Сэмуайзу, блуждающим среди скал Эмин Муйла. В конце концов хоббитам удается спуститься на равнину, но у края Мертвых Болот их настигает Голлум-Смеагол. Однако Фродо удается приручить его и отчасти победить зло, которым одержим Голлум. Согласившись стать проводником Сэма и Фродо, Голлум ведет их через Мертвые Болота в пустыню, раскинувшуюся перед Моранноном – Черными Воротами, что открывают вход в страну Врага с севера.

Но Мораннон неприступен, и Фродо, следуя совету Голлума, отправляется искать другую, тайную тропу через Черные Горы, образующие западную границу Мордора. По пути Фродо встречается с гондорским дозором, которым командует Фарамир, брат Боромира. Фарамир узнает о цели Похода, но не поддается искушению, погубившему его брата, и оказывает хоббитам посильную помощь. Напутствуя их, он предостерегает Фродо против опасности, которая может грозить ему на перевале Кирит Унгол, в Паучьем

Лазе, о котором Голлум, как догадывается Фарамир, говорит далеко не все, что ему известно.

На перекрестье четырех дорог, где путники должны свернуть к перевалу Кирит Унгол, маленький отряд настигает Великая Тьма, пришедшая из Мордора. Под ее покровом Саурон высылает на Гондор первые полки во главе с Королем Кольцепризраков; Фродо становится свидетелем того, как вражеская армия выходит из ворот Минас Моргула. Так начинается Война за Кольцо.

Голлум показывает хоббитам тайную тропу, огибающую Минас Моргул стороной. Наконец они достигают погруженного в глубокий мрак перевала. Там зло вновь одерживает победу над волей Голлума, и тот, склонясь к наветам Тьмы, предает хоббитов, наводя на их след чудовищную паучиху Шелоб. Однако беззаветная храбрость Сэма спутывает планы злодея: Сэм обращает Голлума в бегство и ранит паучиху.

Часть четвертая заканчивается рассказом о трудном выборе, перед которым оказывается Сэм. Будучи уверен, что Фродо, отравленный ядом паучихи, мертв, он вынужден решать: предать ли Дело Кольца, оставшись у тела хозяина, или бросить Фродо и продолжать путь?.. В конце концов Сэм решает взять Кольцо и продолжить безнадежный поход в одиночку. Но в тот самый миг, когда Сэму остается всего один шаг до границы Мордора, на перевал с двух сторон одновременно выходят два орочьих патруля – один из Минас Моргула, другой – из башни Кирит Унгол, стерегущей спуск в Черную Страну. Благодаря Кольцу, которое делает его невидимым, Сэму удается подслушать перебранку орков; из нее он узнает, что Фродо жив и яд лишь на время усыпил его. Сэм бросается вслед за орками, уносящими его хозяина, но в туннель, ведущий к подземным воротам башни, проникнуть не успевает. Ворота захлопываются. Сэм без сознания падает у порога.

Третья, и последняя, книга трилогии – «Возвращение Короля» – рассказывает о трудах Гэндальфа, о его борьбе с Сауроном, о Великой Катастрофе и о Конце Тьмы; но прежде всего повествование возвращается к Западной Твердыне, которую застает в разгар приготовлений к войне.

Часть пятая⁴⁷²

Глава первая

Минас Тирит⁴⁷³

Пиппин выглянул наружу из своего укрытия – из складок Гэндальфова плаща. Интересно, подумал хоббит, это уже явь или мимо проносятся те же стремительные сны, что сопровождали его всю дорогу с тех пор, как началась эта небывалая скачка? Темный мир мчался мимо, и ветер громко пел в ушах. Пиппин не видел ничего, кроме звезд, круживших над головой, и – справа – Южных Гор, исполинскими громадами уходивших в ночь. Сквозь дрему хоббит попробовал определить время и припомнить вехи долгого пути, но спросонья в мыслях у него царил беспорядок.

Он помнил только, что они все время мчались с невероятной скоростью, нигде не останавливаясь. Наконец на рассвете вдали блеснула бледная золотая искра, и вскоре путников встретил безмолвный город с большим опустелым дворцом на холме. Едва успели они укрыться в стенах дворца, как снова скользнула над землей крылатая тень, и люди в страхе упали на землю. Но Гэндальф сказал Пиппину несколько негромких слов, успокоил его, и хоббит уснул в уголке, свернувшись калачиком. Спал он, несмотря на усталость, беспокойно: до него смутно доносились голоса входивших и выходивших, приказы, которые отдавал Гэндальф... И снова бесконечная ночная скачка... Это была вторая, нет, третья ночь после того, как он заглянул в Камень... Вспомнив о Камне, Пиппин проснулся окончательно. По спине у него прошел озноб, и ветер угрожающе завыл на разные голоса.

По небу постепенно растекался желтый свет, будто за темными заградами полыхал небывалый огонь. Пиппин вздрогнул и зарылся в складки плаща, – на миг ему стало жутко: что это за страшная страна, куда Гэндальф везет его? Но, протерев глаза, он понял, что ничего страшного нет, – просто над тучами, затянувшими небо на востоке, поднималась луна, теперь уже почти полная. Это означало, что рассвет еще ох как нескоро и впереди еще много часов темной дороги.

Он пошевелился и спросил:

– Мы где, Гэндальф?

– В королевстве Гондор, – отозвался волшебник. – Пересекаем Анориэн.

Они снова смолкли. И вдруг Пиппин вскрикнул, крепче ухватившись за плащ Гэндальфа:

– Смотри! Огонь, красный огонь! Тут что – драконы живут? Смотри! Еще один!

Вместо ответа Гэндальф крикнул коню:

– Скачи, Скадуфакс! Нам надо спешить. Времени в обрез! Гляди! Зажглись сигнальные костры! Началась война! Гондор зовет на помощь. Гляди! Видишь костры на Амон Дине⁴⁷⁴ и Эйленахе⁴⁷⁵? А там, дальше, на западе, зажглись Нардол, Эрелас, Мин-Риммон, Каленхад и Халифириэн⁴⁷⁶, что на границе с Роханом!

Но Скадуфакс внезапно перешел на шаг, поднял голову и заржал. Из темноты донеслось ответное ржание. Послышался топот копыт. Трое всадников, словно летучие призраки, освещенные луной, пронеслись мимо, на запад, и скрылись. Только тогда Скадуфакс вновь ринулся вперед и помчался – да так, что ночь вокруг превратилась в сплошной ревущий ураган. Пиппина снова тянуло в сон, и он краем уха слушал Гэндальфа, рассказывавшего о гондорских обычаях и о том, как Властитель Города построил на вершинах окрестных гор, вдоль обеих границ, огненные маяки, отдав повеление всегда держать близ этих маяков свежих лошадей, готовых нести гондорских гонцов на север, в Рохан, и на юг, к Белфаласу.

– Никто и не упомнит, когда в последний раз зажигались на Севере сигнальные костры, – говорил Гэндальф. – Видишь ли, в древние времена гондорцы владели Семью Камнями, и маяки были не нужны.

Пиппин тревожно дернулся.

– Поспи лучше еще, и не бойся! Ты направляешься не в Мордор, как Фродо, а в Минас Тирит, где будешь в безопасности – насколько это возможно в наши дни. Если Гондор падет или Кольцо захватит Враг – укрыться нельзя будет и в Заселье.

– Утешил, нечего сказать! – вздохнул Пиппин.

Но дремота все же взяла верх над беспокойством, и последним, что он увидел, прежде чем провалиться в сон, были вершины Белых

Гор, плавучими островами мерцающие над морем облаков, озаренные светом клонившейся к западу луны. Пиппин подумал о Фродо. Знать бы, где он теперь! Добрался ли до Мордора? Жив ли? Он не знал, что Фродо смотрит сейчас из дальнего далека на ту же луну, плывущую в этот предрассветный час над Гондором.

Когда Пиппин проснулся, вокруг слышны были незнакомые голоса. Пролетел еще один день, проведенный в укрытии, и еще одна ночь в дороге. Стояли утренние сумерки, близился холодный рассвет. Вокруг повис промозглый серый туман. От взмыленного Скадуфакса шел пар, но конь стоял, гордо изогнув шею, и не выказывал никаких признаков усталости. Вокруг столпились высокие люди, закутанные в теплые плащи, а за ними маячила в тумане каменная стена. В нескольких местах она казалась разрушенной, но, несмотря на раннюю пору, из тумана слышался стук молотков, шуршание мастерков и скрип колес. Там и сям виднелись мутные пятна огней – это горели фонари и факелы. Гэндальф что-то отвечал тем, кто преградил ему дорогу. Прислушавшись, Пиппин понял, что разговор идет о нем.

– Тебя, Митрандир, мы знаем, – говорил Гэндальфу старший. – Ты назвал пароль Семи Врат и можешь ехать свободно. Но спутника твоего мы видим впервые. Кто он такой? Должно быть, гном из северных гор? Нынче время тревожное, и мы не принимаем чужаков. Исключение можно было бы сделать только для какого-нибудь мужественного воина, в чьей дружбе и помощи мы уверены.

– Я поручусь за него перед престолом Дэнетора, – отвечал Гэндальф. – Что же касается мужества, то его измеряют не ростом и не статью. Мой спутник оставил за спиной больше битв и опасностей, чем ты, Ингольд⁴⁷⁷, хотя ты вдвое выше его. Он только что принял участие в штурме Исенгарда. Мы несем вам вести оттуда. Не будь он так утомлен, я разбудил бы его. Имя моего спутника – Перегрин, и он муж весьма доблестный.

– Муж? Но он, кажется, не человек?.. – с сомнением протянул Ингольд.

Послышались смешки.

– Человек?! – возмутился Пиппин, окончательно проснувшись. – Никакой я вам не человек – еще чего! Я – хоббит, а насчет доблести... так из меня такой же вояка, какой человек, и сражаться я не умею –

разве что совсем к стенке припрут. Смотрите в оба, не то Гэндальф вас совсем заморочит!

– Многие великие воины на твоём месте сказали бы так же, – уважительно молвил Ингольд. – Но что значит «хоббит»?

– Хоббит – значит невеличек, – сказал Гэндальф и, заметив, как изменились при этом слова лица людей, добавил: – Мой друг не тот невеличек, о котором говорит пророчество, но племени он того же.

– С тем невеличком, о котором пророчество, мы вместе странствовали, – пояснил Пиппин. – И ещё с нами был ваш знакомый, Боромир. Он спас меня в северных снегах, а потом защищал от целой армии врагов и был убит.

– Тише! – остановил его Гэндальф. – Эту печальную новость должно прежде сообщить отцу.

– В Минас Тирите догадывались о смерти Боромира, – печально вздохнул Ингольд. – До нас дошли странные вести... Однако добро же! Проезжайте, только скорее. Повелитель Минас Тирита непременно захочет выслушать того, кто последним видел его сына, – не важно, человек это или...

– Хоббит, – подсказал Пиппин. – Я, правда, не знаю, чем я могу помочь вашему Повелителю, но сделаю все, что в моих силах, – в память о Боромире Храбром.

– Прощайте! – воскликнул Ингольд.

Воины расступились перед Скадуфаксом, и тот направился к узким воротам, прорезанным в стене.

– Поддержи Дэнетора добрым советом, Митрандир, ибо он в этом нуждается, да и мы все тоже, – крикнул вслед начальник гарнизона. – Правда, говорят, что ты приносишь вести только грозные и печальные!

– Это потому, что я прихожу редко и только тогда, когда есть нужда в моей помощи, – ответил Гэндальф, обернувшись. – Вот вам, кстати, и мой совет. Поздно уже чинить стены Пеленнора! Мужество будет теперь для вас единственной надёжной защитой – мужество и надежда, которую я вам возвещаю, ибо не только плохие вести принес я на этот раз. Оставьте мастерки! Точите свои мечи!⁴⁷⁸

– Работа будет закончена уже к вечеру, – возразил Ингольд. – Это последний участок, да и тот не главный, ибо за ним – земли наших друзей, роханцев. Здесь вряд ли будут бои. Но известно ли тебе что-

нибудь о роханцах? Откликнутся ли они на наш призыв? Как тебе мнится?

– Роханцы придут, не сомневайтесь в этом. Но в последнее время им пришлось сражаться во многих битвах, да и дорога в Гондор небезопасна. Как, впрочем, и все дороги сегодня. Будьте бдительны! Если бы не Гэндальф, Провозвестник Бури, на вас вместо роханских всадников уже катилась бы через Анориэн волна вражьих полчищ. Впрочем, все еще впереди. Прощайте! Не предавайтесь дреме!

За воротами открывалась широкая полоса гондорских земель, лежавших между городом и Раммас Эхором⁴⁷⁹. Так жители Гондора именовали внешнюю стену, стоившую им немалых трудов и возведенную в ту смутную годину, когда Итилиэн оказался под Черной Тенью. Отходя от гор и снова к ним возвращаясь, стена, имевшая не менее десяти лиг в длину, заключала в полукольцо поля Пеленнора – красивые и плодородные пригороды, раскинувшиеся на длинных пологих склонах и террасах, что спускались к самому Андуину. Расстояние от Больших Ворот столицы до самого дальнего, северо-восточного участка Раммас Эхора доходило до четырех лиг; там стена была особенно крепкой и высокой. Мощной крепостью возвышалась она на хмуром обрыве, глядевшем на узкую полосу пойменной земли, и охраняла укрепленную насыпь. По насыпи от мостов и бродов Осгилиата через укрепленные ворота со сторожевыми башнями шла дорога к Минас Тириту. На юго-востоке стена подходила к городу ближе всего – не больше чем на лигу. В этом месте Андуин, огибая большой петлей горы Эмин Арнен⁴⁸⁰ на юге Итилиэна, резко сворачивал на запад, и стена выходила к самой реке. За ней тянулись набережные Харлондской Гавани⁴⁸¹ и причалы для судов, прибывающих из южных провинций.

Пригороды столицы утопали в зелени полей и садов, во дворах стояли крепкие пивоварни и амбары, хлева и загоны для овец, а с гор, блестя, бежали к Андуину несчетные ручьи. Но пастухи и земледельцы, обитавшие здесь, были не так уж многочисленны. Большая часть гондорцев жила на семи ярусах столицы, в высокогорных долинах провинции Лоссарнах⁴⁸² и на юге, в прекрасном Лебеннине, по берегам пяти быстрых рек. Там, между горами и морем, возделывало землю племя крепких, выносливых людей, считавшихся гондорцами, хотя в их жилах текла смешанная

кровь. Среди них было много смуглых и коренастых силачей, что вели свое происхождение от давно забытого народа, селившегося в тени гор еще в Темные Годы,⁴⁸³ до прихода королей. А еще дальше, в ленных владениях Гондора, близ Белфаласа⁴⁸⁴, у Моря, в замке Дол Амрот⁴⁸⁵, жил князь Имрахил⁴⁸⁶. У его народа, происходившего, как и сам князь, от весьма благородных предков, глаза были серые, как морская вода. Эти люди отличались высоким ростом и горделивой осанкой.

Пока Гэндальф с Пиппином приближались к городу, рассвело еще заметнее, и Пиппин, окончательно стряхнув сон, снова выглянул наружу. Слева, бледной дымкой заволакивая дальние восточные хребты, клубилось море тумана; справа вздымались гигантские горные вершины. С запада их цепь обрывалась в долину, резко и отвесно. Казалось, при сотворении мира Река, прорвавшись через заслоны, сама пробила себе дорогу и прорезала горную страну долиной, которой уготовано было стать полем сражений и раздоров. Впереди, замыкая Белые Горы, Эред Нимраис, вставала темная громада Миндоллуина⁴⁸⁷ с белоснежной главой, прочерченной глубокими фиолетовыми складками ледников. На одном из отрогов, особенно далеко вытянувшемся в долину, стоял Укрепленный Город⁴⁸⁸, окруженный семью каменными стенами – такими старыми и могучими, что казалось, будто они высечены из самых костей земли, и не людьми, а великанами.

Пока Пиппин дивился увиденному, стены города из тускло-серых превратились в белые и слегка зарозовели в лучах утренней зари. Из теней на востоке внезапно сверкнуло солнце, и луч упал прямо на крепостные стены. Хоббит чуть не вскрикнул: прекрасная и высокая башня Эктелиона, высоко вознесшаяся над верхней стеной города, блеснула в небе, как стройная серебряная игла в жемчугах, а шпиль заискрился хрусталем. Над укреплениями развевались на утреннем ветру белые знамена, и Пиппин услышал дальний чистый звон – словно где-то высоко и ясно протрубили серебряные трубы.

Так на восходе солнца Гэндальф и Перегрин подъехали к Большим Воротам Гондора, и железные створки распахнулись перед ними.

– Митрандир! Митрандир! – кричали люди. – Поистине, близится буря!

– Буря уже здесь, – отвечал Гэндальф. – Я прилетел на ее крыльях. Дорогу! Я должен предстать перед вашим повелителем Дэнетором⁴⁸⁹, пока он еще Наместник. Чем бы ни кончилась война, Гондору, каким вы его знали, приходит конец. Дорогу!

Слыша его властный голос, люди отступали, не задавая больше вопросов, хотя с удивлением смотрели на хоббита, сидящего перед Гэндальфом, и на коня, который нес обоих, – жители Города почти не ездили верхом, и на улицах редко можно было встретить лошадь, не считая коней, принадлежавших гонцам Повелителя. Люди говорили друг другу:

– Не иначе как один из благородных скакунов роханского владыки! Значит, Рохирримы скоро придут к нам на помощь!

А Скадуфакс все так же гордо ступал по камням длинной извилистой улицы.

Минас Тирит располагался на семи выдолбленных в скале ярусах. Каждый из ярусов был окружен стеной, и в каждой стене были ворота, обращенные на разные стороны света. Большие Ворота Городской Стены смотрели на восток, ворота второго яруса – на юго-восток, третьего – на северо-восток, четвертого – опять на юго-восток и так до самого верха. Мощная дорога, поднимавшаяся к Цитадели, шла зигзагами, поворачивая то в одну, то в другую сторону. Каждый раз, проходя над Большими Воротами, она ныряла в сводчатый туннель, прорубленный в огромной скале, рассекавшей надвое все ярусы города, кроме первого. Скала эта была не чем иным, как выдававшимся далеко вперед ребром главного утеса. Каменная громада начиналась сразу за обширной площадью, на которую выходили Большие Ворота. Древние мастера с великим искусством и трудолюбием довершили то, что было создано природой. Скала прорезала город насквозь, напоминая форштевень гигантского корабля, и венчалась зубчатой стеной, с которой те, кто находился в Цитадели, могли, как матросы с вознесенного на гору корабля, озирать дальние подступы к Башне и с высоты семисот локтей наблюдать за тем, что делается у Ворот. Вход в Цитадель, как и главные Ворота, обращен был на восток, но прорублен не в стене, а прямо в камне. За ним начинался длинный пологий коридор, освещенный фонарями. Пройдя в эти последние, седьмые ворота, гость Башни ступал на камни Королевского Двора, на площадь Фонтана, и оказывался у

подножия Белой Башни: высокая и прекрасная, высотой в пятьдесят саженей от основания до кончика шпиля, на тысячу локтей вздымала она знамя Наместников.

Это была воистину могучая крепость, – и, пока в ее стенах оставался хоть один человек, способный держать оружие, она могла противостоять целому полчищу врагов. Может, кому-нибудь из них и пришла бы в голову мысль обойти Город с тыла и, взобравшись по склону Миндоллуина, который у подножия был более пологим, подняться к узкой перемычке, соединявшей Сторожевую Скалу с Белой Горой. Но перемычка эта проходила на высоте пятого яруса и была перегорожена большими валами, обрывающимися в пропасть. На узком пространстве между валами темнели склепы и круглились купола усыпальниц, где покоились короли и властители прошлого, – то был особый, вечно молчаливый город между Башней и горой.

Чем больше смотрел Пиппин на огромный каменный город, тем больше удивлялся. Прежде он и вообразить не смог бы такого величия и блеска. Минас Тирит был не только мощнее и внушительнее Исенгарда, но и несравненно прекраснее. Многие, однако, указывало на то, что город приходит в упадок: ныне в нем насчитывалась едва ли половина от прежнего числа жителей, и вдвое больше людей могло бы жить здесь, не стесняя друг друга. По дороге Пиппин с Гэндальфом миновали много больших, но нежилых домов и дворов; над воротами и дверьми их вились древние буквы, причудливые и красивые. Пиппин догадывался, что эти письма говорят о высокородных хозяевах, когда-то здесь живших, и провозглашают девизы древних родов. Но теперь дома были погружены в молчание. Ничьи шаги не отдавались в камне широких плит, ничьи голоса не звенели в просторных покоях, никто не выглядывал из дверей и пустых окон.

Наконец Скадуфакс переступил порог седьмого яруса и миновал темный коридор. Теплое солнце – то же, что светило сейчас там, за рекой, на полянах Итилиэна, по которым брели Сэм и Фродо, – озарило гладкие стены Цитадели, прочные колонны и высокий свод ворот с замковым камнем в виде головы, увенчанной короной. Гэндальф спешил – лошади в Цитадель не допускались, – и Скадуфакс, подчинившись ласковому слову хозяина, позволил себя увести.

У ворот стояли стражники, одетые в черное. На головах у них красовались необычные шлемы – очень высокие, плотно закрывающие щеки, с белыми чаячьими крыльями у висков. Шлемы сверкали серебром – они были из чистейшего *мифрила* и хранились в Минас Тирите со времен его славы. На черном облачении стражников было вышито белое дерево, усыпанное цветами, как снегом, а над деревом – серебряная корона в окружении лучащихся звезд. Это была одежда наследников Элендила. Теперь в Гондоре ее не носил никто, кроме Стражей Цитадели, охраняющих площадь Фонтана, где некогда цвело Белое Дерево.

По всей видимости, весть о прибытии Гэндальфа и Пиппина опередила их самих: стражники расступились молча, не задав ни единого вопроса. Гэндальф широкими шагами пересек мощеный белыми плитами двор. Во дворе, окруженный свежей зеленью, играл фонтан, а у фонтана, на самой середине двора, наклонясь над водой, стояло мертвое дерево, и капли с его нагих обломанных ветвей уныло падали в чистую воду пруда. Пиппин, поспешая за Гэндальфом, искоса взглянул на дерево; оно показалось ему печальным и каким-то неуместным здесь, где все было так тщательно ухожено.

*...Семь звезд, семь камней
И белое древо одно, —*

вспомнились ему слова песни, которую напевал по дороге Гэндальф. Пиппин увидел, что стоит у входа в огромный дворец, увенчанный сверкающей башней; пройдя вслед за волшебником мимо высоких молчаливых стражей, хоббит вступил в прохладную, гулкую темень каменного чертога.

Когда они шагали по мраморным плитам длинного пустынного коридора, Гэндальф шепнул Пиппину на ухо:

– Будь осторожен, уважаемый Перегрин, и думай, что говоришь! Хоббичья прыткость была бы сейчас несвоевременна. Теоден – просто добрый старик. Дэнетор – дело другое: он горд и утончен. Его не именуют Королем, но род его выше, чем род Теодена, и власть его простирается гораздо дальше. И все же учти: говорить он будет по

большей части с тобой и задаст тебе много вопросов – ведь ты можешь рассказать ему о сыне, Боромире. Он любил Боромира, может быть, даже слишком крепко – и тем крепче, чем разительнее они отличались друг от друга. Но за отцовскими чувствами кроется тонкий расчет: он полагает, что из тебя вытянет желаемое быстрее, чем из меня. Не говори ничего лишнего, а главное – ни в коем случае не заикайся о поручении Фродо! Это я беру на себя: надо знать, когда и о чем говорить. И не упоминай имени Арагорна, пока только будет возможно!

– Почему? Чем Бродяга-то провинился? Он ведь сам хотел сюда прийти. И скоро придет.

– Как знать, как знать! Но если он явится, то, думаю, никто, и Дэнетор в том числе, не может сказать, как именно это случится. Так оно и лучше. По крайней мере мы Арагорну не глашатаи.

Гэндальф приостановился у высокой двери из полированного металла и добавил:

– Видишь ли, уважаемый, сейчас недосуг излагать тебе историю Гондора, хотя в свое время, чем шляться по засельским лесам и разорять птичьи гнезда, тебе следовало бы в нее заглянуть. Делай, что я тебе говорю! Уместно ли принести могущественному властителю весть о гибели наследника и тут же добавить, что, дескать, вот-вот явится человек, который собирается предъявить право на трон? Ну как, есть еще вопросы?

– Право на трон? – ошарашенно повторил Пиппин.

– Вот именно, – резко бросил Гэндальф. – До сих пор ты, я вижу, брел по белу свету, заткнув уши, и спал на ходу. Пора бы проснуться!

И он постучал в дверь.

Дверь отворилась, но за ней не было никого. Глазам Пиппина открылся огромный зал. Через высокие окна, пробитые в стенах нефов, проникал свет. Черные цельномраморные колонны заканчивались огромными капителями-кронами, из листьев которых выглядывали причудливые каменные звери; высокие своды тускло поблескивали золотом и пестрели узорами. Но в этом длинном торжественном зале не было ни драпировок, ни ковров, да и вообще ничего тканого или деревянного; только между колонн молчаливыми рядами высились изваяния из холодного камня.

Пиппину вспомнились искусно обтесанные скалы Аргоната, и, разглядывая каменные лики давно умерших королей, он исполнился благоговения. В глубине зала, на ступенчатом возвышении, под мраморным балдахином, представлявшим собой шлем с короной, стоял высокий трон, а за ним мерцало драгоценными камнями резное изображение цветущего дерева. Но трон был пуст. У подножия, на нижней, самой широкой ступени, в черном, ничем не украшенном кресле из полированного камня, восседал, опустив глаза, древний старец. В руке у него белел жезл с золотым набалдашником. Гэндальф с хоббитом торжественным шагом прошли через длинный зал и остановились в трех шагах от кресла. Старец не поднял взгляда. Выждав, Гэндальф произнес:

– Приветствую тебя, о Дэнетор, сын Эктелиона, Наместник и Властитель Минас Тирита! В черный час пришел я к тебе, но не с пустыми руками, а с вестью и советом.

Старец поднял голову. Пиппин увидел гордое, как бы выточенное из слоновой кости лицо и длинный, с горбинкой, нос меж глубоко посаженных темных глаз. Дэнетор напомнил хоббиту скорее Арагорна, чем Боромира.

– Ты прав, Митрандир, настал поистине черный час, – проговорил старец. – Но ты всегда избираешь подобные часы для своих появлений. Многое предвещает скорое разрешение судьбы Гондора, и все мы скорбим об этом, но скорбь, объявшая мое сердце, еще чернее. Я извещен о том, что ты привел с собою очевидца гибели моего сына. Его ли я вижу перед собой?

– Да, это тот самый очевидец, – подтвердил Гэндальф. – Один из двух. Второй находится при короле Теодене и, возможно, прибудет следом. Оба они невелички, но в пророчестве говорится не о них.

– И все же это невелички, – молвил Дэнетор мрачно. – С тех пор как проклятое пророчество, нарушив течение всех наших дел, толкнуло моего сына в безумный поход, где он нашел гибель, я не питаю к этому слову особой приязни. О мой Боромир! Как мы нуждаемся в тебе! Не ты, а Фарамир должен был идти в этот путь!

– И охотно пошел бы, – возразил Гэндальф. – Не будь несправедлив в своей печали! Боромир сам вызвался ехать на север и не уступил бы этой чести никому, даже брату. Твой старший сын любил властвовать и имел привычку брать то, чего пожелает. Я прошел

с ним достаточно долгий путь и хорошо узнал его. Но ты говоришь о его гибели. Значит, весть дошла до тебя раньше, чем принесли ее мы?

– Не весть дошла до меня, а вещь, – горько молвил Дэнетор и, отложив в сторону жезл, взял в руки предмет, на который смотрел, когда Гэндальф и Пиппин вошли. Это был большой, расколотый надвое рог буйвола, окованный серебром.

– Это тот самый рог, который носил Боромир! – вскричал Пиппин.

– Воистину так, – кивнул Дэнетор. – Некогда я носил его сам, как все первородные сыновья в династии Наместников с незапамятных времен, и обычай этот возник задолго до того, как оборвался род Королей. Он ведется с той самой поры, когда Ворондил, отец Мардила, настиг в далеких степях Руна белую буйволицу Арау...⁴⁹⁰ И вот тринадцать дней назад со стороны северных границ до меня донесся приглушенный зов этого рога. Позже Река принесла и сам рог, расколотый пополам. Он не заиграет более.

Дэнетор замолк, наступила тяжелая тишина. Вдруг Наместник устремил взгляд своих черных очей прямо на Пиппина:

– Что скажешь ты на это, невеличек?

– Тринадцать дней. Тринадцать дней назад... – выдавил из себя Пиппин. – Да, кажется, именно тогда это и случилось. Я был рядом. Он достал рог и долго трубил в него. Но помощь так и не подоспела. Только новые орки...

– Значит, ты был рядом с ним, – остановил Пиппина Дэнетор, пристально глядя хоббиту в глаза. – Поведай мне все без утайки. Почему не пришла помощь? Как удалось тебе избежать гибели, в то время как Боромир, могучий и доблестный воин, нашел ее в схватке с жалкой горсткой орков?

Кровь бросилась Пиппину в лицо, и он позабыл о своей робости:

– Даже самого сильного из воинов можно убить одной-единственной стрелой! А в Боромира выпустили целую уйму стрел! Когда я оглянулся на него в последний раз, он сидел под деревом и пытался вытащить черноперую стрелу, которая торчала у него в боку. Тут я потерял сознание, и меня схватили. Больше я Боромира не видел и ничего о нем не знаю. Но я глубоко чту его память, потому что он и впрямь был доблестный воин. Он погиб, защищая нас, то есть меня и моего сородича Мериадока, от солдат Черного Властелина, с которыми

мы встретились в лесу. Боромир не смог нам помочь и пал, но это не значит, что я ему не благодарен!

Выпалив это, Пиппин взглянул Дэнетору прямо в глаза: неожиданно для него самого в нем проснулась гордость, уязвленная недоверием и презрением, прозвучавшими в холодном голосе старца.

– Служба, которую мог бы сослужить простой хоббит-невеличек из далекого северного края, вряд ли покажется достойной внимания такого великого властителя из племени людей, – и все же, какой бы она ни была, я предлагаю тебе свою службу в оплату своего неоплатного долга! – воскликнул он, распахнул серый плащ, выхватил из ножен маленький меч и положил к ногам Дэнетора.

Слабая, как холодный луч солнца зимним вечером, улыбка скользнула по лицу Наместника. Дэнетор склонил голову и, отложив в сторону половинки рога, протянул руку.

– Поддай мне меч! – велел он.

Пиппин поднял оружие и протянул Дэнетору вперед рукоятью.

– Откуда у тебя этот клинок? – поднял брови Дэнетор. – Да будет тебе известно, что сталь эта весьма древнего происхождения и видела много, много лет и зим. Не один ли это из тех клинков, что ковали в глубинах времени наши сородичи-северяне?

– Это меч из курганов, что находятся на самой окраине моей страны, – ответил Пиппин. – Но сейчас там поселились злобные призраки, и я не хотел бы о них вспоминать.

– Вижу, вы кругом оплетены диковинными легендами, – молвил Дэнетор. – Это лишний раз подтверждает, что негоже судить о человеке – или о невеличке – по его виду. Я принимаю твою службу. Словами тебя с толку не сбить, и ты умеешь говорить учтиво, хотя твоя речь и кажется в ушах южанина неуклюжей. Близится время, когда все, кто способен говорить учтиво, окажутся в великой цене. А теперь присягай мне на верность!

– Возьмись за рукоять, – помог Гэндальф, – и повторяй за Повелителем, если ты не передумал.

– Не передумал, – сказал Пиппин.

Старец положил меч хоббита поперек колен, и Пиппин, взявшись за рукоять, медленно повторил за Дэнетором:

– Сим присягаю на верность Гондору и Наместнику Королевства Гондор. По велению Наместника обещаю я отверзать и смыкать уста

мои, вершить деяния и пребывать в бездействии, течь и устремляться, в нужде и в изобилии, в дни мира и в дни войны, в горе и в счастье, в жизни и в смерти, с сего самого мгновения и до тех пор, пока господин мой не освободит меня от клятвы, или смерть не возьмет меня, или миру не придет конец. Так говорю я, Перегрин, сын Паладина, уроженец Заселья, страны Невеличков.

– Я, Дэнетор, сын Эктелиона, Правитель Гондора и Наместник Великого Короля, внял словам твоим, не забуду их и не упущу воздать тебе: за верную службу – милостью, за доблесть – честью, за отступничество – возмездием!

Пиппин получил меч обратно и вложил его в ножны.

– Засим, – молвил Дэнетор, – даю тебе первый приказ: да отверзнутся уста твои и да не сомкнутся! Поведай мне свою историю, и не укусни вспомнить все, что ты знаешь о сыне моем, Боромире. Садись и начинай!

С этими словами он ударил в небольшой серебряный гонг, стоявший рядом, и тут же появились слуги. Пиппин понял, что те ждали зова, стоя в нишах по обе стороны дверей, так что ни он, ни Гэндальф не заметили их, когда входили.

– Вино, угощение и сиденья для гостей, – велел Дэнетор. – И пусть в течение часа никто нас не тревожит.

– Я могу уделить вам не более часа, – добавил он, обращаясь к Гэндальфу. – Меня ждут иные заботы. Со стороны они могли бы показаться неотложными, но для меня эти дела не столь важны, как наша беседа. Возможно, мы вернемся к ней еще и ввечеру.

– Смею надеяться, что раньше, – возразил Гэндальф. – Не для того я летел сюда как ветер от самого Исенгарда, не для того оставил за спиной сто пятьдесят лиг пути, чтобы привезти тебе одного маленького воина, хотя бы и учтивого! Неужели для тебя не важна весть о том, что Теоден одержал победу в славной битве, что Исенгард потерпел поражение и что я преломил жезл Сарумана?

– Эти вести важны, и весьма важны. Но я знаю довольно, чтобы самому решать, как противостоять угрозе с Востока.

Наместник в упор взглянул на Гэндальфа темными глазами, и Пиппин вдруг заметил, что эти двое чем-то похожи. Почувствовалось напряжение – от Наместника к волшебнику словно протянулась тлеющая нить, в любой момент готовая вспыхнуть.

Дэнетор походил на великого кудесника даже больше, чем сам Гэндальф; исполненный сознания собственной власти, он был царственнее, прекраснее ликом и выглядел старше. Но какое-то шестое чувство, зорче зрения, убеждало хоббита, что Гэндальф гораздо мудрее и могущественнее, что его царственное достоинство всего лишь скрыто до времени. На самом деле старше – много старше – был именно Гэндальф. «На сколько же лет?» – размышлял Пиппин, удивляясь, что до сих пор ни разу не задавался этим вопросом. Древобород, помнится, что-то рассказывал о волшебниках, но Пиппин никогда всерьез не задумывался над тем, что Гэндальф как-никак один из них! Кто же такой Гэндальф? В каком далеком прошлом, в какой стране явился он в мир и когда покинет его? Но на этом раздумья хоббита оборвались. Он увидел, что Дэнетор и Гэндальф все еще вперяются друг другу в глаза, будто читая скрытые за ними мысли. Дэнетор отвел взгляд первым.

– Знайте, – сказал он, – хотя и сказывают, что Зрячие Камни пропали, но Владыки Гондора по-прежнему видят дальше, чем обычные люди, и вести доходят до них особыми путями. Однако садитесь.

Вошли с креслом и низкой табуреточкой слуги; один из них нес блюдо с кувшином, кубками из серебра и белым печеньем. Пиппин сел, не в силах отвести глаз от старого Властителя. Говоря о Камнях, Дэнетор внезапно сверкнул глазами прямо на хоббита – или Пиппину это примерещилось?

– А теперь поведай мне свою быль, вассал мой, – произнес Дэнетор ласково, но с легкой насмешкой. – Мой слух с особенной охотой откроется для речей этого невеличка, который был столь дружен с моим сыном!

Пиппин до конца жизни не мог забыть этого часа, проведенного в огромном дворцовом чертоге под пронизывающим взглядом гондорского Властителя, под градом все новых и новых остро отточенных вопросов, с постоянным ощущением, что Гэндальф, молча сидевший рядом и слушавший его ответы, с трудом сдерживает все возрастающий гнев и нетерпение. Когда час минул и Дэнетор снова ударил в гонг, Пиппин почувствовал, что выдохся окончательно.

«Наверное, уже больше девяти, – подумал он. – Я бы сейчас три завтрака умял и не поморщился».

– Покажите достойнейшему Митрандиру приготовленные для него покои, – велел Дэнетор слугам. – Спутник его может, при желании, поселиться пока вместе с ним. Но да будет всем известно, что я принял от невеличка присягу на служение. Его имя – Перегрин, сын Паладина⁴⁹¹. Ознакомьте его с внешними паролями и уведомьте военачальников, чтобы они явились ко мне, как только пробьет три. Что до тебя, достойнейший Митрандир, приходи всегда, когда будет на то твоя воля. Когда бы ты ни пожаловал, препон на пути ты не встретишь, – за исключением тех кратких часов, когда я сплю. Остуди свой гнев, прости мою старческую бессмысленность и возвращайся, дабы даровать мне утешение.

– Старческая бессмысленность? – переспросил Гэндальф. – О нет! Ты упокоишься в могиле прежде, нежели выживешь из ума, о Повелитель! Ты сумел выгодно использовать даже собственную скорбь. Неужели ты думаешь, я не понял, ради какой цели ты битый час расспрашивал о столь важных вещах того, кто знает гораздо меньше, чем я, а ведь я сидел рядом!

– Если понял, будь доволен этим, – бесстрастно отвечал Дэнетор. – Гордыня, в трудный час отвергающая и помощь, и совет, воистину бессмысленна и безумна, но ты предлагаешь мне эти дары только с тем, чтобы осуществить собственные замыслы. Правитель Гондора не станет орудием в руках другого человека, как бы ни благородны были у того цели. А в глазах Наместника все цели меркнут перед одной – благом Гондора. Пока не вернется Король, о достойнейший Митрандир, Гондором правлю я и никто другой.

– Пока не вернется Король? – переспросил Гэндальф. – Что ж, о господин мой и Наместник, ты прав: твоя обязанность – сохранить хоть лоскуток Королевства на случай, которого ныне мало кто ждет. В этом деле ты получишь от меня какую угодно помощь – только попроси. Но скажу тебе вот что: я не владею королевствами – ни Гондорским и никаким другим, ни большим, ни малым. Я просто пекусь обо всем, что есть на свете доброго и чему в нашем сегодняшнем мире грозит опасность. Гондор может погибнуть, но я не назову себя побежденным, если хоть что-нибудь продержится до утра,

чтобы расцвести и дать добрый плод грядущим временам. Я ведь тоже наместник. Или ты этого не знаешь?

С этими словами он повернулся и зашагал к выходу. Пиппин засеменил рядом.

За всю дорогу Гэндальф не сказал хоббиту ни слова. Провожатый вывел их через площадь Фонтана на улицу с высокими каменными домами по обе стороны. Несколько раз повернув, они оказались перед домом, что стоял рядом с северной стеной крепости неподалеку от перемычки, соединявшей Сторожевую Скалу с горой. Взойдя по широкой резной лестнице на второй этаж, они оказались в покое, светлом и просторном, увешанном изысканными матово-золотистыми тканями без рисунка. Мебели было мало – столик, стул, два кресла да скамья, зато в нишах за раздвинутыми занавесями были приготовлены постели со всем необходимым, а рядом с ними, на полу, – кувшины и тазы для умывания. В покое было три окна, высоких и узких; они выходили к северу, на скрытый в тумане Андуин, что делал широкую петлю, уходя к скалам Эмин Муйла и далекому Раурсу. Чтобы выглянуть наружу, Пиппину пришлось пододвинуть к окну скамью и лечь грудью на широкий, глубоко вдающийся в стену каменный подоконник.

– Ты сердишься на меня, Гэндальф? – спросил он, когда провожатый вышел и закрыл за собой дверь. – Я так старался!

– Знаю, знаю! – ответил Гэндальф, неожиданно рассмеявшись.

Подойдя к хоббиту, он обнял его за плечи и вместе с ним выглянул в окно.

Пиппин смотрел на лицо Гэндальфа, которое было теперь так близко, с удивлением: смех волшебника звучал весело и беспечно. Сперва хоббит увидел на лице волшебника только следы обычных забот и скорбей, но, присмотревшись внимательнее, разглядел за морщинами великую потаенную радость, бьющий ключом источник веселья, – выпусти его наружу, и он заставит рассмеяться целое королевство.

– Ты и вправду сделал все, что мог, – сказал Гэндальф. – Надеюсь, тебе не скоро придется вновь оказаться в такой переделке, одному меж двух страшных стариков! Но учти, что Повелитель Гондора узнал от тебя больше, чем ты догадываешься. Ты не умел утаить, что после Мории Отряд возглавил не Боромир, что среди членов нашего

Содружества был некто весьма высокого рода, что этот некто скоро явится в Минас Тирит и вдобавок владеет знаменитым мечом! Гондорцы придают старинным легендам очень большое значение, и, с тех пор как Боромир ушел в поход, Дэнетор не раз задумывался над словами пророчества, особенно над словами о *Погибели Исилдура*. Дэнетор не похож на других людей нашего времени, знай это, Пиппин. Каков бы ни был его род, в жилах Дэнетора течет почти беспримесная кровь обитателей Закатного Края. Она же досталась Фарамиру; но у Боромира, любимца, ее было гораздо меньше. Дэнетор далеко видит. Направляя свою волю, он может прочесть многое в мыслях другого человека, даже если тот находится вдали от него. Обмануть его непросто; пытаться обвести его вокруг пальца – опасно. Заруби это себе на носу! Ведь ты присягнул ему. Не знаю, что вложило эту мысль тебе в голову – или в сердце? – но ты поступил хорошо. Я не стал тебе мешать: холодный рассудок щедрому сердцу не указ. Ты поднял настроение Повелителя, даже слегка растрогал его, а кроме того, теперь ты сможешь гулять по Минас Тириту где вздумается, когда будешь не на службе. Но у всякой монеты есть и обратная сторона. Отныне ты подчиняешься Дэнетору, и он об этом не забудет. Так что будь начеку! – Гэндальф умолк и вздохнул. – Впрочем, не стоит гадать, что принесет нам завтрашний день. Беда в том, что каждое «завтра» каждый раз будет хуже, чем «сегодня», и так продлится долго. Тут я ничего не могу поделать. Доска раскрыта, фигуры расставлены, игра уже идет... Как бы я хотел поскорее найти одну из этих фигур, а именно – Фарамира, который стал теперь наследником Дэнетора! Не думаю, что он в столице, но у меня еще не было времени разузнать как следует... Одним словом, мне пора, Пиппин. Я должен быть на совете военачальников и узнать как можно больше. Ход за Врагом, а он собирается играть по-крупному. И учти, Перегрин, сын Паладина, рыцарь Гондора, что ни пешкам, ни кому другому отсидеться в стороне не удастся. Остри свой клинок!

Гэндальф шагнул к двери, но с порога еще раз оглянулся.

– Я спешу, Пиппин, – сказал он. – Выйдешь из дому – окажи мне одну любезность. Только лучше сделай это сразу, до того, как отдыхать, – если ты еще не валишься с ног от усталости. Отыщи Скадуфакса и проверь, хорошо ли его устроили. Гондорцы как-никак

люди добрые и умные, и животных они любят. Но все же в искусстве обращения с лошадьми они не так умудрены, как иные...

Дверь за Гэндальфом закрылась. Вскоре из Цитадели донесся чистый и мелодичный звон колокола. В воздухе серебром рассыпались три удара: пробил третий час от восхода солнца.

С минуту покрутившись в комнате, Пиппин направился к дверям, спустился по лестнице и, оказавшись на улице, огляделся. Солнце светило тепло и ярко, башни и высокие дома отбрасывали четко очерченные длинные тени. В снежной мантии, в белом шлеме сверкал на синем небе Миндоллуин. По улицам крепости спешили туда и сюда вооруженные люди, – видимо, удар колокола был сигналом к смене караула, перехода от утренних обязанностей к дневным.

– В Заселье сейчас, наверное, девять, – вслух сказал Пиппин. – Самое время славно позавтракать и открыть окно весеннему солнышку. Эх, все бы, кажется, отдал сейчас за добрый завтрак! Интересно, принято здесь завтракать или нет? Или, может, я уже опоздал? В таком случае – когда здесь обедают? И главное – где?

Тут он увидел, что со стороны Цитадели приближается человек, одетый в черно-белое. Пиппин чувствовал себя одиноко и хотел уже заговорить с ним, но оказалось, что незнакомец сам идет к нему.

– Так вы и есть Перегрин из страны невеличков? – спросил он. – Мне сказали, что вы присягнули Повелителю. Добро пожаловать! – Он протянул руку, и Пиппин ее пожал. – Я Берегонд, сын Барэнора. С утра я свободен, поэтому меня послали к вам – наставить в самом необходимом. Вам долженствует выучить пароли и многое узнать, чего, без сомнения, вы и сами желаете. Со своей стороны, и я желал бы кое-что спросить у вас, ибо никогда прежде мы не видели здесь невеличка. Слышать мы о них слышали, но в наших легендах о невеличках говорится мало. А вы еще к тому же и друг Митрандира. Хорошо вы его знаете?

– Как сказать, – призадумался Пиппин. – Я его знаю всю свою коротенькую жизнь и только что проделал с ним вместе очень долгий путь – но это, я скажу, такая книга, которую читаешь сто лет, а потом выходит, что еще и второй страницы не одолел. Так что похвалиться нечем... Но думаю, его мало кто знает по-настоящему. Из всего Отряда, наверное, только Арагорн...

– Арагорн? А кто это?

– О!.. – запнулся Пиппин. – Это... гм... один человек. Он путешествовал вместе с нами. Кажется, он теперь в Рохане.

– Я слышал, что вы тоже побывали в Рохане. К слову, будь у нас время, я задал бы вам много вопросов об этой стране, ибо если у нас и осталась еще надежда, то на роханцев. Но я забыл свои обязанности! Мне велено отвечать на ваши вопросы, а не пытаться ответить у вас. Что бы вам хотелось узнать, достойный Перегрин?

– Ну... – помедлил Пиппин, – если мне позволят, у меня тут созрел один вопрос, весьма насущный, то есть я хотел спросить, как тут у вас насчет завтрака и все такое прочее. Короче говоря, я не прочь узнать, когда у вас едят, и где трапезная, и есть ли она вообще – ну, ты меня понимаешь. И как здесь насчет трактиров? Когда я въезжал в город, я осматривался, но ничего похожего не заметил, хотя тешу себя надеждой, что в каком-нибудь гостеприимном доме мне бы, наверное, не отказали в кружечке доброго пива.

Берегонд выслушал его без тени улыбки.

– Сразу видно, что вы много путешествовали, – заметил он уважительно. – Говорят, бывалый воин в походе всегда первым делом смотрит, где достать еду и питье. Сам я, правда, не искушен в походах... Так, значит, достойный гость с утра не держал во рту ни крошки?

– Ну... насчет крошки врать не буду, – вздохнул Пиппин. – Глоток вина и кусочек печенья мне перепали – от щедрот вашего Повелителя. Но в отместку он замучил меня вопросами, а от этого голод только разыгрывается...

Берегонд от души рассмеялся.

– Прямо как в нашей поговорке: мал ростом – изряден за трапезой! Примите же к сведению, о Перегрин, что ваш завтрак был таким же, как и у большинства воинов Башни, – только не в пример почетнее. Мы в крепости и на военном положении. Встаем до света, перекусываем чем придется – и по местам... Но не отчаивайтесь! – поспешил он добавить, посмеиваясь, – уж очень вытянулось у Пиппина лицо. – Те, у кого особо трудная служба, могут утром вкусить пищи еще раз, попозже. А там и второй завтрак – в полдень или позднее, смотря кто чем занят. На общий обед мы собираемся после захода солнца, и тут уж отводим душу. Идемте со мной! Посмотрим

крепость, поищем, чем утолить голод, – а потом взойдем на стену, разделим трапезу и полюбуемся красотой ясного утра.

– Минуточку! – краснея, остановил его Пиппин. – Из-за своей жадности – или, говоря твоими учтивыми словами, от голода – я совсем забыл про одно важное дело. Гэндальф, или Митрандир, как вы его здесь называете, наказал мне посмотреть, как устроили Скадуфакса. А Скадуфакс – это роханский конь, причем такой конь, равного которому и не сыщешь, зеница ока короля Теодена. Но король, как мне рассказывали, подарил его Митрандиру – тому он нужнее. И надо сказать, Митрандир далеко не всех людей любит, как этого коня! Так что, коли вам дорога дружба Митрандира, Скадуфакса надо холить и лелеять изо всех сил, потому что он гораздо главнее известного вам хоббита...

– Хоббита? – переспросил Берегонд.

– Мы зовем себя хоббитами, – объяснил Пиппин.

– Рад был узнать, – сказал Берегонд. – Теперь я воочию убедился, что странный выговор отнюдь не помеха благородной речи и что хоббиты воистину учтивы... Но идемте посмотрим на этого доброго коня! Я люблю животных. В нашем каменном городе их почти нет, но мой род происходит не отсюда – мы пришли в Минас Тирит из горных долин, а туда – из Итилиэна. Утешьтесь, однако, достойный хоббит, в конюшнях мы долго не задержимся – только исполним то, чего требует от нас вежливость, и тут же отправимся в трапезную.

Пиппин нашел Скадуфакса в добром здравии: стойло удобное, уход вполне сносный. На шестом ярусе за стенами Цитадели устроены были прекрасные конюшни; там содержалось несколько быстроногих скакунов, а поблизости жили гонцы Наместника, готовые пуститься в дорогу по первому приказу Дэнетора или его военачальников. Но в это утро все гонцы уже были разсланы с разными поручениями, и, кроме Скадуфакса, коней в стойлах не было.

Скадуфакс, увидев Пиппина, заржал и повернул к нему голову.

– Добрый день! – поздоровался Пиппин. – Гэндальф придет, как только сможет. Сейчас он занят, но шлет через меня привет и просит узнать, не терпишь ли ты в чем недостатка. Как тебе отдыхается после трудов?

Скадуфакс мотнул головой и ударил копытом об пол. Берегонду он милостиво позволил слегка дотронуться до своей щеки и погладить крутые бока.

– Можно подумать, он не был в походе и снова рвется в дорогу, – подивился Берегонд. – Что за сильный и гордый конь! А где седло и уздечка? Сбруя у него, должно быть, богатая и красивая.

– Какую уздечку ни выбери, на нем она будет казаться бедной и невзрачной, – с гордостью объяснил Пиппин. – Но он вообще не терпит сбруи. Если Скадуфакс согласен тебя везти, то и повезет, будь покоен, а если невзлюбил – ни узда, ни хлыст, ни шпоры не помогут. Ну, до свидания, Скадуфакс! Запасись терпением. Битва уже скоро!

Конь поднял голову и заржал так, что стены конюшни задрожали, а Берегонду с хоббитом пришлось заткнуть уши. Теперь им оставалось только проверить, хватает ли в яслях овса, и удалиться.

– А теперь позаботимся о себе, – сказал Берегонд, направляясь обратно в Цитадель.

Они вошли в северную дверь, спустились по длинной прохладной лестнице и очутились в широком проходе, освещенном несколькими светильниками. Из множества дверей, видневшихся по обе стороны, одна была отворена.

– Здесь находятся склады и трапезная нашего отряда, – пояснил Берегонд. – Привет, Таргон⁴⁹²! – крикнул он в открытую дверь. – Час еще ранний, но я привел новичка! Повелитель принял его на службу только сегодня. Наш новый товарищ проделал долгий путь, в дороге ничего не вкушал, а сегодня изрядно утрудился и теперь голоден. Поищи-ка для нас чего-нибудь съестного!

Для Пиппина с Берегондом нашлись хлеб, масло, сыр и яблоки из зимнего запаса – морщинистые, но крепкие и сладкие; их снабдили деревянными кружками, деревянными тарелками и вдобавок кожаной флягой со свежим пивом. Сложив все это в корзину, они снова выбрались на солнышко, и Берегонд повел Пиппина на далеко выдающийся вперед отрог Миндоллуина, где городская стена образовывала острый угол прямо над Главными Воротами. Хоббит и человек уселись на каменной скамье под бойницей, откуда открывался прекрасный вид на мир, залитый утренним солнцем.

Они поели, запили завтрак пивом, и разговор сам собой зашел о Гондоре и его обычаях, о Заселье и о диковинных странах, где

довелось побывать Пиппину. Глаза Берегонда все больше округлялись, а хоббит, болтая коротенькими ножками или встав на цыпочки и заглядывая в бойницу, с увлечением рассказывал ему о чудесах, которых навидался в пути.

– Не скрою, уважаемый Перегрин, – сказал наконец Берегонд, – что сперва я о тебе думал иначе. Среди нас ты выглядишь отроком лет девяти – а оказывается, пережил столько опасностей и сподобился видеть такие чудеса, что немногие седобородые гондорские старцы могли бы похвалиться тем же! Я-то думал, Повелитель просто захотел взять ко двору благородного пажа, как было раньше в обычае у Королей. Прости мне мою глупость и неотесанность!

– Ладно, чего уж, – рассмеялся Пиппин. – Между прочим, ты не так уж и ошибся. В глазах сородичей я еще, почитай, мальчишка. До «настоящего возраста», как говорят у нас в Заселье, мне еще целых четыре года... Но что мы все про меня да про меня? Объясни лучше, пожалуйста, что отсюда видно?

Солнце поднималось все выше. Туман, скрывавший равнину, рассеялся, и последние его обрывки плыли прочь, гонимые восточным ветром, который хлопал полотнищами стягов и развевал на Цитадели белые вымпелы. Внизу, в долине, лигах в пяти от города, блестела в солнечных лучах серая дуга Великой Реки; могучий поток, кативший воды с северо-запада, близ города описывал широкую дугу и терялся в светлой дымке на горизонте: там, лигах в пятидесяти к югу, лежало Море.

Внизу перед глазами Пиппина как на ладони раскинулся Пеленнор, рябой от сельских усадеб, мелко расчерченный на квадратики низкими каменными стенами, деревянными заборами, плетнями, оградами загонов... Скота, однако, нигде видно не было. Зеленые поля пересекало множество дорог, на которых не прекращалось оживленное движение. В крепость и из крепости тащились телеги и повозки; их то и дело обгоняли одинокие всадники, во весь опор скакавшие к Воротам; там всадники спрыгивали с коней и спешили в Город. Самым многолюдным казался Главный Тракт. Резко сворачивая к югу, он огибал западные холмы несколько меньшей, чем речная, дугой и пропадал из виду. Тракт был широкий, мощный; вдоль его обочины по отгороженной от полей зеленой полосе галопом

неслись конники – кто в город, кто прочь от города, но большие крытые повозки, тянувшиеся по Тракту, все направлялись в одну сторону – к югу. Их поток делился на три колонны: в первой катились телеги, запряженные лошадьми; во второй неторопливые вола влекли огромные повозки и красивые цветные фургоны; в третьей люди сами, налегая, толкали перед собой что-то вроде тачек.

– Дорога ведет в долины Лоссарнаха и Тумладена⁴⁹³, оттуда – в горные поселения, а оттуда – в Лебеннин. Ты видишь последнюю волну беженцев. Все старики, женщины и дети сегодня до полудня должны, согласно приказу, покинуть город и удалиться от крепостных стен не менее чем на лигу. Грустно, но делать нечего! – Берегонд вздохнул. – Многие из тех, что сегодня расстались, уже более не встретятся. В нашем городе детей всегда было мало, а теперь и вовсе не осталось – если не считать десятка мальчишек, которые наотрез отказались уезжать. Но ничего – какая-нибудь работа найдется и для них. Кстати, мой сын тоже здесь.

Они помолчали. Пиппин беспокойно оглянулся на восток, будто оттуда в любую минуту могли хлынуть полчища орков.

– А что там? – спросил он наконец, указывая на изгиб Андуйна. – Еще какой-то город? Или...

– Бывший город, – кивнул Берегонд. – Когда-то он был столицей, а Минас Тирит – просто сторожевой крепостью. Эти руины по обеим сторонам реки – все, что осталось от Оспиата, сожженного Врагом. Это случилось много лет назад. Когда Дэнетор был еще молод, нам удалось отбить руины обратно, но воскрешать город мы не стали – только отстроили мост, чтобы можно было при необходимости переправить туда войска, и поставили там свои посты. А потом явились эти проклятые Всадники из башни Минас Моргул.

– Черные Всадники? – переспросил Пиппин, широко раскрыв глаза, темные от вернувшегося страха.

– Да, именно так, – внимательно посмотрел на него Берегонд. – Я вижу, ты слышишь о них не впервые. Но ты мне об этом еще не рассказывал.

– Какое там впервые... – беззвучно прошептал Пиппин. – Только не будем о них сейчас говорить – мы ведь совсем рядом... ну...

Он оглянулся на Реку, и ему вдруг показалось, что за ней нет ничего, кроме огромной зловещей Тени. Может, правда, это просто

зубцы горных вершин маячили вдали, расплываясь за расстоянием, – между хребтом и крепостью лежало двадцать лиг сплошных мгlistых равнин и тумана, – а может, это грозовая туча навалилась на горизонт, сгустившись в непроницаемый мрак; но Пиппину вдруг померещилось, будто тьма понемногу растет, густеет и мало-помалу отвоевывает у солнца его владения.

– Рядом с Мордором? – спокойно закончил за него Берегонд. – Да, Мордор лежит как раз в той стороне. Мы редко произносим это слово, но к Тени за много лет привыкли. Иногда она словно бледнеет и отдаляется, иногда сгущается и становится ближе. В последнее время мгла заметно потемнела и день ото дня набухает. Вместе с ней растет и наша тревога. И года не прошло с тех пор, как Всадники отбили у нас переправу. В том бою погибли наши лучшие воины. Если бы не Боромир, неизвестно еще, удалось бы нам отстоять западный берег или нет... Но теперь, благодаря ему, пол-Осгилиата мы все-таки удерживаем. Пока удерживаем... Но теперь мы ожидаем нового удара. Может, этот удар будет решающим...

– Когда это случится? – спросил Пиппин. – Как по-твоему? Я видел ночью огни на вершинах, и нам навстречу попались гонцы. Гэндальф сказал – это значит, что война уже началась. Он так мчался, как будто от этого зависело все. Но теперь вроде бы опять никто никуда не спешит.

– Спешки нет только потому, что все уже сделано, – сказал Берегонд. – Прежде чем нырнуть, надо вдохнуть поглубже.

– Но прошлой ночью сигнальные костры еще горели?..

– Дело в том, что, начнись осада, на помощь звать будет поздно, – объяснил Берегонд. – Впрочем, кто может проникнуть в мысли Повелителя и его военачальников? Вести доходят до них особыми путями. Повелитель Дэнетор не похож на обыкновенных людей. Он видит очень далеко. Сказывают, что по ночам он уединяется у себя в келье на вершине Башни и, посылая мысли на все четыре стороны света, угадывает будущее. Ходят слухи, что иногда он проникает даже в намерения Врага и вступает в единоборство с его волей, и якобы именно поэтому он постарел раньше времени. С другой стороны, мы знаем, что Фарамир, под чьим началом я нахожусь, был недавно послан за Реку с каким-то опасным поручением. Может, это он прислал весть Дэнетору? Сам я, правда, полагаю, что маяки зажжены

по причине дурных известий из Лебеннина. К устью Андуина приближается могучая флотилия умбарских пиратов⁴⁹⁴ с Юга. Они давно уже перестали бояться Гондора, а теперь сделались союзниками Врага. Пираты готовят сильный удар! Но главное, их нападение свяжет силы Лебеннина и Белфаласа, а людей там много, и они хорошие воины. Вот почему наши мысли обращаются на север, к Рохану, вот почему мы так радуемся вестям о победе, которые вы принесли нам. Однако... – Берегонд встал и окинул взглядом горизонт. – Однако с падением Исенгарда открылось: Враг раскинул вокруг нас хитроумные сети и игра будет крупной. Что там мелкие стычки на переправах! Что рейды в Итилиэн да Аноризэн и налеты с засадами! Грядет большая, давно задуманная война, и нам в ней – что бы ни говорила наша гордость – отведена не такая уж важная роль. Все пришло в движение: земли, что лежат за Внутренним морем, на востоке, и Черная Пуща на севере, и все, что за ней, и Харад на юге... Все страны встали сейчас перед испытанием. Устоят они перед Тьмою или падут в нее и канут?.. Правда, нам, достойный Перегрин, все же выпала честь – мы несем главное бремя ненависти Черного Властелина. Она преследует нас неотступно, ибо идет из глубины веков и бездн Моря. Сюда, на Гондор, молот обрушится в первую очередь. Вот почему Митрандир так спешил. Ибо, если мы падём, кто устоит? Как по-твоему, достойный Перегрин: есть у нас надежда выстоять или нет?

Пиппин не ответил. Он посмотрел на толстые стены, на башни, на отважно реюющие флаги, на солнце, сияющее высоко в небе, потом перевел взгляд на восток, где собиралась тьма, и подумал: длинные же руки у Зла, далеко простирается его власть! Орки, что рыщут в лесах и горах, предательство Исенгарда, птицы-соглядатаи, Черные Всадники на дорогах Заселья – и крылатый ужас, Назгулы... По спине у хоббита пробежал озноб. На что же надеяться?..

Вдруг солнце побледнело и померкло, будто по нему скользнула тень черного крыла, и Пиппину показалось, что в неизмеримой дали небес он услышал крик – слабый, далекий, но леденящий, беспощадный, убивающий всякую мысль и надежду. Хоббит побелел как мел и прижался к стене.

– Что это было? – встревожился Берегонд. – Ты тоже почувствовал?

– Да, – прошептал Пиппин. – Это вестник нашего поражения и тень нашей гибели. Это Черный Всадник. Только теперь он в небе...

– Тень гибели, – повторил Берегонд. – Боюсь, Минас Тирит не устоит. Близится ночь. Из моих жил улетучивается последнее тепло...

Оба смолкли и поникли головой. Наконец Пиппин осмелился взглянуть на небо. Все было по-прежнему. Светило солнце, реяли по ветру флаги... Хоббит встряхнулся.

– Пролетел, – выдохнул он. – Нет! Я все-таки не отчаиваюсь. Возьми Гэндальфа. Он упал в бездну, но вернулся, и теперь он с нами! Мы выстоим – пусть на одной ноге, пусть упав на колени, но выстоим!

– Верно! – вскричал Берегонд и рывком поднялся на ноги. Шагая взад и вперед, он взволнованно заговорил: – Все имеет конец! Есть конец и у мира, но Гондору еще не пришло время погибнуть. Если Враг в безумии своем нагромождает горы трупов вровень с крепостными стенами и ворвется на ярусы, мы уйдем в горы! Там есть крепости, куда ведут тайные ходы. И память с надеждой выживут – где-нибудь там, в какой-нибудь скрытой от глаз долине, где еще останется зеленая трава.

– Чем бы ни кончилось, лишь бы поскорее! – вздохнул Пиппин. – Я вовсе не воин, и сражения мне не по душе. Но хуже не бывает, чем сидеть и ждать того, что все равно произойдет!.. Как долго длится этот день! Мне лично было бы легче, если бы мы не сидели сложа руки, а ударили первыми. Роханцы, кстати, никогда бы не собрались выступить, если бы не Гэндальф!

– А! Ты угодил как раз в больное место. Многие думают так же, – сказал Берегонд. – Но когда вернется Фарамир, все должно пойти иначе. Он храбр – гораздо храбрее, чем думают! В наши дни люди с трудом верят, что воин, тем более командир, может быть человеком ученым, искушенным в Предании, но вместе с тем твердым, мужественным, способным, когда требуется, принять смелое решение в бою и выполнить его не промешкав. А Фарамир как раз таков! Он не так безогляден, не так порывист, как Боромир, хотя столь же решителен. Но что он может сделать? Гóры этой... этой страны приступом не возьмешь. Наши руки стали коротки: пока враг не приблизится, мы напасть на него не можем. Но когда настанет время для удара, рука наша не дрогнет!

И Берегонд ударил по рукояти меча.

Пиппин только теперь по-настоящему разглядел своего нового друга. Какой высокий, гордый, благородный воин! Впрочем, все мужи Гондора, которых он успел повидать, были высокими, гордыми и благородными. И еще он заметил, что, как только речь зашла о битве, глаза Берегонда заблестели.

«А я? – подумал хоббит. – У меня рука не тяжелее птичьего перышка. Как там назвал меня Гэндальф? Пешкой? Может, это и правда. Только, по-моему, пешка эта забрела на чужое поле».

Так вели они беседу, пока солнце не поднялось еще выше и не прозвенел, возглашая полдень, колокол на башне. Город ожил: все, кроме дозорных, заспешили на трапезу.

– Не пойти ли тебе со мной? – предложил Берегонд. – Сегодня я могу посадить тебя за стол вместе с нами. Правда, я еще не знаю, к какому отряду ты будешь приписан. Возможно, Наместник оставит тебя под своим началом. Но сегодня мои товарищи с радостью тебя приветят. Кроме того, не помешает завести полезные знакомства, пока еще есть время.

– Охотно составлю тебе компанию, – просиял Пиппин. – А то, честно говоря, мне тут как-то одиноко. Мой лучший друг остался в Рохане, а одному ни поболтать, ни посмеяться... Может, меня и впрямь в твой отряд запишут? Ты ведь, наверное, командир? Возьми меня к себе! Или словечко замолви...

– Ты, дружок, высоко хватил, – усмехнулся Берегонд. – Я не командир. У меня ни чинов, ни отличий. Я простой воин из Третьего Отряда гвардейцев Цитадели. Правда, в нашем городе, уважаемый Перегрин, быть гвардейцем Башни – уже само по себе отличие, таких людей в стране весьма уважают.

– Ну, тогда это не для меня, – решил Пиппин. – А пока знаешь что? Давай пройдем мимо моего дома, и если Гэндальфа там нет, то по рукам. Я пойду с тобой, куда ты сочтешь нужным, и буду твоим гостем.

Гэндальфа не было, весточки тоже, и Пиппин вместе с Берегондом отправились в трапезную, где хоббит был представлен воинам Третьего Отряда. Прием хоббиту оказали самый горячий – даже на долю Берегонда перепало: его расхваливали, как могли. Еще бы – такого гостя привел! Слухи о незнакомце, друге Митрандира, уже

облетели Цитадель. Известно было и то, что Наместник удостоил его долгой беседы с глазу на глаз. Рассказывали, что с севера прибыл Принц Невеличков и что он будто бы предлагает Гондору союз и пять тысяч мечей. Кто-то даже пустил слух, что, когда придут роханцы, у каждого за спиной будет сидеть невеличек – маленький, но отважный.

Хоббиту жаль было разочаровывать своих новых друзей, но сделать это пришлось. Титул, правда, за ним так и остался. Согласно понятиям гондорцев, друг Боромира, да еще с почетом принятый Дэнетором, не мог не быть принцем. Пиппина без конца благодарили за то, что он удостоил их трапезу своим посещением, не дыша слушали рассказы о дальних странах и при этом так усердно подкладывали хоббиту на тарелку еды и подливали вина, что ему не оставалось желать ничего лучшего. Мешал только строгий наказ Гэндальфа – помнить об осторожности, а главное – не распускать язык⁴⁹⁵, на что хоббиты в дружеском кругу обычно весьма падки.

Наконец Берегонд встал.

– Я должен с тобой проститься, Перегрин, – сказал он. – Теперь я буду свободен только после захода солнца, не раньше. Остальным, думаю, тоже пора идти. Но если одиночество тебе в тягость, могу сосватать тебе веселого товарища. Спустись в нижний ярус и спроси там дорогу к Старой Корчме, что на Рат Кэлердаин, на Улице Фонарщиков. Там ты найдешь моего сына и других мальчишек, которые остались в городе. Кстати, у Больших Ворот, прежде чем их запрут на ночь, сегодня можно будет увидеть кое-что любопытное. Не упusti!

Берегонд вышел. Вскоре за ним последовали и остальные. День оставался солнечным, хотя небо подернулось дымкой, и, пожалуй, парило не по-мартовски – чересчур даже для южных широт! Пиппина стало клонить ко сну. Но в пустом доме ему было как-то не по себе, и поэтому он все-таки решил спуститься на нижний ярус и посмотреть город. Захватив лакомый кусочек для Скадуфакса, он отправился в путь. Угощение было принято с благодарностью, хотя корма в яслях вполне хватало. Расставшись со Скадуфаксом, хоббит отправился вниз по крутым городским улицам.

Встречные разглядывали его во все глаза и приветствовали с удивительной серьезностью, по гондорскому обычаю наклоняя голову и перекрещивая руки на груди. За своей спиной Пиппин слышал

взволнованные возгласы. Слух о его появлении бежал от дома к дому, и соседи звали друг друга посмотреть на Принца Невеличков, который прибыл с Митрандиром. Многие обменивались какими-то фразами на своем языке. Язык этот сильно отличался от Общего, но Пиппин вскоре освоился настолько, что начал кое-что понимать. Особенно часто слышалось: «*Эрнил-и-Ферианнат!*» – и он догадался, что это его новый титул.

Наконец, пройдя множество широких галерей и красивых мощеных улиц, хоббит вышел в нижний, самый обширный ярус, где ему указали Улицу Фонарщиков – широкую, выводящую прямо к Большим Воротам. Отсюда было уже нетрудно отыскать Старую Корчму – большое строение из серого, источенного ветром камня. Два крыла дома, слегка изогнутые, дугами охватывали узкую полосу газона, а в глубине темнели окна самой Корчмы, здания с колоннадой по всему фасаду. От колонн к траве вели ступени, а в тени портика играли мальчишки. Пиппин еще не видел в Минас Тирите ни одного ребенка и остановился посмотреть. Один из мальчишек заметил его и с воинственным криком бросился навстречу. Двое-трое увязались следом. Подбежав, мальчик остановился и осмотрел Пиппина с головы до ног.

– Привет! – выпалил он. – Ты откуда такой? На здешнего что-то не похож.

– До сегодняшнего дня я и был нездешним, – согласился Пиппин. – Но теперь, говорят, я – гондорский воин.

– Ну загнул! – сказал мальчишка и присвистнул. – Этак и мы скажем, что мы воины! Видали?! Тебе лет-то сколько? А звать как? Мне десять, а росту во мне – уже почти пять футов. Я выше! Правда, мой отец – гвардеец, он из самых высоких. А твой отец кто?

– На какой вопрос велишь отвечать первым? – осведомился Пиппин. – С конца, что ли, попробуем? Отец мой ведет хозяйство в старом поместье Тукков, в Белом Колодезе близ Туккборо, что в Заселье. Лет мне – целых двадцать девять, тут я тебя переплюнул. Зато ростом я и правда не вышел – всего четыре фута с хвостиком, и больше вырасти не рассчитываю – разве что в обхвате.

– Двадцать девять! – присвистнул мальчик. – Да ты просто старик! Моему дяде Иорласу⁴⁹⁶ столько же. Впрочем, подумаешь! – добавил он

самонадеянно. – Я тебя в два счета переверну вверх тормашками. И на обе лопатки положу.

– Попробуй, – со смешком согласился Пиппин, – может, и положишь, если я тебе позволю. Только потом я отвечу тем же и тебе не поздоровится! Я знаю несколько оч-чень коварных приемов! Еще у себя на родине выучился. Там я считался невероятно рослым и сильным и, уж поверь мне, никому не позволил бы перевернуть себя вверх тормашками! Если бы дело дошло до драки и ты меня ухитрился бы разозлить, я мог бы из тебя и дух вышибить! Вырастешь – поймешь, что по виду ни о ком судить нельзя. Ты думаешь, что я не только чужак, но в придачу еще тихоня и растяпа, которого легко побить? Ошибаешься, дружок! Я – силач-невеличек, злющий и оч-чень храбрый!

Тут Пиппин соорудил такую свирепую рожу, что мальчик попятился – но тут же снова шагнул вперед: кулаки его сжались, в глазах горел бойцовский огонь.

– Да погоди ты, – рассмеялся Пиппин. – Поменьше развешивай уши и не верь каждой байке, да еще из уст чужака! Я не такой уж и задира. Кстати, вежливые люди, прежде чем вызвать на бой, представляются!

Мальчик гордо выпрямился.

– Я – Бергил⁴⁹⁷, сын гвардейца Берегонда, – заявил он.

– Так я и знал, – сказал Пиппин. – Ты очень похож на своего отца! Мы с ним знакомы. Между прочим, это он послал меня сюда и попросил тебя отыскать.

– Что же ты молчал? – разжал кулаки Бергил и вдруг испугался: – Только не говори, что отец передумал и хочет отправить меня из города вместе с девчонками! Хотя вряд ли. Фургоны-то уже все уехали!

– Не беспокойся, ничего особенно страшного он не передавал, – заверил Пиппин. – Скорее даже наоборот. Он сказал, что если ты раздумаешь переворачивать меня вверх тормашками, то, может, согласишься скрасить мое одиночество и покажешь мне город? А я взамен расскажу тебе про дальние страны.

Бергил захлопал в ладоши и с облегчением расхохотался.

– Отлично! – крикнул он. – Я готов! Мы как раз собирались пойти к Воротам, поглядеть кое на что. Айда с нами!

– А что там ожидается?

– Еще до захода солнца по Южному Тракту к Воротам должны подойти войска из провинций. Присоединяйся! Сам увидишь!

Спутником Бергил оказался замечательным. Лучшего собеседника Пиппин не встречал с тех пор, как расстался с Мерри. Через минуту они уже дружно смеялись и тараторили, не обращая внимания, кто да как на них смотрит, – и сами не заметили, как оказались в толпе, двигавшейся к Воротам. У выхода Пиппин снискал особое уважение Бергила, ибо, когда хоббит назвал стражнику свое имя и пароль, тот, отсалютовав, без долгих разговоров пропустил и его, и мальчика.

– Красотища! – обрадовался Бергил. – А то нас, ребят, без взрослых за Ворота нынче не пускают. Теперь-то мы все увидим!

За Воротами, по обочинам Тракта и вокруг большой мощеной площади, на которой сходились все дороги, ведущие в Минас Тирит, уже толпились люди. Все взгляды были обращены на юг. Вдруг толпа заволновалась. Раздались возгласы:

– Видите пыль? Это они! Идут! Идут!

Пиппин с Бергиллом пробрались в первый ряд и стали ждать. Вдали протрубили рога; навстречу хлынула волна приветственных криков. Звонко заиграли трубы. И вдруг толпа взорвалась криками:

– Форлонг⁴⁹⁸! Форлонг!

– Что они кричат? – не понял Пиппин.

– Форлонг идет! – ликовал Бергил. – Старина Форлонг Толстый, правитель Лоссарнаха, где живет мой дедушка. Ура! Ура! Ура старине Форлонгу!

Во главе приближающегося отряда на крупном крепконогом коне ехал тучный, но богатырского сложения старик, седобородый, в доспехах, черном шлеме и с длинным тяжелым копьем. За ним в облаке пыли маршировали воины с боевыми топорами в руках; шли они, гордо подняв головы, и лица их были суровы. Пиппину новоприбывшие показались несколько ниже ростом и смуглее, чем те гондорцы, которых ему доводилось видеть до сих пор.

– Форлонг! – кричали в толпе. – Верный друг, преданное сердце! Форлонг!

Но вот отряд лоссарнахцев прошел, и люди зашептались:

– Да это же все равно что ничего! Каких-то две сотни?! Мы ждали вдесятеро больше! Это, должно быть, из-за Черного Флота. Форлонгу

пришлось придержать бóльшую часть войска... Ну ничего, в бою каждый воин на вес золота.

Следом за отрядом Форлонга явились другие и были встречены с неменьшим ликованием. Один за другим прошли они в Ворота – воины гондорских провинций, соседи, в трудный час явившиеся на помощь столице. И все-таки их было мало. Гондор надеялся на большее и в большем нуждался. Воины из долины Рингло⁴⁹⁹ во главе с князем Дерворином⁵⁰⁰, числом три сотни, пришли пешими. Рослый Дуинхир⁵⁰¹ с сыновьями Дуилином⁵⁰² и Деруфином⁵⁰³ из обширной Долины Черного Корня у истоков Мортонда⁵⁰⁴ явился с пятьюстами лучниками. Из Анфаласа⁵⁰⁵, с дальних берегов Длиннобережья⁵⁰⁶, шли, растянувшись чуть ли не на полторы версты, пастухи, охотники и крестьяне, все довольно плохо вооруженные, за исключением своего предводителя Голасгила и его приближенных. Из Ламедона⁵⁰⁷ явилась горстка угрюмых горцев без предводителя; из Этира⁵⁰⁸ – около сотни рыбаков (остальные были вынуждены остаться при кораблях).

Хирлуин Красивый⁵⁰⁹ с Зеленых Холмов, из Пиннат Гэлина⁵¹⁰, привел триста воинов; все они были одеты в зеленое. Последним прибыл блистательный Имрахил, князь Дол Амрота, родич Наместника. Свиту князя составляли конные латники в полном вооружении, на серых лошадях; над их головами развевались сверкающие золотом знамена с гербами благородного княжеского рода – кораблем и серебряным лебедем. За рыцарями свиты с песней шло семьсот пехотинцев, из которых каждый сам казался князем какой-нибудь страны; все они, как на подбор, были высокие, темноволосые и сероглазые.

Это было все – общим счетом тысячи три воинов, не больше. Пополнения ждать было неоткуда. Возгласы и грохот сапог за стенами города стихли. Толпа еще стояла и не расходилась, будто умолкшие люди еще надеялись на что-то. Пыль оседала медленно: воздух был тяжелым и душным, ветер стих. Приближался час закрытия Ворот; красный диск солнца скрылся за Миндоллуином. Город погружался в тень.

Пиппин поднял глаза, и ему почудилось, что небо приобрело пепельный оттенок, – как будто над городом нависли густые облака

пыли и дыма, едва пропускавшие тусклый свет. Но умирающее солнце подожгло их от края до края, и горб Миндоллуина четко вырисовывался на фоне раскаленных углей гаснущего заката.

– Гневом и смятением заканчивается этот прекрасный день⁵¹¹, – пробормотал хоббит, забыв о Бергиле, что стоял рядом.

– Так оно и случится, если я не вернусь до вечернего колокола, – подхватил тот. – Скорее! Уже труба играет! Сейчас будут закрывать Ворота.

Держась за руки, Пиппин с Бергилем поспешили в город, едва успев проскользнуть в Ворота; они были последними. Когда они добрались до Улицы Фонарщиков, со всех башен уже доносился торжественный перезвон колоколов. В окнах зажегся свет; из домов и казарм, размещенных вдоль стен, слышалось пение.

– Ну, пока! – сказал Бергил. – Передай от меня поклон отцу и скажи ему спасибо – он прислал мне отличного друга. Смотри не забывай меня и приходи еще! Мне уже почти не хочется войны. Мы могли бы неплохо провести время. Махнули бы, например, к деду, в Лоссарнах, – там весной здорово. Столько цветов кругом, и в лесу, и в поле!.. Ну да кто знает, может, когда-нибудь и махнем. Нашего Правителя никому не победить! И моего отца тоже – он такой храбрый! Привет! Приходи еще!..

Прощавшись с мальчиком, Пиппин заторопился в Цитадель. Дорога показалась ему длинной, он взмок, под ложечкой сосало от голода. Стемнело почти мгновенно. Сквозь густую черноту неба не пробивалось ни единой звезды. К общей трапезе хоббит припозднился, но Берегонд дождался Пиппина и, радостно его приветствовав, усадил рядом, чтобы расспросить о сыне. Поужинав, хоббит ненадолго задержался в трапезной, но вскоре встал и распрощался – на душе отчего-то кошки скребли. Хотелось поскорее увидеть Гэндальфа.

– Найдешь дорогу? – спросил Берегонд на пороге подвальчика под северной стеной Цитадели, где размещалась трапезная. – Осторожно, ночь сегодня темная! Вдобавок в городе и на стенах погашены все огни – таков приказ. К слову сказать, у меня для тебя еще одно известие, правда другого сорта: на заре Дэнетор просит тебя к себе. Боюсь, что с Третьим Отрядом ничего не получится. Но мы еще с тобой увидимся. Прощай! Мирной тебе ночи!

В комнате было темно; небольшой светильник, стоявший на столе, горел едва-едва. Гэндальф не возвращался. На сердце у хоббита стало еще тяжелее; он взобрался на скамью и заглянул в окно, но это было все равно что глядеть в лужу чернил. Пиппин сполз с подоконника, закрыл ставни и лег. Поначалу он прислушивался – не скрипнет ли дверь, не стукнет ли о крыльцо посох; потом бросил ждать и заснул, но сон его был беспокоен.

Среди ночи его разбудил свет. Приоткрыв полог, Пиппин увидел Гэндальфа – волшебник расхаживал взад и вперед по комнате, а на столе пылали свечи и были раскиданы пергаментные свитки. Пиппин услышал, как волшебник вздохнул и пробормотал:

– Когда же вернется Фарамир?

– Ау, Гэндальф! – позвал хоббит, высовывая голову из-за полога. – Я уже думал, ты про меня позабыл! Хорошо, что ты вернулся. Длинный был денек!

– А вот ночь будет коротковата, – отозвался Гэндальф. – Я вернулся, чтобы побыть немного одному, в тишине. Спи! Спи, пока у тебя есть возможность спать в постели! На заре мы снова пойдем к Дэнетору. Хотя о какой заре я говорю? Мы пойдем тогда, когда нас позовут. Наступила Тьма. Зари не будет.

Глава вторая

Серая дружина

Когда Мерри возвратился к Арагорну, Гэндальф уже умчался и стук копыт Скадуфакса смолк в ночи. Мерри прихватил свой легкий узелок – дорожный мешок остался на Парт Галене, так что в узелке не было ничего, кроме пары-другой полезных мелочей, подобранных на развалинах Исенгарда. Хасуфэл ждал оседланный. Леголас и Гимли с Ародом стояли рядом.

– Итак, нас осталось четверо, – подытожил Арагорн. – Дальше мы поскачем вместе. Но мы отправимся не одни, как думал я поначалу. Король тоже намерен выступить. Когда пролетела Крылатая Тень, он изменил свои планы и спешит теперь вернуться под защиту гор, пока не наступило утро.

– А потом? – спросил Леголас.

– Пока сказать не могу, – ответил Арагорн. – Король собирается в Эдорас. Там через четыре дня назначен большой смотр. Думаю, Теодена будут ждать вести о начале войны и роханские всадники двинутся на помощь Минас Тириту. Что же касается меня и тех, кто пожелает ехать со мной...

– Я первый! – перебил Леголас.

– А Гимли – второй! – присоединился гном.

– Мой путь темен, – молвил Арагорн. – Я тоже должен ехать в Минас Тирит, но какой дорогой – пока не знаю. Долгожданный час близок...

– Возьми и меня! – попросил Мерри. – От меня пока было мало толку, но мне что-то не хочется оставаться в стороне. Я себя чувствую лишним мешком в поклаже. Пока все не кончится, о нем не вспомнят... Вряд ли роханцы пожелают со мной нянчиться. Правда, Король обещал посадить меня с собой за стол и послушать байки про Заселье...

– Вот именно, Мерри, – сказал Арагорн. – Твоя дорога – с королем Теоденом. Но не жди, что она кончится веселым пиром. Боюсь, Король не скоро вернется на свой трон в Метузельде. Эта горькая весна унесет с собой много надежд.

Вскоре отряд был готов выступить. Все двадцать четыре лошади стояли оседланные. Из них одна предназначалась Гимли с Леголасом и одна – Мерри с Арагорном. Через полчаса всадники уже мчались в ночь. Но не успели они миновать брод на Исене и курган, как воин, замыкавший отряд, подъехал к Королю и сообщил:

– Государь, нас догоняют какие-то всадники. Еще у брода мне показалось, что я слышу конский топот, а теперь я в этом уверен. Всадники скачут гораздо быстрее нас и вот-вот настигнут.

Теоден немедленно велел отряду остановиться. Роханцы развернулись, держа копья наготове. Арагорн спешился и, опустив Мерри на траву, застыл у королевского стремени с обнаженным мечом в руке. Эомер со своим оруженосцем направил коня в тыл отряда. Мерри, как никогда, чувствовал свою ненужность и лихорадочно соображал: как должен вести себя в бою ненужный мешок? И что будет, если весь немногочисленный королевский отряд погибнет? Пусть даже одному маленькому хоббиту удастся скрыться, благо в поле темно, – но что дальше? Куда он пойдет один, без дороги плутая в бескрайних лугах Рохана?.. «Плохо дело!» – решил хоббит, вытащил меч и потуже затянул пояс.

Тем временем луна, клонившаяся к горизонту, скрылась было в облаке, но тут же опять выплыла, ясная и огромная. От брода явственно донесся стук копыт, и на дороге показались темные силуэты всадников. В лунном свете блеснули копья. Трудно было определить число преследователей, но их во всяком случае было не меньше, чем королевских дружинников, а может, и больше.

Когда они приблизились шагов на пятьдесят, Эомер громко окликнул:

– Стой! Кто скачет по лугам Рохана?

Преследователи резко осадили коней. Наступила тишина. Один из чужаков, спешившись, медленно направился к королевскому отряду. Лунный свет упал на его белую в темноте ладонь, которую он протянул вперед в знак мира, но роханцы не пошевелились; копья по-прежнему направлены были ему в грудь. В десяти шагах незнакомец – темная высокая тень, озаренная луной, – остановился, помедлил и ясным, звучным голосом произнес:

– Рохан? Так это Рохан? Мы рады слышать это слово, ибо спешили сюда издалека.

– Вы на роханской земле, – молвил Эомер. – Перейдя брод, вы пересекли границу. Этой землей правит король Теоден, и никто не смеет вступать в его владения, не имея на то королевского соизволения. Кто вы? Куда держите путь и почему так спешите?

– Я – Халбарад⁵¹², дунадан, Следопыт с Севера, – ответил незнакомец. – Мы ищем некоего Арагорна, сына Араторна. До нас дошла весть, что он в Рохане.

– Ты нашел его вместе с Роханом! – Арагорн, кинув поводья Мерри, бросился к Халбараду и крепко обнял его. – Халбарад! Я ожидал всего, но только не этого!

Мерри вздохнул с облегчением: он до последней секунды опасался, что все происходящее – не что иное, как новые козни Сарумана. Что, если тот вырвался на свободу и помчался вслед за Королем? Ведь он знал, что Теоден едет почти без охраны! Но похоже, отдавать свою жизнь за Короля необходимости пока не было. Рассудив так, хоббит сунул меч в ножны.

– Все в порядке, – объявил Арагорн, возвращаясь к Теодену. – Это мои родичи из далекой страны, где я жил раньше. Зачем они прибыли и сколько их в дружине – тебе скажет сам Халбарад.

– В дружине тридцать воинов, – отозвался Халбарад. – Это все, кого мне удалось собрать, ибо мы спешили. По дороге к нам присоединились Элладан и Элрохир. Мы снялись с места, как только ты нас позвал, и помчались что было сил.

– Я не звал вас, – удивился Арагорн. – Разве что в мыслях! Я часто думал о вас, особенно вчера ночью, но вестей не посылал... Однако сейчас не время разговаривать. Путь опасен. Надо спешить! Присоединяйтесь к нам, если Король даст на то согласие!

Теодена новости порадовали.

– Прекрасно! – молвил он. – Если твои соплеменники похожи на тебя, Арагорн, то эти тридцать воинов заменят целое войско – и сила его будет не в числе!

Всадники поскакали дальше. Теперь Арагорн ехал с дунаданами. Они обменивались вестями с юга и севера, а когда все было сказано, Элрохир обратился к Арагорну:

– Вот что велел передать тебе мой отец: «Дни коротки! Если спешишь – вспомни о Тропе Мертвых».

– Дни всегда казались мне слишком коротки, чтобы успело сбыться заветнейшее из моих желаний, – молвил Арагорн. – Но воистину велика должна быть спешка, чтобы она вынудила меня ступить на эту Тропу!

– Вскоре все прояснится, – сказал Элрохир. – Не будем говорить об этом здесь, в чистом поле!

Арагорн повернулся к Халбараду.

– Что ты везешь, друг и брат мой? – спросил он, ибо увидел у того вместо копья что-то длинное, завернутое в черную ткань и крепко стянутое ремнями.

– Я везу тебе дар от Владычицы Ривенделла, – ответил Халбарад. – Она ткала его втайне, ткала долго – и вот теперь шлет тебе со словами: «Дни коротки! Надежда наша вскоре сбудется, а если нет – конец всем надеждам! Посылаю тебе работу своих рук. Счастья тебе в пути, Эльфийский Камень!»

– Я знаю, что в этом свертке, – молвил Арагорн. – Но пока пусть он останется у тебя!

Отвернувшись, Арагорн поглядел на север; там светили яркие, чистые звезды. Остаток ночи он ехал молча.

Близилось утро, и край неба уже побледнел, когда королевский отряд, миновав Западную Лощину, возвратился к воротам Хорнбурга. Здесь можно было ненадолго смежить веки, отдохнуть и решить, как быть дальше.

Мерри спал, пока его не разбудили эльф и Гимли.

– Солнце уже высоко, – сказал Леголас хоббиту в ухо. – Все давным-давно на ногах. Вставай и ты, господин Засоня, а то не успеешь и разглядеть, где побывал.

– Три ночи назад здесь разыгрался бой, – поведал Гимли. – Мы с Леголасом считали, кто убьет больше врагов, и я его обошел – на одного, правда, но все-таки! Идем, посмотришь, где это было. А пещеры! Какие здесь пещеры! Успеем мы туда заглянуть, Леголас, как ты думаешь?

– Нет! На это у нас времени пока нет, – твердо сказал эльф. – Спешка может только испортить впечатление. Я же дал тебе слово! Погоди – настанут мирные дни, и мы непременно сюда вернемся.

Смотри, уже скоро полдень! А в полдень, как я слышал, мы садимся за трапезу – и сразу в путь.

Мерри встал и широко зевнул. Он не выспался, чувствовал себя усталым, а главное, все больше беспокоился. Как ему не доставало Пиппина! Кто он здесь? Пятое колесо в телеге, больше ничего. Остальные заняты важными делами, строят планы, спешат – а ему все никак не уяснить, что происходит!

– А где Арагорн? – спросил он.

– В верхних покоях, – ответил Леголас. – Насколько я знаю, он не отдыхал – даже не прилег. Он сказал, что ему надо подумать, и взял с собой одного только Халбарада. Его мучают какие-то сомнения.

– Диковинные они люди, эти вновь прибывшие, – заметил Гимли. – Любой роханец перед ними – мальчишка, и больше ничего. Такое впечатление, что все они князья и потомки королей. Благородная кость! Они похожи на суровые утесы, устоявшие против многих бурь. Как Арагорн. И все время молчат...

– Если же молвят слово, то в точности как Арагорн – умно и учтиво, – добавил Леголас. – А ты обратил внимание на Элладана с Элрохиром? Заметил, как они выделяются среди остальных? И не только светлыми плащами. Они прекрасны, словно эльфийские принцы... Хотя чему тут удивиться – они ведь сыновья Элронда!

– Но зачем они явились, Леголас? Ты что-нибудь слышал? – поинтересовался Мерри, который уже закончил одеваться. Он накинул на плечи серый плащ, и три друга двинулись к разрушенным воротам крепости.

– Ты же слышал – их позвали, – вместо Леголаса ответил Гимли. – Они рассказывают, что в Ривенделл пришла весть: «Арагорн нуждается в помощи. Дунаданы да поспешат в Рохан!» А кто послал весть – неведомо. Не Гэндальф ли?

– Нет, скорее Галадриэль, – покачал головой Леголас. – Разве не она передала через Гэндальфа слово о походе Серой Дружины, которая должна была прибыть с севера?

– Верно, – согласился Гимли. – Похоже, правда твоя. Узнаю Лесную Владычицу! Она читает в сердцах и угадывает желания. И почему только мы с тобой не позвали своих – а, Леголас?

Леголас стоял перед воротами; его зоркие глаза глядели вдаль, на северо-восток. По тонко выточенному лицу эльфа пробежала тень

грусти.

– Скорее всего, они не пришли бы, – сказал он. – Для чего им искать войны? Она и без того уже шагает по их землям.

Трое друзей немного побродили по крепости, вспоминая превратности недавней битвы, а затем вышли через разрушенные ворота, миновали свеженасыпанные курганы и взобрались на Хельмский Вал, откуда ущелье было видно как на ладони. Невдалеке чернел Мертвый Холм, высокий, черный, усеянный камнями; вокруг ясно виднелись следы недавней работы хьорнов – развороченная земля и втоптанная или с корнем вырванная трава. У рва, на поле и на стенах крепости трудились пленные дунландцы и люди из хорнбургского гарнизона, но долина казалась до странного тихой и спокойной. Истерзанная, она отдыхала после великой бури. Окинув ее взглядом, троица друзей вернулась в Башню: там их дожидался обед.

Король был уже в трапезной и, как только они переступили порог, подозвал Мерри и усадил подле себя.

– Я представлял наш с тобой торжественный пир иначе, – сказал он. – Этому залу далеко до великолепия моих Золотых Палат, и с нами нет твоего друга, которого я тоже хотел бы видеть рядом с собой. Но, наверное, не скоро еще сядем мы все вместе за пиршественный стол в Метузельде. Когда я вернусь туда, не до пиров нам будет. Станем же пить, есть и беседовать, пока позволяет время! А потом ты поедешь со мной.

– Правда? – воскликнул Мерри, смутившись и донельзя обрадовавшись. – Это было бы просто чудесно! – Никогда и никому он не был еще так благодарен за доброе слово. Но, спохватившись, тут же добавил, заикаясь: – Боюсь, я только стану зря мешаться у всех под ногами, государь! Но я буду очень стараться, честное слово!

– Нисколько не сомневаюсь, – успокоил его Король. – Я велел подыскать тебе крепкого горного пони. Дороги, которые нас ожидают, будут ему вполне по силам – в горах твоя маленькая лошадка ни в чем не уступит большим. Мы будем пробираться горными тропами и по пути в Эдорас навестим Дунхаргскую Крепость⁵¹³, где ждет меня королевна Эвейн. Хочешь быть моим оруженосцем? Эомер! Найдутся ли в здешней оружейне доспехи для моего нового слуги?

– Оружейня тут небогатая, повелитель, – развел руками Эомер. – Шлем полегче, может быть, и отыщется, но доспехов и мечей на рост невеличка здесь нет.

– О мече не беспокойся, – вмешался Мерри, спрыгивая на землю и доставая из черных ножен блестящий клинок. Сердце ему внезапно захлестнула горячая волна любви и признательности; встав на одно колено, он поцеловал руку старому Королю и воскликнул: – Позволишь ли ты сложить к твоим ногам меч Мериадока из Заселья, о король Теоден? Примешь ли ты мою службу?

– С радостью, – ответил Король.

Возложив длинные, покрытые морщинами руки на темную курчавую голову хоббита, он благословил его и произнес:

– Встань, о Мериадок, воин Рохана, рыцарь Метузельда! Возьми свой меч, и пусть он принесет тебе счастье!

– Будь мне отцом, государь! – прошептал Мерри.

– Да будет по-твоему. Но надолго ли? – ответил Теоден. Так они беседовали за трапезой, пока наконец Эомер не напомнил:

– Близится названный тобою час, государь. Повелеть, чтобы протрубили в рог? Но где Арагорн? Его место осталось незанятым, и он не вкушал пищи.

– Как бы то ни было, время выступать, – решил Теоден. – Предупреди Арагорна, что пора в путь!

С этими словами он поднялся и в окружении свиты покинул трапезную, направляясь за ворота крепости. Всадники постепенно собирались, многие уже гарцевали на лошадях. Мерри увидел, что отряд вырос, и не просто вырос, а превратился в войско: в крепости Король оставил лишь небольшой гарнизон – все прочие отправлялись с ним в Эдорас, на общий смотр. Ночью из Хельмской Теснины туда уже выехало около тысячи всадников; еще около пятисот задержалось в крепости, чтобы на следующий день сопровождать Короля. В большинстве своем это были воины из Западной Лощины.

Следопыты молча восседали на своих конях, выстроившись в один ряд в стороне от всех прочих, вооруженные копьями, луками и мечами, в наброшенных на плечи темно-серых плащах с капюшонами, закрывающими шлемы. Их могучие кони стояли как вкопанные; это были благородные животные, но с жесткой шерстью. Один конь, оседланный, но без седока, ждал Арагорна – дунаданы привели его с

севера специально для своего друга. Имя коня было Роэрин. Ни сбруя на скакунах Следопытов, ни одежда самих дунаданов дорогим убранством не отличались. Соплеменники Арагорна не носили ни золота, ни драгоценных камней, и на их доспехах не красовалось гербов. Единственным, общим для всех, украшением были у них серебряные застёжки в виде звезды, которыми скреплялись их плащи на левом плече.

Король сел на Снежногрива. Мерри взобрался на своего пони по имени Стибба⁵¹⁴. Тем временем в воротах крепости показался Эомер; за ним шли Арагорн с Халбарадом. Последний, как и прежде, держал в руках что-то вроде древка от копья, обмотанного черной тканью. Следом появились два высоких воина, с виду и молодые, и старые одновременно, – Элладан и Элрохир; так были похожи друг на друга сыновья Элронда, что мало кто мог различить их, – темноволосые, сероглазые, с тонкими эльфийскими лицами, в блестящих кольчугах под одинаковыми серебристыми плащами. Затем в воротах показались Леголас и Гимли. Но Мерри смотрел только на Арагорна, дивясь происшедшей в нем перемене. За истекшую ночь тот, похоже, постарел на много лет. Лицо его было серо, брови нахмурены. Он казался неимоверно усталым.

– Меня мучают сомнения, государь, – проговорил он, подходя к Теодену. – Мне были переданы странные слова, и впереди меня ждут новые опасности. Размыслив, я понял, что должен изменить свои планы. Скажи, сколько времени займет твой путь в Дунхаргскую Крепость?

– После полудня минул уже час, – ответил вместо Короля Эомер. – В Дунхарге мы будем на третий день, к вечеру. Это будет первая ночь после полнолуния. На следующее за нею утро в Эдорасе объявлен смотр. Если мы хотим собрать воедино все силы Рохана, быстрее нам никак не управиться.

Арагорн медлил.

– Три дня, – сказал он словно сам себе. – Через три дня смотр войск Рохана только еще начнется... Да, теперь я, пожалуй, и сам вижу: скорее не получится.

Он поднял взгляд. Видимо, окончательное решение было принято: об этом говорили разгладившиеся черты его лица.

– Прости, государь, но я и мои собраты вынуждены с тобой расстаться. Мы поедem своим путем, и поедem открыто. Мне незачем больше таиться. Нам нужно спешить на восток, причем кратчайшей дорогой. Я должен вступить на Тропу Мертвых.

– На Тропу Мертвых? – вздрогнул Теоден. – Зачем ты о ней вспомнил?

Эомер обернулся и посмотрел на Арагорна широко открытыми глазами. Мерри почудилось, что лица воинов, стоявших поблизости и слышавших разговор, побледнели.

– Если Тропа эта не выдумана, то начинается она неподалеку от Дунхаргской Крепости, – сказал Теоден. – Но живому человеку вступить на нее не дано.

– Увы, друг мой Арагорн! – сдавленно проговорил Эомер. – Я надеялся, что мы будем воевать с тобой рука об руку! Но если ты выбираешь Тропу Мертвых, нам придется расстаться и вряд ли я увижу тебя снова.

– И все-таки я ее выбираю, – повторил Арагорн. – Не отчаивайся, Эомер! Быть может, в решающем бою мы с тобой еще и встретимся, хотя бы все армии Мордора встали между нами!

– Поступай как знаешь, повелитель, – склонил голову Теоден. – Надо думать, ты не случайно выбираешь дороги, на которые другим вступать возбраняется. Такова уж, видно, твоя судьба. Наша разлука глубоко печалит меня, и силы мои умалились, но мой путь ведет в горы, и медлить я больше не могу. Прощай!

– Прощай и ты, о Король! – отозвался Арагорн. – Спешь вперед, навстречу славе! Счастливого пути, Мерри! Я оставляю тебя в надежных руках и буду за тебя спокоен. Мог ли я уповать на такой исход, когда гнался за орками до самого Фангорна? А Гимли и Леголас, надеюсь, поедут со мной. Нас ждет новая охота. Но о тебе мы не забудем!

– До свидания! – выдавил из себя Мерри, не зная, что еще сказать, – уж очень маленьким и никому не нужным казался он себе в эту минуту.

Все услышанное осталось для него загадкой и подействовало на него угнетающе. Больше, чем когда-либо в жизни, ему не доставало сейчас Пиппина с его полной неспособностью унывать.

Всадники ждали сигнала к выступлению и еле сдерживали пляшущих от нетерпения коней. Скорее бы кончилось это затянувшееся прощание!

Теоден отдал Эомеру приказ, тот поднял руку, крикнул – и войско двинулось. Всадники выехали за Хельмский Ров, миновали выход из ущелья – и наконец головной отряд резко вывернул к востоку, на дорогу, вьющуюся вдоль предгорий. Через полторы версты дорога брала к югу и исчезала среди холмов. Арагорн, подъехав к самому Рву, долго смотрел вслед королевскому войску и, когда последний всадник скрылся за поворотом, обернулся к Халбарду.

– Я полюбил этих троих, и меньшего не меньше прочих, – молвил он. – Он не ведает, навстречу какой судьбе едет, но, если бы и ведал, назад не повернул бы.

– Засельчане малы ростом, но доблестны, – подтвердил Халбард. – Они, правда, почти ничего не знают о той службе, которую мы несем на границах их страны. Но я на них не в обиде.

– Наши судьбы сплелись воедино, – сказал Арагорн. – И все же – уввы! – здесь нам суждено разлучиться. А теперь я пойду подкреплюсь перед дорогой – и в путь. Идем, Леголас! И ты, Гимли! Нам надо поговорить.

Они вернулись в крепость вместе. Некоторое время Арагорн ел молча, а гном с эльфом ждали, когда же он вымолвит хоть словечко; наконец Леголас не вытерпел.

– Говори же! – потребовал он. – Может быть, тебе станет легче. Стряхни тень! Что случилось? Прошло всего несколько часов, а тебя не узнать!

– Я выдержал схватку пострашнее, чем битва за Хорнбург, – поднял взгляд Арагорн. – Я смотрел в Камень Орфанка, друзья мои.

– Ты глядел в этот проклятый Камень?! – вскричал Гимли, испуганный и пораженный. – Значит, ты... вступил в общение с Врагом? Но позволь, на это даже Гэндальф не отваживался!

– Ты забыл, с кем говоришь, – сурово осадил его Арагорн, сверкнув очами. – Разве ты не слышал моего полного имени у врат Эдораса? Ты мнишь, я мог предать наше общее дело?.. Нет, Гимли! – Тут голос его зазвучал немного ласковее, лицо смягчилось, и он стал похож на человека, который много ночей провел в бессонных трудах. – Я – истинный владелец этого Камня, но, кроме прав на него, у меня

есть еще и сила, чтобы воспользоваться им! Во всяком случае, я так считаю. Что касается права, то оспорить его не может никто. Хватило и силы на первую пробу – правда, едва-едва. – Он глубоко вздохнул. – Это была жестокая схватка, и я не скоро от нее оправлюсь. Мне удалось не проронить ни слова, и в конце концов я сумел подчинить Камень своей воле. Уже одно это заставит Врага терзаться. Но главное – он увидел меня! Да, достойный Гимли! Я предстал его взору, но не в том обличье, в котором меня видишь ты. Если, не ровен час, ему удастся обратить это себе на пользу, то я поступил опрометчиво. Но я так не думаю. Знать, что я жив и хожу по земле, – для него удар, и сокрушительный! Глаза Орфанка не распознали под роханскими доспехами наследника Исилдура, но Саурон не забыл ни Исилдура, ни Элендилова меча – и вот в решающий для него час Шар являет ему Исилдура в моем обличье и ненавистный меч! Ибо со мной был Перекованный Клинок, а Враг еще не настолько силен, чтобы не знать страха, и его непрестанно мучают сомнения.

– И все же его власть очень велика, – покачал головой Гимли. – Боюсь, теперь он нанесет удар быстрее, чем замышлял!

– Кто торопится, часто бьет мимо, – ответил Арагорн. – Но правда твоя – теперь уже нельзя сидеть и ждать, пока он сделает первый ход. Мы должны перейти в наступление. Открою вам, друзья мои, что, подчинив себе Камень, я узнал много нового. Гондор под ударом, но главная беда грядет не с востока, а с юга, откуда ее ждут меньше. Там назревает грозная опасность, которая оттянет у Минас Тирита много сил – а их у Крепости в обрез. Если мы не отведем угрозу, то, боюсь, город не продержится и десяти дней.

– Стало быть, Минас Тирит падет. – Лицо Гимли омрачилось. – И мы ничем не поможем! Да и как нам туда поспеть?

– Подкрепления я послать не могу, значит, мне нужно быть там самому, – продолжал Арагорн. – Что касается сроков, то есть только одна дорога, которая приведет нас в прибрежные земли раньше, чем решится судьба Минас Тирита. Это – Тропа Мертвых.

– Тропа Мертвых... – проговорил Гимли. – Зловещее название! Похоже, роханцы не любят говорить о ней. Ты уверен, что живое существо может пройти этой Тропой и остаться невредимым? Ну хорошо, положим, ты уцелеешь. Но что такое горстка воинов против мощи Мордора?

– С тех пор как роханцы осели в здешних краях, еще никто из смертных не прошел этой Тропой, – ответил Арагорн. – Она закрыта. Но сказано, что в черный час наследник Исилдура найдет в себе мужество и сумеет пройти по ней. Послушайте! Вот какое слово передано мне сыновьями Элронда от их мудрого отца, искушенного в Предании: «Пусть Арагорн вспомнит слова провидца. Не пробил ли час взыскать Тропу Мертвых?»

– Как же звучали слова провидца? – спросил Леголас.

– Вот что изрек предсказатель Малбет⁵¹⁵ во времена Арведуи⁵¹⁶, последнего короля Форноста:

*Над равнинами тень простерлась,
Покрывая крылами запад.
Дрогнул камень, могилы предков
Ждут своих судеб. Скорей восстаньте,
Неживые, бесчестье смойте!
Час для тех, кто нарушил клятву,
Собираться к Черному Камню:
Рог трубит над вершиной Эреха⁵¹⁷.
Кто воззвал вас? Кто кличет тени?
Кто к забытым из тьмы взывает?
Чьей он крови? – Принявших клятву.
Чьих земель он? – Грядет с полночи.
Чем влеком он? – Нуждою бранной.
Он нарушит круги заклатья,
Он осилит Ворота Мертвых.*

– Темен путь, о котором ты говоришь, – вздохнул Гимли. – Но эти слова могут поспорить с твоими в загадочности!

– Если ты хочешь уразуметь их, идем со мной, – отозвался Арагорн. – Более того, я прошу тебя об этом. Мой путь предопределен. Я вступаю на него не добровольно – меня гонит нужда. Но ты должен сделать это по собственному выбору. Я не могу принуждать тебя. На этом пути нас подстерегает страх и тяжелый, изнурительный труд – а возможно, кое-что и похуже.

– Я пойду за тобой всюду – даже на Тропу Мертвых, куда бы она ни вела, – без колебаний сказал Гимли.

– И я, – сказал Леголас. – Я не боюсь Мертвых.

– Полагаю, эти Забытые не позабыли, как держать оружие? – осведомился Гимли. – А то зачем бы нам их беспокоить?

– Это мы узнаем на горе Эрех, если нам дано будет туда добраться, – ответил Арагорн. – Клятва, которую они нарушили, обязывала их выступить против Саурона – и, если Забытые собираются исправить ошибку, они должны взяться за оружие. На горе Эрех стоит большой черный камень. Говорят, он привезен Исилдуром из Нуменора. На заре гондорского могущества Владелец Белых Гор присягнул Исилдуру на этом камне и поклялся в дружбе и верности. Когда Саурон вернул себе Мордор и восстановил былую силу, Исилдур призвал горцев и потребовал, чтобы те выполнили клятву, – но они отказались, ибо в Черные Годы поклонялись Саурону и приносили ему жертвы. Тогда Исилдур сказал Горному Владыке: «Да оборвется на тебе род ваших государей! А ежели Нуменор одолеет Черного Властелина – да свершится завет, кое налагаю я на тебя и людей твоих: да не узнают они покоя, пока не исполнят клятвы! Война продлится не одно столетие, и вас еще воззовут из небытия, прежде чем ей настанет конец». И горный народ бежал от гнева Исилдура, так и не осмелившись поднять против него оружие. Они скрылись в тайных урочищах, перестали встречаться с другими племенами и отступали все выше и выше, к бесплодным вершинам, пока не погибли и не вымерли все до единого. Но страх остался жить, и страх этот доныне тяготеет над горой Эрех и над всеми местами, где укрывалось когда-то это племя, – ибо Мертвые так и не обрели покоя... И все же я должен туда идти. Живущие не в силах помочь мне. – С этими словами Арагорн поднялся.

– Вперед! – воскликнул он, выхватив меч, ярко сверкнувший в полумраке хорнбургской трапезной. – В путь, к Черному Камню Эреха! Я вступаю на Тропу Мертвых! Чья воля тверда – за мной!

Леголас и Гимли молча поднялись и вслед за Арагорном покинули трапезную. Безмолвные Следопыты в низко надвинутых капюшонах все так же неподвижно ждали на зеленом лугу у крепости. Леголас и Гимли оседлали своего коня, Арагорн вскочил на Роэрина, Халбарад поднял к губам большой рог и протрубил. По Хельмской Теснине

прокатилось эхо – и кони ураганом понеслись к выходу из долины, сопровождаемые недоуменными взглядами людей, оставшихся на Валу и в Крепости.

Пока войско Теодена медленно пробиралось по горным тропам, Серая Дружина с быстротой ветра пересекла равнину и к вечеру следующего дня достигла Эдораса. Там Следопыты дали коням немного отдохнуть и помчались дальше, чтобы к ночи успеть в Дунхаргскую Крепость.

Эovejн с радостью встретила и приняла гостей: она еще никогда не видела столь могучих воинов, как дунаданы и прекрасноликие сыновья Элронда. Но чаще всего взгляд ее останавливался на Арагорне. Когда гости сели за вечернюю трапезу, она усадила Арагорна по правую руку от себя и завела с ним беседу. Так ей стало известно все, что произошло после отъезда Теодена и о чем она знала лишь по скудным сообщениям гонцов. Когда Эovejн слушала рассказ о сражении в Хельмской Теснине, о разгроме врагов и о том, как Король повел в бой своих воинов, глаза у нее блеснули.

Наконец она молвила:

– Вы утомлены, достойные князья, идите же отдыхать. Постели приготовлены – правда, на скорую руку, но завтра мы найдем вам пристанище поудобнее.

– Не пекись об этом, госпожа моя, – ответил Арагорн. – Довольно того, что мы переночуем под крышей и на рассвете сможем вкушать пищи. Ибо дело, что зовет меня, неотложно, и мы покинем этот дом с первым проблеском зари.

Эovejн улыбнулась:

– Сколь же благородно было с твоей стороны, о высокочтимый повелитель, свернуть с дороги затем лишь, чтобы принести Эovejн весть о победе и утешить печальную узницу в ее изгнании!

– Нет на свете воина, который не почел бы за счастье совершить ради тебя такой труд, госпожа, – отвечал Арагорн. – Но, сказать по правде, будь у меня лишь эта причина, я бы здесь не очутился. Я не свернул с дороги. Мой путь лежит через Дунхаргскую Крепость.

Видно было, что ответ пришелся королевне не по нраву.

– В таком случае ты сбился с пути, о повелитель. – В голосе ее прозвучал холод. – Из Харгского ущелья нет пути ни на восток, ни на

юг. Тебе придется возвратиться той же дорогой, какой ты сюда приехал.

– Нет, госпожа, я не сбился с пути, – покачал головой Арагорн. – Я знаю эти края и ходил по твоей земле задолго до того, как родилась ты, чтобы ее украсить. Кроме той дороги, о которой ты говоришь, есть еще одна. На нее-то я и вступлю завтра утром. Это – Тропа Мертвых.

Эвейн сильно побледнела и долго глядела на него, не проронив ни слова, будто пораженная его словами в самое сердце. Все остальные хранили молчание.

– Стало быть, ты идешь за смертью, Арагорн? – проговорила наконец Эвейн. – Кроме смерти, ты ничего не найдешь на этой Тропе. Мертвые не пускают к себе живых.

– Может статься, меня они пропустят, – молвил Арагорн. – Во всяком случае, мой долг – испытать судьбу. Другого пути у меня нет.

– Но это же безумие! – воскликнула Эвейн. – Твои спутники – славные и могучие воины. Не в царство смерти должен ты вести их, а на поле битвы, где каждый на счету! Останься и поезжай с моим братом, прошу тебя! Тогда сердца наши просветлеют и ярче разгорится наша надежда.

– Это не безумие, госпожа, – возразил Арагорн. – Я вступаю на путь, который мне назначен. Те же, кто следует за мной, решились на это добровольно – я их не понуждал. Если они пожелают, то могут остаться здесь и позже отправиться на войну вместе с роханцами. Тогда я пойду один, ибо таков мой долг.

Разговор оборвался, и остаток трапезы прошел в молчании, хотя Эвейн смотрела на Арагорна неотрывно, и все замечали, что она испытывает душевную муку и смятение. Наконец гости встали из-за стола, поклонились хозяйке в пояс и, поблагодарив ее за гостеприимство, отправились отдыхать.

Арагорн подходил к шатру, который он разделял с Леголасом и Гимли, когда за его спиной вдруг послышались шаги и его окликнули. То была Эвейн. Арагорн обернулся, и она показалась ему нежным мерцанием в ночи, ибо одета она была в белое; но глаза ее горели огнем решимости.

– Арагорн, зачем ты идешь дорогой смерти? – тихо спросила она.

– Я должен, королевна, – мягко ответил он. – Только так могу я совершить то, что предназначено мне совершить в войне против

Саурана. Я не сам выбираю опасные тропы, о Эovejн! Если бы я мог вернуться туда, где осталось мое сердце, я был бы сейчас далеко на севере, в блаженной долине, которая зовется Ривенделл.

Эovejн молчала, словно пытаюсь угадать скрытый смысл его слов, – и вдруг положила руку ему на плечо.

– Ты суров и тверд в решениях, господин мой, – сказала она. – Такие, как ты, добывают себе великую славу. – И прибавила, помедлив: – Если тебе суждено идти по этой дороге, позволь мне отправиться с тобой! Мне наскучило отсиживаться по горным долинам, и я хочу встретить опасность в битве, лицом к лицу.

– Твой долг – быть со своим народом, – возразил Арагорн.

– Долг! Опять долг! Только и слышу, что о долге! – воскликнула Эovejн. – Разве я не из рода Эорла? Мне пристало носить оружие, а не ходить в няньках. Я слишком долго предавалась ожиданию, и шаги мои были нетверды. Но теперь, когда я прочно стою на ногах, – разве не могу я сама распорядиться своей судьбой?

– Немногим удастся сделать это с честью, – возразил Арагорн. – Разве на тебе не лежит бремя власти, разве не тебе выпало печься о твоём народе, пока Король воюет? Избери Теоден не тебя, а кого-нибудь другого, скажем одного из военачальников, разве тот смог бы так легко сбросить с плеч свои обязанности, даже если бы они ему смертельно наскучили?

– Но почему выбор всегда падает на меня? – горько воскликнула Эovejн. – Почему я вечно должна оставаться дома, когда всадники скачут в бой? Они добудут себе славу, а я так и буду до самой смерти следить за хозяйством, принимать гостей и готовить им стол и ночлег. Разве это справедливо?

– На этот раз, – молвил Арагорн, – может случиться, что с поля битвы не вернется никто. В этом сражении понадобится мужество без оглядки на славу, ибо никто никогда не узнает, какие подвиги совершили павшие, в последний раз выступив на защиту своего дома... Но ведь подвиг остается подвигом, даже если его некому воспеть.

Эovejн отмахнулась:

– Все твои слова значат только одно: ты женщина и твое место – в доме. Когда мужчины, стяжав себе славу, погибнут, тебе дозволено будет – пожалуйста! – сгореть вместе с этим домом, который больше

никому не будет нужен. Но я не служанка, я – из рода Эорла. Я умею сидеть в седле, владею мечом и не боюсь ни боли, ни смерти.

– Чего же ты боишься, госпожа?

– Невольи, – бросила она. – Я боюсь просидеть всю жизнь под замком, боюсь дожидаться дня, когда усталость и годы примирят меня с тюрьмой, когда надежда совершить великое исчезнет, забудется и перестанет волновать сердце.

– Но ты хотела, чтобы я отказался от пути, который я выбрал, только потому, что он кажется тебе опасным, – разве не так?

– Советовать – другое дело, – гордо вскинула голову Эовейн. – И я вовсе не отговариваю тебя от опасных путей. Я зову тебя в бой, где твой меч сможет завоевать тебе победу и славу. Ненавижу, когда лучшее гибнет понапрасну!

– Я тоже, – сказал Арагорн. – Потому я и говорю тебе, Эовейн: останься. Идти на юг тебя не обязывает ничто.

– Тех, кто идет с тобой, тоже ничто не обязывает, но они все-таки идут – потому, что хотят быть с тобой... потому, что любят тебя!..

Она повернулась и скрылась в ночной тьме.

Небо светлело, но солнце, всхлотившее за высоким восточным хребтом, еще не появлялось. Дружина была уже на конях, и Арагорн тоже собирался вскочить в седло, когда королева Эовейн пришла проститься с ними. На ней были доспехи всадника, у пояса висел меч. В руке она держала кубок. Пожелав гостям счастливого пути, она пригубила вино, протянула кубок Арагорну, – и он осушил его до дна и сказал:

– Прощай, королева Рохана! Я пью за благоденствие твоего рода, за твое счастье и за счастье твоих подданных. Передай своему брату: может быть, по ту сторону Тени мы с ним еще встретимся!

Гимли и Леголасу, стоявшим рядом, почудилось, что Эовейн готова расплакаться. Они привыкли видеть ее гордой и строгой; тем тяжелее было им смотреть на нее теперь.

Но она спросила:

– Так ты едешь, Арагорн?

– Да, госпожа.

– И по-прежнему не разрешаешь мне сопровождать тебя?

– Нет, госпожа моя, я не имею права сделать этого без ведома Короля и твоего брата. Но они появятся здесь не раньше завтрашнего вечера, а я не могу терять ни минуты. Прощай!

Эovejн опустилась на колени.

– Молю тебя, Арагорн! – произнесла она.

– Нет, госпожа! – твердо ответил Арагорн.

Он поднял Эovejн с коленей, поднес ее руку к губам, поцеловал – и, вскочив в седло, не оглядываясь поскакал прочь. Лишь те, кто хорошо знал его, видели, какую боль он унес в сердце.

Эovejн стояла словно каменная, уронив руки и глядя вслед конному отряду, пока последний воин не скрылся в черной тени Двимерберга, Заклятой Горы, где находились Ворота Мертвых.

Наконец она повернулась и, спотыкаясь, словно пораженная слепотой, побрела назад. Никто из роханцев не был свидетелем прощания: охваченные страхом, люди затаились в шатрах, не решаясь выйти, пока не разгорится день и не исчезнут из вида чужаки, которые не боятся Мертвых.

Были и такие, кто ворчал недобро:

– Разве это люди? Это эльфийские призраки! Пусть идут туда, где им место, в темные урочища, и не возвращаются. Время и так нелегкое!

Солнце еще не поднялось над высоким черным гребнем Заклятой Горы, и Дружину окружал полумрак. Страх начал закрадываться в сердца всадников сразу, как только кончилась гряда старых камней и отряд въехал в урочище Димхолт, заросшее темным лесом. Когда кони вступили в тень черных деревьев, склонившихся над дорогой, даже Леголасу стало не по себе. Впереди открывался вход в темную, глубокую расселину, а посреди дороги, как перст, возвещающий гибель, высился огромный камень.

– Кровь стынет, – пробормотал Гимли.

Остальные промолчали. Голос гнома глухо упал на влажную хвою, устилавшую землю под ногами. Кони отказывались идти дальше зловещего камня; всадникам пришлось спешиться и вести их в поводу. Один за другим спустились Арагорн и его спутники в расселину – и оказались перед каменной стеной, в которой, словно пасть самой Ночи, зияли разверстые Черные Ворота. Над входом смутно виднелись неясные символы, а изнутри, словно серый туман, выползал страх.

Дружина остановилась; среди всадников не нашлось никого, кто не дрогнул бы. Только Леголас остался спокоен – у эльфа призраки мертвых людей не вызывали ужаса.

– Вот они, эти страшные ворота, за которыми моя смерть, – прошептал Халбарад. – Но я все-таки войду в них. А вот коней туда будет не заманить.

– Туда идем мы, значит, должны идти и кони, – твердо сказал Арагорн. – Если мы пройдем сквозь тьму, за ее пределами нас ждет еще много долгих лиг пути, а каждый потерянный час играет на руку Саурону. За мной!

Он переступил порог – и так непреклонна была его воля, что дунаданы все как один шагнули следом и кони беспрекословно подчинились им. Ибо кони Следопытов любили своих хозяев так сильно, что готовы были идти за ними даже за порог страшной Двери, – только бы тверда была воля всадников. Один Арод, конь из Рохана, не двинулся с места: он дрожал, обливаясь потом, да так, что жаль было на него смотреть. Леголас закрыл ему глаза руками, пропел несколько слов, растворившихся в темноте, – и, еще дрожащего, перевел через порог. Гимли остался один. Ноги у него подгибались, и он рассердился на себя:

– Где это слыхано? Эльф идет под землю как ни в чем не бывало, а гном стоит у порога и трясется!

С этими словами он пересилил страх и ступил во тьму, но его ноги сразу же налились свинцом, а вокруг сделалось так темно, что даже ему, Гимли, сыну Глоина, бесстрашно спускавшемуся в глубочайшие пещеры Средьземелья, показалось, что он лишился зрения.

В Дунхаргской Крепости Арагорн запасся факелами. Теперь, возглавляя Дружину, он держал один из них над головой. Второй факел нес Элладан, шедший за Следопытами. Гимли, оступаясь на каждом шагу, пытался поспеть за ним. Перед собой он не видел ничего, кроме чадного пламени факелов, но каждый раз, когда Дружина останавливалась, гному чудилось, что со всех сторон до его ушей доносится многоустый шепот – приглушенный, настороженный, на языке, которого он не слышал ни разу в жизни.

Никто не напал на отряд, и никто не преградил дороги, но с каждой минутой Гимли становилось все страшнее – главным образом потому, что теперь он знал: возврата быть не может. Все пути к отступлению заполнила незримая армия, следовавшая за Дружиной след в след.

Они шли, не считая и не замечая времени, пока не наткнулись на нечто, о чем гном не мог впоследствии вспоминать без содрогания. Подземелье, насколько мог судить Гимли, было достаточно широким – но вдруг стены и вовсе расступились, и Дружина оказалась в просторном зале. Здесь гнома охватил такой ужас, что у него чуть не отнялись ноги. Далеко слева, поймав свет факелов, что-то блеснуло; Арагорн приостановился – и направился прямо туда.

«И как ему только не страшно? – подумал гном. – Попади мы в любую другую пещеру, Гимли, сын Глоина, первым бросился бы на блеск золота. Но здесь – ни за какие блага! Лежит, и пусть бы себе лежало!»

Но он все-таки последовал за остальными – и увидел, что Арагорн стоит на коленях, рассматривая что-то, а Элладан светит ему двумя факелами, своим и его. Перед Арагорном, у самой стены, лежал огромный скелет. На ребрах поблескивала кольчуга; рядом лежало оружие, не тронутое ржавчиной, – воздух в пещере, Гимли это почувствовал сразу, был необыкновенно сух. На кольчуге еще держалась позолота. Золотой пояс, который охватывал когда-то тело, был украшен темно-красными камнями, шлем на костяном затылке сверкал чистым золотом. Смерть настигла воина у дальней стены подземного зала, когда он пытался открыть запертую каменную дверь. Костяные пальцы впились в зазор между дверью и стеной. Зазубренный меч, брошенный рядом, говорил о том, что воин в предсмертном отчаянии рубил им камень.

Арагорн не притронулся к останкам; долго он смотрел на них, ничего не говоря, затем встал и глубоко вздохнул.

– *Симбэльминэ* здесь не расцветут никогда, хотя бы настал и конец мира, – тихо проговорил он. – Девять и семь курганов поросли с тех пор зеленой травой, а он все лежит тут, под дверью, которую так и не открыл. Куда она ведет? Зачем он хотел пройти в нее? Этого никто никогда не узнает...

– Но я пришел не за этим! – вдруг громко крикнул он, оборачиваясь к шепчущей тьме. – Оставьте себе ваши сокровища и свято хранимые тайны Проклятых Лет! Все, что мне нужно, – это скорость. Пропустите нас и следуйте за нами! Я призываю вас к Камню горы Эрех!

Ответа не последовало – если не считать ответом мгновенно наступившую мертвую тишину, еще более зловещую, чем шепоты, только что наполнявшие пещеру. Дохнуло холодом. Огонь заметался и погас; разжечь факелы больше не удалось. Что произошло потом и сколько минуло часов – один или несколько, – Гимли не помнил. Дружина шла вперед. Он с трудом поспевал за остальными: в затылок ему дышал нестерпимый страх – вот-вот настигнет и вцепится! – а в ушах стояло шарканье несметного множества ног. Гимли оступался, падал, вставал снова – и наконец пополз на четвереньках, чувствуя, что больше не выдержит, что того и гляди потеряет рассудок и сам кинется назад, в объятия настигающего ужаса.

Вдруг до слуха донесся звон падающих капель – чистый и ясный, словно кто-то бросал камешки в темный колодец сна. Стало светлее. Но что это?.. Впереди показались еще одни ворота, с более высокой аркой; у порога журчал быстрый ручей. Дружина скрылась в белеющем проеме и – конец пещере! Глаза гнома различили впереди дорогу, бегущую вниз между почти отвесных скал, острыми зубцами вонзавшихся в далекое небо. Ущелье было таким узким и глубоким, что на темном синем небе вверху блестели крохотные звезды, хотя, как узнал потом Гимли, до заката оставалось еще целых два часа. Впрочем, гном не удивился бы, скажи ему кто-нибудь, что это вечер иного, забытого в веках, давно минувшего дня – или, может быть, чужого, неизвестного мира.

Всадники снова сели на лошадей, и Гимли вернулся к Леголасу. Отряд вытянулся в цепочку. Наступил вечер, сгустились плотные синие сумерки. Страх по-прежнему шел за Дружиной по пятам. Леголас, говоря что-то Гимли, обернулся – и гном увидел, как блеснули зоркие глаза эльфа. Позади ехал Элладан; он замыкал цепочку, но был далеко не последним из тех, кто ступил на дорогу, ведущую с гор.

– Мертвые не отстают! – воскликнул Леголас. – Я вижу их! Они растянулись по всей дороге. Призрачные люди и призрачные лошади, бледные знамена, похожие на обрывки облаков, копья, словно зимний лес в тумане... Мертвые не отстают!

– Это так, – подтвердил Элладан. – Мертвые следуют за нами. Они вняли зову.

Отряд выехал из ущелья внезапно, словно вынырнув из трещины в скале. Впереди раскинулась широкая горная долина. Поток, бурля и пенясь на широких уступах, с холодным шумом устремился вниз.

– Где мы? – спросил гном.

Элладан ответил:

– Мы спустились вниз от истоков Мортонда, длинной реки с ледяными водами, которая вдали отсюда впадает в море, омывающее скалы Дол Амрота. Думаю, ты не будешь спрашивать, откуда взялось другое имя этой реки, которым люди зовут ее испокон веков, – Черный Корень?

Долина Мортонда широким полукругом раскинулась среди обрывистых скал, глядевших на юг. Сплошь поросшая травой, в этот час она казалась серой – солнце уже зашло, и вдалеке, в окнах домов, мерцали огоньки: долина была богата, плодородна, и здесь обитало много людей.

Не оборачиваясь, Арагорн крикнул – да так, что его услышали все:

– Забудьте об усталости! Вперед! Вперед! Мы должны успеть к Камню Эреха до полуночи, а дорога туда еще неблизкая!

Не оглядываясь, помчались они вниз по горным лугам, пока не выехали на мост, перекинутый через набравший силу поток, и не отыскиали дорогу, ведущую в низины.

В сельских домах, мимо которых они проносились, гасли огни, закрывались окна и двери, и люди, оказавшиеся на пути у всадников, разбегались с криками:

– Спасайтесь! Король Мертвых! Король Мертвых!

Где-то внизу ударил колокол. Все и вся бежало прочь при виде Арагорна, но всадники мчались не останавливаясь, как охотники, настигающие зверя, пока кони не начали спотыкаться от усталости. И вот незадолго до полуночи, когда воздух и земля слились в одну

сплошную тьму, подобную тьме самых глубоких подземных пещер, – всадники Серой Дружины въехали наконец на гору Эрех.

Ужас перед Мертвыми с давних времен властвовал над этой горой и пустынными полями вокруг нее. На ее вершине водружен был огромный каменный шар, наполовину врытый в землю; верхняя часть шара выступала над горой на высоту человеческого роста. Круглый черный камень выглядел здесь странно и неуместно. Некоторые верили, что он упал с неба, но старожилы еще помнили сказания Закатного Края, в которых говорилось, что камень этот был некогда вывезен из гибнущего Нуменора и поставить его здесь повелел сам Исилдур. Люди из долины боялись не только подходить к нему, но и жить поблизости; поговаривали, будто у Камня встречаются призраки и в тревожные времена держат здесь совет, толпясь вокруг вершины и перешептываясь.

К этому-то Камню и подъехала глубокой ночью Серая Дружина.

Всадники, натянув поводья, остановили коней. Элрохир подал Арагорну серебряный рог; тот поднял его к губам, протрубил – и всем, кто стоял поблизости, показалось, будто откуда-то послышался отклик, словно из дальних пещер долетело приглушенное эхо. Ничего больше слышно не было, но все чувствовали: вокруг горы собралось огромное войско. С гор дунул ветер, холодный, как дыхание призраков. Арагорн спешил и, стоя у Камня, воззвал громким голосом:

– Клятвопреступники! Зачем вы сюда явились?

Из тьмы послышался голос, донесшийся словно из дальнего далека:

– Дабы исполнить клятву и обрести покой.

Тогда Арагорн воскликнул:

– Ваш час настал! Я иду в Пеларгир, что на Андуине. Вы пойдете со мной. Когда весь этот край будет свободен от прислужников Саурона, я признаю, что ваша клятва исполнена. Тогда вы покинете эти места и обретете вечный покой. Это говорю я, Элессар, наследник Исилдура, Короля Гондора!

С этими словами он велел Халбараду развернуть знамя, которое тот привез из Ривенделла. Но – странно! – полотнище оказалось совершенно черным. Если и были на нем вышиты какие-либо знаки или слова, в темноте их разглядеть было невозможно. Наступила

тишина, и с этого момента вздохи и шепоты больше ее не нарушали. Дружина разбила у Камня лагерь, но почти никто глаз так и не сомкнул, ибо страх всю ночь стоял вокруг плотной стеной.

С первым лучом зари, холодной и бледной, Арагорн поднялся и вновь повел Дружину вперед. Это была неслыханная, изнурительная скачка. Мало кто из воинов выдержал бы ее, если бы не воля Арагорна, что по-прежнему вела отряд за собой. Никто из смертных не смог бы совершить такого похода, кроме дунаданов с Севера, а с ними – гнома Гимли и эльфа Леголаса!

Миновав перешеек Тарланг, они понеслись по Ламедону. Войско призраков не отставало от Дружины ни на шаг, а впереди летел страх. Так добрались они до Калембэла⁵¹⁸, города на реке Кирил⁵¹⁹, и солнце цвета крови село за Пиннат Гэлин, оставшийся далеко позади, на западе. Город был пуст, броды свободны – большинство мужчин ушло на войну, остальные жители разбежались и попрятались, заслышав, что грядет Король Мертвых. На следующий день заря не встала. Тьма Мордорской Бури поглотила Серую Дружину, скрыв ее от взора смертных. Но Мертвые следовали за нею неотступно.

Глава третья

Смотр роханских войск

Все дороги теперь вели на восток, навстречу войне и Тьме, перешедшей в открытое наступление. Пиппин смотрел на Правителя Дол Амрота, въезжающего под развевающимися знаменами в Большие Ворота Минас Тирита; король Рохана возвращался в Дунхаргскую Крепость, закончив переход через горы.

День уже мерк. В прощальных лучах солнца на тропу перед всадниками падали длинные заострившиеся тени. На крутой горный склон, под ветви шепчущихся между собой темных елей, заползала тьма. Теперь, когда дневной переход был позади, Король ехал не спеша. Дорога огибала большой горный утес и ныряла в полную шорохов лесную мглу. Всадники длинной цепью растянулись вдоль нескончаемого спуска. Когда передовые отряды достигли наконец дна ущелья, в самых глубоких лощинах уже залегли сумерки. Солнце скрылось. На горные водопады спустился вечер.

Весь день всадников сопровождал шум потока, который, сбегая с оставшегося позади перевала, пробивал себе далеко внизу узкую дорогу среди одетых в сосновые леса крутых склонов. Теперь, миновав каменные ворота ущелья, он вырвался на свободу, в долину. Всадники последовали за ним – и в шуме вечерних вод их взглядам внезапно открылась Харгская долина. Принявший в себя множество ручьев Снаубурн⁵²⁰, кипя и пенясь, правил путь к Эдорасу, к его зеленым холмам и равнинам. Справа, возле устья обширной долины, громоздился могучий Старкхорн⁵²¹ с его огромными, укутанными в тучи каменными бастиями; высоко над миром вздымалась его зазубренная вершина, покрытая вечными снегами, с запада огненно-алая, с востока отуманенная голубой тенью.

Мерри глядел на эту новую для него страну, широко раскрыв глаза. Сколько всего ему рассказывали об этих краях за время долгой дороги – и наконец он здесь! Вот он какой, этот мир без неба, где глаз, напрасно силясь проникнуть сквозь дымку, видит только вздымающиеся все выше и выше исполинские каменные стены, за которыми встают новые, еще более высокие пики, а за ними – отвесные обрывы и мрачные, повитые туманом пропасти... Мерри сидел в седле, прикрыв глаза и прислушиваясь сквозь дрему к шуму воды, шелесту темных деревьев, шороху осыпающихся камней и всеобъемлющему безмолвию, стоявшему за каждым звуком. Мерри любил горы, точнее, любил о них думать – как величаво синели они на краю завезенных издавна легенд! Но здесь он чувствовал, будто на плечи ему легла вся непомерная, неподъемная тяжесть мироздания. Ему хотелось запереться от всего этого великолепия в какой-нибудь тихой комнатушке, у камелька...

Он устал и выдохся: войско ехало медленно, но зато и привалы объявлялись редко. Три долгих дня Мерри беспрерывно трясся в седле, пока тропа взбиралась на перевалы, ныряла в глубокие долины, переходила вброд горные реки. Иногда, если дорога становилась чуть шире, он трусил на своем мохнатом сереньком пони рядом с Королем, восседавшим на большом белом коне, и не обращал внимания на улыбки, которыми обменивались всадники, глядя на эту диковинную пару – Короля и хоббита. В такие часы Мерри подолгу беседовал с Теоденом, рассказывая ему про родимые края и хоббитчи обычаи, слушал длинные сказания о Рохане и его древних героях. Но большую

часть времени – особенно в последний день – он молча ехал следом за Королем, пытаясь вникнуть в медленный и звучный говор перекликавшихся друг с другом всадников. Хоббиту мерещилось, что многие слова он знает, – только в устах роханцев они, казалось, звучали сочнее и выразительнее, чем на языке его родного Заселья. Но смысл от Мерри ускользал. Иногда кто-нибудь из всадников запевал, звонко и весело; тогда сердце хоббита начинало биться сильнее, хотя он и не понимал, о чем песня.

И все же ощущение одиночества не проходило, а к концу пути стало и вовсе мучительным. Мерри не переставая думал о Пиппине. Где он сейчас? В каком уголке этого странного мира? Куда его могло забросить? И что случилось с Арагорном, Гимли, Леголасом? Однажды будто что-то холодное прикоснулось к его сердцу: в памяти ожили Фродо и Сэм.

«Как я мог позабыть о них! – укорил он себя. – Да они важнее всех нас, вместе взятых! Я зачем ушел из дому? Чтобы им помогать. А теперь они далеко, за сотни верст отсюда, если только живы...»

От этой мысли его пробрал озноб.

– Харгская долина! Наконец-то! – услышал он голос Эомера. – Теперь мы почти у цели!

Они остановились. Тропа круто шла вниз, к выходу из ущелья. Из туманной дымки, словно из высокого окна башни, виден был край огромной долины с одиноким огоньком, мерцающим у реки.

– Сегодня наш путь окончен, – молвил Теоден. – Но дорога еще предстоит дальняя... Вчера было полнолуние – значит, на рассвете я отправлюсь на смотр войск, в Эдорас.

– Послушай моего совета, Король, – понизив голос, проговорил Эомер. – Проведи смотр, а потом возвращайся – и подожди, пока отгремит война, чем бы она ни кончилась!

Теоден усмехнулся:

– Нет, сын мой, ибо так я буду называть тебя отныне! Мои старые уши не желают больше слушать вкрадчивых речей Червеуста. – Король выпрямился в седле и оглядел своих воинов, растянувшихся в длинную цепочку, конец которой скрывался в сумерках. – Кажется, в те дни, что минули с нашего выступления, уместился не один год. Но я уже не обопрусь более о палку. Если война будет проиграна, разве

бегство в горы спасет меня? А если мы победим, то велика ли будет утрата, если я паду в бою, отдав последние силы этой победе? Впрочем, не будем пока об этом думать! Эту ночь я проведу в Дунхаргской Крепости. Что бы ни случилось, у нас есть еще целый вечер без войны. Едем!

Сумерки уже сгустились, когда передовой отряд наконец вышел в долину. Снаубурн бежал вдоль западного склона, и вскоре тропа привела всадников к броду, где, широко разлившись, река весело звенела на камнях плеса.

Брод стерегли. Стоило отряду приблизиться, как из-за скал выступили вооруженные воины. Узнав Короля, они приветствовали его радостными криками:

– Король Теоден!.. Король!.. Король вернулся!..

Протрубил рог. По долине прокатилось гулкое эхо. Издали донеслись ответные сигналы, и на другом берегу реки замерцали огни.

Внезапно откуда-то сверху, из невидимой расселины или пещеры, грянули трубы и, слившись в единый хор, многократно отозвались среди каменных громад.

Так возвратился король Марки на запад, в Дунхаргскую Крепость, к подножию Белых Гор, одержав великую победу. Здесь он нашел главные силы оставшихся в Рохане войск полностью готовыми к смотру. Как только стало известно о прибытии Короля, военачальники поспешили ему навстречу с известиями от Гэндальфа. Возглавлял их Дунхир⁵²², правитель Харгской долины.

– Три дня назад на заре в Эдорас как ветер влетел Скадуфакс, и Гэндальф возвестил нам о твоей победе, Король, – сказал Дунхир. – Мы возрадовались всей душой. Гэндальф передал нам твое повеление – спешно готовить войска к смотру. А потом явилась Крылатая Тень...

– Крылатая Тень? – переспросил Теоден. – Мы тоже повстречали ее. Но это было глубокой ночью, еще до того, как Гэндальф нас покинул.

– Может быть, – ответил Дунхир. – Но эта же Тень – или другая – в то утро посетила и нас. Она была как сгусток тьмы в образе чудовищной птицы. Великая тревога объяла нас с ее появлением. Тень снизилась над Метузельдом, и, когда ее крылья уже почти коснулись крыши, она испустила крик, да такой, что сердца у нас едва не

остановились. Гэндальф дал нам совет не показываться в открытой степи и встречать тебя здесь, в долине, под защитой гор. Еще он предупредил нас, чтобы мы не зажигали без надобности огней. Он отдавал приказы так, словно имел на это полное право. Мы поверили, что слова его не расходятся с твоей волей, и сделали все, как он сказал. Ну а здесь, в долине, пока ничего особенного не произошло.

– Вы поступили мудро, – сказал Теоден. – Теперь я отправлюсь в Дунхарг и, прежде чем отдыхать, созову полководцев и военачальников. Пусть они придут со сколько возможно быстрее!

Дорога свернула в долину, которая в этом месте была более версты шириной. Вокруг простирались луга, поросшие серой в густых сумерках травой. Впереди Мерри различил хмурую стену: то был последний из отрогов Старкхорна, когда-то давно, в минувшие эпохи, рассеченный надвое руслом горной реки.

По равнине тянулись бесконечные ряды палаток, шалашей и навесов. Между ними сновало множество людей. Некоторые, заметив Короля и воинов, выбегали к дороге, чтобы приветствовать королевский кортеж. Меж рядами палаток, как молодой лес, стояли воткнутые в землю пики; здесь же переступали с ноги на ногу привязанные кони. Огромный лагерь постепенно погружался во тьму. С вершины уже веяло ночным холодом, но Мерри не заметил ни фонарей, ни костров. Между палаток, завернувшись в теплые плащи, прохаживались часовые.

Хоббит вертел головой, гадая – сколько же всадников собралось на смотр? Из-за темноты прикинуть было трудно, но, судя по всему, не одна тысяча... Тем временем королевская свита пересекла долину и вплотную подъехала к нависающей над головами скале. Начался крутой подъем. Мерри глянул вверх – и обомлел. Такого он в жизни не видывал! Он сразу догадался, что дорогу проложили очень давно – должно быть, в такие давние времена, о которых и в песнях-то не поется. Дорога взбиралась по отвесной скале круто, как лестница, делая резкие повороты. Здесь могли пройти люди, могли – осторожно переступая – лошади; можно было, очень медленно и с большим трудом, втащить телегу. Но враги – за исключением врагов крылатых – ни за что не поднялись бы по этой дороге: для обороны достаточно было и горстки бойцов. На каждом повороте стояло по большому

камню, изображавшему человеческую фигуру, правда с грубыми, едва намеченными чертами. Идолы застыли в неуклюжих позах, скрестив кривые ноги и сложив коротенькие ручки на больших, обвислых животах. У некоторых лица были совершенно стерты временем, и они печально взирали на проезжающих черными дырами пустых глазниц. Роханцы не обращали на них никакого внимания, да и сами изваяния, которые в долине называли *шишигами*⁵²³, давно потеряли колдовскую силу и никого уже не могли напугать. Мерри разглядывал их с удивлением и чуть ли не с жалостью – так скорбно глядели каменные истуканы в сгустившуюся темноту.

Всадники уже поднялись над долиной сотни на две локтей, когда хоббит, обернувшись, заметил, что с Королем едет лишь небольшой отряд дружинников. Мерри разглядел далеко внизу выющую цепочку всадников, которые еще не закончили переправу; всадники один за другим сворачивали с дороги и направлялись к приготовленным для них палаткам.

Наконец Король и его свита поднялись к острому гребню скальной стены и вскоре очутились в узкой расселине. Преодолев последний короткий подъем, кони выбрались на широкое плато, которое роханцы называли Фириэнфелд⁵²⁴. Это был зеленый луг, поросший травой и горным вереском, раскинувшийся на лоне гор высоко над вгрызшимся в глубь скал Снаубурном. С юга белел Старкхорн, с севера высился зубчатый, как пила, гребень Иренсаги⁵²⁵, а меж ними чернела стена Двиморберга⁵²⁶ – Заклятой Горы, чьи крутые склоны густо поросли мрачным сосновым лесом. Две гряды бесформенных камней обозначали тропу, разделявшую плато надвое и терявшуюся в сумерках густого ельника. Тот, кто отважился бы последовать за тропой, очутился бы в черном урочище Димхолт⁵²⁷ у подножия Заклятой Горы. Там встретил бы его злобещий каменный столб и разверстая пасть запретной двери.

Такой была мрачная Дунхаргская Крепость, созданная руками давно забытых людей. О племени их не сохранилось ни песен, ни сказаний. Кануло даже самое имя его, и никто не знал, что было на этом месте в те давние времена – город, тайное святилище или, быть может, усыпальница королей?.. Дунхаргская Крепость была построена в Темные Годы, задолго до прибытия первых кораблей с Запада и задолго до того, как Дунаданы заложили первый камень Гондора, – но

древние труженики исчезли, и только старые *шишиги* остались сидеть, всеми покинутые, на поворотах горной дороги...

Мерри обратил внимание на камни, рядами торчавшие вдоль тропы. Они напоминали зубы голодного зверя, но зубы черные, источенные временем, – один треснул, другой выпал, третий раскрошился от старости. Гадая, что бы могли означать эти камни, Мерри в глубине души надеялся, что Король все-таки не поедет вдоль этого мрачного ряда в темноту, под деревья! Повернув голову, хоббит заметил, что по обе стороны дороги расставлены палатки и шалаши, теснившиеся поближе к краю скалы и подальше от зловещего ельника. Справа от дороги поле было шире, и палаток там белело заметно больше, а слева, напротив, разбит был совсем небольшой лагерь, в центре которого стоял высокий шатер. Оттуда навстречу Королю сразу же выехал всадник, и отряд свернул с дороги в его сторону.

Когда всадник приблизился, по длинным косам, спускавшимся из-под шлема, Мерри понял, что это женщина; но одета она была как воин – в шлеме, панцире и при мече.

– Привет тебе, Повелитель Рохирримов! – воскликнула она. – Сердце мое радо твоему возвращению.

– Привет и тебе, Эвейн, – молвил в ответ Теоден. – Все ли у тебя ладится?

– Все хорошо, Король, – ответила Эвейн, но Мерри показалось, что она кривит душой. Если бы не ее суровое лицо, он подумал бы даже, что Эвейн недавно плакала. – Все хорошо, но людям пришлось проделать трудный путь – их заставили сняться с места слишком неожиданно. Поначалу был и ропот, и недовольство – да и то сказать, давно война не сгоняла нас с наших зеленых полей! – но послушников не нашлось, и теперь все неурядицы позади. Для тебя, мой Король, приготовлен отдельный шатер. Он ждет тебя, ибо весть о твоём прибытии дошла до нас заранее и час твоего возвращения был мне известен.

– Значит, Арагорн все-таки побывал здесь? – спросил Эомер. – Он еще не уехал?

– Его здесь больше нет, – ответила Эвейн, отворачиваясь и глядя на темные громады гор.

– Куда же он направился? – спросил Эомер, помедлив.

– Откуда мне знать? – не поворачиваясь, проговорила Эовейн. – Он прибыл поздно вечером, а рано утром уже покинул нас, не дожидаясь, пока из-за горы появится солнце. Его здесь нет.

– Я вижу, ты опечалена, дочь моя, – заметил Теоден. – В чем причина этой печали? Скажи, Арагорн говорил с тобой о той дороге? – Он указал на ряды утонувших во мгле камней, ведущих к Двиморбергу, подождал ответа и спросил еще раз: – Он упоминал о Тропе Мертвых?

– Да, государь, – ответила Эовейн. – Он переступил порог Тьмы, из которой еще никто никогда не возвращался. Удержать я его не смогла. Здесь его нет.

– Значит, наши дороги разошлись. – Взор Эомера погас. – Арагорна больше нет в живых. Нам придется выступить без него. А это значит, что надежды у нас стало еще меньше.

Медленно двинулись они вперед через поляну, поросшую низким вереском, и молчали всю дорогу до королевского шатра. Когда всадники спешили, Мерри воочию убедился, что к приему гостей и впрямь все готово. Не забыли даже про него: рядом с королевским шатром примостилась маленькая палаточка. Там хоббита на время оставили в одиночестве, и он уселся у входа, наблюдая за людьми, что сновали туда-сюда с донесениями и приказами. Наступила ночь. Еле видные черные вершины на западе увенчались яркими звездами. Восток оставался темен и пуст. Двойная гряда камней постепенно слилась с темнотой, – и только поодаль, за камнями, неотступно маячила огромная черная тень Заклятой Горы – Двиморберга.

– Тропа Мертвых, Тропа Мертвых, – бормотал хоббит. – Что бы это могло значить? Эх, все-то меня бросили! Все пошли кто куда, каждый навстречу своей судьбе: Пиппин с Гэндальфом – на восток, воевать, Сэм и Фродо – в Мордор, Бродяга с Леголасом и Гимли – на Тропу Мертвых... Похоже, скоро моя очередь. Знать бы только, о чем они совещаются и что Король намерен делать дальше!.. Теперь ведь куда он, туда и я...

Посреди этих мрачных мыслей Мерри вдруг вспомнил, что до смерти проголодался. Он поднялся, решив пойти и поискать в этом чужом лагере кого-нибудь, кто разделит бы его заботу, – но тут заиграл рожок и перед палаткой вырос посланец Короля: он призывал

королевского оруженосца исполнить свой долг, прислуживая Королю за трапезой.

Внутри королевского шатра узорный полог отгораживал небольшое пространство, застеленное шкурами. Там за маленьким столом сидели Теоден с Эомером и Эовейн, а с ними – Дунхир, правитель Харгской долины. Мерри встал за креслом Короля, собираясь ему прислуживать, но вскоре тот, очнувшись от глубокой задумчивости, повернулся к нему сам:

– Нет, уважаемый Мериадок, стоять тебе негоже! Пока мы остаемся в пределах Рохана, ты всегда будешь сидеть рядом со мной и радовать мое сердце своими рассказами и песнями.

Хоббиту отвели место по левую руку от Теодена. На этот раз, правда, тому было явно не до рассказов и уж тем более не до песен. За столом говорили мало, и лишь в конце ужина Мерри, собравшись с духом, заикнулся о том, что его мучило:

– Уже дважды, Повелитель, слышал я о Тропе Мертвых. Но кто они такие? И где теперь Бродяга, то есть, простите – я хотел сказать, высокородный Арагорн? Куда он поехал?

Король глубоко вздохнул. С ответом никто не торопился. Наконец Эомер проговорил:

– Мы не знаем этого, и у нас тяжело на сердце. Что же касается Тропы Мертвых, то знай, что ты уже вступил на нее. Только не смотри так испуганно! Тропа Мертвых – это та самая дорога, по которой мы сюда пришли. Она ведет в урочище Димхолт, к порогу Темной Двери. А что за этой Дверью – никто не знает.

– Никто, – подтвердил Теоден. – Но в одном старинном сказании, которое теперь почти забыто, об этом кое-что говорится. Если правду рассказывают легенды, передаваемые в роду Эорла от отца к сыну, в Двиморберге, за порогом Двери, открывается тайный подземный путь. Куда он ведет – неизвестно. Никто не дерзал испытывать у горы ее тайны с тех пор, как Бальдор, сын Брего⁵²⁸, переступил порог и больше среди живых не появлялся. На пиру, что Брего устроил по случаю завершения строительства Метузельда, Бальдор, осушив рог с вином, дерзко поклялся, что вступит на Тропу, и выполнил клятву, и сгинул, и не вернулся занять трон отца, принадлежавший ему по праву первородства. Ибо, говорят, чуть ли не с самой Темной Годины Тропу

охраняют Мертвые. Они не допускают в свои потайные владения никого, в ком дышит жизнь. Иногда их можно видеть – они выскальзывают из Двери и спускаются вниз по дороге. Тогда обитатели долины крепко закрывают окна и запирают двери на десять замков, а сами прячутся по домам и дрожат от страха. Но Мертвые редко покидают свои пещеры. Они показываются только в дни великих войн и потрясений, когда смерть подбирается к живущим ближе, чем обычно.

– В долине говорят, – вставила Эвейн, понизив голос, – что совсем недавно безлунной ночью мимо селений прошествовало целое войско призраков, странно одетых и странно вооруженных. Откуда оно явилось, никто не знает. Призраки поднялись по каменистой дороге и скрылись в горе, словно спешили на какой-то совет.

– Но Арагорну-то зачем было туда идти? – еще больше обеспокоился Мерри. – Кто-нибудь знает?

– Нет, если только он не открыл своих мыслей тебе, своему другу, – сказал Эомер. – Живых спрашивать об этом бесполезно.

– Он сильно изменился с тех пор, как я видела его в первый раз, во дворце, – добавила Эвейн. – Он потемнел лицом и стал словно бы старше. На обреченного – вот на кого он был похож. Так выглядят люди, которых призывают Мертвые.

– Наверное, ты права, – отозвался Теоден. – Сердце говорит мне, что я его больше не увижу. Но он – великий воин из королевского рода, и я верю, что судьба готовит ему иное предназначение. Помни это, дочь моя, ибо я вижу, что участь его не дает тебе покоя и ты угнетена. Утешься! Легенды повествуют, что, когда потомки Эорла, прибыв с Севера, поднялись по Снаубурну в поисках надежного убежища на случай беды, Брего с Бальдором взошли наверх по старой дороге и не убоялись подойти к порогу Темной Двери. Там сидел дряхлый старец, лет которого уже никто не мог бы исчислить. Когда-то, по всей видимости, он был высок и величествен, но морщины избороздили его лицо так, что оно казалось обломком выветренного камня. За камень и приняли его поначалу Брего с Бальдором, потому что он не двинулся и не произнес ни слова, пока пришельцы не вознамерились переступить порог и проникнуть внутрь. Тогда оттуда, где сидел старик, донесся голос, как бы идущий из-под земли. К собственному удивлению отец и сын поняли речь старика, ибо тот заговорил на Западном Наречии. Но

сказал он всего два слова: «Путь закрыт». Брего и Бальдор остановились, посмотрели туда, откуда исходил голос, и увидели, что перед ними живой человек. Но он в их сторону не смотрел. «Путь закрыт, – повторил голос. – Эту дорогу проложили Те, Что Умерли. И Мертвые будут стеречь ее, пока не пробьет их час. Путь закрыт».

«А когда пробьет их час?» – спросил Бальдор. Но ответа он не получил: старик был уже мертв и лежал лицом вниз. Вот и все, что мы знаем о древних обитателях этих гор. Как знать? Может быть, назначенный час пробил именно теперь и Арагорн сможет пройти этой дорогой?

– Есть только один способ проверить это – пойти туда самому, – вздохнул Эомер. – Но я бы не дерзнул этого сделать, даже если бы меня настигала вся мордорская рать и мне некуда было отступать. Увы нам! Как могло случиться, что таким доблестным, благородным мужем овладело подобное безрассудство, да еще в час, когда он нужен нам, как никогда? Разве мало зла на земле, чтобы искать его еще и под землей? Война может начаться в любую минуту...

Тут он смолк: за шатром послышались голоса и шум. Кто-то громко произнес имя Теодена; часовой ответил.

Полог шатра раздвинулся, показался начальник стражи.

– Конный посланник из Гондора, государь! – доложил он почтительно. – Просит принять.

– Впустите, – велел Теоден.

Через порог переступил высокий воин, и Мерри едва не ахнул: в первое мгновение ему померещилось, что это Боромир. Затем он понял, что ошибся, – этого человека хоббит видел впервые, но Боромира он действительно напоминал. Та же гордая осанка, та же стать, те же серые глаза... Одет незнакомец был по-дорожному: поверх кольчуги из мелких колец – темно-зеленый плащ, на шлеме – серебряная звездочка. В руке воин держал стрелу с черным оперением и стальной бородкой. Кончик стрелы окрашен был в алый цвет. Встав на одно колено, посланник протянул ее Теодену.

– Приветствую тебя, о владыка Рохирримов и друг Гондора! – молвил он. – Я – Хиргон⁵²⁹, посланник Дэнетора. Дэнетор велел вручить тебе сей знак. Гондор нуждается в помощи. Много раз помогали нам роханцы, но ныне Наместник Дэнетор взывает к вам с

просьбой собрать все силы и прийти как можно быстрее. Иначе Гондору грозит гибель.

– Красная Стрела! – медленно проговорил Теоден, принимая от гонца стрелу. По всему видно было, что он давно ждал этого знака, и все же руки у Короля задрожали.

– На моем веку Красная Стрела ни разу еще не являлась в страну, – сказал он. – Значит, все-таки дошло до войны! Но на какое войско и на какие сроки рассчитывает Дэнетор?

– Сие тебе лучше ведомо, государь, – с поклоном произнес Хиргон. – Может статься, уже очень скоро Минас Тирит окажется в кольце осады. Хватит ли у тебя сил пробиться сквозь вражеское оцепление? Повелитель Дэнетор велел мне сказать так: весьма желательно, чтобы могучая роханская армия успела войти в стены города прежде, чем враг замкнет кольцо осады. Снаружи будет слишком опасно.

– Ваш Повелитель прекрасно знает, что мы привыкли биться на конях, в открытом поле, – поднял брови Теоден. – Кроме того, народ наш рассеян по степи и нам потребуется немало времени, чтобы собрать войско воедино. Я думаю, Хиргон, что Правитель Минас Тирита знает больше, чем говорит. Ты и сам видишь, что мы уже воюем и твоя весть не застала нас врасплох. Здесь побывал Гэндальф Серый, а потому сегодня мы собрались на войсковой смотр и сразу же после него выступаем.

– Ведомо о том Повелителю или нет, я сказать не могу, – отвечал Хиргон. – Но положение наше воистину бедственно. Мой господин не приказывает, а лишь просит тебя, ради давней дружбы и клятв, издавна связывающих нас, сделать все, что в твоих силах, ибо это равно важно и для твоего, и для нашего блага. Нам стало известно, что многие восточные владыки послали войска на помощь Мордору, и по всему Северу до самого Дагорлада слышен лязг оружия. На Юге подняли голову Харадримы, прибрежные племена охвачены страхом, и мы не ждем от них помощи. Поспеши, о Король! Ибо под стенами Минас Тирита решается сегодня судьба нашего мира, и, если мы не сдержим волну Зла, она неминуемо захлестнет дивные степи Рохана. Тогда даже твоя горная крепость не защитит тебя.

– Черные вести, – медленно произнес Теоден. – Но не все они для меня неожиданны. Передай Дэнетору, что мы пришли бы на помощь в

любом случае – даже если бы Рохан был вне опасности. Но мы понесли большие потери в боях с изменником Саруманом. К тому же мы не можем забывать о наших северных и восточных границах. Дэнетор знает это и без нас. Может случиться так, что Черный Властелин, который, по-видимому, собрал под своим началом огромные силы, даст нам бой на подступах к городу – и одновременно, переправясь через реку, нападет на Рохан с другой стороны, вдали от Королевских Врат... Впрочем, все эти рассуждения благоразумны, но не ко времени. Мы выступаем. На утро назначен смотр. Как только он кончится, я отдаю приказ седлать коней. Еще недавно я мог бы послать в бой, на страх врагам, целых десять тысяч копий, но – увы! – сегодня нас будет куда меньше. Мой народ не может оставаться без защиты. Шесть тысяч всадников вышлю я на подмогу Минас Тириту. Скажи Дэнетору, что в трудный час король Рохана сам идет к нему на помощь, хотя знает, что вряд ли вернется живым из похода. И все же дорога далека, а люди и кони должны сохранить свежие силы для битвы. Не ждите напрасно! Минет не меньше недели, прежде чем боевой клич сынов Эорла прогремит над вашими полями.

– Целая неделя! – воскликнул в отчаянии Хиргон. – Но быть по сему! Придется смириться. Но, боюсь, через семь дней вы увидите на месте гондорских укреплений одни развалины, ежели только нас не спасет чудо. И все же я верю, что вы помешаете оркам и смуглокожим дикарям править пир на руинах Белой Башни!

– Это я вам обещаю, – кивнул Теоден. – А сейчас прости. Я утомлен недавним сражением и только что вернулся из долгого похода. Я нуждаюсь в отдыхе. Переночуй у нас! Утром ты увидишь смотр наших войск и поедешь назад с легким сердцем, на свежем коне. Утро вечера мудренее, а за ночь многое может перемениться.

Король встал, за ним поднялись и остальные.

– Идите отдыхать, и пусть сон ваш будет спокойным, – сказал он. – Ты, достойный Мериадок, на сегодня мне более не нужен. Но будь готов: тебя позовут, как только взойдет солнце.

– Я буду готов, – ответил Мерри. – Даже если ты прикажешь мне следовать за тобой по Тропе Мертвых.

– Не произноси слов, на которых лежит заклятье, – остановил его Король. – Ибо скоро Тропой Мертвых можно будет назвать не только

эту дорогу... Кроме того, я пока не говорил, что возьму тебя с собой, какой бы путь я ни выбрал. Мирной тебе ночи!

– Ну нет! Я не хочу оставаться здесь и ждать, чтобы о ненужном мешке из поклажи вспомнили, только когда все кончится! – прошептал Мерри. – Не хочу оставаться. Не хочу!

Так он и заснул в своей палатке, повторяя про себя: «Не хочу, и все!»

Проснулся он оттого, что кто-то тряс его за плечо:

– Вставайте, господин хольбитла, вставайте!

Мерри очнулся от своих снов и сел. Было совершенно темно.

– Что случилось? – спросил хоббит.

– Вас зовет Король!

– Но ведь солнце еще не взошло!

– Оно не взойдет, господин хольбитла. Может быть, оно и вообще больше никогда не взойдет. Еще и не в то поверишь, когда эдакая тьма повсюду! Но время не стоит на месте, даже когда нет солнца. Поспешите!

Натянув на себя, что попало под руку, Мерри выглянул из палатки. Все вокруг плавало во мгле. Воздух казался бурым; мгла скрадывала все цвета, кроме черного и серого, и ни один предмет не отбрасывал тени. Стояла ничем не нарушаемая тишина. У страшной тучи, нависшей над миром, не было края; только далеко-далеко у западного горизонта сквозь дымку просачивался слабый свет – туда ненасытные щупальца мрака еще не дотянулись. Над головой прогибался тяжелый полог сплошной бесформенной черноты, и день, вместо того чтобы разгораться, медленно мерк.

Мерри увидел, что у палаток уже толпятся люди; все они стояли, запрокинув головы, и перешептывались. Все лица были серы и озабоченны, на некоторых отражался страх. У Мерри упало сердце. Он поспешил к Королю. Хиргон, гонец из Минас Тирита, опередил его; на этот раз с ним был еще один гондорец, подобный Хиргону лицом и одеждой, но ниже ростом и шире в плечах. Когда Мерри вошел в королевский шатер, этот второй говорил с Теоденом.

– Тьма идет из Мордора, о Король, – услышал Мерри. – Это началось еще вчера, на закате. Я пробирался восточными холмами и видел, как она поднимается и постепенно захватывает небо. Всю ночь она летела за мной и глотала звезды, одну за другой. Сейчас тьма

расползлась по всей стране, отсюда до самых Гор Мрака, и продолжает сгущаться. Война началась.

Теоден долго не говорил ни слова. Наконец он медленно произнес:

– Итак, час пробил! Великая битва нашего времени, которая положит конец столь многому, разразилась! Ну что ж! Прятаться поздно. Теперь мы двинемся кратчайшей дорогой и поскачем со всей скоростью, на какую способны наши лошади. Смотр должен начаться немедленно. Отставших, замешкавшихся – не ждать. Достаточно ли в Минас Тирите запасено еды? Если мы поспешим, то обозы взять с собой не сможем и ограничимся самым необходимым только до первого боя.

– У нас изрядные запасы, – заверил Хиргон. – Мы давно готовимся к осаде. Скачите налегке и поторопитесь.

– Вели трубить сбор, Эомер! – распорядился Теоден. – Пусть всадники седлают коней.

Эомер скрылся – и через минуту в крепости заиграли трубы. Долина отозвалась. Но голос труб, вчера вечером показавшийся Мерри таким чистым и ясным, сегодня, в набухшем тьмой воздухе, звучал хрипло и зловеще.

Король обратил взор на хоббита.

– Я отправляюсь на войну, достойный Мериадок, – сказал он. – Еще немного – и мы выступим. Освобождаю тебя от присяги, но не лишаю своей милости. Ты останешься здесь. Можешь предложить свою службу королевне Эовейн – она будет управлять народом Марки в мое отсутствие.

– Но, государь... – запнулся Мерри. – Я... я же отдал свой меч тебе! Я не хочу прощаться с тобой вот так, ни с того ни с сего, о король Теоден! Все мои друзья ушли в бой, и мне стыдно отсиживаться в безопасности!

– Мы поскачем на сильных, рослых конях, – покачал головой Теоден. – У тебя отважное сердце, но с таким скакуном тебе не справиться.

– Тогда приторочь меня к седлу или разреши пристегнуться к стремени! Мне все равно, как ехать, только возьми меня с собой! –

взмолился Мерри. – Дорога неблизкая, но, если конь мне не по чину, я добегу на своих двоих. Ноги сотру, опоздаю на много недель, а добегу!..

Теоден улыбнулся:

– Уж лучше тогда посадить тебя с собой, на Снежногрива! Но не отчаивайся! Мы еще не расстаемся: тебе предстоит поехать со мной в Эдорас и увидеть Метузельд. Я направляюсь к себе во дворец. Стибба довезет тебя без труда – большая скачка начнется позже, когда мы выедем на равнину.

Эвейн встала.

– Пойдем со мной, Мериадок! – пригласила она. – Я хочу, чтобы ты посмотрел на доспехи, которые я тебе подыскала.

Мерри последовал за ней.

– Арагорн обратился ко мне с одной-единственной просьбой, – сказала Эвейн, пока они шли между палаток. – Он хотел, чтобы я одела и вооружила тебя для боя, и я обещала сделать все, что от меня зависит. Да и сердце говорит мне, что доспехи тебе еще понадобятся.

Они оказались перед небольшим шатром в расположении королевской дружины; оружейник вынес оттуда небольшой шлем, круглый щит и прочее снаряжение, потребное воину.

– Кольчуги на твой рост подобрать не удалось, – с сожалением сказала Эвейн, – а делать на заказ уже некогда. Но я дам тебе крепкую кожаную куртку, пояс и нож. Меч у тебя уже есть...

Мерри поклонился и принял из рук Эвейн щит, очень напоминавший тот, что достался Гимли, – на нем тоже был герб с белым конем.

– Прими это в дар, – сказала она, – и да сопутствует тебе удача. Доброго пути, достойный Мериадок! Может, мы еще встретимся – ты и я!

Тьма сгустилась над дорогой, ведущей на восток, и во тьме собрал король Теоден свое войско, чтобы вести его на битву. На сердце у людей лежала тяжесть, многие трепетали перед Тенью, но народ Теодена был силен духом и верен своему государю, и почти нигде не слышалось ни жалоб, ни плача. Даже женщины, дети и старики, укрывшиеся в лагере-крепости, без ропота встретили судьбу, выпавшую на их долю.

Король Теоден восседал на белом коне, который, чудилось, светится в полумраке. Гордым и высоким казался Король, хотя волосы его, ниспадавшие на плечи из-под шлема, были белы как снег; и не один воин воспрял духом, видя, как тверд и неустрашим их повелитель.

На широких лугах за бурлящей рекой выстроились военные отряды – пять и еще пятьдесят сотен всадников в полном вооружении. За ними стояло еще много сотен роханцев с запасными лошадьми. Над долиной пропела труба. Король поднял руку – и войско молча пришло в движение. Впереди ехало двенадцать славных дружинников Теодена. За ними исследовал сам Король, с Эомером по правую руку. Эовейн простилась с ним на горе, в крепости, и боль прощания еще отзывалась в сердце Теодена – но мысли Короля уже были обращены вперед. Тут же за Теоденом в компании гондорских гонцов трусил пони Мериadoка со своим седоком, а за ними следовало еще двенадцать дружинников Короля. Король миновал длинные ряды воинов, стоявших навтыжку с непроницаемыми, суровыми лицами. Когда до конца первой шеренги оставалось уже совсем немного, Мерри обратил внимание на одного из роханцев. Это был совсем еще молодой всадник, не такой крепкий и рослый, как остальные. Когда свита проезжала мимо, воин поднял глаза и пристально взглянул на хоббита. Серые глаза блеснули – и вдруг по спине у Мерри пробежал холодок: такое лицо могло быть только у обреченного. Этот воин шел искать смерти.

А свита продолжала путь. Убыстряя шаг, Снежногрив спускался по серой дороге вдоль плещущего по камням Снаубурна – мимо деревенок Нижний Харг и Верхний Бурн⁵³⁰, мимо скорбных женских лиц, белевших в темных дверных проемах. Не слышно было ни рогов, ни арф, ни пения. Начинался Великий Поход на восток, о котором потом еще много поколений слагали песни.

*Из Дунхаргской Крепости, в серое утро,
Вышел сын Тенгела со своим войском.
В Эдорас он прибыл; палаты предков
Повиты тьмою, объаты мраком,
В сутеми смерклося золото кровли...
Король поклонился вольному народу,*

*Вечным курганам, высокому трону;
Король поклонился праздничным залам,
Где пировал он при свете солнца...
В путь он пустился; страх пошел следом,
Судьба – навстречу. Суровые клятвы
Принял он в сердце, и все сдержал их.*

*В путь он пустился; пять ночей ехал,
Пять дней вел он племя Эорла
За степи Фолда, за Фириэнхолт⁵³¹.
Шесть тысяч копий вел он в край Солнца,
В Мундбург⁵³² могучий под Миндоллуином:
Крепкую Королей твердыню
Враг опутал, огонь повыжсег...
Рок призвал их, тьма поглотила.
Конь и конник скрылись во мраке.
Стихли в дальней дали копыта...
Так рассказывают легенды.*

Было едва за полдень, когда Король въехал в Эдорас, но тьма к тому часу сгустилась еще больше и неуклонно продолжала сгущаться. Теоден почти не задержался в Золотых Палатах, где войско его пополнилось еще десятком-другим воинов, не поспевших к смотру. После трапезы, перед тем как выступить, Король, обратившись к своему оруженосцу, ласково с ним попрощался, и Мерри в последний раз склонился перед Королем с просьбой не отлучать от себя своего верного слугу.

– Я уже говорил тебе, что эта скачка – не для Стиббы, – нахмурился Теоден. – И что тебе делать в битве, которая разразится на полях Гондора, достойный Мериадок? Ты – мой оруженосец, это так, но храбростью ты вышел больше, чем ростом.

– Кто может знать заранее? – не сдавался Мерри. – Ведь не затем же ты взял меня в оруженосцы, чтобы я отсиживался дома, пока ты воюешь! Не хочу, чтобы в песне потом пелось, как меня не взяли в поход!

– Я обещал беречь тебя, – строго оборвал Теоден. – А ты изволь повиноваться. К тому же никто из всадников не возьмет тебя с собой в седло. Если бы сражение разыгралось прямо у этих ворот, то – кто ведает? – может, и ты совершил бы подвиг, достойный песни. Но до Мундбурга, которым правит Дэнетор, отсюда больше ста лиг. Это мое последнее слово, Мериадок!

Мерри поклонился и, расстроенный, отошел, скользя глазами по рядам воинов, которые готовились к выступлению. Всадники подтягивали подпруги, проверяли седла, поглаживали взволнованных лошадей. Многие тревожно поглядывали на небо, опускавшееся все ниже и ниже. Вдруг один из всадников, подойдя к хоббиту сзади, прошептал ему на ухо:

– У нас говорят: где властна воля, там путь к победе!⁵³³ Я проверил это на себе.

Мерри обернулся, поднял глаза и узнал говорившего. Это был тот самый молодой воин, лицо которого запало ему в душу утром, на смотре.

– По твоему лицу видно, что ты хочешь ехать с Королем, – продолжал всадник.

– Ты угадал, – сознался Мерри.

– Значит, мы с тобой поедem вместе, – сказал всадник. – Я посажу тебя перед собой, накрою плащом – а там ты не успеешь и глазом моргнуть, как мы окажемся в степи. Ну а в степи тьма еще непрогляднее, чем здесь. Твое желание искренне, – значит, надо его уважить. Ничего никому не говори и следуй за мной!

– Спасибо тебе! Спасибо от всего сердца, – вымолвил пораженный Мерри. – Я не знаю твоего имени...

– Право? – тихо переспросил всадник. – Что ж! Тогда зови меня Дернхельм⁵³⁴.

Так случилось, что, когда король Рохана выступил в поход, с ним – в одном седле с роханским воином Дернхельмом – отправился и хоббит Мериадок. Рослый жеребец Виндфола⁵³⁵ даже не ощутил добавочного бремени – Дернхельм, ловкий и стройный, был невысок и легок, не в пример остальным всадникам.

Кони скакали вперед и вперед, в темноту. Первый лагерь был разбит в двенадцати лигах от Эдораса, в приречном лозняке, недалеко

от того места, где Снаубурн впадал в Энтвейю. А поутру – снова вперед, по степям Фолда, пока степь не перешла в заболоченную Фенскую Низину и справа не потянулись обширные дубовые леса, взбиравшиеся по окраинным холмам Рохана к подножию возвышавшегося у границ Гондора темного пика под названием Халифириэн. Слева тонуло в тумане болотистое устье Энтвейи. По дороге до войска доходили слухи о войне, захлестывающей север Рохана. Одинокие всадники, скакавшие во весь опор, приносили вести о том, что с востока на Марку движутся вражьи полчища, а от Стены Эмин Муйла по степям расползаются орки.

– Вперед! Вперед! – кричал Эомер. – Сворачивать поздно! Болота Энтвейи защитят нас. Главное теперь – скорость. Вперед!

Так покинул король Теоден свое королевство. А дорога все вилась, все бежала вперед, оставляя позади лигу за лигой, и проплывали мимо горы-маяки – Каленхад, Мин-Риммон, Эрелас, Нардол. Но огни на их вершинах погасли. Все вокруг было серо и безмолвно; тень сгущалась над головами всадников, и надежда в сердцах постепенно меркла.

Глава четвертая

Осада Гондора

Гэндальф растолкал Пиппина. На столе пылали свечи, сквозь щели в ставнях просачивался какой-то мутный полумрак. Было душно, как перед грозой.

– Который час? – осведомился хоббит, зевая.

– Уже третий, – ответил Гэндальф. – Пора вставать и приводить себя в соответствующий вид. Тебя зовет Наместник – он хочет ввести нового слугу в круг его обязанностей.

– А насчет поесть он как – позаботится?

– Нет. Завтрак тебе принес я. Держи! Тут все, что тебе полагается до полудня. С сегодняшнего дня каждый получает урезанную порцию, и ни крошки лишней, – таков приказ.

Пиппин без особого восторга посмотрел на маленькую булочку и просто смехотворную, по его представлениям, порцию масла. Тут же в чашке белело разбавленное молоко.

– И зачем только ты меня сюда притащил? – вздохнул он.

– Ты и сам великолепно знаешь, – внушительно отчеканил Гэндальф. – Чтобы с тобой не стряслось беды похуже. Так что не вороти нос, а вспомни лучше, что все злоключения свалились на тебя по твоей же собственной вине.

Пиппин промолчал.

Вскоре он уже шел вслед за Гэндальфом по стильным галереям к двери Башенного Зала. В серой полумгле чертога сидел Дэнетор. «Старый, терпеливый паук», – подумал Пиппин. Можно было подумать, что Повелитель со вчерашнего дня так и не сдвинулся с места. Он указал Гэндальфу на стул; Пиппин остался стоять. Он уже заподозрил, что его не заметили, когда Дэнетор вдруг обратился к нему:

– Что ж, любезный Перегрин, надеюсь, ты провел минувший день с пользой для себя и остался доволен? Боюсь, правда, наши трапезы показались тебе скудными...

Пиппина эти слова неприятно поразили: у него возникло чувство, что Повелителю Минас Тирита каким-то образом стало известно все,

что он, Пиппин, сказал и сделал накануне. А может, он и мысли угадывает?... Хоббит счел за лучшее промолчать.

– Какие же ты хочешь предложить мне услуги?

– Я думал, Повелитель, ты сам скажешь, что мне делать.

– Разумеется, но сперва я должен узнать, на что ты годен, – возразил Дэнетор. – А узнать это я смогу, лишь оставив тебя при своей особе. Мой оруженосец просил отпустить его в отряд, охраняющий стены города. Ты временно будешь заменять его. Станешь мне прислуживать, исполнять мелкие поручения – и, если война и военные советы оставят мне хоть сколько-нибудь досуга, развлекать меня беседой. Ты умеешь петь?

– Еще бы, – обрадовался Пиппин и тут же спохватился: – То есть... для своего брата хоббита я пою неплохо, но тут засельские песни, наверное, придутся не ко двору. Они не годятся для дворцов и для черных времен. Кроме ветра и дождя, у нас и горестей-то не бывает. Мы любим петь о чем-нибудь веселом, чтобы можно было посмеяться, ну и, конечно, о пирах и застольях...

– Чем же плохи такие песни для моего дворца? – спросил Дэнетор. – Наш народ много долгих лет жил в соседстве с Тенью, но тем охотнее будем мы внимать песням вашей безмятежной страны. Нам радостно видеть, что бдение наше было не всуе, – ведь иной благодарности за свой труд гондорцы вряд ли дождутся.

Пиппин насупился. Не очень-то ему улыбалось петь перед Наместником засельские застольные песенки! Шуточные, ясно, сразу придется отбросить: уж больно они простенькие. Не к месту... А жаль – они как раз получались у него особенно хорошо... Впрочем, пока Пиппин соображал, как вывернуться, стало ясно – пока что петь его никто не просит. Наместник уже беседовал с Гэндальфом и расспрашивал его о Рохирримах – об их намерениях, об Эомере, королевском племяннике, о положении Эомера при дворе. Пиппин не уставал удивляться Дэнетору. Ведь тот наверняка уже много лет не покидал страны! Как же ему удастся не упустить ни одной мелочи из того, что происходит за пределами Гондора? Откуда ему столько известно?

Наконец Дэнетор будто ненароком вновь заметил хоббита и отослал его.

– Иди в Цитадель, в оружейные палаты, – велел он. – Там тебя оденут и снабдят оружием. Все должно быть готово. Приказ был отдан еще вчера. Переоблачись и возвращайся!

Как и обещал Наместник, к приходу хоббита все оказалось готово, и вскоре Пиппин увидел себя в новом обличье. Платье было двух цветов – черного и серебряного. Кольчугу, по всей вероятности, выковали из стали, но стали черной, как агат; высокий шлем с обеих сторон украшали крылья ворона, а над лбом сияла вписанная в круг серебряная звезда. Поверх кольчуги Пиппин надел короткую черную куртку с вышитым на груди гербом – серебряным деревом на черном поле. Старую хоббичью одежду свернули и отнесли на склад, разрешив Пиппину оставить при себе только серый лориэнский плащ, да и то предупредив, что надевать его можно будет лишь в свободное от службы время. Теперь хоббит, сам того не ведая, выглядел и впрямь ни дать ни взять *Эрнл-и-Ферианнат*, Принц Невеличков, как его прозвали гондорцы. Но сам Принц Невеличков чувствовал себя в новом наряде весьма неудобно. К тому же темнота начинала его не на шутку угнетать.

Весь день так и прошел в полумгле. Рассвет потонул в тучах, и до самого вечера мрак все сгущался и сгущался, тяжело оседая на сердце каждого, кто не уехал из города. Из Черной Страны медленно выползала, поглощая последний свет, огромная туча, подгоняемая ветром войны. Внизу воздух был душен и неподвижен, как перед бурей. Долина великого Андуина ждала первого разрушительного шквала.

Около одиннадцати Дэнетор на время отпустил Пиппина, и хоббит вышел из Башни раздобыть еды, развлечься и хоть как-то скрасить тоскливое времяпровождение на побегушках у Дэнетора. В трапезной хоббит снова повстречал Берегонда, только что возвратившегося с полей Пеленнора: его посылали туда с поручением к воинам, охраняющим Сторожевые Башни у Насыпи. Пиппин и Берегонд снова поднялись на стену: Пиппин хотел сменить обстановку – в Башне он чувствовал себя как в тюрьме, и, какой бы просторной ни была Цитадель, воздух ее казался ему спертым. Отыскав место, где они угощались и беседовали за день до того, Пиппин с Берегондом снова обосновались на каменной скамье у бойницы.

Был час заката, но полог тьмы простерся уже и на запад; только в последнее мгновение, прежде чем погрузиться в Море, солнце успело бросить на город один-единственный луч. Это был тот самый луч, что коснулся на прощание короны поверженного короля на Перепутье и заставил Фродо обернуться. Но поля Пеленнора, скрытые тенью Миндоллуина, не увидели солнца – они остались тусклыми и бурными.

Пиппину казалось, что с того утра, когда он взошел на стену в первый раз, минули годы; он уже начинал забывать это время. Тогда он еще был хоббитом – легкомысленным путешественником, которого мало касались беды и тревоги этой чужой для него страны. Теперь он стал маленьким воином в огромном городе, готовящемся отразить страшное нападение; теперь на нем было гордое и мрачное одеяние Сторожевой Башни...

В другом месте и в другое время такая игра в переодевания, пожалуй, показалась бы Пиппину забавной, но сейчас он слишком хорошо понимал, что обрядили его не для балагана: он нес настоящую, серьезную службу у сурового и строгого Повелителя, в дни смертельной опасности. Кольчугу Пиппин находил тяжеловатой, шлем давил на голову. Сняв плащ, хоббит положил его на каменную скамью, отвел усталый взгляд от уходящих во тьму полей под стенами крепости, зевнул и тяжело вздохнул.

– Устал за день? – посочувствовал Берегонд.

– Еще бы! – махнул рукой хоббит. – Так намаялся ничегонеделанием, что ужас! Все пятки себе оттоптал. Стоишь, стоишь у дверей, ждешь, дожидаясь, а Наместник все ведет разговоры, и нет им конца: то он с Гэндальфом никак не расстанется, то князя Имрахила у себя томит, то из других важных персон жилы тянет. И я не привык, Берегонд, ну не привык я на голодный желудок прислуживать за чужими столами! Для хоббита, поверь, это ужасное испытание! Ты, конечно, считаешь, что я мало ценю оказанную мне честь и тому подобное. А какая мне выгода от такой чести? Даже от еды и питья в этой тьме ползучей никакого утешения. Кто мне объяснит, что все это значит? Ты видишь, какой стал воздух? Спертый, бурый... У вас что, вообще все туманы такие? Или только когда ветер с востока?

– Нет, – покачал головой Берегонд, – погода этого мира тут ни при чем. Это – козни Того, Кого Нельзя Называть. Он наслал на нас

ядовитый дым из Огненной Горы, чтобы сердца наши помрачились, а разум помутился. Надо сказать, это ему почти удалось. Скорее бы вернулся Фарамир! Его на испуг не возьмешь... Только как он выберется из Тьмы? Сможет ли переправиться через Реку? Кто знает?..

– Гэндальф тоже в тревоге, – поделился Пиппин. – Мне кажется, он сильно расстроился, когда узнал, что Фарамира еще нет. Только куда подевался сам Гэндальф? Вот что хотел бы я знать! Перед вторым завтраком он ушел с совета – и, сдается мне, был сильно не в духе. Предчувствует, наверное, что-то. Или дурные вести получил?..

Вдруг хоббит оборвал себя на полуслове, и оба замерли, словно обратившись в камень. Пиппин, затыкая уши, сполз на каменный пол, а Берегонд, как раз выглянувший наружу, весь напрягся и вытаращил глаза. Пиппину, как никому, был знаком этот леденящий вопль, потревоживший когда-то далекие засельские рощи близ Плавней, но теперь вопль этот набрал силы и налился такой ненавистью, что разил насмерть, – и казалось, надеяться больше не на что.

– Это они!.. Наберись духу, посмотри вниз! – с трудом проговорил Берегонд. – Видишь? Там чудовища!

Пиппин через силу вскарабкался на каменную скамью и выглянул. Внизу по-прежнему расстилались темные поля Пеленнора; вдали, где все сливалось во мгле, смутно угадывалась река. Но добавилось и новое. Над равниной, словно тени безвременной ночи, вились пять гигантских существ, отдаленно похожие на птиц, – отвратительные, как стервятники, но крупнее любого стервятника и страшные, как сама смерть. Птицы то подлетали чуть ли не к самым стенам (не ближе, правда, чем на расстояние выстрела), то, описав круг, неслись прочь.

– Черные Всадники! – выдавил из себя хоббит. – Летучие Черные Всадники! Но смотри, Берегонд! – И вдруг сорвался на крик: – Они что-то высматривают! Гляди! Они кружат все время над одним местом. Они снижаются, видишь? Там движется что-то маленькое, черное... Ой! Это люди! Они верхом! Четыре или пять всадников! Ох! Не могу смотреть на это! Где же Гэндальф? Гэндальф! Спаси нас! Помоги!

Снова взвился к небу ужасный крик. Пиппин отскочил от стены и скорчился на каменных плитах, глотая воздух, как затравленный зверек. И тут сквозь жуткий вопль Назгула до его ушей вдруг донесся далекий голос рога, игравшего на высокой ноте.

Тут уже закричал Берегонд:

– Фарамир! Это же наш Фарамир! Это его рог! Он не убоился! – возликовал он, но тут же осекся: – Но как же он пробьется к Воротам? А если у этих нечистых коршунов не только страх в запасе? Смотри! Отряд еще держится! Они скачут к Воротам!.. Нет! Ничего не выйдет! Кони понесли! Смотри! Они сбросили всадников. Люди бегут к Воротам... Нет – один еще в седле, но он скачет назад, к остальным. Это, должно быть, Командир! Его слушаются и люди, и животные... А-а! Чудище летит прямо на него! Снижается! На помощь! На помощь! Неужели у Ворот никого нет? Неужели никто не выйдет к нему? Фарамир!

С этими словами Берегонд метнулся прочь и опрометью кинулся вниз, в темноту.

Пиппина ожег стыд. Берегонд забыл о себе ради любимого командира, а новый оруженосец Дэнетора при первой же опасности показал себя трусом! Хоббит совладал с собой, поднялся и снова выглянул наружу. В тот же миг на севере, во тьме равнин, блеснула серебряная звезда. Она стремительно росла – и вскоре поравнялась с людьми, бегущими к Воротам. Пиппину показалось, что от приближающегося всадника исходит слабый свет и тяжкая мгла вокруг расступается. Эхом разнесся над стенами отзвук далекого призывного крика.

– Гэндальф! Гэндальф! – заорал Пиппин. – Я знал! Я знал! Он всегда рядом, когда страшно! Вперед, Белый Всадник! Гэндальф, Гэндальф!

Он надрывал голос, забыв, что его никто не слышит, – точь-в-точь как зритель на больших скачках.

Но и крылатые тени, кружащие над землей, заметили нового противника. Один из Черных развернулся и снизился над Белым Всадником – но тот, как показалось Пиппину, поднял вверх руку, и в небо ударил пучок белого света. Протяжно вскрикнув, Назгул взмахнул крыльями и отпрянул; четверо других на мгновение замешкались – а затем по спирали взвились вверх и скрылись в нависающей тьме. Над Пеленнором ненадолго посветлело.

Пиппин видел, как Фарамир встретился с Белым Всадником и как оба они придержали коней, поджидая пеших. Из города к ним уже бежали. Вскоре стена скрыла их от глаз Пиппина, и он понял, что прибывшие вошли в город. Догадываясь, что они отправятся прямо в

Башню, к Наместнику, Пиппин побежал к Воротам и вскоре оказался в толпе людей, которые, по-видимому, как и он, смотрели со стен на разыгравшееся сражение и его спасительный исход.

Вскоре на улицах кипела толпа. В общем ликовании то и дело слышались имена Фарамира и Митрандира. Наконец Пиппин увидел факелы и, в тесном кольце толпы, двух всадников, едущих медленным шагом. Один был весь в белом; он не светился больше – фигура его в полумраке казалась бледной, будто схватка пригасила пламеневший в нем огонь. Другой, в темной одежде, ехал опустив голову. У последнего яруса крепости оба сошли с коней, передав их под опеку конюших, и направились к Верхним Воротам. Гэндальф шел твердым шагом, откинув с плеч серый плащ; глаза его еще горели. Его спутник, одетый в зеленое, слегка пошатывался на ходу, как раненый или смертельно усталый человек.

Пиппин пробрался в первые ряды и в свете фонарей, под аркой, смог лучше разглядеть бледное лицо Фарамира. У него перехватило дыхание. Он понял, что этот человек только что пережил великий страх, а может, и боль, но могучим усилием воли сумел с ними совладать – и теперь вновь был спокоен. Вот он уже сурово и с достоинством говорит что-то стражникам... Но как же он похож на Боромира, которым хоббит восхищался с самой первой минуты до последней, неизменно поражаясь его величию, так просто уживавшемуся с добротой! И тут в сердце у Пиппина проснулось новое, неизведанное чувство. Ему показалось, что в Фарамире – как иногда в Арагорне – проглядывает некое высшее достоинство. Арагорн, конечно, выглядел величественнее, – но Фарамир зато казался более близким и доступным. Поистине, в жилах Фарамира тоже текла кровь древних Королей – разве что чуть разбавленная мудростью и печалью Старшего Племена. Пиппин понял, почему Берегонд с такой любовью произносил его имя. За такими людьми идут без колебаний даже в тень черных крыльев...

– Фарамир! – громко закричал Пиппин вместе с остальными. – Фарамир!

Фарамир услышал его голос, выделившийся из общего хора, обернулся, глянул вниз – и несказанно изумился.

– Откуда ты здесь? – поднял он брови. – Невеличек в цветах гондорской стражи! Какими судьбами?..

Но тут Гэндальф шагнул к нему и быстро сказал:

– Он прибыл со мной из Страны Невеличков. Не будем терять времени! Нам надо многое обсудить и многое сделать, а ты утомлен. Невеличек пойдет с нами – ибо, если он не хуже меня помнит о своих новых обязанностях, он должен знать, что ему вновь пора предстать перед Повелителем. Идем, Пиппин! Следуй за нами!

Наконец они оказались в личных покоях Наместника. Перед камином, в котором краснели угли, были расставлены сиденья. Слуги подали вино. Пиппина, стоявшего за креслом Дэнетора, почти не было видно, но хоббит глядел во все глаза и слушал во все уши, почти позабыв об усталости.

Фарамир взял с блюда кусочек белого хлеба, отпил вина и сел на низкую скамью по левую руку от отца; Гэндальф опустился на резной деревянный стул, стоявший с другой стороны чуть поодаль, и, казалось, задремал. Поначалу Фарамир говорил только о вылазке, которую предпринял по приказу Наместника десять дней назад. Он принес известия из Итилиэна и сведения о передвижениях Врага и его союзников; рассказал о том, как был выигран бой у дороги и наголову разбито войско, шедшее из Харада, как обезвредили огромного зверя; короче, это был один из тех докладов, которые повелитель Минас Тирита слышал от него уже не раз, – простое донесение о мелкой приграничной стычке, которая сейчас казалась детской игрой, потерявшей всякое значение и не заслуживающей особой награды.

Вдруг Фарамир перевел взгляд на Пиппина.

– Теперь я перехожу к рассказу о вещах довольно странных, – сказал он. – Ибо этот невеличек – не первый на моем пути выходец из северных легенд, ступивший на наши южные земли...

Гэндальф выпрямился и крепко сжал руками подлокотники своего сиденья, но смолчал и взглядом остановил возглас, готовый сорваться с губ Пиппина. Дэнетор взглянул на их лица и кивнул головой, давая понять, что он догадался о многом. В наступившей напряженной тишине Фарамир не спеша продолжил свой рассказ, во время которого не сводил глаз с волшебника, лишь изредка взглядывая на Пиппина – словно для того, чтобы освежить в памяти образы других невеличков, встреченных за Андуином.

Пока Фарамир повествовал о Фродо, о его слуге и о происшествии в Эннет Аннун, Пиппин заметил, что руки Гэндальфа, впившиеся в резные ручки стула, слегка трясутся. Сейчас это были бледные, дряхлые руки столетнего старика. Пиппина пробрал страх. Он понял, что Гэндальф – сам Гэндальф! – встревожен и даже – может ли такое быть? – боится! Воздух в комнате был душен и неподвижен. Наконец Фарамир заговорил о том, как прощался с новыми знакомыми, и об их решении идти на перевал Кирит Унгол. На этом месте голос его дрогнул, он покачал головой и тяжело вздохнул. Гэндальф резко вскочил:

– Значит, Кирит Унгол? Долина Моргула? Когда все это случилось, Фарамир? Когда ты с ними расстался? Когда они должны были добраться до этой проклятой долины?

– Мы расстались позавчера утром, – подсчитал Фарамир. – Если они и в самом деле пошли прямо на юг, до Моргулдуина им оставалось лиг пятнадцать, а потом еще пять на восток, до Проклятой Башни. До Минас Моргула им идти в лучшем случае дня два. Может статься, они еще в пути. Я понимаю, чего ты опасаясь, Гэндальф. Однако тьма не имеет к ним никакого отношения. Мрак начал напоздать на мир еще вчера вечером, и за ночь Итилиэн оказался под Тенью. Враг давно готовил это нападение, и мне совершенно ясно, что час наступления был определен задолго до того, как невелички покинули расположение моего отряда.

Гэндальф большими шагами мерил комнату.

– Утром! Позавчера! Почти три дня пути! Где же вы распрощались? Далеко отсюда?

– Около двадцати пяти лиг по прямой, – прикинул Фарамир. – Но вернуться раньше я не мог, как ни старался. Вчера мы стояли на Кайр Андросе⁵³⁶ – длинном острове на Андуине, который мы пока сохранили за собой. Напротив, на этом берегу Реки, для нас держат лошадей. Когда наступила Тьма, я понял, что надо спешить, а потому, покидая остров, захватил с собой только трех воинов, по числу коней. Остальным я отдал приказ двигаться к югу и укрепить охрану у переправы под Осгилиатом. Надеюсь, я не совершил огреха? – И он взглянул на отца.

– Огреха?! – переспросил Дэнетор, и глаза его внезапно сверкнули. – Зачем ты осведомляешься у меня об этом? Отряд целиком

и полностью отдан под твое начало. Или, может, ты хочешь услышать, что думаю я о других твоих деяниях? При мне ты выказываешь смирение, но давно уже минули времена, когда мой совет мог склонить тебя к отказу от собственного решения! Речи твои изворотливы, как всегда, но разве я не видел, что ты неводишь глаз с Митрандира, словно вопрошая: так ли говорю, не слишком ли многое открыл?.. Митрандир давно овладел твоим сердцем, и я знаю это. Да, сын мой, твой отец стар, но разум его еще не повредился. Я все вижу и все слышу, как и прежде. От моего внимания не ускользнуло ничто из того, о чем ты умолчал или не договорил. Мне ведома разгадка многих тайн. Увы мне, увy! Зачем потерял я Боромира?!

– Чем я не угодил тебе, отец? – спросил Фарамир, храня спокойствие. – Поверь, меня тяготит то, что я не мог испросить твоего совета и вынужден был принять бремя столь трудного решения на свои плечи.

– Разве мой совет повлиял бы на твой поступок? Нет! Ты и тогда рассудил бы по-своему. Я зрю тебя насквозь. Ты тщишься казаться великодушным и щедрым, как древние короли, ты кроток, учтив и спокоен. Быть может, это и пристало потомку великого рода, который правит в дни мира, но в час смертельной опасности за кротость можно поплатиться жизнью.

– Я готов, – сказал Фарамир.

– Он готов! – язвительно воскликнул Дэнетор. – Но ты расплачиваешься не только своей жизнью. Ты собираешься поставить на кон жизнь твоего отца, а с ним и целого народа, который ты призван был защищать, став на место Боромира!

– Ты сожалеешь, отец мой, что жребий Боромира выпал ему, а не мне? – промолвил Фарамир.

– Воистину так! – бросил Дэнетор. – Боромир был послушным сыном! Он не пошел бы в ученики к волхвователю. Он вспомнил бы, как трудно приходится его отцу, и не бросил бы на ветер сокровище, которое дал ему в руки случай. Он принес бы этот могущественный дар мне!⁵³⁷

Фарамир на миг потерял самообладание:

– Вспомни, отец, почему я, а не мой брат оказался в Итилиэне. Не твоя ли была на то воля? Ты сам избрал Боромира и благословил его на путь, и никто не смел оспорить твоего решения.

– Не добавляй горечи в чашу, которую я сам для себя наполнил, – прервал его Дэнетор. – Вот уже много ночей, как я пью из нее, предчувствуя, что самая едкая горечь окажется на дне. Сегодня тревоги мои обрели воплощение. Если бы только все было по-иному! Если бы только эта вещь попала ко мне!..

– Не печалься об этом, – отозвался Гэндальф. – Она бы к тебе никогда не попала. Боромир не принес бы ее тебе. Он погиб, и погиб славной смертью; пусть же сон его будет мирным. Не обольщайся напрасной мечтой, о Дэнетор. Если бы Боромир протянул руку за этой вещью, он неизбежно пал бы. Он не отдал бы ее никому. Если бы он завладел ею, ты не узнал бы своего сына.

Лицо Дэнетора заледенело.

– Боромир оказался не так податлив, как тебе хотелось, Митрандир. Понимаю, – негромко проговорил он. – Но я, его родной отец, говорю тебе, что Боромир отдал бы мне все, что бы я ни попросил. Может, ты и мудр, Митрандир, но при всей твоей тонкости разуму твоему есть предел. Одни влекутся в сети, расставленные чародеями, другие вверяют себя опрометчивым глупцам – но есть и другие пути. Я мудрее, чем ты думаешь, и мне ведомо гораздо больше, чем ты мнишь, Митрандир!

– В чем же твоя мудрость? – спросил Гэндальф.

– Мне достало бы ее с лихвой, чтобы провидеть оба зла! Использовать эту вещь опасно, я не спорю. Но вложить ее в руки несмысленного невеличка и отправить прямым в руки Врага, как сделал ты, Митрандир, с помощью моего недальновидного сына, – чистое безумие!

– А как поступил бы Правитель Дэнетор?

– О, он не совершил бы ни первой, ни второй ошибки! А главное – он не позволил бы убедить себя никакими доводами и не доверил бы эту вещь случаю, ибо на случай может надеяться только безумец. Все завершилось тем, что Враг возвратит себе потерянное, и это будет нашим окончательным поражением. Эту вещь надо было скрыть, сохранить, глубоко и надежно, и беречь паче зеницы ока. Я уже сказал, что использовать ее мы не стали бы, разве что в самую тяжелую минуту. Главной нашей задачей было бы держать эту вещь вне досягаемости Врага. Конечно, его окончательная и бесповоротная

победа не позволила бы нам этого сделать, но в случае его победы исход был бы нам уже безразличен, ибо мы были бы мертвы.

– Ты мыслишь как истый Правитель Гондора и печешься только о своей стране, – сказал Гэндальф. – Но существуют еще другие страны, другие жизни и будущие времена. Что до меня, то я испытываю жалость даже к рабам Врага...

– Но кто придет на помощь другим племенам, если Гондор потерпит поражение? – едко спросил Дэнетор. – Будь эта вещь у меня, в глубоких подземельях моей Крепости, мы не трепетали бы перед Тенью и не страшились бы худшего из возможных исходов, как теперь. Мы могли бы держать совет, никем не тревожимые. Если ты не имеешь мне веры, если мнишь, что я не выдержал бы испытания, ты плохо знаешь меня, Митрандир!

– И все-таки я тебе не верю, Дэнетор, – бесстрастно произнес Гэндальф. – Иначе я сразу прислал бы тебе эту вещь, избавив и себя, и других от немалых хлопот и опасностей. Более того, слушая тебя теперь, я верю тебе еще меньше. Так было и с Боромиром. Не поддавайся гневу! Когда речь заходит об этом деле, я не верю даже самому себе. Я отказался взять эту Вещь, хотя мне ее предлагали. Ты силен духом, Дэнетор, я знаю, как владеешь ты собой, но, окажись она у тебя, не ты ею, а она тобой овладела бы. Даже если бы ты спрятал ее под корнями Миндоллуина, она и оттуда выжгла бы твой разум, и тем скорее, чем быстрее сгущался бы мрак над твоей Башней. А потом стряслось бы нечто куда более страшное, чем то, что нас ожидает теперь...

Глаза Дэнетора снова сверкнули; он посмотрел Гэндальфу в лицо. Пиппину показалось, что воли двух старцев скрестились, как два клинка, рассыпающих искры. Он задрожал, ожидая сокрушительного удара, но взгляд Дэнетора погас так же внезапно, как и загорелся, а лицо снова превратилось в маску. Он пожал плечами:

– Если бы, если бы... Сколь велика тщета этих «если бы»! Вещь, о коей мы говорим, канула в Тень. Только время покажет, какая судьба постигнет ее и нас. Увы! Ожидание наше будет кратким. Но в те дни, что отведены нам, да будут едины все, кто, каждый на свой лад, сражается с Врагом, и да будет крепка их надежда на победу. А когда надежда иссякнет – что ж, пусть им достанет мужества умереть свободными.

Он повернулся к Фарамиру:

– Что ты можешь сказать про Осгилиат? Велик ли там гарнизон?

– Он весьма немногочислен, – ответил Фарамир. – Но, как я уже докладывал, я усилил его своими людьми.

– По моему разумению, этого недостаточно, – проронил Дэнетор. – На Осгилиат обрушится первый удар. Там потребен сильный командир.

– И там, и много где еще, – вздохнул Фарамир. – Увы моему брату, которого я так любил!

С этими словами он поднялся, спросив напоследок:

– Могу ли я идти, отец?

Тут он покачнулся и схватился за спинку кресла, на котором восседал Наместник.

– Я вижу, ты утомлен, – заметил Дэнетор. – Говорят, тебе пришлось проделать дальний путь и над тобой кружили Тени.

– Не будем говорить об этом, – сказал Фарамир.

– Ну что ж, – ответил Дэнетор. – Тогда иди и отдохни, пока это еще возможно. Завтрашний день будет к нам не так милосерден, как сегодняшний.

Правитель Дэнетор отпустил от себя Гэндальфа с Пиппином, и они отправились на отдых, пока время еще позволяло. Когда волшебник и хоббит возвращались к себе, на улицах стоял мрак – черный и беззвездный, и Пиппин присвечивал Гэндальфу небольшим факелом. Пока за ними не затворились двери дома, никто из них не проронил ни слова. Только внутри Пиппин взял Гэндальфа за руку.

– Скажи скорее, – взмолился хоббит, – есть ли у него хоть какая-нибудь надежда? Я имею в виду Фродо – то есть, по крайней мере, в основном Фродо...

Гэндальф положил ладонь ему на голову.

– Надежды и с самого начала было немного, – сказал он. – Да и та дутая, как мне только что изволили объяснить. А когда я услышал название Кирит Унгол... – Он оборвал себя на полуслове и подошел к окну, будто пытаясь проникнуть взором сквозь толщи мрака. – Кирит Унгол! – пробормотал он. – Но почему? Почему?

Он повернулся к Пиппину:

– Когда я услышал это название, у меня, честно сказать, оборвалось сердце. И все же новости, если подумать, не так уж и плохи. Из слов Фарамира ясно, что, когда Враг сделал свой первый ход, Фродо был еще на свободе. Значит, Глаз еще много дней будет смотреть за пределы своей страны. Даже отсюда я чувствую его страх, Пиппин, страх и спешку. Он сделал ход раньше, чем собирался. Случилось что-то, что его подстегнуло.

Гэндальф смолк, размышляя.

– Между прочим, не исключено, что нам помогла твоя дурацкая выходка, малыш, – негромко проговорил он наконец. – Посчитаем-ка. Пять дней назад Враг должен был узнать, что Саруман разгромлен и Камень у нас. С другой стороны, что здесь такого? Мы все равно не могли бы воспользоваться Камнем без того, чтобы Враг не прознал об этом. А вдруг... Вот оно что! Вдруг это Арагорн? Его время уже близко. У Арагорна сильная, нестигаемая воля, Пиппин. Он смел и властен. Он сам принимает решения – и, если нужно, может пойти на великий риск. Вполне может статься, что дело в нем... Он мог воспользоваться Камнем и явить себя, бросив вызов, именно для того, чтобы раздражить Врага. Неужели? Впрочем, ответа мы не узнаем, пока не придут роханцы... если они придут не слишком поздно. Впереди у нас тяжелые дни. А теперь – спать! Спать, пока еще можно!

– Но... – начал Пиппин.

– Что там у тебя еще? Сегодня разрешаю только одно «но», не больше!

– Голлум, – выпалил Пиппин. – Как могло получиться, что они идут вместе, больше того – что Голлум у них вроде как за проводника? Я же видел, что Фарамиру это место, куда они отправились, нравится не больше, чем тебе. Что-то у них там не сладилось. Только что?

– Трудно сказать, – развел руками Гэндальф. – Но я давно подозревал, что Фродо и Голлум еще повстречаются. На счастье или на погибель – не знаю. А о перевале Кирит Унгол я пока говорить не хочу. Я боюсь предательства. Предательства, Пиппин! Но пусть будет, что будет. Не станем забывать, что иногда предателю случается предать самого себя и невольно послужить добру. Редко, правда, но такое бывает... Доброй ночи!..

Утро следующего дня напоминало скорее бурые вечерние сумерки, и люди, воспрявшие было, когда вернулся Фарамир, снова пали духом. Правда, крылатых Теней в этот день не видели, но иногда с высоты долетал слабый отзвук страшного крика, и люди, пораженные минутным ужасом, замирали на месте, а те, что были послабее, дрожали и плакали.

Фарамира в столице уже не было. «Отдышаться и то не дали, – шептались между собой люди. – Повелитель хочет от сына слишком многого. Он хочет, чтобы теперь, когда нет старшего, младший заменил и его...» Взоры то и дело обращались на север, и у всех на устах был один и тот же вопрос: «Где роханские всадники?»

Фарамир действительно покинул город не по собственному выбору. Наместник безраздельно правил в Совете и в тот день не расположен был слушать никого; но все же рано утром Совет был созван, и военачальники в один голос подтвердили: с юга угрожает слишком серьезная опасность, чтобы предпринять что-либо до прибытия роханских всадников. Все, что можно было сделать, – это поставить на стены воинов гарнизона и выжидать.

– Но нельзя с такой легкостью пренебрегать и внешними укреплениями, – строго возразил Дэнетор. – Стены Раммаса стоили нам слишком больших трудов. К тому же Враг должен дорого заплатить за переправу. Если он восхочет угрожать столице, ему не переправиться ни у Кайр Андроса, где болота, ни на юге, в Лебеннине, – там Река разливается слишком широко, и нужно снаряжать целый флот, чтобы переплыть ее. Удар придется на Осгилиат, как и в тот раз, когда Боромир преградил дорогу неприятелю.

– Но то была только пробная попытка, – заметил Фарамир. – Сегодня, даже если переправа обойдется Врагу в десять раз дороже, чем нам, мы потеряем неизмеримо больше, ибо он может без ущерба для себя пожертвовать целой армией, а нам дорог каждый отряд. И потом, если неприятель переправится успешно, отступление тех, кто защищает отдаленные посты, будет весьма затруднено.

– А что станет с Кайр Андросом? – задал вопрос князь Имрахил. – Ведь если мы хотим удержать Осгилиат, надо защищать и остров. Не будем также забывать, что нам грозит опасность еще и с левого фланга. Роханцы могут прийти, но могут и не прийти, а Фарамир

сообщил нам, что к Черным Воротам подтягиваются все новые и новые силы. Враг способен бросить на нас несколько армий и нанести удар сразу с нескольких сторон.

– На войне приходится рисковать, – невозмутимо возразил Дэнетор. – На Кайр Андросе достаточно большой гарнизон. Усилить мы его не сможем, ибо это слишком далеко. Но пусть все знают, что, если только у меня найдутся полководцы, готовые без колебаний выполнять приказы своего Повелителя, Реку и Пеленнор я без боя не отдам.

Все замолчали. После долгой тишины Фарамир подал голос.

– Я не хотел бы прекословить тебе, мой Повелитель, – сказал он. – Ты лишился Боромира, но я готов, если прикажешь, идти вместо него, куда бы ты ни послал меня, и сделаю все возможное, чтобы достойно заменить брата.

– Приказываю тебе идти, – изрек Дэнетор.

– Тогда прощай! – отозвался Фарамир. – И надеюсь, что мне удастся снискать твою благосклонность, если я вернусь!

– Смотри с чем ты вернешься, – ответил Дэнетор.

Последним, с кем говорил Фарамир перед тем, как отправиться на восток, был Гэндалф.

– Не спеши, не рискуй жизнью понапрасну, ни сгоряча, ни от горечи сердечной, – попросил его волшебник. – Ты еще будешь нужен для мирных дел. Отец тебя любит, Фарамир, и он вспомнит об этом прежде, чем наступит конец. Прощай!

Так благородный Фарамир отправился навстречу опасности, взяв с собой столько добровольцев, сколько можно было выделить из гарнизона крепости. Люди стояли на стенах, глядя в сторону разрушенного Осгилиата, и пытались разглядеть, что там происходит, – но все скрывала тьма. Многие обращали взоры к северу и мысленно считали лиги от Эдораса до Минас Тирита. «Придут ли роханцы? Не забыл ли Теоден старую дружбу?» – спрашивали они в тревоге.

– Теоден придет, – говорил Гэндалф. – Придет, но, скорее всего, слишком поздно. Посчитайте сами! Красная Стрела достигла Рохана не раньше чем третьего дня, а дорога от Эдораса неблизкая...

Первые вести докатились до Гондора ночью. С переправы на Андуйне опрометью прискакал гонец и доложил, что из крепости Минас Моргул вышла большая армия и движется к Оспиляту. По дороге к ней присоединяются полки рослых и не знающих жалости Харадримов.

– Нам стало известно, что во главе армии снова стоит Черный Король, – добавил гонец. – Он еще на том берегу, но страх, идущий впереди него, уже перекинулся за Реку.

Этим грозным известием окончился третий день пребывания Пиппина в Минас Тирите. Мало кто смог заснуть в эту ночь. Всем было ясно, что надежды почти не осталось и что даже Фарамир не сможет долго защищать переправу на Андуйне.

К утру тьма перестала сгущаться, но сделалась еще непереносимее. Сердца людей переполнял страх. Вскоре пришли тревожные вести. Враг переправился через Андуйн; Фарамир, отброшенный к стенам Пеленнора, пытается собрать свои отряды у сторожевых застав, близ Насыпи, но противник располагает силами в десять раз большими...

– Если Фарамир будет отступать через поля Пеленнора, неприятель легко его настигнет, – сообщил примчавшийся гонец. – Переправа стоила Врагу дорого, но мы надеялись, что он заплатит дорожке. Оказалось, что в восточном Оспиляте давно уже тайно подготовили плоты и баржи. Они в один миг заполнили реку – все равно что черные жуки!.. Но не в этом дело. Черный Король – вот наша погибель! Мало кто может устоять и не обратиться в бегство, заслышав о его приближении. Его собственные подданные дрожат и разбегаются перед ним и по его слову готовы лишиться себя жизни.

– Значит, я больше нужен там, чем здесь, – молвил Гэндальф.

Он вскочил на Скадуфакса, мелькнул вдали белой искрой – и исчез во тьме.

Всю ночь Пиппин не мог заснуть – он одиноко стоял на стене и глядел на восток.

Едва успели колокола словно бы в насмешку возвестить рассвет нового дня, как мутная даль у стен Пеленнора запылаха вспышками. Часовые громко оповестили об этом, и защитники Минас Тирита

приготовились к бою. Вдали то и дело вспыхивало красное пламя, и душный воздух разносил приглушенные раскаты грома.

– Они уже у стен! – кричали гондорцы. – Они пробивают в них бреши! Враг наступает!

– Где Фарамир? – повторял Берегонд в отчаянии. – Только не говорите, что он погиб!

Первые вести привез Гэндальф. Незадолго до полудня он появился у стен города с несколькими всадниками, сопровождавшими десяток крытых повозок; на них везли раненых, уцелевших в битве за Насыпь. Не медля ни минуты, Гэндальф отправился к Дэнетору. Он застал Наместника в верхних покоях, над Большим Залом Белой Башни. За его креслом стоял Пиппин. Обращая взор потемневших глаз в тусклые окна то на юг, то на восток, то на север, Дэнетор напрягал зрение, пытаясь проникнуть за роковую завесу Тьмы, окружившую его со всех сторон. Но чаще всего он оборачивался к северу и прислушивался, будто надеясь при помощи неведомого древнего искусства расслышать далекий топот конских копыт.

– Возвратился ли Фарамир? – спросил он.

– Нет еще, – отвечал Гэндальф. – Но когда я видел его в последний раз, он был еще жив. Он решил остаться с арьергардом, чтобы отход через поля Пеленнора не превратился в паническое бегство. Может быть, ему удастся еще ненадолго удержать солдат в повиновении, но я в этом сомневаюсь. Он встретился с врагом, которого ему не одолеть. Явился тот, кого я опасался более всего.

– Как?! Неужели сам Черный Властелин? – ахнул Пиппин, от страха забыв все приличия.

Дэнетор саркастически рассмеялся:

– Нет, нет покуда, уважаемый Перегрин! Он явится только после победы – насладиться своим торжеством надо мною. В бой он шлет других. Так поступают все великие повелители, если они воистину мудры, запомни это, сударь невеличек! Иначе разве сидел бы я сейчас в своей башне, бездействуя и жертвуя собственными сыновьями? Знай, что рука моя еще способна держать меч!..

Наместник встал, распахнул длинный черный плащ, и – диво! – под ним оказались кольчуга и длинный, с огромной рукоятью, меч в черно-серебряных ножнах.

– Так я хожу вот уже много лет, а в последние годы не снимаю этого наряда и по ночам, – молвил он, – дабы тело мое не стало дряблым и бессильным.

– Но внешние стены твоей столицы уже взяты именем властителя замка Барад-дур, и взял их самый ужасный из его полководцев, – сказал Гэндальф. – Тот, кто был некогда Чернокнижником, Королем Ангмара, тот, кто ныне зовется Кольцепризраком, предводителем Назгулов, копьем страха в руке Саурона и тенью отчаяния.

– Значит, Митрандир, у тебя есть достойный противник, – спокойно молвил Дэнетор. – Что до меня, то мне уже давно ведомо, кто стоит во главе армий Черной Башни. Ты возвратился только для того, чтобы сообщить мне об этом? Или – может ли такое быть? – ты отступил перед тем, кто сильнее?

Пиппин задрожал, думая, что Гэндальф взорвется гневом, но страхи оказались напрасными.

– Могло бы произойти и так, – негромко проговорил волшебник. – Но проба сил еще впереди. К тому же, если верить сказанному в прошлом, он падет не от руки мужа, и даже от Мудрых скрыто, что за судьба его постигнет. Как бы то ни было, Полководец Отчаяния не спешит выйти вперед. Скорее всего, он тоже придерживается той мудрости, о которой ты только что говорил, Дэнетор, – он направляет в наступление своих обезумевших от страха рабов, а сам остается в тылу... Нет, не из-за него я вернулся. Я должен был охранять раненых – их еще можно спасти. Знай, что в стенах Раммас Эхора много брешей, и скоро войско Минас Моргула вторгнется на поля Пеленнора сразу во многих местах. Но не из-за этого я вернулся. Я должен дать тебе еще один совет, Дэнетор. В любую минуту может начаться битва на поле Пеленнора. Мы должны вступить в бой за воротами крепости. Пусть это будут всадники. Вся наша надежда – увы, надежда временная – только на них, ибо у Врага недостаток в конниках.

– Равно как и у нас. Сколь великую поддержку оказали бы роханцы, если бы они подоспели именно сейчас! – заметил Дэнетор.

– Думаю, что их опередят, – вздохнул Гэндальф. – Первые воины, бежавшие из Кайр Андроса, уже здесь. Остров пал. Кроме того, из Черных Ворот вышло новое войско. Оно переправляется через Реку на северо-востоке.

– Некоторые обвиняют тебя, Митрандир, в том, что ты любишь приносить плохие вести, – усмехнулся Дэнетор. – Но сказанное тобою для меня не ново – я это знал еще вчера, до того, как зашло солнце. Что же касается боя за воротами, то об этом я тоже подумал. Спустимся вниз!

Время шло. Наконец стражники увидели со стен отступление пограничных гарнизонов. Сначала в расстроенном порядке показались маленькие группы усталых, израненных людей; некоторые воины бежали как безумные, будто их уже настигали отряды неприятеля. На востоке вспыхивало далекое пламя; казалось, огонь начинает уже растекаться по долине. Дома и амбары горели. И вдруг, извиваясь во мраке, сразу отовсюду побежали вперед торопливые ручейки пламени, стекаясь к широкой дороге, тянувшейся к Главным Воротам от Осгилиата.

– Враги идут, – шептались люди. – Вал уже взят. Огонь льется в долину сквозь бреши в стене. Похоже, у них с собой факелы... А наши, где наши?

Было еще только начало вечера, но стемнело слишком рано, и со стен Цитадели даже самые зоркие не могли разглядеть, что творится на поле. Видно было только, что пожаров становится все больше, а огненные нити все стремительнее текут по направлению к Городу. Наконец в версте от стен появился отряд, отступавший в полном боевом порядке. Люди не бежали и старались держаться вместе. Те, кто смотрел со стен, затаили дыхание.

– Фарамир, должно быть, с ними, – убеждали они друг друга. – Только его могут так слушаться и люди, и животные. Он еще успеет!

Большей части отступающего войска оставалась всего какая-нибудь верста до города, когда из тьмы за их спинами показалось несколько скачущих во весь опор всадников – все, что осталось от арьергарда. Но вот они вновь развернулись полукругом и обратились лицом к наступающему огню. Послышался дикий, многоголосый вой; ручейки пламени слились в сплошной поток, и конница врага ринулась в атаку. Ряд за рядом двинулись в наступление орки-факелonosцы; огненной волной хлынули вперед дикие южане под развевающимися красными знаменами, яростно, с хриплыми криками врезаясь в отряды

отступающих; с пронзительным воем из тусклой мглы упали вниз крылатые тени – Назгулы, несущие смерть.

Отступление превратилось в бегство. Ряды гондорцев смешались; воины кинулись врассыпную, кто куда, бросая оружие, крича от ужаса, в отчаянии падая на землю.

Вдруг на стенах крепости запела труба. Дэнетор наконец дал знак атаковать. Оставаясь в тени Ворот, прячась под нависающими стенами, воины ждали только сигнала. Здесь собрались все всадники, сколько их было в городе; теперь они разом, покинув свои укрытия, выстроились в ряд и с громким кличем пустили лошадей в галоп. Со стен им ответили бурей приветственных возгласов – ибо под знаком Лебеда впереди мчались рыцари Дол Амрота под развевающимся голубым стягом, с князем Имрахилом во главе.

– Амрот за Гондор! – кричали люди со стен. – Амрот за Фарамира!

Как гром ударили всадники по обоим флангам вражеского войска, обойдя отступающих. Один всадник, быстрый как ветер, опередил всех – это был Гэндальф на Скадуфаксе. Его окружало сияние; в поднятой руке его сверкал яркий луч.

Назгулы с воем метнулись прочь – их Предводитель еще не явился, и бросить вызов белому огню было некому. Моргульские полки, застигнутые врасплох, выпустили из зубов добычу и красными искрами рассеялись по равнине. Отступавшие гондорские отряды развернулись и с победными криками ударили по бегущим. Преследователи превратились в преследуемых. Отступление обернулось атакой. Поле усеяли трупы людей и орков, над брошенными факелами вился чадный дымок. А всадники все гнали и гнали неприятеля прочь от города.

Но Дэнетор не велел отходить далеко. Враг был ненадолго отброшен, но с востока уже подтягивались новые сокрушительные силы. В крепости еще раз запела труба, давая сигнал к отступлению. Гондорцы осадили коней; под прикрытием кавалерии пешие отряды восстановили боевой порядок и строем направились в сторону города. Вот они достигли Ворот и вошли в крепость, высоко подняв головы; горожане смотрели на них с гордостью и громко провозглашали им хвалу, но ликование мешалось с тревогой. Ряды вернувшихся прискорбно поредели. Фарамир потерял треть своих воинов. Но где же он сам?

Он появился последним. Все его солдаты уже прошли. Под аркой Ворот показались конные рыцари с голубым знаменем в арьергарде. Замыкал строй князь Дол Амрота. На руках его – поперек седла – лежало тело его родича, Фарамира, сына Дэнетора, найденное им на изрытом копытами поле.

– Фарамир! Фарамир! – кричали горожане на улицах, плача. Но он не отвечал, и его по вьющимся улицам пронесли в Цитадель, к отцу. Когда Назгулы метнулись прочь от Белого Всадника, черная стрела задела Фарамира, бившегося с конным великаном из Харада, и он упал на землю. Только яростная атака Дол Амрота спасла его от красных мечей, которыми южане уже собирались, по своему обычаю, изрубить поверженного.

Князь Имрахил вошел в Белую Башню с Фарамиром на руках.

– Твой сын вернулся, о Повелитель, – молвил он. – Вернулся, совершив великие подвиги.

И он рассказал обо всем, что видел. Дэнетор поднялся, и посмотрел в лицо сына, и не сказал ни слова. Затем он приказал приготовить постель в своих покоях, уложить на нее Фарамира и оставить одного. Сам же он направился в тайную комнату на самом верху Башни, и многие, кто в это время глядел в ту сторону, видели в узких окнах бледный свет, что тлел и мерцал и вдруг, ярко вспыхнув, погас. Когда же Дэнетор снова сошел вниз и, не говоря ничего, сел у изголовья Фарамира, лицо владыки Минас Тирита было серым – и печать смерти читалась на нем еще явственнее, нежели на лице его сына.

Теперь город был полностью осажден и замкнут в кольце неприятельских войск. Стены Раммаса пали, и Пеленнор покорился под руку Врага. Последние вести извне принесли беглецы с севера, еле успевшие добраться до Ворот, прежде чем те закрылись. Это были чудом уцелевшие воины с дозорного поста, стоявшего при дороге, что вела из Рохана через Анориэн. Воинов возглавлял Ингольд – тот самый стражник, который меньше пяти дней назад, когда еще вставало над миром солнце и утро несло надежду, пропустил за Стену Гэндальфа и Пиппина.

– От роханцев никаких вестей, – разочаровал он осажденных. – Теперь они уже не придут. Впрочем, если они даже и придут, нам от

этого пользы не будет. По нашим сведениям, второе вражье войско явится гораздо раньше них. Оно уже переправилось через Реку у Кайр Андроса. Это огромная армия: она состоит из орочьих полчищ с Глазом на гербе и бесчисленного числа людей из племени дотоле нам неизвестного. Эти люди не слишком рослы, зато широкоплечи, угрюмы лицом, бородаты наподобие гномов и вооружены тяжелыми топорами. Думается, они явились из какой-то дикой страны на востоке – ведь Восток обширен. Часть вражьей армии завладела северной дорогой, а часть направилась в Анориэн. Рохирримам не пройти.

Ворота закрылись. Всю ночь до слуха стражников доносился шум – это растекались по долине враги, поджигая поля и разрубая на куски всех, кто попадался по дороге, будь то живой или мертвый. В темноте нельзя было сосчитать, сколько полков уже переправилось через Реку, но как только утро – вернее, тусклая тень утра – прокралось на равнину, стало видно, что ночные страхи не были безосновательными. Равнина почернела от марширующих отрядов. Повсюду, куда достигал взгляд, раскинулись, будто уродливые грибы, черные и багровые палатки.

Орки, словно муравьи, сновали туда и сюда, поспешно копая глубокий кольцевой ров и траншеи на расстоянии полета стрелы от города; когда ров был готов, в нем с помощью неизвестных чар зажгли огонь. Целый день кипела под стенами работа, а люди Минас Тирита только смотрели, не в силах ничему помешать. Ко рву подъехали вместительные повозки, за дело принялись новые отряды – они устанавливали в траншеях камнемётные машины, огромные, не в пример тем, что имелись в городе. Гондорцы знали: ни одна из их собственных машин не сможет метнуть камень так далеко, и даже не пробовали остановить работу, что велась внизу.

Поначалу, правда, гондорцы лишь дивились и посмеивались, нисколько не пугаясь вражьих приспособлений. Внешняя стена города была очень высока и широка – ее построили еще до того, как нуменорцы-изгнанники утратили прежнее искусство и силу. Наружная поверхность стены, твердая, темная, гладкая, вытесанная из того же камня, что и башня Орфанк, неподвластна была ни стали, ни огню; разрушить ее могло бы разве что землетрясение, достаточно сильное, чтобы повредить глубоко врытый в землю фундамент крепости...

– Ну уж нет, – усмехались гондорцы. – Даже если бы Неназываемый явился на битву сам – пока мы живы, ему сюда не проникнуть!

Некоторые, однако, замечали:

– Пока мы живы? Но долго ли мы будем живы? Враг обладает оружием, которому от начала дней покорились уже множество мощных крепостей, – голодом! Дороги отрезаны. Роханцы не придут!

Однако противник явно не собирался тратить силы на неприступные стены Минас Тирита. Походом на злейшего из врагов Мордора командовал не какой-нибудь разбойник или орк-невежа. Могучий и злобный разум вел черные войска. Когда в гаме нестройных криков и скрежетании воротов наконец были установлены катапульты, оказалось, что они могут метать ядра так высоко, что те перелетали через стену и с глухим стуком падали на улицы первого яруса. Некоторые с помощью какой-то тайной силы еще в полете загорались и, коснувшись земли, разлетались на части.

За стенами начались пожары, и все, кто не участвовал в обороне, занялись тушением огня, вспыхивавшего то в одном, то в другом месте. Вскоре, однако, на город посыпался град ядер помельче. Это были снаряды менее разрушительные, но куда более страшные. Маленькие, круглые, они падали на улицы и оставались лежать, где упали, не загораясь; но, рассмотрев их поближе, люди отшатывались, и вскоре всюду раздались вопли и рыдания, ибо то были головы воинов, павших в битве под Осгилиатом или на полях Пеленнора. Это было мрачное зрелище: хотя некоторые головы были разmozжены ударом о землю и превратились в кровавое месиво, а некоторые жестоко исполосованы саблями, во многих лицах еще можно было распознать знакомые черты. Искривленные страданием, они говорили о том, что несчастные умерли под пыткой. Посередине лба у них было выжжено отвратительное клеймо – знак Безвекого Глаза. Несмотря на то, что останки были изуродованы и обесчещены, люди узнавали друзей и близких, которые совсем еще недавно ходили по Минас Тириту, гордо подняв голову и звеня оружием, обрабатывали поля, приезжали из зеленых горных долин на праздники...

Тщетно люди потрясали кулаками, проклиная безжалостных врагов, кишевших перед Воротами. Те не обращали внимания на проклятия, ибо не знали западных языков, а их собственные хриплые

выкрики напоминали скорее рычание диких зверей и клекот стервятников, – и скоро, очень скоро в Минас Тирите не осталось почти ни одного человека, у кого еще хватало бы духу бросить вызов армиям Мордора. Властелин Черной Башни обладал оружием, действовавшим куда быстрее, чем голод. Это были страх и отчаяние.

Назгулы появились снова, и – благодаря возросшей силе Черного Повелителя – крики их, возвещающие всегда одно и то же – Его волю и злобу, – стали еще страшнее. Крылатые Тени кружили над городом, словно коршуны в ожидании пира на телах обреченных. Назгулов нельзя было ни увидеть, ни достать стрелой, но их мертвящий крик беспрерывно раздирал воздух, становясь все невыносимее. Наконец даже самые стойкие стали кидаться на землю, когда над ними проносилась невидимая угроза, а иные каменели, выпускали из рук оружие, и разум их застилала тьма: они забывали о войне и жаждали только одного – уползти в тень, спрятаться, умереть...

Весь этот день Фарамир лежал в покоях Белой Башни и метался в жестокой горячке. «Умирает», – произнес кто-то, и вскоре на всех стенах и на всех улицах из уст в уста несло: «Умирает». Отец сидел подле, не говоря ни слова. О городе он больше не заботился.

Таких темных часов Пиппин не переживал еще никогда, даже в лапах Урук-хаев. Долг велел ему быть при Наместнике, и он оставался при нем, хотя тот, похоже, забыл о своем новом оруженосце. Пиппин стоял у дверей неосвещенной комнаты, стараясь побороть страх. Ему казалось, что Дэнетор дряхлеет с каждой минутой. Надломилась его гордая воля, затмился суровый ум. Что было тому причиной? Горе? Упреки совести? Хоббит видел слезы на этом лице, никогда не знавшем слез, и вынести это ему казалось куда труднее, чем гнев и немилость.

– Не плачь, господин мой, – заикнулся наконец Пиппин. – Он может еще поправиться. Ты говорил с Гэндальфом?

– Не утешай меня речами о волшебниках, – ответил Дэнетор. – Безумным надеждам – конец. Враг овладел той вещью. Теперь его сила будет расти не по дням, а по часам. Он читает в мыслях, и все, что мы ни сделаем, обращается нам на погибель. Я послал сына в битву, навстречу ненужной гибели, не поблагодарив и не благословив его, – и вот он лежит здесь, и по жилам у него растекается яд... Нет, нет! Каков бы ни был исход этой войны, мой род угас. Династии Наместников

тоже настал конец. Жалкие, мелкие людишки будут управлять остатками народа Королей, и соплеменники наши будут прятаться в горах, пока Враг не выследит всех до единого...

К дверям то и дело подходили, спрашивая Повелителя.

– Нет, я не спущусь, – отвечал Дэнетор. – Я должен быть при сыне. Может быть, перед смертью он заговорит. Ждать уже недолго. Слушайте кого пожелаете, хоть Серого Безумца, но знайте: его надежды оказались тщетными. Я остаюсь здесь!

Так Гэндальф возглавил решающую битву за Минас Тирит, столицу Гондора, и начал действовать. Там, где он появлялся, сердца людей оживали и ужас перед Крылатыми Тенями ненадолго забывался. А Гэндальф без устали шагал по городу, от Цитадели к Воротам и с севера на юг вдоль стен; и всюду его сопровождал князь Дол Амрота в сверкающей кольчуге. Князь и его рыцари держали себя как истинные потомки нуменорских властителей, и люди, завидя их, перешептывались: «Не лгут, стало быть, древние сказания – в жилах у них и вправду течет эльфийская кровь!»⁵³⁸ Ведь когда-то именно в Дол Амроте обитал народ Нимродэли». И кто-нибудь запевал во мгле песню о Нимродэли или другую мелодию, звучавшую над Великим Андуйном в давно минувшие времена.

И все же, когда Гэндальф с князем скрывались из виду, тьма снова смыкалась над головой, сердца холодели и гондорская доблесть обращалась в пепел. Так прошел этот затянувшийся день страхов, и наступила беспросветная ночь. В нижнем ярусе города бушевали пожары, но их никто уже не гасил, и людям, стоявшим на внешней стене, во многих местах отрезало путь к отступлению. Правда, там осталась лишь горстка воинов, верных своему долгу: бóльшая часть гарнизона давно уже бежала за вторые ворота.

Тем временем в глубоком тылу неприятель спешно навел мосты через Реку; по ним целый день переправлялись новые подкрепления, везли оружие. Ближе к полуночи начался штурм. В огненном полукольце открылись хитроумно проложенные дороги, по которым к городу повалили первые отряды врага. Они двигались беспорядочно, сбившись в кучу и не обращая внимания на потери, но встретить их было почти некому: мало осталось на внешней стене людей, способных нанести врагу серьезный урон, хотя в свете пожаров

лучники, коими так славился некогда Гондор, без труда могли бы наметить себе множество мишеней. Незримому полководцу не потребовалось много времени, дабы понять, что Город пал духом, и он бросил в наступление основные войска. Сквозь тьму к обреченному Городу медленно, но неотвратимо двигались огромные осадные башни, построенные в Оспиате.

К дверям внутреннего покоя Белой Башни вновь явились гонцы, и Пиппин впустил их – уж очень настойчиво они требовали разговора с Наместником. Дэнетор оторвал взгляд от лица Фарамира, медленно повернул голову и молча воззрился на гонцов.

– Первый ярус Города в огне, – доложили те. – Каковы твои распоряжения, Владыка? Нами правишь ты, ты – наш Повелитель и Наместник. Не все хотят переходить под начало Митрандира. Люди бегут со стен и оставляют их без защиты...

– Вот как? – проговорил Дэнетор. – Но почему же бегут эти воины? Мы все равно сгорим, так не лучше ли сгореть в одночасье? Идите назад, в огонь! А я? Я взойду на костер. Да! На костер! Дэнетору и Фарамиру не надобна могила. Нет! Нам ни к чему долгий, тягучий сон мумий, ни к чему начиненная благовониями смерть. Мы сгорим, как сгорали короли-идолопоклонники, пока не причалил к этим берегам первый корабль с Запада. Но Запад пал. А посему – идите назад, в огонь!

Гонцы попятились и молча, не поклонившись, бросились прочь.

Дэнетор встал, выпустил из рук пылающую жаром ладонь Фарамира и с горечью произнес:

– Он в огне. Уже в огне. Дом, где обитал его дух, рушится.

С этими словами он шагнул к Пиппину и посмотрел на него сверху вниз.

– Прощай! – сказал он. – Прощай, Перегрин, сын Паладина! Твоя служба была недолгой – и вот она кончается. Тебе осталось служить совсем немного, но я освобождаю тебя и от этого немногого. Иди и умри, как тебе покажется достойнее и с кем тебе больше по сердцу умирать – даже если это будет твой Серый Друг, за безумие коего ты платишь жизнью. Пошли за слугами и уходи. Прощай!

– Нет, я не говорю тебе «прощай», о Повелитель! – твердо заявил Пиппин, преклоняя колени.

И тут в нем снова проснулся хоббит. Он встал и посмотрел старцу прямо в глаза:

– Если ты позволяешь, я и правда теперь уйду, потому что ужасно хочу найти Гэндальфа. Он никакой не безумец! И я не собираюсь думать о смерти, пока у него есть надежда! Доколе ты жив, Повелитель, я буду следовать присяге и не покину твоей службы. Если они под конец ворвутся в Башню, я надеюсь быть здесь, возле тебя, и доказать свое право на оружие, которое ты дал мне!

– Следуй своим желаниям, достойный невеличек, – без выражения проговорил Дэнетор. – Моя жизнь кончена. Пошли за слугами!

И он снова повернулся к Фарамиру.

Пиппин выбежал наружу и кликнул слуг. На зов явилось шестеро гондорцев, красивых и сильных. На их лицах читался страх. Однако Дэнетор был спокоен. Он негромко повелел покрыть Фарамира теплыми одеялами и вынести его ложе во двор. Слуги повиновались и, подняв ложе, вышли за порог. Шагали они медленно, стараясь не беспокоить больного. Дэнетор, согнувшись и тяжело опираясь на палку, следовал за ними. Пиппин пристроился в хвосте.

Так, словно похоронная процессия, вышли они из Белой Башни во тьму. Нависшее над городом облако озарялось тускло-красными отсветами пожара. Процессия медленно пересекла верхний двор и там по велению Дэнетора остановилась возле Увядшего Дерева.

Снизу доносился гул сражения, но здесь, у Дерева, царила такая тишина, что явственно слышен был печальный звон капель, падавших с мертвых ветвей в темную воду фонтана. Наконец Дэнетор дал знак двигаться дальше, и процессия, под удивленными и перепуганными взглядами стражи, вышла за верхние ворота, где повернула на запад и оказалась у двери, пробитой в задней стене шестого яруса. Называлась эта дверь Фен Холлен, ибо всегда оставалась запертой; отворяли ее лишь во время погребений. Только Правитель Города имел право делать это – да еще люди, носящие цвета могильщиков и ухаживающие за гробницами. За дверью начиналась дорога, которая, без конца петляя, выводила к приютившейся под отвесной стеной Миндоллуина узкой площадке, где стояли гробницы умерших Королей⁵³⁹ и Наместников.

Привратник, сидевший в маленьком домике у дороги, выбежал навстречу процессии с фонарем в руке. На лице у него был написан ужас. По знаку Наместника он отпер дверь; та беззвучно отворилась. Наместник взял у привратника фонарь, и ночные посетители один за другим переступили порог. На крутой дороге, извивавшейся между старинных стен, было темно, и дрожащий луч фонаря по очереди выхватывал из мрака столбики балюстрады по сторонам мостовой. Медленные шаги идущих отдавались среди камней гулким эхом, а тропа спускалась все ниже и ниже и наконец привела процессию на Улицу Молчания, Рат Динен, к белеющим во тьме куполам усыпальниц и статуям давно почивших владык. Слуги переступили порог Дома Наместников и опустили свою ношу на пол.

С тревогой оглядевшись, Пиппин увидел просторную сводчатую комнату, вместо ткани задрапированную гигантскими тенями, которые отбрасывало на темные стены слабое пламя фонаря. В глубине угадывались ряды высеченных из мрамора постаментов, на каждом из которых покоилась, будто погрузившись в сон, неподвижная фигура: руки сложены на груди, в изголовье – камень. Ближайший постамент был пуст. На него по приказу Дэнетора положили Фарамира, а рядом лег сам Наместник. Слуги накрыли их одним покрывалом и окружили постамент, наклонив головы, как плакальщики над ложем смерти.

Дэнетор проговорил еле слышно:

– Здесь мы и будем ждать. Только не зовите бальзамировщиков! Принесите нам хвороста, чтобы костер горел поярче, обложите постамент и полейте маслом. Когда я подам знак, бросьте факел. Такова моя воля. Вершите ее и ни о чем больше меня не спрашивайте. Прощайте!

– С твоего позволения, Владыка! – пискнул Пиппин, повернулся и в ужасе бросился прочь из обители смерти.

«Бедняга Фарамир! – думал он. – Надо срочно отыскать Гэндальфа. Несчастный Фарамир! По-моему, тут нужны лекарства, а не слезы. Только вот где теперь найти Гэндальфа? Ох, боюсь, что он в самой гуще боя! Вряд ли у него есть время возиться со спятившими да полумертвыми!»

У порога он обратился к слуге, поставленному сторожить вход.

– Твой господин не в себе, – попытался он его усовестить. – Подождите! Не торопитесь! Не приносите огня, пока Фарамир еще

дышит! Не делайте ничего, пока не придет Гэндальф!

– Кто правит Минас Тиритом? Владыка Дэнетор или Серый Бродяга? – с вызовом отозвался слуга.

– Похоже, Серый Бродяга или вообще никто, – бросил Пиппин и сломя голову пустился по извилистой дороге обратно наверх. Он миновал дверь, промчался мимо ошеломленного привратника и вскоре оказался у ворот Цитадели. Стражник приветствовал его, и Пиппин узнал Берегонда.

– Куда ты, достойный Перегрин?

– За Митрандиром, – выдохнул хоббит.

– Приказы Повелителя безотлагательны, и я не имею права чинить тебе препятствий, но, если можешь, скажи хоть два слова! Что творится в Башне? Где Повелитель? Я только что заступил на стражу, но, говорят, он проследовал к Закрытой Двери и перед ним несли Фарамира!

– Верно, – отозвался Пиппин. – Они на Улице Молчания.

Берегонд склонил голову, чтобы скрыть слезы.

– Давно уже ходили слухи, что Командир при смерти, – вздохнул он. – Значит, все кончено!

– Да нет же, – перебил Пиппин. – Он жив! Ему совершенно не обязательно умирать, говорю я тебе! Просто Правитель Города сдался раньше, чем Враг взял крепость, понимаешь? Он помешался, причем очень опасно!

И хоббит, как мог кратко, рассказал Берегонду о странных речах и поступках Дэнетора.

– Надо бежать за Гэндальфом, – закончил он.

– Значит, тебе придется лезть в самое пекло!..

– Знаю! Но Дэнетор освободил меня от присяги. Берегонд! Прошу тебя, сделай что-нибудь! Останови их, а не то случится страшное!

– Тем, кто носит черно-серебряное одеяние, запрещается покидать пост без приказа Повелителя, – растерялся Берегонд.

– Ну тогда выбирай, что тебе важнее – приказ или Фарамир, – крикнул Пиппин. – И не забудь, что вместо Повелителя у тебя теперь сумасшедший! Все! Мне надо бежать. Удастся – вернусь!

И хоббит понесся дальше, к нижним ярусам. По дороге ему то и дело попадались люди, бегущие от пожара; некоторые, разглядев на Пиппине цвета Башни, кричали что-то, но он не обращал внимания.

Наконец за спиной остались Вторые Ворота и впереди заплясали языки пламени. Вокруг царила странная тишина – ни криков, ни шума боя, ни лязга оружия. Вдруг раздался ужасный вопль; камни содрогнулись, и впереди что-то гулко ухнуло. Борясь с приступом нестерпимого страха, Пиппин на подкосившихся ногах свернул за угол, на площадь у Ворот, – и замер. Он нашел Гэндальфа, но, вместо того чтобы броситься к нему навстречу, в ужасе отпрянул в тень.

Великий штурм, начавшийся в полночь, все еще продолжался. Грохотали барабаны. С севера и юга на стены города накатывались новые и новые неприятельские отряды. Исполинские звери, мумакилы⁵⁴⁰ Харада, залитые кровавыми отсветами и похожие на движущиеся дома, тащили сквозь бреши в линии огней громадные осадные башни и камнеметы. Однако предводитель этого войска не слишком беспокоился о том, что происходит у стен, сколько бойцов падет на поле боя и какая их постигнет гибель. Он хотел только прощупать, силен ли еще город, и заставить гондорцев сражаться сразу во многих местах. Ворота – вот куда был нацелен главный удар! Пусть крепкие, пусть кованые из стали и железа, пусть защищенные башнями и бастионами из крепчайшего камня – они служили ключом ко всему, ибо это было единственное уязвимое место в неприступной стене Минас Тирита.

Барабаны загрохотали громче. В небо взвились языки пламени. Через поле поползли тяжелые машины. В середине, в самой гуще врагов, покачивался на цепях гигантский таран – толстый ствол исполинского дерева в сотню локтей длиной. Долго оковывали его металлом в подземных кузницах Мордора! Безобразно ощеренной волчьей головой из черной стали венчалось это страшное орудие, и заклятия, вытравленные на лбу чудовища, несли гибель всему живому. Звался таран, в память о легендарном Молоте Подземных Царств, Грондом⁵⁴¹. Звери-великаны влекли его, кругом толпились орки, а следом шагали горные тролли, направлявшие удар.

У Ворот врагов ждал отпор: их встретили рыцари Дол Амрота и самые стойкие из гондорских воинов. В нападающих полетели стрелы и дротики. Осадные башни заваливались набок и вспыхивали как факелы, площадь перед Воротами покрылась обломками машин и

телами убитых, но, словно гонимые общим безумием, орки сотнями заполняли освободившиеся места.

Гронд полз вперед. Огонь не брал его. Время от времени то одного, то другого муумака охватывало безумие, и он топтал приставленных к нему орков, но это мало что меняло – трупы отшвыривали, и на место раздавленных вставляли новые солдаты.

Гронд полз вперед. И вдруг барабаны бешено загремели. Над горами трупов возникла огромная фигура всадника, закутанного в черное. Медленно переставляя копыта, наступая на мертвые тела, черный конь направился к Воротам. На стрелы и дротики всадник не обращал внимания. У Ворот он остановился и поднял над головой длинный бледный меч. И осажденных, и осаждающих охватил страх. У всех опустились руки. Тетивы смолкли. На мгновение у Ворот воцарилась тишина.

И тут же снова загремели барабаны. Мощные руки троллей подтолкнули Гронд к Воротам и раскачали. Таран ударил в створки, и над городом, словно гром по небу, прокатился гул. Но железные створки и стальные столбы Ворот выдержали удар. Тогда Черный Полководец приподнялся в стремених и страшным голосом выкрикнул на забытом языке неведомое заклятие – грозное, неумолимое, насквозь пронзающее сердца и камни.

Трижды прокричал он заклятие; трижды раскатился над городом удар тарана. На третьем ударе Главные Ворота Гондора не выдержали. Словно встретив страшное заклятие призрака грудью и не устояв перед ним, они пошли трещинами. Сверкнула ослепительная молния, и створки грудой железа обрушились на землю.

Предводитель Назгулов двинул коня вперед. Высокий черный силуэт замаячил на огненном фоне, как тень последнего, окончательного поражения. Предводитель Назгулов двинул коня вперед и не торопясь въехал под арку, на камни мостовой, куда враг не ступал еще ни разу. У Ворот не осталось ни единой живой твари: все бежали.

Впрочем, нет. Не все. На пустой площади перед Воротами, безмолвный и неподвижный, восседал Гэндальф верхом на Скадуфаксе. Из всего свободного лошадиного племени один только Скадуфакс мог побороть в себе ужас перед Черным Всадником.

Спокойно, не шевелясь, стоял он под седоком, словно каменное изваяние с улицы Рат Динен.

– Ты не войдешь сюда, – произнес Гэндальф, и огромная черная тень остановилась. – Возвращайся в уготованную тебе бездну. Уходи! Пади в небытие, которое ждет тебя и твоего Повелителя. Прочь!

Черный Всадник отбросил капюшон, и – диво! – на голове у него сверкнула корона, но лица под нею не было. Меж короной и широкой черной мантией, покрывавшей плечи Всадника, перебегало пламя. Из невидимых уст раздался мертвящий смех.

– Старый дурень! – молвил Всадник. – Старый безмозглый болтун! Мой час пробил. Или ты не узнаёшь своей смерти? Она перед тобой. Умри, и проклинай вотще!

Он высоко поднял меч, и по клинку сверху вниз побежало пламя.

Гэндальф не двигался. И вдруг в каком-то дальнем дворе на одном из верхних ярусов прокричал петух⁵⁴². Громко, надрывно, не заботясь ни о колдовских чарах, ни о войне, птица приветствовала новый день, ибо там, за гибельными тучами, на землю спешил рассвет.

И тут же как бы в ответ крику петуха издалека, с севера, донеслись новые звуки. Трубный зов грянул⁵⁴³. Эхо разнесло по глухим склонам грозный клич рога. Дрогнули горы. То подходили роханцы.

Глава пятая

Поход Рохирримов

Тьма стояла – хоть глаз выколи. Выглянув из-под одеяла, Мерри осмотрелся, но ровным счетом ничего не увидел. Ночь была душная, ни ветерка, и все же деревья, скрытые мглой, вздыхали и шелестели. Хоббит приподнял голову – и снова услышал тот же самый странный звук. Можно было подумать, что вдали, на поросших лесом холмах и горных склонах, приглушенно рокочут барабаны. Временами барабаны затихали, но вскоре опять принимались за свое – только звук доносился уже с другой стороны. Мерри оставалось только гадать – слышат этот стук часовые или нет? Не видно было ни зги, но хоббит хорошо знал, что находится в самом центре лагеря Рохирримов. Пахло конским потом; под копытами то и дело переступавших с ноги на ногу лошадей мягко шуршала опавшая хвоя. Войско стояло в сосновом лесу у подножия горы-маяка Эйленах, высоко вздымавшейся над грядами лесистых холмов Друадана⁵⁴⁴, что тянулись вдоль большого тракта через весь Восточный Аноризн. Несмотря на усталость, заснуть Мерри не мог. Вот уже четыре дня скакал он с Рохирримами, и сгущающаяся мгла все больше давила ему на сердце. Он не переставал удивляться себе – дернула же его нелегкая ввязаться в это дело, когда он с полным правом мог остаться в Эдорасе, тем более что таков был приказ самого государя. Интересно, знает ли старый Король о его самовольном поступке, а если знает, то очень ли гневается? Может, не очень? Казалось, Дернхельм и командир его *зореда* Эльфхельм⁵⁴⁵ понимают друг друга без слов. Командир и его люди не обращали на Мерри никакого внимания, а если он сам с ними заговаривал – делали вид, что не слышат. К нему относились так, как если бы он и вправду был просто лишней торбой, притороченной к седлу Дернхельма. От самого Дернхельма утешения ждать было нечего: он за всю дорогу не произнес ни единого слова. Мерри ощущал себя обузой для роханцев, малой букашкой, и ему было так одиноко! Тем временем над войском сгущались тучи: дорога становилась опасной. До внешней стены, широким кольцом опоясывавшей Минас Тирит, оставался неполный день пути. Теоден выслал разведчиков. Некоторые не вернулись; остальные в спешке прискакали назад с известием, что дорогу

удерживает враг, – в пяти верстах к западу от горы Амон Дин по обеим сторонам дороги стояла неприятельская армия, и ее передовой отряд уже выступил навстречу роханцам: теперь-де он всего в каких-нибудь трех лигах от лагеря. А холмы и леса вдоль тракта прочесываются орочьими патрулями... Сейчас – а перевалило уже за полночь – Король с Эомером держали совет.

Мерри захотелось потолковать с кем-нибудь, и он вспомнил Пиппина. Спокойнее от этого не стало – скорее неуютнее. Бедный Пиппин, запертый в огромном каменном городе! Как ему, должно быть, страшно и одиноко! Вот если бы Мерри был настоящим, большим всадником вроде Эомера, – он протрубил бы в рог или что-нибудь в этом роде и галопом помчался бы на выручку... Но что это? Хоббит сел, наострив уши. Барабаны загремели снова – теперь уже совсем рядом... Вдруг прямо над головой раздались приглушенные голоса и меж стволов мелькнули тусклые пятна полузатененных фонарей. Люди, спавшие рядом, зашевелились.

Из темноты возник высокий человек; споткнувшись о хоббита, он пробурчал что-то нелестное в адрес «проклятых корней, о которые когда-нибудь сломаешь ногу». Мерри узнал голос Эльфхельма.

– Я не корень и не мешок, сударь, – осмелился подать голос Мерри. – Я – всего-навсего хоббит, которому вы, между прочим, поставили синяк. Может, в возмещение ущерба вы мне скажете, что происходит?

– Что может происходить среди этой проклятой тьмы? – в сердцах бросил Эльфхельм. – Впрочем, я получил приказ собрать свой *эоред*. Мы можем выступить в любую минуту.

– Неужели враги так близко? – забеспокоился Мерри. – Это они бьют в барабаны? Я думал, мне померещилось. Никто вроде на этот стук и внимания не обращает!

– Ну что вы, достойнейший, – успокоил его Эльфхельм. – Враг на дороге, а не в горах. В барабаны бьют Воосы⁵⁴⁶, дикие люди, живущие в здешних лесах. Так они переговариваются между собой на расстоянии. Кто мог подумать, что они до сих пор не перевелись в Друадане? Их племя – все, что осталось от одного древнего народа; их мало, и на глаза они показываться не любят. Они опасливы и чутки, как дикие звери. Ни с Гондором, ни с нами войны они не ведут, но Тьма и нашествие орков их обеспокоили – как бы не вернулись Черные

Годы, чего, кстати, очень и очень можно ожидать! Спасибо, конечно, и на том, что они не охотятся на нас, – говорят, стрелы у них смазаны ядом, а в лесу они – как мы у себя дома... Но вот они пришли к нам в лагерь и предложили Теодену помощь. Одного из вождей провели к Королю. Видите фонари?.. Ну вот и все. Я сказал вам, что знал, достойнейший. А теперь – у меня есть приказ Повелителя, и мне надо его выполнить. Давайте собирайтесь, сударь Мешок! – И Эльфхельм скрылся в темноте.

Мерри не очень-то понравился весь этот разговор про дикарей и отравленные стрелы, но страхов ему и без того хватало. Ждать он больше не мог; он должен был знать, что́ готовится, и все тут. С этой мыслью «сударь Мешок» решительно встал и крадучись последовал за фонарем, пока тот не исчез среди стволов.

Вскоре хоббит оказался у поляны, где под раскидистым деревом стоял небольшой шатер Короля. У входа, на крепкой ветке, покачивался большой фонарь, прикрытый куском ткани. На землю падал бледный круг света. В этом круге Мерри увидел Теодена с Эомером. Перед ними прямо на земле сидел странный коренастый человек, напоминавший обросший лишайником камень; на его мясистом подбородке торчала редкая щетина, похожая на мох. Ноги у незнакомца были короткими, руки – толстыми, сам он – тучным и приземистым. Одеждой ему служила короткая юбка из травы. Мерри померещилось, что где-то он с ним уже встречался, – и вдруг он вспомнил: *шишиги* из Дунхарга, ну конечно же! Одно из древних изваяний неожиданно ожило! А если и нет, то перед Королем сидел по крайней мере прямой потомок тех, с кого тесали своих идолов давно забытые мастера.

Пока Мерри подкрадывался поближе, все трое молчали; наконец Лесной Человек заговорил, – вероятно, отвечая на какой-то вопрос. Голос у него был низкий, гортанный, но, к удивлению хоббита, дикарь изъяснялся на Общем Языке, – правда, говорил он с запинкой, вставляя неуклюжие, грубоватые слова.

– Нет, Отец Всадников, – говорил он. – Наша не воюет. Наша только охотится. Встретит *Гургун*⁵⁴⁷ – убивает. Ненавидит их. Ваша тоже ненавидит *Гургун*. Наша вам помогает, как сможет. У Диких Людей длинные глаза, длинные уши. Наша знает все дороги. Дикие

Люди жили здесь раньше, чем появились Каменные Дома, раньше, чем Высокий Народ пришел из-за Большой Воды...

– Но нам нужна помощь именно в бою, – возражал Эомер. – Какая же нам польза от тебя и твоего племени?

– Наша может приносить вести, – готов был ответ у Лесного Человека. – Наша смотрит с вершин. Поднимается и смотрит вниз. Каменный город заперт. Снаружи огонь. А теперь и внутри тоже огонь. Вы хотите туда? Ехать надо быстро. Но дорога занята. На ней Гургун, на ней люди из-за Черных Гор. – Он махнул короткой, узловатой рукой на восток. – Их много, очень много. Больше, чем вас, всадников.

– Откуда тебе это известно? – не поверил Эомер.

Плоское лицо старика и темные глаза остались бесстрастными, но в голосе зазвучало недовольство.

– Лесные Люди – дикие и свободные, да, но они не дети. Я – великий вождь Ган-бури-Ган. Моя умеет считать вещи. Звезды на небе, листья на деревьях, людей в темноте. Вас десять раз и еще пять раз по двадцать двадцаток. Их больше. Большая война. Кто победит? Но под стенами каменного города войска еще больше.

– Увы, этот человек знает, что говорит, – вздохнул Теоден. – По словам разведчиков, противник поставил заграждения и выкопал рвы поперек дороги. Мы не сможем смять их одним внезапным ударом.

– И все же надо торопиться, – настаивал Эомер. – Мундбург в огне!

– Пусть Ган-бури-Ган закончит, – заговорил Лесной Человек. – Он знает много дорог. Он поведет вас туда, где нету рвов, нету Гургун, где ходят только Дикие Люди и звери. Когда Люди из Каменных Домов были сильные, они проложили много путей. Они резали скалы, как охотники свежую убитого зверя. Дикие Люди думали, они едят эти камни. Люди из Каменных Домов ездили через Друаданский лес на Риммон и возили большие телеги. Сейчас перестали. Забыли дорогу. Но Дикие Люди помнят. Дорога идет по горе, потом под горой, заросла травой, заросла деревьями. Она идет за Риммон и опять вниз, до самого Дина, а потом возвращается на дорогу для всадников. Дикие Люди проведут вас на эту дорогу. Ваша убьет Гургун. Блестящее железо, оно прогонит эту ночь, эту нехорошую ночь, и Дикие Люди пойдут обратно в Дикие Леса, спать.

Эомер и Король обменялись несколькими фразами по-рохански. Теоден повернулся к Дикому Человеку.

– Мы принимаем твою помощь, – сказал он. – Правда, мы оставим у себя в тылу немалые вражеские силы, но это не важно. Если Каменный Город падет, пути назад не будет. А коли он выстоит, орки сами окажутся в окружении. Если ты послужишь мне верой и правдой, Ган-бури-Ган, обещаю тебе богатую награду и вечную дружбу.

– Мертвые не бывают друзьями живых и не дарят им подарков, – усмехнулся Дикий Человек. – Но если ты останешься жив, а Тьма уйдет, оставь Диких Людей в покое и запрети охотиться на них, как на лесного зверя! Ган-бури-Ган не заведет тебя в ловушку. Он сам пойдет с Отцом Всадников, и, если он поведет плохой дорогой, можешь его убить.

– Быть по сему, – решил Теоден.

– Сколько времени потребуется, чтобы обойти врага и вернуться на Тракт? – спросил Эомер. – Ведь если ты поведешь нас, нам придется ехать шагом, да и дорога, должно быть, узкая?

– Дикие Люди ходят быстро, а дорога в Долине Каменных Телег широкая. Там могут идти четыре лошади, – сказал Ган, показывая рукой на юг. – Только в начале и конце дорога узкая, да, очень узкая. Дикие Люди на рассвете уходят, в полдень они уже у Дина.

– Значит, первому эореду ехать не меньше семи часов, – прикинул Эомер, – а всему войску не меньше десяти. Не будем забывать, что возможны и неожиданности... Ну, а в горах войско, скорее всего, растянется в цепочку, и нам потребуется время, чтобы построиться заново. Который теперь час?

– Кто знает? – вздохнул Теоден. – Теперь у нас все время ночь.

– Темно, да, но это не совсем ночь, – возразил Ган. – Когда приходит Солнце, наша ее чувствует, даже если не видно света. Она уже поднимается там, за горами, на востоке. В небесных полях начинается день.

– Раз так, выступаем сейчас же, – поднялся Эомер. – И все же сегодня на помощь Гондору мы никак не успеем.

Мерри не стал ждать, скользнул за деревья и поспешил на свое место, чтобы не опоздать, когда протрубят сбор. Стало быть, это последний привал перед боем! «Не похоже, – думал хоббит, – чтобы

много кто остался в живых после завтрашнего сражения». Но тут он вспомнил о Пиппине, о пожаре Минас Тирита и прогнал от себя страх.

Все шло как по маслу. Роханцы не заметили и не услышали ничего подозрительного, не встретили ни одной засады. Ловкие и осторожные Лесные Люди оцепили войско роханцев так, чтобы ни один орк, ни один вражеский соглядатай не прознал о том, что происходит под прикрытием холмов. По мере приближения к осажденному городу вокруг становилось все темнее. Всадники растянулись в несколько длинных цепочек, и в сумерках казалось, что по дороге проплывают тени людей и лошадей. Каждый эored сопровождало по одному Лесному Человеку. Старый Ган держался близ Короля. Поначалу ехали медленнее, чем надеялись: найти дорогу через густо заросшие лесом гребни, за которыми лежала потаенная Долина Каменных Телег, оказалось непросто, всадникам пришлось спешиться и вести лошадей под уздцы. Было уже далеко за полдень, когда головной эored вступил в разросшиеся у восточного склона горы Амон Дин серые кустарники, которые скрывали широкий проход между двумя грядами холмов, тянущихся от Нардола до Дина. Здесь и проходила забытая дорога для телег – ответвление главного тракта, соединявшего столицу с Анориэном. Вот уже много людских поколений, как на этой дороге безраздельно властвовали деревья, окончательно изрывшие ее корнями и похоронившие колеи под многолетним покровом старой листвы. Однако всадникам это было только на руку: заросли были надежным укрытием – последней защитой перед тем, как вступить в открытый бой. Впереди ждал главный тракт и равнины Андуина, с юга и востока окруженные голыми складчатыми горами, которые, громоздясь друг на друга, поднимались все выше и выше – а за ними дыбилась громада Миндоллуина с его скалистыми отрогами.

Головной отряд остановился, поджидая, пока войско всадник за всадником выйдет из устья Долины Каменных Телег и соберется под серыми деревьями. Здесь Король созвал военачальников для совета. Эомер хотел было выслать вперед разведчиков, но старый Ган отсоветовал:

– Нет проку! Дикае Люди уже высмотрели все, что можно высмотреть в таком плохом воздухе. Они скоро придут и будут говорить.

Между тем военачальники собрались на совет. Но не успел он начаться, как из кустов выступило еще несколько оживших *шишиг*, так схожих с Ганом, что Мерри не смог бы отличить их друг от друга. Они тут же обратились к своему вождю на гортанном, ни на что не похожем языке. Выслушав их, Ган повернулся к Королю.

– Дикие Люди говорят много разных вещей, – раздумчиво начал он. – Пусть ваша будет осторожней! За Дином много людей. Час ходьбы отсюда. – Он показал в сторону чернеющей впереди горы-маяка. – От этого места и до новых стен, которые построили каменные люди, все пусто. Но и стен больше нет. Там, где раньше стояла стена, — *гургун*. Они разбивают стены громом, который взяли с неба, разбивают их бревнами из черного железа. Но они не берегутся. Не смотрят по сторонам. Думают, их друзья смотрят за всеми дорогами. Думают, никто не пройдет!

Ган издал горлом какие-то странные клокочущие звуки, означавшие, по-видимому, смех.

– Отлично! – вскричал Эомер. – Тьма тьмой, а все же светит нам и огонек надежды! Враг хитер, но его хитрость нам на руку. Проклятая темень отлично прикрыла нас. А оркам, видно, так не терпится разнести Гондор по камешку, что они забыли обо всем на свете! Я боялся этого препятствия больше всего: они могли бы долго удерживать стену. Но теперь, если уж нам удалось зайти так далеко, мы обязательно прорвемся!

– Еще раз благодарю тебя, Ган-бури-Ган, Вождь Лесного Народа! – воскликнул Теоден. – Пусть тебе сопутствует удача! Спасибо за вести и помощь!

– Пусть ваша убивает *гургун*! Пусть убивает злых орков! Вот тогда Дикие Люди будут довольны. Слова им ни к чему, – ответил Ган. – Прогоните нехороший воздух! У вас есть светлое железо. Возьмите его и прогоните тьму!

– Ради этого мы и ехали сюда, – заверил Король. – И не отступим! А чего нам удастся добиться, покажет завтрашний день.

Ган-бури-Ган опустил на корточки и в знак прощания коснулся земли бугристым лбом; затем встал, сделал шаг – и вдруг остановился, пригнувшись, как зверь, почуявший незнакомый запах. Глаза его засверкали.

– Ветер меняется! – крикнул он и с этими словами исчез во мраке, – никто даже глазом не успел моргнуть.

Пропали и его приближенные. Больше всадники Рохана их уже никогда не видели. В отдалении, на востоке, снова раздался дробный стук барабанов. Странными и безобразными показались роханцам Дикие Люди, но никому и в голову не пришло заподозрить их в измене.

– В проводниках больше нужды нет, – сказал Эльфхельм. – Среди нас есть всадники, которые в мирные дни бывали в Мундбурге, я в том числе. Когда мы выйдем на главный тракт, он как раз свернет к югу. Оттуда до стены еще лиг семь. Раньше по обе стороны дороги росла трава. Гондорские гонцы всегда делают ставку на эту часть пути, когда спешат. Мы поскачем быстро и без лишнего шума.

– Жестокая сеча ждет нас впереди. Потребуются все наши силы, – молвил Эомер. – Всадники нуждаются в отдыхе. Мой совет – выступим ночью и рассчитаем так, чтобы выехать на городские поля с первым лучом солнца – если, конечно, солнце встанет. А нет – битва начнется по знаку Повелителя.

Теоден постановил быть по сему; военачальники разошлись, но вскоре Эльфхельм воротился.

– Вернулись разведчики, о Король, – доложил он. – За тем серым лесом ничего подозрительного не видно. Вот только двое убитых и две мертвые лошади.

– И что же? – спросил Эомер. – Кто эти убитые?

– Похоже, гондорские гонцы. По-видимому, один из них – Хиргон. По крайней мере в его руке зажата Красная Стрела. Но труп обезглавлен, так что точнее не скажешь. Можно еще добавить: когда их настигли, они скакали прочь от города. Должно быть, у стены они встретили врагов. С тех пор прошло уже добрые две ночи, если гонцы, по своему обыкновению, меняли в пути лошадей. Достигнуть Города и повернуть нам навстречу они не могли никак.

– Значит, Дэнетор не знает, что мы получили Стрелу, – нахмурился Теоден. – Должно быть, он отчаялся нас дожидаться.

– Когда спешишь, отсрочка не к добру, – сказал Эомер. – Но лучше поздно, чем никогда, и мне кажется, с тех пор, как люди умеют говорить, эта старая пословица никогда еще не была так кстати!

Стояла ночь. Роханские всадники молча мчались вдоль обочин тракта. Дорога, огибая подножие Миндоллуина, постепенно отклонялась к югу. Вдалеке почти прямо по ходу на черном небе стояло багровое зарево, наполовину скрытое темным склоном исполинской горы. Войско уже приближалось к стенам Пеленнора, но признаков рассвета не было и в помине.

Король ехал в середине головного отряда в окружении своих дружинников. Следом скакал *эоред* Эльфхельма. Мерри заметил, что Дэрнхельм покинул свое место в строю и под прикрытием темноты постепенно начал выезжать вперед, пока не поравнялся с дружинниками Короля. Вдруг головной отряд остановился. Мерри услышал негромкие голоса. Вернулись разведчики, побывавшие почти у самых стен. Они рассказывали Королю о том, что им удалось увидеть.

– Пожары, пожары, Повелитель, – говорил один. – Город в кольце огня. У стен кишат враги. Похоже, неприятель бросил туда почти все силы. У наружной стены, сколько мы могли судить, почти никого нет, а кто есть – разбирают стену и по сторонам не смотрят.

– Вспомни, о государь, слова Дикого Человека! – подал голос второй. – В мирное время я жил на верхних пастбищах и тоже умею ловить вести из воздуха. Меня зовут Видфара⁵⁴⁸. Помяни мое слово, государь: ветер меняется! Слышен запах моря. Соль в воздухе – ее ни с чем не спутаешь! Утром погода станет другой. Когда ты минуешь внешние стены, проглянет солнце.

– Если ты прав, да будут благословенны годы твоей жизни, Видфара, отныне и до смертного твоего часа, – ответил Король, просветлев лицом.

Повернувшись к дружинникам, он возгласил так, что его могли слышать и всадники первого *эореда*:

– Наш час настал, о дети Эорла, всадники Марки! Пред вами – пламя и враги, за вами – далекий дом. Помните: битва идет на чужой земле, но слава, которую вы себе стяжаете, останется вашей навеки! Вы дали слово. Настало время сдержать его! Во имя Короля, во имя земли нашей и во имя дружбы!

Роханцы ударили копьями о щиты.

– Эомер, сын мой! Ты поведешь первый *эоред*, – продолжал Теоден. – Держись в середине, при королевском знамени. Эльфхельм!

Как только мы возьмем внешнюю стену, ты поведешь своих воинов на правый фланг, а Гримбольд⁵⁴⁹ – на левый. Остальные пусть следуют за ними по своему усмотрению⁵⁵⁰. Удар старайтесь наносить в самую гущу. Мы не знаем, что делается на поле, и сказать пока больше ничего нельзя, но повторяю: Тьмы – не бойтесь! Вперед, на битву!

Головной отряд, а за ним и все войско двинулись вперед – но не во весь опор, а рысью: предсказание Видфары пока что не сбывалось, тьма и не думала рассеиваться. Мерри трясся за спиной Дернхельма; одной рукой он покрепче вцепился в седло, другой пытался высвободить меч. Только теперь он сполна почувствовал горькую правду слов Короля: «Что тебе делать в таком бою, Мериадок?..» Сейчас он, повесив голову, ответил бы: «Много что! Например, мешать всаднику, а еще – не терять надежды, что удержусь в седле и не погибну под копытами...»

До Пеленнора оставалось меньше лиги. Расстояние это кони одолели быстро – по мнению Мерри, даже чересчур быстро. Раздались дикие вопли, звон оружия, но бой продолжался недолго. На развалинах стены было мало орков; к тому же появление всадников привело их в такое замешательство, что перебить одних врагов и разогнать других не составило большого труда. У разрушенных Северных Ворот Король вновь ненадолго остановился. Первый эored окружил Теодена и прикрыл его с тыла. Отряд Эльфхельма отъехал к правому флангу, но Дернхельм, покинув свое место, каким-то образом оказался рядом с Королем, между тем как всадники Гримбольда свернули влево, к пролому, зиявшему чуть поодаль.

Мерри выглянул из-за спины Дернхельма. Вдали, верстах в пятнадцати, полыхал исполинский костер Минас Тирита. Между ним и всадниками широким полумесяцем горели огни. До ближайшего из них оставалось не больше лиги. В темноте хоббит почти ничего не мог разглядеть, и ему не верилось, что наступит утро, – да и ветер все никак не хотел дуть, ни с гор, ни с Моря, ниоткуда.

Ничем себя не выдав, роханцы ступили на землю Гондора. Войско Теодена всадник за всадником потекло сквозь проломы в стене на равнину Пеленнора, медленно, но неотвратимо – так волна прилива бесшумно и грозно вливается на поля и улицы через бреши в дамбе, за

которой люди мнят себя в безопасности. Все мысли, вся воля Черного Полководца были сосредоточены на гибнущем городе, и ничто не давало Назгулу повода заподозрить неладное.

Между тем Король взял чуть восточней: так удобнее было пройти между огненным полумесяцем и стеной. Всадников так никто и не остановил, но Теоден медлил давать знак – и вскоре снова придержал коня. Теперь они остановились чуть ближе к городу. В воздухе пахло гарью, над полем витала смерть. Кони беспокойно переступали копытами. Но Король восседал на спине Снежногрива неподвижно; казалось, зрелище предсмертных мук Минас Тирита пригвоздило его к месту. А может, в душе у него заговорил страх? Плечи Теодена поникли; он сгорбился, стал как-то меньше и показался Мерри безнадежно дряхлым стариком. У хоббита перехватило дыхание. На сердце навалились тяжесть и страх: оно билось все медленнее, словно вот-вот остановится. Казалось, само время отяжелело от нерешительности. Слишком поздно! Прийти слишком поздно – хуже, чем никогда!.. Еще мгновение – и Теоден дрогнет, склонит седую голову и, не оборачиваясь, поскачет прочь от этого места, в горы...

И вдруг Мерри почувствовал: что-то изменилось. В лицо ему подул ветер. Над полями забрезжил свет. В небе, далеко на юге, различимы стали серые бесформенные тени, свивающиеся, рвущиеся, клубами восходящие вверх. За ними вставала заря.

В то же мгновение что-то сверкнуло, словно у стен города в небо ударила молния. В мгновенном ослепительном свете глазам предстали все семь черно-белых ярусов крепости с грозно сверкнувшей иглой башенного шпиля. Но тьма тут же сомкнулась вновь, и над полями раскатился глухой удар. Бумм!

При этом звуке согбенные плечи Короля внезапно распрямились. Вновь гордый и высокий, он поднялся в стременах и громко воззвал к всадникам – и голос его был чист и ясен, как ни у кого из смертных доселе:

*В бой, Всадники Теодена!
Подвиги ждут нас – кровь и пламя!
Обагрится клинок блестящий,
Рдяный день восстанет над полем,*

Алым от крови! В бой, за Гондор!

С этими словами Теоден, выхватив у знаменосца Гутлафа⁵⁵¹ Большой Рог, протрубил в него, – и так мощен был трубный зов, что рог разлетелся на куски. Но в ответ, словно буря и гром в горах, грозной музыкой отозвались сразу все рога и горны роханского войска.

В бой, племя Эорла! В бой за Гондор!

Король крикнул что-то Снежногриву – и тот стрелой прынул вперед. За спиной Короля захлопало на ветру знамя – белый конь на зеленом поле; но не так-то просто было догнать Теодена!.. Сзади – с громом и грохотом копыт – неслась королевская дружина, и никто не мог ни обойти Теодена, ни хотя бы поравняться с ним. Эомер скакал рядом; белый султан из конского хвоста развевался у него на шлеме. Первый эоред обрушился на Пеленнор, как вспененная волна на морской берег, – но Король оставался впереди. Одержимый духом битвы, исполнясь боевой ярости отцов, вскипевшей в его жилах, он дал волю Снежногриву и помчался вперед, похожий на древнего бога, словно Оромэ Великий в день великой битвы Валаров⁵⁵², когда мир был молод. И – о чудо! – золотой щит Короля засверкал, словно солнце, а трава под ногами белого жеребца зажглась ярко-зеленым пламенем. Ибо наступило утро – утро, принесшее ветер с Моря. Тьма дрогнула и отступила; рабы Мордора взвыли от страха и бежали, объятые ужасом, настигаемые неумолимыми копытами гнева. И тогда всадники запели песню – ибо радость битвы вселилась в них, и, разя врагов, они пели, и песня эта, светлая и грозная, достигла стен осажденного города.

Глава шестая

Битва на полях Пеленнора

Однако походом на Гондор командовал не орк и не случайный головорез. Тьма отступила раньше часа, намеченного Черным Властелином, и удача на мгновение отвернулась от Короля-Призрака.

Победа ускользала – а ведь он уже готов был ее праздновать! Но власть Назгула простиралась далеко. Под его началом еще оставались огромные силы. Король-Призрак, Предводитель Кольценосных Назгулов, – ему ли было тревожиться! Он развернул коня, покинул Ворота и пропал во мгле.

Теоден, Повелитель Марки, достиг дороги, ведущей от Больших Ворот Минас Тирита к Реке, и повернул к Городу, до которого оставалось около версты. Тут он приостановил коня, оглядываясь и выискивая новых врагов. Свита догнала его; среди дружинников был и Дернхельм. Впереди, у стен города, где высились осадные башни, уже бились воины Эльфхельма, рубя врагов направо и налево, загоняя их в огненные рвы и отрезая им путь к отступлению. Почти вся северная часть Пеленнора уже была очищена от неприятеля; обоз захватчиков горел, орки сломя голову бежали к Реке, словно звери от охотника. Рохирримы скакали через поля Пеленнора, не встречая препятствий. Но осада продолжалась, и Ворота все еще оставались за неприятелем. У входа в Город собрались значительные силы врагов, на восточном краю поля стояли свежие, еще не введенные в бой мордорские полки, а на юге, за дорогой, выжидали главные силы харадцев с конницей, собранной под знаменем их вождя. И вот вождь оглядел поле, и в свете утра увидел стяг Теодена, обогнавшего свое войско, и заметил, что рядом с Теоденом – лишь горстка конников. Воспылав яростью, харадец издал громкий клич и, приказав развернуть знамя, где извивался на кроваво-красном поле черный змей, ринулся в атаку на Белое и Зеленое, а за ним – его воины. Ятаганы харадцев засверкали, как тысяча звезд.

Теоден увидел южан и, не дожидаясь нападения, направил Снежногрива им навстречу. С великим грохотом и лязгом сшиблись всадники, но белая ярость северян превозмогла багровую злобу южан, да и военным искусством конники Теодена владели лучше – длинные роханские копыта били внезапно и точно. Рохирримов было меньше, но они прорубили себе дорогу в строю харадцев, словно просеку среди стволов, и в самом центре сечи бился Теоден, сын Тенгела. Его копьё пронзило вражеского вождя и треснуло, но король выхватил меч и, взмахнув им, одним ударом разрубил древко знамени и тело

знаменосца-южанина. Черный Змей пал. Оставшиеся в живых конники Харада обратились в бегство.

Но что это? В зените победы, в разгар торжества золотой щит Короля вдруг потускнел. Новое утро затмилось. Лошади вставали на дыбы и ржали; люди, выброшенные из седел, катались по земле, закрывая голову руками.

– Сюда! Сюда! – кричал Теоден. – Вперед, племя Эорла! Тьмы не бойтесь!

Но Снежногрив обезумел от ужаса; он поднялся на дыбы, сражаясь с воздухом, – и с громким ржанием рухнул на бок, пронзенный черным дротиком. Король упал вместе с конем, оказавшись внизу, под тяжестью конской туши.

На землю словно пала тень облака, но то было не облако. Над Королем, испуская нестерпимый смрад, снижалось страшное крылатое чудище – если и птица, то самая большая из живущих на земле, черная, лоснящаяся, без перьев, с гигантскими крыльями-перепонками меж длинных ороговевших пальцев. Должно быть, эта тварь принадлежала миру давно исчезнувшему, но пережила свое время в забытом углу холодеющих под луною дальних гор; в последнем жутком гнезде среди недоступных вершин вывела она последнее безвременное потомство. И вот Черный Властелин нашел гнездо, и взял оттуда птенцов, и откормил их на мертвечине, пока они не переросли все, что летает или когда-либо летало в небе. И тогда он подарил одного из них своему верному слуге... Все ниже и ниже опускалась крылатая тень, пока наконец, сложив перепончатые крылья, не села с хриплым клекотом на тело Снежногрива, впиваясь в него когтями и склоняя над ним длинную голую шею.

На спине чудовищной твари восседала фигура, закутанная в черный плащ, огромная и угрожающая. На голове всадника тускло мерцала стальная корона, но лица под ней не было – только горящие мертвым огнем глаза. То был Предводитель Назгулов. Когда тьма отступила, он призвал своего летучего коня, взмыл в небо – и снова явился на поле боя сеять смерть, превращая надежду в отчаяние, победу – в поражение. В руке у него чернела огромная булава.

Но не все покинули Теодена. Дружинники лежали убитыми – кроме тех, кого обезумевшие лошади унесли в поле; и все же один

воин остался – молодой Дернхельм, неустрашимый и преданный. Он стоял и плакал над Королем, ибо любил своего Государя, как отца. Мерри за все сражение не получил ни единой царапины – за спиной Дернхельма он был почти вне опасности; но Виндафола сбросил их обоих и ускакал в поле. Как перепуганный зверек, не видя ничего вокруг себя, полумертвый от страха, Мерри пополз куда-то на четвереньках, не разбирая дороги.

«Ты же слуга Короля, – кричало ему сердце. – Твое место при нем! Ты говорил, что будешь любить его, как отца!» Но воля не отвечала сердцу, а тело била дрожь. Хоббит не смел ни поднять головы, ни открыть глаз.

Вдруг сквозь тьму, застилавшую сознание, ему померещился голос Дернхельма. Звучал он как-то странно, напомнив хоббиту другой голос, слышанный им прежде совсем, совсем в другом месте.

– Прочь, гнусный оборотень, повелитель падали! Оставь мертвых в покое!

Голос Назгула, холодный и беспощадный, ответил:

– Кто смеет вставать между Назгулом и его добычей? Смотри – Король Призраков покарает тебя за это, и кара будет страшнее смерти, которая ждет тебя и так. Беги, пока он не унес тебя в край стенаний, где плоть твоя будет пожрана, а разум, нагой и дрожащий, предстанет пред Глазом, У Коего Нет Век!

Зазвенел меч, выхваченный из ножен.

– Делай что хочешь, но я не дам тебе приблизиться к Королю!

– Вот как? Глупец! Смертный муж не может помешать мне!⁵⁵³

И тут Мерри не поверил своим ушам. Раздался смех! Дернхельм смеялся, но в его голосе звенела сталь.

– Я – не муж! Ты обознался! Перед тобой женщина! Я – Эовейн, дочь Эомунда! Прочь с дороги, ты, стоящий между мной и моим единокровным повелителем! Убирайся, если ты не бессмертен! Кем бы ты ни был, живым существом или исчадием мрака, тебя встретит мой меч. Попробуй тронуть Короля!

Крылатое чудище зашипело на нее, но Кольценосный Призрак медлил с ответом. Он не шевелился; казалось, его посетило сомнение. Хоббит, невероятно удивленный, на миг забыл о страхе и открыл глаза. Непроглядная завеса исчезла: он начал различать предметы вокруг себя. В двух шагах от него темнел силуэт огромной твари. Над

громадиной высился, как призрак отчаяния, Предводитель Назгулов. Слева, лицом к ним, стояла та, которую хоббит так долго называл Дернхельмом. Шлем тайны не скрывал больше ее лица; сверкающие волосы свободно струились по плечам, блестя, как светлое золото. Серые, словно море, глаза смотрели бешено и твердо, но по щекам текли слезы. Подняв щит, Эвейн заслонялась от страшного взгляда своего врага.

Это была Эвейн – и в то же время Дернхельм. Мерри внезапно припомнилось юное лицо воина в Дунхарге – лицо человека, который, отбросив последнюю надежду, идет искать смерти. Сердце Мерри исполнилось жалости и великого удивления, и тут хоббичье мужество, которое разгорается медленно, но горит ярко, наконец проснулось в нем. Он сжал кулаки. Допустить, чтобы она погибла, такая прекрасная и отчаявшаяся?! Ну нет! Она здесь не одна! У нее есть защитник!

Враг не смотрел на Мерри, но тот все еще боялся пошевелиться. Как бы не упал и на него этот страшный взгляд!.. Хоббит медленно пополз вперед, но Черный Король, со злобой и сомнением вперившийся в стоявшую перед ним Эвейн, обращал на хоббита не больше внимания, чем на какого-нибудь копошащегося в грязи червяка.

Резко запахло падалью: гигантская тварь взмахнула крыльями, взвилась и с пронзительным криком стала падать на Эвейн, выставив когти.

Но Эвейн не дрогнула: дочь королей, дева племени Рохирримов, тонкая и твердая, как стальное лезвие, прекрасная и грозная, она уверенно нанесла сокрушительный удар. Меч перерубил вытянутую шею чудовища; уродливая голова, словно камень, с глухим стуком покатилась по земле. Эвейн отскочила от тяжелого тела, которое рухнуло в траву, распластав крылья. Все вокруг озарилось, и восходящее солнце облило волосы королевны золотым блеском.

Над трупом чудовища поднялся Черный Всадник – высокий, как башня, грозный и неумолимый. С криком ненависти, вонзившимся в уши хоббиту, как отравленная игла, он поднял булаву и резко опустил ее. Щит Эвейн раскололся на мелкие кусочки, рука хрустнула и повисла. Эвейн упала на колени. Король-Призрак навис над ней, как черная туча, его глаза вспыхнули. Булава поднялась для смертельного удара.

Но тут Король-Призрак внезапно вскрикнул от боли, споткнулся, и булава, просвистев мимо, зарылась в землю. Маленький меч Мерри, пропоров черную мантию, пришелся как раз туда, где кончалась кольчуга, – в крепкое сухожилие под могучим коленом.

– Эвейн! Эвейн! – завопил хоббит.

Эвейн, шатаясь, поднялась, собрала остаток сил и, не дожидаясь, пока огромные плечи врага снова распрямятся, с размаху рассекла мечом воздух между плащом и короной. Меч рассыпался на мириады сверкающих искр; корона, звякнув, упала и откатилась. Эвейн рухнула лицом вперед прямо на своего врага. Но – диво! – плащ и кольчуга были пусты! Скомканные, они упали в траву, а в небо взлетел душераздирающий вопль, который постепенно перешел в пронзительное рыдание. Ветер уже уносил его прочь – бестелесный, истаивающий плач, постепенно затихавший и наконец затихший. Так смолк голос Короля Назгулов – и в эту эпоху, в этом мире никто из живущих более не слышал его.

Хоббит Мериадок, ослепший от слез, стоял среди убитых, моргая, как сова на свету. словно сквозь туман, видел он разметавшиеся по траве светлые волосы Эвейн, а рядом – короля Теодена, павшего в час своей славы. Снежногрив в предсмертных судорогах откатился прочь от всадника, но было уже поздно – конь стал погибелью своего хозяина.

Мерри нагнулся, поднял руку Короля, чтобы поцеловать ее, и вдруг – о чудо! – Теоден открыл глаза. Взор его был ясен, и голос звучал спокойно, хотя слова давались ему с трудом:

– Прощай, достойный хольбитла! Мое тело разрушено. Я иду к отцам. Но теперь мне не стыдно будет явиться пред их могучим сонмом. Я поразил Черного Змея. Рассвет был скорбным – но солнце встало и сядет во славе!

Мерри снова заплакал и не сразу смог ответить.

– Прости меня, государь, – вымолвил он наконец. – Прости! Я нарушил твое повеление, но все равно ничем не послужил тебе. Я могу только оплакать нашу разлуку...

Старый Король улыбнулся:

– Не печалься! Ты прощен. За отвагу не карают. Живи и будь благословен! Когда в дни мира ты будешь греться у очага с трубкой во

рту – вспомни обо мне! Ибо я уже не смогу посадить тебя рядом с собой в Метузельде, как обещал, и расспросить о курительном зелье...

Глаза Теодена закрылись. Мерри опустил голову. Но Король заговорил снова:

– Где Эомер? Я хотел бы увидеть его перед смертью. Он должен стать королем после меня. Передай Эовейн, что я о ней помнил. Как не хотела она со мной расставаться! Теперь я ее больше не увижу. А она была мне дороже дочери...

– Повелитель, послушай, – запинаясь, начал было Мерри. – Она...

Но тут рядом раздался оглушительный шум. Со всех сторон загремели рога и трубы. Мерри огляделся: он совсем позабыл о войне, да и обо всем на свете. Ему казалось, что с того мгновения, когда Король поскакал навстречу гибели, минул не один час. На самом деле прошло лишь несколько минут. Хоббит вдруг понял, насколько опасно оставаться здесь. В любую минуту тут может начаться сражение, – и, чего доброго, они попадут в самую гущу!

По дороге спешно подтягивались к городу свежие, только что переправившиеся через реку полки орков; из-под городских стен выступили моргульские легионы; с юга маршировала, прикрываясь конницей, харадская пехота. Над головами южан покачивались на хребтах мумакилов боевые башни. Но в другой стороне, на севере, мелькал белый султан Эомерова шлема и роханские всадники снова строились в боевой порядок, а из города спешили воины Гондора – и в первом ряду реял Серебряный Лебедь Дол Амрота.

В голове хоббита мелькнуло: «Где же Гэндальф? Почему его нет? Неужели он не спас бы Короля и Эовейн?» Но тут к ним во весь опор подскочил Эомер и уцелевшие дружинники Короля – им наконец-то удалось усмирить лошадей. Они окружили место битвы, дивясь на убитое чудовище. Кони отказывались подойти ближе, и Эомер спрыгнул на землю. Лицо его исказилось болью и отчаянием – он увидел Короля и молча замер над ним.

Один из воинов вынул древко королевского знамени из руки знаменосца Гутлафа, лежавшего мертвым, и поднял знамя над головой. Глаза Теодена медленно открылись. Увидев поднятое знамя, он дал знак, чтобы его передали Эомеру, и проговорил:

– Радуйся, король Рохана! Спешь к победе! Попрощайся за меня с Эовейн!

И он умер, так и не узнав, что Эовейн лежит рядом с ним. Люди плакали, не стыдясь, и повторяли: «Увы нам! Король! Король Теоден!» Но Эомер проговорил:

*Кто там плачет? Не время плакать!
Павший умер светло и славно.
Плач пристал не бойцам, а женам.
Нас же требует поле битвы!*

Но и по его лицу текли слезы.

– Пусть воины из королевской свиты останутся при павшем и с почетом вынесут тело Короля с поля боя, пока здесь не разыгралось новое сражение, – приказал он наконец. – Но пусть позаботятся и о павших дружинниках Короля!

Он оглядел убитых, вспоминая каждого по имени, – и вдруг увидел сестру свою Эовейн. Узнав ее, он застыл не дыша, как человек, остановленный на полуслове стрелой в сердце. Лицо его смертельно побледнело, кровь застыла от гнева, слова замерли на устах, дух охватило безумие.

– Эовейн! – вскричал он наконец. – Откуда ты здесь?! Что это? В своем ли я уме?.. Или это злые чары? Смерть! Смерть! Смерть! Смерть всем нам!

И, ни с кем не советуясь, не дожидаясь, пока подойдут гондорские отряды, он вскочил на коня и, протрубив наступление, помчался навстречу бесчисленному вражескому войску. Его сильный голос перекрыл все остальные голоса:

– Смерть! Смерть! Вперед, к смерти и концу света!

Войско Рохирримов устремилось за ним. Песня смолкла, и голоса воинов слились в один. «Смерть!» – гремело над полем. Лавиной пронеслись всадники мимо павшего Короля и обрушились на южную окраину Пеленнора.

Только хоббит Мериадок остался стоять где стоял, ничего вокруг не видя от горя. Никто не окликнул его, никто не обратил на него внимания. Он смахнул слезы, нагнулся за щитом – подарком Эовейн – и, закинув его на плечо, принялся искать меч, который выпустил из

пальцев, когда нанес удар Черному Королю, – рука мгновенно онемела, так что теперь ему повиновалась только левая. Оружие свое Мерри нашел быстро, но – странное дело! – клинок дымился, как ветка, вынутая из огня. Вдруг меч изогнулся, стал коробиться – и наконец рассыпался в пепел⁵⁵⁴.

Так исчез клинок, найденный хоббитами в Курганах, выкованный людьми Закатного Края. Такой судьбой своего детища оружейник, что в давние времена долго и терпеливо трудился над этим кинжалом, мог бы гордиться – ибо ковал он его в Северном Королевстве, когда нуменорцы были еще молоды, а главным их врагом был Чернокнижник, король страшного Ангмара. Никакое другое оружие, даже в руке наисильнейшего из богатырей, не смогло бы нанести Призраку столь страшной раны, ибо старинный кинжал, пронзив неумирающую плоть Назгула, разрушил заклятие, подчинявшее невидимые мышцы воле Черного Короля.

Покрыв плащами древки копий, роханцы положили на эти немудреные носилки тело Короля и направились к городу; другие воины бережно подняли Эовейн и на таких же носилках понесли ее следом. Вынести с поля битвы всех было невозможно: только из королевской свиты рядом с Теоденом пало семеро, и среди них – Деорвин⁵⁵⁵, начальник королевской дружины. Роханцы сложили их тела подальше от polegших врагов и огородили копьями, а когда битва закончилась, предали огню труп чудовища и выкопали могилу для Снежногрива, поставив на ней камень с надписью на языках Гондора и Рохана:

*Смертью стреножен, здесь лежит Снежногрив:
Службу верную нес он, но пал, седока убив.*

На могиле Снежногрива выросла трава, зеленая и высокая, но навечно остался бесплодным черный круг на месте кострища, где сожгли чудовище.

Медленно и грустно брел Мерри в хвосте процессии, не обращая больше внимания на битву. Разбитый и усталый, он дрожал, словно от

холода. Ветер принес с Моря дождевые тучи; мир словно оплакивал Эовейн и Теодена, но этот же дождь потоками серых слез гасил пожары в Минас Тирите. Как сквозь туман хоббит увидел перед собой первые ряды защитников Гондора. Князь Имрахил, подъехав ближе, натянул поводья.

– Кого несете, мужи роханские? – спросил он.

– Короля Теодена, – ответили ему. – Он мертв. Войско возглавил король Эомер. Вон вьется по ветру белый султан его шлема!

Князь спешил, и встал на колени перед носилками, и пролил слезу над Королем, – а поднявшись, взглянул в лицо Эовейн и в изумлении отпрянул:

– Кто это? Женщина?! Ужели жены Рохирримов тоже взяли в руки оружие и пришли к нам на помощь?

– Лишь одна, – ответствовали роханцы. – Это королева Эовейн, сестра Эомера. Мы не знали, что она среди нас, пока не нашли ее мертвой на поле боя – и вот теперь оплакиваем.

Красота Эовейн не укрылась от взора князя, хотя лицо королевны было холодно и бело; он склонился, чтобы лучше рассмотреть королевну, тронул ее руку – и вдруг обернулся к всадникам.

– Мужи роханские! – воскликнул он. – Есть ли среди вас лекарь? Она ранена, и, может статься, смертельно, но смерть еще не забрала ее!

Он снял с руки гладкую стальную перчатку, приблизил к холодным губам Эовейн, и – диво! – поверхность металла слегка запотела.

– Нельзя терять ни минуты! – воскликнул князь и тут же распорядился отправить в Город конного гонца за помощью для королевны, а сам, низко поклонившись павшему, вскочил в седло и поспешил туда, где кипела битва.

Между тем на полях Пеленнора с новой силой гремел жестокий бой. К небу летели яростные, отчаянные крики; ржали кони, звенело оружие. Играли рога и трубы: задрав хобот, оглушительно трубили *мумакилы*, понуждаемые к битве. Под южной стеной пехота Гондора сшиблась с моргульскими полками, все еще достаточно сильными. Всадники поскакали на восточный край поля к Эомеру. Среди них были и Хьюрин Стройный, Хранитель Ключей, и повелитель

Лоссарнаха, и Хирлуин с Зеленых Холмов, и блистательный князь Имрахил в окружении своих рыцарей.

Помощь подоспела вовремя. Ибо удача изменила Эомеру, и отчаянная ярость нового короля Рохана обернулась против него. Первый бешеный натиск разбил ряды врагов; роханцы мощными клиньями врезались во фланговые отряды южан, сея среди них опустошение, – но туда, где маячили огромные силуэты *мумakilov*, кони идти отказывались. Они поднимались на дыбы, бросались в сторону, и звери-исполины по-прежнему безраздельно царствовали над полем битвы, возвышаясь над сражающимися, как могучие крепости. Харадцы теснились под этим мощным прикрытием, недостижимые для атакующих. Еще в начале боя харадцы в три раза превосходили роханцев числом, но это было вначале. Новые и новые отряды врага подходили со стороны Оспиата, и не было им конца. До сих пор, правда, подкрепление держалось в тылу, ожидая только приказа, чтобы в конце битвы наброситься на Город, разрушить его, разграбить и опустошить. Теперь, когда Черный Король погиб, Готмог⁵⁵⁶, предводитель моргульских орков, сам повел свои полки в бой. За орками, размахивая топорами, тучей двинулись люди с востока, а за ними – вариаги из Кханда⁵⁵⁷, южане в красных одеждах и черные гиганты из Дальнего Харада, похожие на троллей, с белыми глазами и алыми языками. Часть этого смешанного полчища устремилась в тыл роханцам; часть двинулась наперерез, намереваясь остановить гондорские отряды и не допустить, чтобы те соединились с роханскими всадниками.

Так боевая удача стала изменять защитникам Минас Тирита, и отчаяние снова нашло путь к их сердцам. И вдруг со стен города послышался отчаянный крик. Близился полдень; ветер усилился, отгоняя дождь к северу, в разрывах туч сверкнуло солнце – и в прозрачном воздухе дозорные приметили с башен новую опасность, которая отняла у гондорцев последнюю надежду.

Со стен Города дуга Великого Андуина просматривалась на несколько лиг вниз по течению, и зоркие глаза стражей издали заметили приближающиеся суда. Всмотревшись, люди закричали в ужасе и отчаянии: блестящую водную гладь вспенивали многочисленные весла военных галер, а за ними чернели, пузырясь на ветру, паруса огромных кораблей с высокими мачтами...

– Пираты Умбара! – кричали гондорцы. – Смотрите! Пираты! Белфалас пал! Этиру и Лебеннину конец! Пираты! Пираты! Это смерть! Мы погибли!

Кто-то бросился звонить в колокол – без приказа, ибо приказывать было некому; иные же хватали горны и трубили отступление.

– К стенам! – звали они сражавшихся. – Назад! Назад, в Город, пока нас не смяли!

Но на поле боя не слышали их зова, ибо ветер, который гнал корабли, подхватывал крики и уносил в сторону.

Впрочем, Рохирримы не нуждались в предупреждении. Они и сами видели черные паруса – даже слишком хорошо видели. Эомера отделяли теперь от Харлонда каких-нибудь четверть лиги да несколько вражеских отрядов, а сзади надвигались новые неприятельские полчища, спеша наперерез Имрахилу. Эомер бросил взгляд на Андуйн и понял: это конец. Будь проклят этот ветер, который он еще недавно благословлял!.. Мордорцы тоже заметили паруса, и зрелище придало им бодрости. Победно взыв, с утроенной жадой крови полки Черного Властелина ринулись в атаку.

Но хладнокровие уже вернулось к Эомеру. Мысль его снова работала трезво и ясно. Он приказал трубить сбор, скликая под знамя всех, кто был поблизости. Нужно было, не медля, поставить крепкую стену из щитов и дать врагу последний бой – такой, чтобы он был достоин песни и легенды! Память о последнем Короле Рохирримов не должна покрыться бесславием! И вот Эомер въехал на зеленый холм, и воткнул в землю роханское знамя, и полотнище с Белым Конем заплескалось на свежем ветру, рвущем его с древка.

*Из мглы сомнений, навстречу солнцу⁵⁵⁸
Скакал я с песней, меч обнажая,
Оставив радость, забыв надежду!
Пою во гневе! Пусть рвется сердце.
Встречаю грудью закат и гибель! —*

Так проговорил Эомер и засмеялся, и пламя битвы вновь охватило его и загло в нем юную беспечность. Он – молод, он – король, он –

вождь бесстрашного племени! Смеясь над отчаянием, он взмахнул мечом и повернулся к черным кораблям.

И тут в сердце ему хлынула радость. Он поднял меч высоко над головой – и запел. Лезвие ослепительно засверкало на солнце, и все головы повернулись на блеск. Но что это? На мачте флагманского корабля, уже подходившего к причалу, медленно разворачивалось тяжелое черное знамя, но на черном поле цвело Белое Древо Гондора, и ствол его окружало семь звезд, а над ветвями сверкала корона! Герб Эллендила! Вот уже много веков ни один правитель не осмеливался поднять знамени с этим гербом! Звезды горели на солнце ослепительным огнем – Арвен, дочь Элронда, не пожалела на них драгоценных камней; и так же ярко, если не ярче, сияла на черном корона из золота и *мифрила*.

Так на крыльях морского ветра возвратился в королевство Гондор с Тропы Мертвых Арагорн, сын Араторна, Элессар, наследник Исилдура. Ликование роханцев вырвалось наружу торжествующими криками, взрывами смеха и звоном оружия. Над городскими стенами взвился клич фанфар, и на Башне разом зазвонили все колокола. Только рабы Мордора, оцепенев от недоумения, никак не могли понять, что за великое колдовство превратило их собственные корабли во вражеские; и черный страх пал на них, ибо они поняли, что судьба окончательно отвернулась от них и приговорила к смерти...

Воины Имрахила гнали на восток разбитые, перемешавшиеся толпы троллей, варягов и горных орков, не выносящих солнечного света. Эомер во главе своих всадников помчался на юг... Оказавшись меж молотом и наковальней, враги бежали кто куда, не разбирая дороги, ибо с кораблей у Харлондского причала спрыгивали все новые воины и сразу же вступали в бой. Подобно шквалу, обрушились на равнину новоприбывшие бойцы. В первых рядах натягивал тетиву Леголас-лучник, шагал гном Гимли с топором в руках, нес знамя суровый Халбард; бок о бок с ними орудовали мечами могучие дунаданы, Следопыты с Севера, и среди них – Элладан и Элрохир со звездами на челе; плечом к плечу с ними сражались храбрецы из Лебеннина, Ламедона и прочих южных провинций. Высоко подняв над головами Пламень Запада – перекованный Андари́л, столь же грозный, как Нарсил, меч древних Королей, – впереди шел сам Арагорн, высокий и величественный, и Звезда Эллендила сверкала у него на челе.

Так посреди грозной сечи встретились они вновь – Эомер и Арагорн, сын Араторна. Опершись на мечи, посмотрели они друг на друга – и улыбнулись.

– Вот мы и вместе, друг мой, хотя вся мордорская рать стояла между нами! – сказал Арагорн. – Разве не обещал я тебе это еще в Хорнбурге?

– Обещал, – рассмеялся Эомер. – Но надежда часто обманывает. Откуда же мне было знать, что ты умеешь предсказывать будущее? Воистину, вдвойне благословенна помощь, приходящая неожиданно! Когда еще друзья так радовались встрече?

Они крепко пожали друг другу руки, и Эомер добавил:

– И когда сходились они так кстати? Ты явился в последнюю минуту, о друг мой! Нас постигли великие потери и великая скорбь.

– Значит, прежде чем радоваться – отомстим за павших! – отозвался Арагорн, и они вместе ринулись в бой.

Битва предстояла свирепая и долгая. Южане слыли отчаянными смельчаками и, загнанные в тупик, дрались с удесятеренной яростью: солдаты восточных племен были испытаны в боях и могучи; никто из них сдаваться не собирался. Везде – на поле, под горой, у каждого холмика и полуразрушенного забора – собирались отряды врагов, готовых сражаться до последнего. Близился вечер, а конца битве все не предвиделось...

Оставив за собой багряное зарево на полнеба, солнце скрылось за Миндоллуином. Вершины гор озарились кровавым светом; в Реке, казалось, текла не вода, а жидкий огонь, трава стала багряной в лучах заката... Лишь тогда кончилась великая битва за Минас Тирит⁵⁵⁹, и ни одного живого врага не осталось на опоясанном стенами Раммаса поле. Одни были убиты, другие, бежав, умерли впоследствии от ран, третьи утонули в рдяной пене Великой Реки. В Моргул и Мордор удалось вернуться лишь единицам, а в Харад и вовсе никому – только весть о поражении докатилась до родины харадцев, только грозный слух о страшной мести Гондора и его великой мощи.

Арагорн, Эомер и Имрахил направили своих коней к Воротам; все трое так устали, что в сердца их уже не было доступа ни радости, ни

печали. Все трое вышли из боя без единой царапины: воинское счастье, непобедимое оружие и собственные крепкие руки охранили их от ран. Не всякий смел взглянуть им в глаза в час их гнева! Однако многие и многие гондорские воины полегли на поле славы, и многие получили тяжелые раны. Форлонг, потеряв коня, сражался в одиночку и пал под топорами. Дуилин из долины Мортонда и его брат были растоптаны, когда рискнули повести лучников на мумакилов, надеясь поразить чудовищ в глаза. Не увидел больше родного Пиннат Гэлина Хирлуин Красивый; осиротел дом Гримбольда в Гримслэйде. Погиб Следопыт Халбарад из северных земель; много сгинуло в той битве воинов – покрытых славой и безымянных, простых бойцов и командиров... Но о точном числе погибших легенды умалчивают. То была великая битва! Долго еще роханские барды пели о Могилах под Мундбургом:

*Кто слышал горны в горах? Кто видел
Сверканье стали на дальнем Юге?
Всадники скачут в старинный Город
На слух о брани, по зову друга.
Сын Тенгела, пал Теоден могучий.
В свои Палаты на полях зеленых
Он не вернется. Сиротствуй, Север!
Гутлаф и Хардинг⁵⁶⁰, Дунхир и Гримбольд,
Деорвин храбрый, Хорн и Фастред⁵⁶¹,
Херубранд⁵⁶² и Хирфара⁵⁶³ на рати пали,
Дав бой великий в чужой отчизне.
Мундбург будет могилой храбрым!*

*Над землею встанут курганы.
Пусть герои лежат бок о бок
С теми, с кем бились они бок о бок.
Хирлуин, позабудь о Море!
Позабудь о своем Арнахе,
Старый Форлонг, могучий воин!
Лучники Деруфин и Дуилин,
Темных рек позабудьте ропот!
Мглой покрыты мрачные топи;*

Траур в тусклых лугах Мортонда.

*От рассвета и до заката
Гибли храбро и князь, и воин.
Спать им долго; сомкнуты вежды.
Травы юга шумят над ними.
Серы, как пролитых слез потоки,
Воды могучего Андуина —
В час той битвы они алели
Рдяной пеной, рудой кровавой;
Без огня загорались горы,
Знак неведомый подавая;
Алые выпадали росы...*

Глава седьмая

Погребальный костер Дэнетора

Когда тень в проеме Ворот отступила, Гэндальф не шевельнулся. Пиппин, наоборот, сразу вскочил на ноги, будто скинув с плеч непомерную тяжесть, и замер, вслушиваясь в пение горнов. Сердце его захлестнула такая радость, что оно, казалось, вот-вот разорвется. Сколько бы лет ни прошло с тех пор, — стоило раздаться вдалеке звуку горна, как слезы сами наворачивались Пиппину на глаза. Но тут он вспомнил, зачем спешил вниз, — и, выскочив из своего укрытия, бегом кинулся к волшебнику. Хоббит успел вовремя — тот уже шепнул что-то Скадуфаксу, собираясь скакать прочь из Города.

— Гэндальф! Ого-гэй! Гэндальф! — завопил Пиппин.

Скадуфакс остановился.

— Вот так так! — строго сдвинул брови Гэндальф. — Ты что здесь делаешь? С каких это пор гвардейцам Цитадели разрешено уходить с поста и носиться где попало? Ну-ка беги назад!..

— Меня отпустили, — задыхаясь, торопился объяснить Пиппин. — Дэнетор отослал меня, так что я свободен. Но я боюсь, Гэндальф. Там, наверху, творится невесть что, честное слово! Дэнетор, кажется, под конец просто спятил. Ох, Гэндальф! Он сейчас себя порешит, ей-ей, и Фарамира заодно! Сделай что-нибудь! Скорее!

Гэндальф посмотрел в пролом, зияющий на месте Ворот; оттуда доносился нарастающий шум битвы. Рука его сжалась в кулак.

– Я должен быть на поле боя, – сказал он. – Там Черный Всадник. Может случиться несчастье. У меня нет времени на Дэнетора.

– А как же Фарамир?! – закричал Пиппин. – Он жив, а они хотят сжечь его живьем, и сожгут, если не схватить их за руку!

– Как это – сжечь живьем? – не понял Гэндальф. – Что за басни? Объясняй-ка, да поскорее!

– Дэнетор пошел туда, где могилы, – торопливо объяснил Пиппин. – Он взял с собой Фарамира и заявляет, что мы все сгорим, но что он лично не собирается этого дожидаться, а потому намерен сложить костер и сжечь на нем себя и Фарамира прямо сейчас. Слуги уже пошли за маслом и дровами. Я предупредил Берегонда, но он на посту и, боюсь, не посмеет отлучиться. Да и что он может сделать один!..

Пиппин выпалил все это на одном дыхании и дрожащими пальцами коснулся Гэндальфова стремени:

– Значит, ты не спасешь Фарамира?

– Может, я и смогу чем-нибудь помочь... – пробормотал Гэндальф. – Но тогда, боюсь, погибнут другие... Ну хорошо! Вижу, я должен идти. Помощи там действительно ждать неоткуда... Помни только, Пиппин: плоды будут горькие и печальные. Силен же Враг, если он сумел нанести такой удар в самое сердце крепости!.. Ибо это дело его рук, и спутать его почерк нельзя ни с каким другим...

Волшебник принял решение и больше не медлил. Подхватив Пиппина, он посадил его перед собой, и Скадуфакс, по слову хозяина, помчался прочь от Ворот. Вверх, вверх скакали они по крутым улицам Минас Тирита; камни мостовой дробно звенели под копытами, шум боя за спиной все нарастал... Отовсюду сбегались люди; очнувшись наконец от ужаса и отчаяния, они на бегу вытаскивали мечи из ножен, крича:

– Роханцы пришли! Роханцы!

Военачальники метались, отдавая приказы; отряды строились и чеканя шаг шли к Воротам. Навстречу Гэндальфу и Пиппину попался князь Имрахил:

– Митрандир! Куда ты? На полях Гондора бьются Рохирримы! Мы собираем все силы воедино!

– Знаю, знаю, сейчас на поле боя нужны все, и даже больше, – на ходу бросил Гэндальф. – Поспеш! Я вернусь, как только смогу. У меня срочное дело к Дэнетору. А пока он занят – принимай командование на себя!

Гэндальф с Пиппином поспешили дальше. Чем выше взбиралась дорога, тем ощутимее дул в лицо свежий ветер и тем заметнее светало. Но это не прибавляло надежды, и они страшились, что придут слишком поздно.

– Тьма скоро минет, – заметил Гэндальф. – Но здесь, в Городе, до первого проблеска солнца еще далеко.

У ворот Цитадели стражников не было.

– Значит, Берегонд все-таки ушел! – приободрился хоббит.

Они повернули и поспешили к Закрытой Двери. Дверь была распахнута, у порога лежал мертвый привратник. Ключей при нем не было.

– Почерк Врага, – молвил Гэндальф. – Это он любит. Братоубийство, рознь, по-разному понятый долг, посеянное в сердцах смущение...

Он спешил, погладил Скадуфакса и велел ему возвращаться в стойло.

– Мы с тобой давно должны быть на поле боя, – сказал он коню. – Но меня держат другие дела. Будь готов прийти по первому зову!

Волшебник и хоббит миновали Дверь и побежали вниз по крутой извилистой дороге. Заметно посветлело; высокие колонны и резные статуи проплывали мимо, как серые привидения.

Вдруг тишину спугнули донесшиеся откуда-то снизу крики и звон мечей – звуки, каких это священное место не слыхивало еще ни разу. Вывернув на Рат Динен, Гэндальф и Пиппин оказались перед Домом Наместников, купол которого смутно серел в утреннем полусвете.

– Стойте! – закричал Гэндальф, подбегая к каменной лестнице, что вела к дверям. – Прекратите это безумие!

Глазам их предстало странное зрелище. Слуги Дэнетора, вооружившись мечами и факелами, наступали на Берегонда, одетого в черное и серебряное. Гвардеец стоял на самом пороге усыпальницы и защищал дверь от напавших на него слуг. Двое из них уже пали от его руки, запятнав святыню усыпальниц своей кровью; остальные

призывали на голову Берегонда все кары, кляня его как бунтовщика и предателя.

Бросившись вперед, Гэндальф и Пиппин услышали голос Дэнетора, донесшийся из Дома Мертвых:

– Скорее! Скорее! Делайте, что приказано! Убейте этого изменника! Или мне сделать это самому?!

Дверь, которую Берегонд придерживал левой рукой, внезапно распахнулась, и за спиной у него возник Правитель Города, величественный и безумный. Глаза его горели, в руке сверкал обнаженный меч.

Гэндальф в мгновение ока взбежал по ступеням. Слуги отшатнулись, прикрывал глаза: явление Гэндальфа было как свет в ночи, и велик был гнев его. Волшебник поднял руку – и меч Дэнетора, уже опускавшийся для удара, вырвался из руки, взлетел и исчез за спиной Наместника, в сумраке усыпальницы. Дэнетор, словно удивившись, отступил.

– Что здесь происходит, Дэнетор? – сурово спросил волшебник. – В Доме Мертвых живым не место! Почему твои люди бьются здесь, среди гробниц, когда главная битва – у Ворот и там есть дело каждому? Или Враг проник уже и сюда, на Рат Динен?

– С каких пор Властелин Гондора обязан держать пред тобою ответ? – холодно отвечивал Дэнетор. – Разве я не волен отдавать приказы своим слугам?

– Твои слуги в твоей власти, – бросил Гэндальф. – Но другие вправе оспорить твой приказ, если он жесток и безумен! Скажи, где твой сын Фарамир?

– Он здесь, внутри, – промолвил Дэнетор. – Он в огне, уже в огне! Они влили ему в жилы огонь. Но ничего, скоро мы все сгорим. Запад пал. Все возгорится и исчезнет в едином пожаре. Пепел! Все станет пеплом и развеется по ветру вместе с дымом!..

Тогда Гэндальф, видя, что Наместник во власти безумия, устранился, не совершил ли уже тот какого-нибудь непоправимого деяния, – и бросился вперед; за ним – Берегонд и Пиппин. Дэнетор шагнул в глубину залы и отступал все дальше, пока не остановился у мраморного стола, на котором лежал Фарамир – живой, но без сознания: он метался и бредил. Под столом и вокруг стола громоздились поленья. Все пропиталось маслом – даже покрывало и

одежды Фарамира. Костер был готов, но еще не зажжен. И тут в Гэндальфе обнаружилась скрытая доселе сила – так свет его прятался обычно под серым плащом. Волшебник взбежал по вязанкам хвороста, поднял больного – и, легко спрыгнув, понес его к выходу. Фарамир застонал и, не просыпаясь, позвал отца.

Дэнетор замер, словно очнувшись от забытья. Огонь в его очах погас, по лицу покатились слезы.

– Не забирайте у меня сына! Он зовет меня, – попросил он жалобно.

– Это так, – откликнулся Гэндальф. – Но тебе еще нельзя к нему. Он на пороге смерти, но нуждается в исцелении – и может не обрести его. А твое место – на поле боя, Дэнетор, если ты больше жить не хочешь! В душе ты сам это знаешь.

– Он не проснется более, – уронил Дэнетор. – Битва бессмысленна. Зачем нам стремиться во что бы то ни стало продлить нашу жизнь? Почему нам нельзя умереть рядом?

– Ты не вправе назначить час своей кончины, Наместник Гондора, – сурово напомнил волшебник. – Так поступали только языческие короли⁵⁶⁴, над которыми безраздельно властвовали темные силы. Это у них в обычае было кончать счеты с жизнью, в помрачении гордыни и отчаяния убивая себя, а заодно и всех своих близких, чтобы смерть показалась легче!

С этими словами Гэндальф перешагнул порог, вынес Фарамира прочь из Дома Смерти и уложил на оставленные у двери носилки. Дэнетор шагнул было следом – но тут же остановился, дрожа и с тоской глядя на лицо Фарамира. С мгновение он колебался. Все смолкли и замерли, видя его мучения.

– Идем же! – позвал Гэндальф. – Нас ждут. Подумай, как много ты мог бы еще свершить!

И тут Дэнетор внезапно расхохотался. Продолжая смеяться, вновь гордо выпрямившись, он быстро, почти бегом вернулся к мраморному ложу, схватил камень, который заменял подушку, – и вновь появился на пороге. Покрывало слетело с камня – и все увидели... *палантир*. Старец поднял хрустальный шар к глазам – и всем почудилось, будто сфера рдеет, багрянеет изнутри, озаряя впалые щеки Наместника огненно-алым пламенем. Лицо Дэнетора, прорезанное глубокими черными тенями, казалось лицом каменного изваяния –

величественное, исполненное гордости, страшное. Глаза его метали молнии.

– Гордыня?! Отчаяние?! – пронзительно крикнул он. – Ты, верно, мнишь, что Белая Башня слепа?! Нет! Она видит куда больше, чем ты думаешь, Серый Глупец! Твоя надежда – лишь плод невежества! Иди! Исцеляй! Воюй!.. Все тщетно!.. Может, ты и выйдешь победителем, но лишь на день, не больше. Силе, что движется на Гондор, противостоять невозможно. У нее длинные руки. К Городу протянулся пока один-единственный палец. В движение пришел весь Восток, и самый ветер, который придал тебе смелости, – на стороне Врага. Он гонит сюда по Андуну чернопарусный флот! Запад пал! Всем, кто не желает стать рабом, время покинуть этот мир!

– Если мы послушаем твоего совета, задача Врага весьма упростится, – возразил Гэндальф.

– Что ж, продолжай надеяться! Ты для меня – отнюдь не тайна за семью печатями, о Митрандир! Я знаю, в чем твое упование! Ты метишь на мое место, а заняв его – возжелаешь встать и за остальными тронами Севера, Юга и Запада. О, я прочел твои мысли, и мне ведомо, чего ты жаждешь! Мнишь, я не знаю, кто велел невеличку хранить молчание? Ты заслал его в мои покои лишь для того, чтобы следить за мной!.. Но я сумел выведать у него имена и замыслы всех твоих спутников. Молчишь?.. Одной рукой ты ввергаешь меня в войну с Мордором, чтобы воспользоваться мною как щитом, а другой норовишь поставить на мое место простого северного Следопыта!.. Но я говорю тебе, Гэндальф Митрандир: не бывать Властителю Гондора ни под чьей пятою! Я – Наместник из рода Анариона, и я не унижу себя до роли шамкающего старика при дворе выскочки. Даже если он докажет свои права, даже если он – потомок Исилдура, я не склоню главы пред ним, последним отпрыском нищего рода, который давно лишился власти и потерял всякое достоинство!

– А чего хотел бы ты, Дэнетор, будь судьба Гондора в твоей воле? – спросил Гэндальф.

– Пусть все остается, как в мои дни и во дни моих предков! Я спокойно правил бы Гондором и завещал власть сыну, который сам знал бы, что ему делать, и не смотрел в рот заезжим чародеям. Но если рок лишает меня этого – я выбираю Ничто⁵⁶⁵: мне не надо ни полужизни, ни полудостоинства, ни получести.

– Мне кажется, что Наместник, возвращая власть настоящему Королю, не лишается ни достоинства, ни чести – скорее наоборот, – возразил Гэндальф. – И почему ты отбираешь у сына право на выбор, если он борется со смертью и может выжить?

При этих словах глаза Дэнетора снова сверкнули. Прижимая к груди Камень, он выхватил нож и быстро шагнул к носилкам. Но Берегонд метнулся к нему и встал между Наместником и Фарамиром.

– Вот как! – крикнул Дэнетор. – Ты успел выкрасть у меня половину сыновней любви. Теперь ты восставляешь против меня сердца моих слуг? Хочешь, чтобы они отняли у меня сына и отдали тебе? Добро же! Но в одном ты мне помешать не сможешь: распорядиться собственной жизнью так, как мне самому угодно. Эй, ко мне! – закричал он слугам. – Ко мне, если не все из вас предатели!

К нему кинулись двое. Дэнетор выхватил у одного из них факел и бросился назад, в Дом Наместников. Прежде чем Гэндальф успел остановить его, он швырнул факел на грудь хвороста. С треском и ревом над каменным ложем взметнулось пламя.

Дэнетор вспрыгнул на стол и, стоя на нем, охваченный дымом и пламенем, поднял лежавший у его ног жезл Наместника и преломил его о колено. Бросив обломки в огонь, он отвесил поклон и лег, обеими руками крепко сжимая на груди *палантир*. Ходили слухи, что с тех пор каждый, кто осмеливался заглянуть в этот магический камень, – если у него не хватало сил подчинить *палантир*, – видел в нем только старческие руки, объятые пламенем, и больше ничего.

Гэндальф с болью и ужасом отвернулся и затворил за собой двери. Молча, задумавшись, стоял он у порога, пока внутри гудело и трещало беспощадное пламя. Дэнетор издал один-единственный громкий крик – и умолк навеки, и никто из смертных не видел больше его лица.

– Вот и настал конец Дэнетору, сыну Эктелиона, – нарушил молчание Гэндальф. Он обернулся к Берегонду и слугам, окаменевшим от ужаса. – Но настал конец и Гондору, каким вы его знали. К лучшему, к худшему ли, но прежнего Гондора больше нет. Мы стали свидетелями страшных событий. Отбросим же все, что нас разделяет. Между нами вклинился Враг, и мы испытали на себе силу его злобы. Вы попали в сети долга, который призвал вас к несовместным между собой деяниям. Не вы плели эти сети, но подумайте хорошенько, вы,

слуги, которые до конца слепо слушались своего Повелителя! Если бы не предательство Берегонда, Полководец Белой Башни Фарамир сгорел бы заживо... А теперь поднимите ваших павших товарищей и унесите их прочь из этого недоброго места! Мы же возьмем Фарамира, Наместника Гондора, и доставим его туда, где он уснет, никем не тревожимый, – или, если судьба решит иначе, спокойно умрет.

Гэндальф и Берегонд подняли носилки на плечи и двинулись к Обителям Целения. Пиппин, понутившись, побрел за ними. Одни только слуги Дэнетора не двинулись следом. Как вкопанные стояли они, не в силах отвести взора от Дома Почивших Наместников. Когда Гэндальф достиг конца улицы Рат Динен, раздался гул, за ним – оглушительный треск, и купол Дома обрушился; к небу взвился столб пламени. Тогда лишь пришли в себя слуги Дэнетора и кинулись вслед за Гэндальфом – прочь из этого места.

У Закрытой Двери Берегонд с горечью оглянулся на мертвое тело привратника.

– Это деяние мне предстоит оплакивать до самой смерти, – сказал он. – Безумие спешки гнало меня вперед, но он отказался внимать мне и выхватил меч. – Ключами, снятыми с мертвого, Берегонд запер Дверь и добавил: – Ключ этот я вручу Фарамиру.

– За отсутствием Наместника власть временно принял князь Дол Амрота, – сказал Гэндальф. – Но пока его нет рядом, я возьму ответственность на себя. Прощаю тебя, Берегонд. Спрячь ключ и держи у себя, покуда в Городе не восстановится порядок!

Потянулись улицы верхних ярусов, и наконец – уже в полном свете утра – процессия добралась до порога Обителей Целения. Это были светлые и прекрасные здания, предназначенные для ухода за страждущими. Сейчас Обители готовились принять с поля боя раненых и умирающих. Стояли эти дома недалеко от ворот Цитадели, у южной стены шестого яруса. Вокруг цвел сад и зеленели поросшие деревьями лужайки – это были единственные деревья на весь огромный город. При Обителях жило несколько женщин, оставшихся в Минас Тирите по особому разрешению, – они славились непревзойденным искусством в уходе за больными и врачевании.

Гэндальф и остальные уже стучались с носилками у главного входа в Обители, когда город содрогнулся от страшного крика, донесшегося от Ворот. Но, вонзившись в небо, крик потерял силу и,

подхваченный ветром, постепенно замер вдали. Так ужасен был этот вопль, что сердца у всех замерли, но уже через мгновение на душе у людей стало легко, как уже давно не бывало, – почитай, с того самого дня, как с востока пришла Тьма. Показалось даже, будто свет утра стал яснее и сквозь тучи на миг проглянуло солнце.

Но Гэндальф был суров и печален. Оставив Фарамира на попечение Пиппина и Берегонда, он поспешил подняться на ближайшую стену и замер там, как белое изваяние, глядя на озаренное солнцем поле. Данным ему свыше особым зрением он сразу увидел все, что произошло внизу, и, когда Эомер, оставив сражение, склонился над телами павших, Гэндальф со вздохом завернулся в серый плащ и сошел вниз. Пиппин и Берегонд встретили его у порога Обителей; он стоял глубоко задумавшись.

Хоббит и человек смотрели на него, недоумевая. Но волшебник еще долго хранил молчание.

– Друзья мои! – молвил он наконец. – Жители этого города и вы, пришельцы из западных стран! Мы с вами стали свидетелями событий печальных, славных и великих. Скорбеть нам или радоваться? Казалось бы, случилось то, на что мы не могли и надеяться. Полководец Врага уничтожен: вы слышали крик его предсмертного отчаяния. Но он успел причинить нам слишком много горя. Потери наши весьма и весьма тяжки. Я мог бы предотвратить их, не помешай мне безумие Дэнетора. Враг проник в самое сердце Города. Увы! Теперь только стало мне ясно, каким образом он нашел доступ сюда. Наместники считали, что никто не может проникнуть в их тайну, но я давно догадывался, что в Белой Башне хранится по крайней мере один из Семи Зрячих Камней. Пока Дэнетор был мудрее и сильнее, он не решался им воспользоваться, тем более – бросить вызов Саурону, ибо знал пределы собственных сил. Но мудрость в конце концов изменила ему. Опасность постучала в двери его покоев – и он посмотрел в Камень, и поддался Вражьему обману. Когда Боромир отбыл на север, Дэнетор, судя по всему, начал заглядывать в Камень все чаще и чаще. Наместник Гондора был слишком тверд духом, чтобы подчиниться воле Черной Силы, но видел он в Камне только то, что Сила эта разрешала ему увидеть. Не сомневаюсь, что Дэнетор много раз получал ценные для него сведения, но зрелище огромной мощи

Мордора, каким его беспрестанно потчевали, заронило в его сердце сомнение, а потом и уныние, и разум его помутился.

– Понял! – воскликнул Пиппин, вздрогнув от воспоминания о пережитом. – Дэнетор отлучился к Фарамиру, и вдруг смотрю – возвращается сам на себя не похожий, словно это и не он вовсе, а какой-то дряхлый и сломленный чужой старик...

– В час, когда Фарамира принесли в Башню, многие из нас видели странный свет в окне верхнего покоя, – подтвердил Берегонд. – Правда, свет мы замечали и раньше. В городе шла молва, будто Наместник время от времени вступает в мысленную борьбу с Врагом.

– Увы! – отозвался Гэндальф. – Стало быть, моя догадка верна! Воля Саурана исподволь проникла в Минас Тирит. В итоге мне пришлось надолго задержаться в Городе – и я должен задержаться еще, ибо во мне нуждается не только Фарамир. Необходимо встретить тех, кто сейчас идет сюда. Там, внизу, на поле, глазам моим открылось печальное зрелище, и сердце мое скорбит о случившемся, но кто знает, не ждут ли нас скорби еще горшие?.. Идем со мной, Пиппин! А тебе, Берегонд, придется возвратиться в Башню и доложить начальнику Стражи о том, что произошло. Боюсь, по долгу службы ему придется изгнать тебя из Гвардии. Скажи ему тогда, что я советую – если, конечно, он захочет считаться с моим мнением – отослать тебя в Обители Целения, где бы ты смог прислуживать своему Командиру. Когда он очнется – если только он очнется, – будь при нем неотлучно. Ведь это ты спас его от смерти на костре! Иди! Я скоро вернусь!

С этими словами Гэндальф повернулся – и, кликнув Пиппина, поспешил в нижние ярусы. Пока они шли, хлынул, гася пожары, серый дождь, и, куда ни падал взгляд, со всех сторон поднялись к небу клубы дыма.

Глава восьмая

Обители Целения

Пелена слез и усталости застилала глаза Мерри, когда процессия приблизилась к обрушенным воротам Минас Тирита. Мерри не замечал ни исковерканной земли, по которой шел, ни витавшего надо всем духа смерти. Воздух загустел от дыма и огня, над битвищем стоял смрад – горели военные машины: одни занялись пламенем прямо на поле, другие рухнули в пылающие ямы, где скопилось к тому же немало трупов. Здесь и там высились полусгоревшие туши зверей-исполинов. Многих уложили каменные снаряды, у некоторых из глаз торчали метко пущенные стрелы лучников Мортонда. Дождь, ветром отнесенный к северу, прекратился; блеснуло солнце, – но в нижних ярусах еще дотлевали пожарища, и удушливый запах гари все не выветривался.

На поле битвы уже трудились люди, расчищая путь через завалы тел и обломков. Из города спешили с носилками. Эовейн осторожно переложили на мягкие перины, а тело Короля накрыли златотканым покрывалом. Вокруг встали роханцы с зажженными факелами, но бледным казалось в свете дня это колеблющееся на ветру пламя...

Так вступили в столицу Гондора Теоден и Эовейн, и все обнажили головы и поклонились им. Процессия миновала пепелище нижнего яруса и каменными улицами потянулась дальше – наверх. Восхождение, как показалось Мерри, тянулось сто лет; все было как в отвратительном сне, когда ни в чем нет смысла и надо куда-то дойти, но куда именно – не вспомнить.

Свет факелов, которые несли впереди, начал мало-помалу меркнуть и сгинул. Мерри оказался в темноте и подумал: «Это подземный ход, который ведет в могилу. Мы останемся там навсегда». Тут в его грезы внезапно вторгся живой голос:

– Мерри! Вот удача! Наконец-то!

Хоббит поднял взгляд, и туман перед его глазами слегка поредел. Это же Пиппин! Они стояли лицом к лицу посреди какой-то узкой улочки; если не считать их двоих, улочка была совершенно пуста. Мерри протер глаза.

– Где же Король? – удивился он. – А Эовейн?

Тут он пошатнулся, опустился на какое-то крылечко, и по его щекам снова потекли слезы.

– Все ушли наверх, в Цитадель, – объяснил Пиппин. – Ты, видно, клевал носом и свернул не на ту улицу. Тебя хватились, и Гэндальф послал меня на розыски. Мерри, старина!.. Как здорово опять тебя увидеть! Только, я погляжу, ты совсем без сил, так что не буду к тебе пока приставать. Ответь только – ты цел? Тебя не ранили?

– Да нет, – подумав, ответил Мерри. – Вроде не ранили. Только вот правой рукой не пошевелить. Это с тех пор, как я его ударил. А мой меч сгорел, будто щепка.

Пиппин нахмурился.

– Пошли-ка со мной, приятель, и чем скорее, тем лучше, – другим, озабоченным голосом заявил он. – Надо бы тебя отнести, конечно, да тяжеленько будет... С другой стороны, самому тебе тоже не дойти. Они, брат, зря не положили тебя на носилки вместе с остальными. Их, конечно, можно понять – столько всего стряслось кругом! Бедного маленького хоббита немудрено было и проглядеть.

– Иногда это бывает не так плохо, – без выражения откликнулся Мерри. – Меня тут недавно проглядел один... Хотя нет, не буду. Пиппин! Помоги мне, ладно? Гляди – опять темно стало, и рука что-то совсем холодная...

– Ну, будет, Мерри, будет глупости говорить, – засуетился Пиппин. – Обопрись-ка на меня, и пойдем. Потихонечку-полегонечку. Тут близко.

– Ты меня хоронить ведешь? – вдруг спросил Мерри.

– Да ты что?! – Пиппин чуть не сел, услышав это. Сердце у него сжалось от жалости и тревоги, и он как можно бодрее объявил: – Мы идем в Обители Целения, вот куда!

Пройдя по узенькой улочке между каменными домами и внешней стеной четвертого яруса, они вышли на главную дорогу, ведущую к Цитадели. Мерри шатался и шевелил губами, как будто спал на ходу.

«Так я его никогда не доведу, – вконец упал духом Пиппин. – Неужели никто не поможет? Я бы сбегал за подмогой, но оставить-то его тут нельзя...»

В этот миг, к его удивлению, сзади послышался топот мальчишечьих ног; когда парнишка поравнялся с ними, Пиппин узнал

Бергила, сына Берегонда.

– Эй, Бергил! Ты куда? – окликнул его хоббит. – Рад тебя видеть, а еще больше рад, что ты жив!

– Я теперь посыльным у Целителей, – кинул Бергил на ходу. – Мне некогда болтать!

– И хорошо! – обрадовался Пиппин. – Ты только передай Целителям, что у меня на руках больной хоббит – то есть, по-вашему, *перуан*! Он прямо с поля битвы. Похоже, сам не дойдет. Если Митрандир там, скажи ему. Он будет рад, что *перуан* нашелся!

Бергил помчался дальше.

«Подождем-ка лучше тут», – рассудил Пиппин.

Он осторожно посадил Мерри у края дороги, на солнышке, сел рядом и пристроил голову друга у себя на коленях. Осторожно ощупав Мерри, он взял его руки в свои. Правая была холодна как лед.

Вскоре появился и сам Гэндальф. Он наклонился и, погладив Мерри по голове, бережно поднял его на руки.

– Этого хоббита следовало внести в Город с великими почестями, – сказал волшебник. – Я верил в него, и он отплатил мне сторицей. Если бы я не уговорил Элронда и вы оба остались в Ривенделле, сегодняшний печальный день принес бы нам еще больше горя... – Он вздохнул и добавил: – Но теперь у меня одной заботой больше. А исход битвы, увы, еще неясен...

Наконец Фарамир, Эовейн и Мериадок были приняты на попечение Целителей и уложены в постель. Они попали в искусные руки. Несмотря на то, что в дни общего упадка Предание в его былой полноте повсеместно подверглось забвению, Целители Гондора еще не утратили прежнего мастерства и были весьма искушены в заживлении ран, уходе за ранеными и лечении всех болезней, которыми страдали в ту пору смертные к востоку от Моря. Кроме разве что одной – старости. Против нее средства так и не отыскалось. Срок жизни гондорцев сократился к тому времени так, что они почти уравнились с людьми обычными. Мало кто мог похвалиться, что встретил столетний юбилей в полном здравии, – исключая разве тех, в чьих жилах текла более чистая кровь Людей Запада.

В последнее время мудрость и умение Целителей столкнулись с неразрешимой загадкой. В Гондоре появилась новая, неисцелимая

болезнь, о которой доселе никто не слыхивал. Целители прозвали ее Черной Немошью⁵⁶⁶, ибо эту хворь напускали Назгулы. Пораженный ею человек постепенно погружался в глубокий непробудный сон, замолкал, холодел как мертвый – и в конце концов умирал. Целители заподозрили, что невеличек и королевна Рохана занемогли – и очень тяжело – именно этим недугом. До полудня они изредка бормотали во сне, и сиделки прислушивались к их бессвязному лепету в надежде, что больные проговорятся и расскажут, что их беспокоит. Но вскоре оба мало-помалу начали погружаться во тьму, и, когда солнце стало клониться к западу, серая тень легла на их лица. Что до Фарамира, то он сгорал в огне лихорадки, и никто не мог помочь ему.

Гэндальф в великой тревоге ходил от одного больного к другому, и сиделки повторяли ему слово в слово все, что слышали из уст больных. Так минул день. А за стенами города шла великая битва. Надежда то затухала, то разгоралась вновь, и много раз дело оборачивалось для обеих сторон неожиданностью, но Гэндальф выжидал и не вмешивался ни в ход сражения, ни в ход болезни. Наконец небо от края до края запылало огнем заката, и на серые лица больных через оконные проемы упал алый отсвет. На миг показалось, что к раненым возвращается румянец здоровья, – но это была лишь насмешка.

Глядя на Фарамира, старшая из сиделок, Иорэт⁵⁶⁷, не могла удержать слез, ибо все любили его.

– Какое несчастье будет, если он умрет, – говорила она, глотая рыдания. – Вот был бы в Гондоре Король, как в старые времена! В древних преданиях говорится – как там?.. *«В руке Короля исцеленье найдешь»*⁵⁶⁸. *Сим позна́ется истинный Владыка»*.

Гэндальф, стоявший рядом, ответил ей:

– Быть может, люди надолго запомнят твои слова, Иорэт! В них брезжит проблеск надежды. Ибо не исключено, что Король и впрямь вернулся. Разве тебе не передали странных слухов, которыми полнится город?

– Я кручусь как белка в колесе, откуда мне знать, что болтают в городе? – пожала плечами женщина. – Все, на что я надеюсь, – это что душегубы не ворвутся в Обители и не потревожат больных!

Тогда Гэндальф поспешил в город, и, пока он быстрым шагом шел по улицам, зарево на небе погасло, вершины холмов померкли и

равнину окутал пепельно-серый вечер.

На заходе солнца Арагорн, Эомер и князь Имрахил возвращались в Город в сопровождении своих латников и полководцев. У Ворот Арагорн молвил:

– Посмотрите на пожар, который зажгло Солнце! Это знак конца и начала. Грядут великие перемены. Но Город и королевство Гондор так долго состояли под опекой Наместников, что негоже мне входить в эти Ворота непрошеным гостем. Я не желаю стать причиной споров и нестроений. В дни войны это лишнее. Я не войду в Город и не заявлю никаких прав на престол, пока не станет ясно, кто превозмог – мы или Мордор. Мои шатры будут стоять здесь, на поле, и здесь я буду ждать, пока Правитель Города не окажет мне должного гостеприимства.

– Но ты уже развернул королевское знамя, и все видели на нем герб Элендила, – возразил Эомер. – Стерпишь ли ты, если этому знаку окажут неуважение?

– Нет, – ответил Арагорн. – Не стерплю. Но я думаю, мой час еще не пробил. Я хочу мира со всеми, кроме Врага и его слуг.

Тут заговорил князь Дол Амрота:

– Если ты прислушаешься к голосу того, кто состоит с Дэнетором в близком родстве, я осмелюсь высказать свое мнение. Твой поступок мудр, о Повелитель. Дэнетор наделен сильной волей и горд, но лета его весьма преклонны, и с тех пор, как ранили его сына, он уже совершил немало необъяснимых поступков. И все же – разве пристало тебе стоять у дверей, как нищему?

– Зачем же нищему? – повернулся к нему Арагорн. – Я – предводитель Следопытов, а они не привыкли жить в городах и домах из камня – вот и все.

И он отдал приказ свернуть знамя, а затем снял с себя Звезду Северного Королевства и передал на хранение сыновьям Элронда.

Князь Имрахил и Эомер Роханский оставили Арагорна у Ворот и вступили в город. Пройдя сквозь шум и ликование улиц, они поднялись в Цитадель и вступили в Башенный Зал, надеясь увидеть там Наместника. Но кресло Дэнетора пустовало, а перед троном покоился на высоком одре Теоден, король Рохирримов; двенадцать факелов пылало вокруг, и двенадцать воинов Рохана и Гондора несли

стражу при усопшем. Смертный одр короля убран был в цвета Рохана – зеленый и белый, но покрывало, немного не доходившее до плеч, переливалось золотом; на груди Короля лежал обнаженный меч, а у ног его покоился щит. Свет факелов мерцал в белоснежных кудрях, как солнце в струях фонтана, и лицо Теодена было прекрасно; оно даже казалось бы молодым, если бы не отметившая чело усопшего печать покоя – покоя, какого молодости стяжать не дано. Казалось, Король не умер, но спит.

Долго стояли Эомер с Имрахилом у тела Короля. Наконец Имрахил нарушил молчание:

– Где же Наместник? И где искать Митрандира?

Ответил ему один из воинов, стоявших в карауле:

– Наместник Гондора пребывает в Обителях Целения.

– А сестра моя, Эовейн? – спросил Эомер. – Почему ей не нашлось места подле Короля? Она достойна таких же почестей. Где ее положили?

И князь Имрахил ответил:

– Госпожа Эовейн была еще жива, когда ее принесли сюда. Разве ты не знаешь об этом?

И в сердце Эомера вошла надежда, а с нею – новая тревога и новый страх. Без единого слова он повернулся и быстро зашагал к выходу. Князь последовал за ним. Уже наступила ночь; в небе вывездило. Гэндальф тем временем спешил туда же, куда и они, и не один, но в сопровождении незнакомца в сером плаще. Все четверо встретились у двери Обителей, и князь, приветствовав Гэндальфа, молвил:

– Мы ищем Наместника. Нам сказали, что он пребывает в Обителях. Неужели его настигло оружие врага? И где госпожа Эовейн?

– Эовейн здесь. Она жива, но при смерти, – ответил Гэндальф. – Здесь и Фарамир – вы, должно быть, знаете, что его задело отравленной стрелой. Увы – кроме Фарамира, другого Наместника в Гондоре нет, ибо Дэнетор отошел к праотцам и дом его стал пеплом.

Эомер с Имрахилом подивились словам Гэндальфа, но и премного опечалились.

– Воистину, в победе нашей нет радости, ибо заплатить нам пришлось дорого, – молвил Имрахил. – В один день потеряли своих

государей Рохан и Гондор. Рохирримами правит отныне Эомер. Но кто будет править Минас Тиритом? Не послать ли все же за Арагорном?

– Он здесь, – отозвался человек в сером плаще, выступая вперед.

В свете фонаря стало видно, что это не кто иной, как Арагорн, но кольчугу его скрывал серый плащ Лориэна, и изо всех знаков королевского достоинства предводитель Следопытов оставил при себе только зеленый камень – дар Галадриэли.

– Я уступил настояниям Гэндальфа и явился, – молвил Арагорн. – Но запомните: пока что я – только командир дунаданов из Арнора. Править Городом, пока не очнется Фарамир, будет князь Дол Амрота. Но я советовал бы тебе, князь, вручить бразды правления Гэндальфу – хотя бы на ближайшие дни, пока война с Врагом еще не окончена.

На этом и порешили. Гэндальф добавил:

– Я бы советовал не тратить времени. Скорее в Обители! Вся надежда – на Арагорна. Ибо мудрая Иорэт вспомнила и пересказала нам древнее слово: *«В руке Короля исцеленье найдешь. Сим познаётся истинный Владыка»*.

Арагорн вошел первым, остальные – за ним. У дверей несли стражу два гвардейца в цветах Цитадели: один был высок и широкоплеч, другой – не выше ребенка. При виде входящих низкорослый стражник разинул рот от удивления, потом рожица его расплылась в радостной улыбке, и наконец он воскликнул:

– Бродяга! Вот так встреча! Я-то вмиг догадался, что на черных кораблях приплыл именно ты! Но все голосили: «Пираты, пираты!» – и ничего слушать не хотели. Как ты это проделал, а?

Арагорн, рассмеявшись, взял маленького стражника за руку.

– Встреча и впрямь замечательная! – согласился он. – Но ты уж прости – сейчас не до рассказов.

Имрахил, подняв брови, повернулся к Эомеру:

– Слышал ли ты, как у нас разговаривают с Королями? «Бродяга»! Смею ли я надеяться, что короновать мы его будем все-таки не под этим именем?

Арагорн обернулся и ответил:

– Конечно, не под этим, ибо на высоком древнем языке я зовусь Элессар – Эльфийский Камень и Энвиатар – Обновитель. – И, сняв с груди зеленый камень, он высоко поднял его. – Но мой род – если мне суждено стать основателем рода – примет и то имя, которое вы только

что слышали. На высоком языке Нуменора оно звучит не так уж и плохо: *Телконтар*. Так будут зваться и все мои потомки.

С этим он вошел в Обители и направился в покои, где лежали больные. По пути Гэндальф поведал остальным о подвиге Эвейн и Мериадока.

– Я узнал об этом от них самих, – прибавил он. – Немало времени провел я у их постелей. Прежде чем погрузиться во тьму и оцепенение, они много разговаривали во сне. Вдобавок, мне даровано видеть многое из того, что происходит вдали от меня.

Арагорн подошел сперва к Фарамиру, потом – к Эвейн и, наконец, к Мерри. Взглянув в их лица и осмотрев раны, он вздохнул.

– Придется пустить в ход все силы и знание, какими я обладаю, – промолвил он. – Жаль, нет здесь Элронда – он старший в нашем роду, и ему дана власть над недугами.

Эомер, видя, что Арагорн обременен великой усталостью и печалью, заметил:

– Тебе, верно, следовало бы отдохнуть или хотя бы вкусить пищи!
Но Арагорн ответил:

– Нет, отдыхать я не стану. Больным, особенно Фарамиру, каждая минута может стоить жизни. Теперь не до отдыха.

Он позвал Иорэт и спросил:

– Есть ли у вас в Обителях запасы целебных трав?

– Есть, господин, – отвечала женщина. – Но, боюсь, мало, на всех нуждающихся не хватит. Знать бы, где найти эти травы! Но в городе, по нынешним временам, среди огня и пламени, все вверх дном перевернулось, а мальчишек, что бегают по нашим поручениям, – раз-два и обчелся. Ну, и дороги все перекрыты. Мы уж запамятовали, когда в последний раз видели на рынке телегу из Лоссарнаха! Но пусть высокородный господин не сомневается, что мы делаем все возможное, даже при нынешней скудости...

– Ну, это мы еще увидим, – ответил Арагорн. – Запомни только, что у нас не только трав, но и времени в обрез, а потому на разговоры его надо тратить осмотрительнее. Есть ли у тебя листья травы *ателас*?

– Ах, ума не приложу, высокородный господин, – всполошилась Иорэт. – Я и названия-то этого не слыхала. Пойти, что ли, спросить у Главного Знатока зелий? Он знает все старые названия...

– Другое название этой травы – *королевский лист*, – терпеливо пояснил Арагорн. – Может, припомнишь, госпожа? Так называют ее теперь простолюдины в деревнях.

– Ну, эту-то! – махнула рукой Иорэт. – Так бы высокородный господин и говорил с самого начала. Нет, мы ее не держим. Мне и невдомек было, что она годится на что-нибудь, эта трава. Бывало, идем мы с сестрами по лесу, а я им и говорю: «Вот *королевский лист*, сестрички, – так прямо и говорю. Странное, говорю, название! И почему эти листики так кличут, ума не приложу! Будь я королем, уж я бы для своего сада выбрала что-нибудь попригляднее». Пахнут они, правда, приятно, если растереть их в ладонях. Хотя «приятно» – не то слово. Если у свежести есть запах, то это он и есть...

– Все правильно, – остановил ее Арагорн. – Послушай-ка, матушка! Если ты любишь Фарамира, дай отдых языку, а я дам работу твоим ногам. Эту траву надо разыскать, слышишь? Весь город перетряхни, госпожа, а хоть один листочек да принеси!

– А если не отыщется, – вмешался Гэндальф, – я сам поскачу в Лоссарнах, а Иорэт посажу за спиной – и пусть она покажет мне лес, где растет эта трава, только к сестрам ее мы съездим как-нибудь в другой раз! Скадуфакс научит ее, что значит спешить!

Отправив Иорэт, Арагорн приказал сиделкам нагреть воды, а сам сел возле Фарамира и, держа его за руку, положил ладонь ему на лоб. Лоб был мокр от пота. Фарамир не пошевелился и ничем не показал, что он чувствует прикосновение Арагорна. Казалось, дыхания в его груди почти нет.

– Жизнь уходит из его тела, – молвил Арагорн, поворачиваясь к Гэндальфу. – Но причиной тому вовсе не рана. Смотри! Она уже затягивается! Если бы ты оказался прав и его действительно ранил Назгул, Фарамир умер бы той же ночью. Скорее всего это была стрела какого-нибудь южанина. Ее сохранили?

– Стрелу вынул я, – припомнил Имрахил. – Но где же было ее сохранить, когда меня ждала битва? Стрела как стрела – точнее, это была даже не стрела, а дротик, какими действительно пользуются все южане. Но мне показалось, что дротик все-таки летел сверху и был выпущен Крылатой Тенью. Иначе как объяснить жар и беспамятство? Ведь рана не так уж и глубока, да и для жизни не опасна. Как ты это объясняешь?

– Думается, здесь все сошлось воедино, – сказал Арагорн. – Усталость, гнев отца, рана – и, что хуже всего, Черное Дыхание. Воля Фарамира крепка, но он побывал в опасной близости от Тьмы еще до битвы за стенами. Тень ее наползала на него постепенно, исподволь, а он, сражаясь за сторожевые посты, не замечал этого. Если бы только я подоспел раньше!

В покой вошел Главный Знатоک зелий.

– Высокородный господин спрашивал про *королевский лист*? – осведомился он с поклоном. – Да будет ему известно, что это название простонародное. Наука именует сию траву *ателас*. Но те, кто не забыл еще высокого языка Валинора...⁵⁶⁹

– Мне нужна трава, и мне все равно, как ее называть – *асеа аранион* или *королевский лист*, лишь бы она отыскалась, – прервал его Арагорн.

– Прошу простить меня, достойный господин, – снова поклонился Знатоκ. – Вижу, вы человек ученый, не просто военачальник. Но увы! Мы не держим этого снадобья в Обителях Целения. Сюда попадают только тяжелораненые и одержимые различными недугами. Эта же трава, насколько мне известно, не имеет целительной силы – только освежает воздух и распространяет приятное благоухание, рассеивая мимолетную усталость... Если, конечно, не принимать всерьез разных стишков сомнительного происхождения, которые женщины, вот как досточтимая Иорэт, например, повторяют, не вникая в значение слов:

*Когда повеет черной мглой
И встанут призраки стеной,
Чтоб свет в кромешной тьме не гас,
Приди на помощь, ателас,
И, умирающих целя,
Вернись в ладони Короля!*

Мне известны сии слова, но я привык считать, что это просто побасенка из тех, что вечно на языке у говорливых кумушек. Посудите сами, любезнейший, много ли тут смысла? Однако справедливости

ради следует отметить, что старожилы лечатся от головной боли, дыша отваром этой травы...

– Тогда, именем Короля, беги и отыщи мне какого-нибудь запасливого старика – только, ради всего святого, посообразительнее и не слишком начитанного, а то, чувствую, толку не будет! – вскричал Гэндальф.

Арагорн опустился на колени подле Фарамира и положил руку ему на лоб. Видно было, что идет жестокая борьба. Арагорн побледнел от усталости. Время от времени он повторял имя Фарамира, но голос его звучал все тише и тише, будто он углублялся в неведомую темную долину в поисках заблудившегося друга и звал его по имени.

Наконец в комнату влетел Бергил и вручил Арагорну шесть листиков, завернутых в тряпицу.

– Вот королевский лист, господин, – задыхаясь, выпалил мальчик. – Правда, не больно-то свежий. Уже недели две, как сорвали, а то и больше. Сгодится?

Он взглянул на Фарамира и разразился рыданиями.

Но лицо Арагорна просветлело.

– Конечно, сгодится! – заверил он Бергила. – Самое страшное позади. Оставайся здесь и не грусти!

Взяв два листа, он подышал на них, растер в ладонях – и комната наполнилась живым и свежим запахом; все вокруг как будто очнулось ото сна и, звеня, заискрилось радостью. Тогда Арагорн бросил листья в чаши с горячей водой, которые велел перед собой поставить, – и у всех сразу же стало легче на душе. Комнату наполнило благоухание, свежее, словно весть о росистых и безоблачных утрах Блаженной Страны Вечного Цветения, о которой на скудном и невнятном языке твердят нам скоропреходящие зеленые весны земли. Арагорн встал; глаза его смеялись, и казалось, силы вернулись к нему. Он поднес сосуд к лицу спящего Фарамира.

– Надо же! – шептала Иорэт сиделке, стоявшей рядом с ней. – Рассказать – не поверят! Травка-то, гляди, не так проста, как думают. Так пахли розовые сады в Имлот Мелуи⁵⁷⁰, когда я была девчонкой. Сам король не погнушался бы!

Вдруг Фарамир шевельнулся, открыл глаза и посмотрел на склонившегося над ним Арагорна. В глазах у него затеплились

узнавание и любовь.

– Ты звал меня, о Повелитель? Я здесь. Что прикажет мне Король?

– Я приказываю тебе покинуть страну теней и проснуться, – велел Арагорн. – Ты утомлен. Отдыхай, вкушай пищу, набирайся сил и будь готов к встрече со мной. Я вернусь и призову тебя.

– Я буду готов, государь. Разве можно предаваться праздности, когда в Гондор вернулся Король?

– Ну что ж, тогда прощай до времени! – сказал Арагорн. – Во мне нуждаются другие, и я должен идти к ним!

Вместе с Гэндальфом и Имрахилом он покинул комнату, но Берегонд с сыном, которым не сдержать было слез радости, остались у постели Фарамира. Пиппин поспешил за Гэндальфом и, закрывая дверь, услышал голос Иорэт:

– Король! Слыхали?! А я что говорила? *«В руке Короля исцеленье найдешь»* – так сразу и сказала!

Слова эти проникли за стены Обителей, и вскоре по всему Городу из уст в уста передавали весть о возвращении истинного Короля, несущего людям исцеление.

Между тем Арагорн склонился над Эовейн.

– Тяжелая рана. И какой сокрушительный удар! – молвил он. – Однако я вижу, что за сломанной рукой ухаживали с должным тщанием. Кость срастется, если у королевны достанет сил выжить. Но искалечена левая рука, державшая щит, а главное зло гнездится в правой. Эта рука цела, но жизни в ней нет. Увы! Эовейн пришлось сразиться с противником, далеко превосходившим ее по силе, как телесной, так и духовной. Чтобы поднять меч на такого врага, нужно быть крепче стали, но прежде всего – нужно устоять и не упасть замертво от ужаса... И вот злой рок столкнул их лицом к лицу. Воистину злой, ибо среди королевских дочерей нет ни одной, что была бы прекраснее Эовейн из рода Эорла. Но как найти мне слова, чтобы сказать о ней? Когда я впервые взглянул на нее и понял, как она несчастлива, мне показалось, что передо мною белый цветок, прямой, гордый и прекрасный, как лилия. Но цветок этот был тверд и крепок, словно сами эльфы выковали его из стали. А может, это была не сталь, а лед, может, сок цветка сковало заморозками, так что он до корней пропитался горечью и, по-прежнему прекрасный с виду, обречен был

вот-вот надломиться и зачахнуть? Болезнь королевны началась далеко не вчера. Верно ли я говорю, о Эомер?

– Дивлюсь, что ты спрашиваешь, о Повелитель, – ответил тот. – Я думаю, что твоей вины в этом нет, как и ни в чем другом. Но я знаю, что мороз не коснулся сестры моей Эовейн, доколе она не встретила на своем пути тебя. Правда, и прежде знала она тревогу и страх и поверяла их мне в те дни, когда Король был околдован наговорами Червеуста. Эовейн пеклась о Теодене и с каждым днем все больше страшилась за него. Но не это привело ее к последней черте!

– Друг мой, – вмешался Гэндалф. – Ты богат: у тебя есть кони, бранные подвиги и вольные равнины. А сестра твоя, Эовейн, родилась женщиной. Но духом она не слабее тебя и не уступит тебе в храбрости – и это по меньшей мере! Но, в отличие от тебя, ей в удел достались не подвиги, а домашние хлопоты. Она принуждена была заботиться о старике, которого она, правда, любила, как отца. И все же для нее пыткой было смотреть, как он день ото дня дряхлеет и теряет силы вместе с разумом. Она изнывала от унижения. Палка, на которую опирался Король, и та была, казалось ей, более в чести. Наивно думать, что у Червеуста не достало яда и на ее долю. *«Ты выжил из ума, старик, и слишком много возомнил о себе! Что такое Дом Эорла? Дымная лачуга, полная пьяных головорезов, чьи отпрыски ползают на полу среди собак...»* Узнаешь? Это слова Сарумана, а Червеуст был прилежным учеником! Хотя под кровом Теодена он, конечно, изъяснялся не так откровенно и, по-видимому, старался выбирать выражения... Знай, государь, что только любовь к тебе и верность долгу налагали печать на уста твоей сестры – иначе ты мог бы слышать подобные слова и от нее самой. Кто знает, о чем говорила она с темнотой – одна, горькими бессонными ночами, когда ей казалось, что жизнь идет на убыль, что четыре стены смыкаются вокруг, словно стены клетки, а сама она – дикий зверь в неволе!..

И умолк Эомер, и взглянул на сестру другими глазами, – перед ним в новом свете, один за другим, прошли чередой все прожитые вместе дни.

Молчание нарушил Арагорн:

– То, о чем ты говоришь, Эомер, не укрылось от меня. Но скажу тебе вот что: из всех зол и тягот, какие хранит в запасе судьба, нет ничего столь горького и позорного для мужа, как снискать любовь

прекрасной и бесстрашной девы и не иметь возможности ответить ей тем же. Скорбь и жалость не оставляли меня с того самого утра в Дунхаргской Крепости, когда я распрощался с твоей сестрой. Проводив меня, она похоронила последнюю надежду, и, признаюсь, страх за нее заглушал в душе моей даже страх перед Мертвыми. Но знай, Эомер, тебя она любит по-настоящему, меня же – нет. Ибо тебя она знает, а во мне любит лишь тень, грезу, игру собственного воображения. Со мной в ее жизнь вошли чаяние славы, мечта о великих подвигах и дальних странах, не похожих на степи родного Рохана. Я могу исцелить ее тело и вызвать ее из долины теней. Но что даст ей пробуждение? Надежду? Отчаяние? Забвение? Этого я не знаю. Однако, если она выберет отчаяние, она умрет. Здесь нужна другая помощь, какой я – уввы! – дать не могу. Увы, говорю я, ибо своими подвигами Эовейн заслужила, чтобы имя ее встало в ряду самых великих и славных королей мира!

Арагорн наклонился и взглянул в лицо Эовейн – белое, как лилия, холодное, как иней, и застывшее, словно лик каменного изваяния. Он коснулся губами ее лба и тихо позвал:

– Эовейн, дочь Эомунда, проснись! Твоего врага больше нет!

Эовейн не шевельнулась – только глубоко вздохнула. Белая ткань на ее груди поднялась и опала. Арагорн взял еще два листа *ателас*, бросил в кипяток и обтер этим отваром лоб Эовейн и ее правую руку, холодную, неподвижно лежащую поверх покрывала.

То ли и в самом деле наделен был Арагорн забытой благодатью Запада, то ли его слова о королевне Эовейн так подействовали на стоявших вокруг, – но, когда в комнате повеяло чудотворным ароматом *королевского листа*, всем померещилось, будто в окно подул ветер, чистый, новорожденный, не смешанный ни с чьим дыханием, словно прилетел он со снежных вершин, откуда уже недалеко до звезд, – а может, с дальних серебристых берегов, омываемых пенными морями?

– Проснись, Эовейн, Владычица Рохана! – повторил Арагорн, беря правую руку королевы в свою и чувствуя, как теплеет, возвращаясь к жизни, ее ладонь. – Проснись! Тень миновала. Мир отмыт и очищен от тьмы!

С этими словами он отступил и вложил ладонь Эовейн в руку Эомера.

– Позови ее, – шепнул он и неслышно вышел из комнаты.

– Эовейн, Эовейн! – воскликнул Эомер сквозь слезы.

И вдруг Эовейн открыла глаза и проговорила:

– Эомер! Как я рада! Мне сказали, что ты убит!.. Но нет, это говорили черные голоса из моего сна. Сколько же я спала?

– Недолго, сестра! Не думай об этом!

– Что-то я устала, – недоуменно произнесла Эовейн. – Странно! Мне надо бы немного отдохнуть. Скажи только, что с Королем?.. Нет! Я знаю. Увы! Не говори мне, что это был сон! Он погиб, как и предвидел!

– Он погиб, – подтвердил Эомер. – Но перед смертью простился с тобой и сказал, что ты была ему дорожке дочери. Тело его покоится сейчас в Большом Башенном Зале Гондора.

– Это горестная весть, – закрыла на мгновение глаза Эовейн, но тут же вновь подняла веки. – Но – и радостная! В минувшие темные дни я даже мечтать не могла, что все кончится именно так! Мне представлялось, что Дом Эорла пал ниже самой обыкновенной пастушьей хижины... А где королевский оруженосец, невеличек? Эомер, ты должен посвятить его в рыцари. Он поистине доблестный воин!

– Он здесь, в Обителях, и я сейчас пойду прямо к нему, – вмешался Гэндальф. – А Эомер побудет с тобой, о Эовейн. Пока не окрепнешь, тебе лучше не вести разговоров о войне и скорби!.. Для всех нас твое пробуждение – великая радость. Скоро ты будешь здорова и окрылишься надеждой, о доблестная госпожа!

– Здорова? – переспросила Эовейн. – Может статься, я и выздоровею. Если найдется пустое седло, если я смогу заменить какого-нибудь павшего воина, если Гондору и Рохану нужны будут бойцы – пожалуй... А что до надежды – не знаю.

Гэндальф и Пиппин вошли в комнату, где лежал Мерри, и застали Арагорна уже у его постели.

– Бедняга Мерри! – воскликнул Пиппин и бросился к другу: ему показалось, что тому гораздо хуже. Лицо Мерри посерело и осунулось, словно на плечи маленькому хоббиту легли годы забот и скорбей, и Пиппин вдруг испугался, что Мерри умрет.

– Не волнуйся, – удержал его Арагорн. – Я пришел вовремя и вызвал его назад. Он выбился из сил, пережил боль и горе – и, кроме того, с ним приключилось то же, что с Эовейн: он ранил Черного

Всадника, а коснуться Назгула – все равно что коснуться смерти. Но это скоро пройдет. В твоём друге живет слишком сильный и веселый дух, так что зло нетрудно будет поправить. О своём горе Мериадок не забудет, но это только придаст ему мудрости и не омрачит сердца.

Арагорн положил руку на голову Мерри, ласково погладил русые кудри, коснулся закрытых век и позвал хоббита по имени. Когда же благоухание *ателас* разлилось в воздухе, и в комнате зацвели сады, и невидимые пчелы жужжали над полуденной вересковой поляной, Мерри вдруг открыл глаза, огляделся и объявил:

– Чтой-то я проголодался. Который час?

– Здесь давно отужинали, – беспокоился Пиппин, – но я постараюсь чего-нибудь раздобыть, если меня не прогонят...

– Насчет этого можешь не тревожиться, – заверил Гэндальф. – Всаднику Рохана, покрывшему себя немеркнувшей славой, будут по первому требованию предоставлены любые яства и питья Минас Тирита!

– Тогда порядок, – успокоился Мерри. – В таком случае сначала я перекушу, а потом хорошо бы трубочку... – Но тут его лицо вдруг затуманилось. – Нет! Трубку не надо. Курить я, наверное, больше никогда не буду.

– Это еще почему? – опешил Пиппин.

– Как тебе сказать, – ответил Мерри, с трудом подыскивая слова. – Потому что... потому что он умер, понимаешь? Я заговорил о трубке и сразу же все вспомнил. Как он со мной прощался, как жалел, что мы так и не поговорили про курительное зелье. Это были чуть ли не последние его слова. Теперь я не смогу и одной затяжки сделать, чтобы не вспомнить про него, и про этот день, и про то, как мы в первый раз увидели его в Исенгарде, и как он милостиво с нами обошелся!

– Напротив – кури и вспоминай о нем! – возразил Арагорн. – Теоден обладал поистине благородным сердцем. Он был великим Королем и сдержал клятву. Он поднялся над Тенью, и последнее его утро было ясным. Служба твоя оказалась краткой, но ты должен хранить благодарную память о ней до конца дней своих, ибо ты сподобился великой чести!

Мерри грустно улыбнулся:

– Что ж, ладно... Если только Бродяга добудет мне все необходимое, я, так и быть, не откажусь. Стану курить и размышлять. Вообще-то у меня в мешке было курительное зелье, причем самое отборное, Саруманово, но куда подевался мешок, лучше не спрашивайте – ни за что не вспомню!

– Достопочтенный Мериадок! – сдвинул брови Арагорн. – Если ты думаешь, что я прошел сквозь горы и проложил себе мечом и огнем дорогу к Морю только для того, чтобы доставить щепотку зелья беспечному вояке, который умудрился обронить на поле боя походную сумку, – ты сильно ошибаешься! Не можешь отыскать свою котомку – обратись к здешнему Знатоку зелий. Он сообщит тебе, что сведений о достоинствах требуемого растения у него нет, но что в народе оно называется Западным, в науке известно как *галенас*⁵⁷¹, а на других языках, еще более ученых, зовется так-то и так-то. Потом он угостит тебя парочкой полузабытых заклинаний, которых и сам хорошенько не понимает, и, наконец, с сожалением уведомив, что в Обителях Целения такого зелья нет и никогда не было, удалится, оставив тебя размышлять над мудреными судьбами слов и названий. Я же, с твоего разрешения, пойду и предамся тому же, что и ты, потому что на такой постели, как твоя, в последний раз я нежился не позднее чем в Дунхаргской Крепости. К тому же я не ел со вчерашнего утра.

Мерри схватил и поцеловал руку Арагорна.

– Мне ужасно стыдно! – воскликнул он. – Иди поскорее отдыхать! Вот ведь что получается: как сели мы тебе на шею тогда в Бри, так все никак и не слезем! Но так уж наш брат хоббит устроен, что в серьезные минуты у нас на языке одни пустяки. Мы всегда говорим совсем не то, что хочется, – а почему? Потому что боимся сказать лишнее. Когда нету места шуткам, мы сразу теряемся...

– Знаю, – сказал Арагорн. – Иначе не платил бы тебе той же монетой. Да здравствует неувядающий дух Заселья!

Поцеловав Мерри, он вышел. Гэндальф последовал за ним.

Пиппин остался с Мерри.

– Ну скажи, кого сравнить с Арагорном? – вздохнул он, проводив взглядом уходящих. – Разве что Гэндальфа! Мне кажется, они в чем-то сродни... Кстати, простофиля ты мой драгоценный, твоя сумка здесь, под кроватью, и во время разговора Бродяга прекрасно ее видел. Когда

мы встретились, она была у тебя за спиной! Но у меня и у самого кое-что осталось. Не побрезгуй! Долгодольское зелье, высший сорт! Набивай трубочку, а я сбегая поищу, чем подкрепиться. Пора спускаться на землю! Мы, Тукки и Брендибэки, в небесах долго не выдерживаем... Вершины не про нас.

– Не про нас, – признался Мерри. – Во всяком случае, пока. Уж не про меня – это точно... Но зато мы теперь их видим, эти вершины, и чтим их, правда? Я думаю, каждый должен любить то, что ему положено по его чину, и не мучиться. Надо же с чего-то начинать, надо иметь корни – а чернозем у нас, в Заселье, хороший, и глубина – в самый раз!.. Но есть вещи и глубже, и выше. Если бы их не было, никакой Старикан Гэмги не смог бы мирно копать в своем огороде, что бы он сам про это ни думал! Хорошо, что я хоть одним глазком глянул наверх... Не пойму только, с чего это я так разговорился. Дай-ка мне скорее щепотку зелья и достань, пожалуйста, трубочку из моего мешка, если она в целости!

Тем временем Арагорн и Гэндальф направились к Главному Управителю Обителей Целения и посоветовали ему подольше не отпускать Фарамира и Эвейн и окружить их особым вниманием.

– Королевна Эвейн вскоре пожелает подняться с постели и покинуть Обители, – предупредил Арагорн, – но, если Целителям удастся ее удержать, надо, чтобы она пробыла у вас хотя бы с десятком дней.

– Что касается Фарамира, – прибавил Гэндальф, – вскоре ему так или иначе станет известно, что отец его умер. Но правда о безумии Наместника до времени должна быть скрыта от его сына. Он не должен знать ее, пока не поправится и не приступит к своим новым обязанностям. Проследите, чтобы свидетели – Берегонд и *периан* – не проговорились.

– А второй *периан*, по имени Мериадок? Он тоже пока еще находится под моей опекой, – напомнил Управитель.

– Скорее всего, завтра он сможет встать. Разрешите ему, если попросит. Может, под присмотром друзей, даже погулять по саду.

– Сколь живучее племя! – подивился Управитель, качая головой. – Прочностию они подобны кремню!

У входа в Обители между тем собралась толпа, желавшая видеть Арагорна, и, когда он появился, все устремились следом. Едва успел он встать из-за трапезы, как люди окружили его с просьбами: кто умолял исцелить родича, кто – друга, умирающего от ран или пораженного Черной Немошью. Тогда Арагорн встал, и вышел к толпе⁵⁷², и послал за сыновьями Элронда, и до поздней ночи они втроем врачевали и целили несчастных. По городу разнеслась молва: «Король! Король вернулся!» Скорые на язык гондорцы в первый же день прозвали Арагорна Эльфийским Камнем – по зеленому камню, сверкавшему у него на груди. Так подтвердил его собственный народ имя, предначинанное Арагорну в колыбели.

Когда же силы покинули Арагорна, он завернулся в плащ, незаметно ушел из города, вернулся в свой шатер и заснул на краткое время. А рано утром на Белой Башне взвился флаг Дол Амрота – белый корабль на синей воде, подобный белому лебедю, и все дивились, глядя на Башню и гадая: вправду город их посетил Король или то было видение?

Глава девятая

Последний совет

Настало первое утро после битвы, и было оно ясным. По небу плыли легкие облака, ветер сменился на восточный. Леголас и Гимли, поднявшись чуть свет, испросили разрешения покинуть военный стан – им не терпелось подняться в Город и повидаться с Мерри и Пиппином.

– Рад был узнать, что они живы, – говорил Гимли. – Натерпелись мы с ними горя в роханских степях! Жаль было бы, если такие труды и пропали бы впустую!

Эльф с гномом рука об руку вошли в Минас Тирит, и горожане на улицах дивились, видя столь странную пару. Леголас был прекрасен лицом, как ни один человек никогда не был и не будет. Он шел по утренним улицам, напевая какую-то эльфийскую песню чистым, звонким голосом, а Гимли тяжело шагал рядом, поглаживая бороду и глаза по сторонам.

– В работе с камнем они понаторели, – сделал он заключение, внимательно осмотрев стены домов. – Но кое-где кладка могла бы

быть получше, да и камни мостовой я бы пригнал ровнее. Когда Арагорн примет здешние дела, надо будет предложить ему службу каменщиков из Одинокой Горы. Тогда у него будет столица всем на зависть!

– Тут слишком мало садов, – посетовал Леголас. – Эти дома мертвы. Здесь недостает зелени, которая росла бы и радовалась солнцу. Если Арагорн действительно примет здешние дела, Лесной Народ пришлет ему в дар певчих птиц и деревья, которые никогда не умирают...

Наконец они предстали перед князем Имрахилом, и Леголас, взглянув на него, поклонился в пояс, ибо признал в князе эльфийскую кровь.

– Приветствую тебя, о князь! – воскликнул он. – Давно покинули рощи Лориэна соплеменники Нимродэли, но, видимо, не все они отплыли из гаваней Амрота на запад⁵⁷³, за Море!

– Наши легенды говорят то же самое, – ответил князь. – И все же вот уже много лет не видели мы у себя сыновей благородного племени эльфов, и я дивлюсь нашей встрече в эти дни войны и скорбей. Что привело тебя сюда?

– Я – один из Девяти, что начали свой путь из Имладриса, ведомые Митрандиром, – молвил Леголас. – А прибыл я сюда вместе с моим другом, гномом Гимли, и Повелителем Арагорном. Мы хотим видеть наших друзей – Мериадока и Перегрину, которые, как говорят, находятся под твоей опекой.

– Вы найдете их в Обителях Целения. Я провожу вас туда, – предложил Имрахил.

– Нам довольно будет и менее достойного провожатого, – поклонился Леголас. – Ибо я принес тебе весть от Арагорна. Он не хотел входить в Город до срока, но сейчас явилась безотлагательная необходимость немедленно собрать совет военачальников, а посему Король просит тебя и Эомера Роханского спуститься к его шатру, где вас уже ожидает Митрандир.

– Мы явимся незамедлительно, – обещал Имрахил, и, обменявшись учтивостями, они расстались.

– Вот благородный муж и великий вождь племени людского! – молвил вслед ему Леголас. – Какова же была слава Гондора в пору расцвета, если даже теперь, на закате, являются в нем подобные мужи?

– А какие у них были каменщики! – подхватил Гимли. – Древние постройки сработаны добротнее всего. Обычная история у людей! Все-то они ждут урожая, сеют пшеницу – и вдруг грянут весенние заморозки, или летний град побьет поля, и где он, урожай, где они, обещания?

– Однако редко бывает, чтобы пропал весь посев, – возразил Леголас. – Иной раз переждет зерно непогоду, схоронившись где-нибудь в пыли и перегное – а потом возьмется и прорастет⁵⁷⁴, когда уже и не ждет никто. Дела людей еще и нас переживут, Гимли!

– И все же в конце концов останется только руками развести. Всем их делам и замыслам одно название: могло-быть-да-нету...

– Будущего не дано провидеть даже эльфам, – вздохнул Леголас.

Тут подошел провожатый от князя Имрахила, посланный доставить эльфа и гнома в Обители Целения. Хоббитов они застали в саду, и встреча получилась радостной. Друзья долго гуляли среди деревьев и беседовали, наслаждаясь временным покоем и отдыхом на утреннем ветру, что овеивал верхние ярусы города. Когда Мерри устал, все четверо устроились на стене спиной к зеленому саду и лицом к сверкающему на солнце Андуину, катившему волны в такую даль, где даже зоркие глаза Леголаса не могли ничего разглядеть, – к широким равнинам, в зеленую дымку Лебеннина и Южного Итилиэна.

Беседа продолжалась, но Леголас смолк и вглядывался вдаль – туда, откуда светило солнце. В небе над Андуином парили большие белые птицы, явно прилетевшие с Моря.

– Смотрите! – вскричал эльф, заметив их. – Чайки! Они летят в глубь Средьземелья. Но почему? Эти птицы снова растревожили мне сердце! В первый раз я увидел их у Пеларгира, когда мы скакали к кораблям, на бой. Я услышал их крик и сразу остановился как вкопанный. Война сразу вылетела у меня из головы. Чайки кричали и плакали, и в их жалобах звучала весть о Море. Увы! Море! Я так его и не увидел. Но у каждого из моих сородичей в сердце заложена тоска по Морю, и будить ее опасно. Горе мне! Зачем только я услышал тех чаек?.. Не будет мне больше покоя под сенью дубов и вязов...

– Не говори так! – возразил Гимли. – Нам еще предстоит многое увидеть в Средьземелье! Нас ждут великие дела. Ежели все

Благородное Племя надумает отправиться в Гавани, мир для тех, кто обречен остаться, делается гораздо скучнее!

– Да уж, скука будет ужасная, – поддержал его Мерри. – Ты уж не уходи в Гавани, Леголас! Тут, в Средьземелье, всегда найдутся существа, кому ты будешь нужен, большие и маленькие, – и будь уверен, среди них не преминет затесаться парочка мудрых гномов вроде Гимли. Во всяком случае, я очень на это надеюсь! Правда, сдается, худшее в этой войне еще впереди... Скорее бы, что ли, она кончилась, и в нашу пользу, если можно!

– Да что ты каркаешь? – взвился Пиппин. – Ты что, не видишь – солнце светит вовсю, и мы будем вместе еще целый день, а глядишь – и два. К тому же мне не терпится вас послушать. Не тяни, Гимли, начинай! Вы с Леголасом уже раз пятнадцать намекали, что Бродяга втянул вас в какое-то невероятное приключение, но толком от вас ничего не добьетесь!

– Тут-то оно светит, солнце, – вздохнул Гимли. – Но я предпочел бы не вызывать из тьмы память о нашем последнем походе. Знай я тогда, что мне предстоит, ни за что не вступил бы на Тропу Мертвых – даже ради дружбы!

– На Тропу Мертвых? – переспросил Пиппин. – Я слышал эти слова от Арагорна и все думаю – что бы они значили? Объясни!

– Без особой охоты, – сказал Гимли. – Честно сказать, я там не на шутку опозорился. Это я-то – Гимли, сын Глоина, который всегда считал себя выносливее любого человека и был уверен, что под землей гном всегда даст эльфу десяток очков вперед! Но вышло не так... Меня удержала только воля Арагорна.

– Не только воля! Ведь ты его еще и любишь, – поправил Леголас. – Арагорна любят все, кому довелось узнать его поближе, – даже эта холодная роханская королева. Мы покинули Дунхаргскую Крепость на ранней заре, за день до того, как туда прибыл Король Рохана. Людей объял такой страх, что никто не пожелал даже взглянуть на наш отъезд – никто, кроме королевы Эовейн, которая лежит сейчас внизу, в Обителях, раненая. Прощание было таким горьким, что у меня защемило сердце...

– У меня сердце щемило только за себя, – признался Гимли. – На остальных меня не хватало. Нет! Я не стану ничего рассказывать!

Он смолк и сжал губы, но Пиппин и Мерри так упрашивали, что в конце концов Леголас сдался:

– Ну хорошо, давайте расскажу я, но ровно столько, сколько надо, чтобы вы успокоились, – не больше. Мне это сделать легче – я не испытывал страха. Человеческие призраки бледны и бессильны. Впрочем, я всегда так думал...

И он коротко поведал о залятой дороге сквозь горы, о призрачном смотре на горе Эрех и о великом переходе от Эреха к Пеларгиру, городу на Андуине, до которого от Черного Камня девяносто и три лиги пути.

– Четыре дня и четыре ночи, и еще почти целый день мчали нас лошади от Черного Камня, – рассказывал эльф. – Как ни странно это звучит, но я поверил в удачу именно благодаря Тени Мордора. Когда она настигла нас, войско призраков сразу как-то окрепло, уплотнилось, стало куда страшнее и внушительнее. Я разглядел среди них и конных, и пеших, но неслись они все с одинаковой скоростью, молча – только глаза сверкали. На высотах Ламедона они перегнали нас и, не запрети им Арагорн, ушли бы вперед. Он скомандовал – и они вновь заняли свое место. «Даже Мертвые покорны его воле, – подумал я. – Значит, они и впрямь могут сослужить нам службу!» Первый день мы скакали еще при свете, но наутро солнце уже не встало, а мы, оставив позади Кирил и Рингло, мчались все дальше и дальше. На третий день нас встретил Линхир⁵⁷⁵, что недалеко от устья реки Гилраин⁵⁷⁶. Там ламедонцы защищали переправу от разъяренных пиратов из Умбара и харадцев, что поднялись вверх по реке. Но все – и защитники, и нападающие – разбежались, стоило нам только появиться. Все кричали в один голос: «Король Мертвых! Король Мертвых!» Только у Ангбора, правителя Ламедона, достало мужества нас встретить. Арагорн велел ему собрать своих воинов и, если те смогут перебороть страх, следовать за Серым Войском. «В Пеларгире вы будете нужны наследнику Исилдура», – сказал он. Мы переправились через Гилраин, обратив в бегство союзников Мордора, и на другом берегу остановились передохнуть. Но вскоре Арагорн поднял нас со словами: «Вставайте! Минас Тирит уже в кольце осады. Как бы город не пал раньше, чем мы придем на помощь!» И мы, не дожидаясь утра, снова оседлали коней и во весь опор понеслись по лугам Лебеннина.

Леголас остановился, вздохнул и, глядя на юг, тихо пропел:

*От Келоса к Эруи⁵⁷⁷ струится серебряный свет
По зеленым лугам Лебеннина.
Травы там высоки. Ветер с Моря
Венчики лилий колышет.
О звон золотых колокольцев маллоса⁵⁷⁸ и алфирина⁵⁷⁹!..
На зеленых лугах Лебеннина —
Ветер с Моря...*

– В песнях моего народа луга Лебеннина зелены, – продолжал эльф. – Но теперь они были темны, серы и пустынны в черной ночи, лежавшей пред нами. Не встречая препятствий, мы мчались всю ночь и весь день, топча траву и цветы, и гнали врагов перед собой, пока не оказались на берегу Великой Реки. Мне пригрезилось, что мы на берегу Моря, ибо Андуин широко разливается в том месте и по его берегам кричат бесчисленные чайки. Там я впервые услышал их крик. Не напрасно предостерегала меня Владычица! Теперь я слышу его везде...

– Что до меня, то я на птиц не глядел, – вмешался Гимли. – Не до того было! Сразу же завязался бой, и нешуточный. В Пеларгире стоял главный умбарский флот – пятьдесят больших кораблей и без счета малых. Многие из тех, кого мы преследовали, достигли гавани раньше нас, и страх пришел туда вместе с ними, так что некоторые суда успели сняться с якоря и отплыть: они пытались уйти вниз по Реке или переждать у противоположного берега. Многие корабли помельче горели. Харадримы, загнанные в ловушку у самой кромки воды, повернулись к нам лицом: они решили не сдаваться и были готовы на все. Увидев, как нас мало, они расхохотались, ибо их войско все еще было огромно. Тогда Арагорн осадил коня и крикнул: «Именем Черного Камня, вперед!» И тут призраки – а до сих пор они держались позади нас – серой волной хлынули вперед, сметая все на своем пути. До моих ушей доносились приглушенные крики, далекие голоса рогов⁵⁸⁰, ропот несчетных голосов – но все это походило скорее на эхо, дальнейшее эхо какой-то забытой, много лет назад закончившейся битвы. Обнажены были бледные мечи, но я не узнал, так же ли они оказались остры, как прежде, поскольку, кроме страха, Мертвым не потребовалось никакого оружия. Никто не мог противостоять им. Они

взобрались на корабли, оставшиеся у причала, и перебрались оттуда по воде на те суда, что бросили якорь посреди Реки. Матросы все до одного обезумели от ужаса и попрыгали за борт. Остались только рабы, прикованные к веслам. Враги разлетались перед призраками, словно осенние листья в бурю, и за считанные минуты мы овладели всем берегом. На каждый из больших кораблей Арагорн послал одного из Дунаданов, чтобы успокоить галерников и снять с них цепи. Еще не кончился этот темный день, а нам уже не с кем было биться. Кто не утонул – бежал на юг, надеясь добраться до родных мест по суше. Странно мне показалось и чудно, что замыслы Мордора сокрушились именно благодаря теням, вызванным из мрака и сеющим страх!.. Враг был разбит его же оружием!

– Да, странно и чудно, – согласился Леголас. – В тот час я думал, глядя на Арагорна: каким великим и грозным властелином мог бы стать человек с такой сильной волей, если бы взял Кольцо себе! Нет, не зря Мордор трепещет перед ним. Но дух Арагорна слишком благороден, чтобы Саурон мог постичь его. Разве наш друг не из потомков Лутиэн? А ее род никогда не оборвется⁵⁸¹, хотя бы прошло еще бесчисленное множество лет...

– Ну, гномьи глаза так далеко не видят, – усмехнулся Гимли. – Но Арагорн в тот день и правда был велик. Не чудо ли? Вся черная армада перешла в его руки! Он выбрал самый большой корабль и взошел на борт. Затем он приказал трубить во все боевые трубы, какие остались после бегства врагов. Призрачное войско хлынуло с кораблей на берег и собралось там. Мертвые стояли молча. Их было бы трудно заметить, если бы не множество поблескивавших алым блеском глаз – в них отражалось все еще бушевавшее на кораблях пламя. Арагорн во всю мощь своего голоса обратился к ним:

«Слушайте слово того, кто наследует Исилдуру! Ваша клятва исполнена. Идите и не нарушайте более мира в долинах! Идите и обретите покой!» Тогда Король Мертвых выступил вперед и переломил пополам свое копье. Бросив обломки наземь, он отвесил низкий поклон, повернулся – и войско призраков стало быстро удаляться и рассеялось в воздухе, что твой туман, когда внезапно подует сильный ветер. Мне показалось, что я спал и проснулся... В эту ночь мы отдыхали, но остальным пришлось крепко потрудиться. Много пленных было освобождено нами в том сражении. Среди них были и

гондорцы, захваченные во время набегов. Вскоре подросли жители Этира и Лебеннина, а следом – Ангбор из Ламедона и всадники, которых ему удалось собрать. Ужас, наведенный призраками, развеялся, как и само Серое Войско, и люди пришли к нам на помощь: они хотели увидеть наследника Исилдура. Имя его было на устах у всех, и весть распространялась, как пожар в ночи... Ну вот почти и все. За один вечер и одну ночь корабли были подготовлены к отплытию, и на утренней заре флот двинулся вверх по Великой Реке. Сейчас кажется, что прошло сто лет, а на самом деле это случилось всего лишь позавчера, на шестые сутки после нашего выхода из Дунхаргской Крепости. Арагорна по-прежнему снедала тревога – он видел, что времени остается мало. «От Пеларгира до Харлондских пристаней сорок две лиги, – говорил он. – Если за сутки мы не преодолеем их – все пропало». На веслах теперь сидели свободные люди, и гребли они в полную силу. Но плыли мы все-таки очень медленно – паруса провисли, течение супротивное... В Пеларгире мы вышли победителями, и все же на душе прямо кошки скребли. Я совсем пал бы духом, если бы не Леголас. Гляжу, а он смеется! «Выше бороду, сын Дьюрина! Вспомни-ка старое присловье: «Нет напасти – нет и надежды»!» Но в чем наша надежда, он не объяснил. К ночи ничего не изменилось – разве что тьма обступила корабли еще теснее. Наши сердца горели нетерпением, ибо тучи на севере озарял отсвет дальнего зарева, и Арагорн сказал: «Минас Тирит в огне». Но к полуночи надежда все-таки забрезжила. Опытные моряки из Этира, посмотрев на юг, определили, что погода меняется. Еще задолго до рассвета паруса поймали ветер, корабли ускорили ход, а на рассвете пена под нашими форштевнями забелела в лучах солнца. Ну а в третьем часу утра, как вы уже знаете, мы, при ярком солнце и попутном ветре, подошли к причалу, развернули королевское знамя и вступили в битву. Что бы потом с нами ни случилось, это был великий день и великий час!

– Да, чем бы дело ни кончилось, такие подвиги не меркнут, – кивнул Леголас. – Пройти по Тропе Мертвых – великое дело, и оно будет жить в памяти поколений, даже если в Гондоре не останется никого, чтобы воспеть его.

– Да, пожалуй, до песен может и не дойти, – кивнул Гимли. – У Арагорна и Гэндальфа такие озабоченные лица! Хотел бы я вывести,

о чем идет сейчас разговор у них в шатрах! Я, как и Мерри, только и мечтаю, чтобы с этой победой война кончилась. Но если не кончится, я надеюсь сражаться и в грядущих битвах, дабы не посрамить племени гномов из Одинокой Горы!

– А я – дабы не посрамить племени эльфов из Великой Пущи! – добавил Леголас. – Во имя любви к Повелителю Белого Дерева – мы не отступим!

Друзья замолчали и долго еще сидели на высокой стене Минас Тирита, каждый со своими мыслями, пока военачальники держали последний совет.

Расставшись с Леголасом и Гимли, князь Имрахил немедленно позвал Эомера, и они покинули Город, направляясь к шатру Арагорна, что стоял неподалеку от места гибели короля Теодена. Там и собрался Совет, в котором участвовали также Гэндальф, Арагорн и сыновья Элронда.

– Государи мои, – начал Гэндальф. – Я хочу передать вам слова Наместника Гондора, сказанные им перед кончиной: «Может, вы и одержите победу на полях Пеленнора, но лишь на день, не больше. Силе, что движется на Гондор, противостоять невозможно». Я не призываю вас предаться отчаянию, как Дэнетор, но давайте рассудим, есть ли правда в его словах. Зрячие Камни никогда не лгут. Даже Властелин Барад-дура не смог бы устроить так, чтобы они погрешили против правды. Он властен только выбирать, что показывать, а что утаить: к тому же он может внушить человеку, слабому духом, превратное понимание образов, явленных *палантиром*. Тем не менее не вызывает никаких сомнений, что виденная Дэнетором в Камне великая армия Мордора, растущая не по дням, а по часам, – не наваждение. Сил наших едва-едва достало на то, чтобы отстоять Город от первого удара. Второй будет сильнее. Как и полагал Дэнетор, на окончательное торжество над врагом надежды у нас почти нет. С помощью оружия нам победы не достичь – останемся ли мы в стенах Города и будем выдерживать осаду за осадой, выступим ли за Реку и примем открытый бой. Нам предстоит выбирать из нескольких зол. Благоразумие, наверное, потребовало бы укрепить твердыни Гондора и, укрывшись за стенами, ждать натиска. Что ж, это, пожалуй, несколько отсрочило бы нашу окончательную гибель...

– Значит, ты советуешь, чтобы мы заперлись в Городе или, может быть, где-нибудь в Дол Амроте, а то и в Дунхаргской Крепости и схоронились там, словно дети, что надеются пересидеть прилив за стенами песочных замков? – спросил Имрахил.

– Старо, – сказал Гэндальф. – При Дэнеторе вы по большей части этим и занимались. А теперь выслушайте меня! Я упомянул, что благоразумнее всего было бы окопаться в Крепости и ждать. Это так, но это не значит, что я ратую за благоразумие. С помощью одного только оружия нам победы не одержать. А я верю в победу. Но она придет иначе. Ибо в центре всего – Кольцо Власти. Оно – краеугольный камень Барад-дура и главная надежда Черного Властелина. Принимая это во внимание, смею заметить, государи мои: вы знаете достаточно, чтобы представить себе истинное положение дел у нас и у Саурана. Если Враг вернет себе Кольцо, нас не спасет никакая отвага. Победа Саурана будет быстрой и окончательной, и, боюсь, в таком случае торжество Врага продлится до конца мира. Но если Кольцо будет уничтожено, Черный Властелин падет, да так низко, что вряд ли уже когда-либо поднимется. С Кольцом он потеряет большую часть своей изначальной силы. А это значит, что все созданное при содействии Кольца рассыплется в прах и Враг будет повержен навсегда, выродится в бессильного духа злобы, которому останется только вечно пожирать самого себя среди теней. Он не в силах уже будет ни вырасти вновь, ни принять новое обличье, и в мире станет одним великим злом меньше. После, конечно, могут нагрянуть и другие беды: Саурон и сам – только посланник, слуга, не более. Но не в нашей власти управлять всеми отливами и приливами в этом мире. Нам достаточно выполнить то, ради чего мы посланы на землю, сиречь – выкорчевать зло на полях, которыми мы ходим, дабы те, кто будет жить после нас, могли расчистить землю к севу. А какая у них будет погода – это уже от нас не зависит. Саурон многосведущ. Известно ему и то, что Сокровище, которое он когда-то потерял, найдено. Невдомек ему только, у кого оно находится, – по крайней мере мы надеемся, что невдомек. Его терзают великие сомнения. Окажись Кольцо в наших руках – нашлись бы и люди, достаточно сильные, чтобы им воспользоваться. Это Саурону тоже известно. Ибо ты, Арагорн, показался ему в Камне Орфанка – верно я догадываюсь?

– Да, перед тем как покинуть Хорнбург, я пошел на это, – подтвердил Арагорн. – Я счел, что время пришло и Камень попал в мои руки отнюдь не случайно. Шел десятый день тому, как Хранитель Кольца свернул на восток от водопада Раурос, и я рассудил, что Глаз Саурона необходимо отвлечь от надзора за его собственными владениями. Со времени, когда он утвердился в Черной Башне, ему редко бросали вызов! Но если бы я мог предвидеть, что он ответит так скоро, – не знаю, решился бы я на этот шаг или нет. Считанные часы были отведены мне, чтобы прийти к вам на помощь.

– Мне не все ясно, – вмешался Эомер. – Ты говоришь, Гэндальф, что, если Враг заполучит Кольцо, тщетны все наши усилия. Почему же он собирается напасть на нас и на что надеется, если думает, что Кольцо в наших руках?

– Саурон еще не вполне в этом уверен, – разъяснил Гэндальф. – Если бы он весь век только и делал, что молчал да выжидал, пока его враги без помех укрепятся и прочно станут на ноги, – не достичь бы ему нынешнего могущества. Выжидали мы; он действовал. Кроме того, Кольцом так быстро не овладеешь. И хозяин у него может быть только один. Саурон рассчитывал, что уйдет немало времени, пока мы будем решать, кому достанется Кольцо, и пока не выдвинется, низложив остальных, один из наших вождей. Если бы в этой неразберихе Саурону удалось напасть внезапно, Кольцо еще могло бы сыграть на него. Он не спускает глаз с нашего стана. Он многое видит, многое слышит. Его Назгулы по-прежнему в небе. Перед восходом они навестили нас, хотя мало кто их видел – все спали, утомленные боем. Он размышляет над явленными ему знаками. Так, например, у него нейдет из ума Меч, отобравший у него в прошлом его Сокровище и выкованный теперь заново. Почему ветер удачи подул в нашу сторону? Почему нам удалось отразить удар? Чего-чего, а этого Саурон никак не ожидал! А что означает гибель его главного полководца? Пока мы с вами держим совет, его сомнения, надо полагать, удвоились. Глаз его смотрит на нас, и только на нас. Едва ли он замечает, что делается в остальном мире, что происходит на окрестных землях. И мы должны удержать его взгляд. В этом вся наша надежда. Я бы дал вам совет, государи мои. Кольцом мы не располагаем. Мудрость нами руководила или безумие – но мы послали его туда, где оно может быть уничтожено, пока само нас не уничтожило. Без него меряться силами с

Сауроном немыслимо. Но мы должны любой ценой приковать к себе взгляд Врага, отвлечь его от той единственной настоящей угрозы, что над ним нависла. Одним оружием нам не победить, но наше оружие может дать Хранителю Кольца надежду – какой бы шаткой эта надежда ни оказалась. Арагорн начал. Наше дело – продолжить. Надо подтолкнуть Саурана на решающий шаг. Пусть он пустит в ход всю свою скрытую мощь, пусть опустошит Черную Страну! Выступим ему навстречу, и немедленно! Сделаем из себя приманку! Пусть его челюсти сомкнутся на ней. Он проглотит наживку⁵⁸², истекая слюной от жадности и не веря, что мы пошли бы на такую дерзость, не будь у нас Кольца. «Рано пташечка запела – как бы кошечка не съела! – скажет он. – Ну что ж! Подпустим его поближе, этого новоиспеченного Властелина Кольца, да и захлопнем ловушку, чтобы ему уже из нее не выбраться! А там я сотру его в пыль, и Сокровище, которое он имел наглость присвоить, будет моим навеки». Мы должны шагнуть в ловушку с открытыми глазами, собрав все мужество и помня, что для себя надежды у нас почти не остается. Ибо, государи мои, очень может статься, что все мы погибнем в этой черной битве, погибнем вдали от земель, населенных людьми. Даже если Барад-дур все-таки падет, мы с вами в новую эпоху, которая откроется для других, не вступим. Но таков, думается мне, наш долг. Посудите сами, разве такая смерть не лучшая из возможных?⁵⁸³ Ведь если мы ничего не предпримем, смерть найдет нас и здесь, с той же неизбежностью, но разница будет немалой, ибо, умирая, мы будем знать, что новая эпоха не настанет уже никогда.

Наступило молчание. Наконец заговорил Арагорн:

– Как я начал, так и продолжу. Мы – на самом краю пропасти, где надежда и отчаяние сродни. Пошатнуться – значит упасть. Негоже отвергать совет Гэндальфа, ибо он давно ведет борьбу с Сауроном, и теперь настало время для решающей схватки. Если бы не Гэндальф, смерть уже давно настигла бы нас. Однако я не вступил еще в свои права и приказывать никому не буду. Пусть каждый делает выбор сам.

За Арагорном встал Элрохир:

– Не затем ли мы и спешили сюда с далекого Севера? Знайте, что наш отец, Элронд, дал нам тот же совет. Мы не отступим.

– Я мало понимаю во всех этих делах, – просто сказал Эомер, – но большего мне и не надо. Я знаю только – и этого мне довольно, – что

мой друг Арагорн вызволил меня и мой народ из беды, и я у него в долгу. Если он позовет, я приду на помощь. А значит, выступлю вместе с ним.

– Что до меня, – вступил князь Имрахил, – то я – вассал Короля Арагорна, признает он себя моим сюзереном или нет. Его воля для меня – закон. Я пойду с ним. Но я временно исполняю обязанности Наместника Гондора и должен печься о вверенном мне народе. Все же и благоразумию надо отдать дань! Исход может быть печальным, но может и счастливым, и мы должны быть готовы к любому. Если нам брезжит хоть искра надежды, Гондор не должен остаться без защиты. Невелика радость вернуться с победой и найти город в руинах, а страну – разоренной. Рохирримы уже сообщили нам, что на северном фланге у нас осталась целая вражеская армия.

– Что верно, то верно, – кивнул Гэндальф. – Но я и не предлагаю тебе оставить город без защиты. Да нам и ни к чему слишком большая армия. Мы же не собираемся всерьез угрожать Мордору! Нас должно быть достаточно много, чтобы выманить противника, и двигаться это войско должно быстро. Поэтому я задаю военачальникам вопрос: какие силы можно снарядить и отправить в поход не позднее чем через два дня? Прошу учесть, что в наше войско должны войти только самые закаленные воины, добровольцы, знающие, навстречу какой судьбе они идут.

– Люди устали, среди воинов много раненых – кто легче, кто тяжелее, – заметил Эомер. – Мы потеряли много лошадей, а для нас это удар весьма чувствительный. Если нужно выступить уже через два дня, я вряд ли соберу больше двух тысяч. Зато столько же останется на оборону Гондора.

– У нас будет из кого выбирать, – подал голос Арагорн. – Из южных провинций идет подкрепление. Побережья очищены от врага: это высвободило силы южных провинций. Из одного только Пеларгира сюда явится не менее четырех тысяч пеших бойцов. Их ведет сюда через Лоссарнах Ангбор Бесстрашный. Если отложить выступление на два дня, они успеют добраться до Минас Тирита. Кроме того, многим я велел следовать за мной вверх по Реке на любых судах, какие удастся найти. При попутном ветре они тоже скоро будут здесь. Часть кораблей уже в Харлонде. Думаю, мы соберем около семи тысяч,

считая конных и пеших вместе, да и в Гондоре останется изрядный гарнизон – в начале войны мы располагали меньшим.

– Разбиты городские Ворота, – напомнил Имрахил. – Где теперь найдешь мастеров, которые могли бы их отстроить?

– В Эреборе, королевстве Даина, – мгновенно откликнулся Арагорн. – Если наши надежды оправдаются, мы отправим туда Гимли, сына Глоина, с просьбой послать нам кузнецов из Королевства-Под-Горой. А пока люди для нас важнее ворот – тем более что никакие ворота не удержат Врага, если при них не будет защитников.

На этом совет владык закончился. Выступить порешили через два дня, с войском из семи тысяч воинов. Бóльшую часть предполагалось набрать из пехотинцев: у стен Мордора лежали слишком темные и страшные земли, чтобы полагаться на конницу. Арагорн намеревался предоставить две тысячи воинов из перешедших под его начало южан, Имрахил – три с половиной тысячи, Эомер – пятьсот всадников, оставшихся без коней, но способных еще сражаться, и пятьсот всадников на конях, под собственным началом; другой отряд из пятисот конников составили дунаданы с сыновьями Элронда и рыцари Дол Амрота; итого шесть тысяч человек пехоты и одна тысяча – конницы. Главные силы роханцев – около трех тысяч всадников, которые сохранили лошадей и убереглись от ран, – под командой Эльфхельма отправились перекрыть Западный Тракт для врага, стоявшего в Анориэне. На север и восток помчались разведчики – обследовать дорогу от Оспиата на Минас Моргул.

Когда силы были подсчитаны и настало время решать, каким путем идти, князь Имрахил вдруг рассмеялся:

– Должен сказать вам, государи мои, что за всю историю Гондора так еще никто не шутил! Идти на Мордор с семью тысячами войска! Во дни нашей былой славы один-единственный передовой отряд – и тот насчитывал больше. И мы вознамерились напасть на кряж Мрачных Гор и неприступные Черные Ворота! Да это все равно что послать мальчишку с ивовым луком да тетивой из бечевки на вооруженного до зубов латника⁵⁸⁴. Если Черный Властелин и впрямь знает столь много, сколь явствует из твоих слов, Митрандир, то как бы он не посмеялся этой шутке! Он придавит нас одним мизинцем, как надоедливую мошку, что вьется у лба и норовит ужалить!

– Он поступит иначе, – без улыбки возразил Гэндальф. – Он попробует изловить эту мошку и вырвать у нее жало. Среди нас есть такие, чьи имена для него страшнее тысячи латников... Нет! Саурон смеяться не станет.

– Да и нам будет не до смеха, – кивнул Арагорн. – Если мы и пошутили, то это слишком горькая шутка. Мы делаем последний, самый рискованный ход, который так или иначе положит конец игре. – В его поднятой руке сверкнул выхваченный из ножен Андарил. – Не бывать тебе в ножнах, пока не отгремит последняя битва!

Глава десятая

Черные Ворота открываются

Через два дня войско Запада выстроилось на полях Пеленнора. К тому часу полки орков и кочевников с Востока, отступавшие из Анориэна, были настигнуты Рохирримами, разбиты и, почти не оказав сопротивления, бежали в сторону острова Кайр Андрос. Когда угроза миновала и с юга подоспели свежие силы, Минас Тирит оказался при изрядном гарнизоне. Лучшего нельзя было и желать. Разведчики донесли, что на дорогах до самого Перепутья, где восседает Поверженный Король, врагов нет. Теперь все было готово к последнему броску.

Леголас и Гимли снова ехали вместе, в отряде Арагорна, составлявшем авангард; туда же вошли Гэндальф, дунаданы и сыновья Элронда. Мерри остался в Городе, мучимый стыдом.

– Не по силам тебе этот поход, – сказал ему на прощание Арагорн. – Но стыдиться тебе нечего. Даже если твоя роль в этой войне сыграна, этого вполне достаточно – ты уже покрыл себя славой. Теперь Заселье будет представлять Перегрин. Не ворчи и не сердись: там, где ему привелось быть, он сделал все, что в его силах, но с твоим подвигом ему пока не потягаться. По сути дела, все мы рискуем одинаково. Если у Врат Мордора нас ждет горький конец, тебе тоже не придется долго ждать своей последней битвы. Здесь ли настигнет тебя волна черного прилива или в другом месте – не так важно. Прощай!

Мерри, вконец расстроенный, стоял на стене и смотрел на выстроившиеся внизу войска. С ним был Бергил, такой же хмурый и неулыбчивый, – его отец покидал город во главе отряда простых

горожан: он не мог вернуться в Гвардию, не представ сперва перед трибуналом. В тот же отряд как гондорского солдата включили и Пиппина. Мерри заметил его невдалеке от ворот – маленькая, но прямая хоббичья фигурка заметно выделялась среди высоких воинов Минас Тирита.

Наконец протрубили трубы и войско двинулось. Полк за полком, отряд за отрядом разворачивались и уходили на восток. Последние воины уже скрылись из виду на широкой дороге, ведущей к Насыпи, а Мерри все еще понуро стоял на стене. В последний раз сверкнуло солнце на шлемах и пиках – и все кончилось; но хоббит не уходил. Понутившись, он неподвижно стоял с тяжестью на сердце и снова ощущал себя одиноким и ненужным. Все, кого он любил, ушли во мглу, занавесившую небосклон, и надежды встретиться с ними вновь у него почти не осталось.

Как бы в ответ тоскливым мыслям, вернулась боль – рука заныла, и он почувствовал себя старым и слабым. Солнечный свет начал быстро меркнуть... Но тут Бергил тронул Мерри за плечо, и хоббит очнулся.

– Знаете что, господин периан? – обеспокоенно заглянул ему в лицо мальчик. – Вы, я гляжу, еще не совсем здоровы. Дайте-ка я вас отведу обратно к Целителям. Не бойтесь! Наши обязательно вернутся. Воины Минас Тирита всегда побеждают, а теперь еще с ними Эльфийский Камень и Берегонд-гвардеец, так что будьте спокойны!

Войско достигло Осгилиата еще до полудня. Все мастера и рабочие, не занятые на обороне Минас Тирита, трудились над укреплением старой столицы. Одни чинили паромы и плавучие мосты из лодок, которые враги навели для переправы и частично разрушили при отступлении; другие восстанавливали запас еды и снаряжения; третьи наскоро сооружали на восточном берегу Реки оборонные валы.

Головной отряд миновал руины Старого Гондора, переправился через широкую Реку и вступил на длинную, прямую как стрела дорогу, соединявшую в дни расцвета прекрасную Башню Солнца с высокой Башней Луны, превратившейся теперь в Минас Моргул, проклятую крепость посреди проклятой долины. В лиге от Осгилиата войско остановилось; первый дневной переход кончился.

Конники, однако, продолжали путь и до темноты были уже у Перепутья, в кольце исполинских деревьев. На всей дороге царил полная тишина. Врагов и след простыл: ниоткуда не доносилось ни крика, ни зова, ни одна стрела не просвистела из-за груды камней или из-за придорожного куста, – и все же чем дальше, тем явственнее чувствовалось, что все вокруг лишь затаилось и наблюдает. Дерево и камень, лист и стебель – все настороженно прислушивалось, все молчало. Тьма рассеялась; над долиной Андуина, далеко на западе, горел ясный закат, и пики гор ярко алели на голубом небе, но над Эфел Дуатом по-прежнему нависали мгла и сумрак.

Арагорн поставил по трубачу на каждой из четырех дорог, сходящихся в кольце деревьев, и те громко протрубили в трубы, а герольды провозгласили:

– Исконные Властители Гондора объявляют, что вновь прибыли сюда и возвращают себе все эти земли, ибо они принадлежат им по праву!

Уродливая орочья голова, щерившаяся на плечах статуи, была сброшена и разбита на мелкие куски, а на ее место снова водрузили голову короля, все еще увенчанную короной из белых и золотых цветов. Гнусные надписи, которыми был замаран каменный постамент, смыли или тщательно затерли.

На совете военачальников некоторые предложили напасть на Минас Моргул. Может, удастся взять крепость штурмом и сровнять с землей?

– Не исключено, – говорил князь Дол Амрота, – что дорога, ведущая на перевал из крепости, удобнее для нападения, чем северные ворота Черного Властелина.

Гэндальф, однако, решительно воспротивился. В долине, сказал он, обитает зло, и живые люди сходят там с ума, не имея сил противиться ужасу. Кроме того, он напомнил о вестях, принесенных Фарамиром. Если Хранитель Кольца действительно пытался идти этой дорогой, то Глаз Мордора надо любой ценой обратить в другую сторону. Поэтому наутро, когда все войско подтянулось к Перепутью, там был оставлен крепкий заградительный отряд – на случай, если с Моргульского перевала спустится вражеская армия или нагрянут южане. В отряд вошли отборные лучники, знающие Итилиэн как свои пять пальцев; они расположились в лесу и по склонам, держа

Перепутье под постоянным прицелом. Но Гэндальф и Арагорн с головным отрядом, сделав крюк, все же заехали в устье долины Моргул, чтобы кинуть взгляд на зловещую башню.

Крепость казалась темной и нежилой: обитатели ее, орки и другие твари помельче, все до одного были уничтожены в последнем бою, а Назгулы еще не возвращались. Но воздух долины по-прежнему дышал страхом и ненавистью. Гондорцы разрушили зловещий мост, подожгли источающие тошнотворный смрад луговины и покинули недоброе место.

На следующий день, третий после выхода из Минас Тирита, войско двинулось на север. От Перепутья до Мораннона оставалось около двадцати лиг, и никто не мог сказать заранее, что ожидает воинов на этой дороге. Шли не таясь, но с предосторожностями: вперед высланы были всадники, а по обе стороны от дороги пробирались пешие разведчики. Особенное внимание уделялось правой стороне дороги, где склоны сплошь заросли темным кустарником и землю прорезало бесчисленное множество оврагов, за которыми высились темные горы Эфел Дуата. Погода оставалась ясной, ветер дул с запада, но мглу и печальные туманы, плотно окутавшие Мрачные Горы, развеять не мог даже он. Из-за хребта поднимались столбы густого дыма; на высоте их подхватывали и уносили прочь поднебесные ветра.

Время от времени Гэндальф велел трубить в трубы, и герольды повторяли клич:

– Вернулись исконные Властители Гондора! Обитателям этих земель дается выбор – признать их господство или навеки покинуть этот край!

– Надо возвещать не «Властители Гондора», а «Король Элессар», – предложил князь Дол Амрота. – Правда, Король еще не занял трон, но это не важно. Врагу будет над чем подумать, если герольды провозгласят имя Элессара!

С той поры герольды трижды в день провозглашали возвращение Короля Элессара. Но на вызов никто не откликнулся.

И все же, хотя поход протекал по видимости мирно, вскоре на всех до единого, от командира до простого ополченца, навалилась незримая тяжесть, и с каждой лигой все сильнее сжималось сердце от тягостных предчувствий. В первый раз угроза возникла к вечеру

второго дня, считая от Перепутья: орки и кочевники попытались нанести мощный удар по головным отрядам Западной Армии. Засада была устроена в том самом месте, где Фарамир недавно разбил харадское войско и где дорога, пересекая один из отрогов Мрачных Гор, шла по дну глубокого ущелья. Но разведчики из Эннет Аннуна, опытные воины, которых возглавлял Маблунг, вовремя доставили Западным Владыкам нужные сведения, и в ловушке оказались сами враги. Всадники, сойдя с дороги, широкой дугой обошли неприятеля снизу и ударили одновременно с флангов и с тыла; одних врагов уложили на месте, другие бежали в горы.

Первая победа, однако, доставила командирам мало радости.

– Это обманный ход, – решительно высказал свое мнение Арагорн. – Враг не ставил себе целью нанести нам серьезный ущерб. Он хочет одного – внушить, что он недостаточно силен.

В этот вечер в небе появились Назгулы и уже не исчезали: день-деньской кружили они в небе, следя за передвижением войска. Парили они высоко, и видеть их мог только Леголас, но присутствие их ощущалось всеми, казалось, что тени стали гуще, а солнце слегка затуманилось. И хотя Кольцепризраки не снижались и не выдавали себя обычным пронзительным криком, всем на плечи навалился страх, которого было не стряхнуть.

Время тянулось; тянулся и безнадежный поход. На четвертый день от Перепутья и шестой – с выхода из Минас Тирита войско дошло до пределов живой земли и вступило в разоренный край, раскинувшийся перед входом в ущелье Кирит Горгор. Вокруг простерлись болота и пустоши, доходившие на севере и востоке до самого Эмин Муйла. Так безжизненны были эти места и такой здесь царил страх, что мужество изменило некоторым из воинов и они не смогли идти дальше.

Арагорн посмотрел на них скорее с жалостью, чем с гневом. Это были роханские юноши, выросшие на дальних равнинах Западного Фолда, и крестьяне из Лоссарнаха, с детства привыкшие считать Мордор страной из страшной сказки, которая не имеет никакого отношения к их незатейливой крестьянской жизни. И вот бедняг забросило в самую гущу кошмарного сна. Вдобавок оробевшие

солдаты не могли до конца осознать смысла войны и уразуметь, зачем судьба бросила их в этот поход.

– Идите! – сказал им Арагорн. – Только постарайтесь отступить с честью! А чтобы вы не покрыли свои имена позором, я поручу вам дело. Поверните на юго-запад, к острову Кайр Андрос. Если враг еще удерживает его – а я думаю, что это так, – постарайтесь отбить остров и укрепиться там. Помните, что вы защищаете Гондор и Рохан!

Некоторые, пристыженные милостью Короля, перебороли страх и продолжали путь; остальные, видя, что все-таки смогут совершить достойное деяние, воспряли и отправились своим путем. На Перепутье тоже осталось немало воинов. Теперь Владыки Запада собирались бросить вызов могуществу Мордора с армией всего в шесть тысяч человек.

Войско двигалось медленно, в любую минуту ожидая ответа на вызов. Отряды держались теснее: здесь высылать вперед разведчиков, тем более целые разведывательные группы, означало бы только терять людей понапрасну. Вечером, на пятый день пути от Долины Моргула, разбили последний лагерь и развели последние костры, с трудом набрав сухого дерева и колючек. Ночные часы прошли в бессонном бдении. Чувствовалось, что где-то рядом шныряют неизвестные, едва различимые во мраке твари. До слуха долетал вой волков. Ветер утих, воздух замер неподвижно. Разглядеть что-либо во тьме почти не удавалось – над землей поднимались густые дымы и зловонные испарения. Белый серп месяца потонул в мордорской мгле.

Похолодало. Утром поднялся ветер, но теперь он дул с севера и постепенно усиливался. Ночные твари попрятались, вокруг снова стало пусто. Впереди показались первые громадные кучи обожженной земли и щебня, словно оторванные гигантскими червями. Справа, теперь уже совсем близко, зловеще высилась гигантская стена Кирит Горгор с Черными Воротами меж двух высоких и темных Зубов Мордора, – под конец Владыки свернули с прежней дороги, уходившей на восток, в грозившие засадой предгорья, и теперь войско приближалось к Мораннону с северо-запада, откуда в свое время подходил к Воротам и Фродо.

Огромные железные створки Черных Ворот под грозно нахмуренным арочным сводом были плотно закрыты. Укрепления

казались безлюдными. Повисла мертвая, напряженная тишина. Войско достигло цели безумного похода и стояло, никем не встреченное, на холоде, пред стенами, которых не сумела бы взять приступом ни одна армия, даже оснащенная мощными осадными орудиями и даже в том случае, если бы у Врага едва-едва достало войска на защиту стен и ворот. Но ни для кого не было тайной, что горы и скалы вокруг Мораннона битком набиты солдатами, а мрачное ущелье за Воротами сплошь изрыто норами, где гнездятся неисчислимые выводки злых тварей. Назгулы один за другим постепенно собрались над Зубами Мордора и кружили там, как стервятники. Воины Запада знали, что Кольцепризраки следят за войском. Но Враг все еще медлил.

Выбора не оставалось – надо было доиграть взятую на себя роль до конца. Арагорн выстроил войско для обороны, насколько позволяла обстановка. Воины встали вокруг двух огромных холмов из обожженной земли и камня, насыпанных орками за многие годы работы. От подножия этих холмов до самых ворот Мордора вместо крепостного рва тянулась гнилостная чавкающая жижа, покрытая зловонными озерцами. Приказы были отданы, и наконец Владыки Запада в сопровождении многочисленного отряда всадников со знаменосцами, герольдами и трубачами двинулись к Черным Воротам. Гэндальф взял на себя роль главного герольда; за ним следовал Арагорн с сыновьями Элронда, Эомер Роханский и князь Имрахил. Гимли, Леголас и Перегрин также вошли в отряд парламентаров как представители своих племен.

Подойдя к Мораннону на расстояние крика, Владыки велели развернуть знамя. Трубачи протрубили в трубы. Герольды выступили вперед и прокричали башням и стенам Мордора:

– Выходите! Пусть Властелин Черной Страны явится на переговоры! Мы пришли судить его по законам справедливости, ибо он дерзнул коварно напасть на Гондор и разорил его уголья. Король Элессар требует, чтобы он возместил содеянное им зло и покинул эти земли навсегда. Выходите!

Ответа не было долго, стена и Ворота безмолвствовали. Но Саурон составил свой план заранее: он намеревался вдоволь наиграться мышью, прежде чем прикончить ее. Парламентары Войска Западных Владык уже собирались поворачивать назад, как вдруг тишину прорвала длинная барабанная дробь, прокатившаяся по горам,

словно гром. За дробью последовал такой рев рогов, что камни и те дрогнули, а люди мгновенно оглохли. Главные створки Черных Ворот, громко лязгнув, распахнулись. Из проема выступили парламентары Черной Башни.

Впереди ехал высокий страшный всадник на черном коне, – если, конечно, это огромное существо было конем. В ноздрях и глазницах оскаленной морды чудовища, больше похожей на череп, горело пламя. Всадник был закутан в черный плащ, черным был и его остроконечный шлем; но это был не Кольцепризрак, а живой человек. То был Главный Управитель Замка Барад-дур. Имени его не сохранила ни одна легенда. Он, наверное, и сам запомнил, как его зовут, ибо представился как Язык Саурана. Говорят, это был некий отщепенец из племени Черных Нуменорцев, которые осели в Средьземелье еще во времена первого возвеличения Саурана и поклонились ему, ибо служили злу и были привержены черным искусствам. Язык Саурана поступил на службу к Черному Властелину сразу после возрождения Черной Башни и, будучи человеком весьма умным и коварным, поднимался все выше и выше в иерархии слуг Саурана, пока не добился его особой милости. Жестокостью он превосходил орков, искусством магии владел, как никто, и ему было открыто многое из мыслей его господина.

Он-то и выехал из Ворот в окружении небольшого отряда, весь в черном, под одним-единственным черным знаменем с гербом Красного Глаза. Остановившись в нескольких шагах от парламентаров, посланец Мордора смерил противников пренебрежительным взглядом и громко рассмеялся.

– Есть среди этой швали кто-нибудь достойный того, чтобы я вел с ним переговоры? – надменно спросил он. – Или хотя бы кто-нибудь способный меня понять? Не ты же! – с издевкой бросил он Арагорну. – Чтобы сойти за Короля, мало нацепить эльфийское стеклышко и нанебовать армию голытьбы. Так любой душегуб из диких гор сможет заявить права на трон!

Арагорн не сказал ни слова, но взглянул Черному Посланнику прямо в глаза и долго не отводил взгляда. Некоторое время между ними шла безмолвная борьба, и, хотя Арагорн не шевельнулся и даже не положил руки на рукоять меча, Посланник дрогнул, подался назад, словно защищаясь от удара, и взвизгнул:

– Я – герольд и посланник. Моя особа неприкосновенна!

– Там, где соблюдается этот закон, посланники ведут себя иначе и воздерживаются от бранных слов, – вмешался Гэндальф. – Впрочем, твоей особе никто не угрожает. Пока мы ведем переговоры, бояться тебе нечего. Однако, если твой господин не послушает голоса мудрости, жизнь всех его слуг вскоре окажется под серьезной угрозой, и твоя не будет исключением.

– Вот как! – протянул Посланник. – Значит, говорить будешь ты, старая борода? Частенько, частенько мы о тебе слышим! Все, значит, бродишь по свету, плетешь заговоры, а сам держишься на безопасном расстоянии? Что-то нынче ты сунул нос чересчур далеко, достопочтенный Гэндальф! Ну ничего, вскоре ты узнаешь, что бывает с теми, кто дерзает плести свою глупую паутину у ног Великого Саурона! У меня есть для вас кое-что небезынтересное. Тебе будет особенно любопытно взглянуть на эти вещи, и мне велено удовлетворить твое любопытство. Если уж ты осмелился приблизиться к Воротам – смотри!

С этими словами он кивнул одному из своих солдат, и тот подошел, держа в руках небольшой черный сверток. Посланник отвернул край ткани – и, к своему изумлению и ужасу, спутники Арагорна увидели в руках Посланника Черной Башни короткий меч, который носил Сэм, серый плащ с эльфийской застежкой и, наконец, мифриловую кольчугу Фродо, завернутую в его же рваную одежку. Глаза защитников Запада застлала мгла.

Наступило молчание. Казалось, мир застыл и всякое движение прекратилось. Сердца перестали биться, умерла последняя надежда. Пиппин, стоявший за князем Имрахилом, с криком отчаяния бросился вперед.

– Остановись, – сурово приказал Гэндальф, водворяя его на место. Посланник Мордора громко рассмеялся.

– Гляньте-ка, еще один поганец! – отсмеявшись, прошипел он. – И какой вам только в них прок? Для меня это, право, загадка! А уж засылать их к нам в Мордор лазутчиками – это лежит за пределами даже вашего обычного сумасбродства. Спасибо этому недокормышу – он выдал, что видит эти вещи не впервые. Теперь и вы не сможете отрицать, что они вам знакомы.

– Я и не отрицаю этого, – молвил Гэндальф. – Я знаю эти вещи, знаю, откуда они и какой проделали путь. Ты же, гнусный Язык Саурана, хоть и спесив, а не ведаешь из этой истории и половины. Для чего ты принес их сюда?

– Гномья кольчуга, эльфийский плащ, меч из Курганов низвергнутого Запада и лазутчик из крысиного питомника под названием Заселье... Ну-ну, спокойнее! Да, да, мы всё знаем, хотя вы и пытались замести следы! Так что же? Будете ли вы горевать о том, кто носил эти вещи? Или его удел вас не трогает? А может, он, наоборот, очень дорог вам? Если так, то пораскиньте-ка быстренько тем, что заменяет вам мозги. Саурон не любит лазутчиков, так что теперь судьба вашего приятеля зависит от вас и вашего решения!

Никто не ответил, но от глаз Посланника не укрылись ни серые от ужаса лица, ни страх, застывший в глазах его врагов, и он снова рассмеялся, видя, что добился желаемого.

– Вот и прекрасно! – воскликнул он. – Вижу, крысенок вам дорог. А может, все дело в его задании и вы надеялись на успех? Ну, ясно, ясно, так оно и есть! Но теперь, как вы понимаете, надеяться больше не на что. Ему будет назначена особая казнь, такая, знаете ли, медленная, растянутая на годы, – Великая Башня не знает себе равных в этом искусстве. Света он больше не увидит, можете не сомневаться, – если только мы не пожелаем отпустить его, когда он изменится и будет сломлен окончательно. Тогда-то вы и полюбуетесь плодами своих дел. Так будет, если вы не примете условий моего Повелителя!

– Назови их, – проговорил Гэндальф. Голос его звучал твердо, но те, кто стоял рядом, видели, какая мука и тревога сжала ему сердце. Сейчас он казался обыкновенным, смертельно усталым стариком, сломленным в самом конце пути, потерпевшим полное поражение на всех фронтах. Никто уже не сомневался, что Гэндальф примет условия Саурана.

– Внемлите же! – объявил Посланник и по очереди с усмешкой осмотрел каждого из стоявших перед ним. – Гондорская голытьба и введенные в заблуждение союзники Гондора должны немедленно отступить за Андуин, дав сперва клятву, что никогда более не осмелятся выступить против Саурана Великого с оружием в руках, ни явно, ни тайно. Все земли к востоку от Андуина до Туманных Гор и Роханской Щели становятся данниками Мордора. Жителям этих

земель запрещается носить оружие, однако внутренние свои дела им дозволено будет улаживать самим. Но им вменяется в обязанность восстановление Исенгарда, где они учинили столь варварское разрушение и который отныне переходит к Саурону. В башне же Орфанка водворится Наместник Мордора, но не Саруман, кто-нибудь иной, кому Повелитель доверяет больше, чем прежнему владельцу!

В глазах Посланника явно читалось, что он сам намерен стать Наместником Исенгарда и собрать под своей властью все, что к тому времени останется от Запада. Он будет тираном, они – его рабами...

Но тут заговорил Гэндальф:

– Не слишком ли высокую цену ты просишь за освобождение одного пленника? В обмен на него твой Властелин хочет получить сразу все, что в ином случае ему пришлось бы завоевывать ценою многих сражений. Уж не угасла ли его вера в победу после битвы на полях Гондора? Не потому ли он опустился до торговли? Но предположим, что мы согласимся заплатить за этого пленника то, что просит твой владыка. Какие ты представишь нам ручательства того, что Саурон, Верховный Повелитель обманщиков и предателей, выполнит свою часть уговора? Где пленник? Пусть его приведут сюда, пусть представят нам – тогда и обсудим твои условия.

Гэндальф не спускал глаз с лица Посланника, словно в смертельном поединке на шпагах, – и ему показалось, что тот растерялся; но в следующее мгновение он овладел собой и засмеялся снова.

– Довольно сорить словами! – злобно выкрикнул он. – Ты говоришь с Языком Саурона! Ручательства? Саурон никому не дает никаких ручательств! Если ты ищешь пощады, повинуйся – и трепещи. Условия Повелителя тебе известны. Ты волен взять, что тебе дают, или отвергнуть!

– Взять-то мы возьмем... – медленно проговорил Гэндальф – и вдруг рывком распахнул плащ. Белый свет вспыхнул в полумраке, словно лезвие меча. Гнусный Посланник невольно отпрянул перед выброшенной вперед рукой волшебника, а тот быстро шагнул к Посланнику и выхватил у него сверток с плащом, мечом и кольчугой.

– Вот что мы возьмем у тебя на память о нашем друге! Что же до ваших условий, то мы отвергаем их безоговорочно. Твоя роль сыграна! Смерть уже стучится в твою дверь. Мы пришли сюда не для того,

чтобы тратить время на переговоры с трижды проклятым лжецом и обманщиком Сауроном, а тем более с одним из его рабов. Прочь!

Посланник Мордора больше не смеялся. Лицо его перекошилось, как у хищника, который впился зубами в добычу и вдруг схлопотал стальным прутком по морде. Его губы в бешенстве задрожали; он издал невнятный, сдавленный, полный ярости звук, перевел взгляд на беспощадные лица Владык, на их горящие гибельным огнем глаза, – и страх пересилил злобу. Громко прокричав что-то, Посланник резко повернулся, взлетел на коня и бешеным галопом помчался обратно в Кирит Горгор, а его свита – за ним. Но слуги Посланника на скаку протрубили в трубы: это был условный сигнал, и не успели парламентары скрыться из виду, как Саурон захлопнул свою мышеловку.

Загрохотали барабаны, к небу взвились языки пламени. Исполинские створки Черных Ворот разом распахнулись. Как бурлящая вода из открытого шлюза, наружу хлынула неисчислимая армия.

Парламентары Запада вскочили на коней и под улюлюканье мордорских полчищ поскакали прочь. Глаза воинам застлала пыль – это перешла в наступление армия кочевников с Востока, ждавшая сигнала в тени последнего отрога Эред Литуи, за левым Зубом. Со склонов по обе стороны Мораннона лавиной покатились бесчисленные орочья рать. Капкан захлопнулся. Вскоре вокруг двух серых холмов, где плечом к плечу стояли роханские и гондорские воины, сомкнулось море вражеских полчищ, числом вдесятеро превосходивших армию Владык Запада. Стальные челюсти Саурана сошлись на предложенной приманке.

Для подготовки к бою у Арагорна оставались считанные минуты. На одном холме встал он сам рядом с Гэндальфом; над ними захлопало на ветру прекрасное, обреченное знамя с Древом и Звездами. На другом холме развевались знамена Рохана и Дол Амрота – Белый Конь и Серебряный Лебедь, а вокруг холмов, ошетилившихся на все четыре стороны света копьями и мечами, сомкнулись воины Запада. Лицом к Воротам Мордора, откуда ожидался первый яростный натиск, стояли сыновья Элронда; по левую руку от них обнажили мечи дунаданы, по правую – готовились дорого продать свою жизнь князь Имрахил со

своими подданными из Дол Амрота, высокими и прекрасными рыцарями, а с ними – лучшие гвардейцы Сторожевой Башни.

Налетел порыв ветра, пропели рога, засвистели стрелы. Солнце, взбиравшееся все выше, затмилось чадным мордорским маревом и стояло над головами маленькое, тускло-красное, далекое, словно в конце дня – или при конце мира⁵⁸⁵, в преддверии Вечного Мрака. Из поднебесной мглы с леденящим кровью воем, возвещающая смерть, ринулись Назгулы, и от тлевшей еще надежды остались одни угли.

Услышав, что Гэндальф отверг условия Врага и обрек Фродо на долгие пытки в Черной Башне, Пиппин согнулся чуть ли не в три погибели, как от удара, – так ему стало страшно. Но теперь он взял себя в руки. Хоббит стоял бок о бок с Берегондом, в первой шеренге Гондора, рядом с рыцарями князя Имрахила. Лучше, казалось ему, поскорее умереть, раз уж все кончилось так, а не иначе, и оборвать на полуслове горькую повесть, которой обернулась его недолгая жизнь.

– Мерри бы сюда, – услышал он свой голос. Глаза его следили за приближающимися врагами, а в голове одна за другой проносились короткие мысли: «Что ж! Теперь я, по крайней мере, понимаю бедного Дэнетора. Если смерти не избежать, мы вполне могли бы погибнуть вместе – Мерри и я. Почему бы и нет? Но Мерри далеко. И к лучшему! Пусть его конец будет легче моего. А пока я должен сделать все, что в моих силах».

Хоббит вынул меч и бросил взгляд на красную и золотую вязь, бегущую по клинку. Летучие нуменорские руны горели на лезвии, как пламя. «Для этого часа его, наверное, и ковали, – пришло в голову Пиппину. – Эх, вот бы разделаться с этим мерзким Посланником! Тогда бы я догнал старину Мерри. Ну ничего, я еще ткну как следует кого-нибудь из этого звериного отродья, прежде чем все кончится. Если бы вот только увидеть еще разочек прохладное солнышко да зеленую травку...»

Не успел он додумать, как первая волна врагов накрыла их. Орки, увязшие в болоте перед холмом, остановились и обрушили на воинов Запада град стрел; однако через болото, раздвинув ряды орков, уже шагали горные тролли с плато Горгорот, ревели на ходу по-звериному. Это были настоящие чудовища: ростом великаны, в плечах – косая сажень... Ни один человек не мог бы сравниться с ними ни ростом, ни силой. Тело их вместо одежды покрывала колючая чешуя;

а может быть, такая у них была кожа? Крепкие, круглые черные щиты и тяжелые молоты сжимали они в узловатых, жилистых руках. Болото было им нипочем. Без колебаний они ступили в черный ил и с воем двинулись вперед. Как шквал, врѣзались тролли в ряды гондорцев, расплющивая молотами шлемы и головы, сминая щиты и ломая кости, – так кузнецы куют горячее, податливое железо. Один из ударов обрушился на сражавшегося рядом с Пиппином Берегонда; тот рухнул, и огромный предводитель троллей, выпустив когти, склонился над ним, – у этих гнусных тварей в обычае было перегрызать горло добыче.

Пиппин с силой, снизу вверх, вонзил в тролля свой меч. Покрытый письменами клинок Запада пробил чешую и глубоко вошел в брюхо чудовища. Хлынула черная кровь. Великан ступил вперед и тяжело, как кусок скалы, рухнул, похоронив под собой и человека, и хоббита. Тьма, смрад и сокрушающая кости боль навалились на Пиппина, и он полетел куда-то в бездонную черную пропасть.

«Так я и знал, что этим кончится», – мелькнула у него мысль – и упорхнула.

Он успел еще рассмеяться про себя, ибо почти весело было знать, что ты наконец-то свободен от всех сомнений, переживаний и страхов. Но на самом краю беспмятства, когда эта последняя мысль уже покидала его, Пиппин вдруг услышал голоса. Кричали, казалось, откуда-то из давно забытого мира, из невероятной дали:

– Орлы! Орлы летят!

На мгновение Пиппин задержался у порога.

«Бильбо! – вспомнил он. – Но нет! Это было в его истории, давным-давно. А это моя история, и ей настал конец. В добрый путь!»

С этим он перешагнул порог и больше ничего не видел.

Часть шестая

Глава первая

Башня Кирит Унгол

Сэм с мучительным усилием поднялся с земли. Сначала он не понял, где находится, но в следующий миг отчаяние и горе снова нахлынули на него: он все вспомнил. Он был в глубоком темном подземелье, у нижних ворот орочьей крепости, но с внешней стороны. Медные створки по-прежнему были наглухо закрыты. Видимо, он с размаху налетел на них и упал замертво. Сколько времени прошло с тех пор, сказать было трудно; он помнил только, что перед этим был взбешен и весь горел от ярости. Сейчас его била дрожь. Хоббит подкрался к воротам и приложил к ним ухо.

Из-за ворот доносился невнятный шум орочьих голосов, но вскоре стих и он. Голова раскалывалась, перед глазами плыли огненные пятна, но Сэм взял себя в руки и собрался с мыслями. В одном сомнений не было: через эти ворота ему в орочью крепость не проникнуть. «Здесь можно не один день прокуковать, пока они откроются, – подумал Сэм, – а ждать-то как раз и нельзя!» Время было на вес золота. В чем его долг, Сэм знал теперь твердо: спасти хозяина – или погибнуть.

«Больше похоже на второе, – мрачно отметил он про себя, вкладывая Жало в ножны и поворачиваясь спиной к медным створкам ворот. – Здесь это раз плюнуть».

Он медленно, ощупью двинулся назад по туннелю, не решаясь вынуть из-за пазухи эльфийский светильник и пытаться связать воедино все, что произошло, начиная с Перепутья. Который теперь час? – пришло ему в голову. Наверное, один день кончился, а второй еще не начался... Но счет дням был потерян безвозвратно. Здесь царила тьма, здесь день и ночь не помнили своих имен, и всякий, кто попадал сюда, тоже был обречен забвению. «Интересно, думают ли они про нас хоть немножко, – вздохнул Сэм, – и что у них там делается?» На слове «там» он помахал рукой, но не на запад, как думал, а на юг – ибо снова находился в боковом туннеле Шелоб. На западе солнце приближалось

к полудню, шло четырнадцатое марта по Засельскому Календарю. Арагорн вел из Пеларгира Черный Флот, Мерри спускался с Рохирримами по Долине Каменных Телег, а в Минас Тирите начинался пожар, и в глазах Дэнетора, к ужасу Пиппина, разгоралось безумие. И все же ни труды, ни тревоги не могли помешать друзьям постоянно возвращаться мыслями к Фродо и Сэму. О них помнили. Но Фродо и Сэм находились далеко, слишком далеко, чтобы им можно было помочь. Самая сосредоточенная и могучая мысль не смогла бы в эту минуту ничего сделать для Сэмуайза, сына Хэмфаста Гэмги: он был совершенно один.

Долго ли, коротко ли, Сэм снова оказался у каменной двери, преграждавшей выход из орочьего туннеля. Не отыскав, как и в прошлый раз, ни замка, ни засова, он снова перевалился через верх и шумно спрыгнул на землю с противоположной стороны. Затем он крадучись двинулся к выходу из пещеры Шелоб, где все еще покачивались на холодном ветру обрывки огромной паутины: после теплой зловонной тьмы, оставшейся позади, ветер показался Сэму холодным, но нет худа без добра – по крайней мере это помогло ему немного взбодриться. Он осторожно выбрался наружу.

За порогом царила зловещая тишина. Свет был тусклым – не свет даже, а какие-то поздние сумерки. Из Мордора поднимались огромные клубы дыма и плыли на запад, едва не касаясь головы хоббита. Непроницаемый свод дыма и туч отсвечивал снизу тусклым багрянцем.

Сэм взглянул на орочью башню – и вдруг ее узкие окна вспыхнули, словно маленькие красные глазки. Может, это какой-нибудь сигнал? От гнева и отчаяния Сэм совсем было запечатал про орков, но теперь ему снова стало страшно. И все же он видел перед собой только один путь: попытаться проникнуть в эту ужасную башню через главный вход. Колени у Сэма подгибались; он заметил, что дрожит мелкой дрожью. Отведя глаза от башни и острых скал Прорези, торчавших впереди, Сэм принудил непослушные ноги двигаться. Медленно, прислушиваясь к каждому звуку, до боли в глазах всматриваясь в густые тени, залегшие у камней, он двинулся вперед мимо того места, где Шелоб настигла Фродо, – отвратительная паучья вонь еще стояла в воздухе. Теперь дальше, в гору... А вот и

Прорезь: здесь он впервые надел Кольцо, чтобы его не заметили орки Шаграта.

Сэм остановился и сел на камень, чувствуя, что дальше идти пока не может. Он понимал: еще шаг – и он в Мордоре, а оттуда, вполне возможно, пути назад уже нет. Сам не зная зачем, Сэм вытащил Кольцо и снова надел его на палец. В тот же миг на плечи ему навалилась огромная тяжесть и он снова ощутил на себе ненависть Глаза – только теперь она была еще сильнее и настойчивее. Глаз искал и домогался, пытаясь проникнуть сквозь тень, наведенную им ради своей же безопасности, тень, которая теперь мешала ему, еще больше разжигая его нетерпение и сомнение...

Как и в прошлый раз, слух стал острее, а предметы этого мира истончились и затуманились. Скалы вокруг сделались бледными, едва различимыми, как сквозь дымку, зато издалека ясно донеслись бульканье и клекот нянчащей свою рану Шелоб. Где-то совсем рядом лязгал металл и раздавались яростные крики. Хоббит вскочил на ноги и прижался к стене. Хорошо, что под рукой есть Кольцо! Наверное, орки выслали к перевалу новый дозор... Впрочем, Сэм тут же осознал, что ошибается. Шумели в крепости: башня высилась теперь прямо над ним, по левую руку.

Сэма пробрал озноб, но он все же попытался взять себя в руки и двинуться дальше. Судя по всему, в крепости творилась какая-то чертовщина. А вдруг орки не выдержали искушения, махнули рукой на приказ и теперь пытаются Фродо, терзают его, раздирают на куски?.. Сэм снова прислушался – и тревога сменилась проблеском надежды. Это же шум драки! Орки перессорились! Значит, у Горбага с Шагратом дошло до поножовщины! Шансов на успех это, конечно, не прибавляло, зато помогло Сэму решиться. Такие случаи на дороге не валяются! Любовь к Фродо пересилила все, и Сэм, снова забыв об опасности, с криком «Господин Фродо, держитесь!» взбежал по крутой тропе на перевал.

Поворот влево, крутой спуск... Мордор!

Сразу ощутив неведомую опасность, он поскорее снял Кольцо, хотя и уверял себя, что дело вовсе не в опасности, – просто-де следует видеть, куда идешь.

«Самому страшному лучше смотреть в лицо, – пробормотал он про себя. – Что толку блуждать в потемках!»

Грозный и безрадостный вид открылся глазам хоббита. Под ногами круто, утес за утесом, обрывался в темную пропасть самый высокий из гребней Эфел Дуата, а за пропастью поднимался еще один хребет, пониже, – мрачная Моргайя⁵⁸⁶, внутренняя стена укреплений Черного Властелина.

Как клыки, чернели на огненном небе ее зазубренные вершины. Вдали, за широким, усеянным малыми огнями озером тьмы стояло зарево огромного пожара, и к небу столбами поднимался клубящийся дым, подсвеченный тускло-красным снизу и черный вверху, – там столбы сливались в одну общую завесу плотной мглы, нависавшую над всей огромной проклятой страной.

Не зная того сам, Сэм смотрел на Ородруин, Огненную Гору. Скрытые глубоко под конусом из пепла, невидимые горны Ородруина временами разгорались, и пламя с грохотом вырывалось наружу. Из трещин в склонах, бурля и клокоча, выплескивались потоки лавы и устремлялись вниз. Некоторые из потоков, пылая, ползли по направлению к Барад-дуру, оплавляя берега вырытых специально для них каналов; другие, извиваясь, прожигали себе дорогу в каменистой равнине и постепенно застывали, словно гигантские драконы, в муках извергнутые чревом земли и окаменевшие. В одно из таких мгновений и предстала Гора Судьбы глазам Сэма Гэмги. Багровый свет, разлитый над ее вершиной и не заграждаемый теперь высоким гребнем Эфел Дуата, пылал во все небо, и скалы казались залитыми кровью.

Сэм стоял в этих жутких отблесках, подавленный и уstraшенный чудовищным величием крепости Кирит Унгол: только теперь он увидел ее всю целиком. Зубец, на который они с Фродо смотрели с той стороны перевала, оказался всего-навсего верхушкой одной из сторожевых башен крепости. Со стороны Мордора крепость представляла собой исполинскую трехъярусную громаду, опиравшуюся на каменный выступ. Сзади крепость защищена была утесом, к которому лепились, мал мала меньше, остроконечные бастионы. Стены, искусно отшлифованные, смотрели на северо- и юго-восток. С высоты Сэм различил внутри крепостных ограждений, в нижнем ярусе, узкий двор, откуда открывался выход на широкую дорогу, проложенную по самому краю пропасти; затем дорога

поворачивала к югу и, петляя, спускалась вниз, во мглу, чтобы соединиться там с другой, идущей от Моргульского перевала. Пройдя через зубчатый хребет Моргайи, она вела дальше, на плато Горгорот, в направлении Барад-дура. Верхняя же, узкая тропа, на которой стоял сейчас Сэм, сбегала вниз по ступенькам и встречалась с главной дорогой, проходившей под хмурыми стенами крепости, у самых ворот.

Глядя на Башню, Сэм внезапно осознал, чуть не упав от своего открытия, что крепость строили вовсе не для того, чтобы враги не проникли в Мордор, а для того, чтобы они не могли оттуда выйти! И действительно – крепость, еще в давние времена, построили гондорцы, и служила она для обороны восточного Итилиэна. Воздвигли ее вскоре после заключения Последнего Союза, когда люди Запада поставили дозоры на границе темных земель Саурона, – в то время там еще таились многие из его слуг. Но и здесь случилось то же, что в башнях Нархост и Кархост, Зубах Мораннона: стражники предались праздности и дреме, среди них нашлись изменники – и Вождь Назгулов захватил башню. Выходом через Кирит Унгол на долгие годы завладели силы тьмы. Вернувшись в Мордор, Саурон счел крепость весьма удобной и полезной. Преданных слуг у него почти не было, все больше рабы, которых он держал в повиновении с помощью страха; их ни в коем случае нельзя было выпускать из Мордора! Впрочем, если бы нашелся дерзкий враг, которому удалось бы невредимым миновать долину Моргула и логово Шелоб, здесь его встретил бы последний заслон, зоркое, недреманное око, и дальше наглец не сделал бы ни шагу.

Сэм слишком хорошо видел, что пробраться под этими тысячеокими стенами и проскользнуть мимо недремлющих привратников нет никакой надежды. А если бы это и удалось, далеко он все равно не ушел бы: даже наичернейшие тени, залегавшие в глубоких ложбинах, куда не достигали багровые сполохи мордорского зарева, не послужили бы ему защитой от орков с их ночным зрением. Нет! Пройти по этой дороге не смог бы никто. Но Сэму предстояло кое-что похуже. Ему надо было не просто проскользнуть мимо ворот и скрыться, а пройти в них, причем одному!

Сэм подумал о Кольце; но мысль эта его не успокоила, а, наоборот, испугала. Когда взгляд хоббита упал на пылающую вдали

Гору Судьбы, Кольцо сразу же дало знать о себе, и Сэм заметил, что оно ведет себя как-то иначе. По мере приближения к исполинским кузницам, где когда-то в глубинах времен Кольцо было выковано, сила его росла; оно становилось коварнее, изобретательнее и страшнее. Теперь укротить его могла бы лишь самая могучая воля. Даже не надевая Кольца – оно, как и прежде, висело на шее, чуть оттягивая цепочку, – Сэм чувствовал, что стал как-то выше, как будто собственная тень выросла, исказилась и окутала его. Огромной, зловещей угрозой встала эта тень над Мордором. Сэм понимал, что перед ним два пути: либо он выстоит против чар Кольца (а это будет стоять немалых мучений), либо не выдержит, объявит его своим – и тем самым бросит вызов страшной Силе, таящейся в далекой темной твердыне за мгlistой долиной. А Кольцо уже начинало понемногу искушать его, подтачивая волю и разум. В голове замелькали самые дикие и невероятные образы. Он видел себя Сэмуайзом Сильным, Величайшим Героем Эпохи. Он шагал через темные земли Мордора с пламенеющим мечом в руке, дабы навеки сокрушить Барад-дур, и целые армии следовали за ним, как стада овец за пастухом.

...Тучи рассеивались, сверкало солнце, плато Горгорот по мановению руки Победителя превращалось в цветущий сад, и на деревьях зрели сочные плоды. Надо только надеть Кольцо на палец, провозгласить его своим – и все это сбудется!..

И не устоять бы Сэму в час испытания, если бы не любовь к хозяину, а главное – глубоко коренившийся в его разуме хоббичий здравый смысл, победить который не могло ничто. В глубине души Сэм знал, что все эти блеск и великолепие не про него, даже и не будь заманчивые видения надувательством чистейшей воды, подсунутым, чтобы завлечь его в ловушку. На деле Сэму нужно было от жизни совсем немного: занять бы маленький садик, чтобы возделывать его на свое усмотрение да кормиться с него, – и все. О роскошных садах размером в целое королевство он никогда не грезил. К тому же Сэму всегда хватало собственных рук: чужие, даже послушные, были ему не нужны.

«Нечего вешать мне лапшу на уши, – рассердился он наконец. – Будто Он меня не выследит! Да я у Него и пикнуть не успею. Если я надену Кольцо здесь, в Мордоре, Он меня мигом засечет. Эх! На везение мне теперь надеяться – что на снег в мае. Крепко же я влип!

Скрыться надо позарез, а Кольцо надевать – ни-ни! Что же это получается? Выходит, оно мне не поможет, а только зря будет шею оттягивать, чтобы я головы не мог поднять? Как же быть?»

Но, если говорить честно, он уже знал, что ему делать. К Воротам! Хватит проволочек! Он встряхнулся, сбрасывая с плеч разросшуюся тень, отогнал соблазны – и медленно начал спускаться. Теперь ему казалось, что он с каждым шагом уменьшается; еще немного – и он снова превратился в крошечного, насмерть перепуганного хоббита. Пробираясь вдоль нижней стены крепости, он уже и без помощи Кольца явственно расслышал крики и шум. Похоже, дрались прямо за стеной, на нижнем дворе.

Он был уже на половине пути вниз, когда из темного проема ворот в красный полумрак опростелю бросились два орка. На счастье Сэма, они побежали не к нему, а в сторону главной дороги, но уже через пару шагов внезапно застыли, рухнули и остались лежать без движения. Сэм не видел стрел, но нетрудно было догадаться, что беглецов подстрелили, – надо полагать, на стенах или за воротами прятались лучники. Распластавшись по стене, Сэм осторожно двинулся дальше. Один взгляд вверх миготом отбил у него охоту карабкаться – стена вздымалась футов на тридцать в высоту, кладка была ровная, ни тебе трещинки, ни зазубринки... Делать нечего – ворота так ворота!

Подкрадываясь, Сэм наспех прикидывал, сколько орков мог держать под своим началом Шаграт, и сколько пришло с Горбагом, и с чего у них, собственно, заварилась каша. С Шагратом на перевал явилось около сорока солдат, Горбаг привел раза в два больше, но ведь Шаграт наверняка взял с собой только часть гарнизона. А поцапались они из-за Фродо и его вещей, не иначе... От этой мысли Сэм даже приостановился на минутку. Он увидел ссору с такой ясностью, как будто она разыгралась прямо у него перед глазами. Все дело в мифриловой кольчуге, что была у Фродо под курткой! Орки непременно должны были ее обнаружить. Судя по разговору, который удалось подслушать Сэму, Горбаг не мог не позариться на драгоценную добычу. Правда, приказ Черной Башни защищал пленника от любых посягательств, но дай оркам как следует

разгуляться, и они забудут про все приказы – а тогда Фродо несдобровать.

«Ну все, хватит мямлить! – обругал себя Сэм. – Идешь ты или нет?»

Он выхватил Жало и бросился к распахнутым воротам – но, вбежав под арку, тут же налетел на что-то твердое и отскочил назад. Неужели опять паутина Шелоб? Но если и паутина, на этот раз она была невидима. Казалось, путь свободен, но что-то не пускало Сэма вперед, и он не мог ничего с этим поделать. Хоббит огляделся – и в темноте, под воротами, увидел Двух Стражей.

Это были огромные каменные статуи, восседавшие на каменных тронах по обе стороны ворот. У каждого было по три сросшихся тела и по три головы – одна голова смотрела внутрь двора, другая – прямо, третья – на дорогу. Клювы у Стражей были как у стервятников, а пальцы рук, лежавшие на коленях, кончались когтями. Обе фигуры были вырублены из цельного камня, но казались живыми, словно в них обитал какой-то страшный, злой и бдительный дух. Они знали, кто враг, а кто свой. Видим ты или невидим – разницы для них не было: незамеченным в ворота не мог пройти никто. Стражи налагали запрет и на вход, и на выход.

Сэм напряг всю свою волю, еще раз кинулся на невидимую преграду – и его снова отбросило: он получил мощный удар в грудь и по голове. Тогда, не придумав ничего другого, Сэм пошел на риск: выхватил из-за пазухи скляницу Галадриэли и поднял ее. Скляница мгновенно налилась белым светом, и тени, залегавшие под аркой, метнулись в стороны. В свете скляницы холодные, неподвижные Стражи явились взгляду во всем своем чудовищном безобразии. Сэм заметил, как блеснули их черные каменные глаза, и невольно отступил на шаг – такая в них была злоба. Но хоббит чувствовал, что воля чудищ мало-помалу слабеет; наконец она дрогнула и рассыпалась, уступив место страху.

Сэм бросился вперед, на ходу запихивая скляницу обратно за пазуху, но еще на бегу понял, что преграда за его спиной сомкнулась вновь – крепкая, не хуже стальных ворот. Чудовища пришли в себя. Из ужасных клювов вылетел пронзительный вопль и беспорядочно заметался среди крепостных стен. Где-то высоко на башне, словно в ответ крику Стражей, надтреснуто ударил колокол.

«Ну, главное дело сделано! – подумал Сэм. – У дверей я позвонил».

– Эй, выходи, кто не трус! – заорал он. – Живее! Доложите командиру Шаграту, что к нему явился великий эльфийский богатырь собственной персоной и дожидается в передней! Да не забудьте помянуть эльфийский меч!

Ответа не последовало. Сэм решительно зашагал вперед. Жало светилося голубым пламенем. Двор крепости тонул в глубокой тени, но Сэм разглядел, что на камнях валяется множество трупов. Один раз он едва не споткнулся, лишь в последний момент заметив прямо перед собой двух мертвых орков-лучников; из спин у них торчали кинжалы.

Чем дальше, тем больше попадалось на пути убитых. Некоторые лежали по одному, настигнутые ударом топора или стрелой, другие – так и не разжав когтей – по двое и по трое, словно они и после смерти готовы были душить, колоть, кусать! Камни были склизкими от черной крови.

Одежда на орках, как разглядел Сэм, была двух видов: одна – с изображением Красного Глаза, другая – с изображением Луны, искаженной жутковатым мертвым оскалом. Но Сэм не остановился и не стал разглядывать гербы подробнее. В глубине двора он увидел приоткрытую дверь, ведущую в Башню. Оттуда, из-за огромного орочьего трупа, валявшегося на пороге, выбивался красный свет. Сэм перепрыгнул через мертвое тело, вошел внутрь и растерянно огляделся.

От дверей в глубину Башни уходил широкий, гулкий коридор. По стенам чадили факелы, но конец коридора тонул во мраке. По обе стороны виднелось множество дверей и отверстий, но нигде никого не было – только на полу лежало, раскинувшись, несколько мертвецов. Из подслушанного разговора Сэм знал, что Фродо – живого или мертвого – искать следует, скорее всего, в самой верхней комнате. Но как туда добраться? Тут целый день проищешь, пока догадаешься, куда идти...

«Это, наверное, в самом дальнем углу, – пробормотал Сэм себе под нос. – Башня-то к стене прижимается. Попробую идти вдоль факелов».

Он пошел вперед, но уже медленнее. Каждое движение давалось ему с трудом. К горлу снова начал подбираться страх. Одинокие шаги

Сэма, многократно повторенные эхом, громко разносились по пустому коридору; казалось, кто-то огромный шлепает ладонями по камням. Пустынный коридор, трупы, сырые черные стены, которые в свете факелов казались залитыми кровью... Ко всему прибавлялась угроза внезапного нападения: смерть могла поджидать в каждом дверном проеме, за каждым поворотом, – а сзади, в воротах, стерегла неведомая и бдительная злая сила... Для Сэма этого всего было, пожалуй, многовато. Лучше уж бой, чем такая тягомотина. Только не сразу с целым войском! Сэм заставил себя думать о Фродо, о том, что тот лежит где-то неподалеку, связанный по рукам и ногам, замученный, неизвестно, живой ли... И снова двинулся вперед.

Сэм миновал ряд факелов и оказался у больших полукруглых ворот, которые, смекнул он – и смекнул верно – вели в пещеру Шелоб. Внезапно откуда-то сверху донесся душераздирающий вопль. Сэм замер. Послышался топот. Кто-то со всех ног мчался вниз по гулкой лестнице.

Ослабевшая воля Сэма не могла уже остановить его рук: пальцы сами потянулись к цепочке и сжали Кольцо. Но Сэму не хватило времени надеть его: из боковой дверцы, спотыкаясь и топая, вылетел орк и кинулся прямо на оторопевшего хоббита. Шагах в шести от Сэма орк поднял голову – и вдруг увидел чужака. В налитых кровью глазах орка отразилось пламя факелов, Сэм уже слышал, как ноздри орка с шумом втягивают воздух... И вдруг орк остановился как вкопанный. Но увидел он совсем не то, что думал Сэм. Не маленького, насмерть перепуганного хоббита, с трудом удерживающего меч, нет! Над опешившим орком, на фоне колеблющегося факельного огня, нависла высокая безмолвная фигура, окутанная серой тенью. В одной руке у таинственного великана сверкал меч, на который и взглянуть-то нельзя было без рези в глазах, в другой великан сжимал нечто ужасное, безымянное, излучающее власть и роковую силу.

Орк согнулся, как от удара в живот, издал отчаянный вопль ужаса, повернулся – и помчался назад. Никто на свете не радовался еще при виде убегающего врага так, как обрадовался этому неожиданному повороту событий Сэм!

– Что, съел? Ого-го! Эльфийский богатырь шутить не любит! – завопил он. – Я уже иду! А ну, показывай, как подняться, а не то я с тебя шкуру спущу!

Но орк был у себя дома, он был сыт и проворен, а Сэм оказался в Башне впервые, давно не ел и страшно устал. Началась крутая, бесконечная винтовая лестница. Вскоре Сэм стал задыхаться. Орк скрылся из виду, топот его сапог становился все слабее. Время от времени орк выпускал отчаянный вопль. Наконец наступила тишина.

Сэм продолжал карабкаться вверх. Он чувствовал, что находится на верном пути, и это придавало ему бодрости. Он отпустил Кольцо, потуже затянул пояс...

«Ну что ж, – с удовлетворением сказал он сам себе. – Все бы орки так любили меня и мое Жало! Тогда, может, дело обернулось бы к лучшему... Да и Шаграт с Горбагом и свора ихняя, похоже, почти всю работу за меня сделали... Сдается мне, что, кроме этой трусливой крысы, в крепости никого живого не осталось!»

На этой мысли он резко остановился, будто с размаху налетел на каменную стену. До него дошел страшный смысл этих слов. «Никого живого...» Чей это жуткий предсмертный крик разнесся недавно по крепости?

– Фродо! Фродо! Хозяин! – почти плача, воскликнул Сэм. – Что же я делать-то буду, если вас убили? Держитесь, я иду к вам, на самый верх! А там – что увижу, то увижу!

Наверх, вверх! Было темно; только изредка на поворотах или над боковой дверью, ведущей на другие ярусы, попадался случайный факел. Хоббит попробовал считать ступеньки, но на двухсотой сбилсся. Ступал он теперь на цыпочках: ему слышалось, что сверху доносятся голоса. Значит, крысы в Башне еще есть...

И вдруг, когда Сэм совсем задохнулся, а колени у него одеревенели, ступени внезапно кончились. Он остановился. Где-то поблизости и вправду слышались громкие голоса. Хоббит огляделся. Он находился на плоской крыше третьего, верхнего яруса Башни. Это была открытая площадка шириной шагов в двадцать, обнесенная низкими перилами. Лестница выходила на самую середину крыши, а над люком стояла маленькая башенка с небольшим куполом о двух низких дверцах, глядящих на запад и восток. Через восточную дверь видны были широкие темные равнины Мордора и Огненная Гора вдали. Гора в этот миг как раз извергала из своих бездонных недр свежую лаву, и по склонам текли огненные реки, пылавшие так ярко,

что, несмотря на расстояние, верх крепости озаряло багровым светом. Вид на запад был загорожен цоколем Башни, высоко вознесшейся над хребтами окрестных гор. Из узкого окна-бойницы сочился свет. Вход в башню чернел всего в каких-нибудь десяти шагах от люка. В открытом дверном проеме было темно. Голоса, однако, доносились именно оттуда.

Сэм не сразу прислушался к разговору. Сперва, перешагнув через порог восточной дверцы, он осмотрелся и сразу понял – здесь разыгралась самая жестокая драка. На террасе буквально ногу некуда было поставить: всюду лежали тела убитых, отрубленные руки, ноги и головы. Самый воздух пах смертью. Внезапно громкая брань, звучный удар и крик боли заставили Сэма быстро шагнуть обратно в укрытие. Хоббит сразу узнал голос – хриплый, грубый, безжалостный. Шаграт, комендант Башни, распекал кого-то из подчиненных:

– Стало быть, не пойдешь? Вот как?! Разрази тебя гром, Снага⁵⁸⁷, вошь ты этакая! Думаешь, меня исполосовали так, что мне с тобой уже и не справиться? Ошибаешься! А ну, иди сюда, живо! А не то я тебе буркалы-то выколю, вот как сейчас Радбугу! Учти, когда подойдут новые ребята, я с тобой цацкаться не стану. Отправлю прямиком к Шелоб, ясно? Попляшешь у нее!..

– Ты подохнешь гораздо раньше, чем сюда явится помощь, – нагло заявил Снага. – Я тебе уже два раза говорил, что паршивые моргульские свиньи добрались до ворот первыми. Никто из наших наружу не вырвался. Лагдуф и Музгаш дали было стрекача, но их сразу же и шлепнули. Я из окна видел. Точно тебе говорю. А они были последние.

– Значит, идти должен ты, и нечего мне зубы заговаривать, – зарычал Шаграт. – Мне нельзя отлучаться. Вдобавок я ранен. Проклятый Горбаг! Бунтовщик дерьмовый! Чтоб ему сгнить в Черных Ямах! – И он разразился грязными ругательствами. – Уж я ему приложил как следует! Думал, утихомирится. А он, скотина, как пырнет меня своей железкой!.. Ух! Еле задушил гада!.. Ну, ладно базарить. Идти все равно надо, так что валяй, катись, пока я тебя не слопал! Если новости не дойдут до Лугбургца вовремя, мы с тобой оба загремим в Черные Ямы. Да-да, и ты тоже, не надейся улизнуть! А будешь тут сидеть да трястись – еще похуже чего схлопочешь...

– Чтоб я опять на лестницу сунулся? – угрожающе заворчал Снага. – Плевать мне, что ты командир. Не пойду, и баста! Эй, эй, эй, брось нож-то! Нечего! Стрелу в брюхо захотел? То-то же! Тебе все равно уже в комендантах не ходить. Узнают, какая тут штука вышла, и тю-тю! Мне что, я честно защищал Башню от вонючих моргульских крыс. А вы двое? Тоже мне начальнички! Заварили кашу из-за какой-то паршивой добычи...

– Не твоего ума это дело! – рявкнул Шаграт. – Я выполнял приказ, вот и все. Горбаг первый начал. Ух как у него глаза разгорелись на ту рубашечку! Вот он и полез...

– Ты его сам раззадорил. Нечего было все время талдычить, какая ты тут большая шишка! И вообще, мозгов у него было больше, чем у тебя. Он тебе сто раз повторил, что главный лазутчик на свободе, а ты все отмахивался. И сейчас хочешь это замять. А Горбаг-то верно говорил! Бродит он тут, бродит, богатырь этот! Голову даю на отсечение, что он из этих кровопивцев, эльфов, а то еще, может, какой-нибудь *тарк*^[9] распоганный – тоже не сахар... Точно тебе говорю! Он тут будет с минуты на минуту. Слышал колокол? Стражи ему оказались нипочем, а это верный знак, что тут без *тарка* не обошлось. В общем, пока он на лестнице, я вниз ни ногой, будь ты хоть Назгул, ясно?

– Вот ты как заговорил! – взвыл Шаграт, вне себя от ярости. – Туда пойду, сюда не пойду, то буду, этого не буду! А когда он сюда поднимется, вильнешь, небось, хвостом – и когти рвать? Не выйдет! Сперва я выпущу из тебя кишочки, а там посмотрим...

Из дверей Башни сломя голову вылетел давешний орк, а за ним вывалился и сам Шаграт – настоящий великан. Когда он бежал нагнувшись, его ручищи касались земли. Одна бессильно болталась и, похоже, кровоточила; другой рукой орк прижимал к себе большой черный сверток. В отблесках красного зарева Сэм, спрятавшийся за дверью, хорошо видел злобную гримасу на измазанном кровью, исцарапанном когтями соперника лице коменданта. С длинных клыков Шаграта капала слюна, в горле хрипело по-звериному.

Насколько мог видеть Сэм, Шаграт гонялся за Снагой по всей крыше, пока тот не исхитрился нырнуть обратно в башню. Тогда Шаграт остановился. Сэм наблюдал за ним через восточную дверь: тяжело дыша, орк стоял у края площадки и опирался на заграждение.

Его левый кулак слабо сжимался и разжимался. Отдышавшись, комендант положил сверток на пол, вытащил правой рукой длинный красный нож и поплевал на него. Затем, подойдя к самым перилам, перегнулся, глянул вниз и дважды крикнул. Ответа не последовало.

Пока Шаграт стоял наклонившись, один из распростертых на террасе трупов, к удивлению Сэма, внезапно зашевелился, подполз к свертку, крепко вцепился в добычу и, не выпуская ее, поднялся на ноги. В руке у него было копье с широким плоским наконечником и расщепленным остатком обломанного древка. Копье поднялось для удара... Но тут орк не удержался и слабо зашипел – не то от боли, не то от ненависти. Шаграт быстро, как змея, метнулся в сторону, молниеносно развернулся и вонзил свой кинжал в горло противнику.

– Что, схлопотал, Горбаг?! – рявкнул он. – Не добили тебя? Ну ничего, сейчас мы это исправим!

Он прыгнул на тело Горбага и стал яростно пинать его, то и дело останавливаясь, чтобы еще и еще раз погрузить в тело врага кинжал. Удовлетворившись, Шаграт запрокинул голову и издал жуткий, булькающий победный клич. Затем он облизнул клинок, зажал его в зубах и, подхватив сверток, вприпрыжку поспешил к лестнице.

Времени на размышления Сэму не оставалось. Он мог бы, конечно, выскользнуть через вторую дверь, но страшный орк наверняка его заметил бы, да и вообще долго играть с ним в прятки Сэму было не по зубам. И Сэм сделал, наверное, лучшее, что мог: с криком бросился прямо навстречу Шаграту. Кольца в руке у хоббита уже не было, оно по-прежнему висело у него на груди, излучая скрытую силу, обращавшую рабов Мордора в трепет. Вдобавок в руке у Сэма сверкал меч; голубой свет резанул орка по глазам, как острый луч безжалостных звезд, что светят в стране эльфов, одно упоминание о которой заставляло орков обливаться холодным потом. В довершение всего, Шаграту надо было или уклониться от встречи с врагом, или бросить драгоценную добычу и вступить в бой, а бросать добычу он ни в коем случае не собирался. Он остановился, злобно рыча и щерясь, но уже в следующий миг стремительно, на орочий манер, метнулся в сторону и – не успел Сэм опомниться – со всей силы ткнул хоббита свертком в лицо, используя свою ношу сразу и как щит, и как оружие. Сэм потерял равновесие – и, прежде чем он пришел в себя, Шаграт уже неся вниз по ступеням.

Ругаясь на все лады, Сэм бросился было в погоню, но вспомнил про Фродо и второго орка, оставшегося в башне. Перед хоббитом снова встал ужасный выбор, но времени думать уже не было. Шаграт улизнул и, наверное, скоро вернется с подмогой. Но гнаться за ним – значит оставить Фродо наедине с другим орком, а ведь эта крыса может там натворить невесть что! Все равно Шаграта Сэм вряд ли догнал бы, а догнав – вряд ли уцелел бы. Поэтому хоббит решительно повернул назад и помчался по лестнице обратно на крышу.

«Наверное, я опять сделал что-то не так, – вздохнул он про себя. – Но мое дело – попасть наверх, а там будь что будет!»

Тем временем Шаграт скатился по лестнице, пересек двор и, прижимая к груди драгоценную ношу, выскочил вон из крепости. Если бы Сэм видел, если бы он мог знать, сколько горя принесет этот сверток, он бы, наверное, еще трижды подумал, прежде чем принять решение. Но теперь он был озабочен только тем, как найти Фродо. Осторожно подкравшись к дверям башни, он шагнул внутрь – и оказался в полной темноте. Таращась изо всех сил, он наконец приметил по правую руку какой-то тусклый свет. Свет сочился из-под дверцы, за которой, как выяснилось, начиналась новая лестница, узкая и темная. Судя по всему, она шла вверх по спирали, лепясь к стене. Где-то наверху чадил догорающий факел.

Стараясь не шуметь, Сэм начал подниматься и вскоре поравнялся с факелом, прикрепленным над маленькой дверцей напротив западной оконной прорези. Это был один из тех красных «глаз», что они с Фродо заметили еще внизу, у входа в туннель. Сэм поспешил миновать дверь и подняться на второй этаж, понимая, что в любой момент может почувствовать у себя на горле орочьи пальцы. Следующий факел горел напротив окна, выходящего на восток. Под факелом чернела дверь, ведущая в глубину башни. Дверь была открыта. В коридоре царил тьма – если не считать мерцания гаснущего факела и красных отсветов, проникавших снаружи, через прорезь. Дальше ступеней не было. Прокравшись в коридор, Сэм обнаружил с обеих сторон по низкой двери. И та и другая были заперты на все замки и задвижки. Из-за дверей не доносилось ни звука.

– Вот те на, – пробормотал Сэм. – Тупик! Стоило ради этого залезать так высоко! Не может быть, чтобы это был самый верх!.. Что же делать?

Он бегом спустился к нижней двери и подергал ее. Дверь не поддавалась. Сэм снова кинулся наверх. По лицу его потекли струйки пота. Он чувствовал, что теперь каждая минута на счету, – а он терял их одну за другой и ничего не мог сделать!.. Он больше не думал ни о Шаграте, ни о Снаге. Орки – сколько бы их ни кишело на белом свете – перестали существовать для него. Он умирал от желания увидеть Фродо. Увидеть, коснуться его руки – а больше ничего и не надо...

Наконец, устав и отчаявшись, хоббит сел посреди лестницы и закрыл лицо ладонями. Вокруг стояла тишина – страшная тишина. Факел, и без того еле чадивший, зашипел, выплюнул последнюю копоть и погас окончательно. Все утонуло во тьме. И вдруг, запертый во мраке безнадежности, подавленный бесславным концом долгого и напрасного пути, Сэм неожиданно для самого себя запел. В холодной, темной башне голос его зазвучал тоненько и дребезжаще – голос одинокого, усталого хоббита. Только совершенно глухой орк мог бы спутать песенку Сэма с боевым кличем эльфийского богатыря. Сэм начал со старых засельских песенок, потом перешел на вирши Бильбо; мелодии всплывали у него в памяти одна за другой, как мимолетные видения далекой родины... И вдруг, откуда ни возмись, проснулись новые силы, голос окреп, зазвенел, а на простую мелодию сами собой легли новые слова:

*На западе давно весна,
Луга цветов полны,
Леса проснулись ото сна,
И светел плеск волны.*

*А ночью ясен небосвод,
И плащ его расшит —
Там звезд эльфийский хоровод
Круги свои вершит.*

*И пусть я заперт в тупике,
Пути не завершив,
Вдали от бликов на реке,
Средь башен и вершин, —*

*Но Солнце правит выше туч
Свой неуклонный ход,
И звезды направляют луч
В зияние пустот*

*Меж бастионов тьмы, – и тень
Не век, как ни сгущай.
И не скажу я – «кончен День»,
И не скажу – «прощай»⁵⁸⁸.*

– «Средь башен и вершин...» – начал он снова – и вдруг оборвал себя на полуслове. Ему почудилось, будто сверху кто-то слабо отозвался! Но вокруг по-прежнему было тихо. Впрочем, нет: раздались шаги. Наверху открылась дверь, скрипнули петли. Сэм припал к ступеням и прислушался.

Дверь с тяжелым гулом захлопнулась. Раздался ворчливый орочий голос:

– Эй, там! Крыса помойная! Чего распищался? Я тебе покажу, как вякать! Слыхал?

Ответа не было.

– А-а, вон что, – прорычал Снага. – Молчишь! Ну, все равно, мне и так давно пора тебя проведать. Посмотрим, чем ты занят!

Снова заскрипели дверные петли. Сэм осторожно заглянул в коридор и увидел то, что искал. Одна из двух дверей открылась; за ней мерцал огонь, а на пороге маячил силуэт орка. Похоже было, что на плече у него что-то вроде приставной лестницы. И тут Сэма осенило. В верхнюю камеру попадали через люк в потолке! Снага приставил лестницу, влез по ней и скрылся из виду. Сэм услышал лязг засова. Сверху снова донесся омерзительный орочий голос:

– Чтоб этого больше не было, понял? А не то как врежу! Думаешь, тебе тут отдохнуть дадут?.. Размечтался! А может, хочешь, чтобы мы сейчас тобой занялись? Нет? Ну так заткни хайло и молчи в тряпочку. Усек? Вот и хорошо! А это тебе для памяти! – Послышался звук, похожий на свист плетки.

Тут Сэма охватил такой гнев, что он забыл про все на свете. Одним прыжком подскочив к лестнице, он ловко, как кот, вскарабкался

по ней и, просунув голову в люк, увидел большую круглую комнату. Освещал ее подвешенный к потолку красный светильник. В обращенной на запад оконной прорези, такой высокой, что не дотянешься, царил мрак. На полу под окном что-то лежало, но что – видно не было: все заслонила раскоряченная темная фигура орка, занесшего плеть для нового удара. Но удара не последовало.

Вопя и размахивая Жалом, Сэм выпрыгнул из люка и бросился на орка. Тот повернулся к нему, но сделать ничего не успел: Сэм с размаху рубанул Жалом, и кисть орочьей руки вместе с плеткой покатила по полу камеры. Взревев от боли и страха, орк, видя, что дело плохо, нагнулся и пошел на Сэма головой вперед. Второй удар пришелся в пустоту: нога Сэма поехала по полу, и он грохнулся, тщетно пытаясь уцепиться за противника. Тот споткнулся о Сэма, потерял равновесие – и не успел хоббит поднять головы, как раздался крик и глухой удар: обезумевший от ужаса стражник зацепился ногой за конец лестницы и полетел в открытую пасть люка. Что с ним стало, Сэм выяснять не собирался. Он бросился к лежащему. Это был Фродо.

Фродо лежал на куче грязного тряпья нагой и, казалось, без сознания. Он по-прежнему заслонялся рукой от удара; на боку у него алел уродливый след орочьей плетки.

– Фродо! Дорогой господин Фродо! – закричал Сэм, чуть не ослепнув от внезапно хлынувших слез. – Это я, Сэм! Я тут! – Он приподнял хозяина и крепко прижал его к груди. Фродо открыл глаза.

– Я все еще сплю? – пробормотал он. – Но те сны были страшные, а этот нет...

– Никакой это не сон, господин Фродо, – поспешно уверил его Сэм. – Это вам не снится. Это я! Я пришел! Я с вами!

– Даже поверить трудно, – проговорил Фродо, крепко сжав руку Сэма. – Только что тут стоял орк с плеткой в руке – и вдруг превратился в Сэма!.. Значит, мне не приснилось, что внизу кто-то пел? Я даже пробовал подтягивать... Так это был ты?

– А то кто же, господин Фродо? Я совсем было отчаялся найти вас, вот и запел... Думал, уже все, конец!

– Но теперь все беды позади, правда, Сэм? Дорогой мой Сэм! – проговорил Фродо и откинулся на руки Сэма, закрыв глаза, как ребенок, которого утешили и приласкали, прогнав ночные страхи.

Сэм чувствовал, что мог бы просидеть так целую вечность, – он был совершенно счастлив. Но долго это продолжаться не могло. Мало было отыскать Фродо, надо было еще попытаться спасти его. Сэм поцеловал хозяина в лоб и легонько потряс.

– Просыпайтесь, господин Фродо! Пора вставать! – сказал он, пытаясь говорить как можно веселее, – словно они были не в Мордоре, а у себя дома, в Заселье, и сквозь занавески пробивалось утреннее солнышко.

Фродо вздохнул и сел.

– Где же мы? И как я сюда попал?

– Потом объясню! Сперва надо отсюда выбраться, – торопил его Сэм. – Но если в двух словах, то мы на вершине той башни, которую видели снизу, у туннеля. Потом вы попали в плен к оркам. А давно это было или недавно – даже не знаю. Наверное, уже целый день прошел, а то и больше.

– Только-то? – удивился Фродо. – Я думал – несколько недель! Расскажешь, когда будет время? Я помню только, что меня ударило в спину. Это правда? Я провалился в темноту и видел отвратительные сны. Проснулся – а явь еще страшнее и отвратительнее... Открываю глаза – вокруг орки! Они, похоже, влили мне перед тем в рот какое-то гадкое питье, так что мне всю гортань обожгло! В голове прояснилось, зато кости так и ломило, и слабость была ужасная. Они заставили меня раздеться догола, а потом сюда явились два огромных таких битюга и давай меня допрашивать, пока мне не почудилось, что я схожу с ума. Они глумились, рычали и все время пробовали, не затупились ли у них кинжалы, – нарочно, чтобы меня запугать. Я их когтей никогда в жизни не забуду. И глаз.

– Если будете о них говорить так много, то где уж тут забыть, – трезво заметил Сэм. – Но если мы не хотим увидеть все это еще раз, надо поскорее брать ноги в руки – и деру. Вы как, идти можете?

– Пожалуй, – решил Фродо, медленно поднимаясь на ноги. – Я не ранен, Сэм. Просто устал. И вот здесь побаливает. – Он показал на шею, сзади, ближе к левому плечу. Теперь он стоял, выпрямившись во весь рост, и в ярко-красном свете фонаря его кожа отливала алым, словно он был одет в пламя. Фродо прошелся по комнате из конца в конец и обратно.

– Кажется, мне лучше, – объявил он чуть более бодрым голосом. – Вообще говоря, меня так припугнули, что я и пошевелиться не смел, даже когда меня оставляли одного, а при стражниках – и тем более. А потом начались шум и крики. Понимаешь, эти два больших кабана, судя по всему, чего-то не поделили – то есть не «чего-то», а меня и мои вещи. Честно скажу: я лежал ни жив ни мертв. Потом все стихло, и это мне показалось хуже, чем шум.

– Да, у них, похоже, размолвочка случилась, – кивнул Сэм. – Этих грязных тварей в крепости было сотни две, не меньше. На одного Сэма Гэмги, скажу прямо, многовато! Но они сделали всю работу за меня – поубивали друг друга, и дело с концом. Нам очень повезло. Только песню слагать еще рано: больно длинно выйдет, а нам пора уходить... Что же мы будем теперь делать? Не гулять же вам нагишом по Черной Стране, господин Фродо!..

– Они у меня все взяли, – покачал головой Фродо. – Все, что при мне было. Ты хоть понимаешь, что это значит? Вообще все!

Он снова сел и низко опустил голову, словно только сейчас, рассказав об этом Сэму, осознал, какая стряслась беда.

– Наше дело проиграно, Сэм! Положим, из башни мы выберемся. Но далеко ли мы уйдем? И главное, куда, зачем?! Теперь если кто и спасется, так только эльфы. Они еще могут бросить Средьземелье, уплыть за Море... Если только Тень не перекинется и за Море...

– Нет, нет, не все они у вас взяли, не все, господин Фродо! И дело наше не проиграно – проиграть всегда успеется. Вы уж извините, господин Фродо, но у меня *Оно*. Я *Его* сохранил. *Оно* здесь, у меня на шее. Тяжеленное – ужас! – Сэм подергал цепочку. – Но вам, наверное, лучше его обратно взять.

Снимать с шеи Кольцо Сэму почему-то не хотелось. Нагружать Фродо? Опять? Ему, пожалуй, будет трудно...

– *Оно* у тебя?! – закричал Фродо. – Здесь?! Сэм, да ты просто чудо!

Вдруг его голос странно переменялся.

– Дай сюда! – потребовал он, вскакивая и протягивая к Сэму дрожащую руку. – Немедленно отдай его мне! Тебе нельзя нести его!

– Конечно, конечно, господин Фродо, – поспешно согласился удивленный Сэм. – Пожалуйста! – Он медленно извлек Кольцо из-за пазухи и, наклонив голову, снял цепочку. – Только учтите, мы в

Мордоре, господин Фродо. Когда выйдем наружу, вы сразу увидите и Огненную Гору, и все такое прочее. Кольцо сейчас очень опасное, скоро вы сами в этом убедитесь. Носить его силы понадобятся. Если будет трудно, я мог бы вам помогать иногда – а?

– Нет! – крикнул Фродо, выхватывая у Сэма Кольцо и цепочку. – Руки прочь! Вор!

Он задохнулся и уставился на Сэма расширенными от ненависти глазами, крепко сжимая в руке Кольцо. Но в следующее мгновение туман рассеялся. Фродо провел ладонью по лбу. Голова у него раскалывалась. От потрясения и от действия паучьего яда мысли его мешались, и он не смог отделить привидевшийся ему только что отвратительный сон от яви. Он видел, как Сэм прямо на глазах превратился в орка, и орк, щерясь, потянул лапу за Сокровищем: маленькое, безобразное существо, глазенки жадные, изо рта каплет слюна... Но теперь видение растаяло. Сэм снова был здесь, перед ним. Он стоял на коленях, по щекам у него текли слезы, лицо перекосилось от боли, будто его ударили ножом в самое сердце.

– О Сэм! – воскликнул Фродо. – Что я наговорил? Как я мог? Прости! И это после всего, что ты для меня сделал! Это Кольцо, это его ужасные чары. И зачем, зачем, зачем только оно нашлось?! Лежало бы себе в Андуйне! Не держи на меня зла, Сэм. Ты видишь – я должен нести это бремя до конца. Тут уж ничего не поделаешь. Ты не можешь встать между мной и судьбой.

– Все в порядке, господин Фродо, – пробормотал Сэм, вытирая глаза рукавом. – Разве я не понимаю? Но ведь я все равно могу вам немножко помочь, правда? Во-первых, я во что бы то ни стало должен вас отсюда вывести. И немедленно. Согласны? А для этого хорошо бы найти для вас какую-нибудь одежонку и оружие. Да и поесть бы не мешало. С одеждой легче всего. Раз уж мы в Мордоре – оденемся по-здешнему! Выбирать, правда, не из чего... Боюсь, придется напяливать орочьи тряпки. И вам, господин Фродо, и мне. Парочка будет хоть куда! А пока закутайтесь вот в это!

Сэм отцепил застежку, снял с себя серый плащ и набросил его на плечи Фродо. Затем, скинув с плеч котомку, достал из ножен Жало и осмотрел его. Лезвие почти не светилось.

– Да, совсем забыл, господин Фродо, – сказал он. – Орки у вас и правда не все забрали. Вы одолжили мне меч и лориэнскую звездочку,

помните? Они и сейчас у меня. Но я их еще немножко подержу, ладно? Мне надо сходить посмотреть, что тут можно найти полезного, а вы подождите. Походите пока, разомните ноги. Я быстро. И недалеко.

– Осторожнее, Сэм, – предупредил Фродо. – Возвращайся поскорее. Вдруг в крепости кто-нибудь уцелел и прячется?

– Волков бояться – в лес не ходить! – махнул рукой Сэм, свесил ноги в отверстие и быстро соскользнул вниз, но вскоре его голова вновь показалась над полом. К ногам Фродо упал длинный нож.

– Это вам не помешает, господин Фродо! А приятель-то ваш, между прочим, спекся! Я говорю об орке, который вас ударил. Сломал шею, похоже! Что поделаешь – уж очень торопился! Втащите-ка лестницу наверх, господин Фродо, если можете, конечно, – и ни за что не спускайте, пока не услышите пароль. Пароль – *Элберет*. По-эльфийски. Орк этого слова никогда не скажет!

Некоторое время Фродо сидел не шевелясь. Его била дрожь. Одни страхи сменялись другими. Наконец он встал, запахнул на себе серый эльфийский плащ и, чтобы занять ум чем-нибудь другим, стал расхаживать по комнате, заглядывая в каждый угол.

Сэм обернулся быстро, хотя Фродо успел известись от страха – ему казалось, что прошел целый час, не меньше. Наконец Сэм тихонечко позвал снизу: «*Элберет! Элберет!*» – и Фродо спустил ему легкую лестницу. Отдуваясь, Сэм влез наверх с огромным узлом на голове. Узел с глухим стуком упал на пол.

– Ну, а теперь быстрее, господин Фродо! – выдохнул Сэм. – Не так-то просто было найти одежду под нашу статью, ну да ничего, как-нибудь! Только теперь и вправду надо торопиться. Я никого не встретил и не видел ничего, но мне все равно не по себе. Как будто за этим местом кто-то следит, понимаете? Не могу объяснить как следует, но... в общем, такое ощущение, будто тут рыщет один из этих летучих Всадников. В небе, сами знаете, темно, не видать ни зги, кто его разберет...

Он развернул узел. Фродо посмотрел на содержимое с омерзением, но делать было нечего: не идти же нагишом! Одевание заключалось в паре длинных ворсистых штанов из шкуры какого-то отвратительного зверя и грязной кожаной куртки. Фродо натянул все это на себя. Поверх полагалась кольчуга. Среднему орку принесенная Сэмом кольчужка была бы, пожалуй, коротковата, но хоббиту

оказалась, наоборот, велика, к тому же Фродо нашел ее чересчур тяжелой. Поверх кольчуги защелкивался пояс, с которого свисал широкий, в коротких ножнах кинжал. Кроме того, Сэм добыл несколько шлемов. Один из них подошел Фродо: это была добротная черная нахлобучка из толстой кожи, с железным обручем. Под кожей прощупывалась сталь, а над клювообразным железным козырьком таращился Красный Глаз. Пока Фродо одевался, Сэм торопливо объяснял, что к чему.

– Тряпье с гербом Моргула, как у Горбага, больше подошло бы, да и сработано оно не так коряво. Только вы уж не обессудьте – после тутошних дел по Мордору в нем разгуливать опасно. Отлично выглядите, господин Фродо! Орк из вас – просто загляденье, уж вы не обижайтесь! Вот только еще закрыть лицо маской, вытянуть руки, ноги колесом согнуть – и будет совсем здорово. Но на всякий случай наденьте и это тоже. – Сэм накинул на плечи Фродо большой черный плащ. – Готово! Остался только щит – но щит мы по дороге подберем.

– А ты, Сэм? – спросил Фродо. – Ты же собирался составить мне пару!

– Собираться-то я собирался, – почесал в затылке Сэм, – да вот подумал: нельзя же здесь мои вещи оставить? Сжечь их мы не можем, а поверх всего своего еще и орочью кольчугу напяливать – увольте! Я, пожалуй, накину плащ – и ладно.

Он опустил на колени и заботливо свернул свой плащ. Сверток получился на удивление маленьким. Сэм запихал его в свою котомку, валявшуюся на полу, встал, перекинул котомку за плечи, напялил орочий шлем и закутался в черную накидку.

– Вот так, – удовлетворенно заявил он. – Теперь мы парочка что надо! Ну, вперед!

– Только учти, Сэм, всю дорогу я бежать не смогу, – криво усмехнулся Фродо. – Надеюсь, ты навел справки о ближайшем трактире? Или мы теперь можем обходиться без еды и питья?

– Ой, хозяин, я, кажется, об этом совсем позабыл! – присвистнул Сэм, широко раскрыв глаза. – Я пытался вас найти – в этом весь мой голод был и вся моя жажда. Уж и не помню, когда мне доводилось есть или пить в последний раз. Пока вас искал, все остальное из головы напрочь вылетело. Постойте-ка... Помнится, я недавно подсчитывал: хлебцев и того, что нам дал Фарамир, должно было хватить на пару

недель, но это если мне одному и впроголодь. А во фляге всего капля оставалась, на самом доньшке. Двоим маловато. Но орки разве могут без еды и питья обходиться? Правда, скажи мне кто, что они этим рвотным воздухом питаются и всякой ядовитой гнусностью, – я поверю...

– Нет, Сэм. Орки едят и пьют не меньше нашего, – вздохнул Фродо. – Тень, которая их взрастила, умеет только глумиться над тем, что уже есть, но сама не может ничего сотворить, понимаешь? Своего, нового, настоящего она сделать не может. Так что не Тень дала жизнь оркам. Она только исковеркала, изуродовала уже готовое, живое. А если они живые, то живут по тем же законам, что и все остальные. Конечно, коли нет ничего лучшего, они могут пить и есть такое, что скажи я тебе, – тебя вытошнит, но отравы в рот они не возьмут. Они и меня кормили, Сэм, так что у меня сейчас, может, даже больше сил, чем у тебя. Тут, в Башне, наверняка есть еда и питье.

– У нас нет времени шарить по кладовкам, – махнул рукой Сэм.

– Все равно дела наши лучше, чем ты думаешь, – настаивал Фродо. – Пока ты ходил, мне тут кое в чем повезло. Они и правда не все унесли. Я нашел среди тряпок свою котомку! Ее, конечно, обыскали и всю перещупали, но, по-моему, *лембасы* им понравились даже меньше, чем Голлуму. Они их вообще не выносят – ни вида, ни запаха. Вытряхнули котомку, раскрошили и раскидали все наши запасы – это да, но *лембасов* не взяли. Я собрал крошки и, знаешь, получилось немало – почти столько же, сколько у тебя. Вот только Фарамировы подарки они отобрали. И флягу раскокали.

– Ну что ж, для начала неплохо, – одобрил Сэм. – С питьем, правда, хуже... А теперь нам пора идти, господин Фродо! Иначе нам и целое озеро воды впрок не пойдет!

– Сначала поешь, – приказал Фродо. – Иначе я с места не сдвинусь. Бери эльфийский сухарик и допивай воду – допивай, допивай! У нас все равно нет надежды на удачу. Что толку думать о завтра? Завтра может и вовсе не наступить...

Наконец они встали и осторожно спустились вниз. Сэм убрал от люка лестницу и положил ее рядом с мертвым орком. Факелы догорели, и в башенке было темно, хотя с плоской крыши еще виднелось огненное зарево, – правда, уже не алое, а гаснущее, тускло-

красное. Хоббиты выбрали себе по щиту и продолжили путь в полном орочьем облачении.

Теперь им предстояло спуститься по главной лестнице. Комната, где они встретились после разлуки, казалась им почти что родным домом. По крайней мере там их защищали стены, а здесь спрятаться было некуда, и вдоль коридора холодком тянулся ужас. Несмотря на то, что в башне Кирит Унгол все было мертво, воздух в ней казался густым от злобы и от страха.

Наконец они добрались до выхода во внешний двор и остановились. Даже оттуда, где они стояли, чувствовалась злая воля Стражей, тяжело давившая на сердце, и уже видны были сами Стражи – черные, безмолвные силуэты по обе стороны ворот, озаренных тусклыми отсветами гаснущего Ородруина. Хоббиты снова двинулись вперед, стараясь не наступать на уродливо раскинувшиеся вокруг мертвые тела, – но каждый шаг давался все с большим трудом. На невидимую преграду они наткнулись еще не доходя до арки. Продвинуться дальше хотя бы на волосок было невозможно: каждое движение причиняло невыносимую боль и лишало последних сил.

Фродо был слишком измучен, чтобы бороться. Он опустил на землю.

– Все, Сэм! Конеч, – проговорил он еле слышно. – Я сейчас потеряю сознание. Что это на меня нашло? Я совсем выдохся.

– Я знаю, что это такое, господин Фродо! Держитесь! Это все ворота. Они заколдованы, чтобы никого не пускать. Но я все равно вошел и намерен выйти наружу. Вряд ли тут стало опаснее, чем раньше. Вперед!

И Сэм снова достал скляницу Галадриэли. Будто в награду за его мужество и во славу смуглой хоббичьей руки, совершившей великие подвиги, скляница вспыхнула ярче молнии, озарив темный двор ослепительным белым светом. Но путь все еще был закрыт.

– *Гилтониэль, а Элберет!* – крикнул Сэм. Ибо мысли его – он сам не понял почему – вдруг перенеслись в давнее прошлое, к эльфам, которых он встретил когда-то в лесах Заселья, и Сэму вспомнилось, как испугался их песни Черный Всадник.

– *Айя Эленион Анкалима!*⁵⁸⁹ – подхватил Фродо.

Воля Стражей лопнула, как слишком туго натянутая струна. Фродо и Сэм, споткнувшись, сделали несколько шагов – и побежали.

Вперед! В ворота, мимо огромных, неподвижно восседающих на тронах чудищ с горящими глазами! Вдруг что-то оглушительно треснуло. Замкóвый камень раскололся, свод арки обрушился прямо за спинами хоббитов и рассыпался в щебень. Задребезжал колокол. Стражи издали страшный, пронзительно-высокий вопль. И он не остался без ответа. Сверху, из темноты, донесся такой же исступленный крик – и с черного неба камнем упала крылатая тень.

Глава вторая

Страна мглы

У Сэма хватило ума поскорее сунуть скляницу под плащ.

– Бежим, господин Фродо! – крикнул он. – Да нет! Не туда! Там отвесный обрыв! Сюда, за мной!

Они бросились бежать вниз. Шагов через пятьдесят дорога круто обогнула острый край утеса и скрыла от них Башню. На этот раз успели! Они остановились, чтобы отдышаться, и тут же схватились за сердце: Назгул, опустившийся на стену рядом с разрушенными воротами, снова издал свой страшный крик. Горы задрожали от эха.

Хоббиты, спотыкаясь, в ужасе поспешили прочь. Очередной поворот дороги снова на короткое мгновение открыл им вид на Башню. Перебегая опасный участок, Сэм и Фродо не удержались и бросили взгляд в ту сторону: над стеной реяла исполинская черная тень... Но дорога тут же нырнула в глубокое ущелье, круто пошла вниз и врезалась в Моргульский Тракт. Перекресток! Орков по-прежнему не было ни слуху ни духу. Крик остался без ответа. Но долго это продолжаться не могло: в любой момент надо было ожидать погони.

– Так не пойдет, Сэм, – сказал Фродо. – Будь мы настоящие, всамделишные орки, мы бежали бы к Башне, а не улепетывали от нее. Нас раскусит первый же встречный. Надо как-то уйти с дороги.

– Каким образом? – пожал плечами Сэм. – Крыльев-то у нас нет.

С востока горы Эфел Дуата гладкой, почти отвесной стеной обрывались в пропасть, в черное ущелье, отделявшее их от внутреннего хребта. За перекрестком, круто сбежав вниз, главная дорога выходила на каменный мост, переброшенный через пропасть, и скрывалась в искрошившихся, изъеденных ветром скалах и расселинах Моргайи. Фродо с Сэмом, махнув на все рукой, бросились бежать через мост – но противоположный край ущелья был еще далеко, когда тишину вспороли шум и крики. Башня Кирит Унгол осталась позади, высоко на скале; по ее камням плясали тусклые отсветы зарева. Внезапно раздался новый хриплый удар колокола, тут же перешедший в немолчный дребезжащий трезвон. Заиграли трубы. С дальнего конца моста донеслись ответные крики. Здесь, в темноте ущелья,

отрезанного от меркнувшего Ородруина скальной грядой, Фродо и Сэм не могли видеть, что происходит впереди, но топот тяжелых, подбитых железом сапог и звон подков, отбивавших спешный ритм на каменной дороге, раздавались уже совсем близко.

– Скорее, Сэм! Прыгаем! – закричал Фродо.

Они взобрались на узкие перила. К счастью, пропасти внизу уже не было: склоны Моргайи поднялись почти до уровня дороги, хотя точно определить расстояние в темноте было невозможно.

– Была не была! – решил Сэм. – Счастливо, господин Фродо.

Он прыгнул. Фродо последовал за ним. Еще в воздухе они услышали, как по мосту лавиной загрохотали копыта. Послышался топот бегущих орков. Но Сэм, несмотря на опасность, едва удержался, чтобы не рассмеяться вслух. Они рисковали переломать себе кости на острых скалах, но, пролетев всего сажени три, с треском и хрустом ухнули в путаницу колючих веток! Подавившись смехом, Сэм замер, посасывая исцарапанную руку.

Когда копыта и сапоги смолкли, он наконец отважился тихонечко шепнуть:

– Ну и ну, господин Фродо! В жизни бы не подумал, что в Мордоре может что-то расти! Если бы мы даже нарочно выбирали, где прыгнуть, удачнее все равно не получилось бы. Ух и колючки тут! В локоть, наверное, не меньше! Все мое тряпье насквозь прошили. Надо было все-таки надеть кольчугу!

– Что кольчуга, – отозвался Фродо. – Даже кожаная куртка и то не помогла!

Чтобы выбраться из зарослей, пришлось немало потрудиться. Шипы были твердыми как сталь, а ветви напоминали проволоку. Когда хоббиты наконец очутились на свободе, плащи на них висели клочьями.

– А теперь вниз, Сэм, – предложил Фродо шепотом. – Скорее! Спустимся в ущелье и – на север. Надо торопиться!

Там, за горами, начинался день, и где-то вдали, за теньями Мордора, солнце уже блеснуло над восточным краем Средьземелья – но здесь по-прежнему царила беспросветная ночь. Гора еще дымилась, но огонь погас. Скалы померкли. Стих и восточный ветер, который дул не переставая с тех самых пор, как хоббиты покинули Итилиэн. Они

спускались вниз – медленно и с большим трудом, пока окончательно не выбились из сил: приходилось ползти на животе, цепляясь за кусты, обдирая ладони о камни и сухие пни, то и дело оступаясь и на ощупь отыскивая, куда бы поставить ногу.

Наконец они сползли на дно ущелья и привалились к обломку скалы. У обоих по лицу тек пот.

– Тому, кто предложил бы мне сейчас напиться, я бы с удовольствием пожал руку, будь то сам Шаграт, – мрачно пошутил Сэм.

– Не надо, Сэм, – взмолился Фродо. – От таких шуток только хуже делается.

Он вытянулся в полный рост, усталый и мокрый от пота, и некоторое время лежал молча.

Наконец, собравшись с духом, он сделал над собой усилие, встал – и, к своему изумлению, обнаружил, что Сэм спит крепким сном.

– Сэм, проснись! – потряс его за плечо Фродо. – Вставай! Надо сделать еще один рывок!

Сэм встряхнулся и с трудом встал.

– Эк меня угораздило, – зевнул он. – Сам не знаю, как это я так осрамился? Пошел камнем на дно, и все тут. Но, честно говоря, господин Фродо, я уже и не помню, когда спал по-настоящему, вот глаза и склеиваются, не спросившись...

Фродо пошел впереди, стараясь по возможности держать курс прямо на север. Некоторое время они пробирались среди валунов и обломков скал, густо устилавших дно ущелья. Вскоре, однако, Фродо остановился снова.

– Нет, так не годится, – сказал он. – Кольчуга эта... Я, пожалуй, долго не выдержу. Откуда мне взять силы? Раньше, когда я уставал, мне и свою-то, мифриловую, несладко было носить. А эта гораздо тяжелее. Да и на что она мне? Если мы победим, то не в бою.

– А вдруг все-таки придется драться? – возразил Сэм. – Подумайте! А кинжалы, шальные стрелы?.. А Голлум?.. Наверняка где-нибудь поблизости околачивается. Разве я могу допустить, чтобы вы остались без защиты? Удар ножом в темноте – и все! Кожаная рубашка тут не поможет.

– Сэм, дружок, я устал, понимаешь? – вздохнул Фродо. – Сил у меня больше нет, надеяться не на что. Я знаю одно – пока могу, я должен идти к Горе, а там видно будет. Мне Кольца хватает. Лишнего груза я не выдержу. Придется выбросить все, без чего можно обойтись. Не думай только, что я не благодарен тебе. Наоборот – мне и представить-то страшно, каких ты ужасов натерпелся, пока снимал с трупов эти вещи.

– Вот уж о чем не надо, хозяин! Если бы я мог, я б вас на собственной спине понес. Ладно, снимайте кольчугу, что с вами делать!

Фродо отложил плащ, стянул через голову орочью кольчугу, отбросил ее и поежился от холода.

– От чего бы я сейчас не отказался, так это от чашки кипятку. Холодно! – пожаловался он. – А может, я простудился?

– Возьмите мой плащ, господин Фродо, – предложил Сэм, развязывая котомку и доставая оттуда эльфийский плащ. – Подойдет? Орочьей тряпкой обмотаетесь, а плащ – сверху. У орков это вряд ли принято, зато согреетесь. Да и эльфийский наряд наверняка надежнее любой кольчуги! Ведь эту ткань ткала сама Владычица!

Фродо взял плащ и скрепил его под подбородком эльфийской брошью.

– Так-то оно лучше! – сказал он. – Теперь мне легко. Пожалуй, я даже смогу идти. Но здесь такая тьма, что в самое сердце заползает. Ничего не видно... Знаешь, когда я лежал там, в Башне, я вспоминал Брендивин, Лесной Угол, мельницу над Рекой, Хоббитон... А теперь что-то не получается.

– Я вас поймал на слове, господин Фродо. Кто теперь про воду заговорил? Ведь Река – это вода! А? – засмеялся Сэм. И вдруг посерьезнел: – Если бы только Госпожа могла нас сейчас видеть и слышать! Я сказал бы ей: «Владычица! Нам так мало нужно! Только немного воды и света, чистой воды и обыкновенного дневного света, и все. Они важнее всех драгоценностей мира, вы уж меня простите!» Только Лоризн далеко... – Сэм вздохнул и безнадежно махнул рукой в сторону хребта Эфел Дуат, едва видневшегося на беспросветно черном небе.

Они снова зашагали вперед. Но вскоре Фродо остановился.

– Черный Всадник, – шепнул он. – Прямо над нами. Я его кожей чувствую. Лучше переждать.

Они съжились под большим камнем, с западной стороны, и замолчали. Наконец Фродо облегченно вздохнул.

– Пронесло, – объявил он.

Хоббиты встали – и тут же замерли в удивлении. Слева, на юге, небо постепенно светлело, и на сером фоне ясно проступили черные зубцы главного хребта. За горами становилось все светлее; тьма отступала к северу. Там, высоко над землей, шла битва, и громоздящиеся одна на другую мордорские тучи терпели поражение. Ветер из мира живых трепал и лохматил им края, загоняя клубы дыма и пара обратно в глубь темной страны, которая их породила. Из-под слегка приподнявшегося мрачного полога, как бледный луч сквозь подслеповатое тюремное окно, в Мордор сочился свет утра.

– Смотрите, господин Фродо! – вымолвил ошеломленный Сэм. – Смотрите-ка! Ветер переменился. Что-то не так! Видно, не все идет, как Он задумал. Тьма, которую Он навел на мир, почему-то рассеивается. Знать бы, что там творится!

А было это утро пятнадцатого марта. Из тени, окутавшей восточные пределы Гондора, над долиной Андуина вставало солнце и ветер дул с юго-запада, а на полях Пеленнора умирал король Теоден.

Сэм и Фродо стояли и смотрели, покуда кайма света не протянулась надо всем хребтом Эфел Дуат. И вдруг на этой мерцающей полосе показалось черное пятнышко. Оно стремительно росло и наконец, на страшной скорости врезавшись в темный занавес, пробило тучи и исчезло где-то в вышине, послав напоследок вниз долгий пронзительный крик. Крик был знакомый, но в нем уже не было прежней страшной силы – только жалоба и отчаяние. Черную Башню ждали дурные вести: Повелитель Кольцепризраков нашел свою смерть.

– Что я говорил?! – воскликнул Сэм. – Там что-то не так! Шаграт сообщил, что война идет на сплошном ура, но Горбаг, по-моему, в этом сильно сомневался. Значит, прав был Горбаг! Да, не очень-то им везет! Ну как, обнадеживает?

– Да вроде бы нет, Сэм, не особенно, – вздохнул Фродо. – Что бы ни случилось, это случилось там, за хребтом. А мы идем в противоположную сторону. Как я устал! Кольцо такое тяжелое, Сэм!

Знаешь, я начинаю его видеть перед собой прямо днем, наяву. Такое большое огненное колесо...

Сэм, воспрявший было, поник снова. С беспокойством поглядев на хозяина, он взял его за руку:

– Не унывайте, господин Фродо! Смотрите: я просил о свете – и вот, пожалуйста! Теперь нам будет легче. Хотя, конечно, и риску прибавится... Давайте-ка попробуем пройти еще немного, а потом спрячемся где-нибудь и поспим. Съешьте вот кусочек эльфийского хлебца! Может, он вас немножко подбодрит...

Они поделили на двоих кусочек *лембаса* и, с трудом – так пересохло во рту – разжевав, побрели дальше. Света было не больше, чем в самые глубокие сумерки, но по крайней мере теперь стало видно, что они идут по дну глубокого ущелья и ущелье это полого поднимается к северу. По дну ущелья когда-то тек ручей, но он давно высох. Вдоль русла, по левому берегу, бежала, петляя, довольно утоптанная тропа. Знай хоббиты о ней раньше, они могли бы выйти на нее сразу – тропка эта ответвлялась от Моргульского Тракта еще до моста и шла вниз по вырубленным прямо в скале ступенькам. Этой тропой пользовались патрульные отряды и вестовые, когда требовалось срочно поспеть в одно из мелких укреплений, расположенных к северу от перевала Кирит Унгол и к югу от ущелья Исенмут, что в переводе означало Железная Пасть, или Карах Ангрэн⁵⁹⁰.

Идти этой тропой было опасно, но делать нечего – приходилось торопиться. К тому же Фродо знал, что у него не хватит сил карабкаться по каменным завалам или пробираться нехоженными ущельями Моргайи. Он рассудил, что преследователям едва ли придет в голову искать их на северной дороге. Скорее всего, погоня устремится на восточный тракт, ведущий на равнины, да и перевал еще раз как следует обыщут. Поэтому Фродо решил, пока возможно, двигаться к северу, а потом найти какую-нибудь тропу, ведущую на восток, и предпринять последний отчаянный рывок к цели. Хоббиты перебрались через высохшее русло и пошли по орочьей тропе. Слева над ней нависали скалы, так что сверху заметить хоббитов было невозможно; но тропа часто поворачивала, и перед каждым поворотом приходилось сжимать рукояти мечей и замедлять шаг.

Светлее не стало: Ородруин по-прежнему извергал густые клубы дыма, восходившего меж двух встречных потоков воздуха на большую высоту, где царило теперь безветрие, и дым растекался по сторонам, похожий на огромную плоскую крышу, опирающуюся на единственный столб, основание которого было скрыто мглой. Правда, сейчас хоббиты не могли видеть Ородруина за черными зубцами Моргайи...

Они продолжали путь. Минул уже час, а может быть, и больше, когда до их ушей донеслись новые звуки, заставившие их остановиться. Поверить в эти звуки было трудно – но и ошибки быть не могло: где-то неподалеку звенели капли воды! В скале зияла узкая, будто прорубленная гигантским топором трещина; оттуда и стекала тонкая струйка, – быть может, это были последние брызги какого-нибудь ласкового дождика, родившегося над блещущими под солнцем морями; злой рок осудил его пролиться над стенами Черной Страны и без пользы исчезнуть в ее пыли. Тоненький ручеек перебежал дорогу и, поворачивая направо, пропадал среди мертвых камней. Сэм бросился вперед.

– Если я еще когда-нибудь увижу Госпожу, она об этом непременно узнает, уж это я вам обещаю! – кричал он, не помня себя от восторга. – Сперва – свет, а теперь – и вода!⁵⁹¹ – Вдруг он осекся и оглянулся на хозяина. – Но сначала пью я – ладно, господин Фродо?

– Пей на здоровье! Но мне кажется, здесь и на двоих места вполне достаточно, – удивился Фродо.

– Не в том суть, – досадливо отмахнулся Сэм. – Может статься, вода тут отравленная или я уж не знаю какая, и на мне сразу будет видно, понимаете? Лучше ведь на мне проверить, чем на вас, правда?

– Положим, но мне кажется, если уж нам выпала удача, надо испытывать ее вместе, Сэм. А может, это не удача, а благословение? Подожди! Пей осторожнее – вдруг вода ледяная?!

Вода оказалась свежей, но не такой уж холодной. На вкус, правда, она была так себе, горьковатая и маслянистая, так что дома хоббиты, наверное, поморщились бы. Но здесь она показалась им выше всяких похвал, и они пили, пили без конца, забыв и о страхе, и о благоразумии. Когда оба напились вволю, Сэм наполнил флягу. Фродо немного прибодрился, и они одолели еще несколько верст. Постепенно тропа превратилась в настоящую дорогу, и вдоль обочины

потянулась грубая каменная кладка, – видимо, скоро должно было появиться очередное орочье укрепление.

– Тут мы все-таки свернем, – объявил Фродо. – Пора брать курс на восток... – Он перевел взгляд на мрачные скалы, окружавшие долину, и вздохнул. – У меня еще хватит сил, чтобы доползти до верха и где-нибудь залечь. Но потом я должен буду отдохнуть.

Тропа шла теперь немного выше каменистого русла, и, чтобы перебраться на другую сторону, хоббитам пришлось спуститься вниз. Пересекая русло, они, к своему удивлению, наткнулись на одну-две темные лужи. Среди камней сочились тоненькие струйки воды. Западная окраина Мордора, скрытая в тени Эфел Дуата, умирала, но жизнь в ней еще теплилась: за голые склоны из последних сил цеплялись жалкие растения – жесткие, искореженные, полузасохшие. По ущельям Моргайи лепились к скалам низкорослые, причудливо искривленные деревья, пучки серой травы с боем отвоевывали себе место среди камней, покрытых полуувядшим лишайником, и все это опутывали ползучие побеги куманики. Колючки на них были то острые, как иглы, то зазубренные и кривые, как орочьи кинжалы. На ветвях шелестели печальные, свившиеся в трубочки прошлогодние листья, а новые почки, уже полусъеденные червями, только-только начали раскрываться, и вокруг них, жужжа, вились мухи – бурые, серые и черные. Как и орки, мухи были отмечены красным пятнышком, напоминавшим глаз, и пребольно жалили, а над кустами терновника висели неподвижные тучи голодного гнуса.

– Здешняя одежда им – тьфу! – повторял Сэм, размахивая руками. – Тут без толстой орочьей шкуры ну никак не обойтись!

Настала минута, когда Фродо изнемог окончательно. Они добрались почти до самого конца узкого, довольно пологого разлома, но гребень был еще далеко.

– Я должен отдохнуть, Сэм, – взмолился Фродо. – А лучше всего – поспать... если у меня выйдет.

Они осмотрелись, но на этих безрадостных, голых склонах и зверь не нашел бы, где укрыться. В конце концов, совсем вымотавшись, Сэм и Фродо кое-как пристроились под кустом куманики, ветви которого свисали с низкого выступа наподобие редкого веревочного полога.

Угнездившись, хоббиты подкрепились чем смогли. Главное сокровище – *лембас* – решено было приберечь на черный день (который теперь был уже не за горами), поэтому они развязали котомку Сэма и расправились с половиной из оставшихся в ней подарков Фарамира. Каждому досталось по горстке сушеных фруктов и ломтику копченого мяса. Все это завершил глоток воды. По дороге они несколько раз пили из темных лужиц на дне засохшего ручья, но жажды так и не утолили: воздух Мордора был пропитан какой-то горечью, от которой беспрестанно пересыхало в горле. При мысли о воде надежда гасла даже у неунывающего Сэма – за хребтом Моргайи лежало ужасное плато Горгорот, которое им предстояло пересечь.

– Спите сначала вы, господин Фродо, – предложил Сэм. – Заметили, опять темно стало? Видно, дело к вечеру.

Фродо вздохнул – и, прежде чем Сэм успел договорить, провалился в сон. Сэм, с трудом одолев желание сделать то же самое, взял Фродо за руку. Так он и сидел, пока вокруг не сгустилась непроглядная ночь. Наконец, не в силах бороться со сном, Сэм осторожно выбрался из-под колючего полога и осмотрелся. Вокруг что-то похрустывало, поскрипывало и шелестело, но ни шагов, ни голосов слышно не было. Далеко за Эфел Дуатом, на западе, виднелась полоска бледного неба. И вдруг над самым высоким и острым пиком, выглянув из рваных туч, сверкнула звездочка. Красота ее так поразила Сэма, что у него забилось сердце, и к маленькому путнику, затерянному в мрачной, всеми проклятой стране, внезапно вернулась надежда. Его пронзила ясная и холодная, как луч звезды, мысль: Тьма не вечна, и не так уж много места занимает она в мире⁵⁹², а свет и высшая красота, царящие за ее пределами, пребудут вечно. Когда Сэм пел в орочьей башне, в его песне был скорее вызов, чем надежда, ибо тогда он думал о себе. А сейчас он на мгновение перестал тревожиться и о собственной судьбе, и о судьбе хозяина. Тихо вернувшись под ветвистый полог, он улегся рядом с Фродо и, отбросив страхи, заснул глубоким безмятежным сном.

Пробудились они вместе, рука в руке. Сэм почти выспался и готов был идти дальше. Фродо вздыхал и тер глаза. Сон его был беспокойным – ему всю ночь напролет снился огонь; но и явь не особенно утешала. Правда, отдых все-таки пошел Фродо на пользу: сил у него заметно прибыло, и теперь он надеялся выдержать дневной

переход. Сколько часов они спали, сказать никто из них не мог, и время дня определить было трудно. Перекусив и глотнув воды, друзья двинулись дальше. Разлом, которым они шли, вскоре привел их на крутую каменную осыпь. Здесь отказывались расти даже самые упрямые и жизнелюбивые растения: зазубренные вершины Моргайи были пусты и голы – ни кустика, ни былинки.

Потратив немало времени, хоббиты отыскивали место, где можно было подняться. Цепляясь за камни и подтягиваясь, шагов через сто они выбрались наконец наверх и обнаружили, что стоят в узкой щели между двух острых черных вершин. Протиснувшись в эту щель, Сэм и Фродо оказались лицом к лицу с Мордором. Внизу, в полутора тысячах локтей, лежала, теряясь в безликой мгле, внутренняя равнина. Ветер – почти единственное, что проникало сюда из мира живых, – гнал на восток поднявшиеся гораздо выше, чем прежде, огромные облака, но над тусклыми равнинами Горгорота царили все те же серые сумерки. Густой дым стелился над землей и залегал в низинах. Из трещин полз горячий пар.

Вдали – верстах в шестидесяти, а то и больше – глазам открывалась Гора Судьбы, высоко вздымавшаяся над пеплом и разорением окрестных земель. Исполинский конус уходил в поднебесье, дымящуюся вершину окутывало облако. Пламя погасло, но дремлющее чудовище по-прежнему таило угрозу, и сон его был чуток. За Ородруином стояла стена мрака, зловещая, как грозное облако: то были завесы тени, окружавшие Барад-дур, замок, возвышавшийся на длинном, вытянутом к северу отроге далеких Пепельных Гор. Властелин Тьмы был погружен в глубокую думу, и Глаз его, на время оставив внешний мир, обратился внутрь; сейчас только одно занимало Черного Повелителя, наполняя сомнением и страхом, – сверкающий меч и суровый царственный лик, явившиеся ему в Зрячем Кристалле. Огромная черная крепость со всеми ее башнями, воротами и бастионами окуталась тяжелой мглой.

Фродо и Сэм смотрели на ненавистный край с отвращением и трепетом. Меж ними и дымящейся горой лежала выжженная, изуродованная земля, превращенная в пустыню, преданная медленной смерти. Невольно возникал вопрос: как удастся Властелину Мордора кормить и содержать такое количество рабов и армий? Ведь он располагал не одной армией, но многими. Сколько хватало взгляда, у

подножий Моргайи и дальше, к югу, раскинулись военные лагеря – одни палаточные, другие наподобие небольших городков. Самый большой находился прямо перед тем местом, где стояли Фродо и Сэм, в каких-нибудь полутора верстах от подножия. Больше всего этот лагерь походил на огромное гнездо, кишачье какими-то черными насекомыми, которые копошились на прямых, наводящих тоску улицах и возле длинных, низких прямоугольных построек. По широкой дороге, ведущей из городка к Моргульскому Тракту, сновали туда-сюда черные фигурки.

– Не по душе мне все это, – подытожил Сэм. – Никакой надежды прорваться. Зато внизу наверняка полно воды, раз там такая уйма народу. О еде уж и не говорю. Тем более что там живут люди, а не орки, если только меня глаза не подводят.

Сэм и Фродо слыхом не слыхивали про обширные поля, возделываемые рабами Мордора к югу от Моргайи, вдали от ядовитых дымов Ородруина, по берегам темных, печальных вод озера Нурнен. Хоббиты не имели понятия и о том, как много стран платит дань Мордору и сколько тяжело нагруженных караванов с разнообразными дарами, одеждой и свежими рабами ежедневно входят в Мордор по торным дорогам, через широкие ворота, настежь открытые для них на юге и востоке. Ну а здесь, на севере, Черный Властелин, передвигая свои армии, как пешки на огромной шахматной доске, постепенно собирал их воедино. Первые, пробные бои на западе, юге и севере были проиграны, и Владыка Мордора временно отвел свои армии с поля битвы: он стягивал силы к ущелью Кирит Горгор, откуда планировал нанести ответный удар... Надо сказать, что, даже задайся он нарочно целью преградить всякий доступ к Огненной Горе, ничего удачнее измыслить было бы невозможно.

– Что ж, – продолжал Сэм. – Еды и питья у них, наверное, вдоволь – только не про нас! Тут нам не спуститься. К тому же ничего хорошего нас внизу не ждет. Они там кишмя кишат.

– Но попробовать надо, – обреченно возразил Фродо. – Я другого и не ждал. Мне никогда не верилось, что я доберусь до Горы, да и теперь не верится. Но я должен сделать все, что смогу. А это значит, что мне надо как можно дольше оставаться на свободе. Стало быть,

придется, скорее всего, пройти еще немного на север и посмотреть, что делается там, где равнина немного поуже.

– Я и так могу сказать, – пожал плечами Сэм. – Там, верно, орков и людей набито как сельдей в бочке. Вот увидите.

– Что ж! Доберемся – увижу, – заключил Фродо и повернулся, чтобы идти.

Вскоре хоббиты убедились, что пробираться по хребту Моргайи невозможно. Ничего даже отдаленно напоминающего тропку отыскать не удалось; в придачу оказалось, что дорогу то и дело пересекают глубокие расселины. В итоге пришлось вернуться и спуститься обратно по тому самому разлому, каким и поднимались. На тропу, правда, хоббиты выходить побоялись и решили пробираться вдоль склона, по камням. Проспотыкавшись так версты с полторы, они увидели наконец под нависавшим над дорогой утесом то самое орочье укрепление, о котором догадывались. Оно представляло собой стену и несколько каменных домиков, прилепившихся к скале рядом с черным зевом пещеры. Укрепление казалось покинутым, но хоббиты миновали его ползком, затаив дыхание, прячась за колючками, густо разросшимися по обе стороны высохшего ручья.

Версты через три, когда домики скрылись из виду и хоббиты почувствовали себя увереннее, на дороге внезапно послышались грубые, зычные орочьи голоса. Сэм и Фродо упали за первый попавшийся куст – бурый, тощий – и затаились. Голоса между тем приближались, и вскоре на дороге показались два орка. Один был в оборванной коричневой рубахе и штанах, с луком и стрелами за спиной, чернолицый, небольшого росточка, с широкими раздувающимися ноздрями; судя по всему, его делом было не драться, а вынюхивать и выслеживать. У другого орка – великана из бойцовского племени – на шлеме, как и у орков Шаграта, красовался знак Глаза. За спиной у этого громалы тоже висел лук, а в руке он сжимал короткое копье с плоским широким наконечником. Орки, по своему обычаю, ссорились и переругивались, только на этот раз на Общем Языке, – видимо, они происходили из разных племен.

Шагах в двадцати от места, где притаились хоббиты, меньший вдруг остановился.

– Баста! Я пошел домой, вон туда, – проворчал он и показал в сторону крепости. – Тьфу! Сколько можно тереться носом об эти камни? Говорю тебе – следов больше нету, ясно? А все из-за кого? Из-за тебя же! Надо было нам сразу в гору лезть, а ты меня понизу потащил. Теперь ищи-свищи!

– Не знаю, зачем вас только держат, нюхачей? – огрызнулся второй. – Глаза-то, они понадежнее будут, чем ваши сопливые носы!

– Ну вытаращил ты свои гляделки, и что толку? – фыркнул первый. – Тьфу! Ты даже не знаешь, кого искать-то надо!

– А кто виноват? – сплюнул второй. – Я, что ли? Этот приказ откуда-то сверху спустили. Такой переполох поднялся! Надо было найти эльфийского великана в какой-то блестящей кольчуге, и все тут. Вынь да положь! Потом – здрасьте, пожалуйста! – великана уже не надо, подавай какого-то карлика, вроде гнома. А в конце концов выяснилось, что шпионов вообще никаких не было, а кашу заварили бунтовщики из наших же, Урук-хаев. А может, они все разом тут бродят – и эльф, и гном, и мятежники. Так их и растак...

– Тьфу! Обалдели они там наверху, что ли? – возмутился маленький. – Так они скоро не только голову, а и шкуру потеряют! Слыхал, кстати, что говорят? На Башню-то враги напали! Ваших уложили всех до одного, а пленника свистнули... Если вас, вояк, и в бою так лупят, нечего удивляться, что мы проигрываем!

– Эт-то кто тебе сказал, что мы проигрываем?! – взревел огромный.

– Тьфу! А кто тебе сказал, что это не так?

– Это клевета, которую распространяют грязные бунтовщики, ясно? – зарычал, брызгая слюной, большой орк. – Если ты не заткнешь хлебало, я тебя в два счета прирежу – понял?

– Ну ладно, ладно... Молчу! Но думать мне никто не запретит... Слушай, а при чем тут этот черный мозгляк? Ну, губошлеп-то?

– А кто его разберет! Может, и вовсе ни при чем. Только ничего хорошего он не замышляет. На кой ляд он тут шастает? Чтоб ему сдохнуть! Только он ускользнул, и вдруг приказ: брать его живым, да поскорее...

– Ну, будем надеяться, его поймают – и в мясорубку, как обычно, – сплюнул сквозь зубы маленький. – Спутал мне все следы, паскуда

этакая! Сначала кольчугу обшлюнил, потом обшлепал все вокруг, а я разнюхивай!..

– Если бы он не спутал следов, живым ему не уйти, – гоготнул боевой орк. – Когда я еще не знал приказа, я в него стрельнул сдуру, шагов с пятидесяти, прямо в спину. Обычно это для меня чепуха! Но он увернулся и – деру.

– Тьфу! – снова сплюнул первый. – Значит, это ты его упустил? Ну дела! С пятидесяти шагов не попал! Сначала он мажет, потом тащится нога за ногу, а бедные нюхачи отдувайся! Я, знаешь, сыт по горло. У меня это все вот где сидит!

С этими словами он повернулся и вразвалочку направился обратно, вниз по тропе.

– Ку-да? Стой! – заорал боевой орк. – Вот пойду сейчас и донесу на тебя!

– Кому? – огрызнулся разведчик, не останавливаясь. – Своему драгоценному начальнику? Успокойся! Припух твой Шагратик. Кончилось его времечко.

– Я сообщу твоё имя и номер Назгулу, – оскалился большой орк, понизив голос до шепота. – Теперь крепостью командует один из их шатии. Понятно?

Меньший орк остановился. Голос у него задрожал от злобы и страха.

– Сволочь! Доносчик! Гад поганый! – заорал он, срываясь на визг. – Испортил дело и на своих же, значит, бочку катишь? Ну и проваливай к своим вонючим крикунам! Они тебе кровушку-то приморозят! Если только им самим раньше времени руки-ноги не оборвут! Главного уже прикончили, я сам слышал!

Большой орк бросился на маленького с копьем, думая пригвоздить его к земле, но орк-ищейка, метнувшись за камень, ловко пустил великану стрелу в глаз. Тот рухнул, а маленький орк помчался назад по тропе и скрылся из виду.

Некоторое время хоббиты сидели молча. Первым опомнился Сэм.

– Однако! – протянул он. – Если в Мордоре у всех промеж собой такая милая дружба, наше дело несколько упрощается!

– Тише, Сэм, – шепнул ему на ухо Фродо. – Поблизости могут быть еще орки. Мы были на волосок от гибели! Они, оказывается, нам

на пятки наступают, а мы-то думали, что провели их! А вообще, Сэм, ты прав. Вражда – это суть Мордора. Ею тут все насквозь пропитано. Но, если верить легендам, орки всегда так себя вели, даже когда жили на воле, племенами. И нам это не поможет. Чем сильнее они ненавидят друг друга, тем пуще ненавидят нас. Если бы эти двое нас увидели, они бы тут же забыли про свою ссору и не вспомнили о ней, пока не разорвали бы нас на части.

Хоббиты снова надолго замолчали. Наконец Сэм заговорил опять, на этот раз тоже шепотом:

– Господин Фродо, какого это они «мозгляка» поминали, а? Говорил я вам, что Голлум спасся!

– Да, помню. Как же ты угадал?.. Ну ладно! До вечера нам пожалуй, лучше здесь посидеть. Давай обождем, пока не стемнеет, а ты мне тем временем расскажешь, что без меня происходило на перевале. Только, будь добр, шепотом!

– Попробую, – согласился Сэм. – Но не обещаю. Как вспомню про нашего дружка, так кричать готов от злости, ей-же-ей!

Они поудобнее уселись под колючим кустом и приготовились терпеливо ждать, пока тоскливые мордорские сумерки сменятся черной беззвездной ночью. За разговором время текло быстрее. Наклонившись к уху Фродо, Сэм поведал ему о своих приключениях и рассказал все, что только мог облечь в слова. Лишь теперь Фродо узнал о предательском нападении, о страшной битве с Шелоб и о том, как его, бесчувственного, похитили орки. Когда Сэм закончил, Фродо не сказал ничего – только взял руку Сэма и крепко сжал ее. Затем он встал.

– Не пора ли в путь? – спросил он. – Интересно, долго ли мы продержимся, прежде чем нас схватят по-настоящему? Столько прятаться – и вдруг всему конец и все, оказывается, было без толку!.. – Он вздохнул и добавил: – Надо же! Такая темень, а скляницу вынимать нельзя! Оставь ее пока у себя, Сэм. До лучших времен. Мне ее и спрятать-то негде. Разве что в кулаке зажать... А мне нужны обе руки – надо ведь ощупывать дорогу. Что касается Жала, то забирай его насовсем. Мне хватит орочьего ятагана. Только я, наверное, никогда не пущу его в ход. Отвоевался...

Идти по бездорожью, да еще ночью, было и трудно, и опасно, но хоббиты все-таки брели вперед – медленно, спотыкаясь, но брели, час за часом, не делая привалов и стараясь держаться поближе к правому склону ущелья. Когда наконец в тусклом свете сильно запоздавшего серого утра над их головами проступили горные вершины, Сэм и Фродо спрятались в кустах и по очереди немного поспали. В часы бодрствования Сэм предавался серьезным размышлениям о еде. Когда Фродо, проснувшись, объявил, что не худо бы перекусить и приготовиться к новому переходу, Сэм задал вопрос, который тревожил его особенно сильно:

– Извините, господин Фродо, что я вас спрашиваю, только имеете ли вы представление – далеко нам еще идти или нет?

– Самое приблизительное, – сознался Фродо. – В Ривенделле, когда мы готовились к походу, мне показывали много карт, и в том числе карту Мордора, которую, правда, нарисовали до того, как Враг сюда вернулся. Я ее вообще-то плохо помню, но дальше к северу есть место, где встречаются два хребта, северный и западный. Оттуда до моста, что у крепости, должно быть лиг около двадцати. Наверное, там можно будет свернуть. Но если мы туда доберемся, то окажемся верст на сто дальше от Горы, чем вначале. Сейчас мы прошли примерно двенадцать лиг. Значит, даже если нам повезет, идти остается самое меньшее неделю. Но я боюсь, Сэм, что буду ползти как черепаха: ноша-то моя, наверное, станет еще тяжелее...

Сэм почесал в затылке:

– Вот-вот, и я о том же... В общем, дела такие. Если забыть о воде и не беречь больше эту рану, то запасов хватит, но придется потуже затянуть пояса или идти быстрее, во всяком случае, пока мы не выбрались из ущелья. По-настоящему поесть мы сможем только один раз, а потом все, одни «подорожники» останутся.

– Я постараюсь прибавить шаг, Сэм, – покорно ответил Фродо и глубоко вздохнул. – Ну что ж, вперед! Еще один рывок!

Стемнело еще не вполне. Но хоббиты все равно двинулись в путь – навстречу ночи. Час проходил за часом; Сэм и Фродо устало брели среди камней, почти не делая привалов, а если и присаживались отдохнуть, то совсем ненадолго. Как только плотные складки небесного занавеса тронул первый тусклый отсвет утра, хоббиты снова

спрятались; на этот раз их приютила темная яма, защищенная нависавшим над ней камнем.

Рассветало медленно, однако наступивший день снова оказался светлее, чем предыдущий. Сильный западный ветер гнал мордорские дымы прочь из поднебесья.

Прошло немного времени, и хоббиты смогли наконец по-настоящему осмотреться. Ущелье, тянувшееся между главным хребтом и Моргайей, постепенно сужалось и становилось мельче. От внутреннего хребта осталось всего ничего – так, невысокий уступ на крутых склонах Эфел Дуата; правда, с востока Моргайя обрывалась к плато Горгорот все так же отвесно. Русло высохшего ручья терялось среди камней; поперек ущелья, словно крепостная стена, вздымалась голая продолговатая скала. Навстречу ей протягивал длинную зубчатую руку северный хребет – серый, мгlistый Эред Литуи. Между отрогами оставался узкий зазор. Это и был Карах Ангрен – он же Исенмут, или Железная Пасть. За ним крылась глубокая долина Удун, изрытая подземными ходами и галереями, которые вели в оружейни. Все это было построено рабами Мордора для защиты Черных Ворот.

Именно здесь, в долине Удун, Властелин Тьмы спешно собирал огромные силы, чтобы достойно встретить войско Королей Запада. На сходящихся отрогах высились крепости и башни, пылали сигнальные костры; сам же проход Карах Ангрен был перегорожен земляным валом, вдоль которого тянулся глубокий ров. Пересечь этот ров можно было только по единственному мосту.

В нескольких верстах от конца Моргайского ущелья, в том месте, где начинался тянувшийся к Исенмуту отрог, стоял старинный замок Дуртанг⁵⁹³, превращенный в орочью крепость – одну из нескольких крепостей, окружавших долину Удун. В свете утра можно было разглядеть бегущую от стен Дуртанга дорогу. Версты через три от крепости дорога эта выгибалась к востоку и по вырубленному в склоне горы каменному карнизу шла вниз, на плато, где сворачивала к Железной Пасте.

Хоббиты поняли, что, похоже, все их старания пропали впустую. Справа раскинулась мрачная, подернутая дымом долина; на ней, правда, не заметно было ни движущихся войск, ни военных лагерей, но за всеми этими землями неусыпно наблюдали с укреплений Карах Ангрена.

– Мы в тупике, Сэм, – вздохнул Фродо. – Еще немного, и мы угодим в орочью крепость. Если решимся спускаться – придется выходить на дорогу. А не решимся – надо поворачивать назад. В горы соваться нечего. И с обрыва нам не слезть.

– Значит, надо выходить на дорогу, – постановил Сэм. – Рискнем, господин Фродо! Попробуем счастья, если счастье тут существует! Нам теперь все одно – что сдать, что лезть в горы, что обратно идти. Все равно еды надолго не хватит. Побежали-ка лучше вперед!

– Хорошо, Сэм, – ответил Фродо. – Веди, если надеешься! У меня уже никакой надежды не осталось. Только бежать я не смогу. Иди вперед, а я как-нибудь потащусь следом.

– Если вы не перекусите и не вздремнете, то далеко не «протащитесь», господин Фродо. Устраивайтесь поудобнее и начинайте!

Сэм напоил Фродо, дал ему лишний кусок *лембаса*, сложил свой плащ вчетверо и сунул его под голову хозяину. Фродо не спорил – на это сил у него уже не было. Сэм не стал говорить хозяину, что тот допил последнюю каплю воды и съел вместе со своей долей *лембаса* еще и долю Сэма. Когда Фродо уснул, Сэм наклонился над ним, прислушался к его дыханию и внимательно посмотрел на хозяина. Щеки у Фродо впали, кожа плотно обтянула скулы – но во сне лицо его казалось спокойным, даже довольным. Тень страха улетучилась.

– Ну ладушки, – пробормотал Сэм. – А теперь надо мне вас ненадолго оставить, хозяин. Пойду попытаю удачи. Дело такое. Или мы отыщем воду, или вообще никогда не дойдем до цели...

Он встал и осторожно – для хоббита, пожалуй, даже слишком осторожно – спустился, прыгая с камня на камень, к руслу высохшего ручья и поспешил по нему вверх, надеясь отыскать место, где, возможно, пенится когда-то водопадик брызжущего из камней источника. Все вокруг казалось сухим и безмолвным. Но Сэм не желал сдаваться. Он остановился, прислушался, и – о радость! – до его ушей донеслось приглушенное журчание. Он поспешил наверх и наткнулся на тоненький ручеек, стекавший в маленькое углубление, откуда темная вода переливалась под голые камни и пропадала.

Сэм попробовал воду: ничего, пить можно. Он припал к струе и утолил жажду, потом наполнил флягу и уже повернулся было, чтобы идти обратно, как вдруг краешком глаза заметил – как раз там, где

остался Фродо, – какое-то движение. Еле сдержав крик, Сэм кинулся вниз по камням, туда, где только что видел метнувшуюся в сторону тень. Незвестная тварь оказалась осторожной, и Сэм не успел рассмотреть ее как следует, но этого и не требовалось. С какой охотой он свернул бы ей шею! Но Голлум вовремя скользнул прочь, испугавшись шума. Сэму показалось, что над краем расселины мелькнула темная голова, но тут же исчезла.

«Ну что ж, вроде бы удача нам не изменила, – подумал Сэм. – А то еще чуть-чуть, и дело кончилось бы плохо. Мало нам орков, так еще этот прохвост за нами увязался! И как только лучников угораздило промахнуться?!»

Он опустился на камень рядом с Фродо, решив пока не будить хозяина, но вскоре почувствовал, что глаза у него слипаются и что больше ему не выдержать. Тогда он осторожно тронул Фродо за плечо.

– Боюсь, тут где-то рядом Голлум бродит, господин Фродо! – предупредил он. – А если это был не он, то их два. Я пошел поискать воды, возвращаюсь, и вдруг гляжу – ба! Так что нельзя нам теперь спать одновременно. А у меня – уж вы меня простите, хозяин, – совсем глаза закрываются.

– Сэм, радость моя, ну конечно! – ответил Фродо. – Ложись и отдыхай – теперь твоя очередь! Но, честно говоря, уж лучше Голлум, чем орки. По крайней мере Голлум нас не выдаст. Если только его самого не поймают.

– Чтобы обчистить нам карманы, а нас уколошить, ему, конечно, помощников не надо, – согласился Сэм. – Так что смотрите в оба, господин Фродо! Вот вам вода. Полная фляга. Можете ее всю выпить. Потом еще наберем...

И Сэм провалился в беспамятство.

Когда он проснулся, уже темнело. Фродо сидел, привалившись спиной к скале, и спал сном праведника. Фляга была пуста, о Голлуме – ни слуху ни духу.

Мордорская тьма вернулась. Красные сторожевые костры на вершинах ярко пылали. Начиналась последняя, самая опасная часть пути. Хоббиты пробрались к источнику, запаслись водой и, поминутно озираясь, вскарабкались вверх на дорогу. Они очутились как раз в том месте, где она поворачивала на восток, в сторону Исенмута, до

которого оставалось еще верст тридцать. Дорога оказалась довольно узкой, к тому же на ней не было никаких, даже самых маленьких, переице, хотя шла она над самой пропастью. Кроме того, обрыв становился все глубже и глубже. Хоббиты внимательно прислушались и, ничего особенного не услышав, быстро зашагали на восток.

Верст через пятнадцать они решили сделать небольшой привал. Дорога, обогнув выступ горы, повернула к северу. Миновав поворот, хоббиты перестали видеть, что делается позади. Это их и подвело. Отдохнув, они снова двинулись вперед, но не успели сделать и десяти шагов, как из-за поворота донесся тот самый звук, который они так боялись услышать: топот марширующей колонны. На камни упал отблеск факелов: войско было уже в какой-нибудь версте от поворота и быстро приближалось. Убегать было поздно, да и некуда.

– Этого я и боялся, Сэм, – вздохнул Фродо. – Мы поверили в удачу, а она изменила нам. Это ловушка.

Он в отчаянии взглянул вверх, на хмурую стену, вершина которой терялась во мраке. Древние строители не пожалели сил и труда, чтобы не оставить на скале ни единого выступа. Убедившись в этом, Фродо бросился к обрыву и заглянул в черную бездонную пропасть.

– Все! Мы в ловушке! – повторил он, опустил на камень у скалы и уронил голову на грудь.

– Похоже, что так, – почесал в затылке Сэм, махнул рукой и уселся рядом с Фродо, в тени утеса. – Ну что ж, посмотрим, чем это кончится!

Долго ждать не пришлось: орки шагали быстро. Колонна приближалась; в темноте замелькали красные огоньки и стали расти на глазах. В первых шеренгах горели факелы.

Сэм тоже опустил голову, надеясь, что орки не разглядят его лица. Вдобавок он поставил стоймя щиты, прикрывая ноги себе и хозяину.

«Кажется, они спешат. Может, им некогда будет с нами возиться? Подумаешь, парочка усталых солдат...» – со слабой надеждой подумал Сэм.

Поначалу было похоже, что так и случится. Первые орки пронесли мимо большими скачками, задыхаясь, не глядя по сторонам. Это был отряд малорослых, слабых солдат, которых гнали воевать за Черного Властелина против их желания; они думали только об одном – как бы поскорее добраться до цели и не попасть под кнут.

Вдоль колонны, щелкая бичами и покрикивая, бегали два огромных свирепых орка, по виду из Уруков. Войско шеренга за шеренгой шло мимо хоббитов, и сигнальные факелы уже маячили далеко впереди. Сэм затаил дыхание. Вот уже добрых полколонны миновало... Но тут взгляд одного из надсмотрщиков упал на две скорчившиеся у обочины фигурки. Орк замахнулся бичом и крикнул:

– Встать! Живо!

Хоббиты не ответили. Рывкнув что-то, орк остановил колонну.

– Давайте, ублюдки! Пошевеливайтесь! Нашли время дрыхнуть!

Он шагнул к ним и вдруг увидел гербы на щитах.

– Ага! Дезертируем? – заорал он. – Или только еще намылились? Ваши вчера вечером должны были быть в Удуне все до единого! И вы это отлично знаете. А ну-ка, марш в строй! Иначе ваши номера пойдут куда следует...

Сэм и Фродо, делая вид, что у них стерты ноги, заковыляли в последнюю шеренгу.

– Куда?! – прорычал орк. – Тремя рядами ближе! И не вздумайте слинять, а то отведаете вот этого!

Над головами хоббитов просвистел длинный бич. Надсмотрщик снова оглушительно рывкнул, еще разок щелкнул бичом – и быстро, чуть ли не бегом колонна двинулась дальше.

Несчастный Сэм, накопивший усталости за долгие дни пути, еле поспевал за орками. Что касается Фродо, то для него этот марш сразу стал настоящей пыткой, быстро переросшей в кошмар. Он стискивал зубы и пытался ни о чем не думать. В нос шибало запахом орочьего пота. Невыносимо хотелось пить. Вперед, вперед, вперед! Легкие отказывались дышать, ноги – двигаться, но ради чего он так надрывался, что ждало их впереди? Об этом он не смел и загадывать. Надежды сбежать не было никакой. Погонщик запомнил их и часто навевался в хвост колонны, чтобы лишний раз поглумиться.

– А ну, поднажми! – гоготал он, щелкая бичом рядом с ними. – Небось где кнут, там и силушка найдется! Живей, ублюдки! Я бы вас освежил чуток, да вам и без меня скоро всыпят горяченьких. Там лучше знают, сколько может снести ваша шкура, прежде чем лопнет. Эх, и наддадут же вам за опоздание! Сразу очухаетесь! Вы что, не знали, что война идет?

Так они пробежали верст с шесть-семь, пока не начался длинный, пологий спуск. Фродо терял последние силы. Воля его ослабела, он пошатывался и спотыкался. Сэм, близкий к отчаянию, поддерживал его, как мог, не давая упасть, но и сам еле стоял на ногах. Конец мог наступить в любую минуту. Стоит Фродо потерять сознание – и все откроется! Неужели все труды и мучения были напрасны?

«Ну, что бы ни случилось, а с этим громилой-надсмотрщиком я еще поговорю по душам», – подумал Сэм.

Он потянулся было к мечу – но тут произошло нечто непредвиденное.

Дорога вышла на равнину и приближалась ко входу в Удун. Впереди, недалеко от моста, соединялось сразу несколько торных путей – в том числе один с юга и один со стороны Барад-дура. Войска стягивались к Удуну по всем дорогам, ибо армия Западных Королей уже выступила в поход и Властелин Тьмы спешно собирал силы, чтобы встретить ее достойно.

И вот в кромешном мраке перекрестка вдали от сигнальных костров сшиблось сразу несколько отрядов, подошедших одновременно. Начались толкотня и ругань; орки отпихивали друг друга, каждый старался пройти на мост первым и скорее закончить утомительный поход. Погонщики орали во всю глотку, хлестали бичами направо и налево – все напрасно: в ход пошли кулаки, а там и сабли. Как следует поднажав, вооруженные до зубов Урук-хаи смяли колонну, в которой шли Сэм и Фродо. Под мощным напором ряды незадачливых дуртангцев смешались.

Сэм, как ни выбился он из сил, тут же смекнул, что к чему: не теряя ни секунды, он бросился на землю, увлекая за собой Фродо. Орки, бранясь на чем свет стоит, попадали сверху. Работая локтями, хоббиты помаленьку выбрались из-под груды тел и, никем не замеченные, перевалились через высокую, выложенную камнями обочину, предназначенную для того, чтобы командиры отрядов могли ориентироваться темной ночью или в тумане.

Сперва хоббиты лежали не шевелясь. Вокруг было слишком темно, чтобы искать укрытие, да и вряд ли удалось бы его найти. Но Сэм нутром чувствовал, что отползти подальше от дороги, а главное, от факелов, все-таки стоит.

– Еще чуток, господин Фродо! – зашептал он. – Еще чуток в сторону, а там можно будет и отлежаться!

Напрягая последние силы, Фродо приподнялся на локтях и отполз шагов на двадцать. Вдруг на его пути оказалась неглубокая канава; он покатился на дно и остался лежать там, как мертвый.

Глава третья

Гора Судьбы

Сэм подложил растрепанную орочью накидку под голову Фродо и накрыл себя и хозяина серым лориэнским плащом. Мысли его вернулись в Золотой Лес, и он от души понадеялся, что сотканный руками эльфов покров каким-нибудь чудом спрячет их от врагов, хотя в этой страшной пустыне уповать на спасение почти не приходилось. Крики и ругань мало-помалу стихли; видимо, орки прошли в Исенмут и скрылись за воротами. Похоже было, что в общей сумятице и неразберихе двух солдат-дезертиров так и не хватились.

Сэм пригубил воды из фляги, заставил Фродо напиться и, когда тот немного пришел в себя, настоял, чтобы Фродо съел целый хлебец. Потом, от усталости не чувствуя уже никакого страха, оба растянулись на голых камнях и задремали. Сон их был беспокойным, оба то и дело просыпались – лежать было неудобно, к тому же взмокшие во время марша хоббиты теперь быстро продрогли: от Черных Ворот, из ущелья Кирит Горгор⁵⁹⁴, дул, шурша пылью, холодный ветер.

Утром над равниной снова разлился серый полусвет. В поднебесье все еще не утих ветер с запада, но внизу, на угрюмых камнях Черной Страны, воздух был мертв, холоден и, несмотря на холод, казался каким-то застоявшимся. Сэм осторожно выглянул из канавки. Вокруг расстилалась тоскливая, плоская равнина, подернутая сизо-бурым налетом. На дорогах, сколько видел глаз, было пусто, но Сэм опасался бдительности Исенмута, темневшего всего в какой-нибудь полуверсте от них. В противоположной стороне маячила далекая Гора, казавшаяся исполинской стоячей тенью. Вершина Горы слегка курилась; часть дыма сносило на восток, часть клубами ползла вниз по склонам и растекалась над плато. В нескольких верстах к северу унылыми серыми привидениями круглились предгорья

Пепельных Гор, а за ними, как далекая облачная гряда, маячили туманные северные вершины, почти слившиеся с низким небосводом.

Сэм попытался прикинуть расстояние и сообразить, как лучше идти.

– До Горы не меньше семидесяти верст, – пробормотал он мрачно. – Не так уж и много. Но господин Фродо, наверное, и за неделю не дойдет, уж больно слаб...

Сэм покачал головой; и вдруг, среди прочих, в голову ему закралась особенно мрачная мысль. В стойком сердце Сэма надежда никогда не угасала до конца, и даже здесь, в Мордоре, он иногда подумывал о том, как они будут возвращаться. Горькая правда по-настоящему дошла до него только сейчас: еды-то хватит только на то, чтобы добраться до цели! А когда дело будет сделано, наступит жестокий конец. Они останутся одни в этой ужасной пустыне, без надежды на помощь, без крова и пищи. Обратного пути не будет.

«Вот, оказывается, к чему я готовился, – подумал Сэм. – Помогать хозяину до последнего, а потом умереть с ним рядом... Ну что ж! Дело на то и дело, чтобы его делать. Я бы, правда, не прочь был еще разок повидать Приречье и Розы Хижинс⁵⁹⁵, и ее братцев, и Старикана, и Календулу⁵⁹⁶, и вообще... Но с другой стороны, не будь у нас надежды вернуться, Гэндальф не послал бы господина Фродо в такое путешествие, правда ведь не послал бы?.. Эх! Все-то у нас разладилось, когда он погиб в Мории! И почему только он не спасся? Уж он бы что-нибудь да придумал!»

И все же теперь, когда надежда в его сердце наконец угасла или, может, притворилась, что угасла, – Сэм неожиданно обнаружил в себе новые силы. Его простое хоббичье лицо внезапно посуровело, между бровей легла жесткая складка, воля в одночасье сделалась крепче стали; по всему его телу прошла легкая дрожь, будто он мгновенно превратился в совсем другое существо. Теперь его не сломить уже было ни отчаянию, ни усталости, ни бесконечным верстам пути по камням и бездорожью.

Ощущая в себе новую ответственность за исход Дела, он огляделся, чтобы наметить следующий шаг. Стало немного светлее, и Сэм с удивлением заметил, что плато Горгорот, казавшееся прежде таким ровным и однообразным, на самом деле сплошь изрыто и разворочено. Земля до самого горизонта испещрена была глубокими

ямами, словно когда-то это место представляло из себя озеро мягкой грязи, в которое, прежде чем грязь успела высохнуть, обрушился град валунов и громадных скальных обломков. По краям самых широких впадин громоздились кучи щебня, от самих впадин в разные стороны разбегались трещины. В этом хаосе можно было идти совершенно спокойно, перебегая от укрытия к укрытию и не опасаясь, что тебя увидят. Будь у хоббитов силы и время, они так и поступили бы. Но измученным, выдохшимся путникам изъязвленная долина не сулила ничего, кроме новых трудностей.

Размышляя об этом, Сэм повернулся к хозяину. Расталкивать его не пришлось: Фродо лежал с открытыми глазами, глядя в серое, затянутое тучами небо.

– Ну вот, господин Фродо, – сказал Сэм. – Я тут выглянул, осмотрелся и обмозговал положение. На дорогах пусто. Надо идти, а то опоздаем. Сдюжите?

– Попробую, – ответил Фродо. – Должен.

И они снова пустились в путь, переползая от воронки к воронке, хоронясь за каждым камнем, стараясь не петлять и продвигаться приблизительно в направлении Пепельных Гор, держась ближайшей дороги, которая уходила в маячившие на горизонте предхолмия, окутанные непроницаемой мглой. Серая ровная полоса дороги была пуста: орочьи полки уже почти все собрались в долине Удун, а кроме того, Черный Властелин даже в пределах собственных владений предпочитал на этот раз передвигать войска под прикрытием ночи, не доверяя ветрам, что ополчились против него и разогнали дымные покровы тьмы. К тому же державного Властителя порядком беспокоили слухи о каких-то подозрительно дерзких лазутчиках, проникших за границу его владений.

Несколько верст бездорожья вымотали из хоббитов всю душу. Наконец пришлось сделать привал. Фродо хватал воздух раскрытым ртом. Понятно было, что так, ползком и внаклонку, то черепашьям шагом, то короткими перебежками, они далеко не уйдут, тем более что приходилось непрерывно высматривать, где безопаснее, и в итоге опять и опять отклоняться в сторону.

– Я бы вышел на дорогу, господин Фродо, и двигался по ней, пока не стемнеет, – предложил Сэм. – Положимся еще разок на удачу! Она,

правда, нас подвела давеча, но ведь мы живы, разве нет? Пройдем еще с десяток верст хорошим шагом, а там можно будет и отдохнуть.

Рисковали они гораздо больше, чем казалось Сэму, но Фродо, которого терзала роковая ноша, занимая все его мысли и вынуждая к непрестанному спору с самим собой, покорно согласился. Они выбрались к насыпи и, вскарабкавшись по ней, вступили на твердую, ухоженную дорогу, что вела напрямик к Черной Башне. Однако на сей раз счастье им не изменило и до самого вечера они так никого и не повстречали, а с наступлением ночи фигурки путников растворились в непроницаемой мордорской тьме. Все кругом затихло, словно перед великой грозой. К вечеру этого дня Западные Короли покинули Перепутье и подожгли мертвые луга Имлад Моргула.

Отчаянный поход продолжался. Кольцо двигалось к югу; знамена Королей вершили свой путь на север. Каждый новый день, каждая пройденная верста оборачивалась для хоббитов новой пыткой – силы их быстро убывали, а земля вокруг все явственнее несла на себе печать зла. Днем Сэм и Фродо не встречали на дорогах никого, ночью же, засыпая тревожным сном в какой-нибудь придорожной ямине, не раз пробуждались от криков, шума, топота множества ног или торопливого перестука копыт – словно по тракту мчалась безжалостно погоняемая ездоком лошадь. Но не так страшны были эти ночные опасности, как невыразимая угроза впереди, приближающаяся с каждым шагом. Верховный Владыка Мордора, погруженный в глубокую думу, полный бессонной злобы, ждал, окружив себя плотной завесой мрака. Все ближе и ближе подходили хоббиты к этой мрачной стене, все чернее и чернее казалась мгла впереди – словно то была не просто дымка, а самое Ночь, залегшая здесь в ожидании конца мира, последнего, бесповоротного конца.

Наступил мрачный, полный жути вечер. В то самое время, когда Западные Короли вступили на границу живых и мертвых земель, для двоих путников настал час беспросветного отчаяния. Минуло уже четыре дня с той ночи, когда они ускользнули от орков, – но дни и ночи слились для хоббитов в один тяжелый, беспробудный кошмар. Теперь Фродо шел молча, низко опустив голову, то и дело спотыкаясь, ничего перед собой не видя. Сэм догадывался, что из них двоих хуже приходится хозяину. Кольцо становилось все тяжелее. Оно пригибало к земле плечи Фродо и жгло его разум. Сэм с тревогой заметил, что

иногда хозяин судорожно поднимает левую руку, не то заслоняясь от кого-то, не то пытаясь защитить слепнущие глаза от ужасного взгляда из мглы. Время от времени правая рука Фродо потихоньку ползла к Кольцу, но в последний момент всегда отдергивалась, словно воля Фродо брала верх.

Когда настала ночь, Фродо опустил на землю, уткнул голову в колени и бессильно уронил руки. Пальцы его слабо сжимались и разжимались. Сэм смотрел на хозяина, пока сгустившийся мрак не скрыл их друг от друга. Слов утешения Сэм подыскать не смог и погрузился в собственные черные мысли. Сам он еще чувствовал в себе кое-какие силы, несмотря на усталость и тень страха, нависшую над ними обоими. Если бы не *лембас* и не его чудесные свойства, оба хоббита давно упали бы без сил и умерли⁵⁹⁷. Правда, хлебцы совсем не наполняли желудка, и втайне Сэм уже не раз предавался мечтам о еде, о простом ломте хлеба и о куске мяса, – но зато в эльфийских подорожниках таилась животворящая сила, которая теперь, когда путники не брали в рот ничего другого и полагались только на *лембасы*, сразу возросла. Она питала волю, придавала терпения и помогала держать в повиновении тело; только благодаря ей сносили они тяготы, непосильные для смертных... Итак, настало время принимать последнее решение. Идти дальше по дороге было нельзя – она вела на восток, в сердцевину Тьмы, оставляя Гору по правую руку, почти точно на юге. Пора было сворачивать. Между хоббитами и подножием Горы лежала широкая, засыпанная пеплом и камнями, кое-где дымящаяся полоса земли.

– Пить! Пить! – пробормотал Сэм.

Он давно уже отказывал себе в воде, и язык в его пересохшем рту распух от жажды – но, несмотря на все старания, воды остались считанные капли, а впереди, возможно, было еще несколько дней пути! Фляга опустела бы уже давным-давно, не догадайся они пойти по орочьей дороге: у обочины изредка попадались хранилища воды, предназначенные для войск, в спешке перегоняемых через пустыню. В одном из таких вместилищ Сэму посчастливилось найти немного воды, которой как раз хватило наполнить флягу. Вода была тухлая, изрядно загрязненная, но для такого отчаянного случая годилась вполне. Правда, с тех пор прошли уже почти сутки. Больше на такое надеяться не приходилось...

Устав от тревожных раздумий, Сэм задремал, решив, что утро вечера мудренее. Сон и явь смешались. Хоббиту чудилось, будто во тьме горят чьи-то жадные глаза, казалось, будто к хозяину крадутся, припадая к земле, хищные черные тени. Среди камней рыскало зверье, до слуха доносились жуткие стоны съдаемых заживо – но, просыпаясь в холодном поту, Сэм не видел вокруг ровным счетом ничего подозрительного. Всюду по-прежнему царили тьма и пустынная тишина. Только однажды, вскочив и ошалело оглядевшись, Сэм приметил неподалеку два бледных огня, которые при желании можно было бы принять за глаза. Но огни мигнули – и сразу же погасли.

Ненавистная ночь отступала медленно и словно бы нехотя. Настоящего рассвета не последовало: здесь, близ Огненной Горы, мгла не рассеивалась никогда, ибо от крепости Саурана по равнине ползли мрачные туманы, которыми окружил свой замок Властелин этого черного края. Фродо лежал на спине без движения. Сэму совсем не хотелось будить хозяина, но он знал, что вся ответственность теперь на нем: он должен был укрепить волю Фродо, понудить его сделать еще одно усилие. Нагнувшись к хозяину, Сэм погладил его по голове и прошептал:

– Хозяин, подымайтесь! Нам пора идти дальше!

Фродо мгновенно вскочил, словно разбуженный внезапным ударом колокола, и обернулся к цели – но, увидев Гору и смерив взглядом лежащую между ним и нею пустыню, снова поник.

– Я больше не могу, Сэм, – сказал он тихо. — *Оно* слишком тяжелое. Ты даже представить себе не можешь, какое *Оно* тяжелое!

Сэм знал, что, как всегда, скажет что-нибудь не то, и ясно отдавал себе отчет, что его слова могут только повредить хозяину, – но ему было так жаль Фродо, что он не смог сдержаться и предложил:

– Дайте я *Его* немного понесу вместо вас, хозяин. Вы же знаете, я всегда вам помогу с радостью, были бы силы.

Глаза Фродо бешено сверкнули.

– Отойди! Не прикасайся ко мне! – отпрянул он. — *Оно* мое, слышишь? Прочь!

Рука его потянулась к рукояти меча, но тут же отдернулась, и голос Фродо снова изменился.

– Нет, Сэм! – сказал он с печалью. – Ты должен понять. Это бремя возложено на меня. Никому другому его не снести. Слишком поздно! Теперь ты мне уже не поможешь, Сэм, дорогой мой Сэм! Оно завладело мной почти без остатка. Я никому не могу *Его* отдать. А если ты вздумаешь отнять *Его* силой, я впаду в бешенство или сойду с ума⁵⁹⁸.

Сэм кивнул.

– Понимаю, – сказал он. – Но вот что я подумал, господин Фродо. Мы ведь вполне можем кое от чего избавиться, чтобы не тащить лишнего груза. Почему бы и нет? Ведь теперь мы пойдем напрямик к цели! – Он показал на Гору. – Зачем брать с собой то, что больше не понадобится?

Фродо снова оглянулся.

– Ты прав, – согласился он. – Нам на этом пути мало что будет нужно. А в конце – и вовсе ничего...

Он поднял с земли орочий щит и отшвырнул подальше. За щитом последовал шлем. Затем Фродо скинул эльфийский плащ, расстегнул тяжелый пояс и бросил его на землю вместе с кинжалом и ножнами. Черную орочью накидку Фродо разорвал на лоскуты и разбросал их по сторонам.

– Все! Я больше не орк! – оповестил он. – Отныне я отказываюсь от всякого оружия – благородного, подлого, всякого. Схватят так схватят!

Сэм последовал примеру Фродо. Скинув орочье тряпье, он полез в мешок и вывалил на землю все свое барахлишко. Он крепко сроднился с ним за время пути – сколько превратностей судьбы претерпело оно вместе с ним! Особенно восстала душа Сэма против разлуки с посудой. Когда он отшвырнул котелки, в глазах у него стояли слезы.

– Помните тушеного кролика, хозяин? – обернулся он к Фродо. – И те папоротники под горой, где мы Фарамира повстречали? Ну, олифана-то я там еще сподобился увидеть, помните?

– Боюсь, что нет, Сэм, – вздохнул Фродо. – Не помню. То есть я знаю, что все это было когда-то, но глазами не вижу. Я все забыл. Забыл вкус еды, забыл прохладу ручейков, не помню, как шумит ветер, как выглядят деревья, цветы, звезды и месяц. Я остался один во мраке, Сэм, один-одинешенек. Стою голый, а перед глазами вертится огромное огненное колесо, и меня с ним ничто больше не разделяет. Я

теперь даже с открытыми глазами все время его вижу, а все остальное отступает и блекнет.

Сэм взял его руку и поцеловал.

– Чем скорее вы от него избавитесь, тем скорее отдохнете, господин Фродо, – сказал он неуверенно, не придумав ничего лучше.

«Разговорами тут не поможешь, – пробормотал он себе под нос и сгреб раскиданные вещи в кучу, рассудив, что просто так оставлять их нельзя. – Только Вонючку обрадуем. Нашел же он тогда орочью кольчугу, которую мы бросили! Не хватало еще, чтобы мы ему даровой меч преподнесли! Он и с голыми-то руками ого-го какой. И потом, нечего ему лапать мои кастрюльки!»

Он отнес ворох вещей и одежды к одной из множества трещин, что прорезали разохшуюся землю, и сбросил вниз.

Исчезая в темной глубине, бесценные котелки звякнули на прощание, и звон этот отдался в сердце Сэма похоронным колоколом...

Возвратившись к Фродо, Сэм отрезал от мотка кусочек эльфийской веревки и опоясал им хозяина поверх серого плаща. Остаток он заботливо свернул и уложил обратно в мешок. Кроме веревки, в мешке оставалось еще несколько эльфийских подорожников и фляга. Сэм получше закрепил у пояса Жало и нащупал в потайном кармане на груди скляницу Галадриэли, а рядом маленькую шкатулку, которую ему подарила Владычица.

Закончив сборы, Сэм и Фродо повернулись к Горе и зашагали по бездорожью, не помышляя больше ни о каком укрытии. Теперь их вела вперед только слабеющая воля. В тусклом полусвете мордорского дня даже здесь, в этой вечно бодрствующей стране, мало кто сумел бы заметить их, не столкнувшись с ними нос к носу. Из всех рабов Черного Властелина одни только Назгулы могли бы предупредить своего повелителя об опасности, прокрававшейся в самое сердце его столь тщательно охраняемых владений, – опасности едва заметной, но неумолимой и страшной. Однако черные крылья Назгулов кружили в другом небе, за пределами страны – они следили за армией Западных Королей, омрачая сердца воинов и полководцев зловещей тенью страха. Мысли Черного Замка были направлены сейчас только туда, и никуда больше.

В этот день Сэм заметил, что его хозяину лучше, – тот словно обрел новые силы. Это показалось Сэму странным. Ведь Фродо сбросил с плеч не так уж и много тяжестей! Но как бы то ни было, идти оказалось намного легче, чем предполагал Сэм, и до первого привала они успели одолеть гораздо большее расстояние, чем он смел надеяться. Путь по этим враждебным, исковерканным землям легким назвать было никак нельзя – и все же Гора заметно приблизилась. День шел к концу; тусклый свет скоро – увы, чересчур скоро – начал меркнуть. Фродо снова сгорбился и стал спотыкаться, словно последний рывок отнял у него все силы.

Когда хоббиты остановились, Фродо опустился на землю, пробормотал: «Пить, Сэм» – и замолчал. Сэм поднес к его губам флягу. Теперь воды осталось на один глоток, не больше. Сам он решил терпеть – но, как только над головой снова сомкнулась мордорская ночь, мысли о воде одолели его. Он снова и снова вспоминал все реки и ручьи, какие только встречались ему в жизни. Он ясно видел, как поблескивает бегущая вода в зеленой тени ив, как она рябит и танцует на солнце к вящей муке ослепшего во мраке хоббита. Он чувствовал холодный влажный ил, щекочущий пальцы ног, и переносился мыслями на берег Приреченского Пруда, где когда-то не раз шлепал босиком по мелководью с Джолли Хижинсом, Томом и их сестренкой Розы.

«Это же сто лет назад было, – вздохнул он, когда поймал себя на этом, – да и Пруд страсть как далеко отсюда. Что ж – путь назад, если только он есть, лежит через Гору».

Спать он не мог и вместо этого вел сам с собой долгий спор. «Что ни говори, а нам удалось забраться дальше, чем мы могли надеяться, – утешал он сам себя. – Для начала очень даже недурно. Кажется, мы прошли уже больше половины пути. Еще денек, и мы у цели!»

Тут он осекся, прислушиваясь.

«Не будь олухом, Сэм Гэмги, – заговорил в нем какой-то голос, как две капли воды похожий на его собственный. – Еще денек такой прогулки, и Фродо больше не встанет. Правда, он и завтра может не встать... Да и сам ты недалеко уйдешь, если будешь отдавать ему почти весь *лембас* и всю воду».

«Ну, я-то еще продержусь чуток, я уж как-нибудь доберусь».

«Куда доберешься?»

«До Горы, а то куда же?»

«А потом, Сэм Гэмги? Что потом? Ну, поползешь ты до Горы, и что дальше? Ведь сам-то он уже ни на что способен не будет».

К своему отчаянию, Сэм ясно увидел, что на это ему ответить нечего. Он не особенно хорошо представлял себе, что будет дальше, а Фродо о своем поручении никогда подробно не рассказывал. Сэм знал только одно, и то без полной уверенности – что Кольцо надо тем или иным способом бросить в какой-то огонь. «Трещина Судьбы, – пробормотал он про себя, вспомнив забытое название. – Хозяин, может, и знает, как найти ее, но я-то нет!»

«Вот видишь, – подытожил внутренний собеседник. – Все напрасно! Хозяин тоже говорил, что все напрасно. Ты просто олух, вот и весь сказ. Надеешься, из кожи вон лезешь – тьфу, да и только! Если бы не твое ослиное упрямство, вы давно могли бы лечь в обнимочку под каким-нибудь камнем и мирно заснуть вечным сном. Вас, конечно, и теперь ждет то же самое, только еще помучиться придется. А то, может, не поздно еще? Лечь, плюнуть на все и не вставать больше. А? Все равно вам на вершину не вскарабкаться».

«Я не я буду, если не вскарабкаюсь, и точка! – перебил Сэм. – Пусть от меня один скелет останется, но до вершины я доберусь. И господина Фродо затащу, на своем горбу затащу, даже если у меня спина треснет и сердце разорвется, – ясно? Так что заткнись!»

В этот миг земля под хоббитом дрогнула, и он услышал – или, скорее, почувствовал, – как в глубине прокатился глухой гул, словно там, внизу, проснулся долго томившийся в заключении подземный гром. Облака озарились алым светом – и тут же вновь погасли. Гора тоже спала беспокойно.

Так начался последний переход, и оказался он поистине мучительным. Раньше Сэм никогда не поверил бы, что сможет вынести подобное испытание. Все тело у него ломило, а в горле было так сухо, что он не мог проглотить даже крошки. Утро на этот раз опять не наступило: все небо застилал дым Огненной Горы. К тому же над плато, похоже, собиралась гроза. Вдали, на юго-востоке, под угольно-черным небосводом, полыхали зарницы. Хуже всего дело обстояло с воздухом: в легкие с каждым вздохом проникал едкий дым, от которого сильно кружилась голова, так что хоббиты часто

спотыкались и даже иногда падали. Но воля их оставалась крепкой, и они брели вперед.

А Гора все приближалась, – и вот наконец, подняв отяжелевшие головы, хоббиты увидели прямо перед собой исполинское нагромождение пепла, шлака и обгоревших камней, откуда поднимались к облакам гладкие стены вулканического конуса. Прежде чем кончились долгие сумерки длиной в день и наступила ночь, хоббиты успели еще добраться, доползти, доковылять до подножия.

Фродо упал, задыхаясь. Сэм опустился на землю рядом с хозяином. К своему удивлению, он чувствовал, кроме усталости, какое-то странное облегчение, и мысли его прояснились. Спор с самим собой прекратился. Теперь Сэм наизусть знал все доводы отчаяния и не желал их слушать. Решение было принято; теперь Сэма могла остановить только смерть. Спать не хотелось – он чувствовал, что ему сейчас нужен не сон, а скорее напряженное бдение. Он знал, что все опасности вот-вот сойдутся в одной точке. Завтрашний день должен был подвести итог всему походу. Последний отчаянный бросок, победа или поражение, последний глоток воздуха – все завтра!

Но когда оно наступит, это завтра? Ночь казалась бесконечной; она словно выпала из времени. Минута за минутой умирали, не приближая следующего часа; ничто вокруг не менялось. Сэм даже забеспокоился – не настала ли в мире вторая Великая Тьма и придет ли когда-нибудь утро? Наконец он не выдержал и для спокойствия взял Фродо за руку. Рука была холодной и слегка подрагивала. Хозяина знобило.

– Фу ты пропасть, что ж это я одеяло-то выбросил, а? – пробормотал Сэм и, улегшись возле Фродо, обнял хозяина и попытался согреть теплом своего тела. Вскоре Сэма одолел сон, и тусклый рассвет последнего дня застал хоббитов спящими рука в руке. Утихший было ветер поднялся снова; теперь он, правда, сменил направление на северное и усилился. Свет невидимого солнца начинал постепенно просачиваться сквозь мглу, достигая Сэма и Фродо.

– Вперед! Последний глоточек воздуха! – провозгласил Сэм, через силу поднявшись с земли.

Он нагнулся над Фродо и ласково потряс его за плечо. Фродо застонал, собрал волю в кулак и, стиснув зубы, попробовал встать, но

упал на колени. С усилием подняв глаза на громоздящиеся перед ним черные склоны Огненной Горы, он пополз вперед на четвереньках. Смотреть на него было жалко.

Сэм готов был заплакать – но на сухих, воспаленных глазах не выступило ни слезинки.

«Я говорил, что понесу его на себе, и понесу, даже если спина треснет», – подумал хоббит.

– А ну-ка, полезайте ко мне на закорки, господин Фродо! – воскликнул он. – Кольцо я у вас забрать не могу, зато понести вас вместе с ним – это пара пустяков! Сэм вас покатает, дорогой хозяин! Только скажите ему, куда вас везти, и он довезет, будьте покойны!

Фродо слабо обнял Сэма за шею. Сэм подхватил его под коленки, исхитрился встать – и с изумлением обнаружил, что Фродо не такой уж и тяжелый! Он боялся, что и без Кольца-то слабó ему будет поднять хозяина, а тут еще это Сокровище, будь оно трижды проклято; но никакой особой тяжести он не почувствовал. Долгая ли дорога так изнурила Фродо, исхудал ли он от ран, паучьего яда, тревог и бесконечных скитаний, или, может, Сэму в этот последний миг были дарованы дополнительные силы – но Фродо показался ему не тяжелее хоббитенка, каких он частенько катал когда-то на закорках по лужайкам и покосам далекого Заселья. Он глубоко вдохнул и сделал первый шаг.

К подножию Сэм и Фродо подошли с севера, чуть-чуть отклонившись вправо. Здесь высокий серый склон казался сравнительно пологим, хотя и был сплошь завален щебнем и обломками валунов. Фродо молчал, и Сэм, отбросив сомнения, решил подниматься наобум, без дороги, пока не изменят воля и силы. Он шел, тяжело ступая, постоянно выискивая более пологое местечко и спотыкаясь, а под конец встал на четвереньки и пополз, как улитка с тяжелой ношей на спине. Когда же воля его иссякла, а тело перестало слушаться, Сэм остановился и бережно опустил Фродо на землю.

Тот открыл глаза и глубоко вздохнул. Здесь, на высоте, дышать было куда легче – дым из Горы полз вниз по склонам и плотным слоем окутывал подножие.

– Спасибо, Сэм, – хриплым шепотом выговорил Фродо. – Далеко еще?

– Понятия не имею, – отозвался Сэм. – Я и вообще не представляю, куда идти.

Он оглянулся, перевел взгляд наверх – и сам удивился тому, как высоко забрался. Издали Гора, одинокая и зловещая, казалась выше, чем на самом деле. Теперь Сэм видел, что по высоте она уступает даже перевалу, через который они с Фродо проникли в Мордор. Основание Горы расходилось в стороны изломанными, кривыми отрогами высотой каждый тысячи в три локтей; над основанием, всего лишь в половину его высоты, поднимался длинный конус, напоминавший печную трубу с зазубренными краями, – и все. Сэм и Фродо были уже на полпути к конусу, даже немного выше. Плато Горгорот расстилалось далеко внизу – тусклое, подернутое мглой и туманом. Сэм посмотрел вверх – и... вскрикнул бы от радости, если бы мог извлечь из пересохшей гортани хоть какой-нибудь звук. Среди бугров и глыб, то исчезая, то вновь появляясь, шла настоящая дорога! Она поднималась на Гору по западному отрогу и, змеей огибая тело Горы, исчезала из виду с другой стороны конуса.

Ближнего участка дороги Сэм видеть не мог – склон был слишком крут. Но он догадывался, что достаточно еще чуть-чуть поднажать – и они выберутся на эту дорогу, никуда ей не деться! К нему вернулась тень надежды.

«Словно кто нарочно для нас ее проложил, эту дорогу, – сказал он себе. – Не будь ее, оставалось бы только поднять руки и сдаться – и это в самом конце пути!»

Но строители дороги, разумеется, вовсе не имели в виду Сэма. Не ведая того, Сэм смотрел на Сауранову дорогу, соединявшую Барад-дур с Огненным Чертогом – Саммат Науром. Она начиналась от больших западных ворот Черного Замка, по железному мосту перебегала через бездонный крепостной ров и, выйдя на плато, около лиги шла меж двух дымящихся пропастей; затем начиналась длинная наклонная насыпь, по которой дорога поднималась на восточный склон Горы. Обвившись вокруг исполинского основания, дорога широкой спиралью восходила к вершинному конусу и, не доходя до курящегося кратера, ныряла в темную пещеру, нацеленную точно на восток, в то самое окно окутанной мглой крепости Врага, откуда вперялся в пространство Глаз Саурана. Извержения подземных печей, таившихся

внутри Горы, не раз погребали дорогу под слоем пепла и лавы, приводя ее в негодность, – но бесчисленные армии рабочих орков тут же снова расчищали ее и восстанавливали.

Сэм вздохнул всей грудью. Дорога-то отыскалась, да вот как к ней подобраться? Впрочем, сперва надо отдохнуть – спину у Сэма так и ломило. Он лег и вытянулся рядом с Фродо. Ни один не говорил ни слова. Вокруг мало-помалу становилось все светлее и светлее... Вдруг Сэма охватило и подтолкнуло вперед непонятное ему самому беспокойство – словно кто-то беззвучно звал его, тормоша за плечо: «Пора! Поднимайся, а не то опоздаешь!»

Собрав все силы, Сэм приподнялся. Фродо, по-видимому, тоже что-то почувствовал. Он с усилием встал на колени и выдохнул:

– Как-нибудь доползу.

Шаг за шагом, цепляясь за камни, Сэм и Фродо, как два серых муравья, вскарабкались на последнюю кучу щебня и наконец выбрались на дорогу – широкую, мощенную битым камнем и крепко утрамбованным шлаком. Фродо перешагнул через обочину, встал – и медленно, будто против воли, повернулся на восток. Вдали все так же неподвижно висели черные завесы вражьей мглы; но вдруг – то ли ветер дунул, то ли где-то там, в сердцевине мрака, что-то тревожно взметнулось или вздрогнуло – покровы свились и на мгновение рассеялись. Глазам Фродо предстали угольно-черные – чернее самой тьмы, окружавшей их, – иглы острых башенных шпилей и, на самом высоком из них, Железная Корона... На одно только мгновение показались они из мрака, но в это же самое мгновение из верхнего, неизмеримо высоко вознесшегося над равниной окна главной башни вырвалась красная молния, нацеленная на север. Это был он – всепроницающий взгляд Красного Ока! Но страшное видение тут же исчезло, и вновь склубилась на востоке мгла. Глаз был обращен в другую сторону – на север, где у ворот Страны Мрака выстроились в боевом порядке войска Западных Королей. Туда и только туда нацелена была сейчас злоба Саурона – к воротам, где сосредоточились для последнего смертельного удара все его силы. Но Фродо, пораженный ужасным видением, рухнул как подкошенный. Рука его судорожно пыталась нашарить цепочку.

Встав на колени, Сэм склонился над ним. Фродо слабо, еле слышно шептал:

– Сэм, помоги! Помоги, Сэм! Останови мою руку! Мне с ней не справиться!

Сэм взял его руки в свои, сложил их ладонь к ладони и поцеловал. Его пронзила мысль: «Мы обнаружены! Все пропало! А если и нет – ждать все равно недолго. Вот он, конец всех концов! Ну как, Сэм Гэмги?»

Он снова взвалил Фродо на спину, прижал его руки к груди – ноги остались болтаться – и, опустив голову, решительно зашагал вверх по дороге. На этот раз ему пришлось труднее, чем он думал. К счастью, от последнего извержения, которое Сэм видел с перевала Кирит Унгол, пострадала в основном противоположная сторона Горы, так что дорога осталась невредимой, разве что мостовую кое-где разворотило да поперек вымеилось несколько глубоких трещин. Вскоре дорога резко свернула направо. Здесь, на повороте, она проходила сквозь огромный выветренный камень, извергнутый чревом Горы в неведомые стародавние времена. Задыхаясь под своей ношей, Сэм завернул за угол – и тут же, скосив нечаянно глаз, заметил, что от камня оторвался маленький черный обломок и летит вниз, прямо на него.

В следующий миг на плечи Сэму обрушилась внезапная тяжесть, и он, упав на камни лицом, в кровь ободрал локти, но рук Фродо не выпустил. Гадать, что это за новая напасть, пришлось недолго – над ухом у Сэма зашипел ненавистный голос:

– Гадкий хоз-зяин! Злой! Обманул нас! Он – обманул С-смеагола – голлм! Он не должен туда ходить, нет! Нельз-зя делать больно нашему С-сокровищу! Отдай его нам! Отдай! Отдай!

Сэм бешено дернулся, высвободился и встал на ноги. Он выхватил меч – но толку от меча было мало: Голлум и Фродо катались по земле, сплетаясь в тесный клубок, и Голлум рвал на Фродо одежду, пытаясь добраться до цепочки с Кольцом.

Пожалуй, ничто не смогло бы сейчас разжечь тлеющих угольков воли Фродо, но дерзкое нападение Голлума и его попытка отобрать драгоценную ношу совершили чудо. Фродо отбивался с такой яростью, что в замешательство пришел не только Сэм, но и Голлум. Один этот внезапный пыл, правда, еще не решил бы исхода битвы, но и Голлум был уже не тот: он сдал, и сдал крепко. Полные ужаса, неведомые тропы, которыми он пробирался сюда, дни и недели, проведенные без воды и пищи, изнуряющий страх и медленный огонь желания, который

пожирал его внутренности и безостановочно гнал все вперед и вперед, не могли пройти ему даром. От несчастного остались кожа да кости. Глаза Голлума по-прежнему горели диким огнем, но цепкие когда-то руки уже не составляли достойной пары его негаснущей злобе. Фродо отбросил от себя противника и, дрожа, поднялся на ноги.

– Прочь! Прочь! – крикнул он прерывающимся голосом, крепко сжимая спрятанное под кожаной рубахой Кольцо. – Убирайся, ползучая тварь! Прочь с моей дороги! Твой конец уже близок. Теперь ты не можешь ни предать меня, ни убить!

И вдруг, как некогда у скал Эмин Муйла, Сэм увидел соперников другими глазами. Один припал к земле: это был уже не жилец на этом свете – бледная тень, призрак живого существа, тварь конченная, потерпевшая полное поражение, но, несмотря на это, дрожащая от вождения и бешеной злобы. Над ним высился второй – не ведающий более жалости властелин, прямой и строгий, облаченный в белое, с пылающим огненным кругом на груди. Из середины пламени исходил повелительный голос:

– Прочь! Довольно ты докучал мне! Посмей еще раз коснуться меня – и ты сам будешь брошен в Огонь Судьбы!

Жалкое существо отшатнулось – но тут же изготовилось к прыжку; в слепо моргающих глазах стоял ужас, но не гасло и вождение.

Видение исчезло, и Сэм увидел, что Фродо стоит над Голлумом, тяжело дыша и комкая на груди кожаную рубашку, а Голлум привстал и опирается о землю широко расставленными ладонями.

– Осторожно! – закричал Сэм. – Он сейчас прыгнет! Господин Фродо! – Он кинулся к хозяину с обнаженным мечом в руке. – Идите! Идите вперед! Я с ним и без вас разберусь! Да идите же!

Фродо посмотрел на него словно откуда-то издалека.

– Да, я должен идти, – проговорил он. – Прощай, Сэм! Вот и конец! И да падет судьба на Гору Судьбы! Прощай!

– Попался! – рявкнул Сэм. – Наконец-то я с тобой разделаюсь!

И он бросился на Голлума с мечом. Но Голлум так и не прыгнул. Вместо этого он неожиданно упал и остался лежать на земле, жалобно всхлипывая.

– Не губи нас, – рыдал он. – Не делай нам больно! Убери гадкое, злое железо! Дай нам еще пожить, да, да, немножко, с-совсем немножечко! О-о! Мы пропали, да, мы пропали! Когда на-ше С-сокровище погибнет, мы тоже умрем, да, да, рас-сыплемся в прах!

Его длинные костлявые пальцы проскребли в дорожном пепле глубокие борозды.

– В прах-х! – повторял он.

Рука Сэма дрогнула. Он все еще горел жаждой мести и не забыл ни одного из злодеяний, совершенных этим предателем и убийцей. Заколоть его было бы очень даже справедливо – ведь Голлум уже много раз заслужил смерть.

Трезво рассуждая, оставлять его в живых было опасно. И все же что-то удержало руку хоббита. Он не мог ударить это униженное, валяющееся в пыли, полумертвое создание – ну не мог, и все тут. Ведь Сэм тоже был Хранителем Кольца, недолго, правда, но был! Он на себе испытал, что это значит, и смертные муки гибнущего существа, поработанного Кольцом, навеки потерявшего и разум, и покой, и жизнь, и данный ему природой облик, не были до конца чужды Сэму. Смутно, неясно, но он понимал, что творится в душе Голлума⁵⁹⁹, – правда, слов для этого найти не умел.

– Чтоб тебя, пакость вонючая! – воскликнул он, опуская меч. – Вали отсюда живо! Сгинь! И не воображай, что я тебе поверил! Когда тебя нельзя будет пнуть, ты опять примешься за свое. Брысь! А не то я сделаю тебе больно вот этим вот самым гадким, з-злым железом, да, да!

Голлум встал на четвереньки, попятился, повернулся... Сэм поднял ногу, чтобы дать ему пинка, – и Голлум бросился наутек. Больше Сэм о нем не беспокоился: он снова вспомнил о Фродо. На дороге хозяина видно не было. Хоббит что было сил заторопился наверх. Обернись Сэм, он увидел бы, что Голлум не стал убегать далеко и, проворной тенью мелькая среди камней, крадется следом – быстро, но осторожно. В его одичалых глазах горел огонь безумия.

Дорога взбиралась все выше. Описав петлю, она снова повернула на восток и по вырубленному в склоне горы карнизу подошла к зиявшему в конусе темному отверстию – входу в пещеру Саммат Наур. Сквозь дым и туманную поволоку зловещим тускло-багровым оком

глядело на Горгорот медленно поднимавшееся к зениту солнце. Мертвые, безмолвные мгlistые мордорские равнины, раскинувшиеся вокруг Ородруина, оцепенели в предчувствии страшного удара.

Сэм приблизился к распахнутому зеву пещеры и заглянул внутрь. Там было темно и жарко. Стены сотрясались от громовых раскатов.

– Фродо! Хозяин! – позвал Сэм.

Ответа не было. Сэм помедлил – сердце его колотилось от страшных предчувствий – и наконец, собравшись с духом, шагнул внутрь. За ним последовала еле заметная тень.

Поначалу Сэм ничего не смог разглядеть и поспешил достать скляницу Галадриэли, как никогда желая увидеть ее свет, – но скляница только смутно белела в его трясущейся руке и тьмы не рассеивала. Сэм находился в самом сердце Сауоновых владений, в кузнице, где некогда выковано было древнее величие Черного Властелина, и не было в Средьземелье силы могущественнее, нежели та, что обитала в этой пещере. Все чуждое этой силе здесь подавлялось и обращалось в ничто. Сэм робко сделал несколько шагов в темноте – и вдруг под высокий черный свод взвился красный язык огня. В отсветах пламени Сэм разглядел длинный туннель, ведущий в глубь дымящегося конуса Огненной Горы.

Впереди, в нескольких шагах от хоббита, пол туннеля прорезала огромная трещина, в недрах которой, по-видимому, бушевало пламя, так как на стены падало красное зарево, то разгоравшееся, то вовсе исчезающее. Из глубины доносился немолчный грохот, словно там, внизу, беспрестанно работали какие-то чудовищные машины.

Стены туннеля озарились снова, и Сэм различил маленький черный силуэт Фродо, неподвижно стоявшего на краю Трещины. Казалось, Фродо обратился в камень.

– Хозяин! – крикнул Сэм.

Фродо шевельнулся – и вдруг заговорил небывало чистым, ясным и уверенным голосом, какого Сэм никогда у него не слышал. Слова Фродо перекрыли бормочущий гул Горы и зазвенели, эхом отражаясь от стен и свода.

– Итак, я здесь, – проговорил он. – Но я передумал, и я не сделаю того, ради чего шел сюда. Я поступлю иначе. Кольцо принадлежит мне! – С этими словами он надел Кольцо на палец и пропал из виду.

Сэм раскрыл рот, но так и не крикнул, ибо в этот миг случилось сразу несколько событий⁶⁰⁰.

Кто-то с бешеной яростью прыгнул ему на спину, и Сэм, потеряв равновесие, упал на бок, больно стукнувшись при этом о каменный пол, а над ним промчалась темная тень. От удара Сэм на мгновение ослеп и не сразу смог пошевелиться.

Пока он пытался встать, происходило следующее. Когда Фродо надел на палец Кольцо и объявил себя его владельцем – не где-нибудь, а в Саммат Науре, в самом сердце Черного царства! – власть Саурона, восседающего на Барад-дурском троне, пошатнулась и Черная Башня сотряслась от основания до железной короны на высоком шпиле, гордой и страшной. Черный Властелин узнал наконец, кто был его главным врагом все это время, и Взгляд Багрового Ока, пронизывая тень и мрак, устремился к двери, пробитой когда-то Сауроном в склоне Огненной Горы. Словно в свете ослепительной вспышки, открылась Черному Властелину вся глубина и непоправимость совершенной ошибки. Только теперь постиг он замыслы своих врагов. Всесожигающим пламенем взметнулась к небесам его ярость, но черные, дымные клубы страха окутывали пламя и душили его в самом зачатке, ибо Саурон знал, какая над ним нависла опасность, и знал, что судьба его висит теперь на волоске.

Разум его в один миг отряс все прежние планы, позабыл все хитросплетения страха и коварства. Мордор содрогнулся, рабы его затрепетали, а полководцы черных армий лишились опоры и остались без поддержки, так как могучая воля, направлявшая их в бой, дрогнула, и они в отчаянии побежали с поля брани, ибо повелитель забыл о них. Взгляд Саурона оставил свои войска на произвол судьбы и обратился к вершине Ородруина. Услышав призыв своего Властителя, Назгулы-Кольцепризраки с раздирающим воплем закружились в небе и, поднимая крыльями бурю, в последнем иступленном порыве быстрее ветра устремились на юг – к Огненной Горе.

Сэм встал. Он был оглушен, глаза заливала кровь. Шагнув наудачу вперед, он взгляделся в полумрак – и взгляду его предстало зрелище дикое и ужасное. На краю пропасти раскачивался Голлум и, как одержимый, боролся с кем-то невидимым. Иногда он оказывался так

близко от края, что чудом не срывался вниз, иногда откидывался назад, бросался наземь, снова вставал, снова падал – и не переставая шипел, хотя слов разобрать было невозможно.

Гневный огонь, дремавший в глубинах горы, пробудился ото сна: алые языки пламени показались над краем трещины, по стенам заматались яркие сполохи, и пещера наполнилась невыносимым жаром. Внезапно Голлум рывком поднес ко рту длинные руки; его белые клыки сверкнули – и сомкнулись. Фродо вскрикнул от боли и возник снова; он стоял на коленях, на самом краю пропасти. Рядом, как безумный, отплясывал Голлум, высоко подняв Кольцо с кровоточащим пальцем в нем⁶⁰¹. Кольцо сияло и пылало, словно и впрямь сделано было не из золота, а из живого огня.

– Сокровище! Сокровище! Сокровище! – кричал Голлум. – О, мое ненаглядное Сокровище! Мое, мое!

Не отрывая жадных глаз от добычи, он шагнул чуть дальше, чем следовало, оступился, покачался с мгновение на краю – и с воплем полетел в пропасть⁶⁰². Из глубины еще раз донесся рыдающий стон – «Со-кро-вище!» – и все кончилось.

Раздался рев и глухой гул. Свод лизнули вырвавшиеся из расселины языки пламени. Рев и гул перешли в оглушительный грохот. Гора задрожала. Сэм кинулся к Фродо, подхватил его на руки и подбежал к двери. Но здесь, на темном пороге Саммат Наура, над равнинами Мордора, его охватили такое изумление и ужас, что он застыл как вкопанный, забыв про все остальное.

На мгновение глазам его предстал гигантский смерч, захвативший в себя высокие, как горы, башни и укрепления, рассыпанные по склонам исполинского скального трона, вознесшегося над немыслимыми безднами. Сэм увидел тюремные стены, дворы, безглазые узилища, подобные отвесным утесам, и широко распахнутые ворота из стали и адаманта. В следующее мгновение все сгнуло. Башни рухнули, горы осели в пропасть, стены рассыпались в прах и растаяли. В небо исполинскими клубами повалил дым, смешанный с паром, постепенно уподобляясь огромной волне с пенящимся гребнем, готовый поглотить весь мир. Волна изогнулась – и, бурля, обрушилась вниз. На много лиг вокруг прокатился гул, переросший в оглушительный треск и грохот; земля заходила ходуном и пошла трещинами. Ородруин зашатался. Вершина, расколовшись

надвое, извергла пламя. В небе гремел гром и сверкали молнии, из туч хлестали струи черного ливня. С пронзительным криком, перекрывшим все остальные звуки, в сердце бури, словно горящие камни, ринулись Назгулы, рассекая крыльями тучи; в следующий миг, захваченные огненным вихрем, они обуглились, рассеялись в прах и сгнули.

– Ну что ж, вот и конец, Сэм Гэмги⁶⁰³, – сказал чей-то голос.

Рядом с Сэмом стоял Фродо – бледный, изможденный, но прежний. Он снова стал самим собой. Лицо его было спокойно. Напряжение воли, безумие, страх – все изгладилось бесследно. Бремя было снято с него. К Сэму вернулся его любимый, ненаглядный хозяин, каким он был в далекие дни прошлого, в милом Заселье.

– Хозяин! – воскликнул Сэм, падая на колени.

Вокруг все рушилось, а он чувствовал только переполнявшую его до краев радость, Великую, Истинную Радость. Страшной ноши больше нет, Фродо спасен, жив и снова свободен!

– Бедная, бедная ваша рука! – ахнул он, взглянув на руку Фродо. – А мне даже перевязать ее нечем и боль нечем унять! Уж лучше бы он отгрыз палец мне – даже не палец, пусть руку, хоть всю целиком, не жалко! Только теперь он сгинул навеки, и мы больше с ним никогда не встретимся...

– Никогда, – подтвердил Фродо. – Помнишь, что говорил нам Гэндальф? «Он свою роль еще сыграет...» Если бы не Голлум, я ни за что не бросил бы Кольцо в Трещину, Сэм. Можешь представить, что получилось бы? Все наши труды пошли бы насмарку... Давай же простим ему! Дело наше завершено, и все позади. Хорошо, что мы вместе! Именно теперь, Сэм. В час, когда всему настает конец.

Глава четвертая

Кормалленское Поле⁶⁰⁴

Вокруг холмов бесновались мордорские полчища. Армия Королей Запада погружалась в сомкнувшееся вокруг море врагов, как тонущий корабль. Тускло-красный диск солнца неподвижно висел в вышине, и от крыльев Назгулов на землю пала черная тень смерти. Арагорн, безмолвный и суровый, застыл под своим знаменем; казалось, он

погружен в мысли о давно минувшем и далеком, но глаза его сверкали, как звезды, сияние которых тем ярче, чем непроглядней ночь. На вершине холма стоял Гэндальф – облаченный в белое и бесстрастный. Тень не коснулась его. Волны атак разбивались об осажденные холмы, как волны прилива, и все громче ревели и кричали наступающие враги.

Вдруг Гэндальф шевельнулся, будто глазам его предстало какое-то внезапное видение. Он повернулся к северу, к бледной и чистой полосе неба над горизонтом, и, подняв обе руки, громко крикнул, перекрывая шум битвы:

– Орлы! Орлы летят!⁶⁰⁵

Крик его подхватило множество голосов:

– Орлы летят! Орлы!

Воины Мордора запрокинули головы, недоумевая – что бы это могло значить?..

Впереди орлиной стаи летели Гвайир⁶⁰⁶ Князь Ветра и его брат Ландровал⁶⁰⁷, великие вожди Северных Орлов, могучие из могучих, происходившие по прямой линии от старого Торондора⁶⁰⁸, чья стая вила гнезда на недоступных вершинах Опоясывающих Гор⁶⁰⁹ еще в эпоху ранней юности Средьземелья. За ними, подгоняемые северным ветром, друг за другом стремительно мчались их вассалы с северных нагорий. Орлы неслись прямо к крылатым Назгулам, внезапно пикируя на них из поднебесья, и шум их огромных крыльев напоминал шум урагана.

Но Назгулы не приняли боя – они ринулись прочь и скрылись в мордорской мгле, ибо до слуха их донесся внезапный и страшный зов из Черной Твердыни. В тот же миг по рядам мордорских войск пробежал трепет, и в сердцах солдат Саурона зародилось сомнение; хохот замер у них на губах, руки дрогнули, ноги подкосились. Ибо направлявшая их Воля, что наполняла своих слуг злобой и яростью, колебалась и, забыв о своих армиях, бросила их на произвол судьбы; и рабы Мордора взглянули в глаза своих врагов, и увидели в них страшный свет, и ужаснулись.

С уст Королей Запада сорвался боевой клич, ибо сердца их исполнились новой надежды и во тьме отчаяния возгорелся свет. Рыцари Гондора, всадники Рохана и дунаданы с Севера, плотно сомкнув ряды, сошли с осажденных холмов и двинулись на

растерявшиеся мордорские полчища, пронзая стену осаждавших остриями не знающих пощады копий. Но Гэндальф снова поднял руки и еще раз громко воскликнул звучным и ясным голосом:

– Остановитесь, воины Запада! Стойте и ждите! Бьет час судьбы!

Не успел он договорить, как земля под ногами воинов дрогнула. Над башнями Черных Ворот высоко в небо взметнулось исполинское темное облако, пронзенное молниями. Скалы застонали, земля заходила ходуном. Зубы Мордора внезапно зашатались, пошли трещинами и разом рухнули; мощные привратные укрепления рассыпались; Черные Ворота поверглись наземь. Издалека – сначала глухо, потом все громче и, вот, заглушая все остальные звуки – послышался сперва барабанный грохот, после грозный рев и, наконец, гул страшного крушения, прокатившийся в горах длинным несмолкающим эхом.

– Конец Сауранову царству! – воскликнул Гэндальф. – Хранитель Кольца исполнил свой долг.

Вожди Запада взглянули на юг, в сторону Мордора, – и вдруг им почудилось, что на фоне темной пелены туч поднимается к небу черная непроницаемая тень, увенчанная молниями. Тень все росла и росла, необъятной тучей нависая над миром, вздымаясь до самого поднебесья; к холмам в чудовищной, но бессильной угрозе протянулась огромная призрачная рука, – но в следующее мгновение ураган подхватил исполинскую тень, понес прочь и развеял без следа. Наступила тишина.

Западные Владыки склонили головы, а когда подняли взор, то – диво! – враги в панике бежали и мордорское могущество развеивалось на глазах, как пыль по ветру. Когда гибнет разжиревшая тварь, управлявшая своими подданными из центра копошащегося муравьиного холмика, муравьи бегут кто куда, мечутся без цели и смысла, тычутся по углам и, ослабев, умирают; так и выкормыши Саурана – орки, тролли, поработанные с помощью чар звери – бежали теперь в разные стороны не разбирая дороги, очумело кидаясь то вправо, то влево. Одни бросились на меч, другие прыгнули в пропасть; остальные с воем ринулись прочь, ища спасения под землей, в темных убежищах, далеких и от солнца, и от надежды. Люди же – рунийцы,

харадцы, пришельцы с Юга и Востока – поняли, что война проиграна, и глаза их открылись, и они увидели истинное величие и могущество Западных Владык. Те из них, кто дольше и преданнее служил Злу и ненавидел Запад всеми силами души, – люди гордые и смелые – в свой черед приготовились к последней и отчаянной драке. Но большинство бежало, надеясь добраться до дома, а некоторые, побросав оружие, зывали к милосердию победителей.

Тогда Гэндальф, оставив военные дела Арагорну и прочим, громко воззвал с вершины холма, и к нему подлетел огромный орел, Гвайир, Князь Ветра.

– Дважды ты выручал меня, друг мой Гвайир, – сказал ему Гэндальф. – Но без третьего раза счет неполон. Выручишь ли ты меня и в третий? Я, право же, не намного тяжелее, чем тогда, на Зирак-Зигиле, где погибла в огне моя прошлая жизнь.

– Я отнесу тебя туда, куда ты захочешь, будь ты хоть из камня, – отозвался Гвайир.

– Тогда вперед! Но пусть с нами отправится твой брат и кто-нибудь еще, из самых быстрокрылых! – воскликнул Гэндальф. – Нам придется лететь быстрее ветра, быстрее самих Назгулов!

– Ветер северный, – сказал Гвайир, – но ничего, мы и его обгоним.

И, взяв Гэндальфа на спину, он взмахнул крыльями и понесся к югу, а за ним – брат его Ландровал и Менелдор⁶¹⁰, орел молодой и сильный. И они пролетели над долиной Удун, и над плато Горгорот, развороченным и вздыбленным, а впереди их ждала Гора Судьбы, извергавшая огонь и лаву.

– Хорошо, что мы вместе! – сказал Фродо. – Именно теперь, Сэм. В час, когда всему настает конец.

– Да, конечно, хорошо, что мы вместе, хозяин, – отозвался Сэм, осторожно прижимая к груди кровоточащую руку Фродо. – И еще как вместе! А главное – путешествию конец! Но, видите ли, мы слишком далеко забрались, чтобы я согласился так просто сдаться. Это не в моих правилах – если, конечно, вы меня понимаете!

– Ты, может, и не желаешь сдаваться, но таков сей мир, Сэм, – возразил Фродо. – Надежды терпят крушение. Всеу когда-нибудь приходит конец. Теперь нам уже недолго ждать смерти. Все гибнет и рушится, мы одни, бежать некуда.

– Но мы можем отойти отсюда⁶¹¹, от самого-то опасного места, правда? – настаивал Сэм. – От Трещины Судьбы – или как там ее называют? Кто нам мешает? Спустимся немного вниз по тропе, а, господин Фродо?

– Ну что ж, Сэм. Если ты настаиваешь – пойдем, – вздохнул Фродо.

Они встали, медленно побрели вниз по спиральной дороге – и не успели еще добраться до сотрясающегося подножия Горы, как из отверстия Саммат Наура вырвались клубы дыма и пара. Конус раскололся на две половины, и по восточному склону медлительным потоком с грохотом поползла исторгнутая чревом горы огненная лава.

Фродо и Сэм почувствовали, что дальше идти не могут. Последние силы – и тела, и духа – быстро покидали их. Хоббиты очутились на вершине низкого холма из затвердевшего пепла и встали спиной к склону Ородруина. Отсюда пути уже не было. Они стояли на маленьком островке близ исходящей мукой Огненной Горы, но и это последнее убежище не могло продержаться долго. Земля вокруг трескалась, из трещин валил дым. Гора содрогалась, на глазах раскалываясь на части, и по ее склонам текли медленные огненные реки, готовые поглотить спасительный островок. Еще немного – и он исчезнет... На головы хоббитам дождем сыпался горячий пепел.

Они стояли рядом, и Сэм по-прежнему прижимал к груди руку Фродо.

– Однако в неплохую мы сказку попали, а, господин Фродо? – вздохнув, сказал он. – Услышать бы, как ее потом будут рассказывать! Как вы думаете, какое у нее будет начало? «А теперь настало время поведать вам о Фродо Девятипалом и о Кольце Судьбы»... И все смолкнут, как мы в Ривенделле, когда нам рассказывали про Берена Однорукого и про Великий Камень... Нет, хорошо было бы послушать, ей-же-ей!.. Интересно только, что произойдет дальше, когда кончится наша глава?

Он говорил что придет в голову – только бы гнать от себя страх, а сам, не отводя глаз, смотрел на север, навстречу ветру, в расчистившееся небо, где ураган гнал и гнал прочь последние остатки мглы и разорванных в клочья облаков.

В эту минуту и заметили хоббитов зоркие очи Гвайира. Орел кругами начал снижаться, борясь с ураганом, бросая вызов грозной поднебесной буре. Две маленькие, затерянные среди огня и дыма темные фигурки стояли, держась за руки, на невысоком холме; мир вокруг сотрясаясь, земля развезала недра – а с горы прямо на холм ползли огненные реки. Еще миг – и хоббиты упали, оба одновременно, – не то от усталости, не то задохнувшись в горячем ядовитом дыму, – а может, отчаяние наконец одержало над ними верх, и они кинулись на землю, чтобы не смотреть в глаза смерти...

Так и лежали они, не расцепив рук, когда Гвайир ринулся вниз, а за ним – Ландровал и Менелдор, быстрейший из быстрых; и вот, не ведая уже, какая их постигла судьба, хоббиты поднялись в воздух – и вскоре были далеко за пределами тьмы и огня⁶¹².

Проснувшись, Сэм обнаружил, что лежит на мягкой подстилке и над ним тихо покачиваются буковые ветви. Густая молодая листва просвечивала зеленью и золотом. Веяло неизвестными ласковыми запахами. Где он слышал этот аромат? Ах да: так благоухали поляны Итилиэна.

«Ну и горазд же я спать, однако, – мелькнуло у Сэма в голове. – Сколько же теперь времени?»

Запах трав и цветов вернул его в тот далекий полдень, когда он разжигал на солнечном склоне маленький костерок и готовился тушить кроликов. Память еще не проснулась, и, пока Сэм протирает глаза, событий, которые случились с того дня, для него не существовало. Он потянулся и глубоко вздохнул.

«И приснится же такое! – подумал он, зевая. – Хорошо, что это был сон!»

Он сел, и тут взгляд его упал на Фродо. Фродо лежал рядом и мирно спал – одна рука за головой, другая поверх одеяла. На этой руке – правой – не хватало среднего пальца.

Тут к Сэму окончательно вернулась память, и он закричал что было мочи:

– Так это был не сон?! Где же мы находимся?!

Сзади кто-то негромко проговорил:

– Вы в Итилиэне, под защитой Короля. Король ждет вас.

И перед хоббитами появился Гэндальф⁶¹³, облаченный в белое, с бородою, сверкающей в рябщей солнечной тени, словно чистый снег.

– Ну, достойный Сэмуайз, как ты себя чувствуешь?

Вместо ответа Сэм разинул рот, откинулся обратно на подушки и застыл, не зная, что делать со своим великим удивлением и своей великой радостью.

Наконец он почти беззвучно прошептал:

– Гэндальф! А я думал, что тебя нет в живых! Правда, я и про себя самого так думал... Получается, все грустное было невсамделишным? Что же случилось с нашим миром?

– Великая Тень покинула этот мир навеки, и нет ее более, – торжественно ответствовал Гэндальф – и рассмеялся, и смех его показался Сэму музыкой чистой радости, плеском воды в иссушенной пустыне.

Сэм внезапно понял, что смеха – простого, радостного смеха – он не слышал вот уже неведомо сколько дней. Смех Гэндальфа прозвучал в его ушах эхом всех радостных мгновений, выпавших на его хоббичью долю. Но сам он смог только расплакаться. Правда, слезы тут же высохли – так, подгоняемый весенним ветерком, пробегает по земле ласковый дождь, и на смену ему еще ярче и чище блестит солнце. И вот смех вырвался наружу – и Сэм, смеясь, вскочил с постели.

– Ты спрашиваешь, как я себя чувствую?! – закричал он. – Да этого никакими словами не выразишь! Все равно что... – он взмахнул руками, – все равно что весна после зимы, все равно что луч в листве! В душе у меня сейчас все сразу – трубы, и лютни, и все песни, какие я только слышал! – Вдруг он оборвал себя на полуслове и глянул на Фродо. – А как хозяин? Какая жалость, что я не уберег его бедную руку! Но в остальном-то он как – ничего? В порядке? Он такое пережил!..

– Во всем остальном он еще как в порядке! – сядя на постели, рассмеялся Фродо. – Я так долго тебя дожидался, что снова задремал, а ты все дрыхнешь, засоня этакий! Я проснулся сегодня ранним утром – а сейчас, верно, уже полдень!

– Полдень? – спросил Сэм, пытаясь что-то подсчитать на пальцах. – А какого дня?

– Сегодня четырнадцатый день Нового Года, – ответил за Фродо Гэндальф. – Или, если тебе больше нравится, восьмое апреля по Засельскому Календарю^[10]. Но в Гондоре Новый Год будет отныне начинаться двадцать пятого марта – в день падения Саурона, он же день вашего чудесного избавления⁶¹⁴, когда вас спасли из огня и перенесли во владения Короля. Король исцелил вас, а теперь ждет к себе. Вы предстанете пред его ясные очи и сядете с ним за трапезу⁶¹⁵. Готовьтесь! Я отведу вас к нему.

– Король? – удивился Сэм. – Что еще за Король? И кто он такой?

– Король Гондора и Владыка всех Западных Земель – таков его титул, – ответил Гэндальф. – Он возвратил себе все свои исконные владения и вскоре отправится на коронацию, а до тех пор пребывает здесь, ожидая, пока вы проснетесь.

– Но во что мы оденемся? – недоуменно огляделся Сэм, не видя поблизости ничего, кроме лежащих на земле рваных, линялых штанов, плащей и рубашек – тех самых, в которых они шли к Огненной Горе.

– Что носили в Мордоре, в том и пойдете, – сказал Гэндальф. – Мы сохраним все – даже орочьи тряпки, которые тебе пришлось надеть в Черной Стране, Фродо. Никакие шелк и лен, никакое оружие и никакие гербы не сравнятся с ними в достоинстве. Но, возможно, попозже я подыщу, во что вам переодеться.

Он протянул к хоббитам ладони, и в одной из них что-то засветилось.

– Что это, Гэндальф?! – закричал Фродо. – Не может быть!..

– И тем не менее позвольте вернуть вам ваши сокровища: мы нашли их у Сэма за пазухой. Ни один из даров Владычицы Галадриэли не пропал. Вот твоя скляница, Фродо, а вот твоя шкатулка, Сэм. Надеюсь, вы рады снова получить их. Они в целости и сохранности.

Умывшись, одевшись и подкрепившись, хоббиты последовали за Гэндальфом. Он вывел их из буковой рощи на длинную зеленую поляну, залитую ярким солнечным светом и окаймленную стройными деревьями с темной, усыпанной алыми цветами листвой. Где-то вдали шумел водопад, а через поляну бежал среди цветущих берегов быстрый поток, исчезая под аркой деревьев. За аркой, далеко внизу, блестела на солнечной равнине сверкающая полоса воды.

Когда хоббиты миновали поляну, перед ними, несказанно изумив их, внезапно выросли воины в блестящих кольчугах и высокие стражи,

одетые в черное и серебряное, которые встретили их со всеми возможными почестями и склонились перед ними в глубоком поклоне. Один из воинов протяжно протрубил в трубу – и гостей повели вниз, через рощицу, вдоль поющего потока. Наконец впереди открылось широкое зеленое поле; за ним, в серебристой дымке, катила свои волны могучая река, а посреди реки высился длинный лесистый остров, у берегов которого покачивалось множество кораблей. Вдоль поля, сверкая доспехами, длинными рядами выстроились неисчислимые полки. Когда хоббиты ступили на поле, воины разом выхватили мечи и, потрясая копьями, под звуки рогов и горнов закричали на многих языках:

- *Да здравствуют Невелички! Слава! Слава!*
- *Куйо-и-Периан ананн! Аглар’ни Ферианнат!*⁶¹⁶
- *Хвалите их хвалою великою! Слава Фродо и Сэмуайзу!*
- *Даур-а Бераэль, Коннин эн Аннун! Эглеро!*⁶¹⁷
- *Слава им!*
- *Эглеро!*
- *А лайта тэ, лайта тэ! Андавэ лаитувалмет!*⁶¹⁸
- *Слава им!*
- *Кормаколиндор, а лайта тариэнна!*⁶¹⁹
- *Слава им!*
- *Славьте Хранителей Кольца, славьте их славой великою!*

Фродо и Сэм, пораженные, красные до ушей, блестя глазами, прошли мимо воинов – и увидели впереди, в гуще ликующей толпы, три высоких трона, сложенных из зеленого дерна. За одним из тронов, справа, полоскался на ветру бело-зеленый флаг – вольно бегущая по лугу белая лошадь; налево реяло серебряно-голубое знамя – корабль-лебедь, плывущий по морю; и, наконец, посредине развевалось огромное полотнище, черное, с белым цветущим деревом под сияющей короной, в окружении семи мерцающих звезд. На среднем троне восседал воин, облаченный в кольчугу, но с непокрытой головой. Поперек колен у него лежал длинный меч. Когда хоббиты подошли ближе, воин, темноволосый и сероглазый, поднялся с места, и они сразу же узнали его, хотя он немало переменился – этот высокий, светлый ликом, царственный владыка Племени Людей.

Фродо кинулся ему навстречу, Сэм – за ним, с криком:

– Вот это да! Такой конец и правда всему делу венец! Или это Бродяга, или я еще не проснулся!

– Да, Сэм, это я, Бродяга, – отвечал Арагорн. – Долгий путь проделали мы с тобой от Бри, не правда ли? Помнишь, как не по нраву пришелся тебе сначала мой вид? Далекая нам всем выпала дорога, но для вас она оказалась самой темной и трудной.

И тут Сэм смутился вконец: Король преклонил перед ними колени, а затем, встав, дал им обоим руки, Фродо – правую, Сэму – левую, и подвел к дерновому трону, и усадил на него, а потом обратился к людям и воскликнул, да так, что его слышали все, кто был на поле:

– Славьте их славою великою!

А когда тысячеустый радостный гром замолк, из толпы – к исчерпывающему, полному и окончательному удовлетворению Сэма, которому показалось, что такой радости уже не вместит его сердце, – выступил гондорский менестрель, и встал перед Королем на колени, и испросил королевского изволения петь. И – чудеса! – вот какими словами предварил он свою песню:

– Слушайте, вы, о доблестные владыки и рыцари без страха и упрека! Слушайте, короли и князья, воины и благородные мужи гондорские, и всадники Рохана, и сыны Элронда, и дунаданы, пришельцы с Севера! Слушайте, эльф, гном и вы, бесстрашные жители Засельские! Слушайте меня, все свободные народы Запада, слушайте мою песню, ибо я спою вам о Фродо Девятипалом и о Кольце Судьбы!

И Сэм услышал эти слова, и рассмеялся от переполнившего его счастья, и вскочил, и воскликнул:

– О, какое чудо! Какое диво! Все, все мои желания исполнились, все до единого!

И он расплакался, и все плакали вместе с ним – но взвился к небу серебряный и золотой голос менестреля, и стихли разом и плач, и ликование. Песня лилась над полем то по-эльфийски, то на языках Запада, и сердца слушавших, уязвленные сладостью слов, переполнились и излились радостью, острой, словно лезвия мечей, а мысли унеслись туда, где боль и радость сливаются воедино, а слезы претворяются в благословенное вино счастья⁶²⁰.

Наконец солнце стало клониться к горизонту, тени деревьев удлиннились и менестрель кончил петь.

– Славьте их славою великою! – возгласил он и преклонил колено.

Тогда Арагорн встал, и воины встали вслед за ним и перешли в приготовленные для трапезы шатры, где все пили, ели и веселились, пока не кончился день.

Фродо и Сэма, отдельно от всех, отвели в одну из палаток, где им помогли снять старую дорожную одежду, оказав ей все подобающие почести, а взамен дали новую, чистую. Когда все было готово, явился Гэндальф, и в руках у него, к удивлению Фродо, оказались меч, эльфийский плащ и мифриловая кольчуга, отнятые орками в башне Кирит Унгол. Сэму Гэндальф принес новенькую кольчужку из позолоченных колец и тщательно очищенный, заштопанный и зашитый эльфийский плащ, побывавший в стольких передрягах. Кроме того, Гэндальф положил перед хоббитами два меча.

– Мне меч не нужен, – сказал Фродо.

– Сегодня, однако, тебе придется быть при мече, – возразил Гэндальф.

Тогда Фродо выбрал меч поменьше, который прежде – до перевала Кирит Унгол – принадлежал Сэму.

– Жало я отдал тебе насовсем, – сказал Фродо Сэму.

– Нетушки, хозяин! Господин Бильбо подарил его именно вам. Он должен быть при вас, вместе с вашей серебряной кольчугой, и все тут. Господин Бильбо не согласился бы увидеть его на ком другом!

Фродо уступил, и Гэндальф, преклонив колено, как оруженосец, помог им с Сэмом опоясаться мечами; затем, встав, он водрузил им на головы серебряные обручи. Завершив последние приготовления, хоббиты отправились на устроенный в их честь великий пир и сидели за королевским столом рядом с Гэндальфом, и Эомером Роханским, и князем Имрахилом, и всеми гондорскими военачальниками; были на пиру и Гимли с Леголасом.

Когда истекла Минута Молчания, гости расселись, а слуги внесли вино, Сэм внезапно заметил среди виночерпиев двух оруженосцев, явившихся прислуживать Королям Запада. Один был одет в черное с серебряным – цвета Минас-Тиритской Гвардии, другой – в белое и зеленое. Сэм удивился – он не мог взять в толк, зачем здесь, среди могучих князей и воинов, крутятся какие-то мальчишки? Но когда

оруженосцы случайно оказались рядом с ним, он пригляделся получше – да так и ахнул:

– Гляньте только, господин Фродо! Гляньте-ка на них! Я не я буду, ежели это не Пиппин, то бишь достойный Перегрин Тукк, а с ним вселюбезнейший господин Мерри! Ух и выросли же они! Ну и дела! Сдается мне, мы тут еще о таких приключениях услышим, что нам и не снились!

– На этот счет будь спокоен, – заверил его Пиппин, оборачиваясь. – Кончится пир – и тут же примемся за рассказы! А пока мой совет – потяни Гэндальфа за рукав и попробуй разговорить его. Он уже не такой молчун, как раньше, хотя все равно по большей части не говорит, а смеется! А мы с Мерри, изволишь ли видеть, заняты. Мы ведь нынче не просто так, мы рыцари – я гондорский, Мерри – роханский. Надеюсь, ты заметил?

Но вот настал конец и этому длинному радостному дню. Когда солнце село, а над Андуином из тумана медленно поднялась круглая луна, бросая в беспокойную листву блики света, Фродо и Сэм уселись под шепчущимися деревьями среди свежих, благоуханных трав прекрасного Итилиэна и до поздней ночи беседовали с Мерри, Пиппином и Гэндальфом, а вскорости к ним присоединились и Гимли с Леголасом. Фродо и Сэм немало узнали о судьбе Отряда после того злого дня на Парт Галене, у водопада Раурос, где распалось Содружество, – хотя, конечно, расспросов и рассказов оставалось еще вдоволь.

Орки, говорящие деревья, бескрайние луга, летящие галопом всадники, блистающие пещеры, белые башни, золотые палаты, битвы, корабли под парусами... Наконец Сэм окончательно запутался, перестал понимать, что к чему, и уже не знал, чему больше удивляться. Один только вопрос прочно засел у него в голове: как это Мерри и Пиппину удалось так вырасти? Не в силах взять ничего в толк, он то и дело заставлял их мериться ростом то с Фродо, то с собой, но по-прежнему ничего не понимал и только почесывал в затылке.

– Не соображу что-то, как в ваши лета может такое случиться, – заявил он наконец. – Однако это случилось! Вы оба стали почему-то вершка на полтора выше, чем надо! А если я не прав, то я не хоббит, а гном, и все тут!

– Вот уж в чем тебя с легкостью могу разуверить, – вмешался Гимли. – А меня в свое время напрасно не послушали. Так не бывает, сказал я тогда, чтобы смертный глотнул энтийской водицы и остался прежним. Это вам не кружку пива осушить!

– Энтийской водицы? – обескураженно повторил Сэм. – Опять эти ваши энты! Убейте меня, если я запомнил, кто они такие! Чтобы разобраться во всех этих штуках, и недели не хватит!

– Конечно, не хватит, – согласился Пиппин. – Но когда вы с Фродо разберетесь все-таки, мы сделаем вот что: запрем Фродо в главной башне Минас Тирита, чтобы он сел и все как полагается увековечил. Знаю я его! Завтра же забудет половину. Старик Бильбо будет страшно разочарован!

Наконец Гэндальф поднялся.

– В руках Короля кроется исцеление, друзья мои, и это истинная правда, – сказал он. – Но когда Арагорн позвал вас обратно в мир, вы были уже на волосок от смерти. Ему пришлось пустить в ход все свое умение, чтобы вызволить вас и погрузить в блаженное забытие сна. Поистине, спали вы долго и сон ваш был благословенным. И все же вам опять пора в постель.

– Причем не только Фродо и Сэму, – добавил Гимли. – Тебе, Пиппин, тоже не мешало бы вздремнуть. Я тебя люблю, злодея, – хотя бы только за то, что твоя жизнь стоила мне немалых трудов! Я этого никогда не забуду! Разве можно забыть, как я нашел тебя на холме во время последней битвы? Не окажись тогда рядом гнома Гимли, дело кончилось бы плохо. Тебе еще повезло, что я знаю, на что похожа хоббичья нога, а то, кроме нее, под грудой тел ничего и не разглядеть было! Когда я откатил в сторону эту чудовищную тушу и увидел под ней тебя – я поручиться готов был, что ты мертв! Едва бороду себе не вырвал с горя... Между прочим, ты ведь тоже первый день на ногах. Так что давай-ка обратно в кроватку и без лишних разговоров! Да и я, пожалуй, последую твоему примеру.

– А я, – поднялся Леголас, – пойду поброжу. Для эльфа прогулка по такому лесу – отдых не хуже сна! Если Повелитель Пуцци отнесется к моему предложению благосклонно, в один прекрасный день сюда переберется часть моего племени, и тогда на Итилиэне почует благодать... Не навсегда, правда, – на месяц, год, много на поколение,

в крайнем случае на сто лет... Ведь здесь течет Андуин, а он катит свои волны к Морю – к Морю!

*К Морю, к Морю! Чаячий крик денный,
денный и ночный: к Морю! Высится вал пенный,
ветер летит на запад; солнце катится книзу,
поднят парус на мачте. Как дыхание бриза,*

*овекает лицо мне голос прежде уплывших...
Я уйду из лесов, рощ, меня возрастивших,
ибо старится время и увядают годы,
ибо лежит мой путь за бескрайние воды.*

*Где ты, Последний Берег в длинной волне прибоя?
Где ты, Наследный Остров? Сердце мое с тобою —
в Эрессее, у эльфов, где не падают листья,
где звенят голоса, сладко звенят и чисто,
где зовут голоса за горизонт туманный —
к братьям моим, туда, в край мой обетованный.*

С этой песней Леголас спустился вниз по склону и скрылся среди деревьев.

Разошлись и остальные. А Фродо и Сэм, растянувшись на своих постелях, уснули – и проснулись утром с миром в душе и надеждой в сердце. Так они провели в Итилиэне много дней. Кормалленское Поле, где стояло войско, находилось неподалеку от Эннет Аннуна, и ночью, в тишине, до слуха доносился шум вод, падавших со скал и, теснясь в узком русле, через каменные ворота выбегавших на пестрые от цветов заливные луга Андуина как раз напротив острова Кайр Андрос. Хоббиты бродили по лесам, навещали знакомые места, и Сэм не переставал надеяться, что где-нибудь в тени леса, на какой-нибудь затерянной лужайке мелькнет среди ветвей огромный силуэт олифана. Когда же он узнал, что в осаде Гондора принимало участие много этих редкостных исполинов, но защитники не пощадили ни одного из них, то принял эту прискорбную весть очень близко к сердцу.

– Конечно, в двух местах зараз не окажешься, – философски подвел он итог. – Но, вижу, потерял я немало!

Тем временем армия готовилась к возвращению в Минас Тирит. Уставшие отдохнули, раненые поправились. Некоторые отряды прибыли в лагерь только теперь – им пришлось сражаться с остатками южан и кочевников с Востока, пока те не смирились окончательно. Последними вернулись те, кому выпал жребий проникнуть в глубь Мордора, чтобы до основания разрушить северные крепости Черной Страны.

И вот наконец – май уже приближался – Западные Владыки вновь двинули войска в поход. На этот раз все вошли на корабли, и флот поплыл вниз по реке к Осгилиату. Там армия задержалась на один день, а к следующему вечеру полки вступили на зеленые поля Пеленнора и вновь увидели белые башни под высоким Миндоллуином – столицу гондорцев, последний оазис Средьземелья, хранящий память о Закатном Крае и пронесший ее через ночь и огонь к новому рассвету.

Там, на зеленых полях, поставили воины шатры и палатки и стали дожидаться утра; наступал первый день мая, и на завтра, с первыми лучами солнца, Король должен был вступить в ворота своего города.

Глава пятая

Наместник и король

Над городом нависал гнет тревоги и сомнений. Погожие дни, ясное солнце казались насмешкой над людьми, у которых почти не осталось надежды на спасение: теперь каждое утро могло принести весть о роковом исходе. Правитель Города погиб, сгорел в огне; мертв был и король Рохана, покоившийся в Цитадели. Новый же король Гондора, появившись только один раз, ночью и ненадолго, вновь ушел воевать – на этот раз с противником слишком сильным и страшным, чтобы его можно было победить силой доблести и оружия. О войске ничего не было известно. С тех пор, как полки Западных Королей вышли из долины Моргула и вступили на уходящую в тень гор северную дорогу, гонцы в городе появляться перестали, и о том, что происходит на покрытых мглой восточных землях, не знал никто.

Всего через два дня после того, как покинули город Западные Короли, королева Эовейн уговорила женщин-прислужниц принести ей одежду и, не слушая ничьих возражений, встала. Ее одели, подвесили больную руку на льняную перевязь, и Эовейн отправилась прямо к Управителю Обитателей.

– Господин мой, – сказала она, – душа моя не находит себе места, и я не в силах более предаваться праздности.

– Госпожа моя, – учтиво ответил ей Управитель, – ты еще не исцелилась, а мне велено ухаживать за тобой с особым тщанием. Тебе не следовало бы вставать еще по крайней мере семь дней – так было мне сказано. А посему прошу тебя вернуться в покои.

– Я уже исцелилась, – возразила она. – По крайней мере телом. Правда, левая рука еще плохо слушается меня, но она совсем не болит! Если же мне не отыщется дела, я захвораю снова. Скажи, неужели о ходе войны совсем ничего не известно? Женщины не смогли дать мне вразумительного ответа на этот вопрос.

– От войска никаких вестей, – покачал головой Управитель. – Последний гонец рассказал, что они прибыли в Долину Моргула, но больше мы ничего не знаем. Говорят, во главе армии встал новый полководец, тот, что прибыл с севера. Это великий князь и целитель. Странно мне было услышать, что рука, которая наделена такой

целительной силой, вынуждена братья за меч!.. Теперь в Гондоре таких людей не встретишь, хотя, если не лгут сказания, в былые времена их было много... Но вот уже не первое столетие, как мы, Целители, занимаемся только залечиванием ран, нанесенных мечами. Правда, и в дни покоя мы не сидим праздно. В мире хватает болезней, бед и случайностей. Войны только приумножают их.

– Для того чтобы развязать войну, достаточно желания одной из сторон, о достойный Целитель, – отвечала Эвейн. – А от меча могут погибнуть и те, кто никогда не брал его в руки. Неужели ты предпочел бы, чтобы гондорцы день и ночь собирали травы, пока Черный Властелин собирает армии? Да и телесное исцеление не всегда идет на пользу, а гибель на поле брани – не всегда зло, даже если герой погибает в муках. Будь моя воля – в эту темную годину скорби я выбрала бы последнее...

Управитель взглянул на нее и увидел королевну новыми глазами. Эвейн стояла прямо, и глаза ее ярко сверкали на бледном лице, а рука – когда Эвейн повернулась и взглянула в окно, выходящее на восток, – сжалась в кулак. Управитель вздохнул и покачал головой. С минуту помолчав, Эвейн снова заговорила.

– Так что же? Найдется для меня дело? – спросила она. – Кто главный в этом городе?

– Точно не ведаю, – развел руками Управитель. – Я далек от городских забот. У роханских всадников свой командир, а над гондорцами, я слышал, начальствует Хьюрин. Но Наместником у нас теперь Фарамир.

– Где же мне найти его?

– Здесь, в этом доме, госпожа. Он был тяжело ранен, но мало-помалу выздоравливает. Право, не знаю...

– Не мог бы ты отвести меня к нему? Тогда ты все узнаешь.

Фарамир в одиночестве прогуливался по саду Обителей; солнце пригревало на славу, и он чувствовал, как новая жизнь разливается по его жилам. Но на сердце у него лежала тяжесть, и взор его то и дело устремлялся вверх стен, на восток. Приблизившись, Управитель окликнул его. Фарамир обернулся и увидел Эвейн, королевну Роханскую, и сердце его пронзила жалость – ибо от глаз его не

укрылось, что она не просто истомлена недугом, но мучается в глубине сердца горем и тревогой.

– Господин мой, – сказал Управитель, – перед тобой королева Рохана, Эвейн. Она сражалась бок о бок со своим Королем, была тяжело ранена и сейчас находится под моей опекой. Но я не смог угодить ей, и она пожелала видеть Наместника.

– Не пойми его превратно, господин мой, – молвила Эвейн. – Мне не в чем упрекнуть Целителей, и не они причина моего горя. Желаящий исцелиться не искал бы для себя ничего лучшего, чем эти Обители. Но я не могу сидеть сложа руки, и праздность претит мне. Клетка не для меня. Я хотела умереть в бою. Но я жива, а битва еще не кончена.

По знаку Фарамира Управитель с поклоном удалился.

– О чем же ты просишь меня, о госпожа моя? – спросил Фарамир, когда тот ушел. – Я ведь тоже в плену у Целителей, как и ты.

Жалость всегда проникала в его сердце глубже, чем любое другое чувство, – и теперь, когда он взглянул на Эвейн чуть пристальнее, красота и отчаяние королевы причинили ему острую душевную боль. Увидела и она Фарамира – и встретила в его глазах неподдельное, хотя и суровое участие; но в то же время, воспитанная среди ратников, привыкшая к бранным тревогам, она с первого взгляда поняла, что перед ней могучий воин, которого не смог бы превозмочь в бою ни один из роханских всадников.

– О чем же ты просишь, госпожа моя? – повторил Фарамир. – Я готов сделать для тебя все, что в пределах моей власти.

– Если бы ты велел Управителю отпустить меня из Обителей, мое желание было бы исполнено с лихвой, – сказала она, и, хотя слова ее прозвучали гордо, прежняя уверенность покинула Эвейн и в сердце к ней впервые проникло сомнение. Ей подумалось, что этот высокий воин, столь строгий и столь учтивый, может счесть ее просьбу капризом и станет отныне думать о ней как о ребенке, которому не хватило терпения довести до конца скучную работу.

– Я и сам нахожусь под его опекой, – развел руками Фарамир. – К тому же я еще не полностью вступил в свои права. Но, даже будь я всевластным правителем этого Города, я не стал бы перечить Целителям, ибо они более меня сведущи в своем искусстве. Только крайняя надобность заставила бы меня впасть в послушание.

– Но я не ищущу исцеления, – не сдавалась Эвейн. – Я хочу в бой, как мой брат Эомер, а лучше – как король Теоден, который погиб, стяжав и честь, и покой одновременно.

– Даже если бы у тебя хватило сил держать оружие, госпожа моя, за войском следовать уже поздно, – покачал головой Фарамир. – Но что с того? Возможно, мы все умрем в бою, причем очень скоро, и смерть настигнет нас, не спрашивая, хотим мы того или нет. И ты встретишь ее куда достойнее, если покоришься Целителям теперь, в часы затишья. Нам обоим, тебе и мне, остается только одно: с нетерпением препровождать часы ожидания.

Эвейн не ответила, но Фарамиру показалось, будто что-то в ней подалось, смягчилось, – так бывает, когда сквозь трескучие морозы пошлет о себе первую весточку весна. По щеке королевны, как блестящая капля дождя, скатилась слеза. Гордая голова Эвейн чуть заметно поникла.

– Но Целители утверждают, что я должна провести в постели еще целую неделю, – проговорила она тихо, обращаясь скорее к себе самой, чем к нему. – А в моих покоях нет даже окна, которое выходило бы на восток...

Теперь она казалась обыкновенной девушкой, юной и печальной.

Фарамир улыбнулся, хотя сердце его по-прежнему переполняла жалость.

– Ты хочешь, чтобы твои окна выходили на восток?.. Ну, этому желанию помочь нетрудно. Такой приказ я отдать могу. Кроме того, если ты останешься с нами, королевна, и не откажешься от нашего попечения, то сможешь выходить в сад, на солнце, когда только захочешь, и смотреть на восток, где решается наша судьба, сколько твоя душа пожелает. Возможно, ты повстречаешь здесь и меня, ибо я тоже часто стою на стене и смотрю в ту сторону. И если ты порой удостоишь меня беседой или разделишь мою прогулку, бремя тревоги не так тяжело будет давить мне на плечи.

Она подняла голову и снова посмотрела ему прямо в глаза. Ее бледное лицо слегка порозовело.

– Не знаю, право, чем я смогу облегчить бремя твоей тревоги, господин мой, – сказала она. – Я не ищущу общества живых.

– Хочешь услышать правду?

– Да, господин мой.

– Тогда узнай, королевна Рохана Эовейн, что ты прекрасна. В горных долинах моей страны много удивительных цветов и много дев, превосходящих эти цветы красотой лика и стана, но еще ни разу не встречал я в Гондоре ни цветка, ни девы, которые сравнились бы с тобой по красоте и печали. Может статься, через малое число дней мир покроет тьма, и я надеюсь встретить ее мужественно – но на сердце у меня было бы легче, если бы в оставшиеся нам солнечные дни я мог иногда видеть твое лицо. Нас обоих коснулось одно и то же темное крыло, и одна рука вызволила нас из долины мрака.

– Увы, господин мой! – молвила Эовейн. – Меня Тень еще не отпустила. Не ищи во мне исцеления. Я – воительница, и руки мои не знают нежности. Но за милостивое твое позволение приношу тебе благодарность. Отныне, покидая свои покои для прогулки, я буду помнить, что обязана этим Наместнику.

Она поклонилась ему и пошла в дом. Но Фарамир остался в саду и долго еще бродил один среди деревьев; и взор его чаще падал теперь на Обители, нежели на крепостные стены.

Возвратившись в свои покои, Наместник позвал к себе Управителя и попросил того поведать все, что он знает о королевне Рохана.

– Но, господин мой, – добавил Управитель, закончив рассказ, – я бы посоветовал тебе расспросить о госпоже Эовейн невеличка, который находится в наших Обителях. Он участвовал в походе короля Теодена и до конца был с ним и с королевной.

За Мерри послали, и они с Фарамиром беседовали до самого заката. Фарамир узнал от Мерри много больше, чем тот вложил в свои слова, и Наместнику стало казаться, что печаль и тревога Эовейн понятны ему теперь гораздо лучше. Вечером – а вечер был ясный, теплый – Фарамир с Мерри вышли в сад, но Эовейн не появилась.

Зато утром, выйдя из Обителей, Фарамир сразу увидел ее – Эовейн стояла на стене, одетая в белое, и словно светилась на солнце. Он окликнул ее, она спустилась, и они долго гуляли по траве и сидели вместе в тени деревьев, то замолкая, то вновь начиная беседу. С тех пор они встречались каждый день. Управитель видел их из окна и радовался в душе – он был мудрым Целителем и знал, что у него стало двумя заботами меньше, ибо, хотя страх и дурные предчувствия

угнетали в эти дни всех, кто остался в городе, эти двое заметно шли на поправку, и с каждым днем сил у них прибывало.

И вот настал пятый день после встречи королевны с Фарамиром. Снова стояли они на городской стене, снова глядели на восток. Гонцов с вестями не было по-прежнему, и в сердца горожан закрадывался мрак. Изменилась и погода. Похолодало; еще с ночи начал дуть резкий и порывистый северный ветер. К полудню он усилился. Внизу уныло серели голые поля.

Фарамир и Эвейн были в теплых одеждах и плотных плащах. Плечи Эвейн покрывала тяжелая мантия, густо-синяя, как ночное небо летом, расшитая по краям и у шеи серебряными звездами. Мантию эту Фарамир сам приказал принести для Эвейн в Обители Целения и сам накинул ей на плечи. В этом наряде Эвейн казалась воистину царственной и гордой. Мантия была выткана некогда для матери Фарамира, Финдуилас⁶²¹ из Амрота: Финдуилас умерла рано, и ее мантия напоминала Фарамиру о красоте, осветившей давно минувшие дни его детства, и о первом горе. Разве не подходило такое облачение королевне Эвейн, тоже прекрасной и тоже печальной?..

Но и под звездной мантией Эвейн дрожала, глядя на север, в глаза холодному ветру, за серые поля, где протянулась полоса чистого, холодного неба.

– Куда ты смотришь, Эвейн? – спросил Фарамир.

– Разве не там находятся Черные Врата? – спросила она в ответ. – Разве не достиг он их к этому утру? Минуту уже семь дней, как он покинул Гондор.

– Семь дней, – кивнул Фарамир. – Но не подумай обо мне дурно, если я скажу тебе, что эти семь дней принесли мне радость и боль, каких я и не чаял испытать в своей жизни. Радость – оттого, что я могу видеть тебя, Эвейн, боль – оттого, что страх и сомнения, одолевающие нас всех в эту черную годину, час от часу жесточе. Но я не хочу, чтобы теперь наступил конец света, Эвейн, ибо я не хочу так скоро утратить то, что обрел в эти дни.

– Утратить то, что обрел? О чем ты говоришь, господин мой? – Она посмотрела на него строго, но глаза ее лучились. – Не знаю, право, что обрел ты за эти дни такого, что мог бы утратить с ущербом для себя... Но не будем об этом говорить, друг мой! Не будем ни о чем говорить сегодня! Мне кажется, я стою на краю страшного обрыва и

под моими ногами разверзлась темная пропасть, а светит ли позади хоть какой-нибудь свет – я не знаю... Ибо я еще не в силах обернуться. Я жду приговора Судьбы.

– Да, так оно и есть. Мы ждем приговора Судьбы, – молвил Фарамир.

Они замолчали. Ветер внезапно прекратился. Свет начал быстро меркнуть, солнце подернулось дымкой, а городской шум смолк; смолкло все и на полях. Не слышно стало ни ветра, ни голосов, ни птичьего пения, ни шелеста листвы; даже собственное дыхание перестали слышать Фарамир и Эовейн. Сердца перестали биться. Время остановилось.

Руки их встретились и сплелись, хотя Фарамир и Эовейн этого не заметили. Они стояли и ждали, сами не зная чего... И вдруг за дальними хребтами поднялась к небу еще одна, новая гора; она вздымалась все выше и выше, подобная исполинской волне, грозящей поглотить весь мир⁶²². Гребень ее сверкал искрами молний. По земле пробежал трепет, стены города содрогнулись, – но тут в воздухе пронесся легкий вздох, и сердца Фарамира и Эовейн внезапно забились снова.

– Как некогда в Нуменоре, – прошептал Фарамир и сам удивился, что слышит свой голос.

– В Нуменоре? – переспросила Эовейн.

– Да, – сказал Фарамир уже громче. – Я вспомнил о судьбе погибшего Закатного Края, поглощенного водой, и о гигантской черной волне, которая поднималась все выше и выше над зелеными полями и вершинами гор, пока наконец не накрыла все. И тогда пришла Тьма, от которой нет спасения... Мне часто снится этот сон.

– Значит, ты думаешь, что грядет Тьма? – вздрогнула Эовейн и вдруг прижалась к нему теснее. – Тьма, от которой нет спасения?

– Нет, – ответил Фарамир, глядя ей прямо в глаза. – Это всего лишь видение. Я не ведаю, что произошло на востоке. Бодрствующий мой разум говорит: приключилось что-то страшное, грядет конец света. Но сердце отвечает – нет! Я чувствую во всем теле удивительную легкость, и такая радость льется мне в душу, такая надежда, что разуму не удастся обмануть меня! Эовейн, Эовейн, Белая Королевна Рохана! Я не верю, что тьма может победить навечно!

И, наклонившись, он поцеловал ее в лоб.

Так стояли они на стенах гондорской столицы, и вновь поднялся сильный ветер, и смешал их волосы – черные как вороново крыло и золотые. Тень рассеялась, солнце очистилось от дымки, брызнул свет; серебром засверкали воды Андуина, и всюду зазвенели песни, ибо сердца людей исполнились радости, хотя причин ее никто не знал.

Спустя малое время после полудня с востока, тяжело взмахивая крыльями, прилетел огромный орел: он принес вести от Владык Запада – вести, на какие никто не смел и надеяться.

*Пойте, пойте, люди Башни Анора!
Ибо кончилась власть Саурона
и Черная Башня пала!*

*Пойте, радуйтесь, воины Сторожевой Башни!
Не напрасна была ваша стража,
ибо Черные Ворота разбиты
и Король ваш прошел в них с победой!*

*Пой и радуйся, славный Запад,
ибо Король опять грядет воцариться —
он будет жить с вами и править вами
до конца дней ваших!*

*Обновится засохшее Древо:
он посадит его на высоком месте —
и благословен будет ваш Город!
Пойте же, люди!⁶²³*

И на всех улицах столицы зазвенели песни.

Наступили поистине золотые дни – ибо Весна и Лето соединились и вместе устроили праздник на полях Гондора. С острова Кайр Андрос прибыли быстрые гонцы с вестями о победе, и в Городе начались приготовления к возвращению Короля. За Мерри прислали особого гонца, и хоббит отправился в Оспиат вместе с обозом провизии, а оттуда – рекой – на Кайр Андрос; Фарамир, однако, остался в городе,

поскольку, исцелившись, принял – пусть на малое время – бразды наместнической власти; теперь его долгом было достойно встретить того, кто шел ему на смену.

Эovejн не поехала на Кормалленское Поле, хотя брат передал ей приглашение. Фарамир подивился этому, но узнать, в чем дело, ему было недосуг – в последние дни он виделся с королевной Рохана только мельком, занятый множеством неотложных дел. Она осталась в Обителях Целения, гуляла в одиночестве по саду, и краска вновь сошла с ее лица; казалось, во всем городе лишь она одна по-прежнему томится и печалится. Управитель Обителей Целения, весьма встревоженный, решил поговорить об этом с Фарамиром.

И Фарамир пришел в Обители, и отыскал Эovejн, и они вновь, как бывало, вышли на городскую стену, и Фарамир спросил ее:

– Эovejн! Почему ты не покинула Обители и пренебрегла праздничным пиром на Кормалленском Поле? Ведь брат звал тебя!

– Разве причина неизвестна тебе? – был ее ответ.

Фарамир молвил:

– Причин может быть две, но какая из них истинная, мне неизвестно.

Эovejн возразила:

– Не желаю играть в загадки. Говори прямо!

– Изволь, госпожа, я скажу. Ты осталась, потому что позвал тебя брат, а не другой, и еще потому, что видеть Арагорна, наследника Элэндила, в день его славы, тебе не в радость. Или, может, причина в том, что на торжество не поехал я, а ты по-прежнему хочешь быть рядом со мной? А может, тебя удержало и то и другое, и ты сама не ведаешь, какое чувство сильнее?.. Полюбишь ли ты меня, Эovejн? Или нет на то твоей воли? Скажи мне!

– Я хотела, чтобы меня полюбил другой, – ответила она, – и не ищу жалости.

– Знаю, Эovejн. Ты искала любви Владыки Арагорна. Он высокороден и могуществен, а ты желала славы, и тебе льстила мысль вознестись над простыми, жалкими смертными, ползающими во прахе. Один взгляд знаменитого полководца оставляет подчас глубокий след в душе молодого воина. Кто не признает, что Арагорн поистине велик и среди живущих равных ему нет? Но он мог дать тебе

только сострадание и жалость. Тогда, сказав себе: «Все или ничего!» – ты выбрала смерть в честном бою. Посмотри мне в глаза, Эвейн!

Эвейн встретила его взгляд и выдержала его.

Тогда Фарамир заговорил снова:

– Не презирай жалость, если она исходит от чистого сердца, о Эвейн! Однако я не предлагаю тебе жалости. Ты высокородна и доблестна, госпожа моя, ты прославила себя великим подвигом, который не забудется в веках. И ты прекрасна – прекраснее, мыслю, чем можно было бы выразить словами даже на языке эльфов. И я люблю тебя. Сперва я пожалел тебя, увидев твою печаль, но теперь я любил бы тебя и беспечальную, не знающую страха и беспокойства, любил бы тебя, даже если бы ты стала благословенной и счастливой Королевой Гондора. А ты, Эвейн? Согласна ли ты полюбить меня?⁶²⁴

И тут сердце у Эвейн дрогнуло – а может быть, перемена случилась не теперь, а давно, но на поверхность вышла только теперь. Зима, жившая в ней, исчезла бесследно, и с небес засияло солнце.

– Я стою на стене Минас Анора, Башни Солнца, – молвила она, вскинув голову. – Смотрите все! Тень отступила и уже не вернется. Я больше не воительница! Я не поскачу больше в поход с доблестными всадниками Рохана, не стану больше находить усладу в боевых песнях. Я буду Целительницей и отдам свое сердце травам и цветам – всему, что растет и плодоносит. – И она снова взглянула на Фарамира. – Я не стремлюсь больше быть королевой!

Фарамир улыбнулся.

– Вот и ладно, – сказал он. – Ибо и я – не король. Но я обручусь с Белой Владычицей Рохирримов, если будет на то ее воля. Если же она даст согласие – мы с нею переправимся через Реку, и, когда наступят лучшие дни, поселимся в прекрасном Итилиэне, и заложим там сад. И все цветы в этом саду и все деревья будут радоваться, заслышав шаги Белой Госпожи!

– Ты хочешь, чтобы я покинула свой народ, о гондорец? – сдвинула брови Эвейн. – Разве ты стерпишь, если твои гордые соплеменники скажут о тебе: «Вот идет гондорский князь, укротивший дикую северную всадницу! Или у нуменорцев нет своих женщин? Или не из кого было ему выбрать жену у себя дома?»

– Стерплю с радостью, – сказал Фарамир, и заключил ее в объятия, и поцеловал под сияющим небом, ничуть не беспокоясь о

том, что они стоят на городской стене и любой проходящий может их увидеть. И многие видели их, когда рука об руку спустились они со стены и вернулись в Обители Целения.

– Королевна Рохана исцелилась, – объявил Фарамир Управителю.

– Если так, я освобождаю ее от своего попечения и прощаюсь с ней, – улыбнулся Управитель. – Да минут ее раны и недуги! Препоручаю ее Наместнику Гондора, пока не возвратится брат королевны.

– Ты отпускаешь меня, но я передумала и не хочу уходить, – рассмеялась Эвейн. – Для меня отныне эти Обители дороже всех дворцов на свете! Да почиет на твоём доме благословение!

И она оставалась в Обителях Целения, пока не вернулся король Эомер.

Приготовления заканчивались. В столице собралось множество народу – новости разнеслись по всему Гондору, от Мин-Риммона до самого Пиннат Гэлина и дальних побережий. Все, кто мог, поспешили в Минас Тирит. Город вновь наполнился женщинами и радостно щебечущими детьми, вернувшимися в свои дома с охапками цветов. Из Дол Амрота прибыли лучшие гондорские лютнисты. В Городе зазвучали скрипки, флейты, серебряные рожки. Из долин Лебеннина приехали звонкоголосые певцы...

Наконец наступил долгожданный вечер, когда смотревшие со стен жители Города увидели на поле палатки и шатры. Не было ни одного дома, где бы не горели в эту ночь огни. А когда наступило ясное, свежее утро и за восточными горами, очистившимися теперь от Тени, взошло солнце, в городе разом зазвонили все колокола, поднялись, плеща на ветру, все знамена, и над Белой Башней Цитадели в последний раз взвился стяг Наместников – серебряный, как снег на солнце, без знаков и гербов.

Короли Запада двинули свои полки к городским стенам. Все затаив дыхание смотрели, как ряд за рядом приближается войско, блестя и сверкая в лучах восхода, как ручьи живого серебра. Так подошли они к Воротам и остановились немного не доходя до них. Ворота еще не восстановили; вместо них вход в Город преграждал заслон, у которого несли караул гвардейцы в черно-серебряном, с длинными обнаженными мечами. Перед заслоном стояли Фарамир,

Наместник Гондора, Хьюрин, Хранитель Ключей, и остальные гондорские князья, а с ними – Эвейн Роханская с маршалом Эльфхельмом и высокородными роханскими рыцарями. За ними и по обе стороны от ворот всеми цветами радуги пестрели толпы нарядных людей с гирляндами и венками.

Перед стеной Минас Тирита оставалось широкое пространство, окруженное воинами, роханскими и гондорскими, и простыми гондорцами – как горожанами, так и жителями дальних провинций. Толпа шумела и волновалась, но стоило выступить из рядов войска дунаданам, одетым в серебристо-серые одежды, как все стихло. Впереди медленно шел Владыка Арагорн. Он был облачен в черную кольчугу с серебряным поясом и длинную белую мантию, скрепленную у горла большим зеленым камнем, который сверкал так, что видно было издалека. Голова Арагорна оставалась непокрытой, если не считать тонкого серебряного обруча со звездой, охватившего ему волосы. Рядом с Арагорном шли Эомер Роханский, князь Имрахил и Гэндальф, облаченный в белое, а с ними – четыре маленьких человечка, которым многие весьма дивились.

– Нет, что ты, голубушка моя! Какие же это ребятишки? – объясняла Иорэт своей родственнице, прибывшей из Имлот Мелуи. – Это перианы из далекой Страны Невеличков, милочка, и все они великие и славные князья, вот как. Кому ж это и знать, как не мне, ведь один из них долго пробыл у нас в Обителях под моей опекой. С виду они крохи, зато в бою ужасно какие смелые! Да что там говорить, сестрица, ведь один из них пробрался в Страну Тьмы, взяв с собой только своего оруженосца, и что же? Дошел до самого Черного Властелина и сразился с ним, можешь себе представить, и поджег Черную Башню – хочешь верь, хочешь нет! Во всяком случае, в Городе про это все говорят! Это, наверное, тот, что идет рядом с Эльфийским Камнем. Они с ним, слыхала я, такие друзья, что водой не разольешь! А Эльфийский Камень – он и вообще чудо, таких нигде больше не сыщешь. Не податлив, милочка, это уж как положено, зато сердце у него, как говорится, золотое, а в руках благодать исцеления. *«В руке Короля исцеленье найдешь!»* – сказала я им. Через мои слова все наружу-то и выплыло. А Митрандир мне и говорит: «Иорэт, – говорит, – люди долго не забудут твоих слов». И тогда...

На этом наставление пришлось прервать, так как заиграла труба и на поле наступила мертвая тишина. Фарамир выступил вперед, сопровождаемый только Хьюрином, Хранителем Ключей, и четырьмя шедшими чуть позади гвардейцами в высоких шлемах Цитадели и черно-серебряных уборах. Они несли большой ларец из черного *лебетрона*, окованный серебром.

Фарамир встретил Арагорна посередине открытого пространства между рядами войск и Воротами, преклонил перед ним колени и произнес:

– Последний Наместник Гондора просит снять с него бремя власти.

И он протянул Королю белый наместнический жезл, но Арагорн отклонил его руку:

– Бремя власти останется на тебе до самой смерти и после нее перейдет к твоим детям. Так будет, пока не оборвется мой или же твой род. Исполни же, что должен исполнить!

Тогда Фарамир встал и воскликнул так, чтобы все слышали:

– Выслушайте, гондорцы, своего Наместника! Се, в Город наш явился человек, который предъявил права на королевский трон. Этот человек перед вами. Имя его – Арагорн, сын Араторна, предводитель дунаданов Арнора, Вождь Западных Армий, обладатель Звезды Севера и Перекованного Меча, Победитель врагов Гондора, Исцеляющая Длань, Эльфийский Камень, Элессар, отрасль Валандила, сына Исилдура, сына Элендила из Нуменора. Признаете ли вы его своим Королем? Войдет ли он в этот Город, дабы остаться здесь навсегда?

Войско и горожане в один голос громко прокричали:

– Да!

Иорэт поспешила растолковать своей родственнице, что происходит:

– Надо знать, дорогая, что это просто полагается так говорить, а на самом деле все известно заранее, ведь он уже был в Городе, понимаешь? Вот что он мне сказал...

Но тут ей опять поневоле пришлось прикусить язык, потому что Фарамир продолжал:

– Люди Гондора! Хранители Предания утверждают, что в древности Король получал корону от своего отца перед кончиной последнего, а если это было невозможно – наследник один, без

сопровождающих, шел в Усыпальницы и брал символ власти из рук усопшего Короля. Но теперь обстоятельства вынудили нас поступить иначе, и я, пользуясь своей наместнической властью, сам принес сюда с улицы Рат Динен корону Эарнура, последнего Короля, почившего много веков назад, во времена наших далеких праотцев.

Стражи сделали шаг вперед. Фарамир открыл ларец из *лебетрона* и вынул из него древнюю корону. По виду она напоминала шлем гвардейцев Башни, но была выше и белого цвета; по бокам на ней блестели чайчьи крылья из серебра и перламутра, ибо таков был родовой герб Королей Из-за Моря. Семь бриллиантов сверкало на ободе короны, а на самой верхушке горел еще один, яркий как пламя.

Арагорн принял из рук Фарамира корону, поднял ее над головой и воскликнул:

– *Эт Эарелло Эндоренна утуулиэн! Синомэ маруван ар Хилдиньньяр тенн' Амбар-метта!*⁶²⁵

Эти самые слова произнес Элендил, когда прибыл в Средьземелье на крыльях ветра: «Из-за Великого Моря явился я в Средьземелье, и род мой пребудет здесь до скончания мира!»

Но, к немалому удивлению собравшихся, короны Арагорн не надел. Он возвратил ее Фарамиру и молвил:

– Многие помогали мне своею доблестью и трудами прежде, нежели я возвратил себе владения предков. В знак этого я хочу, чтобы корону мне подал Хранитель Кольца, а Митрандир, если будет на то его воля, водрузил мне ее на голову, ибо только благодаря ему все свершилось так, как свершилось, и победа, которую мы празднуем сегодня, – его победа.

Выйдя вперед, Фродо взял корону из рук Фарамира и подошел с нею к Гэндальфу, и Гэндальф возложил Белую Корону на голову коленопреклоненному Арагорну со словами:

– Сим полагается начало дням Короля земли сей, и да пребудет на них благословение, доколе незыблемы престолы Валаров!

Арагорн встал, и воцарилась тишина – ибо всем, кто был на поле, показалось, что они видят его впервые. Статный, как древние королемореходы, он возвышался надо всеми: отягченный бременем лет Властитель – и одновременно муж в зените зрелости. На челе его почил мудрость, длань его таила исцеляющую силу, и ореол света окружал его.

И Фарамир воскликнул:
– Се Король Гондора!⁶²⁶

Запели все трубы, и Король Элессар приблизился к Воротам. Хьюрин, Хранитель Ключей, отодвинул заграду – и, под звуки арф, скрипок, флейт и чистых, звонких голосов, поющих хвалу, Король вступил на выложенные цветами улицы, поднялся к Цитадели и вошел в ворота; в это же самое мгновение взвился к небу и заплескался на ветру новый флаг Цитадели, с Деревом и Звездами, и правление Короля Элессара, воспетое позже в стольких песнях, началось.

При Короле Город был отстроен заново, да так, что он сделался прекраснее, чем когда-либо, не исключая пору своего первого расцвета. На площадях забили новые фонтаны, вдоль улиц зазеленели деревья. Ворота для Столицы выковали из стали и мифрила, а мостовую устлали белым мрамором. Много потрудились над украшением столицы Горное Племя; с радостью гостил здесь и Лесной Народ. Все было исцелено и отстроено, дома наполнились людьми и зазвенели от песен и детского смеха. В Городе не осталось ни единого пустого окна, ни одного мертвого и безмолвного двора, и память о славе последних лет Третьей Эпохи долго еще сохранялась в легендах эпох, пришедших на смену.

В дни, последовавшие за коронацией, Король, воссев на трон в Королевском Зале Белой Башни, вершил суд и объявлял свою волю. Явились послы от многих стран и народов – с Востока, с Юга, от границ Чернолесья и из Дунланда. Сдавшиеся в плен восточные кочевники были помилованы и отпущены на свободу. С харадцами был заключен мир. Рабам Мордора Король даровал свободу и пожаловал в их владение все земли вокруг озера Нурнен. Перед Королем прошло много храбрых воинов, которые удостоились от него похвалы и награды.

Наконец Начальник Стражи привел на королевский суд Берегонда.
– Берегонд! – обратился к нему Король. – Твой меч пролил кровь в Усыпальницах, где на это наложен строжайший запрет. Кроме того, ты оставил свой пост в Цитадели, не испросив ни разрешения Наместника, ни разрешения своего командира. В прежнем Гондоре такие преступления карали смертью. Выслушай же свой приговор! Я снимаю с тебя наказание, ибо в бою ты выказал немалую доблесть и

проступок твой совершен был единственно из любви к Властителю Фарамиру. Но ты должен будешь покинуть как Гвардию, так и Город. В стенах Минас Тирита отныне тебе не жить.

Кровь отхлынула от лица Берегонда, и он, пораженный в самое сердце, низко опустил голову. Но Король продолжал:

– Иначе и быть не может, так как ты зачисляешься в Белую Дружину Фарамира, Князя Итилиэнского. Ты примешь командование этим полком и поселишься в Эмин Арнене, где в чести и покое будешь служить тому, во спасение которого ты пожертвовал всем, что имел.

И Берегонд увидел, сколь справедливо и милостиво решение Короля, и лицо его просветлело. Преклонив колено, он поцеловал руку Арагорна и покинул Короля с великой радостью в сердце. А Итилиэн отошел Фарамиру, которого Король попросил поселиться на холмах Эмин Арнен, вершины которых были видны со стен Города.

– Крепость Минас Итиль в Долине Моргула должна быть стерта с лица земли, – сказал Король. – Может быть, место, где она стояла, со временем и очистится, но людям еще долго нельзя будет селиться на нем.

Последним Арагорн призвал Эомера Роханского. Они обнялись, и Арагорн сказал:

– К чему нам слова, к чему богатые дары и награды? Ведь мы братья. В счастливый час прибыл с севера Эорл Юный! Мир еще не знал такого благословенного союза, как союз наших стран, ибо ни один из наших двух народов ни разу не отступил от данных обетов и не отступит вовеки. Теоден Славный лежит теперь в Усыпальницах Минас Тирита и, если ты пожелаешь, навечно останется среди Королей Гондора. Но если ты решишь перенести его останки в Рохан, мы вместе отправимся в Рохан, дабы совершить погребение Теодена среди могил его предков.

– С той минуты, как ты встал передо мною из зеленой травы, я полюбил тебя, и этой любви уже ничто не угасит, – отвечал на это Эомер. – Но теперь я должен ненадолго отправиться домой, где мне предстоит залечить нанесенные моей земле раны и где я должен многое привести в порядок. Когда все будет готово, мы вернемся сюда за Павшим. Пока же пусть прах его покоится в Городе.

И Эовейн сказала Фарамиру:

– Я должна отправиться домой – взглянуть еще раз на свою родину и помочь брату. Но когда тот, кого я любила, как отца, обретет наконец покой в земле Рохана – я вернусь сюда.

Минули дни торжеств и ликований – и вот, на восьмой день мая, всадники Рохана подготовились к походу и Северным Трактом выступили в обратный путь. С ними отправились и сыновья Элронда. От самых городских Ворот до стен Пеленнора выстроились гондорцы, провожая своих союзников. После отъезда Рохирримов потянулись домой и остальные гости Города, прибывшие из далеких краев.

Между тем в Городе начались работы – и не было недостатка в добровольцах: многое надо было отстроить, восстановить, обновить. Предстояло залечить все шрамы, нанесенные войной, а с ними – искоренить самую память о Тьме.

Хоббиты, вместе с Леголасом и Гимли, остались пока в Минас Тирите: Арагорн просил их задержаться, не желая, чтобы разлука наступила слишком быстро.

– Всеу когда-нибудь приходит конец, – сказал он. – Но я хотел бы, чтобы вы побыли здесь еще немного. История, в которой вам довелось принять участие, еще не кончилась. Близится день, которого я жду уже много лет с тех самых пор, как перестал быть юношей и сделался мужем. Когда же этот день наконец наступит, мне хотелось бы, чтобы мои друзья были рядом со мной.

Однако, что это за день, он утаил.

Жили друзья все вместе, в одном доме с Гэндальфом, и проводили время, как им того хотелось.

– Ты не знаешь, что за День имел в виду Арагорн? – спросил однажды у Гэндальфа Фродо. – Мы тут очень счастливы, хоть совсем не уезжай, но дни идут, и Бильбо нас, наверное, заждался. К тому же мой дом – в Заселье, а не здесь.

– Что касается Бильбо, – отвечал Гэндальф, – то он и сам предвкушает этот День, и для него не тайна, почему вы так мешкаете в Гондоре. Дни, конечно, идут, но ведь май еще не кончился, а настоящее лето не началось. Нам кажется, что в мире прошли века – так переменялось все вокруг, но, по счету деревьев и травы, еще и года не минуло, как вы отправились в путь.

– Эй, Пиппин! – засмеялся Фродо. – Слушай! Не ты ли мне говорил, что Гэндальф перестал скрытничать? Куда там! Тогда он, верно, просто устал от трудов праведных и слегка забылся. А теперь помаленьку приходит в себя...

– Многие любят заранее выведать, что подадут к пиршественному столу, – улыбнулся Гэндальф. – Но повар предпочитает хранить свой замысел в тайне, чтобы неожиданность сделала похвалы более пылкими. Кроме того, Арагорн ждет знака, а до тех пор...

Однажды друзья хватились Гэндальфа, но не смогли его отыскать и долго недоумевали – что бы могло значить это странное исчезновение? А Гэндальф, взяв с собой Арагорна, под покровом ночи вышел с ним за пределы Города, к южному подножию Миндоллуина. Вместе они отыскиали там тропу, вырубленную в скалах много веков назад. Мало кто решался вступить на нее, потому что вела она в гору, к высоким уступам, на которые поднимались только Короли⁶²⁷. Гэндальф с Арагорном взошли по этой крутой тропе и оказались на высокогорном лугу, сразу за которым начинались вечные снега. Остановившись над пропастью, обрывающейся к Городу, они осмотрелись вокруг, ибо уже рассвело, и увидели внизу белые острия высоких точеных башен Цитадели, озаренные первыми лучами солнца, и цветущую подобно саду долину Андуина, и Мрачные Горы в золотистой дымке. Слева серой тенью виднелись скалы Эмин Муйла, и, как утренняя звезда, искрился вдали Раурос; справа, извиваясь, уходила к Пеларгиру лента Великой Реки, и озаренный край небес на горизонте напоминал о Море.

– Твое Королевство перед тобою, – сказал Гэндальф. – Но ты видишь только малую часть его, только самое сердце твоих будущих владений. Третья Эпоха кончилась, началась новая. Твоя задача – выпестовать ее с самого первого ростка и сохранить все, что можно сохранить. Ибо спасти удалось многое, но многому суждено и прейти. Три Кольца лишились былой власти. Все земли, которые ты видишь с этой высоты, и все земли, лежащие за горизонтом, отойдут к людям. Настала эпоха владычества Людей⁶²⁸, и Старшему Племеню придется умалиться или покинуть эти края совсем.

– Я хорошо знаю это, друг мой, – сказал Арагорн. – Но мне еще нужен будет твой совет.

– Недолго мне быть твоим советчиком, – возразил Гэндальф. – Моим временем была Третья Эпоха. Я был послан сюда как враг Саурана. Теперь мой долг исполнен. Я скоро покину Средьземелье. Бремя ляжет на тебя и твой род.

– Но я умру, – сказал Арагорн. – Я смертен, и хотя, будучи прямым потомком людей Западной Расы, я проживу гораздо дольше других, срок моей жизни все-таки недолог. Когда те, кого сегодня носит материнская утроба, родятся, вырастут и состарятся – я состарюсь вместе с ними. Если мое желание не исполнится, кто будет после меня править Гондором и остальными народами, которые чтут Белую Башню как свою королеву? Дерево на площади Фонтана по-прежнему сухо и не плодоносит. Увижу ли я знак, что когда-нибудь все станет иначе?

– Отвернись от зеленых, цветущих земель, Арагорн, и взгляни туда, где с виду мертво и пусто! – молвил Гэндальф.

И Арагорн повернулся, и взглянул на скалистый склон, поднимавшийся к леднику, и увидел вдали, среди пустынных камней, тянувшийся кверху росток. Арагорн поднялся по склону и подошел ближе. У самой кромки снегов росло молодое деревце не больше трех локтей в высоту. На нем уже распустились листья – продолговатые, изящные, темные сверху и серебристые с изнанки, а среди тонких веток маленькой кроны светилось одно-единственное крошечное соцветие, и белые лепестки сияли, как снег на солнце.

– *Иэ! Утуувизниэс!*⁶²⁹ – воскликнул Арагорн. – Наконец-то я нашел его! Это же оно – Древнейшее из Всех Деревьев Мира! Но откуда оно здесь? Этому ростку еще и семи лет не исполнилось!

Гэндальф подошел ближе и, внимательно оглядев деревце, кивнул:

– Воистину! Дерево это по прямой линии происходит от Нимлот Благосеннолиственной, бывшей когда-то отростком Галатилиона, который вырос от семени Тельперииона Многоименного, Древнейшего из Деревьев. Кто скажет, почему оно выросло именно здесь, почему расцвело именно в этот час? Место, где мы стоим, издревле считалось священным, и, видимо, кто-то опустил в эту землю многоценное семя еще до того, как прервался род Королей, до того, как увяло Дерево во дворе Цитадели. Говорят, плоды этого Древа редко созревают до конца, зато в зрелом семени неразбуженная жизнь способна иной раз

дремать в течение многих, многих лет, и никто не может сказать, когда она проснется. Не забывай об этом. Ибо, если плод все-таки созреет, семена надо будет во что бы то ни стало опустить в землю – иначе род этих деревьев может угаснуть и мир лишится их навсегда. Семя этого деревца пролежало здесь, среди камней, не один год – и точно так же род Элендила скрывался до времени среди северных пустынь. Но род Благосеннолиственной древнее, чем твой, Король Элессар!

Арагорн приблизился к деревцу, бережно взялся за его ствол – и вдруг деревце отделилось от земли, словно вовсе и не держалось за нее, и Арагорн перенес его в Цитадель. Увядшее Дерево, соблюдая должное почтение, выкорчевали и не сожгли, но положили в молчаливом городе на Рат Динен, и Арагорн посадил во дворе у фонтана новое. Саженец, быстро и охотно принявшись, рос не по дням, а по часам, и к приходу июня весь был покрыт цветами.

– Знак дан, – молвил тогда Арагорн. – День мой близок.

И он поставил на стенах дозорных, чтобы те следили за дорогой.

За день до Преполовления Лета от Амон Дина в город явились вестники и сообщили, что с севера движется пышная процессия, которая уже подходит к стенам Пеленнора. Тогда Король воскликнул:

– Это они! Приготовьте Город к встрече!

И вот, в самый канун Преполовления, когда небо загустело сапфировой синью и на востоке засияли белые звезды, но запад еще горел золотом, и воздух был прохладен и благоуханен, – по Северному Тракту к воротам Минас Тирита приблизилась конная процессия. Во главе ее ехали Элрохир и Элладан под серебряным знаменем; за ними следовали Глорфиндэл, Эрестор и весь двор Элронда; следом выступали белые кони Владычицы Галадриэли и Кэлеборна. Владыки Лотлориэна прибыли в сопровождении многочисленной и благородной свиты из своих подданных; эльфы из свиты все были в серых плащах и с белыми алмазами в волосах. Замыкал процессию Властитель Ривенделла, Элронд, могущественнейший из эльфов и людей, со скипетром Аннуминаса в руке, а рядом с ним на серой лошади ехала дочь его Арвен, Вечерняя Звезда своего народа.

Увидев ее, окруженную мерцающим в полумраке ореолом света, со звездой на челе, и почувствовав в воздухе тонкое благоухание, Фродо ощутил в сердце прилив радости и удивления и прошептал Гэндальфу: «Наконец-то я понял, почему мы так долго ждали! Вот он –

настоящий Конец! Теперь люди будут любить не только день, но и ночь. Она станет прекрасной и благословенной, и в ней больше не будет страха!»

Король приветствовал гостей, и они спешили; Элронд передал Арагорну скипетр и вложил руку своей дочери в руку Короля, и они вместе направились в столицу, а на небо выпали все до единой звезды. Так в праздник Преполовения, в Городе Королей, Арагорн, Король Элессар, обручился с Арвен Ундомиэль⁶³⁰, и история их скорбей и долготерпения пришла к завершению.

Глава шестая

Расставания и потери

Когда кончились празднества, хоббиты засобирались домой. Фродо отправился к Королю и нашел его у фонтана, под буйно цветущим Белым Деревом, рядом с Королевой Арвен, певшей своему супругу песню про Валинор. Король и Королева приветствовали Фродо, встав ему навстречу, и Арагорн произнес:

– Я знаю, зачем ты пришел, Фродо: ты желаешь отправиться к себе на родину. Ну что ж, дорогой друг мой, для дерева нет земли лучше, чем та, где росли его предки. Но ты всегда будешь желанным гостем в наших краях. И хотя до сих пор твое племя в легендах больших народов упоминалось нечасто, отныне оно прославится так, что многие исчезнувшие великие королевства смогут ему позавидовать!

– Это правда, я хочу вернуться в Заселье, – просто сказал Фродо. – Но мне надо бы по дороге заглянуть в Ривенделл. В эти благословенные дни мне недоставало только дяди Бильбо... Когда я не увидел его в свите Элронда, я очень огорчился.

– Что же тут удивительного, о Хранитель Кольца? – молвила Арвен. – Ты ведь хорошо знаешь могущество той Вещи, которой обладал и которой теперь не существует более. Все, что она дала своим владельцам, отнялось у них вместе с ее гибелью. А твой родич хранил Кольцо гораздо дольше, чем ты... По счету вашего племени, он уже глубокий старик. Он ждет тебя, но сам уже никогда не отправится ни в какое путешествие... кроме одного, последнего.

– Тогда позволь мне, пожалуйста, поскорее выехать к нему, – сказал Фродо.

– Через неделю, – сказал Арагорн, – мы поедем вместе, и нам долго будет по пути – до самого Рохана. Спустя три дня вернется Эомер, дабы сопровождать тело короля Теодена, которое будет предано земле в Стране Всадников. Мы отправимся с Эомером и воздадим почести павшему. Но прежде, чем вы уедете, я хотел бы подтвердить привилегию, данную вам Фарамиром, и продлить ее на вечный срок. Я дарую тебе полную свободу передвижения по всем землям, на которые простирается моя власть. Даруется это право и всем твоим друзьям. Если бы можно было выдумать награду, достойную подвига, который ты совершил, – эта награда была бы уже твоей. Но такой награды нет и быть не может, а потому прошу тебя – возьми, что душа пожелает. А мы воздадим тебе подобающие почести и снарядим в дорогу, как князя.

Королева же Арвен сказала так:

– И все-таки я приготовила тебе дар, о Хранитель. Я – дочь Элронда. Но в Гавань я вместе с ним не поеду, ибо сделала тот же выбор, что и Лутиэн, и выбор этот сладок и горек одновременно. Когда придет время, вместо меня отправишься ты, Хранитель Кольца, – если, конечно, захочешь. Если тебя начнут беспокоить старые раны, если память о твоей ноше станет угнетать тебя – ты сможешь уйти на Запад и жить там до тех пор, пока раны и усталость не исчезнут бесследно. Носи это на память об Эльфийском Камне и Вечерней Звезде, с которыми связала тебя судьба!

Она сняла бриллиант, звездой сиявший у нее на груди, и надела серебряную цепочку с камнем на шею Фродо.

– Когда тебя потревожит воспоминание о прежних страхах и о Тьме, сквозь которую ты прошел, – не забудь об этом талисмане⁶³¹: он принесет тебе облегчение, – сказала она.

Как и обещал Арагорн, через три дня в Город прибыл Эомер Роханский с эоредом благороднейших рыцарей Страны Всадников. Его встретили с радостью. Когда все собрались на трапезу в Меретронде, Большом Пиршественном Зале Минас Тирита, Эомер наконец собственными очами узрел красоту королевы Арвен и Владычицы Галадриэли и преисполнился изумления. После трапезы, прежде чем удалиться отдыхать, он послал за гномом Гимли и сказал ему:

– О Гимли, сын Глоина! При тебе ли твой топор?

– Нет, господин мой, но мне недолго и принести его, если есть нужда, – ответил Гимли.

– Суди сам, – молвил Эомер. – Некогда мною были сказаны дерзкие и опрометчивые слова о Владычице Золотого Леса, и слова эти стоят между нами до сих пор. Однако сегодня мне довелось увидеть Владычицу собственными глазами.

– Что же ты скажешь о ней теперь, господин мой?

– Увы! Я не скажу, о достойный Гимли, что госпожа Галадриэль прекраснее всех в Средьземелье!

– Что ж, надо идти за топором, – сказал Гимли.

– Дозволь мне прежде оправдаться в твоих глазах, – остановил его Эомер. – Доведись мне увидеть Госпожу в ином окружении, я согласился бы со всем, что ты говорил мне о ней раньше. Но теперь я поневоле склоняюсь перед красотой Королевы Арвен, Вечерней Звезды, и готов сразиться с каждым, кто осмелится отрицать ее превосходство! Посылать ли мне за мечом?

Гимли поклонился ему в пояс.

– Не надо, господин мой, ибо я принимаю твое оправдание, – сказал он. – Просто ты выбрал Вечер, а мое сердце принадлежит Утру. И сердце предвещает мне, что Утро это скоро минет.

Наконец наступил день разлуки, и процессия благородных гостей приготовилась к отъезду на север. Король Гондора и король Рохана спустились в Священные Усыпальницы, на улицу Рат Динен, вынесли оттуда на золотых носилках тело короля Теодена и в торжественном молчании проследовали через Город. Носилки водрузили на высокий катафалк. Вокруг кольцом встали роханские всадники, впереди развернули королевское знамя. Рядом с Королем на катафалке сидел Мерри, оруженосец Теодена, с королевским мечом и щитом в руках.

Другие члены Отряда ехали каждый как ему было привычнее: Фродо и Сэмуайз – на своих пони, рядом с Арагорном, Гэндальф – на Скадуфаксе, отдельно, Пиппин – в строю гондорцев, а Леголас и Гимли, как и всегда, вдвоем, на Ароде.

Ехала с ними и Королева Арвен, а с нею Кэлеборн и Галадриэль со свитой, Элронд с сыновьями, князя Дол Амрота и Итилиэна и множество славных воинов и полководцев. Ни одного из королей

Рохана не сопровождала еще такая свита, как Теодена, сына Тенгела, который возвращался домой, в свою отчизну!

Не спеша, спокойным шагом миновали они Анориэн и остановились в Сером Лесу, под Амон Дином. С холмов доносился рокот барабанов, но никого видно не было.

Арагорн велел протрубить в трубы, и герольды прокричали:

– Всем, всем! Возвещаем прибытие Короля Элессара! Отныне Друаданский лес навечно переходит к Ган-бури-Гану и его народу! Теперь никто не имеет права ступать на эту землю без разрешения Лесного Народа!

Барабаны громко загремели – и смолкли.

Через пятнадцать дней пути по зеленым полям Рохана траурный поезд короля Теодена прибыл в Эдорас. Там процессия остановилась. Золотые Палаты были сверху донизу увешаны новыми прекрасными тканями с узором и рисунками и полны света. Пира, подобного тризне по королю Теодену, Палаты не знали с того самого дня, как их построили. На четвертый день роханцы закончили приготовления к похоронам и тело Теодена погребли внутри каменного склепа⁶³² вместе с оружием и другими благородными вещами, принадлежавшими ему при жизни. Над склепом, по обычаю, насыпали высокий курган, покрыв его дерном, усеянным белыми цветами «вечно помни». Теперь с восточной стороны Могильного Поля возвышалось восемь курганов.

Всадники Роханской Гвардии на белых конях медленно двинулись вокруг кургана с песней о Теодене, сыне Тенгела, сложенной королевским бардом Глеовином⁶³³; это была последняя песня барда – более он уже не слагал песен. Торжественный, тягучий речитатив тронул всех – даже тех, кто не понимал роханского языка. У Рохирримов же глаза горели ярким огнем: им слышались в песне гром копыт несущейся с севера конницы и голос Эорла, перекрывающий шум Битвы при Кэлебранте. А песня все лилась, повествуя о королях Марки, и рог Хельма трубил в Теснине, и вставала над миром Великая Тьма, – но явился король Теоден, и помчался сквозь Тьму навстречу огню, и погиб, осиянный славой, и солнце, которого никто уже не чаял увидеть, вновь поднялось на небо, и над Миндоллуином встала заря.

*Сомненья бросив, из бездны мрака
Он мчался к солнцу, меч воздымая;
Возжег надежду – и пал с надеждой;
Поднялся он над судьбой и смертью,
Над сном и страхом – для светлой славы!*

А Мерри плакал у подножия кургана. Когда же песня смолкла, он встал и воскликнул:

– Король Теоден! Король Теоден! Прощай! Ты был мне все равно что отец, но так недолго! Прощай же!

Погребение закончилось, женский плач стих. Теоден остался один под зеленью кургана, а в Золотых Палатах начался великий пир, и надгробный плач претворился в радость – ибо король Теоден взосел в полноту лет и славно кончил жизнь, не уступив величайшим из своих предков. Когда же, по обычаю Рохирримов, настала пора испить вина в память о королях прошлого – Эовейн, королевна Рохана, сияя золотом солнца и белизной снегов, поднесла Эомеру налитый до краев кубок.

Тогда выступил на середину зала бард, хранитель Роханского Предания, и поименовал пред пирующими всех прежних властителей Марки: Эорла Юного, Брего, строителя Золотых Палат, Алдора⁶³⁴, брата злосчастливого Бальдора, Фреа⁶³⁵, Фреавина⁶³⁶, Голдвина⁶³⁷ и Деора⁶³⁸, и Грама⁶³⁹, и Хельма⁶⁴⁰, того самого, что скрывался в Хельмской Теснине, когда Марка стонала под пятой врага. Эти девятеро Королей лежали под девятью западными курганами, ибо на Хельме прежняя линия прервалась, и Фреалаф⁶⁴¹, двоюродный брат Хельма, начал новую. За курганом Фреалафа шли курганы Леофы⁶⁴², Валды⁶⁴³, Фолки⁶⁴⁴, Фолквина⁶⁴⁵, Фенгела⁶⁴⁶, Тенгела и, наконец, Теодена. Когда бард произнес имя Теодена, Эомер осушил кубок до дна. Тогда Эовейн велела слугам наполнить кубки, и все встали, и выпили вино в честь нового Короля, и воскликнули:

– Да здравствует Эомер, Король Марки!

Когда пир уже близился к концу, Эомер поднялся и проговорил:

– Мы с вами собрались на тризну по королю Теодену. Но прежде чем окончится этот пир, я объявлю вам радостную весть – и знаю, что Теоден не разгневался бы на меня за это, ибо любил сестру мою

Эovejн, как собственную дочь. Узнайте же, достойные гости, благородные пришельцы из многих стран Средьземелья, и вы, великие владыки, равных которым Золотые Палаты не видели еще ни разу: Фарамир, Наместник Гондора и князь Итилиэнский, просит у нас руки Эovejн, королевны Рохана, и она дает ему свое согласие. Ныне, пред вашими глазами, они обручатся.

Фарамир и Эovejн встали и подали друг другу руки, и все с радостью осушили кубки за их здоровье.

– Отныне, – воскликнул Эомер, – дружбу между Рохирримами и Гондором скрепят еще одни узы!

– Однако тебя нельзя назвать скупым, Эомер! – молвил Арагорн. – Ты отдаешь Гондору самое прекрасное, что есть у тебя в стране!

Тогда Эovejн посмотрела Арагорну в глаза и молвила:

– Исцелитель мой и Владыка, пожелай мне счастья!

И он ответил:

– Я желал тебе счастья всегда – с той минуты, как тебя встретил. Теперь, когда я вижу твою радость, в сердце моем стало одной раной меньше.

Когда пир кончился, все, кому предстояло ехать дальше, испросили у короля Эомера позволения покинуть его дворец. Арагорн с рыцарями Гондора, лориэнские эльфы и эльфы из Ривенделла собрались в дорогу. Фарамир с Имрахилом остались в Эдорасе. Осталась и Арвен Вечерняя Звезда. С братьями она простилась при всех, но ее прощания с Элрондом не видел никто. Они ушли в горы и долго беседовали наедине. Горькой была эта разлука, ибо они не могли уже тешить себя надеждой на встречу – даже после конца мира, за его пределами.

Перед самым отъездом Эомер и Эovejн обратились к Мерри с такой речью:

– Прощай, Мериадок из Заселья, прощай, Холдвин⁶⁴⁷, воин Марки! Счастливого пути! Не замедли с возвращением – мы будем тебе рады!

– Древние короли за твой подвиг на полях под Миндоллуином наградили бы тебя такими дарами, что целой телеги не хватило бы, – добавил Эомер. – Но ты ничего не захотел взять, кроме оружия, которое получил от Короля. Что ж! Я не пойду против твоего желания – ибо нет у меня сокровищ, достойных твоего подвига. Но моя сестра

все-таки просит тебя принять в дар вот эту вещицу – на память о Дернхельме и о том, как протрубили на рассвете роханские рога.

И Эовейн подала хоббиту старинный рог на зеленой перевязи, маленький, но сделанный необыкновенно искусно. От мундштука до обода рог обвивали чеканные фигурки всадников, а в орнамент вплетены были руны, обладавшие волшебной силой.

– Этот рог – наследное достояние Рохана, – молвила Эовейн. – Выковали его гномы, а найден он был в кладовых Огнедышащего Червя Скаты⁶⁴⁸. Сам Эорл Юный привез его сюда с Севера. Кто приложит этот рог к губам в час опасности, тот исполнит сердца врагов страхом, а друзья возрадуются, воспрянут и поспешат на помощь.

Мерри взял рог, ибо на этот раз отказаться было нельзя, и поцеловал руку Эовейн. Брат и сестра обняли хоббита, и они расстались – хоть и не навсегда.

Все было готово. Осушив кубки, гости от всей души поблагодарили хозяев, обещали хранить вечную дружбу и тронулись в дорогу. Скоро путников встретила Хельмская Теснина, где они пробыли два дня. Леголас сдержал слово и отправился вместе с Гимли в Блισταющие Пещеры; возвратившись, он долго молчал, сказав только, что у него нет слов для увиденного, – пусть спрашивают у Гимли!

– Чтобы гном одержал над эльфом победу в словесном состязании? Такое случается впервые, – добавил он. – Надо скорее ехать в Фангорнский лес и восстановить справедливость!

Из Теснины путешественники отправились в Исенгард и увидели, что энты потрудились на славу. От стен не осталось и камня, а сама котловина превратилась в зеленый сад, орошаемый горным потоком. Посредине возникло чистое, прозрачное озеро, из которого поднималась башня Орфанк – безмолвная, высокая и неприступная. Ее черный скальный пьедестал отражался в водах озера.

Процессия ненадолго остановилась рядом с бывшими воротами. На их месте, как часовые, стояли два высоких дерева, охранявшие окаймленную зеленью дорогу к Орфанку. Гости дивились тому, как много сделано в Исенгарде, но вокруг никого не было видно. Вскоре, правда, издали донеслось басовитое гудение: «Гу-ум-гом, гумм-

гом...» – и на дороге показался Древобород в сопровождении Стремглава.

– Добро пожаловать в Древосад Орфанка! – прогудел он. – Я был извещен о вашем прибытии, но задержался в долине. Здесь еще трудиться и трудиться!.. Впрочем, до меня дошли вести, что вы там, на юге, тоже не сидели сложа руки. То, что я узнал, пришлось мне по душе – очень даже по душе!

И Древобород воздал хвалу подвигам гондорцев и роханцев, о которых, оказалось, был прекрасно осведомлен. Кончив, он пристально посмотрел на Гэндальфа и долго не отводил взгляда.

– Ну как? – спросил он. – Ты доказал, что сильнее всех, и все твои труды завершились победой. Куда же ты теперь двинешься? И зачем пожаловал ко мне?

– Чтобы посмотреть на дела твоих рук, дружище, – ответил Гэндальф, – и сказать тебе спасибо за твой вклад в общую победу.

– Гумм! Что ж, это справедливо, – одобрил Древобород. – Энты, нечего и говорить, в стороне не остались. Мы не только разобрались с окаянными убийцей деревьев – гумм! – который тут жил прежде, но и еще кое-что успели сделать. К нам нагрянула целая стая этих... бурарум... злобноглазых-чернолапых-кривоногих-кремнесердых-когтепалых-ненасытноутробных-кровожадных-моримайте-синкахонда⁶⁴⁹, гумм, ну, вы народ торопливый, полное название для вас будет длинновато: оно как те длинные годы мучений, за которые мы столько натерпелись от этой погани... Так вот, они спустились с севера, переправились через реку и окружили Лаурелиндоренанский лес, хотя, правда, внутрь так и не проникли – спасибо Владыкам, видеть которых в Исенгарде для меня большая честь!

Он поклонился Кэлеборну с Галадриэлью и продолжал:

– Негодяи весьма удивились, когда вышли в степи Волда и повстречали там нас, ведь им об энтах слышать не приходилось. Впрочем, что с них взять, если и благородные племена зачастую ничего о нас не знают!.. Но все прочие орки так и останутся в неведении, потому что рассказать о нас будет некому. Живым отсюда почти никто не ушел, а кто ушел – тех взяла Река. Вам повезло – не встретить мы их, Степной Король далеко не уехал бы, а если бы и уехал, возвращаться ему было бы некуда.

– Об этом нам известно, – сказал Арагорн. – Минас Тирит и Эдорас никогда этого не забудут.

– *Никогда* – это слишком долгое слово даже по моим меркам, – усмехнулся Древобород. – Ты имеешь в виду – пока эти королевства не исчезнут с лица земли... Ну, чтобы нам это показалось долго, им придется здравствовать не один век!

– Начинается Новая Эпоха, – покачал головой Гэндальф. – Теперь даже я не поручусь, что королевства людей не переживут тебя, друг мой Фангорн!.. Но скажи мне лучше, как обстоит дело с поручением, которое я дал вам? Как поживает Саруман? Не устал ли он сидеть в Орфанке? Вряд ли ему по сердцу то, что он видит из окон!

Древобород ответил Гэндальфу долгим взглядом, в котором Мерри почудилось лукавство.

– Ах!.. – гулко вздохнул он. – Я знал, что ты заговоришь об этом! Не устал ли он сидеть в Орфанке? Что тебе сказать? Под конец ему все здесь до смерти опостылело, а больше всего – мой голос. Гумм! Я угостил его двумя-тремя довольно длинными историями. По крайней мере у вас их сочли бы длинными.

– Но ведь он мог не слушать!.. Ты входил в Орфанк?

– Гумм!.. Нет! В Орфанк? Зачем? Он подходил к окну и слушал меня сам, по доброй воле. А иначе откуда бы он узнал новости? Они его, конечно, бесили, но слушал он с жадностью, а уж я позаботился, чтобы он узнал все. Ну, и от себя добавил много такого, о чем ему полезно было бы поразмыслить. Под конец он очень, очень устал от Орфанка. Да! Он всегда слишком торопился. Это его и подвело.

– Но почему, дорогой Фангорн, ты говоришь о нем в прошедшем времени, да еще так старательно это подчеркиваешь? «Слушал», «торопился», «жил»... Как насчет настоящего? Разве Сарумана нет в живых?

– Насколько мне известно, он жив, – ответил Древобород. – Но здесь его нет. Вот уже семь дней, как он ушел из Орфанка. Я отпустил его. Это был уже не Саруман, а так – тень Сарумана. Ну а человек, похожий на червяка, составлявший ему компанию, – тот и вовсе обратился в привидение. Только не говори мне, Гэндальф, что я-де дал слово с Сарумана глаз не спускать и все такое прочее!.. Я твой наказ помнил. Но и перемены случились немалые. Я стерег его, пока он был опасен, но теперь он уже никому не причинит зла. Тебе следовало бы

знать, что я не выношу, когда живая тварь вынуждена сидеть в клетке. Даже таких негодяев, как эти, я не смог бы держать взаперти дольше, чем нужно. Пусть беззубая змея ползет, куда ей вздумается!

– Может быть, ты и прав, – задумчиво сказал Гэндальф. – Но я подозреваю, что один ядовитый зуб у этой змеи все-таки остался. Яд у него сосредоточен в голосе, и, боюсь, яд этот проник и в твои уши, Древобород, – даже в твои! Ведь он знал, что сердце у тебя мягкое... Впрочем, если его здесь нет, то и говорить не о чем. Башня Орфанк переходит к Королю, у него есть на нее все права. Но, может, она понадобится ему не сразу?

– Там будет видно, – сказал Арагорн. – Но как бы то ни было, я отдал долину энтам. Они могут делать с ней все, что им угодно. При этом им вменяется в обязанность стеречь Орфанк и никого не впускать туда без моего ведома.

– Башня на замке, – кивнул Древобород. – Я заставил Сарумана закрыть ее и взял у него ключи. Они у Стремглава.

Стремглав нагнулся, как дерево под сильным порывом ветра, и протянул Арагорну два больших черных ключа причудливой формы, соединенных стальным кольцом.

– Еще раз благодарю за помощь! – сказал Арагорн. – А теперь прощайте! Пусть лес ваш растет в мире, не зная тревог! А если вам станет тесно в долине – что ж, к западу от гор достаточно свободного места. В прежние времена вы считали те земли своими...

Древобород печально покачал головой.

– Лес-то, может, и вырастет, – вздохнул он. – Отчего бы ему и не вырасти? А вот нашего брата не прибавится. У нас нет побегов.

– Но может быть, теперь у вас снова появится надежда? – спросил Арагорн. – Вам откроется дорога на восток, куда раньше все пути были заказаны.

– Это очень далеко, – ответил Древобород. – И потом, теперь везде стало так много людей... Впрочем, что это я? Я совсем забыл, что вы мои гости! Не хотите ли пожить здесь, отдохнуть немного?.. Может, кто-нибудь желал бы пройти через Фангорн, чтобы сократить дорогу? – И он взглянул на Кэлеборна и Галадриэль.

Но все, кроме Леголаса, ответили, что, увы, должны торопиться каждый в свой путь – кто на юг, кто на запад.

– Ну что, Гимли? – шепнул эльф гному. – Наконец-то я, с разрешения Фангорна, побываю в глубинах леса энтов и увижу деревья, каких теперь во всем Средьземелье не сыскать! А ты пойдешь со мной, чтобы сдержать свое слово. Ну а потом – на родину. Я – в Черную Пущу, ты – к себе...

Гимли кивнул в ответ, но видно было, что особой радости слова Леголаса ему не доставили.

– Вот и конец славному Содружеству Кольца, – молвил Арагорн. – Надеюсь, правда, что вы двое еще вернетесь в Гондор и выполните свои обещания!

– Непременно выполним, если только наши Повелители дадут свое согласие, – поклонился Гимли. – Ну что, друзья? – повернулся он к хоббитам. – Прощайте! Теперь-то уж вы до дому доедете, можно за вас не беспокоиться! Хватит мне не спать из-за вас ночей, ворочаться да переживать!.. При случае мы пошлем вам весточку. Кому-то из нас, наверное, еще суждено встретиться, и не единожды... Но, боюсь, все вместе мы уже больше не сойдемся.

Древобород попрощался со всеми по очереди, а Кэлеборну и Галадриэли трижды поклонился, торжественно и с великим уважением:

– Давненько мы с вами не встречались у камня и кроны!⁶⁵⁰ А *ванимар, ванималион ностари!*⁶⁵¹ Печально, что новая встреча случилась так поздно, под конец нашей истории! Мир быстро меняется. Я чувствую это по вкусу воды, по запаху земли, по воздуху. Поэтому не думаю, чтобы мы увиделись еще!

– Как знать, Старейший! – ответил Кэлеборн.

Но Галадриэль покачала головой:

– В Средьземелье нам встретиться уже не суждено. Но когда земля, поглощенная волнами, снова станет сушей, – тогда, может, мы еще и свидимся, и, как прежде, будем гулять в лугах Тасаринана, под весенними ивами. Прощай!

Последними к Древобороду подошли Мерри и Пиппин. Взглянув на них, старый энт чуть-чуть повеселел.

– Ну что, неунывающие вояки? Выпьете со мной на дорожку энтийской водицы?

– Вот уж не откажемся! – Оба так и расплылись в улыбке.

Древобород отвел их в сторону, туда, где в тени под одним из деревьев стоял великанский каменный сосуд. Энт наполнил три кубка, для себя и для хоббитов. Пиппин и Мерри сделали по глотку – и вдруг увидели, что странные глаза Древоборода внимательно разглядывают их поверх кубка.

– Осторожнее! Осторожнее! – прогудел Древобород, поймав их взгляд. – Надо бы вам поберечься! Вы и так уже вон какие вымахали!

Но Мерри с Пиппином только рассмеялись и осушили свои кубки.

– Ну что ж, до свидания! – довольно улыбнулся Древобород. – Смотрите не забудьте прислать весточку, если прослышите что-нибудь о наших женах!⁶⁵²

Старый энт помахал на прощание большими руками, повернулся и скрылся за стволами деревьев.

Теперь путешественники поехали немного быстрее. Путь лежал к Роханской Щели. Вблизи от лощины, где Пиппин когда-то заглянул в Камень Орфанка, Арагорн остановился попрощаться с друзьями. У хоббитов заняло сердце. Ведь Арагорн был им такой надежной опорой и столько раз вызволял их из беды...

– Хотел бы я иметь у себя дома Зрячий Камень, чтобы почаще видеть друзей, – вздохнул Пиппин, – и чтобы можно было с ними поболтать не сходя с места!

– Остался только один Камень, который тебя устроил бы, – сказал Арагорн. – То, что показывает теперь *палантир* из Минас Тирита, ты видеть не захочешь. А Камень Орфанка будет храниться у Короля: мне надо знать, что делается в королевстве, и видеть, чем заняты мои подданные. Так что смотри, Перегрин Тукк, не забывай, что ты гондорский рыцарь! От службы тебя никто не освобождал! Ты едешь в отпуск, но я могу в любое время позвать тебя обратно. И не забывайте, дорогие засельчане, что мое королевство простирается далеко на север, так что как-нибудь я наведаюсь и к вам...

Потом Арагорн попрощался с Кэлеборном и Галадриэлью, и Владычица молвила ему:

– Ты прошел сквозь тьму, чтобы исполнилась твоя надежда, о Эльфийский Камень, и теперь у тебя есть все, что только может пожелать человек. Не истрать же дней своих напрасно!

– Прощай, родич! Да минет тебя моя судьба! – добавил Кэлеборн. – Желаю тебе сохранить то, что тебе дорого, до самого конца!

С этими словами они расстались. Солнце клонилось к закату. Обернувшись, хоббиты увидели, что Король Запада по-прежнему неподвижно восседает на коне в окружении своих рыцарей и доспехи их в свете заходящего солнца пылают красным золотом, а белая мантия Арагорна обратилась в пламя. Внезапно в руке его оказался зеленый камень; он поднял его над головой, и в руке его вспыхнуло зеленое пламя.

Следуя вдоль Исены, сильно поредевший отряд вышел к Роханской Щели и, пройдя сквозь нее, оказался на раскинувшихся за нею пустынных просторах. Здесь отряд повернул к северу и пересек границу Дунланда, или Тусклоземья. Дунландцы, заведя отряд, разбежались – эльфы вызывали у них страх, хотя редко кто из Старшего Племена заглядывал в эти края. Путешественники не обращали на дунландцев никакого внимания: отряд был еще достаточно велик, чтобы защитить себя, и недостатка ни в чем не испытывал. Можно было не бояться нападения, никуда не спешить и ставить шатры где заблагорассудится.

На шестой день после расставания с Королем путники въехали в лес, спускавшийся в долину с предгорий Туманных Гор, что зубчатой полосой тянулись по правую руку от дороги. Когда лес кончился и начались поля, открытые свету вечернего солнца, отряд нагнал старика, одетого не то в серые, не то в грязно-белые лохмотья. Старик шел, тяжело налегая на палку; за ним плелся второй оборванец – он держался за живот и хныкал.

– Куда путь держишь, Саруман? – окликнул Гэндальф, поравнявшись с нищим.

– А тебе-то что? – ощерился старик. – Не надоело тебе еще соваться в мои дела и указывать, куда мне идти? Или тебе мало моего унижения?

– На все три твоих вопроса ответы просты, и ты сам их знаешь, – вздохнул Гэндальф. – Дела твои меня не интересуют, надоело пуще смерти и – весьма сожалею! Однако труды мои подошли к концу, и бремя здешних забот легло на плечи Короля. Если бы ты не так

спешил, ты встретился бы с ним в Орфанке и убедился, что он мудр и милостив.

– Видно, я хорошо сделал, что вовремя убрался, – усмехнулся Саруман. – Не нужно мне от твоего Короля ни суда, ни подачек. А если хочешь знать ответ на свой вопрос, то вот он – я тороплюсь как можно скорее покинуть его королевство!

– В таком случае ты снова ошибся дорогой, – заметил Гэндальф. – Признаться, твое путешествие кажется мне безнадежным. Не побрезгуешь ли нашей помощью? Мы бы тебе с удовольствием помогли...

– Мне? – поднял брови Саруман. – Нет уж, избавьте меня от ваших милых улыбок! От тебя я предпочитаю слышать брань. Что же касается дамы, которая с вами едет, то я ей не верю. Она всегда ненавидела меня и лила воду на твою мельницу. Ясно как день, что она и повела тебя этой дорогой – нарочно, чтобы насладиться зрелищем моей нищеты. Знай я, что меня преследуют, – я бы не доставил вам такого удовольствия!

– Саруман, – заговорила Галадриэль, – у нас есть свои дела и заботы, и, поверь, достаточно важные. Нам некогда за тобой охотиться. Скажи лучше спасибо судьбе, что мы встретились. Это последняя возможность.

– Уж как я рад, если и впрямь последняя! – осклабился Саруман. – А то вы мне предлагай, я отказывайся, и так без конца – сколько лишних треволнений! Мои надежды рухнули, но в ваших я доли не хочу. Если только они у вас есть, эти надежды!

Его глаза вдруг блеснули.

– Идите куда шли! – резко крикнул он. – Я не вотще изучал Предание. Вы сами обрекли себя на то, что последует, и прекрасно об этом знаете. А мне, бедному страннику, и то уже утешение, что, разрушив мой дом, вы подкопали и свой собственный. На чем же вы двинетесь за Море, такое большое, такое широкое? Ах да, на сером корабле, полном призраков!

Он засмеялся надтреснутым, безобразным смехом.

– Эй ты, олух, вставай! – окликнул он своего спутника, усевшегося тем временем на обочину, и хватил его палкой. – Поворачивай! Если эти благородные господа изволят ехать нашей

дорогой, мы найдем другую. Пошевеливайся! А нет – вечером и на корку хлеба не рассчитывай!..

Оборванец с тоской, нехотя встряхнулся, поднялся и побрел за Саруманом, всхлипывая:

– Бедный старый Грима! Бедный Грима! Вечно его бьют, вечно ругают! Ненавижу! Распрощаться бы Гриму с Саруманом, и делу конец!

– Так распрощайся, – предложил Гэндальф.

Но Червеуст только кинул на Гэндальфа полный ужаса взгляд выцветших глаз и припустил за своим хозяином.

Когда эта жалкая пара поравнялась с хоббитами, Саруман остановился и уставился на них. Хоббиты смотрели на него с болью в сердце.

– А, и вы здесь, мохнатки! – проговорил наконец Саруман. – Ну что, любо вам надо мной насмеяться? Впрочем, отчего бы и не поскалить зубы! У вас-то всего хватает, не то что у бедного путника. И еды небось вдоволь, и красивой одежды, и зелья. Да еще какого – самого лучшего! О да, знаю, знаю! Я-то отлично знаю, где вы им запаслись. Одолжили бы, что ли, нищему на трубочку!⁶⁵³

– Я бы дал, да нету, – сказал Фродо.

– Возьми моего, – предложил Мерри. Он спешился, порылся в притороченной к седлу котомке и протянул Саруману кожаный кисет. – На, бери! Больше не осталось. Мы выловили это в Исенгарде, так что тебе должно понравиться...

– Да, это мое, мое зелье! И не задешево купленное, между прочим! – крикнул Саруман, вырывая кисет из руки Мерри. – В знак расплаты, да? Поручусь, что себе вы взяли гораздо больше! Впрочем, нищий должен вору в ножки кланяться, когда тот, его же и ограбив, подает ему милостыню... Ничего, у себя дома вы получите по заслугам. Посмотрел бы я, как вытянутся у вас лица, когда вы узнаете, что в Южном Пределе дела идут уже далеко не так блестяще!.. От души желаю Заселью надолго остаться без трубочного листа!

– Спасибо на добром слове, – вежливо ответил Мерри. – Но если так, отдай назад мой кисет. Уж он-то никак не твой – я с ним всю дорогу езжу. А лист завернешь в какую-нибудь тряпочку.

– Подумаешь! Вору в карман залезли! – поспешно кинул Саруман, повернулся, дал пинка Червеусту и заковылял к лесу.

– Вот те на! – прыснул Пиппин. – Ограбили несчастенького! А если мы ему тоже счет предъявим, что тогда? Кто нам подстраивал засады, из-за кого мы чуть калеками не остались, к кому нас орки тащили через весь Рохан?..

– Это что, это полдела, – угрюмо бросил Сэм. – Пусть он лучше объяснит мне, что он там плел насчет «незадешево купленного» и так далее? Как он это обстряпал, интересно? И что это за намеки? В Южном-де Пределе что-то не так, и вообще?.. Поехали-ка, правда что, поскорее!

– Я того же мнения, – кивнул Фродо. – Но поскорее не выйдет, если только мы не передумали навестить Бильбо. Что бы ни случилось, а я сперва заверну в Ривенделл.

– Ты прав, заехать в Ривенделл надо, – вмешался в их разговор Гэндальф. – Но увы Саруману! Боюсь, из него уже ничего путного не вылепишь! Он вконец одряхлел. Правда, я по-прежнему не уверен, что Древобород поступил правильно. Сдается мне, эта змея вполне еще может натворить бед – мелких, подлых, но может...

На следующий день отряд въехал в Северный Дунланд, где давно уже никто не жил, хотя это была красивая, зеленая страна. Сентябрь принес с собой золотые дни и серебряные ночи. Путники спокойно, не спеша, доехали до реки Лебяжьей, свернули направо и, миновав водопады, которыми река обрушивалась в низину, отыскивали старый брод. Слева, в легкой дымке, виднелись бесчисленные болотца и островки, среди которых привольно разлившаяся река прокладывала себе путь к Сероводью. Это был край тростников и камышей, среди которых стаями гнездились многочисленные лебеди.

Перейдя брод, отряд оказался в Эрегионе. Забрезжило, разгоня мерцающие туманы, погожее утро, и с низкого холма, где был разбит очередной лагерь, стали видны проступившие на золоте восходящего солнца очертания трех вершин, нацеленных в небо сквозь кочующие облака: Карадраса, Кэлебдила и Фануидола. Это означало, что Врата Мории уже недалеко.

Здесь путники задержались на целых семь дней, ибо настал час еще одного прощания и приближать его не хотелось никому. Кэлеборн и Галадриэль со свитой должны были повернуть направо, подняться на перевал у Краснорога и, спустившись по ступеням Димрилла к реке Серебряной, возвратиться в свою страну. Они поехали западной

дорогой только потому, что им было о чем побеседовать с Гэндальфом и Элрондом, и теперь медлили, проводя все дни вместе. Под вечер хоббитов одолевала дрема, а эти четверо еще долго сидели под звездами, воскрешая в беседе пролетевшие над миром эпохи, вспоминая труды и радости, которые выпали на их долю, держа совет о днях, что еще должны были прийти... Случись пройти мимо какому-нибудь страннику – он вряд ли что увидел бы, а услышал бы и того меньше. Наверное, ему показалось бы, что на холме, затерянном среди всеми покинутых земель, маячат серые каменные статуи⁶⁵⁴, оставшиеся здесь как память о давно забытом прошлом и неизвестно что обозначающие. Ибо эти четверо не произносили ни слова и не двигались – они беседовали мысленно, от сердца к сердцу, и только глаза их сияли, гасли и, по ходу беседы, снова зажигались.

Но настал час, когда все было сказано, и четверо мудрых распрощались, уговорившись встретиться, когда придет время и Три Кольца должны будут покинуть Средьземелье. Серые плащи лориэнских эльфов в мгновение ока растворились среди камней и теней. Оставшиеся, чей путь лежал в Ривенделл, долго не трогались с места и, сидя на вершине холма, смотрели им вслед. Вдали, в сгущающемся тумане, что-то вспыхнуло – и пропало. Фродо знал, что это Галадриэль подняла в знак прощания руку с Кольцом. Сэм отвернулся и вздохнул.

– В Лориэн бы сейчас, – пробормотал он.

Однажды вечером, в сумерках, когда они ехали по вересковому взгорью, перед ними внезапно – как всегда, внезапно! – разверзлась глубокая раздвоенная долина Ривенделла, и они увидели, что в Доме Элронда теплятся огни. Путешественники спустились с обрыва, перешли через мост, подошли к порогу – и Дом наполнился светом, ожил, зазвенел песнями радости, ибо вернулся хозяин.

Первым делом – не умывшись, не перекусив и даже не скинув плащей – хоббиты помчались на поиски Бильбо. Они нашли старика в его камерке, заваленной бумагами, карандашами и перьями. Бильбо сидел в кресле перед ярко пылавшим камельком. Он выглядел сильно одряхлевшим, но лицо его было спокойно, и похоже было, что старик дремлет.

Когда хоббиты ворвались в камеру, он открыл глаза и поглядел на них.

– А, привет, привет! – сказал он. – Вернулись все-таки! Завтра у меня день рождения, так что вы подросли как раз вовремя. Молодцы! Знаете, сколько мне стукнет? Сто двадцать девять! Еще годик – и, если повезет, догоню Старого Тукка. Каково?! Хорошо бы, конечно, обойти его, но посмотрим, посмотрим...

Попировав на дне рождения Бильбо, хоббиты провели в Ривенделле еще несколько дней, не разлучаясь со стариком, который теперь почти все время сидел у себя в комнате – за исключением трапез. Трапезы он посещал с исключительной прилежностью, и ему редко случалось проспать час завтрака или обеда. Усевшись у камина, хоббиты по очереди рассказывали ему о своих странствиях и приключениях все, что только могли припомнить. Поначалу Бильбо делал вид, что записывает, но время от времени проваливался в сон – а проснувшись, говорил: «Замечательно! Поразительно!.. Вот только на чем мы остановились?..» И хоббитам приходилось возвращаться к тому месту рассказа, на котором он начал клевать носом.

Только одно по-настоящему взволновало старого хоббита и заставило его слушать внимательнее, а именно рассказ о коронации и свадьбе Арагорна.

– Само собой разумеется, я был в числе приглашенных, – сказал он гордо. – Я так много лет ждал этой свадьбы!.. Но, когда настало время ехать, как-то, знаете, не решился. У меня столько дел! Да и вещи складывать в дорогу – возни не оберешься...

Минуло уже около двух недель, когда однажды утром Фродо выглянул в окно и увидел, что ночью ударил заморозок и паутинки стали белыми от инея. Внезапно он понял, что пора ехать домой и прощаться с Бильбо. Погода стояла по-прежнему тихая и ясная; осень выдалась под стать лету – одному из лучших на памяти последнего поколения, но все-таки октябрь есть октябрь, и вскоре надо было ждать ветра и холодов. А до Заселья было еще далеко. Но не погода беспокоила Фродо. Он просто чувствовал, что пора возвращаться. И Сэм разделял его мнение. Накануне вечером он сказал Фродо:

– Ну что ж, господин Фродо, мы с вами много где побывали и всякого навидались, но лучше, чем здесь, нам нигде не было. Здесь от всего есть понемножку, понимаете? И от Заселья, и от Золотого Леса, и от Гондора, и от королевских дворцов, и от корчмы, и от лугов, и от

гор, от всего на свете... И все же, мне кажется, надо бы нам трогаться в путь. Сказать правду, как подумаю о своем Старикане – и сердце не на месте.

– Твоя правда, Сэм. Здесь есть от всего понемножку. Кроме разве что Моря, – согласился Фродо. И повторил, уже про себя: – Кроме Моря...

В этот же день Фродо сказал о своем желании Элронду, и решено было, что на следующее утро хоббиты двинутся в путь. К их радости, Гэндальф сказал:

– Пожалуй, я тоже поеду с вами. По крайней мере до Бри. Есть у меня дельце к Подсолнуху.

Вечером они отправились попрощаться с Бильбо.

– Что поделаешь! Коли надо, езжайте, – вздохнул Бильбо. – Жаль отпускать вас. Мне будет скучно одному. Хорошо было знать, что вы где-то здесь, неподалеку... Но я все время засыпаю...

Он вручил Фродо мифриловую кольчугу и Жало, забыв, что когда-то это уже сделал, а в придачу передал племяннику на хранение три книги, содержащие отрывки из Предания и собственноручно переписанные в разное время его паукообразным почерком. На красных корешках красовалось: «Переводы с эльфийского. Б. Б.».

Сэму достался мешочек с золотом.

– Это почти все, что осталось от старого урожая, которым я обязан Смаугу, – сказал Бильбо. – Надумаешь взять жену – пригодится.

Сэм покраснел до ушей.

– А вам, юноши, мне и дать-то нечего, – повернулся Бильбо к Мерри и Пиппину. – Разве что добрый совет?

Наставив их как следует, он закончил в старом добром засельском духе:

– И держите ухо востро, а то как бы вам не вырасти из штанов! Ежели вы не прекратите тянуться вверх, то на одной одежде прогорите!

– Но ты же хочешь побить Старого Тукка – так отчего же нам не потягаться с Волынщиком? – со смехом спросил Пиппин.

Бильбо рассмеялся вместе с ним и извлек из кармана две изящные трубочки с перламутровыми мундштуками, отделанные серебряной филигранью.

– Будете раскуривать, поминайте дядю Бильбо, – наказал он. – Эти трубки эльфы сделали специально для меня, но я больше не курю...

Тут он внезапно уронил голову на грудь и задремал, а когда снова открыл глаза, спросил:

– На чем мы остановились?.. Ах да, на подарках. Это приводит мне на ум... Послушай-ка, Фродо! Что стало с моим Кольцом, которое ты брал с собой в путешествие, помнишь?

– Его больше нет, дорогой Бильбо, – терпеливо разъяснил Фродо. – Я сбыл его с рук. Ты же прекрасно это знаешь.

– Какая жалость! – сказал Бильбо. – Я бы на него, пожалуй, взглянул разок... Но нет! Я, кажется, порю чепуху. Ты же за этим и ходил, так ведь? Чтобы сбить его с рук? Разве нет? Видишь ли, у вас столько всего было в дороге, что я все перепутал. Чего только тут не понамешано: и Арагорн с его делами, и Белый Совет, и Гондор, и всадники, и южане, и олифаны... Ты по-честному видел олифана, Сэм? Скажи мне правду! А кроме того, какие-то пещеры, и башни, и золотые деревья, и... и... словом, всего не упомнишь. Вижу, в свое время я выбрал чересчур прямую дорогу домой. Гэндальф вполне мог бы взять меня с собой и показать побольше... Хотя нет – я не успел бы тогда на аукцион и заработал бы еще больше неприятностей. Но, как бы то ни было, теперь уже поздно. Я даже начинаю подумывать, что куда приятнее сидеть в Ривенделле и слушать о чужих путешествиях. Во-первых, здесь, у камина, тепло и спокойно, во-вторых, кухня превосходная, в-третьих, эльфы рядом: протяни руку – достанешь. Чего еще желать?

*Вела меня дорога прочь
От отчего порога, —
День минул, и настала ночь,
И отшагал я много.*

*Кому дорога по плечу,
Пусть все начнет сначала,
А я в корчму, к огню хочу,
В кровать, под одеяло...⁶⁵⁵*

Пробормотав это заплетающимся языком, Бильбо опять уронил голову на грудь и крепко заснул.

Сумерки сгустились. Огонь запылал ярче. Хоббиты сидели и смотрели, как по лицу спящего Бильбо блуждает улыбка. Некоторое время в комнате царило молчание; наконец Сэм оглянулся на мечущиеся по стенам отсветы пламени и, повернувшись к Фродо, тихо проговорил:

– Сдается мне, господин Фродо, что господин Бильбо не очень-то много написал, пока мы ездили. Не напишет он про нас никакой книги, вот что я вам скажу.

Вдруг Бильбо, словно услышав, что разговор идет о нем, открыл один глаз и встряхнулся.

– Видите, как часто меня клонит ко сну, – сказал он. – Когда освобождается лишняя минутка, я складываю стихи, а вот писать уже ничего не пишу. Дорогой Фродо, может, ты не отказался бы навести мало-мальский порядок в моих бумагах? Собери мои записные книжки, а заодно с ними разрозненные листочки и дневник, и прихвати с собой! Понимаешь, совершенно недосуг разобрать эту кипу, разложить, что за чем следует, ну и все такое прочее. Возьми в помощники Сэма. А когда закончишь – привози все мне, и я посмотрю, что у тебя вышло. Придираться особенно не буду, не бойся!

– С превеликой охотой! – воскликнул Фродо. – И, конечно же, постараюсь вернуться как можно скорее! Дорога теперь не опасна, в Средьземелье есть Король, и он скоро наведет на трактах такой порядок, что любо-дорого!

– Спасибо, мой дорогой! – сказал Бильбо. – Ты снял камень у меня с души!

И с этими словами он заснул окончательно.

Утром Гэндалф и хоббиты в последний раз зашли к Бильбо в его каморку: на дворе сильно похолодало, и старик остался в доме. Сказав «до свидания», они покинули его и отправились прощаться с Элрондом и эльфами.

Когда Фродо перешагнул через порог, Элронд пожелал ему доброго пути, благословил и сказал такие слова:

– Мне думается, если ты не станешь чрезмерно спешить, Фродо, тебе уже не нужно будет возвращаться. Через год или около того, когда

листья позолотеют, но еще не опадут, встречай Бильбо в лесах Заселья. Я буду с ним.

Никто не слышал этих слов, кроме самого Фродо, а Фродо их пересказывать не стал.

Глава седьмая

Домой!

Наконец-то хоббиты повернулись лицом к дому! Они мечтали поскорее увидеть родное Заселье, но поначалу ехали не торопясь – Фродо чувствовал себя не совсем здоровым. Когда маленький отряд подъехал к Бруиненскому Броду, Фродо остановился: ему явно не хотелось переправляться на другую сторону, и друзья заметили, что он смотрит куда-то в пустоту, словно не видя ничего вокруг. Остаток дня он молчал. Это было шестого октября.

– У тебя что-нибудь болит? – негромко спросил Гэндальф, ехавший рядом.

– Да, – признался Фродо. – Плечо. Ноет рана. И еще на меня навалились темные воспоминания... Сегодня исполняется ровно год с того дня.

– Увы! Есть раны, которых никогда не исцелить полностью, – вздохнул Гэндальф.

– Наверное, моя из таких, – сказал Фродо. – Настоящего возвращения домой у меня не получится. Если я и доберусь до Заселья, оно все равно будет не таким, как раньше, потому что я уже другой. Кинжал и паучье жало, зубы Голлума и тяжкая ноша не прошли для меня даром. Где я смогу обрести покой?⁶⁵⁶

Гэндальф ничего не ответил.

К вечеру следующего дня боль отпустила, Фродо пришел в себя и снова повеселел: казалось, он совершенно забыл о вчерашнем черном дне. Ничто больше не омрачало путешествия; дни так и летели – хоббиты по-прежнему никуда не торопились и часто подолгу отдыхали среди безмолвной красоты осенних лесов, багряно-золотых под осенним солнцем. Рано ли, поздно ли, впереди показался Пасмурник; близился вечер, и гора отбрасывала на Тракт длинную тень. Фродо попросил друзей ехать побыстрее, а сам опустил голову и миновал

тень горы, не глядя по сторонам и плотно завернувшись в плащ. В эту ночь погода изменилась. Подул, нагоняя дождевые тучи, западный ветер, над полями засвистело, путников пробрал холод – и желтые листья закружились в воздухе, как птицы. Когда хоббиты и Гэндальф въехали под кроны Четского леса, деревья стояли уже почти голые, а Брийскую Гору занавесила сплошная пелена дождя.

Вечером ненастного, дождливого октябрьского дня пятеро путешественников поднялись по крутому склону и оказались перед Южными Воротами Бри. Ворота были заперты накрепко; в лицо хлестали плети дождя, по темнеющему небу неслись низкие облака, и сердца у хоббитов упали – они надеялись на более теплый прием.

Они долго стучали и звали, пока наконец над воротами не показалась голова привратника. Хоббиты заметили, что в руках у того увесистая дубина. Привратник оглядел их с явным испугом и подозрением, но, увидев Гэндальфа и уразумев, что, несмотря на свое странное облачение, его спутники – обыкновенные хоббиты, просиял и поздравил их с прибытием.

– Милости просим! – воскликнул он, взясь со щеколдой. – Конечно, здесь, на дожде и холоде, не до новостей. Скверная ночка! Ступайте-ка поскорее в «Пони». Подсолнух примет вас как полагается. Там вы услышите все, что только можно у нас услышать.

– А ты потом услышишь, что расскажем мы, и даже больше того, – рассмеялся Гэндальф. – Это уж наверняка! А как поживает старина Харри?

Привратник поморщился:

– Нету его тут. Спроси лучше у Подсолнуха! Спокойной ночи!

– И тебе того же, – дружно отозвались путники и двинулись дальше, приметив попутно, что прямо за живой изгородью начинался теперь какой-то длинный низкий домина, обнесенный забором; со двора глазели на пришельцев незнакомые люди. Изгородь у дома Билла Осины разрослась и одичала, окна были заколочены.

– Уж не зашиб ли ты его тем яблоком, Сэм? – притворно перепугался Пиппин.

– Надежды мало, господин Пиппин, – вздохнул Сэм. – Впрочем, меня лично больше занимает судьба несчастного пони. Я все время о нем помнил. Как-то он управился, бедолага? Все-таки волки, и вообще...

Корчма «Пляшущий Пони» по виду ничуть не изменилась. За красными занавесками первого этажа все так же теплились огоньки. Друзья позвонили в дверной колокольчик. Дверь приоткрылась, в щелку выглянул Ноб – да так и ахнул.

– Господин Подсолнух! Господин Подсолнух! – заорал он во всю глотку. – Это же они! Они вернулись!

– Да неужто? Ну так я их сейчас проучу! – донесся голос Подсолнуха, и почтенный корчмарь вылетел на порог с дубинкой в руках. Но, увидев, кто вернулся, он замер – и на его набыченном, выражающем мрачную решимость лице постепенно изобразились удивление и радость. – Какое же ты чучело, Ноб! Не мог сразу сказать, что старые друзья пришли?! И напугал же ты меня! Соображать надо! Будто не знаешь, какие времена нынче! Да вы-то, вы-то откуда взялись? Вот уж не думал, что увижу вас живыми да здоровыми! Подумать только! Увязались в Дикие Земли за этим подозрительным Бродягой – я боялся, вы прямо в лапы к Черным попадете! – и вот пожалте, вернулись! Ну, рад, рад вам сердечно, а Гэндальфу в особенности. Добро пожаловать! Заходите! Комнаты изволите прежние? Нет ничего проще – они свободны. Правда, теперь у меня почти все комнаты свободны, чего греха таить. От вас это и от самих не укроется... Пойду соберу чего-нибудь на ужин. Не волнуйтесь, ждать не заставлю. Рабочих рук, правда, теперь не хватает, так что мне труднее приходится... Ноб, копуша ты этакий, кликни-ка Боба! То есть нет! Что это я? Его же нету! Под вечер он теперь уходит домой, к своим. Позаботься о лошадях, Ноб! А ты, Гэндальф, своего коня, наверное, опять никому не доверишь? Ох и красавец же он у тебя! Я и в тот раз это говорил. Не конь – огонь! Ну, что же вы? Входите! Будьте как дома!

Господин Подсолнух, несмотря ни на что, совершенно не изменился и болтал все так же – без продыху. В корчме, однако, действительно не было посетителей: в коридорах стояла тишина, а из Общей Залы доносилось всего несколько голосов. Присмотревшись к хозяину при свете двух свечек, которые он зажег, хоббиты заметили, что Подсолнух постарел и чем-то сильно озабочен.

Корчмарь повел гостей в комнату, где некогда – уже больше года тому назад – довелось им провести такую странную ночь. Слегка

обеспокоенные, они последовали за Подсолнухом: и слепому видно было, что хозяин делает хорошую мину при плохой игре. Стало быть, что-то изменилось! Однако расспрашивать Подсолнуха пока не стали – решили подождать.

Как они и рассчитывали, после ужина господин Подсолнух явился сам – узнать, как устроились постояльцы на новом месте и не надо ли им чего. Постояльцы устроились великолепно. Если и произошли в «Пони» перемены к худшему, пива и закуски это не коснулось.

– На этот раз у меня не хватит смелости позвать вас в Общую Залу, – вздохнул Подсолнух. – Вы, наверное, еле на ногах держитесь, да и в Зале, считай, шаром покати. Но если вы уделите мне с полчаса перед сном, вы меня просто разодолжите. Я бы рад был потолковать – только без посторонних.

– Взаимно, – улыбнулся Гэндальф. – Право же, мы вовсе не устали с дороги. Мы ехали медленно. Вымокли, озябли, проголодались – это, пожалуй, да, но твоими стараниями всё уже позади. Садись, Подсолнух! А если у тебя, в придачу ко всему, отыщется щепотка курительного зелья – мы превознесем тебя до небес.

– Лучше бы вы попросили чего-нибудь другого! – почесал в затылке Подсолнух. – Зелья у нас теперь почти не водится. Что вырастим – то и наше, а растет оно у нас плохо... Ну а что до засельского, то мы его больше не видим. Но я сделаю все, что смогу.

Он исчез и вскоре вернулся с пучком цельных листьев, которых такой компании могло бы хватить хорошо если дня на два.

– Южный Сбор! Лучший из брийских сортов. До Южнопредельских ему, конечно, далеко, я это всегда признавал, но в остальном я за Бри горой стою – вы уж не обессудьте!

Корчмаря усадили в большое кресло поближе к огню, Гэндальф уселся с другой стороны, а хоббиты расположились посерединке, на табуретах. Как и следовало ожидать, беседа растянулась на целый вечер – какие там «полчасика»! Гости и хозяин обменялись всеми мыслимыми и немыслимыми новостями. Слушая рассказы хоббитов и Гэндальфа, корчмарь не уставал удивляться: все это намного превосходило его куцее воображение, так что он только вскрикивал время от времени:

– Да быть того не может, господин Бэггинс... ой, то есть, наверное, надо говорить – господин Подхолминс? Прямо путаница

какая-то в мыслях. Ушам своим не верю!.. И это в наше время!.. Не может того быть!..

Подсолнуху тоже нашлось чем удивить гостей. Положение в Брийской Округе оставляло желать лучшего, и дело корчмаря не просто перестало приносить прибыль, а и вообще шло хуже некуда.

– Чужаков к нам теперь калачом не заманишь, а местные – те сидят по домам за десятью замками и в корчму носа не кажут, – сокрушался Подсолнух. – Это все виноваты шатуны да разбойники, которые пришли по Зеленому Тракту. Они тут в прошлом году появились. Помните? Ну вот, а потом их стало еще больше. Среди них были, правду говоря, и обычные бедолаги, которые спасались от невзгод, но в основном сюда наехали отъявленные воры и злодеи. А один раз у нас приключилась и вовсе скверная история. Мы отбили настоящее нападение! Даже убитые были – вы, наверное, и не поверите! До смерти убитые, можете себе представить?

– Отчего не представить, – сказал Гэндалф. – И сколько?

– Три и два, – ответил Подсолнух, имея в виду Больших и хоббитов. – Несчастный Мэт Топчивереск, Ролли Дичок и малыш Том Чертополох из-за Холма, потом Вилли Бэнкс, оттуда, сверху, и еще один хоббит из бутских Подхолминсов. И все такие славные парни! Нам их так не хватает! Харри Боярышник, что сидел у Западных Ворот, и Билл Осина, оказалось, были на стороне чужаков, а потом ушли вместе с ними. Я думаю, именно они и впустили злодеев – я хочу сказать, в ту ночь, когда случилась драка. Незадолго перед тем мы показали чужакам на дверь и вытолкали их в шею – это было перед Новым Годом. А драка была в первый день Нового Года, после большого снегопада... Теперь это отребье пустилось разбойничать на большой дороге. Они укрылись в лесах за Арчетом и на северных пустошах... Прямо как в те недобрые старые времена, о которых говорят легенды! На дорогах небезопасно. Далеко никто теперь не ходит. Все стараются пораньше запереться у себя в доме. Вдоль изгороди приходится выставлять дозоры, а ночью целыми отрядами стеречь ворота...

– А мы почему-то спокойно добрались, – удивился Пиппин. – Ехали еле-еле, дозорных по ночам не ставили... Да мы уверены были, что все тревоги позади!

– Ох нет, господин Пиппин, в том-то и дело, что нет! Но я бы на вашем месте не удивлялся, что они вас не тронули. Какой им интерес нападать на вооруженный отряд? Ведь у вас и мечи, и шлемы, и щиты, и чего только нету! Они дважды подумают, прежде чем лезть на рожон, когда с такими дело имеют. Я и сам оробел, когда увидел, какие вы стали важные!

До хоббитов только теперь дошло, почему все, кого они встречали по дороге, так на них тарасились. Брийцев поразило не столько возвращение странных хоббитов, сколько их новый облик. Сэм, Фродо и Мерри с Пиппином так привыкли находиться среди до зубов вооруженных людей, что им и в голову не приходило, как необычно выглядят в здешних краях блеск кольчуг из-под распахнутых плащей, шлемы, гондорский и роханский гербы на щитах. Что же говорить о Гэндальфе, о его белоснежных одеждах, сине-серебряной мантии, огромном сером коне и длинном Гламдринге у пояса?

Гэндальф расхохотался.

– Неплохо! – сказал он. – Если они боятся жалкой пятерки путников, это не самые страшные враги из тех, кого нам приходилось встречать по дороге! Пока мы здесь, можешь спать спокойно!

– А долго ли это «спокойно» продлится? – осторожно осведомился Подсолнух. – Не стану отпираться: буду рад, если вы проживете подольше. Понимаете, мы к таким делам непривычны, а Следопыты, говорят, ушли отсюда. Похоже, мы раньше просто не понимали, что они для нас делают, а как жареный петух клюнул, так поневоле поняли. Да что разбойники – тут и похуже всякая всячина есть. Зимой, например, под изгородью волки были, а в лесу все чаще попадаются какие-то жуткие твари, такие жуткие, что при одной мысли о них прямо холодеешь. Ох! Лишились мы покоя, право слово, совсем лишились, если вы меня понимаете!

– Могу себе представить, – кивнул Гэндальф. – Но знай, что ни у кого в последнее время не было спокойной жизни, дружище, ни в одной стране, уж ты поверь. И все же выше нос! Тебе угрожали очень большие беды и неприятности, куда бóльшие, чем теперь, и я рад, что они на тебя не свалились. Грядут лучшие времена. Тебе в такие жить еще не доводилось! Следопыты уже вернулись. Вернулись и мы. А кроме того – в Средьземелье опять есть Король, дорогой мой Подсолнух! Скоро он вспомнит и о вас. Тогда вновь откроется Зеленый

Тракт и на север поскачут королевские гонцы. Торговые пути наладятся, а злобные и страшные существа покинут ваши пустоши и больше не появятся. Да и самих пустошей не будет: их возделают, на них поселятся люди...

Подсолнух покачал головой.

– Конечно, если на дорогах поприбавится честного люду, это никому не повредит, – сказал он с сомнением, – но шушеры всякой да ворья – увольте, хватит! Да и чужаков нам не надо, ни в самом Бри, ни в Округе. Мы хотим одного – чтобы нас не трогали! Мне, например, вовсе не улыбается, чтобы сюда нагрянула толпа каких-то проходимцев, да еще с намерением обосноваться тут и вспахать пустоши!

– Вас никто не потеснит, – возразил Гэндальф. – От Исены до Хойры и на морских побережьях к югу от Брендивина столько места, что там может поместиться несколько больших королевств, а ведь оттуда до Бри много дней пути. Ты, наверное, забыл, что в свое время на севере, верстах в полутора отсюда или даже больше, на том конце Зеленого Тракта, жило множество людей. Я говорю о Северном Нагорье и озере Эвендим.

– Это где Город Мертвых? – с еще бóльшим сомнением в голосе переспросил Подсолнух. – Да там же привидения водятся! Кроме разбойников, туда никто и близко не подходит...

– А Следопыты? – возразил Гэндальф. – Ты говоришь – Город Мертвых? Твоя правда – так его называют уже много лет. Но настоящее его имя – Форност Эраин, Норбери, Северный Город Королей. И Король однажды туда вернется. Сколько высокородных путешественников потянется на север через Бри! Не упустит случая!

– Ну что ж, может быть, это будет не так уж и плохо, – уступил Подсолнух. – Тогда я уж точно буду не в убытке – если только этот самый Король даст нам жить, как мы жили раньше...

– Не волнуйся, – заверил Гэндальф. – Он знает и любит Бри.

– Да ну? – оторопел Подсолнух. – С чего бы это ему знать Бри? Он ведь сидит у себя на троне в каменном замке за сотни верст отсюда! Не удивлюсь, если мне скажут, что кубок, из которого он пьет вино, весь из чистого золота... Какое ему дело до «Пони» и моих пивных кружек? Правда, пиво у меня, конечно, редкостное, с этим никто не будет спорить! А с осени прошлого года, с тех пор как ты заглянул ко

мне в последний раз и наложил на него доброе заклятие, оно и вовсе сделалось необыкновенным. Только это меня и утешало посреди всех тревог...

– Между прочим, Король говорит, что пиво у тебя и раньше было что надо, – невинно заметил Сэм.

– Король?! Про мое пиво?

– Ну да! Это же Бродяга-Шире-Шаг, вожак Следопытов! Долго же до тебя доходит!

Похоже было, что на этот раз до Подсолнуха «дошло». На лице его отразились по очереди все возможные оттенки изумления: глаза округлились, рот широко открылся...

– Бродяга?! – воскликнул он наконец, когда снова обрел дар речи. – В короне и с золотым кубком?! Что же дальше-то будет?!

– Дальше настанут хорошие времена – во всяком случае, для Бри, – пообещал Гэндалф.

– Надеюсь, от души надеюсь! Да, славно мы с вами поболтали! За этот месяц, который, кажется, весь был из одних понедельников, я еще ни разу так душу не отводил! Признаться, сегодня впервые за долгое время я засну спокойно, с легким сердцем. Мне есть о чем подумать, но я, пожалуй, отложу все раздумья до утра! Самое время отправиться на боковую! По-моему, и вы тоже не прочь вздремнуть. Эй, Ноб! – крикнул он, приоткрыв дверь. – Ноб, копуша ты такая! – И вдруг с размаху ударил себя по лбу. – Постойте-ка!.. Нет, опять ускользнуло...

– Еще одно письмо, господин Подсолнух? – осведомился Мерри.

– Ох, господин Брендибэк, не вспоминайте об этом! Вы меня опять сбили. О чем я бишь? Ноб... Лошади... А! Вот оно! Вспомнил! Дело в том, что у меня кое-что припасено для вас, причем кое-что ваше. Понимаете? Билла Осину не забыли еще? Когда из моей конюшни пропали все лошади, он продал вам своего пони. Так вот, этот пони прибежал обратно – сам прибежал, один-одинешенек! Где он побывал – это уж вам лучше знать. Драный был, что твоя старая собака, и тощий, как вешалка, зато жив-живехонек. Я поручил Нобу его выходить.

– Что?! Мой Билл?! – закричал Сэм. – Нет, я точно в рубашке родился, и пусть мой Старикан больше не каркает! Чего я ни пожелаю – все исполняется! Где же она, моя лошадка?

И Сэм, отказавшись лечь, помчался в конюшню – навестить Билла.

Путешественники провели в Бри весь следующий день, и в этот день господин Подсолнух при всем желании не смог бы посетовать, что дела идут плохо. Любопытство перебороло все страхи, и к вечеру корчма ломилась от посетителей. Чтобы не показаться невежливыми, хоббиты навестили Общую Залу и ответили на неисчислимые вопросы, которыми их буквально закидали. По-брийски памятливые, многие хоббиты спрашивали у Фродо, как обстоят дела с его книгой.

– Еще не дописал, – отвечал им Фродо. – Надо вернуться домой, разобрать записи...

Он клятвенно обещал упомянуть и о небывалых событиях, потрясших Брийскую Округу, – а иначе какой интерес в этой самой книге, если она будет рассказывать только о далеких и гораздо менее важных событиях, случившихся «где-то там, на юге»?

Какой-то молокосос потребовал было песню. Наступила неловкая тишина, и юнец мигом стушевался под выразительными взглядами хоббитов постарше. Местные жители явно не желали, чтобы повторился прошлогодний скандал...

Ничто не нарушило покоя брийцев, пока в поселке гостили Гэндальф и хоббиты: днем никаких неурядиц, ночью – тишь да гладь. На следующее утро путешественники поднялись пораньше: ненастье вёдром так и не сменилось, так что им хотелось оказаться в Заселье до темноты; путь же предстоял неблизкий. Брийцы, все как один, высыпали на улицу проводить их. Такого подъема чувств местные обитатели за весь прошедший год не испытывали ни разу. Многие впервые увидели гостей в полном облачении и смотрели на них разинув рот – особенно когда на пороге корчмы появился Гэндальф с его белоснежной бородой; он словно излучал свет, и синяя мантия на его плечах казалась облаком, сквозь которое просвечивает солнце. За Гэндальфом выступали четыре хоббита, одетые как четыре странствующих рыцаря из полузабытых легенд. Теперь даже те, кто посмеивался над рассказами о Короле, прикусили язык и начали склоняться к мысли, что доля правды, пожалуй, во всем этом есть.

– Удачи вам! Ни пуха ни пера! – махнул на прощание рукой корчмарь. – А главное – приятного возвращения домой! Я, наверное,

сразу должен был сказать вам, что в Заселье тоже далеко не все ладно, – если, конечно, верить слухам. А слухи такие, что дела там не ахти! Вы уж простите – начисто из головы выскочило. Сами понимаете – у меня и так хлопот полон рот. Правда, не сочтите за дерзость, вы тоже сильно изменились, так что вам, наверное, все выйдет нипочем. Уж вы-то быстренько вправите мозги кому там следует. Так что доброго пути! И знайте: чем чаще вы будете наведываться в «Пони», тем больше разуважите старого Подсолнуха!

Сердечно распрощавшись с корчмарем, они выехали из Бри через Западные Ворота и направились в сторону Заселья. Билла, разумеется, прихватили с собой, и, хотя на его спину перекочевала изрядная часть поклажи, пони бодро трусил рядом с Сэмом и казался весьма довольным своей судьбой.

– Интересно, что имел в виду старина Подсолнух, – сказал Фродо.

– Догадываюсь, – мрачно отозвался Сэм. – Я это в Зеркале видел. Все деревья вырублены и так далее, а мой Старикан катит тачечку со своим скарбом прочь с Отвального. Надо было не копать, а скорее спешить назад.

– И в Южном Пределе неладно, – добавил Мерри. – Шутка ли – зелья нигде нет!

– Что бы ни было, – заметил Пиппин, – голову даю на отсечение, что без Лотто здесь не обошлось. Это он всему виной!

– Может, без него и не обошлось, но виной-то всему не он, – покачал головой Гэндальф. – Вы забыли о Сарумане! А ведь он начал интересоваться Засельем раньше Мордора.

– Но у нас есть ты, – сказал Мерри беспечно. – А с тобой мы быстро утрясем все дела.

– Я у вас пока что есть, это верно, – возразил Гэндальф. – Но я буду с вами недолго. В Заселье я не еду. Засельские дела вам придется утрясать самим. К этому вас и готовили. Неужели до сих пор непонятно? Мое время кончилось. Довольно я наводил везде порядок и помогал наводить его другим! Что же до вас, друзья мои, то помощь вам не понадобится. Вы теперь взрослые. Вы так выросли, что вас можно смело ставить в один ряд с великими. Я больше не боюсь за вас. Ну а я, коли уж вам любопытно, скоро сверну с Тракта. Мне надо как следует побеседовать с Бомбадилом – я с ним еще никогда не беседовал так серьезно, как собираюсь. Он был лежачим камнем и

оброс мхом, а я обречен был катиться по свету, не зная покоя... Но конец моему пути близок. Теперь нам есть что сказать друг другу.

Долго ли, коротко ли – путешественники оказались у того самого места на Тракте, до которого проводил некогда хоббитов Том. Хоббиты надеялись увидеть его и почти ждали, что он выйдет навстречу. Но Бомбадил не появился. Над Курганами стоял серый туман, и далекий Старый Лес тонул во мгле.

Они остановились, и Фродо с печалью на лице посмотрел на юг.

– Вот кого бы мне хотелось увидеть, так это старину Тома, – вздохнул он. – Как-то он там, интересно?

– Он живет припеваючи, как и всегда, можете за него не волноваться, – ответил Гэндальф. – В его доме царят мир и спокойствие. Ему наверняка и знать-то не очень интересно, какие вы совершили подвиги и что повидали. Разве что наше знакомство с энтами его немножко заинтересует... Придет время – может, вы его и навестите. Но сейчас я на твоём месте поспешил бы домой – того и гляди опоздаешь! Ворота на Брендивинском Мосту закрываются рано.

– Какие-такие ворота? – удивился Мерри. – На Тракте никаких ворот нет, не считая, конечно, Бэкландских, – но уж меня-то Бэки всяко пропустят!

– Ты хочешь сказать, не было, – поправил его Гэндальф. – Не было – да вот появились! Учти: теперь даже у Бэкландских ворот ты можешь нарваться на неприятности. До свидания, дорогие друзья! Мы еще увидимся, так что я пока не говорю вам «прощайте». До свидания!

Он что-то шепнул Скадуфаксу, тот перескочил через зеленый придорожный вал – и по команде Гэндальфа, словно северный ветер, помчался прочь, по направлению к Курганам.

– Вот мы и снова вчетвером, как раньше, – вздохнул Мерри. – Все друзья один за другим отстали. Может, это все был сон? Отоснился – и мало-помалу забывается...

– А мне так кажется, будто наоборот, – сказал Фродо. – Словно я ненадолго проснулся – а теперь опять засыпаю...

Глава восьмая

Беспорядки в Заселье

Уже стемнело, когда путешественники, вымокшие и усталые, добрались до Брендивина – и обнаружили, что дальше пути нет. С обоих концов Брендивинского Моста стояли высокие ворота, сколоченные из жердей. На противоположном берегу виднелось несколько новых построек; это были странные двухэтажные дома с узкими прямоугольными окнами без занавесок, откуда выбивался тусклый свет. Дома выглядели мрачно и совсем не по-засельски.

Хоббиты долго барабанили в ворота и кричали, но поначалу ответа не было. Через некоторое время, к большому удивлению путешественников, кто-то протрубил в рог, и свет за рекой сразу погас. Из темноты крикнули:

– Кто там стучит? Убирайтесь! Прохода нет. Читать, что ли, не умеете? «С захода до восхода солнца вход воспрещен».

– Как же мы прочтем, если темно? – отозвался Сэм. – Но если из-за этого дурацкого объявления засельские хоббиты должны в такую мокредь оставаться за воротами, я сейчас разыщу эту гнусную бумажку и порву на мелкие клочки!

Окно захлопнулось, и из того дома, что стоял левее, высыпала целая толпа хоббитов с фонарями в руках. Отперев дальние ворота, три-четыре хоббита направились посмотреть, кто это ломится в двери среди ночи, – но, увидев доспехи, похоже, немного струхнули.

– Это ты, Хоб Сторож? А ну-ка, иди сюда, – окликнул Мерри одного из хоббитов. – Ты что, своих не узнаешь? Это же я, Мерри Брендибэк! Что происходит и почему тут ошиваются бэкландские хоббиты вроде тебя? Ты ведь был сторожем у Крайних Ворот, возле самой Осеки!

– Не может быть! Господин Мерри! Ущипните меня, я сплю! Одет-то, одет, как на войну собрался! – ахнул старый хоббит. – А я слышал, вы не то погибли, не то заблудились в Старом Лесу... И вот вы, оказывается, живехоньки! Уж как я рад!

– Ну так хватит пялиться! Отворяй! – велел Мерри.

– Мне очень жаль, господин Мерри, никак не могу. Приказ.

– Чей еще приказ?!

– самого Начальника, прямо из Котомки!
– Какого еще Начальника? Лотто, что ли? – удивился Фродо.
– Да, кажись так, господин Бэггинс! Только положено не «Лотто» говорить, а «Начальник».

– Надо же! – прищелкнул языком Фродо. – Я рад, что он больше не называет себя Бэггинсом. Но, видно, настало время родственникам взяться за него и поставить на место!

Хоббиты за воротами притихли.

– От таких речей вред один, – произнес кто-то, – и вообще, хватит шуметь! Большой Человек проснется!

– Мы его сами разбудим, да так, что он не обрадуется, – пообещал Мерри. – Если ты хочешь сказать, что твой бесценный Начальник нанял на службу приبلудного бандита, то мы и правда припозднились!

Он спешил, и ему на глаза сразу попала белеющая в свете фонарей злосчастная надпись. Содрав листок, Мерри перебросил его за ворота. Хоббиты подались назад, но открывать все еще не торопились.

– Пиппин! Сюда! Вдвоем как раз управимся. Вперед!

Мерри с Пиппином взобрались на ворота и спрыгнули вниз. Привратники обратились в бегство. Где-то снова протрубил рог. В освещенной двери дома побольше, стоявшего справа, появилась тяжелая, высокая человеческая фигура.

– Что там такое? – прорычал человек. – Кто это тут ломает ворота? Эй вы, мотайте отседова, а не то шею сверну – усекли?

Но тут он прикусил язык, заметив, что в темноте поблескивают мечи.

– Билл Осина! – сказал Мерри. – Считаю до десяти. Если на счет «десять» ворота не откроются, ты крепко пожалеешь об этом. А произойдет вот что: я воткну в тебя вот эту штуку. Когда же ворота откроются, ты выйдешь через них и больше не вернешься. Ясно? Ты – ворюга и разбойник с большой дороги, и разговор с тобой будет короткий.

Билл Осина, пригнувшись, побрел к воротам и отпер их.

– Отдай ключ! – приказал Мерри.

Разбойник швырнул ключ прямо в лицо хоббиту и бросился прочь, в темноту. Когда он пробежал мимо пони, один из них брыкнул

задними ногами и не промахнулся. Осина заорал от боли и припустил еще быстрее. Больше о нем никто никогда не слышал.

– Хорошо сработано, Билл! – воскликнул Сэм, обращаясь, конечно же, не к Биллу Осине, а к пони.

– Ну вот, с вашим Большим Человеком мы разобрались, – деловито сказал Мерри. – Повидаем и Начальника. А пока что нам нужно где-нибудь переночевать. Вы, я погляжу, снесли здешний трактир и выстроили вместо него какую-то пакость. Значит, вам придется приютить нас у себя дома!

– Мне очень жаль, господин Мерри, – застеснялся хоббит, – но это не разрешается.

– Что не разрешается?

– Брать на постой чужестранцев, расходовать припасы сверх положенного на день и так далее...

– Слушайте, что с вами случилось? – потерял терпение Мерри. – Неурожай, что ли? По-моему, лето было что надо, так что у вас амбары должны просто ломиться от снеди!

– Урожай-то мы собрали хороший, это верно, – признал Хоб. – Только вот что с ним потом стало, так никто до сих пор и не выяснил. Ох уж мне все эти «сборщики» да «раздатчики»!⁶⁵⁷ Они собирают все в какое-нибудь одно место, взвешивают, пересчитывают – а потом развозят по складам, и пиши пропало. Причем раздают они почему-то гораздо меньше, чем собирают...

– Ну ладно, – зевнул Пиппин. – Устал я все это выслушивать. В мешках, кажется, еще осталось немного еды. Пустите нас только под крышу, а там мы сами разберемся. Нам случалось попадать и не в такие переделки!

Хоббиты-привратники немного помялись: им явно не хотелось нарушать еще какое-то из правил. Но в конце концов перечить бывалым путешественникам, опоясанным мечами, не посмел никто – тем более что двое из них казались чересчур рослыми и сильными для обыкновенных хоббитов!

Ворота Фродо все-таки приказал опять закрыть на засов: если вокруг и впрямь кишели разбойники, принять меры предосторожности не мешало. Затем путешественники отправились в Дом Привратников и, поднявшись в одну из верхних комнат, приложили все усилия, чтобы

устроиться поудобней. Комната, голая и неопрятная, этому никак не способствовала – тем более что в крошечном каминчике и огня-то порядочного было не развести. Вдоль одной из стен тянулись два яруса жестких нар, на остальных развешаны были Правила Поведения Стражников и длинный список Запретов.

Пиппин немедленно сорвал со стен эту галиматью и тут же изодрал на мелкие клочки. Пива стражники предложить не смогли совсем, еды у них и у самих было на один зуб – но друзья развязали котомки и щедро угостили всю честную компанию добрым ужином, не забыв, конечно, и себя.

Для завершения картины Пиппин, нарушив Запрет номер 4, подкинул в огонь дровишек из неприкосновенного завтрашнего запаса.

– Как насчет того, чтобы выкурить трубочку, пока вы нам рассказываете про здешние дела? – спросил он.

– Курительного зелья у нас теперь ищи-свищи, – шумно вздохнул Хоб. – Только для людей Начальника и хватает. Все запасы куда-то хлоп! – и улетучились. Говорят, из Южного Предела еще в прошлом году, после вашего отъезда, долгодольское зелье начали целыми обозами переправлять куда-то. Телеги уезжали на юг, по старой дороге, которая ведет к Сарн Форду. Но на самом деле курительный лист вывозили и прежде – тишком-молчком, а вывозили. Этот Лотто...

– Придержи язык, Хоб Сторож! – замахали на него руками сразу несколько стражников. – Или ты не знаешь, что бывает нашему брату за такие речи? Дойдет до Начальника – всем будет по шапке!

– Ничего до него не дошло бы, если бы кое-кто не бегал ябедничать! – в сердцах огрызнулся Хоб.

– Ну-ну, успокойтесь! – поднял руку Сэм. – Я лично устал и ничего больше не хочу слушать. Прием хуже некуда, пива на стол не ставят, зелья не доищешься, зато полно каких-то там запретов и в придачу орочьи замашки! Ну и дела! А я-то думал отдохнуть! Похоже, предстоит много работы и еще больше беспокойства. Эх! Пойдем-ка спать! Утро вечера мудренее!

У нового «Начальника», похоже, были надежные способы узнавать, что происходит. От Брендивинского Моста до Котомки было верст шестьдесят с лишком, но кто-то, видимо, той же ночью не

поленился этот путь проделать. Фродо и его друзья поняли это очень скоро.

Они еще не решили, как им быть. Сначала они думали добраться до Крикковой Лощинки и как следует отдохнуть, но теперь, увидев, как обстоят дела, двинулись напрямик в Хоббитон. Не успело еще рассвети, как они сели на пони и выехали на Хоббитонскую дорогу. Ветер стих, но небо хмурилось по-прежнему. Земли вокруг казались унылыми и пустынными. Правда, уже наступил ноябрь, и осень кончалась... Что особенно удивило хоббитов, так это множество гарей по обеим сторонам дороги, причем кое-где земля еще дымилась. Дым собирался в большую тучу и тянулся в сторону Лесного Угла.

Под вечер они добрались до Квакмортон – придорожной деревеньки верстах в тридцати пяти от Брендивинского Моста; там, рассчитывая на гостеприимство доброй памяти трактирчика под вывеской «Плавучее Бревно», хоббиты надеялись заночевать. Но дорога в деревню оказалась закрытой: путь перегораживал шлагбаум с аршинной надписью «Проезда нет», а за шлагбаумом выстроился целый отряд хоббитов-шерифов с дубинками в руках и перьями на шляпах. Вид у полицейских был важный и одновременно несколько испуганный.

– Это еще что такое? – спросил Фродо, чувствуя, что смех так и разбирает его.

– То, что видите, господин Бэггинс, – ответил глава отряда, полицейский с двумя перьями на шляпе. – Вы арестованы за Взлом Ворот, за Срывание-Со-Стены-Правил, Нападение-На-Привратников, Вторжение-В-Пределы-Страны-Без-Разрешения, Ночлег-В-Засельском-Официальном-Здании и Дачу-Взяток-Стражникам-В-Виде-Пищи.

– Это все? – осведомился Фродо.

– Хватит и этого, – обиделся глава полицейских.

– Могу добавить, если хотите, – вмешался Сэм. – За Обзывание-Вашего-Начальника-Разными-Именами, Желание-Двинуть-Ему-По-Его-Прыщавой-Физиономии, а также Глубокое Убеждение, что вы, ребята, – набитые дураки, и больше ничего!

– Достаточно, сударь, достаточно! По приказу Начальника вы обязаны следовать за нами, не оказывая сопротивления. Мы собираемся отвести вас в Приречье и передать людям Начальника.

Когда он вами займется, тогда все и скажете. Но если не желаете слишком долго торчать в Подвалах, не советую вам распускать язык!

К удивлению и недовольству шерифов, Фродо с друзьями так и покатались со смеху.

– Чушь какая! – сказал Фродо, отсмеявшись. – Я у себя дома. Куда захочу, туда и поеду! На ваше счастье, у меня дела в Котомке. Хотите составить мне компанию – не возражаю, дело ваше.

– Договорились, господин Бэггинс, – кивнул глава шерифов, поднимая шлагбаум, – но не забудьте, что я вас арестовал!

– Не забуду, не беспокойся, – отозвался Фродо. – До конца жизни не забуду! Хотя это не значит, что до конца жизни не прощу... А коль скоро сегодня я все равно дальше не поеду – отведи-ка нас в «Плавучее Бревно». Этим ты меня весьма обяжешь!

– Чего не могу, того не могу, господин Бэггинс. Трактир закрыт. Зато на том конце деревни есть Полицейский Участок. Давайте я вас туда отведу!

– По рукам, – согласился Фродо. – Пошли!

Разглядывая шерифов, Сэм заметил среди них одного знакомца.

– Эй, Робин! Робин Мелкая-Сошка! – окликнул он его. – Подойди-ка на пару слов!

Бросив опасливый взгляд на главу отряда, который сдвинул брови, но вмешаться не осмелился, Мелкая-Сошка подождал Сэма и пошел рядом с его пони. Сэм спешил.

– Послушай-ка, Робин-Боббин, – начал Сэм. – Ты истый хоббитонец и должен вроде бы иметь голову на плечах. Что это вам втемяшилось не пускать господина Фродо в Заселье и прочее? И почему трактир закрыт, скажи на милость?

– Трактиры все закрыты, – развел руками Мелкая-Сошка. – Начальник пива на дух не выносит. По крайней мере предлог такой. Но я подозреваю, что пиво идет людям Начальника. Кроме того, он терпеть не может, когда хоббиты шастают туда-сюда без спросу. Понадобилось что – иди в Полицейский Участок и объясняй, что у тебя за дело такое.

– И как тебе не стыдно во всем этом участвовать! – укорил его Сэм. – Когда трактиры были открыты, Робин Мелкая-Сошка, помнится, гораздо больше любил сидеть внутри, чем околачиваться

снаружи! Не помню, чтобы ты хоть раз отказался пропустить стаканчик. Будь то даже «при исполнении»!

– Да я-то что? Я бы и сейчас не прочь, Сэм. Но не будь ко мне жесток. Что я мог поделаться? Ты же знаешь, когда я поступил в шерифы. Семь лет назад, задолго до новых порядков. Это был просто хороший повод везде бывать, встречать приятелей, узнавать новости. Я всегда мог сказать, где самое хорошее пиво! И вдруг все изменилось...

– Ну так брось это дело, если оно перестало быть занятием для порядочного хоббита, – предложил Сэм.

– Не разрешается, – вздохнул Робин.

– Если я еще раз услышу от тебя «не разрешается», я очень-очень рассержусь! – внушительно сказал Сэм.

– Признаться, я этому был бы только рад, – понизив голос, ответил Робин. – Если бы мы собрались все вместе да рассердились как следует – глядишь, что-нибудь и вышло бы. Но пойми, Сэм, у Начальника на службе Большие! Он разослал их во все концы, и теперь стоит хоббиту заикнуться о своих правах, как его волокут в Подвалы. Первым они взяли Клецку – ну, Бургомистра, Уилла Белонога, а потом и других. В последнее время они страсть как лютуют. Говорят, узников теперь бьют, и часто...

– Зачем же ты работаешь-то на них? – спросил Сэм резко. – Кто тебя послал в Квакмортон?

– Да никто. Мы тут и живем – при Большом Полицейском Участке. Я состою в Первом Отряде Восточного Предела. Шерифов у нас теперь сотни, но все равно не хватает, при нынешних-то порядках... Большинство служит в полиции против собственного желания, но не все. Даже у нас, в Заселье, находятся такие, что любят совать нос в чужие дела и строить из себя важных птиц. А бывают типы и похуже: следят за своим же братом хоббитом, и чуть что – сразу к Начальнику или к Большим, доносить.

– А! Вот как, стало быть, вы о нас проведали?

– А то как же? Срочной Почтой нам теперь пользоваться не разрешается, она для Больших. Люди Начальника везде держат нарочных. Один такой примчался ночью от Моста высунув язык и сказал, что у него «тайное донесение», а другой понес известие дальше. Днем мы получили приказ арестовать вас и доставить, но пока

не в Подвалы, а в Приречье. Похоже, Начальник хочет вас повидать, и немедленно.

– Посмотрим, что запоеет ваш Начальничек, когда господин Фродо с ним потолкует, – решительно сказал Сэм.

Полицейский Участок Квакмортон оказался так же гадок, как и Дом Привратников у Моста. Одноэтажный, с такими же узкими окнами, он был выстроен из уложенного абы как неказистого бледного кирпича. Внутри было сыро и безотраднo. Ужин накрыли на длинном голом столе, который, видимо, по неделям не мыли и не скоблили. Впрочем, пища тоже была под стать обстановке. Поутру путешественники рады были покинуть это место. До Приречья оставалось около тридцати верст, но только к десяти часам утра компания снова выехала на тракт. Вообще говоря, выехать можно было бы и раньше, но друзья решили не упустить предоставившегося случая подразнить Главного Шерифа. Ветер переменялся и задул с севера; стало заметно холодать, зато дождь прекратился.

Кавалькада получилась довольно забавная, но те несколько крестьян, что высунулись поглазеть на «арест» путешественников, не были вполне уверены, что не нарушат никаких Запретов, если посмеются. Двенадцать шерифов должны были, по уставу, идти за арестованными, но Мерри погнал их вперед. Фродо и остальные поехали следом. Мерри, Пиппин и Сэм непринужденно смеялись, беседовали и распевали песни, а шерифы с самым важным и суровым видом, на какой были способны, шествовали впереди. Фродо молчал; он казался печальным и был погружен в думу.

Последним из встреченных ими обитателей Квакмортонa был крепкий, кряжистый старик, который подравнивал живую изгородь возле своего домика.

– Эгей, ребята! – крикнул он, завидев процессию. – Не пойму что-то, кто из вас кого арестовал?

Двое шерифов тут же покинули строй и направились к старику.

– Эй, кто там у вас главный?! – крикнул Мерри. – Вели-ка своим молодцам встать на место, а не то я ими займусь!

Главный Шериф резко окрикнул не в меру ретивых служак, и те, понурившись, возвратились.

– Прибавим-ка шагу! – решил Мерри, и с этого момента путешественники не сбавляли скорости, так что шерифам пришлось попотеть. Из-за туч вышло солнце, и, несмотря на свежий ветер, шерифы вскоре уже отдувались и вытирали лбы платками, а друзья следили, чтобы они не расслаблялись ни на минуту. У Межевого Камня представители власти сдались. Они одолели почти двадцать пять верст и остановились только один раз – в полдень. Шел уже третий час; бедняги проголодались, вконец стерли ноги и не могли больше поспевать за пони.

– Ну ладно. Можете не спешить. Приходите, когда вам будет удобнее! – разрешил Мерри. – А мы, пожалуй, поедем.

– Пока, Робин-Боббин! – весело крикнул Сэм. – Жду тебя у «Зеленого Дракона», если ты еще не забыл, где это! Поспеши!

– Вы нарушаете процедуру ареста, вот что вы делаете, – скорбно пробормотал старший Шериф. – Я слагаю с себя всякую ответственность за ваше поведение.

– Мы еще много чего нарушим. Но с тебя за это никто не спросит, – успокоил его Пиппин. – Желаю удачи!

Пони затрусили быстрее, и, когда солнце опустилось за Белые Холмы, путешественники подъехали к Большому Приреченскому Пруду. Здесь их ждал первый по-настоящему чувствительный удар. Это была родина Фродо и Сэма, и они внезапно поняли, что места эти им дороже всех красот Средьземелья. Многих знакомых с детства домов недосчитывалось. Похоже было, некоторые просто сгорели. Мирный ряд норок на северном склоне пруда опустел, а сады, пестрым ковром сбегавшие когда-то к воде, сплошь заросли сорной травой. Там, где Хоббитонская дорога подходила всего ближе к воде, вдоль самого Пруда тянулся ряд безобразных новых построек. Когда-то здесь шумела зеленая аллея; теперь не осталось ни одного деревца. С отчаянием обернувшись в сторону Котомки, хоббиты увидели вдали высокую кирпичную трубу. Из этой уродины в вечернее небо валил черный дым.

Сэм был вне себя.

– Я пошел, господин Фродо! – крикнул он. – Я должен посмотреть, что там происходит. И узнать, где мой Старикан!

– Мы должны вместе выяснить, что тут творится, Сэм, – удержал его Мерри. – «Начальник» наверняка держит наготове десяток-другой негодяев. Хорошо бы найти кого-нибудь понадежней и расспросить.

Но в Приречье все дома и норки были накрепко заперты. Приветствовать путешественников явно никто не торопился. Друзья удивились этому, но вскоре все прояснилось. У трактира «Зеленый Дракон», стоявшего на краю деревни со стороны Хоббитона (мертвый трактир зиял пустыми окнами), околачивалось с полдюжины Больших. Это были смуглые косоглазые громилы довольно зловещего вида.

– Точь-в-точь приятель Билла Осины, которого мы видели в Бри, – заметил Сэм.

– Точь-в-точь исенгардцы – уж я их навидался, – пробормотал Мерри.

С виду вооружены громилы не были – если не считать тяжелых дубинок и рогов, болтающихся у пояса. Путешественники подъехали ближе; чужаки отделились от стены трактира, вразвалочку вышли на дорогу и преградили путь.

– Куда собрались? – осведомился один из них, самый рослый и свирепый. – Дальше дороги нет. А где ваши драгоценные конвоиры?

– Идут себе потихонечку, – ответил Мерри. – По-моему, у них приболели ножки. Или что-то в этом духе. Мы обещали подождать их в Приречье.

– Ну?! Что я вам говорил? – обернулся к остальным косоглазый верзила. – А ведь я втолковывал Шарки⁶⁵⁸, что этим кретинам даже самой простой работы нельзя поручить. Чтó бы выслать наших ребят – так нет же!

– Ничего не изменилось бы, – пожал плечами Мерри. – Хоть мы и не привыкли видеть у себя дома дармоедов и разбойников, мы знаем, как с ними поступать.

– Дармоедов?! Во дает! Хамить вздумал? Придержи язык, а то как бы я тебе его не окоротил! Я смотрю, вы, малявки, невесть что о себе возомнили. У вас не Шеф, а настоящий кисель, вот что я вам скажу. Но сейчас тут за главного не он, а Шарки. Шеф при нем и пикнуть не смеет. Все будет так, как хочет Шарки.

– А чего он хочет? – невинно поинтересовался Фродо.

– Эту страну надо как следует растряссти, вот что. Порядку тут мало, – наставительно пояснил громила. – Шарки этим и занят. И лучше не раздражать его, а не то от вас мокрого места не останется, ясно? Вам надо нового Шефа, а этого мямлю долой. Не пройдет и года, как мы его скинем. Тогда узнаете, что почем, крысятки!

– Право же? Рад был узнать о ваших планах, – учтиво раскланялся Фродо. – Я как раз еду навестить господина Лотто. Думаю, ему тоже интересно будет послушать.

Разбойник расхохотался:

– Фу-ты ну-ты! Да Лотто все отлично знает. Можешь за него не беспокоиться. Лотто сделает все, как ему скажет Шарки, ясно? А начнет ерепениться – мы его и убрать можем. Другой найдется. Если малявки суют нос куда не просят, то мы их чжик! – и дело с концом. Усек?

– О, еще бы, – ответил Фродо. – Но да будет вам известно, что вы отстали от времени. Как я понял, вы не знаете последних новостей. А жаль. С тех пор как вы перекочевали сюда из южных земель, случилось много событий. Ваша власть кончилась, да и не только ваша. Прощелыгам и разбойникам больше нет места в Средьземелье. Черный Замок пал. В Гондоре воцарился Король. Исенгард лишился своего могущества, и твой драгоценный хозяин просит милостыню на большой дороге. Мы видели его по пути сюда. Скоро по Зеленому Тракту в Заселье придут королевские посланцы, и тогда исенгардским воришкам придется убираться из этих краев под добру-здорову.

Громила уставился на Фродо и недоверчиво ухмыльнулся:

– Милостыню, говоришь, просит?! Он-то?! Так я тебе и поверил, выскочка! Мы отсюда никуда не уйдем. Хватит вам бездельничать да объедаться на этой славной, жирной земельке. А если сюда сунутся королевские посланцы, то пусть выкусят! – И он сунул под нос Фродо кукиш. – Нате! Плевать я на них хотел!

Этого Пиппин стерпеть уже не мог. Перед его внутренним взором возникло Кормалленское Поле. И у этого косоглазого ворюги хватает дерзости оскорблять Хранителя Кольца и называть его «выскочкой»!

Он откинул плащ, выхватил блестящий меч и, сверкая серебром на черных гондорских доспехах, выехал вперед.

– Королевский посланец перед тобой! – объявил он. – Ты имел наглость неуважительно говорить с близким другом Короля, одним из самых прославленных героев Запада! На колени, безмозглый разбойник! Встань на колени и моли о пощаде, если не хочешь испытать на себе остроту этого меча, отведавшего крови троллей!

Клинок блеснул в лучах вечернего солнца. Мерри и Сэм тоже обнажили мечи и присоединились к Пиппину. Фродо не двинулся с места.

Бандиты попятились. Стращать брийских крестьян да сбитых с толку, насмерть перепуганных хоббитов они умели. Но хоббиты бесстрашные, с обнаженными мечами и решимостью во взоре – это было что-то новенькое! К тому же в голосе у этих странных хоббитов звучали какие-то непривычные, особые нотки, от которых у громил пробежал озноб по коже.

– Вон отсюда! – приказал Мерри. – А появись в этой деревне еще раз – крепко пожалеете!

Хоббиты подались вперед – и громилы со всех ног бросились в сторону Хоббитона, на бегу что есть мочи трубя в рога.

– Да, не слишком-то мы рано прибыли, – молвил, глядя им вслед, Мерри.

– Какое там рано! Поздно, ты хотел сказать! Боюсь, что вызволить Лотто мы уже не успеем, – вздохнул Фродо. – Он болван и негодяй, но мне жаль его.

– Вызволить Лотто? О чем это ты? – поразился Пиппин. – Ты, наверное, хотел сказать – «свергнуть»?

– Сдается мне, ты не до конца понимаешь, что здесь творится, Пиппин, – еще раз вздохнул Фродо. – Лотто все это и в страшном сне не приснилось бы. Он вел себя как дурак и последний мерзавец – и попал в ловушку. В Заселье верховодит не он, а Большие. Это они грабят, «распределяют», всем правят и все портят, как им заблагорассудится, – одно только, что от его имени. Но его именем они будут прикрываться недолго. Лотто, наверное, заперт в Котомке и помирает со страху. Мы должны его освободить или по крайней мере попытаться это сделать.

– Ну, братец, ты убил меня на месте! – воскликнул Пиппин. – В конце наших путешествий я всего ожидал, но только не этого! Биться с

полуорками и разбойниками, и где – у себя же в Заселье! А за кого? За Прыща Лотто!..

– Биться? – переспросил Фродо. – Что ж, не исключено, что придется вступить с ними в битву. Но запомните: хоббитов вы убивать не должны, даже в том случае, если кому-то из них взбредет в голову сражаться против нас. Я имею в виду, если эти хоббиты нападут на нас по-настоящему, добровольно, не из-под палки. За всю историю Заселья не бывало еще, чтобы хоббит убил хоббита, и не нам начинать. Лучше, чтобы обошлось вообще без жертв, если получится. Сдерживайте свой пыл и не хватайтесь чуть что за оружие!

– Но если Больших тут много, без драки не обойтись, – возразил Мерри. – Если просто ломать руки и предаваться скорби – ни Лотто, ни Заселья мы не спасем. Вот так-то, дорогой Фродо!

– Напугать их во второй раз будет гораздо труднее, – трезво заметил Пиппин. – Они не ожидали, что им дадут отпор, потому и растерялись. Вряд ли они трубили в рога просто для виду. Наверное, остальные тоже где-то неподалеку. Дай только им собраться вместе – небось живо осмелеют! Придется серьезно подумать, где бы переждать ночь. Нас ведь только четверо, даром что при мечях.

– Придумал! – хлопнул себя по колену Сэм. – Айда к старому Хижинсу! Он живет в конце Южного Переулка. Том не подведет. К тому же у него куча сыновей, и все мои друзья.

– Нет! – не согласился Мерри. – Нельзя нам прятаться и пережидать до утра! Здешние тоже «пережидали», а что получилось? Разбойникам это как раз на руку. Они заявятся к Хижинсу, окружат дом и либо выволокут нас наружу, либо просто спялят вместе с домом. Нет! Так не пойдет. Надо приступить к делу немедленно.

– А как? – спросил Пиппин.

– Поднимем восстание, – предложил Мерри. – Нечего откладывать дело в долгий ящик! Надо расшевелить хоббитов! Вы что, не заметили, как они все это ненавидят? Может быть, и есть среди хоббитов один-два законченных негодяя да горстка дураков, которые рады случаю поважничать, но они просто не понимают, чем все это пахнет. Засельчане так долго не ведали ни горя, ни забот, что теперь просто-напросто растерялись и не сообразят – как быть? По-моему, тут хватит искорки, чтобы начался пожар. И люди «Шефа» это понимают. Они попытаются как можно скорее затоптать искорку, чтобы пламя не

разгорелось. Времени у нас в обрез. Навести-ка Хижинса, Сэм! Он главный здесь, в округе, и самый надежный. Да поторопись! А я протрублю в роханский рог. Такой музыки здесь еще не слышали!

Друзья вернулись на главную деревенскую площадь. Там Сэм покинул их и галопом помчался по тропинке, которая вела под гору, к дому Хижинсов. Он не успел еще далеко отъехать, когда в воздухе зазвучал чистый голос рога⁶⁵⁹. Далеко над холмами и полями разнесся этот зов, и такая в нем была сила, что Сэм едва не повернул обратно. Пони встал на дыбы и заржал.

– Вперед, малыш! – закричал Сэм. – Мы скоро вернемся!

Тут Мерри сменил мелодию и заиграл старый бэклендский сигнал тревоги, да так, что в домах задрожали ставни:

*Вставай! Вставай! Пожар, беда, враги! Вставай!
Враги! Вставай!*

За спиной Сэма уже перекликались возбужденные голоса и громко хлопали двери. Впереди, в мутной вечерней мгле, вспыхнули огни; забрежали собаки, слышался топот ног. На полпути Сэм повстречал папашу Хижинса и трех его сыновей – Юнца Тома, Джолли и Ника, бегущих навстречу с топорами в руках. Увидев его, они загородили дорогу.

– Стойте, ребята! Этот не из них, – остановил сыновей фермер. – Ростом совсем как хоббит, только вот разодет не пойми во что... Эй, ты! Кто ты такой и что там стряслось наверху?

– Да это же я, Сэм! Сэм Гэмги! Вернулся я!

Фермер Хижинс подошел вплотную и всмотрелся в его лицо – разглядеть его в сумерках было не так-то просто.

– Точно! – воскликнул он. – Сэма это голос, да и лицо его – один к одному! Встреть я тебя на улице в таком наряде – ей-ей, не узнал бы! Видать, далеко ездил! А мы уже думали – ты погиб...

– А я вот он! – рассмеялся Сэм. – И господин Фродо жив, и друзья его! Это самое и стряслось. Они поднимают мятеж! Мы решили выместить отсюда всех разбойников заодно с их Начальником. Сейчас начнется!

– Вот это дело! – закричал папаша Хижинс. – Значит, раскачались все-таки! У меня уже год как руки чешутся, но наших увальней разве поднимешь? А тут еще жена и дочка на руках... Никогда не знаешь, чего ждать от этих негодяев... Ну, раз так, вперед, ребята! Слыхали? В Приречье мятеж! Надо бежать на подмогу!

– А что будет с госпожой Хижинс и Рози? – забеспокоился Сэм. – Опасно оставлять их одних!

– Они под охраной Нибса, но ты можешь ему помочь, если есть настроение, – ухмыльнулся старый Хижинс и вслед за сыновьями побежал к деревне.

Сэм поспешил к дому. У большой круглой двери, на верхней ступеньке лестницы, поднимающейся из широкого двора, стояли госпожа Хижинс и Рози, а чуть ниже – Нибс с вилами наготове.

– Это я! – прежде чем слезть с седла, закричал Сэм. – Я, Сэм Гэмги! Не пытайся насадить меня на вилы, Нибс! Не выйдет! На мне кольчуга!

Он спешился и взлетел по ступенькам; Рози и ее мать молча смотрели на него, широко раскрыв глаза.

– Добрый вечер, госпожа Хижинс! Привет, Рози! – воскликнул запыхавшийся Сэм.

– Привет, Сэм! – обрела голос Рози. – Где же ты пропадал? Все говорили, что ты сгинул, но я тебя все равно жду – с самой весны. Видно, не слишком ты торопился!

– Может, и так... – смешался Сэм. – Зато сейчас тороплюсь! Мы решили разобраться с чужаками, так что мне надо возвращаться к господину Фродо. Я просто подумал: дай посмотрю, как поживает госпожа Хижинс – и ты, Рози!

– Ничего поживаем, спасибо, – ответила госпожа Хижинс. – Вернее, было бы ничего, если бы не воры и злодеи...

– Ну давай, иди, Сэм, – подтолкнула его Рози. – Говоришь, что все это время только и делал, что присматривал за господином Фродо, а как дошло до опасности, так в кусты – да?

Это было для Сэма чересчур. Чтобы достойно ответить, потребовалось бы не меньше недели, поэтому он промолчал, сбежал вниз и занес уже было ногу в стремя – но тут Рози его догнала.

– В общем, ты выглядишь неплохо, Сэм, – сказала она. – Ну, ступай! Только береги себя, а разберешься с чужаками – сразу

возвращайся!

Когда Сэм примчался обратно, деревня была уже, почитай, в сборе. Не считая молодежи, на главной площади собралась добрая сотня взрослых хоббитов – крепких, вооруженных топорами, тяжелыми молотами, длинными ножами и увесистыми дубинками. Некоторые запаслись охотничьими луками. С близлежащих хуторов валил народ.

Хоббиты развели большой костер – просто чтобы стало веселее, но еще и потому, что в числе прочего костры запрещались тоже. К ночи пламя разгорелось жарче. Мерри распорядился, чтобы дорогу с обеих сторон как следует забаррикадировали. Когда подоспевшие шерифы наткнулись на первую загородку, их чуть удар не хватил, но едва до них дошло, что происходит, как большинство сорвало перья со шляп и присоединилось к мятежникам. Остальные сочли за лучшее исчезнуть.

Сэм нашел Фродо и друзей у костра: они беседовали со старым Томом Хижинсом, а окружившие их приреченцы восхищенно на них глазели.

– И что дальше? – спрашивал папаша Хижинс.

– Пока не знаю, – отвечал Фродо. – Сперва я должен кое-что уяснить. Сколько в Приречье чужаков?

– Сразу и не скажешь, – задумался Хижинс. – Они все время меняются. По дороге в Хоббитон, в бараках, обычно живет около полусотни. Оттуда они разбредаются по деревням и грабят, то есть, простите, «собирают». Человек двадцать ошивается вокруг Начальника, или Шефа. Так они его зовут – «Шеф». Он сидит в Котомке, но, может, вернее сказать «сидел»: что-то в последнее время его совсем не видно. Честно говоря, он уже недели две как не появлялся, а Большие нас туда и близко не подпускают.

– Но Большие осели не только в Хоббитоне, так ведь? – уточнил Пиппин.

– Если бы! – вздохнул Хижинс. – На юге, в Долгодоле и у Сарн Форда, их, я слышал, тоже немало. Кое-кто из них подвизается в Лесном Углу и в казармах у Перекрестка. О Подвалах уже и не говорю. Подвалы – это старые подземные склады в Мичел Делвинге. Грабители сделали из них тюрьму и бросают туда всех, кто не согласен

с их порядками. Но, в общем, вряд ли этих бандюг наберется больше трехсот по всему Заселью! Не исключено, что и трехсот не наберется. Если держаться вместе – мы вполне можем задать им хорошую трепку.

– Они вооружены? – спросил Мерри.

– Только плетьюми, ножами и палками. Для грязной работы, которую они делают, достаточно и этого. По крайней мере другого оружия у них пока никто не видел, – припомнил Хижинс. – Но, боюсь, если дойдет до драки, они могут повытаскивать что-нибудь и пострашнее. По крайней мере несколько луков у них есть, это точно – они уже пристрелили пару наших.

– Ты слышал, Фродо? – возмутился Мерри. – Я же говорил, что придется с ними биться по-настоящему! Убивать начали они!

– Так, да не совсем, – возразил Хижинс. – Стрелять начали как раз не они, а Тукки. Ваш, господин Перегрин, батюшка сразу отказался гнуть спину перед Лотто. Он сказал, что, дескать, если кто хочет разыгрывать здесь главного, это должен быть законно выбранный засельский Тан, а не какой-то выскочка. Лотто послал к нему своих людей, но даже они его не переубедили. Тукки хорошо устроились – у них глубооченные норы в Зеленых Холмах, Большие Смайлы и все прочее, так что у злодеев руки оказались коротки. Тукки их на свою землю вообще не пускают. А если кто проберется – Тукки травят его, как зверя. Однажды они и впрямь застрелили троих воришек, высматривавших, чего бы украсть. С тех пор бандиты страсть как лютуют. За Тукками ведется слежка. Ни туда, ни оттуда пути нет.

– Ура Туккам! – возликовал Пиппин. – Настало время к ним прорваться! Я отправляюсь в Смайлы. Кто не боится – айда в Туккборо!

Собрав с дюжину молодых хоббитов-наездников, Пиппин поспешил к своим родичам.

– Скоро увидимся! – крикнул он на прощание. – Полями туда верст двадцать, не больше! К завтрашнему утру я приведу вам целую армию Тукков!

Мерри протрубил в рог, и посланцы скрылись в густеющей темноте. Хоббиты одобрительно зашумели.

– Все равно, – говорил тем временем Фродо всем, кто мог его слышать, – я хотел бы, чтобы обошлось без смертоубийства. Я не стал

бы убивать даже самых отъявленных разбойников – разве что не будет иного способа спасти жизнь какому-нибудь хоббиту.

– Хорошо! – кивнул Мерри. – Но сюда может с минуты на минуту подвалить банда из Хоббитона. Они ведь не беседовать явятся! Постараемся обойтись с ними повежливее, но надо быть готовыми к самому худшему... Мне пришел в голову один план.

– Прекрасно, – откликнулся Фродо. – Принимай командование!

Тут вернулись запыхавшиеся от бега хоббиты, которых посылали в сторону Хоббитона, на разведку.

– Идут! – кричали они. – Человек двадцать, а то и больше! Только двое почему-то свернули и полями пошли к западу.

– Должно быть, к Перекрестку, за подкреплением, – догадался Хижинс. – Пусть их! Туда чуть ли не двадцать пять верст, и до Хоббитона от Перекрестка столько же. Об этом пока беспокоиться нечего.

Мерри поспешил отдать распоряжения. Папаша Хижинс расчистил улицу и отослал по домам всех, кроме хоббитов постарше, которые были худо-бедно, а вооружены. Ждать пришлось недолго. Вскоре слышались громкие голоса, а затем – топот тяжелых сапог и хохот: баррикады только рассмешили бандитов. В головах у громил и мысли не было, что хоббиты смогут устоять против двух десятков таких, как они.

Хоббиты отодвинули загородку и отошли в сторону.

– Вот спасибо! – ухмыляясь, раскланялись люди. – А теперь скорее домой, в кроватку, – да поживее, пока мы вас не выпороли!

С этими словами они двинулись дальше, крича что было сил:

– Погасить огни! Все по норам! Не выходить! Если кто вякнет – заберем полсотни ваших и бросим на целый год в Подвалы! По норам! Шеф теряет терпение, учтите!

Никто и не подумал подчиниться. Хоббиты выстраивались за спиной у людей и шагали следом. Наконец бандиты дошли до костра и обнаружили возле огня одинокого фермера Хижинса, который стоял протянув руки к огню и грелся.

– Ты кто такой и что ты, по-твоему, тут делаешь? – грубо окликнул его вожак бандитов.

Папаша Хижинс не торопясь поднял глаза.

– Я у вас хочу об этом же спросить, – сказал он. – Страна эта не ваша, и вас сюда никто не приглашал.

– Да-а? Надо же! А вот тебя, приятель, придется кое-куда пригласить, – съязвил вожак. – Вяжи его, братва! В Подвалы! И дайте ему горяченьких, чтоб не рыпался!

Люди шагнули вперед – и вдруг замерли: вокруг поднялся шум, гам, ропот, и они поняли, что фермер Хижинс не один. Их окружили! На краю освещенного круга плотной стеной стояли хоббиты, около двухсот, и каждый держал в руках оружие.

Мерри шагнул вперед.

– Мы уже встречались, – сказал он вожаку. – Я предупреждал тебя – не попадайся мне больше на глаза! Предупреждаю в последний раз. Учти: ты стоишь на свету и тебя держат под прицелом наши лучники. Если ты осмелишься коснуться этого старика или какого-нибудь другого хоббита – тебя пристрелят на месте. Оружие на землю!

Вожак быстро осмотрелся. Ловушка захлопнулась. Но взять его на испуг было не так-то просто! За его спиной стояло двадцать опытных громил, а хоббитов он знал плохо и не принял угрозу всерьез. Не подумав как следует, он решил идти на прорыв. Чего там! Раз-два и готово!

– Бей их, ребята! – рявкнул он. – Пусть получают хорошенько!

С ножом в левой руке и дубинкой в правой он бросился на оцепление, пытаясь прорваться обратно, на Хоббитонскую дорогу. Замахнувшись дубинкой, он собирался уже обрушить на голову Мерри сокрушительный удар, но не успел. В него вонзилось сразу четыре стрелы, и он упал замертво.

Остальным этого вполне хватило, и они запросили пощады. Чужаков обезоружили, связали одной веревкой и отвели в пустующий дом, ими же и выстроенный. Там их связали по рукам и ногам, заперли на замок и выставили у дверей стражу. Убитого вожака оттащили в сторону и похоронили.

– Делов-то всего ничего! – торжествовал старый Хижинс. – Я же сказал, что мы их одолеем! Просто некому было подтолкнуть нас, вот и все. Как вовремя вы подоспели, господин Мерри!

– Дел еще выше головы, – ответил Мерри. – Если ты подсчитал верно, мы еще и десятой части бандитов не одолели. Но сейчас уже

темно. Думаю, со следующим ударом надо обождать до утра. А утром мы первым делом повидаем Начальника.

– А почему только утром? – удивился Сэм. – Еще только шесть часов. Я хочу найти своего Старикана. Дядюшка Хижинс, вы знаете, где он? И как ему живется?

– Живется ему не особенно хорошо, но и не очень плохо, – ответил Хижинс. – Видишь ли, они перекопали Отвальный Ряд, и Старикана это здорово подкосило. Теперь он обитает в одном из этих самых домов, новых, что понастроили люди Начальника, когда еще чем-то занимались в промежутках между поджогами и разбоем. Это в полутора верстах от Приречья. При случае он ко мне заглядывает, и я его подкармливаю, как могу. Другим хуже приходится. Хотя подкармливать – это против правил... Вообще говоря, я хотел взять его к себе, но они не разрешили.

– Уж вот спасибо вам так спасибо, господин Хижинс, – просиял Сэм. – Век буду помнить вашу доброту! Но я все равно хочу его скорее найти. Начальник и этот самый Шарки, о котором они говорили, за ночь еще могут невесть чего натворить!

– Тебе виднее, Сэм, – согласился Хижинс. – Выбери себе в помощники кого-нибудь из моих ребят и тащи Старикана Гэмги ко мне. В Хоббитон лучше не заходить. Джолли покажет тебе одну тропку...

Сэм исчез. Мерри назначил дозорных следить за окрестностями и поставил на ночь стражу у баррикад. Сам же он вместе с Фродо отправился в дом Хижинсов. Семья сидела на кухне, теплой, уютной, и Хижинсы из вежливости немного порасспрашивали Мерри и Фродо об их путешествиях, но ответы выслушивали вполуха – события в Заселье волновали их гораздо больше.

– Заварил кашу не кто иной, как Прыщ, – так мы его называем, – рассказывал Хижинс. – Только вы отъехали, сразу и началось. У него уже и тогда в голове дурь завелась, у Прыща. Похоже, он хотел прикарманить все Заселье, а потом командовать нами налево и направо. Скоро выплыло, что денег у него накопилось больше, чем могло бы пойти ему на пользу; но он продолжал хапать, хотя откуда к нему текли деньги – неизвестно. Он скупал мельницы, пивоварни, трактиры, хутора, плантации курительного зелья. Сэндиманову

мельницу, например, он купил еще до того, как переехал в Котомку... А начинал он в Южном Пределе – от отца ему досталось много недвижимости. Поговаривали, что наш дружок, не делая шума, уже года два сбывает лучший долгодольский лист за границу. А в конце прошлого года Прыщ осмелел и начал вывозить добро целыми обозами – уже не только лист, а много всякой всячины. Это сразу больно ударило по Заселью. А тут зима на носу... Наши было осерчали, но у него нашелся свой ответ. Понаехала уйма людей на громадных телегах – по большей части все разбойники да грабители: одни нагрузили телеги добром и уехали, другие остались в Заселье. Не успели мы оглянуться, как от них продыху не стало. Они валили деревья, копали землю, возводили дома и казармы – в общем, что хотели, то и делали. Сначала, коли они что брали или портили, Прыщ раскошеливался, но вскоре ему это надоело, а они расхаживали с важным видом и тащили все, что понравится. Народ зашумел, но как-то вполголоса. Старый Уилл Бургомистр пошел к Прыщу с протестом, но даже до Котомки не добрался. Бандиты схватили его и заперли в Мичел Делвингских Подвалах. Там он и посейчас. Не успел отойти Новый Год, как Прыщ, видя, что мы остались без Бургомистра, объявил себя Начальником шерифов, а потом и просто «Начальником», и вконец распоясался. Если кто-нибудь начинал, по его словам, «заноситься» или «высовываться», то следовал напрямик за Уиллом. И пошло-поехало! Курева совсем не осталось – только для людей. Потом оказалось, что Начальника, видите ли, тошнит от пива, и все трактиры сразу же позакрывались. Пиво теперь есть только для людей Начальника... Ну так вот. Еды становилось все меньше и меньше, Правил – все больше и больше. Только изредка удавалось что-нибудь припрятать и не выдать ворюгам, а те грабили кто во что горазд – якобы ради какого-то «справедливого распределения». Это значит, что им доставалось от пуза, а нам – шиш, за исключением той малости, что раздают в Полицейских Участках. Только это все обычно несъедобно. Попробуй перевари такую гадость!

– А кто такой Шарки? – насторожился Мерри. – Помнится, кто-то из них поминал это имя.

– Главный бандюга, наверное, – пожал плечами Хижинс. – Сперва мы о нем слышали, когда собирали последний урожай, в конце сентября. Мы его не видели, но, говорят, он тоже сидит в Котомке. Я

так понимаю, что за Начальника сейчас он. Остальные ему в рот смотрят. А приказы у него по большей части немудреные: грабь, жги, ломай! Теперь вот и до смертоубийства дошло. Во всем этом и смысла уже никакого нет, даже плохого. Срубят дерево и бросят, сожгут дом, а нового не построят... Возьмите хотя бы мельницу Сэндимана. Прыщ снес ее, едва только перевез в Котомку свое барахло. Затем он привел целую толпу грязных свирепых громил. Они построили ему новую мельницу, больше прежней, и напичкали ее всякими колесиками да заграничными финтифлюшками. Но в восторг пришел только дурень Тэд. Он по-прежнему работает при мельнице – чистит у ихних машин колесики. А его отец, между прочим, был мельником и сам распоряжался хозяйством... Так вот, Прыщ затеял все это ради того, чтобы молоть больше и быстрее. Остальные мельницы он тоже все перестроил. Но если нет зерна, из чего муку-то молоть? А зерна больше не стало – сколько на старую мельницу возили, столько будут и на новую возить. Да что там «столько же» – с тех пор, как за дело взялся Шарки, они вообще молоть перестали. Но мельница почему-то работает как ни в чем не бывало! Гром, стук, труба дымит, вонь страшная – словом, в Заселье теперь даже ночью нет покоя. Потом, они нарочно сливают в Реку всякую пакость, и теперь ниже по течению воду пить нельзя – а ведь Река течет напрямик в Брендивин... В общем, если они решили превратить Заселье в пустыню, то таким манером они скоро своего добьются. Я вам вот что скажу: Прыщ тут ни при чем. Это все Шарки, помяните мое слово.

– Вот-вот, – вмешался Юнец Том. – Даже старуху мать Прыща арестовали, эту, как ее, Лобелию, а Прыщ ее очень любил – один только он и любил, наверное... Ребята из Хоббитона видели, как это было. Идет себе Лобелия из Котомки со своим старым зонтиком под мышкой. А навстречу ей поднимается здоровая такая телега с чужаками. Лобелия и спрашивает: «Вы куда это?» – «В Котомку». – «Зачем?» – «Поставить Шарки пару сарайчиков». – «А кто вам разрешил ставить там сарайчики?» – «Шарки и разрешил, – говорят они. – Отвали с дороги, старая перечница!» А она: «Вот я вам покажу Шарки, ворье поганое!» – и ну молотить жоака зонтиком. А ведь этот громила раза в два выше ее! Ну, они взялись, скрутили ее и бросили в Подвалы, даром что старуха. В Подвалах много таких, по ком мы,

честно говоря, больше скучаем, чем по Саквильше, но от правды никуда не денешься – она держалась молодцом, не то что иные!

Тут в кухню ввалился Сэм со своим Стариканом. Старший Гэмги с виду не особенно изменился – только оглох немного.

– Добрый вечер, господин Бэггинс! – приветствовал он Фродо. – С приездом вас! Рад, что вы целы! Только вот зуб у меня на вас, если можно так выразиться, уж простите меня за нахальство. Не следовало вам продавать Котомку! Я вам это сразу сказал. С этого и пошли все безобразия. Пока вы путешествовали по границам и гоняли по горам каких-то там Черных Людей, если не врет мой Сэм, – только зачем вам это надо было, вот вопрос! – так вот, пока вы шастали не пойми где, грабители перекопали Отвальный Ряд и испортили всю мою картошку!

– Мне очень жаль, господин Гэмги! – пособлезновал Фродо. – Но я вернулся и сделаю все, чтобы возместить убытки!

– Лучше не скажешь, – одобрил Старикан. – Господин Фродо Бэггинс – благородный хоббит, я это говорил раньше и теперь скажу, хотя это относится не ко всем Бэггинсам – уж вы меня простите. Как там мой Сэм – не осрамился? Вы им довольны?

– Весьма и весьма, господин Гэмги, – улыбнулся Фродо. – Более того, ваш Сэм стал знаменитым, и теперь от моря и до моря, даже за Великой Рекой, слагают песни про его геройские подвиги!

Сэм залился краской и бросил на Фродо благодарный взгляд: у Розы сияли глаза, и она нежно улыбалась Сэму.

– Что-то не верится, – не сдавался Старикан. – Хотя по одежде сразу видать, что он среди чужаков терся. Куда делся его жилет? Может, железо дольше не снашивается, но я бы на себя такой штуки ни за что не нацепил, уж вы меня простите!

Семейство Хижинсов и гости встали чуть свет. Ночью все было тихо, но днем следовало ожидать неприятностей.

– Кажется, в Котомке никого из разбойников не осталось, – говорил Хижинс. – Но с Перекрестка в любое время может нагрянуть другая банда.

Сразу после завтрака в дверь постучал гонец из Туккборо. Он был в приподнятом настроении.

– Тан взбаламутил всю округу, – сообщил он. – Весть разнеслась, как лесной пожар. С бандитами, которые следили за Туккборо,

покончено, а кто смог унести ноги, тот удрал на юг. Тан погнался за ними, чтобы не дать им собраться вместе, а господина Перегрину послал сюда и дал ему ребят в подмогу.

Следующая новость была менее приятной. Около десяти часов утра на ферме появился Мерри; за всю ночь он так и не прилег.

– Они уже в шести верстах от нас, – сказал он. – Целая орава. Идут от Перекрестка, и по дороге к ним присоединяются новые. Набралась почти сотня. Эти бандюги поджигают все, что попадает на пути!

– Да, эти идут не разговоры разговаривать, эти нас всех перережут, если получится, – кивнул фермер Хижинс. – Если Тукки их не обгонят, нам придется куда-нибудь спрятаться и стрелять без предупреждения. Кажется, без потасовки на этот раз не обойтись, господин Фродо!

Но Тукки успели. Вскоре они стройной колонной показались на дороге, ведущей из Туккборо, с Зеленых Холмов. Пиппин собрал к себе под начало добрую сотню своих родичей. Теперь у Мерри было под рукой достаточно крепких, надежных хоббитов. Разведчики сообщили, что Большие держатся вместе и не рассеиваются. Люди узнали, что в стране бунт, – и, очевидно, рассчитывали подавить его без всякой жалости, начав с Приречья как главного очага беспорядков. Вид у них, по словам разведчиков, был устрашающий, но, по-видимому, предводителя, который смыслил бы в военном деле, у бандитов не было. Они махнули рукой на всякую осторожность и, судя по всему, играют теперь в открытую.

Мерри быстро изложил свой план.

Грохоча сапогами, разбойники вышли на Западный Тракт и, не останавливаясь, свернули на Приреченскую дорогу, которая шла в гору меж двух высоких склонов с приземистыми изгородами, тянувшимися поверху. Но за поворотом, примерно в полуверсте от Тракта, банда натолкнулась на серьезное препятствие – баррикаду из опрокинутых вверх колесами старых телег. Это остановило карателей: они перевели взгляд выше – и увидели, что вдоль изгородей, с обеих сторон дороги, выстроились хоббиты. В это время за их спинами спешно возводился заслон из телег, заранее спрятанных неподалеку. Путь назад оказался закрыт. Сверху прозвучал голос Мерри.

– Вы в западне, – возвестил он. – Ваши хоббитонские приятели тоже попали в ловушку. Кончилось это тем, что одного мы пристрелили, остальные сидят связанные. Оружие на землю! Отступить на двадцать шагов! Сесть и не двигаться! Попытка к бегству будет стоить вам жизни.

Но разбойники сдаваться не торопились. Правда, несколько человек опустились было на землю, но остальные быстро вправили им мозги и заставили встать. Десятка два бросилось обратно – на телеги. Шестерых застрелили на месте; остальные, убив двух хоббитов, прорвались и бросились в сторону Лесного Угла. Двое упали, настигнутые стрелами. Мерри протрубил в рог; издалека ответили.

– Далеко не уйдут, – успокоил Пиппин. – Тут везде наши.

Бандиты, оставшиеся в западне, – около восьмидесяти человек – полезли вперед через баррикаду и вверх по склонам. Хоббитам пришлось натянуть тетивы и взяться за топоры. Но самым сильным и отчаянным головорезам все-таки удалось взобраться по западному склону, где они бросились в яростную атаку, стараясь убить побольше хоббитов, – теперь это было для них важнее, чем прорваться. Несколько бойцов из отряда защитников упали мертвыми, остальные дрогнули, но тут Мерри и Пиппин, дравшиеся на другой стороне, перебежали через дорогу и пришли на помощь. Мерри сам зарубил главаря разбойников⁶⁶⁰ – огромного косоглазого громилу, смахивавшего на орка. Подоспели другие бойцы, и оставшиеся люди во мгновение ока были окружены широким кольцом лучников.

Наконец бой закончился. На поле осталось больше семидесяти бандитов, около дюжины удалось взять в плен. Девятнадцать хоббитов погибло, около тридцати получили раны. Мертвых бандитов перенесли на телеги, отвезли к старому песчаному карьере, находившемуся неподалеку, и похоронили. С тех пор место это стало называться Разбойничьей Ямой. Павших в бою хоббитов погребли в общей могиле, на одном из придорожных склонов; позже в этом месте установили большой памятный камень, а вокруг камня разбили сад. Так закончилась Приреченская битва 1419 года – последняя битва, случившаяся на засельской земле, и единственная со времен достопамятного сражения при Зеленополье на окраине Северного Предела в 1147 году. Хотя Приреченская битва, к счастью, обошлась без большой крови, она составила в Алой Книге целую главу⁶⁶¹. Имена

тех, кто принял в ней участие, были записаны на отдельном Свитке, и у засельских историков вошло в обычай заучивать этот список наизусть. Кстати сказать, с тех пор род Хижинсов прославился и быстро пошел в гору. Но сколько ни переписывался Свиток, его неизменно возглавляли Главнокомандующие Приреченской битвы – Мериадок и Перегрин.

Фродо на поле битвы тоже присутствовал, но меча так и не обнажил⁶⁶². Главным образом он увещевал тех хоббитов, которые, потеряв голову от ярости при виде павших товарищей, рвались прикончить сдавшихся в плен грабителей. После битвы, когда были отданы все необходимые приказы, он вместе с Мерри, Пиппином и Сэмом вернулся на ферму к Хижинсу. Покончив с несколько запоздалым обедом, четверо друзей откинулись на спинки стульев, и Фродо со вздохом произнес:

– Что же, настало, кажется, время заняться «Начальником».

– Истинная правда! И чем скорее, тем лучше, – подтвердил Мерри. – Только миндальничать с ним нечего. Он должен понести кару за то, что привел сюда чужаков, и за все беды, которые они у нас натворили.

Старый Хижинс на всякий случай взял с собой в Котомку дюжины две самых крепких и ловких хоббитов.

– Мы не знаем наверняка, есть там охрана или нет, – сказал он. – Можно только гадать...

И они направились в сторону Котомки. Фродо, Сэм, Мерри и Пиппин возглавили отряд.

Это были одни из самых тяжелых минут в их жизни. Сначала впереди замаячила уже виденная ими прежде несуразная труба. Когда же отряд приблизился к старой заречной деревеньке и вступил на улицу, обставленную рядами безобразных барачков, новая мельница, сооружение хмурое и грязное, открылась перед хоббитами во всей своей красе. Она представляла собой гнусного вида кирпичный куб, перегородивший Реку от берега до берега и выпускавший в нее дымящуюся вонючую жижу. Ну а у Приречного Тракта не осталось ни одного дерева...

Когда же хоббиты перешли через мост и посмотрели на Холм – им осталось только ахнуть. Даже Сэм, который никогда не забывал видения в Зеркале Галадриэли и готовился к худшему, такого не

ожидал. Старый амбар на западной стороне был снесен, на его месте стояли ряды каких-то черных просмоленных бudoк. Каштанов на Холме не осталось вовсе. Склоны были разрыты, живые изгороди вырваны с корнем. На голой, вытоптанной площадке, красовавшейся на месте бывшей лужайки, беспорядочно теснились большие телеги. Отвальный Ряд превратился в зияющий карьер для добычи песка и гравия. Из-за сараев нельзя было разглядеть даже входа в Котомку.

– Срубили! – в отчаянии закричал Сэм, показывая на полянку, где Бильбо произнес некогда свою Прощальную Речь. – Они срубили наше Праздничное Дерево!

Мертвое дерево, изрубленное топорами, лежало на земле. Этого Сэм вынести уже не мог и разрыдался.

Однако смех, раздавшийся неподалеку, вмиг осушил его слезы. Из-за низкого забора, опоясывающего двор мельницы, выглядывал мрачно ухмыляющийся хоббит с грязным лицом и черными от копоти руками.

– Что, Сэм, не по вкусу? – поинтересовался хоббит. – Так я и знал. Слабаком ты был, слабаком и остался. Что ж ты не уплыл на одном из тех кораблей, о которых рассказывал? Я думал, ты давно уже плывешь себе, плывешь... Что ж ты вернулся? Здесь теперь баклуши бить не положено.

– Оно и видно, – сквозь зубы процедил Сэм. – Столько работы, что даже умыться некогда. Знай цельный день без роздыху стой да стенку подпирай, а то далеко ли до беды – упадет ведь! Учти, Сэндиман, кое-кто заплатит мне за все это безобразие, так что советую придержать язык – а то кошелек не хватит!

Тэд Сэндиман сплюнул через забор:

– Прямо! Да ты меня и пальцем не тронешь, ясно? Я – друг Шефа. Если будешь вякать, он тебя сам тронет, да так, что тебе не поздоровится!

– Не спорь с дураком, Сэм, – вмешался Фродо. – От души надеюсь, что мало кто из хоббитов опустился до такой степени. А если это не так, то большего зла люди нам причинить не могли.

– Ты нахал и грязнуля, Сэндиман, – добавил Мерри. – К тому же ты сильно просчитался! Видишь ли, мы идем выкуривать твоего любимого Шефа из его норки. С его людьми мы уже разделились.

У Тэда отвисла челюсть. Ему только теперь попались на глаза остальные – отряд по знаку Мерри уже вступил на мост. Сэндиман бросился обратно на мельницу, выскочил оттуда с рогом в руках и затрубил что было мочи.

– Пожалей глотку, – рассмеялся Мерри. – У меня есть игрушка получше твоей.

Он поднес к губам серебряный рог и дунул в него. Чистый, звонкий голос рога зазвенел над Холмом, и изо всех нор, домишек и обшарпанных сараев с радостными криками повалили хоббиты. Ликуя и приветствуя освободителей, они тут же пристраивались в хвост отряда.

Взойдя на Холм, хоббиты остановились. Фродо и его друзья пошли к Котомке одни. Вот наконец и усадьба, которую они так любили когда-то!.. Сад был застроен будками и сараями, причем некоторые стояли вплотную к старым окнам, что глядели на запад, и загораживали весь свет. Куда ни глянь – всюду громоздились груды мусора. Двери стали пестрыми от царапин; шнурок от звонка висел бесполезной веревочкой. Впрочем, и на стук никто не ответил. Наконец друзья налегли на створки – и те подались. Они вошли внутрь. В норе стоял запах гнили и плесени, во всех комнатах царил пыльный беспорядок – не похоже было, чтобы тут кто-нибудь жил в последнее время.

– Где же прячется этот злосчастный Лотто? – недоуменно спросил Мерри, когда они обыскали все комнаты до единой и не нашли никого, кроме крыс и мышей. – Может, позвать остальных и обыскать сарай?..

– Здесь, пожалуй, хуже будет, чем в Мордоре! – пробормотал Сэм. – По-своему даже гораздо хуже! Здесь Мордор приходит прямо к тебе в дом, и попробуй-ка вытерпи это! Ведь это твой дом, и ты помнишь его совсем другим...

– Да, это Мордор, – подтвердил Фродо. – Это его дела. Ведь Саруман работал на Мордор даже тогда, когда ему представлялось, что он старается для себя. То же самое происходило и с теми, кого он сам обвел вокруг пальца, – как, например, с Лотто.

Мерри с ужасом и отвращением огляделся.

– Давайте уйдем! – взмолился он. – Знал бы я, что он сделает с нашим Засельем, я бы этот кисет в глотку ему забил – ей-же-ей!

– Ничуть не сомневаюсь! Но этого не случилось – и хорошо, что не случилось, а то я не смог бы поздравить вас с возвращением!

У дверей стоял Саруман, веселый и отъевшийся. Глаза его блестели от злобы: он явно забавлялся.

Внезапно Фродо понял.

– Шарки! – воскликнул он.

Саруман рассмеялся:

– А, значит, ты уже слышал это прозвище? В Исенгарде этим именем меня называли все мои рабы. Видимо, в знак большой любви. Но кажется, ты не ждал встретить меня здесь?

– Не ждал, – ответил Фродо. – Хотя мне следовало бы догадаться раньше. Мелкие пакости да низкие козни – Гэндальф предупреждал меня, что на это у тебя пороку еще хватит!

– И с избытком, – раскланялся Саруман. – Только почему же мелкие? Ах, как вы меня рассмешили, вельможные вы мои хоббитята, когда я повстречал вас в компании важных персон, – какие вы были напыщенные, гордые, фу-ты ну-ты! А сколько самодовольства! Вы-то думали, что вам уже ничто не грозит, что вы удачно выкарабкались и вам остается только весело доехать до родного домика и зажить там себе на радость, в тишине и покое. Жилище Сарумана может лежать в руинах, Сарумана можно выгнать, но ваш дом и пальцем не тронь! А если кто тронет – ничего страшного! Гэндальф обо всем позаботится! – Саруман снова рассмеялся и продолжал: – О нет, только не он! Отслужившую вещь он хранить не будет. С глаз долой – из сердца вон! И нет чтобы вам сразу об этом догадаться! Нет, вам надо было цепляться за него до последнего, и праздновать лодыря, и молотить языком, пока дорога домой не оказалась для вас вдвое длиннее! Ну что ж, подумал я, если эти хоббиты такие ослы, они заплатят мне сторицей! Будь у меня побольше времени да побольше людей – урок вышел бы нагляднее. Но кое-что я все-таки успел. Вам и за всю жизнь не исправить того, что я сделал с вашим Засельем! А я буду вспоминать об этом и утешаться.

– Если ты находишь в этом утешение – что ж! – ответил Фродо. – Но мне жаль тебя. Боюсь, что утешаться тебе придется только воспоминаниями. Уходи отсюда немедленно и никогда не возвращайся!

Влившись в отряд хоббиты из соседних деревень заметили Сарумана, когда он выскользнул из двери одного из сараев по соседству. Теперь они толпились у порога Котомки. Услышав слова Фродо, многие возроптали:

– Что ж мы, так его и отпустим? Да его убить мало! Это же отъявленный злодей и душегуб! Смерть ему!

Саруман оглядел гневные лица хоббитов и улыбнулся.

– «Смерть! Смерть!» – передразнил он. – Убейте меня, мои храбрые хоббиты, убейте, если думаете, что вас тут для этого достаточно! – Он гордо выпрямился и вперил в толпу мрачный взгляд своих черных глаз. – Вы думаете, если я утратил все, чем обладал раньше, я уже не волшебник? Ошибаетесь! Поднявший на меня руку будет проклят навеки! А если моя кровь оросит землю Заселья – ваши сады зачахнут и уже никогда более не возродятся!

Хоббиты попятились. Но Фродо остановил их:

– Не верьте ему! Он потерял волшебную силу. Все, что у него осталось, – это голос: ему нетрудно будет вас напугать и обмануть, если вы не воспротивитесь. И все же я против убийства. Он отомстил, теперь отомстим мы... Что в этом пользы? Местью ничего не исправишь. Уходи, Саруман, да поторапливайся!

– Эй, Червяк! – закричал Саруман.

Из ближнего сарая появился Червеуст – и крадучись, чуть ли не на четвереньках, как побитая собака, приблизился к Саруману.

– Пошли отсюда, Червяк! – толкнул его Саруман. – В дорогу! Эти вельможные господа, эти благородные принцы не желают нас больше видеть. Давай, трогай!

Саруман повернулся и направился прочь. Червеуст, припадая к земле, засеменял рядом. Наконец Саруман поравнялся с Фродо; вдруг в руке его сверкнул кинжал, и он нанес Фродо быстрый удар в грудь. Острие скользнуло по кольчуге, которую Фродо по-прежнему носил под одеждой, и погнулось. Дюжина хоббитов во главе с Сэмом с криками кинулись к злодею и опрокинули его на землю. Сэм выхватил меч.

– Нет, Сэм, – остановил его Фродо. – Не убивай его! Все равно не убивай! Ведь он меня даже не поцарапал. Да и в любом случае я не хочу, чтобы его убили, когда он так обозлен! Некогда он был славен и велик. Он принадлежал к благородному братству волшебников, и не

нам вершить расправу над ним. Он пал, и поставить его на ноги мы бессильны. Но какой бы ни была глубина его падения – я бы его пощадил. Может, он когда-нибудь обретет исцеление?

Саруман поднялся и с удивлением уставился на Фродо. В его глазах читались уважение и ненависть.

– А ты стал взрослым, невеличек, – промолвил он. – Да, да, по-настоящему взрослым. Ты мудр и жесток. Ты обобрал меня, лишив мое отмщение сладости, и я ухожу с горечью в сердце, потому что своим поступком ты превратил меня в должника. Ненавижу – и тебя, и твое великодушие! Но делать нечего. Я уйду и больше не потревожу тебя. Но не жди, что я пожелаю тебе здоровья и долгих лет жизни! Ни того ни другого у тебя не будет – но уже не по моей вине. Я только предсказываю.

Он побрел прочь, и хоббиты дали ему пройти – но так крепко сжали оружие, что у них побелели костяшки пальцев.

Червеуст, немного поколебавшись, двинулся за своим хозяином.

– Червеуст! – позвал его Фродо. – Тебе вовсе не обязательно идти вместе с ним! Ты не сделал мне никакого зла. Оставайся! Отдохнешь, поправишься – а потом сам решай, что тебе делать.

Червеуст остановился и взглянул на Фродо; казалось, ему хотелось остаться. Саруман обернулся.

– Никакого зла? – прокрипел он. – О, что это я, конечно же, никакого! Когда он выбирался из своей конуры по ночам, он, без сомнения, просто любовался звездами. Мне, кстати, слышалось, будто кто-то спрашивал, где скрывается несчастный Лотто. Ты ведь можешь им показать, а, Червяк? Не стесняйся!..

Червеуст согнулся в три погибели и завыл:

– Нет, нет!

– Ну тогда я сам, – вздохнул Саруман. – К сожалению, Червяк зарезал его – зарезал вашего бедного маленького друга, вашего драгоценного Шефа и Начальника. Или я ошибаюсь, а, Червяк? Я полагаю, что он убил его, когда тот мирно спал⁶⁶³. Надеюсь, что тело предано земле. Хотя тут могут возникнуть сомнения. В то время Червяк сильно голодал... Нет, нет, он далеко не такая невинная овечка, как вы думаете. Для вас же лучше будет, если вы оставите его мне.

В налитых кровью глазах Червеуста зажглась бешеная ненависть.

– Это ты мне велел! Ты заставил меня это сделать! – прошипел он.

– Конечно! Ты ведь всегда слушаешься Шарки, правда, Червяк? – недобро засмеялся Саруман. – Так вот, на этот раз Шарки велит тебе следовать за ним.

Он пнул припавшего к земле Червеуста ногой в лицо, повернулся и зашагал прочь. Но тут случилось непредвиденное. Выхватив откуда-то припрятанный нож, Червеуст взвился с земли, подобно дикому псу бросился на Сарумана и, откинув назад голову чародея, полоснул его ножом по горлу. Затем, отпрыгнув, убийца с воплем помчался вниз по дороге. Прежде чем Фродо успел прийти в себя и промолвить хоть слово, зазвенели три тетивы и Червеуст упал мертвым.

К удивлению и ужасу всех, кто находился рядом, тело Сарумана начал обволакивать сероватый туман⁶⁶⁴; медленно, словно дым от костра, туман этот поднялся высоко в небо и образовал в воздухе над Холмом подобие бледной, размытой фигуры. Фигура с мгновение повисела над головами хоббитов, повернувшись лицом к западу; но с запада дохнуло холодным ветром, туманная фигура изогнулась – и со вздохом рассеялась.

Фродо смотрел на распростертое у его ног тело с жалостью и ужасом. В убитом внезапно проступили следы разложения, словно смерть настигла его уже много дней назад. Тело на глазах съежилось; лицо сморщилось и превратилось в лоскутья кожи, легко отстающие от жутко оскалившегося черепа. Фродо поднял валявшийся рядом грязный плащ, накрыл им останки чародея и отвернулся.

– Вот и все, – сказал Сэм. – Скверный конец... Я предпочел бы этого не видеть. Но хорошо все-таки, что мы избавились от этой парочки!

– И Войне конец. Самый последний конец и, надеюсь, настоящий! – прибавил Мерри.

– Я тоже на это надеюсь, – отозвался Фродо и вздохнул. – Это был последний удар. Но кто бы мог подумать, что он настигнет нас именно тут, у дверей Котомки! Многого я чаял, многого страшился – но такого не ожидал!

– Я бы это концом называть не стал, – мрачно заметил Сэм. – Надо сперва расчистить все здешнее безобразие, а потом радоваться. А времени мы на это ухлопаем уйму, и попотеть придется, как никогда в жизни...

Глава девятая

Серая гавань

Чтобы привести Заселье в прежний вид, хоббитам действительно пришлось попотеть – но времени на обустройство ушло гораздо меньше, чем думал Сэм. На следующий день после битвы Фродо поехал в Мичел Делвинг освобождать узников, томившихся в Подвалах. Среди первых он обнаружил там несчастного Фредегара Булджера, которому прозвище Пончик теперь уже никак не подходило. Разбойникам удалось выкурить из-под земли руководимый Пончиком отряд мятежников, засевший в норах между Барсучьими Ямами и Скари⁶⁶⁵.

– Эх, бедолага! Уж лучше бы ты отправился тогда с нами! – вырвалось у Пиппина, когда Булджера вынесли на свет.

Сам Фредегар так ослаб, что не мог сделать и шагу. Услышав голос Пиппина, он открыл один глаз и попытался изобразить на лице бодрую улыбку.

– Это что еще за юный великан с луженой глоткой? – прошептал он одними губами. – Неужели малютка Пиппин?! Слушай, какого размера у тебя теперь шляпа, а?

Нашли и Лобелию. Бедняжка! Ее вызволили из темной, узкой камеры, и стало видно, что она превратилась в старуху – вконец исхудала, одряхлела... Тем не менее гордая страдальца захотела выйти из Подвалов сама, без посторонней помощи. Когда она появилась на пороге, опираясь на руку Фродо и крепко сжимая знаменитый зонтик, – толпа так дружно завопила и зааплодировала, что Лобелия даже прослезилась. Впервые в жизни ей довелось испытать, что такое всеобщие любовь и признание. Но известия о гибели Лотто она перенести не смогла и в Котомку возвращаться не стала. Усадьба была возвращена Фродо, а сама Лобелия поселилась у своих родственников Перестегинсов на хуторе Выдолбы.

На следующий год весной бедняжка умерла – как-никак, ей было больше ста лет! Ее завещание донельзя удивило и тронуло Фродо: Лобелия отказала ему все свое состояние и в придачу состояние Лотто, с тем чтобы Фродо потратил деньги на помощь хоббитам, лишившимся крова за минувший беспокойный год. Многолетний семейный раскол закончился миром.

Старый Уилл Белоног попал в Подвалы самым первым, поэтому теперь, несмотря на то что его обижали меньше других, ему прежде всего требовалось усиленное питание – облик Бургомистра должен был соответствовать занимаемой должности! А пока господин Белоног восстанавливал форму, Фродо дал согласие выступать его полномочным представителем. Сделал он в этой роли только одно заметное дело – ограничил обязанности шерифов и уменьшил их отряды.

Мериадок и Перегрин взяли на себя труд выследить всех чужаков, оставшихся в Заселье, и вскоре вернулись с победой. Узнав о битве в Приречье, большинство южан бежало, и отряды Тана не встретили почти никакого сопротивления. К Новому Году последние разбойники, укрывшиеся в лесу, были окружены, и те из них, кто сдался сам, были помилованы; хоббиты проводили их до границ и выдворили за пределы страны.

Работы по расчистке Заселья набирали ход, и Сэм окунулся в них с головой. Когда требуется и при желании хоббиты могут трудиться как пчелки. Вот и теперь в Заселье отыскились тысячи рук, готовых взяться за дело, – от маленьких, но ловких девчоночьих и мальчишечьих до морщинистых, задубелых, стариковских. Ко дню Юла все новые казармы для полицейских, а с ними и остальные творения «людей Шарки» раскатали по бревнышку. При этом ничего не пропало – все пошло на укрепление и ремонт старых норок, особенно кирпичи: благодаря кирпичам в норках стало уютнее и суше. А в амбарах, сараях и заброшенных норах отыскились изрядные запасы еды, утвари и пива – особенно в туннелях под Мичел Делвингом и старых каменоломнях в Скари: те просто ломались от разного добра, так что праздник Зимнего Юла⁶⁶⁶ удалось встретить куда веселее, чем рассчитывали засельчане.

Прежде всего – еще даже новую мельницу не успели снести – были расчищены Холм, Котомка и Отвальный Ряд. Свежевырытый песчаный карьер засыпали и разровняли, а на его месте разбили большой зимний сад. В южном склоне вырыли новые норы и выложили их изнутри кирпичом. Старикан Гэмги водворился в норке под номером три и с тех пор частенько повторял, не заботясь о том, слушают его или нет:

– Плох тот ветер, который никому не приносит ничего хорошего. Я всегда это говорил! Но все хорошо, что кончается лучше, чем начиналось!

Разгорелся небольшой спор – как лучше назвать эту новую улицу? Думали о Цветущем Битвище и о Лучших Смайлах, но в конце концов, не изменив хоббичьему здравому смыслу, улицу назвали просто – Новая. Ну а что до известного прозвища Тупик Шарки, то это не более чем шутка, бытовавшая одно время в Приречье.

Больше всего пострадали засельские деревья: по приказу Шарки узурпаторы оставили Заселье совсем без зелени. Во всех Четырех Пределах деревья были безжалостно вырублены, и хоббиты переживали эту утрату тяжелее всего. Беда была в том, что такие раны долго не заживают, и Сэм понимал, что теперь, наверное, только его правнуки увидят Заселье таким, каким оно было прежде.

И вдруг в один прекрасный день – раньше Сэм был слишком занят, чтобы вспоминать о своих путешествиях, – он подумал о шкатулке, которую подарила ему Галадриэль. Он достал подарок, показал остальным Путешественникам (так их теперь называли все) и спросил их совета.

– А я все думаю – когда ты про нее вспомнишь? – сказал Фродо. – Открой же ее поскорее!

В шкатулке серела пыль, мелкая и мягкая, а в пыли лежал одинокий серебристый орешек.

– И что теперь? – спросил Сэм.

– Выбери ветреный день, развей пыль на все четыре стороны и дай этой штуке сделать свое дело, – предложил Пиппин.

– Тогда мы не узнаем, что из этого получилось, – вздохнул Сэм.

– Выбери какое-нибудь одно местечко и проверь на нем, – посоветовал Мерри.

– Госпоже Галадриэли вряд ли понравится, если я потрачу ее подарок на свой собственный сад, – рассудил Сэм. – Не один ведь я пострадал – по всем ударило.

– Тогда работай головой! Пусти в ход весь свой опыт! А когда сделаешь все, что сможешь, – используй подарок Владычицы. Пусть он поможет тебе и улучшит твою работу, – предложил Фродо. – Но не

будь транжирой. Здесь не так много пыли, а ведь, наверное, каждая пылинка очень важна!

Тогда Сэм поступил так: там, где раньше стояли особенно красивые или особенно дорогие засельчанам деревья, он посадил по саженцу, оставив у корней каждого по драгоценной пылинке. Он обошел все Заселье, но никто не обижался на него за то, что больше всего времени он проводил в садах Хоббитона и Приречья. Когда работа была закончена, в шкатулке еще оставалась щепотка пыли; с ней Сэм отправился к Межевому Камню, который стоял, считай, в самом центре Заселья, и, благословив остатки пыли, развеял их по ветру. Ну а серебристый орешек он посадил на Праздничной Поляне перед входом в Котомку, на том самом месте, где росло некогда знаменитое дерево. Что-то теперь здесь вырастет?.. Всю зиму Сэм воспитывал в себе терпение, стараясь не бегать туда по три раза на дню, высматривая, нет ли чего новенького.

То, что случилось весной, превзошло самые смелые ожидания Сэма. Саженцы все до единого принялись и пошли в рост, да так быстро, словно в один год хотели вместить все двадцать. А у порога Котомки из зеленой травы поднялось красивое молодое деревце с длинными листьями и серебристой корой. В апреле оно покрылось золотым цветом. Это был самый настоящий маллорн! Чудесному дереву дивились все. Со временем этот маллорн превратился в удивительного красавца и стал знаменит на все Средьземелье. Некоторые отправлялись в далекое путешествие только ради того, чтобы взглянуть на него, – ведь это был единственный маллорн к западу от Гор и к востоку от Моря, и к тому же один из самых красивых в мире!

Вообще говоря, 1420 год в Заселье выдался исключительный. Мало того, что солнечных дней выпало вдоволь, что дождь проливался только в нужное время и шел ровно столько, сколько требовалось, – в самом воздухе, казалось, разлиты были щедрые животворящие силы, и на все месяцы этого необыкновенного года лег отблеск красоты, о какой в землях смертных обычно не имеют и понятия. Все дети, рожденные или зачатые в этот год, – а было их великое множество – росли красивыми и крепкими, а на головенках у большинства из них вились густые золотистые волосы, что вообще-то встречается у хоббитов крайне редко... Урожай собрали преизобильнейший. Юное

поколение просто-напросто купалось в клубнике с молоком, а слив съедалось так много, что в траве после набега хоббитят оставались целые груды косточек – ни дать ни взять пирамиды из вражьих черепов. Весь год никто в Заселье не болел, и каждый радовался жизни, как никогда, – кроме тех, на ком лежала забота подстригать траву.

В Южном Пределе виноградные лозы, увешанные гроздьями, чуть ли не лежали на земле, урожай курительного зелья превзошел самые смелые ожидания, амбары ломились от пшеницы, а севернопредельский ячмень так удался, что пиво 1420 года надолго вошло в пословицу. Даже спустя поколение случалось, что какой-нибудь старикан, опрокинув заслуженную кружечку пива, с размаху грохнет ею об стол и довольно крикнет: «Уфф! Доброе пиво! Прямо как в четыреста двадцатом!»

Поначалу Сэм поселился вместе с Фродо у Хижинсов, но как только на Новой Улице закончились работы, переехал к отцу. В добавление к остальным заботам Сэм руководил расчисткой и ремонтом усадьбы Бэггинсов; впрочем, это у него получалось лишь урывками – он часто отсутствовал, разъезжая по всем концам Заселья и навещая посаженные им деревья.

В начале марта он как раз уехал и не знал о болезни Фродо. Тринадцатого марта старый Хижинс нашел хозяина Котомки в постели. Рука Фродо крепко сжимала камень, который обычно висел у него на шее. Фродо не то спал, не то бредил.

– Оно ушло, ушло навсегда, – бормотал он. – Вокруг темно и пусто...

Приступ, однако, миновал, и к возвращению Сэма – вернулся он двадцать пятого марта – Фродо выздоровел. Рассказывать он о своей болезни не стал никому. Надо отметить, что к этому времени работы в Котомке закончились. Мерри с Пиппином перевезли из Крикковой Лощинки мебель и вещи Фродо, и нора стала выглядеть почти как в добрые старые времена. Когда все было готово, Фродо спросил Сэма:

– Ну что, скоро ты ко мне переедешь?

Сэм слегка смутился и не нашелся что ответить.

– Если не хочешь, можешь, конечно, не торопиться, – удивился Фродо. – Но до твоего отца от Котомки рукой подать. Вдова Рамбл⁶⁶⁷

прекрасно могла бы за ним ухаживать...

– Я не поэтому, – замялся Сэм, сильно краснея.

– Почему же?

– Все дело в Розе. В Розе Хижинс, – признался Сэм. – Бедняжке совсем не по душе пришлось, что я пропадал столько времени. Я с ней сразу не успел поговорить, и она, конечно, тоже смолчала. А потом я опять с ней не поговорил, потому что навалилась работа и надо было сначала разобраться с делами. Но теперь я улучил минутку и все сказал, а она вдруг и отвечает: «Ты и так уже потратил впустую целый год, куда ж еще тянуть?» – «Впустую? – спрашиваю я. – Не сказал бы». Но я ее понимаю. Я просто надвое разрываюсь, господин Фродо.

– Вот оно что, – понял наконец Фродо. – Ты собираешься жениться, а с другой стороны, и в Котомке пожить не отказался бы. Верно? Но эта задача решается проще простого! Женись как можно скорее – и перебирайся ко мне вместе с Розой. В Котомке даже самому большому семейству тесно не будет!

На том и порешили. Сэм Гэмги женился на Розе Хижинс весной 1420 года (этот год прославился еще и бесчисленным множеством свадеб) и поселился в Котомке вместе с молодой женой. Сэм считал, что ему крупно повезло. Но Фродо понимал, что на самом деле повезло не столько Сэму, сколько ему самому: во всем Заселье не сыскать было хоббита, о котором заботились бы с такой любовью, как о Фродо. Когда работы по восстановлению были расписаны по дням и часам и стали претворяться в жизнь, Фродо зажил тихо и спокойно, без помех продолжая книгу и разбирая записи Бильбо. В День Преполовления, на Свободной Ярмарке, он сложил с себя бремя власти, и старина Уилл Белоног еще семь лет председательствовал на всех засельских торжествах.

Мерри и Пиппин на первое время поселились в Крикковой Лощинке. Между Бэкландом и Котомкой установились самые оживленные связи. Два молодых Путешественника стяжали в Заселье шумный успех своими песнями, рассказами, придворными манерами и замечательными вечеринками, которые они устраивали. Их прозвали «принцами» – на этот раз безо всякой насмешки: у всех становилось тепло на сердце, когда навстречу, смеясь и распевая песни далеких стран, ехали на своих пони два стройных хоббита в ярко сверкающих кольчугах, с разукрашенными щитами в руках. Роста они были

необычайно высокого, отличались военной выправкой, но в остальном совсем не изменились, – разве что речь их стала благороднее, а сами они – жизнерадостнее и веселее, чем когда бы то ни было.

Фродо и Сэм в отличие от этих двоих сразу перешли на обыкновенную хоббичью одежду и только иногда набрасывали на плечи длинные серые плащи из тонкой чужеземной ткани, застегивая их у горла драгоценными брошками. Кроме того, Фродо не снимая носил на груди какой-то прозрачный камень и часто дотрагивался до него пальцем.

Все шло как нельзя лучше – но будущее обещало быть еще лучезарнее. Сэм с головой погрузился в работу и семейные радости: он был счастлив так, как только может быть счастлив хоббит. Целый год счастье Сэма было почти безоблачным; омрачало его только смутное беспокойство за хозяина. Фродо незаметно ушел от всех дел, и Сэму больно было видеть, как мало славы выпало на его долю в родных краях⁶⁶⁸. О подвигах и приключениях Фродо не знал почти никто – да, сказать по чести, и знать не хотел. Все уважение, все почести доставались блестящим Перегрину и Мериадоку, а с ними заодно Сэму (правда, Сэм своей славы так и не заметил). А осенью на горизонте замаячила тень былых невзгод.

Однажды вечером, заглянув к хозяину в кабинет, Сэм увидел, что Фродо выглядит странно. Он был очень бледен, глаза его смотрели куда-то вдаль и, казалось, видели что-то нездешнее.

– Что случилось, господин Фродо? – бросился к нему Сэм.

– Я ранен, – ответил Фродо. – Ранен, и рана эта никогда не заживет по-настоящему.

Но ему удалось взять себя в руки, и приступ, казалось, прошел, а на следующий день Фродо опять был самым собой. Сэм не сразу сообразил, что случилось все это шестого октября. В этот день исполнилось ровно два года с того памятного вечера, когда в лощинке на склоне Пасмурника сгустилась непроглядная тьма.

Время шло своим чередом; наступил год 1421-й. В марте Фродо снова заболел и с большим трудом скрыл это от Сэма – он знал, что у Сэма хватает других забот. Двадцать пятого марта – Сэм радовался: надо же, именно двадцать пятого! – Роза разрешилась первым ребенком.

– Я прямо в тупике, господин Фродо, – пожаловался Сэм. – Мы собирались назвать его Фродо, с вашего позволения, но оказалось, что имя нужно не ему, а ей! Вообще-то она славная девчушка и пошла в мать, а не в отца, так что ей повезло. Только вот с именем – прямо загвоздка!

– Чем же тебе не нравится наш старый добрый обычай? – отозвался Фродо. – Выбери название какого-нибудь цветка, вроде той же розы, – и готово! У половины засельских девчонок такие имена. Чего ж лучше?

– Наверное, вы правы, господин Фродо, – согласился Сэм. – В дальних странах мне доводилось слышать много всяких удивительных имен, но все они чересчур уж торжественные, чтобы их, так сказать, носить каждый день и протирать в коленках. А тут еще Старикан. «Слышь, – говорит, – назови ее как покороче, чтобы, значит, не обрывать на середине, когда кликать будешь!» Но если это будет цветочное имя, то можно и длинное – был бы цветок покрасивее. Видите ли, очень уж она хорошенькая, а вырастет – будет и того лучше.

Фродо немного подумал.

– Как насчет *эланор*, «солнечной звездочки»? Помнишь те маленькие золотые цветочки, которые растут в траве Лотлориэна?

– В самое яблочко попали, хозяин! – вскричал Сэм с восторгом. – То, что надо!

Маленькой Эланор исполнилось уже почти полгодика, а лето 1421-го уже почти превратилось в осень, когда в один прекрасный день Фродо позвал Сэма к себе в кабинет.

– В четверг день рождения Бильбо, Сэм, – сказал он. – Старик все-таки побил Геронтиуса Тукка. Ему исполняется сто тридцать один год!

– Вот это да! – воскликнул Сэм. – Он у нас просто чудо!

– Так вот, Сэм, – продолжал Фродо. – Надо, чтобы ты переговорил с Розы и узнал, сможет ли она какое-то время обойтись без твоей помощи. Я хочу, чтобы ты поехал со мной. Не удивляйся! Мне известно, что дальние путешествия тебе теперь заказаны... – В голосе Фродо слышалась грусть.

– Да как сказать! Боюсь, впрочем, что вы правы, господин Фродо.

– Это понятно. Но не грусти! Ты все-таки сможешь немного проводить меня. Скажи Розы, что отлучишься всего на каких-нибудь две недели и непременно вернешься в добром здравии.

– Будь моя воля, я проехался бы с вами до самого Ривенделла. Уж больно хочется повидать господина Бильбо, – вздохнул Сэм. – Но если посмотреть с другой стороны, меня теперь тянет только в одно место на всем белом свете, и это место – здесь. Я просто надвое разрываюсь!

– Бедняга Сэм! – вздохнул Фродо. – Могу себе представить... Но потерпи, скоро твои муки кончатся. Ты задуман крепким и цельным, и ты никуда от этого не денешься.

Весь следующий день, а то и все два дня, Фродо с Сэмом провели в кабинете, пересматривая бумаги и записи. Затем Фродо отдал Сэму ключи от Котомки. Среди прочего имущества была и книга – большая, в гладком кожаном переплете алого цвета. Страницы в книге были исписаны почти все, за исключением двух-трех последних. Вначале их покрывала беспорядочно скачущая мелкая, тонкая вязь, какой обычно писал Бильбо; но вскоре вязь уступала место твердому, летящему почерку Фродо. Этот почерк шел уже до самого конца. Книга честь по чести разделялась на главы, но глава 80-я оставалась незаконченной. Названий у книги было много – они следовали друг за другом, но, кроме последнего, все были перечеркнуты:

~~Мой дневник.~~

~~Неожиданное путешествие.~~

~~Туда и обратно и что случилось потом.~~

~~Приключения пяти хоббитов.~~

~~Повесть о великом Кольце,~~

~~составленная Бильбо Бэггинсом~~

~~по его собственным впечатлениям~~

~~и по рассказам друзей.~~

~~Как мы участвовали в Войне за Кольцо.~~

На этом почерк Бильбо кончался, и выведенная рукой Фродо последняя, неперечеркнутая запись гласила:

НИСПРОВЕРЖЕНИЕ ВЛАСТЕЛИНА КОЛЕЦ

и

*ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ
глазами Маленького Народа.
Воспоминания Бильбо и Фродо,
уроженцев Заселья, дополненные рассказами друзей
и сверенные с учением мудрых,
а также Выдержки из Книг Предания,
переведенные хоббитом Бильбо в Ривенделле.*

– Гляди-ка, оказывается, вы ее почти закончили, господин Фродо! – воскликнул Сэм. – Крепко же вы над ней поработали!

– Я совсем закончил ее, Сэм, – поправил Фродо. – Дело за тобой.

Двадцать первого сентября Сэм и Фродо вместе отправились в дорогу. Фродо ехал на том самом пони, что привез его домой из Минас Тирита (теперь этого пони звали Бродягой), а Сэм – на своем любимце Билле. Стояло ясное, золотое утро. Куда они направляются, Сэм не спрашивал: ему казалось, что он догадывается и так.

Хоббиты свернули на Амбарную дорогу и холмами направились к Лесному Углу. Они не погоняли своих лошадок, и те шли, как им хотелось, – то быстрее, то медленнее. На ночь остановились в Зеленых Холмах, а к вечеру следующего дня дорога, полого спускавшаяся в долину, вошла в тень первых деревьев.

– Не за этим ли деревом вы прятались, когда мы в первый раз повстречали Черного Всадника, а, господин Фродо? – спросил Сэм, показывая на обочину. – Трудно и поверить, что это был не сон!..

Уже настал вечер и на востоке замерцали первые звезды, когда хоббиты миновали памятный им поваленный дуб, свернули на тропу в зарослях орешника и спустились по ней с холма. Сэм ехал молча, глубоко уйдя в воспоминания, и не сразу услышал, что Фродо тихонько мурлычет под нос старую дорожную песню. Только слова были не совсем те, что прежде:

*Привычный тракт, что прост и прям,
Чудес не обещает нам.
Но стоит за угол свернуть —
И пред тобою ляжет путь,
Доселе спрятанный от глаз,*

*Хоть мимо ты ходил не раз.
Настанет день – и я шагну
В ту неизвестную страну,
Куда ведет тот тайный ход —
На Запад или на Восход,
Откуда тысячи дорог
Берут неведомый исток.*

И вдруг снизу, из долины, словно в ответ песне, донеслось:

*А! Элберет Гилтониэль!⁶⁶⁹
силиврэн пенна мириэль
о менел аглар эленат,
Гилтониэль, А! Элберет!
Нам светит твой бездонный свет.
Изгнанник, пой, настрой свирель!
Во мраке смертных стран, вдали⁶⁷⁰,
Твой свет забыть мы не смогли —
Глядим на Запад, и для нас
Твой звездный светоч не погас!*

Фродо и Сэм остановились и молча ждали в мягком сумраке леса, пока за стволами не забрезжило мерцание и навстречу хоббитам не показалась кавалькада всадников.

Впереди ехал Гилдор в сопровождении благородных эльфов; за ним, к удивлению Сэма, следовали Элронд и Галадриэль. Плечи Элронда покрывала серая мантия, во лбу горела звезда, в руке он держал серебряную арфу, а на пальце у него сверкало золотом кольцо с большим синим камнем – Вилия, самое могущественное из Трех. Галадриэль ехала на белой лошади; ее одеяние походило на тонкие облака вокруг луны, и казалось, что Владычицу окружает сияние. На пальце у нее поблескивала Нения⁶⁷¹ – мифриловое кольцо с алмазом, искрящимся, как звезда в морозном небе. За ними, клонясь головой к шее маленького серого пони, медленно трусил дремлющий Бильбо⁶⁷².

Элронд с великой серьезностью ласково приветствовал хоббитов, а Галадриэль одарила их улыбкой.

– Я слышала, что ты употребил мой подарок на доброе дело, достойный Сэмуайз, – молвила она. – Отныне на Заселье почиет благословение, и край твой будет любим и почитаем, как никогда прежде.

Сэм низко поклонился, но слов для ответа не нашел. Он совсем позабыл, как прекрасна Владычица Лориэна!

Бильбо поднял голову и открыл глаза.

– Привет, Фродо! – воскликнул он. – Поздравь меня! Я обставил Старого Тукка! Ну, с этим теперь покончено. Теперь я снова готов к путешествию! Ты как – едешь?

– Еду, – ответил Фродо⁶⁷³. – Хранители Кольца не должны разлучаться.

– Куда же вы едете, хозяин? – закричал Сэм, хотя уже знал ответ.

– В Гавань, Сэм, – ответил Фродо.

– Но ведь я же не могу с вами ехать!

– Увы, Сэм! Не можешь. По крайней мере пока. Ты проводишь меня до Гавани – и все. Правда, тебе тоже довелось побывать Хранителем Кольца – не важно, что на малый срок. Может, придет и тебе время последовать за мной. Не надо горевать, Сэм! Нельзя же вечно разрываться надвое! Теперь этому настал конец. Ты успокоишься и проживешь много, много счастливых лет. Тебя ждет много разных дел. Ты будешь радоваться, работать... просто жить, наконец!

– Но я думал, – пробормотал Сэм со слезами на глазах, – я думал, вы тоже будете еще много-много счастливых лет жить и радоваться нашему родному Заселью. Вы столько для него сделали!

– Раньше я тоже думал, что меня ждет тихая жизнь. Но моя рана оказалась неизлечимой, Сэм. Я попытался спасти Заселье, и оно было спасено – но не для меня. Наверное, так почти всегда и бывает, Сэм. Когда хочешь уберечь что-то – приходится смириться с мыслью, что сбережешь это только для других, а сам потеряешь. Ты станешь моим наследником. Все, что я имею и мог бы иметь, переходит к тебе. У тебя есть Роза и Эланор. Скоро к ним прибавится малыш Фродо, и малышка Роза, и Мерри, и Златовласка, и Пиппин, а может, и еще кто-нибудь – больше мне не дано увидеть... Твои руки и твоя голова будут нужны

езде. Ты, разумеется, сделаешься Бургомистром и будешь им столько лет, сколько сам пожелаешь, и тебя будут чтить как лучшего садовника за всю историю Заселья. Заглядывай в Алую Книгу и храни память о минувших эпохах, чтобы хоббиты не забывали о Великой Угрозе и от этого любили свою землю еще горячее. Тебе хватит этой работы надолго – до тех самых пор, пока не кончится твоя роль в Большой Истории. Поверь мне – в Средьземелье не будет никого счастливее тебя. А пока – в путь!

И вот Элронд и Галадриэль пустили своих коней рысью и поехали вперед, ибо Третья Эпоха кончилась и минула Эра Колец. С ней уходила в прошлое ее история и ее песни. Вместе с Владыками Средьземелье покидало много Высших эльфов, не желавших более оставаться в этих краях. Рядом с ними, полные печали, – благословенной печали, ибо горечи в ней не было, – ехали Сэм, Фродо и Бильбо, и эльфы от всей души чествовали их.

Путешествие продолжалось весь вечер и всю ночь, и, хотя путь лежал через самое сердце Заселья, ничьи глаза их не видели – только, может, какой-нибудь лесной зверь учуял чужаков или запоздалый путник обратил внимание на слабый мимолетный блеск, перебегающий под ветвями деревьев, да оглянулся на тени и свет, что плыли сквозь траву вслед за луною, вершившей свой путь на запад. Когда же Заселье, а там и южные вершины Белых Холмов остались позади, путникам открылись Дальнее Всихолмье, Башни и полоска Моря. И тогда наконец они спустились к реке Митлонд⁶⁷⁴, к Серой Гавани, на берег длинного залива Льюн.

У ворот их встретил Кирдан Корабел. Необычайно высокий, с бородой по пояс, Кирдан был стар и сед, но глаза его сверкали остро и зорко, как звезды. Он взглянул на прибывших, поклонился им и молвил:

– Корабль готов к отплытию.

Вслед за Кирданом прошли они в ворота и увидели спущенный на воду белый корабль, а на причале – большого серого коня. Рядом с конем стоял некто, облаченный в белое, и ждал. Когда он повернулся и сделал шаг навстречу, Фродо внезапно увидел на пальце у Гэндальфа Третье Кольцо – теперь он носил его открыто. То была Нария Великая, с камнем алым, как огонь⁶⁷⁵. И все, кто собирался взойти на корабль, обрадовались, ибо поняли, что Гэндальф плывет вместе с ними.

Но у Сэма сжалось сердце, и ему впервые подумалось, что возвращение домой, пожалуй, будет еще печальнее, чем разлука... И вдруг, когда заканчивались последние приготовления к отплытию и эльфы уже поднимались по сходням, на причал во весь опор вылетели Мерри с Пиппином. Пиппин смеялся и плакал.

– Ты уже хотел однажды ускользнуть от нас, да не вышло, братец Фродо, – крикнул он. – На этот раз твоя затея едва не удалась – еще немного, и мы опоздали бы! Но на этот раз тебя выдал не Сэм, а сам Гэндальф!

– Все верно, – подтвердил Гэндальф. – Втроем возвращаться веселее, чем в одиночку! Итак, настал конец нашему Содружеству, дорогие друзья, – по крайней мере здесь, в Средьземелье. Мы стоим на берегу Моря. Простимся же! Оставайтесь с миром! Я не стану говорить вам – «не плачьте», ибо не всякие слезы – во зло!

Фродо поцеловал Мерри и Пиппина, обнял Сэма и взошел на корабль. На мачтах поднялись паруса, подул ветер – и корабль медленно заскользил прочь по водам длинного, узкого залива. В руке у Фродо сверкнула скляница Галадриэли – и пропала во мгле. А корабль вышел в открытое ему Верхнее Море, и взял курс на Запад⁶⁷⁶, и плыл, пока однажды в дождливую ночь Фродо не почувствовал в воздухе сладкий аромат и не услышал далекую песню. И почудилось ему, что серая пелена дождя – совсем как в том сне, что посетил его когда-то в доме у Бомбадила, – превратилась в стеклянно-серебряный занавес и поползла в сторону, и взору предстало белое побережье, а за ним – дальняя зеленая страна в лучах быстро восходящего солнца⁶⁷⁷.

Но для Сэма, оставшегося на причале, вечер пропал в глухой, непроглядной тьме. Как ни всматривался он в серые волны залива, глаза его не могли различить среди них ничего, кроме легкой тени, скользившей к западу; но вскоре ночь поглотила и ее. Долго еще стоял он на берегу, слушая вздохи и всплески волн, бьющих о берег Средьземелья, и звуки эти остались у него в сердце навсегда. Рядом стояли Мерри и Пиппин; они тоже хранили молчание.

Наконец трое друзей повернулись спиной к морю, сели в седла и, не оглядываясь, неспешно двинулись в обратный путь. До самых границ Заселья никто не проронил ни слова, но в душе каждый радовался тому, что друзья с ним, – никому не хотелось ехать по этой долгой серой дороге в одиночестве.

Настал час, когда они перевалили через Белые Холмы и выехали на Западный Тракт. Мерри и Пиппин свернули на дорогу, ведущую в Бэкленд, и вскоре уже распевали какую-то песню. Ну а Сэм повернул к Приречью и к вечеру добрался до подножия Холма. Еще поднимаясь наверх, он заприметил желтые огоньки в окошках усадьбы. Камин пылал вовсю, стол был накрыт к ужину. Роза схватила Сэма за руку, живо втащила внутрь, усадила в любимое кресло и водрузила ему на колени крошку Эланор.

Сэм глубоко, глубоко вздохнул.

– Ну вот я и вернулся, – сказал он.

Приложение А

ЛЕТОПИСИ КОРОЛЕЙ И ВЛАСТИТЕЛЕЙ

Об источниках большей части материала, содержащегося в приводимом ниже тексте, особенно в Приложениях А и Г, говорится в книге первой, в конце Пролога. Раздел III Приложения А, «Народ Дьюрина», по-видимому, восходит к рассказам гнома Гимли, который до конца сохранил дружбу с Перегрином и Мериадоком и еще много раз встречался с ними в Гондоре и Рохане.

Легенды, истории и предания, содержащиеся в первоисточниках, изложены весьма подробно и достаточно многочисленны. Здесь представлены только выдержки из них, причем со значительными сокращениями. Главная цель Приложений – дать дополнительный материал к описанию Войны за Кольцо и показать ее истоки, а также заполнить некоторые пробелы в главной истории. Древним легендам Старшей Эпохи, которая интересовала Бильбо больше всего, уделено совсем немного места, поскольку они посвящены генеалогии Элронда, нуменорских королей и нуменорских военачальников. Фрагменты подлинных, более обширных летописей приводятся в кавычках.

Позднейшие добавления заключены в квадратные скобки. Замечания, взятые в кавычки, заимствованы из первоисточников. Остальные принадлежат редактору. Даты, содержащиеся в тексте, относятся к Третьей Эпохе – все, кроме помеченных ВЭ (Вторая Эпоха) и ЧЭ (Четвертая Эпоха). Считается, что Третья Эпоха закончилась, когда Три Кольца покинули Средьземелье, что произошло в сентябре 3021 г., однако в Гондоре для удобства летосчисления первым днем ЧЭ принято было считать 25 марта 3021 г. Соотношение дат по Гондорскому и Засельскому Календарям см. на с. 19. Если после имени короля или правителя стоит только одна дата – это дата смерти. Знак ‡ означает преждевременную смерть в сражении или по иной причине, хотя подробности самого события иногда опускаются.

I. КОРОЛИ НУМЕНОРА

1. Нуменор

Феанор⁶⁷⁹ был величайшим из Элдаров и превосходил всех как в искусстве, так и в ремеслах, но слыл также самым гордым и своевольным среди своих соплеменников. Он создал Три Драгоценных камня (*Силмарилли*)⁶⁸⁰ и наполнил их сиянием Двух Деревьев⁶⁸¹, Тельперииона и Лаурелина^[11], что освещали землю Валаров⁶⁸². Враг, Моргот⁶⁸³, жаждал заполучить эти Камни; он украл их и затем, уничтожив Деревья, унес Сильмарилы в Средьземелье, где спрятал в своей гигантской крепости, Тангородрима. Тогда Феанор, отважившись пренебречь волей Валаров, покинул Благословенное Королевство и отправился в изгнание на берега Средьземелья, уведя с собой значительную часть своего народа, ибо в гордыне своей замыслил силой отобрать Камни у Моргота. Много лет длилась безнадежная война Элдаров и Эдаинов против Тангородрима, война, в которой оба племени потерпели в конце концов полное поражение. Эдаинами (*Атани*)⁶⁸⁴ звались три человеческих племени, которые первыми пришли на Запад Средьземелья к берегам Великого моря и стали союзниками Элдаров в борьбе с Врагом.

Между Элдарами и племенами Эдаинов заключено было три брачных союза: Лутиэн и Берен⁶⁸⁵, Идрил и Туор⁶⁸⁶, Арвен и Арагорн. С помощью последнего союза разделенные долгое время ветви Полуэльфов воссоединились, и род их восстановился.

Лутиэн Тинувиэль была дочерью короля Дориата⁶⁸⁷, Тингола Серая Мантия⁶⁸⁸, жившего и правившего в Первую Эпоху. Матерью Лутиэн была Мелиан из рода Валаров. Берен был сыном Барахира⁶⁸⁹ и принадлежал к Первому Дому Эдаинов. Лутиэн и Берену удалось добыть Сильмарил из железной короны Моргота; Лутиэн приняла удел смертных и была потеряна для эльфийского рода. Сына ее звали Диор⁶⁹⁰. Сильмарил же перешел к дочери Диора и внучке Лутиэн – Элвинг⁶⁹¹.

Идрил Кэлебриндал⁶⁹² была дочерью Тургона⁶⁹³, короля потаенного города Гондолин⁶⁹⁴, а Туор – сыном Хуора из рода Хадора⁶⁹⁵, принадлежавшего к Третьему Дому Эдаинов, наиболее

прославившемуся в войнах с Морготом. Сыном их был Эарендил Мореплаватель.

Эарендил⁶⁹⁶ взял в жены Элвинг; с помощью Сильмарила ему удалось пройти сквозь Тень, добраться до Закатного Края и, выступив посланцем эльфов и людей, заручиться там поддержкой. С помощью Валаров Моргот был повержен, но Эарендилу не позволили вернуться в земли смертных, и корабль его был послан в небеса с Сильмарилом на борту; он стал звездой и символом надежды для обитателей Средьземелья, притесняемых Врагом и его слугами. Только *Силмарилли* хранили древний свет Двух Деревьев Валинора, каким он был до того, как отравил их Моргот. Но остальные два Камня в конце Первой Эпохи были утрачены. Полная история Сильмарилов, а также многое другое, связанное с эльфами и людьми, рассказывается в книге, называемой «Сильмариллион».

Сыновья Эарендила звались Элрос и Элронд; вместе их именовали обычно *Пэрэдил*, или Полуэльфы. Только в них продолжался род героических вождей племени Эдаинов, живших в Первую Эпоху, а после падения Гил-галада братья остались к тому же единственными потомками Королей, правивших Высшими эльфами.

В конце Первой Эпохи Валары предложили Полуэльфам окончательный выбор – к какому роду им принадлежать в грядущем? Элронд выбрал эльфов и сделался впоследствии великим мудрецом своего племени. Ему, как и Высшим эльфам, жившим тогда в Средьземелье, была дарована особая милость: почувствовав усталость от жизни в землях смертных, они могли сесть на корабль в Серой Гавани и отплыть к берегам Закатного Края. Милость эта не была отнята и после того, как Мир изменился. Детям Элронда также предстоял выбор – покинуть закруглившийся Мир вместе с отцом или же остаться, стать смертными и умереть в Средьземелье. Поэтому для Элронда любой исход Войны за Кольцо был сопряжен с печалью.

Элрос же выбрал человеческий род и остался с племенами Эдаинов, но ему была дарована длинная жизнь – много, много длиннее, чем у обычных людей.

В награду за страдания в битвах с Морготом Валары, Стражи Вселенной, даровали Эдаинам новую землю вдали от тягот и опасностей Средьземелья. Большинство Эдаинов последовали зову Валаров и, ведомые Звездой Эарендила, достигли большого острова

под названием Эленна, лежавшего западнее всех остальных земель, населенных смертными. Там они основали королевство Нуменор.

В центре острова возвышалась высокая гора Менелтарма, с вершины которой зоркий глаз мог различить белую башню Гавани Элдаров в Эрессее. Оттуда приходили к Эдаинам Элдары, обогащая их знаниями и многими дарами; только одно было запрещено нуменорцам – плавать на запад и пытаться достичь Неумирающих Земель. Таков был Запрет Валаров. Ибо хотя и долгий срок жизни был отпущен Эдаинам – поначалу он был втрое больше обычного человеческого, – должно было им оставаться смертными, поскольку не дозволено было Валарам отнять у людей Дар Смерти⁶⁹⁷ (или Человеческое Проклятие, как стали называть его позже).

Первым королем Нуменора был Элрос. Впоследствии он стал известен под именем, взятым из языка Высших эльфов: Тар-Миньатур. Наследники его жили долго, но оставались смертными. Позже, сделавшись могущественными властителями, стали они печалиться о выборе, сделанном их предком, и возроптали против Запрета, возжелав жить, пока существует мир, хотя то был жребий, уготованный лишь Элдарам. Так начался мятеж, который, по недоброму наущению Саурона, привел к Падению Нуменора и разрушению всего древнего мирового уклада, как повествует о том книга «Аккалабет».

Имена Королей и Королев Нуменора⁶⁹⁸:

Элрос Тар-Миньатур, Вардамир, Тар-Амандил, Тар-Элендил, Тар-Менелдур, Тар-Алдарион, Тар-Анкалимэ (первая единодержавная Королева), Тар-Анарион, Тар-Сурион, Тар-Тельперизэн (вторая Королева), Тар-Минастир, Тар-Кириатан, Тар-Атанамир Великий, Тар-Анкалимон, Тар-Телеммайтэ, Тар-Ванимелдэ (третья Королева), Тар-Алкарин, Тар-Калмакил.

После Калмакила коронации Королей совершались с наречением им имен уже на нуменорском языке (иначе, языке Адунаи). Вот имена этих Королей: Ар-Адунахор⁶⁹⁹, Ар-Зимратон, Ар-Сакалтор, Ар-Гимилзор, Ар-Инзиладун. Инзиладун, однако, раскаялся, отверг обычаи последних Королей и сменил имя на Тар-Палантир («Далеко Видящий»). Дочь его, Тар-Мириэль, должна была стать четвертой

Королевой, но трон узурпировал племянник Короля; он назвал себя Ар-Фаразоном Золотым и стал последним нуменорским Королем.

Первые корабли нуменорцев пришли в Средьземелье в правление Тар-Элендила. Старшей из детей его была дочь Силмариэн. Сын ее, Валандил, стал первым князем Андуние, области на западе страны, обитатели которой славились дружбой с Элдарами. Из рода Валандила были Амандил, последний князь Андуние, и сын Амандила – Элендил Высокий.

Дочь шестого Короля была единственным его чадом. Она стала первой в ряду единодержавных Королев Нуменора: именно тогда принят был закон, согласно которому трон всегда наследовал старший из детей Короля, будь то мужчина или женщина.

Королевство Нуменор существовало до конца Второй Эпохи, становясь год от года все сильнее и прекраснее. Мудрость нуменорцев росла, и радость пребывала с ними неизменно. Лишь к середине Эпохи, во времена Тар-Минастира, одиннадцатого Короля Нуменора, появились первые предвестия тени, поглотившей впоследствии страну. Именно этот Король послал большой отряд в помощь Гил-галаду⁷⁰⁰. Тар-Минастир любил Элдаров, но и завидовал им. К тому времени нуменорцы стали искусными мореплавателями; они исходили все восточные моря вдоль и поперек, пока не возжелали увидеть Запад и взбороздить запретные воды. И чем радостнее была их жизнь, тем сильнее хотелось им обрести бессмертие Элдаров.

Кроме того, после Минастира Короли стали больше, нежели прежде, ценить преимущества власти и роскошной жизни. Если вначале нуменорцы приходили в Средьземелье как наставники и друзья Меньших Людей, притесняемых Сауроном, то теперь гавани их превратились в крепости, державшие в подчинении обширные прибрежные области. Атанамир и его преемники обложили жителей этих краев тяжелой данью, и с тех пор корабли нуменорцев возвращались на родину, тяжело груженные добычей.

Именно Тар-Атанамир первым открыто выступил против Запрета и объявил, что вечная жизнь, дарованная Элдарам, по праву принадлежит и ему. Так тень над страной сгустилась, и мысль о смерти омрачила сердца людей. Нуменорцы разделились: по одну сторону оказались Короли и те, кто последовал за ними, по другую –

малая горстка людей, называвших себя Верными. Верные жили в основном на западе страны.

Короли и их сторонники мало-помалу перестали употреблять языки Элдаров; наконец двадцатый Король взял себе нуменорское имя – Ар-Адунахор, «Властитель Запада». Верным это показалось дурным предзнаменованием, поскольку до той поры так именовали только Валаров или самого Старшего Владыку. И Верные не обманулись: Ар-Адунахор начал преследовать их и сурово карал тех, кто осмеливался открыто говорить на эльфийском языке. С тех пор Элдары перестали навещать Нуменор.

Несмотря на это, могущество и благосостояние нуменорцев по-прежнему прибывали; однако, по мере того как рос их ужас перед смертью, годы жизни их сокращались и радость покидала их. Тар-Палантир попытался было исправить содеянное прежними Королями зло, но слишком поздно: мятежи и раздоры уже охватили Нуменор. Когда Тар-Палантир умер, трон захватил его племянник, ставший во главе восстания. Имя нового Короля было Ар-Фаразон Золотой; это был самый гордый и могущественный из всех Королей, и стремился он не больше и не меньше, чем к владычеству над всем миром.

Ар-Фаразон решил бросить вызов Саурону Великому в борьбе за Средьземелье. Со временем он собрал большой флот, двинулся в Средьземелье и высадился в Умбаре. Так велика была слава и мощь нуменорцев, что даже самые преданные слуги покинули Саурона и перешли на сторону Ар-Фаразона. Тогда Саурон смирил себя, преклонился перед победителем и попросил пощады. В безрассудной гордыне Ар-Фаразон доставил его пленником в Нуменор. Немного времени понадобилось Саурону, чтобы околдовать Короля и получить власть над его думами; вскоре бывшему пленнику удалось обратить назад к Тьме сердца всех нуменорцев, кроме разве что горстки Верных.

Кроме того, Саурон солгал Королю: он сказал ему, что завладевший Неумирающими Землями будет жить вечно и Запрет-де навязан был людям только затем, чтобы не дать Королям человеческого племени превзойти Валаров. «Но подлинно великие Короли сами берут то, что причитается им по праву», – добавил Саурон.

И Ар-Фаразон решил наконец последовать совету, ибо чувствовал приближение конца и разум его смущен был страхом перед смертью.

Король собрал огромное войско, какого еще не видел свет, а когда все было готово, велел играть в трубы и первым взошел на корабль. Так нарушил Король Запрет Валаров, затеяв силой отобрать у Владык Запада вечную жизнь. Но когда Ар-Фаразон достиг берегов Благословенного Амана, Валары сложили с себя попечительство над миром и воззвали к Единому, и лицо мира изменилось. Нуменор сгинул навеки – его поглотила морская пучина, а Неумирающие Земли были навсегда взяты прочь из мира, и доступ к ним был закрыт. Так кончилась слава Нуменора.

Последние предводители Верных, Элендил⁷⁰¹ и его сыновья, сумели спастись от гибели на девяти кораблях, на которые взяли с собой сеянцы дерева Нимлот и Семь Зрячих Камней (дары Элдаров). Сильнейшая буря подхватила корабли и принесла их к берегам Средьземелья. В северо-западной части этого материка Верные основали нуменорские Королевства в Изгнании – Арнор и Гондор⁷⁰². Элендил стал Верховным Королем и поселился на севере, в Аннуминасе⁷⁰³; на юге он доверил власть своим сыновьям, Исилдуру⁷⁰⁴ и Анариону⁷⁰⁵. Там, недалеко от границ Мордора, между Минас Итилем и Минас Анором, они основали город Оспиат: Короли больше не боялись Саурана – они верили, что по крайней мере в одном гибель Нуменора послужила доброму делу и Саурон погиб вместе с островом.

Но это было не так. Саурон был застигнут катастрофой врасплох, и тело, в котором он долгое время появлялся среди живущих, погибло; но сам он избежал уничтожения и вернулся в Средьземелье на крыльях темного ветра бесплотным духом ненависти. Никогда больше не мог он принять облика, что в глазах людей казался бы пригожим и благородным: стал Саурон черен и отвратителен, и власть его с тех пор держалась только на страхе. Он вновь поселился в Мордоре и некоторое время прятался там, не подавая о себе никаких вестей. Как же велик был его гнев, когда ему стало известно, что Элендил, которого он ненавидел более всех прочих нуменорцев, ускользнул от гибели и правит теперь королевством, расположившимся у самых границ его собственной страны!

В скором времени Саурон затеял войну против Изгнанников, решив не дожидаться, пока они укоренятся в новых землях и наберут силу. Вновь запылали Ородруин; Амон Амарт, Гора Судьбы, – так

стали называть его теперь в Гондоре. Но Саурон нанес удар слишком рано, не восстановив еще былой своей силы, в то время как мощь Гил-галада за время отсутствия врага в Средьземелье возросла чрезвычайно; поэтому в битве с войсками Последнего Союза Саурон был повержен и лишился Единого Кольца. Так завершилась Вторая Эпоха.

2. Королевства в изгнании

СЕВЕРНАЯ ВЕТВЬ

НАСЛЕДНИКИ ИСИЛДУРА⁷⁰⁶

Арнор: Элендил \pm ВЭ, 3441 г., Исилдур \pm 2 г., Валандил 249 г.^[12], Элдакар 339 г., Арантар 435 г., Таркил 515 г., Тарондор 602 г., Валандур \pm 652 г., Элендур 777 г., Эарендур 861 г.

Артедаин: Амлаит Форностский (старший сын Эарендура)^[13] 946 г., Белег 1029 г., Маллор 1110 г., Кэлефарн 1191 г., Кэлебриндор 1272 г., Малвегил^[14] 1349 г., Аргелеб I \pm 1356 г., Арвелег I 1409 г., Арафор 1589 г., Аргелеб II 1670 г., Арвегил 1743 г., Арвелег II 1813 г., Аравал 1891 г., Арафант 1964 г., Арведуи, Последний Король \pm 1975 г. Конец Северного Королевства.

Вожди дунаданов: Аранарт (старший сын Арведуи) 2106 г., Арахазл 2177 г., Арануир 2247 г., Аравир 2319 г., Арагорн I \pm 2327 г., Араглас 2455 г., Арахад I 2523 г., Арагост 2588 г., Араворн 2654 г., Арахад II 2719 г., Арассуил 2784 г., Араторн I 2848 г., Аргонуи 2912 г., Арадор \pm 2930 г., Араторн II 2933 г., Арагорн II ЧЭ, 120 г.

ЮЖНАЯ ВЕТВЬ

НАСЛЕДНИКИ АНАРИОНА⁷⁰⁷

Короли Гондора: Элендил, (Исилдур и) Анарион \pm ВЭ, 3440 г., Менелдил, сын Анариона 158 г., Кемендур 238 г., Эарендил 324 г., Анардил 411 г., Остохэр 492 г., Ромендакил I (Таростар) \pm 541 г., Турамбар 667 г., Атанатар I 748 г., Сириондил 830 г. Далее следуют четыре Короля-Корабела:

Тараннон Фаластур 913 г. Он был первым из бездетных королей; преемником его стал сын его брата Тар-Кириана. Эарнил I \pm 936 г.,

Кириандил ‡ 1015 г., Хьярмендакил I (Кириахэр) 1149 г. В эти времена Гондор достиг пика своего могущества.

Атанатар II, Алкарин Славный 1226 г., Нармакил I 1294 г. Он был вторым из бездетных королей; следом за ним правил его младший брат. Калмакил 1304 г., Миналкар (регент, 1240–1304 г.), коронованный под именем Ромендакил II в 1304 г., умер в 1366 г.; Валакар. В правление последнего началось первое из бедствий – Междоусобица.

Элдакар, сын Валакара (вначале именовался Винитарья), свергнут в 1437 г. Кастамир Узурпатор ‡ 1447 г. Затем Элдакар вновь взошел на трон; умер в 1490 г.

Алдамир (второй сын Элдакара) ‡ 1540 г., Хьярмендакил II (Виньярион) 1621 г., Минардил ‡ 1634 г., Телемнар ‡ 1636 г. Телемнар и все его потомство умерли во время чумы; далее правил племянник Телемнара, сын Минастана, второго сына Минардила. Тарондор 1798 г., Телумехтар Умбардакил 1850 г., Нармакил II ‡ 1856 г., Калимехтар 1936 г., Ондохэр ‡ 1944 г. Ондохэр и двое его сыновей погибли в бою. Через год, в 1945 г., корона перешла к победоносному военачальнику Эарнилу, потомку Телумехтара Умбардакила. Эарнил II 2043 г., Эарнур ‡ 2050 г. Здесь обрывается род Королей. Только в 3019 г. династия была восстановлена Элессаром Телконтаром. В промежутке королевством правили Наместники.

*Наместники Гондора*⁷⁰⁸. Дом Хьюрина: Пелендур 1998 г. Он правил в течение года после падения Ондохэра; по его совету Гондор отверг притязания Арведуи на корону. Ворондил Охотник⁷⁰⁹[\[15\]](#)

2029 г., Мардил Воронвэ Стойкий, первый из Правящих Наместников. Его преемники более не брали себе эльфийских имен.

*Правящие Наместники*⁷¹⁰. Мардил 2080 г., Эрадан 2116 г., Хэрион 2147 г., Белегорн 2204 г., Хьюрин I 2244 г., Тьюрин I 2278 г., Хадор 2395 г., Барахир 2412 г., Диор 2435 г., Дэнетор I 2477 г., Боромир 2489 г., Кирион 2567 г. В его правление в Каленардон переселился народ Рохирримов.

Халлас 2605 г., Хьюрин II 2628 г., Белектор I 2655 г., Ородрет 2686 г., Эктелион I 2698 г., Эгалмот 2743 г., Берен 2763 г., Берегонд 2811 г., Белектор II 2872 г., Торондир 2882 г., Тьюрин II 2914 г., Тургон 2953 г., Эктелион II 2984 г., Дэнетор II. Он был последним Правящим Наместником; преемником Дэнетора II стал младший сын его, Фарамир, Князь Эмин Арнена, Наместник Короля Элессара, ЧЭ, 82.

3. Эриадор, Арнор и наследники Исилдура

«Эриадором⁷¹¹ в старину назывались все земли между Туманными и Синими Горами; на юге земли эти граничили с Сероводьем и Гландуином⁷¹², впадавшим в Хойру немногим выше Тарбада⁷¹³.

В лучшие свои времена Арнор включал в себя почти весь Эриадор, кроме областей за рекой Льюн и земель к востоку от Сероводья и Шумливой, где расположены были Ривенделл и Остролистя. За рекой Льюн лежала страна эльфов, тихая и зеленая, где не бывало людей, – но гномы там жили, как живут и по сей день к востоку от Синих Гор, большей частью к югу от залива Льюн, где у них имеются действующие и ныне рудники. По этой причине гномам часто случалось проходить по Большому Тракту; они освоили его задолго до того, как мы пришли в Заселье. В Серой Гавани проживал Кирдан Корабел; иные говорят, что живет он там и поныне и не уйдет, куда не отплывет на Запад Последний Корабль. Во времена Королей многие из Высших эльфов, не покинувших еще Средьземелье, жили с Кирданом или в прибрежной части Линдона. Если кто из них и остался на прежнем месте до сих пор, то немногие».

СЕВЕРНОЕ КОРОЛЕВСТВО И ДУНАДАНЫ

После Элендила и Исилдура в Арноре сменилось еще восемь Верховных Королей. Из-за разногласий между сыновьями Эарендура Королевство было поделено на три части: Артедаин⁷¹⁴, Рудаур⁷¹⁵ и Кардолан⁷¹⁶. Артедаин располагался на северо-западе и включал земли между Брендивином и рекой Льюн, а также край севернее Большого Тракта вплоть до Пасмурных холмов. Рудаур занимал северо-восток Арнора; он лежал между Плато Огров, Пасмурными холмами и Туманными Горами, но включал в себя также Угол между Хойрой и Шумливой. Кардолан находился на юге, очерченный Брендивином, Сероводьем и Большим Трактом.

Род Исилдура в Артедаине продолжался и не угас, но в Кардолане и Рудауре вскоре прервался. Королевства часто ссорились между собой, что ускорило вырождение дунаданов. Основным предметом

распрей было обладание Пасмурными холмами и страной, лежащей к западу от Бри. И Рудаур, и Кардолан одинаково желали завладеть горой Амон Сул (Пасмурником), стоявшей на границе этих смежных королевств; причиной тому была Башня Амон Сул, в которой хранился главный *палантир* всего Северного Края, в то время как остальные два находились в Артедаине.

«Зло пришло в Арнор в начале правления Малвегила Артедаинского. В то время на севере за Плато Огров появилось королевство Ангмар⁷¹⁷. Земли его находились по обе стороны Гор, и много недобрых людей, орков и прочих свирепых тварей собралось там. [Повелитель того края был известен как Король-Чернокнижник, но до поры никому не было известно, что он стоял во главе Кольцепризраков, – последние пришли на север с целью уничтожить дунаданов Арнора, уповая на их разъединенность, ибо Гондор был еще силен в те времена]».

Во дни Аргелеба, сына Малвегила, короли Артедаина вновь заявили права на владычество Арнором, так как в других королевствах наследников Исилдура не осталось. Однако Рудаур не был согласен с таким решением. К тому времени в Рудауре дунаданов оставалось немного и к власти пришел злой повелитель горного народа, заключивший тайный союз с Ангмаром. Тогда Аргелеб укрепил Пасмурные холмы; вскоре, однако, он был убит в сражении с Рудауром и Ангмаром.

Арвелег, сын Аргелеба, заручившись поддержкой Кардолана и Линдона, отогнал врага от холмов, и долго еще Артедаин и Кардолан держали границу, проходившую по Пасмурным холмам, Большому Тракту и нижнему течению Хойры, на замке. Говорят, в то время был осажден Ривенделл.

В 1409 г. из Ангмара вышло большое войско, пересекло реку, заняло Кардолан и окружило Пасмурник. Дунаданы были разбиты, Арвелег погиб. Башня Амон Сул была разрушена и предана огню, но *палантир* при отступлении удалось спасти и переправить в Форноста. Рудаур был взят злобными подданными Ангмара, и дунаданы, оставшиеся там, были перебиты или бежали на запад. Кардолан разорили дотла. Арафор, сын Арвелега, еще не вполне достиг зрелости, но доблести ему было не занимать, и при поддержке Кирдана он изгнал врага из Форноста и из Северных Холмов.

Уцелевшие Верные из числа кардоланских дунаданов разделились – одни держали оборону в Тирн Гортаде⁷¹⁸ (в Курганах), другие искали убежища в Лесу.

Говорят, что Ангмар был на время усмирен эльфами, пришедшими из Линдона и Ривенделла, ибо Элронд привел дунаданам из-за Гор, из Лориэна, крепкую подмогу. Именно тогда Дубсы, населявшие Угол (между Хойрой и Шумливой), бежали на запад и на юг, спасаясь от войн и ужаса, которым веяло из Ангмара, а также потому, что земли и климат Эриадора ухудшились, особенно на востоке, и жить там стало тяжелее. Некоторые из Дубсов вернулись в Дикие Земли и обосновались неподалеку от Сабельников, где постепенно превратились в скромный приречный народ, промышляющий рыболовством.

«В правление Аргелеба II с юго-востока в Эриадор пришла чума, и большинство жителей Кардолана погибло, причем особенно пострадал Мингириат. Хоббиты, как и прочие народы, тоже понесли большие потери, но к северу чума свирепствовала меньше, а северные области Артедаина оказались лишь слегка затронуты заразой. Так наступил конец дунаданам Кардолана, а в опустевших Курганах поселились злые духи, пришедшие из Ангмара и Рудаура.

Говорят, что холмы Тирн Гортад – так назывались прежде Курганы – очень стары, и многие из тамошних могильников были насыпаны в незапамятные времена Первой Эпохи предками Эдаинов еще до того, как те перешли через Синие Горы и спустились в Белерианд⁷¹⁹, страну, от которой сегодня остался лишь Линдон. Вернувшись, дунаданы весьма чтити эти холмы: немало их владык и королей обрели здесь вечный покой. [Иные говорят, что курган, где побывал в свое время Хранитель Кольца, был могилой последнего кардоланского принца, который пал в войне 1409 г.]».

«В 1974 г. мощь Ангмара возросла вновь, и прежде исхода зимы Король-Чернокнижник объявился в Артедаине. Он захватил Форност и отогнал большинство оставшихся дунаданов за Льюн; среди отступивших были и королевские сыновья. Но король Арведуи защищал Северные Холмы до последнего, пока не вынужден был

бежать на север с остатками своей дружины; спаслись они только благодаря своим коням.

Некоторое время Арведуи скрывался в подземельях заброшенных гномьих копей на дальнем конце Гор, но в конце концов голод заставил его искать помощи Лоссотов – Снежных Людей Форохэла^[16]⁷²⁰. Он нашел их у побережья; помочь ему по доброй воле они не хотели, ибо он ничего не мог предложить им взамен, за исключением нескольких драгоценностей, которые Снежные Люди ни во что не ставили; к тому же они боялись Короля-Чернокнижника, который, как они говорили, мог по желанию насылать на них мороз или оттепель. Но отчасти из жалости к изможденному королю и его спутникам, отчасти из страха перед оружием пришельцев они дали им немного еды и построили им хижины из снега. Арведуи со свитой вынужден был поселиться в них и ждать, надеясь на помощь с юга, ибо лошадей они к этому времени уже лишились.

Когда Кирдан узнал от Аранарта, сына Арведуи, о том, что король бежал на север, он немедленно снарядил корабль на поиски пропавшего. По истечении многих дней, поборов супротивные ветра, корабль наконец достиг цели, и мореплаватели разглядели вдалеке маленький костерок из подобранных на берегу веток – затерянные в снегах люди старались поддерживать этот костерок день и ночь. Но зима в том году долго не ослабляла своей хватки, и, хотя март уже наступил, лед еще только начинал подаваться, а ледяной покров простирался довольно далеко.

Когда Снежные Люди увидели корабль, они поразились и ужаснулись, ибо на их памяти никогда еще не входили в их воды подобные великаны; но к тому времени Лоссоты успели стать немного дружелюбнее. Посадив короля и всех, кому удалось выжить, на свои скользящие телеги, они перевезли беглецов по льду поближе к кораблю, насколько осмелились. Этого было, впрочем, вполне достаточно, чтобы посланные с корабля лодки достигли короля и его людей.

Но Снежные Люди были беспокойны: они чувствовали, что ветер несет опасность. И повелитель Лоссотов сказал Арведуи: «Не всходи на это морское чудовище! Пусть морские люди доставят нам пищу и другие необходимые вещи, если они у них есть, а вы оставайтесь здесь, пока Король-Чернокнижник не вернется к себе домой. Летом

власть его ослабевает. Но сейчас дыхание его мертвит, и длинна его холодная рука».

Но Арведуи не послушал совета. Он поблагодарил вождя и на прощание подарил ему кольцо, сказав при этом следующее: «Ценность этой вещи превосходит всякое твое понимание – хотя бы только из-за ее древности! В ней, однако, нет никакой волшебной силы, если не считать, что у всех, любящих меня и род мой, она вызывает особое благоговение. Она не окажет тебе помощи, но, если приспееет нужда, мои родичи дадут тебе за нее что ты ни пожелаешь»^[17].

Лоссоты оказались правы. Неизвестно, совпадение то было или нет, но не успел корабль выйти в открытое море, как поднялась сильная буря, принесшая с Севера залепляющий глаза снег; корабль отогнало обратно, к самой кромке льда, и путь назад преградили торосы. Даже моряки Кирдана не смогли с ними справиться. Ночью корпус корабля не выдержал напора льда, и корабль затонул. Так погиб Арведуи, Последний Король, а с ним в морской пучине пропали и *палантири*^[18]. Вести о кораблекрушении в заливе Форохэл, переданные Снежными Людьми, дошли до обитаемых земель лишь спустя годы».

Народу Заселья удалось выжить, хотя по их землям прошла война и большинство хоббитов бежало в тайные укрытия. Они послали в помощь Королю несколько лучников, но те не вернулись. В битве против Ангмара, когда это королевство было повержено окончательно (о чем подробно говорится в южных хрониках), хоббиты также приняли некоторое участие. В наступившие затем мирные времена народ Заселья ни от кого не зависел и жил в достатке. Вместо Короля правил Тан, и это всех устраивало; правда, многие засельчане еще долгое время спустя надеялись на возвращение Короля. Но в конце концов надежда эта позабылась, оставив лишь поговорку «Когда Король вернется», употреблявшуюся по отношению к чему-нибудь доброму, чего никак нельзя достичь, или к злу, которого нельзя поправить. Первым Таном Заселья стал некто Бэкка из Плавней, от которого вели свой род Старобэки. Бэкка стал Таном в 379 г. (по нашему летосчислению – 1979 г.).

«После гибели Арведуи Северному королевству настал конец, ибо дунаданов осталось мало, а народы, населявшие Эриадор, мало-помалу выродились. И все же линия Королей не пресеклась: она

продолжалась в вождях дунаданов. Первым из этих вождей стал Аранарт, сын Арведуи. Арахазл, его сын, воспитывался в Ривенделле, как впоследствии и все сыновья вождей; там же хранились наследные реликвии их рода – кольцо Барахира, ножны Нарсила, Звезда Элендила и скипетр Аннуминаса^[19].

Когда королевство перестало существовать, дунаданы ушли в тень, скрылись от мира, сделались странниками, и летописи почти перестали упоминать об их деяниях и трудах, а песни о них позабылись. С тех пор как Элронд покинул Средьземелье, о них почти не помнят. Хотя еще до того, как кончился Беспокойный Мир, в пределы Эриадора открыто и тайно вновь стали вторгаться враждебные твари, вожди по большей части жили долго – гораздо дольше обычных людей. Говорят, Арагорн I погиб в схватке с волками, которые с тех пор долго были постоянной угрозой для жителей Эриадора, да и теперь еще встречаются. Во дни Арахад I орки – как позже выяснилось, они долгое время таились в своих укреплениях среди ущелий Туманных Гор, охраняя все перевалы на пути к Эриадору, – внезапно снова дали о себе знать. В 2509 г. Кэлебриан, супруга Элронда, направляясь в Лориэн, встретила на пути засаду; внезапное нападение орков рассеяло ее свиту по горам, а сама она была схвачена и уведена в плен. Элладан и Элрохир, помчавшись на выручку, вызволили мать, но орки успели подвергнуть ее мучениям и ранили отравленным клинком. Сыновья привезли ее в Имладрис, Элронд исцелил ее, но жизнь в Средьземелье более не радовала Кэлебриан: на следующий год она отправилась в Гавань и отплыла за Море. Позднее, в дни Арассуила, орки, сильно расплодившись, начали совершать набеги на окрестные земли, и дунаданы вместе с сыновьями Элронда часто вынуждены были сражаться против них. Именно тогда, проникнув особенно далеко на Запад, большая свора орков вторглась в Заселье, но была отброшена назад Бандобрасом Тукком.

Пятнадцать вождей сменилось у дунаданов, прежде чем родился шестнадцатый и последний – Арагорн II, вновь ставший Королем Гондора и Арнора.

Мы называем его «наш Король», и, когда он приезжает на север, в восстановленный Аннуминас, и остается на время в своем дворце у озера Эвендим, всякий в Заселье рад этому. Но он не ступает на нашу землю, подчиняясь закону, который сам же и установил, а именно:

никто из Больших не должен пересекать засельских границ. Однако случается, что Король подъезжает в окружении своей благородной свиты к Большому Мосту, где приветствует своих друзей и всех, кто желает видеть его; некоторые из хоббитов присоединяются к свите и живут с Королем в его дворце сколько вздумается. Много раз бывал там наш Тан Перегрин и достойный Бургомистр Сэмуайз. А дочь Сэмуайза, Эланор Светловолосая, состоит фрейлиной при дворе Королевы Вечерней Звезды».

Вожди Северной Линии гордились, как чудом, непрерывностью своей династии: несмотря на то, что они лишились власти, а народ их постигло вырождение, нить рода, тянувшаяся от отца к сыну, за многие поколения так и не прервалась, и преемство было сохранено. И хотя срок жизни, отпущенный первоначально дунаданам, сократился повсеместно, в Гондоре после кончины последнего Короля люди стали стареть быстрее, в то время как многие из Вождей Севера до сих пор жили вдвое дольше, чем обычные смертные, и много дольше, чем наши теперешние долгожители. Арагорн ушел из жизни в возрасте ста девяноста лет; так долго не жил ни один из его предшественников, считая от короля Арвегила. Так в Арагорне Элессаре возродилось древнее достоинство Королей прежних времен.

4. Гондор и наследники Анариона

После Анариона, убитого у ворот Барад-дура, в Гондоре сменился тридцать один Король. И хотя война на границах никогда не прекращалась, дунаданы Юга в течение более чем тысячелетия богатели и становились все могущественнее, твердой рукой удерживая землю и море. Так продолжалось до воцарения Атанатара II, прозванного Алкарин, что значит Славный. Однако первые признаки упадка появились уже тогда: вельможи Юга поздно вступали в брак и потомство их было малочисленно. Первым бездетным королем стал Фаластур; вторым – Нармакил I, сын Атанатара Алкарина.

Минас Анор был перестроен Остохэром, седьмым по счету королем Гондора; с тех пор короли предпочитали проводить лето в Минас Аноре, а не в Осгилиате. Во времена Остохэра Гондор впервые

подвергся нападению дикарей с Востока. Но сын Остохэра, Таростар, разбил их и, отогнав неприятелей от границ королевства, взял себе имя Ромендакил – «Победитель Востока». Позже, однако, он погиб в сражении с новыми восточными ордами. Турамбар, сын Таростара, отомстил за отца и захватил на востоке обширные земли.

С Тараннона, двенадцатого короля, начался род Королей-Корабелов, которые создали военный флот и распространили влияние Гондора на земли, лежащие к югу и западу от устья Андуина. В память одержанных им побед Тараннон был коронован под именем Фаластур, что значит «Повелитель Побережий».

Эарнил I, племянник и преемник Тараннона, восстановил древнюю гавань, Пеларгир, и построил большой военный флот. Он осадил Умбар с моря и суши, взял его и основал там крупный порт и крепость – оплот гондорской мощи^[20]. Но Эарнил недолго пожинал плоды своих побед. Во время сильного шторма, разразившегося у берегов Умбара, он пропал без вести; с ним погибло множество кораблей и моряков. Кириандил, сын Эарнила, продолжал строительство флота, но жители Харада, ведомые своими правителями, которые когда-то были изгнаны из Умбара, всей мощью обрушились на умбарские укрепления, и Кириандил был сражен в битве на землях Харадвейта.

Долгие годы оставался Умбар в осаде, но взять его враги не могли, ибо сильна была морская мощь Гондора. Кириахэр, сын Кириандила, дождался подходящего случая и, собрав большое войско, пришел с севера по морю и по суше к реке Харнен⁷²³. Перейдя ее, он наголову разбил харадцев и вынудил их королей признать над собой господство Гондора (1050 г.). Кириахэр же взял себе имя Хьярмендакил – «Победитель Юга».

Во все долгое царствование Хьярмендакила никто из врагов не осмеливался более бросить ему вызов. Он правил сто тридцать четыре года – дольше всех Королей из рода Анариона. В его дни Гондор достиг вершины своего могущества. Владения его распространились на севере до реки Кэлебрант и южных окраин Пуци, на западе – до Сероводья, на востоке – до внутреннего моря Рун⁷²⁴, на юге – до реки Харнен и далее по берегу до полуострова Умбар и Умбарской гавани. Жители долины Андуина полностью признали власть Гондора, короли харадцев платили дань Гондору, а сыновья их пребывали заложниками

при дворе короля. Мордор оставался безлюдным, но с высоких башен, охранявших перевалы, за ним велось непрерывное наблюдение.

Далее род Королей-Корабелов обрывается. Атанатар Алкарин, сын Хьярмендакила, жил в большой роскоши, и люди говаривали, что в Гондоре дети играют драгоценными камнями, как галькой. Атанатар любил покой и не делал ничего, чтобы укрепить власть, которую унаследовал. Двое его сыновей нравом были во всем подобны отцу. Угасание Гондора началось еще при жизни Атанатара и, несомненно, не ускользнуло от глаз врагов. Тем временем стражи на границах Мордора стали пренебрегать своими обязанностями. И все же только в правление Валакара Гондор постигло первое большое зло – Междоусобица, вызвавшая огромные потери и разрушения, от которых Гондору не удалось оправиться уже никогда.

Миналкар, сын Калмакила, был человеком весьма деятельным, и в 1240 г. король Нармакил, дабы частично избавиться от хлопот, назначил его регентом королевства. С той поры Миналкар правил Гондором от имени Короля, пока не заступил на место отца. Главной его заботой были северяне.

Племена севера в мирные годы, наставшие благодаря могуществу Гондора, весьма умножились. Короли выказывали им расположение, ибо те были ближе к гондорцам по крови, чем все прочие «Меньшие Люди» (северяне большей частью вели свое происхождение от тех самых народов, из которых в свое время вышли Эдаины), и щедро оделили их землей за Андуином к югу от Великой Зеленой Пущи, чтобы иметь в лице северян защиту от нашествия дикарей с Востока. Ибо в прошлом восточные племена совершали набеги на Гондор преимущественно с равнины, что лежит между Внутренним Морем и Пепельными Горами.

В дни правления Нармакила I набеги дикарей возобновились, хотя поначалу нападали они небольшими отрядами. Регенту стало известно, что северяне не всегда верны Гондору и некоторые из них иногда присоединяются к дикарям с Востока, неведомо, из жадности ли к военной добыче, по причине ли далеко зашедшей вражды между вождями северян. Поэтому в 1248 г. Миналкар двинул на восток могучее войско; в битве, разыгравшейся между Рованионом и Внутренним Морем, он разгромил большую армию людей с Востока,

уничтожив все их лагеря и поселения к востоку от моря. Совершив это, он принял имя Ромендакила.

Вернувшись в Гондор, Ромендакил укрепил западный берег Андуйна до самого Ясного Лима и наложил для чужаков запрет на Реку вниз по течению от нагорья Эмин Муйл. Именно он установил столбы Аргоната у входа в озеро Нэн Хитоэль. Нуждаясь в людях и желая укрепить связь между Гондором и северянами, король принял многих из них к себе на службу и дал некоторым высокие посты в своих войсках.

Особенно благоволил Ромендакил к Видугавии⁷²⁵, вождю, бывшему его союзником в последней войне. Видугавия называл себя Королем Рованиона, и не без оснований: он действительно был могущественнейшим из северных властителей, хотя его земли простирались, собственно, лишь от Зеленой Пущи до реки Келдуин^[21]. В 1250 г. Ромендакил отправил своего сына Валакара послом на север, чтобы тот какое-то время пожил с Видугавией и познакомился с языком, обычаями и нравами северян. Но Валакар далеко опередил чаяния своего отца. Он всей душой полюбил северные земли и населявший их народ, а впоследствии женился на Видумави⁷²⁶, дочери Видугавии. Это произошло за несколько лет до возвращения Валакара на родину. Именно из-за этого брака в Гондоре позднее разыгралась Междоусобица.

Уже в то время гондорские вельможи заметно косились на втершихся в их общество северян; брак же между наследником короны, да хотя бы и просто сыном Короля, и женщиной из чуждого, низшего племени был событием и вовсе неслыханным. Когда Король Валакар начал стареть, в южных провинциях уже назревал мятеж. Королева была прекрасной и благородной дамой, но, согласно уделу всех Меньших Людей, годы ее жизни были коротки, и дунаданы страшились, что ее потомки утратят былое нуменорское долголетие. Кроме того, дунаданы не желали признать своим владыкой ее сына, который, хотя и носил теперь имя Элдакар, рожден был в чужой земле и в молодости звался Винитарья⁷²⁷ – именем, принятым у народа, к которому принадлежала его мать.

Поэтому, когда Элдакар принял от отца царство, в Гондоре разыгралась война. Но, как выяснилось, отнять у Элдакара то, что он унаследовал, было не так-то просто. С высоким гондорским

происхождением в нем сочеталось бесстрашие истинного северянина. Он был красив и храбр, и не заметно было, чтобы сын старел быстрее отца. Когда мятежники, предводительствуемые потомками королей, поднялись против него, он сражался сколько хватило сил. В конце концов он был осажден в Осгилиате и долго выдерживал осаду, пока голод и превосходящие силы противника не заставили его бежать, оставив за собой пылающий город. В огне этой осады была разрушена Купольная Башня Осгилиата, а хранившийся там *палантир* исчез в пучине вод.

Элдакар не дался в руки врагам. Вскоре он объявился на севере, среди своих рованионских родичей. К нему стеклось множество воинов, как из числа северян, состоявших на службе у Гондора, так и из числа дунаданов, населявших северные области королевства. Ибо многие дунаданы питали уважение к Элдакару и многие ненавидели его соперника – Кастамира, внука Калимехтара, что приходился младшим братом Ромендакилу II. Но Кастамир был не просто ближайшим по крови претендентом на царство – за ним шла бóльшая часть мятежников, поскольку он был Главнокомандующим над всеми гондорскими кораблями и успел заручиться поддержкой побережий и больших гаваней – Пеларгира и Умбара.

Воссев на трон, Кастамир сразу показал себя правителем скупым и высокомерным. К тому же он был жесток, что обнаружилось уже при взятии Осгилиата. Пленного его людьми Орнендила⁷²⁸, сына Элдакара, он приговорил к смерти, а убийства и разрушения, учиненные в городе по его приказу, вышли далеко за рамки военной необходимости. В Минас Аноре и в Итилиэне это запомнили. Но любовь жителей этих краев к Кастамиру охладела еще больше, когда всем стало видно, как мало заботится он о завоеванной им земле: новый король пестовал только флот и намеревался вскорости перенести столицу в Пеларгир.

Лишь десять лет суждено было ему оставаться королем. Решив, что его время настало, Элдакар двинулся с севера на юг во главе большого войска; по пути к нему присоединились воины из Каленардона, Анориэна и Итилиэна. У Лебеннина, на переправе через Эруи, произошла великая сеча; немало благородной гондорской крови пролилось при этом. В той битве Элдакар собственноручно покончил с Кастамиром и так отомстил ему за Орнендила. Но сыновьям

Кастамира удалось бежать; с помощью оставшихся в живых родичей Кастамира и верных им моряков они еще долго удерживали Пеларгир.

Собрав на борту как можно больше людей и оружия (у Элдакара не хватало кораблей, чтобы напасть на мятежников с моря), они покинули Пеларгир и укрепились в Умбаре, который превратился в прибежище для многочисленных врагов Короля; со временем мятежники основали там свое собственное княжество, не подчиняющееся короне. Много поколений Умбар оставался в состоянии войны с Гондором, угрожая его побережьям и нападая на корабли, если те показывались в открытом море. Полностью подчинить мятежников не удавалось вплоть до прихода к власти Короля Элессара. Что касается земель южного Гондора, то они превратились в край, оспариваемый морскими пиратами и Королями.

«Потеря Умбара была для Гондора тяжелым ударом, причем не только потому, что юг королевства в итоге оказался весьма ослаблен и харадцы стали вести себя куда более дерзко. Именно в Умбаре высадился в свое время Ар-Фаразон Золотой, последний нуменорский король, усмиритель Саурана. И хотя зло впоследствии все-таки проникло в Нуменор, даже потомки Элендила с гордостью вспоминали о появлении из-за дальних морей огромного войска Ар-Фаразона. На высоком холме, прямо над Гаванью, был установлен памятник в честь этого события – высокая белая колонна. Она была увенчана хрустальным шаром, отражавшим лунные и солнечные лучи и сверкавшим словно ярчайшая звезда, так что в ясную погоду его блеск можно было разглядеть даже с берегов Гондора или из-за дальних просторов западного моря. Так и стояла эта колонна вплоть до нового появления в Средьземелье Саурана (а время это было уже не за горами), пока Умбар не покорился приспешникам Врага. Тогда памятник – напоминание о былом унижении Саурана – был разрушен».

После возвращения Элдакара кровь королевского дома и других дунаданов стала постепенно все больше смешиваться с кровью Меньших Людей. Многие наследники великих родов Гондора погибли в родовых междоусобицах, а Элдакар по-прежнему оказывал расположение северянам, с чьей помощью он сохранил корону, и

население Гондора пополнилось большим количеством пришельцев из Рованиона.

Подобное смещение на первых порах не послужило к убыванию срока жизни дунаданов, как того опасались; и все же этот срок, как и прежде, мало-помалу таял. Несомненно, корень зла надо было искать в самом Средьземелье: по-видимому, после падения Звездной Страны изначальный дар долголетия постепенно отнимался от гондорцев. Что касается Элдакара, то он прожил двести тридцать пять лет, из которых Королем был пятьдесят восемь, в том числе десять в изгнании.

Другое, горшее прежнего зло пришло в Гондор в правление Телемнара, двадцать шестого Короля, чей отец Минардил, сын Элдакара, был убит неподалеку от Пеларгира умбарскими пиратами (командовали ими некто Ангамайтэ⁷²⁹ и Сангахьяндо⁷³⁰, праправнуки Кастамира). В скором времени после смерти Минардила в стране началась страшная чума, принесенная темными ветрами с востока. Король и все его дети пали жертвами заразы; пострадало множество гондорцев – большей частью те, что жили в Осгилиате. Тогда-то из-за нехватки людей и прекратилось наблюдение за границами Мордора, а крепости, охранявшие входы в Черную Страну, остались без гарнизона.

Впоследствии было замечено, что по времени эти события совпали с удлинением Тени, покрывшей Зеленую Пуцу; кроме того, в Средьземелье снова объявилось множество злых тварей, что всегда было признаком того, что Саурон вновь набирает силу. Правда, врагам Гондора в год чумного поветрия тоже пришлось несладко, иначе они легко подмяли бы под себя ослабевшее королевство, – но Саурон умел ждать, и вполне возможно, что главной его целью на этот раз было именно обеспечить себе возвращение в Мордор, не более того.

Когда умер Король Телемнар, Белые Деревья Минас Анора стали мало-помалу сохнуть и погибли. Но Тарондору, племяннику и преемнику Короля, удалось сохранить саженец Белого Дерева, который он и посадил в Цитадели. Именно Тарондор окончательно перенес столицу в Минас Анор, поскольку Осгилиат к тому времени был изрядно опустошен и начал уже превращаться в развалины, а из тех, кто бежал от чумы в Итилиэн или в западные долины, мало кто выражал желание вернуться в город.

Тарондор вступил на престол совсем молодым и правил дольше всех остальных Королей Гондора, но все, чего ему удалось достичь, – это восстановления в государстве внутреннего порядка. Кроме того, Тарондор начал медленно, но неуклонно наращивать военную силу Гондора. Уже сын его, Телумехтар, не забыв о гибели Минардила и не желая смириться с наглостью пиратов, непрерывно совершавших набеги на побережья вплоть до самого Анфаласа, собрал большое войско и в 1810 г. взял Умбар штурмом. В этой войне погибли последние из потомков Кастамира, и Умбар вновь на некоторое время подчинился Королю. После победы Телумехтар присоединил к своему имени титул Умбардакил. Но вскоре на Гондор обрушились новые испытания, Умбар снова был потерян и попал в руки харадцев.

Третьей напастью, постигшей Гондор, стало вторжение Возничих. Войны с ними, длившиеся без малого сто лет, вконец подорвали и без того слабеющий Гондор. Возничие были народом или, точнее, ордой, соединившей в себе множество различных племен, пришедших с Востока. Но они были сильны и вооружены лучше, чем их предки. Передвигались они на больших повозках, а военачальники их сражались на боевых колесницах. Подстрекаемые, как выяснилось впоследствии, посланцами Саурона, они внезапно напали на Гондор. Король Нармакил II пал в бою с ними, разыгравшемся за Андуином в 1856 г. Людей, населявших восточный и южный Рованион, угнали в рабство, а границы Гондора на время отодвинулись к Андуину и Эмин Муйлу [полагают, что Кольцепризраки проникли в Мордор именно в то время].

Калимехтар, сын Нармакила II, при поддержке восставших рованионцев отомстил за отца, одержав крупную победу над восточными племенами в битве у Дагорлада в 1899 г.; опасность на некоторое время удалось отодвинуть. А в правление Арафанта на севере и Ондохэра, сына Калимехтара, на юге два королевства, после длительного молчания и отчуждения, вновь созвали общий совет. Владыки их наконец осознали, что всеми многочисленными нападениями на остатки нуменорцев управляет одна и та же могучая воля. Тогда же Арведуи, наследник Арафанта, взял в жены Фириэль⁷³¹, дочь Ондохэра (1940 г.). Но ни одно из королевств не смогло послать помощь другому, потому что Ангмар возобновил набеги на Артедаин в

то самое время, когда на Гондор с новыми силами обрушились Возничие.

На этот раз Возничие побывали на юге Мордора и заключили союз с племенами Кханда и ближнего Харада; в результате этого мощного наступления по всему фронту с севера до юга Гондор оказался на грани полного разрушения. В 1944 г. король Ондохэр и оба его сына, Артамир и Фарамир, пали в битве севернее Мораннона, а враг занял Итилиэн. Но Эарнил, командир южной армии, одержал большую победу в южном Итилиэне и уничтожил войско харадцев, перешедшее реку Порос. Затем, быстро продвигаясь к северу, он собрал вокруг себя остатки отступавшей северной армии и внезапно объявился у расположения главных частей харадцев, когда те пировали и бражничали, уверенные, что Гондор повержен и все, что им остается, – это поделить добычу. Эарнил обрушился на лагерь, предал огню колесницы и повозки, изгнал врагов из Итилиэна и долго гнался за ними по пятам. Бóльшая часть бежавших погибла в Мертвых Болотах.

«По смерти Ондохэра и его сыновей Арведуи из Северного Королевства провозгласил себя Королем Гондора как прямой потомок Исилдура и супруг Фириэль, – кроме нее, из детей Ондохэра в живых не осталось никого. Но Арведуи было отказано в его притязаниях, и главную роль в этом отказе сыграл Пелендур, наместник короля Ондохэра.

Совет Гондора сказал Арведуи следующее: «Корона и трон Гондора могут принадлежать только наследнику Менелдила, сына Анариона, которому завещал Исилдур королевство. В Гондоре наследство это передается лишь от отца к сыну, и нам не доводилось слышать, чтобы Арнор жил по иным законам».

На это Арведуи возразил: «У Элендила было два сына. Исилдур был старшим и должен был наследовать отцу. Имя Элендила по-прежнему открывает династию Королей Гондора, ибо он признан был Великим Королем и Единодержцем всех стран, где живут дунаданы. Еще при жизни Элендила правление Югом доверено было сыновьям его, – но, когда Элендил погиб, Исилдур покинул Гондор, дабы принять отцовский титул Единодержца, и передал бразды правления на Юге в руки сыну своего брата, то есть поступил так же, как и сам Элендил. Он не отказывался от гондорского трона и никогда не мыслил

разделить королевство Элендила пополам, тем более – навеки. Более того, в древнем Нуменоре существовал обычай всегда передавать скипетр старшему из детей Короля, будь то мужчина или женщина. Здесь, на чужбине, где мы вынуждены постоянно считаться с угрозой войны, обычай соблюдался не всегда; но таков закон нашего народа, и мы должны помнить о нем, особенно теперь, когда мы видим, что сыновья Ондохэра умерли бездетными»^[22].

На это Гондор не дал никакого ответа. Права на корону заявил победоносный полководец Эарнил, и его притязания были удовлетворены с одобрения всех гондорских дунаданов, ибо он принадлежал к роду Королей. Отцом его был Сириондил, сын Калиммакила, сына Аркириаса, брата Нармакила II. Арведуи не стал возобновлять притязаний на престол, поскольку не имел ни сил, ни желания противостоять воле гондорских дунаданов, однако его потомки не забыли об этой истории и хранили память о ней, даже перестав быть Королями, – ибо приближалось время, когда Северному Королевству суждено было исчезнуть.

Арведуи действительно стал последним королем, что можно прочитать и в его имени. Говорят, имя это дал ему при рождении прорицатель Малбет, сказавший его отцу: «Ты дашь ему имя *Арведуи*, ибо он будет последним Королем Артедаина. Правда, настанет еще время, когда дунаданам будет предложен выбор, и если они выберут путь, который, по видимости, будет обещать меньше надежды, – тогда сын твой поменяет имя и станет королем великой страны. Если же выбор будет иным, многая печаль постигнет ваши селения и много сменится поколений, прежде чем дунаданы вновь станут сильными и воссоединятся».

В Гондоре после Эарнила тоже правил лишь один, последний король. Если бы корона и скипетр объединились, возможно, линия не прервалась бы и много было бы предотвращено бед. Впрочем, Эарнил был мудр и не высокомерен, хотя и ему, как большинству гондорцев, Артедаинское королевство казалось малым и незначительным, несмотря на высокий род его властителей.

Он послал Арведуи известие о том, что, в согласии с законом и нуждами Южного Королевства, принял корону Гондора, и добавил: «Как бы ни обернулось дело в будущем, я не забываю нашей дружбы с Арнором и не отрицаю родства с его правителями; и нет на то моей

воли, чтобы королевства наши постигло отчуждение и мы отдалились бы друг от друга. Если понадобится и если Гондор будет в силах, я с готовностью пошлю вам помощь».

Прошло, однако, довольно много времени, прежде чем Эарнил ощутил себя в достаточной безопасности, чтобы приступить к выполнению обещанного. Король Арафант, теряя последние силы, продолжал в одиночку отбиваться от набегов из Ангмара; Арведуи, унаследовавший скипетр, вынужден был делать то же самое. Наконец осенью 1973 г. в Гондор пришло известие о том, что Артедаин находится в крайне бедственном положении и Король-Чернокнижник готовится нанести последний, решающий удар. Тогда Эарнил послал на север во главе гондорского флота своего сына Эарнур, собрав сколько мог воинов и снарядив армию как можно быстрее. Но было слишком поздно! К тому времени, когда Эарнур достиг гаваней Линдона, Король-Чернокнижник уже захватил Артедаин, а сам Арведуи погиб.

Когда Эарнур прибыл в Серую Гавань, эльфы и люди встретили его с радостью и немалым удивлением. Так велики были его корабли и так их было много, что флот не удалось разместить в гавани, даже заполнив весь Харлонд и Форлонд⁷³². С этих кораблей высадилась на берег целая армия, хорошо снаряженная и всем обеспеченная, поистине достойная великих Королей. По крайней мере так показалось жителям Севера, хотя на самом деле это была лишь малая часть всей гондорской мощи. Особых похвал удостоились кони – большей частью они были выращены в долинах Андуйна; всадники были высоки ростом и светловолосы, и между ними встречались гордые князья Рованиона.

Тогда Кирдан собрал всех, кто пришел к нему из Линдона и Арнора, и, когда все было готово, войско перешло Льюн и направилось к северу, чтобы сразиться с Королем-Чернокнижником. Жил он в то время, как говорят, в Форносте, захватив дворец и королевский трон, а вокруг него собрались оголтелые разбойники и негодяи. В самодовольстве своем он никак не ожидал нападения, но, узнав о происходящем, вышел навстречу, намереваясь потопить противника в Льюне, как уже поступил с остальными своими врагами.

Армия Запада обрушилась на него с Эвендимских Холмов, и там, на равнине между Ненуйалом и Северными Холмами, разразилась

великая битва. Ангмарские войска уже терпели поражение и начали было отходить к Форносту, когда с севера, обогнув Холмы, ударили главные силы конников и обратили врага в беспорядочное бегство. Тогда Король-Чернокнижник, собрав уцелевших воинов, бежал обратно на север, к своим владениям в Ангмаре. Но прежде чем он успел укрыться в Карн Думе, гондорская конница с Эарнуром во главе настигла его; в то же самое время из Ривенделла вышло войско под предводительством эльфийского князя Глорфиндэла. На этот раз Ангмар потерпел такое сокрушительное поражение, что ни одного врага не осталось в живых к западу от Гор – ни человека, ни орка.

Но, говорят, когда с ангмарцами было покончено, на поле боя внезапно появился сам Король-Чернокнижник в черном плаще, в черной маске, на вороной лошади. Ужас объял победителей при появлении Черного Короля; сам же он, отыскав в толпе предводителя гондорских войск, направил всю свою ненависть на него и с леденящим душу воплем помчался ему навстречу. Может, Эарнур и устоял бы, но конь его обезумел и, прежде чем всадник успел совладать с ним, унес его далеко в поле.

Тогда Король-Чернокнижник расхохотался, и никто из слышавших этот ужасный смех до самой смерти не мог забыть его. Но тут выехал вперед на своем белом коне Глорфиндэл, и Чернокнижник, перестав смеяться, обратился в бегство и растворился в сумерках. Надвигалась ночь, и никто не смог разглядеть, куда он умчался.

К этому времени Эарнур вернулся и хотел было броситься в погоню, но Глорфиндэл, взглядевшись в сгущавшуюся тьму, остановил его, сказав: «Не следуй за ним! Он в эти земли уже не вернется. Его конец еще далек, и падет он не от руки мужа». Эти слова многим запали в память, но не утишили гнева Эарнура, желавшего только одного – отомстить за свое унижение.

Так перестало существовать темное королевство Ангмар; так Эарнур, Предводитель Гондорских войск, стал самым заклятым врагом Короля-Чернокнижника. Но прошло много, много лет, прежде чем лютая ненависть Чернокнижника к Эарнуру объявила о себе в открытую».

Позже узнали, что именно тогда, в правление Короля Эарнила, Король-Чернокнижник, покинув Север, объявился наконец в Мордоре.

Там же собрались и остальные Кольцепризраки, вождем которых он был. Но только в 2000 г. вышли они из Мордора и, спустившись ущельем Кирит Унгол, осадили Минас Итиль. В 2002 г. они взяли эту крепость и захватили *палантур*, хранившийся в крепостной башне. До самого конца Третьей Эпохи никто не мог изгнать их оттуда, и Минас Итиль превратилась в обитель страха, получив новое имя – Минас Моргул.

Когда это случилось, многие из тех, кто еще жил тогда в Итилиэне, бежали из этого края прочь.

«Доблестью Эарнур был подобен отцу; доблестью, но, увы, не мудростью. Могуч телом и горяч нравом был последний Король Гондора; жены себе он брать не спешил, ибо единственной утехой его были сражения и бранные забавы. В них он достиг такого совершенства, что никто в Гондоре не мог противостоять ему на состязаниях, которыми он так тешился, что казался порой не королем и не полководцем, а простым воином, охочим до бранных забав. К тому же Эарнур небывало долго сохранял юношескую силу и ловкость, и равных ему в бою не было».

В 2043 г. Эарнур надел корону, и в том же году Князь Минас Моргула вызвал его на поединок, дразня тем, что некогда Эарнур якобы не осмелился вступить с ним в битву. На первый раз Наместнику Мардилу удалось сдержать ярость Короля. Тогда же Минас Анор, крепость, превратившаяся к тому времени в столицу королевства, получила имя Минас Тирит – в знак противостояния угрозе со стороны Моргула, что стало с тех пор ее уделом.

Только семь лет процарствовал Эарнур, когда Князь Моргула снова бросил Королю вызов, глумясь над ним и заявляя, что к юношескому малодушию, которым грешил-де некогда владыка Гондора, добавилась теперь еще и старческая немощь. На этот раз Мардил не смог удержать Эарнура, и тот, собрав небольшую свиту из самых преданных рыцарей, отправился к воротам Минас Моргула. Больше о них никто ничего не слышал. В Гондоре догадывались, что вероломный враг устроил западню Эарнуру и тот умер от пыток в крепости Минас Моргул; но рассказать, как все произошло на самом деле, было некому, и Мардил, верный Наместник, еще много лет правил Гондором от имени Короля.

Так оскудел род Королей. Уже в Междоусобице число потомков Элендила сильно уменьшилось; к тому же начиная с того времени Короли стали чересчур ревниво и пристально наблюдать за своими родичами. Те, на кого падало подозрение в измене, зачастую бежали в Умбар и присоединялись к мятежникам, а иные отказывались от своего происхождения и брали жен, в чьих жилах текла не нуменорская кровь.

После исчезновения Эарнура в Гондоре не нашлось никого, кто по чистоте крови мог бы претендовать на корону и чьи притязания были бы всеми признаны за полноправные. К тому же над гондорцами тяготела память о Междоусобице. Все знали: стоит подобному бедствию случиться еще раз, и Гондор погибнет. Поэтому годы шли, Гондором по-прежнему правили Наместники, а корона Элендила по-прежнему покоилась на груди Короля Эарнила в Доме Мертвых, где оставил ее Эарнур.

НАМЕСТНИКИ

Династию Наместников обычно называют Династией Хьюрина, ибо они вели свой род от наместника короля Минардила (1621–1634 гг.) Хьюрина из Эмин Арнена, происходившего из самых высокородных нуменорцев. После того как Хьюрин почил с отцами своими, Короли неизменно продолжали назначать Наместников из числа его потомков, а после кончины Пелендура должность Наместника и вовсе стала считаться наследственной: как и держава Королей, она передавалась с тех пор от отца к сыну или к ближайшему родственнику.

Каждый новый Наместник, вступая в должность, клялся «стоять у кормила страны и править именем и жезлом Короля до дня, когда он вернется». Вскоре эти слова стали ритуалом, и на них почти перестали обращать внимание, так как Наместникам принадлежала вся полнота королевской власти. Однако в Гондоре многие верили, что когда-нибудь Король все-таки вернется, и находились люди, которые помнили, что Севером когда-то тоже правили потомки древней ветви королевского рода; ходили слухи, что где-то там, среди теней и сумерек, ветвь эта продолжает плодоносить. Но Правящие Наместники не желали внимать слухам и ожесточили свои сердца.

И все же никогда Наместники не садились на древний трон Королей, никогда не надевали короны и не брали в руки скипетра. Единственным символом власти был для них белый жезл, который считался знаком их должности, и не более того; знамя Наместников было чисто-белым, без рисунка, в то время как знамя Королей представляло собой белое цветущее дерево под семью звездами на черном поле.

После Мардила Воронвэ, который считается первым в династической линии Наместников, в Гондоре сменилось двадцать четыре Правящих Наместника; таким образом, Дэнетор II стал двадцать шестым и последним. Первое время Наместники правили без помех; то были дни Беспокойного Мира, когда Саурон еще не решался выступить против Белого Совета, а Кольцепризраки, скрывавшиеся в долине Моргула, не подавали о себе никаких вестей. Однако начиная с правления Дэнетора I настоящего мира уже не было, и даже когда Гондор не находился в состоянии большой или хотя бы просто открытой войны с кем бы то ни было, границам его угрожала постоянная опасность.

В последние годы правления Дэнетора I Уруки – черные орки, обладавшие непомерной силой, – впервые стали появляться за пределами Мордора, а в 2475 г. они волной прокатились через Итилиэн и взяли Осгилиат. Боромир, сын Дэнетора (именно в его честь получил свое имя Боромир из отряда Девяти Пеших), наголову разбил Уруков и вернул Итилиэн, но Осгилиат уже лежал в руинах, а его гордость – каменный мост – был уничтожен. С тех пор в городе никто не жил. Боромир был великим военачальником. Даже Король-Чернокнижник страшился его. Был он благороден, ясен лицом, а телом и духом крепок, – но в той войне за Итилиэн его ранило моргульским оружием, и рана эта сократила дни его; измученный постоянной болью, он пережил отца только на двенадцать лет.

После началось долгое правление Кириона. Тот был бдителен и осторожен, но влияние Гондора к тому времени ослабло, и Кирион мог только защищать границы королевства, в то время как враги (или та сила, что ими руководила) готовили удар, выдержать который ему было не под силу. Пираты по-прежнему совершали частые набеги на побережья, но главная опасность таилась на севере. На широких

просторах Рованиона, между Чернолесьем и рекой Бегучей, поселилось свирепое племя, целиком подпавшее под тень Дол Гулдура. Пользуясь прикрытием леса, эти люди устраивали набеги на соседей, пока долина Андуина южнее Сабельников не обратилась в пустыню. Балхоты⁷³³ – так называлось это племя – постоянно возрастали в числе за счет близких им по крови племен с востока, тогда как каленардонцев становилось все меньше. В этих условиях Кириону с трудом удавалось удерживать свои позиции на Андуине.

«Предвидя бурю, Кирион послал за помощью на север, но чересчур поздно: в том же году (2510) Балхоты, построив множество больших лодок и плотов на восточном берегу Андуина, переправились через Реку и смяли обороняющихся. Армия, спешившая на помощь с юга, была отрезана и отброшена к северу от Ясного Лима, где на нее внезапно обрушились тьмы орков, спустившихся с Гор, так что армия оказалась прижата к берегу Андуина. И тут, когда надежды на спасение уже не оставалось, с севера неожиданно пришла помощь, и гондорцы впервые услышали пение боевых рогов племени Рохирримов. Эорл Юный и его всадники прорвали ряды Балхотов и долго преследовали их по полям Каленардона, пока в живых не осталось ни единого врага. За это Кирион пожаловал Эорлу Каленардон, а тот поклялся Кириону Клятвой Эорла всегда поддерживать Владык Гондора в беде и приходить на помощь по первому их зову».

В дни девятнадцатого Наместника, Берена, Гондор подвергся новой, еще более страшной опасности. Умбар и Харад снарядили три огромные флотилии, которые готовили уже давно, и напали на побережья Гондора. Враг высадил на берег множество десантов – в том числе далеко на севере, у самого устья Исены. В то же самое время были атакованы с запада и востока Рохирримы, да так, что земли их отошли врагам, а сами они были вынуждены отступить в ущелья Белых Гор. Тот год (2758) был отмечен вдобавок еще и Долгой Зимой, пришествие которой ознаменовалось морозом и обильными снегопадами, которые принес ветер с севера и востока; продолжались холода почти пять месяцев. В войне погибли Хельм Роханский и оба его сына. В Эриадоре и Рохане царили смерть и горе. Но в Гондоре, к югу от гор, положение было несколько легче, и еще до наступления

весны Берегонд, сын Берена, сумел изгнать оттуда захватчиков. Освободив свои земли, он сразу же послал в Рохан необходимую помощь. После Боромира в Гондоре такого военачальника еще не было. Когда Берегонд заступил на место отца (2763 г.), Гондор начал постепенно восстанавливать былую мощь. Но Рохан оправлялся от полученных ран гораздо медленнее. Именно поэтому Берен решил приветить Сарумана и дал ему ключи от Орфанка; с того времени (2759 г.) Саруман поселился в Исенгарде.

В дни правления Берегонда в Туманных Горах вспыхнула война между гномами и орками; поначалу на юг доходили только слухи об этой войне, пока орки, отступая из Нандуириона, не предприняли попытки пересечь Рохан и закрепиться в Белых Горах. Много лет шли в долинах битвы, прежде чем эта опасность миновала окончательно.

Когда умер Белектор II, двадцать первый Наместник, Белое Дерево Минас Тирита засохло, но его оставили стоять во дворе Цитадели, «пока не вернется Король», потому что новых саженцев найдено не было.

В дни Тьюрина II враги Гондора вновь напомнили о себе, ибо власть Саурана возросла и время его приблизилось. Все, кроме самых стойких, покинули Итилиэн и ушли на запад, за Андуйн, а Итилиэн заполонили мордорские орки. Тьюрин построил в Итилиэне тайные убежища для своих воинов; из этих убежищ дольше всего просуществовало и дольше всего имело гарнизон убежище Эннет Аннун. Кроме того, Тьюрин вновь укрепил оборону острова Кайр Андрос^[23], чтобы лучше защитить Анориэн. Но главная опасность подстерегала на юге: Харадримы захватили южный Гондор, и в долине Пороса шли ожесточенные бои. Когда Итилиэн наводнили превосходящие силы противника, Фолквин, король Рохана, исполнил клятву Эорла и сумел отплатить добром за помощь, посланную Берегондом. Он снарядил в Гондор многочисленное войско. С его помощью Тьюрин переправился через реку Порос и отпраздновал победу, но оба сына Фолквина в том бою пали. Всадники похоронили их, по обычаю своего народа, в одной могиле, ибо они были близнецами. Долго еще их курган, Хауд-ин-Гванур, возвышался на берегу реки, и враги Гондора боялись приближаться к нему.

После Тьюрина правил Тургон; время это запомнилось потомкам прежде всего тем, что за два года до смерти Тургона Саурон поднял голову и открыто заявил о себе, возвратившись в Мордор, где все давно уже было готово к его прибытию. Снова вознеслись к небу шпили Барад-дура, снова вспыхнуло пламя в недрах Ородруина, и последние жители Итилиэна бежали прочь. Когда же Тургон умер, Саруман прибрал к рукам Исенгард и превратил его в крепость.

«Эктелион II, сын Тургона, был мудрым правителем. Собрав воедино все оставшиеся у него силы, он принялся укреплять свое государство против нападения со стороны Мордора. Он привлек к себе на службу достойных мужей со всех концов страны, и тех из них, кто служил ему верой и правдой, наделял высоким положением при дворе и наградами. Почти во всех своих делах он прибегал к помощи и совету некоего выдающегося полководца, которого любил больше всех. Гондорцы звали этого полководца Торонгил, что значило «Звездный Орел», ибо глаза у Торонгила были зоркими, как у орла, а на груди он носил серебряную звезду; никто, однако, не знал ни его настоящего имени, ни откуда он родом. К Эктелиону он пришел из Роохана, где служил королю Тенгелу, но сам был не из Рохирримов. Торонгил показал себя великим вождем и одержал много побед на суше и на море, но еще до того, как Эктелион отошел к праотцам, он снова покинул Гондор и исчез туда, откуда явился, – в сумрак неизвестности.

Торонгил часто напоминал Эктелиону, что силы мятежников Умбара представляют большую опасность для Гондора, угрожают земельным угодьям на юге и, в случае если Саурон перейдет к открытой войне, могут стать причиной поражения. В конце концов Торонгил, получив разрешение Наместника, собрал небольшой флот, незаметно высадился в Умбаре и под прикрытием темноты поджег большую часть пиратских кораблей. В бою у причалов он собственноручно одолел Командира Гавани и вскоре увел свой флот обратно, понеся лишь небольшие потери. Но, достигнув Пеларгира, Торонгил, ко всеобщему удивлению и печали, не стал возвращаться в Минас Тирит, где его ждали великие почести. Вместо этого он послал Эктелиону прощальную весть, сказав: «Другие дела призывают меня, о господин мой. Пройдет много времени и немало бед минет, прежде

чем смогу я вернуться в Гондор, если позволит судьба». Никто не догадывался, что за дела его ждут и кто призвал его, – но куда он направил свои стопы, не было тайной. Он сел в лодку, переправился через Андуин, попрощался с товарищами и дальше пошел один; пока его можно было видеть, лицо его было обращено к Горам Мрака.

Уход Торонгила вызвал в Городе уныние: потеря представлялась огромной всем – всем, кроме, возможно, Дэнетора, сына Эктелиона, который уже достиг тогда совершеннолетия и через четыре года, по смерти отца, занял кресло Наместника.

Дэнетор II был человеком гордым и храбрым; он был высок ростом и держался по-королевски. Подобного ему не рождалось в Гондоре вот уже много поколений. Кроме того, он был мудр, дальновиден и начитан в Предании. Странно, но он был чем-то похож на Торонгила; казалось, они принадлежали к одному роду, однако в сердцах людей и в глазах отца ему всегда приходилось уступать первенство чужаку. Многие считали, что Торонгил попросту решил уйти прежде, нежели соперник станет ему господином; впрочем, Торонгил часто предостерегал Эктелиона от чрезмерного доверия к Саруману Белому из Исенгарда, предлагая прислушиваться не к нему, а к Гэндальфу Серому. Дэнетор, наоборот, недолюбливал Гэндальфа, и, когда Эктелион умер, Серого Странника стали меньше жаловать в Минас Тирите. Поэтому позднее, когда все вышло на поверхность, многие догадались, что Дэнетор, видевший благодаря своему острому уму дальше и глубже прочих людей своего времени, уже тогда понял, кто такой Торонгил, и заподозрил, что тот, войдя в сговор с Митрандиром, сам замышляет захватить власть.

Когда Дэнетор стал Наместником (в 2984 г.), он показал себя истинным правителем великого государства и сосредоточил в своих руках всю власть. Говорил он мало. Выслушав своих советников, он всегда поступал так, как сам считал нужным. Женился он поздно (в 2976 г.); женой его стала Финдуилас, дочь Адрахила из Дол Амрота. Она была прекрасна лицом и кротка сердцем, но не прошло и двенадцати лет, как Финдуилас угасла. Дэнетор, на свой лад, любил ее, как никого более, за исключением разве что старшего из двух сыновей, которых она ему родила. Но многие замечали, что в крепости она чахнет, как цветок прибрежных равнин, пересаженный на голые скалы.

Тень, маячившая на востоке, пугала ее, и она что ни час обращала взор на юг, к Морю, по которому тосковала.

После ее смерти Дэнетор стал еще угрюмее и молчаливее и долгие часы просиживал один в своей башне, погруженный в думы: он предвидел, что Мордор нападет на Минас Тирит еще при его жизни. Позже стали говорить, что, нуждаясь в точном знании всего, что происходит, Дэнетор, гордый по природе и уверенный в силе своей воли, осмелился заглянуть в *палантир* Белой Башни. Ни один из Наместников не решался доселе сделать этого, тем более что сами Эарнил и Эарнур воздерживались от того, чтобы пользоваться Зрячим Камнем. Короли получили во владение этот *палантир* после падения Минас Итиля, когда *палантир* Исилдура перешел в руки Врага, – а Камень Минас Тирита был *палантиром* Анариона, *палантиром*, который теснее всех остальных связан был с Камнем, находившимся у Саурана.

Так Дэнетор стал получать знания обо всем, что происходило в его государстве и далеко за его пределами, и всех удивлял своей осведомленностью; но он платил за эти знания дорогую цену, часто вступая в единоборство с волей Саурана, он состарился много раньше срока. С течением лет в сердце Дэнетора копились гордыня и отчаяние – и так продолжалось до тех пор, пока он не уверился, что все события его времени являют собой только разные стороны одной великой битвы между Властелином Белой Башни и Властителем Барад-дура. Это заставляло его с недоверием относиться ко всем, кто противостоял Сауруну независимо от Гондора и не подчинялся его Наместнику.

Шло время; приблизился час Войны за Кольцо. Сыновья Дэнетора возмужали. Боромир был пятью годами старше брата; любимец Дэнетора, он был подобен отцу лицом и гордым нравом – но на этом сходство и кончалось. Скорее он напоминал короля Эарнура: как и Эарнур, Боромир не искал себе жены и находил сугубую утеху в войне. Он был силен и бесстрашен; его мало заботили предания седой старины, кроме разве что сказаний о битвах. Фарамир, младший брат, внешне походил на Боромира, но характер у него был иной. Как и отец, он без труда читал в людских сердцах, но то, что он в них видел, склоняло его скорее к жалости, чем к презрению. Он был учтив в обращении, любил предания и музыку; поэтому в те дни многие считали, что он уступает брату в мужественности. Но это было не так.

Просто Фарамир не искал славы в бою, когда бой не имел смысла. Когда Гэндальф навещал Столицу, Фарамир всегда радушно приветствовал его и старался, как мог, приобщиться его мудрости; этим, как, впрочем, и многим другим, он заслужил неодобрение отца.

Тем не менее братья горячо любили друг друга – так повелось у них с детства. Еще мальчиком Боромир во всем помогал Фарамиру и отважно защищал его. Между ними никогда не возникало ни зависти, ни соперничества, будь то из-за отцовской милости или из-за мирской славы. Фарамиру казалось, что с Боромиром, наследником Дэнетора, Полководцем Белой Башни, в Гондоре не может соперничать никто; то же думал о Фарамире Боромир. Впоследствии испытания, выпавшие им на долю, явили истинное положение дел. Впрочем, о Дэнеторе, Боромире, Фарамире и об их участии в Войне за Кольцо достаточно много говорится в других летописях. После войны династия Правящих Наместников прекратилась, ибо на трон Гондора вернулся наследник Исилдура и Анариона, и в Гондоре восстановилась королевская власть, а на Башне Эктелиона вновь поднялось черное знамя с Белым Древом и семью звездами».

5. Отрывок из сказания об Арагорне и Арвен

«Арадор был дедом Короля. Сын его Араторн искал руки Гилраэн⁷³⁴ Прекрасной, дочери Дираэля⁷³⁵, потомка Аранарта. Дираэль противился этому браку, ибо Гилраэн еще не достигла возраста, в котором у дев из племени дунаданов принято было вступить в брак.

– Скажу и еще, – говорил Дираэль. – Араторн – крепкий воин в расцвете сил, и он станет вождем быстрее, чем ему пророчат; но сердце говорит мне, что век его будет недолог.

Однако Иворвен⁷³⁶, супруга Дираэля, тоже обладавшая даром предвидения, возражала ему:

– Тем паче надлежит нам поторопиться! Дни становятся темнее, скоро грянет буря, и нас ждут великие перемены. Если эти двое обручатся сейчас, дунаданам блеснет луч надежды, но если они замедлят – в эту эпоху с надеждой придется распрощаться.

Араторн и Гилраэн прожили в браке всего лишь год, когда Арадор попал в плен к горным троллям с Холодных Пустошей к северу от Ривенделла и был убит. Вождем дунаданов стал Араторн. На следующий год Гилраэн родила ему сына, которого нарекли Арагорном. Мальчику не исполнилось и двух лет, когда Араторн, выступивший с сыновьями Элронда против орков, нашел смерть от орочьей стрелы, пронзившей ему глаз. Век его действительно оказался короче, чем у его соплеменников, – когда он пал в бою, ему было всего шестьдесят.

Тогда Арагорн, ставший наследником Исилдура, был вместе с матерью принят в Дом Элронда; и Элронд заменил ему отца, и полюбил его, как собственного сына. В Доме Элронда Арагорна называли Эстел, что значит «надежда»: по велению Элронда его истинное имя и происхождение хранились в тайне, ибо Мудрым стало известно, что Враг ищет наследника Исилдура, если такой существует и ходит по земле.

И вот исполнилось Эстелу двадцать лет. Однажды он возвратился в Ривенделл из похода, совершив вместе с сыновьями Элронда много великих подвигов, и Элронд взглянул на него, и остался доволен, ибо увидел, что он красив собой, благороден и рано превратился из юноши в мужа; но Эстелу предстояло еще больше укрепиться телом и возрасти духом. В тот день Элронд открыл Арагорну его истинное имя и, рассказав ему, кто он такой и чей он сын, передал ему наследные сокровища его рода.

– Это – кольцо Барахира, знак нашего дальнего родства, – сказал он. – А это – Сломанный Меч, Нарсил. Но и сломанным мечом ты сможешь свершить великие подвиги, ибо я предсказываю тебе, что, если с тобой не приключится зла и ты выдержишь испытание, век твой будет много длиннее обычного. Но испытание будет долгим и трудным. А это – скипетр Аннуминаса; он останется пока у меня, ибо ты должен еще заслужить его.

На следующий день, в час заката, Арагорн один бродил по лесам; сердце его радовалось, и он пел вслух, ибо был полон надежд и мир казался ему прекрасным. И вдруг, еще не кончив песни, увидел он деву, идущую по зеленой траве среди белых березовых стволов. Он остановился, потрясенный, думая, что забрел в сон или стяжал дар эльфийских менестрелей, которые умеют являть взору то, о чем поют.

Ибо Арагорн пел отрывок из Сказания о Лутиэн, в котором говорится о встрече Берена и Лутиэн в лесах Нелдорета. И – диво! – навстречу ему по лесам Ривенделла шла сама Лутиэн, облаченная в серебряно-синюю мантию, прекрасная, как сумерки эльфийской страны; в ее темных волосах играл ветер, на челе сияли драгоценные камни, подобные звездам.

Сперва Арагорн глядел на нее молча, – но, испугавшись, что она уйдет и он никогда больше не увидит ее, воззвал к ней словами Берена из давно минувших Старших Дней: «*Тинувиэль! Тинувиэль!*»

Дева обернулась к нему и с улыбкой спросила:

– Кто ты? И почему называешь меня этим именем?

И он ответил:

– Я подумал, что ты – воистину сама Лутиэн Тинувиэль, о которой я пел. Но если ты не Лутиэн, ты – ее подобие.

– Так говорят многие, – ответила она уже без улыбки. – И все же меня зовут иначе. Правда, может статься, судьбы наши – моя и Лутиэн – будут схожи. Но кто ты?

– Меня называют Эстел, – ответил он, – но мое настоящее имя – Арагорн, сын Араторна, наследник Исилдура, Вождь дунаданов.

И вдруг он почувствовал, что его высокое происхождение, которому он только что так радовался, ничего не значит рядом с ее достоинством и красотой.

Но дева весело рассмеялась и молвила:

– Значит, ты мой дальний родич. Ибо я – Арвен, дочь Элронда. Иногда меня называют Ундомиэль.

– Когда приходят опасные времена, мудрый прячет самое ценное подальше от чужих глаз, – молвил Арагорн. – И все же я дивлюсь Элронду и твоим братьям, ибо живу в этом доме с детства, но ни разу не слышал о тебе. Почему мы никогда не встречались с тобой? Неужели отец держал тебя под замком в своей сокровищнице?

– Нет, – ответила она и подняла глаза на горы, темневшие на востоке. – Я жила в стране моей матери, дальнем Лотлоризне, и лишь недавно вернулась навестить отца. Я давно не навещалась в Имладрис.

И Арагорн много дивился этим словам: ведь она казалась его ровесницей, а он прожил в Средьземелье всего лишь два десятка лет. Но Арвен посмотрела ему в глаза и сказала:

– Не удивляйся! Дети Элронда живут жизнью Элдаров⁷³⁷.

И Арагорн смутился, ибо увидел в ее глазах эльфийский свет и мудрость многих дней; с этого часа он полюбил Арвен Ундомиэль, дочь Элронда.

В последующие дни Арагорн был молчалив, и мать его заметила, что с сыном приключилось нечто странное; наконец он уступил ее вопрошаниям и рассказал о встрече в сумерках, под деревьями.

– Сын мой, – сказала Гилраэн, – даже для потомка королей ты хочешь слишком многого. На земле нет девы благороднее и прекраснее, нежели та, о которой ты говоришь. Смертному не подобает искать брака с дочерью эльфов.

– Но если истину говорит предание моего рода, которое теперь мне известно, мы в родстве с нею, – возразил Арагорн.

– Это правда, – ответила Гилраэн, – но породнились мы давно и в другую эпоху. С тех пор наше племя умалилось. Ты страшишь меня, сын мой! Если бы не благоволение достойного Элронда, род Исилдура давно прервался бы. Но я не думаю, что благоволение Элронда простирается столь далеко!

– Тогда дни мои исполнятся горечи и в одиночестве буду я скитаться по диким пустынным землям, – сказал Арагорн.

– Это суждено тебе и так, – молвила Гилраэн. Но хотя и она отчасти обладала даром предвидения, свойственным ее народу, она ничего не поведала сыну о его будущем; ничего никому не сказала она и о том, что узнала от него.

Но Элронд замечал многое и читал в сердцах, как в открытой книге. Однажды, в конце года, он позвал к себе Арагорна и сказал ему:

– Послушай меня, Арагорн, сын Араторна, Вождь дунаданов! Тебя ждет великая судьба: ты поднимешься до твоих праотцов, сынов Элендила, а если нет – уйдешь во тьму вместе с остатками твоего рода. Тебя ждут долгие годы испытаний. И знай: пока не пробьет твой час и пока ты не окажешься его достоин, у тебя не будет ни жены, ни невесты.

Арагорн, встревоженный, спросил Элронда:

– Неужели моя мать говорила с тобой обо мне?

– Нет, – ответил Элронд. – Тебя выдали твои собственные глаза. Но речь не только о моей дочери. Пожелай ты взять в жены дочь

человеческую, тебе тоже пришлось бы ждать, пока не придет твое время. Что же до Арвен Прекрасной, Владычицы Имладриса и Лоризна, Вечерней Звезды эльфов, то ее кровь благороднее твоей и она живет в мире уже очень долго. Ты для нее – все равно что годовалое деревце для молодой березы, видевшей уже много весен. Она слишком далека от тебя, и род ее намного выше. Думаю, она хорошо знает это. Но если сердце ее вопреки всему склонится к тебе – я буду премного опечален, ибо знаю, какой мы обречены судьбе.

– Какой же? – спросил Арагорн.

– Пока я живу в Имладрисе, Арвен останется со мной и будет по-прежнему цвести вечной молодостью Элдаров, – ответил Элронд. – Когда же я покину этот край, она уйдет вместе со мной, если только будет на то ее воля.

– Вижу, я дерзнул поднять взор на сокровище не менее дорогое для тебя, чем то, что принадлежало Тинголу и которым искал обладать Берен, – молвил Арагорн. – Но изменить что-либо я бессилён. – Тут его посетил дар предвидения, свойственный всему его роду, и он добавил: – Выслушай меня, о достойный Элронд! Уже недолго пребывать тебе в Имладрисе, и близок час, когда детям твоим придется выбирать, с кем разлучиться – с тобой или Средьземельем!

– Ты прав, – сказал Элронд. – Час близок, хотя по людскому счету до него, может быть, еще много лет. Но моей возлюбленной дочери Арвен выбирать придется только в том случае, если между нею и мной встанешь ты, Арагорн, сын Араторна. Тогда одному из нас придется вкусить от горечи разлуки, которая продлится и за пределы этого мира. Ты не ведаешь, чего хочешь! – Он тяжело вздохнул и после недолгого молчания добавил, глядя на юношу строгим взглядом: – И все же пусть случится то, чему суждено случиться. Не будем более говорить об этом, доколе не придет время исполнения судеб. Дни становятся темнее, и впереди много бед и тревог.

Тогда Арагорн, любивший Элронда всей душой, склонился перед ним и испросил дозволения покинуть Имладрис. На следующий день он простился с матерью, с домочадцами Элронда и с Арвен. Его ждали пустынные земли севера и востока. Тридцать последующих лет провел он в борьбе против Саурана и стал другом Гэндальфа Мудрого, от которого многому научился. С ним вдвоем он совершил множество

опасных путешествий, но с течением лет все чаще странствовал в одиночку. Пути его были долгими и трудными; когда он не улыбался, лик его казался суровым и мрачным. И все же, когда он не скрывал своего истинного облика, людям казалось, что он исполнен высшего достоинства и подобен королю в изгнании. Ибо он скрывался под многими обликами и стяжал себе славу под многими именами. Он скакал на коне бок о бок с Рохирримами, сражался на суше и на море под знаменами Наместника Гондора, – но, не отпраздновав победы, скрылся от людей Запада и в одиночку отправился на Восток и в дебри Южных Земель, изучая людские сердца и раскрывая замыслы и козни слуг Саурона. Так он стал тверже и закаленнее всех людей, живших в его время. Он достиг совершенства во многих человеческих искусствах, глубоко изучил Предание и превзошел своих соплеменников во всем, поскольку был мудр эльфийской мудростью, а в глазах его иногда вспыхивал огонь, и тогда мало кто мог выдержать его взгляд. Судьба, ему доставшаяся, сделала его лицо суровым и печальным, но в глубине его сердца жила надежда, из которой иногда рождалась радость, подобная бьющему из скалы ключу.

Когда Арагорну исполнилось сорок и девять лет, он вернулся из опасного похода к темным границам Мордора, где вновь поселившийся там Саурон плел новые сети зла. Арагорн устал и желал вернуться в Ривенделл, дабы отдохнуть немного перед новым походом в дальние страны; по дороге, однако, он оказался у границ Лориэна и был допущен в этот тайный край Владычицей Лориэна Галадриэлью.

Он не знал, что в это время там гостила и Арвен Ундомиэль, вернувшаяся на короткий срок на землю своих родичей по материнской линии. Она мало изменилась, ибо годы смертных прошли мимо нее; только лицо ее стало строже и смех ее слышали редко. Арагорн же вошел в возраст мужа и достиг зрелости. Попросив его снять с себя выцветшее дорожное одеяние, Галадриэль облачила его в белые и серебряные одежды, накинула ему на плечи серый эльфийский плащ, а чело украсила сверкающим камнем. В этом облачении он казался скорее эльфийским князем с Западных Островов, нежели человеком. Так Арвен снова увидела его после долгих лет разлуки, и, пока он шел ей навстречу под осыпанными золотым цветом кронами Карас Галадона, выбор ее был сделан и судьба решилась.

Долго блуждали они вместе по лесам и полям Лотлоризна, пока не настало время прощания. И вот вечером Преполовления Арагорн, сын Араторна, и Арвен, дочь Элронда, взошли на дивный холм Керин Амрот, возвышающийся в сердце той страны, и скинули обувь, и прошли по неумирающей траве, касаясь ногами цветов *эланора* и *нифредила*. Поднявшись на вершину, они обратили взор на Восток, где залегла мгла, и на Запад, где обитали Сумерки, и обручились друг с другом, и радовались великой радостью.

И Арвен сказала Арагорну:

– Черна Мгла, что нам угрожает, но сердце мое радуется, ибо ты, Эстел, будешь в числе великих, которые уничтожат ее.

Арагорн возразил:

– Увы! Я не могу предсказать, каким будет исход. Скрыто от меня и то, какие пути изберет судьба. Но если в твоём сердце есть надежда, буду надеяться и я. Я отверг Мглу раз и навсегда, но и Сумерки не для меня, о госпожа, ибо я смертен, и, если ты сопряжешь свою судьбу с моею, тебе, о Вечерняя Звезда, тоже придется расстаться с Сумерками.

Арвен стояла рядом с ним, прямая, как белое дерево, и глядела на Запад. Наконец она проговорила:

– Я пойду с тобой, о Дунадан, и отвращу взор от Сумерек. И все же там лежит страна моего народа и вечный дом, где уготованы обители моим близким.

Так сказала она, ибо всем сердцем любила своего отца.

Когда Элронд узнал о выборе, который сделала его дочь, он промолчал, но сердце его исполнилось печали. Долго он страшился этой вести, и теперь, когда она достигла его слуха, облегчения это ему не принесло. Когда Арагорн вернулся в Ривенделл, Элронд призвал его к себе и сказал ему:

– Сын мой! Грядут перемены, которые погубят в сердцах последнюю надежду, и мне не дано разгадать, что впоследствии. Меж нами пролегла Тень. Но, может, такой мне был назначен жребий – понести потерю, через которую восстановится род людских Королей. Я люблю тебя как сына, но знай, что только ради названной мною высокой цели могла бы Арвен Ундомизель отвергнуть дар вечной жизни, которым обладает. Если она станет невестой человека, этот человек должен быть по меньшей мере королем Гондора и Арнора. Что

же до меня, то теперь даже победа сулит мне лишь скорбь и разлуку – а тебе если и радость, то недолгую. Увы, сын мой! Боюсь, в конце Человеческое Предначертание покажется моей дочери чересчур тяжким!

Так любовь Арагорна к Арвен встала между Элрондом и Арагорном. Однако больше они об этом не говорили, и Арагорн вновь отправился навстречу трудам и опасностям. По мере того как росла власть Саурана и все выше вздымался могучий Барад-дур, в мире становилось темнее и Средьземельем завладевал страх. Все это время Арвен пребывала в Ривенделле и мыслями следовала за Арагорном, где бы тот ни был. В надежде на победу она выткала ему царственное знамя, развернуть которое имел право лишь тот, кто предъявит права на трон нуменорцев и державу Элендила.

Спустя несколько лет Гилраэн, взяв разрешение у Элронда, вернулась к своему народу, в Эриадор, и поселилась там в полном одиночестве. Теперь она редко видела своего сына, ибо тот много времени проводил в дальних странах. Однажды он вернулся на Север и навестил ее, и перед разлукой она сказала ему:

– Это наша последняя встреча, Эстел, сын мой! Годы тревог состарили меня, словно какую-нибудь дочь меньших племен. Мне не хватит сил достойно встретить тьму, надвигающуюся на Средьземелье. Скоро я покину эти земли.

Арагорн попытался утешить ее, возразив:

– Но за тьмою может воссиять свет, и, если это случится, я хотел бы, чтобы ты могла увидеть его и возрадоваться.

Но она ответила ему одним-единственным *линнодом*⁷³⁸:

– *Онен и-Эстел Эдаин, у-хэбин эстел аним*^[24].

Арагорн покинул ее с тяжелым сердцем, и предчувствие его не обмануло – Гилраэн умерла еще до наступления следующей весны.

Так пришло время Войны за Кольцо, о которой говорится во многих летописях. Говорится в них и о том, как открылись Мудрым неожиданные пути к свержению Саурана, и о том, как паче всех чаяний чаемое свершилось. И случилось так, что в черный час поражения Арагорн явился от берегов Моря на поле битвы и развернул над полями Пеленнора знамя, вытканное руками Арвен, и в тот день его впервые приветствовали как Короля. Когда же отгремели сражения, он получил обратно державу своих отцов, и был коронован

коронай Гондора, и взял в руку скипетр Арнора; когда же настал первый по низвержении Саурона праздник Преполовления, он сочетался браком с Арвен Ундомиэль, и в городе Королей прошли свадебные торжества.

Так вышло, что Третья Эпоха кончилась победой и новыми надеждами; но печальным было расставание Элронда и Арвен, и скорбь их вплелась в скорби и печали минувшей Эпохи, ибо им предстояла разлука, которой суждено было простереться за пределы мира.

Когда Великое Кольцо было уничтожено и Три Кольца лишились прежней силы, Элронд почувствовал усталость и возжелал покинуть Средьземелье, дабы никогда уже не возвращаться. Арвен же уподобилась смертным женам, хотя и не суждено ей было умереть прежде, нежели она потеряет все, что имела.

Сто и двадцать лет счастливо правила она эльфами и людьми рука об руку с Арагорном, окруженная великой любовью и славой; но вот Арагорн почувствовал приближение старости и понял, что век его, сколь долгод он ни был, близится к концу. Тогда Арагорн сказал Арвен:

— О госпожа моя Вечерняя Звезда, прекраснейшая и возлюбленнейшая! Миру, в котором я жил, приходит конец. Ибо мы собрали и расточили, и близится час расплаты.

Арвен знала, о чем он говорит, и давно ожидала этого часа, но все же не смогла превозмочь горя и в скорби вымолвила:

— Ужели ты хочешь раньше срока покинуть народ, живущий словом твоим, о господин мой?

— Нет, о госпожа, — отвечал он. — Ибо, если я не уйду теперь, вскоре мне придется уйти против моей воли. Ты знаешь, что Элдарион, сын наш, стал зрелым мужем и готов принять бремя власти.

И Арагорн отправился в Дом Королей, на Улицу Молчания, и возлег на уготованное ему ложе, и попрощался с Элдарионом, и передал ему в руки крылатую корону Гондора и скипетр Арнора. Когда же свершилось прощание, все, кроме Арвен, покинули его, и она одна осталась стоять у ложа. Мудра и высокородна была Королева Арвен, и все же не сдержалась, чтобы не взмолиться и не попросить Арагорна еще повременить с уходом. Ибо она еще не чувствовала усталости и впервые пригубила горечь смертного жребия, который приняла по собственному выбору.

– О госпожа моя Ундомиэль, – молвил Арагорн, – воистину, тяжек этот час, но судьба наша была предрешена среди белых берез в саду Элронда, где мы встретились с тобою и где не ступает ныне ничья нога. Мы с тобою приняли эту судьбу по доброй воле на холме Керин Амрот, когда отвергли Тьму и Сумерки⁷³⁹. Размысли, о возлюбленная, и подумай: неужели ты хотела бы, чтобы я дождался дряхлости, чтобы я вынужден был покинуть трон из-за старческого упадка сил, чтобы разум мой притупился? Нет, о госпожа! Я – последний из нуменорцев и последний Король Старших Дней, и мне дарован был не только долгий, в три раза больший, чем у прочих людей Средьземелья, срок жизни, но и право уйти из мира по собственной воле и самому вернуть пожалованный мне дар. Поэтому мое успение совершится сегодня. Я не стану говорить тебе слов утешения, ибо до тех пор, пока мы остаемся в кругах сего мира, утешения нам не дано. Перед тобою последний выбор. Раскайся в своем решении, уйди в Гавань и унеси с собою на Запад память о днях, которые мы провели вместе; память эта будет вечно жива, но останется лишь памятью. Иначе тебе придется смириться и принять Человеческий Жребий.

– О нет, возлюбленный господин мой, – отвечала она. – Выбор сделан давно. Да и нет в Гавани корабля, который отвез бы меня за Море. Я должна принять Человеческий Жребий, хочу я того или нет. Я понесу утрату и низойду в молчание. Но вот что скажу я тебе, о Король нуменорцев: лишь теперь поняла я историю людей и их грехопадения. Я презирала их, считала порочными глупцами⁷⁴⁰, но теперь, под конец, я жалею их. Ибо если, по слову Элдаров, смерть и впрямь не что иное, как дар Единого племени человеческому, то дар этот полон горечи, и принять его трудно.

– Так может показаться на первый взгляд, – ответствовал Арагорн. – Устоим же в последнем испытании, ибо в прежние времена мы устояли, отвергнув Тьму и соблазны Кольца. Наш уход полон скорби, но нет в нем отчаяния. Ибо мы не навечно привязаны к этому миру, и за его пределами есть нечто большее, чем память⁷⁴¹. Прощай же!

– Эстел! Эстел! – вскричала она, и он взял ее руку, и поцеловал, и погрузился в сон, и великая красота проступила на лице его, так что все, видевшие это, дивились, ибо одновременно читались на нем цвет юности, доблесть зрелых лет и величественная мудрость преклонного

возраста. Так лежал он, являя ликом своим истинную славу Королей рода человеческого, какою была она в незамутненном сиянии ранних, нетронутых порчею дней этого мира.

Арвен же пошла прочь из Дома, и свет в глазах ее погас, и людям казалось, что лицо ее сделалось холодным и серым, как зимние беззвездные сумерки. Сказав «прости» Элдариону, дочерям и всем, кого любила, она покинула Минас Тирит, и ушла в Лориэн, и пребывала там в одиночестве среди роняющих листву деревьев, пока не наступила зима. Галадриэль давно покинула эти земли, Кэлеборн ушел вслед за ней, и в Лориэне царило молчание.

Наконец, когда вся листва с маллорнов опала, но до весны было еще далеко, Арвен взошла на вершину холма Керин Амрот, и легла на траву, и уснула; и там будет ее зеленая могила, покуда не изменится лицо мира, покуда память о ней не сотрется в преданиях поздних поколений и покуда не перестанут цвести к востоку от Моря *эланор* с *нифредилом*.

На этом повесть об Арагорне и Арвен, пришедшая к нам с Юга, заканчивается; о том же, что случилось после ухода Вечерней Звезды, старые книги хранят молчание».

II. ДОМ ЭОРЛА

«Эорл Юный был вождем людей Эотеода⁷⁴². Земля их лежала у истоков Андуина, между последними отрогами Туманных Гор и северными окраинами Чернолесья. Племя Эорла переселилось в эти земли при Короле Эарниле II; прежде они обитали в долине Андуина между Карроком и Сабельниками. По своим корням они были близки к Беорнингам и племенам, населявшим западные области Пущи. Предки Эорла вели свое происхождение от королей Рованиона, чье королевство до вторжения Возничих простиралось далеко за Чернолесье; такая родословная давала им право числить себя родней гондорских Королей – потомков Элдакара. Больше всего этот народ любил равнины, лошадей и все, что связано с лошадьми. В те дни в среднем течении Андуина обитало много племен; но все длиннее становилась тень, отбрасываемая на эти земли Дол Гулдуром. Поэтому, услышав о поражении Короля-Чернокнижника, люди Эотеода

двинулись на север в поисках нового, более просторного места для жизни, прогнав попутно последних ангмарцев, хоронившихся к востоку от Гор. Однако ко времени правления Леода⁷⁴³, отца Эорла, племя Эотеода успело весьма умножиться, и земли вновь показались им тесны.

В 2510 г. Третьей Эпохи над Гондором нависла новая угроза. Нагрянув с северо-востока и лавиной прокатившись по Рованиону и Бурым Землям, через Андуин переправилось на плотах огромное войско дикарей. В то же самое время, не то случайно, не то в согласии с чьим-то умыслом, с гор повалили орки (до войны с гномами они представляли немалую силу). Захватчики заняли Каленардон⁷⁴⁴, и Кирион, Наместник Гондора, послал на север за помощью, поскольку жители верхнего течения реки Андуин и гондорцы издавна поддерживали дружеские отношения. В те дни в долине Реки уже почти никто не жил, поселения были далеко разбросаны друг от друга, для того чтобы собрать помощь, требовалось много времени. И все же, как только весть о бедственном положении Гондора достигла ушей Эорла, тот сразу же собрал большое войско, состоявшее только из всадников, и выступил, несмотря на то, что вести из Гондора, судя по всему, сильно запоздали.

Войско Эорла подросло к битве на Поле Кэлебрант (так называлась зеленая полоса земли между рекой Серебряной и Ясным Лимом) вовремя. Северным армиям Гондора, сражавшимся при Кэлебранте, приходилось туго. Потерпев поражение в Глуши, они оказались отрезаны от юга и отступили за Ясный Лим, где были неожиданно атакованы орками, которые стали теснить их к Андуину. У гондорцев уже не оставалось надежды, когда с севера внезапно нагрянули всадники и разбили вражеские тылы наголову. Удача и поражение поменялись местами, и Враг, понеся большие потери, был отброшен за Ясный Лим. Эорл со своими всадниками пустился преследовать противника. Всадники посеяли в рядах захватчиков такой страх, что дикари из Диких Земель впали в панику и бежали от людей Эорла через весь Каленардон.

После чумы в Каленардоне почти не осталось жителей, а те, кто избежал чумы, были почти поголовно перебиты свирепыми пришельцами с Востока. Поэтому Кирион, в награду за помощь, пожаловал Эорлу и его подданным весь Каленардон – от Андуина до

самой Исены. Всадники послали на север за женами и ребятишками, привезли свое добро – и обосновались на пожалованных им землях. Они дали Каленардону новое имя и нарекли его Маркой Всадников, а сами стали называть себя Эорлингами; в Гондоре же край их стал именоваться Рохан, а его обитатели – Рохирримами (что в переводе означает «Хозяева Табунов»). Эорл стал первым королем Марки и избрал себе для житья зеленый холм у самого подножия Белых Гор, ограждавших его страну с юга. Утвердившись на новых землях, Рохирримы и дальше жили как свободный народ, подчиняясь только своим королям и соблюдая только свои законы, но оставаясь, однако, неизменными союзниками Гондора.

В песнях Рохана, хранящих память о северных землях, часто поется о вождях и воинах минувшего, об отважных и прекрасных роханских женах. Поется в них и о том, что вождя, который привел своих людей туда, где они жили до переселения в Каленардон, звали Фрумгар⁷⁴⁵. По преданию, сын его, Фрам⁷⁴⁶, убил Скату – великого дракона из Эред Митрина⁷⁴⁷, и с тех пор огнедышащие ящеры оставили Эотеод в покое. Фрам стал обладателем драконьего сокровища, но вынужден был с тех пор враждовать с гномами, объявившими богатство Скаты своим. Фрам решил не уступать гномам ни камушка и послал им ожерелье из зубов Скаты, сопроводив дар такими словами: «Во всех ваших кладовых не сыскать подобной драгоценности, ибо не так-то легко ее добыть!» Говорят, что за это оскорбление он поплатился жизнью. Впоследствии гномы и люди Эотеода относились друг к другу без особой приязни.

Отец Эорла звался Леодом. Он прославился своим искусством укрощать диких лошадей – в то время на равнинах их водилось великое множество. Однажды он поймал белого жеребенка, и тот быстро вырос в сильного, красивого и гордого коня. Никто не мог укротить его. Когда Леод дерзнул оседлать гордеца, тот унес седока далеко в степь и сбросил. Леод ударился головой о камень и умер.

Ему тогда было всего сорок лет и два года от роду, а сын его, Эорл, был шестнадцатилетним юношей.

Эорл поклялся отмстить за отца. Он долго искал гордого коня и наконец нашел его. Спутники Эорла ожидали, что тот подъедет к коню на расстояние выстрела из лука и пристрелит его. Но, подъехав ближе, Эорл неожиданно встал в стремях и громко воскликнул: «А ну, иди

сюда, Конь-убийца! Я дам тебе новое имя!» К общему изумлению, конь повернул голову на голос Эорла, подошел к нему и стал рядом, и Эорл сказал ему: «Отныне тебя будут звать Фелароф⁷⁴⁸. Ты дорожил свободой, и я не виню тебя за это. Но ты много задолжал мне, и в уплату долга ты отдашь мне свою свободу до конца твоей жизни».

Сказав это, Эорл вскочил на коня, и Фелароф подчинился; Эорл вернулся на нем домой без седла и без узды. С тех пор он ездил на нем только так. Конь понимал все, что говорили люди, хотя и не позволял никому, кроме Эорла, сесть на себя верхом. Именно на Феларофе скакал Эорл в битву на Поле Кэлебрант, ибо оказалось, что век этого коня был не короче человеческого; так же долго жили и потомки Феларофа. Коней этих стали называть *меарасами*⁷⁴⁹; они отказывались носить на себе кого бы то ни было, кроме короля или королевских сыновей, и так продолжалось до появления на свет Скадуфакса. Говорят, предка этих коней привез в Средьземелье из Закатного Края, лежащего за морем, сам Бема (Элдарами именуемый Оромэ⁷⁵⁰).

Из всех королей Страны Всадников, правивших от Эорла до Теодена, особенно прославился Хельм Железная Рука. Был он суров и обладал огромной силой. В то время жил некий человек по имени Фрека⁷⁵¹, называвший себя потомком короля Фреавина, хотя был он темноволос, и многие подозревали, что в жилах его течет кровь дунландцев. Со временем Фрека разбогател и приобрел в Рохане большое влияние; ему принадлежали обширные земельные владения на обоих берегах Адорна^[25]. У истоков реки он построил крепость и совсем перестал обращать внимание на короля. Хельм не доверял Фреке, но по-прежнему звал его на совет, хотя тот приходил, только когда это было ему удобно.

На один из советов Фрека прибыл с большой свитой и попросил руки дочери Хельма для своего сына Вулфа⁷⁵². Но Хельм ответил так: «Ты возрос и укрепился с тех пор, как последний раз посетил меня, – но сдается мне, что растешь ты все больше брюхом!»

И люди засмеялись, услышав эти слова, ибо Фрека действительно был весьма толст.

Тогда Фреку обуял гнев, и он много хулил короля, сказав напоследок такие слова: «Старый король отвергает предложенный ему посох, но как бы ему не упасть потом на колени!» Хельм ответил ему:

«Не горячись! Женидьба твоего сына – не такое уж важное дело. Хельм и Фрека поговорят об этом после, а пока у короля и его советников есть более неотложные заботы».

Когда совет закончился, Хельм встал и, положив широкую ладонь на плечо Фреки, сказал ему: «Король не может допустить ругани и шума в собственном доме, но за его пределами мы сможем поговорить начистоту!» – и, заставив Фреку идти впереди себя, вышел с ним в поле. Людям же из свиты Фреки король сказал так: «Прочь! Нам не нужно лишних ушей. Мы хотим поговорить наедине. Убирайтесь! Можете пока потолковать с моими подданными».

Люди Фреки стали озиаться, увидели, что королевская свита гораздо многочисленнее, – и отступили.

«Ну что, дунландец? – сказал тогда король Фреке. – Хельм перед тобой, свиты со мной нет, и я безоружен. Но ты уже успел сказать свое, так что теперь моя очередь. Видно, твоя глупость, о Фрека, растет вместе с брюхом. Тебе ли говорить о посохе?! Опасно предлагать Хельму кривой посох, ибо Хельм переломит его одним ударом – вот так!»

С этими словами он нанес Фреке такой удар кулаком, что тот упал оглушенный и вскоре умер.

Хельм объявил сына Фреки и ближайших его родичей врагами короля, и они принуждены были бежать, ибо Хельм сразу же выслал к западным окраинам Рохана своих всадников».

Четырьмя годами позже (в 2758 г.) Рохан постигла беда, но Гондор не смог выслать подмогу Рохирримам, поскольку в то время его атаковали сразу три пиратских флота и по всему побережью шли ожесточенные битвы.

Одновременно в Рохан снова вторглись восточные орды; тогда дунландцы, не желая терять удобного случая, поспешили переправиться через Исену и напали на Рохан со стороны Исенгарда. Вскоре стало известно, что ведет их Вулф, сын Фреки. Дунландцы собрали весьма большое войско, ибо к ним присоединились враги Гондора, высадившиеся в устьях Лефнуи⁷⁵³ и Исены.

Рохирримы потерпели поражение, страну захватил враг, и те, кто не был убит или отдан в рабство, бежали в горные долины. Хельм, понеся большие потери, отступил от Брода через Исену и укрылся в

Хорнбурге – крепости, закрывавшей вход в узкое ущелье, которое стало потом известно под названием Хельмской Теснины; здесь король оказался в осаде. Тем временем Вулф захватил Эдорас, укрепился в Метузельде и провозгласил себя королем. Халет⁷⁵⁴, сын Хельма, пал последним из эдорасцев: он защищал вход в Золотые Палаты.

«Вскоре после этого началась Долгая Зима, и просторы Рохана почти на пять месяцев скрылись под снегом (с ноября 2758 по март 2759 гг.). И Рохирримы, и враги их жестоко страдали от холода и недостатка пищи, но холод еще можно было перетерпеть, а вот голод был гораздо страшнее. В Хельмской Теснине к Новому Году начался голодный мор, и младший сын короля, Гама, впал в отчаяние. Вопреки совету отца, он подбил часть гарнизона на вылазку, но отряд затерялся в снегах и не вернулся. От горя и голода Хельм стал угрюм и страшен; имя его наводило на врагов такой ужас, что страх перед Хельмом заменял осажденным не одну дюжину защитников. Одетый в белое, Хельм в одиночку покидал крепость и, проникая, подобно снежному троллю, в лагерь врагов, душил их голыми руками. Существовало поверье, что, пока Хельм безоружен, вражеские клинки и стрелы не могут причинить ему никакого вреда. Среди дунландцев ходили слухи, что Хельм пожирает человеческое мясо. Надо заметить, в Дунланде этой басне суждена была долгая жизнь.

Хельм носил при себе большой рог; дунландцы вскоре заметили, что, перед тем как выйти из крепости, Хельм каждый раз трубил в него, и Теснина отзывалась гулким эхом. С тех пор при звуке Хельмова рога на врагов нападал такой страх, что они, вместо того чтобы обнажить против Хельма оружие, сломя голову бежали вниз, к выходу из Лощины.

Однажды ночью осажденные снова услышали звук рога, но поутру Хельм в крепость не вернулся. Утром сквозь пелену пробился луч солнца, первый за долгие, долгие дни, и люди увидели на Валу одинокую белую фигуру; никто из дунландцев не осмелился подойти к ней. То был Хельм. Он был мертв, но, как и при жизни, крепко стоял на ногах. Однако рассказывают, что и после смерти Хельма в Теснине по временам звучал его рог, а в стане противников Рохана являлся призрак мертвого короля, и враги гибли от страха.

Вскоре зима начала отступать. Увидев это, Фреалаф, сын Хильд⁷⁵⁵, сестры Хельма, покинул Дунхаргскую Крепость, куда

бежали многие роханцы. С маленьким отрядом воинов, которым отчаяние придавало сил, он неожиданно напал на Вулфа прямо в Метузельде, убил его и занял Эдорас. Когда стаяли снега, равнину затопило небывалое половодье и долина Энтвейи превратилась в огромное болото. Захватчики частью погибли, частью отступили, да и Гондор наконец смог выслать Рохану помощь одновременно с востока и запада. Еще не кончился год (2759), как дунландцев окончательно изгнали за пределы страны; у них отбили даже Исенгард, и Фреалаф стал королем.

Тело Хельма перенесли в Эдорас и насыпали над ним девятый курган. *Симбэльминэ* разрослись над ним особенно пышно, так что издали казалось, что курган запорошен снегом; покров цветов на девятом кургане и сегодня гуще, чем на остальных. Когда же умер Фреалаф, десятого кургана насыпать не стали, а начали новый ряд».

Из-за войны, скудости и потерь в скоте и лошадях Рохирримов осталось до прискорбия мало, и последовавший многолетний отдых от ратоборства послужил им как нельзя более ко благу, ибо только при короле Фолквине смогли они восстановить былую мощь.

Саруман впервые появился в Рохане именно на коронации Фреалафа. Он принес богатые дары и много восхвалял доблесть Рохирримов. Роханцы приняли его радушно, и вскоре он поселился в Исенгарде. Разрешение на это ему дал Берен, Наместник Гондора, ибо Гондор по-прежнему владел Исенгардом безраздельно. Передал Берен Саруману и ключи от Орфанка. Ни один враг не мог повредить этой башне или проникнуть внутрь нее.

Постепенно Саруман начал держать себя как могущественный властитель. Поначалу он считался просто слугой Наместника и стражем Башни. Фреалаф, как и Берен, был рад – им спокойнее было знать, что в Исенгарде, под боком, у них есть сильный союзник и друг. А Саруман довольно долго прикидывался другом роханцев, – хотя не исключено, что тогда, вначале, он не лгал. Впоследствии, правда, почти никто уже не сомневался, что Саруман проник в Исенгард именно в надежде отыскать там Камень; видимо, волшебник с самого начала лелеял мечту о власти. Известно, что по окончании последнего Белого Совета (2953 г.) Саруман уже замышлял зло против Рохана, как искусно он ни скрывал это. Вскоре он окончательно присвоил себе

Исенгард и постепенно превратил его в укрепленную твердыню, где обитали сила и страх, в крепость, как бы призванную соперничать с могущественным Барад-дуром. С тех пор Саруман вербовал себе друзей и прислужников только среди тех, кто ненавидел Гондор и Рохан, не брезгуя никем – ни людьми, ни куда более злобными тварями.

КОРОЛИ МАРКИ

ЛИНИЯ ПЕРВАЯ^[26]

1. 2485–2545 – *Эорл Юный*. Назван так потому, что наследовал своему отцу в ранней юности и сохранил светлые волосы и румянец на щеках до конца дней, которые сократило новое вторжение с востока. Эорл пал в битве, разыгравшейся на Диких Землях, и над его могилой насыпали первый курган. Вместе с Эорлом был похоронен и Фелароф.

2. 2512–2570 – *Брего*. Изгнал врага из Диких Земель. Благодаря ему Рохан многие годы не знал бранной тревоги. В 2569 г. Брего достроил Золотые Палаты – Метузельд. На пиру в честь этого события Бальдор, его сын, поклялся пройти Тропой Мертвых и не вернулся оттуда. На следующий год Брего умер от горя.

3. 2544–2645 – *Алдор Старый*. Второй сын Брего. Прозван Старым потому, что прожил долгую жизнь и царствовал целых семьдесят пять лет. За время его владычества Рохирримы стали во много раз сильнее и окончательно разделились с дунландцами, осевшими к востоку от Исены, частью прогнав их, частью подчинив себе. При Алдоре заселены были Харгская и другие горные долины. О последующих трех королях здесь говорится мало, так как при них Рохан по-прежнему жил в мире и процветал.

4. 2570–2659 – *Фреа*. Старший сын, но четвертое дитя Алдора; на престол взошел уже стариком.

5. 2594–2680 – *Фреавин*.

6. 2619–2699 – *Голдвин*.

7. 2644–2718 – *Деор*. Его время отмечено частыми набегами дунландцев, переправлявшихся для этого через Исену. В 2710 г. они заняли пустынную долину Исенгарда, окруженную кольцом скал, и выгнать их оттуда оказалось невозможно.

8. 2668–2741 – *Грам*.

9. 2691–2759 – *Хельм Железная Рука*. В конце его правления Рохан понес большие потери из-за вторжения врагов и ужасов Долгой Зимы. Хельм и оба его сына, Халет и Гама, погибли. Королем стал Фреалаф, племянник Хельма.

ЛИНИЯ ВТОРАЯ

10. 2726–2798 – *Фреалаф*, сын Хильд. В его царствование в Исенгарде, откуда были наконец изгнаны дунландцы, поселился волшебник Саруман. В наступившие за Долгой Зимой годы скудости и ослабления королевства Рохирримы высоко ценили дружбу Сарумана.

11. 2752–2842 – *Бритта*⁷⁵⁶. Подданные называли его *Леофа*, ибо все любили его: рука его никогда не оскудевала, и он всегда приходил на помощь нуждающимся. В его время случилась война с орками, которые, будучи изгнаны с севера, попытались найти убежище в Белых Горах. Когда Бритта умер, думали, что орков больше не осталось, но это было не так.

12. 2780–2851 – *Валда*. Царствовал всего девять лет. Убит со всей дружиной в орочьей засаде на горных тропах близ Дунхаргской Крепости.

13. 2804–2864 – *Фолка*. Был великим охотником, но дал обет не убивать диких зверей, пока в Рохане остается хоть один орк. Когда же последнее орочье гнездо было найдено и уничтожено, он отправился на охоту за диким вепрем из чащи Эверхолт⁷⁵⁷, что в Фириэнском лесу. Вепря он убил, но и сам умер от ран, которые тот успел ему нанести клыками.

14. 2830–2903 – *Фолквин*. При нем Рохирримы наконец восстановили былую силу. Отвоевал западные окраины (между Адорном и Исеной), которые до того занимали дунландцы. В лихую годину Рохан получил от Гондора немалую помощь, поэтому теперь, услышав, что Гондор атаковали крупные силы Харадримов, Фолквин выслал на помощь Наместнику внушительное войско. Он хотел возглавить его сам, но послушался уговоров и не поехал; вместо него отправились его сыновья-близнецы, Фолкред⁷⁵⁸ и Фастред⁷⁵⁹, родившиеся в 2858 г. Они пали рядом, защищая Итилиэн (2885 г.). Тьюрин II, Наместник Гондора, послал Фолквину богатый дар золотом.

15. 2870–2953 – *Фенгел*. Третий сын и четвертое дитя Фолквина. Оставил по себе не слишком добрую память. Он был жаден до пищи и

золота и часто ссорился – то со своими полководцами, то с собственными детьми. Тенгел, единственный сын Фенгела (всего у короля было трое детей), достигнув совершеннолетия, покинул Рохан и долго жил в Гондоре, где, будучи на службе у Тургона, завоевал почет и уважение.

16. 2905–2980 – *Тенгел*. Долго не брал себе жены; наконец в 2943 г. сочетался браком с Морвен⁷⁶⁰ из Лоссарнаха, провинции Гондора, хотя та была на семнадцать лет моложе его. Она родила ему в Гондоре троих детей, из которых Теоден, второй по счету, был единственным сыном. Когда умер Фенгел, Рохирримы призвали Тенгела на царство, и тот, хотя и неохотно, возвратился домой. Королем он был мудрым и добрым, однако в доме у него по-прежнему говорили по-гондорски, что одобряли далеко не все. В Рохане Морвен родила еще двух дочерей, причем младшая, Теодвейн⁷⁶¹, была особенно хороша собой, хотя родилась поздно (2963 г.), когда Тенгел был уже в преклонных годах. Брат горячо любил ее. Вскоре после возвращения Тенгела Саруман объявил себя Властителем Исенгарда и начал чинить зло Рохану, нарушая границы и поддерживая его врагов.

17. 2948–3019 – *Теоден*. Предание Рохана именует его Теоденом Эдневом⁷⁶², ибо он одряхлел под действием чар Сарумана, но Гэндальф исцелил его, и в последний год жизни он вновь обрел силы и повел своих воинов к победе при Хорнбурге, а затем на поля Пеленнора, где разыгралась величайшая битва эпохи. Пал, сражаясь у ворот Мундбурга. Некоторое время останки его покоились в стране, где он родился, среди мертвых королей Гондора, но потом его тело перенесли в Рохан и насыпали над ним в Эдорасе восьмой курган по его линии. После этого началась новая линия.

ЛИНИЯ ТРЕТЬЯ

В 2989 г. Теодвейн сочеталась браком с Эомундом из Восточного Фолда, Главным Маршалом Марки. В 2991 г. у них родился сын Эомер, а в 2995 г. – дочь Эовейн. В то время на горизонте вновь появился Саурон и на Рохан пала выросшая тень Мордора. На восточные окраины стали наведываться банды орков, которые убивали или уводили с собой роханских коней. Одновременно с Туманных Гор спустились другие орки, в основном из племени Уруков, служивших Саруману, хотя владельца Исенгарда заподозрили не сразу. Эомунд

заботился в основном о восточных окраинах; он горячо любил лошадей и ненавидел орков. Если его ушей достигали слухи об орочьем набеге, он, не помня себя от гнева, зачастую бросался в погоню без всяких предосторожностей, с малой горсткой людей. В итоге случилось так, что в 3002 г. Эомунд был убит; в погоне за небольшим орочьим отрядом он оказался у скал Эмин Муйла и был застигнут там превосходящими силами врага, поджидавшими среди камней.

Вскоре после этого Теодвейн захворала и умерла. Король был неутешен. Детей ее он взял к себе и называл с тех пор сыном и дочерью. У самого Теодена был единственный сын, Теодред, которому исполнилось в ту пору двадцать четыре года; королева Эльфхильд⁷⁶³ умерла при родах, а второй жены Теоден брать не стал. Эомер и Эовейн выросли в Эдорасе и были свидетелями того, как пала тень на палаты Теодена. Эомер был во всем похож на своих отцов и дедов; Эовейн же, стройная и высокая ростом, отличалась красотой и гордой осанкой, которыми обязана была южной крови, бежавшей в ее жилах, крови Морвен из Лоссарнаха, которую Рохирримы называли Морвен Стальной Луч.

18. 2991 – ЧЭ 63 (3084) – *Эомер Эадиг*⁷⁶⁴. Будучи еще совсем молодым, назначен был Маршалом Марки (3017 г.) и получил в удел достояние своего отца – восточные окраины страны. В Войне за Кольцо Теодред пал у Брода через Исену в сражении с Саруманом. Поэтому, умирая на полях Пеленнора, Теоден назвал своим преемником Эомера и нарек его королем. В тот же день завоевала себе славу и Эовейн, ибо она тоже сражалась в той битве, хотя и под чужим именем. С тех пор народ Марки называл ее Девой Щита^[27].

Эомер стал великим королем; вступив на престол молодым, он правил шестьдесят пять лет – дольше всех прежних королей Рохана, за исключением разве только Алдора Старого. Во время Войны за Кольцо он подружился с Королем Элессаром и князем Имрахилом из Дол Амрота и впоследствии часто наезжал в Гондор. В последний год Третьей Эпохи он обручился с Лотириэлью⁷⁶⁵, дочерью Имрахила. После Эомера Маркой правил их сын – Эльфвин⁷⁶⁶ Прекрасный.

В дни Эомера люди Марки обрели мир – за исключением тех, кто сам не желал его. В долинах и степях стало многолюднее; умножились и табуны Марки. Гондором, равно как и Арнором, по-прежнему правил Король Элессар. Король Элессар воцарился над всеми землями, принадлежавшими ранее этим древним королевствам, за исключением Рохана, ибо Король подтвердил дар Кириона, а Эомер вновь принес Гондору Клятву Эорла. Часто приходилось ему выполнять этот обет. Ибо, хотя Саурон и покинул мир, ненависть и зло, им посеянные, не умерли, и Королю Запада пришлось усмирить еще многих врагов, прежде чем Белое Дерево смогло цвести в мире и покое. И куда бы ни шел войной Король Элессар, всегда Эомер был рядом с ним; и за Морем Рун, и на дальних равнинах Юга раздавался гром копыт роханской конницы, и многие ветра разведали знамя Белого Коня на Зеленом Поле, прежде чем состарился король Эомер.

III. НАРОД ДЬЮРИНА

О происхождении гномов как среди Элдаров, так и среди самих гномов ходят слухи самые странные; впрочем, история эта уходит в глубь времен слишком далеко, чтобы приводить ее здесь целиком. Дьюрином⁷⁶⁷ гномы именуют старейшего из Семи Праотцев гномьей расы, родоначальника всех королей племени Длиннобородов. Долго длился его одинокий сон, покуда, в глубинах веков, не настал для его народа час пробуждения; тогда Дьюрин пришел в Азанулбизар и сделал своей обителью пещеры над Келед-зарамом, на восточных склонах Туманных Гор, где впоследствии возникли Морийские Копи⁷⁶⁸, о которых поется во многих песнях.

Так долго жил Дьюрин в своем обиталище, что о нем разнеслась слава как о Бессмертном. Однако в конце концов, еще до исхода Старших Дней, умер и он, и был похоронен в Казад-думе; но род его с тех пор не прервался ни разу, и пять раз рождались в его династии наследники, настолько схожие обликом со своим Прародителем, что им давали имя Дьюрина. Более того, гномы продолжали считать Дьюрина бессмертным и верили, что он еще вернется на Землю; промеж себя они хранили много странных легенд и преданий, в которых говорилось о племени гномов и о судьбе, которая ожидает их в этом мире.

Когда окончилась Первая Эпоха, богатство и могущество Казад-дума весьма умножились; гномов стало намного больше, и много родилось у них сказаний и песен, и множество появилось среди них искуснейших мастеров, тогда как древние города Ногрод⁷⁶⁹ и Белегост⁷⁷⁰, что в Синих Горах, были разрушены с падением Тангородрима⁷⁷¹. Мория же неизменно оставалась могущественной, и на протяжении Темных Лет, и во все время владычества Саурона: Эриадор был опустошен, а ворота Мории закрылись, но подземные залы Казад-дума лежали слишком глубоко под землей, были хорошо укреплены, а народ, населявший их, был слишком многочислен и доблестен, чтобы Саурон мог покорить его извне. Поэтому богатство Мории долго оставалось в неприкосновенности, хотя племя морийских гномов начинало мало-помалу приходить в упадок.

Случилось так, что в середине Третьей Эпохи королем вновь стал Дьюрин – уже шестой по счету. В то время Саурон, слуга Моргота, вновь начал набирать силу в мире, хотя тогда никто еще не знал, что представляет собой Тень, павшая на Лес, что находился близ Мории. Заметили в ту пору только, что все темные твари сильно чем-то возбуждены. В то время гномы копали особенно глубокие шахты; они искали под Баразинбаром *мифрил* – бесценный металл, добывать который с каждым годом становилось все труднее. Вгрызаясь в землю, гномы разбудили ужасное существо^[28], бежавшее некогда во время наступления Армий Запада из Тангородрима и прятавшееся с тех пор в глубоких пещерах у самого основания земли; то был один из Балрогов Моргота. Чудовище убило Дьюрина, а потом – год спустя – его сына, Наина I; со смертью Наина могуществу и славе Мории настал конец, а населявшие ее гномы погибли или бежали кто куда.

Большинство из тех, кому удалось бежать, направились на север. Траин I⁷⁷², сын Наина⁷⁷³, пришел к Эребору, Одинокой Горой близ восточных окраин Чернолесья, начал там новые работы и стал Королем-Под-Горой. В недрах Одинокой Горы он отыскал великолепный алмаз – Аркенстон, или Сердце Горы. Однако Торин I, сын Траина, покинул Эребор и перебрался на дальний север, в Серые Холмы, куда стеклась к тому времени большая часть племени Дьюрина, ибо Серые Холмы были богаты рудами и камнями, которые доселе почти не добывались. Но на пустошах за хребтом водились

драконы; с течением лет они стали сильнее, размножились и начали нападать на гномов, захватывая себе плоды их трудов. Однажды Даин I со своим вторым сыном, Фрором⁷⁷⁴, были убиты у входа в собственный дворец огромным драконом с холодным дыханием.

Вскоре после этого бóльшая часть племени Дьюрина покинула Серые Холмы. Грор⁷⁷⁵, третий сын Даина, во главе многочисленных последователей отправился в Железные Горы; однако Трор⁷⁷⁶, наследник Даина, взяв с собой своего дядю Борина и оставшихся гномов, вернулся обратно в Эребор. Он возвратил алмаз Аркенстон в Большой Зал Траина; с тех пор и правитель, и его народ во всем преуспевали и нажили большое богатство, пребывая в дружбе со всеми жившими окрест людьми. Ибо гномы создавали не только изумительные украшения – они делали также оружие и доспехи, которые ценились весьма высоко. Из Железных Гор, где жили их родичи, в Эребор шел постоянный поток золота, серебра и дорогих руд, и оба гномьих поселения непрестанно сообщались между собой. В результате северяне, жившие между Келдуином (Бегучей) и Карненом (Красной), вошли в силу и прогнали с востока всех окопавшихся там врагов; с тех пор гномы зажили еще изобильнее прежнего, и залы Эребора непрестанно оглашал шум пиров и звуки песен.

Слух о богатстве, хранящемся в Эреборе, гремел по всем окрестным землям и наконец достиг ушей драконов. Тогда Смауг Золотой, самый большой из всех живших тогда драконов, взмахнул крыльями и устремился в Эребор, чтобы застать короля Трора врасплох; изрыгая пламя, опустился он на вершину Горы. Вскоре гномье королевство было уничтожено, а город Дейл, что лежал близ Одинокой Горы, – разрушен и подвергнут опустошению. Смауг же проник в Большой Зал Эребора и возлег там на золотом ложе.

Многим из королевского дома Трора удалось, однако, избежать огня и побоища; последними, пробравшись через потайную дверь, залы дворца покинули Трор и его сын – Траин II. Собрав королевское семейство воедино^[29], они отправились на юг и долго скитались без крова над головой. Сопровождал их небольшой отряд гномов, состоявший из дальней родни Трора и нескольких верноподданных.

Многие годы спустя Трор, состарившийся, нищий, потерявший надежду, передал Траину, своему сыну, единственное великое сокровище, которое ему удалось сберечь, несмотря на все невзгоды. Это было последнее из Семи Колец. Расставшись с Кольцом, Трор покинул остальных и отправился своим путем, взяв с собой только одного спутника – гнома по имени Нар⁷⁷⁸. При расставании Трор сказал Траину такие слова:

«Может статься, оно еще принесет тебе новую удачу, хотя поверить в это трудно. Золото родится только от золота».

«Неужели ты чаешь вернуться в Эребор?» – спросил Траин.

«Не в мои лета, – отвечивал Трор. – Я завещаю отмищение тебе и твоим сыновьям. Что до меня, то я устал от нищеты и человеческих насмешек. Посмотрю, удастся ли мне что-нибудь найти для себя».

О том, куда он идет, Трор умолчал.

Возможно, годы, несчастья и неотвязчивые воспоминания о великолепии Мории, какой она была в дни его предков, повредили его разум; а может статься, Кольцо – теперь, когда его хозяин вновь бодрствовал в Средьземелье, – стало споспешествовать злу, постепенно склоняя Трора к безумию и самоуничтожению. Как бы то ни было, Трор покинул Дунланд, где в то время жили гномы, и, взяв с собой Нара, отправился на север; вместе они одолели перевал у Краснорога и спустились в Азанулбизар.

Когда Трор достиг Мории, ворота оказались открытыми. Нар молил об осторожности, но Трор, не обращая внимания на его мольбы, гордо переступил порог Мории с видом наследника, вступающего в свою законную вотчину. Обрато он не вернулся. Много дней прятался Нар невдалеке от входа. Однажды услышал он громкий крик и звук рога, и по ступеням скатилось тело. Страшась, что оно окажется телом Трора, Нар начал подкрадываться ближе – но тут из Ворот прогремел голос:

«Подходи, борода! Мы тебя отлично видим. Можешь пока не трястись. Ты нам нужен, чтобы передать кое-кому одну весточку».

Тогда Нар подошел и увидел, что перед ним действительно тело Трора, но голова была отрублена и лежала на ступенях вниз лицом. Когда Нар встал на колени и наклонился над телом, в темноте за порогом проклекотал орочий смех и голос зазвучал снова:

«Если нищие не дожидаются, как им положено, у порога, а забираются в дом и тащат чужое добро, с ними поступают как с этой вот падалью. Если кто из твоих еще сунет сюда свою вонючую бороденку, то поплатится, как твой приятель. Иди и скажи это остальным! А если семейка этого вора хочет знать, кто здесь нынче король, то имя написано на лбу. Это сделал я! Я убил его! Я здесь хозяин!»

Нар перевернул голову и увидел, что на лбу мертвеца гномьими рунами вырезано имя Азог⁷⁷⁹. С тех пор имя это, словно его выжгли у них на сердце каленым железом, стало вечной пыткой для Нара и всех гномов. Нар хотел было поднять голову Трора со ступеней, но голос Азога остановил его:

«А ну брось! Прочь отсюда! Возьми подачку и убирайся, бородатый оборванец!»

И в Нара полетел маленький мешочек с парой ничего не стоящих монет.

Сотрясаясь от плача, Нар бросился бежать вниз по Серебряной, но все же один раз оглянулся – и увидел, что из ворот высыпали орки; они рвали тело Трора на куски и бросали их на поживу черному воронью.

Больше Нар ничего не мог поведать Траину. Оплавав отца и перестав рвать на себе бороду, Траин погрузился в молчание. Семь дней сидел он, не произнося ни слова, а на восьмой встал и воскликнул: «Этого стерпеть нельзя!» Так началась война гномов с орками, долгая война не на жизнь, а на смерть, где битвы шли большей частью глубоко под землей.

Начал Траин с того, что разослал гонцов с вестью о гибели Трора на север, восток и запад; но прошло еще три года, прежде чем гномы сумели собраться воедино. Племя Дьюрина выставило все свои силы; к ним присоединились многочисленные отряды, присланные дружественными гномьими племенами, происходившими от других Праотцев, ибо бесчестие, которому подвергся наследник Старейшего из гномов, исполнило их гнева и ярости. Когда все было готово, гномы атаковали и уничтожили одно за другим все орочьи укрепления от Гундабада до Сабельников – все, до которых только смогли добраться. Обе стороны не знали жалости, и торжествовала смерть, и вершились во тьме и на свету жестокие деяния. Но гномы благодаря перевесу в

силах, оружию, равного которому не имел больше никто, и kloкотавшему в их груди гневу одерживали победу за победой, прочесывая каждую подгорную нору в поисках Азога.

Наконец все орки, бежавшие от гномов, собрались в Мории, и преследовавшее врагов гномье войско достигло Азанулбизара – обширной долины, лежавшей в полукруге скал вокруг озера Келед-зарам; раньше эта долина была частью королевства Казад-дум. Увидев чернеющие в склоне горы ворота своей древней вотчины, гномы издали боевой клич, который прокатился по долине подобно грому. Но над их головами, на склонах, затаилось целое полчище врагов, а из ворот навстречу хлынули тьмы орков, которых Азог приберегал на крайний случай.

Поначалу удача не благоприятствовала гномам: день был сумрачный, зимний, бессолнечный и орки готовы были драться до последнего, – к тому же их было больше и атаковали они сверху. Так началась Азанулбизарская (по-эльфийски Азанулбизар зовется Нандуирион⁷⁸⁰) битва, при упоминании о которой орки до сей поры дрожат от страха, а гномы плачут. Первая атака передовых отрядов, возглавляемых Траином, была отбита, гномы понесли тяжелые потери, и Траин вынужден был отступить к большим деревьям неподалеку от Келед-зарам; остатки той рощи сохранились до сих пор. В этом бою пал Фрерин, сын Траина, и его родич Фундин, и многие другие, а Траин и Торин были ранены^[30]. Другие отряды с переменным успехом вели кровавый бой, покуда на помощь не подоспело племя гномов с Железных Гор, что сразу изменило ход сражения. Запоздавшие к началу боя, полные свежих сил, облаченные в кольчуги гномы Наина, сына Грора, быстро оттеснили орков к самому порогу Мории, с криком «Азог! Азог!» рубя их направо и налево своими секирами.

Наконец Наин оказался у Ворот и вскричал громким голосом:

«Азог! Выходи на битву! Или ты такой неженка, что игры на свежем воздухе тебе не по нутру?»

Тогда из Ворот выступил Азог; это был орк великанского роста, с огромной головой, весь закованный в железо. Однако, несмотря на свои чудовищные размеры, он был на редкость силен и ловок. За ним следовали бойцы из его свиты, похожие на него как братья-близнецы. Между ними и дружиной Наина закипел рукопашный бой, Азог же посмотрел в сторону Наина и осклабился.

«Что я вижу? Еще один нищий у моего порога?! Клейма, верно, захотел?!» – прорычал он и бросился на Наина.

Завязалась битва. Но гнев слепил Наина, и велика была его усталость, Азог же был полон сил, свиреп и коварен. Размахнувшись, Наин нанес противнику страшный удар, вложив в него всю свою силу, но Азог увернулся и пнул Наина в голень; топор Наина угодил в камень и раскололся, а сам Наин не удержался на ногах и полетел вперед головой. Азог, развернувшись, тут же нанес ему сзади сокрушительный удар. Кольчужный воротник не подвел, но удар был таким мощным, что Наин упал на камни бездыханным, со сломанной шеей.

Азог расхохотался и закинул уже было голову, чтобы издать торжествующий вопль, но крик победы замер у него на губах: он увидел, что войско его разгромлено, что гномы по всей долине беспрепятственно добивают его последних солдат, а те из орков, кому удалось спастись, с криками улепетывают к югу. Что до бойцов его свиты, то почти все они лежали мертвые. Тогда Азог повернулся и побежал назад, к Воротам.

Вслед за ним вверх по ступеням бросился гном с красным топориком в руке. Это был Даин Железная Пята, сын Наина. Он настиг Азога у самых ворот и убил его, а голову отсек. Великим подвигом сочли это гномы, ибо Даин был тогда, по их понятиям, еще подростком.

Но впереди его ждала еще длинная жизнь, полная сражений; он пал только в Войне за Кольцо, убеленный годами, но не сломленный ими. И все же рассказывают, что, несмотря на все свое мужество и силу праведного гнева, был он, спускаясь от Ворот, сер лицом, словно великий страх посетил его.

Одержав желанную победу, остатки гномьего войска собрались в Азанулбизаре. Гномы взяли голову Азога, вложили ему в рот кошель с мелкими монетами и насадили голову на шест. Но той ночью не было в гномьем стане ни пиров, ни песен, ибо павших оказалось столько, что сраженные скорбью гномы не в силах были пересчитать их. Говорят, едва половина войска могла держаться на ногах или хотя бы надеялась выжить.

Тем не менее утром Траин вышел держать речь перед гномами. Он лишился глаза и охромел – и все же держался гордо. Вот что сказал он:

«Прекрасно! Мы победили. Казад-дум наш!»

Но гномы возразили ему:

«Хотя ты и наследник Дьюрина, следовало бы тебе зорче смотреть по сторонам твоим единственным глазом! Мы пришли сюда, чтобы отомстить, и отомстили. Но гортань наша не ощущает сладости мщения. Мы одержали победу, но удержать завоеванного все равно не сможем: наши руки для этого слишком слабы».

Те же гномы, что не принадлежали к племени Дьюрина, говорили:

«Казад-дум – не наша вотчина. Что нам в этих пещерах? Правда, мы надеялись на здешнее богатство. Но если нам приходится возвращаться восвояси с пустыми руками, без награды и без добычи, которые нам причитаются, то чем скорее мы вернемся, тем лучше».

Тогда Траин повернулся к Даину и спросил:

«Неужели мои ближайшие родичи тоже покинут меня? Я не верю в это».

«Увы, – ответил Даин. – Ты – наш отец, мы пролили кровь за тебя и, если понадобится, прольем еще. Но в Казад-дум мы не пойдем. Не пойдешь туда и ты. Только я один дошел до порога и заглянул в тень, что таится за Воротами. Там, за сумраком входа, тебя ждет Погибель Дьюрина. Ибо, прежде чем племя Дьюрина вновь вступит в Морию, мир должен измениться и на помощь к нам должна прийти иная сила».

Итак, после Азанулбизара гномы рассеялись вновь. Но, прежде чем разойтись по домам, они предприняли великий труд – сняли одежды со всех павших сородичей, чтобы их оружием и кольчугами не завладели орки. Рассказывают, что гномы, уходившие с того битвища, все до одного гнулись под тяжелой ношей. Завершив работу, оставшиеся в живых сложили множество костров и сожгли тела своих соплеменников. Много было повалено тогда леса в долине; с тех пор деревья перевелись в ней. Что же касается дыма от тех костров, то он был виден даже в Лориэне^[31].

Когда угли страшного пожарища подернулись пеплом, союзные племена гномов разошлись по своим землям и Даин Железная Пята

повел свой народ назад, в Железные Горы. Тогда, стоя у кола с насаженной на него головой Азога, молвил Траин Торину Дубощиту:

«Не дорого ли мы заплатили за эту голову? Мы отдали за нее по меньшей мере королевство. Пойдешь ли ты со мной к наковальне? Или будешь и дальше выпрашивать себе на хлеб, обивая пороги богатых гордецов?»

«Мой выбор – наковальня, – ответил ему Торин. – Молот поможет моим рукам сохранить прежнюю силу, пока не придет время взяться за что-нибудь поострее!»

Так Траин и Торин, собрав остатки своего племени (в числе других с ними были и Балин с Глоином), вернулись в Дунланд, откуда вскоре перебрались в Эриадор и наконец основали Королевство в Изгнании на востоке Эред Луина, за Льюном. Большая часть изделий, выходивших тогда из их кузниц, была, как правило, из железа, – но на свой лад гномы процветали, и число их, хотя и медленно, увеличивалось^[32]. Но, как говаривал еще Трор, требовалось золото, чтобы Кольцо могло его приумножить, – ведь золото рождается от золота, а в то время у гномов золота и ценных металлов было совсем мало – если было вообще.

Говоря об этом Кольце, можно добавить и еще кое-что. Гномы из племени Дьюрина считают, что из Семи Колец оно было выковано первым. Они говорят также, что оно было подарено Королю Казад-дума Дьюрину III эльфийскими кузнецами, а вовсе не Сауроном, хотя, несомненно, злая сила коснулась этого Кольца, как и остальных, поскольку Саурон помогал ковать все Семь. Но обладатели Кольца избегали говорить о своем сокровище и никому его не показывали; если они расставались с ним, то лишь на пороге смерти, так что никто никогда не знал, у кого оно хранится. Некоторые полагали, что Кольцо осталось в Казад-думе, в тайных гробницах королей, если только те гробницы не были обнаружены и разграблены. Но среди близких родственников наследника Дьюрина считалось (ошибочно), что, когда Трор внезапно отправился в Морию, Кольцо еще находилось у него. Что случилось с этим Кольцом, не знал никто. Не было оно найдено и на останках Азога.

Так или иначе, вполне могло случиться, как теперь полагают гномы, что Саурон с помощью своего искусства все-таки обнаружил

обладателя последнего из оставшихся на воле гномьих Колец, и поэтому неисчислимы несчастия, постигшие наследников Дьюрина, следует приписывать исключительно злобе Саурона. Все дело в том, что Кольца оказалось недостаточно, чтобы подчинить гномов. Кольца смогли сделать с ними только одно – зажгли их сердца жадностью к золоту и драгоценностям, да так, что, раз утратив свои сокровища, гномы смотрели на все прочее как на никчемный мусор и горели яростной жаждой отомстить тому, кто лишил их прежнего богатства. Впрочем, гномы с самого начала были крепкими орешками и с особой стойкостью сопротивлялись любым попыткам поработить их. Гнома можно было убить, сломить, но невозможно было сделать из него тень, подчиненную чужой воле. По той же причине ни одно из Колец не могло повлиять на продолжительность их жизни, не могло ни продлить, ни укоротить ее. Тем сильнее ненавидел Саурон обладателей последнего гномьего Кольца и тем сильнее желал отобрать его.

Из всего сказанного нетрудно вывести, что, возможно, именно под влиянием злой воли Кольца Траин спустя несколько лет потерял покой и перестал черпать удовлетворение в жизни, которую вел. Страсть к золоту снедала его ежечасно. Наконец, не в силах терпеть более, он обратился душой к Эребору и решил туда вернуться. Он не стал делиться с Торином своими замыслами; вместо того, взяв с собой Балина, Двалина и еще нескольких гномов, он распрощался с остальными и выступил в поход.

О том, что произошло с ними впоследствии, известно немного. Как теперь представляется, за пределами страны на след Траина сразу же напали посланники Саурона. Волки гнались за Траином по пятам, орки устраивали ему засады, тени злых птиц метались на тропе перед ним, и чем больше усилий прилагал Траин, тем больше неудач его ожидало. Однажды темной ночью, когда он со своими спутниками пробирался по землям, лежащим за Андуином, их застиг черный дождь, принудивший гномов искать прибежища под пологом Чернолесья. Утром Траин исчез, и тщетно товарищи звали его. Много дней искали они своего владыку – и наконец, потеряв последнюю надежду, бросили поиски и вернулись к Ториному. Лишь спустя много времени стало известно, что Траин был взят в плен и брошен в

темницу Дол Гулдура. Там он подвергся пыткам, лишился Кольца и в конце концов умер.

Так Торин Дубоцит стал наследником Дьюрина. Но – наследником без всякой надежды на царство. Когда Траин пропал без вести, Торину было девяносто пять лет; был он силен, высок, по-королевски осанист – и, казалось, довольствовался жизнью в Эриадоре. Он долго трудился, торговал и сколотил приличное состояние; число его подданных все время росло за счет странствующих гномов из племени Дьюрина, которые, прослышав о том, что на западе живет потомок державной династии, приходили к нему и селились рядом. Теперь у них были просторные залы в недрах гор, добра они накопили немало, и жизнь уже не казалась им особо тяжелой, хотя в песнях эриадорских гномов по-прежнему пелось о далеких странах и Одинокой Горе.

Годы шли. Остывшие было угли в сердце Торина разгорелись снова – он все не мог забыть о Чертогах Под Горой и вынашивал месть, – жажду мщения он унаследовал от предков. Громыхая в кузнице своим огромным молотом, он беспрерывно размышлял: где достать оружие, какую собрать армию, кого взять в союзники? Но армия гномов рассеялась по свету, союзы давно распались, а мечей было раз-два и обчелся; молот Торина с размаху бил по раскаленному докрасна железу, и великий гнев, удесятеренный безнадежностью, разгорался в его груди.

Но вот настал день, когда Торин случайно повстречал Гэндальфа, и встреча эта бесповоротно изменила судьбы наследников Дьюрина, не говоря уже о прочих последствиях, куда более важных, чем дела гномьих династий. Случилось так, что однажды Торин, возвращаясь к себе на запад, заночевал в Бри⁷⁸¹[\[33\]](#). В то время в брийской корчме находился Гэндальф. Он остановился в Бри по пути в Заселье, где не был уже около двадцати лет. Волшебник устал от трудов и надеялся отдохнуть.

Среди многих других вещей, тревоживших его в то время, была и опасность, которой подвергался Север. Гэндальф уже знал, что Саурон замышляет новую войну и намерен, войдя в силу, сразу же напасть на Ривенделл. Остановить натиск с Востока, не дать Саурону вернуть земли Ангмара и северные перевалы могли только гномы с Железных

Гор, и никто более. За их владениями, однако, лежали земли, опустошенные драконом. А если Саурон использует дракона, это может грозить ужасными последствиями. Но как покончить со Смаугом?

Об этом-то и размышлял Гэндальф, когда перед ним внезапно вырос Торин со словами:

«Достойный Гэндальф, я знаю тебя только в лицо, но я рад был бы поговорить с тобой. В последнее время мои мысли так часто обращались к тебе, словно кто-то желал нашей встречи, желал, чтобы я отправился на твои поиски. Так бы я и поступил – если бы только знал, где искать!»

Гэндальф посмотрел на него в изумлении.

«Странно, странно, Торин Дубоцит! – воскликнул он. – Я тоже думал о тебе, и, хотя теперь мой путь лежит в Заселье, я не оставлял мысли посетить и твой дворец!»

«Можешь, конечно, называть мое жилище дворцом, если тебе угодно, – ответил Торин, – но – увы! – это всего лишь бедное пристанище изгнанника. Так вот, говорят, что ты мудр и тебе ведомо больше, чем любому из живущих; кроме того, мне есть что сказать тебе и я нуждаюсь в твоём совете».

«Непременно загляну, – отозвался Гэндальф. – Мне сдается, у нас есть по меньшей мере одна общая забота. Дело в том, что я день и ночь думаю о драконе из Эребора и сильно сомневаюсь, чтобы внук Трора напрочь позабыл о нём».

Легенды рассказывают, что встреча эта решила многое: Гэндальф, желая помочь Торину, составил некий хитроумный план, а Торин назначил своим товарищам встречу в Заселье и выступил с ними оттуда в поход к Одинокой Горе, причем все это потом имело самые непредвиденные последствия. Здесь, однако, речь пойдет только о том, что непосредственно касается племени Дьюрина.

Бард из Эсгарота убил дракона, но в Дейле разыгралось жестокое сражение. Услышав о возвращении гномов, орки тут же двинулись к Эребору; их вел Болг, сын Азога, того самого вождя орков, которого Даин убил, будучи еще подростком. В этой первой битве за Дейл Торин Дубоцит был смертельно ранен; когда глаза его закрылись, гномы похоронили его под Горой с Аркенстоном на груди. Бок о бок с ним пали Фили и Кили, его племянники. Даин Железная Пята,

двоюродный брат Торины, подоспевший на помощь из Железных Гор, старший законный претендент на трон после Торины, стал королем Даином II, и Королевство-Под-Горой возродилось, как того и желал Гэндальф. Даин показал себя великим и мудрым властителем, в его дни гномы снова обрели бывшее могущество и стали жить в достатке и изобилии.

В этом же году (2941), ближе к концу лета, мнение Гэндальфа наконец возобладало над мнением Сарумана и получило перевес в Белом Совете. Решено было атаковать Дол Гулдур. Саурон отступил и укрылся в Мордоре, где, как он полагал, ему ничто не грозило. Поэтому, когда началась Война, главный удар обрушился на юг, но свободной рукой – а руки у Саурона выросли длинные – он мог бы причинить Северу немало бед, не стой у него на пути короли Даин и Бранд. Все вышло так, как говорил Гэндальф Фродо и Гимли, когда, уже после победы, они на короткий срок собрались все вместе в Минас Тирите. Вестей о том, что творилось в дальних странах, ждать пришлось недолго.

«Я горевал по Торины, – сказал тогда Гэндальф, – а теперь идет молва, что пал и Даин, – в Дейле снова разыгралась битва, как раз в тот день, когда мы сражались у этих стен. Я мог бы сказать, что это тяжелая утрата, если бы не уместней было назвать это чудом. Кто бы мог подумать, что в столь преклонные лета Даин еще способен держать топор и его рука все так же могуча, – а говорят, он явил свою силу в полной мере, когда сражался, стоя над телом короля Бранда у Врат Эребора, покуда небо над ним не потемнело! Но дела могли обернуться иначе – и много хуже. Когда будете вспоминать о великой битве на полях Пеленнора, не забывайте о боях в Дейле и доблести народа Дьюрина. Подумайте, что могло бы произойти, если бы не они! Подумайте о драконовом пламени и свирепых мечах, опустошающих Эриадор, представьте себе ночь, которая опустилась бы на Ривенделл... Гондор мог бы остаться без Королевы... Мы же, возвратясь с победой, не нашли бы у себя дома ничего, кроме пепла и развалин. Но этого удалось избежать – и все благодаря тому, что когда-то в один прекрасный вечер, в самом начале весны, я повстречал в Бри Торины Дубощита. Как говорят в Средьземелье, счастливый случай⁷⁸²!»

Дис приходилась Траину II дочерью. Из женщин-гномов в этой летописи упоминается только она одна. Гимли рассказывал, что у гномов вообще мало женщин, – они составляют едва ли треть от всего племени. Родные места они покидают редко и только в случае крайней нужды. Путешествуя, они одеваются как мужчины; к тому же гномы-женщины так похожи на гномов-мужчин голосом и обличьем, что глаза и уши посторонних их друг от друга не различают. Это дало повод к хождению среди людей нелепых рассказов о том, что у гномов якобы совсем нет женщин и гномы-де «растут из камня»⁷⁸³.

Именно из-за малочисленности женщин племя гномов пополняется очень медленно и каждый раз, когда судьба отнимает у гномов безопасный дом и очаг, оказывается перед угрозой вымирания. Большую роль здесь играет то, что гном-мужчина никогда не берет себе более одной жены, а гном-женщина – более одного мужа, причем и те и другие очень ревнивы – как, впрочем, во всем, что касается их законных прав. Но беда еще и в том, что семьей обзаводится далеко не каждый гном, а в лучшем случае один из трех. Да и женщины-гномы не всегда выходят замуж: одна вовсе не хочет замужества, другая желает соединить судьбу только с тем, кого избрала, а если это невозможно, отказывается от брака вообще, – и так далее. Что до гномов-мужчин, то большинство из них и не помышляют о браке, предпочитая с головой уйти в ремесло.

Из гномов поздних поколений особо прославился Гимли, сын Глоина, ибо он был одним из Девяти Пеших, сопровождавших Кольцо, не расставался с Королем Элессаром до самого конца войны и получил прозвание Друга Эльфов из-за великой дружбы, которая была промеж ним и Леголасом, сыном короля Трандуила, а также из-за его почитания Госпожи Галадриэли.

С падением Саурана Гимли привел на юг гномов из Эребора и стал Князем Блистающих Пещер. Он и его народ совершили в Гондоре и Рохане множество славных деяний. Для Минас Тирита гномы выковали ворота из стали и *мифрила* взамен старых, разбитых Королем-Чернокнижником. Привел на юг своих родичей из Зеленой Пущи и Леголас, и они поселились в Итилиэне, и тот край вновь стал прекраснейшей из всех западных земель.

Но когда Король Элессар ушел из жизни, Леголас последовал наконец желанию своего сердца и отплыл за Море.

Далее следует одна из последних записей в Алой Книге:

Слышали мы, что Леголас взял Гимли, сына Глоина, с собой, ибо велика была их дружба, и никогда еще доселе не связывали эльфа и гнома столь крепкие братские узы. Если это истина, то не странно ли, что ради любви, живущей в его сердце, гном согласился покинуть Средьземелье, и что Элдары согласились принять его, и что Владыки Запада позволили это? Но говорят, что Гимли отправился за Море еще и потому, что искал вновь узреть красоту Галадриэли, и, может статься, именно она, великая Владычица из племени Элдаров, просила за него, дабы он удостоился этой чести. Более добавить к сказанному нечего.⁷⁸⁴

Основание Королевства в Эреборе – 1999 г.

Даин I погибает в сражении с драконом – 2589 г.

Возвращение в Эребор – 2590 г.

Разорение Эребора – 2770 г.

Гибель Трора – 2790 г.

Гибель гномьей армии – 2790–2793 г.

Война гномов с орками – 2793–2799 г.

Битва в Нандуирионе – 2799 г.

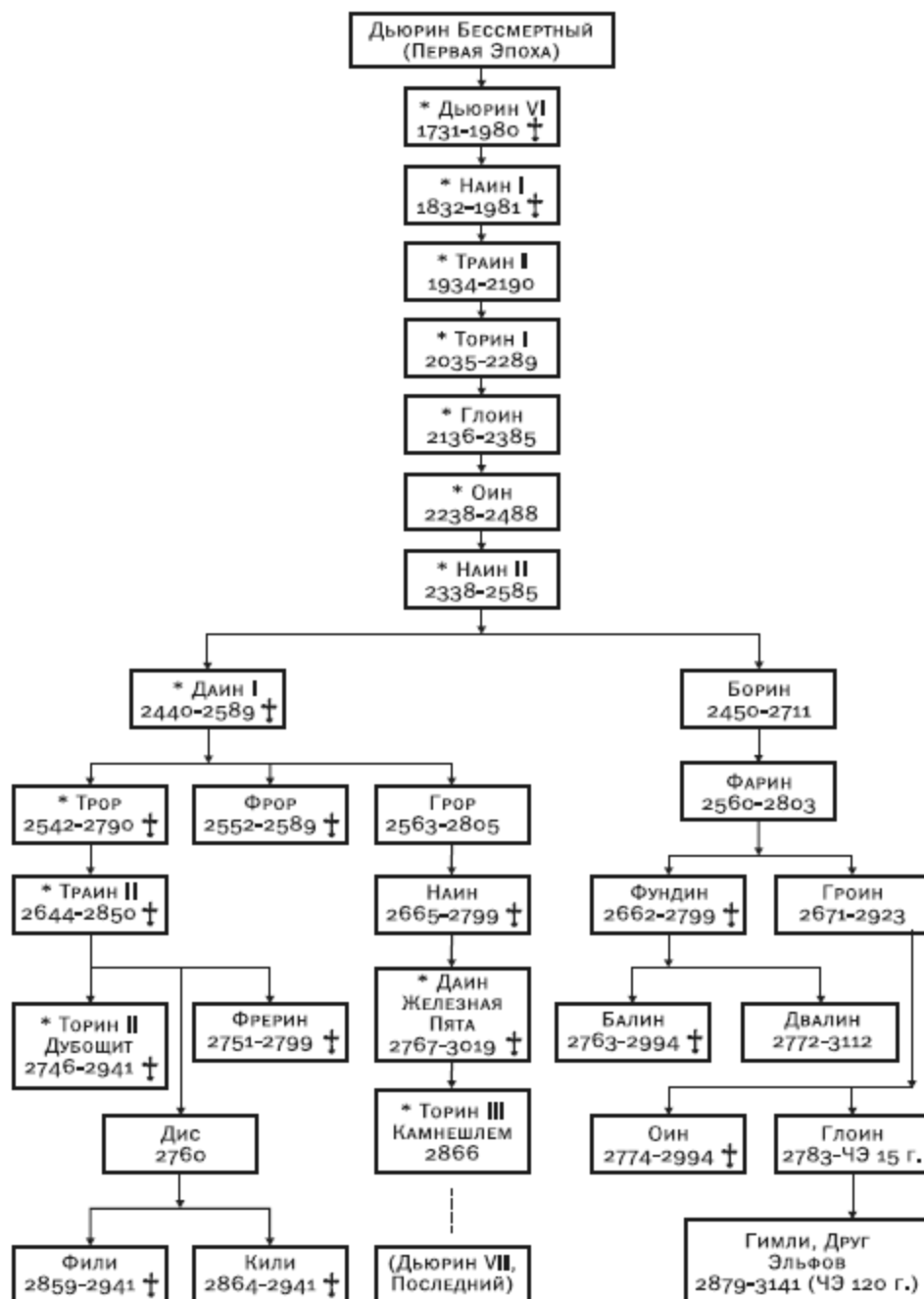
Начало странствий Траина – 2841–2850 г.

Смерть Траина, утрата Кольца – 2850 г.

Битва Пяти Армий и гибель Торины II – 2941 г.

Балин уходит в Морию – 2989 г.

**РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО ГНОМОВ ЭРЕБОРА,
СОСТАВЛЕННОЕ ГИМЛИ, СЫНОМ ГЛОИНА, ПО ПРОСЬБЕ КОРОЛЯ ЭЛЕССАРА**



* Этим знаком помечены те, кого народ Дьюрина считал своими королями, будь то в изгнании или дома. Из гномов, сопровождавших Торина Дубошита в путешествии к Эребору, Ори, Нори и Дори тоже принадлежали к народу Дьюрина, а более далёкая родня – Бифур, Бофур и Бомбур – происходили из морийских гномов, но род свой вели не от Дьюрина. Знак † означает преждевременную смерть.

Приложение Б

СКАЗАНИЯ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ, или ХРОНОГРАФ ЗАПАДНЫХ ЗЕМЕЛЬ

*Первая Эпоха*⁷⁸⁵ завершилась Великой Битвой, в которой войска Валинора разрушили Тангородрим и свергли Моргота. Затем большинство Нолдоров возвратились в Закатный Край и поселились в Эресее, в виду Валинора. Многие Синдары также уплыли за Море.

Вторая Эпоха завершилась первым поражением Саурана, слуги Моргота, и захватом Единого Кольца.

Третья Эпоха завершилась Войной за Кольцо, но

Четвертая Эпоха началась лишь после того, как Великий Элронд уплыл за Море; только тогда в Средьземелье настало время владычества людей и упадка всех других «говорящих народов» Средьземелья.

В Четвертую Эпоху все предыдущие эпохи обычно именовали *Старшими Днями*, но, по сути, это название относится лишь к периоду, который предшествовал изгнанию Моргота. События тех времен здесь не излагаются.

ВТОРАЯ ЭПОХА

Для людей Средьземелья это были мрачные годы, хотя Нуменор в то время находился в зените своей славы. Записи о событиях этого периода, сохранившиеся в Средьземелье, отрывочны и весьма немногочисленны. Точная их датировка вызывает серьезные трудности.

В начале этой эпохи в Средьземелье оставалось еще довольно много Высших эльфов. Они жили преимущественно в Линдоне, к западу от Эред Луина, но еще перед тем, как был выстроен Барад-дур, многие Синдары ушли на восток, а часть из них основала в дальних лесах королевства, населенные преимущественно Лесными эльфами.

Так сделал, например, Трандуил, король Великой Зеленой Пущи. В Линдоне, к северу от Льюна, правил Гил-галад, последний потомок нолдорских королей в изгнании. Он считался великим Королем эльфов Запада. В Линдоне, к югу от Льюна, некоторое время правил Кэлеборн из рода Тингола; его женой была Галадриэль, величайшая из эльфийских владычиц. Она была сестрой Финрода Фелагунда⁷⁸⁶, Друга Людей, который правил некогда в Нарготронде и отдал свою жизнь, спасая Берена, сына Барахира.

Впоследствии некоторые из Нолдоров ушли в Эрегион, что лежал к западу от Туманных Гор, недалеко от Западных Ворот Мории. Их увлекло туда известие об открытии в Мории залежей *мифрила*. Нолдоры были искусными мастерами и к гномам относились не так неприязненно, как Синдары; постепенно между эльфами Эрегиона и гномами Дьюрина завязалась дружба, в истории этих двух рас более не повторявшаяся. Эрегионом правил Кэлебримбор, искуснейший из мастеров; он происходил из рода Феанора.

| <i>Годы</i> | <i>События</i> |
|-------------|---|
| 1 | Основание Серой Гавани и Линдона. |
| 32 | Эдаины высаживаются в Нуменоре. |
| ПРИБЛ. 40 | Многие гномы, оставив свои прежние поселения в Эред Луине, перебираются в Морию; численность гномов увеличивается. |
| 442 | Смерть Элроса Тар-Миньятура. |
| ПРИБЛ. 500 | В Средьземелье вновь появляется Саурон. |
| 548 | Рождение Силмариэн Нуменорской. |
| 600 | У средьземельских берегов появляются первые корабли нуменорцев. |
| 750 | Эльфы-Нолдоры приходят в Эрегион. |
| ПРИБЛ. 1000 | Саурон, обеспокоенный усилением нуменорцев, решает сделать Мордор своей крепостью и начинает строить Барад-дур. |
| 1075 | Тар-Анкалимэ становится первой единодержавной Королевой Нуменора. |
| 1200 | Саурон пытается склонить Элдаров на свою сторону. Гил-галад отказывается заключать с ним какие бы то ни было соглашения, но эрегионские кузнецы поддаются Саурону. Нуменорцы начинают строить в Средьземелье постоянные гавани. |

| <i>Годы</i> | <i>События</i> |
|-------------|--|
| ПРИБЛ. 1500 | Эльфийские кузнецы, наставляемые Сауроном, достигают вершин своего мастерства. Они начинают ковать Кольца Власти. |
| 1590 | Эльфы Эрегиона завершают изготовление первых Трех Колец. |
| 1600 | Саурон выковывает в горе Ородруин Единое Кольцо и завершает строительство Барад-дура. Кэлебримбор проникает в замыслы Саурана. |
| 1693 | Начинается Война эльфов с Сауроном. Три Кольца исчезают в неизвестность, сокрытые эльфами. |
| 1695 | Войска Саурана вторгаются в Эриадор. Гил-галад посылает Элронда в Эрегион. |
| 1697 | Эрегион опустошен. Гибель Кэлебримбора. Ворота Мории закрываются. Элронд отступает из Эрегиона с остатками Нолдоров и находит убежище в Имладрисе. |
| 1699 | Саурон опустошает Эриадор. |
| 1700 | Тар-Минастир посылает в Линдон огромный флот нуменорцев. Саурон терпит поражение. |
| 1701 | Саурана изгоняют из Эриадора. В Западных Землях на долгие годы воцаряется мир. |
| ПРИБЛ. 1800 | Примерно в это время нуменорцы начинают строить поселения на побережье. Саурон направляет свои усилия на Восток. На Нуменор ложится тень. |
| 2251 | Королем становится Тар-Атанамир. Начинаются мятежи и раскол нуменорцев. Примерно в это время впервые появляются рабы Девяти Колец — Назгулы, или Кольцепризраки. |
| 2280 | Умбар превращен в неприступную твердыню нуменорцев. |
| 2350 | Выстроен Пеларгир. Он становится главным убежищем Верных из числа нуменорцев. |
| 2899 | Королем становится Ар-Адунахор. |
| 3175 | Раскаяние Тар-Палантира. Междоусобица в Нуменоре. |
| 3255 | Власть захватывает Ар-Фаразон Золотой. |
| 3261 | Ар-Фаразон снаряжает флот и высаживается в Умбаре. |

| <i>Годы</i> | <i>События</i> |
|-------------|--|
| 3262 | Саурон попадает в Нуменор в качестве пленника; к 3310 году он совращает Короля и подкупает нуменорцев. |
| 3310 | Ар-Фаразон начинает строительство Великой Армады. |
| 3319 | Ар-Фаразон грозит Валинору штурмом. Падение Нуменора. Элендилу с сыновьями удается спастись. |
| 3320 | Основаны два Королевства в Изгнании — Арнор и Гондор. Палантиры разделены между ними. Саурон возвращается в Мордор. |
| 3429 | Саурон нападает на Гондор, захватывает Минас Итиль и сжигает Белое Дерево. Исилдур, спасаясь бегством, спускается по Андуйну и пробирается на Север, к Элендилу. Анарион держит оборону Минас Анора и Оsgiлиата. |
| 3430 | Заклучен Последний Союз эльфов и людей. |
| 3431 | Гил-галад и Элендил уходят на восток, в Имладрис. |
| 3434 | Войска Союза переходят через Туманные Горы. Битва при Дагорладе и поражение Саурана. Начинается осада Барад-дура. |
| 3440 | Гибель Анариона. |
| 3441 | Элендил и Гил-галад побеждают Саурана, но при этом погибают. Исилдур берет Единое Кольцо себе. Саурон покидает мир. Кольцепризраки становятся теньями. Конец Второй Эпохи. |

ТРЕТЬЯ ЭПОХА

Третья Эпоха стала временем упадка Элдаров. Пока Единое Кольцо считалось утраченным, а Саурон таился среди теней, эльфы, владея Тремя Кольцами, наслаждались миром, но не предпринимали каких бы то ни было попыток изменить его и жили воспоминаниями о прошлом. Гномы укрылись в глубоких подземельях, охраняя свои сокровища; однако по мере того как наступало зло и появлялись новые драконы, богатства гномов были постепенно разграблены, а сами они превратились в кочевой народ. Долгие годы Мория была в безопасности, но население ее уменьшалось, и многие подземные дворцы стали темны и пусты. В то же время мудрость и

продолжительность жизни нуменорцев постепенно убывали, поскольку они все чаще заключали браки с Меньшими Людьюми.

Прошла почти тысяча лет. На Великую Зеленую Пущу пала первая тень, а в Средьземелье появились волшебники, или *Истари*⁷⁸⁷. Впоследствии говорили, что они пришли из Закатного Края и были посланы противостоять силе Саурона; они должны были объединить всех, у кого достанет воли противиться ему; однако волшебникам запрещено было противопоставлять силе Саурона свою, а также искать господства над эльфами и людьми с помощью страха и силы.

Поэтому волшебники явились в образе людей; молодыми они никогда не были, но и старились медленно; они обладали великой мудростью и могуществом. Мало кому открывали они свои настоящие имена, довольствуясь прозвищами, которые получали от других. Среди волшебников двое (говорят, всего их было пятеро) особенно известных получили от Элдаров прозвища Курунир, что значит «искусный человек», и Митрандир, что значит «серый странник»; на Севере люди звали их Саруман и Гэндалф. Курунир часто путешествовал на Восток, но в конце концов осел в Исенгарде. Митрандир же завел крепкую дружбу с Элдарами и большей частью странствовал по западным землям, нигде не задерживаясь подолгу.

В Третью Эпоху о том, где хранятся Три Эльфийских Кольца, не знал никто, кроме самих Хранителей. Но к концу эпохи стало известно, что поначалу ими владели трое величайших: Гил-галад, Галадриэль и Кирдан. Гил-галад передал свое Кольцо Элронду, а Кирдан отказался от своего в пользу Митрандира, ибо Кирдан видел дальше и понимал больше, чем кто-либо в Средьземелье; именно он встретил Митрандира в Серой Гавани. Он знал, откуда прибыл Митрандир и куда ему предстоит вернуться.

– Возьми это кольцо, Учитель! – сказал ему Кирдан. – Тяжек будет твой труд, но оно поможет тебе нести ношу, которую ты взял на себя. Это Кольцо Огня⁷⁸⁸: оно поможет тебе зажечь сердца в этом остывающем мире. Мое же сердце с Морем, и, пока не поднимет паруса последний корабль, я буду жить у этих серых берегов. Я дождусь тебя!

| <i>Годы</i> | <i>События</i> |
|-------------|--|
| 2 | Исилдур сажает в Минас Аноре Белое Дерево и оставляет Южное Королевство Менелдilu. Поражение на Поле Сабельников. Исилдур и три его старших сына гибнут. |
| 3 | Охтар приносит в Имладрис обломки Нарсила. |
| 10 | Валандил становится королем Арнора. |

| Годы | События |
|-------------|--|
| 109 | Элронд сочетается браком с Кэлебриан, дочерью Кэлеборна. |
| 130 | Рождение Элладана и Элрохира, сыновей Элронда. |
| 241 | Рождение Арвен Ундомизель. |
| 420 | Король Остохэр отстраивает Минас Анор. |
| 490 | Первое вторжение армий Востока. |
| 500 | Ромендакил I разбивает армии Востока. |
| 541 | Ромендакил гибнет в бою. |
| 830 | Фаластур открывает линию гондорских Королей-Корабелов. |
| 861 | Смерть Эарендура и раздел Арнора. |
| 933 | Король Эарнил I занимает Умбар, который становится твердыней Гондора. |
| 936 | Эарнил без вести пропадает в море. |
| 1015 | Король Кириандил погибает при осаде Умбара. |
| 1050 | Хьярмендакил покоряет харадцев. Гондор достигает вершины своего величия. Примерно в это же время на Зеленую Пущу ложится тень и Пуща получает среди людей название Черной. С приходом в Эриадор Шерстоногов в источниках впервые появляются упоминания о народе <i>Ферианнат</i> . |
| ПРИБЛ. 1100 | Мудрые (Истари и Владыки Элдаров) узнают, что в Дол Гулдуре обосновалась злая сила. Мудрые приходят к выводу, что замок захватил один из Назгулов. |
| 1149 | Начинается правление Атанатара Алкарина. |
| ПРИБЛ. 1150 | В Эриадор являются Белоскоры. Дубсы переходят через перевал у Краснорога и поселяются между Хойрой и Шумливой, а также в Дунланде. |
| ПРИБЛ. 1300 | В Средьземелье снова множатся злые твари. В Туманных Горах набирают силу орки и начинают нападать на гномов. Снова появляются Назгулы. Их Предводитель поселяется на Севере, в Ангмаре. Народец <i>Ферианнат</i> откочевывает на Запад; многие из <i>перианов</i> выбирают местом своего жительства Бри. |

| Годы | События |
|-------------|--|
| 1356 | Король Аргелеб I гибнет в битве с Рудауром. Примерно в это время Дубсы покидают Угол; некоторые из них возвращаются в Дикие Земли. |
| 1409 | Ангмарский Король-Чернокнижник вторгается в Арнор. Король Арвелег I погибает. Форност и Тирн Гортад держат оборону. Разрушена башня Амон Сул. |
| 1432 | Умирает король Гондора Валакар; начинается Междоусобица. |
| 1437 | Сожжение Оспиата и потеря <i>палантира</i> . Элдакар спасается бегством в Рованион; его сын Орнентил казнен. |
| 1447 | Элдакар возвращается и изгоняет узурпатора Кастамира. Битва на Переправе через Эруи. Осада Пеларгира. |
| 1448 | Мятежники спасаются бегством и захватывают Умбар. |
| 1540 | Король Алдамир гибнет в войне с харадцами и умбарскими пиратами. |
| 1551 | Хьярмендакил II разбивает войско харадцев. |
| 1601 | Значительная часть <i>перианов</i> покидает Бри, и они расселяются на землях за Барэндуином, которые пожаловал им Аргелеб II. |
| ПРИБЛ. 1630 | Дубсы, пришедшие из Дунланда, присоединяются к остальным <i>перианам</i> . |
| 1634 | Пираты разрушают Пеларгир и убивают Короля Минардила. |
| 1636 | Великая Чума опустошает Гондор. Смерть Короля Телемнара и его детей. Белое Дерево в Минас Аноре засыхает. Чума распространяется на север и запад и опустошает Эриадор. <i>Перианам</i> , живущим за Барэндуином, удается выжить, хотя чума не обходит их стороной. |
| 1640 | Король Тарондор переносит столицу в Минас Анор и сажает там саженец Белого Дерева. Оспиат постепенно превращается в развалины. Наблюдение за Мордором прекращается. |
| 1810 | Король Телумехтар Умбардакил отбивает Умбар и изгоняет пиратов. |

| <i>Годы</i> | <i>События</i> |
|-------------|--|
| 1851 | Начинаются нападения Возничих на Гондор. |
| 1856 | Гондор теряет свои восточные провинции, а Нармакил II гибнет в бою. |
| 1899 | Король Калимехтар разбивает Возничих на Дагорладе. |
| 1900 | Калимехтар строит Белую Башню в Минас Аноре. |
| 1940 | Гондор и Арнор восстанавливают связи и заключают союз. Арведуи женится на Фириэль, дочери Ондохэра Гондорского. |
| 1944 | Ондохэр гибнет в бою. Эарнил добивается победы в Южном Итилиэне. Затем он разбивает Возничих в битве при Лагере и загоняет их в Мертвые Болота. Арведуи предъявляет права на корону Гондора. |
| 1945 | Корону Гондора возлагает на себя Эарнил II. |
| 1974 | Конец Северного Королевства. Король-Чернокнижник пересекает Артедаин и захватывает Форност. |
| 1975 | Арведуи тонет в заливе Форохэл. Утеряны <i>палантири</i> из Аннуминаса и Амон Сула. Эарнур приводит флот в Линдон. Король-Чернокнижник проигрывает битву под Форностом и, преследуемый по пятам, отступает к Плато Огров. На Севере он больше не появляется. |
| 1976 | Аранарт принимает титул Вождя дунаданов. Символы власти Арнора переходят на хранение к Элронду. |
| 1977 | Фрумгар приводит на Север народ Эотеода. |
| 1979 | Бэква из Плавней становится первым Таном Заселья. |
| 1980 | Король-Чернокнижник проникает в Мордор и собирает там остальных Назгулов. В Мории появляется Балрог; гибнет Дьюрин VI. |
| 1981 | Гибнет Наин I. Гномы покидают Морию. Многие Лесные эльфы уходят из Лориэна на юг. Без вести пропадают Амрот и Нимродэль. |
| 1999 | Траин I приходит в Эребор и основывает там Подгорное Королевство гномов. |
| 2000 | Назгулы выходят из Мордора и осаждают Минас Итиль. |

| Годы | События |
|-------------|--|
| 2002 | Падение крепости Минас Итиль, которая впоследствии получает название Минас Моргул. <i>Палантир</i> захвачен. |
| 2043 | Королем Гондора становится Эарнур. Чернокнижник вызывает его на бой. |
| 2050 | Вызов повторяется. Эарнур идет в Минас Моргул и пропадает без вести. Мардил становится первым Правящим Наместником. |
| 2060 | Растет мощь Дол Гулдур. Мудрые опасаются, что Саурон вновь обрел тело. |
| 2063 | Гэндальф отправляется в Дол Гулдур. Саурон отступает и укрывается на востоке. Устанавливается Беспокойный Мир. Назгулы, укрепившиеся в Минас Моргуле, не подают о себе никаких вестей. |
| 2210 | Торин I покидает Эребор и уходит на север, к Серым Горам, где собираются остатки подданных Дьюрина. |
| 2340 | Изюмбрас I первым из Тукков становится Таном Заселья, тринадцатым по счету. Старобэки занимают Бэкланд. |
| 2460 | Беспокойному Миру наступает конец. Саурон, набравший сил, возвращается в Дол Гулдур. |
| 2463 | Учрежден Белый Совет. Примерно в это же время Деагол находит Единое Кольцо и смерть от руки Смеагола. |
| 2470 | Смеагол-Голлум скрывается в Туманных Горах. |
| 2475 | Новое нападение на Гондор. Осгилиат окончательно разрушен; каменный мост через Андуин уничтожен. |
| ПРИБЛ. 2480 | Орки начинают строить тайные укрепления на перевалах Туманных Гор, чтобы перекрыть дороги в Эриадор. Саурон заселяет Морию своими слугами. |
| 2509 | Кэлебриан, направлявшаяся в Лориэн, попадает в засаду на перевале у Краснорога, и ее ранят отравленным оружием. |
| 2510 | Кэлебриан уходит за Море. Орки и дикари с Востока вторгаются в Каленардон. Эорл Юный одерживает победу на Поле Кэлебрант. Рохирримы расселяются в Каленардоне. |

| <i>Годы</i> | <i>События</i> |
|-------------|---|
| 2545 | Эорл гибнет в битве на Диких Землях. |
| 2569 | Брего, сын Эорла, завершает строительство Золотых Палат. |
| 2570 | Бальдор, сын Брего, переступает порог Запретной Двери и пропадает без вести. Примерно в это же время на дальнем Севере снова появляются драконы и нападают на гномов. |
| 2589 | Даин I убит драконом. |
| 2590 | Трор возвращается в Эребор. Его брат Грор уходит в Железные Горы. |
| ПРИБЛ. 2670 | В Южном Пределе Заселья некто Тобольд начинает выращивать «курительное зелье». |
| 2683 | Исенгрим II становится двадцать вторым Таном Заселья и начинает рыть Большие Смайлы. |
| 2698 | Эктелион I заново отстраивает Белую Башню в Минас Тирите. |
| 2740 | Орки снова вторгаются в Эриадор. |
| 2747 | Бандобрас Тукк изгоняет банду орков из Северного Предела. |
| 2758 | Рохан атакован с запада и востока и опустошен. К Гондору подступает пиратский флот. Хельм Роханский укрывается в Хельмской Теснине. Эдорас захватывают волки. |
| 2758–2759 | Наступает Долгая Зима. Великая скорбь и опустошения в Эриадоре и Рохане. Гэндальф приходит на помощь жителям Заселья. |
| 2759 | Смерть Хельма. Фреалаф изгоняет волков; начинается вторая линия королей Рохана. Саруман поселяется в Исенгарде. |
| 2770 | Дракон Смауг обрушивается на Эребор. Дейл превращен в развалины. Трору вместе с Траином II и Торином II удается спастись. |
| 2790 | Трор погибает в Мории от руки орка. Гномы собирают силы, чтобы отомстить за него. Рождение Геронтиуса, известного впоследствии как Старый Тукк. |
| 2793 | Начинается Война гномов с орками. |

| <i>Годы</i> | <i>События</i> |
|-------------|--|
| 2799 | Битва в Нандуирионе, у Восточных Ворот Мории, Даин Железная Пята возвращается в Железные Горы. Траин II и его сын Торин уходят на Запад. Они селятся к югу от Эред Луина, недалеко от Заселья (2802). |
| 2800–2864 | С Севера на Рохан нападают орки. Гибнет король Валда (2861). |
| 2841 | Траин II пытается вернуться в Эребор, но его преследуют слуги Саурана. |
| 2845 | Траин попадает в темницу Дол Гулдур; у него отнимают последнее из Семи Колец. |
| 2850 | Гэндальф снова проникает в Дол Гулдур и узнает, что здесь и в самом деле властвует Саурон, который замыслил собрать воедино все Кольца и теперь ищет сведений о Едином Кольце, а также о наследнике Исилдура. Гэндальф обнаруживает Траина и забирает у него ключ от Эребора. Траин умирает в узилищах Дол Гулдур. |
| 2851 | Собирается Белый Совет. Гэндальф предлагает напасть на Дол Гулдур. Саруман отговаривает его*. Саруман начинает поиски на Поле Сабельников. |
| 2852 | Умирает Белектор II Гондорский. Белое Дерево засыхает, а новых саженцев отыскать не удастся. Мертвое Дерево оставляют во Дворе Короля. |
| 2885 | Харадримы, наущаемые слугами Саурана, пересекают Порос и нападают на Гондор. Сыновья Фолквина Роханского гибнут, воюя за Гондор. |
| 2890 | В Заселье рождается Бильбо. |
| 2901 | Из-за нападений мордорских Уруков Итилиэн покидают почти все его обитатели. Выстроено тайное убежище Эннет Аннун. |
| 2907 | Рождение Гилразн, матери Арагорна II. |
| 2911 | Свирепая Зима. Барэндуин и другие реки замерзают. С севера в Эриадор вторгаются Белые Волки. |

* Впоследствии выяснится, что Саруман уже тогда возжелал завладеть Единым Кольцом и рассчитывал на то, что, если Саурана пока не трогать, Кольцо, ища своего хозяина, само даст о себе знать.

| <i>Годы</i> | <i>События</i> |
|-------------|--|
| 2912 | Большое наводнение, опустошившее Энедвэйт и Мингириат. Тарбад разорен и разрушен. |
| 2920 | Смерть Старого Тукка. |
| 2929 | Араторн, сын Арадора, вождь дунаданов, женится на Гилраэн. |
| 2930 | Арадор гибнет от руки тролля. В Минас Тирите рождается Дэнетор II, сын Эктелиона II. |
| 2931 | 1 марта рождается Арагорн, сын Араторна II. |
| 2933 | Араторн II гибнет. Гилраэн уходит с Арагорном в Имладрис. Арагорн становится приемным сыном Элронда и получает имя Эстел (Надежда); происхождение Арагорна тщательно скрывается. |
| 2939 | Саруман обнаруживает, что слуги Саурана ведут поиски на Андуине у Сабельников; это значит, что Саурон узнал о том, где и как погиб Исилдур. Саруман встревожен, но Совету ничего не сообщает. |
| 2941 | Торин Дубоцит и Гэндальф встречаются в доме Бильбо. Бильбо встречает Смеагола-Голлума и находит Кольцо. Собирается Белый Совет. Саруман соглашается напасть на Дол Гулдур, так как хочет помешать поискам Сауроном Кольца на Андуине. Саурон, следуя своему плану, оставляет Дол Гулдур. Битва Пяти Армий при Дейле. Смерть Торина II. Бард из Эсгарота убивает Смауга. Даин из Железных Гор становится Королем-Под-Горой (Даин II). |
| 2942 | Бильбо с Кольцом возвращается в Заселье. Саурон тайно возвращается в Мордор. |
| 2944 | Бард заново отстраивает Дейл и становится королем. Голлум покидает Туманные Горы и отправляется на поиски «вора», укравшего Кольцо. |
| 2948 | Рождается Теоден, сын Тенгела, короля Рохана. |
| 2949 | Гэндальф и Балин навещают Бильбо. |
| 2950 | Рождение Финдуилас, дочери Адрахила из Дол Амрота. |

| <i>Годы</i> | <i>События</i> |
|-------------|--|
| 2951 | Саурон больше не скрывается и открыто собирает в Мордоре собственную армию. Начинается перестройка Барад-дура. Голлум направляется в Мордор. Саурон посылает трех Назгулов отбить Дол Гулдур. Элронд открывает Эстелу его настоящее имя и происхождение и вручает ему обломки Нарсила. Арвен, вернувшаяся из Лориэна, встречает Арагорна в рощах Имладриса. Арагорн уходит в Дикие Земли. |
| 2953 | Белый Совет собирается в последний раз. Речь идет о Кольцах. Саруман лжет Совету: он говорит, будто ему известно, что воды Андуина унесли Единое Кольцо в Море. Саруман удаляется в Исенгард, который считает своим владением, и начинает укреплять его. Завидуя Гэндальфу и опасаясь его, он посылает своих шпионов следить за каждым его шагом; так он узнает, что у Гэндальфа в Заселье есть какие-то свои, особые интересы. Вскоре Саруман заводит агентуру в Бри и в Южном Пределе. |
| 2954 | Гора Судьбы снова извергает пламя. Последние жители Итилиэна уходят за Андуин. |
| 2956 | Арагорн встречается с Гэндальфом, и они становятся друзьями. |
| 2957–2980 | Великие походы и странствия Арагорна. Под именем Торонгила Арагорн служит в войсках Тенгела Роханского и Эктелиона II, Наместника Гондора. |
| 2968 | Рождение Фродо. |
| 2976 | Дэнетор берет в супруги Финдуилас из Дол Амрота. |
| 2977 | Баин, сын Барда, становится королем Дейла. |
| 2978 | Рождение Боромира, сына Дэнетора II. |
| 2980 | Арагорн приходит в Лориэн и там снова встречается с Арвен Ундомиэль. Он отдает ей кольцо Барахира; они обручаются на холме Керин Амрот. Примерно в это же время Голлум достигает границ Мордора и знакомится с Шелоб. Теоден становится королем Рохана. |
| 2983 | Рождение Фарамира, сына Дэнетора. Рождение Сэмуайза. |

| Годы | События |
|-------------|---|
| 2984 | Смерть Эктелиона II. Дэнетор II становится Наместником Гондора. |
| 2988 | Финдуилас умирает молодой. |
| 2989 | Балин покидает Эребор и перебирается в Морию. |
| 2991 | В Рохане рождается Эомер, сын Эомунда. |
| 2994 | Балин погибает, а поселение гномов в Мории уничтожается. |
| 2995 | Рождение Эовейн, сестры Эомера. |
| ПРИБЛ. 3000 | Тень Мордора распространяется все дальше. Саруман решается воспользоваться <i>палантиром</i> Орфанка и попадает в сети Саурана, который владеет Камнем Итиля. Саруман предает Белый Совет. Шпионы доносят Саруману, что Заселье зорко охраняется Следопытами. |
| 3001 | Прощальный пир Бильбо. Гэндальф начинает догадываться, что кольцо хоббита <i>может</i> оказаться Единым Кольцом. Охрана Заселья удваивается. Гэндальф ищет следы Голлума и призывает на помощь Арагорна. |
| 3002 | Бильбо гостит у Элронда и остается в Ривенделле. |
| 3004 | Гэндальф навещает Фродо и в течение последующих четырех лет повторяет свои посещения. |
| 3007 | Бранд, сын Баина, становится королем Дейла. Смерть Гилраэн. |
| 3008 | Осенью Гэндальф в последний раз навещает Фродо. |
| 3009 | Следующие восемь лет Гэндальф и Арагорн не прекращают охоты за Голлумом; они ведут поиски на Андуине, в Черной Пуще и Рованионе вплоть до границ Мордора. В это время Голлум, проникнув в Мордор, попадает в плен к Саурону. Элронд посылает за Арвен, и та возвращается в Имладрис. В горах и в долинах на востоке становится опасно путешествовать. |
| 3017 | Голлума отпускают из Мордора. В Мертвых Болотах его ловит Арагорн и доставляет к Трандуилу, в Черную Пущу. Гэндальф посещает Минас Тирит и читает свиток Исилдура. |

ВЕЛИКИЕ ГОДЫ

| <i>Даты</i> | <i>События</i> |
|-----------------|--|
| 3018 | |
| Апрель | |
| 12 | Гэндальф приходит в Хоббитон. |
| Июнь | |
| 20 | Саурон нападает на Оспиат. Примерно в это же время происходит нападение на Трандуила и Голлум совершает побег. |
| 29 | Гэндальф встречает Радагаста. |
| Июль | |
| 4 | Боромир выходит из Минас Тирита. |
| 10 | Гэндальф оказывается пленником Орфанка. |
| Август | |
| | Все следы Голлума потеряны. Полагают, что, пока за ним охотились эльфы и слуги Саурона, он скрывался в Мории и нашел Путь к Западным Воротам, но не смог выбраться оттуда. |
| Сентябрь | |
| 18 | Рано утром Гэндальфу удается бежать из Орфанка. Черные Всадники переходят Брод через Исену. |
| 19 | Гэндальф является в Эдорас и просит помощи, но его не допускают в город. |
| 20 | Гэндальфу разрешено войти в Эдорас. Теоден велит ему убираться восвояси. «Бери любого коня, но чтобы к завтрашнему вечеру тебя здесь не было!» — говорит он. |
| 21 | Гэндальф встречает Скадуфакса, но тот не дает ему приблизиться к себе. Гэндальф преследует Скадуфакса. |
| 22 | К вечеру Черные Всадники добираются до брода Сарн Форд; им удается отогнать отряд Следопытов. Гэндальф укрощает Скадуфакса. |
| 23 | На утренней заре четверо Всадников вступают в Заселье. Остальные устремляются к востоку, преследуя Следопытов. Затем Черные Всадники возвращаются на Зеленый Тракт. На вечерней заре один из Всадников вступает в Хоббитон. Фродо уходит из Котомки. Гэндальф, укротив Скадуфакса, покидает пределы Роухана. |

| <i>Даты</i> | <i>События</i> |
|----------------|---|
| 24 | Гэндальф переходит Исену. |
| 26 | Старый Лес. Фродо попадает к Бомбадилу. |
| 27 | Гэндальф переходит реку Хойру. Вторая ночь у Бомбадила. |
| 28 | Хоббиты попадают к Навьям. Гэндальф достигает Сарн Форда. |
| 29 | К ночи Фродо добирается до Бри. Гэндальф навещает Старикана Гэмги. |
| 30 | Рано утром происходит нападение на Криккову Лощинку и постоянный двор в Бри. Фродо покидает Бри. Гэндальф добирается до Крикковой Лощинки, а к ночи и до Бри. |
| Октябрь | |
| 1 | Гэндальф покидает Бри. |
| 3 | Ночью на Гэндальфа нападают на Пасмурнике. |
| 6 | Ночью происходит нападение на лагерь под Пасмурником. Фродо ранен. |
| 9 | Глорфиндэл покидает Ривенделл. |
| 11 | Глорфиндэл прогоняет Черных Всадников от моста через Митейтель. |
| 13 | Фродо минует мост через Митейтель. |
| 18 | С наступлением сумерек Глорфиндэл встречает Фродо. Гэндальф добирается до Ривенделла. |
| 20 | Бегство к Бруиненскому Броду. |
| 24 | Фродо приходит в себя. Ночью в Ривенделл прибывает Боромир. |
| 25 | Совет у Элронда. |
| Декабрь | |
| 25 | С наступлением сумерек Отряд выходит из Ривенделла. |
| 3019 | |
| Январь | |
| 8 | Отряд достигает Остролинии. |
| 11, 12 | Снежная буря на Карадрасе. |
| 13 | Рано утром на Отряд нападают волки. К темноте Отряд добирается до Западных Ворот Мории. Голлум нападает на след Фродо. |

| <i>Даты</i> | <i>События</i> |
|----------------|--|
| 14 | Ночь в Двадцать Первом Зале. |
| 15 | Мост Казад-дума и падение Гэндальфа в бездну. Поздно ночью Отряд добирается до Нимродэли. |
| 17 | Вечером Отряд приходит в Карас Галадон. |
| 23 | Гэндальф преследует Балрога до вершины Зирак-Зигила. |
| 25 | Гэндальф сбрасывает Балрога с горы и покидает этот мир. Тело Гэндальфа остается лежать на вершине. |
| Февраль | |
| 14 | Зеркало Галадриэли. Гэндальф возвращается к жизни и лежит без сознания. |
| 16 | Прощание с Лориэном. Голлум прячется на западном берегу и наблюдает за Отрядом. |
| 17 | Гвайир доставляет Гэндальфа в Лориэн. |
| 23 | Ночью близ Сарн Гебира происходит нападение на лодки. |
| 25 | Отряд проходит Аргонат и становится лагерем у Парт Галена. Первая битва у Брода через Исену; гибнет Теодред, сын Теодена. |
| 26 | Содружество Кольца распадается. Гибель Боромира; его рог слышен в Минас Тирите. Мериадок и Перегрин попадают в плен. Фродо и Сэмуайз достигают восточного края скал Эмин Муйла. Вечером Арагорн начинает погоню за орками. Эомер узнает об отряде орков, спустившихся со склонов Эмин Муйла. |
| 27 | На рассвете Арагорн добирается до западной стены Эмин Муйла. Около полуночи Эомер, вопреки приказу Теодена, выступает из Восточного Фолда в погоню за орками. |
| 28 | Эомер настигает орков на опушке Фангорнского леса. |
| 29 | Мериадок и Пиппин совершают побег и встречают Древо-борода. На рассвете Рохирримы нападают на орков и уничтожают их. Фродо спускается с нагорья Эмин Муйл и встречается с Голлумом. Фарамир видит погребальную ладью Боромира. |
| 30 | Начинается Собор энтов. На пути в Эдорас Эомер встречает Арагорна. |

| <i>Даты</i> | <i>События</i> |
|-------------|--|
| Март | |
| 1 | На рассвете Фродо начинает переход через Мертвые Болота. Собор энтов продолжается. Арагорн встречает Гэндальфа Белого. Они отправляются в Эдорас. Фарамир покидает Минас Тирит и спешит в Итилиэн. |
| 2 | Фродо выходит из Мертвых Болот. Гэндальф прибывает в Эдорас и исцеляет Теодена. Рохирримы выступают на запад, против Сарумана. Вторая битва у Брода через Исену. Поражение Эркенбранда. В полдень заканчивается Собор энтов. Энты выступают в поход и к ночи добираются до Исенгарда. |
| 3 | Теоден отступает в Хельмскую Теснину. Начинается битва за Хорнбург. Энты завершают разрушение Исенгарда. |
| 4 | Теоден и Гэндальф направляются в Исенгард из Хельмской Теснины. Фродо достигает Щебневых Холмов у границ Мордора. |
| 5 | В полдень Теоден прибывает в Исенгард. Переговоры с Саруманом, запершимся в Орфанке. Крылатый Назгул пролетает над лагерем у Дол Барэна. Гэндальф с Перегрином направляется в Минас Тирит. Фродо прячется у ворот Мораннона и в сумерках уходит оттуда. |
| 6 | На рассвете Арагорна догоняют дунаданы. Теоден направляется из Хорнбурга в Харгскую долину. Позже выступает и Арагорн. |
| 7 | Фарамир приводит Фродо в Эннет Аннун. К ночи Арагорн прибывает в Дунхаргскую Крепость. |
| 8 | На рассвете Арагорн вступает на Тропу Мертвых; к полуночи он достигает Эреха. Фродо покидает Эннет Аннун. |
| 9 | Гэндальф прибывает в Минас Тирит. Фарамир покидает Эннет Аннун. Арагорн покидает Эрах и прибывает в Калембэл. В сумерках Фродо добирается до Моргульского Тракта. Теоден прибывает в Дунхаргскую Крепость. Из Мордора выползает Тьма. |
| 10 | Безрассветный День. Большой Смотр сил Рохана. Рохирримы выступают в поход из Харгской долины. У Ворот города Гэндальф спасает Фарамира. Арагорн переходит Рингло. Армия, вышедшая из Мораннона, захватывает Кайр Андрос и вторгается в Анориэн. Фродо минует Перепутье и видит, как выходят из Крепости Назгулов моргульские войска. |

| <i>Даты</i> | <i>События</i> |
|-------------|--|
| 11 | Голлум навещает Шелоб, но, возвратившись к спящему Фродо, почти раскаиывается в своих намерениях. Дэнетор посылает Фарамира в Осгилиат. Арагорн прибывает в Линхир и вступает на поля Лебеннина. С севера орки вторгаются в Восточный Рохан. Первый штурм Лориэна. |
| 12 | Голлум ведет Фродо в логово Шелоб. Фарамир отступает к Дамбе. Теоден становится лагерем под Мин-Риммоном. Арагорн гонит врагов к Пеларгиру. Энты уничтожают орков, вторгшихся в Рохан. |
| 13 | Фродо оказывается в плену у орков в башне Кирит Унгол. Пеленнор опустошен. Фарамир ранен. Арагорн входит в Пеларгир и захватывает корабли. В Друаданском лесу Теоден встречается с Лесными Людьями. |
| 14 | Сэмуайз находит Фродо. Минас Тирит осажден. Дикие Люди приводят Рохирримов в Серую Пущу. |
| 15 | Рано утром Король-Призрак разбивает Ворота Города. Дэнетор сжигает себя на погребальном костре. С первыми петухами до слуха гондорцев доносятся рога Рохирримов. Битва на полях Пеленнора. Теоден погибает. Арагорн поднимает знамя, вышитое Арвен. Фродо и Сэм покидают Башню и начинают свой путь на север вдоль хребта Моргайи. Битва в Черной Пуще; Трандуил отражает нападение войск Дол Гулдура. Второй штурм Лориэна. |
| 16 | Совет военачальников. Фродо смотрит с хребта Моргайи на Гору Судьбы и на лагерь орков. |
| 17 | Битва при Дейле. Король Бранд и король Даин Железная Пята гибнут. Гномы и люди укрываются в горе Эребор и держат оборону. Шаграт доставляет в Барад-дур плащ, кольчугу и меч Фродо. |
| 18 | Войско Западных Королей выступает из Минас Тирита. Фродо приближается к Исенмуту; по дороге из Дуртанга в Удун его настигают орки. |
| 19 | Войско вступает в долину Моргула. Фродо и Сэмуайз ускользают от орков и начинают свой путь вдоль дороги, ведущей в Барад-дур. |
| 22 | Мучительный вечер. Фродо и Сэмуайз сворачивают на юг, к Горе Судьбы. Третий штурм Лориэна. |

| Даты | События |
|------|--|
| 23 | Войско доходит до границы Итилиэна. Арагорн отпускает павших духом. Фродо и Сэмуайз выбрасывают оружие и снаряжение. |
| 24 | Фродо и Сэмуайз совершают последний бросок к подножию Горы. Войско разбивает лагерь на пустоши у Мораннона. |
| 25 | Войско окружено врагом на Щебневых Холмах. Фродо и Сэмуайз добираются до Трещины Судьбы. Голлум завладевает Кольцом и падает в Трещину Судьбы. Падение Барад-дура и конец Саурана. |

После падения Черной Башни и конца ее Властелина Тень отступила от сердец тех, кто противостоял Саурону, а его слуги и союзники впали в ужас и отчаяние. Трижды войска Дол Гулдура штурмовали Лориэн, но хранившая его волшебная сила, подкрепленная мужеством лориэнских эльфов, оказалась не по зубам оркам – разве что только сам Саурон мог бы взять Лориэн приступом! Если не считать серьезного ущерба, причиненного окраинам леса, все три штурма были безрезультатны; когда же Тень минула, Кэлеборн перешел от обороны к нападению и в лодках переправил войска Лориэна через Андуин. Дол Гулдур пал. Галадриэль разрушила его стены и обнажила подземелья. Лес был очищен.

На севере тоже шла война, и зло наступало. Враги напали на королевство Трандуила, в лесу шли кровопролитные бои, неисчислимые бедствия принес лесной пожар; но в конце концов Трандуил одержал победу. В Новый Год по эльфийскому календарю Кэлеборн и Трандуил встретились в центре Леса; они дали Черной Пуще новое имя – *Эрин Ласгален*, что значит Зеленолиственная Дубрава. Трандуил простер свои владения до гор, что вздымаются посреди леса, а Кэлеборну достались южные леса, что лежали за Сужением; эти леса стали именоваться Восточным Лориэном, а все обширные леса, лежащие между их владениями, были отданы Беорнингам и Лесным Людям. Однако несколько лет спустя после ухода Галадриэли Кэлеборн почувствовал усталость и ушел в Имладрис, к сыновьям Элронда. Лесные эльфы по-прежнему жили в Зеленой Пуще, но в Лориэне осталось лишь малое число прежних

обитателей, и дни свои они проводили в печали о былом; огни в Карас Галадоне погасли, а песни смолкли.

В то самое время, когда главные силы Саурона осадили Минас Тирит, большое войско его союзников, издавна угрожавших границам короля Бранда, перешло реку Карнен, и Бранд был отброшен к Дейлу. Здесь на помощь ему пришли гномы Эребора, и у подножия Горы произошло большое сражение. Длилось оно три дня подряд, и восточные племена одержали победу, причем короли Бранд и Даин Железная Пята погибли в бою. Но ворот Эребора враги одолеть не смогли, так что гномы и люди нашли в Горе надежное убежище и успешно держали оборону.

Когда пришли вести о большой победе на юге, Северную армию Саурона охватила паника; осажденные перешли в наступление, а остатки захватчиков были изгнаны на восток и никогда больше не угрожали Дейлу. Бард II, сын Бранда, стал королем Дейла, а Торин III Камнешлем, сын Даина, – Королем-Под-Горой. На коронацию Короля Элессара оба отправили свои посольства, и долгие-долгие годы королевства их жили в мире и спокойствии. Дружба их с Гондором пребывала нерушимой, а сами они всегда оставались под защитой Короны Гондора и Короля Западных Земель.

***Основные события, происшедшие со времени падения Бараддура до
конца Третьей Эпохи^[34]***

| <i>Даты</i> | <i>События</i> |
|--|--|
| 3019 | |
| (1419 г. по Засельскому Календарю — З.К.) | |
| Март | |
| 27 | Бард II и Торин III Камнешлем изгоняют врагов из Дейла. |
| 28 | Кэлеборн пересекает Андуин. Начинается разрушение Дол Гулдура. |
| Апрель | |
| 6 | Встреча Кэлеборна и Трандуила. |
| 8 | Хранителей Кольца чествуют на Кормалленском Поле. |
| Май | |
| 1 | Коронация Короля Элессара. Элронд и Арвен покидают Ривенделл. |
| 8 | Эомер и Эовейн с сыновьями Элронда отправляются в Рохан. |

| <i>Даты</i> | <i>События</i> |
|-------------------------|---|
| 20 | Элронд и Арвен в Лориэне. |
| 27 | Свита Арвен покидает Лориэн. |
| Июнь | |
| 14 | Сыновья Элронда встречают процессию и сопровождают Арвен в Эдорас. |
| 16 | Арвен покидает Эдорас и направляется в Гондор. |
| 25 | Король Элессар находит в горах саженец Белого Дерева. |
| Первый Лит | Арвен прибывает в Город. |
| День Преполо- вления | Элессар и Арвен сочетаются браком. |
| Июль | |
| 18 | Эомер возвращается в Минас Тирит. |
| 19 | Погребальная процессия короля Теодена направляется в Рохан. |
| Август | |
| 7 | Процессия прибывает в Эдорас. |
| 10 | Погребение короля Теодена. |
| 14 | Гости испрашивают у короля Эомера разрешения двинуться дальше. |
| 18 | Процессия останавливается в Хельмской Теснине. |
| 22 | Прибытие в Исенгард. На закате солнца те, кто следует дальше, прощаются с Королем Запада. |
| 28 | Процессия нагоняет Сарумана. Саруман поворачивает к Заселью. |
| Сентябрь | |
| 6 | Привал в виду Морийских Гор. |
| 13 | Кэлеборн и Галадриэль направляются в Лориэн, остальные следуют в Ривенделл. |
| 21 | Прибытие в Ривенделл. |
| 22 | Сто двадцать девятый день рождения Бильбо. Саруман появляется в Заселье. |
| Октябрь | |
| 5 | Гэндальф и хоббиты покидают Ривенделл. |

| <i>Даты</i> | <i>События</i> |
|---|--|
| 6 | Бруиненский Брод. Фродо впервые беспокоит старая рана. |
| 28 | На закате отряд достигает Бри. |
| 30 | Отряд покидает Бри. С наступлением ночи путешественники подъезжают к Брендивинскому Мосту. |
| Ноябрь | |
| 1 | Путешественники арестованы в Квакмортоне. |
| 2 | Путешественники объявляются в Приречье и поднимают мятеж среди хоббитов. |
| 3 | Приреченская битва и смерть Сарумана. Конец Войны за Кольцо. |
| 3020 (З.К. 1420). Великий Год Изобилия. | |
| Март | |
| 13 | Фродо заболевает (в годовщину ядовитого укуса Шелоб). |
| Апрель | |
| 6 | На Праздничном Поле расцветает маллорн. |
| Май | |
| 1 | Сэмуайз женится на Розе. |
| День Преполовения | Фродо слагает обязанности Бургомистра, и в этой должности восстанавливается Уилл Белоног. |
| Сентябрь | |
| 22 | Сто тридцатый день рождения Бильбо. |
| Октябрь | |
| 6 | Фродо вновь заболевает. |
| 3021 (З.К. 1421). Последний Год Третьей Эпохи. | |
| Март | |
| 13 | Фродо вновь заболевает. |

| <i>Даты</i> | <i>События</i> |
|-----------------|--|
| 25 | Рождение Эланор Прекрасной*, дочери Сэмуайза. В этот день, по Гондорскому Летосчислению, берет начало Четвертая Эпоха. |
| Сентябрь | |
| 21 | Фродо и Сэмуайз покидают Хоббитон. |
| 22 | В чащах Лесного Угла они встречаются Последний Отряд Хранителей Колец. |
| 29 | Прибытие в Серую Гавань. Фродо и Бильбо отправляются за Море, с ними — Трое Хранителей. Третья Эпоха кончается. |
| Октябрь | |
| 6 | Сэм возвращается в Котомку. |

Позднейшие события, связанные с Содружеством Кольца

| <i>Годы</i> | <i>События</i> |
|-------------|---|
| З.К. 1422 | Начало отсчета Четвертой Эпохи в Заселье. Отсчет лет по З.К., однако, не прерывается. |
| 1427 | Уилл Белоног слагает обязанности Бургомистра. Новым Бургомистром избран Сэмуайз. Перегрин Тукк женится на Бусинке из Долгого Оврага. Король Элессар издает указ, запрещающий людям появляться в Заселье, и объявляет Заселье свободной страной, которая находится отныне под покровительством Северного Скипетра. |
| 1430 | Рождение Фарамира, сына Перегрина. |
| 1432 | Мериадок, прозванный Великолепным, становится Хозяином Бэкланда. Король Эомер и Эовейн, княгиня Итилизна, посылают ему богатые дары. |

* Под этим именем она стала известна благодаря своей красоте. Многие говорили, что она больше похожа на эльфийскую девушку, чем на засельскую девчонку. У нее были золотые волосы, что в Заселье считалось большой редкостью; впрочем, остальные две дочери Сэма тоже были золотоволосыми, как и большинство детей, родившихся в то время.

| | |
|------|--|
| 1434 | Перегрин Тукк становится Таном. Король Элессар назначает Тана, Хозяина Бэккланда и Бургомистра советниками Северного Королевства. Достойный Сэмуайз избирается Бургомистром на второй срок. |
| 1436 | Король Элессар совершает поход на север и на некоторое время останавливается на берегу озера Эвендим (Сумеречного). Он подъезжает к Брендивинскому Мосту и приветствует своих друзей. Достойный Сэмуайз получает знак отличия — Звезду дунаданов, а Эланор становится фрейлиной Королевы Арвен. |
| 1441 | Сэмуайз избирается на третий срок. |
| 1442 | Сэмуайз, его жена и Эланор отправляются в Гондор и остаются там на год. Все это время в должности Бургомистра его замещает Толман Хижинс. |
| 1448 | Сэмуайз избирается на четвертый срок. |
| 1451 | Эланор Прекрасная вступает в брак с Фастредом из Гринхолма, что на Дальнем Вскхолье. |
| 1452 | Приказом Короля к Заселью присоединяются Западные Плавни от Дальнего Вскхолья до Башенных Холмов (Эмин Бераид). Многие хоббиты переселяются туда. |
| 1454 | Рождение Эльфстана Светлого, сына Фастреда и Эланор. |
| 1455 | Сэмуайз избирается на пятый срок. По его просьбе Тан назначает Фастреда Стражем Западных Плавней. Фастред и Эланор поселяются в Нижних Башнях, на Башенных Холмах, где с тех пор и обитают их потомки — Светлы из Башен. |
| 1463 | Фарамир Тукк женится на Златовласке, дочери Сэмуайза. |
| 1469 | Сэмуайз избирается Бургомистром на седьмой и последний срок; в 1476 г., последнем для него в этой должности, ему исполняется девяносто шесть лет. |
| 1482 | Кончина госпожи Розы, жены достойного Сэмуайза, последовавшая в День Преполовления. 22 сентября Сэмуайз покидает Котомку и едет на Башенные Холмы, где в последний раз видится с Эланор и передает ей Алую Книгу, впоследствии хранимую родом Светлов. Предание этого рода, идущее от Эланор, гласит, что Сэмуайз покинул Башни и отправился в Серую Гавань, откуда, последним из Хранителей Колец, отбыл за Море. |

| | |
|------|--|
| 1484 | Весной этого года из Рохана в Бэккланд приходит весть о том, что король Эомер хочет видеть достойного Холдвина еще раз. Мериадок к этому времени достиг старости (сто два года), но все еще был здоров и крепок. Посоветовавшись со своим другом Таном, он, а за ним и Перегрин вскорости передают свои имения и обязанности сыновьям и выезжают из Заселья через Сарн Форд, чтобы уже более не возвращаться. Рассказывают, что достойный Мериадок прибыл в Эдорас и был при короле Эомере до самой его кончины, воследовавшей осенью того же года. Затем они вместе с Таном Перегрином отправились в Гондор и провели там краткий остаток своих дней; оба они покоятся на Рат Динен, среди великих мужей Гондора. |
| 1541 | 1 марта этого года* покинул Средьземелье Король Элессар. Рассказывают, что каменные лежа Мериadoка и Перегринa были поставлены рядом с ложем этого великого Короля. Леголас строит в Итилиэне серый корабль и, спустившись по Андуину, уплывает за Море; говорят, что с ним отбыл из Средьземелья и гном Гимли. С отплытием этого Корабля история Содружества Кольца в Средьземелье заканчивается. |

* 120 год Четвертой Эпохи Гондора.

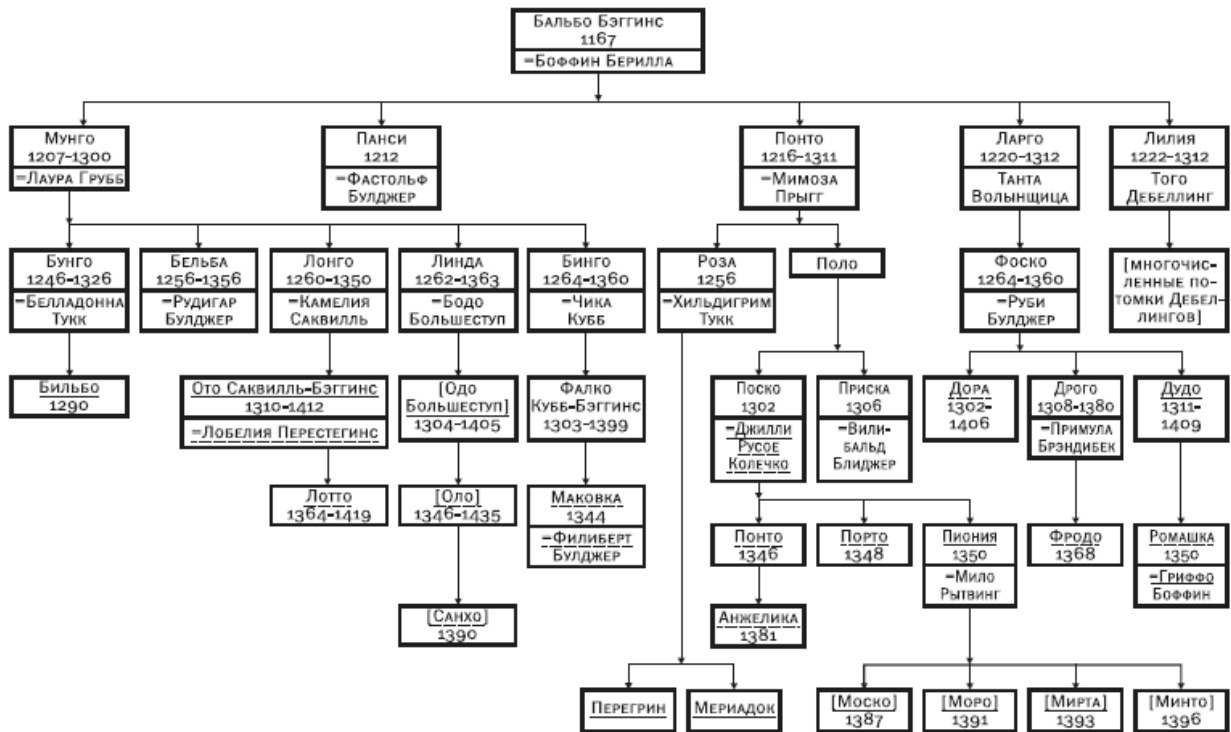
Приложение В

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ДРЕВА

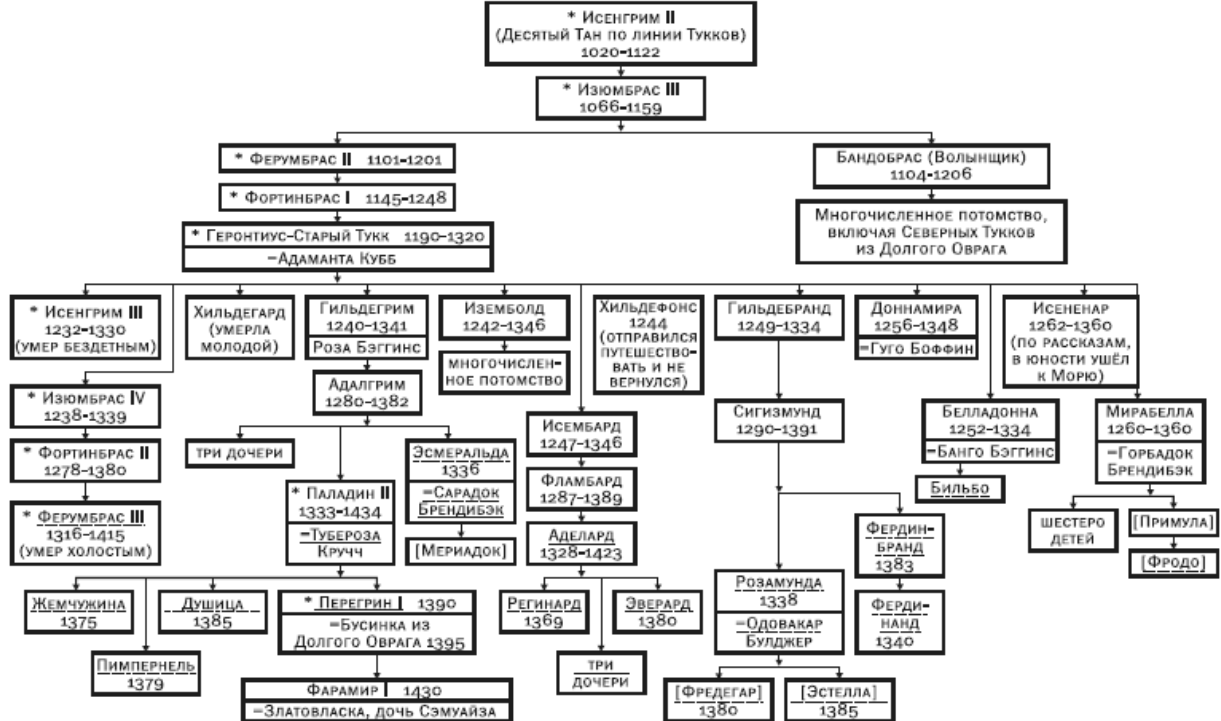
Имена, приведенные в этом Приложении, – только малая толика имен, запечатленных в полном своде хоббитовых родословных⁷⁸⁹. Некоторые из упомянутых здесь хоббитов входили в число приглашенных на Прощальный День Рождения Бильбо; некоторые являются их предками по прямой линии. Имена гостей, присутствовавших на Дне Рождения, подчеркнуты^[35]. В приведенных здесь генеалогических списках можно также встретить имена хоббитов, на День Рождения не приглашенных, но так или иначе прикоснувшихся к рассказанным в книге событиям. В добавление к этому здесь даются некоторые генеалогические сведения, касающиеся Сэмуайза, основоположника семейства Садовников^[36], впоследствии весьма известного и пользовавшегося немалым влиянием.

Цифры, сопутствующие именам, обозначают дату рождения (а если имеются такие сведения, то и смерти). Все даты даются по Засельскому Летосчислению, считая от дня, когда братья Мархо и Бланко переправились через Брендивин (год, когда это произошло, считается 1 годом Заселья, что соответствует 1601 году Третьей Эпохи).

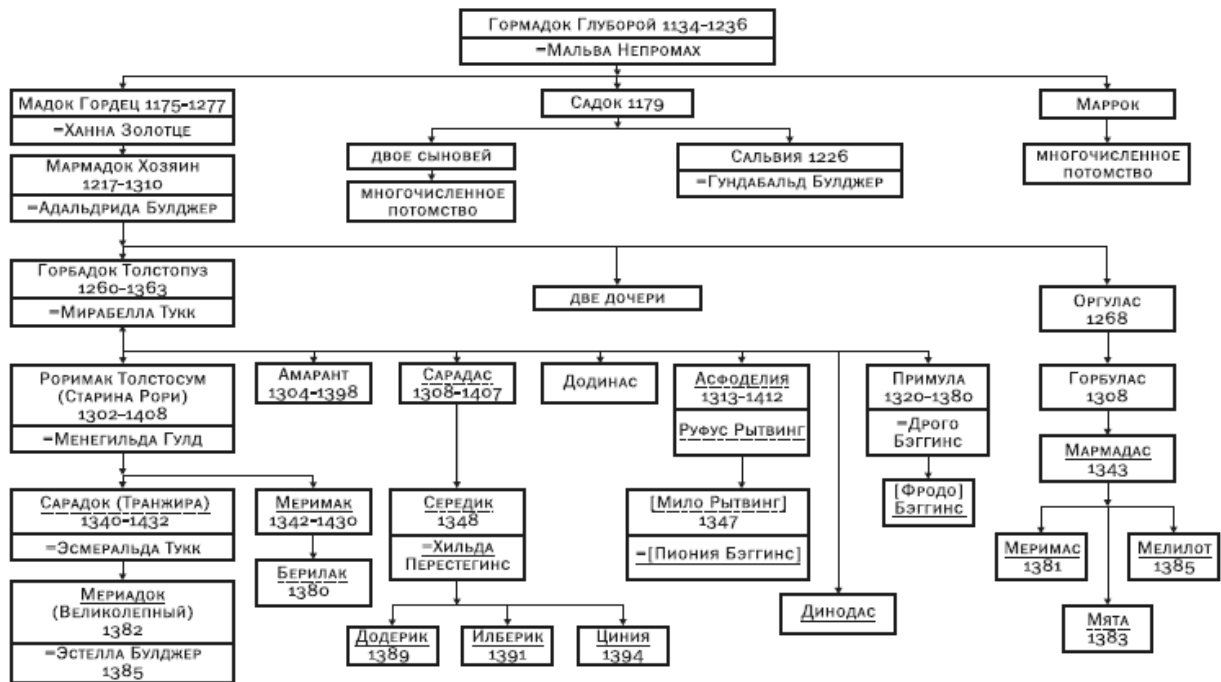
БЭГГИНСЫ ИЗ ХОББИТОНА



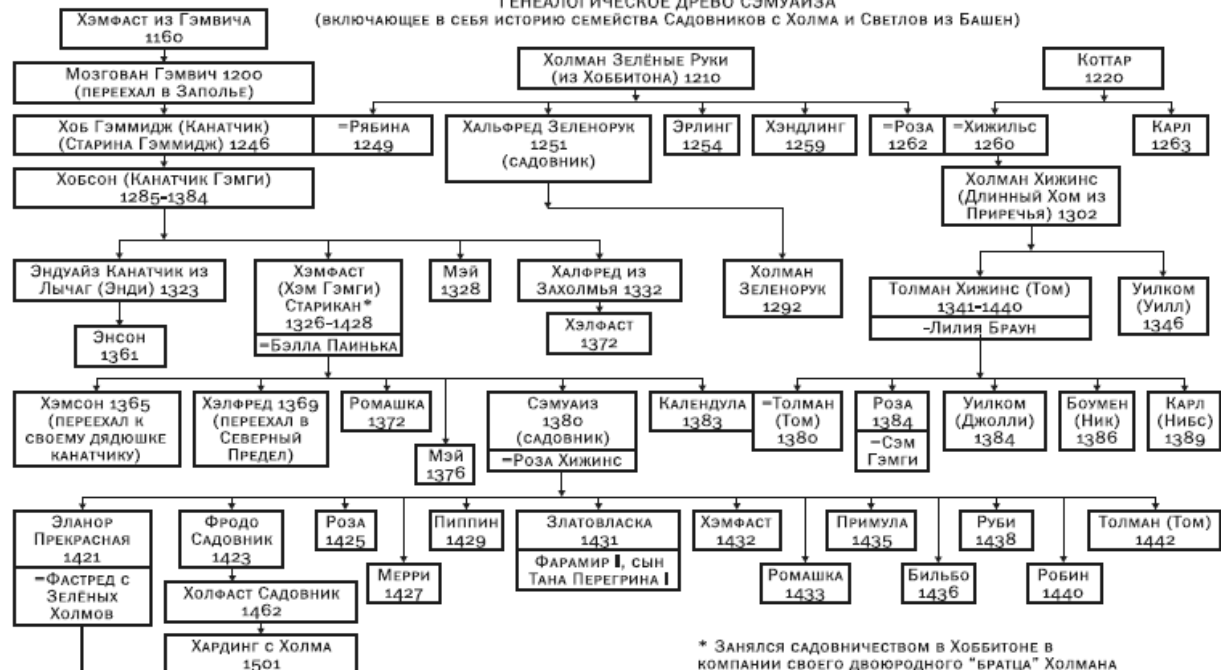
ТУККИ ИЗ БОЛЬШИХ СМАЙЛОВ



БРЕНДИБЭКИ ИЗ БЭКЛАНДА
В 740 г. Горхендад Старобэк из Плавней начал строительство Брендивинских Палат и стал называть себя Брендибэком



ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО СЭМУАЙЗА
(включающее в себя историю семейства Садовников с Холма и Светлов из Башен)



* Занялся садовничеством в Хоббитоне в компании своего двоюродного "брата" Холмана

Переехали в Западные Плавни, которые тогда еще только начали заселяться (дар Короля Элессара, эта земля лежала между Дальними Холмами и Холмами Башенными). От этой супружеской пары происходят Светлы из Башен, Стражи Западных Плавней, унаследовавшие Алюю Книгу и составившие с нее несколько списков, снабжённых дополнительными примечаниями,

Приложение Г

КАЛЕНДАРИ

ЗАСЕЛЬСКИЙ КАЛЕНДАРЬ НА ВСЕ ГОДЫ⁷⁹⁰

Каждый год начинался первым днем недели, субботой, и кончался последним – пятницей. День Середины Года, а в високосные годы и Лишний Лит находились вне недели. Тот Лит, что перед Днем Середины Лета, назывался Первый Лит, а тот, что после, – Второй Лит. Юл, который праздновали в конце года, назывался первым, а тот, что праздновали в начале, – вторым. Лишний Лит считался днем особых торжеств, но на годы, в которые разыгрались события Войны за Кольцо, он не выпал. Следующий Лишний Лит пришелся только на 1420-й, год небывалого урожая и великолепного лета, – и, говорят, веселье в том году на этот праздник учинили такое, что летописи ни о чем подобном не упомянут.

Засельский Календарь несколько отличается от нашего. Нет сомнений, что год у хоббитов был той же длины, что и наш^[37], ибо, хотя времена, о которых идет речь, по человеческим меркам могут считаться весьма от нас отдаленными, для Земли это не такая уж глубокая древность. В летописях хоббитов есть сведения о том, что, когда они были кочевым народом, понятия «неделя» у них не было, и, хотя «месяц», примерно равный лунному, был им известен, датировка событий и исчисление времени были тогда еще весьма неточны и приблизительны. Когда хоббиты осели в Западном Эриадоре, они приняли Королевское Летосчисление дунаданов, истоки которого восходят к элдаринскому; однако засельские хоббиты внесли в него некоторые изменения. Их календарь, так называемое Засельское Летосчисление (З. Л.), был принят в итоге и в Бри, с той разницей, что годом 1 З. Л. считался год начала колонизации Заселья.

| (1) Месяц-за-Юлом | | | | | (4) Астрон | | | | | (7) Месяц-за-Литом | | | | | (10) Полнозимень | | | | |
|-------------------|----|----|----|----|-----------------------|----|----|----|-----|--------------------|----|----|----|----|-----------------------|----|----|----|----|
| Юл | 7 | 14 | 21 | 28 | 1 | 8 | 15 | 22 | 29 | Лит | 7 | 14 | 21 | 28 | 1 | 8 | 15 | 22 | 29 |
| 1 | 8 | 15 | 22 | 29 | 2 | 9 | 16 | 23 | 30 | 1 | 8 | 15 | 22 | 29 | 2 | 9 | 16 | 23 | 30 |
| 2 | 9 | 16 | 23 | 30 | 3 | 10 | 17 | 24 | – | 2 | 9 | 16 | 23 | 30 | 3 | 10 | 17 | 24 | – |
| 3 | 10 | 17 | 24 | – | 4 | 11 | 18 | 25 | – | 3 | 10 | 17 | 24 | – | 4 | 11 | 18 | 25 | – |
| 4 | 11 | 18 | 25 | – | 5 | 12 | 19 | 26 | – | 4 | 11 | 18 | 25 | – | 5 | 12 | 19 | 26 | – |
| 5 | 12 | 19 | 26 | – | 6 | 13 | 20 | 27 | – | 5 | 12 | 19 | 26 | – | 6 | 13 | 20 | 27 | – |
| 6 | 13 | 20 | 27 | – | 7 | 14 | 21 | 28 | – | 6 | 13 | 20 | 27 | – | 7 | 14 | 21 | 28 | – |
| | | | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| (2) Солмат | | | | | (5) Тримидж | | | | | (8) Вэд | | | | | (11) Блотмат | | | | |
| – | 5 | 12 | 19 | 26 | – | 6 | 13 | 20 | 27 | – | 5 | 12 | 19 | 26 | – | 6 | 13 | 20 | 27 |
| – | 6 | 13 | 20 | 27 | – | 7 | 14 | 21 | 28 | – | 6 | 13 | 20 | 27 | – | 7 | 14 | 21 | 28 |
| – | 7 | 14 | 21 | 28 | 1 | 8 | 15 | 22 | 29 | – | 7 | 14 | 21 | 28 | 1 | 8 | 15 | 22 | 29 |
| 1 | 8 | 15 | 22 | 29 | 2 | 9 | 16 | 23 | 30 | 1 | 8 | 15 | 22 | 29 | 2 | 9 | 16 | 23 | 30 |
| 2 | 9 | 16 | 23 | 30 | 3 | 10 | 17 | 24 | – | 2 | 9 | 16 | 23 | 30 | 3 | 10 | 17 | 24 | – |
| 3 | 10 | 17 | 24 | – | 4 | 11 | 18 | 25 | – | 3 | 10 | 17 | 24 | – | 4 | 11 | 18 | 25 | – |
| 4 | 11 | 18 | 25 | – | 5 | 12 | 19 | 26 | – | 4 | 11 | 18 | 25 | – | 5 | 12 | 19 | 26 | – |
| | | | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| (3) Рит | | | | | (6) Месяц-перед-Литом | | | | | (9) Халимат | | | | | (12) Месяц-перед-Юлом | | | | |
| – | 3 | 10 | 17 | 24 | – | 4 | 11 | 18 | 25 | – | 3 | 10 | 17 | 24 | – | 4 | 11 | 18 | 25 |
| – | 4 | 11 | 18 | 25 | – | 5 | 12 | 19 | 26 | – | 4 | 11 | 18 | 25 | – | 5 | 12 | 19 | 26 |
| – | 5 | 12 | 19 | 26 | – | 6 | 13 | 20 | 27 | – | 5 | 12 | 19 | 26 | – | 6 | 13 | 20 | 27 |
| – | 6 | 13 | 20 | 27 | – | 7 | 14 | 21 | 28 | – | 6 | 13 | 20 | 27 | – | 7 | 14 | 21 | 28 |
| – | 7 | 14 | 21 | 28 | 1 | 8 | 15 | 22 | 29 | – | 7 | 14 | 21 | 28 | 1 | 8 | 15 | 22 | 29 |
| 1 | 8 | 15 | 22 | 29 | 2 | 9 | 16 | 23 | 30 | 1 | 8 | 15 | 22 | 29 | 2 | 9 | 16 | 23 | 30 |
| 2 | 9 | 16 | 23 | 30 | 3 | 10 | 17 | 24 | Лит | 2 | 9 | 16 | 23 | 30 | 3 | 10 | 17 | 24 | Юл |
| | | | | | День Преполовения | | | | | | | | | | | | | | |
| | | | | | (Лишний Лит) | | | | | | | | | | | | | | |

Из древних легенд и преданий подчас довольно трудно извлечь точные сведения о, казалось бы, самых простых и обыкновенных вещах – например, таких, как названия букв, дней недели и месяцев, а также об их продолжительности. Но благодаря повальному увлечению засельских хоббитов генеалогией и историей древности, которую ученые хоббиты продолжали изучать и после Войны за Кольцо, можно вполне рассчитывать, что с датами у них все было в порядке; к тому же хоббиты любили показывать чужеземцам запутанные таблицы соотношений Засельского Летосчисления с Летосчислениями других народов. Я во всем этом не очень-то разобрался и, наверное, допустил множество ошибок, но, во всяком случае, насчет хронологии событий двух решающих лет (1418–1419 З. Л.), подробно изложенной в Алой Книге, у меня нет ни малейших сомнений.

Несомненным представляется одно: живя в Средьземелье, Элдарты пользовались для исчисления времени большими единицами, чем это принято у нас, – как справедливо заметил однажды Сэмуайз, торопиться им было некуда, и квенийское слово *йен*, переводимое часто как «год», на самом деле означало 144 наших года (дюжина дюжин). Вообще Элдарты предпочитали считать дюжинами и полудюжинами.

Солнечный день они называли словом *ре* (днем считался промежуток времени от заката до заката). *Йен* равнялся 52596 дням. Скорее по традиции, нежели в обиходе, Элдары пользовались шестидневной неделей – *энкиэ*, и в *йене* было ровно 8766 *энкийер*.

Элдары Средьземелья выделяли также короткие периоды, соответствующие солнечному году; именовались они *коранар*, т. е. «оборот солнца», если требовалось в той или иной мере подчеркнуть астрономическую подоплеку, – но привычнее было слово *лоа*, или, в переводе, «рост», излюбленное у жителей северо-запада, где в первую голову обращали внимание на сезонные изменения в жизни растений; впрочем, интерес к этому свойствен всем эльфам. *Лоа* разбивался на периоды, которые можно рассматривать как длинные месяцы или короткие времена года. Конечно, у разных народов дело обстояло по-разному, но хоббиты располагают сведениями только о Календаре Имладриса. В этом календаре было шесть времен года, которые по-квеньийски назывались *туилэ*, *лайрэ*, *йавиэ*, *квеллэ*, *хривэ* и *койрэ*, что в переводе означает «весна», «лето», «осень», «увядание», «зима» и «прорастание». У Синдаров были в ходу другие названия – *этуил*, *лаэр*, *иавас*, *фирит*, *р’ив* и *экуир*. «Увядание» называлось также *лассе-ланта*, т. е. «листопад», а по-синдарински – *нарбелет*, т. е. «побледнение солнца».

В *лайрэ* и *хривэ* считалось по 72 дня, а в остальных – по 54. *Лоа* начинался со дня *йестарэ*, непосредственно предшествовавшего *туилэ*, а заканчивался днем *меттарэ*, следующим сразу за *койрэ*. Между *йавиэ* и *квеллэ* было три «средних дня» – *эндери*. Всего в году получалось 365 дней, причем каждый двенадцатый год *эндери* удваивались (т. е. к ним временно прибавлялось еще три дня).

Как эльфы избавлялись от погрешности в исчислении, доподлинно неизвестно. Если длина года в те времена не отличалась от теперешней, *йен* получается на целый день длиннее, чем следует. То, что погрешность была, следует из примечания к Календарям Алой Книги относительно того, что в Ривенделльском Летосчислении последний год каждого третьего *йена* укорачивался на три дня, т. е. удвоение *эндери* в этот год не производилось; «в наше время, однако, этот обычай уже не в ходу», добавляет летописец. Об иных поправках никаких упоминаний нет.

Нуменорцы несколько изменили этот порядок. *Лоа* они разделили на более мелкие и приблизительно равные части; за правило взяли вести начало года от зимнего солнцестояния, переняв этот обычай от людей северо-запада, из которых они и вышли во времена Первой Эпохи. Впоследствии они начали подобным же образом выделять семидневную неделю, а сутками («днем») стали считать промежуток времени от восхода солнца из моря на востоке до следующего восхода.

Нуменорскую систему использовали не только в самом Нуменоре, но также в Арноре и в Гондоре, пока Арнор и Гондор существовали как королевства; называлась эта система Королевским Летосчислением (К. Л.). В году было обычно 365 дней. Он делился на 12 месяцев – *астаров*, десять из которых имели по 30 дней, а два – по 31. Длинные *астары* шли один за другим в середине года, почти как наши июнь и июль. Первый день года назывался *йестарэ*, «средний день» (183-й) – *лоэндэ*, а последний – *меттарэ*, эти три дня не относились ни к какому месяцу. Каждый четвертый год, за исключением последнего в столетии (*хараниэ*), вместо одного *лоэндэ* шли два средних дня *эндери*.

По нуменорской системе счет лет велся от года 1 ВЭ. Поправка на нехватку одного дня, исключаемого в последнем году столетия, производилась один раз в тысячелетие; при этом оставалась так называемая «тысячелетняя погрешность» в 4 часа 46 минут 40 секунд. Такие поправки производились соответственно в 1000, 2000 и 3000 гг. ВЭ. После Падения Нуменора в 3319 г. ВЭ система сохранилась, но с началом Третьей Эпохи и в связи с новой нумерацией произошло значительное смещение – и год 3442 ВЭ стал считаться годом 1 ТЭ. Поскольку високосным годом вместо 3 ТЭ (3444 г. ВЭ) стал год 4 ТЭ, ввели еще один «короткий» год (365 дней), что привело к отставанию на 5 часов 48 минут 46 секунд. «Тысячелетнюю поправку» сделали 441 год спустя – в 1000 г. ТЭ (4441 ВЭ), а затем в 2000 г. ТЭ (5441 г. ВЭ). Чтобы устранить вышеупомянутое отставание и учесть «тысячелетние погрешности», Наместник Мардил ввел в 2060 г. ТЭ так называемый Пересмотренный Календарь. При этом была сделана добавка двух дней к 2059 (5500 г. ВЭ) году, которая поглотила погрешность, набравшую за пять с половиной тысячелетий существования Нуменорской системы. Но и после этого сохранилось отставание на 8 часов. В 2360 году Хадор добавил один день, хотя дня было многовато. В последующие годы никаких поправок уже не производилось. (В 3000 г.

ТЭ ввиду угрозы войны вопросы календаря остались в пренебрежении, как второстепенные.) Так что по прошествии 660 лет в конце Третьей Эпохи погрешность не превышала 1 дня.

Пересмотренный Календарь, введенный Мардилом, стали называть Наместническим Летосчислением (Н. Л.). Этим летосчислением пользовались практически все народы, говорившие на Общем (Западном) Языке, за исключением хоббитов. Все месяцы содержали по 30 дней, причем введено было два дополнительных дня – один между третьим и четвертым месяцами (март, апрель) и один между девятым и десятым (сентябрь, октябрь) – всего пять внемесячных дней. Эти дни (*йестарэ, туилэ, лоэндэ, йавиэ, меттарэ*) считались праздничными.

Тем временем хоббиты, не жаловавшие нововведений, продолжали пользоваться собственной версией Королевского Летосчисления, постепенно приспособив его к своим привычкам. Все месяцы были у них равны и насчитывали по 30 дней каждый; три летних дня, называемых обычно в Заселье общим названием *Лит* или Дни Лита, находились вне месяцев и приходились между июнем и июлем. Последний день каждого года и первый день следующего назывались *Юл*⁷⁹¹. *Юл*, как и *Лит*, не принадлежал ни к какому месяцу, поэтому 1 января считалось не первым днем года, а вторым. Каждый четвертый год, если не считать последнего года в столетии^[38], к *Литу* добавлялся еще один день – четвертый. *Лит* и *Юл* считались главными праздниками года и отмечались всеобщими пирушками. Добавочный день присоединялся к *Литу* сразу после Дня Середины Года (Дня Преполовления); таким образом, сто восемьдесят четвертый день каждого високосного года, называемый Днем-После-Лита, был днем особого веселья. Что касается *Юла*, то сопутствующие праздники продолжались в общей сложности шесть дней – три последних дня старого года и три первых нового.

Жители Заселья ввели в календарь одно маленькое новшество, придуманное ими самими (позже принятое также и в Бри), назвав его Засельской реформой календаря. Хоббитам казалось неряшливым и неудобным из года в год менять названия дней недели в зависимости от даты. Поэтому во времена Исенгрима II они постановили не считать более лишним день, нарушающий стройную календарную последовательность, одним из дней недели. В итоге День Преполовления

(а также Лишний Лит) перестал именоваться как-либо еще и выпал из недели. Вследствие этой реформы год с тех пор всегда начинался первым днем недели и кончался последним; таким образом, каждая дата года всегда приходилась на один и тот же день недели, так что засельчане избавились от утомительной обязанности проставлять день недели на письмах и в дневниках^[39]. У себя дома это казалось им очень удобным; правда, за пределами Бри – если, конечно, хоббитам случалось забредать в такую даль – удобство это оборачивалось сущей каторгой.

Для удобства я пользовался нашими современными названиями как месяцев, так и дней недели, хотя на самом деле, разумеется, и у Элдаров, и у дунаданов, и у хоббитов названия эти были совсем другими. Чтобы избежать путаницы, мне показалось важным все названия Западного Языка приводить в переводе, поскольку обозначают они примерно то же, что и современные, – по крайней мере у засельских хоббитов. Возникает предположение, что День Середины Года (Преполование) должен был, по замыслу творцов календаря, как можно точнее соответствовать дню летнего солнцестояния. Если это так, то можно заключить, что даты Засельского Календаря опережали принятые у нас примерно на десять дней, так что наш Новый Год приходился бы примерно на 9 января по Засельскому стилю.

Те, кто говорил на Западном Языке, пользовались обычно для месяцев квенийскими названиями, игравшими примерно ту же роль, что наши латинские, ныне общепринятые во многих странах мира. Вот эти названия: *Нарвиниэ, Ненимэ, Сулимэ, Вирессэ, Лотессэ, Наризэ, Кермиэ, Уримэ, Иаванниэ, Наркалиэ, Хисимэ, Рингарэ*. Синдаринские названия (бывшие в ходу только у дунаданов) звучали так: *Нарваин, Нинуи, Гваэрон, Гвирит, Лотрон, Норуи, Кервет, Уруи, Иваннет, Нарбелет, Хитуи, Гиритрон*⁷⁹².

Хоббиты, как засельские, так и брийские, не придерживались классических названий, которыми пользовались все остальные западноязычные народы, и предпочитали старые местные названия, которые они, скорее всего, подцепили еще в далекой древности, общаясь с людьми, населявшими тогда долину Андуйна; по крайней мере, сходные названия месяцев встречаются также в Дейле и Рохане (см. Приложение Е о языках). Значения этих названий, изобретенных

когда-то забытыми человеческими племенами, хоббиты, как правило, не помнили, – даже в тех случаях, когда знали их прежде; что же касается формы слов, то она за истекшие века так изменилась, что скорее затемняла первоначальный смысл, нежели проясняла его. Так, например, суффикс *-мат* в конце некоторых названий месяцев является измененной формой слова «месяц» в его современном хоббитам звучании.

Названия засельских месяцев приведены в Календаре. Следует заметить, что *солмат* обычно произносится – а иногда и пишется – как *сомат*, *тримидж* – как *тримич* (древнее *тримилх*), а *блотмат* произносился как *блодма* или *бломма*. В Бри употреблялись несколько иные названия⁷⁹³, а именно – *фрери*, *солмат*, *рит*, *читинг*, *тримидж*, *лит*, *летнянки*, *мид*, *вэд*, *урожаень*, *предзимень*, *блутинг* и *юлмат*. Такие названия, как *фрери*, *читинг* и *юлмат*, были также в ходу у жителей Восточного Предела^[40].

Неделю хоббиты заимствовали у дунаданов, так что названия дней в Заселье были переводом соответствующих названий, принятых в старом Северном Королевстве, а те, в свою очередь, пришли из языка Элдаров. Дни своей шестидневной недели Элдары обычно посвящали соответственно звездам, Солнцу, Луне, Двум Деревьям, Небесам и Владычествующим Валарам (или, если говорить строго, не посвящали, а скорее, именовали в их честь), причем последний день недели считался главным. Названия дней недели на квенийском были: *эления*, *анария*, *усилия*, *алдуйя*, *менелийя* и *валания* (или *тарион*). Соответствующие названия на синдаринском звучали иначе: *оргилион*, *оранор*, *оритиль*, *оргаладхад*, *орменел* и *орбелаин* (или *родин*). Нуменорцы сохранили все посвящения и оставили неизменным порядок, однако название четвертого дня изменили на *алдэа оргаладх*, оставив в нем, таким образом, память только о Белом Дереве, от которого, как считалось, происходит дерево Нимлот, растущее на Королевском Дворе в Нуменоре. Пожелав ввести седьмой день, нуменорцы, будучи прославленными мореходами, вставили после дня, посвященного Небесам, так называемый «морской день», который называли *эарения*, или *орэарон*.

Хоббиты переняли у них эту семидневную неделю, но значение переводимых названий вскоре забылось или перестало замечаться, и названия подверглись сильной редукции, особенно в повседневной

речи. Впервые эти нуменорские названия были, как полагают, переведены за две тысячи лет до конца Третьей Эпохи, если не раньше, когда северяне переняли у дунаданов их неделю (первый известный случай заимствования нуменорского календарного элемента другими народами). Этими переводами и пользовались хоббиты, хотя в остальных странах, говоривших на Западном Наречии, распространены были квенийские названия.

Древних документов в Заселье сохранилось немного. В конце Третьей Эпохи самой значительной хоббичьей реликвией, далеко превосходящей по ценности все остальные, считался так называемый Желтый Пергамент, или Летопись города Туккборо^[41]. Первые записи, как представляется, внесены были туда по меньшей мере за девятьсот лет до рождения Фродо. Отрывки из Желтого Пергамента обильно цитируются в анналах и генеалогиях Алой Книги. Во всех этих документах названия дней недели появляются в своих архаичных формах, из которых самые старые звучат так: *стеррендей*, *соннендей*, *монендей*, *друвесдей*, *невенсдей* и *мересдей*; последний день назывался просто День Вышних (Валаров).

На языке времен Войны за Кольцо эти названия предстают уже в другом, сильно измененном, виде⁷⁹⁴, а именно: *сольнота*, *небесенье* (иначе *невсень*), *муннедельник*, *морник*, *древеда*, *стертверг* и *вышница*.

В своем переводе я использовал для дней недели более привычные названия – воскресенье, понедельник и так далее. Кстати, легко можно заметить, что наши и засельские названия чем-то сходны между собой, хотя и вперехлест. Следует, однако, подчеркнуть, что хоббиты связывали с этими днями совсем другие понятия, нежели мы. Так, например, последний день недели, переведенный мною как пятница (у хоббитов – *вышница*), был главным днем недели; после полудня в пятницу хоббиты садились за праздничный стол перекусить, а ввечеру пировали уже по-настоящему. Таким образом, суббота скорее соответствовала у них нашему понедельнику, а четверг – субботе.

Следует упомянуть еще о нескольких словах, имеющих отношение ко времени, но при точном летосчислении не используемых. Таковы названия времен года – *туилэ* (весна), *лаирэ* (лето), *иавиэ* (осень, или «урожай») и *хривэ* (зима); эти сезоны не имели точных временных

рамок и могли, например, перекрываться с *куэллэ* (*лассе-ланта*), т. е. поздней осенью и началом зимы.

Особенное внимание Элдары обращали (в северных областях) на сумерки – время, когда блекнут и зажигаются звезды. Для этих часов они имели много имен, из которых чаще всего встречались *тиндомэ* и *ундомэ*, причем первое в основном употребляли по отношению к предутренним сумеркам, а второе – к вечерним. На синдаринском название сумерек звучало как *уйал*; соответственно, более тонкие деления назывались *минуйал* и *адуйал*. В Заселье утренние и вечерние сумерки часто называли *морроудим* и *эвендим*⁷⁹⁵ – ср. название озера Эвендим как перевод эльфийского *нenuйал*.

Для того чтобы успешно ориентироваться в рассказе о Войне за Кольцо, ознакомления с Засельским Летосчислением вполне достаточно. Все дни, месяцы и даты, встречающиеся в Алой Книге, переведены мною на засельские или разъяснены в примечаниях. Таким образом, месяцы и дни, упоминаемые во «Властелине Колец», даются в соответствии с Засельским Календарем. Разница между этим календарем и тем, которым пользуемся мы, существенна для повествования только в одном месте, относящемся, правда, к весьма напряженному периоду конца 3018 – начала 3019 гг. (З.К. 1418, 1419), а именно: в октябре 1418 г. было только 30 дней, 1 января – второй день 1419 г., в феврале – 30 дней, следовательно, 25 марта, день падения Барад-дура, будет соответствовать 27 марта по нашему стилю, если считать, что наши года начинаются одновременно. Однако по летосчислению как Королей, так и Наместников этой датой считается именно 25 марта.

Новое Летосчисление было введено в восстановленном Королевстве начиная с 3019 г. ТЭ. Оно представляло собой старое, Королевское Летосчисление, измененное таким образом, чтобы соответствовать новой точке отсчета, пришедшейся на весну, – примерно как в элдарском *лоа*^[42].

Согласно Новому Летосчислению, год начинался 25 марта по старому стилю, в память о падении Саурана и о деяниях Спутников Кольца. Месяцы сохранили прежние имена, причем первым стал *вирессэ*, или *апрель*; правда, теперь каждый месяц начинался на пять дней раньше. Все месяцы имели по 30 дней. Между *иаванниэ* (сентябрем) и *наркуэлиэ* (октябрем) по-прежнему вставлялись три

«средних дня» – *эндери*, соответствовавшие по старому стилю 23, 24 и 25 сентября. В честь Фродо 30 число месяца *иаванниэ*, соответствовавшее по-старому 22 сентября, дню, в который Фродо родился, стало праздником, и каждый високосный год отмечался теперь удвоением этого праздника, называемого *кормарэ*, или День Кольца.

Считается, что Четвертая Эпоха началась с отплытием Владыки Элронда, каковое произошло в сентябре 3021 г.; но, в целях удобства летописания, в Королевстве первым годом Четвертой Эпохи называли год, который, согласно Новому Летосчислению, начался 25 марта 3021 года по старому стилю.

За время царствования Короля Элессара это летосчисление утвердилось во всех странах, кроме Заселья, где сохранился старый календарь и продолжалось прежнее Засельское Летосчисление. Таким образом, 1 год ЧЭ считался у хоббитов 1422-м; когда же хоббиты все-таки сообразовали обратить внимание на смену эпох, это вылилось в принятие ими постановления – считать начало Четвертой Эпохи не с предыдущего марта, а со второго дня Юла 1422-го.

О том, чтобы жители Заселья особо отмечали 25 марта или 22 сентября, сведений нет; однако в Западном Пределе, особенно возле Хоббитонского Холма, зародился обычай веселиться и танцевать на Праздничном Поле 6 апреля, если, конечно, позволяла погода. Некоторые считают, что поводом к тому послужил день рождения старого Сэма Садовника, другие утверждают, что именно в этот день, в 1420 г., впервые покрылось цветами Золотое Дерево, а некоторые уверяют, что 6 апреля эльфы отмечают Новый Год. Кроме того, каждый год 2 ноября, на закате, в Бэкланде трубили в рог Страны Всадников, после чего зажигали костры и пировали^[43].

Приложение Д

ПИСЬМО И ПРОИЗНОШЕНИЕ

I. ПРОИЗНОШЕНИЕ СЛОВ И ИМЕН

Западный, или Общий, Язык в данном тексте полностью переведен на английский^[44]. Все имена хоббитов и особые слова, ими используемые, должны произноситься в соответствии с правилами английского языка^[45], например БУЛДЖЕР.

Транслитерируя древние алфавиты, я пытался одновременно передать первоначальное звучание древних фонем (насколько возможно было их реконструировать) и составить из них такие слова и названия, чтобы они не резали слух современному читателю и не казались ему чрезмерно неуклюжими...⁷⁹⁶

Те, кого интересуют подробности, могут обратиться к предлагаемым ниже разъяснениям^[46].

Согласные

<<Заголовок каждой статьи этого раздела состоит из буквы или сочетания букв, которые использует в оригинале автор, и – в угловых скобках – русских эквивалентов, которые используются в тексте перевода^[47].>>

«С» <<K>>: перед буквами Е и И всегда произносится как [К] – например, в слове *CELEB* — КЭЛЕБ – «серебро».

«СН» <<X, X°>>: используется только для передачи звука [X] или аспиративного [X°] (как в немецком или валлийском). В гондорской речи, за исключением положения в конце слов и перед Т, звук этот всегда превращается в аспиративное [X°], соответствующее английскому [h] и в словах другого происхождения обозначенное буквой h, а не как ch, как, например, в *ROHAN*, *ROHIRRIM* (РОХ°АН и РОХ°ИРРИМЫ). Сказанное не относится к имени ИМРАХИЛ

(*IMRAHIL*), так как это имя не гондорское, а нуменорское. <<В русском языке, не различающем аспиративного и фрикативного [X°] и [X], всюду без исключений используется буква X. В индексе имен аспиративное [X°] обозначается как X°>.

«TH» <<Д̇>>: звонкое [ð], как в английских словах *these* или *clothes*. Происходит обычно от звука [Д], как, например, в синдаринском слове ГАЛАД̇ («дерево»), соответствующем квенийскому АЛДА; иногда, правда, этот звук происходит от соединения [Н + Р], как в слове КАРАД̇РАС (Краснорог), от КАРАН + РАСС.

«F» <<Ф>>: представляет звук [Ф], исключая те случаи, когда эта буква стоит в конце слова; в таких случаях звук озвончается и превращается в [В], как в английском *of*, – такое озвончение происходит, например, в словах *NINDALF* и *FLADRIF* (НИНДАЛЬФ и ФЛАДРИФ): эти слова читаются как [НИНДАЛВ] и [ФЛАДРИВ].

«G» <<Г>>: всегда читается как [Г] – как, например, в слове ГИЛ («звезда»), а также в именах ГИЛДОР, ГИЛРАЭН, ОСГИЛИАТ̇.

«H» <<X, X°>>: в положении между двумя гласными читается как аспиративное английское [h] в словах *house* и *behold*. Квенийское сочетание ХТ читается как сочетание *cht* в немецких словах *echt* и *acht* – например, в названии созвездия ТЕЛУМЕХТАР (Орион)^[48]. См. также «CH», «DH», «LH», «B», «TH», «W», «Y».

«I» <<Й, И>>: в начальном положении перед другим гласным читается как согласный [Й] (ср. английское [y] в *you*), но только в Синдарине ([ЙОРЭТ̇, ЙАРВЭН]). См. «Y».

«K» <<К>>: используется в именах, заимствованных из неэльфийских языков, хотя произносится так же, как «C» в *CELEB* <<К в КЭЛЕБ>>. «KH» <<КX, X, K̇>> обозначает тот же звук, что и «CH» <<X>>, – например, в орочьем имени *GRISHNAKH* (ГРЫШНАХ) или в заимствованном из языка Адунаи (он же нуменорский) имени АДУНАХОР. О гномьих именах и названиях (напр., К(КХ)УЗДУЛ) см. ниже. <<Сочетание КХ (или буква K̇) в гномьих именах и названиях обозначает звук, близкий к твердому придыхательному [Ḱ] – как, например, в украинском слове «гарний».>>

«L» <<Л>>: с бóльшим или меньшим постоянством обозначает твердый [Л]. Однако, как правило, [Л] до некоторой степени подвергался палатализации (смягчению) в положении между гласными

переднего ряда (Е, И) и согласным, а также в конце слова после Е и И. Поэтому слова «мел» или «бил» Элдары, возможно, записали бы скорее как МЕОЛ и БИОЛ. <<Согласно этому правилу, [Л] в имени Гэндальфа остается твердым; следовательно, друзья обращались к нему скорее как ГЭНДАЛВ, нежели как ГЭНДАЛЬФ (см. «F»)>>. «LN» <<в русском варианте Љ>> представляет собой глухой вариант того же звука, обычно происходящий от сочетания СЛ в начале слова. В архаической форме квенийского этот звук пишется как «NL» <<ХЛ>>, но к Третьей Эпохе он уже повсеместно произносится как обычное [Л].

«NG» <<НГ>>: произносится как английское ng в слове finger <<т. е. как сочетание задненебного назализованного [ŋ] и [Г]>>, – за исключением тех случаев, когда это сочетание находится в конце слова; тогда оно звучит как ng в английском sing, т. е. как [ŋ]. Задненебный назализованный [ŋ] в Квэнии мог встречаться и в начале слова, но здесь для таких случаев употребляется обычное Н (как в НОЛДО), согласно произношению, принятому в Третьей Эпохе. В русском варианте «NG» оригинала везде передается как НГ.

«РН» <<Ф>>: обозначает звук [Ф]. Используется в следующих случаях: а) когда звук [Ф] стоит в конце слова, как в АЛФ (ALPH) – «лебедь»; б) когда звук [Ф] имеет отношение к [П] или от [П] происходит, как, например, в И-ФЕРИАНАТ (I-PHERIANNATH) – «невелички» (от ПЕРИАНА, PERIAN); в) в середине некоторых слов, где «РН» обозначает долгое [Ф:], производное от [П:], – как, например, в слове ЭФЕЛ (EPHEL) – «внешняя заграда»; и наконец, г) в словах на Адунаи и Западном Языке – например, АР-ФАРАЗОН (AR-PHARAZON) от ФАРАЗ (PHARAZ) – «золото».

«QU» <<КВ>>: читается как [KÚ] – звуко сочетание, чрезвычайно распространенное в квенийском; в синдаринском не встречается вовсе.

«R» <<Р>>: во всех позициях представляет звонкий дрожащий звук [Р], не исчезающий ни перед какими согласными (в отличие от английского г в слове part). Говорят, некоторые разновидности орков и отдельные гномы племени употребляют заднеязычное или увулярное [R̥] – звук, который Элдары находят невыносимым для слуха. «RH» представляет собой глухой [R̥] (обычно происходящий от архаичного начального сочетания СР-). На Квэнии писалось «HR» (ХР). См. «L». <<В русском варианте «RH» передается как Р.>>

«S» <<C>>: глухой [C] <<как в русских словах «сам» и «сухо»>>. Звук [3] не встречается ни в современной Квэнии, ни в Синдарине. «SH», звук, встречающийся в гномьей и орочьей версиях Западного Языка, похож на английское SH ([ʃ]) <<в русском варианте Ш>>.

«TH» <<T̥>>: звук, соответствующий глухому английскому [th], или [θ] (как в thin, cloth). В разговорном квенийском этот звук превратился в [C], хотя для его обозначения по-прежнему использовалась отдельная буква; ср. квенийское ИСИЛЬ и синдаринское ИЋИЛЬ – «луна».

«TY» <<T̥, Ч>>: звук, сходный, возможно, с палатализованным английским [tʰ] в tune <<или мягким русским [Тʹ], как в слове «кутья»>>. Происходит в основном от [K] (или [T] + [Й]). Говорящие на Западном Языке обычно заменяли его более привычным для них звуком [Ч].

См. «HY» в статье «Y».

«V» <>: соответствует английскому [V] <<русскому [B]>>; в конце слов на письме не употребляется. См. «F».

«W» <<Ū>> или <>: английское [W] <<в русском языке этот звук отсутствует, но его можно приблизительно описать как согласный звук, промежуточный между [Y] и [B]. Здесь обозначается буквой Ū или B>>. «HW» представляет собой глухое [B], похожее на [w^h] в слове white на североанглийском диалекте <<в русском варианте – Ъ>>. В Квэнии этот звук в начале слова отнюдь не казался экзотичным, хотя примеров этому в книге почти нет. «V» и «W» <<B и Ū>> применяются в транскрипции с Квэнии наравне друг с другом, хотя в латинском алфавите они слились; в Квэнии же эти два звука, разные по происхождению, никогда не смешивались между собой.

«Y» <<Й>>: в Квэнии использовалась как согласный [Й] <<как в слове «тайна»>>. В Синдарине является гласным (см. ниже). «HY» <<ХЬ>> относится к «Y» <<Й>> так же, как «HW» <<Ъ>> к «W» <<Ū>>, и произносится как английское [h] в словах hew, huge <<или как русское мягкое [Хʹ]; соответственно выбрано и обозначение – ХЬ>>. [X], встречающийся в квенийских словах ЭХТ, ИХТ тоже звучит мягко: [ЭХʹТ], [ИХʹТ]. Говорящие на Западном Языке часто заменяют [Хʹ] на более для них привычный [Ш]. См. «TY» выше. «HY» ([X]) обычно возводят к [СИ-] и [КХИ-]; в обоих случаях синдаринские слова, соответствующие подобным квенийским, будут,

как и в Квэнии, начинаться с [X] – например, юг – ХЪЯРМЕН – по-квеньски, ХАРАД – по-синдарински.

Заметим вдобавок, что двойные согласные, как ТТ, ЛЛ, СС, НН, представляют собой длинные или «удвоенные» согласные ([Т:], [Л:] и т. д.). Если такие согласные встречаются в конце слов, имеющих более одного слога, происходит обычно их сокращение – например, РОХАН<<РОХАНН<<РОХАНД.

Сочетания [НГ], [НД], [МБ], излюбленные в ранние эпохи носителями элдаринских языков, претерпели в Синдарине разнообразные изменения: так, [МБ] везде превратилось в [М], но, по соображениям ударности, по-прежнему считалось долгим согласным и в сомнительных случаях писалось как ММ^[49]. Сочетания [НГ] изменения не затронули – за исключением положения в начале и конце слова, где это сочетание обратилось в обычный назализованный [ŋ], как в английском sing. [НД] в большинстве случаев превратилось в [НН] (как в ЭННОР – «Средьземелье», кв. ЭНДОРЭ); однако в конце полуударных односложных слов, таких как ÓНД («корень», ср. МОРТО́НД – «Черный Корень»), превращения не произошло, равно как и перед Р, как в слове АНДРОС – «длинная пена». Сочетание НД можно встретить также в некоторых древних именах, имеющих более раннее происхождение, – как, например, НАРГО́ТРОНД, ГОНДОЛИН, БЕЛЕРИА́НД. В Третью Эпоху бывшее НД на конце длинных слов, таких как И́ТИЛИЭН, РОХА́Н, АНО́РИЭН, сократилось из НН до простого Н.

Гласные

Для обозначения гласных <<в английском варианте>> используются буквы «I», «E», «A», «O», «U» и (только для Синдарина) «Y» <<что соответствует русским И, Э, А, О, У и Й>>. Насколько можно судить, звуки, представленные этими буквами (исключая Й), были похожи на наши, хотя, без сомнения, диалектные модификации этих гласных звуков восстановить теперь почти невозможно^[50]. Итак, будем считать, что звуки, представленные буквами И, Э, А, О, У,

приблизительно соответствовали звукам, которые эти буквы обозначают в английских словах *machine*, *were*, *father*, *for*, *brute* <<«пир», «эра», «камень», «взор» и «сумрак»>>, независимо от квантитативного аспекта <<длины звука>>.

В синдаринском наречии долгие [Э̃], [Ā], [Ō] по качественным характеристикам не отличались от кратких, так как произошли именно из них и для тех времен сравнительно недавно (древние [Э̃], [Ā], [Ō] претерпели значительные изменения). На Квэнии долгие [Э̃] и [Ō], произнесенные как должно, т. е. в соответствии с произношением Элдаров, звучали несколько интенсивнее, чем краткие [О] и [Э], и были несколько более закрытыми.

Среди всех современных ему языков один только Синдарин имел в своем арсенале «измененный» или передний [У°], напоминающий звук [Ū] во французском слове *lune*. Частично звук этот образован слиянием [О] и [У], частично происходит от древнейших дифтонгов [ЭУ] и [ИУ]. Для обозначения этого звука в английском переводе использовалась буква «Y» (как и в древнеанглийском) – взять, например, слово *LYG* ([ЛУ°Г], «змея») – кв. ЛЕУКА или ЕМУН [ЭМУ°Н] – мн.ч. от АМОН («холм»). В Гондоре эта буква произносилась обычно как [И]. <<Русская версия придерживается гондорского произношения; поэтому синдаринское переднее [У°] транслитерируется здесь на русский как И. Таким образом, слово «змея» будет писаться как ЛИГ, а «холмы» – как ЭМИН (ср. ЭМИН МУЙЛ).>>

Долгие гласные обычно выделяются с помощью знака ударения, наклоненного влево (´), как в некоторых разновидностях Феанорова алфавита. В синдаринской традиции долгие гласные в находящихся под ударением односложных словах отмечаются знаком «´», поскольку в таких случаях гласные имели тенденцию к дополнительному удлинению^[51], – например, в слове ДУ́Н, если сравнить его с ДУ́НАДАН. В других языках – как, например, Адунаи или гномьем – знак «´» не имел особого значения и здесь используется только для того, чтобы подчеркнуть инакость этих языков⁷⁹⁷ (...)

(...) В Квэнии сочетания УИ, ОИ, АИ, а также ИУ, ИЕ, АУ всегда читаются как дифтонг (т. е. образуют один слог). Все другие встречающиеся пары гласных образуют разные слоги. Иногда это

подчеркивается двоеточием над одной из букв: например, Э̣А <<ЁА>>, Э̣О, ОЭ̣.

<<В русском варианте двоеточия опускаются.>>

В синдаринском языке имелись следующие дифтонги: АЭ, АИ, ЕИ, ОЭ, УИ, АУ. Все другие сочетания в этом языке дифтонгами не являются. В английском варианте конечное АУ заменяется, в согласии с английскими правилами, на аw, но следует заметить, что и в феанорианском правописании можно найти подобные же примеры <<в русском варианте дифтонг АУ в конце слова, как правило, сохраняется>>.

Все упомянутые дифтонги являются «нисходящими»^[52], иначе говоря, более сильным в них является первый элемент; все они составлены из простых гласных, слитых в единое целое. Дифтонги [АИ], [ЭИ], [ОИ], [УИ] произносятся как соответственные дифтонги в английских словах *guy, grey, boy, ruin*; дифтонг АУ – как в словах *loud* и *how*.

Дифтонгов, соответствующих [АЭ], [ОЭ], [ЭУ], в английском языке нет; из этих трех [АЭ] и [ОЭ] могут произноситься как [АИ] и [ОИ].

Ударение

Ударение в языках, о которых идет речь, не фиксировано, поскольку в языках Элдоров его место в слове определялось формой этого слова. В двусложных словах оно практически во всех случаях падает на первый слог. В словах более длинных оно падает на предпоследний слог, если тот содержит долгий гласный, дифтонг или гласный, за которым следуют два (или больше) согласных. Когда, как это часто бывает, предпоследний слог содержит краткий гласный звук, за которым следует только один согласный или ни одного, ударение падает на предшествующий слог, т. е. на третий с конца. Словам с таким ударением отдается предпочтение во всех языках элдаринской группы, особенно в Квэнии.

В приведенных ниже примерах место ударения обозначено заглавной буквой: исИлдур, Оромэ, эрЕссэа, фЭ̣анор, анкАлима, элентАри, дЭне́тор, ф́ериАнна́т, эќтЭ́лион, пелАргир, силИврэн.

Слова типа элентАри («звездная королева») в Квэнии встречаются редко – там скорее следовало бы ожидать на месте ударной долгий [Э̃], [Ā] или [Ō], если только это не сложные слова, как в данном случае. Чаще всего в этой позиции встречаются долгие гласные [И̃] или [У̃], как в слове «анд^Унэ» («закат», «запад»). Если подобные слова и встречаются в Синдарине, они могут быть только сложными. Заметим, что синдаринские «ДН», «ТН» и «СН» <<Д̃, Т̃ и Х>> являются отдельными согласными и в алфавитах рассматриваемых языков имеют каждый свой отдельный символ.

ПРИМЕЧАНИЕ

В именах, заимствованных из неэлдаринских языков, соответствие букв звукам, установленное выше, сохраняется, исключая особо оговоренные случаи, – кроме имен из гномьего языка. В этом языке, где не было описанных выше звуков, представленных как «ТН» <<Т̃>> и «СН» («КН») <<Х>>, «ТН» и «КН» произносятся как придыхательные, т. е. как [Т] или [К], сопровождаемые звуком [Х] <<примерно как в словах «кхмер» или «затхлый». Как правило, гномьи слова, начинающиеся с КХ (в основном тексте и индексе имен \dot{K}), содержат именно этот звук>>.

Буква З («Z») представляет звук [З]. Сочетание ГХ («GH»), встречающееся в Черном Наречии и у орков, является плоскощелевым заднеязычным звуком и соотносится с [Г] примерно так же, как [Д̃] [З] соотносится с [Д] (например, в словах ГХАШ или АГХ).

«Внешним» или «человеческим» именам гномов приданы здесь северные формы, но значение букв остается неизменным. То же относится и к роханским именам и названиям мест (где они не осовременены); правда, [ЭА] и [ЭО] здесь, в отличие от элдаринских языков, являются именно дифтонгами, соответствующими дифтонгу [ea] в английском bear и [eo] в имени Theobald. «У» в роханских названиях соответствует переднеязычному [У°] <<в русской версии передается буквой И>>⁷⁹⁸. Осовремененные формы узнать легко; они произносятся на английский <<в нашем случае русский>> манер. Как правило, это названия мест. Исключение составляет имя Червеуста⁷⁹⁹.

II. ПИСЬМО. ГРАФИКА

Шрифты и буквы, которыми пользовались в Третью Эпоху, все до одного восходили к элдаринским и уже в то время считались исключительно древними. К тому времени алфавитные системы, находившиеся в широком употреблении, уже достигли полного развития; однако иногда пишущие прибегали к более старым их разновидностям, где отсутствовали буквы для гласных звуков.

Все алфавиты можно было разбить на две группы, восходящие к двум независимым источникам: *Тенгвар*, или *Туу*, который я называю «буквы», и *Кертар*, или *Кирт*, или «руны». *Тенгвар* был предназначен для начертания букв пером или кистью; своей округлостью форма его букв обязана была происхождению этого алфавита – им пользовались для обычного письма. *Кертар* был изобретен в основном для надписей, вырезанных на камне и вытравленных в металле.

Из этих двух алфавитов древнее был *Тенгвар*. Его буквы изобрели еще Нолдоры, эльфы одного из элдарских племен, более других искусные в такого рода делах, – и случилось это задолго до изгнания Нолдоров. Старейшим из элдаринских алфавитов, *Тенгваром* Румила⁸⁰⁰, в Средьземелье не пользовались. Более поздний вариант, *Тенгвар* Феанора⁸⁰¹, почти целиком состоял из новоизобретенных букв, хотя кое-чем обязан был и алфавиту Румила. *Тенгвар* Феанора был привезен в Средьземелье изгнанниками-Нолдорами и через них стал известен Эдаинам и нуменорцам. В Третью Эпоху *Тенгвар* Феанора был распространен примерно на той же территории, что и Общий Язык.

Кирт изобрели белериандские Синдары; руны *Кирта* очень долго использовались лишь для записи имен и коротких памяток, нанесенных на дерево или камень.

Отсюда угловатая форма букв, напоминающая рунические письма наших дней, хотя между рунами *Кирта* и нашими была разница в написании, не говоря уже о том, что обозначали они совершенно другие звуки. Более древняя, упрощенная разновидность *Кирта* бытовала во Вторую Эпоху на востоке и стала известна многим народам – от людей до гномов и даже орков; правда, все без исключения орочьи племена видоизменили руны *Кирта*, приспособив

их к своим нуждам согласно собственному умению – или, наоборот, неумению. Один из таких упрощенных вариантов долго был в ходу у жителей Дейла, другой – подобный – у Рохирримов.

Однако в Белерианде, незадолго до конца Первой Эпохи, *Кирт*, отчасти под влиянием *Тенгвара* Нолдоров, был пересоздан и усложнен. Самая богатая и упорядоченная его разновидность стала известна под названием «алфавита Даэрона», поскольку эльфийская традиция считает, что изобрел его Даэрон, менестрель и хранитель Предания, живший при дворе короля Дориата Тингола. Но среди Элдаров алфавит Даэрона так и не стал алфавитом для повседневного употребления, поскольку при письме эльфы по-прежнему пользовались буквами Феанора. Что касается западных эльфов, то в большинстве своем они отказались от рун вообще. Правда, в Эрегионе алфавит Даэрона не забыли; эльфы научили ему жителей Мории, и он стал излюбленным гномьим алфавитом. С тех пор гномы пользовались им постоянно и впоследствии принесли его с собой на север. В позднейшие времена эти гномьи руны стали именоваться *Ангертас Мориа*, или «Длинные Морийские Руны». Впрочем, гномы, как в случае с языками, не погнушались перенять у соседей и другую бывшую у тех в ходу письменность, так что многие из гномов бегло писали буквами Феанора; правда, для своего собственного языка они использовали только *Кирт*, для которого со временем разработали и письменные формы.

| | I | II | III | IV |
|---|-------|-------|-------|-------|
| I | 1 p | 2 p | 3 q | 4 q |
| 2 | 5 p̄ | 6 p̄ | 7 qq | 8 qq |
| 3 | 9 b | 10 b | 11 c | 12 c |
| 4 | 13 b̄ | 14 b̄ | 15 cc | 16 cc |
| 5 | 17 m | 18 m | 19 cc | 20 m |
| 6 | 21 n | 22 n | 23 a | 24 a |
| | 25 y | 26 y | 27 z | 28 z |
| | 29 e | 30 e | 31 e | 32 e |
| | 33 l | 34 l | 35 l | 36 o |

Буквы Феанора

Приведенная здесь таблица содержит все буквы, которые были в ходу на Западе в Третью Эпоху, причем в том виде, в каком они употреблялись в рукописных книгах. Расположение и порядок букв соответствует одному из наиболее распространенных вариантов Феанорова алфавита, а именно тому, в котором каждая буква, согласно традиции, имела собственное имя.

Собственно говоря, буквы эти поначалу не были алфавитом в строгом значении этого слова, если понимать под алфавитом случайную последовательность букв, расположенных в некоем закреплённом соответствующей традицией порядке, который, однако, не имеет никакого отношения ни к виду этих букв, ни к их функциям^[53]. Буквы Феанора представляли собой скорее стройную

систему знаков, обозначающих согласные звуки и сходных по форме и написанию; эта система могла быть ради удобства легко приспособлена для обозначения согласных звуков любого языка, известного Эддарам (или ими изобретенного). Звуки не были закреплены за буквами раз и навсегда, но между буквами, как постепенно выяснилось, существовали определенные соответствия.

Всего в систему феанорианских букв входило двадцать четыре основных символа (1–24), разделенные на четыре *темара* (группы), каждая из которых имела по шесть *тьеллеров* («ступеней», или «степеней»). Кроме того, существовали «дополнительные буквы», представленные в таблице под номерами 25–36. Из них полностью самостоятельными буквами являются только 27 и 29, в то время как остальные представляют собой видоизменения других букв. Существовало также некоторое количество *техтар(ов)* (символов) для различных второстепенных надобностей; *техтар(ы)* в таблице не приводятся^[54].

Основные буквы состоят из элементов, называемых *телко* (стебель) и *лува* (дуга). Согласно форме стебля и дуги буквы 1–4 считались «правильными». Стебель мог быть также удлинненным (9–16) или, наоборот, укороченным (17–24). Дуга могла быть открытой (группы I и III) или замкнутой (II или IV); кроме того, и открытая, и замкнутая дуга могли удваиваться (5–8).

Принцип соответствия звуков и букв был задуман как свободный, но в Третью Эпоху эта свобода нашла ограничение в обычае использовать группу I в основном для обозначения переднеязычных зубных звуков, родственных звуку [Т] («*тинкотема*»), а группу II – губных типа [П] («*парматема*»). Применение символов из групп III и IV разнилось согласно нуждам различных языков.

В языках типа Западного, где широко использовались согласные типа Ч, ДЖ и Ш, группа III использовалась для их обозначения; в таких случаях в группе IV оставались взрывные типа [К] («*калматема*»). В Квэнии же, где кроме звуков типа «*калматема*» присутствуют палатализованные («*тьельпетема*») и лабиализованные («*квэссетема*»), палатализованные (мягкие) звуки были представлены феанорианским диакритическим знаком, обозначающим мягкость (обычно две точки под строкой), а группа IV была отведена для звуков типа [КВ].

В этих рамках обычно соблюдались также следующие отношения. «Правильные» буквы первой ступени отводились для «глухих взрывных», например [Т], [П], [К]. Удвоение дуги означало появление «голосового» элемента: если 1, 2, 3, 4 означали [Т], [П], [Ч], [К] (или [Т], [П], [ДЖ], [К^У], то за символами 5, 6, 7, 8 скрывались звонкие [Д], [Б], [Й], [Г] (или [Д], [Б], [Г], [Г^У]). Удлинение стебля означало привхождение «щелевого» призвука, так что названные выше согласные группы I в группе III превращались в [Т̣] <<английское th, θ>>, [Ф], [Ш] и [Х], или Т ([Б̣]), [Ф], [Х] щелевое и [В], а группа IV (13–16) – в [Д̣] ([ð]), [В], [Ж] и звонкое [Х] или [Д̣] ([ð]), [В], звонкое <<украинское>> [Х̣] и звонкое [Х̣В] (лабиализованное [У̣] или английское [w]).

Первоначально феанорианская система имела также в своем распоряжении дополнительную ступень с особо удлиненными стеблями, вытянутыми одновременно вверх и вниз. Эта ступень представляла обычно придыхательные согласные [Т+Х, П+Х, К+Х], но могла в случае необходимости обозначать и другие варианты согласных звуков. Языки Третьей Эпохи, для которых использовался этот алфавит, в дополнительной ступени не нуждались; тем не менее варианты букв с удлиненным вверх и вниз стеблем широко использовались для обозначения букв третьей и четвертой ступени, чтобы с большей определенностью отличить их от букв первой ступени.

Символы пятой ступени (17–20) применялись, как правило, для носовых согласных, например, 17 и 18 обозначали в большинстве случаев звуки [Н] и [М]. Согласно перечисленным выше правилам, шестая ступень, таким образом, должна была быть отдана глухим носовым звукам; но поскольку такие звуки (как пример можно привести валлийское глухое *nh* или древнеанглийское *hn*) в рассматриваемых языках встречались чрезвычайно редко, шестая ступень обычно использовалась для слабых или «полугласных» (сонорных) согласных каждой группы; для их обозначения использовались буквы более простой формы и меньшей величины, чем остальные. Например, 21-я буква часто использовалась для обозначения слабого («глухого») [Х°], когда-то существовавшего в Квэнии и считавшегося самым слабым из согласных, входивших в группу *тинкотема*; 22-я буква широко использовалась для

обозначения звука [У] ([w]); и наконец, в языках, где группа III обозначала палатализованные звуки, буква 23 использовалась обычно как согласный [Й]^[55].

Некоторые согласные звуки четвертой ступени обнаружили со временем тенденцию к ослаблению; постепенно они стали отождествляться и смешиваться с согласными шестой ступени (см. выше). В итоге последние перестали претендовать на отличную от первых функцию в языках Элдаров; именно из освободившихся в результате этого процесса символов произошло впоследствии большинство букв, призванных обозначать гласные.

ПРИМЕЧАНИЕ

Традиционное письмо в Квэнии имело с описанным выше некоторые расхождения. Вторая ступень использовалась в Квэнии для сочетаний [НД], [МБ], [НГ] и [НГЎ]; все они были широкоупотребительны, особенно если учесть, что звуки [Б], [Г], [ГЎ] вне этих сочетаний не встречались. Для [РД] и [ЛД] использовались особые буквы (26 и 28). (Заметим, что для сочетания [ЛБ] (не путать с [ЛЎ]) многие носители языка, в особенности эльфы, использовали ту же букву, что и для [ЛБ], а именно 27+6, так как сочетания [ЛМБ] не существовало.) Сходным образом четвертая ступень использовалась для очень часто встречающихся сочетаний [НТ], [МП], [НК], [НКВ], ибо Квэния не располагала звуками [Д°] ([ð]), [ГХ] и [ГХЎ], а для звука [В] использовалась буква 22. См. названия квенийских букв, с. 1401–1403.

Дополнительные буквы. Символ 27 повсеместно обозначал звук [Л]. 25 (по своему происхождению – видоизмененный 21) использовался для «сильного» дрожащего [Р]. 26 и 28 представляли собой модификации этих двух букв и часто использовались для обозначения глухих [Р] и [Л] соответственно. Правда, в Квэнии эти символы обозначали [РД] и [ЛД]. 29 означал [С], а 31 (с двойным завитком) – [З], если в данном языке требовалась такая буква. Перевернутые 29 и 31 (30 и 32) могли в принципе обозначать и отдельные звуки, но использовались в основном как варианты букв 29

и 31, если это было удобнее на письме – например, в том случае, когда они сопровождалась *техтар(ами)*.

Буква 33 происходит от видоизмененной буквы 11, представляя собой ее ослабленный вариант; в Третью Эпоху она чаще всего использовалась для обозначения звука [X]. Символ 34 использовался (если использовался вообще) в основном для глухого двугубного [Ḃ]. 35 и 36, в тех случаях, когда ими обозначали согласные, звучали соответственно как [Й] и [Ў] (двугубный звонкий).

Гласные в системе феанорианского алфавита представлялись *техтар(ами)*^[56], знаками, помещавшимися обычно над буквой, обозначающей согласный. В таких языках, как Квэния, где большинство слов оканчивалось на гласный, *техта* ставилась над предшествующим согласным; в языках, подобных Синдарину, где слова кончались в основном на согласный, *техта* ставилась над последующей согласной буквой. Когда в требуемой позиции согласного не было, *техта* ставилась над «малым подставом», имевшим вид *i* без точки. Число постоянно используемых в разных языках *техтар(ов)* было немалым. Наиболее общеупотребительные, обозначающие обычно гласные [Э], [И], [А], [О], [У] и их модификации, представлены примерами из книги. Три точки, обозначающие, как правило, А, в скорописи представляли в самом разном виде – чаще всего как сиркомфлекс («'»)^[57]. Одна точка и наклоненный вправо штрих часто означали [И] и [Э] (в некоторых письменностях наоборот – [Э] и [И]). Для обозначения [О] и [У] использовались завитки. В надписи на Кольце завиток, разомкнутый направо, используется для У, хотя на титульном листе под этим знаком кроется О, а завиток, разомкнутый налево, наоборот, заменяет У. Вообще на письме отдавалось предпочтение «правому» завитку, поэтому его значение зависело от языка, – например, Черное Наречие буквы О почти не знало.

Чтобы показать долготу гласной, *техту* обычно помещали над так называемым «длинным подставом», напоминавшим *j* без точки. Кроме того, *техтар(ы)* для этой цели можно было удваивать. На практике, правда, удваивались в основном только «завитки» да – изредка – наклонные штрихи. Знак двух точек чаще использовался для указания на мягкость согласного.

Надпись на Западных Воротах – образец «полного написания», с гласными, представленными каждая отдельной буквой. Здесь представлены все гласные буквы, использовавшиеся в синдаринской графике. Можно отметить, что символ 30 использовался для гласного [И]; кстати, дифтонги с этим звуком обычно изображались с помощью *техты*, обозначающей И, которая ставилась над предшествующей И гласной буквой. Если же за гласной следовало [У] (в случае дифтонгов [АУ] и [АЎ]), то подобным же образом использовали завиток буквы У или его видоизмененный вариант ~ (титло). Впрочем, часто дифтонги писались и полностью, как в транскрипции. Длина гласной в рассматриваемом способе письма обозначалась обычно наклонным штрихом, называемым в этом случае *андаит* – «длинная мета».

Кроме упомянутых *техтар(ов)*, существовали и другие, используемые в основном для сокращений и обозначающие большей частью высокочастотные сочетания согласных букв, что позволяло не писать каждый раз эти сочетания полностью. В число этих *техтар(ов)* входила черточка (знак, напоминающий испанскую *тильду*), которая помещалась над согласным и означала, что данному звуку предшествует носовой из той же группы (например, в таких сочетаниях, как [НТ], [МП] или [НК]; однако подобный же знак, помещенный под строкой, означал, как правило, что данный согласный – долгий или удвоенный. Обращенный вниз крючок, «подвешенный» к дуге, указывал на следующий за этим согласным звук [С], особенно в излюбленных квенийских сочетаниях [ТС], [ПС] и [КС].

Само собой разумеется, для передачи звуков английского <<равно как и русского>> языка специальной разновидности алфавита не существовало. Тем не менее система Феанора позволяет создать на своей основе вариант, фонетически эквивалентный английскому <<или русскому>>. Краткая надпись на титульном листе ни на что особенно не претендует; это скорее образец того, что получилось бы из подобной затеи у жителя Гондора, которому пришлось бы в таком случае колебаться между привычными для него значениями букв, принятыми в гондорской разновидности *Тенгвара*, и традиционным английским <<или русским>> письмом⁸⁰².

Названия букв. Во всех разновидностях Феанорова *Тенгвара* каждая буква и каждый символ имели свои имена; имена эти должны были соответствовать фонетическим особенностям каждой из

разновидностей или даже определять их. Часто, однако, носителям данных языков представлялось желательным, чтобы имя каждой буквы несло в себе какой-нибудь образ. Для этой цели прибегали обычно к квенийским «полным именам» – даже в тех случаях, когда описываемый звук был квенийскому не очень-то свойствен. Каждое такое «полное имя» представляло собой подлинное слово квенийского языка, подобранное так, чтобы содержать букву, о которой шла речь. По возможности буква эта должна была быть первой звучащей буквой этого слова; в тех же случаях, когда такой звук или сочетание в начале слова не встречались, выбиралось слово, где эта буква (звук) следовали бы сразу за первой гласной буквой. Вот названия букв, приведенных в таблице: (1) *тинко* (металл), *парма* (книга), *калма* (лампа), *квэссэ* (перо); (2) *андо* (ворота), *умбар* (судьба), *анга* (железо), *унгуэ* (паутина); (3) *түлэ* (*сулэ*) (дух), *формен* (север), *харма* (сокровище) (или *аха* – гнев), *Бэста* (бриз); (4) *анто* (рот), *ампа* (крюк), *анка* (челюсти), *унквэ* (дупло); (5) *нүмэн* (запад), *малта* (золото), *нолдо* (уст.^[58] *нголдо*) (эльф из племени Нолдоров), *ну́алмэ* (уст. *нгү́алмэ*) (*мў́ка*); (6) *òрэ* (сердце, внутренний ум), *вала* (ангельская сила), *анна* (дар), *вилаи* (воздух, небо; уст. *у́илиа*); *рòмэн* (восток), *арда* (область), *ламбэ* (язык), *алда* (дерево); *сильмэ* (звездный свет), *сильмэ нуквэрна* (перевернутое С), *áрэ* (солнечный свет) или *эссэ* (имя), *àрэ нуквэрна*; *хьярмэн* (юг), *Бэста синдарину́а*, *йанта* (мост), *үрэ* (жар).

В тех случаях, где есть варианты, можно видеть последствия определенных изменений, произошедших с квенийским языком в устах Изгнанников. Так, буква 11 называлась ранее *харма*, так как во всех позициях обозначала щелевой [X]; но, когда щелевой [X] превратился в начале слова в придыхание (в середине слова оставшись без изменений), буква была названа *аха*^[59]. Слово *арэ* читалось изначально как [АЗЭ], но, когда произошло слияние входящего в него [З] с 21, этот знак стал использоваться для обозначения удвоенного [С], в квенийском встречающегося очень часто, и был переименован в *эссэ*. Буква *Бэста синдарину́а*, или «серозэльфийское глухое Ъ́», была названа так потому, что символ 12 в квенийском и без того звучал как [Ъ́], так что особых дополнительных знаков, отличающих его от [ХУ́] и глухого [Ъ́], не требовалось. Самыми известными и широко используемыми названиями были 15 ([Н]), 33 ([Х']), 25 ([Р]) и 9 ([Ф]): *НУ́МЭН*, *ХЬЯРМЭН*, *РОМЭН* и *ФОРМЭН* – запад, юг, восток и север

(ср. синдаринские ДЎН или АННЎН, Х°АРАД, ЎН (с глухим [Р]) или АМРЎН и ФОРОД). Этими буквами обычно обозначались стороны света даже в том случае, когда в языке использовались для них совсем другие слова. В Западных странах, перечисляя стороны света, следовали обычно именно приведенному порядку, начиная с запада и обращаясь к нему лицом. Кстати сказать, слова ХЪЯРМЭН и ФОРМЭН означали по смыслу «левая сторона» и «правая сторона» (в большинстве человеческих языков им пришлось бы поменяться местами).

Кирт¹⁶⁰

Система графических символов, называемая *Кертас Даэрон*, изначально была предназначена только для звуков Синдарина. Старейшие *кирт* – буквы 1, 2, 5, 6; 8, 9, 12; 18, 19, 22; 29, 31; 35, 36; 39, 42, 46, 50 и, в добавление к ним, *кер* 13, тогда не различавшийся с 14 и 15. Звуки, приписываемые этим символам, строгой системы не представляли. 39, 42, 46 и 50 обозначали гласные и остались ими, несмотря на все позднейшие перетасовки. 13 и 15 использовались для [Х] и [С]; соответственно, 35 использовалась для [С] или [Х]. Тенденция колебаться между [С] и [Х] в присвоении значений этим буквам сохранилась и позже. В символах, состоящих из ствола и ветви (с 1 по 31), ветвь присоединялась к стволу, как правило, справа, если не с двух сторон одновременно. Обратное встречалось довольно часто, но фонетического значения такое «леворазветвление» не имело.

Расширение и дальнейшая разработка алфавита *кертас* породили новую систему, в старейшей своей форме называемую *ангертас даэрон*, поскольку добавления к древним *кирт* и новая их перестановка приписываются традиционно Даэрону. Несмотря на это, по-настоящему значительное расширение алфавита, а именно – добавление двух новых групп с 13 по 17 и с 23 по 28, было, скорее всего, предпринято не кем иным, как Нолдорами Эрегиона, поскольку звуков, которые были призваны обозначать эти новые группы, в синдаринском не было.

В новом расположении символов *ангертаса* легко прослеживаются следующие принципы (навеянные, очевидно,

феанорианской системой): 1) добавочный штрих на ветви обозначает звонкость; 2) разворот *керта* вправо означает превращение согласного в щелевой; 3) ветвь, «растущая» по обе стороны от ствола, означает звонкость и одновременно назализацию согласного. Эти принципы выдерживались с завидной последовательностью, за одним только исключением. В древнем синдаринском не обойтись было без символа, обозначающего щелевое [М⁻] (или, что то же самое, назализованное [В⁻]), и поскольку легче всего было этого добиться вводом зеркального отображения символа [М], то соответствующий по форме 6 сделался знаком для [М], а 5 стал означать звук [В̌].

36, задуманный как [З], в записи звуков синдаринского или квенийского превратился в [С] (см. 31 Феанорова алфавита). 39 использовался и как И, и как согласный Й; 34 и 35 независимо друг от друга обозначали один и тот же звук – [С]; 38 употребляли для обозначения высокочастотного сочетания [НД], хотя форма этого символа сама по себе не указывала на принадлежность означаемого к зубным.

В приведенной таблице значений звуки, помещенные слева и отделенные от основных с помощью черточки («-»), представляют значение символов, принятые в старейшем *Ангертасе*. Звуки, помещенные справа, – те, что были приняты в гномьем *Ангертас Мориа*^[61]. Морийские гномы, как легко можно видеть из таблицы, ввели в алфавит некоторые внесистемные изменения, касающиеся звучания отдельных символов, а также ряд новых *кирт*: 37, 40, 41, 53, 55 и 56. Нарушения звуков системы восходят в основном к двум причинам: 1) изменены были значения 34, 35 и 54 (в гномьем языке слова, начинающиеся на гласный, предварялись обычным или гортанным [Х°] <<в русском переводе представленным как Ъ (КХ), как, например, в слове Ъ (КХ)УЗДУЛ>>; повлияли эти изменения также на место в алфавите звука [С]. 2) Полностью опущены были 14 и 16, которые гномы заменили на 29 и 30. Кроме того, можно заметить, что гномы последовательно использовали 12 как Р, новоизобретенный 53 (часто смешиваемый с 22) как Н, 17 – ради упорядочения его отношений с 54, т. е. С – как З; 36 последовательно употреблялся как Н, а новый *керт* 37, стал означать [НГ]. Новые символы, 55 и 56, происходили от усеченного начертания символа 46; использовались

они для обозначения редуцированных разновидностей звуков [А] и [Э]. В слабой позиции, где эти редуцированные близки были к исчезновению, обозначение их часто сводилось к обыкновенному штриху, лишенному даже ствола. Именно эта разновидность *Ангертас Мориа* представлена в надписи на могильной плите (гл. 4, ч. 2, кн. 2).

Гномы из Эребора пошли еще дальше в совершенствовании своей графической системы и создали алфавит, известный под названием Эреборского и представленный Книгой Мазарбул. Главными характеристиками этой модификации были следующие: 43 означал звук [З], 17 – [КС]; добавилось также два новых *кирт* – 57 и 58 (для сочетаний [ПС] и [ТС]). Вновь введены были 14 и 16 – на этот раз они использовались как [ДЖ] и [Ж]; одновременно с этим 29 и 30 стали обозначать [Г] и [ГХ], а то и вовсе свелись к вариантам 19 и 21. Эти особенности в данной таблице не отражены, за исключением двух специфических эреборских *кирт* – 57 и 58.^[62]

| |
|-----------------|
| <i>Ангертас</i> |
|-----------------|

| | | | | | | | | |
|----|----|----------------|----|---------|----|--------|----|----------|
| 1 | Р | П | 16 | Ж | 31 | Л | 46 | Э |
| 2 | Б | | 17 | НДЖ-З | 32 | Л̂ | 47 | Э̂ |
| 3 | Ф | | 18 | К | 33 | Ж | 48 | А |
| 4 | В | | 19 | Г | 34 | З̂ | 49 | А̂ |
| 5 | Ф̂ | | 20 | КХ(К̂) | 35 | С' | 50 | О |
| 6 | Б | М | 21 | Г̂ | 36 | Х | 51 | ММ̂ |
| 7 | Б̂ | МХ(М̂), МБ̂ | 22 | Ψ | 37 | Ж̂ | 52 | ↑↑̂ |
| 8 | Т̂ | | 23 | К̂ | 38 | ММ̂ | 53 | ÿ |
| 9 | Д̂ | | 24 | Г̂ | 39 | И̂(Й̂) | 54 | Л̂ |
| 10 | ↑̂ | | 25 | КХ̂ | 40 | Й̂* | 55 | ↑̂ ~ Ā̂¹ |
| 11 | Д̂ | | 26 | Г̂, Г̂̂ | 41 | Н̂ | 56 | ↑̂ ~ ̂* |
| 12 | ↑̂ | Н-Р | 27 | Г̂ | 42 | Х̂ | 57 | Ж̂ |
| 13 | Х̂ | | 28 | Н̂ | 43 | Х̂ | 58 | Д̂ |
| 14 | Д̂ | ДЖ | 29 | Р-ДЖ | 44 | Г̂ | 59 | І̂ |
| 15 | Ш̂ | | 30 | Р̂-Ж̂ | 45 | Ж̂ | 60 | ⋈ & ² |

Приложение Е

1. ЯЗЫКИ И НАРОДЫ ТРЕТЬЕЙ ЭПОХИ

Английский язык трилогии в переводе соответствует Западному, или Общему, Языку, бывшему в обращении у жителей западных областей Средьземелья Третьей Эпохи. В продолжение этой Эпохи Западный Язык стал родным языком почти для всех говорящих племен (кроме эльфов), обитавших тогда в пределах старых королевств Арнор и Гондор – т. е. по всем побережьям от Умбара до залива Форохэл на севере и в глубь страны, до самых Туманных Гор и Эфел Дуата. Распространился Западный Язык также и вверх по Андуйну, захватив области к западу от Реки и к востоку от Гор – до самых Сабельников.

Во времена Войны за Кольцо, в самом конце Эпохи, названные границы еще определяли ареал распространения этого языка как родного, хотя к тому времени бóльшая часть Эриадора опустела, и на берегах Андуйна от Сабельников и вплоть до Раурса не селился почти никто.

В Друаданском лесу, что в Аноризне, все еще скрывались тогда малочисленные потомки древнего Лесного Народа, а на холмах Дунланда (Тусклоземья) обитали остатки племен, населявших в старину бóльшую часть Гондора. И те и другие держались своих собственных языков. На равнинах Рохана обитал северный народ, именуемый Рохирримами и переселившийся в эти земли пятью веками раньше; Рохирримы также имели свой язык. Но даже те, кто сохранил собственную речь, включая эльфов, использовали Западный Язык как второй язык, удобный для общения между племенами, – так что его можно было услышать не только в Арноре и Гондоре, но и по всему течению Андуйна, включая восточные земли до самых дальних окраин Чернолесья. Даже среди Лесных Людей и дунландцев, старавшихся, как правило, избегать встреч с чужаками, находились отдельные знатоки, которые могли изъясняться на Общем Языке, хотя и ломаном.

Еще во времена Старшей Эпохи эльфы разделились на две основные ветви: западную (Элдары) и восточную. К последней принадлежало большинство эльфов Чернолесья и Лориэна; их языки в этой истории на сцене не появляются. Все эльфийские слова и имена даются здесь в *элдаринской* форме^[63].

Из языков Элдаров в этой книге встречаются два: язык Высших эльфов, или квенийский (*Квэния*), и язык Серых эльфов, или синдаринский (*Синдарин*). Квэния – древний язык Элдамара, что за Океаном; он же – язык первых письменных источников. Родным языком к тому времени он не являлся уже ни для кого, превратившись в нечто вроде «эльфийской латыни» и став языком церемоний, а также возвышенных преданий и песен, которые пели Высшие эльфы, изгнанниками вернувшиеся в Средьземелье в конце Первой Эпохи.

Язык Серых эльфов по своему происхождению родствен квенийскому: это – язык тех Элдаров, которые не покинули когда-то Средьземелье и не уплыли за Море, а остались жить на берегах Белерианда. Королем их был Тингол Серая Мантия из Дориата. За долгие годы жизни в Сумерках язык этих эльфов, как и все в землях смертных, подвергся изменениям и сильно отдалился от языка Элдаров, живущих за Морем.

Изгнанники, поселившись среди Серых эльфов, тоже приняли Синдарин к повседневному употреблению; с тех пор он сделался всеэльфийским, и упоминающиеся в книге эльфы и эльфийские владыки говорили именно на нем. Все они принадлежали к роду Элдаров, хотя эльфы, над которыми они владовали, были зачастую и более низкого происхождения. Благороднейшей из Властителей-Элдаров была Владычица Галадриэль, в чьих жилах текла царственная кровь династии Финарфина, – она приходилась сестрой Финроду Фелагунду, королю Нарготронда. В сердцах изгнанников всегда жила тоска по Морю, которую ничем было не унять; у Серых эльфов тоска эта дремала, но стоило раз пробудить ее – и утишить ее уже нельзя было ничем.

По своему происхождению Западный Язык – язык человеческий, правда обогащенный и смягченный за счет эльфийского влияния. Первоначально на нем говорили те, кого Элдары называли *атани* или *эдаины*, что значит «праотцы людей»; они принадлежали к Трем Родам Друзей Эльфов, родоначальники которых пришли на запад, в Белерианд, во времена Первой Эпохи и помогли Элдарам в Войне за Великие Камни, вооружившись вместе с эльфами против Темной Силы, обитавшей на севере⁸⁰³.

После поражения Темной Силы, когда Белерианд большей частью погрузился на дно моря или остался лежать в руинах, Друзьям Эльфов дарована была награда: теперь они, как и Элдары, могли переселиться на запад, за Море. Но поскольку Земли Бессмертных были для них под запретом, людям Трех Родов дарован был отдельный большой остров – самая западная из земель, когда-либо населенных смертными. Остров этот носил имя *Нуменор* (что значит «Закатный Край»). Так большая часть Друзей Эльфов покинула родину и поселилась в Нуменоре, где они стали великим и могучим народом, славным своими мореходами и многочисленным флотом. Нуменорцы были светлы ликом и высоки ростом, и срок их жизни втрое превышал отпущенный обычным людям, населяющим Средьземелье. Таковы были нуменорцы, Короли людей, которых эльфы называли *Дун-Эдаины* <<в русском переводе просторечная форма этого слова звучит как *дунаданы*>>.

Дун-Эдаины были единственными из людей, кто знал эльфийский язык и мог на нем изъясняться; их праотцы, выучив синдаринский язык, передали детям это знание как часть Предания в котором с течением лет почти ничего не менялось. Мудрецы этого племени, в добавление к синдаринскому, учили еще и язык Высших эльфов – квенийский, который они ставили выше всех остальных и давали на нем имена особо памятным и почитаемым горам, рекам и долинам, а также людям королевской крови или воинам, которые завоевали себе особенно громкую славу^[64].

Родным для нуменорцев, однако, остался человеческий язык их предков, *Адунаи*; в поздние времена Короли Нуменора в гордыне своей вновь обратились к нему и презрели эльфийскую речь – за исключением тех, кто еще не разорвал тогда старинной дружбы с Элдарами. В годы своего могущества нуменорцы в помощь своему флоту держали на западном побережье Средьземелья множество

фортов и гаваней; одной из крупнейших среди этих гаваней был Пеларгир, построенный невдалеке от устья Адуина. В этих гаванях говорили на Адунаи. Заимствовав постепенно множество слов из языка Меньших Людей, Адунаи превратился в так называемый Общий Язык, который со временем распространился среди жителей побережья, имевших торговые и другие дела с Закатным Краем.

После падения Нуменора пережившие катастрофу Друзья Эльфов во главе с Элендилом вернулись на северо-западное побережье Средьземелья. Там обитало тогда уже довольно значительное число людей, в чьих жилах текла нуменорская кровь, – правда, эльфийского языка среди них не помнил почти никто. Все говорит за то, что дунаданов с самого начала было гораздо меньше, чем Меньших Людей, среди которых те жили и правили, будучи властителями по глубинной своей сути – долгоживущими, могущественными и наделенными высшей мудростью. Общаясь с другими племенами и правя обширными королевствами, нуменорцы стали пользоваться Общим Языком, расширив, правда, словарный запас и обогатив грамматику за счет языков эльфийских.

В дни нуменорских Королей облагороженный Западный Язык распространился вдаль и вширь настолько, что на нем заговорили даже враги; что касается самих дунаданов, то они переходили на Западный Язык в разговоре все чаще – и в итоге ко времени Войны за Кольцо знающих эльфийский среди жителей Гондора осталась разве что горстка, а таких, кто говорил на нем у себя дома, – и того меньше. Знатоки эльфийского жили в основном в Минас Тирите и его пригородах, а также в земле ленных князей Гондора – Дол Амроте. Тем не менее все названия мест и имена в королевстве Гондор были эльфийскими – как на слух, так и по смыслу. Было, правда, среди них несколько слов забытого происхождения, доставшихся гондорцам, несомненно, в наследство от тех времен, когда корабли нуменорцев еще не бороздили Моря. Среди этих названий были *Умбар*, *Арнах* и *Эрех*, а также имена гор – *Эйленах* и *Риммон*. К старым именам относится также имя *Форлонг*.

Большинство людей, живших на северных окраинах Западных Земель, либо происходили прямо от Эдаинов Первой Эпохи, либо находились с ними в близком родстве. Их языки были сродни языку Адунаи, и некоторые из этих языков до сих пор напоминают Общий.

Это относилось и к племенам, населявшим верхнее течение Андуина: Беорнингам, Лесным Людям из Западного Чернолесья, северянам и жителям Дейла, если продвинуться еще немного на северо-восток. Кроме того, из земель, лежащих между Сабельниками и Карроком, на историческую сцену явился народ, который в Гондоре знали как Рохирримов – Хозяев Коней. Рохирримы говорили на языке своих предков и дали на этом языке новые названия землям, куда переселились. Себя они называли Эорлингами или Народом Марки. Тем не менее короли Рохирримов свободно владели Общим Языком, в благородстве речи не уступая своим гондорским союзникам; правда, по сравнению с остальными странами Гондор, откуда Западный Язык распространился по всему Средьземелью, сохранил его в несколько более старомодной, хотя и более изысканной версии.

Речь Лесных Людей из Друаданского леса не походила ни на один из известных языков. То же самое можно сказать и о языке дунландцев, хотя, возможно, дотошному исследователю и удалось бы доказать некоторое отдаленное его родство с Западным Языком. Дунландцы представляли собой остатки племен, населявших долины Белых Гор в давно минувшие века. Мертвые из Дунхаргской Крепости, как считают, были им сродни.

Соседние им племена в Темные Годы переселились в южные долины Туманных Гор, откуда некоторые из них впоследствии перебрались еще дальше – в незаселенные земли, простиравшиеся до самых Курганов. От этих людей произошли брийцы. Они довольно рано признали себя подданными Северного Королевства Арнор и перешли на Западный Язык. В целом прежний язык и нравы люди этой ветви сохранили только в Дунланде; его обитатели хоронились от чужаков, дунаданов считали врагами, а Рохирримов ненавидели лютой ненавистью.

В этой книге о языке дунландцев не говорится, и дунландское слово появляется на ее страницах только один раз: это – прозвище *форгойл*, которым они наделяли роханцев (говорят, *форгойл* означает «соломенные лбы»). Сами названия *Дунланд* и *дунландцы* («Тусклоземье», «тусклоземцы») взяты из языка Рохирримов и связаны со смуглокожестью дунландцев и их темными волосами, что отразилось в роханском корне *дунн*-; таким образом, эти названия не имеют ничего общего с синдаринским *дун* – «запад».

О хоббитах

Ко времени, о котором идет речь, хоббиты из Заселья уже около тысячи лет как перешли на Общий Язык. Пользовались они им на свой манер – раскованно и беспечно; правда, наиболее ученые из них все еще владели его более строгими формами и, когда того требовала обстановка, могли вызвать их к жизни.

О каком-либо особом хоббичьем языке в источниках не упоминается. В древности хоббиты, по-видимому, говорили в основном на языках людей, с которыми – или возле которых – жили. Следуя этой традиции, хоббиты, переселившись в Эриадор, быстро переняли Общий Язык. Ко времени заселения Бри некоторые из них уже начали забывать наречие, на котором говорили прежде. Этот забывшийся язык, по всей очевидности, был человеческим языком, на котором говорили в верховьях Андуина; скорее всего, он был родствен эотеодскому. Однако хоббиты-южане, Дубсы, говорили, по-видимому, до своего появления в Заселье на языке, близком к дунландскому^[65].

Во времена Фродо от прежних языков у хоббитов осталось лишь несколько случайных следов, отложившихся в местных словечках и названиях, многие из которых сильно напоминают дейлские и роханские. Особенно примечательны названия дней, месяцев и времен года. Некоторые древние слова сохранились и в обиходе, как, например, *матом* и *смайл*; однако большинство старых корней осталось только в засельских и брийских топонимах. Личные имена, бывшие в ходу у хоббитов, тоже весьма своеобразны, и многие из них ведут свое происхождение из далекой древности.

Хоббитами называли обычно своих сородичей только обитатели Заселья. Люди именовали хоббитов *невеличками*, эльфы – *ферианнат*^[66]. Происхождения слова «хоббит» не помнил в то время уже почти никто. Можно, однако, предполагать, что изначально это было прозвище, которым Белоскоры и Дубсы наделили в свое время Шерстоногов; тогда это не что иное, как претерпевшее некоторые изменения словечко «норокопатель», наиболее полно сохранившееся в языке роханцев и звучащее как *хольбитла*.

О других племенах

Энты. Наиболее древним народом Средьземелья на конец Третьей Эпохи по праву считалось племя *Онодримов*, или *Энид*. Энтами именовали их роханцы – так видоизменилось в их произношении слово *Энид*. Древним Элдарам было известно об их существовании, и энты считали, что язык, на котором они говорили, дали им эльфы, – по крайней мере Элдары внушили энтам стремление говорить и воодушевили их на овладение речью. Язык, который создали для себя энты, не похож ни на какой другой. Это медленная, певучая, слитная речь с тенденцией к агломерации, полная повторений и требующая от говорящего исключительной долготы дыхания. Этот язык построен на множестве разновидностей основных гласных звуков, а также на сложных модуляциях тона и долготы, настолько трудноразличимых, что даже Хранители Предания из числа Элдаров отказались в конце концов от попыток передать их на письме^[67].

Энты говорили на этом языке только между собой, причем засекречивать его у них не было никакой необходимости, так как никто, кроме них самих, не способен был его выучить.

Сами энты были способными учениками, быстро усваивали чужие языки и, раз усвоив, уже не забывали. Из всех знакомых им наречий они предпочитали элдаринские, особую любовь питая к древнему языку Высших эльфов. Таким образом, диковинные слова и названия, слышанные хоббитами, по их воспоминаниям, от Древоборода и других энтов, являются на самом деле эльфийскими, причем иногда это целые обрывки фраз, соединенных, на энтийский манер, в одно слово. Некоторые из этих цитат явно восходят к квенийскому, например *Таурелиломэа-тумбалэморна Тумбалэтаурэа Ломэанор*, что означает «Лесогустотенистая-Глубоколощинночерная-Глубоколощиннолесная-Мракострана», под чем Древобород разумел примерно следующее: «В глубоких лесных лощинах залегла черная тень». Иногда в речи старого энта слышатся и синдаринские корни: например, *Фангорн* означает «Борода-дерево», а *Фимбретиль* – «Тонкая-ветвь».

Орки и Черное Наречие. Орк – слово, представляющее собой роханский вариант этнонима, которым называли это отвратительное племя народы Средьземелья. На синдаринском этот этноним звучит как *орх*. Соответствующее слово Черного Наречия – *урук* – находится с

синдаринским в несомненном родстве, хотя употреблялось оно только по отношению к большим боевым оркам, особенно расплодившимся в те времена в Мордоре и в Исенгарде. Меньшие разновидности орочьего племени на языке уруков именовались *снага*, что означает «раб» – одно из излюбленных словечек боевых Урук-хаев.

Впервые Темная Сила произвела на свет орков далеко на севере в годы Старшей Эпохи. Рассказывают, что у них своего языка не было, так что они переняли, что могли, у других народов, переиначив чужую речь на свой лад и применительно к своим нравам; в итоге получился не столько язык, сколько несколько грубых наречий, которых едва-едва доставало на собственные орочьи нужды, – если только не говорить о брани и проклятиях, которых было у орков превеликое изобилие. Кроме того, вскоре у этих созданий, исполненных злобы и лютой ненависти даже к собственным сородичам, как грибы после дождя начали появляться десятки варварских диалектов – по числу мелких орочьих поселений и племен, так что в общении от единого орочьего языка пользы почти не ощущалось.

По этой-то причине в Третью Эпоху орки и перешли в межплеменном общении на тот же Западный Язык. Это было оправдано еще и тем, что многие из них, особенно те, что принадлежали к более древним племенам и жили на севере или в Туманных Горах, считали Западный родным языком, хотя в их устах он звучал чуть ли не уродливее орочьего. Именно из этого лже-Западного языка происходит слово *тарк* («гондорец»), что является искаженным *таркил* (квенийское слово, означавшее на Западном Языке «потомок нуменорцев»).

Говорят, что Черное Наречие было изобретено Сауроном в Темные Времена и что он будто бы собирался навязать его всем своим служителям, но потерпел неудачу. Тем не менее Черное Наречие отчасти все-таки прижилось, и в Третью Эпоху у орков было в ходу множество слов, ведущих свое происхождение именно оттуда, – например, *г(гх)аш* («огонь»). Но в целом после первого поражения Саурана язык этот в древнем своем варианте был позабыт и больше не использовался никем, кроме Назгулов. Когда же Саурон вновь поднял голову, Черное Наречие снова зазвучало в Барад-дуре и в устах мордорских военачальников. На Черном Наречии сделана была и надпись на внутренней стороне Кольца; что же касается используемой

мордорскими орками брани, то она представляет собой искаженные формы Черного Наречия, бывшего в употреблении у солдат Черной Башни, которые подчинялись Грышнаху. *Шарку* на этом жаргоне означает «старый человек».

Тролли. Слово *троль* использовано здесь в качестве эквивалента синдаринского *торог*. В сумерках Старших Дней, на давней заре существования троллей, это были тупые и неуклюжие твари, язык которых не отличался от звериного. Но случилось так, что ими воспользовался Саурон; он научил их тому малому, что они могли усвоить, и сделал их умнее, умножив их злобу. В итоге тролли художественно переняли от орков их язык. Что касается Западных земель, то тамошние Каменные тролли пользовались упрощенным вариантом Общего Языка.

Но уже к концу Третьей Эпохи в южном Чернолесье и на горных границах Мордора появилась новая, доселе невиданная порода троллей. На Черном Наречии они именовались *олог-хаи*. Нет никакого сомнения, что создателем их следует считать Саурана, хотя из какого материала он их создал – неизвестно. Некоторые считают, что это были не тролли, а просто чудовищных размеров орки, – но ни по виду, но по уму *олог-хаи* не шли ни в какое сравнение даже с самыми огромными орками, далеко превосходя последних как по величине, так и по силе. Это были тролли, но тролли, исполненные злой воли своего хозяина, не знающие страха, могучие, ловкие, хитрые и свирепые – и к тому же крепкие как камень. В отличие от всех прочих порождений Тьмы, они могли переносить солнечный свет, пока воля Саурана держала их в своей власти. Говорили они мало, и единственным языком их было Черное Наречие Барад-дура.

Гномы. Гномы – племя, стоящее в истории Средьземелья особняком. Об их странном происхождении и о том, почему они одновременно и похожи и не похожи на эльфов и людей, рассказывает «Сильмариллион»; меньшие же средьземельские эльфы об этом ничего не знали, а в памяти поздних людей история гномов перемешалась с легендами о других расах.

Гномы – народ крепкий, выдавший виды, скрытный, трудолюбивый и злопамятный (хотя и добра тоже не забывающий).

Гномы любят камни, в том числе драгоценные; вещам, которые живут собственной жизнью, они предпочитают те, что приняли свой облик под резцом искусного мастера. Но по природе своей гномы не злы, и мало кто из них добровольно соглашался служить Врагу, что бы о том ни рассказывали люди в своих сказках. Причины кривотолков кроются в том, что в глубокой древности люди завидовали богатству гномов и жаждали завладеть плодами их трудов, отчего между этими народами одно время держалась стойкая вражда.

Третья Эпоха, однако, показывает нам многочисленные примеры дружбы людей и гномов. Путешествуя, трудясь на чужбине и торгуя своими изделиями, что после разрушения древних гномьих вотчин стало их постоянным занятием, гномы привыкли перенимать языки тех племен, среди которых обитали. Однако втайне (причем тайну свою, в отличие от эльфов, добровольно они не открывали никому, даже друзьям) гномы пользовались своим собственным, довольно странным языком, который с годами почти не менялся, поскольку это был скорее язык преданий, чем речь, которой учатся с колыбели. Гномы зорко стерегли свой язык и блюли его чистоту, словно это было сокровище, завещанное им из далекого прошлого. Мало кому из посторонних удалось выучить этот язык в совершенстве. В этом повествовании читатель сталкивается с ним разве что в названиях мест, которые Гимли открыл своим товарищам, да в боевом кличе Гимли при осаде Хорнбурга. Клич этот, правда, не был тайным и много раз звучал на поле битвы со времени, когда мир был молод: *Барук Казад! Казад аймену!* («Топоры гномов! Гномы, вперед!»)

Имя Гимли, равно как и имена всех его родичей, происходит из языка северян (людей)⁸⁰⁴. Тайные же свои имена, которые гномы называли вслух только между собой, они никогда не открывали никому из чужаков. Не вырезали они их и на могильных плитах.

II. О ПЕРЕВОДЕ

Чтобы приспособить материалы Алой Книги для чтения и понимания современными читателями, язык ее, включая словарь и грамматику, был по возможности точно переведен на тот, которым

пользуемся мы, и приноровлен к современным понятиям. В неизменной форме оставлены были только те языки, которые не находились в родстве с Общим; большей частью они представлены здесь в виде экзотических имен собственных и топонимов.

Общий Язык, будучи языком хоббитов и засельских летописцев, мог быть представлен мною только как современный английский язык. В процессе перевода наблюдавшаяся в оригинале разница между различными диалектами Западного Языка была несколько ослаблена.

Это не означает, что здесь были оставлены всякие попытки хоть как-то наметить эти отличия, используя стилистические разновидности современного английского; тем не менее необходимо помнить, что диалектные расхождения в произношении и идиоматике засельского, эльфийского или благородного гондорского вариантов Западного Языка были гораздо существеннее, чем показано в этой книге. Дело в том, что хоббиты говорили на просторечном варианте Общего Языка, а в Гондоре и Рохане употребляли древнюю его разновидность – куда более формализованную и строгую.

Особо следует остановиться на одном из таких расхождений, которое часто имеет решающее значение для передачи смысла. Средствами английского языка это расхождение передано быть не может. На Западном Языке личные местоимения второго лица как единственного, так и множественного числа могут быть двух видов – «фамильярного» и «почтительного» <<ср. в русском – «ты» и «вы», что приблизительно адекватно формам Западного Языка, но только в пределах единственного числа>>. Засельский диалект отличало почти полное исчезновение из обихода форм «почтительных»; ими пользовались только деревенские жители Западного Предела, да и то лишь в качестве уменьшительно-ласкательных. Эта особенность послужила гондорцам одним из многих поводов дивиться странностям хоббичьей речи. Например, в первые дни своего пребывания в Минас Тирите Перегрин Тукк использовал «фамильярную» форму этого местоимения по отношению ко всем, кого видел, не разбирая чинов, в том числе и к Дэнетору. Престарелого Наместника это, возможно, только позабавило, но его слуги были, без сомнения, просто ошеломлены. Не вызывает споров и то, что подобное вольное обращение с местоимениями сильно подогрело слухи о высоком положении, какое занимал-де Перегрин у себя на родине.

Читатель без труда заметит, что такие хоббиты, как Фродо, а также некоторые другие лица – например, Гэндальф и Арагорн – в разных случаях говорят несколько по-разному. Это сделано намеренно. Дело в том, что наиболее ученые и талантливые хоббиты могли немного изъясняться на «книжном наречии», как это называлось в Заселье; кроме того, хоббиты наблюдательны и быстро перенимают речевую манеру своего собеседника. Да и вообще, тому, кто привык много путешествовать, вполне естественно каждый раз отчасти подстраиваться под тех, с кем приходится сталкиваться в пути, – особенно если он, как, например, Арагорн, зачастую вынужден скрывать свое истинное происхождение и род занятий. Надо заметить, что в те времена все враги единого Врага отдавали предпочтение тому, что древнее, и к языку это относилось не в меньшей степени, чем ко всему остальному; каждый черпал в приобщении к старине соответствующие его знаниям утешение и подкрепление. Элдары, изощренные в плетении словес более всех остальных, владели множеством стилей письма и речи, хотя сами избирали только тот, который более всего напоминал им собственный язык; поэтому их диалект Западного Языка звучал даже архаичнее гондорского. Искусны в речах были и гномы, легко приспособившие свою речь к высокопарной учтивости Элдаров, хотя гномье произношение могло на прихотливый слух показаться чрезмерно резким и гортанным. Что касается орков и троллей, то они лепили слова как придется, не заботясь ни о самих словах, ни о том, что они обозначают; в действительности их язык звучал еще грязнее и отвратительнее, чем это показывает перевод. Не думаю, чтобы у кого-либо возникло желание исследовать их речь более подробно, хотя за образчиками далеко ходить не пришлось бы. Подобных речей можно и сегодня вдоволь послушаться от тех, у кого орочья душа и разум; их болтовня, как правило, скучна, основана на постоянном повторении одного и того же и круто замешана на презрении и ненависти. Так далеки они от всего хоть мало-мальски доброго, что даже просто меткого или острого словца в их речи не сыщешь, – разве что для слуха тех, кто иных слов, кроме особо грязных и убогих, не воспринимает.

Выбранный мной метод перевода является, по отношению к повествованиям о давно минувших временах, достаточно общепринятым; впрочем, иначе и быть не может, так как, сколько ни

крути, все равно в конце концов пришлось бы возвратиться к нему. Правда, обычно переводчики на этом и останавливаются. Я пошел дальше – перевел почти все имена Общего Языка на наш согласно их смыслу. Всякий раз, когда в тексте появляются значащие имя или название, это подтверждает тот факт, что наряду с иными (обычно эльфийскими) названиями (или вместо них) в то время широко распространены были такие имена, созданные на основе Общего Языка⁸⁰⁵.

Имена в Западном Языке представляют собой, как правило, кальки древних названий; таковы названия рек Шумливая, Серебряная, а также такие слова, как «Враг» и «Черная Башня». Некоторые слова расходятся со старыми по значению; так, вместо топонима *Ородруин* («пылающая гора») появилось словосочетание Гора Судьбы, а вместо *Таур-э-Ндаделос* («Лес-(где-живет)– Великий-Страх») – Чернолесье, или Черная Пуща. Некоторые названия являются искажениями эльфийских слов – например, Льюн и Брендивин, вместо Лун и Барэндуин.

Вероятно, произведение подобной операции над словами чужого языка требует, чтобы переводчик привел хоть несколько доводов в свое оправдание. Что ж; дело в том, что, по моему мнению, если оставить имена как они есть, это затемнило бы одну существенную черту того времени, как воспринимали его хоббиты (чьей точки зрения на события я старался придерживаться неукоснительно), а именно: в ту эпоху особенно бросалось в глаза различие между привычным, общепринятым языком, таким же будничным и повседневным, как для нас – наш собственный, и по-прежнему живыми, но куда более древними и почитаемыми языками. Если перенести все имена в текст, не изменив в них ни одной буквы, они покажутся читателю одинаково непривычными⁸⁰⁶.

Таким образом, название *Заселье* (на Западном Языке *Суза*) и почти все прочие хоббиты топонимы даны здесь в переводе. Это почти не представляло трудности, поскольку в названиях мест у хоббитов использовались корни, сходные с теми, что используются обычно в Англии; это или слова, до сих пор принятые в обиходе, например «холм» или «поле», а иногда слегка сокращенные или устаревшие, но узнаваемые – например, окончание *-тон* (сокращение от английского *town* – город). Некоторые засельские топонимы вели,

правда, свое происхождение от старых, чисто хоббичьих слов, давно из употребления вышедших; в таких случаях я использовал древние английские суффиксы, схожие по смыслу, – например, – *вич* («жилище») или *мичел-* («большой»). В случае с именами дело обстояло так. В те дни хоббичьи имена в Заселье и Бри имели одну особенность, выражавшуюся в появившемся за несколько столетий до того обычае наследовать родовые имена. Большинство подобных хоббичьих фамилий прозрачны по смыслу – слова, из которых они были образованы, продолжали оставаться в употреблении. Таковы, например, шуточные прозвища, включающие в себя названия мест или (особенно в Бри) названия растений и деревьев. Перевод таких фамилий не представлял почти никакого труда; правда, среди прочих попало несколько более старых фамилий с позабытым значением, в случае с которыми я ограничился приведением их написания в подобающий – т. е. привычный для глаза англичанина – вид, например *Тукк* вместо *Тук*, *Боффин* вместо *Бофин* и т. д.

С личными хоббичьими именами я, по возможности, поступал так же. Новорожденным девочкам хоббиты обычно давали имена цветов или драгоценных камней; мальчики получали имена, в повседневной жизни определенного значения не имевшие, – впрочем, к некоторым женским именам это относилось тоже. Для примера приведем такие, как *Бильбо*, *Банго*, *Поло*, *Лотто*, *Танта* и т. д. Среди этих имен по чистой случайности могут иногда встретиться имена, напоминающие современные, – что вполне естественно, например: *Ото*, *Одо*, *Дрого*, *Дора*, *Кора*, *Нина* и т. п. Я сохранил эти имена без изменений, разве что несколько видоизменив их в согласии с нашими привычками, так как у хоббитов *-а* являлось окончанием мужского, а *-о* и *-е* – женского рода.

В некоторых старых семьях, особенно ведущих свою родословную от Белоскоров (например, *Тукки* и *Булджеры*), существовал обычай давать детям особенно громкие имена. А поскольку большинство из этих имен извлекалось на свет из легенд о минувших временах, где говорилось не только о хоббитах, но и о людях, причем многие такие имена, тогда уже лишенные для хоббитов всякого значения, очень напоминали прозвания, бытовавшие у людей из долины *Андуина*, *Дейла* и *Марки*, – я заменил их на имена, позаимствованные из нашей старины, в основном *франкского* и

готского происхождения; некоторые еще не вышли из обихода, а некоторые можно встретить в летописях. Таким образом мне удалось сохранить то, зачастую комическое, противоречие, которое в таких случаях возникало между именем и фамилией, – кстати, от самих хоббитов это противоречие тоже не укрывалось. К именам классического происхождения я не прибегал, так как ближайшими эквивалентами греческого и латыни у хоббитов были языки эльфийские, а к ним засельчане в таких случаях почти не обращались. К тому же «королевскую речь», как они величали тогда языки эльфов, знали немногие.

Имена жителей Бэккланда от принятых в остальном Заселье несколько отличались. Рассказывают, что жители Плавней и их потомки, окопавшиеся на другом берегу Брендивина, были и в остальном довольно своеобразными хоббитами. Нет сомнений, что многие из своих весьма и весьма диковинных имен они заимствовали из того самого языка, на котором говорили в былые времена Дубсы южной ветви. Такие имена я, как правило, оставлял как есть. Возможно, на наш слух они кажутся странными, но так же странно звучали они и в ушах современников. Возможно, кое-кто почувствует в этих именах «кельтское» влияние – хотя об этом можно говорить только с многочисленными оговорками.

Поскольку сохранившиеся следы древнейших языков, на которых говорили Дубсы и жители Бри, структурно напоминают следы кельтских элементов в английском, я пытался иногда «кельтизировать» некоторые имена. Поэтому такие топонимы, как Бри, Комб, Арчет и Четский Лес, созданы по образцу древнейших британских, в соответствии со значением переводимого имени: *бри* – «холм», *чет* – «лес». Из личных имен «кельтизированию» подверглось только одно – *Мериадок*, построенное мною так, чтобы первый его элемент (и сокращенное имя) – *Мерри* – означал бы по-английски то же, что и на Западном Языке, т. е. «радостный, веселый» (*Кали*), хотя полная форма этого бэккландского имени – *Калимак* – уже тогда не значила ровным счетом ничего.

Еврейских или каких-либо подобных образцов я при переложении имен не привлекал. Ничего аналогичного еврейскому элементу в наших современных именах у хоббитов не было. Короткие имена, такие как *Сэм*, *Том*, *Тим* или *Мэт*, являлись распространенными

сокращениями чисто хоббичьих *Томба*, *Толма*, *Матта* или подобных. Правда, истинные имена Сэма и его отца Хэма на самом деле – *Бан* и *Ран*, или, если полностью, —*Баназир* и *Ранугад*, причем оба имени по своему происхождению – клички: первое означает – «простоватый, звезд с неба не хватает», а второе – «домосед». Оба слова, к тому времени из разговорного языка уже выпавшие, оставались в некоторых семьях излюбленными родовыми именами. Я попытался передать это, наделив этих двух персонажей именами *Сэмуайз* и *Хэмфаст*, т. е. слегка осовременив древнеанглийские слова *Samwîs* и *Hàmfoest*, которые означают примерно то же самое.

Разрешив себе зайти в своих переводческих вольностях столь непозволительно далеко, я обнаружил, что вынужден позволить себе еще кое-что и не могу остановиться на достигнутом. Мне показалось, что все родственные Западному человеческие языки в этой книге должны быть соотносимы с различными формами английского языка. По этой причине язык Рохана в моей передаче напоминает древнеанглийский – в той мере, в коей роханский был связан (правда, отдаленно) с Западным Языком и (довольно тесно) с древним наречием северных хоббичьих племен. В целом этот язык можно смело назвать архаической формой Западного. В Алой Книге несколько раз упоминается о том, что в роханской речи хоббичий слух распознавал много знакомого и роханский язык казался хоббитами родственным. Поэтому мне показалось не вполне логичным переписать все имена и слова из языка Рохирримов как есть, оставив их совершенно непохожими на Общий Язык, как он звучит в моей передаче.

В нескольких случаях я ограничился тем, что слегка осовременил подлинное роханское название – как, например, в словах *Дунхаргская Крепость*, *Снаубурн* или *Скадуфакс*. Я не был особо последователен, ибо старался поступать, как хоббиты, – а те, не мудрствуя лукаво, брали слова, корни которых они могли распознать, или слова, похожие на знакомые засельские названия, и запросто переиначивали на свой лад. Все остальное они оставляли без изменения, что, вслед за ними, делал и я – как, например, в случае со словом *Эдорас*, что значит «королевский двор». По этой же причине я со спокойной совестью перевел некоторые личные имена – например, *Червеуст*^[68].

Этот метод много облегчил мне перевод специфических хоббичьих словечек местного значения, не имеющих северных корней.

Я выбрал для их передачи формы, какими могли бы обладать утраченные нами древнеанглийские слова, если бы стали нам внезапно известны. Так, например, словцо *матом* призвано воскресить к жизни древнеанглийское *màtm* (màthm), а заодно запечатлеть действительное соотношение подлинного хоббичьего *каст* и роханского *касту*. Соответственно, *смайл* («нора») могло бы вести свое происхождение от *smugel*, что удачно представляет взаимосвязь хоббичьего *тран* и роханского *траган*. *Смеагол* и *Деагол* – созданные подобным же образом искусственные эквиваленты к подлинным *Трагальд* («рытье нор, ввинчивание вглубь») и *Нагальд* («тайна»), как они звучали на северных языках.

Язык Дейла, лежащего дальше к северу, в этой книге отразился только в именах гномов, которые жили в окрестностях этого города и поэтому говорили на языке его жителей, черпая себе из него «внешние» имена. Англоязычный читатель легко может заметить, что в трилогии, как и в английском оригинале книги «Хоббит», множественное число от слова *dwarf* («гном») везде пишется как *dwarves*, хотя словари убеждают нас в том, что правильное написание – *dwarfs*. На самом деле, если бы, как в случае со словами «человек» и «люди», единственное и множественное число развивались бы в течение лет своими собственными путями, множественное число от *dwarf* звучало бы как *dwarrows* (или *dwerrows*). Но в последние века слово «гном» уже не попадает нам на язык столь же часто, как слово «человек», да и память о гномах у людей так потускнела, что они перестали держать специальное множественное число для этого забытого народца, целиком отошедшего в область волшебных сказок, где все-таки сохраняется тень истины о гномах, в отличие от позднейших дешевых побасенок, куда гномов вводят только для потехи. Однако в Третью Эпоху гномы еще не потеряли прежней славы и могущества, хотя ореол этой славы начал тускнеть уже тогда; гномы помнили о своем происхождении от Наугрима, о днях Старшей Эпохи, и в сердцах их еще горело древнее пламя Кузнеца Аулэ⁸⁰⁸, и дымились угли древней обиды на эльфов, а руки их по-прежнему помнили не превзойденное никем на свете гномье искусство обрабатывать камни.

Я говорю об этом, чтобы подчеркнуть намеренное использование в этой книге формы *dwarves*, с помощью которой я надеялся

отстраниться от нелепых позднейших рассказней. Форма *dwarrows* сослужила бы мне, конечно, еще более верную службу, но я воспользовался ею только в одном случае, введя ее в топоним *Dwarrowdelf* – аналог наименования Мории, только на Общем Языке; на самом деле это название звучит как *Фурунаргиан*, что означает «Гномьи Копи», и уже тогда воспринималось на слух как овеянное древностью. Что касается самого имени *Мория*, то это прозвание дано было Гномьим Копям эльфами, не питавшими к этим пещерам особой любви, поскольку Элдары никогда не селились в подобных местах по собственному желанию, хотя жестокие войны с Темной Силой и ее служителями, которые они вели на протяжении веков, могли вынудить их в случае необходимости воспользоваться той или иной подземной крепостью. Но сердце их всегда оставалось со светилами небесными и зеленой муравой, и слово *Мория* на их языке означает всего лишь «Черная Бездна». Сами же гномы называли ее, не делая в этом случае тайны из подлинного имени, *Казад-дум*, или «Обитель Казада», ибо они зовут себя на своем языке собирательным именем *Казад* – так повелось с того самого дня, скрытого в безднах времен, когда Аулэ нарек им это имя при сотворении.

Слово *эльфы* использовано здесь как перевод слова *Квенди* («говорящие») – так называют себя и все свое племя Высшие эльфы – и слова *Элдары*, как принято именовать Три Эльфийских Рода, на заре дней взыскавших Бессмертного Края и добравшихся до него (*Синдары* в Три Рода не входят)⁸⁰⁹. *Эльфы* – единственное достаточно старинное слово, которое подходит для этой цели; некогда оно действительно служило для людей символом того малого, что они помнили об этом народе, и, может, предназначено было помешать людям по-настоящему безвозвратно отдалиться от эльфов и стать им окончательно чужими. Но в ходе веков истинное значение этого слова было утрачено, образ эльфов измельчал и многим начал представляться глупой или милой фантазией, столь же далекой от истинного облика древних Квенди, как бабочка от стремительного ястреба, – хотя, кстати сказать, крыльев ни у кого из Квенди никогда не было: крылатость присуща им не более, чем людям. Эльфы, Старшие Дети этого мира, были племенем прекрасным и благородным; владыками их были Элдары, ныне покинувшие эту землю, – Народ Великого Перехода⁸¹⁰, Народ Звезд. Были они высоки ростом, белы кожей и сероглазы, хотя кудри имели

темные – за исключением тех, кто принадлежал к золотоволосому роду Финарфина; что же касается их голосов и песен, то были они прекраснее и полнозвучнее всего, что слышит ныне ухо смертных. Отважно и доблестно было племя Элдаров, но скорбная судьба постигла тех из них, кто возвратился в Средьземелье, став изгнанниками; и хотя в давние дни Творения пути их и пересеклись с путями наших Праотцев, судьба эльфов отлична от человеческой. Времена их владычества давно прошли, и сегодня эльфы пребывают вне кругов нашего мира, в который не вернутся уже никогда.

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ТРЕМ ИМЕНАМ – ХОББИТ, ГЭМГИ И БРЕНДИВИН

Хоббит – слово выдуманное. Если кому из носителей Западного Языка и случалось изредка упомянуть об этом народце, они пользовались для этого словом *банакиль* («невеличек»). Однако в описываемые времена хоббиты Заселья и Бри называли себя несколько иначе – *кудук(и)*, причем слово это в других источниках не встречается. Правда, по свидетельству Мериадока, он сам слышал от короля Рохана слово *куд-дукан* («живущий в норах»). А поскольку, как об этом уже говорилось выше, хоббиты говорили когда-то на языке, родственном роханскому, вполне может статься, что *кудук* – не что иное, как выродившееся *куд-дукан*. По изложенным выше соображениям я перевел последнее как *хольбитла*; *хоббит*, в согласии с этим, – наиболее подходящее слово, призванное изобразить сокращение от *хольбитла*, как оно выглядело бы в древнеанглийском языке, если бы подобная лексика в нем имелась.

Гэмги. Согласно зафиксированной в Алой Книге семейной традиции этого рода, фамильное имя *Гэлбаси*, или, в сокращении, *Гэлпси*, происходило от деревеньки под названием *Гэлабас*, которое, как считалось в народе, имело в своей основе корни *гэлаб-* («игра») и вышедший из употребления суффикс *-бас-*, более или менее эквивалентный английскому суффиксу *-wick* (*-wich*) (произносится *вик*, *вич*). Если учесть это, *Гэмвич* (что по-английски правильнее произносить как *Гэммидж*) – перевод вполне удовлетворительный.

Гэмги (*Гэмджи*) – сокращение от *Гэммидж*, как и *Гэлпси* от *Гэлбаси*. Нужно добавить, что сознательного каламбура, который намекал бы на особую связь *Сэмуайза* с семьей *Хижинсов*^[69], здесь не содержится, хотя подобная шутка была бы вполне в хоббичьем духе, будь тому хоть самое малейшее основание в их языке.

Фамилия *Хижинс* является переводом хоббичьего слова *хлотран*, довольно распространенного в Заселье названия деревни. Топоним этот происходит от слов *хлот* («постройка или нора из двух комнат») и *ран(у)* («несколько норок на склоне холма»). Собственно фамилия с большой долей вероятности происходит от слова *хлотрам(а)* – «живущий в собственном доме типа *хлот*». Фамилия *Хлотрам* в Заселье встречается наравне с *Хлотран* и переводится мной как *Хижман* (*Cotman*); так звали, к примеру, деда Папаши Хижинса.

Брендивин. Засельское название этой реки является искажением эльфийского *Барэндуин* (ударение на *-энд*), составленного из корней *барэн-* («коричнево-золотой») и *-дуин* – «река (достаточно большая)». Переход слова *Барэндуин* в *Брендивин* на современный слух странным вовсе не кажется. Если копнуть глубже, то можно припомнить, что прежде река эта называлась у хоббитов *Бранда-нин*, или «граница-вода», что можно было бы передать, назвав эту реку, скажем, Пограничной; но хоббиты уже тогда шутки ради переделали это название, ссылаясь опять-таки на цвет воды, в *Бралда-хим* («забористое пивцо»), и шутка эта настолько прижилась, что иначе реку уже и не называли.

Следует, однако, заметить, что, когда Старобэки (*Зарагамба*) сменили родовое имя на *Брендибэки* (*Брандагамба*), первая составная часть этой фамилии стала значить «приграничье», так что ее можно было бы с большей долей точности перевести, скажем, как *Крайбэки*. Нет, правда, никаких сомнений, что назвать Хозяина Бэкленда *Бралдагамбой*, причем в его присутствии, решился бы только разве что совсем уж отпетый хоббит.

Список имен и названий

Условные обозначения: А-I-2 – указание на место в комментарии, где комментируется данное слово. Буква в данном случае отсылает к Приложению А, римская цифра – к первому разделу этого Приложения и цифра арабская – ко второй главе этого раздела; 5–2–1 отсылает к комментарию на пятую главу второй части первой книги трилогии; Х-1 – ссылка на комментарий к первой главе «Хоббита»; п (строчная буква) – Пролог. В круглых скобках даются краткие пояснения к тому или иному имени (названию) и этимология (в том случае, если это имя или название не комментируется в основном корпусе). В косых скобках указан вариант написания, наиболее точно передающий эльфийское звучание.

1. Имена персонажей, а также названия народов Средьземелья, рас и всех живых существ, населяющих Эа, упомянутых во «Властелине колец», «Хоббите» и комментариях

Адунахор /Адунакор/, Ар-Адунахор, Властитель Запада А-I-1
Азог Х-1, А-III
Айвендил
Айнуур/ы/ (кв. «Святые»), ед.ч. Айну/р/
Адрахил
Алдамир А-I-2
Алдарион, Тар-Алдарион А-I-1
Алдор 6-6-3
Алкарин, Тар-Алкарин А-I-1
Алкарин Славный, Атанатар II А-I-2
Аллатар
Алтариэль, см. Галадриэль
Амандил, сын Валандила А-I-1
Амандил, Тар-Амандил А-I-1
Амлаи́т Форностский А-I-2
Амро́т 6-2-1

Анардил А-I-2
Ана̀рион (1) А-I-1 Тар-Ана̀рион
Ана̀рион (2) А-I-1
Анборн (синд. «высокий + крепкий»)
Ангамайтэ А-I-4
Ангбор (синд. «железо + крепкий»)
Ангелимар
Анкалагон Черный Х-I
Анкалимон, Тар-Анкалимон А-I-1
Анкалимэ, Тар-Анкалимэ А-I-1
Аравал А-I-2
Аравир А-I-2
Араворн А-I-2
Араглас А-I-2
Арагорн I

Арагорн 10-I-1, А-I-2, сын Араторна, Бродяга, Бродяга-Шире-Шаг, Вождь Западных Армий, Друг Эльфов, Дунадан, Исцеляющая Длань, Король Гондора и Владыка всех Западных Земель, Король Запада, Король Западных Земель, Король Мертвых, Крылоход, Ни-Кола-Ни-Двора, Обновитель, отрасль Валандила, сына Исилдура, сына Элендила из Нуменора, Победитель врагов Гондора, Повелитель Белого Дерева, предводитель дунаданов Арнора, обладатель Звезды Севера и Перекованного Меча, Следопыт, Телконтар, Торонгил, Ходуля, Элессар, Эльфийский Камень, Энвиниатар, Эстел А-I-5 ...и за его пределами есть нечто большее, чем память.

Арагост А-I-2
Арадор А-I-2
Ар-Адунахор А-I-1
Аранар́ А-I-2
Арантар А-I-2
Арануир А-I-2
Арассуил А-I-2
Ара́торн I А-I-2
Ара́торн II А-I-2
Ара́фант А-I-2
Ара́фор А-I-2
Ара́хад А-I-2

Арахаэл А-I-2
Арвегил А-I-2
Арведуи 2-5-3; А-I-2
Арвелег А-I-2
Арвен /Ар'уэн/, Вечерняя Звезда эльфийского народа, Владычица
Ривенделла, Королева Арвен, Ундомиэль 1-2-1
Аргелеб А-I-2
Аргелеб II А-I-2
Аргонуи А-I-2
Ар-Гимилзор А-I-1
Ар-Зимратон А-I-1
Ар-Инзиладун А-I-1, Тар-Палантир
Ариэн (от кв. *àrē* – «солнечный свет»)
Аркириас (кв. «королевский корабль»)
арнорцы
Арод 2-3-2
Ар-Сакалтор А-I-1
Артамир, сын Ондохэра
Артанис
Ар-Фаразон А-I-1
Асфалот (синд. «? + цветок»)
Атанамир, Тар-Атанамир А-I-1
Атанатар I А-I-2
Атанатар II Алкарин А-I-2
Аулэ (Вала/р/)

Баин Х-1
Балин, Властитель Мории Х-1
Балрог, Неведомый Ужас Древнего Мира, Морийское Зло,
Погибель Дьюрина (синд. «демон мощи») 5-2-1
Балроги, Валараукар/ы/ (синд. и кв. «демоны мощи»)
Балхоты А-I-4
Бальдор 3-5-3
Бандобрас Тукк (Волынщик)
Барахир, отец Берена А-I-1
Барахир, внук Фарамира
Барахир (Наместник) А-I-2

Бард Лучник, Победитель Дракона X-14
Бардинги
Барсукки: Мило 1-1-1
Барэнор (синд. «коричневый + страна»)
белая буйволица Арау
Белег А-I-2
Белегорн А-I-2
Белегост
Белектор А-I-2
Белоног Уилл, Бургомистр, Клецка
Белоскоры п-1-1
Беор 2-2-1 *Три Кольца, которыми владели некогда гномьи короли*
Беорн X-7
Беорнинги
Бергил 1-5-3
Берегонд 1-5-3
Берегонд (Наместник)
Берен Однорукий 11-I-1, А-I-1
Берен (Наместник) А-I-2
Берт (тролль)
Беру́тиэль (королева) 4-2-1
Бессмертные (Валар/ы/, Майяр/ы/, эльфы)
Билл Осина
Билл (пони)
Бильбо Бэггинс X-1, Бильбо Великолепный, Бильбо, Нашедший
Кольцо, Бэггинс Невидимка, Шалый Бэггинс
Билл Хаггинс (тролль)
Бифур
Бладор́тин (король) X-12
Бланко п-1-1
Блинчик (пони)
Бодяк
Болг
Большеступы. Бодо, Одо 1-1-1, Рори, Санхо 1-1-1 Большеступ
Большой Гоблин
Большой Орел
Большой Человек

Бомбадил Том 6-1-1, 7-1-1, 10-6-3, Иарваин /Иаруаин/ Бен-Адар,
Оральд, Хозяин

Бомбур

Борин А-III

Боромир (Наместник) А-I-2

Боромир, сын Дэнетора 2-2-1, 3-2-1, Боромир Храбрый,
Верховный Страж Белой Башни, Князь Сторожевой Крепости

Бофин

Бофур

Боффины. Гриффо, Гуго, Фолко Боффин 2-1-1

Боярышник Харри

Бранд

Браун Лилия

Брегалад, Стремглав 4-3-2

Брего 3-5-3, 6-6-3

Брендибэки. Амарант, Асфodelия, Берилак, Горбадок, Горбадок
Старый, Горбадок Толстопуз, Горбулас, Гормадок Глуборой, Додерик,
Илберик, Мадок Гордец, Мальва Непромах, Мармадас, Маррок,
Мелилот, Мериадок (Мерри), сын Сарадока 1-1-1, Меримак, Мята,
Оргулас, Примула, Роримак Толстосум (старина Рори), Садок,
Сальвия, Сарадас, Сарадок, Середик, Циния Брендибэк

брийцы

Бритта А-II

Бродяга, Бродяга-Шире-Шаг, см. Арагорн

Бродяга (пони)

Буковей

Булджеры. Адалдрида, Вилибальд, Гундабальд, Руби, Рудигар,
Одовакар, Фредегар (Пончик) 2-1-1, 1-1-1, Филиберт Булджер

Бургомистр

Бусинка из Длинного Оврага

Бэггинсы Х-1. Анжелика, Банго Х-1, Бильбо Х-1, Дора, Дрого 1-1-
1, Бальбо, Берилла, Боффин, Бунго, Бельба, Бинго, Дрого, Дудо, Ларго,
Лилия, Лонго, Линда, Моро, Мирта, Минто, Мунго, Моско, Поло,
Панси, Понто, Поско, Приска, Понто, Порто, Пиония, Ромашка, Роза,
Фалко, Фоско, Фродо Бэггинс п-1-1, 9-6-3

Бэки

Бэка из Плавней

Ваирэ (кв. «ткущая», «сплетающая»), одна из *Валиэр*
Валакар А-I-2
Валандил 9-2-1, А-I-2
Валандур А-I-2
Валараукар/ы/, ед.ч. Валарауко, см. Балроги
Валар/ы/, Великие Духи, Великие, Владыки Запада, Властители,
Стражи Вселенной, ед.ч. Вала/р/, ж. р. Валиэ/р/
Валда / Ўалда/ 6-6-3
Валиэр (ед.ч. Валиэ). Ж.р. от Валар/ы/
Вàна. Одна из *Валиэр*.
Ваниар/ы/
Ванимелдэ, Тар-Ванимелдэ А-I-1
варги Х-6
Вардамир А-I-1
вариаги
Ветвейя, Фимбре́иль 4-3-2
великаны
Верные («верные» нуменорцы)
Верховный Назгул, Ангмарский Чародей, Вождь Назгулов, Князь
Моргула, Король-Чернокнижник, Полководец Отчаяния, Предводитель
Кольцепризраков, Чернокнижник
Видугавия А-I-4
Видума́ви А-I-4
Видфара / Ўидфара/ 5-5-3
Вильям
Вирмтунга / Ўирмтунга/, Червеуст
Виндфола / Ўиндфола/ 3-5-3
Вини́тарья, Элдакар А-I-4
Виньярион, Хьярмендакил А-I-2
Владелец Белых Гор, Горный Владыка
вожак варгов
Вожди Северной Линии
Возни́чие
волшебники, Истари 2-2-1
Воосы, Лесной Народ, друаданы 5-5-3
Воронвэ /Ворон'уэ/, Мардил Воронвэ Стойкий А-I-2

Ворондил А-I-2
Всадники, роханские всадники, *ридда*, владыки табунов, всадники
Марки, всадники Рохана, всадники Теодена
Вулф А-II

Галадор 9-5-3
Галадримы, Древесный Народ
Галадриэль 7-2-1, Алтариэль, Артанис, Владычица Галадриэль,
Владычица Лориэна, Нервен /Неру́эн/, эльфийская Владычица, Белая
Госпожа, Королева Галадриэль, Колдунья Золотого Леса

Галдор 2-2-1
Галион X-9
Галмод (рох. «попустительствующий»)
Гама 6-3-2
Гамлинг Старый (рох. «старик»)
Ган-бури-Ган, Вождь Лесного Народа
Гарульф (рох. «копье + волк»)
Гвайир Князь Ветра /Гу́айх°ир/ 4-6-3
Гил-галад (король Линдона) 2-1-1 *Мастера Эрегиона... Саурана
низвергли Гил-галад... и Элендил...*

Гилдор Инглорион 3-1-1
Гилраэн Прекрасная А-I-5
Гимилзор, Ар-Гимилзор А-I-1
Гимли, сын Глоина, Князь Блистающих Пещер, хранитель Локона
3-2-1

Гирион, Владыка Дейла X-12
Главный Знаток зелий
Главный Управитель Замка Барад-дур, Язык Саурана
Главный Управитель Обитателей Целения
Главный Шериф
Глаурунг X-1
Глеовин /Глеоу́ин/ 6-6-3
Глòин X-1
Глорфиндэл 12-1-1
Глубинный Страж 5-2-1
гномьи короли
гномы, народ Дьюрина X-1, 4-2-1

Голасгил (синд. «? + звезда», возможно, «мантия из листьев и звезд»)

Голдвин 6-6-3

Голлум Х-5, Смеагол 2-1-1, Вонючка, Ползучка

Гольфимбул Х-1

гондорцы

Горбаг

Горбадок Брендибэк 1-1-1

горное племя

Горхендад Старобэк 5-1-1

Го́тмог 6-5-3

Граббы

Грам 6-6-3

Гр́йма Червеуст 6-3-2, Червяк

Гримбеорн Старый (рох. «яростный + медведь»)

Гримбольд (из Западного Фолда) 5-5-3

Гроин А-III

Грор А-III

Груббы: Лаура

Грышнах° /Гришна́/

Гулд: Менегильда

Гу́тлаф 5-5-3

Гэмвич, Мозгован

Гэммидж, Хоб, Канатчик, Старина Гэммидж

Гэмги /Гэмджи/. Бильбо, Златовласка, Календула Б 2-6-3, Мэй, Мерри, Пиппин, Примула, Роза, Руби, Робин, Ромашка, Сэмуайз (Сэм) п-1-1, Толман (Том), Гэмги Хэмфаст (Старикан) 1-1-1, Хобсон Канатчик, Хэл(фаст), Эндуайз (Энди 1-1-1, дядя Энди), Энсон, Халфред из Захолмья, Хэмсон, Халфред 2-6-3, Эланор Прекрасная, Хэмфаст

Гэндальф /Гандалф/ Серый Х-1, 2-2-1 *Он принадлежит к моему Ордену...* Олòрин 5-4-2, Инкàнус 5-4-2, Тàркун 5-4-2, Ми́трандир 5-4-2, Серый Странник, Белый Всадник, Ворон-Зловозвестник, Гэндальф Белый, Ла́тспелл, Провозвестник Бури, Гэндальф Грейхейм

Дàин, сын Наина, Даин Железная Пята Х-1

Дамрод 4-4-2

Даэрон (возможно, включает синд. корень даэ- – «тень»)
 Двалин Х-1
 Двуног Папаша
 Дёагол Е
 Дебеллинги: Того
 Дёор 6-6-3
 Дёорвин /ДёорУин/ 6-5-3
 Дерворин 1-5-3
 Дернх[°]ельм (Эвейн) 3-5-3
 Деруфин 1-5-3
 Дети Илуватара (эльфы, люди), Дети Эру, Эрухيني
 Дикие Племена
 дикие племена Востока, дикари с Востока
 Диор А-I-1
 Дираэль А-I-5
 Дис А-III
 Дичок Ролли
 Длиннобороды (гномье племя)
 Длинноноры
 Дом Финрода
 Дом Эорла
 Дори Х-1
 драконы (Урулоки – огнедышащие, холодные, бескрылые)
 Древобород, Старейший, Фангорн 4-3-2
 Друаданы, Воосы, Дру-Эдаин, други, Лесной Народ, лесные люди
 5-5-3
 Дубоцит, см. Торин
 Дубсы п-1-1
 Дудельщик, Тобольд, Старый Тоби
 Дуилин 1-5-3
 Дуинх[°]ир 1-5-3
 дууаданы, Дун-Эдаин, Следопыты п-1-1, 1-2-1, 2-2-1 О Нуменоре
 поведал Элронд...
 дунландцы
 ДуУх[°]ир 3-5-3
 дуртангцы
 Дьюрин, Властитель Мории /Дурин/ 4-2-1, Х-1

Дэнеҫор, владыка Минас Тирита, Властитель Дэнетор, Наместник 1-5-3, наместник Дэнетор, наместник Гондора, Повелитель Дэнетор, Повелитель Города, Повелитель Минас Тирита, Правитель Минас Тирита

Зеленоруки. Роза, Рябина, Хальфред, Хендлинг, Холман, Эрлинг
Зеленорук

Зимраҫон, Ар-Зимраҫон А-I-1
Златовика, Дочь Реки 6-1-1, 7-1-1
Золотце Ханна

Иаванна (кв. «дающая плоды»). Одна из *Валиэр*

Иворвен /ИворҮэн/ А-I-5

Идрил Кэлебриндал 1-2-1 *Эарендил*

Изгнанники

ИлҮватар (кв. «отец всему»), Единый, Эру 1-2-1

Имразор

Имрахил, Правитель Дол Амрота, князь Дол Амрота 1-5-3

Ингольд 1-5-3

Индис

Инзиладун, Ар-Инзиладун А-I-1

Иорэҫ 8-5-3

Иорлас 1-5-3

Исенгрим I

Исенгрим II

Исилдур А-I-1

Калимехтар А-I-2

Калиммакил (кв. «свет +?»)

Калмакил, Тар-Калмакил А-I-2

Карк, Старый Карк

КарнимҮриэ (кв. «украшенная красными камнями»)

Кархароҫ 11-1-1

Кастамир Узурпатор А-I-2

келвар

Кемендур А-I-2

Кеорл 7-3-2

Кили Х-1

Кйрдан Корабел, властитель Фаласа, Хранитель Серой Гавани 2-

2-1

Кириандил А-I-2

Кириатан, Тар-Кириатан А-I-2

Кириахэр Хьярмендакил I А-I-2

Кирион А-I-2

Короли Арнора

Короли Артедаина

Короли гномов

Короли Гондора, Владыки Запада

Короли Нуменора, властители Нуменора

Короли-Под-Горой (гномьи)

Короли Рохана

Короли эльфов

Король Лесных эльфов

Коттар Карл

кребаин|ы|

Круччи. Вилли, Тубероза Кручч

Куббы. Чика, Фалко, Маковка, Адаманта Кубб

Курунйр, Саруман Б

Куруфин (кв. «искусный + волосы»)

Кхамул, Тень Востока (один из Назгулов)

Кэлеборн 7-2-1, Владыка Лориэна, Повелитель Галадримов,

Тэлепорно

Кэлебрийан 8-2-1

Кэлебримбор 2-2-1

Кэлебриндал А-I-1

Кэлебриндор А-I-2

Кэлефарн А-I-2

Кэлегорм (кв. «серебряный +?»)

Лагдуф

Ландровал 4-6-3

Лассемиста

Леголас, сын Трандуила, Леголас Зеленолист

Леод А-II

Лёофа 6-6-3

Лесной Народ, лесные люди
лесорубы

Линдир (синд. «песня + взгляд»)

Лòни X-1

Лоссо́ты (синд. «снежные люди»)

Ло́тíриэль А-II

Лугдуш

Лу́тиэн Тину́виэль (Тинувьель), Лутиэн Благословенная,
Эльфийская Дева 11-1-1

Люди, Адунаи, Атани, Болезненные (Энгвары), Большие,
Большой Народ, Боящиеся Ночи, Второй Народ, Дети Солнца,
Захватчики, Идущие Вослед (Хилдор/ы/), Непостижимые, племя
Людей, Послерожденные (Апанонар/ы/), Сами Себя Проклявшие,
Смертные (Фиримар/ы/), Тяжкорукие, Чужаки, Эдаины, Люди Древних
Родов, брийцы, люди Тьмы, люди Марки, горцы, люди Сумерек,
Меньшие Люди, Люди Запада: нуменорцы, Горний народ, Западная
Раса, дунаданы (*Дун-Эдаин*)

люди Шарки

Маблунг 4-4-2

Магистр

Майар/ы/, ед.ч. Майа/р/

Малбе́т, прорицатель 2-5-3

Малвегил А-I-2

Маллор А-I-2

Манвэ, Верховный Вала/р/, Владыка Запада, Старший Владыка

Мандос 11-1-1

Мардил Воронвэ Стойкий А-I-2

Мархо п-1-1

Мауху́р

Маэглин (синд. «острый взгляд») 5-2-1

меарасы

Мелиан (кв. «любовь + дар, дорогой сердцу подарок») 11-1-1 о
Берене и Лутиэн

Мелкая-Сошка, Робин, Робин-Боббин

Мелкор Могучий, Великий Враг, Владыка Тьмы, Морго́т, Враг,
Повелитель Темных Сил 5-2-1 *Темное пламя Удуна*

Менелдил А-I-2

Менелдор 4-6-3

Менелдур, Тар-Менелдур А-I-1

Мериадок Брендибэк, Мерри, сын Сарадока 1-1-1, Мериадок
Великолепный, Хозяин Бэкланда, Холдвин Главнокомандующий
Приреченской Битвы

Мертвецы

Мертвые, Забытые, горный народ

Миналкар А-I-2

Минардил А-I-2

Минастан А-I-2

Минастир, Тар-Минастир А-I-1

Миньятур, Тар-Миньятур А-I-1

Мйриэль (кв. «алмазная»), Тар-Мйриэль А-I-1

Ми́трандир, Серый Странник, см. Гэндальф

Ми́треллас (синд. «серый +? + лист»)

Молчаливые Стражи

Морго́т, см. Мелкор

Морвен /Мору́н/ из Лоссарнаха, Морвен Стальной Луч А-II

Музгаш

муумак /мўмак/, муумакил /мўмакил/, мумакилы 4-4-2, 4-5-3

Мэггот, фермер 4-1-1

Навьи 7-1-1

Назгўлы 2-2-1, Всадники Мордора, Девятеро, Девятеро Забытых,
Девятеро Слуг Властелина Кольца, Девять Конников, Кольценосные
Призраки, Кольцепризраки, Крылатые Тени, Призраки, Слуги Кольца,
Черные Всадники, Черные Крылья

Наин X-1

Нàли X-1

Нар А-III

Нарви

нарготрондские Короли

Нармакил А-I-2

Начальник (Лотто Саквилль-Бэггинс)

Начальник гондорской стражи
Некромант X-1
Несса (одна из *Валиэр*)
Ниенна (одна из *Валиэр*)
Нимродэль 6-2-1
Ноб
Нолдор/ы/
Нори X-1
Ноукс 1-1-1
нуменорцы п-1-1 *Дунаданы*

Обходчики
Огнегрив
Оин
олвар
олифан/ы/ /олифаунт/ы// 3-4-2
Олòрин
Ондох°эр А-I-2
Оральд (Бомбадил)
Ори X-1
Орман
Орнендил А-I-4
орки X-3, гоблины, исенгардцы, мордорские орки, северяне, Урук-
хаи, *ирч*
Ородрет А-I-2
Оромэ /Арау/, Бема (от рох. «труба, рог»), Оромэ Великий 1-5-3
(Вала/р/)
Ороф^арнэ (кв. «высокий +?»)
Ороф^иин (кв. «высокий +?»)
Остох°эр А-I-2
Охтар (кв. «воин»)

Паинька Белла
Паладин 1-5-3
Палландо
Перегрин Тукк, Перегрин, сын Паладина, Пиппин, Пип 2-1-1,
Принц Невеличков, Тан Перегрин, *Эрнил-и-Ферианнат*

Пелендур А-I-2

Перестегинсы 1-1-1. Гуго 1-1-1, Хильда, Эсмеральда Перестегинс

Первый Дом Эдаинов

Пивовар Подсолнух 8-1-1

пираты из Умбара

Плюхинсы

Повелитель Орлов

Подхолминсы из Бри

Подхолминс (Фродо)

Полуэльфы (*Пэрэ́дил*)

Полынник/и/

Пони Мериадока: Белоножка, Мизинчик, Сверчок, Рыжик,

Хвостик

Пончик, Фредегар 2-1-1 Булджер 1-1-1

Попечитель Границ

Почтмейстер

Правящие Наместники

Праматерь, бабушка Голлума

Прыгг Мимоза

Прыщ (Лотто Саквилль-Бэггинс)

Путешественники (Сэм, Фродо, Мерри, Пиппин)

Радагаст 2-2-1

Рамбл, вдова 9-6-3

Роак, сын Карка

Рòмendaкил I Таростар А-I-2

Рòмendaкил II Миналкар А-I-2

Рохирримы 2-3-2, Белокожие, владыки табунов, всадники Марки,

Всадники Рохана, Повелители Лошадей, роханцы, Соломенноголовые,

Форгойлы

Роэрин /Рох°эрин/

Рùмил Д-II

рунийцы

Русое Колечко, Джилли

Рытвинги. Мило, Руфус Рытвинг

Садовники: Фродо, Холфаст Садовник, Хардинг с Холма

СакалТор, Ар-СакалТор А-I-1
Саквилль: Камелия
Саквилль-Бэггинсы 1-1-1. Лобелия 1-1-1, Лотто /ЛоТо/, ОТо 1-1-1,
З-1-1 Саквилль-Бэггинс
Сангахьяндо А-I-4
Саруман Белый, Глава Белого Совета, Курунир, Саруман
Многоцветный, Чародей, Шарки, Шарку 2-2-1 *Истари*
Саурон Великий 2-1-1, Властелин Колец, Враг, Князь Мордора,
Кольцевед, Неназываемый, Некромант Х-1, Повелитель Темных Сил,
Темная Сила, Черный Властелин
Сверчок (пони)
Светлы п-1-1
Свободные народы
Семь Гномьих Праотцев, гномьи Праотцы
Серая Дружина
Серое Войско, Мертвые
Серые эльфы Е
Силмариэн А-I-2
Синдар/ы/, Серые эльфы Е
Сириондил А-I-2
Скадуфакс /вариант произношения: Шàдуфакс/ 2-2-1
СкаТа, Ящер 6-6-3
Скрыпсы
Следопыты с Севера
Смауг Золотой Х-1
Смèагол, см. Голлум
Смуглы
Снага 1-6-3
Снежногрив
Собаки Мэггота: Волк, Клык, Тяп, Хват
Содружество Кольца, Девятеро Пеших, Отряд Кольца
Старая Ива 6-1-1, Великая Ива
Старобэк Горхендад 5-1-1, В
Старший Род (эльфы) 1-2-1
Стибба 2-5-3
Стражи
Сұрион, Тар-Сұрион А-I-1

Сэмуайз Гэмги, сын Хэмфаста, Сэм-Мудрый, Хранитель Кольца
Сэндиман Тэд (мельник) 1-1-1

Тан п-1-1

Тар-Алдарион А-I-1

Тар-Алкарин А-I-1

Тар-Амандил А-I-1

Тар-Анàрион, см. Анарион (1)

Тар-Анкалимон А-I-1

Тар-Анкалимэ А-I-1

Тар-Атанамир А-I-1

Тараннон Фаластур А-I-2

Тар-Ванимелдэ А-I-1

Таргон 1-5-3 *тарк* Б

Тар-Калион Золотой А-I-1

Тар-Калмакил А-I-1

Таркил А-I-2

Тар-Кириан А-I-2

Тар-Кириатан А-I-1

Тар-Менелдур А-I-1

Тар-Минастир А-I-1

Тар-Миньятур А-I-1

Тар-Мйриэль А-I-1

Тарондор А-I-2

Таростар Тар-Палантир (Далеко Видящий) А-I-1, Ар-Инзиладун

Тар-Сұрион А-I-1

Тар-Телеммайтэ А-I-1

Тар-Телперизэн А-I-1

Тар-Элендил А-I-1

Телемнар А-I-2

Телери, Морские эльфы Е

Телумехтар Умбардакил А-I-2

Телхар

Тенгел

Тень Востока, Кхамул (один из Назгулов)

Ѓеодвейн / Ѓеодўэйн/ А-II

Теоден, сын Тенгела 2-3-2, Владелец Роханских степей, владыка Рохирримов, Властитель Марки, вождь Эорлингов, Государь Роханских Пастбищ, король Рохирримов, король Теоден, повелитель Рохана, Павший, Повелитель Рохирримов, Степной Король, Теоден Славный, Эднев /Эднеу/ А-II

Теодред 6-3-2

Тилион (от кв. *тил*- – «вершина, рог»)

Тим (дядюшка)

Тингол Серая Мантия, король Дориата, повелитель Дориата А-I-1,

Е

Том (троль)

Том Хижинс, Толман Хижинс, Юнец Том

Том (хоббит, племянник дядюшки Тима)

Топчивереск Мэт

Торин I

Торин II Дубоцит, Король-Под-Горой X-1

Торонгил

Торондир (синд. «орлиный взгляд»)

Торондор, Король Орлов 4-6-3

Траин X-1

Трандуил, король Лесных эльфов, король Чернолесских эльфов

X-8

Три Дома Эдаинов

Три Людских Рода: Горнее Племя (см. Люди Запада), народы Сумерек, люди Мрака

тролли X-2, Олог-хаи (тролли с плато Горгорот), *торог/и/* (каменные тролли, пещерные тролли, горные тролли)

Трор X-1, А-III

Тукки п-1-1. Адалгрим, Бандобрас Волынщик п-1-1, Белладонна X-1, Аделард 1-1-1, Гильдебранд, Гильдегрим, Доннамира, Душица, Иземболд, Исембард, Исенгар, Изюмбрас III, Изюмбрас IV, Исенгрим, Исенгрим II, Исенгрим III, Жемчужина, Мирабелла, Паладин, Паладин II, Перегрин, сын Паладина 2-1-1, Пимпернель, Регинард, Розамунда, Сигизмунд, Старый Тукк (Геронтиус, Большой Тукк), Танта Волынщица, Фарамир I (сын Тана Перегрина I), Фердинбранд, Ферумбрас II, Ферумбрас III, Фламбард, Фортинбрас I, Фортинбрас II, Хильдегард, Хильдефонс, Хильдигрим, Эверард 1-1-1 Тукк

Тулкас (Вала/р/)
Туннелли
Туор 1-2-1 *Эарендил*
Турамбар А-I-2
Тургон 1-2-1, А-I-1 *Эарендил*
Тургон (Наместник) А-I-2
Тьюрин /Тўрин/ Тьюрин Повелитель Судьбы, Тьюрин Турамбар 2-

2-1

Тьюрин I /Тўрин/ (Наместник)
Тьюрин II /Тўрин/ (Наместник)

Углук, Великий Углук
Улмо (Вала/р/)
Унголиант 9-4-2
Урук-хаи, уруки
Урулоки, огнедышащие драконы (кв. «горячие змеи»)
Уф́так

Фалафримы
Фангорн, Древобород 4-3-2
Ф́аразон, Ар-Ф́аразон А-I-1
Фарамир, Наместник Фарамир, Командир 4-4-2
Фарамир, сын Ондохэра
Фарин А-III
Фастред с Зеленых Холмов 6-5-3
Фастред, Страж Западных Плавней А-II
Фёанор 11-3-2, 1-2-1 *Сильмарилы*
Феларòф, Отец Коней А-II
Фенгел 6-6-3
Фимбре́иль, см. Ветвейя
Фили Х-1
Финарфин 12-1-1 ...*Это Глорфиндэл*
Финвэ
Финглас, Кудролист
Финдегил, королевский писец
Финдуилас 5-6-3, А-I
Финрод Фелагунд, король Нарготронда Б

Фириэль А-I-4
Фладриф, Живокоп
Флòи
фолжане
Фолка 6-6-3
Фолквин 6-6-3
Фолкред А-II
Форлонг Толстый, правитель Лоссарнаха 1-5-3
Фородвэйт /Фородваи́т/ (синд. «северный народ»)
Фрам А-II
Фрàр Х-1
Фрèа 6-6-3
Фрèалаф 6-6-3
Фрèавин /Фрèау́ин/ 6-6-3
Фрека А-II
Фрери
Фрерин А-III
Фродо Бэггинс, сын Дрого, Фродо Деятипалый, Хранитель
Кольца
9-6-3
Фрор А-III
Фрумгар А-II
Фундин Х-1

Хадор Златовласый 2-2-1, А-I-1
Хадор (Наместник) А-I-2
Халбарад (синд. «высокий + башня»)
Халдир (синд. «высокий + взгляд»)
Хале́т А-II
Хале́т/ы/
Халлас А-I-2
Х°арадримы, харадцы
Хардинг 6-5-3
Харри
Х°асуфэл 2-3-2
Хвостик (пони)
Х°ельм Железная Рука 7-3-2, 6-6-3

Хижильс

Хижинсы 1-1-1, 7-6-3. *Старый Хэм Гэмги*. Боумен (Ник), госпожа Хижинс (мать Розы), Карл (Нибс), Роза (Рози), Толман (Том), Уилком (Джолли), Уилком (Уилл), Холман (Длинный Хом), Хижинс

Х°ильд А-II

Х°иргон 3-5-3

Х°ирлуин Красивый 1-5-3

Х°ирфара 6-5-3

хоббиты п-1-1 ...они наши ближайшие родственники. Крохи, Маленький Народ, п/ф/ериан/ы/ п-1-1, невелички, хольбитла/н/ы/, *ферианнат*, народец *Ферианнат* Х-1

хобгоблины Х-7

Хоб Сторож

Хозяин Бэккланда

Х°олдвин /Х°олд^уин/ (Мерри) 6-6-3

Холман Зеленые Руки

Хорн 6-5-3

Хорнборн

Хранители Предания

Хранители Кольца (Бильбо, Фродо, Сэм)

Хуор А-I-1

Хьюрны /хуорны/, Тень Леса 9-3-2

Хьюан /Хуан/ 11-1-1

Хьюрин /Х^урин/ 2-2-1

Хьюрин /Х^урин/ Высокий, Хранитель Ключей

Хьюрин I /Х^урин/ А-I-2

Хьюрин II /Х^урин/ А-I-2

Хьярмендакил, Кириахэр А-I-2

Хьярмендакил, Виньярион А-I-2

Хэл, Хэлфаст

Хэмфаст из Гэмвича

Хэмфаст Гэмги, Старикан

Х°эрион А-I-2

Х°эрубранд 6-5-3

Червеуст, Вирмтунга (^уирмтунга), Грима, сын Галмода, Червяк
Черные Люди

Чертополох Том

Шаграт

Шарки 8-6-3

Шелоб Великая, Во Тьме Ходящая, Ее Высочество, Стерегающая

Туннель, Стражница 9-4-2

шерифы /ширриффы/ п-1-1

Шерстоноги п-1-1

Шеф, Лотто Саквилль-Бэггинс

Эарендил Наследник Анариона А-I-2

Эарендил Мореплаватель, Светоносец Запада, Утренняя Звезда,
Фламмифер 1-2-1

Эарендур А-I-2

Эарнил А-I-2

Эарнур А-I-2

Эгалмо́т А-I-2

Эдаины А-I-1

Эќтелион А-I-2

Эланор 6-2-1

Эланор Светловолосая 10-6-3

Элберет́ Гил́тониэль 3-1-1, Варда (Возвышенная), Вечно Белая,
Владычица Звезд, Возжигательница-Варда, Жемчужина Небес,
Королева Звезд (Элентàри), Королева Звездного Неба, Тинталлэ

Элвинг /Эл́уинг/ Белая 11-1-1

Элдакар, Винитарья А-I-2

Элдарион

Элдары, Властители-Элдары 1-2-1, Высшие эльфы 3-1-1

Элдары-изгнанники 1-2-1

Элендил, Тар-Элендил А-I-1

Элендил Друг Эльфов, Элендил Прекрасный, Элендил Высокий 2-
I-1, А-I-1

Элендур А-I-2

Элладан 1-2-1

Элронд Полуэльф, Элронд Пэрэдэл, Властитель Ривенделла,
Мудрейший 1-2-1

Элрос 1-2-1

Элрох°ир 1-2-1

Эльфвин А-II

Эльфстан Светлый

Эльфх°ельм 5-5-3

Эльфх°ильд А-II

эльфы Х-3, Благородное Племя, Благородный Старший Род, Высшие эльфы, Лесные эльфы, Глубинные эльфы, Светлые эльфы, Морские эльфы, Темные эльфы, Нолдор/ы/, Ваниар/ы/, Телери, Перворожденные, Мудрый Народ, Народ Великого Пути, Народ Великого Перехода Е, Низшие эльфы, Серые эльфы, Синдар/ы/, Три Племени Элдар/ов/ Е, Элдалиэ 1-2-1

энты, древолюди, лесной народ, Онодримы 4-3-2

Энердил (синд. «любящий одиночество»)

Эовейн /Эоуин/, Белая Владычица Рохирримов, Белая Госпожа, Белая Королевна Рохана, Дева Щита, Княгиня Итилиэна, королевна Роханская, Эовейн Роханская

Эомер, сын Эомунда, Второй Маршал Рохирримов, Князь Рохана, Эомер Эадиг 2-3-2, А-II

Эомунд

Эорл Юный 2-3-2

Эо́тайн 2-3-2

Эо́тёод А-II

Эрадан А-I-2

Эрестор

Эркенбранд 7-3-2

Эру, Единый, Илуватар

Эругрим /Х°эругрим/ 6-3-2

Эстел, см. Арагорн

Эстэ (кв. «отдых»). Одна из *Валиэр*

Язык Саурана

Ямкинс

2. Названия стран, горных хребтов, рек, морей, долин и городов

Аваллонэ (кв. «близкий к Валинору») 1-2-1 *Элдамар*

Агларонд, Блισταющие Пещеры
Адорн
Азанулбизар
Алдаломэ
Алквалондэ (кв. «гавань лебедей») 1-2-1 Элдамар
Алмарен (кв. «свободный от зла») Б
Аман, Бессмертная Страна, Благословенная Земля, Земли
Бессмертных (включая Эрессею), страна Заката, край Заката 11-1-1
Моря Разлук
Амбарная дорога
Амбарный Ручей
Амбарона
Амбары
Амон Амарт, Ородруин, Гора Судьбы
Амон Дин 1-5-3
Амон Лау, Слышащая Гора 9-2-1
Амон Сул
Амон Хен, Зрячая Гора 9-2-1
Анадунэ (кв. «Закатный Край», «Западность»), Нуменор
Ангбанд (синд. «железная тюрьма», «железный ад»)
Ангмар А-I-3
Ангреност
Андрост, Рас Мортил (синд. «длинный рог /?/»)
Андуин, Великая Река, Великая Река Дикоземья, Великий Андуин,
Река
Андунизэ
Аннуминас А-I-1, 2-2-1
Андориэн (синд. «солнечный край»)
Анфалас, Длиннобережье 1-5-3
Арверниэн, Арверниэнская гавань 1-2-1
Аргонат, Ворота Аргоната, Врата Гондора, Королевские Столбы,
Нуменорские Часовые 2-2-1
Арда (кв. «королевство»)
Арнах Е
Арнор, Северное Королевство А-I-1
Артедаин А-I-3
Арчет 9-1-1

Баджфорд 1-1-1
Балар (залив)
Барад-дур, Лугбурц /Лугбурз/, Твердыня Саурана, Черная Башня,
Черная Твердыня 3-4-2
Баразинбар, Бараз, Карадрас, Краснорог
Барсучьи Ямы
Барэндуин /Барандуин/, Брендивин п-1-1
Башенные Холмы, Эмин Бераид
башня Эктелиона
Башня Дьюрина
Бегучая, Келдуин (река)
Безвременная Пустота, Внешняя Пустота, Пустота, Внешняя Тьма
Безымянный Перевал
Белая Башня Цитадели
Белегаэр 1-2-1
Белегост (Габилгатол) А-III
Белерианд («страна Балар») 2-2-1
Белериандские королевства
Белое Вσχолмье
Белфалас 1-5-3
Белые Башни
Белые Горы Гондора, Эред Нимраис (синд. «белые рога»)
Белые Холмы
Белый Колодезь
Берег Разлук
Бессмертные Страны (Аман, Эрессея)
Ближний Харад
Бобовая Делянка
Большие Смайлы
Большой Вал
Большой Дом Тукков
Большой Зал Белой Башни
Большой Зал Траина
Большой Мост
Большой Приреченский Пруд
Брендивин, Барэндуин, Берендуин

Брендивинский Мост
Брендивинские Палаты

Бри п-1-1

Брийская Гора п-1-1

Брийская Округа

Бруиненский Брод

Бруинен, Шумливая (река) п-1-1

Бугорок

Бундуша́тур, Заоблачный, Ша́тур, Фану́дол Серый

Бурые Земли, Номанские Степи

Бут 9-1-1

Бэкбери 5-1-1

Бэкланд п-1-1 ...таких известных кланов, как Тукки и хозяева
Бэкланда.

Бэкландская Гора

Валимар

Валинор, Благословенное Королевство, Истинный Запад,
Закатный Край, Древний Запад 1-2-1, п-1-1 дунаданы

Великая Стена

Великие Моря, Западные Моря

Верхний Бурн 3-5-3

Вечная Гора, Таникветиль

Вечносумеречные Горы

Вечный Лед

Внешнее (Опоясывающее) Море

Волд /Уолд/

Воронец

Ворота Гондора

ворота Эребора

Воссоединенное Королевство Арнора и Гондора

Восточная Окраина (Заселья)

Восточное Средьземелье

Восточные Ворота Мории

Восточный Анориэн

Восточный Предел

Восточный Фолд

Восточный Эмне́ 2-3-2
Второй Зал Старой Мории
Выдолбы
Выжженная Поляна
Высокий Перевал

Гавани Высших эльфов
Гилраин 6-2-1 *Нимродэль*
Главные Ворота Мории
Главный Тракт
Гландуин, Лебязья А-I-3
Гондолин 4-2-1, 1-2-1 *Эарендил* X-3
Гондор А-I-1
Гора Судьбы, Ородруин, Амон Амар́
Горгоро́ (плато) 3-4-2
Горы Белерианда 9-4-2
Горы, Где Живет Ужас, Горы Ужаса
горы Льюн, Льюнские горы, Синие Горы
Горы Мрака, Мрачные Горы, Мордорский Хребет, Э́фел Дуа́ 9-4-

2

Горы Пепла, Пепельные Горы, Пепельный Хребет, Эред Ли́уи 3-

4-2

Гримслэйд
Гринхолм
Гундабад (гора)

Дагорлад (плато), Поле Битвы 2-1-1 *Саурана низвергли Гил-галад... и Элендил*

Дальнее Всхолмье
Дальние Болота
Дальний Харад
Дальняя Пустошь
Двадцать Первый Зал Мории
Дверь (на тропу Мертвых)
Двиморберг, Заклятая Гора 3-5-3
Двиморден, Лориэн 6-3-2
Дейл X-1

Делдува́т /Делду́а́т/ 9-4-2

Дикие Земли, Дикий Край, Дикоземье

Дикий Лес

Димрилл, Долина Темных Вод, Кибил-на́ла, Ступени Димрилла,
Темноводная Долина Димрилла, Темноводный Каскад, Нандуирион /
Нандух°ирион/

Димхолт 3-5-3

Длиннобережье, Анфалас 1-5-3

Длинное Болото

Дол Амрот 7-2-1 *Кэлеборн и Галадриэль*, 1-5-3

Дол Барэн /Дол Баран/

Долгое (озеро)

Долгодол

Долгий Овраг

Дол Гулдур (синд. «холм колдовства»)

долина Андуина

Долина Каменных Телег

Долина Черного Корня, долина Мортонда

долина Сабельников, Сабельники 2-1-1

долина Сириона

Дом Наместников, Дом Мертвых

Дом Элронда, Последняя Гостеприимная Обитель к Востоку от
Моря

Дорвинион X-9

Дориа́т, тайное королевство Тингола 9-4-2; *ЕСиндары в Три Рода
не входят.*

Дорто́нион, Ород-на-То́н 4-3-2, 9-4-2

Дор-эн-Эрнил (синд. «страна князя»)

Драконова Паства

Древний Запад, Истинный Запад, Закатный Край

Древосад Орфанка

Дру́адан 5-5-3

Дру́аданский лес 5-5-3

Друвэ́йт Иаур, Старая Пустыня Народа Дру

Дунланд, Тусклоземье п-1-1

Дунхаргская Крепость, Дунхарг 6-3-2

Дурта́нг 2-6-3

Железная Пасть, Исенму́т, Карах Ангрен 1-6-3
Железные Горы X-15

Закатный Край, Древний Запад, Истинный Запад
Заколдованная Балка
закруглившиеся моря 7-1-1
Закрытая Дверь, Фен Х°оллен
Зал Мазарбул, Летописный Зал
Замостье
Заоблачный, Фануи́дол
Западная Лощина
Западно-Восточный Тракт, Главный Тракт, Западный Тракт,
Восточный Тракт, Большой Западный Тракт
Западные Ворота Бри
Западные Земли
Западные Окраины
Западный Белерианд
Западный Предел
Западный Фолд 7-3-2
Западный Эмнет
Западный Эриадор
Заселье, Суза, страна Невеличков п-1-1
Захолмье
Защитный Заслон
Зачарованные Острова
Звездный Купол, Звездная Цитадель (в Осгилиате)
Зеленая Пуща, см. Зеленолесье
Зеленое Перепутье
Зеленолесье, Великая Пуща, Зеленая Пуща, Зеленолиственная
Дубрава, Эрин Ласгален (до победы над Сауроном – Чернолесье)
Зеленополье
Зеленые Холмы (в Гондоре), Пинна́т Гэлин
Зеленые Холмы (в Заселье)
Зеленый Тракт
Зеркалье, Зеркальная Гладь, Келед-зарам
Зирак-Зигил, Зирак, Серебряный Пик, Кэлебдил Белый

Зубы Мордора (Кархост и Нархост)

Ивий Вьюн 5-1-1

Ивий Дол

Илмарин 8-2-1, 1-2-1

Илмаринов Холм 1-2-1 *Таникветиль*

Имлад Моргул, Долина Живой Смерти, Долина Моргул, Долина

Призраков

Имладрис, Ривенделл

Имло́т Мелуи

Иренсага 3-5-3

Исена (рох. «железная»)

Исенгард, Ангреност 2-2-1

Исенмут /Исенмоу́т/, Карах Ангрен, Железная Пасть 1-6-3

И́тилиэн 4-4-2

Йейл

Йельская Низина

Кайр Андрос 4-5-3

Калакириан 1-2-1

Калакирия (кв. «щель света»)

Калембэл (синд. «свет +?»))

Каленар́дон А-II

Каленхад 1-5-3

Камене́ц

Кара́драс, Краснорог, Баразинбар

Карас Гала́дон, город Галадримов 7-2-1

Карах Ангрен, Железная Пасть, Исенму́т 1-6-3

Кардолан А-I-3

Карн Дум

Карнен (Багряная Река)

Каррок X-7

Кархост (синд. «красный зуб»)

Каскады

Квакмортон E

Квэри

Келдуин, Бегучая

Келос (синд. «бегущая +?»)
Керин Амро́т, Холм Амрота 6-2-1
Кирил 2-5-3
Кири́т Горгор, Заклятый Проход 3-6-3
Кири́т Унгол (башня) 8-4-2
Кири́т Унгол (перевал)
Клин
Клюв
Комб 9-1-1
Кормаллен, Кормалленское Поле 4-6-3
Королевский Зал Белой Башни
Королевство Даина
Королевство-Под-Горой
Котомка под Холмом 1-1-1 ...исключая... *Саквилль-Бэггинсов*
Крайние Ворота
Крепость Мертвецов, Вал Мертвецов 2-2-1
Кривокаменный Мост
Криккова Лощинка 3-1-1
Криссаэгрим
Купольная Башня Осгилиата
Курган Погибших Всадников
Курганы, Великие Могилы 6-1-1
Кханд /Канд/
Кэлебдил Белый
Кэлебрант, Серебряная, Кибил-на́ла (река)

Ланг (река)
Лангвел /Ланг'уэлл/
Ламедон 1-5-3
Лебеннин
Лебяжья, Нин-ин-Эйлф, Гландуин А-I-3
Ледяной залив Форохэл
Лесная Дорога (через Чернолесье)
Лесная Речка
Лесной Угол
Лес Троллей
Лестница

Лефнуи (река) А-II

Линдон 2-1-1 Саурана низвергли Гил-галад... и Элендил...

Линхир 9-5-3

Ли́тлад 3-4-2

Лонд Даэр

Ло́риэн, Золотой Лес, Ло́риэн Цветущий, Ло́тлòриэн, Двиморден / Ду́иморден/, Заклятая Долина, Долина Поющего Золота, Золотые Леса, Лаурелиндòренан, Цветок Сновиденный, Потаенный Край 6-2-1

Лоссарнах 1-5-3

Лугбурц /Лугбùрз/

Лычаги 1-1-1 Хэм Гэмги

Льюн (залив) п-1-1

Малый Делвинг

Менегро́т

Менелтарма, Столп Небес (гора)

Мере́тронд, Большой Пиршественный Зал

Меринг (ручей)

Мертвые Болота, Топи Мертвецов

Мертвый Курган

Мертвый Холм

Ме́тедрас, Последняя Гора 2-3-2

Метузельд /Медуселд/ 2-3-2, Золотой Двор, Золотые Палаты, Палаты короля Теодена

Минас Анор, Башня Анора, Башня (Закатного) Солнца, Западная Твердыня, Каменный Город, Минас Тири́т, Город Мудрецов, Сторожевая Башня, Белая Башня, Мундбург 3-5-3, Сторожевая Крепость, Укрепленный Город

Минас И́тиль, Башня (Восходящей) Луны, Минас Моргул, Крепость Чернокнижий, Лунная Башня, Обитель Кольцепризраков

Минас Моргул, Крепость Назгулов, Крепость Чернокнижий, Обитель Кольцепризраков (бывш. Минас Итиль)

Минас Тири́т (крепость ПЭ на острове Тол Сирион)

Минас Тири́т, см. Минас Анор

Мингириа́т /Минх°ириа́т/

Миндоллуин 1-5-3

Мин-Риммон 1-5-3

Ми́тейтель, Хойра (река)
Ми́тлонд, Серая Гавань 9-6-3
Мичел Делвинг п-1-1
Мичел Делвингские Подвалы
Могильное Поле
Мораннон, Черные Ворота (Врата)
Моргайя 2-6-3
Моргулдуин
Моргульский Тракт
Мордор, Вражий Край, Черная Страна, Неназываемая Страна,
Неназываемый Край, Саураново царство, Страна Мглы, Страна Тьмы,
Страна, Которую Не Называют п-1-1
Море, Великое Море п-1-1, 1-2-1, 9-6-3 *Корабль взял курс на запад*
Море Рун А-I-3
Мория А-II, Морийские Копи А-III, Гномьи Рудники, Каза́д-дúм,
Морийские пещеры, Подземелья Мории 4-2-1
Морто́нд, Черный Корень 1-5-3
Моря Разлук 11-1-1, Сумеречные Моря 1-2-1
Мошкарные Болота

Наи́т Лориэнский (синд. «клюв, язык, треугольник»)
Нандуирион /Нандух^оирион/ А-III
Нан Дунгортеб 9-4-2
Нан Куруни́р 8-3-2, Чародеева Долина
Нан Тасарион
Нардол 1-5-3
Нарог
Нарготронд 4-2-1
Нархост (синд. «огненный зуб»)
Насыпь
Нелдоре́т 4-3-2, Тор-на-Нелдор
Ненуйал, Сумеречное
Неумирающие Земли (Аман и Эрессея), Бессмертные Земли
Низкодолье, Ниндальф /Ниндалф/
Нижние Башни
Нижний Коридор
Нижний Харг 3-5-3

Нимбре́иль (синд. «белые березы»)
 Нимродэль
 Новая Улица
 Новодолбы
 Новый Поселок
 Ногрод А-III
 Номанские Степи 8-2-1
 Норбери, Крепость Мертвецов, Североград, Форност Эраин 2-2-1
 Ну́рнен, озеро (внутреннее море) 3-4-2 (возм., синд. «скрытые воды»)
 Ну́менор, *Аталантэ* (кв. «павшая»), Анадунэ, Звездная Страна 2-2-1
 нуменорские Королевства в Изгнании
 Нэн Хи́тоэль 8-2-1

 Обители Целения
 Общая Зала (в Бри)
 Овсяный Дол
 Одинокая Гора, Эребор
 Озерный город, Эсгарот
 Озеро
 Опоясывающее Море, Внешнее Море
 Опоясывающие Горы, Эхориа́
 Ородруин, Амон Амар́, Гора Судьбы, Огненная Гора
 Орфанк /Ор́танк/, Гора-Клык (синд. «расщепленная вершина») 2-2-1
 Осгилиа́, Звездная Цитадель
 Осека 5-1-1
 Оссирианд, Оссир (синд. «страна семи рек») 4-3-2
 Остролистя, Эрегион п-1-1
 Отвальный Ряд 1-1-1

 Паромная дорожка
 Пар́ Гален 10-2-1
 Пасмурная Вершина, Пасмурник 10-1-1
 Пасмурные холмы
 Пеларгир (синд. «причал королевских кораблей»)

Пеленнор (синд. «огражденная земля»)
Пелори (кв. «горы защиты»)
Пепельные Горы, Эред Литуи
Первое Подземелье
Перекресток
Перепутье
Пинкап
Пинна́ Гэлин, Зеленые Холмы 1-5-3
Плавни
Плато Огров 12-1-1
площадь Фонтана
Подбашенное
Подвалы, Мичел Делвингские Подвалы
Поле Кэлебрант
Порос
Последний Мост, Последняя Держава Врага
Праздничное Поле
Приморье
Приреченская дорога, Приречный Тракт
Приреченский Пруд
Приречье
Прорезь
Пустоши

Разбойничья Яма
Раммас Эхор 1-5-3
Расщелина Кирит Унгол
Ра́ Д́инен (Улица Молчания)
Ра́ Кэлердаин (Улица Фонарщиков)
Раурос 8-2-1
Рашокское Болото
Река
Ривенделл, Имладрис, Карнинггул, Последняя Гостеприимная
Обитель к Востоку от Моря Х-2, Е
Ринглò 1-5-3
Рованион (синд. «дикие земли»)
Родниковый Зал 4-3-2

Росгобел

Рох°ан, Марка Роханская, Роханские степи, Роханские луга, Марка
Всадников, Роханское Королевство, степи Марки 2-2-1, 2-3-2

Роханская Щель

Руд°аур А-І-3

Рун (море)

Рун, степи Руна (синд. «восток»)

Сабельники, Лоэг Нинглорэн, долина Сабельников

Сабельница, Сир Нинглор

СаммаТ Наур, Огненный Чертог

Сарн Гебир, Перекаты 8-2-1

Сарн Форд (синд. «каменный» + хоб. и рох. «брод»)

Священные Усыпальницы

Северная Лестница

Северное Нагорье

Северные Заграды

Северный Предел

Северные Холмы

Северный Тракт

Сельцо

Семь Рек Оссира

Серая Гавань, МиТлонд, Гавань Элдаров

Серая Пуца, Серый Лес

Серебряная /Кэлебрант, Кибил-на́ла/

Серни (река) (синд. «каменная»)

Сероводье, ГваТлò /ГуаТлò/

Серые Холмы, Эред МиТрин

Серый лес (под Амон Дином), Серая Пуца

Синие Горы, Льюнские горы, горы Льюн

Сираннона, Сираннона-Стражница

Сирион (синд. «поток»)

Сир Нинглор, Сабельница (река)

Сирих (река) (синд. «течь» /?/)

Скала Древоборода

Скала-Каскад

Скари 9-6-3

Смайлы п-1-1
Смертные Страны
Снаубурн 3-5-3
Средьземелье п-1-1, Смертные Страны 1-2-1
Старая Корчма
Старая Лесная Дорога
Старая Мельница
Старкхорн 3-5-3
Старый Брод (у Каррока)
Старый Лес 6-1-1
Стена Эмин Муйла
Сторожевой Лес
Сторожевая Скала
Сторожевые башни у Насыпи
Стражница, Стражница Ворот, Сираннона
Ступени
Ступени Димрилла
Ступени Дьюрина
Сужение (в Чернолесье; граница между северной и южной частями леса)
Сумеречные Моря

Ѓангородрим 5-2-1 *Темное пламя Удуна*
Таникветиль 1-2-1, Вечная Гора, Вечнобелая Гора, священная Гора
Ѓарбад А-I-3
Тарланг (перешеек)
Тасаринан 4-3-2, Нан-Тасарион
Таур-на-Фуин 9-4-2
Теснина Хельма
Тирион, Эльфийский Тирион 1-2-1 *Тирион, Элдамар*
Тирн ГорЃад А-I-3
Тол Брандир
Тол Гален 11-1-1
Тол-и-Нгаурот (синд. «остров демонов»)
Тол Сирион
Тол Фалас (синд. «остров в заливе»)
Тол Эрессея 1-2-1

Торех Унгол 9-4-2, Паучий Лаз
Трещины Судьбы 2-1-1, Трещина Судьбы, Пропасьть Судьбы
Тригирн /Трих°ирн/ 7-3-2
Тронный Зал Трора
Тропа Мертвых
Туккборо п-1-1
Туккланд
Туккова Круча
Туманные Горы, Хи́таэглир Х-3
Тумладен 1-5-3
Тупик Шарки, Новая Улица
Тусклоземье, Дунланд п-1-1

Угол
Удун, Утумно, Черная Бездна
Умбар

Фалас 1-2-1
Фангорн 8-2-1, Фангорнский лес, Алдаломэ, Амбаронэ,
Тауреморналомэ, Тауреморнэ, Энтвуд 2-3-2
Фангорнские урочища
Фануидол Серый, Бундуша́тур, Ша́тур
Фен Холлен, Закрытая Дверь
Фенская Низина
Фириэнфелд 3-5-3
Фириэнхолт, Фириэнский лес 3-5-3
Фолд, степи Фолда
Форлиндон, Северный Линдон
Форлонд А-I-4
Форност Эраин, Норбери, Северный Город Королей, Североград
2-2-1
Форохэл (залив) А-I-3
Форохэл (мыс) А-I-3

Х°алифириэн 1-5-3
Х°арад 4-4-2
Х°арадвей́т /Харадвай́т/ (синд. «южный народ»)

Х° аргская долина
Х° арлиндон (синд. «Южный Линдон»)
Х° арлонд, Харлондская Гавань (в Гондоре) 1-5-3, А-I-4
Х° арлонд (в Серой Гавани)
Харнен А-I-4
Х° ауд-ин-Гванур /Гу́анур/ А-I-4
Хельмская Лощина
Хельмский Вал
Хельмский ручей
Х° имлинг (остров) (синд. «холодный +?»)
Х° илдориэн (синд. «страна пришедших вослед»)
Х° и́таэглир, Туманные Горы
Хоббитон п-1-1
Хоббитонская дорога
Хойра, Ми́тлонд п-1-1
Холм
Холодные Пустоши
Хорнбург 7-3-2

Цитадель

Чахлая Пустошь
Чернолесье, Черная Пуща п-1-1
Черные Ямы
Чертоги Под Горой
Четский лес
Четыре Предела (в Заселье) п-1-1

Шумливая, Бруинен
Щебневые Холмы

Эа
Эвендим, Ненуйал, Сумеречное (озеро)
Эвендимские Холмы
Эверхолт А-II
Эгладил (синд. «угол, острие»)
Эдэллонд (синд. «эльфийская гавань»)

Эдорас 2-2-1
Эйленах 1-5-3
Эккайя
Элдамар, Эльфийские Вотчины, Эльфийские Земли 1-2-1
Эленна (кв. «страна звезды»)
Эльфийская Сторона X-8
Эльфийские Ворота
Эмин Арнен 1-5-3
Эмин Бераид, Башенные Холмы A-I-3
Эмин Муйл 9-2-1
Энедвэйт /Энедуйт/
Энне́т Аннун /Х°енне́т Аннун/ 5-4-2
Энтвейя, Онэдлò 8-2-1
Энтвуд
Энтфорд 2-3-2
Эребор, Одинокая Гора X-10
Эрегион, Остролистия 3-2-1, 2-1-1 *Мастера Эрегиона...*
Эред Ветрин
Эред Горгоро́т
Эред Ли́туи, Пепельные Горы
Эред Луин
Эред Ми́трин, Серые Холмы A-II
Эред Нимраис 5-4-2, Белые Горы Гондора
Эрелас 1-5-3
Эрессея, Благословенный Остров, Тол Эрессея, Дом Эльфов 2-2-1
Эрех 2-5-3
Эриадор A-I-2
Эрин Ворн
Эруи 9-5-3
Эсгалдуин (синд. «река под завесой»)
Эсгарот, Озерный город
Этир Андуин, устье Андуина 1-5-3
Эфел Ду́а́т, Мрачные Горы 3-4-2
Эхория́т, Опоясывающие Горы 4-6-3

Южная Низина
Южные Ворота Бри

Южный Итилиэн
Южный Переулок
Южный Предел

Ясный Лим (река) 9-2-1

| |
|---|
| <p>3. Имена мечей и камней, знаменитые битвы, названия звезд, времен года и прочее</p> |
|---|

Адúнаи (язык людей Запада)

Азанулбизарская битва

Айглос, Сосулька (копье Гил-галада) 2-2-1

Айнулиндалэ («музыка Айнуров»)

«Аккалабе́т»

Алая Книга Западных Окраин, Алая Книга перианов п-1-1

Алдúйя Г

Алдэа, Оргалад

алфирин 9-5-3

Анария Г

Андарил /Андúрил/, Пламень Запада 3-2-1, Меч, Что Был Сломан
И Перекован Заново, Сломанный Меч, Элендилов Меч, Меч Элендила

анн-́тенна́т

Анор кв. (Солнце)

Аркенстон Траина – Сердце Горы Х-12

Армия/и/ Белерианда

Армия Королей Запада

астары Г

Астрон Г

а́телас 12-1-1, асеа аранион, королевский лист

Белая Дружина Фарамира, Князя Итилиэнского

Белая Корона Королей Гондора

Белая Рука, Белая Рука Исенгарда

Белое Дерево

Белый Конь на Зеленом Поле (знамя)

Белый Совет 2-1-1 ...старший в Совете

Бесконечные Ступени
Беспокойный Мир
Бессолнечные Лета, Бессолнечные Годы, Звездная Первотьма,
Первотьма

битва за Хорнбург
битва на Дагорладе
Битва Пяти Воинств X-17
битва при Зеленополье 9-4-2
Битва при Кэлебранте
Блотма Ё Г
Блутинг Г
Большое Приключение Бильбо
Большой Рог Хельма
Боргил (Марс) 3-1-1
Бэкландский Клич
Бэкландский паром

Валанийя, Тарион Г
Великая армия Последнего Союза
Великая Битва Валаров 1-2-1 *Сильмарилы*, 5-5-3
Великая Битва за Сильмарилы
Великая Битва на поле Дагорлад
Великая Катастрофа
Великая Осада
Великая Тень, Тьма
Великая Чума
Вечный Лед
Вечный Мрак
Вилия, Сапфировое Кольцо, Синее Кольцо 9-6-3
Вингилот (синд. «пена + цветок»)
Вйрессэ Г
Внешняя Тьма
Внутренняя Служба
Вода Энтов
волшебство 7-2-1
Вражьи чары
Война за Кольцо

Война Последнего Союза
Войны Белерианда 2-2-1
Вольная Ярмарка
Всеобщая Засельская Сходка п-1-1
Вторая Эпоха
Второй Лит Г
вышница Г
Вэд /Ўэд/ Г
Вэдма Ѓ /Ўэдма Ѓ/

ГалаЃилион 2-2-1
галенас 8-5-3
Гуаэрон Г
Гуири Ѓ Г
Гири Ѓрон Г
главный *палантир* всего Северного Края
Глаз (Око) Саурана, Красный Глаз, Глаз, У Коего Нет Век,
Безвекий Глаз, Большой Глаз
Гламдринг
Голодные Годы
горный Трон, древний Трон 1-2-1
Городская Управа
Гронд (таран, названный в честь Гронда – палицы Моргота) 4-5-3
ГуЃвин /ГуЃуин/ (рох. «военный друг»)
гхаш /ѓаш/

Дагор Браголлах (синд. «битва внезапного огня»)
Дар Смерти А-І-1 ...и за его пределами есть нечто большее, чем
память; Эдаины
Два Древа, Древо Высших эльфов 4-2-1, Серебряное Древо,
Телперион 2-2-1, Золотое Древо, Лаурелин, Два священных Древа,
Деревья Валинора, ГалаЃилион 2-2-1, Древа 11-3-2 Золотое и
Серебряное Деревья
Двери Дьюрина, Властителя Мории
Девять Колец
День Дьюрина
День Кольца, *Кормарэ*

день Лита
День-после-Лита
день Преполовления
Дерево Высших эльфов
Длинный Список
Дни Лита
Дни Скитаний
Долгая Зима
Долгий Мир Б
Долгодольский лист, душистый *галенас*
Долгодольское зелье
день рождения Бильбо
древеда Г
Древнее Наречие 3-1-1
друвесдей Г

Единое Кольцо, Великое Кольцо, Главное Кольцо, Погибель
Исилдура, Кольцо Власти, Кольцо Судьбы

Жало
Железная Корона 1-2-1
Желтый Пергамент, или Летопись города Туккборо

Зал Пылающего Огня
Западное зелье
Западный Язык, Общий Язык, Западное Наречие
Запрет Валаров
Запреты
Засельский Календарь
Засельское Летосчисление
Звезда дунаданов, Звезда Элендила, Элендилмир
Звезда Северного Королевства
Звезда Феанора 4-2-1
Звезда Эарендила
Звездная Первотьма, Бессолнечные Лета
«Зеленый Дракон»
Зеркало Галадриэли

Зимний Юл 9-6-3
знамя с Древом и Звездами (знамя Королей Гондора)
Зрячие Камни
Зубы Мордора

иавас Г
иаванниэ Г
Иванне Ё Г
игра в загадки
Иллуин
Исилья Г
истинное серебро (*миф(Ё)рил*)
и Ёильдин («луноносвет») 4-2-1
йавиёрэ Г
йён Г
йестарэ

календарь Бри
календарь Гондора
календарь Заселья
календарь Ривенделла
календарь Рохана
Камень горы Эрех
Камень Итиля (*палантир*)
Камень Орфанка (Органка), палантир, Камень, Шар, Кристалл
каранар Г
Квэния, квенийский язык, Древнее Наречие, Язык Высших эльфов
Кервет Г
Кермиэ
кинжал из Курганов (меч Сэма)
кинжалы, найденные в Курганах (мечи Сэма, Мерри и Пиппина)
Клятва Эорла
Книга Приглашений
Книга Тана
Книги Предания
койрэ Г

Кольца Власти, Великие Кольца, Волшебные Кольца 2-1-1
Мастера Эрегиона...

кольцо Барахира
Королевский Мир
Королевское Летосчисление
Корона Дьюрина
корона Элендила
крам
Красная Стрела
Круги Мира
Кружная Лестница
Кувалда
куэллэ (лассе-ланта) Г

Ладья-Лебедь
лайрэ Г
лассе-ланта Г
Лаурелин, Золотое Дерево (Древо)
лаэр Г
лебетрон (лебе́трон)
лембас 8-2-1, подорожники, эльфийские хлебцы
Лесное Наречие, язык Лесных эльфов
Лесные Ворота
летосчисление эльфов и дунаданов
линнод А-I-5
Ли́т п-1-1, Г
Лишний Ли́т Г
лоа Г
Лòтессэ Г
Ло́трон Г
ло́эндэ Г
Луна, Белое Лицо, И́тиль
Лютая Стужа

магия, см. волшебство 7-2-1
маллорн, маллорны, мэллирн 6-2-1
маллос 9-5-3

меарасы 2-3-2

Междоусобица

Межевой Камень

Мельница

Менелвагор, Небесный Воин 3-1-1

Менелия Г

мересдей Г

мерник Г

Месяц-за-Литом Г

Месяц-за-Юлом Г

Месяц-перед-Литом Г

Месяц-перед-Юлом Г

меттарэ Г

Мид Г

мирувор (возможно, слово из языка Валар/ов); кв. *мируворэ*

мифрил /ми́трил/ X-13, 4-2-1 истинное серебро, Морийское
серебро

мифриловая кольчуга

Младшие Дни

Молот Подземных Царств

Молотящий Врагов, Гламдринг

монендей Г

Моргульский кинжал

Мордорская Буря

Морроудим Г

Музей *ма́ томов* (в Мичел Делвинге), матомушник

муннедельник Г

ма́ томы п-1-1

Нарбеле́ Г

Нарвиниэ Г

Наместническое Летосчисление

Нàриэ Г

Нария, Рубиновое Кольцо, Красное Кольцо 9-6-3

наркúэлиэ Г

Народы Тьмы 5-4-2

Нарсил, меч Элендила, Клинок, Что Был Сломан 2-2-1

Наруаин Г

Наугламир (синд. «ожерелье гномов»)

небесень (невсень) Г

невенсдей Г

Невидимое Зло

Ненимэ Г

Нения, Адамантовое Кольцо, Белое Кольцо, Кольцо Галадриэли 9-

6-3

никотиана

Нимло́т Благосеннолиственная 2-2-1

Нинуи Г

ни́фредил 6-2-1

Новое Летосчисление

Новый Год

ножны Нарсила

Норуи Г

Ночь Ничто 1-2-1

Обзорная Скамья

Общий Язык, Западный Язык п-1-1

Огонь Негасимый, Тайный Огонь

Огонь Судьбы

Ожерелье Гириона, изумруды Гириона

Оконная Завеса

олифан /олифа́унт/ 3-4-2

Ополчение

Оранор Г

Ораэрон

Орбелаин (Родин) Г

Оргала́д

Оргала́дад Г

Оргилион Г

Орден волшебников 2-2-1

Ори́тиль Г

Оркрист

Орменел Г

Падение Нуменора
палантйры, палантири 11-3-2, Великие Камни, Волшебные
Камни, Зрячие Камни, Камни
палица Моргота, Гронд
пароль Семи Врат
Первая Эпоха Б
Первый Год Заселья
Первый Лит
Первый Отряд Восточного Предела
Перекованный Клинок, Андари́л 3-2-1
Пересмотренный Календарь
«Плавучее Бревно»
«Пляшущий Пони»
«Плющ»
«Покинутая Корчма»
Полнозимень Г
Последний Корабль
Последний Союз 2-1-1 *Сау́рона низвергли Гил-галад... и Элендил,*
2-2-1 *Сау́рон напал на них...*
Последняя Гостеприимная Обитель
Поход Троих
Почтовая Служба
Правила
Праздничное Дерево
Предание: гондорское Предание, эльфийское Предание
Предзимень
Преполовление Лета
Приключение Бильбо
Приреченская битва
Проклятие Мандоса
Проклятые Годы, Темная Година, Черные Годы 2-3-2
Прощальная Речь Бильбо
Путешествие Бильбо

рè Г
Реммира́т, Звездная Сеть (созвездие) 3-1-1
рйв /ри́у/ Г

Рингарэ Г
Ри́Г
Родин (Орбелаин)
Рубило
Руны Даэрона

Свет Деревьев Валинора
Светоносец Запада, Эарендил 1-2-1
Свиток
Свободная Ярмарка
Северный Скипетр, скипетр Аннуминаса
Семь Зрячих Камней
Серебряная Корона
Серебряный Лебедь Дол Амрота (знамя)
Серп (созвездие)
Семь Колец, гномьи Кольца
Серые Корабли
Сильмарилы /Силмарилы/, Силмарилли, Три Драгоценных Камня

1-2-1

симбэ́льминэ, «вечно помни»
Синдарин, синдаринский язык, язык Серых эльфов
силима
скляница Галадриэли
смайлы
Собор энтов
Совет Мудрых
Совет Элронда 2-2-1
Сокрушитель Гоблинов
солма́Г
Солнце, Желтое Лицо, Анор
сольнота Г
соннендей Г
Список Живущих
староэнтский язык
Старшая Эпоха Б
Старшие Дни 2-2-1
«Старый Тоби»

стеррендей Г
стертверг Г
Столп Дьюрина
Стократный Пир
Сторожевая Служба
стяг Наместников
Сулимэ Г

Тайный Огонь 5-2-1
танец «прыг-скок»
талан
Тауреморналомэ, Фангорн 4-3-2
Тельперион /Телперион/ Многоименный, Древнейшее из Деревьев
2-2-1, Серебряное Дерево
Темная Година, Черные Годы, Проклятые Годы 2-3-2
Тенгвар /ТенгУар/Д-II
Тенгвар Румила Д-II
Тенгвар Феанора Д-II
Тень
Тень Мордора
тиндòмэ
Топор Дьюрина
«Травник Заселья»
Третья Эпоха
Три Кольца, эльфийские Кольца, эрегионские кольца
Тримидж Г
туилèрэ Г
Тьма

Увядшее Дерево
ундòмэ (минуйал, адуйал; морроудим, эвендим)
Уримэ Г
Урожаень Г
Уруи Г

фири́ Г
флет

Фрери Г

Халимат Г

хараниэ Г

Хй́симэ Г

хи́тлайн 8-2-1

Хи́туи Г

хольбитланы, ед.ч. хольбитла 8-3-2

хрй́вэ Г

«Хронограф Западных Земель»

Человеческое Проклятие

Черная Немошь

Черная Рука

Черная Чума

Черное Наречие 2-2-1

Черный Змей (знамя)

Черный Флот

Чи́тинг Г

Шишиги 3-5-3

Эарения, Орэарон

Эвендим Г

экуир Г

эланор

Эления Г

Элессар, эльфийский Камень, смарагд 1-2-1, 8-2-1 прозрачно-зеленый камень...

эльфийская веревка

эльфийские Кольца (см. Три Кольца)

эльфийские плащи

эмблема Дьюрина

энкие, мн.ч. энкийер Г

Э́оред 2-3-2

Эпоха Сумерек

Эругрим /Х°эругрим/ (рох. «меч + яростный»)

э́туил Г

«Южная Звезда»

Юл Г

Юлма́т Г

Слова и фразы на роханском и эльфийском языках, встречающиеся в тексте трилогии (с диакритическими знаками)

Книга Первая

Элен сиила (сйла) луумен (лүменн) оментиэлво!
Норо лим, норо лим, Асфало́т!
Аи на вэдуи Дуунадан (Дүнадан)! Маэ гованнен!

А Элбер́т Гил́тониэль
силиврэн пенна мириэль
О менел аглар элена́т!
На-хаэрэд палан-дй́риэль
о гала́дреммин эннора́т,
Фануилос, ле линна́тон
Нэф азар, си нэф азарон!

Наур ан эдраи́т аммен! Наур дан и нгауро́т!

Аннон э́дэллен, э́дро хи аммен!
Фэннас ного́трим, ласто бе́т ламмен!

Э́дро!
Мэ́ллон!
Даро́!
Ирх! («Орки!»)

Аи! Лауриэ́ лантар ласси сү́ринен,
йё́ни у́но́тимэ ве ра́мар алдарон!
Йени вэ линтэ́ йулдар авàниэр
ми оромарди лиссэ-мирувòрэва
Андү́нэ́ пэ́лла, Варда теллумар
ну луини йассэн тинтилар и элени

òмарио айрэтàри-лиринен

Си ман и йулма нин энквантува?

Ан сї Тинталлэ̃ Варда Ойолоссэ̃о
ве фаниар мàриат Элентàри ортанэ̃
ар илиэ̃ тиер ундулàвэ̃ лумбулэ̃
ар синданòриэлло каита морниэ̃
и фалмалиннар имбэ̃ мет, ар хїсиэ̃
унтұпа Калакирио мїри ойалэ̃.

Сї ванўа нà, Рòмелло ванўа Валимар!
Намàриэ̃! Наи хирувалиэ̃ Валимар
Наи элиэ̃ хирува. Намàриэ̃!

Книга Вторая

Вэсту (ўэсту) Ѓèоден хàл! (рох.)
Фер́ту Ѓèоден хàл! (рох.)
Айя Э̃арендил Эленион Анкалима!
Гил́тониэль А Элбере́т!

А Элбере́т Гил́тониэль
о менел палан-дириэль
ле наллон си ди'нгуру́тос!
А тиро нин, Фануилос!

Книга Третья

Куйо и Фериан ананн! Алгар'ни Ферианна́т!
Даур а Бераэль (Берх'аэл), Конин эн Аннўн!
Эглеріо!
А лайта те, лайта те! Андаве лаитувалмет!
Кормаколиндор, а лайта тàриэнна!

Эт Эарелло Эндоренна утуулиэн (уту̀лиэн). Синомэ маруван ар
Хильдиниар тенн' Амбар-метта!

Ие! Утуувиэниэс (уту̀виэниэс)!

А! Элбере́т Гилтониэль!
силиврэн пенна мйриэль
о менел аглар эленэ́т (элена́т),
Гилтониэль, А! Элбере́т!

Лингвистические термины, встречающиеся в приложениях

Ангер́тас Мория

Кер́тар

Кир́т

тёмар

Тенгвар (Тенѓуар)

Тиу (Ти́у)

андаи́т

техтар

тинкотёма

парматёма

калматёма

тьельпетёма

квэссетёма

унѓуэ

́ту́лэ (с̀у́лэ)

лу́ва

телко

ф́ормэн

харма

х́у́эста

анто

ампа

анка

унќуэ

ну́мэн

малта

нолдо

ну́алмэ

òрэ

вала

парма

калма
кúэссе
андо
умбар
анга
анна
вилия
ромен
арда
лембэ
анда
силмэ
àрэ
хьярмен
хúэста синдаринúа
йанта
ùрэ

Комментарии

Список принятых в комментариях сокращений

П «Письма Толкина» (Letters of J. R. R. Tolkien. London, 1981).

ВК «Властелин Колец».

НС «Неоконченные Сказания» (Tolkien J. R. R. Unfinished Tales. London, 1980).

Сильм. «Сильмариллион» (Tolkien J. R. R. The Silmarillion. London, 1979).

ЧиК сборник эссе Толкина «Чудовища и критики» (Tolkien J. R. R. Monsters and Critics. London, 1983).

Рук. «Руководство для переводчика», написанное самим Толкином (Guide to the Names. – В кн.: A Tolkien Compass. London, 1975).

Шиппи «Дорога в Средьземелье» Тома А. Шиппи (Shippey Tom A. The Road to Middle-Earth. London, 1982). Т. Шиппи – один из наиболее выдающихся исследователей творчества Толкина, лингвист, преподаватель; взгляды Шиппи на творчество Толкина считаются среди толкиноведов наиболее адекватными, так как во многом отражают точку зрения самого Толкина, с которым Т. Шиппи неоднократно встречался и беседовал. В течении 14 лет Шиппи занимал место преподавателя на кафедре английского языка в университете Лидса, где когда-то преподавал и Толкин. В дальнейшем перебрался в университет Сент-Луиса, штат Миссури.

ХК «Биография Дж. Р. Р. Толкина» Хэмфри Карпентера (Carpenter H. J. R. R. Tolkien. A Biography. London, 1977).

МЛ Мельникова Е. Меч и лира. М., 1987.

В.Э. «Введение в эльфийский» Джима Аллана (Allan J. An Introduction to Elvish. London, 1978) – сборник статей, посвященных изобретенным Толкином языкам.

СиУ Флоренский П. Столп и Утверждение Истины. – Собр. соч.: В 3 т. М., 1990. Т. 1.

РФ «Полный путеводитель по Средьземелью» Роберта Фостера (Foster R. The Complete Guide to Middle-Earth. London, 1978).

КД «Справочник по Толкину и Средьземелью» Колина Дюрье (Duriez C. The Tolkien and Middle-Earth Handbook. London, 1992).

ТК «Новый путеводитель по миру книг Толкина» Дж. Тайлера (Tyler J. The New Tolkien Companion. London, 1979).

СФ Фасмер М. Этимологический словарь. М., 1986–1988.

МС Мифологический словарь. М., 1990.

ПЭ, ВЭ, ТЭ, ЧЭ – соответственно Первая, Вторая, Третья и Четвертая Эпохи Средьземелья.

кв. Квэния (язык Высших эльфов).

синд. Синдарин (язык Серых эльфов).

рох. роханский язык.

англ. английский язык.

¹ У Толкина – Shire (в других переводах – Шир, Хоббитшир, Хоббитания). О принципах перевода см. Бэггинс (прим. к «Хоббиту», гл. 1). Корень входит в англ. топонимы, обозначающие исторически сложившуюся область вокруг какого-либо города: Оксфордшир, Девоншир и т. д. В Рук. (с. 205) Толкин дает этимологию этого слова: суффикс -shire (в традиционной русской огласовке -шир) происходит от древнеангл. – *scir* (scir), что означает «район, область» (в русском его с успехом заменяет суффикс -щина, например в слове «Смоленщина»). Однако, в отличие от русского суффикса, слово shire в Англии IX–XI вв. имело самостоятельную жизнь и обозначало административный округ (позже графство), управляемый королевским чиновником. МЛ (с. 30) дает другое произношение этого слова: *шайр*. Шайр состоял (как и Заселье) из более мелких административных единиц. Поэтому, видимо, переводчику, избравшему путь сохранения названий, также следовало бы придерживаться варианта *шайр*, тем более что это соответствует английскому произношению. Сами хоббиты, утверждает Толкин, называли Заселье Суза. Надо заметить, что в первые годы после выхода книги Толкин энергично возражал против каких-либо попыток перевода слова shire, утверждая: «...shire – слово, которое принадлежит сельской Англии и никакой другой стране в мире... Топонимы в Shire – в некотором роде пародия на топонимы сельских местностей Англии, как и сами хоббиты, населяющие Shire; в конце концов, это английская книга, написанная англичанином, и, наверное, даже читатель, который думает, что многое из трилогии с течением времени войдет в поговорку, не станет требовать от переводчика, чтобы тот намеренно разрушал местный, английский колорит книги... Это будет не «перевод»... а просто бездомные слова, и больше ничего» (в письме к Р. Анвину, 3 июля 1956 г., П, с. 249). Однако в Рук., опубликованном в 1965 г., Толкин меняет гнев на милость и рекомендует переводить Shire по смыслу – даже сам предлагает варианты перевода на некоторые европейские языки.

Существуют свидетельства о том, что, создавая Заселье (*Шайр*), Толкин имел в виду раннесредневековый Херфордшир. Исследуя

некоторые древнеанглийские тексты, Толкин выдвинул основательно аргументированную гипотезу, согласно которой в раннем средневековье на западе Англии (возможно, в Херфордшире) существовала сильная и самостоятельная литературная школа, опиравшаяся на прочный и устойчивый уклад жизни, основой для которого была независимость, незатронутость военными тревогами и завоеваниями (Херфордшир расположен на самом западе Англии, а завоеватели высаживались на востоке), а также глубокое благоговение перед древними традициями. Создавая Заселье, Толкин думал именно о древнем Херфордшире, тоже отрезанном от мира, живущем своей обособленной жизнью, насквозь английском (по тем временам!), консервативном – и все же сохранявшем смутную память о былых переселениях, о вхождении в состав империи (для Херфордшира – Римской)... Заселье – калька со средневековой Англии, утверждает Шиппи (с. 77), как слово «воздухоплаватель» – калька со слова «аэронавт»: все элементы первого слова в сравнении со вторым звучат совершенно по-другому и в то же время идентичны по смыслу. Приемом кальки Толкин пользуется в трилогии довольно часто.

² Один фут равен 30,5 см. О мерах длины см. прим. ниже.

³ В оригинале Bullroarer (в других переводах – Бычеглас, Бычий Рев). Изобретая это имя, Толкин полагал, что bullroarer – одно из старых названий духового инструмента с низким тоном, типа волынки. Однако позже, не найдя этого слова в словарях, Толкин перестал на этом настаивать и разрешил переводить это имя по смыслу входящих в него корней (т. е. *бык* + *рев*) (Рук., с. 188). Избранная здесь версия (Волынщик) содержит указание на первоначальный замысел автора. О фамилии Тукк см. ниже прим. 16.

⁴ Мужчины у хоббитов носили бриджи и что-то вроде туники, а поверх – плащ или мантию, доходившие почти до земли (П, с. 280, 14 октября 1958 г., к Р. Бир). Кроме того, в «Хоббите» и ВК упоминаются куртки и жилеты.

⁵ Из всех племен Средьземелья хоббиты стоят к людям ближе всего (отличаясь от них ростом, «шерстоногостью» и легкой остроухостью, а также некоторыми особенностями характера: они ближе к природе, крепче, устойчивее, выносливее людей). В письме к Мильтону Уолдману, конец 1951 г. (П, с. 158) Толкин пишет: «Хоббиты абсолютно лишены каких бы то ни было способностей, не присущих

также и людям... но они, с точки зрения людей, ненормально свободны от жадности и страсти к обогащению. Я сделал их маленькими для того, чтобы показать «маленькость» простого, немудрящего «среднего» человека, – но при этом я не стремился, как Свифт, подчеркнуть в этом человеке прежде всего ограниченность или дикость (имеются в виду лилипуты и йэху. – М.К. и В.К.). Моей целью было прежде всего показать, что в безвыходном положении обычные люди могут иной раз, несмотря на физическую слабость, явить поистине неожиданный и достойный удивления героизм». В письме к Д. Уэбстер от 25 октября 1958 г. (П, с. 288) Толкин писал: «Признаюсь, я и сам *хоббит* – во всем, кроме размера. Я люблю сады, деревья и немеханизированные фермы; я курю трубку и предпочитаю простую, добрую пищу (не замороженную!), а французскую кухню не выношу. Я люблю узорчатые жилеты и даже осмеливаюсь носить их – это в наши-то скучные дни! Я очень люблю грибы – прямо с поля (у англичан почти нет лесов – они собирают грибы на ближайшем поле или на специальной плантации. На плантациях растут шампиньоны, на поле – обыкновенные дождевики, достигающие внушительных размеров: иногда такого гриба может хватить на кастрюлю супа. — М.К. и В.К.), у меня невзыскательный юмор (отчего некоторые критики находят меня порядочным занудой); я поздно ложусь и поздно встаю (когда получается); я редко путешествую...» См. также прим. к «Хоббиту»^[70], гл. 1.

⁶ «Хоббиты, конечно, задуманы как ветвь *человеческого* племени, поэтому они с легкостью сосуществуют с Большими – например, в Бри (гл. 6 ч. 1 кн. 1)» (П, письмо к Мильтону Уолдману, конец 1951 г., с. 158).

⁷ Иначе Первая Эпоха. От первого восхода Солнца до низвержения Моргота (см. прим. к Приложению Б).

⁸ Слово «Средьземелье» не изобретено Толкином. Это – модернизация слова, означавшего у древних англичан ойкумену – мир, населенный людьми. «Средьземелье» располагалось посреди опоясывающих его морей, а по представлениям древних скандинавов – между льдом севера и огнем юга. Это английское Middle-Earth, древнеанглийское middan-geard, среднеанглийское midden-erd и middle-erd (см. П, с. 283, письмо от 14 октября 1958 г. к Р. Бир). В другом месте Толкин пишет: «Я не создавал воображаемого мира – я

создал только воображаемый исторический период в Средьземелье, месте нашего обитания» (П, с. 244, заметка по поводу обзора ВК У. Х. Оденем, 1956 г.). И еще: «...Я разместил действие в полностью вымышленном (хотя не таком уж и невозможном) периоде древности, когда форма континентов была иной» (там же). Ср. строчки из средневекового английского стихотворения «Блаженная земля» в переводе В. Тихомирова:

*...здесь, в средимирье,
та земля далекая,
людям недоступна...*

(«Древнеанглийская поэзия», Сб., М, 1982, с. 90)

⁹ См. Приложение Б.

¹⁰ Одна из рассыпанных по всему тексту параллелей с Англией и англичанами: как и хоббиты в Заселье, англичане (точнее, три германских племени – англы, саксы, юты) явились в Британию с востока, из мест прежнего своего обитания, находившихся примерно между Фленгсбургским фиордом и Шлеей (Фленгсбургский фиорд находится на границе современных Дании и Германии, Шлея – немного южнее), с которыми в Средьземелье соотносятся реки Хойра и Шумливая, в междуречье которых прежде обитали хоббиты.

¹¹ В оригинале – Mirkwood. Возможные варианты перевода: Мирквуд, Мирквудская Пуща. В переводе А. Кистяковского и В. Муравьева – Лихолесье. Мирквуд упоминается в нескольких песнях «Старшей Эдды» с эпитетом «бездорожный» (об этом пишет Т. Шиппи). Толкин писал сыну Майклу в письме от 29 июля 1966 г. (П, с. 369): «Чернолесье – Мирквуд – не мое изобретение. Это очень древнее название, оваянное множеством легенд. По всей вероятности, этим именем первобытные германцы называли обширную горную область, поросшую лесами, которая преградила в древности германским племенам путь на юг. В некоторых традициях это слово используется всегда, когда идет речь о границе между готами и гуннами... В одном немецком источнике XI столетия это слово присутствует в форме *мирквиду*, хотя корень *меркв* («темный») в других сочетаниях там не

встречается (только в древнеанглийском, древнескандинавском и т. д.). Корень *виду* в германском сводился к значению «древесина»... Что до древнеанглийского, то в нем слово «мирке» встречалось только как поэтическое, причем в смысле «темный, мрачный» – только в «Беовульфе»... в остальных же источниках оно имело зловещий оттенок («порочный», «адский»). По-видимому, это слово никогда не означало просто цвет – скорее всего, оттенок мрачности в нем присутствовал с самого начала». Толкин указывал, что для современного англичанина смысл слова *Мирквуд* понятен – это «темный, зловещий лес». Толкин не первый использовал это слово; до него *Мирквуд* встречается у Вильяма Морриса в романе «Род Вольфингов», книгу, которую Толкин прочел еще в 1914 г. (ХК, с. 77).

¹² В оригинале Шерстоноги – *Harfoots*, Дубсы – *Stoors* (древнеангл. «большой, сильный»), Белоскоры – *Fallowhides*; оба корня в последнем слове устаревшие. В переводе сохранена архаичность только второго элемента: *-скор* (–шкур, ср. «скорняк»).

Три племени хоббитов, пришедших в Заселье с востока, создают параллель с английской историей: англичане тоже прибыли в Британию тремя племенами (англы, саксы, юты). Сходство подчеркивается еще и тем, что «и те и другие об этом позабыли» (Шиппи, с. 77).

¹³ Шумливая (Бруинен). Бруинен – синд. «шумная вода». *Bruin* (Бруин) – имя сказочного медведя (ср. русское Топтыгин), что могло вызывать у английского читателя побочные ассоциации.

¹⁴ Тусклоземье – перевод названия Дунланд на так называемый Общий Язык. Предполагается, что название Дунланд – роханское (см. прим. 316), т. е. древнеанглийское. Но понятно оно и современному англичанину.

¹⁵ В оригинале *Noagwell*, буквально – «серый источник» (первый элемент архаизирован). Сохраняя оттенок архаичности, можно было бы перевести это название также Шера, Шара и т. д. СФ дает праславянский вариант слова «серый» – *хойр*, что близко по звучанию к англ. оригиналу данного названия, который, по всей видимости, содержит тот же индоевропейский корень (*Хоарвелл*). Современному англичанину, не имеющему специального образования, слово это непонятно.

¹⁶ Корень бэк (busk) в оригинале произносится скорее как бак (в переводе с древнеанглийского означает «крупное лесное животное, самец оленя или лося»). Висса на древнеанглийском означает «козел». Этимологию дает сам Толкин в Рук., с. 173, но, по сути, здесь автором подобрана новая этимология для уже существующего слова. «Бокланд» (от boc – «грамота») – термин, ведущий свое происхождение из VII в.: так в Англии называлась земля, пожалованная королем кому-либо в управление («кормление»). Человек, пожалованный «бокландом», нес определенные повинности перед королем. В основном «бокландом» жаловали представителей знати, церкви и монастыри (см. МЛ, с. 17). «Понятие совершенно не засельское», отмечает Шиппи (с. 78). Оттенок первоначального смысла у Толкина сохраняется – это «другая», «отдельная» земля с особым управлением. География Бэккланда заставила некоторых исследователей предположить, что Бэкланд представляет собой как бы кальку с Бретани (местность на севере Франции, где обитали кельтские племена бриттов). Средневековая Бретань основана была неким Конаном Мериадоком; имя этого деятеля совпадает с именем одного из друзей Фродо, который происходит из Бэккланда. Если продолжить аналогию, Ла-Манш можно было бы соотнести с Брендивинном, а юго-восток Англии – с Засельем, что имеет смысл, поскольку бритты Хенгест и Хорса, пришедшие из Бретани и соответствующие у Толкина братьям-хоббитам Мархо и Бланко (см. прим. 25), основали первые поселения в графстве Кент, что находится на юго-востоке Англии и географически напоминает Заселье (конечно, в увеличенном варианте!) (В.Э., с. 182). Возможно, такая «географическая» шутка у Толкина действительно имела место.

Корень -тук- (-тукк-) в системе имен у Толкина ясного значения не имеет, но является омонимом английского глагола «брать», откуда вариант одного из существующих переводов – Хват. Рук. (с. 188) предлагает переводчику оставить это имя без изменений. Шиппи (с. 78) отмечает, что фамилия Тукк, в сравнении с Брендибэк, пародирует североанглийский акцент с его тенденцией к более закрытым гласным, чем на юге: фамилия Брендибэк по-английски произносится как *Брендибак*, но на севере Англии последний слог звучал бы как бук (для сравнения можно взять слово bus (бас, «автобус»): на севере оно звучит как бус). Таким образом, фамилия, изначально

произносившаяся как *Такк*, на севере стала бы звучать как *Тукк*. Паула Мармор в В.Э. предполагает, что эта фамилия происходит от старого английского слова *tuck* (*так, тэк*) – фр. *estoc* – «короткий меч». Кроме того, в древнеанглийском были похожие имена собственные неизвестного значения – Токи и Тукка.

¹⁷ Льюн – искаженное на хоббичий лад эльфийское *Lhun* (*Лун*). К слову «луна» не имеет никакого отношения (Рук., с. 202). В Англии (Ланкашир) существует река с таким названием (этимология неизвестна) (В.Э., с. 83).

¹⁸ Синд. *дун-адан* дословно означает «западный человек». Так называли нуменорцев – людей, которые происходили с острова Нуменор (см. Приложение А, гл. 1). Отличались долголетием. Другие племена Средьземелья издавна признавали за дунаданами право властвовать и повелевать «меньшими людьми». *Закатный Край* – здесь: другое название Нуменора.

¹⁹ См. Приложение А, гл. 1.

²⁰ Это название происходит из языка, которого ко времени Третьей Эпохи уже никто не помнил, как англичане не помнят древневаллийского, которому они обязаны множеством топонимов. *Бри* – распространенный английский топоним и одновременно валлийское слово, означающее «гора» (Рук., с. 190). (Брийская Округа – как бы Уэльс по отношению к Заселью (Англии). Столкновение в тексте имен английских, древнеанглийских (типа Боффин), эльфийских и кельтских создает «задний план», глубину во времени, иллюзию подлинности воображаемого мира.) В своей известной лекции «Английский и валлийский» (прочитана в Оксфорде 21 октября 1955 г.) Толкин признавался, что питает к валлийскому языку особое расположение. «В глубине души все мы – британцы», – говорил он, подчеркивая, что исторически слова «Британия» и «британец» относятся именно к кельтам, т. е. предкам современных валлийцев. «Этот язык для нас родной, и в наших душах таится глубоко скрытое, нам самим еще до конца не ясное желание вернуться к нему, как на родину» (ЧиК, с. 194). В примечаниях к этой статье Толкин добавляет: «Если мне позволено будет еще раз сослаться на мою книгу «Властелин Колец», я привел бы добавочный пример этой подсознательной тяги к валлийскому. В моей работе имена персонажей и топонимы опираются в основном на валлийский язык (т. е. созданы

по валлийскому грамматическому образцу, хотя и с некоторыми отличиями). Возможно, этот элемент доставил многим читателям даже больше удовольствия, нежели все остальное!»

Последнее, конечно, не относится к русскому читателю, у которого нет никаких рациональных оснований каким-то особым образом откликаться на валлийский и его звуковую гармонию, на основе которой создан язык эльфов-Синдаров. Зато язык эльфов-Квенди, квенийский, создан под впечатлением финского, что не должно быть безразлично для жителя России, где с древнейших времен сохранилось столько финских топонимов – и не только в Карелии: к таким топонимам относятся Москва (по некоторым гипотезам), Муром, Мста, Вятка и т. д. – см. СФ.

Увлечение финским и валлийским не было для Толкина случайной прихотью, скорее частью мировоззрения. Еще в 1926 г. он говорил, что возможно и желательно создание новой науки, которая занималась бы исключительно эстетикой звуков, их влиянием на человека («The Year's Work in English Studies», 1926, vol. 5, J.R.R.Tolkien, chapter «General Philology»). Надо сказать, что исследования в этом направлении в XX в. велись. Саму проблему поставил еще Платон в известном диалоге «Кратил». Проблемой звука интенсивно занимались философы и поэты русского «серебряного века» – А. Белый, В. Хлебников, П. Флоренский и др. Правда, в отличие, скажем, от А. Белого (Глоссолалия. Берлин, 1923) Толкин нигде не говорил о каких-либо «изначальных смыслах», стоящих за звуками; он упоминал только о чувстве «удовольствия» (pleasure), производимого сочетаниями звуков и неожиданным соотношением привычного смысла с непривычным звуком. Так, например, в лекции «Английский и валлийский» он говорит о своем особом отношении к «сочетанию полувзвонного w и звонких щелевых f и dd с носовыми – как в валлийских словах nant, meddiant, afon, llawenydd, gwanwyn» (с. 194).

Но кельты (валлийский язык имеет кельтское происхождение) для англичанина – это не только язык, это еще и легенды артуровского цикла, и кельтские жрецы – друиды, и многое другое. Воскрешая в подсознании читателей «кельтский» культурный слой, тексты Толкина апеллируют к целому пласту представлений и мифов.

²¹ Четвуд. *Чет* – кельтское «лес», *вуд* – английское «лес». Таким образом, Четвуд, или Четский Лес – «Лесной Лес», масло масляное. Прием, который Толкин использовал достаточно часто, сталкивая сходные по значению корни разных языков (см. прим. 36).

²² В оригинале английская система мер, сохраненная по возможности и в данном переводе «Хоббита». Но, поскольку в ВК переводчики пошли по пути перевода основных засельских названий (Заселье вместо *Шайр* – см. прим. 1), более уместным здесь показалось в хоббичьей системе мер использовать старые русские верста, локоть, аршин и т. д. Фут как мера роста сохраняется, так как фут был в ходу и в России.

Сравнительная таблица мер длины:

1 верста = 1,07 км.

1 миля = 1,609 км (= 1,5 версты).

1 лига = 3 мили = 4,827 км.

1 фут = 30,5 см (0,305 м).

1 локоть = 45–50 см.

1 сажень = 3 аршина = 2,13 м.

1 аршин = 0,71 м.

²³ Эквивалентом Общего Языка у Толкина выступает английский, а в переводе, разумеется, русский – за исключением нескольких имен, «задержавшихся» здесь в английском варианте. Этот вариант оставлялся в тех случаях, когда то или иное имя в его английском варианте к настоящему моменту как у нас, так и во всем мире обросло традициями и занимает важное место во всемирной «толкиниане». См. *Бэггинс* (прим. к «Хоббиту», гл. 1) и *Ривенделл* (см. прим. к «Хоббиту»), а также Приложение Е.

²⁴ См. Приложение А, гл. 1.

²⁵ Намек на братьев Хенгеста и Хорсу, предводителей англосаксов, завоевателей кельтской Британии. «...Получив от короля бриттов приглашение, племя англов, или саксов, отправляется на трех кораблях в Британию... их предводителями были два брата, Хенгест и Хорса; Хорса позднее был убит на войне с бриттами, и в восточной части Кента до сих пор есть памятник в его честь» (Бэда Достопочтенный, цит. по: МЛ, с. 8). *Хенгест* значит «жеребенок», *Хорса* – «лошадь». *Мархо* – на том же древнеанглийском – тоже означает «лошадь», а *Бланко* – «белая лошадь» (Шиппи, с. 77). Однако

слово «мархе, марх» встречается также в кельтских языках. Хенгест основал королевство Кент, которое некоторые исследователи (напр., Паула Мармор, В.Э., с. 182) называют прототипом Заселья.

²⁶ Синд. «длинная река коричнево-золотого цвета».

²⁷ См. Приложение А.

²⁸ Тан (тэн) – представитель высшей служилой аристократии в Англии VIII–IX вв. (МЛ, с. 24).

²⁹ Еще одна параллель с Англией. Последняя известная истории битва на территории Англии разразилась в 1675 г. (при Седжмуре) – за 270 лет до публикации ВК; Приреченская битва разыгралась через 272 года после битвы при Зеленополье (см. гл. 9 ч. 4 кн. 2).

³⁰ Древнеангл. *maðm* – «сокровище, драгоценность».

³¹ От древнеангл. глагола *smugel* – «рыть». Этот же корень в имени Смеагол (см. прим. 83).

³² *Хоббитон*: *-тон* – обычный для английских топонимов суффикс, происходящий от *town* («город»). *Туккборо* – то же самое: суффикс *-боро* (*-borough*) часто встречается в названиях английских городов и означает примерно то же, что и *-тон*. *Мичел Делвинг*: *мичел* – древнеангл. «большой»; *делв* – современный корень, имеющий значение «рыть, копать, добывать». Таким образом, *Мичел Делвинг* – это «Большие Карьеры, Большие Норы».

³³ К образу башни, глядящей на море, Толкин возвращался часто. Взять хотя бы аллегорию, приводимую им в статье «Чудовища и критики» (ЧиК, с. 7), где он высказал свое отношение к близорукости традиционного литературоведения, которое зачастую больше интересуется источниками того или иного произведения, чем самим произведением: «Человек унаследовал поле, на котором валялось в беспорядке множество старых камней, оставшихся от разрушенного дома – а может быть, замка. Часть камней уже была пущена в дело – их использовали для постройки того самого дома, в котором этот человек жил, неподалеку от дома его отцов. Человек взял часть разбросанных по полю камней и построил из них башню. Но пришли друзья и, даже не дав себе труда взобраться по ступенькам, сразу заметили, что камни, из которых построена башня, когда-то входили в состав другого здания. Под этим предлогом они снесли башню, немало при этом потрудившись, – ведь иначе нельзя было разглядеть скрытую

от глаз резьбу и надписи. А может, они просто хотели узнать, где предки того человека раздобывали строительный материал? Некоторые же заподозрили, что под фундаментом залегают пласты угля, и начали копать вглубь, забыв про камни. И все в один голос твердили: «Башня очень любопытная». А когда от нее ничего не осталось, они сказали: «Не башня, а неразбериха!» Даже потомки этого человека, от которых он вправе был ждать понимания, иногда поговаривали: «Он был такой чудак! Представьте себе – взять и построить из этих древних камней какую-то бессмысленную башню! Почему бы ему было не восстановить старый дом? Право же, у него нет никакого чувства соразмерности!» А с вершины своей башни тот человек мог видеть море...» В лекции «Чудовища и критики» речь идет о «Беовульфе» – древнеанглийской поэме, которая послужила Толкину одним из основных источников вдохновения и эпизоды из которой много раз варьируются на страницах ВК (см. большинство прим. к гл. 4 ч. 3 кн. 2 и т. д.). В более широком смысле башня, с которой можно увидеть море, служит Толкину символом искусства вообще – черпая из многих источников, оно имеет свое оправдание не в них, а в том, что с его помощью автор и всякий, кто «даст себе труд взобраться по ступенькам», может увидеть «море» – т. е. выйти за пределы ограниченного повседневного мира, заглянуть с помощью волшебной силы искусства в Иной Мир, символ которого – Море. Для тех, кто утратил истинное знание (в мифологии Толкина – о том, что далеко на западе лежат святые Острова Блаженных), Море – как и для хоббитов – только символ смерти (см. прим. 676).

³⁴ Древнеангл. *frod* – «опытом приобретший мудрость» (7 сентября 1955 г., к Р. Джеффери, П, с. 224). О реальном историческом персонаже, носившем это имя, см. прим. 668.

³⁵ См. прим. 63.

³⁶ *Бри* по-валлийски означает «гора», так что «Брийская Гора» – своего рода «масло масляное» (см. выше прим. 21).

³⁷ В заметках по обзору ВК У. Х. Оденем Толкин пишет: «Политическая система Заселья – наполовину республиканская, наполовину аристократическая» (П, с. 240).

³⁸ В хоббичьем календаре – День Середины Года (или Преполовления Лета) (см. Приложение Г). К летнему солнцестоянию

никакого отношения не имеет. Происходит от древнеангл. *lið* (июнь или июль) (Рук., с. 213).

³⁹ В оригинале – *shirrif*s; игра слов: с одной стороны, это устаревшая форма английского слова «шериф», с другой – имеет тот же корень, что и *Shire* (см. прим. 1). В переводах, где Заселье – Шир или Хоббитшир (Н. Григорьевой и В. Грушецкого, а также В.А.М.), использовано слово «ширрифы». В русском языке нет слова типа «полусельские», которое перекликалось бы одновременно со словом «полицейские» и словом «Заселье», и поэтому английская игра слов в данном переводе утрачена. Переводчики руководствовались МЛ, где использовано слово «шериф» (управитель шайра, исполняющий административные и судебные функции, подвластный элдермену (эрлу) (с. 30).

⁴⁰ В оригинале *Fairbairns* – распространенная английская фамилия. Светлы – семейство хоббитов, происходящее от прекрасной золотоволосой Эланор (см. гл. 10 ч. 6 кн. 3). Все ее потомки также отличались светлыми волосами и эльфийской красотой, откуда и фамилия (*fair* – по-английски одновременно «светлый», «прекрасный» и «благородный», а также «справедливый») (Рук., с. 177).

⁴¹ *Samwise* – древнеангл. «недоумок, дурачок», но, видимо, без уничижительного оттенка. Возникает комический эффект: *wise* на совр. английском означает «мудрый», Сэм – распространенное английское имя (уменьшительное от *Samuel* или *Sampson*), и англичанин, не знакомый с древнеанглийским, а таких большинство, прочтет имя *Samwise* как «Сэм-мудрый». Эффект еще усиливается, если знать, что имя близкого Сэму героя – Фродо – именно и означает «мудрый» (см. выше), но этого как раз никто не знает!

⁴² *Периан* – ед. ч. синд. слова «невеличек» (хоббит). Мн. ч. — *Ферианнат* (во мн. ч. П переходит в Ф).

⁴³ См. прим. 316.

⁴⁴ См. прим. 316.

⁴⁵ См. прим. 272.

⁴⁶ Получив от издательства «Аллен и Анвин» заказ на продолжение «Хоббита», Толкин согласился, однако Бильбо уже не мог стать главным героем – концовка «Хоббита» этого не предполагала. В качестве героя должен был выступить сын Бильбо –

Бинго (так звали в семье Толкина игрушечных медведей-коала: «Бинги», семейство «Бингов»). Мотив Кольца сразу стал главным мотивом продолжения. Первая глава была отпечатана в феврале 1938 г., и Толкин послал ее на суд маленького сына издателя – Райнера Анвина, который, к счастью, ее одобрил.

⁴⁷ Это имя исполнено иронии. Название усадьбы Бильбо (здесь: Котомка) по-английски звучит как Bag End, или Бэг Энд, что дословно означает «Конец мешка», «Конец котомки», т. е. «тупик». Само по себе это выражение в Англии не встречается – оно является дословным переводом французской надписи *cul de sac*, «куль де сак», часто встречающейся в конце небольших английских дорог. Шиппи (с. 55) называет эту надпись «одновременно смешной и способной довести до бешенства». Несмотря на свой «истинно французский» вид, эта надпись не принадлежит ни одному языку, так как по-английски тупик называется *dead end*, а по-французски – *impasse*. В Англии (как и в России) французский долго считался языком аристократии, и провинциальные снобы из всех сил тщились продемонстрировать свою «офранцуженность», к месту и не к месту. Таким образом, надпись «*cul de sac*» – результат чьих-то неумелых попыток выделиться из «деревенского» окружения, показать себя «аристократом». Bag End – перевод этого выражения – представляет собой ответ рассерженного англичанина-патриота на эту смехотворную претензию. От слова *sac* (французское «мешок, сумка, котомка», но это слово считается сейчас и английским также) происходит и фамилия Саквиллей, являющаяся, по-видимому, претенциозной попыткой перевода на «язык аристократии» фамилии Бэггинс (комический эффект усиливается еще и добавлением французского суффикса *-вилль*).

«Котомкой» (Бэг Энд) называли местные жители ферму тетушки Толкина, Джейн Нив, в Вустершире, в местах, которые Толкин называл своим «домом» (ХК, с. 180).

⁴⁸ *Хэмфаст* – древнеангл. «домосед» (31 мая 1944 г., письмо Кристоферу Толкину, П, с. 83).

Гэмги (пишется *gamgee*, произносится как *гэмджи*; для благозвучия переводчики пошли на транслитерацию, с благословения английских экспертов) – современное английское слово, обозначающее вид хлопковой ткани, названной так по имени некоего доктора Гэмги,

изобретшего эту ткань. Интересно, что в пятидесятых годах – т. е. уже после выхода трилогии – Толкин обнаружил, что изобретателя звали Сэмпсон! Кроме того, это имя обросло в семье Толкина своей историей. В 1932 г., отдыхая с семьей на побережье, в Корнуолле, Толкин, развлекая детей, называл так одного из местных жителей, который и послужил позже прототипом Старикана Гэмги. Это имя удачно вписывается в систему хоббичьих имен: во-первых, оно тесно связано с «фамильным» ремеслом семейства Гэмги – Старикан был родом из деревни Гэммидж, что возле Tighfield'a (в нашем переводе Лычаги (устар. русское «веревки»): tigh – старое английское название веревки, а -field – просто распространенный в английской топонимике суффикс). Кроме того, Сэм дружил с семейством Cotton'ов (в нашем переводе – Хижинсы, так как в Рук., с. 174, Толкин производит эту фамилию от древнеанглийских cot – «маленький домик» (это слово принадлежит и современному английскому языку) и tun – «деревенька». Cotton – омоним английского слова «хлопок», но Толкин указывает, что переводить эту фамилию как «Хлопкинс» не следует, – во-первых, хлопка в то время в Средьземелье не знали, а во-вторых, игру слов cotton – gamgee в переводе все равно не сохранить). Настоящая этимология слова gamgee остается неизвестной и по сей день – пролить свет на этот вопрос не смог даже настоящий Сэм Гэмги, лондонский врач, написавший Толкину в 1956 г., прослышав, что его, Сэма Гэмги, имя и фамилия упоминаются в какой-то популярной книге (сам он ВК не читал, и неизвестно, прочел ли, хотя в ответ на широкий жест Толкина – тот прислал ему именной экземпляр – пообещал прочитать). Ближе к концу жизни Толкин начал подозревать, что слово «гэмги» происходит – путем множества превращений – из французского gamache, но тут фамилия Гэмги (принадлежавшая, кстати, некоему Самсону Гэмги!) отыскалась в книгах записей бирмингемской еврейской общины, и вопрос снова повис в воздухе (письмо к Г. Тейяру, 4–5 июня 1971 г., П, с. 410).

⁴⁹ Толкин предлагает эту фамилию не переводить. В Англии она довольно распространена и происходит от топонима Noake, который, в свою очередь, происходит от древнеангл. «у дуба» – at an oak – atten oke – poke. Современные носители языка об этом значении уже не помнят (Рук., с. 182–183).

⁵⁰ Старое английское имя, обозначающее «носильщик».

⁵¹ Имя древнего короля Британии, правившего местными племенами еще до римлян. Существует старая английская трагическая пьеса под таким названием (автор – Томас Саквилль!) (В.Э., с. 202).

⁵² Сэндиманом звали мельника, которого Толкин встречал в детстве в деревушке Сархоул, где жили они с братом и матерью. Согласно Рук., эта фамилия должна быть оставлена без перевода.

⁵³ Хоббиты, как и англичане, обходились вместо «вы» и «ты» одним местоимением, что весьма удивляло другие народы, – их представителям казалось, что хоббиты обращаются на «ты» ко всем без разбора. Однако хоббичье «ты» несколько вежливее русского, как и во всех языках, не имеющих специальной вежливой формы. Кроме того, у хоббитов существовали иные способы избежать грубости и фамильярности, способы, которых русский язык лишен (Толкин, например, выходит из затруднения с помощью английского «сэр», которое, казалось бы, можно заменить словом «сударь», – но в русском «сударь» неизбежно требует формы «вы». Вообще же хоббиты обращались к пожилым или незнакомым примерно так: «Прости, сударь, но...»). В переводе использована русская система местоимений, применяемая в зависимости от контекста: так, Сэм в данном переводе обращается к Бильбо на «вы», а к королям и властителям – на «ты».

⁵⁴ То bulge по-английски – «разбухать, толстеть», так что эту фамилию можно было бы перевести, скажем, как Брюхлинги. Однако, согласно указанию Рук. (с. 193), она находится в тесной связи с непереводаемым топонимом Баджфорд. *Бадж*- является более старой формой корня *Булдж*-, однако ухо современного англичанина этого уже не улавливает. Поэтому оба слова, по совету Толкина, сохранены без изменений.

⁵⁵ Bracegirdles. Исконно английская фамилия. У Толкина в ней заключен намек на дородность представителей этого семейства – с годами они все больше увеличиваются в объеме и вынуждены то и дело проворачивать в поясах новые дырочки, чтобы перестегнуться (Рук., с. 172).

⁵⁶ Как и большинство хоббичьих женских имен – название цветка. См. в Энциклопедическом словаре (М., 1983): «Лобелия – род трав, полукустарников семейства лобелиевых... насчитывает около 350 видов... из них на территории (бывшего) СССР распространены два».

⁵⁷ Имя германского происхождения, означающее примерно «могучий вепрь».

⁵⁸ Вариант древнегерманского слова, означающего «процветание».

⁵⁹ Североирландский вариант кельтского имени Руадри («рыжий»). В сказках именем Рори часто называли хитрого лиса.

⁶⁰ Имя германского происхождения, означающее «благородный богатырь».

⁶¹ По всей видимости, это имя не имеет коррелятов в древних языках и изобретено самим Толкином.

⁶² Улица получила свое название благодаря определившим ее направление отвалам земли, которые образовались при рытье Котомки (Рук., с. 190). Поскольку это название – Bagshot Row – в Англии широко распространено, остается предположить, что Толкин использовал его и изобрел для него собственную этимологию (частый для трилогии прием).

⁶³ Мерри – англ. «веселый». Полное имя Мерри – Мериадок – имя бриттского вождя, который, согласно преданию, основал Бретань.

См. Приложение Е, а также прим. 16.

⁶⁴ Как и Одо (см. выше), вариант древнегерманского слова, означавшего «процветание».

⁶⁵ Имя, по-видимому, «бессмысленное», не имеющее коррелятов в древних языках.

⁶⁶ Эта глава была написана после четвертой и закончена к 31 августа 1938 г. (ХК, с. 191).

⁶⁷ Имя связано с германским корнем *фолк* – «народ, люди».

⁶⁸ Германское имя. Состоит из корней «мир» и «копье».

⁶⁹ Толкин писал в 1955 г. (Р. Джеффери, П, с. 224): «Пeregрин... – это современное, реально существующее имя, означающее «путешествующий в чужие земли»». Пиппин – имя, встречающееся в английском фольклоре.

⁷⁰ Об исходе эльфов см. Сильм. Изначально эльфы появились именно в Средьземелье, но Валар(ы) (см. прим. 99) пожелали, чтобы те жили с ними вместе в благословенном Валиноре за морями. Часть эльфов последовала призыву, часть осталась. Но после постигших Валинор несчастий один из эльфов-Нолдор(ов), избравших своей обителью побережье Валинора, поднял мятеж (см. прим. 402) и

призвал своих соплеменников вернуться в Средьземелье. Он и его последователи совершили по дороге ужасное злодеяние (братоубийство) и стали с тех пор Изгнанниками – путь в Валинор для них закрылся. Только много веков спустя, благодаря предстоянию Эарендила (см. прим. 172), получили они разрешение вновь вернуться на Острова Блаженных; те эльфы, что поначалу оставались в Средьземелье, тоже стали понемногу покидать его, видя конец своей Эпохи. Многие изгнанники, однако, отложили возвращение и еще долгое время оставались «среди удлинняющихся теней Средьземелья».

⁷¹ См. прим. 77.

⁷² Символ Кольца соединил в себе множество смыслов и мотивов. Многим критикам в связи с этим приходило на память Кольцо Нибелунгов, на что Толкин всегда отзывался крайне резко. «Оба кольца круглые – вот и все сходство», – писал он в 1961 г. в издательство «Аллен и Анвин» (П, с. 306). «Это не совсем верно, – замечает Шиппи. – Мотив состязания в загадках, очистительный огонь, сломанное оружие, переходящее по наследству, – все это встречается и там (у Вагнера. – М.К. и В.К.), и здесь, у Толкина, не говоря уже о сквозной теме «Властелина Кольца и Слуги Кольца» (эта фраза является прямой цитатой из Вагнера). Однако Толкин был серьезно обеспокоен тем, что Вагнер работал с материалом, полученным «из вторых рук», в то время как сам он знал этот материал в подлиннике, – имеется в виду «Старшая Эдда» и средневерхненемецкая «Песнь о Нибелунгах»» (Шиппи, с. 220). В результате этого, полагал Толкин, Вагнер серьезно исказил древние традиции Севера. Правда, и в «Старшей Эдде» идет речь о приносящем беду кольце: Локи видел все золото, которое было у Андвари. Когда тот отдавал золото, он утаил одно кольцо, и Локи отнял его у Андвари. Карлик ушел в камень и сказал:

*Золото это,
что было у Густа,
братьям двоим
гибелью будет,
смерть восьмерым
принесет героям;
богатство мое*

никому не достанется.

(Пер. А. Корсуна, «Речи Регина», ст. 4–6)

Впоследствии проклятие исполняется (Сигурд убивает Регина, Регин замышляет зло на Сигурда – и все из-за злополучного золота). Мотив губительного сокровища встречается также во второй части «Беовульфа».

Несмотря на аналоги в древнейшей традиции, Кольцо, однако, вводит в текст книги понятия, совершенно чуждые миру древних, причем таких понятий сразу несколько. Шиппи (с. 104) пишет, что в качестве символа власти Кольцо как бы иллюстрирует знаменитый афоризм лорда Эктона, политолога и экономиста XIX в.: «Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно». Как это теперь ни странно слышать, до него этой мысли не высказывал почти никто (если не выводить ее из Евангелия – из Третьего Испытания Христа, где сатана предлагает Иисусу: «Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее» (Лк., 4:6)). Кроме того, за сто лет до лорда Эктона похожую мысль, сообщает Шиппи, высказал Уильям Питт, премьер-министр Великобритании в 1766–1768 гг.: «Безграничная власть способна развратить того, кто обладает ею», хотя в этой формулировке еще нет жесткости лорда Эктона. Лорд Эктон добавлял: «Великие люди – почти всегда плохие люди». В средневековье, утверждает Шиппи, такую мысль сочли бы кощунством или извращением. Существующая по этому поводу англосаксонская поговорка «Дай человеку власть – и он покажет, кто он таков на самом деле» имеет совсем другой смысл: здесь подразумевается, что власть «выставляет напоказ» дурные и хорошие свойства человека, но ни слова не сказано о том, что под воздействием власти в человеке что-то изменяется... Итак, Кольцо ставит перед жителями Средьземелья тем более болезненную и трагическую проблему, что они-то живут отнюдь не в двадцатом веке! Некоторые из героев – на свою погибель – оказываются в итоге неспособными выйти за пределы «архаически-героического» мироощущения древнего эпоса и терпят поражение (см. прим. 241).

Если вчитаться внимательно, продолжает Шиппи (с. 106), в концепции Кольца можно обнаружить существенные противоречия. Гэндальф говорит, что Кольцо «легко» овладевает своими хозяевами, а позже мы узнаем, что чары Кольца действуют и на расстоянии – достаточно допустить в сердце желание завладеть им. Однако Бильбо владеет им много лет и почти не изменяется, Фродо – тоже, Гэндальф, по-видимости, без труда преодолевает искушение и отказывается от Кольца – словом, примеров несоответствия можно найти множество. Однако все противоречия разрешаются, если ввести такой анахронизм, как «наркотическая зависимость», пишет Шиппи. Голлум, по сути, ничем не отличается от «законченного наркомана», который отчаянно сражается за очередную «дозу», хотя знает, что она убьет его. Понятен и запрет Гэндальфа пользоваться Кольцом – если употребить наркотик несколько раз, может развиваться «привычка», зависимость. Бильбо и Фродо «переносят» Кольцо сравнительно легко, а один из персонажей (гл. 5 ч. 4 кн. 2) оказывается в силах добровольно расстаться с Кольцом (на ранних стадиях наркомания излечима). А можно «сесть на иглу» и с первого раза, если не противопоставить наркотику усилия воли... Как и от страсти к наркотикам, усилием воли от Кольца можно еще отказаться и «после второго раза», но в дальнейшем воля уже бессильна – как и с наркоманией, ибо это болезнь, а не просто нарушение норм морали. Так и с Кольцом... Обвинения некоторых современных Толкину критиков – дескать, автор ВК бежит от мира реального в мир выдуманных детских сказок – оказываются беспочвенными: «жгучие проблемы современности» вторгаются в Средьземелье на каждом шагу – просто Толкин отказывается считать их исключительно «современными». «Новых» проблем нет вообще... Зло всегда одинаково, и набор его «приемов» не меняется. Это – часть кредо Толкина.

В письме к Р. Бир от 14 октября 1958 г. (П, с. 278) Толкин пишет: «...Единое Кольцо... это, конечно же, мифологема, хотя сказочный мир, в котором оно существует, описан в более или менее исторических красках. Кольцо Саурана – это всего лишь один из способов показать с помощью мифа те случаи, когда жизнь или сила передоверяются какому-нибудь внешнему предмету, который можно отнять или уничтожить с самыми печальными последствиями для прежнего владельца. Если бы я принялся «философствовать» по

поводу этого мифа... я сказал бы, что с его помощью обычно указывают на одну простую истину. Чтобы использовать силу и могущество... их надо применить; чтобы они принесли какие-то плоды, их надо каким-то образом проявить, вывести вовне – а это в большей или меньшей степени неизбежно ведет к тому, что они выходят из-под непосредственного контроля хозяина. Если человек желает «властвовать», он вынужден завести себе подданных, которые существуют отдельно от него. Но тогда и он начинает от них зависеть...» В другом письме, к сэру Стенли Анвину (31 июля 1947 г., П, с. 121), говорится: «Встречаясь в истине, Аллегория и Повесть, конечно же, неизбежно пересекаются. Поэтому единственной по-настоящему содержательной аллегорией приходится считать жизнь, а единственная до конца ясная повесть – это аллегория... чем «аллегория» лучше, содержательней, тем проще читать ее как «повесть» (story); в то же время, если повесть сплетена искусно и ткань ее достаточно плотна – облегчается задача тех, кому угодно видеть в ней аллегорию. Все дело в том, что эти подходы берут исток в противоположных посылах. Если Вам нравится, Вы, конечно, свободны усматривать в Кольце аллегорию всего нашего времени, аллегорию неизбежной судьбы, постигающей в конце концов все попытки победить злую силу при помощи силы. Но всякая сила – магическая, механическая ли – всегда работает по одному и тому же принципу, всегда приводит к одному и тому же итогу. Нельзя написать повести даже о самом что ни на есть завалящем с виду магическом кольце, не вызвав к действию этот закон, если только автор принимает свое кольцо всерьез и дает повести идти так, как если бы это кольцо существовало на самом деле...»

⁷³ Кольца Власти были выкованы эльфами Эрегиона с помощью Саурана (см. прим. 79), точнее, его знаний. Эльфы Эрегиона – одни из тех эльфов, которые не ушли на Запад, даже когда это стало возможно. В письме к М. Уолдмену Толкин пишет об этом так: «В промедлении эльфов последовать совету не было ничего существенно дурного – просто они печалились при мысли о разлуке с землями мертвых, хранящими память о прежних героических деяниях. Но вся беда в том, что они хотели «сберечь пирог и в то же время съесть его». Они хотели мира, благословения и ясной памяти о Западе – и в то же время собирались жить на обычной земле, сохраняя высокое положение и

превосходство над Лесными эльфами, гномами и людьми, – ведь это было совсем не то, что сразу оказаться на нижней ступени иерархии Валинора. Так эльфы подпали «увяданию», через призму которого и воспринимали изменение времен (а то, что времена меняются, для мира, над которым светит Солнце, является непреложным законом). Эльфы стали печальны, а их искусство, как мы сказали бы, приобрело налет антикварности, не отличаясь в этом от прочих их действий. Труды эльфов уподобились усилиям бальзамировщиков, в эльфах по-прежнему теплились старая сердечная привязанность к этой земле и стремление залечить ее раны. Мы узнаем о целом королевстве эльфов, которые не уехали: оно располагалось на крайнем северо-западе... возглавлял это королевство Гил-галад. Узнаем мы и о других эльфийских поселениях, таких как Имладрис (Ривенделл) Элронда и Эрегион (у восточных подножий Туманных Гор, примыкавших к Морийским Копям, главному из гномьих царств ВЭ). Там между обычно враждебными племенами (эльфов и гномов) в первый и последний раз завязалась дружба, и кузнечное дело достигло наивысшей точки в своем развитии... Но многие из эльфов уже в то время начинали прислушиваться к Саурону. Тогда он был еще красив внешне, и пути его, казалось, какое-то время шли почти параллельно путям эльфов, а именно – и он, и они, по всей видимости, пеклись об одном и том же – о восстановлении разоренных земель. Саурон нащупал у эльфов слабое место, когда предложил им сотрудничество: помогая друг другу, говорил он, можно было бы вместе сделать Западное Средьземелье прекрасным, как сам Валинор. На самом деле это было замаскированным выпадом против богов, подначкой, дерзким намерением установить свой собственный, независимый рай... Гил-галад отверг все нашептывания Саурана; так же поступил и Элронд. Но в Эрегионе начались поистине грандиозные работы, и эльфы ближе, чем когда бы то ни было, подошли к пропасти падения в «магию» и «машинность». С помощью знаний Саурана они создали Кольца Власти («власть», где бы это слово у меня ни встречалось, носит оттенок грозный, зловещий – если речь не идет о Божьей власти, или власти «богов»).

Основной способностью Колец (всех без исключения) была способность предотвращать или замедлять разрушение временем (что казалось эльфам особенно ценным – ведь они обречены были из века в

век терять и печалиться); Кольца помогали сохранить неизменным желанное и любимое или хотя бы подобие желанного и любимого. Идея эта к традиционным эльфийским, конечно, близка. Но Кольца также усиливали естественные возможности самого их обладателя, привлекая, таким образом, к делу «магию», – а здесь уже недалеко было до греха и помыслов о мировом господстве. У Колец были еще и другие способности, идущие уже почти напрямую от Саурана (или «Некроманта», как он именуется в «Хоббите», на страницы которого сей персонаж бросает лишь мимолетную тень-предупреждение), – например, способность делать материальные тела невидимыми, и видимыми – вещи незримого мира.

Эльфы Эрегиона сделали Три Кольца исключительно прекрасными и наделили их величайшей силой, заимствовав ее в основном из силы собственного воображения и направив эту силу на сохранение красоты в мире. Их Кольца не были «кольцами-невидимками». Но Саурон тайно, с помощью сил Подземного Пламени, выковал в своей Черной Стране еще и Единое Кольцо, Кольцо Власти, которое соединяло в себе силы всех других Колец и контролировало их так, что его владелец мог читать мысли тех, кто ими пользовался, управлять всем, что бы они ни делали, и в конце концов окончательно поработал их. Саурон, однако, не принял в расчет мудрость эльфов и тонкость их ума. Как только он задумал создать Единое, им тотчас же стало об этом известно; они разгадали его тайные цели, испугались и спрятали Три Кольца, да так, что Саурон никогда не проведал, у кого они; таким образом, Три избежали порчи. Остальные Кольца эльфы попытались уничтожить.

В войне, разыгравшейся вследствие всех этих событий, Средьземелье – особенно в западной его части – претерпело новое разорение. Захвачен и разрушен был Эрегион; многие из Колец Власти оказались у Саурана, и он отдал их тем, кто захотел их взять, – из тщеславия или из жадности, все равно. Благодаря этому Саурон полностью закабалил их. Отсюда идет тот древний стих, который служит лейтмотивом ВК... Таким образом, Саурон становится почти что самым могущественным лицом в Средьземелье. Эльфы еще держатся, но только в тайных, неизвестных Саурону долинах и лесах, а последнее Эльфийское Королевство Гил-галада жметесь теперь к самой окраине Западных Земель, ближе к морю. Элронд Полуэльф блюдет

Имладрис (Ривенделл), из которого он создал что-то вроде зачарованного святилища... Но у Саурана – власть и господство над все умножающимися ордами Людей, которые не имели контакта с эльфами и, через них, с истинными, не падшими Валар(ами) (о Валар(ах) см. прим. 99). Правит своей растущей империей Саурон из большой черной башни Барад-дур, что находится в Мордоре рядом с Огненной Горой, и при нем – Единое Кольцо... Однако, чтобы достичь желаемого, Черному Властелину приходится вложить в Единое довольно большую часть своей силы, от начала ему присущей, – это для мифов и сказок вообще мотив частый и весьма важный. Пока Черный Властелин носит Кольцо, его сила на земле возрастает. Но даже если Кольцо лежит спокойно и на палец не надето, сила, в него вложенная, существует и продолжает находиться в определенном отношении к своему «источнику»; поэтому сказать, что Саурон, пожертвовав частью силы, «умалился», было бы неверно. Он не умалится... если только кто-нибудь другой не захватит Кольца и не окажется под его влиянием. Случись так – новый владелец (если он натура достаточно сильная и героическая) может бросить вызов Саурону и стать хозяином всего, что тот узнал или сделал с момента создания Кольца, – и, таким образом, свергнуть его и занять его место. Получалось, что при общей расстановке сил после попытки (в основном неудавшейся) поработить эльфов и установить контроль над умом и волей своих рабов у Саурана оставалось слабое место. Была у него, кроме этого, и еще одна уязвимая точка: если бы Единое Кольцо было уничтожено, то вложенная в него сила рассеялась бы и собственное бытие Саурана сошло бы на нет. Он обратился бы в тень, в простое воспоминание о себе... Но над этой возможностью он особенно не размышлял, да и не боялся ее. Кольцо не смог бы уничтожить никто – для этого надо было обладать не меньшим кузнечным искусством, чем его создатель. В огне Кольцо не горело. Только неумирающее подземное пламя, в котором оно было создано, могло бы его уничтожить; но доступа к этому огню не было, потому что он пылал в Мордоре. И, кроме того, так велика была сила Кольца рождать в душах желание, что всякий, кто им пользовался, тем самым ему подчинялся, и справиться с ним не под силу было бы даже самой сильной воле, не исключая воли самого Саурана; так что никто не смог

бы нанести Кольцу никакого вреда, никто не смог бы даже отбросить или презреть его – так думал Саурон».

⁷⁴ Кроме традиционных сказочных и исторических составляющих Кольца легко читаются и христианские мотивы, определяющие этот символ. Это далеко не натяжка. Толкин писал о ВК (Р. Муррэю, 2 декабря 1953 г., П, с. 172): «Конечно же, ВК – религиозная, католическая книга. Я осознал это, только когда ее закончил, и пересмотрел впоследствии под новым углом зрения. Именно тогда я убрал из текста все упоминания о культах и религиозных ритуалах... ибо религиозный элемент растворен в самом повествовании и его символах».

Кольцо – основной символ ВК, и для его понимания необходимо иметь в виду тот набор смежных христианских ассоциаций, который ему сопутствует. Отправляясь в путь, Фродо надевает цепочку с Кольцом на шею; в итоге Кольцо начинает напоминать нательный крест. Из этого сходства можно сделать много выводов. Среди прочего нательный крест символизирует у христианина его личный путь на Голгофу с крестом своих страданий и своей греховности. Самый святой и безупречный человек несет крест первородного греха – наследства, полученного им через своих предков от Адама (ср. гл. 5 ч. 4 кн. 2, где Фарамир называет Кольцо «наследием»; Фродо также получает Кольцо по наследству); долг христианина – донести свой крест до Голгофы, где Христос уничтожает грех, принимая его на себя, а христианин «сораспинается» Христу – т. е. добровольно принимает на себя страдания во имя искупления своих и чужих грехов. Это может происходить в течение всей его жизни. Первородный грех является причиной всего зла, которое совершает в своей жизни человек; это нечто одновременно чуждое человеку и вместе с тем настолько с ним сросшееся, что он может прожить всю жизнь и не заметить его. Грех, живущий в человеке, т. е. имеющий, как и Кольцо, какую-то свою странную жизнь, подчас толкает человека на такие поступки, которых сам он никогда не совершил бы. Это нечто, от чего трудно отделаться и от чего трудно прежде всего захотеть отделаться. Согрешив, особенно согрешив сознательно, ради своей выгоды, человек может добиться власти, денег, положения в обществе, – но совершённый грех мало-помалу разъедает его личность и приводит его к гибели, отдавая во власть темных сил ада. Если же человек решается «отдать» свой грех

Христу через исповедь Богу и причастие Его искупительной жертве – грех отделяется от человека, человек спасается от греха. П. Флоренский <<Здесь и далее христианский подтекст ВК выявляется нами прежде всего с помощью православной традиции, хотя Толкин был католиком. Объясняется это двумя причинами: 1) внутренним созвучием Толкина некоторым православным мыслителям, которое поистине достойно удивления, так как Толкин, кажется, никогда с православием не сталкивался; 2) памятуя о том, что читателю предлагается русский перевод, представляется уместным использовать для комментария – а комментарий тоже своего рода перевод, только не слов, а имен и понятий – местную традицию представления этих понятий. Возможно, кто-нибудь отыщет примеры, где Толкин противоречит православной традиции; но нам кажется – уместнее начать со сходства.>> пишет: «...Никакое таинство не делает греха негрехом: Бог не оправдывает неправды. Но таинство отсекает греховную часть души и ставит ее, пред принимающим таинство, как НИЧТО... а субъективно – как *самозамкнутое зло* << Кольцо – самый очевидный символ для этого!>> (курсив наш. – М.К. и В.К.), направленное на себя, – как кусающий себя Змей: так изображается Дьявол на старинных росписях Страшного Суда. Грех делается отделенным от согрешившего, самостоятельным и на себя обращенным актом; действие его на все внешнее равно абсолютному нулю. В таинстве покаяния, именно, делаются для нас реальными слова Шестопсалмия: «Как далеко отстоит Восток от Запада, так удалил Он от нас беззакония наши»». Все силы отрезанного покаянием греха смыкаются на себя. Вот почему Отцы церкви неоднократно указывали, что признаком действенности таинства покаяния служит уничтожение притягающей силы прощенного греха (СиУ, с. 220). В примечаниях к этой странице СиУ о. Павел приводит слова из книги архимандрита Сергия «Православное учение о спасении» (Серг. Посад, 1895): «Грех после исповеди в полном смысле удаляется от человека, уничтожается в нем, перестает быть частью его внутреннего содержания...»

Таким образом, Кольцо и мотив уничтожения Кольца вызывают в памяти несение креста, уничтожение греха, возвращение греха в огонь, откуда он явился. У Толкина нет прямых аллегорий, и поэтому принять эту трактовку как однозначную нельзя; однако интересно, что

Флоренский, развивая свою мысль о грехе, приходит к понятию *невидимости* (с. 178). «Грех есть то средостение, – пишет он, – которое Я ставит между собою и реальностью, – обложение сердца корою. Грех есть непрозрачное, – мрак, – мгла, – тьма, почему и говорится: «Тьма ослепила ему очи», и еще великое множество речений Писания, где «тьма» синонимична «греху». Грех в своей беспримесности, предельном развитии, т. е. геенна – это тьма, беспросветность, мрак... Ведь свет есть являемость реальности; тьма же, наоборот, – отъединенность, разрозненность реальности – невозможность явления друг другу, невидимость друг для друга. Самое название Ада или Аида указывает на таковой, геенский разрыв реальности, на обособление реальности, на солипсизм, ибо там каждый говорит: «*solus ipse sum!*» (Я один! – *лат.*) (Ср. с манерой говорить, свойственной Голлуму, – «Хоббит», гл. 5, а также гл. 1–2 ч. 4 кн. 2 и далее. – М.К. и В.К.). В самом деле, греческое «адис», «айдис», «айдис» – первоначально «афидис» <У Флоренского все греческие слова приводятся в греческом написании.> – происходит от *φιδ* (= русскому *вид*), образующего глагол *ид-эйн*, «вид-еть», – и отрицательной, точнее, лишительной частицы – «а» *privatum*. К этим строкам Флоренский приводит также в качестве примечания такие слова Григория Нисского из трактата «О душе и воскресении»: «...и кажется мне, что именем ада... – в котором, как говорят, находятся души, и у язычников и в Божественном Писании не иное что означается, как переселение в темное и невидимое», – и добавляет к этим словам: «Ад – это то место, то состояние, в котором нет видимости, которое лишено «видимости», которое не видно и в котором не видно. Аид – Без-вид, как говорит Платон: «...В Аиде, я называю невидимое...», или, как определяет его Плутарх, «...невидимое и незримое»; а Гомер говорит о «туманном мраке» Аида». Здесь отец Павел делает еще одно примечание: «Эти представления о состоянии греховном несомненно имеют какую-то связь с переживаниями некоторых неврозов. Так, при неврозе... получившем название «мозгово-сердечной невропатии», больным кажется, будто они «отделены от всего мира»...»

⁷⁵ В первоначальной версии «Хоббита» кольцо доставалось Бильбо несколько иным способом, чем в поздней редакции. Голлум и Бильбо играли в загадки на других условиях: в случае выигрыша Голлума Бильбо все равно ожидала участь быть съеденным, а вот в

случае выигрыша Бильбо Голлум обещал тому волшебное колечко и в придачу – вывести его наружу (см. прим. к «Хоббиту», гл. 5). В ВК Толкин представил эту версию как выдумку Бильбо, находившегося под влиянием Кольца и желавшего скрыть тот не вполне безупречный способ, каким он завладел Кольцом на самом деле. Исходя из того, что говорится о Кольце в ВК, Голлум не мог ни предложить Бильбо колечко, ни тем более отдать. В ранней же версии Голлум действительно собирался отдать Кольцо хоббиту; не обнаружив своего сокровища на острове, Голлум даже приносит Бильбо извинения!

⁷⁶ *Саруман Белый* – один из пятерых волшебников Средьземелья (подробнее см. прим. 211).

⁷⁷ Белый Совет был впервые созван, когда возникло подозрение, что в Чернолесье поселился не кто иной, как Саурон. Произошло это одновременно с путешествием Бильбо. «В Совет вошли: Элронд, Галадриэль, Кирдан и другие Властители-Элдары (см. прим. 163), а с ними – Митрандир и Курунир (Гэндальф и Саруман)» (Сильм., с. 162). Галадриэль предлагала избрать Гэндальфа главой Совета, но тот отказался, отговорившись тем, что не хочет ничем себя связывать, и тем, что не имеет постоянного дома.

⁷⁸ Тень (shadow) – одно из ключевых для трилогии слов. К сожалению, русский язык не позволил сохранить его во всех случаях, где это слово употребляет Толкин, и во многих местах оно по необходимости переводится как «мгла», «мрак», «тьма» и т. д. (например, Mountains of Shadow – Горы Тени – здесь переведены как Мрачные Горы: возможно, лучше было бы Мглистые, но, к сожалению, это сочетание уже использовано первыми переводчиками трилогии для Туманных Гор). Шиппи (с. 112) называет в качестве одного из источников, откуда Толкин мог позаимствовать «свое» толкование этого понятия, древнеанглийскую поэму «Соломон и Сатурн». Сатурн спрашивает у Соломона: «Что суть вещи, кои не суть?» (перевод наш, по цитате, приводимой Шиппи). Ответ «не очень вразумителен», но содержит слово besceade, «тение», «тени». Тень – отсутствие света в чистом виде: ведь единственное определение тени – «место, куда не падает свет»! И тем не менее тени видны глазу, их можно ощутить по разнице температуры... В понимании Толкина «тьма» – всеобъемлющий символ Зла (см. также о зле у Толкина прим. 227). Мордор – это обитель теней; в «тьме» уходят умершие; царство

Саурана грозит жителям свободных стран накрыть их земли «тенью». Иногда тень проявляет себя внутри личности – таким образом, в системе символов ВК новый смысл получают такие выражения, как «по лицу пробежала тень», «почувствовал тень беспокойства». В таких случаях Толкин не объясняет до конца, что происходит в душе у его персонажей: то ли поднимает голову зло, дремлющее в сердце, то ли на сердце извне ложится «тень» – следствие мордорских чар.

Другой источник – «Беовульф», где это слово употребляется в сочетании «under scaedu bregan». В русском переводе А. Корсуна это место звучит так: «...без попущенья / судьбы-владычицы никого не утащит / в *кромешное логово*» (ст. 705–707). Перевод сохраняет только одно из значений слова *scaedu*; здесь это скорее не «логово», а сама «кромешность», «тень». Шиппи (с. 112) пишет, что «это может означать «тащить в темноту из дворца», но заключено в этих словах и другое значение – «невесть куда, в смерть, во власть злых сил»».

Флоренский подчеркивает, что слова «мрак, мгла» – постоянные спутники сил зла, греха, геенны; эти слова могут подниматься до уровня символа (что и происходит у Толкина со словом *scaedu*). В СиУ, с. 178, Флоренский говорит: «Грех есть... мрак, – мгла, – тьма... Грех в своем беспримесном, предельном развитии, т. е. геенна, – это тьма, беспросветность, мрак, «*скотос*» << В оригинале в греческом написании.>> (если бы Флоренский обратился к древнеанглийскому, он, наверное, добавил бы к этому списку и слово *scaedu*... – М.К. и В.К.)».

⁷⁹ *Саурон* – кв. «отвратительный». Принадлежал к роду «ангелов» – Айнур(ов), связавших себя с судьбой Вселенной, однако не к высшей ступени – Валар(ам), а к более низкой – Майяр(ам), духам, которые подчинялись Валар(ам). Изначально Саурон был ангелом в свите Вала(ра) Аулэ. Однако уже в самом начале ПЭ Саурон перешел на сторону Мелкора (см. прим. 259), стал главным его слугой и возглавил борьбу темных сил против светлых. Средьземельской обителью Саурана стал Ангбанд. После великой битвы Валар(ов) (см. прим. 179) Саурон смирился и по приказу Валар(ов) должен был вернуться в Аман, обитель Валар(ов). Однако он счел это для себя унижительным и скрылся. В начале ВЭ он избрал своей обителью Мордор. На протяжении *Темных Лет* (см. прим. 317) Саурон совратил на путь зла множество средьземельских племен. В 1500 г. ВЭ с

помощью обманутых им эльфов Эрегиона он выковал Кольца Власти и создал Единое Кольцо, после чего разыгралась война, в итоге которой Саурон поначалу одержал победу, но потом вынужден был оставить часть завоеванных земель. Однако в конце концов Саурон был побежден бросившим ему вызов королем Нуменора и привезен в Нуменор в качестве пленника. В Нуменоре ему удалось ввести короля в соблазн, склонить его к почитанию Мелкора (Сатаны) и объявить войну Валар(ам). Обращение Валар(ов) к Единому за помощью (см. о Нуменоре прим. 199) было для Саурана полной неожиданностью. Тело Саурана погибло при разрушении Нуменора, и с тех пор он не способен уже был принять приятное для глаз обличье. Воплотившись вновь <<Как и все ангельские духи у Толкина, Саурон мог воплощаться в земное тело, принимая видимое обличье; в случае гибели этого тела дух Саурана, сохраняя какое-то количество прежней силы, мог воплотиться вновь.>>, Саурон вступил в борьбу с Гондором, но был поражен в 3441 г. ВЭ, и Исидур отсек с его руки палец с Кольцом. В следующий раз Саурон поселился в Зеленой Пуще (позже Чернолесье) и стал известен как Некромант (см. «Хоббит», гл. 1). Остальные события рассказаны в ВК (см. также ниже прим. к 81).

В письме к Р. Боуэну от 25 июня 1957 г. (П, с. 259) Толкин пишет, что Саурон воплощался в мир под видом эльфа или человека потому, что, как и все «ангелы» (и верные, и «падшие»), питал особый интерес к так называемым «детям Божиим» – эльфам и людям. Это соответствует христианской традиции. Согласно преданию Церкви, Бог создал людей для того, чтобы восполнить число ангелов, когда часть из них отпала от Него и присоединилась к мятежному Люциферу; однако людям была уготована в некотором смысле даже высшая судьба, нежели ангелам, что вызвало зависть и ненависть у ангелов падших; отсюда их вечная вражда с родом человеческим.

В заметках по поводу статьи У. Х. Одена о «Возвращении Короля» Толкин пишет (П, с. 243): «В моем повествовании я нигде не имею дела с Абсолютным Злом. Я вообще не думаю, что такая вещь, как абсолютное зло, существует, поскольку это попросту Ноль. Я не думаю, чтобы какое бы то ни было разумное существо могло быть злым безоговорочно. Даже Сатана пал... В моей истории Саурон представлен как существо, весьма близкое к абсолютной степени зла – настолько, насколько это возможно. Он проделал путь, каким идут все

тираны: начал неплохо – по крайней мере в том смысле, что, желая устроить все в мире согласно собственной мудрости, имел в виду все-таки и благосостояние (материальное) других обитателей земли. Но в гордости и жажде власти он пошел дальше тиранов из человеческого племени, будучи по природе бессмертным (ангельским) духом того же рода, что Гэндальф и Саруман, однако несравненно более высокого ранга».

⁸⁰ Шиппи (с. 127) отмечает в реплике Гэндальфа прозрачный намек на печально известное предвоенное заявление Чемберлена: «Я принес нашему поколению мир».

⁸¹ *Гил-галад* на языке синдаринских эльфов означает «сияющая звезда». Был последним эльфийским королем Средьземелья. Страна, которой он правил, – Линдон – находилась у залива Льюн, и жили там Элдары-изгнанники, медлящие с отбытием за Море (см. прим. 163). С Гил-галадом жил поначалу в Линдоне и Элронд. В те времена Саурон еще водил дружбу с эльфами, но в Линдон его не пускали уже тогда. Со временем его истинное лицо открылось эльфам (Сильм., с. 347–349), и многие эльфы бежали под начало Гил-галада, которого поддерживали и нуменорцы (см. Приложение А, I, гл. 1). Однако Саурон смог совратить нуменорцев и навлечь на них гибель, хотя пострадал при этом сам и долго не появлялся вновь. За это время сила Гил-галада выросла, и Саурон, поселившись в Мордоре, стал готовиться к войне против него. Из нуменорцев катастрофу пережили Элендил и его сыновья – Исилдур и Анарион, родственники Короля. В Средьземелье установилось два королевства нуменорцев – Арнор и Гондор. Элендил и Гил-галад заключили против Саурона союз, названный позже Последним. В Имладрисе (Ривенделле) прошел смотр союзных войск. Битва разыгралась на равнине Дагорлад, перед Черными Вратами Мордора. Нейтралитета не соблюдал никто, сражались даже звери и птицы. Гил-галад и Элендил одержали победу и проникли в Мордор. Семь лет длилась осада крепости Саурона. В ходе ее погиб сын Элендила Анарион и другие. Наконец Саурон вступил в открытый бой с Гил-галадом и Элендилом; оба погибли, и меч Элендила преломился, но и Саурон был повержен – обломком меча Исилдур, сын Элендила, отсек у него палец с Кольцом, и дух Саурона покинул тело и долго не воплощался (Сильм., с. 350–354).

⁸² В оригинале Gladden Fields. Gladden – древнеангл. название небольших ирисов. Переводчик использует русское название цветка.

⁸³ Происхождение имени *Смеагол* – то же, что и слова *смайл* (см. прим. к Прологу): от древнеангл. *smugel* – «рыть, копать». Несмотря на многожды декларируемую им самим нелюбовь Толкина к аллегории, здесь мы имеем дело с неприкрытой аллегорией <<См. об этом у КД (с. 20): «Аллегория – расширенная метафора... В литературе – образное повествование, которое содержит скрытое значение, часто – мораль (причем значение строго закреплено за образом, хотя по сути с ним никак не связано. – М.К. и В.К.). Ключевые примеры аллегорий в английской литературе – «Путь Пилигрима» Дж. Беньяна и «Королева Фей» Эдмунда Спенсера... Когда вышел в свет ВК, некоторые истолковали Единое Кольцо как аллессию атомной бомбы. Это неверно уже потому, что о Кольце Толкин написал до того, как появилась атомная бомба... но и потому еще, что такое прочтение задает всей книге аллегорический смысл. Толкин указывал, что взгляд на ВК как на развернутую аллессию подменяет *применимость* образа предположением о существовании жестко связанного с ним *значения*». В предисловии к американскому изданию он пишет: «Я предпочитаю аллессии (allegory) повесть (story), не важно, истинную или выдуманную, со всей ее разнообразной применимостью в сфере читательских мыслей и опыта. Мне думается, многие путают «применимость» с «аллегорией»; но смысл первой – в свободе читателя, а второй – в целенаправленном давлении автора на читателя».>>. Стремление Голлума к «корням и началам» слишком очевидно бросает камень в огород современной науки – лишенной Бога, позитивной, материалистической, полагающей, что корни сущего лежат в том же измерении, что и видимые глазу «стебли». Не без тайного удовлетворения Толкин намекает позже, что итоги этих поисков сводятся к нулю, – Голлум находит под землей только тьму и пустоту. Корень бытия невозможно отыскать в пределах материи – он лежит вне ее.

⁸⁴ Древнеангл. «тайна, секрет». См. Приложение Е.

⁸⁵ Один из читателей обратился к Толкину с просьбой объяснить противоречие между этими словами и засельским обычаем не дарить подарки на день рождения, а принимать их от именинника. Толкин ответил на это подробно и обстоятельно (П, с. 290–292,

недатированное письмо, написанное приблизительно в 1958–1959 гг.). Обычай дарить подарки гостям, настаивает Толкин, – общий для всех хоббитов во все времена и глубоко укоренен в хоббичьей традиции, но допускает и некоторые варианты. «Когда Дубсы вернулись в Дикоземье – а случилось это в 1356 году ТЭ, – все контакты между ними и предками засельчан прекратились, – говорится в письме. – Со времени разъединения хоббитов до столкновения между Деаголом и Смеаголом (2463 г.) прошло около 1100 лет. Если учесть, что Бильбо отпраздновал свой знаменитый День Рождения – в связи с которым в книге и упоминается о ритуалах и обычаях засельчан – не когда-нибудь, а в 3001 году ТЭ, легко подсчитать, что к тому времени разрыв между хоббичьими племенами составлял уже почти 1650 лет.

...Для хоббитов дни рождения всегда были событиями исключительной общественной важности. Хоббит, отмечавший свой день рождения, назывался *рибадьян* (если перевести это слово согласно общим принципам перевода, принятым мною для ВК, оно будет выглядеть как *byrding* <<Корень *byrd-* – более старый вариант современного англ. корня *bir(th)* (*birthday* – «день рождения»). Таким образом, *byrding* переводится примерно как «деньрожденник, новорожденный» (у нас «именинник». – М.К. и В.К.).>>). Связанные с днями рождения обычаи, несмотря на укорененность в быту и традициях, регулировались дополнительным строгим этикетом, благодаря которому дарение подарков во многих случаях сводилось к чистой формальности... На самом деле, если копнуть глубже, «именинник» не только раздавал, но и получал подарки; эти два обычая разнились друг от друга как по происхождению, так и по выполняемой ими функции. Разным был и сам порядок вручения даров. В ВК второй обычай (получать подарки) не упоминается только потому, что к основному повествованию он не имеет никакого отношения. В действительности этот обычай был древнее обычая дарить подарки гостям и соответственно регулировался бОльшим числом формальных правил. (Нет ничего удивительного и в том, что в книге не дается никаких пояснений по поводу этого обычая в связи со спором Деагола и Смеагола, – рассказ об этом вложен в уста Гэндальфа, которому не было нужды вдаваться в описание обычая, хорошо знакомого любому хоббиту, да и нам с вами).

Ритуал получения подарков был у хоббитов тесно связан с родовыми отношениями. По своему происхождению он символизирует принятие именинника в члены семьи, признание его остальными представителями рода. Кроме того, вручение даров совершается в память однажды совершившейся формальной церемонии «введения в семью»... Отец и мать при этом не дарят своим детям подарков на день рождения (кроме редких случаев усыновления); правда, общепризнанный глава семьи обязан что-либо преподнести имениннику в знак того, что по-прежнему считает его членом клана (семейства).

Ритуал вручения подарков гостям не ограничивался рамками родства и считался формой благодарности за услуги и благодеяния, оказанные в течение жизни и особенно за последний год, а также за оказанную имениннику дружбу... По засельскому этикету, сам именинник мог ждать подарков только от родственников не дальше двоюродного брата или сестры, причем важно было, чтобы те жили не далее как в 18 верстах от виновника торжества <<Отсюда выражение «кузен с восемнадцатой версты» – так говорили о том, кто строго придерживался этого закона и не признавал никаких родственных обязательств помимо оговоренных этикетом. Такой «кузен» никогда не дарил подарков родственникам, живущим за пределами указанной области, – даже если именинник обретался, скажем, в двух шагах от злополучной границы (установленной, разумеется, согласно измерениям самого «кузена»!).>>. От подарков воздерживались даже ближайшие друзья (если они не были одновременно родственниками)... Подарки имениннику должны были вручаться исключительно с глазу на глаз... желательно накануне праздника и уж во всяком случае не позднее полудня знаменательного дня. Выставлять подарки напоказ считалось крайне неприличным – необходимо было избежать неловких ситуаций, вроде тех, что не редкость в нашем обществе, особенно на свадьбах... <<На хоббичьих свадьбах подарков не дарили вообще – только цветы (свадьбы почти всегда играли весной или в начале лета). Если молодожены собирались жить своим домом или – если речь шла о *смайле* – собственным отнорком, обстановкой комнат занимались родители с той и другой стороны и успевали сделать все необходимое задолго до свадьбы.>> Этот обычай вовсе не подразумевал дорогих подарков. Хоббитами гораздо больше нравилось,

если подарок приходился кстати, попадал, так сказать, «в жилу», а если кто отделялся дешевкой – никто и не думал обижаться.

Следы этого обычая видны и в повести о Смеаголе и Деаголе, в которой так ярко проявились характеры этих далеко не лучших представителей хоббичьего рода, их воспитавшего. Очевидно, что Деагол был близким родичем Смеагола (впрочем, все члены их маленького сообщества, по-видимому, были родственниками), так как он подарил Смеаголу традиционный подарок на день рождения, причем подарил заблаговременно, хотя на рыбалку они, по-видимому, отправились спозаранок. Деагол, мелкая душонка, не очень-то охотно раскошелится на подарок. Но Смеагол был личностью еще менее симпатичной, чем его братец: он захотел отобрать кольцо у Деагола, прикрываясь своим «днем рождения». «Мы, дескать, хотим его» – и весь сказ. Он намекал еще и на то, что подарок Деагола в каком-то смысле его не удовлетворил, почему Деагол и огрызнулся: пусть, дескать, Смеагол заткнется – он потратил на этот подарок больше, чем ему, Деаголу, по карману!.. В более примитивных сообществах... именинник дарил подарок еще и главе семьи. Смеагол, по-видимому, был сиротой, и я предполагаю, что в этот день он не подарил подарка никому, кроме «бабушки», от чего, понятно, уклониться не мог. Скорее всего, обычно он одаривал ее рыбой и, возможно, именно за этой рыбой и отправился в тот памятный день. Как это похоже на Смеагола – подарить бабушке рыбу, которую на самом деле поймал Деагол!..»

⁸⁶ Ср. СиУ, с. 251: «Как одно и то же пламя светит и греет одним, а других – жжет и изобличает своим светом, так и Трисиятельное Светило для одних – свет, а для других – огонь, смотря по тому, какое вещество и какого качества встречается в каждом» (Григорий Богослов, прим. 421 к с. 251). То же у Исаака Сирина: «...любовь силою своею действует двояко: она мучит грешников... и веселит собою соблюдавших долг свой» (там же). Запричастная православная молитва гласит: «Огнь еси, недостойныя поपालяй».

⁸⁷ СиУ, с. 212: «...Тварь Божия – личность, и она должна быть спасена; злой же характер есть именно то, что мешает личности быть спасенною... По существу единое, Я расщепляется, т. е. оставаясь Я, вместе с тем перестает быть Я. Психологически это значит, что злая воля человека отделяется от самого человека».

88 В трилогии существуют особые отношения между «предопределением», «случаем», «везением», «удачей», «судьбой» и т. д. Мир Средьземелья создан Единым (Богом); вдали от Средьземелья, в «земном раю» Арды (Земли), обитают архангелы-Валар(ы), равнодушные к судьбам Средьземелья (именно поэтому они связали себя с этим миром), обладающие определенной властью над тем, что свершается в их земной державе. Итак, в Средьземелье одновременно действуют Промысел Единого и Предопределение, воля Валар(ов), силы зла, силы природы и обитатели Средьземелья. Но Единый и Валар(ы) действуют «анонимно». Средьземелье как бы проникнуто строжайшим духом библейской заповеди: «Не упоминай имени Бога твоего всуе». Поэтому отделить вмешательство высших сил от случая в Средьземелье чрезвычайно трудно, тем более что для этого требуется сначала четко определить, что имеется в виду под «случаем». В разные времена человечество решало эту проблему по-разному. Шиппи высказывает предположение, что Толкин во многом опирался на древнеанглийскую традицию. «Слишком громкое хлопанье ангельских крыл... сразу умалило бы масштаб характеров, которыми наделены толкиновские герои, обесценило бы их решимость и мужество», — пишет Шиппи (с. 113). Далее он сообщает, что этимология слова «случай» (chance) в английском неизвестна (в русском это слово происходит от глагола «случать», «сталкивать»). Другое слово для «случая» — luck, обычно переводимое как «удача». На самом деле это слово скорее означает «судьба» и по значению очень близко «случаю». В «Беовульфе» используется вместо этих двух слов древнеангл. *wyrd*, причем поэт относится к «случаю-*wyrd*» как к некой сверхъестественной силе. В переводе книги Бозция «Утешение философией» древнеанглийским королем Альфредом, ученым и в своем роде богословом, «случай-*wyrd*» упоминается в следующем контексте: «...То, что мы называем Божьим Промыслом, или Провидением, пока оно еще сокрыто в Его разуме и не перешло в деяние, пока оно остается мыслью, — мы называем случаем (*wyrd*), когда оно осуществится». Важно, что *wyrd* («случай») не господствует над людьми, как рок. Люди могут изменить свою судьбу (luck, *wyrd*), сказать «нет» Провидению, хотя потом должны будут иметь дело с последствиями своего решения. Но люди могут действовать и в согласии со своим *wyrd*, угадывать его и помогать ему. «На Бога

надейся, а сам не плошай» – Толкин оценил бы эту русскую пословицу. «Оплошавший» может пропустить «удачу» (*wyrd*, *luck*) сквозь пальцы. Таким образом, основополагающие понятия «случай» и «удача» у Толкина основаны на нетрадиционной философской базе, корнящейся в специфике английского языка и древнеанглийского богословия, и об этом необходимо помнить.

⁸⁹ См. П, с. 296, декабрь 1958 – начало 1959 г.: «Нет причин полагать, что Дубсы из Дикоземья развили у себя «настоящий» матриархат в собственном смысле этого слова. У Дубсов из Восточного Предела и в Бэкланде никогда не наблюдалось ничего подобного, хотя они сохранили много отличий в обычаях и законах. Гэндальф (точнее, переводчик и интерпретатор слов Гэндальфа!) использовал слово «матриарх» отнюдь не в «антропологическом» смысле. Скорее всего, в его устах это означало, что в то время кланом правила женщина, только и всего. Нет сомнений, что она заняла это положение после смерти мужа благодаря своему властному характеру.

Вполне возможно, что в упростившемся, упадочном быту Дубсов из Дикоземья женщины, как это часто бывает в подобных случаях, лучше помнили предания старины и хранили древние обычаи, в результате чего их вес в обществе по сравнению с иными временами был гораздо внушительнее. Но я думаю, вряд ли можно предполагать, что это вносило серьезные изменения в брачные обычаи хоббитов, какими эти обычаи известны с древнейших времен, и тем более навряд ли в отделившихся хоббичьих общинах развились матриархат или полиандрия (многомужество. – М.К. и В.К.) (хотя это могло бы пролить некоторый свет на отсутствие каких-либо упоминаний об отце Смеагола-Голлума). Надо отметить, что в те времена на Западе повсеместно практиковалась моногамия. На другие виды брака смотрели с неприязнью и отвращением, причем считалось, что «такие вещи творятся только под владычеством Тени»».

⁹⁰ *Мор*– означает на синд. «черный» (ср. *Мория*), – *дор* – «страна».

⁹¹ Один из настойчиво повторяющихся в ВК и «Хоббите» мотивов. Поступок Бильбо согласуется с истинным божественным миропорядком, а потому открывает путь божественной благодати, которая выражается в *wyrd* (см. прим. 88) и *luck* – «случае» и «удаче»; следуя этим путем, герой спасает себя и мир. В какой-то мере весь ВК представляет собой художественное исследование путей благодати в

этом мире, изучение предпосылок и следствий праведного поступка, которые выявляются тем ярче, что показаны на фантастическом, далеком материале. Жалость Бильбо – «идеальный» образец праведного чувства, ведущего к праведному поступку, но по тексту рассыпано множество вариантов, множество ситуаций, где герой в разной степени отклоняется от идеала, и внимательный читатель, имея перед глазами образец, может проследить последствия этих отклонений (см. прим. 209).

⁹² В оригинале *Cracks of Doom*. Продолжая сказанное выше в комментарии к понятию «предопределения», можно снова обратиться к Шиппи (с. 189): слово *doom*, говорит он, чисто английское и соотносится с древнеангл. глаголом «судить»: корень *doom*- входит в слово *Doomsday* – «Страшный Суд». Впоследствии слово приобрело более мрачный оттенок и стало означать что-то вроде «неизбежной катастрофы». В современной разговорной речи малоупотребительно. В отличие от «случая» и «удачи» (*chance* и *luck*), *doom* («конечная судьба») изменению не подлежит и связана с авторитетом Верховного Судии. Однако *doom* означает скорее «суд», а не «судьба»: для слова «судьба» Толкин использует слово *fate* (в таких, например, сочетаниях, как «судьба привела его...»). *Doom* («суд») свершается *над* человеком, приносится извне, *fate* («судьба») – индивидуальна, тесно связана с индивидуумом. Слово «рок» – не из словаря Толкина: ни *doom*, ни *fate* не подразумевают безличной роковой силы, тяготеющей над человеком независимо от его личной истории и властной даже над богами. Однако слова *doom* и *fate* подразумевают более древний слой представлений, имеют более суровую эмоциональную окраску и подразумевают меньшую свободу, чем *wyrd* и *luck* («случай» и «удача»): *doom* и *fate* – суд Бога (дохристианский, ветхозаветный смысловой пласт), *wyrd* и *luck* – Его милость (пласт христианский).

⁹³ В письме к Э. Элгар (сентябрь 1963 г., П, с. 332–333) Толкин пишет: «Гэндальф как Властелин Кольца оказался бы гораздо хуже Саурана. Он остался бы «праведным», но это была бы фарисейская праведность. Он по-прежнему утверждал бы, что, управляя миром, преследует благую цель и благо своих подданных в согласии со своей мудростью (а его мудрость осталась бы огромной)... Таким образом, хотя Саурон и умножает [нрзб.] зло, «добро» по крайней мере легко отличить от этого зла. Гэндальф же сделал бы отвратительным самое добро, заставил бы его казаться злым».

⁹⁴ Первоначально эта глава была второй по счету. Написана она в том же 1938 г., что и первая. В этой главе рассказывается, как племянник Бильбо по имени Бинго отправляется в путешествие со своими кузенами Одо и Фродо (ХК, с. 190).

⁹⁵ См. П, с. 293, недатированное письмо к читателю, написанное в 1958–1959 гг.: «Насколько мне известно, у хоббитов браки были только моногамными (причем повторные браки считались большой

редкостью даже в том случае, если супруг или супруга умирали очень рано). Наследование шло по мужской линии, но патриархата как такового у хоббитов не было. Фамилия наследовалась по отцовской линии, жена принимала фамилию мужа, главой рода считался обычно старший из мужчин. В случае больших и влиятельных семейств (например, таких, как Тукки), постоянно сохранявших единую структуру, невзирая на многочисленность... главой становился старший из хоббитов-мужчин, причем требовалось, чтобы он происходил от основателя рода по прямой линии. Что касается устройства самой семьи как реальной единицы, то монархии в ней не было никогда (разве что в особых случаях). Эти отношения можно было бы скорее назвать «диархией», так как хозяин и хозяйка имели в семье одинаковые права, хотя обязанности у них были разными. Каждый считался полномочным представителем семьи в случае отсутствия второго супруга – в том числе в случае смерти последнего... Если умирал хозяин, жена заступала на его место – даже в тех случаях, когда ее супруг при жизни был главой клана. При этом титул не переходил к ее сыновьям до тех пор, пока она не уступала его сама – или пока она не уходила из жизни. Таким образом, достаточно властная и решительная долгожительница могла править кланом весьма длительное время, за которое успевали вырасти не только ее дети, но и внуки... так Ото Саквилль-Бэггинс стал главой своего рода после смерти матери – Камелии, но надеялся возглавить еще и род Бэггинсов, что было, конечно, претензией довольно нелепой (если бы это все-таки произошло, он, вероятно, стал бы именовать себя Бэггинс-Саквилль-Бэггинс). Этими претензиями и объясняется возбуждение, в которое оба раза привели его исчезновения Бильбо, – независимо от планов Ото завладеть собственностью родственника, которые с усыновлением Фродо потерпели окончательное фиаско».

⁹⁶ В оригинале Crickhollow. Толкин производит это слово от *Каррок* (см. прим. к «Хоббиту», гл. 7), что означает «камень, скала». Hollow – англ. слово, означающее «лощина, яма». Одновременно cricket по-английски означает «сверчок».

⁹⁷ Образ *дороги* – один из наиболее многозначных символов у Толкина. В разных вариантах встречается несколько раз. Шиппи (с. 141) считает, что одно из значений этого символа Жизнь; другое – Провидение: если последовать своему призванию и вступить на

дорогу, то попадешь на пути Промысла и назначенной Провидением судьбы. С дороги можно свернуть, от призвания можно отказаться – об этом в ВК говорится часто. Образ разветвляющейся, уходящей в неизвестность, пересекающейся с другими путями дороги противопоставляется самозамкнутости Кольца, никуда не ведущей бесконечности круга. Таким образом, замечает Шиппи, песни хоббитов часто «знают о мире больше, чем сами хоббиты», хотя глубинный их смысл прячется за простыми и даже тривиальными образами. КД отмечает, что в образе дороги у Толкина кроется вызов «духу нашего времени, который говорит, что осмысленных путешествий нет, потому что не существует самой дороги, а может, потому, что все дороги ведут к одному и тому же назначению» (с. 13).

⁹⁸ Характерный образец хоббичьей поэзии, где в приземленном варианте присутствуют мотивы, свойственные у Толкина поэзии смертных вообще. Так, Шиппи (с. 143) считает, что в этом стихотворении хоббитами преобразована и упрощена трагическая роханская тема о мимолетности всего сущего (см. стихотворение гл. 5 ч. 3 кн. 2), тема смерти и печали. На этом примере ясно очерчивается разница людей и хоббитов, их культур, их «ментальности». Новая дорожка, которая может увести в «Луны и Солнца дальний дом», – символ выхода из этого мира в иной (и не случайно вскоре после этой песенки следует встреча хоббитов с эльфами и песня про Элберет).

⁹⁹ *Элберет*. Через это имя читатель прикасается к основе основ толкиновской мифологии, и следовало бы попросту привести здесь первые главы Сильм. – свода преданий Средьземелья – целиком (что частично сделано в прим. к Приложению Б). Элберет, или Варда – одна из *Айнур(ов)*, Великих Духов, созданных Эру – Единым, или Богом, или – по-эльфийски – Илуватаром – прежде всего и вся. Те из *Айнур(ов)*, что участвуют в жизни Эа (Вселенной), носят имя *Валар(ов)* (ж. р. — *Валиэр*). *Вала(ры)* – слово квенийское (о кв. языке см. прим. 20).

В ед. ч. оно звучит на Квэнии как *Вала* (ж. р. — *Валиэ*), во мн. — *Валар*. Толкин везде придерживается квенийских форм и нигде не вводит англ. мн. ч. В данном переводе используются русские формы мн. ч. от кв. слова *Вала* во мн. ч. (*Валар*), принятого за ед. ч.; в комментарии скобками показаны эти отступления от оригинала, а именно: ед. ч. *Вала(р)*, мн. ч. *Валар(ы)*.

То же и с другими аналогичными кв. словами. Валар(ы) уподоблены у Толкина высшим ангельским иерархиям христианской мифологии; таким образом, Толкин в первых словах Сильм. излагает свою версию христианского мифа о Творении, что, с точки зрения богослова, представляет достаточно смелое и даже дерзкое предприятие, а в литературно-художественном контексте – любопытную и не имеющую аналогов художественную гипотезу. Вот краткое изложение этой «гипотезы». Создав Айнур(ов), Эру дает им услышать сотворенную им Музыку, в которой заключена вся история мира (более того – предлагает им развить предложенные темы). Айнур(ы) видят эту музыку «как свет во тьме» (аналогия со Словом-Логосом Евангелия: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Иоан., 19, 5)). Айнур(ы), пожелавшие того сами, вошли в Мир, которым обернулась отзвучавшая Музыка, и приняли участие в его творении; эти Айнур(ы) получили имя Валар(ов). Эльфы называли их «Силами Арды (Земли)» (аналогия ангельским «силам»), или, в некоторых переводах, «Стихиями», «а некоторые люди – богами, или Вышними», – пишет Толкин. Властителей-Валар(ов) было семь (Манвэ, Улмо, Аулэ, Оромэ, Мандос, Лориэн, Тулкас), семь и Властительниц (Варда, Иаванна, Ниенна, Эстэ, Ваирэ, Вана и Несса). Один Вала(р) – Мелкор – стал отступником. Варда – иначе Владычица Звезд – «прекраснее, нежели может выразить язык людей или эльфов», ибо «светом Илуватара светится ее лик и поныне <<Здесь и далее в кавычках цитаты из Сильм. в нашем переводе.>>. Светом она повелевает, и в свете ее радость». Эльфы почитают Варду более всех остальных Валар(ов) и называют ее Элберет, «и призывают имя ее из теней Средьземелья, и поют ей, когда зажигаются на небе звезды... Перед приходом эльфов Средьземелье лежало в сумерках под светом звезд, которые зажгла над ним в забытые бесчисленные века трудов своих в Эа Варда» (Эа – Вселенная).

В связи с введением автором в свою мифологию таких существ, как Валар(ы), возникает множество вопросов, которые задавал себе и сам автор, а именно: в каких отношениях находится «пантеон» Толкина с христианской концепцией мироздания (учитывая, что автор – христианин-католик), оправдано ли подобное творчество с христианской точки зрения и т. д. На подобный вопрос директора католического книжного магазина П. Хастингса Толкин в письме к

нему, написанном в сентябре 1954 г. (П, с. 193), отвечает так: «Валар(ы) – не более чем сотворенные (Единым. – М.К. и В.К.) духи высшего ангельского порядка, как выразились бы мы, и при них состоят сослужащие им меньшие ангелы (эти ангелы в Сильм. называются Майяр(ы). — М.К. и В.К.); таким образом, Валар(ы) представляют собой серьезный авторитет, но им не воздается божественных почестей (поэтому в созданном мною мире нет храмов, церквей и часовен – по крайней мере среди «добрых» народов). В Средьземелье нет «религий» в культовом смысле этого слова. В случае опасности можно воззвать к Вала(ру) (например, к Элберет), примерно как католик обратился бы к святому, хотя взывающий к Вала(ру), как и любой католик, знает, что власть Валар(ов) ограничена и производна от иной, высшей власти. Речь идет о «первобытной эпохе» Средьземелья; о средьземельских народах того времени вполне можно сказать, что они смотрели на Валар(ов), как дети на родителей... они жили с верой в то, что над ними есть Король, хотя этот Король не жил в их стране и даже не имел в ней своего дворца. Не думаю, чтобы хоббиты имели какую-либо религию или молились высшим существам (разве что некоторые, общавшиеся с эльфами). Нуменорцы (и Рохирримы) были чистыми монотеистами» <<О Нуменоре см. Приложение А, I, гл. 1.>>. Далее Толкин пишет: «Наделенные способностью «малого творения» («малое творение» (sub-creation) – один из любимых терминов Толкина, означающий, что существа, созданные по образу и подобию Бога, способны, как и Бог, творить и создавать миры, но на другом уровне реальности; чтобы «малое творение» приобрело статус реальности настоящей, требуется особая милость Бога. – М.К. и В.К.), Валар(ы) обитают на Земле, с которой связаны узами любви, ибо они участвовали в ее создании, но внести кардинальных изменений в судьбу Божьего творения они не в силах». (Так, они не могут вмешиваться в то, что касается, например, смерти и бессмертия.)

В письме к Р. Боуэну (25 июня 1957 г., П, с. 259) Толкин пишет, что, когда Валар(ам) позволено было войти в созданный при их участии Мир, наивеличайшие из них стали «богами» традиционных мифологий. Покинуть Мир до его конца они уже не могли. Правда, «воплощенными» существами назвать их было, несмотря на это, нельзя. Они могли воплощаться по желанию, но воплощались «не до

конца»: их тела оставались для них всего лишь «одеждой», оболочкой. Вала(ры) обладали некоторым знанием будущего, которое обрели, будучи свидетелями и отчасти творцами Музыки Айнур(ов). Однако Бог оставался властен внести в ход истории непредвиденные изменения. В письме к Р. Бир от 14 октября 1958 г. (П, с. 282) говорится, что у Валар(ов) не было ни своего языка, ни своих имен; имена им нарекли эльфы, и имена эти говорят об основной особенности того или иного Вала(ра). Так, Элберет в переводе означает «Звездная Владычица», Варда – «Возвышенная».

¹⁰⁰ Высшие эльфы – эльфы, принадлежащие к эльфийским племенам, на заре истории Средьземелья отплывшим по зову Валар(ов) в Валинор (место обитания Валар(ов), см. прим. 182), но позже по разным причинам возвратившимся в Средьземелье.

В отличие от них, Низшие, или Лесные, эльфы никогда не покидали Средьземелья и не видели Валинора. Высшие же эльфы хранили память о Валар(ах) и обращались к ним в своих гимнах.

¹⁰¹ *Гилдор* – синд. «звездный князь». Имя *Инглорион* содержит корень *-глор-* (золото). *Ин-* и *-ион* не являются значащими частями слова.

¹⁰² Имеется в виду квенийский язык, на котором говорили Высшие эльфы.

¹⁰³ *Реммират* – синд. *рем* + *мир* + *ат* = «звезды, сплетенные в сеть» (Плеяды). *Боргил* – синд. «недвижная звезда» (Альдебаран). *Менелвагор* – *менел* – «небеса» (ср. *Менелтарма*), *вагор* – «меченосец» (Орион).

¹⁰⁴ Написана вместе с первыми двумя главами в 1938 г. (была первоначально третьей по счету. Название появилось позже) (ХК, с. 190).

¹⁰⁵ «Очевидно, мне удалось сделать страшное по-настоящему страшным. И это для меня большое утешение, потому что любое произведение литературы, которое относится к жизни серьезно, должно так или иначе иметь дело со страшным и ужасным, если в его предназначение... входит задача хоть как-то передать реальность, а не бежать от нее» (Толкин, письмо Стенли Анвину от 31 июля 1947 г., П, с. 120).

¹⁰⁶ В Рук. (с. 181) Толкин указывает, что это имя ничего особенного не означает и поэтому переводиться не должно. Правда, по-английски maggots – разновидность червяков, но Толкин утверждал, что это чистое совпадение. С этим связан забавный эпизод, который Толкин пересказывает Райнеру Анвину в письме от 8 апреля 1958 г. (П, с. 265). В марте 1958 г. Толкин был приглашен в Голландию на торжества в его честь и, в частности, присутствовал на так называемом «Хоббичьем обеде», где подавали грибное блюдо под названием «Мэггот-суп», что на английский переводится как «похлебка из червяков». Хозяину пришлось долго извиняться перед приглашенными англичанами.

¹⁰⁷ Валлийское слово, означающее «прадедушка».

¹⁰⁸ *Бери* (–bury) – традиционный элемент англ. топонимов. Означает «город».

¹⁰⁹ См. Словарь Даля: «...осеченное вокруг место в лесу, огороженное, и самая городьба эта из срубленных и заломанных на высоких пнях деревьев, а затем и городьба прясельная, загородь, изгородь, изгорода, околица; огороженный выгон; загород от пашен, лугов и заосека, куда скота не пускают; осеченный участок леса, либо в рубку выделенный, либо заповедный... засека, укрепление рубленное, оплот, заплот».

¹¹⁰ В оригинале Withywindle. Withy – старое англ. название ивы, windol – «вьющийся ручей».

¹¹¹ См. прим. 54.

¹¹² Образ, который встречается и в песне эльфов, обращенной к Элберет, — *галадреммин эннорат*, «оплетенное ветвями Средьземелье», «лес переплетенных ветвей». Одно из значений этого многозначного символа – земная жизнь, заслоняющая от духовного взора небесную отчизну. Этот образ встречается в мировой литературе: можно назвать здесь и Данте («Земную жизнь пройдя до половины,/я заблудился в сумрачном лесу»), и Спенсера, у которого встречается образ блуждающего в дремучем лесу рыцаря (хотя Толкин не раз открыто выражал свою нелюбовь к Спенсеру), а также Мильтона, создавшего образ души-девы, которая рвется на волю из «слепых лабиринтов переплетенного ветвями леса» (см. Шиппи, с. 144). В сне Фродо море оказывается символом того, что лежит за жизнью.

¹¹³ С того момента как хоббиты входят в Старый Лес, история Кольца надолго отступает на второй план.

Шиппи пишет об этом (с. 83): «На этих страницах лес и обитающие в нем существа становятся в каком-то смысле героями повествования. Они врываются в него и начинают в нем хозяйничать. Они задерживают рассказ и кажутся лишними, избыточными... и в то же время делают ту же работу, что и географические карты, а также имена, показывая, что действие разыгрывается не просто в воображаемом мире: сверхъестественное в этом мире тесно смыкается с природным; за границами того, что становится известным и читателю, остается еще много непознанного, не связанного напрямую с сюжетом. Это дает особое ощущение реальности толкиновской Вселенной».

Как говорилось выше (см. прим. 112), лес, где деревья растут так тесно, что не видно неба, – образ, сквозной у Толкина и традиционный для англ. поэзии. В песнях эльфов это – *галадреммин эннорат*, «лес переплетенных ветвей»; этот символ означает «лес» земной жизни, которая держит в плену эльфов-изгнанников, заслоняя и скрывая от них свет звезд, напоминающий им об их доме за морями – читай: о небесной отчизне. «Прогулка» хоббитов по Старому Лесу имеет обычный прозаический смысл и в то же время в общем контексте трилогии вырастает до символа, особенно в стихотворении «Не вечно тянутся леса...»: с виду простенькое, в общей образной системе оно обретает иную метафорическую наполненность и говорит о преходящести земной жизни и о том, что выход из нее подобен выходу из леса на простор равнины (здесь содержится также намек на отношение хоббитов к смерти – напрямую об этом в ВК не говорится ничего, но из разбросанных по тексту намеков можно догадываться, что у хоббитов, как и у людей, живет в душе (и, возможно, в предании) смутная надежда на спасение за «кругами этого мира»). См. также Шиппи, с. 143.

¹¹⁴ В 15 милях от Оксфорда находится самое большое в Англии скопление могильников (на зеленых Беркширских холмах). С этими захоронениями связано не одно предание – именно там, например, обитал сказочный кузнец Виланд (Шиппи, с. 83).

¹¹⁵ Прототип Старой Ивы растет в оксфордском Университетском парке, где Толкин часто гулял с детьми, на берегу пересекающей парк

маленькой речушки.

¹¹⁶ Аллюзия на одну из высоко ценимых Толкином английских детских книг – «Ветер в ивах» Кеннета Грэма. Один из излюбленных приемов Толкина – «намек» на миф или книгу, не связанные напрямую с текстом. В одноименной с названием (то же и в русском переводе В. Резника) главе «Ветра в ивах» рассказывается о встрече отправившихся на выручку заблудившегося детеныша животных – героев книги – с богом Паном, «Другом», который «выручает животных из беды».

¹¹⁷ В оригинале Goldberry. См. прим. 120. Имена не имеют определенной генеалогии. Goldberry – дословно «золотая ягода»: -berry – традиционный английский суффикс в названиях ягод. В переводе имени Златовики использован аналогичный русский суффикс.

¹¹⁸ Цвет пера совсем не случаен; перо это имеет свою историю, которая рассказана в стихах из книги «Приключения Тома Бомбадила» (впервые опубликована в 1962 г.). Сначала у Тома в шляпе было лебединое перо, но во время путешествия его на лодке по Вьюну зимородок подарил ему другое:

*Зимородок замолчал, глазками моргнул он,
и над Томом – «пырх-пырх-пырх!» – крыльями взмахнул он.
Взмыл он, радугой горя над речным заливом, —
и упало вниз перо с голубым отливом.
Бомбадил его поймал, молвил: «Вот подарок!
Голубое! Этот цвет и хорош, и яркок!»*

Пер. С. Степанова.

¹¹⁹ О ком здесь идет речь, точно не известно; наиболее вероятно, что о Навьях (см. прим. 124).

¹²⁰ Том Бомбадил – персонаж, пришедший в ВК из сборника стихов Толкина, который так и называется – «Приключения Тома Бомбадила». Сам этот сборник был напечатан много позднее ВК – в 1962 г., но большинство вошедших в него стихов было написано гораздо раньше. Как пишет Толкин в предисловии, сборник представляет собой стихи из Алой Книги хоббитов (см. Пролог), из

которой лишь часть стихов вошла в ВК. «По-видимому, эти стихотворения были сочинены хоббитами, главным образом Бильбо и его друзьями», – говорится в предисловии. В сборник входят также стихи, которые, по-видимому, представляют собой часть сказок о Бомбадиле, составлявших засельское предание об обитателях Старого Леса. Эти стихи «свидетельствуют о том, что бэккландские хоббиты были хорошо знакомы с Бомбадиллом, хотя наверняка столь же мало понимали его волшебную силу, как хоббиты засельские – волшебную силу Гэндальфа. И тот и другой воспринимались хоббитами как вполне добродушные старички, пусть немного таинственные, но какие-то непутевые». Само имя Бомбадил – хоббичьего происхождения (Том, Томба – распространенное имя в Заселье; Бомбадил – имя, образованное по образу хоббичьих имен, заимствованных из древней истории. Образцом для него, как утверждают авторы В.Э., могли послужить имена Бобадил и Боабдил: одно – древнеангл. эквивалент слова «хвастун», другое – имя древнего короля Гренады (происходит из Абу Абдил – «отец слуги аллаха»). Однако, если выйти из системы имен ВК, Том Бомбадил кажется персонажем, пришедшим в Заселье из детской английской поэзии: Том – обыкновенное английское имя, а Бомбадил – веселая бессмыслица. На Совете Элронда (см. гл. 2 ч. 2 кн. 1) место Бомбадила в Средьземелье и его природа определяются чуть более точно, но в хоббичьем представлении он – просто беззаботный персонаж детских стишков. Другое дело, если задаться вопросом: кто же они на самом деле, персонажи детских стишков? В «Приключениях Тома Бомбадила» о Томе рассказывается следующее:

*Славный малый Бомбадил, веселее нету,
в желтых кожаных штанах он ходил по свету,
в куртке яркоголубой по лесу шагал он —
бела лебедя пером шляпу украшал он...*

<<Здесь и далее в этой статье пер. С. Степанова.>>

Здесь впервые рассказывается история встречи Тома и Златовики:

*...Златовика, Дочь Реки, мимо проплывала —
дерг за бороду его! Том свалился с края,
под кувшинки, с головой, пузыри пуская!*

О том, кто такая Златовика, в пределах этого текста тоже не говорится — Дочь Реки, и все тут. Здесь, однако, впервые обнаруживается таинственная сила, которой наделен Том: стоит ему заговорить своим гуторком-говорком — и его слушаются беспрекословно.

...Спи на дне глубоком, где прячет корни Ива!

И Златовика немедленно повинуется. Затем то же самое происходит со злокозненной Старой Ивой:

*...Услыхав его слова, Ива задрожала,
заскрипела всем стволом, трещину разжала —
и оттуда вылез Том, словно из коробки,
и вдоль Ивьего Вьюна вновь пошел по тропке.*

Повинуются Тому и барсуки, пытавшиеся утащить его к себе в нору, под землю:

*Извинились барсуки, дрожь их охватила —
под шиповник отвели Тома Бомбадила.*

Власть Бомбадилова запрета распространяется не только на обитателей Леса, но и на страшных ночных призраков:
*Отведу тебя в Курган, страшный, заповедный!
Будешь под землей лежать, ледяной и бледный! —*

грозится ночной гость, представившись как «Навье из Кургана». Однако Бомбадил только бросает ему «убирайся живо!» — и

переворачивается на другой бок. Таким образом, слово Бомбадила обладает сверхъестественной силой, явно ставящей его выше обычного персонажа считалочки или припевочки. Но и считалочка, и припевочка, и стишок являются, возможно, обрывками какого-то забытого, более серьезного целого. Толкин всегда считал, что целое это могло быть чем угодно – например, эпической поэмой или целым сводом мифов о богах и героях. В некоторых случаях он даже пытался экспериментировать, «восстанавливая» это целое по обрывкам стишков, которые рассказывают в детской (см. прим. 137). Так за смешной фигурой Бомбадила встает глубокий и многозначный образ Хозяина, светлого духа, стерегущего Лес, Реку и Курганы. О «духовной» природе Бомбадила говорит уже его брак с Дочерью Реки – Златовикой.

*Хватит шастать в камышах по болотным лужам —
жить отныне под Холмом будешь с добрым мужем! —*

так отражено это событие в хоббичьих стишках. По-видимому, Златовика – существо духовного мира, ближайшую аналогию которому можно найти в древнегреческой наяде, т. е. «богине» реки или ручья; можно также сопоставить ее с «духами реки», в мифологии Даниила Андреева – «стихиялями» (ср. слова Андреева о встреченной им на пути речке, сразу заставляющие вспомнить Златовику: «Что за прелестное Божье дитя смеялось мне навстречу!» <<Роза Мира. М., 1991. С. 41.>>). По-видимому, Том, взявший в жены такое существо, сам мог быть только существом примерно такого же порядка. Кто же такая Златовика в мифологии самого Толкина? Единого мнения по этому поводу не существует; возможно, и незачем «притягивать за уши» поэтический образ, пытаясь вставить его в ту или иную систему. Но если уж взяться за это дело, то придется сделать вывод, что Златовика, по-видимому, принадлежит к одной из низших ангельских иерархий, к тем Майяр(ам) (см. прим. 99), которые особенно тесно связаны были с миром Средьземелья, с его стихиями и почти слились с ними. Возможно, и сам Том Бомбадил – существо того же порядка, тем более что он связан со своим Лесом и Курганами, по-видимому, от сотворения Мира. В ч. 6 гл. 10 Гэндальф намекает, что он и Бомбадил

сродни: «просто из двух камней я был тем, что катился по свету, а он – тем, что обрастает мхом» (о природе Гэндальфа см. прим. 216).

Подтверждается эта версия и тем, что над Бомбадиллом не властно Кольцо; это определенно исключает его из числа эльфов, людей и прочих обитателей Средьземелья. Кроме того, мы видим, что слова и имени Бомбадила достаточно, чтобы укротить силы природы. Значит, он обладает какой-то сверхъестественной властью над сотворенным миром, причем знание об этой его власти органически присуще всем силам природы; обладание подобной властью говорит о его высшем, иноприродном происхождении. Интересно, что власть эта действует не как-нибудь, а через слово, причем слово ритмическое. Возможно, Бомбадил символически воплощает именно «власть слова над низшими стихиями», ту силу, которая таится в заклинаниях и которой, возможно, обладал до грехопадения человек. Некоторые исследователи в связи с этим предполагают, что другой символический пласт образа Бомбадила и Златовики – зашифрованное (ибо расшифровка разрушила бы мифологическую систему ВК!) поэтическое размышление на тему, какими были бы Адам и Ева, не соверши они грехопадения, ибо Адам был создан именно хозяином всего сотворенного – *хозяином*, но не повелителем (как и Бомбадил). Он был бессмертен, и слово его обладало особой силой, что выводят обычно из библейской повести о том, как Господь «образовал из земли всех животных полевых и всех птиц... и привел их к человеку, чтобы видеть, как он назовет их... и нарек человек имена всем скотам и птицам...» (Бытие, 2: 19–20).

В письме к П. Хастингсу, написанном в сентябре 1954 г. (П, с. 152) (Хастингса интересовал христианский подтекст трилогии), Толкин пишет, что, называя Тома «хозяином», он ни в коем случае не приписывает ему Божеских прерогатив. «Не думаю, что по поводу Тома стоит особенно философствовать, – говорит он. – Однако многие думают, что образ Тома не без странностей и что он слишком явно выбивается из целого. На самом деле я изобрел его раньше, независимо от основного сюжета, и вставил его в книгу потому, что... мне требовалось устроить хоббитам «приключение». Я сохранил его без изменений, так как он представляет собой то, что без него пришлось бы оставить в стороне. Я не говорю, что это аллегория, – иначе я не дал бы ему такого особенного, индивидуального и нелепого

имени... Том – образчик... частного воплощения чистого (реального) естествознания – это дух, который желает знать все о других тварях, их истории и природе именно потому, что они другие; этот дух не имеет ничего общего с любопытством... и вовсе не намерен «делать» что-либо со своим знанием».

¹²¹ В доме у Тома Бомбадила хоббиты попадают во власть той стихии, которую воплощает собой Том, – ритмического слова, народной песни, которая не имеет автора, а скорее сама властвует над людьми. Если мы возьмем другую грань образа Бомбадила, о которой говорилось выше и которая связана с библейским Адамом до грехопадения, то стихотворная речь окажется представленной у Толкина как естественная речь людей, в то время как проза характеризует мир, отпавший от источника истинного света. Однако такое толкование – всего лишь одно из возможных.

¹²² См. прим. 120.

¹²³ Этой фразой Бомбадил внезапно напоминает Гэндальфа, чем еще раз подчеркивает их родство. О концепции *случая* в Средьземелье см. прим. 88

¹²⁴ См. словарь Даля: «НАВЬ, навье, навья, навий, навей, стар. и юж. орл. кал. и др. гх. – мертвец, покойник, усопший, умерший». Ср. также МС: «Навыи – у славянских народов целые классы мифологических существ, связанных со смертью. Укр. навки, мавки, болг. нави...» В «Повести временных лет» эпидемия в Полоцке приписывается мертвецам, скачущим на невидимых конях по улицам: «навье бьет полочаны». У Толкина – *barrow-wights*. *Wights* – англ. слово похожего смысла. *Barrow-wights* дословно означает «могильные призраки».

Шиппи (с. 173) пишет, что в 1955 г., по выходе книги, Толкин посмеивался над попытками объяснить коварство Навий и Старой Ивы происками Саурана: «Неужели так трудно вообразить существа, враждебные людям и хоббитам, охотящиеся за ними – но не состоящие в союзе с Черным Властелином?» (П, с. 228, письмо к М. Уолдрону, 30 ноября 1955 г.). Потом Толкин стал склоняться к упомянутой версии сам. Незадолго до смерти он записал у себя в черновиках, что один из Черных Всадников побывал в Лесу и на Курганах до появления там хоббитов и «расшевелил» таящееся в этих местах зло. Шиппи вторая версия представляется менее удачной: он отмечает, что в начале

семидесятих Толкин пытался уложить в общую систему все, что в тридцатых–сороковых годах было плодом свободной игры его воображения, все, что он создал, когда еще не так заботился о связности своего вымышленного мира и не претендовал на полную «осведомленность» о всех его обитателях.

¹²⁵ Бомбадил рассказывает о мире, каким он был до так называемой «катастрофы» падения Нуменора (см. подробнее Приложение А, I,

гл. 1). Когда люди нарушили Запрет Валар(ов) и попытались напасть на Земли Бессмертных, где жили Валар(ы) и Высшие эльфы, чтобы силой взять у них бессмертие, Валар(ы) обратились за советом к Единому, и Единый изменил лицо мира. Корабли людей и сам Нуменор поглотила пучина, а Земли Бессмертных были взяты из мира, и земля стала круглой: с тех пор мореход мог плыть на запад сколько угодно, но в конце концов обречен был приплыть туда, откуда начал путь. Земель Бессмертных мог отныне достичь лишь тот, кого Валар(ы) призывали сами, и тот, кто имел на это право, как Эльфы-Изгнанники на Серых Кораблях (см. прим. 199).

¹²⁶ Речь идет о долетописных временах ПЭ, когда Солнца еще не было (о создании Солнца см. прим. 258).

¹²⁷ Из книги «Приключения Тома Бомбадила» известно, что Мэггот и Бомбадил были добрыми друзьями. Об их дружбе можно узнать из стихотворения о том, как Том Бомбадил плавал на своей лодочке в Заселье за кружкой пива и нашел приют в доме у Мэггота:

*И поехали они, обнявшись счастливо,
и в корчме на Бугорке пить не стали пиво,
позабыли на возке разом перебранку —
на Бобовую они ехали Делянку.*

*Все кишки перетрясло на ухабах Тому.
Наконецто добрались к Мэгготову дому!..
На волынке Том играл, отдуваясь тяжело,
и скакали сыновья, словно два барашка!
Мэггот гоголем ходил, а хозяйка — уткой,
и никто не лез в карман за веселой шуткой.
А потом — кому сенник, а кому перина:*

*спать пошли. А Мэггот сел с Томом у камина,
и всю ночь они – «шу-шу!» – говорили вместе,
ибо оба припасли друг для друга вести...
Вот и Мэггот задремал, тлели угли ало,
и с рассветом Том ушел – как и не бывало...
И никто не услышал Бомбадила Тома,
ну, а утром дождь прошел, смыл следы у дома...*

¹²⁸ Одно из наиболее поразительных интуитивных проникновений Толкина в природу зла, перекликающееся с прозрениями Отцов церкви, некоторых богословов и христианской концепцией зла в целом, утверждающей, что темные силы и их слуги лишены радости, глубоко несчастны и одиноки, так как радость существует только в Боге; выбрав противоположную сторону, душа попадает во власть уныния и отчаяния, даже если она и не является просто жертвой, а активно и сознательно творит зло. Те же «отчаяние и жалоба» слышны в крике Черных Всадников. Ср., например, у греческих Отцов церкви: «Ни здешних, ни тамошних сладостей не вкушает обладаемый грехами... стенать и раздираться, а не вкушать сласти – участь грешащих и развращенных» (Феодор Студит, в кн. «Подвижнические монахам наставления»). Или ср. строку из православного богослужебного текста: «мрачное и безлунное рачение греха».

¹²⁹ См. Приложение А, I, гл. 3.

¹³⁰ Одно из мест, не имеющих объяснения в пределах текста. Мы так никогда и не узнаем, что произошло в действительности: то ли призрак – навье – и есть дух давно умершего воина, то ли память о давнем поражении вторглась в сознание хоббита иным путем? Здесь, как и в других случаях, Толкин дает нам прикоснуться к тайне, которых так много в Средьземелье; причем автор далеко не претендует на то, что знает разгадки всех загадок. Это один из приемов, с помощью которых Толкин создает впечатление глубины и реальности Средьземелья.

¹³¹ Еще один (см. прим. 121) намек на родство образа Бомбадила с Адамом до грехопадения: ему дана сила не только заклинать, но и называть вещи в соответствии с их внутренней сущностью.

Бомбадил недаром живет на границе страны хоббитов: «выспренность» смыслы из богословского лексикона выражены в тексте на простом хоббичьем языке, и поэтому серьезный комментарий к Тому Бомбадилу неизбежно кажется стилистическим диссонансом. Но, вероятно, это тоже входило в замысел Толкина – показать, что наши понятия о «низком» и «высоком», возможно, весьма искусственны и что порой ангелам естественнее выражаться на языке деревенских прибауток, чем на высокопарном наречии ученых теологов, – ведь и Христос говорил с народом притчами о закваске теста и пахоте, а не о тонкостях, интересовавших «книжников».

¹³² Одна эта фраза показывает, что Толкин как лингвист был сторонником примата поэзии в языке и противником теории «рационального» происхождения языка как специально изобретенной для практического использования системы знаков.

¹³³ В оригинале Barliman Butterbur. Butterbur – англ. название цветка *Petasites vulgaris*, или белокопытника (подбела). Это растение напоминает подсолнух своими толстым стеблем и тяжелым цветком. Листья у него также толстые, мясистые. Первый компонент слова butterbur (butter-) означает «масло». Barliman – что-то вроде «ячменный человек» (ср. Джон Ячменное Зерно): имя содержит намек на то, что корчмарь варит собственное пиво.

¹³⁴ До этой главы Толкин дошел уже осенью 1938 г. К этому времени Бинго меняет имя на Фродо, и друзья встречаются со странным, мрачным хоббитом по имени Ходок (Trotter) (Толкин признавался, что сам не знает, кто это такой!). Одновременно Толкин догадывается, что Кольцо, о котором он сам еще «не все знал», – это «Единое Кольцо, Кольцо Власти», которое ищет Некромант. Это открытие решает судьбу книги и переводит ее в другой разряд – из «чтения для подростков» она превращается в героическую эпопею (ХК, с. 192).

¹³⁵ Бут – англ. staddle, диалектное название фундамента. Для перевода выбрано аналогичное русское слово («бут» означает «фундамент»). Комб – согласно рекомендациям Толкина, название оставлено без перевода. Родственно древнеангл. cumb («лощина, долина») и валлийскому cwm (значение то же самое). Встречается в составе англ. топонимов. Арчет – англ. топоним кельтского происхождения. Название того же ряда, что и Бри. Содержит элемент

чет, что значит «лес», а также элемент *ar*, что в кельтских языках означает «высокий» (*ard*) (см. прим. 20, а также Рук., с. 190).

¹³⁶ Имеются в виду спасшиеся от уничтожения вместе с островом так называемые «верные» нуменорцы (см. Приложение А, I, гл. 1).

¹³⁷ Шиппи (с. 28) подтверждает невольно возникающую здесь у читателя аналогию с известным стихом из «Матушки Гусыни» (сборника детских английских стишков) о корове, которая перепрыгнула через Луну, и пустившихся в пляс тарелках. Это первый из экспериментов Толкина по «восстановлению утраченных старых поэм», которые, по его мнению, могут скрываться за отрывками, порой бессмысленными, старых стишков и песенок, нашедших приют в «Матушке Гусыне» и ставших достоянием детской. Второй эксперимент на тему Луны и «лунного жителя» входит в сборник «Приключения Тома Бомбадила». Но и песня Фродо – «восстановленный» вариант стишка про корову – кажется «засельской», упрощенной версией какого-то древнего мифа, пишет Шиппи; возможно, здесь слышны отголоски мифа о Фазтоне – только «лунного» и в «средьземельском» варианте. Так создается в трилогии эффект глубины времени. Интересно, что в средние века в Англии действительно существовали развернутые версии стишка про «лунного человечка» (того самого, который обжегся холодной картошкой (или пирогом) в «Матушке Гусыне»!), и по крайней мере одна из них сохранилась. «Автор» ее – простой крестьянин – зовет «лунаря» спуститься и выпить вместе с ним пива в деревенской корчме.

Русские версии детских стишков из «Матушки Гусыни» выглядят следующим образом:

*Играет кот на скрипке,
На блюде пляшут рыбки,
Корова взобралась на небеса.
Сбежали чашки, блюда,
А лошади смеются:
– Вот, – говорят, – какие чудеса!*

(Пер. С. Маршака)

*Гей, кошка и скрипка,
Пляши, да не шибко.
Щенок на заборе заржал;
Корова подпрыгнула
Выше луны,
И чайник с тарелкой сбежал.*

(Пер. Г. Кружкова)

*Человечек с луны
Упал с вышины
И спросил, как пройти ему в Норич.
Купил он пирог
И горло обжег, —
Такую почувствовал горечь!*

(Пер С. Маршака)

*Жил человек на луне, жил на луне, жил на луне,
Жил человек на луне,
Его звали Эйкин Драм.
И он играл на ложках,
На ложках-поварешках,
И он играл на ложках,
Его звали Эйкин Драм.*

(Пер. Г. Кружкова)

¹³⁸ В запрете Фродо — обладателю Кольца — пользоваться им прослеживается христианский мотив. Ср. совет апостола Павла: «имеющие... должны быть, как неимеющие... и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся» (1 Кор., 8: 29–31). Владея Кольцом, Фродо не владеет им и остается невредим, только пока не нарушает этого хрупкого равновесия.

¹³⁹ Шиппи (с. 86) предполагает, что в этом стихотворении содержится скрытая ссылка на христианский миф. Слова «воспрянет свет из... мглы» напоминают о сошествии Христа в Ад и воскресении Света, победившего адскую мглу. Как и в других случаях, «эхо» Евангелия здесь не затрагивает основного повествования и не вмешивается в него, а лишь оттеняет, как бы присутствуя на заднем плане. Кроме того, это стихотворение по смыслу «рифмуется» со Спенсером, хотя Толкин всегда выражал свою неприязнь к последнему. В «Королеве фей» у Спенсера Мерлин говорит схожие слова о Британии. Вариант перевода (с сохранением размера подлинника):

*Тускло старинное злато,
Крепок старинный обет,
Тьму, что приходит с закатом,
Утром прогонит рассвет.*

*Пламя из пепла проснется,
Минет година невзгод,
Меч, Что Был Сломан, вернется,
Трон свой Король обретет.*

(Пер. А. Глебовской)

¹⁴⁰ Синд. «королевское дерево».

¹⁴¹ В оригинале Weathertop. На синд. Амон Сул – Гора Ветра. По-английски название означает «Вершина Непогоды», т. е. в оригинале использовано более «сильное» слово, чем просто «пасмурный».

¹⁴² Гэндалф является эмиссаром Валар(ов) – см. прим. 216.

¹⁴³ О Гил-галаде см. прим. 81.

¹⁴⁴ Принцип поэтики этого стихотворения – «эхо» (*анн-теннат* переводится с синд. как «длинное эхо»). В оригинале рифмовка *авас/ вавс*, причем четвертая и восьмая строки дают женские трехсложные рифмы (типа «вьющийся – струящийся»). Эти рифмы разрывают «гладкость» стиха и придают ему эффект архаичности (см. тот же прием в «Песне об Эарендиле», гл. 1 ч. 2 этой книги). Слово, задающее рифму в первой половине каждой строфы, обязательно хотя бы один

раз повторяется во второй ее половине, откуда и эффект «эха». Но в последней строфе это правило внезапно нарушается, что, по предположению Шиппи, символизирует освобождение Лутиэн из пут этого мира (т. е. бесконечная цепочка «эха» не находит на своем пути «стены», и звук вырывается на свободу. Возможно, именно в этом приеме и кроется смысл эльфийского способа стихосложения *анн-теннат*). Кстати говоря, древнеангл. поэзия, на которую Толкин ориентировался, была весьма сложной по форме (см. прим. к «Песне об Эарендиле»).

В Сильм. (с. 194–224) история Берена и Лутиэн изложена полностью. Берен происходит из племени Аданов (*Эдаин*) <<Об Эдаин(ах) (людях) см. прим. 684>>; он – сын героя Барахира, князь Первого Дома Аданов. Жил в 435–509 гг. ПЭ. Прославился в Войнах Белерианда. После разорения сосновых лесов Дортониона, где жил Первый Дом Аданов, Берен вместе с маленькой группкой людей, возглавляемых его отцом Барахиром, долгое время скрывался в лесах, сражаясь с заповившим эту землю злом, но в конце концов остался один (все остальные погибли) и через четыре года ушел из родных мест, так как власть Саурона над ними сделала их поистине страшными. Он пересек горы и оказался в эльфийской стране – Дориате, где повстречал танцевавшую в лунном свете Лутиэн – дочь короля Дориата, Тингола. Берен полюбил ее, и следующей весной она ответила ему взаимностью. Однако отец ее, Тингол, был возмущен дерзостью смертного, пожелавшего взять в жены эльфийскую принцессу, и потребовал у него в качестве свадебного выкупа Сильмарил из Железной Короны Моргота (см. прим. 179). Моргот похитил Сильмарилы (см. там же) из Валинора, и вот уже несколько столетий эльфы вели войны с Морготом, пытаясь отбить камни обратно, но безуспешно. Однако Берен все же отправился, найдя себе попутчиков, за Сильмарилом. Храбрецы были захвачены в плен слугой Моргота – Сауроном. Спутники Берена погибли, однако Лутиэн и верный ей пес Хьюан пришли ему на выручку. Сыновья Феанора (см. о Феаноре прим. 402, а также прим. 179) Куруфин и Кэлегорм, связанные страшной клятвой возвратить Сильмарилы дому Феанора и препятствовать всякому, кто захочет взять Сильмарил себе, пытались помешать им; однако Лутиэн и Берен добрались до Ангбанда, крепости Моргота. Волшебное пение Лутиэн заморозило стражей

Ангбанда и самого Моргота, и Сильмарил удалось вынуть из Железной Короны. Однако пес Моргота, Кархарот, нагнал похитителей и отгрыз у Берена руку с Сильмарилом. Берен и Лутиэн вернулись в Дориат, где Тингол сменил гнев на милость. Но Берен на том не успокоился: он отправился в погоню за Кархаротом, убил его и вызволил Сильмарил, но скончался от ран, а Лутиэн добровольно последовала за ним. Но дух ее, попав в чертоги Мандоса, где пребывали умершие эльфы, волшебной песней склонил к жалости самого Мандоса (чего доселе не случалось), и Лутиэн позволено было вернуться в Средьземелье; ожил, по воле Единого, и Берен. Они прожили еще несколько лет в одиночестве на острове Тол Гален с сыном Диором, который унаследовал Сильмарил после того, как Берен отбил его у гномов Ногрода, убивших Тингола.

¹⁴⁵ Моргот. См. прим. 259.

¹⁴⁶ См. прим. 179.

¹⁴⁷ Король эльфийского государства Дориат, величайшего из эльфийских королевств ПЭ, отец Лутиэн. Дориат был непобедим, пока Тингол не завладел Сильмарилом; желание завладеть Камнем навлекло на Дориат врагов. Тингол был убит, и Дориат перестал существовать.

¹⁴⁸ Моря, которые разделяли Аман (земли Бессмертных) и Средьземелье.

¹⁴⁹ Дочь сына Берена Диора. После смерти Диора ушла в Арверниэнскую гавань, где стала супругой Эарендила и родила ему двух сыновей – Элронда и Элроса Полуэльфов. См. прим. 172. Будучи дочерью двух племен – людей и эльфов, – она сама могла выбрать, к какому из племен принадлежать, и выбрала эльфов. Тот же выбор должны были сделать и ее сыновья.

¹⁵⁰ См. прим. 172

¹⁵¹ Многие исследователи отмечали некоторую непоследовательность этой сцены. Почему Всадники не убили Фродо на месте и не отобрали у него Кольцо, а удовлетворились раной и отступили? На этот вопрос можно дать несколько ответов (остается гадать, какой из них удовлетворил бы самого автора). По-видимому, смысл сцены следует искать скорее в ее символике, и не случайно конфликт разыгрывается в «невидимом мире», после того как Фродо надел Кольцо. Здесь действуют иные законы, нежели в мире

вещественном. По-видимому, речь идет не просто о встрече с врагами, а о противостоянии духовном. Всадникам недостаточно победить Фродо при помощи силы, как не может получить человеческую душу бес, не вынудив ее сдаться тем или иным способом. Надев Кольцо, Фродо отдает себя «в руки» Всадникам; однако у него хватает сил бросить им вызов и призвать на помощь Элберет. Сцена на Пасмурнике как бы иллюстрирует борьбу христианина с бесовским искушением по классической схеме: надев Кольцо, т. е. согрешив под чужим внушением (одно из символических значений Кольца – грех, см. прим. 73), Фродо открывается темным силам, и те получают к нему доступ, но молитва и мгновенный отказ следовать дальнейшим внушениям зла спасают его.

Вообще, вмешательство «светлых сил» в трилогии никогда не показано явно, что является одной из особенностей поэтики Толкина, хотя намеки на это вмешательство рассеяны повсюду. «Чудеса» никогда не навязывают себя «внешними эффектами», но совершаются как бы изнутри реальности, чем Толкин как бы еще раз напоминает о том, что открылось Илии-пророку, – «не в буре Господь», в то время как темные силы проявляют себя в мире куда более явно.

¹⁵² Аллюзия на ст. 1608–1610 «Беовульфа»:

*Клинок, как ледышка,
в руках стал таять —
то было чудо:
железо плавилось,
подобно льдине...*

(Пер. А. Корсуна)

Несоответствие здесь лишь в том, что меч Беовульфа тает от яда, заключенного в крови врагов («...истлила лезвие, сожгла железо [кровь ядовитая] врагов человеческих»), а здесь причина остается в области догадок. Возможно, с помощью скрытой цитаты из «Беовульфа» Толкин подчеркивает принадлежность клинка другому, «ночному» миру. Так или иначе, меч Беовульфа тоже принадлежит не

ему – он найден им в подводной пещере Гренделя и его матери, т. е. тоже в «ином» мире.

¹⁵³ Синд. «исцеляющая трава». Родственно древнеангл. *ædele* – «благородный, высокородственный» (В.Э., с. 73).

¹⁵⁴ *Ettendales*. В Рук., с. 197, Толкин говорит, что слово это содержит старый корень *eten* (*этен*), означающий «тролль, огр». Исландцам Толкин предлагает переводить этот корень как *jötunn* (*ётун*) – словом из «Эдды» (в русском переводе «Эдды» также использовано слово «ётун»). Поскольку русский язык располагает точно соответствующим словом «огр», это слово и было здесь использовано.

¹⁵⁵ См. Приложение А, I, гл. 3.

¹⁵⁶ Синд. «Наконец-то, Дунадан! Счастливая встреча!»

¹⁵⁷ Синд. «золотоволосый +?». Один из наиболее высокородных Высших эльфов. О нем известно, что в битве против Ангмара (1975 г. ТЭ, Приложение А, I, гл. 3) Глорфиндэл возглавлял войска эльфов.

В П (с. 279) Толкин замечает, что у лошади Глорфиндэла на голове был плюмаж (письмо к Р. Бир от 14 октября 1958 г.).

КД (с. 105) указывает, что Толкин обмолвился однажды, будто Глорфиндэл был перевоплощением эльфа Глорфиндэла, погибшего в ПЭ в схватке с Балрогом (см. прим. 257) после гибели эльфийского королевства Гондолин. У Толкина эльфы (в отличие от людей) имели способность перевоплощаться. В письме к П. Хастингсу (П, с. 189–190, сентябрь 1954 г.) Толкин писал: «Люди по самой сути своей смертны и не должны стремиться к «бессмертию» во плоти (поскольку «смертность» представлена у меня как особый дар Бога Второй Расе Детей Его... а вовсе не в качестве наказания за Грехопадение. Называйте это плохой теологией – Ваше право. Может, в Первичном мире все совсем не так, но воображение на то и воображение, чтобы по-новому освещать истину; кроме того, воображение – вполне законное основание для создания легенд). Но я не вижу, на каких основаниях богослов или философ (если только они не обладают более обширными знаниями об отношениях тела и духа – а мне кажется, это не дано никому) стал бы отрицать возможность перевоплощения как способа существования разумных воплощенных существ». Но если Глорфиндэл прошел перевоплощение, он был единственным из эльфов, кто после этого жил в Средьземелье: остальные получали

новую жизнь в Валиноре (кроме Лутиэн). Маловероятно и то, что это был другой Глорфиндэл: золотые волосы указывают на его принадлежность к дому Финарфина, а эльфам одного Дома одинаковых имен не давали.

¹⁵⁸ Опасность заключалась не в ранах и даже не в смерти: никто не мог предсказать, выдержит ли воля Фродо – или же он уступит Всадникам на Пасмурнике. Испытание заключалось именно в том, скажет ли Фродо «нет» темной силе, когда его воля и чувства находятся под ее давлением. За строками, как всегда у Толкина, по-видимому, кроется больше, чем сказано.

¹⁵⁹ В этой сцене особенно ярко проявляется основная черта противостояния Фродо и Черных Всадников. Борьба происходит не на «физическом» плане – иначе Всадники без труда расправились бы с отрядом, чтобы потом им легче было заполучить оставшегося без помощников Фродо. Однако ни у Брода, ни у Пасмурника никто из спутников Фродо не взаимодействует с врагами. Погоня Всадников за Хранителем тонко символизирует события духовного пути Фродо, и Всадники, как бы ни были они сильны физически, могут победить Фродо только в том случае, если он уступит им сам. Толкин не переходит грань, отделяющую «историю (рассказ)» (story) от «аллегии», но близок к ней: в бегстве Фродо легко читаются этапы борьбы человека с «обстоянием» (богословский термин, означающий атаку демонических сил).

¹⁶⁰ Одно из редких мест, по которым можно догадаться об истинной сущности эльфов. На духовном плане Высший эльф, Глорфиндэл, остается видимым и может вступить в противостояние с темными силами «на их территории». В отличие от людей, эльфы наполовину принадлежат духовному миру, и, по всей видимости, разница между ними и людьми гораздо больше, чем представляется из поверхностного чтения трилогии. Здесь явно обнажается один из любимых приемов Толкина: «над водой» видна лишь малая часть айсберга, большая его часть – в глубине. Так и внимательный читатель из разбросанных по тексту намеков догадается о большем, нежели читатель, не готовый к самостоятельному додумыванию и размышлению.

¹⁶¹ Элронд (синд. «звездный купол»). Сын Эарендила и Элвинг, брат Элроса (см. Приложение А, I, гл. 1). Родился в Арверниэне. В

конце ПЭ Валар(ы) позволили Элронду самому выбрать расу, так как он был сыном человека и эльфийской женщины. Элронд избрал судьбу эльфов и был причислен к Элдарам (см. прим. 163). До 1695 г. ВЭ жил в Линдоне с Гил-галадом, затем защищал Эрегион (см. прим. 75) от Саурана. После опустошения Эрегиона и последующего поражения Саурана в этой войне (1700) основал Имладрис (Ривенделл). Во время войны Последнего Союза был (3430–3441 гг. ВЭ) герольдом Гил-галада и видел его гибель. В 100 г. ТЭ взял в супруги Кэлебриан, дочь Галадриэли и Кэлеборна. От этого брака родилось трое детей – Элладан, Элрохир и Арвен. С жизнью Элронда тесно связана одна из основных тем Толкина – тема смерти и бессмертия.

¹⁶² Текст заслуживает богословского комментария, который, как и в предыдущих случаях, нам удобнее всего позаимствовать у П. Флоренского, подробно исследовавшего проблемы зла и греха. Вот что пишет Флоренский в СиУ (глава «Грех») о людях, без остатка поглощенных грехом (что относится и к Черным Всадникам): «...Злой характер... безусловно не существует для Бога и праведных... Таковой – чистая мнимость, сущая только для себя, и символом его может служить кусающая свой хвост змея (ср. связь Всадников с Кольцом и прим. 196, где рассматривается символика Кольца с привлечением этого образа в связи с толкованием Флоренским проблемы греха. – М.К. и В.К.). Е. П. Блаватская называла спиритических «духов» выразительным названием «скорлуп»... Слово «скорлупа» весьма подходит для обозначения «для себя». Это, именно, – пустая «кожа» личности, но без тела, – личина... не имеющая субстанциальности. Однако, само собою, я беру предельный случай полной осатанелости» (СиУ, с. 219). Можно было бы подумать, что Кольцепризраки задуманы как прямая иллюстрация к словам Флоренского, – однако излишне напоминать, что Толкин и Флоренский никаким образом не могли влиять друг на друга.

¹⁶³ Название «Элдары» – собирательное для трех эльфийских племен, Ваниар(ов), Нолдор(ов) и Телери, которые были призваны Валар(ами) из Средьземелья в Аман (см. прим. 182, а также прим. к «Хоббиту», гл. 7 ...*в Эльфийской Стране*) в начале ПЭ. Часть эльфов-Телери осталась на берегах Средьземелья, в Белерианде; позже эти эльфы стали называться Синдар(ами). Большинство Нолдор(ов) под предводительством Феанора (см. прим. 179) вернулось в Средьземелье

за творениями Феанора – Сильмарилами, камнями, заключавшими в себе свет Амана, похищенными мятежным Вала(ром) – Морготом (он же Мелкор) (о Морготе см. прим. 259). Из элдарийских эльфийских королевств ПЭ можно назвать Нарготронд (см. прим. 253), Дориат и др. В конце ПЭ большинство Элдаров отплыло обратно в Аман. В ВЭ Элдараы жили в Линдоне и Эрегионе, а некоторые (Галадриэль, Трандуил) возглавили королевства Лесных эльфов, не принадлежавших к Трем Племенам Элдаров. В ТЭ Элдаров осталось в Средьземелье мало, и большинство покинуло его к началу ЧЭ. В основном Элдараы были темноволосы и сероглазы. Те из них, кто побывал в Амане (а многие там и родились), обладали особой властью над видимым и невидимым миром, как и ангелы низших иерархий (Майяр(ы)). Во всех Элдараах жила непреодолимая тяга к морю, за которым лежали земли Амана и благословенный Валинор; тяга эта была сокровенным ответом их сердец на давний призыв Вала(ра) Оромэ, который некогда обратился к ним, приглашая покинуть родину эльфов – Средьземелье и жить в Амане вместе с Валар(ами). Тяга эта могла до времени таиться, но, раз пробужденная, не угасала уже никогда. Элдараы говорили на языке Квэния (см. Приложение Е, I), за исключением Синдар(ов): в их устах квенийский претерпел различные изменения и стал новым языком, который носил название *Синдарин* или синдаринский. Другие названия Элдаров: Высшие эльфы, Три Племена, Элдалиэ, Народ Великого Пути. Ср. также прим. 99.

¹⁶⁴ В Средьземелье – особенно у тех, кто наделен большей мудростью, – сильна была традиция, известная многим древним и современным религиям и заключающаяся в вере в то, что говорить о чем-либо, называть что-либо или кого-либо по имени – значит устанавливать мистическую связь с вещью или существом, «вызывать» ее (его), открывать ей (ему) себя. Это относится и к силам светлым (напр., запрет Ветхого Завета – упоминать имя Божие всуе); ср. умалчивание Гэндальфа, Элронда и других о Валар(ах), Едином (Боге) и других высших силах Средьземелья. В иудео-христианской традиции по-настоящему праведный или святой человек никогда не станет упоминать имя Бога отдельно от молитвы к Нему.

Темным же силам упоминание о них придает власти и энергии. Часто цитируемый в этом комментарии Флоренский пишет: «...слово, как посредник между миром внутренним и миром внешним, то есть,

будучи амфибией, живущей и там, и тут, устанавливает, очевидно, нити своего рода между тем и другим миром, и нити эти, какими бы ни были они мало приметными взору позитивиста, суть, однако, то, ради чего существует самое слово, или, по крайней мере, суть первооснова всех дальнейших функций слова. Эта первооснова, очевидно, имеет направленность двустороннюю, во-первых, от говорящего – наружу, как деятельность, вторгающаяся из говорящего во внешний мир, а во-вторых, от внешнего мира к говорящему, внутрь его, как восприятие, получаемое говорящим. Иначе говоря, словом преобразуется жизнь» (Мысль и язык. – Собр. соч.: В 3 т. М., 1990, т. 2, с. 252).

Так за мимолетным замечанием Гэндальфа скрывается ключ к пониманию взглядов самого Толкина на природу слова, коренящихся в христианском подходе к проблемам лингвистики.

¹⁶⁵ Арвен – синд. «царственная дева». Второе имя Арвен – Ундомиэль, что на кв. означает «дева вечера». Арвен родилась в ТЭ, когда эльфы уже предчувствовали скорое возвращение в Аман и вечную разлуку со Средьземельем. Поэтому самой прекрасной из эльфийских дочерей эпохи заката они дали имя Вечерней Звезды.

¹⁶⁶ Элладан – синд. «звезда + человек». Элрохир – синд. «звезда + всадник».

¹⁶⁷ См. Приложение А, I, гл. 3.

¹⁶⁸ Один из спутников Бильбо Бэггинса в «Хоббите». См. прим. к «Хоббиту», гл. 1.

¹⁶⁹ См. «Хоббит», гл. 17.

¹⁷⁰ Дунаданы (правильно – *Дун-Эдаин*: синд. слово «человек» звучит в ед. ч. как *адан*, а во мн. как *эдаин*) – в переводе с синд. «люди запада». Этим именем назывались потомки тех людей, которые некогда отплыли из Средьземелья на остров Нуменор (см. Приложение А, I, гл. 1, а также Сильм., книга «Аккалабет») и основали там королевство. См. также данный комментарий, прим. 199.

¹⁷¹ Одна из линий, связывающая эльфов Толкина и эльфов из старинных английских сказок. В народных сказках часто повторяется мотив особой волшебной реальности, в которой живут эльфы и которая видна только им. Иногда человек может заглянуть в эту реальность, если эльфы ему помогут или если он воспользуется каким-нибудь волшебным средством, например эльфийской мазью. При этом

все вокруг чудесно преображается, невидимое становится видимым и т. д.

Как пишет Шиппи (с. 39): «[Эльфы], говорит Толкин, могут быть:

1) «созданиями человеческого воображения», как думают о них почти все, 2) реальными существами, которые «существуют независимо от наших сказок о них» (Шиппи цитирует эссе Толкина «О волшебных сказках». – М.К. и В.К.). Но 3) суть их деятельности, даже если они не более чем «создания человеческого воображения», в том, что они еще и творцы, фокусники высшего ранга, способные зачаровать своей красотой, заманить человека в «эльфийские полые холмы», откуда он появляется столетия спустя, сбитый с толку, не заметивший времени. Эльфы формируют образ «эльфийского искусства», самое фантазии; истории об эльфах – это составленные людьми фантастические истории о независимых фокусниках и выдумщиках». См. также прим. 430.

¹⁷² Кв. «любящий море». Человек из Третьего Дома Аданов (Эдаин) (см. прим. к Приложению А, I, гл. 1). Сын Туора и Идрил. Рожден в Гондолине – одном из эльфийских королевств ПЭ. Туор принадлежал к числу величайших героев из племени Аданов (Эдаин) – людей. Идрил была дочерью эльфийского короля Тургона, правившего Гондолином. Свадьба Туора и Идрил состоялась в 503 г. ПЭ. Это был второй в истории случай бракосочетания эльфийской девы и человека. Когда Эарендил вырос, Туор и Идрил, снарядив корабль, отправились к берегам Амана, на Запад, но достигли они земли или нет – в точности не известно. Эарендил еще ребенком был перевезен из Гондолина в Арверниэн и со временем стал его князем. Он взял в супруги эльфийскую деву – Элвинг, происходившую по прямой линии от Берена и Лутиэн (см. прим. 144), – она была дочерью их сына Диора. На своем корабле по имени Вингилот Эарендил совершил много плаваний в поисках родителей и в надежде достичь западных берегов: он хотел испросить милости Валар(ов) к народам Белерианда, готовым пасть под натиском армий Мелкора (Моргота). Однако все было напрасно. Однажды, пока Эарендил был в плавании, на гавань в Арверниэне напали сыновья Феанора (см. ниже прим. 179), пытавшиеся захватить находившийся у Элвинг Сильмарил. Элвинг бросилась в море с Сильмарилом на груди, но Вала(р) Ульмо обратил ее в чайку. Уцелели и сыновья Эарендила и Элвинг, маленькие Элронд и

Элрос, – захватчики не убили их, но оставили умирать в пещере под водопадом, где их вскоре нашли живыми и здоровыми. Элвинг же достигла корабля Эарендила и опустилась на палубу. С Сильмарилом на борту им удалось пройти через завесу тени и достичь берегов Амана, где Эарендил воззвал к Валар(ам), умоляя их о милосердии. Валар(ы) вняли его просьбам, однако вернуться в Средьземелье Эарендил уже не смог – сын смертного, он ступил на земли бессмертных, а таким обратный путь был заказан. По воле Валар(ов) он взошел на корабль с Сильмарилом на мачте и вознесся в небо, став утренней звездой, которая подает надежду отчаявшимся. Миф об Эарендиле для Толкина – «зерно», из которого выросли все остальные легенды. ХК (с. 72) пишет, что впервые имя это – взятое из древнеанглийской поэзии – попало Толкину на глаза еще в 1913 г., когда он был студентом Оксфордского университета. Вот эти строки из поэмы Кюневульфа «Христос»:

*Eala earendel engla beorthast
ofer middangeard monnum sende!
(«Радуйся, Эарендел, ярчайший из ангелов,
светить над Средьземельем к людям посланный!»)*

В словаре древнеангл. языка слово earendel означает «сияющий свет, луч», но в этом тексте оно имеет немного другое значение. Толкин, по ХК, интерпретировал его как образ Иоанна Крестителя – предтечи Христа (ср. православный канон св. Иоанну Предтече: «Недоуменным просветився просвещением, яко многосветлая звезда, мысленному Востоку предтекл еси» («Просветившись светом, которого нельзя понять умом, ты предварил духовный Восход, как яркая звезда»)). В то же время Эаренделом у англосаксов называлась Венера – утренняя звезда, появляющаяся на небе перед восходом. Кроме того, «утренняя звезда» – образ из Апокалипсиса («Кто побеждает и соблюдает дела Мои до конца, тому дам власть над язычниками... и дам ему звезду утреннюю» (2: 26–28)). Толкин вспоминал, что строки об Эаренделе «странно тронули» его. «Я почувствовал волнение, – словно во мне шевельнулось какое-то странное чувство, дотоле дремавшее. За этими словами стояло что-то

очень далекое, странное и прекрасное, – что-то куда более древнее, чем древний английский, на котором эти строки были написаны» (ХК, с. 72). Строки поэмы «Христос» вложены автором в уста дохристианских пророков и патриархов, томящихся в области ада (согласно христианскому учению, в аду до пришествия Христа пребывали все люди без различия, праведные и неправедные). Пророки и праведники призывают к Ангелу-Посланнику, Эаренделу, чтобы тот освободил их из «тени смертной». Шиппи (с. 183) пишет, что, по-видимому, Толкин тщательно исследовал происхождение имени Эарендел и должен был знать, что похожее имя – Аурвандил – в «Младшей Эдде» носит спутник бога Трора. Палец Аурвандила стал звездой. Существует также средневековая немецкая поэма «Орендел», в которой рассказывается о сыне короля Оренделе; Орендел терпит кораблекрушение у берегов Святой Земли и, обратившись там в христианство, делается у себя на родине проповедником истинной веры. Итак, в слове «Эарендел» заключено два основных смысла – это источник света и источник надежды на христианское спасение. Но не только Иоанн Предтеча кроется за Эаренделом. Оказывается, слово «Эарендел» в поэме Кюневульфа использовано как перевод словосочетания «восходящий свет», причем латинский стих полностью читается так: «О Восходящий Свет, слово вечного света и солнце правосудия, приди и воссияй сидящим во тьме и тени смертной» (последние слова – цитата из псалма 106, 10–14, который по-старославянски звучит так: «...Седящыя во тьме и сени смертней, окованныя нищетою и железом, яко преогорчиша словеса Божия и совет Вышняго раздражиша. И смирися в трудах сердце их, и изнемогоша, и не бе помогаяй. И воззваша ко Господу, внегда скорбети им, и от нужд их спасе я, и изведе я из тьмы и сени смертныя, и узы их растерза». Русский синодальный перевод: «Они сидели во тьме и тени смертной, окованные скорбью и железом: ибо не покорялись словам Божиим, и небрегли о воле Всевышнего. Он смирил сердце их работами: они преткнулись, и не было помогающего. Но воззвали к Господу в скорби своей, и Он спас их от бедствий их: вывел их из тьмы и тени смертной и расторгнул узы их»). Этот текст традиционно считается пророчеством об избавлении скованного первородным грехом человечества от уз Ада сошествием в Ад Самого Христа. Итак, латинский стих обращен к Христу, и слово «Эарендел» обретает при

сопоставлении с этим стихом еще одно измерение. В Сильм. образ Эарендила совмещает в себе все эти измерения. Миссия Эарендила – предстояние перед Высшими силами за народы Средьземелья, возможно, ценой собственной гибели; те, за кого он предстоит, виновны примерно в том же, в чем и грешники из псалма: они «не покорялись словам Божиим, и небрегли о воле Всевышнего». Здесь нельзя не вспомнить о миссии Христа, предстоявшего пред Отцом за падшее человечество и спасшего людей ценой крестной смерти. С другой стороны, Эарендил – не Христос: он лишь возвещает «сидящим во тьме» некую «высокую надежду», что можно прочесть как обещание Валар(ов) ниспровергнуть Моргота, но можно прочесть и расширительно – как пророчество о пришествии Искупителя и Избавителя. Звезда, возвещающая приход зари, была избрана древними символом пророка, возвещающего о приходе Искупителя. Христос и древнее язычество – эта проблема была особенно близка Толкину, который всю жизнь размышлял над судьбой «праведного язычника»: спасется он или погибнет в конце истории? – и о том, содержится ли в дохристианских языческих мифах доля истины. Проблема эта мучает христианскую совесть уже не первое тысячелетие. Хорошо известно презрительное замечание, брошенное в 797 г. Алкуином, диаконом Йоркским: «Что общего у Ингельда со Христом?» (Ингельд – один из второстепенных персонажей в «Беовульфе» и реальная историческая фигура) «Вечный Король правит небесами, а погибшие язычники рыдают в аду», – добавляет Алкуин. Однако Толкин встает на сторону противников Алкуина. Шиппи (с. 150) пишет, что идея спасения праведных язычников близка англичанам как никому. Переход от язычества к христианству в Англии совершился мирно, чуть ли не «полюбовно», и старые языческие храмы, как правило, не уничтожались, а естественно становились христианскими. Из уроженцев Британии, отстаивавших возможность спасения для праведных язычников, известны Утред Болдонский, идеи которого использовал в последней книге своего нарнийского цикла друг Толкина К. С. Льюис, а также оппонент строгого к язычникам св. Августина Пелагий и др. Посмертная судьба людей, живших до Христа, «падших и еще не спасенных, лишенных благодати, но не величия» (ЧиК, с. 18), глубоко беспокоила Толкина: он говорит в одной из своих лекций, которую мы только что процитировали, что жалость к

этим людям, заставляющая более счастливых потомков хранить память о них, имеет «непреходящую ценность» (там же). В своих книгах Толкин предпринимает смелый и необычный эксперимент: он моделирует, если можно так выразиться, мир «праведных язычников» (если понимать под словом «язычники» просто людей, живших в дохристианскую эпоху), мир, вобравший в себя все лучшее, что было в язычестве, и отвергший его темные стороны, которых, по убеждению Толкина, в нем было предостаточно. Шиппи (с. 149) пишет, что Толкин никогда не питал особой любви к настоящим языческим мифам, да и к людям, которые чрезмерно ими увлекаются. «Я не из тех, – писал он, – кто готов везде и всюду видеть одноглазых и рыжебородых богов и божков». Не верил он ни в «старые религии», ни в «демонические культы», входившие в моду в его время. Толкин прекрасно знал, что представляло из себя подлинное древнебританское язычество, – взять хотя бы человеческие жертвоприношения: кельтские жрецы, друиды, топили осужденных в болотах. Об этом писал еще Тацит. Во времена Толкина в Британском музее уже можно было видеть так называемого «Толлундского человека» – жертву ритуального убийства, случайно сохранившуюся в болотной глине. В «чистом виде» толкиновского мира «праведных язычников», исповедующих единобожие и брезгующих языческими обрядами, на земле не существовало никогда – хотя в Библии есть загадочное упоминание о некоем языческом царе Мелхиседеке, который благословил Авраама: о Мелхиседеке говорится, что тот был «священником Бога Всевышнего». Весь мир Толкина – царство царя Мелхиседека, окруженное «настоящими» языческими государствами и ведущее против них борьбу. Этот мир открыт проникающим в него из будущего лучам Благой Вести – Евангелия, хотя сами его обитатели находятся в полном неведении относительно будущего, и все, что у них есть, – это надежда. В этом мире, которого в чистом виде никогда не существовало, вопрос о спасении «праведных язычников» обретает новое звучание. Толкин ощущал глубинное родство ВК и Сильм. с древнеангл. поэмой «Беовульф». Она также написана христианином, повествует о язычниках – и в то же время о язычниках, которых никогда не существовало, так как их мир лишен каких бы то ни было характерных для язычества черт (главная из которых – служение богам, или идолам, не говоря уже об инцесте, рабстве, полигамии и прочем) и строго

монотеистичен, причем на основе Ветхого Завета. Наравне с людьми в «Беовульфе» фигурируют традиционные персонажи языческого эпоса, драконы и чудовища, однако их существованию подыскано библейское объяснение...

Итак, Эарендил возвещает «праведным язычникам» надежду, пророчествует о чудесной милости Небес к падшему человечеству. Отдавая образу Эарендила чуть ли не центральное место в своей мифологии, Толкин, возможно, думал и о современном ему мире, который на его глазах из христианского превращался в языческий и нуждался в новой проповеди христианства – новой, непохожей на прежнюю, хотя и существующей наряду с прежней. Нужно было начинать все сначала и по-новому – а прежде всего заставить тех, кто «сидит во тьме и тени смертной», погруженных в безрадостный труд, поднять глаза и увидеть свет надежды... Так образ Эарендила обретает еще одно измерение – это свет христианского творчества, являющего людям не рациональные схемы и догмы, а живой свет и свободу, исходящие от Бога.

«Песня об Эарендиле» написана далеко не традиционным для английской поэзии стихом. Шиппи (с. 146) характеризует ее стиль как «богатую неопределенность» и сравнивает «Эарендила» со стихами Китса. В переводе предпринята попытка сохранить особенности оригинала – приблизительные рифмы, обилие рифм внутренних (часто более точных, чем рифмы в конце строк), трехсложный размер с одними женскими рифмами и т. д. История Эарендила в самом стихотворении рассказана намеками и для несведущего читателя представляет ряд загадок. Возможно, это характерно для эльфийских баллад – ведь Бильбо признается, что сложил эти стихи на эльфийский манер. В книге стихов Толкина «Приключения Тома Бомбадила» (см. прим. 120) есть шуточный аналог «Песни об Эарендиле». Это стихотворение написано тем же размером, в той же манере, и в нем также говорится о некоем мореходе, который отправился в плавание по волшебным землям; он тоже посланник, «глашатай» – но после всех странствий посланник забывает о возложенной на него миссии и вынужден вернуться домой, чтобы начать все сначала.

*Один веселый мореход,
глашатай, путешественник,*

*себе гондолу стройную
построил морем шествовать.
Он апельсинов в трюм набил
на благо предприятия,
набрал с собой овсянки он,
чтоб всякий день вкушать ее...*

.....

*И вот добрался до дому,
с Медовым Сотом прибыл он,
забыл он только начисто,
зачем из дому отбыл он?
И вновь из прежней гавани
он в плаванье пускается,
и новая история
из старой начинается...*

<<Здесь и далее стихи из этой книги приводятся в пер. С. Степанова.>>

Другое стихотворение из «Приключений», связанное с темой Эарендила, более серьезно. Оно называется «Колокол моря» и повествует о мореплавателе, который приплыл в неведомую волшебную страну, – но берега ее пусты, никто не выходит ему навстречу.

*...Но песни смолкали, шаги затихали,
лишь я приближался – и так всякий раз:
ни здравственной речи, ни дружеской встречи —
звучал только музыки ласковой глас.*

Потом он оказывается заперт в мрачной пещере – и в конце концов попадает обратно домой, но ему нет уже радости и утешения.

*В обрывках одежды без всякой надежды
по улицам темным я тихо бреду —
о море горя, с собой говорю я,*

а встречные только молчат на ходу.

Здесь можно прочесть отдаленное эхо истории об Эарендиле – ибо, когда Эарендил ступил на землю Амана, никто не встретил его и улицы Тириона были пусты, так как эльфы ушли на праздник за ущелье Калакирию – к Валар(ам). Но Эарендил воспринял это как знак осуждения и грозящего ему неминуемого наказания.

¹⁷³ Страна к западу от устья реки Сирион, протекавшей через Белерианд, на побережье. Через гавани в Арверниэне спасались эльфы после разрушения эльфийских королевств Белерианда – Дориата, Гондолина, Фаласа. Арверниэн находился под защитой Вала(ра) Улмо (о Валар(ах) см. прим. 99) и флота Кирдана Корабела.

¹⁷⁴ В скандинавской традиции руны имеют магическую функцию – ср. «Старшая Эдда», песнь «Речи Сигрдривы» (пер. А. Корсуна), ст. 5–6 и далее:

*...В ней песни волибы
и руны целящие,
заклятья благие
и радости руны.*

*Руны победы,
коль ты к ней стремишься, —
вырежи их
на меча рукояти
и дважды пометь
именем Тюра!..*

У Толкина нигде подробно не говорится о магической силе эльфийских рун, но намеки на нее и свидетельства ее существования рассыпаны по всему тексту.

¹⁷⁵ Старинное название изумруда. Имеется в виду эльфийское сокровище, волшебный изумруд, перешедший к Эарендилу от его матери Идрил. Подробнее см. прим. 292.

¹⁷⁶ Средьземелье (в отличие от Бессмертных стран – Амана и острова Тол Эрессея, где обитали бессмертные Валар(ы) и эльфы и куда доступ людям и другим смертным был закрыт).

¹⁷⁷ Имеется в виду тьма, покрывавшая Сумеречные Моря – часть океана Белегаэр, отделявшего Средьземелье от Амана, пока мир не изменился. Сумеречные Моря омывали берега Амана, простираясь далеко на север и юг от него. Первоначально название это было им дано просто потому, что туда не достигал Свет Деревьев Валинора и там царила тьма. Но после гибели Двух Деревьев, когда на небе появились Солнце и Луна, Валар(ы) навели на Сумеречные Моря чары: день, ночь ли, там всегда стоял тяжелый мрак и застили взор заколдованные туманы. Кроме того, через Сумеречные Моря протянулась цепь Зачарованных Островов. Мало кто из мореплавателей мог пройти мимо них невредимым: если корабль прибывало к одному из островов и мореход ступал на землю, он немедленно погружался в сон, который должен был продлиться до конца времен. Кроме того, как говорится в Сильм. (с. 120–121), сердце человека, проникшего в Сумеречные Моря, омрачалось, им завладевала печаль и отвращение к морю. Так защитили Валар(ы) земли бессмертных от посягательств извне после предательства Мелкора. Только один смертный достиг берегов Валинора – Эарендил, хотя пытались многие.

¹⁷⁸ См. выше.

¹⁷⁹ *Сильмарил* (мн. ч. *Сильмарилли*). Кв. «драгоценный камень из силимы». *Силима* на кв. означает «сияющее вещество, созданное руками мастера, излучение чистого света». И вещество, и камни созданы были эльфом Феанором в Валиноре. Феанору удалось заключить в Сильмарилы частицу света Двух Деревьев, дававших свет Валинору, когда не было еще ни Солнца, ни Луны. Сильмарилы были величайшим из творений Детей Илуватара (Единого), и создать подобные им еще раз было уже невозможно. Мятежный Вала(р) – Мелкор – возжелал завладеть Сильмарилами. Когда, в союзе с ужасной Унголиант, Мелкор убил Деревья Валинора, свет их в прежней чистоте остался только в Сильмарилах. С его помощью можно было бы еще возродить Деревья, но Феанор отказался передать Сильмарилы Валар(ам), не зная, что Мелкор уже похитил камни. Узнав о краже, Феанор поклялся во что бы то ни стало вернуть Сильмарилы и

отомстить любому, кто посягнет на них. Клялся он именем Илуватара, и клятва легла на его род тяжелым роковым бременем, которое в сочетании с так называемым Проклятием Мандоса, которым наказан был Феанор и его род за пролитие эльфийской крови, можно было бы уподобить первородному греху у людей: Толкин как бы моделирует в Сильм. грехопадение, совершенное не людьми, а другой расой, и совсем по другой схеме.

Мелкор (Моргот) вставил Сильмарилы в свою Железную Корону и утвердился в Средьземелье. Сыновья Феанора (сам он погиб) тщетно воевали с Морготом на протяжении столетий. Клятва вынудила их совершить множество злодейств и беззаконий. Один из Сильмариллов удалось захватить Берену (см. прим. 144). От Берена Камень перешел к королю Дориата, отцу Лутиэн Тинголу, и породил бесчисленные раздоры, в итоге которых Тингол погиб, а Дориат был разрушен. Через сына Берена Диора Сильмарил перешел к дочери Диора – Элвинг. Остальные два Сильмарила были взяты из Железной Короны, когда Мелкор был ниспровергнут. Сыновья Феанора завладели ими и причинили себе тем невыносимые мучения, ибо Валар(ы) наложили на Сильмарилы заклятие: всякий, кто прикоснется к ним нечистыми руками, испытывал отныне боль, как от ожога. Один из сыновей Феанора, не выдержав пытки, кинулся вместе с Сильмарилом в огненную пропасть, другой бросил свой Камень в пучину моря. Так исчезли оставшиеся два Камня (всего их было три). Однако в эльфийском пророчестве сказано, что в конце времен мир будет разрушен и пересотворен, и тогда исчезнувшие Сильмарилы вновь выйдут на поверхность земли, а с ними и тот Свет, который заключен в них и который старше Солнца, а произойдет это после великой последней битвы Добра и Зла (Сильм., гл. 6–24).

Сильмарилы у Толкина – одна из основных мифологем. Уже во времена Первой мировой войны, находясь на действительной службе в армии, Толкин начал записывать легенды, с ними связанные. Сильмарилы символизируют одну из основных проблем творчества – проблему взаимоотношений творца и творения, коллизию, которая возникает, когда собственный труд становится для творца дороже любви к Богу. Отчасти речь идет и о самих книгах Толкина – как говорят эльфы-Телери о своих кораблях, сожженных Феанором: «Это труд сердец наших, и подобных мы не сотворим уже никогда». Толкин видел смысл творчества в соучастии человека в Большом Творении, автор которого – Бог. Человек создан по образу и подобию Божию, а следовательно, является «малым творцом», и способность к творчеству у него врожденная. Толкин (П, с. 240) писал: «Человек – не просто семя, развивающееся по заданному образцу, удачно или неудачно, в зависимости от обстоятельств... Человек – одновременно и семя, и до некоторой степени садовник, хороший, плохой ли». Толкин считал, что

«малому творцу» (sub-creator) даны изрядные полномочия. «Существуют ли в работе писателя какие-либо пределы, кроме тех, что задает ему собственная человеческая ограниченность? – спрашивает Толкин в письме к П. Хастингсу (сентябрь 1954 г., П, с. 194) и отвечает: – Думаю, кроме закона внутренней непротиворечивости – никаких, хотя, конечно, ему должно быть присуще смирение и сознание постоянной опасности, которая его подстерегает... Если бы мои слова не показались, в устах столь мало знающего человека, несколько претенциозными, я бы сказал, что единственная цель творчества – это выявлять истину и поддерживать в этом мире добрые нравы, используя средство весьма древнее, а именно – представлять простые вещи в виде чего-то необычного, что зачастую как раз помогает вернуть им их истинный облик. Я, конечно, могу ошибаться, во всем или хотя бы кое в чем; мои истины могут не совпадать с Истиной, могут искажать ее, а зеркало, сделанное моими руками, может оказаться тусклым или растрескавшимся...»

Опасность для «малого творца» (sub-creator) лежит в искажении истины, в злоупотреблении даром, а также в чрезмерной привязанности к своему творению. «Падение может произойти по-разному, – пишет Толкин в письме к Мильтону Уолдману, конец 1951 г. (П, с. 145). – Можно проникнуться жаждой собственности, привязаться к вещам, сделанным руками человека; тогда «малый творец» начинает мечтать о том, чтобы стать Богом своего маленького, частного, им самим сотворенного мира, и восстает против законов Творца. Но целью «малого творения» никак не может быть господство над Большим Творением и тираническое его переустройство».

Творец не должен забывать о месте своем и своего детища в иерархии мироздания. Только Бог может решить, какой будет судьба «малого творения», украсит ли оно собой Большое, обретет ли достойное место в гармонии мироздания или будет отвергнуто. «Малым творцом» *par excellence* является и Феанор. Но он противопоставляет себя и свое творение остальному миру, и его любовь к Сильмарилам становится источником зла, хотя само творение остается благим и позже Илуватар включает его в свое, Большое, дав взойти на небеса Утренней Звезде Эарендила, в которой заключен Сильмарил. Верховный Вала(р) Манвэ признает: «Благодаря ему (Феанору. – М.К. и В.К.) в Эа (во Вселенную. – М.К. и В.К.)

пришла красота, подобной коей дотоле не создавал никто». Таким образом, трагедия Сильмарилов имеет глубоко символический подтекст и представляет собой один из аспектов трагедии творчества, которое отказывается признать Божественный порядок мироздания. Шиппи пишет (с. 180), что автор древнеанглийской поэмы «Перл», которую Толкин перевел на современный английский, назовет сам себя «ювелиром»; «ювелиром» изобразил Толкин и поэта-творца Феанора. Шиппи предполагает также, что чрезмерную, с нарушением божественно установленной иерархии ценностей, любовь человека к собственным творениям можно рассматривать как один из основных грехов современной цивилизации. Тем более этот грех заслуживал самого пристального рассмотрения, что и предпринимает Толкин с помощью образов Феанора, Валар(а) Аулэ (создателя гномов), Сарумана. Однако грех этот появился не вчера, и Шиппи напоминает, что в древнеанглийской традиции родоначальником этого греха считается Каин, отец металлургов и ремесленников.

Как на аналог Сильмарилов в северных мифологиях Шиппи указывает на загадочный предмет под названием «сампо» из финского эпоса «Калевала» (связь мифологии Толкина с финской прослеживается во многих мотивах, чего не скрывал и сам Толкин). Известно об этом таинственном предмете только то, что он был выкован кузнецом Илмариненом как выкуп за невесту, но потом Илмаринен захотел взять его обратно, что привело к раздорам, разделению «сампо» на несколько частей и т. д. Что это такое было – неясно. Известно только, что «сампо» ярко сиял(о). Толкина всегда вдохновляла задача отыскать (или додумать) значение слов, смысл которых был с течением веков утерян; поэтому Шиппи не исключает, что и здесь Толкин предпринял такую же попытку (как со словами *энт* (см. прим. 336) и др.). Шиппи пишет: «По-видимому, Толкин счел, что «сампо» был(о) не просто вещью, но аллегорией, как и Сильмарилы: это одновременно яркая, околдовывающая зрение драгоценность – и квинтэссенция творческих сил, вещь, толкающая как на добрые, так и на злые дела, вобравшая в себя саму личность своего творца. Некоторые финские сказители считают, что «сампо» – это аллегория финской поэзии...»

¹⁸⁰ Здесь содержится намек на события, рассказанные в Сильм. в главе 1 («Начало дней»). Прежде создания эльфов и людей Арда

(Земля) освещалась созданными Валар(ами) двумя светильниками на исполинских столбах по обе стороны земного диска, такими яркими, что на земле царил вечный день. Но светильники эти, как и многое другое, стали жертвой мятежного Вала(ра) – Мелкора: он опрокинул столбы, разбил светильники, многие земли ушли под воду, и первоначальный замысел Валар(ов) был искажен.

¹⁸¹ Побережье Амана было покрыто жемчугом, добытым за многие века обитавшими на побережье эльфами Телери.

¹⁸² *Валинор* – часть материка под названием Аман (кв. «свободный от зла»), лежащего на западе от Средьземелья. Валинор расположен в центре материка и огражден с севера, юга и востока горами Пелори, а на западе – Эккайей, великим океаном, омывавшим в ПЭ и ВЭ все материки Арды (Земли), которая в те времена не была круглой: Эккайю ограничивала так называемая Стена Ночи, за которой лежала Безвременная Пустота. Другие названия Эккайи – Внешнее или Опоясывающее Море.

Валинор – обитель Валар(ов) (высших ангельских сил, тесно связанных с сотворенным миром, – см. прим. 99), Майяр(ов) – низших ангельских сил и – позже – части эльфов (эльфы, жившие в Валиноре, назывались Ваниар(ами)). Единственный город Валинора – Валимар. В середине Валинора возвышается гора Таникветиль, на которой, в Илмарине, обитают Манвэ и Варда – верховные Валар(ы).

¹⁸³ Таникветиль, гора в Валиноре (см. выше) с вечными снегами на вершине. С этой горы Манвэ и Варда могли видеть все Средьземелье до его восточных побережий.

¹⁸⁴ Кв. «эльфийский дом». Западная часть Амана (Калакириан и побережье к востоку от гор Пелори), а также остров Тол Эрессея. В Элдамаре обитали эльфы-Элдары (см. прим. 163). Главные города – Тирион, Алквалондэ и Аваллонэ. Другие названия – Эльфийские Вотчины, Эльфийские Земли. В названии одного из городов Элдамара – Аваллонэ – вряд ли случайно слышится отсылка к Аваллону кельтских сказаний. Энциклопедия «Мифы народов мира» дает о нем такую справку: «Аваллон – это «остров блаженных», потусторонний мир, чаще всего помещавшийся на далеких «западных островах». Символика, связанная с «островами блаженных» (стеклянная башня или дворец, дарующие бессмертие чудесные яблоки и т. д.), принадлежит к архаическому слою традиции... По преданию, на

остров Аваллон... был перенесен феей Морганой смертельно раненный король Артур». Интересно отметить, что эльфийские дворцы на побережье Валинора описаны Толкином именно как «стеклянные».

¹⁸⁵ *Илмаринов холм* – другое название горы Таникветиль (см. выше).

¹⁸⁶ Кв. «великая сторожевая башня». Главный город Элдамара, построенный в Калакирии, на холме Туна. К белым стенам Тириона ведет хрустальная лестница.

¹⁸⁷ Здесь в текст неожиданно проникает откровенно библейская символика, не имеющая объяснения в пределах толкиновского мира. Видимо, здесь заключено скрытое указание на то, что на «вершинах» наш мир и вселенная Толкина смыкаются и что миром Толкина правит тот же Бог. Белый лен – одежда праведников и святых, а также ангелов, предстоящих Богу; семь светильников напоминают сакральное семисвечие Ветхого Завета и одновременно «семь светильников огненных» Апокалипсиса, «которые суть семь духов Божиих», предстоящих перед престолом Всевышнего (Апокалипсис, 4:5). Московская исследовательница Толкина Н. Прохорова указывает также на эпитет «безвременные» как подтверждающий догадку о том, что Эарендил был за пределами Амана, – ведь Аман лежит во времени мира. Возможно, здесь заключено скрытое уподобление Эарендила провидцу Апокалипсиса и намек на то, что Эарендил, возможно, предстал не просто перед Манвэ – верховным Архангелом, а перед самим Илуватаром (или Манвэ выступал как прямой представитель Илуватара, а не просто Король Валар(ов)). Однако эта догадка из тех, настаивать на которых – значит разрушить тонкую структуру намеков и недомолвок, благодаря которой текст позволяет несколько толкований. И тем не менее право высказать такую догадку у нас есть, особенно если вспомнить слова самого Толкина: «Конечно же, ВК – в основе своей религиозная, католическая книга» (из письма к Р. Муррэю от 2 декабря 1953 г., П, с. 172).

¹⁸⁸ *Калакириан* – область побережья Амана близ ущелья Калакирия, через которое в древности проникал из Валинора в Элдамар свет Двух Деревьев.

¹⁸⁹ Трон Манвэ и Варды (см. выше).

¹⁹⁰ *Старший Род* – эльфы, появившиеся в Средьземелье прежде всех других рас.

¹⁹¹ В оригинале использовано латинское слово *Flammifer* («Пламеносец»). Слово это рифмуется с латинским же названием Венеры – *Lucifer*, которое, однако, в латиноязычной христианской традиции используется как имя мятежного архангела Люцифера (т. е. аналога Мелкора у Толкина), и, конечно, Толкин был вынужден искать ему замену. Так же пострадало и славянское название Венеры, которое было использовано в славянском переводе Священного Писания, – Денница. Поэтому в данном случае переводчик использовал другое русское название Венеры, которое является, по-видимому, калькой с латинского, но не несет, в отличие от последнего, нежелательных коннотаций. Католическая латынь, использованная Толкином, передана здесь архаизмом слова «светоносец», хотя в принципе слово «Фламмифер» можно было бы оставить непереуведенным, – ведь из английского текста оно тоже выделяется как иноязычное.

¹⁹² Песня сложена на одном из эльфийских языков – синдаринском (построенном по валлийской модели). Перевод этого стихотворения (приведенный ниже) Толкин впервые дал только в 1968 г., в книге «Бежит дорога вдаль и вдаль» («*The Road goes ever on*», с. 64). Таким образом, стихотворение это не имеет ничего общего с «заумью»: оно сложено на прекрасно разработанном искусственном языке, которых Толкин за свою жизнь изобрел несколько (см. его лекцию на эту тему «*Secret Vice*» («Тайный порок»), 1931 г.).

Эффект незнакомого языка в тексте, по Толкину, долженствовал быть чуть ли не главным источником удовольствия, получаемого от книги читателем. Перевод этого стихотворения с синд. звучит так: «О Элберет, Зажегшая звезды! Из сверкающих кристаллов падает на землю косыми лучами, как свет алмазов, свет сияющего славой на небесах звездного воинства. Взгляд мой упал на дальние страны, – отсюда, из оплетенного деревьями Средьземелья; о Сияющая, облаченная в вечнобелые одежды, стоящая на Вечной Горе, – я буду петь тебя из-за Моря, из-за великого Моря Разлук».

¹⁹³ Один из эльфов-Телери (см. прим. 163), которые более всех колебались перед переселением в Валинор, и один из мудрейших. Часть Телери все-таки поселилась в Элдамаре (Дом Эльфов, Элдармар – эльфийское название побережий Валинора, см. прим. 182), причем часть осталась на острове Тол Эрессея, в виду Валинора, а часть – на берегах Средьземелья. Среди последних (так называемых

Фалафримов) был и Кирдан, ставший впоследствии властителем Фаласа. Во ВЭ и ТЭ – Хранитель Серой Гавани в заливе Льюн.

¹⁹⁴ Синд. «зеленый + князь».

¹⁹⁵ Синд. *боро* («стойкий») + кв. *мир* («драгоценный камень»). Возможно, имя навеяно эстетическим впечатлением от русского языка, с которым Толкин немного познакомился в госпитале во время Первой мировой войны, но это лишь гипотеза. Так или иначе, внешность Боромира не могла иметь ничего общего с внешностью русского витязя, так как гондорцы брили бороды и имели совсем другой тип лица – горбоносый и узкоскулый. Прототипом рога, который носил Боромир, является, возможно, рог древнего англосаксонского воина, хранящийся в Британском музее в Лондоне и по описанию очень похожий на рог Боромира – белый, огромных размеров, несколько изогнутый и окованный серебром.

¹⁹⁶ Кольца помогали гномам, и богатство рекой текло к их обладателям. Однако власти над гномами Кольца не имели, и Саурон не смог подчинить себе волю вождей этого племени. Интересно, что, по-видимому, в Средьземелье раса людей была самой уязвимой: подчинить или сломить волю человека с помощью волшебства было проще, чем волю гнома или эльфа. Иудео-христианская традиция считает волшебство (колдовство, магию) грехом и видит в них опасность для человека. С помощью образов, почерпнутых в изобретенной им мифологии, Толкин как бы пытается воссоздать (или объяснить) одну из причин этого запрета. Как бы то ни было, люди – единственная из рас Средьземелья, прошлое которой омрачено грехопадением (что-то наподобие грехопадения совершили и эльфы, но не все, а лишь малая их часть, и на другом иерархическом уровне – см. прим. 179). Толкин не пересказывает истории грехопадения прямо: люди появились на средьземельской сцене после этого события. В Сильм. (гл. 17) человек Беор так говорит о прошлом людей эльфу Фелагунду: «За нами лежит тьма... и мы повернулись к ней спиной, и не хотим возвращаться к ней даже в мыслях. Наши сердца повернулись к Западу, и мы верим, что обретем там свет». Эльфы заключают из этих слов, что Моргот (дьявол в мифологии Толкина) пытался «с помощью страха и лжи сделать людей врагами Валар(ов)». В письме к Р. Муррэю от 4 ноября 1954 г. Толкин пишет: «Люди прошли через «грехопадение» – это должны признавать все легенды, которые

рассказывают о реальной или воображаемой истории нашего мира...»
О людях также см. прим. 684.

¹⁹⁷ Синд. «серебряная рука». Эльф-Нолдор из Дома Феанора (см. прим. 179). Отрекся от дел Феанора. Во ВЭ стал князем Эрегиона (см. прим. 244). Был величайшим умельцем. Но его искусство подстроило ему ловушку – в союзе с Сауроном, которому удалось обмануть эльфов, Кэлебримбор выковал Кольца Власти. Когда Саурон ковал Единое Кольцо, Кэлебримбор успел прочесть его мысли и спрятать Три Эльфийских Кольца, которые были выкованы без помощи Саурана и не имели в себе зла. Началась война, в которой Эрегион потерпел поражение, а Кэлебримбор был убит.

О страсти Нолдоров к ремеслам и всяческим хитроумным изделиям Толкин пишет в одном из своих писем: «...Нолдоры были, на мой взгляд, не глупее и не испорченнее, чем те католики, которые в наше время заняты разными видами исследований в области физики, результатами которых – пускай побочными – являются отравляющие газы и взрывчатые вещества» (к П. Хастингсу, сентябрь 1954 г., П, с. 190).

¹⁹⁸ Война между эльфами и Сауроном продолжалась с 1693 по 1701 гг. ВЭ. Князь Эрегиона Кэлебримбор был убит; однако эльфийскими кольцами Саурону завладеть не удалось. В 1699 г. Саурон покорил весь Эриадор за исключением Ривенделла. Гил-галад, король Линдона, обратился за помощью к Тар-Минастиру, королю нуменорцев, и тот послал в Средьземелье свою армаду. В 1701 г. Саурон был изгнан из Эриадора и война окончилась, но Элдары понесли тяжелые потери, а дружбе эльфов с морийскими гномами настал конец.

¹⁹⁹ Нуменор – богатое и могущественное королевство дунаданов ВЭ (см. прим. 170, а также 684). На кв. означает «западная земля». Основано в 32 г. ВЭ на огромном острове, который встал из морских глубин по воле Валар(ов). Нуменор был дарован людям в награду за их доблесть в войне за Сильмарилы (см. прим. 179). Эта война завершила ПЭ и закончилась вмешательством Валар(ов), внявших мольбе Эарендила (см. прим. 172). В Средьземелье настает ВЭ, ознаменовавшаяся созданием Колец, возрастанием могущества Саурана и Темной Годиной (см. прим. 317). Тем временем Нуменор, как повествует Толкин в письме к М. Уолдмену, написанном в конце

1951 г. (П, с. 143–161), «возрастает в богатстве, мудрости и славе под владычеством великих королей-долгожителей, происходящих по прямой линии от Элроса, сына Эарендила и брата Элронда. Падение Нуменора, или Второе Грехопадение Людей (воспрявших после Первого Падения, но по-прежнему смертных), приводит к катастрофическому концу – не только ВЭ, но и всего Старого Мира, изначального и легендарного, который был плоским и имел границы в пространстве. Начинается ТЭ, Эпоха Сумерек, *Medium Aevum*, первая эра испорченного, изменившегося мира и последняя эпоха пребывания на земле видимых, полностью воплощенных эльфов, последняя эпоха их все еще длящегося господства – равно как и последняя эпоха, когда Зло принимает цельный, властный, воплощенный образ.

Падение отчасти является результатом внутренней слабости Человека, вытекающей, если угодно, из Первого Падения, о котором данная летопись умалчивает; люди раскаялись в нем, но до конца исцелены не были. Награда для людей на этой земле бывает иной раз опаснее наказания! Новое падение происходит из-за лукавства Саурона, который использует именно эту человеческую слабость. Главная тема этой повести – Заклятие, Запрет (мне кажется, что в повести о людях этой темы не избежать). Нуменорцы обитали в виду восточной окраины «бессмертной» земли, острова Эрессея, и, как единственные из людей, кто говорил на эльфийском языке, постоянно поддерживали общение со своими древними друзьями и союзниками, как жившими в благословенной Эрессее, так и с теми, кто обитал в королевстве Гил-галада на берегах Средьземелья. По облику и даже по силе ума нуменорцы становятся почти неотличимы от эльфов – но все же, в отличие от последних, остаются смертными, хотя по-прежнему пользуются данным им в награду тройным, если не длиннее, сроком жизни. Награда эта служит впоследствии причиной их гибели – по крайней мере предлогом для искушения. Долгая жизнь способствует успехам в искусстве и мудрых науках, но питает и собственническое отношение к вещам: в людях возникает желание наслаждаться ими как можно дольше. Отчасти предвидя это, боги с самого начала налагают на нуменорцев Заклятие: им возбраняется плавать в Эрессею, равно как и вообще на запад, за пределы видимости берегов Нуменора. Во всех остальных направлениях они могут плавать как и сколько им угодно. Им воспрещается ступать на «бессмертные» земли – но тем

сильнее тянет их к бессмертию, к бессмертию в пределах этого мира, хотя тяга эта противозаконна, а закон для людей – не что иное, как особый путь, особая судьба, дарованная людям Илуватаром (Богом). Да люди, по самой природе своей, и не выдержали бы бессмертия <<Здесь считается... что каждая «раса» имеет естественный срок жизни, свойственный биологической и духовной природе представителей этой расы. Срок этот не может быть увеличен ни количественно, ни качественно; поэтому искусственное продление его во времени (как становится видно впоследствии на примере хоббитов, имеющих дело с Кольцом) похоже на все более тугое натяжение струны или «размазывание маленького кусочка масла по большому куску хлеба», что становится со временем невыносимой мукой. — *Прим. автора.*>>.

В отпадении людей от благодати можно проследить три ступени. Сперва они принимают поставленное условие, принимают его, правда, не совсем охотно, но еще свободно, по собственному решению – пусть и без настоящего понимания сути этого условия. Затем следует долгий срок подчинения условию, но уже не по своей воле. На этом этапе все более открыто начинает раздаваться ропот. Наконец люди восстают – и между мятежными слугами нуменорского Короля и маленькой группкой верных, подвергающихся преследованию, возникает раскол.

На первой ступени нуменорцы живут в мире с другими народами, их мужество находит себе поле для применения в мореплавании. Как истые потомки Эарендила, они становятся превосходными моряками и, отрезанные от Запада, направляют свои корабли на крайний север, юг и восток. Чаще всего они плавают к западным берегам Средьземелья, где помогают эльфам и людям в борьбе с Сауроном и навлекают на себя неугасимую ярость последнего. В те дни они являются среди людей чуть ли не в образе божественных благодетелей, принося им дары искусства и знаний, а затем вновь покидая их. Они оставляют по себе легенды о богах и королях из страны Заката.

На второй ступени – в дни гордыни, славы и недовольства Западом – нуменорцы ищут скорее богатства, нежели благословения. Желание избежать смерти рождает культ мертвых; они расточают таланты и богатства на строительство памятников и гробниц. На западных берегах Средьземелья появляются нуменорские поселения – или, скорее, крепости и поместья князей, ищущих обогащения.

Нуменорцы превращаются в сборщиков податей; с каждым разом они увозят за море на своих вместительных кораблях все больше добра. Тогда же они начинают ковать оружие и изобретать машины.

Кончается вторая фаза; третья и последняя начинается со вступления на престол тринадцатого короля династии Элроса – Тар-Калиона Золотого, могуществом и гордостью превзошедшего всех прежних королей. Когда Тар-Калион узнал, что Саурон принял титул Царя Царей и Князя Мира, он решил низвергнуть «соперника» и направил в Средьземелье свои полки, представ перед обитателями материка во всей силе и блеске. Столь мощным было его оружие и столь страшны были нуменорцы в день своей славы, что слуги Саурона не могли противостоять им. Поверженный Саурон смирился, признал над собой власть Тар-Калиона и был доставлен в Нуменор в качестве заложника и пленника. Однако в Нуменоре, используя свои знания и хитрость, Саурон быстро возвысился от простого слуги до главного советника Короля; на этом посту ему удалось соблазнить последнего своей ложью, и с ним – многих вельмож и бóльшую часть народа. Саурон отвергал существование Бога и заявлял, что Единый – не более чем выдумка завистливых Валар(ов) с Запада, которым якобы нужен был ложный оракул для объявления его устами своих собственных желаний. Истинный же владыка богов обитает в Пустоте; в конце концов он одержит победу и создаст там, в Пустоте, неисчислимые царства для своих слуг. А Запрет – не что иное, как та же ложь, выдуманная Валар(ами) из страха перед людьми, – как бы те не добыли себе вечной жизни и не вступили в соперничество с ними!..

Возникает новая религия. В Нуменоре строится возглавляемый Сауроном как верховным жрецом храм, где поклоняются Тьме. Верные преследуются и приносятся в жертву на алтаре этого храма. Нуменорцы приносят зло и в Средьземелье. Некоторые из них превращаются в жестоких и порочных королей-чернокнижников, убивают и мучают людей; старые легенды о пришельцах с Запада сменяются темными, полными страха сказаниями. Однако на северо-западе Средьземелья этого не происходит, ибо благодаря эльфам туда по-прежнему имеют доступ только «верные» нуменорцы, не разорвавшие дружбы с эльфами. Главную гавань верные нуменорцы закладывают неподалеку от устья Великой Реки Андуин, и оттуда влияние Нуменора, все еще благодетельное, распространяется вверх

по реке вдоль берегов к северу до самых границ королевства Гил-галада; одновременно рождается Общий Язык. Тем временем план Саурана наконец достигает завершения. Тар-Калион начинает чувствовать приближение старости и смерти и склоняет слух к последнему наущению Саурана. Он строит величайшую из всех созданных доселе армаду и вопреки Запрету выступает с нею на Запад, намереваясь силой отнять у богов «вечную жизнь в пределах этого мира». Оказавшись лицом к лицу с мятежом, хулой и оскорбительной глупостью людей, а кроме всего прочего – с реальной опасностью, так как нуменорцы, ведомые Сауроном, могли бы нанести Валинору немалый ущерб, – Валар(ы) сложили с себя власть и призвали Бога, который дал им позволение действовать. Старый мир рухнул и переменился. В море отверзлась бездна, которая поглотила Тар-Калиона вместе со всей его армадой, а Нуменор, оказавшись на краю водной пропасти, опрокинулся в нее и исчез вместе со всей своей славой. С гибелью Нуменора смертные земли лишились видимых знаков божественного присутствия, или бессмертного начала. Валинор (т. е. Рай) и Эрессея переносятся в иное место, а для земли остаются не более чем памятью. Отныне люди могут плавать куда им заблагорассудится, хоть на запад, но приблизиться к Валинору и Благословенному Острову им не дано: корабли обречены вернуться обратно на восток, откуда начали плавание, ибо мир сделался круглым и конечным, по образцу замкнутого круга, и выход из него теперь только один – смерть. «Бессмертные», т. е. оставшиеся в Средьземелье эльфы, по-прежнему могли при этом в любой день взойти на корабль, если странствие по земным кругам становилось им в тягость, – и отыскать «прямой путь», которым можно было приплыть на Древний, Истинный Запад, где их ждал покой.

Итак, весь ход событий ВЭ приводит к гигантской катастрофе, но это еще не конец. Несколько нуменорцев спасаются от гибели: это Элендил Прекрасный, предводитель Верных (его имя означает «друг эльфов»), и его сыновья Исилдур и Анарион. Элендил, фигура, сходная с фигурой Ноя в Библии, отказался присоединиться к мятежу. На восточном берегу Нуменора его ждали готовые к плаванию, полностью оснащенные корабли. Он успел покинуть Нуменор до того, как поднялась всепоглощающая волна гнева; невредимым проведенный среди гигантских волн, он достиг берегов Средьземелья.

Буря выбросила его корабли на берег. В Средьземелье Элендил заложил два королевства в изгнании – одно на севере, близ владений Гил-галада, под названием Арнор, другое – на юге, Гондор. Бессмертный дух Саурана избежал гибели в катастрофе Нуменора, хотя и с трудом; он возвратился в Мордор, где уже через малое время возрос в силу настолько, что смог бросить изгнанникам вызов.

ВЭ заканчивается Последним Союзом эльфов и людей против Саурана и великой осадой Мордора. Настоящим ее концом считается низвержение Саурана и уничтожение его как второго видимого воплощения зла в Средьземелье».

²⁰⁰ Последний Союз эльфов и людей был заключен Элендилем и Гил-галадом в 3430 г. ВЭ против Саурана. Великая армия Последнего Союза (величайшая после армии Валинора, победившей Моргота в конце ПЭ) выиграла битву на поле Дагорлад и взяла в осаду замок Саурана – Барад-дур. В 3441 г. в битве на склонах Ородруина Саурон был повержен – правда, ценой гибели как Гил-галада, так и Элендила. Саурон лишился пальца с Кольцом и надолго исчез из Средьземелья. См. также Приложение Б.

²⁰¹ Белерианд – страна в Средьземелье. В Первую (Старшую) Эпоху, которая носит также название Старших Дней, включала земли вокруг залива Балар, позже – все земли к западу от Эред Луина и к югу от древних гор Эред Ветрина. В Белерианде обитали эльфы-Синдары, к которым позже присоединились Нолдоры, а также другие эльфы и люди. В войнах Белерианда, которые длились много веков, Моргот – главный враг эльфов – постепенно завоевал весь Белерианд за исключением Линдона. Когда в конце ПЭ Валар(ы) пришли на помощь эльфам и ниспровергли Моргота, Белерианд прошел через катаклизмы страшных битв, землетрясений и наводнений – и в конце концов бóльшая его часть была поглощена волнами моря.

²⁰² *Айглос* – синд. «острый снег, сосулька»: копье Гил-галада. *Нарсил* – кв. «солнце-луна», меч Элендила, выкованный великим кузнецом – гномом Телхаром из гномьего города ПЭ Ногрода, находившегося в Эред Луине. Название можно еще перевести приблизительно как «красно-белое пламя».

²⁰³ Синд. «западная башня», «закатная башня». Город, построенный Элендилем (см. Приложение А, I, гл. 1). Между 250 и 861 г. ТЭ жители покинули его.

²⁰⁴ Синд. «северная крепость королей». Вторая столица королевства Арнор. Был также столицей Артедаина, области более обширной, но после нападения Ангмара в 1974 г. ТЭ пал и, хотя в 1975 г. был отбит, уже не восстанавливался, и владычество северных королей кончилось. Другое название Форноста в переводе с Общего Языка на английский звучит как Норбери, а в переводе на русский звучало бы как Североград.

²⁰⁵ Deadmen's Dike, «крепость, или вал, Мертвецов» – улица в Оксфорде (вполне обыкновенная, недалеко от центра) и распространенный английский топоним. Обычно улица Deadmen's Dike проходит на месте старого крепостного вала.

²⁰⁶ Жившие в Элдамаре эльфы особенно любили Белое Дерево Валинора, и Иаванна (см. прим. 99) сотворила для них по образу Белого Дерева – Тельперииона – другое Дерево, отличавшееся от прообраза лишь тем, что не давало света. На синд. это дерево называлось Галатилион. На берегу Амана оно дало многочисленное потомство. Один из саженцев посадили на Тол Эресее, острове неподалеку от Амана. Этот саженец получил название Кэлеборн («серебряное дерево»). От Кэлеборна произошло Белое Дерево Нуменора – Нимлот Благосеннолиственная.

²⁰⁷ Синд. «королевские камни». Скалы на Андуине, неподалеку от Раурса, на которых были вытесаны изображения Исилдура и Анариона. Поставлены королем Гондора Ромендакилом Вторым в 1340 г. ТЭ как знак северной границы Гондора.

²⁰⁸ Вариант перевода:

*За семь потоков бурлящих
Труден твой путь и далек,
Но в Имладрисе обрящешь
Сломанный древле клинок.
Там расступиться заставят
Мрак, что над миром лег,
И невеличек явит
Вновь Исилдуров Рок.*

(Пер. А. Глебовской)

В саге о Вельсунгах есть мотив сломанного меча: так, сломанный меч Зигмунда был вновь перекован для его сына – Сигурда.

²⁰⁹ Шиппи (с. 114) пишет: «...Люди способны «менять судьбу» и в какой-то мере могут сказать «нет» Божественному Промыслу, хотя в таком случае им приходится иметь дело с последствиями своего решения. Так... Промысел Валар(ов) посылает в Средьземелье сон, который заставляет Боромира отправиться в Ривенделл. Однако Валар(ы) посылали этот сон его брату Фарамиру гораздо чаще, чем Боромиру, и Фарамир увидел его первым; нет сомнений, что Фарамир в роли посланца был более желателен. Однако Боромир поехал сам. Его толкнули на этот шаг чисто человеческие соображения, или, если угодно, человеческая испорченность, и с этого момента никто уже не мог бы сказать, какая за этим потянется цепь дурных последствий и случайностей».

²¹⁰ Толкин не объясняет, что это за чудища, а читатель еще раз убеждается, что Средьземелье богаче и полнее, чем представляется на первый взгляд, и что многое остается «за кадром».

²¹¹ Имя *Саруман* роханского происхождения – т. е. представляет собой диалектный вариант древнеангл. *searu+man* (*сиару+ман*). Древнеангл. корень *searu* означает «приспособление, ухищрение», причем не обязательно в хорошем смысле (Шиппи, с. 128). Этот корень, по словам Шиппи, встречается в таких словах, как *searo-net* («искусно сделанные доспехи») и «коварная злоба» (*searo-nipas*) (ср. русское «кузнец» и «козни»). В одной из староанглийских поэм встречается фраза «*sinc searwade*», что означает «сокровище предало своего хозяина, сделало его злым и коварным». О принадлежности Сарумана к ордену Истари (волшебников) см. ниже прим. 216. О связи роханского с древнеангл. см. прим. 316.

²¹² *Назг* – слово Черного Наречия, означающее «кольцо». Уже после выхода книги Толкин обнаружил, что слово *nasc* в гэльском языке тоже означает «кольцо» и одновременно «связь, обязательство» (П, с. 383, письмо к мистеру Рангу, 1967 г.).

²¹³ Черное Наречие, на котором сделана надпись на ободе Кольца, создано было Сауроном в Темные Годы ВЭ (см. прим. к гл. 2 ч. 3 кн. 2). Предполагалось, что на этом языке будут говорить все его подданные. Однако достичь ему этого не удалось. После падения Сауруна в конце

ВЭ Черное Наречие исчезло из употребления в Средьземелье – по крайней мере исчезло в прежней форме, так как его носители-орки подвергли его изменениям и искажениям. Придя к власти в Мордоре в ТЭ, Саурон ввел этот язык снова.

²¹⁴ См. прим. 164. Кроме того, поступок Гэндальфа, по всей видимости, в глазах эльфов находится на грани кощунства, так как в известном смысле Ривенделл – одно из «святых» мест Средьземелья, а Черное Наречие, как созданное Сауроном, судя по всему, должно было рассматриваться эльфами как святотатственное в самой своей сути, так как происходило из злого корня.

²¹⁵ Один из Истари – волшебников (см. ниже). Имя, как считает Джим Аллан (В.Э., с. 174), взято из человеческих языков Восточного Средьземелья, в трилогии не представленных. Если выйти за пределы Средьземелья, то нетрудно заметить, что имя Радагаст определенно славянское. Это не домысел – такое имя в числе древнеславянских имен существовало, более того, являлось именем языческого бога. Следы вероятного культа бога Радагаста сохранились, по всей видимости, в названиях некоторых мест – таких, например, как Радогощь. У А. Рыбакова в книге «Язычество древних славян» (М., 1981) говорится, что католические миссионеры оставили сведения о культе бога Радагаста у западных славян (с. 355). В древнем славянском городе Ретре было святилище этого бога, покровителя коневодов и охотников. В центре святилища стояла статуя Радагаста (Радегаста) верхом на белом коне.

²¹⁶ Орден, или братство, Истари (волшебников) состоял из пяти (а возможно, и больше) Майяр(ов), посланных Валар(ами) в Средьземелье около 1000 г. ТЭ для объединения Свободных Народов и помощи им. Истари было запрещено подчинять народы Средьземелья своей воле или бороться с Сауроном при помощи силы. За послушание Истари грозило изгнание из Ордена и из Валинора. Само слово Истари – квенийское. Поначалу Истари были приняты жителями Средьземелья за людей, пока не было замечено, что те не умирают. Волшебники были посланы в мир с благословения Эру (Единобожия). Согласившись на эту миссию, ангелы-Майяр(ы) воплотились в человеческие тела, не подверженные старению, однако во всем остальном не свободные от законов «низшего» мира: волшебники испытывали голод, могли страдать от холода и т. д. Истинное свое имя

и облик Истари не должны были открывать никому. Точное количество волшебников, по словам самого Толкина, неизвестно (НС, с. 388–392), однако на севере видели пятерых. Из них двое были облачены в синие одежды и находились под началом Вала(ра) Оромэ (Палландо и Алатар), один – в бурые (Айвендил, посланный Иаванной), один – в белые (Курунир, он же Саруман, от Аулэ) и один – в серые (Олорин – Гэндальф – от Верховного Вала(ра) Манвэ). Истари, как и все в сотворенном мире, не были «застрахованы» от падения, от измены первоначальным целям своего пребывания в Средьземелье. Синие волшебники ушли на Восток вместе с Куруниром; последний вернулся, первые – нет. По всей вероятности, они свернули с истинного пути и, возможно, основали на востоке собственные культы. Не исключено, что здесь Толкин намекает на возможность подобного же происхождения некоторых языческих религий (ср. прим. 215). Возможно, Гэндальфу намеренно приданы некоторые характерные черты скандинавского бога Одина (см. прим. 354).

Русское слово «волшебники» избрано переводчиками для передачи английского *wizards*, означающего «мудрый, знающий», слова, в сказках занимающего структурно то же место, что у нас «волшебник». Возможно, отдаленным аналогом слова *wizard* могло бы послужить русское слово «ведун». Употребляемое в других переводах слово «маг» представляется неудачным, хотя в конечном счете в русском языке «маг» от «волшебника» отличается не столько по сути, сколько по контексту, истории и этимологии. По крайней мере *wizard* – персонаж сказок, как и волшебник, а маг и там и здесь – в лучшем случае фокусник, в худшем – приверженец оккультных учений, а такой оттенок смысла вызвал бы, без сомнения, у Толкина резкие возражения: слово «магия» для него было окрашено скорее отрицательно (см. прим. 275). К тому же слово «волшебник» русского происхождения, как *wizard* – английского, а «маг» – заимствованное для обоих языков.

²¹⁷ Рох. «искусная работа». Слово встречается в древнеангл. текстах.

²¹⁸ Рох. «железное кольцо».

²¹⁹ Шиппи (с. 128) доказывает, что характер Сарумана, как он обрисован в трилогии, имеет определенно современные черты. «Сущность Сарумана показана через стиль и лексику, – пишет

Шиппи. – Саруман говорит языком политика... В речах Сарумана можно заметить многое из того, чего современный мир научился страшиться больше всего: обмана союзников, подчинения средств целям, сознательного приятия на себя вины за необходимое убийство».

Важно и то, какими словами Саруман пользуется. В Средьземелье никто, кроме Сарумана, по словам Шиппи, не умеет так искусно жонглировать фразами с противоречивым значением, в результате получая ноль. Этому много способствуют пустые слова вроде «настоятельный», «конечный» и самое пустое из всех – «реальный». Что значит «реальный»? Подлинный? Трезвый? Поди разбери, говорит Шиппи. Это слово из области политики и рекламы. Говорящий ничего не понимает под ним – лишь стремится с его помощью придать убедительность своим речам. Шиппи сравнивает Сарумана с отрицательными персонажами романа друга Толкина К. С. Льюиса «Мерзейшая мощь» («That Hideous Strength») – романа о попытке темных сил завладеть миром через «современно мыслящих» профессоров Оксфордского университета (о Льюисе см. прим. 411). Саруман тем более современен, что воплощает в себе странную для Средьземелья и типичную для XX в. разновидность зла, которая, по определению Шиппи, представляет собой «смесь зла с морализированием». О современности Сарумана сказал и сам Толкин в речи, произнесенной им в Роттердаме на «Хоббичьем Обедне», данном в его честь голландскими поклонниками ВК. Речь эту он произнес на смешанном англо-голландско-эльфийском языке:

«Прошло двадцать лет с тех пор, как я серьезно взялся за труд написания истории наших с вами почтенных предков – хоббитов ТЭ. И что же? Я смотрю на восток, запад, север, юг – и не вижу даже следов Саурана. Однако я вижу, что последователей Сарумана вокруг развелось немало. Мы, хоббиты, не располагаем волшебным оружием для борьбы с ними. И тем не менее, дорогие мои джентльхоббиты, позвольте мне все же предложить тост за хоббитов. Да переживут они всех Саруманов и да увидят вновь весеннюю зелень на деревьях!» (Цит. по: ХК, с. 228).

²²⁰ Рох. «двор». О роханском языке и названиях см. прим. 316.

²²¹ Риддермарк – см. прим. 222.

²²² Марка — так сами роханцы называли свою страну. Марками назывались окраинные области империи Карла Великого. Этот корень

сохранился и в некоторых современных европейских названиях, например в названии Дании (по-английски Denmark). *Риддермарк* приблизительно означает «страна всадников» (на рох. языке).

²²³ В оригинале Shadowfax (читается приблизительно как *Шэдоуфакс*), что представляет собой слегка англизированный вариант роханского слова Scadufax, которое означает «тень+грива». Fax – старое английское слово, в отличие от более позднего mane, употребленного в имени другого роханского коня – Снежногрива (Snowmane), почему второе название переведено, а первое оставлено в роханском варианте (согласно совету самого автора). О языке роханцев и его отношении к английскому и древнеанглийскому см. прим. 316.

²²⁴ О том, что происходило «за сценой», известно из приложения и набросков Толкина, опубликованных его сыном в книге «Неоконченные сказания» (с. 337 и далее). Из НС мы узнаем, что Саурон выслал Всадников на охоту за Кольцом, когда узнал, что Голлум находится в плену у эльфов. В то время Предводитель Кольцепризраков – Князь Моргула – обитал в Мордоре с шестью другими, а Кольцепризрак Кхамул (Тень Востока) вместе с подчиненным ему Всадником стерег Дол Гулдур – замок Некроманта в Чернолесье. 17 июня Всадники собрались близ перекатов Сарн Гебир, где получили лошадей. 22 июня они были на Поле Кэлебрант и встретились там с Кхамулом. Там Всадники узнали, что Голлум, освобожденный орками, ускользнул от своих спасителей. Тогда же они узнали, что у Сабельников хоббиты больше не живут и что жилища их много веков как покинуты. Всадники решили проверить, не перебрались ли они ближе к Лориэну или в Лориэн, и отправились вверх по течению Андуина, однако в Лориэн проникнуть не смогли и вскоре вернулись ни с чем. К тому времени Саурон узнал, что Гэндальф в плену у Сарумана и что Боромир направляется в Ривенделл для разгадки таинственного пророчества. Всадники отправились в Исенгард. По одной из версий, они прибыли туда через два дня после бегства Гэндальфа. Увидев у своих ворот Всадников Мордора, Саруман по-настоящему испугался, ибо понял, что Саурон догадался о его измене; теперь у него оставалась надежда только на Кольцо. Саруману, однако, удалось обмануть Черных Всадников, указав им на Гэндальфа и сославшись на свою неосведомленность о Заселье (кстати, слова «хоббиты» Всадники, по-видимому, тогда еще не знали).

Началась охота за Гэндальфом, однако еще на пути в Эдорас Всадники повстречали советника короля Теодена, Гриму Червеуста (см. гл. 5 ч. 3 кн. 2), который спешил в Исенгард с донесением. Объятый смертельным ужасом, Грима рассказал Всадникам все, что знал: он открыл им, что Саруману известно, где находится Заселье, и указал им туда дорогу. Оставив Гриму, Всадники разделились на четыре группы и поскакали в Заселье.

По другой версии, Всадники прибыли в Исенгард, когда Гэндальф был, по мнению Сарумана, еще там, и страх перед ними чуть было не привел Сарумана к раскаянию. Он бросился на башню, чтобы просить у Гэндальфа совета, но обнаружил, что пленник исчез. Тогда он разыграл перед Всадниками спектакль, убедив их, что добился у Гэндальфа сведений о Заселье, и указав приблизительную дорогу туда. Встретив Червеуста, Всадники узнали, что Саруман солгал им, но окончательные доказательства получили, только перехватив в Мингириате одного из шпионов Сарумана, у которого оказалось с собой множество бумаг с подробными сведениями о Заселье, картами и информацией о различных хоббитчих семействах (помимо интереса к Кольцу Саруман торговал с Засельем; шпион, дунландский изгнанник, был одновременно и торговым агентом Сарумана). Окончательно убедившись в предательстве Сарумана, Всадники поспешили в Заселье и 22 сентября собрались у Сарн Форда. Здесь их встретили охранявшие Заселье Следопыты. Однако без Арагорна они не могли ничего сделать против Всадников и удерживали брод только до вечера. Таким образом, ночью, до петухов, Всадники въехали в Заселье и направились, согласно бумагам дунландца, прямо в Хоббитон (дунландца под страхом смерти перевербовали и отправили в Бри – следить, не появится ли там Бэггинс). Однако у самого Хоббитона всадники опять разделились: Кхамул (и позже его подчиненный) отправился в сам Хоббитон и пошел по следам Фродо, а Предводитель Кольцепризраков встал лагерем между Курганами и Южными Холмами. Несколько Всадников были посланы к восточным границам. Тем временем Черный Король проехался по округе, разбудив и насторожив все, что там было злого. Шиппи замечает, что эта позднейшая добавка противоречит ранним заявлениям Толкина о том, что Навьи и Старый Лес не зависели ни от Всадников, ни от Саурана. О дальнейшем см. Приложение Б.

²²⁵ *Иарваин* — кв. «старейший». *Бен-Адар* — кв. «безотчий». *Форн* — древнеисл. «древний». *Оральд* — древнеангл. *oreald* («очень старый»).

²²⁶ Это свойство Кольца опять возвращает нас к одной из сторон многомерного символического подтекста, которым обладает этот образ, а именно — Кольцу в качестве символа греха, как он понимается в христианской традиции. Согласно учению Святых Отцов греческой церкви, контакт человека с грехом происходит в несколько этапов. На первом в ум человека проникает «помысел», насланный демонами. Человек, распознав этот помысел, волен его отвергнуть, и в таком случае он чист. Если же он начинает раздумывать над ним, вертеть так и этак — наступает второй этап, «сосложения», уже куда менее безопасный. Наконец, человек принимает в себя «помысел» и отвечает демоническому внушению желанием совершить данный грех. На этой стадии воля человека еще может запретить ему исполнить желаемое, однако дело уже сделано, мысленный грех совершен, и человек несет все его последствия: одно желание греха уже растлевает духовное существо человека и требует покаяния и духовного врачевания.

²²⁷ Шиппи пишет, что в ВК Толкин пытается примирить два взгляда на зло — «оба старые, оба авторитетные, живые до сих пор и, по видимости, противоречащие друг другу...» Первый взгляд довольно широко распространен в христианской традиции; согласно этому взгляду, зла как такового не существует, зло есть отсутствие добра. Зло не было сотворено Богом, оно не имеет онтологического корня и представляет собой продукт злоупотребления свободной волей, руководимой желанием отделиться от Бога и жить самостоятельно. В комментируемой фразе явственно слышится отзвук этой точки зрения. Не будучи само сотворенным, зло лишено способности творить и способно только приносить небытие в уже созданное — т. е. исказить, портить первоначальный замысел. Однако, несмотря на все усилия, зло в итоге порождает добро, производя, так сказать, умножение минуса на минус. Как пишет сам Толкин к сыну в одном из писем 1944 г., когда тот был в действующей армии (П, с. 76): «Иногда мне становится страшно при мысли об общей сумме человеческого горя в эти дни: миллионы разлученных... не говоря уже о муках, боли, смерти, сиротстве, несправедливости. Если бы страдание обрело видимую форму, чуть ли не вся... планета покрылась бы плотным черным туманом, который скрыл бы ее от удивленного

взора небес. Все итоги этой войны с исторической точки зрения будут негативными. Но исторический взгляд на мир – не единственный. Все вещи и деяния имеют собственную цену, независимо от их «причин» и «следствий». Никто не может судить *sub specie aeternitatis* <<С точки зрения вечности (лат.).>> о том, что теперь происходит. Все, что мы знаем, причем большей частью из собственного опыта, – это что все труды зла, вся его огромная мощь и постоянный успех – пропадают впустую: они всегда только готовят почву для того, чтобы из нее неожиданно проросло добро...» «В этом вопросе Толкин не шел ни на какие компромиссы», – замечает Шиппи.

Другой взгляд на зло признает за ним собственную реальность. Это отношение к злу неизбежно напрашивается из повседневного опыта и подразумевает, что со злом надо бороться. Несмотря на кажущуюся очевидность, в чистом виде эта точка зрения встречает множество возражений. Древние христианские святые, которые, казалось бы, имели богатейший опыт общения с активными демоническими силами, предостерегали от признания за ними настоящей реальности и вступления с ними в борьбу «на равных»: небытие именно этого и добивается, говорили они, – признания за ним равных прав с бытием. В своей крайности рассматриваемый взгляд приводит к манихейству – модели мироздания, в которой добро и зло признаются равноправными противниками, а Вселенная – ареной вечной борьбы между ними. В то же время первая точка зрения в своей крайности вообще отрицает всякое противодействие злу. О «непротивлении» писал в своем трактате «Утешение философией» римлянин Боэций. Трактат Боэция в средневековой Англии был переведен на древнеанглийский образованнейшим человеком своего времени и знаменитым воином – королем Уэссекса Альфредом, жившим и правившим в XI в. Король-христианин не только по имени, но и по многим оставшимся в памяти истории поступкам, Альфред вел тяжелые бои с викингами, и в ереси «непротивления злу» его не упрекнешь никак. Возможно, именно поэтому, переводя Боэция, он внес в его текст некоторые изменения, отстаивая взгляд, который представляет собой середину между двумя крайностями. То же можно сказать и о Толкине: он как бы продолжает линию короля Альфреда, оставаясь верным первой точке зрения, но допуская активное сопротивление злу, более того – делая это сопротивление моральным

императивом для своих героев. Только один из них «принимает» первую точку зрения целиком – Фродо в конце гл. 8 ч. 6 кн. 3.

²²⁸ Шиппи (с. 93) говорит, что эти слова являются цитатой, характерным для героев средневековья речевым оборотом, – ср. слова воина Эльфвина из древнеангл. поэмы «Битва при Мэлдоне» (пер. В. Тихомирова, в сб.: Древнеанглийская поэзия. М., 1982):

*Часто кричали мы
за чашей меда,
клялись-хвалились
в тех застольях
стойкостью ратной —
пускай же каждый
покажет свою отвагу...*

²²⁹ В письме к Н. Митчисон от 25 сентября 1954 г. (П, с. 197) Толкин писал: «Некоторые обозреватели называли все это (первую книгу ВК, в то время только что опубликованную. – М.К. и В.К.) простоватым: якобы нет тут ничего, кроме элементарной борьбы добра со злом, причем все хорошие герои на редкость хороши, а плохие – на редкость плохи. Возможно, такое мнение простительно для человека, у которого совсем нет времени и у кого перед глазами только часть целого (хотя уж Боромира-то можно было бы не проглядеть!), а главное – у которого нет под рукой написанных гораздо раньше, но пока что не опубликованных эльфийских сказаний. Но эльфы вовсе не безупречны и не всегда правы. Не столько потому, что они заигрывали с Сауроном; с его помощью или без нее, они были и всегда оставались по натуре своей «бальзамировщиками». Они хотели, как говорится, есть пирог так, чтобы от него не убывало: жить в смертном, историческом Средьземелье (они полюбили его, и, возможно, привилегированное положение представителей высшей расы сыграло в этом свою роль) и в то же время делать все возможное, чтобы остановить в нем всякие изменения, задержать историю, прекратить рост, хранить Средьземелье неизменным для собственного удовольствия, пусть наполовину пустынным – ничего, только бы они могли неизменно оставаться в нем творцами и художниками. Это

желание неизменности исполняло их печалью и ностальгическим сожалением».

²³⁰ Как отмечают исследователи, Элронд представляет на Совете так называемую «северную теорию мужества», о которой Толкин писал в эссе «Чудовища и критики». «Северная теория мужества» – существенная часть мировоззрения древних скандинавов и англосаксов до принятия ими христианства (и – в измененном виде – после). Толкин писал об авторе древнеангл. поэмы «Беовульф»: «...Он и его слушатели мыслили себя обитателями eorðmęngra, великого материка, окаймленного garsecg – безбрежным морем, под недостижимой крышей небес; и вот на этой-то земле, в небольшом круге света, окружавшем их жилища, мужественные люди... вступают в битву с враждебным миром и исчадиями тьмы, в битву, которая для всех, даже королей и героев, кончается поражением. То, что эта «география», когда-то считавшаяся материальным фактом, теперь может классифицироваться лишь как обыкновенная сказка, ничуть не умаляет ее ценности. Она превосходит астрономию. Да и астрономия не очень-то способствовала тому, чтобы этот остров стал казаться более безопасным, а внешнее море – менее устрашающим и величественным» (ЧиК, с. 18). И далее: «...Северное мужество – особая теория мужества, которая является великим вкладом ранней северной литературы в мировую... Я имею в виду ту центральную позицию, какую всегда занимала на Севере вера в непреклонную волю». «Северные боги, – цитирует далее Толкин одного исследователя, – похожи... более на Титанов, чем на Олимпийцев; правда, в отличие от Титанов, они сражаются на правой стороне, хотя эта сторона и не побеждает. Побеждают Хаос и Иррациональное... Но и побеждаемые, боги не считают поражение свидетельством своей неправоты». В этой войне люди – избранные союзники богов, и если они герои, то они могут иметь свою долю в этом «абсолютном сопротивлении, совершенном, ибо безнадежном» (ЧиК, с. 20). Необходимо бороться до конца, даже если на победу рассчитывать не приходится, бороться, зная, что высшие силы сражаются на твоей стороне и тоже могут в конечном итоге потерпеть поражение, – в этом, согласно Элронду и «северной теории мужества», и есть истинная мудрость.

²³¹ *Хадор* – человек из Третьего Дома Аданов (см. прим. 684). Герой ПЭ, Друг Эльфов, сын Хатола. Величайший вождь первых людей, наделенный мужеством и доброй волей. Убит в битве за истоки реки Сирион в Белерианде. Отличался удивительным благородством (Сильм., с. 177–300). *Хьюрин* – человек, князь Первого Дома Аданов, сын Галдора, герой ПЭ. Трагическая фигура. Семья Хьюрина была проклята Морготом, что отравило судьбу его сына Тьюрина и привело его к ужасной гибели. Тьюрин долго был вне закона, скитался, страдал в плену у орков, убил, сам того не ведая, своего благодетеля и избавителя; наконец клеймо преступника с него сняли, и он был принят эльфами Нарготронда (см. прим. 253), у которых прослыл мудрецом и героем. Тьюрин взял себе прозвище Тьюрин Турамбар – Победитель Судьбы. Однако проклятие Моргота продолжало его преследовать, заставляя совершать одну ошибку за другой. Сам того не ведая, Тьюрин женился на собственной сестре и, узнав об этом, кончил жизнь самоубийством (Сильм., с. 151–303). Хьюрин, находившийся в плену у Моргота, обречен был следить за перипетиями судьбы своих детей. После их смерти Моргот отпустил его, и Хьюрин стал невольным виновником гибели эльфийского королевства Гондолин. *Берен* – см. прим. 144.

²³² В поведении Сэма мы имеем дело с весьма непривычной для нас культурной моделью – по крайней мере непривычной для людей советской эпохи. До самого конца книги Сэм остается слугой Фродо, а Фродо – его хозяином, и никто из них ни разу не ставит эти отношения под сомнение. Сэма не точит обида на то, что его не пригласили на Совет Элронда, что на пиру Фродо предоставлено более почетное место и т. д. Даже в минуты самых тяжких испытаний, когда, казалось бы, взаимная нежность и привязанность Фродо и Сэма готовы растопить все сословные перегородки, этого не происходит: иерархия соблюдается до конца, причем добровольно всеми членами иерархического ряда. Уже по одной этой детали отношение Толкина к, скажем, русской революции просматривается без особого труда, и читатель не совершит ошибки, предположив, что она не вызывала у него восторга. Взгляды Толкина приходится признать весьма и весьма «правыми», от этого никуда не деться. Многие вспоминали, что в общении с ним возникало впечатление, будто этот человек принадлежит не XX в., а глубокой древности. Во всяком случае, ни

одна из современных ему политических систем не принималась им безоговорочно. Мир Толкина принципиально и насквозь аристократичен. В Средьземелье в почете любой аристократизм – рождения, социального положения, крови и, наконец, аристократизм веры, характера и поступков, причем одним из критериев аристократизма для человека или хоббита является его отношение к эльфам – будь то эльфийская кровь, тяга ко всему эльфийскому или признание за эльфами старшинства и превосходства. Лучшее государственное устройство, по Толкину, – теократическая монархия (т. е. власть богоизбранной и богопомазанной династии), хотя Толкин вовсе не предлагает такую монархию современному миру в качестве лучшего решения его запутанных проблем, – если такой династии не существует или она прервана, то, по Толкину, и многих тысячелетий не хватит, чтобы на земле вновь родился истинный Король. Возможно, Толкин подписался бы под словами русского философа В. Ильина, который говорил: «Одним из самых тяжелых заблуждений, в котором всегда пребывало человечество... была особая форма идолопоклонства – это так называемое «народопоклонство»... это заблуждение, превратившееся в один из догматов атеистической веры, проникло в гуманитарные науки и произвело здесь невероятные опустошения... Вопреки тому, что принято обычно думать, не «народ» создает культуру, даже и не человек создает культуру, но культура создает и человека и тем более – народ... но слово «культура»... по-латыни значит «почитаю действием высшее существо». Согласно глубокому определению религии, данному профессором князем С. Н. Трубецким, «религия есть организованное почитание высших сил». И только такое «почитание» производит явления культуры. И именно она, эта высшая сила, говорит: «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал»... Человек возрастает в своем творчестве... лишь тогда, когда... стоит вертикально и смотрит на небо... Герой, гений и святой – это великое триединство – создают нацию, народ, культуру – из... большей частью больного человеческого варева... создают человеческий космос через создание в нем очагов культуры, очагов мужества, гениального творчества, любви и самопожертвования, т. е. святости» (Арфа Давида. Сан-Франциско, 1980, т. 1, с. 439). В противоположность этому, Ильин называет дух тоталитаризма с социалистической подоплекой, характерный для XX в., «духом... протектирования «своих»

посредственностей. В этом... смысле и следует признать нашу эпоху по-настоящему «бесноватой», особенно если принять во внимание, что «бес» есть всегда «бес» посредственности... ничтожества, невероятных претензий и самомнения».

В свете этих слов поведение Сэма, возможно, станет чуть более понятным – Толкин просто рисует мир, по большей части свободный от этого конкретного порока...

²³³ Шиппи (с. 139) указывает, что это стихотворение по размеру и содержанию перекликается со стихотворением из пьесы Шекспира «Бесплодные усилия любви»:

*Когда свисают с крыши льдинки,
И дует Дик-пастух в кулак,
И леденеют сливки в крынке,
И разжигает Том очаг,
И тропы занесло снегами,
Тогда сова кричит ночами:
У-гу!*

(Пер. Ю. Корнеева)

²³⁴ Англ. название ноябрьской луны.

²³⁵ Здесь возникает отдаленная ассоциация с псалмом 19, ст. 8–9 (церковнославянский перевод: «Сии на колесницах, и сии на конях, мы же именем Господа Бога нашего призовем. Тии спяти быша и падоша, мы же восстахом и исправихомся». Русский синодальный перевод: «Иные колесницами, иные конями, а мы именем Господа Бога нашего хвалимся: они поколебались и пали, а мы встали и стоим прямо»). Обычный для Толкина прием – перекличка с известными сведущему читателю текстами, причем перекличка эта отбрасывает на текст трилогии тень тех слов, которые в «известном» тексте присутствуют, а в тексте трилогии – нет. Таким способом в данном случае Имя Бога попадает в орбиту трилогии благодаря слишком явному умолчанию о нем в сравнении со скрытой цитатой из псалма, и читатель получает дополнительный намек на истинный источник и основание надежды и силы Девяти Пеших.

²³⁶ Народы Средьземелья, не покорившиеся злу и не поклонявшиеся Морготу или его слугам. К Свободным народам причислены эльфы, гномы, хоббиты, а также несколько людских племен – дунаданы, роханцы, брийцы и т. д.

²³⁷ Имя Гимли, как указывает Джим Аллан в В.Э. (с. 225), встречается один раз в «Пророчестве вельвы», откуда взяты имена многих гномов («Старшая Эдда»), и три раза в «Младшей Эдде». Значение этого имени, как оно описано у Аллана, представляет значительный интерес. Слово *гимли* в «Эдде» является формой дательного падежа от слова *гимилл* («небеса») и как имя собственное означает что-то вроде «предназначенный небесам». Таким образом, в имени Гимли одновременно зашифрована его судьба (см. Приложение А, III, гл. 3) и намек на то, что слово «небеса» не так уж и неприменимо к Западным Островам, Дому Эльфов. В «Эдде» это слово употреблено для описания чертога, который будет воздвигнут в обновленном мире после конца мира старого. В русском переводе это место звучит так: «Есть среди обиталищ много хороших и много дурных. Лучше всего жить в Гимле, на небесах» (пер. О. Смирницкой под ред. А. Стеблин-Каменского).

²³⁸ *Семь звезд* – эмблема наследников Исилдура. В доступных нам текстах Толкина значение этой эмблемы не разъясняется, но, сравнив ее с упомянутыми в стихотворении Бильбо об Эарендиле таинственными семью светочами, которые зажгли Эарендилу, когда он поднимался на священную гору Валинора (см. прим. 182), можно догадаться, что это один и тот же символ. Таким образом, в эмблеме наследников Исилдура зашифрована их «лояльность» по отношению к Валар(ам) и напоминание о том, что род Исилдура благословен на царствование высшими силами Средьземелья. *Полумесяц* – эмблема Исилдура. *Солнце* – эмблема Анариона (см. Приложение А, I, гл. 1).

²³⁹ Кв. «сияние запада».

²⁴⁰ Вариант перевода:

*Я думал, сидя у огня,
О прожитых годах,
О том, как летнею порой
Цвели цветы в садах,*

*Как на заре туман вставал,
И ветер льнул ко мне,
И таял серебристый луч
В осенней желтизне.*

*Я думал, сидя у огня,
Что скоро будет год,
Когда весна не для меня
Вослед зиме придет,*

*Что очень мало видел я,
Ведь каждою весной
Во всех лесах, во всех краях
У листьев цвет иной.*

*Я думал, сидя у огня,
О тех, кого уж нет.
И тех, кто должен в этот мир
Прийти за мной вослед.*

*И я все ждал, что в тишине
Услышу у дверей
Шаги и звуки голосов
Из памяти моей.*

(Пер. А. Глебовской)

²⁴¹ По Шиппи, символическое значение рога в древней традиции – бравада и безоглядное мужество. Рог – атрибут древнего мира, мира героического эпоса, где в плен не сдаются. Поступок Боромира, по Шиппи (с. 163), как бы говорит, что добро сильнее зла, даже если оно проиграет в конечном итоге. Поступок этот вполне уместен в контексте героической традиции, которой Боромир принадлежит всем своим обликом и образом мыслей. Неодобрительная реакция Элронда дает, однако, понять, что в ВК героический эпос помещается в несравненно более широкий контекст и «голой» героики оказывается

уже недостаточно для победы. Мудрец в этом новом контексте больше героя.

Остается неизвестным – имел ли сигнал, поданный Боромиром, какие-либо последствия или нет; однако он мог их иметь.

²⁴² Элронд – сын Эарендила, внук Диора, правнук Берена и Лутиэн. Матерью Лутиэн была Мелиан из рода Майяр(ов), т. е. ангелов (Майяр(ы) могли вступать в брак с эльфами и иметь детей; Валар(ы) могли вступать в брак только друг с другом и детей не имели). Мелиан обладала даром предвидения, свойственным Майяр(ам), и дар этот перешел от Лутиэн к ее потомкам. Через брата Элронда – Элроса, выбравшего удел людей и ставшего первым королем дунаданов, дар предвидения перешел ко всем его потомкам; таким образом, обладал им и Арагорн. Отчасти наделены им были и другие дунаданы, в зависимости от высоты их происхождения.

²⁴³ Элронд и Гимли обмениваются выпренными и многозначительными репликами в духе средневековой героической традиции, которую гномы представляют (в стиле своих речей) наиболее полно. Вообще все сцены в Доме Элронда – начиная с Пира и кончая Прощанием – выводят повествование на значительно более высокий уровень, и не только за счет «включения» в обширный контекст легенд Сильм., но и за счет общей стилистики – скрытых цитат из древних текстов, архаической лексики и т. д. Можно сказать, что хоббиты проходят здесь первое «посвящение», впервые становятся частью «большого» мира, причащаются высшим иерархическим уровням Средьземелья. Собственно говоря, это «причащение» и «посвящение» продолжается во всей второй части, пока в начале третьей хоббиты не освобождаются из-под опеки своих проводников и не начинают действовать в новом мире сами наравне с остальными.

²⁴⁴ Синд. «страна остролистов», иначе – Остролистя (в оригинале Hollin, от англ. «остролист»). Остролист играет значительную роль в англ. фольклорной традиции и наряду с буком имеет некоторое отношение к эльфам. Остролистя – страна, основанная в 750 г. ВЭ Кэлеборном, Галадриэлью и Кэлебримбором. В Эрегионе выкованы были Кольца Власти, за которые Саурон пошел на эльфов войной, и в 1697 г. ВЭ Эрегион и прилегающие к нему области Артедаина были опустошены. См. прим. 197, а также 272.

²⁴⁵ Точный перевод этой синд. фразы неизвестен. *Наур* значит «пламя», *дан* и *нгаурот* – «народ демонов».

²⁴⁶ *Дерево Высших эльфов* — эмблема Элдаров, представляющая собой Галатилион – Белое Дерево, созданное Иаванной и посаженное ею в Тирионе. Было точным подобием Тельперiona – Серебряного (Белого) Дерева Валар(ов), но, в отличие от него, не светилось. Другие названия – Древо Высших эльфов, Серебряное Древо и т. д. *Звезда Феанора* – герб Феанора и его наследников: серебряная восьмиконечная звезда.

²⁴⁷ Синд. «луна-звезда». Вещество, которое эрегионские Нолдоры получали из мифрила; использовалось для тайных надписей.

²⁴⁸ Синд. «Дверь эльфов, откройся...(?) Ворота гномов, откройтесь (по моему слову?)».

²⁴⁹ *Берутиэль* – синд. «королева». Супруга гондорского короля Тараннона (XII король Гондора, правил в 830–913 гг. ТЭ; первый король, не имевший наследников). Берутиэль осталась в памяти гондорцев как злая, никого не любившая властительница. Тараннон прославился как великий мореплаватель, но она ненавидела море; ненавидела она также украшения, орнаменты и яркие краски. Носила королева только черное и серебряное. В услужении у нее было девять черных кошек и одна белая. Черные кошки, необыкновенно умные, шпионили за гондорцами и передавали королеве все их секреты; белая кошка следила за черными и терроризировала их. Все жители королевства проклинали этих кошек. В конце концов король вспылал гневом на Берутиэль и отослал ее на корабле в море вместе с кошками, одну. Моряки видели этот корабль лунной ночью; одна из кошек неподвижно сидела на мачте, другая – черной тенью – на носу. Дальнейшая судьба корабля неизвестна. Имя королевы Берутиэль по приказу Короля было стерто из гондорских памятных книг, однако память о ней сохранилась; она и ее кошки вошли в поговорку.

Во время написания ВК Толкин еще не знал, кто такая королева Берутиэль и ее кошки; рассказ о ней найден среди его поздних бумаг. В своем прежнем неведении он сам признается в одном из писем.

²⁵⁰ Как и в случае с Боромиром, протрубившим в рог при выступлении Отряда (см. прим. 241), читатель так никогда и не узнает, имел ли поступок хоббита какие-либо последствия или нет. Но никому из участников похода не приходит в голову укорять Пиппина, когда на

следующий день на Отряд нападают обитатели Мории, хотя не исключено, что это произошло по его вине. Здесь снова проявляется важное свойство поэтики Толкина: недоговоренность, создающая ощущение тайны и тем самым – убедительную иллюзию реальности описываемого мира (есть и такие, кто утверждает, что этот мир – отнюдь не иллюзия!), поскольку тайна – одно из фундаментальных свойств реального мира. С другой стороны, здесь, как и во многих других случаях, мы видим, что умение прощать (не просто способность, а именно умение!) – один из само собой разумеющихся принципов общения положительных героев Толкина друг с другом. В трилогии можно насчитать множество эпизодов, где никто не вменяет друг другу очевидной вины, и совершенный проступок никак не влияет на отношения героев, отчего у читателя иной раз возникает ощущение, что в средьземельской системе координат это вовсе не проступок! Только один раз Мерри позволяет себе осудить друга (в то время как все остальные этого не делают!) (см. гл. 11 ч. 3 кн. 2) – и Арагорн резко его одергивает. Таким образом, в тексте действуют нигде специально не подчеркиваемые христианские моральные принципы, древнему миру неизвестные: «не судите, да не судимы будете» и тот, что содержится в ст. 21–22 главы 18 Евангелия от Матфея: «Тогда Петр приступил к нему и сказал: Господи! Сколько раз прощать брату, согрешающему против меня? до семи ли раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи, но: до седмижды семи раз».

²⁵¹ Луна в мифологии Толкина – один из небесных светильников, созданных Валар(ами) после того, как Моргот (см. прим. 259) отравил два священных Древа, светивших Валинору. Луна, согласно этому мифу, представляет собой последний цветок Серебряного Древа – Тельперииона. Вала(р) Ауле заключил его в сосуд и поместил на небеса. Путь Луны направляется Тилионом (одним из Майяр(ов)). Луна поднялась на небо прежде Солнца, которое возшло только по истечении семи лунных месяцев. Когда Солнце появилось, Тилион попытался приблизиться к нему, но солнечный жар не позволил ему этого сделать, и с тех пор на лике Луны видны ожоги. Следует помнить, что Луна и Солнце были созданы после того, как свет Древе́ев был омрачен Мелкором (Морготом). Природу этого омрачения определить трудно. По-видимому, оно не означало осквернения, так как Гэндальф продолжает считать солнечный свет

священным и называет себя «службой пламени Анора», т. е. пламени солнца, – таким образом, преемственность солнечного света по отношению к свету Деревьев сохранялась неповрежденной. Однако свет Эарендила – утренней звезды – считался чище лунного и солнечного, так как свет Эарендила происходил от Деревьев Валинора до их «помрачения».

²⁵² Старейший и самый известный из Семи Гномьих Праотцев, предок Народа Дьюрина, к которому принадлежал и Гимли. В письме к Р. Бир от 14 октября 1958 г. (П, с. 287) Толкин пишет о Дьюрине и о создании гномов так: «Гномы появились в результате «падения» Вала(ра) Аулэ, ибо он так желал увидеть «детей Бога» («дети Бога» – эльфы и люди; Валар(ы) знали, что готовится их приход на землю, но время прихода, облик и прочие подробности были скрыты даже от Валар(ов)), что стал нетерпелив и попытался предвосхитить волю Творца. Будучи непревзойденным в искусствах, он попробовал сотворить «детей Бога» сам, исходя из собственных несовершенных представлений о них. Когда число «детей» достигло тринадцати, Бог обратился к Аулэ в гневе, хотя и с некоторой жалостью – ибо Аулэ руководило не желание сделать себе рабов, но нетерпеливая любовь: он хотел говорить с Детьми, обучать их, вместе с ними славить Илуватара.

Единый сказал Аулэ, что тот пытается присвоить себе полномочия Творца, но не в состоянии дать жизнь своим творениям. У самого Аулэ только одна жизнь, он получил ее от Единого и может лишь разделить и распределить ее. «Смотри, – сказал Единый, – эти создания не имеют своей воли, только твою, и двигаться могут лишь твоим движением. Хотя ты и намеревался дать им Язык, на нем они смогут лишь сообщать тебе твои же собственные мысли. Это лишь насмешка надо мной».

Тогда Аулэ в печали и смятении просил прощения у Илуватара и сказал: «Я уничтожу их и покорюсь твоей воле». И он взял молот и занес его над старшим из своих творений, но оно увернулось и спряталось. Аулэ удержал удар и, потрясенный, услышал слова Илуватара: «Ты удивлен? Смотри же, вот, творения твои живут и свободны от твоей воли. Ибо я видел твое смирение и пожалел тебя. Твои творения я принял в свое Творение».

Такова эльфийская легенда о сотворении гномов. Но, согласно этой легенде, Илуватар также сказал Аулэ: «Тем не менее я не позволю тебе портить мой план: твои дети не смогут пробудиться прежде моих», – и он приказал Аулэ поместить гномов в глубоких пещерах. Там они должны были спать долгие годы, прежде чем Единый разбудит их. Потом гномы населили Средьземелье вместе с эльфами и людьми. Тем не менее в отношениях гномов, эльфов и людей любви было немного... Ни эльфы, ни люди ничего не знают о судьбе, уготованной Илуватаром для гномов за пределами этого мира. А гномы если что и знают – не говорят никому».

Дьюрин был первым созданием Аулэ, остальные шесть Праотцев созданы были каждый со своей парой. Дьюрин «проснулся» первым, его пробуждение и описывается в песне Гимли. Об этом рассказано также в Сильм., гл. 2.

²⁵³ Нарготронд – эльфийский город ПЭ в Белерианде, основанный эльфом-Элдаром Финродом Фелагундом, братом Галадриэли (см. эту часть, гл. 5–7). Из Нарготронда Финрод долгое время в мире и благоденствии правил обитателями Западного Белерианда, за исключением тех эльфийских племен, что признавали своим повелителем Кирдана Корабела. В дни военной тревоги Финрод вынужден был покинуть свой город, так как его позвала данная однажды клятва: он обещал своему спасителю из рода людей Барахиру оказать помощь его потомкам по первому их зову. Уходом Финрода воспользовались гостившие в то время в Нарготронде сыновья Феанора (см. прим. к этой части, 179, а также прим. 402) – они восстановили против Финрода его подданных. Вскоре Нарготронд был вовлечен в войну, границы его владений постепенно сузились, но пала эта крепость только с приходом человека Тьюрина Турамбара (см. прим. 231), принесшего с собой проклятие Моргота, которым тот проклял весь его род. Показав себя могучим воителем и искусным полководцем, Тьюрин возглавил эльфийские войска и долго считался непобедимым, но в конце концов его действия роковым образом привели к гибели Нарготронда и уничтожению эльфийской армии. Город был разорен бескрылым драконом Глаурунгом, который проник в пещеры Нарготронда по выстроенному Тьюрином мосту (396 г. ПЭ).

²⁵⁴ Синд. «спрятанный в горах». Эльфийский город и королевство в потаенной долине Тумладен. Город был построен по образцу Тириона

(см. прим. 186) и мог соперничать с ним красотой. Много столетий Враг не мог доискаться сведений о местоположении Гондолина, и только четверо проникли внутрь за все время его существования из тех, кто не был в нем изначально, – среди них эльф Маэглин, а также люди Хьюрин и Туор. Гондолин был благословлен самим Вала(ром) Ульмо. Правил Гондолином эльф Тургон. В Гондолине родился Эарендил, сын дочери Тургона Идрил и человека Туора. Из-за невольного предательства Хьюрина и сознательного предательства Маэглина, наследника Тургона, любившего Идрил неразделенной любовью, в 511 г. ПЭ Гондолин был разрушен, последним из королевств Белерианда.

²⁵⁵ Что это за существо, Толкин не объясняет нигде. Остается также неизвестным, почему Страж напал именно на Фродо.

²⁵⁶ Игра слов: doom – по-английски «судьба», «приговор судьбы» (скорее с мрачным оттенком). В переводе А. Кистяковского и В. Муравьева была предпринята попытка передать этот смысл с помощью слова «рок» («Рок, ррок»). Однако приходится признать эту попытку успешной лишь отчасти, так как слова «рок» и doom сильно отличаются по смыслу и принадлежат разным культурным контекстам. Рока как такового, т. е. иррациональной силы, которой, как у древних греков, подчиняются сами боги, в мире Толкина нет и быть не может, так как этому миру известно откровение Единого Бога, правящего мирозданием. См. о судьбе у Толкина прим. 88.

²⁵⁷ Синд. «власть ужаса» или «могучий демон». Один из Майяр(ов), в свое время восставших против Единого вместе с мятежным Вала(ром) – Мелкором (см. прим. 259). После Саурона Балроги – самые ужасные из слуг Мелкора. Имя их предводителя было Готмог. Балроги принимали участие в Войнах Белерианда (см. прим. 253), но большинство из них было уничтожено в Великой Битве за Сильмарилы (см. прим. 179). Осталось лишь несколько, они скрылись в глубинах земли от гнева Валар(ов). В 1980 г. ТЭ один из них был обнаружен гномами, разрабатывавшими мифриловую жилу. Квенийское название Балрогов – Валараукар(ы) (мн. ч.) или Валарауко (ед. ч.). Шиппи (с. 33), опираясь на научные труды самого Толкина, а именно – статью «Sigelwara Land» в сб. *Medium aevum*, 1932–1934 гг., дает указание на древнеангл. источники этого образа. Толкина заинтересовало древнеангл. слово *sigelware*, означающее

«солнце+сажа». По всей видимости, утверждает Толкин, этим словом называли сказочных северных великанов, огненных, с пылающими глазами, полными искр, и лицами, черными как сажа. Но самих связанных с ними сказаний не сохранилось.

²⁵⁸ *Тайный Огонь*, или *Огонь Негасимый* – под этим именем у Толкина зашифровано третье Лицо Святой Троицы, Дух Святой, как указывают Фостер и другие и как следует из текста Сильм. Первое Лицо Троицы – Бог-Отец – именуется Эру, или Единый, или Илуватар. О Втором Лице – Боге-Сыне – в Сильм. и ВК не говорится, так как мир Средьземелья – дохристианский, и любые упоминания о Христе из текста, естественно, исключены. Как и положено в дохристианском мире, о Пришествии Искупителя к человеческому роду говорится здесь лишь в туманных намеках, тем более редких, что Сильм. представляет собой сборник не человеческих, а эльфийских сказаний. Наиболее явно ожидание эльфами и людьми Искупителя (Христа) выражено в опубликованном сравнительно недавно черновом наброске к Сильм. «Разговор Финрода и Андрет» («История Средьземелья», т. 10 («Кольцо Моргота»), London, 1990).

Тайный Огонь – источник жизни для всего сущего, и без него невозможно творчество, согласно креационному мифу Толкина, изложенному в Сильм. (гл. «Начало Дней», с. 16).

Анор на синд. означает «солнце». Гэндальф сражается с Балрогом силой того самого света, что заключен в дневном светиле Арды (Земли), созданном после того, как был омрачен и отравлен свет Двух Деревьев Валинора (см. прим. 402). Солнце представляет собой последний плод Золотого Дерева – Лаурелина, заключенный Вала(ром) Аулэ в прозрачный сосуд и вознесенный на небеса. Солнце сопровождает один из низших ангелов – Майя(р) Ариэн.

²⁵⁹ *Удун* (другие названия – Яма, Подземный Мир) на синд. означает «не-запад» (кв. *Утумно*). *Утумно* – название царства Мелкора (см. ниже); это обширная пещера, созданная им под землями Средьземелья (аналог ада). Кроме того, Удуном Серые эльфы (Синдары) называли первое королевство Моргота на дальнем севере Средьземелья, уничтоженное в Великой Войне за Сильмарилы. В ТЭ так же называли в Гондоре глубокую долину на северо-западе Мордора, между Исенмутом и Моранноном. Однако Гэндальф, конечно, имеет в виду *первый* Удун, т. е. Ад. Это – источник, откуда

черпают энергию темные силы, и восходит этот источник к самому Мелкору-Морготу, мятежному Вала(ру). В мифологии Толкина Мелкор – аналог Люцифера (Денницы) христианской мифологии, архангела, восставшего на Бога и положившего начало нарушению гармонии мироздания. Первоначально звался Мелкор Могучий; впоследствии получил прозвище Моргота, что на синд. означает «темный враг мира». Толкин перелагает миф о Люцифере на свой собственный язык и кое-что к нему добавляет – так, история зарождения зла на Земле и в творениях Божиих изложена у Толкина немного по-своему и подробнее. Пытаясь завладеть Средьземельем, Мелкор, изгнанный из Валинора, на протяжении всей ПЭ основывал в нем свои царства, вербовал сторонников и положил начало «злым» расам – оркам, троллям и т. д. Мелкору приписывает Толкин и появление в Средьземелье хищных животных. История войн с Морготом подробно описана в Сильм. В конце эпохи Валар(ы), ополчившись против Моргота, достигают полной победы над ним. Царство Моргота – Тангородрим – исчезает с лица земли, а связанный Моргот до конца мира изгоняется во Внешнюю, или Безвременную, Пустоту, что находилась за Стеной Мрака, окаймлявшей Арду (Землю) (эта «Пустота» – явный мифологический аналог евангельской «тьмы внешней», куда изгоняются грешники). В повествовании о битве Валар(ов) с Морготом нашел отражение христианский миф о борьбе архангела Михаила с Люцифером и помещении связанного Люцифера в ад до конца времен. Однако меньшие духи – приверженцы Моргота – остаются на свободе и продолжают творить зло.

²⁶⁰ *Лотлориэн*. Синд. + кв. «сон-цветок». Древняя эльфийская страна, устоявшая даже в Темные Годы, что наступили после победы Саурана в Средьземелье (см. прим. 317).

²⁶¹ Скрытая цитата из английского детского стишка:

*Bye baby Bunting
Father's gone a hunting
To find a pretty rabbitskin
To wrap the baby Bunting in.*

(«Баю-бай, детка, / отец пошел на охоту, / чтобы найти славную заячью шкурку / и завернуть в нее нашу детку».) В оригинале слова Арагорна рифмуются с последними двумя строчками стихотворения: «Here is a pretty hobbit-skin to wrap the elving princeling in!»

²⁶² Боромир относится к эльфам чисто по-человечески – такое отношение выражено, например, в английских сказках, где эльфы – чуждое людям племя и где очарованный их пением простак может вернуться домой тремя столетиями позже или, потеряв рассудок, влюбиться в королеву эльфов и забыть прежнюю невесту. Танцуя по ночам с эльфами, человек может заболеть и исчахнуть, эльфы подменяют младенцев в колыбели и т. д. В «Беовульфе» эльфы упоминаются наравне с орками и прочими чудищами – врагами рода человеческого. Немудрено, что Боромир побаивается Лориэна.

²⁶³ Синд. «белый +?». Невеста короля Лориэна Амрота. Вероятно, имя Амрота взято из языка Лесных эльфов, пишет Толкин в НС. Эльф Амрот стал королем Лориэна после смерти своего отца Андира, который погиб в битве на поле Дагорлад (3434 г. ВЭ, Война Последнего Союза с Сауроном, см. прим. 81). После войны в Лориэне и вокруг него надолго установился мир. Сам из Синдаров, Амрот усвоил многие обычаи Лесных эльфов, которыми правил, – так, например, он построил себе дом по их обычаю, в кроне дерева. Амрот полюбил деву из племени Лесных эльфов – Нимродэль. Нимродэль тоже любила его, но долгое время отказывалась стать его женой. Амрот был из Синдаров, эльфов, пришедших с Запада, а Нимродэль считала, что с появлением в Лориэне западных эльфов в Средьземелье пришли войны и тревоги; она тосковала по прежним беспечальным временам и отказывалась говорить на других языках, кроме Лесного Наречия. Мало кто думал так же, как она, поэтому Нимродэль жила одна, над водопадами реки, названной ее именем. Настал день, когда миру в Лориэне стала угрожать новая опасность. Гномы разбудили зло, жившее в Мории, и Нимродэль в ужасе бежала прочь из Лориэна на запад. Случилось это в 1981 г. ТЭ. Амрот отправился на ее поиски и встретил Нимродэль на опушке Фангорнского леса – деревья не пожелали пустить ее в чащу. Здесь Нимродэль и Амрот наконец обручились, однако Нимродэль поставила Амроту условие: она станет его женой, только если Амрот отыщет для нее такое место, где нет ни войн, ни тревог. И Амрот поклялся сделать то, о чем она просила, хотя

ради этого ему пришлось покинуть свой народ в годину бедствий. Однако в Средьземелье уже не было страны, где можно было бы жить, не ведая тревог, и Амрот рассказал Нимродэли о Закатном Крае, куда могли попасть и Лесные эльфы, – путь был открыт и для них, ведь в их сердце тоже была вложена тоска по Морю, хотя она и дремала до времени. Так Амрот и Нимродэль отправились в Эльфийские Гавани, которые в то время находились на юге, и Амрот оставил свой народ. Однако по дороге они потеряли друг друга, и Амрот оказался в Гаванях прежде Нимродэли. В то время Гавани были почти заброшены, и там оставался только один корабль, способный совершить такое плавание. Амрот уговорил команду подождать Нимродэль, но время шло, а Нимродэль все не появлялась. Наконец однажды осенней ночью ураган сорвал якоря и унес корабль в море. Амрот, который, как и остальные, жил на корабле, обнаружил несчастье только утром и без раздумий бросился в воду и поплыл к берегу. Больше ни его, ни Нимродэли никто не видел. О судьбе Нимродэли в книгах Толкина говорится мало, и что с ней стало – неизвестно; правда, в НС упоминается о том, что Нимродэль заблудилась в Белых Горах Гондора. В своих скитаниях она набрела на реку, напомнившую ей Нимродэль; она села у воды, глядя на отражения звезд, и от усталости надолго заснула, почему Амрот и не дождался ее. С тех пор эта река называется Гилраин (синд. «звезда + странствие»).

²⁶⁴ Мн. ч. от синд. *маллорн* – *мал* + *хорн* = «золотое дерево». Деревья Нуменора, привезенные туда с острова Тол Эрессея, что у берегов Амана. В Нуменоре эти деревья назывались *малинорни* (мн. ч. от кв. «золотой + дерево»). Тар-Анарион, шестой король Нуменора, подарил несколько семян маллорна Гил-галаду. Но в королевстве Гил-галада маллорны не прижились, поэтому тот отдал их Галадриэли, и она вырастила в Лориэне множество таких деревьев (НС).

²⁶⁵ Чтобы попасть в Лориэн, членам Отряда приходится пересечь две реки – Нимродэль и Серебряную. Первую они переходят сами, не встретив препятствий, и чувствуют, как в душу к ним сходит радость, а горе и усталость отступают. Через вторую реку они переправляются с помощью эльфов и с их разрешения, и вернуться обратно сами уже не могут. Это приводит на память некоторым исследователям древнеангл. поэму «Перл», которую Толкин перевел на современный английский. В

этой поэме отец, потерявший дочь, во сне переносится в неизвестную страну, где его скорбь изглаживается, а печаль забывается. Бродя по этой стране, он подходит к берегу реки, за которой видит свою дочь, и дочь разговаривает с ним. Но при попытке перейти реку он просыпается: за той рекой лежит небесный край, и живые не могут сами перейти к умершим. Так путь к Раю оказывается «двухступенчатым». Между Небесами и земной явью существует некоторая промежуточная ступень – еще не Небо и уже не земля. Одновременно – из параллелей между «Перлом» и ВК – мы можем предположить, что Лориэн – что-то вроде аналога Неба, а междуречье – аналог той самой «промежуточной ступени». Шиппи (с. 165) обращает внимание на запрет касаться воды в реке Серебряной, что не имеет очевидных рациональных объяснений. «Отряд как бы проходит через смерть, – говорит Шиппи и продолжает: – Человек, настроенный везде видеть только аллегории... наверное, продолжил бы эту мысль, отождествив воды Нимродэли с водами крещения, а Серебряную – со смертью». Однако торжественности этого объяснения <безнадёжно> мешают Сэм Гэмги с его шуточками, банальностями типа «век живи – век учись» и т. д., не давая ни читателю, ни критику возможности углубиться в дебри символов слишком далеко.

²⁶⁶ В сказках об эльфах часто подчеркивается, что время в эльфийской стране не то, что в землях человеческих. Как правило, у эльфов время течет медленнее, а иногда и вовсе стоит на месте. Толкин использует традиционные мотивы по-новому не только в этом случае: так, например, эльфы, особенно лориэнские, – прекрасные стрелки из лука, и в то же время в англ. языке есть выражение «выстрел эльфа» (elf-shot), которое означает что-то между сглазом и сатанинским искушением. Почему время в Лориэне течет так замедленно? Толкин этого не объясняет, и вложенные в уста Леголаса слова о том, что эльфы-де иначе воспринимают время, не проливают света на этот вопрос – почему тогда замедление времени сказывается и на остальных членах Отряда? С некоторой натяжкой изнутри трилогии этот феномен можно объяснить действием Кольца Галадриэли. Однако время не просто течет в Лориэне медленнее; создается впечатление, что здесь вообще нет прошлого, – на холме Керин Амрот Арагорн одновременно находится в прошлом, настоящем и, как можно догадаться по некоторым намекам, в будущем.

²⁶⁷ Синд. «холм Амрота». *Амрот* – см. прим. 263.

²⁶⁸ *Эланор* – синд. «солнечная звезда», *нифредил* – «бледное острие». *Нифредилы* – часть герба Лутиэн. Эти цветы расцвели в Дориате в миг ее рождения (см. прим. 144). В письме к Э. Роналд (16 ноября 1969 г., П, с. 312) Толкин пишет: «...В этих цветах заключен свет, какого уже никогда не будет ни в одном из земных растений и какого не передаст ни один рисунок. Без этого света *нифредил* был бы простым подснежником, только более нежным, чем обычные, а *эланор* – чем-то вроде очного цвета (разве что немного больше по размеру), с солнечно-золотистыми и звездно-серебряными цветами на одном стебле».

²⁶⁹ См. выше. По-видимому, все дело в действии Кольца Галадриэли, о котором, однако, подробно не говорится.

²⁷⁰ Кв. «Арвен прекрасная, прощай!»

²⁷¹ Синд. «город деревьев». Первоначально это название было взято из языка Лесных эльфов, затем по созвучию было переделано на синдаринский лад.

²⁷² В течение жизни Толкин несколько раз переписывал историю Галадриэли и Кэлеборна, и ни один из вариантов нельзя считать окончательным. Наиболее последовательная концепция была разработана уже после написания ВК. По этой версии, Кэлеборн – один из тех эльфов-Телери (см. прим. 163), что никогда не покидали Средьземелья. Галадриэль встретила Кэлеборна в Дориате, королевстве Тингола, отца Лутиэн (см. гл. 11 ч. 2 кн. 1), откуда они вместе перебрались в Линдон, что лежит к югу от залива Льюн, а оттуда прибыли в Эрегион, где вместе с Кэлебримбором (см. прим. 197) основали эльфийское королевство – Остролистию (Эрегион). Сама Галадриэль родилась в Валиноре. Отцом ее был Финарфин, самый мудрый из сыновей Индис и Финвэ – предводителя эльфов-Нолдор(ов) в их путешествии из Средьземелья в Аман (см. прим. 182). Таким образом, Галадриэль была в родстве с Феанором – сыном Финвэ от его первой жены Мириэль, умершей вскоре после рождения сына. Галадриэль была величайшей из Нолдор(ов), за исключением разве что самого Феанора. Однако она превосходила последнего мудростью. По обычаю Нолдор(ов) Галадриэли при рождении было дано два имени: отец назвал ее Артанис («благородная жена»), мать, обладавшая, как и все женщины Нолдор(ов), даром прозрения, – Нервен («дева-муж»).

Галадриэль действительно ни в чем не уступала эльфам-мужчинам. Третье ее имя – Алтариэль, что на кв. означает «сияющая гирлянда». В переводе на синд. это звучит как Галадриэль. Именем этим она была обязана своим удивительным волосам; говорили, что в их пряди вплетен свет деревьев Валинора. Возможно, именно волосы Галадриэли внушили Феанору мысль создать Сильмарилы и заключить в них свет деревьев. Известно, что Феанор просил Галадриэль подарить ему прядь ее волос, но получил отказ, так как Галадриэль не любила Феанора, – она видела, что в его душе растет тьма. Когда же разыгралась трагедия, описанная в Сильм. (см. прим. 179), и Феанор порвал с Валар(ами), соблазнив вступить на свой путь и других Нолдор(ов), гордость увлекла на этот путь и Галадриэль. Ее ввела в искушение мысль о Средьземелье, так как она мечтала о том, чтобы править землями и народами по собственному усмотрению, без оглядки на Валар(ов), оставаясь свободной от их опеки. Видя тень, омрачившую сердце Феанора, Галадриэль не успела вовремя заметить, как та же тень завладела и ее собственным сердцем. Таким образом, Галадриэль присоединилась к мятежу Нолдор(ов) и вопреки воле Валар(ов) покинула Валинор. Вместе с ними понесла она на себе и проклятие (см. прим. 402), хотя была против преступлений, совершенных Феанором на пути в Средьземелье и навлекших на него это проклятие (Феанор пролил кровь эльфов-Телери, отобрал у них корабли и потом эти корабли сжег). Однако гордость удержала ее от раскаяния. В конце Старшей Эпохи, после победы над Морготом, Валар(ы) простили мятежников, но гордость снова заставила Галадриэль остаться в Средьземелье. В чуть более ранней версии говорится, что Галадриэль, как одна из предводителей мятежа, не получила прощения вместе с остальными в конце ПЭ, после победы Валар(ов) над Морготом; таким образом, ко времени прибытия Фродо в Лориэн у Галадриэли не было причин не считать свое изгнание вечным. Ближе к концу жизни Толкин старался свести участие Галадриэли в мятеже к минимуму, даже скорее к нулю. По новой версии, Галадриэль вместе с Кэлеборном, который оказывается в этом варианте одним из эльфов-Телери, что жили на побережье Валинора, сражается против Феанора на стороне Телери. «Грех» Галадриэли, закрывающий ей путь обратно, сводится в этом варианте к недоразумению.

Так или иначе, в свое время Кэлеборн (его имя, звучащее на диалекте Телери как *Тэлепорно*, представляет собой слияние корней «серебро» и «высокое, тонкое дерево» в отличие от корня *галад*-, означавшего скорее мощное, крепкое дерево) и Галадриэль вместе с Кэлебримбором стали основателями Эрегиона, хотя Кэлеборн не мог простить гномам того, что одно из их племен участвовало в уничтожении эльфийского королевства ПЭ, Дориата, и не желал соседства с гномьим королевством – Морией. Однако Галадриэль искала союза и дружбы между расами. Когда же над эльфами Эрегиона и Кэлебримбором возымел влияние Саурон, Галадриэль, расставшись на время с Кэлеборном, покинула Остролистию (между 1350 и 1400 гг. ВЭ) и перебралась в Лориэн. Узнав о предательстве Саурона, Кэлебримбор раскаялся и спешно прибыл в Лориэн просить у Галадриэли совета. Решено было спрятать Эльфийские Кольца Власти; у Галадриэли осталось Белое Кольцо – Нения. Кольцо помогло Галадриэли усилить Лориэн и сделать его еще более прекрасным. Началась война с Сауроном, в ходе которой Кэлебримбор попал в плен и был убит, даже под пыткой не выдав местонахождения Трех Колец. Благодаря вмешательству Нуменора Саурон потерпел в этой войне поражение, а Галадриэль покинула Лориэн и воссоединилась с Кэлеборном в Имладрисе. После этого они долго в мире и благоденствии жили на побережьи Белфаласа, на юге, в месте, которое после стало называться Дол Амрот, так как, по одной из версий легенды, Амрот, король Лориэна, часто навещал их там. Однако в ТЭ Амрот пропал без вести, и Кэлеборн с Галадриэлью вернулись в Лориэн, находившийся в опасности.

Один из друзей Толкина, католический священник о. Р. Муррэй, заметил как-то, что образ Галадриэли невольно вызывает в воображении образ Девы Марии – особенно если смотреть на Галадриэль глазами Фродо и Сэма. В письме Р. Муррэю от 2 декабря 1953 г. (П, с. 171) Толкин в известной мере соглашается с ним, говоря, что «с Ней <<Девой Марией>> связаны все мои скромные представления о красоте – как простой, так и окруженной ореолом славы». Однако, замечает он далее, образ Галадриэли может служить лишь зеркалом для Святой Девы, но никак не Ее прообразом, так как на самом деле Галадриэль далеко не безгрешна, – она изгнанница и терпит наказание от Валар(ов) за свою гордыню. Здесь мы опять

встречаемся с излюбленным приемом Толкина: тот или иной образ или эпизод прозрачно намекает на образ (эпизод) из христианской или иной парадигмы; при этом смысл и значение толкиновского образа не меняется, однако он обретает новую глубину.

КД высказывает предположение, что образ Галадриэли навеян образом Прапрапрабабушки из сказок Джорджа Макдональда (1824–1905), писателя-сказочника и христианского священника, друга Льюиса Кэррола, одного из немногих писателей, которых Толкин отчасти признавал своими учителями и литературными предшественниками.

Может быть, это кому-то покажется неожиданным, но история Галадриэли и других эльфов-изгнанников построена на основе древнеангл. христианских преданий и уж во всяком случае им не противоречит – так считает Шиппи. Известна легенда о св. Михаиле (которой Толкин как специалист по средневековью не мог не знать), в которой говорится, что эльфы – не кто иные, как особая разновидность ангелов и существуют в действительности. Согласно этой легенде, ангелы вовсе не представляют собой две враждующие партии – одна за Бога, другая против. В этой войне были и неприсоединившиеся, утверждает легенда. Те из «неприсоединившихся», кто склонялся к Люциферу, заключены были в особые темницы до Судного Дня. Те же, кто склонялся больше к Богу, но в открытую борьбу с силами зла не вступил, – посланы были с Небес на землю как бы в изгнание, причем одни пребывают в Земном Раю, другие – в различных местах Земли, населенных людьми. Здесь они должны «претерпеть некоторые муки» до конца мира, после чего они будут прощены и возвращены на Небо. Этих «нейтральных» изгнанников можно иногда видеть. «Часто люди видят их в больших количествах; по виду похожие на женщин, они танцуют и играют в темноте. Они зовутся эльфами и часто приходят в города; день обычно проводят в лесах, ночь же – на высоких холмах. Это – злосчастные духи, изгнанные с Небес. И в Судный День многие из них обрящут покой», – говорит легенда.

²⁷³ У Кэлеборна были причины недолго любить гномов: он присутствовал при том, как гномы Ногрода разорили эльфийское королевство ПЭ – Дориат, убили короля эльфов Тингола, отца Лутиэн Тинувиэль (см. прим. 147) и захватили Сильмарил.

²⁷⁴ В письме к Э. Роналд от 15 декабря 1956 г. (П, с. 255) Толкин пишет: «Я – христианин, а если точнее – римский католик, и я вижу «историю» как одну «долгую борьбу, обреченную на поражение» – хотя она и содержит (а в легендах еще ярче и трогательнее) некоторые образцы или проблески конечной победы». Для христианина «конечная победа» Добра во Вселенной – Рождество Христово, но жизнь Христа на земле окончилась распятием – т. е. видимым «поражением». Однако Воскресение Его из мертвых, предваряющее всеобщее Воскресение, превращает это «поражение» в победу, хотя и лежащую «вне» исторического времени. Та же судьба ждет и силы Добра во времени: видимое распятие с пришествием Антихриста в

конце истории и окончательное торжество с концом истории и Вторым Пришествием Христа. Но и до пришествия Антихриста история, по Евангелию и Апокалипсису, представляет собой ряд катастроф и гонений на «верных». Христос произносит далекие от исторического оптимизма слова о Своем будущем Пришествии на землю: «Сын Человеческий пришед найдет ли веру на земле?» (Лк., 18:8).

²⁷⁵ На толкиновской концепции «волшебства» и «магии» необходимо остановиться подробнее. Через всю книгу проходит различие этих двух понятий, какими бы словами то и другое ни называлось в английском и русском языках. Пристальное рассмотрение показывает, что ни тот ни другой язык не дает адекватных слов для отображения того, что хотел сказать Толкин, и сейчас станет видно почему. В письме к М. Уолдмену (1951 г., П, с. 146) Толкин пишет: «...Под... магией... я разумею всякое использование *внешних* планов бытия и *внешних* приспособлений – вместо развития внутренних сил и талантов; в некоторых случаях даже таланты можно использовать с извращенными целями, для того чтобы с их помощью над чем-либо господствовать – например, чтобы разворотить мир бульдозерами или, скажем, подчинить себе чужую волю... Очевидный пример тому в современном мире – Машина (она гораздо ближе к магии, чем принято обычно думать). Я прибегал к слову «магия» далеко не всегда. Владычица эльфов, Галадриэль, упрекает хоббитов в том, что они применяют это слово без разбора и к чарам Врага с его машинами, и к эльфам. Дело в том, что для эльфийских «волшебств» подходящего слова попросту не существует, а «магией» я это назвать никак не могу. Люди всегда путали эти смыслы. Эльфы для того и введены мною в повествование, чтобы показать разницу. Их «магия» – отнюдь не магия: это Искусство, освобожденное от наложенных на него *человеческих* ограничений. Для него требуется меньше усилий, творится оно быстрее, и результат его совершеннее, а именно – он в точности соответствует замыслу. Цель этого «волшебства» – чистое искусство, а не власть над миром, вспомогательное, «малое» творчество, а не господство над Большим Творением и тираническое его переустройство. Эльфы, по крайней мере в границах этого мира, бессмертны, а потому их печаль – скорее о тягостях и скорбях, которые влечет за собою в этом мире бессмертие, чем о смерти. Враг же, когда ему сопутствует удача, желает,

«естественно», только абсолютного господства, и потому он – Властелин Магии и машин; но тут возникает проблема – ведь это устрашающее зло каждый раз возникает, причем снова и снова, из корня, по видимости, доброго, а именно – из желания благодетельствовать мир и людей, причем мгновенно и согласно планам самого благодетеля...»

Так говорит Толкин о «магии». Но что такое «эльфийское волшебство»? И где его место в христианской Вселенной, где ко всякому волшебству отношение не из лучших? Для строгого католика Толкина введение в его «католическую» (по его же собственным словам) книгу какого-то там «волшебства» было шагом рискованным – но хорошо обдуманном, хотя вряд ли кто поначалу заметил дерзость этого приема: ведь в волшебной сказке добрый волшебник – персонаж обычный, и едва ли кто подвергает сомнению его чудеса. Все дело в неопределенности смыслов, закрепленных за словами «волшебство» и «магия». Одно досталось из языческого прошлого и происходит от слова «волхвовать», другое – заимствовано, и для того, о чем говорит Толкин, подходящего слова в русском языке нет, как нет и в английском. «Маг» воздействует на мир и людей с помощью заклинаний, машин, использующих его собственную психическую энергию или энергию духов, действующих независимо от воли Божией, – демонов, проникающих в мир через «мага». Эльфийское волшебство – явление совсем другого рода, и, конечно, напрасный труд искать о нем справку в катехизисе, ведь с эльфами богословие, как правило, дела не имеет. Но очевидно (и это показывает Толкин), что у другой расы, не прошедшей, как человечество, через грехопадение, волшебство может иметь совершенно другой смысл и быть свободным от зла. По крайней мере автор может «создать» такую расу по собственной воле, поскольку он волен делать внутри своих произведений все, что ему заблагорассудится. Но одновременно эльфы символизируют «творческую сторону» людей, как говорил и сам Толкин. Есть ли аналог «эльфийского волшебства» у людей? Такими вопросами в России интересовался неоднократно цитированный выше П. Флоренский, рассматривавший этот вопрос именно с богословской точки зрения. А. Ф. Лосев в своей заметке «Магия в понимании П. А. Флоренского» (Флоренский П. Собр. соч.: В 3 т. М., 1990, т. 2, с. 279) приводит такие слова о. Павла: «...До христианства тоже была

религия. И тоже были «таинства»... Это в язычестве – естественное откровение, т. е. люди естественно сформулировали формальное восприятие того, что было позже коренным образом преобразовано в христианстве в результате сверхъестественного Божественного откровения, а не в результате общечеловеческих жизненных инстинктов. Это ли не магия тоже? Лишь разная духовная высота разделяет их – а ведь богословие признает естественное откровение наряду с Божественным. В то же время существует и так называемая «магия черная»... И лишь часть того, что в этом смысле можно назвать «белой магией», соответствует христианству с его таинствами... У нас в христианстве, православии, есть таинства, которые, по сути дела, заменили и раз и навсегда отменили старую языческую магию... Но эта «магия», так сказать, «белая магия», магия светлая, благодатная, христианская». Христианские таинства, по о. Павлу, – высшая ступень «волшебства» (о. Павел колебался между словами «волшебство» и «магия», указывая, однако, при этом, что предпочтительнее было бы избрать какой-нибудь третий, нейтральный термин). Возможно, Толкин размышлял примерно в том же направлении. Заметим в скобках, что эльфы были «монотеистами», а отнюдь не язычниками и, в отличие от людей, избежали изначальной катастрофы – так что, возможно, эльфийское волшебство было свойственно и людям до того, как их природа затемнилась в итоге грехопадения (если оставаться в пределах христианского мифа). О том же говорит Толкин в письме к Н. Митчисон от 25 сентября 1954 г. (П, с. 199–200): «Я полагаю, что между магией Саурана и эльфийским волшебством существовало скрытое различие... Обе стороны в ВК используют и то и другое, но с разными мотивами... «Магия» Врага – сила, с помощью которой он как бульдозер перекапывает землю и людей; с помощью «магии» он пугает, подчиняет чужие воли. «Волшебство» эльфов и Гэндальфа (которым они пользуются крайне осторожно) дает реальный эффект в реальном мире (например, зажечь мокрый хворост) ради особых благих целей. Их волшебство – чисто творческое и не направлено на обман... но... разница с человеческой «магией» в трилогии в том, что это не та сила, которую получают из преданий или с помощью заклинательных формул; это – врожденная сила, которой у людей нет и которой они стяжать не могут». Интересное замечание об «эльфийском волшебстве» обронила исследовательница Толкина Диана Паксон в

статье, напечатанной в журнале *Mythlore*, No. 63, осень 1990 г., с. 4–8. «Возможно, волшебство – это просто метафора, которой пользуется Толкин, говоря о духовном мире. *Настоящее эльфийское волшебство*, которое так остро чувствует Сэм, не понимая его, идет от духа», – пишет она.

²⁷⁶ По всей видимости, эта картинка извлечена Зеркалом из глубокой древности, и глазам Фродо является корабль Элэндила, на котором тот с остальными «верными» Нуменора спасся от катастрофы (см. Приложение А, I, гл. 1).

²⁷⁷ Ни хоббиты, ни читатель не знают, чем это испытание является для Галадриэли. В течение многих веков жила она в Средьземелье, отказавшись возвращаться в Валинор с самого начала, так как желала править страной Смертных без опеки свьше, чтобы сделать ее прекрасной. Но за все эпохи она не смогла достичь своей цели. Теперь цель эта перед ней – и она отказывается от нее, лишая смысла свое долгое противостояние Валар(ам), принося в жертву желание, ради которого она пожертвовала столь многим, и не ожидая ничего взамен.

²⁷⁸ Галадриэль – Хранительница одного из выкованных Кэлебримбором Эльфийских Колец, Нении.

²⁷⁹ Синд. «каменные острия».

²⁸⁰ Синд. «ревущие брызги».

²⁸¹ Синд. «озеро многих туманов».

²⁸² Синд. *ленн* + *мбас* – «дорожный хлеб». Кв. *коимас* («хлеб жизни»). Второе название содержит прямую отсылку к богословскому выражению, означающему хлеб Святого Причастия у христиан. У католиков он имеет вид тонких лепешек из пресного теста (облаток). Однако это не означает, что *лембас* является аллегорией Святого Причастия; соотношение здесь, как всегда у Толкина, более сложное. В письме к Д. Уэбстер от 25 октября 1958 г. (П, с. 288) Толкин пишет: «Некоторые увидели в подорожниках (*лембасах*), поскольку они питают волю и действуют сильнее во время поста, – *viaticum*, производную от Евхаристии. Так более высокие вещи могут влиять на ум и окрашивать его, пока автор занят менее важными деталями своей волшебной сказки».

²⁸³ Эльфийское ткачество и плащи, помогающие скрыться от вражеских глаз, связывают текст со сказочной традицией. Эльфы в

английских сказках могут становиться невидимыми (в том числе и с помощью плащей-невидимок). В то же время эльфы трилогии – как говорит в ч. 3 Эомер – «плетут сети чародейства». Толкин превращает метафору в реальность, усаживая эльфов за ткацкий станок.

²⁸⁴ Синд. «туманные нити».

²⁸⁵ Галадриэль вспоминает о времени, когда над Средьземельем светили только звезды, а в Валиноре (см. прим. 182) – Золотое и Серебряное Деревья (см. прим. 404). Солнце и Луна были созданы только после гибели Деревьев Валинора.

²⁸⁶ См. прим. 182. Обитель Манвэ и Варды на горе Менелтарме в Валиноре.

²⁸⁷ См. прим. 184

²⁸⁸ См. прим. 186.

²⁸⁹ В оригинале Entwash: рох. *энт* + «мыть». Можно было бы перевести данное название как «Энтмыя», но это звучит по-русски неуклюже. Скорее всего, по внутренним законам языка подобное название со временем могло бы преобразиться во что-нибудь вроде «Энтвейи», по аналогии с изобретенным переводчиками суффиксом *-вейя* в имени Ветвейя. Оставить роханское слово без перевода, как в большинстве других случаев, здесь было невозможно по соображениям благозвучия.

²⁹⁰ Фангорн – синд. «борода + дерево».

²⁹¹ То же, что и Бурые Увалы.

²⁹² В НС (с. 248) можно прочесть, что у Толкина существовало две версии происхождения и смысла этого подарка Галадриэли. В Гондолине (см. прим. 254) эльфийским мастером Энердилом (синд. «одинокое острие»), который мечтал соединить воедино свет солнечных лучей и зелень листвы, был некогда создан камень с волшебными свойствами. Те, кто смотрел в этот камень, видели мир юным, а руки того, кто носил этот камень на груди, давали исцеление больным и страждущим. От Энердила камень попал к Идрилу, дочери короля Гондолина Тургона; Идрил спасла чудесный кристалл из пожара Гондолина, когда тот был разрушен. Идрил стала женой человека – Туора и передала камень своему сыну Эарендилу (см. эту часть, гл. 1), запретив передавать его кому бы то ни было. Сама же она отплыла за волны Моря. Когда Эарендил покинул Средьземелье,

камень был с ним. Однако по прошествии столетий камень Энердила (или его копия) вновь объявился в Средьземелье. Согласно первой версии, это был тот же камень, по милости Валар(ов) привезенный в Средьземелье Олорином (Митрандиром) (см. прим. к этой части, гл. 2, *Он принадлежит к моему Ордену...*). Он же и передал камень Галадриэли, сердце которой к тому времени снова обратилось к Валинору: она тосковала по его неумирающим цветам и деревьям. Передавая Галадриэли камень, который звался Элессар, Митрандир заповедал ей вручить его тому, кто будет носить то же имя. Согласно другой версии, Элессар Энердила так и остался в Валиноре, но по просьбе Галадриэли Кэлебримбор создал точное подобие этого камня, так как в искусстве не уступал Энердилу и в свое время тоже жил в Гондолине. Кэлебримбор любил Галадриэль и не мог отказать ей в просьбе. В некотором смысле камень Кэлебримбора по своим волшебным свойствам даже превосходил камень Энердила, но свет прежнего камня был чище, так как с тех пор Средьземелье накрыла тень, омрачившая свет солнца.

²⁹³ Дочь Кэлеборна и Галадриэли, супруга Элронда, мать Элладана, Элрохира и Арвен Вечерней Звезды.

²⁹⁴ Когда Галадриэль жила в Валиноре, многие считали, что в ее волосах заключена частица Света Двух Деревьев, и ее родич – сам великий Феанор – обратился к ней однажды с просьбой подарить ему локон, но Галадриэль отказала ему, так как относилась к нему с подозрением. Без сомнения, эта история была известна лориэнским эльфам – немудрено, что они изумились дерзости Гимли и согласию Владычицы.

Один из литературных предшественников Толкина – Г. К. Честертон – в своей биографии католического учителя церкви св. Фомы Аквинского рассказывает о случае, который произошел со св. Фомой в церкви св. Доминика в Неаполе. Из деревянного распятия, перед которым молился св. Фома, донесся голос: «То, что ты написал, будет жить вечно. Выбери же себе любую награду из всего, что ни есть на свете». И св. Фома ответил: «Я выбираю Тебя».

²⁹⁵ Песня-жалоба и одновременно песня-молитва. Галадриэль знает, что ей самой заказан путь в Валинор (см. прим. 272), и тоскует по своей родине, хотя в свое время предпочла Средьземелье Валинору по собственной воле. Галадриэль надеется, что Фродо дарована будет

высшая милость – после всех трудов и испытаний найти покой в Землях Бессмертных, и обращается к Варде с молитвой за него, уступая Фродо свое место на Сером Корабле. Правда, в таком толковании выражена лишь одна из версий истории Галадриэли, но, судя по всему, в момент написания ВК Толкин придерживался именно ее. Другие версии убедительного истолкования этой песни не дают. Галадриэль поет на языке Валинора и Высших эльфов – Квэнии.

²⁹⁶ Синд. «горы + блеклый».

²⁹⁷ В оригинале *Limlight*. В Рук. (с. 202) Толкин характеризует первый элемент как «неясный по смыслу», второй – означает «светлый, чистый». По-видимому, река обязана своим названием прозрачности воды.

²⁹⁸ См. прим. 207.

²⁹⁹ Валандил – имя, которое носил старший сын Сильмариэн, дочери нуменорского короля Тар-Элендила. В честь этого Валандила (в переводе с кв. его имя означает «друг Вала(ра)») был назван четвертый сын Исилдура. Три его сына и сам Исилдур были убиты у Сабельников; Валандил остался в живых, так как по молодости не участвовал в битве и находился в то время у Элронда в Ривенделле.

³⁰⁰ Синд. «гора-ухо» и «гора-глаз».

³⁰¹ Синд. «луг + зеленый».

³⁰² См. Приложение А, III, а также Приложение Б.

³⁰³ По-видимому, взгляд Саурана представляет собой какой-то особый вид духовной энергии, о котором Толкин нигде подробнее не говорит. Западные комментарии к этому месту нам неизвестны.

³⁰⁴ Кому принадлежат эти голоса? Кто говорит «Иду к тебе!»? Это может быть голос самого Фродо – и голос Кольца. Кольцо у Толкина на протяжении всей трилогии представляет собой нечто двойственное, и природа его до конца не определена, что, по Шиппи (с. 108), отражает философский дуализм понятия зла, о чем см. прим. 227. С одной стороны, Кольцо как бы является действующим лицом трилогии: оно само «находится», «слышит зов хозяина», «не хочет» выниматься из кармана, соскальзывает с пальца в решающий момент и т. д. Возможно, и на этот раз оно подает знак своему Властелину с вершины Амон Хена. В то же время Кольцо – вещь, зависящая от воли других. Оно не способно защитить себя, не способно пошевелиться и

т. д. В первой части трилогии есть знаменательный эпизод: Фродо собирается вынуть Кольцо из кармана и чувствует, что оно потяжелело, словно не желает показываться на свет, – а может, это сам Фродо не испытывает особого желания его доставать? В последнем случае Кольцо как бы «принимает» сигнал от Фродо и механически на него реагирует, работает как пассивный приемник и усилитель определенных флюидов души, исходящих из подсознания окружающих, а именно – флюидов «греховных». Если Кольцо – субъект, то Зло – реальность, и с ним надо бороться как с таковым. Если же Кольцо – объект, то Зло – иллюзия, и бороться надо не с Кольцом, а со Злом в самом себе. В контексте трилогии ни тот ни другой ответ не обеспечивает единственно верного решения – скорее, здесь существует и то и другое. Возможно, второй голос в комментируемом отрывке принадлежит не Кольцу, а исходит из неведомых самому Фродо глубин его подсознания, где живет иррациональное стремление ко Злу, как и у всех смертных, и Кольцо лишь усиливает это стремление, направляя в средоточие Зла – в Мордор, к Саурону. А может, эти слова подсказаны Врагом и выданы им за собственные слова Фродо, чтобы сбить того с толку? Это одно из самых глубоких и сложных мест трилогии. Что касается голоса, который велит Фродо снять Кольцо, то здесь нет никаких загадок, и обладатель этого голоса узнается из третьей части.

³⁰⁵ Параллель со знаменитым рогом Роланда из средневекового эпоса «Песнь о Роланде»:

*Свой Олифан Роланд руками стиснул,
Поднес ко рту и затрубил с усилием.
Высоки горы, звонок воздух чистый.
Протяжный звук разнесся миль на тридцать...
...Трубит он в Олифан с тоской и болью...
...Увы, на помощь не поспеет Карл.*

(Ст. 1755–1806, пер. Ю. Корнеева)

³⁰⁶ Во многих древних традициях, в том числе иудео-христианской, оставить тело непогребенным – один из самых

страшных грехов.

³⁰⁷ Ритмика данного перевода намеренно архаизирована.

³⁰⁸ В стихотворении персонифицируется столица Гондора – Сторожевая Крепость (Сторожевая Башня).

³⁰⁹ Толкин приложил много усилий, чтобы упорядочить фазы луны, время ее восхода и захода. Луна в книге ведет себя в полном согласии с законами астрономии.

³¹⁰ Имеется в виду гондорская корона с чаячьими крыльями из мифрила.

³¹¹ Речь идет о священном Белом Дереве, которое росло во дворе Королей Гондора. См. гл. 1 ч. 5 кн. 3.

³¹² Образовано от синд. корней *rox-* + *-хир-* + *-рим* («лошадь» + «князь» + «войско»). Ср. кв. *рокко* («лошадь»).

³¹³ Внимательный читатель заметит, что ткань повествования во второй книге резко меняется по сравнению с первой. В первой книге все строилось вокруг пути Фродо и Отряда; когда же Отряд рассеялся, нитей сразу стало несколько, и они прихотливо переплелись между собой. Шиппи (с. 121) соотносит этот художественный прием со средневековым приемом «переплетения» (*interlacement*). Повествование идет не поступательно – оно то забегает вперед, то возвращается, и требуется усилие, чтобы выстроить все события в одну линию. В разговоре Гэндальфа с Теоденом (гл. 8) содержится прямой намек на «переплетение»: *«Спроси у детей! Они легко извлекут нужный ответ из перепутанных нитей древних легенд»*, – говорит Гэндальф. При этом, замечает Шиппи, автор держит все нити в своих руках, но герои знают об этом еще меньше, чем читатель, и, следуя за своей нитью, узора видеть не могут. Это рождает у них чувство неуверенности, сомнения, уныния. Они стоят перед трудным выбором, не зная, что все уже решено заведомо. Блуждания персонажей по Роханским степям и позже в Фангорнском лесу приводят на память «Сон в летнюю ночь» Шекспира, где Пак, Оберон и Титания водят героев за нос, переплетая их пути и сталкивая друг с другом. Столкновения и выборы героев определяет *wurd* – «случай, который на самом деле не совсем случай», но проявление Промысла (см. об этом подробнее в прим. 88). *Wurd* (случай) превращается в запутанную сеть, из которой тщетно пытаются выбраться герои.

Злодеи невольно творят добро, добрые начинания приводят к совершенно неожиданным результатам – одним словом, в повествование вмешиваются скрытые, но могущественные силы, действующие под прикрытием «случая». Здесь правильность выбора и поступка значит во много раз больше, чем успех дела, и наоборот. Средневековая техника «переплетения» подразумевает, что мир – прекрасный персидский ковер с чудесным узором, где все продумано и выверено, все имеет свои причины, – а мы, «как муравьи, ползающие по ковру, видим только хаос красок и полное отсутствие смысла» (Шиппи, с. 122). Смысл виден только Богу – или по крайней мере тому, кто так или иначе смотрит на этот ковер извне. В случае человеческого творчества это соответственно автор и читатель. Однако творение человека неизбежно вплетается в «узор» Большого Божьего Творения, порождая новые линии и узоры, которые автор и читатель, в свой черед, видят лишь частично; на то и существуют комментарии, чтобы показать хотя бы часть этого «большого» узора, не мешая комментируемому произведению оставаться абсолютно самодостаточным.

³¹⁴ Шиппи (с. 100) указывает, что Эмнет – название местности в графстве Норфолк. Etnep – древнеангл. «степь» или «прерия», а также «зеленая трава». В этой связи обмен репликами Арагорна и Эотайна чуть ниже обретает новый смысл.

³¹⁵ Синд. «последний пик». На Западном Языке это название звучит как «Последняя Гора».

³¹⁶ Шиппи (с. 89) утверждает, что «роханцы до малейших подробностей похожи на англосаксов», хотя сам Толкин от этой параллели отрекся. Единственное, в чем между роханцами и древними племенами англов и саксов наблюдается серьезная разница, – это отношение к лошадям, которые в жизни англосаксов играли весьма незначительную роль, в то время как у роханцев даже название страны – Eorëod (Эотеод) – говорит об их страсти к коневодству (оно составлено при участии древнеангл. элементов ео- – «лошадь» и Beod – «народ»). Шиппи (с. 96) считает, что Толкин воссоздал не реальный, а «песенный» образ англосаксов: как ни странно, в поэтическом наследии последних образ коня окружен большим почтением. Возможно, это более древняя, готская традиция (по одной недоказанной гипотезе, этимологически слово «готы»

означает «лошадиный народ»). Аналогия роханцев с готами подтверждается тем, что до Эорла Юного вожди роханцев у Толкина носили готские имена (например, *Видумави*). Однако язык роханцев далек от готского и является на самом деле диалектом англосаксонского (см. ниже). Страну свою они называют *Марка*, но на одном из диалектов древнеанглийского название англосаксонского королевства Мерсии звучало бы очень похоже – *Миарк* (Mearc); мерсийский же диалект (письменных источников, отражающих этот диалект, не сохранилось; он относится к числу наречий, реконструированных лингвистами по отрывочным свидетельствам того времени. Предположительно именно на нем говорили в самой Мерсии) дает вариант *Марк* (Marc). В письме к сыну Кристоферу от 9 декабря 1943 г. (П, с. 65) Толкин замечает, что в случае повального распространения английского языка по земному шару в качестве языка массовой культуры ему ничего не останется, кроме как перейти на «старомерсийский».

Границу древней Мерсии издавна обозначала так называемая «Белая Лошадь» на зеленом меловом холме недалеко от Оксфорда – загадочная стилизованная фигура, считающаяся одной из достопримечательностей Оксфордшира.

О конниках «темных веков» Европы (VI–IX вв.) известно довольно много. В книге Франко Кардини «Истоки средневекового рыцарства» (М., 1989. С. 248–260) можно вычитать много немаловажных для образа роханцев подробностей. Достаточно упомянуть, например, о заимствованном германцами у римлян обычае окружать себя «букцелляриями» – стражниками, телохранителями, личной дружиной (есть и другие названия, например древнерусское *гридь*). «У германцев личная дружина (гвардия) на протяжении столетий была кузницей лучших и самых благородных воинов... доступ в нее был открыт только свободным людям... нередко... отпрыскам прославленных родов». В этой свите «верность своему вождю – самый главный долг». Королевские дружинники были «постоянным войском, отличавшимся от народного ополчения, в которое по призыву собирались все свободные люди».

Первоначально как конники среди германских племен особенно славились готы, одерживавшие победы с помощью своей легкой кавалерии (см. выше). Одежда конника в позднейшее время (под

влиянием Византии) состояла из туники, закрывавшей колени, кольчуги с капюшоном и поясом (раньше – кожаной рубахи с железными бляхами), пелерины, войлочного плаща с капюшоном, металлического шлема с шишаком, который надевался во время сражений, и небольших круглых щитов из бронзы (для королевской свиты – еще кольчужные перчатки). Известен византийский трактат, в котором автор так описывает западных воинов (западные народы он именует «белокурыми», что справедливо и в отношении роханцев!): «Белокурые народы весьма ценят свою свободу. Они смелы и непреклонны в сражении, у них отважный и пылкий характер... Смерть они презирают. Они свирепы на поле брани и верхом на коне, и в пешем строю... Вооружены они щитами, копьями и короткими мечами...»

³¹⁷ Также Проклятые Годы, Черные Годы. Годы, когда Саурон почти безраздельно властвовал над Средьземельем, поработив многие народы. Продолжались с 1000 г. ВЭ, когда Саурон поселился в Мордоре, до 3441 г., когда он был низвергнут войсками Последнего Союза. За это время Саурон построил Барад-дур, выковал Кольца Власти и одержал победу над эльфами Эрегиона. В письме к М. Уолдмену (конец 1951 г., П, с. 154) Толкин пишет об этом времени так: «Во Вторую Эпоху... в Средьземелье растет и укрепляется королевство зла, теократия зла (ибо для своих рабов Саурон был еще и богом). На Западе... лежат непрочные королевства эльфов, и в тех местах люди остаются более или менее неиспорченными, хотя и невежественными. Лучшие и благороднейшие из них – дальние родичи тех, кто отбыл в Нуменор, но и они ведут простую патриархально-племенную жизнь «в духе Гомера».

³¹⁸ Годы жизни Эорла Юного – 2485–2545 гг. ТЭ. Правитель народа Эотеод (что в переводе с рох. означает «нация лошадей») (2501–2510 гг.) и первый король Рохана (2510–2545 гг.). См. о нем Приложение А, II. Имя Эорл означает на рох. «смельчак, воин». Родственно датскому *ярл* – «князь». Слово это было заимствовано английским языком после вторжения датчан и стало писаться *eorl* вместо *jarl*; означало благородного вельможу. Ср. совр. англ. *earl* – «герцог».

³¹⁹ Шиппи (с. 97) пишет, что конский хвост на шлеме – не английское украшение, оно было свойственно скорее гуннам и

татарам. Правда, в позднее время его взяла на вооружение английская гвардия, но оно было позаимствовано из прусской армии, которая, в свою очередь, взяла его у армии русской. Военный термин *rapache* означает одновременно белый плюмаж (или конский хвост) на шлеме воина и внезапную отчаянную атаку, сметающую всякое сопротивление (в английской военной традиции к этому приему ведения боя относились более чем прохладно, пишет Шиппи).

³²⁰ Ответ – да, мол, один из нас эльф – удивляет Эомера, потому что под словом «эльф» он понимает то же, что разумел бы на его месте древний англичанин, задавая подобный вопрос, а именно – «вы не колдуны?» (Шиппи, с. 98). Эомер и его люди в этой сцене предстают, по Шиппи, одновременно как скептики и люди, подверженные суевериям (Толкин считал это сочетание не только возможным, но и весьма распространенным). Сарумана они называют *dwimmer-crafty*, что на древнеангл. означает «кошмар», «иллюзия», «оборотень». Этот эпизод показывает, как мало знают роханцы о других племенах и о том, что составляет глубинную суть истории Средьземелья. Здесь можно при желании прочесть горький намек на современное человечество, утратившее истинное знание о мире и существующее «на поверхности бытия», как считал Толкин.

³²¹ Эомер – рох. «лошадь + слава». Имя заимствовано из «Беовульфа» – см. ст. 1961–1962 в русском переводе А. Корсуна:

*...и таким же, как он,
был внук Гармунда,
родич Хемминга
(в битвах яростный),
Эомер, покровитель воителей.*

Слово «маршал» происходит из древненем. *marcho-skalkos* – «слуга коней» (см. *Мархо*, прим. к Прологу).

³²² Возможно, рох. «слуга лошадей».

³²³ Рох. «группа конников», от *eo-* («лошадь»). Слово встречается в древнеангл. текстах, правда, всего два раза, причем, как указывает Шиппи (с. 16), во второй раз оно употреблено неправильно, так что

можно сказать, что Толкин, по своему обычаю, извлек его почти из небытия и дал ему новую жизнь.

³²⁴ Рох. «брод энтов».

³²⁵ О *меарасах* см. Приложение А, II. Само слово заимствовано из «Беовульфа». В ед. ч. звучит как *meaŕh* (древнеангл. «лошадь»). В «Беовульфе» стихи, где употреблено это слово, звучат следующим образом:

Hwîlum heaðo-rôfe hleápan lêton,
on geflît faran fealwe mearas...

(Ст. 864–865)

*(Там и наездники,
быстрые в битвах,
вскачь пускают
коней буланных.)*

<<Здесь и далее стихи из «Беовульфа»
в переводе В. Тихомирова.>>

³²⁶ Рох. «лес энтов». Ср. англ. названия лесов – Шервуд и др.

³²⁷ В оригинале *Meduseld*. Слово заимствовано из «Беовульфа». Означает «палаты, хоромы». Как художественный образ представляет собой кальку с описания дворца короля Хродгара в «Беовульфе».

³²⁸ *Хасуфэл* – рох. «темная шкура». *Арод* – рох. «быстрый».

³²⁹ В роханской культуре почитание Прекрасной Дамы является прямым анахронизмом, заимствованным из рыцарской эпохи европейского средневековья. У древних мерсианцев ничего подобного не было. Однако Толкин не смущается этим несоответствием и позже (в гл. 5 ч. 6 кн. 3) к нему возвращается. Прямых объяснений этому нет, поскольку ВК в целом ориентирован не на рыцарскую культуру, а на героический эпос. В письме к сыну Майклу от 6 марта 1941 г. (П, с. 48) Толкин пишет о «рыцарской культуре» так: «В нашей западной культуре все еще очень сильна романтическая рыцарская традиция... которая идеализирует «любовь», – и это было бы неплохо уже хотя бы

потому, что «любовь» для нее больше, чем просто телесное удовольствие, и подразумевает если не чистоту, то по крайней мере верность, а следовательно, и самоотречение, «служение», учтивость, честь и мужество. Слабость ее заключается, конечно же, в том, что она сделала любовь искусственной придворной игрой, способом наслаждаться любовью ради нее самой безотносительно к браку (и даже в противоположном браку смысле). Ее центром был не Бог, а воображаемые божества – Любовь и Прекрасная Дама... а это, конечно, взгляд уже прямо ложный». См. также письмо к неизвестному читателю (1963 г., П, с. 323): «В моей книге речь идет не о периоде так называемой «рыцарской любви» и его претензиях, но о культуре более благородной». В духе Толкина было бы предположить, что средневековые рыцари косвенным образом заимствовали культ Прекрасной Дамы у гномов, долгие века хранивших память о Гимли...

³³⁰ Возможно, приключения героев в Фангорне (и отчасти в Лориэне) навеяны романом У. Морриса «Лес не от мира сего» («The Wood Beyond This World»). У. Моррис оказал, как считают исследователи, серьезное влияние на творчество Толкина.

³³¹ Эта фраза Толкином не переведена. По-видимому, орк пользуется одной из упрощенных версий Черного Наречия, введенного для своих слуг Сауроном. Другой пример Черного Наречия – надпись на ободе Кольца.

³³² В своей лекции на посвященной столетию Толкина конференции в Оксфорде («Политика и природа зла») Шиппи подробно останавливается на орках. Он считает, что у орков есть некоторое понятие о добродетели: они обладают своеобразным чувством юмора, товарищества и долга. Это, без сомнения, еще одно свидетельство того, что орки не были созданы Темной Силой, а скорее «сделаны» на «материале» какой-то другой расы; именно поэтому даже Моргот не смог вытравить из них остатки положительных качеств (см. прим. к «Хоббиту», гл. 3).

³³³ Грышнах представляет собой явную пародию на политика-демагога, использующего социалистическую идеологию ради собственных корыстных целей.

³³⁴ Восход солнца в Средьземелье символически связан с человеческим родом. Аданы (Эдаины, или племя людей, см. прим. 684) ассоциировались у эльфов с солнцем, так как появились в

Средьземелье вскоре после первого солнечного восхода и установления смены дня и ночи (до этого эльфы жили под звездным небом).

³³⁵ Толкин никак и нигде не объясняет эту фразу, оставляя читателя теряться в догадках. Возможно, древняя скала обладала какими-то особыми «энергетическими», как сказали бы современные экстрасенсы, свойствами. Но в мифологии Толкина слова «энергетика» нет, и тайна остается тайной, которая не исчерпывается никакими поверхностными объяснениями.

³³⁶ *Энт* (рох.). На синд. звучит как *онод* и означает «гигант». В древнеанглийских источниках известно в составе выражения *огранс ента гевеорс* («искусная работа энтов»). По-видимому, в английской мифологии энты были гигантами, исчезнувшими с лица земли в незапамятные времена. В мифологии Толкина энты – не столько обычная средьземельская раса, сколько духи, по воле Валар(ов) вошедшие в деревья и «оживившие» их. Призванием этих духов, посланных в Средьземелье Валиэ Иаванной, было охранять *олвар* – мир средьземельских растений. Энты «проснулись» тогда же, когда и эльфы. В ПЭ они приняли участие в Войнах Белерианда, оказав помощь Берену в уничтожении злых гномов Ногрода, захвативших Сильмарил у отца Лутиэн Тингола и убивших самого Тингола (см. прим. 147, а также прим. к гл. 1–2 ч. 2 кн. 1).

³³⁷ Кв. эквивалент имени Древобород.

³³⁸ Здесь слышны отголоски традиции скрывать от чужих подлинное имя, бытовавшей во многих древних обществах. Согласно этой традиции, имя дает доступ к его носителю, делает его беззащитным перед злой волей чужака, но и осуществляет связь с покровительствующими человеку высшими силами. В Англии начала века посторонние, как правило, не использовали в обращении к человеку его первое имя – так, сам Толкин (Джон Рональд Руэл) был Джоном только для родственников, и то не для всех; что касается ближайших друзей, то они знали его как Рональда.

³³⁹ Кв. «страна-долина поющего золота, страна множества золотых деревьев».

³⁴⁰ Кв. «лес многотонный, черная глубокая долина, заросшая лесом глубокая мракострана».

³⁴¹ *Нан-тасарион (Тасаринан)* (синд. «долина ив») – местность в Белерианде (земле, где располагались королевства эльфов в ПЭ и которая в конце ПЭ почти целиком ушла под воду, – см. прим. 201) близ слияния рек Нарог и Сирион. Малонаселенный край.

³⁴² *Оссирианд (Оссир)*. Синд. «страна-семи-рек» (вариант перевода: «крепость-поток-стрела»). Край в Белерианде. Известен был также под названием Линдона. Войны Белерианда почти не затронули Оссира. После того как Белерианд ушел под воду, часть Оссирианда осталась сушей. Здесь впоследствии располагалось королевство Гил-галада.

³⁴³ *Нелдорет (Тор-на-Нелдор)*. Предположительно синд. «страна буков». Лес в Белерианде, примыкавший к долине Нан Дунгортеб (см. прим. 463). Нелдорет был частью эльфийского королевства ПЭ Дориата; здесь Берен повстречался с Лутиэн (см. прим. 144).

³⁴⁴ *Дортонион (Ород-на-Тон)*. Синд. «страна сосен». Северная часть Белерианда. В IV столетии ПЭ здесь поселились люди Первого Дома Эдаинов (см. прим. 441). Однако после битвы Дагор Браголлах (455 г. ПЭ) Моргот (см. прим. 259) сжег нижние склоны Дортонионских гор, и люди вынуждены были уйти из тех мест (см. также прим. 463).

³⁴⁵ *Амбаронэ*. Кв. «мир +?». *Алдаломэ*. Кв. «великая тень». *Тауреморналомэ*. Кв. «лес + черный + тень».

³⁴⁶ В оригинале звучит гораздо величественнее, чем в переводе: Wellinghall – Веллингхолл (ср. Веллингтон и др.). Для английского слуха это название, вполне достойное державного владыки.

³⁴⁷ Эту фразу мог бы сказать о себе и сам Толкин – всю жизнь он относился к деревьям как к своим личным друзьям и тяжело переживал, когда они гибли под топором, особенно если в этом не было никакого смысла.

³⁴⁸ Синд. «тонкая береза».

³⁴⁹ Окончание создано переводчиком искусственно по аналогии с топонимом Энтвейя, что является по отношению к тексту некоторой вольностью (см. *Энтвейя*, прим. 289). В оригинале Wandlimb (переводится примерно как «ветвеподобная»).

³⁵⁰ См. прим. 317.

³⁵¹ *Брегалад* – синд. «быстрое дерево». Но *галад* также означает «свет». *Стремглав* в оригинале звучит как Quickbeam («быстрый луч», на древнеангл. – «дерево жизни»). Название рябины в сельских диалектах Англии. Quicken – горная рябина).

³⁵² В Англии рябина не считается съедобной ягодой.

³⁵³ *Орофарнэ* – кв. «горная обитель»; *Лассемиста* – кв. «серый лист»; *Карнемириэ* – кв. «украшенная красными камнями». Толкин дает перевод этих имен с квенийского в письме к Р. Джеффри от 7 сентября 1955 г. (П, с. 224).

³⁵⁴ Согласно древнескандинавской традиции, бог Один иногда ходил по лесам в виде старика с посохом, одноглазого, седобородого, в широкополой шляпе (на это указывает К. С. Фрейзер в статье «Так чье же это все-таки Кольцо?» (Mallorn, N 25, 1988 г.). Фрейзер отмечает, что в письмах Толкин и сам допускал некоторое сходство Гэндальфа с Одином).

³⁵⁵ Этот эпизод перекликается с Преображением Христа на горе Фавор, чему свидетелями были три его ученика – Иоанн, Иаков и Петр. Христос предстал перед ними преображенным, в ореоле неземного света, так что уstraшенные ученики «пали на лица свои»; когда же они решились поднять глаза, то увидели, что Христос беседует с Моисеем и Илией, величайшими пророками древности, о своей смерти и воскресении. Гэндальф, конечно, не Христос, но в скрытой здесь отсылке к евангельскому эпизоду таится намек на «прикровенную» связь книги с христианской традицией. Текст «осведомлен» о Христе, хотя герои о Нем ничего не знают. Эта отсылка, как и многие другие скрытые в тексте цитаты, ничего не добавляет к непосредственному смыслу эпизода, только помещает его в неожиданный контекст, создает символический «фон», дополнительную «подсветку».

³⁵⁶ Гэндальф является одним из ангелов подчиненной иерархической ступени, Майяр(ов). Умерев в одном из воплощений, он, как и Саурон (см. прим. 79), может воплотиться вновь, но делает это, в отличие от Саурана, не по своей воле, а по велению высших сил; участвует ли в этом сам Эру или только архангелы, Валар(ы), остается неизвестным. Таким образом, воплощение и «воскресение» Гэндальфа не имеют ничего общего с воплощением и воскресением Христа, который жил и умер как человек (Гэндальф отличается от людей по

многим признакам) и воскрес в прежнем теле, предваряя, согласно канонам, общее воскресение людей, и не «волей высших сил», как Гэндальф, но силой Собственного Божества. Евангельское Воскресение создает символический «фон» чудесному возвращению Гэндальфа, но, как уже говорилось в предыдущей статье, такой «фон» у Толкина, как правило, не оказывает непосредственного влияния на сопряженный с ним эпизод.

В письме к М. Стрэйту (начало 1956 г., П, с. 236) Толкин пишет: «Творец ни в этой повести, ни вообще в моей мифологии не «воплощается». Гэндальф – Его творение. Его роль как «волшебника» – это роль ангела или посланника Валар(ов) (Правителей Мира): он должен помогать разумным существам Средьземелья в их противостоянии Саурону, который в ином случае... был бы для них врагом чересчур могущественным... Ситуация в мире с падением Сарумана ухудшилась настолько, что «добро» встало перед необходимостью бóльших, нежели прежде, усилий и жертв. Так, Гэндальфу пришлось вступить в схватку со смертью и погибнуть; но он вернулся, или был, по его словам, «послан обратно», наделенный большей силой, нежели прежде. Может, при чтении этого эпизода кому-то на ум придет евангельское Воскресение, но «воскрешение» Гэндальфа с евангельским Воскресением ничего общего не имеет. Воплощение Бога бесконечно больше, и я никогда не осмелился бы писать о чем-либо даже отдаленно близком к этому. Я всего-навсего пишу о Смерти как о составной части физической и духовной природы человека – а также о Надежде без гарантий».

³⁵⁷ Послание Галадриэли к Леголасу по ритму повторяет древнеанглийское стихотворение о королевиче Кенелме, которое было опубликовано исследователями в 1941 г.:

*In clento cou bache
kenelm kynebearn
lith under (ha e) thorne
hæudes bereaved.*

<<Королевский сын Кенелм лежит в Кленте под кустом орешника, с отрубленной головой.>>

Клент находится в самом центре древней Мерсии, прототипа Рохана, и, хотя по смыслу связи между стихами нет, Толкин мог намеренно использовать этот древний ритм для создания определенной атмосферы (Шиппи, с. 237).

³⁵⁸ Ср. «Беовульф» (ст. 304–314):

*Так за вожатым
Спешит дружина
Мужей войнолюбых
Широкой дорогой, —
И вдруг перед ними
В холмах воссияла
Златослепящая
Кровля чертога,
Жилища Хродгара...*

³⁵⁹ Слова Леголаса – точный перевод строк из «Беовульфа» (ст. 310–314):

*...под небом не было
знатней хоромины,
чем та, озарявшая
окрестные земли...*

³⁶⁰ Теоден – рох. «правитель». Сын Тенгела и Морвен. См. подробнее о них Приложение А, II. Тенгел – рох. «король, владыка».

³⁶¹ Вольный перевод отрывка из древнеанглийского стихотворения «Скиталец» («The Wanderer») (Пер. В. Тихомирова. В кн.: Древнеанглийская поэзия. М., 1982. С. 76):

*Где же тот конь и тот конник?
Где исконный златодаритель?
Где веселье застолий?
Где все эти хоромы?
Увы, золоченая чаша,*

Увы, кольчужный ратник,
Увы, войсководы слава,
То миновало время,
Скрылось, как не бывало.
За покрывами ночи.

³⁶² См. «Беовульф», ст. 234–260 (эпизод, где дозорные Хродгара останавливают дружину Беовульфа):

...дивится витязь
гостям незванным...
...и, древком ясeneвым,
копьем потрясая,
спросил пришельцев:
«Кто вы,
закованные в броню?..
...Давно храню я
наши границы...
но не упомяну,
чтобы чужая
дружина вышла
на этот берег
так, без опаски,
без дозволения
моих сородичей,
власть предержащих.
И я ни в жизни
не видел витязя
сильней и выше,
чем ваш соратник...
кровь благородная
видна по выправке!
Но я обязан
узнать немедля
ваш род и племя...»

³⁶³ *Червеуст (Грима). Грима* – рох. «маска», «шлем». Прозвище Гримы дается здесь в переводе, так как у Толкина оно «переведено» на совр. англ. с рох. (т. е. древнеангл.) языка, на котором звучало бы как *Вирмтунга*. «Червь» – устаревшее слово, обозначающее дракона или змею. Здесь соответствует аналогичному англ. корню *worm-*, входящему в состав имени Червеуста (*Wormtongue*).

³⁶⁴ Рох. «дом».

³⁶⁵ Ср. «Беовульф», ст. 326–332:

*...там, под стеной...
они сложили
щиты широкие...
там же составили
копья из ясеня
вместе с мечами...*

³⁶⁶ Ср. «Беовульф», ст. 289–294:

*...сказал дозорный:
«И сам ты знаешь,
что должно стражу —
щитоносителю
судить разумно
о слове и деле.
Я вижу ясно,
с добром вы к Скильдингу
путь свой правите,
и вам тореную
тропу, кольчужники,
я укажу...»*

³⁶⁷ Шиппи (с. 95) пишет, что здесь Толкин «пользуется случаем выразить то, что для англосаксов разумелось само собой, – в частности, он хочет сказать, что свобода не является прерогативой демократий и что в свободных обществах требования совести важнее,

чем приказы». В Марке Роханской никто не мог бы в оправдание себе сказать: «Я только выполнял приказы», как говорили многие обвиняемые на Нюрнбергском процессе: такое объяснение просто не было бы принято.

³⁶⁸ Шиппи (с. 100) пишет, что для обозначения этого отверстия Толкин использует слово французского происхождения *louver*, что для Толкина вообще нехарактерно. Шиппи предполагает, что здесь заключен намек на иноземное происхождение архитектурной концепции Метузельда; по-видимому, она заимствована из Гондора. Отсюда сходство гондорского тронного зала (гл. 1 ч. 5 кн. 3) с роханским.

³⁶⁹ Ср. в «Беовульфе» (ст. 322):

*...На пестрые плиты,
на путь мощный
толпа ступила
мужей dospешных...*

В англосаксонской каменной архитектуре распространены были крашенные каменные полы, о чем во времена Толкина было хорошо известно благодаря успехам тогдашних археологов. В 1917 г. были также найдены так называемые Осбергские ковры, современные этим крашеным полам; эти ковры вполне могли бы украшать дворец Хродгара из «Беовульфа» (как и дворец Теодена).

³⁷⁰ Рох. «народ + совет».

³⁷¹ Рох. название Лориэна. Содержит корень *dvimor* – «заклятый, волшебный».

³⁷² Этот эпизод и фраза содержат отдаленную отсылку к эпизоду из Деяний Апостолов, 13: 6–12: «Пройдя весь остров до Пафа, нашли они некоторого волхва, лжепророка, Иудеянина, именем Вариисуса, который находился с проконсулом Сергием Павлом, мужем разумным. Сей, призвав Варнаву и Савла, пожелал услышать слово Божие. А Елима волхв (ибо то значит имя его) противился им, стараясь отвратить проконсула от веры. Но Савл, он же и Павел, исполнившись Духа Святого и устремив на него свой взор, сказал: о, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой

правды! перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних? И ныне вот, рука Господня на тебе: ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени. И вдруг напал на него мрак и тьма, и он, обращаясь туда и сюда, искал вожатого. Тогда проконсул, увидев происшедшее, уверовал, дивясь учению Господню». Ср. ниже слова Гэндальфа, обращенные к Теодену: «Слишком долго ты оставался во тьме, внимая лживым речам, которыми пытались совратить тебя с прямого пути!»

³⁷³ *Эовейн* (англ. произношение *Эовин*). Рох. «лошадь + радость». Переводчики изменили огласовку, чтобы избежать совпадения входящего в состав имени корня *-вин* (*wyn*) с другим роханским корнем – *wine* («друг»), который по-русски также произносится *-вин*, в то время как в английском произношении звучит иначе.

³⁷⁴ Еще одна параллель с «Беовульфом». Хеорот – дворец Хродгара, с которого «списан» Метузельд (см. прим. 358), гибнет в огне.

³⁷⁵ Рох. «Будь здоров, Теоден!» (Ср. рох. слово *хал* с англ. *whole* «целый, невредимый».)

³⁷⁶ В оригинале «If we fail, we fall». Эта строка – эхо слов леди Макбет из «Макбета» Шекспира (догадку эту высказывает Шиппи, с. 137). «But if we fail?» – спрашивает Макбет, и леди Макбет переспрашивает его: «We fail?» Так звучит это место в поздних изданиях, однако Толкин вместе с некоторыми исследователями имел основания считать, что ответ леди Макбет должен звучать как утверждение: «We fall». В первом варианте леди Макбет на вопрос супруга: «Но если мы проиграем?» – отвечает простым повторением вопроса, словно ей и в голову не приходит возможность поражения (в этом смысле трактуют эту реплику и русские переводчики). Во втором она просто отвечает: «Тогда мы погибнем», что более соответствует ее характеру и общему духу трагедии, который Шиппи характеризует как «дух наступательного мужества»; Теоден обладает этим духом в полной мере. Слова *fail* и *fall* почти идентичны по написанию, и их легко спутать, что, возможно, однажды и произошло. К тому же второй вариант вводит в текст аллитерацию, игру слов, свойственную и стилю «Макбета», и стилю роханской поэзии.

³⁷⁷ См. Рук., с. 196: «Dunharrow – осовремененное на английский лад романское *Dunhærg* («языческое святилище на склоне горы»), названное так потому, что убежище Рохирримов у входа в Харгскую

долину (в оригинале Harrowdale) располагалось на месте старинного святилища прежних обитателей тех мест... Элемент – -hærg (*харг*) является староангл. вариантом древнеисландского hörg... и староверхненемецкого harog. В языке перевода лучше избрать нечто близкое к роханскому звучанию». Толкин специально отмечает, что корень -harrow не имеет ничего общего с современным англ. словом harrow – «борона».

³⁷⁸ В оригинале Herugrim. Рох. «меч + яростный».

³⁷⁹ Рох. «Счастливого пути, Теоден!»

³⁸⁰ *Грейхейм* – рох. «серая мантия».

³⁸¹ Рох. «трезубец».

³⁸² Рох. «благородная ветвь».

³⁸³ Рох. «свободный человек», «герой».

³⁸⁴ Рох. «рог + крепость».

³⁸⁵ См. Рук., с. 198. Слово «Фолд» происходит от древнеангл. folde, что значит «земля, страна, местность».

³⁸⁶ См. Приложение А, II.

³⁸⁷ Рох. «битва + друг».

³⁸⁸ «Мечи гномов! Гномы идут на вас!» (один из немногочисленных образцов гномьего языка – *Куздула*).

³⁸⁹ Единственное слово из дунландского языка, упомянутое в трилогии. По-видимому, означает «соломенноголовые».

³⁹⁰ Видимо, многие, читая это место, вспомнят «Макбета»: «Когда Бирнамский лес пойдет на Дунсинан...» Здесь действительно не обошлось без Шекспира. Толкин утверждал, что в свое время, читая «Макбета», он был сильно раздосадован прозаическим объяснением чудесного исполнения пророчества: лес оказался замаскированным войском! В своей книге Толкин исправил недоразумение и заставил лес по-настоящему прийти на помощь правой стороне и решить исход битвы.

³⁹¹ Синд. «долина волшебника» (*Курунир* – эльфийское имя Сарумана, означающее «искусник», «волшебник». Роханское имя является переводом с эльфийского).

³⁹² Авторам этого комментария довелось видеть эту руку – она и по сю пору хранится в Шеффилдском городском музее под ошибочным названием «Типичный дорожный указатель в английской сельской местности». Ногти у этой огромной руки действительно выкрашены в ярко-красный цвет.

³⁹³ Тема «машины» – одна из основных у Толкина, как он сам говорит в письме к М. Уолдмену (конец 1951 г., П, с. 143–163): «Вся моя книга написана в основном о Грехопадении, Смерти (Mortality) и Машине». Создание машин, по Толкину, связано с «желанием Власти, желанием сделать действие собственной воли более эффективным». Машина тесно связана с Магией, под которой Толкин понимает использование внешних действий и приспособлений для достижения желаемого результата, вместо того чтобы полагаться на внутренние силы (см. также прим. 275).

Присутствие Машины в Средьземелье означает присутствие темной силы, след деятельности Врага: «Когда Враг преуспевает, он всегда «естественно» занят Властью, Господством в чистом виде, почему я и называю его Властелином магии и машин; проблема в том, что это страшное зло может возникнуть и возникает из корня по видимости доброго, а именно – из желания облагодетельствовать мир и человечество быстро и в согласии со взглядами самого благодетеля. У меня этот мотив повторяется неоднократно».

³⁹⁴ При наличии известной смелости этот эпизод можно истолковать как символическое (не аллегорическое!) изображение разных планов существования зла: какую-то его часть можно уничтожить физическими силами, на физическом уровне, но эта часть

будет, как правило, лишь следствием проникновения зла на землю (как машины Сарумана). Корень же зла физическим сопротивлением победить невозможно – для этого требуется усилие иного рода.

³⁹⁵ Ед. ч. — *хольбитла*, мн. — *хольбитланы*. Здесь, как и в других случаях, переводчик подчеркнул мн. ч. роханского (в данном случае) слова окончанием мн. ч. русского языка. Слово *хольбитлан(ы)* переводится как «обитающие в норе».

³⁹⁶ Синд. «деревья, обладающие голосом». Энты, уподобившиеся деревьям, но сохранившие способность разговаривать с другими энтами. Об их способности «окутывать себя тенью» Толкин более не упоминает.

³⁹⁷ Один из критиков назвал голос Сарумана «гипнотическим», на что Толкин в письме к Ф. Дж. Аккерману (июнь 1958 г., П, с. 276) резко возразил: «В моей книге нет ни подлинного гипноза, ни его наукообразных разновидностей (в оригинале употреблено слово *scientifictitious* – сплав слов «научный» и «фикция». – М.К. и В.К.). Те, кто слушал Сарумана, отнюдь не впадали в транс. Опасность для них была в том, чтобы согласиться с его аргументами наяву, а не во сне. Человек всегда мог отвергнуть доводы Сарумана, отвергнуть по собственной воле и в здравом рассудке: пока звучал его голос, человек мог отбросить чары, равно как и потом – их последствия. Саруман вводил в соблазн именно разумные силы человека».

³⁹⁸ О пяти волшебниках см. прим. 216. «Семь королей» – слова загадочные, не истолкованные ни в одном из существующих справочников. При всем желании в Средьземелье трудно насчитать такое количество королей: Короли Арнора, Короли Гондора, Короли Рохана, Короли гномов, Короли эльфов – и, пожалуй, все. Довести их число до семи возможно, только если считать эльфийских королей Белериандских королевств – король Линдона (Гил-галад), король Нарготронда (Финрод), король Дориата (Тингол). Королем также был Предводитель Черных Всадников – Ангмарский Чернокнижник. Но в таком случае их получается уже восемь... Кроме того, все королевства этих королей существовали в разные эпохи и большинство из них было стерто с лица земли задолго до ТЭ, когда в Средьземелье явились Саруман и Гэндалф.

³⁹⁹ В письме к У. Х. Одену от 7 июня 1955 г. Толкин пишет: «Я ничего не знал о *палантири* (мн. ч. от *палантир* в языке Квэния. – М.К.

и В.К.) до тех пор, пока один из них не упал из окна Орфанка; но я в тот же миг узнал его и тут же понял, что означали строки, которые я уже давно бормотал про себя, – «семь звезд, семь камней и Белое Древо одно...»

⁴⁰⁰ КД пишет: «Палантиры, как и Сильмарилы с Кольцами, несут в себе огромный символический потенциал» (с. 202). Одно из возможных толкований этого образа приведем здесь. Палантиры называются «ясновидящими Камнями»; с их помощью можно магическим (волшебным) способом получить знания о мире. Между тем подобные способы получения знаний и сведений в Библии находятся под строгим запретом. Человеку, верующему в Единого Бога, нельзя обращаться к ясновидящим, ворожеям, гадалкам, кудесникам и т. д. Запрет не относится к пророчествам или вещим снам, которые даются человеку от Бога. Но если человек ищет «знаний» и «знамений», он может только обратиться к Богу с молитвой, а не идти к гадалке, минуя Всевышнего. Проблема этого запрета – одна из сложнейших в библейской традиции, ибо на первый взгляд в ней не заключено никакого «морально-этического» смысла, да и стремление человека к знанию представляется вполне естественным. Образ *палантиров* предлагает вариант объяснения (которое, разумеется, является лишь одним из возможных). Сам по себе палантир, как и чистое знание, как и желание человека знать больше о мире, в котором он живет, не несет в себе зла. Однако по той или иной причине часть палантиров попадает в поле действия темных сил, и с того момента каждый, кто смотрит в палантир, подобно Пиппину, оказывается в ловушке, из которой сам выбраться не может, особенно если не знал предварительно, на что идет. Врагу не обязательно являться своей жертве собственноручно: ему достаточно сортировать образы в палантире по своему выбору так, чтобы они оказывали на воспринимающего их определенное влияние. Более того, «захваченный» Врагом палантир начинает действовать на расстоянии (подобно Кольцу), как это и случилось с Пиппином: он искушает его, усиливая любопытство и подавляя сдерживающие силы. Таким образом, к истине, сообщаемой палантиром, неприметно подмешивается зло и пьющий из этого источника знаний сам приобщается к темным силам, что постепенно изменяет его личность. Согласно предположениям некоторых богословов, не содержат в себе

зла, возможно, и те знания, которые человек получает от ясновидящего или ворожеи; однако уже сам факт обращения к ним помимо Всеведущего Бога приводит в действие темные силы греха, и, кроме того, в области тайных знаний по неизвестным нам причинам могут хозяйничать эти самые темные силы, иногда ничем не обнаруживающие своего присутствия, но могущие принести вред человеку, – отсюда и запрет.

Однако подобное толкование, конечно, не исчерпывает всей глубины образа. В более широком смысле ни одно из творений человека, да и самое его творчество, не застрахованы от того, чтобы стать орудиями темных сил, как бы благи они ни были сами по себе.

КД (с. 241) пишет: «Символизм помогает Толкину делать свои книги не просто зеркалами, но еще и светильниками – с помощью символов ему удастся не только описать жизнь, но и осветить ее глубины...»

⁴⁰¹ В этой считалочке (по крайней мере песня Гэндальфа напоминает детские считалочки, в которых, как полагал Толкин, заключены иногда обрывки утерянных мифологий!) говорится о кораблях так называемых Верных, которые отказались идти войной на Валинор и за это были пощажены во время гибели Нуменора (см. Приложение А, I, гл. 1): буря вынесла их на берег. Камни и саженец Древа – сокровища, вывезенные из Нуменора, – удалось сохранить.

⁴⁰² Нолдоры – одно из племен Высших эльфов. См. прим. к гл. 2 ч. 2 кн. 1. Феанор – эльф-Нолдор весьма благородного происхождения (принц). Искуснейший из детей Илуватара (Единобожия), однако гордый и нетерпимый, Феанор создал и изобрел много прекрасных вещей: так, он был автором *Тенгвара* – эльфийской письменности. С помощью своего искусства Феанор создал чудесные камни – Сильмарилы, в которые заключил свет Двух Деревьев Валинора. Воспылав любовью к своему творению, Феанор отказался передать Сильмарилы Валар(ам), когда Два Древа были помрачены и только свет Сильмарилы мог еще спасти их. Более того, Феанор дал чудовищную клятву враждовать не на жизнь, а на смерть со всяким, кто пожелает отнять Сильмарилы у него или его потомков, и многие эльфы присоединились к нему, что было для них своеобразным грехопадением. Позже эта клятва послужила причиной неисчислимых бедствий, первым из которых был уход части эльфов из Валинора в Средьземелье; Валар(ы) наложили

запрет на их возвращение. В Средьземелье Феанор вскоре после первой одержанной им победы попал в окружение к Балрогам, был смертельно ранен и умер на руках у своих сыновей.

⁴⁰³ См. прим. 186.

⁴⁰⁴ Белое и Золотое Деревья – два легендарных чудесных дерева, что росли в Валиноре – обители Валар(ов) и освещали его (в то время надо всем остальным миром царил тьма – Солнца и Луны еще не было). Старшее из Деревьев – Тельперион – имело темно-зеленые листья с серебряной изнанкой. На них собиралась роса света, из которой впоследствии получились звезды, а из последнего серебряного цветка Тельпериона была создана Луна. Второе дерево называлось Лаурелин, его листья были светло-зеленые с золотым краем, цветы – в виде раструбов рога, ярко-желтые; роса с его листьев падала золотым дождем. Из последнего плода Золотого Дерева было создано Солнце.

⁴⁰⁵ См. прим. 148.

⁴⁰⁶ В начале Второй мировой войны работа над ВК надолго приостановилась. Только весной 1944 года Толкин вернулся к трилогии и занялся походом Фродо и Сэма в Мордор. История написания четвертой части отражена в письмах к сыну Кристоферу, который в то время нес военную службу в Южной Африке.

⁴⁰⁷ Другое название – Дагорлад (см. прим. 81).

⁴⁰⁸ См. прим. 83, а также ниже: 410!

⁴⁰⁹ В этом месте близко к поверхности текста подходит одна из опорных евангельских фраз трилогии – «Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет» (Лк, 12:34). В русском переводе связь с этой фразой усилена за счет совпадения ключевого слова в обеих цитатах (в оригинале Голлум называет свое «сокровище» *precious*, в английском переводе Евангелия (New English Bible) использовано слово *treasure*).

⁴¹⁰ Здесь Толкин снова возвращается к теме восприятия добра и благодати теми, кто находится во власти зла (см. также прим. 72). «Активно добрые» вещи, т. е. вещи, причастные благодати, которой обладают эльфы и которая связывает их со священным Валинором (см. прим. 182), воспринимаются «павшей» душой как «активно чуждые», враждебные. Согласно одной богословской гипотезе, «огонь геенский», который мучит грешников в аду, – не что иное, как Свет Божий, который грешники воспринимают как мучительный жар. Ср.

у Исаака Сирина: «Любовь силою своею действует двояко – она мучит грешников... и веселит собою соблюдающих долг свой» и у Григория Богослова: «Трисиятельное Светило... для одних – свет, а для других – огонь, смотря по тому, какое вещество и какого качества встречает в каждом». (Цит. по: СиУ. С. 724 и 251.) Феномен отрицательного восприятия грешником сакральных предметов и явлений широко известен в религиозной психологии – взять хотя бы русскую поговорку «боится, как черт ладана». Психологический факт восприятия сознательно не приемлющим религии человеком всего, связанного с церковью, как неприятного или отталкивающего, наблюдается очень часто. Ср. также слова из запричастной молитвы: «Огнь сый и попадаяй недостойныя, не опали мя, Содетелю мой...»

⁴¹¹ В письме к сыну от 23 апреля 1944 г. (П, с. 73) Толкин пишет: «В среду утром читал Льюису и Уильямсу <<К. С. Льюис (Клайв Стейплз Льюис, 1898–1963 гг.) – писатель, преподаватель Оксфордского университета, один из ближайших друзей Толкина, особенно в тридцатые–сороковые годы. Дружба эта имела огромное значение для обоих и – сегодня можно смело утверждать это – для истории. Без поддержки Льюиса ВК вряд ли был бы закончен и едва ли увидел бы свет. В свою очередь Толкин оказал Льюису услугу, которую трудно переоценить, – способствовал обращению последнего в христианство (до знакомства с Толкином Льюис был убежденным атеистом). Это обращение стало возможным не в последнюю очередь благодаря схожим взглядам друзей на миф и роль воображения в человеческой жизни. Толкину удалось убедить Льюиса в истинности мифа, воплощенного в истории, – смерти и Воскресении Христа. Истории этого обращения, случившегося в одну достопамятную ветреную ночь, проведенную в дружеских беседах, посвящено программное стихотворение Толкина «Мифопозья» (впервые опубликовано в кн. «Дерево и лист» (Tree and Leaf. London) в 1991 г.). Вокруг Льюиса и Толкина сформировался легендарный ныне неформальный кружок «Инклингов», куда входило еще несколько писателей и преподавателей Оксфордского университета, в том числе Ч. Уильямс (см. ниже).

После своего обращения в христианство Льюис сделался страстным его апологетом и проповедником. Популярность его книг на христианские темы остается и по сей день исключительно высокой (в

том числе в России, где Льюиса в течение многих лет активно издавал самиздат). Особенной любовью пользуется его цикл детских сказок о вымышленной стране Нарнии и льве Аслане (аллегория Христа). В нарнийских сказках Льюиса легко угадываются общие с Толкином мотивы.

В письме к сыну Майклу (декабрь 1963 г., П, с. 341) Толкин пишет о Льюисе: «Мы многим обязаны друг другу, и дружба наша... всегда оставалась неизменной. Он был великим человеком».

Чарльз Уильямс (1886–1945 гг.) присоединился к кружку «Инклингов» в начале войны. Имел глубокое влияние на Льюиса. Уильямс был в числе тех, кому Толкин читал главы незаконченного ВК. Наследие Уильямса как писателя включает прозу, поэзию, драму, богословские трактаты, исследования по церковной истории, биографические эссе, литературную критику.

Первая книга Уильямса, «Небесная война», была опубликована в 1930 г. (раньше, чем начали публиковать свои книги Льюис и Толкин). До своей смерти Уильямс успел издать двадцать восемь книг. Толкин отзывался о творчестве Уильямса с уважением, однако без энтузиазма и оценивал его книги как по большей части ему чуждые. Одной из отталкивавших Толкина черт Уильямса было увлечение последнего оккультизмом (например, один из романов писателя основан на символике гадальных карт Таро), которого Толкин, как правоверный католик, не принимал категорически. Однако беседы и дружеские встречи двух авторов в кружке «Инклингов» были взаимно плодотворными, и нередко Толкин вспоминал о них с благодарностью и уважением.>> отрывок из второй главы – «Переход через Мертвые Болота» – и снискал одобрение... Я уже пренебрег не одним делом, чтобы продолжить работу над книгой. Работа засосала меня с головой, и мне приходится силой усаживать себя за гранки экзаменационных работ и лекций».

⁴¹² В письме к К. Баттен-Фелпс (осень 1971 г., П, с. 413) Толкин пишет: «Вы говорите о «душевном здоровье и святости», которые, по Вашим словам, Вы увидели в моей книге, и утверждаете, что они «представляют силу уже сами по себе». Я глубоко тронут. Ничего подобного мне еще не говорили. Но по странной случайности, когда я начал писать Вам, ко мне пришло еще одно письмо – от человека, который представился как неверующий, или, по его словам, «бывший

неверующий, в котором только-только забрезжило религиозное чувство». «Вы, – пишет он, – создали мир, где вера разлита во всем. Она не имеет видимого источника и похожа на свет из незримой лампы». На все это я могу ответить только одно: о своем собственном душевном здоровье никто не может судить беспристрастно. Если душевное здоровье присутствует в чьих-либо трудах или освещает их подобно некому всепроникающему свету – это идет не от автора, а через автора. И никто не может заметить этого и описать, если в нем самом нет этого света. Не будь его в вас обоих, вы ничего не увидели бы и не почувствовали или (если бы в вас жил какой-нибудь другой дух) исполнились бы презрения, испытали бы тошноту и ненависть. «Листья из эльфийской страны! Фу!», «Лембас!», «Пыль и пепел, мы этого не едим, нет!» «Властелин Колец» мне не принадлежит – в этом у меня нет никаких сомнений. Я помог ему появиться на свет, но дальше он пойдет сам, предназначенным ему путем, хотя я, естественно, принимаю в его судьбе глубокое участие – как отец в судьбе ребенка. Мне утешительно знать, что у него есть добрые друзья, которые могут защитить его против злобы врагов (жаль, однако, что при этом не все дураки сосредоточились исключительно в лагере противника!)).

⁴¹³ Одно из мест у Толкина, где символический подтекст явно выступает на поверхность. В системе толкиновской Вселенной прямого объяснения призракам Мертвых Болот нет. Однако материалистическое объяснение, которое дает ниже Голлум, явно не может быть правдой. Сэм застаёт Фродо погруженным в размышления, однако Фродо не поверяет своих мыслей спутникам. Шиппи (с. 164) говорит: «...видение <<Мертвых Болот>> страшно, так как наводит на мысль о том, что все – и эльфы, и орки, и зло, и добро, – все в конце концов становится только добычей плесени и безобразного тления. Та же самая мысль мелькает в связи с эпизодом, когда Мерри пробуждается ото сна после Курганов и когда автор оставляет без объяснения невольно возникающее при этом сопоставление усопшего благородного принца (чьи кости, по-видимому, покоятся в кургане) со злобным могильным призраком. Неужели всякая слава, всякое величие становятся добычей распада?» Шиппи приводит также для сравнения заклинание ведьм в «Макбете»: «Зло есть добро, добро есть зло» (пер. Б. Пастернака). В этом самая суть Вражьих чар – в попытках заронить

в сердце семя уныния и сомнения. Позже, в гл. 4, Фарамир с уверенностью говорит о том, что видения Мертвых Болот навеяны Врагом (хотя совсем не обязательно приписывать их лично Саурону). Болота покрыты плотным туманом, за которым не видно солнца; так сомнение и уныние могут запасть в душу, только когда человек отделен от единства мироздания, своим ли неверием, стараниями ли искушителя. Ясная память о существовании Бога лишает смысла отчаяние и сомнение. Над облаками Болот во славе сияет солнце – но его лучи не достигают земли, и уныние получает власть над душами, «материализуясь в образы отчаяния, могущественные, но все-таки лживые» (Шиппи, с. 164).

Однако все это лишь догадки – мы так и не узнаем, о чем думал Фродо в Мертвых Болотах, и эта недоговоренность – часть творческого метода Толкина. Этот же стилистический прием используют иногда и евангелисты: ср. эпизод в Евангелии от Иоанна (8:7), где Иисус, не отвечая обвинителям приведенной к нему грешницы, «чертит тростью на песке». Что Он чертил – неизвестно, однако же автор текста счел нужным об этом упомянуть...

⁴¹⁴ Концепция «благодатных» и «безблагодатных» земель – одна из центральных в творчестве Толкина. Интересно, что идея о проникнутости материи благодатью Божией и об искажении Образа Божия в творении, отторгнутом от Бога, вообще говоря, скорее присуща православию, нежели католицизму с его акцентом на человеке и его душе, а не на природе и космосе <<Стоит отметить, однако, что для последних лет это уже не так верно. Например, природе и космосу посвящена книга католического богослова и друга Толкина Р. Муррэя «The Cosmic Covenant» (1992 г.).>>. Тем удивительнее созвучность мыслей Толкина мыслям православных философов и богословов по поводу «освященной» и «оскверненной» материи, позволяющая привлекать их тексты в качестве богословского комментария к ВК. Ср. хотя бы у В. Ильина (Арфа Давида. Сан-Франциско, 1990. С. 284): «...Есть хаос и хаос. Хаос первого рода – это «земля неустроенная»... хаос творческий и творимый... готовый стать космосом под воздействием слова Божия... Но есть хаос и второго рода: это «горький хаос» разрушения, смерти, гибели. Этот хаос, в известном смысле, обратен первому и связан с противлением воле Творца, воле Божией... Характерное свойство этого хаоса есть то, что

он возникает всякий раз, когда тварь отвращается от Творца в силу дарованной ей формальной свободы, но видит перед собой зияющую пустоту, наполненную небытийственными призраками, и, одержимая темными влечениями к гибели, стремится в эту пустоту... И внутренний опыт, и свидетельство Писания говорят нам о том, что творение и разрушение мира идут как бы параллельно и на всякий творческий акт Создателя мира его противник отвечает актами противления и разрушения».

В письме к Л. Форстеру (31 декабря 1960 г., П, с. 303) Толкин писал: «Мертвые Болота и земли возле Мораннона многим обязаны пейзажам северной Франции после битвы при Сомме».

⁴¹⁵ Синд. «заграда мрака».

⁴¹⁶ Синд. «горы тепла».

⁴¹⁷ *Литлад* – синд. «пепел + равнина». *Горгорот* – предположительно синд. «демон + народ». *Нурнен* – синд. «? + вода».

⁴¹⁸ Синд. «башня + темный».

⁴¹⁹ В четвертой части не раз встречается упоминание об этих «других», однако подробнее о них нигде не говорится. Можно догадываться, что у Мордора есть какой-то «невидимый» план, на котором существуют не только сами Черные Всадники, но и еще какие-то существа, присутствие которых Голлум чувствует, находясь, по сути, уже одной ногой в царстве призраков, – отсюда, видимо, и его обостренное чутье, и страх, непонятный хоббитам.

⁴²⁰ См. прим. 449.

⁴²¹ Одно из мест трилогии, где особенно силен соблазн усмотреть аллегорию. Многие и пытались это сделать, видя в Мордоре то гитлеровскую Германию, то сталинскую Россию, то все вместе, а в сговоре Сарумана и Саурана – чуть ли не тайный пакт Молотова – Риббентропа. Однако Толкин возражал против таких толкований. «Мой ум не работает аллегориями», – утверждал он в письме к Н. Митчисон от 25 апреля 1954 г. (П, с. 174). С другой стороны, «невозможно написать историю, свободную от аллегории, так как каждый из нас – своего рода аллегория...» Шиппи (с. 127) разъясняет позицию Толкина следующим образом: «Неаллегоричность не означает запрета на поиск параллелей событиям ВК во внешнем мире».

Аллегория – это всегда жесткое закрепление за образом какого-то одного смысла, а ВК глубоко символичен, и символы, в нем заключенные, многозначны. Они легко приложимы к действительности: против этого Толкин не возражал. Но сказать, что красные флаги южан означают флаги, скажем, Красной Армии и больше ничего, – значит не понять чего-то очень существенного, хотя усмотреть в цвете этих флагов намек ничто читателю не запрещает. А вот в трактовке этого намека он остается волен. Скорее всего, в числе прочего он содержит указание на то, что действительность двадцатого века каким-то таинственным образом и впрямь вторгается в действие, присутствует в нем (или наоборот).

В письме к С. Анвину от 31 июля 1947 г. (П, с. 120) Толкин пишет: «Конечно, аллегория и простое повествование (story) имеют между собой много общего и где-то там, в царстве истины, встречаются друг с другом; поэтому единственной по-настоящему последовательной аллегорией является реальная жизнь. А единственные по-настоящему понятные рассказы – это аллегории... Разница между ними в том, что они подходят к делу с разных концов. Вы можете, если вам угодно, видеть в образе, скажем, Кольца аллессию нашего времени – например, аллессию судьбы, ожидающей всех, кто пытается победить зло с помощью силы. Но вы можете сделать это только потому, что магические, механические силы всегда действуют одинаково...»

⁴²² В оригинале Oliphaunt. (Древнеангл. «слон». Современное англ. слово elephant звучит почти так же. Олифаном назывался знаменитый рог Роланда в старофранцузской «Песни о Роланде».)

⁴²³ В письме к сыну Кристоферу от 30 апреля 1944 г. Толкин приводит это стихотворение целиком и замечает: «Надеюсь, мне удалось сделать его похожим на настоящие детские стишки» (П, с. 77). Стихотворение про олифана, прочитанное у самых Врат Мордора, производит комический эффект. «Мне кажется, что в реальной жизни, как и в ВК, комическое возникает именно там, где есть необходимость противостоять тьме мира», – писал Толкин С. Анвину (31 июля 1947 г., П, с. 120).

⁴²⁴ В письме к сыну Кристоферу от 30 апреля 1944 г. Толкин пишет: «Пока что [герои] находятся в Итилиэне... В целом Сэм ведет себя неплохо и оправдывает свою репутацию. С Голлумом он обращается примерно как Ариэль с Калибаном» (П, с. 77). См. также

письмо к сыну Кристоферу от 11 мая 1944 г. (П, с. 79): «Я закончил четвертую главу («Фарамир»), которая получила полное одобрение К.С.Л. и Ч.У.

(К. С. Льюиса и Ч. Уильямса – см. прим. 411. – М.К. и В.К.).

⁴²⁵ Любой англичанин, читая это описание, сразу же вспомнит старые римские дороги, которых и в наши дни в Англии сохранилось немало. Только в окрестностях Оксфорда их две. Для Толкина это символ, исполненный особой значимости. Римской дороге посвящено стихотворение друга его молодости Г. Б. Смита, члена «тайного общества» «Т.С.В.С.» (по начальным буквам фамилий входивших в него одноклассников Толкина). Г. Б. Смит, погибший в Первую мировую войну, завещал Толкину досказать за него то, что он надеялся поведать миру. Перепевы «Римской дороги» Г. Б. Смита встречаются в прощальной песне Галадриэли (см. гл. 8 ч. 2 кн. 1).

⁴²⁶ Синд. «страна луны».

⁴²⁷ Шиппи (с. 54) пишет об этом блюде: «Не может быть ничего более английского и ничего менее древнеанглийского». Вся сцена полна анахронизмов (с точки зрения раннего средневековья). В старой Англии не было ни кроликов, ни картошки, ни табака. Поэтому в оригинале Толкин заставляет Сэма говорить не potatoes («картошка»), а taters («клубни»), хотя и не вполне последователен в этом (один раз Сэм все-таки слово potatoes произносит).

⁴²⁸ Общий язык гондорцев несколько архаизирован, так как, в отличие от менее цивилизованных стран (например, Заселья), где язык развивался свободно, в Гондоре существовала литературная норма, которой следовали в течение многих веков.

⁴²⁹ Кв. «? + драгоценный камень». Имена братьев Фарамира и Боромира, согласно традиции древних скандинавов и древних англичан, похожи между собой. В письме к сыну от 6 мая 1944 г. Толкин пишет: «...на сцене появляется новый герой (я уверен, что не взял его из головы, – он просто вышел ко мне навстречу из итилиэнских лесов и остался в книге): это Фарамир, брат Боромира. Он занимается тем, что помогает мне отсрочить «катастрофу», рассказывая массу интересного из истории Гондора и Роухана (разбавляя рассказы весьма разумными размышлениями на тему о славе временной и славе истинной)» (П, с. 78). Шиппи (с. 98) пишет, что слово «учтивость» – одно из первых слов, что хоббиты слышат от

Фарамира, – Эомер употребить не мог бы. Это слово (по-английски *courtesy*), по свидетельству Шиппи, принадлежит к позднесредневековой европейской городской культуре. В устах Эомера слова «в них есть что-то от эльфов» звучали бы осуждением, но когда позже Фарамир произносит примерно такие же слова в отношении Фродо, – это похвала: Фарамир – представитель другой культуры, более древней и развитой, не забывшей еще эпохи дружбы эльфов и людей. Тем не менее, подчеркивает Шиппи, Фарамир не кичится этим, не демонстрирует своего превосходства, как Боромир и отчасти роханцы. Фарамир лишен надменности; и что крайне существенно для его характеристики в тексте – он умеет улыбаться, что является признаком душевной тонкости и высокой культуры.

⁴³⁰ Значения имен неизвестны.

⁴³¹ О *Валар(ах)* см. прим. 99. Больше слово *Валар(ы)* в тексте трилогии не упоминается ни разу, и объяснение ему Толкин дает только в Приложениях. Если учесть, что Приложения, вошедшие в третий том трилогии, вышли в свет с большим запозданием, нетрудно понять, что читатели довольно долгое время вынуждены были теряться в догадках: кто же такие Валар(ы)? Можно было предполагать только, что это некие верховные существа, имеющие власть отвлечь от людей опасность. Это было несомненным указанием на существование у гондорцев некоего культа или религии. Но о сходстве или различии этой религии с эльфийским почитанием Элберет оставалось только строить предположения. По всей вероятности, так же должен был воспринять эти слова и Сэм (Фродо мог знать о Валар(ах) раньше, от эльфов), так что неосведомленный читатель поневоле видит происходящее именно глазами Сэма. Вообще, в четвертой части действие показано именно под углом зрения Сэма: мысли Фродо остаются для нас тайной. Таким образом, еще раз подчеркивается четкая структура «посвящений» и «посвященности» героев трилогии и – наравне с ними – читателя, что, возможно, является одним из секретов «жизненности» мира Толкина. Читатель принимается в него на общих основаниях, с минимальными привилегиями. Сокровенное знание эльфов, *lore*, «Предание», открыто только посвященному – и на определенной стадии «вчитанности» читатель начинает понемногу постигать его сам по легчайшим намекам, в первом чтении ускользающим от внимания. Другой автор

ограничился бы нарисованной дверью; у Толкина за каждой дверью открывается новое смысловое пространство, которое автор читателю не навязывает. Возможно, именно об этом говорит и дорожная хоббитья песня в гл. 3 ч. 1 кн. 1 (*Под крышей дом, а в нем очаг...*).

⁴³² *Харад* – синд. «Юг». *Муумак* – ед. ч. от синд. *мумакил*. Двойное у представляет собой в данной системе перевода на русский долгое у, а не два разных звука. См. Приложение Е.

⁴³³ Объяснения этому видению Фарамира Толкин не дает нигде.

⁴³⁴ См. прим. 707.

⁴³⁵ Шиппи (с. 137) предполагает, что в этих строчках может содержаться намек на Шотландию: шотландская династия Стюартов («стюарт» (stewart) по-английски означает «наместник») пошла от Роберта, Наместника Шотландии, ставшего королем после смерти короля Давида II в 1371 г. У англосаксов династия, напротив, не прерывалась ни разу до конца владычества англосаксонских королей в 1065 г.

⁴³⁶ Имена Гэндальфа. *Митрандир* – синд. «серый странник». *Таркун* – возможно, происходит из кв. *таркил* («царственный человек»). *Олорин* – кв. слово неизвестного значения; так звали Гэндальфа в Валиноре, откуда он родом. *Инканус* – лат. «серый». Возможно, для перевода языков юга Средьземелья Толкин намечал избрать латынь, отмечают авторы В.Э., как для роханского – древнеанглийский.

⁴³⁷ В оригинале Henneth Annun. Синд. «окно + закат». *Аннун* – также валлийское слово, означающее мифологическое царство, существующее в потустороннем мире.

⁴³⁸ См. приложение А, I, гл. 1. Одно из немногих свидетельств о существовании в Гондоре по крайней мере следов религиозного ритуала – ср. существующий во многих религиях обычай молиться перед едой. См. о религии в Гондоре прим. 442.

⁴³⁹ Синд. «белые горы».

⁴⁴⁰ См. Приложение А, I, гл. 4.

⁴⁴¹ Имеются в виду Три Рода (Дома) людей, которые в ПЭ считались Друзьями Эльфов и вместе с эльфами сражались против Общего Врага. После победы над Врагом людям из этих родов был дарован западный остров Эленна (Нуменор) (см. Приложение А, I, гл.

1), однако не все оставшиеся тогда в живых люди этих родов перебрались туда (стоит вспомнить, что и эльфы в свое время не все последовали призыву Валар(ов) и не все ушли в Валинор). Культура людей, оставшихся в Средьземелье и потерявших таким образом тесный контакт с эльфами, развивалась медленно и не пошла дальше патриархального родоплеменного строя. *Хадор Златовласый* – великий герой ПЭ из Третьего Дома Эдаин(ов) (см. о нем в прим. 231).

⁴⁴² В письме к Р. Муррэю от 4 ноября 1954 г. (П, с. 204) Толкин пишет: «Люди прошли через грехопадение... но жители Запада грехопадение частично преодолели. Они были потомками тех, кто раскаялся и бежал на Запад из-под ига Первого Черного Властелина (Моргота; см. прим. 259. – М.К. и В.К.) и его лжекульта; по контрасту с эльфами, они обновили и расширили свое знание истины и природы мира. Таким образом, они избежали «религии» в ее языческом смысле и мир их стал миром чистого монотеизма, в котором ни одна из вещей и ни одно из существ, внешне достойных поклонения, таковым не считалось – не было даже культа богов (Валар(ов)), так как и Валар(ы) были всего лишь творениями Единого. Единый же был бесконечно далек». Так на сцене появляется племя, которого, кажется, в истории Земли не было, – племя людей, живущих задолго до Христа, однако не поклоняющихся никаким богам и почитающих лишь Единого, хотя, в отличие от древних иудеев, Единый никогда им не открывался (см. также прим. 88). Как известно, именно сам Бог повелел евреям установить Его культовое почитание – соорудить скинию Завета и приносить жертвы. С нуменорцами Бог не устанавливает непосредственного завета; они только продолжают традицию, заимствованную у эльфов и ограждающую их от увлечения ложными культами.

Один из излюбленных приемов Толкина – вместо простого ответа на вопрос «что было бы, если бы...» создать целую «экспериментальную лабораторию» и найти ей «место» в истории Земли. Люди Запада – «экспериментальная раса». Благодаря знакомству с эльфами они, в отличие от всех известных истории народов, избежали рабства у темных религий и даже у религий «неполных», отражающих, с точки зрения христианства, какую-то часть истины, но в искаженном виде. Именно этот народ в Гондоре называют «Горним». Но в этой «экспериментальной лаборатории»

обнаружились и древние народы, вообще не имеющие религии (роханцы, хоббиты): нуменорцы привили им «иммунитет» к ложным религиям, но откровения истинной они не имели, кроме нескольких легенд и песен, заимствованных у соседей и хранивших смутную память о Высшем (см. об этом также в прим. 199). Эти народы относятся к «Обитателям Сумерек». Поклонение ложным богам в христианском богословии всегда считалось серьезным аргументом против возможности спасения для древних язычников. И вот Толкин выделяет в своей экспериментальной лаборатории чистый продукт – древнее людское племя, не исповедующее никакой религии (роханцы), и племя монотеистов (гондорцы), а затем моделирует их гипотетическую историю. Таким образом, несмотря на то, что оба народа живут до Христа, языческих религий они не исповедуют и к язычникам их отнести нельзя. От правоверного христианина роханца или гондорца отделяет только то, что последние не приобщены к Откровению Христа, так как жили задолго до него. Возможно ли для них вечное спасение? Отчасти ответ на поставленный им самим вопрос Толкин дает в образе Эарендила (см. прим. 172), отчасти в судьбе и смерти Арагорна (Приложение А, I, гл. 5). См. также прим. 626 и 628.

⁴⁴³ *Народы Тьмы* – народы, которые остались чужды нуменорскому монотеизму и поклонялись идолам (т. е. «нормальные» язычники).

⁴⁴⁴ См. прим. к Приложению А, 1, гл. 1.

⁴⁴⁵ Имеется в виду остров Тол Эрессея неподалеку от берегов Валинора (см. гл. 1 ч. 2 кн. 1).

⁴⁴⁶ Эхо народных сказок о людях, которых губила встреча с эльфами, – и голос Толкина в защиту эльфов.

⁴⁴⁷ Эхо «Старшей Эдды». В песне «Речи Регина» (пер. А. Корсуна) читаем: «У меня был брат по имени Отр, – сказал Регин, – он часто плавал в водопаде (Андвари) в образе выдры. Однажды он поймал лосося, сел на берегу реки и ел, зажмурившись. Локи бросил в него камень и убил его...»

Справедливости ради следует привести замечание Глориан Сен-Клер, специалиста по древнескандинавской литературе и мифологии (Mythlore, N 3, 1992, с. 47): «Некоторые критики заставляют читателей испытывать танталовы муки, намекая, что, дескать, знай они

древнескандинавскую литературу, ВК обрел бы для них совсем другой – истинный – смысл. Посвятив всю жизнь исследованиям в этой области, я, однако, со всей ответственностью могу заявить, что никакое описание источников, которыми пользовался Толкин, в которых он черпал вдохновение и сведения, простого объяснения нам не даст. Самое подробное изучение его книг может привести только к одному выводу – Толкин был «малым творцом» (sub-creator) своего собственного мира» (о теории «малого творчества» (sub-creation) см. прим. 179).

⁴⁴⁸ В письме к сыну от 14 мая 1944 г. Толкин пишет: «Читал вслух новую главу – «Дорога к Перепутью»: полное одобрение. До сих пор все шло хорошо; теперь я подбираюсь к узлу, где должны сойтись все нити... Книга так выросла по значению, что наброски последних глав (написанные мною сто лет назад!) совершенно перестали отвечать требованиям целого, оставшись на уровне чтения для подростков» (П, с. 80).

⁴⁴⁹ *Кири́т Унгол*. Синд. «паучий перевал».

⁴⁵⁰ Шиппи (с. 237) указывает, что эти слова являются дословным переводом древнескандинавского слова *oegishjalmr*, «шлем страха», – такой шлем в «Старшей Эдде» носит дракон Фафнир.

⁴⁵¹ Внимательный читатель заметит, что в настроениях Фродо постепенно все большее место занимают уныние и безнадежность. Он поддается наваждению в Мертвых Болотах, о чем Толкин говорит лишь намеками (и Голлум пародирует его безнадежность своей реакцией на пролетающего Всадника). Уныние как явное наваждение одолевает его и в этой сцене. Напомним, что в христианстве уныние считается одним из семи смертных грехов и в любом случае чувством безусловно отрицательным. Уныние – одно из сильнейших орудий дьявола в его борьбе за души (для темных сил идеальный способ завладеть душой – склонить ее через уныние к самоубийству). В теме уныния Толкин еще раз касается проблемы зла как такового. Является ли уныние слабостью самого Фродо или оно есть результат разъедающего действия Кольца? Шиппи пишет: «Возможно, все грехи требуют некоторого сочетания двух сил – одна подталкивает на грех извне, другая – не что иное, как собственная внутренняя слабость. В любом случае на уровне повествования можно сказать, что ВК – не житие святого, где речь идет исключительно об искушениях, но и не

просто сложная военная игра, где все дело в тактике. Если бы равновесие между двумя крайностями в ВК нарушилось в ту или иную сторону – книга много потеряла бы» (с. 111).

⁴⁵² См. прим. 144 и 463.

⁴⁵³ См. прим. 172.

⁴⁵⁴ За «легким» разговором Сэма и Фродо скрывается ключ к пониманию «хоббичьей теории мужества», которую Толкин сопоставляет так называемой «северной теории мужества» (см. прим. 230). Восхищаясь «северной теорией мужества», Толкин, однако, указывал, что только подлинное язычество могло руководствоваться ею, – в ней слишком много «благородной ярости и отчаяния», и лучшим выходом для героя зачастую считается самоубийство. В толкиновском мире «облагороженного язычества» (см. прим. 172, а также прим. 442) эта теория неизбежно должна была претерпеть изменения. По словам Шиппи (с. 119), Толкину требовался «более мягкий, но не менее сильный» образ для абсолютного мужества. В решающую минуту герои Толкина противопоставляют опасности смех и отказ думать о будущем. Наиболее полно и последовательно эту модель мужества воплощают хоббиты, хотя она свойственна и Фарамиру, и Эомеру, и другим героям ВК. Шиппи указывает, что подобное мужество характерно для английского национального характера в целом. Для древнего язычника зло было слишком реально, чтобы смеяться над ним; зло было судьбой, ожидающей его в конце всех путей. Первый шаг к христианскому мироощущению – отказ от признания за злом равного достоинства и равной реальности с добром, восходящий к бозецианскому взгляду на зло как на «не-сущее» (см. об этом подробнее в прим. 227), причем отказ этот не исключает необходимости бороться со злом. По сравнению с безнадежностью языческого мироощущения в мире Толкина живет знание о Боге и надежда на Его конечную победу, в свете которой все ухищрения зла, хотя бы они и привели к его временной победе, кажутся тщетными.

⁴⁵⁵ Как бы в подтверждение этих слов Сэма, в одной из книг американского журнала *Mythlore*, посвященного творчеству Толкина, Льюиса и Уильямса (см. прим. 411), действительно была опубликована статья в защиту Голлума, автор которой весьма аргументированно доказывал, что Голлум – один из наиболее интересных и симпатичных героев ВК. Автору крайне импонируют ум и остроумие Голлума. Его

попытка раскаяться и помочь Фродо на пути в Мордор представляется подвигом, а сама судьба Голлума – жертвенной и наиболее трагичной из всех судеб героев ВК. Стоит вспомнить, что в традиции христианской мысли (правда, чаще на границе с ересью) всегда присутствовала линия сочувствия судьбе предателя Христа Иуды – вплоть до предположения, что Иуда был выбран для этой миссии самим Христом как лучший его ученик и, возможно, сознательно пожертвовал своим добрым именем, чтобы исполнить тайное поручение Иисуса! Отметим справедливости ради, что в канонических церковных текстах следы такого взгляда на Иуду отсутствуют, – например, в православной литургической традиции Иуда однозначно осуждается.

⁴⁵⁶ В письме в издательство Houghton and Mifflin (июнь 1955, П, с. 221) Толкин пишет: «...даже теперь (когда сама вещь уже остыла и перестала быть столь насущной и столь близкой мне) некоторые ее особенности и отдельные места все еще сильно волнуют меня. Сердцем я всегда остаюсь на холме Керин Амрот (конец гл. 6 ч. 2 кн. 1), но... больше всего печалит меня неудача Голлумова раскаяния (к которому он был так близок, когда ему помешал Сэм). Это положение представляется мне очень близким к положениям, которые встречаются в реальном мире, где орудия справедливого возмездия редко бывают сами по себе справедливы или святы, а добро часто превращается в камень преткновения». Шиппи (с. 120) пишет: «За мимолетное проявление «доброты» Голлум не получает от судьбы никакой форы, но ведь и он не сделал шага навстречу Фродо, когда тот спас его от лучников Фарамира». По Шиппи, здесь выражена известная жесткость этической системы ВК, что еще раз доказывает сомневающимся: ВК – отнюдь не детская литература, как полагали некоторые враждебно настроенные критики. На пути к необещанной победе здесь гибнет слишком многое, и зачастую героям предоставляется один-единственный шанс на спасение.

В этой сцене как нигде ярко проявляется характер Сэма. В письме Кристоферу Толкину от 24 декабря 1944 г. (П, с. 105) Толкин пишет: «Конечно, характер Сэма прорисован здесь наиболее подробно. Сэм прямой последователь Бильбо и типичный хоббит. Фродо не так интересен, так как чересчур возвышен и весь определен своим призванием». В письме к Э. Элгар (сентябрь 1963 г., П, с. 325) Толкин

вновь касается этой темы: «Сэм задуман так, чтобы его любили и немного посмеивались над ним. Некоторых читателей он раздражает и даже приводит в ярость. Я могу понять их. Иногда все хоббиты оказывают на меня такое же действие, хотя я остаюсь очень к ним привязан. Но Сэм и правда кого угодно может «довести до кипения». Он представляет хоббитов ярче, чем все остальные его собратья, даже те, с которыми мы встречаемся чаще других, а это значит, что в нем сильнее представлено то качество, которое даже сами хоббиты находят порой трудновыносимым: вульгарность. Под этим словом я имею в виду не просто «приземленность», но гордую собой умственную близорукость, самодовольство (в разной степени) и самоуверенность, а также всегдашнюю готовность измерять все и вся со своей колокольни и давать всему оценку, исходя из собственного ограниченного опыта, в основном выраженного в форме сентенциозной народной мудрости. При всем при том надо учитывать, что мы знакомимся только с исключительными хоббитами... наделенными благодатью, или особым даром: одних захватило прекрасное видение, других преобразило почитание вещей более благородных, чем все окружающее, вещей, которые одним своим существованием восстают против их деревенского самодовольства. Представьте-ка себе Сэма, который не прошел обучения у Бильбо, Сэма, равнодушного ко всему эльфийскому! Между прочим, не так уж это и сложно... Сэм был самоуверен и в глубине души мнил о себе довольно много, но его самомнение было преображено преданностью хозяину. Он не думал о себе как о герое или храбреце, не считал себя достойным какой бы то ни было похвалы – разве что за верность и преданность Фродо. В этом была доля (возможно, неизбежная) гордости и чувства собственности: эти чувства обычно трудно исключить, когда несешь подобную службу с полной отдачей. Они и помешали Сэму до конца понять любимого хозяина и последовать за ним в его постепенном возвышении до благородства (которое учит служить и тому, чего не любишь), до распознавания в падшем существе пусть извращенного, испорченного, но все же доброго начала. Очевидно, Сэм не мог до конца понять, почему так расстроило Фродо происшествие у Запретного Озера. Если бы он мог видеть, что происходит между Фродо и Голлумом, все могло бы кончиться иначе».

⁴⁵⁷ В письме к сыну Кристоферу от 25 мая 1944 г. (П, с. 82) Толкин пишет: «В четверг я не слишком блистал на лекции... Главная тому причина... то, что я целиком поглощен Фродо, который держит меня в ежовых рукавицах и многого требует: главу о Шелоб и о несчастье, случившемся в ущелье Кирит Унгол, пришлось переписать несколько раз».

⁴⁵⁸ Синд. «логово паука».

⁴⁵⁹ Обычно считается, что, за отсутствием храмов и других внешних признаков религиозно-культовой жизни, религии как таковой, у эльфов не было. Однако некоторые исследователи все же полагают, что своеобразные религиозные ритуалы у эльфов существовали и определенным образом регулировали их жизнь, хотя о характере этих ритуалов можно лишь догадываться по многочисленным намекам, рассыпанным в тексте. Разумеется, религия Высших эльфов, побывавших в Валиноре и видевших Валар(ов) лицом к лицу, могла основываться только на твердом знании, а не на «вере». Хотя Валар(ы) по отношению к эльфам являлись существами высшего порядка, почитали их эльфы не как богов, а как ангелов или святых в христианской традиции: им можно было молиться, от них можно было получить помощь, но при всем при том они оставались лишь заместителями Единого во Вселенной. См. также о Валар(ах) прим. 99.

Единый, по словам Толкина, был слишком велик, высок и далек, чтобы жители Средьземелья могли обращаться непосредственно к Нему. В свою очередь, для хоббитов и людей эльфы тоже в некотором роде были существами иного порядка и стояли ступенью ближе к Валар(ам), так что, по-видимому, хоббит мог обратиться с мольбой не только к Валар(у), а и к Высшему эльфу. Несмотря на сложность отношений Галадриэли с Валар(ами) (см. прим. 272), для хоббитов она могла быть как бы «живой святой», могла, судя по всему, помочь им на расстоянии силой жившей в ней благодати Валинора – ее родины, и хоббиты, по всей видимости, интуитивно это угадывали. В письме к Р. Муррэю от 4 ноября 1963 г. Толкин пишет: «Те, кто находился под особым влиянием эльфов, в случае непосредственной опасности или в страхе перед злобным врагом могли призвать на помощь ангельские силы. Эльфы часто призывали Варду – Элберет, Королеву Благословенной Страны: их связывала с ней особая дружба. Так поступает и Фродо» (П, с. 206). Вся последующая сцена –

несомненный результат помощи свыше, отклика на «молитву». Надо отметить, что в случае молитвы святому ответ на молитву дается не столько самим святым, сколько Богом. Располагая свободой действий в неизвестной нам мере, святой вместе с тем глубинно «един с Богом», и единство это можно описать только «мифологическим языком», как и любую реальность духовного мира. Можно сказать, что святой «ходатайствует перед Богом», можно сказать, что святой «действует силой Божией», но все это будет лишь схематическим упрощением того особого единства любви, которое существует между Богом и святым. Через Галадриэль Фродо прикасается высшей реальности и получает помощь, какой сама Галадриэль оказать ему не смогла бы, даже находясь она в ту минуту в логове Шелоб. «Исполнившись духа», посланного ему в ответ на молитву, Фродо бросает клич: «*Айя Эарендил Эленион Анкалима!*» – и сам удивляется тому, что сорвалось с его уст. Немногим позже (в следующей главе) то же самое происходит с Сэмом; Сэм, в отличие от Фродо, языка Высших эльфов не учил, и значения пришедших к нему слов он понять не может. Здесь возникает сразу два дополнительных смысла, выводящих нас за пределы текста. То, что делает Фродо (и позже – Сэм), известно христианской традиции как «говорение на язы́ках» и считается одним из даров Духа Святого (наряду с даром исцеления, даром проповеди и т. д.). «Говорение на язы́ках» представляет из себя молитву на языке, которого сам молящийся не знает. Когда ему «вкладывается в уста» подобная молитва, считается, что за него молится Сам Дух Святой, который лучше людей знает, как и о чем надлежит молиться, – однако самому человеку не обязательно нужно знать это (например, когда речь идет о других людях или о скрытом от людей будущем). «Говорение на язы́ках» было повсеместно распространено в первые века христианства, затем на долгие столетия исчезло и возобновилось лишь в шестидесятые годы нашего столетия в католической и протестантской Церквях. Согласно словам Христа, является одним из знамений, которые даются верующим в Него. Ср. Евангелие от Марка, 16: 17: «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов, будут говорить новыми языками».

Кроме того, само имя Эарендил влечет за собой целый комплекс символических значений, связывая текст с христианской традицией (см. подробно прим. 172).

Итак, на вопрос, почему же заключенный в склянице Галадриэли свет звезды Эарендила после молитвы Фродо заставляет отступить гигантскую паучиху, можно дать два ответа: один не выходящий за рамки внутренней логики текста, и второй – подсказанный скрещением символических смыслов, стоящих за текстом. Эарендил – хранитель последнего Сильмарила, в котором заключен изначальный свет Двух Деревьев Валинора. Сильмарилы были освящены Вардой-Элберет, и свет их причинял величайшую боль тому, у кого была нечиста совесть и чьи руки были запятнаны злодеянием. Можно предположить, что в ответ на «молитву» Фродо в руках у него вспыхнул уже не отраженный свет, заключенный в склянице, а подлинный свет Утренней Звезды, и Шелоб не выдержала боли, которую он ей причинил (см. также прим. 410. На символическом же уровне происходит встреча Зла, стоящего за Шелоб, и Света грядущей победы над Злом, которую возвещает Эарендил – в древнеанглийской поэзии предтеча Христа. Однако сами герои (совсем как в жизни) остаются в неведении, какого масштаба силы встретились в этот миг в подземелье Шелоб.

⁴⁶⁰ Дословный перевод на Квэнию фразы из древнеангл. гимна Эаренделу (см. прим. 172): «Радуйся, Эарендел, ярчайшая из звезд» (в древнеангл. тексте – «из ангелов»).

⁴⁶¹ См. ниже, прим. 463

⁴⁶² См. прим. 210.

⁴⁶³ Горами Ужаса (синд. *Эред Горгорот*), иначе – Горами, Где Живет Ужас, эльфы Белерианда (см. прим. 201) называли южные вершины Дортониона, лесистой горной страны на севере Белерианда. В начале ПЭ в Дортонионе жили люди, но со временем эти земли захватил Моргот (см. прим. 259), и страной завладело зло: в лесах поселились чудовища, сердца деревьев стали черными, и Дортонион получил название *Таур-на-фуин* («Лес-под-покровом-Ночи»), или *Делдуват* («Смертная-Мгла-Ночи»). В этот лес проникли чудовищные пауки – потомство Унголиант Великой (см. 465). Пауки размножались с такой скоростью, что в течение нескольких лет заселили не только захваченный Морготом Дортонион, но и прилегавшую к нему с юга долину Нан Дунгортеб на границах эльфийского государства Дориат.

Берен (см. о нем прим. 144) был последним из людей, кто остался жить в Дортонионе после пришествия Тени. Наконец и он вынужден

был покинуть родные места и отправиться в путь через Горы, Где Жил Ужас. Согласно преданию, Берен был единственным, кому удалось пересечь их и остаться в живых.

В письме к Н. Митчисон (25 апреля 1954 г., П, с. 173) Толкин пишет: «Шелоб представлена... наследницей гигантских пауков, некогда обитавших в ущельях Нан Дунгортеба; пауки эти упоминаются в легендах ПЭ, особенно в главной из них – в сказании о Берене и Лутиэн. Ссылки на эту историю рассыпаны по всей трилогии, поскольку, по словам Сэма, <<...>> история, рассказанная в этой книге, является в каком-то смысле только продолжением истории о Берене и Лутиэн. Элронд и его дочь Арвен Ундомиэль (которая напоминает Лутиэн и обликом, и судьбой) по прямой линии происходят от Берена и Лутиэн; отдаленно – через много поколений – потомком их является и Арагорн. Сами гигантские пауки были отпрысками Унголиант – древней пожирательницы света в образе паука, которая действовала заодно с Темной Силой, но в конечном счете рассорилась с ней. Между Шелоб и Сауроном, посланцем Темной Силы, нет союза – только привычная многовековая ненависть».

⁴⁶⁴ См. письмо Толкина к Н. Митчисон (25 апреля 1954 г., П, с. 173): «Шелоб – слово английского происхождения... означающее «она» (she) + «паук» (lob) = «паучиха». Это слово является переводом эльфийского *унгол* – «паук». В Рук. (с. 186) Толкин предлагает считать это слово орочьим и не переводить его.

⁴⁶⁵ *Унгол* – синд. «паук». По-видимому, одна из падших Духов, Майяр(ов), с самого начала следовавших за Мелкором в его бунте против Единого. В Сильм. (с. 84) сказано: «Элдарам было неизвестно, откуда она явилась, но некоторые говорили, что много веков назад явилась она из тьмы, что окружает Арду (Арда – Земля. – М.К. и В.К.), когда Мелкор впервые взглянул на королевство Манвэ с завистью; вначале же она была одной из тех, кого соблазнил он себе на служение». Однако Унголиант служила не Мелкору, а только самой себе. Она питалась светом, который ненавидела лютой ненавистью, и обращала его во тьму. Унголиант помогла Мелкору погубить Светоносные Деревья Валинора (см. прим. 404). Затем Унголиант покинула Валинор и поселилась в Средьземелье. В награду себе она потребовала у Мелкора украденные им сокровища Валинора. Поглотив

их, она напала на Мелкора, чтобы отнять у него главную добычу – Сильмарилы (см. прим. 179), но с помощью верных ему Балрогов Мелкор устоял перед ней. Впоследствии, породив многочисленное потомство, Унголиант перебралась на дальний юг Средьземелья, где, мучаясь голодом, пожрала самое себя. Согласно другой легенде, Унголиант жива и до сих пор скрывается в недоступных пещерах под Средьземельем.

⁴⁶⁶ В оригинале употреблено слово *worshipped*, что означает нечто большее, нежели просто «низкий поклон»: это слово имеет значение религиозного поклонения (так, церковная служба называется *worship*). Голлум поклонился Шелоб как божеству, что, без сомнения, определило многое в дальнейшей его судьбе. Этим объясняется и сходство Голлума с пауком в сцене, когда Сэм обзывает его у входа в Кирит Унгол: тот, кто поклоняется чему-либо, уподобляется предмету своего поклонения. Символическое значение образа Унголиант – тьма как Пустота, в отличие от деятельного, насыщенного Зла, которое представляет Мелкор. Это те же две тесно связанные между собой разновидности зла, что описаны русским поэтом и философом Вяч. Ивановым в его эссе «Пролегомены о демонах», входящем в состав статьи «Лик и личины России» (Собр. соч. под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт. Bruxelles, 1986, с. 445–452), под символическими наименованиями Люцифера («духа возмущения») и Аримана («духа растления»). «Различение и наименование обоих начал есть наследие старинной гностической традиции», – отмечает Вяч. Иванов.

⁴⁶⁷ В письме к сыну от 31 мая 1944 г. (П, с. 83) Толкин пишет: «В понедельник утром читал последние две главы («Логово Шелоб» и «Выбор Сэма Гэмги») К. С. Л. (К. С. Льюису. – М.К. и В.К.). Льюис одобрил прочитанное с неожиданным пылом и во время чтения последней главы по-настоящему прослезился, так что, кажется, все в порядке».

⁴⁶⁸ Ср. гл. 3 ч. 1 кн. 1, где в обращении к Элберет стоит не «А», а «О». Здесь эти слова сказаны по-эльфийски, а в первой части автором дан перевод на Общий Язык.

⁴⁶⁹

*А Элберет Гилтониэль
о менел палан-дириэль*

*ле наллон си ди'нгурутос!
А тиро нин, Фануилос!*

(синд.)

Перевод:

*О Элберет Гилтониэль,
с небес далеко глядящая:
взываю к тебе из тьмы страха —
взгляни на меня, Вечнобелая!*

В письме к Р. Бир от 14 октября 1958 г. Толкин дает перевод этого стихотворения и добавляет: «Элемент -уи- (древнеэльфийское -ойо-) означает «вечно»; *фан-* и *-лос* означают «белая», однако *фан-* передает белизну облаков (освещенных солнцем), а *-лос* означает белизну снега. *Амон Уилос* (на языке Высших эльфов – *Ойолоссэ*) – одно из названий высочайшей вершины гор Валинора; на этой вершине обитали Манвэ и Варда. Поэтому при слове *Фануилос* у эльфа возникла бы в воображении не только величественная фигура в белом, стоящая на высокой вершине и взирающая на восток, на земли смертных, но и исполинская гора, увенчанная шапкой снегов и слепяще-белым облаком» (П, с. 278).

⁴⁷⁰ Как уже говорилось в прим. 306, оставить тело без погребения во многих древних культурах считалось одним из самых тяжелых грехов. Однако Сэм не посвящен в древние обычаи и действует в этой ситуации как профан – он оказывается перед выбором там, где Арагорн или Леголас выбора бы не имели. Выходит, только благодаря невежеству Сэма смогли стать возможными дальнейшие события.

⁴⁷¹ Эту фразу Шиппи прокомментировал в своей лекции «Политика и природа зла», прочтенной на конференции в Оксфорде, посвященной столетию Толкина. Как уже указывалось в прим. 332, орки нарисованы автором не сплошь черной краской и подчас обнаруживают какое-то понятие о добродетели, пусть крайне извращенное. По-видимому, это говорит за то, что в свое время Темная Сила действительно не «создала» их, но «переделала». Нарушая

определенные известные им законы, орки если и не мучаются совестью, то по крайней мере понимают, что творят (см. ниже эпизод с Уфтаком: орки побоялись вызволить его из паутины Шелоб и, рассказывая об этом, подыскивают себе оправдание). По иронии судьбы, наткнувшись на тело Фродо, орки оказываются на высоте в сравнении с Сэмом. Кроме того, из этих слов читателю становится ясно, что представителей других рас орки считают более далекими от идеала добродетели, чем самих себя (неизвестно, собственные ли это убеждения или следствие внушения: ср. образ Запада в советской пропаганде). Орки Мордора, показанные «изнутри», – одно из наиболее впечатляющих в мировой литературе изображение психологии слуг тоталитарного режима (Шиппи сравнивает Толкина с Дж. Оруэллом и находит у двух писателей много общего, с той разницей, что картина, нарисованная Оруэллом, безрелигиозна и безнадежна, в отличие от толкиновской).

⁴⁷² В письме к У. Х. Одену от 7 июня 1955 г. Толкин писал: «Последние две книги были написаны между 1944 и 1948 годами. Это, разумеется, ни в коем случае не означает, что они появились в результате войны».

⁴⁷³ Название *Минас Тирит* – «сторожевая башня» – повторяет название, относящееся к истории ПЭ. Так называл эльфийский король Финрод Фелагунд свою крепость на острове Тол Сирион, где он жил до основания Нарготронда (см. прим. 253). Во время битвы Дагор Браголлах Саурон захватил эту башню и переименовал ее в Тол-и-Нгаурот («остров оборотней»).

⁴⁷⁴ Синд. «гора молчания».

⁴⁷⁵ Несиндаринское название. Значение неизвестно. По-видимому, слово происходит из какого-то забытого языка, одного из тех, на которых говорили племена, населявшие Гондор в глубокой древности.

⁴⁷⁶ *Нардол*. Синд. «огонь + гора».

Эрелас. Синд. «одиноким лист».

Мин-Риммон. Синд. «башня» + *Риммон* (происхождение и значение неизвестно). Как и два других гондорских названия – Эрех и Лебеннин, – встречается в Библии. См. Иисус Навин, 19: 1–2, 7, IV Царств, 5:18, где именем Риммон назван один из ханаанских богов, а также Неемия 11:29 и I кн. Паралипоменон 4:32.

Каленхад. Синд. «свет +?».

Халифириэн. Рох. «священная гора».

⁴⁷⁷ Рох. «король + золото».

⁴⁷⁸ Шиппи (с. 128) пишет: «...когда Гэндальф и Пиппин скачут в Минас Тирит через Анориэн, на пути у них вырастает преграда: люди строят стены. Позже Дэнетор настаивает на обороне этих стен, что впоследствии едва не стоит жизни Фарамиру... Люди поколения Толкина едва ли могли избежать здесь ассоциации с линией Мажино, и совет Гэндальфа – «оставьте мастерки и точите свои мечи» – мог показаться им не лишенным дополнительного смысла».

⁴⁷⁹ Синд. «большая стена + внешнее кольцо».

⁴⁸⁰ Синд. «горы (мн.ч. от *Амон* – «гора») королевских вод (*ар-* + *-нен*)».

⁴⁸¹ *Харлонд* – синд. «юг + гавань».

⁴⁸² *Лос-* – синд. «снег». Происхождение корня *-арнах* неизвестно.

⁴⁸³ См. прим. 317.

⁴⁸⁴ Синд. «побережье Бела».

⁴⁸⁵ Синд. «холм Амрота». Об Амроте см. гл. 6 ч. 2 кн. 1.

⁴⁸⁶ Это имя взято из «языка Адунай», т. е. «человеческого языка», бывшего в ходу у нуменорцев наряду с синдаринским. Значение имени неизвестно. Суффикс *-хил*, возможно, означает «потомок».

⁴⁸⁷ Синд. «башня + холм + синий».

⁴⁸⁸ Шиппи (с. 100) пишет: «В некотором смысле всадники Рохана занимают центральное положение в Средьземелье. Кого бы они нам ни напоминали – англосаксов или готов, – они представляют культуру, которую Толкин знал лучше всего. По сравнению с ними Гондор – что-то вроде Рима или мифического Уэльса, того самого, что породил короля Коля, короля Артура и короля Лира».

⁴⁸⁹ Значение имени неизвестно. Шиппи (с. 128) пишет: «Толкин... создал в ВК два характера, обладающих особым подтекстом. Оба первоначально были на стороне добра, но соблазнились злом или подверглись его разъедающему влиянию, поэтому для нас легче легкого найти им соответствие в современном мире. Это Дэнетор и Саруман: оба они изображены с оттенком сатиры и отчасти напоминают современных политических деятелей».

⁴⁹⁰ *Рун* – синд. «восток». *Арау* – синд. имя Вала(ра) Оромэ Великого. На Квэнии *Оромэ* означает «трубящий в рог». Оромэ

считался покровителем охотников и всадников. Благодаря ему в Средьземелье появились *меарасы* (см. гл. 2 ч. 3 кн. 2) и белые буйволы.

⁴⁹¹ Из итал. *palatino* (от лат. *palatinus*, старофр. *paladin* – «дворцовый служитель»). Это имя встречается в окружении Карла Великого (подробно о хоббичьих именах см. прим. 789).

⁴⁹² Возможно, связано с кв. *тар*– («король») и синд. – *гон* («камень»).

⁴⁹³ Синд. «долина, широкая, как равнина».

⁴⁹⁴ Об *Умбаре* см. Приложение А, I, гл. 4.

⁴⁹⁵ Шиппи замечает, что здесь слышится эхо военных лет в Англии, когда повсюду был расклеен знаменитый плакат «Молчи, тебя слушает враг!»

⁴⁹⁶ Синд. «старый + лист».

⁴⁹⁷ ? + синд. «звезда».

⁴⁹⁸ Несиндаринское имя. Значение неизвестно.

⁴⁹⁹ Синд. «холодный поток».

⁵⁰⁰ Имя, по-видимому, принадлежит к синдаринскому языку, но значение его неизвестно. Корень *дер*-, возможно, означает «человек» (синд.).

⁵⁰¹ Синд. «река + князь».

⁵⁰² Синд. Предположительно «льющаяся песня».

⁵⁰³ Синд. «? + волосы».

⁵⁰⁴ Синд. «черный корень».

⁵⁰⁵ Синд. «длинный берег».

⁵⁰⁶ Слово Общего Языка, представляющее собой перевод синдаринского *Анфалас* (см. выше).

⁵⁰⁷ Синд. Значение неизвестно. Ср. *Линдон*.

⁵⁰⁸ Синд. «устье».

⁵⁰⁹ Синд. «князь + синий».

⁵¹⁰ Синд. «зеленый + хребет» (т. е. «зеленые холмы»); *гэлин* – мн.ч. от *гален*.

⁵¹¹ Это высказывание, совсем не хоббичье по стилю, напоминает скорее скрытую цитату. Однако никто из специалистов, включая сына Толкина Кристофера, не смог пролить свет на этот вопрос.

⁵¹² Синд. «высокая башня».

⁵¹³ См. прим. 377.

⁵¹⁴ Рох. «коренастый, приземистый». Ср. англ. stubby.

⁵¹⁵ Синд. «золото +?».

⁵¹⁶ Синд. «последний король». См. Приложение А, I, гл. 1.

⁵¹⁷ Слово несиндаринского происхождения. Название *Эрех* можно встретить в Книге Бытия (10:10): «Царство его (Нимрода. – М.К. и В.К.) вначале составляли: Вавилон, Эрех, Аккад и Халне в земле Сеннаар». В сочетании с другими подобными именами (Риммон, Лебеннин) имя *Эрех* придает гондорской топонимике, по мнению авторов В.Э., определенный восточный колорит (Лебеннин по звучанию напоминает англ. Lebanon, т. е. Ливан). Толкин предупреждал, что не следует делать из этого далеко идущих выводов. *Лебен + нин* означает «пять рек» (синд.).

⁵¹⁸ Синд. «свет +?».

⁵¹⁹ Синд. «река +?». (Корень *kir* означает «рассекать».)

⁵²⁰ По-рохански это слово звучит как *Снаубурна*. В Рук. (с. 206) Толкин рекомендует слегка модернизировать это слово согласно требованиям языка перевода, но само слово переводить только в том случае, если найдутся соответственно звучащие корни того же значения («снег» и «род») (напр. для немецкого языка это Schnee и brunnen). В оригинале Snowbourne.

⁵²¹ Рох. «крепкий (твердый) пик». В Рук. (с. 206) Толкин пишет, что слово *stark* обособленно в современной английской речи не употребляется, однако создает у читателя впечатление «обнаженности и мрачности» и сохранилось в медицинской терминологии для обозначения *rigor mortis* – трупного окоченения.

⁵²² Рох. «горный воин».

⁵²³ На рох. наречии *ruk-el-men*, т. е. «люди-гоблины». В Рук. (с. 214) читаем: «Это слово представляет собой... одну из форм, образованных от корня *ruk-*, широко распространенного в Англии, Уэльсе, Ирландии, Норвегии и Исландии и обозначающего дьявола или мелкого беса... часто этим словом называются уродливые, безобразные фигуры». Имя шекспировского Пака из «Сна в летнюю ночь» происходит от того же корня (ср. также имя героя у Киплинга в сборнике «*Puck of Pook's Hill*»).

В славянских языках есть аналогичный древний корень *шиш*, который, по Далю, означает «черт» или «разбойник». От этого корня происходит слово *шишига* того же значения, которое и выбрано для перевода.

⁵²⁴ В Рук. (с. 198) сообщается, что роханское слово *фириэн* означает «гора» (соответствует древнеангл. *firgen*, что произносилось как *фириэн*). *Фелд* – рох. «поле». Толкин предлагает оставить это слово без перевода.

⁵²⁵ Рох. «железная пила».

⁵²⁶ Рох. «заклятая гора».

⁵²⁷ Рох. «темный лес».

⁵²⁸ *Бальдор* – рох. «смелый, дерзкий». *Брего* – рох. «правитель». Родственно древнесканд. Браги (имя бога поэзии, а также легендарного поэта Браги Старого).

⁵²⁹ Синд. «князь + камень» (или + «вождь»).

⁵³⁰ *Нижний Харг*: в оригинале *Underharrow*. *Under* на англ. означает «под». О значении корня *harrow* см. прим. 377. *Верхний Бурн*: в оригинале *Upperbourne*.

⁵³¹ Рох. «горный лес». Лес на склоне горы Халифириэн.

⁵³² Рох. «защита + город».

⁵³³ По-английски эта распространенная поговорка звучит так: *Where is a will, there is a way* (нечто вроде «было бы желание, а способ найдется»). В немецком варианте: *wo ein Wille ist, da ist auch ein Weg* – «где воля, там и победа») <<Дословно «где воля, там и путь». Здесь приведен перевод, предлагаемый немецко-русским фразеологическим словарем (Лейпциг, 1970).>>. Эта поговорка имеет довольно дурную славу, так как в свое время ее избрали одним из своих девизов нацисты, считая, что в ней нашел яркое выражение «истинно нордический» дух, в своем стремлении к высшей цели не снисходящий до разборчивости в средствах. Толкин, глубоко преклонявшийся перед «нордическим духом», породившим северные мифологии, писал в письме к сыну Майклу от 9 июня 1941 г. (П, с. 55–56): «Начиная с того времени, когда мне было столько лет, сколько тебе сейчас, я посвящал большую часть своего времени изучению германской филологии (включая Англию и Скандинавию). В «германском идеале» гораздо больше силы (и правды), чем думают

невежи. Еще в бытность мою выпускником университета меня сильно тянуло к этому идеалу (Гитлер в то время, должно быть, еще пачкал бумагу красками и ничего обо всем этом не слышал); это было у меня своеобразной реакцией на так называемую «классику». Чтобы осудить зло в чем бы то ни было, надо сперва увидеть в предмете разговора добрую сторону. Странно, что никто до сих пор не предложил мне выступить на эту тему по радио или написать статью! Однако, смею полагать, я лучше некоторых знаю правду о том, что представляет из себя вся эта «нордическая» белиберда. Уж я-то могу предъявить теперешней войне свой личный иск, который жжет мне душу. Благодаря этому личному отношению не исключено, что в свои 49 лет я мог бы сейчас воевать лучше, чем воевал в 22. Я предъявляю иск этому маленькому невегласу-кровопийце <<В оригинале употреблено слово *ignominus* – лат. «невежда».>> Адольфу Гитлеру (странно все-таки, что демоническое вдохновение и демонический порыв ни на гран не усиливают интеллектуальных способностей человека, а действуют исключительно на волю) за то, что он испортил, извратил, приплел не к месту и обрек вечному проклятию тот благородный северный дух, бесценный вклад Севера в сокровищницу Европы, который я всегда любил и всегда старался показать в истинном свете. По воле случая нигде этот дух не проявил себя так благородно, как в Англии, где он был раньше всего освящен и христианизирован».

Чтобы до конца прояснить отношение Толкина к нацистской теории, приведем еще два небольших отрывка из его писем.

В 1938 г. немецкое издательство «Rutten und Löening» пожелало издать немецкий перевод «Хоббита» и запросило у Толкина справку о его арийском происхождении. В письме к своему издателю С. Анвину Толкин пишет: «Я склоняюсь к отказу... и весьма сожалел бы, если бы мой положительный ответ дал впоследствии повод упрекнуть меня в том, что я поставил свою подпись под насквозь порочной и далекой от научности расовой доктриной». Толкин составил два варианта ответа – один с кратким отказом (по-видимому, это письмо и было послано, так как переговоры прекратились), другой более подробный:

«Уважаемые господа! Сожалею, но мне не вполне ясно, что именно вы понимаете под словом «арийский». Я не арийского происхождения: индо-иранского во мне ничего нет. Насколько мне известно, никто из моих предков не говорил ни на хиндустани, ни по-

персидски, ни по-цыгански... Но если ваш вопрос следует понимать как вопрос о том, нет ли у меня еврейских корней, то я могу ответить только одно – я глубоко сожалею, что среди моих предков не встретилось представителей этого народа, наделенного особыми дарами. Мой прапрапрадед переехал в Англию из Германии в восемнадцатом веке, так что бóльшая часть моих предков – коренные англичане. К тому же я английский подданный и полагаю, что этого вам должно быть вполне достаточно. Тем не менее я привык гордиться своей немецкой фамилией и гордился ею всю последнюю, прискорбной памяти, войну, когда служил в английской армии. Не могу, однако, удержаться, чтобы не заметить следующего: если подобное бестактное и неуместное любопытство станет обязательным в делах литературы, то недалеко то время, когда немецкая фамилия перестанет быть для меня источником гордости» (П, с. 37). Поговорку «Where is a will, there is a way» Толкин обыгрывает в тексте трилогии по-своему. Шиппи (с. 242) пишет, что до 1822 года эта поговорка нигде не фиксировалась, но по-древнеанглийски звучала бы почти точно так же. Толкин превращает ее в строку аллитеративной поэзии, и в устах Эовейн она звучит так: «Where the will wants not, a way opens». В гл. 2 ч. 6 кн. 3 ее пародируют орки, говоря: «Where there is a whip, there is a way» (в данном переводе: «Небось, где кнут, там и силушка найдется!»).

⁵³⁴ Рох. «скрытая защита». Ср. нем. Tarnhelm: так назывался шлем-невидимка в оперном цикле Вагнера.

⁵³⁵ Рох. «ветер + пена».

⁵³⁶ Синд. «корабль длинной пены». Этот остров на Андуине назван так из-за сходства с кораблем, рассекающим волны, от носа которого расходятся два пенных буруна.

⁵³⁷ В предисловии ко второму изданию ВК (1966 г.) Толкин пишет, что, будь Война за Кольцо аллегорическим изображением Второй мировой войны (что не так), то «Кольцо непременно было бы присвоено и затем использовано против Саурана; Саурон не обратился бы в ничто, но был бы поработен, а Барад-дур не разрушили бы, а заняли. Саруман, оставшись без Кольца, благодаря общей неразберихе и предательствам отыскал бы в Мордоре недостающие звенья к своим изысканиям и спустя небольшое время сам сделал бы Великое Кольцо, с помощью которого бросил бы вызов новому самодержавному

властителю Средьземелья». Шиппи (с. 238) указывает, что, несмотря на то, что Толкин использует здесь образы ВК для создания явной аллегории Второй мировой войны и холодной войны (Кольцо – атомная бомба, Саурон – фашизм, Совет Элронда – западные государства, Саруман – СССР, «предательство» Сарумана и его «научные» изыскания в Мордоре – намек на роль, которую сыграли англо-американские перебежчики и немецкие ученые в создании русской атомной бомбы), ВК от этого в аллегорию не превращается.

⁵³⁸ См. прим. 573.

⁵³⁹ В письме к Р. Муррэю от 4 ноября 1954 г. Толкин пишет (П, с. 206): «Гондор унаследовал от Нуменора... тягу к долголетию, обычай бальзамировать покойников и строить им великолепные гробницы». В письме к Р. Бир от 14 октября 1958 г. (П, с. 281) Толкин сравнивает нуменорцев с древними египтянами. Таким образом, у принимающего авторскую игру читателя возникает вопрос: а не заимствованы ли египетские традиции из Нуменора, ведь именно египетские жрецы поведали когда-то грекам об Атлантиде?

⁵⁴⁰ Мн.ч. от муумак (см. прим. 432).

⁵⁴¹ Грондом называлась палица Моргота (о Морготе см. прим. 259). Шиппи (с. 162) пишет: «сцена осады Минас Тирита представлена в виде простого рассказа и напоминает повествование историка, но тем не менее в текст во множестве проникают намеки на другую реальность. Так, имя тарана заставляет думать о символическом воссоздании какого-то давнего, не отраженного в летописях триумфа хтонических сил». Назгул держит в руке меч, но этот меч «бледен», т. е. неведущ: Вождь Черных Всадников разбивает ворота не тараном, а заклинанием, сконцентрировавшим в себе магические силы страха и ненависти. Сам Предводитель Черного Войска является, по Шиппи, как бы подтверждением теории «несуществования» Зла (см. прим. 227). Пустота под капюшоном Назгула «иронически доказывает правоту Боэция» (Шиппи) – иронически, потому что смех Всадника свидетельствует о том, что «несуществующее Зло» именно в этот момент обладает страшным могуществом и властью.

⁵⁴² Шиппи (с. 152) пишет по этому поводу: «В пределах обычной литературной повести все, что происходит в эту минуту, можно было бы трактовать как обычное совпадение. Петух не вкладывает в свой крик никакого смысла, и то, что он подает голос именно теперь, – не

более чем случайность... однако ни один читатель не воспримет этот абзац как простой перечень случайностей. Крик петуха уже сам по себе так отягощен древним символическим смыслом, что не может восприниматься иначе, как символ».

⁵⁴³ В оригинале проза здесь превращается в роханский аллитеративный стих. Толкин писал об этих строках, что и через много лет после опубликования трилогии они продолжали особенно волновать его (письмо в издательстве Houghton and Mifflin, 1955 г., П, с. 221).

Параллельное этому место есть в «Беовульфе» (ст. 2943–2944):

*Когда уж воины
в спасенье изверились,
вдали запели
рога походные
дружины Хигелака...*

(Пер. В. Тихомирова)

⁵⁴⁴ Рох. дру– («колдун») + синд. – адан («человек»). Англосаксы заимствовали корень дру– из кельтского слова «друиды», т. е. «жрецы». Этот корень входил в древнеангл. слово dry-cræft, что означало «искусство волшебства» (Шиппи, с. 152). См. также ниже другой, «средьземельский» вариант этимологии, прим. 546.

⁵⁴⁵ Рох. «эльфийская защита».

⁵⁴⁶ Слово это происходит из староангл. wudu-wasa («лесные люди» или «божества»). Это слово встречается в средневековых текстах (напр., в переведенной Толкином поэме «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь») в форме wodwos. В наше время сохранилось как геральдический термин, означающий дикого человека в одежде из листьев, поддерживающего герб, а также в некоторых английских топонимах (будучи преподавателем в Лидском университете, Толкин читал свои лекции в здании, расположенном на улице с таким названием). В обоих случаях древнее слово предстает в искаженном виде, как woodhouse. Кроме того, корень wasa означал «одинокый, всеми покинутый человек» и в некоторых германских языках до сих

пор означает «сирота». По-видимому, за словом *wudu-wasa*, как замечает Толкин (Рук., с. 189), стоит историческая реальность, – возможно, ранние англосаксы еще застали в британских лесах одичавшие племена, принадлежавшие к кельтам или неизвестным докельтским обитателям Англии. О Лесных Людях Друаданского леса Толкин подробнее пишет в НС (с. 385–387). Изначально, говорит он, Лесные Люди дружили с народом *Халет*. В свое время халеты выступали в союзе с эльфами, но резко выделялись среди остальных людских племен тем, что во всем придерживались собственных обычаев и блюли их чрезвычайно строго. Всех удивляло то, что у халетов женщины сражались наравне с мужчинами. Халеты жили в своеобразном симбиозе с загадочным лесным народом, который на их языке назывался *друг*; значение этого слова неизвестно. Согласно описанию, *други* выглядели так же, как те Лесные Люди, что помогли Рохирримам в Войне за Кольцо. Остальные племена называли этот народ *Дру-Эдаин* (друаданы). У них никогда не было письменности, однако они были очень искусны в резьбе по дереву и камню и часто ставили на лесных дорогах собственные изображения или изображения в ужасе бегущих от неведомой опасности орков. Орки боялись каменных истуканов и верили, что в них скрыта тайная сила. Некоторые легенды подтверждают существование этой силы. В ПЭ предки друаданов обитали в Белых Горах, но впоследствии, когда побережье обжили нуменорцы, ушли в Андраст, а часть – в Анориэн (Андраст – местность в пределах Гондора). В конце ТЭ от друаданов осталась только анориэнская ветвь, зато в Андрасте сохранилась область под названием Друвэйт Иаур, что в переводе с синд. означает: «старинная пустыня народа Дру». Дру – синдаринское название этого народа (во мн. ч. —*друид* и *друад*). Друг – самоназвание (*g* – придыхательное). Так Толкин создает собственную этимологию слова «друид».

⁵⁴⁷ Единственное приведенное в трилогии слово из языка Лесных Людей.

⁵⁴⁸ Рох. «далекий + путешествие».

⁵⁴⁹ Рох. «яростный + смелый».

⁵⁵⁰ Ср.: «Во время сражения, пешие или конные, они не образуют подразделений с заранее известной численностью, а строятся по принадлежности к своему племени, соединяясь в группы по родству

крови и дружеским узам. Поэтому нередко случается так, что, потеряв друга в бою, они все вместе, презирая опасность, обрушиваются на врага, чтобы отомстить за своего товарища. Их боевые построения имеют некий порядок, но атакуют они... в безудержном порыве, бесстрашно бросаясь на противника, словно каждый из них действует в одиночку...» (Трактат Псевдо-Маврикия о боевой тактике у воинов раннесредневекового запада, цит. по кн. Ф. Кардини «Истоки средневекового рыцарства». М., 1989, с. 257).

⁵⁵¹ Рох. «война + остаток». Вовсе не обязательно, чтобы имя обладало каким-то цельным смыслом: в древнеангл. и древнесканд. традициях имя часто состояло из двух корней, не связанных между собой по смыслу.

⁵⁵² См. прим. 490. Оромэ – Вала(р), покровитель всадников Рохана, великий охотник и воин. Великая битва Валар(ов) – последняя битва с Морготом, происшедшая в конце ПЭ, когда воинство Валинора прибыло в Средьземелье, чтобы положить конец злодеяниям Врага. См. подробнее прим. 259.

⁵⁵³ Эхо «Макбета» (см. также прим. 572).

Ср.:

Макбет

*Брось напрасный труд:
Скорее ты неуязвимый воздух
Пронзишь мечом, чем ранишь плоть мою.
Рази по черепам, доступным ране.
Я зачарован: мне не повредит
Рожденный женицой.*

Макдуф

*Рожденный женицой. Утрать надежду
На чары: пусть тебе расскажет демон,
Которому доселе ты служил.
Что я из чрева матери исторгнут
До времени.*

Макбет

*До времени. Будь проклят тот язык,
Что возвещает это: доблесть мужа
Во мне сломил он. Я проделкам ада
Не верю больше...*

(Пер. С. М. Соловьева)

⁵⁵⁴ См. прим. 152, а также «Беовульф» (ст. 1611–1618):

*Из всех сокровищ,
какие видел
гаутский воин
в подводном доме,
лишь вражью голову
да еще самоцветный
взял чудо-черен,
меча огарок
(истлила лезвие,
сожгла железо
кровь ядовитая
врагов человеческих).*

(Пер. В. Тихомирова)

⁵⁵⁵ Рох. «ярость + друг».

⁵⁵⁶ Этим именем звали в ПЭ предводителя Балрогов, который убил Феанора (см. прим. 402) и участвовал в разорении Гондолина (см. прим. 254). Был убит эльфом Эктелионом. По-видимому, военачальнику Черного Властелина Готмогу имя дано было в честь Предводителя Балрогов, как Гронду в память палицы Моргота. Возможно, через это имя враги Гондора надеялись магическим способом повторить одну из прежних побед над людьми и эльфами.

⁵⁵⁷ В оригинале употреблено слово *variags*, т. е. «варяги». Исследователи полагают, что слово это употреблено Толкином как

эквивалент выражения «северный наемник» (изначально варягами назывались скандинавы, служившие византийским императорам) (В.Э., с. 174).

⁵⁵⁸ Согласно Ф. Кардини (см. прим. к 550), западные воины раннего средневековья в бою отличались недостатком, который впоследствии унаследовали и рыцари. Этот недостаток – «неосторожность, чрезмерный пафос, чередование эйфории и бешенства с упадком настроения» (с. 257).

⁵⁵⁹ Шиппи (с. 12) пишет: «В общих чертах описание битвы на полях Пеленнора близко следует описанию битвы на Каталонской равнине, где цивилизация Запада подобным же образом устояла перед нашествием «восточных племен» и где готский король Теодорид был затоптан собственной победоносной кавалерией и погиб в ореоле той же славы и скорби, что и Теоден у Толкина».

⁵⁶⁰ Рох. «сильный».

⁵⁶¹ Хорн. Рох. «рог».

Фастред. Рох. «надежный совет».

⁵⁶² Рох. «меч +?». Hildebrandslied – имя отца Хильдебранда – Хэрибранда (Hiltibrant gimahalta, Heribrantes sanu’).

⁵⁶³ Рох. «войско + путешественник».

⁵⁶⁴ Единственное место в трилогии, где Толкин употребляет слово «языческий» (heathen). Для Толкина слово «язычник» синонимично слову «идолопоклонник», хотя иногда языческими называют все народы, жившие до Рождества Христова, кроме евреев. В Средьземелье, кроме южных и восточных народов, идолопоклонниками в понимании Толкина были так называемые Черные Нуменорцы, прибывшие в Средьземелье в годы, когда в Нуменоре существовал культ Моргота (см. Приложение А, гл. 1) и все жители Нуменора разделились на две части – одни по-прежнему чтили Эру (Единого Бога), другие, составлявшие правящее большинство, отреклись от Эру и участвовали в богохульных и кощунственных языческих ритуалах.

По замечанию Шиппи (с. 238), слово heathen, в отличие от слова *ragan* (на русский язык оба слова переводятся одинаково – «языческий»), используется в английском языке только в христианском контексте и, разумеется, в Средьземелье звучит разительным

анахронизмом. Фраза Гэндальфа была бы уместна в контексте, скажем, раннего английского средневековья, когда христианин мог с осуждением вспоминать поступки королей, правивших Британией до ее христианизации.

Любопытно отметить также следующее. В «Беовульфе», с которым ВК пересекается во многом, и особенно в методе изображения героев, дохристианская эпоха, в которую происходит действие, ознаменована верой в Единого Бога Библии (вместо множества языческих богов) и отсутствием каких-либо отрицательных черт, которые были ей присущи в действительности. При этом не упоминается ни о рабовладении, ни об инцесте, ни о кровавых жертвах, которые бытовали в ту эпоху на самом деле, зато, как и в ВК, один раз употреблено слово *heathen*, которое, как и в ВК, является здесь анахронизмом. Шиппи сообщает, что сначала Толкин считал это оговоркой или инородной вставкой, но позже изменил свое мнение. Так или иначе, в обоих случаях за словом *heathen* стоит сам автор-христианин, не удержавшийся от того, чтобы не высказаться устами своих героев.

⁵⁶⁵ Шиппи (с. 129) пишет: «...это заявление звучит довольно зловеще. Когда Толкин заканчивал ВК, политические лидеры впервые в истории получили возможность не просто заявить, что они «выбирают Ничто», а и претворить свое желание в жизнь. Совершенно ясно, что Дэнетор не подчинится Врагу, как сделал это Саруман, но в конечном итоге Дэнетору безразлична судьба своих подданных – даже отцовская любовь толкает его лишь на попытку умертвить сына вместе с собой. «Запад пал, – говорит Дэнетор. – Все сгорит в одном пожаре и кончится...» Дэнетор не говорит, что все сгорит в ядерном огне, но эти слова сюда вполне сгодились бы. Дэнетор сам лишает себя посоха, символа наместнического служения, чего Саруман не делает. В характере Дэнетора нераздельно смешались избыток героического духа, который можно назвать древним духом Рагнарёка (см. прим. 585. – М.К. и В.К.), и мелочное беспокойство о собственном наместническом кресле и сохранности границ Гондора. Подобное сочетание... не имело до 1945 г. никакого смысла».

В заметке по поводу статьи о ВК У. Х. Одена <<У. Х. Оден (1907–1973) – поэт и критик, родился в Великобритании, позже переехал в Америку. Учился в Оксфорде, увлекался древнеанглийским языком,

скандинавской мифологией; как и К. С. Льюис (см. прим. 411), в зрелом возрасте стал христианином. К ВК отнесся с энтузиазмом, что было для Толкина большой поддержкой. Оден и Толкин сохраняли дружеские отношения до конца жизни последнего.>>, написанной в 1956 г., Толкин замечает (П, с. 241): «Дэнетор мыслил исключительно политическими категориями; отсюда его нравственное падение и его недоверие к Фарамиру. Сохранить политическую целостность Гондора в соседстве с другим могущественным государством, которое было гораздо сильнее (бояться его и бороться с ним следовало, по его мнению, в первую очередь из-за того, что оно сильнее, и лишь во вторую – из-за его жестокости и злобы), – эта цель стала для него смыслом жизни. Дэнетор презирал тех, кто стоял ниже его, и можно не сомневаться, что он не делал разницы между людьми, служившими Мордору, и орками. Останься он жив и одержи победу, пусть даже и без помощи Кольца, он непременно сделал бы впоследствии шаг к тому, чтобы самому сделаться тираном: с обманутыми народами Востока и Юга разговор у него был бы короткий и без околичностей, а расправа – быстрой, жестокой и мстительной. Дэнетор сделался «политическим лидером»– т. е. взял себе за девиз слова «Гондор превыше всего»».

Не такова политика, представленная на Совете Элронда. Фродо принимает бремя миссии, только выслушав все мнения и полностью осознав, что его ожидает. Поистине, эльфы пожертвовали собственными политическими интересами во имя своего «долга перед человечеством». Они пошли на это не просто потому, что знали – война неизбежно несет разрушения; им было известно, что утраты – неизбежный итог победы и что победа не могла принести им никакой выгоды.

И все же в позиции Дэнетора есть одна «составляющая», достойная, с точки зрения Толкина, похвалы: это его отказ от компромисса с Сауроном. Шиппи (с. 129) пишет: «Пораженчества, в строгом словарном смысле этого слова, герои ВК не приемлют полностью. В ВК никому не позволено высказываться в защиту этой идеи. Так Дэнетор, уверенный в поражении, совершает ритуальное самоубийство – он и не думает вести с Сауроном переговоры об условиях мира в духе «вишизма».

⁵⁶⁶ Название этой болезни эхом повторяет подобное же название из «Макбета» Шекспира (см. прим. 572).

⁵⁶⁷ Синд. «старуха». Авторы В. Э. обнаружили в этом слове языковедческую шутку. Как известно, синдаринский язык построен по модели валлийского. По-валлийски *иор* означает «курица». При этом «курица» по-английски – *hen*, а по-валлийски *хен* означает «старый».

⁵⁶⁸ См. прим. 572.

⁵⁶⁹ У Валар(ов) был свой язык, отличный от эльфийского, – но приведенное гондорским знатоком трав название слишком напоминает квенийское. Вполне возможно, что знаток трав называет валинореанским именно язык Квэния, на котором говорили Высшие эльфы, побывавшие в Валиноре (о Высших эльфах см. прим. 100). В трилогии упоминается одно слово, которое, вне всяких сомнений, происходит из подлинного языка Валар(ов): это *мирувор*. По всей видимости, *асеа аранион* – дословный перевод названия «королевский лист» (или наоборот).

⁵⁷⁰ Синд. «цветущая долина + любезный».

⁵⁷¹ Синд. слово. Этимология неизвестна.

⁵⁷² Явная ассоциация с благочестивым королем Эдуардом Исповедником у Шекспира в «Макбете»:

Малькольм

...Король сегодня выйдет?

Доктор

*Да, от него толпа больных несчастных
Ждет исцеленья; против их болезни
Бессильны все старания врачей:
Но лишь одно его прикосновение
Целит недуг; так много благодати
В его руке.*

.....
Макдуф

Что за болезнь?

Доктор

*Она зовется «немошь»;
Король наш чудотворец, и я сам
Бывал тому свидетелем не раз
С тех пор, как прибыл в Англию. Не знаю,
Как молится он небу, но больных,
Что дико стонут, – в язвах и нарывах,
Оставленных врачами, – исцеляет
Одною силою святых молитв,
Повесив лишь монету им на шею.
И говорят, что этот дар чудесный
Он передаст наследникам. Притом
Есть у него небесный дар пророчеств;
И многое другое говорит,
Что подлинно он полон благодати.*

(Пер. С. М. Соловьева)

До XVIII столетия считалось, что любой король Англии может прикосновением лечить the Kings Evil – золотуху.

Легко заметить, что «эхо» Шекспира (особенно «Макбета») звучит у Толкина не единожды. О связи Толкина с Шекспиром Шиппи (с. 138) пишет следующее: «Если Толкин не шутил, когда объявлял, что недолюбливает Шекспира, то объясняется эта неприязнь просто. Шекспир был истинным поэтом, и его творчество теснейшим образом связано с глубинными истоками, откуда брала начало английская литература – со старыми английскими легендами и традициями. Но Шекспир, по мнению Толкина, слишком часто пренебрегал глубинными корнями собственной поэзии ради более поверхностных... интересов». По Шиппи, Толкин предпочел бы, чтобы вместо истории о короле Лире, заимствованной из нелюбимого Толкином Готфрида Монмутского (над высокопарным стилем последнего Толкин подтрунивает в своей шуточной повести «Фермер

Джайлс из Хэма»), Шекспир пересказал утраченную ныне балладу о Чайлд Роланде, которую напевает «бедный Том» сумасшедшему Лиру:

*Вот к мрачной башне Роланд подходит.
Тогда великан говорит: «Ух, ух!
Я чую британской крови дух!»*

(Пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник)

В итоге, шутит Шиппи, Толкину пришлось написать о «мрачной башне» самому.

⁵⁷³ О том, что в жилах народа, населявшего Дол Амрот, текла эльфийская кровь, говорило, по указанию Толкина (НС, с. 265), и то, что у жителей тех краев, в отличие от обычных людей, не росло бороды. По-видимому, кто-то из обитателей этих мест взял некогда в жены одну из спутниц Нимродэли (см. прим. 263), заплутавших, как и Нимродэль, по дороге в Гавань. По другой версии, дед Имрахила Ангелимар по прямой линии происходил от Галадора (2024–2129 гг. ТЭ), который был сыном жившего в Белфаласе нуменорца Имразора и эльфийской девы Митреллас, о которой точно известно, что она сопровождала Нимродэль. Согласно легенде, Имразор взял Митреллас в жены против ее воли, и после рождения второго ребенка она тайно покинула дом супруга. Таким образом, в крови Имрахила течет кровь Лесных эльфов Лориэна.

⁵⁷⁴ Шиппи (с. 167) предполагает, что в этом диалоге эльфа и гнома содержится отсылка к евангельской притче о зерне (Мтф, 13:4–8, 18–23): «...вышел сеятель сеять: и когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то; иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро возшло... когда же возшло солнце, увяло и, как не имело корня, высохло; иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его; иное упало на добрую землю и принесло плод... посеянное... на доброй земле означает слышащего слово и понимающего, который и бывает плодоносен...» В разговоре эльфа и гнома о судьбе человечества, по предположению Шиппи, слышится зашифрованное пророчество о Сыне Человеческом.

⁵⁷⁵ Синд. «пути-(через)-поток».

⁵⁷⁶ См. прим. 263, *Нимродэль*.

⁵⁷⁷ Синд. «одинокая (река)» (у этой реки, бегущей с гор, не было притоков).

⁵⁷⁸ Синд. «золотой снег».

⁵⁷⁹ Синд. «бессмертный». В письме к Э. Роналд от 16 ноября 1969 г. (П, с. 402) Толкин пишет: «*Алфирин...* это цветок, вроде бессмертника, но не такой сухой и шуршащий: – просто красивый цветок, напоминающий колокольчик, переливающийся многими цветами, но более мягкий и нежный».

⁵⁸⁰ Описание Похода Умерших словно списано с древнеанглийской поэмы «Сэр Орфео», которую Толкин перевел на современный английский (в его переводе впервые опубликована в 1975 г.). Блуждая в глуши лесов, сэр Орфео встречает охотящихся эльфов, но звук эльфийских рогов приглушен, крики едва слышны, а сами всадники кажутся тенями, словно все происходит в некоем запредельном мире, куда нет доступа человеку. См. также прим. к «Хоббиту», гл. 8.

⁵⁸¹ Эта фраза представляется загадочной. Вероятно, в основе ее лежит некое древнее пророчество. Если это не просто риторическая формула, то не исключено, что эта фраза как бы соединяет трилогию с нашим временем, давая понять, что, возможно, истинные Короли – потомки Лутиэн – и по сей день ходят по земле, хотя не исключено, что они не знают о своем происхождении.

⁵⁸² Поэт У. Х. Оден, друг Толкина (см. прим. 565), писал: «У Зла есть все преимущества, кроме одного, – оно уступает Добру в способности к воображению. Добро способно представить себя на месте Зла: отсюда отказ Гэндальфа и Арагорна пользоваться Кольцом. Но Зло, сделав решительный выбор, уже не может вообразить ничего, что отличалось бы от него самого» («The New York Review of Books», 22 января 1956 г.).

⁵⁸³ См. прим. 230 (о «северной теории мужества»). Шиппи (с. 127) пишет: «В известном смысле северная мифология требует и ждет от человека большего, чем христианство, так как она не предлагает ни рая, ни спасения, ни награды за добродетель – только мрачное удовлетворение от сознания собственной правоты. Толкин хотел, чтобы герои ВК жили по этим высоким стандартам. Поэтому он

позаботился о том, чтобы они не полагались на слишком легкую победу, и наделил их сознанием возможности поражения, которое может кончиться многолетним владычеством врага... Толкину требовались герои, обладающие мужеством, в котором не было бы посторонних примесей, таких как, например, уверенность в победе, но в то же время способные преодолеть гнев и отчаяние. Можно сказать, что многие мудрые герои ВК часто не имеют никакой надежды на успех и находятся на грани отчаяния – но не поддаются ему».

⁵⁸⁴ Эхо библейской истории о Давиде и Голиафе. Ср. описание Голиафа (I Царств, 17: 4–5): «...ростом он – шести локтей и пяди. Медный шлем на голове его: и одет он был в чешуйчатую броню, и вес брони его – пять тысяч сиклей меди». Давид не имел доспехов; он «с сумкой и с пращою в руке своей выступил против филистимлянина» (17:40). «Когда филистимлянин поднялся и стал подходить и приближаться навстречу Давиду, Давид поспешно побежал к строю навстречу филистимлянину. И опустил Давид руку свою в сумку и взял оттуда камень и бросил из пращи и поразил филистимлянина в лоб, так что камень вонзился в лоб его, и он упал лицом на землю. Так одолел Давид филистимлянина и убил его; меча же не было в руках Давида» (17: 48–50). Особый иронический смысл словам Имрахила придает то, что, по замыслу Толкина, они произносятся задолго до библейских событий, так что библейская притча выглядит ответом на них. Мальчик с ивовым луком при помощи Бога может победить великана; возможна и победа над Сауроном.

⁵⁸⁵ Битва у Черных Ворот – кульминационный пункт развития «северной теории мужества» в ВК и является эхом Рагнарёка – конца света в скандинавской мифологии. Рагнарёк – древнеисл. слово, означающее «гибель богов», великую катастрофу, в которой должны были погибнуть все боги (кроме их сыновей) и люди (кроме двоих). Во время этой битвы с порождениями хаоса солнце почернеет, звезды упадут на землю. В конце концов должен явиться великан Сирт с огненным мечом и сжечь весь мир.

Христианство отменило Рагнарёк уверением в конечной победе Добра на земле, всесилием Единого Бога и обещанием вечного воздаяния за добрые дела, за участие в «Божьей битве», где поражение терпят не боги, но демоны. Ярость и отчаяние в этой перспективе потеряли смысл – а это были существенные составляющие «духа

Рагнарёка». Однако, пишет Шиппи (с. 117), «Толкину хотелось и удержать кое-что из этого духа – хотя бы бесстрашие перед лицом кажущейся безнадежности». И далее: «Сам Толкин был христианином, и ему пришлось столкнуться лицом к лицу с одной из проблем «северной теории мужества» (см. также прим. 230. – М.К. и В.К.), которой он так восхищался: основной источник этой теории – отчаяние, ее дух зачастую – языческая свирепость. Усилия Толкина справиться с этой трудностью хорошо видны в его пьесе-эссе «Возвращение Бьортнота, сына Бьортхельма», опубликованной в 1953 г., за год до ВК. Эта пьеса представляет собой поэтическое послесловие к древнеанглийской поэме «Битва при Мэлдоне», в которой запечатлено поражение англосаксов в битве с викингами в 991 г. и восхваляется негиббемое мужество дружины вождя англосаксов, которая отказалась отступить, когда погиб сам вождь – Бьортнот (в пер. В. Тихомирова – Бюрхтнот), и сражалась у тела павшего, пока не пал последний воин. Суть этого мужества выражена в словах старого слуги вождя – Бьортвольда (Бюрхтвольда):

*Воля, будь строже, знамя, рей выше,
Сердце, мужайся – пусть силы сякнут...*

<<В пер. В. Тихомирова: Духом владейте, / доблестью укрепитесь, сила иссякла – / сердцем мужайтесь.>>

Толкин говорит, что эти строки «всегда считались наиточнейшим выражением северного героического духа, будь то скандинавского или английского: здесь заключено самое ясное выражение учения о беспредельной стойкости, поставленной на службу непреклонной воле». И все же эти строки его смущали. Ему казалось, что они устарели уже в 991 г.; он видел, что их с такой же легкостью мог бы произнести и язычник. Толкин считал, что яростный дух, который выразился в этих строках, и был одной из причин опрометчивого решения Бьортнота (бросая вызов врагам-викингам, он сам пригласил их перейти через реку (иначе викингам пришлось бы дорого заплатить за переправу. – М.К. и В.К.) и вступить в сражение на более удобном для них месте: Бьортнот считал, что недостойно пользоваться

заведомым преимуществом, и надеялся победить викингов и так). Это решение привело к поражению войска и гибели ни в чем не повинных людей. В поэме Толкина слова эти приписываются не Бьортвольду, но вплетаются в сон поэта Тортхельма:

*Тьма! Везде – тьма, и рок настиг нас!
Ужели свет сгинул? Зажгите свечи,
Огонь раздуйте! Но что там? Пламя
Горит в камине, и свет в окнах;
Сходятся люди – из тьмы туманов,
Из мрака ночи, где ждет гибель.
Чу! Слышу пенье в сумрачном зале —
Слова суровы, и хор сложен:
Воля, будь строже, знамя, рей выше,
Сердце, мужайся – пусть силы сякнут:
Дух не сробеет, душа не дрогнет —
Пусть рок настигнет и тьма настанет.*

Эти слова отнюдь не выражают кредо самого автора – Толкин не считал, что в конце концов победа будет за тьмой. Тортхельму слышатся голоса его предков-язычников; но эти предки, по словам Тидвальда, спутника Тортхельма, были в свое время ничем не лучше теперешних супостатов-викингов, что «идут на Лондон в челнах своих длинных, / пьют здравье Тора, – в вине тоску топят, / обречены аду». Тортхельм не прав точно так же, как не прав Гэндальф, когда последний говорит: «Я – Гэндальф, Гэндальф Белый, но Черное все еще сильнее меня» (гл. 4 ч. 3 кн. 2), или, быть может, не прав даже в большей мере, чем Гэндальф».

Тидвальд упрекает Тортхельма в «языческом отчаянии» и призывает молодого поэта твердо уповать на Господа и с терпением сносить скорби нынешнего века. Поэма заканчивается хором монахов, поющих гимн *Dirige, Domine* – «Властвуй, Господи» – из службы по усопшим. Эти слова подводят итог проблеме. С точки зрения христианина Тидвальда, исход любой битвы – в руке Божией, и даже в случае поражения тех, на чьей стороне правда, окончательная победа, в перспективе будущего Суда, все равно за ними, ибо в конце истории

Справедливость восторжествует и праведники обретут вечную награду на небесах. Упование на торжество Добра лишает «языческое отчаяние» и смысла, и силы; однако героизм и мужество защитников Справедливости от этого не умяются, а, наоборот, приобщаются Вечности, так как каждый сражающийся за правду сражается в Божьей войске, является Божьим воином, а для Божьего воина поражение и самая смерть могут быть лишь эпизодом на пути к вечному торжеству.

⁵⁸⁶ Синд. «черный + изгородь».

⁵⁸⁷ На Черном Наречии означает «раб».

⁵⁸⁸ В письме к С. Анвину от 31 июля 1947 г. (П, с. 120) Толкин пишет о хоббитах: «Я думаю, нет такого страха, доступного нашему воображению, которого эти существа не смогли бы преодолеть с помощью *благодати* (курсив наш. – М.К. и В.К.). Благодать является здесь в мифологических формах; действует она заодно с хоббичьими природой и разумом, которые в решающий момент отказываются идти на компромисс и подчиняться злу». «Благодатью» в богословии называется «энергия» любви и поддержки, посылаемая Богом тем, кому Он пожелает ее послать; с помощью благодати человек может преодолеть собственную греховную природу, выдержать тяжелые испытания, на что без поддержки свыше он способен не был бы. Без благодатной помощи человек не может одолеть сил Тьмы. Благодать действует только в согласии с волей самого человека и в направлении его собственных поисков и усилий.

Шиппи (с. 144) утверждает, что во фразе «И не скажу я – «кончен День» («The day is done») слышится явственное эхо слов, которые говорит у Шекспира служанка Клеопатры Ира своей госпоже: «...The bright day is done, and we are for the dark»» (в пер. Б. Пастернака – «День наш миновал. Смеркается»). Однако, по мнению Шиппи, Толкин чувствовал, что у Шекспира нет исключительных прав на эту фразу, которая, по всей видимости, гораздо древнее.

⁵⁸⁹ Кв. «О ярчайшая из звезд!». См. также прим. 460, *Айя Эарендил Эленион Анкалима*.

⁵⁹⁰ Названия *Исенмут* и *Карах Ангрен* представляют собой переводы названия *Железная Пасть* соответственно на роханский и синдаринский языки.

⁵⁹¹ Как и в случае с молитвой Фродо в туннеле Шелоб (см. прим. 459), здесь можно было бы предположить, что свет и вода появляются

в ответ на молитву (если понимать молитву как сознательное обращение к высшим духовным силам). Однако утверждать это без оговорок значило бы навязать тексту слишком прямолинейное толкование. Вода могла встретиться хоббитам случайно, а могла явиться в ответ на молитву непосредственно через Вала(ра) Улмо (см. прим. 99, *Гилтониэль! О Элберет!*), в ведении которого находились все реки, моря, озера и т. д. С определенностью настаивать на том или ином объяснении нельзя. Шиппи пишет (с. 72): «Из «Сильмариллиона» мы узнаем, что вода – стихия Вала(ра) Улмо, и поэтому через воду (море, река) героям часто приходит поддержка; в таком случае происшествие с Сэмом и Фродо начинает казаться не просто совпадением, а «даром». Если пойти этим путем, то, конечно, ощущение сверхъестественной поддержки разрушит все впечатление от мужества друзей-хоббитов, а также уничтожит таящийся в глубине повествования урок о том, что именно так и надлежит вести себя в жизни. Никто из нас не может рассчитывать на помощь Вала(ра); однако, в какой бы Мордор нас ни занесло, наш долг – идти вперед. Заканчивая «Властелина Колец», Толкин подумывал о том, чтобы все-таки уделить идее «помощи свыше» побольше внимания; об этом свидетельствует то, что он ввел в черновики «Сильмариллиона» новый эпизод, связанный с помощью Улмо одному из героев (НС, с. 20). По всей видимости, идея воды как освященной стихии и надежного убежища от Черного Властелина начинала ему нравиться все больше и больше. В своих набросках, озаглавленных «Охота за Кольцом» (см. прим. 224.– М.К. и В.К.), представляющих что-то вроде послесловия к ВК и написанных в 1955 г., он пишет, что Назгулы (за исключением их предводителя) «боялись воды и избегали касаться ее или пересекать реки, разве только в случае крайней необходимости или посуху, через мост» (НС, с. 343). Но как же тогда они добрались до Заселья? Ведь путь лежал через Дикие Земли, где рек немало. Кристофер Толкин замечает, что его отец видел определенную трудность в том, чтобы с достаточной убедительностью обосновать эту идею. Кроме того, подобная концепция сделала бы вмешательство Валар(ов) в судьбы героев чересчур явным, а это во многих случаях совершенно обесценило бы то «в высшей степени правдоподобное чувство одиночества и растерянности», которое испытывали хоббиты в Мордоре».

⁵⁹² Возможно, здесь слышится отклик одной из «обще-Инклинговских» (см. об Инклингах прим. 411) мыслей, которых исследователи находят в ВК немало. В письме Толкина от 31 мая 1944 г. (П, с. 83) есть упоминание о том, как К. С. Льюис (см. прим. 411) читал Инклингам свою новую повесть «Расторжение брака» (тогда она называлась «Who goes home?» – «Кто идет домой?»). В ней повествуется о регулярных автобусных экскурсиях из ада в рай, причем все желающие могут остаться в раю, но таких желающих по разным причинам находится немного – так или иначе, но рай совершенно не устраивает обитателей ада. Ад представляется его жителям бесконечным; однако из рая он кажется крошечной темной трещинкой в земле. См. также об этой повести Льюиса в прим. 677.

⁵⁹³ В оригинале Durthang. Синд. «темный + давление, насилие». Корень *-танг* встречается также в названии крепости Моргота, разрушенной в конце ПЭ, – Тангородрима, а корень *дур-* входит в название Черной Башни Сауона (Барад-дур).

⁵⁹⁴ Синд. «заклятый перевал».

⁵⁹⁵ См. Приложение Е, II.

⁵⁹⁶ Сестра Сэма. См. генеалогическое древо в Приложении В.

⁵⁹⁷ О *лембасе* см. прим. 282.

⁵⁹⁸ Символика Кольца, которой мы отчасти касались в прим. 72, включает в себя как составную часть понятие греха, который каждый человек несет, как Христос свой крест, к собственной Горе Судьбы – к собственной Голгофе. Здесь уместно еще раз процитировать слова Флоренского (СиУ, с. 234): «Погружаясь в грех, дух... теряет себя... Самость... не видя уже ничего, кроме греха, лежащего в ее основе, может только терзаться, но – не вырваться из огненного колеса нарастающей греховности».

⁵⁹⁹ Специфика образности ВК в том, что «ад» и «рай», т. е. духовные области, обычно доступные восприятию человека только психологически, существуют в пространстве повествования реально, спроецированы, так сказать, в реальность, причем проекция при этом обладает своей особой жизнью и зачастую представлена в особом существе, встреча с которым возможна и представляет подчас особое испытание для героев. Так, например, Назгулы, а также Голлум после своего последнего предательства (когда он отверг последний шанс

исправиться – см. прим. 456), существуют уже не столько в реальной жизни, сколько в «аду» (эту особую реальность ада в обычной жизни создает Кольцо). Испытание Фродо при его встрече с Назгулами лицом к лицу состоит в искушении поддаться исходящему от них призыву, на который откликается темная сторона его души. Сэм при встрече с Голлумом на Горе Судьбы подвергается другому испытанию – испытанию на милосердие. Сэм мог бы оказаться на месте Голлума, не откажись он от Кольца; точно так же любой праведник мог бы оказаться на месте страдающего в аду грешника, поверни он в своей жизни не в ту сторону, не откажись от того или иного соблазна (или не раскайся в грехе совершенном).

Свойство Кольца «переселять» ад из потусторонних областей в реальность прежде всего проявляется в способности продлевать жизнь своему владельцу. Во вселенной Толкина желание продлить жизнь искусственным образом считается одним из самых серьезных грехов. «Долгая жизнь или искусственное «бессмертие» (истинное бессмертие в Эа (Вселенной. – М.К. и В.К.) недостижимо) – главная приманка Саурана; малых оно превращает в голлумов, великих – в Кольцепризраков», – пишет Толкин в письме к Р. Бир от 14 октября 1958 г. (П, с. 284). Обладатель Кольца приобщается вечности «недобрым» способом – через вечность ада, о которой Флоренский пишет так (СиУ, с. 244): ««Сгорать», но не «сгореть» – таково «вечное горение». Если в глазах сущего... вечность мучений – в их абсолютном по содержанию миге, когда соприкасаются грех и взор Божий, не могущие соприкоснуться более как на миг, то для не-сущего эта вечность – в непрестанной продолжаемости в дурную бесконечность, в нелепом и не сущем о себе растяжении умирания злой самости на беспредельность чисто внутренней, ничем более не сдерживаемой похоти. Будучи дурной абсолютностью и полною независимостью ото всего – как того хочет самость – и в то же время не имея творческой активности, эта самость лишена и внешних, и внутренних побуд остановиться, положить предел своей похоти».

⁶⁰⁰ В письме к Э. Элгар (сентябрь 1963 г.) Толкин рассматривает варианты того, что могло бы случиться после, обернись дело несколько иначе и не получи Фродо «помощь» от Голлума. Фродо был не в состоянии бросить Кольцо в пропасть, вероятно, ему пришлось бы броситься туда вместе с Кольцом. «В любом другом случае он,

конечно, проиграл бы. Интересная проблема возникает, если задаться вопросом – как бы стал действовать Саурон, как сопротивлялся бы его соперник?» (П, с. 330.)

Дальше Толкин предполагает, что посланные Сауроном на Огненную Гору Назгулы не признали бы Фродо за истинного Властелина Кольца. В то же время они не могли послушаться его и не могли напасть на него. Им бы пришлось притворно поклониться ему ради исполнения главной задачи – поскорее увести или унести Фродо от Трещины Судьбы. А если бы это им удалось, все остальное было бы уже несложно. Но поначалу Призраки обратились бы к Фродо как к «Властелину». Если бы он отказался лететь с ними, чтобы «обозреть свои новые владения», Саурон сам явился бы на Гору. Тогда конец Фродо был бы ужасен, так как Саурон – создатель Кольца – своего детища не боялся. Возможно, только Гэндальф, заручившись Кольцом, смог бы противостоять Саурону, и в случае победы Гэндальфа Саурон покинул бы свое тело, но все, что он сделал с помощью Кольца, осталось бы без изменений.

В письме к Дж. Берн (26 июля 1956 г., П, с. 251) Толкин пишет:

«Я думаю... что для Фродо было не только совершенно невозможно по собственной воле расстаться с Кольцом, особенно в тот момент, когда оно обрело наибольшую силу, но что неудача эта была предрешена давно. Честь и хвалу Фродо снискал только потому, что принял Кольцо добровольно и сделал все, что было в его силах, телесных и духовных... На первый взгляд, строки из Первого Послания к Коринфянам (10: 12–13) («Посему, кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть. Вас постигло искушение не иное, как человеческое, и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести». – М.К. и В.К.) не совсем подходят к этому случаю; однако все изменится, если под «претерпеванием искушения» понимать сопротивление искушению до тех пор, пока искушаемый остается свободен, пока он хозяин собственной воли. Здесь мне скорее припоминается таинственное последнее прошение Молитвы Господней («Отче наш». – М.К. и В.К.): «не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого» (в английском переводе последняя часть этой фразы звучит несколько иначе – примерно как «избавь нас от зла (злого)». – М.К. и В.К.). Избавить от того, что не может произойти,

нельзя – такое прошение было бы лишено смысла. Человек может оказаться в таком положении, справиться с которым будет выше его сил. В этом случае (мне кажется) спасение будет зависеть от вещей, по видимости никак не связанных с происходящим, а именно – от святости (в том числе смирения и милосердности) жертвы. Я вовсе не устраиваю «искусственного» спасения: оно вытекает из логики повествования. (Голлуму был дан шанс раскаяться, ответить на великодушие любовью; все висело на волоске – и сорвалось.) Мы видим людей, выходящих из тюрьмы сломленными или душевнобольными, видим, как восхваляют они свои мучения, и редко приходится наблюдать, чтобы к ним снизошло немедленное избавление. Но по крайней мере мы можем судить их по тому, с чем они вошли в Саммат Наур, какими были их намерения, и не требовать от них немислимых подвигов воли, о которых расписывают в историях, где не обращается никакого внимания на нравственное и духовное правдоподобие.

Фродо «пал». Возможно, с гибелью Кольца многое в памяти Фродо стерлось. Но надо смотреть в лицо реальности: в этом мире существа из плоти и крови не могут сопротивляться Злу до конца, какими бы «хорошими» они ни были сами по себе... ибо Тот, Кто пишет нашу историю, к нашему роду не принадлежит».

В письме к Э. Роналд от 27 июля 1956 г. (П, с. 252) Толкин разъясняет последнюю фразу следующим образом: «...под Автором Истории... я понимаю отнюдь не себя: это «Тот, Кто присутствует всегда и во всем и ни разу не назван» (по словам одного критика, сказанным им о «Властелине Колец»))».

В письме к М. Стрэйту (февраль 1956 г., П, с. 233–234) Толкин пишет: «Поход Фродо как часть плана по спасению мира с самого начала обречен был на провал: плачевный конец сужден был также истории смиренного превращения Фродо из обычного хоббита в «благородного героя», истории его превращения в святого. Поскольку мы имеем в виду только Фродо и больше никого, постольку его миссия была обречена на неудачу и с треском провалилась. Фродо «отрекся» – кстати, как-то раз я получил свирепое письмо, автор которого взывал к справедливости и требовал казнить Фродо как предателя, а не воздавать ему почести. Поверьте, что до этого письма я и сам не задумывался, сколь «типичной» может показаться подобная ситуация.

Но она сама собой проистекает из сюжета, который я набросал в общих чертах еще в 1936 году. Я не мог предвидеть, что не успею еще я закончить книгу, как мы вступим в темную эпоху, которая по технике пыточного дела и по искусству разрушения личности вполне сможет потягаться с Мордором и Кольцом и на практике столкнет нас с проблемой превращения добрых и честных людей в предателей.

И все же «спасение» мира и «спасение» самого Фродо достигаются благодаря выказанным им прежде жалости и способности прощать старые обиды. В любой момент на всем протяжении Похода благоразумный наблюдатель мог бы предупредить Фродо, что Голлум способен предать его в любой момент и, скорее всего, в придачу еще и ограбит. То, что Фродо, несмотря ни на что, все-таки «пожалел» Голлума и запретил Сэму его убивать, было или чистым безумием, или результатом мистической веры в то, что жалость и великодушие, даже если в этом временном мире они оборачиваются бедой, несут в конечном счете ценность в себе самих. Голлум действительно ограбил Фродо, да к тому же еще и ранил, – но, по «благодати», последнее предательство стало последним звеном в длинной цепи и превратило последнее злодеяние Голлума против Фродо в услугу, да еще такую, какой больше никто на свете не смог бы Фродо оказать. С помощью ситуации, которую создал Фродо, «отпустив грехи своему должнику», Фродо спасся сам и скинул с плеч свое бремя. Высшие почести воздали ему вполне справедливо; кстати, само собой разумеется, что ни он, ни Сэм не стали бы скрывать, как все произошло на самом деле».

⁶⁰¹ Шиппи (с. 110) пишет: «Фродо спасается от совершенного им греха только тем, что прежде он несколько раз простил и пощадил Голлума; однако он все же несет что-то вроде наказания, когда теряет в итоге палец. «Если око твое соблазняет тебя, вырви его...»» (имеются в виду слова Христа из Нагорной Проповеди: «Если правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая рука твоя соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя: ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну» (Мф. 5: 29–30). – М.К. и В.К.).

⁶⁰² Это ключевое место трактуется исследователями неоднозначно и представляет собой широкое поле для дискуссии и размышления.

Сам Толкин пишет о гибели Голлума следующее (январь – февраль 1956 г., М. Стрэйту, II, с. 238): «Я бы не стал тратить сил на догадки о том, какой окончательный приговор будет вынесен Голлуму. Это значило бы вторгнуться в «Goddess privitee» («частное дело Бога»), как сказали бы в средние века. Голлум заслуживал жалости, но кончил он сознательным и упорным деланием зла; то, что это зло породило в конечном итоге добро, никак не оправдывает Голлума. Его удивительные отвага и терпение – такие же как у Фродо, если не больше, только направленные на достижение злой цели, – впечатляют, но чести ему не делают. Боюсь, что, вне зависимости от наших верований, необходимо признать, что существуют отдельные люди, которые, раз поддавшись искушению, отвергают все предоставленные им шансы совершить благородный поступок и спастись, почему и представляются нам «погибшими». Их «погибшесть» не подлежит оценке в контексте всего макрокосма (где вполне может в итоге обернуться благом). Но все мы находимся «в одной лодке» и не можем присваивать себе прерогатив Судии. Власть Кольца оказалась для низкой души Смеагола чересчур могущественной. Но ему не пришлось бы испытать ее на себе, не будь он мелким воришкой уже тогда, когда Кольцо попало к нему в руки. Но почему оно непременно должно было попасть к нему в руки? Почему мы вообще непременно должны встречать на своем пути подобные опасности? Если бы мы представили себе, каким стал бы Голлум, побори он искушение, это могло бы в некоторой степени послужить нам ответом на вопрос. История была бы тогда совсем иной!»

Однако некоторые исследователи высказывают предположение, что последний поступок Голлума можно истолковать по-другому. В конце концов, говорят они, Голлум не мог знать цели Фродо – уничтожить Кольцо. Куда естественнее для Голлума было предвидеть, как поступит Фродо в Саммат Науре на самом деле, и заподозрить, что Фродо сам хочет стать Властелином Кольца; это должно было внести неминуемую раздвоенность в отношения Голлума и хоббитов. Услышав заявление Фродо, Голлум вполне мог догадаться, что новый Властелин Кольца долго не продержится; не исключено, что Голлум бросился в схватку с Фродо, имея только одну цель – спасти Сокровище от Саурана и погибнуть вместе со своим Сокровищем (см. прим. 455).

По мнению Толкина, события могли бы развиваться иначе. В письме к Э. Элгар (сентябрь 1963 г., П, с. 330) он отмечает, что конфликт в поворотном эпизоде, где говорится о раскаянии Голлума и грубости Сэма, сорвавшей это раскаяние (гл. 8 ч. 4 кн. 2), мог бы разрешиться совсем иначе. Тогда весь путь в Мордор был бы другим, а главная роль в нем, по-видимому, досталась бы Голлуму, в душе которого шла бы напряженная борьба между любовью к Фродо и тягой к Кольцу. По-видимому, любовь все равно не смогла бы пересилить и Голлум «странным и жалким способом» попытался бы угодить сразу всем – и Фродо, и Кольцу. Незадолго до конца он, по-видимому, все же решился бы украсть у Фродо Кольцо или отнять силой. Но, удовлетворив свою страсть, он вспомнил бы про любовь к Фродо и, возможно, «принес бы себя в жертву ради Фродо и добровольно бросился в огненную бездну». «Следствием его частичного возрождения через любовь, – пишет Толкин, – было бы некоторое прояснение у него в голове, которое наступило бы, когда он объявил бы Кольцо своим. Он понял бы весь размах Саурановой злобы и внезапно осознал бы, что воспользоваться Кольцом не может, что у него недостаточно для этого сил и что он не может тягаться с Саураном; тогда оставался бы единственный способ сохранить Кольцо у себя и досадить Саурану – уничтожить себя вместе с Сокровищем. Внезапное озарение вполне могло бы помочь Голлуму осознать, что такой шаг был бы вместе с тем и лучшей службой, какую он мог бы сослужить своему хозяину».

Об отношении христианской традиции к возможности вечной гибели и вечного спасения закоренелого грешника см. также СиУ, с. 209: «В блеске безмерной Любви Божественной, как туман в лучах всепобедного солнца, рассеивается идея возмездия и твари, и всему тварному... но сознание не может допустить, чтобы могло быть спасение без ответной любви к Богу... В пределах рассудка нет и не может быть разрешения этой антиномии».

⁶⁰³ Кольца уже нет, однако не все причиненное им зло рассыпается в прах так же мгновенно, как укрепления Барад-дура. Семена уныния в душе Фродо, посеянные Врагом на Мертвых Болотах (см. прим. 413), проросли уже так глубоко, что смогли изменить его взгляд на мир в целом. Фродо говорит не просто о своей судьбе и судьбе Сэма – он делает философское обобщение, когда утверждает,

что мир устроен именно так, а не иначе. Конец всему – и прекрасному, и безобразному – один: гибель и бесславие. На чудо надеяться не приходится. С одной стороны, к такому выводу может привести вся история Средьземелья – достаточно вспомнить слова Галадриэли в гл. 7 ч. 2 кн. 1 о бесконечных битвах эльфов со злом, битвах, которые из века в век кончались поражением, и гибели героев, об исчезновении прекрасных эльфийских государств. Однако в Средьземелье унынию ясно противопоставлена надежда (Эарендил, история Берена и Лутиэн и т. д.). Уныние вполне может овладеть странником на земных путях, так как он не видит великого узора, в который вплетена его судьба (см. прим. 313). Фродо не знает о приближающемся спасении и не видит парадоксальности своих слов в контексте именно этой минуты – ведь к ним уже летят орлы, а значит, мир действительно «так уж устроен», что в нем есть место чуду и надежде. Фродо говорит о всем мире – и оказывается не прав уже в отношении своей собственной судьбы. Неверие оказывается результатом ограниченного мировосприятия; однако в контексте христианской веры ни один печальный конец не является по-настоящему печальным, потому что он не является настоящим «концом». К гибнущему человеку (или хоббиту!) даже в тот момент, когда им завладевает окончательное отчаяние, всегда «летят орлы» Пришествия Христова и «Вселенского Счастливого Конца» (см. о счастливом конце в христианской перспективе в прим. 605). Язычник, исповедующий «северную теорию мужества» (см. прим. 230 и 585) и приученный к мысли о неизбежной победе хаоса, не знает о грядущей победе Единого Бога над хаосом и порождениями тьмы. «Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?» – вопрошает св. Иоанн Златоуст в своем Пасхальном Слове. В контексте Спасения, Искупления, Воскресения никакое уныние и никакая печаль не способны удержать за собой того смысла, который был в них раньше. Уныние в христианстве превращается в атрибут врагов Христа, избравших погибель, – тех, кому ненавистен Счастливый Конец: это солдаты сил Хаоса и Тьмы – Черные Всадники; именно поэтому в их крике звучит такое всепоглощающее уныние и тоска. В пределах же земной истории уныние может быть не только следствием вражды на Бога, но и следствием неверия, невежества или наваждения и опирается на неистинную картину мира.

⁶⁰⁴ *Кормаллен. Синд. «золотое кольцо».*

⁶⁰⁵ Орлы на сей раз не могут изменить исхода битвы, как изменили его в «Хоббите» (см. гл. 17), но их появление символизирует внезапный поворот событий к лучшему. Счастливый Конец, по Толкину, – суть и предназначение всякой волшебной сказки. В эссе «О волшебных сказках» («On Fairy-Tales»), опубликованном в 1947 г., Толкин утверждает, что радость и утешение, которые приносит сказка, гораздо важнее «иллюзорного утоления извечных желаний человечества», в чем видят смысл сказок некоторые ученые. Эти радость и утешение заключены в Счастливом Конце. Чтобы обозначить Счастливый Конец терминологически, Толкин изобретает слово «эвкатастрофа» (eucatastrophe), в противоположность «дискатастрофе» – плохому концу (catastrophe по-английски означает и «катастрофа», и «развязка»). В переводе Н. Прохоровой (в кн. «Дерево и лист», М., 1991 г.) употреблен термин «счастливая развязка». Эв– — греческая приставка, имеющая положительный смысл, дис– — приставка с отрицательным смыслом. Счастливый Конец всегда является в волшебной сказке неожиданным и чудесным даром, который, однако, не отвергает возможности исхода печального: если бы печальный исход был изначально невозможен, радость была бы не такой острой. Счастливый Конец, по мнению Толкина, отвергает не возможность «дискатастрофы» как таковой, но обязательность окончательного всеобщего поражения, что прямо противоположно «духу Рагнарёка (см. прим. 585), и эта уверенность волшебной сказки является поистине «благой вестью» (Evangelium), мимолетным проблеском Радости – Радости, которая царствует за пределами этого мира, радости острой, как печаль» (ЧиК, с. 153). Эта радость «вонзается в сердцевину всех сказочных хитросплетений, разрывает их – и через образовавшийся разрыв проникает луч света» (там же). Хорошая волшебная сказка дает избавление от узкого, искаженного взгляда на смысл реальности, но удается ей это только потому, что через Счастливый Конец сказка каждый раз соприкасается с «величайшей из всех волшебных сказок» – Евангелием. Это не значит, что Толкин не верит в реальность Евангелия и считает его «сказкой». Дело в том, что Евангелие имеет все структурные черты сказки, мифа или великого романа, говорит Толкин, но при этом является реальной частью человеческой истории – то, о чем в нем говорится, действительно было. Это история о том, как Величайший из всех

сказочников – Бог – Сам нисходит в созданную Им сказку, в которой живем и действуем мы все, и становится ее участником. Это вхождение Автора в собственную сказку означает, что у нее есть Счастливый Конец, и Этот Конец – Рождество. Воскресение же – Счастливый Конец Воплощения, Сказки с участием Сказочника. Таким образом, утверждает Толкин, в «счастливом конце» сказки заключена благая весть о Вселенском Счастливом Конце, вечная истина о судьбе этого мира. В письме к Э. Роналду от 15 декабря 1956 г. Толкин пишет: «Как христианин и римский католик, я не ожидаю от истории человечества, чтобы она была чем-либо, кроме сплошной длинной цепи поражений, – и все же в ней есть примеры, которые можно назвать проблесками конечной победы. В легендах они выражены более отчетливо и больше трогают сердце» (см. также прим. 274). В письме к сыну Кристоферу от 7–8 ноября 1944 г. (П, с. 99–100) Толкин пишет: «...В воскресенье... мы попали на одну из лучших (и самых длинных) проповедей о. С. Он дал замечательное толкование на евангельское чтение (исцеление кровоточивой и дочери Иаира) <<Евангелие от Марка, гл. 5.>> и весьма кстати оживил свою проповедь, сравнив трех евангелистов. П. <<Речь идет о дочери Толкина Присцилле.>> показалось особенно забавным одно его замечание насчет св. Луки: св. Луке, как врачу, не очень-то нравилось, что от врачей женщине стало только хуже, и он предпочел обойти это молчанием. Ну а затем о. С. добавил ко всему этому живое описание современных нам чудес. Подобный же случай произошел с женщиной, которая болела чем-то похожим... попав в Лурд <<Лурд – город во Франции, где в XIX в. девочке Бернадетте явилась Дева Мария. К лурдскому источнику святой воды верующие приходят за исцелением.>>, она внезапно исцелилась, и опухоль исчезла бесследно... А трогательная история о маленьком мальчике? У него был туберкулезный перитонит, и он не исцелился. Опечаленные родители сели с ним в поезд; а мальчик почти умирал, и при нем неотлучно дежурили две сиделки. Когда поезд поехал, в окне на мгновение показался чудесный грот. И тут мальчик вдруг сел и заявил: «Я хочу пойти поговорить с девочкой». А в поезде с ним ехала маленькая девочка, исцелившаяся. И он встал и пошел к ней; они немного поиграли, потом он вернулся и потребовал есть. Ему дали торт, две чашки шоколада и несколько гигантских бутербродов с

консервированным мясом, и он все это съел! (Случай этот произошел в 1927 г.) Так Господь наш приказал дать есть дочери Иаира. Просто и по существу!.. Все чудеса таковы. Они вмешиваются в обыденную жизнь, но она – настоящая, а настоящая жизнь нуждается в пище и всем таком прочем... История с мальчиком (а это, разумеется, засвидетельствованный, авторитетнейший факт) с ее поначалу печальным концом, который нежданно-негаданно превратился в конец счастливый, тронула меня до глубины души и вызвала то особое чувство, которое посещает иногда всех нас, хотя и не слишком часто. Его нельзя спутать ни с чем... И вдруг я понял, что это за чувство. О нем-то я и пытался написать в моем эссе о волшебной сказке... Я даже сочинил для него специальное слово: «эвкатастрофа». Оно означает неожиданный поворот к лучшему, когда сердце внезапно пронзает радость, а на глазах выступают слезы (и я готов доказывать, что чувство эвкатастрофы – самое высокое из всех, какие только способна вызвать волшебная сказка). Я пришел к выводу, что чувство это обязано своей исключительной силой внезапному проблеску Истины, который в нем заключен. Все твое существо, связанное миром материальных причин-следствий и поверх всего – цепью Смерти, чувствует внезапное облегчение – будто порвалось одно из звеньев этой цепи, и ты освободился, и ощущаешь... что в Большом Мире, для которого мы на самом деле и созданы, – все устроено именно так...»

В юбилейном журнале американского общества по изучению творчества Толкина, Льюиса и Вильямса («Mythlore», Mythopoeic Society, 1992 г.) А. Кондратьев пишет (с. 42): «Если бы меня попросили назвать в творчестве Толкина элемент, который лучше всего определял бы его уникальный вклад во всемирную литературу, я назвал бы тему «эвкатастрофы»; на этот термин он обратил внимание мира сам, популяризовав его в своем эссе «О волшебных сказках». Нет сомнения, что сами по себе «счастливые концы» в литературе не новость, но в современную эпоху к ним стали относиться с подозрением; они отошли в область детской литературы и откровенно легковесного чтения. В лучшем случае счастливая концовка приемлема сегодня как стилистическая поза (что исключает искренность). С устранением Бога, а следовательно, и всякого центроположенного смысла существования жизнь стала восприниматься как абсурд – за исключением тех экзистенциальных смыслов, которые мы проецируем

на этот абсурд сами. Но поскольку на самое действительность эти смыслы не влияют, мы не имеем права ожидать, чтобы жизнь следовала образцам, которые давали бы нам эстетическое или моральное удовлетворение; таким образом, всякая литература, которая предлагает иное решение, неизбежно начинает казаться лживой болтовней. Многие интеллектуалы и художники пытались смягчить жестокость такого взгляда на мир, в нашем веке общепринятого, и достигали своей цели, избирая путь подавления глубинных духовных чаяний человека. Чтобы избежать боли, которая неизбежно возникает на опустевшем месте взамен потерпевших крушение чаяний и упований, эти художники выработали настоящий страх перед самым понятием «счастливого конца», приняв, по сути, решение любить уродство жизни и отдавая предпочтение этой любви к уродству перед тревогой за конечное уничтожение всего прекрасного. Эти постоянные усилия «ожесточить душу» имели далеко идущие последствия... Достаточно прислушаться хотя бы к тому, что говорят о Толкине читатели и критики, которым он не нравится, – он-де и слезлив, и сентиментален. Толкин отпугивает этих людей, возвращая значение чувствам, которые они давно уже перестали принимать всерьез.

Для многих, однако, чтение Толкина было первым проблеском реальности... первым лучом теплого света, который сделал возможной оттепель в «ожесточившейся», «закаленной» душе писателя. Испокон веков христианские Церкви проповедовали те же самые истины, однако через посредство книг Толкина эта весть прозвучала для нашего современника убедительнее. Глубоко укорененная в вере, весть эта, однако, представлена у Толкина не в религиозных терминах и не в виде некой описательной системы верований; она дана в опыте, она ведет читателя по тропкам «малого творения» (sub-creation) к тому знанию, которое стремится этому читателю передать. При этом автор не обходит стороной ни одну из тревог и ни одно из сомнений, осаждающих нашу современную жизнь: горе и печаль в этих книгах реальны, и конечное поражение, о котором шепчет нам отчаяние, вечно маячит на горизонте как один из возможных исходов. И если, несмотря на все ужасы, которые мы уже привыкли принимать как единственную реальность, надежда все-таки брезжит – она тем более убедительна. Эвкатастрофа как серьезная философская и литературная

категория, как предмет веры обретает с помощью искусства Толкина новую жизнь в современной реальности».

⁶⁰⁶ Синд. «князь ветра».

⁶⁰⁷ Синд. «широкий + крыло».

⁶⁰⁸ Синд. «повелитель орлов».

⁶⁰⁹ Синд. название – Эхориат. Горы Белерианда (см. прим. 201), разделявшие долину Сириона и Дортонион (см. прим. 344). В этих горах была скрыта долина Тумладен, посреди которой располагался эльфийский город Гондолин (см. прим. 254). Гнездовья орлов были в южной части Эхориата – Криссаэгриме (Сильм., с. 136).

⁶¹⁰ Синд. «повелитель неба».

⁶¹¹ Разница в поведении Фродо и Сэма на Горе Судьбы показательна. С одной стороны, Сэма можно упрекнуть в неглубоком восприятии и понимании происходящего: вместо того чтобы по-настоящему серьезно встретить «час судьбы» и, возможно, конец мира, он занят мелочами. Шиппи (с. 91) называет эту черту характера «слепотой», но добавляет: «...однако эта слепота сосуществует с... бездумным мужеством, отказом впадать в уныние... и все это в придачу к знаменательной англо-хоббитчье неспособности замечать собственное поражение» <<В этом, как и во многом другом, образ Сэма вполне укладывается в традиционный для европейской литературы «образ слуги» – стоит вспомнить шекспировских слуг, Санчо Пансу, Сэма Уэллера у Диккенса и др.>>. Однако в христианской традиции уныние подвергается обычно более серьезным упрекам, чем поверхностность. Например, православному христианину даются следующие указания по поводу того, как вести себя в час смерти: демонам, предъявляющим душе неоспоримые доказательства ее гибели, как бы ни были впечатляющи их доводы, отвечать рекомендуется смело и без тени уныния, противопоставляя их атакам «твердое упование» на Бога, – если человек поверит в свою гибель раньше, чем она действительно настанет, это может для него и впрямь обернуться гибелью вместо возможного спасения. Таким образом, в этом эпизоде Толкин дает ненавязчивый урок христианской этики без ссылки на источник.

⁶¹² Завершение миссии Фродо. То, что здесь переведено как «миссия» или «Дело», сам Толкин называет непереводимым словом

quest. КД определяет quest как термин, который обычно обозначает в символической литературе путешествие с определенной целью или миссию, как правило, в поисках чего-то. Слово quest происходит из рыцарской литературы. Парсифаль отправляется на поиски священного Грааля – это quest. Сэр Гавейн (см. об этом ниже) отправляется на поиски Зеленого Рыцаря, чтобы выполнить данное тому обещание и спасти честь двора короля Артура, – это quest. Важно здесь, что не Артур отправляет Гавейна в опасный путь – он отправляется по своей воле. «Жизнь и жизненный опыт имеют характер путешествия, – пишет КД. – Христианские возможности quest’a как образа жизненного пути свободного человека были исследованы Томасом Мэлори в «Смерти Артура», Джоном Бэньяном в «Путешествии пилигрима» и т. д. Величайшие quest’ы у Толкина – путешествие Берена за Сильмарилом (см. прим. 144) и Фродо с Сэмом – к Огненной Горе ради уничтожения Единого Кольца... В сказаниях Средьземелья множество героев совершают свой quest: Берен, Лутиэн, Туор, Эарендил, Фродо, Сэм, Арагорн и так далее – и это только основные. Для Толкина совершенной моделью quest’a является миссия Христа, который сошел к людям, чтобы пройти свой путь до крестной смерти и повернуть вспять ход времени, воскреснув из мертвых.

Каждый quest отличается чем-то своим, особенным. Берен ищет брака с Лутиэн, его мотив – романтическая любовь... Эарендил ищет благословенного Валинора, чтобы просить о милости для людей Белерианда, которым угрожает гибель от полчищ Моргота. Арагорн ищет восстановления нуменорского королевства... В этих quest’ах... представлены все аспекты quest’a Христа (любовь к людям, воскресение, посредничество между людьми и Богом, жертва, царство, победа над смертью, исцеление)».

Однако quest Фродо представляет собой в некотором роде антиобразец: хотя Фродо проходит весь путь до конца в полном согласии с канонами жанра, в конце концов он не исполняет своей миссии. Кроме того, сама цель его необычна – Фродо должен не обрести, а утратить. Этот поворот выводит трилогию Толкина за границы «рыцарско-героического» жанра. В некотором роде всякий пройденный до конца quest – модель жизненного пути Христа; неудавшийся же символизирует жизненный путь человека, который,

согласно христианской традиции, может совершать благие дела лишь с помощью Бога и в одиночестве обречен на поражение.

Quest – сложное, комплексное понятие, принадлежащее исключительно западной традиции. Большую роль в нем играет свобода героя, его личное участие в принятии решения отправиться в путь, хотя бы предпринятый и ради сюзерена или по его просьбе, а не ради собственной славы. Русский язык не имеет даже слова для перевода этого понятия. Место quest'a в свободной от западных влияний русско-православной традиции занимает так называемое «послушание» – путь, совершаемый во исполнение повеления, данного духовным наставником «во отложение своей воли» или, скажем, царем (частый мотив в русских сказках, – например, его можно выделить в «Коньке-горбунке»). Символический характер такого путешествия и символический характер приключений по дороге, а также нравственное значение этого пути для героя роднят его с quest'ом: однако, поскольку здесь исключается элемент личного выбора цели, исключаются и опасности, которые влечет за собой личный выбор и всецелая ответственность; кроме того, человек получает некоторые «дополнительные гарантии» успеха и (в православной традиции) защиту от темных сил. Он остается свободен отступить или не отступить от воли наставника, согрешить или не согрешить, и это становится для него основной духовной проблемой на пути; таких проблем перед героем quest'a не стоит – он не несет дополнительных обязательств, разве только нравственные, перед теми, чья судьба зависит от его успеха, или обязательства чести. Типичный пример путешествия как «послушания» можно встретить у К. С. Льюиса в сказке нарнийского цикла «Серебряное Кресло», где дети – герои сказки – должны выполнить наказ льва Аслана (Христа), пренебрегая всеми внешними препятствиями и возможностями выбрать иной путь, даже если этот путь по видимости прямее привел бы к намеченной цели. Примеров «западного» quest'a в русской (христианского периода) литературе практически не имеется, за исключением редких случаев – и то, как правило, герой в таких случаях не чужд западной культуры. Мотив частичной «неудачи» quest'a, которая, однако, служит к чести героя и не отменяет награды (как в случае с Фродо), встречается в древнеанглийской поэме «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь», которую Толкин перевел на современный

английский язык. Сэр Гавейн вызывается в путь, исполняет свое обещание в точности и не отступает ни разу, однако по пути нарушает слово, данное им хозяину замка, где он проводит несколько дней перед решающей встречей с Зеленым Рыцарем, и оказывается пристыжен, когда позже выясняется, что хозяин замка и Зеленый Рыцарь – одно лицо. Исход этого quest'a, таким образом, прямо связан с данным хозяину замка словом. Однако героизм Гавейна (как и героизм Фродо) в итоге вознагражден: в главном сэр Гавейн показывает себя с лучшей стороны, и Зеленый Рыцарь милует его, предрекая, что отныне у Гавейна никогда не будет искушения впасть в чрезмерную гордость, потому что память о проступке поможет ему сохранить христианское смирение во все дни его жизни. С тех пор Гавейн носил на своем щите знак, напоминавший ему о нарушенном слове; так и Фродо носит на руке след своего «отступничества» – у него не хватает одного пальца. Поэме «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь» Толкин посвятил специальную лекцию «Sir Gawain and the Green Knight», прочитанную им в 1953 г. в университете города Глазго.

⁶¹³ Особенность символической системы ВК, как уже говорилось в прим. 599, – одновременное присутствие в реальности текста разных уровней бытия в своеобразной живой и действующей проекции. В этом мире присутствуют живые обитатели ада (Назгулы) и демонические духи во плоти (например, Саурон), а также ангелы (Гэндальф). Сцена в Итилиэнских лесах и на Поле Кормаллен – проекция в реальность этой жизни Всеобщего Воскресения из мертвых. Ключ к этой сцене – в вопросе Сэма: «Значит, все грустное было невсамделишным?..» (в христианской традиции нередко высказывалось мнение, что небесная реальность, реальность Царствия Небесного, на порядок выше земной жизни, которая является только прологом к «настоящему»; в этой новой реальности станет очевидной абсолютная «ненастоящность» Зла, разлитого в земной жизни, о чем писал Боэций (см. прим. 227), а вопрос о том, простят ли много страдавшие Богу, перед лицом этой высшей реальности исчезнет сам собой. Таким образом, Толкин опять «проговаривается», явно ссылаясь на христианскую традицию). Критики, нападавшие на Толкина за «чрезмерную жалостливость» – ведь он сохранил жизнь всем главным героям! – не учитывают этого символизма. В известном смысле многие герои ВК действительно умерли, но воскресли: Фродо, Сэм, Пиппин,

воины из войска Западных Королей. Это подчеркивается и тем, что пир происходит не в Гондоре, среди тех, кто не прошел через «смерть» и сражение, а в особом месте. Не все участники пира «явно» проходят через смерть, но это можно соотнести со словами апостола Павла: «Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся» при звучании «последней трубы» (I Кор., 15: 51–52).

⁶¹⁴ Числа, которые приводит здесь Толкин, крайне важны и являются одним из редких в ВК случаев прямой отсылки к христианскому мифу. 25 марта – день Благовещения (день, когда архангел Гавриил возвестил Деве Марии, что от нее родится Спаситель Человечества) и, согласно англосаксонскому поверью и общеевропейской народной традиции, день, в который был распят Христос, т. е. день Искупительной Жертвы. И первое и второе событие знаменуют, по Толкину, наивысшее выражение Счастливого Конца – первое возвещает о Рождестве, Счастливом Конце Истории Человечества (что бы ни случилось потом, благодаря Рождеству можно сказать, что все уже в каком-то смысле кончилось хорошо), второе является (вместе с Воскресением) Счастливым Концом Истории Воплощения (счастливым, так как человечеству через крест открылся путь ко спасению).

⁶¹⁵ Вся сцена пира на Поле Кормаллен – эхо «великой эвкатастрофы» (см. выше, *Орлы летят!*), Пасхи, воскресения из мертвых. В этом ряду символов приглашение на царский пир – эхо Трапезы в Царствии Небесном (ср. Лк. 22: 28–30: «Но вы пребыли со Мною в напастях моих, и я завещаю вам, как завещал Мне Отец Мой, Царство. Да ядите и пиете за трапезою Моею в Царстве Моем». Ср. также в небольшом рассказе «Лист кисти Ниггля», опубликованном в 1945 г.: «Это было... как приглашение на царский пир» (рассказ представляет из себя аллегорию посмертной судьбы художника, и в процитированной фразе речь идет о чувстве, которое испытывает художник, когда узнает, что помилован и может выйти из «чистилища»).

⁶¹⁶ Синд. «Да здравствуют невелички! Слава невеличкам!»

⁶¹⁷ *Даур* – синд. «мудрый» (перевод имени Фродо, см. прим. 34). *Бераэль* – перевод имени Сэмуайз (см. прим. 41). *Коннин эн Аннун* – «Герои Запада». *Эглерио* – «слава».

⁶¹⁸ Кв. «Слава им! Великой славой мы будем их славить!»

⁶¹⁹ Кв. «Хранителям Кольца слава наивысшая!»

⁶²⁰ В письме к сыну Кристоферу от 7–8 ноября 1944 г. (П, с. 99–100) Толкин пишет: «...Воскресение – величайшая «эвкатастрофа» из возможных (см. прим. 605.– М.К. и В.К.)... и производит в душе... особенное чувство – христианскую радость, творящую слезы, потому что она близка к печали, а вернее, потому, что исходит из тех источников, где Радость и Печаль едины, где они примирились друг с другом, ибо и самость, и альтруизм, растворившись в Любви, исчезают».

⁶²¹ Синд. «тонкая струящаяся листва». См. о ней Приложение А, I, гл. 1.

⁶²² Толкину часто снился сон о гигантской черной волне, нависшей над мирными зелеными полями. Этот сон навел его на мысли об Атлантиде, которой он посвятил свое раннее незаконченное произведение «Потерянная дорога» («The Lost Road»). Этот сон унаследовал от отца и сын Кристофер. В письме в издательство Houghton and Mifflin (1955 г.) Толкин пишет (П, с. 220): «Хотя я не пытался соотнести форму изображенных мной гор и равнин с тем, что говорят или предполагают геологи относительно ближайшего прошлого, в моем воображении эта история действительно «имела место» в какой-то реальный период жизни Старого Мира, на нашей планете». Таким образом, Нуменор неизбежно ассоциируется с Атлантидой (одно из названий Нуменора после его падения – *Аталантэ*, что на квенийском языке означает «погибшая»). В письме к Е. С. Оссен-Дрийвер Толкин пишет (П, с. 303): «Сказания о Нуменоре... плод использования мною в своих целях легенд об Атлантиде; эти сказания не основаны на каком-то особом знании, но связаны с глубоко личным отношением к этой легенде – легенде о людях, которые принесли культуру из-за моря. Она сильно повлияла на воображение народов тех стран Европы, берега которых выходят на запад».

⁶²³ Шиппи (с. 151) замечает, что песнь орла стилистически напоминает псалмы 23 и 32. Употребление в этой песне архаических английских слов *ye* и *hath*, по мнению Шиппи, является прямым указанием на классический английский перевод Библии («Authorised version»). «Пойте, радуйтесь» – эхо псалма 32: 1–3: «Радуйтесь, праведнии, о Господе, правым подобает похвала... воспойте Ему песнь

нову, добре пойте Ему с восклицанием». Далее в этом псалме есть такие строки: «Не спасется царь многою силою, и исполин не спасется множеством крепости своей... Се, очи Господни на боящихся Его, и уповающих на милость Его. Избавить от смерти души их, и препитати я в глад» <<Церковнославянский текст, принятый в богослужебном обиходе.>>. В контексте ВК эти слова как нельзя более уместны и звучат почти как комментарий автора к описываемым им событиям: возможно, их и следует считать таким неявным комментарием для «посвященного» читателя. Псалом 23 в русском переводе звучит так (в сокращении): «...Поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы. Кто этот Царь славы? Господь крепок и силен, Господь сильный в брани. ...Господь сил, Он – Царь славы» <<Русский перевод, синодальная версия.>>. В комментарии к этому псалму, который дает толковая Библия Лопухина (СПб., 1904–1907), говорится: «Повод написания этого псалма – перенесение Кивота Завета... в скинию на Сион, когда уже процессия приближалась к узким и маленьким воротам Иерусалима, почему Давид восклицает: «Поднимите, врата, верхи ваши...» ...Ворота в древних городах устроились очень низкими, с подъемным верхом».

Так через систему намеков и аллюзий Толкин создает неявный символический пласт, который будет сопровождать будущую коронацию Арагорна и его вход в город. Одно из толкований этого псалма заключается в том, что этот текст пророчески возвещает сошествие Христа в ад после распятия для вызволения оттуда добродетельных язычников, пророков и праведников («ворота ада» – сочетание, хорошо известное христианской фразеологии: так, например, в Евангелии от Матфея, 16:18, говорится о Церкви Христовой, что «врата ада не одолеют ее». – М.К. и В.К.). «Конечно, песнь орла не об этом, – пишет Шиппи. – Когда в ней говорится, что Черные Ворота разбиты, в виду имеется, конечно же, Мораннон, реальное место в Средьземелье, а слова «Король опять грядет воцариться» – об Арагорне. Однако первую из этих строк очень просто отнести к Смерти и Аду... вторую же – к Христу и Второму Пришествию... Почти явная ссылка на христианскую традицию была в этом случае сознательной – об этом можно догадаться по дате падения Саурона, которую так заботливо уточняет Гэндальф: это 25 марта (см. прим. 614. – М.К. и В.К.)... Можно усомниться, что

задуманное Толкину удалось. Значения 25 марта не замечает почти никто; высокий стиль орлиной песни никого особенно не впечатляет; и, хотя сам Толкин плакал над величием Кормалленского Поля (П, с. 321. – М.К. и В.К.), многим читателям радость, слезы и смех героев (особенно Сэма) показались неубедительными. Но Толкин и сам немало постарался, чтобы избежать в ВК прямых ассоциаций с христианством, – как и автор «Беовульфа», он старался идти «между Ингельдом и Христом» (см. прим. 172, *Эарендил*), между Библией и языческим мифом. Старание, с которым он поддерживает это равновесие (в высшей степени искусственное, хотя говорить об этом обычно не принято), очевидно, и задним числом его можно найти почти на любой странице ВК».

⁶²⁴ В одном из писем читателям (1963 г., П, с. 323) Толкин пишет: «Возможно любить сразу нескольких особ противоположного пола, только по-разному и с разной силой. Не думаю, чтобы чувства Эовейн к Арагорну сильно изменились, когда всем стали видны его истинные власть и величие... она могла продолжать любить его по-прежнему – любить и восхищаться...» На удивление читателя – не слишком ли быстро созрела любовь Фарамира и Эовейн? – Толкин отвечает: «В периоды великих тревог чувства и решения созревают быстро... к тому же речь идет вовсе не об эпохе «придворной любви» с ее претензиями; мы имеем здесь дело с культурой более примитивной (т. е. менее испорченной) и более благородной... Думаю также, что Вы несправедливы к Фарамиру. Отец подавлял его – но не так, как может подавлять сына гордый и суровый отец в обычной семье: Фарамир чувствовал себя перед Дэнетором так, как мог чувствовать себя какой-нибудь нуменорец перед владыкой одного из нуменорских государств. У него не было ни сестры, ни матери (Эовейн тоже росла сиротой), а брат относился к нему немного «по-командирски». Фарамир привык уступать и не высказывать вслух своего мнения; при этом он имел дар управлять людьми – таким даром обычно наделены те, чьи мужество и решительность видны всем, но кто в то же время скромнен, благороден и справедлив даже в мелочах, а также добр и милосерден. Я думаю, что Фарамир очень хорошо понимал Эовейн».

⁶²⁵ Арагорн произносит эти слова на Квэнии.

⁶²⁶ В письме к одному из читателей ВК Толкин пишет (1963 г., П, с. 323–324): «Разумеется, я не вдаюсь в подробности того, как именно

Арагорн, в роли Короля Гондора, будет править государством. Но в книге ясно дается понять, что сражений было еще много и в первые годы правления Арагорна на восток высылалась не одна военная экспедиция. Главными военачальниками после Арагорна были Фарамир и Имрахил, и один из них, естественно, становился военным главой государства на время отсутствия Короля. Нуменорский король был монархом и обладал властью принять окончательное и не подлежащее обсуждению решение в любом спорном случае; он правил государством в рамках древнего закона, осуществляя и интерпретируя этот закон, но не изменяя его. Между прочим, даже у Дэнетора имелся Совет, на котором в случае рассмотрения спорного вопроса внутригосударственной политики Дэнетор должен был по меньшей мере выслушивать то, что говорили князья провинций и военачальники. Арагорн восстановил Большой Совет Гондора, в котором Фарамир, оставшийся по праву наследования Наместником (т. е. представителем Короля во время его отлучек за пределы страны или во время болезни, а также в промежутках между смертью одного монарха и коронацией нового), стал Главным Советником Короля».

⁶²⁷ По-видимому, Миндоллуин по аналогии с Менелтармой, священной горой Нуменора, – являлся местом, где короли Гондора совершали службу Единому. О том, что могла представлять из себя эта служба в Нуменоре, в чем выражалась, можно только догадываться; по крайней мере, очевидно, что на Менелтарме приносили что-то вроде «бескровных жертв» Единому, причем обращаться к Нему с благодарением могли не только Короли, но и обычные нуменорцы. В письме к Р. Муррэю от 4 ноября 1954 г. Толкин пишет (П, с. 204): «Нуменорцы начали в мире новое и великое благое дело – и начали его как монотеисты; однако, как и у Иудеев... у них было только одно место для «поклонения Богу» – вершина горы Менелтармы, «Столпа Небес» (название это не было метафорическим, поскольку они не считали небо обителью Бога). Гора эта находилась в центре Нуменора, но ни храма, ни особых молитвенных зданий на ней не было, поскольку с храмами у нуменорцев были связаны далеко не самые лучшие ассоциации». И далее в том же письме (с. 206): «Гондор унаследовал от Нуменора ненависть к Саурону, дружбу с эльфами, знание об истинном Боге... Но святилище Бога на Горе исчезло с лица земли, и настоящей замены ему не было. Также, когда пришла в

упадок династия королей, утратили гондорцы и свой эквивалент «священства» (Король и священник в понятии нуменорцев были неразделимы). Поэтому, хотя Бог (Эру) был основой «светлой» нуменорской философии <<Были и «злые» нуменорцы, последователи Саурана, но о них в ВК говорится лишь намеками; страшные Короли, ставшие потом Назгулами, или Кольцепризраками, из их числа. — *Примеч. автора.*>> и главным фактором, определявшим понимание истории в Нуменоре, – во времена Войны за Кольцо у Него не было в Средьземелье ни культа, ни святилища. Эта разновидность «негативного» знания истины была характерна для всего Запада в целом и для всей той области, что находилась под влиянием нуменорцев: здесь отказывались поклоняться чему бы то ни было «сотворенному», и прежде всего – «черным властелинам», демонам из числа слуг сатаны, будь то Саурон или кто-нибудь другой; дальше, однако, дело почти не шло. Как мне кажется, у них не было просительных молитв к Богу, зато они сохранили привилегию благодарить Его... Позже выяснится, что на Миндоллуине, по-видимому, было особое «святилище», куда могли подниматься только Короли; согласно древнему обряду, они приносили там от имени своего народа благодарение и возносили хвалы. Но обычай этот был позабыт. Его обновил только Арагорн... Подразумевается, что с восстановлением линии королей-священников (потомков Лутиэн Благословенной, Эльфийской Девы) (см. прим. 630) службы Богу возобновятся и Его Имя (или одно из наименований) будет слышаться чаще. Но пока длится в Средьземелье нуменорское владычество, храма Истинному Богу в нем не воздвигнут».

⁶²⁸ В письме к Р. Муррэю от 4 ноября 1956 г. (П, с. 204) Толкин пишет: «История о них [[нуменорцах и Арагорне]] представляет собой миф, плавно переходящий в Историю, где владычествуют люди; Тень, конечно же, в том или ином виде появится снова (как недвусмысленно предсказывает Гэндальф), но никогда уже (разве что перед Последним Концом <<Имеется в виду предсказанное в Откровении Иоанна (Апокалипсисе) пришествие Антихриста, который явится незадолго до конца света и будет человеком из плоти и крови.>>) злой демон не воплотится как реальный враг, как существо из плоти и крови; он будет направлять людей по своим путям и создавать из людей всевозможные помеси полужлых и несовершенно-добрых людей... а также наводить

сумерки сомнения – такие ситуации он любит больше всего (их можно наблюдать уже и во времена ВК...): это станет (и уже стало) нашей – более трудной, чем у них (героев ВК. – М.К. и В.К.), – судьбой. Но если представить себе людей, живущих в мифологическом времени, где зло по большей части существовало в воплощенном виде, людей, для которых физическое сопротивление этому злу было главным выражением их преданности Богу, – то, полагаю, все «добрые» люди этого мифологического времени будут именно такими, какими их изобразил я: они будут сконцентрированы на «негативной» стороне истины, т. е. на сопротивлении лжи, в то время как истина будет являться им более в образах истории и философских категориях, нежели в формах религиозных». В письме в издательство Houghton and Mifflin (1955 г., П, с. 220) Толкин пишет: «...единственная критика, которая меня серьезно беспокоила, – это замечание, что в Средьземелье якобы «нет религии» (и «нет женщин» – но это не так важно, да и неправда). Это мир «естественного богословия», где господствует единобожие. Здесь нет ни церквей, ни храмов, ни религиозных обрядов и церемоний – но эта странная деталь является просто-напросто частью изображенного мной исторического климата. Отсутствие храмов найдет себе исчерпывающее объяснение, если будет опубликован Сильмариллион и другие легенды ПЭ и ВЭ (а это теперь вполне вероятно). Сам я христианин; но Третья Эпоха – мир не христианский». См. также прим. 442.

⁶²⁹ Кв. «Я нашел его!». Двойное «у» означает в данном случае долготу звука.

⁶³⁰ Брак Арагорна и Арвен имеет глубочайшее символическое значение. Это последний союз между людьми и эльфами перед тем, как эльфы сходят с исторической сцены Средьземелья. На протяжении всей трилогии связь с эльфами, уподобление эльфам, тяга к эльфийскому, дружба с эльфами имеют в ВК особый смысл. КД пишет об этом в своем справочнике, в статье под названием «Эльфийское; категория эльфийского» так: «Согласно замыслу автора, эльфы играют в вымышленной мифологии Средьземелья роль расширенной метафоры, призванной отобразить один из ключевых аспектов человеческой природы. «Проблема эльфийского» в человеческой жизни была для Толкина центральной. Как и гномы с хоббитами,

эльфы «частично представляют людей»» (письмо к М. Уолдмену, 1951 г., П, с. 146).

Подобную же мысль Толкин высказывает в письме к Н. Митчисон от 25 апреля 1954 г. (П, с. 176): «Если бы меня заставили рационализировать образ эльфов, я сказал бы, что на самом деле это те же люди, только наделенные гораздо бóльшей эстетической восприимчивостью и способностью к творчеству, бóльшей красотой и более длинной жизнью, а также особым благородством».

«Идею заключения категорий в литературные образы, – пишет далее КД, – Толкин разделял с К. С. Льюисом (см. прим. 411). Так, например, Льюису случалось высказывать желание воплотить в литературных образах категорию «радости»... В мифологии Толкина, равно как и в не связанных с ней рассказах (например, «Кузнец из Вуттон-Мейджора»), эльфы представляют все самое высокое и благородное, что есть в людях, – в особенности искусство. Искусство в высших его проявлениях Толкин рассматривал как «малое творение» (sub-creation), как творческий труд, совершаемый человеком по образу Божьего творения (см. прим. 179, *Сильмарил*). По сути, эльфов можно рассматривать как метафору человеческой культуры вообще, освещающую глубинный смысл этой культуры. Именно эльфы научили людей искусству и ремеслам, говорит Толкин... В повествованиях о Первой Эпохе Средьземелья эльфы занимают главенствующее положение, но во Вторую и Третью Эпохи они постепенно теряют его и сходят со сцены... Однако ключевые сказания (такие как, например, сказание о Берене и Лутиэн) сообщают нам о смешанных браках между людьми и эльфами, браках, которые драматически вводят в человеческую историю эльфийский элемент. Например, Эарендил – идеальный человек, фигура, подобная Христу, – сын человека Туора и эльфийской девы Идрил».

В письме к М. Уолдмену (конец 1951 г., П, с. 149) Толкин пишет: «Общение людей и эльфов предвещает историю поздних эпох. Постоянной становится тема эльфийской «крови» и эльфийской наследственности в людях, а также тема зависимости человеческих искусств, в частности, поэзии, от эльфийского влияния».

Ко времени ЧЭ, когда мифология Толкина должна, согласно его замыслу, влиться в историю, «эльфийский дух» продолжает жить в людях. Три Эпохи, отраженные Толкином в его сказаниях о

Средьземелье, – дохристианские; наша эпоха – христианская <<В письме к Р. Бир от 14 октября 1958 г. (П, с. 283) Толкин пишет: «Полагаю, что разница между описываемым временем и нашим составляет около 6000 лет; это значит, что сейчас мы находимся в конце Пятой Эпохи, если, конечно, Эпохи были приблизительно той же длины, что ВЭ и ТЭ. Но я думаю, что они были короче, так что на самом деле мы живем уже в конце Шестой Эпохи или даже в конце Седьмой».>>, и «эльфийский дух» в ней, по всей видимости, становится категорией преимущественно духовной, ассоциируясь с христианством, благодатью Евангелия («благой вести») и присутствием Духа Святого (именно с действием Духа Толкин связывал возникновение подлинного искусства).

В свете всего сказанного цели и намерения Толкина, возможно, могут показаться кому-либо более претенциозными, нежели они были на самом деле. Главной его заботой было создание «мифологии для Англии», и эта мифология легла в основу вымышленной истории Средьземелья. Толкин старается своеобразно восполнить богатейшую литературу на древнеанглийском языке, которая сегодня утрачена. Дошедшие до наших дней тексты, вроде «Беовульфа», дают лишь приблизительное понятие о том, что существовало на самом деле. В то же время отдельные слова и фразы из сохранившихся отрывков предлагают соблазнительные для специалистов ключи к утраченной мифологической системе, как, например, слово «Эарендел» в «Христе» (см. прим. 172, *Эарендил*).

В своей незаконченной повести «Потерянная дорога» Толкин высказывает предположение, что некоторые староанглийские слова указывают на позабытый язык, к которому они в свое время принадлежали. Как бы «воссоздавая» этот неизвестный язык, Толкин создает свои «эльфийские языки», косвенно давая читателю понять, что древнеанглийская литература является как бы наследницей эльфийской. Так, по Толкину, проявляется «категория эльфийского» в языке. Этому «вливанию» эльфийского языка и культуры в человеческую Толкин предлагает соответствующее мифологическое объяснение. Первый брак эльфийской девы и человека – Берена и Лутиэн – кладет начало линии «полуэльфов», некоторые из которых становятся людьми, а некоторые – эльфами. Таким образом, в человеческую кровь «вливается» струя эльфийской крови и начинается

процесс внутреннего облагораживания людей. Цивилизация Нуменора (а позднее и Гондора) начинается под знаком высшего по отношению к людям начала (первый король Нуменора – Элрос – полуэльф). «Эльфийская линия» символизирует не только особое благородство, но и благословение свыше; таким образом, брак Арвен с Арагорном – знак того, что новая эпоха владычества людей (в которой, по Толкину, живем и мы) получила благословение свыше.

«Как и К. С. Льюис, – пишет КД, – Толкин находился под влиянием их общего друга, Оуэна Барфилда <<Оуэн Барфилд (род. в 1898 г.) – член кружка Инклингов (см. прим. 411). Антропософ, последователь Штейнера, писатель. Его книга «Поэтическое чтение», посвященная происхождению языка из древних мифов, имела особое влияние на Толкина.>>, считавшего, что язык и символы культуры с течением времени превращаются из конкретных сущностей в абстрактные понятия. В начале истории у Толкина действуют настоящие эльфы (и настоящая нуменорская цивилизация). Впоследствии от эльфов остается только «эльфийский дух» в людях, который одни различают ясно, а другие не замечают совсем. В процессе этого абстрагирования человечество несет реальные утраты. Но эта утрата, по мнению Толкина, отчасти восстанавливается через «*evangelium*» (Благая Весть, Евангелие), как он указывает в своем ключевом эссе «О волшебных сказках» (см. также прим. 605.– М.К. и В.К.): «Бог есть Господь ангелов, людей – и эльфов. Легенда и история встретились и перемешались».

Толкин считал, что «эльфийскость» (*elvishness*) обрела новую реальность в воплощении, смерти и воскресении Христа. «Эльфийскость» может обнаруживать себя и в обычных смертных людях. К. Килби, оксфордский профессор, который провел с Толкином несколько недель за общей работой, видел эту «эльфийскость» и в самом Толкине. После смерти Толкина Килби вспоминал: «Он прожил обычную жизнь смертного человека – немногим более семи десятков лет. Но в нем было что-то и от эльфийского бессмертия. Об этом знают тысячи и тысячи людей, приобщившихся этому бессмертию через его книги. Толкин был «не от мира сего» в лучшем смысле этих слов...»

⁶³¹ В письме к Э. Элгар (П, с. 325–333) Толкин пишет: «Поначалу кажется, что у Фродо нет чувства вины. Создается ложное впечатление, что его душевное здоровье восстановилось и он обрел

мир. Однако если это и случилось на время, то лишь благодаря его уверенности в том, что он пожертвовал жизнью и скоро умрет. Но он не умирает, и нетрудно заметить, как в его душе растет беспокойство. Арвен замечает это первая; в утешение она дает Фродо драгоценный камень и начинает думать, как помочь Хранителю».

⁶³² В этой сцене, пишет Шиппи (с. 152), особенно рельефно проступает основное отличие роханцев от древних англосаксов: церемония погребения Теодена лишена каких-либо следов религиозной обрядности. У древних англичан до принятия христианства были свои боги (древнеангл. *osas*, сканд. *oesir*, готское *ensos*), чьи имена сохранились в английских названиях дней недели; но у роханцев ни о каких богах упоминания нет. В тени монотеистической культуры Гондора роханцы усвоили «негативное утверждение истины», свойственное нуменорской культуре (см. прим. 628). Особенно ярко разница с англосаксами проявляется в сравнении похорон Теодена с похоронами вождя гуннов Аттилы (история сохранила подробное описание этой церемонии). Похороны Аттилы напоминают похороны Теодена до мельчайших деталей, однако языческие обряды, практиковавшиеся гуннами, которые приносили в жертву богам рабов, копавших могилы, и кровавили себе лица в знак скорби по усопшему, Толкин исключил из описания полностью.

Кроме того, ритуал похорон (погребальная песня, объезд вокруг холма) повторяет ритуал тризны по Беовульф (в описании похорон Беовульфа тоже нет ни следа какого бы то ни было религиозного обряда!):

*Вождю воздали
последнюю почесть
двенадцать рыцарей
высокородных, —
объехав стены
с обрядным пением,
они простились
с умершим конунгом,
вославив подвиги
и мощь державца*

и мудромыслие...

(Ст. 3162–3173, пер. В. Тихомирова)

⁶³³ Рох. «друг музыки».

⁶³⁴ Рох. «старый».

⁶³⁵ Рох. «господин» (ср. сканд. Фрейер, бог благополучия).

⁶³⁶ Рох. «друг господина».

⁶³⁷ Рох. «друг золота».

⁶³⁸ Рох. «смелый» (от *deor* – дикое животное).

⁶³⁹ Рох. «яростный».

⁶⁴⁰ Рох. «защита».

⁶⁴¹ Рох. «господин оставшихся».

⁶⁴² Рох. «любимый».

⁶⁴³ Рох. «правитель».

⁶⁴⁴ Рох. «правитель людей».

⁶⁴⁵ Рох. «друг людей».

⁶⁴⁶ Рох. «князь».

⁶⁴⁷ Рох. «любезный друг».

⁶⁴⁸ Рох. «враг, разбойник».

⁶⁴⁹ Кв. «чернорукие-?».

⁶⁵⁰ В оригинале – «*by stock or by stone*» («у ствола и камня»). Шиппи (с. 135) считает, что здесь текст ВК не без сознательного умысла автора перекликается со средневековой английской поэмой «Перл» («*Pearl*»). В этой поэме отец говорит своей умершей дочери, которую встречает во сне: «*We meten so selden by stok other ston*» («Мы так редко встречаемся у камня и кроны»). Толкин в своем переводе «Перла» на современный английский язык (опубл. в 1975 г.) не сохранил этого выражения, зато использовал его в ВК. «Так редко» на языке древнеанглийской поэзии означает «никогда» или «только в этот раз». «У камня и кроны» означает здесь «во плоти», «в действительности». Древнеанглийскому читателю это выражение было бы понятно; Толкин пошел на смелый эксперимент, решив проверить его на читателе современном. Некоторые критики отнеслись к этой фразе Древоборода достаточно сурово – те самые критики, которые в

штыки приняли попытки Толкина расширить современный стиль за счет древнего. В письме к Х. Бругану (П, с. 225, сентябрь 1955 г.) Толкин пишет, что остро отрицательная реакция некоторых критиков и читателей на архаизмы в ВК вызывает у него сильную досаду: его огорчало, что подобное отношение к архаизированию стиля встречается в век, когда с языком во имя обыкновенного «самовыражения» автора позволено делать все что угодно. «Многого языком наших поверхностных и зачастую легкомысленных идиом передать просто невозможно», – сетует он и спрашивает, что было бы, если бы, скажем, Теоден в гл. 6 ч. 3 кн. 2 вместо слов «Нет, Гэндальф! Ты, должно быть, сам не ведаешь силы своего волшебства! С той минуты, как ты исцелил меня, все изменилось. Я сам встану во главе войска – и, если так решит судьба, паду одним из первых» сказал: «Ну что ты, что ты, дражайший Гэндальф! Ты просто не знаешь, какой ты первоклассный доктор! Все будет совершенно иначе! Я сам поеду на войну и буду лично командовать армией, даже если меня прихлопнут в первом же сражении!» Такой язык, говорит Толкин, порождает «неискренность мысли, разлад между словом и значением» и вызывает ощущение, подобное тому, как если бы какой-нибудь атеист ссылался на то или иное христианское верование, не придавая ему в глубине души никакого значения. «Зачем игнорировать богатство английского языка, который предлагает нам огромный выбор стилей без всякого риска сделать свою речь непонятной?» – спрашивает Толкин.

⁶⁵¹ Кв. «О прекрасные родители прекрасных детей!».

⁶⁵² В письме к Д. Картеру от 6 июня 1972 г. (П, с. 419) Толкин отвечает своему корреспонденту на запрос о том, разыщут ли энты своих жен, следующее: «Что касается энтов, то я не знаю ответа. Я написал только о самых первых годах ЧЭ... В процессе работы я, конечно, обнаружил, что о Королевском Море рассказывать особенно нечего, и войны, последовавшие за низвержением Саурана, малоинтересны; правда, к тому времени в королевстве почти обязательно должны были возникнуть известные настроения, так как человек (как мне кажется) неизбежно начинает скучать, когда вокруг слишком много доброго. Появятся тайные общества, практикующие культы темных сил, а среди подростков зародится культ орков. Но я думаю, что из кн. 2... ясно, что в историческое время воссоединения энтов не произойдет, – хотя... вполне возможно, что энты разделяют

надежду Арагорна и считают, что они не навечно привязаны к этому миру и за его пределами есть нечто большее, чем просто память» (см. Приложение А, I, гл. 5).

⁶⁵³ Из НС можно узнать, что во времена, когда Саруман возглавлял Совет мудрых, он презирал Гэндальфа за привычку к курению; Саруман считал, что недостойно волшебника и посланца Валар(ов) перенимать привычки у средьземельских племен, тем более таких малоразвитых, как хоббиты. Однако впоследствии Саруман сам пристрастился к курению, так как всегда завидовал Гэндальфу, и мало-помалу зависть эта приобрела гротескные формы (еще в Валиноре, перед началом миссии Волшебников, Элберет предрекла Гэндальфу первенство, и Саруман не мог этого забыть).

⁶⁵⁴ Эхо многочисленных английских легенд, которыми окружены древние стоячие камни Британских островов. Иногда эти камни, стоящие где-нибудь на склоне холма или на лугу, насчитывают тысячи лет. Это почти единственное, что осталось от неизвестных племен, населявших Англию задолго до кельтов, уже самих по себе легендарных. Неподалеку от Оксфорда находится одна из подобных каменных групп, которая называется «Шепчущиеся Рыцари».

⁶⁵⁵ Шиппи пишет об этом стихотворении: «Оно... представляет из себя еще один наглядный пример того, как контекст определяет значение. В первый раз Бильбо поет песню с таким же зачином, когда только-только отдал Кольцо племяннику и отправляется в Ривенделл. Суть ее можно передать в нескольких словах: «Я должен подчинить свои желания законам большого мира». Это близко настроению Бильбо в то время. По контрасту, вторая версия, почти зеркально повторяющая первую, выражает только оправданную усталость. Даже Кольцо больше не интересует Бильбо. Сам он думает, что «корчма» («lighted inn») – это Ривенделл, и вроде бы по смыслу, исходя из ситуации, так оно и есть. Однако любой поймет, что эта «корчма» может означать еще и смерть».

Такое истолкование песни Бильбо подтверждается еще и ее перекличкой с песней из романа Честертона <<Г. К. Честертон (1874–1936) – английский писатель, критик, эссеист, апологет христианства. В зрелом возрасте принял католичество. Не будет преувеличением сказать, что Честертон можно считать одним из прямых литературных предшественников Толкина. Известно, что Толкин хорошо знал книги

Честертон; он нередко цитирует его в письмах, хотя иногда отзывается о нем критически.>> «Перелетный кабак»:

*Прогулки эти нам, друзья, уж больше не к лицу:
Негоже старцу повторять, что с рук сошло юнцу.
Но ясен взгляд, и на закат еще ведет дорога,
В тот кабачок, где тетка Смерть кивает нам с порога;
И есть о чем потолковать, и есть на что взглянуть —
Покуда приведет нас в рай окольный этот путь.*

(Пер. Н. Чуковского)

⁶⁵⁶ См. письмо к Э. Элгар (сентябрь 1963 г., П, с. 327–328): «Полагаю, от внимания пристального читателя не ускользнет, что темные периоды, когда Фродо вновь ощущает, что «кинжал и паучье жало, зубы Голлума и тяжкая ноша» не прошли для него даром, не были просто случайными обострениями кошмарных воспоминаний о пережитых ужасах: Фродо мучили еще и угрызения совести, от которых его не могли спасти никакие рассуждения. Все, что он сделал, казалось ему в такие минуты сплошной ошибкой и неудачей, а сам он — лишним и ненужным. «Настоящего возвращения домой у меня не получится, — говорит он. — Если я и доберусь до Заселья, оно все равно будет не таким, как раньше, потому что я уже другой». Эти мысли были, по сути дела, искушением тьмы, последним проблеском гордыни, выразившимся в желании вернуться на родину «героем», не удовлетворяясь ролью простого орудия добрых сил. Это чувство смешивалось с другим искушением, более страшным и (в определенном смысле) более заслуженным, — ведь какие ни подыскивай оправдания, он все-таки не бросил Кольцо в пропасть добровольно; кроме того, ему все-таки было жаль, что Кольцо исчезло, и это сожаление тоже его искушало, вместе с неугасшей жаждой обладать Кольцом...» Именно такие душевные раны имеет в виду Гэндальф, когда говорит, что в Средьземелье от них лекарства нет.

⁶⁵⁷ Картина «беспорядков в Заселье» является, по единодушному мнению специалистов, пародией на социализм, стоящей в одном ряду с такими антиутопиями, как оруэлловские «1984» и «Скотный двор», а

также описанием муравьиной цивилизации в «Короле былого и грядущего» Т. Х. Уайта. Известно крайне отрицательное отношение Толкина к этой политической системе. В письме к сыну Кристоферу от 23 ноября 1943 г. (П, с. 64) он называет социалистическое общество «муравейником» и сожалеет о том, что «эти чудовищные химики и инженеры» дали ему оружие. У Толкина никогда не было никаких сомнений по поводу истинного лица социалистической утопии, которую пытается внедрить в Заселье Лотто Саквилль-Бэггинс.

⁶⁵⁸ В примечании к этой странице Толкин сообщает, что слово «шарки», возможно, орочьего происхождения и означает «старый человек» (*шарку*). По-английски *shark* означает «акула», «хищник, вымогатель».

⁶⁵⁹ Этот эпизод можно назвать вкрапленной в текст ВК метафорой самого ВК. Шиппи пишет: «Толкин, конечно, хотел своей книгой сделать то же самое, что и Мерри. Пожалуй, он был близок к цели, как немногие, – по крайней мере в том, что касается «радости» (ср. слова Эовейн в гл. 6 этой части: «Кто приложит этот рог к губам в час опасности, тот исполнит сердца врагов страхом, а друзья возрадуются, воспрянут и поспешат на помощь». – М.К. и В.К.). Рог – одновременно метафора искусства (рог Мерри пришел из глубокой древности, но в простом мире Заселья он оказывается ко времени и дает хоббитам то, чего не могла бы дать ни одна из современных им вещей) и мужества; это призыв проснуться и действовать. В современном мире призыв этот был услышан многими, о чем имеется немало свидетельств. Так, в юбилейных номерах журнала американского Мифопоэтического Общества «*Mythlore*», выпущенных к столетию Толкина, собрано несколько десятков автобиографических очерков, рассказывающих о переломном значении ВК в жизни каждого из авторов».

Но оправдалось, по-видимому, и то свойство рога, которое касалось «врагов», – по крайней мере враждебность и несправедливость некоторых критиков к ВК не имеют рациональных объяснений. ВК вызвал беспрецедентное разделение критиков на два полюса. У. Х. Оден писал: «Похоже, умеренного взгляда на эту книгу не придерживается никто: одни считают ее шедевром... другие на дух не переносят» (ХК, с. 226). Сам Толкин относился к этому разделению с юмором и написал по этому поводу шуточное четверостишие:

*«The Lord of the Rings»
Is one of those things:
If you love them you do,
If you don't then you boo!*

(««Властелин Колец» – одна из таких штук: если уж вы их любите, то любите, а если нет – то ругаете на чем свет стоит».)

⁶⁶⁰ Сцена битвы в Приречье звучит одновременно эхом битвы за Минас Тирит и сражения отряда Эомера с бандой орков у Фангорна. Хоббиты достигли «зрелости», и если в битвах Больших они выступали или как наблюдатели, или как «оруженосцы» (за исключением Пиппина в последней битве у Черных Ворот) – теперь они сражаются «на своем собственном уровне» и повторяют виденные ими подвиги. Прием обычный для Толкина: одни и те же архетипические ситуации повторяются, варьируясь, по несколько раз, но остаются вполне узнаваемыми, как если бы реальность служила материалом для воплощения некоторой идеальной вневременной схемы (этот «платонизм» у Толкина подмечает и КД). Корнями своими этот метод во многом уходит в христианскую традицию, где испокон веков считалось, что единожды разыгравшиеся на земле события Евангелия вечно разыгрываются на небесах и могут отражаться и воплощаться в судьбах отдельных людей, церквей и государств; так, судьба того или иного святого может отразиться в судьбе ребенка, нареченного именем святого, и так далее. По сути дела, происхождение этой идеи «динамического архетипа» еще глубже; другое его название – миф, величайшим из которых (и обретшим плоть в истории) Толкин считал Евангелие (см. прим. 605). Отдельные мифологические линии Евангелия неявно находят свое воплощение на всем протяжении трилогии (Преображение – в сцене явления Гэндальфа Арагорну, Гимли и Леголасу в гл. 5 ч. 3 кн. 2, «несение креста» – в путешествии Фродо, Воскресение – в главе о Поле Кормаллен и т. д.).

⁶⁶¹ В главе «Беспорядки в Заселье» не один раз встречаются мотивы из книги Кеннета Грэма «Ветер в ивах» (ср. с главой, где Крот, Жабб и Крысс изгоняют из поместья господина Жабба узурпаторов – хорьков и куниц). Как и у Кеннета Грэма, у Толкина отчетливо

прорисован мотив «взросления» героев (в сцене освобождения поместья Жабба Крот – в начале книги неопытный новичок – играет роль прославленного полководца и руководит кампанией).

⁶⁶² В письме к Э. Роналд от 15 декабря 1956 г. (П, с. 255) Толкин пишет: «Отношение Фродо к оружию было чисто личной чертой его характера. Он не был тем, что в современном языке зовется «пацифист». Конечно, перспектива гражданской войны среди хоббитов его ужасала, но я полагаю, что, кроме этого, он пришел к выводу, что на физическом уровне битвы и сражения в конечном счете гораздо менее эффективны, чем полагают многие (вполне добрые) люди!»

⁶⁶³ Шиппи считает, что Лотто вполне можно уподобить какому-нибудь репрессированному сталинистами большевику-ленинцу (с. 129) или идеалисту-политологу XIX в. Джереми Бентаму, проповеднику утилитаризма, последователи которого – капиталисты викторианской эпохи – пренебрегли этикой его учения, взяв для себя только практическую сторону.

⁶⁶⁴ См. прим. 216. Саруман – воплощенный дух, он не рожден матерью и не является человеком, и отношение этого духа к своей физической оболочке, включая способ расставания с ней, иное, чем у людей.

⁶⁶⁵ Согласно Рук. (с. 205), для хоббитов это слово было бессмысленным, и переводить его не следует. Толкин указывает, что в нем содержится диалектный английский корень *scar* («скала, утес»): рядом со Скари находились хоббичьи каменоломни.

⁶⁶⁶ Хоббичий праздник середины зимы. В Рук. (с. 215) предлагается оставить это слово без перевода. Толкин подчеркивает, что это слово не следует путать с английским словом *yule* («святки»). Это слово могли знать в Гондоре, так как вполне возможно, что подобные праздники были и у роханцев, замечает Толкин. См. также Приложение Г.

⁶⁶⁷ В современном английском слово *rumble* означает «громыканье, грохот». Однако в Рук. (с. 185) Толкин указывает, что переводить это имя не следует, так как для хоббитов оно было темным по значению. Переводчик повиновался, отдавая себе, однако, отчет в том, что за строгим наказом автора кроется улыбка.

⁶⁶⁸ Согласно Приложению, настоящим окончанием имен мужского рода у хоббитов было -а; это значит, что имя Фродо звучало как *Фрода*. По-видимому, Толкин считал, что для знатока будет вполне достаточно этого намека, и ни разу нигде не объяснил, откуда взялось это имя, хотя, например, об имени Сэма писал много и подробно. Шиппи пишет (с. 155–157), что имя Фрода встречается в «Беовульфе» (ст. 2025: «Эта дева обещана / сыну Фроды, счастливцу...» (пер. В. Тихомирова). Фрода – вождь хадобардов, сына его зовут Ингельд. И Фрода, и Ингельд – лица исторические. В скандинавских преданиях имя Фроды звучит как Фроти, что означает «мудрый». Историки Сакс Грамматик (1200 г.) и Снорри Стурлусон сообщают, что Фроти был современником Христа. Во время его правления не было ни убийств, ни войн, ни грабежей; согласно преданию, нравы тогда достигли такого благородства, что и «оставленного на виду золотого кольца никто не взял бы». Время это получило название «Frotha-frith», т. е. «мир Фроти». Благополучию этому приписывалось магическое происхождение – Фроти обладал волшебной мельницей, которая могла намолоть все что угодно – от золота до мира. Мельница работала день и ночь, пока крутившие ее великанши не обиделись на Фроти за притеснения. Согласно легенде, эта мельница впоследствии утонула и на ее месте образовался водоворот Мальстрем. Сын Фроти – Ингельд – был полной противоположностью отцу. Он известен своим героизмом вполне в духе «северной теории мужества» (см. прим. 230) в ее наихудшем варианте. Зачастую деяния Ингельда нельзя назвать благородными даже с большой натяжкой: например, он на редкость коварно отомстил своему тестю за убийство отца. Не случайно Алкуин, доказывая, что уделом всех язычников является гибель, выбрал в качестве самого убедительного довода именно Ингельда (в своем знаменитом риторическом вопросе – «что общего у Ингельда со Христом?» – он имеет в виду именно его; см. подробнее прим. 172, *Эарендил*). Однако по иронии судьбы Ингельд в истории стал гораздо более популярным, чем Фроти. Толкин не мог не знать, замечает Шиппи, что имя Фроти в обиход не вошло, тогда как имя Ингельд (в скандинавском варианте Ингьяльдр) стало весьма распространенным. Как правило, делает вывод Шиппи, о таких вещах, как «мир Фроти» и подвиг Фродо, не помнят, так как они выходят за рамки традиционных героических канонов. В крайнем случае люди

переиначивают реальные события, чтобы они подходили под героический образец; так поступает Иорэт в главе 5 ч. 6 кн. 3 «Наместник и Король», когда рассказывает подруге, что Фродо проник в Мордор, чтобы взять приступом Черную Башню. Безвестность Фродо в Заселье, по словам Шиппи, невольно приводит на ум слова Христа о том, что нет пророков в своем отечестве («Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем» (Марк, 6:4)).

⁶⁶⁹ См. прим. 99.

⁶⁷⁰ В оригинале оксюморон – «in this far land» («в этой далекой стране»), хотя по смыслу в «далекой стране» находится Элберет, а не они. Это выразительно говорит об изгнанныческом мироощущении Высших эльфов (см. прим. 100).

⁶⁷¹ В своей статье «Владетели Трех Колец» (В.Э.) Паула Мармор высказывает предположение, что Толкин распределил Три Кольца по основным мифологическим архетипам (*нен* – синд. «вода», *нар* – кв. и синд. «огонь», *вил* – синд. «воздух») не случайно. Думая о создании «мифологии для Англии», Толкин мог сознательно выстроить в ВК и Сильм. характерные для древних мифологий образно-символические линии. Парадигма «вода-огонь-воздух» существенна для северных мифологий, причем, как правило, боги Воздуха и Огня – мужчины, а богиня Воды – женщина, причем иногда богиня Воды тесно связана с богиней Луны, а также с ткачеством и растениями, что вполне соответствует образу Галадриэли. Элронд – обладатель Вилии – на протяжении всей трилогии связан с небом, и самое его имя означает «звездный купол»; он сын Эарендила (см. прим. 172), его дочь зовется Вечерней Звездой (в слове Арвен элемент *-вен* созвучен валлийскому *гвен* – «вечерняя звезда»). Гэндальф связан с огнем (о чем пишет и сам Толкин в письме к Д. Сванну от 29 февраля 1968 г. (П, с. 390)).

Кроме того, автор статьи находит в образах Владетелей Трех Колец ряд любопытных астрологических соответствий. В свете этих наблюдений (если они верны) отплытие Колец за Море обретает новое измерение: их Владетели становятся для людей легендой, которая позже вполне могла трансформироваться в миф о «богах огня и воздуха и богине воды». Такое толкование было бы вполне в духе самого Толкина.

⁶⁷² Приводим стихотворение Толкина, не вошедшее в ВК и впервые опубликованное только в 1974 г.:

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ БИЛЬБО, СПЕТАЯ ИМ В СЕРОЙ ГАВАНИ

День окончен, свет погас,
ждут в стране далекой нас.
До свиданья! Слышу зов —
в плаванье корабль готов.
Ветер свеж, волна бежит,
путь мой к западу лежит,
Море серое зовет,
колокол далекий бьет.
До свиданья! Дали ждут,
ветер в спину, парус вздут,
тени длинные лежат,
тучей горизонт прижат,
солнца тонет голова,
там, за нею, — острова,
где, катая жемчуга,
лизжут волны берега.
Поведет меня туда
Одинокая звезда.
В гавань светлую войдем,
где найдем последний дом.
До свиданья! Ждет простор
вечных пажитей и гор.
О, корабль! На запад мчи!
Блещут звездные лучи!

(Пер. С. Степанова)

⁶⁷³ В письме к Э. Элгар (сентябрь 1963 г., П, с. 328–329) Толкин пишет: «Решение о судьбе Фродо было, конечно, принято и согласовано (Арвен, Гэндальфом и другими) еще до того, как Арвен заговорила об этом с Фродо. Но Фродо не сразу воспринял ее слова всерьез; то, что за ними стояло, он смог понять только постепенно, в итоге долгих размышлений. Поначалу ему должно было казаться, что в ближайшее время путешествия опасаться никак не следует, даже если

и думать о нем как о чем-то реальном, о чем-то, что и правда случится в будущем. Пока не названа точная дата, отъезд вполне можно и отложить, казалось ему. Фродо хотелось только одного – по-хоббитчьи (и по-человечески) понять его вполне можно: он хотел снова «стать собой» и вернуться к старой, привычной жизни, из которой его когда-то вырвали обстоятельства. Однако на пути домой из Ривенделла он внезапно осознал, что этот путь для него закрыт. Поэтому-то у него и вырвалось восклицание: «Где же я обрету покой?» Ответ на этот вопрос он знал сам, поэтому Гэндальф и не ответил ему. Что касается Бильбо, то вполне возможно, что сперва Фродо не понял, что имела в виду Арвен, когда говорила, что ему осталось только одно путешествие. Во всяком случае, с собой и своей судьбой он этих слов не связал. Когда Арвен говорила об этом с Фродо (ТЭ, 3019 г.), тот был еще достаточно молод – ему не было и пятидесяти одного, – а Бильбо был на семьдесят восемь лет старше. Но в Ривенделле Фродо начал понемногу понимать, что происходит. Беседы, которые он вел у Элронда, в книге не пересказаны, но из прощальных слов Элронда ясно многое. После первого приступа болезни (5 октября 3019 г.) Фродо начинает подумывать об «отплытии», хотя окончательному решению пока сопротивляется. Он не знает – плыть ли ему с Бильбо и плыть ли вообще? Однако нет причин сомневаться, что после тяжелого приступа болезни в марте 3020 г. он отбросил колебания».

Отплытие за Море имеет скрытый символический смысл; указание на него можно найти в «Прологе» к ВК, где говорится, что море было у хоббитов символом смерти. Здесь уместно вспомнить единственный аллегорический рассказ Толкина – «Лист кисти Ниггля» (опубл. в 1945 г.). Рассказ строится вокруг некоего таинственного «путешествия», которое ждет каждого и к которому надо тщательно готовиться заранее. Из этого «путешествия» никто не возвращается; некоторые не верят, что «путешествие» существует, и полагают, что всех людей ждет конец на одной «Большой Свалке». От степени подготовленности зависит, куда именно попадает путешественник. Там, куда он попадает, ему приходится расплачиваться за грехи и ошибки прежней жизни, после чего его ждет суровый, но милосердный Суд Двух Голосов – «обвинителя» и «защитника». В «двух голосах» легко читается аллегория двух первых Лиц Святой Троицы. Оправданному на Суде художнику – а оправдан он не за

талант, а за проявленное им милосердие и самопожертвование – даровано увидеть свою картину ожившей и на время поселиться в ней, чтобы ее «закончить», прежде чем отправиться дальше – к вершинам гор. Таким образом, «отплытие» и «путешествие» у Толкина – символы смерти, которой «нет» (есть продолжение пути). Ключ к толкованию этого символа можно встретить также в поэме Толкина «Имрам» (опубл. в 1955 г.), в которой рассказывается, в частности, о том, как святые монахи, доплывшие до края света, почувствовали донесшееся к ним оттуда веяние смерти, которое показалось им «приятным»:

*...дыхание смерти там бриз колыхал —
нет слаще его и нежней...*

(Пер. С. Степанова)

⁶⁷⁴ Синд. «серая гавань».

⁶⁷⁵ См. прим. 670.

⁶⁷⁶ Фродо не причислен к эльфам; он отправляется на Запад по особому благословению и милости Валар(ов), как «Друг Эльфов» и Хранитель Кольца. Однако здесь скрыто еще одно значение, таящееся в символике толкиновского Средьземелья и еще раз указывающее на христианский подтекст трилогии. Шиппи (с. 213) сообщает, что с одним из английских святых, согласно древнему преданию, произошло нечто очень похожее. Однажды к аббату Берину, спутнику св. Брендана в плавании к далеким западным землям (ему посвящена поэма Толкина «Имрам», см. прим. 673), явилась некая дева и призвала аббата возблагодарить Господа за даруемое Им Берину откровение о Землях Блаженных, что лежат «на запад солнца». «Эту страну, – говорит дева, – перед концом мира Господь отдаст Своим тайным друзьям, и они будут перенесены туда».

В письме к Р. Л. Грину от 17 июля 1971 г. (П, с. 410) Толкин пишет: «Корабли эти были специально сделаны и освящены для подобного плавания... они выходили в путь только после заката, но зоркий наблюдатель мог бы, следя за таким кораблем с берега, увидеть, что он не уходит за горизонт, но уменьшается, пока не

исчезнет в сумерках. Эти корабли направлялись прямо на Истинный Запад и не шли по искривленной земной поверхности. С исчезновением из виду корабль покидал физический мир. Возврата не было. Эльфы, которые отправлялись этим путем (а также некоторые «смертные»)… покидали «историю мира» навсегда и не могли уже более принимать в ней никакого участия».

⁶⁷⁷ Крайний Запад в этих строках совершенно неожиданно предстает как страна Восхода, что порождает новую цепь символических значений. Как литературную параллель к этому месту можно указать повесть К. С. Льюиса «Расторжение брака» (см. прим. 592). Ад в этой повести представлен как страна вечных сумерек, где солнце еще не зашло, но вот-вот зайдет, а рай – как страна вечного восхода, где солнце вот-вот взойдет, но все никак не всходит. Читатель легко может догадаться, что, когда сумерки все-таки превратятся в ночь, а восход – в день, наступит Конец времен и окончательное разделение ада и рая («расторжение брака»). По аналогии с Льюисом, есть у Толкина и место вечных сумерек – Мордор.

В письме к Э. Элгар (сентябрь 1963 г., П, с. 328) Толкин пишет: «Фродо был послан за Море (или получил разрешение туда отправиться) для исцеления – если только еще мог обрести его прежде своей смерти. «Уйти» он был обречен рано или поздно – никто из смертных не мог и не имел права навечно остаться на земле, в пределах Времени. Запад назначен был стать для Фродо одновременно чистилищем и наградой – только не навсегда: пребывание в Валиноре должно было стать для него периодом душевного мира и раздумий, и время это было дано ему, чтобы он обрел более ясное понимание своей роли в истории Средьземелья, ее малости и одновременно величия и при этом остался бы пока во Времени и жил среди первозданной красоты «Арды незапятнанной», Земли, которой не касалось Зло». Далее Толкин пишет, что Бильбо отплыл на Запад потому, что «все еще носил печать Кольца, которую необходимо было изгладить окончательно, – а именно след гордости и чувства собственности. Конечно, Бильбо был уже очень стар и в мыслях у него царил беспорядок, но при случае «черное пятно» все же нет-нет да обнаруживало себя», – например, при встрече с Фродо в Ривенделле, когда он называет Кольцо «своим» и выражает желание на него поглядеть (там же).

В письме к Р. Л. Грину от 17 июля 1971 г. (П, с. 410) Толкин пишет: «Что до Фродо и других смертных, то они могли обитать в Амане лишь некоторое время – одни меньшее, другие большее. У Валар(ов) не было ни возможности, ни права дать им «бессмертие». Их пребывание там являлось для них «чистилищем», но таким «чистилищем», где они обретали мир и исцеление и откуда они рано или поздно уходили (то есть умирали по собственному желанию и по собственной воле), но куда – эльфам было неизвестно».

⁶⁷⁸ «Приложения» к ВК Толкин писал одновременно с подготовкой в печать остального текста. Именно они послужили причиной большого перерыва между выходом второй книги (середина ноября 1954 г.) и третьей (20 октября 1955 г.). Первоначально «Приложения» должны были составить целый том, однако издательская спешка заставила Толкина сократить их.

⁶⁷⁹ См. прим. 402.

⁶⁸⁰ См. прим. 179.

⁶⁸¹ См. прим. 404.

⁶⁸² См. прим. 99.

⁶⁸³ См. прим. 259.

⁶⁸⁴ О племени людей в Сильм. говорится следующее: «Младшие дети Илуватара проснулись в стране Хилдориэн на востоке Средьземелья с первым солнечным восходом. Но в первый раз Солнце взошло на западе; поэтому глаза первых людей были устремлены в ту сторону и ноги сами вели их на запад. Элдары называли людей *Атани*, что значит «Второй Народ»; называли они их также Хилдор(ы) – Идущие Вослед, и многими другими именами: Апанонар(ы) – Послерожденные, Энгвар(ы) – Болезненные, Фиримар(ы) – Смертные; также они величали их Захватчиками, Чужаками, Непостижимыми, Сами Себя Проклявшими, Тяжкорукими, Боящимися Ночи и Детьми Солнца.

...Случилось так, что никого из Валар(ов) не было в Хилдориэне в час пробуждения Эдаинов, дабы указать им путь или призвать в Валинор; поэтому люди впоследствии боялись Валар(ов) больше, нежели любили, и не понимали их, поскольку ум их был в разладе с Вышними, а сами они находились в постоянной борьбе со всем миром. Тем не менее Ульмо думал о них... и послания Ульмо часто приходили к

людям с морскими приливами и речными волнами. Однако люди всегда были неискусны в распознавании его вестей, а во времена, предшествовавшие их дружбе с эльфами, и вовсе их не понимали. Однако воду люди все же любили, и сердца их на берегах рек и морей бились сильнее, хотя они и не разумели посланий Ульмо. Говорят, на своих путях они вскоре повстречали Темных эльфов (см. прим. 100, *Высшие эльфы*. – М.К. и В.К.) и подружились с ними; так в младенчестве своем люди стали спутниками и учениками этого древнего народа, скитальцев эльфийского племени, которые никогда не знали пути в Валинор и для кого Валар(ы) были не более чем слухом и далекой легендой.

...Дети человеческого племени умножались и селились на западе, севере и юге и радовались радостью утра, того раннего утра, когда еще не высохла роса и зелен каждый лист.

Но утро коротко, и день часто не исполняет его обещаний... Эльфы были бессмертны, и мудрость их умножалась из века в век, и ни болезнь, ни зараза не причиняли им смерти. Тела их были, однако, сотворены из персти земной и могли быть уничтожены; в те дни эльфы гораздо больше напоминали людей, нежели в поздние эпохи, поскольку тогда огонь их духа, с течением лет пожирающий изнутри тела их, обитал в них еще не так долго. Люди же были более хрупки, чем эльфы, их легко было убить, и они могли умереть по несчастной случайности, а исцелялись труднее; к тому же люди были подвержены болезням и хворям, старели и умирали. Что происходило с их душами после смерти, эльфы не знали. Некоторые говорили, что люди идут в чертоги Мандоса (Вала(ра), который представляет собой у Толкина аналог бога смерти языческих мифологий. – М.К. и В.К.), но пребывают там отдельно от эльфов; и только сам Мандос, слуга Илуватара, да еще Манвэ знают, куда отправляются люди, когда кончается срок их ожидания в этих безмолвных чертогах близ Моря Внешнего (см. прим. 33. – М.К. и В.К.). Никто еще не возвращался из обителей мертвых, кроме Берена, сына Барахира, чья рука касалась Сильмарила; но после возвращения Берен не говорил уже ни с кем из смертных. Возможно, судьба людей после смерти неподвластна Валар(ам): в *Музыке Айну́р(ов)* (см. прим. 785. – М.К. и В.К.) о ней не говорится ничего» (с. 122–124).

В другой главе (с. 47) говорится: «Илуватар знал, что люди, затерянные среди бурь и водоворотов этого мира, часто будут блуждать неверными тропами; он предвидел, что они не используют своих даров так, как было назначено, и рек: «В свой час и это племя увидит, что все, что бы они ни делали, служит в конце концов лишь к вящей славе трудов Моих». Однако эльфы догадывались, что люди часто огорчали Манвэ, который знал многое из мыслей Илуватара; ибо эльфам казалось, что из всех Айнур(ов) (Айнур(ы) – то же, что и Валар(ы), только в число Айнур(ов) включены и те ангелы, что не связаны с судьбой мира; см. комм. к Приложению Б. – М.К. и В.К.) люди больше всего напоминают именно Мелкора (см. прим. 259, *Темное пламя Удуна*.– М.К. и В.К.), хотя тот всегда боялся людей и ненавидел их – даже тех, что служили ему».

Кроме того, на с. 170 можно прочесть о людях следующее: «...отцы их почти ничего не рассказывали о прошлом, и память их скрывала завеса молчания. «За нами лежит тьма, – говорил Беор (один из первых людей, подружившихся с Высшими эльфами Белерианда. – М.К. и В.К.), – и мы повернулись к ней спиной, и не желаем возвращаться туда даже в мыслях». Позже среди Элдаров ходили слухи, что, когда люди проснулись в Хилдориэне, соглядатаи Моргота не оплошали и до Врага вскоре донеслись вести об этом; пробуждение людей показалось Мелкору делом столь важным, что он, окутавшись тенью, немедленно покинул Ангбанд и поспешил в Средьземелье... Элдары ничего не знали о его сношениях с людьми, и мало что добавилось к их знанию впоследствии, однако с самого начала они видели, что на сердце людей лежит тень (подобная тени братоубийства и Проклятия Мандоса, омрачавшей сердца Нолдоров)... Порча и уничтожение всего нового и прекрасного всегда были одной из главных целей Моргота; нет сомнений, что у его путешествия в Средьземелье была одна задача – с помощью страха и лжи сделать людей врагами Элдаров и направить их с востока войной на Белерианд. Но замысел этот зрел у него слишком долго и никогда полностью не осуществился, ибо, как рассказывают, поначалу людей было слишком мало, а Моргота, когда он узнал о растущей силе... Элдаров, объял страх, и он поспешил обратно в Ангбанд, оставив с людьми на время своего отсутствия лишь нескольких слуг, а те уступали ему как в силе, так и в хитрости».

В письме к М. Стрэйту (февраль 1956 г., П, с. 235) Толкин пишет: «Согласно фабуле, эльфы и люди стали первыми двумя примерами прямого вмешательства Бога в заранее предрешенную историю мироздания... и произошло это в ту пору, когда эта история была еще не более чем повестью, не воплощенной пока в действительности; таким образом, люди вовсе не были задуманы или сотворены богами, Валар(ами), но явились в системе мироздания элементом непредсказуемым, так как были разумны, обладали свободой воли в отношениях с Богом и, следовательно, находились на том же... уровне, что и Валар(ы), хотя и уступали последним по силе духа и разума и занимали более низкую иерархическую ступень».

⁶⁸⁵ См. прим. 144. На древнеангл. *beren* означает «ячменный» (возможно, здесь имеется какая-то связь с вегетарианскими обычаями Берена, о которых упоминается в Сильм.).

⁶⁸⁶ См. прим. 172, *Эарендил*.

⁶⁸⁷ См. прим. 809.

⁶⁸⁸ Отец Лутиэн, король Дориата.

⁶⁸⁹ Синд. «владыка страны».

⁶⁹⁰ Точная этимология неизвестна. Авторы В. Э. (с. 226) указывают, что это имя, как и многие другие имена Эдаин(ов) ПЭ, имеет древнеанглийского «близнеца» – имя Деор («смелый, яростный»).

⁶⁹¹ См. прим. 149.

⁶⁹² Синд. «серебро + стопа».

⁶⁹³ Синд. «князь камня».

⁶⁹⁴ См. прим. 254.

⁶⁹⁵ *Хуор* – младший брат Хьюрина, герой ПЭ, отец Туора (см. прим. 172, *Эарендил*). *Хадор* – см. прим. 231. Древнеангл. слово *hador* означает «сияние».

⁶⁹⁶ См. прим. 172.

⁶⁹⁷ См. ниже прим. 741, а также выше 684.

⁶⁹⁸ *Элрос Тар-Миньятур*. Кв. «первый король». *Тар* на кв. означает «король». *Вардамир*. Кв. «драгоценный камень Варды». *Тар-Амандил*. Кв. «друг Амана». *Тар-Элендил*. Кв. «друг эльфов». Имя *Элендил* является переводом на эльфийский древнеангл. имени *Elfwine*. *Тар-Менелдур*. Кв. «небо + слуга». *Тар-Алдарион*. Кв. «древесный». *Тар-*

Анкалимэ. Кв. «великое сияние», – э – в кв. языке окончание женского рода. Тар-Сурион. Кв. «ветер». + неопр. мест. ед.ч. Тар-Тельперион. Кв. «серебряный». Тар-Минастир. Кв. «башня + бдение». Тар-Кириатан. Кв. «корабел». Тар-Атанамир. Кв. «драгоценный камень людей». Тар-Анкалимон. Кв. См. Тар-Анкалимэ. Тар-Телеммайтэ. Кв. «? + рука». Тар-Ванимелдэ. Кв. «прекрасная». Тар-Алкарин. Кв. «славный». Тар-Калмакил. Кв. «светильник + человек».

⁶⁹⁹ Значения имен на языке Адунаи неизвестны, за исключением значения имени Ар-Фаразон («король + золото»).

⁷⁰⁰ 1700 г. ВЭ, война эльфов Эриадора с Сауроном за Эльфийские Кольца. См. о Гил-галаде прим. 81.

⁷⁰¹ См. выше прим. 698, а также прим. 81.

⁷⁰² Толкин указывает, что правильнее было бы, если бы северное королевство называлось Ардор («страна королей»). Однако синд. *арн/а/дор/ардор* смешалось с кв. словом *арнанорэ/арнанор*, означающим примерно то же самое; в результате возник Арнор. Гондор означает «каменная страна».

⁷⁰³ Синд. «башня запада».

⁷⁰⁴ Кв. «луна + слуга».

⁷⁰⁵ Кв. «солнечный».

⁷⁰⁶ Валандил. Кв. «друг Валар(ов)». Элдакар. Кв. «эльф/звезда +?».

Арантар. Кв. «царственный». Таркил. Кв. «король + человек». Тарондор. Кв. «король + камень». Валандур. Кв. «слуга Вала/ра/». Элендур. Кв. «слуга эльфов». Эарендур. Кв. «слуга моря». Амлаит. Кв. «вверх + открытый». Белег. Синд. «могучий». Маллор. Синд. «золотое золото». Кэлефарн. Синд. «серебряный камень». Кэлебриндор. Синд. «серебряная страна». Малвегил. Синд. «золото + муж». Аргелеб. Синд. «король + серебро». Ар- – сокращение от *аран* («король»). Арвелег. Синд. «король +?». Арафор. Синд. «король севера». Арвегил. Синд. «король + муж». Аравал. Синд. «золотой король». Арафант. Синд. «король + полнота». Арведуи. Синд. «последний король». Аранарт. Синд. «король государства». Арахаэл. Синд. «мудрый король». Арануир. Синд. «король +?». Аравир. Синд. «король + драгоценный камень». Араглас. Синд. «король + лист». Арахад. Синд. «король +?». Арагост. Синд. «король +?». Араворн. Синд. «черный король». Арассуил. Синд. «король +?». Аргонуи. Синд. «каменный король». См.

выше *Кэлефарн*. На синд. для слова «камень» имеется несколько синонимов – *гон-*, *гонд-* и *сарн-*. *Арадор*. Синд. «король страны». *Араторн*. Синд. «король + гора». *Арагорн*. Синд. «король + дерево».

В письме к Р. Джеффери от 17 декабря 1972 г. (П, с. 426) Толкин пишет, что не для всех этих имен успел подобрать подходящий перевод, так как для этого понадобилось бы «изобрести новые летописи и серьезнее проработать историю языков Средьземелья».

⁷⁰⁷ *Элендил*, *Исилдур*, *Анарион* – см. выше. *Менелдил*. Кв. «друг небес». *Кемендур*. Кв. «слуга земли». *Эарендил*. Кв. «мореплаватель (друг моря)». *Анардил*. Кв. «друг солнца». *Остохэр*. Кв. «князь крепости». *Ромендакил* (*Таростар*). Кв. «победитель востока» («король крепости»). *Турамбар*. Кв. «повелитель судьбы» (по версии В.Э. – «повелитель мира»). *Атанатар*. Кв. «король людей». *Сириондил*. Кв. «друг ручьев». *Тараннон Фаластур*. *Тараннон* – кв. «король + дар», *Фаластур* – «князь берегов». *Тар-Кириан*. Кв. «король кораблей». *Эарнил*. Кв. «друг моря». *Кириандил*. Кв. «любящий корабли». *Алкарин*. Кв. «славный». *Хьярмендакил* (*Кириахэр*). Кв. «победитель юга» («князь кораблей»). *Нармакил*. Кв. «огонь/солнце + человек». *Калмакил*. Кв. «светильник + человек». *Миналкар*. Этимология неизвестна. *Ромендакил*. Кв. «победитель востока». *Валакар*. Кв. «Вала/р/ +?». *Элдакар*. Кв. «эльф +?». *Винитарья*. См. прим. 727, *Гондор* и наследники *Анариона*. *Кастамир*. Кв. «? + драгоценный камень». *Алдамир*. Кв. «дерево + драгоценный камень». *Хьярмендакил* (*Виньярион*). Кв. «победитель юга» («новый» + неопр. мест. ед.ч.). *Минардил*. Кв. «? + друг». *Телемнар*. Кв. «? + солнце/пламя». *Тел* – синд. «последний». *Минастан*. Синд. «башня +?». *Тарондор*. Кв. «? + страна». *Тар* – синд. «высокий». *Телумехтар Умбардакил*. *Телумехтар* – также название созвездия Орион. *Умбардакил* – «победитель Умбара». *Калимехтар*. Кв. «свет +?». *Ондохэр*. Кв. «камень + господин». *Эарнур*. Кв. «друг +? (возможно, «тайный», ср. *Нурталэ* – «сокрытие»)».

⁷⁰⁸ *Хьюрин*. Этимология неизвестна. *Пелендур*. Кв. «ограда + слуга».

⁷⁰⁹ Кв. «верный друг».

⁷¹⁰ *Мардил* – кв. «друг дома, домосед», *Воронвэ* – верный (*Vor* – имя древнескандинавской богини верности). *Воронвэ* – также имя гондолинского эльфа, который привел в Гондолин Туора. *Эрадан*.

Синд. «одинокый + человек». *Хэрион*. Синд. «господин». *Белегорн*. Синд. «могучий + дерево». *Хьюрин*. См. прим. 708. *Тьюрин*. Кв. «настроенный на победу». *Хадор*. См. прим. выше. *Барахир*. Синд. «князь страны». *Диор*. См. выше. *Дэнетор*. Этимология темна. Дэнетором звали в Сильм. короля эльфов Оссирианда, сына Дана, погибшего в Старшую Эпоху в схватке со слугами Моргота. *Боромир*. См. прим. 195. *Кирион*. От *кир* – синд. «рассекать». *Халлас*. Синд. «высокий лист». *Белектор*. Кв. «сильный + падать вниз». *Ородрет*. От кв. «гора». *Эктелион*. От кв. «копье». *Эгалмот*. Синд. «? + сумерки». *Берен*. См. прим. 231. *Берегонд*. *Торондир*. Синд. «орлино-зоркий».

⁷¹¹ Синд. «? + страна». Возможно, тот же корень, что и в *Эру*, – «Единый».

⁷¹² Синд. «? + река». На Общем Языке эта река называется *Лебязья*, поэтому естественно предположить, что первый корень, входящий в это название, переводится как «лебедь». Однако с точностью этого утверждать нельзя, так как в синд. есть и другое слово для обозначения лебедя – *алф*.

⁷¹³ Кв. «король +?».

⁷¹⁴ Синд. «королевство Эдаинов».

⁷¹⁵ Синд. «восточный лес».

⁷¹⁶ Синд. «страна красных камней».

⁷¹⁷ Синд. «железо + обитель».

⁷¹⁸ Синд. «холм + заклтый».

⁷¹⁹ См. прим. 684, *Эдаины*.

⁷²⁰ В письме к Н. Митчисон от 25 сентября 1954 г. Толкин пишет: «*Форохэл* – эльфийское слово (синд. – *М.К.* и *В.К.*), обозначающее «северный лед»; все, что осталось от холодных северных областей, где находилось царство первого Черного Властелина прежних Эпох (Моргота. – *М.К.* и *В.К.*)».

⁷²¹ См. прим. 253, а также прим. 785.

⁷²² *Эмин Бераид*. Синд. «горы + башни».

⁷²³ Синд. «южная дорога».

⁷²⁴ *Рун* – синд. «восток».

⁷²⁵ Это и два последующих имени принадлежат к числу так называемых старых рованионских имен, для создания которых Толкин использовал действительно существовавшие готские имена XI

столетия. Имя Видугавия означает «лесной князь» и в германской литературе звучит как Витугоуво (впоследствии превратилось в Виттих). С помощью готских имен Толкин создает иллюзию глубины времени. Племена Рованиона – предки роханцев, которые говорят на диалекте древнеанглийского; однако известно, что в глубокой древности англосаксы были близки готам территориально и по крови.

⁷²⁶ Готск. «лесная дева».

⁷²⁷ Готск. «воин страны пастбищ». Возможно, элемент *винит*– означал также название славянского племени венедов. Имя Винитарья носил один из готских королей.

⁷²⁸ Кв. «друг деревьев».

⁷²⁹ Кв. «железнорукий».

⁷³⁰ Кв. «прорубающийся сквозь толпу».

⁷³¹ Кв. «смертная женщина».

⁷³² Синд. «южная гавань» и «северная гавань».

⁷³³ Синд. «? + люди».

⁷³⁴ Синд. «звезда + странствие».

⁷³⁵ Синд. «человек + мудрый».

⁷³⁶ Синд. «? + (звезда, дева)».

⁷³⁷ Под «жизнью Элдаров» подразумевается бессмертие в «кругах этого мира», свобода от старости и болезней. Употребление Толкином этого выражения свидетельствует о том, что эльфам и людям давалась «разная» жизнь, отличающаяся и качественно, и по способу взаимодействия с материальным миром, что представляет из себя оригинальную философскую концепцию.

⁷³⁸ Синд. «стих». Ср. *линнатон* – «я буду петь».

⁷³⁹ В образной системе ВК Тьма символизирует Зло, Сумерки – мир эльфов (не путать с делением людей на Обитателей Тьмы, Обитателей Сумерек и Горнее Племя – см. прим. 196). Таким образом, мир людей естественно ассоциируется со Светом, что, казалось бы, нарушает иерархию Средьземелья, где эльфы стоят ступенькой выше людей. Это соответствует эльфийским преданиям, в которых говорится, что людской жребий выше эльфийского. Однако вслух людской жребий «Светом» не называет никто из героев ВК, так что у героев остается в душе место для сомнений и неуверенности, и подвиг Арвен, принявшей людской жребий, не обесценивается: ведь выбрать

Свет было бы легче, чем отвергнуть Сумерки без всяких гарантий лучшего жребия, как это делает она из любви к Арагорну. Кроме того, речь может идти о Совете Валинора.

⁷⁴⁰ По всей очевидности, речь здесь идет о первом (библейском) грехопадении людей, так как Арвен говорит о людях вообще, а «второе грехопадение» касалось только нуменорцев, и к тому же падение Нуменора не связано с изменениями в качестве «жизни Эдаинов» (см. прим. 684, *Эдаины*), а также прим. 737. Однако слова Арвен подразумевают, что она знает о «первом грехопадении» гораздо больше, чем, по словам Толкина, открыто эльфам; при желании здесь можно усмотреть некоторую непоследовательность со стороны автора. Устами Арвен Толкин ссылается на неизвестную ей, но хорошо известную ему библейскую историю (по его собственным словам, любая история, рассказывающая о людском племени, должна волей-неволей считаться с этим свидетельством Ветхого Завета, повествующим о коренных свойствах человеческой природы; мы вправе предположить, что эльфы, с высоты расы, не прошедшей через грехопадение, вполне могли бы исполниться презрения к людям, зная они действительную историю их падения).

⁷⁴¹ Как уже говорилось в прим. 684 (*Эдаины*), для людей, согласно эльфийским преданиям, смерть является «даром», а не наказанием. Это расходится с традиционным богословием, где смерть рассматривается исключительно как наказание за первородный грех и неизбежное следствие ослушания первых людей в Эдеме. Христос осуществил победу над смертью – извечным врагом человечества. Однако в «малом творении» автору дана свобода осветить «Большое Творение» с неожиданной стороны, что Толкин и делает. За пределами этого мира людей, как говорится в эльфийских легендах, ждет не уничтожение, но что-то иное, о чем не дано знать даже Валар(ам). Толкин, однако, вправе рассчитывать на то, что знакомый с христианской традицией читатель знает, что ожидает людей: к ним придет Искупитель, Который выведет умерших из ада (в терминологии Толкина – «чертогов ожидания»), которому они были обречены грехопадением, а после Суда и Воскресения введет праведных в Царствие Небесное, что лежит за пределами этого мира («в Дом Отца»). Итак, возникает напряжение смысла между неведением Арагорна, подвигом веры преодолевающего неизвестность, и

«ведением» современного человека, по большей части не имеющего веры в «жизнь за пределами этого мира», хотя знание о ней ему как раз вполне доступно.

В сцене смерти Арагорна обретает свою кульминацию тема «дохристианских праведников», одна из основных у Толкина (см. прим. 172, *Эарендил*). Шиппи (с. 153) пишет: «Арагорн – персонаж замечательно добродетельный. Он лишен даже недостатков Теодена. Подобно святым, он знает час своей смерти. Однако ни он, ни Арвен христианами не являются. Поэтому Арагорн вынужден сказать ей: «Я не стану говорить тебе слов утешения, ибо до тех пор, пока мы остаемся в кругах этого мира, утешения нам не дано». Арвен продолжает оплакивать свою судьбу, и Арагорн может сказать ей только одно: «Мы не навечно привязаны к этому миру, и за его пределами есть нечто большее, чем память. Прощай же!» Однако его слова не приносят ей успокоения... И все же теперь мы знаем, что Арагорн умирает не без надежды на будущее и некую реальность за пределами «кругов этого мира», реальность, в которой скорбь разлуки будет исцелена; однако что это за реальность, ему не известно. Бросается в глаза, что смертный час Арагорна не обставлен никакими таинствами и обрядами».

Шиппи сравнивает «чертоги ожидания», в которые попадают после смерти Арагорн и другие праведники Средьземелья, с Лимбом Данте – областью ада, где пребывают дохристианские праведники, в том числе Сократ, Платон и другие. Надо заметить, что в православной традиции праведные язычники освобождены от необходимости пребывать в аду вообще; аналогов Лимба – области ада, где нет света, но нет и мучений, – в православной традиции нет. Согласно этой традиции, после смерти Христос, отягощенный грехами всего человечества, попал в ад, но ад не смог вынести «сияния Божества» и «упразднился»; все содержащиеся там души, включая Адама и Еву, вошли со Христом в «новую жизнь» (однако окончательное решение о судьбе каждого человека будет принято только на Страшном Суде) <<Это краткое изложение, разумеется, страдает приблизительностью.>>. В письме к Р. Бир от 14 октября 1958 г. Толкин пишет (П, с. 284): «Смертность считается в этих сказаниях даром... Илуватара. Но необходимо помнить, что мифологически они имеют своим центром не людей, а эльфов; люди появляются в них...

лишь много лет спустя после своего Пробуждения. Таким образом, в этих легендах выражен «эльфийский» взгляд на вещи, и содержание этих сказаний вовсе не обязательно должно говорить «за» или «против» христианского учения о том, что «смерть» не входит в человеческую природу, но является наказанием за грех (мятеж) и появилась в результате Грехопадения. Высказанный здесь взгляд должен рассматриваться как эльфийский взгляд на то, чем смерть – освобождение от «кругов этого мира» – должна была бы казаться современному человеку, каким бы ни было ее происхождение. Исходящее от Бога «наказание» – это всегда одновременно еще и «дар», если принимать это наказание смиренно, ибо в конечном счете оно оборачивается наградой; высшая изобретательность Творца вполне способна устроить так, что «наказание» – «изменение судьбы» – в конце концов служило бы достижению доброй цели, причем такой цели, которой нельзя было бы достичь иным путем; поэтому эльфы считают, что у «смертного» человека судьба выше эльфийской, хотя, в чем эта судьба заключается, неизвестно».

⁷⁴² Рох. «лошадь + народ».

⁷⁴³ Рох. «народ, нация». В древнеанглийском использовалось как «князь, вождь».

⁷⁴⁴ Синд. «зеленая провинция».

⁷⁴⁵ Рох. «первое копье».

⁷⁴⁶ Рох. «крепкий».

⁷⁴⁷ Синд. «серые горы».

⁷⁴⁸ Рох. «очень сильный».

⁷⁴⁹ См. прим. 235.

⁷⁵⁰ См. прим. 490.

⁷⁵¹ Рох. «воин, человек, герой». Одновременно *frec* на древнеангл. означает «жадный», а на современном английском *freak* означает «урод, посмешище».

⁷⁵² Рох. «волк».

⁷⁵³ Этимология темна.

⁷⁵⁴ Этимология темна.

⁷⁵⁵ Рох. «битва».

⁷⁵⁶ Рох. «распределитель, князь, даритель» (этимологию большинства имен роханских королей см. в прим. 633–646).

⁷⁵⁷ Рох. «кабаний лес».

⁷⁵⁸ Рох. «народ + совет».

⁷⁵⁹ Рох. «твердый совет».

⁷⁶⁰ Синд. «черный + (звезда?)».

⁷⁶¹ Рох. «народ + радость» (*теод* – синоним слова *фолк*).

⁷⁶² Рох. «обновленный».

⁷⁶³ Рох. «эльфийское /золото?/».

⁷⁶⁴ Рох. «богатый».

⁷⁶⁵ Синд. «цветок + ручей + женщина».

⁷⁶⁶ Рох. «друг эльфов» (перевод с квенийского имени Элендил).

⁷⁶⁷ См. прим. 252.

⁷⁶⁸ Толкин отрицал, что слово *Мория* заимствовано из Библии (в Мории одно время жил Авраам). По словам Толкина, имя было навеяно названием замка Сория Мория из датской сказки.

⁷⁶⁹ Синд. «обитель гномов». Город ПЭ. Был расположен в горах Эред Луина. Особенно славились оружейники Ногрода. С гномами Ногрода связана трагическая история, положившая начало неприязни эльфов к гномам. Тингол, отец Лутиэн (см. прим. 147), заказал гномам Ногрода вставить в свое ожерелье (Наугламир) Сильмарил, который добыл Берен. Однако гномы поддались желанию завладеть Сильмарилом и коварно убили Тингола. Итогом стало разрушение Менегрота – главного города эльфийского королевства Дориат, королем которого был Тингол. Впоследствии Берен с помощью энтов отомстил гномам и забрал у них Сильмарил обратно.

⁷⁷⁰ Синд. «могучая крепость». Гномий город ПЭ. Расположен был, как и Ногрод, в горах Эред Луина. Дружбу гномов Белегоста с эльфами ничто не омрачало. Разрушен в Великой Битве Валар/ов/ (см. прим. к Приложению Б). Гномы Белегоста изобрели кольчугу. На гномьем языке этот город назывался Габилгатол.

⁷⁷¹ См. прим. 259, *Темное пламя Удуна*.

⁷⁷² Имя из «Старшей Эдды» (см. прим. к «Хоббиту», гл. 1).

⁷⁷³ Имя из «Старшей Эдды» (см. прим. к «Хоббиту», гл. 1).

⁷⁷⁴ Древнеисл. «быстрый».

⁷⁷⁵ Древнеисл. «растущий».

⁷⁷⁶ Имя из «Старшей Эдды» (см. прим. к «Хоббиту», гл. 1).

⁷⁷⁷ *Фрерин*. Древнеисл. «замерзший». *Дис*. Древнеисл. «сестра» (или «богиня»).

⁷⁷⁸ *Нар*. Имя из «Старшей Эдды» (см. прим. к «Хоббиту», гл. 1).

⁷⁷⁹ *Азог*. По-видимому, это имя взято из Черного Наречия орков.

⁷⁸⁰ *Нандуирион*. Синд. «долина тени».

⁷⁸¹ *25 марта*. Эта дата совпадает с датой гибели Великого Кольца. См. прим. 614.

⁷⁸² «Случай» в устах Гэндальфа почти всегда означает указание на вмешательство Провидения. См. подробно о «случае» у Толкина в прим. 313.

⁷⁸³ Ссылка на североевропейские верования (ср. о гномах (карликах) в «Старшей Эдде» («Пророчество вёльвы»)).

⁷⁸⁴ *Борин*. Древнеисл. «тот, кто роет туннели».

Фарин. Древнеисл. «много путешествовавший».

Гроин. Древнеисл. «растущий» (как и *Грор* – см. прим. 775).

⁷⁸⁵ В «Приложениях» к ВК Толкин не дает хронологии ПЭ, однако в этом комментарии достаточно много говорилось о событиях ПЭ, чтобы привести ее, а также по порядку восстановить события, предшествовавшие летописному периоду.

Сильм. начинается с креационного мифа, основанного на мифе библейском и на христианском Предании, но расходящегося с ними в некоторых деталях. Сотворение мира описывается у Толкина так:

«Был Эру, Единый, Тот, Кого в Арде зовут Илуватаром. Явил Он Айнуrow, Священных, рожденных от мыслей Его; и они были с Ним, когда ничего еще не было.

И Он, обратившись к Священным, поведал им замыслы Своей Музыки, и Айнуры пели Ему, и Эру угодна была эта песнь.

И вот было так, что Единый призвал к Себе Айнуrow и возвестил им величественный Замысел песни, превосходивший все те откровения, что дотоле открыл Он Священным. Столь дивным предстал свет начала ее и столь неизмерною – слава ее завершения, что пение Айнуrow смолкло – и, изумленные, молча склонились они перед Эру.

И тогда голосами всех Айнуrow, подобными арфам и лютням, свирелям и трубам, альтам и органам, подобными неисчислимым

хорам, стала вершиться Великая Песнь. Слаженным было звучание неслыханной музыки; ввысь устремлялась она и к глубинным пределам; и многозвучные волны ее переполнили залы чертогов Илуватара, а эхо ушло в Пустоту – и так перестала та быть пустотой. Воистину, более дивная песнь прозвучит перед тронем Илуватара, как говорят, лишь в Конце Всех Времен, а творить ее станут все Айнуры вместе и все Дети Эру. И говорят, лишь тогда Музыка будет звучать как ей подобает, а замыслам будет дано тогда Бытие в миг, когда истинный смысл их откроется всем; и то будет время, когда все до конца поймут тайны мыслей друг друга, а Эру возрадуется – и одарит сотворивших Вторую Великую Песнь Своим Тайным Огнем.

Пока же Илуватар только внимал трудам Айнуров и, созерцая их, радовался, ибо долгое время та музыка, что создавали они перед Ним, вся была совершенна. Но продолжалась их песнь, и вот возмнил как-то Мелкор, будто он волен вплести в нее новые образы и порождения собственных мыслей. Они зазвучали иначе, чем требовал Замысел Эру, – ведь Мелкор решил возвеличить в силе и славе лишь один свой голос в великих хорах.

Те, кто вершил свою песнь подле Мелкора, были встревожены, не ведая, как поступить: их голоса прерывались в растерянности, музыка их замирала. Многие же предпочли подпевать новой песне, забыв свои прежние замыслы. В музыке Айнуров все больше становилось звуков кричащих и резких – и наконец, словно море, они поглотили чудесную песню, что создали Айнуры раньше.

Илуватар же созерцал все труды их и слушал, пока не взметнулся у трона Его темный яростный шторм и высокие волны не двинулись друг на друга войной, неукротимые в гневе.

И тогда встал Илуватар – и Айнуры видели, что Он улыбался. Он воздел левую руку – и тотчас над грохотом бури возвысился новый и полный величия Замысел, с прежним несхожий и схожий, – и в нем была новая сила и новая мощь и краса. Но с шумом взвился голос Мелкора, боровшийся с Замыслом Эру. Вновь поднялись темные волны, выше, чем прежде; многие Айнуры так испугались, что больше не пели, и Мелкор опять стал побеждать.

Тогда во второй раз поднялся Илуватар – и Айнуры видели, что теперь Его лик был суровым. Он воздел правую руку – и в сердце

смятения зазвучал Третий Замысел Эру, неисчерпаемый, плавный и нежный, которого уже ничто не могло превозмочь.

Так у престола Единого сошлись в противоборстве и споре могучие песни. Одна была дивной, глубокой, неспешной, и красота неизбывная силы великой крылась в безмерной печали ее. Другая, тщеславная песнь, велась теперь ладно и громко, но голос ее был назойлив, как гром многих труб, без конца повторяющих вздорный, крикливый напев. Но замысел Мелкора напрасно тщился затмить собой первую песнь – ведь та принимала в себя все самые горделивые его звуки, вплетая их в свой неизменно прекрасный, торжественный голос.

И в ярости этой борьбы, что сотрясала все залы чертогов Илуватара и дрожью терзала безмолвие, недвижимое прежде, Илуватар встал в третий раз – и лицо Его было ужасно. Он воздел обе руки и вот – единым аккордом, глубоким, как Бездна, возвышенным, как Вечный Небесный Свод, пронзительным, как сияние взгляда Илуватара, – Музыка прекратилась.

Тогда Илуватар заговорил. Вот что сказал Он: «Могущественны все Айнуры, а самый могущественный среди них – Мелкор. Но ни он, ни другие не вольны забыть ни на миг: Я – Илуватар. Ныне Я открою вам все, что содеяла Песнь, и позволю взглянуть на нее. И ты, Мелкор, тоже постигнешь: нет замысла, что не имел бы своего истока во Мне, и Я говорю: тот, кто думает, будто творит свою, новую песнь, сам служит великой, неведомой вам до поры Моей цели – воистину, ваши труды удивительней, нежели сами вы в силах помыслить».

И дрогнули Айнуры и, устранившись, молчали, хотя до конца слов Илуватара они еще не постигли. Мелкор же ощутил тайный стыд, и сердце его преисполнилось ярости.

И когда они вышли за грань Пустоты, Илуватар повелел им: «Узрите же вашу Музыку!» И вот – Он дал им власть видеть то, что прежде они только слышали, и Айнуры видели, как вращается в Пустоте юный Мир, сотворенный их песнью; они, удивляясь, смотрели, а Мир оживал, раскрывая историю новых эпох, и Мир этот был в Пустоте, но он не был рожден Пустотой.

Хоть и творили Валары Великую Музыку, не дано было им ни провидеть истории Поздних Времен, ни узнать о Конце.

...И некоторые Айнуры и по сей день остаются с Илуватаром за пределами Мира, тогда как другие, и среди них очень многие, исполненные великой красоты, силы и мудрости, издревле покинули Эру и низошли в Мир. И было так, что, быть может, по слову Единого или же в знак верности и любви этих Айнуров к Арде, с тех пор все их могущество оказалось связанным с Миром и пребудет в нем навсегда – дотоле, пока срок бытия Арды не завершится. И Айнуры те стали жизнями Мира, а Мир стал их жизнью. Потому эльфы нарекли их Валарами – Силами, или Стихиями, Мира» <<Пер. Н. Прохоровой.>>.

В письме к Р. Бир от 14 октября 1958 г. (П, с. 284–285) Толкин пишет: «На первом этапе (музыки Айнуров) эта история имеет только то значение, с которым сравнимо для нас значение какой-нибудь повести (story): она существует сначала в уме рассказчика и затем обретает новое бытие в уме читателей, но на ином уровне, нежели сам рассказчик или его слушатели. Когда Единый (Рассказчик) говорит: «Да будет!» (то есть «Эа!» – отсюда название Вселенной у эльфов), – Повесть превращается в Историю и переходит на тот уровень, где находятся сами слушатели; с этого момента слушатели могут, если пожелают, войти в нее, что и делают некоторые из Айнур(ов) (ангелов) – и становятся Валар(ами); это те самые Айнур(ы), что «влюбились» в показанное им видение, – и, без сомнения, те, что играли наиболее «творческую» (sub-creational)... роль в Музыке».

Креационный миф Толкина представляет собой смелый эксперимент в области богословской мысли, одновременно тяготеющий к традиционным представлениям и расходящийся с ними. В христианском предании нет ничего похожего на «музыку Айнур(ов)», если не считать ее вольной интерпретацией евангельских слов, открывающих Евангелие от Иоанна, – «В Начале было Слово». В таком случае трактовка Слова как Музыки, насколько нам известно, беспрецедентна. У Толкина драма истории разыгрывается сначала «вне Времени» и лишь затем – в Истории; в Предании ничего похожего нет. У Толкина Бог создает Музыку и затем «устраняется», предоставляя творение Мира Валар(ам), пусть в согласии с Его Замыслом. Концепция Валар(ов) как Создателей Мира близка к гностической концепции «демиургов»; однако с учением гностиков у Толкина гораздо больше различий, чем с христианским преданием (по сути, можно сказать, что Толкин не изменяет христианского Предания, но лишь

«заполняет пробелы» в нем): гностический демиург творит, согласуясь только со своей волей, и сам вдыхает жизнь в свое творение, демиурги же Толкина послушны Единому и являются, по существу, ангелами, играющими роль демиургов; кроме того, они не могут сами вдыхать жизнь в свои творения. На роль гностического демиурга больше подходит мятежный Вала(р) – Мелкор, желающий творить независимо от Единого; но он не может творить ничего нового. Как говорится в Сильм., «часто бродил он один и искал Негасимое Пламя (см. прим. 258, *Пламя Анора*), ибо он жаждал испытать свою силу в творении. Мелкору мнилось, будто Илуватар не уделяет Огня Пустоте, которую Мелкор задумал заполнить. Но он не сумел найти Негасимое Пламя, что сокрыто в Илуватаре». Сам Толкин пишет о расхождении своего креационного мифа с традиционным следующее: «Полагаю, что разница между моим мифом и тем, что, наверное, можно назвать христианской мифологией, кроется в следующем. В христианской мифологии Грехопадение Человека следует за «грехопадением Ангелов» и является его следствием (хотя и не обязательно из него вытекает); грехопадение ангелов представляет собой мятеж сотворенной Богом свободной воли на уровне, превосходящем человеческий; но нигде не сказано с полной определенностью (а в некоторых версиях об этом умалчивается вообще), чтобы этот мятеж повлиял на саму природу мира: зло было привнесено в мир снаружи, Сатаной. В моем же мифе мятеж сотворенной Богом свободной воли предшествует созданию мира (Эа), и в Эа присутствуют показанные методами «малого творения» (sub-creation) зло и мятежи; таким образом, элементы этого мира рассогласованы уже в момент произнесения «Да будет». Падение или порча всего, что ни есть в Эа, всего, что ее населяет, были, следовательно, возможны уже с самого начала – если не неизбежны... Даже «добрые» Валар(ы) могут... ошибаться» (письмо к Р. Бир, 14 октября 1958 г., П, с. 286–287).

ХРОНОЛОГИЯ ПЕРВОЙ ЭПОХИ (по ТК)

Весна Арды. Первая война с Мелкором и его поражение. Валар(ы) поселяются в Алмарене (зеленый остров посреди океана, где скрещивались лучи Иллуина и Ормана – столпов-светильников (см. прим. 180). Возвращение Мелкора. Создание Утумно (Удуна) – подземного царства Мелкора (см. прим. 259). Вторая война Валар(ов) с Мелкором; разрушение Алмарена, уничтожение Светильников. Создание Амана и Гор Защиты на побережье Амана. Великая Тьма. Основание Ангбанда – королевства Мелкора на севере Средьземелья.

Годы Деревьев. Валиэ Иаванна создает Два Древа Валинора (см. прим. 404). Начало Отсчета Времени. Пробуждение эльфов. Война Валар(ов) с Мелкором в защиту эльфов. Разрушение Утумно, пленение Мелкора, его притворное раскаяние. Великое путешествие Элдаров в Аман. Основание Дориата (см. прим. 809). Рождение Феанора (см. прим. 402). Пробуждение гномов в Синих Горах. Создание Менегрота (см. прим. 769, *Ногрод*). Рождение Лутиэн. Освобождение Мелкора. Искушение Нолдоров, смерть Двух Деревьев, первое убийство. Похищение Сильмарилов и мятеж Нолдоров. Клятва Феанора.

Бессолнечные Годы. Прибытие Нолдоров в Средьземелье. Проклятие Мандоса (см. прим. 684). Первая Война Белерианда (см. прим. 201). Смерть Феанора. Появление Луны.

Годы Солнца

| <i>Год</i> | <i>Событие</i> |
|------------|--|
| 1 | Появление Солнца. Сокрытие Валинора (см. прим. 182). Пробуждение людей. |
| 2–20 | Основание нолдорских королевств в Белерианде. |
| 50 | Основание Нарготронда (см. прим. 253). |
| 55 | Битва Дагор Аглареб— осада Нолдорами Ангбанда, крепости Моргота. |
| 58 | Строительство Гондолина (см. прим. к «Хоббиту», гл. 3). |
| 255 | Появление первого огнедышащего дракона. Победа над ним. Начало Долгого Мира. |
| 305 | Появление в Белерианде первых людей. Их встреча с Финродом. |
| 306 | Беор (вождь людей) становится вассалом Финрода. |
| 307 | Расширение Нарготронда. |
| 441 | Рождение Хьюрина (см. прим. 231). |
| 442 | Рождение Хуора (см. прим. к 695). |
| 455 | Битва Дагор Браголлах (см. прим. 344). Конец Долгого Мира. Барахир спасает Финрода. |
| 457 | Саурон захватывает остров Тол Сирион (см. прим. 398, 473, 786, <i>Финрод Фелагунд</i>). |

| <i>Год</i> | <i>Событие</i> |
|------------|--|
| 458 | Смерть Барахира, отца Берена. |
| 462 | Встреча Берена и Лутиэн. |
| 463 | Начало Похода за Сильмарилом. Финрод покидает Нарготронд во исполнение клятвы, данной Барахиру. Смерть Финрода. |
| 464 | Берен и Лутиэн отправляются в Тангородрим. Похищение Сильмарила. Смерть Берена и Лутиэн. Их возвращение в жизнь (см. прим. 144). |
| 470 | Смерть Хуора. Рождение Туора (см. прим. 686). |
| 483 | Тьюрин (см. прим. 231) появляется в Нарготронде. |
| 495 | Гибель Нарготронда (см. прим. 253). |
| 497 | Самоубийство Тьюрина. |
| 501 | Брак Туора и Идрил (см. прим. 172). |
| 502 | Рождение Эарендила. Убийство Тингола. Разорение Дориата. Вторая смерть Лутиэн и Берена. Их сын Диор становится королем Серых эльфов Дориата. |
| 508 | Гибель Дориата. Бегство Элвинг в Гавани. |
| 509 | Туор и Идрил отправляются в Аман. |
| 555 | Рождение Элроса и Элронда. |
| 568(?) | Разорение Гаваней сыновьями Феанора. Элвинг бросается в море с Сильмарилом на груди. |
| 570 | Путешествие Эарендила в Аман. |
| 572 | Ответ Валар(ов) на просьбу Эарендила о заступничестве; Война Сил, поражение Моргота и его воинства армией Валар(ов) и эльфов Валинора. Разрушение Ангбанда. Белерианд уходит под воду. Последние два сына Феанора похищают оставшиеся Сильмарилы. Один из Сильмариллов исчезает в огненной трещине, другой — в пучине вод. Конец Первой Эпохи. |

⁷⁸⁶ Эльф, друг людей, король Нарготронда. Отдал жизнь, спасая Берена, сына Барахира (см. прим. 144). *Финрод* на синд. означает «знаменитый своими волосами». Принадлежал к роду Нолдор(ов). Старший брат Галадриэли. Присоединился к мятежу Нолдор(ов) (см.

прим. 402, *Феанор*) против воли и вскоре отошел от *Феанора*. Не участвовал в братоубийстве и других преступных деяниях *Феанора* и его последователей. В *Белерианде* поначалу поселился на острове *Тол Сирион*, где построил башню под названием *Минас Тирит*; позже, под водительством покровительствовавшего ему *Вала(ра) Улмо*, основал эльфийский город *Нарготронд*, ставший впоследствии центром могущественного королевства (см. прим. 253). Первым встретился с пришедшими в *Белерианд* людьми, учил и наставлял их. Однажды, спасенный из окружения *Барахиром*, вождем одного из человеческих племен, подарил тому в знак вечной дружбы и готовности помочь в трудную минуту кольцо, названное впоследствии кольцом *Барахира*. Позже, связанный клятвой, *Финрод* вынужден был покинуть *Нарготронд* в минуту опасности, за что был отвергнут своими подданными. Он помог сыну *Барахира* *Берену* в начале его пути за *Сильмарилом*, но погиб в замке *Саурана*. На квенийском языке его имя звучит как *Финдарато*. Имя *Фелагунд* дано ему гномами, связано с созданием *Нарготронда* и означает на гномьем языке «вырубающий пещеры».

⁷⁸⁷ См. прим. 216.

⁷⁸⁸ См. прим. 671.

⁷⁸⁹ *Паула Мармор* в статье «Этимологическое исследование в среде засельских обывателей» пишет (В.Э.), что имена хоббитов делятся на два основных типа (не считая «цветочных» имен и имен, означающих тот или иной драгоценный камень): одни напоминают кельтские имена, другие – германские. Кельтские имена носят потомки *Дубсов* (например, *Бэки*); германские, по логике средьземельской геоллингвистики, заимствованы из языка человеческих племен долины *Андуина*, к которым принадлежат и *роханцы*. Среди германских имен можно встретить *франкские*, *готские*, *средневековые европейские*, *древнеанглийские* и т. д. Имена, которые сам *Толкин* в последней главе *Приложений* называет «бессмысленными», на самом деле представляют собой в основном уменьшительные формы *англосаксонских* имен. Кельтские имена легко отличить по преобладанию согласных *б, г, д, м, л* и *р*, продолжает в следующей статье этого же сборника *Джим Аллан*. Буква *с* встречается только в конце и начале, и это единственный глухой щелевой. Все имена кончаются на *-ик, -ак* или *-ок*, а также *-ас*. Кельтским является и имя

Горхендад – валлийское «прадедушка». Многие из этих имен в искаженной форме встречаются у Томаса Мэлори в «Смерти Артура».

⁷⁹⁰ Сведения, приведенные ниже, даются по В.Э.

⁷⁹¹ См. прим. к гл. 12 «Хоббита». «Месяц-перед-Юлом» и «Месяц-за-Юлом» имеют соответствующие древнеанглийские эквиваленты. *Солмат*. От древнеангл. *solmonað* («грязный месяц»). *Рит*. Древнеангл. *Hrēdmonað* («месяц славы»). Беда Достопочтенный считает, что *Hretha* – также имя богини. *Астрон*. От древнеангл. *Eastron* – «Пасха». Беда Достопочтенный указывает, что это слово происходит от имени древней богини – *Eostre* (ср. совр. англ. *Easter* – «Пасха»). *Тримидж*. Древнеангл. *tri-milce* – «три дойки». Считалось, что в этот месяц от коров получают обильный удой три раза в день. *Лит*. Древнеангл. *Līða* означает «луна». Слово это встречается среди древнеанглийских календарных терминов и связано с летним солнцестоянием. В древнеанглийском календаре имеются также аналоги засельским «Месяцу-до-Лита» и «Месяцу-после-Лита». *Вэд*. От древнеангл. *Wēodmōnað* («травяной месяц»). *Халимат*. От древнеангл. «святой месяц» (*Haligmōnað*). Беда связывает это название с обычаем приносить в этот месяц жертву богам. *Полнозимень*. В оригинале *Winterfilth*, древнеангл. *Winterfylleð*. В древней Англии этот месяц предшествовал Новому Году. *Блотмат*. От древнеангл. «месяц жертв» (*Blōtmōnað*). В этот месяц проходил забой скота на предстоящую зиму.

⁷⁹² Авторы В. Э. отмечают, что переводы этих названий чуть ли не в точности соответствуют названиям месяцев французского революционного календаря (что, при нелюбви Толкина к Франции и всему французскому, включая кухню, труднообъяснимо). *Нарваин* переводится как «новое солнце». Синдаринские названия представляют собой по значению точный эквивалент квенийских. *Нинуи* – «влажный». *Гваэрон* – «ветренный». *Гвирит* – этимология темна. Возможно, от «сеять». *Лотрон* – «цветущий». *Норуи* – «солнечный». *Кервет* – «срезание (урожай)». *Уруи* – «горячий». *Иваннет* – «дающий фрукты». *Нарбелет* – «увядание солнца». *Хитуи* – «туманный». *Гиритрон* – «холодное время».

⁷⁹³ *Фрери*. От древнеангл. *freoring* («замерзать»). Такого месяца у англосаксов не было; он является изобретением автора. *Читинг*. От древнеангл. *ciðing* («зарождаваться»). *Мид*. От древнеангл. *mēde*

(«лужайка»). *Урожасень*. Древнеангл. *Haerfestmonad* – «месяц урожая». В оригинале *Harvestmath*. *Блутинг*. От древнеангл. *blot* («жертва»).

⁷⁹⁴ В оригинале искаженные названия английских дней недели: *Sterday* (Saturday) – суббота, *Sunday* (Sunday) – воскресенье, *Monday* (Monday) – понедельник, *Trewsday* (Tuesday) – вторник, *Hevensday* (Wednesday) – среда, *Mersday* (Thursday) – четверг, *Highday* (Friday) – пятница.

⁷⁹⁵ В этих словах легко узнаваемы английские корни *tomorrow*, *dimm* и *even* (*заря*, *сумерки*, *вечер*).

⁷⁹⁶ В оригинале после этих слов следует: «Так, буквы языка Высших эльфов, квенийского, по возможности и насколько позволяет их язык приближены здесь к латинским. По этой причине, например, в обоих языках Элдаров я стремился использовать латинскую букву *C* вместо *K*».

При переводе на русский язык эти тонкости были, разумеется, утрачены. Звук [K] везде передается соответствующей русской буквой.

⁷⁹⁷ В оригинале после этих слов следует пояснение для английского читателя: «Сказанное относится и к употреблению в них буквы *K* вместо *C*. Конечное *E*, в отличие от конечного *e* в языке английском, всегда произносится и никогда не служит простым указанием на долготу предыдущего гласного. Чтобы подчеркнуть это, в английской версии над конечным *e* часто (хотя и без достаточной последовательности) ставятся две точки».

В русском варианте этот диакритический знак опускается, поскольку нет необходимости подчеркивать произносимость конечного звука. См. также прим. 796.

⁷⁹⁸ В переводе допущено только одно отступление от этого правила: имя *Eowyn* переведено не как *Эовин*, а как *Эовейн* (см. прим. 373).

⁷⁹⁹ Все имена и названия мест, кроме включенных в цитаты на языках Средьземелья, в данном переводе (с благословения автора, данного в Рук.) приспособлены к нормативному русскому произношению.

⁸⁰⁰ *Румил* – один из эльфов-Нолдоров Валинора. Первый великий эльфийский поэт, которому приписывается создание *Айнулиндалэ* – повествования о Музыке Айнур(ов) (см. прим. к 785).

⁸⁰¹ Феанор усовершенствовал Тенгвар Румила еще до того, как покинул Валинор. О *Феаноре* см. прим. 402.

⁸⁰² В оригинале после этих слов следует примечание к английскому варианту надписи: «Заметим, что точка под буквой (одна из функций которой – обозначение слабых, редуцированных гласных) применена здесь для обозначения безударного союза *and*, а в слове *here* – для указания на немое *e* в конце слова. Такие слова, как *the*, *of* и их сочетания (*of the*), выражены с помощью сокращений (удлиненное *D*, удлиненное *B* и удлиненное *B* со штрихом внизу)».

Английский вариант надписи выглядит следующим образом:



⁸⁰³ Имеется в виду Моргот (см. прим. 259, *Темное пламя Удуна*) и его северная цитадель – Ангбанд.

⁸⁰⁴ См. прим. 237.

⁸⁰⁵ Как правило, имена, переведенные в оригинале с Общего Языка на английский, приводятся здесь в русском варианте, хотя иногда сохранен был английский вариант перевода. В некоторых случаях (напр., как в случае названия Квакмортон (в оригинале *Frogmorton*, *frog* – англ. «лягушка») в гл. 8 ч. 6 кн. 3) в засельских фамилиях и топонимах переводилась только основа и удерживался английский суффикс, чтобы сохранился важный для автора оттенок «английскости».

⁸⁰⁶ В оригинале после этих слов следует: «Сравним для примера названия *Имладрис* (эльфийское) и *Карнингул* (на Общем Языке). Если оставить их без изменения, то оба будут звучать одинаково непривычно. Называть Ривенделл Имладрисом было бы все равно что упрямо величать Винчестер Камелотом (Камелот – древний замок Короля Артура; находится близ современного Винчестера. – М.К. и В.К.); разница только та, что, в отличие от Винчестера, в Ривенделле тех времен по-прежнему обитал великий властитель, которому уже тогда было гораздо больше лет, чем Артуру, доживи он до наших дней и оставайся королем в Винчестере». В данном переводе слово Общего

Языка *Ривенделл* оставлено в виде особого исключения без перевода, так как у переводчиков просто не поднялась рука менять название, звучание которого играет такую важную роль в трилогии и встречается столь часто. Без Ривенделла ВК в некотором смысле уже другая книга. Однако, если бы эти соображения все же не остановили переводчиков, в этой книге Ривенделл именовался бы *Двоедол* или, в крайнем случае, *Речендол* (второе дальше от смысла, но ближе к звучанию оригинала). Если читателю больше по душе абсолютная последовательность, он вправе внести изменения в текст собственной рукой.

⁸⁰⁷ ...земли, некогда принадлежавшие более развитым соседям. Имеется в виду Рим, владевший Британскими островами до англосаксов.

⁸⁰⁸ См. прим. 252, Дьюрин.

⁸⁰⁹ Эльфы-Синдары (они же – Серые эльфы) являются племенем, отколовшимся от одного из Трех Родов – эльфов-Телери. По дороге в Валинор через Средьземелье от Телери откололось несколько групп, позднее образовавших отдельные племена. *Синдар(ы)* – одни из них. Их вождь Элвэ (он же Тингол Серая Мантия, отец Лутиэн, – см. прим. 144) исчез в пути, и *Синдар(ы)*, не веря в его смерть, остались ждать его, в то время как остальные эльфы ушли за Море. Элвэ действительно вернулся живым, но время было уже упущено. *Синдар(ы)* под предводительством Элвэ основали в Белерианде королевство Дориат, бывшее главным оплотом Серых эльфов на протяжении ПЭ (см. хронологию ПЭ в прим. к Приложению Б).

⁸¹⁰ Имеется в виду путешествие, которое совершили эльфы Средьземелья, отправившиеся в Валинор в ответ на призыв Вала(ра) Ульмо. К Народу Великого Перехода причисляются и эльфы, что не закончили перехода и остались на берегах Средьземелья.

Примечания

В соответствии с хрониками Гондора, это был Аргелеб Второй, двенадцатый в роду Северных Королей, которому триста лет спустя унаследовал Арведуи. – *Здесь и далее примеч. автора.*

Таким образом, любую дату по летосчислению эльфов и дунаданов, относящуюся к Третьей Эпохе, можно легко получить, прибавив 1600 лет к соответствующей дате по Засельскому Летосчислению.

См. Приложение Б, годы 1451, 1462, 1482, а также примечания в конце Приложения В.

Пер. М. Медведева и М. Каменкович.

Серпом хоббиты называют Большую Медведицу.

Река Брендивин.

См. Приложение Е, Энты.

Во всех засельских месяцах по тридцать дней.

См. Приложение Е, с. 1413.

В марте, по Засельскому Календарю, было 30 дней. Назывался этот месяц Рит.

Подобий Лаурелина Золотого в Средьземелье не сохранилось.

Четвертый сын Исилдура, родился в Имладрисе. Его братья были убиты в сражении у Сабельников.

После Эарендура Короли больше не брали себе имен на языке Высших эльфов.

После Малвегила Короли Форноста вновь провозгласили свое владычество над всем Арнором и в знак этого стали брать себе имена с приставкой *ar(a)*-.

Дикие белые буйволы, которых в те времена можно было встретить у берегов Моря Рун, согласно легенде, происходили от Великой Буйволицы, принадлежавшей Арау, охотнику-Валару, – единственному из Валаров, кто часто бывал в Средьземелье во времена Старшей Эпохи. Его имя на языке Высших эльфов звучит как *Оромэ*.

Это странный, недружелюбный народ, происходящий от Фородвэйтов – древнего племени, привычного к суровым холодам Морготова царства. Надо сказать, что холода до сих пор сковывают эти земли, хотя они лежат всего в полутораста верстах к северу от Заселья. Лоссоты живут в снегах; говорят, они умеют бегать по льду, привязывая к ногам острые кости, и телеги у них без колес. В основном они обитают на недоступном для врагов обширном мысе Форохэл, с северо-запада вдающемся в большой залив того же имени; но стоянки их можно встретить также на юге залива и у подножия Гор.

Так было спасено кольцо Династии Исилдура, ибо позже оно было выкуплено дунаданами. Говорят, это было то самое кольцо, которое дал Барахиру Фелагунд из Нарготронда⁷²¹ и которое, пройдя через великие опасности, обрел Берен.

Это были Камни из Аннуминаса и Амон Сула. На севере остался лишь один Камень – тот, что хранился в Башне на Эмин Бераиде⁷²², той самой, что глядит в сторону залива Льюн. Камень охраняли эльфы, и, хотя мы того и не знали, он пребывал там до того времени, пока Кирдан не перенес его на борт корабля Элронда, на котором тот покинул Средьземелье. Впрочем, до нас дошли сведения о том, что этот Камень не был похож на остальные и не сообщался с ними; он смотрел только за Море. Элендил поместил его в Башне с тем, чтобы «прямым взором» смотреть через Море на Запад и видеть в стороне исчезнувшего Закатного Края очертания Эрессеи; Нуменор же закруглившиеся моря скрыли навечно.

Король рассказал нам, что скипетр был главным знаком державной власти в Нуменоре и позже в Арноре; Арнорские короли не носили короны – ее заменял белый камень Элендилмир, Звезда Элендила, вделанный в охватывавший чело Королей серебряный обруч. Говоря о короне, Бильбо, без сомнения, имел в виду Гондор; по всей видимости, он был знаком с историей рода Арагорна. Говорят, что скипетр Нуменора погиб вместе с Ар-Фаразоном. Скипетр же Аннуминаса представлял собой серебряный жезл князей Андуние и сейчас, возможно, является древнейшим из дошедших до нас созданий рук человеческих во всем Средьземелье. Когда Элронд передал его Арагорну, этому скипетру было уже больше пяти тысяч лет. Корона Гондора ведет свое происхождение от нуменорского боевого шлема. Изначально это и был шлем, – говорят, тот самый, что венчал голову Исилдура в битве на поле Дагорлад (ибо шлем Анариона был сокрушен брошенным с высоты Барад-дура камнем, который и убил владельца шлема). Но в дни Атанатара Алкарина шлем Исилдура заменили на новый, украшенный драгоценными камнями. Им и был коронован Арагорн.

Большой Умбарский полуостров и глубоко вдающийся в сушу Умбарский залив с незапамятных времен принадлежали Нуменору, будучи крепостью королевских вассалов, которые позже получили прозвание Черных Нуменорцев, ибо Саурон совратил их, и они ненавидели всех последователей Элендила самой лютой ненавистью. После падения Саурана их племя быстро сошло на нет, и они смешались с людьми Средьземелья, но потомки Черных Нуменорцев унаследовали от предков всю их ненависть к Гондору. Поэтому Умбар был взят дорогой ценой.

Бегучая.

Как мы узнали от Короля, этот закон был составлен в Нуменоре, когда Тар-Алдарион, шестой Король, умер, оставив по себе только одно дитя, причем дочь. Она стала первой правящей Королевой Тар-Анкалимэ. Но до этого случая закон был иным. Так после Короля Тар-Элендила, четвертого по счету, правил его сын Тар-Менелдур, хотя дочь Тар-Элендила, Силмариэн, была старше. Однако надо признать, что линия Элендила идет именно от Силмариэн.

Это название означает «корабль длинной пены»: остров был похож на большой корабль с высоким форштевнем, обращенным на север; волны Андуина разбивались об этот форштевень, и на острых камнях бурлила белая пена.

Отдав надежду мою дунаданам, себе я надежды не оставляю.

Впадает в Исену. Истоки – на западных склонах Эред Нимраиса.

Все даты приводятся здесь по Гондорскому Летосчислению (Третья Эпоха). Перед именем указаны даты рождения и смерти.

Рука Эовеин, державшая щит, была переломлена палицей Короля-Чернокнижника, но сам он обратился в ничто; так сбылось слово Глорфиндэла, реченное им задолго до того королю Эарнуру: не суждено было Королю-Чернокнижнику пасть от руки мужа. Кроме того, в песнях Марки говорится, что деяние это Эовеин совершила с помощью оруженосца короля Теодена, который был не человеком, но невеличком из дальней страны. Эомер привечал его в Рохане с почестями и нарек Холдвином. (Сей Холдвин – не кто иной, как Мериадок Великолепный, Хозяин Бэккланда.)

Или, возможно, не разбудили, а высвободили, так как не исключено, что оно проснулось без их помощи – благодаря злым чарам Саурана.

В королевское семейство входили дети Траина II – Торин (Дубоцит), Фрерин и Дис⁷⁷⁷. В те времена Торин, по гномьим понятиям, был еще совсем юн. Впоследствии выяснилось, что бежать удалось большому числу гномов из Одинокой Горы, чем смели надеяться поначалу; основная часть беженцев, однако, нашла приют в Железных Горах.

Говорят, что в битве у Торина раскололся щит; отбросив его, он срубил топором ветку дуба и отражал ею удары врагов, вращая ее левой рукой, а в случае необходимости – пользовался ею как дубинкой. За это он и получил впоследствии прозвище Дубоцит.

Такое обращение с мертвыми представляется обычно гномам в высшей степени огорчительным; оно не в ходу у них, однако рыть павшим могилы, как делалось в мирное время (а гномы хоронили своих мертвецов только в камне и никогда – в земле), отняло бы многие годы. Решено было поэтому прибегнуть к огню, чтобы не оставлять тела соплеменников на милость зверей, птиц и орков, ищущих поживиться мертвечиной. Но память о тех, кто пал в Азанулбизаре, осталась незапятнанной. Иной гном до сего дня с гордостью может произнести: «Мой прапрадед был из сожженных гномов», и этого будет достаточно любому.

Женщин-гномов жило тогда в Эред Луине очень мало. Среди них можно назвать Дис, дочь Траина; она была матерью Фили и Кили, которые родились в Эред Луине. Что касается Торины, то он остался холост.

Это случилось 25 марта 2941 года.

Месяцы и дни даются в согласии с Засельским Календарем.

Звездочками слева от имен в родословной Тукков отмечены непосредственные предки Перегринна. – *Примеч. пер.*

В оригинале *Гарднеров* (от англ. Gardener – «садовник»). Гарднер – распространенная английская фамилия. – *Примеч. пер.*

37

365 дней, 5 часов, 48 минут, 46 секунд.

Это замечание относится к Заселью, где 1 год соответствовал 1601 г. ТЭ. В Бри, где 1 год приходился на 1300 г. ТЭ, эту роль выполнял первый год каждого столетия.

Если взглянуть на Засельский Календарь, можно заметить, что месяцы в нем никогда не начинаются с пятницы, хотя все остальные дни этой чести удостоены. Из-за этого в Заселье бытовала шутливая поговорка – «первого, в пятницу». Так говорили обычно или о дне, которого вовсе не существует, или о дне, в который вероятнее всего ожидать чего-нибудь по меньшей мере неправдоподобного – например, свиных перелетов или появления шагающих деревьев (напоминаем, что речь идет о Заселье). Полностью эта поговорка звучит так: «В пятницу, в Полнолетень, первого числа».

В Бри ходила шутливая поговорка: «Каков-то нынче выдастся Пыльнозимень в Засельских грязях?» – но, если верить засельчанам, брийский Предзимень являлся местным искажением более старого названия, аналогичного засельскому, которое первоначально означало завершение года, его «исполнение» перед началом новой зимы; считалось, что название это идет от древнейших времен и было в употреблении еще до полного перехода к Королевскому Летосчислению, когда Новый Год начинался после сбора урожая.

Пергамент этот содержал записи о рождениях, браках и смертях в роде Тукков, а также другие замечания, например, сведения о продаже земель и различных засельских событиях.

На самом деле по Новому Летосчислению *йестарэ* началось раньше, чем по календарю Имладриса, где оно соответствует примерно 6 апреля по засельскому счету.

2 ноября – годовщина того дня, когда этот рог впервые протрубил в Заселье, что произошло в 3019 г.

И, соответственно, далее на русский. – *Примеч. пер.*

В переводе на русский это правило, по возможности, соблюдается (согласно пожеланиям и уточнениям автора, данным в Рук. – см. список сокращений к комментарию), так что многие имена хоббитов в данном переводе носят ярко выраженный английский характер. – *Примеч. пер.*

Условные обозначения этого раздела: английские (или любые иностранные) слова и буквы передаются с помощью строчных букв латинского алфавита; средьземельские слова передаются с помощью заглавных букв – латинских (курсивом, отдельные буквы взяты в кавычки) или русских (прямым); звуки даны в квадратных скобках, причем английские строчными буквами, а русские – заглавными. Примечания переводчиков, не вынесенные в отдельные сноски, а также русские эквиваленты букв латинского алфавита, принятые в переводе и указанные в заголовках отдельных статей, взяты в угловые скобки. – *Примеч. пер.*

В основном тексте трилогии все надстрочные знаки опускаются.

На синдаринском это созвездие обычно зовется Менелвагор, на Квэнии – Менелмакар.

Как, например, в ГАЛАД'РЕММИН ЭННОРАТ' – «переплетенные кронами деревья Средьземелья». Слово РЕММИРАТ' содержит корень РЕМ («сеть»), кв. РЕМБЕ, и МИ'Р – «алмаз».

Встречающееся иногда написание некоторых слов через ЭИ и ОУ (или с помощью их более современных эквивалентов) показывает, что в речи говорящих на Западном (Общем) Языке, а также в квенийских именах, встречающихся в передаче носителей этого языка, было почти повсеместно принято долгие [Э̃] и [Ō] заменять на дифтонги [ЭИ] и [ОУ], примерно как в английской фразе say no ([sei nou]). Такое произношение, однако, осуждалось как неверное и простонародное. В Заселье этот вариант, естественно, господствовал, и поэтому тот, кто произнесет словосочетание ИЁНИ ЎНÒТИМЕ («бесконечные годы») так, как это сделал бы англичанин, т. е. [ЙЕИНИ УНОУТАИМИ], ошибется не намного больше, чем ошибались в свое время Бильбо, Мериадок и Перегрин. Что до Фродо, то говорят, что он «выказывал немалое искусство в произношении иноземных звуков».

Ср. также АННЎН («закат») и АМРЎН («восход»); удлинение произошло здесь под влиянием близких к ним по значению слов ДЎН («запад») и РЎН («восток»).

Так было первоначально. Однако в Третью Эпоху квенийское [ЙУ] произносилось обычно уже как восходящий дифтонг – наподобие уи в английском *yule* ([jul], [ЮЛ]).

Единственной парой букв, написание которых показалось бы Элдарам осмысленным, могли бы стать латинские «P» и «B» <<или кириллические Ф и В>>; но и в этом случае те далекие друг от друга места, какие эти латинские буквы занимают в своем алфавите, а также их отделенность от «F», «M» и «V» <<а для кириллицы от П или М>> показались бы им чистейшей нелепицей.

Некоторые из этих символов можно увидеть на титульном листе, а также в надписи на Кольце (кн. 1 ч. 1), транскрибированной далее в том же томе летописи. Эти символы использовались в основном для обозначения гласных звуков, а в Квэнии указывали обычно на модификацию согласных, над которыми стояли, или для того, чтобы сокращенно обозначить наиболее распространенные сочетания согласных.

Надпись на Западных Воротах Мории дает пример такой модификации Феанорова алфавита, где шестая ступень использовалась для представления простых носовых звуков; модификацией этой пользовались эльфы-Синдары. Однако пятая ступень представляла у них долгие носовые, распространенные в синдаринском наречии довольно широко: например, 17 – [НН] (21 тем не менее – [Н]).

Техтар – форма мн.ч. (здесь *техтары*), *техта* – ед.ч., что в дальнейшем соблюдается. – *Примеч. пер.*

В Квэнии, где звук [А] встречается очень часто, его иногда не обозначали вовсе. Так, например, слово КАЛМА («лампа») могло писаться просто КЛМ. Тем не менее любой прочел бы его именно как КАЛМА и никак иначе, так как в Квэнии КЛ никогда не стояло в начале слова, а М – никогда в конце. Остается только КАЛАМА – но такого слова в Квэнии не было.

Уст. – устаревшее. – *Примеч. пер.*

Для придыхательного (аспирата) [X] в Квэнии первоначально использовался простой удлиненный кверху стебель без дуги, называемый *халда* («высокий»). Этот стебель мог ставиться и перед другими согласными, чтобы показать, что они глухие и произносятся с придыханием; например, глухие [P] и [Л] выражались обычно именно так и транскрибируются как «*HR*», «*HL*». Позднее ЗЗ стал использоваться для обозначения независимой буквы X, а его старое значение, [X'], стало передаваться с помощью *техты*, добавленной к X.

Слово *кирѣ* (руны) – мн. ч. от *керѣ* (руна). В переводе эта разница сохраняется. Ср. название древнерусских рун – *черты* и *резы*. –
Примеч. пер.

Значения букв, данные в таблице в скобках, встречаются только в эльфийских языках. Звездочкой обозначены те *кирт*, что использовались только гномами.

Кружок над гласной буквой означает редуцированность. –
Примеч. пер.

** & – знак конъюнкции, заменяющий союз «и».

В Лориэне того времени говорили на Синдарине, хотя и не без своеобразного «акцента» – большинство обитателей Лориэна было лесного происхождения. Этот «акцент» сбил в свое время с толку не слишком хорошо знающего Синдарин Фродо (об этом упоминает гондорский комментатор *КНИГИ ТАНА*). Все эльфийские слова, приводимые во второй части первого тома, являются синдаринскими; это относится также к большинству имен и названий. Однако слова ЛОРИЭН, КАРАС ГАЛАДОН, АМРОТ и НИМРОДЭЛЬ имеют, скорее всего, «лесное» происхождение и только внешне уподоблены синдаринским.

Квенийскими, например, являются такие имена, как Нуменор (полностью – *Нумэнорэ*), Элендил, Исилдур, Анарион, а также все имена Королей Гондора, включая Элессара (что значит «Эльфийский Камень»). Большинство имен других дунаданов, такие как Арагорн, Дэнетор или Гилраэн, имеют синдаринскую форму, поскольку часто воспроизводят имена эльфов и людей, воспетых в песнях и увековеченных в легендах Первой Эпохи (например, Берена или Хьюрина). Некоторые имена – правда, очень немногие – представляют собой гибридные формы, как, например, Боромир.

Дубсы из Угла, ко времени своего возвращения из Диких Земель, говорили уже на Общем Языке, но имена Деагол и Смеагол заимствованы из языка человеческого племени, жившего неподалеку от Сабельников.

Мн.ч. от *периан.* – *Примеч. пер.*

Исключение составляют случаи, когда хоббиты делали попытки воспроизвести короткие отрывки энтийской речи – например, восклицания или бормотание энта себе под нос, как «*а-лал-ла-лалла-румба-каманда-линдор-бурумэ*», что не является эльфийской фразой; но это так и осталось единственной попыткой увековечить подлинное энтийское высказывание (причем, скорее всего, попытка эта была не вполне удачной).

Из этой чисто лингвистической процедуры вовсе не следует, что Рохирримы походили на древних англичан и во всем остальном – в быту, в искусствах, оружии и военном деле. Между роханцами и древними англичанами можно сыскать только одно сходство: и те и другие представляли собой простые, сравнительно примитивные народы, живущие в постоянном соприкосновении с другой культурой, более древней и высокой, занимая при этом земли, некогда принадлежавшие более развитым соседям⁸⁰⁷.

Игра слов: gangee по-английски – название ткани, cotton (фамилия супруги Сэма – Cotton) – «хлопок».

Т. е. примеч. В. Карика, М. Каменкович к Дж. Р. Р. Толкин
«Хоббит», «Азбука», 1999 г.